

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER

HN URYP R

CP 375.20
/

Harvard College
Library

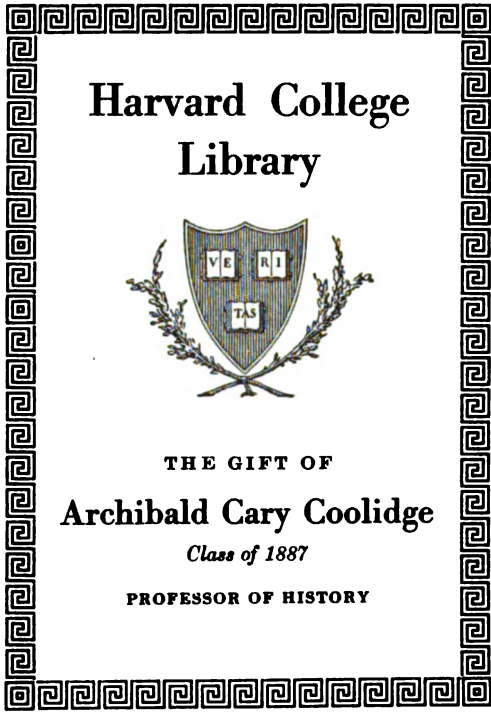

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge

Class of 1887

PROFESSOR OF HISTORY

1905.

Январь.

X.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. В. Комарова, Невскій, 136.

1905.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153.

CP 375.20

HERVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
27 Dec. 1925

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозво-
ляется. С.-Петербургъ, 25-го января 1905 г.

Цензоръ Архимандритъ **Мессодій**.

Хранить-ли Русь православная чистое учение Христово, и какъ исполняетъ миссію свою среди невѣдущихъ Христа народовъ Азіи ¹⁾).

Новое лѣто жизни нашей и жизни нашего отечества встрѣчаемъ мы въ глубокой печали. Все время мимошедшаго лѣта черныя тучи стущались надъ отечествомъ нашимъ и дѣлались все мрачнѣе и мрачнѣе.

Извнѣ, на Дальнемъ Востокѣ, напалъ на насъ многочисленный, сильный и коварный врагъ. Доселѣ безсильны были противъ него—и выштанное мужество нашихъ воиновъ, и искусство военачальниковъ. Подъ минами и гранатами врага погибъ нашъ Тихо-океанскій флотъ. Ни изумительная доблесть героевъ Портъ-Артура, ни твердость его фортовъ и стѣнъ, ни выдающіяся качества руководителей его обороны,—ничто не удержало въ нашихъ рукахъ этотъ оплотъ нашъ на Дальнемъ Востокѣ. Что будетъ далѣе на поляхъ Манчжурскихъ, одному Богу известно.

Внутри отечества нависли надъ нимъ еще болѣе мрачныя тучи всеобщей смуты; подняла головы свои многоголовая гидра крамолы: злобно зашипѣла она противъ основныхъ устоевъ нашего отечества, противъ единой власти Россійскаго Самодержца и Отца отечества, противъ господственнаго положенія въ немъ, среди другихъ религіозныхъ обществъ, матери нашей—Православной Церкви, противъ первенства въ немъ кореннаго русскаго племени, своею кровью и своимъ потомъ собравшаго подъ собою ^{1/6} часть вселенной и сотни разныхъ племенъ. Литературныя сирены вдохновляемой международною шутократіею нечати запѣли сладкія пѣсни о „веснѣ“. Отуманился

¹⁾ Слово Преосвященнѣйшаго Стефана, Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго, въ день Новаго года.

здоровый умъ русскаго человѣка отъ этихъ коварныхъ пѣсенъ, отравла сомнѣнія въ прочности устоевъ своего отечества закралась въ сердце его,—и русскій человѣкъ сталъ врагомъ самому себѣ, своей Церкви, своей національности.

И вотъ въ то время, когда истинные и вѣрные сыны отечества—одни всѣ силы свои употребляютъ на отраженіе врага, несутъ самую жизнь свою на алтарь Церкви, Престола и отечества, другіе жертвуютъ на военныя нужды отечества достоинствомъ своимъ, и когда всѣ эти вѣрные сыны отечества взываютъ къ Богу о помощи къ одолѣнію врага,—находятся сыны святой Руси, или, лучше сказать, недостойные исчадія ея, которые—страшно сказать!—желаютъ ей пораженія, посылаютъ будто бы телеграммы японскому микадо съ пожеланіями побѣды; которые, пользуясь вышшимъ затрудненіемъ отечества, сѣютъ внутри его раздоръ и вражду, расшатываютъ устои власти, религій и закона, стремятся подъ флагомъ народнаго блага, а на самомъ дѣлѣ въ цѣляхъ космополитической мамоны, ниспровергнуть существующій самодержавный строй управленія, прибѣгая для того ко всякимъ гнуснымъ и подпольнымъ средствамъ, въ томъ числѣ къ террору политическихъ убійствъ. Къ утѣшенію нашему, таковыхъ отверженныхъ сыновъ Россіи, которые *вышли отъ насъ, но не были наши* (1 Іоанна 2, 19), немного у нея. Но, къ печали нашей, въ такое тяжелое время, когда души и сердца всѣхъ русскихъ людей должны бы слиться во едино къ отраженію вышней опасности, находится у ней много блудныхъ сыновъ, которые, не имѣя ни сознательной вражды къ своему отечеству, ни злостныхъ намѣреній причинять своей матери православной Руси—вредъ и ущербъ, единственно изъ желанія показаться либеральными, въ угоду лишь модному теченію, съ гамомъ и крикомъ, какъ безмысленное стадо, бѣгутъ за самозванными вождями злостной крамолы, вторятъ имъ въ дерзкомъ требованіи ломки испытаннаго, возвеличившаго Россію, уклада ея управленія, въ требованіи разныхъ реформъ, не отличая среди нихъ гибельныхъ для отечества отъ благодѣтельныхъ и во всякомъ случаѣ несвоевременныхъ, нуждающихся въ спокойномъ, всестороннемъ обсужденіи ихъ въ мирные дни, и притомъ не толику самозванныхъ реформаторовъ, а людьми государственнаго ума и опыта. Отцы составляютъ адреса виновникамъ смуты, пишутъ дерзкія петиціи и порицанія Правительству, а дѣти ихъ съ революціонными флагами бѣгаютъ по стог-

намъ столицъ и университетскихъ городовъ, производя буйства и безчинства, легкомысленно надѣясь увлечь къ своему сумасбродству здравый смыслъ всего русскаго народа.

Въ дни великой опасности для насъ на Дальнемъ Востоку и въ дни такого умопомраченія и опыяненія нѣкоторой части общества гнилыми для отечества теоріями не могутъ не печалиться, не обливаться слезами истинные и вѣрные сыны св. Руси, не глядѣть съ тревогою въ грядущіе дни новаго лѣта, полные громовъ и молній въ нависшихъ надъ отечествомъ мрачныхъ тучахъ.

Явно, что гнѣвъ Божій отяготѣлъ надъ отечествомъ нашимъ. Явно, что Господь отвратилъ свѣтлое лицо Свое отъ насъ и послалъ ангеловъ губителей съ чашами гнѣва, которыя однѣ за другими и изливаются на отечество наше.

Гдѣ же причина этого гнѣва Божія на насъ? За что Господь караетъ св. Русь? Кто можетъ знать это! *Кто позналъ умъ Господень, или кто былъ совѣтникомъ Ему* (Римл. 11 34)! Но если ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ дано было за благодать ветхозавѣтнаго архіерейства возвѣщать въ потребныхъ случаяхъ истину не отъ себя, а отъ лица Божія (Іоан. 11, 49—51), то сколь болѣе благодать новозавѣтнаго архіерейства даетъ дерзновеніе даже и недостойнымъ изъ насъ возвѣщать пути Господни, проникать въ цѣли и намѣренія ума Божественнаго.

Объясняемые этою благодатію, постараемся проникнуть въ совѣты Господни объ отечествѣ нашемъ.

Отечество наше, получивъ отъ Византіи чистую христіанскую вѣру, призвано Промысломъ Божиимъ къ тому, чтобы, съ одной стороны, хранить въ чистотѣ принятое ученіе, воплотить его въ жизни своей, а съ другой,—нести свѣтъ сего ученія и заповѣдей Божіихъ въ глубь Азии—колыбель челоуѣчества и христіанства—къ коснѣющимъ во тьмѣ лъчества народамъ, и такимъ образомъ чрезъ владычество надъ племенами и народами распространять царство Божіе на землѣ, расширять предѣлы православія въ мірѣ. Вотъ задача, возложенная Провидѣніемъ на Россію! Для удобства же въ достиженіе указанной задачи, ей данъ самодержавный строй правленія, при которомъ *сердце Царя въ руки Господа, какъ потоки водъ: куда захочетъ Онъ, направляетъ его* (Притч. 21, 1). Въ исполненіи этой великой задачи весь смыслъ

и цѣль существованія Россіи, залогъ прочности трона ея Самодержцевъ, залогъ ея внутренняго благоденствія и виѣшняго величія. Съ утратою же этого предназначенія, съ уклоненіемъ отъ этой цѣли, или даже съ остановкою въ выполненіи своей задачи, нѣтъ болѣе смысла въ существованіи Россіи, въ объединеніи подъ Скипетромъ ея Самодержцевъ множества племенъ и народовъ: здѣсь, въ этой утратѣ своего предназначенія—начало ограниченія Царской власти, связующей во едино всѣ племена и народы, начало разложенія Россіи на составныя части и затѣмъ конечной ея гибели во всеобщей борьбѣ племенъ, народовъ и партій съ ихъ различными цѣлями и стремленіями, съ ихъ различными, поставляемыми каждою для себя, задачами дѣятельности.

Въ виду всего этого для насъ весьма важенъ вопросъ, хранимъ ли и какъ хранимъ мы чистое ученіе Христова, какъ исполняемъ миссію свою среди невѣдущихъ Христа народовъ Азій? Увы! Всегда и прежде среди насъ были ереси и расколы, увлеченія различными чуждыми истинѣ ученіями (Евр. 13, 9), философією и пустымъ обольщеніемъ по стихіямъ міра (Колос. 2, 8). Но противъ ересей и расколовъ, противъ бѣсовскихъ обольщеній единодушно возставали и правительство, и законы, и всѣ вѣрные сыны Церкви, ограждая цѣлость достояція Христова. Не было равнодушныхъ къ чистотѣ своей вѣры. То ли мы видимъ теперь? Одни сыны Церкви совершенно равнодушны къ ней и къ православной вѣрѣ своей, другіе, не вѣдая, что творять, готовы оказывать покровительство всякимъ лжеученіямъ, всякимъ сектамъ, всякому иновѣрію, лишь не своей матери—Церкви. Третьи даже прямо оказываютъ непонятную органическую вражду, какъ къ ней, такъ и ко всѣмъ ея самымъ благимъ учрежденіямъ. А сколько злобы и хулы на св. Церковь Божию, на самого Христа и истинное ученіе его излилъ ересиархъ нашихъ дней—графъ Левъ Толстой! И что же? Какое множество сыновъ православной Россіи рукоплескало ему, какъ пророку и учителю истины! Съ какимъ восхищеніемъ и злорадствомъ читались, повторылись и распространялись хулы этого лжепророка и лжеучителя! Но не одинъ Толстой старается исказить и подмѣнить ученіе Христова. Другіе лжеучители усиленно стремятся, подъ знаменемъ евангельскаго ученія Христа Спасителя, ввести древнее язычество съ культомъ плоти и скотской похоти. И эти лжеучители для нашего обуявшаго общества оказались

также во „пророцѣхъ“! Самые законы все менѣе и менѣе ограждаютъ чистоту и неприкосновенность достоянія Христова.

Если же мы сами для самихъ себя не хранимъ чистаго ученія Христова, то что же ждать отъ насъ племенамъ и народамъ языческой Азии? Среди вѣранныхъ скипетру Россіи многочисленныхъ сибирскихъ языческихъ племенъ, подъ гнетомъ общаго равнодушія, еле влачатъ свое жалкое существованіе православныя миссіи, а среди еврейскаго и магометанскаго народовъ ихъ еще почти и вовсе нѣтъ. Промыслъ Божій вѣрнѣе было намъ великую Манчжурскую страну. Стоитъ ли говорить, что о миссіи своей нести въ нее свѣтъ ученія Христова мы, если и думали, то думали менѣе всего. Напротивъ, въ страну стараго язычества, мы несли новое язычество въ европейской формѣ, несли культу похоти плоти. И вотъ насъ, какъ нерадивыхъ и негодныхъ рабовъ, тотъ же Промыслъ Божій, который призвалъ насъ туда, гонитъ теперь назадъ оружіемъ язычниковъ, которые и сами умѣютъ перенимать вѣщную лоскъ европейской культуры. Что же удивительнаго, что при такомъ то равнодушномъ, то легкомысленномъ, то враждебномъ отношеніи къ православной Церкви самихъ же ея сыновъ, исконные враги Христова ученія и Христовой Церкви добиваются, даже чрезъ законы православнаго государства нашего, если пока не совершеннаго упраздненія Православной Церкви, то упраздненія господствующаго положенія, низведенія ея до простой терпимости на ряду съ религіями ложными — язычествомъ, магометанствомъ и различными сектами и расколами, и въ тоже время низведенія св. храмовъ православныхъ до одинаковаго значенія съ мечетями, синагогами и языческими капищами. Близко время, когда новые гуманные законы и вовсе перестанутъ охранять наши храмы и святыни, какъ таковыя (эти молчаливые свидѣтели возрастанія могущества Россіи подъ покровомъ Православной вѣры!), — когда, по этимъ либеральнымъ законамъ, храмы наши будутъ приравнены ко всякимъ другимъ зданіямъ, — когда ограбленіе, напр., св. храмовъ будетъ приравнено къ ограбленію складовъ, конюшенъ, а похищеніе святынь ихъ, хотя бы и самыхъ дорогихъ для всего православнаго народа, къ хищенію всякой другой вещи.

И что же могло и можетъ выдти изъ всего этого? Православная Церковь, постепенно лишаемая своего значенія, естественно потеряетъ силу и возможность къ огражденію законовъ гражданскихъ не за страхъ.

а за совѣтъ. Еще не успѣлъ войти въ силу глубоко унижающій Православную Церковь законъ о храмахъ и святыняхъ, какъ начались уже учащенные ограбленія храмовъ, какъ положенное въ основу этого закона пренебреженіе къ народной вѣрѣ и святынямъ уже окрылило неслыханною дерзостію святотатцевъ, — и вотъ величайшая народная и Царствующаго Дома святыня, икона Казанской Божіей Матери, осѣнявшая Отечество и Царствующій Домъ въ години бѣдствій, похищена и уничтожена самымъ наглымъ образомъ. Подъ другія святыни безбожные хулиганы кладутъ, какъ подъ какіе-то вражескіе корабли, взрывчатые снаряды, и остаются почти безнаказанными. Какъ же Господу, стяжавшему Церковь Своею кровію, не отвратить отъ насъ лица Своего, и какъ гнѣву Его не отяготѣтъ на измѣняющей Ему не только въ жизни, но и въ законахъ Россіи, не покоряющейся Его предначертаніямъ, уклоняющейся отъ исполненія возложенной на нее задачи! И отъ гнѣвнаго взора Владыки неба и земли трепещетъ Россія въ самыхъ исходницахъ своего бытія, въ самыхъ устояхъ своего существованія.

Отъ вѣры, ея храненія и раси́ро́страненія, обратимся къ жизни по вѣрѣ, къ исполненію отечествомъ нашимъ заповѣдей Божіихъ. Не было, конечно, времени, когда бы на Руси не нарушались заповѣди Господни. Но идеаломъ жизни русскаго человѣка всегда было совершенство христіанское, осуществленіе святой и совершенной воли Божіей. Въ соотвѣтствіе съ Евангельскимъ идеаломъ русскаго человѣка и русскіе законы шли на помощь слабой человѣческой волѣ, направляя ее по руслу заповѣдей Божіихъ. Но то ли мы видимъ теперь? Видимъ уклоненіе отъ заповѣдей Божіихъ не только въ жизни, но и въ идеалахъ, и въ законахъ. Когда въ литературѣ стали идеализироваться типы босяковъ и хулигановъ, отребій общества, непризнающихъ ни закона ви́шняго, ни закона совѣсти, съ какимъ восторгомъ встрѣтило русское общество какъ самые типы, такъ и создателей подобныхъ типовъ! Оно почтительно разступилось предъ тѣми и другими, — и вотъ теперь мы переживаемъ прелести все развивающагося босячества, уличнаго хулиганства, безобразій пьяной толпы и всякаго пренебреженія къ божескимъ и человѣческимъ законамъ.

Въ то время, какъ евреи и англичане — всѣмъ строемъ своей жизни и своихъ правилъ — первые хранятъ свою субботу, а вторые воскресный день и непрестанно обогащаются, мы придумали обогащаться за счетъ

работы въ воскресные и праздничные дни. Законъ гражданскій, и прежде мало охранявшій заповѣдь Господню о покоѣ и святости праздничныхъ дней, теперь и вовсе отказался идти рука объ руку съ закономъ Божиимъ. Что же изъ этого выйдетъ? Если указанные народы, исполняя заповѣди Божіи, обогащаются, то мы, нарушая ихъ, имѣтъ никакого сомнѣнія, еще болѣе обнищаемъ. Нѣсколько лѣтъ раньше того закономъ были допущены зрѣлища и общественныя увеселенія въ дни св. четвергидесятицы и въ кануны воскресныхъ и праздничныхъ дней. Остается сдѣлать послѣднія уступки разнузданности общественной, снять послѣднія ограниченія ея, — и мы будемъ свидѣтелями зрѣлищъ и маскарадовъ въ самые священные для христіанина и для христіанскаго государства дни и часы. Что же вышло изъ послабленій закона? Все развивающаяся страсть къ зрѣлищамъ и увеселеніямъ, переходящая изъ верхнихъ слоевъ общества въ слои народа, настолько притупила и религиозное и патріотическое чувства общества, что ни послѣдніе дни Рождественскаго поста, ни дни брани, ни всенародная печаль по случаю паденія Портъ-Артура, нигдѣ не остановили неблаговременныхъ зрѣлищъ и веселья.

Въ то время, какъ убійство на дуэли осуждается Церковію, какъ нарушеніе 6-й заповѣди Божіей, оно у насъ вводится въ жизнь чрезъ законъ, въ извѣстныхъ случаяхъ обязательный и роковой. И вотъ кровь, проливаемая при отстаиваніи чести, часто мнимой, не чрезъ правосудіе, а посредствомъ слѣпнго оружія, вызываетъ въ обществѣ легкое отношеніе къ крови ближняго. Болѣе и болѣе находится лицъ, которыя не путемъ легальнымъ, а путемъ револьвера и кинжала начинаютъ отстаивать свои интересы, часто не только мнимые, но и преступные: пускаютъ въ ходъ оружіе противъ охранителей общественнаго спокойствія, противъ государственныхъ дѣятелей и представителей закона. Но что всего хуже, въ обществѣ начинаетъ притупляться чувство омерзѣнія къ убійцамъ и убійствамъ: еще недавно мы были свидѣтелями чуть не карнавала на могилѣ убитаго сыномъ беззаконія государственнаго дѣятеля, пусть даже ошибавшагося въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, но несомнѣнно желавшаго блага своей родинѣ, честно и со всемъ усердіемъ работавшаго для ея устроенія. Японцы, ставя памятники надъ могилами враговъ своихъ, нанесшихъ имъ безчисленныя потери у Портъ-Артура,

даютъ намъ урокъ уваженія къ почившимъ дѣтелямъ нашего отечества.

Въ то время, какъ узы благословеннаго Богомъ брака должны быть равно дороги и Церкви и Отечеству, мы всячески ослабляемъ прочность этихъ узъ, дѣлая уступку за уступкою въ смыслѣ послабленія свободнымъ союзамъ (въ признаніи равноправности дѣтей отъ этихъ союзовъ съ дѣтьми законнаго брака), въ смыслѣ облегченія къ расторженію союзовъ, освященныхъ таинствомъ Церкви, въ смыслѣ облегченія къ заключенію новыхъ таковыхъ союзовъ для лицъ, нарушающихъ святость брака. Уступки во всемъ этомъ лицамъ, ищущимъ чисто животной свободы въ отношеніяхъ половъ, смущаютъ однихъ и не удовлетворяютъ другихъ, во всѣхъ вызывая неудовольствіе къ закону, напрасно, такимъ образомъ, потерявшему основаніе въ законѣ Господнемъ.

Съ волею Божіею о неразрывности и прочности брачнаго союза тѣсно связывается повелѣніе Господне о тщательномъ воспитаніи дѣтей *въ ученіи и наставленіи Господнемъ*, въ страхѣ Божіемъ и повинновеніи своимъ родителямъ. Таковое именно воспитаніе дѣтей слово Божіе считаетъ столь важнымъ дѣломъ, что предписываетъ достигать его всякими, не только мягкими, но, если то нужно, рѣшительными и суровыми средствами (Притч. 13, 25; 23, 13—14; 29, 17; Еф. 6, 4; Евр. 12, 6—8). Но воспитаніе дѣтей въ ученіи и наставленіи Господнемъ, равно воспитаніе ихъ въ повинновеніи родителямъ и воспитателямъ, стало у насъ одною изъ послѣднихъ обязанностей къ дѣтямъ, причемъ изъ-за ложной гуманности мы отказались почти отъ всякаго наказанія своихъ дѣтей. И вотъ теперь дѣти господствуютъ надъ родителями, исчезла спасительная дисциплина изъ семей и школъ, и безусые школьники производятъ различнаго рода безпорядки и приостановку въ учебныхъ занятіяхъ и, вообразивши себя господами не только въ семьѣ и школѣ, но и въ государствѣ, бѣгаютъ по улицамъ съ красными флагами, требуя не только даровыхъ аттестатовъ, но и измѣненія законовъ по ихъ вкусу. Мы захотѣли быть гуманнѣе самого Бога, и вотъ пожинаемъ горькіе плоды своей лжегуманности.

Такимъ образомъ, мы переживаемъ нѣчто подобное, что было въ древнемъ Римѣ предъ его разложеніемъ. Какъ тамъ необузданная толпа кричала: „хлѣба и зрѣлищъ“, такъ и у насъ раздаются грозные клики: „хлѣба, аттестатовъ, зрѣлищъ и власти“!

Итакъ, мы вступаемъ въ новое лѣто подь нависшими тучами, съ одной стороны, язычества внѣшняго, старающагося отторгнуть у насъ занимаемая нами позиціи на Дальнемъ Востокѣ, съ другой стороны, язычества внутренняго, домашняго, старающагося занять внутреннія твердыни православнаго нашего отечества. Одно старается сдвинуть насъ съ береговъ Тихаго Океана и даже Байкала, другое—съ береговъ православія, самодержавія и національности. Симпатіи внутренняго язычества обращено на сторонѣ своего собрата—язычества внѣшняго: оно желаетъ пораженія Россіи, готово уступить ему даже Москву и Петербургъ, оно производитъ смуты и волненія, дабы, воспользовавшись временемъ внѣшняго пораженія и внутренняго смятенія, тѣмъ прочнѣе водвориться въ доселѣ почти недоступной для него св. Русн, тѣмъ скорѣе занять въ ней центральное мѣсто и захватить въ свои руки власть.

Это-то начавшееся обьязыченіе православной Россіи въ жизни, идеалахъ и законахъ и есть, по нашему разумѣнію, тотъ великій общественный грѣхъ нашъ предъ Богомъ, который вызываетъ отвращеніе отъ насъ лица Божія. И чѣмъ мы виновны предъ Господомъ Богомъ своимъ, тѣмъ по праведному суду Его и наказуемся: виновны въ язычествованіи, язычники и наступаютъ на насъ.

Но кого Господь любитъ, того и наказываетъ: бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ (Евр. 12, 6). Вѣруемъ, что Господь наказуетъ насъ Своею отеческою рукою и наказуетъ лишь для того, чтобы мы образумились, покаялись, исправились,—чтобы вспомнили свое великое предназначеніе быть хранителями истинной православной вѣры своей, исполнителями святыхъ заповѣдей Божіихъ,—быть въ вѣрѣ, въ жизни и въ законахъ своихъ свѣтомъ во откровеніе язычниковъ, носителями православія въ страны языческаго мрака и сѣни смертной, и чтобы потому сбросили съ себя все навѣянное на насъ новѣйшимъ язычествомъ, все несогласное съ задачей своего великаго предназначенія.

И лишь только Господь услышитъ хоть одинъ вздохъ покаянія въ томъ великомъ грѣхѣ нашемъ, увидитъ хотя одно намѣреніе наше къ исправленію, какъ явить намъ снова свѣтлое лицо Свое, и избавить насъ отъ руки враговъ нашихъ.

Итакъ, возлюбленная Россія, если хочешь *быть* и быть сильною

и могущественною, какъ сильна и могуча десница Божія, указавшая тебѣ цѣль и смыслъ твоего существованія, расширенія и величія, храни и въ вѣрѣ, и въ жизни, и въ общественномъ устройствѣ, и въ законахъ своихъ ввѣренное тебѣ чистое ученіе Христово, храни свое православіе, носи его къ невѣдущимъ Христа народамъ Азій, на половину тебѣ уже отданной и на половину тебя ожидающей, будь въ ней свѣтомъ во откровеніе язычниковъ, изнывающихъ въ многовѣковомъ мракѣ буддійской нирваны и въ нелѣпныхъ мечтахъ о гуріяхъ Магометова рая! И Господь будетъ съ тобою вездѣ, куда ни пойдешь ты. Онъ истребитъ всѣхъ враговъ твоихъ предъ лицомъ твоимъ и сдѣлаетъ имя твое великимъ (2 Ц. 9, 8). Онъ изобильно исполнитъ премудростію и разумомъ Державнаго Цомазанника Своего и, какъ потоки водъ, направитъ сердце Его къ истинно благодѣтельнымъ и своевременнымъ преобразованіямъ, пошлетъ Ему мужей богобоязненныхъ, мудрыхъ, разумныхъ, испытанныхъ, къ управленію великою державою Его, къ благоденствію всѣхъ подданныхъ Его, всякаго племени и народа, но къ чести и первенству кореннаго племени русскаго, къ терпимости всѣхъ религій, но къ славѣ и расширенію родной нашей православной Церкви.

Епископъ Могилевскій Стефанъ.

Новогоднія думы пастыря о неотложныхъ церковно-приходскихъ нуждахъ.

Самое первое средство уронить расколь... это исправить духовенство.

Если духовенство не оставитъ пренебреженія къ истовому служенію, дѣло миссіонера будетъ безплоднымъ трудомъ.

Арх. Павелъ Прусскій.

Въ наше время вновь оживаетъ давно уже, повидимому, отжившее качество. Непрерывно появляющіяся одно за другимъ разнообразныя ученія и теоріи, все выше и выше поднимая голову въ безумномъ самовольствѣ, всѣ усилія употребляютъ къ тому, чтобы замѣнить собою христіанство. Отрицая не только догматы и умозрительную сторону христіанства, но и всѣ установленія и даже нравственное ученіе Господа Іисуса Христа, новые проповѣдники злобно издѣваются надъ всѣмъ, что несогласно съ ихъ теоріей.

Эти плеве́лы, поросшіе на нивѣ религіознаго сознанія иныхъ изъ нашего образованнаго общества, переходятъ и въ простой народъ. Было время, когда многомилліонный русскій народъ, какъ одинъ человѣкъ, кылъ вѣрою, искалъ утѣшенія въ родной своей святыньѣ — храмѣ Божіемъ; когда въ молитвѣ къ Богу изливались и радости и горести его многотрудной жизни; когда Евангеліе было для него святѣйшимъ и совершеннѣйшимъ словомъ. Теперь во многихъ отношеніяхъ и для многихъ это доброе время отошло въ область преданій старины глубокой. Расшатаанность вѣры неизбѣжно ведетъ за собою нравственную распуцѣнность. Самымъ гибельнымъ образомъ упадокъ вѣры отразился на

состояніи семьи, на взаимныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Упадокъ вѣры и происходящая отсюда расшатанность семьи—вотъ то основаніе, на которомъ строится современная жизнь и нашего такъ называемаго образованнаго общества, и простого народа. Но семья, вѣдь, есть основаніе общественной и государственной жизни. Это все—на чемъ зиждется наша жизнь, наше счастье временное и вѣчное, безъ него немислимо разумное человѣческое существованіе. И эти корни, эти основанія нашего временнаго и вѣчнаго бытія—гниютъ, подвергаются порчѣ и истлѣваютъ!.. А мы равнодушно смотримъ на ихъ разложеніе, усыпляемъ свою податливую совѣсть лживымъ увѣреніемъ, что у насъ все „обстоитъ благополучно“, и легкомысленно отворачиваемся отъ средства, которое одно въ состояніи возвратитъ подгнивающимъ корнямъ нашей жизни ихъ первоначальную свѣжесть и неспорченность.

Пока есть еще время, нужно очнуться и обратить вниманіе на то, что мы стоимъ на опасномъ пути, окруженные неустово поднимаемыми вѣтромъ разнаго рода лжеученій и страстей волнами невѣрія и нечестія, готовыми затопить насъ, и вмѣсто того, чтобы искать опоры въ единственномъ, не поддающемся разрушительному дѣйствию этихъ волнъ — *камень вѣры*, какъ обезумѣвшіе стремимся въ глубь кипящей пучины ¹⁾).

Такъ безотрадно характеризуютъ духовное настроеніе и самую жизнь нашего времени авторитетные наблюдатели нашей современности. Съ такимъ-то наслѣдіемъ вступаемъ мы въ новый годъ! Всякій истинный пастырь, вступая въ такое безотрадное новое лѣто, не можетъ не чувствовать тревоги совѣсти, не можетъ оставаться безучастнымъ къ этимъ грознымъ знаменіямъ времени.

Но что же намъ дѣлать, съ чего начать? „Азъ есмь путь и истина“ — вотъ вѣчный завѣтъ Основателя Церкви, — хранительницы истины. Когда затерянъ міромъ путь истинно христіанской жизни и мысли, тогда его съ особенной силой и дерзновеніемъ духовнаго мужества должны указывать пастыри Церкви, богоустановленные служители и проповѣдники истины и свободы, мира и любви. Они же должны въ себѣ явить и примѣръ подражанія. Пастыри должны объединить вокругъ себя разстроенное нынѣ воинство Христово.

Но гдѣ же апостолы, гдѣ учителя, гдѣ ратоборцы за истину хри-

¹⁾ Церк. Вѣсти.

стову, за вѣковья наши основы?—скажутъ намъ. Одни безмолвствуютъ, другіе благодушествуютъ подъ кущами своими, третьи—немногіе—говорятъ, защищаютъ...

Помогни имъ, Боже! Они сознаютъ весь ужасъ того безотраднaго духовнаго и политическаго положенія, въ которомъ Русь родная вступаетъ въ свое лѣто не благодати, а гнѣва Божія, праведно на насъ движимаго: они понимаютъ всю необходимость мужественной борьбы за вѣру православную, за Церковь Божию, за незыблемость коренныхъ основъ нашего русскаго пакибытія. Но ихъ такъ мало! Ихъ энергія тратится на междоусобную войну съ вкравшеюся лжебратіей и съ той безобидной, но равнодушной толпой, которая тревожится только интересами личнаго существованія. Всюду и во всемъ чувствуется, что нѣтъ единства и системы. Нѣтъ содружества въ ратоборцахъ. Нѣтъ согласованности и пaтoйчивости въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ. Одинъ создаетъ, другой разрушаетъ. Одинъ побѣждаетъ, другой возвращаетъ плоды побѣды врагамъ. Рядовые воины теряютъ уваженіе и къ непосредственнымъ начальникамъ и къ самому центру власти. Ихъ авторитетъ падаетъ. Ихъ слово не имѣетъ надлежащей силы.

Распоряженія мѣстной власти, бываетъ, совсѣмъ не выполняются или выполняются неохотно, критикуются, какъ личныя требованія, вносящія примѣненія въ другіхъ мѣстахъ. Армія превращается въ разбранный механизмъ. Всѣ дѣйствуютъ врозь. Каждый воинъ считаетъ свою роль независимой отъ общецерковнаго, общерусскаго дѣла. Каждому дѣло только до себя. Опасныя мѣста остаются совершенно незащищенными. Безпорядокъ очевиденъ для всѣхъ, но каждый винитъ другого. Враги торжествуютъ. Ихъ побѣды усиливаютъ духовную растерянность, вызываютъ крайнее отчаяніе въ лучшемъ будущемъ. Болѣзненное уныніе поражаетъ и вѣру.

Но унывать не время. Не уныніе, а пламенная ревность должна рождаться въ душѣ вѣрующихъ въ Церковь Божию, любящихъ христовскую истину. Передъ нами море Божественной благодати. Передъ нами и съ нами еще стомилліонный христіанскій народъ, въ теченіе 2000 лѣтъ, ежедневно питающійся истинностью, спасительностью и красотой православной вѣры Христовой. Правда, жалко и одной овечки заблудившейся, но уныніемъ не поможешь. *Ищите и обряцете.* Усутьте съ наступившаго новаго лѣта бдительность, вѣрьте въ чудо бла-

гости и милости Божіей, и дворъ церковный останется цѣлымъ во вѣки вѣковъ, и основы вѣковыя будутъ нерушимыми.

Съ чего же начать пастырямъ дабы быть солью русской земли?

Конечно, съ *самоисправленія* и съ водворенія порядка въ жизни и службѣ самой пастырской среды. Врачу, нецѣлися самъ! Необходимо, прежде всего, устранить тотъ страшный вредъ, который причиняетъ Церкви существованію недостатковъ и непорядковъ въ самой оградѣ церковной. Не подлежитъ сомнѣнію, что враги Церкви сильно преувеличиваютъ недостатки нашего званія и служенія. Въ общемъ православное русское духовенство стоитъ высоко, живетъ чисто, служитъ честно Церкви, Царю и Отечеству. И въ нравственномъ и служебномъ отношеніи множество пастырей и клириковъ—прямо подвижники долга и страстотерпцы за идею своего—сколько великаго, столько же и тяжкаго служенія. Но въ тоже время было бы грѣхомъ самообольщенія отрицать въ многотысячной семьѣ нашего сословія—какъ и во всякомъ другомъ сословіи—существованіе немощныхъ и нерадивыхъ. Какъ, по слову Божію, „малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ“, такъ недостатки и пороки *нѣкоторыхъ* пастырей наносятъ вредъ всему церковному дѣлу больше, чѣмъ всякіе отрицатели и отщепенцы. „Какъ не можетъ градъ, стоящій на верху горы, укрыться“, такъ невозможно укрыться порокамъ и недостаткамъ служителей алтаря отъ глазъ окружающей среды безъ соблазна—и не для однихъ только „малыхъ сихъ“, но и для большихъ... Цора намъ перестать скрывать отъ самихъ себя и замалчивать свои недостатки, пугаясь раскола и сектъ,—уклоняться отъ чистосердечнаго и открытаго обсужденія недостатковъ, укоренившихся въ клирѣ. Отнавшіе и всѣ враги Церкви слишкомъ зорко слѣдятъ за жизнью пастырей, и въ ихъ средѣ извѣстна вся подлготная и частной и служебной жизни мѣстнаго духовенства. Имъ ничего поваго не скажетъ наша откровенность, съ которою мы хотѣли бы на страницахъ мисс. органа осмотрѣться въ этомъ вопросѣ нынѣ, при началѣ новаго года, въ виду новой стадіи нашей пастырской жизнедѣятельности на пользу Св. Церкви и дорогого отечества, дабы общими братскими силами приняться съ новаго года прежде всего за неотложную работу внутренняго самоисправленія, духовнаго нашего самоустроения. А для этого прежде всего необходимо намъ самимъ искренно и правдиво взвѣсить направляемыя противъ насъ обвиненія, подсчитать сумму накопившихся за нами недочетовъ въ личной и слу-

жизни и затѣмъ поразсудить, чѣмъ и какъ уврачевать удобнѣе наши немощи. какъ удовлетворить приходскія неотложныя нужды. Итакъ, въ чемъ насъ обвиняють и въ чемъ мы дѣйствительно повинны?

* * *

Распространеннымъ порокомъ въ духовенствѣ обычно считаютъ не-
трезвость. Нѣсколько лѣтъ назадъ вопросъ этотъ былъ рѣзко поставленъ
ли не на всероссійское обсужденіе по поводу доклада свящ. Бу-
льбоваго въ столичномъ обществѣ народнаго здравія. Докладчикъ обви-
нять огульно все русское духовенство въ поголовной нетрезвости. Обви-
неніе было поставлено чрезчуръ тенденціозно, и обсужденіе велось при-
страстно. Духовенство наше, какъ и народъ, въ общемъ рѣже и менѣе
прочихъ сословій пьетъ. Но вопросъ не о сравнительномъ достоинствѣ
сословій въ этомъ отношеніи, а о существованіи фактовъ преступленія,
нѣтъ ли признаемаго нетерпимымъ въ положеніи служителей Церкви
Божіей.

Отрицать факты бесполезно. Нужно признаться, что среди духовен-
ства есть много неосторожныхъ, неумѣренныхъ въ употребленіи крѣп-
кихъ напитковъ, не соображающихъ ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ,
какъ это дѣлается въ средѣ инославнаго духовенства. Тутъ виновата
ваша школа, наша некультурность обстановки и условій жизни. Нельзя
также отрицать, что среди духовенства попадаются и форменные алко-
голики. Въ семьѣ не безъ уродовъ,—ни смущаться, ни удивляться отдѣль-
нымъ случаямъ печальнаго свойства нечего. Ужасно не это, а ужасно
то, что прихожане по цѣлымъ годамъ „маются“ съ такими несчастными
пастырями, и нѣтъ имъ помогающаго. Неумолкаемый вопль народа о
безобразныхъ дѣяніяхъ такихъ нетрезвыхъ клириковъ очень скоро
доходитъ до слуха епископа и консисторскаго суда и расправы.

Въ общемъ нетрезвость духовенства наказуема далеко не въ той
степени, въ какой это требуется правилами и канонами, интересами
церкви и судомъ общественнаго мнѣнія.

Необходимо установленіе внимательнаго наблюденія за поведеніемъ
духовенства со стороны ближайшаго начальства, но еще болѣе необхо-
димо учрежденіе братскаго пастырскаго суда чести, который бы давалъ
сослужителямъ право нравственнаго контроля и братскаго участія къ па-
дающему собрату, который бы во время удержалъ немощнаго отъ наде-

нія и оказала противодѣйствіе разливающемуся въ содѣдствѣ злу, кладущему пятно на все духовенство, роняющему авторитетъ всего клира.

Обвиняя духовенство въ безнліи отрзвляюще вліять на народъ, печать не разъ указывала на „помочи“, устраиваемыя сельскимъ духовенствомъ въ рабочую пору въ праздничные дни. Прихожане напиваются на глазахъ и по предложенію своего пастыря. Что можетъ быть ниже этого? Духовенство является проводникомъ не началъ трезвости, а въ роли чуть не спанвателей! Обычай устраивать „помочи“ отжилъ уже свой вѣкъ, и если держится кое гдѣ, то какъ пережитокъ старины глубокой. А что онъ еще существуетъ, объ этомъ можно судить по посланіямъ архипастырей: съ такимъ, напримѣръ, посланіемъ обращался не такъ давно бывший архіепископъ Ярославскій Іоаннъ къ Ярославской духовной консисторіи ¹⁾.

Но одной строгой бумагой зла не уничтожить. Нужны люди, которые „тщательно наблюдали бы за точнымъ исполненіемъ“ архіерейскаго

¹⁾ „До свѣдѣнія моего дошло, что въ одномъ изъ приходоу епархіи священникъ, желая пріобрѣсти небольшой клочекъ крестьянской усадебной земли для постройки дома для неаюмщика, собралъ сходъ крестьянъ своего села и, когда тѣ подписали условіе, дать имъ денегъ на водку. Далѣе извѣстно также, что сельское духовенство, занимающееся обработкой церковной земли, не желая почему-либо платить рабочимъ извѣстной цѣны, часто производитъ эту обработку посредствомъ такъ называемыхъ „помочей“, собираемыхъ въ праздничные дни, оплачивая трудъ своихъ прихожанъ только угощеніемъ и въ большинствѣ случаевъ съ водкою. Такой способъ расплаты за трудъ прихожанъ развращаетъ крестьянъ, отвлекая ихъ отъ храма Божія и церковныхъ службъ и пріучая проводить праздничный день несогласно съ уставомъ церкви, и подрываетъ весь авторитетъ пастырскаго вліянія на пасомыхъ, возлагаемый на священника высокимъ его служеніемъ и широкими его духовными правами, а потому уничтоженъ для священника и подлежитъ искорененію.“

Во избѣжаніе на будущее время столь неблаговидныхъ отношеній между пастырями и пасомыми, дающихъ поводъ къ нареканіямъ на духовенство въ дѣлѣ ослабленія пьянства среди народа, предлагаю духовной консисторіи объявить духовенству Ярославской епархіи чтобы: а) при обработкѣ земли оно воздерживалось собирать „помочи“ прихожанъ, кончающіяся угощеніемъ съ водкой и отвлекающія поселянъ отъ церкви Божьей и церковныхъ службъ, а платило бы за трудъ деньгами; б) въ точности выполняло свое высокое назначеніе въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ, подавая собственною жизнью примѣръ трезвости и воздержанія, и что г) въ случаѣ обнаруженія и послѣ сего распоряженія вышеизложенныхъ нежелательныхъ отношеній къ прихожанамъ, виновные будутъ подвергаемы строгой ответственности и взысканію по законамъ“ (Церк. Вѣд. 1901 г. № 46).

распоряженія, а главное — нужно настойчиво проводить въ среду самого духовенства сознание предосудительности этого обычая.

* * *

Самое распространённое обвиненіе духовенства касается *вымогательства* за требы съ прихожанъ. Этого рода обвиненія, обыкновенно, не опровергаются, а только оправдываются обстоятельствами жизни и условиями нищенскаго матеріальнаго обезпеченія чрезъ „поручное даваніе“. Но по совѣсти говоря, развѣ можно чѣмъ оправдать вымогательство христіанскаго пастыря, и развѣ могло бы оно стать распространённымъ явленіемъ при болѣе высокомъ подъемѣ въ духовенствѣ пастырскаго духа, при болѣе глубокомъ одушевленіи идей пастырскаго служенія! Если бы у насъ существовали пастырскіе суды чести или товарищеское другъ о другѣ попеченіе и нравственная корпоративная отвѣтственность одного за вѣхъ, то этимъ путемъ вѣрнѣе можно бы воздѣйствовать на духовенство, заставить его знать мѣру въ требованіяхъ платы, различать случаи, когда не только не слѣдуетъ пастырю брать съ крестьянина за потребу, а нужно еще и помочь бѣдняку и всячески располагать къ совершенію *тѣхъ* благодатныхъ требъ, каковы исповѣдь, причащеніе, соборованіе и др. или когда самому пастырю надо облегчить тягостное положеніе бѣдняка, какъ, напр., при погребеніи.

Въ этомъ-то именно отношеніи у насъ и нѣтъ пастырской осмотрительности, указы же и циркуляры, которыхъ очень много, всегда остаются мертвой буквой.

* * *

Вопіеть на небо, какъ грѣхъ, какъ велие неприличіе, какъ вывѣска вашей личной душевной неряшливости и неблагоговѣнія предъ святыми — это пастырское небреженіе о чистотѣ и благолѣпін храмовъ Божіихъ, которое такъ нерѣдко можно наблюдать не только въ селахъ, но и въ городахъ.

„Намъ много приходилось бывать на сѣверѣ Россіи, пишетъ А. Н., и еще теперъ часто встають въ памяти нѣкоторыя изъ видѣнныхъ церквей. Господи, сколько встрѣчалось убожества! То церковь старенькая стоитъ, наклонившись въ одну сторону: точно гнуть ее лѣта. То церковь, у которой алтарь отдѣляется отъ средней части. То церковь съ покосившимися крыльцами и выпячивающимся изъ стѣнъ бревнами. То — когда-то кра-

шеная, но въ настоящую минуту до того облинявшая, что и не разоб-
раться, въ какіе цвѣта была она окрашена.

И грустно-грустно становилось на душѣ при видѣ такихъ церквей: забытая, точно сироты безпріютныя, стоятъ эти церкви безъ призора, обвѣваютъ ихъ сырые вѣтры и точить ихъ дождь, а сырость снизу тянется по стѣнамъ, споняетъ окраску и покрываетъ стѣны плѣсенью и чернотой¹⁾. А сколько такихъ запущенныхъ храмовъ на св. Руси!

Убожество храмовъ почти всегда зависитъ отъ нерадѣнія пастыря. Но, обычно, нерадѣице о благолѣпін дома Божія батюшки винятъ прихожанъ: „Не хотятъ, не слушаютъ, не понимаютъ!“ Но это оправданіе есть въ сущности обвиненіе самого себя въ преступленіи, еще болѣе тяжкомъ, чѣмъ нерадѣіе о внѣшнемъ благолѣпін храма. „Не слушаютъ!“ Какъ! православный, набожный, храмолюбивый кроткій народъ не слушаетъ пастыря! Что-нибудь не такъ. Вникните въ суть дѣла и увидите, что коренная причина не въ народѣ. Народъ по-прежнему признаетъ необходимость храма, огорчается его неблагообразіемъ, благоговѣетъ передъ достоинствомъ священника, по-прежнему набоженъ, кротокъ, но онъ не любитъ *этого* священника, не любитъ потому, что встрѣчаетъ съ его стороны одно холодное безучастіе или гордое, раздражительное пренебреженіе.

Трудно любить и слушать священника, авторитетомъ своего сана постоянно прикрывающаго свое мелочное самолюбіе. Не находя нигдѣ законной поддержки въ печальной распрѣ съ нелюбимымъ и несправедливымъ пастыремъ, прихожане, обыкновенно, прибѣгаютъ къ своимъ средствамъ: къ угрозамъ шуткою, къ сутяжничеству, обманамъ и доносамъ. Священникъ не остается въ долгу и платитъ соотвѣтствующей монетой. Бываютъ случаи, что мужики озлобляются и хватаются уже за свои послѣднія, въ рукахъ озлобленныхъ людей изъ темной массы, мѣры, которыми и выживаютъ священника изъ прихода... Естественно, что въ новомъ приходѣ онъ будетъ еще болѣе жестокъ, несправедливъ и метителенъ, чѣмъ вскорѣ возстановитъ противъ себя и благоустроенный приходъ. Съ другой стороны, его преемникъ въ прежнемъ приходѣ будетъ встрѣченъ новыми прихожанами не съ однимъ радостнымъ упованіемъ, но и съ большой дозой подозрительности и недовѣрія. На первыхъ же

¹⁾ „Церк. Вѣд.“ 1904 г., № 40. Священникъ и его заботы о храмѣ.

вагахъ, при первыхъ добрыхъ начинаніяхъ, и этому пастырю придется бороться съ явнымъ и пассивнымъ мужичьимъ сопротивленіемъ, зародившемся при недостойномъ предшественникѣ. Его дѣло усложняется. Нужно впередъ идти, и поправлять, заглаждать грѣхи предшественника.

Не всякій оказывается къ этому способнымъ. „Не слушаютъ, не хотятъ не понимаютъ!“ — и новый батюшка, прослуживъ два-четыре года, бѣжитъ въ другой приходъ. А „церковь старенькая стоитъ, наклонившая въ одну сторону: точно гнуть ее лѣта. Алтарь отдѣляется отъ средней части: крыльцо покосилось; бревна изъ стѣпъ выпятились...“

То же самое происходитъ и съ живой церковью. И она начинаетъ неминуемо склоняться въ сторону сектантства или индифферентизма, алтарь вѣры теряетъ свой священный огонь и авторитетъ, а „выпятившиеся бревна“ разрушаются *стихіями вѣка* или утилизируются „собрисцами беззаконныхъ“...

Воспрепятствовать некому. *Священникъ и левитъ, бѣговъ на томъ мѣстѣ, пришедеъ и видѣвъ, мимоидоша.* У нихъ свои дѣла. Счастливого пути! Впереди видѣется худшее. Такъ думаютъ люди и не изъ стѣпъ дальновидныхъ: но отъ этихъ предупрежденій толку мало. Порядокъ все нѣтъ и нѣтъ. Распри пастырей и пасомыхъ все усиливаются: разобрать, примирить на мѣстѣ часто бываетъ некому. Всѣ печальныя послѣдствія на лицо. Доколѣ, Господи!

* * *

Но, коснувшись пастырскихъ грѣховъ противъ храма, естественно нельзя обойти молчаніемъ и *богослужбнаго дѣла*.

Сколько разъ клиру напоминалось и напоминаетъ и въ архипастырскихъ посланіяхъ, и въ постановленіяхъ миссіонерскихъ съѣздовъ, и въ статьяхъ духовныхъ журналовъ о крайней необходимости истоваго, благоговѣйнаго, сердечнаго богослуженія, — и все напрасно!

Большинство священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ ни разу въ жизни и не видѣло образцоваго богослуженія и не знаетъ даже, гдѣ его увидать. Сколько разъ писалось, указывалось на необходимость истоваго изображенія священниками крестнаго знамени, и это тоже напрасно.

„Больно сознаться, — пишетъ Н. И. Субботинъ, — что невѣжественный, полуграмотный раскольническій попъ, съ нарочитою тщательностью крестящійся и благословляющій, имѣетъ въ этомъ отношеніи

преимущество даже иногда предъ истинно-просвѣщеннымъ и искренно-благочестивымъ православнымъ священникомъ.

Въ Нижегородской губерніи, — писалъ о. архимандритъ Павелъ, много православныхъ уклонились въ расколъ. А причина уклоненія та, что духовенство не хочетъ слѣдовать народнымъ русскимъ религіознымъ обычаямъ, то-есть, не хочетъ молиться, какъ молится русскій народъ, именно — полагать на себя крестное знаменіе, по уставу, на голову, животъ, правое и лѣвое плечо, — и потомъ поклониться Богу, но хотятъ какъ-то молиться по модѣ, и тѣмъ отчуждаются отъ русскаго народнаго обычая, утвержденного русскою православною Церковью. Также не хотятъ исполнить установленныхъ поклоновъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не соблюдаютъ апостольское правило: *вся вамъ благообразно и по чину да бываютъ*. Хотя нечистота такая и не повсюду встрѣчается, но несомѣнно, что бываетъ въ немалой части. Архипастыри на все это не обращаютъ должнаго вниманія, или обращаютъ не съ такой настойчивостью, чтобы искоренить недостатокъ. А народъ простой, видя такіи небреженія, говоритъ: учится духовенство наше лѣтъ по десяти и болѣе, а не выучиваютъ его какъ Богу молиться, какъ на себѣ положить крестное знаменіе, — какая польза отъ ихъ ученія! И дѣйствительно, когда изъ ученыхъ семинаристовъ кого поставятъ въ единовѣрческую Церковь, его съ трудомъ приучишь молиться, какъ должно, и какъ молится русскій народъ. Русское духовенство не ищетъ пользы своей родной русской Церкви, ибо не старается уничтожить свои недостатки и тѣмъ соединить весь русскій народъ въ единомысліи. Миссіонеры будутъ хлопотать объ обращеніи изъ раскола въ православіе; а не будутъ исправленія въ духовенствѣ о крестномъ знаменіи, и о поклонахъ, и о благочиніи въ церковныхъ службахъ, усѣху будетъ мало, обращеніе будетъ единицами, а совращеніе въ расколъ по-прежнему цѣлыми деревнями. Простой народъ въ книгахъ мало понимаетъ; онъ смотритъ на наружное, на обрядность. Потому, если духовенство не оставитъ пре-небреженія къ нетовому служенію, дѣло миссіонеровъ будетъ безплоднымъ трудомъ.

Я скажу вамъ нѣчто новое. Еслибы исправная была служба въ церквахъ, не было бы нужды и въ единовѣрціи, особенно шить, когда многіе вопросы раскола такъ уже разъяснены. Старообрядцы теперь уже стремятся въ Церковь, но не могутъ примириться съ небреженіемъ православнаго духовенства о крестномъ знаменіи и о поклонахъ и о благочиніи церковномъ.

Самое первое средство уронить расколъ, или остановить его распространеніе — это исправить въ вышеозначенныхъ предметахъ духовенство. А какъ исправить? *Нужно бы, отъ кою зависитъ, разослать предписанія, чтобы духовенство полагало на себѣ крестное*

жизни такъ, какъ указано во псалтыряхъ и часословахъ, а также о поклонахъ и чинномъ отправленіи службъ. А чтобы такое распоряженіе не осталось втуне, нужно назначить лицъ, которыя тщательно наблюдали бы за точнымъ ео исполненіемъ. А прежде всего нужно обратить вниманіе на учебныя заведенія, чтобы въ нихъ измлада учили дѣтей истовому изображенію на себѣ всякаго знаменія. А безъ тщанія объ исправленіи этого недостатка думать расколъ невозможно, потому что мы сами даемъ ему пищу" ¹⁾.

Это сказано много лѣтъ тому назадъ, за это время были и отъ Св. Суда разъясненія, учреждены и наблюдающіе въ лицѣ миссіонеровъ, а фактъ пастырскаго небреженія объ истовости все еще живетъ и служить однимъ изъ главныхъ тормазовъ въ дѣлѣ миссіи.

"Церковнобогослужебная" небрежность и неуставность — истинная причина, по заявленіямъ самыхъ миролюбивыхъ раскольниковъ и сектантовъ, препятствующая возсоединенію ихъ съ св. Церковію, удостоивъ преемникомъ православный миссіонеръ Картушинъ (братъ раскольникьяго архіерея Іустина Картушина): можемъ ли мы требовать, чтобы расколоты были снисходительны къ намъ (православнымъ) такъ же, какъ должны быть снисходительны къ нимъ мы. И въ чемъ же должно выражаться наше снисхожденіе къ нимъ? Въ удовлетвореніи ихъ законныхъ желаній, мы же, какъ изволите видѣть, хотѣли бы, чтобы къ намъ были снисходительны въ поступкахъ сомнительной законности. До послѣднего времени мы стыдился признаться себѣ, что разоряемъ одной рукой то дѣло, которое сами же дѣлаемъ. Но всему есть предѣлъ: я опять обращаюсь къ психологін раскола. Кто имѣлъ счастье родиться въ православіи, воспитаться подъ сѣнію благодати Божіей и свободенъ отъ фарисейскаго презорства, возведеннаго въ расколъ чуть-чуть не въ добродѣль, тотъ едва-ли и можетъ понять то огорченіе и муки, какія испытываетъ даже самый благонамѣренный раскольникъ, созерцая наши слабости".

Нечего и говорить, какое оружіе этимъ мы даемъ въ руки ярыхъ враговъ Церкви, всегда и вездѣ съ злорадствомъ ставящихъ наши слабости въ вину Церкви.

Если съѣзду благоудбно будетъ, подъ руководствомъ церковнаго священноначалія, сдѣлать что-нибудь къ устраненію указанной мною причины. — *такое дѣло будетъ идти прямо на встрѣчу назрѣвшей потребности не только миссіи, но и всего русскаго народа* ²⁾.

¹⁾ Мисс. Об. 1902 г., стр. 1142—3.

²⁾ Мисс. Об. 1902 г., т. II, стр. 474—5.

Назрѣвшая и перезрѣвшая потребность много разъ замѣчалась и епископами.

„Мною замѣчено, недавно писалъ преосвящ. Антоній въ своемъ посланіи волынскому духовенству, неумѣніе нѣкоторыхъ клириковъ возлагать на себя крестное знаменіе.

Старовѣры говорятъ, что дѣволъ хватаетъ за локоть нерадиваго церковника, когда онъ хочетъ завершить крестъ, и посему крестъ у него кривой: четвертое прикосновеніе попадетъ не на плечо, а подъ мышку. Клирики, и иноки и инокини должны быть первыми въ ревностномъ послушаніи Духу Божію, научающему насъ молиться по чину церковному“¹⁾.

Насколько имѣло успѣхъ въ жизни это наставленіе архипастыря, покажетъ время, а можетъ быть оно даже осталось и нечитаннымъ большинствомъ волынскихъ клириковъ, діаконовъ, псаломщиковъ и рядовыхъ иноковъ, которые, обычно, не заглядываютъ въ получаемые настоятелемъ печатные духовные органы. Нуженъ живой надзоръ неослабный, а въ тоже время благожелательный, не убивающій, но воспламеняющій духъ ревности пастырской, возвышающій сознаніе долга службы. Миссіонеры въ этомъ отношеніи могли бы сослужить великій историческій подвигъ. Безъ животворящаго надзора буквѣ посланій и указныхъ писаній не преобѣдять укоренившихся привычекъ, и повторится та же исторія, что и въ Уфимской епархіи. Тамъ, несмотря на подобное посланіе и указанія начальства о необходимости истоваго совершенія богослуженія, причты продолжали и, вѣроятно, продолжаютъ совершать службы Божіи крайне небрежно, сокращая ихъ вопреки правиламъ устава Церкви.

Уфимскій архипастырь вынужденъ былъ обратиться уже съ такимъ эцентричнымъ внушеніемъ къ нерадивымъ пастырямъ и служителямъ церкви:

„Оставьте свои дерзкія непослушанія однажды навсегда, зная, что ожидаетъ ихъ за упрямство и противленіе власти, которая отсель не преминетъ подвергать ослушниковъ строжайшимъ взысканіямъ“²⁾.

* * *

Нѣтъ, здѣсь нужны для борьбы съ застарѣвшимъ недугомъ духовенства не одні строгія внушенія, строжайшія взысканія, а что-то дру-

1) „Мисс. Об.“ 1902 г. т. II, стр. 370.

2) „Церк. Вѣд.“ 1900 г., № 9.

гораздо большее. Нужна не столько строгость, сколько систематическое воспитание и перевоспитание духовенства, испорченного тяжкимъ укладомъ жизни, сухою бездушной школой, холоднымъ давящимъ бюрократизмомъ. Нельзя забывать, что сословія перевоспитываются медленно и только до болѣзненности, чрезъ испытанія и скорби, которыя, повидимому, нынѣ подвигаются на духовенство со всею стремительностью, а посему, братья, — *блудитесь, како опасно ходимъ!*..

Мы все останавливаемся на служебныхъ недостаткахъ пастырей, а каковы же прочіе члены клира? можетъ быть они стоятъ на высотѣ своего призванія и назначенія? Поищемъ для нашихъ скорбныхъ новогоднихъ итоговъ въ архивѣ обличительной литературы справки и о нихъ.

Въ 1898 г. бывшій казанскій архіепископъ на общепархіальномъ сѣздѣ ставилъ на видъ отцамъ благочиннымъ скорость совершенія богослуженія, сокращеніе устава, торопливость чтенія, незнаніе устава и проч. Черезъ годъ послѣ этого архіепископъ на подобномъ сѣздѣ снова отчиталъ:

„Незнаніе церковнаго устава — за послѣднее время явленіе самое обыкновенное. Насколько причетники недалекаго прошлаго поражали знакомствомъ съ уставомъ, зная самыя мельчайшія его подробности, настолько современные псаломщики удивляютъ незнаніемъ его, да я даже не вижу, чтобы у нихъ было желаніе учить его“.

Но, можетъ быть, казанская епархія единственная въ своемъ родѣ? Оказывается, нѣтъ. Въ прошломъ году тотъ же архипастырь, но уже на харьковской кафедрѣ, въ бесѣдѣ съ о.о. благочинными отзывался о низшемъ клирѣ такъ:

„Скажу о діаконахъ. Я крайне недоволенъ тѣми изъ нихъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть во время побѣздокъ по епархіи. Служить они почти не умѣютъ: изъ сотни діаконовъ трудно указать десятокъ такихъ, которые бы умѣли хорошо кадить, правильно и во-время произносить ектению и другія молитвословія. На большинство псаломщиковъ ужасно смотрѣть. Есть псаломщики, которые, войдя въ церковь, не перекрестятся, идутъ мимо горняго мѣста — тоже. Печальное явленіе. Въдь вы должны требовать, чтобы христіанскій долгъ исполняли и простые мужчины, а тутъ церковнослужитель не исполняетъ этихъ требованій“¹⁾.

1) „Церк. Вѣд.“ 1903 г., № 48.

И эти „печальныя явленія“ имѣютъ мѣсто тамъ, гдѣ еще такъ недавно горѣлъ яркій свѣтильникъ Церкви -- приснопамятный архіепископъ Амвросій!

Можно съ увѣренностью сказать, что въ другихъ епархіяхъ дѣло обстоитъ не лучше. Вообще „полное небреженіе, нарушеніе чина и устава, сознательное нежеланіе узнать уроки добрыхъ людей“ является характерной чертой низшаго клира новѣйшей формаціи. Псаломщики и семинаристовъ не лучше.

„Много теперь псаломщиковъ, получившихъ семинарское образованіе: есть и такіе, которые, состоя псаломщиками, занимаются въ церковныхъ школахъ и посему освобождены отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Всѣ таковые смотрятъ на свое дѣло чисто формально и часто очень пренебрежительно, занимая должность или чтобы избавиться отъ воинской повинности, или чтобы годъ-другой повеселиться и высмотрѣть себѣ невѣсту и хорошее мѣсто. Это ужъ вовсе не служакн“¹⁾.

* * *

Не оттого-ли всѣ эти церковныя и внѣцерковныя безчинности и небрежности клира, что наше приходское духовенство всецѣло представлено самому себѣ, что оно почти безъ надзора, безъ наказаній и поощреній, среди окружающей деревенской тьмы и грязи, среди гнетущаго одиночества? Чрезвычайно рѣдкія получасовыя архипастырскія посѣщенія, нерѣдко сухія и формальныя, порождающія въ духовенствѣ чаще рабскій страхъ, чѣмъ сыновнюю любовь, конечно, безсильны исправить укоренившіеся дурныя привычки, не могутъ парализовать безпрерывнаго, сильнаго вліянія дурныхъ примѣровъ и тлетворныхъ вѣяній духа времени. Правда, у архипастырей существуютъ помощники -- о.о. благочинные, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за порядкомъ церковной жизни, за богослуженіемъ, за поведеніемъ клира и проч.

Но, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, о.о. благочинные -- тѣ же рядовые іерей, нерѣдко назначаются случайно и не по заслугамъ, а потому благочинные иногда являются и сами образцами неблагочинія. Въ общемъ, справедливость требуетъ сказать, наши о.о. благочинные выше другихъ священниковъ, но они тонуть въ томъ же морѣ глубоко вѣвшашихся неблагообразныхъ привычекъ, какъ и всѣ ихъ подчиненные. Недо-

1) „Руск. дѣл. Сельск. Паст.“ 1901 г., № 1—2.

статки послѣднихъ видны только ихъ приходамъ, а недостатки вознесенныхъ на значительную высоту о.о. благочинныхъ видны огромному району и кажутся уже не служебными проступками, а легальными отступленіями отъ закона.

Въ храмѣ, гдѣ настоятельствуесть о. благочинный, не рѣдкость встрѣти ту же халатность, неряшливость, ту же небрежность, снѣшность, отступствіе уставности, что и у прочихъ іереевъ.

Если бы о.о. благочинные стояли на должной высотѣ, были люди съ высшимъ образованіемъ или съ большимъ служебнымъ авторитетомъ, съ значительнымъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, если бы они взымались изъ другихъ округовъ, а не изъ своего благочинія, гдѣ каждый братъ, кумъ или свать, получали бы независимое отъ церквей и причетовъ содержаніе по должности, то едва-ли могли бы безнаказанно ископировать и доселѣ не выводиться такія прискорбныя явленія въ области пастырской практики, которыя чистосердечно обрисованы однимъ руткимъ молодымъ пастыремъ, какъ яркая картинка съ натуры. Эта печальная, но глубоко правдивая, прочувствованная картина была дѣтъ пять назадъ изображена на страницахъ „Мисс. Обзор.“, но ее полезно, для вящшаго нашего, о.о. и братія, новогодняго назиданія, оживить въ вашей памяти ¹⁾.

1) „Ребенка крестить не въ церкви, а въ караулькѣ или — еще хуже — въ кухнѣ священника. Священникъ начинаеъ читать молитвы оглашенія, а несломщикъ записываетъ званіе родителей и воспріемниковъ: на возгласеніе — „Господу помолимся“, записывающей несломщикъ, иногда изъ другой комнаты, отвѣчаетъ: „Господи, помилуй“. Читеніе Апостола совершается такъ, какъ школьникъ наскоро пробѣгаетъ уроки, ожидая входа учителя, и т. д.. Крещеніе окончено. Могутъ-ли не только сектанты, но и православные, видя такое священнодѣйствіе, сказать, что совершилось великое таинство крещенія, открылась дверь въ Церковь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, совершилось то, безъ чего и спасеніе невозможно. Велико таинство брака: но какъ оно, по мѣстамъ, совершается! Доселѣ еще живучи во многихъ приходяхъ позорные обычаи: къ священнику приходятъ предъ свадьбой съ бутылкой водки“. Въ назначенный день брачный поѣздъ нечестово мчится къ храму Божию. Все участники веселѣтъ, и въ каждой подводѣ водка пьетъ дома, шини и въ пути. Сколько здѣсь поводовъ дастся сектантамъ къ укоризнамъ и злохуленіямъ на православіе и православныхъ! Во время совершенія таинства, стоящіе разговариваютъ, перешептываются, пересмѣиваются, переусуживаютъ жениха и невѣсту и т. п. Сектанты клеймятъ эти пьяные обычаи, осуждаютъ допускающихъ ихъ православныхъ пастырей, смѣются надъ самимъ таинствомъ, которое совершается при обстановкѣ, унизившей святыню.

Въ этомъ болѣзненномъ воплѣ автора — кіевскаго протоіерея о. Коліикова — слишкомъ много реальной суццей правды.

Иногда священникъ желалъ бы ввести уставность въ совершеніе богослуженія, но большею частью встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе со стороны неспособнаго, лѣливаго, небрежнаго несаломщика. Архипастыри напоминаютъ, что „священники должны заставлять несаломщиковъ съ усердіемъ читать Тисиконъ, а по мѣстамъ даже учить его“. Это легко сказать. Кривое дерево выправить трудно, въ особенности тѣми ничтожными средствами, какія имѣются у приходскаго священника. Несаломщики поступаютъ въ приходъ совершенно испорченными или школой, гдѣ неовности не учатъ, или предшествующимъ опытомъ. Требованія рачительнаго священника они считаютъ личнымъ капризомъ и превышеніемъ власти. Поступивъ въ приходъ, они не только не признаютъ власти

Какъ извѣстно, сектанты не вѣрятъ въ святыхъ, не почитаютъ чудотворныхъ иконъ и иконъ вообще. Даже въ православномъ народѣ ослабѣваетъ вѣра въ чудотворныя иконы. Поэтому, чтобы укрѣпить православныхъ и заградить злохуліщія уста сектантовъ, пастырь — священнодѣйствователь долженъ быть внимателенъ и благоговѣенъ ко всему, что воспитываетъ и охраняетъ вѣру и благочестіе народа въ отношеніи святыхъ угольниковъ Божіихъ и святыхъ иконъ. Іереямъ Божіимъ надо помнить, что небрежное, снѣбшое моленіе предъ иконою и пѣніе, въ которомъ не только нельзя уловить мысли, но трудно разобрать хотя одно слово, охаждастъ пламень народнои вѣры, вытравляетъ духъ благочестія и благоговѣйный страхъ предъ святыней. При такихъ условіяхъ нуженъ только рѣшительный толчокъ, и отступленіе готово. Такое рѣшительное дѣйствіе и оказываютъ сектанты, которые на подготовленную небрежностью пастыря почву сбываютъ съмена сомнѣнія и отрицанія. Ходя съ иконами или крестомъ по прихожанамъ, обычно, священнослужители проявляютъ грѣшную поспѣшность. Не успѣютъ войти въ домъ и наскоро пропѣвъ тропарь, какъ уже спѣшатъ окончить чтеніе евангелія, затѣмъ събѣдутъ одновременно произношеніе еугубой ектеніи и пѣніе „Господи, помилуй“, причемъ совершенно затруднительно сказать, кто кого обгоняетъ: дьяконъ несаломщика, или наоборотъ. Что можно разобрать въ этой сумятицѣ звуковъ? Какое возможно моленіе при небрежности чтенія и пѣнія, при замѣтномъ для всехъ стремленіи скорѣе уйти въ другой домъ для того, чтобы поспѣшить въ третій? Какое впечатлѣніе останется отъ посѣщенія дома причтомъ съ иконою? Подобная картина наблюдается и при наехальномъ обхожденіи домовъ прихожанъ съ иконами. Небрежное священнодѣйствіе не можетъ вдохнуть въ сердца мірянъ любви къ церковнымъ службамъ, порывистыя движенія, отрывочное чтеніе и пѣніе не могутъ вызвать молитвеннаго настроенія, дать возможность помолиться и въ молитвѣ успокоить свое сердце; такая служба угашаетъ и малую некру благочестія, убиваетъ религіозное чувство. И можетъ ли быть иначе, когда человекъ испытываетъ неудовлетворенность суцествен-

священника, но и смѣло вводятъ въ уставной чинъ богослуженія само-
чиво въ сокращеніяхъ. Они руководятся привычкой и своеволіемъ.
Только дерзкаго противленія со стороны псаломщика приходится пере-
сти священнику, желающему, напримѣръ, ввести общенародное пѣніе:

Что съ нимъ подѣлаешь? Доносить архіерею? Какъ будто не стоитъ:
въ той епархіи тоже; благочинному?—онъ только руками разведетъ, а
еще укоритъ: и охота тебѣ, отче, эту моду вводить!

Случается, хорошій псаломщикъ признаетъ необходимость уставнаго
богослуженія, сочувствуетъ ей, вводитъ хоровое пѣніе, но батюшка—
противъ. И словами и жестаи онъ нерѣдко изъ алтаря приказываетъ
спросу пѣть „поскорѣе“. И вотъ протяжное умилненное пѣніе вдругъ

свѣтлой стороны своей природы, чувствуетъ, что въ его сердцѣ тушатъ
святой огонь, безъ котораго жизнь тяжела и невозможна.

Небрежный, неблагоговѣйный, безчинный священнодѣйствователь обна-
руживаетъ свое маловѣріе, пренебреженіе къ святынь: самымъ дѣломъ онъ
объясняетъ другихъ, что за обрядами и дѣйствіями, совершаемыми имъ,
ничего не видитъ священно-таинственнаго и благодатнаго, предъ чѣмъ
существовало бы благоговѣніе. Въ концѣ-концовъ получается, что набожному
христианину, имѣющему небрежнаго, неучительнаго пастыря, надо искать
духовной пищи помимо Церкви. И вотъ стоитъ въ приходѣ такого пастыря
сѣсти лжеучителю или лжеучительницѣ, кликнуть къ себѣ томимыхъ
духовнымъ голодомъ, и они съ радостью пойдутъ. Новые проповѣдники,
съ виду благоговѣйные, сладко запоютъ, восхваляя свое приправленное
мшурью ученіе и богослуженіе и понося все православное, на основаніи
частныхъ недостатковъ и немощей нѣкоторыхъ изъ насъ.

„Приходи—скажутъ они,—къ намъ, у насъ службушка небесная, съ нами
ангелы поютъ, мы питаемся Самимъ Духомъ Святымъ“. И пойдеть духовно-
голодный обематривать новую вѣру. А тамъ ему покажутъ все въ при-
чашенномъ видѣ и укажутъ: „что-де ваши службы? „Попъ“ снѣшитъ, у
дьячка ничего не разберешь, а все это они дѣлаютъ, что бы только деньги
съ васъ брать, посмотри-ка, какъ у насъ молятся“, и начнутъ молиться
сердно, всю ночь, со слезами, хотя бы и притворными; найдутся такіе,
что дойдутъ до религіознаго экстаза и изступленія, и... пропала на
вѣки душа православнаго, зашедшаго на штундовыя или хлыстовскія
членія. Послѣ этого ему станетъ ненавистенъ „попъ“, ненавистна
служба, въ которой онъ напрасно искалъ радости и успокоенія сердца и,
по страшно сказать, ненавистна Церковь, въ которой душа не обрѣла Бога.
Велика отвѣтственность небрежнаго пастыря-священнодѣйствителя! Не-
вчислимы горькіе плоды и печальныя послѣдствія, въ смыслѣ отрица-
тельнаго вліянія на массу вѣрующихъ небрежной службы, послѣдшаго
вѣтшаго священнодѣйствія, исполненія христіанскаго долга прибѣтка
къ а не по совѣсти и убѣжденію. Все это не только отвращаетъ пасомыхъ
отъ пастыря, но и колеблетъ въ народѣ самую религію, раздираетъ
Церковь на секты и разрушаетъ ее въ основѣ“ (Мисс. Об. 1899 г.).

смѣняется темпомъ безпокойнаго марша или полнымъ смятеніемъ, въ которомъ ничего не разберешь. Въ подобныхъ случаяхъ несломщики покорно уступаютъ. Прослуживъ пять—десять лѣтъ съ небрежнымъ священникомъ, онъ портится навсегда, и хорошему священнику его уже не исправить.

Въ рѣдкомъ клирѣ обрѣтается христіанскій миръ. Вражда то явная, то скрытая, то изъ-за раздѣла доходовъ, то изъ мелкой амбиціи, то изъ-за непониманія своихъ правъ и обязанностей раздѣляетъ проповѣдниковъ мира и ихъ помощниковъ на два враждующихъ лагеря.

Часто священникъ, явившись въ храмъ, долженъ ожидать причетника, но нѣсколько разъ посылать за нимъ, причемъ иной изъ нихъ въ оправданіе говоритъ, что не слыхалъ звона церковнаго, другой, что рано, и потому не приходитъ; а найдутся и такіе, что скажутъ своему настоятелю какую-нибудь дерзость. Отношенія несломщиковъ къ священникамъ такъ ненормальны, что стали обращать на себя вниманіе даже свѣтской печати ¹⁾.

Слова евангельскаго мира иногда возглашаются явно встревожен-

1) Вотъ что говорить, напримѣръ, объ отношеніяхъ современныхъ несломщиковъ къ своимъ священникамъ г. Бодиско въ № 101 „Гражданина“ за 1898 годъ.

„Современные образованные несломщики въ большинствѣ случаевъ не желаютъ подчиняться священнику оказаніемъ ему должнаго и по закону требуемаго уваженія и смиренія. Боясь себя унижить, современный несломщикъ зачастую не подходитъ къ священнику подь благословеніе, по принятіи благословенія не цѣдуетъ ему руки, словомъ желаетъ казаться равнымъ со священникомъ изъ ложнаго самолюбія, изъ желанія показать прихожанамъ, что онъ не ниже священника и кланяться ему не будетъ.

Понятно, что такое поведеніе лицъ, по закону объ іерархіи подчиненныхъ священникамъ, и неокананіе послѣднимъ должнаго уваженія, не можетъ оказать благотворнаго вліянія на паству, особенно при низкомъ уровнѣ ея развитія, вселяя въ крестьянъ сомнѣніе въ высокомъ положеніи священнослужителя и степени необходимости уважительнаго къ нему отношенія“.

Вина, разумѣется, не въ однихъ несломщикахъ. Низшіе члены нашего клира до сей поры остаются, по-истинѣ, людьми забытыми. „Насъ и за людей-то не считаютъ, — говорили харьковскіе несломщики своему архипастырю, — придеши къ батюшкѣ, такъ на кухню настоишься“.

Грубая проявленія „іерейской спеси“, несправедливости при раздѣлѣ доходовъ, служить, большою частью, главной причиной недовѣрія, недружелюбія, мстительности несломщиковъ по отношенію къ настоятелямъ.

„Иногда, при затаенной ненависти, все же сохраняется вѣншія благопристойность, но иногда теряется и она, и даже совершеніе церковной службы обращается въ средство порисоваться своимъ знаніями по ряду и правильности службы“ (Паст. Соб. 1900 г., № 52).

нямъ, озлобленнымъ пастыремъ, которому отвѣчаютъ не менѣе озлобленный діаконъ, или псаломщикъ, съ нескрываемымъ раздраженіемъ вкладывая въ священныя слова пѣснопѣнія свое грѣховное настроеніе.

Слово и рядомъ священники безнаказанно обижаютъ псаломщиковъ, и наоборотъ, псаломщики упорно противодѣйствуютъ доброму и законному желанію священниковъ.

Большая часть этихъ прискорбительныхъ явленій не могла бы имѣть мѣста, при существованіи на мѣстѣ близкаго, уважаемаго авторитета, въ лицѣ благочинныхъ, который бы судилъ, умиротворялъ клириковъ, направляя ихъ дѣятельность по руслу закона. Такого авторитета, къ сожалѣнію, въ служебной средѣ духовенства нѣтъ, и этимъ объясняется возможность такихъ прискорбныхъ, позорящихъ фактовъ несправедливости, о которыхъ рассказываетъ священникъ Мироновичъ въ „Пастыр. Собесѣд.“.

Не будемъ называть одной епархіи, но упомянемъ, что знаемъ достоверно, видѣли воочию распоряженіе консисторіи, въ третій разъ изданное о скорѣйшемъ выдѣленіи псаломщикамъ слѣдуемой доли церковной земли, въ которомъ приведено указаніе, что это дѣлается послѣдній разъ. Смѣемъ думать, что и сейчасъ въ этой епархіи далеко не все священники выполняли это распоряженіе и попрежнему удерживаютъ за собою извѣстную долю земельного надѣла, по закону слѣдуемаго имъ низшему сословицу ¹⁾.

Тягаться низшему брату судебнымъ порядкомъ, конечно, трудно, и приходится только про себя таить одну ненависть къ обидчику-настоятелю.

За неимѣніемъ законнаго авторитета, враждующія стороны невольно обращаются за сочувствіемъ къ прихожанамъ. При этомъ случается, что едва половина прихожанъ становится на сторону священника, другая на сторону псаломщика. Униженіе священноцерковнослужителей достигаетъ своеобразнаго апогея, когда та и другая сторона старается задобрить своихъ помощниковъ подачками, угощеніемъ, водкой. Доходитъ, иногда, дѣло до епархіальнаго начальства. Назначается слѣдствіе. Дѣло принимаетъ еще болѣе соблазнительный характеръ. Начинаются пререканія изъ-за личности слѣдователя, являются новыя скандальныя разоблаченія, подговоръ и спайванье свидѣтелей усиливаются, вражда обостряется.

¹⁾ „Паст. Соб.“ 1900 г. № 52.

Скандалъ бываетъ такъ великъ, что служить интереснѣйшимъ предметомъ деревенскихъ разговоровъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

* * *

Изъ другихъ язвъ, разъѣдающихъ нашу церковно-приходскую жизнь слѣдуетъ указать на *неблагочиніе церковно-пѣвческихъ хоровъ*. Имъ творятся превеликія безобразія. Повсемѣстно они стоятъ внѣ пастырскаго вліянія, вниманія, начальственнаго надзора и контроля. Архіерейскіе хоры далеко не лучше прочихъ. Только въ недавнее время нѣкоторые епархіальныя начальства стали обращать на нихъ должное вниманіе.

По отзыву бывшаго Самарскаго архимандрита, преосвящ. Гурія, сельскіе церковныя хоры не подчиняются порядку о благочиніи даже въ святомъ храмѣ, во время богослуженія, не говоря уже о ихъ поведеніи въ приходѣ, когда они, по принятому обычаю, ходятъ по домамъ зажиточныхъ сельскихъ обывателей для такъ называемаго славленія, напр. въ праздникъ Рождества Христова, на Пасхѣ и въ дни престольныхъ праздниковъ, причемъ поютъ концерты съ пребезумными криками воплями, за что вознаграждаютъ ихъ деньгами и поятъ водкой; дѣтскіе пѣвчіе также нынѣшніе. Въ виду такого неблагочиннаго поведенія сельскихъ любительскихъ хоровъ, мѣстный преосвященный предписалъ всѣмъ настоятелямъ церквей и приходовъ епархіи объявить любителямъ церковнаго пѣнія — прихожанамъ, что если они желаютъ и впредь принимать участіе въ церковномъ пѣніи, то испросили бы на это право отъ епископа и дали бы письменное обязательство со всей точностью подчиняться церковно-каноническимъ постановленіямъ (85 пр. 6-го всел. собора 15 пр. апостол.), вести трезвую жизнь, какъ подобаетъ церковнымъ клирикамъ, и при исполненіи церковныхъ пѣнопѣній на нотахъ, по изданнымъ съ благословенія Святейшаго Синода церковнымъ обиходамъ подчиняться указанію и руководству мѣстныхъ священниковъ, а также діаконовъ и псаломщиковъ, обладающихъ искусствомъ пѣнія съ знаніемъ дѣла. Концерты же, равно какъ и вычурныя херувимскія и другія пѣнопѣнія, особенно крикливыя, вовсе не должны быть допускаемы при церковномъ богослуженіи безъ особаго на это, каждый разъ, разрѣшенія со стороны епархіальной власти. Хожденіе съ концертами по домамъ сельскихъ обывателей мѣстные священники могутъ дозволить своимъ пѣвчимъ тогда только, когда того будутъ желать и просить тѣ ил

другіе прихожане, приче́мъ не иначе, какъ съ строжайшимъ обязательствомъ не дозволять себѣ ни пьянства, ни нахальства по выпрашиванію денегъ за пѣніе концертовъ. Въ противномъ случаѣ, они должны безусловно воспрещать имъ это хожденіе, съ лишеніемъ права становиться на клиросъ, о чемъ каждый разъ должно быть доводимо до свѣдѣнія преосвященнаго ¹⁾).

Къ сожалѣнію, „безчинства“, пьянство и „пребезумные крики“ замѣчаются не въ однихъ сельскихъ хорахъ. Городскіе хоры, не исключая и архіерейскихъ, далеко не лучше. Непремѣнными участниками архіерейскихъ хоровъ являются воспитанники духовныхъ училищъ и семинарій. Эти даровые пѣвцы большею частію ужасно развращаются и развращаютъ товарищей. Семинарскимъ начальствомъ имъ все извиняется—и лѣнь, и малоуспѣшіе, и винопитіе, и позднее возвращеніе въ стѣны учебнаго заведенія.

Вообще огромнѣйшій вредъ причиняютъ церкви церковные пѣвцы своей распущенностью. Они не преслѣдуютъ религіозныхъ цѣлей и отъявь не содѣйствуютъ возвышенію церковности и религіозности въ душахъ вѣрующихъ.

„Обиходное пѣніе совсѣмъ заброшено въ нашихъ церквахъ“,— говорилъ недавно Казанскій архипастырь.

Совершенно вѣрно. Въмѣсто него, вездѣ царить, по выраженію одного писателя XVIII вѣка, „буйный, неистовый партесъ со скороурывистыми подхватками“. Объ уклоненіи отъ первоначальнаго вида и характера древняго, богослужебнаго пѣнія напрасно и говорить. Слозь, справедливыхъ укоровъ, сатирическихъ порицаній, въ теченіе чуть не трехъ вѣковъ было много, очень много. Говорили лица духовныя, говорили свѣтскіе, говорили ученые, говорили простецы,— все напрасно. Буйный партесъ непобѣдимъ. Онъ словъ не боится и, къ горчайшему сожалѣнію, прививается даже въ единовѣрческихъ храмахъ, которые до сихъ поръ были надежными хранительницами истоваго осьмигласія. Великое спасибо преосвященному за его близкое ознакомленіе съ болѣзнями церковнаго организма. Но, можно сказать напередъ, ни предписаніями, ни объявленіями, ни обязательствами ихъ не излѣчить. Нужна не спорадическая, заглазная строгость, а постоянное, терпѣливое, внима-

¹⁾ „Церк. Вѣд.“ № 48. 1898 г.

тельное оздоровливаніе всего организма. Нужно, въ частности, дѣятельное руководство пѣвческимъ дѣломъ со стороны лицъ, нарочито поставленныхъ для наблюденія за чиномъ церковнымъ.

* * *

Итакъ, одни циркуляры совершенно безсильны въ борьбѣ съ укоренившимися недугами недостатками. Епархіальныя управленія щедрой рукой рассылаютъ свои указы, но эта щедрость свидѣтельствуешь объ ихъ безсиліи. Постоянныя напоминанія священникамъ объ ихъ обязанности заниматься въ школахъ во многихъ случаяхъ не достигаютъ цѣли. Строжайшія требованія объ устройствѣ вибогослужебныхъ бесѣдъ повсюду кончаются малымъ чѣмъ. Тысячекратныя предписанія псаломщикамъ о заведеніи церковныхъ хоровъ кончаются ничѣмъ. Ничѣмъ кончается золотая мечта о введеніи общенароднаго пѣнія въ храмъ.

Причинъ всего этого не одна—здѣсь и безнадзорность клира, его одиночество, беспомощность, заброшенность, оторванность отъ центра общецерковной жизни, а главное—упадокъ духа, оскудѣніе идеаловъ.

Пользуясь безнадзорностью, очень многіе священники не сообщаютъ правильныхъ свѣдѣній о состояніи расколосектантства въ своихъ приходяхъ. Ни одинъ благочинный не провѣряетъ познаній псаломщиковъ ежегодно и не слѣдитъ за чиномъ богослуженія во вѣренномъ ему районѣ. До сихъ поръ при большинствѣ церквей нѣтъ не только библиотекъ для народнаго чтенія, нѣтъ даже необходимѣйшихъ руководствъ для самихъ пастырей, не вездѣ найдется даже и св. Библия. При большинствѣ церквей нѣтъ до сихъ поръ попечительствъ, а существующія влачатъ уродливое полусуществованіе.

А мы ужасаемся, сѣтуемъ, негодуемъ на индифферентизмъ интеллигенціи, ропщемъ на безправность, на недостатокъ для пастырей „свободы ѣздить, видѣть, знать!“

* * *

Самыя живыя, пылкія, добрыя мечты архипастырей, ревнующихъ о благѣ церкви, принимаютъ форму мертвыхъ указовъ и погребаются въ церковномъ архивѣ. Читалъ священникъ такой-то. И все. Въ архивѣ!

А вѣдь было блаженное время; св. апостоль писалъ: *„Пастырей вашихъ умоляю я, сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ: пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ*

и *принужденно, но охотно, не для гнусной корысти, но из усердія, и не господствуя надъ наследіемъ Божиимъ, но подавая примѣръ стаду*“ (II Петр. 5, 1—3).

Такихъ „моленій“ въ архивъ не клали. Можно ли было ихъ не слушать и имъ не подражать! Теперь иначе: „предписывается истребывать, взыскать, неукоснительно, неуклонно, подъ угрозой“...

Въ эту форму облакаются и идеальныя христіанскія поученія, и совершенная пустота, и требованія, не имѣющія никакого отношенія къ пастырству. Немедленно завести попечительство, открыть школу, немедленно взыскать 6 рублей въ пенсіонный капиталъ, немедленно повѣсить кружки, взыскать штрафъ, произвести сборъ и проч.

Строжайшія предписанія читаются безъ всякаго страха, аккуратно выполняются только тѣ, которыя касаются кружекъ, сборовъ, документовъ, остальные скоро забываются. Эта мертвящая бумажная процедура унижаетъ, убиваетъ живую личность пастыря. Онъ падаетъ въ собственныхъ глазахъ. Грозные указы постоянно внушаютъ ему, что онъ не пастырь, а лѣзвѣйшій рабъ. Мало-помалу онъ свыкается съ этимъ внушеніемъ, бросаетъ личную пастырскую инициативу и всю свою дѣятельность сводитъ къ небрежному, шаблонному выполненію формы. Требуется только выполненіе немедленное, рабское; и выполненіе проникнуто тѣмъ-же бездушнымъ формализмомъ, какимъ оно вызвано. Нехотя батюшка ходитъ въ школу, нехотя открываетъ попечительство, нехотя устраняетъ бесѣды. Но выйдеть-ли изъ этого какой толкъ, объ этомъ менѣе всего думаютъ, ибо, никакого „духа жива“ нѣтъ въ его неодоухотворенныхъ идеяхъ долга начинанійхъ. Нужна личная расположенность пастыря къ дѣлу, нужна личная инициатива, нужна ревность, а не унылый страхъ. Но указы только указываютъ, а не воспаляютъ. „Только отъ огня возжигается огонь“. Міру данъ наилучшій божественный указъ—Слово Божіе, но и онъ оказывается малодѣйствительнымъ безъ живыхъ проводниковъ. Они то въ настоящую минуту и требуются. Какимъ указомъ заставить пастыря полюбить свою паству, свое дѣло, свою церковь? Какимъ указомъ заставить его узнать своихъ овецъ? Какимъ указомъ, наконецъ, вызвать даже въ добрыхъ пастыряхъ святую скорбь о тѣхъ погибающихъ братіяхъ, которые живутъ по близости отъ него, но виѣ церковнаго прихода? Вотъ задача для современной церковной дисциплины!

* * *

3*

Кстати объ этихъ послѣднихъ—погибающихъ братьяхъ.

Есть множество деревень, хуторовъ, заводовъ, населенныхъ исключительно раскольниками или сектантами. До нихъ рѣшительно никому нѣтъ дѣла. Въ приходсахъ со смѣшаннымъ населеніемъ фанатизмъ расколовъ сектантовъ значительно ослабляется еще вліяніемъ массы православнаго населенія, а гдѣ нѣтъ православныхъ, тамъ самоувѣренность заблуждающихся безгранична. Православный, попавъ въ эту раскаленную фанатизмомъ среду, быстро растворяется въ ней. Отсюда идетъ главная пропаганда сектантства. Здѣсь начало всевозможныхъ ересей, а сюда мало кто изъ православныхъ дѣятелей заглядываетъ. Благодѣтельный проѣзжаетъ мимо, миссіонеръ заглядываетъ рѣдко, сосѣдній священникъ и вовсе не считаетъ себя обязаннымъ.

И вотъ врагъ на полной свободѣ растетъ, множится, мечтаетъ о господствѣ.

Раскольники, штундисты, протестанты, католики, магометане заботятся о распространеніи своей вѣры, тѣмъ болѣе православная Церковь должна считать своимъ безспорнымъ, священнымъ долгомъ и правомъ заботу о просвѣщеніи душъ заблудшихъ.

Но при теперешней нашей теплохладности и распатанности мы не приобретаемъ, а расточаемъ.

Причина распатанности современной церковно-приходской жизни заключается въ ослабленіи церковной дисциплины, въ отсутствіи добраго взаимодѣйствія между пастырями и пасомыми и даже между самими іерархами, живой солидарности между начальствующими и подчиненными: послѣднихъ связываетъ съ первыми болѣе рабскій страхъ, чѣмъ братская или сыновняя любовь. Въ разныхъ епархіяхъ разные порядки. Между архипастырями очевидное и перѣдкое разногласіе въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Взаимное предварительное соглашеніе происходитъ рѣдко, только по особо важнымъ дѣламъ. Между архипастырями и рядовыми пастырями взаимообщеніе исключительно формальное, бумажное, черезъ пресловутую консисторію. Между пастырями и народомъ единеніе хотя еще и крѣпко, но оно не растетъ, а ослабѣваетъ и порывается. Въ расщелины взаимоотножающихся членовъ Церкви легко проникаютъ хищные звѣри и, не встрѣчая почти никакого противодѣйствія, дѣлаютъ, что имъ угодно. Многіе изъ православныхъ перестаютъ смотрѣть на свою вѣру, какъ на единственно спасающую, не дорожатъ ею, не защищаютъ ее и не умѣютъ ее защитить. Напро-

тивъ, они съ полнымъ вниманіемъ слушаютъ льстивыя рѣчи еретиковъ противъ Церкви и пастырей. Они не сообщаютъ во-время объ опасности своему законному пастырю, потому что законный пастырь гораздо дальше отъ нихъ, чѣмъ заботливый жеучитель. Батюшка, даже въ собственномъ приходѣ, узнаетъ о развратителяхъ послѣднимъ, узнаетъ тогда, когда съя недовольства, сомнѣнія оказываются воспринятыми многими изъ ея пасты. Такъ разрастаются у насъ расколь, сектантство, вольнодумство. Ужели такъ пойдетъ и въ сіе новое лѣто и впредь на многія лѣта! Да не будетъ такъ! О, еслибы вся Церковь, начиная съ архипастырей, продолжая пастырями и кончая вѣрными пасомыми, въ сіе новое лѣто обновилась духомъ ревности, яко орля,—одушевилась, объединилась, окружилась незримой, но прочной цѣпью взаимоохраненія святыни православія. Что же нужно для сего?

Для этого необходимо прежде всего возстановленіе церковной дисциплины.

Необходимо возстановленіе въ первобытной чистотѣ и силѣ 34 апостольскаго правила, отступленіе отъ котораго сопровождается явнымъ слабленіемъ жизни церковной.

Но и теперь—ужели мы безсильны противъ современнаго противоправнаго зла! Въ единеніи—сила. Да будетъ оно съ новаго лѣта нашимъ девизомъ! Объединеніе членовъ Церкви въ настоящее время тѣмъ болѣе необходимо, что даже въ самомъ духовенствѣ нарождаются „буревѣстники“, требующіе еще большаго церковнаго разьединенія.

* * *

„Жить скверно, душно и тяжело—вотъ что можетъ отвѣтить всякій священникъ на вопросъ, отчего онъ такъ угрюмо-мраченъ, бездѣятеленъ, неавторитетенъ среди прихожанъ, и замеръ духовно“,—пишетъ одинъ изъ такихъ о.о. „буревѣстниковъ“¹⁾.

Въ этихъ словахъ много правды.

Сила внѣшнихъ вліяній велика. Трудно ожидать бодрыхъ пастырей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, подъ эгидой давящихъ обстоятельствъ жизни и службы приходскихъ пастырей, духовенство приучено къ низкопоклонству, къ животному страху, къ самоуничиженію, самооплеванію и забвенію своего пастырскаго достоинства.

1) „М. О.“ 1903 г. № 20.

Вѣшнюю картину положенія дѣлъ о. Черкасскій рисовалъ въ отмѣченной статьѣ вѣрно, но еще неполно.

Способъ же борьбы съ порядками онъ рекомендовалъ нерациональный, исключительно мірской, безусловно не-церковный, не-евангельскій. Среди духовенства, дѣйствительно, много искалѣченныхъ. Но иной калѣка и родился такимъ. Очень многіе природные калѣки принимаютъ священный санъ именно съ цѣлью безмятежнаго, блаженнаго прозябанія. Они на все смотрятъ „только такъ“, какъ о. Иванъ въ разсказѣ Успенскаго „Неизлѣчимый“. Для нихъ не существуютъ ни расколъ, ни секты; „безлюдье“ имъ не страшно, а „бездѣлье“ очень пріятно; „серебряныя пуговицы столоначальниковъ“, „консисторское судопроизводство“, недостатокъ свободы—ихъ ничуть не тяготятъ; они не мечтаютъ ни о курсахъ, ни о путешествіяхъ, ни о бібліотекахъ. Какой свободы имъ ни дайте, они предпочтутъ лежать на мертвой постелькѣ.

Такихъ калѣкъ, къ сожалѣнію, не мало, а о. Черкасскій требуетъ имъ самоуправленія. Въ высшей степени преступно допускать калѣкъ до пастырскаго служенія, едва посильнаго самымъ здоровымъ труженикамъ. Но разъ они проникли въ пастырскую среду, имъ нужны руководство, уходъ и надзоръ. Предоставить ихъ самимъ себѣ, дать имъ право выбора своего „предводителя“, значитъ, усугубить зло.

Кромѣ калѣкъ простоватыхъ, не замѣчающихъ собственной уродливости, среди пастырей существуютъ калѣки самоувѣренные, самолюбивые. Праздность для нихъ мучительна, но и пастырство кажется „скучнѣйшей барщиной“. Они скучаютъ, тоскуютъ, жалуется—то на бездѣлье, то на обремененіе „сверхдолжными дѣлами“ — ропщутъ, мечтаютъ о путешествіяхъ, о независимости. Пастыри этого типа также бесплодны, какъ и первые, но, съ самоувѣреннымъ и мрачнымъ видомъ, они оправдываютъ свою угрюмость и бездѣтельность „вѣшне-правовыми“ и „общественно-бытовыми нестроеніями“. Въ храмѣ они, быть можетъ, по традиціи и проповѣдуютъ, что *царствіе Божіе внутри* человѣка, но лично къ этому относятся безъ сочувствія и вѣры. Они смотрятъ на пастырство, какъ на своеобразный вѣшній общественный подвигъ, какъ на средство борьбы съ социальнымъ зломъ, или съ личной скукой.

„Самымъ лучшимъ средствомъ борьбы со „скукой“—пишутъ передовые духовные публицисты—служить „дѣло“, но дѣло такое, которое захватило бы тебя всего съ головой, дѣло дорогое, которое любишь, въ

которое вѣришь; но что же сказать о большинствѣ случаевъ, когда оно для насъ является скучнѣйшей, чиновнической барщиной“.

Да, для калѣкъ, лишенныхъ вѣры и любви, пастырство, дѣйствительно, является „скучнѣйшей чиновнической барщиной“. Но какая ужасная наивность ставить это невѣріе и нелюбовь въ исключительную, причинную зависимость отъ „бездѣлія“, отъ „обремененія“, отъ невозможности „свободной организаціи собраній, съѣздовъ, курсовъ, путешествій“ и проч. Мы обременены „отправленіемъ государственныхъ функций“. намъ не достааетъ „свободы ѣздить, видѣть, знать, мы находимся въ унижительной зависимости отъ благочинныхъ и отъ „опостылѣвшей“ глухой деревушки. Дайте намъ побольше денегъ, правъ, независимости, дайте намъ возможность открыто презирать опостылѣвшее, невѣжественное безлюдье—мужичье,—и вы увидите, что мы далеко не такъ ничтожны, какъ думаете.

Безспорно!

Злой духъ времени начинаетъ мутить и духовенство. Къ прежнимъ порокамъ пастырей прибавляются новые — современные. Представители духовенства открыто признаются въ своемъ невѣріи и нелюби къ пастырскому служенію въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ отъ времени апостольскихъ и, параллельно съ этимъ, стремятся къ самовластію, къ вышнему авторитету.

Что можетъ быть современнѣе?

Эта мірская, эгоистическая тенденція находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ тѣмъ жаднымъ стремленіемъ къ „свободѣ отъ узъ“, которымъ недугуетъ современное общество.

Дѣятельности администраціи, съ высокоофѣрнымъ торжествомъ, постоянно противопоставляется дѣятельность общественная. На первую смотрятъ съ презрѣніемъ, на вторую съ восторгомъ. Какъ бы ни была администрація дальновидна, предупредительна, осторожна и заботлива, въ ней ничего не желаютъ видѣть, кромѣ рутины и безжизненнаго формализма. Напротивъ, дѣятельность самоуправленій превозносится до небесъ, если только она съ грубымъ, смѣлымъ задоромъ направлена на борьбу противъ правительства, хотя бы эта дѣятельность только носила видъ общественный, хотя бы она руководилась не мнѣніемъ дѣйствительнаго, общественнаго большинства, а раздраженнымъ самолюбіемъ двоихъ-троихъ говоруновъ и ихъ скрытыми утопіями.

Нѣчто подобное замѣчается и въ церковномъ вѣдомствѣ. И здѣсь народились протестанты, мечтающіе о независимости, разъединеніи пастырей отъ архипастырей. Само собою очевидно, насколько это требованіе неумѣстно, неканонично, вредно и опасно во всѣхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, для многихъ нужны уже доказательства.

Приведемъ нѣкоторыя.

Власть Церкви принадлежитъ пастырямъ. Управленіе Церковью есть одинъ изъ видовъ *пасенія*. Управлять Церковью то же, что пасти ее. Управленіе неотдѣлимо отъ пасенія. Пастырство предоставлено *только* пастырямъ. *Только* пастырямъ принадлежитъ и право правленія. Паствѣ не предоставлено право самопасенія, не принадлежитъ и право самоуправленія (въ дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ). Равнымъ образомъ, низшіе пастыри, являющіеся ближайшей паствой своихъ архипастырей, не могутъ требовать самоуправленія, какъ не могутъ требовать права самоуположенія. Не ви́шней независимости должно желать и искать пастырю-христіанину, а „прискренняго общенія съ братіей“. Къ этому всей душой слѣдуетъ стремиться всегда, а теперь въ особенности. Посмотрите на враговъ, отъ которыхъ мы заразились жаждой плотской независимости, — посмотрите на враговъ Церкви: атеистовъ, желибераловъ, анархистовъ. Они проповѣдуютъ намъ смуту, раздоръ, разнузданную свободу, ненависть къ власти, а сами соединяются въ дружное воинство, крѣпко сплоченное идеей и фанатизмомъ. Проповѣдуютъ свободу, но для торжества своихъ принциповъ, они въ одну минуту преобразуются въ образцовыхъ насильниковъ, какихъ свѣтъ не родилъ. Въ какомъ отвратительномъ рабствѣ держитъ желиберализмъ своихъ апостоловъ и прозелитовъ. Стрѣлы убійственнаго сарказма поражаютъ смѣльчака, который рѣшился бы освободиться отъ опеки мнимыхъ свободолюбцевъ и, наоборотъ, всякій сѣятель смуты, хотя бы и не былъ ортодоксальнымъ либераломъ, встрѣчается съ распростертыми объятіями этой гадкой кликой. Намъ ли, христіанамъ, чадамъ церковнымъ, дѣлиться, пререкаться, намъ ли сторониться отъ богоучрежденной іерархіи, намъ ли удаляться отъ источниковъ небесной благодати къ мірскимъ болотамъ, зараженнымъ похотью и гордыней.

Не ослаблять, а усиливать слѣдуетъ власть церковную, — усиливать искреннимъ послушаніемъ, заботливой защитой, общимъ единеніемъ вокругъ

нея, какъ своего естественнаго и единственнаго центра. Пусть власть церковная будетъ сильна и авторитетна. Пусть она служитъ средоточіемъ и выраженіемъ силы общецерковной. Пусть, вмѣстѣ съ благодатію священства, все священное, истинное, все лучшее идетъ отъ нея же. Пусть духовное рвеніе низшихъ пастырей зарождается, питается и возвращается въ оппозиціей, не озлобленной критикой, но сознаниемъ долга и убѣжденной смиренной преданностью тѣмъ, отъ кого они получили свое „высочайшее званіе“. Дѣятельностью пастырей должны руководить не авторитетъ лжелиберальныхъ журналовъ, не раздраженное самолюбіе, не гордые мечты о личныхъ подвигахъ, но богоустановленная власть, потребность добра и жажда пастырскаго крестоношенія.

Да вси едино будутъ — вотъ цѣль христіанскаго житія. Charta Libertatum не поможетъ этой цѣли. Напротивъ, независимость отъ іерархін, свобода раздѣленія, разъединенія, широкое право протеста, право самосуда могутъ повести къ грандіозному расколу. Вносить принципиальный дуализмъ въ собраніе вѣрныхъ, дѣлить это собраніе на правительство и оппозицію, вводить легальное междоусобіе въ церковное воцѣлство—это значитъ желать тягчайшаго горя Церкви.

Да будетъ едино стадо и единъ пастырь,—все, что отвлекаетъ отъ этой цѣли—антиканонично, антицерковно и антихристово.

Чѣмъ крѣпче естественныя узы смиренія, послушанія, единенія пастыря съ представителями священноначалія, тѣмъ онъ сильнѣе; чѣмъ выше поднимается онъ надъ земными преимуществами, тѣмъ онъ духовно-свободнѣе, тѣмъ онъ неуязвимѣе и неотразимѣе.

Не въ правахъ, а въ *праведности* нуждается пастырь. Вся сила Церкви дѣлается его силой, когда онъ *пріискренивъ пріобщается плоти и крови* церковнаго организма. Наоборотъ, онъ ничтоженъ и вреденъ, когда онъ надѣется преимущественно на свои таланты и внѣшнія права. *Сила Христова въ немощи совершается*.

Въ заключеніе, именемъ св. правды, просимъ читателя не забывать, что, несмотря на личныя духовныя немощи и на многія нестроенія въ современной пастырской и церковно-приходской жизни, несмотря на внѣшнія деморализующія вліянія,—въ православномъ духовенствѣ еще много, много обрѣтается *необузывшей соли*, еще много „праведниковъ“, молитвенниковъ, труженниковъ, безсребренниковъ, ревнителей, неутѣшныхъ пещальниковъ о благѣ Церкви.

Вотъ эти то испытанные свѣтильники пусть же высоко стоятъ „на свѣщницѣ, да свѣтятъ встѣмъ, иже въ храминѣ суть“!.. „Храмина“ Русской Церкви еще далеко не освѣщена. Вѣковая тьма невѣжества усиливается со-внѣ приносимымъ мракомъ заблужденій и удушающей смертоносной тьмой богоотступничества. Въ этой тьмѣ темные люди безнаказанно обдѣлываютъ свои грѣшныя дѣлшки, а добрые люди влачатъ дни, въ тревожномъ уныніи, въ бездѣйствіи, въ полномъ разслабленіи.

Человѣка не имамы, людей нѣтъ—вотъ вопль, несущійся пунѣ всюду по родной землѣ,—и отъ ступеней трона, и отъ паперти церковной... Да, въ наше тяжелое безвременье *люди нужны и* для государства, и для церковнаго дѣла. Церквамъ Божимъ нужны такіе челвѣки-пастыри, которые ярко освѣщали бы „храмину“, мужественно изобличали беззаконія и неправду, прекращали соблазны, которые бы украсили невѣсту Христову и жилище ея; нужны свѣтильники, которые бы поддержали изнемогающихъ, укрѣпляли маломощныхъ, колеблющихся, воспламеняли тепло-хладныхъ.

Но гдѣ взять такихъ людей?

„Ищите и найдете“. А Онъ, Всеблагій Творецъ вѣковъ и времянь, да изведетъ въ наше тяжелое время достойныхъ дѣлателей вертограда Христова, какъ благодатную росу, на жаждущую святорусскую ниву! Буди, буди!

Свящ. М. Платоновъ.

Единобожіе и безсмертіе въ естественной религіи, какъ прямой отвѣтъ на запросы духа всего человѣчества.

I.

Главный нравственный смыслъ изученія исторіи религіи, какъ науки, заключается въ томъ, чтобъ помирить между собой людей разныхъ исповѣданій, показавъ имъ не рознь, существующую между ними (какъ это что дѣлается), а, напротивъ того, связь, существовавшую между ними въ далекомъ прошломъ, слѣды которой нынѣ затемнены только или забыты. Задачи этой науки заключаются именно въ стараніяхъ показать, что, несмотря на видимое разнообразіе формъ религіи, запросы человеческого духа всегда были и есть одни и тѣ же; идея Божьей благодати, данной человѣку въ видѣ способности совершенствовать свой духъ, уже приводитъ къ той мысли, что въ далекомъ прошломъ духъ былъ инымъ, чѣмъ теперь. Вотъ это-то изученіе прошлыхъ формъ религіи, формъ, которыя встрѣчаются и теперь среди дикарей, можетъ только ярче освѣтить тотъ путь, по которому велось человѣчество къ воспріятію божественнаго ученія Христа.

Нельзя безъ жалости смотрѣть на истомленнаго постомъ, недвижимо стоящаго по цѣлымъ суткамъ въ религіозномъ экстазѣ, индусскаго факира, переносящаго страданія съ поразительною твердостью духа, достойною лучшаго проявленія; но если вдуматься въ психику такого факира, въ импульсы, приведшіе его къ такой уродливой формѣ проявленія его сильнаго духа, то пытливому уму, способному обобщать, сдѣлается яснымъ, что какъ въ факирѣ, такъ и въ христіанинѣ, жертвующемъ собой ради ближняго, мы видимъ одно и то же стремленіе, одну

и ту же религіозную мысль — сдѣлать богоугодное дѣло, пожертвовать собой. Практическіе результаты этихъ двухъ формъ самопожертвованія, конечно, разнятся между собой весьма существенно, но запросы духа въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, душевные порывы сходятся въ своихъ основаніяхъ. И единственно только путемъ прикладыванія, къ изученію религіозныхъ вопросовъ, сравнительнаго метода, можно будетъ вполне понять тотъ путь, по которому развивалась душа человѣка въ своихъ стремленіяхъ къ болѣе высокимъ идеаламъ.

Въ нашемъ очеркѣ мы разберемъ развитіе въ естественной религіи идей *единобожія* и *безсмертія*, тѣсно связанныхъ между собой, и укажемъ, во-первыхъ, что нѣтъ такой религіи, въ которой, въ той или въ другой формѣ, не проявлялась бы идея единобожія, а во-вторыхъ, что параллельно съ этою идеей обязательно развивалась и идея загробной жизни. Мы не будемъ долго останавливаться на описаніяхъ формъ, въ которыхъ человѣчество рисовало себѣ божество и жизнь послѣ смерти; для психолога это не столь интересно, какъ изученіе психологическаго генезиса самыхъ вѣрованій.

Многіе даже выдающіеся путешественники (напр. Леббокъ) рассказываютъ, что имъ попадались дикія племена, *вовсе* лишеныя религіознаго чувства.

Это не совсѣмъ вѣрно; они ошибаются оттого, что не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ, какіе именно порывы души слѣдуетъ отнести къ религіозному чувству. Дѣйствительно, они не нашли у дикаря явнаго стремленія къ Высшему Существому, не нашли храмовъ, алтарей и проч.; но развѣ вѣра въ духовъ, какъ нѣчто *отличное* отъ человѣка, не есть уже зачатокъ религіознаго чувства? Развѣ ощущаемое дикаремъ, въ трудныя минуты его жизни, единеніе то съ растеніемъ, то со змѣей, то съ фетишемъ, то съ амулетомъ, какъ бы снабженными духами особенною силою, не есть уже зачатокъ молитвы? Развѣ скалы и большіе камни древнихъ семитовъ не представляли ту же идею, которую христіанинъ вкладываетъ въ храмъ, какъ въ мѣсто единенія и прославленія божества? Развѣ можно номада-кочевника, не могущаго имѣть, вслѣдствіе своего образа жизни, постоянныхъ мѣстъ для прославленія божества, назвать идолопоклонникомъ только потому, что онъ носитъ идею божества всегда съ собой, въ видѣ фетиша, амулета, образка,

или татуируетъ на своемъ тѣлѣ изображеніе кошки, ящерицы и проч., дабы идея божества, выраженная ими символически, была бы всегда при немъ, давала бы ему надежду на лучшее будущее, и тѣмъ облегчала бы его духъ? Подобные взгляды путешественниковъ грѣшатъ своею узостью; видя въ рукахъ дикаря фетишъ, вродѣ вымараннаго кровью цѣбуха, они слишкомъ поспѣшно рѣшаютъ, что идея Высшаго Существа дикарю не знакома, и упускаютъ изъ виду, что тотъ-же дикарь, когда ему приходилось подтверждать правдивость имъ сказаннаго, подымалъ руку кверху, какъ бы призывая кого-то въ свидѣтели, и тѣмъ выражалъ готовность подвергнуться, въ случаѣ лжи, его гнѣву. Данныя, добытыя путешественниками, безъ сомнѣнія, весьма цѣнны для разъясненія нашего вопроса, но освѣщать ихъ приходится ужь намъ самимъ. Вообще, надо умѣть читать описанія наблюдательныхъ путешественниковъ.

Не смотря на цѣлую іерархію боговъ, на видимый политеизмъ грековъ, египтянъ и другихъ народовъ, во всемъ этомъ должно усматривать не многобожіе, а только образныя проявленія *разныхъ качествъ* одного и того же божества; грекъ олицетворялъ въ своихъ богахъ всѣ качества Юпитера, такъ что идея единобожія проглядываетъ весьма ясно и въ греческой міеологіи. Да оно иначе и быть не могло; мы видимъ, что всякое племя дикарей обязательно выбираетъ себѣ единого властелина, ибо жизненный опытъ подсказываетъ дикарямъ, что при многихъ правителяхъ будетъ разладъ и неустройство; эта идея имъ понятна и вытекаетъ прямо изъ ихъ жизни; дикарь и перенесъ ее въ міръ невидимый, религіозный.

Современныя раскопки Вавилона, древнихъ Фивъ, Ниневіи и друг. познакомили насъ съ цѣлымъ міромъ духовно-религіозной жизни отошедшихъ въ вѣчность народовъ; надписи, цѣлыя бібліотеки, состоящія изъ списанныхъ глинянымъ рельефомъ глиняныхъ же досчечекъ, іероглифы и т. д., все это теперь разобрано и прочтено. Оказывается, что идея единобожія, выработка которой, почему то, приписывается специально еврейскому народу, была уже знакома гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ евреямъ; но она была у нихъ затемнена разными суевѣріями, Высшая Сила была у нихъ окружена цѣлымъ сонмомъ подвластныхъ ей боговъ. Роль маленькаго еврейскаго народца состояла только въ

томъ, что онъ твердымъ голосомъ провозгласилъ ее истинной, нематеріальной, а главное, единственной создательницей и руководительницей вселенной. Евреи не создали идею единобожія, а только превозгласили Ягову такимъ, какимъ онъ Самъ себя опредѣляетъ въ первой заповѣди декалога; въ этомъ и заключалась въ данномъ случаѣ ихъ миссія въ исторіи развитія религіозной идеи.

Постараемся выяснитъ въ нашемъ очеркѣ, что человѣкъ, по своей природѣ, спиритуаленъ, что нигдѣ не существуетъ абсолютнаго атеизма, и что вездѣ проглядываетъ, въ той или другой формѣ, идея Единой Силы, вытекающая изъ сердца и интеллекта народа, въ отвѣтъ на одинаковые запросы духа всего человѣчества.

Возьмемъ современныхъ африканскихъ негровъ. Не смотря на то, что они боготворятъ и сводъ небесный, и солнце, и луну, и радугу, все-таки вездѣ въ ихъ религіяхъ проглядываетъ одна общая имъ всѣмъ черта — они признаютъ Высшую Силу. Французскіе миссіонеры, первые изъ европейцевъ, посѣтившіе истоки Нила, нашли тамъ выработанную совершенно самостоятельно, безъ всякаго посторонняго вліянія, вѣру въ цѣлую іерархію духовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и ясныя указанія на вѣру въ Высшее Существо, бровь котораго они олицетворяли въ радугѣ. Дагомейцы, до сихъ поръ ошибочно считавшіеся полными атеистами, имѣютъ весьма ясное представленіе о Единомъ Высшемъ Существомъ; ихъ понятіе объ этомъ Существомъ, конечно, совсемъ иное, чѣмъ у насъ; ихъ мысль такая: во главѣ цѣлой іерархіи боговъ стоитъ только одинъ, а не много; и они ставятъ его такъ высоко, что даже не дерзаютъ сноситься съ нимъ непосредственно, а прибѣгаютъ къ помощи подвластныхъ ему боговъ. Какъ ихъ теперь считать, — политеистами или монотеистами?

Поразительна въ этомъ отношеніи психика весьма низко стоящихъ на культурной лѣстницѣ жителей Андаманскихъ острововъ (Бенгальскій заливъ); они говорятъ, что Высшее Существо похоже на огонь и въ то же время оно невидимо, оно никогда не родилось, оно бессмертно, оно создало все, за исключеніемъ зла, оно знаетъ всѣ помыслы человѣка, оно сердится, когда человѣкъ грѣшитъ, оно сурово къ несчастнымъ, оно судитъ души послѣ смерти. Нельзя не признатъ во всемъ этомъ даже весьма большую долю спиритуализма, казалось бы,

вовсе не подходящаго къ духовному развитію этихъ островитянъ. Легко возможно, что Высшая Сила можетъ принять у нихъ видъ паука или ястреба; но здѣсь дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: обращаясь къ пауку или ястребу, какъ къ своимъ защитникамъ, островитянинъ въ это время думаетъ не столько о паукѣ и о ястребѣ, сколько о той Высшей Силѣ, которой они подвластны, и которая, будучи невидимой, избираемой, выбрала для своего проявленія эти наглядныя формы.

У краснокожихъ Сѣверной Америки Создатель вселенной называется великимъ Маниту, а его подчиненные божки просто Маниту; его мѣсто-пробываніемъ они считаютъ небо, а потому всякій индѣецъ, закуривая трубку, обязательно направитъ первую затяжку дыма къ небу, думая тѣмъ задобрить божество. Подобный же примитивный видъ единенія съ божествомъ (молитва) встрѣчается и среди жителей Гудзонова залива. На Гебридахъ вѣрятъ въ существованіе добраго и злаго духа, и въ то же время, они оба подчинены Высшему Существо, приказывающему имъ миловать и казнить. Однимъ словомъ, во всѣхъ религіяхъ, даже самыхъ отсталыхъ, можно найти идею единобожія, которую путешественники, пораженные пестротой обрядности, вытекшей, какъ будто, изъ политеизма, часто не умѣли подмѣтить.

Что можно сказать о религіяхъ народовъ, жившихъ въ эпоху, предшествующую историческому періоду, въ эпоху, которая, благодаря раскопкамъ, дѣлается намъ съ каждымъ днемъ яснѣе? Можно ли эти народы считать атеистами только оттого, что они не оставили намъ ни фетишей, ни идоловъ? Не будетъ ли вѣрнѣе сдѣлать совсѣмъ обратное предположеніе, а именно, что ихъ религій имѣли чисто спиритуалистическій характеръ и вовсе не нужались въ идолахъ? Вѣдь евреи не оставили ни одной статуи, которая изображала бы Іегову; а развѣ они были атеисты? Здѣсь припоминаются слова, высказанныя Теофрастомъ (3 в. д. Р. X.) и Порфиріемъ (3 в. п. Р. X.), что первобытный человекъ не имѣлъ ни храмовъ, ни алтарей, ни жрецовъ; подымая къ небу свои чистыя, незапятнанныя кровью руки, онъ и безъ этого умѣлъ воздавать уваженіе Высшему Принципу.

Начнемъ съ наидревнѣйшей изъ всѣхъ доисторическихъ цивилизацій—египетской, изученіе которой, благодаря раскопкамъ, переходитъ нынѣ уже въ область исторіи. По обычаямъ египтянъ вмѣстѣ съ покойникомъ

клали въ гробъ списокъ 112-ти боговъ, подъ видомъ которыхъ изображался одинъ и тотъ же Озирисъ, но только въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Въ древнихъ Өивахъ найдена надпись—гимнъ, посвященный богу Аммону такого содержанія:

Привѣтъ тебѣ, создатель всего!

Единственному, но прозвищъ у котораго много,

Создавшему звѣрей, птицъ, растенія,

Кормящему все тобой созданное,

Желающему всѣмъ добра и т. д.

Этотъ текстъ поразителенъ по содержанію и рисуетъ намъ Аммона не только какъ бога сильнаго, всемогущаго, но и какъ бога добраго неосязаемаго, безконечнаго. А давно ли говорилось, что въ древнемъ Египтѣ существовалъ только культъ животныхъ, только культъ звѣзды!

Дѣйствительно тамъ поклонялись солнцу, писались въ честь его гимны, но поклоненіе относилось не столько къ солнцу, сколько къ той идеѣ божества, которая была въ немъ символизирована. Этотъ символъ былъ для народа живымъ, а его тепло было символическимъ проявленіемъ любви бога къ людямъ, или, говоря иначе, однимъ изъ живыхъ проявленій самаго божества. Эти гимны весьма поэтичны и вполне выясняютъ намъ широкой спиритуалистической взглядъ того далекаго прошлаго на Высшую Всемогущую Силу. Александрійскій философъ Ямвлихъ (4 в. п. Р. X.) выразился въ томъ смыслѣ, что подъ видомъ Аммона, Пта и Озириса египтяне изображали одно и то-же божество, но только въ разныхъ его проявленіяхъ—какъ создатель, какъ руководитель и какъ сѣятель добра. Въ то время одному и тому же божеству давали въ разныхъ мѣстностяхъ разныя имена (какъ это мы видимъ и въ настоящее время въ католическомъ мірѣ, гдѣ святому даютъ тоже разныя имена въ зависимости отъ мѣстности); такъ что составила какъ будто цѣлая іерархія боговъ, которые, въ сущности, изображали одно и то же божество. Надписи, найденныя въ современныхъ раскопкахъ, подтверждаютъ мысль Ямвлиха.

То же самое можно сказать и о культѣ древнихъ семитовъ, поклонявшихся, собственно говоря, не животному, а идеѣ, вложенной въ него; желая выразить какое-нибудь качество ихъ бога (силу, доброту и проч.), они подбирали такое животное, характеръ котораго со-

отвѣтствовалъ бы этому качеству; такимъ образомъ животныя попали въ іероглифическія надписи, такимъ образомъ они попали и въ религіозный культъ. Эта мысль была высказана Александрійскимъ философомъ Порфиріемъ (3 в. п. Р. Х.), онъ пишетъ: „Подъ видомъ животныхъ египтяне обожали всеобъемлющую Силу въ различныхъ ея проявленіяхъ“. Нельзя не поражаться вѣрностью взгляда, высказаннаго 17 вѣковъ тому назадъ философомъ, понявшимъ, что народная фантазія только символизировала въ разныхъ образахъ качества Высшей Силы. Мысль философа находить себѣ подтвержденіе и въ томъ, что въ египетскихъ раскопкахъ найдено не мало рисунковъ и статуй, изображающихъ боговъ наполовину человѣкомъ, а наполовину животнымъ. Не смотря на этотъ грубый способъ изображать божество, нельзя отнять у религіи египтянъ ея спиритуалистическій характеръ. Вѣдь и въ христіанской религіи мы находимъ не мало обязательныхъ предметовъ для напоминаній о Богѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, что христіанинъ, пользующійся ими, идоло-клонникъ, онъ остается все тѣмъ же вѣрующимъ спиритуалистомъ, и, въ то же время, ни на что не промѣняетъ этотъ символическій предметъ, который такъ тѣсно связанъ и съ его жизнью, и съ жизнью его предковъ, и который такъ часто, въ тяжелыя минуты, облегчалъ имъ вѣтъ духъ. А развѣ жизнь человѣка даже высоко цивилизованнаго не полна символизма? Тѣмъ паче хватается за него человѣкъ простой съ слабо-дисциплинированной волей. Если бы восточно-римскій императоръ Левъ III (8 вѣкъ) былъ тонкимъ психологомъ и понималъ бы отношеніе людей къ иконамъ, то никогда бы не провозгласилъ иконоборства, а, напротивъ того, поддержалъ бы идею, высказанную на второмъ Никейскомъ соборѣ въ словахъ: Чѣмъ чаще видишь изображеніе Спасителя и Богоматери, тѣмъ болѣе пропитываешься любовью къ нимъ. Въ томъ же духѣ боготворили египтяне и Ниль, ассоціруя съ идеей любви, изливаемой на человѣка Высшей Силою плодородное воздѣйствіе Нила на сторону.

Въ погребальныхъ обычаяхъ и молитвахъ древнихъ египтянъ особенно ясно высказывается ихъ вѣра въ Высшую Единую Силу, въ загробную жизнь и въ отвѣтъ, который придется держать передъ Судьей выдающимъ и карающимъ. Вотъ текстъ одной изъ молитвъ того времени:

Честъ тебѣ, блюститель правды!

Я являюсь передъ тобой,
 Чтобъ увидѣть твою доброту:
 Я увижу тѣхъ 42 бога,
 Которые возсѣдаютъ вмѣстѣ съ тобой.
 Я буду давать тебѣ отчетъ,
 О Озирись! Какъ совершенному богу и т. д.

По понятіямъ египтянъ, жилище божества охранялось гиппопотамомъ, души переселялись въ животныхъ и проч.; но все это не важно для того, кто желаетъ прослѣдить и вѣрно освѣтить общій религіозный характеръ, религіозную идею извѣстнаго народа; да и самъ гиппопотамъ не мѣшалъ египтянамъ сочинить такую чудную молитву, служившую этико-религіознымъ образцомъ для ихъ жизни.

Изъ раскопокъ, производимыхъ въ мѣстахъ, гдѣ процвѣтали уже болѣе позднія цивилизаціи, гдѣ жили Халден, Вавилоняне, Ассиріане, Финикіяне, мы почерпаемъ свѣдѣнія относительно интересующаго насъ вопроса менѣе точныя, чѣмъ дали намъ египетскія раскопки. Но все-таки и здѣсь находимъ указанія на то, что и эти народы вѣрили въ Единое Высшее Существо, въ его имматеріальное начало и придавали ему тоже спиритуалистическій характеръ. У халдеевъ было три главныхъ божества, они завѣдывали небомъ, адомъ и землею; но надъ ними властвовало Высшее Божество, которое въ Ниневинъ называлось Ассуръ и часто изображалось въ видѣ восьмиконечной звѣзды. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что кажущійся политеизмъ Вавилонянъ и Ассиріанъ мирился съ идеей Вышшаго Единаго Существа, послѣднее поручало своимъ подвластнымъ богамъ (какъ бы своимъ министрамъ) завѣдываніе одному—войной, другому—наукамъ, и т. д.

Въ религіи Зороастра добро и зло исходятъ изъ двухъ, совсѣмъ противоположныхъ, божественныхъ началъ. Если въ Персіи и поклонялись огню, то персы поклонялись ему не какъ божеству, а какъ тоже эмблемѣ распространяемаго въ жизни Ормуздомъ (творецъ добра) тепла и свѣта. Видя въ христіанствѣ ту-же идею борьбы добра со зломъ, хотя и не совсѣмъ того же оттѣнка, невольно задаешь себѣ вопросъ—можно-ли у религіи Зороастра отнять характеръ тоже единобожескій?

Вышкая въ религію другого аравійскаго народа, имѣвшаго наибольш-

шее цивилизаторское значеніе, а именно, въ религію древнихъ грековъ, мы находимъ въ ней ту-же идею единобожія, несмотря на воспѣваемую ими многочисленную Олимпиаду. Ихъ главный богъ былъ Зевсъ, онъ возсѣдалъ на Олимпѣ и держалъ въ струнѣ всѣхъ подвластныхъ ему боговъ: онъ самъ говоритъ о себѣ: „Я богъ боговъ и богъ людей, я ихъ вождь, я лучшій изъ всѣхъ, я всемогущъ, и все зависитъ отъ меня—и добро и зло“ (Гомеръ). Пиндаръ (4 в. д. Р. X.) упоминаетъ о Зевсѣ, какъ о создателѣ неба и земли. Сократъ (4 в. д. Р. X.) говоритъ о немъ, какъ о божествѣ всевидящемъ и вездѣсущемъ. Фантазія грековъ дѣйствительно разыгралась весьма живо и создала цѣлый міръ добродѣтельной и порочной жизни на Олимпѣ, но, несмотря на то, идея единобожія всетаки проглядывала изъ всего этого мнѳологическаго міра весьма замѣтно. Эта идея была, конечно, не очень высокаго достоинства и очень далека отъ таковой же въ христіанствѣ; но мы не сравниваемъ достоинства соответствующихъ идей, а имѣемъ въ виду только прослѣдить разные фазисы развитія одной и той же идеи. Молитва грека всегда начиналась такъ: „Послушай, Зевсъ!“ За тѣмъ всегда слѣдовала просьба о дарованіи земныхъ благъ. Для грека Зевсъ былъ единственнымъ, всеильнымъ богомъ, ему повиновался весь Олимпъ.

У древнихъ римлянъ, во всемъ подражавшихъ грекамъ, былъ свой Зевсъ, они его называли: Jupiter—Maximus—Optimus; у нихъ былъ такой же антропоморфизмъ въ религіи, приведшій, въ дальнѣйшемъ, къ обожествленію даже людей, къ обожествленію цезарей, видѣвшихъ въ этомъ приѣмѣ способъ поднятія своей власти и уваженія къ себѣ; у нихъ тотъ-же просительскій характеръ молитвы, та же пестрая команда боговъ, которые изображали изъ себя не что иное, какъ тоже только цѣлый рядъ эмблемъ проявленія въ жизни все того же Юпитера. Богиня Potina научала ребенка брать грудь, Educa слѣдила за его ѣдой, Statanus научала его ходить и т. д. Развѣ можно все это назвать многобожіемъ? Развѣ все это не картинныя изображенія моментовъ развитія жизни, вродѣ того, какъ мы вкладываемъ въ поэтическія формы идеи рока, счастья, духа злобы, стыда, угрызения совѣсти и проч.? Все это были у римлянъ не боги, а только атрибуты Единой Высшей Силы. Точно также надо относиться и къ религіямъ совр-

менныхъ нецивилизованныхъ народовъ. Этотъ взглядъ будетъ психологически вѣрнымъ.

Перейдемъ теперь къ религіямъ современныхъ народовъ, именующихъ себя цивилизованными, какъ-то: индусовъ, китайцевъ, магометанъ, евреевъ и, наконецъ, христіанъ.

Въ древнихъ санскритскихъ книгахъ—Веддахъ ¹⁾, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ 1000 гимновъ, на первый взглядъ мы находимъ, какъ будто, только боготвореніе естественныхъ силъ природы—вѣтра, свѣта, атмосферы (богъ Индра) и проч. Но все это опять таки лишь разныя проявленія Единого Бога Варуны—бога неба, пекущагося не только о матеріальныхъ интересахъ людей, но и внушающаго имъ благородныя стремленія. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, если только вникнуть въ смыслъ нѣкоторыхъ гимновъ, какъ папр. „О, Варуна! Богъ надъ всѣми богами! Освободи меня отъ моихъ грѣховъ, которыя меня тяготятъ, какъ тяготитъ теленка надѣтая на его шею веревка; моя душа стремится къ тебѣ, какъ корова къ своему стойлу“ ²⁾. Въ этомъ гимнѣ воспѣвается, видимо, не грубая сила, а богъ разумный, справедливый, добрый. Въ одномъ гимнѣ онъ самъ говоритъ про себя: „Я, Варуна, выше всѣхъ боговъ, и боги знаютъ мои желанія“.

Нигдѣ, какъ въ Веддахъ, не сохранилась такъ ясно первобытная форма вѣры въ Бога, въ Всемогущаго Создателя и Распорядителя вселенной; пѣснопѣвцы воспѣваютъ въ весьма знакомыхъ христіанству выраженіяхъ то, что онъ создалъ и какъ онъ это создалъ; они видятъ во всемъ въ природѣ его силу и разумъ; а въ одномъ гимнѣ встрѣчается даже такая фраза: „человѣкъ такъ слабъ, что безъ Варуны онъ не можетъ даже мигнуть глазомъ“.

Идея единобожія индусовъ, въ дальнѣйшей своей метаморфозѣ, видимо, приняла не лучшую, а скорѣй худшую форму; кто только не перебивалъ въ Индіи! тамъ былъ и Александръ Македонскій (4 в. д. Р. Х.), и Скифы (1 в. д. Р. Х.), и Арабы (7 в. п. Р. Х.), и Тамерланъ (14 в. п. Р. Х.) и друг. дикія орды кочевниковъ. Все это не могло не оставить замѣтныхъ вредныхъ слѣдовъ на религіи

¹⁾ Время появленія Веддъ объясняется разнo, указываютъ и на 20 вѣкъ, и на 8 вѣкъ д. Р. Х.

²⁾ Корова самое уважаемое въ Индіи животное.

индусовъ; идея чистаго единобожія мало-по-малу пропадаетъ и устанавливается культъ уже трехъ боговъ, другъ съ другомъ враждующихъ; это не Троица, при Единствѣ Божества, а троебожіе, т. е. три совсѣмъ разныхъ начала: Брама—Создатель жизни, Сива—разрушитель, Вишну—охранитель. Къ тому же въ Индіи появилась пріобрѣтенная извнѣ вѣра въ перевоплощеніе душъ въ животныхъ, такъ что, въ общемъ, религіозная идея понизилась. А въ буддизмѣ идея единобожія, какъ будто, вовсе пропадаетъ и замѣняется боготвореніемъ философскаго идеала (Будда), къ которому долженъ стремиться всякій индусъ. Хотя, если построже вникнуть въ духъ буддизма, то мы найдемъ и въ немъ тотъ же порывъ духа къ чему-то Единому, найдемъ и въ немъ молитву къ нему (чувство единенія съ Буддой). Формы молитвы современнаго буддиста поразительно разнятся отъ молитвенныхъ, полныхъ поэзій и высокихъ чувствъ, формъ веддійской эпохи; теперь буддизмъ придумалъ вертящіяся волчки, съ молитвенными на нихъ надписями, волчки молятся за буддиста, а онъ самъ въ это время отдыхаетъ.

Въ Китаѣ, кромѣ буддизма и конфуціанства, есть религія спиритуалистическаго характера, которую основалъ философъ Лао-Тзе (6 в. д. Р. Х.), допускавшій существованіе Единой Высшей Силы; Лао-Тзе называлъ ее великой, недосягаемой, всезнающей и наказующей за проступки, „не щадя даже царей“. Бѣдствія же посылаетъ эта Сила, какъ напоминовеніе выйти на лучшій путь. Дать ей имя Лао-Тзе отказался, она есть сама истина, сама жизнь.

До Магомета (6 в. п. Р. Х.) Мекка была центромъ политеизма пречисламитовъ; Магометъ же, довольно близко придерживаясь высказанныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ преданій (Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и проч.), выработалъ идею единобожія въ такой формѣ: „Я богъ (Аллахъ) и нѣтъ другого, а Магометъ его пророкъ“. Спиритуализма высшей пробы въ этой религіи мы не найдемъ; затѣмъ всякое единеніе мусульманина съ Богомъ (молитвы, верченіе дервишей, хожденіе въ Мекку и проч.), все это обставлено мелочною обрядностью ¹⁾, а его молитва къ Единому Богу бываетъ подчасъ даже преступной—онъ молится не

¹⁾ Передъ молитвой набожный мусульманинъ опредѣляетъ карманной буселью направленіе, по которому лежитъ Мекка.

за людей, а противъ нихъ, напр., въ случаяхъ, когда исламъ имѣеть дѣло съ гяурами.

О миссиіи іудаизма въ исторіи развитія идеи единобожія было уже говорено выше.

Дальнѣйшій фазисъ развитія и совершеннаго выраженія этой идеи принадлежитъ уже христіанству.

Въ своихъ отношеніяхъ къ божеству оно вовсе не нуждается въ мелочномъ ритуализмѣ ислама и іудаизма, а въ своихъ молитвахъ истый христіанинъ всегда благодаритъ Бога одинаково какъ за благодать, такъ и за испытанія, родительски испосланныя на него ради образумленія ¹⁾.

И такъ, идея единобожія есть *сгедо*, присущее всему человѣчеству, вытекающее вполнѣ послѣдовательно и логично изъ его сердца и интеллекта.

А. А. Берсъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Характеръ истинной христіанской вѣры въ Бога, посылающаго иногда трудныя испытанія, виденъ изъ слѣдующаго разказа: На вопросъ—что побудило одного крестьянина идти на богомолье, онъ отвѣтилъ такъ: „видю Богъ меня, окаяннаго, забыль, ибо, вотъ уже лѣтъ десять, какъ не подошло у меня ни одного куренка“.

Въ какомъ отношеніи ученіе русскаго штундизма находится къ нѣмецкому протестантизму.

Уже многіе годы обращаетъ на себя вниманіе секта штундистовъ. Появившись лѣтъ 40 назадъ, она продолжала и продолжаетъ распространяться относительно быстро по нашимъ южнымъ губерніямъ, протекла уже и въ центральную полосу Россіи ¹⁾. Что болѣе всего замѣчательно въ этой сектѣ, такъ это ея общій духъ и направленіе. Штундизмъ совершенно противоположенъ русской православной Церкви: онъ враждебно относится ко всѣмъ православнымъ, въ особенности— къ православной іерархіи, отвергаетъ всѣ таинства Церкви, допускаетъ кощунственныя рѣчи и выходки по отношенію къ тому, что въ Церкви считается святымъ и высоко чтится. Такой, до враждебности противоположный православной Церкви, духъ и направленіе штундизма невольно наводятъ на мысль объ его иностранномъ источникѣ и именно о нѣмецкомъ протестантизмѣ, къ которому, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, онъ подходитъ всего ближе. Такъ, дѣйствительно, почти всѣ изслѣдователи смотрятъ на штундизмъ, относя его появленіе прямо и вѣщью къ пропагандѣ нѣмецкихъ религіозныхъ ученій на русской почвѣ. Но при такомъ взглядѣ на штундизмъ становится совершенно непонятнымъ его быстрое распространеніе среди русскихъ. Если штундизмъ есть вѣщью явленіе иностранное, то онъ, какъ чужеземное растение, пересаженное на несродную ему почву, долженъ былъ заглухнуть. Слѣдовательно, въ немъ необходимо должны быть предполагаемы элементы, сродные русской почвѣ, на которой онъ выросъ. А въ такомъ случаѣ штундизмъ уже не можетъ быть совершенно похожимъ на тѣ протестант-

¹⁾ Существуетъ, напр., въ губерніяхъ Владимірской, Калужской, Рязанской, въ Москвѣ.

скія ученія, подъ вліяніємъ которыхъ онъ появился, и которыя послужили для него источникомъ. Такимъ образомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи къ нѣмецкому протестантизму стоитъ южнорусскій штундизмъ? есть ли между ними какая-либо связь и, если есть, то какая именно?

Ближайшимъ путемъ къ разрѣшенію поставленныхъ вопросовъ служить сравненіе ученія штундизма съ ученіемъ протестантизма: оно покажетъ сходство и различіе между тѣмъ и другимъ ученіемъ и чрезъ это опредѣлитъ ихъ внутреннюю связь. Но чтобы имѣть право на основаніи аналогіи между ученіемъ штундизма и ученіемъ протестантизма заключать объ ихъ внутренней связи, необходимо доказать фактами несомнѣнность вліянія протестантизма. Для этого нужно прежде всего имѣть въ виду внѣшнюю исторію штундизма. Она должна доказать намъ дѣйствительность вліянія протестантизма на появленіе штундизма, равно какъ и тѣ протестантскія ученія, которыя послужили первоначальнымъ источникомъ для штундизма.

Мы не будемъ останавливаться на внѣшней исторіи штундизма: она обстоятельно изслѣдована и изложена во многихъ монографіяхъ, и всеѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ должна быть извѣстна; вліяніе протестантскихъ ученій на появленіе штундизма здѣсь устанавливается фактически, шагъ за шагомъ, на пространствѣ всей южной Россіи.

Устанавливаемые исторіей факты доказываютъ несомнѣнность вліянія нѣмецкой пропаганды на появленіе южнорусскаго штундизма, равно указываютъ и тѣ протестантскія ученія, которыя могли вліять на ученіе штундизма. Таковы: ученія главныхъ протестантскихъ исповѣданій — лютеранства и реформатства и протестантскихъ сектъ — назарянъ, скакуновъ, іерусалимскихъ друзей, гуттеровъ и баптистовъ. О вліяніи означенныхъ протестантскихъ исповѣданій и сектъ на ученіе штундизма нельзя говорить съ одинаковою степенью достовѣрности. Несомнѣнность вліянія на ученіе штундизма можно признать за ученіями штундистовъ — евангеликовъ и штундистовъ реформатовъ, назарянъ или бессарабскихъ сектантовъ и, наконецъ, баптистовъ. Что касается вліянія на ученіе штундизма главныхъ протестантскихъ исповѣданій лютеранства и реформатства въ ихъ чистомъ видѣ, то едва-ли можно предполагать, чтобы эти исповѣданія непосредственно сообщили что-либо ученію штундизма; послѣдователями чистаго лютеранства и реформатства дѣлаются весьма немногія лица изъ

южноруссовъ, да и то на недолгое время, изъ чего можно заключить, что все вліяніе чистаго лютеранства и реформатства на штундизмъ ограничилось лишь тѣмъ, что означенныя исповѣданія произвели въ южноруссахъ охлажденіе къ родной православной вѣрѣ и возбудили въ нихъ духъ критическаго отношенія къ православной Церкви. Но за то тѣ же лютеранскія и реформатскія воззрѣнія перешли къ южноруссамъ въ своеобразной окраскѣ отъ штундистовъ лютеранъ и штундистовъ реформатовъ. Вліяніе секты іерусалимскихъ друзей и гуттеровъ не подтверждается фактическими данными. Относительно вліянія секты скакуновъ нужно замѣтить, что если оно и было, то незначительно, потому что и среди нѣмецкихъ колонистовъ вліяніе скакуновъ было не обширно, съ одной стороны, вслѣдствіе того, что это вліяніе было ослаблено выселеніемъ вѣжиковъ секты за границу, а большей части совращенныхъ ими на Кавказъ, съ другой стороны,—оставшіеся скакуны, при сходствѣ ихъ ученія съ ученіемъ баптизма, подверглись воздѣйствію послѣдняго ¹⁾. Сказаннымъ опредѣляется, съ какими протестантскими ученіями нужно сравнивать ученіе штундизма, чтобы открыть внутреннюю связь его съ нѣмецкимъ протестантизмомъ. Такими ученіями должны служить ученіе лютеранъ и реформатовъ, ученіе назарянъ и ученіе баптистовъ. Съ этими ученіями прежде всего и сравнимъ ученіе штундизма. Сравненіе будемъ дѣлать въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ замѣчаются между обоими ученіями сходныя черты: выводы, дѣлаемые на основаніи сравненія ученій, будемъ подтверждать, гдѣ это будетъ возможно, фактами изъ внѣшней исторіи штундизма.

Итакъ, сравнимъ сначала ученіе штундизма съ ученіемъ главныхъ протестантскихъ исповѣданій — лютеранства и реформатства — въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ замѣчаются у нихъ сходныя черты. Такими пунктами, на основаніи сравненія, представляются: 1) ученіе объ источникахъ вѣроученія и отношеніи къ нимъ; 2) о почитаніи святыхъ, ихъ ходатайствѣ и о молитвѣ за умершихъ; 3) о почитаніи мощей и иконъ. Скажемъ прежде объ источникахъ вѣроученія и отношеніи къ нимъ.

Штундисты отвергаютъ Священное Преданіе и источникомъ вѣроученія признаютъ Свящ. Писаніе и внушеніе Духа Божія. „Въ словѣ Божіемъ, говорилъ одинъ изъ сектантовъ, я нахожу все, нужное для

¹⁾ Рожд. стр. 46.

спасенія... Духъ Святой насъ наставляеть“¹⁾. Коваль, составитель чаплинскаго вѣроисповѣданія, дѣлаеть такое опредѣленіе послѣдняго: „это вѣроисповѣданіе взято изъ Священнаго Писанія, отъ духовнаго озаренія, изъ свидѣтельства Іисуса Христа, отъ духа пророчества“.²⁾ Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ самихъ сектантовъ видно, что они совсѣмъ не признають Свящ. Преданія. Отричаніе Свящ. Преданія составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ главныхъ заблужденій и протестантскихъ вѣроисповѣданій. Самыя основанія изъ соображеній разума, на которыхъ протестанты утверждаютъ свое ученіе о Св. Писаніи, какъ объ единственномъ источникѣ христіанскаго вѣроученія, весьма близко подходятъ къ приведеннымъ мнѣніямъ сектантовъ - штундистовъ, - протестанты точно также учать, что Свящ. Писанію содержитъ въ себѣ всѣ догматы, необходимые для нашего спасенія, и признають озареніе или внушеніе Духа Святаго при толкованіи³⁾. На основаніи этого можно предполагать, что ученіе штундистовъ объ источникахъ вѣроученія взято ими у протестантовъ. Факты изъ внѣшней исторіи штундизма подтверждаютъ гдѣланное предположеніе. Обратимъ вниманіе на способъ, какимъ вели пропаганду своихъ протестантскихъ воззрѣній нѣмецкіе колонисты и ихъ пособники изъ южноруссовъ. Пасторъ Карль Бликемперъ, къ которому многіе изъ южноруссовъ обращались за наставленіемъ въ словѣ Божіемъ, раздавалъ имъ Новый Заветъ и Псалтирь на русскомъ языкѣ и убѣждалъ ихъ учиться грамотѣ для того, чтобы читать Св. Писаніе⁴⁾. По донесенію священника м. Раснополя, „нѣмцы чтеніемъ и толкованіемъ Св. Писанія хотять помочь горю простанородья, которое въ умственномъ отношеніи, по ихъ словамъ, представляетъ изъ себя чисто рабочей скотъ“⁵⁾. По примѣру нѣмцевъ вели дѣло пропаганды штундизма и первые послѣдователи его изъ южноруссовъ. По официальному донесенію, Рябошапка „съ бібліею въ рукахъ, переходя изъ дома въ домъ, въ короткое время успѣлъ привлечь на свою сторону до 20-ти человекъ обоаго пола“²⁾. Такой способъ пропаганды протестантскихъ воззрѣній пока-

¹⁾ Рожд. стр. 179.

²⁾ Рожд. стр. 193. Прим. Подъ духовнымъ озареніемъ составитель вѣроисповѣданія разумѣеть вліяніе Духа Святаго. На той-же страницѣ, прим. 5-е.

³⁾ Инок. обличит. Богосл. т. 3, стр. 105.

⁴⁾ Рожд. стр. 60.

⁵⁾ Рожд. стр. 65.

зываетъ, что въ своей проповѣди пропагандисты опирались исключительно на Священное Писаніе, — тѣмъ болѣе, что авторитетъ его всегда стоялъ въ русскомъ народѣ очень высоко, — и чрезъ это приучали его (народъ) смотрѣть на Св. Писаніе, какъ на единственный источникъ христіанскаго вѣроученія. — Усвоивъ протестантскій взглядъ на Св. Писаніе, штундисты отвергають при этомъ всякій авторитетъ въ его толкованіи и, вѣруя, что внушеніе или озареніе отъ Св. Духа подается всемъ, предоставляютъ всякому вѣрующему толковать его по личному усмотрѣнію. „Мы вѣруемъ говорится въ Чаплинскомъ вѣроисповѣданіи, не по словамъ и стихамъ, а укрѣпляемся благодатію, которая обѣщана чрезъ святыхъ пророковъ и апостоловъ. Мы вѣруемъ, что непостижимая благодать дарована всякому вѣрующему“. ¹⁾ На озареніе отъ Св. Духа или на непостижимую благодать, которая даетъ возможность всякому вѣрующему правильно понимать и извѣснять Св. Писаніе, ссылаются и протестанты, какъ мы замѣтили выше. Правда, они указываютъ для правильнаго толкованія Св. Писанія еще одно условіе, котораго нѣтъ у штундистовъ, именно библейскую герменевтику или контекстъ Св. Пис., но если мы примемъ во вниманіе, что южнорусскіе штундисты принадлежать къ простому народу, лишенному научнаго образованія, то поймемъ, что такого условія для правильнаго толкованія Писанія у нихъ и быть не можетъ; да при томъ же, конечно по примѣру всеѣхъ учителей нѣмцевъ, они примѣняютъ къ всемъ толкованіямъ и правила герменевтики, хотя бы въ очень незначительной мѣрѣ и безъ яснаго сознанія ихъ. Потому мы будемъ правы, если, на основаніи указаннаго сходства между штундистами и протестантами въ отношеніи ихъ къ Св. Писанію, заключимъ, что и это отношеніе такъ же, какъ и признаніе Св. Писанія за единственный источникъ вѣроученія, есть результатъ вліянія на штундизмъ нѣмецкаго протестантизма.

Вторымъ пунктомъ сходства въ ученіи штундизма и протестантизма является ученіе объ отношеніи Церкви земной къ Церкви небесной или о почитаніи святыхъ, ихъ ходатайствѣ и о молитвѣ за умершихъ. Изъ представителей Церкви небесной штундисты только ангеловъ считаютъ святыми; впрочемъ, въ молитвахъ ихъ не призываютъ, потому что ангелы, по ихъ мнѣнію, какъ и душа земнаго человѣка, не могутъ

¹⁾ Рожд. стр. 194.

ничего услышать, находясь на далекомъ разстояніи отъ призывающихъ ихъ, какъ не можетъ слышать человѣкъ, когда его зовутъ на разстояніи семи и болѣе верстъ. Къ достоинствамъ прочихъ представителей небесной Церкви штундисты относятся вполнѣ отрицательно: святые, по ихъ мнѣнію, обыкновенные люди, ничѣмъ не отличающіеся отъ простыхъ смертныхъ. Не довольствуясь простымъ отрицаніемъ почитанія представителей Церкви небесной, сектанты допускаютъ по отношенію къ нимъ дерзкія, кощунственные слова. По донесенію бывшаго миссіонера О. Терлецкаго, штундисты „Матерь Божию хулятъ самыми скверными названіями“. О. миссіонеръ Зубовъ сообщаетъ, что „Ташлыкѣвскіе штундисты называютъ Пречистую Матерь Божию именами, возмущающими душу вѣрующаго до самаго основанія“. На святыхъ штундисты злобно нападаютъ: „святые, по ихъ мнѣнію, выдумали вѣру, а попы ее поддерживаютъ“; изъ святыхъ угодниковъ Божіихъ злоба и ненависть сектантовъ всего болѣе изливается на святителя и чудотворца Николая: этому святому штундисты придаютъ такое значеніе, какъ будто отъ него все въ Церкви Божіей пошло не по закону; можно сказать, что имя его такъ-же ненавистно для штундистовъ, какъ для раскольниковъ имя патріарха Никона.—Такъ относясь къ святымъ, штундисты, естественно, не признаютъ и ихъ ходатайства. По поводу ученія православной Церкви о ходатайствѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ штундисты говорятъ: „Богъ есть духъ вседѣущій и на этомъ основаніи не нуждается, чтобы святые докладывали Ему о грѣхахъ міра“. Наконецъ, о молитвѣ за умершихъ штундисты говорятъ: „молитесь за умершихъ совершенно напрасно, потому что со смертію прекращается милосердіе Божіе“. Таково ученіе штундистовъ объ отношеніи Церкви земной къ Церкви небесной ¹⁾. Сопоставимъ это ученіе съ ученіемъ о тѣхъ же предметахъ въ протестантствѣ. Протестанты точно также отвергаютъ религіозное почитаніе ангеловъ и святыхъ, но они не отвергаютъ, какъ штундисты, всякое почитаніе святыхъ: они признаютъ гражданское ихъ почитаніе, „какъ блаженнѣйшихъ рабовъ Господа, сподобившихся общенія съ Нимъ. и состоящее въ благодарномъ и пріятномъ памятованіи о нихъ, въ прославленіи ихъ торжествъ и побѣдъ, въ сохраненіи ихъ ученія, въ под-

¹⁾ Рождест. стр. 181—2.

ражаніи имъ, въ хваленіи ихъ для блага Церкви“¹⁾). Слѣд., у протестантовъ нѣтъ той крайности въ отношеніи къ святымъ, какая замѣчается у штундистовъ и выражается въ ихъ кощунственныхъ и дерзкихъ рѣчахъ о святыхъ. Затѣмъ, протестанты точно также отвергаютъ призваніе святыхъ, и приводимыя ими основанія изъ соображеній разума въ пользу этого отрицанія близко напоминаютъ основанія сектантовъ въ отрицанія ходатайства угодниковъ Божіихъ и молитвы къ ангеламъ. Имено: штундисты говорятъ, что Богъ, какъ духъ вездѣсущій, не нуждается, чтобы святые докладывали Ему о грѣхахъ міра, и что ангелы не могутъ слышать человѣка, находясь на далекомъ отъ него разстояніи; протестанты подобнымъ же образомъ учатъ, что Богъ вполне знаетъ нужды наши²⁾; что святые не вездѣсущи и, слѣдовательно, не могутъ быть во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ стануть призывать ихъ³⁾. Но отрицаніе молитвы за умершихъ имѣетъ у протестантовъ другія основанія. Этими основаніями для протестантовъ служатъ отсутствіе для молитвы за умершихъ положительной заповѣди въ Свящ. Писаніи⁴⁾ и еще тѣ соображенія разума, что непонятно, какъ можетъ простираться дѣйствіе молитвъ нашихъ за предѣлы настоящаго міра— въ міръ невидимый; что мы не знаемъ, какая участь постигаетъ усопшихъ и друг.⁵⁾ Штундисты же, какъ мы видѣли, основаніемъ для отрицанія молитвъ за умершихъ выставляютъ прекращеніе милосердія Божіе для человѣка съ его смертію⁶⁾).

Изъ сдѣланнаго сопоставленія ученія штундистовъ и протестантовъ объ отношеніи Церкви земной къ Церкви небесной видно, что сходство между тѣмъ и другимъ ученіемъ ограничивается только общими отрицательными мнѣніями, въ частности-же у штундистовъ, въ сравненіи съ протестантами, замѣчается крайность. Еще болѣе значительна разница въ основаніяхъ для отрицательныхъ мнѣній: аргументація штундистовъ изъ Св. Писанія сравнительно съ протестантскою ничтожна, доказательствъ

1) Инок. Обл. богосл., т. 3, стр. 475.

2) Инок. Обл. бог. т. 3, стр. 362.

3) Тамъ же, стр. 561—2.

4) Тамъ же, стр. 445.

5) Тамъ же, стр. 465.

6) Сказанное авторомъ относительно возраженій штундистовъ противъ молитвъ за умершихъ никакъ нельзя признать за общее и постоянное явленіе среди сектантовъ этого рода.

изъ твореній отцовъ и учителей Церкви, которыми подкрѣпляютъ свое ученіе протестанты, у штундистовъ нѣтъ совѣмъ.

Третьимъ пунктомъ сходства между штундизмомъ и протестантизмомъ является ученіе о почитаніи останковъ или мощей святыхъ и ученіе о почитаніи иконъ. Штундисты не почитаютъ мощей святыхъ, равно какъ и иконъ. Тѣ же дерзкія и богохульныя рѣчи, какія допускаютъ они по отношенію къ святымъ, слышатся отъ нихъ и противъ почитанія мощей святыхъ. О святыхъ мощахъ кіево-печерскихъ угодниковъ Божіихъ одинъ штундистъ выражается такъ: „это не святые, а какія-то искусственныя фигуры, визу которыхъ вставлены машинки для раздуванія, отчего при давленіи они производятъ и принимаютъ видъ умершаго какого-то чловѣка“¹⁾. Какіхъ-либо другихъ основаній для отрицанія почитанія мощей святыхъ, кромѣ такихъ, проникнутыхъ невѣріемъ и кощунствомъ, рѣчей, штундисты не приводятъ²⁾. Еще болѣе кощунственныя рѣчи и выходки допускаютъ штундисты противъ святыхъ иконъ. Они называютъ иконы „кумирами, идолами глухими и нѣмыми“, „болванами“³⁾, „начертаніемъ сатаны“⁴⁾, всячески издѣваются надъ иконами, дѣлаютъ иль нихъ лопаты⁵⁾, выкалываютъ на нихъ глаза⁶⁾, разбиваютъ ихъ⁷⁾, бросаютъ на землю и въ печь, топчутъ ногами, своимъ дѣтямъ дѣлаютъ изъ нихъ саночки, покрываютъ ими кувшины съ молокомъ и проч.⁸⁾. Впрочемъ, одними дерзкими рѣчами и выходками противъ иконъ штундисты не ограничиваются; они приводятъ для отрицанія почитанія иконъ и нѣкоторыя основанія. Первымъ изъ этихъ основаній служитъ, по ихъ мнѣнію, отсутствіе положительной заповѣди о почитаніи иконъ. „Ни Спаситель, ни апостолы, говоритъ Балабанъ на судѣ, не сказали намъ, чтобы непременно вѣрить въ иконы. Въ Евангеліи это нигдѣ не написано, а это есть, конечно, преданіе церковное и мы, поэтому, не принимаемъ иконъ и не признаемъ ихъ за святость“. Почти то же самое

1) Рожд., стр. 181.

2) Какъ извѣстно, сектантами приводится не мало возраженій противъ почитанія мощей—какъ изъ Св. Писанія, такъ и изъ соображеній разума.

Прим. ред.

3) Рожд., стр. 186.

4) Тамъ же, стр. 129.

5) Тамъ же, стр. 68.

6) Тамъ же, стр. 71.

7) Тамъ же, стр. 80.

8) Тамъ же, стр. 186.

говорили и другіе сектанты. „Гдѣ говорится въ Библіи, спрашиваль одинъ сектантъ, о нерукотворенномъ образѣ и иконахъ Богоматери, написанныхъ Евангелистомъ Лукой?“ „Что было нужно, то записано (въ Св. Писаніи), говоритъ другой сектантъ, а что не написано изъ дѣлъ Спасителя, то, значитъ, было лишнее“. Другимъ основаніемъ для отрицанія почитанія иконъ служитъ для штундистовъ отождествленіе ихъ съ идолами. Сектанты говорятъ, что иконы—дѣла рукъ человѣческихъ, слѣд. поклоненіе имъ есть идолослуженіе“. Поэтому, тѣ мѣста изъ Св. Писанія, въ которыхъ говорится объ идолахъ, сектанты безъ всякаго стѣсненія относятъ къ иконамъ ¹⁾. Сравнивая изложенное ученіе штундистовъ о почитаніи мощей и иконъ съ ученіемъ о тѣхъ же предметахъ у протестантовъ, находимъ, что взглядъ первыхъ на мощи въ существѣ своемъ одинаковъ со взглядомъ послѣднихъ, считающихъ останки святыхъ предметами бездушными и безчувственными и отсюда выводившихъ заключеніе о бесполезности и даже суевѣрности почитанія останковъ святыхъ ²⁾. Въ этомъ взглядѣ нѣтъ только кощунства штундистовъ, но невѣріе одно и то же. Кромѣ того, протестанты приводятъ и другія основанія для отрицанія почитанія мощей—изъ Св. Писанія и Св. Преданія,—которыхъ (основаній) нѣтъ у штундистовъ. Что же касается ученія протестантовъ о почитаніи иконъ, то у нихъ опять-таки нѣтъ той крайности, которая выражается въ кощунственныхъ рѣчахъ и выходкахъ штундистовъ противъ иконъ; они отвергаютъ только религіозное почитаніе иконъ, то-есть, возжиганіе предъ ними свѣтильниковъ, кажденіе предъ ними оміагомъ, поклоненіе предъ ними, лобызаніе ихъ и проч. ³⁾. Но во всѣхъ основаніяхъ ученія протестантовъ о почитаніи иконъ весьма близко къ ученію штундистовъ; у нихъ иконопочитаніе также приравняется къ идолопоклонству, и изъ Св. Писанія, въ опроверженіе почитанія иконъ, также приводятся мѣста, въ которыхъ запрещается идолопоклонство ⁴⁾. Такое отношеніе между ученіемъ штундистовъ и протестантовъ о почитаніи мощей и иконъ показываетъ, что въ главныхъ основаніяхъ штундисты заимствовали свое ученіе отъ протестантовъ, и то сами они только довели его до крайности.

¹⁾ Рожд., стр. 185.

²⁾ Иннок. Обл. бог., т. 4, стр. 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 57.

⁴⁾ Иннок. Обл. бог., т. 4, стр. 80 и 68.

Можно думать, что подъ вліяніемъ тѣхъ же протестантовъ штундисты составили и свой взглядъ на почитаніе креста, на праздники и посты. Къ предположенію этого вліянія во взглядѣ на почитаніе креста даетъ основаніе только-что сдѣланное заключеніе о вліяніи протестантовъ на ученіе штундистовъ о почитаніи иконъ. Мы видѣли, что штундисты, заимствовавъ отъ протестантовъ свое ученіе о почитаніи иконъ, сами уже довели его до крайности. Очень можетъ быть, что, не видя у протестантовъ должнаго почитанія креста, подобнаго почитанію его въ православной церкви, штундисты и отсюда такимъ же образомъ, какъ въ почитаніи иконъ, вывели свой взглядъ на почитаніе креста и крестнаго знаменія. Предполагать вліяніе протестантовъ на ученіе штундистовъ о праздникахъ и постахъ даетъ основаніе тотъ фактъ, что нѣмцы -- наниматели, у которыхъ находились въ услуженіи южноруссы, смѣялись надъ обрядами православной церкви, и служащихъ у нихъ южноруссовъ побуждали нарушать посты и работать въ праздники ¹⁾. Весьма вѣроятно, что, усвоивъ взглядъ протестантовъ на праздники и посты, штундисты и выразили его въ своемъ ученіи объ этихъ предметахъ. Но если въ двухъ указанныхъ случаяхъ, т. е. въ ученіи о крестѣ и крестномъ знаменіи и въ ученіи о праздникахъ и постахъ, и можетъ быть предполагаемо съ полною вѣроятностью вліяніе протестантовъ, то только отдаленное, подавшее южноруссамъ самую мысль объ отрицаніи означеннаго ученія православной Церкви; виѣшняя же форма этой мысли или изложеніе ея представляетъ изъ себя произведеніе самихъ южноруссовъ. Названіе креста у штундистовъ различными поносительными именами -- „діаволинымъ знакомъ“, „печатью Ирода“, „начертаніемъ антихриста“, сравненіе его съ „шибелицей“ (внѣшней) ²⁾ -- ясно указываетъ автора такихъ названій въ русскомъ простолуднѣ. Тотъ же мѣтныи отпечатокъ носить на себѣ и ученіе о праздникахъ и постахъ. По ученію сектантовъ, „само священство установило праздники и тяжкіе посты“. Последніе выдуманы, по мнѣнію сектантовъ, попами для того, чтобы имъ легче было управлять челоуѣкомъ, подобно тому, какъ съ лошадыю легче справиться тогда, когда ее кормитъ соломой, чѣмъ тогда, когда ее кормитъ овсомъ ³⁾.

¹⁾ Рожд., стр. 186.

²⁾ Рожд., стр. 49.

³⁾ Тамъ же, стр. 184--5.

Такимъ образомъ лютеранству и реформатству, съ большею или меньшею степенью достовѣрности, можетъ быть приписано вліяніе на ученіе штундистовъ въ слѣдующихъ его пунктахъ: объ источникахъ вѣроученія и отношеніи къ нимъ; о почитаніи святыхъ, ихъ ходатайствъ и о молитвѣ за умершихъ; о почитаніи мощей, иконъ и креста; о праздникахъ и о постахъ. Вліяніе протестантства на штундизмъ въ перечисленныхъ частяхъ ученія выразилось, главнымъ образомъ, въ самыхъ отрицательныхъ мнѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ и доступныхъ уму русскаго простолюдина основаніяхъ для этихъ мнѣній. Крайности въ развитіи отрицательныхъ мнѣній, внѣшняя форма нѣкоторыхъ изъ нихъ и нѣкоторыя основанія для нихъ изъ Св. Писанія и простыхъ соображеній разума—представляютъ изъ себя произведеніе собственнаго не-образованнаго ума южноруссовъ и ничѣмъ несдерживаемой ихъ воли. Слѣдовательно, нѣмецкому протестантизму, въ видѣ двухъ главныхъ его исповѣданій, принадлежать, въ его воздѣйствіи на ученіе южнорусскаго штундизма, главнымъ образомъ, отрицательныя начала, самымъ южноруссамъ—развитіе и частію обоснованіе этихъ началъ.

То же нужно сказать и о вліяніи на ученіе русскихъ штундистовъ, проникшихъ въ среду нѣмецкихъ штундовыхъ собраній воззрѣній секты назарянъ. Чтобы яснѣе видѣть, въ чемъ выразилось это вліяніе, укажемъ сначала тѣ воззрѣнія, которыя проповѣдывались на нѣмецкихъ штундовыхъ собраніяхъ въ то время, когда въ среду ихъ проникли воззрѣнія назарянъ, а потомъ разсмотримъ тѣ пункты въ ученіи штундистовъ, источникомъ которыхъ могутъ быть признаны означенныя воззрѣнія.

На нѣмецкихъ штундистскихъ собраніяхъ въ то время, когда въ среду ихъ проникли воззрѣнія бессарабскихъ сектантовъ или назарянъ, по сообщенію О. Кирикова (благочин. въ Херсон. губ.), стали утверждать, что „Богу можно угодить духомъ, а духъ свободенъ, и потому молитва должна быть свободна. Молитва же (богослуженіе) лютеранской церкви заключается въ извѣстныхъ границахъ, совершается по извѣстному чинопослѣдованію и при томъ только пасторомъ, которому одному предоставлено и право проповѣдывать, чѣмъ стѣснена и самая молитва, она не имѣетъ свободы. Напротивъ, въ нашихъ собраніяхъ, говорятъ они, существуетъ полная свобода. Здѣсь молитва, чтеніе и проповѣдь не заключены въ извѣстныя границы, не совершаются по одному и тому

же чинопослѣдованію, а дѣйствующимъ лицомъ можетъ быть каждый членъ общества и даже женщина, но безъ права проповѣди, которая не дозволяется женщинамъ“. Нѣсколько позже сектанты стали прибавлять, что члены ихъ общества получаютъ просвѣщеніе свыше и сопричастны Св. Духу. Между сектантами нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ, а всѣ другъ другу равны и именуются братьями, и самое общество называется братствомъ ¹⁾. Такимъ образомъ, отрицаніе опредѣленной, разъ установленной богослужбной формы, отрицаніе института лицъ, поставленныхъ для удовлетворенія религиозныхъ потребностей вѣрующихъ, участіе всѣхъ въ совершеніи богослуженія, непосредственное соединеніе съ Божествомъ, идея братства—вотъ что проповѣдывалось проникшею въ среду нѣмецкихъ штундистовъ сектою назарянъ во время ея воздѣйствія на южно-руссовъ. Всмотриваясь въ отдѣльныя мнѣнія и ученія штундистовъ южно-русскихъ, нельзя не видѣть вліянія на нихъ этихъ идей.

Отрицаніе обрядовой стороны религіи составитель чаплинскаго вѣроисповѣданія полагаетъ отличительною чертою своего ученія. Онъ опредѣляетъ послѣднее такъ: „это—Законъ духа“; ученіе это должно сдѣлать всѣхъ человѣковъ духовными, потому что оно проповѣдуетъ внутреннюю религію, заключающуюся въ служеніи Богу духомъ и истинною ²⁾. Исходя изъ такого понятія о своемъ ученіи, сектанты отрицаютъ обрядовую сторону всѣхъ таинствъ и понимаютъ въ духовномъ смыслѣ нѣкоторыя изъ нихъ: крещеніе, какъ превращеніе грѣшника, при помощи вѣры, въ человѣка очищеннаго, праведнаго ³⁾, причащеніе,—какъ соединеніе со Христомъ чрезъ усвоеніе его ученія ⁴⁾. Происхожденіе указаннаго ученія штундистовъ о таинствахъ отъ бессарабскихъ сектантовъ, изъ ихъ ученія о служеніи Богу духомъ, утверждается отношеніемъ штундистовъ къ проповѣди баптистовъ, --- имѣвшей мѣсто послѣ вліянія на штундизмъ секты назарянъ, --- о второмъ крещеніи. Эта проповѣдь послужила для штундистовъ предметомъ спора, въ которомъ одинъ изъ вожаковъ штундизма (Балабанъ), по поводу проповѣдаемыхъ баптистами обрядовъ, выразился такъ: „обряды—театры ⁵⁾“.

¹⁾ Рожд., стр. 169.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

³⁾ Рожд., стр. 200—201.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 201—2.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 170.

Проповѣдуемое баптистами второе крещеніе повело даже къ раздѣленію штундистовъ, какъ увидимъ ниже. Такое отношеніе штундистовъ къ проповѣди баптистовъ показываетъ, что до ихъ вліянія штундисты держались въ ученіи о таинствахъ воззрѣній назарянъ. На ряду съ отрицаніемъ обрядовъ, штундисты приняли отъ назарянъ и отрицаніе тѣхъ лѣтъ, которыя совершаютъ эти обряды и которыя вообще удовлетворяютъ религіозныя потребности членовъ Церкви, именно—іерархіи. Это отрицаніе іерархіи выражено было игнатовцами въ 1867 году въ слѣдующихъ словахъ: „мой Спаситель есть пастырь души моей, и болѣе никто не можетъ быть пастыремъ души моей¹⁾. Такую-же мысль высказали чаплинскіе сектанты при ихъ увѣщаніи, говоря, что „учительства и пастырства священниковъ не принимаютъ, имѣя одного пастыря и учителя—Христа“²⁾. Что указанное отрицаніе іерархіи есть результатъ вліянія на штундизмъ секты назарянъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что пресвитерство штундисты приняли уже позднѣе,—подъ вліяніемъ вѣдѣйствія на штундизмъ баптистовъ³⁾. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ къ вліянію секты назарянъ присоединялся, и даже едва-ли не большее значеніе, чѣмъ это вліяніе, имѣлъ взглядъ южноруссовъ на пастырей православной Церкви, который (взглядъ) они положили въ основу отрицанія іерархіи вообще. По словамъ Рябошапки, „православный священникъ—это жрецъ и самый ненавистный обманщикъ, который принадлежитъ къ числу тѣхъ самыхъ архіереевъ и священниковъ, которые распяли Христа, и которыхъ обличалъ Господь“. Всю 23-ю главу Евангелія Матѳея сектанты относятъ къ членамъ іерархіи. Православные священники—это „дармоѣды, вымогатели, лѣнтяи, народные обольстители, лжепророки“. Родъ свой они ведутъ отъ царя Ирода. Православныхъ епископовъ они называютъ саранчею; жезлъ архіерейскій ключемъ отъ кладезя бездны (Откр. 9 гл. 1—11 ст.). Потому, говорятъ сектанты, слѣдуетъ давно отвергнуть ихъ отъ себя. „расторгнуть узы ихъ и сбросить съ себя оковы ихъ“ (Исал. 2, ст. 31), т. е. уничтожить всё ихъ постановленія и законы, такъ какъ Господь, живущій на небесахъ, смѣется имъ и ругается имъ (Исал. 2, ст. 11)⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Рожд. стр. 86.

³⁾ Тамъ же, стр. 106.

⁴⁾ Рожд. стр. 180.

Изъ изложеннаго взгляда сектантовъ на православныхъ пастырей, вполне видно все значеніе этого взгляда въ дѣлѣ отрицанія сектантами іерархіи вообще ¹⁾. Изъ отрицанія опредѣленной іерархіи само собой слѣдуетъ ученіе объ участи всѣхъ въ богослуженіи. Это ученіе прямо высказывается сектантами въ тѣхъ словахъ, что „Господь предоставилъ возможность молиться всякому, всякій и имѣетъ право отправлять богослуженіе ²⁾. Участіе въ богослуженіи всѣхъ членовъ общества, при отрицаніи іерархіи, предполагаетъ собою идею равенства всѣхъ членовъ, выраженіемъ которой оно и служить. Поэтому-то у бессарабскихъ сектантовъ, какъ мы видѣли, всѣ члены общества называются „братьями“, а самое общество—„братствомъ“. Отъ бессарабскихъ сектантовъ означенная идея воспринята и южнорусскими штундистами. Миссіонеръ Чепурной говоритъ о распространеніи между штундистами мысли о томъ, что должно „почитать только Христа, такъ какъ только Христосъ старшій братъ, а остальные (сектанты) должны быть равны“ ³⁾. Замѣчательны результаты, къ какимъ привела идея о равенствѣ увлеченныхъ новымъ ученіемъ любомірекихъ сектантовъ. „Все населеніе Любомірки“ (мѣст. Елисавет. уѣзда, Херсон. губ.), говоритъ о Автономовѣ (свящ. г. Херсона), деморализовалось: дѣти вышли изъ повиновенія у родителей, называя ихъ братьями и сестрами, потому что по Евангелію-де нѣтъ отцовъ; родители поступились своими правами и властью, пожимали и трясли руки дѣтей, какъ равныхъ себѣ“ ⁴⁾. Такъ своеобразно понимали южноруссы воспринятую отъ нѣмецкихъ сектантовъ идею о равенствѣ. Изъ этой-же идеи, по всей вѣроятности, они вывели уже сами и отрицаніе семьи въ христіанскомъ смыслѣ: „какая тамъ мать, говорятъ они, мать у всѣхъ—земля, и отецъ одинъ—Богъ“ ⁵⁾. Въмѣстѣ съ указанными воззрѣніями бессарабскихъ сектантовъ, штундисты приняли, наконецъ, и ихъ мысль о непосредственномъ соединеніи съ Божествомъ. Эти мысли высказаны Онищенко, крестьяниномъ дер. Основы. „Я былъ прежде, какъ свинья,—разказывалъ онъ,—я былъ скоть,

¹⁾ Не наоборотъ-ли,—не общая-ли идея нашла себѣ примѣненіе въ указанныхъ авторомъ частностяхъ? *Прии. Ред.*

²⁾ Рожд. стр. 183.

³⁾ Рожд. стр. 207.

⁴⁾ Тамъ же. стр. 170.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 187.

хуже даже скота, потому что скотъ дѣлаетъ то, что ему слѣдуетъ; я скверный былъ“. Сознавши свою порочную жизнь, Онищенко началъ просить Бога о своемъ нравственномъ исправленіи. „Я однажды молился.—продолжалъ онъ,—молился на полѣ, я плакалъ, я кричалъ: Господи, вразуми меня, исправь меня! Не знаю, кто,—я этого не видѣлъ.—точно снялъ съ меня одежду, и сдѣлалось мнѣ легко, и сталъ я свободный и узналъ Бога. Въ другой разъ молился я на полѣ; я стоялъ на колѣняхъ. Вдругъ раздался страшный громъ; а небо было чисто: я задрожалъ всѣмъ тѣломъ и услышалъ голосъ: „держиись!“

Кромѣ Онищенко, можно въ данномъ случаѣ указать еще на одного штундиста, который, соврачая въ свою секту православнаго, говорилъ ему, между прочимъ: „отъ ты не бачилъ своего Бога, а я, якъ закрою очи, то и бачу“¹⁾.

Таже мысль о непосредственномъ соединеніи съ божествомъ выражается въ ученіи сектантовъ о духовномъ озареніи, какъ объ одномъ изъ источниковъ вѣроисповѣданія²⁾ и въ ученіи объ Иисусѣ Христѣ, Который „воплощеніемъ Своимъ, непонятнымъ для міра, приращаетъ ихъ (сектантовъ) Самъ къ Себѣ и дѣлаетъ ихъ теперь участниками тайнаго тѣла Своего, какъ дѣлалъ Онъ въ извѣстное время причастниками Своими пророковъ, апостоловъ и другихъ лицъ“³⁾. Изъ мысли же о непосредственномъ соединеніи съ божествомъ, ведущей къ сознанию своей святости, штундисты вывели, какъ кажется, и отрицаніе суда. Для такого предположенія даетъ нѣкоторое основаніе приводимое штундистами въ оправданіе своего ученія объ отрицаніи суда толкованіе 1—6 стих. 6-й главы 1-го посл. къ Коринѣ. Одинъ сектантъ толкуетъ это мѣсто такъ: „Это слово Божіе говоритъ вамъ то, что вы уже теперь стали *святые* и должны судиться сами у себя, а не у православныхъ. ибо вы уже будете судить не только весь міръ, но даже и ангеловъ святыхъ“⁴⁾.

Сдѣланное сопоставленіе ученія штундизма съ ученіемъ секты называя приводитъ отчасти къ тому же заключенію о вліяніи послѣдняго на первое, какое было сдѣлано выше о вліяніи на ученіе штундизма

¹⁾ Рожд. стр. 170—1.

²⁾ Тамъ же. стр. 193.

³⁾ Тамъ же. стр. 195—6.

⁴⁾ Рожд. стр. 188—9.

главныхъ протестантскихъ исповѣданій— лютеранства и реформатства. именно: штундисты воспринимали отъ назарянъ, главнымъ образомъ, самыя идеи и быть можетъ нѣкоторыя основанія для нихъ; развивали же эти идеи сами и по своему, какъ, напр., идею братства.

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись штундисты къ проповѣди баптистовъ.

Главныя протестантскія исповѣданія— лютеранство и реформатство— и проникшая въ среду нѣмецкихъ штундовыхъ собраній секта назарянъ дали ученію южнорусскаго штундизма гораздо болѣе отрицательныхъ чертъ, чѣмъ положительныхъ; баптизмъ, напротивъ, внесъ въ ученіе штундизма весьма много положительныхъ чертъ. Но къ этому положительному баптизму штундисты отнеслись неодинаково: проповѣдь баптистовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, послужила для штундистовъ предметомъ спора и поводомъ къ раздѣленію. Причина такого отношенія штундистовъ къ ученію баптистовъ лежала въ противорѣчій этого ученія основнымъ началамъ штундизма, воспринятымъ послѣднимъ отъ секты назарянъ. Какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ назарянъ штундисты пришли къ отрицанію всей обрядовой стороны религіи и института лицъ, поставленныхъ для удовлетворенія религіознымъ потребностямъ членовъ общества. Между тѣмъ баптисты проповѣдывали принятіе второго крещенія, обрядовъ преломленія хлѣба, погребенія, вѣнчанія и имѣли у себя пресвитеровъ. Эти то обряды баптистовъ, и главнымъ образомъ второе крещеніе, и возбудили между штундистами споръ. Поводомъ къ спору послужило принятіе отъ баптистовъ второго крещенія нѣкоторыми изъ руководителей штундистовъ: Рябошапкой, Ратушнымъ и Лясоцкимъ съ ихъ послѣдователями. Принявшіе крещеніе отстаивали обрядъ, но имъ противостояли другіе вожаки сектантовъ— Балабанъ и Коваль. Споры изъ-за обрядовъ происходили сначала между Балабаномъ и Лясоцкимъ въ таращанской тюрьмѣ; но потомъ они перешли въ собранія сектантовъ и на одномъ изъ этихъ собраній повели къ формальному раздѣленію штундистовъ на двѣ части: одна часть, во главѣ съ Ратушнымъ и Лясоцкимъ послѣдовала ученію баптистовъ, другая, съ Балабаномъ и Ковалемъ во главѣ, осталась при прежнихъ воззрѣніяхъ на обряды ¹⁾. Послѣдовавшіе проповѣди баптистовъ штундисты,

¹⁾ Рожд. стр. 105—6.

въ лицѣ братства Рябошапки, приняли отъ баптистовъ сначала крещеніе и причащеніе, а вскорѣ за тѣмъ появляются и „10 правилъ новообращеннаго русскаго братства“, представляющія изъ себя, кажется, сокращеніе баптистскаго катихизиса; впоследствии среди южнорусскихъ штундистовъ, принявшихъ баптизмъ, появляется и баптистскій катихизисъ ¹⁾. Такимъ образомъ, одна часть штундистовъ совершенно приняла баптистское ученіе и по всей справедливости можетъ быть отнесена къ баптистамъ. Другая часть штундистовъ, не смотря на то, что совсѣмъ отстранилась отъ баптизма, все-таки не избѣжала вліянія послѣдняго. Это вліяніе обнаружилось прежде всего въ томъ, что противники баптизма, по призыву его послѣдователей изъ штундистовъ, избрали себѣ пресвитеровъ: Коваль принялъ это званіе въ Кіев. губ. изъ числа первыхъ; затѣмъ и у Херсонскихъ штундистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Балабанъ, стали совершаться обряды погребенія, вѣнчанія и вводиться преломленіе хлѣба ²⁾. Черезъ это штундисты стали сами съ собою въ противорѣчіе, объясняемое тѣмъ, что баптизмъ давалъ нѣчто положительное, а послѣднѣе у сектантовъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не было. Впрочемъ, можно думать, что штундистами приняты отъ баптистовъ не однѣ положительныя стороны ученія,—кажется, результатъ вліянія баптизма, хотя и не вполне, составляетъ отрицательное отношеніе штундистовъ къ существующимъ властямъ. По крайней мѣрѣ—тѣ мысли сектантовъ, что православныя цари уничтожатся ³⁾, и у штундистовъ появятся свои анабаптистскіе цари и начальники ⁴⁾, и что вся Россія отвѣдется въ штыкъ, и „заперты будутъ“, т. е. уцѣлѣютъ только южныя города, которые познаютъ анабаптистскій свѣтъ“ ⁵⁾,—даютъ основаніе предполагать первоначальный источникъ ученія о властяхъ въ баптизмѣ, тѣмъ болѣе, что и въ послѣднемъ, въ первоначальной его формѣ, есть ученіе о неспроверженіи существующихъ властей и общественныхъ отношеній ⁶⁾. Но если ученіе штундистовъ о властяхъ и заимствовано ими отъ баптистовъ, то только въ своей идеѣ, которая, прошедши чрезъ сознаніе

¹⁾ Рожд. стр. 173—4.

²⁾ Тамъ же, стр. 177.

³⁾ Тамъ же, стр. 188.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 207.

⁵⁾ Рожд., стр. 187—8.

⁶⁾ Иваш. Плат. о Запад. вѣроиспов. Записки, Москва, 1881, стр. 78.

русскаго простолюдина, получаетъ уже своеобразную окраску, обличающую въ ней собственное произведеніе южнорусскаго штундиста.

Для убѣжденія въ правдивости сказаннаго, сдѣлаемъ нѣкоторыя выдержки изъ этого ученія. По сообщенію миссіонера Чепурнаго, сектанты называютъ власти „куцохвостыми, коготыми аггелами“. Къ властямъ они относятъ образъ звѣря, упоминаемаго въ 13 и 14-й главѣ Откровенія, спрашивая: „а что это за образъ звѣря, какъ не ихъ“? Къ нимъ же сектанты примѣняютъ 72 псал., ст. 1—17, спрашивая опять: „о какихъ благородіяхъ говоритъ онъ“? (псаломъ). Толкуя главу 13, ст. 18—21 Іеремин, они говорятъ: „Здѣсь ясно сказано Богомъ, что уже наступать то время, когда съ этихъ православныхъ царей упадетъ съ головы вѣнецъ славы ихъ, и они уже смирятся и сядутъ пониже, т. е. вовсе уничтожится и званіе ихъ..., вся Россія отведется въ плѣнъ, и всѣхъ этихъ православныхъ начальниковъ охватятъ боли, какъ рождающую женщину, и такъ даже, что они этого никакъ не ожидаютъ и не полагаютъ“¹⁾.

Изъ этихъ выдержекъ ясно видно, что воспринятую идею отрицанія властей сектанты уже сами примѣнили къ существующимъ въ Россіи властямъ.

Вліяніе на ученіе штундизма главныхъ протестантскихъ исповѣданій—лютеранства и реформатства и сектъ назарянъ и баптистовъ—подтверждается во многихъ случаяхъ фактами изъ внѣшней исторіи штундизма. Но содержаніе ученія штундистовъ не исчерпывается тѣмъ, что можетъ быть признано съ большею или меньшею степенью достовѣрности за результатъ вліянія указанныхъ исповѣданій и сектъ. Это обстоятельство даетъ право видѣть источникъ для ученія штундистовъ и въ другихъ протестантскихъ сектахъ, вліяніе которыхъ на штундизмъ не можетъ быть доказано фактически, но которыя были распространены среди вліяющихъ на штундизмъ нѣмецкихъ колонистовъ и имѣютъ сходство со штундизмомъ въ ученіи. Такою именно представляется община гуттеровъ. Болѣе или менѣе сходныя черты съ нею штундизмъ представляетъ въ слѣдующихъ пунктахъ своего ученія: въ ученіи о братствѣ,—о раздѣлѣ земли и имущества и о войнѣ.

Вѣроятно, подъ воздѣйствіемъ гуттеровъ, которымъ повелѣвалось

¹⁾ Рожд., стр. 187—8.

жить одной семьей, подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ, и южнорусскіе штундисты на первыхъ порахъ говорили—между прочимъ, что въ первенствующей Церкви никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было общее (Дѣян. IV гл. 32—3 ст.)¹⁾. Руководясь этою мыслию, вѣроятно, штундисты и у себя учредили братство. Въ прошеніи Рябошанки къ генераль-губернатору о дозволеніи выйти ему съ 45 душами „на вольныя степи“ говорится между прочимъ: „мы учредили на основаніи Евангелія, по обряду первой апостольской Церкви Христовой, братство“²⁾ Но если братство, упоминаемое въ прошеніи Рябошанки, таково, каковы братства по ученію штундистовъ, то оно мало походитъ на перво-христіанскія братства и имѣетъ въ виду скорѣе практическую, житейскую цѣль, чѣмъ религіозную. Въ ученіи штундистовъ о братствахъ говорится: „люди должны жить отдѣльными братствами или общинами; при этомъ должно быть раздѣленіе или специализація труда и обмѣнъ продуктовъ натурою. Деньги не должны существовать; конторы и торговцы точно также. Все должно производиться посредствомъ обоюднаго согласія и по-братски“³⁾. Такое ученіе показываетъ, какъ далеко отступили штундисты въ ученіи о братствахъ отъ религіозной цѣли гуттеровъ. Подобное-же отступленіе представляетъ и ученіе штундистовъ о раздѣлѣ земли и имуществъ. По мнѣнію сектантовъ, съ наступленіемъ новаго государственнаго и общественнаго строя, когда у штундистовъ—анабаптистовъ будетъ свой царь и начальники, а всѣ люди будутъ равны, ихъ (сектантское) „начальство всю землю отъ православныхъ помѣщиковъ поотбираетъ и насъ всѣхъ (сектантовъ) понадѣлитъ землею. И тогда уже намъ, всему простанародью, которое только поступитъ въ святыя штунды и анабаптисты, будетъ великое добро: свобода на все и роскошь“. Крестьянинъ села Троицкаго, Елисаветградскаго уѣзда, Никита Пуховой говорилъ, что, съ уничтоженіемъ существующаго порядка, „все будетъ общее: всѣ магазины съ шелками и другими товарами будутъ открыты для всѣхъ, такъ что, что кому понадобится, тотъ-то и бернъ бесплатно“⁴⁾. Такую своеобразную форму получили у штундистовъ ученіе гуттеровъ объ общеніи имущества.

¹⁾ Вѣст. Евр. 1868 г. IV, стр. 751—2.

²⁾ Рожд. стр. 172.

³⁾ Рожд. стр. 208.

⁴⁾ Рожд. стр. 207.

Кромѣ двухъ указанныхъ пунктовъ, слѣдствіемъ же вліянія гуттеровъ на штундистовъ можно считать и ученіе послѣднихъ о войнѣ. Какъ гуттеры отвергаютъ воинскую службу, такъ штундисты отвергаютъ войну. О войнѣ Елисаветградскій сектантъ Бибииковъ говорилъ: „православіе благословляетъ войну, называя своихъ воиновъ христоролюбивыми, а война есть зло, и у васъ не христоролюбивое воинство, а разбойники. Біющій мечомъ, сказано, долженъ погибнуть отъ меча“. Война, по мнѣнію сектанта Сливки, запрещается евангеліемъ ¹⁾.

Мы рассмотрѣли тѣ пункты въ ученіи южнорусскаго штундизма, которые, по аналогіи и историческимъ указаніямъ, въ большей или меньшей степени могутъ быть признаны замѣствованными штундизмомъ отъ вліявшихъ на его появленіе протестантскихъ ученій. Къ рассмотрѣннымъ пунктамъ нужно присоединить еще нѣсколько такихъ, которые хотя по отдаленной аналогіи и могутъ быть отнесены къ вліянію на штундизмъ протестантскихъ ученій, но въ которыхъ это вліяніе сказалось въ столь незначительной степени, что съ гораздо большею вѣроятностью они могутъ быть признаны за самостоятельное, независимое отъ протестантскаго вліянія, произведеніе южнорусскаго штундизма. Таковы—ученіе о свободѣ, о современномъ состояніи людей, новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и большая часть положительнаго ученія штундистовъ.

По понятіямъ штундистовъ—„все люди должны быть свободными панамъ“ ²⁾. Если принять во вниманіе обстоятельства времени, въ которое появился штундизмъ (освобожденіе отъ крѣпостнаго права), то эту мысль сектантовъ нужно признать за результатъ вліянія бродившихъ въ 50 и 60-хъ годахъ идей о свободѣ. — Ученіе о современномъ состояніи людей тоже выработалось подъ вліяніемъ мѣстныхъ условий жизни. Здѣсь штундисты указываютъ прежде всего на крайнюю степень развращенія современнаго человѣчества: „Богъ родитъ хлѣбъ и даетъ человѣку всевозможные предметы, необходимые для его жизни, а человѣкъ торгуетъ этой благодатью, торгуетъ даже совѣстью, вѣрою и человѣческими существами“. Въ этомъ развращеніи штундисты видятъ, во-первыхъ, причину порабощенія современнаго человѣчества новыми египтянами, сильными міра сего, затѣмъ --- причину различныхъ несча-

¹⁾ Рожд. стр. 188.

²⁾ Рожд. стр. 206.

стій на землѣ: пролитіа невинной крови человѣческой, разбоевъ, грабежей, насилій, взаимныхъ неудовольствій, воровства и мошенничества и, наконецъ, причину небесныхъ каръ, посылаемыхъ Богомъ на людей за ихъ грѣхи, какъ то: саранчи, кузьки, града, падежа рогатаго скота, эпидемій ¹⁾). Такой взглядъ представляетъ собою какъ бы протестъ противъ современной жизни и, конечно, сложился подъ ея давленіемъ на южнорусскаго простолюдина.—Наконецъ, въ взглядѣ штундистовъ на новѣйшія изобрѣтенія ясно отразился образъ понятій простыхъ русскихъ людей. „Желѣзныя дороги, пароходы, машины и телеграфы—все это, по мнѣнію сектантовъ, признаки царствія сатаны и конца этого царствія, которое вообще штундисты называютъ царствомъ египтянъ. Въ Писаніи, говорятъ они, сказано, что предъ кончиной вѣка появится какая-то огненная колесница. Подъ такой колесницей, по всей вѣроятности, Писаніе разумѣетъ паровики пароходовъ и желѣзнодорожные локомотивы, потому что они движутся при посредствѣ огня, и изъ трубъ ихъ вышутъ дымъ и пламя. При посредствѣ этихъ огненныхъ колесницъ люди владычествуютъ одинъ надъ другимъ, пользуются чужими трудами, уродуютъ и калѣчатъ другъ друга. Все это признаки египетскаго рабства“ ²⁾). Изложенное ученіе показываетъ, какъ необразованный штундистъ—южноруссъ, пользуясь данною ему въ руки Библией, примѣнялъ ея изреченіе къ своимъ воззрѣніямъ.

Сравнительно болѣе независимымъ отъ протестантскихъ ученій представляется южнорусскій штундистъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего положительнаго міровоззрѣнія. Сюда можетъ быть отнесено ученіе деміевскихъ сектантовъ, ученіе Сливки, все нравственное ученіе чаплинскаго вѣроисповѣданія и слѣдующіе пункты изъ его ученія съ догматическимъ характеромъ: объ отношеніи сектантовъ къ нѣкоторымъ изъ существующихъ религіозныхъ ученій, о Церкви, о Божествѣ, о мірѣ вышечувственномъ, о душѣ, о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи, объ искупленіи, о загробной жизни. За независимость означеннаго положительнаго ученія южнорусскихъ штундистовъ отъ протестантизма говоритъ, конечно, прежде всего отсутствіе въ немъ сходства съ послѣднимъ, исключая развѣ отдѣльныхъ фразъ, самихъ по себѣ ничего не доказывающихъ. Кромѣ отсутствія сходства, въ доказательство независимости указаннаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 189.

²⁾ Рожд. стр. 189—190.

ученія могутъ быть приведены еще два соображенія: неполнота въ опредѣленіи многихъ, содержащихся въ немъ, предметовъ и способъ выраженія мыслей. Неполнота въ опредѣленіи поразительна. Напримѣръ: составитель чаплинскаго вѣроисповѣданія только упоминаетъ о силахъ небесныхъ, ангелахъ, которые славили Рождество Иисуса Христа; онъ не высказываетъ общаго понятія о мірѣ духовномъ, ангельскомъ, не говоритъ ничего объ ихъ назначеніи; точно также онъ не останавливается на развитіи мысли о первородномъ грѣхѣ,—она у него только проглядываетъ ¹⁾; о признаніи авторомъ загробной жизни можно судить только изъ его выраженій: „мы граждане небеснаго города, потомки Авраама. Исаака, Иакова; Спаситель усвоилъ намъ право на наследіе жизни вѣчной“ ²⁾; о цѣломудріи и чистотѣ онъ только говоритъ: „блудъ и всякія нечистоты не именуется у насъ“ ³⁾; о происхожденіи міра и человѣка не разъяснено“ ⁴⁾. Такая бѣдность въ опредѣленіи показываетъ на неразвитость ученія, а слѣдовательно, и на то, что оно не заимствовано изъ какого-либо ученія сложившагося, какимъ въ данномъ случаѣ могло быть признано ученіе протестантское. Способъ выраженія мысли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваемаго ученія показываетъ намъ дѣйствительныхъ его авторовъ. Какъ ранѣе мы отмѣчали отраженіе на изложеніи нѣкоторыхъ предметовъ степени образованія и образа понятій. составляющихъ характерную черту нашего простолюдина, такъ здѣсь придется указать на то же отсутствіе образованія и характерный способъ выраженія нашего простолюдина. Напр: въ чаплинскомъ вѣроисповѣданіи, въ ученіи о Церкви, между прочимъ говорится, что послѣдователи штундистскаго ученія составляютъ изъ себя Церковь, члены которой „не ведутъ *комплекта* или *комерсіи*“, иначе религиозныхъ церемоній... „получая назиданіе изъ Священнаго Писанія, они измѣняютъ *фантазіи* и *природныя фizioноміи*“ ⁵⁾. Въ собраніяхъ своихъ они просятъ Господа — сообщить имъ даръ Свой, чтобы *выразумѣть* таинства и *предѣлы* своей *вѣчной Церкви*“ ⁶⁾; цѣль пришествія Христа на землю въ чаплинскомъ вѣроисповѣданіи полагается между

¹⁾ Рожд. стр. 198.

²⁾ Тамъ же, стр. 202.

³⁾ Тамъ же, стр. 203.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 205.

⁵⁾ Рожд. стр. 195.

⁶⁾ Тамъ же.

прочимъ въ томъ, чтобы „избавить людей отъ пораженія *странности*“¹⁾; по опредѣленію Сливки, — Богъ есть любовь, но не образъ (?) и проч.²⁾ Въ приведенныхъ фразахъ ясно отразился ихъ авторъ русской престолюдинъ.

Мы показали, изъ какихъ протестантскихъ ученій и что заимствовано въ ученіи южнорусскаго штундизма, а также, — что въ этомъ ученіи есть выработаннаго его послѣдователями независимо отъ нѣмецкаго протестантизма. Мы видѣли, во-первыхъ, что источникомъ для ученія штундизма служили не одни главныя протестантскія исповѣданія — лютеранство и реформатство, но и разныя протестантскія секты — назаряны, баптистовъ, гуттеровъ — и даже они-то преимущественно и вліяли на ученіе штундизма; во-вторыхъ, что изъ протестантскихъ ученій штундизмомъ взяты отрывки и притомъ, большею частію, не въ ихъ чистой первоначальной формѣ, а въ видѣ простой мысли или мнѣнія, иногда съ удержаніемъ нѣкоторыхъ основаній для этого мнѣнія или мысли, иногда же и безъ нихъ; въ-третьихъ, что, принявъ отъ протестантскихъ ученій что-нибудь, штундисты, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, облакали принятое въ свою собственную форму, на которой отражали и степень своего образованія, и характеръ своихъ понятій и свои отношенія къ Церкви, іерархіи и другимъ явленіямъ мѣстной жизни; наконецъ, — что заимствование въ указанной степени относится главнымъ образомъ къ отрицательной сторонѣ ученія штундистовъ, въ которой все-таки есть нѣсколько независимыхъ отъ вліянія протестантскихъ ученій пунктовъ; положительное-же ученіе штундистовъ представляетъ болѣе собственное произведеніе южноруссовъ, чѣмъ заимствованное отъ протестантизма. Отсюда вполне опредѣляется та связь, въ какой находится южнорусскій штундизмъ съ нѣмецкимъ протестантизмомъ по своему ученію: южнорусскій штундизмъ связанъ съ главными протестантскими исповѣданіями только отчасти, а болѣе примыкаетъ къ протестантскимъ сектамъ; съ тѣми и другими онъ связанъ не въ своемъ развитіи и окончательной формѣ, а главнымъ образомъ въ своихъ началахъ, которыя онъ развилъ уже по своему.

Препод. Влад. сем. Сергій Троицкій.

¹⁾ Тамъ же, стр. 199. Прим. „Подъ странностью здѣсь разумѣется служеніе чему-нибудь иному, кромѣ Бога, напр. чреву“.

²⁾ Тамъ же, стр. 205.

Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843 — 1870 г. ¹⁾.

ВВЕДЕНІЕ.

Слѣдственная о скопцахъ комиссія.—Обстоятельства, вызвавшія ея учрежденіе и ближайшіе результаты ея дѣятельности.

20 ноября 1843 г. „чиновникъ 13 кл.“ Вавиловъ, въ присланномъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ по городской почтѣ письмѣ, сообщалъ, что, посѣщая вольный аукціонъ продажи вещей въ домѣ Глазунова (по Большой Мѣщанской улицѣ, противъ ломбарда), онъ замѣтилъ въ квартирѣ домоваго прикащика, мѣщанина Царева, потаенную моленную, которая устроена за пятью дверьми, безъ оконъ, и освѣщается лампадкою, внутри комнаты подлѣ стѣны одни только стулья, а вмѣсто образовъ находятся подозрительные портреты, „служащіе руководствомъ

¹⁾ Изувѣрная скопческая секта громкимъ рязанскимъ процессомъ въ истекшемъ году снова заявила о своей живучести среди населенія центральной Россіи и заставила печать говорить объ этой забытой сектѣ. Факты эти должны вызывать въ приходскомъ пастырствѣ заботу о миссіонерской борьбѣ съ этимъ лжеученіемъ, хотя и не боевымъ, но вносящимъ въ жизнь какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ семействъ и сельскихъ общинъ, величайшее, ничѣмъ непоправимое зло и бѣдствія какъ физическія, такъ и духовныя. Желая придти на помощь духовенству въ борьбѣ съ потаенною скопческою сектою, мы въ новомъ году дадимъ рядъ статей о скопцествѣ, начавъ ихъ съ помѣщенія на страницахъ „Миссіонерскаго Обзорнія“ настоящей исторической записки Н. В. Баженова, любезно сообщенной намъ свящ. о. В. А. Прозоровымъ, какъ плодъ архивныхъ изысканій этого почтеннаго сектовѣда.

Ред.

при распространении Царевым секты скопцов“. Учредитель и содержатель сей моленной,—Никифоръ Царевъ—скопецъ въ 1842 г., вопреки законовъ, приписался изъ господскихъ людей въ с.-петербургскіе мѣщане, и что онъ недавній скопецъ,—тому доказательствомъ служатъ его малолѣтнія дѣти; собранія у Царева бывають всегда подъ воскресенье и понедѣльникъ. Въ томъ же домѣ, у печатника Ларіона прожизаетъ господскій мальчикъ, Михаилъ, котораго наставникъ — Царевъ, ѡмѣстя, выкупилъ отъ господина, приписалъ въ мѣщане и въ недавнемъ времени оскопилъ ¹⁾. — „Не замѣтивъ по этому письму никакого распоряженія“,—объяснялъ впоследствии Вавиловъ,—„возгорѣлъ во мнѣ новый порывъ пустить другое, которое, составляя почти буквально повтореніе перваго, и было прежнимъ путемъ получено министромъ 25 ноября ²⁾).

Такое настойчивое и, вмѣстѣ, положительное и опредѣленное указаніе на существованіе въ самой столицѣ постояннаго сборища и пропаганды вредныхъ сектаторовъ не могло не вызвать на себя серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что не имѣлось основанія заподозрить истинность полученныхъ доносовъ. Поэтому рѣшено было произвести въ квартирѣ Царева внезапный обыскъ, и именно, въ одинъ изъ предпраздничныхъ или праздничныхъ дней, когда, по увѣренію Вавилова, скопцы обыкновенно собирались къ Цареву на моленье. Производство обыска было поручено состоявшему при министерствѣ, д. ст. сов. Липранди, которому предоставлялось дѣйствовать въ данномъ случаѣ, „какъ обстоятельства укажутъ, съ должною осмотрительностію и осторожностію“ ³⁾.

Липранди не замедилъ, и съ успѣхомъ, выполнить возложенное на него порученіе. Въ первый же, по полученіи предписанія, воскресный день онъ, съ приглашеннымъ имъ приставомъ мѣстной части Дешарио, въ десять часовъ вечера, уже стоялъ передъ дверями квартиры Царева. Долгое время пришедшіе напрасно стучались въ дверь и затѣмъ, съ трудомъ отыскавъ въ темнотѣ колокольчикъ, звонили. Два раза, сперва женскій, а потомъ мужской голосъ спросилъ изъ квартиры: „кого нужно?“ но на отвѣтъ: „нужно прикащика“,—слѣдовало молчаніе и дверь не отворялась. Наконецъ, частный приставъ, заявивъ о своемъ званіи, на-

¹⁾ Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

²⁾ Ibid, т. 2 и дѣло 1843 г., № 278.

³⁾ Дѣло 1843 г., № 278.

стоятельно потребовать, чтобъ его немедленно впустили, такъ какъ ему (будто бы) необходимо сейчасъ же сдѣлать справку въ домовыхъ книгахъ. Тогда дверь отворилась и на порогъ показался самъ Царевъ со свѣчею въ рукахъ и въ красномъ полубархатномъ халатѣ. Достаточно было увидѣть выраженіе его лица, чтобы убѣдиться въ удачно выбранномъ для обыска днѣ и часѣ.

Домовыя книги оказались лежавшими тутъ же, въ передней, на конторкѣ. Предоставивъ Дешаріо наводить справки, Липранди пошелъ изъ передней въ слѣдующую комнату. Всѣми мѣрами старался удержать его Царевъ, упрасивая не идти далѣе: „тамъ-де темно, жена и дѣти уже спять“; но все было напрасно. Въ совершенной темнотѣ прошли одну комнату, другую, и вошли въ третью „безъ оконъ, освѣщаемую лампадою предъ иконами, около которыхъ, рамка къ рамкѣ, висѣли по обѣимъ сторонамъ два большихъ портрета ¹⁾); нѣсколько большихъ восковыхъ свѣчей лежали въ беспорядкѣ на маленькомъ столикѣ предъ образами, а среди комнаты разостланъ былъ коверъ, который, повидимому, старались свернуть“ ²⁾).

Указанія Вавилова оправдывались и, благодаря имъ, понятно было и значеніе портретовъ, повѣшенныхъ рядомъ съ образами, и назначеніе восковыхъ свѣчей. Эта комната, несомнѣнно, была моленною, а найденныя въ ней свѣчи ясно свидѣтельствовали, что моленье здѣсь совершалось очень недавно. Теперь оставалось только отыскать самихъ молещиковъ, которые, очевидно, должны были скрываться въ квартирѣ Царева, такъ какъ всякій выходъ изъ нея былъ уже прегражденъ заблаговременно принятыми Липранди и Дешаріо мѣрами ³⁾).

За моленной слѣдовало еще какое-то помѣщеніе, въ которомъ сквозь щель затворенныхъ дверей виднѣлся свѣтъ. — „Что еще тамъ?“ — спросилъ Липранди. — „Ничего, комната“ — отвѣчалъ Царевъ, и въ то же

¹⁾ Одинъ изображалъ „скопца въ голубомъ халатѣ съ черною соболіною опушкою, съ повязаннымъ на шеѣ бѣлымъ платкомъ, сидящаго въ креслахъ съ положенною правою рукою на красный обѣ одной ножкѣ столъ“; на другомъ тотъ же скопецъ представленъ „держачимъ въ правой рукѣ бѣлый платокъ съ голубыми пополамъ съ красными цвѣточками, а на столѣ изображена корзинка съ вѣткою винограда и съ двумя переиками“. Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

²⁾ Дѣло 1843 г., № 278.

³⁾ Для этого въ ихъ распоряженіи находилось потребное число „полицейскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ“. Дѣло 1843 г., № 278.

мгновеніе видѣвшійся свѣтъ потухъ. На требованіе принести свѣчу и отворить дверь, окончательно растерявшійся Царевъ не могъ не только ничего отвѣтить, но и двинуться съ мѣста. Пришлось распорядиться безъ его содѣйствія. Дверь растворили и принесенная свѣча освѣтила цѣлую грушу изумленныхъ и испуганныхъ лицъ ¹⁾.

Хотя уже съ перваго взгляда на фізіономіи этихъ субъектовъ не оставалось сомнѣнія въ ихъ скопчествѣ, но для формальнаго обыска необходимо было медицинское удостовѣреніе. Поэтому тотчасъ же послали за главнымъ врачомъ полиціи, Михайловскимъ-Слоонецкимъ; а между тѣмъ, до его пріѣзда, привели въ квартиру Царева еще трехъ скопцовъ, найденныхъ и жившихъ въ томъ же домѣ Глазунова ²⁾.

По медицинскому освидѣтельствуванію, изъ числа заарестованныхъ двое оказались кастратами, остальные же десять, въ томъ числѣ и самъ Царевъ, — оскопленными вполнѣ, „до-чиста“. Кромѣ того, на двухъ, московскомъ мѣщанинѣ Ермолаевѣ и крестьянинѣ Орловской губ. Андреевѣ, найдены надѣтыми вериги: на первомъ—мѣдныя въ видѣ кольчуги, а на второмъ—кованныя желѣзныя, вѣсомъ каждая до 20 фунтовъ ³⁾.

По освидѣтельствуваніи заарестованныхъ, квартиры ихъ были запечатаны, а сами они, въ предупрежденіе всякой между ними стачки и взаимнаго подговора, были отправлены въ разныя части для отдѣльнаго секретнаго содержанія.

Такимъ образомъ, результаты, данные произведеннымъ обыскомъ, были вполнѣ удовлетворительны: существованіе въ квартирѣ Царева моленной или, по крайней мѣрѣ, опредѣленнаго мѣста для тайнаго сборища скопцовъ не подлежало сомнѣнію. Теперь, естественно, возникалъ другой, не менѣе важный, вопросъ, требовавшій серьезнаго разъясненія, — вопросъ о характерѣ и кругѣ дѣятельности открытаго сборища или, что почти то же,

¹⁾ Это были крестьяне: Орловской губ.: а) Павелъ Андреевъ, 29 лѣтъ, б) Ант. Михайловъ, 40 л.; Тверской: в) Макс. Васильевъ, 32 л.; г) Ул. Осиповъ, 2 л.; Ярославской: д) Ларіонъ Горбачевъ, 46 л.; Псковской: е) Мих. Федоровъ, 18 л.; ж) с.-петерб. мѣщ. Пав. Федоровъ, 38 лѣтъ и з) унт.-офиц. Мар. Данильчиковъ.

²⁾ Одинодворца Орловской губ. Ефима Аксютина, 25 л.; московскаго мѣщанина Ивана Ермолаева, 55 л. и однодворца Рязанской губ. (вмѣстѣ съ нимъ и Петербургскаго мѣщанина) Николая Каватѣва, 43 л. Дѣло 1843 г., № 278.

³⁾ Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

о значеніи самого Царева какъ въ средѣ найденныхъ у него, такъ и въ общей массѣ скопцовъ, разсѣянныхъ по Россіи.

Что между Царевымъ и иногородными скопцами существовали болѣе или менѣе близкія сношенія, на это уже довольно ясно указывало то обстоятельство, которое едва-ли можно было признать случайнымъ, что въ числѣ двѣнадцати арестованныхъ нашлись представители шести губерній, и все они жили ¹⁾ въ одномъ и томъ же домѣ Глазунова, служили въ одномъ и томъ же мѣстѣ, при его типографіи ²⁾. Полнѣйшаго же выясненія возникшаго вопроса нужно было ожидать отъ вещественныхъ доказательствъ, какія могли найтись въ имуществѣ арестованныхъ. А внезапность обыска, котораго скопцы, видимо, никакъ не ожидали, ручалась за то, что они не имѣли времени и средствъ уничтожить или скрыть что-либо изъ вещественныхъ противъ нихъ уликъ, если только таковыя находились въ ихъ квартирахъ.

И, дѣйствительно, произведенный чрезъ нѣсколько дней послѣ этого, именно 3 Декабря, въ имуществѣ арестованныхъ скопцовъ подробный обыскъ окончательно подтвердилъ справедливость доносовъ Вавилова: въ каждой изъ квартиръ нашлись болѣе или менѣе подозрительные предметы и вещи. Такъ, найдены были: четыре скопческіе портрета, двѣ картины ³⁾, нѣсколько желѣзныхъ веригъ и бандажей, „требовавшихъ разъясненія“, нѣсколько зелей, пластырей, примочекъ, бритвы съ ржавчиною и другіе предметы, по существу дѣла весьма подозрительные“. Изъ числа бумагъ, сверхъ множества писемъ, доказывавшихъ сношенія заарестованныхъ скопцовъ со скопцами самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи, особенное вниманіе обратили на себя двѣ рукописи: одна, какъ оказалось впоследствии, — „страды и посланіе искупителя“, другая — „писанная условными знаками и потому оставшаяся неразобранною“ ⁴⁾.

Этихъ вещественныхъ уликъ было весьма достаточно. Если бан-

¹⁾ Кромѣ одного, унт.-офиц. Данильчикова, служившаго словолитчикомъ морской типографіи.

²⁾ Дѣло 1843 г., № 278.

³⁾ Одна, „изображавшая І. Христа въ отроческомъ возрастѣ, осѣненного херувимами и Св. Духомъ“, другая „аллегорическая, на которой были изображены въ различныхъ видахъ агнцы Божіи“. Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

⁴⁾ Дѣло 1843 г., № 278. Въ настоящее время второй рукописи ни въ дѣлахъ М-ва, ни въ кабинетѣ раскольниковъ мы не встрѣчали.

дажи, пластыри и др. подобнаго рода предметы наводили на своихъ мадьяльцевъ только подозрѣніе, то рукописи и, особенно, письма, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ принадлежности Царева и его со- товарищей къ скопческой сектѣ, въ тоже время показывали, что эта секта уже успѣла значительно распространиться по всей Россіи и даже въ самой столицѣ ведетъ дѣятельную пропаганду и увеличиваетъ число своихъ членовъ.

Дѣло оказывалось весьма серьезнымъ и сложнымъ. Между тѣмъ, арестованные упорно отклонялись отъ всякихъ показаній: „на сдѣланные допросы всѣ они“—доносилъ Липранди—„отзываются невѣдѣніемъ, имѣютъ большую самонадѣянность, отвѣчаютъ иногда съ грубостію, присовокупляя, что не въ первый уже разъ ихъ разбирають, и т. д. ¹⁾).

Въ виду такого упорства скопцовъ и ихъ увѣренности, опиравшейся на прежде бывшіе примѣры, въ благополучномъ для нихъ исходѣ начатаго слѣдствія, и, съ другой стороны, подробно ознакомившись съ содержаниемъ найденныхъ у нихъ „письменныхъ документовъ“, Липранди считалъ необходимымъ „развернуть дѣло“ и „произвести строгое формальное слѣдствіе, распространивъ его на всѣхъ находившихся въ столицѣ скопцовъ“ ²⁾).

Раздѣляя взглядъ его на важность обнаруженныхъ фактовъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Перовскій, съ своей стороны, счелъ нужнымъ придать слѣдствію еще болѣе широкіе размѣры, и „для надлежащаго розысканія по предмету открытаго сборища учредилъ особую слѣдственную комиссію“ ³⁾, составивъ ее, подъ предсѣдательствомъ и по проекту Липранди, изъ пяти членовъ: трехъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, одного чиновника особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ и одного частнаго пристава С.-Петербургской полиціи.

¹⁾ Такъ, напр., Царевъ утверждалъ, что изъ 8 человекъ, взятыхъ въ его квартирѣ, 7 человекъ приходили для представленія ему паспортовъ для внесенія въ вѣдомость, требуемую Полиціею, а унтеръ-офицеръ Давильчиковъ зашелъ къ нему случайно, спросить о какомъ-то солдатѣ. Ермолаевъ утверждалъ, что съ него, при арестованіи, сняли не мѣдную кольчугу, а суконный набрюшникъ. Въ такомъ же родѣ были показанія и другихъ скопцовъ. Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

²⁾ Дѣло 1843 г., № 278.

³⁾ Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

Въ предписаніи, данномъ на имя предсѣдателя новоучрежденной Комиссіи, ей поручалось: „неограничиваясь скорѣйшимъ и точнымъ дознаніемъ противозаконныхъ дѣйствій участниковъ открытаго сборища, но употребить всѣ зависящія мѣры къ полному раскрытію скопчества и главныхъ виновниковъ его распространенія ¹⁾).

Другого болѣе подробнаго предписанія или инструкціи, которою точнѣе бы опредѣлялись характеръ и кругъ дѣятельности Комиссіи, въ дѣлахъ Министерства не встрѣчается,—да, по всей вѣроятности, и не было; такъ какъ, съ одной стороны, ей представлялось „дѣйствовать въ этомъ случаѣ по ближайшему своему усмотрѣнію“, съ другой, предсѣдатель ея пользовался правомъ, за разрѣшеніемъ возникшихъ недоумѣній, обращаться непосредственно и лично къ самому министру ²⁾). Равнымъ образомъ не встрѣчается и общаго полнаго отчета о дѣятельности Комиссіи, ³⁾, но изъ производившихся въ ней дѣлъ видно, что приведенное выше выраженіе предписанія „употребить всѣ зависящія мѣры къ полному раскрытію скопчества“, понимались въ самомъ обширномъ смыслѣ.

Комиссія производила обыски, допросы, очныя ставки, медицинскія освидѣтельствованія ⁴⁾, наводила справки въ губерніяхъ,—словомъ, все предварительное слѣдствіе, какъ, вначалѣ, о взятыхъ въ домѣ Глазунова ⁵⁾, такъ, впоследствии, и о другихъ столичныхъ и иногородныхъ

¹⁾ Дѣло 1843 г., № 278.

²⁾ Указанія на это можно видѣть почти въ каждомъ изъ большихъ слѣдственныхъ дѣлъ, производившихся въ Комиссіи, а также, напр., и въ Дѣлѣ 1844 г., № 233.

³⁾ Единственный „общій отчетъ“ о дѣйствіяхъ Комиссіи со дня ея учрежденія до конца Декабря 1847 г., представленный Липранди и находящійся въ Дѣлѣ 1843 г., № 278, по чрезвычайной краткости своей, не можетъ быть и названъ отчетомъ.

⁴⁾ Для чего въ засѣданіи Комиссіи обыкновенно были приглашаемы: Главный врачъ Полиціи, Городовой Акушеръ и Штадтъ-физикъ. Напр., Дѣла 1846 г., № 469.

⁵⁾ Когда объ обстоятельствахъ произведеннаго Комиссіею изслѣдованія объ этихъ лицахъ министръ Внутр. Дѣлъ доложилъ Государю,—„ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, признавая неудобнымъ, по важности дѣла и прикосновенности къ оному унтеръ-офицера морского вѣдомства, подвергать помянутое слѣдствіе разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ: все слѣдственное дѣлопроизводство объ открытой въ домѣ Глазунова скопческой моленной передать на разсмотрѣніе Военнаго Суда съ тѣмъ, чтобы заключеніе онаго представлено было въ М-во В. Д., для

скопцахъ, „которые дотолѣ не были извѣстны Правительству“, и о которыхъ она узнавала или изъ показаній лицъ уже арестованныхъ и находямой у нихъ переписки, или чрезъ особыхъ приобрѣтенныхъ ею агентовъ ¹⁾). Столичныхъ скопцовъ, уже „извѣстныхъ“ Правительству, т. е. внесенныхъ въ именной списокъ Коммиссія почти всѣхъ пересвидѣтельствовала снова, такъ какъ сдѣланныя въ списокѣ показанія о времени ихъ оскопленія въ нѣсколькихъ случаяхъ оказались неправильными ²⁾). Для болѣе обстоятельнаго дознанія о скопцахъ Московскихъ, а также и для руководства тамошнихъ слѣдователей, предсѣдатель Коммиссии два раза (въ 1844—45 годахъ) былъ командированъ въ Москву ³⁾). Получая же свѣдѣнія о скопцахъ, скрывавшихся въ губерніяхъ, Коммиссія сообщала объ нихъ мѣстному губернскому начальству, которое, по ея указаніямъ, и производило надъ ними слѣдствіе на мѣстѣ жительства и увѣдомляло ее о результатахъ ⁴⁾); но сектаторы, почему-либо обращавшіе на себя особенное вниманіе, высылались въ Коммиссію ⁵⁾).

Что касается до изслѣдованія внутренняго содержанія секты,—изслѣдованія также входившаго въ кругъ дѣятельности Коммиссии, то въ этомъ случаѣ на нее возложены были собственно однѣ подготовительныя работы. Въ ея непосредственное разсмотрѣніе и распоряженіе поступали всѣ письменные документы, предметы и вещи, находимые при обыскѣ у скопцовъ, не исключая даже бритвъ и перочинныхъ ножей, коль скоро на нихъ падало подозрѣніе, что они служили орудіемъ оско-

внесенія, по установленному для дѣлъ о раскольникахъ порядку, на окончательное рѣшеніе Комитета Министровъ“. Такъ сказано въ запискѣ, представленной Министромъ В. Д. въ Комитетъ Министровъ 14 Августа, 1847 г. Дѣло 1847 г., № 292, т. 1.

¹⁾ Изъ таковыхъ, по особенной дѣятельности, извѣстны: С.-Петербургскій купецъ скопецъ Разказовъ и Галичскій купецъ Шапошниковъ. Дѣла 1847 г., №№ 292, т. 2 и 269.

²⁾ Для этого столичные, внесенные въ списокъ, скопцы обязаны были по особой, чрезъ посредство полиціи, повѣсткѣ, являться въ Коммиссію. Дѣла 1843 г., № 278, 1847 г., № 248.

³⁾ Дѣло 1844 г., № 233.

⁴⁾ Наприм., Дѣла 1844 г., № 571, 1849 г., № 91.

⁵⁾ Такъ, наприм., были представлены въ Коммиссію: изъ Костромской губ. дворянка Перфильева. Дѣло 1847 г., № 269; и изъ Орловской губ. два крестьянина. Дѣло 1849 г., № 519; см. также дѣло 1849 г., № 91.

пленія ¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ, особо командированные отъ Министерства Внутр. Дѣлъ чиновники занимались, подѣ руководствомъ председателя Коммисіи, извлеченіемъ для нея свѣдѣній о скопцахъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ за прежніе годы, хранившихся въ архивахъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Морскаго, по вѣдомству Святѣйшаго Синода, и въ Московскихъ архивахъ: Военнаго Генераль-Губернатора, Гражданскаго Губернатора, Губернскомъ Старыхъ дѣлъ, Сенатскомъ, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Уголовной Палаты ²⁾.

Не входя въ критическую оцѣнку или подробный разборъ дѣятельности Слѣдственной Коммисіи,— на которую не разъ будемъ имѣть случай указать впослѣдствіи,— теперь приведемъ только, съ буквальною точностью, отзывъ о ней, помѣщенный въ отчетѣ Департамента Общихъ Дѣлъ за 1844 г., т. е. за первый годъ ея существованія. „Входя во всѣ подробности возложеннаго на нее изслѣдованія, Коммисія“ — говорится въ отчетѣ „обнаружила самымъ положительнымъ образомъ всѣ правила и обряды скопческой секты, сохраняемые сектаторами въ величайшей тайнѣ. Доселѣ правительство признавало спопцовъ за людей, болѣе или менѣе слѣдующихъ ученію св. Церкви и въ точности исполняющихъ всѣ обряды оной: Слѣдственною же Коммисіею дознано, что сектаторы сии хотя исполняютъ обряды Православія, но единственно для сокрытія своихъ преступленій и въ существѣ питаютъ совершенно отдѣльную ересь, чуждую христіанскому вѣроисповѣданію. Это подтверждается собранными Коммисіею книгами, рукописями, портретами лицъ, чтимыхъ сектаторами за святыхъ, и другими вещами, обличающими не только вредныя заблужденія скопцовъ противъ вѣры, но и дѣйствія ихъ къ общественному вреду клонящіяся“. Вмѣстѣ съ этимъ „дѣйствіями Коммисіи обличены два оскопителя изъ Петербургскихъ мѣщанъ и кромѣ того обнаружено скопцовъ, не бывшихъ прежде извѣстными Правительству: въ С.-Петербургѣ и губерніи 53 ч., въ Москвѣ 28, въ Ригѣ 2, въ Тобольскѣ 2, въ губерніяхъ: Псковской 3, Смоленской 2, Орловской 5, Ярославской 1 и на Кавказѣ 2, и того 98 человекъ“ ³⁾.

¹⁾ Напр. Дѣла 1845 г., № 1, и 1846 г., № 692. Въ это-то время положено было основаніе особому при Д-тѣ Общ. Дѣлъ „Архиву раскольниковыхъ вещей“.

²⁾ Дѣла 1843 г., № 278, 1845 г., № 38 и 100.

³⁾ Дѣло 1845 г., № 38.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству отчета, дѣятельность Комиссiи сопровождалась полнымъ успѣхомъ и она въ первый же годъ своего существованiя успѣла окончить половину возложеннаго на нея порученiя; выяснила, хотя въ общихъ чертахъ, сущность скопческаго ученiя и, что главное, собрала богатые матеріалы для ближайшаго съ нимъ ознакомленiя.

Въ это время въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ уже серьезно былъ возбужденъ вопросъ о составленiи, на основанiи официальныхъ данныхъ, полнаго и подробнаго описанiя раскольниковымъ толкамъ и сектамъ¹⁾. Богатство матеріаловъ, собранныхъ Слѣдственной Комиссiей, ускорило разрѣшенiе этого вопроса по отношенiю къ скопческой сектѣ²⁾: въ 1845 г. было уже отпечатано, по приказанiю Министра, составленное состоявшимъ при Министерствѣ Ст. Сов. Надеждинымъ, „изслѣдованiе о скопческой ереси“. Этому произведенiю, представляющему собственно опытъ догматико-историческаго изслѣдованiя,—потому ли, что оно было составлено главнымъ образомъ на основанiи „секретныхъ“ бумагъ Министерства или по какимъ-либо другимъ соображенiямъ,—придавалась особенная важность: оно было отпечатано въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и считалось предметомъ государственнаго секрета. Въ 1855 г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, препровождая къ Намѣстнику Кавказскому, Генераль-Адъютанту Муравьеву, по его просьбѣ, экземпляръ означеннаго изслѣдованiя присовокуплялъ: „по существу содержащихся въ семъ изслѣдованiи свѣдѣнiй и по особо состоявшемуся объ ономъ **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнiю³⁾, описанiю скопческой ереси составляетъ строго-оберегаемую государственную тайну и извѣстно лишь весьма немногому числу лицъ, облеченныхъ особымъ довѣрiемъ Правительства, а потому я считаю излишнимъ прибавлять, что препровождаемый экземпляръ описанiя скопческой ереси долженъ служить исключительно для употребленiя Вашего Высочайшества и подлежать сохраненiю въ совершенной тайнѣ⁴⁾).

1) Какъ это можно видѣть изъ дѣла 1845 г., № 100.

2) Въ дѣлахъ М-ва В. Д. есть указанiе, что М-ръ Госуд. Имущ. еще въ 1840 г. „полагалъ необходимымъ, въ предупрежденiе дальнѣйшаго зла отъ распространенiя (въ Тавр. губ.) шалапутской или скопческой ереси, изслѣдовать точнѣйшимъ образомъ существо оной“. Дѣло 1843 г., № 85.

3) Этого **ВЫСОЧАЙШАГО** повелѣнiя мы не нашли въ дѣлахъ архива.

4) Дѣло 1855 г., № 199.

Судя по началу „Исслѣдованія о скопческой ереси“ и по тѣмъ матеріаламъ, которые нѣ въ послѣдующіе годы собирались и передавались Надеждину¹⁾, надо полагать, что онъ имѣлъ въ виду развить и продолжать свой трудъ, тѣмъ болѣе, что въ исслѣдованіи онъ только слегка и какъ бы мимоходомъ коснулся явленій внѣшней жизни скопчества, вопросъ о которой представлялъ и представляетъ такую же, если еще небольшую, важность, какъ и вопросъ о внутреннемъ содержаніи секты. Но, къ сожалѣнію, Надеждинъ не окончилъ своего исслѣдованія, и значительный пробѣлъ оставленный имъ, весьма трудно пополнить въ настоящее время, когда мы уже не имѣемъ и половины тѣхъ матеріаловъ, какіе необходимы для изученія исторіи секты съ ея появленія до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія и какіе были въ распоряженіи Надеждина²⁾.

Такимъ образомъ обнаруженіе скопческихъ собраній въ домѣ Глазунова, вызвавшее учрежденіе особой Слѣдственной о скопцахъ Коммисіи, положило начало новому періоду въ исторіи скопческой секты,—новому въ томъ смыслѣ, что съ этого времени начинаютъ раскрываться ея „тайности“, около 70 лѣтъ³⁾ скрывавшіяся подъ непроницаемою для постороннихъ глазъ завѣсою, и выясняютъ настоящій характеръ, приемы и кругъ дѣятельности секты; а это, естественно, вызываетъ со стороны Правительства усиленіе строгости суда и надзора надъ сектаторами.

Правда, скопчество и въ прежніе годы⁴⁾ не разъ обращало на себя вниманіе Правительства и даже вызвало цѣлый рядъ болѣе или менѣе строгихъ мѣръ „къ прегражденію распространенія секты“; но при этомъ все знакомство съ внутреннимъ содержаніемъ и характеромъ внѣшней дѣятельности ея не шло далѣе того, что „скопцы богохульная ересь, потому что начальника секты почитаетъ Христомъ. Вредитъ обществу, оуждая бракъ, искажая людей, и истребляя потомство“⁵⁾. Съ другой

1) Напр. Дѣло 1844 г., № 233.

2) Такъ, наприм., неизвѣстно гдѣ находятся выписки изъ архивныхъ дѣлъ прежнихъ лѣтъ и „до 20 писемъ“, отобранныя у скопчихи Перфильевой, на которыя указывается въ Д. 1847 г., № 259.

3) Дѣло 1845 г., № 38. О времени закрытія Коммисіи нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній: послѣдніе же рапорты отъ ея имени относятся къ 1851 г., дѣло 1851 г., № 250.

4) Какъ извѣстно, первое официальное свидѣтельство о появленіи скопчества содержится въ указѣ Екатерины II отъ 2 іюля 1772 г.

5) Такъ (уже въ 1842 г.) опредѣлить сущность скопческой секты св. Синодъ, отвѣчая на вопросъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „какіе изъ

стороны мѣры изыскивались, но на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, или оставались безъ примѣненія, или же примѣнялись такъ, что не могли приносить никакой пользы.

Въ этомъ отзывѣ нѣтъ преувеличенія. Напротивъ, онъ вполне вѣренъ и основывается на несомнѣнныхъ и немалочисленныхъ фактахъ, незамедлившихъ обнаружиться, какъ только началось слѣдствіе по поводу открытаго въ домѣ Глазунова скопческаго сборища.

Прежде всего обратили на себя вниманіе, ежегодно представляемые въ М-во В. Д. Начальниками губерній, именные списки о скопцахъ, заведенные по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію 11 Марта 1836 г., какъ одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ „къ прегражденію распространенія секты скопцовъ“, и долженствовавшая служить по возможности полнымъ и точнымъ за данное время и данную мѣстность отчетомъ о личномъ составѣ секты и ея дѣятельности.

Когда таковой списокъ по г. С.-Петербургу за 1842 г. ¹⁾ былъ сообщенъ Министерствомъ на разсмотрѣніе Слѣдственной Комиссіи и въ облегченіе ея розысканій, она не могла воспользоваться его помощью, такъ какъ нашла его составленнымъ крайне неполно и неправильно: „одно и тоже лицо показывалось часто вдвойнѣ, имена искажены, годы рожденія и оскотленія означены не вѣрно, званія перепутаны; однимъ словомъ, допущены всякія несходства, такъ что, какъ въ послѣдствіи оказалось, знатное число, составляющее треть показаннаго по списку, не было внесено въ оный ²⁾. Столь же неудовлетворительнымъ оказался списокъ Московскій. Командированный (въ 1844 г.) въ Москву, Предсѣдатель Слѣдственной Комиссіи открылъ—по собственнымъ его сло-

раскольническихъ сектъ и толковъ признаются духовнымъ начальствомъ особенно противными ученію св. Церкви? Собр. постановл. по ч. раскола. стр. 409.—Извѣстныя слова ВЫСОЧАЙШАГО указа 25 іюля 1806 г., что скопцы суть „враги человечества, развратители нравственности, нарушители законовъ Божіихъ и гражданскихъ“,—очень вѣрно охарактеризовали секту; но они оставались какъ бы погребенными въ этомъ указѣ. И самъ Императоръ Александръ очень скоро измѣнилъ свое мнѣніе о скопцахъ до того, что даже дозволилъ свободное пребываніе въ столицѣ самому ихъ „Батюшкѣ Искупителю“.

1) Собрн. постановл. стр. 211.

2) Т. е. за послѣдній, предъ учрежденіемъ Слѣд. Комиссіи, годъ, за вторыя списки уже были доставлены въ М-во.

вамъ— „въ самое короткое время и безъ употребленія на то особенныхъ мѣръ и средствъ“, 28 ч. скопцовъ, проживавшихъ въ Москвѣ, но не внесенныхъ въ списокъ ¹⁾). Неправильность списковъ столичныхъ, естественно, заставляла предполагать не меньшую, а скорѣе большую неправильность въ доставленныхъ изъ губерній, — уже по одному тому, что Полицейскія Управленія послѣднихъ не могли имѣть такихъ средствъ къ наблюденію за сектаторами, какъ столичныя. Розысканія, произведенныя Слѣдственной Коммиссіею, вполне подтвердили вѣрность такого предположенія. На основаніи этихъ розысканій, если еще нельзя было опредѣлить дѣйствительнаго количества сектаторовъ въ Имперіи, то, по крайней мѣрѣ, не оставалось сомнѣнія въ томъ, что „официальныя цифры статистики скопцовъ (того времени), и въ частности и въ общемъ итогѣ, были весьма далеки не только отъ точности, но даже отъ приблизительнаго правдоподобія“ ²⁾).

Неполнота цифры скопцовъ, скрывавшая отъ Правительства дѣйствительное положеніе скопчества, была тѣмъ прискорбиѣе, что свидѣтельствовала въ то же время о крайней невнимательности, съ какою относились къ именованнымъ спискамъ — какъ ихъ составители, такъ и тѣ, на чье разсмотрѣніе поступали списки по ихъ составленіи. Чѣмъ иначе можно объяснить, на примѣръ, невнесеніе въ списокъ скопцовъ уже судившихся и, по рѣшенію суда, оставленныхъ по какимъ-либо причинамъ на мѣстѣ жительства безъ наказанія, но съ учрежденіемъ надъ ними „строгаго полицейскаго надзора“ ³⁾. Затѣмъ, въ Петербургскомъ списокѣ, противъ нѣкоторыхъ скопцовъ было отмѣчено, что они „судимы и преслѣдуемы за сіе (т. е. за осконленіе) не были“ ⁴⁾. Эта отмѣтка, указывавшая на неисполненіе яснаго и положительнаго требованія закона ⁵⁾, проходила до учрежденія Слѣдственной Коммиссіи незамѣченною. Теперь она обратила на себя особенное вниманіе и сдѣлалась причиною общаго, строгаго пересмотра всѣхъ списковъ, а при пересмотрѣ обнаружались и другія уклоненія отъ дѣйствовавшихъ постановленій по части раскола.

1) Дѣло 1844 г., № 233.

2) Надеждина „Измѣдованіе о скопч. ереси“.

3) Напр., Дѣло 1846 г., № 637.

4) Дѣло 1843 г., № 278.

5) Т. XV, ст. 206.

Обязывалось, что не всё дѣла о скопцахъ были ведены по особому установленному для нихъ порядку; иногда приговоры инстанцій уголовнаго суда надъ скопцами приводились въ исполненіе безъ предварительнаго представленія ихъ чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и при его заключеніи на утвержденіе Комитета Министровъ ¹⁾, и нѣкоторые скопцы, преданные суду, были освобождены отъ всякой отвѣтственности за сіюю ВСЕМИЛОСТИВѢЙШИХЪ Манифестовъ, не долженствовавшихъ на нихъ распространяться ²⁾.

Но этими уклоненіями еще не ограничивалось дѣло. Скопцы (разумѣемъ извѣстныхъ Правительству) свободно отлучались съ мѣсть жительства ³⁾, приписывались въ мѣщанство и купечество ⁴⁾, переписывались изъ города въ городъ ⁵⁾, и, даже, служили по выборамъ. Такъ, въ самомъ Петербургѣ, изъ числа скопцовъ, показанныхъ въ спискахъ, служили купцы: а) 3-й гил. Степанъ Кобычевъ съ 1837 г. Судьею Словеснаго Суда Выборгской части, а съ начала 1844 г. церковнымъ старостою при Шлиссельбургскомъ Соборѣ ⁶⁾, б) 2-й гил. Степанъ Васильевъ съ 1839 г. членомъ Комитета Дома Призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ и в) 1-й гил. Фирсъ Садовниковъ съ 1830—33 гг. заведателемъ въ 1 Департаментѣ Палаты Гражданскаго Суда, съ 1836—40, директоромъ въ Государственномъ Ассигнаціонномъ Банкѣ, а съ 1840 г.—директоромъ Коммерческаго банка ⁷⁾.

Здѣсь же упомянемъ объ одной, не лишенной интереса, случайности: всѣ „чиновные“ скопцы, по неизвѣстности объ ихъ оскотленіи, не вошли въ именныя списки и потому нѣкоторые изъ нихъ пользовались всѣми правами, сектаторамъ не предоставленными. Вотъ они: 8 класса Воробьевъ ⁸⁾, Маіоръ Ефимовъ, Капитаны Самойловъ и Степановъ ⁹⁾, Штабсъ-Капитанъ Невѣровъ, Подпоручикъ Борисовъ, Прапорщикъ (изъ дворянъ) Долговъ ¹⁰⁾, Титулярный Совѣтникъ Никифоровъ,

1) Напр. Дѣла 1845 г., № 464, 1847 г., № 330, 1849 г., № 624.

2) Напр. Дѣла 1846 г., № 381, 1847 г., № 480, 1848 г., № 252.

3) Напр. Дѣла 1843 г., № 287, 1844 г., № 560.

4) Напр. Дѣла 1345 г., № 56, 297, 378; 1847 г., № 292.

5) Дѣло 1844 г., № 292.

6) Дѣло 1844 г., № 166.

7) Надежд. „Исслѣд.“.

8) Дѣло 1843 г., № 278.

9) Дѣла 1846 г., № 56 и 1848 г., № 543.

10) Дѣло 1845 г., № 323.

Губернскіе Секретари Пинзулинъ, Крюковъ и Ѳокинъ ¹⁾, Коллеж. Регистраторы Андреевъ ²⁾ и Митинъ, и 14 кл. Куликовъ ³⁾. Изъ нихъ состояли на дѣйствительной службѣ: Воробьевъ — Казначеемъ Академіи Художествъ, Ефимовъ смотрителемъ госпиталя въ крѣпости Грозной, Самойловъ смотрителемъ госпиталя въ крѣпости Грозной, Пинзулинъ смотрителемъ Гатчинскихъ казармъ, и Андреевъ смотрителемъ надъ зданіями Московскаго Воспитательнаго Дома. Какъ „чиновники“ и, притомъ, люди болѣе образованные, чѣмъ остальная масса скопцовъ, эти лица были небезполезными для секты членами, а занимаемая ими должности доставляли имъ возможность давать пріютъ и средства къ существованію сектаторамъ изъ низшихъ классовъ народа. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Никифоровъ (управлявшій въ Петербургѣ двумя большими смежными домами доктора Буяльскаго и скопца-купца Кобычева ⁴⁾) помогалъ скопцамъ составленіемъ для нихъ прошеній и др. бумагъ по ихъ дѣламъ ⁵⁾; а при Воробьевѣ († 1841 г.) счетчиками и др. прислужниками въ Академіи Художествъ были скопцы, въ 1845 г. еще состоявшіе при Академіи ⁶⁾.

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для характеристики времени, предшествовавшаго учрежденію Слѣдственной Комиссіи и, конечно, нѣтъ надобности прибавлять, что подобное снисхожденіе или невниманіе къ сектаторамъ, давало сектѣ полную возможность и свободу укрѣпляться и распространяться. Понятны при этомъ и тѣ „дерзость и самоувѣренность“, съ какими арестованные въ домъ Глазунова скопцы давали свои показанія на первоначальныхъ допросахъ, похваляясь, что „не въ первый уже разъ ихъ (т. е. скопцовъ вообще) разбираютъ“ ⁷⁾.

(Продолженіе будетъ).

1) Дѣло 184 г., №

2) Дѣло 1844 г., № 233.

3) Дѣло 1848 г., № 278.

4) Дѣло 1845 г., № 323.

5) Дѣло 1845 г., № 195.

6) Надежда „Извѣдковъ“.

7) Дѣло 1843 г., № 278.

Изъ записокъ и дневниковъ.

На своей позиціи.

(Изъ новогодней переписки приходскаго священника съ епархіальнымъ миссіонеромъ).

Письмо 1-ое.

1) Приходская миссія. 2) Священникъ ведетъ публичныя бесѣды съ сектантами. 3) Совѣтъ священника миссіонеру. 4) Привѣтствіе миссіонеру отъ членовъ приходскаго кружка ревнителей православія.

Дорогой Нафанаилъ Петровичъ!

Ваше новогоднее посланіе мной получено.—Душевно и я васъ привѣтствую съ новолѣтіемъ благодати Божіей и отъ всего сердца желаю счастливаго увѣнчанія такъ любовно создаемаго вами миссіонерскаго нашего дѣла. Благодарю васъ за указанія по части миссіи. Когда вы были у меня, вы дали мнѣ хорошій братскій совѣтъ: читать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вечерами въ школьномъ зданіи Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ и давать краткое толкованіе прочитанному. Совѣтовали вы также завести на чтеніяхъ общее всенародное пѣніе. Отъ публичныхъ бесѣдъ съ сектантами вы рекомендовали мнѣ воздерживаться. Я долго думалъ надъ вашими словами. И, правду сказать (буду откровененъ, потому что говорить лезть, по самому званію своему, не могу), я только отчасти соглашался съ вашимъ планомъ. Признаю, что онъ практиченъ. Слава Богу: когда этотъ планъ я сталъ выполнять, то православные перестали ходить на сектантскія сборища, какъ это они неоднократно дѣлали, а сектанты начали посѣщать наши собранія. Согласно словамъ Апостола: „быхъ вѣмъ вся“, я свои чтенія назвалъ „собраніями“, именемъ, наиболѣе привычнымъ для сектантскаго слуха. Не скрываю: сектанты отъ этого названія бесѣдъ и ихъ постановки остолбенѣли.

Они никакъ не могли допустить, чтобы православные во время общей молитвы могли обходиться безъ ризъ, ладана и т. д. Заинтересовались нашимъ дѣломъ, стали бывать у насъ. Все это хорошо, все это такъ естественно и жизненно. Но въ вашемъ: „не вступайте въ публичныя бесѣды“, я почувствовать недовѣріе къ пастырской ревности. Я былъ „задѣтъ за живое“ вашими словами. Меня мутило. Думалось мнѣ: что же это такое? Неужели миссіонеръ не вѣрять въ насъ, пастырей? Неужели же мы такъ плохи, что даже слова Божія не знаемъ и не можемъ, какъ слѣдуетъ, бороться со зломъ, развѣдающимъ нашу паству. Конечно, не безъ основанія вы говорили: у васъ были данныя изъ вашего опыта. Но тѣмъ это больше для насъ, пастырей. Какъ пастырь, говорю вамъ, не лгу: я рѣшилъ, по вашему отъѣздѣ отъ насъ, приняться и за устройство собраній, и за публичныя бесѣды. Труды было не мало. Да это и понятно. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ могли мы получить хорошую подготовку къ миссіонерскому дѣлу?.. Вѣдь семинарія почти ничего намъ не дала по этой части. Только и осталось пригоднаго, что тысячу разъ заучивалось и по Основному богословію, по Догматикѣ, и по Богословію обличительному, и по „расколу“: „стойте, братіе, и держите преданія“... да „Единъ Ходатай“... Но я собственно не о томъ хочу сказать. Да, мы выходимъ изъ семинаріи неподготовленными, съ плохимъ знаемъ нашихъ миссіонерскихъ задачъ. Но вѣдь мы пастырями дѣлаемся, и неужели мы настолько плохи, что у насъ не хватаетъ главнаго, именно пастырско-огненной ревности? Меня, повторяю, мутило. Ночей не спать. Нервничать. Но въ результатѣ я бесѣдую съ сектантами, бесѣдую открыто, публично, необязательно; истина торжествуетъ: сектанты уходятъ съ бесѣдъ поколебленными, смущавшіеся православные — утвержденными въ вѣрѣ. Нѣтъ, Нафанаэль Петровичъ, хотя вы и епархіальный миссіонеръ и нашъ руководитель, а позвольте и мнѣ по-братски написать вамъ: когда будете ѣздить по селамъ, такъ убѣждайте батюшекъ, чтобы они „огнемъ горѣли“; чтобы у нихъ все было: и чтеніе, и бесѣды. Вотъ тогда-то и миссія наша двинется, и упреки по нашему адресу прекратятся. По моему, да и не только по моему, мнѣнію: коли пастырь, такъ пастырь... а иначе и не лѣзь сюда, въ это великое и страшное дѣло...

Спаси васъ, Господи, за ваше доброе слово! Семья моя и наши ревнители шлютъ вамъ свой сердечный привѣтъ. Молитесь за меня, какъ и я помню васъ въ своихъ молитвахъ. За каждой литургіей вспоминаю дары вашей любви ко мнѣ.

Душевно вамъ преданный іерей Петръ Никольскій.

Письмо 2-ое.

1) Радость батюшки по поводу учрежденія приходской миссиі по всѣмъ приходамъ епархіи. 2) Сектанты читають противосектантскіе листки. 3) Приходскіе „ревнители“ просятъ у миссіонера икону въ благословеніе.

Дорогой Нафанаиль Петровичъ!

Письмо ваше получилъ и порадовался за наше общее дѣло. Вы сообщаете, что теперь по всѣмъ приходамъ нашей епархіи волей нашего владыки будутъ устроены мѣстныя, такъ называемыя приходскія миссиі. Благодареніе Господу Богу, тако устроющему наше великое церковное дѣло! Нафанаиль Петровичъ, мнѣ хотѣлось бы всю душу предъ вами открыть: меня охватила какая-то радость, все мое существо взволнованная... Вы, несомнѣнно, меня понимаете. Но я все-таки хочу говорить... и вотъ о чемъ: вѣдь теперь у насъ будетъ цѣлая рать, громадное войско... а при помощи Божіей, чего только не сможетъ сдѣлать это духовное воинство!... То-то взволнуется теперь сектантскій міръ! Поймутъ, что за нихъ рѣшили приняться, какъ стѣдуетъ.

Распоряженіе владыки очень хорошо. Ну, что такое эта миссія съ епархіальнымъ миссіонеромъ, однимъ—двумя помощниками? Вѣдь это—„жалость и горе“. Да мало того—соблазнъ великій и для православныхъ и для сектантовъ. Приѣхали вы въ тотъ или иной приходъ, побесѣдовали, пожили день, другой, третій, да и дальше: что толку изъ того? Положимъ, напр., что вы приѣхали, по многимъ вопросамъ заградили уста вашимъ совопросникамъ, подбодрили православныхъ, ищую колеблющуюся душу утвердили въ правдѣ, а уѣхали... православные и начинаютъ думать: „вотъ оно дѣло, значить, выходитъ какое... только миссіонеръ и можетъ защищать вѣру, а что нашъ батюшка? Неужели онъ неспособенъ? Сектанты въ свою очередь сбиваютъ православныхъ съ толку: „вотъ наши пастыри... вѣры своей не знаютъ и отвѣта спрашивающему объ упованіи дать не могутъ... глупцы вы, коли идете за такими пастырями“.

Слава Богу! Слава Богу!

Прошу васъ, Нафанаиль Петровичъ: попросите наше начальство, чтобы мнѣ были высланы листки противосектантскіе; нужно сто листковъ. Сектанты стали хорошо читать ихъ, а двое изъ нихъ даже спросили меня: „нѣтъ ли у васъ, батюшка, еще такихъ листковъ, какъ тѣ, что вы давали намъ“?

Помогай вамъ, Богъ, въ вашемъ святомъ и великомъ дѣлѣ.

Не скорбите. Я знаю, что у васъ много скорбей, но что-жъ подѣлаешь?.. На то Божья воля.

Семья посылаетъ вамъ свой привѣтъ, а ревнители, кромѣ сего, просятъ меня передать вамъ, что они желаютъ имѣть отъ васъ иконку, какъ бы въ благословеніе на ихъ труды.

Храни васъ, Господи!

Сердечно вамъ преданный священникъ Петръ Никольскій.

Письмо 3-ое.

- 1) Озлобленіе сектантскихъ вожаковъ противъ священника.
- 2) Священникъ заботится о пополненіи своего школьнаго богословскаго образованія.
- 3) Новыя доказательства добрыхъ отношеній между епархіальнымъ миссіонеромъ и приходскими „ревнителями“.

Дорогой Нафанаилъ Петровичъ!

Утѣшалъ я васъ въ вашихъ скорбяхъ, а теперь и самъ прошу вашего утѣшенія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Все шло у меня хорошо, не то, чтобы блестяще, а все-таки я былъ нравственно доволенъ тѣмъ, что Господь благословляетъ труды мои и нашихъ ревнителей. Только вдругъ и произошла заминка, и ужъ не знаю, отчего это... быть можетъ, просто для моего испытанія?.. Приѣзжаю я въ деревушку, приписанную къ моему приходу (Каменкой называется), и какъ только пріѣхалъ, такъ и началъ толковать съ сектантами. Говорю имъ, а самъ чувствую, что дѣло какъ-то не клеится у меня, да и сектанты это замѣчаютъ и какъ будто торжествуютъ. Я имъ толкую о крестѣ и вопросы ставлю, а они все молчатъ, да молчатъ... Сговорились не давать мнѣ отвѣта. Кончилъ я свою рѣчь и взглянулъ на толпу: въ ужасъ пришелъ... всѣ смотрятъ на меня съ озлобленіемъ, особенно ихъ наставникъ Кириллъ Иванычъ и одна старуха, ранѣе мнѣ извѣстная своимъ фанатизмомъ, Марья по имени. Ну, братіе, чего-жъ вы молчите?—спрашиваю я ихъ всѣхъ. Опять молчаніе. Чувствую: быть грозѣ. Постояли мы этакъ минуты двѣ другъ противъ друга, какъ вдругъ Кириллъ Иванычъ выступаетъ впередъ и лѣзетъ съ сжатыми кулаками ко мнѣ:

— Уѣзжайте отъ насъ!—кричить, и какимъ-то при этомъ ужаснымъ хриплымъ голосомъ: уѣзжайте, говорить, а то плохо будетъ! Видишь ты, какую моду взяли... ребятъ нашихъ путать, да мутить... Скажи пожалуйста: Христось новый явился, что къ нему по ночамъ потихоньку стали наши ходить, да слушать тамъ вся-

кую, съ позволенія сказать, ерунду. Не тѣ, батька, нонѣ времена!— Коли ужъ ты началъ смуту заводить, такъ и мы управу найдемъ... пожалуемся, ей-ей, пожалуемся, что ты нашу жизнь разстраиваешь. Убъзжай, говорю!—довольно и того, что было! и убъзжай безъ оглядки, потому не ровень часъ—на манеръ Лотовой жены стѣлаешься.

И много еще кричалъ и говорилъ Кирилль Ивановичъ, что и пересказывать то страшно: такъ онъ бранилъ меня и нашихъ пастьрей; и такъ онъ хулилъ нашу святую церковь! А я стою и молчу... молчу, да молчу. Только вижу: толпа какъ будто при-смрѣла. Озлобленіе меньше стало замѣтно. А ребята нѣкоторые уже со злобой на наставника смотрять. Кончилъ Кирилль Ивановичъ и руками за бока свои схватился, такимъ это козыремъ предо мной: смотри-де, каковъ я, и чего только я могу наговорить... Я тоже посмотрѣлъ ему въ глаза, глянулъ прямо и безъ страха. А потомъ и говорю: Кирилль Ивановичъ, ты общаешься превратить меня въ столбъ соляной... А отчего жена Лотова стала этимъ столбомъ? Да оттого, что оглянулась на Содомъ и Гоморру... Вотъ и выходитъ, что ты самъ призналъ свою Каменку тѣмъ же, тѣмъ были Содомскіе города. Храни васъ всѣхъ, Господь,—добавилъ я, и желаю, чтобы ваши души перестали горѣть въ огнѣ зловѣрія. Надѣлъ шапку и пошелъ. Толпа разступилась, дала мнѣ дорогу, и я живъ и здоровъ добрель до своей брички и поѣхалъ.

Вотъ обстоятельства мои. Ради Бога, Нафанаилъ Петровичъ, скажите, что мнѣ дѣлать? Какъ дальше поступать? Съ одной стороны, нелѣпо бросать начатое дѣло: безсильными насъ сочтутъ; съ другой, боюсь, какъ бы сектанты, дѣйствительно, не пожаловались на меня по начальству... дѣло можетъ дойти до того, что меня сочтутъ безпокойнымъ человѣкомъ, и прикажутъ прекратить сношенія съ сектантами. Голову теряю. Думаю, думаю—ничего не выходитъ. Въ вашей практикѣ, вѣроятно, уже были такіе случаи или имъ подобные; у васъ и отвѣта ишу.

Книжки ваши получилъ. Миссіонерскіе журналы выписаны. Кромѣ того, послалъ деньги въ редакціи „Православно-русскаго слова“, „Вѣры и церкви“, „Богословскаго Вѣстника“ и „Отдыха христіанина“. Надо читать, читать и читать... Ужъ больно узки моя горизонты.

За иконку и Библію для ревнителѣй отъ лица всего „кружка“ приношу вамъ глубокую благодарность. На-дняхъ у васъ будетъ самый ревностный членъ нашего сельскаго православнаго воинства, Андрей Кузьмичъ Кораблевъ. Обѣщался побывать въ вашей

квартирѣ. Захвачу, говоритъ, Нафанаила Петровича дома, или нѣтъ, а повезу ему яблоковъ моченыхъ... пусть утѣшаетъ свою худобу... авось хоть капельку крови ему прибавлю... жаль бѣднягу: тѣлеса совѣмъ на нѣтъ сходятъ...

Горячій привѣтъ вамъ отъ семьи, ревнителей, а отъ меня и благословеніе. Мужайтесь, да на счетъ здоровья будьте позаботливѣе. Вашъ съ любовью іерей Петръ Никольскій.

Письмо 4-ое.

1) Сектантскіе вожаки примиряются съ священникомъ. 2) Исповѣдь сектанта. 3) Подарокъ епархіальнаго миссіонера приходскому „ревнителю“.

Здравствуйте, возлюбленный Нафанаиль Петровичъ!

Спѣшу подѣлиться съ вами моей радостью. Какъ только получилъ ваше дорогое письмо, безъ промедленія на другой же день и поѣхалъ въ Каменку. Не скрываю отъ васъ: жутко было ѣхать. Успокаивалъ себя только тѣмъ, что ѣду по великому дѣлу, что я долженъ ѣхать. Являюсь въ деревушку—и прямо въ домъ Кирилла Ивановича отправляюсь. Рѣшилъ провести до конца вашъ плапъ. А хорошо ли я его осуществилъ, отдаю на вашъ судъ. Вошелъ это я въ избу, снялъ шапку и громко радостнымъ тономъ произнесъ: „миръ дому сему“. Въ хатѣ вся семья была въ сборѣ и Кирилль Ивановичъ тутъ же. Смотрю на моихъ знакомыхъ, а у самого сердце такъ и стучить, такъ и „заходится“... думать ясно не могу, чувствую только, что совершается что-то рѣшительное, отъ чего зависитъ вся судьба нашей проповѣди среди этихъ людей. А вдругъ не отвѣтятъ?—прогонятъ?—со скандаломъ попросятъ выйти изъ хаты? Но тутъ произошло нѣчто для меня неожиданное... Хотя я и вѣрилъ вашему совѣту, но все же неполной вѣрой: часъ на часъ не походить... у васъ было такъ, а здѣсь могло быть иначе: здѣсь иные люди, иные нравы, иные могли быть и обстоятельства. Но въ хатѣ Кирилла Ивановича мои сомнѣнья пропали. Здѣсь я повѣрилъ той вашей мысли, что какъ бы ожесточенъ человѣкъ не былъ, все же онъ не дьяволъ, все же совѣсть въ немъ остается; а гдѣ совѣсть, тамъ и раскаяніе. Я и нашелъ эту совѣсть и это раскаяніе въ моемъ, какъ думалъ я, лютомъ врагѣ. Кирилль Ивановичъ не выдержалъ себя послѣ моего привѣта и робко, болѣе чѣмъ виновато, сказалъ: „здравствуйте, батюшка“. А потомъ обратился къ своимъ домочадцамъ съ просьбой, чтобы всѣ вышли изъ хаты; и когда тѣ, безпрекословно повинувшись его словамъ, оставили насъ вдвоемъ,

Кирилль Ивановичъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руки, усадилъ на лавку и заговорилъ:

— Ты, батюшка, прости меня, старика: погорячился я, да что подблаещь? Ужъ больно ты надоѣлъ мнѣ тогда своею политикой: полбѣзъ, куда не звали, сталъ просвѣщать тамъ, гдѣ и безъ того свѣтло, одна благодать. Посердился я на тебя порядочно. А потомъ, когда увидѣлъ твою кротость, да твое горькое слово, что у насъ души горять и сгораютъ, я и задумался... задумался вотъ наль чѣмъ. Ты, батюшка, проповѣдуешь и въ свою вѣру хочешь перетянуть, а я къ тебѣ съ кулаками и, правду сказать, хотѣлъ побить тебя, и чтобы другіе тоже надавали тебѣ „по всей формѣ“. Убѣлъ ты, а я и вспомнилъ Дѣян. 5, 38 и 39: „если это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его“. На этомъ остановилась голова моя, и ходу мнѣ дальше нѣтъ. Думаю, думаю, а все къ одной этой точкѣ прихожу, да такъ и застрялъ на ней. И теперь ужъ прямо тебѣ скажу, каюсъ предъ тобой: мы зазираемъ православныхъ въ непутевой жизни, а вѣдь мы, наставники, дѣлаемъ эти зазиранія только для видимости. Мы чувствуемъ, что и у насъ много, очень много плохого. Но только сказать этого предъ всѣми нашими братьями мы не можемъ. А почему, ты это самъ понимаешь. Отстать же отъ своей манеры я, какъ и другіе старцы, не можемъ: соблазнъ великій поидеть, многіе уйдутъ отъ насъ... А кто знаетъ, гдѣ правда? Что если она у насъ, у молочанъ? Вѣдь я тогда буду виноватъ въ погибели другихъ... такъ ужъ лучше предоставимъ все Господу Богу... Поэтому я теперь не буду перечить тебѣ, батюшка... Я тоже буду съ тобой бесѣдовать и жарко буду говорить... а тамъ, что Богъ дастъ... увидимъ, чья возьметъ. Да не забудь: я съ тобой по душѣ поговорилъ, такъ ты смотри: не брякни предъ общиной нашей на счетъ нашего разговора. Потому я сталъ тебѣ душу выкладывать, что вижу твою душу, и что ты не охотникъ скандалничать.

Наклоненіемъ головы я выразилъ свое согласіе на просьбу Кирилла Иваныча, послѣ чего онъ поднялся, вышелъ къ своимъ въ другую половину избы, и громко, такъ что я услыхалъ, сдѣлать распоряженіе: „Ну, бабы, скорѣй самоваръ да калачей!— гость чайку хочеть“. Возвратившись ко мнѣ, Кирилль Иванычъ сталъ спрашивать меня о моемъ хозяйствѣ, о моей семьѣ, о здоровьѣ моемъ; повелъ, однимъ словомъ, самый обычный житейскій разговоръ. Въ скоромъ времени принесли самоваръ, а вмѣстѣ съ нимъ появилась и вся семья Кирилла Ивановича. Бесѣдовали много и мирно. Не разъ заговаривали о христіанской любви и христіанскомъ всепрощеніи. Кирилль Иванычъ даже

сдѣлалъ назиданіе своимъ: „замѣтте, дѣтки: зла никогда не надо помнить“. Глянулъ я на часы: уже къ полночи время подходитъ; пора и домой ѣхать. Кирилль Иванычъ понялъ мое намѣреніе и сказалъ: „батюшка, ночь такая хорошая... хорошо сейчасъ проѣхаться... дозвольте мнѣ запречь свою лошаденку и проводить васъ и поговорить съ вами“... Я, конечно, выразилъ свое полное согласіе. Кирилль Иванычъ побѣждалъ. Быстро, несмотря на свою старость, самъ запрягъ лошадь. Я простился съ семействомъ К. И. и поѣхалъ. Мой работникъ ѣхалъ на моей бричкѣ впереди, а я съ моимъ собесѣдникомъ позади. Пока ѣхали до дому, Кирилль Ивановичъ все время говорилъ и говорилъ не умолкая, трактуя о христіанской правдѣ, о темнотѣ молоканской, о своихъ житейскихъ невзгодахъ. Разстались мирно, хорошо. На прощанье я просилъ Кирилла Ивановича бывать у меня, когда найдетъ случай и возможность. Онъ обѣщалъ мнѣ это...

Вотъ вамъ, Нафанаиль Петровичъ, моя радость. Простите, что такъ много написалъ сегодня, заставилъ васъ читать мое длинное посланіе. Я знаю, что и безъ меня у васъ много хлопотъ и дѣла. Но я не могъ не подѣлиться съ вами моимъ радостнымъ настроеніемъ. Такъ хорошо у меня на душѣ! Настоящій рай земной! Моя жена испугалась за меня, поджидая меня такъ долго... думала, что приключилось со мной что-нибудь дурное. Знала она про ваше письмо и про вашу совѣтъ... въ душѣ негодовала на васъ... сама призналась въ томъ, когда я пріѣхалъ. Но, узнавши результатъ моей поѣздки, возрадовалась, и радость ея только усугубила мое праздничное настроеніе.

Храни васъ, Господи, дорогой Нафанаиль Петровичъ! Дай, Богъ, вамъ и счастья, и добраго здоровья!

Ждемъ васъ къ себѣ. Пріѣзжайте, дорогой, поскорѣе.

Андрей Кузьмичъ весьма доволенъ временемъ, у васъ проведеннымъ. Теперь всѣмъ показываетъ вашу брошюру и съ торжествующимъ, радостнымъ видомъ всѣмъ читаетъ вашу надпись на ней: „доброму дѣлателью на нивѣ Христовой Андрею Кузьмичу Кораблеву отъ сердечно любящаго автора“, и прибавляетъ при этомъ: „понимаете?... отъ сер-деч-но лю-бя-ща-го“...

Семья и ревнители посылаютъ вамъ свои молитвы и, повторяю, ждутъ васъ къ себѣ, а я тоже ожидаю васъ и посылаю вамъ свое іерейское благословеніе.

Преданный вамъ іерей П. Никольскій.

Грузинскій епархіальный миссіонеръ А. Платоновъ.

(Окончаніе будетъ).

Хлысты на Дону и миссіонерскія бесѣды съ ними*

Въ предѣлахъ О. В. Донского хлысты имѣются въ округахъ Черкасскомъ и Хоперскомъ, немного въ Усть-Медвѣдицкомъ и Таганрогскомъ. Сущность ихъ вѣроученія и нравоученія въ основномъ вездѣ одинакова. Ихъ общины отличаются другъ отъ друга только степенью обнаруживанія своего упованія.

Хлысты Таганрогскаго округа рѣшительно отказываются на публичныхъ бесѣдахъ отъ принадлежности къ сектѣ. Спросишь ихъ: „вы—православные?“ они дѣлаютъ недоумѣвающій видъ и говорятъ: „а какъ же? конечно, православные!“ и требуется задѣть ихъ за живое, чтобы вызвать на откровенность; тогда они приходятъ въ запальчивость и прямо неистовствуютъ. Въ отвѣтъ на обличенія хлыстовскаго распутства они обычно говорятъ: „вѣдь вы не видѣли нашего распутства? а если про насъ говорятъ, такъ мало-ли что говорятъ!“ Собранія такихъ сектантовъ имѣютъ какой-то летучій характеръ: въ одно время они соберутся издалека въ одной мѣстности, въ другое—въ другой.

Въ одной изъ миссіонерскихъ поѣздокъ къ таганрогскимъ сектантамъ со мной имѣлъ мѣсто такой случай. Я бесѣдовалъ съ сектантами публично, и бесѣдовавшій со мною хлыстъ настойчиво отпирался отъ всѣхъ вводимыхъ на хлыстовство винъ, и рассердился даже до того, что обозвалъ меня „сатаной“. Я послѣ бесѣды сидѣлъ на т. н. „вѣзжей“ въ раздумьи. Было 10 ч. вечера. Слышу стукъ въ окно. Я вышелъ и впустилъ въ комнату чело-вѣка. Человѣкъ этотъ заявилъ, что желаетъ поговорить со мной о хлыстахъ.

Онъ разсказалъ мнѣ:

— „Я раньше ходилъ къ нимъ, г. миссіонеръ, и знаю ихъ порядки; пришелъ я къ вамъ сказать, что все, что вы говорили объ нихъ, суцая правда.

У насъ тутъ жилъ старецъ ¹⁾ съ духовной женой, старчихой.

¹⁾ Нищій слѣпецъ—хлыстъ.

Мнѣ очень хотѣлось узнать, что дѣлается тайно у хлыстовъ. Я и говорю своей женѣ: „пойдемъ къ старцу!“ Пошли мы. Пришли къ старцу. Онъ говорить:

— „Зачѣмъ пришли?“

Я говорю:

— „Зачѣмъ пришли, того ты намъ и давай“.

Попѣли мы, почитали; тамъ еще кое кто былъ. Потомъ, стали ходить въ духъ...

— „То есть, какъ же это въ духъ?“—спросилъ я рассказчика.

— „А такъ: ходили другъ за другомъ, обнявши другъ друга и притоптывали ногами. Потомъ, старецъ сталъ махать руками на насъ, спускать на насъ еще духа... Потомъ“... рассказчикъ сообщил о хлыстовскихъ мераостяхъ...

Мнѣ вспомнились увѣренія моего публичнаго собесѣдника... сколько въ нихъ было лжи и лицемѣрія.

Хлысты Черкаскаго округа прямо объявляютъ, что они принадлежать къ сектѣ; хотя—обычное среди хлыстовъ распутство тщательно скрывается ими. Тайно у нихъ несомнѣнно существуетъ обычный у хлыстовъ институтъ т. н. „духовныхъ“ мужей и женъ. Объ этомъ мнѣ подробно рассказывалъ одинъ казакъ изъ обратившихся въ православіе; онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ и слѣдующее.

— „У меня была жена красивая, а когда я поступилъ въ хлысты, мнѣ дали некрасивую,—свою я отпустилъ, позволилъ ей жить съ другимъ,—и, повѣрьте, г. миссіонеръ, нечистая сила меня сильно тянула къ незаконной, хотя и некрасивой, женѣ... Къ родственницамъ—тоже... Я полагаю, что здѣсь не иначе, какъ бѣсовская сила дѣйствуетъ. Теперь, слава Богу, все это прошло“...

— У жены вашей дѣти были отъ незаконнаго мужа; куда они дѣлись?—спросилъ я.

Казакъ махнулъ рукой.

— „Одного отдали въ воспитательный домъ, другого—въ чужіе люди“.

Онъ грустно поникъ головой.

Не дешево обходится горькій опытъ скитанія въ дебряхъ секты: семья, лучшіе годы жизни разбиты, цѣлость сердца и ума повреждена...

Хлысты Хоперскаго округа (часть ихъ перешла на жительство въ Усть-Медвѣдицкій округъ)—не только не отказываются отъ принадлежности къ сектѣ, но совершенно открыто сожительствуютъ съ т. н. „духовными“ женами. Поступившіе въ секту мужъ и жена оставляютъ другъ друга; мужъ получаетъ т. н. „духов-

ну»; жена уходитъ жить къ другому хлысту; дѣти—законныя—остаются иногда при отцѣ, иногда при матери, иногда уходятъ къ дѣду, если онъ есть.

Не разъ приходилось мнѣ вмѣстѣ съ мѣстными священниками посѣщать хлыстовскіе дома: т. н. „духовные“ мужъ и жена не очень смущались нашимъ визитомъ; правда, открытое студодѣяніе какъ бы раздувало ихъ дерзость: на наши обличенія они перѣдко отвѣчали насмѣшками.

Хоперскіе хлысты на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ—не въ примѣръ прочимъ своимъ собратьямъ—ведутъ себя даже болѣе, чѣмъ откровенно и выходятъ иногда изъ предѣловъ приличія. Приведу нѣсколько выдержекъ изъ моихъ съ ними бесѣдъ.

На собесѣдованіяхъ съ хлыстами я въ началѣ бесѣды обычно предлагаю слушателямъ: краткій очеркъ секты и изложеніе ученія Церкви на основаніи Слова Божія о воплощеніи Господа Іисуса Христа, о дѣтяхъ Божіихъ и о бракѣ.

Начинаю въ одномъ изъ мѣстечекъ, зараженныхъ сектой, бесѣду съ хлыстами по принятому мной порядку.

Хлыстовка (бывшая ворожея и чародѣйка до поступленія въ секту) настойчиво перебиваетъ меня и не даетъ говорить.

— „Ты впередъ скажи: кто ты? покажи документъ! ты кто?“ кричитъ она.

Я останавливаюсь, прошу мою совопросницу успокоиться и дать мнѣ говорить.

— „Скажи: кто ты? а иначе мы тебя и слушать не будемъ!“—вопитъ хлыстовка.

— „Вотъ что, говорю я: будемъ бесѣдовать кротко; когда вы говорите, я буду сидѣть и слушать ваши мпѣнія, а, когда я говорю отъ Слова Божія, прошу меня не перебивать. Вы спрашиваете: кто я? Я—миссіонеръ, посланный начальствомъ читать для разуменія вашего Слово Божіе. Если вы что желаете сказать, скажите,—я дождусь, когда вы кончите; а когда я буду говорить, прошу мнѣ не мѣшать!“ И я сажусь.

— „Ты—мессинеръ!“—воскликаетъ моя собесѣдница, „Мессія, стало быть,—что ли? Мессія? ну! скажи! скажи! ты—мессинеръ, мессинеръ“¹⁾...

¹⁾ Это возраженіе напоминаетъ толкованіе хлыстами мѣста: „Дошедши въ Мисію, предпринимали идти въ Виѣнію; но Духъ не допустилъ ихъ. Мыловавши же Мисію, сошли они въ Троаду (Дѣян. 16, 7—8). Хлысты толкуютъ его такъ: не хлысты дошли до Мессіи, но Духъ не допустилъ ихъ и т. д.

Отъ сильнаго возбужденія лобъ ея покрывается потомъ, въ изнеможеніи она садится и сразу умолкаетъ.

— „Дура ты набитая, вотъ что!“—внушительно замѣчаетъ хуторской атаманъ, почетный слушатель бесѣды.

— „Не съ тобой говорятъ! ты молчи!“—кричитъ снова сектантка, „если хочешь взять меня орудиємъ, спроси вонъ у него (она киваетъ на меня), чтожь? бери! не испугаюсь!“

Поднимается общій говоръ и шумъ. Я усиленно прошу всѣхъ успокоиться.

— „Вы кончили?“—спрашиваю хлыстовку.

— „Конечно, кончила. Вы скажите: кто вы?“

Чувствую нецѣлесообразность предъ моей аудиторіей справокъ изъ филологіи; тѣмъ не менѣе, скрѣпя сердце, объясняю, что— „миссіонеръ“ значитъ посланный и, какъ Апостолы нѣкогда посылали учениковъ на проповѣдь, такъ и я посланъ Архіепископомъ для вразумленія заблудшихъ (Римл. 10, 15. 1 Кор. 4, 17. 2 Кор. 5, 20). Слово „миссіонеръ“, так. обр., вовсе не значитъ—Мессія, говорю я и продолжаю начатую рѣчь.

На другой день я толковалъ предъ слушателями Матѣ. 19, 3—9. 1 Кор. 7 гл., таже сектантка обозвала меня „антихристомъ“.

Толпа слушателей сильно заволновалась. Атаманъ сгоряча хотѣлъ сдѣлать распоряженіе „забрать“ мою собесѣдницу. Съ трудомъ удалось успокоить сектантовъ и слушателей.

— „Вотъ и пойми“, сказала атаманъ, „вчера—Мессія, а сегодня—антихристъ... Эхъ! не сталъ бы я церемониться съ ней, право!“

— „Что дѣлать?“—сказалъ я ему, „эти люди—больные, а въ обращеніи съ больными нужно терпѣніе“.

Идетъ и насъ бесѣда съ хлыстами о признакахъ истиннаго Христа во время Его перваго пришествія. Я сопоставляю мѣста: Іоанна 10, 37—38 и Матѣ. 11, 2—5 и говорю, что истинный Богочеловѣкъ былъ узнаваемъ по добрымъ и чудеснымъ дѣламъ Его: Онъ воскрешалъ мертвыхъ, напр., Лазаря...

Хлысты перебиваютъ меня.

— „Это какъ же—по плоти Онъ воскрешалъ? Лазаря развѣ тѣломъ воскресилъ? Какъ же! Нѣтъ, какъ ужъ сгнилъ человѣкъ, такъ его не воскресишь никакъ! „Тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія“...“

Я говорю, что мудрствовать сверхъ написаннаго, проповѣдывать иное, а не то, что оставили намъ св. Апостолы—тяжкій грѣхъ, за это человѣкъ отлученъ отъ Церкви, анаѣема (Гал. 1, 8), и читаю

Іоанна 11, 39. 41—44, гдѣ запахъ трупа, пещера, пелены умершаго Лазаря указываютъ ясно на то, что Лазарь до совершенія чуда воскрешенія Его Христомъ былъ мертвъ тѣломъ. — „При концѣ же міра, читаю, всѣ мертвые воскреснутъ, и тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе подобно прославленному Тѣлу Христа“ (1 Кор. 15, 52—53. 49 ср. Іоанна 20, 19).

Переходя къ вопросу о воплощеніи Христовомъ, я привелъ Дѣяній 1, 11. Матѣ. 24, 3, 23—30 и говорю, что „по Слову Божию Христа во плоти мы доселѣ не видимъ (1 Петра 1, 8. 2 Кор. 5, 16. Іоанна 20, 29), хотя Онъ невидимо всегда съ нами (Матѣ. 28, 20); въ настоящее время Онъ пребываетъ на небѣ Плотию Своею (1 Петра 3, 22), куда Онъ вознесся 1 (Тим. 3, 16)“.

Слѣдуетъ потокъ возгласовъ со стороны сектантовъ.

— „Это какъ же Онъ вознесся во всемъ платьѣ, какъ и быть? въ сапогахъ? въ мѣшкѣ¹⁾? куда вознесся? на это небо (показываютъ пальцемъ вверхъ)? въ какое мѣсто?“ насмѣшливо, съ наглыми улыбками, богохульно спрашиваютъ женщины хлыстовки.

— „Христось былъ и придетъ по вашему, а теперъ какъ же? середка то выходитъ безъ Христа? погибли всѣ значить?“—вопрошаютъ мужчины.

— „Вознесся на небо... вы впередъ должны объяснить, что такое небеса и что такое бѣса“, снисходительно поучаетъ меня одинъ хлыстовскій мудрецъ.

Тяжеловато миссіонерамъ въ подобныхъ случаяхъ! Дожидаюсь конца возраженій моихъ собесѣдниковъ, встаю и заявляю, что я говорю не по своему, а вѣрую тому, что написано и исповѣдую тоже, что говоритъ св. Писаніе.—„Вѣруете ли вы, что св. Писаніе написано по вдохновенію Св. Духа и даетъ намъ чистую истину?“

— „Ну, такъ чтожь? вѣруемъ“.

Я настойчиво останавливаюсь на Матѣ. 24, 23, 1 Петра 1, 8—и спрашиваю: „вѣруете написанному?“

Нѣкоторые, видимо, сдаются, другіе упорно молчатъ, или твердятъ тоже самое.

По понятіямъ хлыстовъ, тѣло по смерти пропадаетъ на вѣки, безслѣдно, и „воскресеніе“ означаетъ переходъ въ хлыстовскую секту. Отрицательный взглядъ на тѣло стоитъ у нихъ въ связи съ ученіемъ объ изможеніи, умерщвленіи тѣла,—и какъ это ни странно,—путемъ разврата. Они иногда говорятъ, что сожительство съ „духовными“ женами для нихъ—„крестъ“. Я имъ обычно поясняю, когда заходитъ рѣчь объ этомъ, что, если это крестъ,

¹⁾ Пишу буквальныя выраженія хлыстовъ.

то—крестъ разбойника висѣвшаго съ лѣвой стороны Креста Христа и что, если когда имъ и приходится выносить среди себя ссоры и драки по поводу ихъ образа жизни, то это муки тѣ же, какія обычно бываютъ среди блудниковъ, пьяницъ, воровъ и др. грѣшниковъ. Сектанты—далѣе—вѣрятъ, что Христосъ пребываетъ среди нихъ во плоти (бѣса—это нехлысты, а небеса не-бѣса—это хлысты); „Царство Небесное“, „Горній Іерусалимъ“, апостолы, пророки—все это, по ихъ мнѣнію—существуетъ во плоти въ ихъ средѣ.

— „Вотъ въ Писаніи сказано, что были цари, апостолы, пророки... чтожь, ихъ развѣ нѣтъ теперь? кудажь они дѣлись?“—говорятъ они.

Души сектантовъ,—какъ они сами говорятъ объ этомъ, переходятъ въ другія человѣческія тѣла—по смерти.

— „Чудной народъ эти хлысты“, говорили мнѣ казакъ—православный, возившій меня по хуторкамъ, „вотъ они, г. миссіонеръ, говорятъ, что—моль—у насъ души нѣтъ; иль она по смерти—дескать—пойдетъ въ скотину, а по моему у нихъ души именно нѣтъ. Помилуйте!—настоящіе скоты, завели тутъ какія-то свои „собачьи свадьбы“—прости Господи,—одно распутство!“

Разсужденіе о дѣтяхъ Божіихъ на собесѣдованіи съ хлыстами обычно сводится мной на тексты: 1 Іоанна 3, 8—10 и Матѳ. 7, 15—20.

Въ связи съ указанными мѣстами св. Писанія я дѣлаю переходъ къ вопросу о христіанскомъ бракѣ. Начинается бесѣда о бракѣ. Я читаю Матѳ. 19, 3—9.

При чтеніи мной 6 ст., сектанты меня останавливаютъ.

— „Видите?“ говорятъ они, „сказано: „что Богъ сочеталъ“... тутъ не сказано, что—„попъ“, значитъ нужно, чтобы богъ 1) сочеталъ“...

— „Но, вѣдь, тутъ и не сказано, что „И. Т—чь“ 2), а сказано: „Богъ“,—замѣчаю я.

Православные слушатели бесѣды—сосѣди сектантовъ, при моемъ замѣчаніи, понимаютъ въ чемъ дѣло; кое гдѣ раздается несдержанный хохотъ. Сектанты смущаются, оправляются и получается общій говоръ. „Попались!“ замѣчаютъ православные. „Гдѣ сказано, чтобы попъ сочеталъ? иль вѣнчалъ?“—продолжаютъ сектанты.

1) Разумѣется хлыстовскій богъ, или пророкъ.

2) Мѣстный заправила хлыстовскихъ общинъ.

По успокоеніи слушателей, я объясняю, что православный священникъ не сочетаваетъ брачущихся самъ, а только молить Бога о ниспосланіи имъ благословенія, какъ нѣкогда дѣлалъ это старшій въ семьѣ (Тов. 9, 10—17). Что бракъ есть таинство, въ которомъ Господь по молитвѣ Церкви—священника и вѣрующихъ—благодатію Своею сочетаваетъ брачущихся, объ этомъ свидѣтельствуесть Апостоль (Еф. 5, 31—33).

— „Когда бы у васъ Богъ сочеталъ, мужъ и жена не расходились бы, а то у васъ бываетъ, что они и разводятся“,—говорятъ сектанты.

— „Богъ не стѣсняетъ свободы человѣка“, отвѣчаю я, „бываетъ, что христіане и согрѣшаютъ (Іак. 3, 2. 1 Іоанна 2, 1). У Христа были два апостола: Ап. Петръ и Іуда Искариотскій. Петръ три раза отрекался отъ Христа, потомъ—покаялся, „испещь вонъ, плакася горько и Господь оставилъ его въ сонмѣ великихъ Апостоловъ; Іуда не покаялся предъ Богомъ и умеръ ужасною смертію. Значить, кто согрѣшилъ и покаялся, того Господь проститъ, а кто грѣшитъ и не кается въ грѣхѣ своемъ, тому Богъ не проститъ грѣха, тотъ погибъ. Вы нарушаете заповѣдь Божию (Матѣ. 19, 9) и говорите, что „такъ и—надо“, это—хула на Духа Святаго (Матѣ. 12, 31), за это Господь тяжко покараетъ! Потомъ. Вы говорите, что, если Богъ сочеталъ, мужъ не оставитъ жены; вы, повидимому, считаете свои порядки одобрительными, почему же среди васъ т. н. „духовные“ мужья бросаютъ своихъ женъ „духовныхъ“ же? Почему у васъ бываютъ ссоры и драки между „духовницами“ и и родными, оставленными вами женами?“

Сектанты молчатъ, ибо послѣднія замѣчанія мои взяты изъ ихъ же жизни.

— „А православные не ссорятся?“—говоритъ одинъ изъ хлыстовъ.

— Бываетъ иногда, что и ссорятся, но не по закону, а противъ него, они сознаютъ свой грѣхъ и каются, но не говорятъ „хулы на Духа“, не называютъ грѣховное святымъ. Читаю Іуды 1, 3—11 и предлагаю сектантамъ вопросъ:

Гдѣ они нашли заповѣдь бросать своихъ женъ и жить съ чужими?

— „Мы теперь не подъ закономъ, а подъ благодатію“,—замѣчаетъ одинъ изъ нихъ и читаетъ Римл. 8, 1—15.

Я объясняю [слушателямъ] сущность „закона дѣль“ (Римл. 3, 27), какъ оправданія „дѣлами“, и „закона вѣры“ во Христа, какъ оправданія по милости Божіей (24) и говорю, что отмѣнено только

оправданіе закономъ (Гал. 2, 21), но самый законъ святъ и нерушимъ при вѣрѣ во Христа (Римл. 7, 12. 3, 31. Іак. 2, 26).

— Заповѣдь Мате. 19, 6—9—о томъ, что мужу нельзя разводиться съ женой, кто далъ? Христось?—спрашиваю я у сектантовъ.

— „Христось“,—соглашаются они.

— Исполнять ее нужно?

— „Нужно“.

— А вы нарушили!

Сектанты затрудняются.

— „Мы, г. миссіонеръ, раньше не по любви жили, а теперь— по любви“,—неловко говоритъ сектантъ.

— „Онѣ, можетъ, блудницы были—наши жены то!“—загадочно говоритъ другой.

Я читаю Римл. 6, 11—15. Гал. 5, 13—23.

Главарь Хоперскихъ хлыстовъ часто куда-то исчезалъ во время моихъ прїѣздовъ на собесѣдованія. Несмотря на это мнѣ привелось побесѣдовать и съ нимъ.

Онъ угощалъ меня разъ такими словами:

— „Я говорить съ вами не буду. Такъ вы и знайте. Да. Я самъ все знаю. Намъ дано, а вамъ—нѣтъ. Я всю эту кпигу вапу (киваетъ на Библію) знаю. Знаемъ мы, что есть широта, и долгота, и глубина. А вы не знаете. Да. Вотъ вы читали молитву „Царю Небесный“, а знаете ли вы, что такое „Утѣшитель душъ истинныхъ“? кто эти „души истинныя“? Вотъ и не знаете. Вотъ что“.

Я объяснилъ ему и слушателямъ бесѣды, что въ молитвѣ сказано не „душъ истинныхъ“, а „Душе истины“, по русски—„Духъ истины“..., что мой собесѣдникъ плохо читаетъ... и я предложилъ слушателямъ противохлыстовское наставленіе отъ Слова Божія.

Кстати. Вотъ выдержки изъ письма, написаннаго этимъ сектантскимъ главаремъ другой сектантской общинѣ (мнѣ довелось видѣть это письмо и списать изъ него характерныя строки; привожу его безъ грамматическихъ ошибокъ подлинника).

„Во имя господа нашего дорогого П. М. ¹⁾ пишу письмо дорогимъ друзьямъ и сладепькимъ: Федѣ, Полѣ, Николѣ, дорогимъ и сладенькимъ сватамъ и друзьямъ Сильверсту и Абрамовнѣ, Аеонѣ, Грунѣ... не лишаю и Мишу съ Надей... только просите милости божьей, чтобы богъ покрылъ своей десной рукой... А то таковыя

¹⁾ Хлыстовскій лжехристось.

могутъ охладѣть къ богу и переходить въ муку вѣчную. А если желаете быть дѣтьми божіими, то нужно соединиться мыслями со Христомъ и быть, хотя на одну іоту, похожимъ на него, возлюбите его и вы увидите, что есть богъ, сила, могущество; онъ можетъ изъ ничего сдѣлать великое дѣло, а великое произвести въ уничтоженіе. Не забывайте заповѣди божіи, храните ихъ въ святости и чистотѣ, читайте законъ господа нашего дорогого П. М. Если кто соединится со христомъ, того озаритъ посланница смерть, ему будетъ все видно и открыто—движенія его жизни,—такъ поучаетъ насъ нагорная поповѣдь (!) умереть грѣху, а жить праведности... Примите отъ меня и Катю ²⁾ поклонъ. Федея! тебѣ непременно нужно пріѣхать къ Покрову, будетъ собранье большое. Посылаю къ вамъ гостей: Матюшу, Васюшу, Степу, Лену“...

Авторъ приведеннаго письма своимъ переходомъ въ секту окончательно испортилъ, бѣдняга, свою жизнь. До перехода въ хлысты онъ былъ добропорядочнымъ казакомъ. Теперь въ его домѣ живутъ двѣ жены (прежняя и „духовная“). Самъ онъ заглушаетъ остатки своей „сожженной“ совѣсти тѣмъ, что частенько пьетъ „горькую“ вмѣстѣ съ своей „духовницей“. Имѣю основанія думать, что во время моего посѣщенія его дома онъ былъ нетрезвъ.

Между прочимъ, о немъ же рассказываютъ, что онъ на чрезвычайныхъ собраніяхъ „сыпаетъ искры благодати“, т. е. для поддержания своего пророческаго престижа пользуется бенгальскимъ огнемъ.

Однажды, послѣ публичной бесѣды, я сказалъ сектантамъ, что на слѣдующій день приду къ нимъ на домъ.

Они согласились.

На другой день мы съ мѣстнымъ батюшкой пришли къ нимъ. Они сидѣли въ сборѣ вокругъ стола—и каждый рядомъ съ своей „духовницей“. На столѣ стоялъ самоваръ, бутылка водки, и нѣкоторые были слегка выпивши. Они засуетились при нашемъ приходѣ, попросили насъ выпить чаю. Водка исчезла со стола. Въ отвѣтъ на ихъ просьбу я заявилъ имъ, что желаю впередъ „посѣять духовное“ (1 Кор. 9, 11) и мы съ батюшкой предложили имъ миссіонерскія наставленія. Чтобы не обидѣть ихъ, мы выпили по стакану чаю.

¹⁾ Духовная жена автора письма.

²⁾ Хлысты Хоп. окр., вопреки показной сектантской морали, открыто употребляютъ водку и вмѣсто обычнаго у хлыстовъ неяденія мяса нарушаютъ посты такъ же, какъ и рационалистическіе сектанты.

Отвратительныя выраженія лицъ у сектантовъ и ихъ „духовныхъ“ женъ! 45-ти лѣтнія женщины сидѣли нарумяенныя, набѣленныя. Когда мы говорили сектантамъ наставленія, онѣ какъ-то нагло улыбались. Чѣмъ то страшнымъ, демонскимъ вѣетъ отъ сектантской среды. Чувствуется, что здѣсь, дѣйствительно, царить „тайна“ обоготворенія зла, разврата...

Таковы „духовные“ христіане, съ которыми приходится считаться мѣстной миссіи... Нѣкоторые изъ увлеченныхъ сектантствомъ оставляютъ свои заблужденія; нѣкоторые пребываютъ во тьмѣ погибели. Невѣжество непроходимое, порокъ (большинство сектантовъ отличалось имъ до поступленія въ секту)—вотъ причины, благопріятствующія сектантству.

Къ хлыстамъ болѣе всѣхъ сектантовъ приложимо положеніе: „Это дѣло отъ людей, оно разрушится“ ¹⁾. Ихъ общины посятъ всѣ признаки разложенія. Такъ, въ средѣ Хоперскихъ хлыстовъ понынѣ большіе безпорядки. Бывало, что дѣти—при разводѣ родителей—оставались безъ пріюта. Одна женщина съ дѣтьми, брошенная мужемъ и не нашедшая себѣ „духовнаго“, осталась безъ пищи и пріюта. Среди „духовныхъ“ и родныхъ женъ нерѣдки ссоры на почтвѣ вспышекъ ревности.

Тяжело видѣть, когда человѣкъ грѣшитъ, хотя и сознаетъ грѣхъ; тяжело видѣть, когда люди—при противленіи закону,—какъ бы не видя своей гибели,—идутъ путями Каина, Валаама и Корея (Иуды ст. 11. 7—8)...

Д. Граціанскій.

¹⁾ Изъ Дьян. 5, 36—38.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда спасовца съ послѣдователями австрійскаго священства ¹⁾.

Во время одной изъ послѣднихъ нижегородскихъ ярмарокъ, въ Кунавинѣ, въ домѣ спасовца собрались послѣдователи спасовской секты и австрійскаго священства побесѣдовать о вѣрѣ. Со стороны спасовцевъ собесѣдникомъ былъ слѣпецъ Анд. Аѳ. Коноваловъ, со стороны послѣдователей австрійскаго священства бесѣдоваль начетчикъ, нынѣ раскольничій епископъ, Ив. Гр. Усовъ. На бесѣдѣ было 50 слушателей единомышленниковъ съ собесѣдниками. Съ часъ продолжались переговоры о предварительныхъ условіяхъ, которые окончились согласіемъ говорить по 20 минутъ. Предметомъ бесѣды былъ поставленъ вопросъ: *Гдѣ сказано во святомъ Писаніи, что можно принять еретика епископа чрезъ миропомазаніе и послѣ того допустить его рукополагать епископовъ?*

На поставленный вопросъ началъ отвѣчать Усовъ. Спасовцы, говорили онъ, принимаютъ третьимъ чиномъ, мы—вторымъ чиномъ входящихъ отъ ереси. Я долженъ сказать — на какомъ основаніи мы принимаемъ вторымъ чиномъ, а онъ пусть отвѣтитъ: *на какомъ основаніи они принимаютъ третьимъ чиномъ еретиковъ втораго чина; отвергая ихъ хиротонію?*

Отвѣчаю на вопросъ: „если крестящій не могъ повредить своей вѣрой крещеннаго, то не могъ повредить и поставленнаго, — то и другое сообщается нѣкоторымъ посвященіемъ, а потому и то и другое повторять непозволительно“.

Конов. Изъ какой книги читаешь?

¹⁾ Даемъ мѣсто этой во многомъ интересной для православныхъ миссіонеровъ и пастырей раскольничьей „междоусобной“ бесѣдѣ, представляющей яркую картину внутренняго раздора въ расколѣ.

Усовѣ. Изъ книги Соколова—іерархія епископальной англиканской церкви, листъ 301-й.

Въ осьмомъ правилѣ перваго всел. собора говорится: „О именованьемъ нѣкогда самихъ себе чистыми, по присоединяющихся къ Каѳолической и Апостольской церкви, благоугодно святому и великому Собору, да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клирѣ“. Все правило не буду читать, потому что мои минуты кончаются. Подъ возложеніемъ рукъ здѣсь разумѣется муропомазаніе. Тогда еще муропомазанія не было. Въ Апостольской церкви, крещеннымъ діакономъ Филиппомъ, Петръ и Іоаннъ сообщали дары Св. Духа руковожденіемъ, а потому: „да по возложеніи на нихъ рукъ“, — все равно сказать „да по муропомазаніи“, пребываютъ они въ клирѣ. Я отвѣтилъ: а вы намъ покажите: *какія святособорныя правила запрещаютъ принимать еретиковъ третьяго чина въ сущемъ санѣ?*

Коноваловъ. Ив. Гр. навязываетъ мнѣ, что еретиковъ 3-го чина мы не принимаемъ; напрасно—мы принимаемъ, а въ сущемъ санѣ не принимаемъ потому, что такіе къ намъ не приходятъ, да и некому у насъ принимать. Ѳеодоръ Студитъ говоритъ, что принятіе бываетъ не отъ насъ, но отъ равностепенныхъ чиновъ ¹⁾, а гдѣ они у насъ? да и у васъ ихъ не было и вы не имѣли права принимать епископа. Проф. Соколовъ вамъ въ оправданіе также не служитъ. Почитайте у него въ той же книгѣ, на которую вы сослались, на стр. 334 и увидите, что какъ скоро еретики принимаются чрезъ муропомазаніе, то не можетъ быть и рѣчи объ оставленіи на нихъ священныхъ степеней. Нѣтъ ни одного правила, по которому муропомазанный митрополитъ могъ бы оставаться митрополитомъ. Какъ вы приняли, Церковь никогда не принимала; а еретиковъ третьяго чина Церковь принимала иногда въ сущемъ санѣ, иногда нѣтъ. Василій Великій въ первомъ правилѣ относительно крещенія енкратитовъ говоритъ: „послику нѣкоторымъ въ Асіи рѣшительно угодно было, ради назиданія многихъ, пріяти крещеніе ихъ: то да будетъ оно пріемлемо... И послику о нихъ ничего ясно не изречено, мню, яко прилично намъ отвергати ихъ крещеніе. Но аще сіе имѣеть быти препятствіемъ общему благосозиданію; то наки подобаетъ держатися обычая, и слѣдовати отцамъ, благоусмотрительно устроившимъ наши дѣла“... Значить, тогда еще не былъ опредѣленъ порядокъ чинопріема, а 7 правиломъ 2-го вселенскаго собора такъ положено принимать еретиковъ: „Присоединяющихся къ православію, и къ части спасаемыхъ изъ еретиковъ пріемлемъ по слѣдующему чиноположенію и обычаю. Аріанъ, македоніанъ, савватіанъ и наватіанъ, именующихъ себя чи-

¹⁾ Св. Ѳеод. Студита. Письма къ разн. лицамъ; письмо 37; ст. 244. Томъ 1-й.

стыми и лучшими, четырнадцатидневниковъ, или тетрадитовъ, и аполинаристовъ, когда они даютъ рукописанія и проклинають всякую ересь, не мудрствующую, какъ мудруетъ св. Церковь, приедемъ, запечатлѣвая, то есть, помазуя св. муромъ“ (7 прав. 2 всел. соб.). Здѣсь ни слова не говорится о томъ, что помазанные остаются въ своихъ санахъ, а потому вы и покажите такое правило, гдѣ бы сказано было, что помазанные могутъ оставаться въ своихъ чинахъ; такого правила вы нигдѣ не найдете. Кромѣ того, 69-мъ прав. Карѣ. собора Церковь принимала донатистовъ чрезъ покаяніе въ сущ. санѣ, и даже послѣвъ посылала склонять ихъ къ присоединенію.

О 8-мъ правилѣ перваго вселенскаго собора Ив. Григор. привелъ свое мнѣніе, что подѣ словомъ руковозложеніе нужно понимать муропомазаніе; онъ говоритъ: тогда еще муропомазанія не было. Опасно своимъ мнѣніемъ заключать то, что не сказано въ правилѣ. Преп. Никонъ Черногорець говоритъ: „всяко убо писаніе богодухновенно и полезно есть. И сего ради должны есмы въ всѣхъ, ихже глаголемъ и творимъ, имѣти показаніе отъ бож. писаній, да не человѣческими помысленными прельщаеми спаднемъ праваго пути, и вопаднемъ въ пропасть погибели“ (Ник. Чер. л. 12—13). По мнѣнію Ив. Гр., когда было 1-й-то вселен. соборъ, мурато не было. Вотъ какъ онъ наклеветалъ. Вѣдь, отъ Апостоловъ до перваго всел. собора прошло много лѣтъ и будто бы мурата не было. Неправда. Въ книгѣ о Вѣрѣ говорится, что св. Діонисій Ареопагитъ, иже бысть ученикъ великаго и св. Ап. Павла, въ своихъ книгахъ говоритъ, что „священноначальникъ св. муромъ мужа (крещаемаго) пазнаменаваъ, приобщительнѣйшаго благодаренія сподобляетъ его и о сихъ до здѣ великаго Діонисія“ (о Вѣр. л. 287). Сказите на милость: можно-ли допустить такую нечестивую мысль — сказать, что мурата не было во времена перваго всел. собора? А первый всел. соборъ въ 8 правилѣ не сказалъ: „по муропомазанію“, а сказалъ: „по возложеніи на нихъ рукъ“, и о возложеніи рукъ не сказалъ, что это есть муропомазаніе, а Ив. Григ. толкуетъ, что возложеніе рукъ — муропомазаніе.

На это мѣсто 8 правила есть ясное толкованіе VII всел. собора. Послѣ прочтенія этого правила на соборѣ, патріархъ Тарасій сказалъ: „а бабъ надобно понимать слово: *рукоположеніе*“? Почтеннѣйшіе иноки сказали: „Владыка! просимъ наставить насъ“.

Святѣйшій патріархъ Тарасій сказалъ: „слово *рукоположеніе* можетъ быть здѣсь сказано просто о благословеніи, а не о хиротоніи“.

Славнѣйшіе сановники сказали: „если нѣтъ болѣе никакого препятствія; то ради такого понятія ихъ пусть будутъ они приняты по канонамъ“ (Дѣян. всел. соб. VII Всел. соб. Томъ 7; стр. 93). Св. отцы обличеніе патр. Тарасія приняли, а Ив. Григ. вопреки соборовъ сдѣ-

лать свое объясненіе; но Кормчая говоритъ: „Вся яже чрезъ церковнаго преданія и учительства и воображенія святыхъ, и приснопамятныхъ отецъ, ново-сотворенная и содѣланная, или по семь содѣятыся хотящая, анаѳема“ (Корм. 441 л.). Такъ вы не уклоняйтесь въ стороннія доказательства и мнѣнія, а докажите намъ отъ Писанія.

Усовъ. Анд. Аѳ. говоритъ, будто я уклонился отъ вопроса, но я не уклонился, а только послѣ отвѣта на вашъ вопросъ и самъ спросилъ, но Анд. Аѳ. этотъ вопросъ не понравился, и онъ на него не отвѣтилъ. Видно, нечего отвѣчать. Видно, не находится святособорныхъ правилъ, запрещающихъ принимать еретиковъ третьяго чина въ сущемъ санѣ? Если это такъ, то вы явно являетесь противниками Церкви. Если же вы умнѣе Церкви, св. отцовъ, то почему не принимаете никоніантъ? Вѣдь, никоніантъ никакой соборъ не запретилъ. Вы сказали, что Церковь, скудости ради, 69 прав. Карѳ. соб., повелѣла принимать донатистовъ въ сущихъ санахъ; даже пословъ къ нимъ посылали просить ихъ примириться, то и вамъ, скудости ради, нужно примириться съ никоніанами и просить ихъ къ себѣ; а у нихъ (спас.) даже и случая не было, чтобы кто изъ священниковъ пришелъ къ нимъ, сказалъ Ан. Аѳ., а если бы обратился, пусть намъ отвѣтитъ Анд. Аѳ., что они будутъ дѣлать съ нимъ.

Онъ говорилъ о первомъ правилѣ Вас. Великаго, гдѣ сказано: „находящіеся въ церковныхъ степеняхъ, отступивъ купно съ непокорными, когда покаются, нерѣдко приѣмлются паки въ томъ же чинѣ“ (Вас. Вел. пр. 1), — это говорится о пресвитерахъ, бывшихъ во грѣхахъ, а не объ еретикахъ. О 8-мъ прав. сослался на патр. Тарасія, но онъ сказалъ: „можетъ быть“, — условно, а не положительно.

Анд. Аѳ. въ доказательство своихъ мнѣній началъ читать изъ книги Соколова, но это не святой отецъ, и слова его для насъ необязательны, если я и сослался на него, то изъ его книги я прочиталъ только слова св. отцевъ, а что говорилъ онъ, то я не читалъ.

Если приводить во свидѣтельство никоніанскихъ богослововъ, то я укажу свидѣтельство болѣе важнаго богослова — епископа Сильвестра, который говоритъ: „Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ отцами и учителями сего періода для обозначенія таинства муропомазанія употреблялось иногда наименованіе руковозложенія, какъ, наприм., въ 8 прав. перваго вселенскаго собора, или у бл. Иеронима и Геннадія Мессалійскаго, то должно думать, что это (по крайней мѣрѣ на востокѣ) допускалось не по какой-либо иной, а по той причинѣ, что муропомазаніе по своему существу и силѣ признавалось заодно съ руковозложеніемъ апостольскимъ“... (Опытъ Догм. Богосл. Еп. Сильвестра. Томъ IV, стр. 448).

Симеонъ Солунскій о замѣнѣ руковозложенія муропомазаніемъ говоритъ: „На крещенныхъ Филиппомъ, какъ на принявшихъ только кре-

щеніе, Петръ и Іоаннъ возлагали руки, и тѣ пріяли Духа Святаго, который и есть миро: ибо тогда при Апостолахъ и послѣ нихъ у многихъ другихъ сіе миро подавалось чрезъ возложеніе рукъ. И тогда было возложеніе рукъ, а теперь вмѣсто рукъ служить самое освященное и такъ называемое—великое миро“ (Сим. Θεсс. Томъ 1-й; стр. 23). Въ памятникахъ древности—Вѣтринскаго—говорится, что въ таинство миропомазанія входятъ: помазаніе, благословеніе рукъ и молитва (Вѣтринскій; Томъ 2-й, стр. 524), и въ той же книгѣ на 21 листѣ сказано: „посему оно (миропомазаніе) называлось помазаніемъ, возложеніемъ рукъ и испрошеніемъ Св. Духа“.

Съ своей стороны я привелъ доказательства, что въ древней Церкви миропомазаніе замѣнялось руковозложеніемъ, но вы утверждаете, что этого доказать нельзя и говорите, что помазаніе мвромъ уничтожаетъ священство; мы этого не признаемъ, а потому вы намъ отвѣтите на вопросъ: *У еретиковъ втораго чина священство само по себѣ ничтожно, или отъ миропомазанія?*

Конов. Ив. Григ. винить насъ за то, что мы не находимся въ общеніи съ непокорными и говорить: почему ихъ не принимаемъ въ общеніе. Я ему отвѣтилъ, что обращающіеся принимаются отъ равночестныхъ, и онъ это слышалъ, но умолчалъ. Я говорю: если бы вы доказали отъ Писанія, что чрезъ миропомазаніе на принятыхъ въ священномъ санѣ остается священство, мы подумали бы о вашемъ священствѣ, а вы хвятили Соколова, да, какъ я сослался на него, вы говорите, что на Соколова ссылаюсь, а я на него сослался только потому, что вы на него сослались; на слова ваши я и сказалъ, что онъ пишетъ противъ васъ. А потомъ Сильвестра привели и Вѣтринскаго, но и Вѣтринскій говорить, что въ таинствѣ были и другія дѣйствія и не можетъ замѣнить одно другое. Я упомянулъ Тарасія, вы говорите: это частное, условное мѣнне, потому что онъ сказалъ: „можетъ быть“. А Сильвестра-то — соборное? Что вы?—побойтесь Бога, Ив. Гр.! Вѣдь съ Тарасіевымъ-то мѣннею согласился соборъ и сказали: „ради такого покаянія ихъ, пусть будутъ приняты они по канонамъ“. Такъ понимали и истолковали 8-е правило отцы 7-го всел. собора; это правило вамъ не соответствуетъ, и въ свое оправданіе вы основались на Сильвестрѣ. И это основаніе ненадежно: когда вы принимали Амвросія, тогда и богословія-то Сильвестрова не было.

Еще вы сослались на Симеона Солунскаго. Онъ говорить, что при Апостолахъ было возложеніе рукъ, а теперь—миро. Симеонъ говорить это о миропомазаніи, а не 8-е правило объясняетъ; напрасно вы на Симеона и ссылались. Вы такъ и не привели никакого правила и пріяли Амвросія не по правиламъ, и за то подвергаетесь анаемѣ.

Преп. Никонъ Черн. говорить: „Обаче о еже не испытвовати намъ.

съ смиреніемъ и правымъ помысломъ, ночь и день воля Божія отъ св. Писаній, уклоняемъ отъ пути праваго къ мірскому всяко и плотскому хотѣнію же и мудрованію, и далече есмы отъ Бога, а еже страшнѣйшее, еже да не будетъ, Господа чужди, по всему по божественному апостолу, той убо глаголетъ къ галатамъ: аще мы, или ангель съ небесе, благовѣститъ вамъ, паче благовѣствованія нашего, анаема да будетъ, анаема же, по сказанію святыхъ, отлучаетъ чловѣка всякаго отъ Бога, и прилагаетъ его діаволу“ (Ник. Чер. гор. л. 11-й).

Условъ. Я отвѣтилъ, онъ же на мой 2-й вопросъ не отвѣтилъ. Славовцы, если не принимаютъ еретиковъ третьяго чина въ сущемъ санѣ, выпадаютъ въ люциферіанскую ересь. Разсмотримъ, что онъ наговорилъ.

Онъ винитъ меня за то, что я умолчалъ о словахъ Θεод. Студита. Къ чему было объ этомъ говорить? Св. отецъ говоритъ (смот. листъ 242), что была вражда изъ-за четвертаго брака; она рѣшена несправедливо; по тому поводу онъ и высказываетъ свое мнѣніе.

Говоритъ: равночестные только могутъ принимать. Неправда. Что священникъ можетъ принимать епископа, на это есть много доказательствъ: епископъ идетъ на исповѣдь къ православному священнику, и онъ связываетъ его или разрѣшаетъ. Этимъ доказывается, что и не равночестнымъ принимаются. А что это—такъ, можно видѣть изъ того, что седьмой всел. соборъ въ сужденіи о принятіи отъ ереси падшихъ епископовъ прочиталъ: „Св. Апостоловъ правило 53 (52): „аще кто (епископъ, или) пресвитеръ, обращающагося отъ грѣха не пріемлетъ, но отвергаетъ: да будетъ изверженъ (изъ священнаго чина). Опечаливаетъ бо Христа рекшаго: радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся (Лук. гл. 15, ст. 7)“.

Почтеннѣйшій инокъ Савва и бывшіе съ нимъ сказали: „это очевидно и раздѣляется всеми; потому что Церковь принимаетъ всякаго кающагося“ (Дѣян. 7 всел. соб. том. 7; стр. 91). И послѣ того прочитано было 8 прав. перваго вселенскаго собора. Соборъ все это принялъ, а Андр. Аѳ. говоритъ: равночестными только принимаются. Какъ же равночестными-то, когда епископъ придетъ къ священнику? Неужели священникъ отвергнетъ его и опечалитъ Христа? Зонара говоритъ: и такъ, кто не пріемлетъ обращающагося отъ грѣха, тотъ противодѣйствуетъ Христу Богу нашему; а противодѣйствующій и неповинующійся Ему не есть Его ученикъ; а не будучи Его ученикомъ, не достоинъ священнодѣйствовать. Ибо какимъ образомъ можетъ быть принять Христомъ тотъ, кто дѣлаетъ себя антихристомъ, противясь волѣ Его? (Голков. Зонары на 52 прав. Св. Ап.). Слѣдовательно, Іеронимъ не только могъ принять митр. Амвросія, но и обязанъ былъ сдѣлать это.

Относительно Сильвестра я говорилъ потому, что Анд. Аѳ. вызвалъ

меня на это. Я ссылаюсь на этихъ писателей потому, что и самъ онъ ссылается на нихъ. Указаніе на это есть въ книжкѣ, составленной Коноваловымъ, гдѣ и описывается бесѣда Коновалова съ Перетрухинымъ, бывшая въ Саратовѣ; въ этой книгѣ Андрей Аѳ. приводитъ въ доказательство еретика Сергія Вятскаго. Такъ этимъ книжонкамъ, изданнымъ Коноваловымъ, не вѣрьте; онъ самъ основывается въ нихъ на еретибахъ.

А о томъ, что подъ руковожденіемъ разумѣется муропомазаніе, цѣлый соборъ, бывшій въ Арелатѣ въ 314 году, свидѣтельствуетъ (Исторія Гете, томъ 2; стр. 315).

Аристинъ, толкователь Кормчей, въ толкованіи на 8-е правило говорить: „Оболенные Наватомъ и названные имъ „чистыми“... должны быть приемлемы имъ и помазуемы муромъ. И если нѣкоторые изъ нихъ суть или епископы, или хоренископы, оныя остаются въ томъ же достоинствѣ“... (Кормч. л. 13). Вотъ вамъ и отвѣтъ, а вы отвѣтите на мой вопросъ.

Коновал. Отвѣчать на вашъ вопросъ не нужно: докажете вы мнѣ, что, чрезъ муропомазаніе, въ ереси хиротонисанные остаются въ своемъ званіи, вопросъ разрѣшится самъ собой; не докажете, — все равно. Но доказать-то Ив. Григ. и не можетъ, а потому онъ и затягивается вопросами, и ходить кругомъ да около.

Вы представили Богословію Сильвестра и слова Вѣтринскаго; эти свидѣтельства къ дѣлу не относятся. Симеона Солунскаго — это свидѣтельство не говорить о 8 правилѣ 1-го собора. Нашли свидѣтельство Арелатскаго собора у Гете. Это соборъ говорить не о 8 правилѣ. Напрасно вы и ссылались на эти свидѣтельства. Рѣчь не о муропомазаніи. И свидѣтели—Сильвестръ и Вѣтринскій съ Гете—это люди посторонніе. Ихъ тогда можно приводить во свидѣтельство, когда они соглашаются съ отцами собора.

52 прав. св. Апостоль также не оправдываетъ васъ. Въ предисловіи къ Номоканону сказано: „ереовъ же и протодіаконовъ грѣхи, яко изверженія томленіе наводятъ, епископомъ суду подлежать, да не держать духовникъ разрѣшати ихъ, якоже бо невозможно хиротонисати, ещже ни на священства степень изпаднаго паки возвращати. Ежже бо во грѣсѣхъ изверженія сущему священнодѣйствовати простити и поустити есть аки паки паче подобающаго возводити на священство. (Предислов. къ Номокан. л. 4). Разъ даже правильный священникъ въ исповѣди не можетъ разрѣшить правнаго православнаго священника, а еретика-то какъ онъ можетъ разрѣшить? Вотъ до какой низости вы доходите.

Теодоръ Студитъ, говорите, это о четвертомъ бракѣ говорить. Не правда: или вы забыли, или не знаете исторіи. Это о Константиѣ,

который при живой женѣ другую взялъ, а вѣнчалъ его Іосифъ. Патриархъ Тарасій, а послѣ него Никифоръ, не наказали Іосифа и царя, а потому Θεодоръ и прервалъ съ ними общеніе, — да не о томъ рѣчь. Говорите: „кто не приѣмлетъ обращающагося отъ грѣха, опечаливаетъ Христа“, а по толкованію Зонары, „дѣлаетъ себя антихристомъ“. Что же? по вашему, Θεод. Студитъ антихристъ? Вѣдь онъ сказалъ: „мы не можемъ принять“. „Іереовъ и протодіаконовъ грѣхи“ священникъ не разрѣшающій по наставленію духовнику—тоже антихристъ? Вотъ, что выходитъ изъ вашихъ словъ.

О люциферіанахъ напрасно говорите: Люциферъ поѣхалъ въ Антиохію и сдѣлалъ нехорошо, поставивъ Павлина, распространилъ расколъ на 80 лѣтъ (Θеодорита Истор. стр. 201). Онъ не принималъ надшихъ православныхъ, а не, какъ вы утверждаете, еретиковъ 2-го чина.

Наконецъ, вы утверждаете, что еретиковъ 2-го чина нужно помазывать потому, что Аристинъ такъ свидѣтельствуесть, но Аристинъ могъ ошибиться, а онъ ошибался: вотъ что въ толкованіи на 95 прав. 6 всел. собора онъ сказалъ: „А манихеи и валентиніане, и маркіонисты, и севириане и другіе изъ подобныхъ имъ ересей, должны, давъ рукописанія, предать анаѣмѣ всякую ересь и такимъ образомъ принимать святое причастіе“. Манихеевъ онъ сравниваетъ съ еретиками третьяго чина. Онъ идетъ вопреки отцамъ. Викентій Лиринскій (говоритъ: „а о чемъ мыслить кто, святой-ли онъ или ученый, не согласно со всѣми или даже противорѣча всѣмъ, то относить къ мнѣніямъ личнымъ, сокровеннымъ, частнымъ и отличать отъ авторитета общаго, открытаго и всенароднаго вѣрованія“ (Памят. Запис. Вик. Лир. 136 стр.).

Потрудитесь представить толкованія соборныя, а не объясненія вопреки соборовъ.

Усовъ. Я отвѣтилъ на вопросъ, а самъ Андр. Аѳ. не только не отвѣтилъ, но говорить и отвѣчать не буду, потому что ему не нравится вопросъ, или потому, что не можетъ отвѣтить. Если онъ не отвѣтитъ, то я отвѣчу, помогу ему по-христіански. Отвѣчать-то ему нельзя: онъ сказалъ: ни въ какихъ правилахъ не нашелъ, что, при чинопріятіи отъ еретиковъ, еретикъ по муропомазаніи остается въ своемъ санѣ, но я ему доказалъ 8 правиломъ, что остается. И катихизисъ свидѣтельствуесть: „обаче извѣстно се есть, яко отъ самыхъ временъ апостольскихъ, вѣрніи уже крещеніи сію тайну возложеніемъ рукъ и помазаніемъ приѣмляху“ (Бол. кат. листъ 375 на об.).

Объ исторіи Гете Анд. Аѳ. сказалъ: это книга еретика, а самъ часто ссылается на Баронія, еретика 1-го чина.

„Аристинъ ошибся“, говоритъ, но мы не должны показывать наготу отца, а прикрывать; А. Аѳ. уподобляется Хаму. Никто изъ св. Отецъ

не говорить, что Аристинъ ошибся, а Андр. Ав. утверждаетъ—ошибся, но въ 95 прав. этой ошибки нѣтъ (Читаетъ по Кормчей толкованіе).

Случается, что отъ недосмотра пишущихъ, или печатающихъ книги, бывають погрѣшности, но никто не винить составителей за эти ошибки, напримѣръ, въ Іосифовскомъ Евангеліи отъ Луки двѣ строки опущены, такъ Іосифъ-ли виноватъ? И Аристинъ прямо говоритъ: „яко еллины принимаемъ сія“ (Корм. лист. 205 на об.), и ошибки у него никакой вѣтъ.

Относительно 52 прав. св. Апостоль, кто говорилъ: я-ли? Нѣтъ, а отцы 7-го всел. собора, а онъ говоритъ: что я говорю. Напрасно.

Св. Феодоръ Студитъ говоритъ объ изверженныхъ, а Номоканонъ говоритъ о приходящихъ не отъ ереси, а отъ грѣха, напримѣръ, отъ прелюбодѣнія,—но такіе грѣхи и епископъ не можетъ разрѣшить.

Люциферіане главнымъ образомъ не имѣли общенія съ аріанами, то есть, съ еретиками втораго чина. Они принимали крещеніе аріанъ, а иротоцію отвергали, какъ и вы.

Мои минуты кончились; прошу отвѣтить на мой второй вопросъ.

Копыловъ. Итакъ, въ настоящей рѣчи Ив. Гр. хотѣлъ привести что-нибудь въ защиту своего священства, но ничего не привелъ. Что мы прочитали изъ Номоканона, объяснилъ неправильно, что это сказано о прелюбодѣніи, да самъ же и сознался, что и епископы прелюбодѣнія простить не могутъ, значить, не о томъ и говорится. Говорить, что я неправильно объяснилъ слова Феодора Студита и самъ утверждаетъ, что доказалъ, будто мвропомазаніе и руковозложеніе—все одно. Такъ-де говорятъ: Арелатскій соборъ, Симеонъ Солунскій и катихизисъ. Да развѣ они о 8 прав. говорятъ? Нѣтъ, не говорятъ.

Объ Аристинѣ въ опроверженіе моихъ словъ сталъ читать толкованіе на 95 прав. шестаго всел. собора по славянской Кормчей, а прежде читалъ по русскому переводу, а тутъ давай славянскую, іосифовскую. Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ: въ ней толкованіе Аристина не доведено до конца, а въ русской оно доведено. Вотъ онъ и не сталъ по русской-то читать. Да еще укоряетъ меня, что я, будто, огласилъ наготу отца. Не мы, а вы ее огласили, вы и уподобились Хаму. Вотъ послушайте, не я буду говорить, а одинъ ученый ¹⁾ объ Аристинѣ; онъ говоритъ, что православнаго епископа папу Келестина онъ назвалъ еретикомъ. Вотъ послушайте, какъ толкуетъ Аристинъ 5 прав. 3-го всел. собора: (заставляетъ читать чтеца). „Нѣкоторые митрополиты отдѣлились отъ собравшихся на соборъ въ Ефесѣ и приняли ученіе Несторія, епископа константинопольскаго,—этого чловѣкопоклоннаго и нечестиваго, и едимышленнаго съ іудеями,—и Целестія, епископа римскаго“ (слышь!),

¹⁾ Красноженъ, профессоръ университета.

а св. Церковь Келестина-то папу римскаго почитаетъ святымъ и празднуетъ память его 8 апрѣля. Вотъ что говорится о немъ въ прологѣ: „Келестинъ же отъ апостольскихъ преданій вся и глаголя и творя, низложи злочестиваго Несторія еписистолями богомерзскія его хулы изобличивъ“. Онъ мало того, что самъ проклялъ еретиковъ несторіанъ, но и нечестивымъ называетъ того, кто ихъ не проклинаетъ. Вальсамонъ въ толкованіи на 1-е прав. третьяго вселен. собора говоритъ: „Целестинъ папа римскій былъ православный, какъ выше сказано, а Целестій—единомысленикъ Несторія, то есть еретикъ“ — (Вальсам.). Григорій Богословъ о хиротоніи еретиковъ втораго чина „посылаше ко Клидоцію пресвитеру, мужу благочестиву, и служѣ присному Божію, и инѣмъ нѣкимъ, яко не принимати губительство еретическое, и рукоположенія же отметати аполлинарійская, яко *беззаконна* и чуждая соборныя Церкви“ (Житіе Григ. Назіанзина. Лист. 10 на об.); а о крещеніи ихъ говорится: „понеже точно намъ совершаются крещеніемъ, не мнися быти подобно покрещевати“... (Матѣ. Прав. Составъ А., листъ 45). Мы и не покрещеваемъ. Остается-ли еретическая хиротонія послѣ муропомазанія у еретиковъ 2-го чина? Вопросъ этотъ рѣшается Вальсамономъ и положенъ въ книгѣ Севаста Арменополя: „Вопросъ 30. Аще еретикъ, іерей, или дьяконъ, сподобится божеств. и святаго крещенія, или святымъ муромъ освятится, будетъ-ли священнодѣйствуя съ первшю хиротонією его, или другія сподобится хиротоніи, аще восхоцетъ священнодѣйствовати: отвѣтъ 30. Святыхъ Апостолъ 80-е правило, изъ языческаго правила (т. е. житія) пришедшія, къ православной вѣрѣ, и крестившіяся и епископскаго достоинства сподоблятися предъопредѣляетъ, убо первшаго іерейству, *сквернъ нещущемой*, яко не бывшу вмѣняему, аще съ правильнымъ опасствомъ возбуждаемыи тако право, славивъ и сыи, нѣкогда скверныи іерей въ послѣдншомъ своемъ житіи не осужденъ возъявится, сподобится не точію іерейскаго достоинства, но и епископскаго обычными всяко степенями на учительну высоту возводимъ“ (Вопр. Марка патр. александрійскаго и отвѣты Θεод. Вальсамона патр. антиохійск. л. 364 об.). Ясно. По словамъ св. Григорія Богослова и Θεод. Вальсамона хиротонія еретиковъ 2-го чина „*беззаконна*“ и „*скверна*“, а вы ее и подхватили. Она при присоединеніи къ Церкви сама по себѣ утрачивается, а о мурѣ-то во 2 чину говорится потому, что муропомазаніемъ обличается безблагодатность приступающаго къ Церкви. „По муропомазаніи бо, сказано въ Маломъ катихизисѣ, и Духа Святаго воспріятіе бываетъ“ (Мал. Катих. листъ 39).

Усозъ. Почтен. сл! Андрею Ав. нужно отдать справедливость: онъ кого начнетъ чернить, то очернить. Онъ не только насъ очернилъ, но и Кормчую и Аристина. Я доказалъ, что въ 95 правилѣ онъ не ошибся. Онъ винить его въ другихъ ошибкахъ, говоритъ, — Келестина папу

назвать еретикомъ. Вамъ нужно объяснить, что были два человѣка — Келестій и Келестинъ. Имя Келестія упомянуто въ 4 прав. третьяго всел. собора, а писецъ называетъ его Келестиномъ. Эта ошибка не правила и Аристина, но описка писца, а Анд. Ае. винить за нее Аристина, и ссылается на какого-то Красножена. Можно поздравить Анд. Ае., что онъ еретиковъ хвалить. И поздравляю. Ненависть Андр. Ае. къ Аристину—грѣхъ;—да не поставитъ ему Богъ грѣха сего!

О принятіи еретиковъ въ сущемъ санѣ говоритъ Василій Великій: „Впрочемъ, вѣдаю, яко братій Зоила и Саторнина, бывшихъ въ ихъ обществѣ, мы пріяли на каѳедру епископскую“ (Св. Вас. Велик. прав. 1-е, стр. 154). Вальсамонъ въ толкованіи 8 прав. перваго всел. собора прямо говоритъ: ибо, вѣроятно, нѣкоторые говорили, что принять ихъ должно, но только быть имъ въ качествѣ простыхъ мірянъ и не дѣйствовать правами, принадлежащими ихъ прежнимъ степенямъ. Это соборомъ не принято, а положено возстановлять ихъ въ ихъ степеняхъ“ (Толк. Вальс. на 8 пр. 1-го Всел. соб.; стр. 35). Въ житіи Григорія Богослова говорится о томъ, что если кто пойдетъ къ еретiku хиротонисаться, то эту хиротонію не принимать, и 7-й Всел. соборъ говоритъ тоже: „боже Отець (Вас. Велик.), въ то время, когда было очень много православныхъ епископовъ, запрещалъ сынамъ церковнымъ принимать хиротонію отъ арианъ; такъ какъ, въ этомъ случаѣ, имъ не было бы никакого оправданія. А что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что бывшіе послѣ него наслѣдники Церкви, совершенно знавшіе мысль отца, принимали хиротонисанныхъ еретиками, если только они потомъ исправились“... (Дѣян. Всел. Собор., томъ 7; стр. 121). Да и самъ Григорій Богословъ возведенъ на константинопольскую каѳедру Мелетіемъ, который поставленъ арианами и возведенъ былъ на антиохійскій престолъ и принятъ православными безъ повторенія хиротоніи (Истор. Созом. стр. 300), но люциферіане крещеніе принимали, а хиротонію отвергали.

Комм. Ив. Григ. въ свою очередь новыхъ свидѣтельствъ не привелъ никакихъ, а говорилъ, что мнѣ обидно слушать его доводы, что я сталъ бранить, чернить его, но я не браню, а указываю его погрѣшности, а онъ это считаетъ бранью. Въ оправданіе ошибокъ Аристина, онъ только и сказалъ: это описка писца. А кто писалъ Аристину толкованія? Самъ онъ писалъ, значитъ самъ и ошибся. Такъ какое же оправданіе Ив. Григор. сдѣлалъ Аристину? Никакого.!

Аристиянъ въ толкованіи на 5 прав. прямо говоритъ: „Нѣкоторые митрополиты приняли ученіе Несторія и Целестія, епископа римскаго“, а Вальсамонъ утверждаетъ: „Целестинъ папа римскій былъ православный, а Целестій—единомысленикъ Несторія, то есть еретикъ“ (Толк. на 1-е прав. 3-го Всел. соб. Вальсам., стр. 118). Въ толкованіи по славянской Кормчей на 110 прав. Кароагенскаго собора говорится:

„Рѣша же нѣщии о сею окаянному еретику, о Келестинѣ и о Пелагій, яко не бѣста, ни епископа, ни презвитера, и отнюдь ничтоже священническаго чина не имѣста: но якоже се мниха суща прехождаста грады и села, учаща злѣ, и развращающа истину (Кормч. Толк. на 110 прав. Карѣ. соб., лист. 160 на обор.). На соборахъ въ Карѣагенѣ и Милевѣ въ 416 г. еретикъ Целестій былъ осужденъ и отлученъ отъ общенія съ Церковію (Лѣтопись церк. событій, архим. Арсенія; лѣто 416; стр. 161). И послѣ этого вы говорите: это ошибка писца, а писалъ-то толкованіе самъ толкователь. Онъ и 8-е правило 1-го Всел. собора толкуеть вопреки самому правилу, седьмому Всел. собору и толкователямъ Зонару и Вальсамону. Я на это и указываю, а Викентій Лиринскій велить отличать авторитетъ общій отъ частнаго, а вы не хотите такъ дѣлать,—общій авторитетъ поставили въ сторону.

О Григоріи Богословѣ вы несправедливо утверждаете, будто онъ говоритъ: кто пойдетъ къ еретику хиротонисаться, — эту хиротонію на подрывъ вѣры не принимать. Нѣтъ, онъ этого не говоритъ. Онъ говоритъ: „не приимати губительство еретическое, и рукоположенія же отметати аполинарійская“. Объ ученіи онъ сказалъ впередъ,—не принимать,—а потомъ о хиротоніи, а не говоритъ: кто пойдетъ къ нимъ на подрывъ вѣры. Подобно тому, какъ обрѣзаніе у самарянъ и іудеевъ было одно, а въ вѣрѣ они различись, такъ и хиротонія не принимается за разность въ вѣрѣ.

На что вы приводите 1-е прав. Вас. Великаго? Если его привели, то надо бы и 47-е, гдѣ говорится: „мы таковыхъ перекрещиваемъ“, потому что не дано объ этихъ еретикахъ правила, но рѣшеніе этого дѣла Вас. Великій передалъ соборному суду, а соборныя рѣшенія были послѣ Василія Великаго и обнародованы, то и не было надобности ссылаться на эти правила св. отца. Ссылается Ив. Григ. еще на толкованіе Вальсамономъ 8 прав. перваго Всел. собора. Да, онъ велѣлъ принимать хиротонисанныхъ у еретиковъ, только какъ? У Севаста Арменопула въ 30 отвѣтѣ Марку александрійскому сказано, какъ ихъ принимать. Сказано: „убо перваго іерейству, сквернѣ непшумѣй, яко не бывшу вмѣняему“... Итакъ, Григорій Богословъ говоритъ: еретическая хиротонія „беззаботная“, а Вальсамонъ—„скверная“. Какъ же можно принимать беззаконную и скверную хиротонію? Про Мелетія говорить нечего: его никакъ не принимали.

Усозъ. Почтен. сл.! Я и въ предыдущую рѣчь сказалъ, что Анд. Аѳ. начнетъ чернить, такъ очернить. Пускай онъ говоритъ, что хочетъ, а мы прочитаемъ, что говоритъ преп. Іосифъ волоколамскій о такихъ рѣчахъ. Онъ говоритъ: „Мы же имамы свидѣтельства отъ божественныхъ Писаній, яко св. отецъ писанія истинна суть: повеже согласна суть пророческимъ и апостольскимъ писаніямъ. Мы же пока-

земь отъ божественныхъ писаній, яко аще кто речеть, яко ложна суть святія отецъ писанія, и ти суть уста отца ихъ сатаны“... (Просвѣт. Юлиф. Волок. Слов. 8; лист. 210).

Вальсамонъ прямо говоритъ о наватіанахъ, что „положено ихъ возстановлять въ ихъ степеняхъ“ (Толк. Вальс. на 8 прав.), — говоритъ тоже, что и Аристинъ. Отвѣтъ 30 Вальсамона Марку александрійскому написанъ не о наватіанахъ, а о еретикахъ первого чина, а о наватіанахъ Вальсамонъ прямо говоритъ, что ихъ нужно принимать непременно съ оставленіемъ въ степеняхъ священства; 47 прав. Василия Великаго нужно разсматривать, какъ частное правило; имъ нисколько не отвергается мвропомазаніе, которое иногда называется благословеннымъ помазаніемъ. Мы должны согласовать, а не ставить въ противорѣчіе правила св. отецъ. Помазаніе нисколько не противорѣчитъ возложенію рукъ, потому что „едина и тояжде есть тайна, мвропомазаніе и возложеніе рукъ“ (Больш. Кат. л. 358 на об.).

7-й Всел. соборъ, выслушавъ чтеніе изъ жизни св. Саввы о принятіи въ общеніе Іоанна, сына Маркіонова, на вопросъ патріарха Тарасія: „мы выслушали отеческія заповѣди: и такъ что же слѣдуетъ дѣлать? Принимать посвященныхъ еретиками“? — Св. соборъ сказалъ: „да, владыка, и видимъ, что слѣдуетъ принимать“ (Дѣян. Всел. соб., томъ 7; стр. 118—119). „Но если бы кто-либо съ намѣреніемъ пошелъ къ еретіку и получилъ отъ него хиротонію, то да будетъ не принимаемъ“. Тоже высказываетъ и блаж. Іеронимъ о принятіи хиротоніи еретиковъ въ разговорѣ православнаго съ люциферіаниномъ (Блаж. Іерон., томъ 4; стр. 58).

Козова говѣ. Въмѣсто того, чтобы прочитывать о мвропомазаніи еретиковъ 2 чина въ своихъ степеняхъ, Ів. Григор. сталъ читать разговоръ православнаго съ люциферіаниномъ о принятіи крещенія и хиротоніи. Вопросъ не объ томъ, и чтеніемъ разговора дѣло не рѣшается. Этотъ разговоръ былъ до 2-го Вселен. собора. Блаж. Іеронимъ писалъ споръ православнаго съ люциферіаниномъ въ 379 г., а въ разговорѣ ведется рѣчь о надшихъ православныхъ (Твор. бл. Іерон. част. 1; стр. 160 и 72), 2-й Вселенскій соборъ 7 правиломъ опредѣлилъ, какъ принимать еретиковъ 2 чина, но не сказалъ, чтобы оставлять ихъ въ своихъ степеняхъ.

Вы меня вините, что я указалъ ошибки за Аристиномъ. Нѣтъ, эти ошибки-то вы указали. Самъ-то ты о Тарасіи сказалъ: онъ не утвердительно сказалъ, но слово-то его подтвердилось Вселенскимъ соборомъ, а Аристинъ-то, по вашему, безошибочно сказалъ? И Вас. Великаго, говоришь, обругалъ; да когда? Не попусти, Господи, выдти отсюда, если я хулилъ его!

2 Всел. соб. въ 7 правилѣ говоритъ о принятіи еретиковъ чрезъ

муропомазаніе и черезъ крещеніе, а не о принятіи хиротоніи. 7 Вселен. соборъ буквально говоритъ, что хиротонію можно принимать, только не на подрывъ вѣры; также говорится и въ житіи св. Григорія Богослова изъ его посланій ко Клидонію, а вы навораживаете, что я указываю разности въ ученіи отцевъ на подрывъ вѣры и вычитали изъ Просвѣтителя, „аще кто речеть, яко ложна суть св. отецъ писанія, и та суть уста отца ихъ сатаны“, да Вальсамонъ тоже говоритъ, что я сказалъ, и онъ уста сатаны? Нѣтъ. Вы толкованіе Вальсамона на 8 правило читали, да говоритъ-ли онъ, что пужно принимать чрезъ муропомазаніе? Читаю его толкованіе: „Правило говоритъ, что если кто изъ нихъ съ чистымъ раскаяніемъ оставитъ прежнее зло, и обяжется сохранять догматы кафолической Церкви, тотъ долженъ быть принятъ. И если это—клирики, то они должны непременно сохранить свои степени“ (Толк. Вальс.). Видишь, сказано съ „чистымъ раскаяніемъ“, а вы наговорили, что „по муропомазаніи“,—зачѣмъ вы нагнали? А гдѣ толкованіе-то? Вы сказали, что вопросъ иногда ставится неправильно, а въ отвѣтъ говорится правильно. Неужто вы хорошо понимаете, а они—худо? Это вы говорили по поводу 30 вопроса Вальсамону. Ужъ если, по вашему, онъ говорилъ о еретикахъ 1-го чина, а о еретикахъ 2-го не отвѣчалъ, а въ вопросѣ сказано: „или святымъ муромъ освятится“,—то ему надо бы отдѣлится: вотъ это—о первой хиротоніи, а это—о второй, но въ отвѣтъ Вальсамонъ нераздѣльно ту и другую хиротонію назвалъ *скверной и яко не бывшей*“. Послѣ такой хиротоніи, говоритъ, *скверный никогда іерей*, если въ послѣднемъ житіи не осужденъ возъявится, сподобится не точію іерейскаго достоинства, но и епископскаго обычными всяко степенями на учительну высоту возводимъ“.

Вотъ другое постановленіе. Въ Посланіи къ Мартирію, епископу антиохійскому, изъ Константинополя о принятіи еретиковъ 2 чина чрезъ муропомазаніе сказано: „и по сихъ яко тщаливіи люди хиротонисуются оное, еже быша у самыхъ, первое, аще же пресвитери аще же діакони“ (Сев. Армен. лист. 290 на об.). Выходитъ: у васъ простецы ваши епископы, священники и діаконы. У васъ польто все равно, что и простой мужикъ, надѣлъ ризу, проклялъ ереси и помазалъ. Что изъ этого? Развѣ это священство? А то вы разговоръ-то православнаго съ люциферіаниномъ представляете: нужно и священство принимать. Да развѣ послѣ помазанія-то у васъ священство? Нѣтъ. Въ посланіи помазанные называются „тщаливіи люди“, просто сказать — міряне. Не къ чему и читать о принятіи священства разговоръ-то.

Усовѣ. Я читалъ и говорилъ, что „по возложеніи на нихъ рукъ“, то есть на приходящихъ отъ ересей, это значитъ „по муропомазаніи“, остаются приходящіе въ тѣхъ санахъ, въ коихъ были, но Андр. Аѳ.

этому не вѣрять. Я привелъ ему свидѣтельство Иеронима, 8 правило перваго Всел. собора, Симеона Солунскаго, Арелатскаго собора, Большаго Катихизиса, Василія Великаго, Аристіна, Вальсамона и отцевъ седьмаго Вселенскаго собора,—девять свидѣтельствъ, а самъ онъ привелъ Григорія Богослова изъ житія, Вальсамона 30 отвѣтъ о еретикахъ перваго чина и посланіе неявленныхъ патріарховъ. Больше ничего. Посмотримъ: кто писалъ это посланіе? Неизвѣстно; два какихъ-то лица. „Нѣкая разглаголаша ми, презвитерь Антоній, начинается посланіе, о прилагающихся къ православію и части спасаемыхъ отъ еретикъ, како приедемъ“... „Нѣкая“, сказано—не знай, кто. Это—частное мнѣніе, неизвѣстно чье. Его нужно согласовать со святыми отцами.

Здѣсь говорится о мірянахъ. Извѣстно, что православные чуждались Мелетія, какъ поставленнаго аріанами (Созом. 297 лист.) и когда Мелетій былъ сосланъ въ ссылку, не принимавшіе Мелетія за православнаго отдѣлились отъ признававшихъ его православнымъ; по этой причинѣ отдѣлились однѣ отъ другихъ (стр. 440). Впослѣдствіи, когда Юліанъ возвратилъ Мелетія изъ ссылки и поставленъ былъ Павлинъ Люциферомъ, православные предлагали раздѣлить паству Павлину съ Мелетіемъ, но Павлинъ объявилъ, что раздѣлять престолъ съ поставленнымъ аріанами епископомъ противно церковнымъ правиламъ (Собр. Ист. стр. 391). Нѣкоторые изъ православныхъ пришли къ единомыслію, а отдѣлились только люциферіане, именно потому, что Мелетій рукоположенъ аріанами. Все это я читалъ для того, чтобы доказать, что Анд. Ав. раздѣляетъ эту ересь: онъ хиротонію не принимаетъ, также какъ и люциферіане.

Коповаловъ. Вотъ, видите-ли, онъ ужъ ясно доказываетъ свое безсиліе и читаетъ исторію о томъ, какъ поставленъ былъ Мелетій, а не о митропозаніи говоритъ: я привелъ Арелатскій соборъ, Симеона Солунскаго, Большой Катихизисъ, но эти свидѣтельства не говорятъ о 8 правилѣ перваго собора, а я привелъ слова 7 Всел. собора, которыя прямо говорятъ объ этомъ правилѣ. Наконецъ,—объ Иеронимѣ,—онъ сослался на Сергія Вятскаго, на стр. 23-й,—только вы, Ив. Гр., выгрызли изъ середины, какъ мыши, а не прочитали того, что западные епископы въ принятіи Фривковъ водились своимъ собственнымъ закономъ—принимать черезъ Фривченіе. Говорили, что Аристінь и Иеронимъ такъ понимали, но вы оставили пониманіе Вселенскаго собора, а основались на частныхъ лицахъ. Такъ основаться на частномъ лицѣ, оставить соборъ, никто не рѣшится.

Ив. Гр. опровергаетъ посланіе къ Мартирію, говоритъ: неизвѣстно, кѣмъ оно писано, подъ нимъ нѣтъ подписей и начинается оно словами: „Нѣкая разглаголаша ми“... Неизвѣстно, кѣмъ писаны постановленія соборовъ Людякійскаго и Двукратнаго и никѣмъ они не подписаны, а все-таки они признаются Церковію и занесены въ Кормчую. Тоже и здѣсь: ска-

зано въ Кормчей и у Севаста Арменопула—„Отъ посланія собора константинопольскаго“, и нужно признать, что это посланіе соборное, а не своя рѣчь. Въ посланіи сказано: „по муропомазаніи потщаливи мѣрстѣи человѣцы“ (Кормч.), а у Сев. Арменопула,—„тщаливи людини“ поставляются въ санъ, въ которомъ были, а если не поставляются, то и остаются мѣрскими людьми, простецами. Простецу и можно дѣйствовать только, что должно дѣлать простецу, а если простецъ начнетъ дѣлать свойственное священному лицу, то строго осуждается. Вотъ что говоритъ Номоканонъ о такихъ людяхъ: „Аще-ли нѣцыи поупущеніемъ Божиимъ втоликое придоша дерзнутіе, яко еже невѣрнѣ и злочестивнѣ, невѣріе бо есть вещь таковая, еже кромѣ священства пріяти хиротонію, священная дѣйствовати, нѣсть слова рещи о сужденіи сщцевыхъ, сіе бо дѣло горше есть и самыхъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ во ангела свѣтла, точію преобразующихся, но не сущихъ, и божіе лицемѣрующихъ безбожныхъ же сущихъ и противныхъ Богу... ниже бо божественныя гласы отъ нихъ, ниже божественныя дѣла, понеже благодати рукоположенія не имуть но и мечь пріимуть иную, за прельстившихся отъ нихъ, или нѣгдѣ крещенныхъ, или рукоположенныхъ сіи бо не хиротонисани, ни крещени суть“ (Номокан. листъ 57). Принятіе на себя священства непосвященными: сіе дѣло горше самыхъ нечестивыхъ бѣсовъ, во ангела свѣтла преобразующихся. Не простыхъ бѣсовъ, а самыхъ нечестивыхъ, которые преобразуются въ ангела свѣтла. Извѣстно, что бѣсы преобразующіеся въ ангела свѣтлаго какую напасть причинили преп. Симеону Столпнику и Исаакію Затворнику. Преп. Симеонъ только ногу занесъ, чтобы послѣдовать на небеса за обольстившимъ его діаволомъ, и нога его восшипѣла червями, и язву сію онъ терпѣлъ, а надъ Исаакіемъ бѣсы такъ надругались, что онъ едва остался живъ. Присвоивающіе себѣ священство безъ посвященія хуже этихъ нечестивыхъ бѣсовъ. Извѣстно, что и не посвященные мѣряне, когда ризу надѣнутъ, по виду-то попы, на 7 просфорахъ служатъ по старопечатнымъ книгамъ, двуперстно молятся. Что толку-то въ томъ.—Остаются все-таки мужиками. Православная хиротонія только тогда бываетъ, когда отъ православныхъ она по ряду тянется, а у васъ оборвалась. По поводу этого Ив. Григ. и приходится читать только о люциферіанахъ, а въ защиту-то своего священства нѣтъ ничего.

Усозъ. Почт. сл! Если кто начнетъ говорить неправду, то будетъ путаться, а больше ничего. Такъ и Андр. Аѳ. путается. По дѣлу онъ не сказалъ ничего, а не къ дѣлу прочиталъ изъ Номоканона 57 листъ. О чемъ здѣсь говорится? Здѣсь говорится о такихъ лицахъ, которыя, не будучи рукоположены, стали бы священнодѣйствовать; отъ нихъ не принимати крещеніе, а самъ онъ принимаетъ крещеніе отъ такихъ лицъ,—принимать отъ нихъ—горше, чѣмъ отъ нечестиваго бѣса: „сіи

бо не хиротонисани и не крещени“. Онъ скажетъ, можетъ быть, отъ мірянъ принимается крещеніе, а если я, мірянинъ, надѣну ризу— не принимается? Если онъ вѣритъ въ силу крещенія отъ мірянъ, то пусть докажетъ — на основаніи какихъ святособорныхъ правилъ онъ принято. На основаніи толкованія къ 18 прав. сардикійскаго собора отъ самозванцевъ крещеніе не принимается. Вальсамонъ говоритъ: „такъ не долженъ считаться крещеннымъ и тотъ о которомъ говорятъ, что онъ крещенъ отъ непосвященнаго,.. долженъ быть безъ предосужденія удостоенъ истиннаго крещенія“.

Я уже доказалъ о еретикахъ 2-го чина, что они были осуждены соборами, но Церковь приняла ихъ крещеніе и хиротонію, а потому и мы принимаемъ. Я себя оправдалъ. Теперь вы оправдайте себя, оправдайте свое крещеніе. Въ 37 главъ Кормчей, дѣйствительно, сказано: „потщаливи, мірстін человекы поставляются въ санъ, въ немже бѣша“, то есть въ тотъ санъ, въ которомъ были православные епископы, пресвитеры и діаконы;—на праздныя, не занятія ихъ мѣста.

Коновал. Я говорю, что Мелетій поставленъ въ епископы еще тогда, когда аріане съ православными были не раздѣльны, тогда и хиротонія была нераздѣльна, а о себѣ скажу, что у насъ нѣтъ епископовъ, а тамъ были. Наше общество и не подходитъ къ тому; мы епископовъ не имѣемъ и не принимаемъ, а вы приняли вопреки всѣмъ правиламъ, чрезъ муропомазаніе; по правиламъ, принятые вами чрезъ муропомазаніе остаются мірянами.

Хиротонію еретиковъ не принимали римляне (хирот. Донатистовъ), что упоминается въ 69 прав. Карѣ. собора, и Св. Григорій Богословъ говоритъ: „не принимать аполлинарійскую хиротонію“, а крещеніе Церковь велитъ принимать. Матеей Правильн. еретическое крещеніе называетъ Божественнымъ, а хиротонію Св. Григ. Бог. называетъ беззаконною.

Вы говорите: „въ немже бѣша“, то есть, въ которомъ были православные, но у Севаста прямо сказано: „въ онъже у самихъ бѣша“, а не у православныхъ, а у васъ по правилу-то не только поставитъ, но и принять было некому; вы по правилу-то — простецы. Беззаконіе ваше вами и къ намъ примѣняется: что мы горше бѣсовъ нечестивыхъ: вы считаете насъ такими, а принимаете безъ перекрещиванія?

И самое-то ваше муро беззаконно. Митроп. Макарій говоритъ: „А такъ какъ муро у нихъ не было никакого, то и придумали, что по нуждѣ можно имъ самимъ, безъ архіерея, составить и освятить свое муро. Съ этою цѣлю (въ 1777 г.), купили огромный самоваръ, налили въ него деревяннаго масла, вложили разныя благовонныя масти и растенія и истолченныя частицы св. мощей, и варили эту смѣсь отъ зазаревай субботы до великаго четверга. Главнымъ распорядителемъ былъ

попъ Василій Чебоксарскій. Онъ самъ читалъ надъ кни́вшимъ масломъ архіерейскія молитвы, прочіе священники стояли вокругъ самовара ¹⁾. Они продали самоваръ, въ которомъ варили муро, на рынкѣ, не позаботившись вычистить сосудъ отъ прикрѣпшихъ къ нему остатковъ благовонныхъ мастей* (Истор. рус. раск. Макарія еп. Виницкаго; стр. 318—319). Такимъ что-ли муромъ вы помазывали приходящихъ къ вамъ?

Усовъ. Андрею Аѳ. нужно отдать справедливость: чернить начнетъ, такъ очернить, а потѣшать начнетъ публику, такъ потѣшить!.. Ему бы быть только въ балаганѣ. Можно-ли вѣрить читанному? Сто лѣтъ тому назадъ старообрядцы какъ смотрѣли на самоваръ?! И будто бы они въ самоварѣ варили муро; но можно-ли въ самоварѣ варить-то муро? Вѣдь его варятъ въ котелкахъ; масло можетъ загорѣться. Подъ котелокъ огня можно положить и болѣе и менѣе, а въ самоваръ наложешь углей: ихъ не вынешь оттолѣ, это невозможно допустить. На серьезныхъ бесѣдахъ такія сказки невозможно приводить: всякій пойметъ, что это—неправда, да они противорѣчатъ и сами себѣ: Макарію ссылается на Андрея Іоаннова (листъ 248 у Іоаннова), что самоваръ, будто бы, продали въ колокольный рядъ, а у Андрея Журавлева объ этомъ самоварѣ говорится: „также и самоваръ оный изломавши въ Москву рѣку бросили“ (стр. 268) ¹⁾. Кому же вѣрить? Макарію, или Андрею Журавлеву?

Андрею Аѳ. не насъ надо винить, а свое общество. Объ нихъ пишется: „Козминщина: „бракъ блудомъ нарицають, церковію святыхъ и священниковъ и святыхъ Тайны нигдѣ не сказуютъ на земли“ (Розыскъ, листъ 322 на об.), а въ наше время кузминщина нашла эти тайны на небѣ: „Саратовской губерніи крестьянинъ Аѳанасій Коноваловъ и сынъ его Андрей Аѳ. продавали своимъ послѣдователямъ мѣста въ раю. За номера перваго класса брали 10 рубл., а втораго—5 рубл.“ (Краткія свѣдѣнія о старообрядч. раск. Издан. Сытина, 1898 г.). Пускай онъ оправдываетъ свое общество; но онъ не оправдался.

Андр. Аѳ. ссылается на 69 прав. Карѳ. собора, будто бы по нему не принимались еретики. Неправда. Извѣстно, что при Филиппинѣ на соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ въ 712 г., „все единогласно соборъ 6-й отвергоша, а ересь моноѳелитскую похвалиша“ (Бар. лѣто 712; листъ 819; чис. 1-е). Послѣ Филиппина воцарился Анастасій—право-

1) Слушатели, послѣдователи австр. священства, возмущались этимъ чтеніемъ и вслухъ стали высказывать свои замѣчанія: не читай насмѣшки! Это виконіане выдумали. Читай о мѣшалкѣ-то!.. можно-ли этому повѣрить?.. раздавался голоса слушающихъ.

2) Митр. Макаріѣ сказаніе о самоварѣ беретъ изъ книги Ан. Журавлева на стр. 248, а Усовъ указываетъ слова Журавлева объ уничтоженіи на стр. 268.

славный и чрезъ экзарха схоластика къ папѣ исповѣданіе вѣры католическія посла. Немедля папа посла въ Константинополь Михаила іерея на пріятіе и разрѣшеніе кающихся (Бар. лѣто 713; числ. 2; листъ 819 на об.). И самъ Григорій Богословъ былъ рукоположенъ Мелетіемъ епископомъ, рукоположеннымъ аріанскими епископами. Въ XIII в. въ дѣяніяхъ западнаго собора латеранскаго (1215 г.), постановлено было, чтобы греки „не дерзали перекрещивать приходящихъ въ общеніе съ ними латинянь, какъ они дѣлаютъ это, а равно — чтобы того же правила держались и латинскіе священники на востокъ“; и Вальсамонъ въ посланіи къ Марку александрійскому говорилъ о присоединеніи латинъ чрезъ муропомазаніе; св. Маркъ ефесскій послѣ флорентійскаго собора объяснялъ отвѣтъ Вальсамона въ смыслѣ муропомазанія. Нифонтъ митр. новгородскій въ отвѣтахъ Кирику говоритъ о присоединеніи крещенныхъ въ латинскую вѣру также чрезъ муропомазаніе: „облеки его въ чистыя одежды, надѣнь на него христіанскія ризы и вѣнецъ: тогда помажь его св. муромъ и дай ему свѣчу“ (О правилахъ и чинослѣд. принятія неправ. христ. въ православ. Церковь. Сергія епис. вятскаго стр. 90 — 91). Никифоръ Исповѣдникъ на вопросъ о томъ: должно-ли принимать въ общеніе рукоположенныхъ въ Римѣ, Неаполѣ и Лонгобардіи? отвѣчалъ, что таковыхъ должно принимать въ ихъ степеняхъ священства (Серг. Вят. стр. 157).

Коповаловъ. Въ вопросахъ Кирика и въ отвѣтѣ Нифонта говорится о чинопріятіи латинянь, но объ оставленіи въ степеняхъ священства не сказано ничего, да и о самомъ житіи Нифонта въ Кормчей сказано: „любезе въ различныхъ мѣстахъ развращенно есть въ Нифонта житіи, а не пріяхомъ его яко не предано бысть (Кормч. лист. 582).

На 156 стр. книги Сергія есть и о принятіи священниковъ. Тутъ приведены слова Вальсамона, гдѣ онъ говоритъ: „поелику прежнее священство почитается оскверненіемъ и не считается дѣйствительнымъ“; вотъ, видите ли, этихъ словъ Ив. Гр. намъ и не прочиталъ, а только прочиталъ слова Никифора, что „таковыхъ должно принимать въ ихъ степеняхъ священства“. А какъ принимать? не нашелъ ни строки. Я говорилъ о вареніи муръ; я читалъ изъ книги,—отвѣчаютъ: это насмѣшка. Если это насмѣшка, вѣдь, не мной она написана, а вы, вотъ, читаете насмѣшку, можетъ, и вами она написана—о продажѣ рая. Что вы этимъ оправдались, чтоль? Я прочиталъ о мурѣ съ вашей точки зрѣнія: у васъ его не было, и вы его варили, вамъ оно нужно для помазыванія приходящихъ; да годится ли оно? вотъ вопросъ въ чемъ; это—не насмѣшка. Вѣдь, съ вашей точки зрѣнія, безъ муръ-то принимать нельзя, а если приняли, то, съ вашей же точки зрѣнія, такъ принятые—самозванцы, а мы, съ своей стороны, всѣхъ вашихъ епископовъ съ діаконами и священниками считаемъ еретиками.

Ваши указанія на Симеона Солунскаго, Арелатскій соборъ, большой Катихизисъ вамъ бесполезны, это не обсужденія 8 правила, а разсужденія о муропомазаніи; они васъ не оправдываютъ.

И ваше священство, по словамъ Вальсамона—скверное, а по Григорію Богослову—беззаконное, такъ и остается таковымъ. Правиль къ его оправданію вы не нашли. О еретикахъ третьяго чина я вамъ приводилъ правила, что Церковь иногда ихъ принимала въ священннхъ степеняхъ, иногда не принимала, а еретиковъ 2-го чина въ священномъ санѣ чрезъ муропомазаніе не принимала никогда, и муропомазанные, по муропомазаніи, дѣлались мірянами, какъ сказано въ 37 гл. Кормчей. Этимъ я и оканчиваю бесѣду, потому что мой собесѣдникъ новаго не можетъ привести ничего, а только повторяетъ то, что уже не разъ говорено.

Послѣдователи австрійскаго священства рѣшительно воспротивились окончить бесѣду и послѣ многихъ пререканій согласились продолжить бесѣду еще на 20 минутъ для каждой стороны.

Условъ. Андр. Ав. стоитъ на томъ, что по муропомазаніи хиротонія не принимается. Муропомазаніе, будто бы, уничтожаетъ священство. Посмотримъ. Симеонъ Солунскій говоритъ: „архіереи же и іереи еднии хиротонію совершаютъ, ея же убо ниже царь, ниже мнихъ пріемлетъ, собственна же сія благодать есть и вседѣтельная, возсияющая и святающаяся всяческая силы, обаче еще испытатели, и хиротонія муромъ совершаемы обрящене“. (Сим. Сол. гл. 74: л. 103). Читаемъ далѣе: „Да преемство прісно благодати прибываетъ отъ Христа въ насъ, ниже муро безъ мурѣ совершается, ниже хиротонія кромѣ мурѣ: тѣмъ же и священство муромъ бываетъ и сіе знаи отсюду: на жертвенницѣ предлагается и совершается муро, безъ жертвенника же не можно совершиться, жертвенникъ же предпомазанъ муромъ, и чрезъ тое посвятися, муромъ убо муро совершается, и накі чрезъ архіереа муро священнодѣйствуется: и безъ архіереа не можно, сей же помазанъ муромъ въ крещеніи, и хиротонію имѣяй благодатию Духа, и другъ друговъ убо дары даются, понеже тогожде и единаго въ Троицѣ Бога суть дары, и хиротонія же муромъ бывають. якоже рѣхомъ, тыя бо въ жертвенницѣ совершаются“ (Сим. Сол. лист. 103 на об; гл. 75). Андр. Ав. указывалъ, что у насъ муро варили незаконно; но у насъ и муро-то это, сваренное, выбросили; его и употреблять не стали. А вотъ нужно обратить вниманіе на отвѣтъ и толкованіе Вальсамона на 18 прав. Сард. собора, что нужно крестить всѣхъ, а вы не крестите, по Вальсамонову указанію, крещенныхъ мірянами.

Андр. Аван. говоритъ: у насъ некому принимать, но Феод Студитъ вотъ что говоритъ: „Со всякимъ священникомъ неосужденнымъ, согласно Богослову и Златоусту, надобно имѣть общеніе“... (Феод. Студ. часть 1-я, стр. 313), и вамъ совѣтуемъ дѣлать тоже.

Конов. За періодъ настоящей рѣчи Ив. Григ. ничего не сказалъ, а только читалъ изъ Симеона Солунскаго о томъ, что дѣлается въ Церкви, а мы говоримъ не объ этомъ, а о томъ, что кто принимается чрезъ муропомазаніе, того какъ мірянина нужно поставлять, иначе сказать, рукополагать въ священный санъ, а объ этомъ-то онъ ничего и не вычиталъ.

Онъ сказалъ: по Вальсамону идти нельзя — нужно всѣхъ крестить. Да вопросъ-то какъ поставленъ? Вотъ какъ: „Аще еретикъ, іерей, или диаконъ сподобится божественнаго и святаго крещенія, или святымъ муромъ освятится“?—а вы тискаете въ одно, говорите—всѣхъ надо крестить. Это, значить, вы обманываете. Потому въ посланія къ Мартирію помазанные муромъ прямо называются мірянами, а если муропомазанные міряне, то правило и велитъ ихъ поставлять въ тотъ санъ, въ которомъ были до помазанія, а безъ поставленія они такъ и остаются мірянами.

Вы сослались на Феодора Студита, который велитъ имѣть общеніе со всякимъ неосужденнымъ священникомъ. Да, вѣдь, сами же вы присудили Амвросія во 2-й чинъ подъ муропомазаніе. Зачѣмъ же вы ссылаетесь на св. Отца: у него ни слова не сказано о муропомазаніи; вы все обманываете народъ. Если бы вы доказали, что нужно въ священныхъ степеняхъ принимать чрезъ муропомазаніе, я сейчасъ, не выходя отсюда, перешелъ бы въ австрійщину.

Что еретики 2-го чина не принимались чрезъ муропомазаніе въ своихъ санахъ, видно и изъ слѣдующихъ словъ Баронія: Во Африцѣ епископи, промышляюще о исправленіи церкви, и помѣстныхъ правилъ и нравовъ, соборъ къ Кароагенѣ творяху, отъ котораго послѣвъ къ папѣ Іоанну послаша, и писаша о нѣкихъ церковныхъ чинѣхъ вопрошающе. А наипаче о священникахъ аріанскихъ, иже церковному соединенію прилагашуся, аще при церковныхъ чинѣхъ сохранени, или яко прости пребывати имуть? Но прежде неже посланіе въ Римъ приде Іоаннъ папа отъиде къ Господу. По которомъ наста Агапѣ римлянинъ архидіаконъ зѣло ученый ¹⁾. Африканскимъ епископомъ отписа Агапѣ, увѣщавая ихъ, дабы аріанскихъ епископовъ и священниковъ въ покаяніи обратившихся, къ правленію сановъ церковныхъ не припускали, но имъ всякую любовь и милосердіе показывали.

Писа Іустиніанъ Кесарь къ папѣ о тѣхъ, иже отъ аріанства въ соединеніе вѣры церковныя обращающыяся, въ санахъ епископскихъ пребыти желашу, и ко инымъ духовнымъ чиномъ отверстыи путь имѣти. На сіе отписа ему изрядно отъ святаго Писанія: яко сіе не лѣтъ есть,

1) Память св. Агапита папы Римскаго празднуется 17 апрѣля. Примѣч. Кововалова.

и церковными правилами возбранено“. (Барон. Лѣто 535; числ. 5, 6 и 8; листь 615—616).

Этимъ чтеніемъ окончилась бесѣда.

На бесѣдѣ спорящія стороны употребляли все свое искусство, чтобы обнажить и обличить недостатки противной стороны и прикрыть свои недостатки. Оба собесѣдника на защиту своихъ мнѣній безразлично употребляли какъ свято-отеческія правила и разъясненія, такъ и замѣтки и сужденія частныхъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Такой обильный и разнообразный матеріалъ, предложенный вниманію слушающихъ, безъ особенной разборчивости къ его качеству, не могъ повліять на слушателей въ томъ смыслѣ, чтобы измѣнить ихъ вѣрованія, и расположеніе къ содержимому толку осталось прежнее. Вопросы, касающіеся сущности религіозныхъ убѣжденій, были умолчаны. Рѣшались вопросы каноническіе. Такъ, по отношенію къ Спасовцамъ, былъ поставленъ вопросъ: на какомъ основаніи они принимаютъ еретиковъ третьяго чина, отвергая ихъ хиротонію?

Вопросъ этотъ Коноваловъ разрѣшаетъ указаніемъ на первое правило Василія Великаго, на 7-е правило 2-го Вселенскаго собора, по изложенію Матеея правильника, и на слова Св. Григорія Богослова къ Клидонію: „рукоположенія же отмѣтати Аноллинарійская, яко беззаконна и чуждая соборныя церкви“. Къ этому онъ присовокупилъ слова Св. Θεодора Студита, что принятіе бываетъ отъ равностепенныхъ чиновъ. Такимъ разъясненіемъ онъ рѣшилъ вопросъ съ своей точки зрѣнія и успокоилъ своихъ единомысленниковъ слушателей. Для нихъ ясно, что, во-первыхъ, по правиламъ св. Отецъ, у еретиковъ третьяго чина крещеніе пріемлется; во-вторыхъ, хиротонія отмѣтается, и въ-третьихъ, равностепенныхъ чиновъ у нихъ нѣтъ, а потому они, ради соблюденія этого замѣчанія, обязаны не принимать въ священныхъ санахъ. Что они и выполняютъ.

Вопросъ, согласно мнѣнію Спасовцевъ, рѣшенъ удовлетворительно, но онъ не соотвѣтствуетъ ученію Церкви: „аще бо и не всякъ долженъ есть священствовати, но убо потребовати священничества всякъ долженъ есть; безъ него бо спастися не можетъ“ (Бол. Кат. 359 л. об.). На тѣхъ, кто въ дѣлахъ вѣры обходится безъ священства, лежитъ грозное изреченіе: „потребовати священства всякъ долженъ есть, безъ него бо спастися не можетъ“.

Говорено о томъ, что крещеніе еретиковъ не отвергается, а хиротонія не пріемлется, но умолчано о томъ, что „священства потребовати всякъ долженъ есть; безъ него бо спастися не можетъ“; объ этомъ ни слова не сказано и, благодаря этой недомолвкѣ, сужденія спасовцевъ

обязываются имѣющими силу неопровержимости, по мнѣнію послѣдователей спасовской секты.

Сужденія защитниковъ австрійской іерархіи также оказались убѣдительными только для лицъ, приемлющихъ австрійское священство, но не имѣющими основательности для лицъ, не приемлющихъ его.

Защитнику австрійскаго священства вопросъ былъ поставленъ такой:

Гдѣ сказано во св. Писаніи, что еретика—епископа можно принять чрезъ мвропомазаніе и послѣ того допустить его рукополагать епископовъ?

Конечно, въ св. Писаніи такого сказанія нѣтъ нигдѣ и защитникъ австр. свящ. въ св. Писаніи и не сталъ искать, чего нѣтъ, а прямо обратился къ свято-отеческимъ писаніямъ и практикѣ церкви, но и тутъ прямого отвѣта на вопросъ не нашель, а началъ пользоваться косвенными доказательствами, затянувъ бесѣду, по выраженію Коновалова, ходя „вкругомъ да около“.

Защитникъ австрійскаго священства доказывалъ, что 8-мъ правиломъ перваго всел. собора положено принимать лицъ священнаго чина въ сущемъ санѣ. Сказано: „да, по возложеніи на нихъ рукъ, пребываютъ они въ клиръ“, а подѣ возложеніемъ рукъ, говорилъ онъ, разумѣется мвропомазаніе. Такъ толкуютъ: Аристинъ, Сим. Солунскій, профес. Соёмовъ, еписк. Сильвестръ, Арелатскій соборъ, Вѣтринскій (составитель описанія памятниковъ древности), Большой Катихизисъ, Вальсамонъ, Отцы VII всел. собора, Василій Великій и блаж. Иеронимъ.

Изъ Исторіи и церковной практики извѣстно, что отъ ереси въ сущихъ санахъ принимались приходящіе въ прав. церковь: Мелетій Антиохійскій, Донатисты и вообще еретики 3-го чина.

Противъ этихъ указаній спасовецъ возражалъ, что VII всел. Соб. подѣ руковожденіемъ разумѣеть благословеніе, а не мвропомазаніе, а потому всѣ толкованія на 8 прав., разумѣющія подѣ руковожденіемъ мвропомазаніе, какъ не соотвѣтствующія словамъ самаго правила и пониманію этого правила Отцами VII всел. собора,—авторитетомъ соборъ уничтожаются.

Рядъ толкованій о томъ, что вѣрные принимали таинство (мвропомазанія) возложеніемъ рукъ и помазаніемъ, — вѣрнѣ, но рѣчь не о таинѣ мвропомазанія, а потому и свидѣтельства эти приведены не къ дѣлу. Указанія на Мелетія невѣрно: его никакимъ чинопріятіемъ отъ ереси не принимали, а арианъ и другихъ еретиковъ 2-го чина принимали по мвропомазаніи, какъ мірянъ и поставляли ихъ снова въ тѣ степени, въ коихъ они были. Объ этомъ свидѣлствуютъ: Посланіе Констант. собора къ Мартирію Антиохійскому, 30 отвѣтъ Вальсамона къ Марку Александрійскому и Отвѣты папы Римскаго Агапита епископамъ Каррагенскимъ и Императору Константинопольскому Іустиніану.

Кстати, спасовець замѣтилъ и о вареніи незаконнаго мура, о которомъ защитникъ австр. священства сказалъ, что это мура уничтожено, а о существованіи дѣйствительнаго мура оба собесѣдника не заводили и вопроса.

При собесѣдованіи спасовець указалъ, что послѣдователи австрійскаго священства нарушили слова св.Ѳеодора Студита, что приходящіе къ соединенію отъ равночестныхъ чиновъ принимаются. Защитникъ австрійскаго священства доказывалъ, что можно и низшимъ чинамъ принимать высшихъ, ибо на исповѣдь священники принимаютъ епископовъ, и Михаилъ, пресвитеръ Римскій, былъ посланъ папой принимать въ православную церковь обращающихся отъ моноелитской ереси.

Спасовець замѣтилъ: гдѣ дѣло касается грѣховъ, подвергающихся изверженію изъ сана, тѣ грѣхи, по наставленію Номоканона, пресвитеръ не можетъ разрѣшать потому, что онъ, дѣлая такъ „паче подобающаго“, сталъ бы возводить на священство. Что не дозволяется правилами.

Притомъ, сказалъ спасовець, православная хиротонія только тогда бываетъ, когда „отъ православныхъ епископовъ по-ряду тянется, а у васъ оборвалась. Мы считаемъ васъ еретиками, а ваше священство, по словамъ Св. Григорія Богослова,—беззаконнымъ,—а по словамъ Вальсмона—сквернымъ. Правиль къ оправданію его вы не нашли“.

Такое заключеніе высказалъ спасовець объ австрійскомъ священствѣ.

Да и сами послѣдователи этого священства въ откровенныхъ бесѣдахъ неслестно высказываются о немъ. Аркадій, экзархъ Славскій, въ письмѣ къ попу Василью Каменскому пишетъ: „Раскрыли Кормчію, и начали читать сіе правило, которое и ты можешь прочитать въ своей Кормчей, также и въ Никоновой оныя слова, а особливо во второй книгѣ на листу 175, яко чинъ иноческій отлагаеть священство совершенно: егда есть священникъ и во время постриженія совлачаютъ его, совлачающе съ прочимъ одѣяніемъ и священство, и прочее и прочее. Священницы замолчали; отецъ Макарій сталъ въ недоумѣніи: что же дѣлать?—повторяя сіе. Рѣшили тѣмъ, что врата нынѣшнее время ни единъ святитель не вниде. Врата суть правила обдержная: нужды ради входятъ малыми врата, случайными, нуждными“... И ниже: „Зри, брате,—гдѣ врата? Разсмотримъ и самый корень, Амбросія: не вратами, но тѣсною, съ нуждею великою! Я однажды отцу Павлу написалъ объ Амбросіи пунктовъ до 14: онъ отвѣтъ далъ. Я наки возразилъ: не о томъ вопрошаю; но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амбросій (а что именно, не подобаеть глаголати)? И такъ отецъ Павелъ не доказалъ“. (Переписка раскол. дѣятелей; вып. 2-й Субб. 29 письмо. стран. 108—109).

„Между прочимъ, пишетъ Аркадій къ Кириллу, пишете, что митрополитъ Амбросій меня не принялъ въ число святителей за нѣкоторую неудобность (Аркадій былъ женатъ въ мірѣ на вдовѣ и по прав. Св.

Ап. 17 и 18 и шестого всел. соб. 3-му ему нельзя было числиться въ клиръ). Владыко святыи! Если бы я на сей харгѣи открылъ вамъ амбросіевы недостатки, то бы вы не сіе думали. Но открытъ не на пользу. Развѣ когда потребуеть надобность. Амбросіи принять по великой нуждѣ, а не по обдержнымъ правиламъ. Такъ равно, какъ и мое поставленіе. Такъ и всѣ вами рукоположенные, только по нуждѣ. А если по обдержнымъ правиламъ повѣрить всѣхъ епископовъ достоинство, то затворите и церкви всѣ. Прочихъ недостатки по винамъ грѣховнымъ,—на нихъ есть разсужденіе; но кто о вѣрѣ погрѣшаетъ, тому нѣтъ входа въ чинъ святительскій. Покойный Павелъ намъ на вопросы о Амвросіи не далъ отвѣта; и теперь лучше молчать“. (Тамъ же письмо 37. Въ Бѣлую Крилицу, къ Кириллу, 18 окт. 1861 г.; стр. 139).

Такъ епископъ австрійской іерархіи, какъ и спасовецъ, утверждаетъ, что австрійская іерархія основана по великой нуждѣ, а не по обдержнымъ правиламъ... А если по обдержнымъ правиламъ повѣрить всѣхъ епископовъ достоинство, то затворите и церкви всѣ!.. кто о вѣрѣ погрѣшаетъ, тому нѣтъ входа въ чинъ святительскій... Я спрашивалъ: не погрѣшили ли Амбросіи о вѣрѣ... Павелъ намъ на вопросы не далъ отвѣта“!

По словамъ Аркадія, австрійская іерархія основана не на обдержныхъ правилахъ, а по вѣрѣ Амвросіи Аркадію казался сомнительнымъ, и сомнѣнія этого не могъ разрѣшить даже основатель іерархіи, инокъ Павелъ Великодворскій.

Подобно Аркадію и другіе послѣдователи австрійской іерархіи высказываются объ австрійской іерархіи. Въ письмѣ къ Аркадію Славскому изъ Москвы, отъ 19 августа 1868 года, говорится слѣдующее: „Вы пишете въ оправданіе себѣ: какой успѣхъ тамъ, гдѣ все скуплено, все продано?.. Владыко! вспомните свои слова, что вы прежде писали, о чемъ не намъ бы вамъ напоминать. Но обстоятельства заставляютъ. Вы прежде, объявляя чистосердечное убѣжденіе свое, писали тако: „отрещися Окружнаго Посланія есть отрещися и словесъ, въ немъ написанныхъ, то-есть имени Господа нашего Іисуса Христа, отрещися и безкровныя жертвы, яже будетъ до скончанія вѣка, отрещися и того, что врата ада не одолѣють церкви Христовой... Въ окружномъ Посланіи нѣются слова божественная, то отрещися онаго, отрещися и всего написаннаго въ ономъ Посланіи... Теперь, въ опредѣленіи вашемъ, пишете напротивъ: „Окружное Посланіе уничтожаемъ, опровергаемъ и яко не бывшее вмѣняемъ, со всѣми въ немъ положенными ложными статіями“. Посему вы нынѣ не только отреклись отъ него (это много бы легче—отрещися и оставить его въ покоѣ), но и уничтожили, и опровергли, и всю сущность изложенія его ложнымъ безсовѣстно обол-

гали, и яко не бывшее вмѣнили, и проклятiю предали, потомъ пріемлющихъ оное за справедливое отлучаете отъ общенiя въ моленiи и, по выраженiю вашему, „отсѣкаете отъ соборныя и апостольскiя церкви, яко гнилыи и непотребныи уды“.

Странно и весьма недоумѣнно! Что васъ заставило оставить свои убѣжденiя и власть въ такую крайность, послѣдовать ереси прокоповъ-давыдовой и другихъ влещи за собою во мрежу нечестiя? Вы сами, въ соборной грамотѣ своей, изволили писать еще: „Прокопъ Лаврентьевъ съ давнихъ поръ искусенъ творить раздоры: дерзаетъ Прокопъ святыя тайны именовать мертвечиною... Сей-то раздорникъ вовлекъ митрополита въ глубокий ровъ: 1) увѣрилъ митрополита, что будто въ великороссiйской церкви антихристъ царствуетъ, а мы, по его мнѣнiю, отъ антихриста прiимали священниковъ, которые насъ крестили и отцевъ нашихъ, и препроводили въ будущую жизнь; 2) таковой антихристъ уже родился по Христовомъ Рождествѣ спустя 8 лѣтъ, и царствуетъ; 3) Что будто мать его, то есть антихрестова, освящена къ зачатiю нашествиемъ Св. Духа словомъ архангела Гавриила; 4) и будто антихристъ распятъ на четвероконечномъ крестѣ. До здѣ ученiе Прокопова и нашего митрополита... Митрополитъ при соборѣ сознался (что дѣйствительно сіе писали и посылали въ Москву), но покаянiя собору не приносятъ. И за такую ужасную ересь и за прочiя дѣла, соборнѣ пять епископовъ запретили мы митрополита отъ всякаго священнодѣйствiя впредь до большого собора... Послѣдователи сего безумiя у насъ, въ Москвѣ: Давидъ Антиповъ, Ефимъ Ѳедоровъ Крючковъ, запрещенный и проклятый людь Василій Бухаровъ Садовницкiй и прочiи. Первый изъ нихъ въ присутствiи четырехъ нашихъ епископовъ — Антонiя, архіепископа московскаго, Пафнугiя казанскаго, Варлаама балтовскаго, Савватiя тобольскаго и множества другихъ лицъ высказалъ, что церковь великороссiйская вѣруетъ въ сына сатаны, что Иисусъ есть иной Богъ, антихристъ, что крестъ четвероконечный есть еретическiй, что пятую просфору за царя не должно приносить...

Вы прежде соборнѣ писали о новомъ Антонiи гуслицкомъ такъ: „Мы пропустили въ нашихъ грамотахъ о новомъ киникѣ Антонiѣ, котораго... прiяти на соборѣ... убѣдить не могли. А потому какъ его поставленiе есть противозаконное и по поставленiи возмущаетъ миръ церковный, мы за епископа его не признаемъ, что и утверждаемъ своимъ подписомъ...“

Теперь, къ удивленiю всѣхъ, изъ этого киника вы, противу правилъ св. отцевъ, придѣлываете къ московскому епископу другую голову и строите какое-то смѣшное чудовище!..

Также проходимца неугомоннаго Софронiя, соборнѣ веѣми вами изверженнаго и за непокоренiе соборному опредѣленiю отлученнаго и

отъ церкви отсѣченнаго по правиламъ св. Апостоль и св. отецъ, вы сами признаете епископомъ на поруганіе и посрамленіе всего нашего духовенства...

Чѣмъ вы насъ можете убѣдить, что вы послѣдуете ученію Христову и соблюдаете законъ христіанской вѣры нерушимо? У васъ, вмѣстѣ съ Кирилломъ, церковныя правила оставлены въ презрѣніи и, по словамъ вашимъ—„Евангеліе празднуетъ, а Коранъ царствуетъ, все скуплено и все продано“!..

Опредѣленіе ваше вынуждаетъ cadaго здравомыслящаго христіанина, имѣющаго твердыя убѣжденія, основанныя на словахъ св. писанія и твердой совѣсти, оставивъ оныя, признать себя раздорникомъ, принести раскаяніе и требовать прощенія отъ изверженныхъ, запрещенныхъ проклятыхъ и отсѣченныхъ отъ единенія церковнаго еретиковъ, богохульниковъ, духоборцевъ и хриstopродавцевъ, и наконецъ послѣдовать за ними во тьму кромѣшную, чему вы сами собой подали недобрый примѣръ, которому подражать совѣсть наша не допускаетъ...

Вы зазираете Павла (Прусскаго) и его собратовъ, что онъ ключи нашель отъ бѣфета, и что они камилавокъ и мантій не носятъ и въ чаю прохлаждаются; а они на это могутъ возразить вамъ, что мы чрезъ ваше опредѣленіе должны впасть въ ровъ Прокоповой богохульной ереси, и скажутъ: ваши пастыри, подписавшіе соборное опредѣленіе, имѣютъ ключи, но ключи отъ ада и смерти, ибо сами провожаютъ васъ въ ересь!

Письмо подписали: граждане царствующаго града Москвы И. П. Бутыловъ, Н. В. Суурововъ и Е. Ѳ. С—въ. (Переп. раск. дѣятелей. Выпускъ 2-й изд. Субботинъ. Мос. 1889 г. 22 письмо, стр. 347—353).

Въ откровенной перепискѣ между собой такъ-то высказываются объ австрійскомъ священствѣ его послѣдователи. Ихъ епископъ Аркадій говорить: „австрійская іерархія основана не на обдержныхъ правилахъ“, а міряне ему пишутъ: „У васъ вмѣстѣ съ Кирилломъ, церковныя правила оставлены въ презрѣніи“ и приводятъ цѣлый рядъ нарушеній правилъ съ указаніемъ на еретичество епископовъ.

Вонстину, глубоко-печальное положеніе этого священства. Не защищать, не проповѣдывать его нужно, а оплакивать это мнимое священство, сводящее въ погибель! Всѣмъ послѣдователямъ этого священства слѣдуетъ постоянно помнить слова священномуч. Кипріяна, который говорить: „Отвращатися и бѣгать надлежитъ всякаго отлучившагося отъ церкви. Развратился таковой, и согрѣшаетъ и есть самоосужденъ (Пит. 3, 11). Или мнить себя тотъ быти со Христомъ, который противъ священниковъ Христовыхъ поступаетъ, который себя отдѣляетъ отъ общества и причта Его и народа; оружіе носить онъ противъ церкви,

расположенію Божію сопротивляется, врагъ алтаря, мятежникъ противу жертвы Христовой, по вѣрѣ вѣроломецъ, по благочестію святотатець, непокорный рабъ, нечестивый сынъ, непріязненный братъ: презрѣвъ епископовъ, и священниковъ Божіихъ оставивъ, дерзаетъ учреждать другій алтарь, моленіе другое непозволенными гласами совершать, истину Господней жертвы осквернять ложными жертвоприношеніями: ниже хотеть знать, что устремляющійся противъ Божія устроенія казнимъ бываетъ отъ Бога за безразсудное дерзновеніе (Свмч. Кипріяна Кареаг. избранныя сочиненія, о Единствѣ Церкви; стр. 28).

Итакъ: собесѣдники хотя и горячо и усердно защищали каждый свои убѣжденія, но опустили изъ виду—одинъ,—что безъ священства спастись невозможно, а другой,—и съ самочиннымъ священствомъ не только нельзя спастись, но нужно помнить, что „устремляющійся противъ Божія устроенія казнимъ бываетъ отъ Бога за безразсудное дерзновеніе“.

Не говоря о существенномъ основаніи своего разномыслія съ Церковію, оба они только и заботились о томъ, чтобы показать своимъ единомысленникамъ, какъ войти въ Церковь, нужды ради, малыми вратами, случайными, нужными (а не обдержными правилами), то есть, говоря проще—обходомъ, но для каждаго безпристрастнаго слушателя было очевидно, что, по слову Христа Спасителя, прелазяй инудѣ есть тать и разбойникъ. Въ указаніяхъ попасть въ Церковь Христову обходными путями и была проведена вся бесѣда.

Мисс. прот. *Н. Фіалковскій*.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики истекшаго года.

Идея царства Божія.—Каноническое достоинство реформы Петра Великаго.— Старокатолическій вопросъ въ новомъ фазисѣ.—Апологетика церковныхъ молитвословій.—Возрожденіе прихода и приходская благотворительность.— Епархіальное управленіе и духовное сословіе въ XVII и XVIII вв.

Въ первой половинѣ истекшаго года духовная журналистика больше вращалась около темъ, затронутыхъ въ предшествующіе два года.

Центральнымъ вопросомъ, такимъ образомъ, въ духовной журналистикѣ истекшаго года является вопросъ о Церкви и ея устройствѣ. Здѣсь нужно отмѣтить статьи слѣдующихъ авторовъ: о Свѣтлова—„Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія и старокатолическій вопросъ въ новомъ фазисѣ“; Тихомирова—„Каноническое достоинство реформы Петра Великаго по церковному управленію“ („Бог. В.“); Богдашевского („Тр. К. Д. Ак.“) „О Церкви“ (по поводу современныхъ религіозныхъ запросовъ); Соколова—„Въ защиту церковныхъ молитвословій“ („Вѣра и Церк.“); А. Л—цаго—„Религіозно-благотворительная дѣятельность приходскаго духовенства въ XVIII в.“ („Странн.“); Николаевского — „Черты епархіальнаго управленія въ XVII в.“ и Титлинова—„Разборъ духовнаго сословія при Имп. Анніѣ Іоанновнѣ“ („Христ. чт.“). Изъ этого перечня видно, что наша журналистика касалась вопроса о Церкви или со стороны идеаловъ, которые предъявляются церковной жизни въ настоящую пору, или со стороны прошлаго, въ которомъ находятся корни настоящаго положенія Церкви. Такимъ образомъ, одни статьи въ духовныхъ журналахъ по вопросу о Церкви можно назвать прогрессивными, какъ, напр., Свѣтлова и Тихомирова, а другія ретроспективными.

Прот. Свѣтловъ, изслѣдуя вопросъ о *царствѣ Божіемъ*, указываетъ на попытки реального осуществленія царства Божія на землѣ. Одну изъ такихъ попытокъ онъ видитъ въ Крестовоздвиженскомъ братствѣ,

устроенномъ Неплюевымъ. Въ отличіе отъ Соловьева и о. Петрова, у которыхъ часто встрѣчается упоминаніе о царствѣ Божіемъ, Неплюевъ, по мнѣнію автора, поставилъ задачею своей дѣятельности литературной и практической выясненіе „понятія царства Божія“. Авторъ указываетъ на отличіе идей Неплюева отъ идей социалистовъ, которые хотятъ привести людей къ равенству, братству и счастью на землѣ путемъ насилія и видятъ счастье только въ благахъ земныхъ—внѣ мысли о царствѣ небесномъ. Критики Неплюева часто смѣшивали его идеи съ идеями социалистическими; авторъ, указывая ихъ отличіе, выясняетъ, что сущность идей Неплюева о царствѣ Божіемъ заключалась „въ христіанской гармоніи любви“ въ трехъ ея видахъ: къ Богу, ближнему и самому себѣ. А это уже принципъ совершенно противоположный социалистическому насилію.

Свою идею царства Божія Неплюевъ выводитъ въ своихъ сочиненіяхъ, какъ указываетъ авторъ, изъ словъ молитвы Господней. Въ прошеніи о хлѣбѣ насущномъ онъ видитъ принципы: 1) „не отдавать свою жизнь на накопленіе громаднхъ богатствъ, подѣ предлогомъ необходимости обезпечить потомство“; 2) воспитать дѣтей способными приобрѣтать честнымъ трудомъ хлѣбъ насущный и 3) въ другихъ не поощрять ни подѣ какимъ благовиднымъ предлогомъ стремленія созидать среди голода и нищеты водруженныя крѣпости колоссальнаго состоянія для себя и своего потомства“. Оглядываясь на современную жизнь, Неплюевъ, по словамъ автора, не видитъ еще осуществленія этихъ завѣтовъ. Онъ чаще видитъ людей, называющихъ себя христіанами, предпочитающихъ жить на принципахъ, отрицающихъ любовь. Но, по признанію самого Неплюева, организація такой жизни, или земнаго царства Божія, представляетъ чрезвычайныя трудности. Надежды возлагаетъ Неплюевъ на школы, а самъ авторъ обращаетъ взоры „къ Церкви православной, какъ якорю спасенія отъ окружающихъ насъ золъ“. „Много писалось, говоритъ о. Свѣтловъ, въ духовной литературѣ въ защиту православной Церкви отъ яростныхъ нападений на нее гр. Л. Толстого, но по силѣ и убѣдительности рѣчи я не нахожу здѣсь ничего подобнаго той пламенной апологіи Церкви (и даже іерархіи) противъ этого врага ея, которая нашла себѣ мѣсто въ кн. „Что есть истина“, первоначально запрещенной въ Россіи и напечатанной въ Лейпцигѣ. Указавъ, что по сочиненію Неплюева „Церковь признаетъ себя хранительницею истины, правды и добра, хранительницею высочайшаго идеала, авторъ спрашиваетъ—„располагаетъ-ли Церковь нынѣ, какъ до Петра I, средствами и силами широкаго воздѣйствія на общественно-государственную среду“? И замѣчаетъ, — что „правдивый отвѣтъ можетъ быть только отрицательнымъ, и потому мы, напр., читаемъ: „пастыри слишкомъ часто не находятся на высотѣ своего труд-

ного положенія, не только не становятся во главѣ новаго движенія къ сознательной вѣрѣ, но въ большинствѣ признають за измѣну православію всякое уклоненіе отъ установившейся рутины и своею враждебностью отталкиваютъ отъ церкви людей, которые могли бы быть наиболѣе полезными и вѣрными ея сынами“. Неплюевъ, по замѣчанію автора, отмѣчаетъ, какъ результатъ этого обстоятельства, отчужденіе интеллигенціи отъ Церкви, принимающее видъ вражды въ громадномъ большинствѣ ея, доказательствомъ чего, по Неплюеву, служитъ особенная любовь ея къ гр. Л. Толстому, этому грубому церковно-ненавистнику“.

Но самое появленіе такихъ дѣятелей какъ Неплюевъ, авторъ, по видимому, ставитъ въ связь съ именемъ Соловьева, заслуга котораго предъ церковью, по его мнѣнію, „не въ метафизическомъ обоснованіи христіанства, а въ его энергическомъ обращеніи къ обществу съ горячею и сильною проповѣдью о христіанской правдѣ, которую надо въ жизни общественной осуществить“. Авторъ отмѣчаетъ главные центры философіи Соловьева, философіи, какъ онъ самъ характеризовалъ, „всеединства“, въ которомъ абсолютное есть центръ, собирающій вокругъ себя все сущее. Поэтому и „міръ, который „весь во злѣ лежитъ“, не есть какой-нибудь новый безусловно отдѣльный отъ міра божественнаго, состоящій изъ своихъ особыхъ существенныхъ элементовъ, а это есть только другое, недолжное *взаимоотношеніе* тѣхъ же самыхъ элементовъ, которые образуютъ и бытіе міра божественнаго“. Весь міръ съ Абсолютнымъ составляетъ какъ бы „вселенскій организмъ“, въ которомъ все свободное медленно, но все таки должно „возродиться въ формѣ абсолютнаго организма“. Для этого-то сочетанія „нужно *личное воплощеніе Божества*“. Эсхатологическія воззрѣнія Соловьева связаны съ вѣрою въ прогрессъ. „Конецъ міра по нему, указываетъ Свѣтловъ, есть лишь высшая завершительная стадія въ эволюціи царства Божія. Эта, подготовленная длиннымъ рядомъ тысячелѣтій, радостная развязка исторіи, гдѣ добро торжествуетъ надъ зломъ, а не разрушеніе міра грозною десницею разгнѣваннаго Правосудія“. Отсюда царство Божіе— „осуществленіе міроваго процесса собиранія вселенной или что то же— всеобщее воскресеніе и возстановленіе всяческихъ“. Процессъ этотъ совершается медленно, въ виду существованія свободы воли и зла въ мірѣ. Авторъ отмѣчаетъ мысль Соловьева, что „хотя Христосъ окончательно побѣдилъ зло въ истинномъ средоточіи вселенной, т. е. въ Себѣ, но преодоленіе зла на окружности міра, т. е. въ собирательномъ дѣломъ человечества, должно было совершиться чрезъ собственное испытаніе человечества, для чего потребовался новый процессъ развитія христіанскаго міра, крестившагося, но еще не облекшагося во Христа“. Мысли Соловьева не есть Спенсеровскій эволюціонизмъ, потому что, по

Соловьеву, низшіе типы не создаютъ высшихъ, а только „даютъ матеріальныя условія, соответствующую среду для откровенія высшаго типа“. Поэтому каждое появленіе новаго типа бытія есть въ извѣстномъ смыслѣ *новое твореніе*, хотя не изъ ничего, и „царство Божіе не есть произведеніе христіанской исторіи, какъ самъ Христосъ не былъ произведеніемъ еврейской и языческой исторіи. Исторія вырабатывала и вырабатываетъ только необходимыя естественныя и нравственныя условія для явленія Богочеловѣка и богочеловѣчества“.

И Неплюевъ, и Соловьевъ, какъ выше было указано, придаютъ значеніе для достиженія царства Божія не одному только внутреннему настроенію, но и ви́шнимъ формамъ жизни. Послѣдній всю свою жизнь посвятилъ на устройство такой ви́шней формы жизни (Крестовоздвижеская община), которая бы способствовала—въ большей, или меньшей степени—достиженію царства Божія на землѣ.

Тихомировъ въ своей статьѣ примыкаетъ собственно къ принципамъ Неплюева и Соловьева и, обращаясь взоромъ къ современному каноническому церковному строю, находитъ въ немъ нѣкоторые недостатки, препятствующіе плавному теченію церковной жизни и осуществленію царства Божія. Причины этого авторъ отмѣчаетъ въ томъ, что „законодательная власть въ Церкви была унижена до положенія *совѣщательнаго* голоса; что *подписи* о каноническомъ переустройствѣ отбиралъ *подполковникъ* Давыдовъ, и что *самыя подписи*, къ несчастію, не были свободными, о чемъ краснорѣчиво говоритъ фактъ униженія епископовъ Петромъ I, какъ это видно изъ казни епископа ростовскаго Досіея и ссылки въ Сибирь Игнатія Тамбовскаго. Авторъ указываетъ, что хотя Церковь и обращается иной разъ сама къ содѣйствію государственной власти, какъ то, напр., было при Имп. Маркіанѣ, но чрезъ это не лишается своей автономіи. Реформа же Петра была навязана Церкви силою. Съ другой стороны, на значеніе собора указываетъ 47-е правило св. Василія Великаго, гласящее: „Должно собраться большому числу епископовъ и такъ изложить правила, дабы и дѣйствующій былъ безопасенъ, и отвѣтствующій на вопросъ имѣлъ достовѣрное основаніе для отвѣтовъ“. Мысль „о свободнѣйшемъ духѣ въ коллеіумѣ“ была высказана, какъ замѣчаетъ авторъ, и въ регламентѣ, но не была осуществлена. Фактъ насильственнаго введенія Петромъ церковной реформы авторъ усматриваетъ и въ томъ, какъ приняло ее русское духовенство (епископы и священники) и міряне. „Между архіереями и новымъ учрежденіемъ возникали постоянно недоразумѣнія. Недовольныхъ учрежденіемъ Синода были цѣлыя массы: вездѣ былъ слышенъ ропотъ и появились подметныя печатныя письма, которыми выводилось изъ пророчествъ, что народился антихристъ и народъ былъ возбуждаемъ къ бунту противъ государя. При Петрѣ II, когда власть нахо-

лаась въ рукахъ приверженцевъ стараго порядка вещей, въ рукахъ князей Долгорукихъ была мысль объ уничтоженіи Синода и возстановленіи патріаршества. Въ заключеніи своей статьи авторъ выражаетъ пожеланіе видѣть въ церковномъ устройствѣ реформу „при строгомъ соблюденіи всѣхъ условій канонической соборности“. „Надо, чтобы она была не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ только заступающихъ въ Синодѣ, или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ всей русской Церкви. Какъ осуществить это условіе, на это мы не считаемъ себя въ состояніи точно и полно отвѣтить. Но одно, по нашему мнѣнію, здѣсь безусловно полезно,—это, чтобы всякіе проекты преобразованія предварительно подвергались самому широкому и свободному обсужденію въ органахъ нашей духовной и свѣтской гласности, а на всѣхъ канонически образованныхъ и просто умудренныхъ духовнымъ опытомъ людяхъ лежитъ нравственный долгъ пойти навстрѣчу нашей церковной нуждѣ съ своими знаніями и своею опытностью, не молчать въ такомъ дѣлѣ, гдѣ молчаніе можетъ оказаться преступнымъ“.

Мысль Соловьева о „всеединствѣ“ невольно затрогиваетъ вопросъ о разьединеніи церквей и о необходимости и желательности въ будущемъ ихъ соединенія, дабы осуществлялось бы царство Божіе. Наибольше назрѣвшимъ вопросомъ въ данномъ случаѣ является *старокатолическій вопросъ о соединеніи старокатоликовъ съ церковью православною*. Этому вопросу и посвящаетъ свою вторую статью прот. Свѣтловъ. „Старокатолики, говоритъ онъ, этотъ начатокъ православнаго христіанства на западѣ, отличаются отъ восточныхъ православныхъ христіанъ, какъ оказалось, лишь въ томъ, что не принадлежатъ къ существу христіанской вѣры и касается богослужебныхъ обрядовъ, одежды духовенства и т. п., и что поэтому не можетъ служить препятствіемъ къ единенію нашему съ ними. Единственное условіе соединенія это — правая вѣра. Это условіе имѣется на лицо. Препятствіемъ для единенія не можетъ служить существованіе въ старокатолическомъ богословіи нераспространеннаго въ восточномъ и, въ частности, въ русскомъ богословіи святоотеческаго мнѣнія объ исхожденіи св. Духа отъ Отца чрезъ Сына (въ этомъ авторъ едвали не погрѣшаетъ); не можетъ служить и неупотребленіе старокатоликами измышленнаго латинскаго схоластикою слова пресуществленіе — (transsubstantiatio). Но неожиданнымъ препятствіемъ къ соединенію оказалось прямо отрицаніе за восточною половиною христіанскаго міра значенія полной и единой представительницы Церкви вселенской, съ подразумѣваемымъ исключеніемъ западной церкви изъ состава вселенской. Авторъ выясняетъ, что вопросъ этотъ требуетъ деликатнаго обсужденія, что въ результатъ полемики часто оказывалось, что то, что иногда приписывалось протестан-

тамъ и др. оказывалось ученіемъ неизвѣстнымъ для этихъ послѣднихъ. Ту же исторію авторъ видитъ и въ вопросѣ о старокатолическомъ ученіи о Церкви, что здѣсь „ученіе православное обозвано чисто протестанскимъ“. Старокатолики видятъ въ восточной церкви только часть вселенской Церкви, тогда какъ у насъ всю западную церковь принято считать внѣ вселенской Церкви. Авторъ не соглашается съ подобнымъ взглядомъ и вмѣстѣ съ митр. моск. Филаретомъ („Разг. о вѣрѣ между испыт. и увѣреннымъ“) считаетъ единственно правильнымъ думать такъ, что этотъ вопросъ могъ бы рѣшиться правильно и непреложно только вселенскій соборъ, а не помѣстные церкви и не отдѣльные лица. Авторъ приводитъ, однако, слѣдующее очень авторитетное мнѣніе митр. Филарета: „Никакую Церковь вѣрующую, яко Иисусъ есть Христосъ, не дерзну я назвать ложною, ибо всякая христіанская Церковь можетъ быть либо *чисто истинная*, либо не чисто истинная; сія послѣдняя примѣшивааетъ къ истинному и спасительному вѣры Христовой ученію ложныя и вредныя мнѣнія человѣческія“. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, Филаретъ не исключаетъ Церкви римской изъ состава вселенской, а только признаетъ ее „нечисто истинною“. Ссылкой на одинъ духовный журналъ („В. и Р.“) авторъ показываетъ, что не всѣ богословы и православной Церкви смотрятъ на римскую Церковь съ исключительностью, какая была у насъ въ XVIII в., когда римскую Церковь называли прямо „жидовскою“. Авторъ статьи указаннаго журнала (за 1865 г. т. I стр. 180), полемизируя въ свое время съ Соловьевымъ, считавшимъ причиною раздѣленія Церквей взаимное упорство и исключеніе другъ друга говоритъ: „Нѣтъ, г. Соловьевъ, мы, восточные, не исключаемъ Церковь римскую отъ единства вселенской Церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда она остается вѣрна святынь преданія. Напротивъ того только римская Церковь погрѣшаетъ въ этомъ отношеніи; только она считаетъ себя одну вселенской, только она, впадая въ непомятную крайность, усвоетъ себѣ безусловное первенство и этимъ разрушаетъ братскій, свободный и равноправный союзъ всѣхъ національныхъ Церквей“. Авторъ указываетъ на неустойчивость сужденія о западной Церкви въ русской богословской литературѣ и о принципахъ, которыми должна характеризоваться православная вселенская Церковь. Для иллюстраціи авторъ приводитъ мнѣніе проф. Керенскаго изъ его брошюры о пятомъ международномъ старокатолическомъ конгрессѣ, гдѣ на одной страницѣ онъ говоритъ, что „для принадлежности къ истинной Церкви недостаточно только содержать въ неповрежденности ученіе Спасителя по пониманію семи вселенскихъ соборовъ“, а на другой, что „общая совокупность условій, необходимыхъ для вступленія въ Церковь, известна подъ именемъ отреченія отъ ересей“, безъ чего „мыслящій еретически, если бы онъ даже обнаруживалъ готовность къ исправле-

нию, однакожь не могъ быть признанъ членомъ Церкви“. Такимъ образомъ, по Керенскому, выводитъ авторъ, въ одномъ случаѣ правая вѣра не является единственнымъ условіемъ принадлежности къ Церкви вселенской а въ другомъ наоборотъ. Это противорѣчіе объясняется широтою вопроса, не подлежащаго компетенціи отдѣльныхъ лицъ и даже помѣстныхъ Церквей. Авторъ болѣе склоненъ къ мнѣнію Филарета, а потому считаетъ неосновательнымъ не входить въ общеніе съ старокатоликами только потому, что они не хотятъ видѣть единственно на востокъ вселенскую Церковь, ибо такую крайностью воззрѣнія страдаетъ и римская западная Церковь, смотрящая на востокъ, какъ на схизму, и подражать этому восточной православной Церкви, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ.

* * *

Нѣсколько сходно, но по вопросу о старокатоличествѣ совершенно различно, глядитъ на вопросъ о Церкви Д. Богдашевскій. Онъ также говоритъ, что „Церковь есть дѣло Христово, богочеловѣческой организмъ; что какъ тѣло Христово она отличается безусловнымъ единствомъ, единствомъ во множествѣ, или единствомъ въ разнообразіи“. Но этотъ послѣдній пунктъ у Богдашевскаго не примѣняется, когда заходитъ рѣчь о католичествѣ и старокатоличествѣ. Когда свв. Поликарпъ и Анникита сошлись и разсуждали по спорнымъ вопросамъ и особенно о времени празднованія Пасхи, то и о первыхъ они немного спорили, а о послѣднемъ и разсуждать не стали, предоставивъ каждой Церкви руководствоваться своими обычаями, ибо каждая Церковь имѣла за собою свое историческое преданіе: римская—Петра и Павла, малоазійскія—апостоловъ Филиппа и Іоанна Богослова. Здѣсь былъ соблюденъ принципъ единства въ разнообразіи. Конечно, это не означаетъ того, что Поликарпъ долженъ былъ бы, живя въ наши дни, принять западное *filioque*: Богдашевскій признаетъ, что „элементы истины въ католичествѣ, конечно, есть, существуетъ и благодать Таинствъ, но полною истиною оно не владѣетъ“. Признавая католичество Церковью, хотя и не владѣющей полною истиной, авторъ, когда заходитъ рѣчь о старокатоличествѣ и его стремленія соединиться съ православною Церковью, выражается такъ: „Правду и истину православія живо сознаютъ и старокатолики, которые, особенно въ послѣднее время, дѣятельно ищутъ общенія съ нашею Церковью. И православная Церковь радостно отверзетъ имъ свои двери, если убѣдится въ ихъ догматической и канонической правотѣ и въ ихъ искренности“. Богдашевскій признаетъ, что „въ такомъ дѣлѣ, какъ старокатолическій вопросъ, меньше всего нужно формализма, чуждаго вообще православію и больше всего любви Христовой“, однако, тутъ же дальше подтверждаетъ этотъ формализмъ, и любви

Поликарпа и Аникиты, не споривших много о разногласіяхъ, отводить второстепенное мѣсто, оправдывая это тѣмъ, что „нельзя жертвовать истиною Христовою“. Объясняя далѣе, въ какомъ положеніи находится теперь старокатолическій вопросъ, авторъ объясняетъ, что старокатолики желаютъ соединенія съ православною восточною церковью, а наши богословы (русскіе преимущественно) желаютъ присоединенія старокатоликовъ, какъ было недавно сдѣлано присоединеніе еретиковъ сирохалдейскихъ несторіанъ. Не въ упрекъ нашимъ богословамъ нужно бы напомнить, что и со стороны греческой церкви въ посланіи константинопольской патріархіи выражалось желаніе рѣшенія старокатолическаго вопроса, и что мнѣніе нашихъ богослововъ есть только частное мнѣніе русской православной Церкви (и то не всей) и что, слѣдовательно, компетентнымъ здѣсь могло бы быть только соборное рѣшеніе. „Наши богословы, говоритъ авторъ, во взглядѣ на старокатоликовъ рѣзко раздѣлились на два противоположные лагеря: одни настаиваютъ на ихъ *присоединеніи*, приобщеніи къ Церкви вселенской, другіе на ихъ *соединеніи*, или, точнѣе, фактическомъ только признаніи ихъ бытія во вселенской Церкви, какъ вѣрующихъ уже православно, отказавшихся уже отъ заблужденій латинства. Но если католичество, какъ мы сказали раньше, выражаетъ свою мысль авторъ, не есть Церковь въ Апостольскомъ смыслѣ, если Западъ отпалъ отъ вселенскаго единства; то и тѣхъ, которые прежде въ немъ находились, хотя теперь отреклись отъ его заблужденій, нужно, думаемъ, *приобщить* жизни Церкви, или *присоединить* (курс. нашъ). Недостаточно быть внутренне убѣжденнымъ въ истинности православной Церкви; если Церковь есть благодатное учрежденіе, предполагаетъ необходимо извѣстную организацію, есть живой фактической союзъ, выражающійся въ Евхаристическомъ общеніи, то это внутреннее убѣжденіе должно быть засвидѣтельствовано и внѣшнимъ образомъ“. На разсужденія, высказываемыя и высказывавшіяся въ печати, что не только въ православіи, но и въ католичествѣ и протестанствѣ возможно спасеніе, хотя и съ меньшими, такъ сказать, удобствами, что одно представляетъ изъ себя торную дорогу ко спасенію, а другія—проселки, авторъ смотритъ какъ на „уступку времени“. Вышеприведенную ссылку на мнѣніе митрополита московскаго Филарета авторъ объясняетъ такъ. „Кто читался въ „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной Греко-Россійской Церкви“, тотъ не могъ не замѣтить, что митрополитъ Филаретъ часто употребляетъ слово „церковь“ въ несобственномъ смыслѣ,—въ данномъ случаѣ въ значеніи простаго общества христіанъ, которые могутъ вѣровать правильно и неправильно“. Но несмотря на такую категоричность во взглядѣ о возможности и невозможности спасенія внѣ церкви восточной православной, авторъ все таки признаетъ далѣе слѣдующее.

„Если непринадлежность къ Церкви не есть сознательная, намѣренная, упорно ожесточенная, то подобные люди предъ нелицеприятнымъ судомъ милосердаго Бога могутъ быть помилованы. Многіе связаны съ Церковью узами, которыя намъ невѣдомы. Мы твердо вѣруемъ, что Господь Иисусъ Христосъ врачуетъ духовныя болѣзни челоуѣчества. И если Церковь есть тѣло Христово, богочеловѣчскій организмъ, то, удаляя изъ себя все непригодное, все омертвѣвшее, это тѣло невѣдомыми намъ путями, которыя Господь отъ насъ сокрылъ, привлекаетъ въ себя все достойное жизни“. Послѣднія разсужденія автора неминуемо приводятъ къ выводу, что спасеніе возможно и въ западой Церкви, что и тамъ могутъ найтись члены вселенской Церкви, связанные съ нею невидимыми нитями, какъ, наоборотъ, въ восточной православной нѣкоторые члены ея могутъ оказаться неправославно мыслящими. Толстовствомъ, напр., заражены у насъ очень многіе изъ членовъ православной Церкви: одни сознательно, другіе безсознательно, сами того не подозрѣвая, по какому пути они идутъ.

* * *

Противъ первыхъ и вторыхъ помѣщена въ ж. „В. и Раз.“ довольно интересная статья Соколова.—*„Въ защиту церковныхъ молитвословій“*. Правда, существенно новаго въ этой статьѣ ничего не сказано. Вся она направлена противъ тѣхъ мыслей Толстого о церковныхъ молитвахъ, какъ они сказались въ его отвѣтномъ посланіи Св. Синоду по поводу его отлученія и въ заграничномъ изданіи романа „Воскресеніе“. На страницахъ нашего журнала уже давался основательный отвѣтъ на всѣ эти нападки Толстого противъ церковныхъ молитвословій. Поэтому интереснѣе остановиться на тѣхъ мѣстахъ данной статьи, которыя содержатъ въ себѣ святоотеческое ученіе о молитвословіяхъ. Толстой, по мысли автора, нападаетъ на церковныя молитвы въ силу того суевѣрно-формальнаго отношенія къ нимъ многихъ изъ членовъ церкви, котораго отрицать нельзя, ибо объ этомъ свидѣтельствуетъ почти вся наша проповѣдническая литература отъ преп. Феодосія и св. Димитрія Ростовскаго до нашихъ дней. Въ древней Церкви св. Іоаннъ Златоустъ свое 2-е огласительное слово, говоритъ авторъ, посвятилъ „нарочитому избличенію житейскихъ суевѣрій“. Кромѣ того, тотъ же св. отецъ „всякое суевѣрное отношеніе и къ христіанскому богопоклоненію называетъ возвращеніемъ къ язычеству и безуміемъ, котораго нужно бояться, какъ духовной гибели. Авторъ приводитъ также выдержки изъ сочиненій св. Василія Великаго, который точно также вооружается противъ формализма въ молитвѣ, говоря, что „многіе, увлекаясь внѣшнимъ, превращаютъ въ ничто свою молитву и свое пребываніе даже во дворѣ Господа, ибо надобно не въ словахъ однихъ поставлять молитву, а наче

въ душевномъ расположеніи молитвенномъ“. Авва Сиріянинъ Исаакъ тоже говоритъ, что только внутренняя молитва можетъ осмыслить „стояніе и поклоны“. Такимъ же характеромъ отличаются цитаты изъ сочиненія преп. Іоанна Лѣствичника, Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, Исихія, Макарія Египетскаго и др. Въ заключеніи статьи авторъ приводитъ длинный рядъ выписокъ изъ произведеній нашихъ поэтовъ, которые писали на тему о молитвѣ. Тутъ есть и извѣстнѣйшія, какъ, напр., стихотворенія Лермонтова, Никитина, Майкова, а также и менѣе извѣстныхъ, какъ напр., Вяземскаго, Круглова и др. Такимъ образомъ, та формальная, суетвѣрная молитва, которая заставила Толстого отнестись вообще отрицательно къ молитвѣ Церковной, церковью не одобряется, а съ другой стороны—о томъ, сколько дали церковныя молитвословія вдохновенія нашей поэзіи, сколько хорошихъ настроеній дали членамъ церкви, съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ вся свѣтская беллетристика и даже самъ Толстой въ своихъ сочиненіяхъ.

* * *

По мнѣнію многихъ нашихъ писателей всѣ современныя внутреннія настроенія приходятъ отъ упадка приходской жизни. Собственно жизнь прихода есть жизнь ячейки, или клѣточки въ организмъ Церкви. Поэтому это явленіе должно быть разсматриваемо въ связи съ тѣми вопросами, которые затрагиваютъ въ своихъ статьяхъ Заозерскій, Тихомировъ и др. Вопросъ о *возрожденіи православно-русскаго прихода* съ легкой руки А. А. Папкова имѣетъ за собой уже цѣлую литературу. Посвящаетъ этому вопросу свою статью и прот. Благоумовъ. Онъ дѣйствительно и разсматриваетъ его въ связи съ мыслями, высказанными въ статьяхъ указанныхъ авторовъ. Послѣ цѣлаго ряда выписокъ изъ ихъ статей, почтенный авторъ видимо не совсемъ соглашается съ Заозерскимъ и обоими Тихомировыми, хотя и принимаетъ нѣкоторые изъ ихъ взглядовъ.

Какъ бы дополненіемъ къ статьямъ указанныхъ авторовъ служить статья А. Д-цаго „*Религіозно-благотворительная дѣятельность приходскаго духовенства въ XVIII в.*“, который не склоненъ смотрѣть на дѣло такъ трудно, какъ смотритъ Папковъ и др. Правда, взглядъ автора касается XVIII в., но и критиканы нашей современной приходской жизни тоже обращаютъ свой взоръ къ XVIII в. и тамъ видятъ корень всего современнаго положенія вещей. Бросая взглядъ на новое положеніе вещей, образовавшееся въ XVIII в., авторъ обрисовываетъ его въ такихъ краскахъ. „Новая струя западно-европейской цивилизаціи, такъ стремительно ворвавшаяся въ жизнь реформированнаго государства, ослѣпила своимъ блескомъ младенчествовавшее общество и не только

увлекла его съ неудержимою притягательностью новизны, къ новому порядку жизни, къ новымъ идеаламъ и понятіямъ, но и поставила его въ большинствѣ случаевъ во враждебно отрицательное отношеніе ко всему тому, что предствляло собою характеристическія признаки стараго строя и старыхъ условій жизни безъ различія ихъ внутренняго достоинства. Новое теченіе жизни прежде и рѣшительнѣе всего должно было коснуться духовенства, его общественнаго и матеріальнаго положенія,—разумѣется, въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Если интересы религіи были поставлены на послѣднемъ планѣ, то и положеніе ея служителей было умалено до послѣдней степени. Особенно унижено было рядовое приходское духовенство, наиболѣе незащитное и болѣе всего зависѣвшее отъ современнаго ему общества. Но и при измѣнившихся условіяхъ жизни приходское духовенство сохранило твердость тѣхъ религіозно-нравственныхъ устоевъ, какіе составляютъ сущность егo призванія и служенія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ уклоняясь съ разъ избраннаго пути и какъ бы платя этимъ неизбѣжную дань духу времени“.

Авторъ даетъ въ своей статьѣ къ этимъ общимъ положеніямъ цѣлый рядъ яркихъ иллюстрацій дѣятельности пастырей въ XVIII в. со стороны пастырскаго церковно-богослужебнаго поведенія, апологетики православія и миссіонерской дѣятельности, а также благотворительности. Правда, авторъ касается въ своей статьѣ больше всего жизни юго-западно-русской церкви, на которую нашъ церковный синодальный строй сталъ вліять гораздо позже, чѣмъ на приходы центральной Руси; правда и то, что въ юго-западно-русскихъ приходахъ, въ силу чисто историческихъ обстоятельствъ борьбы, прочнѣе сохранялся приходскій строй жизни, но съ другой стороны статья Л-цакаго рисуеть, что живое обнаруженіе приходской жизни со стороны духовенства возможно, хотя и съ затрудненіями, при настоящемъ строѣ церковной жизни.

* * *

Не менѣе характерна въ этомъ отношеніи и статья проф. Николаевского— „*Черты епархіальнаго управленія XVIII в.*“, заимствованныя изъ дѣла объ Іосифѣ, архіеп. Коломенскомъ. Эта статья показываетъ, что нѣкоторые недостатки въ нашей епархіально-приходской жизни были уже въ XVIII в. Архіеп. Іосифъ былъ судимъ по навѣту своего отставнаго приказнаго, желавшаго отомстить владыкѣ за лишеніе мѣста. Въ доносѣ приказный указывалъ на слѣдующіе факты, рисующіе епархіальную жизнь того времени. Находясь въ Москвѣ, Іосифъ долженъ былъ сначала представиться государю, а потомъ патріарху. Это дало поводъ ему шпрекнуть и государя за восхищеніе себѣ власти надъ церковью и па-

тріарха за его малодушіе и раболѣпство, что отъ него ничего не осталось, „только и есть, что съ бородою, а царь въ то вступается напрасно. Да въ правилахъ о томъ напечатано, что не подобаетъ епископу прежде патріарха приходити къ царю“. Затѣмъ доносчикъ обвинялъ архіепископа, что онъ своевольно распоряжался дѣлами, приказывалъ прикладывать печати къ неизвѣстнымъ для чиновниковъ дѣламъ, билъ на правѣжѣ многихъ „плетью предъ собою, по спинѣ, брюху и по бокамъ“. Доносчикъ изъ жалости ослушался Іосифа и за это онъ „морилъ его голодомъ въ тюрьмѣ, на дѣняхъ“, при чемъ въ тюрьмахъ „пометъ подъ себя метали и мочъ мочили, ибо къ тюрьмамъ никого пропускать не велѣно“. Описываетъ доносчикъ и объѣзды епархіи, взяточничество до вѣранныхъ лицъ, строгое взыскваніе поборовъ съ духовенства самимъ владыкою, потѣхи, устраивавшіяся Іосифомъ „со стрѣльбищами, пищали со стрѣлами“ и т. п. Все это картинки очень характерныя и интересныя даже въ настоящее время.

Статья проф. Николаевского рисуеъ отношеніе къ духовенству епархіальной власти въ XVII в. Статья Титлинова „разборы духовнаго сословія при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ“ рисуеъ отношеніе къ тому-же низшему духовенству правительственной власти. Подъ именемъ „разбора“ разувѣтается жестокій поборъ дѣтей духовнаго сословія въ солдаты, память о которомъ сохранилась въ преданіяхъ духовенства даже до настоящаго времени, несмотря на 160-лѣтнюю давность. При разборѣ“ оставлены были только младенцы да дряхлые, но и послѣднимъ „была поставлена дилемма—или Сибирь, или откупейся и запирайся въ цехи и посады“. Каждый старецъ долженъ былъ за себя выставить рекрута. „Должно быть совѣтъ зазрила, говорить авторъ, даже министровъ, изрекшихъ такой приговоръ, потому что въ концѣ указа было прибавлено: „однакожь до полученія впередъ нашего указа, въ Сибирь ихъ не посылать“. При разборѣ, какъ описываетъ авторъ, „произволь глазомѣра“ гулялъ невозбранно: во Владимірѣ на основаніи указа 19-го сентября брали годныхъ въ солдаты отъ 10—50 лѣтъ“.

Въ тверской епархіи было 137 вакантныхъ мѣстъ при церквахъ, а на убылыя мѣста „тверская провинціальная канцелярія впередъ записывала дѣтей духовенства отъ 7—14 лѣтъ, или же даже отъ 2 лѣтъ“.

Да, много пережило наше духовенство и много вынесло на своихъ плечахъ и все таки и до сихъ поръ, не смотря на всѣ невзгоды и упреки, съ честью держитъ церковное знамя!

Свящ. М. Лисицынъ.

Посланіе святаго апостола Павла къ Ефесянамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе Д. Богдашевскаго. Кіевъ. 1904 г., in. 8-ю VП+702 стр. Цѣна 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к.

Предлагаемый вниманію нашихъ читателей трудъ профессора Кіевской д. академіи Д. И. Богдашевскаго посвященъ исагогико-экзегетическому изслѣдованію посланія апостола Павла къ Ефесянамъ. Являясь цѣннымъ научнымъ вкладомъ въ нашу богословскую литературу, онъ въ тоже время не лишень и миссіонерско-практическаго значенія. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ самъ авторъ говоритъ въ предисловіи къ своему труду. При выборѣ предмета своего изслѣдованія онъ руководился главнымъ образомъ слѣдующими соображеніями: во 1-хъ, въ нашей литературѣ до сихъ поръ не существуетъ научнаго изслѣдованія о посланіи св. апостола Павла къ Ефесянамъ; во 2-хъ, знакомство съ этимъ посланіемъ имѣетъ *особенную важность и интересъ въ настоящее время, когда ученіе о Церкви, преимущественно раскрываемое въ данномъ посланіи, такъ живо занимаетъ нашу богословскую мысль и настоятельно нуждается въ возможно большемъ проясненіи.*

По общепринятому порядку изслѣдованіе профессора Богдашевскаго раздѣляется на двѣ части: исагогическую (1—270 стр.) и экзегетическую (271—678 стр.). Содержаніемъ первой части служатъ вопросы обще-исагогическаго характера. Въ первой главѣ (1—42 стр.) авторъ занимается обслѣдованіемъ вопроса о мѣстѣ и времени написанія посланія: при этомъ онъ относитъ происхожденіе его къ римскимъ узамъ Апостола, а не къ кесарійскимъ, и устанавливаетъ точно время написанія посланія чрезъ сопоставленіе его съ посланіями къ Филиппійцамъ, Колоссянамъ и Филимону. Во второй главѣ (43—126 стр.) авторъ трактуетъ о назначеніи посланія и о поводѣ къ его написанію; здѣсь онъ приходитъ къ тому выводу, что посланія назначалось первоначально Ефесской церкви, а затѣмъ, по особому порученію Апостола, было передано Лаодикійцамъ. Главною же цѣлью написанія посланія было желаніе Апостола, съ одной стороны, изобразить величіе христіанскаго домостроительства, а съ другой—показать необходимость хожденія достойно тому великому званію, къ которому призваны христіане; ближайшимъ же поводомъ къ его написанію было желаніе Апостола предостеречь Ефеслянъ отъ пороковъ, которые могли легко развиться въ Ефесѣ на почвѣ восточныхъ умозрѣній и языческой нравственной распущенности. Въ третьей главѣ (127—209 стр.) авторъ разсматриваетъ вопросъ о подлинности посланія. Въ удостовѣреніе подлинности посланія онъ приводитъ многочисленныя свидѣтельства древнихъ отцовъ и учителей Церкви и подробно опровергаетъ всѣ возраженія отрицательной критики, опирающейся въ своихъ выраженіяхъ противъ подлинности посланія частью—на

богословіе посланія, будто бы отличное отъ подлинныхъ посланій Апостола (къ Римлянамъ, Коринѳянамъ и Галатамъ), частью—на отношеніе посланія къ посланію къ Колоссянамъ, передѣлкою или сокращеніемъ котораго оно будто-бы является, и наконецъ—на языкъ и стиль посланія, отличныхъ будто-бы отъ языка и стилиа другихъ Павловыхъ посланій. Четвертая глава (210—270 стр.) посвящена разсмотрѣнію вопроса о взаимномъ отношеніи посланія къ Ефессянамъ къ первому соборному посланію св. апостола Петра; здѣсь авторъ опровергаетъ воззрѣнія отрицательной критики, ставящей въ зависимость посланіе къ Ефессянамъ отъ перваго соборнаго посланія ап. Петра, тѣмъ соображеніемъ, что соборное посланіе Петра болѣе поздняго, въ сравненіи съ посланіемъ къ Ефессянамъ, происхожденія; въ концѣ же главы (265—270 стр.) разсматривается вопросъ о раздѣленіи посланія.—Всѣ вышеуказанныя положенія раскрыта и обследованы авторомъ съ замѣчательной эрудиціей: токъ изложенія выдвинутыхъ имъ вопросовъ спокойный, чуждый полемическаго задора и научно-объективный.

Вторая, большая по объему часть труда профессора Богдашевскаго (271—678 стр.), составляющая ядро этого труда, посвящена всестороннему экзегезису посланія. Ученіе св. Апостола, содержащееся въ посланіи къ Ефессянамъ, можно было бы изложить систематически, но авторъ предпочелъ методъ экзегетическій, такъ какъ въ экзегетической работѣ есть возможность остановиться на каждомъ апостольскомъ реченіи. Онъ подробно, стихъ за стихомъ, изъясняетъ изслѣдуемое имъ посланіе. Самый экзегезисъ покоится у него на филологической основѣ, носитъ вездѣ критическій характеръ и отличается возможною краткостью и ясностью изложенія. Въ дѣлѣ изъясненія наиболѣе трудныхъ мѣстъ посланія авторъ всегда слѣдуетъ излюбленному имъ анализу словъ греческаго текста и съ помощью его уясняетъ то или другое мѣсто посланія, представляющее почему-либо затрудненіе въ экзегетическомъ отношеніи. Такихъ изъясненій дано въ книгѣ весьма много; въ концѣ книги въ указателѣ (696—698 стр.) отмѣчено авторомъ болѣе 120 словъ, разъясненныхъ въ текстѣ. При внимательномъ изученіи обширной западной литературы о разсматриваемомъ посланіи авторъ, относясь къ этой литературѣ критически, руководствовался въ рѣшеніи труднѣйшихъ исагогическихъ и экзегетическихъ вопросовъ отцами и учителями Церкви, по преимуществу св. Иоанномъ Златоустомъ и блаженнымъ Теодоритомъ.

Въ концѣ книги, для большаго удобства пользованія ею, помѣщено два указателя (689—698 стр.)—указатель изъясненныхъ мѣстъ свящ. Писанія и указатель греческихъ словъ, получившихъ изъясненіе въ текстѣ книги.

Къ высокимъ достоинствамъ научнаго труда профессора Богдашевскаго нужно отнести и то, что, при строгой научности, изложеніе отли-

чается простотой, ясностью и общедоступностью, дающею возможность и не кабинетному ученому познакомиться съ добытыми научными выводами и заключеніями достопочтеннаго изслѣдователя посланія. Для дѣла противосектантской миссіи имѣеть огромное значеніе вторая экзегетическая часть труда Богдашевскаго.

Отдавая дань высокаго уваженія выдающимся научнымъ достоинствамъ новаго труда, счастливо отличающагося положительнымъ церковно-православнымъ направленіемъ—что не всегда строго блюдется въ современной нашей богословско-экзегетической въ особенности литературѣ, пожелаемъ сочиненію почтеннаго пр. Богдашевскаго широкаго распространенія.

П. Козицкій.

Юрій Битовтъ. Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ.

Подробный библиографическій указатель русской и иностранной литературы о гр. Л. Н. Толстомъ. Со многими портретами гр. Толстого. Изд. *И. Д. Сытина*. М. 1903 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Наше время по справедливости можетъ быть названо „днями лукавыми“. Лукавство того или иного типа проникло во всѣ стороны современной жизни, не исключая и литературы. Литературное лукавство проявляется въ приумноженіи дешеваго „писательства“: теперь пишетъ едва-ли не всякій, кто только хочетъ и кто только можетъ.

Въ виду такого приумноженія за послѣднее время литературнаго гешефтмакерства должно особенно цѣнить все дѣльное и серьезное, что изрѣдка появляется на современномъ необильномъ литературномъ рынкѣ.

Такою дѣльною и далеко не заурядною книгою является сочиненіе г. Битовта, заглавіе котораго обозначено въ началѣ настоящаго очерка.

Этой книгѣ по всей справедливости приличествуетъ наименованіе „литературнаго труда“, добросовѣстной ученой работы, а не какой-нибудь рыночной спекуляціи.

Вся разсматриваемая, довольно объемистая и тяжеловѣсная книга, состоящая почти изъ 400 страницъ, содержитъ одни лишь подробныя заглавія книгъ и статей, когда-либо и гдѣ-либо писанныхъ о Л. Н. Толстомъ. Тутъ же мы найдемъ и обстоятельное перечисленіе разнаго рода литературныхъ произведеній, когда-либо выходившихъ изъ подъ пера Льва Николаевича, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ изданій этихъ произведеній.

Для удобства пользованія г. Битовтъ свой матеріалъ распредѣляетъ по рубрикамъ. Первая рубрика перечисляетъ статьи, излагающія библиографическія свѣдѣнія о гр. Толстомъ, вторая указываетъ источники для свѣдѣній о литературной дѣятельности маститаго графа; здѣсь мы на-

ходимъ списокъ сочиненій, переводовъ и предисловія гр. Л. Н. Толстого, напечатанныхъ отдѣльно и въ періодическихъ изданіяхъ. Далѣе идетъ рубрика: „Толстой какъ художникъ“, а рядомъ съ ней—указатель критическихъ отзывовъ о беллетристическихъ произведеніяхъ графа. Большая рубрика занимается перечисленіемъ всего того, что такъ или иначе относится къ педагогической дѣятельности гр. Толстого. Тутъ перечислено все, вышедшее изъ подъ пера великаго беллетриста касательно тѣхъ или иныхъ педагогическихъ темъ, равнымъ образомъ найдемъ мы здѣсь указаніе произведеній другихъ писателей, занимавшихся критическою оцѣнкою педагогическихъ идей Толстого.

Самая объемистая глава книги та, гдѣ перечисляются сочиненія и отдѣльныя статьи, рассматривающія гр. Толстого, какъ философа и моралиста. Тутъ мы найдемъ статьи, касающія а) отдѣльныхъ пунктовъ ученія Толстого: о клятвѣ, о внѣшнемъ богопочтеніи, о непротивленіи злу, о вегетаріанствѣ и пр., б) касательно отдѣльныхъ философскихъ произведеній и публицистическихъ статей яснополянскаго писателя. Солидная по объему рубрика гласитъ: „Гр. Толстой въ иностранной литературѣ“. Тутъ перечислены произведенія и отдѣльные очерки о Толстомъ въ литературахъ: англійской, американской, французской, итальянской, испанской, финской, эстонской, даже армянской, турецкой, татарской и многихъ другихъ.

Есть рубрика о живописныхъ и скульптурныхъ изображеніяхъ графа, касательно иллюстрацій къ его произведеніямъ и т. д. Г. Битовтъ—ерьезный и добросовѣстный труженикъ. Въ его книгѣ не мало удѣлено мѣста и православно-богословской литературѣ о Толстомъ. Онъ перечисляетъ труды касательно Толстого нашихъ церковныхъ писателей: Никанора Херсонскаго, Амвросія Харьковскаго, о. Іоанна Кронштадтскаго, проф. Гусева, В. М. Скворцова, Іеромонаха Михаила и другихъ православныхъ ратоборцевъ (словомъ или писаніемъ) на полѣ духовной брани съ Толстовскимъ ученіемъ. Само собою разумѣется, тотъ же принципъ „добросовѣстности“ нравственно обязывалъ г. Битовта перечислить и статьи свѣтской печати о Толстомъ, не исключая статей пристрастно и неправильно излагающихъ воззрѣнія Толстого.

Въ силу сказаннаго произведеніе г. Битовта несомнѣнно сдѣлается настольною книгою прежде всего для нашихъ богослововъ, церк. писателей и всѣхъ православныхъ христіанъ, ревнующихъ о критическомъ разборѣ идей Толстого. Эта книга апологетамъ православія въ ихъ борьбѣ съ Толстовствомъ вполне поможетъ быть въ курсѣ своего дѣла. Съ другой стороны, она окажется незамѣнимой спутницей и для тѣхъ людей, которые пожелали бы изучить идеи Толстого съ художественной, психологической, бытовой—исторической, философской и другихъ сторонъ. Позднѣйшіе историки переживаемой нами эпохи несомнѣнно должны будутъ считаться съ Толстовствомъ,—говорить о немъ въ томъ

въ иномъ смыслѣ. Конечно, и историки не обойдутся безъ книги Битовта. Книга издана весьма изящно, на прекрасной бумагѣ, отпечатана хорошимъ шрифтомъ и украшена 60-ю прекрасными иллюстраціями, представляющими или портреты Толстого или рисунки къ его произведеніямъ.

Цѣна книги (2 р. 50 к.) весьма и весьма умѣренна, если имѣть въ виду солидный объемъ книги, изящность изданія, а главное гигантскій трудъ г. Битовта, усердно и добросовѣстно пересмотрѣвшаго необъятное море русской и иностранной литературы о Толстомъ.

Гермонахъ Александръ.

Священникъ Василій Владиміровъ. Наставленіе въ законѣ Божіемъ для начальниѣхъ сельскихъ училищъ. Тамбовъ, 1904 г. Цѣна 30 коп.

Въ предисловіи къ этому труду читаемъ слѣдующія слова автора. „При составленіи учебника Закона Божія я старался сдѣлать языкъ учебника возможно легкимъ для дѣтскаго ума, а содержаніе его интереснымъ и занимательнымъ... Языкъ составленнаго мною учебника—ихъ языкъ, дѣтскій, къ которому я внимательно прислушивался и который старательно изучалъ во время своихъ многолѣтнихъ уроковъ“.

Дѣйствительно „Наставленіе“ О. Владимірова отличается особенною простотою рѣчи, вполне пригодною для дѣтскаго пониманія, но эта простота отнюдь не переходитъ въ тривіальность. О. Владиміровъ весьма удачно и талантливо сочеталъ въ своей книгѣ простоту слога съ достоинствомъ, приличествующимъ разговорамъ о священно-историческихъ событіяхъ. Настоячиво рекомендуемъ книгу о. Владимірова вниманію завоучителей.

Гермонахъ Александръ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Мисс. Об.“ для отзыва

Епископъ Никонъ. *Что намъ нужное всего.* Беседа Троицкаго инока по поводу современныхъ печальныхъ явленій въ духовной русской жизни. Москва, 1904 г. Стр. 32. Ц. 15 коп.

С. І. Зосима. *Проповѣди*, ч. 1-я. Житомиръ, 1904 г., Стр. 151. Ц. 30 коп.

Его же. *Сборникъ проповѣдей*, ч. II-я. Житомиръ, 1904 г., Стр. 67. Ц. 20 коп.

И. Айвазовъ. *Новое Вселенское Христіанство—Религія Конца.* Древне-Иудейская и христіанская культуры. Харьковъ, 1904 г., Стр. 57. Ц. 30 коп.

Д. Б. Изъянникамъ и предателямъ Россіи. Москва, 1904 г., Стр. 13.

Епископъ Хрисанъ. *Еще къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки.* Казань, 1904 г., Стр. 16.

Епископъ Никаноръ (при участіи П. И. Паутова, свящ. П. Мамина, В. І. Беодоровскаго и вогула Н. Я. Бахтіарова). *Азбука для вогуль пріуральскихъ.* Москва, 1903 г.

Отчетъ Нижегородскаго епарх. Мисіонерскаго Братства Св. Креста за 1903 годъ. Василь-Сурекъ, 1904 г., Стр. 194.

ХРОНИКА.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Америка—разсадникъ новыхъ религій.—Новая секта „Иорданистовъ“ въ Ирландіи.— Успѣхи мормонства въ Европѣ.—Новая затѣя Доум.—На что можетъ рассчитывать христіанство въ Японіи?

Въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ изъ недавнихъ № Нью-Йоркской газ. *New-York Herald*, говорится, что приливъ съ Востока разныхъ вѣроучителей и проповѣдниковъ древнихъ религій служить лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени охвачена духовной жаждой Сѣверная Америка; эта страна матерьялизма и стремленія къ наживѣ.

Восточные пророки встрѣчаются не только въ Нью-Йоркѣ, но и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ на всемъ протяженіи между Атлантическимъ и Тихимъ океанами. Сомнѣнія въ подлинности и богодухновенности Библии, духъ изслѣдованія, жажда вѣры, отвѣчающей всѣмъ запросамъ ума и души—превратили почти всѣхъ американцевъ и американокъ въ ревностныхъ изслѣдователей всевозможныхъ „новыхъ“ религій.

Въ Америкѣ различныя вѣроученія насчитываются сотнями. Но мѣстность между Нью-Йоркомъ и Ута очевидно представляетъ собой наиболѣе благоприятную почву для развитія всевозможныхъ сектъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь приверженцевъ христіанской науки, Мормоновъ, Дипистовъ, Миллеритовъ, поклонниковъ Святаго Духа, Библейскихъ учителей и сотни другихъ сектъ, быстро возникающихъ и процвѣтающихъ въ этомъ районѣ Штатовъ. Многіе изъ этихъ вѣроученій явились сюда съ Востока, какъ, напр., ученія Теофистовъ, Буддистовъ, Магометанъ, Парсовъ и послѣдователей Зороастра.

Одна изъ интереснѣйшихъ среди всѣхъ этихъ „новыхъ сектъ“ конечно секта Бабистовъ. Ученіе это проникло въ Америку изъ Персіи, гдѣ оно имѣетъ уже широкое распространеніе. Въ Новомъ Свѣтѣ имъ увлеклись не только женщины, какъ это одно время говорили, но также очень

многіе образованные и ученые мужчины. Американцы часто отправляются сами въ Сирію, въ городъ Акку, чтобы услышать изъ устъ самого „Учителя“ Аббасъ-Эффенди благую вѣсть, полученную имъ отъ его отца Баба-Уллы для передачи всѣмъ народамъ. Магнетическая сила, второй обладаетъ этотъ человѣкъ, такъ велика, что многіе, отправившіеся къ нему съ цѣлью осмѣять его, кончали тѣмъ, что поклонялись ему.

Городъ Акка замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ уже 34 года живутъ представители Бабизма, изгнанные изъ Персіи, гдѣ они подвергались гоненіямъ за распространеніе своего ученія. Основателемъ секты былъ Али-Магометъ, молодой человѣкъ, объявившій въ 1844 г., что онъ „Баба“, что означаетъ: ворота. Это выраженіе свойственно мусульманамъ: подъ нимъ разумѣютъ избраннаго Богомъ посредника, предназначеннаго передавать людямъ откровенія свыше. Бабисты подверглись жестокому гоненіямъ: по однимъ источникамъ 10 тыс., а по другимъ 30 тыс. изъ нихъ погибли мученической смертью. Въ 1850 г. самъ Баба былъ казненъ въ Таврисѣ: въ 1852 г. нѣкоторымъ главарямъ секты удалось бѣжать изъ Тегерана въ Багдадъ, во владѣнія турецкаго султана. Тамъ они прожили 17 лѣтъ, послѣ чего были переселены турецкимъ правительствомъ сначала въ Адрианополь, а спустя еще 5 лѣтъ, въ Акку. Среди этихъ изгнанниковъ находился нѣкто Мирза-Гассейнъ-Али, изъ знатной и богатой семьи. На него смотрѣли какъ на „Бабу“ и чтили его за мудрость и чистоту жизни. Первый Баба далъ ему титулъ „Баба-Уллы“ (слава Божья). Вскорѣ послѣ бѣгства въ Багдадъ, Баба-Улла покинулъ свою семью и провелъ два года въ горахъ въ полномъ одиночествѣ, послѣ чего вернулся въ этотъ городъ и сталъ учить и объяснять догматы Бабизма. Когда вышло повелѣніе перевести изгнанниковъ въ Адрианополь, Баба-Улла объявилъ своимъ ближайшимъ пяти послѣдователямъ, что онъ—видимое проявленіе Самого Бога, о которомъ предсказывалъ первый Баба. Но до всеобщаго свѣдѣнія заявленіе это было доведено только пять лѣтъ спустя, и всѣ бабисты приняли его единодушно за святую истину. Остатокъ жизни Баба-Улла посвятилъ писанію книгъ; изъ оставленныхъ имъ многотомныхъ сочиненій на европейскіе языки переведены только очень немногіе отрывки.

Онъ умеръ въ Аккѣ въ 1892 г., назначивъ своимъ преемникомъ своего сына Аббасъ-Эффенди, который и принялъ главенство надъ сектой. Приверженцы ея называютъ его Господомъ и Учителемъ, чтятъ наравнѣ съ первымъ Бабой и съ Баба-Уллой и считаютъ его третьимъ и послѣднимъ проявленіемъ или воплощеніемъ Бога на землѣ.

Тѣмъ временемъ новая вѣра продолжала распространяться и въ Персію, гдѣ насчитывается въ настоящее время уже нѣсколько милліо-

новъ послѣдователей. Проповѣдники этого ученія разошлись по всему свѣту и во многихъ странахъ проповѣдь ихъ имѣеть успѣхъ. Въ Нью-Йоркѣ во главѣ бабистовъ стоитъ старикъ Мирза-Абуль, изъ числа первыхъ бѣглецовъ изъ Тегерана; онъ такъ заинтересовалъ одного нью-іоркскаго адвоката, что тотъ отправился въ Акку для личнаго свиданія съ Аббасъ-Эффенди, прожилъ тамъ нѣкоторое время и далъ весьма интересное описаніе своего свиданія съ „Учителемъ“.

— Остановившись въ старомъ, старомъ домѣ древняго города, я вскорѣ услышалъ изъ своей комнатки все усиливавшійся шумъ, сошелъ на улицу и увидѣлъ странное зрѣлище. Узенькая улица наполнялась народомъ; толпа состояла изъ нищихъ, большихъ и калѣкъ самаго жалкаго вида; среди нихъ было много слѣпыхъ, безногихъ и такихъ старыхъ и слабыхъ, что они двигались съ трудомъ. Было также множество дѣтей и женщинъ съ грудными младенцами на рукахъ. Всѣ, видимо, кого-то ждали. Наконецъ отворилась дверь въ стѣнѣ и изъ нея вышелъ средняго роста, стройный, величавый старикъ въ свободной, длинной одеждѣ. На видъ ему лѣтъ 60, сѣдые волосы волной падаютъ на плечи, большіе, сѣрые глаза смотрять кротко и въ тоже время пронизательно. Онъ держитъ себя крайне просто, но тѣмъ не менѣе движенія его полны достоинства и даже величія. Онъ медленно прохѣдитъ черезъ толпу, останавливается у угла дома и дѣлаеть знакъ рукой, по которому всѣ собравшіеся начинаютъ по очереди подходить къ нему. Въ каждую протянутую руку онъ опускаеть монету, каждому что-то говоритъ; кротко улыбается однимъ, другихъ гладитъ по головѣ и по плечамъ, ласкаетъ дѣтей. Можно было бы подумать, что человекъ, такъ щедро раздающій милостыню, богатъ. Нѣтъ, напротивъ. Когда-то семья его принадлежала къ богатѣйшимъ въ Персіи, но въ теченіе 50-ти лѣтъ отцы его и самъ онъ—изгнанники и плѣнники. Слишкомъ 34 года содержится этотъ человекъ въ Аккѣ, въ тюрьмѣ; но тюремщики его сдѣлались его друзьями и зовуть его „Учителемъ“. Начальникъ города и военныя власти чтутъ его какъ отца, жители всѣ отъ мала до велика любятъ его.

Американка г-жа Гетсингеръ, неоднократно совершившая путешествіе въ Сирію для свиданія съ „Учителемъ“, только что вернулась изъ Акки и рассказываетъ съ восторгомъ о быстромъ распространеніи его ученія.

— Я много разъ была въ Аккѣ—говоритъ она—и каждый разъ совершала этотъ длинный путь единственно ради того, чтобы увидѣть учителя... Я желаю слышать отъ него самого объясненіе ученія и заповѣдей его мудраго отца Баба-Уллы, желала слышать его собственныя дивныя рѣчи, исполненныя такого знанія и такой божественной мудрости, передъ которыми не могутъ устоять ни одно сердце, ни одинъ

умъ. Баба-Улла говорить, между прочимъ, что онъ приходилъ для того чтобы слить всё вѣры въ одну, чтобы уничтожить на землѣ вражду и утвердить среди всёхъ народовъ вѣчный миръ. Исполнилъ ли онъ обѣщанное? Его слова такъ тронули сердца многихъ тысячъ персовъ, что ради исполненія его заповѣдей они съ радостью принимали мученія и смерть. Не дальше, какъ въ прошломъ году, 375 человѣкъ запечатлѣли своей смертью вѣру въ него, тогда какъ легко бы могли спастись цѣной отреченія. Я прибыла въ Акку въ числѣ 70-и паломниковъ, представителей 6-и разныхъ народовъ и 5-и различныхъ религій. Всѣ они прибыли въ древній городъ съ одной и той же цѣлью: увидѣть Баба-Аббаса-Учителя и научиться отъ него истинѣ, которая уже соединила всёхъ насъ въ одну вѣру, подъ общимъ великимъ знаменемъ любви, и заставила всёхъ насъ позабыть о ненависти, о разногласіяхъ и различіяхъ, существующихъ между христіанами, буддистами, могометанами, евреями и послѣдователями Зороастра. Глядя на убѣжденные лица этихъ людей, пришедшихъ къ Учителю изъ разныхъ странъ, я окончательно убѣдилась въ томъ, что сила его снова вскорѣ обратитъ на себя вниманіе всёхъ народовъ. Ради этого слова, люди стекаются уже и сейчасъ со всёхъ концовъ свѣта въ Акку—этотъ скверный, грязный городишко, мѣсто ссылки турецкихъ преступниковъ, и терпѣливо переносятъ тотъ вредный климатъ, всевозможныя лишения и неудобства только потому, что тамъ томится въ плѣну „великій“ Учитель, сынъ и преемникъ Баба-Уллы.—

Восторженная американка не представляетъ собой исключительнаго явленія. Среди ея соотечественниковъ число послѣдователей бабизма уже такъ велико, что Учитель нашелъ нужнымъ послать въ Соединенные Штаты своего представителя—Мирзу-Абуллу. Этотъ послѣдній появился въ Вашингтонѣ, гдѣ и проповѣдуетъ съ большимъ успѣхомъ привлекая все новыхъ учениковъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ заповѣдей Учителя, собственноручно написанныя имъ „для возлюбленныхъ въ Америкѣ“.

— Живите. Никого не огорчайте. Любите другъ друга и будьте добры ко всёмъ людямъ. Переносите обиды съ кротостію и терпѣніемъ и отвѣчайте на нихъ любовью. Радуйтесь, когда несчастье, потому что это милость Божья. Молчите о прегрѣшеніяхъ другихъ людей, молитесь за нихъ и добротой къ нимъ помогайте имъ исправиться. Смотрите всегда на добро, а не на зло. Если у человѣка 10 хорошихъ качествъ и одно дурное, то забудьте объ этомъ одномъ; а если одно хорошее качество и 10 дурныхъ, то смотрите на это одно и не обращайтесь вниманія на остальные 10. Никогда не осуждайте кого-либо ни единымъ словомъ, хотя бы это былъ и врагъ вашъ. Удерживайте всякаго, кто захочетъ говорить о чужихъ прегрѣшеніяхъ. Отвращайте сердца ваши отъ самихъ

себя и отъ міра. Будьте смиренны, вѣрны, гостепріимны, почтительны. Поступайте осторожно и мудро. Служите другъ другу и не превозносите ни надъ кѣмъ. Будьте исцѣленіемъ для больныхъ; утѣшеніемъ для огорченныхъ; освѣжающей водой для жаждущихъ; небесной пищей для алчущихъ; путеводителями для ищущихъ; плодоноснымъ дождемъ для земли, путеводной звѣздой для странниковъ, свѣтомъ для всякаго свѣтильника; добрыми вѣстниками для ищущихъ Царствія Божьяго.

Несомнѣнно прекрасное и высокое ученіе, но оно все по своему характеру и содержанію представляетъ заимствованіе изъ христіанства, а потому непонятно, зачѣмъ американцамъ понадобилось отыскивать его въ Сиріи; не проще было бы поискать его въ Евангеліи.

* * *

Англійская газета „Daily News“ и нѣмецкій журналъ „Uber Land und Meer“ сообщаютъ о томъ, что Ирландія обогатилась недавно новой сектой, быстро приобрѣтающей послѣдователей, не только въ самой Ирландіи и Шотландіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ. Сектанты, имѣющіе много общаго съ анабаптистами и нашими штундистами, называютъ себя „Странниками во имя Іоанна Крестителя“. — Человѣку возможно спастись отъ вѣчнаго осужденія единственно путемъ полного погруженія въ проточныя воды, при совершеніи крещенія—вотъ основной догматъ новаго вѣроученія, центръ пропаганды котораго находится въ деревнѣ Баллинамаларъ, близъ города Эннискиленъ. Основатель секты нѣкто М-ръ Крона, сынъ мирового судьи и главы торговаго дома въ этомъ городѣ; онъ совершенно разошелся со своимъ семействомъ для того, чтобы всецѣло посвятить себя проповѣди своего ученія и миссіонерской дѣятельности. Такъ какъ число его послѣдователей очень быстро увеличивается, то тысячи странниковъ стекаются ежедневно со всей Ирландіи, чтобы присутствовать при крещеніи вновь обращаемыхъ. Обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ: странники собираются на берегу рѣчки, читаютъ молитвы и становятся затѣмъ въ два ряда, между которыми крещаемые проходятъ къ водѣ, при пѣніи гимновъ. Одинъ изъ странниковъ ожидаетъ ихъ въ рѣкѣ, стоя по поясъ въ водѣ, крещаемые подходятъ къ нему по очереди, повторяютъ за нимъ установленную молитву, послѣ чего онъ каждаго изъ нихъ наложеніемъ руки погружаетъ съ головой въ воду. Вновь обращенные выходятъ на берегъ и рассказываютъ, что побудило ихъ вступить на путь спасенія. Въ теченіе одной недѣли приняли крещеніе 64 человѣка; послѣ совершеннаго надъ ними обряда, они разошлись во все стороны съ проповѣдкой новаго ученія. Сотни зажиточныхъ людей продали свои дома, имѣнія и

торговья конторы и присоединились къ „Иорданистамъ“, какъ мѣстные жители называютъ этихъ сектантовъ. Скопленіе народа и возбужденіе среди мѣстнаго населенія такъ велики, что власти сочли нужнымъ отъ править въ Баллинамаларъ отрядъ полиціи, однако до сего времени порядокъ не былъ нарушенъ.

Странники іорданисты носятъ самую простую одежду изъ грубой шерстяной ткани коричневаго цвѣта, живутъ не только скромно, но даже бѣдно и на своихъ собраніяхъ не дѣлаютъ и не принимаютъ никакихъ денежныхъ взносовъ—Господь Иисусъ Христосъ былъ бѣденъ—говоритъ М-ръ Кронэ—и мы желаемъ ему подражать. Онъ не имѣлъ гдѣ главы преклонить, и мы не желаемъ имѣть постоянного жилища. Онъ посылалъ Своихъ апостоловъ учить и повелѣлъ имъ жить въ вѣрѣ и надеждѣ на Бога, мы стремимся жить также.

Странники имѣютъ уже вполне организованныя миссіи для пропаганды своего ученія въ Англіи, Шотландіи и Соединенныхъ Штатахъ. У миссіонеровъ, въ подражаніе общинѣ первыхъ христіанъ, — все общее; они ни имѣютъ частной собственности. Мужчины и женщины пользуются у сектантовъ одинаковыми правами.

* * *

Нѣмецкая газета „Kölnische Zeitung“ сообщаетъ о томъ, что столицѣ Швеціи выпала на долю сомнительная честь построения перваго въ Европѣ мормонскаго храма. Замѣчательное зданіе находится въ южной части Стокгольма; въ концѣ сентября оно было уже готово къ освященію. Храмъ выстроенъ на средства мормонской общины въ Ута, добытыя путемъ концертовъ, танцевальныхъ вечеровъ и т. п. увеселеній. Столицѣ Швеціи предстоитъ, очевидно, сдѣлаться центромъ мормонства, тѣмъ болѣе, что „Святые Последнихъ Дней“ давно уже находятъ именно среди скандинавскихъ народовъ особенно благоприятную почву для пропаганды своего ученія. Въ Ута въ настоящее время не меньше 65 тыс. скандинавовъ, а именно 25 тыс. датчанъ, 20 тыс. шведовъ и 20 тыс. норвежцевъ. Мормонскіе агенты дѣйствуютъ въ Европѣ почти повсемѣстно. Согласно ихъ собственнымъ отчетамъ въ этой части свѣта дѣйствуютъ больше 11 тыс. ихъ членовъ и уполномоченныхъ и большинство изъ нихъ въ скандинавскихъ земляхъ. На одну Швецію приходится 45 главныхъ агентовъ. Новый храмъ рассчитанъ на 800—1,000 человекъ прихожанъ. Алтарь и кафедра расположены противъ входныхъ дверей. Стѣны украшены священными символами и флагами.

Судя по англійскимъ газетамъ, не менѣе дѣятельную пропаганду ведутъ мормоны и въ Англіи и въ особенности въ Лондонѣ. Глава

мормонскихъ миссіонеровъ въ Европѣ—пасторъ Грантъ — живетъ въ Ливерпулѣ; въ концѣ ноября его посѣтилъ корреспондентъ газеты „Express“, которому онъ сообщилъ, что въ Великобританіи проживаютъ 6 тыс. мормоновъ. Всѣ они неустанно посѣщаютъ частные дома, устраиваютъ собранія и распространяютъ до 2 милліоновъ брошюръ ежегодно.—Старшины въ Ута взываютъ къ дѣлателямъ на нивѣ Господней, и молодые люди отвѣчаютъ на ихъ призывъ. Не получая ни гроша отъ мормонской секты, они трудятся безкорыстно, идутъ въ разныя страны, и охотно переносятъ ради своего дѣла всевозможныя лишения.—Одно только парходное общество получаетъ ежегодно 120 тыс. рублей, за перевозку вновь обращенныхъ мормоновъ въ Америку и мормонскихъ миссіонеровъ оттуда въ Европу.

* * *

Многіе французскіе журналы и газеты сходятся во внѣшніи, что американскій пророкъ Илья II не перестанетъ до самой смерти возбуждать толки и обращать на себя вниманіе всего свѣта. Въ началѣ года вся печать занималась его походомъ въ Нью-Йоркъ, позднѣе—его неудачной попыткой уловить въ свои сѣти также Европу и Австралію, въ особенности скандалами, сопровождавшими его пребываніе въ Лондонѣ. Теперь Доун снова заставляетъ говорить о себѣ по поводу присоединенія къ его стаду дочери генерала Бута, постыдно измѣнившей знамени отца и перешедшей вмѣстѣ съ мужемъ на сторону ожесточеннаго противника Арміи Спасенія. Но и это еще не все: по послѣднимъ извѣстіямъ возстановитель занять въ настоящее время внушенной будто бы свыше мыслью окружить себя 12 апостолами.

Врядъ-ли дѣло его будетъ имѣть значеніе въ будущемъ, врядъ-ли оно даже переживетъ его, но нельзя не сознаться, что въ настоящемъ ловкій шарлатанъ отлично умѣетъ поддерживать шумиху вокругъ своего имени и прекрасно устраиваетъ свои дѣла.

Теперь, когда взоры всего міра обращены на Японію и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за войной, очень многіе задаются вопросомъ о будущихъ судьбахъ христіанства въ странѣ Восходящаго Солнца. Настоящая война познакомила Европу съ цивилизаціей Японіи и съ успѣхами, достигнутыми ею за послѣдніе немногіе годы. Мы узнали, что наука приобрѣла тамъ огромное значеніе, но наука своеобразная, совершенно исключаяющая понятіе о Богѣ. Въ виду всего этого, говорить „The Christian Intelligencer“, многіе и очень многіе безъ сомнѣнія задаются вышеприведеннымъ вопросомъ.

Японцы прилежно изучают исторію и слѣдовательно не могутъ не знать, что государства, достигшія высокой степени дивилізаціи, обязаны этимъ вліянію христіанской религіи. Многіе изъ нихъ признають, что въ Библии воплощены высочайшіе идеалы. Вотъ примѣръ того, что все это прекрасно понимается японцами.

Библейское общество послало 20,000 экземпляровъ Евангелія миссіонерамъ въ Кумамото, для раздачи солдатамъ, отправлявшимся на театръ военныхъ дѣйствій. Командующій войсками въ Кумамото не только разрѣшилъ эту раздачу, но и издалъ приказъ, предписывавшій офицерамъ прекращать ученія солдатъ, чтобы дать миссіонерамъ время снабдить ихъ книжками. Офицеры всячески старались, уже по собственному почину, облегчить миссіонерамъ ихъ задачу и многіе изъ нихъ отзывались при этомъ о христіанской религіи съ величайшей похвалой. Одинъ офицеръ сказалъ своимъ солдатамъ, что Америка и Англія обязаны своимъ благосостояніемъ и своими успѣхами, главнымъ образомъ, христіанскому ученію и совѣтовалъ имъ принять съ благодарностью предлагаемое имъ Евангеліе, и этотъ офицеръ не былъ христіаниномъ.

Другой офицеръ сказалъ своимъ людямъ, что они скоро будутъ отправлены на войну, и что, можетъ быть, многимъ изъ нихъ не суждено вернуться на родину и прибавилъ: миссіонеры пріѣхали изъ Америки только за тѣмъ, чтобы передать вамъ Евангеліе, книгу, въ которой говорится о будущей жизни, читайте же ее со вниманіемъ и благодарностью.—И этотъ офицеръ тоже не былъ христіаниномъ!

И такое отношеніе къ христіанству не является исключеніемъ; оно встрѣчается въ Японіи почти повсемѣстно. Всѣ мыслящіе люди этой страны признають нравственную высоту Евангельскаго ученія. Они конечно не согласятся съ тѣмъ, что жизнь христіанъ чище и лучше ихъ жизни, но не согласятся лишь потому, что человѣческая гордость не позволяетъ имъ въ этомъ сознаться. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, и въ Японіи такъ же, какъ и въ Америкѣ, искренно стремящіеся жить по заповѣдямъ Спасителя будутъ лучшими людьми, чѣмъ тѣ, которые пребываютъ въ духовной слѣпотѣ. И совѣтъ японцевъ-христіанъ, получившихъ истинное понятіе о томъ, что хорошо и что дурно, уже не допускаетъ ихъ до совершенія поступковъ, казавшихся имъ прежде вполне позволительными.

Но если все это такъ и японцы дѣйствительно признають превосходство христіанства, то почему же оно не дѣластъ въ ихъ странѣ большихъ успѣховъ? Дѣло въ томъ, что они смотрятъ на него не какъ на религію, а лишь какъ на одно изъ многихъ существующихъ на свѣтѣ нравственныхъ ученій. Основные идеи христіанства о Богѣ, о

грѣховности вѣхъ людей, о примирительной жертвѣ Христа Бога-Человѣка, о водительствѣ Святаго Духа и т. д. совершенно чужды японцамъ. Они даже не сознаютъ необходимости религіи; они смертельно больны и не чувствуютъ своей болѣзни, религіозно изголодались до того, что не ощущаютъ больше голода; такъ погрязли въ грѣхѣхъ, что даже не стремятся къ чистотѣ, которая могла быть и ихъ удѣломъ.

Но есть и другая причина, удерживающая ихъ отъ признанія Христа своимъ Господомъ и Спасителемъ. Они слишкомъ горды и въ то же время слишкомъ трусливы. Въ Кумамото умеръ одинъ изъ преподавателей высшей школы — христіанинъ. Директоръ училища присутствовалъ на похоронахъ покойнаго. Вернувшись домой, онъ сказалъ своей женѣ: — христіане черпаютъ въ своемъ ученіи такую силу и такое утѣшеніе, какихъ не найдешь ни въ какомъ другомъ источникѣ.— И онъ настоятельно совѣтовалъ своей женѣ сдѣлаться христіанкой; самъ же онъ не могъ на это рѣшиться изъ страха потерять мѣсто!

Въ виду всего вышеизложеннаго нельзя сказать, чтобы виды на распространеніе христіанства въ Японіи были особенно блестящи. И тѣмъ не менѣе, кто знаетъ, какіе могли бы получиться результаты, если бы только нашлись ревностные сѣятели слова Божьяго! Японія могла бы сдѣлаться могучимъ орудіемъ распространенія христіанства среди языческихъ народовъ и донныя „сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной“.

Въ редакцію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ на нужды войны поступили слѣдующія пожертвованія:

- 1) Отъ мужекого общежительнаго скита Теофанія, въ ознаменованіе рожденія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, на покупку книгъ и брошюръ для чтенія православнымъ воинамъ 25 руб.
- 2) Отъ А. П. Расколупы (с. Андреевка), собранные имъ на нужды войны: отъ З. С. Безрученко—50 к., Е. П. Голубъ,—1 р., І. М. Рейфшанъ—50 к., Я. В. Клафъ—1 р., М. Е. Генко—1 р., А. Р.—5 р., И. В. Пушкаръ—1 р.,—а всего 10 руб.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Жизнь нашей Церкви, состояніе миссіонерства и положеніе расколо-сектантства въ текущемъ году. Дѣятельность церковнаго управленія въ истекшемъ году. Отношеніе церкви и духовенства къ войнѣ. Пропавшая икона и почившіе іерархи и апологеты: Церковно-школьная миссія. Ожиданія миссіи отъ церк.-школьнаго управленія. Децентрализація въ управленіи дѣлами миссіи. Перемены въ составѣ миссіонеровъ. Валентность миссіонерскихъ должностей и отсутствіе кандидатовъ. Причины напряженности дѣятельности миссіи и сектантскаго броженія. Куда дѣвалась южно-русская штунда? Отношенія социаль-демократіи къ сектантству. Новыя секты. Прошлагодняго домогательства и новѣйшія надежды раскола. Московское совѣщаніе раскольниковъ и петиція. Приходская миссія. Памяти почившихъ дѣятелей миссіи.

Наша православная русская церковь, въ лицѣ ея архипастырей, пастырей и искренно вѣрующихъ чадъ, искони и поднесъ неизмѣнно—глубоко-патріотична. Самоотверженная любовь и беззавѣтная преданность престолу и отчизнѣ составляютъ завѣтную ея святыню. А потому, естественно, пережитыя нашимъ отечествомъ въ истекшемъ году бѣдствія войны не могли не наложить своей гнетущей, мертвящей руки и на жизнь Церкви. Отдавшись всецѣло материнскимъ попеченіямъ и заботамъ о нуждахъ страждущаго отъ войны отечества и ея доблестныхъ защитниковъ, церковь въ своей собственной, внутренней жизни, почти и не выходила изъ круга текущихъ обыденныхъ дѣлъ. Многіе назрѣвшіе вопросы и неотложныя нужды церковной жизни, каковы, напр. подготавливаемая реформа духовныхъ учебныхъ заведеній, консисторій и вопросъ о приходѣ остались ждать своей чреды въ будущемъ. Одинъ только брачный законъ 28 мая составляетъ крупное явленіе въ прошлогодней дѣятельности нашего церковнаго управленія, но и этотъ актъ есть лишь завершеніе долговременной предыдущей подготовки и разработки даннаго вопроса.

Другимъ важнымъ (для экономической стороны церковныхъ учреждений) законодательнымъ актомъ является опредѣленіе св. Синода—Высочайше утвержденное 6 іюня о взаимномъ страхованіи отъ огня всѣхъ церквей и строеній духовнаго вѣдомства. Для производства страховых операцій учреждается страховая отдѣлъ при Хозяйственномъ Управленіи Св. Синода. Дѣятельность этого новаго синодальнаго учрежденія нач-

нется, повидимому, не ранѣе будущаго 1906 года. Взаимное страхованіе вполнѣ обезпечиваетъ приходы отъ пожарныхъ убытковъ и избавляетъ отъ переплаты значительныхъ премій частнымъ страховымъ обществамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть основаніе предполагать, что операція взаимнаго страхованія дастъ воспособленіе къ содержанію мѣстнаго духовенства, на которое будетъ возложено веденіе дѣла на мѣстахъ, а равно общаетъ дать центральному духовному управленію новыя средства, столь необходимыя для обезпеченія многихъ нуждъ Церкви. Въ тѣхъ же видахъ денежной экономіи и наилучшаго производства свѣчъ, установленъ въ минувшемъ году специальный надзоръ за технической и хозяйственной дѣятельностью епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ. Нельзя также не отмѣтить жизненнаго опредѣленія Синода о перечисленіи, съ Высочайшаго соизволенія, получаемыхъ еще со временъ Екатерины лаврами и нѣкоторыми другими нашими богатыми обителями казенныхъ пособій на предметъ увеличенія содержанія пресвященныхъ нѣсколькихъ епархій, гдѣ годовой окладъ жалованья архіерейскаго былъ крайне скудный—не болѣе 1500—2 т. рублей.

Въ истекшемъ году открыты двѣ новыхъ архіерейскихъ кафедръ: при нашей американской православной миссіи открыта кафедра второго викарія епископа Алеутскаго, въ Москвѣ—четвертаго викарія. Учреждено 9 новыхъ иноческихъ обителей,—три мужскихъ и шесть женскихъ. Слѣдуетъ также отмѣтить полезное распоряженіе Св. Синода о преподаваніи сельскаго хозяйства въ церковно-учительскихъ школахъ и второклассныхъ. Духовникамъ семинарій и миссіонерамъ въ священномъ санѣ съ истекшаго года начато производство пенсій, на равныхъ правахъ съ протоіереями. Свѣтскіе чины духовнаго вѣдомства получили новую Высочайше утвержденную форму 1).

Для новыхъ дѣятелей духовнаго вѣдомства, для учителей церковно-учительскихъ и второ-классныхъ школъ, установленъ порядокъ чинопроизводства. Вотъ и всѣ новости истекшаго года въ области законодательной дѣятельности церковнаго управленія.

* * *

Мысль и сердце церкви, какъ и всей Россіи, было отдано, главнымъ образомъ, молитвѣ и всяческому попеченію объ успѣхѣ русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ. Какъ только грянулъ громъ войны,—двери храмовъ были отворены для всенародной молитвы и сбора пожертвованій на Красный Крестъ. Св. Синодъ издалъ распоряженіе о возглашеніи особыхъ эктений и молитвы на церковныхъ службахъ. Послѣ Ляоян-

1) Которая, между прочимъ, замѣняетъ неблагообразный во всѣхъ отношеніяхъ фракъ или вицмундиръ солиднымъ форменнымъ скротукомъ.

ской битвы предложено было во всѣхъ церквахъ совершать послѣ воскресныхъ и праздничныхъ литургій особыя молебны о дарованіи победы русскому воинству. Въ первопрестольной Москвѣ и другихъ городахъ молебствія эти совершались съ особой торжественностью, съ крестнымъ ходомъ на площади города, и вызывали молитвенное и патриотическое одушевленіе. При началѣ войны св. Синодъ и первоиерархи обѣихъ столицъ обратились къ Государю Императору съ вѣрноподданическими адресами, въ которыхъ отъ имени Церкви молитвенно ободряли и благословляли Самодержца на ратный подвигъ противъ невѣрныхъ, заявляли о готовности Церкви и духовенства принести на алтарь отечества достояніе святыхъ Божьихъ церквей и монастырей, если потребуетъ того война съ злокозненнымъ врагомъ - язычникомъ. Тогда же Св. Синодъ, лавры, монастыри, городскіе и сельскіе храмы, духовенство съ своимъ приходскимъ населеніемъ, служащіе духовнаго вѣдомства—принесли и несутъ на нужды войны и созданіе флота свое денежное приношеніе, составившее въ общемъ миллионныя суммы. Особенное усердіе явила старѣйшая изъ русскихъ обителей—киевская лавра: взнеся, вмѣстѣ съ другими лаврами по 20 тысячъ въ началѣ войны, позже соборъ лавры, вмѣстѣ съ своимъ священноархимандритомъ, взнесъ 30 тысячъ на флотъ: лавра отвела обширныя помѣщенія и открыла полное довольство мобилизуемымъ въ Кіевѣ войсковымъ частямъ, а также для раненыхъ воиновъ. Александро - Невская лавра внесла на флотъ 25 тысячъ. Кромѣ денегъ жертвовала и жертвуетъ на нужды войны церковь, въ лицѣ пастырей и вѣрующаго народа, всѣмъ, чѣмъ можетъ,—вещами, продуктами, устройствомъ госпиталей для раненыхъ, открытіемъ стипендій въ духовныхъ своихъ школахъ для сиротъ убитыхъ защитниковъ отечества. Въ различныхъ епархіяхъ, и особенно въ Орловской, Нижегородской, Вятской, организована помощь вещами, для удовлетворенія нужды воиновъ въ теплой одеждѣ и обуви. Въ епархіяхъ Орловской, Пермской, Подольской устроены духовенствомъ на свой счетъ больницы для призрѣнія раненыхъ воиновъ. Такіе же пріюты для больныхъ и раненыхъ воиновъ открыли обители, какъ Сергіева, Ново - Иерусалимская и многія другія. Во многихъ мѣстахъ духовенство организовало особыя попечительства для призрѣнія семействъ запасныхъ воиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу. Общеепархіальный съѣздъ духовенства Донской епархіи постановилъ учредить за свой счетъ тридцать вакансій во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Донской епархіи для осиротѣвшихъ дѣтей офицеровъ и нижнихъ чиновъ, убитыхъ въ войнѣ съ Японіей и умершихъ отъ ранъ и болѣзней.

Одновременно съ этимъ, высшее духовное управленіе приняло мѣры и къ непосредственному удовлетворенію религиозныхъ потребностей са-

михъ воиновъ какъ дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота, такъ и отправляющихся туда на ратные подвиги.

Для этого при Главнокомандующемъ всеи нашими вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ и при трехъ нашихъ дѣйствующихъ арміяхъ поставлены главные священники, и въ ихъ распоряженіе посланы священники для исправленія пастырскихъ обязанностей при отрядахъ, полкахъ и лазаретахъ. Многіе—какъ изъ монашествующихъ лицъ, такъ и изъ благаго духовенства—добровольно вызвались ѣхать на Дальній Востокъ съ цѣлью наилучшаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ арміи. Нужно сказать, къ чести нашего православнаго духовенства, что оно въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ оказалось на всей высотѣ положенія, явивъ величайшія доблести духа—мужество, самоотверженіе и любовь, запечатлѣнные кровью и жизнью служителей алтаря. Одни изъ пастырей, съ крестомъ въ рукахъ, предводили наши полки въ рукопашный бой, другіе напутствовали Святыми Тайнами умирающихъ воиновъ подъ градомъ вражескихъ пуль и снарядовъ, третьи перевязывали раны въ качествѣ братьевъ милосердія, дѣля съ нашими войнами смертную опасность и на морѣ, и на передовыхъ позиціяхъ, подвергаясь вмѣстѣ съ ними всеи лишеніямъ и страданіямъ осадной жизни и неустанно утѣшая страдальцевъ въ больницахъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Честь и слава нашему духовенству за то, что наши полковые священники самымъ дѣломъ оправдали свое высокое призваніе и служеніе и стяжали общее признаніе своихъ заслугъ и общую благодарность, вписавъ имя свое въ исторію на ряду съ доблестными отечественными героями.

Георгиевскіе кресты и ленты—достойная награда ихъ самоотверженныхъ подвиговъ, и имена отцовъ Щербаковского, Руднева, іером. Алексѣя съ *Юрика*, Курлова, Шавельскаго, Голубева и многихъ другихъ—исторія не забудетъ.

Великую службу сослужило и служить приходское духовенство во время производившихся по селамъ въ истекшемъ году мобилизацій запасныхъ нижнихъ чиновъ. Оно пастырскимъ своимъ словомъ ободряло, напутствовало молебствіями вразсѣвавшихся съ семьями защитниковъ отечества, утѣшало скорбящія семьи остававшихся, поддерживало ихъ и нравственно и матеріально. Тамъ, гдѣ духовенство стало своимъ авторитетомъ на стражѣ порядка и благочинія, возжгло въ сердцахъ мобилизуемыхъ молитвенный пламень вѣры въ Бога и преданности престолу и отечеству, все прошло спокойно и чинно. Наоборотъ, гдѣ забыто было такое напутствіе, и мобилизуемые были предоставлены самимъ себѣ, звѣрь страстей, бѣсъ унынія и отчаянія не преминулъ произвести большую смуту среди мобилизуемыхъ, производившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прискорбные беспорядки.

Кромѣ общегосударственной скорби, вызываемой бѣдствіями грозной войны, благочестивыя сердца всего православнаго населенія были глубоко поражены своимъ собственнымъ несчастіемъ русской церкви — дерзкимъ безпримѣрнымъ святотатствомъ, совершеннымъ въ Казани.

Мы имѣемъ въ виду похищеніе и исчезновеніе чудотворной иконы Казанской Богоматери. Святотатственная рука посягнула на одну изъ величайшихъ святынь Россіи. Въ ноябрѣ въ Казани состоялся судъ, но и онъ не возвратилъ нашей церкви пропавшей святыни и даже не далъ никакихъ свѣдѣній объ ея судьбѣ.

Православное населеніе не только Казани, но и всей Руси святой, встрѣтило эту тяжелую утрату вѣковой святыни съ великою скорбію — какъ Божье попущеніе и страшное наказаніе за тяжкіе грѣхи противъ святынь нашей вѣры православныхъ людей, которые своимъ невѣріемъ, отступничествомъ, иконоборствомъ такъ нагло попирають и оскорбляютъ ихъ, и это одинаково какъ въ средѣ интеллигентнаго жемудрствующаго класса, такъ и въ народѣ. Вѣрующіе люди не хотятъ вѣрить, чтобы дерзкій святотатецъ истребилъ огнемъ дорогую святыню и умѣряють свою скорбь предположеніемъ, что святыня цѣла и лишь временно оставила Казань, будучи продана раскольникамъ, и что рано или поздно, роковая тайна откроется.

Вмѣстѣ съ этой, изъ ряда вонъ выходящей, безпримѣрной утратой, церковь въ минувшемъ году понесла и другія тяжелыя невознаградимыя утраты, въ лицѣ почившихъ іерарховъ и ученыхъ богослововъ, составлявшихъ красоту и славу нашей церкви и науки.

Такъ, въ минувшемъ году скончались — архіепископъ Литовскій Ювеналій Половцевъ, строгій аскетъ, краса и наставникъ иночества, архіепископъ Владимірскій Сергій Спасскій, знаменитый ученый агіологъ, архіепископъ Ярославскій Сергій Ланинъ, вдохновенный ораторъ и благородный священно-служитель, епископъ Орловскій Иринея Орда — плодовитый духовный писатель и журналистъ, проповѣдникъ, ученый эзегетъ, энергичный и строгій администраторъ; проф. казан. акад. А. Ѳ. Гусевъ, глубоковѣрующій убѣжденный, непреоборимый апологетъ православія, проф. С.-Петербургской академіи А. П. Лопухинъ, — талантливый переводчикъ и блестящій духовный писатель — публицистъ, проф. той же акад. Т. В. Барсовъ, — извѣстный канонистъ, іером. Тарасій, талантливый многообъщавшій молодой ученый богословъ и писатель.

Скорбь тяжелой утраты столь блестящей плеяды испытанныхъ церковныхъ дѣятелей, — столповъ православія и утвержденія — Церкви усугубляется безпомощнымъ сознаниемъ того, что старые ратоборцы уходятъ съ своей чреды земного служенія Церкви, а о новыхъ, на смѣну имъ, равноцѣнныхъ почившимъ, дѣятелей — пока не слышно.

* * *

Народно-просвѣдительная дѣятельность церкви въ истекшемъ году, какъ и всегда ранѣе, направлялась въ отношеніи юнаго подростяющаго поколѣнія православнаго населенія и дѣтей отпадшихъ отъ Церкви—черезъ церковно-приходскія школы, а въ отношеніи взрослыхъ—черезъ внѣцерковную собесѣдовательную проповѣдь и черезъ спеціальную внутреннюю миссію.

Церковныя школы въ минувшемъ году пережили уже двадцатую годовщину своего возрожденія, доведя свой бюджетъ до 18 милліоновъ рублей и количество учащихся до 2 милліоновъ дѣтей. Съ каждымъ годомъ подвигается впередъ организація церковныхъ школъ высшаго типа, церковноучительскихъ, богато обставленныхъ и прекрасно организованныхъ.

Церковно-школьное дѣло и внутренняя миссія должны быть двумя *взаимодѣйствующими* силами, солидарно и дружно обслуживающими интересы и пользу общей ихъ Матери—Церкви—въ дѣлѣ просвѣщенія и спасенія юныхъ и взрослыхъ ея чадъ. Отрадно, что истина эта изъ года въ годъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ себѣ защиту на мѣстѣ, въ епархіяхъ, со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ; проникаются ею и епархіальные наблюдатели, а также и отцы завѣдующіе церковными школами въ расколосектантскихъ районахъ.

Безъ всякаго указанія со стороны центрального церковно-школьнаго управления,—въ силу запросовъ и подъ давленіемъ требованій самой жизни, епархіальные попечители церковно-школьнаго дѣла, преосвященные архиастыри почти повсемѣстно признали за благо назначать епархіальныхъ миссіонеровъ членами училищныхъ совѣтовъ и отдѣленій, а наблюдателей—членами миссіонерскихъ камитетовъ и братствъ, чѣмъ, какъ нельзя лучше, устанавливается взаимодѣйствіе этихъ дѣятелей и правильное отношеніе къ общему просвѣдительному дѣлу. По почину самихъ наблюдателей и по указаніямъ О. О. завѣдующихъ школами въ курсы закона Божія постепенно вводятся дополнительныя школьно-миссіонерскія свѣдѣнія, касающіяся исторіи и обличенія расколосектантства.

Остается пожелать, чтобы въ новомъ году со стороны центрального церковно-школьнаго управления было обращено вниманіе на сообщеніе миссіонерскихъ свѣдѣній воспитанникамъ церковно-учительскихъ семинарій и школъ. Народный учитель вообще, церковный учитель—въ особенности, долженъ быть вооруженъ необходимыми свѣдѣніями объ исторіи, жизни, бытѣ и вѣрованіяхъ милліоновъ русскихъ отщепенцевъ, а вмѣстѣ долгомъ своей службы и въ силу своей близости къ народу, обязанъ дать всякому вопрошающему раскольнику или сектанту отвѣтъ о своемъ православномъ упованіи и его заблужденіи. Если школа есть самое вѣрное орудіе церкви къ искорененію тьмы религіозныхъ заблужденій въ русскомъ народѣ, то церковный учитель послѣ приходскаго

пастыря долженъ быть самымъ надежнымъ проводникомъ въ народную среду миссиі православія. При нынѣшнемъ пробужденіи въ свѣтскомъ обществѣ огромнаго интереса къ расколосектантскому міру, было бы и грѣшно, и стыдно питомцамъ церковно-учительскихъ семинарій ничего не знать объ этомъ мірѣ, не интересоваться имъ. Необходимо, чтобы этотъ интересъ и идея миссіонерства глубже и шире проникала въ сознание самого церковно-школьнаго наблюдательскаго института, въ средѣ котораго еще доселѣ, несмотря на исполнившееся 20-лѣтіе обновленческой церковной школы, существуютъ превратные взгляды на миссію, какъ на дѣло пустое, чужое для нихъ, а на миссіонеровъ, какъ на обскурантовъ и враговъ школы.

Такой взглядъ и незаслуженное отношеніе къ миссиі и миссіонерамъ является не только роковой ошибкой, но и преступленіемъ противъ истины.

* * *

Теперь окинемъ хотя бы бѣглымъ взглядомъ состояніе и жизнедѣятельность нашей внутренней миссиі за истекшія годъ. Внутреннюю миссію можно подраздѣлять на *спеціальную*, которую ведутъ епархіальныя миссіонерскія учрежденія и миссіонерствующія въ епархіяхъ лица, спеціально посвятившія себя этому апостольскому дѣлу, и *приходскую*, главными дѣятелями которой является приходское духовенство.

Въ дѣлѣ организаціи и руководительства епархіальныхъ миссій со стороны высшей церковной власти за истекшія годъ ничего новаго не совершилось. Новыхъ миссій по епархіямъ нигдѣ не открылось, хотя нѣкоторыя—правда немногія—епархіи еще доселѣ не имѣютъ организованныхъ миссій и открытыхъ вакансій епархіальныхъ миссіонеровъ: къ таковымъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, относятся епархіи Смоленская *), Подтавская, Финляндская, Уфимская, Ярославская, Холмско-Варшавская, Иркутская, Енисейская.

Не имѣя для завѣдыванія дѣлами миссиі своего опредѣленнаго центра, подобно, напр., церковно-школьному училищному совѣту, Св. Синодъ въ текущемъ году однимъ изъ своихъ распоряженій выразилъ тенденцію предоставить епархіальныя миссіи всецѣло вѣдѣнію епархіальныхъ преосвященныхъ. Такъ, утверждая ранѣе уставы миссіонерскихъ епархіальныхъ комитетовъ,—таковы комитеты Харьковскій, Подольскій,—въ истекшемъ году Св. Синодъ отклонилъ отъ себя утвержденіе Киевскаго миссіонерскаго комитета, предоставивъ это дѣло усмотрѣнію Киевскаго митрополита.

*) По официальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ въ Смоленской епархіи числится 20 т. расколниковъ и только *одинъ* (?) послѣдователь рационалистич. сектъ; хлыстовъ совсѣмъ не числится.

Такую же тенденцію можно наблюдать и относительно утвержденія миссіонеровъ въ ихъ должностяхъ. Такъ, ранѣе нѣкоторые изъ миссіонеровъ были утверждаемы по представленію преосвященныхъ Св. Синодомъ, бывали случаи, когда Св. Синодъ и отклонялъ утвержденіе представленныхъ кандидатовъ; въ истекшемъ же году, на тѣ же самыя вакансіи преосвященные перемѣщали и утверждали миссіонеровъ своею властію, безъ сношенія съ Синодомъ.

Так. образ. въ истекшемъ году епархіальныя миссіи получили большую свободу и независимость, и нынѣ попеченіе и отвѣтственность за развитіе и успѣхъ миссіонерства всецѣло лежитъ на епархіальныхъ архипастыряхъ. Это обстоятельство имѣетъ свои положительныя, но и отрицательныя стороны, о которыхъ здѣсь не время говорить.

Въ устройствѣ епархіальныхъ миссій и въ личномъ составѣ миссіонеровъ въ истекшемъ году произошли значительныя перемѣны.

Въ Кіевской епархіи, по мысли чуткаго, заботливаго объ успѣхѣ миссіонерскаго дѣла, Кіевскаго митрополита Флавіана, бывшаго нѣкогда миссіонеромъ на Дальнемъ Востокѣ, — изъяты миссіонерскія дѣла изъ вѣдѣнія консисторіи и переданы вновь имъ учрежденному миссіонерск. комитету, во главѣ котораго поставленъ преосвященный ректоръ академіи, епископъ Платонъ. Важная реорганизация епархіальной миссіи произведена также въ грузинскомъ экзархатѣ, гдѣ завѣдываніе миссіонерскими дѣлами принялъ на себя совѣтъ общества возстановленія православія на Кавказѣ, ассигновавшій на дѣла миссіи значительныя матеріальныя средства. Въ Вятской еп., по инициативѣ епископа Никона (нынѣ Владимірскаго), учреждено 14 новыхъ вакансій окружныхъ миссіонеровъ; въ Ставропольской епархіи, — гдѣ миссія служитъ предметомъ особеннаго попеченія со стороны мѣстнаго преосвященнаго Агафодора, — открыты нѣсколько вакансій специальныхъ окружныхъ миссіонеровъ, съ хорошимъ обезпеченіемъ на мѣстныя средства.

Въ личномъ составѣ епархіальныхъ миссіонеровъ произошли въ истекшемъ году значительныя перемѣны. Въ Волынской епархіи, за перемѣщеніемъ прежняго миссіонера о. К. Левицкаго, опредѣленъ на должность миссіонера преподаватель Орловской семинаріи г. Абрамовичъ; въ лицѣ этого новаго дѣятеля миссія приобрѣла человѣка, любящаго миссіонерское дѣло и талантливаго собесѣдника. Въ Костромской епархіи, за смертію миссіонера о. Иванова, на вакансію миссіонера назначенъ священникъ Витебской Единовѣрческой церкви о. Евфимій Зубаревъ — начетчикъ изъ любимыхъ и достойныхъ учениковъ и питомцевъ приснопамятнаго о. Павла Пруссака; въ Московскую епархію на новооткрытую вакансію назначенъ извѣстный миссіонеръ и писатель о. Іоаннъ Полянскій, свернувшій было съ миссіонерскаго пути на педагогическое поприще. Въ курской епархіи на вакансію миссіонера назначенъ свящ.

кандидат богословія о. Шавалеевскій, знакомый уже нашимъ читателямъ по прекраснымъ литературнымъ начинаніямъ, характеризующимъ автора какъ достойнаго миссіонера. Кишеневская епархія лишилась опытнаго и преданнаго дѣлу миссіонера г. Сахарова, перешедшаго на духовно-учебную службу, Тамбовская—миссіонера Сокологорскаго, ушедшаго на службу въ свѣтское вѣдомство. Вакантными числятся миссіонерскія должности: въ Екатеринославѣ (противосектантскаго), Могилевѣ (миссіонеръ ведетъ обѣ миссіи—противосектант. и противораскол.), Оренбургѣ (обѣ миссіи), Ставрополѣ (противораскольничьяго), Черниговѣ (противосектантскаго), Пермѣ (обѣ миссіи), Псковѣ, Твери (обѣ миссіи), Тамбовѣ (противосектант.), Орлѣ (противораскольничьяго), Калугѣ (противораскольничьяго).

Вакантность миссіонерскихъ должностей въ столькихъ епархіяхъ является печальнымъ показателемъ общаго состоянія миссіи, угрожающимъ своего рода кризисомъ нашему дѣлу. Очевидно миссіонеры бѣгутъ съ миссіонерскаго поприща дѣятельности въ виду трудности этого служенія, а главное въ виду безправія и непрочности своего служебнаго положенія и всецѣлой зависимости отъ усмотрѣнія мѣстной власти, а главное—отъ необезпеченности пенсіей на случай инвалидности, бѣдности и смерти. Съ другой стороны нельзя не отмѣтить трудности подысканія на миссіонерскія вакансіи правоспособныхъ подготовленныхъ кандидатовъ. Нѣкоторыя вакансіи остаются незамѣщенными по нѣскольку лѣтъ, такова, напр., вакансія ставропольскаго противораскольничьяго миссіонера—остается незанятою вотъ уже 3—4 года. Между тѣмъ въ этой епархіи расколъ силенъ своею численностью и релігіознымъ броженіемъ происходящимъ въ его нѣдрахъ, съ наклономъ въ сторону Единовѣрія. Не имѣя своего миссіонера, епархіальное начальство вынуждено бываетъ вызывать для бесѣдъ съ раскольничьими начетчиками въ особо важныхъ случаяхъ синодальнаго миссіонера прот. о. К. Крючкова, что представляетъ не мало затрудненій, какъ для епархія, такъ и для самого все-російскаго миссіонера. А главное—такіе миссіонерскіе наѣзды на одну двѣ публичныхъ бесѣды не могутъ достигать цѣли, разъ нѣтъ на мѣстѣ своего постояннаго ратоборца: пріѣзжій миссіонеръ способенъ возбудить интересъ въ раскольничьей массѣ къ вопросамъ вѣры, но безсилень переубѣдить закоренѣлыхъ въ ихъ упованіяхъ, т. к. для этого послѣдняго необходимо систематическое и долгое воздѣйствіе на заблудшихъ чрезъ публичныя и частныя бесѣды и чрезъ другіе способы миссіонерскаго дѣйствованія, что можетъ выполнить только своя постоянная епархіальная миссія, а не заѣзжіе хотя-бы прославленные миссіонеры. А по тому остается пожелать, чтобы въ наступившемъ году вакансіи миссіонерскія въ епархіяхъ не пустовали, а были замѣщены достойными дѣятелями.

* * *

Но гдѣ взять такихъ *достойныхъ*, подготовленныхъ и преданныхъ дѣятелей, когда у насъ доселѣ нѣтъ никакой подготовительной школы, ни научныхъ курсовъ. Получая самыя общія историческія и миссіонерскія свѣдѣнія о расколѣ и сектахъ въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, всѣ наши миссіонеры—не только изъ начетчиковъ, но и изъ ученыхъ людей—въ сущности самоучки-кустари миссіонерскаго дѣла. Необходима настоящая, серьезная научная и практическая миссіонерская подготовка въ нашихъ академіяхъ. Объ этомъ уже поднимался вопросъ на страницахъ нашего журнала въ дневникѣ Православнаго, подъ заглавіемъ „Наши дефекты“. Съ особымъ удовольствіемъ можемъ отмѣтить въ настоящемъ новогоднемъ обзорѣ важную для миссіи новость. Посчастливому предложенію московскаго митрополита Высокопророшеннаго Владиміра, Совѣтъ московской духовной академіи, на одномъ изъ декабрьскихъ своихъ засѣданій, постановилъ открыть при академіи особую сверхштатную *кафедру по обличенію сектантства и по миссіонерству*, на которую предрѣшено пригласить одного изъ извѣстныхъ нашихъ миссіонеровъ полемистовъ. Привѣтствуя этотъ дорогой и многообѣщающій начинъ, какъ нельзя болѣе отвѣчающій на самый жизненный запросъ нашей церковной жизни, мы надѣемся, что такія кафедры будутъ современемъ открыты и при другихъ академіяхъ, что создастъ среди академическихъ воспитанниковъ кадры миссіонеровъ серьезно подготовленныхъ, знающихъ и ревнующихъ о миссіи, какъ дѣлѣ великомъ и трудномъ, а не нынѣшнихъ дилетантовъ-самоучекъ, изъ которыхъ только *избранные* и самоотверженные препобѣждаютъ всѣ препоны и остаются на миссіонерскомъ тернистомъ пути долго, какъ перодовые бойцы за истину православія и руководители пастырства въ дѣлѣ борьбы съ расколо-сектантами. Помоги имъ Богъ устоять дольше, дабы не осталось наше обширное, полное терній, поле совѣмъ безъ жнецовъ.

* * *

Обращаясь за симъ къ дѣятельности *спеціальной миссіи*, мы должны сказать, что въ истекшемъ году дѣятельность эта была болѣе, чѣмъ когда либо, *напряженною*. Причина этого явленія заключается въ боевомъ, возбужденномъ состояніи, какъ сектантства, такъ и раскола.

Сектантство наше, будучи по самому существу своего ученія анти-милитарнымъ, было съ самаго начала года возбуждено и встревожено началомъ военныхъ дѣйствій съ японцами и происходившими въ теченіи года мобилизаціями.

Миссіонерамъ пришлось во многихъ мѣстахъ положить немало труда и усилій на убѣжденіе послѣдователей сектантства относительно исполненія ихъ сынами долга воинской повинности и присяги. Многія жертвы фанатизма спасены миссіонерами отъ напрасныхъ страданій, которыя

ждали по закону уклоняющихся от несенія воинской повинности. Однако, по сообщеніямъ изъ южно-русскихъ центровъ штунды, нѣкоторые изъ запасныхъ сектантовъ уклонились отъ призыва на дѣйствительную военную службу, бѣжавъ вмѣстѣ съ евреями за границу; извѣстно нѣсколько печальныхъ случаевъ отказа со стороны взятыхъ на службу сектантовъ взять оружіе въ руки.

Второю причиною повсемѣстнаго возбужденія сектантскаго населенія явилось полное дискредитированіе въ судебныхъ установленіяхъ закона 1894 г. о богомоленныхъ собраніяхъ штунды. Судебныя установленія въ истекшемъ году во всѣхъ случаяхъ неисполненія этого закона оправдывали сектантовъ, привлекаемыхъ полиціей къ отвѣтственности. Потерявъ давно свою силу, благодаря кассационнымъ ограниченіямъ Сената, въ послѣдніе годы законъ 1894 г. приносить дѣлу миссіи больше вреда, чѣмъ пользы, и на миссіонерскихъ собраніяхъ давно раздаются голоса въ пользу отмены этого безсильнаго, а нынѣ и безцѣльнаго закона. При рѣшеніи настоящаго вопроса, необходимо только имѣть въ виду появленіе въ штундѣ болѣзненнаго невропатическаго религіознаго броженія съ болѣе вреднымъ въ санитарно-общественномъ отношеніи. Такова напр. малеванина и разныя формы хлыстовщины.

Наконецъ, новыя либеральныя вѣянія въ правительственныхъ сферахъ второго полугодія истекшаго года и газетныя толки о свободѣ совѣсти не могли также не дать своего отклика и въ сектантской средѣ, въ смыслѣ усиленія броженія. И мы въ концѣ года получали свѣдѣнія объ усиленіи сектантскаго броженія во всѣхъ его центрахъ, особенно же на югѣ Россіи, что обязывало миссію усиленно работать въ интересахъ пресѣченія дальнѣйшаго развитія зла и огражденія православнаго населенія отъ соблазна и невольныхъ колебаній.

Штунда въ истекшемъ году оставалась, по силѣ своего прозелитизма, самою боевою сектою; она не переставала пролагать себѣ путь впередъ, проникая въ томъ или въ другомъ количествѣ въ новыя мѣста и районы. Но при этомъ миссіонерскими наблюденіями устанавливается чрезвычайно важное для дѣятелей миссіи слѣдующее обстоятельство: во всѣхъ старыхъ очагахъ южно-русская штунда претерпѣваетъ глубокое потрясеніе, перерождаясь и въ догмѣ и въ культѣ, а вѣрнѣе сказать—*сражаясь* въ разныя уродливыя и особо вредныя секты. Такъ напр., ни въ Кіевѣ, ни въ юго-западномъ краѣ, *чистой традиціонной* вѣрующей во Христа Спасителя и Его божественное слово—Библию—штунды въ наличности осталось очень немного. Куда же дѣвалась штунда? Болѣе всего ее захватило такъ называемое малеванское мистическое движеніе. Малеванина въ истекшемъ году проникла въ многія новыя штундовые общины не только въ Кіевской, но и Херсонской, и Харьковской, Екатеринославской губерніяхъ, на Волынь.

Другая часть штунды поглощалась такъ называемымъ *штундо-толстовскимъ* сектантскимъ движеніемъ, безъ вѣры во Христа (Спасителя), съ ея соціаль-демократическими тенденціями и вождельніями.

Движенію этому въ истекшемъ году какъ нельзя болѣе благопріятствовало политиканствующее настроеніе духа времени. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ истекшемъ году наиболѣе ярко выявилось дѣятельное руководство нашимъ народнымъ сектантствомъ въ этомъ именно направленіи со стороны эмигрировавшихъ за границу интеллигентныхъ послѣдователей толстовской секты и агитаторовъ противоравительственныхъ соціаль-демократическихъ партій.

Воздѣйствіе это на сектантскую массу ведется, чрезъ главарей штундовыхъ общинъ, при посредствѣ періодическихъ и повременныхъ изданій заграничныхъ толстовцевъ, присылаемыхъ въ огромномъ количествѣ по адресамъ нашихъ сектантовъ. Листки и брошюры эти почитаются сектантами, потерявшими вѣру во Христа, своего рода, откровеніями, замѣнявшими Библію: руководясь листками, вожаки ведутъ пропаганду въ массѣ путемъ устной проповѣди въ духѣ наставленій своихъ закордонныхъ учителей. Кромѣ извѣстныхъ уже лондонскихъ изданій толстовца Черткова („Свободное лово“, „Свободная мысль“, „Листки свободнаго слова“ и др.), женевскихъ листовъ Бирюкова, въ истекшемъ году за границей стало выходить новое ежемѣсячное изданіе русской соціаль—демократической партіи подъ названіемъ „Разсвѣтъ“. Изданіе это исключительно предназначено для пропаганды идей партіи въ духѣ религіознаго нагизма и политической анархіи, среди русскихъ сектантовъ и раскольниковъ. Партія, считая наши сектантскія общины наиболѣе способными и склонными къ воспріятію идей социализма и государственнаго *новопорядка*, стремится найти въ штундѣ союзниковъ, и основать себѣ базисъ для своей разрушительной работы въ народѣ.

Не оставляютъ въ покоѣ нашу штунду и другія заграничныя трактатныя миссіонерскія книгоиздательства, щедро присылая свою „желтую“ литературу въ раіоны сектантскаго движенія; при посредствѣ такихъ листовъ Базельскаго общества въ южно-русскую штунду проникло, а нынѣ значительно развивается, *субботство*.

Изъ новыхъ явленій въ *сектантствѣ* въ истекшемъ году обращаетъ на себя вниманіе новый толкъ въ хлыстовствѣ, называемый „Новый Израиль“ или „лубковцы“, основателемъ котораго явился нѣкій Василій Лубковъ, по его словамъ, дворянинъ г. Томска, въ дѣйствительности же крестьянинъ Воронежской губерніи. Изъ его подписей подъ посланіями видно, что онъ считаетъ себя „великимъ повелителемъ міра, сыномъ блага Бизона, сыномъ великаго и славнаго Эмира, царемъ царей 21 вѣка, Христомъ-Богомъ“. По его ученію, всѣ лица

ветхозавѣтн. Израиля не были обыкновенными людьми, а были лишь олицетвореніями вѣковъ, при томъ по отношенію къ исторіи хлыстовства. Напр. Мелхиседекъ—18 вѣкъ, Авраамъ—19 вѣкъ и т. д. Нравоченіе его тоже въ этомъ смыслѣ. „Что надобно дѣлать, чтобы превратить царство міра сего въ царство Божіе? Надобно выдти изъ Египта. Что есть Египетъ? Египетъ есть язычество нынѣшняго нашего православнаго міра“... По воззрѣнію хлыстовъ „Новаго Израиля“, все зло—въ священникахъ, миссіонерахъ и вообще властяхъ. Кромѣ „Новаго Израиля“, начинаютъ еще появляться новыя секты. Такъ заявляютъ о себѣ какіе-то „не наша“, „общія“, и др.

Въ истекшемъ году Рязанскій скопческій процессъ доказаль, что живуча еще среди народа и эта изувѣрная секта.

* * *

Въ исторіи *старообрядческаго раскола* истекшій годъ несомнѣнно займетъ видное мѣсто, какъ лѣто въ своемъ родѣ „единственно благоприятное“ для церковной жизни старообрядческаго міра. Какъ извѣстно, въ теченіи послѣдняго пятилѣтія расколъ, въ лицѣ своей боевой секты—„австрійскихъ окружниковъ“, настойчиво и систематически ведетъ внутреннее устроеніе своей старообрядческой „свободной, независимой отъ государственной власти церкви“. Особенно важную роль играли въ этомъ дѣлѣ „всероссійскіе съѣзды раскольниковъ“. Встрѣчая въ прежніе годы ограничительное *трение* въ своихъ дѣйствіяхъ со стороны власти, хитрые раскольничьи дѣльцы съумѣли въ истекшій годъ, воспользоваться испытываемыми правительствомъ тяжкими затрудненіями, въ внѣшней и внутренней политикѣ и, легализировали свои незаконные съѣзды, вырвавъ на нихъ согласіе покойнаго министра Плеве. Раскольничій съѣздъ прошлаго года былъ самымъ чреватымъ по своимъ постановленіямъ. Находя поддержку въ большой печати и сочувствіе въ обществѣ, представители австрійской секты, отъ имени якобы всего угнетеннаго раскола, смѣло въ теченіи всего истекшаго года вели агитацію съ цѣлью добиться предоставленія расколу церковныхъ правъ, наравнѣ если не съ господствующею церковью, то хотя бы съ инославными исповѣданіями. Возвѣщенный правительствомъ „новый курсъ“ во внутренней политикѣ какъ нельзя болѣе окрылилъ духомъ расколоводовъ, высоко нынѣ поднявшихъ свою голову. И они оказались правы въ своихъ ожиданіяхъ новой эры въ своей церк.-бытовой жизни. Высочайшій указъ 12 декабря „о наилучшемъ устройствѣ государственнаго порядка“ § 6 возвѣстилъ „о неуклонномъ душевномъ желаніи Его Величества охранять терпимость въ дѣлахъ вѣры и подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соответствующія мѣры къ устраниенію

въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія“.

Этотъ знаменательный актъ Высочайшаго всемилостивѣйшаго волеизъявленія заставилъ весь расколосектантскій міръ радостно встрепенуться. Духовные руководители и наставники всѣхъ толковъ — не только въ расколѣ, но и въ сектанствѣ—поспѣшили обсудить свои религіозныя нужды и заявить о нихъ правительственной власти. Во время истекшихъ святокъ всюду происходили многочисленныя и оживленныя собранія и совѣщанія русскихъ дессидентовъ, и посланы разныя ходатайства въ Петербургъ. Старообрядцы избрали Москву для своего совѣщанія, которое происходило 30 декабря на Рогожскомъ кладбищѣ. Сюда прибыли извѣстные въ расколѣ представители поповства, во главѣ съ предсѣдателемъ, „всероссійскихъ сѣздовъ“ г. Сироткинымъ, купцомъ нижегородскимъ. Здѣсь же находился и глава бѣглопоповскаго согласія—купецъ Бугровъ. На собраніи присутствовалъ раскольничій архіерей Иннокентій Усовъ. Совѣщаніе было шумное и широкообъщательное. Сначала установлены были нужды, общія для всего раскола старообрядчества. Здѣсь соглашеніе произошло безъ особыхъ споровъ и затрудненій. Но когда дѣло дошло до своихъ особыхъ претензій со стороны того или другого согласія, тогда бысть велія прѣя. По вопросу о распечатаніи рогожскихъ алтарей, представитель бѣглопоповства заявилъ, что Рогожское кладбище и его храмы есть достояніе ихъ „согласія“, а потому, если распечатывать алтари, то подѣ условіемъ передачи бѣглопоповцамъ. При обсужденіи вопроса о признаніи раскольничьей іерархіи, бѣглопоповцы возражали противъ ходатайства о признаніи австрійской іерархіи, а въ противномъ случаѣ требовали включить въ прошеніе ходатайство бѣглопоповцевъ о возстановленіи законовъ, дѣйствовавшихъ при Александрѣ I о бѣгствующемъ священствѣ. Соглашенія между стдѣльными группами раскола не послѣдовало, и тогда рѣшено было, чтобы каждое согласіе подавало отдѣльно отъ себя прошеніе о своихъ нуждахъ.

Безпоповцы поручили составленіе своей петиціи извѣстному московскому адвокату Ѳ. Н. Плевако. Австрійскіе іерархисты сами гораздо писать, и они свою докладную записку уже успѣли опубликовать въ „Нов. Врем.“. Достоинно вниманія то обстоятельство, что у самихъ австрійцевъ-окружниковъ происходитъ разногласіе по вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли домогаться правительственнаго признанія раскольничьей іерархіи.

Многіе высказываются противъ этого домогательства и держатся того мнѣнія, что признаніе это свяжетъ свободу дѣйствій раскольничьихъ архіереевъ и поповъ, они попадутъ подѣ правительственный отчетъ и контроль, сдѣлаются такими же связанными въ свободѣ дѣйствій

какъ духовныя лица другихъ церквей. „Намъ важно обезпечить возможно широкую свободу и права старообрядчеству вообще, и тогда іерархи наши фактически будутъ свободны, а будучи независимы отъ правительства они не понесутъ никакихъ обязательствъ предъ нимъ“. Таковы приблизительно мнѣнія по этому вопросу большинства и. какъ видимъ въ ниже-помѣщаемой запискѣ старообрядцевъ, дѣйствительно, нѣтъ просьбы о признаніи ихъ іерархіи въ сущемъ санѣ.

Въ этомъ случаѣ нельзя отказать раскольничьимъ вождямъ въ своего рода политической проницательности и прозорливости.

Составлена упомянутая особая записка на имя предсѣдателя Комитета министровъ. Записка гласитъ слѣдующее: „дѣйствующее русское законодательство, не исключая и закона 3 мая 1883 г., признавая самостоятельность (подъ извѣстнымъ контролемъ) за иностранными исповѣданіями, совершенно исключаетъ ее по отношенію къ коренымъ русскимъ людямъ-старообрядцамъ, приравнивая ихъ къ сектантамъ-раціоналистамъ, съ которыми старообрядчество не имѣло и не имѣетъ ничего общаго по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ. По мнѣнію членовъ московскаго Собранія, отношенія правящей духовной и свѣтской власти къ старообрядцамъ должны быть не карательными, а умиротворительными, и основываться не на преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ, а на началахъ полной терпимости. Исторія показываетъ, что вѣковыя гоненія и преслѣдованія старообрядцевъ за ихъ убѣжденія не дали желательныхъ результатовъ, т.-е не уменьшили числа старообрядцевъ, напротивъ, эти гоненія укрѣпили послѣдователей старой вѣры въ ихъ убѣжденіяхъ, возвысили гонимыхъ въ глазахъ всего народа, а отсюда получилось то, что старообрядчество не только численно не убыло, а напротивъ увеличилось“.

„Исходя изъ того положенія, что, во первыхъ, область вѣры и совѣсти вообще не можетъ подлежать насилію и принужденію, во-вторыхъ, что старообрядчество по своему вѣро-направленію не разнится отъ господствующей церкви или единовѣрія и, въ-третьихъ, что по своему численному составу оно представляетъ собою обширную вѣроисповѣдную группу, старообрядцы выражаютъ въ запискѣ увѣренность, что въ виду возвышеннаго съ высоты Престола въ манифестѣ 26 февраля 1903 г. и въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря 1904 г. повелѣнія о предначертаніяхъ относительно пересмотра въ числѣ прочаго и дѣйствующихъ узаконеній о старообрядцахъ, правительство не оставитъ безъ удовлетворенія ихъ духовныя нужды и облегчитъ ихъ тягостное и неопредѣленное положеніе дарованіемъ нѣкоторыхъ правъ, гарантирующихъ старообрядцамъ свободу вѣроисповѣданія.

Подлинная записка московскаго собранія заканчивается слѣдующей петиціей:

„Главнѣйшія наши нужды и испрашиваемыя для ихъ удовлетворенія права состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ официальныхъ актахъ и документахъ насъ, старообрядцевъ, именуютъ почему-то „раскольниками“. Словомъ „расколъ“ можно именовать самый фактъ церковнаго разъединенія, происшедшаго при патріархѣ Никонѣ, но не убѣжденія лицъ той или иной изъ двухъ образовавшихся партій; мы считаемъ поэтому наименованіе насъ «раскольниками» крайне для себя обиднымъ и несправедливымъ. Извѣстно, что поводомъ къ церковному раздѣленію послужило исправленіе церковныхъ обрядовъ, въ которомъ нашими ревнителями усмотрѣно было нарушеніе вѣры предковъ; поэтому болѣе справедливымъ будетъ наименованіе насъ «старовѣрами» или «старообрядцами», и мы просимъ официально утвердить за нами это названіе взаимнѣ оскорбительнаго наименованія «раскольникъ».

2) Представляя собою весьма значительную религіозно-общественную группу, состоящую изъ многочисленныхъ приходовъ, мы просимъ и ходатайствуемъ о признаніи повсемѣстно за этими приходами самостоятельнаго существованія, какъ юридическихъ единицъ, съ правомъ пріобрѣтенія и владѣнія недвижимою собственностью, устройствомъ храмовъ, молитвенныхъ домовъ, часовенъ, благотворительныхъ учреждений: богадѣленъ, больницъ, пріютовъ и т. п. Не имѣя этихъ правъ, старообрядческіе приходы вынуждены закрѣплять свои молитвенные дома и благотворительныя учрежденія на имя частныхъ лицъ и тѣмъ самымъ подвергать риску общественное достояніе.

3) Основными законами Россійской имперіи за всѣми подданными признается право свободнаго отправленія богослуженія по обрядамъ своего вѣроученія; это подтверждено и закономъ 3 мая 1883 года по отношенію къ старообрядцамъ; въ силу этого мы ходатайствуемъ о предоставленіи намъ права безпрепятственно открывать храмы, молитвенные дома и часовни съ надлежащаго каждый разъ разрѣшенія стротельнаго отдѣленія губернскаго правленія, и дозволить совершать богослуженія въ тѣхъ храмахъ, которые уже сооружены, но не разрѣшены къ открытію.

4) Мы ходатайствуемъ также объ упорядоченіи важнаго для насъ въ юридически-бытовомъ отношеніи дѣла веденія метрическихъ записей и испрашиваемъ для сей цѣли, чтобы акты состоянія (рожденія, браки, смерти) среди старообрядцевъ въ установленныхъ метрическихъ записяхъ имѣли полную юридическую силу и значеніе, а для сего необходимо, чтобы веденіе метрическихъ книгъ было закономъ возложено на представителей нашихъ приходовъ. Не записанные «раскольники», т.-е. числящіеся православными, но не бывшіе въ теченіи десяти лѣтъ у исповѣди и причастія, имѣли бы право, буде сами того пожелаютъ, безпрепятственно записываться въ установленныя старообрядческія метрическія книги.

5) Крещенымъ въ господствующей церкви, но фактически къ ней не принадлежащимъ и состоящимъ въ старообрядчествѣ, должно быть предоставлено право, при вступленіи въ бракъ, записывать себя, а послѣ и дѣтей своихъ отъ сего брака, въ старообрядческія (метрическія книги, буде изъяснять на то желаніе.

6) Въ виду предоставленія нашимъ дѣтямъ первоначальнаго образованія, мы ходатайствуемъ о томъ, чтобы, во-1-хъ, старообрядческимъ приходамъ были разрѣшены школы грамоты, а равно и училища по программамъ земскимъ и министерства народнаго просвѣщенія съ тѣмъ однако, чтобы уроки Закона Божія и церковнаго пѣнія въ нихъ преподавались старообрядцами; во-2-хъ, освободить старообрядческое юношество отъ слу-

шанія въ существующихъ училищахъ тѣхъ уроковъ по Закону Божию, которые касаются церковнаго раскола и нашихъ разностей въ вѣрѣ, молитвахъ и обрядахъ.

7) Для полнаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ нашихъ одновѣрцевъ и нравственнаго ихъ утѣшенія, мы ходатайствуемъ о томъ, чтобы наши священнослужители, состоящіе въ запасѣ арміи, были освобождаемы отъ призыва на дѣйствительную службу.

8) Въ виду того, что мы, старообрядцы, несемъ всѣ государственныя повинности, почтительнѣйше просимъ предоставить намъ права на общественныя и государственныя должности наравнѣ съ сынами господствующей церкви».

* * *

Въ какой мѣрѣ и формѣ будутъ удовлетворены правительствомъ изложенныя въ запискѣ ходатайства и домогательства расколосектантства—покажетъ будущее. Миссія должна быть готова съ вѣрою въ необходимость Церкви встрѣтить новыя времена въ своей дѣятельности при новыхъ законахъ. Новое направленіе правительства и закона въ отношеніи расколосектантства должно главнымъ образомъ отразиться на *пастырской Церковно-приходской мисіи*.

Главный смыслъ и назначеніе ограничительныхъ законовъ правительственной власти въ отношеніи раскола и сектъ, съ мисіонерской точки зрѣнія, заключается въ томъ, чтобы задержать фанатизмъ и ростъ пропаганды лжеученій и дать Церкви подготовить свои силы и средства для борьбы собственными духовными—единственно дѣйствительными—мѣрами и средствами.

Таково было, между прочимъ, назначеніе закона 1894 г. о штундовыхъ собраніяхъ. Что же, подготовилась за 10—лѣтъ дѣйствія закона *пастырская приходская противощтундовая миссія*, на которой главнымъ образомъ покоится успѣхъ борьбы съ религіозными лжеученіями?

Конечно, въ этотъ смыслъ многое сдѣлано, особенно при посредствѣ епархіальныхъ и окружныхъ мисіонерскихъ съѣздовъ. Теперь приходское духовенство далеко не такъ неспособно, какъ это было ранѣе, 20—10 лѣтъ назадъ, когда штунда налетѣвшая на приходы, какъ вихорь, одинаково ставила въ тупикъ и пастыря и пасомыхъ.

Къ сожалѣнію, въ послѣдніе два года, въ дѣлѣ мисіонерской подготовки духовенства наблюдается нѣкоторое затишье, которое такъ часто бываетъ предъ бурей. Однако въ истекшемъ году мисіонерскіе пастырскіе съѣзды и собранія дѣйствовали въ епархіяхъ Харьковской, Херсонской, Кіевской.

Въ послѣдней епархіи мисіонерскіе окружные съѣзды приняли форму пастырскихъ мисіонерскихъ курсовъ. Принявъ участіе на одномъ изъ такихъ курсовъ (Сквирскомъ) въ истекшее лѣто, мы вынесли самыя лучшія наблюденія относительно огромной и ничѣмъ незамѣнимой пользы этихъ учрежденій.

Что касается отношенія къ расколу приходской пастырской миссіи, то въ этомъ отношеніи доселѣ непреодолимо тяготеетъ на нашемъ духовенствѣ какая-то вѣковая апатія, отсутствіе живого интереса къ литературѣ противораскольничьей, хотя она въ послѣднее время стала и интереснѣе, и содержательнѣе противосектантской, и къ дѣлу противораскольничьей миссіи. Въ этомъ отношеніи позволительно сказать, что „новая эра“ въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ застаётъ приходскую противораскольничью миссію далеко неподготовленною.

* * *

Благопріятно сложившіяся въ истекшемъ году для раскольниковъ внѣшнія обстоятельства дали имъ возможность заняться больше и внутренними дѣлами. Главнѣйшій предметъ этого послѣдняго былъ объединеніе раскола. Одна изъ попытокъ къ объединенію имѣла истекшемъ году мѣсто среди Черниговскихъ поповцевъ. На двухъ соборахъ, бывшихъ въ іюнѣ и ноябрѣ 1903 г., происходило совѣщаніе о примиреніи окружниковъ и противокружниковъ, и на послѣднемъ состоялось постановленіе, въ началѣ котораго говорится, что собравшіеся „пришли къ благой мысли имѣть между собою миръ Христопреданный, по Евангелію... каковый миръ нарушенъ былъ чрезъ изданіе окружнаго посланія въ 1862 г.“. Въ 1-й статьѣ постановленія говорится: „1) Всѣ послѣ изданія окружнаго посланія бывшія новыя соборныя постановленія или сомнѣнія укорительныя и тому подобныя другъ противъ друга оставить въ забвеніи, безъ всякаго руководства ими, и чтобы впредь руководствоваться только св. Евангеліемъ и ученіями св. апостоловъ и св. отецъ, бывшихъ на семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборахъ и прочихъ святыхъ книгъ, согласныхъ одному ученію и изданныхъ до патр. Никона; 2) окружное посланіе, изданное изъ Москов. духовнаго совѣта 1862 г. какъ и уничтоженное самими его издателями, такъ какъ многіе православные христіане не постигаютъ смысла состава его, претыкаются о камень соблазна и повреждаются такъ совѣстію: то мы симъ нашимъ опредѣленіемъ уничтожаемъ оное“.

Однако въ шестой статьѣ этого же постановленія говорится, что одна сторона признаетъ пятую просфору за державнаго царя приносить, а другая сторона на это не соглашается. И этотъ пунктъ возбудилъ особенно жаркія пренія на третьемъ соборѣ, собравшемся въ прошломъ году изъ участниковъ всѣхъ толковъ въ зашт. городкѣ Ново-Бѣлицѣ Могил. губ. для утвержденія состоявшагося примиренія. На этомъ соборѣ присутствовало до 30 поповъ и два лже-епископа—Иннокентій Усовъ и Михаилъ Новозыбковскій. Противокружники упорно стояли на томъ, что приносить просфору за еретика, кто бы онъ ни былъ, есть тяжкій грѣхъ. И съ собора участники разъѣхались, еще болѣе поссорившись.

Особенно же объединенію старообрядцевъ мѣшаетъ непріязнь, даже прямо какая-то ненависть къ поповцамъ со стороны безпоповцевъ. Ихъ главные вожди, особливо же слѣпецъ Коноваловъ, стараются на каждомъ шагѣ обругать, высмѣять поповщину. Кромѣ этого начетчика, у безпоповцевъ явились еще новыя свѣтила. Въ особенную славу входитъ къто Ав. Тр. Кузнецовъ. Понятно становится стремленіе поповцевъ распространить свою миссію среди безпоповцевъ. Усилія ихъ достигаютъ успѣховъ; эти успѣхи замѣтны въ Петербургской, Нижегородской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ.

* * *

Въ истекшемъ году изъ немногочисленнаго состава епархіальныхъ противораскольничьихъ миссіонеровъ неумолимая смерть унесла двухъ достойнѣйшихъ дѣятелей и ветерановъ миссіи:—скончались пермскій миссіонеръ прот. о. Луканинъ и Калужскій миссіонеръ о. Дударевъ.

Убѣжденные и ревностные, они вѣрою и правдою и съ великою пользою послужили дѣлу вразумленія заблудшихъ братій. Нерукотвореннымъ памятникомъ миссіонерства о. Луканина служитъ основанный имъ миссіонерско-Бѣлогорскій монастырь и тысячи приведенныхъ имъ въ лоно Церкви. Покойный о. Дударевъ, несмотря на то, что самъ былъ обращенный изъ раскола начетчикъ, отличался огромною терпимостью, сердечностью и гуманностью при веденіи увѣщаній и былъ любимымъ и уважаемымъ среди бывшихъ единовѣрцевъ своихъ миссіонеровъ. Миръ праху почившихъ тружениковъ! Оба сошли съ земного поприща бѣдняками, оставивъ необеспеченныя семьи.

* * *

Въ послѣдніе годы сама жизнь выдвинула особый видъ миссіи среди интеллигенціи. Въ истекшій годъ дѣятельность этой миссіи выразилась въ организованныхъ во многихъ городахъ особыхъ чтеніяхъ, лекціяхъ и бесѣдахъ для интеллигенціи. Рядъ такихъ чтеній былъ организованъ въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ, Житомирѣ. Кромѣ того въ столицѣ и въ другихъ центрахъ духовной жизни начали организовываться весьма симпатичныя семейныя кружковыя бесѣды по вопросамъ вѣры при участіи духовенства. Особенный успѣхъ такія бесѣды имѣли въ Петербургѣ, благодаря неутомимой дѣятельности одного изъ свѣтскихъ ревнителей православія, тайнаго совѣтника Ал. Ив. Максимова, скончавшагося 30 октября. Въ слѣдующій разъ мы долгомъ сочтемъ подробно вспомнить этого преданнаго идеѣ миссіи среди интеллигенціи савоннаго соработника-добровольца. А теперь пожелаемъ вочившимъ дѣятелямъ и ревнителямъ миссіи вѣчной памяти, а живымъ—добраго, бодрого, благоплоднаго дѣланія въ наступившемъ новолѣтіи во славу православія, на пользу Церкви и отчизны!

В. Скворцовъ.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

Царское слово къ рабочимъ.

Его Величество Государь Императоръ въ среду, 19-го сего января, осчастливилъ депутацію рабочихъ столичныхъ и пригородныхъ заводовъ и фабрикъ въ Александровскомъ Дворцѣ въ Царскомъ Селѣ слѣдующими милостивыми словами:

„Я вызвалъ васъ для того, чтобы вы могли лично отъ Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашимъ товарищамъ.

Прискорбныя событія съ печальными, но неизбежными послѣдствіями смуты, произошли отъ того, что вы дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей Родины.

Приглашая васъ идти подавать Мнѣ прошеніе о нуждахъ вашихъ, они поднимали васъ на бунтъ противъ Меня и Моего Правительства, насильственно отрывая васъ отъ честнаго труда въ такое время, когда всѣ истинно-русскіе люди должны дружно и не покладая рукъ работать на одолѣніе нашего упорнаго внѣшняго врага.

Стачки и мятежныя сборища только возбуждаютъ безработную толпу къ такимъ безпорядкамъ, которые всегда заставляли и будутъ заставлять власти прибѣгать къ военной силѣ, а это неизбежно вызываетъ и неповинныя жертвы.

Знаю, что не легка жизнь рабочаго. Многое надо улучшить и упорядочить, но имѣйте терпѣніе. Вы сами по совѣсти понимаете, что слѣдуетъ быть справедливымъ и къ вашимъ хозяевамъ и считаться съ условіями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять Мнѣ о своихъ нуждахъ—преступно.

Въ попеченіяхъ Моихъ о рабочихъ людяхъ озабочусь, чтобы все возможное къ улучшенію быта ихъ было сдѣлано и чтобы обезпечить имъ впредь законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ.

Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ.

Теперь возвращайтесь къ мирному труду вашему, благословясь принимайтесь за дѣло вмѣстѣ съ вашими товарищами и да будетъ Богъ вамъ въ помощь“.

Голосъ Церкви по поводу послѣднихъ горестныхъ событій въ жизни отечества.

І. Посланіе Св. Синода.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СИНОДЪ

возлюбленнымъ чадамъ святой Православной Все-
россійской Церкви.

*Благодать Господа нашего Иисуса
Христа и любви Бога и Отца и при-
частіе Святаго Духа буди со всѣми
вами.*

Великимъ бѣдствіемъ посѣтилъ Господь наше дорогое Отечество. Вотъ уже скоро годъ, какъ Россія ведетъ съ язычниками кровопролитную войну за свое историческое призваніе насадительницы христіанскаго просвѣщенія на Дальнемъ Востокѣ, за честь и достоинство, поруганныя неожиданно-дерзкимъ нападеніемъ врага. Какъ ни отклонялъ отъ Себя эту войну исполненный миролюбія Благочестивѣйшій Государь нашъ, но война была навязана Россіи. Тяжкое испытаніе Божіе надлежало бы принять всѣмъ съ сознаниемъ своихъ грѣховъ, съ чувствомъ покаянія, въ смиреніи предъ неисповѣдимыми путями Промысла Божія о Россіи. Но многіе, въ своей гордости и самонадѣянности, думали легко и скоро побѣдить врага.

И вотъ начинаются тягчайшія испытанія нашей вѣры, нашего смиренія.

Христолюбивое воинство наше явило міру чудеса храбрости и терпѣнія въ отдаленной и чуждой странѣ. Не взирая на доблесть героевъ-защитниковъ, пала твердыня наша на Дальнемъ Востокѣ—крѣпость Портъ Артуръ и, по волѣ Божіей, не насталь еще конецъ борьбы, на которую должны быть собраны всѣ народныя силы.

Въ столь тяжкомъ испытаніи, постигшемъ возлюбленное наше Отечество, всѣ сыны его, отъ мала до велика, отъ вельможи до простолюдина, должны бы явить горячую вѣру въ Бога, излить пламенныя молитвы ко Господу, омыть грѣхи свои слезами покаянія, единодушно встать на защиту Вѣры, Царя и Отечества,

принявъ, по слову святаго апостола, *всеоружіе Божіе, дабы противостать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять* (Ефес. IV, 13). Но вотъ новое испытаніе Божіе, горе, горшее перваго, посѣтило наше возлюбленное Отечество.

Въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи начались стачки рабочихъ и уличныя безпорядки. Люди русскіе, искони православные, отъ лѣтъ древнихъ навывшіе стоять за Вѣру, Царя и Отечество, подстрекаемые людьми злонамѣренными, врагами Отечества домашними и иноземными, десятками тысячъ побросали свои мирныя занятія, рѣшились скопомъ и насиліемъ добиваться своихъ будто бы поправныхъ правъ, причинили множество безпокойствъ и волненій мирнымъ жителямъ, многихъ оставили безъ куска хлѣба, а иныхъ изъ своихъ собратій привели къ напрасной смерти, безъ покаянія, съ озлобленіемъ въ сердцѣ, съ хулою и бранью на устахъ. Преступные подстрекатели простыхъ рабочихъ людей, имѣя въ своей средѣ недостойнаго священнослужителя дерзновенно поправшаго святыя обѣты и нынѣ подлежащаго суду церкви, не устыдились дать въ руки обманутымъ ими рабочимъ насильственно взятыя изъ часовни честный крестъ, святыя иконы и хоругви, дабы, подъ охраною чтимыхъ вѣрующими святынь вѣрнѣе вести ихъ къ безпорядку, а иныхъ и на гибель. Всего прискорбнѣе, что происшедшіе безпорядки вызваны и подкупамъ со стороны враговъ Россіи и всякаго порядка общественнаго. Значительныя средства присланы ими, дабы произвести у насъ междоусобицу, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, затруднить снабженіе дѣйствующей арміи всѣми необходимыми для нея припасами и тѣмъ навлечь на Россію неисчислимыя бѣдствія. Врагамъ нашимъ нужно расшатать твердыни наши—вѣру православную и самодержавную власть царскую. Ими Россія жива, на нихъ возросла и окрѣпла и безъ нихъ погибнетъ.

О, горе великое! Люди русскіе, христіане православные встаютъ противъ законной власти, враждуютъ другъ противъ друга, въ то время, какъ ихъ братья сражаются на Дальнемъ Востокѣ, въ то время, когда Государь нашъ и Государыни Императрицы неусыпно заботятся объ облегченіи тяжелой доли больныхъ и раненыхъ воиновъ, пострадавшихъ за славу Родины... Подумайте, возлюбленные братія, какое тяжкое горе причиняется симъ Вѣнецосному Вождю земли Русской, какая скорбь омрачитъ души нашихъ мужественныхъ воиновъ, когда они услышатъ о нестройніяхъ внутри Отечества, въ самой столицѣ его, какую силу дастъ наша рознь врагамъ нашимъ.

Но, воистину, не по беззаконіямъ нашимъ творить намъ Господь и не по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ. Видимъ въ сихъ испытаніяхъ Божіихъ благодѣющую намъ Десницу Всевышняго: *Егоже бо любитъ Господь, наказуетъ*. Онъ, премилосердный, наказуетъ насъ, дабы всѣ мы не погибли въ конецъ, но пришли къ покаянію.

Святѣйшій Синодъ, скорбя о пагубныхъ нестроеніяхъ въ современной жизни русскаго народа, именемъ Святой Матери — Церкви Православной умоляетъ всѣхъ чадъ ея: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Петр. I, 17) и *всякой власти, отъ Бога поставленной, повинуйтесь* (Римл. XIII, 1).

Пастыри святой Православной Церкви! *Проповѣдуйте слово, настойте благовременно и безвременно, обличайте, запрещайте, умоляйте со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. IV, 2), и образы бывайте *вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12).

Власть имущіе! *Ищите правды, спасайте угнетеннаго, защитите сироту, вступайтесь за вдову* (Ис. I. 16—17).

Богатые! *Не уповайте на богатство невѣрное, но на Бога живаго, благодѣтельствуйте, богатѣйте добрыми дѣлами, щедростію и милосердіемъ* (1 Тим. VI, 17).

Труженики земли Русской, люди рабочіе! Трудитесь по заповѣди Господней въ потѣ лица своего, памятуя, что нетрудящійся недостоинъ и пропитанія. Берегитесь вашихъ ложныхъ совѣтниковъ, подъ видомъ радѣнія о вашихъ нуждахъ и пользахъ добывающихся безпорядка, лишаящихъ васъ крова и пропитанія. Они суть пособники или наемники злого врага, ищущаго разоренія земли Русской.

Возлюбленные о Господѣ чада Святой Православной Всероссійской Церкви! Святѣйшій Синодъ, уповая, что вы запечатлѣете въ сердцахъ вашихъ преподанное нынѣ слово праваго ученія, призываетъ на васъ апостольское благословеніе.

Милость вамъ и миръ и любовь да умножатся (1уд. I, 2).

Смиренный *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиренный *Владиміръ*, митрополитъ московскій и коломенскій.

Смиренный *Флавіанъ*, митрополитъ кievскій и галицкій.

Смиренный *Николай*, архіепископъ финляндскій и Выборгскій.

Смиренный *Климентъ*, епископъ винницкій.

С.-Петербургъ.

14-го января 1905 года.

II. Слово преосвященнаго Антонина епископа нарвскаго.

(Сказано 26-го декабря въ Казанскомъ Соборѣ предъ панихидой по воинамъ, павшимъ при защитѣ Портъ-Артура.)

„Въ часъ сей мнѣ слышенъ скорбный голосъ пророка Іереміи: „Кто дастъ головѣ моей воду и глазамъ моимъ источникъ слезъ! Я плакалъ бы день и ночь объ убитыхъ народа моего (Іер. 9, 1)“. Твердыня достоянія нашего ниспровержена, городъ опустошенъ и зданія въ развалинахъ. Въ разсѣлинахъ скаль и въ пучинѣ морской погребены тысячи нашихъ невинныхъ братьевъ. Звѣзда праздника возшла для насъ не въ сіяніи радости, а во мглѣ оцѣпенѣвающей скорби. Еще дыматся остатки погребеннаго города, а Золотая гора его, гдѣ развѣвалось наше знамя крестотнынѣ — памятникъ, на которомъ персть Божій написалъ прегрѣшенія однихъ и мученичество другихъ. Наши отцы и братья, доблестные воители, достохвальныя страдальцы за родину, почти годъ выдерживали вражьи натиски, дни и ночи не знали отдыха въ героическихъ, сверхчеловѣческихъ ратныхъ трудахъ, въ голодѣ, лишеніяхъ, болѣзняхъ, ужасахъ и изнеможеніи. Львами поднимались они противъ врага, но у нихъ слабосильны были зубы и когти для обороны, и они стали овцами, обреченными на закланіе. Такъ зимою собрано только то, что посѣяно лѣтомъ. Предъ лицомъ вселенной мы явились съ дѣлами своими. Ударъ невидимой десницы полагаетъ неотвратимое мщеніе. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ бичъ Божій ударилъ на насъ съ моря, чтобы растаяли наши сердца, и страна свергла оковы тѣлеснаго рабства. Отъ моря пришелъ гнѣвъ Божій и нынѣ за тѣмъ, чтобы рассыпался пережитокъ тѣхъ дней—порабощенность духа.

Кровію братій нашихъ, безропотныхъ страдальцевъ за родину, насытилась земля и обагрилось море, а небо закрылось пеленою нашего позора.

Господи, приѣмли же цѣну столькихъ страданій и потребленныхъ отъ насъ жизней во облегченія житія оставшихся. Буря бѣдствій да перемѣнится въ дуновение утѣшенія. Чайніемъ лучшихъ дней для всѣхъ насъ да укрѣплятся силы борющихся и озарятся упованія умирающихъ. Усѣченные же мечомъ смерти на поляхъ бранныхъ, мы молимся о нихъ, да явятся предъ Тобою въ правдѣ и да встанутъ всѣмъ сонмомъ своимъ въ смягченіе нашихъ душъ, во умилоствленіе и откровеніе очесъ, назидующихъ земной нашъ жребіи!“

(„Н. Д.“).

III. Слово епископа Сергія о событіяхъ 9 января.

День тотъ да будетъ тьмою... и
ночь та—да обладаетъ ею мракъ, да
не сочтется она во днѣхъ года, да не
сойдетъ въ числа мѣсяца (Іов. 3, 4-6).

О, если бы не было этого дня въ нашей исторіи!.. Толпы рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ (забастовало, говорятъ, до 140,000), съ женами и дѣтьми, съ крестнымъ ходомъ пошли ко дворцу, къ Государю, какъ они говорили, а войска встрѣтили ихъ ружейными залпами. На улицахъ столицы началась братоубійственная распря и полилась кровь виновныхъ и невинныхъ. Убито (по правительственному сообщенію отъ 11 числа) 96 человѣкъ, ранено 338, не считая, конечно, многихъ другихъ, не вошедшихъ въ регистрацію. По рассказамъ, есть убитыя дѣти, есть женщины, есть простые зрители, совершенно случайно попавшіе подъ зарядъ... Плачетъ теперь наша столица, какъ древняя Рахиль, „о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“.

И не на комъ искать ихъ пролитой крови!.. Виновать ли доврчивый народъ, въ жизни котораго всегда есть много неурядицъ, лишений и обидъ и которому всегда есть съ чѣмъ пойти и просить себѣ милости и защиты, виновать ли онъ, что и на этотъ разъ собрался и пошелъ просить о своихъ нуждахъ?

Но въдъ ему говорили: „пойдемъ къ Царю, какъ дѣти къ отцу, расскажемъ Ему наши нужды, поищемъ помощи и правды“. А какое русское сердце не откликнется на этотъ призывъ? У кого изъ русскихъ не захватитъ духъ отъ этой умилительной картины? Неповиненъ народъ, что его самозванные заправила этой просьбой его прикрывали свои вождельнія.

Съ другой стороны, виноваты ли и защитники порядка, что имъ, отборнымъ царскимъ полкамъ, украшеннымъ побѣдными лаврами прошедшихъ кампаній, выпала печальная доля стрѣлять въ безоружную толпу и обагрять родную землю братскою кровію неповинныхъ людей? Иного исхода они уже не видѣли и, можетъ быть, такой ужасной цѣной предотвратили нѣчто большее и худшее.

Никому не нужна была эта кровь, только враги Царя и Россіи могли радоваться ея пролитію, а она всетаки пролилась!

Совершилось нѣчто ни съ чѣмъ несообразное, всѣмъ прискорбное и отвратительное, нѣчто ужасное по самой своей роко-

вой неизбѣжности; просто кара Божія обрушилась на насъ, чтобы къ бѣдствіямъ и неудачамъ внѣшней войны прибавить и это кровавое пятно...

Господи, спаси Царя, спаси Россію; не прогнѣвайся на ны дѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ!

IV. Епископскій призывъ къ молитвѣ о несчастныхъ жертвахъ рабочей смуты.

Прощенный день, 19-го января, да дастъ свой отблескъ и душамъ тѣхъ, кто 9-го января видѣлъ солнце послѣдній разъ и можетъ быть тоскливо жаждетъ примиренья съ нами. Въ дни пережитаго смятенія роковой ударъ смерти похищаль изъ среды насъ не только тѣхъ, кто жаждалъ крови, но и такихъ, кто сердцемъ былъ далекъ отъ всякой смуты. Принявшіе въ оный злосчастныи день смерть на улицахъ нашего города нашли общее мѣсто упокоенія, но не всѣ гробы ихъ могутъ быть накрыты покровомъ осужденія. Могильные холмы сдавили не одни сердца, стремившіяся къ цѣли путями неозволенными, но подъ ними легли и запальчивая недостаточность разума и люди полной чистоты, захваченные вихремъ возбужденія. Между убитыми не всѣ отвѣтственны. Меньше преступныхъ, больше несчастныхъ. Души послѣднихъ взяты отъ насъ по невѣдомому для насъ смотрѣнію Бога, чтобы мы, видя невинную кровь, смирились предъ огненнымъ оружіемъ ангела смерти. Мы не чуждаемся ихъ чувствомъ своимъ, но обнимаемъ ихъ молитвенною любовію. Они убиты, но не опозорены, дабы мы не отвращали сердецъ своихъ отъ нихъ, но могли сотворить молитвенную память о нихъ, оплакивая ихъ бѣдственный жребій. Богъ отмщеній взвѣситъ дѣло каждаго изъ нихъ и воздастъ имъ независимо отъ нашихъ мнѣній и приговоровъ. Въ крови невинныхъ да растворится и омоется отверженіе виновныхъ. Въ сознаніи безвинности многихъ умершихъ, съ миромъ въ душѣ, а не съ опаскою и осторожностію приникнемъ къ ихъ плачевнымъ могиламъ; молитва пусть уладитъ отшествіе однихъ и скорбь и воздыханія живыхъ.

Антонинъ, епископъ нарвскій.

20-го января 1905 г. Невская Лавра.

Болѣзнь и соборованіе отца Іоанна Кронштадтскаго.

Около мѣсяца болѣеть о. Іоаннъ Кронштадтскій, и вотъ хотя, здорѣе нашего глубококочимаго и любимаго всею Россіею маститаго старца не ухудшалось до угрожающаго положенія, тѣмъ не менѣе, какъ глубоко вѣрующій и вѣрный св. церкви и ея завѣтамъ, онъ пожелалъ приобщиться святыхъ таинъ и пособороваться.

2 января ключарь Андреевскаго собора, протоіерей о. А. П. Поповъ, получилъ отъ отца Іоанна слѣдующее письмо:

„Ваше высокопреподобіе!

Достопочтеннѣйшій собратъ, отецъ Александръ Петровичъ. Пришло мнѣ на мысль принять святое Таинство елеосвященія по чину святой церкви, которое и прошу соборную братію совершить завтра, послѣ поздней литургіи, взявъ съ собою изъ храма святыя дары въ потирѣ. При этомъ моя покорная просьба всей братіи совершить св. Таинство, громко выговаривая все, чтобы я могъ слышать, чувствовать и молиться вмѣстѣ съ вами“.

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ.

2 января 1905 года.

Получивъ это письмо, о. А. П. Поповъ пригласилъ къ себѣ всю соборную братію и объявилъ имъ быть готовымъ всѣмъ съ діаконами служить въ совершенствѣ соборную литургію съ выносомъ святыхъ даровъ при торжественной процессіи, съ запрестольнымъ крестомъ изъ храма въ квартиру о. Іоанна.

3 января, въ 9 ч. 15 м. дня, началась Божественная литургія. Служилъ А. П. Поповъ съ 4 протоіереями и священниками, при 3 соборныхъ діаконахъ.

Всѣ были въ самомъ блестящемъ облаченіи.

Послѣ окончанія литургіи, соборный причтъ при колокольномъ звонѣ отправился слѣдующей процессіей изъ собора, при многочисленныхъ молящихся, на квартиру о. Іоанна.

Впереди шли пѣвчіе, пѣвшіе канонъ: „Воскресенія день“, за ними фонарь, за нимъ запрестольный крестъ несли два псаломщика въ стихаряхъ со свѣчами, діаконъ несъ просфору и теплоту изъ храма, да еще два въ рядъ священники шли съ евангеліемъ и крестомъ. Процессію заключалъ протоіерей А. П. Поповъ съ чашею св. даровъ въ ругахъ, поддерживаемый двумя діаконами.

Эту процессію сопровождала огромнѣйшая толпа народа и богомоль. Рыданія, слезы и причитанія стономъ стояли въ воздухѣ. Улица

передъ квартирой о. Іоанна была загорожена тысячей людей, стоявшихъ безъ шапокъ и молившихся о здравіи о. Іоанна.

При вступленіи на лѣстницу священнослужители заплѣли: „Вечери Твоя тайныя“. А затѣмъ вошли въ спальню о. Іоанна, гдѣ былъ приготовленъ столъ для соборованія.

Отецъ Іоаннъ всталъ, принявъ чашу изъ рукъ своего помощника А. П. Попова и приобщился св. Христовыхъ Тайнъ.

Послѣ этого начался чинъ елеосвященія при 7 протоіеряхъ и іеряхъ.

Пѣли сами іереи и діаконы съ псаломщиками. Пѣто и читаемо было все безъ опущеній, по желанію самого болящаго, который, приобщившись стоя, во время соборованія лежалъ на одрѣ болѣзни.

Канонъ и первое евангеліе читалъ о. А. П. Поповъ, остальные же 6 евангелій и помазаній совершили остальные протоіереи и іереи. Во время молитвъ съ улицы неслись въ квартиру рыданія и вопли толпы, а также и плачь тѣхъ изъ почитателей о. Іоанна, которымъ удалось пробраться въ квартиру о. Іоанна за процессіей.

Трогательна и незабвенна была картина, когда съ молитвой всѣ священники возложили евангеліе на голову о. Іоанна.

Сердце обливалось кровью,—пишетъ „Котлинъ“, — слезы набѣгали на глаза при видѣ маститаго нашего молитвенника, ослабѣвшаго физически, но бодрого духомъ, удивительно смиренно и покорно переносящаго свой тяжелый недугъ.

Послѣ отпуста многоуважаемый А. П. Поповъ обратился къ отцу Іоанну и сказалъ:

„Высокопреподобнѣйшій отецъ протоіерей, достославнѣйшій собратъ!

Отъ лица всего священнаго собора съ земнымъ поклономъ приношу тебѣ поздравленіе съ приобщеніемъ св. Христовыхъ Тайнъ и твердо вѣрю, что по словамъ апостола, „молитва вѣры спасетъ болящаго“, Господь воздвигнетъ тебя съ одра болѣзни на радость и на плодотворнѣйшее сослуженіе съ нами въ Андреевскомъ соборѣ на многіе и многіе годы.

Не могу выдержать тѣхъ слезъ, которыя слышны изъ окна. Не могу не исполнить тѣхъ завѣтныхъ пожеланій жителей города Кронштадта, которые просили меня принести тебѣ отъ нихъ поздравленія ихъ. Они до сихъ поръ не могутъ помириться съ мыслью, что такъ давно не видятъ тебя и желаютъ, чтобы Господь воздвигъ тебя, дѣятеля ихъ спасенія. Ихъ любовь къ тебѣ и твоя къ нимъ—такъ тѣсны, что нельзя представить тебя разлученнымъ отъ нихъ ни теперь, ни въ будущемъ. Недаромъ молва назвала тебя Кронштадтскимъ“.

Отецъ Іоаннъ благодарилъ о. Александра, благодарилъ всѣхъ, расцѣловался и простился со всѣми. Послѣ чего процессія въ томъ же

порядкѣ при колокольномъ звонѣ вернулась въ соборъ, гдѣ о. ключарь снова сказалъ народу горячее проникновенное слово о любимомъ дорогомъ отцѣ Иоаннѣ.

О священникѣ Гапонѣ.

(Письмо секретаря митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго.)

Въ выдержкѣ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, напечатанной въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“ „Новаго Времени“ (№ 10,370), говорится что о. Гапонъ получилъ отъ митрополита Антонія „благословеніе и поощреніе“... На какой предметъ, ясно не сказано, но текстъ указанной выдержки можетъ дать основаніе думать, что на руководительство въ с.-петербургскомъ обществѣ русскихъ рабочихъ.

Въ дѣйствительности же о. Гапонъ не только не получилъ на это благословенія отъ митрополита, но предсѣдательство въ обществѣ рабочихъ ему владыкою лично было рѣшительно запрещено...

Когда изъ газетъ стало извѣстно, что о. Гапонъ въ движеніи рабочихъ принимаетъ дѣятельное участіе, тотчасъ-же послѣдовало распоряженіе потребовать отъ него объясненія. Потомъ для ускоренія дѣла въ пятницу, 7 января, онъ былъ приглашаемъ къ митрополиту для личнаго объясненія, но ни самъ онъ къ нему не явился, ни письменнаго отзыва не прислалъ.

„Сонмъ духовныхъ“ въ несчастный день 9 января былъ при отправленіи своихъ обязанностей. Вездѣ были совершены богослуженія, даже и въ рабочихъ центрахъ. Въ сферу политическихъ и социальныхъ движеній духовную власть никто не считаетъ нужнымъ посвящать. Поэтому пастырскаго слова владыки къ рабочимъ не могло и быть. Во всякомъ общественномъ движеніи надо быть вполне освѣдомленнымъ, чтобы во время явиться, гдѣ нужно, и сказать то, что слѣдуетъ.

Въ пересыльную тюрьму священникъ Гапонъ былъ опредѣленъ по ходатайству тюремной администраціи, но не по указанію епархіальной власти.

П. Тихоміровъ.

Старообрядческій журналъ.

На страницахъ „Мисс. Обзоръ“ сообщалось о рѣшеніи послѣдняго „раскольничьяго всероссійскаго съѣзда“ издавать свой періодическій органъ старообрядчества. Рѣшеніе это нынѣ приведено въ исполненіе. Въ Австріи въ Буковинѣ старообрядцы - окружники предприняли съ новаго 1905 г. такое изданіе подъ названіемъ: „Старообрядческій Вѣстникъ“. Новое изданіе предполагаетъ вести какъ апологію старообрядчества, такъ равно поучать своихъ единовѣрцевъ положительнымъ истинамъ вѣры и нравственности въ духѣ и преданіяхъ, конечно, старообрядчества.

Возстановленіе истины.

Письмо въ редакцію.

М. Г. Господиныхъ Редакторь.

Не откажите напечатать въ вашемъ уважаемомъ журналѣ: „Миссіонерское Обозрѣніе“, ради возстановленія истины, слѣдующую замѣтку. По поводу новаго изданія сочиненія Ф. В. Фаррара „Жизнь Иисуса Христа“; переводъ священника М. П. Фивейскаго, подъ редакціей Г. Д. Теодоровскаго; книга I: бесплатное приложеніе къ журн. „Русскій Паломникъ“ за 1904 г. ¹⁾, въ статьѣ В. Розанова „Въ мірѣ нашего сектантства“ (см. „Новое Время“, отъ 5 января 1905 г., № 10.364) излагается quasi „мягкое“, „деликатное“, „умное“ собесѣдованіе (въ залѣ „Общества распространія просвѣщенія въ духѣ православія“, на Стремянной улицѣ) между слушателемъ, могущимъ будто-бы „даже встать въ ряды миссіонеровъ“, и „торжествующимъ распорядителемъ собранія“, надменнымъ, воспріявшимъ на рамена свои якобы „трудъ апостольскій, тяжелый“. Вотъ ихъ разговоръ:

„Позвольте,—еще заговорилъ изъ середины тучи:—на страницѣ (такой-то) Фаррара сказано, что Божія Матерь имѣла еще дѣтей, кромѣ Иисуса Христа. Выраженіе евангелиста о „братьяхъ Господнихъ“ онъ такъ истолковываетъ. Между тѣмъ какъ въ „Руководствѣ священной исторіи“ (опять имя автора и вообще все точно, въ цитатахъ) разъяснено весьма естественно и духовно, что „братья Господни“ суть не плотскіе братья Христа, а братья ему по духу, и конечно Божія Матерь не могла имѣть еще дѣтей. Мысль эта очевидно богохульная. Между тѣмъ духовный цензоръ пропустилъ книгу, не исправивъ это выраженія, да еще она дана въ видѣ приложенія къ духовному журналу (такому-то: я забылъ имя, но журналъ распространенный, въ родѣ „Душенолезнаго чтенія“), и вотъ я получилъ ее вмѣстѣ съ духовнымъ журналомъ. Что же это такое? Зачѣмъ въ народѣ смуту сѣять? Подрывать основы православной вѣры? Я вижу, что заблужденіе, а другой печатному, да еще одобренному духовнымъ цензоромъ, не можетъ не вѣрить. Соблазнъ.

Торжество распорядителя собранія было полное.

— Прекрасно. Вотъ и плодъ. Вы ошибку замѣтили и сказали намъ. Мы здѣсь озабочены миссіонерствомъ, въ цѣляхъ миссіонерства существуютъ и самое это собраніе: и оказывается, среди слушателей, съ которыми мы приготовились бороться, есть такіе, которые могли бы даже сами встать въ ряды миссіонеровъ. И дѣлайте такъ, и проповѣдуйте! Помогайте труду

1) Это изданіе Фаррара своимъ названіемъ соотвѣтствуетъ указанной въ статьѣ В. Розанова книгѣ: „она дана въ видѣ приложенія къ духовному журналу (такому-то: я забылъ имя, но журналъ распространенный, въ родѣ „Душенолезнаго чтенія“)“.

вашему, апостольскому, тяжелому, и вырывайте вездѣ, гдѣ можете, плевелы заблужденія. Отмеченное вами утверженіе Фаррара есть, конечно, ложное, и цензоръ поступилъ неосторожно, по крайней мѣрѣ не оговоривъ этого въ примѣчаніи“.

Очевидное дѣло, выведенные здѣсь собесѣдники принадлежать къ числу людей, ревнующихъ о благочестіи не по разуму и считающихъ Фаррара „дрянь-дряню“. Собесѣдники забываютъ, что „ни одного иностраннаго богослова мы не можемъ считать своимъ собственнымъ, въ томъ числѣ и Фаррара. Мы должны всегда помнить, что послѣдній есть иностранный богословъ“ (кн. I, стр. 11), который „отличается искреннимъ благочестіемъ и преданностью Христу“ (тамъ же, стр. 17). Собесѣдники, кажется, не въ состояніи съ объективно-эпическимъ спокойствіемъ оцѣнить все значеніе истинно-научныхъ словъ переводчика, священника М. П. Ойвейскаго, утверждающаго, что „читая книгу Фаррара, мы должны имѣть въ виду различіе между церковной исторіей и догматическимъ богословіемъ. И прежде всего твердо помнить, что церковная исторія не опровергаетъ, но и не утверждаетъ никакихъ догматовъ. Она занимается не догматами, а фактами. Если въ ея кругозоръ входятъ и догматы, то она и на нихъ смотритъ почти исключительно только какъ на факты“ (Кн. I, стр. 12—13). „Самособою разумѣется, что мы должны предъявить и къ Фаррару только тѣ требованія, какія предъявляются къ церковному историку, и смотреть прежде всего не на то, защищаетъ онъ или нѣтъ догматы, а на то, какъ изслѣдуетъ факты“ (тамъ же, стр. 15). Самый же тяжкій грѣхъ, допущенный нашими собесѣдниками—это положительная напраслина въ отношеніи къ названной книгѣ Фаррара. И слушатель изъ публики, и распорядитель собранія не потрудились какъ слѣдуетъ прочесть мѣсто изъ сочиненія Фаррара по занимающему ихъ вопросу. Изъ данныхъ преній между собесѣдниками не видно, къ какимъ именно выраженіямъ Фаррара или къ какой изъ приведенныхъ имъ теорій о „братьяхъ Господнихъ“ приурочиваются слова слушателя изъ публики: „Божія Матерь имѣла еще дѣтей, кромѣ Іисуса Христа“. Эти послѣднія, надобно полагать, сопоставляются съ разясняемой Фарраромъ „гельвидіанской теоріей“, ложно еретически утверждающей, что „братья Господа были дѣйствительными дѣтьми Іосифа и Маріи“ (Кн. I, стр. 116, въ подстр. прим.).

„Помогайте—говоритъ распорядитель слушателю изъ середины тучи—„труду нашему, апостольскому, тяжелому и вырывайте вездѣ, гдѣ можете, плевелы заблужденія“. Отмѣченное вами утверженіе Фаррара есть конечно ложное, и цензоръ поступилъ неосторожно, по крайней мѣрѣ не оговоривъ этого въ примѣчаніи“. Изъ только что приведенной тирады распорядителя собранія самыя послѣднія слова

совѣтъ не обдуманная, ибо не цензоръ, а оный распорядитель поступилъ неосторожно, умолчавъ (а вѣрнѣе не зная) о „примѣчаніи“ въ книгѣ Фаррара (стр. 117), направленномъ какъ разъ къ ниспроверженію „Гельвидіанской теоріи“. Въ этомъ примѣчаніи сказано: „съ точки зрѣнія православно-христіанской Церкви—теорія гелъвидіанская должна быть рѣшительно отвергнута, какъ несогласная съ ученіемъ о приснодѣвствіи Богоматери“. Итакъ собесѣдники въ залѣ „Общества“ на Стремянной улицѣ нравственно обязаны сознать свою неловкость въ мнѣніяхъ по отношенію къ почтенному труду Фаррара и къ пропустившему его для печати цензору ¹⁾).

А. Матвѣевъ.

Взглядъ сектантовъ на брачныя разводы.

(Корреспонденція изъ Мелитополя).

Осенью истекшаго года земскій начальникъ 3-го участка, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, призналъ нужнымъ созвать всѣхъ сектантскихъ пресвитеровъ: старо-молоканскихъ, ново-молоканскихъ и прыгунскаго толка, а также и русскихъ баптистовъ, въ село Ново-Васильевку, изъ четырехъ селъ: Ново-Васильевки, Астраханки, Ново-Спасскаго и Задунаевки.

Въ 10 часовъ утра, 4-го октября, прибыло около 22-хъ представителей сектантскихъ общинъ, въ присутствіи волостного старшины и Ново-Васильевского старосты.

Прибыль и земскій начальникъ; занявъ мѣсто предсѣдателя, онъ открылъ засѣданіе словами: „Господи благослови“, и затѣмъ произнесъ короткую рѣчь: „Старики! Я васъ пригласилъ, желая побесѣдовать съ вами о бракахъ.“

Во первыхъ, если изъ сочатавшихся бракомъ оказалась одна половина „евнухъ“, или ни мужчина, ни женщина, или-же сочатали двухъ мужинъ,—можно-ли считать такой бракъ законнымъ“?

Въ продолженіе трехъ часовъ во время бесѣды всѣ представители старомолоканскихъ, новомолоканскихъ и прыгунской общинъ утверждали, доказывали, что они признаютъ такой бракъ законнымъ и неподлежащимъ расторженію, потому именно, что они просили предъ-

¹⁾ В. В. Розановъ въ своей статьѣ не безъ умысла называетъ цензора „властью придержащей“ вм. „предержащей“, ибо, по собственному опыту, знаетъ, что цензура частенько-таки попридерживаетъ его сочиненія.

Богомъ благословенія и спрашивали у брачущихся ихъ согласія, и они дали на то обѣщаніе жить до смерти неразлучными.

Господинъ Земскій Начальникъ всесторонне объяснилъ, что молодые люди могутъ не знать сами себя до вступленія въ бракъ, а послѣ вступленія одна половина оказывается неспособной къ половому сожитію (онъ былъ докторомъ и ему извѣстны такіе случаи); что-же касается благословенія, то его просить они могли, не зная однако—кого сочетали, а Богъ зналъ и такой бракъ благословить не могъ.—„Вы хорошо подумайте,—продолжалъ г. земскій начальникъ,—поразсудите! Не будьте, какъ Пилать,—умыть руки, а молодые люди пусть гибнутъ! Отъ васъ дѣти ваши, внуки и правнуки ожидаютъ многого, а у васъ ничего нѣтъ! Все-таки еще разъ напоминаю—признаете-ли такой бракъ“?

Но старики все-же опять говорили: „Мы иначе не можемъ отвѣтить, остаемся при своемъ мнѣніи и при такихъ случаяхъ не допускаемъ расторгенія; пусть правая сторона остается безъ брака: это ея, или его „крестъ“—извиненій никакихъ не признаемъ, ссылаясь, что Богъ развода не допускалъ ни въ какихъ случаяхъ“.

Послѣ всего попросилъ слова Ѳ. Балихинъ, пресвитеръ баптистовъ, обратившись къ г. земскому начальнику:—„Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ высказать свой взглядъ“!—Г. земскій начальникъ позволилъ: „Пожалуйста, я ожидаю и прошу даже“!—Балихинъ въ своей рѣчи замѣтилъ: „Мы здѣсь собраны различныхъ исповѣданій, я, Гущинъ и Дьячковъ—баптисты: я Астраханской общины, Гущинъ Ново-Васильевской, Дьячковъ Новоспасской—отъ трехъ общинъ, и я говорю отъ всѣхъ баптистскихъ общинъ; отвѣчаю на слѣдующіе вопросы.“

1-й. Если изъ сочетавшихся бракомъ оказалась одна половина „евнухъ“, или ни мужчина, ни женщина, или-же сочетали двухъ мужчинъ,—можно-ли такой бракъ считать законнымъ?

Не только незаконный, а гнусный и противный волѣ Бога; это противоестественно. Если-же по обману или заблужденію были сочетаны бракомъ мужчина съ женщиной, то само-собою разумѣется—это не бракъ, и христіанскій нравственный законъ требуетъ расторгенія его, а иначе выйдетъ гнусное преступленіе—мужеложство. Также гнусенъ и незаконенъ былъ-бы мнимый бракъ женщины съ женщиной. И Христосъ говоритъ, что въ бракѣ должны быть, по первому творенію Бога, мужчина и женщина (Матѣ. 19, 4). По этому-же и бракъ ни мужчины, ни женщины не соотвѣтствуетъ Божескому закону о бракѣ, и „евнухъ“ не можетъ считаться ни мужчиной, ни женщиной. Такой бракъ не можетъ считаться бракомъ. Моисей говоритъ: „не запрягай вѣсть вола съ осломъ, и съ женщиною не ложись какъ съ женщи-

ною,—это мерзость и гнусно“ (Левитъ 18, 22). Апостолъ Павелъ ясно говорилъ, избличалъ невѣждъ: „женщины замѣнили естественное употребленіе противоестественнымъ, подобно и мужчины“ (Рим. 1, 27).

2-й. Невозвратное уклоненіе въ прелюбодѣянiе одной стороны, по словамъ Христа, уже есть расторженіе и уничтоженіе брака; правая сторона можетъ вступить въ новый (Матѣ. 19, 9; 1-е Коринѣ. 6, 15, 16).

3-й. Неизлѣчимое сумасшествіе—неопредѣленное, какъ доказываютъ тысячи печальныхъ промаховъ экспертизы психіатровъ. Этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуетъ разбора довѣренныхъ лицъ по назначенію церкви,—разбора, при которомъ нужно оказать много любви къ обѣимъ сторонамъ, мудрости и страха Божія. По всестороннему изслѣдованію, при убѣжденіи въ неспособности одной половины, способной допускается расторженіе и вступленіе“ (1-е Коринѣ. 7, 2 и 9).

Земскій начальникъ, поблагодаривъ представителя баптистовъ за разъясненіе, объявилъ баптистамъ, что они свободны и могутъ идти, а остальные остались, однако онъ отъ нихъ отвѣта, кромѣ вышесказаннаго, болѣе не дождался.

О. Баллигинъ.

Письма съ Дальняго Востока.

(Отъ собственнаго корреспондента).

МУКДЕНЪ, 4 ноября 1904 г.

30 сентября, на пути, близъ деревни Беньюпудзы, намъ встрѣчу показался офицеръ и крикнулъ, чтобы мы не ѣхали, ибо впереди японцы. Докторъ Кюммель раздѣлилъ отрядъ: самъ поѣхалъ съ частью верховыхъ санитаровъ назадъ къ войскамъ, а меня со вьюками и остальными санитарамъ отправилъ впередъ. Ёхалъ я здѣсь на вѣрную опасность, полагаясь лишь, что Красный Крестъ отвратитъ отъ насъ японскія пули. Но тревога была, хотя и не совсѣмъ фальшивая, но не точная: мы услышали выстрѣлы сзади себя, а впереди скоро догнали свой обозъ, увозившій раненыхъ, взятыхъ въ Югу вечеромъ, еще до нашего туда прибытія.

Въ *Убаньялопудзахъ* я простился съ IV отрядомъ, и теперь нахожусь въ IX СПБ. отрядѣ.

Въ томъ летучемъ отрядѣ, куда я поступилъ послѣ IV-го СПБ—каго, мнѣ пришлось пробить только десять дней. Между тѣмъ я даже и бороду свою сбрилъ въ виду ожидаемаго далекаго похода вслѣдъ за отрядомъ храбраго и популярнаго генерала *Мищенки*. Не знаю, скоро ли состоится этотъ походъ, но борода моя усѣчена и оскоблена была—увы—напрасно. Сбрилъ я ее въ тѣхъ видахъ, чтобы не набираться съ нею лишней грязи и пыли, отъ которой приходится страдать всякому въ летучемъ отрядѣ.

Вышелъ я изъ отряда вслѣдствіе того, что не могъ и не хотѣлъ скрывать моихъ православныхъ вѣрованій и монархическихъ убѣжденій. Скрывать свой образъ мыслей я считалъ лицемѣріемъ, столь противнымъ Ученію Евангелія Правды. Притомъ я попалъ въ фальшивое положеніе, ибо новые мои товарищи по отряду, услыжавъ, что во время не весьма стдаленное я побывалъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ, сочли меня за „краснаго“. Духъ міра сего (но его я именую—„душищемъ“, а еще бы вѣрнѣе именовать—„зловоніемъ“) тотчасъ сталъ обнаруживать себя въ какофоніи и рыканіяхъ самаго дурного тона. Помимо сальныхъ, грязныхъ и скабрзныхъ анекдотовъ и росказней, помимо „матюговъ“ и сквернословія, „во ушию мою“ раздаваться начали кощунства и злословія такого именно рода, о коихъ сказано у Апостола Иуды въ Посланіи (см. стихъ 8). Не стерпѣвъ, я откровенно высказалъ, что я—человѣкъ православный, вѣрующій и что слушать безъ возраженій кощунства и злословія почитаю грѣхомъ и лицемѣріемъ. Надо отдать справедливость одному изъ членовъ отряда: онъ деликатно извинился передо мною за то, что позволилъ себѣ оскорблять мой слухъ глаголами, „ихже не лѣтъ есть“ слушать христіанину, причемъ признался, что и самъ онъ возросъ въ средѣ вѣрующихъ и знаетъ, какъ тяжело себя чувствуетъ вѣрующій въ моемъ положеніи.

Однако, пока меня считали за „краснаго“, до тѣхъ поръ относились любезно, а когда узнали, что я не того поля ягода, то „повикло лице“ ихъ по-каинову образу: насупилось, и въ обращеніи слишкомъ явно начала сквозить угрюмость и ледяная холодность.

Чтобы не быть въ тягость господамъ свободомыслящимъ и самому не мучиться въ чуждой и вредной словесной атмосферѣ, я предпочелъ выдти изъ отряда. Богъ, слышавшій мое исповѣданіе предъ человѣки, исповѣдывалъ меня, хотя и не передъ Ангелами, но передъ людьми, о коихъ Св. Давидъ говоритъ, что Богъ ихъ „мало чимъ умалилъ предъ Ангелами“. Иеромонахъ

Александръ, который по святой ревности возстановилъ только-что изъ мерзости запустѣнія Храмъ Божій при Русской Больницѣ въ городѣ Мукденѣ,—перепросилъ меня въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста въ качествѣ помощника для клироса. На эту просьбу почтеннаго Іеромонаха Главное Управленіе согласилось, но поручило мнѣ еще вести хозяйство санитарнаго резерва. И теперь я—такъ сказать—„сотникъ“, ибо вѣдаю продовольствіе около *сотни* человекъ. Ежедневно до свѣту является за мною съ коннаго двора китаецъ на своей телѣгѣ („фудутункъ“); я сажусь на сѣраго коня, и въ утренней полутьмѣ ѣду съ вокзала на рынокъ въ городѣ Мукденѣ, хорошенько укутавшись въ защиту отъ манджурскаго ноябрьскаго мороза, который имѣетъ особенное свойство нащупывать самыя кости и пронизывать валенные сапоги. Закупивъ въ Мукденѣ мясо, рисъ, картофель, сало, хлѣбъ, сахаръ, гаолянъ для каши—возвращаюсь въ свою „клѣтку“, въ которой за ночь замерзаетъ вода. Очевидно, Богу угодно провести меня сквозь строй всевозможныхъ „послушаній“ на Дальнемъ Востокѣ. Притомъ, къ тому времени, когда пишу это письмо, бой придвигается вплотную къ самому Мукдену. Напримѣръ, 31 октября въ Мукденѣ весь день воздухъ сотрясался отъ сильной канонады изъ осадныхъ орудій. Стоитъ сѣсть на коня и отѣхать въ извѣстныхъ направленіяхъ верстъ за 20 отъ Мукдена, и очутишься на передовыхъ русскихъ позиціяхъ, подъ огнемъ японцевъ. Въ концѣ сентября, когда я участвовалъ въ переводѣ резерва летучаго отряда впередъ, мнѣ пришлось, проѣхавъ Гудзядзы (станцію на Фушунской жел. вѣтви), селенія Салиндзы, Банчжи-жай, видѣть у селенія Ердагоу передовыя русскія позиціи праваго фланга. По ночамъ здѣсь я слышалъ артиллерійскіе залпы и видѣлъ, какъ фейерверкъ, разрывавшіяся вдали на горизонтѣ шрапнели. Ставка главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими силами генерала Куропаткина находится именно на этомъ пути, въ селеніи, рядомъ съ переваломъ *Хуаншань*.

Пришлось мнѣ отвозить письмо къ генералу *Мищенко*, и я имѣлъ честь познакомиться съ этимъ доблестнымъ мужемъ. У генерала Мищенки—симпатичное привѣтливое лицо; носитъ онъ одни усы по кавалерійски. Весьма жалѣю, что Богъ не благословилъ мнѣ совершить похода съ этимъ генераломъ въ летучемъ отрядѣ. Но когда начнется генеральное сраженіе, едва ли утерплю возиться съ хозяйствомъ. Надѣюсь, что меня вновь отпустятъ на передовыя позиціи—понюхать японскаго пороку „шимозе“.

МУКДЕНЬ, 9 нояб. 1904 г.

Китайцы—лично для меня, по крайней мѣрѣ—народъ очень симпатичный. Конечно, они не просвѣщены святою христіанскою вѣрою, и сердца ихъ не очищены наитіемъ Святаго Духа, но у китайцевъ немало прекрасныхъ природныхъ свойствъ. Если апостоль Павелъ усматривалъ особливую набожность у грековъ въ томъ, что они воздвигли алтарь Невѣдомому Богу, то и мы въ правѣ считать китайцевъ—весьма склонными къ принятію христіанской, притомъ православной, вѣры. Не только въ городахъ, но и въ каждой ничтожной деревушкѣ можно увидѣть на перепутьи нѣчто въ родѣ часовенки, въ которой аккуратно разставлены „глаголемые бози“ многи. Эти капища такъ мило выглядятъ, что я невольно завидовалъ про себя, зачѣмъ эти сооруженія, съ такою любовью и тщаніемъ сложенныя изъ темнаго китайскаго кирпича,—зачѣмъ онѣ не посвящены Имени Единаго Истиннаго Бога, создавшаго небо, землю, море, человѣка и весь міръ видимыхъ и духовныхъ (не видимыхъ) существъ и вещей. Любуясь изъ этихъ китайскихъ часовенекъ можно бы (выбросивъ— конечно—со срамомъ мнимыхъ „боговъ“, отцетворяемыхъ истуканчиками) освятить во Имя Отца, Сына и Святаго Духа и поставить на мѣсто „истукановъ“ честныя и святыя иконы Спасителя-Богочеловѣка, Богородицы, Святыхъ Христовыхъ Праведниковъ... И тогда бы Благодать Божія ощутительно для духа и сердца почилла бы на этихъ изящныхъ зданіяхъ, которыя особенно поэтически и даже очаровательно выглядятъ, когда бываютъ окружены священною (всегда хвойною) дубравою. Тогда всякій проѣзжіи православный, проѣзжая мимо часовенъ, не шутилъ бы какъ теперь (и вполне справедливо) надъ истуканами, преглупо выглядывающими сквозь отверстія,—но набожно крестился, творя Іисусову всеочищающую и сладостную молитву. Кумирни большія уже роскошныя зданія: снаружи ихъ обыкновенно стоятъ два чудища—льва со свирѣпо и нѣсколько—комически растяпленными пастями. Глазища у этихъ львовъ—чистыя буркалы. Эти свирѣпо ощерившіяся чудища какъ-бы даютъ понять намъ, христіанамъ, что „левъ рыкающій“ дьяволъ и „отецъ“ всякой лжи и ереси обладаетъ умами китайцевъ и держитъ ихъ въ тѣмъ идолобѣсіи. Тоже самое означаетъ, конечно, и тотъ неистово-лютей видъ, который придаютъ китайцы на своихъ не—честныхъ „иконахъ“ (сѣхъ—изображеніе) своему „богу“. Это изображение, отлитое графированное на бумагѣ, можно видѣть на внѣшнихъ воротахъ почти каждой деревенской фанзы, это именно могло бы содѣй-

ствовать успѣху проповѣди среди китайцевъ *христіанства въ православномъ его исповѣданіи.*

На самомъ дѣлѣ,—если китайцы любятъ своихъ мнимыхъ „боговъ“ изображать на доскахъ и полотнищахъ, то—при познаніи истиннаго Бога и Сына Его Единороднаго и Собоизначальнаго—имъ легко перейти къ *иконопочитанію.*

Въ культѣ китайцевъ есть много подробностей, которыя облегчаютъ имъ воспринять съ легкостью *православные обряды* и вмѣстѣ съ ними воспріять тотъ божественный Духъ, который движется и дышитъ въ смыслѣ и словахъ, коими сопутствуетъ премудрыя свои обряды Мать Наша Церковь Православная. Такъ, въ кумирняхъ китайцы передъ идолами ставятъ тѣ самыя горячія палочки, которыми они закуриваютъ свои трубочки:—приношеніе, выполнѣ соответственное достоинству тѣхъ смердящихъ „боговъ“, коихъ и самыя изображенія—отвратительны и демоноподобны.

Но китаецъ, который самый день свой начинаетъ, возжигая пенатамъ своимъ довольно смрадную палочку—курилку,—легко усвоить приношеніе благоухающаго еиміама и свѣчей воску яраго Богу Царю Небесному. Если китаецъ усердствовалъ въ служеніи истуканамъ, то—есть въ служеніи дьяволу и его демонамъ (ибо поклоняться бездушному истукану богоподобнаго челоуѣка могъ научить только величайшій обманщикъ дьяволъ, именуемый за это „отцомъ лжи“), то, конечно, китаецъ былъ бы еще болѣе усерднымъ почитателемъ и рабомъ Истиннаго Бога, если бы только позналъ Его.

И дѣйствительно, когда открыто было Богослуженіе при церкви Русской Больницы въ Мукденѣ, я видѣлъ, какъ въ церковь входили—съ нашего позволенія—китайцы, и съ глубокимъ вниманіемъ слѣдили за Богослуженіемъ.

Если бы всѣ православные русскіе люди, любя Бога—если даже не всѣмъ сердцемъ и всею крѣпостію, то хоть половиною сердца и вполкрѣпости,—вели себя по правиламъ Евангелія и святой Церкви, то православіе нашло бы въ сердцахъ китайцевъ добрую почву. Но, къ сожалѣнію, обижая китайцевъ, мы отвращаемъ ихъ души отъ вѣры, которой мы являемся представителями.

МУКДЕНЬ, 17 нояб. 1904 г.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы обиды, чинимыя *нѣкоторыми* русскими солдатами китайцамъ, были очень велики, но—безъ сомнѣнія—было бы отраднѣе для Покровителя Нашего Бога, чтобы

мы были—святы, непорочны, справедливы и помышляли только елика честна, елика доброхвальна“, по словеси Апостолу. Но и то хорошо, что эти мелкія обиды, по поводу коихъ обиженный китаецъ поднимаетъ визгъ и гамъ, что они очень часто получаютъ возмездіе, а еще чаще встрѣчаютъ протестъ со стороны русскихъ же людей. Сколько разъ лично мнѣ приходилось нагонять страхъ на плута-солдатика, ухватившаго-- на манеръ бурсаковъ временъ Помяловскаго -- у китайца грушу или горсть грецкихъ орѣховъ съ рѣшимостью не платить. Сколько разъ приходилось видѣть, какъ обиженный китаецъ моментально апеллировалъ къ прохожему офицеру, неистово взывая о помощи къ „капитану“, и плутоватый солдатикъ оскандаливался даже несо-размѣрно винѣ.

Раазумѣется, эти обманы, если дать имъ волю, могутъ съ бы-строю катящейся съ горы лавины превратиться въ деморализацію и дневной грабежъ. „Не вѣрный въ маломъ, невѣренъ“ станетъ и въ великомъ. Если мы будемъ „къ злу постыдно равнодушны“, то зло и отецъ всякаго зла и лжи насъ преодлѣветъ, и будетъ уже черезъ насъ творить свою волю насильственно („насильствомъ смертнаго сего тѣлеси“). Оттого-то псалмопѣвецъ строго осуждаетъ тѣхъ, кто „о злобѣ не негодова“, а св. Апостоль говоритъ, что „ни холодный, ни горячій“—теплохладный въ отношеніи къ добру и злу—мерзокъ предъ Богомъ. Поэтому всегда освѣжительное дѣйствіе оказываетъ на души и нравственность та гроза, которая публично разражается надъ головою какого-нибудь плута, который на Дальнемъ Востокѣ срамить своею безсовѣстностью русское имя. Но ставить эти обманы въ вину всему воинству русскому—крайне нелѣпо, несправедливо, дико. Воинство наше именуется „христолюбивымъ“ вовсе не потому, что оно *все сплошь* таково на дѣлѣ, но потому, что таково именно оно *должно* быть. Въ этомъ прекрасномъ названіи указывается *идеалъ*, а стремиться и достигать этого идеала или сознательно устраниваться отъ него—дѣло свободы, которою одаренъ отъ Бога каждый человѣкъ. Въ имени: „христолюбивое воинство“ всегдашнее *напоминаніе* о первѣйшей и главнѣйшей заповѣди православной Церкви и вѣры, чтобы любить всею крѣпостью—не деньги, не славу человѣческую, не свѣди и питія, но *Христа Бога*, подателя безсмертія. А кто любитъ искренно Бога, Который достоинъ пламенной любви и поклоненія искреннѣйшаго,—тотъ будетъ любить и созданія Сего Бога—человѣка—ближняго.

Братъ милосердія Михаилъ Аркадьевъ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

(Впечатлѣнія миссіонера).

По поводу двухъ разсказовъ нашихъ современ- ныхъ писателей.

Всей читающей Россіи извѣстно, что въ С.-Петербургѣ происходятъ пастырскія собранія духовенства, обсуждающія вопросы объ устройствѣ въ столицѣ нашей приходовъ. Пока дѣло на собраніяхъ не доведено далеко до конца. Недавно еще покончили съ вопросомъ о томъ, что такое приходъ.

Но какъ бы ни разнообразились подробности въ опредѣленіяхъ, слово „приходъ“ всегда будетъ заключать въ себѣ мысль о „церковной общинѣ“, развивающейся съ своей *христіанской* жизни въ союзѣ и подъ руководствомъ духовныхъ пастырей. Народъ нашъ эту мысль навѣки воплотилъ въ поговоркѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“.

Подъ нѣсколько грубой оболочкой эта поговорка заключаетъ въ себѣ глубокую правду. Народъ свидѣтельствуетъ, что въ своей духовной жизни онъ находится подъ вліяніемъ пастырей. Хорошъ священникъ въ приходѣ,—тамъ и службы Божіи справляются истово; тамъ раздается подъ сводами храма частая вразумительная проповѣдь; тамъ люди крѣпко наставлены въ Законъ Божіемъ и они властно оберегаются пастыремъ отъ пороковъ.

При плохихъ и нерадивыхъ пастыряхъ приходы духовно разлагаются и гибнутъ. Вотъ почему миссія наша такъ „уповательно“ смотритъ на священниковъ, справедливо ожидая отъ нихъ главнаго содѣйствія по обращенію заблуждающихся въ Церковь. Въ своихъ „уповаіяхъ“ миссія основывается на совершенно точныхъ данныхъ о трудахъ приходскихъ пастырей. Но теперь, когда на собраніяхъ петербургскаго духовенства раздаются

голоса за привлеченіе свѣтскаго общества къ участию въ совѣщаніяхъ о приходѣ,—мы считаемъ полезнымъ справиться: какъ въ свѣтской печати говорятъ о православныхъ пастыряхъ—этихъ главныхъ дѣятеляхъ въ приходяхъ? Какія тамъ возлагаются на нихъ надежды и возводятся сѣтованія?

Для настоящаго случая мы будемъ имѣть въ виду два разсказа, помѣщенные въ 1 кн. Сборника „Знаніе“ и въ „Русской Мысли“ за февраль 1904 года. Въ Сборникѣ „Знаніе“ разсказъ принадлежитъ г. Гусеву-Оренбургскому подъ заглавіемъ: „Въ приходѣ“; въ Русской Мысли—г. Милициной—подъ заглавіемъ: „Идеальность“. Оба эти разсказа изображаютъ священниковъ въ противоположномъ освѣщеніи, и сопоставить ихъ содержаніе любопытно.

Замыселъ разсказа г. Гусева простъ: уже не молодой батюшка, „Викторинъ Голгоескій, ходитъ „въ приходѣ“. Не хотѣлось ему ѣхать сюда изъ дома. Зналъ онъ по опыту, что „сборы съ мужиковъ“—дѣло тяжелое. Особенно по теперешнимъ временамъ. Теперь—говорилъ о. Викторинъ—„велеіе развращеніе въ народѣ пошло... Какъ Господь терпитъ“!

Однако нужда заставила его поѣхать „по сбору“. Олицетвореніемъ этой нужды въ разсказѣ является матушка. Она разсуждаетъ:

— Нечего, нечего! Вставай... Да и поѣзжай! Время-то самъ знаешь, какое: осень! Сборы да недоимки... Порастрясеть мужикъ пшеницу по базарамъ, и собирай потомъ съ голаго-то мѣста!

И вотъ флегматичный о. Викторинъ, послѣ длинныхъ сборовъ, точно, появляется „въ приходѣ“. Сердце его правду чуяло. Въ приходѣ онъ встрѣчаетъ нужду и бѣдность.

У иной землянки, разсказываетъ г. Гусевъ, къ нему выходила вдова, зажимая въ подолѣ горсть сорной пшеницы.

— Ужъ не прогнѣвайся, батюшка...

О. Викторинъ косился на пшеницу.

— Ты бы, вдовица честная, хоть парочку янчекъ прикинула!

— И-и, ба-атюшка! Курочка-то одна, много-ли нанесетъ...

Но о. Викторинъ просить.

Въ другомъ мѣстѣ у раззореннаго парня онъ вымалчиваетъ лукошко сорнаго овса. А то такъ наталкивается на такой разговоръ.

— Есть что-ли пшеница-то, Караваевъ? Выноси.

— Не прогнѣвайтесь!

— Почему такъ?

— Не сѣяно...

— Который годъ не сѣешь-то?

— Годъ-то? А кто его знаетъ... годъ-то! Раззоримши, извѣстно... Сѣяли! Какъ же... Семья была... все было! Теперича отощали, извѣстно... Земли... нѣту... хлѣба...

Вотъ эти слова—земли нѣту—составляютъ ключъ къ объясненію общаго обнищанья на деревнѣ. Прежде мужикамъ жилось лучше. Арендовали они землю у генерала. Да выползъ тутъ на свѣтъ кулакъ нѣкій—Флегонтъ Кирилычъ. Подобно пауку рапускалъ онъ тенета возлѣ генерала и придушилъ мужиковъ.

Философія его проста. Она вся выражалась однимъ словомъ— „пажива“; прикрывалась же наружнымъ благочестіемъ и „воздыхательными“ разсужденіями, имѣвшими цѣлью оправдать порабощеніе народа...

Какъ же относился къ Флегонту о. Викторинъ—общій пастырь душъ?

Въ отвѣтъ на его „разглагольствія“ о распредѣленіи сословіи въ государствѣ, онъ резонерствуетъ:

— Премудро!—вздыхалъ батюшка:—и все сіе составляетъ сводъ! И все сіе земное благоусмотрѣніе,—дабы усмирить въ человѣцѣхъ алчбу тѣлесную и страстей кипѣніе, и направить всякъ шагъ человѣчь на стезю доброзрачную... Но есть такожде и нѣтъ законъ, законъ небесный, данный человѣкамъ во спасеніе душъ ихъ... Яко лѣствица, возводящая на небо!

При такомъ благодушно-созерцательномъ и безопасно-болтливомъ настроеніи о. Викторинъ, естественно, не хочетъ мѣшаться въ „земныя“ дѣла своихъ прихожанъ,—въ ихъ хозяйственныя споры съ Флегонтомъ. Пробуетъ онъ, какъ бы въ просонкахъ, заступиться за мужиковъ, поясняя Флегонту, что они „отъ нужды“ крадутъ господскій лѣсъ, но говоритъ это трусливо, памятуя наставленіе своей матушки:

— Какіе тамъ совѣты? Ты, въ самомъ дѣлѣ, не сунься тамъ... съ мужиками-то... Съ Флегонтомъ-то разсорисься, да еще и до генерала дойдетъ!

Вслѣдствіе такой трусливой уклончивости о. Викторинъ не удовлетворяетъ запросамъ своихъ прихожанъ. Это прямо и является ему жена мужика Зосимы:

— Ступай... обирали! Обирать васъ взяли! А какъ заступиться... векачь поровите!

Съ точки зрѣнія бабы,—пожалуй, и раззоренныхъ одиодеревенцевъ ея,—о. Викторинъ, дѣйствительно, только умѣлъ брать.

Когда же до него доходила *настоящая* мужицкая пужда, онъ „скакать“ прочь. Такъ о. Викторинъ уклонился ходатайствовать за мужиковъ предъ генераломъ насчетъ земли. Онъ говоритъ имъ:

— Старики! Не дѣло вы задумали! Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тягайся!

— Отецъ! Ты—нашъ заступникъ!

— Передъ Богомъ... молиться ежели! Молебствіе! О всемъ просить можно... Что на потребу... По разуму! А я какъ же въ дѣла такіа вотрюсь? Съ какого конца? Мое дѣло... небесное... А тутъ земная канитель!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Да мнѣ и домой пора, братцы...

Своими словами о. Викторинъ не убѣдилъ мужиковъ. Они не повѣрили, что его дѣло *только* небесное. Не сталъ бы онъ въ такомъ случаѣ выпрашивать у мужиковъ сорнаго овса.

Но въ своихъ словахъ о. Викторинъ намѣтилъ характеръ своего призванія: онъ служителъ Бога и формальной правды церковной. Столкновения людей изъ-за земли на почвѣ гражданскихъ законовъ—не его область...

Такое міровоззрѣніе противно г. Гусеву. Недаромъ о. Викторина онъ обрисовалъ нѣсколько каррикатурно: и говоритъ-то онъ, какъ добрый одноклассникъ Кутейкина, допотопнымъ старославянскимъ языкомъ, и жалости къ людямъ не имѣеть, заботясь только о своихъ „стяжаніяхъ“, и низкопоклонствуетъ онъ предъ генераломъ, опять помня только о себѣ.—Такъ, когда о. Викторинъ увидѣлся съ генераломъ,—онъ не сталъ печаловаться о своихъ раззоренныхъ прихожанахъ, а сказалъ ему:

— Я, ваше превосходительство, собственно насчетъ дѣсу... давно мы съ дьякономъ думали... помня ваше отеческое отношеніе... чтобы, если возможно... нѣсколько деревьевъ...

— Для школы?

— Нѣтъ-съ, для бани!

Генераль вопросительно поднялъ брови.

— Мы съ дьякономъ... собственно, давно лишены... въ этомъ смыслѣ... необходимаго... для омовенія... Касательно соблюденія чистоты...

При такихъ рѣчахъ о. Викторина, неудивительно, если генераль поднялъ на него „вопросительно“ брови. Пастырь душъ забываетъ о своихъ пасомыхъ даже тогда, когда его мысль искусственно направляютъ на нихъ. Казалось бы, тогда должна исчезнуть изъ головы его память о банѣ, такъ какъ сами „камни во-

пили“ за бѣдныхъ людей. Но о. Викторинъ лепечеть о „древесахъ“, самъ изъ живого человѣка обратившись въ дерево. Для него въ то время въ мысляхъ существовали лишь доходы да горячая баня...

Если правду изображаетъ г. Гусевъ,—дѣла наши грустны. Если въ рядахъ священниковъ встрѣчаются часто о.о. Викторины, очевидно, ихъ не облагородить формальнымъ устройствомъ приходовъ. Очевидно, намъ тогда не „о регистраціи прихожанъ“ нужно рассуждать съ ученой основательностью, а прежде всего о тѣхъ, которые будутъ регистрировать, о „переоцѣнкѣ этой цѣнности“. У пастырей-то нашихъ остался-ли „порохъ въ пороховницахъ“?.. А безъ пороха они—воины плохіе. Это, повидимому, и хочеть своимъ рассказомъ сказать г. Гусевъ. Въ то время, когда даже простые мужики, по любви къ меньшему брату, жертвуютъ собой,—о. Викторинъ отдѣляется одними жалкими словами... Выходить: онъ, руководитель цѣлаго прихода, хуже кузнеца Зосимы. Зосима, напр. въ рассказѣ г. Гусева рассуждаетъ:

— Я такъ, батюшка, думаю:—коли солнце про всѣхъ свѣтитъ...

— Замолчи-ка ты... Негоже мнѣ и слушать тебя!

— Нѣтъ... Зачѣмъ же? Все про всѣхъ дадено, чтобы всѣ, знать, людіе... сообща... по правильному закону! А крови не пей!..

Подобные разговоры, при всей ихъ наивности, о. Викторину, дѣйствительно, „негоже“ было слушать. Вѣдь самъ онъ,—при благоприятномъ, можно сказать, случаѣ,—не рѣшился ходатайствовать за бѣдныхъ мужиковъ, а заговорилъ съ бариномъ-генераломъ о „древесахъ“ для своей бани съ діакономъ. Между тѣмъ кузнецъ даже въ блаженныхъ мечтахъ своихъ о дарахъ природы не забыть своего, „міра“—братьевъ.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Зосима не могъ уважать о. Викторина. Однако, тѣснимый жизнью, онъ именно къ нему обратился за помощью:

— Защити меня, батюшка! Не дай въ обиду!

— Отъ чего я тебя защищу и какъ?

— Отъ Флегонта и отъ всѣхъ... Ты священникъ! Ты около Бога живешь, и все знаешь, какъ по Божьему надо!

Такимъ образомъ устами Зосимы г. Гусевъ предлагаетъ нашимъ священникамъ быть не только требносправителями и молитвенниками, а и заступниками, покровителями народа въ его земныхъ нуждахъ. Пастырямъ нашимъ онъ, такимъ образомъ, предлагаетъ идти по образу житія Святителей Николая, Алексія и

Филиппа. Въ этомъ именно видѣ г. Гусевъ изображаетъ „пастыря добраго“ въ другомъ своемъ разсказѣ.

Когда же священники отказываются идти по указанной дорогѣ, народъ—въ лицѣ жены Зосимовой—будто-бы говоритъ имъ:

— Ступайте прочь! Обирали! Обирать—васъ взять! А какъ заступиться... вскачь норовите!

Таково содержаніе разсмотрѣннаго нами разсказа. Этотъ разсказъ оставляетъ въ душѣ тяжелое впечатлѣніе. Онъ изображаетъ намъ священника, поглощеннаго житейской суетой. Въ его душѣ властно звучать не заповѣди евангельскія, а практическій голосъ матушки: „ты смотри... съ Флегонтомъ-то не поссорься“!

Невольно возникаетъ вопросъ: ужь не типъ-ли, не обдержное-ли явленіе въ русской Церкви этотъ о. Викторинъ?

Если общій типъ, тогда положеніе православно-церковнаго дѣла въ народѣ грустно. Тогда приходы, какъ бы мы ихъ ни собирали въ организованныя общества, не могутъ держаться прочно подъ напоромъ разлагающихъ обстоятельствъ жизни. Тогда понятными становятся заявленія иныхъ православныхъ людей, требующихъ сосредоточенія приходской благотворительности и образованія въ свѣтскихъ рукахъ.

Но „обдержное-ли“ явленіе о. Викторинъ въ русской Церкви?

Къ счастью, нѣтъ. Въ мірѣ „еще не безъ добрыхъ людей“. И наше пастырство не оскудѣло сильными и честными характерами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ же г. Гусевъ. Въ разсказѣ „Пастырь добрый“ онъ выводитъ священника, идеальнаго даже съ его точки зрѣнія. Этотъ добрый пастырь, о. Теофилактъ Средокрестовъ, въ полномъ смыслѣ жертвуетъ собой для прихода. И народъ его любитъ. Когда архіерей задумалъ вывести о. Теофилакта изъ прихода,—мужики кричали:—„отецъ! отецъ! мы тебя не отпустимъ... Мы застоимъ тебя... Мы довѣренныхъ къ архіерею пошлемъ“...

Такой же свѣтлый и желанный образъ священника выводитъ г-жа Милицына въ разсказѣ „Идеалистъ“. Идеалистъ—совершенная противоположность реалисту г. Гусева. Онъ тоже священникъ. Зовутъ его отцомъ Андреемъ. Приблизительно онъ тѣхъ же лѣтъ, что о. Викторинъ. По убѣжденіямъ своимъ—онъ возвышенный, благородный и сердобольный человѣкъ. Онъ проникнуть не обрядовымъ только благочестіемъ, какъ о. Викторинъ, а подлиннымъ евангельскимъ религіознымъ настроеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по разсказу г. Гусева, и о. Викторинъ служилъ Богу. Онъ, напримѣръ, „шумно умывшись, долго молился предъ иконой, день и ночь освѣщенной краснымъ свѣтомъ лампы, широко крестился, часто кланялся въ землю... лицо его было точно слегка испугано“. Но, къ сожалѣнію, не надолго. По выходѣ изъ своей моленной, послѣ всѣхъ этихъ „обрядово-истовыхъ метаній“, о. Викторинъ опять погружался въ грязную суету, грѣховную и мелочную, изъ которой онъ не выходилъ до самой ночи,—до вечерней молитвы на сонъ грядущій.

Не таковъ былъ о. Андрей, по разсказу г-жи Милицыной. Онъ проникнутъ былъ весь восторженнымъ благочестіемъ и благородствомъ въ жизни. Онъ любилъ молиться Богу, но молитвенное настроеніе не покидало его и за порогомъ своего дома. Онъ любилъ благотворить, когда ходилъ по приходу. Никогда при этомъ онъ „не жадничалъ“, какъ свидѣтельствуеетъ его работникъ:

— Гдѣ намъ дадутъ, гдѣ не дадутъ, а гдѣ мы и сами отдадимъ.

Матушка, домовитая старушка, за это упрекала о. Андрея, но онъ благодушно отвѣчалъ:

— Богъ на всѣхъ пошлетъ!

При такой пастырской настроенности, о. Андрей одинаково ласково обращался со всѣми людьми. Заходили къ нему странники,—онъ съ ними сладко бесѣдовалъ; бывали у него прихожане—онъ и съ ними „вершилъ“ даже ихъ домашнія дѣла: кому на комъ жениться, какъ подѣлить братьямъ отцовское наслѣдство и т. д.

Нечего говорить, что прихожане о. Андрея не питали къ нему никакихъ дурныхъ чувствъ. Они его любили, какъ добраго родного отца. Такое расположеніе, какъ бы отъ лица всѣхъ высказать батюшкѣ одинъ умправшій человекъ:

— Не оставилъ ты меня, утѣшилъ въ моей темной грѣшной жизни. Спокойно я теперь умру...

И, собравъ послѣднія силы, онъ полѣзъ подъ соломенную подушку:—„вотъ тутъ рублевка—на поминъ моей души; распорядись: ты знаешь, какъ лучше... А это тебѣ“...

И темная похолодѣвшая рука протянула о. Андрею два пятака.

Подробности эти знаменательны. Онѣ рисуютъ предъ нами *желанный* народомъ образъ пастыря. Пастырь этотъ, о. Андрей, *свой человекъ* на міру. Онъ знаетъ людей, какъ овецъ въ своемъ хозяйствѣ. Знаетъ, кто какъ живетъ и чѣмъ недугуетъ. Никого

онъ не утѣняетъ. Наоборотъ всѣмъ даетъ помощь совѣтомъ и матеріальнымъ добромъ.

И вотъ слѣдствіе такихъ отношеній пастыря къ пасомымъ люди идутъ къ нему для душеспасительныхъ разговоровъ; идутъ— и въ случаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній. У о. Андрея всѣмъ открыты двери. Не боится онъ, что мужики „полы ему ватопчатъ“; не страшится, что они нагонять на него „земную канитель“. Онъ знаетъ, что безъ этой „канители“ не обойтись священнику. Не разрѣшитъ ея онъ между прихожанами, — они потянутся къ земскому, стануть ненавидѣть другъ друга...

Любили за это крестьяне о. Андрея. Любили и за то, что онъ былъ нелицепріятенъ. Если бы они знали, что, подобно о. Викторину, „съ кулаками на селѣ онъ ладить, а отъ бѣдности держится подальше“, — если бы затѣмъ они были убѣждены, что во всемъ о. Андрей, „выгадываетъ“ только свое, они бы къ нему не пошли за наставленіями; они бы сами убѣгали отъ него подальше и никакой нравственной связи съ нимъ не имѣли.

Между тѣмъ мы видимъ, что умирающіе дѣлаютъ его своимъ душеприкащикомъ, они отдають ему послѣдніе свои трудовые пятаки.

Какая это патриархальная и святая картина! Рѣдко ее теперь увидишь. Теперь чаще всего господствуютъ иныя отношенія. Священнику нужны доходы; онъ „теревитъ“ ихъ съ прихожанъ; тѣ „упираются“. Дѣло доходитъ до суда, до брани.—Почему бываетъ это?

Да потому, что нерѣдко наши священники стали „чужими“ людьми для своихъ прихожанъ. *Чужими* въ полномъ смыслѣ. Являются они на приходы невѣдомо какъ для народа, — точно чиновники, пристава и земскіе. По пріѣздѣ, — устраиваются особнякомъ отъ народа. Заводятъ бытъ барскій, привычки господскія. Сами физическимъ трудомъ не занимаются и въ хозяйствѣ подчасъ ничего не смыслятъ. Живутъ *исключительно* на доходы съ мужиковъ, на которыхъ смотрятъ, не рѣдко, какъ на работниковъ...

И народъ *сторожится* отъ такихъ священниковъ и крѣпко зажимаетъ отъ нихъ въ своей рукѣ пятаки. Дать имъ эти пятаки, — для мужика значить, подарить ихъ чужому человѣку, котораго, говоритъ онъ, — мнѣ не жалко, потому что я не знаю, дѣйствительно-ли нуждается онъ въ моемъ пятакѣ, — въ моей сорной пшепщѣ, которую ѣсть онъ во всякомъ случаѣ не станетъ...

Священники же, нуждаясь въ средствахъ для *своей* жизни, требуютъ съ прихожанъ, — даже „нажимають“ ихъ. На этой почвѣ и зарождаются враждебныя столкновенія духовенства съ народомъ

которыя въ послѣднее время стали хроническими. Устранить эти столкновенія—дѣло неотложной необходимости. Въ противномъ случаѣ въ православномъ народѣ будутъ расти расколъ и секты.

Но какъ устранить? Вотъ вопросъ огромной важности. Будемъ ждать пробнаго отвѣта на этотъ вопросъ отъ петербургскаго духовенства. Оно теперь толкуеть о созданіи живого прихода и о прикрѣпленіи прихожанъ къ извѣстному храму. Говорить объ этомъ на собраніяхъ, конечно, не трудно, а попробуйте прикрѣпить, примѣрно, меня къ двойнику о. Викторина, — я сто верстъ пройду, чтобы помолиться вмѣстѣ съ о. Теофилактомъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, возражая прихожанъ для новой христіанской жизни, мы одновременно обязаны еще озабоченнѣе думать о пастыряхъ нашихъ. Ихъ-то какъ душою прикрѣпить къ прихожанамъ и къ храму? Вѣдь теперь они случайно появляются на извѣстныхъ мѣстахъ; неожиданно же и перекочевываютъ съ нихъ. Въ этихъ случаяхъ преслѣдуются чаще всего только священническіе интересы...

Это огромное зло въ нашей церковно-общественной жизни. Пора подумать о живыхъ душахъ прихожанъ; пора ихъ привлечь къ всестороннему участию въ приходской жизни—вплоть до назначенія къ нимъ пастырей. Мѣра эта уже практикуется при едино-вѣрческихъ церквахъ нашихъ. Тамъ, безъ согласія прихода, не мыслимо административное назначеніе священника. Тамъ міръ и держится за своего избранника; тамъ онъ не дастъ ему „воли“, но и не пуститъ съ сумой по свѣту. Тамъ приходъ сплоченнѣе и однороднѣе, чѣмъ у насъ,—и достигается эта сплоченность безъ дорогостоящей регистраціи...

Такъ это безспорно, хотя несомнѣнно и то, что оживленіе прихода съ указанной стороны не обойдется безъ нѣкоторыхъ потрясеній въ другихъ отношеніяхъ. Можетъ случиться, что пробудившіеся прихожане не пожелаютъ имѣть своими священниками нашихъ семинаристовъ. Вѣроятно, имъ не полюбитъ характеръ и все направленіе ихъ,—иногда чуждые Церкви. Что мы говоримъ о семинаріяхъ правду,—свидѣтельствуетъ то явленіе, что въ послѣднее время семинаристы массами бѣгутъ отъ священства, отъ служенія Церкви. Бѣгутъ въ университеты, въ ветеринарные и другіе институты. Такъ что уже теперь пора думать о томъ, чтобы пополнить ряды кандидатовъ на священство людьми преданными православной Церкви.

Этого пополненія, по нашимъ понятіямъ, нельзя достигъ непосредственнымъ задержаніемъ семинаристовъ въ духовномъ словѣ. Нѣтъ... Пусть въ священники идутъ люди по глубокому

убѣжденію и сердечному влеченію. Если дѣти священниковъ бѣгутъ отъ жребія своихъ отцовъ, пусть на ихъ мѣсто встанетъ самъ народъ православный, вѣрующій и богобоязненный. Онъ имѣетъ на то всѣ священныя права (Откр. 1, 6 ст.).—Только въ такомъ случаѣ народу необходимо открыть свободный доступъ въ наши духовно-учебныя заведенія. Открыть не по процентному лишь расчету, какъ теперь, а со льготами, съ разнообразными поощреніями—вплоть до казеннаго содержанія учениковъ изъ его среды.

Мы убѣждены, что народъ радостно устремится въ духовныя школы и семинаріи. Мы думаемъ, что своимъ *приливомъ* онъ оживитъ сословіе священниковъ и сдѣлаетъ его болѣе отзывчиво-народнымъ. Только не черезъ современное наше образованіе. Это образованіе у духовныхъ проникнуто схоластическимъ безжизненнымъ характеромъ. Благочестивой и воспримчивой душѣ оно не дастъ подходящей пищи. Напротивъ, такую душу оно убьетъ сухостью и отвлеченностью своихъ умозрѣній. Въ семинаріяхъ у васъ неестественно изучаютъ Свящ. Писаніе; односторонне проходятъ догматику, — кое какъ готовятъ къ проповѣдничеству. Нашъ народъ—здравомыслящій реалистъ—скоро же понялъ бы пробѣлы духовно-семинарской учебы, и затосковалъ бы отъ рутины ¹⁾.

Вотъ почему, намъ кажется, заботясь о возрожденіи приходовъ пастыри Церкви теперь же должны крѣпко подумать о воспитаніи будущихъ священниковъ—о томъ, чтобы это воспитаніе да-

¹⁾ Намъ уже приходилось говорить о нѣкоторыхъ недостаткахъ семинарскаго образованія въ 19 № Мисс. Обзор. за прошедшій годъ. И мы сердечно бы желали, чтобы за выясненіе условій для лучшаго будущаго нашихъ семинарій взялись сами гг. преподаватели—эти „мѣстные свѣдущіе люди“ въ данномъ отношеніи. Только хотѣлось бы слышать отъ нихъ дѣйствительно, словъ, подсказанныхъ имъ жизнью, а не отвлеченныхъ разсужденій, составленныхъ по типу: „съ одной стороны нельзя не признаться, съ другой—не возможно не сознаться... А впрочемъ, мы не утверждаемъ того, что утверждаемъ“...

Такими именно разсужденіями наполнилъ свою статью П. А. Козницкій. „Рефераты“ подобнаго рода не разгоняютъ тьму изъ общественнаго сознанія, а вносятъ въ жизнь досадные порадоксы, подкрѣпляются нерѣдко спорными данными въ родѣ такихъ, что современныя семинаріи на своемъ знамени начертываютъ крайнюю снисходительность къ ученикамъ, фальшивую гуманность и... занскиваніе у воспитанниковъ,—чѣмъ будто бы объясняется расшатанность современныхъ семинарій...

Все это—кабинетныя соображенія референтовъ. Въ дѣйствительности причины расшатанности духовныхъ семинарій—совсѣмъ другія и гораздо запутаннѣе.

вало людямъ соотвѣтствующее *пастырское настроеніе*, и чтобы на его основѣ не могли развиваться характеры отцовъ Викториновъ.

Но „духъ бодръ,—плоть же немощна“. И среди пастырства всегда будутъ люди, привязанные къ земнымъ попеченіямъ. Эти люди, при всей своей наружной порядочности, не смогутъ сдѣлаться любимцами народа; имъ не понесутъ прихожане въ изобиліи необходимаго для ихъ обезпеченія. Такъ по крайней мѣрѣ пастырство нужно избавить отъ соблазнительнаго способа существованія,—отъ этихъ поборовъ и торга за священнодѣйствіе. Теперь священники въ массѣ своей ждуть не дождутся обезпеченія себя опредѣленнымъ жалованьемъ. И пора придти на помощь изстрадавшемуся народу!..

Мы думаемъ, что эта мѣра одновременно послужитъ лишнимъ поводомъ къ тому, чтобы отъ священства не уходили очень многіе люди.

Но намъ скажутъ, что чрезъ жалованье священники станутъ „чиновниками“, -- господами, окончательно оторванными отъ народа...

Возможны, конечно, такіе случаи. Но почему же заразы чиновничьей не бояться для преподавателей, для судейцевъ, когда даютъ имъ опредѣленные средства къ существованію? Вѣдь сердечность и благородство службы требуется отъ нихъ по самому характеру ихъ дѣла. Также не слѣдуетъ страшиться за священниковъ при новыхъ обезпеченныхъ условіяхъ ихъ службы...

Къ тому же священники, назначаемые на приходы съ согласія народа, были бы всегда подъ общимъ и довольно бдительнымъ надзоромъ. Прихожане, замѣтивъ не пастырское настроеніе у своихъ священниковъ, оказали бы на нихъ давленіе черезъ печать и черезъ жалобу архіерею. Правда была бы восстановлена...

Такъ или не такъ, но, когда поднятъ вопросъ о возрожденіи на Руси прихода,—когда просвѣщенные Архипастыри заботятся о прикрѣпленіи людей къ Церкви,—безусловно своевременно подумать о возрожденіи православнаго пастырства. Это пастырство,—какъ говорить жизнь и свидѣлствуютъ писатели наши,—находится не всегда на должной высотѣ своего служенія. Подтягивая народъ къ идеальному уровню, непрослительно закрывать глаза на недочеты у его духовныхъ руководителей.

Пожелаемъ же, чтобы наступившій годъ принесъ намъ хоть зарю, обещающую красный день духовнаго обновленія православнаго священства!..

Д. Боголюбовъ.

ОТКЛИКИ.

Война и свобода слова.

Новый годъ застаеъ русское общество въ періодъ внутренняго возбужденія. Мирно протекавшая жизнь нашего народа потревожена жестокой войной на Дальнемъ Востокѣ, неожиданно возникшей въ январѣ прошлаго года. Вся Русь, отъ сановника до простаго крестьянина, встала на защиту Царя и Родины. Война сильно подняла нашъ національный духъ и показала воочію, что мы не безпочвенные космополиты, равнодушные къ своей материнѣ, но искренніе русскіе люди, во всякое время готовые встать на защиту Вѣры, Царя и Отечества.

Правда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны стали въ нѣкоторой части нашей печати слышаться недостойные русскіхъ людей голоса, призывавшіе насъ отъ патріотизма къ космополитизму, но то были голоса отдѣльныхъ лицъ, русскіхъ отщепенцевъ, которые „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“. Они не могли поколебать общаго патріотическаго настроенія, заглушить того чувства, которое широкой волной разлилось среди русскаго народа.

Второй годъ длится тягостная война. Намъ неизвѣстно время ея окончанія, и потому мы не должны охладѣвать въ возможной для насъ поддержкѣ дорогихъ воиновъ,—выразится-ли она въ денежной помощи или въ вещественныхъ приношеніяхъ.

Обратимся же теперь къ вопросу о томъ, насколько настоящая война отозвалась на внутренней жизни Россіи. По законамъ исторической необходимости, каждое крупное событіе въ жизни страны влечетъ за собою множество другихъ, часто столь же важныхъ. Это въ особенности нужно сказать относительно тяжелыхъ, обременительныхъ войнъ, какою является и текущая русско-японская война. Примѣромъ подобнаго рода можетъ служить крымская кампанія 1853—54 гг., послѣ которой произведены были

благодѣтельныя реформы незабвеннаго Царя-Освободителя. Трудно сказать, что именно ждетъ Россію по окончаніи теперешней ея страды, но многія обстоятельства показываютъ, что будущее нашего отечества во всякомъ случаѣ въ большой зависимости отъ настоящей войны. На это указываютъ, между прочимъ, лучшіе представители нашей Церкви, голосъ которыхъ вполне авторитетенъ. Такъ, преосв. Антоній Волынской, говоря въ одной изъ послѣднихъ своихъ проповѣдей, что „будущій Царь Россіи (цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ) рожденъ при условіяхъ необычныхъ, но давно изъясненныхъ въ Божественномъ Писаніи, замѣчаетъ: „...медлительность Промысла многократно повторялась въ священной исторіи, когда ожидался нѣкто великій. Такъ, патриархи Ветхаго Завета: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іуда, Іосифъ, стремившіеся передать своему первенцу таинственныя обѣтованія грядущаго всеобщаго избавленія, не получали въ первенцы тѣхъ, кого сами желали. Не Измаиль, не Исавъ, не Рувимъ, не Иръ, не Зара, не Манассія были преемниками священнаго залога первенства, но ихъ младшіе братья. Сіе Господь творилъ тогда, когда хотѣлъ показать своимъ избранникамъ, что не отъ нихъ, не отъ человѣка зависятъ судьбы грядущія и направленія Божественнаго Промысла, но только отъ Его всемогущей воли. Такъ и нынѣ Онъ даровалъ Царю Сына-Наслѣдника лишь на десятомъ году его супружества, послѣ совершеннаго Царственной Четвою духовнаго подвига въ видѣ путешествія на открытіе святыхъ мощей преподобнаго Серафима. Я—не пророкъ и не сынъ пророка (Амос. 7, 14),—заканчиваетъ преосв. Антоній:—будущихъ событій нашей жизни не знаю, но намъ указано отъ Бога, что, насколько это зависитъ отъ людей, они должны приуготовлять ихъ, руководствуясь духовными дѣлями, а не земными... 1).

Другой преосвященный, прозрѣвая въ будущія судьбы Церкви, говоритъ: „Церковь имѣетъ не мало чадъ, давно отторгшихся отъ нея и не желающихъ пока возвратиться въ спасительную ограду церковнаго корабля. Что она будетъ дѣлать съ ними? Привлечетъ ли она ихъ къ себѣ и какимъ путемъ сможетъ привлечь? У вратъ Церкви теперь стоятъ старокатолики и англикане. Сможетъ ли она протянуть имъ свою руку и принять ихъ въ братское общеніе? И много, много другихъ вопросовъ, вопросовъ глубокой важности, предстоить рѣшить Церкви. Можетъ быть, въ недалекомъ

1) Преосв. Антоній Волынской.—„Что значитъ любить Россію“. Церк. Вѣд. № 46 за 1904 г.

будущемъ *измѣнится до неузнаваемости* (курс. нашъ) многое изъ того, что мы видимъ въ настоящее время ¹⁾.

* * *

Выше сказано, что въ настоящее время трудно предвидѣть что-нибудь опредѣленное въ смыслѣ возможнаго улучшенія разныхъ сторонъ нашей жизни. Тѣмъ не менѣе, сравнивая нашу современность съ недавнимъ прошлымъ, мы можемъ легко замѣтить, что уже и теперь въ общественной атмосферѣ чувствуется новая струя. Это—тѣ идеи и планы общественнаго переустройства, которые выяснились довольно опредѣленно путемъ гласнаго обсуждения въ періодической печати. Сообразно съ общимъ направленіемъ жизни нашего образованнаго общества, эти идеи преимущественно носятъ политическую окраску, но далеко не безразличны они и для Церкви. Главнѣйшая изъ нихъ это—*свобода слова*. Желательна-ли, вообще, свобода слова? Думается, что она не только желательна, но составляетъ неотъемлемое право нравственно-разумной личности. „Свобода слова—вотъ неотъемлемое право человѣка“,—говоритъ К. С. Аксаковъ ²⁾. У него же найдемъ слѣдующее четверостишіе:

О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь бунта преступный укажетъ...

Да, во всѣхъ областяхъ жизни человѣкъ долженъ обладать правомъ свободно выражать свой голосъ. Въ противномъ случаѣ жизнь незамѣтно принимаетъ уродливыя формы; все честное, возвышенное, благородное,—будучи стѣснено въ выраженіи своихъ мнѣній, уходитъ съ арены дѣятельности; настоящіе, пламенные дѣятели не способны мириться съ опекой, налагаемой на ихъ „святая святыхъ“. Ошибочно думаютъ тѣ, которымъ свобода слова представляется въ видѣ неограниченной свободы заблужденій. Пламенный дѣятель, если и заблуждается, то заблуждается *искренно*. И для истины онъ не погибъ; онъ не устоитъ предъ нравственнымъ ея величіемъ и приобщится ей.

Честное перо,—говоритъ А. С. Хомяковъ,—требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся сло-

¹⁾ *Пресв. Евдокимъ Волоколамскій*.—„Рѣчь при нареченіи во епископа“, Богосл. Вѣстн. мартъ 1904 г.

²⁾ „Теорія государства“ у славянофиловъ“. Спб. 1898 г. стр. 43.

весность бываетъ наводнена выраженіемъ лести и явнаго лицемерія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчить, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушнѣйшей рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія. Прекрасно отвѣчаетъ К. С. Аксаковъ тѣмъ, которые въ свободѣ слова видятъ средство распространенія неправды и подрывъ истины. „Если найдутся злонамѣренные люди,—говоритъ онъ,—которые захотятъ распространять вредныя мысли, то найдутся люди благонамѣренные, которые обличатъ ихъ, уничтожатъ вредъ и тѣмъ доставятъ новое торжество и новую силу правдѣ. Истина, дѣйствующая свободно, всегда довольно сильна, чтобы защитить себя и разбить въ прахъ всякую ложь. А если истина не въ силахъ сама защитить себя, то ее ничто защитить не можетъ. Но не вѣрять въ побѣдоносную силу истины значило бы не вѣрять въ истину. Это безбожіе своего рода: ибо Богъ есть истина“¹⁾.

* * *

Необходимо сдѣлать и еще одно замѣчаніе. Иногда раздаются голоса: „помилуйте, возможна-ли свобода слова при твердой правительственной власти; эта свобода находится въ противорѣчій съ коренными устоями самодержавія“... Ошибка! Неужели самодержавіе и твердая власть правительства возможны лишь при стѣсненіи свободы слова? Думать такъ,—значитъ представлять себѣ правительственную власть самодержавія слишкомъ поверхностно и даже прямо невѣрно. „Свобода слова неразрывно соединена съ неограниченною монархіею,—пишетъ К. С. Аксаковъ:—она есть ея вѣрная опора ручательство за порядокъ и тицину и необходимая принадлежность нравственнаго улучшенія людей и человѣческаго достоинства... Какую же пользу принесетъ свобода слова?—спросятъ, быть можетъ, нѣкоторые. Это объяснить, кажется, не трудно. Откуда происходитъ внутренній развратъ, взяточничество, грабительство и ложь, переполнившіе Россію? Отъ общаго униженія нравственнаго. Слѣдовательно надо нравственно возвы-

¹⁾ Ibid.

сить Россію. Какъ же возвыситъ нравственно? Признать и уважать въ человѣкѣ человѣка, а это иначе быть не можетъ, какъ тогда, когда признають за человѣкомъ право слова, свободнаго слова, неразлучнаго съ нравственной, духовной свободой, которая есть неотъемлемая принадлежность высокаго духовнаго существа человѣческаго... Когда по всей Россіи грянетъ одинъ общій открытый голосъ противъ взятокъ и грабежей, когда вся Россія укажетъ всенародно на пиявицъ, сосущихъ ея лучшую кровь, тогда поневолѣ придутъ въ ужасъ самые отчаянные воры и взяточники. Правда любитъ день и свѣтъ, а неправда—ночь и темноту“ 1).

А вотъ что говоритъ братъ К. С.—Ив. С. Аксаковъ: „Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова, устнаго или печатнаго, есть политическая свобода. Послѣ этого—и свобода ѣсть шить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами, есть такъ же политическая „прерогатива“! Свобода слова относится точно также къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть—къ сторонѣ физической“ 2). *Борисъ Тапиро.*

Навстрѣчу „свободы исповѣданій“.

„Нынѣ уже имать влагалнице, да возметъ такожде и мѣхъ; а уже не имать, да продастъ ризу свою, и купитъ ножъ“ (Лк. 22, 36).

„Отсеелъ примите сами на себя заботы о своихъ дѣлахъ... ибо они будутъ не таковы, какъ были, легки и нетрудны, но вы подвергнетесь и голоду и жадѣ и многимъ бѣдствіямъ. На это (Господь) намекаетъ словами о мѣшкѣ, сумѣ и мечѣ. Посему будьте бодры... и мужественны, такъ какъ впадете во многія опасности, на что указываетъ мечъ. Говорить это, конечно, не для того, чтобы они носили съ собою мечи, но чтобы объявить имъ о войнахъ и бѣдствіяхъ и сдѣлать ихъ ко всему готовыми“... (Феофилактъ).

Война на Дальнемъ Востокѣ продолжаетъ клокотать адомъ. Ея страшное жерло поглотило уже не одинъ десятокъ тысячъ русскихъ и японскихъ жизней и поглотитъ дальше, быть можетъ, во много разъ больше того. Во всякомъ случаѣ теперь

1) Ibid., стр. 44 и 49.

2) К. С. Аксаковъ. Соч. Т. IV. стр. 363.

уже ясно, что изъ несчастныхъ жертвъ кровожаднаго Марса:—убитыхъ и раненыхъ и ихъ семействъ, плачущихъ и рыдающихъ о присныхъ своихъ и у насъ и на японскихъ островахъ,—могло бы составиться цѣлое маленькое государство. Будущій историкъ настоящей войны, этой окровавленной страницы изъ начала XX вѣка, объективнѣе насъ отнесется и къ самой войнѣ и къ ея причинамъ; только думается, едва-ли онъ не упомянетъ въ данномъ случаѣ о роковой ошибкѣ нашей: готовиться къ миру въ то время, когда въ окружающей атмосферѣ носились ясные предвѣстники войны. А если бы древнему лѣтописцу пришлось быть современникомъ такой войны, то въ его „правдивыхъ сказаніяхъ“ мы, пожалуй, читали бы теперь такія слова о началѣ этой войны: „въ лѣто отъ рождества по плоти Сына Божія 1904-оо начася лютая война Святой Руси съ Опоньскою страной. Причинися война сія, по Божьему попустительству, русскими иноземцами, сирѣчь дипломатами, безопасно рекшими „миръ и утвержденіе“, егда война окрестъ виташе: бѣ бо теплохладни ко св. Руси, паче же рещи, бысть скудость русскія крове въ жилахъ ихъ: развѣ бо малаго числа, бяху вси иноземнаго племени. А російскій флотъ воинскій мирно плаваше по хартіямъ, не сущъ въ мори далече. Такожде и воинское искусство мирно преуспѣваше на смотрѣхъ, и не бяху вои тамо, идѣже подобаше быти имъ во многѣ числѣ. Злочестивые же опоньцы, хитры суще и утѣснени малостію дарованной Богомъ ихъ окаянству земли на островѣхъ, тѣ поры вельми преуспѣваша во искусствѣ воинствѣмъ и дипломатіи и, подслѣдивше сонъ и безпечіе великія російскія державы, умыслиша повоевати ю въ крайнихъ предѣлѣхъ восточныхъ. И се въ нощи, яко тати, 26 януарія устрѣлиша окаянніи погане корабли російскіе, мирно почивавшіе въ колыбели морстѣи, у берега Артурскаго. И тако начася война. Тмы темъ сразишася со тмами темъ и бысть веліе истребленіе людское. Солнце преложиися во тьму, чермновася драсялужа небо, земля вострепета, море и рѣки кровію челоувѣческою восклокташа; се воинства враговъ ратавашася; окрестъ ихъ кровь и огонь и куреніе дыма. И бысть плачь велій и вопль многъ на Руси и въ Опоніи о чадѣхъ своихъ, яко не суть“...

Теперь уже стало почти общимъ мѣстомъ въ обсужденіи настоящей войны, что мы къ ней не были готовы, что нами забыто мудрое изреченіе классической древности: „хочешь мира, готовься къ войнѣ“. Желая перваго, мы роковымъ образомъ забывали о второмъ.

Предоставимъ, однако... мудрымъ политикамъ доказывать все непонятное для насъ въ нашей войнѣ съ Японіей. Я началъ съ ней рѣчь только потому, чтобы воспользоваться ея исторіей, какъ предварительнымъ назиданіемъ для нашего церковнаго вѣнства.

Едва-ли теперь для кого изъ церковныхъ пастырей и учителей новость, что Церковь православная нынѣ—наканунѣ великой и открытой войны съ легіонами церковныхъ отщепенцевъ,—наканунѣ такъ называемой „свободы совѣсти“ и исповѣданій. Врата адавы раскроются вскорѣ во всю свою ширь. Расколъ и дикія еретическія секты хлынутъ темною лавой изъ этихъ вратъ во дворъ церковный и, Богъ знаетъ, сколько въ немъ останется претерпѣвшихъ до конца испытаніе вѣры... Съ несомнѣнностью можно только утверждать, что погибель духовная едва-ли многимъ уступить въ числѣ количеству жертвъ русско-японской войны. И кто знакомъ со всѣми чисто-японскими хитростями расколо-сектантскихъ пропагандистовъ: извращеніемъ ими Слова Божія и святоотеческаго, лукавымъ угрызаніемъ ими писаній, слащавой интонаціей совращенія, при угрозѣ анаемой непослушнымъ и воздыханіяхъ о погибели заблудшихъ; кто знакомъ далѣе съ дѣвственнымъ невѣжествомъ нашего простого народа о своей вѣрѣ и недолюбливаніемъ имъ духовенства, а вмѣстѣ и равнодушіемъ къ его проповѣди: тотъ, надѣюсь, пойметъ, что истину говорю я и не лгу. По своей прежней миссіонерской службѣ и по своему проживанію временами въ родныхъ краяхъ, знаю громадныя села, и знаю съ той стороны, что появились въ нихъ съ открытой и всячески свободной пропагандой любой начетчикъ какого угодно раскольничьяго или сектантскаго толка, и чрезъ годъ—два огромное число населенія, если не перестанетъ ходить въ церковь, то колеблется въ своей вѣрѣ непремѣнно. Вообразите въ приходѣ № появился рыный штундистъ, собираетъ сходку на селѣ и громить православное пастырство, православные храмы, иконы и т. п. Все этакъ у него будетъ выходить и страшно и, видимо, резонно, а главное—отъ Писанія. За словомъ въ карманъ онъ не полѣзетъ: говорить публично ему не привыкать и фанатизма хотъ отбавляй. Что можетъ ему противопоставить толпа православныхъ слушателей, или возразить? Скромные православные мужички будутъ воздыхать и молчать, а которые посмѣлѣй да поллиберальнѣй, пожалуй, подтянутъ пропагандисту: „да и правда, моль, дерутъ долговолосые и съ живого и съ мертваго... неужто такъ писано гдѣ“... Православный пастырь, если онъ не миссіо-

нерствовали публично, если онъ мало начитанъ по миссіонерству (а таковыхъ подавляющее большинство), не выйдетъ на открытое состязаніе съ пропагандистомъ, а если и выйдетъ, то едва-ли будетъ лучше: въ его неопытности узрять неправоту его вѣры. А миссіонеръ—не вездѣсущъ. Телеграфируй ему, лови его... А когда-то онъ пріѣдетъ, да заднимъ числомъ что-нибудь сдѣлаешь... Что ждетъ православную паству, при полной разнузданности отступнической пропаганды, нетрудно догадаться: смута, броженіе въ приходѣ и отпаденіе отъ истины. Какая православная душа можетъ остаться спокойной, безразличной, какое православное сердце не дрогнетъ, когда изъ двора церковнаго пойдутъ въ дебри темнаго заблужденія десятки, сотни и тысячи православныхъ людей? И пойдутъ по младенческому несмыслию въ православной вѣрѣ, пойдутъ по невѣжеству, по слѣпотѣ? Ужели и при такомъ зрѣлищѣ, у кого-нибудь изъ православныхъ хватить тупой наивности утѣшаться сознаніемъ того, что Церкви Христовой „врата адава не одолѣютъ“? А такое лѣнивое и нелѣпое самоутѣшеніе приходилось слышать даже отъ православныхъ пастырей; да какимъ тономъ оно высказывалось? въ неодобреніи идеи открытой и ничѣмъ неограниченной пропаганды отступничества довольно смѣло усматривалось даже невѣріе словамъ Спасителя о неодолимости Его церкви отъ вратъ адовыхъ! Само собою разумѣется, что серьезно считаться съ такими взглядами значило бы сражаться съ вѣтряными мельницами, но все же, разъ такіе взгляды существуютъ, приходится два-три слова и имъ удѣлять. Мы глубоко увѣрены, что Японія никогда не покорить, не завоюетъ Россіи, тѣмъ не менѣе и за Манчжурскій клочъ земли и даже за одинъ Портъ-Артуръ рѣкою проливалась русская кровь. И кому это можетъ быть непонятнымъ: проиграна манчжурская кампанія, значитъ, потеряно Россіей не только ея пріобрѣтеніе, ея собственность, но поколеблено и мѣсто ея въ міровой политикѣ, и для кого-нибудь другого, помимо японцевъ, явится немалое искушеніе попользоваться на нашъ счетъ. Странно, что глашатаи свободы исповѣданій и ихъ открытой пропаганды не могутъ усвоить аналогій этого изъ міра духовнаго. Я православный христіанинъ. Вѣрю, что истина—въ нашемъ церковномъ исповѣданіи, знаю, что расколъ и секты—тьма и заблужденіе; вѣрю, что свѣтъ Христовъ во вѣки вѣковъ будетъ свѣтиться и тьма его не обниметъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ, глубоко вѣрю и словамъ Христа, что „врата адава не одолѣютъ Его Церкви“. Но вотъ въ эти „врата адовы“

(разныя ереси по бл. Теофилакту) стремглавъ лѣтятъ сотни и тысячи монахъ меньшихъ братій; а я, преспокойно наблюдая это зрѣлище, умиляюсь своей вѣрой въ церковную неодолимность; небось, молъ, „врата ада не одолѣютъ Церкви“... Да вѣдь это прямо безбожно! Мнѣ, конечно, готово уже либеральное возраженіе: ничто тебя, молъ, не вынуждаетъ сидѣть спокойно, разъ видишь, что твоего меньшаго брата совращаютъ въ отступничество, иди и защищай его мечомъ слова Божія, духовнымъ мечомъ, а не полицейскимъ; и это для тебя даже лучше: теперь сквозь твою проповѣдь уже не будетъ виднѣться фигура урядника или городового, теперь она очистилась отъ множества казенныхъ покрововъ, съ которыми ей раньше также трудно было входить въ душу отступниковъ, какъ верблюдъ въ игольныя уши, теперь она доступнѣе и дѣйствиѣе для заблудшихъ; теперь и заблудшіе, въ случаѣ слабости своихъ доводовъ, не будутъ имѣть извиненія въ томъ, что якобы не могутъ высказаться по своему упованію „страха ради“ полицейска, теперь ты уже не гонитель, и съ раскольниковъ и сектантовъ слетѣлъ уже ореолъ мучениковъ, и къ миссіонерской бесѣдѣ отношеніе у слушателей будетъ теперь совершенно безпристрастное, чуждое всего посторонняго святой правдѣ; теперь истина православія можетъ обнаружить свою истинность независимо отъ опеки гражданскихъ узаконеній и полицейскаго тесака, ставившихъ ее раньше въ обидное положеніе охраняемой немощи; теперь равнымъ образомъ и отступническая ложь, независимо отъ гонимаго и угнѣсаемаго положенія отступниковъ, обнаружится только какъ ложь; итакъ, ты теперь въ лучшемъ положеніи, иди и защищай упованіе свое и своего меньшаго православнаго брата!..

Красивая, пожалуй, но мертвая и холодная философія! Это безжизненная мраморная Венера, къ которой никакъ не можетъ тяготѣть живое христіанское сердце, живая православная душа. Эта философія витаетъ въ холодныхъ высотахъ абстракціи и совершенно забываетъ людей, забываетъ настоящее религіозное развитіе нашего многомилліоннаго православнаго простаго люда. Правда, для миссіонеровъ православныхъ, попадающихъ нынѣ верѣдко въ двусмысленное положеніе защитниковъ „казеннаго православія“, полная свобода исповѣданій и пропаганды—только желательна, въ виду ихъ службы и большей цѣнности ихъ проповѣди, но вѣдь опытныхъ полемистовъ съ расколосектантствомъ у насъ на епархію, въ 2 (и больше) милліона населенія, въ рѣдкихъ случаяхъ найдется десятокъ; тогда какъ въ расколосектант-

ствѣ, возросшемъ на пропагандѣ, помимо извѣстныхъ его апологетовъ и хулителей православія, найдется до 10 процентовъ такихъ, мало-мальски начитанныхъ, ругателей Церкви, которымъ въ православномъ десятитысячномъ приходѣ едва-ли найдется хоть одинъ равный возражатель. Миссіонеру за такими процентами не угоняться. Къ тому же нужно непременно имѣть въ виду и то обстоятельство, что расколосектантство—порожденіе религіознаго невѣжества, чадо тьмы, и, какъ таковое, болѣе понятно темному люду, чѣмъ высоты православно-христіанскаго свѣта. И безбожно было бы бросать эту нашу меньшую братію и ихъ потомство въ омутъ отступничества, на вѣчную пагубу, только потому что она, по независящимъ, какъ говорятъ, отъ нея обстоятельствамъ—и неграмотна, и христіански неразвита, и невѣжественна въ своемъ упованіи. Не болѣе ли будетъ согласно съ правдой Христовой, съ идеей Добраго Пастыря, страдавшаго за *каждую* изъ своихъ овецъ, съ идеей *ограды* церковнаго стада Христова отъ татей и разбойниковъ, съ идеей *пастырства* Христова въ Церкви отъ *волковъ грядущихъ*,—желать и молиться, чтобы Господь Богъ, „имиже вѣсть судьбамъ“, не попустилъ разбоя и хищничества свободной пропаганды гибельныхъ заблужденій среди младенческаго народа нашего. Возростите, гг. либералы, этого младенца до мужа совершенна, когда онъ самъ будетъ разумъ имѣть, доведите его, по крайней мѣрѣ, до возможности самозащиты, равной тепершней силѣ нападенія пропагандиста, и тогда ни вы, ни мы, ни вся наша современность не будемъ повинны предъ Богомъ за своихъ меньшихъ братій, тогда не будетъ за нами грѣха предательства малыхъ агнцевъ хищнымъ волкамъ.

А пока что, не умывайте, по примѣру Пилата, рукъ въ виновности въ крови малыхъ сихъ. Вы уповаете на силу обѣтованія Христова о „неодолѣнности Церкви отъ вратъ адовыхъ“, и кричите о свободѣ совѣсти совокупно со свободой исповѣданія и пропаганды? Въ нашемъ журналѣ писалось уже не мало по этому вопросу и отъ Слова Божія и отъ святоотеческаго писанія; много было разговоровъ объ этомъ и на „религіозно-философскихъ собраніяхъ“ въ Петербургѣ. Повторять старое—не охота. Думается и хочется сказать теперь одно. Упованіе на неодолѣнность Церкви у однихъ наивно, у другихъ лукаво. У тако уповающихъ хочется спросить: кто сильнѣе—Иродъ или Богъ? Удивляетесь вопросу? А между тѣмъ онъ тутъ вполне умѣстенъ! Иродъ издастъ приказаніе объ избіеніи младенцевъ въ Вифлеемѣ и во всѣхъ предѣлахъ его. Исусъ Младенецъ и *Сынъ Божій*. Ужели не могъ бы

Всесильный защитить Его въ *Вифлеемъ*, ужели Онъ не послалъ бы для сего цѣлыя легіоны ангеловъ Своихъ? Но нѣтъ! „не упріде часъ!“ „Се ангелъ Господень является во снѣ Іосифу и говоритъ: встань, возьми Младенца и Матерь Его и *бѣги въ Египетъ*... ибо Иродъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его. Онъ всталъ, взявъ Младенца и Матерь Его *ночью* и пошелъ въ *Египетъ*“ (Мѡ. 2, 13—22). По смерти Ирода, Іосифъ съ *Божественнымъ* Младенцемъ и Его Матерью, возвратившись изъ Египта, по откровенію свыше, въ землю Израилеву и услышавъ, что вмѣсто Ирода въ Іудеѣ царствуетъ Архелай, *убоялся туда* идти, и по откровенію же пошелъ въ предѣлы Галилейскіе“. Остановитесь и подумайте надъ этимъ хоть минуту! Для сохраненія *Божественнаго Младенца* употребляется человѣческое *физическое* средство защиты отъ Иродова приказа!.. И можемъ ли теперь мы, любящіе свой народъ, вѣрующіе въ святую истину православія (невѣрующихъ въ нее я не имѣю въ виду: имъ, конечно, все равно: православіе, инославіе, могометанство, буддизмъ, язычество и т. п.), можемъ ли, повторяю, сказать, положа руку на сердце, что мы, если то отъ насъ хоть однимъ атомомъ дѣло зависѣло, неповинны будемъ въ крови многоаго множества нашихъ *младенцевъ* въ вѣрѣ, нашего простого православнаго народа, когда онъ растерзанъ будетъ дикою хищнической пропагандой, падеть жертвой Иродовъ своего рода и погибнетъ для истинной жизни въ истинной вѣрѣ? Можемъ или нѣтъ? Вы, гг. либералы, разумъ имате, вы въ „возрастѣ мужа“—отвѣтите на это,—разъ вѣрите въ истину Христову, въ истину Православія? Отвѣтите и роспишитесь, но въ памятованіи отвѣта за всякое слово праздное въ день суда...

Мнѣ могутъ отвѣтить: подождите печаловаться: а наши пастыри, а наши архипастыри? ужели „волки“ такъ ужъ и распудятъ стадо?.. На это могу только сказать: а нашъ флотъ? а наши адмиралы и генералы? ужели уже многіе десятки тысячъ русскихъ жизней легли на поляхъ Манчжуріи и канули на дно морское? Да, погибельны для насъ наши „авось да небось“; мы, кажется, *всегда* опаздываемъ, *всегда* не готовы... „О, проклятье сву, убившему въ насъ силы“!.. Дай Богъ, чтобы уроки исторіи не остались для насъ бесплодными. Благодареніе Господу—теперь духовное пастырство наше начало дѣятельно сознать, что пора проснуться, ибо „приближается предающій“ святую вѣру.., что миссіонерская проповѣдь и охрана своей паствы—ихъ первое дѣло. Пошли, Господи, въ наступающее лѣто усилиться дѣятельному пробужденію не только оффиціальныя служителей право-

славія, но и всѣхъ свято хранящихъ вѣру православную! Пора! Приде часъ! „Зима хочетъ быти“ для Церкви святой! Всякъ православный, будь готовъ стать воиномъ Христовымъ и „дать отвѣтъ всякому вопрошающему о нашемъ упованіи“. „Продай одежду свою и купи мечъ“!..

Н. Гринякинъ.

По поводу посланія Св. Синода.

Св. Правительствующій Синодъ не оставилъ безъ вниманія тяжкихъ нестроеній, проявившихся въ нашемъ Отецествѣ, и обратился къ Православнымъ съ Посланиемъ, которое помѣщено въ настоящей книжкѣ.

Быть-можетъ, въ Россіи нѣтъ ни одного вѣрующаго, который бы за послѣднее время не приходилъ къ мысли о томъ, что мы находимся подъ наказаніемъ Божиимъ, какъ справедливо замѣчаютъ „Моск. Вѣд.“, по поводу посланія. На это указываетъ въ своемъ Посланіи Св. Правительствующій Синодъ, обращаясь ко всѣмъ чинамъ и сословіямъ Русской земли съ увѣщаніемъ исправиться и впредь жить по правдѣ Божія ученія.

Онъ указываетъ пастырямъ Церкви наставлять пасомыхъ, представителямъ власти—поддерживать правду, богатымъ—быть милосердными, трудящимся—быть преданными своему труду.

Это вѣское слово Церкви вызвало въ печати рядъ откликовъ и размышленій, изъ которыхъ наиболѣе близки сердцу вѣрующихъ слова М. В., которые мы въ сокращеніи и приведемъ здѣсь.

„Берегитесь ложныхъ совѣтниковъ, подъ видомъ радѣнія о вашихъ нуждахъ и пользахъ добивающихся безпорядка“. Такъ говоритъ Посланіе рабочимъ и, конечно, рабочіе города Петербурга уже горько раскаиваются въ своемъ довѣрїи къ недостойнымъ подстрекателямъ. Но самое ужасное обстоятельство, не упускаемое безъ вниманія Посланиемъ, состоитъ въ томъ, что въ числѣ этихъ ложныхъ совѣтниковъ явился именно священникъ—Гапонъ. Наиболѣе тяжкія событія произошли въ Петербургѣ отъ того, что рабочіе довѣрились Гапону. „Преступные подстрекат-

тели,—гласить Посланіе,—имѣя въ своей средѣ недостойнаго священно-служителя, дерзновенно поправшаго святыя обѣты и нынѣ подлежащаго суду Церкви, не устыдились дать въ руки обманутымъ имъ рабочимъ насильственно взятые ими изъ часовни честный крестъ, святыя иконы и хоругви, дабы подъ охраною чтимыхъ вѣрующими святынь вѣрнѣе вести ихъ къ безпорядку, а иныхъ и на гибель“...

Тяжкое и возмутительное зрѣлище, и, конечно, гнѣвъ Божій не можетъ не карать народъ, въ которомъ стали возможны даже такія кощунства, такая эксплуатація святого чувства народной вѣры!

Посланіе Св. Синода содержитъ обращеніе ко властямъ:

„Власть имущіе, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову“. Но не истинными ли „сиротами“ являются эти обманутые рабочіе, оставленные безъ охраны отъ хищника? Если вѣрующій призывается повиноваться власти, отъ Бога поставленной, то Священное Писаніе не говоритъ ли и самой власти, что ей не даромъ данъ мечъ, на кару злымъ и на охрану добрымъ? Мечъ же тотъ данъ гражданской и духовной власти, которыя разными путями, но одинаково обязаны охранять гражданъ и отъ обмана, и отъ насилія.

Русскіе люди, съ почтеніемъ читая Посланіе Св. Синода, безъ сомнѣнія, должны имѣть надежду, что властное дѣйствіе, духовное и гражданское, не упуститъ на будущее время исполненія этой обязанности—охранять мирныхъ, простыхъ гражданъ отъ обмана и насилія, предупреждать преступленіе, а не только карать его. Нужно надѣяться, что уже не будетъ возможнымъ самое появленіе священниковъ Гапоновъ, подъ покровомъ власти нагло и безбожно обманывающихъ народъ и ведущихъ его къ гибели. Наблюденіе власти за своими представителями, дарованіе правъ только тѣмъ, кто ихъ заслуживаетъ,—одно лишь можетъ предупредить подобныя преступныя дѣйствія.

Если власть—свѣтская и духовная,—по наставленію Св. Синода, обратится всѣмъ сердцемъ къ исканію правды и спасенію угнетеннаго,—то у насъ не повторится ни дѣятельность Гапоновъ, ни бездѣйствіе власти предъ лицомъ пропаганды, увлекающей народъ въ явную гибель, ни лицепріятіе или малодушіе, вслѣдствіе котораго „ворамъ“ сходить съ рукъ то, за что бьютъ „ворешекъ“. При „исканіи правды“ невозможно станеть равнодушное прощеніе преступленій и нарушеній правды. Не одну „вдовицу“ требуется защитить,—въ этомъ нуждается вся Россія.

Наставленія Св. Писанія, напоминаемыя Св. Синодомъ, открываютъ дѣйствительно пути жизни правой и благоденственной, но эти наставленія должно исполнять всецѣло, а не выбирая одни и оставляя въ небреженіи другія. Власть не есть привилегія, а Божіе служеніе,—свѣтская и духовная въ равной мѣрѣ, хотя и разными путями. Гражданамъ необходимо помнить свои обязанности, но необходимо и власти помнить и соблюдать свои. Гнѣвъ Божій обрушивается на страну, гдѣ это забывается, ибо въ ней не можетъ быть уже охраны правды, а поэтому подрывается и самое ея существованіе.

Посланіе Св. Синода, обращенное къ Русскому народу и свѣтскимъ и духовнымъ властямъ, должно напомнить имъ всѣмъ обязанности, которыхъ несоблюденіе только и могло вызвать послѣднія страшныя событія въ Петербургѣ. Глубокій смыслъ Божественнаго ученія, съ напоминаемъ котораго выступилъ Св. Синодъ, наилучше открывается челоувѣчеству въ самыхъ пѣдрахъ Церкви. Посему-то, съ почтеніемъ слушаая этотъ голосъ высшихъ представителей нашей Церковной іерархіи, вся вѣрующая Россія будетъ съ отрадой ждать, что голосъ Церкви и здраваго ученія явится у насъ предвозвѣстникомъ осуществленія здраваго ученія въ самыхъ дѣлахъ нашихъ, давъ такимъ путемъ оздоровленіе несчастной Родинѣ нашей и избавленіе ея отъ справедливаго гнѣва Божія.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XVII.

Написано не чернилами, а на
скрижаляхъ сердца (2 Кор. 3, 3).

Чудо милости Божіей 6 января на крещенской іордани.—Кровавая катастрофа на улицахъ столицы 9 янв.—Кто такой о. Гапонъ и какъ православный священникъ могъ стать во главѣ народной смуты.

Съ новымъ годомъ, съ *новымъ*, съ лучшимъ, желаннымъ счастьемъ привѣтствую дорогую семью нашихъ читателей и сотрудниковъ и отъ всего сердца благодарю за выраженные въ письмени и не выраженные, но нами предчувствуемыя, молитвенныя благопожеланія на новый годъ намъ и нашему дорогому дѣтищу—„Мисс. Обзорѣнію“! Да будутъ блага величайшаго счастья,—миръ и радость о Дусѣ Святѣ—со всѣми нами и въ сіе новое лѣто и во всѣ дни нашего трудового странствія по сей юдоли плача и скорбей!

Съ сердечной тугой провожали русскіе вѣрующіе люди старый годъ,—годъ несчастный, годъ, залитый потокомъ русской крови и слезъ! Съ трепетною надеждою на лучшее будущее, съ томительной жаждою Божьей милости встрѣченъ св. Русью новый годъ! А счастья все нѣтъ и нѣтъ! Видно, великъ гнѣвъ Божій, „праведно на ны движимый“, видно, слабо еще наше покаяніе, потеряна та живая вѣра, которая, по Слову Евангелія, горами движеть!.. Въ новомъ году горестныя испытанія не только не убываютъ, но какъ будто возрастаютъ, и впереди не видно радостнаго просвѣта. Новый годъ, съ первыхъ же дней своего бытія, несетъ многострадальной Руси новыя, да еще какія! безпримѣрныя, неслыханныя, страшныя бѣды, при первой вѣсти о которыхъ, у каждаго вѣрнаго сына своей церкви и отчизны, кровь леденѣтъ въ жилахъ, сердце обливается кровью, умъ помрачается, отказываясь понимать совершающійся вокругъ какой-то адскій хаосъ, принимающая окружающее не за реальную дѣйствительность, а за какой-то давящій кошмаръ, за повтореніе вавилонскаго столпотворенія!..

Развѣ несчастный случай 6 января на іордани—не безпримѣрное событіе! Развѣ могла придти въ голову кому-либо когда-либо святотатственная мысль о возможности той страшной опа-

ности, которая стряслась 6 января въ буквальномъ смыслѣ надъ головой Царя и окружавшихъ Его Величество августѣйшихъ особъ, и всего Синода и Синклита!! Вѣдь безъ содроганія и ужаса нельзя себѣ представить объ угрожавшемъ Руси святой бѣдствіи, еслибы Всеблагій Господь не заповѣдалъ ангеламъ охранить Благочестивѣйшаго Помазанника Своего на всѣхъ путяхъ Его (Псал. 90, 11)!

Поразительна картина чуда милости Божіей, 6 января предотвратившей грозную опасность! Какъ только первосвятитель русской церкви, сошедши съ помоста, погрузилъ Св. Живо-творящій Крестъ, и пѣвчіе запѣли „Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“,—грянулъ злосчастный выстрѣлъ орудія, въ которомъ случайно, по преступной халатности, оказался зарядъ картечи, оставшійся послѣ ученья 4 янв., шлепнулись около святителя на ледъ пули съ трескомъ, какъ-бы отъ проломившагося льда, другія пули ударились о помость царской палатки, третьи пролетѣли надъ головами стоявшихъ на помостѣ царственныхъ, духовныхъ и сановныхъ особъ, причемъ оказалось прострѣленнымъ древно знамені морского корпуса, четвертыя застучали на крышѣ палатки, пятыя, перелетѣвъ палатку, ударились въ стѣну дворца, а нѣсколько пуль, пробивъ двойныя окна, оказались въ дворцовой залѣ. Какъ бы въ доказательство губительной смертности летѣвшихъ пуль и для осязательности самого чуда спасенія Господь допустилъ пострадать одному изъ сущихъ здѣсь же полицейскому, который тутъ же упалъ со стономъ, обливаясь кровью, будучи тяжело раненъ въ глазъ. Городовой этотъ скончался. Удивительное совпаденіе—несчастная жертва страшнаго событія 6 янв. оказался по фамиліи Романовымъ. Нельзя-не видѣть также чего-то особеннаго и въ томъ, что прострѣленнымъ оказалось не другое какое-либо изъ многочисленныхъ, бывшихъ на парадѣ, знаменъ, а знамя питомника нашего злосчастнаго флота, потемнѣвшаго славу родной земли!.. Вѣдь безъ воли Божіей даже волосъ съ головы не падаетъ (Мѣ. 10, 29)..

Ну, скажите, Бога ради, отцы и братіе, какъ не вѣрить, можно-ли не чувствовать, въ ужасномъ—сколько несчастномъ столько же и счастливомъ—случаѣ 6 января величайшаго чуда милости Божіей, явленнаго нашему доброму Государю и Его любимой Россіи? О, конечно, всякій вѣрующій это почувствовалъ въ тайнѣ сердца, сознавалъ въ своемъ умѣ. Но, по нашей духовной разсѣянности и теплохладности, къ прискорбію мы вяло исповѣдуемъ эту вѣру устами и дѣлами, не возвѣщаемъ смѣло и громко милостей Божьихъ. А вѣдь Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ къ намъ и нынѣ, при всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ,

но многократно являетъ намъ чудеса Своей милости, только мы, какъ слѣпые и безчувственные, не замѣчаемъ ихъ, даже болѣе—попираемъ ихъ. Припомните, развѣ года два назадъ не было чуда милости Божіей при несчастномъ случаѣ во время спуска и освященія какого-то (запамятовали) корабля, въ присутствіи Ихъ Величествъ, когда вихремъ сорвало мачту и убило наповальъ жан-дармсакаго полковника, а нѣсколькихъ поранило. Вѣдь мачта могла упасть и туда, гдѣ стояли Ихъ Величества и свита...

Милосердый Господь и тогда, какъ равно и теперь, храня помазанника Своего, явственно возвѣщаетъ этимъ заповѣдь свою: „не прикасайтесь къ Помазаннику Моему; сердце царево и жизнь его въ рукѣ Божіей“ (Притч. Сол. 21, 1). Но того чуда, какъ и нынѣшняго, мы всенародно не признали и милости Господней не возвѣщали...

* * *

Но вотъ „внезапу“ разразилась надъ Россіей „Божія гроза“,— предательски коварнымъ врагомъ—язычникомъ объявлена намъ жестокая война. Мы были ошеломлены, раздражены дерзкимъ нападениемъ на нашу Портъ-Артурскую твердыню и повреждениемъ нашихъ гигантовъ броненосцевъ, и затѣмъ во всѣ послѣдующія бѣдствія войны мы только и видѣли гнѣвъ Божій, но не хотѣли сознать своихъ беззаконій; мы только и чувствовали одну карающую десницу Господню, но милующей и чудодѣйственной руки Божіей не примѣчали,—такъ отяжелѣли наши духовныя очи, такъ притупилось духовное чутье, такъ обмельчало мистическое религиозное углубленіе въ промыслъ Божій въ совершающихся вокругъ событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ нашей исторической и повседневной жизни. А между тѣмъ, если всмотрѣться пристально вѣрующимъ окомъ, нельзя самымъ явственнымъ образомъ не ощущать множество щедротъ и чудесной помощи Божіей явленныхъ хотя бы надъ тѣмъ же Портъ-Артуромъ.

Не такъ давно мы прочитали въ кощунственной фразѣ одной портъ-артурской корреспонденціи, помѣщенной въ заграничномъ да еще въ безбожномъ листкѣ, невольное, безсознательное, подобно Валаамовой ослицѣ, провѣщаніе чуда милости Божіей, явленнаго намъ въ самый же первый моментъ войны. „Да, невѣрующій,—такъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть авторъ,—и тотъ долженъ вѣрить, что, дѣйствительно, великъ Богъ земли русской и славный человекъ Никола Чудотворецъ“.

Теперь твердыня наша пала, и секретовъ на счетъ ея положенія не существуетъ. Оказывается, что въ Портъ-Артурѣ въ моментъ объявленія войны было лишь 3 тысячи человекъ гарнизона, крѣпость была не закончена, должнаго запаса боевыхъ и

взрывчатыхъ снарядовъ не было. Хотя иностранные стационеры въ Чемульпо опредѣленно знали за два дня, о началѣ войны и совѣтовали Рудневу спастись въ Портъ-Артуръ, но оттуда на запросъ командира „Варяга“ отвѣчали съ русскою безпечною и самодовольствомъ, что это вздоръ, войны быть не можетъ. Утромъ, предъ злосчастною ночью, когда было нападеніе на нашъ флотъ, офицеры эскадры были на имянинахъ г-жи С., а на ночь почему-то назначена была минная учебная атака.

Днемъ на рейдѣ появилось неизвѣстное небольшое судно, и, простоявъ часа два, оно ушло, никѣмъ не остановленное и неопрошенное. Корреспондентъ увѣренъ, что это было японское судно съ командирами тѣхъ миноносцевъ, которые были назначены для ночной атаки нашей эскадры, и они срисовали диспозицію нашихъ броненосцевъ.

Офицеры же наши, когда японскіе миноносцы стали пускать мины въ борта нашихъ кораблей, считали, что происходитъ учебная минная атака и стрѣляли по атакающимъ миноносцамъ холостыми зарядами. А когда съ накренившагося „Цесаревича“ подавали сигналъ о помощи, это считалось учебной шуткой. Затѣмъ, когда разобрались въ чемъ дѣло, и съ береговыхъ батарей начали палить изъ пушекъ, почивавшее въ городѣ высшее начальство, на докладъ о тревогѣ, тоже отвѣтило: „это учебная атака“. „Если-бы тогда, заканчиваетъ корреспондентъ, скорбную Портъ-Артурскую эпопею, — японцы прислали не два или 4, а двадцать миноносцевъ, то они безпрепятственно пустили бы на дно морское весь нашъ флотъ, и если не въ ту же ночь, то на другой бы день легко могли взять крѣпость. А она продержалась послѣ того 11 мѣсяцевъ! Ну чтоже, развѣ это не чудо! И сколько разъ Господь, споборая нашему Христолюбивому воинству, видимо отнималъ разумъ у талантливыхъ и рѣшительныхъ военачальниковъ японскихъ! Какое было смятеніе въ Портъ-Артурѣ, при гибели Петропавловска и Макарова, или послѣ Тюренченскаго пораженія, а враги бездѣйствовали, какъ будто кѣмъ-то свыше связанные и лишенные разума...

Нѣтъ, мы извѣрились, изнервничались, мы больны душою, мы глухи къ знаменіямъ благодѣющаго намъ Господа, и нѣмы къ славословью и пѣнью Его чудесь!..

* * *

Какъ отрадно, что чудо 6 января нашло себѣ прославленіе гдѣ же? на окраинѣ, — отъ проживающихъ здѣсь русскихъ людей, привѣтствовавшихъ Государя съ чудеснымъ спасеніемъ отъ грозившей опасности. Вотъ въ какихъ теплыхъ, полныхъ вѣры, словахъ описываетъ это отрадное явленіе корреспондентъ „Москов. Вѣд.“.

Въ Гельсинфорсѣ, въ театрѣ, когда 3-й актъ кончился, полицеймейстеръ, отъ имени губернатора, попросилъ публику не выходить; занавѣсъ былъ поднятъ, вся труппа вызвана на сцену и генераль Кайгородовъ прочелъ вслухъ телеграмму.

Не успѣлъ онъ произнести вслѣдъ затѣмъ слова: „Государь Императоръ избавленъ отъ великой опасности“,—какъ со всѣхъ сторонъ грянуло могучее, оглушительное *ура*, такое русское *ура*, которое идетъ отъ сердца и доходитъ до глубины сердца. „Гимнъ, гимнъ“,—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Раздались величественные звуки *Боже Царя храни*; пѣла вся труппа на сценѣ, пѣла публика; многіе плакали, слезы лились неудержимо. *Боже Царя храни*—эти великія слова нашего гимна совпадали какъ разъ съ настроеніемъ данной минуты... Господь хранить Царя, Онъ охранилъ Его и въ этотъ разъ Своєю Всемогущею Рукой отъ страшной опасности...

Много разъ повторяли гимнъ; а послѣ окончанія спектакля, по единодушному требованію публики, снова и снова раздавались его могучіе звуки...

Не персть ли это Божій?—далѣе размышляетъ корреспондентъ Татинъ,—думалось намъ, по выходѣ изъ театра, обсуждая совершившееся. Несчастнѣй случай и—чудесное отъ него избавленіе Государя со всею Царскою семьей и всѣми первыми лицами въ Государствѣ...

И это—какъ разъ въ такое время, когда у всѣхъ помутились умы, когда со всѣхъ сторонъ, по всему лицу земли Русской, идетъ шатаніе, неурядица, когда подрывается вѣра, подкапываются вѣковые устои нашего государственнаго строя, когда чуть не открыто готовы нарушить священный принципъ Самодержавія, посягнуть на спокойствіе и безопасность всей Русской Державы!

Ужъ не предостереженіе ли въ этомъ случаѣ свыше? Не есть ли это—грозное знаменіе, ниспосланное намъ всѣмъ? Царь есть помазанникъ Божій, и Самъ Господь чудесно спасаетъ Его отъ смертельной опасности. Не укажетъ ли Всевышній и всѣмъ намъ священный долгъ сплотиться вокругъ Царскаго Трона и защищать этотъ Тронъ—опору величія и славы Россіи—отъ всякихъ дерзкихъ посягательствъ? Не напоминаетъ ли намъ это проявленіе Божественнаго Промысла Божія, какъ разъ въ моментъ великаго православнаго торжества, о томъ, что оскудѣла наша вѣра, что пора намъ понять грѣхи наши, стряхнуть съ себя иноземное иго, все чуждое, намъ несродное, стать крѣпкими вѣрою и духомъ Русскими людьми, чтущими Бога и любящими Его Помазанника, нашего Самодержца и Вождя?

Да,—это знаменіе, и какъ разъ въ началѣ года; пусть же оно

потрясетъ насъ до глубины сердець и пусть согнуть опутывающія насъ ложь, лицемеріе и предательство. *Боже, Царя храни, и—царствуй на страхъ врагамъ, нашъ Православный Царь!*

* * *

Но вотъ не успѣли честные русскіе люди опомниться отъ впечатлѣній потрясающаго событія 6 января, какъ налетѣлъ ураганъ новаго страшнаго, всѣхъ истомившаго несчастья,—рабочей смуты, разразившейся кровавой катастрофой, жертвами которой сдѣлались сотни убитыхъ и раненыхъ, на стогнахъ и перекресткахъ столицы—виновныхъ и невинныхъ!

Рабочія стачки и забастовки за границей—дѣло заурядное, не рѣдки они за послѣдніе годы и у насъ въ Россіи. Но въ послѣдней столичной стачкѣ оказалась совершенно исключительная сторона, очень близко касающаяся сердца и добраго имени всего русскаго духовенства. Вотъ объ этой-то сторонѣ мы, по долгу духовнаго журналиста, и вынуждены сказать свое слово въ отвѣтъ на несомнѣнно существующій среди нашихъ читателей жгучій вопросъ: кто таковъ о. Гапонъ и какъ могло случиться, что православный священникъ оказался во главѣ рабочей и революціонной смуты—съ ея кровавыми послѣдствіями?

„Не судите прежде времени никого же“, поучаетъ Ап. Павелъ. И мы воздержимся произносить свой приговоръ на нашихъ *Скрижаляхъ* объ этомъ опозорившемъ духовное званіе и санъ странномъ господинѣ. Преступныя дѣянія о. Гапона подлежатъ суду Церкви и государства, которыя въ свое время и объявятъ свое безпристрастное изслѣдованіе личности и дѣяній печальнаго рясофорнаго героя и главнаго виновника кровавыхъ событій 9 января. Мы здѣсь можемъ сообщить лишь циркулирующіе объ о. Гапонѣ въ обществѣ и народѣ толки и появившіяся въ печати свѣдѣнія, а также и наши личныя о немъ наблюденія.

Не только русская, но даже и заграничная печать заинтересовалась личностью о. Гапона,—такъ оказался необыченъ фактъ участія и верховодства служителя алтаря въ народной смутѣ. Заграничная печать произвела о. Гапона въ потомки итальянца Гароп-а, отставшаго въ 1812 г. отъ великой арміи Наполеона и поселившагося въ Россіи, а какаѣ-то изъ русскихъ газетъ сообщила, что Гапонъ—крещенный въ дѣтствѣ бездомный еврейчикъ. На самомъ же дѣлѣ герой нашъ изъ крестьянъ, сынъ полтавскаго казака. Въ дѣтствѣ онъ пасъ гусей и свиней, но былъ мальчуганъ юркій и смысленный. Отданный въ сельскую школу, Гапонъ оказался способнымъ ученикомъ. И по совѣту, кажется, мѣстнаго добраго пастыря, отданъ былъ отцомъ въ духовное училище, а оттуда юноша поступилъ въ полтавскую духовную семинарію.

Изъ 4 кл. за „вольное“ поведеніе былъ уволенъ, однако снова принять и окончилъ курсъ семинарскихъ наукъ, „съ тройкой“ по поведенію. По окончаніи семинаріи, Гапонъ поступилъ на службу въ земскую управу и былъ *статистикомъ*, т. е. принадлежалъ къ той корпораціи „вольныхъ“ земскихъ дѣльцовъ, которая въ министерство Плеве закрыта при многихъ земствахъ, т. к. статистики оказались главными агитаторами, создавшими извѣстное Полтавское движеніе среди крестьянъ, разгромившихъ помѣщичьи усадьбы. Тогда же Гапонъ познакомился и женился на земской учительницѣ, которая была предана народничеству; она и убѣдила Гапона принять санъ священника, дабы имѣть больше средствъ и возможности приносить пользу народу. Гапонъ сдѣлался приходскимъ сельскимъ священникомъ, снискалъ благоволеніе покойнаго епископа Полтавскаго Иларіона. Послѣдній перевелъ Гапона въ самую Полтаву къ кладбищенской церкви вторымъ священникомъ. Тамъ о. Гапонъ выдался своимъ живымъ и одушевленнымъ проповѣдничествомъ. Матушка о. Гапона рано умерла отъ чахотки, оставивъ двухъ дѣтокъ. Среди мѣстнаго духовенства о. Гапонъ не пользовался симпатіями, къ чему были основательныя причины въ характерѣ и не—пастырскомъ поведеніи нашего печальнаго героя. Однако мѣстный епископъ не оставлялъ своего благоволенія къ пастырю проповѣднику и народнику—и по вдовствѣ направилъ его для продолженія образованія въ Петербургскую академію, снабдивъ ходатайствомъ, благодаря чему Гапонъ былъ принятъ, невзирая на неодобрительный баллъ по поведенію и неважные отмѣтки въ семинарскомъ аттестатѣ.

Гапонъ былъ принятъ въ академію и вступилъ въ существующіи при академіи кружокъ студентовъ-проповѣдниковъ на фабрикахъ и заводахъ. Такъ начались сношенія о. Гапона съ фабричнымъ столичнымъ населеніемъ, которое онъ скоро и заинтересовалъ своимъ народолюбіемъ.

Будучи студентомъ, о. Гапонъ поступилъ служить и законоучительствовать въ пріютъ бѣдныхъ дѣтей. Тамъ онъ тоже первое время пользовался расположеніемъ и совѣта, и попечителей, пока не стряслась какая-то таинственная, исторія, вызвавшая много шума и скандальныхъ толковъ; послѣ этой исторіи уволена была начальница пріюта и о. Гапонъ. Суть исторіи, какъ видно изъ опубликованнаго нынѣ газетами отчета пріюта за 1902 г., заключается въ томъ, что къ о. Гапону выбыла изъ пріюта одна изъ питомицъ пріюта.

Когда года 2 назадъ въ среду петербургскихъ фабричныхъ начала проникать московская организація кассы взаимопомощи

и рабочихъ союзовъ, мы видѣли въ собраніяхъ рабочихъ о. Гапона среди организаторовъ, прибывшихъ сюда изъ Москвы и устроявшихъ это новое для Питера дѣло. Однажды о. Гапонъ былъ съ нѣсколькими рабочими и у меня съ просьбою оказать поддержку ихъ дѣлу и содѣйствіе къ устройству для рабочихъ духовныхъ и общеобразовательныхъ лекцій, по примѣру московскихъ чтеній, а также, чтобы были имъ предоставлены для рабочихъ собраній аудиторіи общества религіознаго просвѣщенія. Тогда же они поспѣшили съ мыслию объ основаніи печатнаго органа, который бы могъ противостоятъ противъ революціонныхъ брошюръ и прокламацій, широко распространяемыхъ среди рабочихъ—соціалъ-демократической партіей. Видѣлъ и еще нѣсколько разъ я Гапона. О. Гапонъ дѣлалъ впечатлѣніе совсѣмъ не глубокаго человѣка, а скорѣе какого-то „шалага“—не то юрди-ваго, не то скудоумнаго и экзальтированнаго, у котораго или „не всё дома“,—или же наоборотъ,—онъ „себѣ на умѣ“, и способенъ представляться гдѣ нужно не тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Рабочіе организаторы, среди которыхъ Гапонъ, какъ намъ казалось, не игралъ тогда особой роли, а скорѣе выглядывалъ ученикомъ ихъ, заинтересовали меня названнымъ движеніемъ, направленнымъ къ оплочному отпору противъ зловердной пропаганды и къ законному обезпеченію своихъ товарищей на случай несчастія. Разъ просятъ рабочіе здоровой духовной пищи, надо ее дать. Это прямой долгъ Церкви и ея пастырей. Къ данному вопросу я отнесся съ полнымъ сочувствіемъ и горячимъ участіемъ. Однажды этотъ вопросъ у меня въ Редакціи обсуждался цѣлымъ собраніемъ интересовавшихся рабочимъ движеніемъ вѣрующихъ интеллигентовъ и пастырей, во главѣ съ о. предсѣдателемъ просвѣтительнаго общества,—о. прот. Орнатскимъ. О. Гапона не было тогда. Мнѣнія раздѣлились. Указывалось, что на организацію этого движенія нѣтъ пока правительственной санкціи, и оно находилось тогда въ вѣдѣніи полиціи, а потому представителямъ Церкви входить въ сношеніе съ такой организаціей не политично.

Другіе держались того убѣжденія, что для учительства Церкви нѣтъ дѣла, какъ и отъ кого исходитъ и къмъ ведется организація рабочихъ. У пастырей просятъ здороваго духовнаго хлѣба взамѣнъ того суррогата, которымъ напитываютъ рабочую массу иные просвѣтителы, ну и давайте этотъ хлѣбъ, радуясь и благословляя Бога, что не пропаль аппетитъ у этихъ оторванныхъ отъ Церкви ея сыновъ. Что же касается тѣхъ бесѣдъ, которыя ведутся религіозно-просвѣтительнымъ обществомъ, то онѣ не вполне

удовлетворяют рабочую среду, которая ищетъ уже не молока, а твердой пищи.

Прозорливыми указывалось также и на то, что и самая организація рабочихъ союзовъ—дѣло обоюдоострое, палка о двухъ концахъ. Сплоченную рабочую армію легче злонамѣреннымъ агитаторамъ перевернуть и опрокинуть въ свою сторону, чѣмъ разрозненныя силы. Словомъ, петербургскія духовныя сферы уклонились отъ поддержки этого движенія. На молебнѣ по поводу освященія кассы взаимопомощи рабочихъ, прот. Орнатскій въ своей рѣчи указывалъ, что общество ведетъ въ 64 пунктахъ бесѣды и приглашалъ рабочихъ ходить туда и тамъ поучаться. Разочарованіе организаторовъ чувствовалось уже тогда.

Князь Мещерскій, издатель „Гражданина“, взялся удовлетворить желанію рабочихъ относительно печатнаго органа, начавъ издавать свои „Дружескія рѣчи“.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два года. Рабочимъ вопросамъ въ нашихъ духовныхъ сферахъ, повидимому, особенно не интересовались.

А. между тѣмъ.—дѣло правительственной организаціи союзовъ шло своимъ чередомъ, прошли закономъ правила о рабочихъ старостахъ на фабрикахъ, разрѣшены были рабочіе союзы, весь Петербургъ былъ раздѣленъ на 14 участковъ и каждый участокъ имѣлъ уже свое помѣщеніе для собраній.

О. Гапонъ благополучно окончилъ курсъ академіи, написавъ сочиненіе кандидатское на обоюдоострую тему „о христіанствѣ и социализмѣ“. Сообщалось, что въ ученой работѣ своей онъ высказался скорѣе социалистомъ, чѣмъ христіанскимъ пастыремъ и получилъ замѣчаніе отъ совѣта академіи.

Рабочаго движенія о. Гапонъ не терялъ изъ виду и не оставялъ его, и когда другіе перестали интересоваться имъ, онъ пристроился къ нему вплотную. Въ благонадежность и способности его увѣрвали и рабочіе, и власть. Самъ покойный министръ Плеве лично приглашалъ Гапона для переговоровъ и послѣдній произвелъ на перваго доброе впечатлѣніе. По ходатайству тюремнаго начальства о. Гапона опредѣляютъ на должность тюремнаго священника и въ тоже время утверждаютъ по избранію рабочихъ старшиною рабочаго союза. Въ распоряженіе о. Гапона, какъ старшины, довѣряются деньги на нужды организаціи рабочихъ (мы слышали—онъ получалъ до 500 руб. въ мѣсяць); въ его распоряженіи была касса взаимопомощи. Въ собраніяхъ рабочихъ о. Гапонъ по понедѣльникамъ велъ духовныя бесѣды.

Что онъ проповѣдывалъ и какъ, очевидно, никто не зналъ, никто не интересовался. Облеченный довѣріемъ свѣтской власти,

онъ сталъ полноправнымъ хозяиномъ дѣла организаціи и руководства рабочихъ союзовъ. О Гапонѣ вспомнили и заговорили во время забастовки, когда онъ выступилъ предъ администраціей путиловскаго завода съ петиціей отъ имени рабочихъ и велъ себя, какъ настоящій демагогъ.

Принявъ обязанности старшины рабочихъ, вопреки совѣта и желанія высокопреосвященнаго митрополита, Гапонъ велъ свое дѣло въ отчужденіи отъ епархіальнаго начальства и духовенства столичнаго. Когда, въ дни забастовокъ, владыка митрополитъ потребовалъ о. Гапона къ себѣ для объясненій и внушеній, Гапонъ не явился.

Съ 7 числа забастовали рабочіе типографін, въ которой печатается нашъ журналъ ¹⁾; здѣсь близко помѣщается и 5 отдѣлъ собранія рабочихъ. Отправившись навѣстить типографію, мы увидели близъ дома собранія большую толпу рабочихъ, стоявшихъ чинно, понутивъ голову, видно въ глубокомъ раздумьѣ. Потянуло насъ къ этой толпѣ, по старой миссіонерской привычкѣ, когда намъ приходилось одиноко лицомъ къ лицу стоять съ словомъ евангельской правды—и предъ взволнованной тысячной толпой (у закавказскихъ духоборцевъ), и предъ мирной многотысячной массой (разъ въ Кіевѣ намъ пришлось проповѣдывать на могильномъ холмѣ Щекавицкаго кладбища болѣе чѣмъ пяти тысячамъ слушателей).

Увидавъ одного изъ знакомыхъ типографскихъ рабочихъ, я къ нему обратился съ вопросомъ: о чемъ раздумываете. Братцы? Нѣтъ-ли въ собраніи о. Гапона?

— Батюшки *нашего* нѣтъ, а тамъ (въ собраніи) читаютъ лекцію и отбираютъ подписи подъ петиціей, отвѣтилъ мнѣ рабочій.

— Кто читаетъ и о чемъ?

— Да, вѣрно, какой-нибудь рабочій. Онъ рассказываетъ о томъ, какъ нужно завтра къ 2 часамъ всѣмъ идти на Дворцовую площадь. *Нашъ батюшка* съ выборными пойдутъ во дворецъ подавать Государю прошеніе о нашихъ рабочихъ нуждахъ. Если Царь милостиво приметъ и пообѣщаетъ удовлетворить наши нужды, то батюшка, выходя изъ дворца, махнетъ бѣлымъ платкомъ, и тогда всѣмъ надо кричать „ура“, а если Царь не приметъ просьбы и откажетъ, то батюшка махнетъ „краснымъ платкомъ“, тогда надо всѣмъ кричать: „нѣтъ у насъ больше Царя“.

— Послушай, пріятель, не добрыя лекціи вамъ читаютъ, явно

¹⁾ Забастовка эта продолжалась болѣе недѣли, вслѣдствіе чего мы выпускаемъ настоящую книжку съ невольнымъ и прискорбнымъ опозданіемъ къ чемъ искренно сожалѣемъ и извиняемся предъ подписчиками.

на безумное дѣло подбиваютъ, поразсудите-ка: всегда испрашивается Высочайшее соизволеніе на принятіе Государемъ кого-бы то ни было, даже послы иноземные, принцы прѣвзжіе, министры—и тѣ безъ назначенія времени приѣма сами по себѣ не дерзаютъ являться во дворець предъ лицо Царя. Если такого разрѣшенія отъ министра двора на принятіе вашей депутаціи нѣтъ у „вашего батюшки“, то нечего ему и ломиться во дворець,—это будетъ дерзостью и безуміемъ, ибо насильно никого не допустятъ и къ порогу царскому. А если испрошено разрѣшеніе, то не зачѣмъ толпѣ рабочихъ собираться на площадь и т. п.

— Да мы и сами такъ думаемъ, что пустое дѣло затѣвается, многіе и не стали подписываться подъ прошеніемъ... А вотъ вашъ машинистъ N подписался полною фамиліей, а теперь расканивается и боится, чтобы чего худого изъ этого не вышло. А помощникъ его—тотъ поостерегся,—взялъ да и подписался: „Максимъ Сладкій“... Всѣ разсмѣялись. Я ушелъ.

Хотѣлось мнѣ въ собраніе пойти самому и обличить смутьяна лектора, но къ сожалѣнію не позволили „положеніе“ и разныя соображенія „тонкаго политическаго свойства“.. А теперь, когда разыгралась кровавая драма, безконечно жаль, что много въ нашемъ спокойномъ лагерѣ „политики“ и мало рѣшимости... И тяжело и досадно стало, зачѣмъ миссіонеры, пастыри-проповѣдники отстали отъ рабочаго вопроса, оставили этого одного Гапона, непощадившаго стада лютаго волка въ рясѣ...

Еще два слова объ о. Гапонѣ. Во время народной смуты, въ субботу 8-го вечеромъ, его никакъ не могли найти, онъ перемѣнилъ за ночь чуть-ли не 6 квартиръ. Однако утромъ шелъ съ многотысячной толпой путиловскихъ забастовщиковъ, но въ третьемъ ряду; въ первомъ же ряду, по его святотатственной командѣ, шли „образоносцы“: двое несли икону, одинъ на плечѣ (распущенную) ризу и епитрахиль, двое хоругви, двое портреты Иѣ Величествъ. Кошунственная и адски коварная цѣль такого маскарада была понятна, на нее могъ рѣшиться только великій англичанинъ въ рясѣ: все это рассчитано смутой на вящее впечатлѣніе на войска и народъ—пусть-ка-де попробуютъ стрѣлять въ иконы и портретъ Государя. Проямо какое-то неслыханное нахальство и іудино предательство!

Послѣ первой схватки съ войсками, Гапонъ исчезъ, а гдѣ онъ теперь обрѣтается, объ этомъ въ Питерѣ говорятъ разное.

Конечно, время выяснить все, а теперь разную оцѣнку даютъ виновности и характеру дѣятельности о. Гапона: безбожники восторгаются, вѣрующіе негодуютъ, одни находятъ, что онъ получилъ

соціалистическую закваску въ школѣ статистиковъ, но, сдѣлавшись пастыремъ, вытрезвился отъ политическаго угара и былъ исполненъ добрыхъ намѣреній служить интересамъ народа, неизмѣняя пастырскому званію, искренно и по христіански, но, оставшись одинокимъ, такъ же *глупо* и *наивно*, чисто помужички, попалъ въ опутавшія его сѣти анархической партіи, какъ глупо опекаемые имъ рабочіе попали въ раставленные для нихъ Гапономъ сѣти смуты.

Другіе, наоборотъ, считаютъ о. Гапона хитрымъ, низкимъ и коварнымъ авантюристомъ, ловко проводшимъ всѣхъ, начиная съ добраго епископа Иларіона въ Полтавѣ, продолжая начальствомъ академическимъ и епархіальнымъ,—провелъ и одурачилъ самого умнаго Плева и, наконецъ, нагло, безжалостно подвелъ подъ катастрофу народную массу, а самъ ускользнулъ и отъ пуль и отъ рукъ полиціи. Одно неоспоримо, что о. Гапонъ, пастырь *недостойный*, что онъ во все время дѣйствовалъ и окончилъ свою эпопею не только не по-пастырски, но и не по-христіански,—какъ тать и разбойникъ. Слава Богу, что онъ не *отъ насъ изыде*.

Да, воистину, дни наши лукавы, а коварство людей не брезгаетъ ничѣмъ святымъ!

Что же, падать-ли духомъ, унывать-ли въ виду такихъ страшныхъ бѣдствій церкви и отечества! Никакъ! Будемъ вѣровать въ лучшее будущее,—памятуя, что *вѣрующему все возможно!*

Станемъ добръ, каждый на своей стражѣ, станемъ со страхомъ Божиимъ и живою вѣрою и упованіемъ на милость Божію! Противопоставимъ нынѣшнему шатанію умовъ, нетвердости чувствъ и убѣжденій—непоколебимую вѣрность и преданность нашей матери Церкви и нашему драгоценному отечеству до самопожертвованія, столь необходимаго въ переживаемую тяжелую годину;—вѣрность и преданность до послѣдней капли крови нашему возлюбленному Государю, какъ первому Сыну свято чтимой Имъ церкви православной, какъ Самодержавному Печальнику и Хранителю судьбы земли русской,—вѣрность незыблемымъ кореннымъ нашимъ основамъ—православію и самодержавію, какъ единственно спасительному оплоту и залогу спасенія Россіи, отъ нынѣшнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдъ и напастей!

Будемъ вѣровать, надѣяться и молиться, чтобы святая и родная Русь въ новомъ году обрадована была благословеніемъ мира и спокойствія, согрѣта лучами правды и добра! Насъ же всѣхъ да сохранитъ милосердый Господь отъ всякаго зла!

В. Скворцовъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Жизнь вашей Церкви, состояніе миссіонерства и положеніе расколо-сектантства въ минувшемъ году. Дѣятельность церковнаго управленія въ истекшемъ году. Отношеніе церкви и духовенства къ войнѣ. Пропавшая икона и почившіе іерархи и апологеты. Церковно-школьная миссія. Ожиданія миссіи отъ церк.-школьнаго управленія. Децентрализація въ управленіи дѣлами миссіи. Перемены въ составѣ миссіонеровъ. Вакантность миссіонерскихъ должностей и отсутствіе кандидатовъ. Причины напряженности дѣятельности миссіи и сектантскаго броженія. Куда дѣвалась южно-русская штунда? Отношенія социаль-демократіи къ сектантству. Новыя секты. Прошлогоднія домогательства и новѣйшія надежды раскола. Московское совѣщаніе раскольниковъ и петиція. Приходская миссія. Памяти почившихъ дѣятелей миссіи. *В. Скворцовъ* 165—183

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

Царское слово рабочимъ	184
Голосъ Церкви по поводу послѣднихъ горестныхъ событій въ жизни отечества: I. Посланіе Св. Синода. II. Слово на панихидѣ преосвященнаго Антонина епископа Нарвскаго. III. Слово епископа Сергія о событіяхъ 9 января. IV. Епископскій призывъ къ молитвѣ о несчастныхъ жертвахъ рабочей смуты, Антонина епископа Нарвскаго	185—190
Болѣзнь и соборованіе о. Іоанна Кройштадтскаго	191—193
О священникѣ Гапонѣ.—Старообрядческій журналъ	193
Возстановленіе истины (Письмо въ редакцію). <i>А. Матвѣевъ</i>	194—195
Взглядъ сектантовъ на брачныя разводы. (Корр. изъ Мелитополя). <i>О. Балихинъ</i>	196—198
Письма съ Дальняго Востока (отъ собств. корреспондента). <i>М. Аркадьевъ</i>	198—203
Изъ литературы и жизни. (Впечатлѣнія миссіонера). По поводу двухъ разсказовъ нашихъ современныхъ писателей. <i>Д. Боголюбовъ</i>	204—204
Отлики. Война и свобода слова. <i>Б. Татице</i>	215—219
На встрѣчу „свободы исповѣданій“. <i>Н. Гринякинъ</i>	219—226
По поводу посланія Св. Синода	226—228
Со скрижалей сердца. Чудо милости Божіей 6 января на крещенской Гордани.—Кровавая катастрофа на улицахъ столицы 9 янв.—Кто такой о. Гапонъ и какъ православный священникъ могъ стать во главѣ народной смуты. <i>В. Скворцовъ</i>	229—240

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ
на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

РАЦИОНАЛЬНОЕ Птицеводство и Животноводство.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ—4 р., на полгода—2 р., на 3 мѣс.—1 р. Для зем. упр., волости, правл., сельск. учт. и учителей. на годъ—3 р., на полгода—1 р. 50 к.

Объявленія за строку петита 5 коп.

Пробные номера высылаются бесплатно.

Подписка на журналъ и приемъ объявленій принимаются въ конторѣ журнала «Рациональное Птицеводство и Животноводство» по адресу:—ночная станція Кегель, Эстляндской губ., равно какъ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

Издатель *Э. В. Багговутъ.*

Редакторъ *И. В. Юрсонъ.*

Открыть приемъ пожертвованій

на построение перваго кладбищенскаго храма въ центрѣ Манчжуріи (въ г. Новомъ Харбинѣ), въ которомъ будутъ возноситься молитвы о вѣчномъ упокоеніи, какъ всѣхъ павшихъ въ восточной войнѣ воиновъ, такъ и всѣхъ почившихъ на кладбищѣ православныхъ христіанъ.

Пожертвованія принимаются: въ г. Новомъ Харбинѣ, причтомъ и старостой Св. Николаевской Ново-Харбинской церкви.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ БРОШЮРЫ

И. Т. Айвазова:

1) Орловскій миссіонер. съездъ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти (по поводу доклада г. Стаховича)—Цѣна 75 коп. съ перес.

2) «Новое Вселенское христіанство—Религія Конца»—Ц. 35 коп. съ пересылкой.

3) Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ.—Ц. 20 коп. безъ пересылки.

Съ требованіями обращаться къ автору: Харьковъ, Малая Панасовская, 35.

Священникамъ—законоучителямъ,

для борьбы съ сектантскими волненіями въ приходахъ, въ помощь, предлагаются изданія, основанныя на значительномъ служебномъ опытѣ:

1) Православный противосектантскій катихизисъ, изд. 3-е, вновь исправл. дополн. и только что отпечатанное, ц. съ перес. 15 коп.

2) Миссіонерскія бесѣды съ штундобаптистами, ц. съ перес. 1 р. 75 к.

Съ требованіями просить обращаться исключительно по адресу: СПбургъ; Бол. Моск. 4, кв. 15, Епархіальному миссіонеру Д. И. Боголюбову.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

„ВѢРА и ЗНАНІЕ“

(СПБ. НЕВСКІЙ № 119).

спеціально для духовенства и духовно-учебныхъ заведеній. Всѣ удобства выписки книгъ. Книга имѣются всѣ, какія бы гдѣмъ ни были изданы.

Полный каталогъ книгъ магазина высылается бесплатно, за пересылку прилагать трп 7-ми коп. маркп.

1905.

Февраль.

X.

Книга 1-я.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЖУРНАЛЬ ВНУТРЕННЕЙ МИССІИ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

В. В. Комарова, Невскій, 136.
1905.

Редакція „Миссіонерск. Обозр.“
Невскій, 153.

Содержаніе 1-й февральской книжки

журнала „Миссіонерское Обзорніе“ за 1905 годъ.

Какъ оживить пастырямъ свою миссіонерскую дѣятельность.	
<i>В. Терлецкій</i>	241—258
Единобожіе и безсмертіе въ естественной религіи, какъ прямой отвѣтъ на запросы духа всего человѣчества. <i>А. А. Берсъ.</i>	259—265
Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи	266—269
„Самоправіе въ дѣйствіяхъ имонуемыхъ всероссійскихъ сѣздовъ и ихъ попечительства“. Свящ. <i>С. Шалкинскій</i>	270—286
Самобытная русская конституція. <i>Русскій старикъ</i>	287—296

Изъ записокъ и дневниковъ.

Голосъ современнаго лѣтописца-инока по поводу переживаемыхъ Церковью и Отечествомъ событій. <i>Старець-монахъ</i>	297—311
На своей позиціи. <i>А. Платоновъ</i>	312—320
Священные изображенія на полотнѣ. Свящ.-мис. <i>С. Потъхинъ.</i>	321—322
Какъ мстятъ миссіонерамъ. Свящ. <i>Н. Кипарисовъ</i>	323—324
Изъ разговора православнаго простеца съ бѣглымъ попомъ. <i>И. Водягинъ</i>	325—328

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда со старообрядцемъ австрійскаго толка по вопросу: „Содержить-ли пр. Церковь ересь Люциферіанскую, или нѣтъ“. Мисс. іерей <i>Д. Александровъ</i>	329—338
--	---------

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики истекшаго года. „О перстосложеніи для крестн. знаменія и благословенія“, „Прелестъ раскольническая“, „Бракъ и дѣвство при свѣтѣ древнехристіанской письменности“, „Ученіе социалистовъ о возникновеніи христіанскаго правоученія на экономической почвѣ“, „Возрождающійся идеализмъ въ міросозерцаніи русскаго образованнаго общества“, „Достоинство воскресенія Господа нашего Іисуса Христа“, „Библия и Вавилонъ“, „Пріѣздъ въ Астрахань восточныхъ патріарховъ“. <i>М. Лисицынъ</i>	339—347
Еп. Хрисановъ. „Къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки“. Іером. <i>Александръ</i>	348—351

Какъ оживить пастырямъ свою миссіонерскую дѣятельность.

Въ наступившій новыі годъ отъ пастыря Церкви требуется усиленная миссіонерская дѣятельность. Обстоятельства времени, вызывая его на одинокую борьбу съ расколо-сектантствомъ и только *своими* мѣрами, налагають на духовенство обязанность готовиться къ напряженной работѣ.

Но подготовка эта, по самому существу дѣла, можетъ и должна быть двоякая. Въ виду приближенія врага, или распространенія какой либо заразной болѣзни, необходимо бываетъ, съ одной стороны, принять мѣры предупредительныя, а съ другой—запастьсь соотвѣтствующими средствами для борьбы на случай, еслибы врагъ вторгся.

Гораздо лучше и легче въ самомъ началѣ вылѣчить болѣзнь, или, еще лучше, предохранить отъ нея себя и другихъ, нежели излѣчивать ее уже потомъ, когда она началась, а тѣмъ болѣе, когда уже застарѣла. Какъ только штунда, или иная какая секта проникла въ приходъ, тогда труднѣе съ нею справиться, чѣмъ въ самомъ началѣ, когда она еще никѣмъ не принята, хотя и угрожаетъ съ той или другой стороны. Особенно важнымъ представляется въ этомъ отношеніи моментъ организаціи сектантской общины. Если пастырь не замѣтитъ начавшагося въ приходѣ религіознаго движенія и дастъ возможность ему сформироваться въ сектантскую общину, напр., штундистскую съ вожакомъ пресвитеромъ во главѣ, то тогда борьба съ нею будетъ не легка, такъ какъ значительно осложнится въ мотивахъ. Поэтому пастырь, не ожидая пока секта объявится въ приходѣ, долженъ заранѣе употребить все средства и усилія къ тому, чтобы она не проникла въ среду его па-
сомыхъ.

Но принимая мѣры предупредительныя, пастырь всегда можетъ считатьъ на появленіе въ своемъ приходѣ секты, такъ какъ зараза невидимо и невѣдомо заносится совнѣ и легко передается многоразличными путями.

Врагъ спасенія нашего приходитъ на ниву Божію и всѣваетъ свои плевелы на ней среди ночи, тайно. И сектанты—пропагандисты на первыхъ порахъ сѣютъ злое ученіе свое тайно. Увлеченные ими прихожане не сразу сказываютъ себя сектантами. Уже питая въ себѣ сектантскія мысли, они однако высказываются о предметахъ вѣры очень осторожно и сдержанно, больше стараясь разспрашивать о нихъ самого священника, будто бы изъ простаго любопытства, при чемъ не столько ищутъ разрѣшенія недоумѣній своихъ, сколько испытываютъ священника. И горе тому священнику, который окажется не въ состояніи отвѣтить имъ на тѣ или другіе вопросы, или отвѣтитъ неудовлетворительно. Тогда отпадшіе считаютъ себя совершенно правыми предъ своей совѣстью, сваливая всю вину своего отпаденія на одного священника, который не умѣлъ ихъ научить. Еще хуже бываетъ, когда сектантъ открыто выступаетъ съ ругательствами и хуленіями на Церковь, ея обряды и уставы, а пастырь окажется недостаточно вооруженнымъ мечемъ Слова Божія на сокрушеніе дерзости врага. Побѣда сектанта, хотя бы только мнимая, всегда дѣйствуетъ деморализующе на массы православнаго люда и способствуетъ совращенію въ секту. Поэтому, не ограничиваясь принятіемъ мѣръ предупредительныхъ, пастырь въ то же время долженъ заранѣе позаботиться о пріобрѣтеніи свѣдѣній, необходимыхъ для успѣшнаго состязанія съ сектантами. Этимъ онъ предохранитъ себя отъ того невыгоднаго и опаснаго положенія, въ которомъ можетъ очутиться при первой встрѣчѣ съ сектантами, вслѣдствіе незнанія того, чему они, сектанты, вѣруютъ, на чемъ свою вѣру утверждаютъ и чѣмъ ихъ можно опровергнуть.

Такимъ образомъ, пастырская дѣятельность въ виду распространенія сектантства должна быть направлена, съ одной стороны, къ принятію мѣръ предупредительныхъ, а съ другой, —къ пріобрѣтенію необходимыхъ для борьбы съ сектантствомъ средствъ. Въ чемъ состоитъ сущность мѣръ предупредительныхъ, и что можетъ сдѣлать пастырь Церкви для предупрежденія появленія сектантства въ своемъ приходѣ?

I.

Предупредить распространение сектантства можно въ такомъ случаѣ, если будутъ устранены условія, благопріятныя для его развитія, если будетъ уничтожена почва, на которой оно легко и удобно могло бы прivityся. То правда, что сектантство есть явленіе сложное, и распространение его зависить отъ многихъ условій и обстоятельствъ, находящихся внѣ вліянія пастыря Церкви. Но и то несомнѣнно, что, какъ явленіе по существу своему религіозно-нравственное, сектантство своимъ появленіемъ и распространеніемъ въ значительной степени обязано печальнымъ условіямъ внутренней жизни нашихъ приходо́въ, недостаткамъ религіозно-нравственной жизни, недостаточному религіозно-нравственному воспитанію пасомыхъ.

Конечно, глубоко несправедливо и обидно то мнѣніе о происхожденіи штундизма, будто его вызвало исключительно наше духовенство-грубое, корыстное, лѣнивое, погруженное въ формализмъ и т. п. Но нельзя не признать доли истины въ томъ мнѣніи, которое происхожденіе штундизма объясняетъ тѣмъ, что возбужденныя религіозныя потребности народа были удовлетворены не тѣмъ и не такъ, кѣмъ и какъ они должны были быть удовлетворены. По этому мнѣнію, въ нашемъ народѣ, искони отличающемся религіозностью, въ послѣднее время вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ народнаго духа и сознанія, явившимся слѣдствіемъ освободительныхъ реформъ 60-хъ годовъ, религіозность усилилась, замѣтно стало высшее религіозное возбужденіе, высшій подъемъ религіознаго сознанія и чувства. Подобное состояніе представляло богатую почву для иновѣрной пропаганды, такъ какъ въ такомъ состояніи человѣкъ становится особенно чуткимъ ко всему тому, что только сможетъ удовлетворить его, все сильнѣе и сильнѣе пробуждающимся, духовнымъ потребностямъ. И если бы удовлетвореніе это послѣдовало со стороны православныхъ пастырей, то несомнѣнно народъ не сталъ бы увлекаться проповѣдью какихъ либо иновѣрцевъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Не найдя удовлетворенія у своихъ пастырей, народъ бросился въ объятія нѣмца, который сумѣлъ затронуть въ немъ живую струну, первый сказалъ ему теплое сердечное слово, первый успокоилъ томящуюся душу и тѣмъ подготовилъ почву, на которой вслѣдъ за пшеницей сталъ сѣять плевелы. Разъ сбитое съ толку, религіозное сознаніе народа не могло

безъ усиленной посторонней помощи войти въ прежнее русло. Помощи этой, къ несчастью, не оказалось, и вотъ заблудившаяся религіозная мысль народа нашла выходъ въ штундѣ.

Конечно, въ этомъ миѣніи нельзя не видѣть замѣтной идеализаціи сектантства, но нельзя не признать въ немъ, какъ выше было уже замѣчено, извѣстной доли истины. Дѣло въ томъ, что сектантство вообще есть явленіе болѣзненное, ненормальное, и потому, несомнѣнно, представляетъ собою продуктъ ненормальныхъ условій религіозно-нравственной жизни. Религіозное невѣжество, пониженіе нравственнаго уровня — представляютъ богатую почву для развитія сектантства. При упадкѣ нравственности и общихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни всегда являются такія теченія въ народномъ духѣ, которыя такъ или иначе побуждаютъ народный умъ искать выхода изъ той нравственной тьмы, которая окружаетъ его. Въ большинствѣ случаевъ теченія эти бываютъ смутны, неопредѣленны, но какъ реакція извѣстному ненормальному строю жизни, они естественны и неизбѣжны. Оставаясь незамѣченными и не получая правильного направленія, теченія эти принимаютъ направленіе ложное и выражаются въ появленіи сектъ.

Таковъ общій ходъ образованія сектантства, имѣвшій несомнѣнно мѣсто и въ происхожденіи новѣйшаго сектантскаго движенія. Не входя въ подробное изслѣдованіе причинъ и условій, породившихъ это движеніе, укажемъ еще одинъ изъ внутреннихъ мотивовъ, играющій непоследнюю роль въ его появленіи и быстромъ распространеніи.

Несомнѣнно нашъ народъ глубоко религіозенъ и преданъ Церкви. Но къ сожалѣнію, въ его религіозной жизни часто замѣтно формальное отношеніе къ тѣмъ средствамъ удовлетворенія его религіозныхъ потребностей, какія предлагаются Церковью. Въ узаконеніяхъ Церкви онъ нерѣдко видитъ болѣе внѣшнюю сторону, и въ выполненіи обряда полагаетъ сущность религіи. Поэтому и связь его съ Церковью болѣе внѣшняя, формальная, чѣмъ внутренняя, живая; слѣдовательно, при видимой прочности, въ сущности слабая. Несомнѣнно также и то, что освободительныя реформы 60-хъ годовъ произвели въ народѣ глубокій переворотъ. Въ бытѣ и сознаніи народа наступила цѣлая эра: поднимается сознаніе личности, развивается духъ критики, религіозное сознаніе углубляется, народъ ищетъ не формальнаго только, а дѣйствительнаго удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, ищетъ вѣры спасающей.

А такъ какъ связь его съ Церковью была только внѣшняя, формальная, то, естественно, не удовлетворившись ею, онъ легко порвалъ ее и порываетъ. И если прежде, принадлежа къ Церкви православной, сущность религіи полагалъ въ выполненіи обряда, то теперь отвергаетъ всякій обрядъ во имя служенія Богу „духомъ и истиною“. Отсюда становятся понятными упреки, дѣлаемые сектантами Церкви православной въ томъ, что въ ней форма, обрядъ господствуетъ надъ духомъ, что она силится собою замѣнить истинное, духовное служеніе, что вслѣдствіе этого въ средѣ христіанъ развиваются разныя пороки и проч.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ: если сектантство представляетъ собою продуктъ ненормальныхъ условій религіозно-нравственной жизни, то понятно, чѣмъ ниже будетъ религіозно-нравственное состояніе какого-либо прихода, тѣмъ скорѣе къ нему можетъ приразиться сектантство. Подобно тому, какъ во время эпидемій зараженію подвергаются прежде всего организмы слабыя и истощенныя, такъ и нравственно-религіозная эпидемія находитъ свои жертвы между людьми тощими духовно, нравственно и религіозно неустойчивыми и слабыми. И наоборотъ, если приходъ живетъ здоровою духовною жизнью, если пасомые нравственно крѣпки, то они не легко поддадутся всякаго рода тлетворнымъ вліяніямъ и воздѣйствіямъ, но будутъ имѣть въ себѣ достаточно силы къ отраженію ихъ. Поэтому, имѣя въ виду предупредить появленіе сектантства, пастырь долженъ позаботиться о возвышеніи религіозно-нравственнаго состоянія своего прихода, долженъ позаботиться, чтобы у пасомыхъ, ввѣренныхъ его водительство и попеченію, не ослабѣвала, а по возможности укрѣплялась связь ихъ съ живымъ тѣломъ Церкви, одушевленнымъ Духомъ Божиимъ, чтобы связь эта была не внѣшняя только, слабая, но внутренняя, прочная, органическая. Церковь есть единый организмъ, сообщающій живительную силу всѣмъ своимъ членамъ: у кого связь съ этимъ организмомъ слаба, тотъ, лишаясь жизненныхъ соковъ, сохнетъ, мертвѣетъ и легко отпадаетъ. Вообще, въ виду предупрежденія сектантства, отъ пастыря Церкви требуется *общее усиленіе пастырской дѣятельности*, направленной къ религіозно-нравственному воспитанію пасомыхъ, требуется, слѣдовательно, болѣе живое и энергическое воздѣйствіе на пасомыхъ при помощи общихъ, имѣющихся въ распоряженіи пастыря Церкви воспитательныхъ средствъ—учительства, священнодѣйствія и духовнаго руководства. Эти общія средства пастыр-

скаго воздѣйствія на пасомыхъ суть въ тоже время врачебныя, цѣлебныя и укрѣпляющія средства противъ вторженія сектантства въ приходъ.

Пусть только пастырь пользуется ими должнымъ образомъ.

II.

И прежде всего, въ виду предупрежденія сектантства пастырь долженъ быть *учительнымъ*.

Нашъ народъ стремится къ религіозному вѣдѣнію. Жажда послушать отъ слова Божія у него не есть только дѣло простого любопытства, а глубокая потребность религіозно-настроенной души. Поэтому-то онъ съ такимъ вниманіемъ слушаетъ все, что возбуждаетъ въ немъ религіозное чувство, что располагаетъ его жить полною религіозною жизнію. И въ основѣ сектантскаго движенія лежитъ, между прочимъ, стремленіе къ религіозному просвѣщенію. Любовь къ чтенію и изученію слова Божія—одна изъ привлекательныхъ чертъ штундизма. „Когда мы были въ Церкви православной, говорятъ штундисты, то сидѣли во тьмѣ, а теперь, поступивъ въ штунду, увидѣли свѣтъ, узнавъ вѣру Христову“. Поэтому, чтобы изъ тьмы невѣдѣнія пасомые не попали въ тьму заблужденія, пастырь долженъ усилить свою просвѣтительную дѣятельность, долженъ обильно поучать пасомыхъ здравымъ словамъ истины.

Обучая прихожанъ вѣрѣ и благочестію, по заповѣди Спасителя и наставленіямъ Его Апостоловъ, со всякимъ усердіемъ и ревностью, проповѣдуя слово Божіе „благовременнѣ и безвременнѣ“, пастырь, въ видахъ религіозно-нравственнаго воспитанія пасомыхъ, долженъ позаботиться объ учрежденіяхъ, имѣющихъ просвѣтительное значеніе, на которыя онъ могъ-бы опереться для противодѣйствія сектантству. Таковы—церковно-приходскія школы, внѣцерковныя собесѣдованія, церковноприходскія библіотеки.

Школы, въ особенности церковно-приходскія, суть одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ утвержденію народа въ преданности православной вѣрѣ, и къ устраненію недостатковъ религіозно-нравственной жизни. Если пасомые чрезъ школьное обученіе будутъ еще въ раннемъ дѣтствѣ утверждены въ православной вѣрѣ, то и въ зрѣлыхъ лѣтахъ они не захотятъ оставить ее и не отдадутъ себя въ руководство какимъ-либо невѣждамъ, самозваннымъ учителямъ и безвѣстнымъ проходимцамъ.

Ближайшимъ пособіемъ, и какъ-бы продолженіемъ школьнаго дѣла, должны служить правильно организованныя и цѣлесообразно поставленныя виѣбогослужебныя собесѣдованія. Здѣсь, кромѣ систематическаго, въ видѣ катихизаціи, преподаванія религіозныхъ истинъ, а также обученія пѣнію и изученія молитвъ со словъ, должно заниматься чтеніемъ и изъясненіемъ Св. Писанія, особенно Новаго Завѣта, съ остановкою преимущественнаго вниманія на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ сектанты стараются утвердить свое лжеученіе.

Говоря о цѣлесообразной постановкѣ виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, не можемъ не обратить вниманія на проектированныя въ „Подольскихъ Епарх. Вѣд.“ *виѣцерковныя собранія*. „Такъ какъ мы боремся противъ штундизма, говоритъ авторъ проектируемыхъ собраній, то и мѣры наши должны составлять прямой противовѣсъ его учрежденіямъ. Поучительно вспомнить тутъ исторію Церкви. Когда аріане, устроая крестныя ходы за городъ наканунѣ воскреснаго дня, увлекали тѣмъ много народа за собою, то Іоаннъ Златоустъ ввелъ всенощное бдѣніе, а также самъ сталъ устроить ходы. По примѣру великихъ отцовъ, и намъ слѣдуетъ для успѣшности борьбы пользоваться орудіемъ противника. А потому и въ данномъ случаѣ, если у штундистовъ бываютъ воскресныя собранія, которыя привлекаютъ любопытныхъ и нерѣдко увлекаютъ въ секту, то и намъ нужно завести въ воскресенья свои собранія. Собранія эти должны быть виѣцерковныя, т. е. происходить не въ храмѣ, а въ обыкновенномъ домѣ, напр., въ церковно-приходской школѣ, волости, даже въ домѣ какого-либо уважаемаго крестьянина, если у него найдется достаточное помѣщеніе. Крестьянинъ съ церковью всегда соединяетъ понятіе о мѣстѣ богослуженія и не хочетъ понимать иначе, а потому если бы и собранія были въ церкви, то они казались бы крестьянину также не чѣмъ инымъ, какъ особыми церковными службами. Видимъ же мы, что на такъ называемыхъ виѣбогослужебныхъ чтеніяхъ, даже въ городахъ, престолюдины продолжали ставить свѣчи, шептать на колѣнахъ молитвы и—оставались безучастными къ читаемому. Кромѣ того, лѣнивый и не всегда усердный къ церкви малороссъ, можетъ быть, найдетъ и излишнимъ вторично ходить въ церковь въ воскресный день, да и церковь мала, и стоять утомительно, пожалуй, и молитвы свои онъ уже не разъ перешептывалъ. Иное дѣло—виѣцерковныя собранія. Они будутъ не въ церкви, слѣдовательно

на нихъ позволяется сидѣть и даже говорить самому крестьянину. Но въ чемъ же состоятъ эти собранія? Первостепенная задача этихъ собраній состоитъ въ томъ, чтобы вывести крестьянина изъ его досельшняго состоянія пассивнаго слушателя, и дать пищу его самодѣтельному религіозно-нравственному смыслу и чувству. Кто знаетъ, быть можетъ, самое существованіе штундизма обязано недостатку удовлетворенія собственнаго, самоличнаго религіозно-нравственнаго чувства крестьянина? Поэтому простируемая внѣцерковныя собранія и имѣютъ цѣлью удовлетворить этой религіозно-нравственной самодѣтельности простолюдина, вызвать и направить ее на лучшій путь. Сообразно такой задачѣ внѣцерковныя собранія отнюдь не должны быть внѣцерковными чтеніями, заставляющими слушателей только пассивно внимать чтенію и утомляться. На этихъ собраніяхъ должно заставить если не читать, то говорить простолюдина о предметахъ вѣры и нравственности и только руководить его въ этомъ. На внѣцерковныхъ собраніяхъ должно быть: 1) чтеніе, 2) повторительное собесѣдованіе по поводу прочитаннаго и 3) духовное пѣніе всѣхъ присутствующихъ. Для чтенія лучше всего выбирать что либо изъ Евангелія, особливо тѣ мѣста, которыя несправедливо игнорируются штундистами, каковы слова Иисуса Христа о Церкви и таинствахъ, повѣствованіе о вознесеніи Иисуса Христа на небо и сошествіи Св. Духа на апостоловъ и проч.

Можно читать изъ посланій и апокалипсиса, напр., о Церкви святыхъ на небѣ, а также посланія мужей апостольскихъ, особенно посланія Игнатія Богоносца, написанныя удивительно просто, задушевно, отличающіяся краткостью, и при томъ всѣ почти трактующія о необходимости единенія пасомыхъ съ іерархіей. Чтеніе отнюдь не должно быть продолжительное: заразъ слѣдуетъ читать минутъ не долѣе десяти, послѣ этого чтеніе смѣнять повторительнымъ собесѣдованіемъ и пѣніемъ. Хорошо, если бы было можно чередовать всѣ эти дѣйствія по нѣскольку разъ въ теченіе одного собранія. Само собою разумѣется, что чтеніе должно быть хорошее, отчетливое, внятое, а болѣе всего со властію и прочувствованное. Повторительное собесѣдованіе должно слѣдовать непосредственно за чтеніемъ. Допустимъ, прочтено о сошествіи Св. Духа на апостоловъ. Прочитавшій долженъ спросить у кого-либо изъ слушателей, что и какъ онъ понялъ, и если бы спрошенный затруднился, помочь ему самъ, или чрезъ подсказъ другаго слушателя. По началу,

пока еще не образовалась привычка къ такого рода собесѣдованіямъ, хорошо спрашивать только учениковъ церковно-приходскихъ школъ, и взрослыхъ вводить въ разговоръ только при поправкахъ учениковъ, т. е. мимоходомъ. Такое повторительное собесѣдованіе по поводу прочитаннаго также можетъ сопровождаться толкованіями, прочитываніемъ текстовъ, параллельныхъ основному, указаніемъ превратнаго пониманія ихъ штундистами и т. д. Само собою понятно, что повторительное собесѣдованіе не должно быть безпорядочнымъ, и разныя уклоненія въ сторону не должны препятствовать цѣлостности и ясности представленія прочитаннаго. Послѣ собесѣдованія можно перейти къ пѣнію. По началу пѣть могутъ только мальчики церковно-приходской школы, заранѣе приготовленные къ этому учителемъ, а потомъ и всѣ участвующіе въ собраніяхъ. Послѣ окончанія собранія слѣдуетъ раздавать грамотнымъ крестьянамъ на домъ книги для прочтенія и уговориться о времени и мѣстѣ слѣдующаго собранія. Собраніе должно почитаться тѣмъ лучшимъ, чѣмъ болѣе удалось руководителю вызвать крестьянина на самостоятельныя размышленія, въ чемъ и состоитъ задача собраній. Послѣ такихъ собраній, гдѣ крестьянинъ могъ говорить, спрашивать, пѣть, онъ можетъ уйти въ свой домъ нѣсколько удовлетворенный, а если онъ нѣсколько разъ на этихъ собраніяхъ повторитъ тексты, парализующіе неправильно приводимыя и односторонне понимаемыя штундистами мѣста св. Писанія, то онъ и самостоятельно можетъ отвѣчать на ихъ приставанья“ (Под. Епарх. Вѣд. 1890 г., № 3).

Противъ подобнаго рода проектируемыхъ виѣцерковныхъ собраній едвали можно что-либо возразить по существу. Идея, лежащая въ основѣ ихъ, заслуживаетъ полнаго и серьезнаго вниманія, остается пожелать, чтобы она была осуществлена на практикѣ въ формахъ, какія, конечно, будутъ указаны самымъ опытомъ.

Какъ необходимый придатокъ школы и собесѣдованій, при церквахъ должны быть болѣе или менѣе содержательныя бібліотеки. Въ послѣднее время запросъ на книги въ народѣ подъ воздѣйствіемъ школы значительно усилился, замѣтна особенная жажда чтенія. „Давайте книгъ“, „нечего читать“, „грамотный крестьянинъ съ наслажденіемъ читаетъ печатную обертку отъ мыла“—такія вѣсти доносятся нынѣ изъ деревни. Чтобы удовлетворить этой потребности, рядомъ съ церковно-

приходской школой должна возникнуть церковно-приходская бібліотека. Въ составъ ея должны войти, конечно, прежде всего книги религіозно-нравственнаго содержанія, а затѣмъ вообще книги, имѣющія ближайшее отношеніе къ удовлетворенію современныхъ запросовъ церковной и народной жизни, слѣдовательно, и сочиненія противосектантскія.

III.

Второе средство пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ, которымъ также можетъ и долженъ пользоваться пастырь Церкви въ виду предупрежденія сектантства, — *священнодѣйствіе*. Наше богослуженіе само по себѣ чрезвычайно поучительно и назидательно. Въ особенности божественная литургія и таинства представляютъ столько утѣшительнаго и поучительнаго для души, что на нихъ должно смотрѣть, какъ на главный источникъ духовнаго свѣта для насъ и проводники духовныхъ силъ, яже къ животу и благочестію. Но какъ у насъ въ большинствѣ случаевъ удовлетворяются этими способами религіозныя потребности народа? Въ достаточной ли мѣрѣ пастыри Церкви питаютъ эти потребности изъ той богатой неисчерпаемой сокровищницы благодати Христовой, дарами которой они призваны распоряжаться? Едва-ли погрѣшимъ, если скажемъ, что совершеніе богослуженія во многихъ храмахъ, особенно по селамъ, оставляетъ желать очень и очень многого. Въ совершеніи богослуженія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неудовлетворительное выполненіе чтенія и пѣнія. Чтеніе совершается большею частью спѣшно, небрежно, невнятно, съ неправильными разстановками и повышеніями голоса, часто безъ всякаго уясненія смысла читаемаго самимъ чтецомъ. Нерѣдко допускаются большія сокращенія положенныхъ чтеній, концы не дочитываются, возгласы и прошенія на ектеніяхъ начинаются раньше окончанія пѣнія и т. д. Все это, въ общей совокупности, мѣшаетъ уясненію и пониманію смысла предлагаемаго чтенія, оставляетъ молящемуся воспринимать изъ молитвословій отрывочныя фразы, часто безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Не лучшими качествами отличается и пѣніе. Отсутствіе строгаго духа церковности, умиленности, большой просторъ для произвола въ напѣвахъ и варіаціяхъ, затемняющихъ смыслъ священныхъ словъ и затрудня-

ющихъ ихъ пониманіе, претензіи на эффектъ тамъ, гдѣ заведены церковные хоры пѣвчихъ — таковы характеристическія черты нашего церковнаго пѣнія. Кромѣ того, часто въ исполненіи церковныхъ пѣснопѣній совершенно нѣтъ возможности услѣдить за словами пѣнія вслѣдствіе его поспѣшности, неразборчивости отдѣльныхъ словъ и слитія ихъ въ одну массу. Особенно это замѣтно на тѣхъ пѣснопѣніяхъ, которыя выполняются читкомъ, напр., символъ вѣры, молитва Господня, отпусты, наиболѣе употребительные тропари, стихиры и проч. Спрашивается, какое благотворное вліяніе на молящагося можетъ произвести подобное чтеніе и пѣніе въ храмѣ? Каково будетъ отношеніе простолюдина молящагося къ подобному выполненію молитвословій, какова у него будетъ степень ихъ пониманія и сознательнаго активнаго участія въ общественной молитвѣ?

Но и помимо этого, вполне сознательное пониманіе церковнаго чтенія и пѣнія и активное участіе въ совершеніи богослуженія требуетъ большей или меньшей подготовки къ этому, будетъ ли она пріобрѣтаться въ школѣ и посредствомъ наставленій и бесѣдъ пастыря съ пасомыми, или же самостоятельно, путемъ домашняго чтенія церковно-богослужебныхъ книгъ и знакомства съ церковнымъ языкомъ и богослуженіемъ. Есть не мало и по сельскимъ приходамъ такихъ лицъ, которыя болѣе или менѣе знакомы съ церковнымъ языкомъ и съ церковной службой. Эти лица сравнительно съ другими относятся съ большею сознательностью и вниманіемъ къ совершенію богослуженія и потому больше выносятъ изъ него для себя и духовной пользы и утѣшенія, даже и сами они часто участвуютъ въ чтеніи и пѣніи при совершеніи богослуженія. Но что сказать объ обыкновенныхъ простолюдинахъ, составляющихъ главный контингентъ нашихъ сельскихъ приходовъ, для которыхъ храмъ и все происходящее въ немъ есть единственное училище благочестія и составляетъ главную сокровищницу духовнаго удовлетворенія и полученія духовной пользы? Едвали будетъ преувеличеніемъ сказать, что такіе молящіеся остаются безучастными къ тому, что происходитъ въ храмѣ и именно потому, что большая часть совершаемаго мало доступна для нихъ и мало понятна, почему и не возбуждаетъ въ нихъ желаннаго духовнаго интереса, умиленія и молитвеннаго настроенія. Такіе молящіеся только тогда на минуту и оживляются, когда до нихъ

слуха достигаютъ знакомыя имъ и заученныя слова изъ обыденныхъ молитвословій. Войдите въ деревенскій храмъ и вы увидите, сколь одинокимъ чувствуетъ себя здѣсь нашъ простолюдинъ, прислушайтесь къ нему—постоянно онъ шепчетъ свои молитвы, прерывая ихъ поклонами и крестнымъ знаменіемъ, которое приурочивается обыкновенно къ извѣстнымъ временамъ въ совершеініи богослуженія. Чаще всего приходится наблюдать странное и непонятное отношеніе къ Херувимской пѣсни, когда молящіеся, стоявшіе до того времени въ храмѣ почти безъ всякаго вниманія и интереса къ чтенію и пѣнію, едва слышатъ первоначальныя слова этого пѣснопѣнія, какъ поднимаютъ такой шумъ чтеніемъ молитвъ, что часто заглушаютъ и самое пѣніе, при чемъ каждый молящійся въ отдѣльности старается перечитать всѣ тѣ молитвы, какія только знаетъ, нисколько не обращая вниманія на то пѣніе, которое предлагается всѣмъ молящимся и призываетъ ихъ къ очищенію себя отъ всѣхъ мірскихъ заботъ и попеченій, чтобы достойно прославить Царя царей... Такимъ образомъ, отсутствіе сознательности и активности—вотъ характеристическія черты отношенія простого народа къ совершеінію богослуженія. Сказаннымъ не объясняется ли въ значительной степени то явленіе, что въ послѣднее время нашъ народъ такъ часто бросаетъ храмы и такъ охотно начинаетъ посѣщать сектантскія молитвенныя собранія? Собранія эти, помимо интереса новизны, представляютъ для нашего простолюдина много заманчиваго и привлекательнаго, соблазнительнаго. Они привлекаютъ его простотою и несложностью молитвословій и пѣснопѣній, изложенныхъ простымъ, вполне удобовразумительнымъ для простолюдина языкомъ, общимъ пѣніемъ псалмовъ и безыскусственнымъ, хотя бы и неправильнымъ, толкованіемъ слова Божія.

Поэтому, въ виду предупрежденія сектантства, въ виду предохраненія пасомыхъ отъ увлеченія сектантскими молитвенными собраніями пастырь долженъ позаботиться о томъ, чтобы совершаемое имъ богослуженіе дѣйствительно производило то глубоко-назидательное впечатлѣніе, какое оно можетъ произвести. Если пасомые будутъ не пассивно только, но и активно участвовать въ богослуженіи, если они испытаютъ на себѣ животворную силу ого, то, конечно, не станутъ увлекаться сектантскими молитвенными собраніями.

Для достиженія же этой цѣли необходимо прежде всего исправить

недостатки въ совершеніи богослуженія, устранить небрежное, машинальное выполненіе церковнаго чтенія и пѣнія, устранить вообще мертвый формализмъ и механическое отношеніе къ совершенію богослуженія, сдѣлать его болѣе духовнымъ чрезъ внесеніе въ него живой ревности о Господѣ, должной сознательности и разумности, сдѣлать болѣе активнымъ и живымъ и участіе въ немъ молящихся. Сознательность же и активность отношенія простолюдина къ совершенію богослуженія могутъ быть достигнуты чрезъ толковое и умилительное чтеніе и пѣніе, чрезъ объясненіе народу посредствомъ бесѣдъ или школьнымъ путемъ смысла церковныхъ священнодѣйствій, и особенно чрезъ доставленіе простому народу возможности и самому нѣкоторымъ образомъ дѣятельно участвовать въ совершеніи богослуженій посредствомъ общенароднаго пѣнія. Общее хоровое пѣніе имѣетъ весьма важное значеніе. Ничто такъ не возвышаетъ религіознаго духа, какъ общее пѣніе. Священная пѣснь и слово Божіе сильнѣе дѣйствуютъ, когда исходятъ изъ собственныхъ устъ, а не воспринимаются только слухомъ. Штундисты, шалопуты и другіе сектанты много выигрываютъ общимъ пѣніемъ въ своихъ собраніяхъ. Поэтому одною изъ главныхъ заботъ пастыря должно быть введеніе общенароднаго хороваго пѣнія, чтобы такимъ образомъ имя Божіе славилось и воспѣвалось въ православныхъ храмахъ воистину единымъ сердцемъ и едиными усты. Изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ г. оберъ-прокурора Св. Синода видно, что общее пѣніе церковно-богослужебныхъ пѣсней всѣми присутствующими въ церкви получило во многихъ епархіяхъ довольно широкое развитіе, и тамъ, гдѣ введено общенародное пѣніе, въ церковь стало ходить несравненно больше народа, чѣмъ прежде.

„Неоднократно мнѣ, говорить одинъ изъ народныхъ учителей, приходилось выслушивать отъ мѣстныхъ штундистовъ замѣчанія, что мы, православные, посѣщая храмы, бываемъ тамъ только безучастными зрителями, ничего не понимаемъ, а только стоимъ да зѣваемъ, и потому наше церковное служеніе не есть общественное служеніе. Подобными сужденіями были заражены и многіе изъ православныхъ. По совѣщаніи съ священникомъ рѣшено было въ слѣдующее воскресеніе предложить всѣмъ пѣть за хоромъ. Проходить воскресенье, другое, а пѣть никто

не соглашается. Но вотъ одинъ крестьянинъ посовѣтовалъ мнѣ стать съ мальчиками межъ народа, посреди церкви, а не на клиросѣ. Я воспользовался его совѣтомъ, и что же? Вотъ уже будетъ годъ—у насъ церковь бываетъ полнехонька народа, и всѣ поютъ безъ различія пола и возраста“ (Кіевск. Епарх. Вѣд. 1886 г. № 11).

IV.

Третье средство пастырскаго воздѣйствія на пасомыхъ — *духовное руководство*. Много вниманія и наблюдательности требуется отъ пастыря Церкви, чтобы предохранить пасомыхъ отъ зараженія сектантствомъ. Онъ долженъ усилить свою бдительность въ отношеніи къ пасомымъ и зорко слѣдить за ихъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ. У пастыря есть особенное средство для духовнаго общенія съ пасомыми — *таинство покаянія*. Здѣсь предстаётъ предъ судомъ Божиимъ грѣшный человѣкъ со всѣми своими дѣлами и ввѣряетъ ихъ духовному отцу, какъ посреднику между Богомъ и его совѣстью, и ожидаетъ отъ него духовнаго исцѣленія. Сколько здѣсь представляется возможности пастырю узнать духовное состояніе, настроеніе, поведеніе пасомыхъ и благотворно воздѣйствовать на души ихъ, конечно въ томъ случаѣ, если онъ относится къ этому дѣлу не съ сухой, холодной формальностью и механической монотонностью, а съ сердечнымъ теплымъ участіемъ къ состоянію духа кающагося. Несомнѣнно, въ паствѣ есть люди съ искренне-теплою и свѣтлою вѣрою, ревностные и глубоко преданные Церкви. Такихъ пастырь долженъ отличать своимъ особымъ вниманіемъ, сближаться съ ними, укрѣплять ихъ ревность по вѣрѣ, удовлетворять ихъ потребности и склонности къ чтенію (особенно грамотеевъ и начетчиковъ), поощрять ихъ любознательность, направляя ее къ изученію предметовъ вѣры, и тѣмъ готовить въ лицѣ ихъ борцовъ за православіе. Но есть среди пасомыхъ и люди съ слабымъ развитіемъ религіознаго сознанія, маловѣры, и малорелигіозные.

Къ такимъ пастырь долженъ являться, какъ духовный врачъ, съ помощью, пробуждать ихъ спящую совѣсть, обращать ихъ мысль къ предметамъ вѣры, привлекать холодныхъ къ искреннему живому и непосредственному участію въ дѣлахъ религіи.

Обращая вниманіе на внутреннее состояніе пасомыхъ, пастырь не долженъ упускать изъ виду и внѣшнихъ условій и обстоятельствъ ихъ жизни. Онъ долженъ зорко слѣдить, нѣтъ ли въ средѣ, окружающей вѣренное ему стадо, вліяній, развратно дѣйствующихъ на пасомыхъ. Зараза невѣдомо и невидимо заносится со-виѣ и передается многоразличными путями. Нерѣдко въ деревню заходятъ проходимцы, возвращающіеся къ себѣ на родину изъ мѣстъ, зараженныхъ сектантствомъ, или имѣющихъ здѣсь свои дѣла житейскія, или просто бродячіе въ видахъ сектантской пропаганды. Очень часто сектанты навѣщаютъ своихъ родственниковъ, живущихъ тамъ, гдѣ секта еще не распространилась, и мало-по-малу увлекаютъ ихъ съ собою. Иногда сектанты принимаютъ въ услуженіе дѣтей и совращаютъ ихъ, но чаще всего зараженіе сектантствомъ случается во время заработковъ. Все это пастырь долженъ предусматривать и послѣ всякаго случая, въ которомъ пасомому угрожала опасность зараженія ересью, онъ долженъ подвергнуть такового внимательному освидѣтельствованію, здоровъ ли онъ, не произошло ли въ немъ дѣйствительнаго зараженія и вообще имѣть такового въ особомъ вниманіи. Особенно внимательно пастырь долженъ слѣдить за тѣми, которые возвращаются изъ заработковъ, всякій разъ по ихъ возвращеніи требовать свидѣтельствъ объ исповѣди и св. причастіи, распросить, гдѣ они служили, какъ имъ жилось тамъ, какіе у нихъ были хозяева и т. п. Кромѣ того, предъ отправленіемъ ихъ на заработки пастырь долженъ дать имъ необходимое напутственное благословеніе и наставленіе. Поэтому желательно, чтобы пастыри въ первые лѣтніе мѣсяцы, когда крестьяне отправляются на заработки, почаще совершали имъ напутственные молебны со всевозможнымъ вниманіемъ и умиленіемъ, напутствовали ихъ своимъ благословеніемъ, благожеланіями, а равно и добрыми совѣтами, давая на память объ этомъ и въ благословеніе въ путь честный крестъ или икону, а по возвращеніи ихъ оттуда также внимательно встрѣчать и принимать, освѣдомляясь, не забыли ли они хрывать и соблюдать въ цѣлости тѣ совѣты и тотъ знакъ благословенія, которымъ они были напутствованы предъ выходомъ на заработки.

Наконецъ, въ виду распространенія сектантства, пастырь, какъ духовный руководитель, для большаго подъема религіозной жизни прихода, долженъ позаботиться о томъ, чтобы тѣснѣе сплотить прихожанъ

съ цѣлью достиженія религіозно-нравственныхъ интересовъ, привлечь ихъ къ взаимному самонадзору и исправленію. Средствомъ къ этому могутъ служить *братства* — эти достолюбезныя общества, въ которыхъ истинные ревнители православія соединяются вмѣстѣ для достиженія какихъ либо завѣтныхъ цѣлей. Кто не знаетъ, какъ плодотворна была дѣятельность этихъ братствъ въ тяжелое время уніи? Поэтому желательно было бы, чтобы каждый пастырь позаботился объ учрежденіи въ своей пастырь братства для большаго оживленія и скрѣпленія узъ приходской жизни, для болѣе тѣснаго сплоченія православнаго населенія, съ цѣлью болѣе полного и всесторонняго проведенія въ жизнь христіанскихъ началъ. Находясь подъ главнымъ вѣдѣніемъ пастыря, имѣя въ рукахъ своихъ извѣстный контроль за поведеніемъ членовъ прихода и матеріальныя средства для пособія нуждающимся, братства эти дадутъ пастырю твердую опору въ самыхъ прихожанахъ для улучшенія ихъ жизни, облегченія положенія страждущихъ и обремененныхъ нуждою и противо-дѣйствія путемъ практическимъ всякаго рода неурядкамъ и порчѣ. Слѣдя за поведеніемъ другихъ, они помогутъ пастырю исправить тѣхъ изъ прихожанъ, которые лѣнностью, холодною и небрежностью къ исполненію религіозно-нравственныхъ обязанностей, такъ сказать, заранѣе предрасполагаютъ себя къ зараженію сектантствомъ, своими же матеріальными средствами пособятъ бѣднымъ, которые иногда оставляютъ православіе и переходятъ въ секту единственно ради спасенія себя и семьи отъ крайней матеріальной нужды. Подобныя братства составятъ также противовѣсъ сектантскимъ общинамъ, которыя отличаются замѣчательною сплоченностью, помогая другъ другу и въ обыденной, и въ духовной жизни. Всякое братство, по началу небольшое, можетъ быть зерномъ, изъ котораго потомъ выростетъ цѣлое стройное дерево православнаго духовнаго союза. За братчиками, можно быть увѣреннымъ, дѣло не станетъ, весьма возможно даже, что первыми въ ряды братства станутъ тѣ, которые послѣ, безъ этого, сдѣлались бы сектантами.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время въ нравственно-религіозной жизни южно-русскаго народа замѣчается особое возбужденіе, напряженіе религіознаго чувства, которое и составляетъ, между прочимъ, психологическую основу, на которой развивается и питается современное сектантство. Факты показываютъ, что многіе изъ сектантовъ, прежде чѣмъ

перейти въ сектантство, переживаютъ какое-то особенное настроеніе, характеризующееся сильнымъ напряженіемъ религіознаго чувства, стремленіемъ къ религіозному просвѣщенію и христіанскому подвигу. Удовлетворенія такимъ стремленіямъ они ищутъ на первыхъ порахъ въ безусловномъ послушаніи уставамъ православной Церкви: неопустительно посѣщаютъ богослуженія, ревностно выполняютъ посты и всё вообще предписанія Церкви. Мало этого, какъ бы не удовлетворяясь этимъ, они измѣшляютъ новыя, свои собственныя средства, направленные къ поднятію религіозно-нравственнаго духа, усиливаютъ предписанія Церкви, доходя въ этомъ отношеніи до аскетизма: заводятъ тайныя моленія, предпринимаютъ путешествія по святымъ мѣстамъ, добровольно принимаютъ на себя особые посты, внѣ узаконеній Церкви, и другія духовныя упражненія. Не находя для своего душевнаго состоянія должнаго подкрѣпленія, помощи и поддержки, подобныя лица представляютъ удобную почву, готовую воспринять всякое ученіе, которое сумѣетъ удовлетворить ихъ религіозныя порывы. И вотъ, когда на помощь къ намъ является не православная Церковь въ лицѣ своихъ пастырей, а какое-либо ученіе иноземное, запосное, идущее изъ Германіи чрезъ нѣмецкія колоніи въ южной Россіи, то тѣ, которые въ другомъ случаѣ могли бы быть лучшими сынами Церкви, дѣлаются враждебными Церкви сектантами. Можно быть увѣреннымъ, что подобныя лица сдѣлаются первыми членами братства, которое поставитъ своею задачею осуществленіе идеи жизни истинно христіанской, здѣсь они найдутъ удовлетвореніе своимъ пробужденнымъ потребностямъ, успокоеніе своей мятущейся душѣ, здѣсь ихъ религіозное чувство найдетъ правильное руководство и направленіе. Остается поэтому пожелать, чтобы наше духовенство стало во главѣ пробудившагося въ послѣднее время движенія въ религіозно-нравственной жизни народа, чтобы оно овладѣло имъ и, руководя, дало бы ему лучшее направленіе.

Но заботясь о пасомыхъ, пастырь не долженъ забывать и себя. Врачуя другихъ, онъ не долженъ упускать изъ виду также и своего собственнаго духовнаго состоянія. Въ противномъ случаѣ къ нему по справедливости можетъ быть обращенъ упрекъ: „врачу, исцѣлися самъ“. Поставленный руководителемъ своихъ духовныхъ овецъ, пастырь, по слову Евангелія, „предъ ними ходить, и овцы по немъ идутъ“ (Іоан.

Х, 4). На него смотрять пасомые какъ на образецъ свой, и духъ, въ немъ живущій и проявляющійся въ его дѣятельности, не можетъ остаться безъ вліянія на тѣхъ, которые ввѣрены его водительство. Живой примѣръ пастыря, проникнутаго духомъ Церкви и исполняющаго всѣ ея уставы, внушительнѣе словъ влекаетъ пасомыхъ на добрый и спасительный путь. Особенно зорко долженъ слѣдить за собою пастырь въ виду того, что агитаторы сектантства дѣлають его первою мишенью въ своихъ нападеніяхъ. Для того, чтобы удобнѣе отторгнуть пасомыхъ отъ Церкви, они прежде всего стараются унижить пастырей передъ народомъ и не щадятъ ничего, чтобы очернить ихъ. Самымъ общимъ укоромъ на православное духовенство служить стяжательность и жадность къ наживѣ. Исходною точкою проповѣди сектантовъ служатъ факты изъ дѣйствительной жизни, напр., поборы священника, и другіе неблаговидные поступки членовъ іерархіи, къ сожалѣнію, часто не измышленные только сектантами, но и существующіе въ дѣйствительности. Поэтому, въ виду распространенія сектантства, пастырю особенно необходимо помнить слова Апостола: „образъ буди вѣрнымъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ (1 Тим.) и во всемъ показывай въ себѣ образецъ добрыхъ дѣлъ,.. чтобы противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худаго“ (Тит. 2, 7 и 8).

В. Терлецкій.

Единобожіе и безсмертіе въ естественной религіи, какъ прямой отвѣтъ на запросы духа всего человѣчества ¹⁾).

II.

Все человѣчество всегда и вездѣ ставило вопросъ: что будетъ послѣ смерти? Во всѣхъ эсхатологіяхъ мы встрѣчаемъ, хотя и въ различныхъ формахъ, но вездѣ одну и ту-же идею безсмертія души, а въ болѣе развитыхъ религіяхъ—даже и зависимость загробной судьбы человѣка отъ земной его жизни.

Религіи народовъ развивались такъ же тихо, какъ и ихъ языки, и развивались онѣ у разныхъ народовъ, несмотря на общее происхожденіе послѣднихъ (персы, индусы, германцы и друг.), совершенно самостоятельно. Самостоятельно развивались и эсхатологіи у разныхъ народовъ. Смерть, сама по себѣ, такой моментъ въ жизни, который не могъ не производить на примитивнаго человѣка большого впечатлѣнія; весьма естественно, что человѣкъ сталъ задумываться и размышлять; вопросъ о смерти ужъ слишкомъ сильно задѣвалъ его за сердце. Всѣ погребальныя обычаи народовъ обнаруживаютъ большой интересъ, который эти народы имѣли къ смерти; формы, въ которыхъ они рисовали себѣ загробную жизнь, были большею частью весьма грубыя, но всегда и вездѣ согласовались, въ каждый данный моментъ, съ культурой народовъ, съ ихъ духовными запросами. И всякій народъ, какъ выразился Платонъ, рисовалъ себѣ свой собственный Hades ²⁾, свой собственный рай, въ который онъ вкладывалъ всѣ свои лучшія мысли и желанія, достичь которыхъ, въпродолженіе жизни, ему было невозможно.

¹⁾ „Мисс. Обзор.“, Январь 1905 г.

²⁾ Hades грековъ—обиталище душъ умершихъ.

Такимъ образомъ, житель далекаго холоднаго Сѣвера рисуетъ себѣ рай, гдѣ тепло, гдѣ солнце никогда не заходитъ, осятъкъ—гдѣ ѣдятъ много сала, ворвани, и т. д.

Затѣмъ мы видимъ, что народы всегда рисовали себѣ загробную жизнь въ чувственныхъ формахъ, они вѣрили въ то, что послѣ смерти душа будетъ продолжать жить и будетъ чувствовать. Кое-гдѣ въ эсхатологіяхъ встрѣчались мысли о промежуточныхъ состояніяхъ между земною и загробною жизнью; такъ напр. еще въ XVI вѣкѣ существовало представленіе объ умираніи души на срокъ—впредь до торжественнаго ея разбуженія. Папа Левъ X (1513 г.) проклялъ это ученіе. Были представленія и о скитаніи душъ; а папа Григорій (6 вѣка) даже ввелъ ученіе о подземномъ огненномъ чистилищѣ, въ которомъ мучились души грѣшниковъ. Но эта идея, заимствованная изъ эсхатологіи Зороастра (очищеніе огнемъ), продержалась не долго. Формы, въ которыхъ выражалась идея безсмертія, какъ мы видимъ, были весьма разнообразны; но, несмотря на то, во всѣхъ эсхатологіяхъ, мы встрѣчаемъ однѣ и тѣже двѣ рядомъ идущія идеи, первая—жизнь не прекращается со смертію, и вторая—предстоитъ возмездіе и воздаяніе за земную жизнь; эти двѣ идеи, выраженные гдѣ и грубо, а гдѣ и въ высокоспиритуалистической формѣ, и составляютъ, такъ сказать, центральный пунктъ всякой религіи.

Люди рисуютъ себѣ въ эсхатологіяхъ не то, что есть, а то, какъ бы они хотѣли жить, рисуютъ себѣ лучшія формы жизни. Такъ что идея безсмертія есть логическій продуктъ взаимодействія человѣческаго съ божественнымъ, есть, такъ сказать, апоѳеозъ всѣхъ его неудовлетворенныхъ во время жизни желаній и стремленій, у одного народа физическихъ, а у другого—духовныхъ; эта идея послѣдовательно вытекаетъ изъ психики народа, у всякаго по своему, и базируется на самыхъ житейскихъ реальныхъ мысляхъ о добрѣ, о злѣ, о блаженствѣ, о мученіи и проч.

Постараемся выяснитъ этотъ вопросъ на психологической почвѣ. Укажемъ прежде всего на эсхатологіи нѣкоторыхъ уже вымершихъ народовъ. Современныя раскопки даютъ намъ для того обильный матеріаль.

Въ періодъ палеолитическій (древне-каменный) обыкновенно хоронили въ лежачемъ положеніи, при чемъ руки были занесены назадъ

подъ голову,—очевидно, чтобы смерти придавать видъ сна; своды могилы должны были сохранять тѣло отъ смѣшенія съ землей для будущей жизни. Кости, дабы ихъ сохранить подольше отъ разноса и съѣденія дикими звѣрями, выкрашивались чѣмъ-то очень ѣдкимъ; у жителей Конго, ради сохраненія тѣла, мажутъ его чѣмъ-то очень липкимъ. Если бы мысль дикаря не была направлена на будущее, долженствующее открыться ему послѣ смерти, если бы онъ не вѣрилъ въ духовное начало, ему незначѣмъ было бы и чествовать трупъ. Если у самыхъ древнихъ доисторическихъ народовъ и сжигали и бросали въ воду трупъ, то это дѣлалось въ видахъ очищенія тѣла огнемъ и водой, именно ради будущей жизни. Это дѣлали индусы, этруски, даже греки и римляне; у египтянъ же, у персовъ, уевреевъ, ассирянъ и финикянъ сожженій не было.

Въ 1873 году былъ впервые удостовѣринъ Ргуніѣрес'омъ оригинальный способъ трепанаци череповъ, найденныхъ подъ дольменами ¹⁾; въ черепѣ была просверлена дыра величиною съ серебряный рубль; тоже самое найдено и въ Японіи, въ Алжирѣ, въ Перу. Считая голову сѣдалищемъ души, ее просверливали (легко возможно, еще при жизни покойника), дабы дать душѣ выходъ. Да еще и теперъ существуетъ у многихъ народовъ обычай поставлять свою голову близко къ головѣ умирающаго, чтобы воспринять его душу. Другіе закрываютъ въ жилищѣ всѣ отверстія, чтобы не дать душѣ улетѣть. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ вѣру чловѣка въ дальнѣйшую, послѣ смерти, жизнь души, вѣру, хотя и очень грубой формы, но тѣмъ не менѣе отвѣчающую, всякому по своему, на запросы его духа о дальнѣйшей участи души.

Все, что окружаетъ египетскіе памятники (пирамиды, саркофаги и проч.), свидѣтельствуетъ о вѣрѣ народа въ будущую жизнь души: вездѣ ставили возлѣ покойника дары, пищу, лодочку, въ которой поѣдетъ душа или на блаженство къ богамъ или на томленіе къ гиппопотаму. Египтяне смотрѣли на жизнь какъ на нѣчто очень кратковременное, а на время послѣ смерти, какъ на нѣчто очень продолжительное; оттого ихъ могилы и строились основательно. На саркофагахъ можно прочесть надписи, чрезъ которыя весьма ясно сквозить идея безсмертія; напр. „О

¹⁾ Каменный столъ на каменныхъ ножкахъ время друидовъ Гальскаго племени.

Озирись! очисти душу умершаго, дабы ей было легко жить“. Въ руки муміи клали книгу мертвыхъ—гидъ для странствующей души. Одна надпись гласитъ такъ: „если я ѣлъ и пилъ запрещенное, то это грѣшили мои внутренности, а не духъ“; значить египтяне отдѣляли духъ отъ тѣла. На одной живописи изображена душа, оправдывающаяся передъ 42-мя судьями—мы видимъ идею возмездія за земную жизнь. Возлѣ мумій часто находятъ лѣстницу, символизирующую идею перехода души изъ одной жизни въ другую. Вмѣстѣ съ покойникомъ, иногда зарывали его вещи, его жену, деньги, могущія ему понадобится на томъ свѣтѣ.

У римлянъ былъ обычай такого рода: проходя мимо могилы, прохожій говорилъ: да будетъ тебѣ легка земля! Да покаются твои кости! Цицеронъ писалъ такъ: „я думаю, что душа не пропадетъ: наши предки не окружали бы смерть столькими обычаями, если бы это не было полезно покойнику“.

Китайцы вѣрятъ въ отдѣленіе, со смертію, души отъ тѣла, вѣрятъ въ то, что душа будетъ тамъ судима за ея невнимательное во время жизни почитаніе предковъ, вѣрятъ въ то, что души предковъ, изъ чувства мести за невниманіе къ себѣ, способны испортить жизнь китайцу. Китайцы такъ боятся этого мщенія, что даже привозятъ обратно на родину трупы ушедшихъ на работу въ Калифорнію своихъ родныхъ; ежемѣсячно отходятъ изъ Калифорніи два парохода, отвозящіе обратно въ Китай умершихъ китайцевъ. Въ Кохинхинѣ кладутъ въ ротъ умершаго пищу и приговариваютъ: ѣшь, ты видишь, что я тебя люблю. Въ древней священной индусской книгѣ Ману написано, что не надо понапрасно клясться, дабы душа не затерялась на томъ свѣтѣ.

Во всемъ этомъ мы видимъ явные признаки, которые, по новому взгляду ученыхъ, надо видѣть и въ проявленіи канибализма. Мы знаемъ, что ради пріобрѣтенія качествъ умершаго, дикарь обращаетъ его кости въ пыль и съѣдаетъ ее, пьетъ изъ его черепа, носитъ при себѣ частицы его костей и проч. ¹⁾ Всѣ эти суевѣрія наталкиваютъ на мысль, не обязанъ ли и канибализмъ своимъ существованіемъ подобному же суевѣрію?

¹⁾ Развѣ не то ли же самое дѣлаетъ пастухъ южной Италіи, когда онъ отрѣзаетъ уши у чуткихъ собакъ и даетъ ихъ ѣсть другимъ собакамъ?

Не лежитъ ли въ его основѣ такое же желаніе вселить въ себя душу покойника? При несложной психикѣ дикаря, подобное суевѣріе весьма возможно, тѣмъ болѣе, что предположеніе объ органическомъ влеченіи первобытнаго человѣка къ канибализму вовсе не обосновано научно: всѣ антропиды (человѣкоподобныя обезьяны) по своей природѣ не плотоядныя, а плодоядныя; а затѣмъ, приписываніе канибализма голоду такъ же навѣрно; еще весьма недавно путешественники находили людоедовъ въ верхнемъ Конго, гдѣ вовсе не было голода. Въ Дагомеѣ (это еще на нашей памяти), при вступленіи на престолъ короля, приносились человѣческія жертвы, дабы души убиенныхъ могли бы сообщить о томъ душамъ умершихъ; вѣра въ загробную жизнь души въ данномъ случаѣ очевидна.

Во всѣхъ этихъ обычаяхъ, по виду весьма разнообразныхъ (сѣдланіе костей умершаго, канибализмъ, массовыя избіенія и проч.), проглядываетъ одна и та же идея, одно и то же *сгедо*, присущее всему человечеству, *сгедо* въ то, что душа человѣка переживаетъ все, что она оставила на землѣ; какой-то внутренней голосъ подсказываетъ человѣку, что не все же кончается со смертью, что душа будетъ продолжать жить, и что ей придется даже отвѣчать за свою земную жизнь. Формы этой универсальной вѣры, хотя часто и весьма грубы, но душевный порывъ, запросы духа у всего человечества одни и тѣ же, и вездѣ это *сгедо* тѣсно связано съ жизнью народа, именно съ его религіозно-этическими взглядами. Психика этого *сгедо*, по своей сложности, весьма трудно поддается изслѣдованію; укажемъ только на нѣкоторые мотивы, приведшіе человѣка къ этому *сгедо*, укажемъ на мысли, заставившія человѣка смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія смерти, а на смерть съ точки зрѣнія безсмертія. Мы будемъ разбирать не будущность человѣка послѣ смерти, а его психику, его природное стремленіе къ безсмертію души,

Казалось бы, что первобытный человѣкъ, видя, что животныя безслѣдно исчезаютъ съ лица земли, долженъ былъ бы думать, что и онъ, послѣ смерти, безслѣдно смѣшается съ землей. Но этого-то онъ именно и не думаетъ. Какъ, благодаря сознанію, онъ додумался до Высшей Силы, руководящей міромъ, точно также онъ додумался и до идеи загробной жизни, тѣсно связанной съ первой идеей; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ его мысли были одинаково устремлены въ міръ, отличный отъ земного, въ міръ духовъ, которымъ онъ приписывалъ все для

него непонятное, въ міръ, гдѣ живутъ души умершихъ, которые являлись къ нему во снѣ въ своей прежней тѣлесной оболочкѣ. Къ тому же человѣкъ, какъ существо сильно привязанное къ жизни, не могъ не думать о своемъ злѣйшемъ и непобѣдимомъ врагѣ, именно о смерти; онъ привязанъ не къ тому, что вообще совершается на землѣ, — онъ скорѣй любитъ себя самого, онъ всюду чувствуетъ свою индивидуальность и тщательно ее оберегаетъ въ борьбѣ за существованіе. Это органическое, прирожденное человѣку, чувство привязанности къ жизни весьма послѣдовательно ведетъ мысль къ желанію избѣгнуть смерти; мысль о томъ, что все уничтожается со смертью, ему не особенно пріятна, — человѣкъ ее избѣгаетъ и пріискиваетъ другія разрѣшенія; онъ желалъ бы послѣ смерти снова ожить, и зажить, конечно, не иначе какъ лучшею жизнью. Подобнаго рода мысли задѣвали пріятно его чувство, и его фантазія принимала спиритуалистическое направленіе, а формы выходили хотя и не существующія, но въ то же время для него понятныя, желательныя. Легко возможно, что къ этимъ мыслямъ присоединялась еще другая мысль: человѣкъ видѣлъ вокругъ себя какъ змѣя скидывала съ себя оболочку, какъ выходила изъ личинки бабочка, какъ оживали весной деревья и проч. Мысль стала работать въ этомъ направленіи, и человѣкъ, по аналогіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ, сталъ думать и своемъ возрожденіи: при жизни онъ не видѣлъ возможности сбросить съ себя тяжелую, тѣлесную оболочку, пріятная же идея, что это можетъ совершиться послѣ смерти, манила его къ себѣ. И не будетъ ошибкой сказать, что *надежда на лучшее, на болѣе легкое будущее, символически выраженная, у всякаго народа по своему, и есть вѣра въ бессмертіе*. Никто ни у кого не заимствовалъ эту идею, всякій народъ, самъ по своему, выработалъ ее въ своемъ религіозно-этическомъ духѣ: и только изучая идею бессмертія съ этой стороны, можно будетъ понять исторію человѣчества, иначе нашъ кругозоръ окажется въ тискахъ, иначе исторія развитія духа человѣчества потеряетъ для насъ всякій смыслъ, и мы не поймемъ, что было до насъ, что есть теперь и куда мы идемъ.

Человѣкъ, въ каждый данный моментъ, живетъ и радуется не столько самою жизнью, которая полна невзгодъ, сколько надеждою на нѣчто болѣе лучшее, это ласкаетъ его фантазію, поддерживаетъ его энергію, указываетъ жизни дальнѣйшіе пути. Это сравненіе реальной

жизни съ ея болѣе лучшими, идеальными формами и есть то, что называется *эстетическимъ* чувствомъ: этимъ чувствомъ пропитаны все религіи, и подходъ къ нимъ со стороны эстетики будетъ самый правильный и непоколебимый.

Приведемъ слова трехъ выдающихся мыслителей, которыми они высказали свой взглядъ на безсмертіе. „Неужели человекъ не рожденъ для чего нибудь болѣе хорошаго чѣмъ наша жизнь? Внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ о чемъ-то лучшемъ“ (Шиллеръ). „Я спокоенъ относительно смерти, ибо я убѣжденъ, что уничтожить нашу душу нельзя. Намъ кажется, что солнце уходитъ, но, между тѣмъ, оно вовсе не перестаетъ свѣтить. Такъ и моя душа безсмертна“ (Гете). „Въ конечности старайся достигъ безконечнаго, ставайся жить въ каждую минуту какъ бы въ вѣчности; и тогда ты достигнешь безсмертія“ (Шлейермахеръ).

Для окончанія очерка сдѣлаемъ такое сравненіе. Астрономъ Леверье, благодаря замѣченнымъ возмущеніямъ въ движеніяхъ планетъ, вычислилъ то мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться возмутитель. И дѣйствительно, на этомъ мѣстѣ была имъ найдена планета Нептунъ. Такимъ образомъ, исходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, онъ нашелъ тотъ иксъ, который и разрѣшилъ его недоумѣнія. Тотъ же самый ходъ мыслей былъ и у человечества, въ его поискахъ идеи безсмертія. Видя нравственныя возмущенія въ жизни, человекъ сталъ размышлять, и, исходя тоже отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, или лучше сказать, отъ существующаго къ желаемому, нашелъ тотъ иксъ (идею бесмертія), который точно такъ-же разрѣшилъ его недоумѣнія. Найденные иксы, одинаково въ обоихъ случаяхъ, возстановили равновѣсіе въ мышленіи; смыслъ и задачи жизни сдѣлались точно такъ-же ясными человеку, какъ сдѣлались ясными астроному возмущенія планетъ; оба мыслителя одинаково пришли къ истинѣ и одинаково успокоились, одинъ нашелъ возмутителя, а другой обрѣлъ идеальную, безсмертную форму жизни.

А. А. Берсъ.

Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843 — 1870 г. 1).

Иной оборотъ приняли дѣла скопцовъ съ 1844 или, точнѣе, съ декабря 1843 г., когда—ознакомясь чрезъ отобранныя у Царева и его сотоварищей рукописи и письма съ сущностью и размѣрами скопческой пропаганды и находя, что скопческая ересь, по степени вреда и видимымъ своимъ успѣхамъ заслуживаетъ особаго вниманія Правительства 2). Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Перовскій отнесся къ ея послѣдователямъ съ небывалю дотолѣ строгостію.— Не ограничиваясь учрежденіемъ особой Комиссіи для розысканія скрывавшихся сектаторовъ, и немедленнымъ преданіемъ суду скопцовъ, показанныхъ въ именныхъ спискахъ подъ судомъ не бывшими 3) или же бывшими но неправильно освобожденными по Манифестамъ 4), онъ требовалъ на свое разсмотрѣніе и тѣ дѣла о скопцахъ, по которымъ состоявшіеся приговоры Уголовныхъ Палатъ уже были приведены въ исполненіе, коль скоро открывалось, что эти дѣла, вопреки дѣйствовавшимъ постановленіямъ, не были въ свое время представлены на разсмотрѣніе Министра В. Д. Считая подобныя дѣла по закону еще нерѣшенными, онъ по каждому изъ нихъ составлялъ свое заключеніе и представлялъ его на утверженіе Комитета Министровъ. Давность времени въ расчетъ не принималась: между дѣлами, доставленными по требованію Министра Губернаторами, встрѣчаемъ, напр., одно рѣшенное Рязанскою Уголовною Палатою еще въ 1821 году 5). По этому дѣлу, по крайней мѣрѣ, приговоръ Палаты,

1) См. „Миссіон. Обзор“. Январь 1905 г.

2) Слова Министра въ предписаніи Липранди по случаю назначенія его Предсѣдателемъ Слѣд. Комиссіи. Дѣло 1843 г., № 278.

3) Напр. дѣло 1843 г., № 278, 1846 г., № 352, 1847 г., № 480.

4) Напр. Дѣло 1843 г., № 545, 1844 г., № 405, 1847 г., № 480.

5) Дѣло 1847 г., № 495.

оставившей оскопленныхъ на мѣстѣ жительства, не былъ измѣненъ Министромъ. Но далеко не все скопцы были такъ счастливы, и не одному изъ нихъ, уже принявшему наказаніе по приговору Уголовной Палаты, пришлось чрезъ нѣсколько лѣтъ, но за тоже преступленіе, принять новое наказаніе по приговору Комитета Министровъ. Такъ, напр., государственный крестьянинъ Пермской губ. Закладинъ, за оскотленіе себя наказанный въ 1829 г. плетми и затѣмъ оставленный на мѣстѣ жительства, въ 1848 г., былъ сосланъ въ закавказскій край ¹⁾.

Что касается скопцовъ, служившихъ по выборамъ, — все они, по требованію Министра, были тотчасъ же удалены отъ занимаемыхъ ими должностей ²⁾, а утанишіе о своемъ оскотленіи при припискѣ въ купечество или мѣщанство подвергались ссылкѣ на поселенія съ лишеніемъ правъ состоянія ³⁾.

Можно судить послѣ этого, какъ велись дѣла о скопцахъ вновь открывавшихся и съ какою строгостію примѣнялись къ нимъ дѣйствовавшія постановленія. Не входя въ подробности, — о нихъ рѣчь впереди, — здѣсь замѣтимъ только, что ни „примѣрное“ (т. е. наружное) благочестіе, ни ходатайства лицъ высокопоставленныхъ ⁴⁾, ни самый возрастъ не избавляли скопцовъ отъ наказанія, опредѣленнаго за оскотленіе закономъ. И семи—девяти лѣтнія дѣти, и дряхлые семидесяти—осьмидесяти и свыше—девяностолѣтніе старики, на ряду съ прочими оскотленными, подвергались ссылкѣ въ Закавказскій Край или въ Сибирь ⁵⁾. И если были случаи, что Комитетъ Министровъ смягчалъ приговоры Министра В. Д., то эти случаи, во первыхъ, были чрезвычайно рѣдки и, во вторыхъ, составляли единичныя исключенія изъ общаго правила, не служившія примѣромъ на будущее время ⁶⁾.

Установившійся во время графа Перовскаго взглядъ Правительства на секту уже не могъ измѣниться, такъ какъ не измѣнялась сущность скопческаго ученія; не были равнымъ образомъ отмѣнены или измѣнены

1) Дѣло 1848 г., № 450.

2) Дѣло 1844 г., № 166.

3) Напр. Дѣло 1846 г., № 317.

4) Напр. Дѣло 1846 г., №№ 175, 225.

5) Напр. Дѣло 1845 г., №№ 423, 439, 446, 1852 г., № 513, 1851 г., № 599.

6) Дѣла, 1849 г., № 557, 1848 г., № 603.

и мѣры, признанныя тогда наиболѣе дѣйствительными къ прегражденію распространенія секты.

Какъ-же отозвались эти новыя времена на успѣхахъ ея дѣятельности?

Скопцы-современники графа Перовскаго, видимо, были раздражены оборотомъ, какой, нежданно-негадано для нихъ, приняли ихъ дѣла. „Напрасно“ толковали Екатеринбургскіе скопцы—„Государь изволяетъ тѣснить нашъ родъ, не зная его важности и тѣхъ пагубныхъ для государства послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ дальнѣйшихъ насъ притѣсненій“¹⁾. „Петербургскіе скопцы“, предъявившіе свое искреннее желаніе позолотить на собственное иждивеніе всѣ купола на Преображенскомъ Соборѣ, „единственно“ ревнуя о благолѣпін св. храма, въ то же время горько жаловались, „что ихъ положеніе въ настоящее время чрезвычайно стѣснено“, особенно,—черезъ учрежденіе для разбора ихъ Слѣдственной Коммиссіи, „самаго величайшаго для нихъ несчастія“. „Нынѣ“—писалъ въ августѣ 1850 г., одинъ московскій и, какъ видно, начитавшійся скопецъ къ своему единовѣрцу, заключенному въ тюремный замокъ,—„нынѣ, по новымъ законамъ, каждая обрѣзанца, самая распутная и развратная женщина за копѣйку мѣдную сошлетъ въ Сибирь или на Кавказъ, способствуетъ тому желѣзная скелетная рука Полифема, сына Посидонова“²⁾.

Судя по такимъ жалобамъ самихъ заинтересованныхъ лицъ, можно подумать, что усиленіе, со времени Графа Перовскаго, строгости суда и надзора надъ скопцами или, по ихъ выраженію, „притѣсненія“ и „новыя законы“ нанесли чувствительный ударъ сектѣ и если не прекратили, то задержали или ослабили ея дѣятельность. Между тѣмъ въ дѣйствительности видимъ совсѣмъ иное. Цѣлыя массы скопцовъ, обнаруженныхъ, напр., въ Рязанской³⁾, Курской⁴⁾, въ Минусинскомъ округѣ Енисейской⁵⁾ и Орловской⁶⁾ губ. въ сороковыхъ годахъ, въ Калуж-

1) Дѣло 1846 г., № 92.

2) Подъ именемъ „Полифема сына Посидонова“ разумѣлся, какъ видно изъ содержанія письма, не кто другой, какъ предсѣдатель Слѣд. Коммиссіи—Липранди.

3) Дд. 1847 г., №№ 426, 462.

4) Дд. 1847 г., № 490, 1849 г., № 530.

5) Д. 1848 г., № 603.

6) Дд. 1849 г., № 241; 1851 г., № 633.

ской ¹⁾, Вятской ²⁾, Костромской ³⁾, Воронежской ⁴⁾ и Ярославской губ. ⁵⁾ въ пятидесятихъ годахъ, и Таврической ⁶⁾, Харьковской ⁷⁾, Полтавской ⁸⁾, Тамбовской ⁹⁾ и С.-Петербургской ¹⁰⁾ въ послѣдніе десять лѣтъ—слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ, что скопческая пропаганда непрерывно ведется съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и до начала сороковыхъ годовъ. Объясненіе ея успѣховъ недостаточнымъ знакомствомъ Правительства съ сектою и допущеннымъ, вслѣдствіе этого, излишнимъ снисхожденіемъ къ сектаторамъ, къ послѣдному двадцатилѣтію, очевидно, непримѣнимо. Въ чемъ заключается ихъ причина? Нужно-ли искать ея въ самой сектѣ, т. е. въ ея внутреннемъ содержаніи, или въ ея организаціи? Или же мѣры, принятыя Правительствомъ, при всей ихъ видимой строгости, въ какомъ либо отношеніи недостаточны?

Настоящая записка посвящается посильному разрѣшенію этого вопроса, а его разрѣшеніе, наиболѣе точное и безпристрастное, возможно только однимъ путемъ, путемъ практическимъ или историческимъ. Поэтому наша задача: собрать разсѣянные въ дѣлахъ Министерства факты, какими заявила себя скопческая секта въ послѣдній періодъ ея существованія, и указать, на какія мѣры вызвали Правительство эти факты, и какіе результаты даны принятымъ Правительствомъ мѣрами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Д. 1853 г., № 50.

²⁾ Д. 1851 г., № 844.

³⁾ Д. 185, №

⁴⁾ Д. 1850 г., № 14.

⁵⁾ Д. 1851 г., № 975.

⁶⁾ Д. 1865 г., № 75.

⁷⁾ Д. 1853 г.

⁸⁾ Д. 1864 г., № 43.

⁹⁾ Д. 1868 г., №

¹⁰⁾ Д. 1862 г., № 35, 1869 г., №

„Самоправіе въ дѣйствіяхъ именуемыхъ Всерос- сійскихъ съѣздовъ и ихъ попечительства“.

Предлагаемая нами вниманію читателей брошюра раскольническаго лже-священника г. Казани А. И. Колягина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ показываетъ, насколько не высокъ теперь кредитъ крикливыхъ и хитроумныхъ расколозащитниковъ въ раскольничьемъ большинствѣ. Изъ этой брошюры мы узнаемъ, что „дѣятельность“ гг. Сироткина, братьевъ Мельниковыхъ и К^о и въ глазахъ болѣе видныхъ представителей раскола, какъ-то: лжемитрополита Бѣлокриницкаго Аванасія, лжеархіепископа Картушина, казанско-вятскаго лжеепископа Іоасафа и пр., признается „выходящей изъ подъ правленія высшихъ іерарховъ, служить признакомъ самоправія и нарушеніемъ возвѣщаемаго мира“; что гг. „дѣятели“, придерживаясь Іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства“, не гнушаются прибѣгать къ „завѣдомо намѣренной лжи“ предъ своими единовѣрными мірянами, высшими іерархами и даже предъ г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Что же преслѣдуется гг. дѣятелями, къ чему они стремятся? Дороги ли имъ интересы мнимаго старообрядчества? Стремленія ихъ въ итогъ сводятся къ тому, чтобы „предсѣдать въ судахъ епископовъ“, руководить ими и пр. Попытки къ этому дѣлаются уже и теперь: г. Колягинъ обвиняетъ ихъ „въ презрѣніи къ освященнымъ соборамъ и лукавомъ ухищреніи“ и на основаніи документальныхъ данныхъ доказываетъ, что „міряне, будучи ногой, становятся на мѣсто головы“ и издають „иной голосъ, чѣмъ голосъ верховныхъ архипастырей“, что „новоявленное попечительство успѣло уже проявить свои права надъ російскими епископами“, да не только попечительство въ общей его совокупности, но даже и „дѣлопроизводитель онаго Ѳ. Е. Мельниковъ въ грамотахъ“ отъ имени попечительства „дѣлаетъ *внушенія* епископамъ“, „какое дѣйствіе изображаетъ изъ себя сравнительно митрополіи и архи-

епископѣн какое-то высшее духовное правленіе, въ видѣ новообрядческаго „духовнаго коллегіума“, только „съ вершителемъ дѣлъ во фракѣ“. „Кому вѣрить? Гдѣ правда?“—вопрошаютъ представители казанскаго раскольническаго общества. Вѣдь таковыя дѣянія г. Мельникова, какъ объяснилъ имъ Колягинъ, „есть истинная мерзость заустѣнія“.

Брошюра Колягина, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія „о дѣятельности“ г. Мельникова, состоитъ изъ пяти очень цѣнныхъ для освѣщенія современной внутренней распри расколовъ австрійщины документовъ: 1) Рѣчи самого Колягина, сказанной 29 октября 1903 г. „въ засѣданіи Казанскаго епарх. дух. совѣта“, 2) „Протокола“ этого совѣта, 3) „Постановленія“ того же совѣта, 4) „Сообщенія“ Казанско-Вятскаго старообрядческаго лжеепископа Іоасафа лжеархіепископу Картушину и 5) „Предложенія“ Казанскаго старообрядческаго церковно-общественнаго попечительства Московскому старообрядческому (въ лицѣ старшины и выборныхъ) обществу“. Начинается брошюра, какъ и подобаетъ, вступленіемъ и кончается заключеніемъ собравшаго эти бумаги г. Колягина. Дабы дать возможность православнымъ миссіонерамъ ознакомиться съ содержаніемъ этой брошюры, въ нѣкоторомъ отношеніи полезной и при собесѣдованіи съ раскольническими начетчиками, а особенно съ *самимъ* Мельниковымъ, мы приводимъ ее полностью, исправивъ только орфографію.

I.

Рѣчь Колягина, сказанная 29 октября 1903 года въ засѣданіи Казанскаго епархіальнаго духовнаго совѣта.

„Ваше Преосвященство,
Владыко Іоасафъ!

Благоревностные члены совѣта! Въ настоящемъ засѣданіи совѣта (намъ) предстоитъ обсудить (вопросы) относительно нѣкоторыхъ дѣйствій именуемаго „Всероссійскаго старообрядческаго церковно-общественнаго попечительства“, утвержденнаго также именуемымъ „Всероссійскимъ съездомъ“ (проток. III-го съѣзда, листъ 25—27).

Въ совѣтахъ и дѣйствіяхъ этихъ съѣздовъ, насколько намъ извѣстно, не участвуютъ болѣе видныя общества, какъ-то: Москва, Астрахань, Саратовъ, Самара, Казань, Николаевскъ, Хвалыньскъ, с. Балаково и мн. др., между тѣмъ дѣятели съѣздовъ *выдаютъ себя* представителями всего Россійскаго старообрядчества не только предъ своими единоувѣрными мірянами, предъ своими архипастырями, но и предъ высшими государственными сановниками; напр., въ 1901 году они, являясь къ министру внутреннихъ дѣлъ, между прочимъ, дали предъ министромъ обѣщаніе

за старообрядческихъ епископовъ, что они „дадутъ требуемую правительствомъ подписку“ (проток. II сѣзда, л. 33 об. 1901 г.), не спрашиваясь даже о ея содержаніи, и уже, давши обѣщаніе, уходя отъ министра внутреннихъ дѣлъ, „я (поясняетъ г. Сироткинъ на замѣчаніе старшины московскихъ выборныхъ Н. А. Пуговкина) хотѣлъ тотчасъ же зайти въ канцелярію Министерства, чтобы условиться съ чиновниками, какую подписку могутъ дать наши епископы, но Михайлъ Ивановичъ (Бриллиантовъ) меня удержалъ отъ этого, заявивъ, что о сообщеніи М. В. Д. (т. е. о данномъ ему обѣщаніи) нужно передать московскимъ выборнымъ, а они пусть совѣтуются съ архіепископомъ и тогда *попросятъ въ Министерствѣ* (т. е. чиновниковъ Министерства?) *перемѣнить содержаніе требуемыхъ подписокъ*. Но москвичи не постарались объ измѣненіи подписокъ“ (проток. Московск. собр., январь 1902 г., л. 16). Здѣсь всероссійскіе дѣятели съ своей большой головы сваливаютъ на здоровую. Извѣстно было, что подписка требовалась отъ епископовъ, чтобы они отказались отъ званія и всего епископскаго дѣйствія. Но ходатаи не только не просили М. В. Д. прекратить требованіе подписокъ, но и, давши обѣщаніе предъ министромъ, не условились и о редакціи, въ какой (по ихъ обѣщанію) епископы должны уже будутъ дать подписку, а только хотѣли условиться съ низшими чиновниками, но не условились и съ ними. А потому они же винятъ москвичей (за то), что не постарались объ измѣненіи редакціи подписокъ, обѣщанныхъ всероссійскими ходатаями. Справедливо-ли? Выходитъ такъ: всероссійскіе дѣятели будутъ давать безъ всякаго уполномочія *преступныя обѣщанія* противъ сана епископскаго, слѣдовательно, и христіанскаго, а московское, по ихъ названію, „частное“ попечительство, должно будетъ снова являться къ министру и исправлять ихъ обѣщанія... Тогда къ чему такое мнимое всероссійское ходатайство, которое будетъ только вредить, а (потомъ утверждать, что) Москва тому причиною (т. е. виновница). Очевидная несообразность... И въ чемъ же успѣхъ по ходатайству мнимыхъ всероссійскихъ представителей? Ни въ чемъ: кромѣ вреда ничего. Развѣ то поставляютъ они себѣ великой заслугой, что послѣ даденнаго ими обѣщанія было возобновлено требованіе подписки отъ московскаго архіепископа старообрядческаго Іоанна, который, не давши таковую ¹⁾, былъ высланъ изъ Москвы, не проживаетъ въ ней и теперь. Это-ли успѣхъ ходатайства? ²⁾ Но ходатаи эти даютъ (присвоивъ) себѣ большой авторитетъ не только въ дѣлахъ церковно-общественныхъ, но и церковно-іерархическихъ: они, какъ уже извѣстно, покусились возвысить голосъ на переустройство церковно-іерархическаго правленія, такъ что въ Москвѣ, по ихъ разуму, долженъ быть епископъ, а не архіепископъ, „областной архіепископъ, какъ они заявляютъ, долженъ быть въ другомъ городѣ“ (проток. II-го сѣзда 1901 г., л. 31

¹⁾ Картушинъ далъ требуемую отъ него подписку, высланъ же изъ Москвы послѣ за нарушеніе обѣщанія, выраженнаго въ подпискѣ. Свящ. С. Ш.

²⁾ Кромѣ обѣщанія за епископовъ въ выдачѣ подписокъ съ отреченіемъ отъ сана, они, отъ 9 февраля 1903 г., заявили М. В. Д., что отъ законнаго единенія старообрядцы (съ господствующею Церковію) не прочь (представительство М. В. Д. стр. 7). На такое заявленіе уполномочія у ходатаевъ также не было.

об. и 88. „Памятная записка“. Церкви. Вѣд. 1902 г., № 15—16, стр. 333). Не это-ли и послужило къ возобновленію требованія подписки отъ архіепископа Іоанна и выселенія его изъ Москвы? не здѣсь-ли кроется и тайна даденнаго „объщанія“¹⁾?

Вслѣдствіе сказаннаго заявленія Московское общество, въ лицѣ старшины, выборныхъ и прочихъ членовъ попечительства, было вынуждено пригласить на совѣтъ представителей и отъ другихъ болѣе извѣстныхъ обществъ. Въ протестъ противъ радѣтелей церковнаго переустройства во главѣ съ московскими и проч. обществами участвовало в наше Казанское общество, изложивъ извѣстное свое „особое мнѣніе“ по данному вопросу, которое чрезъ особую депутацію и было представлено къ верховнѣйшему въ старообрядчествѣ святителю въ Бѣлую Крилицу.

Высокопреосвященный м. Аванасій нашель нашъ протестъ „благодарнымъ“ и имѣющимъ неопровержимое основаніе по канонамъ св. Церкви, подтвердилъ его своимъ подписомъ, пригласилъ къ тому же высокопреосвященнаго московскаго архіепископа Іоанна и прочихъ епископовъ.

Освященный соборъ росіійскихъ епископовъ 1902 г., 28 іюля, хотя не учинилъ еще другаго подтвержденія объ „особомъ мнѣніи“, но и не отвергъ его, а молчаніе выражаетъ знакъ согласія. Въ дѣйствіяхъ же всеросіійскихъ (именуемыхъ) съѣздовъ, наоборотъ, соборъ усмотрѣлъ, что оны послужили не на пользу христіаномъ, а только на междоусобныя пререканія, не только частныхъ лицъ, но и обществъ, что, по выраженію собора, „не должно имѣть мѣста въ христіанахъ“.

Соборъ, не найдя основаній по канонамъ св. Церкви къ утвержденію съѣздовъ гражданъ и призывая христіанъ къ миру, въ своемъ постановленіи выразилъ только ту мысль о съѣздахъ, которая изложена въ „особомъ мнѣніи“—именно: съѣзды гражданъ, по усмотрѣнію церковно-общественныхъ попечительствъ, хотя и могутъ бывать по случайнымъ потребностямъ, но безъ участія духовныхъ лицъ, а главное, чтобы міряне не касались дѣлъ, подлежащихъ суду епископовъ. Такимъ постановленіемъ соборъ вполне согласился съ „особымъ мнѣніемъ“ и, можно сказать, подтвердилъ его справедливость.

Такому гласу пастырей мало вняли новые радѣтели, какъ увидимъ ниже. На слѣдующемъ по соборѣ съѣздѣ гражданъ они утверждаютъ „всеросіійское старообрядческое церковно-общественное попечительство“ и вмѣсто случайныхъ съѣздовъ устанавливають „съѣзды“ ежегодные (проток. III-го съѣзда л. 25), избираютъ разныя депутаціи, въ томъ числѣ и къ Бѣлокрилицкому митр. Аванасію—съ предостереженіемъ—можно сказать съ обвиненіемъ—за вмѣшательство его (какъ они понижаютъ) въ церковно-іерархическія дѣла „росіійской области“,—правильнѣе же сказать—воздѣть митрополиту „зломъ за благое“. Чтобы придать своей депутаціи больше авторитета предъ митрополитомъ, они въ

1) Т. е., по мнѣнію Колягина, ходатаи, желая провести на московскую раскольничью кафедру своего кандидата, дали предъ Министромъ В. Д. общаніе за всѣхъ лжеепископовъ, что они дадутъ подписку не именовать епископами. А такъ какъ Картушинъ откажется отъ выдачи требуемой подписки, то и будетъ высланъ изъ Москвы, освободивъ, т. о., мѣсто предназначеному ими кандидату. Свящ. С. III.

докладной запискѣ“ *выразили завѣдомо — намярененную ложь*. Въ августѣ 1902 г., говорится въ запискѣ, для обсужденія церковно-общественныхъ дѣлъ собирався третій всероссійскій общественнаго попечительства старообрядческой, соборно-утверженный (?) съѣздъ“ (Поѣздка въ Б. Криниц. стр. 6, докл. зап.: 5 ноября 1902 г.), а они—представители такого попечительства, чего, какъ сказано выше, соборъ не утверждалъ. Но разъ новое попечительство *стало на путь неправды*, оно въ другомъ актѣ несправедливо обвиняетъ „въ презрѣніи къ освященнымъ соборамъ и лукавомъ ухищреніи“ представителей тѣхъ обществъ, кои подписали „особое мнѣніе“ (поѣздка въ Бѣд. Крин. стр. 5, прошеніе братства П. Града). По понятіямъ новаго попечительства также должны быть виновны „въ лукавомъ ухищреніи“ и оба областные архипастыри, поелику и они покрыли своими подписями „особое мнѣніе“. Чтобы не быть голословнымъ, скажу словами самого высокопр. м. Аѳанасія: „Особое мнѣніе“ (говоритъ онъ) обосновано на неопровержимыхъ доказательствахъ съ указаніемъ на каноны св. Церкви, можетъ послужить къ успокоенію братіи... пастырей и пастырь, то все подтверждаемъ и мы“ (резолюція митр. на „особое мнѣніе“ 15 марта 1902 г.). Къ сему же присоединился своимъ подписомъ и московскій архіепископъ Іоаннъ, такъ и др. епископы.

Не обращая вниманія на такое свидѣтельство, новое попечительство приняло мѣры и „изъ бѣлагъ сдѣлать черное“: въ своей „докладной запискѣ“ снова увѣряетъ митрополита, что „особое мнѣніе“ есть „актъ сомнительной справедливости“ и если не произошло раздора на Руси, то благодаря только своевременно принятымъ мѣрамъ нашихъ архипастырей и разясненію ревнителями блага церковнаго“ (докл. зап. 5 ноября 1902 г., „Поѣздка“ стр. 7). Податели „докладной записки“, говоря о мѣрахъ, предупредившихъ „раздоръ“, къ сожалѣнію, почему то не указали того акта и какихъ именно пастырей. Да потому и не указали, что другаго акта и принятой мѣры нѣтъ, какъ только „постановленіе“ собора 1902 г. іюля 28, которымъ предусмтрѣно, что „споры и пререканія въ христіанахъ вызваны „всероссійскими съѣздами“, а не особымъ мнѣніемъ.

Въ виду этого освященный соборъ „проситъ всѣхъ православныхъ христіанъ всѣ возникшія пререканія оставить“, съѣзды же гражданъ, какъ не имѣющіе основаній по канонамъ св. Церкви, соборъ не утвердилъ, а оставилъ собраніе оныхъ усмтрѣнію церковно-общественныхъ попечительствъ. Слѣдовательно, съѣзды хотя и могутъ быть, но только по произволу гражданъ, а не по соборному утвержденію, какого теперь и не существуетъ. Указывать на такой актъ, какъ „постановленіе собора“, новому попечительству не съ руки, потому что (это) постановленіе согласуется съ „особымъ мнѣніемъ“ и разрушаетъ ихъ кривосказательство,—главное же—причиной раздора ставитъ минувшіе съѣзды. А по сему возводимая ими вина „въ презрѣніи къ освященнымъ соборамъ и лукавомъ ухищреніи“ всею тяжестію падаетъ на нихъ, и по пророку: тотъ „ровъ“, который выкопали другимъ, остался удѣломъ для самихъ роющихъ“ (по 7, 15), о чемъ и справедливо было замѣчено имъ преосвящ. владыкою Іоасафомъ, что „въ чемъ людей обвиняли, то всего этого сами творцы быша“ (письмо его 14 мая 1903 г.).

Далѣе, представители новаго попечительства, очернивъ чистыхъ,

въ „докладной запискѣ“ просить (правильнѣе предупреждаютъ) м. бѣлокриницкаго, „чтобы впредь прѣзжающихъ изъ Россіи христіанъ, не имѣющихъ соборной довѣренности епископовъ русской области, не считать представителями всей россійской церкви“ (докладн. записк. „Повѣдка“ стр. 8).

Непонятно, кого изображали собой предъ митрополитомъ члены новаго „самоправнаго“ попочительства? Если представителей всей Россіи, то они, по ихъ же словамъ, должны бы имѣть „довѣренность“ россійскихъ епископовъ, а у нихъ „не только отъ освященнаго собора епископовъ (говоритъ митрополитъ), но даже ни отъ единаго епископа не было“ (посл. м. В. 15 декабря 1902 г.); мы же скажемъ еще, что не только отъ епископовъ не имѣли довѣренности, но не имѣли и отъ обществъ, т. е. отъ приходовъ (кромѣ егорьевскаго), а только отъ разныхъ „братствъ“; братство же не составляетъ цѣлаго прихода, т. е. общества, а только частица его, составляющееся по извѣстнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, представительство новаго попочительства ниже стояло и менѣе имѣло правъ сравнительно представителей съ „особымъ мнѣніемъ“. Тѣ „лица (говоритъ м. Ав.) присланы сюда (къ нему) по уполномочію архіепископа, московскаго общества и др. россійскихъ старообрядческихъ обществъ“ (отвѣтн. послан. м. Аван. 15 декабря 1902 г.).

Члены новаго попочительства, лишивъ всѣхъ (права, кромѣ себя, какъ они воображаютъ) на представительство къ бѣлокриницкому митрополиту, въ той же запискѣ *лишаютъ права и самого м. Аванасія* на зависящія отъ него распоряженія въ сношеніи съ московскимъ архіепископомъ по дѣламъ св. церкви: „распоряженія духовныхъ правителей другихъ областей (говорятъ они въ запискѣ) на основаніи 2 прав. второго всел. соб. (по полн. перев.) для внутренняго распорядка самостоятельной русской церкви не имѣютъ ровно никакого значенія“ (докл. зап. стр. 7—8). Посмотримъ, такъ-ли это? „Второе прав. второго вселенскаго собора (хотя и) опредѣляетъ (говоритъ Матѳей Властарь), чтобы епископы иныхъ епархій рукополагались, по древнему обычаю, отъ своихъ соборовъ, но сіе послѣдующими установленіями божественныхъ правилъ совершенно уничтожено“ (Синтагм. М. Власт. въ русск. перев. стр. 191, гл. 11, сост. 5). Другой толкователь Вальсамонъ поясняетъ помянутое правило еще такъ: „въ древности всѣ митрополиты епархій были независимы, и рукополагаемы были своими соборами. А измѣнено это 28 пр. халкидонскаго собора, которымъ опредѣлено, чтобы митрополиты понтійскій, асійскій и фракійской области и еще нѣкоторые другіе, указанные въ правилѣ, были рукополагаемы патр. константинопольскимъ и подчинены ему“ (толк. на 2 пр. 2 вс. соб.). „Ибо правило повелѣваетъ (говоритъ Матѳ. Власт.), чтобы патриархамъ повиновались подчиненные имъ митрополиты и *симъ* въ свою очередь *епископы* (Синтагма въ русск. пер. стр. 190). Въ согласность 28 пр. халкидонскаго собора, толкованій Матѳея Властаря и Вальсамона — бѣлокриницкій митрополитъ, какъ единственный въ Христово-старообрядческой, имѣть полное право, по отношенію россійской архіепископіи, пользоваться правами, присвоенными патриарху, и россійскіе архіепископы должны быть рукополагаемы по его волѣ и ему должны подчинены, что и было вмѣнено въ обязанность при открытіи первой россійской архіепископіи (Уставъ Владимірск. архіепископіи статья 3. Истор. бѣлокр. свящ. вын-2, стр. 351).

Бѣлокриницкій митрополитъ, признавая за собой и нынѣ это право, утвердилъ „особое мнѣніе“, а также и предупредилъ московскаго архіепископа своимъ посланіемъ, въ коемъ выразилъ соболѣзнованіе о распространеніи „тетрадей, подготовляющихъ церковный переворотъ, обѣщался учинить оныя замѣчанія, также и на грамоты, представленныя ему новымъ попечительствомъ. Слѣдовательно, митрополитъ не призналъ правильнымъ примѣненіе къ своимъ дѣйствіямъ опредѣленія 2 пр. 2 вс. соб. Но пока (то еще) замѣчаніе (митрополита по) слѣдуетъ, (а) новоявленное попечительство (не дремлетъ): возвратясь отъ митрополита, (оно) успѣло уже проявить свои права надъ *россійскими епископами*. Подъ видомъ добрыхъ предложеній (въ существѣ же дѣла злыхъ?) попечительство *затребовало отъ епископовъ*, въ томъ числѣ и отъ нашего боголюбиваго владыки Іоасафа, адреса священниковъ и попечителей „всей вѣренной ему епархіи“. Надобность въ адресахъ, какъ они пишутъ, та, „чтобы своевременно они могли извѣщать наше духовенство и общества (конечно, помимо архіепископа и епископовъ) о разныхъ духовныхъ, касающихся св. церкви, дѣлахъ“ (письмо новаго попечит. апрѣль 1903 г.).

Преосвященнѣйшій владыко Іоасафъ, *не будучи уврѣнъ въ полезности тѣхъ свѣдѣній*, кои они намѣрены разсылать помимо епископовъ по епархіямъ, 14 мая с. г. письменно заявилъ имъ: „Если вы (пишеть оны) имѣете въ виду что полезное, касающееся христіанскихъ обществъ, то можете сообщить мнѣ непосредственно въ село Безводное, или въ Казань на имя о. А. Колягина. Адреса же всѣхъ приходоѡвъ сообщать вамъ нахожу излишнимъ, такъ какъ указываемая вами „справка о приходоѡвъ и о служащихъ при немъ клирикахъ“ (письмо январь) можетъ быть произведена нами епископами между собой, или чрезъ посредство областного святителя, какъ своего главы (34 пр. св. апост.) и „имѣющаго попеченіе о всей области, такъ какъ въ митрополию отовсюду стекаются всѣ имѣющіяся дѣла“ (9 пр. антиох. соб.); кромѣ же областного святителя и епархіальныхъ епископовъ и ихъ совѣтовъ, *другихъ учрежденій*, составляемыхъ мірянами, кои бы вѣдали „о разныхъ духовныхъ, касающихся св. церкви дѣлахъ“ по канонамъ св. церкви *быть не должно* (письмо еписк. Іоасафа 14 мая 1903 г.).

Не удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, „*дѣлопроизводители*“ отъ лица попечительства *повторили требованіе* адресовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ разсылая свою „поѡздку въ бѣлую Криницу“, *дѣлаютъ вынужденіе епископамъ*, какъ бы отъ лица митрополита о томъ, „чтобы не вынуждали его (митрополита) вмѣшиваться въ русскую іерархическую область“ (письмо іюль 1903 г.). Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ отъ „предсѣдателя совѣта“ Сироткина „просьба“ къ епископу съ особо изложенной формой „предписанія“ епархіальнымъ священникамъ, чтобы 30 октября с. г. или въ ближайшее воскресенье, по случаю сороковой годовщины митр. Амвросія, были совершены заупокойныя литургіи, или панихиды“ (письмо 16 сентября 1903 г.).

Такое дѣяніе попечительства, хотя на видъ какъ бы представляется и добрымъ, но въ немъ *рѣзко сквозитъ презрѣніе* къ богоустановленному *священноначалію*, которое Богомъ предназначено руководить пасомыхъ (Ефес. 4, 11—12), а не руководимымъ быти отъ нихъ. Такой порядокъ мы и должны вообще хранить: „порядокъ (говоритъ св. Гри-

горій Богосл.) и въ церквахъ (Богъ) распредѣляли (такъ), чтобы одни были пасомые, а другіе пастыри, одни начальствовали, а другіе были подначальными; кто составлялъ бы какъ главу, кто ноги, кто руки и пр... будемъ, братіе, уважать и соблюдать сей порядокъ... Не всё будемъ апостолами, не всё толкователями... Для чего представляешь изъ себя пастыря, когда ты овца? для чего дѣлаешься головой, когда ты нога (часть 3, стр. 142, 145)? Голова (головою) же церковнаго тѣла уподобительно называется епископъ (толк. на 55 пр. св. апост.), а въ средѣ епископовъ пользуются главенствомъ областные архіепископъ и митрополитъ (34 пр. св. апост.) и „если старѣйшій епископъ, какъ первенствующій членъ (говорить Зонара), не будетъ пользоваться подобающею честью, то все тѣло, т. е. церковь будетъ въ безпорядкѣ“ (въ толк. на 34 пр. св. ап.).

Что же? Не видимъ-ли это явленіе среди своей братіи? Хотя и грустно, но фактъ налицо: *какое-то попечительство*, помимо архіепископа, *разсылаетъ по епископамъ внушеніе*, чтобы они не имѣли съ митрополитомъ сношеній по дѣламъ церковнымъ. Гдѣ же здѣсь соблюденіе указаннаго порядка, когда *міряне, будучи ногаи, становятся на мѣсто головы? Не мѣтятъ-ли ужь „предсѣдатели“ новаго попечительства и съѣздовъ предсѣдать и въ судахъ епископовъ? А это, по словамъ св. Аванасія великаго, есть мерзость заустѣнныя: „Сія есть (говорить онъ) истинная мерзость заустѣнныя, егда мірскій властелинъ епископскимъ судамъ предсѣдять“* (Баронія времени Аван. вел. „Слово Правды“ № 7, стр. 105, 1896 г.).

Дѣятели съѣздовъ и новаго попечительства, не довольствуясь „своеобразнымъ самоуправіемъ“ и *выдаваніемъ лжи вмѣсто правды*, въ своихъ „докладахъ“ *прибѣгали и къ клеветѣ*. Напримѣръ, въ 1901 г. на второмъ съѣздѣ Д. В. Сироткинъ въ своемъ „докладѣ“ выразилъ клевету на цѣлыя общества: „На одномъ изъ предыдущихъ соборовъ (говорить г. Сироткинъ), московскіе представители, съ помощью казанскихъ, покушались даже провести на московскій (архіепископскій) престолъ лицо, совершенно не отвѣчающее такому великому назначенію“ (докладъ Сироткина, проток. 2 съѣзда 1901 г., стр. 87 об.). Что это есть клевета, я говорю потому, что казанское общество въ 1898 году отъ 25 іюля заявило въ своемъ „голосѣ“ согласіе только на одного изъ старѣйшихъ епископовъ—Селивестра балтскаго, достоинство коего было засвидѣтельствовано бѣлокриницкимъ митрополитомъ съ прочими заграничными епископами—особой грамотой отъ 11 іюня 1898 года.

Казанское общество тогда, наоборотъ, оберегалось дать согласіе на лицо, „не соотвѣтствующее великому сану“, каковымъ, по заявленію казанскихъ, было тогда другое лицо и именно то, кого нижегородцы стремились провести (т. е. еретичествующаго Арсенія Швецова?). Послѣ сего можно-ли дивиться, если члены новаго попечительства порицали несправедливо священника, именно меня, за то только, что я противодѣйствовалъ нѣкоторымъ ихъ дѣяніямъ.

Изъ всего сказаннаго можете себѣ представить, какая была бы польза отъ того, если бы попечительство, получивши адреса, помимо епископа разослало бы свои вышесказанныя несправедливыя измышленія по обществамъ всей епархіи. Можно сказать, пользы никакой бы не было, кромѣ смущенія въ простодушныхъ христіанахъ и нарушенія

мира, преподааннаго освященнымъ соборомъ боголюбивыхъ епископовъ отъ 28 іюля 1902 г.

Итакъ, принявъ все сказанное къ соображенію, совѣтъ долженъ серьезно обсудить слѣдующіе вопросы:

1) Какъ относиться къ нижегородскимъ сѣздамъ гражданъ и утвержденному третьимъ сѣздомъ попечительству?

2) Какъ отнестись на требованіе адресовъ въ справочный отдѣлъ попечительства? и кромѣ сего, 3) не найдеть-ли совѣтъ возможнымъ предоставить казанскому церковно-общественному попечительству войти въ сношеніе съ московскимъ обществомъ, чтобы совокунно обратиться къ собору боголюбивыхъ епископовъ съ просьбой—выяснить положеніе московской старообрядческой архіепископіи по зависимости отъ Бѣлокриницкаго митрополита въ точномъ послѣдованіи канонамъ св. Церкви, чтобы, слышавши гласъ своихъ пастырей, „по нимъ идти“, *отъ чужого же* (т. е. гг. Мельниковыхъ и пр.), яко незнаемаго гласа, подобаетъ блюстися.

Стар. священникъ А. П. Колягинъ.

29 октября 1903 г.

II.

Протоколъ засѣданія казанскаго старообрядческаго епархіальнаго духовнаго совѣта 29 октября 1903 года.

Подъ предѣдательствомъ преосвященнѣйшаго епископа Іоасафа въ присутствіи членовъ: іереевъ: Петра Даниловича Залетова, Алексѣя Ивановича Колягина и изъ гражданъ попечителей казанскаго общества: М. Л. Свѣчникова, А. В. Аванасьева, П. С. Барабанова и В. Л. Свѣчникова.

Слушали:

1-е) Словесное предложеніе епископа Іоасафа а) какъ относиться къ сѣздамъ гражданъ нижегородскихъ? б) о дѣйствіяхъ именуемаго всероссійскаго попечительства, утвержденаго III сѣздомъ, в) сообщать-ли адреса всѣхъ священниковъ и попечителей казанско-вятской епархіи по требованію новаго попечительства?

2-е) Рѣчь іерея Алексѣя, поясняющую предложеніе боголюбиваго владыки Іоасафа.

3-е) Грамоты дѣлопроизводителей именуемаго Всероссійскаго попечительства Ѳ. Е. Мельникова и В. Е. Мельникова, требовавшія адреса и сообщающія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ поименованнаго попечительства и постановленіе сѣздовъ.

4-е) Грамоту предѣдателя им. Всер. попечительства о чествованіи 40-й годовщины м. Амвросія 30 октября сего года.

По довольномъ разсужденіи и обмѣнѣ мыслей единогласно *поставили:*

1) О сѣздахъ гражданъ слѣдовать соборному опредѣленію 28 іюля 1902 г. Являться на совѣщанія только по призыву московскаго попечительства. Въ нижегородскихъ же сѣздахъ участвовать только тогда, когда оныя *оставятъ „самоправіе“*, предусмотрѣнное м. Аванасіемъ

бѣлокриницкимъ, и пререканіе съ укоризнами, предусмотрѣнное освященнымъ соборомъ боголюбивыхъ епископовъ, оставивши и присвоеніе власти Всероссийскаго попечительства, пока не участвуетъ въ немъ московское общество.

2) О дѣйствіяхъ именуемаго Всероссийскаго попечительства, какъ идущихъ въ разрѣзъ іерархическихъ распоряженій, по отношенію м. бѣлокриницкаго, казанскому попечительству войти въ сношеніе съ московскимъ попечительствомъ, а чрезъ оное и съ другими обществами, и представить вопросъ къ уясненію на освященный соборъ боголюбивыхъ епископовъ, и, въ интересахъ общаго мира и сохраненія правъ епископскихъ, просить освященный соборъ учинить „внушеніе“ новому попечительству, чтобы оно не разсылало помимо епископовъ по епархіямъ свои дѣянія.

3) Адреса не сообщать въ новое попечительство, остаться при мнѣніи посланнаго владыкой Іоасафомъ отвѣта 14 мая 1903 г., о чемъ предупредить и всѣ общества казанско-вятской епархіи.

4) Чествованіе 40-й годовщины оставить благоусмотрѣнію преосвященнѣйшаго епископа Іоасафа.

По вышеизложеннымъ тремъ пунктамъ изложить особое постановленіе отъ имени епархіальнаго совѣта.

III.

Казанскаго епархіальнаго духовнаго совѣта постановленіе:

Казанскій епархіальный совѣтъ 29 октября с. г. подъ предсѣдательствомъ его преосвященства, епископа Іоасафа, слушалъ послѣдовавшія къ его преосвященству въ разное время отъ именуемаго всероссійскаго старообрядческаго общественнаго попечительства грамоты—именно:

а) Сообщеніе о дѣлахъ III всероссійскаго съѣзда, въ коемъ просить сообщить въ утвержденный ими справочный отдѣлъ адреса священниковъ и попечителей всей казанско-вятской епархіи, что чрезъ посредство ихъ „возможно будетъ каждому епископу справиться о какомъ угодно приходѣ и о служащихъ при немъ клирикахъ (грам. январь 1903 г.).

б) Повтореніе о томъ же съ поясненіемъ, что они „своевременно (могли бы) извѣщать наше духовенство и общества о разныхъ духовныхъ, касающихся св. Церкви, дѣлахъ“ и пр.

в) Сообщение 10 экз. „Поѣздки (членовъ попечительства) въ Бѣлую Кривицу“ со внушеніемъ преосвященнѣйшему епископу Іоасафу (яко бы по порученію м. Аванасія), „чтобы не вынуждати бѣлокриницкаго архипастыря вмѣшиваться въ русскую іерархическую область, обосновывая свое внушеніе указаніемъ на 20 стр. своей „поѣздки“ (Іюль 1903 г.).

г) Третье требованіе адресовъ съ добавленіемъ—сообщить еще адреса попечителей неокружниковъ и бѣглопоповцевъ, а также указать начетчиковъ казанско-вятской епархіи.

д) Просьба предсѣдателя совѣта всероссійскаго попечительства Д. В. Сироткина „о предписаніи (по епархіи) чествованія памяти м. Амвросія, по случаю 40 годовщины его смерти, 30 октября с. г. съ приложеніемъ формы предписанія въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

По выслушаніи сказаннаго, соображаясь съ постановленіемъ освященнаго собора 1902 г. 28 іюля (по отношенію къ сѣздамъ гражданъ), отвѣтнымъ посланіемъ высокопресвященнаго Аванасія, м. бѣлокриницкаго, отъ 15 декабря 1902 г., къ г. архіепископу Іоанну московскому о представительствѣ къ нему членовъ нижегородскихъ сѣздовъ и ихъ дѣяній, а также съ отвѣтомъ боголюбиваго епископа Іоасафа къ дѣлопроизводителю справочнаго отдѣла отъ 14 мая 1903 года, и принявъ во вниманіе вступительную рѣчь іерея А. Колягина, совѣтъ усмотрѣлъ, что третій сѣздъ (не говоря уже о первыхъ) оказался не послѣдователемъ соборному опредѣленію въ томъ, что вмѣсто сѣздовъ временныхъ, вызываемыхъ случайными потребностями, „установилъ особымъ положеніемъ сѣзды ежегодные“ (III сѣздъ въ прилож. л. 25 об.), а также, вопреки предложенія собора—оставить возникшія пререканія,—сѣздъ, не имѣя уполномочія отъ многихъ обществъ, главное же безъ согласія московскаго старообрядческаго общества, какъ главнаго центра и притомъ „утвержденнаго правительствомъ“ (Слова М. В. Д. 9 февраля 1903 г., сказанныя предств. сѣзда),—учредилъ изъ среды себя „Всероссійско-старообрядческо-общественное попечительство“, каковое дѣйствіе „такъ называемыхъ всероссійскихъ сѣздовъ“ (говорить высокопр. м. Аванасій) „имѣть какое-то своеобразное самоуправіе, сохранившее за кулисами третьяго сѣзда, издавать и распространять въ народѣ проекты и протоколы, коими *подготавливается церковный переворотъ* въ Россійскомъ единовѣрномъ старообрядчествѣ“ (отвѣтн. посл. м. Аван. 15 декабря 1902 г.). Прислушиваясь къ голосу верховнѣйшаго святителя и своего боголюбивѣйшаго епископа Іоасафа, совѣтъ постановилъ слѣдующее:

а) О сѣздахъ гражданъ слѣдовать соборному опредѣленію 1902 г. 28 іюля, т. е. являться по случайнымъ потребностямъ на общее совѣщаніе и желательно—по призыву московскаго старообрядческаго общества, какъ утвержденнаго правительствомъ, во главѣ со старшиной выборныхъ. Въ нижегородскихъ же именуемыхъ всероссійскихъ сѣздахъ участвовать только тогда, когда оныя оставятъ предусмотрѣнное высокопресвящ. митр. Аванасіемъ самоуправіе и пререканія, и при томъ не присваивая себѣ власти Всероссійскаго попечительства.

б) Слѣдую отвѣту преосвященнѣйшаго владыки Іоасафа, посланному въ справочный отдѣлъ 14 мая с. г., а также принимая во вниманіе проекты, „подготавлиющіе церковный переворотъ“, и еще: въ виду нелѣпныхъ словоизверженій, занесенныхъ на страницы именуемыхъ сѣздовъ, требуемые адреса не сообщать въ наименованное попечительство, о чемъ предупредить и всѣ общества казанско-вятской епархіи.

в) О дѣйствіяхъ именуемаго всероссійскаго попечительства по распространенію своей „пѣздки въ Бѣлую Криницу“ *со внушеніемъ епископамъ, граничащихъ не только ихъ права, но и верховнѣйшаго* (въ старообрядчествѣ) бѣлокриницкаго святителя въ обоюдномъ ихъ сношеніи, о каковомъ ихъ дѣйствіи, какъ идущемъ въ явное нарушеніе соборнаго о сѣздахъ гражданъ постановленія и тѣмъ болѣе канонамъ св. Церкви, установившихъ соотношеніе и зависимость между епископами по старшинству престоловъ (3 пр. и толк. II вс. соб.), предоставляя старѣйшимъ „преимущества“ и рукополагать областныхъ митрополитовъ (28 пр. IV. вс. соб.) и участвовать рѣшающимъ голосомъ въ

судѣ между епископовъ другихъ областей, напр. (далѣе выписывается 5 прав. сардикійскаго соб. съ толкованіемъ Вальсамона). Въ нашей же старообрядческой церкви, на основаніи сказаннаго, верховнѣйшія права должно относить, какъ къ единственному въ старообрядчествѣ, бѣлокриницкому митрополиту и отъ него (по 3 ст. устава на владимірскую архіеп.) „должны непремѣнно зависими быть“ (матер. для истор. Бѣлокр. іерарх. стр. 359. изд. Субб.). И посему представляется Казанскому церковно-общественному попечительству войти въ сношеніе съ московскимъ попечительствомъ, желательно и другими обществами, и совокупно обратиться къ освященному собору боголюбивыхъ епископовъ для уясненія вопросовъ:

а) Имѣть-ли право и на какомъ основаніи „самоправное попечительство“ граничить права митрополита и епископовъ въ обоюдномъ сношеніи по дѣламъ св. Церкви?

б) А также уяснить въ точномъ послѣдованіи святособорнымъ правиламъ вопросъ: дѣйствительно-ли бѣлокриницкій митрополитъ чуждъ всего участія въ дѣлахъ церкви россійской области?

По уясненіи сего да поможетъ Богъ быти всѣмъ намъ во единомысліи и послушаніи богоустановленнаго священноначалія и по апостолу: „каждо въ немъ призванъ есть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ“ (Римл. 7, 24). Слѣдуютъ подписи.

1903 г., октября 29 дня.

IV.

Его Высокопреосвященству, Старообрядческому московскому архіепископу Иоанну

Казанско-вятскаго старообрядческаго епископа Юсафа сообщеніе.

При семъ почтительнѣйше сообщаю вашему Высокопреосвященству копію съ „постановленія“ Казанскаго епархіальнаго духовнаго совѣта. „Постановленіе“ это, какъ можете усмотрѣть, состоялось по отношенію грамотъ, слѣдовавшихъ ко мнѣ отъ именуемаго всероссійскаго попечительства и съѣздовъ гражданъ, бывающихъ въ Нижнемъ.

Поименованное попечительство, сообщая свои дѣянія, просило меня сообщить имъ адреса священниковъ и попечителей всей ввѣренной мнѣ епархіи. Имѣя въ виду *не отвѣчающія истинной правдѣ ихъ сообщенія*, не нашелъ нужнымъ сообщить просимые адреса, о чемъ, 14 мая с. г., написалъ въ новое попечительство отвѣтъ, копію съ коего также при семъ прилагаю. *Не обращая вниманія на мой къ нимъ отвѣтъ*, попечительство снова проситъ адреса и пр., что упомянуто въ постановленіи. Послѣднее сообщеніе, въ особенности „повѣдка въ Бѣлую Криницу“ членовъ новаго попечительства и ихъ грамота, граничащая права епископовъ по сношенію съ митрополитомъ бѣлокриницкимъ, поставило меня въ крайнее смущеніе. Чтобы разобраться болѣе безпристрастно между фактовъ, сообщенныхъ вашимъ высокопреосвященствомъ (точной копіи съ посланія митрополита) и новымъ попечительствомъ, мнѣ заблагоразсудилось рѣшить это обще-епархіальнымъ совѣтомъ.

Въ дѣйствиі новаго попечительства совѣтъ услышалъ иной голосъ, чѣмъ голосъ верховныхъ архипастырей. А потому,—желая быть въ благоговѣнномъ послушаніи своимъ архипастырямъ и внимать только ихъ гласу въ полномъ послѣдованіи свято-соборнымъ правиламъ, въ согласность сказаннаго (какъ мы уповаемъ),—совѣтъ и учинилъ свое „постановленіе“. Посылая же сіе постановленіе, прошу ваше боголюбіе принять его, какъ голосъ мой и голосъ моего паствы,—хотя бы и при обсужденіи на освященномъ соборѣ,—по даннымъ вопросамъ.

Но если что усмотрѣно будетъ вами въ наименованномъ постановленіи несогласное съ опредѣленіемъ правилъ св. Церкви и противорѣчащее постановленіямъ боголюбивыхъ епископовъ, то благоволите замѣтить намъ о томъ, и мы съ полною готовностію потщимся быть во всемъ томъ благопослушными.

Засимъ, привѣтствуя васъ братскою о Христѣ любовію, прошу вашихъ св. молитвъ. Смирный Іоасафъ, епископъ Казанскій и вятскій. Казань.

1903 г., ноября 9 дня.

V.

Московскому старообрядческому (въ лицѣ старшины и выборныхъ) обществу

Казанскаго старообрядческаго церковно-общественнаго попечительства предложеніе.

Согласно „постановленія Казанскаго духовнаго епархіальнаго совѣта“, состоявшагося 29 октября с. г., Казанское церковно-общественное попечительство, въ виду нѣкоторыхъ дѣяній новоявившагося именуемаго „всероссійскаго старообрядческо-общественнаго попечительства“, вынужденнымъ себя нашло симъ высказаться, что никакого иного центрального, кромѣ московскаго, „утвержденнаго правительствомъ“, старообрядческаго попечительства мы признать не можемъ, потому что и духовное высшее правленіе Россійскихъ старообрядцевъ, въ лицѣ архіепископа, существуетъ подъ именемъ московской архіепископіи. Это первое. А во-вторыхъ, и потому, что въ години тяжкихъ испытаній Христово-старообрядческой церкви всѣ тяжести ея чадъ въ духовной нуждѣ московское общество несло на раменахъ своихъ, что продолжается и теперь, какъ мы видимъ, въ предпринятой мѣрѣ по объединенію обществъ въ подачу прошенія М. В. Д. о нуждахъ старообрядчества. Да и прежде всѣ великой важности по старообрядчеству вопросы рѣшались въ Москвѣ тихо, скромно, безъ всякаго самовосхваленія и присвоенія ключи „Всероссійскихъ дѣятелей“. Дѣйствуя въ истинно-христіанскомъ духѣ, *никого не унижали, никого не клеветали (что позволяютъ себѣ дѣятели всероссійскихъ съездовъ)*, почему къ голосу Москвы благоговѣли не только наши дѣды, (но) благоговѣемъ и мы.

Теперь, какъ изволилъ выразиться высокопр. мѣтр. Афанасій, явилось „новое попечительство съ своеобразнымъ самоуправіемъ“ (его послан. 15 декабря 1902 г.), не только съ превышеніемъ правъ своихъ собратьевъ гражданъ, но и высшей церковной іерархіи.

Дѣтели наименованнаго попечительства являлись въ митрополію „съ тяжкимъ обвиненіемъ (говорить тотъ же святитель) противъ обоихъ областныхъ—митр. бѣлокриницкаго и московскаго архіепископа“ (въ томъ же посл.).

Наконецъ, они, по возвращеніи изъ Бѣлой Криницы, разсылали свою „поѣздку“ по епископамъ съ особо изложенной отъ себя грамотой за подписомъ дѣлопроизводителя Ѳ. Е. Мельникова, въ коей и *внушаются епископамъ*, чтобы они „не вынуждали бѣлокриницкаго архипастыря вмѣшиваться въ русскую іерархическую область“, тогда какъ митр., наоборотъ, наименованнымъ выше „посланиемъ“ предувѣдомляетъ высокопреосвященнаго архіепископа московскаго, а чрезъ него „всѣхъ епископовъ и общества“ о своемъ участіи въ составленіи замѣчаній на „представительство“ къ нему новыхъ дѣтелей съ ихъ грамотами, также и на протоколы ихъ съѣздовъ и въ заключеніе говоритъ архіепископу: „настоящее отвѣтное посланіе, за собственноручнымъ подписомъ моимъ, соблаговолите, ваше преосвященство, принять и посредствомъ точныхъ копій объявить братіи-единовѣрнымъ епископамъ и единовѣрнымъ обществамъ. Смирен. Аван. митр. бѣлокриницкій, 15 декабря 1902 г.“

Помянутая грамота въ копіи предъ нами, а также и „поѣздка“ членовъ новаго попечительства въ Бѣлую Криницу съ особой ихъ грамотой. Два факта и два противорѣчащихъ одно другому сообщенія объ одномъ и томъ же положеніи... явленіе грустное!..

Митрополитъ предувѣдомляетъ чрезъ архіепископа всѣхъ объ участіи своемъ въ дѣлахъ російской архіепископіи, (а) члены новаго попечительства заявляютъ, что митрополитъ якобы чрезъ нихъ, „проситъ всѣхъ епископовъ изъавить его отъ вмѣшательства въ російскую область“ („поѣздка“ стр. 20), каковымъ дѣйствіемъ *новое попечительство изображаетъ изъ себя сравнительно митрополіи и архіепископіи какое-то высшее духовное правленіе*,—въ виду новообрядческаго „духовнаго коллегіума“ только съ *вершителемъ дѣлъ во фрактъ*... Кому вѣрить? и гдѣ правда? Несомнѣнно, должно вѣрить высокопреосвященнѣйшимъ митрополиту и архіепископу и, имѣя подъ руками неподлежащія сомнѣнію факты, скажемъ съ полною увѣренностію, что правда на сторонѣ митрополита, написавшаго посланіе, архіепископа, разславшаго копіи съ посланія съ собственноручнымъ свидѣтельствомъ ихъ подлинности. Последнее же ложь и ей не вѣримъ.

Но дѣло въ томъ—всѣ ли общества имѣютъ надлежащія грамоты высшихъ іерарховъ? Между тѣмъ „самоправное“ попечительство *щедро рассматриваетъ свою противоборствующую посланію митрополита „Поѣздку“* къ униженію чести нашихъ смиренныхъ святителей, что до крайности оскорбляетъ чувство христіанъ, благоговѣнно чтущихъ своихъ архипастырей.

Въ виду вышензложеннаго и въ предохраненіе отъ *грустныхъ послѣдствій по вмѣшательству* (отъ вмѣшательства) *новоявленныхъ дѣтелей въ права іерарховъ*, мы почтительнѣйше предлагаемъ московскому церковно-общественному попечительству принять на себя трудъ къ объединенію христіанскихъ обществъ, чрезъ посредство своей (или особо избранной) депутаціи войти къ освященному собору боголюбивыхъ епископовъ съ просьбой (при изложеніи своего мнѣнія въ особой запискѣ) объ уясненіи правъ и участіи въ дѣлахъ св. Церкви російской старо-

обрядческой архіепископіи—бѣлокриницкаго митрополита. Участіе бѣлокриницкаго митрополита, какъ единственнаго въ Христово-старообрядческой церкви, и при томъ признанаго правительствомъ ¹⁾, по здравому понятію не должно бы быть до конца отрицаемо въ дѣлахъ россійской архіепископіи не только по святособорнымъ канонамъ Церкви, но и по другимъ весьма важнымъ положеніямъ. Извѣстно, что въ религіозной нуждѣ россійскихъ старообрядцевъ *сослужила искупленіе бѣлокриницкая митрополія.*

Одновременно съ вышесказаннымъ просимъ освященный соборъ и о внушеніи новоявленнымъ дѣтелямъ, чтобы они помимо епископовъ не распространяли по епархіямъ никакихъ своихъ грамотъ и тѣмъ болѣе въ тѣ общества, кои не участвуютъ на ихъ съѣздахъ.

Итакъ, предложивъ, просимъ увѣдомить насъ о своемъ мнѣніи по изложеннымъ вопросамъ. Попечители старообрядческаго (г. Казани) общества М. Л. С., П. С. Б., А. В. А., В. Л. С.

1903 г. ноября 9 дня.

Въ слѣдующемъ затѣмъ „заключеніи“ г. Колягинъ говоритъ:

„Предложивъ вниманію читателей вышеизложенные акты, можно быть увѣреннымъ, что благопослушные сыны св. Церкви и ея духовнымъ правителямъ могутъ уемотрѣть, что истина на сторонѣ высокопреосвященнаго митрополита Афонасія, признавшаго „всероссійскіе съѣзды“ „своеобразнымъ самоуправіемъ“ (его посл. 15 дек. 1902 г.), слѣдовательно, и на сторонѣ вышеписанныхъ актовъ, слѣдующихъ гласу верховнаго святителя. А по сему—для кого дорога истина—настырь-ли, общество-ли, частный-ли человѣкъ, вообще кто бы ни былъ—на всякомъ лежитъ христіанскій долгъ подать голосъ къ возстановленію законныхъ правъ, попираемыхъ „самоправіемъ“, ибо „всего страшнѣе“ (говоритъ св. Григорій Богословъ) бояться чего-либо болѣе, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателемъ вѣры и истины“ (ч. 1, стр. 237).

Настоящая брошюрка, а также и имѣющіяся у насъ двѣ другія брошюры („Воззваніе къ старообрядцамъ по сбору пожертвованій“ 1904 г. Казань и „Пути покаянія“ 1904 г. 29 февраля) показываютъ въ авторѣ ихъ—г. Колягинѣ—человѣка мыслящаго, ревностно оберегающаго свою паству (да, вѣроятно, и „архипастыря“ Иосифа) отъ нарушеній святоцерковныхъ правилъ и преданій. Опъ безбоязненно выступаетъ съ протестомъ противъ „самоправія“ такихъ видныхъ „дѣтелей“ во благо раскола, какъ гг. Сироткинъ, братья Мельниковы и пр., предъ которыми благо-

1) Какимъ?

говѣнно преклонялись почти все раскольники; онъ, не стѣсняясь, называетъ ихъ и лжецами, и клеветниками, и лжетолкователями св. правилъ, и предателями св. вѣры и истины, вершителями дѣлъ церковныхъ, мерзостью заустѣнія и пр. Восклищанія его: „явленіе грустное!“ „гдѣ правда, гдѣ истина?“ выдають тѣ душевныя муки, которыя приходится переживать человѣку, неимѣющему твердой религіозной почвы, близкому къ отчаянію.

Дѣйствительно, Алексѣй Ивановичъ, „явленіе грустное“, что и читая божественное Писаніе, и зная исторію возникновенія русскаго раскола, являющагося результатомъ „самоправія“, восхищенія недарованныхъ правъ разными, подобными Сироткинымъ, Мельниковымъ и пр., Аввакумами, Епифаніями, Федорами и пр., возмечтавшими стать во главѣ всей Христовой церкви, присвоившими себѣ непогрѣшимость мнѣній;—видя, наконецъ, и теперь повтореніе въ средѣ раскола такихъ же проявленій „властелинскаго духа“ разными дѣятелями, „только на видѣ представляющимися добрыми“, внутри же полными своекорыстныхъ стремленій, вы, почтеннѣйшій Алексѣй Ивановичъ,—какъ будто не допускаете и мысли, что и весь-то расколъ, ложно присвояющій себѣ наименованіе старообрядчества, есть не что иное, какъ грубѣйшее „самоправіе“, чуждое духа христіанскаго, только на видѣ (для темнаго люда) кажущееся добрымъ.

Приходилось мнѣ вести собесѣдованія и съ Перетрухиными (отцомъ и сыномъ), и съ Усовымъ, и Мельниковымъ. Откровенно вамъ скажу, что Мельниковъ и по дару слова и по начитанности лучшій изъ всѣхъ этихъ защитниковъ заблужденія, но и онъ не чуждъ того грѣха, въ которомъ вы его обвиняете въ своей брошюрѣ: чтобы какъ-нибудь защитить неправду и не посрамить себя въ глазахъ слушателей, онъ прибѣгаетъ и ко лжи и клеветѣ, „дѣлаетъ“, какъ выражаетесь вы, „изъ чернаго бѣлое“, толкуетъ правила, какъ и вы доказываете, не такъ, какъ понимали ихъ богомудрые древніе толкователи и пр. Не показываетъ-ли все это, что расколъ не имѣетъ прочныхъ основаній въ Словѣ Божіемъ и святоотеческомъ писаніи, что защищать его только и возможно при посредствѣ „лжи, клеветы и лжетолкованія“?

Подумайте, Алексѣй Ивановичъ, надъ этимъ и подумайте серьезно и тогда вы убѣдитесь, что „правда и истина“ только въ св. православной Церкви, которую вы по невѣдѣнію называете новообрядческой, что только въ союзѣ съ ней, подъ ея благодатнымъ водительство, вы найдете миръ, дающій покой душѣ христіанской. И какъ грустно станетъ вамъ за тѣхъ изъ своихъ

собратій, которые, воображая, что находятся подъ управленіемъ „митрополита“ и архіепископа, въ сущности подчиняются такимъ же Мельниковымъ и Сироткинымъ, такъ какъ и эти разные ваши „боголюбивые“ Аѳанасіи, Іоанны, Іоасафы и пр. суть „самоправные“ восхитители недарованнаго имъ. Это сознаетъ и Мельниковъ, а потому, стоя по развитію выше вашихъ „митрополита“ и „боголюбивыхъ епископовъ“, не считаетъ нарушеніемъ правилъ дѣлать „епископамъ“ внушенія и приказанія: онъ *такой же* митрополитъ, какъ и Аѳанасій, ибо оба они, міряне сущѣ, не имѣютъ божественнаго благодатнаго права быть руководителями христіанскихъ обществъ. Еще разъ прошу—подумайте. Если васъ смущаетъ что-либо, кажется „валомъ“, препятствующимъ вступить въ союзъ съ Церковію православною, то откровенно, правдиво (неподражая „дѣтелямъ самоправія“) выскажите всѣ свои сомнѣнія хотя бы даже и на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, и редакція, вѣрю, съ братскою любовію къ вамъ разъяснитъ всѣ ваши недоумѣнія: Словомъ Божиимъ и ученіемъ св. богумудрыхъ отецъ и учителей церковныхъ покажетъ вамъ путь ко спасенію, котораго никто изъ пребывающихъ внѣ Христовой церкви не достигнетъ: „яко же бо при потопѣ вси елици съ Ноемъ въ ковчезѣ не бяху, то и въ день судный—вси, иже нынѣ во св. церкви не пребываютъ, во озеро оное огненное ввержени будутъ“ (Б. Катих.).

Желающій вамъ спасенія свящ. миссіонеръ

Сергій Шалкинскій.

Самобытная русская конституція.

„Когда на Западѣ разсѣется миражъ демократическихъ и республиканскихъ идей; когда и наука права, и безпристрастная исторія окончательно подорвутъ значеніе тѣхъ политическихъ теорій, которыя пользуются нынѣ преимуществомъ моды, тогда великое и благое призваніе Русскаго Самодержавія будетъ по достоинству оцѣнено не только у насъ, но и тамъ, гдѣ господствуетъ нынѣ столь наивная вѣра въ чудодѣйственную силу избирательскихъ агитацій, парламентскаго большинства, механическаго подсчитыванія голосовъ при рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, партійной розни, министерскихъ кризисовъ и т. д. Мы привыкли думать что людямъ Запада нечему у насъ учиться. Но тѣ изъ нихъ, которые знакомы съ исторіей и догматами православной Церкви, уже начинаютъ проникаться убѣжденіемъ, что свѣтъ и нынѣ обрѣтается на Востокъ“¹⁾.

Возмутительно для истинно русскаго православнаго человѣка проявленіе многими дѣятельными современными русскими людьми незнанія или неуваженія исторіи и основныхъ началъ духа русскаго народа, — незнанія или неуваженія, которое ведетъ къ стремленію, къ погонѣ поклонниковъ западнаго конституціонализма въ Россіи за одряхлѣвшими и оскандалившимися *западными* конституціями въ то время, когда самая идеальная, самая возвышенная самобытная конституція давно уже существуетъ на святой Руси и даже категорично выражена въ дѣйствующихъ законахъ Россійской Имперіи.

¹⁾ О Русскомъ Самодержавіи. Н. И. Чернылева. Москва 1895 года. Стр. 6.

Что такое конституція?

Конституція есть собраніе учредительныхъ, основныхъ законовъ, коими установлены и опредѣлены основныя начала государственнаго устройства данной страны. Эти основныя начала государственнаго устройства (конституція) имѣютъ обязательную силу не только для всѣхъ частныхъ жителей государства, но также и для Верховной власти. И нынѣ обыкновенно въ государственномъ ¹⁾ значеніи названіе „конституціи“ даютъ основнымъ законамъ тѣхъ странъ, гдѣ единоличная верховная власть ограничена нѣкоторыми изъ этихъ учредительныхъ законоположеній.

Было время, когда конституціи на Руси не было. Когда государство Русское еще только развивалось, устранивало свои основы, устанавливалось, переживая устроительныя и ненормальныя, болѣзненныя состоянія,—тогда „конституція Русская“, то есть законы особенныхъ русскихъ государственныхъ началъ и основъ дѣйствовали въ жизни русской по вѣковымъ обычаямъ, но еще не были утверждены формальнымъ юридическимъ письменнымъ общеобязательнымъ актомъ. Концомъ такого положенія было одно изъ самыхъ бѣдственныхъ болѣзненныхъ состояній Руси, когда прекратилась наследственная преемственность царей Московскихъ, рода святаго Владиміра, и потомъ настало „*смутное время*“. Въ то смутное время страшнаго разгара всякаго беззаконія, воровства, разбоя, предательства, междоусобной брани и смѣны выборныхъ царей изъ боярскихъ партій (Годунова и Шуйскаго) бѣглецами проходивцами, какъ Отрепьевъ и Тушинскій воръ, — въ страшное смутное время, при всеобщемъ анархическомъ волненіи, всякій хотѣлъ исполненія только своей воли и своихъ правителей до того, что многіе стали звать въ Царя Россіи даже иноземныхъ неправославныхъ королевичей, и государству Русскому грозило иностранное вторженіе.

Такая опасность выдвинула высшіе интересы *народнорелигіозныя*, которые оказались столь крѣпкими и сильными, что, несмотря на тяжкіе

¹⁾ *Конституція въ физиологіи и медицині* означаетъ тѣлосложеніе, постоянное состояніе организма, сложившееся подъ влияніемъ *всѣхъ* фактовъ индивидуума, какъ наследственныхъ, такъ и иныхъ, по окончаніи полового развитія и роста. На основаніи роста, вѣса, объема грудной кѣтки и проч. различаютъ крѣпкую, среднюю и слабую конституцію челоуѣка.

удары со всѣхъ сторонъ отъ враговъ государства, послужили объединенію лучшихъ людей на Руси. Объединеніе это выразилось въ земскихъ ополченіяхъ, особенно Нижегородскомъ князя Пожарскаго, и въ перепискѣ между городами о прекращеніи смутнаго состоянія. Въ областяхъ пробудилась государственная сила единенія, стали отрекаться отъ сепаратныхъ стремленій, желая войти „въ общую любовь и совѣтъ, и союзъ для спасенія отечества“. Руководствуясь обычнымъ русскимъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному, земля Русская собралась, единодушіе возстановилось и послѣдовало очищеніе государства отъ всѣхъ враговъ и крамольниковъ... Вотъ тогда то, при самомъ возвышенномъ подъемѣ народнаго русскаго духа, спасаго Россію отъ гибели, и были выражены „лучшими, разумными“ людьми всей Руси тѣ учредительныя государственныя начала, коими рѣшительно и опредѣленно установлена была „Самобытная конституція русская“.

Освободивъ Москву отъ засѣвшихъ тамъ поляковъ и всякихъ смутьяновъ, въ ноябрѣ 1612 года земскіе ратники ополченія князей Пожарскаго и Трубецкаго, и бояре, и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди, „которые въ то время были на Москвѣ“, написали еще во всѣ города русскіе, пришедшіе „въ любовь и въ соединеніе“, чтобы выслали въ Москву выборныхъ „лучшихъ и разумныхъ людей“ всякихъ сословій для великаго земскаго совѣта и для избранія Государя. По прибытіи почти со всей земли Русской этихъ выборныхъ и открылся въ началѣ 1613 года „великій Земскій соборъ или совѣтъ“.

Прежде всего назначенъ былъ трехдневный постъ, даже для женщинъ и дѣтей, во время котораго вездѣ служили молебны съ усердными прошеніями къ Богу, вразумить выборныхъ и руководить ихъ избраніемъ, потому что всѣ искренно желали, чтобы совѣсть избирателей дѣйствовала безпристрастно, чтобы избраніе указано было Божественнымъ промысломъ, а не по человѣческимъ страстямъ, „чтобъ царь данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ“ ¹⁾. Когда началось засѣданіе этого собора всѣ единодушно рѣшили, чтобы отнюдь не предлагать къ избранію иноземца и иновѣрца, — иноязычныхъ, не крестьянской вѣры, такъ какъ еще лѣтомъ въ 1612 году выборные люди на земскомъ соборѣ и въ Яро-

¹⁾ Дворцовые разряды по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію издан. 2-мъ отд. С. Е. В. Канцеляріи въ 1850 г., томъ первый, стран. 27, 44 и проч.

славлѣ постановили: „Государя не нашей, не православной вѣры греческаго закона на государство не хотѣть“...—Затѣмъ поочередно были отстранены кандидатуры всѣхъ такихъ русскихъ, которые замѣшаны были въ предшествовавшихъ событіяхъ—Мстиславскаго, Голицына, Трубецкаго, Пожарскаго, Воротынскаго и проч. Но и помимо такихъ лицъ было много претендентовъ, не пренебрегавшихъ всякими средствами для достиженія избранія, и потому „было много споровъ и обсужденій по многіе дни“... Постепенно при этомъ все сильнѣе и настойчивѣе выдвигалась большинствомъ кандидатура юнаго боярина Михаила Феодоровича Романова-Юрьева и, наконецъ, въ засѣданіи 7 февраля 1613 года, выборъ вполнѣ остановился на немъ. Окончательное же рѣшеніе, „для большаго укрѣпленія“, отложено было до 21 февраля, которое приходилось тогда въ Воскресенье великаго поста. Засѣданіе 21 февраля происходило въ Успенскомъ соборѣ и открылось молебномъ, въ которомъ представители всей русской земли молили Бога, чтобы Онъ далъ ей царя „праведна и свята, и благочестива, и благородна, и *христовлюбива*“... Затѣмъ единодушно всѣми членами этого великаго Земскаго собора царемъ Русскимъ единогласно названъ былъ Михаилъ Феодоровичъ Романовъ, и всѣ члены Земскаго собора, и всѣ прочіе люди на красной площади и по всей Москвѣ цѣловали крестъ въ вѣрности избранному Царю Михаилу Феодоровичу Романову, находившемуся тогда въ Костромской губерніи при матери своей инокини Марѣѣ. Немедля же тогда соборъ отправилъ извѣстительныя грамоты во всѣ города, удостоверяя, что избраніе Михаила Феодоровича совершилось „не по чьему заводу и крамолѣ: *Богъ Его* Государя на такой великой царскій престолъ *избралъ*, мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости, и всѣмъ людямъ о его царскомъ обираны Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утверженіе“... И весь народъ „отъ мала до велика всяя Руси *самодержцемъ* обралъ сродича блаженныя памяти царя Феодора Ивановича племянника, благоцвѣтущую отрасль, Михаила Феодоровича Романова-Юрьева“¹⁾.

Такимъ образомъ, *по изволенію Божию*, „кого Богъ далъ“, выбравъ Царемъ сына епископа и родича угасшаго древняго дома свя-

1) Собран. Госуд. Грам. и Договор. час. I изд. 1813 г., стр. 599 и III.—Дворцовые разряды, изд. 1850 г., томъ I, стр. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 27, 48 и проч.

таго Владиміра ¹⁾, юношу непорочнаго, нисколько неприкосновеннаго къ тогдашнимъ мутнымъ дѣламъ,—великій Земскій соборъ выборныхъ лучшихъ разумныхъ людей всей земли русской вручилъ ему *всю полноту* Верховной власти на Руси нераздѣльно, безъ ограниченія какими-либо земными учреждениями: „Правъ всю Русью, Царь нашъ *православный*, Самодержавный, на всей Твоей волѣ по Божьему, по вѣрѣ нашей Христовой, когда захочешъ и въ чемъ захочешъ къ твоимъ услугамъ лучшіе русскіе люди въ Думѣ-ли Боярекой или въ „Земскомъ соборѣ“, а только главное,—молимъ Бога,—Ты долженъ *наблюсти намъ, Царь православный, неизмѣнно: „чтобъ святая и непорочная истинная православная христіанская вѣра греческаго закона была во всемъ великомъ Россійскомъ государствѣ нерушима по прежнему и сіяла-бъ во всю вселенную, якожъ подъ небесемъ пресвѣтлое солнце“*... ²⁾).

Таковъ былъ единодушный приговоръ всей земли, всего народа Русскаго, историческими обстоятельствами призваннаго учредить *любый ему* государственный порядокъ и основы государственнаго устройства. И, хотя никто не думалъ тогда закрѣплять опредѣленія великаго Земскаго собора въ формы точно-опредѣленнаго закона, Государи Русскіе и православно-русскіе люди были вѣрны этому приговору и царство Русское съ тѣхъ поръ крѣпло, мужало и достигло положенія величайшаго міроваго государства...

Въ послѣдствіи же означенныя основы Русскаго государственнаго устройства внесены были и въ формальныя установленія положительныхъ законовъ. Такъ, въ „Духовномъ Регламентѣ“ Императора Петра I въ 1721 году сказано: „Монарховъ власть есть Самодержавная, которой повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“... „Его Величество есть монархъ Самовластный“,—сказано еще въ военныхъ Артикулахъ (20) императора Петра Великаго, а въ 1727 году восьмымъ пунктомъ Тестаментна императрицы Екатерины I категорично поставлено, что: „ни-

¹⁾ Весьма образованный и начитанный отецъ Михаила Феодоровича Романова бояринъ Феодоръ Никитичъ (впослѣдствіи всероссійскій патріархъ Филаретъ) былъ двоюроднымъ братомъ послѣдняго Московскаго царя, рода святаго Владиміра, Феодора Ивановича, сына Анастасіи Романовой.

²⁾ Собран. Госуд. Грамот. и Договор. изд. 1813 г., часть первая, стран. 629, 632, 615 и проч. Дворцов. Разряды, томъ I, стран. 10.

кто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который (Царь) не греческаго (не православнаго) закона“.— Эти же основы подтверждены законами въ 1741 году императрицею Елисаветою Петровною и въ 1767 году императрицею Екатериною Великою; затѣмъ еще императоромъ Павломъ въ 1797 году и императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1841 году ¹⁾. А изъ этихъ узаконеній многовѣковая *народнорусскія начала православія и самодержавія* перешли въ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи и *нынѣ дѣйствующихъ*. Здѣсь въ Раздѣлѣ первомъ Основныхъ государственныхъ законовъ Россійской Имперіи о священнхъ правахъ и о существѣ Верховной Русской Власти статья I-я постановляетъ: „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ *Самодержавный* и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, Самъ Богъ повелѣваетъ“. Статья 40 гласитъ: „Первенствующая и *господствующая* въ Россійской Имперіи вѣра есть Христіанская Каѳолическаго Восточнаго исповѣданія“.—А статья 41 устанавливаетъ, что: „Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, *не можетъ* исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ Православной“.— Въ статьѣ же 36-й примѣчаніе 2-е добавляетъ объ этомъ еще, что: „Императоръ предъ совершеніемъ Священнаго Коронованія и миропомазанія, по обычаю древнихъ христіанскихъ Государей и Благовѣнчанныхъ Его предковъ, произноситъ *въ слухъ* вѣрныхъ Его подданныхъ *символъ* Православно-каѳолическія *вѣры* и потомъ, по облеченіи въ порфиру, по возложеніи на себя короны и по воспріятіи скипетра и державы, *призываетъ Царя царствующихъ* въ установленной для сего молитвѣ съ *колѣнопреклоненіемъ*: да наставитъ Его, вразумитъ и управитъ въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію Царству Всероссійскому, да будетъ съ нимъ пресѣдющая Божественному престолу премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божию, во еже вся устрои къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно *воздастъ ему, Богу, слово*“.

Такимъ образомъ, по основнымъ священнымъ законамъ Россійской имперіи, многовѣковая учредительная начала государственнаго устрой-

¹⁾ См. Полное Собраніе Закон. Росс. Имперіи.

ства Всероссийскаго царства, то есть законы „*Русской конституціи*“, состоятъ изъ трехъ существенныхъ законоположеній:

1) Изъ закона о неограниченномъ „*Самодержавіи Русскаго Царя*“,—такъ какъ сущность Верховной власти на Руси состоитъ въ томъ, что Государь Русскій есть Монархъ, власть котораго основывается на Волѣ Божіей и онъ есть представитель Божественной Воли на Руси. Власть Русскаго Царя не зависитъ ни отъ чьей власти земной, ни отъ чьей воли людской (стат. I), а лишь только отъ вѣрности его Единому истинному Богу (стат. 41). Въ повтореніи таинства миропомазанія, при вступленіи на Россійскій престолъ, Православный Государь Русскій получаетъ и сугубую Благодать Божію, Божественную творческую силу, освѣщающую Его и прививающую душѣ Его особенныя высшія силы.

2) Изъ закона о *господствѣ и первенствѣ* въ Россійской имперіи одной вѣры Христіанской Восточнаго Православнаго исповѣданія (ст. 40). Въ этой вѣрѣ, неизмѣнно сохраняющей Богооткровенное всемірное спасительное ученіе Богочеловѣка Христа и Его апостоловъ, находятъ полное удовлетвореніе всѣ потребности жизни людской, самой высокой. И основы вѣры православной признаны основами жизни и бытія народа русскаго, его государственнаго благоустройства. Никакія человѣческія измышленія отношеній людей между собою не могутъ сравниться съ отношеніями въ высочайшей степени самоотверженной любви христіанства православнаго и потому исполненіе православно-христіанскихъ обязанностей людьми другъ къ другу ведетъ къ высшему благосостоянію общественному, государственному. *Вѣра православно-христіанская, по всему складу русской жизни, составляетъ святое и заветное достояніе русскаго народа, его „Святая святыхъ“.*

3) Въ полную гарантію двухъ основныхъ учредительныхъ законовъ „Русской конституціи“, Русскаго государственнаго устройства,—*Самодержавія и Православія*,—установленъ основной же законъ статьи 41, что: „Императоръ, престоломъ Всероссийскимъ обладающій, *не можетъ* повѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ Православной“.—Этотъ законъ въ отрицательной формѣ выраженія:—*„Императоръ не можетъ“*,—представляется какъ бы ограничительнымъ для неограниченнаго Самодержавія. Но такъ какъ Русское Самодержавіе есть *не* деспотизмъ личнаго произвола, заботящагося лишь о личныхъ своихъ интересахъ, а

Самодержавіе *законное*, великое служеніе коего имѣеть цѣлю благо народа, чтобы „вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей“ (ст. 36), то оно имѣеть и обязанности, напримѣръ, быть вѣрнымъ Православію, поддерживать и охранять установленныя Самодержавіемъ законы. „Россійская Имперія управляется (дѣйствіемъ Самодержавной власти) на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учреждений и уставовъ отъ Самодержавной Власти исходящихъ“ (стат. 47 Основн. законовъ). И отрицательное выраженіе статьи 41 въ положительной формѣ означаетъ основное, непремѣнное условіе, какое долженъ ¹⁾ имѣть Императоръ, Всероссійскимъ престоломъ обладающій, подобно тому, какъ, напримѣръ, условіе нисходящаго царскаго рожденія для наслѣдованія Всероссійскимъ Самодержавіемъ. И, вступая на Всероссійскій престолъ православнаго Русскаго царства, „*Императоръ произноситъ въ слухъ вѣрныхъ Его подданныхъ символъ Православной-Каволической вѣры*“ (стат. 36), свидѣтельствуя этимъ тѣ Свои коренныя убѣжденія, тѣ неизмѣнныя начала, на основаніи коихъ Онъ будетъ Самодержавно править Россійскимъ государствомъ. Неограниченно всецѣло подчиняя самого себя Самодержавію Русскаго Императора, самобытное русское сознаніе православнаго русскаго народа *не подчиняетъ* волѣ Императора *одной только своей Божественной вѣры* и безусловно выговариваетъ отъ своего земнаго Повелителя непремѣнное присутствіе на высотѣ Всероссійскаго престола Христіанскаго Православія Самого Самодержавнаго Императора, то есть выполненія непреложныхъ Божественныхъ истинъ и началъ православно-христіанскихъ. Условіемъ Самодержавнаго обладанія Всероссійскимъ престоломъ православное сознаніе русскаго народа устанавливаетъ непремѣнное *единеніе* съ народомъ духовное, религіозное Самодержца Русскаго и въ

1) Ученые, разрабатывавшіе Русское Государственное право, объясняютъ эту 41 статью законовъ въ положительномъ смыслѣ долга, обязательства, напримѣръ, такими словами: „Русскій Императоръ непремѣнно *долженъ* принадлежать къ православной Церкви (ст. 41) и законъ возлагаетъ на него *обязанность* быть защитникомъ и хранителемъ догматовъ православной Церкви и блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“ (ст. 42). См. Русское Государственное право *Н. И. Коркунова*. Изд. 1892 г. т. I, стр. 347. Также Русск. Госуд. право. *Н. О. Куплеваскаго*. Изд. 1844 г. т. I, стр. 305.

этомъ *единеніи* полагаетъ высшій идеалъ своего государственнаго бытія ¹⁾.

Вотъ тѣ основные учредительные законы, коими опредѣлены коренныя начала государственнаго устройства Всероссійской Имперіи, обязательныя для всѣхъ жителей на Руси и для Самой Верховной Власти,— слѣдовательно существующая „Русская Конституція“.

Въ этой религіозно-народной *Симобитной Русской Конституціи* находятся во всей Богочеловѣческой Христовой чистотѣ всѣ міровые земные идеалы: — любви къ людямъ до самопожертвованія; — свободы, безъ гнета произвола только себялюбиваго личнаго своеволія; — равенства, высшаго внутренняго, при соотвѣтствующемъ уваженіи разнообразныхъ внѣшнихъ житейскихъ положеній; — братства, при всемъ разнообразіи народностей и племенъ; — прогресса, самаго полнаго, возвышеннаго, при стремленіи къ постепенному достиженію частнаго личнаго усовершенствованія... И эта то православно-христіанская „Самобитно Русская конституція“ тѣмъ *и лучше, и выше всѣхъ* прочихъ конституцій, что въ ея началахъ нѣтъ недостатковъ прочихъ не русскихъ конституцій, а достоинства всѣхъ имѣются въ полной степени. Поэтому, какъ никакія человѣческія измышленія не могутъ сравниться по глубинѣ, высотѣ и широтѣ съ основами Божественныхъ истинъ христіанства православнаго, такъ никакія ни Западныя, ни Восточныя, ни Сѣверныя, ни Южныя конституціи неправославныя не могутъ сравниться съ „*Православно-народною Самодержавною русскою конституціею*“! И удивительное желаніе нѣкоторыхъ дѣятелей въ Россіи замѣнить высшія, идеальнѣйшія ея основы, низшими, исковерканными страстями человѣческими ²⁾, совсѣмъ не согласно съ выраженіемъ желанія этихъ привер-

1) Даже Новгородскіе выборные земскіе послы говорили даже въ самое расшатанное „Смутное время“ Земскому собору: „Мы за истинную вѣру нашу православную, хрестыянскую вѣру, хотимъ помереть, а не нашия, не греческія вѣры Царя на государство не хотимъ“...

2) Вотъ, напримѣръ, въ Испаніи.—„Daily Express“ сообщаетъ подробности скандальной сцены, происшедшей въ испанскихъ *кортесахъ*. Депутатъ Наварро, назвавшій депутатовъ оппозиціи трусами и негодяями, былъ *убитъ профессоромъ Аскарте*, который ловкимъ ударомъ сшибъ правительственнаго депутата съ ногъ, а затѣмъ сталъ *его избивать*. Послѣ этого *началась общая потасовка*. Драка длилась полчаса. Весь полъ былъ устланъ шляпами, галстуками и перчатками. Полиція не могла остановить драчуновъ и, оставивъ ихъ въ покоѣ, начала выпроваживать изъ зданія парламента хохотавшую публику.

женцевъ западныхъ конституцій имѣть учрежденія лучшія, чѣмъ Русскія основы. Это подобно тому, какъ просвѣщенному обществу,—пользующемуся всѣми благами знанія и просвѣщенія,—желать возвращенія къ условіямъ жизни какихъ-либо дикихъ племенъ... Да сохранить же на вѣки государство святорусское отъ подобнаго варварскаго переворота Самъ Господь Богъ!

Вѣру непоколебимую и надежду живую на вѣчное сохраненіе православному народу Русскому его многовѣковыхъ учредительныхъ началъ,—Православія и Самодержавія,—даетъ и возлюбленнѣйшій Благочестивѣйшій Самодержавный нашъ Государь Императоръ Николай Александровичъ въ недавнемъ Высочайшемъ Манифестѣ своемъ ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ слѣдующимъ основнымъ подтвержденіемъ:

„Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престоль, Мы пріяли *Священный обѣтъ*, предъ лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею, *свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской* и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству... на твердыхъ основахъ *вѣры, закона и власти*“ 1)...

Русскій старикъ.

Министры звонили въ четыре колокольчика сразу, но не могли водворить порядкъ. У многихъ депутатовъ оказались выбитыми зубы. У другихъ фізіономіи въ синякахъ. Оппозиція немедленно же собралась на частное засѣданіе и сдѣлала постановленіе о томъ, чтобы требовать немедленно выхода въ отставку кабинета Мауры.

1) Высочайшій манифестъ Государя Императора Николая II, данный въ С.-Петербургѣ въ 26 день февраля 1903 года.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Голосъ современнаго лѣтописца-инока по поводу переживаемыхъ Церковью и Отечествомъ событій.

(Изъ келейныхъ записокъ монаха).

Господь и еще пробавилъ мнѣ, недостойному, милость свою, приложивъ къ восьми десяткамъ лѣтъ моего живота и этотъ уже истекшій нынѣ несчастный для Россіи годъ! Чреда смерти снова миновала мое бренное тѣло, а уже давно пора моей безсмертной душѣ въ путь—дороженьку—въ вѣчное ея жилище,—туда, въ страну далечу, идѣже пресѣщаетъ свѣтъ лица Твоего, Господи. Да, „се ми смерть предлежитъ, се ми гробъ предстоитъ“, а отъ лѣтописныхъ привычекъ многомятежный духъ мой все еще не отстываетъ... Не терпится,—хочется и теперь еще предать письмени (а если ученые люди найдутъ полезнымъ для славы Божіей—то и тисненію), мои келейныя думы и чувства, по поводу переживаемыхъ Церковью и отчизною событій во внѣшней и внутренней жизни.

Всѣ мы православные, а наипаче весь русскій народъ (кромѣ отщепенцевъ), выросли и живемъ подъ руководствомъ православной Церкви. Нашъ духовный свѣтъ—св. Евангеліе. Наши учителя—великіе святители: Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Ихъ ученіемъ мы водимся по пути жизни, воздавая Божіе—Богу и Кесарево—Кесарю; въ частности, по отношенію къ государству, писаніе учитъ насъ: „кто въ какомъ званіи призванъ, въ томъ и пребывай“.

Святые отцы сѣяли на Руси пшеницу, но врагъ рода человѣческаго сѣялъ и сѣять, подъ благовидными предлогами, плевелы.

Православный русский народъ, никѣмъ не завоеванный, добровольно призвавшій къ себѣ власть, принявшій послѣ значительнаго разсмотрѣнія православную вѣру,—жилъ сперва подъ властію областныхъ своихъ князей, постепенно объединяясь въ болѣе крупныя княжества, наконецъ, въ годину лихолѣтья, избралъ православнаго Царя надъ всею Русью, отклонивъ помыслы бояръ, мечтавшихъ расширить свои права, по примѣру польскихъ дворянъ.

Но вмѣстѣ съ пшеницею выростали на Руси и плевелы.

Начало вреднаго вліянія западныхъ идей на св. Русь, по моему мнѣнію, произошло въ XV—XVI столѣтіи. Царь Іоаннъ III Васильевичъ избралъ себѣ въ супруги Греческую царевну Елену, воспитанную въ Восточной роскоши и подпавшую подъ вліяніе латинской уніи.—Пышный вѣздъ ея въ деревенскую Русь и потомъ жизнь ея съ царскимъ великолѣпіемъ, естественно, могли возбудить въ русскомъ народѣ сравненіе западныхъ обычаевъ съ своимъ жизненнымъ укладомъ не въ пользу первыхъ. И, по мѣрѣ усвоенія царедворцами, такъ называемой, западной цивилизаціи, а съ нею вмѣстѣ роскошной жизни, русский народъ, въ душѣ своей, чуждался запада и его обычаевъ.

Послѣдующій ударъ, нравственный, былъ нанесенъ православной Руси геніальнымъ императоромъ—работникомъ Петромъ I. Его преобразованія по западнымъ образцамъ нашей жизни въ бытовомъ и церковномъ отношеніи до настоящаго дня не примирили православный народъ съ западными идеалами. Частичныя поправки преобразованій, въ теченіе 2 столѣтій, достигли только тѣхъ результатовъ, что явственно показали необходимость коренныхъ преобразованій внутреннихъ устоевъ нашей жизни.

Удаляясь отъ коренныхъ русскихъ началъ и принимая за образецъ западный строй, Петръ I на православную Церковь смотрѣлъ, какъ на вѣдомство, подчиненное государственной власти. Въ этомъ направленіи онъ пошелъ далеко... И нынѣ, начиная съ епископа и кончая церковнымъ приходомъ, все взываетъ къ возстановленію древне-церковнаго строя. Господствующая въ Россіи православная Церковь пользуется теперь, на самомъ дѣлѣ, меньшею свободою, чѣмъ прочія, даже нехристіанскія религіи. На православный народъ Петръ I смотрѣлъ, какъ на источникъ, который долженъ давать доходъ на содержаніе всѣхъ учреждений, и матеріаль „для викторій“.

* * *

Настоящія событія на Дальнемъ Востокѣ особенно заставляютъ насъ крѣпко подумать о нашемъ укладѣ жизненномъ по сравненію его съ порядками, царящими въ странѣ Восходящаго Солнца.

Петровская система насажденія въ Россіи иностранныхъ обычаевъ и грамоты, вопреки народнаго духа, въ двѣсти лѣтъ не достигла того, чтобы русскій народъ былъ поголовно грамотнымъ. Псалтирь и цифирь славянскія не процвѣтаютъ; гражданская азбука (весьма слабо распространенная въ народѣ до изданія закона о всеобщей воинской повинности 1874 г.) и теперь, послѣ этого закона, не вполне господствуетъ, и русскій народъ остается еще въ большинствѣ—неграмотнымъ. Полнымъ образованіемъ пользуются, сравнительно съ общимъ количествомъ народонаселенія, только передовыя сословія. Доля русскихъ людей и тутъ уменьшается въ пользу инородцевъ, въ особенности евреевъ.

Японія же, ревниво охраняя свою территорію отъ вторженія иностранцевъ, и отъ духовнаго ихъ вліянія, въ послѣдніе тридцать лѣтъ горячо взялась за усвоеніе себѣ плодовъ западныхъ европейскихъ изобрѣтеній, положительныхъ знаній—промышленныхъ и военныхъ, и достигла того, что народъ тамъ весь грамотенъ, промышленность конкурируетъ съ европейскою и американскою; а военную часть—морскую и сухопутную—Японія довела до того, что флотъ и войско ея явились, неожиданно для насъ, самыми сильными нашими противниками. Все это произошло оттого, что японскій микадо велъ преобразованія по требованію жизни и при полномъ единомысліи и единодушій съ своимъ народомъ. Всѣ учрежденія Японіи, перенятая отъ Европы съ формальной стороны, проникнуты однако же національнымъ японскимъ духомъ. Тамъ, повидимому, всѣ военныя должности и чины даются по способностямъ, по строгому экзамену, на который не имѣютъ вліянія никакія протекціи, связи и привилегіи сословій.

Для насъ—православныхъ ясно, что въ мірѣ нѣтъ случайностей, а все подчинено единой всемогущей и благой волѣ Господа Бога.

Но, вопросъ, почему же разразилась теперь надъ нами нынѣшняя военная гроза отъ языческаго царства, подстрекаемаго европейскими и американскими народами, считающимися христіанскими, высокоразвитыми?

Да потому, что духъ времени таковъ. Золото сдѣлалось идоломъ народовъ, и оно, скопленное въ рукахъ всесвѣтныхъ капиталистовъ, съ евреями во главѣ, двигаетъ нынѣ царствами, погнавшими къ нимъ въ финансовый плѣнъ.

Эту военную грозу нѣкоторые православные давно предвидѣли по примѣтамъ, прикровенно указаннымъ въ священныхъ книгахъ. Объ этой азіатской грозѣ задумывались русскіе мыслители, напр., К. Леонтьевъ, Вл. С. Соловьевъ.

Быстро міровыя событія стали развиваться съ половины XIX столѣтія; широко стало зарождаться въ Россіи охлажденіе къ вѣрѣ православной и ослабленіе нравственности, подъ вліяніемъ противохристіанской печати заграничной, и русской, попавшей, большею частію, въ руки буддистовъ, масоновъ и евреевъ. Для поправки исконныхъ русскихъ началъ, наша пресса усвоила себѣ особый жаргонъ, понятный интеллигенціи и терпимый гражданскою властію. Этотъ жаргонъ напоминаетъ тотъ условный языкъ, который въ старину придумывали школьники-семинаристы для разговора между собою при постороннихъ людяхъ о своихъ школьническихъ дѣлишкахъ ¹⁾.

При своей подражательности, мы болѣе склонны къ перениманію не столько высоконравственнаго, полезнаго, сколько пріятнаго, потворствующаго страстямъ; является всесмѣшеніе идей, котораго такъ опасался К. Леонтьевъ; понятія о добрѣ и злѣ затемняются; на западѣ идетъ открытая борьба противъ христіанства. Евангельскія истины ослабляются или извращаются. Во Франціи, напримѣръ, совершаются событія изъ ряду вонъ выходящія. По настоянію изверженнаго изъ духовнаго сана министра выкидываются изъ школъ священныя иконы Распятія, наконецъ выносятся Распятія и изъ судебныхъ мѣстъ. Сближеніе наше съ Франціею отразилось отчасти и у насъ, при томъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Покушеніе было удалить св. иконы съ нашихъ желѣзнодорожныхъ станцій, но, къ успокоенію православнаго народа,—не состоялось. Былъ частный случай и во флотѣ. Знаменіе времени поразительное.

Для успокоенія народовъ Европы, тяготящихся издержками на вооруженный миръ, и поклоняющихся золотому тельцу, явилась, въ послѣднее время, мысль о прекращеніи на будущее время

¹⁾ Говорили при помощи вставокъ въ каждый слогъ буквы х (херъ по славянски), напр. если бы пришлось говорить имъ на современные темы: то вышло бы такъ: „херъ-конъ, херъ-сти, херъ-ту, херъ-ці, херъ-я“. Или „херъ-а, херъ-нар, херъ-хі, херъ-я“. Но, въ старину, отецъ семинаристовъ—дьячекъ, приноровясь къ разговору школьниковъ, прикрикнулъ на нихъ, какъ говоритъ преданіе: „А херъ-кнутъ!“ И тѣмъ обезоруживалъ школьниковъ. Но теперь времена гуманныя, уже не раздастся такого голоса свобода мысли—стала свободою слова.

ужасовъ войны, замѣнивъ оныя конгрессами мира, на которыхъ спорные политическіе вопросы рѣшались-бы международными судьями.

Казалось, уже близко наступленіе времени всеобщаго мира. Но, какъ сказано въ Евангеліи: „когда рекутъ человеѣки: миръ, тогда и возгорится война“.

И вотъ, вмѣсто чаемаго гуманистами всеобщаго мира, казавшагося по ихъ расчетамъ, основаннымъ на земной любви къ человечеству, близкимъ къ осуществленію, неожиданно обрушилась на насъ война, подъ лукавымъ знаменемъ древняго змія.

Война эта предварена была слѣдующими событіями. Промыслъ Божій попущено было, чтобы въ послѣднія времена всѣ силы ада напали на Русь Святую. Западные народы, въ лицѣ ихъ руководителей, всячески старались внести въ нравственный міръ православнаго народа вредныя ученія, отторгающія народъ отъ православія и даже отрицающія Промыслъ Божій и личнаго Бога; поощряли всякія ереси и противоправительственныя идеи, снабжая пропагандистовъ денежными средствами. Чѣмъ крупнѣе являлись проповѣдники отступленія отъ строя государства и Церкви, тѣмъ большею славою надѣляли авторовъ такихъ ученій. Въ образованномъ обществѣ съ легкимъ сердцемъ принято уважать не вѣковѣчныя истины, а послѣднее слово „науки“, хотя бы то были одиѣ гипотезы. Совѣсть общественная притупилась. Почва подготавливалась постепенно. Дисциплина держалась и держится только военнымъ воспитаніемъ. Подготовкой почвы для пропаганды служило то положеніе, что до 60-хъ годовъ въ барскихъ домахъ воспитаніе ограничивалось разговорнымъ французскимъ языкомъ и танцами. Духовная область была знакома только по кощунственнымъ книжкамъ Вольтера и легкимъ французскимъ романамъ. На такомъ фундаментѣ упрочивались въ Россіи всѣ отрицательныя идеи религіозныя и философскія. Голоса православнаго меньшинства дворянъ заглушались и заглушаются большинствомъ противниковъ сознательныхъ и безсознательныхъ.

Дѣйствуя противъ Россіи морально, наши враги предоставляли Японіи средства и матеріальныя, въ особенности снабжая ее лучшимъ оружіемъ противъ Россіи и всѣми новѣйшими изобрѣтеніями въ военномъ дѣлѣ. Давнишній нашъ врагъ—Англія не постыдилась заключить съ язычниками—азіатами формальный союзъ, направленный единственно противъ Россіи, тогда какъ наше Правительство не желало войны и не готовилось къ ней. Внезапно открытая Японіей война застала насъ неготовыми, и потому вы-

нуждаетъ насъ до времени, положенномъ Владыкою міра, терпѣть всякія неудачи.

* * *

„Се нынѣ время терпѣнія, потерпимъ убо“,—писалъ св. Тихонъ Задонскій въ свое время. И такъ потерпимъ и мы, и поразмыслимъ: почему Господь попустилъ языческое царство наступить на Русь православную?

Думаемъ, что настоящую войну слѣдуетъ почитать за посѣщеніе Божіе, для вразумленія православнаго народа, чтобы удержался отъ беззаконій. „Есть еще 7 тысячъ въ Израиль, непреклонившихъ колѣна предъ Вааломъ“... Еще не отвратилъ Господь отъ насъ Своего Лица,—„Его же любитъ Господь—наказуетъ“. А наказывать есть за что! Пути Промысла непостижимы. Быть можетъ, пришло время разрушить царство Дракона и просвѣтить Дальній Востокъ свѣтомъ Евангелія, чрезъ православныхъ исповѣдниковъ. Западныя государства имѣли довольное время и сроки для ихъ миссін, но плоды миссіонерскіе обнаружились, какъ въ Китаѣ, такъ и на всемъ Дальнемъ Востокѣ, не въ пользу сихъ дѣлателей. Свидѣтельствомъ тому служитъ прошлая Китайская война.

* * *

Посмотримъ на событія еще съ другихъ сторонъ: посмотримъ на духъ народа русскаго.

Какъ служить Царю и отечеству наша меньшая братія?

Вотъ у Портъ-Артура на миноносцѣ перебиты и переранены всѣ люди; остаются только два человѣка, именъ которыхъ никогда и никто не узнаеть: они до конца соблюдаютъ присягу, данную Царю, и топятъ миноносецъ, а съ нимъ не пощадили и себя. Вотъ на броненосцѣ „Петропавловскъ“ погибли мгновенно, вмѣстѣ съ начальникомъ, нѣсколько сотъ матросовъ. Наконецъ при р. Ялу, при Дашичао, при Ляоянгѣ и у Мукдена нѣсколько тысячъ солдатъ умирають въ сраженіи ради ближнихъ. Такъ и въ прежнія времена всегда проливалась христіанская кровь на войнѣ съ врагами Царя и отечества. Пролливалась иногда кровь и за другія царства и народы, по велѣнію Царя. За все свое самоотверженіе христіолюбивое воинство получаетъ награды и отъ Начальника вѣры Иисуса Христа, очищающаго ихъ грѣхи, и отъ Царей православныхъ.

Некони вѣковъ православный народъ, отдавая жизнь за вѣру, Царя и отечество, вѣрилъ, что слуги Царя будутъ заступниками

ихъ осиротѣлыхъ семей, что слуги Царя соблюдутъ въ непорочности вѣру православную и оградятъ дѣтей сиротъ отъ ересей и соблазновъ и положить душу свою за Церковь Христову. Вѣрилъ, что жертвы его жизнию и достояніемъ за *Русь Святую* дадутъ дѣтямъ, по возможности, пищу достаточную и одѣяніе, что слуги Царя не дадутъ побѣжденнымъ врагамъ утѣснять животишки вдовъ и сиротъ тягловыхъ людей; что дѣти ихъ будутъ воспитаны въ православной вѣрѣ, за которую они пролили свою кровь. Вѣрилъ, что смертью своею на войнѣ и *за чужія царства* сироты ихъ по крайней мѣрѣ въ самой Святой Руси не подпадутъ подъ гнетъ иностранцевъ и не будутъ у нихъ въ кабаль.

Да въ чемъ же дѣло?—спросить насъ.

Дѣло въ томъ, что соль Святой Русской земли „осолилась“...

Древне-русское боярство, умаленное числомъ при Іоаниѣ Грозномъ, подверглось при Петрѣ I коренному преобразованію, — „Табелью о рангахъ“, дверь въ дворянство широко растворилась для иностранцевъ разнаго сорта, инородцевъ, и дослужившихся въ военной службѣ до чина прапорщика. Въ XIX столѣтіи нѣсколько тысячъ польской шляхты получили дворянство по подложнымъ документамъ. Количествомъ дворянство увеличивалось постепенно, качествомъ же понижалось.

Дворянство всегда было первымъ сословіемъ въ Россіи. Но нынѣ оно, въ большинствѣ, уже не составляетъ однородно-цѣлаго духовнаго организма съ народомъ.

Основнымъ закономъ о дворянствѣ (165 т. IX т. гр. зак.) предоставлено ему право исключить изъ собраній своихъ дворянина, который опороченъ судомъ, или хотя бы онъ и судимъ не былъ, но котораго явный безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ. Постановленіе собранія не подлежитъ пересмотру судебныхъ мѣстъ и исполняется немедленно.

Что же думали російскія дворянскія собранія, когда дѣянія нѣкоторыхъ дворянъ получили всеобщую гласность, начиная съ 2 половины прошлаго столѣтія, дѣянія, превзошедшія заграничныхъ дѣятелей въ своемъ родѣ.

Вѣдь *первымъ* социалистомъ революціонеромъ европейскимъ былъ столбовой дворянинъ Михаилъ *Бакунинъ*. *Первая* передовая барышня, поднявшая руку убійственную на генераль-губернатора столицы, была дворянка Вѣра *Засуличъ!*

Первымъ царубійцею изъ среды революціонеровъ пропагандистовъ, 1 марта 1881 года, былъ дворянинъ, имя котораго въ газетахъ замалчивалось и упоминалось въ теченіе 20 лѣтъ разъ или

два, не болѣе. *Первымъ* богохульникомъ, открыто отвергающимъ Личнаго Бога въ Пресвятой Троицѣ славимаго, и вообще ругателемъ Христовой Церкви и всѣхъ христіанскихъ исповѣданій былъ и есть столбовой дворянинъ *Левъ Ник. Толстой*, да еще сіятельный,—всѣми заграничными недругами нашими превознесенный за это паче всѣхъ челоѣкъ; а по его свидѣтельству, въ этомъ случаѣ правдивому, большая часть русской интеллигенціи одного съ нимъ духа.—И на самомъ дѣлѣ: дворянство не только не извергаетъ изъ своей среды такихъ дѣятелей, какъ выше указанные, но представители дворянъ (по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ опубликованномъ случаѣ) не только не отрицаются отъ солидарности съ Толстымъ, но публично проповѣдуютъ свободу безнаказаннаго совращенія православныхъ людей во всякую вѣру, будь то языческая или еврейская. Церковь православная отлучаетъ еретика, а нѣкоторыя учрежденія избираютъ почетнымъ своимъ членомъ. Церковь указываетъ, чтобы отлученный для православнаго народа былъ какъ язычникъ и мытарь, а газеты жидовскія величаютъ его „нашъ великій учитель“.

Теперь умѣстно поставить еще слѣдующій вопросъ:

Дворянство, призванное Державною волею своихъ Государей стоять на стражѣ народнаго образованія, исполнило-ли свое призваніе въ теченіе двухъ столѣтій?

Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Если за время крѣпостнаго права дворянство не исполнило своей обязанности (исключенія рѣдка), поголовно оставляя народъ безграмотнымъ, то изъ какихъ видовъ оно нынѣ, при свободномъ состояніи народа, будетъ стоять на стражѣ народнаго образованія? Если стражъ самъ два вѣка уклонялся отъ православнаго знамени, то какъ будетъ защищать его? Если онъ не знаетъ, кто другъ, по вѣрѣ, кто врагъ православнаго народа, если стражъ буддистъ, масонъ, панковецъ, толстовецъ, словомъ—иновѣрецъ, и требующій, чтобы можно было безнаказанно совращать православныхъ въ жидовство, или въ полное отрицаніе Бога, то какъ онъ можетъ охранять чистоту православія и быть нелицемѣрнымъ оберегателемъ духовныхъ силъ народа, его святая святыхъ, за которую онъ пролилъ море крови, въ полной увѣренности, что Православный Царь, первый сынъ Церкви, будетъ всѣми силами защищать вѣру и не позволить своимъ невѣрнымъ слугамъ совращать сиротъ народа изъ православія въ ереси, разрушающія основу самаго самодержавія православнаго Царя.

* * *

Со времени Петровскаго переворота подъ управленіемъ подобныхъ царевыхъ слугъ не улыбалась жизнь православному народу на Святой Руси.

Подражательность Петра I идеямъ и учрежденіямъ Запада повела къ тому, что народъ, первою ревизіею 1719 года, быть прикрѣпленъ къ землѣ, а православная Церковь въ 1721 году по своему управленію подчинена государству, и духовенство отдѣлено отъ народа въ особое сословіе, потомственно. Преемники Петра тоже постепенно уменьшали права крестьянъ съ 1730 по 1760 годъ. А Екатерина 2-я указомъ 1765 года лишила народъ уже всякихъ человѣческихъ правъ: помѣщикамъ дозволила ссылать крестьянъ, безъ суда, въ каторжныя работы. Гуманность Екатерины II, возникшая подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ, выразилась въ предоставленіи вольностей отъ службы дворянству, безразлично, какъ кореннымъ православнымъ, такъ и инославнымъ: освободила она отъ тѣлеснаго наказанія купеческое сословіе. Православное же духовенство гуманная императрица оставила подъ кнутомъ, и расправлялась съ архіереями своимъ судомъ. Нѣмецкимъ переселенцамъ изъ-за границы предоставила обширныя льготы, а православныхъ крестьянъ въ Западномъ краѣ подчинила власти помѣщиковъ—католиковъ и лютеранъ, отдававшихъ имѣнія свои съ крестьянами въ аренду жидамъ. Историческая неправда эта была исправлена частью Императоромъ Александромъ II, актомъ освобожденія, въ 1861 году, вызваннымъ послѣдствіями Севастопольской войны, показавшей слабосиліе Россіи при крѣпостномъ ея строѣ.

Но одно горе прошло, наступило другое крѣпчайшее.

Помѣщики, большею частію посвятившіе себя военной привилегированной службѣ, по освобожденіи крестьянъ, оказались хозяевами, не получившими ни научныхъ, ни практическихъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ. вмѣсто крѣпостного труда, помѣщикамъ предлежало вести капиталистическое хозяйство, но послѣдовавшія за симъ преобразования въ Россіи по западнымъ экономическимъ теоріямъ, при помощи вновь появившейся на службѣ по канцеляріямъ безземельной интеллигенціи, отдали помѣщиковъ во власть заграничныхъ капиталистовъ. Закрывъ сохранныя кассы, реформаторы безъ пощады вычли изъ выкупныхъ свѣдѣтельствъ, слѣдовавшихъ помѣщикамъ за крестьянскіе надѣлы земель, за одинъ разъ всѣ долгосрочныя займы помѣщиковъ¹⁾. Всѣмъ вла-

¹⁾ „Однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“.

дѣльцамъ помѣстій потребовались наличныя деньги. Цѣну выкупныхъ свидѣтельствъ заграничныя банкиры понизили до 65—за 100. Оставались у помѣщиковъ дѣса, которымъ они еще не знали ни цѣны, ни будущаго ихъ значенія, а заботились только о добычѣ наличныхъ денегъ, въ сей часъ, въ сію минуту.—Дѣса пришлось продать за безцѣнокъ юркимъ евреямъ.

Благоразумная часть помѣщиковъ обратилась къ изученію сельскохозяйственныхъ наукъ, чтобы вести хозяйство по улучшеннымъ системамъ. Но большая часть дворянъ, распродавъ западѣльные земли, обратилась на службу въ правительственныя учрежденія, въ желѣзнодорожныя общества, въ банки, вновь открывавшіеся какъ грибы послѣ дождя, на это время золотого, образовавшагося большею частію отъ выкупныхъ свидѣтельствъ изъ кармановъ помѣщиковъ.

Знаменитыя концессіи желѣзныхъ дорогъ, банки и вновь открытыя земскія и городскія учрежденія, адвокатура, патаріусы и пр. породили новое безсловное сословіе—такъ называемую интеллигенцію, зараженную отрицательными идеями.

Громадѣйшій корабль политическій и духовный—Россія наклонилась на сторону запада, потопляемый разными антинаціональными и антихристіанскими ученіями.

Соблазномъ для многихъ легкихъ умомъ и сердцемъ къ переходу на сторону ошуюю быть и есть стыдъ прослыть отсталымъ отъ Европы, у которой выше всего „последнее слово науки“ и ниже всего сердечная вѣра въ Промысль. Фраза „последнее слово науки“ дѣйствовала на интеллигенцію, поверхностно образованную и не ознакомившуюся съ ученіемъ православной Церкви, какъ слово „жупеть“ на московскую купчиху, въ комедіи Островскаго.

Кому изъ дворянъ не досталось мѣсть въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, тотъ вошелъ въ земство, чтобы руководить учрежденіями онаго.

Новому хозяйственному учрежденію—земству предлежало заняться хозяйствомъ уѣздовъ:—строить дороги и завѣдывать народнымъ продовольствіемъ и хозяйственными предметами, на него возложенными закономъ; но земскіе дѣятели, въ 30 лѣтъ очень мало построившіе дорогъ, усердно занялись предметами другого рода. Во 1-хъ, больницами. Съ приглашеніемъ врачей на службу въ земство прибыли у руководителей интеллигентныя либеральныя силы. И за это имъ спасибо. Во 2-хъ, положеніемъ о земскихъ

учрежденіяхъ земству предоставлено право участвовать въ попеченіи о народномъ образованіи, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи. Но такъ называемыя передовыя земства съ самаго начала выказали намѣреніе подчинить народныя школы всецѣло своему непосредственному вліянію, сознавая истину, что въ чьихъ рукахъ школа, въ тѣхъ и народъ. Стали открывать учительскія семинаріи и земскія училища, но дѣла шли сперва очень туго, и народъ чуждался земскихъ школъ до тѣхъ поръ, когда вышелъ законъ о всеобщей воинской повинности, предоставляющій льготы грамотнымъ. И отъ крестьянъ потребовалось образованіе. Этотъ законъ о воинской повинности заставлялъ всѣхъ учиться поголовно.

Пользуясь правомъ содержать школы, земскіе дѣятели, съ политической окраскою, старались и стараются проводить свои разрушительныя идеи въ народъ, это доказано фактами, обнаружившимися въ Тверскомъ земствѣ въ 1903 году; въ томъ же истекшемъ году, въ Твери, по улицамъ ходили безумцы съ японскими флагами.

Земскіе дѣятели—дворяне и разночинцы—пріютили большинство недовольныхъ жизнію и правительственнымъ строемъ лицъ, которыя образовали свои кружки: статистиковъ, страховыхъ агентовъ и разныхъ специалистовъ, а также земскихъ антицерковныхъ учителей, и учреждали разные съѣзды съ благонамѣренными цѣлями.

* * *

Совокупными дѣйствіями враговъ Россіи и Церкви, внѣшнихъ и внутреннихъ, душевный миръ народа отчасти уже возмущенъ. Дошло до того, что духъ неповиновенія властямъ проникъ не только въ гражданскія училища, но даже въ школы мальчиковъ-семинаристовъ.

Плоды ученій оказались горькими. Распространились ереси, секты противогосударственныя, поддерживаемыя интеллигентными возмутителями.

Понятія о собственности затемнились.

Дерзость атеистовъ дошла до такого безумія, что нѣкоторые изъ нихъ, увлекшись вѣяніемъ антихристіанскихъ ученій, рѣшились надругаться надъ православною вѣрой; устроили адекую машину, чтобы сдѣлать взрывъ иконы Божіей Матери въ Курекѣ. Но чудо спасенія иконы показало имъ истину вѣры православной; и нѣкоторые изъ нихъ принесли покаяніе, но большинство осталось глухимъ къ этому видимому обличенію ихъ лжи.

Деразость сектантовъ толстовцевъ дошла до фанатизма — они пѣло толпою осквернили православный храмъ Божій въ селѣ Павловкѣ.

Появились стачки рабочихъ людей, произошли бунты фабричныхъ рабочихъ, волненія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, подняли головы явные и тайные интеллигентные враги Церкви и Царя.

Наконецъ дошло до того, что во многихъ уѣздахъ юга крестьяне разграбили помѣщичьи усадьбы.

Грѣхи вопіюще на небо!

* *
*

Обратимъ теперь вниманіе на жизнь меньшей братіи.

Все необъятное пространство земли русской народъ искони занималъ своимъ домомъ постепенно, подъ крѣпкую руку Царей, но по историческимъ причинамъ, дѣтямъ народа, сиротамъ, стало теперь тѣсно. Земельныя владѣнія изъ дворянскихъ рукъ попадаютъ въ инородныя, нѣмецкія, еврейскія: прежде крѣпостной трудъ отбывался, по крайней мѣрѣ, для бояръ православныхъ, теперь дѣти народа съ поникшимъ духомъ вынуждены считать своимъ господиномъ перѣдко враговъ Церкви и правительства. Фабричная кабала еще горше того для нравственности народа.

На нашихъ дняхъ двинулся народъ чутьемъ занимать новыя земли въ Сибирь и за Сибирь, какъ встарину: и чутье его не обмануло. Наши канцеляріи сперва было старались удержать народъ отъ переселеній, но наконецъ должны были сознаться, что центръ Россіи оскудѣлъ, и что переселеніе на Дальній Востокъ даже полезно въ государственныхъ видахъ.

Всѣ тяжкія жертвы народа на войнахъ со врагами за вѣру царя и отечество и тяготы на родинѣ извѣстны одному только Богу, и остаются жертвами безкорыстными. А сироты ихъ—земледѣльцы чѣмъ обладаютъ нынѣ на землѣ православной? Они обладаютъ въ своемъ хозяйствѣ, по вычисленію статистиковъ,—дефицитомъ! И, какъ полноправные, (съ 1861 года) самостоятельные хозяева, покрываютъ свой дефицитъ специально изобрѣтеннымъ ими способомъ—„недобданіемъ“ и кабалою у многихъ куцозвѣи и нѣкогда бывшихъ враговъ Св. Руси. Это недобданіе и кабала суть награда за его кровавыя жертвы для отечества.

Что получить православный народъ за кровь, пролитую въ разное время за иноземныя царства? Возьмемъ въ примѣръ хотя

одно XIX столѣтіе. Послѣ Наполеоновскихъ войнъ, во время которыхъ разорился русскій народъ и сожжена Москва, европейскіе народы обожали Императора Александра I, восхваляли до небесъ за его великодушіе къ нимъ. И дѣйствительно было за что благодарить. Посмотрите на европейскія государства, въ особенности на нейтральныя: Швейцарію, Бельгію, Нидерланды, вольные города гѣмецкіе, какъ они обогатились съ 1815 года, благодаря тягостямъ, понесеннымъ русскимъ народомъ и крови русскаго войска, пролитой за благоденствіе европейскихъ народовъ? Вотъ, напримѣръ, есть въ Швейцаріи городъ Цюрихъ: въ немъ, наездъ тому 20 лѣтъ, считалось, на одной только улицѣ (не помню названія), по статистикѣ, сто двадцать семь милліонеровъ!

Польша принесла съ собою въ приданое Россіи три или четыре милліона господъ евреевъ, не сѣющихъ, но пожинающихъ доселѣ хлѣбъ, добытый потовымъ трудомъ крестьянъ, житницы которыхъ постепенно оскудѣваютъ, а карманы жнущихъ увеличиваются всеми неправдами.

Бельгіицы снабжаютъ Русь капиталами, промышленными предпріятіями, эксплуатируя народный трудъ въ свою пользу, замѣняя часть его машинами.

Словомъ, промышленники-аферисты всехъ странъ, плѣнивъ нашу бюрократію благовидными способами уловлять изъ народного кармана послѣднія копейки посредствомъ концессій, трестовъ, синдикатовъ, орудій вѣка сего, сдѣлались въ Россіи господами капиталовъ, влияющихъ на благосостояніе народа, каковое вліяніе болѣе вредно, чѣмъ бывшее крѣпостное право, безправное для крестьянъ.

Воиль и нужды народа вопіютъ на небо и къ престолу нашего Царя народолюбиваго, который нынѣ нужды народа положилъ дво главу монаршихъ заботъ своихъ“.

* * *

Духъ вѣка сего, требующій свободы во всехъ сферахъ мысли, обрушился и на христіанскую семью. Интеллигенты-эгоисты поставили на очередь женскій вопросъ (феминизмъ). Требуется освобожденіе членовъ семьи отъ власти начальника ея, въ видахъ матеріальныхъ и духовныхъ. Прививается дочерямъ мысль не жить на отцовскихъ хлѣбахъ, не стѣсняться предразсудками о святости семейныхъ узъ. Изъ этого возникли дальнѣйшія послѣдствія. Желаютъ, требуютъ полныхъ политическихъ правъ женщинамъ, парави съ мужчинами; женщины вступаютъ въ конкур-

ренцію съ мужчинами по занятію канцелярскихъ и другихъ профессій. Явилось ослабленіе женскихъ обязанностей къ семьѣ, къ воспитанію своихъ дѣтей: наконецъ къ рожденію ихъ по влеченію прихоти, безъ обязательства вступать въ брачный союзъ. Ущѣхъ отчасти уже достигнутъ. Стыдъ уничтоженъ за дѣтей вѣббрачныхъ, они сравнены съ брачными. Нѣтъ препощъ къ нарушенію цѣломудрія и стыда, даннаго женщицѣ природою, чтобы сдерживать страсти.

Такое положеніе дѣлъ въ семьѣ ничего добраго не обѣщаетъ и вопіеть на небо!

* *
* *
* *

Персть Божіей направляетъ міровыя событія къ отрезвленію народовъ.— „Чтуй да разумѣть“!

Пора осмотрѣться намъ на самихъ себя и принести покаяніе сердечное. Всѣ мы повинны въ общественныхъ грѣхахъ и потому должны покаяніе соединить съ дѣлами. Заклучимъ наши размышленія словами поэта:

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи бывшихъ временъ...
За пьянство бѣшенныхъ страстей,
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердець,
За гордость темнаго незнанья,
За цѣльи народа: наконецъ
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ,
Пошли просить мы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огонь любви и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!..
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благодти и свѣтъ
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простить, чтобъ Онъ простить.

Итакъ, вступая въ поволѣтіе благодти Божіей, смиримся же подъ крѣпкую руку Божію. Воздадимъ должное почтеніе святыцѣ русскаго народа. Соединяясь съ нимъ на службѣ Царю и отечеству на полѣ брани, для отраженія японцевъ, соединимся и духовно. Вѣдь наши писатели лучшіе литературные плоды свои пожали и пожинають съ шивы, засѣянной Церковью. Приступимъ

же съ грядущаго новолѣтія къ изученію истинъ вѣры не поверхностно, а опытнымъ путемъ (въ области религій), по примѣру нашихъ великихъ писателей: Гоголя, Достоевскаго, Соловьева, Хомякова и пр. Безспорная истина, что ни для кого изъ смертныхъ невозможно дойти до той высоты и чистоты нравственнаго чувства и жизни, которыя содержатся въ ученіи Христа, которыя преподаны словомъ и дѣломъ Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ, которыя хранитъ православная Церковь, и которыя разрѣшаются всеъ наши вопросы жизни и смерти.

Только слѣдуетъ положить начало: вѣрую, Господи, помози моему невѣрiю! и идти опытнымъ путемъ, безъ лукавства, которое можетъ нанести духовную смерть испытующему тайны вѣры.

А покаяніе наше надобно соединить съ дѣлами:—будемъ охотно и обильно жертвовать деньгами, для выдачи пособій раненымъ и больнымъ воинамъ и ихъ семействамъ, а также на военныя нужды Россіи, и на пуждающуюся меньшую нашу братію...

Будемъ, въ наступающее поволѣтіе, молить Бога, чтобы духовное воспитаніе народа не отклонялось отъ духа православной Церкви и находилось въ рукахъ тѣхъ лицъ, которымъ заповѣдать Самъ Господь: „шедше, научите вся языки“, — чтобы для служенія Царю являлось побольше слугъ испытанной вѣрности Престолу и православію—нераадѣльно, и чтобы наконецъ для законодательныхъ работъ и окончательныхъ рѣшеній, по предметамъ вѣры и нравственности, были призываемы высшіе іерархи православной Церкви (которая считается господствующею на бумагѣ); хотя бы въ подражаніе тому же западу, гдѣ духовенство національное участвуетъ въ законодательныхъ высшихъ учрежденіяхъ. Буди, буди!..

Старецъ монахъ.

Оптина пустынь.

На своей позиціи. ¹⁾

Письмо 5-ое.

1) Нравственное настроеніе священника. 2) Продѣлки сектантовъ. 3) Сектанты жалуются на православныхъ за „незаконныя сборища“. 4. Какъ быть?

Возлюбленный о Христъ, Нафанаилъ Петровичъ!

Спасибо, великое спасибо вамъ за ваше письмо! Много у васъ скорбей. Не мало ихъ и у меня. Объ этомъ молчать бы надо, но вамъ, какъ своему другу и соработнику, я откровенно обо всемъ говорю... Да, много и у меня терній. Но знаете?—чѣмъ они многочисленнѣе, тѣмъ я все болѣе и болѣе радуюсь... порою какой-то безотчетный восторгъ наполняетъ всю мою душу. Это не то, что у Вагнера въ его сказкахъ для взрослыхъ... не пареніе надъ землею, надъ всѣмъ мелочнымъ, гадкимъ, пошлымъ... нѣтъ... это нѣчто болѣе положительное и опредѣленное... Вагнеръ хочетъ возвыситься надъ землею, стать выше ея глупостей. И здѣсь у него источникъ утѣшенія, нравственнаго удовлетворенія. А у меня иное настроеніе. Я отъ скорбей, отъ страданій не бѣгу; но что Господь посылаетъ мнѣ, все принимаю съ благодареніемъ, и чтобы ни случилось со мной, я всегда думаю, что это дѣлается для моего утѣшенія, для очищенія моего сердца, для моей радости о Духѣ Святомъ. Было время, когда, сидя на семинарской скамьѣ, я сожалѣлъ о томъ, что уже не могу такъ неподдѣльно, такъ искренно смѣяться, какъ смѣялся я въ дѣтствѣ. Мнѣ горько было сознавать, что дѣтская пора съ ея свѣтлымъ, чистымъ, хорошимъ дѣтскимъ сознаніемъ для меня миновала, такъ далеко ушла, что и воротить ее нельзя. А теперь, по милости Божіей, я снова переживаю минуты какого-то особеннаго просвѣтленія... жить хочется... страшно хочется жить и именно такъ, какъ я теперь живу. Этому я и радуюсь безъ конца. Въ своихъ письмахъ и при нашей

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ кн. 1-я.

встрѣчь (когда же, кетати, она снова произойдетъ?) вы мнѣ неоднократно и настойчиво твердили: „не унывайте... не унывайте“. Теперь я не теоретически, не одной только мыслью, а жизненно понять ваши совѣты и пожеланія. Кетати. У меня въ приходѣ недавно имѣлъ мѣсто такой случай. Старики изъ православныхъ послѣ литургіи собрались возлѣ церковной сторожки и толковали о томъ какъ бы это отдѣлаться разъ навсегда отъ штундо-баптистовъ, которые уже регулярно и совершенно открыто собираются на свои моленія и позволяютъ себѣ завлекать разнаго рода приманками, лицемѣрно-ласковымъ словомъ, сластями православныхъ дѣтей въ свои дома, и здѣсь стараются возбудить въ нихъ вражду къ Церкви, къ родителям, ко мнѣ и т. д. Совѣщаніе имѣло неожиданный исходъ. Штундисты подмѣтили это собраніе и пошпионовали у начальства, сообщивъ ему „о незаконномъ сборищѣ“, выразившемъ будто-бы единогласное рѣшеніе силою и самоуправно выдворить ихъ, „баптистовъ“, изъ предѣловъ прихода, и давъ начальству понять, что они, „баптисты“, по сему поводу въ большой тревогѣ, дрожать за свою жизнь, хотя и согласны претерпѣть свой великій крестъ до конца. Православные объ этомъ узнали, и какъ еще послѣ собранія мнѣ заявили, такъ и теперь говорятъ, что ихъ желаніе таково: просить меня, священника, чтобы я донесъ о противозаконныхъ дѣяніяхъ штундистовъ по начальству, и чтобы молежня была закрыта, ибо, говорятъ православные, если ея не закроютъ, то они будутъ думать, что штундовая вѣра одобрена правительствомъ; что законъ 1894 года уже отмѣненъ; и что, значить, эта вѣра хороша и въ ней можно получать спасеніе такъ же, какъ и въ вѣрѣ православной.

Нафанаиль Петровичъ, какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ? Прибавляю при этомъ, что штундисты уже имѣютъ успѣхъ, и что по селу разнесся слухъ, будто православнымъ „нагорить“, „на орѣхи достанется“, а штундисты выиграютъ... Молокане также поддерживаютъ эту молву. Штундисты успѣли убѣдить послѣднихъ, что теперь начальство преслѣдуетъ не „баптистовъ“, а „молоканъ“: потому-то, говорятъ штундисты, православный священникъ и началъ прежде всего съ вами бесѣдовать, бывать у васъ первыхъ, а не у насъ, у которыхъ онъ доселѣ ни разу не бывалъ...

Если есть возможность, побывайте, Нафанаиль Петровичъ, въ моемъ селѣ. Вы пишете, что еще не успѣли объѣхать всѣхъ селеній епархіи, зараженныхъ сектантствомъ. Но въ виду мной изложенныхъ обстоятельствъ, усердно прошу васъ поскорѣе удѣлить время для поѣздки въ мой несчастный край.

Семья и ревнители наши ждутъ васъ и вашего слова, а я съ своей стороны ожидаю вашей поддержки и братской бесѣды устами къ устамъ. Посылаю вамъ мое благословеніе и привѣтъ моей любви къ вамъ о Господѣ Исусѣ.

Храни и поддержи васъ нашъ Спаситель и Пастыреначальникъ.

Съ моей іерейской любовью вашъ священникъ П. Никольскій.

Письмо 6-ое.

1) Послѣдствія посвященія епархіальнымъ миссіонеромъ прихода, зараженнаго сектантствомъ. 2) Священникъ обратилъ въ православіе молоканку и ея дѣтей.

Возлюбленный Нафаналь Петровичъ!

Итакъ, благодареніе Господу Богу, вы побывали у насъ... Вы, конечно, не разъ думали о томъ, каковы результаты вашего путешествія и вашихъ трудовъ: вы, несомнѣнно, болѣете душой, когда думаете, что, быть можетъ, вы не всегда дѣйствовали такъ, какъ требовали обстоятельства. Скажу вамъ: если что и вышло въ моемъ приходѣ не по вашему желанію, не по вашимъ намѣреніямъ, то здѣсь я вину принимаю на себя... Значить, я, пастырь, не все, какъ слѣдуетъ, вамъ открылъ и выяснилъ, оказался безсильнымъ дать надлежащее освѣщеніе той тревогѣ, въ которой живетъ мой злосчастный приходъ... Но вы не тревожьтесь. Были промахи (а гдѣ ихъ нѣтъ), но они,—истину глаголю, не лгу,—существеннаго значенія не имѣли. Вотъ пробѣлъ вашихъ бесѣдъ: вашими бесѣдами сектанты не вразумились (кто знаетъ, что въ человѣкѣ?—быть можетъ, они и не хотѣли вникать въ ваши слова?..) Но вы не будете смущаться этимъ, такъ какъ знаете, что даже въ посланіяхъ великаго апостола Павла было, по словамъ апостола Петра, нѣчто неудобовразумительное, не само по себѣ непонятное, а только по своей правдѣ служившее камнемъ преткновенія для гордившихся своею мыслію, какъ-бы истиной, и потому ими „невѣждами и неутвержденными превращавшееся“ къ ихъ „собственной погибели“.

Да благословитъ васъ Господь Богъ! Православные успокоились, перестали даже и говорить о шундистахъ послѣ того, какъ вы шесть дней прожили у насъ и по два раза въ день вели у насъ бесѣды. Теперь все поняли, что преданіе церкви не тоже,

что преданіе старцевъ, обличенныхъ Христомъ, что Церковью должно именоваться не всякое общество, собирающееся во имя Христа; что крещеніе водой необходимо, и не только для взрослыхъ, но и для младенцевъ; что почитаніе святыхъ мощей имѣть полное для себя основаніе въ словъ Божиємъ... Слава Богу! Слава Богу! Я радуюсь за такой исходъ дѣла. Даже молодежь постѣ вашихъ разъясненій на счетъ гражданскихъ законовъ о штундѣ стали къ штундистамъ относиться иначе, и даже просили меня позволить имъ подписаться подѣ прошеніемъ нашихъ православныхъ прихожанъ о закрытіи молельной и прекращеніи публичныхъ штундовыхъ крещеній въ нашей рѣкѣ.

Къ сему съ чувствомъ нравственнаго удовольствія сообщаю, что гражданское начальство, вѣроятно, поопавшій надлежащимъ образомъ въ нашемъ законодательствѣ относительно сектантовъ, дало понять штундистамъ, чтобы они вели себя потише. Я съ своей стороны выяснилъ, кому слѣдуетъ, что за собраніе было около сторожки, о которомъ я писалъ вамъ, а затѣмъ словесно вамъ сообщалъ въ бытность вашу у насъ.

Храни васъ Господь! Отъ семьи моей вамъ—привѣтъ, отъ ревнителей нашихъ и прихожанъ—молитвы и благодарность, отъ меня—мое благословеніе.

Хочу порадовать васъ: молоканка Марія Зубова съ двумя дѣтьми въ православіе переходитъ, и не корысти ради, а по любви къ нашей Церкви. Я съ ней, какъ вы уже знаете, давно бесѣдую. Убѣдилась, въ церкви нашей бывала. Плакала во время совершенія литургіи. Такъ какъ Зубовой, благодаря переходу къ намъ, будетъ отказано въ работѣ и вообще въ матеріальной помощи со стороны сектантовъ, то я пристраиваю ее въ работницы къ нашей доброй помѣщицѣ Софьѣ Ивановѣ, обещающей, кромѣ того, сына Марьи отдать въ городское училище, а дочь—въ учительскую школу (они уже окончили курсъ нашей церковно-приходской).

Вспомыните меня въ молитвахъ вашихъ.

Вашъ сердечно васъ любящій іерей
Петръ Никольскій.

Письмо 7-ое.

- 1) Думы священника по вопросу о церковной проповѣди. 2) Недостатки современной проповѣди. 3) Живое слово. 4) Благодатность и жизненность проповѣди. 5) Проповѣдникъ и его слушатели.

Добрѣйшій Нафаналъ Петровичъ!

Вы начали писать о современномъ проповѣдничествѣ, его достоинствахъ и недостаткахъ. Вамъ, взявшемуся за эту работу, конечно, извѣстна и хорошо знакома наша проповѣдь. Но позвольте и мнѣ высказать предъ вами нѣкоторыя соображенія относительно нашей проповѣди. Быть можетъ, они и пригодятся вамъ въ какомъ-либо отношеніи.

Вотъ что я думаю, Нафаналъ Петровичъ.

У насъ теперь много толкуютъ о проповѣдничествѣ, способахъ его улучшения, его вліяніи на общество. Но, вслушиваясь въ эти толки, я невольно представляю себѣ такую картину. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Московско-Ярославско-Арх. ж. д. имѣлъ мѣсто весьма любопытный случай. На одномъ участкѣ начали прокладывать желѣзно-дорожное полотно. Проложить. Лягутъ спать. А утромъ встанутъ—полотна и нѣтъ. Провалилось. Видны только жалкіе остатки отъ насыпи: нѣсколько камешковъ, горсть—другая песку. Точь въ точь тоже случилось и со всѣми толками о проповѣди. Говорять, говорить... пишутъ, пишутъ; а что остается отъ этого говоренія и этого писанія?.. Какъ-будто эти слова и эти добрыя стремленія пропадаютъ въ бездонной окружающей насъ воздушной пропасти. Остаются только отдѣльные отзвуки, находящіе пріютъ въ душахъ людей, и безъ того полныхъ сознанія важности церковно-просвѣтительнаго дѣла.

Мнѣ могутъ возразить, что мои сужденія отдають въ сильной степени пессимизмомъ, такъ какъ у насъ теперь говорятъ много проповѣдей, а въ печати проповѣдническіе сборники растутъ, какъ грибы послѣ дождя. Да, все это какъ-будто и такъ: говорится и пишется очень много. Но, думается мнѣ, лучше было-бы, если именно такихъ проповѣдей поменьше говорили и еще меньше печатали въ качествѣ образцовъ. Вотъ вамъ даже официальный отзывъ о большинствѣ нашихъ проповѣдей. Беру его изъ „Церковнаго Вѣстника“, гдѣ приводится такой отзывъ Тамбовской Консисторіи о поученіяхъ, произносившихся въ епархіи: „поученія холодны, сухи, безжизненны, отвлечены, малопонятны для

слушателей“. „Церковный Вѣстникъ“ по этому поводу замѣчаетъ: „удивительно это явленіе теперь, когда, повидному, все располагаетъ проповѣдниковъ къ живому слову о живыхъ нуждахъ времени“. Проповѣди, добавлю, говорятъ по одному шаблону, пишутся устарѣлымъ перомъ: разверните проповѣдническій сборникъ, прочитайте почти въ любой проповѣди десять—пятнадцать строкъ,—и вы уже узнаете, чѣмъ продолжится и закончится слово: вы почувствуете, что вы это уже не разъ слышали, что это кѣмъ-то и когда-то было сказано и тѣмъ же заученнымъ языкомъ, съ тѣмъ же сухимъ настроеніемъ. Тоже, какъ и въ плохихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Идеалы учебника Фаворова доселѣ остаются для большинства чуть-ли не святыней, едва не догматомъ, къ которому остріе критики и прикасаться не должно. Въ проповѣдяхъ форма и теперь господствуетъ надъ содержаніемъ... потому и чувствуется въ нихъ часто что-то вымученное. Проповѣди говорятъ о всѣхъ предметахъ христіанскаго званія, христіанской жизни; но говорятъ безъ всякаго практически-пригоднаго метода, руководясь приказами изъ семинарскаго учебника, статьями о предупрежденіи и пресѣченіи изъ этого своего рода прокурорскаго, сборника. Въ словахъ и поученіяхъ къ „братіямъ“ фигурируютъ, какъ и во всѣхъ канцелярскихъ отношеніяхъ, неизмѣнные: „сей, оный, поелику, поколику“, а больше всего: „будемъ, братіе, то-то дѣлать, а того-то не будемъ дѣлать“... А какъ возможно осуществить это дѣланіе или недѣланіе, проповѣди и не говорятъ. Существуетъ мнѣніе, что современная проповѣдь малоплодна. А развѣ иначе можетъ быть?..

Я лично выхожу въ своей мысли о хорошей живой проповѣди изъ словъ Спасителя: „безъ Мене не можете творити ничего“, т. е., изъ идей спасенія о Христѣ Иисусѣ. Мы спасаемся личными человѣческими усиліями при содѣйствіи божественной благодати. Отсюда и зовущая ко спасенію проповѣдь должна говорить—о *небѣ* и *небесныхъ* дарахъ намъ, грѣшнымъ. Это во-первыхъ. Проповѣдь должна *насъ* влечь ко спасенію, говорить *нашей* душѣ. Это во-вторыхъ. Въ первомъ случаѣ проповѣдь должна имѣть подъ собой наше церковное ученіе, т. е., быть, какъ говорятъ, проповѣдью „церковной“. „Міру ни одной уступки въ православномъ ученіи“—вотъ это и будетъ церковностью проповѣди. Но это еще не все. Говоря о благодати, имѣя такой великій источникъ и основаніе, какъ ученіе, Богомъ намъ данное, церковная проповѣдь должна быть благодатной, живой, изъ души, изъ сердца исходящей. Проповѣдь по своему мѣсту, ей отведен-

ному Самимъ Христомъ въ жизни Церкви, не должна быть здѣсь еще замѣтнымъ ручейкомъ. Волна, потокъ могучій, сила непреоборимая,—вотъ чѣмъ пужно сдѣлаться церковной проповѣди. Не скользнуть по душѣ, а въ двери ея стучаться, жечь ее, сердце закипать—вотъ долгъ проповѣдническаго слова. Нѣкоторымъ гомилетамъ не нравится, когда проповѣдникъ заставляеть слушателей содрогаться, рисуя послѣднимъ въ яркихъ краскахъ „лютую смерть грѣшника“, адскія мученія и т. д. А я тутъ дурного ничего не нахожу. Душѣ порой и содрогнуться надо, „еже обратится и живой“ ей „быти“. Душа отъ проповѣди вообще должна приходиться въ новое состояніе. Это и будетъ продолженіе начатаго Христомъ и порученнаго имъ церкви дѣла нашего спасенія. „Навидать“ значить на Христвъ „строить“, душу устраивать. А что же это за постройка, когда послѣ проповѣди остается часто все тотъ же сырой матеріалъ? Проповѣдникъ... да вѣдь онъ по самому своему званію—архитекторъ... У него должна быть опредѣленная идея строительства, художественный планъ, желаніе дѣлать и доводить дѣло до конца. Вся сила, вся энергія его души должна уйти на его дѣло. Вездѣ, во всякомъ дѣлѣ, требуется душа, сердечное воодушевленіе, а тѣмъ болѣе въ проповѣдничествѣ. Чуткость—вотъ свойство, безъ котораго все наши рѣчи будутъ мѣлкою звенящею, кимволомъ бряцающимъ.

Скажу нѣсколько словъ и о нашихъ слушателяхъ, о томъ, какъ къ нимъ надо подходить.

Обычно мы не считаемся, съ кѣмъ и кому мы говоримъ. Въ гостиной, въ столовой за чаемъ, у насъ ведется весьма интересная бесѣда. Мы попадаемъ въ точку интересовъ собесѣдниковъ, бываемъ занимательны, не замѣчаемъ, какъ въ разговорахъ проходитъ время. А вотъ въ проповѣдяхъ мы никакъ не попадемъ въ точку. Намъ она, эта точка, часто какъ будто не ясна. Отсюда и прицѣлъ нашъ плохъ. Вѣдь бываетъ же такъ, что стоять, положимъ, въ церкви рабочіе люди,—люди труда, съ постоянными, несходящими съ рукъ, мозолями, съ молитвой на устахъ о насущномъ хлѣбѣ. А проповѣдникъ выходитъ на кафедру и начинаеть говорить слово противъ богатства, о тѣлѣности благъ земныхъ. Или: проповѣдникъ выступаетъ и сразу принимаетъ обличительный тонъ: „вы, говоритъ, такіе-то и такіе-то“. Въ кого или во что онъ, спрашивается, мѣтить? Вѣдь только раздражаетъ слушателей. Правда, мы знаемъ обличительныя рѣчи, принадлежащія перу даже св. отцовъ и учителей Церкви. Но въ нихъ, напр., въ обличеніяхъ Св. Іоанна Златоуста слышится оте-

ческая скорбь, и когда читаешь его, Златоуста, то чувствуешь, что онъ не бранитъ, а отечески вразумляетъ. Вся наша ошибка вотъ въ чемъ. Мы говоримъ Петру, Ивану, тогда то крещенымъ и состоящимъ въ православной церкви, — Марин и Марѣ, въ метрику числимся православными. Вотъ уже и нѣтъ цѣли. Вѣдь надо говорить душѣ человѣческой, душамъ Петра, Ивана, Марин, Марѣ и т. д. Проповѣдь должна быть психологичной, умѣть въ душу проникать, затрогивать въ ней лучшія стороны, поднимать ее и т. д. Скажу въ заключеніе: проповѣдь должна создавать спасеніе общества, подходя къ душѣ послѣдняго умѣло, любовно, убѣжденно, съ цѣлью вызвать къ жизни добро, живущее въ человѣкѣ и убить въ немъ зло, которое такъ еще сильно въ человѣческой душѣ.

Не знаю, Нафанаиль Петровичъ, раздѣлите ли вы мои мысли, выросшія во мнѣ въ убѣжденія. Но я иначе мыслить не могу. И если я дамъ для вашихъ статей хоть каплю полезнаго матеріала, буду очень и очень нравственно доволенъ.

Прошу васъ, Нафанаиль Петровичъ, принять глубокій поклонъ отъ моей семьи и ревнителей нашихъ. Мои молитвы всегда съ вами.

Будьте здоровы и благодунны.

Вашъ душой и сердцемъ іерей Петръ Никольскій.

Письмо 8-ое.

1) Думы священника по поводу весны. 2) Будущее противосектантской миссіи и залогъ ея успѣха. 3) Новообращенные благодарять епархіальнаго миссіонера за подаренные имъ крестики ко дню ихъ крещенія.

Дорогой Нафанаиль Петровичъ!

Наступаетъ хорошее время. Вотъ и весна уже на дворѣ. Какая благодать-то! Деревья почти совсѣмъ одѣлись въ свою зелень, показались цвѣты, воздухъ такой ароматичный, и въ этомъ воздухѣ хоръ птичекъ возсылаетъ хвалу Творцу всяческихъ. Какъ хорошо, дорогой мой другъ! Хорошо и назидательно, и вотъ въ какомъ отношеніи. Смотрю, смотрю я на сектантовъ своихъ: ну, право, они зачерствѣли и забыли настоящую-то христіанскую радость. Какая-то непостижимая злоба, изъ ряда вопъ выходящее озлобленіе живетъ въ ихъ сердцахъ. И думается мнѣ: какъ было бы хорошо, если бы въ ихъ душахъ засіяла вѣковѣчная радость, не

радость все отрицающаго протеста, а свѣтлая, настоящая христіанская: чтобы здѣсь произошло возрожденіе, наполнилось бы все благоуханіемъ небесной любви, украсилось цвѣтами истинной вѣры и величественной добродѣтели. Поучительно для меня въ этомъ расцвѣтѣ природы и другое. Природа преобразится постепенно, но могуче и неустойчиво. Вотъ такой должна быть и наша противосектантская работа. Вы не разъ высказывали свои мысли о постановкѣ нашей миссіи. Воплотѣ съ вами согласенъ. Только тогда миссія и сдѣлаетъ свое великое дѣло, когда она образуетъ цѣлый громаднѣйшій потокъ, который будетъ увлекать за собой, увлекать неустойчиво и властно всѣхъ, кто ищетъ правды. Это, вѣдь, пока только начало работы—все наши миссіонерскія хлопоты и работы. А вотъ когда по всѣмъ приходамъ сформируются миссіи, да сами православные будутъ помогать пастырямъ, да вѣрующіе интеллигенты придутъ на подмогу, тогда и будетъ у насъ великое торжество. По выходѣ изъ семинаріи, сдѣлавшись священникомъ, я много думалъ о нашемъ церковно-просвѣтительномъ дѣлѣ. Конечно, въ моихъ мечтахъ было много утопическаго. Главная моя ошибка была въ томъ, что черты церкви торжествующей я переносилъ въ своемъ увлеченіи на церковно-воюющую: мнѣ все грезилось побѣдоносное шествіе Церкви, предъ которой склоняется весь міръ, исчезаетъ всякое зло. Теперь я не даю воли своему воображенію въ этомъ направленіи. Но думаю, что теперь уже не ошибаюсь, когда хочу видѣть церковно-просвѣтительное движеніе—сильное, мужественное и торжествующее надъ зломъ. Вы увѣрены, что это время не за горами. Подкрѣпи, Господи, эту вашу вѣру во всепобѣждающую силу добра. Дай, Боже, намъ видѣть эти счастливые дни!

Пока до скораго свиданія. Буду къ вамъ поговорить лично, да кое-какія дѣла подѣлать въ консисторіи.

Поклонъ и привѣтъ вамъ отъ семьи, отъ ревнителей и новообращенныхъ (отъ послѣднихъ и благодарность за крестники, которые вы прислали ко дню ихъ крещенія).

Храни васъ, Господь!

Сердечно васъ любящій іерей Петръ Никольскій.

Грузинскій спарціальный миссіонеръ Александръ Платоновъ.

Священныя изображенія на полотнѣ.

Необходимость улучшения иконописнаго дѣла въ православной русской Церкви внѣ всякаго сомнѣнія. Безобразныя примѣры суздальской мази и лубочной промышленности слишкомъ тяжело чувствуются православною миссіей при ея защитѣ догмата иконопочитанія отъ всевозможныхъ нападковъ на него нашихъ сектантовъ. Правильно поставленныя иконописныя школы вызываютъ, поэтому, самое искреннее сочувствіе у миссіонеровъ.

Но для многомилліоннаго православнаго люда этихъ школъ, увы, очень мало, и нѣтъ надежды, чтобы онѣ смогли удовлетворить потребности простаго народа. Какъ ни хороши и строго религіозны будутъ произведенія православныхъ мастеровъ иконописнаго дѣла, они будутъ мало доступны для народа, по своей сравнительной дороговизнѣ. Печатанье иконъ всегда будетъ имѣть за собой въ этомъ случаѣ непобѣдимое преимущество...

Печатныя иконы уже распространились въ простомъ русскомъ народѣ. Печатаютъ на бумагѣ, жести, деревѣ и полотнѣ. Противъ самой идеи печатанья трудно что-либо возразить. Мы, поэтому, съ большимъ недоумѣніемъ встрѣтились нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ разсужденіемъ въ Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ о томъ, что печатныя иконы не суть святыя иконы и не могутъ быть пріемлемы въ православной Церкви, что иконами могутъ считаться только тѣ, что пишутся отъ руки. Авторъ этого антидогматическаго разсужденія, очевидно, забылъ, что новозавѣтный первообразъ—Нерукотворенный образъ Спасителя—является не писаннымъ, а отпечатлѣннымъ изображеніемъ или иконою Спасителя... Печатныя изображенія священныхъ лицъ и событій приняты въ православной Церкви и, въ видѣ напр. антиминовъ, являются достояніемъ всѣхъ, безъ исключенія, храмовъ нашей Церкви.

Печатанье иконъ на бумагѣ можетъ встрѣтить возраженіе только въ виду малой прочности бумажнаго матеріала. Дешевизна и удобство исполненія работы всегда дадутъ этому роду иконныхъ произведеній преобладающее значеніе. Иконы на жести привлекаютъ вниманіе своею красотою и прочностью. Но эти достоинства не долго сохраняются за ними. Печатныя на жести

краски быстро стираются и остается голая жость. Тоже самое можно сказать и про дорогія сравнительно печатныя иконы на деревѣ. Чувство вѣрующаго не можетъ считать эти доски съ истершимися священными изображеніями простыми, подлежащими уничтоженію, досками; тѣмъ не менѣе доски, хотя бы и священныя, но безъ изображеній, теряютъ смыслъ иконъ...

Въ послѣднее время намъ случалось встрѣчаться съ печатными на атласѣ изображеніями Божіей Матери, преп. Серафима Саровскаго, свят. Θεодосія Углицкаго и др. Иконы эти имѣютъ, по своимъ удобствамъ для перевозки, для вставки въ кіоты и т. п., достоинства бумажныхъ, но также непрочны, плохо отпечатаны и, кромѣ того, не дешевы. Было бы въ высшей степени полезно организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ печатанье иконъ на полотнѣ. Для этого можно воспользоваться всѣми усовершенствованіями, которыхъ достигла въ настоящее время платочная мануфактура. Извѣстно, что произведенія этой мануфактуры, съ отпечатанными на платкахъ въ одну или нѣсколько красокъ различными рисунками, не стираются послѣ мойки въ кипяченной и мыльной водѣ и уничтожаются только вмѣстѣ съ самымъ платкомъ. Для крестьянскихъ избъ, сырыхъ и курныхъ, для тощаго крестьянскаго кошелька, намъ кажется, этотъ видъ печатныхъ священныхъ изображеній самый подходящій.

Кромѣ удовлетворенія религіозной потребности въ иконахъ, этотъ видъ промышленности можетъ найти себѣ примѣненіе и въ печатаніи на платкахъ различныхъ *souveniré*'овъ. Наши богомольцы, бывая въ священныхъ мѣстахъ, покупаютъ картины и фотографіи, а также чашки, ложки, палки и другія вещи съ священными изображеніями и видами церквей, памятниковъ и проч. Въ послѣднее время имъ стали предлагать открытыя письма, вошедшія въ моду у интеллигенціи. Но требованіе прочности и дешевизны должны дать преимущество предъ всѣмъ этимъ хорошо отпечатаннымъ на платкахъ различнымъ видамъ священныхъ мѣстъ, память о которыхъ желали бы сохранить для себя богомольцы. Такіе платки не пойдутъ у нихъ ни для головного, ни для носового употребленія, а повѣшенные на стѣнѣ, поддающіеся чисткѣ и мойкѣ, они отлично удовлетворятъ благочестивому вкусу крестьянина въ его сырой и дымной обстановкѣ.

Священникъ-миссіонеръ Савва Потъгинъ.

Какъ мстятъ миссіонерамъ.

„Бѣды во лжебратіи“ (2 Кор. 11, 26).

Казакѣ станицы У-ой, П-аго уѣзда, издавна православные. Живя въ далекой Сибири, они ничего никогда не слышали ни про штунду, ни про молоканство и т. п. Жили они себѣ потихоньку, полегоньку. Но вотъ, съ проведеніемъ великаго Сибирскаго пути, понаѣхали въ Сибирь на вольныя земли разные сектанты, наарендовали себѣ свободныхъ земельныхъ участковъ, и пошла у насъ жизнь иная. Равнодушные до того казакѣ заволновались. А пастыри духовные чуть было совсѣмъ не прозѣвали этого волненія. Большинство изъ нихъ и не подумало о томъ, что надо узнать, что такое эти сектанты,—не догадывалось, какое раслѣвіе внесутъ эти отступники въ мирную до того, но сонную и бездѣятельную церковную жизнь.

Плоды сказались скоро. Забродила мысль, некому ее было направить, куда слѣдуетъ, и многіе и многіе казакѣ готовы были уже отпасть отъ Церкви. Удерживали только, пожалуй, боязнь, да стыдъ: „какъ это—служилый казакъ, вотъ православный да въ штунду“. Но плохими ужъ православными стали такіе люди. „Человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“ (Іак. 1, 8).

Любятъ казакѣ—не одной только станицы У-ой, но и повсюду, повеселиться порой и изрядно выпить. А что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

Былъ Михайловъ день—храмовой праздникъ въ станицѣ У—ой. Въ одномъ домѣ собралась честная компанія навеселѣ. Пошла бесѣда: „да какіе хорошіе люди эти сектанты, не то, что мы — пьяницы, да какъ поютъ-то они хорошо, да и учатъ-то разумно; вотъ мы все думали, что иконы-то наши-Богъ, анъ выходитъ это „дѣло рукъ человѣческихъ“ и почитать-то ихъ Богъ запретилъ. А одинъ казакъ и говорить: „да какой-же это Богъ, коли я икону-то могу взять да разбить и ничего мнѣ за это не будетъ?!“ Рюмка за рюмкой и перешло отъ словъ къ дѣлу; икона была разбита. Конечно, на другой день почти вся станица объ этомъ узнала. Узнала, да и порѣшила скрыть это дѣло: единомышленниковъ оказалось много. Скрывали долго, но батюшка какъ-то узналъ. Узналъ и понялъ, что въ его приходѣ творится что-то

неладное; надо тушить пожаръ, пока онъ не разгорѣлся. Батюшка обо всемъ сообщилъ мѣстному преосвященному, а преосвященный послалъ миссіонера разузнать дѣло, да мѣрами кротости и разумленія потушить соблазнъ и съ казаками побесѣдовать о волнующихъ ихъ вопросахъ. Дѣло миссіонеръ разузналъ, съ казаками побесѣдовалъ. Но хмуры были они вначалѣ и непривѣтливы, а многіе, кажется, сначала и вовсе не хотѣли слушать бесѣды. Только послѣ какъ-то смягчились. И уѣзжалъ миссіонеръ изъ станицы уже съ нѣкоторою радостью: „ну, думалъ, слава Богу, сѣмя упало и на добрую почву; батюшка продолжить дѣло и и штундѣ нечего будетъ дѣлать въ этомъ приходѣ, благо сектантовъ поблизости нѣтъ и общеніе съ ними у прихожанъ не частое“.

Съ тѣхъ поръ прошло уже два года, а про отпаденія казаковъ не слышать.

Но не прошла даромъ миссіонеру эта поѣздка, пришлось ему увидать „бѣды“ за благовѣстіе Христовой истины. Нашлись какія-то темныя силы, которыя отомстили ему за то, что трогалъ злостную штунду: „не рви ея сѣтей, не разрушай ея козней“.

Не успѣлъ миссіонеръ пріѣхать домой, какъ преосвященнымъ ужъ былъ полученъ на него доносъ за полную подписью доносчика. И чего, чего тамъ не было. И вотъ черезъ мѣсяць миссіонеръ узнаетъ, что онъ „подъ слѣдствіемъ“. Получаетъ формальное предписаніе отъ слѣдователя дать объясненіе по возводимымъ на него казакѣмъ станицы У—ой Иваномъ Пономаревымъ обвиненіямъ. Читаетъ и глазамъ не вѣритъ. „Пріѣхалъ, пишется въ доносѣ, великій проповѣдникъ“... ударили въ колоколь, а онъ уже съ нашимъ священникомъ „порядочно дрызнулъ“... и началась „пьяная служба“. А послѣ службы „оба попа пошли нескать приключеній“ и т. д., до страшныхъ мерзостей.

Пріѣхалъ слѣдователь и въ станицу. Но никакого Ивана Пономарева, подписавшаго доносъ, тамъ не оказалось, а казаки, всѣмъ обществомъ, заявили, что ничего подобнаго не было, и что доноса у нихъ никто не писалъ.

Такъ это дѣло до сихъ поръ и осталось нераскрытымъ. Тяжелѣе всѣхъ было только миссіонеру. Пока слѣдствіе, да прочее, прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. И только чрезъ эти два мѣсяца честь его, попранная ни за что, ни про что, была восстановлена. И сколько на тернистой миссіонерской службѣ приходится испытывать разныхъ бѣдъ и напастей! Бѣды и между братьями и „между лжебратіями“.

Свящ. Николай Кипарисовъ.

Изъ разговора православнаго простеца съ бѣглымъ попомъ.

При селѣ Городцѣ, Нижегородской губ., — какъ извѣстно, издавна существуетъ раскольничій бѣглопоповскій молитвенный домъ, обыкновенно называемый по мѣстному „городецкая часовня“.

По внѣшнему своему виду эта часовня—обыкновенный монастырекъ: она вокругъ обнесена широкою каменною оградой, по угламъ которой стоятъ небольшія башенки. Съ западной стороны ограды устроены, на подобіе монастырскихъ, святыя ворота, украшенныя вызолоченными крестами и образами. Внутри ея помѣщается большой двухэтажный каменный корпусъ, часть котораго занята моленною, и неподалеку отъ него стоитъ небольшая деревянная колоколенка. При этой часовнѣ всегда находится бѣглый попъ и изъ нѣсколькихъ человѣкъ „клиръ“. Обезпечивается она главнымъ образомъ ревностнымъ расколо покровителемъ нижегородск. купцомъ Б—вымъ и др. радѣющими бѣглопоповству лицами.

Въ настоящее время при этой часовнѣ на „пастырскомъ“ поприщѣ подвизается ушедшій изъ православной Церкви единовѣрческій священникъ А. С—овъ, который до поступленія въ „бугровскую іерархію“ состоялъ на службѣ при одномъ изъ единовѣрческихъ приходоу Ярославск. епархіи, Пошехонскаго уѣзда.

Минувшимъ лѣтомъ, на пароходѣ по р. Волгѣ, я имѣлъ удобный случай познакомиться и побесѣдовать о вѣрѣ съ бѣглымъ о. С—мъ. Бесѣда у насъ велась объ австрійскомъ священствѣ.

О. С—въ, повидимому, человѣкъ былъ простаго и откровеннаго характера. Любитель онъ, кажется, и поговорить о вѣрѣ. Въ нашей бесѣдѣ онъ ревностно старался укорить австрійское священство въ его незаконности. Онъ говорилъ мнѣ: „что у австріяновъ за попы? Они вѣдь безблагодатные—мужики“. Далѣе онъ коснулся личности м. Амвросія и во многомъ осуждалъ его за нарушеніе св. правилъ.—Вѣдь австрійскіе м. Амросія деньгами сманули! Попъ его принялъ отъ ереси, а паству ему онъ не имѣлъ права вручить“. Тутъ о. С—въ кратко передалъ о возникновеніи австрійской іерархіи, что онъ, судя по его разсказу, знаетъ по-

наслышкѣ. Въ заключеніе онъ сказалъ: „поэтому австрійскіе попы не имѣютъ благодати. Вотъ я благодать имѣю и данное мнѣ право совершать св. таинства, а австрійскіе попы—не попы, а мужики“.

Словомъ, разсужденія о. С—ва по поводу австрійскаго священства были очень справедливыя; въ виду сего, мнѣ пришлось на этотъ разъ во всемъ съ нимъ согласиться.

Но представлялось интереснымъ разрѣшить слѣд. вопросъ: Гдѣ нынѣ существуетъ спасающая Церковь Христова? По свидѣтельству Божественнаго писанія, она въ полномъ первоначальномъ своемъ устройствѣ должна, въ силу даннаго ей основателемъ обѣтованія: „на семь каменъ созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѣ. 16, 18), пребыть до дня второго пришествія Христа. Обѣтованіе, данное Церкви Христомъ, по свидѣтельству Іоанна Златоуста, непреложно. Вотъ какъ св. отецъ говоритъ о семъ: „Есть и другія предсказанія, которыя со времени произнесенія ихъ будутъ имѣть силу до пришествія Христова, какъ можешь видѣть, если хочешь, изъ слѣдующаго, на примѣръ: „Се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѣ. 28)... „На семь каменъ созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѣ. 16 гл.) и др. весьма многія... Отъ чего не одолѣли Церкви врата ада? Отъ чего Христосъ всегда пребываетъ съ нами? Ибо, если-бы Онъ не былъ съ нами, то Церковь не одержала бы побѣды“ (1 Кор. бес. 6 ст. 99). На этотъ вопросъ о. С—въ сказалъ: „У насъ Церковь, у насъ и благодатное священство есть“.—А имѣете-ли вы благодатныхъ епископовъ!—„Мы приедемъ на основаніи св. прав. приходящихъ отъ господствующей церкви къ намъ іереевъ“,—отвѣтили за о. С—ва его клирики, ѣхавшіе вмѣстѣ съ нимъ исправлять какую-то потребу въ с. Васелево (слѣд. пристань отъ Городца). И вы, о. А., когда-то были значить священникомъ правосл. Церкви?—спросилъ я о. С—ва.—„Да, я до сего служилъ у единовѣрцевъ“,—тихонько съ улыбочкою отвѣтилъ о. С—въ.—Что же заставило васъ уйти изъ правосл. Церкви въ старообрядчество?—„Долго разсказывать“. Ну хоть покороче,—просилъ я.

О. С—въ, наклонившись поближе ко мнѣ, тихохонько началъ разсказывать о своемъ уходѣ въ расколъ.—„Я прежде служилъ въ единовѣрческ. храмѣ Ярославск. епар. Мѣсто это я сдалъ своему зятю, а самъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ познакомился съ попомъ Максимомъ ¹⁾. Исправивши меня, онъ посовѣтовалъ ѣхать

¹⁾ Максима я еще зналъ въ Москвѣ. Онъ часто бывалъ въ Никольск. Ед. мон., гдѣ у него есть знакомый человѣкъ, къ которому онъ обычно являлся въ нетрезвомъ видѣ. Авторъ.

къ Б—ву въ г. Нижній, тамъ нуженъ былъ попъ. Вотъ я и поѣхалъ туда. Б—въ меня опредѣлилъ въ с. Городецъ—“А грамоту вы имѣете?”—“Какъ же! Безъ грамоты меня-бъ и не приняли”.—“Ну, а какъ живетъ вамъ здѣсь—хорошо или плохо?”—“О! еще-бъ жить у насъ плохо!”—“У насъ вѣдь попечительство богатое. Одинъ Б—овъ, что значить!..—сказалъ одинъ изъ клириковъ.—“Еще жить-ли плохо у насъ! Посмотри-ка на нихъ! Видно имъ плохо живетъ!”—говорилъ о. С—въ, указывая на клириковъ.—“Ну, а духовное платье, кажется, вамъ воспрещено носить?”—“На счетъ этого у насъ просто. Къ намъ власть мѣстная хорошо относится. У насъ въ оградѣ, что хочешь, то и дѣлай—сказалъ одинъ изъ спутниковъ о. С—ва. Припоминаю, что разговоръ нашъ былъ заключенъ словами „клирика“: „У насъ попы въ ризахъ хоронятъ покойниковъ. Крестные ходы вокругъ часовни дѣлають и т. п.“. Пароходъ нашъ въ это время былъ уже у пристани „Васелево“. Мы распрощались дружески, поблагодаривъ другъ друга за бесѣду: собесѣдники мои ушли съ парохода.

Что заставило бѣднаго старика оставить Церковь Христову?—думалъ я про себя, когда разстался съ своими собесѣдниками.

Ужели онъ не знаетъ, что общество бѣглопоповцевъ не составляетъ изъ себя Церкви Христовой? Вѣдь онъ, смотри, какъ ревностно укорялъ въ нарушеніи каноническихъ правилъ австрійское священство! А свои беззаконные поступки, которыми нарушилъ онъ много св. правилъ, ужели для него не извѣстны? Такъ и хочется сказать ему по долгу христіанскому: Не забывай, отче, что ты, оставивъ спасительную Церковь Христову, присоединился къ такому обществу, которое не имѣетъ ни благодатныхъ епископовъ, ни семи спасительныхъ таинствъ; а то и другое должно сохраниться въ истинной Церкви Христовой до скончанія видимаго свѣта (Кирил. кн. 77 по 79 л. кн. о Вѣр. 59 об.). Ваше общество, вслѣдствіе неимѣнія благочестивыхъ епископовъ, по свидѣтельству св. Игнатія Богоносца, злочестиво: „Елицы бо Христови суть, сіи со епископомъ суть: елицы же уклоняются отъ него, и общеніе любятъ съ проклятыми, сіи съ ними посѣкутся“. А что дѣйствительно общество бѣглопоповцевъ проклято, объ этомъ свидѣтельствуемъ соборъ св. отецъ, иже бѣ въ Гангрѣ: „Аще кто кромѣ церкви особо собранія составляетъ, и презираетъ церковь, церковная творити хоцетъ, не имѣя съ собою пресвитера по волѣ (о. С—въ внѣ воли) епископа: да будутъ подъятвоу“ (Пр. 6).

Что касается самихъ бѣглыхъ поповъ, пріемлемыхъ бѣглопо-

повскимъ обществомъ. то они, согласно 39 и 31 ап. прав., находятся въ изверженномъ состояніи (Снес. 10 пр. Карѣ. соб.). И таинства поэтому, строямыя ими, остаются безблагодатными. „Понеже іереевъ въ благочинныхъ посланныхъ не имѣютъ. Аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ иначе тайны безъ единости церкви христіанскія ни чесоже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкомъ рече послю на [вы клятву и проклену благословеніе ваше и оклену е, и разорю благословеніе ваше и не будетъ въ васъ, сирѣчь, положу клятву на благословеніе ваше, имже тайна совершается (Тол. Ап. л. 548 об.). „Егда ты нѣсть архіерея таковѣмъ и не дается Духъ Святыи, якоже вѣруемъ“ (а о. С—въ такъ-ли вѣруеть?). „И егда то не имуть, егоже не пріяша таковѣмъ образомъ, како инѣмъ подадутъ знаменіе на духовныя службы“ (Тактик. Ник. Черн. л. 41 об.).

Итакъ, о. С—въ, обличая австрійское священство въ нарушеніи св. правилъ, почему-бы не обратитъ вамъ вниманія съ о. Максимомъ на свои законопреступныя поступки? 1) Гдѣ вы нашли въ Кормчей такое правило, чтобы купецъ-простолюдинъ могъ опредѣлять васъ служить у св. престола? 2) Скажите, пожалуйста, отъ какихъ вы ересей были обязаны отречься, при производимомъ надъ вами чинопріемѣ? Вѣдь вы, состоя на службѣ у единовѣрцевъ, исполняли всѣ обычаи старообрядческаго характера! Если вы отреклись отъ православной Церкви, которая преподала вамъ таинство священства, то этимъ вы лишились уже священства и вамъ слѣдовало, какъ простолюдину, прекратить священствовать.

Не забудь еще и то, отче, что не спасетъ тебя обиліе раскольниковьяго злата въ день праведнаго суда Божія!

Я увѣренъ, что ты отдался подъ власть бѣглопоповскаго купца-патріарха не по искреннему убѣжденію въ правотѣ бѣглопоповства, а единственно изъ-за веселенькой и спокойной жизни, проводимой въ раскольниковскомъ кругу. Но... чѣмъ ты искупишь свою душу, которая теперь живетъ внѣ спасительной Церкви Христовой, въ день суда Господня? (В. Кат. 25 гл.). Вѣдь, по свидѣтельству Іоан. Златоуста (Бес. на 14 пос.), грѣхъ раскола не можетъ быть омытъ даже мученическою кровью! Пусть Господь поможетъ тебѣ, отче, образумиться и снова возвратиться въ спасительное лоно православія!

И. Водягинъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда со старообрядцемъ австрійскаго толка по вопросу: „Содержитъ-ли пр. Церковь ересь Люциферіанскую, или нѣтъ“?

Старообрядецъ. Неоднократно въ бесѣдѣ со мною вы, о. миссіонеръ, обвиняя наше общество въ неимѣннн почти въ теченіе 180 лѣтъ епископовъ, ссылались на II правоученіе св. І. Златоуста, на посланіе къ Ефесянамъ; нашихъ епископовъ, священниковъ вы всегда признавали и признаете ни болѣе и не менѣе какъ простецами, такъ что, въ случаѣ перехода ихъ къ вамъ, ваша Церковь принимаетъ ихъ не въ сущемъ санѣ, а какъ мірянъ; хотя крещеніе, совершаемое ими въ нашемъ обществѣ, принимаете, не повторяете.

Православный. Да, наша пр. Церковь священство, происшедшее отъ Амвросія, считаетъ незаконнымъ, безблагодатнымъ, посему и принимаетъ вашихъ клириковъ какъ мірянъ, не повторяя только крещенія, совершеннаго ими...

Старообрядецъ. Вотъ такимъ-то отношеніемъ къ старообрядческой іерархіи ваша Церковь еретичествуетъ, именно содержитъ ваша Церковь—ересь Люциферіанскую. Объ этомъ-то, а такъ же и о томъ, что вы неправильно понимаете и толкуете въ отношеніи къ намъ II правоученіе св. Златоуста на посланіе къ Ефесянамъ, я и хочу побесѣдовать съ вами.

Православный. Охотно готовъ исполнить это ваше желаніе,—тѣмъ болѣе, что и устно и письменно ваши апологеты заявляютъ, что наша Церковь, якобы, содержитъ Люциферіанскую ересь... Итакъ, укажите намъ свои основанія къ подобному обвиненію пр. Церкви.

Старообрядецъ. Люциферіане — послѣдователи Люцифера, епископа Калоританскаго. Все заблужденіе этихъ еретиковъ, или, сказать точнѣе,

раскольниковъ, состояло только въ одномъ: они считали, что на еретическихъ епископахъ хиротонія, или священство, уничтожается. Поэтому они признавали арианскихъ епископовъ за престоцовъ, за самозванцевъ, и если они обращались къ нимъ, то принимали ихъ не въ сущемъ санѣ, а простыми мірянами, хотя крещеніе отъ нихъ принимали безъ повторенія. Поэтому-то Люциферіане, бывшіе въ Антиохіи, не подчинялись Мелетію, тамошнему патріарху, рукоположенному арианами. Св. Златоустъ, получившій отъ этого Мелетія рукоположеніе во діакона, писалъ именно противъ этихъ раскольниковъ—Люциферіанъ, не имѣвшихъ общенія ни съ Мелетіемъ, ни съ его преемникомъ Флавіаномъ, ни съ Златоустымъ, ни вообще съ пр. Церковью, и доказывалъ, что у нихъ рукоположеніе исчезло и погибло, и что какъ за вѣру, такъ и за сіе ратоваться подобаешь. Но какъ-же у Люциферіанъ исчезло и погибло рукоположеніе, и какъ они не ратовали за него, если имѣли своихъ епископовъ и отвергали еретическихъ? Только тѣмъ исчезло у нихъ рукоположеніе, что они признавали, будто оно на уклонившихся въ ересь епископахъ исчезаетъ и уничтожается,—и больше ничего.

А православные противъ этого ратовали за рукоположеніе, что оно ересями не уничтожается. Поэтому-то св. Златоустъ въ II правоученія на посл. къ Ефесянамъ и доказываетъ, что рукоположеніе исчезаетъ и погибаетъ въ томъ обществѣ, которое признаетъ, будто на внавшихъ въ ересь епископахъ священство, или рукоположеніе, уничтожается. Что, дѣйствительно, въ этомъ состояло заблужденіе Люциферіанъ, объ этомъ ясно говорить бл. Иеронимъ (въ 4 томѣ твореній его—на стр. 58—61).

Итакъ. Люциферіане признавали еретичествующихъ епископовъ самозванцами, принимали ихъ въ свое общество, какъ мірянъ, хотя крещеніе отъ нихъ принимали безъ повторенія.—Православные-же, напротивъ, признавали, что у еретиковъ рукоположеніе дѣйствительно, какъ и крещеніе, и потому принимали ихъ въ сущихъ санахъ. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ видимъ, что у еретиковъ люциферіанъ рукоположеніе исчезло и погибло тѣмъ именно, что они еретичествующихъ епископовъ считали престоцами... Но вообще-то у нихъ были свои епископы. Самъ Люциферъ, начальникъ этихъ раскольниковъ, былъ епископъ. Извѣстно, что „Люцифериты имѣли въ Римѣ свои частныя собранія и имѣли епископомъ Аврелія, которому преемствовали Ефезій“ (Исторія Гете, т. 3, стр. 447). Кромѣ того, Люциферъ рукоположилъ въ Антиохію епископомъ Павлина, не желая признавать Мелетія, рукоположеннаго Арианами. Павлину преемствовалъ Евагрій. Исторія свидѣтельствуешь (Сократъ, кн. 2, гл. 43—44: Созоменъ, кн. 4, гл. 28; 12; Сократъ кн. 5, гл. 5), что въ Антиохіи одновременно было два епископа: св. Мелетій, истинно православный во всемъ, и Павлинъ, рукоположенный самимъ Люциферомъ и содержащій Люциферійское заблужденіе. И

хотя было постановлено, что, по смерти одного изъ нихъ, не долженъ быть поставленъ другой на мѣсто его, но управлять будетъ оставшійся въ живыхъ, однако, по смерти Мелетія, въ 381 г. на его мѣсто поставленъ былъ Флавіанъ еще при жизни Павлина (Сократъ, кн. 5, гл. 9, Созамень, кн. 7, гл. 11).— По смерти Павлина, рукоположеннаго Люциферомъ, поставленъ въ 389 г. Евагріи (Сократъ, кн. 5, стр. 410 въ примѣчаніи). Расколъ, такимъ образомъ, въ Антиохіи продолжался: одни, отверженцы Мелетія и потомъ Флавіана, были вполнѣ православны, а другіе, сторонники Павлина и его преемника Евагрія, но вѣрѣ хотя тоже были православны, но держались Люциферіанскаго заблужденія, что отъ арианъ рукоположенные не должны быть приемлемы въ своемъ санѣ, отъ чего они и не подчинялись Мелетію, такъ какъ онъ былъ рукоположенъ аріанами (Сократъ, кн. 7, гл. 3).—А св. Златоустъ принадлежалъ именно къ сторонникамъ Мелетія и Флавіана, изъ которыхъ первый въ 381 г. рукоположилъ его во диакона, а послѣдній—въ 386 г. рукоположилъ его во пресвитера; въ 398 г. Златоустъ возведенъ былъ въ санъ Константинопольскаго патріарха.—Такимъ образомъ Златоустъ былъ въ Антиохіи съ 381 г. по 398 г. и въ этотъ періодъ времени написалъ толкованіе на посланіе къ Ефесянамъ (см. Жизнь и труды св. отцевъ и учит. Фаррара, 812 стр.).—Значитъ, св. І. Златоустъ написалъ II нравоученіе на сіе посланіе, именно противъ схизматиковъ, или раскольниковъ люциферіанъ, въ которомъ и говорить, что должно ратовать какъ за вѣру, такъ и за рукоположеніе и что нѣтъ пользы отъ перваго, если послѣднее въ опасности исчезнуть и погибнуть, какъ было у Люциферіанъ, имѣвшихъ епископовъ, но учившихъ, что на впавшихъ въ ересь іерархахъ рукоположеніе уничтожается. Долженъ при этомъ сказать, что наши апологеты допускаютъ, что Антиохійскіе Люциферіане, во время пребыванія св. Златоуста въ Антиохіи, нѣкоторое время не имѣли епископовъ, хотя это и подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ раздоръ этотъ прекратился только въ 413 году (Жизнь и труды св. Отцевъ; Фаррара, стр. 595), когда Златоустаго уже и въ живыхъ не было, а въ остальное время у Люциферіанъ были свои епископы.

Теперь остается только рѣшить вопросъ: когда св. Златоустъ, писалъ II нравоученіе на посланіе къ Ефесянамъ,—тогда-ли, когда у нихъ были епископы, или тогда, когда у нихъ не было епископовъ какъ говорили на бесѣдахъ? Обратимся къ самому нравоученію. Въ немъ Златоустъ, говоря о раздорѣ, происходившемъ тогда въ Антиохіи между православными и Люциферіанами, выражается между прочимъ такъ: „какъ претерпимъ отъ еллиновъ смѣхъ? Аще-бо о ересяхъ порицаютъ насъ, за сія что не рѣбуть-ли намъ? Аще тыяжды догматы, аще тыяжде тайны, чесо ради явъ начальникъ на ину Церковь наскачетъ (Бесѣды ап. 1694 стр). Не

ясно-ли, что у Люциферіанъ былъ начальникъ-епископъ, наскочившій на церковь Антиохійскую. А это былъ Павлинъ, рукоположенный Люциферомъ при жизни законнаго епископа Мелетія, и потомъ Евагріій.

Далѣе св. Златоустъ предлагаетъ мѣры къ пресѣченію этого раздора, говоря: „Не вамъ глаголю предстоящимъ, но онѣмъ отскачущимъ. Прелюбодѣянія вещь есть! Аще-же не приемиши о онѣхъ сія слышати, убо ниже о насъ: отъ двоихъ-бо единому законопреступнѣ быти подобаеть. Аще убо о насъ сія нещуете, готови есмы уступить начальство, ему-же аще хотите, тачію да Церковь будетъ едина. Аще-же мы законни бѣхомъ, увѣщайте низложеннымъ быти, иже законопреступнѣ на престолъ возшедшимъ“ (Бес. ап. 1695—1696 стр.).

Какъ-бы св. Златоустъ совѣтовалъ низложить законопреступно восшедшаго на престолъ епископскій, если-бы этого епископа не было? Развѣ несуществующаго можно низложить съ престола? Ясно, что у Люциферіанъ былъ епископъ въ то время, когда Златоустъ писалъ, что у нихъ рукоположеніе исчезло и погибло. Итакъ, ваша Церковь, принимая нашихъ клириковъ, при переходѣ къ вамъ, не оставляетъ ихъ въ сущемъ санѣ, хотя крещеніе отъ нихъ признаетъ и не повторяетъ,—а считаетъ ихъ простыми мірянами, простецами,—содержитъ ересь Люциферіанъ, противъ которыхъ на западѣ вооружался бл. Иеронимъ, написавшій замѣчательное сочиненіе противъ нихъ въ формѣ разговора (твор. его, т. 4), а на востокѣ противъ нихъ ратовали св. Златоустъ, написавшій II правоученіе на посл. Ап. Павла къ Ефесянамъ подъ заглавіемъ: „на схизматики, отдирающихъ себе отъ церкви въ той-же вѣрѣ“. Заблужденіе-же Люциферіанъ осуждено древними св. отцами и отвергнуто древнею пр. Церковью, какъ явное нечестіе, уничтожающее самое священство.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ и услышать отъ васъ подробнаго разбора моихъ доводовъ и оправданія вашей Церкви.

Православный. Итакъ, вы возводите на пр. Церковь и ея миссіонеровъ два обвиненія: первое—пр. Церковь, не признавая ваше священство законнымъ, принимая клириковъ вашихъ, при обращеніи къ ней, въ качествѣ простыхъ мірянъ, хотя крещеніе, совершаемое ими, не повторяетъ, а принимаетъ, якобы содержитъ Люциферіанскую ересь, и доказываете вы это тѣмъ, что если отъ какихъ еретиковъ принято крещеніе, то должна быть принята и хиротонія; второе обвиненіе ваше заключается въ томъ, что, якобы, мы неправильно понимаемъ и примѣняемъ къ вамъ II правоученіе св. Златоуста на посланіе къ Ефесянамъ.

Но какъ первое, такъ и второе обвиненіе—несправедливы.

Прежде всего—самое понятіе ваше объ ереси Люциферіанъ неправильное,—невѣрна ваша мысль и о томъ, что, якобы, разъ крещеніевъ

Церковь принимает то-же обязана принимать и хиротонию; самый вопрос о способѣ принятія еретиковъ въ пр. Церковь по существу своему—вопросъ недогматическій, ибо способъ принятія въ пр. Церковь иномыслящихъ зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія церковной власти; наконецъ и II нравоученіе св. Златоуста вы намѣренно, или по невѣдѣнію, искажаете, придавая ему совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой оно имѣетъ.

А. Какъ извѣстно, ересь Арія была осуждена первымъ всел. соборомъ, но этимъ дѣло арианства не кончилось.—Арианскіе епископы, подписавшіе Никейскій символъ неискренно, попрежнему оставались арианами и попрежнему старались распространять свое лжеученіе. Поэтому споры между православными и арианами о Лицѣ Господа Иисуса Христа должны были подняться снова и, дѣйствительно, поднялись съ большимъ оживленіемъ. Ариане, чтобы одержать верхъ надъ православными, прибѣгали ко всякаго рода интригамъ, и тѣмъ производили большія волненія въ Церкви, которыя продолжались почти до конца 4 вѣка.—При императорѣ Констанціи, покровительствовавшемъ арианству, ариане взяли перевѣсъ надъ православными; всѣ важнѣйшія епископскія каѳедры были въ ихъ рукахъ; защитники православія были только на нѣсколькихъ каѳедрахъ и находились въ поношеніи, гоненіи или заточеніи. Но православіе не погибло.—Ариане сами раздѣлились во мнѣніяхъ; образовались двѣ партіи: одна, имѣя главою Евсевія Кесарійскаго, не допускающая православнаго ученія, что сынъ Божій *единосущенъ* Отцу, учила, что Онъ *подобносущенъ* Ему; другая, держась строго ученія Арія, утверждала, что природа Сына Божія, какъ творенія, другая, чѣмъ природа Отца, что Сынъ не *единосущенъ* и не *подобносущенъ* Отцу.—Первая партія извѣстна подъ именемъ *полуаріанъ* вторая подъ именемъ *аномеевъ* (строгихъ арианъ).—Обѣ партіи враждовали между собою. Императоръ Констанцій по совѣту епископовъ второй партіи, т. е. аномеевъ, Урзакія и Валента, для примиренія полуаріанъ съ аномеями, составилъ въ г. „Сирминіумѣ“, въ 357 г., соборъ, на которомъ было рѣшено изъ разсужденій о Сынѣ Божіемъ выбросить слово „сущность“, такъ какъ де его нѣтъ въ Св. Писаніи, и составленъ былъ Символъ, въ которомъ, при кажущемся исповѣданіи Христа Сыномъ Божіимъ, тщательно опущены были выраженія—„единосущный“ и „единородный“.

Чтобы повсемѣстно распространить этотъ Символъ, Констанцій указалъ быть двумъ соборамъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ г. Ариминѣ въ 359 г.—На этомъ соборѣ было около 450 епископовъ. Урзакій и Валентъ предложили собравшимся епископамъ подписать „Сирмійскій“ Символъ, въ которомъ опущено было слово „сущность“, какъ несодержащееся въ Св. Писаніи и вызывающее недоумѣніе, и заявлялось, что „Сынъ подобенъ Отцу во всемъ, какъ говоритъ и учитъ Св. Писаніе“.

Православные епископы не согласились, заявивъ, что довольно и „Никейскаго Символа“, а Урзакія и Валента и др. отлучили за отказъ подписать и принять Никейскій Символь вѣры.

Но Констанцій принялъ сторону Урзакія и Валента; хитростью, обманомъ и насиліемъ заставилъ православныхъ епископовъ подписать „Сирмійскій Символь“ безъ слова „сущность“ (οὐσία) (См. Бароній, лѣто 459, 1—9 числа; Дѣян. Всел. соб. т. I, стр. 90; Созоменъ—253—273 стр.). „Но сіи (т. е. православные епископы) епископы, пишетъ Бароній, несотворишася еретиками, ниже на хуленіе арианское соизволиша: въ томъ токмо погрѣшиша, яко словесе онаго „единосущенъ“ (аще и никогда-же самыя вещи) отступиша; обаче о Божествѣ Христовѣ, аще и иными словесы, но вѣру утверждаху“ (359 лѣто, ч. 10); слѣдоват. въ душѣ и совѣсти—эти епископы были и оставались православными.

Бароній и самый соборъ Ариминскій называетъ православнымъ.

Въ 361 г. императоръ Констанцій умеръ. Преемникъ его, извѣстный Юліанъ отступникъ, далъ свободу вѣроисповѣданія, по своимъ расчетамъ, всѣмъ христіанскимъ партіямъ. Изгнанные епископы снова возвратились на свои кафедръ, въ томъ числѣ и св. Аѳанасій, который, для возстановленія православія, собираетъ въ 362 г. соборъ въ Александріи. На этомъ соборѣ епископы, подписавшіе въ Ариминѣ по насилію Констанція арианскій символъ, покаялись, просили прощенія у собора и были приняты въ общеніе. Соборъ, во главѣ съ св. Аѳанасіемъ, постановилъ: „да сіи токмо отъ еретиковъ обращающихся, чести епископскія лишени будутъ, и между простыми людьми пребудутъ, иже ересь начаша. Прочіи же, иже прельщеніемъ, или каковымъ принужденіемъ на ересь и арианство соизволяху, да при своей епископской чести пребудутъ; ибо таковіи зѣло мнози бяху, и симъ къ соединенію каеволическому приводяхуся“ (Бароній 362 л. число 24; Твор. св. Аѳанасія, т. 3, стр. 373).

Люциферъ, епископъ Каральскій, гнушася общенія съ епископами, уловленными хитростью и насиліемъ на Ариминскомъ соборѣ, покаявшимися потомъ и принятыми *всею Церковью* въ общеніе, съ оставленіемъ въ епископскихъ санахъ, не принялъ постановленіе Александрійскаго собора (Сократъ, 392 стр.; Бароній 362 лѣто, 25 ч.) и Римской Церкви (число 25-е), сталъ отдѣляться отъ Церкви, сдѣлался „схизматикомъ“ (числа 25—26). Самъ Люциферъ умеръ въ общеніи съ Церковью, но послѣдователи его получили особое наименованіе—„люциферіанъ“. Вотъ въ чемъ состояло главнымъ образомъ заблужденіе Люцифера и его послѣдователей (подробнѣе см. у Сократа кн. 3, гл. 7—10; Созомена—кн. 5, гл. 12—13; Θεодорита, кн. 3, гл. 4—5; Церк. Ист. Робертсона т. I, гл. XI, 229—232 стр.).

Итакъ, Люциферъ, вопреки опредѣленіямъ соборовъ Церкви Александрійской и Римской, отказался принять въ общеніе падшихъ епископовъ, сотворилъ схизму.

А пр. Церковь, не принимая вашихъ лжепоповъ и лжеепископовъ, при обращеніи ихъ въ пр. Церковь, въ сущемъ санѣ, съ какомъ соборомъ, съ какою Церковью раздоръ творить, схизматствуетъ?

Вся Церковь не признаетъ ваше священство за священство, а потому и мы приедемъ вашихъ клириковъ, какъ мірянъ. Слѣдовательно, неосновательно ваше обвиненіе пр. Церкви въ содержаніи ея, якобы, Люциферіанской ереси. Общаго нѣтъ ничего. Наоборотъ, наша Церковь не Люциферу слѣдуетъ, а Александрійскому собору и св. Афанасію. Александрійскій соборъ постановилъ, что тѣ, которые погрѣшили чрезъ простоту и невѣдѣніе могли удержать за собою свое положеніе, подписавъ только Никейскій символъ и анаеѣматствовавъ арианскую ересь; а тѣ, которые принимали дѣятельное участіе въ движеніи Арія, послѣ покаянія были допущены къ общенію, но съ лишеніемъ церковныхъ должностей, т. е. ересеначальники, главы ереси, принимались въ общеніе, какъ міряне.

И пр. Церковь считаетъ Амвросія лишеннымъ епископской чести, сана, какъ начальника, основателя Австрійскаго раскола, ереси, такъ какъ онъ не по насилію ушелъ къ вамъ, а добровольно оставилъ пр. Церковь и, чрезъ пріятіе раскольническаго помазанія отъ бѣглаго, изверженнаго и проклятаго попа (6 пр. Гангрск. собора) Иеронима, въ скверну вмѣнилъ благодать Божію, полученную имъ въ Греко-Россійской Церкви. Далѣе, Александрійскій соборъ принялъ въ сущемъ санѣ, призналъ священство тѣхъ епископовъ, кои приняли священство въ нѣдрахъ пр. Церкви; нынѣ же мы не принимаемъ вашихъ клириковъ въ сущемъ санѣ и не признаемъ законнымъ ваше священство, потому что оно получено неправильно, незаконно, въ раздорѣ съ Церковью, отъ бѣглаго греческаго митрополита.

Соборомъ Александрійскимъ приняты были отцы „не потому, какъ пишетъ бл. Иеронимъ, чтобы могли быть епископами бывшіе еретики, но поелику было извѣстно, что принимаемые не были еретики“ и такую „необходимую мѣрою міръ былъ исторгнутъ изъ пасти сатаны“ (т. 4, 84 стр.)...

Ну, а мы не принимаемъ вашихъ клириковъ потому, что извѣстно, что они раскольники, что они осуждены Церковью, какъ „непокорники“, преданы анаѣмѣ, отлучены отъ св. Церкви, при чемъ о клирикахъ, бывшихъ въ расколѣ или имѣющихъ быть въ будущемъ, соборъ сказалъ, что „они извержены и обнажены священнодѣйствія“ (Соб. Дѣян. 1667 г. л. 6 об.—7)...

Такъ, вы и не имѣете права сравнивать своихъ клириковъ съ отцами Ариминскаго собора... Тѣ были православные; а вы?

Тамъ, принимая, „исторгли міръ изъ пасти сатаны“, а мы, если примемъ вашихъ клириковъ въ сущемъ санѣ, весь міръ что-ли спасемъ?! Не наоборотъ-ли?!

Итакъ, напрасно, неосновательно ваше обвиненіе пр. Церкви въ содержаніи ея, якобы, люциферіанской ереси... Церковь, какъ-то мы показали, не Люциферу слѣдуетъ, а собору Александрійскому, во главѣ со св. Аванасіемъ Великимъ.

Б. Невѣрна и ваша мысль, что разъ Церковь принимаетъ крещеніе, то-де обязана принимать и хиротонію еретическихъ клириковъ. Извѣстно, что 2-й Всел. соборъ не призналъ хиротонію Максима Циника и имъ рукоположенныхъ, опредѣливъ: „ниже Максимъ былъ, или есть епископъ, ниже поставленные имъ на какую-бо то ни было степень клира; и содѣланное для него и содѣланное имъ, все ничтожно“ (4 пр.), хотя Максимъ былъ рукоположенъ законными епископами; крещеніе же ихъ принялъ, ибо рукоположенныхъ имъ не перекрещивали (Дѣян. Всел. соб.; т. 4, по 2 изд. 93 стр).

Восточная Церковь не признавала хиротонію арианъ, хотя крещеніе, совершаемое у нихъ, признавала, и потому клириковъ арианскихъ, при присоединеніи къ пр. Церкви, она принимала какъ мірянъ, повторяя только рукоположеніе (Опытъ курса Церк. Законовѣд. I. Смоленскаго, т. I, 217 стр.).

Папа Иннокентій 1-й (V вѣка) опредѣлялъ, что „арианскихъ клириковъ не должно принимать въ ихъ степеняхъ, хотя арианское крещеніе и можно признать дѣйствительнымъ, такъ-какъ оно правильно совершается во имя Отца и Сына и Св. Духа; но той полноты благодати, которая потребна для священства, ариане, вслѣдствіе отпаденія отъ каеолической вѣры, не имѣютъ“ (24 посл. къ Александру еписк. Антиох. См. у Соколова „Іерархія Англик. церкви“, 335 стр.).

Второй Всел. соборъ въ 7 пр. и 6-й Всел. соборъ 95 пр. узаконили: арианъ, македоніанъ, апполитаристовъ и др. принимать въ общеніе съ пр. Церковью чрезъ миропомазаніе, т. е. вторымъ чиномъ, пріемля такимъ образомъ крещеніе, но хиротонію названныхъ еретиковъ соборы эти не приняли.

Такъ, св. Григорій Богословъ, предсѣдатель втораго Всел. собора, какъ о томъ въ житіи его повѣствуется, „посылалъ къ Клидонію, пресвитеру, мужу благочестиву и служъ присному Божію, и инѣмъ нѣкимъ, яко не пріимати губительство еретическое и рукоположеніе же отметати Апполитарейско, яко неправедная и чуждая соборныя Церкви“ (см. житіе его). Такъ, по соборному правилу, крещеніе апполитаристовъ было принято, а хиротонія не принималась, а отменялась пр. Церковью.

Даже отъ еретиковъ третьяго чина, пр. Церковь не всегда принимала хиротонію, что видно изъ 79 пр. Карфагенскаго собора, который,

говоря о донатистахъ, а они были еретики 3-го чина, свидѣтельствуешь, что „Заморскій соборъ (соборы, бывшіе въ Италіи—Римской и Медіо-ланской церкви) опредѣлили хиротонію донатистовъ не принимать“, (см. полн. Корм. стр. 587—590); и обращающихся изъ нихъ снова рукополагать, при поставленіи въ клиръ (опытъ курса Церк. Законовѣд. I. Смоленскаго, т. 2, стр. 198—199).

Третій Всел. соборъ, осуждая Несторіанскую ересь, постановилъ своими правилами, что всѣ клирики, держащіеся Несторіева ученія, „должны быть чуждыми священства и низверженными въ своей степени“, хотя извѣстно, что, принимая несторіанъ и бывшихъ въ общеніи съ Несторіемъ и его единомышленникомъ Целестіемъ, пр. Церковь не перекрещивала ихъ, т. е. крещеніе принимала, хотя хиротонію и отвергала (См. правила 1, 2, 4 и 5 по полн. Кормч.).

Такъ поступалъ и первый Всел. соборъ съ мелетіанами схизматиками. Пріявъ крещеніе, совершаемое мелетіанскими епископами, соборъ отвергъ хиротонію сихъ схизматиковъ, приказавъ: „посвященіе подтверждать епископамъ каѳолическимъ Церкви“ (Бароній, 325 лѣто, число 17), не допускать ни къ какому служенію въ церкви „не запечатлѣвъ ихъ предварительно болѣе св. рукоположеніемъ“, почему, на основаніи этого постановленія, Феодоръ епископъ г. Оксиринха, пресвитерювъ стороны Мелетіевой, обращающихся къ Церкви, снова посвящала („Памятн. Хр. древности“—Вѣтринскаго, т. 1-й, 296—297 стр.).

Въ 535 г. соборъ Африканскихъ епископовъ послалъ пословъ въ Римъ къ папѣ, съ просьбой высказать свое мнѣніе объ аріанскихъ клирикахъ, „иже церковному соединенію прилагахуся, аще при церковныхъ чинѣхъ сохранени, или аки простіи пребывати имуть?“

При этомъ отцы собора писали, что они сами „на сіе преклоняются, дабы при нихъ санъ священническій не пребывалъ; обаче готови являются сотворити по наученію церкви римскія“. Въ отвѣтъ папа Агапій написалъ отцамъ собора, „увѣщавая ихъ, дабы аріанскихъ епископовъ и священниковъ, въ покаяніе обратившихся, къ правленію сановъ церковныхъ не припускали“ (Бароній, лѣто 535-е, числа 5—6); т. е. папа согласился съ постановленіемъ собора Африканскихъ отцевъ относительно того, чтобы хиротонію аріанскихъ клириковъ не принимать, хотя крещеніе отъ аріанъ и было приеменно.

Вообще подобнаго рода свидѣльствъ можно много привести. Довольно и сихъ, чтобы видѣть всю неосновательность вашихъ доводовъ и обвиненія пр. Церкви въ содержаніи ею люциферіанской ереси. Впрочемъ, вы ссылались на бл. Іеронима, который въ разговорѣ противъ Люциферіанъ, сопоставляя таинство священства съ таинствомъ крещенія, писалъ, что священство, преподаваемое въ неправославныхъ обществахъ, непозволительно новтворають потому, что непозволительно повтворають со-

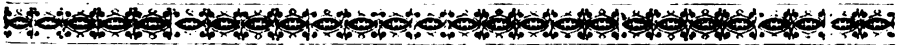
вершаемое въ нихъ крещеніе. „Если неправославный, писалъ Іеронимъ, не могъ повредить крещенному, когда крестилъ его въ вѣрѣ своей, то и поставленнаго въ вѣрѣ своей священникомъ не осквернилъ онъ, когда поставилъ его“.—Должно сказать, что въ данномъ мѣстѣ бл. Іеронимъ, опровергая Люцифера за противленіе собору Александрійской Церкви, доказывалъ только, что нѣтъ данныхъ для того, чтобы отвергать и не принимать въ общеніе еретическихъ клириковъ въ сущемъ санѣ и высказывалъ только *своє мнѣніе*, не поставляя его въ законъ для всей Церкви и не называя несогласныхъ съ нимъ еретиками. Да и самъ бл. Іеронимъ, соглашаясь принимать крещеніе еретиковъ, не всегда готовъ былъ признавать и хиротонію послѣднихъ. Такъ, толкуя 32 ст. XII гл. Еванг. Матѳея: „кто скажетъ слово противъ Сына Человѣческаго отпустится ему, а кто скажетъ противъ Духа Святаго не отпустится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“, писалъ: „Какимъ-же образомъ нѣкоторые изъ нашихъ снова принимаютъ въ тотъ же самый чинъ епископовъ и пресвитеровъ, послѣ произнесенной ими хулы на Духа Святаго, когда Спаситель говоритъ: всякій грѣхъ и хула прощаются человѣкамъ, а кто произнесетъ хулы на Духа Святаго, тому не простится ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (т. 16, стр. 105—106). Значитъ, и самъ бл. Іеронимъ хиротонію еретиковъ македоніанъ, крещеніе отъ которыхъ было приѣмлемо, отвергъ и порицалъ тѣхъ, кои македоніанъ принимали въ сущемъ санѣ ¹⁾. А это и показываетъ то, что отъ однихъ еретиковъ принимали крещеніе и хиротонію; отъ другихъ только крещеніе, но хиротонія не принималась, съ чѣмъ согласенъ и бл. Іеронимъ, и вы напрасно навязываете ему свою мысль. Такъ учатъ и старопечатанныя книги. Въ Толковомъ Апостолѣ читаемъ: „Церковь Божія есть, якоже глаголетъ Писаніе, вертоградъ заключенъ, и источникъ запечатлѣнъ, и того ради невозможно нигдѣ же тайнѣ совершатися толико въ единости церкви Божія, ея же между сонмищами еретическими нѣсть, *тогда и тайны ни единныя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ еже тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ, егда пригодитъ къ соединенію Церкви, паки крестити не требь*; аще же не придетъ къ Церкви, ничесо-же ему нѣсть полезно“ (л. л. 548 об.—549).

Самарскій епарх. мисс. іерей Д. Александровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ При этомъ мы видѣли, что объ отцахъ Ариминскаго собора, подписавшихъ Сирміейскій символъ, Іеронимъ говорилъ, что они безсознательно оказались въ числѣ еретиковъ (IV, 82) и приняты были потому, что было извѣстно, что принимаемые не были еретики (IV, 84),

Авторъ.

**Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

Изъ духовной журналистики минувшаго года.

Статьи въ нашихъ духовныхъ журналахъ за минувшій годъ отмѣчались большимъ разнообразіемъ темъ и предметовъ. Чисто, такъ сказать, миссіонерскаго интереса статей можно назвать двѣ: это „*О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія*“ проф. Смирнова („Хр. Чт.“) и „*Прелесть раскольническая*“ (страничка изъ борьбы съ расколомъ при Петрѣ Великомъ) А. Лотоцкаго („Странн.“). Изъ статей на темы отчасти миссіонерскаго характера нужно отмѣтить слѣдующія: „*Бракъ и дѣвство при свѣтѣ древне-христіанской письменности*“ І. Писарева („Прав. Собес.“), „*Ученіе социалистовъ о возникновеніи христіанскаго правозученія на экономической почвѣ*“ свящ. Юрибаса и „*Возрождающійся идеализмъ въ міросозерцаніи русскаго образованнаго общества*“ свящ. Агеева; а также двѣ статьи апологическаго характера: „*Достоверность воскресенія Господа нашего Иисуса Христа*“ И. Глѣбова („Вѣр. и Раз.“) и „*Библия и Вавилонъ*“ проф. Рыбинскаго („Тр. К. Д. Ак.“) и, наконецъ, одну статью историческаго характера: „*Пріездъ въ Астрахань восточныхъ патріарховъ Паисія алекс. и Макарія антиох. и связанное съ нимъ учрежденіе здѣсь митрополіи*“ (ibidem).

* * *

Статья „*О перстосложеніи*“ проф. Смирнова не даетъ чего либо новаго въ археологическомъ отношеніи, но съ должной полнотой и ясностью обобщаетъ уже существующія, извѣстныя въ наукѣ данныя. Авторъ указываетъ, что споры о перстосложеніи у насъ возникли задолго до раскола, еще въ XV в., и что тогда же началась у насъ и передѣлка сторонниками двуперстія памятниковъ древности. Онъ отмѣчаетъ и то обстоятельство, что ни одно изъ распорядженій церковнаго

правительства не вызвало у раскольниковъ такого раздраженія, какъ введеніе троеперстія. Объ этомъ даже въ наши дни говорятъ отношеніе раскольниковъ къ „Окружному посланію“, не похулившему троеперстного перстосложенія. Авторъ выясняетъ, что сложеніе перстовъ не догматъ, но раскольники спорятъ именно изъ-за перстовъ. Ихъ археологическія изслѣдованія, какъ, напр., автора „Поморскихъ отвѣтовъ“, выясняютъ на основаніи изображенія Тихвинской Божіей Матери, по преданію считаемой работою кисти Евангелиста Луки, что Иисусъ Христосъ изображенъ съ двуперстнымъ сложеніемъ, а отсюда раскольники выводятъ то заключеніе, что Иисусъ Христосъ при вознесеніи на небо благословлялъ двуперстно и что двуперстіе есть преданіе Христово и апостольское. Авторъ выясняетъ, что Иисусъ Христосъ могъ благословить апостоловъ тѣмъ благословеніемъ, которое обыкновенно употреблялось въ еврейской церкви тѣмъ болѣе, что и описаніе образа благословенія было безъ опредѣленнаго сложенія перстовъ. Далѣе авторъ указываетъ, что и ссылка на Тихвинскую икону неосновательна, ибо на ней изображено не Вознесеніе Иисуса Христа, а во вторыхъ, что невозможно ничѣмъ доказать принадлежность помянутой Тихвинской иконы Евангелисту Лукѣ. Авторъ разбираетъ мнѣніе раскольниковъ о троеперстіи, которое они приписываютъ папѣ Формозу, и на основаніи историческихъ данныхъ доказываютъ, что папа Формозъ никогда не былъ обвиняемъ въ догматическихъ, или обрядовыхъ искаженіяхъ, а только въ незаконномъ присвоеніи себѣ папскаго престола послѣ своего сверженія и даже изверженія изъ сана соборомъ французскихъ и бельгійскихъ епископовъ, за что онъ и былъ казненъ уже послѣ своей смерти отсѣченіемъ перстовъ (за восхищеніе власти, а не за троеперстіе) и отсѣченіемъ головы. Судившій его папа Стефанъ крестился одинаково съ Формозомъ. Ссылку на апостольское преданіе авторъ выясняетъ въ самомъ общемъ смыслѣ, т. е. что самое крестное знаменіе, независимо отъ перстовъ, есть апостольское преданіе, а перстосложеніе было, какъ показываетъ исторія Церкви, въ разныя времена различно, начиная отъ пятиперстія и даже до единоперстія, и приводитъ на это историческія данныя. Авторъ указываетъ, что и двуперстіе держалось въ Сиріи и Палестинѣ позднѣе IX в. (до XII). Изъ исторіи съ еретиками яковитами можно думать, говоритъ авторъ, что въ XII в. двуперстіе было распространено и въ Константинополѣ. Но изъ другаго источника, болѣе опредѣленнаго, чѣмъ исторія собора противъ яковитовъ, а именно изъ „Пренія Панагіота съ Азимитомъ“ видно, что въ концѣ XIII в. Константинополѣ было троеперстіе, а не двуперстіе. Авторъ разбираетъ и другія свидѣтельства раскольниковъ въ пользу двуперстія, какъ-то: „свидѣтельство отъ Мелетія“, „заповѣдь блаж. Θεодорита“, „свидѣтельство отъ Петра Дамаскина“, отъ „Пренія Панагіота

съ Азимитомъ“ и „слова о крестномъ знаменіи Максима Грека“. Авторъ обстоятельно доказываетъ несостоятельность этихъ ссылокъ, а также испорченность славянскаго списка „Пренія“, на который ссылаются раскольники.

* * *

Въ „*Прелести раскольнической*“ г. Лотоцкій обращаетъ вниманіе читателя на столкновение въ отношеніяхъ Петра Великаго къ расколу двухъ основныхъ принциповъ его государственной дѣятельности, съ одной стороны борьбы его съ консерватизмомъ, олицетвореніемъ котораго служитъ расколъ, а съ другой стороны его широкой вѣроисповѣдной терпимости. Авторъ отмѣчаетъ, что въ первые годы его правленія побѣдилъ второй принципъ. Услышавъ однажды отзывъ о раскольникахъ, что они хорошіе торговцы, Петръ Великій сказалъ: „если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Поэтому преслѣдованій раскольниковъ не было и игумену Питириму Петръ поручалъ обращать раскольниковъ съ кротостью и разумомъ по апостолу: „быхъ беззаконнымъ, яко боззаконенъ, да беззаконныя пріобрѣщю“. Это было совершенною противоположностью указу Софьи Алексѣевны отъ 1685 г., по которому наказывались смертью перекрещенцы, даже если они раскаявались и обращались въ православіе. Петръ далъ раскольникамъ даже права гражданства. Правда указы 1714—16 гг. укоротили права раскольниковъ, но все же они могли спокойно жить при своихъ убѣжденіяхъ. Эти указы развили только взяточничество въ священникахъ и свѣтскихъ властяхъ, которые за нихъ прописывали раскольниковъ въ графѣ православныхъ. Объ этомъ свидѣтельствовалъ еще Посошковъ. При этомъ многіе и изъ священниковъ раздѣляли въ душѣ раскольничьи убѣжденія относительно обрядовъ и одинаково смотрѣли на реформы Петра. Начиналось въ это время и бѣглопоповство, поддерживаемое крупными окладами, которые давали раскольники бѣглымъ попамъ. Въ числѣ раскольниковъ тогда были не одни купцы и крестьяне, но и дворяне, и военные.

Авторъ подробно разсказываетъ на эти темы нѣсколько архивныхъ дѣлъ, хранящихся въ Св. Синодѣ. Разслѣдованіе Нижегородскаго епископа Питирима (въ 1769 г.) показало, что укрывательствомъ раскольниковъ занимались до 137 священниковъ (изъ нихъ 48 сами сознались въ этомъ), а было показано не бывшихъ у исповѣди раскольниковъ 28,763 чел. Въ 1720 г. въ одномъ Елабужскомъ уѣздѣ такихъ оказалось 30¹/₂ т., а всего съ 1721—23 г. при 220 церквахъ оказалось фальшиво записанными въ числѣ православныхъ до 300,000 чел. обоего

пола. Эти обстоятельства страшно деморализировали и духовенство, и расколъ.

„Прелесть раскольническая“, такъ образомъ, говоритъ авторъ, оказывалась сильнѣе желѣзной воли преобразователя. Его желѣзная, не знавшая препятствій энергія, создавшая такой изумительный переворотъ въ матеріальной и умственной жизни подвластной ему страны, неожиданно встрѣтила неодолимое препятствіе въ сферѣ религіозной совѣсти народа. Авторъ объясняетъ это закрѣпощеніемъ при Петрѣ личности народа, который поэтому обратился всецѣло въ религіозную сферу, чувствуя здѣсь свое право на самостоятельность. Разсказомъ о жестокихъ наказаніяхъ, налагавшихся на раскольниковъ и на духовенство, укрывавшее ихъ, авторъ заканчиваетъ эту любопытную страничку изъ исторіи русской церкви начала XVIII в.

* * *

Большой интересъ представляетъ, въ виду бывшихъ жаркихъ споровъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ о „святой плоти“, о бракѣ и т. п., статья Писарева, посвященная этому послѣднему вопросу. Авторъ разсматриваетъ его съ точки зрѣнія историческо-патрологической. Уже „на зарѣ христіанства, говоритъ онъ, обнаружился крайній реально-натуралистическій взглядъ на бракъ, какъ состояніе святое во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Но съ другой стороны, въ первые же вѣка обозначилась еще и иная крайне идеалистическая точка зрѣнія на дѣвство и бракъ“, это именно дуалистическая гностико-манихейская. Тутъ было два крайнихъ направленія—одно строго-аскетическое, другое совершенно разнужданное.

Въ ученіи современныхъ публицистовъ—Розанова, Ремезова, прот. Уст—скаго—авторъ видитъ отзвуки пелагіанства, тогда какъ у Л. Толстаго—отзвукъ „еще болѣе стародавнихъ гностическихъ воззрѣній“. Авторъ выясняетъ взглядъ свв. отцовъ Церкви на бракъ и дѣвство, совершенно противоположный, съ одной стороны пелагіанамъ, а съ другой гностикамъ. Именно отцы Церкви имѣли въ виду интересы *цѣльнаго* человѣка, психо-физическаго. Въ виду этого Климентъ александрійскій считалъ и бракъ и дѣвство „равноцѣннымъ въ очахъ Господнихъ“. Тогда получается само собою раздвоеніе идеаловъ жизни. Но отцы Церкви выясняли, что это раздвоеніе есть послѣдствіе грѣха и что его не было бы въ безгрѣшномъ состояніи. И бракъ, и дѣвство, учили св. Климентъ и др. отцы Церкви, тогда нравственны и чисты, когда они согласны съ природой человѣка. Выходя изъ этого положенія, авторъ приводитъ цѣлый рядъ справокъ у свв. отцевъ Церкви по вопросу о бракѣ и связанныхъ съ нимъ вопросахъ—о дѣторожденіи, объ искорененіи плода, о блудѣ, о двособрачныхъ, о единобрачии священнослу-

жителей, о расторженіи брака и т. п. Цѣль брака, по ученію отцевъ Церкви, это быть врачевствомъ для похоти и школой для супруговъ, чтобы они, побѣждая похоть, дѣлались все болѣе и болѣе одухотворенными. Понятно, что для достиженія такой высокой цѣли супруги нуждались въ благодатной помощи, т. е. въ таинствѣ. Поэтому апостолъ и св. отцы называютъ бракъ христіанскій „бракомъ о Господѣ“, видя въ немъ и образъ союза Христа съ Церковью. Такимъ образомъ, по ученію отцевъ, бракъ и дѣвство равноцѣнны, ибо имѣютъ одну и ту же цѣль—врачевство отъ похоти. Но самое врачеваніе въ брачномъ состояніи въ силу самыхъ условій брачной жизни совершается медленно, чѣмъ въ дѣвственномъ состояніи. Поэтому и воздаяніе брачному и дѣвственнику въ царствѣ Божіемъ не одно и тоже (послѣдніе выше). Впрочемъ, отцы Церкви не предрѣшали этого вопроса безусловно, такъ какъ онъ зависитъ и отъ личнаго нравственнаго состоянія каждаго человѣка. Св. Григорій Богословъ говоритъ, что „и дѣвство низлагаетъ на тяжелую землю и, напротивъ, супружество возводитъ къ небу. *Непорочный бракъ предпочтительнѣе сомнительнаго дѣвства*“, заключаетъ онъ.

„Но глубоко различается отъ „святаго“ христіанскаго дѣвства такой брачный, хотя бы и христіанскій союзъ, гдѣ „жена не можетъ дать то же, что и Богъ“, замѣчаетъ въ заключеніе авторъ. „Между такими родами жизни нѣтъ равенства“, говоритъ св. Григорій Богословъ. „*Прекрасенъ бракъ для тѣхъ, у кого нѣтъ воздержанія, но лучше дѣвство, умножающее чадородіе души и приносящее Богу благовременный плодъ*“. Эта формула, предложенная Іоанномъ Дамаскинымъ, точно выражаетъ общецерковскій и общецерковный взглядъ на идеальное дѣвство въ его отношеніи къ браку, гдѣ „холодъ зимнихъ бурь“ не допускаетъ твердаго и неуклоннаго шествованія. Отсюда само собою слѣдуетъ утвержденіе, что христіанское дѣвство имѣетъ самую тѣсную связь съ основными положеніями христіанской вѣрочительной и нравоучительной системы, со всѣмъ христіанствомъ. Въ виду этого основной тезисъ нѣкоторыхъ публицистовъ, что „дѣвство составляетъ плодъ праздной фантазіи *византійскихъ монаховъ*“, что „ученіе о немъ вноситъ неустрашимый диссонансъ въ міровоззрѣніе Церкви“, что послѣдняя „раздвигается въ своихъ идеалахъ“, оказывается парадоксомъ, не имѣющимъ въ своемъ основаніи ни историческихъ, ни догматическихъ предпосылокъ“.

Такимъ заключеніемъ заканчиваетъ почтенный авторъ свое обстоятельное изслѣдованіе. Къ такому же выводу, хотя не столь ясно обслѣдованному, приходитъ въ своей статьѣ и С. Троицкій („Что же такое бракъ“ журн. „Странн.“ за февр. м.). Статья написана прямо вслѣдствіе опубликованія „Записокъ рел.-философскихъ собраній“ по вопросу о бракѣ.

* * *

Вопросъ о бракѣ нравственнаго свойства. Поэтому интересно сопоставить съ нимъ статью свящ. Юрикаса „Ученіе социалистовъ о воз-

никновеніи христіанскаго правоученія“. Соціалізмъ видитъ причины возникновенія христіанской нравственности въ слѣдующихъ экономическихъ факторахъ: въ международномъ характерѣ римскаго государства и въ институтѣ рабства. Христіанскія понятія братства и равенства, по мнѣнію соціалистовъ, уже коренились въ правахъ римскаго гражданства и во всей римской культурѣ. Рабство же способствовало христіанской нравственности, по ихъ мнѣнію, такимъ образомъ. Число рабовъ ко времени императоровъ стало въ силу экономическихъ условій хозяйства уменьшаться и уменьшаться, цѣны на нихъ поднялись. Сами рабы, почувствовавъ уваженіе своей цѣнности, потребовали лучшаго съ собою обращенія, такъ что опять таки сѣмена христіанскаго братства соціалисты хотятъ видѣть въ соціально-экономическихъ условіяхъ римскаго государства. Авторъ не отрицаетъ вполне перваго фактора, но совершенно не соглашается со вторымъ, указывая источникъ христіанскаго братства не въ экономическихъ условіяхъ тогдашней жизни и не въ правахъ римскаго гражданства, а въ христіанской идеѣ, что всѣ люди суть дѣти небснаго Отца, спасены Кровью Его Сына и т. д. Авторъ соглашается, что многіе ученые и государственные мужи того времени стремились провести въ жизнь начала равенства хотя бы. Но и это имъ удалось только спустя 200 лѣтъ христіанской эры, когда Каракалла даровалъ всѣмъ свободнымъ подданнымъ (но не рабамъ) права римскаго гражданства. И то императорской власти удалось провести этотъ законъ послѣ долгаго ряда подготовительныхъ работъ. Между тѣмъ христіанство давно уже возвѣщало, что во Христѣ „нѣтъ Еллинъ, или Іудей, рабъ и свободъ“. Наконецъ, говоритъ авторъ, если бы государственнымъ людямъ и ученымъ того времени и удалось провести въ жизнь начала братства, то они не могли бы влить въ эти начала высокаго идейнаго содержанія. Авторъ указываетъ на нелогичность нѣкоторыхъ соціалистическихъ писателей, какъ напр., Каутскаго, по которому выходитъ, что рабство само было экономическою причиною уничтоженія рабства же, ибо онъ видитъ причину паденія его въ томъ, что свободные римскіе граждане считали для себя позоромъ служить у другаго, хотя бы даже у императора. Такимъ образомъ, всеуправленіе домами, имѣніями и дѣлами естественно перешло къ рабамъ, у которыхъ свободные граждане стали даже занкивать. Отсюда положеніе рабства стало на почву равенства, благодаря праздности и лѣни римскихъ свободныхъ гражданъ.

* * *

Въ тѣсной внутренней связи съ только что разсмотрѣнной статьей стоитъ и лекція о. К. Агеева „Возрождающійся идеализмъ“. Авторъ видитъ современныхъ апологетовъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ преж-

нихъ, потому что теперь „крайнимъ отрицательнымъ рѣчамъ тѣхъ или другихъ писателей отвѣчаютъ изъ лагеря *свѣтской* науки словами о вѣчномъ значеніи религіи, христіанства, отвѣчаютъ лица, стоящія на одной и той же съ отрицателями почвѣ социальной науки“. Но времена теперь знаменательныя, важныя. „Какъ нѣкогда предъ прешествіемъ Спасителя, говоритъ авторъ, античный міръ, изжившій свои принципы, долженъ былъ, или погибнуть, оставшись при нихъ, или возродиться, принявъ новое христіанское начало, такъ и въ наше время представители безрелигіозной культуры—разумѣю искреннихъ умомъ и сердцемъ—стоятъ предъ христіанствомъ, какъ *единственнымъ* выходомъ изъ безнадежно-отчаяннаго состоянія духа“. Прежде выходъ изъ него былъ хоть въ томъ, что „ожидали новыхъ откровеній въ области философіи... Теперь, по мнѣнію историковъ философіи, надежды этой нѣтъ“. Для русскаго образованнаго общества, какъ наиболѣе чуткаго къ этическимъ вопросамъ, болѣзнь особенно тяжела, но авторъ вѣритъ, что ова „не къ смерти, а къ славѣ Божіей“. Авторъ бросаетъ историческій взглядъ на матеріалистическую философію, господствовавшую у насъ въ 60-хъ годахъ, на смѣнившіе ее позитивизмъ и марксизмъ и ставитъ ихъ въ связь съ современной имъ беллетристической литературой—Тургеневымъ, Чеховымъ, Горькимъ, Вересаевымъ и др. Идеалы послѣднихъ дней, какъ они правдиво переданы въ художественной литературѣ, чисто эволюціонныя. „Что историческій ходъ вещей его выварить (русскаго кустаря), говоритъ одна изъ героинь разсказа Вересаева „Безъ дороги“,—въ этомъ, разумѣется не можетъ быть сомнѣній“, или: „Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ нашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность“. Въ противоположность крайнимъ матеріалистическимъ направленіямъ авторъ видитъ въ лицѣ героевъ и героинь современной беллетристики „возрождающійся идеализмъ“ въ русскомъ обществѣ, не усмотрѣть котораго можно только въ-за предвзятости точки зрѣнія. А это у насъ водится, или какъ поворотъ одинъ изъ современныхъ публицистовъ: „наши либералы, ставши на извѣстныхъ формахъ рѣшеній вопросовъ міровыхъ, иныхъ знать не хотятъ, смѣясь и надъ мистицизмомъ и надъ другимъ догматизмомъ,—упорно не обращая вниманія на зыбкость своей почвы“. Даже въ мрачныхъ сужденіяхъ героевъ Чехова, какъ и у Герцена, „когда онъ продумалъ философію отрицанія религіи“ и душа его наполнилась отчаяніемъ, авторъ слышитъ „глубокій стонъ великаго христіанина: „Господи, спаси меня отъ меня самаго!“ Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, въ современномъ русскомъ обществѣ чувствуется идеалистическій, возрождающійся подъемъ духа.

* * *

Такъ оно и должно быть, по самому смыслу христіанства. Въ концѣ его является всеобщее воскресеніе, какъ воскресеніе и прославленіе было заключеніемъ земной жизни Спасителя. Вотъ почему вѣра въ воскресеніе Его всегда является и будетъ всегда самымъ жизненнымъ нервомъ. Вотъ почему и отрицательная къ христіанству критика всегда направляется къ этому центральному пункту христіанскаго вѣроученія. Вопросу объ „исторической достовѣрности воскресенія Спасителя“ и посвящаетъ свою статью г. Глѣбовъ. Вопросъ этотъ онъ и разсматриваетъ въ связи съ взглядами на него отрицательной критики. Л. Н. Толстой въ своемъ соч. „Въ чемъ моя вѣра“ прямо выражается, что „о своемъ личномъ воскресеніи, какъ это ни покажется страннымъ всѣмъ, кто не изучалъ самъ евангелій, Христосъ нигдѣ не говоритъ. Ученіе Христа въ томъ, чтобы возвысить Сына Человѣческаго, т. е., сущность жизни человѣка, признать себя сыномъ Бога“. Греческія слова, понимаемая Церковью въ смыслѣ воскресенія, Толстой переводитъ „возбуждать, возстановлять“, отчего и получается у него утвержденіе, что Христосъ нигдѣ не говоритъ о Своемъ воскресеніи. Авторъ филологически доказываетъ ложность утвержденія Толстаго и показываетъ, что еще на языкѣ „Иліады“ глаголь ἀνίστημι означалъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Авторъ разсматриваетъ и отрицательный взглядъ на воскресеніе Иисуса Христа Штрауса, опирающагося на мнимыя противорѣчія Евангелія, Ренана, Михаэлиса и др. и чисто научнымъ методомъ и филологическимъ разборомъ соотвѣствующихъ мѣстъ доказываетъ, что историческая достовѣрность реального воскресенія Спасителя, а не какого-либо призрачнаго, доказывается вполнѣ, что противорѣчія, или спутанности въ изложеніяхъ евангельскихъ нѣтъ, что поэтому и вѣра христіанъ въ воскресеніе Спасителя всегда будетъ стоять твердо и непоколебимо.

* * *

Голосъ отрицательной критики, опирающейся на науку, особенно сильно раздается въ послѣднее время на западѣ, благодаря новымъ открытіямъ, сдѣланнымъ учеными при раскопкахъ Вавилона. Проф. Рыбинскій въ своей статьѣ „Объ отношеніи Библии къ Вавилону“ подробно знакомитъ насъ съ положеніемъ этихъ археологическихъ раскопокъ въ настоящее время. Мѣстомъ раскопокъ служитъ одинъ изъ четырехъ городовъ Немрода Нуффаръ, или Ниппуръ. Здѣсь найдены древній высохшія Ховаръ, на которомъ было видѣніе Іезекилю. Кроме того найдено 23 тыс. плитокъ, 28 т. дѣловыхъ документовъ изъ 3-го, 2-го и 1-го тысячелѣтій до Р. Хр., 800 обломковъ вазъ, 400 печатей и множество монетъ. Найдено въ библіотекѣ также и множество писемъ и одно запечатанное, но не отправленное по какимъ-то обстоятельствомъ.

вамъ. Нѣмецкіе ученые ожидаютъ отъ этихъ раскопокъ новаго откровенія, или „новаго неба“; они хотятъ вывести всю религію Израиля, религію откровенія изъ Вавилона. Но нашъ ученый и нѣмецкій Гильпрехтъ не соглашаются съ этими ожиданиями. Если даже можно было бы всю Израильскую внѣшнюю культуру вывести изъ Вавилона, то останется еще широкій Рубиконъ, отдѣляющій откровеніе отъ Вавилона, это именно: единобожіе Израиля и множество боговъ въ Вавилонѣ. „Мы по праву стремимся, говоритъ Гильпрехтъ, всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами строгой науки раскрыть тайну, которая отрѣшаетъ ветхозавѣтный народъ отъ исторической связи и дѣлаетъ его чудомъ среди народовъ. Но я вѣрю, заключаетъ онъ, что путь къ познанію ея и къ истинѣ „идеть не черезъ Вавилонъ“.

* * *

Проф. А. А. Дмитріевскій въ своей статьѣ подробно на основаніи оффиціальныхъ документовъ описываетъ пріѣздъ въ Астрахань, а потомъ въ Москву патріарховъ Макарія антиохійскаго и Паисія Александрійскаго, пріѣзжавшихъ судить въ 1667 г. Никона. Патріархи путешествовали сухимъ путемъ черезъ Персію, Хиву, Бухару, Кавказъ, почему и были въ Астрахани. Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ еще въ Шемаху воеводу Ржевскаго съ подъемными деньгами встрѣчать патріарховъ. Хлопоты по встрѣчѣ патріарховъ въ Астрахани пали на архіепископа Іосифа, впоследствии убитаго Стенькою Разинымъ. Въ Симбирскѣ патріарховъ встрѣтилъ новый посланецъ царя сотникъ Порошинъ съ двумя поварами, съ „еряжскими винами и столовыми запасами“. Для сухопутнаго путешествія патріарховъ потребовалось 400 подводъ. Внимательное и радушное обращеніе и пріемъ Іосифа Астраханскаго, сопровождавшаго патріарховъ до Москвы, вызвали со стороны патріарховъ желаніе отблагодарить его возведеніемъ въ санъ митрополита съ особыми привиллегіями (ношеніемъ саккоса, занятія третьяго мѣста въ ряду митрополитовъ и т. п.). Вообще статья почтеннаго профессора изобилуетъ многими интересными бытовыми подробностями, возстаивающими предъ нами эпоху второй половины XVII вѣка.

Свящ. М. Лисицынъ.

Еп. Хрисанъ. Къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки.
Казань, 1904 г.

Одною изъ важнѣйшихъ задачъ Россіи является просвѣщеніе инородцевъ свѣтомъ вѣры Христовой и національное объединеніе ихъ съ русскими гражданами. Настоящая война Россіи съ Японіей, являясь по своей внутренней сторонѣ борьбою бѣлой расы съ монгольской, борьбою христіанства съ язычествомъ, еще болѣе выясняетъ и какъ-бы подчеркиваетъ необходимость усилить наше „миссіонерское дѣланіе“ среди инородцевъ—монголь, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской территоріи. Правда, наша миссіонерская и просвѣтительная дѣятельность среди инородческаго населенія началась уже давно и имѣетъ не малый успѣхъ, но здѣсь же находится и нѣкоторый дефектъ,—отсутствіе единства взглядовъ у миссіонеровъ и просвѣтителей касательно тѣхъ или иныхъ приемовъ въ просвѣтительной миссіи среди инородцевъ. Поэтому мы обязаны съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на брошюрѣ преосв. Хрисанова, заглавіе которой выше указано. Преосвященнѣйшій Хрисанъ, епископъ Чебоксарскій, викарій Казанской епархіи, до назначенія своего на казанское викаріатство, не мало потрудился на поприщѣ начальника Корейской миссіи. Отсюда, сужденія преосвященнаго касательно миссіи среди инородцевъ, являясь основанными на жизненномъ личномъ миссіонерскомъ опытѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Брошюра начинается сообщеніемъ преосвященнаго о слѣдующей замѣткѣ, случайно прочитанной имъ года 3 или 4 назадъ въ одной изъ южнорусскихъ газетъ и перепечатанной, вѣроятно, изъ Казанскихъ газетъ: въ Казанскую Инородческую Учительскую Семинарію прибыли съ Дальнаго Востока нѣсколько человѣкъ корейцевъ, которые здѣсь узнали, что есть очень простой способъ для изученія корейскаго языка, если пользоваться русскимъ алфавитомъ... Приблизительно такъ говорилось въ этой газетѣ.

Вскорѣ затѣмъ стали появляться печатные переводы на корейскій языкъ съ русской транскрипціей. Послѣ я узналъ, пишетъ преосв. Хрисанъ, кто были упомянутые корейцы и каковы ихъ переводы. Корейцы-мальчуганы, поступившіе въ Казанскую Учительскую Семинарію, будучи уроженцами Уссурійскаго края, почти не знаютъ „корейскаго языка“ и, если говорятъ въ своихъ семьяхъ на родномъ языкѣ, то на весьма испорченномъ и извращенномъ привнесеніемъ въ него многихъ исковерканныхъ русскихъ словъ (спички—„пички“, овесъ—„абессо“ и пр.). Этотъ языкъ столь же похожъ на настоящій корейскій, сколько на англійскій похожа употребляемая въ портахъ китайцами какая-то ломаная смѣсь. Во всякомъ случаѣ языкъ Уссурійскихъ корейцевъ—языкъ *пока еще формирующійся*, неустойчивый и зыбкій, какъ песокъ. Зачѣмъ же строить на пескѣ? Поистинѣ, переводить съ русскаго именно

на этотъ языкъ, при чемъ пользоваться для сего услугами и силами юнцевъ корейцевъ,—дѣло совершенно неосновательное, безцѣльное, а потому сдѣланные переводы при Инородческой Семинаріи не имѣютъ рѣшительно никакого практическаго примѣненія, хотя печатаніе ихъ стоитъ, вѣроятно, не мало денегъ. Вотъ потому-то профессоръ корейской словесности при Восточномъ Институтѣ Г. В. Подставинъ не разъ выражалъ въ моемъ присутствіи свое крайнее удивленіе по поводу появленія непонятныхъ по существу переводовъ, изучать которые гораздо труднѣе, чѣмъ обыкновенныя корейскія письма. Это—съ одной стороны. Съ другой—можно спросить инициаторовъ этого дѣла нижеслѣдующими словами преосвященнаго Евсевія, епископа Владивостокскаго, который шесть лѣтъ управляетъ названною епархіею и которому болѣе, чѣмъ кому-либо, извѣстно положеніе инородческаго дѣла въ епархіи. Преосвященный Евсей неоднократно задавалъ мнѣ такой вопросъ: „нужны ли корейцамъ всѣ эти переводы на корейскій языкъ, когда сами они стремятся къ изученію русскаго языка? Не создастъ ли это въ концѣ концовъ какихъ-либо осложненій вродѣ корейскаго сепаратизма?“

Въ приведенныхъ словахъ преосв. Хрисанеа и преосв. Евсевія заключается много глубокой правды. Конечно, миссія среди инородцевъ—дѣло хорошее, а для св. православной Руси—неотложное, обязательное, но здѣсь необходима и осторожность. Должно наблюдать, чтобы миссія не превращалась въ какое-то заискиваніе предъ инородцами. Язычники инородцы въ отношеніи къ православной Руси являются тѣмъ же, чѣмъ малыя дѣти въ отношеніи къ своей матери. Мать должна при воспитаніи дѣтей проявлять ласку и доброту, но эта доброта для пользы самого дитяти не должна переходить въ „баловство“, въ заискиваніе предъ дѣтми.

Защитники переводовъ священныхъ книгъ на инородческіе языки обычно ссылаются на знаменитаго просвѣтителя инородцевъ Н. И. Ильминскаго. Но вотъ что говорить преосв. Хрисанеъ по поводу этой ссылки... Николай Ивановичъ, издавая переводы священныхъ книгъ на инородческіе языки съ русскимъ алфавитомъ, клалъ тѣмъ самымъ только первую ступень: дальнѣйшая ступень была обрусеніе. Н. Ив. шелъ на встрѣчу тому историческому факту, по которому объединеніе (т. е. вѣрою) и при неодноязычій ведетъ къ единству по духу, потомъ по національности, и непременно, долго-ли—коротко-ли, завершится и единствомъ по языку: исторія и текущіе опыты—свидѣтели ¹⁾). Подражателямъ системы Н. Ив. отнюдь не слѣдовало бы упускать изъ виду весьма важное обстоятельство, что Н. Ив. отзывался только на истинные запросы и нужды народа, не навязывая ему какихъ-либо бесполезныхъ измышленій и кабинетныхъ изобрѣтеній.

¹⁾ Срвн. Прав. Соб. 1904 г. авг. 239.

Послѣ этихъ словъ преосв. Хрисанъ обосновываетъ и иллюстрируетъ убѣдительными фактическими данными свою мысль касательно обрусенія инородцевъ. Вотъ что читаемъ мы въ его брошюрѣ... Корейцы Уссурийскаго края, начавъ лѣтъ 50 тому назадъ переселяться со своей отчизны въ мѣста нынѣшняго жительства, всѣ имѣли одну цѣль и одно желаніе: переселившись на русскую территорию, стать русскими, слиться съ господствующимъ элементомъ. Желаніе это, съ одной стороны, выразилось въ формѣ наивной, но понятной съ точки зрѣнія міровоззрѣнія корейцевъ и горячности ихъ желанія: стрижется кореецъ по-русски, надѣваетъ рубаху, усваиваетъ нѣсколько русскихъ словъ и наивно думаетъ, что онъ, если и не совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ „шибко—много“ сдѣлался русскимъ. Съ другой стороны, стремленіе стать русскими принимаетъ у корейцевъ Уссурийскаго края самую желательную и прочную форму, каковая по быстротѣ осуществленія, такъ сказать, обратно пропорціональна прочности (не скоро пріобрѣтается, не скоро и теряется). Корейцы дѣло обрусенія въ данномъ случаѣ начинаютъ не со взрослыхъ людей, у которыхъ многое обратилось во вторую натуру, а съ молодого подросткающаго поколѣнія. Чуть ли не съ первыхъ лѣтъ своего появленія на русской территоріи корейцы начинаютъ заводить у себя школы, строить храмы и принимать православную вѣру.

Достаточно прочитать отчетъ Владивостокскаго епархіальнаго наблюдателя за послѣдній годъ, чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что школьное дѣло у корейцевъ идетъ несравненно быстрее, чѣмъ у русскихъ, и что путемъ школы дѣло обрусенія корейцевъ становится на прочную почву. Да и всякій человѣкъ, познакомившійся поближе съ исторіей колонизаціи корейцами Уссурийскаго края и съ ихъ настоящимъ образомъ жизни, приходитъ къ той же утѣшительной истинѣ, присовокупляя еще и то, что *корейцы сами стремятся къ обрусенію*, что оно имъ не навязывается извѣ, что *главное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ русскій языкъ, который корейцы съ охотой изучаютъ въ русскихъ школахъ*. Слѣдовательно, вводить изученіе корейскаго языка въ русскихъ школахъ среди корейцевъ Южно-Уссурийскаго края, или тѣмъ или инымъ способомъ поддерживать его,—это значить не понимать законныхъ и глубокихъ желаній этого народа, *идти въ разрѣзъ съ волею обрусенія корейцевъ, навязывая имъ то, чего они сами не хотятъ и что для нихъ совсѣмъ излишне*.

Далѣе преосв. Хрисанъ говоритъ слѣдующее. „Какъ на примѣръ быстрого и основательнаго обрусенія корейцевъ, преосвященный Евсеvій всегда указывалъ мнѣ на корейцевъ, живущихъ въ Суифунскомъ участкѣ приморской области, которые, будучи сравнительно болѣе удалены отъ вліянія заграничныхъ корейцевъ, совершенно обрусѣли и не проявляютъ рѣшительно никакихъ національныхъ стремленій: здѣсь

уже господствуют русская вѣра, русская рѣчь, костюмы и пр. Есть у нихъ и свой священникъ, прекрасный пастырь—кореецъ, не знающій въ то же время родного языка, примѣръ очень характерный. Владивостокскій епархіальный наблюдатель — хорошій знатокъ своего дѣла—неоднократно выражалъ желаніе въ тѣхъ же цѣляхъ имѣть корейскихъ школахъ учителей русскихъ, а не корейцевъ, такъ что и въ данномъ случаѣ появленіе „корейскихъ книжекъ“ окажетъ дѣлу просвѣщенія корейцевъ только извѣстнаго рода „услугу“. — „Такимъ образомъ появленіе въ свѣтъ различныхъ школьныхъ изданій на корейскомъ языкѣ не вызывается жизнью и вредитъ дѣлу обрусенія корейцевъ“.

Приведенныя здѣсь сужденія преосв. Хрисанова нельзя не признать глубоко правдивыми. Въ защиту перевода священныхъ книгъ на инородческіе языки нерѣдко высказывается такое сужденіе: христіанская миссія среди инородцевъ и обрусеніе послѣднихъ суть два дѣла разныя и не могутъ быть смѣшиваемы между собою, миссія же относится къ обязанностямъ духовенства, а обрусеніе—это дѣло правительства.

Противъ этого замѣтимъ слѣдующее. Не говоря уже про органическую связь нашей церкви и государства, въ силу которой они не могутъ дѣйствовать обособленно другъ отъ друга, самое обрусеніе для инородцевъ есть дѣло столь же неотлагательное, какъ и просвѣщеніе свѣтомъ вѣры Христовой. Инородцы, состояшіе въ русскомъ подданствѣ, должны и съ своей стороны въ благодарность Россіи за получаемую отъ нея духовную и гражданскую поддержку, знакомиться съ русской жизнью, хорошо знать русскій языкъ, русскую церковную и гражданскую исторію и т. д. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, всѣмъ извѣстно, что монгольскія племена, издревле живущія въ Россіи, настолько утратили свой первобытный національно-монгольскій обликъ, что даже для самихъ инородцевъ уже нѣтъ никакого интереса чуждаться русскаго языка и охранять свой монгольскій. Все благо этихъ инородцевъ—въ полномъ сліяніи съ Россіей, что они и сами болѣе или менѣе ясно начинаютъ сознавать (примѣръ уссурійскихъ корейцевъ).

Конечно, никто не будетъ отрицать пользы переводовъ на инородческіе языки тамъ и тогда, гдѣ и когда безъ этихъ переводовъ нельзя обойтись. Самъ преосв. Хрисановъ не отрицаетъ пользу переводовъ „вызываемыхъ жизнью“ (выраженіе преосв. Хрисанова), ибо лучше что-либо, чѣмъ ничто и коль скоро *необрусѣвшему* инородцу трудно будетъ узвать Христово ученіе при помощи русскаго языка, то не будетъ большой бѣды, если миссіонеры воспользуются переводами на инородческій языкъ; но все же мы должны помнить, что наша обязанность заключается не только въ христіанскомъ *просвѣщеніи*, но и *обрусеніи* инородцевъ.

Иеромонахъ Александръ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

(Впечатлѣнія миссіонера).

О притязательныхъ, но неправильныхъ заключеніяхъ.

Въ современной жизни русскихъ людей наблюдается характерное явленіе. Подъ вліяніемъ войны съ Японіей и испытываемыхъ нами неудачъ, въ широкихъ кругахъ нашего общества господствуетъ угнетенное настроеніе. Наши доморощенные политики не разсѣиваютъ его, а еще болѣе раздуваютъ. Изображая дѣла наши въ мрачномъ свѣтѣ, они рисуютъ нашихъ противниковъ просвѣщенными побѣдителями.—И вотъ, какъ бы въ дополненіе картины, въ газетахъ промелькнуло извѣстіе объ условіяхъ воображаемаго нашего мира съ Японіей...

Тяжелыя эти условія! Писали, будто японцы хотятъ забрать у насъ Сахалинъ, отнять Манчжурію, разоружить Владивостокъ и получить съ насъ миллиардъ рублей контрибуціи.—Читая такія извѣстія, право, забываешь, что мы воюемъ съ Японіей. Такъ и кажется, будто на насъ ополчился цѣлый свѣтъ — и Россія конецъ!..

И что всего горестнѣй — публицисты наши, словно сговорившись, большимъ хоромъ поютъ похоронныя пѣсни Россіи. Они видятъ у насъ одно только плохое. По ихъ словамъ, другого направленія война имѣть не могла: вѣдь у насъ такіе *отсталые* и безжизненные порядки!

Разумѣется, мы не беремъ на себя задачи все существующее у насъ оправдывать. Мы согласны съ нашими пессимистами, что возможности войны съ Японіей наша дипломатія *своевременно* не предвидѣла,—иначе на Дальнемъ востокѣ положеніе дѣлъ давно было бы другое; мы вполне раздѣляемъ и то общее мнѣніе, что флотъ нашъ оказался въ этой злосчастной войнѣ не на должной

высотѣ, а надъ адмиралами нашими все время тяготѣть какой-то злой рокъ. И на это мы не закрываемъ своихъ глазъ, что Портъ-Артуръ вооруженъ былъ недостаточно и имѣлъ скудное снабженіе...

Ахъ, какъ въ этомъ отношеніи японцы превосходятъ насъ! Слышно: они едва заняли Портъ-Артуръ, а порѣшили уже снабдить его всѣмъ необходимымъ на нѣсколько лѣтъ.

Все это такъ. Оказывается, Японіи мы не знали, а она уже давно состоитъ въ рядахъ сильныхъ и культурныхъ государствъ.

Но пожалѣйте же, г.г. пессимисты, и Россію. Порядками-ли ея *только* объясняются различные недочеты въ текущей войнѣ?

Мы въ томъ крайне сомнѣваемся. Мы думаемъ, что причины нашихъ военныхъ неуспѣховъ есть и другія и болѣе неустранимыя.—Въ самомъ дѣлѣ: при необъятности русскаго государства трудно всѣ границы его держать вполне вооруженными. При такомъ вооруженіи намъ бы пришлось всегда оставаться въ напряженномъ состояніи,—пришлось бы перековать вся серпы свои на мечи, а плуги на пшпшки.—Кромѣ того, такая боевая готовность требуетъ отъ нашихъ политиковъ памятованія латинской поговорки: „хочешь мира, будь готовъ къ войнѣ“. А мы объ этой модрой пословицѣ забываемъ.

Да и не мы одни. Въ подобной забывчивости повинны и болѣе насъ просвѣщенные люди—англичане. Позвольте ужъ для справочки напомнить объ англо-бурской войнѣ. Война эта длилась почти два года. Въ ней „просвѣщенные мореплаватели“ частенько такъ скверно чувствовали себя. А что говорили намъ тогда газеты? Писалось-ли въ нихъ, что Англія потому терпитъ неудачи, что въ ней плохъ общественный строй,—или утверждалось нѣчто другое?

Всѣ помнятъ тогдашнія газетныя разсужденія. Изъ нихъ явствовало, что Буры слишкомъ удалены отъ англійской метрополіи: вслѣдствіе чего англичанамъ трудно быстро перебрасывать на театръ войны солдатъ, да и бурской земли они не знали... Это при англійской-то „просвѣщенности“ и при на весь свѣтъ славныхъ англійскихъ порядкахъ!..

Причину англійскихъ неудачъ въ войнѣ съ бурами наши газеты, такимъ образомъ, видѣли въ чисто-физическихъ обстоятельствахъ; эти причины считались временными—и всѣ терпѣливо ждали неизбежнаго конца.

А вотъ въ сужденіи о русско-японской войнѣ наши патриоты нервничаютъ и предаются бесполезному самооплеванію.—Конечно, мы не подготовлены были къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ. И за

это дорого уже заплатились. Но нельзя же забывать, что Манчжурія лежитъ отъ насъ за 10.000 верстъ. Добраться до нея мы можемъ *исключительно* по желѣзной дорогѣ. Въ Манчжуріи мы, какъ въ темномъ лѣсу,—въ сосѣдствѣ съ разбойниками хунхуаами. Наталкиваемся тамъ на измѣну и предательство постоянно.— Намъ въ Манчжуріи страшно трудно.

Между тѣмъ японцы на войнѣ—что у себя дома. Они много лѣтъ готовились къ кампаніи противъ русскихъ. Все у нихъ рассчитано и соображено. Это дѣлаетъ отмѣнную честь японскимъ государственнымъ людямъ. Однако армія японская теперь уже подавляетъ насъ числомъ своимъ; не блещетъ она полководцами, да и солдаты ея не превосходятъ по духу русскихъ „чудо-богатырей“. Что же касается финансовыхъ средствъ, такъ ихъ сравнивать нельзя.—Чего же намъ нервничать до унынія? Дайте пройти еще времени. „Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе“, говорилъ ген. Куропаткинъ, выѣзжая на войну. И надобно ждать. Будемъ увѣрены, что условія мира намъ пропишетъ не микадо японскій, а русскій Императоръ.

И мы не усыпляемъ совѣсти своихъ соотечественниковъ. Такія именно мысли подсказываютъ намъ наблюдательные иностранцы. Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ высчитано, что Россія на поле сраженія можетъ выставить четырехмилліонную армію, то есть такое ополченіе, о которомъ японцы мечтаютъ не смѣютъ.

Между тѣмъ мы объ этомъ забываемъ и ноемъ, какъ капризные дѣти. Унылое настроеніе наше помимо всего другого объясняется, вѣроятно, *русскою общественною невоспитанностью*. Мы привыкли все дѣлать по мановенію крѣпкой руки своего правительства. Когда же обстоятельства заставляютъ насъ самихъ думать о себѣ,—мы малодушествуемъ и стонемъ...

Такая безпомощность наблюдается у насъ не въ области политики только. Она проникаетъ во всѣ изгибы нашего настроенія и недавно еще витала надъ чисто пастырско-миссіонерскими вопросами.

Читатели знаютъ, что среди петербургскаго духовенства идутъ оживленные толки о возрожденіи православнаго прихода. Эти толки порождаются сознаніемъ, что Церковь Христова составляется *не изъ однихъ пастырей*. Поэтому какъ бы священники ни были образованы и добродѣтельны, если *народъ* грязнетъ въ невѣжество и порокахъ,—Церковь Божія преуспѣвать не можетъ. Отсюда понятна забота пастырей о своихъ пасомыхъ,—объ ихъ религіозно-нравственномъ состояніи...

По правдѣ сказать, такія мысли о приходѣ глубоко правдивы

и жизненны, но онѣ—элементарны. Миссіонерами онѣ сознавались всегда. Однако только теперь, при попеченіи правительства о мелкой земской единицѣ, мысли эти о приходѣ стали особенно яркими, колоритными и, благодаря совѣщаніямъ петербургскаго духовенства, онѣ сдѣлались темою для газетныхъ и журнальныхъ статей.

О приходѣ заговорили... И должно быть, по присущей славянамъ элегичности, заговорили пока въ тонѣ грустномъ, подавленномъ,—„тяжкими думами“. До чего договорятся наши „писатели“, еще неизвѣстно,—но отъ ихъ „думъ“ дѣлается на душѣ, дѣйствительно, скорбно, грустно,—какъ то скучно и... *пусто*. Читая эти статейки въ газетахъ и диву даешься. Господи Боже! въ какомъ младенческомъ состояніи мы еще находимся—какъ мелка и наивна у насъ мысль. Разговоръ идетъ о *совершенно извѣстныхъ* предметахъ, а мы говоримъ о нихъ съ изумленіемъ и отъ восторга душевнаго почвы подъ собой не чувствуемъ...

Видно, мы и на бумагѣ-то теряемся, когда намъ самимъ приходится отвѣчать за себя.

Чтобы подтвердить сказанное данными, мы остановимся на газетной „лирикѣ“, которую авторы справедливо озаглавили „тяжкими думами“. вмѣстѣ съ тѣмъ, для болѣе вѣрнаго „прицѣла“, мы возьмемъ одну статейку подъ тѣмъ же заглавіемъ, помѣщенную въ 318 № СПб. Вѣд. за минувшій годъ. Эта статья особенно *чувствительно* касается миссіонеровъ. Авторъ ея, къ сожалѣнію, спряталъ свою фамилію подъ вокабулу Z. Тѣмъ не менѣе не трудно догадаться, что это одинъ изъ благожелателей „Православнаго Путеводителя“ и, вѣроятно, богословъ. Говоримъ—„вѣроятно“, потому что г. Z., по его словамъ, слѣдитъ за богословскими журналами, въ то же время его богословскія сужденія столь смутны, что мы не можемъ его съ *уверенностью* причислить къ своимъ братьямъ по образованію.

Итакъ г. Z. слѣдитъ за богословскими журналами и скорбитъ по случаю ихъ *безжизненности*. А вотъ, когда въ Православномъ Путеводителѣ нашель онъ разсужденія о М. П. Чельцова о приходѣ,—эти разсужденія показались ему необычайными, и онъ съ восторгомъ о нихъ пишетъ: „наконецъ-то духовные журналы заговорили живымъ языкомъ, перестали насъ убаюкивать извѣстіями объ „успѣхахъ“ нашего миссіонерства“...

По поводу этой тирады такъ и хочется повторить классическое: *timeo Danaos et dona ferentes!*.. Что-то ужъ очень восторжень г. Z. Будто раньше онъ *нигдѣ* и *никогда* не читалъ, что безъ

прихода Православная Церковь существовать не можетъ; что наша миссія безъ ревнителей вѣры — простолюдиновъ *безсильна*. Повѣрьте, г. Z, объ открытой вами Америкѣ давно знали въ нашемъ „Миссіонерск. Обозрѣніи“, разъ вы слѣдите за духовн. журналами. И не только знали *про себя*. Тамъ объ этомъ много разъ писали...

Не упоминая о всѣхъ статьяхъ этого рода, какъ обиженный авторъ, замѣчу, что въ своихъ „Миссіонерскихъ очеркахъ“ любимую вами тему мы затрогивали съ разныхъ сторонъ. Должно быть вы не снизошли вниманіемъ до этихъ „Очерковъ“, или знаете о нихъ, да молчите ради штуки...

Такъ или не такъ, но намъ—давнимъ сотрудникамъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“—обидно замѣчаніе г. Z. о духовныхъ журналахъ. Обидно потому, что оно *несправедливо*. Думаемъ, что и собрать нашъ „Путеводитель“ не пришелъ въ особенную радость отъ преподнесенной ему похвалы. Вѣроятно, онъ не считаетъ себя органомъ, только теперь и „наконецъ-то“ заговорившимъ „живымъ языкомъ“. Вѣдь когда петербургскіе пастыри на всю Россію подняли вопросъ о православномъ приходѣ, когда даже свѣтскіе журналы записали по этому вопросу,—что удивительнаго, что и „Путеводитель“ заговорилъ „наконецъ-то живымъ языкомъ“? — Если бы онъ молчалъ и не обмолвился о приходѣ въ это время, — ему грѣшно было бы именоваться „Путеводителемъ“: въ настоящее время даже камни вопіютъ о нестроеніяхъ русской жизни!..

И еще объ этомъ „наконецъ-то“. Плохую похвалу скрылъ г. Z. подъ ласковыми словами своими. Онъ утверждаетъ, что „Правосл. Путеводитель“ въ числѣ другихъ духовныхъ журналовъ „наконецъ-то заговорилъ живымъ языкомъ“. Значитъ, до послѣдняго времени нашъ литературный собрать говорилъ языкомъ *мертвымъ*, безжизненнымъ. Такъ?

Мертвые же языки способны говорить только на одинъ манеръ: они вокругъ себя издають запахъ гніенія и разложенія,— что не привлекаетъ, а отгоняетъ отъ нихъ народъ...

Ужели такой похвалой думаете вы ободрить, г. Z, издателей „Путеводителя“? Мы полагаемъ, что они крайне недовольны вами и обижены за свое изданіе.

Что же касается насъ, то мы по поводу газетныхъ „тяжкихъ думъ“ не испытали особенно угнетеннаго настроенія. Эти „думы“ намъ показались недостаточно „продуманными“, крайне тенденціозными и мало основательными.

Будемъ говорить по порядку. Г. З. утверждаетъ, что до сихъ поръ богословскіе журналы *убаюкивали* общество извѣстіями объ успѣхахъ нашей миссіи.—Въ этихъ словахъ содержится горькая неправда. Для нашихъ духовныхъ журналовъ внутренняя миссія наша, къ сожалѣнію, еще и теперь не существуетъ. О ней тамъ серьезно и основательно говорить не принято. Ни одинъ журналъ „до сего дне“ не потрудился обозрѣть прежде всего миссіонерскихъ доспѣховъ нашихъ. Наши профессора академій и публицисты духовные не позаботились благожелательно и критически отнестись къ полемикѣ нашей. Можетъ быть мы сражаемся оружіемъ устарѣлымъ, можетъ быть самыя приемы полемики у насъ дурныя, можетъ быть не такъ надо воинствовать противъ сектантовъ...

Все можетъ быть, только ученые наши молчатъ о томъ. Конечно, это обстоятельство *убаюкиваетъ* общество, но только не грезами объ успѣхамъ миссіи нашей, а совсѣмъ напротивъ...

Правда, при академіяхъ у насъ есть кафедры исторіи раскола, однако спросите академистовъ: много-ли *жизненно-указующаго* дадутъ имъ эти каеедры? Говорятъ-ли профессора студентамъ академій *собственно* о полемикѣ съ расколомъ или сектами?..

О семъ „удобѣ молчаніе“...

Итакъ, академіи и духовные журналы наши никого не *убаюкиваютъ* извѣстіями о трудахъ миссіонерскихъ, потому что этихъ трудовъ они знать не хотятъ и не считаютъ ихъ достойными своего вниманія.

Сами же миссіонеры еще менѣе повинны въ грѣхѣ ложнаго освѣщенія своей дѣятельности. Ни одинъ миссіонеръ въ своемъ отчетѣ не пишетъ *только* объ успѣхахъ своихъ и побѣдахъ надъ раскольниками и сектантами. Не пишетъ потому, что такія побѣды легко и сразу не даются. Мы считаемъ даже невѣроятнымъ такое событіе: миссіонеръ въ извѣстной мѣстности провелъ три-четыре бесѣды и этими бесѣдами *только* обратилъ, къ примѣру, двадцать человекъ въ православіе. Если же, порой, такія *событія* сквозятъ въ донесеніяхъ стариковъ миссіонеровъ, то къ нимъ нужно относиться съ *разсмотрительностью*. Всегда въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ брать во вниманіе, *гдѣ* происходила бесѣда миссіонера и *кто* тамъ раньше него трудился. Бываетъ, что съ своими публичными бесѣдами особенно „знаменитые миссіонеры“ *пріѣзжаютъ* лишь „къ шапочному разбору“. Все тамъ налажено *мѣстными* дѣятелями; упорство раскольниковъ или сектантовъ сломлено. Остается къ написанному только точку поставить. Заѣзжіе миссіонеры и

ставятъ на своихъ бесѣдахъ эти точки, а потомъ наивно доносить о своихъ побѣдахъ, совершенно умалчивая о трудахъ истинныхъ радѣтелей мѣстной миссіи...

Да. Бываютъ на свѣтѣ такія дѣла. Но наши образованные собратья въ томъ неповинны. Добродѣтель смиренія знакома имъ въ совершенствѣ. Если же при всемъ томъ въ отчетахъ миссіонерскихъ говорится объ успѣхахъ, то такъ этому и слѣдуетъ быть. Всякая добросовѣстная работа сопровождается *своими* успѣхами. Почему же ихъ не допустить въ трудахъ миссіонерскихъ?

Напрасно, поэтому, г. Z. глумится надъ миссіонерами. Противъ нихъ ничего не говоритъ то обстоятельство, что въ послѣдніе годы „въ отношеніи состава ихъ приходилось все увеличивать и увеличивать“.—Христосъ Спаситель избралъ *сначала* только 12 апостоловъ, а потомъ присоединилъ къ нимъ другихъ 70. Ужель потому, что 12 апостоловъ оказались лѣнивыми и непроизводительными рабами?

Нѣтъ не потому,—а по причинѣ множества для апостоловъ дѣла въ мірѣ... Тоже слѣдуетъ сказать о миссіонерахъ. Въ послѣдніе годы Русь наша, можно сказать, ползетъ въ разбродъ; она заволоклась вся тучами сомнѣній и отрицаній. По справедливости слѣдуетъ утверждать, что и *наличныхъ миссіонеровъ мало*...

На основаніи сказаннаго явствуетъ, что „первый выходъ“ г. Z. противъ миссіонеровъ неудаченъ. Не лучше онъ и въ дальнѣйшихъ своихъ опытахъ. Дальше г. Z. договорился до того, что пришелъ къ признанію совершенной ненужности „миссіонерства“.

О, это признаніе, да еще облеченное въ тогу скорбящаго духа! Знакомо оно намъ. Оно повторяется, порою, кстати и не кстати самими *бывшими миссіонерами*. Такъ что съ нимъ неизбежно посчитаться *дѣйствующимъ миссіонерамъ*.

Г. Z. пишетъ: „вся наша полемика противъ раскола, всѣ эти безконечныя пренія и собесѣдованія,—все зданіе миссіонерства, основанное на полемикѣ, рухнетъ съ самымъ своимъ фундаментомъ“.

Вслѣдствіе чего же рухнетъ? Какія такія причины для гибели „миссіонерства“ открылъ г. Z.?

Съ перваго раза не понятно, но одно несомнѣнно по началу же, что г. Z. воюетъ съ призраками. Для болѣе легкой побѣды надъ „миссіонерствомъ“ онъ его обезличилъ. Онъ продѣлалъ съ нимъ тоже, что дѣлаютъ иногда мальчишки съ сильными сверстниками: они наряжаютъ ихъ въ длинныя шубы и зовутъ на бой. Въ шубѣ съ большихъ плечъ мальчику стѣнительно; онъ повер-

нуться въ ней свободно не можетъ. Этимъ пользуется хитрый противникъ—и одолеваетъ своего болѣе сильнаго „врага“...

Такъ и г. Z., чтобы одолѣть миссіонерство, связалъ ему руки. Съ какой стати онъ предположилъ, что есть гдѣ-то „миссіонерство, основанное только „на полемикѣ?“ Миссіонерство *всякое* предполагаетъ полемику, какъ *одно* изъ своихъ орудій или средствъ. Полемикой же *все* оно *никогда* и *нигдѣ* не ограничивается. Напротивъ, намъ—епархіальнымъ миссіонерамъ—служеніе наше представляется именно въ смыслѣ Гилларова-Платонова, какъ „воздѣйствіе на все существо вѣрующаго и всѣмъ своимъ существомъ, а не на внѣшній приборъ ума внѣшними умствованіями“ только 1).

Но объ этомъ подробнѣе послѣ. А теперь разсмотримъ: вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ даже и воображаемое „миссіонерство, основанное на полемикѣ“, должно пасть само собой?

Въ отвѣтъ намъ г. Z. цитуетъ изъ статьи о. Чельцова „шесть сравненій“ между расколомъ и православіемъ, — сравненій, которыя ему представляются словами, положенными „живымъ языкомъ“ и появившимися въ духовномъ журналѣ „наконецъ то“.

Такъ какъ, по заявленію г. Z., въ названныхъ „сравненіяхъ“ скрывается смертельный приговоръ надъ нашимъ „миссіонерствомъ“, то мы считаемъ себя обязанными рассмотреть ихъ со всею тщательностью,—насколько, конечно, необходимо это въ общелитературной статьѣ.

Въ „Православномъ Путеводителѣ“ за ноярь 1904 г., на стр. 600, мы читаемъ:

„Старообрядцы сравниваютъ то, что у православныхъ въ приходской жизни существуетъ и что у нихъ. Вотъ это сравненіе:

1) Мы, старообрядцы, по примѣру греческой Церкви, составляемъ тѣло Церкви.

2) Между нами и пастырями существуетъ полное единеніе. Наши священники живутъ съ народомъ и для народа.

3) Мы избираемъ пастырей изъ среды благочестиваго народа, какъ это дѣлаютъ греки.

4) Мы содержимъ пастырей безъ всякой помощи отъ казны.

5) Доходы церковные, какъ имѣнія нищихъ, мы тратимъ на благотворительность.

6) Наши епископы знаютъ свою паству, какъ и паства ихъ знаетъ.

Обратимся къ господствующей Церкви:

1) Соч. т. II, стр. 203, изд. К. П. Побѣдоносцева.

1) Въ ней не народъ, лишенный всѣхъ правъ въ Церкви, а духовенство признается Церковью.

2) Между народомъ и пастырями существуетъ полное раздѣленіе, причѣмъ духовенство живетъ лишь для себя, вполнѣ государствомъ обеспеченное.

3) Пастыри Церкви назначаются епископами *противъ* воли и желаній прихожанъ, часто изъ лицъ не только зазорнаго поведенія, но и невѣрующихъ.

4) Духовенству господствующей Церкви часто народъ отказываетъ въ содержаніи, почему его содержитъ правительство.

5) Церковные доходы съ домовъ, земель идутъ не въ пользу благотворительности и бѣдныхъ прихода, а въ пользу духовенства и духовнаго вѣдомства.

6) Епископы господствующей Церкви не знаютъ своей паствы и она ихъ не знаетъ. Ихъ епископы живутъ на жалованьѣ государственнаго казначейства и на доходы монастырей...

Вотъ и все „грозное“ сравненіе, которымъ, по мнѣнію г-на Z., *наше* „миссіонерство“ подсаживается подъ корень! Мы очень жалѣемъ, что въ указанномъ мѣстѣ о. Чельцовъ не подвергъ разбору приведенной параллели. Вслѣдствіе того для г. Z. „сравненія“ показались настолько не въ пользу „господствующей“ Церкви, что онъ заговорилъ о нихъ съ понятнымъ волненіемъ, „тяжкими думами“, — и приписалъ имъ преувеличенное значеніе“...

Тутъ урокъ нашимъ духовнымъ писателямъ: говори да договаривай! Надо помнить, что мы чуть обмолвимся или умолчимъ, — свѣтская печать сейчасъ насъ къ суду тянетъ. Это—должно быть въ наказаніе за оплошность—случилось съ тѣмъ же о. Чельцовымъ, котораго г. Z. похвалилъ за „живой языкъ“ въ Путеводителѣ. Съ своими „думами“ о приходѣ о. М. Чельцовъ выступилъ въ Спб. Вѣдомостяхъ. Тамъ онъ исповѣдался предъ читателями газеты въ трудности пастырскаго служенія и умолялъ свѣтскихъ людей придти на помощь нашимъ священникамъ, — чтобы пособить имъ „начерпать живой воды изъ живого источника“...

Такъ образно о. Михаилъ и писалъ: „жизнь течетъ изъ живого источника... И если бы православные образованные люди... самымъ дѣломъ помогли намъ начерпать живую воду изъ живаго источника, они бы избавились и сами отъ тяжелыхъ думъ“¹⁾...

Эти слова одному сотруднику Спб. Вѣдом. показались „авгурскими“ и онъ сдѣлалъ противъ нихъ ядовитое возраженіе²⁾. Ему

¹⁾ Спб. Вѣд. 1904 г. № 333.

²⁾ Спб. Вѣд. 1904 г. 338. А. К. О—въ.

не понравилась „лирика“ о. Чельцова. Онъ нашель ее „двусмысленной“.—Въ самомъ дѣлѣ: о какой „живой водѣ“ писалъ о. Чельцовъ?

Если подь этой водою онъ разумѣль „ученіе Христово“, то вѣдь тутъ пастырямъ-то „и книги въ руки“. Ученіе Евангельское и Апостольское даже „образованные“ міряне не могутъ толковать по своему смыслу, а должны изъяснять его „якоже божественніи отцы достигаоша“. Къ святымъ же отцамъ наши священники и такъ стоятъ близко: читай каждый ихъ творенія и умудряйся себѣ во спасеніе!..

Но можетъ быть о. Чельцовъ говорилъ о благодати Св. Духа?

Если такъ,—образованнымъ свѣтскимъ людямъ самимъ остается съ завистью смотрѣть на священниковъ. Они, можно сказать, напаяются токами воды живой, изливающейся на нихъ черезъ таинства...

И тѣмъ не менѣе наши священники *жаждутъ* воды живой, потому что не довольно ощущаютъ ее?

Но... не къ авгурству-ли приводить насъ *такое* предположеніе? Поэтому лучше замолкнуть...

Ясно намъ чрезвычайно, что о. Михайль хотѣль сказать *что-то* другое. Только вдавнись въ лирику, при новой-то обстановкѣ словоговоренья, онъ не ясно и двусмысленно выразился, а это и подхватили въ Спб. Вѣдомостяхъ...

Такова наша дѣйствительность. Критиковъ нашихъ, настроенныхъ къ намъ недовѣрчиво, нельзя задобрить общими фразами. Имъ „дѣло“ подавай *на чистоту*. Если же это „дѣло“ предложитъ бы своимъ читателямъ въ „Путеводителѣ“ о. М. П. Чельцовъ,—о, повѣрьте!—оно имъ не полюбилось бы, и они не стали бы нашего почтеннаго собрата хвалить за „живой языкъ“, который они услышали „наконецъ-то“...

Говоримъ же такъ мы потому, что прославленные „шесть сравненій“ между православіемъ и расколомъ, на самомъ-то дѣлѣ, при безпристрастномъ отношеніи къ нимъ, оказываются простымъ и даже не особенно удачнымъ раскольничьимъ хитросплетеніемъ. Мы не утверждаемъ, чтобы въ тѣхъ „сравненіяхъ“ *никакой* правды не было. Наоборотъ: въ нихъ есть превосходныя *частности*, дорогія черточки,—только фундамента-то, основанія у этой постройки и нѣтъ. А безъ фундамента даже самые цѣнные камни дома не составятъ. Будетъ громада мусора, образуются дорогія развалины, изъ которыхъ желающіе могутъ кое-что съ пользой для себя вынести—и только...

Чтобы не быть голословными, попробуемъ хоть слегка прикоснуться къ упомянутымъ „сравненіямъ“, такъ какъ, мы думаемъ, что этого достаточно будетъ для того, чтобы обнаружить ихъ мыльный составъ и неустойчивость.

1. Раскольники утверждаютъ, что они составляютъ *тѣло* Церкви, по примѣру грековъ,—тогда какъ въ русской Церкви будто не народъ, а духовенство признается Церковью.—Это утверженіе ложно во всѣхъ частяхъ своихъ. Тѣло церковное, по ученію Ап. Павла, составляется изъ многихъ членовъ, но въ немъ непременно должны быть *правильно поставленные* пастыри и учителя (Еф. 4, 11). Такихъ-то пастырей у раскольниковъ нѣтъ, и въ этомъ отношеніи они глубоко разнятся отъ православныхъ грековъ. Эту мысль мы считаемъ себя въ правѣ не доказывать подробно. Она съ достаточной очевидностью раскрыта въ руководствахъ даже для грамотныхъ простолюдиновъ, не говоря уже о семинарскихъ учебникахъ по обличенію раскола.

Что же касается православныхъ, то ни въ одной символической книгѣ ихъ не сказано, что Церковь составляется изъ одного духовенства. „Сравненія“ прилагаютъ къ намъ то, что только съ натяжкой можно приписать католикамъ.

А если такъ, то ложно самое основаніе, положенное во главу „шести сравненій“. Если такъ, то ясно, что раскольники облагодетствованнаго тѣла Христова не составляютъ. У нихъ нѣтъ *живой* Христовой Церкви, которую бы благословляли слово Божіе и каноны святоотеческіе. Значить, въ дальнѣйшихъ сравненіяхъ мы можемъ найти и дорогіе наряды, но покрываютъ-то они самочинное собраніе людей.

Да и нельзя думать вмѣстѣ съ г—номъ Z, будто въ этихъ сравненіяхъ мы найдемъ въ самомъ дѣлѣ одну цѣнность. Нельзя вѣрить тому, что раскольники приписываютъ себѣ и намъ въ изложенной параллели.

Нельзя вѣрить потому, что, во вторыхъ, не вѣрно, будто у раскольниковъ между пастырями и пасомыми *повсемѣстно* царствуетъ единеніе, а у православныхъ—рознь, при чемъ будто бы священники наши живутъ только для себя. Невѣрно это принципиально. Справьтесь: для себя-ли *только* живетъ и подвизается о. І. Кронштадтскій? Для себя-ли лично о. Щербаковскій шелъ съ крестомъ впереди полка и былъ раненъ японцами? Для себя-ли радѣютъ сонмы нашихъ батюшекъ, теряя силы и здоровье по народнымъ школамъ?

Для себя-ли?.. А вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдите за лѣтописью

происходящихъ въ расколѣ событій,—подумайте о тѣхъ волненіяхъ, которыя происходили въ расколѣ и происходятъ подлѣ разныхъ іерарховъ, и скажите по совѣсти: вездѣ-ли и всегда раскольничьи архіереи и попы живутъ *исключительно* для народа?

Нѣтъ и нѣтъ. Г. З. любитъся призракомъ...

3) Порядокъ избранія у раскольниковъ поповъ и архіереевъ намъ нравится. Хорошо, что самъ народъ даетъ изъ себя избранниковъ на эти должности. Хорошо, что „іерархія“ находится въ расколѣ подлѣ строгимъ контролемъ народа.—Но какова *качественно* раскольничья „іерархія“—особенно со стороны своего умственно-образовательнаго ценза?

Намъ думается, что даже и г. З. чернаго не станетъ изображать бѣлымъ. Въ расколѣ есть свои начетчики—Швецовы и Усовы, но въ массѣ раскольничья іерархія—малограмотна. Такая іерархія и съ такимъ *образованіемъ* не годилась бы для служенія среди православныхъ, особенно при теперешнихъ требованіяхъ отъ нашего духовенства.

Съ другой стороны, говорить, что священники у насъ опредѣляются въ приходы *противъ* воли народа,—значить клеветать на дѣйствительность. Нашъ народъ въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не знаетъ, кого ему пришлютъ въ священники и онъ даже не волнуется, по случаю ихъ назначенія. Это, разумѣется, нежелательное явленіе, но черезъ него „параллель“ не наклоняется *принципально* въ сторону раскола.

Нельзя говорить вмѣстѣ съ раскольниками, что священники у насъ избираются изъ людей невѣрующихъ. Это—грубая ложь. Можетъ быть, въ православномъ священствѣ есть невѣры, но о чемъ это свидѣтельствуешь? И въ числѣ 12 апостоловъ былъ Іуда, но вслѣдствіе того сонмъ апостольскій нельзя поносить...

4) То обстоятельство, что наши пастыри пользуются казеннымъ пособіемъ, не роняетъ ихъ іерархическаго достоинства. Казна—это вѣдь средства того же народа, только собранныя въ одно мѣсто. Слово Божіе не запрещаетъ священнослужителямъ пользоваться пособіями отъ казны. Да и много-ли у насъ причтовъ, которые облагодѣтельствованы казною?..

5) Расходование церковныхъ суммъ у насъ и раскольниковъ не разнится до противоположности. Раскольники эти суммы употребляютъ на бѣдныхъ, а мы развѣ вспомоествуемъ ими богатымъ дѣтямъ изъ духовнаго званія? Кромѣ того: Церкви изъ своихъ средствъ благотворятъ у насъ и бѣднымъ простолюди. Намъ,—и этотъ пунктъ раскольники напрасно помѣстили въ свою параллель.

6) Что касается того, чьи епископы лучше знают свои паствы, то здѣсь все зависитъ отъ личностей. Однако необходимо сознаться, что господствующій у насъ обычай частыхъ перемѣщеній епископовъ съ кафедръ на кафедру не благопріятствуетъ ихъ сближенію съ народомъ.—Но въ этомъ отношеніи и раскольники „малымъ чѣмъ“ разнятся отъ насъ. И у нихъ, напр. среди австрійцевъ, наблюдаются частое перемѣщенія „архіереевъ“ съ мѣста на мѣсто. Значитъ, по пункту шестому раскольники имѣютъ много общаго съ православными.

Вотъ и вся прославленная и страшная параллель между расколомъ и Православной Церковью! Подводя ей итоги, мы недоумѣваемъ, какъ это г. Z. могъ придти по поводу ея въ особо-нервное настроеніе. Тѣмъ меньше мы понимаемъ, какъ эту параллель онъ принялъ за убійственную для нашего „миссіонерства“.

О, конечно, для насъ не секретъ, что расколъ держится на своихъ устояхъ вслѣдствіе именно бытового своего уклада! И по этому-то его не мыслимо сдвинуть съ мѣста одними разглагольствіями. Но въ окаменѣлости раскола есть своя теорія, наблюдается цѣлое міровоззрѣніе умозрительнаго характера. Особенно это нужно сказать о поповцахъ-австрійцахъ...

Борьба съ расколомъ должна быть разносторонней; она обязана воздѣйствовать на всю его природу; но при этомъ нельзя высокомерно обходить лежащихъ въ его основѣ догматическихъ заблужденій. Эти же заблужденія непремѣнно предполагаютъ увѣщанія заблуждающихся,—то есть, миссіонерскія бесѣды.—А разъ такъ, мы нашли почву для своего дѣланія. Жизнь за насъ и, конечно, господа Z. своими статейками не зачеркнуть того, что требуется современными обстоятельствами.

Не былъ *принципально* противъ миссіонеровъ и Гиляровъ-Платоновъ, которымъ вдохновляются нерѣдко наши отрицатели. Говоримъ—не былъ, потому, что онъ писалъ: „понятно, я не думаю отвергать полемику и критическое сравненіе вѣроученій по пунктамъ; я хочу сказать, что... полемика есть наименѣе надежный способъ къ ихъ примиренію ¹⁾...“

Итакъ, для Гилярова-Платонова „понятно“ было критическое сравненіе различныхъ вѣроученій по пунктамъ. Понятна была, стало быть, наша миссіонерская полемика,—хотя всего „миссіонерства“ онъ не замыкалъ въ полемику, какъ не ограничиваемъ „разглагольствіями“ и мы всего своего дѣла...

¹⁾ Т. II, стр. 203.

Но что было „понятно“ Гилярову-Платонову, то мало доступно г-ну Z. Онъ уже не ограничиваетъ значенія нашей полемики; онъ съ корнемъ отрицаетъ все наше миссіонерство.

Однако справедливо-ли такое отношеніе къ дѣлу?

Нѣтъ. Какъ бы мы ни опредѣляли задачъ миссіи, во всѣхъ случаяхъ намъ придется считаться съ *умственными* заблужденіями людей. И, слѣдовательно, разговоры, бесѣды о религиозныхъ вопросахъ всегда будутъ необходимыми въ жизни. Поэтому, въ виду сказаннаго, нельзя ничего имѣть по существу-то и противъ миссіи, „основанной на полемикѣ“.

А чтобы насъ не заподозрили въ узости понятій, мы здѣсь-же скажемъ, что задачъ миссіи мы не сводимъ къ полемикѣ съ расколо-сектантами *только*. Мы отлично понимаемъ, что миссія должна стремиться къ всестороннему перевороту въ душахъ людей заблуждающихся. Она обязана считаться съ волевыми немощами столько же, сколько и съ заблужденіями ума. Поэтому миссіонеры обыкновенно заботятся о благолѣпныхъ службахъ въ расколо-сектантскихъ центрахъ, объ образцовомъ пастырствѣ, о хорошо поставленныхъ школахъ и проч. Только при помощи этой сѣти взаимно благопріятствующихъ условій возможно перерожденіе расколо-сектантовъ въ преданныхъ и убѣжденныхъ сыновъ Церкви Православной.

Таковы исповѣдуемые нами идеалы *живой* и спасающей миссіи. И мы очень хотѣли-бы, чтобы господа съ настроеніемъ разбираемаго нами автора „наконецъ“ замѣтили это и перестали порицать насъ за то, въ чемъ мы не повинны!..

Впрочемъ, намъ могутъ замѣтить люди непричастные къ нашему дѣлу, что миссіонерская дѣйствительность не совпадаетъ съ изображенными нами идеалами...

Въ отвѣтъ мы предложимъ всякому любознательному чело-вѣку хоть бѣгло прочитатъ синодальную инструкцію миссіонерамъ. Изъ этой инструкціи легко убѣдиться, что наша духовно-центральная власть задачи миссіи опредѣляетъ широко,—во всякомъ случаѣ не одностороннѣе Гилярова-Платонова. А если такъ, намъ нечего бояться исчезновенія въ потокѣ времени.

Скажемъ даже рѣшительнѣе: дасть правительство русскимъ гражданамъ „свободу совѣсти“; развяжетъ руки пропагандистамъ-раскольникамъ и сектантамъ,—тогда-то наступитъ истинно „золотая пора“ миссіонерства! Броженіе умовъ тогда произойдетъ огромное; власть не будетъ „пресѣкать и обуздывать“ досужихъ проповѣдниковъ. Вотъ тутъ-то Церковь Православная и призоветъ

миссіонеровъ къ вѣроохранительной проповѣди ради успокоенія дѣтей своихъ. Трудъ нашъ будетъ тогда тяжелъ, огроменъ, но истинно святъ и достохваленъ.—А потому намъ не страшны никакія глумленія надъ нами. Съ мужествомъ встрѣчаемъ мы и походы противъ „миссіонерства“ въ печати.

Если Господь за насъ, кто противъ насъ и что могутъ сдѣлать намъ люди?..

Д. Боголюбовъ.

По поводу сужденій „Новаго Времени“ о миссіонерахъ.

Въ статьѣ „Новаго Времени“: „къ вопросу о старообрядцахъ“ (№ 10379-й), между прочимъ, читаемъ: „священники напѣи въ отношеніи старообрядчества и сектантства поставлены въ зависимость отъ такъ называемыхъ „епархіальныхъ миссіонеровъ“, людей свѣтскихъ, безъ сана и посвященія, и которые въ отношеніи старообрядцевъ и сектантовъ уже не стѣснены рясою и обѣтами и идеалами священства. Что такое это (эти?..) „миссіонеры“ въ рангахъ духовной службы? Если они только учителя, наставники, только ученые спеціалисты по сектамъ и расколу, то имъ открыта печать, журналистика, изданіе всяческихъ „листковъ“, да и вообще вся наша духовная литература въ ея обличительной, политической (sic!..) и даже исторической части есть такое „миссіонерство“. Для чего понадобились „миссіонеры“ и съ жалованьемъ, вице-мундиромъ, пенсією и, очевидно, наградю и орденами за „выслугу“, за „ревность по службѣ“. Путь есть нѣкоторая неясная прикровенность, окутывающая разницу и незамѣтный переходъ отъ желательнаго „апостольскаго подвига“ словомъ и ученіемъ къ дѣйствию, къ воадѣйствию и „мѣропріятіямъ“, „въ законѣ прямо не установленнымъ“. Въ засѣданіи Комитета Министровъ 25 января или въ послѣдующихъ распорядительныхъ актахъ этого Комитета на путь упроченія у насъ „вѣротерпимости“,—и слѣдовало-бы поднять вопросъ о точномъ значеніи и точныхъ функціяхъ этихъ чиновниковъ-миссіонеровъ духовнаго вѣдомства; о выработкѣ гласной для нихъ „инструкціи“, за предѣлы которой они не могли-бы переходить“...

Насъ непріятно удивляетъ поразительная неосвѣдомленность автора приведенной замѣтки въ затронутомъ имъ вопросѣ, а также

догматичность и тенденціозность высказанныхъ имъ сужденій въ совершенно невѣдомой ему области. Прежде всего замѣтимъ, что изъ всего числа „епархіальныхъ миссіонеровъ“ *людей свѣтскихъ* съ образованіемъ не болѣе десяти на всю Россію; остальные пребываютъ въ священномъ санѣ. Свѣтскія лица допущены Св. Синодомъ къ занятію должностей „епархіальныхъ миссіонеровъ“ съ цѣлью привлеченія на многотрудное миссіонерское поприще людей съ академическимъ образованіемъ, которые, по весьма многимъ и очень сложнымъ причинамъ, обусловливающимъ нынѣ тяжелый бытъ православнаго духовенства на Руси, не любятъ пополнять собою кадры особенно провинціального духовенства ¹⁾. Допущеніе *свѣтскихъ* „епархіальныхъ миссіонеровъ“ въ значительной степени обусловливаюсь и характеромъ отношеній нашего сектантства къ духовенству, побудившимъ Церковь приспособиться къ немощамъ заблудшихъ. Вотъ почему *свѣтскіе* „епархіальные миссіонеры“, за крайне рѣдкими исключеніями, являются „противосектантскими“.

Бросить тѣнь на дѣятельность *свѣтскихъ* „епархіальныхъ миссіонеровъ“ на томъ основаніи, что они „не стѣснены рясою“, по меньшей мѣрѣ, странно! Если человѣкъ *внутри* „полонъ костей мертвыхъ и всякой нечистоты“, то причемъ тутъ „ряса“: развѣ „гробъ повапленный“ съ христіанской точки зрѣнія цѣннѣе „гроба неокрашеннаго“? Или „сюртукъ“ не можетъ подвизаться на службѣ „аттарю“? Или только „ряса“ имѣетъ право „благовѣствовать“ Евангеліе?! Больно и жутко слышать все это фарисейство и читать на столбцахъ свѣтской газеты. Вотъ „раскольники“ могутъ держать не только „епархіальныхъ“ но и „всероссійскихъ“ *свѣтскихъ* миссіонеровъ, а православные не имѣютъ!.. Да, настало времячко: *всѣмъ* на Руси и *все* можно, а православнымъ и того и этого нельзя!..

Свѣтскіе-де „епархіальные миссіонеры“ „не стѣснены обѣтами и идеалами священства“!.. Ну, а *совѣсть-то* человѣческая? Или и въ ней авторъ отказываетъ *свѣтскимъ* „миссіонерамъ“?! Или не получившіе „дара священства“ не могутъ, съ благословенія пастырей Христовыхъ, проповѣдывать Евангеліе и вразумлять заблудшихъ чадъ Церкви?!

Да! „Въ рангахъ духовной службы“ епархіальные миссіонеры

¹⁾ Многотрудное же миссіонерское поприще, да еще въ настоящей его обстановкѣ, и совсѣмъ не манитъ академистовъ... По нѣскольку лѣтъ мѣста „епархіальныхъ миссіонеровъ“ остаются въ епархіяхъ праздными...

свѣтскіе, какъ и священнаго сана, являются по преимуществу „учителями“, или точнѣе собесѣдниками съ заблудшими и колеблющимися чадами Церкви. Затѣмъ, они-же и всесторонне изслѣдываютъ расколо-сектантство, какъ глубокую аномалію церковной жизни, и усиленно борются съ нею. Вообще все свое время и силы они отдаютъ специальному дѣлу Церкви—дѣлу ея внутренней миссии въ тѣсномъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Кто отрицаетъ необходимость для борьбы съ расколомъ и сектами *особыхъ* миссіонеровъ, тотъ не понимаетъ всей опасности, какую грозятъ эти религіозныя заблужденія Церкви, а также не видитъ и той острой боли, какую переживаетъ Церковь, теряя своихъ чадъ!.. Да и какая мать не приметъ *особыхъ* мѣръ для оздоровленія больныхъ дѣтей своихъ?! Или какой хозяинъ не позаботится какъ можно сильнѣе укрѣпить пошатнувшійся фундаментъ своего дома?!

Намъ отчасти становится понятнымъ, почему авторъ разбираемой статейки такъ брюзжитъ на *свѣтскихъ* „епархіальныхъ миссіонеровъ“. Видите-ли: они „чиновники духовнаго вѣдомства... Съ жалованьемъ, вицъ-мундиромъ, пенсією и, очевидно, наградой и орденами и чинами за „выслугу“, за „ревность по службѣ“!..

Не будемъ касаться въ данномъ случаѣ вопроса о принципиальной возможности для миссіонеровъ пользоваться на Руси своего рода правами „русскаго гражданства“, а только рѣшительно заявимъ, что свѣтскіе „епархіальные миссіонеры“ не имѣютъ ни „вицъ-мундировъ, ни пенсій, ни наградъ и орденовъ и чиновъ за „выслугу“, за „ревность по службѣ“. Все это создано фантазією автора. Служба „епархіальныхъ миссіонеровъ“ отнюдь *не государственная*, а чисто *епархіальная* и, какъ таковая, лишена всѣхъ знаковъ отличія гражданской службы или службы „чиновниковъ духовнаго вѣдомства“. Если „епархіальные миссіонеры“ изъ *священниковъ* и получили недавно право на пенсію то не какъ „миссіонеры“, а только какъ „священники“ и на общемъ для послѣднихъ основаніи. Свѣтскіе-же „миссіонеры“ и *доселѣ никакого права на пенсію не имѣютъ*. Что-же касается „жалованья“, получаемого „епархіальными миссіонерами“ изъ епархіальныхъ суммъ, а кой-гдѣ изъ суммъ Св. Синода, отпускаемыхъ въ такихъ слу-

¹⁾ „Епархіальные миссіонеры“ и изъ лицъ священнаго сана „освобождаются отъ обязанностей *приходскихъ* священниковъ и другихъ служебныхъ по епархіальному вѣдомству занятій“ (§ 4-й Синодальныхъ „Правилъ объ устр. миссій“...—опредѣл. Св. Сын. 25 мая 1888 г. № 1116-й см., «Церк. Вѣд.» 1888 г. № 28.

чаяхъ въ помощь епархіи на содержаніе миссіи, то, не говоря о мизерности такого „жалованья“, я въ защиту противъ осуждающихъ за него миссіонеровъ скажу словами великаго Апостола: „или мы не имѣемъ власти ѣсть и пить?..“ Да и „какой воинъ служить когда-либо на своемъ содержаніи?“

Къ прискорбію, авторъ упрекаетъ миссіонеровъ еще въ томъ, что они отъ „желательнаго „апостольскаго подвига“ „словомъ и ученіемъ“ якобы „переходятъ къ дѣйствию, къ воздѣйствию, къ „мѣропріятіямъ“, „въ законъ прямо не установленнымъ“!.. Старое обвиненіе, *голословное* обвиненіе и мы не разъ его опровергали 1). Въ цѣляхъ обузданія миссіонеровъ авторъ совѣтуетъ Комитету Министровъ „выработать для нихъ гласную „инструкцію“, за предѣлы которой они не могли-бы переходить“!.. Напрасный совѣтъ и не по адресу. Миссіонерство явленіе *внутренней* жизни Церкви регламентируется только ею. „Гласная“ и „точная“ *инструкція* миссіонерамъ давно издана Св. Синодомъ 2). За исполненіемъ ея слѣдятъ епархіальные епископы и только они... Если о чемъ и стоило-бы позаботиться въ наше время, такъ это о предоставленіи нашей Церкви полной внутренней свободы, чтобы она могла развернуть свою мощь противъ окрыляемыхъ враговъ своихъ... Но... ничего въ волнахъ пока не видно!..

И. Айвазовъ.

1) См. нашу брошюру: «Орловскій миссіон. съѣздъ, въ связи съ вопросомъ о своб. совѣсти».

2) «Церк. Вѣдом. 1888 г. № 28.

ХРОНИКА.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Генеральный Синодъ Евангелической церкви Пруссіи въ 1903 г.—Папство и Франція. —
Протестантская миссія.

Генеральный синодъ Евангелической церкви Пруссіи, засѣданія котораго происходили въ Берлинѣ въ теченіе трехъ недѣль (съ 15 октября до 4 ноября), собирается каждыя шесть лѣтъ. Самая рѣдкость его собраній уже придаетъ важность этому собору. Если много вопросовъ, требующихъ разрѣшенія, можетъ накопиться за одинъ годъ существованія всякаго значительнаго общества, то какое-же множество такихъ вопросовъ, ожидающихъ своего разрѣшенія на Генеральномъ Синодѣ, должно образоваться въ теченіе шести лѣтъ! Другое обстоятельство, придающее важность этому собору—это характеръ его состава: въ числѣ его членовъ были и свѣтскія лица, не имѣющія отношенія къ наукѣ и богословы. Къ числу первыхъ принадлежало большое число руководящихъ государственныхъ чиновниковъ: министръ, нѣсколько президентовъ провинцій, генералы и другія лица. Богословы, принимавшіе участіе въ Генеральномъ Синодѣ, частью принадлежали къ духовенству, различныхъ степеней до генерала—суперъинтендента включительно, частью къ профессорамъ, представителямъ различныхъ факультетовъ.

Авторъ настоящей статьи ¹⁾, напимѣръ, имѣлъ честь представлять евангелической факультетъ Боннскаго университета. Значеніе послѣдняго собранія Генеральнаго Синода весьма сильно увеличивалось, благодаря важности предметовъ, подлежащихъ его обсужденію.

1. Одинъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія касался *вильнскаго положенія* Евангелической церкви Пруссіи. Послѣдняя никогда не переставала страдать вслѣдствіе того, что въ началѣ прошлаго столѣтія,

¹⁾ Эта статья написана профессоромъ Боннскаго университета Dr. Königомъ для журнала „Expository Times“.

когда была уничтожена „священная римская имперія Германской націи“ были секуляризованы многія владѣнія церкви. Затѣмъ, когда Пруссія вышла побѣдоносной изъ жестокой борьбы съ Наполеономъ, римско-католическая церковь Пруссіи получила богатую компенсацію,—результатъ вполнѣ соответствующій энергіи и ловкости, которыя эта церковь всегда обнаруживаетъ въ внѣшнихъ дѣлахъ. Но Евангелическая церковь Пруссіи тогда получила слишкомъ мало—228,000,000 марокъ. Это было засвидѣтельствовано въ публичномъ засѣданіи прусской палаты не янымъ къмъ, какъ Дг. Боссе, прежнимъ министромъ церковныхъ дѣлъ Пруссіи. Правда, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій было сдѣлано многое, чтобы залѣчить эту рану. Въ частности, щедрая рука императора Вильгельма II, питающаго горячія симпатіи къ Евангелическому ученію, пожертвовала обильныя денежныя средства въ распоряженіе евангелической церкви, и ея величество императрица состоитъ высокою патронессой одного общества для построенія церквей. Благодаря успіямъ этого общества построено очень много церквей, особенно въ быстро растущемъ городѣ Берлинѣ. Несмотря на все это, есть много еще конгрегацій, главнымъ образомъ въ восточныхъ провинціяхъ, которыя очень желаютъ имѣть новыя или расширить старыя зданія для богослужебныхъ цѣлей. Эти желанія встрѣчены съ самой горячеш симпатіей со стороны членовъ Генеральнаго Синода, и можно надѣяться на осуществленіе этихъ желаній, судя по тому, что въ самый день своего открытія синодъ былъ пріятно пораженъ объявленіемъ резолюціи его императорскаго величества, что духовенство евангелической церкви на будущее время должно быть освобождено отъ взносовъ на фондъ, изъ котораго духовныя лица и остающіяся послѣ ихъ смерти семейства получаютъ пенсіи. Огромный шагъ обезпеченію благосостоянія священнослужителей (ministers) евангелической церкви Пруссіи, еще разъ, такимъ образомъ, былъ сдѣланъ, и къ этому нельзя относиться безразлично. Хотя бы намъ и не правилось видѣть, чтобы тѣ, которые служатъ церкви, поставляли вѣрность своего служенія въ полную зависимость отъ размѣра вознагражденія, но справедливо, съ другой стороны, что слова Христа: „Трудящійся достоинъ своей платы“—заключаютъ въ себѣ соціальныи принципъ, которымъ нельзя постоянно пренебрегать безнаказанно.

2. Переходя теперь къ *внутренней* христіанской жизни, главной задачей Генеральнаго Синода было опредѣлить болѣе точно правильное отношеніе организованной церкви (the organized Church) къ различнымъ „ассоціаціямъ“ (такъ называемымъ *Gemeinschaftsleute*). Въ теченіе многихъ лѣтъ было обычаемъ въ Германіи, что внутри правильно устроенныхъ конгрегацій образовывались меньшія корпораціи. Въ настоящее время никто не будетъ отрицать, что, въ виду ненормальнаго раз-

витія многихъ конгрегацій, болѣе тѣсное единеніе лицъ съ одинаковыми наклонностями отвѣчаетъ естественнымъ потребностямъ челоуѣческаго сердца. Члены маленькаго общества этого рода легко узнаютъ другъ друга; знакомятся съ взаимными нуждами, готовы помогать другъ другу въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни и утѣшать во время скорби. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что среди причинъ, которыя содѣйствовали образованію подобныхъ ассоціацій, было стремленіе къ чему-то особенному и вліяніе иностранныхъ, особенно Американскихъ, проповѣдниковъ. Во всякомъ случаѣ, можно замѣтить, что эти новыя корпораціи стремятся облечь въ какую-то особенную форму многія доктрины и указываютъ странный идеалъ нравственности. Напримѣръ, одинъ ораторъ на Генеральномъ Синодѣ говорилъ, какъ одинъ агентъ этихъ ассоціацій, произнося рѣчь на митингѣ, кричалъ одному изъ слушателей: „Вы будете осуждены, потому что у васъ въ грудномъ карманѣ находятся идолы: ваши сигары—ваши идолы“!

Вотъ образецъ поклоненія ложному идеалу христіанской нравственности, который господствуетъ въ подобныхъ обществахъ; и если склонность къ ложнымъ взглядамъ, подобнымъ взглядамъ Дарбинтовъ (Darbyites) поставить въ связь съ этимъ идеаломъ, легко можно понять, почему многіе друзья здоровой евангелической вѣры видятъ въ тѣхъ ассоціаціяхъ неминуемую опасность. Поэтому многіе ораторы, какъ, напримѣръ, генераль-суперъинтендентъ Браунъ изъ Кенигсберга, очень настойчиво рекомендовали относиться къ подобнымъ обществамъ съ самой благоразумной осторожностью.

3. Третьимъ предметомъ, подлежавшимъ серьезному обсужденію Генеральнаго Синода, было отношеніе церкви ко многимъ практическимъ результатамъ современной культуры. Къ этой категоріи принадлежитъ въ нѣкоторой степени вопросъ объ отношеніи церкви къ *дуэли*, и дебатированіе по этому вопросу сопровождалось сильнымъ возбужденіемъ. Но, несмотря на попытку нѣкоторыхъ джентльменовъ благороднаго происхожденія представить дуэль какъ видъ самозащиты, или родъ судебного дѣйствія, почти единодушно было признано, что дуэль—*грѣховна*.

Естественнѣе было возникнуть различію во мнѣніяхъ относительно вопроса о томъ, какъ духовенство должно поступать касательно погребенія лицъ, которыя въ своемъ завѣщаніи выразили желаніе, чтобы ихъ останки *были сожжены*. Синодъ Рейнской провинціи, къ которой принадлежитъ городъ Боннъ, сдѣлалъ предложеніе, чтобы духовнымъ лицамъ въ ихъ официальномъ костюмѣ была предоставлена свобода произносить утѣшительную рѣчь оставшимся родственникамъ, прежде чѣмъ трупъ будетъ отправленъ въ крематоріумъ. Но даже краснорѣчивыя слова Дг. Хаккенберга, который совѣтовалъ съ мудростью, спра-

ведливостью и любовью относиться къ родственникамъ умершаго, были безсилны побудить большинство членовъ Генеральнаго Синода принять предложеніе синода Рейнской провинціи. Вообще выражали опасеніе, что, если будетъ сдѣлана какая-либо уступка въ этомъ отношеніи, духъ настоящаго вѣка кончитъ требованіемъ, чтобы духовенство благословляло даже урны, содержащія пепель.

Величайшее безпокойство было причинено Генеральному Синоду той массой невѣрія, котораго исполнена *соціальная демократія*, и которое враждебно относится къ церкви. На знаменитомъ конгрессѣ, происходившемъ недавно въ Дрезденѣ, эта партія провозгласила себя такимъ-же злѣйшимъ врагомъ христіанства какъ и государства. Какъ-же нужно бороться съ опасностью, которая угрожаетъ церкви со стороны этихъ не христіанскихъ круговъ? Этотъ вопросъ обсуждался на Генеральномъ Синодѣ и послѣ горячихъ дебатовъ члены Синода пришли къ важному заключенію. *На первый разъ* была принята резолюція, что часть церковныхъ доходовъ должна быть посвящена слѣдующимъ двумъ цѣлямъ. Прежде всего, должны быть избраны особые проповѣдники, которые заботились-бы объ удовлетвореніи всѣмъ духовнымъ потребностямъ семействъ, принадлежащихъ къ рабочимъ классамъ, которые стремятся къ большимъ промышленнымъ центрамъ, и составляютъ болѣе или менѣе колеблющееся населеніе. Во-вторыхъ, должны быть приняты мѣры къ изученію студентами теологіи (*students of theology*) и духовенствомъ соціальнаго вопроса, чтобы они могли понимать и быть готовыми къ борьбѣ съ угрожающей опасностью. Такимъ образомъ новое столѣтіе отмѣчаетъ въ этомъ отношеніи также значительную степень развитія.

4. Важнѣйшимъ предметомъ, однако, который занималъ вниманіе Генеральнаго Синода, былъ названный такъ для краткости „профессорскій вопросъ“. Это—проблема, какъ удовлетворить въ одно и тоже время требованіямъ науки и церкви при изученіи теологіи въ университетахъ. Пренія по этому вопросу были открыты рѣчью профессора Эриха Хаупта (въ Халле), произнесенной на одномъ изъ первыхъ полныхъ засѣданій. Рѣчь его закончилась предложеніемъ остаться, по причинамъ указаннымъ, при существующемъ порядкѣ (*pass to the order of the day*). Но хотя въ этихъ причинахъ заключалось свидѣтельство объ Иисусѣ Христѣ воскресшемъ Спасителѣ, чувствовалось, что съ этимъ заявленіемъ остаться при существующемъ порядкѣ (*pass to the order of the day*) нельзя согласиться, и большинство членовъ Генеральнаго Синода не осмѣлилось бы сообщить подобную резолюцію своимъ сильно смущеннымъ провинціямъ. Поэтому обсуждаемый предметъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета, состоящаго изъ 21 члена. Больше число изъ нихъ было того мнѣнія, что евангелической теологіи въ ея самозащитѣ противъ современныхъ взглядовъ могутъ помочь двѣ мѣры. Прежде всего, можно

сдѣлать попытку усилить вліяніе церкви на назначеніе на профессорскія теологическія кафедры, именно, черезъ синодальный элементъ (президента и другихъ лицъ Генеральнаго Синода) потребовать имѣть голосъ въ этомъ дѣлѣ. Во-вторыхъ, было сдѣлано предложеніе гарантировать какимъ-нибудь новымъ путемъ — способами, придуманнымъ вновь—правоспособность (*habilitation*) подходящихъ молодыхъ теологовъ, готовящихся къ служенію въ качествѣ пасторовъ. Авторъ этой статьи принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые были избраны въ комитетъ; онъ произнесъ въ комитетѣ рѣчь, суммированную ниже, и выражающую основной взглядъ, который, со времени признанія его правоспособности (*since his habilitation*), былъ его идеаломъ и регулятивнымъ принципомъ.

Сначала я указать на нѣкоторыя крайнія положенія современной теологии, которая по моему мнѣнію не примирима съ библейскою религіей, и о появленіи которыхъ, поэтому, безъ сомнѣнія, должно сожалѣть. Но немногіе теологи въ настоящее время, указывалъ я, допускаютъ только аналитическую теологію, признавая возможнымъ объяснить религію психологическимъ процессомъ и характеризовать даже христіанство, какъ одну изъ ступеней въ общемъ религіозномъ развитіи человѣческой расы. Такимъ образомъ, продолжалъ я, картина, рисующая современное положеніе теологической науки, имѣетъ, безъ сомнѣнія, не мало темныхъ чертъ, и нельзя удивляться, что многіе изъ нашихъ современниковъ видятъ въ этихъ темныхъ пятнахъ грозовыя тучи, которыя угрожаютъ покрыть весь горизонтъ и разразиться сверкающими молніями надъ зданіемъ царства Христова. Но какимъ образомъ разсѣять это основательное и широко-распространенное безпокойство предъ лицомъ неминуемой опасности? Этотъ вопросъ, прибавилъ я, заставилъ, какъ извѣстно моимъ слушателямъ, очень многіхъ членовъ церкви выдвинуть два главныхъ проекта для улучшенія современнаго положенія. Но я доказывалъ, что главнымъ недостаткомъ въ этихъ методахъ была ихъ вѣроятная бесполезность.

Предыдущіе ораторы говорили о бесполезности предложеннаго участія президента и другихъ лицъ Генеральнаго Синода въ назначеніи профессоровъ теологии, и я признался, что согласенъ съ ними; ибо сужденіе президента о профессорѣ при назначеніи его на должность не можетъ сохранить своей силы для всего періода службы этого профессора. Сужденіе президента, чтобы оно могло имѣть свою силу и на будущее время, должно быть восполнено постояннымъ наблюденіемъ, и, если необходимо, отставкой профессора сомнительнаго. Что касается другого предложеннаго проекта, именно, чтобы давать предпочтеніе одному классу молодыхъ кандидатовъ при опредѣленіи правоспособности (*for habilitation*), я высказалъ, что не могу видѣть въ этомъ проектѣ

какія-нибудь болѣе надежныя средства для улучшенія современнаго положенія. Развѣ эти молодые люди не могутъ впослѣдствіи измѣнить своей первоначальной точки зрѣнія? Помимо того, если не будетъ оказываема поддержка никому, за исключеніемъ молодыхъ теологовъ съ библейскимъ направленіемъ, развѣ не возникнутъ жалобы по поводу предпочтенія, оказываемаго одной партіи? Мое главное возраженіе, однако, противъ предложеннаго проекта состояло въ томъ, что онъ сводится въ сущности къ признанію, что истина, содержащаяся въ христіанской религіи, лишена своей могучей силы (*to a confession of the poverty of the body of truth contained in the christian religion*). И всетаки въ теченіе столѣтій факты и идеи христіанства влекли молодые умы къ полному пониманію его. Исключительное (unique) положеніе ветхозавѣтной религіи среди древней культуры и неописуемое величіе ослѣпительной личности Иисуса Христа въ теченіе прошлыхъ столѣтій сами по себѣ были достаточны привлечь умы до такой степени, что они находили свой идеаль въ академическомъ курсѣ и на теологическомъ факультетѣ. До сихъ поръ истины, содержащіяся въ христіанствѣ оказывались такъ-же привлекательными, какъ и предметы изслѣдованія на другихъ факультетахъ. Почему привлекательная сила христіанской истины теперь должна подвергаться сомнѣнію? Почему она должна въ будущемъ прибѣгнуть къ помощи, предлагаемой ей? Можно-ли указать что-нибудь на другихъ факультетахъ вполне аналогичное тому, что было предложено теперь? Но если-бы нельзя было избѣгнуть всякихъ усилій поставить теологическій факультетъ въ исключительное положеніе сравнительно съ другими, вліяніе этого факультета было-бы уменьшено,—результатъ, противъ котораго не было нужды предостерегать моихъ слушателей, ибо онъ не могъ не быть нежелательнымъ для всѣхъ нихъ. Тѣ, которые были членами теологическихъ факультетовъ, должны стремиться приобрести вліяніе надъ всѣми кругами своихъ современниковъ, и въ особенности надъ представителями другихъ факультетовъ, показывая имъ, что даже другъ свободной науки можетъ стоять независимо и по глубокому убѣжденію на почвѣ христіанства. Но всякое подобное вліяніе со стороны теологическихъ факультетовъ было-бы устранено, если-бы опредѣленіе правоспособности (*habilitation*) на теологическомъ факультетѣ сдѣлалось исключительнымъ актомъ черезъ подчиненіе вышнимъ вліяніямъ. Всестороннее обсужденіе вопроса привело меня къ заключенію, что всѣ *вышнія* средства, которыми, повидимому, можно было бы измѣнить характеръ академической теологіи, должны быть избѣгнуты.

Я разъяснялъ, что я всего болѣе утвердился въ этомъ мнѣніи вслѣдствіе размышленія, что эти нежелательныя явленія въ области теологической науки не есть *необходимый* результатъ доселѣ господствующихъ условій, въ которыя поставлена теологическая наука въ

университетахъ, которая въ лицѣ нѣкоторыхъ ея представителей приняла враждебное отношеніе къ фундаментальнымъ истинамъ Библіи. Изъ этого обстоятельства вовсе не слѣдуетъ, чтобы *все* представители теологической науки участвовали въ такой оппозиціи. Посему нѣтъ никакой нужды *измѣнять* условія, при которыхъ до сего времени существовала теологическая наука. Все что нужно—это требовать корректнаго соблюденія этихъ условій. Такой выводъ, заявилъ я, кажется мнѣ единственно возможнымъ, и только этому одному—корректному соблюденію условій—можетъ быть оказана сильная поддержка.

Основное условіе существованія теологической науки, именно, *свобода изслѣдованія*, указывалъ я, не есть нѣчто совершенно неопредѣленное и непонятное. Она не ограничена, дѣйствительно, разстояніемъ (by distance), или чѣмъ-нибудь внѣ себя самой, но ограничена, прежде всего, *предметомъ самаго изслѣдованія*. Процессъ изслѣдованія прежде всего опредѣляется необходимостью держаться всесторонняго взгляда на предметъ, подлежащій изслѣдованію, вмѣсто того, чтобы довольствоваться разсмотрѣніемъ одной только какой-либо стороны его. *Все* его характеристическія черты должно имѣть въ виду съ одинаковой серьезностью. Возьму иллюстрацію изъ моей собственной специальности: было совершенно естественно, чтобы послѣ столѣтій господства іудейско-христіанской традиціи касательно Ветхаго Завѣта, какъ литературнаго памятника, первые взгляды были обращены на тѣ особенности, которыя уничтожаютъ очарованіе традиціи. Но постепенно приходитъ время, когда другая сторона также привлекаетъ вниманіе, и точно такой-же интересъ придается всему въ ветхозавѣтныхъ книгахъ, что говоритъ въ пользу авторитета традиціи 1).

Второе важное обстоятельство, которое налагаетъ границу на свободу изслѣдованія, я находилъ *въ совѣсти изслѣдователя*. Она обнаруживается не только во всестороннемъ разсмотрѣніи предмета изслѣдованія, но и въ самокритицизмѣ изслѣдователя, во взаимномъ критицизмѣ различныхъ изслѣдователей, и въ безпристрастномъ разсмотрѣніи результатовъ, достигнутыхъ тѣми, которые принадлежатъ къ иной школѣ спеціальнаго отдѣла науки.

Что касается самокритицизма изслѣдователя, мы всегда должны остерегаться чтобы не принять полудоказательствъ какого-нибудь утвержденія за полныя доказательства. Могу привести иллюстрацію изъ области лингвистической аргументаціи, которой я увлекался,—какъ часто случалось, что разность въ частныхъ лексическихъ выраженіяхъ трактовалась въ качествѣ доказательства различія авторовъ! И тѣмъ не

1) См. мою недавнюю брошюру, *Glaubwürdigkeitsspuren des A. T.* Berlin: Runge, 75 pf.

мѣне я давно тому назадъ указаль, что такая разность не есть достаточное доказательство. Перестанемъ въ такомъ случаѣ складывать полудоказательства, какъ будто общая сумма ихъ можетъ дать неопровержимыя доказательства!

Кромѣ того, *взаимный критицизмъ* изслѣдователей долженъ производиться достойнымъ образомъ и безъ взаимныхъ обвиненій *a limine*. Неоднократно случалось, однако, въ послѣднее время, встрѣчать попытку презрительнымъ отношеніемъ выставить нелѣпыми (*stultity*) аргументы ученыхъ, которые осмѣливались занять независимое положеніе. Какъ Фридрихъ Деличъ, напримѣръ, уклонился отъ своего пути, оскорбляя своихъ оппонентовъ замѣчаніями, не относящимися къ дѣлу! Посему можно выразить единственное горячее пожеланіе, чтобы эти *внутреннія* границы для свободы изслѣдованія всегда были соблюдаемы со всѣхъ сторонъ. Хотѣлось-бы, чтобы была сдѣлана серьезная попытка еще разъ примѣнить эту мѣру къ рѣшенію вопроса—есть-ли какое-нибудь реальное оправданіе для многихъ изъ теорій, которыя нѣкоторые новѣйшіе представители теологіи противопоставляютъ спасительнымъ истинамъ Библии. Если только *изслѣдователь* (*investigator*) не будетъ создавать такихъ теорій, *учитель* (*teacher*) не будтъ имѣть повода выставлять ихъ въ качествѣ серьезныхъ утвержденій.

Я закончилъ горячимъ призывомъ оставить безъ измѣненія старыя условія существованія академической теологіи. Съ тѣмъ-же самымъ оружіемъ и съ тѣми-же самыми правилами борьбы, какъ другіе факультеты, мы желаемъ продолжать свое стояніе на аренѣ и вести славное дѣло христіанства по торжеству.

Мои слова, однако, не успокоили бури вполне. Требованіе, чтобы президентъ и другія лица Генеральнаго Синода „въ подходящихъ случаяхъ“ (*in geeigneten fällen*) принимали участіе въ назначеніи на богословскія профессорскія кафедръ, было вновь предложено одной стороною собранія. Выше упомянутый планъ касательно правоспособности (*in regard to the habilitation*) молодыхъ клириковъ былъ одобренъ той же самой партіей, и тоже самое большинство предложило резолюцію въ въ слѣдующихъ словахъ: „Выражается надежда, что никто не будетъ назначенъ въ профессора за исключеніемъ людей, которые вѣруютъ и исповѣдуютъ Сына Божія“. Почти цѣлая треть, именно, 59 членовъ Генеральнаго Синода, отказалась принять эту резолюцію, несмотря на свое глубокое убѣжденіе въ основныхъ истинахъ Писанія. Правительство, кромѣ того, которое дѣлаетъ назначенія на профессорскія кафедръ, вѣроятно, не станеть содѣйствовать какой-либо попыткѣ измѣнить существующее положеніе теологическихъ факультетовъ въ германскихъ университететахъ.

5. Наконецъ, естественно было Генеральному Синоду заняться раз-

смотрѣніемъ вопроса о взаимномъ отношеніи различныхъ *исповѣданій*. Оставляя безъ вниманія жалобы на нетерпимость римскихъ католиковъ, я упомяну только объ одной замѣчательной резолюціи, которая была предложена относительно іезуитовъ. Чтобы понять ее, необходимо маленькое объясненіе. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ кругахъ въ Германіи было стремленіе уничтожить § 2 закона объ іезуитахъ, согласно которому членамъ общества Іисуса не дозволяется жить внутри границъ Германской имперіи, иначе какъ на положеніи единичныхъ иностранцевъ и только въ нѣкоторыхъ специально назначенныхъ мѣстахъ. Это стремленіе было встрѣчено съ горячей оппозиціей на Генеральномъ Синодѣ, и была предложена резолюція, съ которой не согласились очень немногіе, именно, что § 2 долженъ остаться въ силѣ.

Обидывая взоромъ бывшія засѣданія Генеральнаго Синода, чувствуешь, что результатъ ихъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Основное исповѣданіе евангелическаго христіанства нашло могучее выраженіе. Нападки враговъ нашего Спасителя были сильно отражены, при чемъ не отнималась рука примиренія. Единственный пунктъ, въ которомъ обнаружился недостатокъ яснаго взгляда, заключался въ проблемѣ—какъ опредѣлить правильно границы христіанской теологіи.

* * *

Современное положеніе дѣлъ во Франціи—критическое. Франція въ теченіе долгаго времени была главной опорой папства. Французскіе короли были вообще злѣйшими врагами реформаціи, за исключеніемъ Генриха VI, и были главными орудіями, задерживающими или оживляющими ее силу во время неизбѣжной опасности. Никто не можетъ забыть убійствъ Варроломеевской ночи въ 1572 году или уничтоженія Нантскаго Эдикта, столѣтіемъ позднѣе, Людвигомъ XIV, однимъ изъ самыхъ презрѣнныхъ (bogadad) и жестокихъ монарховъ, когда-либо царствовавшихъ. Затѣмъ наступило долгое восемнадцатое столѣтіе съ торжествомъ папства—Франція управлялась церковниками (clergyumen), крестьянство было стерто въ прахъ 1)—вплоть до великой революціи. Церковь во Франціи, потерявшая свое вліяніе, хотя оживленная Наполеономъ, съ тѣхъ поръ никогда не имѣла прежняго могущества. Церковная собственность была секвестрована, пасторы сдѣлались наемными агентами государства. Былъ заключенъ конкордаты, который поддерживался съ тѣхъ поръ. Въ послѣдній періодъ царствованія Наполеона III папство покушалось, черезъ вліяніе императрицы Евгеніи, возстановить свое могущество во Франціи. Это привело къ войнѣ 1870 года, подстрекаемой Римскимъ дворомъ, благодаря которой, однако, Франція была унижена и ее территорія

1) the peasantry ground to the dust.

урзана. Затѣмъ была учреждена республика, которая вопреки всѣмъ политическимъ предсказаніямъ дожила до настоящаго дня, и въ настоящее время крѣпче, чѣмъ когда-либо. Республиканскій режимъ не былъ благопріятенъ для папской интриги, которая постоянно тайно работала съ цѣлью его ниспроверженія. Руководящіе церковники, въ общемъ, поддерживали монархическія партіи. Богатые монашескіе ордена тратили много денегъ на попытку подорвать республику. По мѣрѣ того, какъ подвигалось время, борьба становилась болѣе страстной, монашескіе ордена, въ значительной части, были изгнаны изъ страны. И теперь предполагается уничтожить конкордаты.

Каковъ будетъ результатъ, если эта попытка будетъ осуществлена? Во Франціи, какъ и во многихъ другихъ римско-католическихъ странахъ, чрезмѣрно развито практическое невѣріе. Въ особенности въ столичныхъ и большихъ городахъ (in the cities and large towns) огромная часть мужского населенія утратило вѣчную вѣру въ религію и стала матеріалистической, и даже во многихъ провинціальныхъ округахъ, хотя церковныя службы въ нихъ лучше посѣщаются, священники потеряли свое вліяніе, за исключеніемъ Бретани и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей на сѣверо-западѣ. Громадная масса людей живетъ безъ религіи. Въ столицахъ и городахъ быстро развивается также социализмъ, угрожающій конфликтомъ и бѣдствіями.

Но Французы по природѣ религіозный народъ, и это обстоятельство, следовательно, является очень благопріятнымъ для проповѣданія Евангелія. Церковь Римская, съ ея мессами, ея поклоненіемъ святымъ и апостоламъ, доведеннымъ до степени идолопоклонства, особенно по отношенію къ Дѣвѣ Маріи, съ ея униженнымъ конфессіоналомъ, ея богослуженіемъ на языкѣ неизвѣстномъ громадной массѣ народа, что дѣлаетъ истинное богослуженіе невозможнымъ, потеряла почти всѣ слѣды христіанства и сдѣлалась поистинѣ анти-христіанскою ¹⁾. Народъ, когда онъ слышитъ Евангеліе и читаетъ священныя книги Новаго Завета, чувствуетъ, что въ нихъ содержится какая-то совершенно новая для нихъ религія и увлекается ея простотой и истиной. Во Франціи существуютъ разнообразныя протестантскія миссіи. Миссія, находящаяся подъ руководствомъ Шарля Мерля д'Обиньи (Rev. Charles Terle d'Aubigne), секретаря Центральнаго Протестантскаго общества, которая поддерживаетъ около 200 дѣятелей въ 70 изъ 86 департаментахъ, и имѣетъ приготовительную теологическую школу въ Парижѣ, съ 30—40 студентами; эта миссія содержитъ книгоношъ во многихъ различныхъ

¹⁾ Хотя въ Римской церкви дѣйствительно много ученій совершенно чуждыхъ древнему христіанству, но въ этихъ словахъ нельзя не видѣть крайняго и рѣзкаго сужденія протестантовъ. Статья эта занята изъ Англійскаго миссіонерскаго журнала „The Mission World“.

частяхъ страны. Мак-Оллская миссія (Ale-Ale Tission), имѣющая многихъ агентовъ и множество рѣчныхъ лодокъ для обслуживанія городовъ и селеній, расположенныхъ по берегамъ рѣкъ. Уэслейанская Миссія (Wesleyan Mission), которая дѣйствуетъ съ успѣхомъ, и много книгоношъ различныхъ библейскихъ обществъ. Такъ дѣлается великое дѣло проповѣди Евангелія, хотя незначительное по результатамъ сравнительно съ количествомъ населенія и пространствомъ страны. Но и достигнутые результаты вселяютъ ободреніе; въ нѣкоторыхъ областяхъ были мирно завоеваны цѣлыя деревни и увлечены многіе священники. Нѣкоторые прежніе священники теперь проповѣдуютъ Евангеліе, а другіе приготавливаются къ этому дѣлу. Жатва обильна, но дѣлателей мало. Теперь самое благопріятное время.

Если конкордатъ будетъ уничтоженъ, протестантская церковь Франціи также будетъ лишена жалованья (stipends), платимаго государствомъ ея профессорамъ и священнослужителямъ (ministers). Это можетъ создать значительныя затрудненія, но это можетъ оказаться выгоднымъ въ концѣ концовъ. Протестантская церковь состоитъ изъ очень разнородныхъ элементовъ (is very mixed): въ ней много ревностныхъ евангелическихъ пасторовъ, но въ ней также много рационалистическихъ и полурационалистическихъ профессоровъ и пасторовъ. Какъ всегда бываетъ, ревностные христіане щедро жертвуютъ на распространеніе Евангелія у себя дома и въ чужихъ краяхъ. Если конкордатъ будетъ уничтоженъ и евангелическая секція протестантской церкви будетъ отдѣлена отъ рационалистической, возможно, что средства (funds) сильно увеличатся и дѣло получить большой успѣхъ. Должно оказать всякую возможную помощь для выполненія этого великаго дѣла. Нѣтъ другого болѣе важнаго поприща для миссіонерской дѣятельности въ настоящее время, какъ римско-католическое населеніе Франціи, Италіи, Австріи и другихъ странъ,—населеніе, оставленное во мракѣ—глубокомъ, какъ ночь. Движеніе къ освобожденію отъ Рима (dosv on Rome movement) въ Австріи, которое быстро развивается и вообще отличается евангелическимъ характеромъ, можетъ распространиться по другимъ римско-католическимъ.

Въ церкви римской, во Франціи и Италіи, ненависть къ священническому вліянію перешла во многихъ случаяхъ въ жестокую вражду къ самой религіи. Но дѣло евангельской проповѣди, если его будутъ вести ревностные люди, вѣрующіе въ Писаніе, какъ вдохновенное Слово Божіе будетъ во Франціи становиться все болѣе и болѣе успѣшнымъ. Народъ, въ особенности женщины, но множество также и мужчинъ, съ горечью чувствуютъ недостатокъ въ религіи.

С. Звѣринскій.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Мобилизація въ сектантскихъ селеніяхъ.—Отрадное для миссіи нововведеніе въ Харьковскомъ университетѣ.—Успѣхъ Харьковскихъ бесѣдъ съ сектантами.

Въ теченіе истекшей осени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кievской губерніи два раза была произведена мобилизація запасныхъ. Первый разъ мобилизація прошла не совсѣмъ спокойно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были разгромлены казенныя винныя лавки, въ другихъ—погрому подверглись магазины и дома еврейскаго населенія. Кое-гдѣ толпы запасныхъ врывались въ помѣщичьи и арендаторскіе дома, и разграбляли ихъ. Были случаи оскорбленій начальствующихъ и должностныхъ лицъ. Въ одномъ мѣстѣ былъ избитъ священникъ. Второй разъ мобилизація прошла спокойно...

Причинъ вышеуказаннымъ печальнымъ явленіямъ въ жизни нашего простаго народа, всегда патріотичнаго, безропотно переносящаго государственную тяготу, было много. Здѣсь имѣло значеніе и прекращеніе на все время мобилизаціи продажи вина, къ чаркѣ котораго привыкъ уже, къ несчастью, прибѣгать русскій человѣкъ въ радости и въ горѣ,—а горя на сей разъ было довольно,—и скопленіе въ городахъ и мѣстечкахъ большихъ массъ, при слабомъ надзорѣ, и массовое бѣгство изъ района мобилизаціи запасныхъ евреевъ, мѣста которыхъ, по неволѣ, пришлось заполнять русскими, и грубое отношеніе однихъ, и безучастное отношеніе другихъ,—все это создавало атмосферу недовольства. Достаточно было раздаться двумъ—тремъ недовольнымъ голосамъ, и буйство запасныхъ начиналось. Великое Государево дѣло нужно было дѣлать съ подготовкою. Это прекрасно оправдалось во время второй мобилизаціи, когда обратились предупредительно къ содѣйствію пастырскаго слова увѣщанія и когда уѣздныя власти и помѣщики проявили большую чуткость и отзывчивость въ эти тяжелые для крестьянства дни.

Миссія не отнеслась безучастно къ этому дѣлу. Ей хорошо было извѣстно значеніе сектантства не въ церковномъ только, но и государственномъ дѣлѣ. Бесѣды о присягѣ на вѣчную вѣрность Царю и отечеству, о войнѣ и военной службѣ, о противленіи злу до возможности

убить человѣка,—всѣ эти толстовскія темы являются, на ряду съ вопросомъ объ иконопочитаніи и пастырствѣ, самыми любимы у нашихъ сектантовъ штундистовъ. Замѣчательно, что штундисты стали чуждаться графа Толстого и отвергли составленный имъ для нихъ „Катихизисъ Иисусова братства по евангелію“, когда разобрали, что онъ отвергаетъ божество Господа Иисуса Христа, но всѣ его противогосударственныя брошюры, издаваемая его друзьями за границей, исправно получаютъ и распространяютъ среди православныхъ. Они же распространяютъ совершенно чуждые духу ихъ ученія листки іеговистовъ, очевидно ради явной въ этихъ произведеніяхъ ненависти къ государству и церкви.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, для миссіи ясно было, что въ часъ грозы Божіей вліяніе сектантства скажется... И дѣйствительно, безпорядки разразились въ каневскомъ уѣздѣ, изъ уѣздовъ губерніи наиболѣ зараженномъ сектантствомъ, и особенно въ мѣстечкѣ Богуславѣ, этомъ очагѣ, изъ котораго разсыпаются искры сектантства во всѣ мѣста губерніи.

Въ рукахъ миссіи одно, единственное, оружіе: бесѣды объ истинѣ, и она, по силамъ своимъ, служила этими бесѣдами государственному дѣлу съ того самого часа, какъ раздался царскій голосъ Высочайшаго Манифеста, призывавшаго Русь на отраженіе врага. Къ сожалѣнію, къ ея устному слову мало присоединялось слово книжное. Кромѣ листовокъ: „Отвѣты изъ Слова Божія“—изданія Миссіонерскаго Обозрѣнія, въ рукахъ ея для раздачи народу не было подходящихъ брошюръ на жгучія современныя темы. Приѣдетъ миссіонеръ, проведетъ одну—двѣ бесѣды и ѣдетъ въ другое село, гдѣ таже нужда и тѣже запросы, а крестьяне слушатели остаются, судятъ и пересуживаютъ слова миссіонера. Хорошо, если мѣстный священникъ способенъ и готовъ поруководить народными думами, удовлетворить возбужденную—весьма часто впервые, бесѣдою миссіонера духовную жажду... А бываетъ,—и бываетъ, увы, весьма часто, инос. Впечатлѣніе отъ бесѣды миссіонера учитываютъ въ свою пользу сектанты, и сбывается слово Апостола: „и случается съ ними по вѣрной пословицѣ: песь возвращается на свою блевотину и вымытая свинья идетъ валяться въ грязи“ (2 Петр. 2, 22).

Особенно тревожно было для миссіи положеніе дѣла въ селѣ Павловкѣ Уманскаго уѣзда. Сюда въ началѣ года зашли изъ сосѣдней Херсонской губерніи, изъ мѣст. Петроострова, малеванскіе пророки Сквирскаго и Каневскаго уѣздовъ, потерявшіе у себя на мѣстѣ всякое довѣріе, какъ православныхъ, такъ и сектантовъ. Въ Павловкѣ, какъ и въ Петроостровѣ, они имѣли поразительный успѣхъ и довели своими бреднями до религіознаго безумія нѣсколько сотъ человѣкъ. Здѣсь едва не повторилась исторія съ толстовцами Харьковской губерніи, которую создалъ малеванецъ изъ этой же компаніи Моисей Тодосіенко.

Замѣчательно, что въ кievской Павловкѣ уже много лѣтъ шла пропаганда штундизма и, несмотря на несовѣсъ благоприятныя мѣстныя церковныя условія, крестьяне энергично отбивались отъ штундистской пропаганды. Но случилось зайти двумъ малеванцамъ, и то, что долго и съ великимъ трудомъ не удавалось рационалистамъ-штундистамъ, то въ одну-двѣ недѣли и легко удалось мистикамъ-малеванцамъ. Въ малеванство сразу совратилось до трехъ сотъ человекъ...

Какъ разъ въ это время начавшаяся война сдѣлала сектантовъ-малеванцевъ очень чуткими ко всѣмъ слухамъ о нашихъ военныхъ дѣлахъ, и они громко, безбоязненно говорили противъ нея, указывая односельчанамъ на ея несправедливость, несогласіе съ Божественными заповѣдями, тягость для крестьянъ, которымъ завоеванныхъ земель, будто-бы, не дадутъ, но которымъ наиболѣе тяжело приходится отъ войны. Матеріалъ для своихъ сужденій о войнѣ сектанты находили не столько въ Словѣ Божіемъ, сколько въ изобиліи распространявшихся по Уманскому уѣзду прокламаціяхъ соціально-революціонной рабочей партіи съ однимъ общимъ возваніемъ (на русскомъ и малорусскомъ языкѣ): „пролетаріи всего міра, соединитесь“!..

„Если вы боитесь Бога и любите народъ,—кричали на бесѣдахъ миссіонеру сектанты,—то вы должны идти туда, до Куропаткина, а не сюда. Станьте тамъ, межъ русскими и японцами и кричите: разойдитесь, не стрѣляйте, нельзя убивать человека... Чего вы къ намъ ѣздите изъ Кіева? Тамъ вы нужнѣе, чѣмъ тутъ“!.. Народъ видимо сочувствовалъ сектантамъ, хотя вслухъ и посмѣивался надъ ними. Ожидая мобилизаціи, миссія опасалась осложненій. Но сектанскую проповѣдь побѣдило послушаніе Матери-Церкви и исполненное долга миссіонерское слово пастыря...

Во время первой и второй мобилизаціи священникъ призывалъ православныхъ къ усиленной молитвѣ въ храмѣ. Днемъ, до поздней ночи, священникомъ и пріѣзжавшими миссіонерами велись бесѣды, раздавались миссіонерскіе листки. Въ самый день мобилизаціи, предъ выходомъ запасныхъ изъ села, въ храмѣ служился торжественный молебенъ, произносилось слово пастыря и затѣмъ священникъ въ облаченіи, съ проводомъ св. креста и хоругвей, провожалъ запасныхъ до конца села...

Въ числѣ призванныхъ запасныхъ, во время первой мобилизаціи въ Павловкѣ, оказалось семь сектантовъ. Они порвали свои призывные билеты и отказались было идти, но, потомъ, четверо изъ нихъ охвачены были общимъ воодушевленіемъ и пошли съ православными. Трое оставались упорными и остались въ селѣ. Ночью они были арестованы и увезены въ уѣздовый городъ. Во время второй мобилизаціи сектанты

не выражали никаких протестовъ, были въ храмѣ на общемъ молебствіи и прикладывались ко кресту...

Особенно тревожно было еще въ мѣст. Жашковѣ Таращанскаго уѣзда. Здѣсь много сектантовъ, и вліяніе ихъ на цѣлую половину уѣзда громадно. Оставивъ уже давно вопросы чистаго вѣроученія, они, крѣпко сплоченные между собою, стали оказывать давленіе экономическаго, матеріальнаго свойства. По части распространенія социалистическихъ брошюръ, они первые въ уѣздѣ мастера, выступаютъ у крестьянъ совѣтчиками и ходатаями по земельнымъ и судебнымъ дѣламъ и проч. Жашковскіе сектанты—большіе почитатели графа Толстого и вмѣстѣ съ сектантами сосѣднихъ нѣсколькихъ селъ являются послѣдними могиканами первоначальнаго близкаго, къ толстовству, „духовнаго“ штундизма. Они являются принципиальными противниками войны. Здѣсь же въ мѣстечкѣ, съ другой стороны, сильно чувствовался матеріальный и нравственный гнетъ еврейства. Евреи до такой степени подчинили себѣ мѣстное православное населеніе, что—невыроятный почти фактъ!—когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ сюда еврейскій архицадикъ, евреи заставили православныхъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью... Предъ мобилизаціей стало извѣстно, что почти всѣ евреи запасные, за исключеніемъ больныхъ и слабыхъ, убѣжали. Готовился погромъ. Еврей, кто могъ, уходилъ изъ мѣстечка. Весь скарбъ еврейскій тщательно прятался... Были присланы войска.

Евреи еще задолго до мобилизаціи присылали къ священнику, извѣстному въ епархіи миссіонеру, котораго они уважали, хотя и старались ему дѣлать всякія пакости въ отместку за постоянное его заступничество за православныхъ, депутацію съ просьбой помочь имъ въ грозящей бѣдѣ. Священникъ и самъ, по долгу своего пастырства, готовился къ мобилизаціи, говоря проповѣди о вѣрности и послушаніи Царю, устраивая публичныя чтенія и бесѣды и пользуясь каждымъ поводомъ, чтобы возбудить въ народѣ чувство долга и патріотизма. На день мобилизаціи онъ назначилъ всѣмъ запаснымъ говѣнье. Служба въ Церкви шла умилительная и торжественная. У храма собрался весь приходъ. Во время слова священника о христіанской любви православныхъ воиновъ до готовности душу свою положить за вѣру, царя и отечество, раздавались громкія рыданія...

Послѣ службы священникъ пригласилъ всѣхъ запасныхъ и должностныхъ лицъ на обѣдъ, въ зданіе церковно-приходской школы, устроенный имъ совмѣстно съ болѣе состоятельными прихожанами. На обѣдѣ сказалъ простую, но трогательную, вызвавшую общее воодушевленіе, рѣчь командиръ присланнаго отряда. „Братцы,—говорилъ онъ,—не думалъ я сегодня обѣдать съ вами. Я думалъ, мое мѣсто не будетъ тутъ... А Богъ устроилъ иначе, къ доброму. Я здѣсь потому, что вы

оказались хорошими людьми. Я былъ съ вами въ церкви. Я видѣлъ и слышалъ, какъ вы плакали, молясь Богу. Негодяй не будетъ плакать... Я вѣрю, что вы будете хорошими солдатами. За здоровье вашего батюшки! Ему всѣмъ этимъ мы обязаны... Ура! Раздавшіеся клики были полны искренняго воодушевленія...

Послѣ обѣда, благодаря священника, запасные говорили, что они уже три дня ничего не ѣли. „Дома, знаете, не до ѣды. Жена плачетъ, убивается. Гдѣ тутъ ѣду готовить“. Въ школу къ концу обѣда прибылъ самый уважаемый и богатый еврей Б. съ подарками и деньгами запаснымъ отъ еврейскаго общества. Онъ горячо благодарилъ священника. Гордый еврей при всѣхъ низко поклонился и поцѣловалъ руку священнику-миссіонеру.

Изъ Кіева запасные прислали священнику коллективное письмо, въ которомъ, между прочимъ, пишутъ ¹⁾: „Въ Кіевѣ долго стоять не будемъ, насъ отправятъ немедленно на Дальній Востокъ но пока еще будетъ намъ обмундировка и можетъ быть и подготовка ученія но не долго, такъ видно, что мы всѣ пойдемъ на подкрепленіе къ коруптану; не бросивши наставника въ домахъ своихъ кромѣ Васъ, какъ Пастыря Духовнаго, надеемся, что вы не оставите нашихъ семействъ безъ удовлетворенія какъ духовнаго, такъ и мирскаго видно сдѣла, что мы пойдемъ на великое дѣло и просимъ не забывать насъ Вашими молитвами, чтобы не коснулася къ намъ рука невѣрныхъ, также просимъ посещать нашихъ женъ и дѣтей и удивлять ихъ; затѣмъ спасибо нашему старостѣ Амосу, и всему обществу, за ихъ порядокъ и надѣмся кому будетъ нужда изъ нашихъ семействъ будутъ удовлетворены, недостатками конечно чрезъ Ваше ходатайство. А за наше смиренное прохожденіе докіева, заслужили мы вниманіе у начальства... Будьте здоровы“ и т. д.

Да, съ нашимъ народомъ все можно сдѣлать—и доброе и злое... А чтобы добро сдѣлать, любить, любить его нужно. Нужно быть чуткимъ къ его великой нуждѣ, нужно сострадать его великой тяготѣ. Этому чувству любви нужно дать мѣсто, не дожидаясь циркуляровъ и официальныхъ распоряженій. Они могутъ опоздать, они не могутъ охватить всего. Пусть же ожиданіе ихъ не сдерживаетъ порывы сердца, пусть надъ нами не виситъ кара за все, что выходитъ изъ предѣловъ нашихъ правъ и обязанностей. Мы тогда и сектантовъ побѣдимъ, и православныхъ приведемъ, данной намъ благодатію Божіей, къ царству мира и спасенія.

* * *

1) Печатается съ сохраненіемъ орфографіи.

Недавно въ ученой аудиторіи столичнаго Географическаго общества на докладъ г. Пругавина по расколосектантскому вопросу высказывалось справедливое сѣтованіе, что въ нашихъ университетахъ не сообщается слушателямъ свѣдѣній о расколѣ и сектахъ, между тѣмъ какъ въ заграничныхъ посвящаются профессорами русскому расколосектантству, цѣлые курсы. По этому поводу одинъ изъ студентовъ Харьков. университета прислалъ намъ отрадное сообщеніе о введеніи въ курсъ богословія исторіи и обличенія нашего расколосектантства. Фактъ этотъ совершенно исключительный и въ высшей степени важный для миссіи, и мы долгомъ считаемъ отмѣтить его въ нашей хроникѣ новыхъ выдающихся событій.

Въ послѣдніе годы жажда богословскихъ знаній среди учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведеній обнаруживается повсюду, гдѣ встрѣчаетъ благопріятныя условія для своего удовлетворенія. Какъ нише ть нашъ случайный корреспондентъ, студенты Харьковск. университета въ этомъ случаѣ находятся въ наилучшихъ условіяхъ, имѣя у себя на богословской кафедрѣ такого профессора, который особенно чутко прислушивается къ духовнымъ запросамъ своихъ слушателей. Прот. Тимосей Ивановичъ Буткевичъ, любя своихъ слушателей и отдавая имъ всю энергію, при своихъ блестящихъ ораторскихъ дарованіяхъ, глубокой эрудиціи, широкому уметвенному кругозорѣ и ясномъ, вполне опредѣленномъ взглядѣ на предметъ трактующей науки, отвѣчаетъ на самыя жизненные запросы пытливаго юношества и возбуждаетъ въ нихъ любовь къ богословско-философскому образованію. Понятно, почему аудиторія проф. Буткевича всегда полна слушателями и почему любознательное юношество спѣшитъ на лекціи даровитаго оратора, встрѣчая и провожая его дружными рукоплесканіями, что для профессоровъ богословія совсѣмъ необычно.

Не ограничиваясь формальнымъ курсомъ апологетическаго Богословія, проф. Буткевичъ съ полною готовностью идетъ на встрѣчу всѣмъ добрымъ стремленіямъ своихъ слушателей въ полученіи знаній, хотя бы эти знанія и выходили за предѣлы университетской программы. Мы не говоримъ о его практическихъ занятіяхъ по стенографіи, дающимъ нынѣ многимъ бѣднымъ студентамъ достаточный матеріальный заработокъ. Въ 1900 году, по желанію самихъ студентовъ, проф. Буткевичъ основалъ при университетѣ богословско-философскій кружокъ съ цѣлью живаго совмѣстнаго выясненія коренныхъ вопросовъ богословскаго знанія, стоящихъ въ тѣсной связи съ ихъ философскимъ обоснованіемъ. Десятки самыхъ интересныхъ и важныхъ вопросовъ нашли здѣсь положительное разрѣшеніе, давъ при этомъ членамъ кружка полное духовное удовлетвореніе. Весьма рѣдко были обезуждаемы здѣсь рефераты, касающіеся возбуждаемыхъ въ литературѣ вопросовъ. Въ ряду нихъ

отметимъ рефератъ по еврейскому вопросу, который получилъ здѣсь ясное и всестороннее разрѣшеніе, вопреки взглядамъ и сужденіямъ, высказаннымъ въ мѣстной газетѣ „Южн. Край“ свящ. Григоріемъ Петровымъ.

Съ настоящаго же года, по желанію и настойчивой просьбѣ тѣхъ же слушателей, проф. Буткевичъ открылъ курсъ чтеній по расколо-сектантству, назначивъ для этого три дополнительныхъ лекціи въ недѣлю. На первый взглядъ для нѣкоторыхъ можетъ показаться непонятнымъ такое желаніе студентовъ. Но стоитъ взглянуть поглубже, и мы поймемъ цѣлесообразность подобныхъ курсовъ при университетѣ.

Вопросы современнаго расколо-сектантства въ настоящее время являются самыми жизненными вопросами, характеризующими религиозное состояніе современнаго общества. И юристъ, и медикъ, и историкъ— всѣ въ той или другой степени соприкасаются съ явленіями расколо-сектантства, проникающими и охватывающими разныя стороны общественной жизни. Наше законодательство по вопросамъ вѣры за послѣднее десятилѣтіе вступило въ новый фазисъ своего развитія; русская исторія была бы слишкомъ одностороннею, если бы стала оцѣнивать бытовую сторону жизни русскаго народа безъ всякаго отношенія къ тому сильнѣйшему вліянію расколо-сектантства, какое имъ повсюду производится, эмперичная медицина также нерѣдко вынуждена сталкиваться съ патологическими явленіями и фактами, порождаемыми нѣкоторыми видами нашихъ сектъ.

Будучи знаткомъ современнаго расколосектантства, проф. Буткевичъ и въ этомъ отношеніи сумѣлъ вполне удовлетворить желаніе своихъ слушателей. Освѣщеніе вопросовъ русскаго раскола, сдѣланное вопреки ложнымъ выводамъ нѣкоторыхъ расколовѣдцовъ, какъ, напр., Пругавина, а также яркое освѣщеніе современнаго сектантства—штундизма, баптизма, толстовщины, хлыстовства, молоканства, духоборчества, масонства и др.,—ввели слушателей-студентовъ въ новую и еще неизвѣстную для нихъ область современной жизни. Лекціи проф. Буткевича привлекаютъ массу слушателей. Многіе студенты ведутъ записи, на которыхъ впоследствии они могутъ обосновать и свои взгляды, и свою практическую дѣятельность.

Къ этому заслуживающему полнаго вниманія сообщенію намъ остается добавить отъ себя пожеланіе, чтобы харьковскій университетскій починъ не былъ исключительнымъ, а чтобы и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этому нынѣ не только модному для общества, но и боевому вопросу также было отведено должное мѣсто и вниманіе.

Когда наша интеллигенція получитъ въ школѣ правильное научное освѣщеніе исторіи, вѣрованій и быта расколосектантскаго міра, тогда и задачи и заслуги миссіи будутъ иначе оцѣниваться, чѣмъ теперь,

когда свѣтскіе люди черпаютъ свои свѣдѣнія о расколѣ и сектахъ изъ тенденціозной печати и фельетонныхъ изслѣдованій.

* * *

Въ прошломъ году въ „Мисс. Обзор.“ сообщалось объ организаціи и открытіи, съ благословенія высокопреосвященнаго архіепископа Арсенія, въ гор. Харьковѣ, въ зданіи народнаго театра Квитки-Основьяненка, публичныхъ бесѣдъ съ сектантами, предназначенныхъ главнымъ образомъ для миссіонерской подготовки воспитанниковъ семинаріи. Тогда было высказано сожалѣніе, что мѣстные сектанты на первой бесѣдѣ 14 ноября не выступили съ возраженіями, вслѣдствіе чего бесѣда не достигла своей главной цѣли, явившись лишь чтеніемъ на специально-миссіонерскую тему *объ источникахъ христіанскаго вѣроученія*.

Нынѣ нашъ корреспондентъ сообщаетъ, что бесѣды эти вполнѣ наладились, привлекая множество слушателей изъ православной среды и изъ мѣстныхъ сектантовъ.

Такъ, 12 декабря состоялась вторая бесѣда съ сектантами *о таинствахъ священства*. Уже 10-го и 11-го декабря въ мѣстныхъ органахъ печати подробно оповѣщалось о предстоящей бесѣдѣ. Къ 3-мъ часамъ пополудни 12 декабря слушатели, преимущественно интеллигентные, до того наполнили огромный залъ театра, что многимъ пришлось стоять на дворѣ. На сценѣ размѣстились воспитанники V и VI классовъ семинаріи во главѣ съ о. ректоромъ семинаріи. Въ толпѣ гуторили, что сегодня сектанты намѣрены возражать. Ну, и слава Богу!—пронеслось въ мысляхъ многихъ...

Присутствующій на бесѣдѣ преосвященный Алексій предварительно сказалъ нѣсколько словъ о любовномъ отношеніи къ заблудшимъ, а затѣмъ епархіальный миссіонеръ И. Г. Айвазовъ кратко и ясно изложилъ православное ученіе *о т. священства*, намѣтивъ въ резюме слѣдующіе вопросные пункты, подлежащіе обсужденію съ иномыслящими: 1) необходимо-ли въ Церкви Христовой священство; 2) сколько и какія степени новозавѣтнаго священства; 3) какъ поставляются въ священныя степени; 4) подается-ли при поставленіи особый даръ священства; 5) храненіе и преемственная передача въ Церкви дара священства; и 6) возможно-ли въ Церкви Христовой священство безъ преемственно хранимаго въ ней дара священства. Самозванные священники и самочинныя собранія.

Съ возраженіями миссіонеру выступилъ извѣстный дѣятель на сектантской нивѣ интеллигентъ Бодянский, недавно возвратившійся въ предѣлы Харьковской губ. (хут. Гремячій, Волчанскаго у.) послѣ долготѣльных странствованій по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ, не исключая и духовборческой Канады. Сперва г. Бодянский повелъ рѣчь какъ штундистъ,

но вскорѣ удачными вопросами вынужденъ былъ обнаружить свои настоящія чисто-толстовскія убѣжденія, открыто заявивъ: „я въ Св. Писаніи Новаго Завѣта вѣрю только тому, что принимается и истина чего удостоверяется мнѣ *моимъ разумомъ*. Павловыхъ писаній я не признаю и вообще принимаю только четыре Евангелія“.. Но когда и въ Евангеліяхъ миссіонеръ раскрылъ обличеніе лжемудрованій г. Бодянского, то послѣдній и отъ Евангелій отказался, оставшись при свидѣтельствахъ только своего разума. Впрочемъ, и „разумъ“ г. Бодянского скоро завелъ его въ дебри самопротиворѣчій, такъ что пришлось признать, что и „разуму“ довѣрять нельзя...

Бесѣда была продолжительная и весьма интересная. Она вполнѣ достигла двухъ главныхъ цѣлей: ознакомила питомцевъ семинаріи съ веденіемъ миссіонерскихъ бесѣдъ и раскрыла предъ взоромъ многочисленныхъ слушателей лжеученіе сектантства.

Впечатлѣніе отъ бесѣды получилось сильное и для православныхъ отрадное, что ясно выразилось въ засвидѣтельствованіи общей искренней признательности талантливому миссіонеру.

Въ заключеніе бесѣды преосвященный Алексій сказалъ прекрасное слово увѣщанія къ православнымъ и заблудшимъ, и общимъ пѣніемъ молятвъ завершилась бесѣда. При выходѣ слушатели получали брошюры, раздаваемые семинаристами. Такъ прошла первая въ собственномъ смыслѣ миссіонерская публичная бесѣда въ Харьковѣ.

16 января настоящаго 1905 года состоялась третья бесѣда на тему *о крещеніи младенцевъ*. За огромнымъ наплывомъ публики пришлось изъ зала народнаго дома Квитки-Основьяненка на Основѣ перейти въ мѣстный храмъ, хотя и туда вошли далеко не всѣ слушатели. Вопросъ, подлежавшій обсужденію на бесѣдѣ, былъ одинъ изъ самыхъ боевыхъ и сильно волнующихъ „баптистовъ“. Теперь и среди послѣднихъ идутъ жаркія пренія на тему о необходимости крещенія младенцевъ, и нѣкоторые изъ „баптистовъ“ открыто высказываются за крещеніе младенцевъ. Такое броженіе вызвало безплодныя усилія г. Балихина, пресвитера таврическихъ баптистовъ, отвергнуть крещеніе младенцевъ, на... на основаніи уже не Св. Писанія, а *Св. Преданія?!*. Отсюда уже понятенъ интересъ слушателей именно къ бесѣдѣ о крещеніи младенцевъ.

Послѣ вступительнаго слова преосвященнаго Алексія о значеніи бесѣды о крещеніи младенцевъ и послѣ увѣщанія имъ народа благоговѣнно стоятъ на бесѣдѣ, какъ того требуетъ святость мѣста бесѣды и самый предметъ ея, епархіальный миссіонеръ И. Г. Айвазовъ подробно изложилъ ученіе св. православной Церкви о крещеніи младенцевъ и обосновалъ оное на текстѣ Св. Писанія. Затѣмъ онъ предложилъ иномыслящимъ высказаться по данному вопросу. Изъ толпы выступилъ сектантъ А. Мироненко, отлученный отъ мѣстной „баптистской“ об-

щины, и теперешній руководитель баптистовъ г. Хорошиловъ, заявившій: „мы (т. е. „баптисты“) бесѣдовать не будемъ“, по причияѣ якобы малочисленности публики и тѣсноты помѣщенія, что вызвало только улыбку на устахъ слушателей. Миссіонеръ, указавъ Хорошилову на повелѣніе ап. Петра дать отвѣтъ „всякому“, требующему у насъ „отчета“ въ нашемъ упованіи (1 Петр. 3, 15), приступилъ къ бесѣдѣ съ А. Мироненкомъ. Всѣ возраженія послѣдняго сводились къ утверженію, что младенцевъ крестить въ водѣ не нужно, потому что вообще водное крещеніе омываетъ только плотскую нечистоту и не имѣетъ значенія для внутренняго человѣка. Истинное же крещеніе есть обѣщаніе Богу доброй совѣсти и объ этомъ крещеніи и нужно заботиться. Его и могутъ принять только взрослые...

Послѣ продолжительной бесѣды съ миссіонеромъ, А. Мироненко, наконецъ, призналъ, что въ водномъ крещеніи омываются благодатью Св. Духа *грѣхи*, что въ немъ ветхій человѣкъ преобразается въ новую тварь во Христѣ... Вслѣдъ за этимъ А. Мироненко призналъ и необходимость крещенія младенцевъ: „возьмите и крестите моихъ дѣтей, я согласенъ, горячо проговорилъ А. Мироненко; но только и дальше не бросайте ихъ, а поучайте ихъ добру и хорошей жизни, чего ваши кумы не дѣлаютъ“...

Миссіонеръ отгѣнилъ признаніе А. Мироненкомъ крещенія дѣтей и затѣмъ съ своей стороны указалъ на необходимость дальнѣйшей заботы Церкви и воспріемниковъ, какъ и плотскихъ родителей, о дѣтяхъ, согласно повелѣнію Христа „учить“ *послѣ* „крещенія“ и при томъ постепенно и подробно „всему“, что повелѣлъ Христосъ (Мѡ. 28, 19—20). Такъ и дѣлаетъ св. православная Церковь, заключилъ г. миссіонеръ.

Послѣ этого изъ толпы протискался „баптистъ“ Уваровъ и, раздраженно требуя стоять на ряду съ миссіонеромъ и лицомъ къ народу, началъ возражать противъ крещенія младенцевъ.

Рѣчь Уварова, крикливая и задорная, сразу касалась многихъ предметовъ. О крещеніи младенцевъ онъ почти не говорилъ, а все путался въ сужденіяхъ о святости, о необходимости рожденія словомъ и т. д... Наконецъ, миссіонеръ вынужденъ былъ настаивать на рѣшеніи Уваровымъ именно вопроса о *крещеніи младенцевъ*. Тогда Уваровъ заявилъ: „мы младенцевъ не крестимъ, потому что они, возрастая, послѣ крещенія грѣшатъ“...

На это г. миссіонеръ отвѣчалъ: „но, вѣдь, и взрослые послѣ крещенія грѣшатъ. Тогда и ихъ, значитъ, нельзя крестить. Кого же тогда повелѣлъ Христосъ крестить?“

Уваровъ въ концѣ спутался и спѣшно засыпалъ обычными сектантскими возраженіями, по которымъ младенцевъ нельзя крестить,

потому что они не имѣютъ ни наученія, ни вѣры и не могутъ общать Богу добрую совѣсть...

Всѣ эти возраженія ясно и съ надлежащею полнотою были опровергнуты г. миссіонеромъ, и необходимость крещенія дѣтей стала предъ слушателями во всей своей силѣ, твердо обоснованная на словѣ Божиємъ. Свой фанатизмъ одинъ изъ сектантовъ излилъ на брошюрѣ, которая раздавалась народу послѣ бесѣды. Взявъ ее, онъ разорвалъ ее пополамъ и бросилъ на землю. Одинъ изъ присутствовавшихъ православныхъ, замѣтивъ это, сказалъ: вотъ вамъ прекрасная иллюстрація лже-сектантской „свободы совѣсти“,—„свободы слова“!.. Ну, а если бы кто либо изъ неразумныхъ ревнителей православія за это ударилъ фанатига-кощунника,—о!.. тогда бы какой вопль поднялся на миссію! и сектанты и ихъ защитники возопили бы: „миссіонеръ-де настроилъ толпу и она устроила побоище“!..

Во все время бесѣды публика не разъ проявляла весьма *сознательное* отношеніе къ ея содержанію и это служить лучшею преградой отъ проникновенія въ ея среду сектантскихъ плевелъ.

Описанная нами бесѣда была типичною миссіонерскою бесѣдою и потому она, безъ сомнѣнія, ввела воспитанниковъ семинаріи въ курсъ миссіонерскаго дѣла. Атмосфера миссіонерскихъ бесѣдъ здѣсь царила полностью.

Духовенство г. Харькова съ любовью посѣщаетъ эти бесѣды, что вполне понятно: гдѣ идетъ борьба Церкви съ ересями, борьба *публичная*,—тамъ дѣйствительно мѣсто усиленнаго бодрствованія пастырей Церкви Христовой... Духовенство и православное населеніе благословляютъ чуткаго къ духовнымъ запросамъ и вѣяніямъ времени своего благодатнаго владыку, архіепископа Арсенія, за его заботы о благолѣпнѣ церковныхъ службъ и св. дѣлѣ миссіи, которая нынѣ должна служить единственнымъ оплотомъ Церкви въ ея борьбѣ съ религіозными лжеученіями.

М.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“.

**Рѣчь высокопреосвященнаго Антонія, митрополита С-Петербургскаго,
къ рабочимъ Путиловскаго завода ¹⁾.**

„Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ! Простите меня, возлюбленные братіе христіане, что буду говорить съ вами, какъ и всѣ теперь, о постигшемъ насъ въ лукавые дни наши несчастіи. Слишкомъ больно отозвалось оно въ сердцахъ нашихъ, чтобы скоро можно было забыть его и не говорить о немъ. Всѣхъ насъ поразило оно и своею роковою неожиданностію, и своими невинными кровавыми жертвами. Среди обычно мирнаго теченія нашей жизни оно разразилось надъ нами, какъ всегубительное вулканическое изверженіе, похоронившее подъ пепломъ своимъ жизни многихъ людей. Какъ во дни Ноя люди ѣли, пили, женились и замужъ выходили, пока не пришелъ потопъ, или какъ было во дни Лота, пока не пролился съ неба дождь огненный и сѣрный и не истребилъ всѣхъ (Лук. 17, 26—29), такъ и надъ нами совершился внезапно нраведный судъ Божій. О, Господи долготерпѣливый, буди милостивъ намъ, грѣшнымъ! Невольно всѣ мы спрашиваемъ: за что же, за что такъ ужасно скончали дни своей жизни эти безвременно погибшіе? За что?—Но что говоритъ Господь? Думаете ли вы,—говоритъ Онъ,—что тѣ галилеяне, которыхъ плоть смѣшала Пилать съ жертвами ихъ, были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете (Лук. 13, 1, 2, 3). Отвлекаетъ Господь скорбную мысль нашу отъ погибшихъ и обращаетъ къ намъ самимъ. „Если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете“. Братіе мои! Грѣхи наши тяжкіе и всѣмъ намъ вѣдомые. Мы забыли законъ Отца нашего небеснаго и стали жить безпечно въ похотяхъ сердца нашего. Крѣпкіе историческіе устои бытія нашего мы поколебали и распатали. Вѣра наша православная въ насъ ослабѣла, наша преданность, наша вѣрность православному Царю нашему поддались искушенію. Мы

¹⁾ 23-го января, въ воскресенье, высокопреосвященный митрополитъ Антоній совершилъ молебствіе въ церкви Путиловскаго завода. Предъ молебномъ владыка сказалъ настоящую рѣчь.

довѣрилисъ вожакамъ лъстивымъ и лицемѣрнымъ и отдалисъ водителъству ихъ, какъ бы новыхъ какихъ Моисеевъ, въ безумныхъ мечтахъ обрѣсти землю обѣтованную, молокомъ и медомъ текущую. Зато и предалъ насъ Господь, за безпечность нашу и слабовѣріе, „въ неискусенъ умъ сотворити неподобная“ (Римл. 1, 28) и допустилъ совершиться тяжкому несчастію. „Если не покаетесь, всѣ погибнете“. Для многихъ въ наше злополучное время рѣчь о покаяніи кажется словомъ пустымъ, бесплоднымъ, бесполезнымъ. Но для насъ вѣрующихъ оно есть непреложный и спасительный глаголь Божій. „Согрѣшихомъ, беззаконноухомъ, неправдоухомъ предъ Тобою, Господи, но не предаждь насъ до конца, отцевъ Боже“. Мы были лѣнивы и безпечны, а враги бодрствовали. И замѣчательное это дѣло, братіе. Злоба всегда бодрствуетъ, а доброе сердце въ мирѣ поживаетъ. „Спящимъ челоуѣкомъ врагъ сѣветъ шевелы среди шеницы“ (Матѣ. 13, 25). Предъ страданіемъ Спасителя, въ саду Геосиманскомъ, несмотря на неоднократный призывъ Господень, преданные Ему ученики Его не могли побороть сна своего, а Іуда, злой предатель, бодрствовалъ и сребреники принималъ. Такъ произошло и въ наши дни. Предатели бодрствовали, а мы въ безпечной довѣрчивости пребывали. Будемъ же отнынѣ бодрствовать, по слову Господню, и молиться, чтобы не впасть въ новыя, тягчайшія искушенія (Матѣ. 26, 41). Помолимся же всѣ теперь усердно Богу мира, да подастъ Онъ миръ душамъ нашимъ, да потребитъ отъ насъ вся неистовыя крамолы супостатовъ и да утвердитъ въ землѣ нашей безмятежіе, миръ и благочестіе. Аминь“.

Посланіе къ арміи о. Іоанна Кроиштадтскаго.

Отецъ Іоаннъ Кроиштадтскій обратился къ войскамъ манджурской арміи со слѣдующимъ посланіемъ:

„Дорогіе братья мои, православные воины всякаго чина съ высшихъ до низшихъ, стоящіе лицомъ къ лицу съ коварнымъ и хитрымъ врагомъ! Къ вамъ мое краткое сердечное слово во имя Господне: Тяжкіе дни переживаетъ наша Россія, дорогое отечество наше, такіе, какихъ не бывало во все время существованія ея. Но ни на минуту не забывайте, возлюбленные, что переживаемыя нами бѣдствія внутри и извнѣ посланы на насъ отъ праведнаго и всеблагаго Провидѣнія за то, что русскіе забыли Бога своего, Спасителя своего, такъ, какъ не бывало никогда, попрали дерзновенно всѣ заповѣди Его и каждый сталъ исполнять злую волю сердца своего, вывороченнаго наизнаку, и всю жизнь свою, особенно такъ называемая несчастная наша обезумѣвшая интел-

лигенція. Тяжки, крайне болѣзненны удары, посланные намъ отъ Господа Бога, но эти удары и наказанія—отеческіе, временныя, посланные намъ для вразумленія и наказанія.

Послѣ Бога и Богаматери и всѣхъ святыхъ вся Россія на васъ, дорогіе братья, обращаетъ взоръ свой, возлагаетъ надежды свои, ожидая совершенной побѣды во имя Господне надъ врагомъ, со всѣхъ сторонъ ополчившимся противъ насъ. „Дерзайте, стойте и узрите спасеніе отъ Господа“, говоритъ отъ лица Божія вдохновенный пророкъ: еще онъ говоритъ: „Когда ты выйдешь на войну противъ врага твоего и увидишь коней и колесницы народа болѣе, нежели у тебя, то не бойся ихъ, ибо съ тобою Господь Богъ твой. Когда-же придетъ въ сраженіе, тогда пусть обойдетъ священникъ и говоритъ войску и скажетъ ему: „Слушайте, вы сегодня вступаете въ сраженіе съ врагомъ вашимъ, да не сробѣетъ сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь ихъ. Со Господь Богъ вашъ идетъ съ вами, чтобы сразиться за васъ съ врагомъ вашимъ, спасти васъ. Но притомъ не забывайте исполнять заповѣди Бога вашего, соблюдайте и исполняйте ихъ отъ всего сердца и отъ всей души вашей и благословенны вы будете при выходѣ вашемъ“ (Втор. 30, 1—10).

Предастъ, братья, вамъ Господь враговъ вашихъ, возстающихъ на васъ: однимъ путемъ они выступятъ противъ васъ, а семью путями побѣгутъ отъ васъ“ (Втор. 28, 7). Помните-же, дорогіе братья, честно сражающіеся на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество, что съ вами Господь и будетъ Самъ сражаться съ вами, если твердо возложите на него надежду вашу, ибо не множествомъ воинства спасетъ Господь, не орудіемъ смертоноснымъ, но всемогущей силою Своею. Помните солнечное явленіе креста на небѣ царю Константину и войску его съ надписью звѣздами вокругъ креста: „Симъ побѣдиши“, т. е. крестомъ; вотъ гдѣ сила христіанскаго воинства—въ крестѣ, ибо Христосъ крестомъ побѣдилъ и побѣдитъ враговъ вашихъ видимыхъ и невидимыхъ. Твердо вѣруйте, что Господь съ вами. „Вотъ я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“, говоритъ Онъ (Мѣ. 28, 20). Помните нашу Взбранную Воеводу, Матерь Божію, безъ числа спасавшую Россію въ браняхъ съ врагами. Дай Богъ и нынѣ, послѣ славной побѣды, воспѣтъ намъ съ вами единымъ сердцемъ и едиными устами „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“... По братски со вѣтвую всѣмъ вамъ предъ всякимъ сраженіемъ говорить или пѣть догматикъ церковный: „Всемирную славу отъ человѣкъ прозябшую“ и т. д. Эту пѣснь надо выучить наизусть. Съ этою священною пѣснью выходите на сраженіе и побѣдите. Аминь“.

Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій.

Письмо о. Іоанна Кронштадскаго

Въ „Котлинь“ 7-го февраля.

Въ 10 мин. 1-го часа пополночи я имѣлъ счастье получить отъ Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны слѣдующую всемилостивѣйшую телеграмму:

Благодаримъ Васъ горячо за слова истиннаго утѣшенія; молимъ Господа да подкрѣпитъ драгоцѣнное здоровье Ваше.

НИКОЛАЙ, АЛЕКСАНДРА.

Моя телеграмма Ихъ Величествамъ была слѣдующая:

Скорбь Ваша неопишима; скорбь Спасителя въ Геѡсиманскомъ саду за грѣхи міра была безмѣрна; присоедините Вашу скорбь къ Его скорби—въ ней найдете утѣшеніе“.

Вѣрнопопданный протоіерей
Іоаннь Сергіевъ.

Засѣданіе Комитета министровъ по вопросу о свободѣ совѣсти.

Газеты сообщаютъ, что 25-го января состоялось засѣданіе Комитета министровъ въ присутствіи м. Антонія. Въ этомъ засѣданіи комитетъ приступилъ къ обсужденію вопросовъ 6 пункта Высочайшаго указа 12 декабря. Вопросъ коснулся прежде всего классификаціи отдѣльныхъ сектъ, причемъ было указано, что къ числу религіозныхъ сектъ причисляются и такія, которыя вовсе не носятъ религіознаго характера, и зачастую представляютъ психически ненормальныя группы, приближающія къ противоприроднымъ истязаніямъ; эти группы не должны подлежать вѣдѣнію духовенства или полиціи, а скорѣе врачебному надзору. Тѣмъ не менѣе, онѣ зарегистрированы въ общую статистику религіозныхъ сектъ съ примѣненіемъ къ нимъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. Н. Дурново, охарактеризовалъ старообрядцевъ, какъ людей искренно любящихъ родину, честныхъ и неутомимыхъ труженниковъ земли русской; это мнѣніе оказалось общимъ голосомъ участвовавшихъ въ засѣданіи членовъ комитета министровъ.

Высокопреосвященный Антоній высказалъ въ комитетѣ министровъ настоячивое пожеланіе, чтобы православное духовенство было избавлено отъ совершенно несоотвѣтствующихъ его сану обязанностей быть доносителями судебнымъ или административнымъ властямъ на тѣ или инныя дѣйствія старообрядцевъ. При этомъ митрополитъ выразилъ убѣжденіе въ томъ, что всякое насиліе или стѣсненіе вообще неумѣстно, а съ точки зрѣнія догматовъ христіанской религіи даже прямо противно, разъ дѣло касается вѣрованія и совѣсти.

Въ томъ же духѣ широкой вѣротерпимости высказался и сенаторъ В. К. Саблеръ, заступающій въ комитетѣ мѣсто больного Оберъ-прокурора.

Самый вопрос о старообрядцах комитетъ находить весьма сложнымъ, почему необходимо его разработку поручить особой комиссіи. Въ принципѣ же комитетъ призналъ, что какія бы то ни было ограниченія и стѣсненія личности изъ-за религіозныхъ убѣжденій или обрядовъ не должны имѣть мѣста и что работы комиссіи должны быть основаны на принципѣ полного равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, независимо отъ религіозныхъ воззрѣній; также совершенно неумѣстнымъ признано вмѣшательство администраціи въ дѣла вѣры. Отмѣчено было, что наиболѣе тяжелыя стѣсненія и ограниченія иновѣрцевъ исходили преимущественно вовсе не изъ государственнаго совѣта и всегда носили характеръ временныхъ правилъ, при чемъ часто это не вызывалось дѣйствительными требованіями. Мнѣніе о томъ, что старообрядцы питаютъ непріязнь къ Россіи, безусловно лишено всякаго основанія.

Затронутый вопросъ, однако не былъ рѣшенъ въ виду его сложности; ему рѣшено удѣлить еще засѣданіе.

Что касается стѣсненій, прямо въ законѣ не установленныхъ, то признано необходимымъ ходатайствовать объ отмѣнѣ ихъ немедленно, не дожидаясь результатовъ работъ особой комиссіи, тѣмъ болѣе, что въ пунктѣ 6-мъ указа выражена необходимость нынѣ же принять въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ раскольниковъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго стѣсненія. Признано также необходимымъ пригласить въ засѣданія комитета по вопросамъ 6 пункта представителей иновѣрческихъ духовенствъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, и на это испросить Высочайшее разрѣшеніе.

Всѣмъ членамъ комитета, для ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ о старообрядцахъ, роздана докладная записка по этому вопросу, составленная сенаторомъ Таганцевымъ.

Въ засѣданіи комитета министровъ 1 февраля продолжалось обсужденіе вопроса о расколѣ. Комитетъ останавливался на необходимости различить среди разнообразныхъ вѣроученій, объемлемыхъ общимъ именемъ раскола, главныя отдѣльныя группы старообрядцевъ, сектантовъ и приверженцевъ изувѣрныхъ ученій.

Ближе остановившись на положеніи первой изъ этихъ группъ, комитетъ склонялся къ тому, чтобы примѣнять къ старообрядческимъ согласіямъ правила, общія для иныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, и обсуждалъ вопросы о признаніи нѣкоторыхъ правъ юридическихъ лицъ за молитвенными домами и богоугодными заведеніями старообрядцевъ; объ открытіи закрытыхъ нынѣ раскольничьихъ молеленъ и разрѣшеніи постройки новыхъ а также объ устройствѣ старообрядческихъ обителей и о содержаніи понятія оказательства раскола.

Въ засѣданіи 8-го февраля Комитетъ Министровъ всежде всего выслушалъ сообщеніе о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаремъ Побѣдоносцевымъ опредѣленія Святѣйшаго Синода, всемилостивѣйше соизволилъ 29-го января сего года на освобожденіе изъ Спасо-Ефиміева монастыря крестьянъ Ермолая Ѳедосѣева, Алексѣя Калѣчина, Ѳеодора Ганчева, Евфимія Попова, Кузьмы Мошкова и мѣщанина Ѳедора Ковалева и изъ Соловецкаго монастыря крестьянина Петра Леонтьева. Продолжая засимъ обсужденіе

вопроса о расколѣ, Комитетъ ближайшимъ образомъ останавливался на разсмотрѣніи положенія духовныхъ лицъ старообрядческихъ согласій и обсуждать вопросы: о предоставленіи имъ права именоваться настоятелями или наставниками, отправлять требы въ частныхъ и публичныхъ мѣстахъ (напр., приводить своихъ единовѣрцевъ къ присягѣ, напутствовать умирающихъ въ больницахъ и т. п.), преподавать дѣтямъ раскольниковъ въ школахъ Законъ Божій, при условіи обладанія извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, и вести метрическія записи, подъ контролемъ общественныхъ учреждений. Далѣе Комитетъ обсуждалъ возможность открытія старообрядцами своихъ школъ и печатанія различныхъ изданій на общихъ для сего основаніяхъ, а также разсматривать вопросъ объ уравненіи старообрядцевъ съ лицами иностранныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ отношеніи правилъ, касающихся смѣшанныхъ браковъ, а равно въ отношеніи правъ государственной и общественной службы.

Митрополитъ Филаретъ о расколѣ.

„Москов. Вѣдом.“ приводятъ изъ письма великаго святителя земли Русской митрополита Московскаго Филарета отъ 17 іюля 1858 года къ архіепископу Алексію Тверскому (бывшему прежде епископомъ Тульскимъ) слѣдующій взглядъ великаго іерарха на расколъ:

„Дѣла православія въ отношеніи къ расколу не въ удобномъ положеніи. Многолѣтнее свѣтское домогательство дать раскольниковъ священниковъ отъ гражданскаго начальства, послѣ сильной борьбы въ высшей области по мудрой осторожности Благочестивѣйшаго Государя, отвергнуто. И это милость Божія: ибо симъ и правила церковныя, и совѣсть архіереевъ охранены. Но побужденные на правомъ крылѣ—старались усилить лѣвое. Взоръ на лжеіерархію иностраннаго происхожденія не строгъ“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 19 января 1859 года, владыка, между прочимъ пишетъ:

„Православіе требуетъ защиты, но надобно остерегаться, чтобы защита не оказалась такою, о какой написана слѣдующая эпитаграмма:

Религія отъ всѣхъ страдаетъ:

Вольтеръ бранитъ ее,—Кутузовъ защищаетъ“.

Сектантство въ столицѣ.

Въ торжественномъ собраніи православнаго благотворительнаго общества *решителей отъры и милосердія*. Въ С.-Петербургѣ существуютъ всѣ роды и виды не только русскаго, но и заграничнаго сектантства. Определить точную цифру не представляется возможнымъ, вслѣдствіе подвижности столичнаго населенія, равно какъ вслѣдствіе того, что многіе скрываютъ принадлежность къ той или другой сектѣ. Самое видное мѣсто среди сектантовъ занимаютъ штундопашковцы, числомъ до 5.000 человекъ.

Они живутъ большею частью на Васильевскомъ островѣ, Петербургской и Выборгской сторонахъ и дѣятельно заботятся о распространеніи своихъ ученій. На Васильевскомъ остр. у пашковцевъ происходятъ довольно часто собранія. Изъ семь мистическаго характера особенно распространены: скопчество, хлыстовство и хехулитская секта. Скопцы и хлысты центрами собраній имѣютъ Новую Деревню, Петербургскую сторону и Б. Охту. Для болѣе обширной пропаганды своего ученія они командируютъ „братцевъ и сестрицъ“. Заслуживаетъ вниманія секта хехулитовъ (веселящаяся), занесенная къ намъ изъ Финляндіи. Въ общежитіи хехулиты болѣе извѣстны подъ названіемъ „каюковъ“. т.-е. кающихся, т. к. главною обрядностью ихъ служитъ отпущеніе грѣховъ, происходящее на сектантскихъ собраніяхъ. Докладчикъ предложилъ устроить особые классы для ознакомленія малосвѣдущихъ и легкомысленныхъ людей съ св. писаніемъ, въ цѣляхъ образованія изъ нихъ помощниковъ пастырей церкви въ борьбѣ съ сектантствомъ, а также для укрѣпленія убѣжденных новообращенныхъ,—организовать братскія собранія для взаимнаго обмѣна мнѣній и открыть специальную миссіонерскую бібліотеку.

Миссіонерскіе курсы.

Въ городѣ Вяткѣ открыты миссіонерскіе курсы для приготовленія достойныхъ кандидатовъ священства въ инородческіе приходы изъ мѣстныхъ инородцевъ; курсы находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальнаго преосвященнаго. Преподавателями на курсахъ состоятъ наставники духовно-учебныхъ заведеній города Вятки съ поурочной платой. На курсы принимаются дѣти инородцевъ Вятской губерніи, окончившія курсъ духовныхъ училищъ, во второклассныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ. Ученіе продолжается три года. Бѣдные ученики принимаются на епархіальное содержаніе или же получаютъ пособіе натурой: столомъ, одеждой, обувью, книгами. Всѣ курсисты живутъ въ общежитіи, при чемъ состоящіе на своемъ содержаніи платятъ за столъ по 5 рублей въ мѣсяць, имѣя свою одежду, обувь и бѣлье. По окончаніи курса курсисты опредѣляются въ псаломщики и учителя церковно-приходскихъ школъ въ инородческіе приходы, а потомъ на діаконскія и священническія мѣста. 3 сентября сего года открытъ первый классъ курсовъ. Принято 14 человекъ: 4 черемисина и 10 вотяковъ.

Юбилей миссіи и новое братство.

Обдорская миссія 1 сентября 1904 г. праздновала 50-лѣтіе своего существованія. Преосвященный Антоній, еп. Тобольскій, прибывшій по этому случаю въ Обдорекъ, въ своемъ привѣтствіи отъ имени Тобольскаго Комитета Прав. Мисс. общества сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Большинство инородцевъ съвера уже стали православными христіанами. Остается еще сдѣлать инородцевъ грамотными, дабы по примѣру святителя Стефана Пермскаго изъ ихъ среды впоследствии могли быть избраны не только низшіе члены клира (что уже и теперь осуществляется) но и свя-

щенники-миссіонеры, дабы инородцы могли слышать все церковное богослуженіе въ переводѣ на ихъ родномъ языкѣ.

7 сентября 1904 г. въ Обдорскѣ открыто Миссіонерское Братство въ честь св. Гурія, арх. Казанскаго.

Новоучрежденное Братство, въ программу котораго входитъ изданіе книгъ и листовъ на инородческомъ языкѣ, теперь будетъ работать параллельно со своимъ старшимъ братомъ—Казанскимъ Братствомъ святителя Гурія, будетъ подражать его дѣятельности, а послѣднее, надѣясь, приметъ младшаго брата въ любовный союзъ и общеніе въ служеніи общему дѣлу, при постоянной взаимной помощи, посредствомъ испытанной переводческой системы. Общій молитвенникъ того и другого Братства св. Гурій, тѣломъ же и ликомъ въ Казанскомъ Обдорскомъ храмѣ почивающій.

Библия для русскихъ инородцевъ.

Русскій отдѣлъ библейскаго общества приступилъ къ изданію цѣлага ряда книгъ св. Писанія для русскихъ инородцевъ на средства, собранныя путемъ подписки на юбилейный капиталъ, вѣдѣствіе исполнившагося въ текущемъ году столѣтія существованія общества: уже вышло изданіемъ четвероевангеліе на башкирско-тюркскомъ нарѣчій: выпущены пересмотрѣнныя изданія книги пророка Исаи и евангелія Ев. Іоанна на исландскомъ языкѣ и книга Дѣяній апостольскихъ впервые напечатана на языкѣ эскимосовъ. Общество въ скоромъ времени приступаетъ къ изданію Библии на чувашскомъ языкѣ.

Двадцатилѣтній юбилей существованія церковно-приходскихъ школъ въ Россіи.

1904 годъ былъ двадцатымъ годомъ со времени Высочайшаго утвержденія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Интересно воспроизвести здѣсь общую картину поступательнаго роста церковно-приходскихъ школъ въ Россіи.

Средства содержанія.

Года.	Число школъ.	Учащихся.	Мѣстн. средства.	Госуд. казнач.	Земск. сбора.	Всего.
1884.	5,517.	137,313.	434,000.	55,500.	—	489,500.
1894.	29,746.	917,442.	2,685,300.	525,500.	506,300.	3,717,100.
1901.	43,602.	1,764,912.	6,707,900.	6,826,000.	826,900.	14,300,800.

Къ 1903 г. начальныхъ церковныхъ школъ въ Имперіи состояло 43.969: въ томъ числѣ 510 двухклассныхъ, 23,165 одноклассныхъ и 20,294 школы грамоты. Во всѣхъ этихъ школахъ обучалось 1,782,883 учащихся обоаго пола. На содержаніе начальныхъ церковно-приходскихъ школъ въ 1902 году израсходовано 14,501,240 рублей; въ томъ числѣ изъ мѣстныхъ источниковъ—6,355,169 руб., изъ государственнаго казначейства—7,318,882 и земскаго сбора въ неземскихъ губерніяхъ 827,189 руб. Кромѣ того къ началу 1903 года было открыто 385 второклассныхъ школъ (въ томъ числѣ 56 женскихъ) съ учащимися въ количествѣ 19,022 человекъ. На ихъ содержаніе израсходовано изъ разныхъ источниковъ 1,712,479 руб. („Нар. Образ.“).

Благовременное распоряженіе епископа.

Преосвящ. *Никаноръ Якутскій* издалъ по епархіи интересное распоряженіе, которымъ запрещается духовенству при представленіяхъ Его Преосвященству „бить челомъ“ и „припадать къ стонамъ“. Эти выраженія чувства и почтенія должны быть оставлены и въ официальныхъ бумагахъ. Преосвященный рекомендуетъ духовенству „поклонѣть дѣлать безъ прегибанія колѣнъ“, „касаясь долу (земли) только концемъ пальцевъ“. Тотъ же преосвященный предписываетъ духовенству „отнюдь не угощать прихожанъ водкой, а равно и самимъ не принимать отъ прихожанъ такого угощенія, какъ ведущаго къ пагубнѣйшему невоздержанію“. Давно пора сдать въ архивъ эти унизительные обычаи и порядки.

НЕКРОЛОГЪ.

21 января 1905 года скончался въ городѣ Муромѣ, Владимірск. губ., слѣпой старецъ іерей Василій Михайловичъ Ландышевъ. Назадъ тому 35 лѣтъ, когда во Владимірской епархіи не было миссіонеровъ, священникъ о. Василій Ландышевъ служилъ въ с. Шульгинѣ, Мур. уѣзда (откуда происходитъ родомъ г. Сенатовъ), состоящемъ на половину изъ раскольниковъ разныхъ согласій. Къ чести сего старца надо сказать, что онъ не сидѣлъ сложа руки, а по выпискамъ Озерскаго постоянно велъ бесѣды частныя и публичныя на улицѣ съ раскольниками. Благодаря бесѣдамъ не мало людей познало неправоту раскола и присоединилось къ Церкви.

Пишущій сіи строки былъ бы очень благодаренъ Гаврилѣ Васильевичу Сенатову или его сыну Василью Гавриловичу Сенатову, которые знаютъ дѣятельность ихъ бывшаго священника о. Василя Ландышева и сообщили бы, прочитавъ сіи строки, свое впечатлѣніе объ усопшемъ старцѣ.

Въ 1892 году, послѣ неудачной операціи въ Московскихъ клиникахъ, покойный ослѣпъ и такимъ образомъ 13 лѣтъ велъ страдальческую жизнь.

Почившій 25 лѣтъ въ своемъ домѣ *бесплатно* обучалъ крестьянскихъ дѣтей и его учениками всѣ восхищались.

Вѣчная память тебѣ, страдалецъ священноіерей Василій! Да помянетъ Господь тебя во царствіи Своемъ и да проститъ всѣ твои грѣхи, загладивъ ихъ твоими страданіями и твоей заботой о бывшей твоей паствѣ и въ частности о заблудшихъ.

Помолитесь о.о. миссіонеры о бывшемъ вашемъ сотрудникѣ.

Сообщилъ *Иванъ Ландышевъ*.

21 янв. 1905 г.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XXVIII.

Написано не, чернилами, а на
скрижалахъ сердца (2 Кор. 3, 3).

Московское злодѣяніе и равнодушіе въ обществѣ. Чувства и переживанія сельскаго духовенства. Какого слова проповѣди ждуть нынѣ отъ пастырей Церкви. Живое слово старыхъ и новыхъ проповѣдниковъ. Газетная утка объ „исходѣ“ штундистовъ въ Америку.

Гнѣвъ Божій продолжаетъ тяготѣть надъ многострадальной Русью! Тяжкія несчастія не перестаютъ посѣщать отчизну нашу! Все еще ярится тьма непросвѣтная, въ видѣ всяческихъ „безпорядковъ и забастовокъ“, перекинувшихся съ фабрикъ и заводовъ въ университеты и институты,—изъ среды темнаго народа въ просвѣщенную толпу!.. Всюду меркнетъ свѣтъ спокойнаго разума, и эпидемія общественныхъ тревоженій, какъ грозная волна, захлестываетъ все неподвижно стоящее на берегу, опустошаетъ, подбираетъ въ пучину волнующагося моря все легковѣсное, неукрѣпленное, неоснащенное... Подъ дикій ревъ разыгравшейся политической бури въ Москвѣ совершилось страшное злодѣяніе: священный Кремль обогрѣнъ кровію любимаго дяди Царя! Набожный сынъ Церкви, ревностный читатель и возстановитель палестинскихъ святынь, вѣрный носитель самодержавно-русскихъ государственныхъ завѣтовъ въ Бозѣ почившаго брата, Царя-Миротворца, пламенно любившій первопрестольную Москву, Вел.Кн. Сергій Александровичъ мученически погибъ отъ святогосподней руки палача изъ крамольнаго революціоннаго лагеря!!

Преступленіе страшное, омерзительное, позорное и для Россіи и для человѣчества, событіе трагическое, горестное и для Царской Семьи и для всѣхъ русскихъ людей!!

Но прислушиваясь къ біенію общественнаго пульса, чувствуешь вокругъ въ обществѣ какое-то тупое равнодушіе къ факту, замѣчаешь зловѣщую холодность, отсутствіе справедливаго негодованія, отрезвляющаго пробужденія... Что это? Надорвались, обтерпѣлись и привыкли къ потрясеніямъ нервы людей, оупѣла душа, избо-

лѣлось сердце общества, сдѣлавшагося неспособнымъ къ покаянію, къ стыду и негодованію! Но вѣдь эта нравственная атрофія общественной среды страшнѣе самаго преступленія, она служитъ зловѣщимъ показателемъ болѣзненнаго состоянія общественнаго организма, которое столь удобно для роста смертоносныхъ микробовъ всякой апархіи и крамолы!.. А такъ долго жить нельзя, такая жизнь—мука. Наше время есть время государственнаго психическаго разстройства, какъ справедливо замѣчаетъ „Свѣтъ“. Все цѣпенѣетъ отъ ужаса, томится неизвѣстностью, все опустило руки, какъ будто не стало государственнаго строенія, и все бездѣйствуетъ. Стомилліонная народная масса стоитъ вокругъ, съ чистымъ сердцемъ, но вполнѣ не готовая и не воспримчивая къ событіямъ. Вотъ обстановка, при которой опускается въ могилу родное дитя Царя-Освободителя, Дядя царствующаго Государя. Всевидящій Господь да явитъ Свою высокую милость отчизнѣ и да пошлетъ намъ духъ разумнѣя и твердости для исполненія на всемъ пространствѣ земли русской Его Господней воли! Будемъ утѣшать и укрѣплять падающій духъ вѣрою въ ту священную истину: „кого Господь любитъ, того и наказуетъ, но что Онъ долготерпѣливъ и не до конца прогнѣвается“.

* * *

Да, во истину, *сумасшедшее*, беспросвѣтное по безвыходности, переживаемъ мы время, вотъ уже второй годъ находимся въ заколдованномъ трагическомъ кругу непрерывныхъ несчастій и бѣдствій смуты. Вѣрующія сердца живо чувствуютъ исполненіе на нашемъ времени грознаго Божественнаго приговора, начертаннаго у Исаи (29, 14, 33, 18) и повтореннаго у св. ап. Павла (I Кор. 1, 18—20): „погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрость? Не обратилъ-ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе“?

На самомъ дѣлѣ, гдѣ наши отечественные мудрецы, въ чемъ въ это смутное время сказался разумъ нашихъ государственныхъ людей, совѣтниковъ Царя? Гдѣ и кто эти мужи совѣта и разума? Гдѣ крѣпкіе во бранѣхъ? Ихъ бѣдствующая Россія не знаетъ, не видитъ. Всюду слышится: „Царь одинокъ, людей нѣтъ, потерявъ государственный разумъ, расшатана, ослабѣла правительственная мощь! Отъ того и тьма ярится и смута бунтуетъ, въ этомъ главный источникъ переживаемаго лихолѣтія“.

Извѣстна вѣковая истина: если кого Господь хочетъ наказать, то разумъ отнимаетъ. Вотъ разумъ-то и отнять Господомъ отъ обезумѣвшей нынѣ Россіи! Не отнять ли онъ за то, что наши верхніе, образованные, а нынѣ самые волнующіеся слои, соль

земли русской—давно сдѣлалась обуявшей въ своемъ христіанствѣ, давно *упразднила крестъ Христовъ* и спасительное слово о крестѣ *почла за юродство* (I Кор. I, 18, 19), за то, что, отвергнувъ Христа и оплевавъ Церковь, русская интеллигенція послѣдовала вслѣдъ ученія ложныхъ модныхъ пророковъ—Толстого, Нитше, Горькаго и К^о?! „Что посеешь, то и пожнешь“. Вотъ нынѣ и пожинаются эти плоды послѣднихъ духовныхъ посѣвовъ на сердцахъ молодого поколѣнія, потерявшаго вѣру въ Бога и христіанскую совѣсть. Развѣ нѣтъ потери совѣсти и стыда, когда безусая учащаяся молодежь, только что отслушавъ панихиду, начинаетъ тутъ же, въ стѣнахъ учебнаго заведенія, пѣть марсельезу! Когда на лекціи (Н. Н. Неплюева), призывающей къ христіанской любви и братолюбію на лонѣ церковной жизни—русскіе интеллигенты съ легкимъ сердцемъ и развязностью заявляютъ, что это—отжившая теорія,—что нынѣ цѣнность имѣетъ не христіанство съ его любовью и смиренномудріемъ, а борьба на почвѣ эгоизма и соревнованія, что на западѣ всѣ цивилизованные народы и языческая Японія отлично обходятся безъ христіанской вѣры и морали и преуспѣваютъ въ своемъ благоденствіи. И такимъ аудиторія хлопаетъ и ими восхищается!! О tempora, о mores!

Вотъ, по нашему мнѣнію, куда должны направить свои силы современное учительство, апологетство и миссія Церкви—на очищеніе этого сора и грязи, безбожія и антихристіанства въ міровоззрѣніяхъ, жизни и дѣлахъ не только русскаго образованнаго общества, но и фабричной массы и городской буржуазіи,—этотъ соръ и не даетъ мѣста ни истинному покаянію, ни живой вѣрѣ, ни горячей молитвѣ.

Только пастырское слово вѣры, мира, любви и кротости будетъ *масломъ*, утишающимъ волны бушующаго океана русской жизни, пламенемъ, попяляющимъ тернія страстей смуты въ умахъ и сердцахъ всевозможныхъ стачечниковъ нашихъ. Всякое другое слово пастырей, на социальныя темы, хотя бы хлесткое, бойкое и современное,—рискуетъ не утишать бурю, а лишь распалить страсти, и можетъ послужить искрою, брошенною въ горячіи матеріалъ, котораго теперь накопилось такъ много уже и въ нѣдрахъ народнои жизни, гдѣ всякій взрывъ можетъ быть ужасенъ по своимъ послѣдствіямъ, гдѣ слова пастыря и его авторитетъ цѣнятся еще высоко.

А какой пожаръ можетъ произвести слово вліятельнаго пастыря, для этого не надо забывать примѣра того же пресловутаго о. Гапона, обитающаго нынѣ въ Парижѣ, гдѣ онъ бесѣдуетъ (чрезъ переводчика, конечно) въ репортерахъ и читаетъ лекціи о несчастныхъ дняхъ 9 и 10 января.

Коснувшись вопроса о пастырскомъ проповѣдничествѣ въ наше смутное время, мы хотѣли бы остановить на этомъ предметѣ особое вниманіе нашихъ читателей изъ среды приходскаго духовенства.

Намъ представляется положеніе пастыря, какъ проповѣдника и учителя, въ настоящее тяжкое время слишкомъ важнымъ и отвѣтственнымъ,—если не сказать,—прямо трагическимъ. Такихъ моментовъ въ исторіи русской церкви и въ жизнедѣятельности духовенства было немного, а за послѣдніе три вѣка переживаемая нынѣ государственная смута, можно сказать, единственная по своему характеру и размѣрамъ. Если присяжные публицисты и государственные люди сами не знаютъ, куда буря вынесетъ нашъ государственный корабль, чѣмъ излѣчатся, когда и какъ окончатся наши внутреннія волненія, то тѣмъ болѣе наше духовенство, всегда удалявшееся и нынѣ далекое отъ политики и разумнія соціальныхъ вопросовъ и нуждъ внутренней государственной жизни, не подготовлено къ тому, чтобы сказать свое вѣское слово по существу этихъ вопросовъ или въ разрѣшеніе политическихъ или соціальныхъ проблеммъ и запросовъ нашей современности, притомъ—политика—не дѣло пастырей церкви. А между тѣмъ служебный долгъ церковнаго проповѣдника и патриотическія его чувства какъ гражданина, повелительно требуютъ отъ духовенства религіознаго отклика на современныя событія и освѣщенія ихъ съ точки зрѣнія разума церкви. Жаждаютъ живого пастырскаго слова не только вѣрующіе пасомые, но и невѣрующіе, друзья и враги церкви одинаково слѣдятъ за проповѣдничествомъ пастырей, зорко прислушиваются къ голосу церкви.—Явленіе знаменательное.

Когда церковь молчитъ по поводу современныхъ событій, пастырей ея упрекаютъ въ бездѣйствіи, въ апатіи, въ безучастіи къ современнымъ явленіямъ жизни; если же какой пастырь коснется бюрократизма, начнетъ указывать на несправедливость заводовладѣльцевъ въ отношеніи рабочихъ, на угнетеніе народа капиталистами—его легко заподозрять въ сочувствіи къ смутѣ, въ возмущеніи массы, и единымъ почеркомъ пера упразднятъ: если же, наоборотъ, проповѣдникъ начнетъ громить смуту нашихъ дней, такого радикальная печать сейчасъ-же обвинить въ безсердечіи къ нуждающимся и обремененнымъ,—къ меньшей братіи, въ невѣжествѣ, обскурантизмѣ и проч. Либеральная партія и ея органы имѣютъ всюду, даже въ далекихъ захолустьяхъ, своихъ агентовъ въ лицѣ мѣстныхъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ силъ, которые чутко слѣдятъ за ходомъ пропаганды своихъ идей въ обществѣ и народѣ. Вотъ почему въ послѣднее время

часто можно встрѣчать на столбцахъ столичныхъ радикальныхъ газетъ ядовитую критику проповѣдей духовенства касательно современныхъ общественныхъ событій. Дерзкой критикѣ подверглось на страницахъ журналовъ и газетъ даже само посланіе св. Синода, чего ранѣе никогда не встрѣчалось въ нашей печати. Въ посланіи св. Синода либеральная печать напала на упоминаніе о подкупахъ рабочихъ забастовщиковъ со стороны вѣшняго врага. Но вѣдь эту версію въ то время, когда вышло посланіе, раздѣляла сама печать и правительство, вывѣсившее напр. въ Москвѣ на улицахъ плакаты о подкупѣ рабочихъ японцами; сообщенію этому вѣрили и въ обществѣ, и оно доселѣ оффиціально не опровергнуто. Св. Синодъ не Духъ Святъ,—чтобы прозрѣть ошибку или медвѣжью услугу неумѣренныхъ и неразсудительныхъ патріотовъ. Въ синодальномъ посланіи совершенно естественно отразились общественное настроеніе и существовавшая тогда увѣренность въ такомъ именно объясненіи причинъ столь неожиданныхъ и страшныхъ происшествій 9 января.

Всегда враждебная церкви и несправедливая къ служителямъ алтаря, либеральная печать наша въ настоящее чрезвычайное время особенно придирчива къ патріотическимъ проявленіямъ и рѣчамъ нашихъ пастырей. Она не стѣсняется даже подтасовками фактовъ и извращеніемъ смысла словъ духовенства. Для доказательства и къ свѣдѣнію нашихъ читателей приводимъ ниже нѣкъ тенденціозныхъ корреспонденціи „Нашей Жизни“ 1). Въ нихъ

1) БОРИСОГЛѢБСКЪ. 19 января рабочіе борисоглѣбскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ были удивлены внезапнымъ приказаніемъ начальства бросить работы и идти слушать молебенъ. Сперва рабочіе въ протестъ думали, что молебенъ служится по случаю какой-либо побѣды нашихъ войскъ, но оказалось что-то совсѣмъ иное.

Священникъ Петръ Орловъ (наблюдатель церковно-приходскихъ школъ въ уѣздѣ), отслуживши молебенъ, выступилъ послѣ него съ довольно оригинальной рѣчью, поразившей рабочихъ и, какъ кажется, заставившей ихъ сильно призадуматься.

Поговоривши о затрудненіяхъ, испытываемыхъ Россіей на Дальнемъ Востокѣ, упомянувъ о „волкахъ въ овечьихъ шкурахъ“, причиняющихъ всякія непріятности внутри Россіи, сказавъ нѣсколько словъ о петербургскихъ событіяхъ, однимъ словомъ вполне добросовѣтно выполнивъ всю программу, рекомендованную святѣйшимъ синодомъ, почтенный „пастырь“ разразился слѣдующей неожиданной тирадой съ еще болѣе неожиданнымъ практическимъ предложеніемъ:

„Православные христіане! Мы съѣдаемъ подвижъ, если будемъ предавать атихъ лжеучителей. За это вы получите отъ святѣйшаго синода полное отпущеніе грѣховъ. Вы знаете, что святѣйшій синодъ состоитъ изъ

читатель увидитъ, что нешаблонныя, полныя религіознаго и патріотическаго одушевленія распоряженія и дѣйствія Саратовскаго епископа Гермогена въ глазахъ непредубѣжденнаго наблюдателя должны вызывать искреннюю радость,—тѣмъ болѣе, что эти чрезвычайныя моленія вполне соотвѣтствуютъ чувствамъ и переживаніямъ души глубоковѣрующихъ пастырей и паствъ. Къ чести владыки нужно отнести, что онъ угадалъ это настроеніе, существующее не въ его только одной паствъ, а во всей вѣрующей царелюбивой Россіи.

Приписываемое корреспондентомъ наблюдателю Орлову прямо невозможно и нелѣпо. Никто никогда не повѣритъ, чтобы священникъ могъ проповѣдывать такой вздоръ.

* * *

А что, дѣйствительно, преосвященный Саратовскій Гермогенъ угадалъ переживанія души вѣрующей Россіи, жаждущей чрезвычайныхъ моленій и религіозныхъ подвиговъ, для умилоствленія гнѣва Божія, это мы видимъ изъ пастырскихъ писемъ, поступающихъ въ нашу Редакцію. Двумъ такимъ письмамъ даемъ мѣсто здѣсь на нашихъ *Скрижаляхъ*. Въ нихъ между прочимъ ярко выражены живая *чуткость* сельскихъ пастырей и пониманіе важности совершающихся событій, глубокая скорбь, одушевляющая патріотовъ, трогательная любовь къ Царю и самоотверженная готовность крѣпко постоять за Царя и Отчизну.

Вотъ что пишетъ намъ почтенный іерей изъ Пермской губерніи.

„Волненіе изъ столицы переходитъ въ деревню.

Всѣ негодяи поднимаютъ голову. Смута и здѣсь растетъ. Не живемъ-ли мы наканунѣ террора?

И то, что обнаружилось, поражаетъ своей неожиданностью и бурливостью, а то, что зрѣтъ и таится—можетъ превзойти самую дику фантазію.

собранія епископовъ, и что властью, данной ему св. апостоломъ Петромъ, онъ можетъ отпускать грѣхи.

Братіе! Дайте мнѣ слово, что вы будете выдавать вашихъ подстрекателей начальству. Подымите руку и поклонитесь передъ крестомъ Господа нашего Иисуса Христа въ томъ, что вы будете выдавать подстрекателей вашихъ начальству. Въ противномъ случаѣ я не допущу васъ къ кресту“.

САРАТОВЪ. 19 января передъ вечернями во всѣхъ церквахъ Саратова были отслужены молебны „объ одолѣніи внутренняго врага“ и „объ успокоеніи народныхъ страстей“. Священниками были произнесены соотвѣтствующія рѣчи, какъ о японской и англійской интригѣ, о 18 милліонахъ. По расчетамъ ихъ на Саратовъ пришлось 3000 р., чтобы выдавать по 30 к. въ день на рабочаго. Въ ночь на 20 янв. былъ совершенъ крестный ходъ, имѣвшій цѣлью тоже спасеніе отъ внутренняго врага.

А мы дремлемъ... Боже мой!

Можно, кажется, съ ума сойти при видѣ свино-черепашняго спокойствія тѣхъ, кто, по-настоящему, долженъ ни спать, ни вѣсть, а быть на полѣ брани.

Стыдно и грѣшно духовенству не встать, пока не поздно, не сказать, на чьей сторонѣ сочувствіе Церкви, пастырей и пасомыхъ. Стыдно, грѣшно и непростительно не предупредить народъ о надвигающихся бѣдствіяхъ.

Теперь то намъ и заявить о своемъ существованіи, теперь то и подняться на защиту исконныхъ устоевъ русской жизни—православія и самодержавія, теперь, когда внутренніе враги такъ стремительно безцеремонны, такъ нагло откровенны въ своихъ анархическихъ стремленіяхъ, теперь то и показать ихъ народу.

Пора, пора!

Мы и такъ уже многое пропустили. Многое уплыло изъ нашихъ рукъ.

Пора сдѣлать русскій патриотизмъ сознательнымъ, убѣжденнымъ, активнымъ.

Пора со всеусердіемъ выступить на защиту Самодержавія. По этой части у насъ вяло какъ-то дѣлается и въ школѣ, и въ Церкви, и въ духовной литературѣ. Не этимъ ли объясняется ни для кого неожиданное появленіе на поверхности волнующагося моря оо. Гапоновъ? Погодите—у насъ явятся и Комбы. Они уже есть. Но пока еще хранятъ осторожность, прячутся въ тѣни. Теперь уже во всякой глухой деревушкѣ есть зараженные современнымъ ядомъ. Среди учителей, волостныхъ писарей, среди солдатъ и рабочихъ, побывавшихъ въ столицахъ и оттуда возвращающихся, не мало такихъ, которые обѣими руками сѣютъ смуту противъ Царя, противъ Церкви, противъ народа.

Проснемтесь, отцы и братія!

Василій Михайловичъ! Нельзя-ли походатайствовать о назначеніи чрезвычайнаго всенароднаго моленія—трехъ-дневнаго или семи-дневнаго, по поводу войны и внутренней смуты? Только Богъ можетъ спасти Россію, только всенародная усиленная молитва можетъ воздвигнуть Силу Божию во еже спасти ны“.

Свящ. *Михаилъ П—овъ.*

А вотъ письмо другого священника изъ Рязанской губерніи. „Послѣ того, какъ я имѣлъ счастье въ Саровѣ на приснопамятныхъ торжествахъ открытія мощей св. Серафима молиться съ Государемъ Императоромъ и съ Матушками Царицами, видѣть ихъ набожность, св. преданность Церкви, ласку и любовь къ духовенству и народу, я возымѣлъ и храню въ сердцѣ своемъ пламенную къ нимъ любовь. Живо представляю всю безконечную тяжесть мучительной скорби, переживаемой Ихъ Величествами по поводу смуты, и мнѣ такъ страшно жаль Государя и Его Августѣйшее семейство, что такъ бы вотъ и полетѣлъ къ вамъ въ Петербургъ, пошелъ бы въ государевъ дворецъ и сталъ бы съ особою радостью на часахъ охранять Его Величество, не боясь, не страшась никакихъ бѣдъ, ни мученій, ни смерти, только бы Его, помазанника Божія, уберечь отъ всѣхъ бѣдъ и напастей.

успокоить, сохранить на радость и счастье царелюбивой Россіи... И давно думаю, почему бы не разрѣшить намъ, пастырямъ, назначать одинъ день въ недѣлю исключительно для покаяннаго и умиловительнаго моленія ко Господу Богу о побѣдѣ надъ врагами внѣшними и внутренними и о спасеніи Самодержавнаго Государя?

Теперь свобода печати, пусть не обидятся ваши духовныя власти, если я напишу, что одними предписанными указомъ св. синода молебнами въ праздники нельзя ограничиваться въ такое чрезвычайное время, когда угнетаетъ крамола, шипящая, какъ змѣя (въ пустынь у евреевъ) и жестокая непримѣрная война. Въ праздники народъ и безъ того молится. Необходимы чрезвычайныя моленія, вытекающія не изъ казеннаго предписанія, а изъ глубины и потребностей вѣрующей души самихъ пастырей и народа, среди котораго много праведниковъ. „Много можетъ молитва праведнаго, любовью споспѣшествуема“.

Свящ. *Тихонъ С—въ.*

Такъ глубоки религіозныя чувства и патріотическія переживанія нашего духовенства, стоящаго лицомъ къ лицу къ народу! Пусть же знаетъ наша либеральная и космополитическая интеллигенція, что она глубоко ошибается, если думаетъ, что въ духовенствѣ—или Гапоны, или безчувственные, равнодушные къ переживаемымъ событіямъ невѣжественные дармоѣды. О, въ сельскомъ духовенствѣ, какъ и народѣ, сила великая, непочатая тается. Ихъ подлинное русское слово еще впереди.

* * *

Обратимся снова къ проповѣдямъ на современныя темы. Во всякомъ случаѣ, нужно, отцы, въ наше лукавое время и въ медвѣжьихъ углахъ памятовать завѣтъ апостола: „блюдитесь, како опасно ходимъ“ (Ефес. 4 гл.). Проповѣдникамъ крайне необходимо нынѣ блюсти мѣру и разсудительность, безъ одностороннихъ увлеченій. Въ проповѣдническихъ обличеніяхъ смуты нашего времени, долгъ пастыря обязываетъ быть граждански-мужественнымъ, хранить велицепріятную правду, не склоняясь отъ христіанской истины ни на десно, ни на шую. Было-бы лицемѣриемъ и челоуѣкоугодничествомъ, когда пастырь, увѣщевая, положимъ, желѣзнодорожныхъ забастовщиковъ оставить смуту и насилія, которыя будучи зломъ сами по себѣ, не могутъ привести къ добру, оставилъ бы безъ слова христіанскаго обличенія безсовѣстныхъ эксплуататоровъ рабочаго люда. Въ томъ-то и вина наша, что никто въ мирное время не хотѣлъ видѣть неправды сильныхъ и угнетенія меньшей братіи. Болѣзнь давно назрѣвала, теперь же всѣ язвы государственнаго организма разомъ открылись. Нынѣ читаемъ въ газетахъ, и столичныя іереи взялись изучать записки объ устроеніи рабочаго быта. Поздно, отцы, учиться, когда надо дѣйствовать во всеоружіи и съ большимъ на-

пряженіемъ. Повторяемъ: для проповѣдника нынѣ время крайне ответственное и тяжкое, когда нужно, по евангелію, имѣть и „мудрость змѣину и незлобіе голубя“.

По вопросу о современномъ голосѣ Церкви и характерѣ пастырскаго слова мы получили письмо изъ Вятки отъ нашего „постояннаго читателя“, который даетъ указанія и совѣты, заслуживающіе вниманія. Вотъ это глубоко—жизненное письмо.

„Если не давить „страхъ іудейскій“, предупредите вашихъ читателей изъ пастырей, что Церкви не слѣдуетъ всѣ нынѣшніе беспорядки рабочихъ связывать съ мыслию, что въ результатъ ихъ была или имѣется цѣль „помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ, затруднить снабженіе арміи припасами, навлечь на Россію бѣдствія“... Во имя справедливости смѣло утверждаю, что подобное обвиненіе простого народа, возмущеннаго эксплуатацией фабрикъ и заводовъ—есть величайшая ошибка. Своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ мѣшала и мѣшаетъ наша „не—государственность“, какъ выражается (и конечно мягко) г. Меншиковъ въ одномъ изъ своихъ прелестныхъ „писемъ къ ближнимъ“.—Кто же теперь не знаетъ истинныхъ виновниковъ нашей неготовности? Японцы давно готовились къ войнѣ, а мы только спали. Насъ бьютъ и свои и чужіе. Не обвиняйте же всѣхъ безъ толку. Когда пастыри въ своихъ проповѣдяхъ приглашаютъ всѣхъ возстать за „вѣру“, мнѣ кажется, хватаютъ черезъ край. Японецъ бьетъ насъ не за вѣру, т. какъ онъ самъ не вѣритъ ни въ бога, ни въ чорта, и для него безразлично, какому богу вѣруютъ другіе народы, а за наше русское ротозѣйство и за полную халатность и распущенность правящихъ классовъ. Вотъ чѣмъ мы грѣшны, вотъ о чемъ слѣдуетъ молиться и просить Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ нашъ разумъ, а паче всего вывелъ насъ изъ тьмы безправія, въ которой держитъ Россію питерская бюрократія. Русскій простой народъ не только молится, но и обливается слезами, подавленный кучей бѣдъ, которую онъ несетъ на своихъ усталыхъ плечахъ. Не народъ надо просить молиться, онъ и безъ просьбъ молится, а тѣхъ, въ чьихъ сердцахъ не заводилось ни любви къ народу, ни состраданія... Да, воистину тяжело быть свидѣтелемъ тяжелыхъ событій, которыя должны получить истинное освѣщеніе отъ тѣхъ, отъ кого требуется и совѣстью и религіей только одна правда. Прежде, можетъ быть, возможны были и умолчанія, и схоластическіе вывихи въ проповѣди, за которыми могла прятаться горькая правда, но теперь обстоятельства сильно измѣнились и убаюкивать народъ неискренними или общими фразами нельзя, онъ уже сталъ грамотнымъ и разсудительнымъ, и искренность религіознаго чувства и правдивость пастырскаго слова и совѣта пойметъ и оцѣнитъ. Волнующіе столицы и городскіе центры политическіе толки доходятъ и въ деревню. Все это глубоко чувствуется деревней и, кто знаетъ, чѣмъ это можетъ разрѣшиться? Такъ не лучше-ли и не время-ли быть прямымъ и справедли-

вымъ, не лукавымъ, не склоняющимъ чашу вѣсовъ въ церковномъ словѣ ни направо, ни налѣво, а это отъ служителей алтаря Божія требуется прежде всего“.

Комментаріи излишни. Sapienti sat.

Въ одной газетѣ напечатано на ту-же тему открытое письмо пѣкшого г. Ильинскаго на имя священника Петрова, по поводу послѣднихъ фельетоновъ его въ газетѣ „Русское Слово“, подъ заглавіемъ „Голосъ Церкви“, на текстъ: „вы все еще спите“. Письмо Ильинскаго также не лишено интереса, какъ показатель того, *какого слова* отъ духовенства ждуть, ищутъ и нуждаются въ наше тяжкое время вѣрующіе русскіе люди. Приводимъ къ свѣдѣнію нашихъ читателей и это письмо, съ эпиграфомъ 24 гл., 4—5 изъ Еванг. Мѳ.

„Прочиталъ, батюшка, вашу замѣтку „Голосъ Церкви“. И знаете—неприятное впечатлѣніе произвела; не въ вашу пользу, прежде всего, говоритъ этотъ тонъ... какъ бы его назвать... ну, не къ лицу онъ вамъ. Вы, кажется, еще человѣкъ сравнительно молодой (лично я васъ никогда не видѣлъ), а вѣдь вы не Іоаннъ Креститель, даже и не Саванаролла (почему—вамъ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстно), а потому выступать въ роли обличителя („вы все еще спите...“ и т. д.) лицъ почтенныхъ, лицъ, облеченныхъ свыше отъ Св. Духа властію и вамъ преподавшихъ божественную благодать, вамъ слѣдовало бы всего менѣе. Вотъ вы пишете: „Голоса раздаются отовсюду, слышатся изъ самыхъ разнообразныхъ устъ“. „Заявляютъ свои мнѣнія *группы* (только-то?) ученыхъ, адвокаты, писатели, инженеры, педагоги, фабриканты (можетъ быть, *фабрикантъ?*), рабочіе“. Да точно-ли вы подчитали эти голоса? Не ошиблись-ли вы въ чьемъ? Развѣ „группы“ значить не только „весь“, но даже „большинство“? Свои-ли они—весьма многіе—рѣчи говорятъ? Не ваши-ли, Гапоновъ разныхъ, это все мысли и слова? Отчего вы не упомянули про *военныхъ, духовныхъ* и, главное, про *народъ*, про тотъ народъ, которымъ питаетесь вы, всѣ профессора и другіе, перечисленные вами? Отчего вы, батюшка, игнорируете ихъ? Дайте отвѣтъ. Что вы и подобныя вамъ сдѣлали для мужика? Спросили-ли вы, чего онъ хочетъ? Если бы вы сбросили съ себя свои шелковыя одѣянія, да изъ своихъ роскошныхъ хоромъ отправились въ любую деревню непроземную и посмотрѣли, чѣмъ и какъ живетъ этотъ презираемый вами народъ, тогда бы, думается, вы перенесли объектъ своихъ разсужденій, если только вы говорите *честно*, съ этой горсточки людей, обставленныхъ въ своей жизни въ тысячу разъ лучше любого крестьянина, на этого послѣдняго. Вы вотъ мудрости набираетесь среди *прелатовъ*, полагая, что эту темную, сѣрую массу и спрашивать не стоитъ. Ну, такъ припомните: русская земля строилась не профессорами и адвокатами, спасали ее отъ татаръ, литовцевъ, поляковъ, въ томъ числѣ и отъ „прелатовъ“ не педагоги и инженеры, а истинно-русскіе люди; ими же: Пересвѣтами, св. Сергіями, Діонисіями, Сусаниными, Рябовыми она будетъ держаться и впредь.

Потомъ: перечисленные вами „профессіи“ — точно-ли онѣ такъ единодушно „заявляютъ свои мнѣнія“? Когда „на громадѣ“ горланы ревуть во всю мочь, значить-ли это, что и весь „міръ“ за нихъ? То-то, батюшка: посчитайте получше это „отовсюду“, и если вы *не однобоки*, то поумѣрите свой пылъ, да и тонъ возьмете другой, болѣе приличный человѣку благовоспитанному и... *священнику*: помните свое званіе!

Теперь: какого же вы желаете „голоса отъ Церкви“? „Не слово социальное, не слово политическое, а слово *чисто и строго религиозное*, которое, однако, разрѣшить узы и социальныя и политическія, укажетъ путь исцѣленія язвъ экономическихъ (!)“. (Объяснитесь, батюшка; что-то вы мудрено и туманно пишете. Церковь въ лицѣ своей іерархіи можетъ только одно сказать: „нѣсть власть, аще не отъ Бога“.

Никогда Церковь, оставаясь вѣрной самой себѣ, не рѣшала другихъ вопросовъ, кромѣ религиозныхъ; если можете; припомните исторіи вѣка апостольскаго, да и свою русскую. Филиппы и Іоны громили Грозныхъ и Шемякъ за то, что „лилась кровь неповинная“, да поругана была „святительская епитрахиль“, и никогда не злоупотребляли крестомъ, своимъ священнымъ званіемъ; никогда не были возмутителями народными“.

* * *

Нужно согласиться: какъ всегда, такъ и при современныхъ обстоятельствахъ, пастырь долженъ быть прежде всего проповѣдникомъ *церковнымъ* и *религиознымъ* — на всѣ событія нашего времени онъ долженъ смотрѣть съ точки зрѣнія строго христіанскаго идеала. Основнымъ критеріемъ для оцѣнки событий современности у проповѣдника должны быть прежде всего божественныя завіты библейскаго ученія, а затѣмъ церковныя заповѣди.

Живое пастырское слово, будетъ-ли оно произнесено съ церковной кафедры, или напечатано на столбцахъ газеты, заключается вовсе не въ томъ только, чтобы писать и говорить на современныя жгучія темы въ духѣ свѣтской публицистики, — трактовать о социальныхъ и политическихъ запросахъ общества и народа фельетоннымъ языкомъ газетъ, разрѣшать церковно-общественныя проблемы на основаніи послѣдняго слова свѣтской науки, съ придаткомъ лишь для „церковной оправы“ двухъ-трехъ евангельскихъ изреченій въ свободномъ изложеніи, при систематическомъ пренебреженіи нелюбимыми свѣтскимъ обществомъ традиционными проповѣдническими приѣмами. Отъ новаго стиля проповѣди вѣетъ духомъ угодливости свѣтскимъ газетнымъ вкусомъ, скоропреходящему духу времени и модѣ. Глубокіе и талантливѣйшіе церковные проповѣдники — публицисты, создавшіе особую школу въ нашей русской проповѣди, — еп. Іоаннъ Смо-

ленскій, архіеп. Никаноръ Одесскій, архіеп. Амвросій Харьковскій, — проповѣдывали и писали не такъ, какъ нынѣшніе модные духовные писатели и ораторы. Въ нашей публицистической церковной проповѣди и духовномъ писательствѣ произошелъ декадансъ, опустившіи церковное современное слово съ первыхъ столбцовъ газетъ въ фельетонные подвалы публицистики. А вѣдь къ Іоанну, Никанору и Амвросію читающая Россія не менѣе живо прислушивалась. Никто такъ не отзывчивъ на современныя событія, какъ нашъ всероссійскій пастырь, о. Іоаннъ Кронштадтскій. Но вы вникните въ духъ и содержаніе его писаній и рѣчей, и вы сами поймете, въ чемъ сила духовнаго обаянія пастырскаго слова о. Іоанна.

Проповѣдническое слово современнаго вѣрующаго пастыря должно быть непременно утверждено *на камнѣ вѣры* Христовой, основано на истинахъ евангельскаго и библейскаго вообще ученія, проникнуто духомъ и заповѣдями Церкви. Съ этой точки зрѣнія проповѣдникъ долженъ судить и рѣшать современные волнующіе Россію вопросы политической и общественной жизни — и тогда только голосъ Церкви будетъ вліятеленъ и безъапелляціоненъ для слушателей или читателей.

Да, да, отцы и братіе! Наше глубокое убѣжденіе, что только слово вѣры, любви и кротости, исходящее отъ любящаго сердца и изъ устъ вѣрующаго проповѣдника, будетъ *питать* религіозно, умиротворять душу народную, вызоветъ стыдъ и раскаяніе въ нехристіанскихъ поступкахъ и настроеніяхъ смятеннаго общества, будетъ охранять отъ смуты, устремляя помыслы мятущихся къ небесному идеалу христіанской любви, правды и братолюбія. Иначе проповѣдь церковная, какъ газетная статья, можетъ только подливать масла въ огонь, — развивая ощущеніе духовнаго голода, неудовлетворенность души, новую тоску и злобу въ слушатель, остающемся безъ благодатнаго утѣшенія вѣры съ своими душевными болѣзнями, съ своею безпомощностью.

Въ заключеніе, еще два слова объ осторожности. Въ нынѣшнее смутное время опасно пастырямъ кидать зажигательныя неосторожныя выраженія въ горючіи матеріаль, дабы не произвести, независимо отъ воли и намѣреній проповѣдника, новаго взрыва страстей и смуты въ народѣ. Особенно осторожно сельскимъ пастырямъ нужно обращаться въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ къ крестьянамъ съ такими словами, какъ „невѣрующая гнилая интеллигенція“, „образованные люди или классы — безбожные враги Царя и Церкви, крамольники, предатели отечества“, „бунтари студенты“ и др. Во 1-хъ, огульно всѣхъ интеллигентовъ

или студентовъ въ соучастіи въ смутѣ обвинять несправедливо, смута и крамола срываетъ ядовитые цвѣтки со всѣхъ слоевъ, а во-вторыхъ—легкоразбудитьвънародныхъ массахъ того страшнаго звѣря классовой ненависти, который въ деревняхъ способенъ разнести всѣ барьеры и запоры. Кто не знаетъ, какъ беспомощна наша провинція, въ смыслѣ охраны. Пастырское слово здѣсь должно охранять миръ и тишину народной жизни. И если духовенство „не воздремлетъ, ниже уснетъ“, то эта охрана будетъ надежнѣе и сильнѣе всякой матеріальной охранительной силы. Да поможетъ Богъ!

* * *

По столбцамъ газетъ пролетѣла кѣмъ-то пущенная утка о сборахъ 200 тысячъ штундистовъ въ Америку, въ Канаду, по стопамъ духоборовъ.

Утку эту поймалъ извѣстный беллетристъ писатель г. Боборыкинъ, и подъ его сочнымъ перомъ она преобразилась въ цѣлаго лапчатого гуся... Ужъ какъ же почтенный академикъ красиво и умилительно описалъ штундистовъ—прямо хочется плакать отъ горя, что Россія рискуетъ потерять такое золото. Конечно, можно догадаться, цѣль и назначеніе статьи совсѣмъ другія. Г. Боборыкинъ и самъ не вѣритъ слуху о 200 тысячахъ штундистовъ. Извольте видѣть—въ Комитетѣ министровъ идетъ обсужденіе 6 п. Высочайшаго указа о свободѣ исповѣданій... Ну какъ же маститому писателю не внести своего меда въ соты агитаціонной литературы въ пользу раскола и сектъ. Хотя штунда имѣетъ уже своего литературнаго адвоката, г-жу Ясевичъ-Бородаевскую, однако лишній козырь, да еще такой крупный, въ серіозной игрѣ всегда пригодится. Не можемъ документъ этотъ пропустить, чтобы не увѣковѣчить на нашихъ Скрижаляхъ. Многое слѣдовало бы оговорить въ этой Боборыкинской апологіи сектантства, но наши читатели, надѣемся, сами оцѣнятъ, что правдиво, а что и фальшиво у г. Боборыкина.

Мы лишь рѣшительно опровергаемъ самую нелѣпость слуха о массовомъ переселеніи штундистовъ въ Америку. Единичныя переселенія въ Америку штундистовъ и возвращенія обратно начались давно, гораздо ранѣе духоборческой эпопеи. Могутъ и теперь быть такіе случаи, особенно подъ впечатлѣніемъ войны, отъ которой нѣсколько запасныхъ кiev. губ. ускользнули вмѣстѣ съ евреями въ Америку, но массоваго переселенія у штундистовъ не можетъ состояться уже потому, что нѣтъ такого числа штундистовъ въ Россіи, нѣтъ и сплотненности: штундисты разрознены и пространствомъ и вѣрованіями.

Мы бы объ этомъ „исходѣ“ знали и первые забили бы тревогу въ предотвращеніе такой аномалии, какъ мы рѣшительно. въ свое время, были противъ нелѣпой мѣры расселенія духоборовъ по закавказью и противъ разрѣшенія имъ выѣхать за границу. Считаемоъ этотъ „исходъ“ духоборовъ не менѣе г. Боборыкина горестнымъ событіемъ и непростительною ошибкою закавказской администраціи.

А теперь, читатель, зрите „еще исходъ въ Америку“ академика Боборыкина.

Еще „Исходъ“ въ Америку.

Газеты уже оповѣстили, что наши *штундисты* переселяются въ Америку, въ Калифорнію.

Была вѣсть, что ихъ туда собирается до *двухсотъ* тысячъ!

Цифра внушительная и, будемъ надѣяться, преувеличенная...

Значить, во всякомъ случаѣ, члены самой многочисленной народной евангелической общины почувствовали *необходимость* покинуть родину совершенно такъ, какъ это вышло съ духоборами.

Замѣьте при этомъ, что духоборы не были признаны специальнымъ законодательнымъ актомъ „особенно вредной сектой“. Ихъ преслѣдованія въ послѣдніе годы были вызваны отказомъ служить въ солдатахъ; но *от того* они были такъ же терпимы, какъ и молокане, какъ и старообрядцы разныхъ толковъ. Во время турецкой войны они оказывали большія услуги нашей арміи, и начальство къ нимъ благоволило.

А штундисты никогда не отказывались отъ солдатчины, платили подати, были и до сихъ поръ состоятъ самыми мирными подданными; отличаются трезвостью и чистотой нравовъ, трудолюбіемъ и любовью къ порядку... и, все-таки, они были обвинены (?) въ разныхъ „поползновеніяхъ“— и политическихъ, и социальныхъ, и „миѣнне“ комитета министровъ 1904 г. наложило на нихъ клеймо „особенно вредной секты“, и съ тѣхъ поръ они лишены и права, и возможности молиться сообща, даже въ частныхъ квартирахъ, избахъ или другихъ помѣщеніяхъ.

Развѣ такое положеніе... не то что уже „нормально“, а даже просто выносимо? Что, еслибы десятки милліоновъ русскихъ, принадлежащихъ къ господствующей церкви, къ *государственному* православію, поставлены были мановеніемъ волшебнаго жезла въ точно такіе же тиски?

Они бы съ ними сумѣли совладать, потому, вѣроятно, что ихъ оказалось бы болѣе шестидесяти милліоновъ?..

А тутъ только нѣсколько сотъ тысячъ, да и того нѣтъ, если вѣрится официальнымъ статистическимъ даннымъ, особенно синодальнаго вѣдомства... Да и можно-ли теперь употреблять самый терминъ „штунда“ безъ оговорокъ?

Онъ былъ обязательенъ прежде, до преслѣдованій съ 1894 года, а теперь ведемъ, знакомымъ съ дѣломъ, неизбежно, что очень значительная часть штундистовъ перешла въ *баптизмъ*... И сдѣлала это сама власть своимъ постановленіемъ; какъ бы парочно загнала евангелистовъ (вульгарно прозванныхъ „штундой“) въ одно изъ евангелическихъ исповѣданій, кото-

рое разрешено у насъ давно и никакъ не преслѣдуется... если его послѣдователи—инородцы: нѣмцы, финны, латыши... кто хотите, но только не бывшіе штундисты, малороссы и великоруссы!..

Вдумайтесь только въ то, какой это сѹмбурь, давящій совѣсть цѣлыхъ массъ русскаго народа, держащихъ его въ крѣпости, совершенно такъ, какъ сорокъ четыре года назадъ рабовладѣльчество держало крестьянъ!..

И что же мудренаго, что штундисты, переселяющіеся въ Америку, стали мечтать о тамошнемъ блаженномъ житѣѣ?

Вѣдь всѣ они грамотные, и очень многіе читаютъ газеты. Они могли ознакомиться изъ талантливыхъ очерковъ „Русскіе въ Канадѣ“ съ тѣмъ, какъ поживаютъ тамъ духоборы... И намъ всѣмъ не мѣшаетъ припомнить то, что авторъ этихъ очерковъ рассказывалъ въ заключительныхъ фельетонахъ... какъ сами духоборы, послѣ довольно тяжелыхъ дней своего „Ихода“, наконецъ, устроились и такъ теперь довольны своимъ житѣемъ *во всякъ смыслѣхъ*, что острятъ надъ именемъ „Канада“, передѣлывая его въ „*Какъ и надо*“.

Развѣ вамъ не становится грустно и даже жутко отъ сознанія, что хорошіе русскіе люди разрываютъ связь съ родиной и тамъ, среди чуждыхъ имъ народа, языка, порядковъ, находятъ, что лучшаго житѣя и желать нельзя, что у себя дома они бы никогда его не добились?

И то, что наши власти вколачиваютъ силой, всякими законными беззаконіями, то придетъ тамъ, въ британской Канадѣ или въ Калифорніи, — „само собою“. И теперь уже ребята духоборовъ начинаютъ говорить, читать и писать по-англійски, потомъ будутъ ходить въ англійскія школы, потомъ примутъ участіе въ муниципальныхъ и парламентскихъ выборахъ, попадать въ земцы и въ депутаты, кончатъ, вѣроятно, и тѣмъ, что не станутъ отказываться поступать и въ мѣстную милицію...

И если извѣстіе объ „Иходѣ“ въ Калифорнію *двухсотъ тысячъ штундистовъ*—не утка, не пухъ, а правда,—неужели и такой фактъ не заставитъ задуматься?

Неужели нѣтъ возможности задержать такое бѣгство—и безвозвратное!—громадной массы русскихъ людей, землепашцевъ и кустарей, виновныхъ только въ томъ, что они не соглашаются отречься отъ своей вѣры!

И какой?

Гдѣ все сведено къ ученію Христа, а въ послѣдніе годы (когда сама же власть превратила ихъ въ баптистовъ), съ присоединеніемъ и двухъ символическихъ—опять-таки строгоевангелическихъ обрядовъ: крещеніе *врослыхъ* и „преломленіе хлѣба“ на Тайной вечери.

Мнѣ кажется... во всемъ этомъ виновато и такъ-называемое „общество“... Оно не прочь поговорить о свободѣ совѣсти (да и то очень рѣдко, даже и теперь, когда „насчетъ этого“ стало посвободнѣе); но оно и въ самыхъ „передовыхъ“ кружкахъ слишкомъ даже было равнодушно къ вопросу *религіозной* свободы. У нашихъ „интеллигентовъ“ самага свободо-мыслящаго пошиба долго считалось какъ бы ненужнымъ и даже не совсемъ умѣстнымъ говорить на эту тему, интересоваться религіозными вопросами. Только къ сектантамъ стали относиться въ печати съ большимъ интересомъ; но къ тому, въ какомъ положеніи находятся у насъ иновѣрные „соотечественники“, напримѣръ, католики и другіе „иностранные“ христіане, до сихъ поръ масса „образованныхъ“ весьма равнодушна, а часто и прямо враждебно настроена.

Едва-ли не мнѣ первому (по прошествіи почти сорокалѣтней писательской работы) пришлось говорить объ этомъ некультурномъ и негуманномъ равнодушіи въ моихъ очеркахъ Рима, составившихъ потомъ книгу: „Вѣчный городъ“.

Есть у насъ немало „интеллигентовъ“, которые признаются вамъ сами, что, напримѣръ, наше старообрядчество совѣмъ ихъ не интересуется, а вѣдь тутъ дѣло идетъ о возможности свободной церкви для милліоновъ великорусскаго народа!

Да и про „сектантство“ многіе знаютъ не больше, чѣмъ про какую-нибудь курьезную заграничную секту.

Все это я лично испыталъ и испытываю, какъ авторъ двухъ вещей посвященныхъ тому и другому міру нашихъ диссидентовъ...

Въ такой исторической моментъ, какъ тотъ, который мы переживаемъ надо, прежде всего, признать, что автономія совѣсти, ея раскрѣпощеніе т. е. полная возможность *privatim et publice* неповѣдывать свою вѣру,— есть краеугольный камень всякихъ другихъ „гарантій“.

Безъ этой свободы ничто немислимо. Отъ нея должно исходить и все остальное. Кто хоть сколько-нибудь вникнетъ въ это, тотъ, конечно, согласится съ такимъ убѣжденіемъ.

Народъ—въ громадной своей массѣ—не можетъ еще чувствовать прямую, *назойливую* потребность въ нѣкоторыхъ другихъ „гарантіяхъ“ (на чемъ теперь такъ часто играютъ все наши гасильники), но *свободы вѣрованій*, т. е. всего своего духовно-нравственнаго блага и общественнаго уклада, онъ жаждетъ *всюду* (въ томъ числѣ и въ нѣдрахъ господствующей церкви) какъ воздуха, безъ котораго нельзя продышать ни одной минуты!

II. *Боборыкинъ.*

Вотъ это настоящая защита,—коротко, изящно и ясно, это не то, что аляповатая, каррикатурная изслѣдованія г-жи Ясевиць.

Только странно звучить въ устахъ П. Д. Боборыкина упрекъ его интеллигенціи, что она считаетъ неумѣстнымъ *интересоваться религиозными* вопросами. Не ваше-ли духовное дѣтище—современная интеллигенція? А помните, какъ васъ на юбилей вашему превозносили за то, что вы въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ своихъ литературныхъ трудовъ нигдѣ не упомянули слово *Богъ*?

V. *Скворцовъ.*

Какъ возможно въ настоящее время обновить православно-русскій церковно-приходскій строй.

Вопросъ о православно-русскомъ приходѣ, какъ общественной формѣ православной христіанской жизни, предстоить предъ нами съ неотложностью. Его ставитъ жизнь, его оправдываетъ истина. Если не рѣшимъ его мы, призванные учителя и облагодѣтельствованные пастыри Церкви, его рѣшатъ непризванные. Если не рѣшимъ его исподволь, безъ внутреннихъ церковныхъ потрясеній и согласно съ канонами церковными, его рѣшить насиліе, сектантство и невѣріе... Неужели мы можемъ колебаться хотя минуту предъ неотложностью и важностью этого рѣшенія, мы, которые должны различать „знаменія временъ“?...

Благодаря трудамъ нашихъ ученыхъ, предъ нами предсталъ приходъ въ историческомъ освѣщеніи съ такими неотразимо привлекательными чертами его жизни, что не знаешь, чему больше удивляться,—тому-ли, что древняя Русь могла безъ борьбы отказаться отъ такой высококультурной и идилически прекрасной формы жизни, или тому, что нашлись палачи ея?...¹⁾ Люди практическаго ума указываютъ намъ,²⁾ какъ, при возстановленіи древне-русскаго прихода, уничтожатся всѣ тѣ коллизіи между христіанскою правдою и формальнымъ судомъ, которыя представляетъ современная церковно-приходская жизнь. Я хочу добавить къ этимъ двумъ—историческому и юридическому освѣщеніямъ вопроса о приходѣ—третье. Я хочу сказать, что вопросъ о приходѣ связанъ съ величайшею проблемою христіанства—*со свободою спасенія*...

¹⁾ Рефератъ проф. Д. Академіи священника Ф. И. Титова (Историч. общ. Неостора-Лѣтописца, 1903 г.).

²⁾ Рефератъ приходскаго священника, протоіерея о. Н. Колпикова, („Кіев. Епарх. Вѣд.“ 1904 г.).

Исторія и право считаютъ приходскую общину идеальнѣйшей формой христіанской общественной жизни и протестуютъ противъ современнаго безжизненнаго приходскаго строя во имя старины или во имя канонѣвъ церковныхъ. Къ этому протесту присоединяется еще и нравственное христіанское сознание... Въ протестъ противъ недостатковъ современной церковной жизни какъ часто договариваются нынѣ до того, что современный приходъ остался *единственной теперъ, въ наше свободное время, формой крѣпостныхъ отношеній*, что приходскій священникъ, согласно существующему порядку, является *владѣльцемъ душъ живыхъ и мертвыхъ*, безразлично къ тому, вѣрующія-ли эти души, или невѣрующія, лишь бы по метрикѣ числились онѣ православными, что православные русскіе люди лишены возможности прибѣгнуть къ молитвамъ и благословіямъ того священника, кто имъ любъ, кого они почитаютъ и въ чью молитвенную силу они вѣрятъ, безъ позволенія приходскаго священника, въ самыя торжественныя минуты ихъ жизни: рожденія, брака и смерти. Совѣсть человѣческая, совѣсть вѣрующихъ и невѣрующихъ, ропщетъ противъ такого ига закона, ведущаго вѣрующихъ къ холодности къ вѣрѣ, а невѣрующихъ, но приступающихъ къ таинствамъ, къ суду и осужденію...

Вопросъ о приходѣ широко поставленъ свѣтскою и духовною печатью. О немъ сказано слово Царское въ Манифестѣ 26 февраля 1902 года. Онъ, слѣдовательно, не новъ и не подъ тайною. Но въ рѣшеніи его мало подвигаются впередъ. Къ нему подходятъ все еще съ боязнью и его оглядываютъ съ недоувѣрчивостью...

И прежде всего говорятъ, что вопросъ о приходѣ - чисто государственнй вопросъ, а не церковный только. Рѣшеніе его въ смыслѣ возстановленія древне-русскаго прихода не въ силѣ будто бы и не въ возможности, не въ компетенціи духовныхъ дѣятелей Церкви. Государство же будто бы противъ возстановленія древняго русскаго православнаго прихода...

Правда, государство нанесло древне-русскому приходу самыя тяжкіе удары. Учредивъ крѣпостное право, оно сосредоточило силу и вліяніе всей приходской общины въ лицѣ одного и при томъ не всегда лучшаго ея члена-помѣщика. И помѣщикъ, если онъ вѣрующій, русскій и православный, а только такихъ помѣщиковъ знала крѣпостная Русь въ до-петровское время, еще не разрушалъ окончательно церковно-при-

ходскаго строя. Имѣя всю силу матеріальной и гражданской власти надъ крѣпостными, онъ подчинялся въ вопросахъ совѣсти тому же духовному отцу, приходскому священнику, какъ и его крѣпостные, и тамъ, гдѣ помѣщикъ попиралъ церковно-приходскую правду, тамъ и для него жива еще была главная сила прихода—дисциплина церковная, страшная угроза судомъ Божиимъ. Вся тяжесть крѣпостнаго права легла на приходъ, когда со времени Петра I-го помѣщиками во множествѣ явились иностранцы и иновѣрцы, когда русскіе помѣщики, увлекшись иноземщиной, отрѣшились отъ родной почвы и роднаго прихода, стали управлять своими помѣстьями чрезъ управляющихъ иностранцевъ и иновѣрцевъ или чрезъ русскихъ, но образованныхъ по западно-европейскимъ идеаламъ, съ презрѣніемъ ко всему русскому, а слѣдовательно къ церковно-приходскому строю русской жизни. Освобожденіе крестьянъ не помогло дѣлу. Въ этой великой реформѣ приходъ, сознательно или безсознательно, былъ забытъ и не возстановленъ... На мѣсто властнаго и часто чуждаго приходу помѣщика и управляющаго сталъ чиновникъ еще болѣе далекій, и часто не менѣе его властный... Централизація церковнаго управленія—самый сильный врагъ обновленія православнаго церковно-приходскаго строя.

Но настоящее время подаетъ надежды на измѣненіе этого тяжелаго и печальнаго отношенія государства къ приходскому строю жизни. Мы знаемъ слова Высочайшаго Манифеста на этотъ счетъ. Уже слышится, что въ происходящихъ совѣщаніяхъ о реформахъ русской жизни церковная жизнь не оставлена безъ вниманія. Будемъ надѣяться, что и вопросъ о приходѣ, какъ административной единицѣ, получить если не полное древне-русское разрѣшеніе, то хоть отчасти будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Впрочемъ, вопросъ о приходѣ въ той его части, которая насъ больше всего можетъ интересовать, можетъ быть рѣшенъ и безъ ожидаемыхъ гражданскихъ реформъ. Если для возстановленія древне-русскаго прихода во всемъ его значеніи необходимы законодательныя мѣры, то для возстановленія прихода, какъ церковной только общины, какъ собранія прихожанъ для церковныхъ только дѣлъ, не нужно никакихъ гражданскихъ реформъ, никакихъ законодательныхъ мѣръ. Нужно только не лишать приходъ того, что и нынѣ предоставляется ему закономъ, что требуется духомъ и канонами церковными.

Пусть гражданскою жизнью народа управляютъ тѣ и такъ, кому и какъ судилъ на это Богъ, но церковною жизнью прихода должна управлять только Церковь, т. е. *союзъ пастыря съ пасомыми*, духовенства съ мірянами. Мы вѣримъ въ Церковь. Церковь Христова—это догматъ христіанства, и этотъ догматъ говоритъ намъ о тѣсномъ органическомъ союзѣ пастырей и паствы, какъ живого Тѣла Христова. Пусть только не умираетъ въ христіанскомъ сознаниі этотъ догматъ вѣры, пусть его только не трогаетъ, не повреждаетъ законодательство, и изъ него, какъ изъ живого зерна, выростетъ христіанскій приходъ, христіанская община. И къ счастью нашему, этотъ догматъ остается неповрежденнымъ, только малосознаннымъ, только частью забытымъ. Нынѣшнее, въ настоящее время дѣйствующее церковное законодательство ни однимъ намекомъ не поддерживаетъ существующій церковно-приходскій строй, когда не слышится голоса прихода, когда почти ничѣмъ не проявляется его участіе въ Церкви. Этотъ строй держится только по недоразумѣнію, вслѣдствіи церковно-юридическаго невѣжества и маломощности. У мірянъ нигдѣ и никогда не отнималось право голоса ¹⁾ предъ духовной іерархіей, право ходатайства по всемъ церковнымъ дѣламъ рѣшительно, до назначенія священника включительно. Только практика, а не законодательство свели на нѣтъ право прихода сказать епархіальной власти свое мнѣніе о священникѣ, просить объ удаленіи или о наказаніи его, о поощреніи или наградѣ его, распоряжаться церковнымъ имуществомъ, открывать различныя приходскія учрежденія: школы, пріюты, богадѣльни и т. п.

Другимъ мотивомъ къ уклоненію отъ вопроса о необходимости обновленія православнаго русскаго прихода являются *соображенія національно русскія*. Въ основѣ развитія русскаго народа, его государственной жизни и исторіи, лежитъ *самодержавіе, сознание и воля Государя*. Эта національная особенность русской жизни какъ нельзя болѣе подходитъ и къ православному началу церковнаго упра-

¹⁾ Мы, къ удивленію, узнали, что право непосредственнаго обращенія прихода къ высшему духовному начальству, а въ этомъ суть приходскаго права, отнято у прихода чисто полицейскимъ указомъ Императора Павла, воспреещающимъ коллективныя заявленія и имѣющимъ, конечно, въ виду только гражданскія отношенія, но принятымъ и въ Церкви людьми, посматрѣвшими на Церковь съ точки зрѣнія государственной, гражданской, какъ на православное вѣдомство.

вленія—ея пастырству или священноначалію церковному. Подъ угломъ зрѣнія этого несомнѣннаго іерархическаго начала жизни русскаго православнаго народа церковно-приходское право можетъ показаться конституціей, а голосъ прихода — парламентаризмомъ... Но это глубокое заблужденіе!

Какъ и самодержавіе, такъ и священноначаліе отнюдь не говорятъ о полной, ничѣмъ неруководимой волѣ. Сила самодержавія—*въ общеніи совѣсти царской съ разумомъ народнымъ, авторитетъ іерархіи въ признаніи мірскомъ*. Церковно-приходскія права въ гражданскомъ отношеніи нисколько не посягаютъ на самодержавіе, въ церковномъ—на іерархическій авторитетъ, давая имъ жизненный смыслъ. Какъ голосъ земскаго собора не уменьшалъ силы и значенія самодержавія болѣе, чѣмъ мнѣнія Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, подносимыхъ на Высочайшее утвержденіе, какъ древне-христіанская самоуправляющаяся община не умаляла правъ и значенія церковной іерархіи, такъ и церковно-приходское право не стоитъ въ противорѣчій съ основными началами русской жизни, самодержавіемъ и православіемъ. Это право ничуть не похоже на конституцію западно-европейскихъ народовъ, которая представляетъ собою не органической союзъ царя и царства, Государя и народа, а лишь договоръ между ними, результатъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній.

Приходское самоуправленіе, которое предполагаетъ обновленный православно-русскій приходъ, точно также совершенно неосновательно смѣшиваютъ съ парламентаризмомъ. Парламентаризмъ есть безусловное право большинства, обязательное, принудительное для власти и для меньшинства въ самыхъ существенныхъ вопросахъ жизни, въ то время какъ право церковнаго прихода есть только право голоса предъ властью духовною и свѣтскою, предъ властью, которая, мы православные вѣримъ въ это, отъ Бога установлена. Право большинства никогда не входило въ русскую церковную жизнь, и намъ кажется, что глубоко ошибаются тѣ, кто хотѣлъ бы внести это начало въ подлежащій обновленію строй русскаго православнаго прихода...

Мы должны покончить съ этимъ политическимъ предразсудкомъ, чуждымъ русской національной и церковной жизни. Мы должны понять, что голосъ большинства—не идеалъ правды и сто глупыхъ не умнѣе десяти умныхъ, а десять безчестныхъ не честиѣе одного честнаго. Но

и при этомъ мы не должны забывать, что Церковь и ея живые интересы не должны связываться ни съ какими опредѣленными политическими теоріями, ни съ какими государственными учрежденіями. Церковь Христова потому, между прочимъ, и вселенская, что она можетъ одинаково существовать, если не въ отношеніи своего земного благополучія, то въ отношеніи существа своего, какъ въ самодержавной Россіи, такъ и деспотической мусульманской Турціи, такъ и языческой Японіи, такъ и въ конституціонныхъ Румыніи, Греціи, Сербіи и Болгаріи, такъ и республиканскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Политическія теоріи и учрежденія къ существу Церкви не относятся и однако, для успокоенія дорогихъ каждому изъ насъ національныхъ нашихъ чувствъ, мы должны повторять, что право церковнаго прихода есть право только голоса прихожанъ предъ архіереемъ, совѣсти котораго должны быть открыты желанія, мысли и намѣренія народа. Этотъ голосъ прихода не можетъ имѣть для духовной власти принудительнаго значенія. Архіерей сохраняетъ за собою свое каноническое право не внять этому голосу, не послушать его, если онъ противорѣчитъ законамъ и установленіямъ церковнымъ, если онъ есть голосъ народныхъ страстей и безпокойства, если онъ противенъ правдѣ и пользѣ церковной. Открытый совѣсти святительской, этотъ голосъ прихода если и воздѣйствуетъ на нее, то не умалитъ и не свяжетъ іерархическій авторитетъ болѣе, чѣмъ связываютъ и умаляютъ его тѣ формальныя данныя изъ различныхъ справокъ, свидѣтельствъ, аттестатовъ, свидѣтельскихъ показаній и ходатайствъ различныхъ лицъ, съ которыми невольно приходится сообразоваться въ дѣлѣ, имѣющемъ значеніе больше всего для церковной жизни только прихода.

Третьимъ мотивомъ къ отрицательному отношенію къ вопросу о приходѣ является *чувство сословнаго самосохраненія*. Если предоставить приходу право голоса во всѣхъ дѣлахъ, касающихся его церковной жизни, то не подвергнется ли опасности духовное сословіе, не придется ли опасаться за судьбу нынѣшнихъ кандидатовъ священства, за духовныхъ сиротъ и вдовицъ, за духовно-учебныя и благотворительныя учрежденія? Подвергается опасности, повидимому, вся судьба, весь строй жизни духовнаго сословія.

Конечно, въ судьбѣ духовнаго сословія могутъ произойти перемѣны, но не скоро, и только къ лучшему. Духовенство перестанетъ быть со-

словіемъ и станетъ набираться изъ всего состава Церкви Христовой. Въ настоящее же время нужно заботиться не о томъ впрочемъ, чтобы всѣ оканчивающіе семинарію дѣти духовенства были обеспечены священническими мѣстами, а неоканчивающіе—псаломщицкими, а о томъ, чтобы находить *способныхъ и достойныхъ быть священниками и псаломщиками*. Перепроизводства во всякомъ случаѣ не существуетъ...

Точно также не можетъ быть вопроса о судьбѣ духовно-учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учреждений и даже о возможности благотворить сиротамъ и многосемейнымъ путемъ предоставленія священническихъ и псаломщицкихъ мѣстъ. Приходъ охотно дастъ средства на всѣ духовныя учрежденія, если ему уяснить смыслъ ихъ, если онъ пойметъ необходимость ихъ для благосостоянія Церкви Христовой вообще и его, прихода, въ частности. Къ великому утѣшенію можно сказать также, что сердце православнаго русскаго народа ни къ кому такъ не лежитъ, какъ къ сиротѣ, вдовицѣ и многосемейству. Пусть только священникъ окажется достойнымъ и по сердцу прихода пастыремъ, онъ не будетъ оставленъ и дѣти его не будутъ просящими хлѣба... Необходимо только въ этомъ видѣ благотворенія сохранить высшую справедливость — прислушаться къ голосу и желанію того прихода, на чей счетъ и за чье церковное благополучіе совершается это благотвореніе...

Есть еще возраженіе противъ необходимости и возможности обновленія православнаго прихода, но нужно-ли говорить объ этомъ возраженіи? вмѣсто общественнаго обновленія, вмѣсто измѣненія несправедливыхъ и печальныхъ условій жизни, предлагаютъ обратить вниманіе *на личное самоусовершенствованіе*... Конечно, „для праведника законъ не лежитъ“... Но вопросъ не въ праведникахъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ, хотя бы нравственно и совершеннѣйшихъ. Вопросъ о такихъ условіяхъ жизни, при которыхъ и необладающіе праведностью, при которыхъ бы и малосовершенные могли жить общею церковною жизнью. Явленіе отдѣльныхъ праведниковъ, явленіе, напр., нравственно-совершенныхъ приходскихъ священниковъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ приходахъ, только сильнѣе заставляеть чувствовать недостатки собственнаго приходскаго священника, и мертвенность, безжизненность своего собственнаго прихода заставляеть стремиться еще сильнѣе къ чужому приходу и выйти, разорвать связь съ своимъ собственнымъ.

Оставить безъ рѣшенія вопросъ о приходѣ можетъ или довольство

ныиѣшнимъ положеніемъ вещей, или же апатія, безнадежность и безысходность... Но положеніе вопроса если и тревожно, то не безнадежно, не отчаянно. Вопросъ о приходѣ можно рѣшить. Какъ все теоретическія возраженія противъ необходимости и возможности обновленія церковно-приходскаго строя держатся только по недоразумѣнію, такъ и возраженія противъ практической возможности возстановленія древне-русскаго церковнаго прихода не такъ ужъ сильны и непоколебимы.

Сущность предполагаемой реформы, по моему мнѣнію, должна состоять въ томъ, чтобы признать за приходомъ, какъ за коллективной личностью, право голоса о всѣхъ церковныхъ дѣлахъ прихода предъ епархіальнымъ архіереемъ. Право самоуправленія въ дѣлахъ предоставлено давно ему закономъ. Приходъ будетъ жить истинно-православною церковною жизнью, если все, что относится къ церковной жизни прихода, будетъ ли то назначеніе священника, діакона, псаломщика, или постройка, и ремонтъ храма и часовни, будетъ-ли то сборъ и издержки по церковному имуществу или чисто внутреннія дѣла церковнаго благоустройства, если все это будетъ дѣломъ не одной лишь епархіальной власти и священника, съ вѣдома церковнаго старосты и уполномоченныхъ, а дѣломъ всего прихода. За голосомъ всего прихода должна быть признана важность и значеніе во всѣхъ дѣлахъ прихода и, если это дѣло выходитъ, согласно существующимъ узаконеніямъ, изъ компетенціи прихода и должно быть перенесено на усмотрѣніе благочиннаго и даже епархіальнаго архіерея, или если въ дѣлахъ прихода, подлежащихъ компетенціи прихода, не получилось общаго согласія прихожанъ, то въ первомъ случаѣ положительное рѣшеніе вопроса, а въ послѣднемъ случаѣ все дѣло должно представиться на усмотрѣніе и рѣшеніе епархіальной власти; и это рѣшеніе должно быть обязательно для прихода. *Право голоса, прав. собственнаго мнѣнія предъ епархіальной властью, и только, вотъ сущность ожидаемой реформы.*

Какъ? Предоставить право голоса въ церковныхъ дѣлахъ приходу, этому разрозненному, ничѣмъ не связанному между собою случайному скопленію людей въ городахъ и малопросвѣщенной толпѣ въ деревнѣ? Не будетъ-ли это право голоса источникомъ церковныхъ смуть и волненій, поводомъ къ интригамъ и насилію? Не затемнится-ли въ этомъ взбаламученномъ морѣ житейскихъ страстей и суеты самая истина, ради которой и поднимается вопросъ о приходѣ?..

Все это, конечно, весьма возможно. Но общественное самоуправленіе имѣть свою практику и даетъ намъ указаніе для нашего дѣла. Въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи не всѣ пользуются правомъ голоса, а лишь тѣ, кто имѣетъ извѣстный сословный, имущественный или образовательный цензъ. Цензъ вноситъ нѣкую однородность въ собраніе и служитъ залогомъ взаимнаго пониманія и одинаковыхъ убѣжденій. Цензъ долженъ быть установленъ и для участія, для права голоса въ собраніяхъ при обсужденіи церковныхъ дѣлъ прихода...

Теперь, когда къ приходу обязательно принадлежать всѣ православные, живущіе на территоріи прихода, правомъ голоса юридически пользуются всѣ, имѣющіе гражданскую правоспособность. Въ обновленномъ приходѣ, не въ юридической, а въ живой общинѣ, не должно быть такъ. Только тотъ можетъ имѣть голосъ въ приходскихъ дѣлахъ, кто имѣетъ церковно-приходскій цензъ...

И въ Церкви Христовой, гдѣ не смотря на то, что по слову апостола: „нѣсть ни Еллинъ, ни Іудей, варваръ и скифъ, рабъ и свободъ“, зтотъ цензъ все же установить не трудно. Его создастъ церковная дисциплина.

Единственнымъ критеріемъ принадлежности въ настоящее время къ православной Церкви является, кромѣ метрическаго свидѣтельства, бытіе у исповѣди и св. причастія. Открытые атеисты и еретичествующіе, кощунники и прелюбодѣи, убійцы, воры, грабители и беспросвѣтные пьяницы, всѣ они принадлежатъ къ Церкви и, если не состоятъ подъ гражданскимъ судомъ и не осуждены, они путемъ говѣнія всегда могутъ установить свою фактическую принадлежность къ Церкви и юридически имѣть право голоса въ приходскихъ дѣлахъ. Паденіе церковной дисциплины—это самая ужасная изъ всѣхъ печалей современнаго приходскаго строя. Ради призрачнаго мира и порядка церковнаго, мы не вскрываемъ этихъ гнойныхъ язвъ, лежащихъ на современной церковной жизни... Мы позволяемъ самымъ несомнѣннымъ грѣшникамъ приступать къ тайнамъ, какъ будто не бережемъ святыни, какъ будто забываемъ о судѣ и воздаяніи. Въ этомъ ослабленіи церковной дисциплины мы даже не имѣемъ надежды, что нашъ снисходительность и терпимость можетъ привести къ покаянію и исправленію...

Не нужно же рѣшать вопросъ объ обновленіи церковно-приходскаго строя на почвѣ этой печальной снисходительности и этой терпимости

къ современнымъ падшимъ Церкви. Не будемъ вливать вино новое въ мѣхи ветхія, и новая жизнь прихода пусть начнется и проходитъ въ новыхъ условіяхъ церковной жизни, въ условіяхъ церковной дисциплины, руководствомъ для которой могутъ служить каноны церковные и указанія священнаго Писанія.

Обновленіе церковно-приходской жизни можетъ совершиться при двухъ слѣдующихъ условіяхъ. Принадлежать къ приходу и имѣть право голоса въ церковныхъ дѣлахъ его могутъ только тѣ, кто, во-первыхъ, добровольно желаетъ этого, а во-вторыхъ, чья жизнь согласована съ требованіями церковными.

Конечно, это ударъ современному приходскому строю, ударъ тяжелый, но спасительный. Положеніе современнаго прихода, впрочемъ, не такъ неизблемо, чтобы за него во чтобы то ни стало держаться, и не такъ вождельнно, чтобы имъ особенно дорожить. Для современнаго прихода наступаютъ новыя времена и чувствуются новыя вѣянія. Разсмотримъ ихъ и прислушаться къ нимъ во всякомъ случаѣ не будетъ бесполезно.

Современная принадлежность къ приходу держится случайнымъ или постояннымъ проживательствомъ православныхъ людей въ томъ или другомъ приходѣ. Никакой обязательной матеріальной связи у прихожанъ съ приходскимъ священникомъ и храмомъ не существуетъ. Въ городахъ и теперь прихожане не имѣютъ по отношенію къ приходскому дѣлу никакихъ матеріальныхъ обязательствъ. Въ приходахъ сельскихъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, но и то въ силу гражданскаго значенія крестьянской общины. Нужды церковныя тамъ, въ силу общественнаго сельскаго приговора, покрываются общественной раскладкой на домохозяевъ или подушно. Попытки, которыя дѣлались во многихъ приходахъ, удовлетворять нужды церковныя, напр., наемъ сторожей, ремонтъ церкви, покупку утвари, подушнымъ сборомъ при общемъ говѣніи, не встрѣтили одобренія со стороны епархіальнаго начальства. И въ селахъ, какъ и въ городахъ, дѣло склоняется къ тому, что матеріальное участіе въ дѣлахъ церковныхъ будетъ принимать тотъ, кто хочетъ. Народъ не вездѣ мирится съ принудительными сборами, по общественнымъ приговорамъ, на нужды Церкви. Сектанты, въ силу этихъ приговоровъ, кое-какъ несутъ еще матеріальную повинность на нужды Церкви, но не сегодня-завтра этому порядку положенъ будетъ конецъ. А что дано

будетъ сектантамъ, почему не дать бѣднымъ, скуднымъ, наконецъ, невѣрующимъ? Обязательной матеріальной связи между прихожанами и нуждою церковно-приходской въ селахъ, какъ и въ городахъ, не будетъ. А не будетъ матеріальной обязанности, не должно быть и никакихъ правъ на дѣло церковное. Одно прожительство православнаго въ районѣ прихода, кто-бы онъ ни былъ, не должно ему давать права голоса въ церковныхъ дѣлахъ этого прихода.

Нѣтъ въ настоящее время обязательной церковно-матеріальной связи прихожанъ съ приходомъ, почти нѣтъ связи и церковно-нравственной. Совершеніе требъ прихожанами въ своей приходской церкви по городамъ держится только циркулярнымъ воспрещеніемъ духовенству совершать требы въ чужихъ приходахъ. По селамъ этотъ порядокъ держится благодаря физическимъ условіямъ, а опять не живымъ сознаниемъ своей церковной связи съ приходскою церковью. Но и этимъ условіямъ современной приходской жизни приходитъ конецъ.

Возможность, а чаще житейская къ тому необходимость, переходить городскому населенію изъ одной части города въ другую и слѣдовательно изъ одного прихода въ другой, при остающейся привязанности къ прежней приходской церкви, создаютъ протестъ противъ обязательной принадлежности къ той церкви, къ какой приписана улица и домъ новаго мѣстожителства. Многіе великорусскіе города уже знаютъ новое распредѣленіе приходовъ не по домамъ и улицамъ, а по семействамъ православнымъ. Далѣе, городское населеніе растетъ не пропорціонально съ постройкой новыхъ и расширеніемъ старыхъ храмовъ. Трудность удовлетворять бѣдному люду свои религіозныя нужды въ своихъ приходскихъ храмахъ или совершенно отбиваетъ его отъ храма, или, въ лучшемъ случаѣ, заставляетъ его искать любвеобильнаго чужого священника и гостепріимнаго чужого храма или, когда можно, обращаться въ монастырь, который пользуется правомъ приходской экстерриториальности и который, за дешевое вознагражденіе, благолѣпно справитъ церковную нужду...

Ко всему этому, въ послѣднее время усиленно заговорили о вѣро-терпимости. Всѣ ждутъ новыхъ законодательныхъ актовъ, но и безъ закона, сама жизнь показываетъ, что православнымъ можетъ быть и оставаться только тотъ, кто самъ этого хочетъ. Что говорить объ интеллигентахъ? Они въ большинствѣ давно уже холодны къ Церкви и

доселѣ говѣютъ, крестятъ дѣтей, вѣнчаются и погребаются въ силу официальныхъ и общественныхъ приличій... Въ настоящее время даже простой народъ, въ лицѣ сектантовъ, увидѣлъ, что можно оставить свою вѣру православную, принять новую, какую хочешь, хоть штунду, хоть хлыстовство, и остаться жить и пользоваться всѣми правами гражданскими....

Но зачѣмъ же держаться за современный приходъ, за необходимость во чтобы то ни стало удерживать принудительную принадлежность каждаго къ тому приходу, гдѣ онъ живетъ, безразлично къ его религіозно-нравственному состоянію, безразлично къ его внутреннему желанію.

Но обновить церковно-приходскую жизнь можно безъ разрушенія современнаго порядка, безъ крутой ломки, безъ коренныхъ въ приходскомъ дѣлѣ реформъ. Пусть все останется, повидимому, по старому: и современныя приходскія территоріи, и метрики, и исповѣдныя росписи, и обязательство мірянамъ удовлетворять свои требы у приходскихъ священниковъ, и воспрещеніе приходскимъ священникамъ совершать требы въ чужихъ приходахъ. Въ ветшающихъ стѣнахъ современнаго прихода, юридически имѣющаго для православныхъ людей принудительное значеніе, нужно создать новый приходъ *добровольныхъ соглашеній*. Это могутъ сдѣлать православныя церковно-приходскія Братства, положеніе которыхъ Высочайше утверждено еще 8-го мая 1864 года.

Какъ фениксъ изъ пепла, путемъ учрежденія православнаго церковно-приходскаго Братства, новый церковно-приходской строй можетъ родиться безъ всякихъ законодательныхъ реформъ, безъ всякихъ потрясеній и коренныхъ измѣненій существующаго церковно-приходскаго порядка.

Братства существовали въ Малороссіи въ эпоху борьбы съ унией. Они продолжали существовать и дальше, но въ настоящее время отъ нихъ остался одинъ лишь предметъ археологій — горящія большія свѣчи въ рукахъ прихожанъ за церковными службами, да, пожалуй, еще обычай приходскаго медоваренія.

Братства существуютъ и теперь, но они не всегда приходскія и всегда съ спеціальными цѣлями: благотворительными, просвѣтительными, строительными или миссіонерскими. Есть братства ревнителей православія, но нѣтъ братствъ просто православныхъ людей. Между тѣмъ

среди мертвящей официальнойности нашей церковной жизни только такіа братства могутъ представить собою истинно-православную церковную общину, православный церковный приходъ.

Братства—это живой союзъ людей Церкви, союзъ православныхъ вокругъ храма и священника. Обязанность принадлежать къ братству—обусловливается свободнымъ изволеніемъ каждаго братчика. Но не всякій можетъ принадлежать къ братству даже изъ живущихъ въ приходѣ, посѣщающихъ храмъ и несущихъ для него матеріальныя жертвы. Здѣсь необходимъ цензъ, о которомъ мы говорили выше, цензъ, устанавливаемый церковной дисциплиной или церковнымъ правомъ.

Братства до сихъ поръ учреждались съ специальными цѣлями, для достиженія которыхъ нужны большія средства. Во всякое братство, потому, можно было войти кому угодно, подъ условіемъ денежнаго взноса. Кто больше давалъ или кто могъ больше помочь братству своимъ общественнымъ вліяніемъ, тотъ былъ и желаниѣе, безразлично къ его вѣрѣ и нравственнымъ качествамъ. Въ церковно-приходскихъ братствахъ не должно быть такъ. Конечно, денежный взносъ и добрую услугу можно принять, но какъ подаваніе, пожертвованіе. За жертвователей должно молиться. Но если бы пожертвованіе денегъ или оказаніе услуги ставилось подъ условіе принятія въ члены братства такого лица, кто, по своимъ религіозно-нравственнымъ качествамъ, не могъ бы имъ быть, къ такому пожертвованію и услугѣ братство должно отнестись такъ, какъ нѣкогда отнесся апостоль Петръ къ Симону Волхву.

На этихъ новыхъ началахъ свободного изволенія на принадлежность къ приходскому братству и на удовлетворяющей церковнымъ требованіямъ христіанской православной жизни можно безъ особаго труда создать братство при каждой изъ приходскихъ церквей. Въ каждомъ приходѣ легко найти нѣсколько челоувѣкъ искренно благочестивыхъ и преданныхъ своей приходской церкви прихожанъ. Они и составятъ ядро церковно-приходскаго братства, будутъ членами-учредителями его. Если число братчиковъ дойдетъ до достаточной, по мнѣнію епархіальной власти, цифры, братство считается дѣйствующимъ и къ нему переходятъ всѣ юридическія права, фактически несуществующія, нынѣшнихъ приходоу. Въ виду того, что нынѣшніе прихожане не несутъ по отношенію къ приходской церкви никакихъ обязательныхъ матеріальныхъ

повинностей, отнятіе отъ современнаго прихода принадлежащихъ ему правъ на перенесеніе ихъ на церковно-приходское братство, съ возложеніемъ на него и всѣхъ матеріальныхъ обязательствъ по приходской церкви, не будетъ противорѣчить ни юридической, ни нравственной справедливости. Приходскія имущества записаны не за приходами, а за храмами, да и фактическимъ ихъ владѣльцемъ является храмъ, и тѣ кто примыкають къ нему. Отнять же что-либо отъ того, кому оно ни юридически, ни фактически не принадлежитъ, не является ни отнятіемъ, ни нравственно непозволительнымъ лишеніемъ.

Въ остальномъ существующій приходскій строй остается попрежнему. Остается то же дѣленіе на приходы, та же метрическая юрисдикція. Только тотъ православный, кто причислился къ церковно-приходскому братству, состоящему при другой церкви, выходитъ изъ этой метрической юрисдикціи его прихода и считается прихожаниномъ той церкви, при которой онъ состоитъ братчикомъ...

Въ какомъ же видѣ, или въ какихъ юридическихъ нормахъ должна протекать жизнь новыхъ церковно-приходскихъ братствъ, призванныхъ обновить ветшающій строй современной церковно-приходской жизни? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ я воспользуюсь трудомъ извѣстнаго изслѣдователя приходскаго вопроса А. А. Папкова.

Въ заключеніи своей книги: „Необходимость обновленія православнаго церковно-приходскаго строя“ (С.-Петербург. 1903 г.), онъ дѣлаетъ набросокъ устава приходскаго управленія. Такой уставъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ пропущенъ и одобренъ высшей церковной властью для православныхъ приходовъ въ Финляндіи. Эти приходы вновь образуются и примѣненіе въ ихъ управленіи новыхъ началъ не встрѣчаетъ затрудненія. Въ Россіи эти новыя начала приходскаго строя могутъ быть введены только при помощи Высочайше утвержденаго Положенія церковно-приходскихъ братствъ. Мы, поэтому, составленный г. Папковымъ проектъ приходскаго управленія примѣнимъ къ уставу проектируемаго нами церковно-приходскаго братства, которое не упраздняетъ ни границъ, ни значенія существующихъ приходовъ и которое легко укладывается въ нихъ.

Проектъ церковно-приходскаго братства можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ.

Глава I. Общія правила.

§ 1) Въ каждомъ изъ существующихъ приходовъ учреждается церковно-приходское Братство для попеченія о своихъ церковно-приходскихъ дѣлахъ.

§ 2) Дѣла рѣшаются Братствомъ на общемъ церковно-приходскомъ братскомъ собраніи.

§ 3) Членами церковно-приходскаго Братства состоятъ лица обоого пола православнаго исповѣданія и жизни, согласной съ требованіями церковными, какъ имѣющіе свое мѣстожителство въ предѣлахъ прихода, такъ и проживающіе внѣ его, но причисленные къ нему согласно ихъ желанію.

§ 4) Настоятель прихода, онъ же и предсѣдатель церковно-приходскаго Братства, ведетъ главную книгу или списокъ всѣмъ членамъ церковно-приходскаго Братства, въ которомъ показывается имя, фамилія, званіе, занятіе или промыселъ, равно время и мѣсто рожденія каждаго братчика, а когда умретъ братчикъ — время и мѣсто его смерти, а также время вступленія въ число членовъ Братства и выбытія изъ него и приходъ, откуда онъ пришелъ и куда вышелъ.

§ 5) Церковно-приходское Братство принимаетъ на себя всѣ матеріальныя обязательства по приходской церкви и къ нему переходятъ всѣ нынѣшнія юридическія права приходскаго самоуправленія.

§ 6) Общіе расходы церковно-приходскаго Братства покрываются средствами, находящимися для этой цѣли въ его распоряженіи. При необходимости дополнительныхъ сверхъ того суммъ, таковыя пріобрѣтаются сборомъ отъ братчиковъ, согласно особому на каждый разъ опредѣленію церковно-приходскаго братскаго собранія. Въ случаяхъ чрезвычайной потребности, Братству представляется также заключать займы или заразъ устанавливать сборы на нѣсколько лѣтъ, однако рѣшеніе о томъ дѣлается дѣйствительнымъ по утвержденіи его высшимъ епархіальнымъ начальствомъ.

§ 7) Приходскіе сборы платятся по утвержденной на годичномъ церковно-приходскомъ братскомъ собраніи смѣтѣ, сообразно имущественному достатку каждаго братчика.

§ 8) Въ каждомъ церковно-приходскомъ Братствѣ ежегодно составляется и утверждается церковно-приходскимъ братскимъ собраніемъ записъ расходовъ и доходовъ.

§ 9) Отчетность по завѣдыванію и расходыванію церковно-приходскихъ братскихъ суммъ заключается по календарному году и, по повѣркѣ ея, назначенными Братствомъ особыми лицами, представляются на утвержденіе церковно-приходскому братскому собранію.

Глава II. О церковно-приходскомъ братскомъ собраніи.

§ 10) Въ каждомъ приходѣ собирается церковно-приходское братское собраніе обязательно два раза въ годъ, первый разъ въ недѣлю св. Пасхи, а второй разъ осенью, послѣ 1 октября; а затѣмъ это собраніе можетъ быть созвано во всякое время — по желанію большинства прихожанъ, на-

стоятели прихода, братскаго совѣта или по почину вышшаго Епархіальнаго начальства.

§ 11) На церковно-приходскомъ братскомъ собраніи предѣдательствуетъ настоятель прихода, а когда онъ по какой-либо причинѣ отсутствуетъ, — почетнѣйшій членъ прихода—либо изъ духовенства, либо изъ мірянъ.

§ 12) Право участвовать въ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ церковно-приходскаго братскаго собранія принадлежитъ каждому братчику, мужчинѣ или женщинѣ, совершеннолѣтнему и участвующему въ увеличеніи приходскаго братскаго имущества и доходовъ путемъ сбора или даренія, или путемъ какого-либо личнаго труда на пользу Братства.

§ 13) Опредѣленіе о созывѣ церковно-приходскаго братскаго собранія сообщается членамъ Братства прочтеніемъ въ приходской церкви (или гдѣ есть—въ приходскомъ братскомъ домѣ) во время воскресныхъ богослуженій по возможности заблаговременно и вывѣшивается на церковныхъ дверяхъ. Въ опредѣленіи о созывѣ должны быть ясно обозначены время и мѣсто собранія, а также дѣла, предназначенныя къ производству.

§ 14) Предѣдатель представляетъ дѣла на обсужденіе и руководитъ преніями. Дѣло не обозначенное въ опредѣленіи о созывѣ не можетъ быть рѣшено. Если братчикомъ будетъ возбужденъ новый вопросъ, то онъ можетъ обсуждаться лишь на другомъ, въ надлежащемъ порядкѣ созванномъ собраніи.

§ 15) По окончаніи преній по дѣлу, предѣдатель предлагаетъ собранію вопросъ или вопросы относительно рѣшенія онаго, при чемъ каждый вопросъ долженъ быть такъ поставленъ, чтобы на него можно было отвѣтить „да“ или „нѣтъ“. Затѣмъ предѣдатель объявляетъ, какое по его мнѣнію принято рѣшеніе и если не будетъ заявлено требованіе о баллотировкѣ, то провозглашаетъ одобренное мнѣніе, какъ состоявшееся рѣшеніе собранія. Въ случаѣ требованія баллотировки, такая совершается открытою подачею голосовъ. Въ случаѣ рѣшительнаго и послѣ сего разномыслія, все дѣло представляется на усмотрѣніе епархіальной власти, которая поставляетъ обязательное для Братства рѣшеніе. Выборы слѣдуетъ производить закрытыми билетами, если кто изъ братчиковъ того пожелаетъ.

§ 16) Церковно-приходскому братскому собранію подлежатъ:

а) возбуждать ходатайства предъ Епархіальной властью по дѣламъ, касающимся членовъ церковнаго причта: назначенія, суда и награжденія ихъ;

б) принятіе въ число членовъ церковно-приходскаго братства, сужденіе о религіозно-нравственномъ ихъ поведеніи и исключеніе членовъ;

в) выборъ должностныхъ лицъ: церковнаго старосты, кандидата къ нему и представителей отъ Братства для контроля при высылкѣ денегъ изъ церковныхъ кружекъ;

г) назначеніе выборныхъ членовъ мірянъ церковно-приходскаго братскаго совѣта и членовъ-ревизоровъ;

д) утвержденіе смѣты платежнаго и раскладочнаго списка братчиковъ, а равно и росписи расходовъ и доходовъ на слѣдующій годъ и разрѣшеніе дополнителныхъ сборовъ съ братчиковъ на нужды Братства и его учреждений;

е) опредѣлять правила для завѣдыванія и расходованія суммъ и имущества прихода, а также устанавливать порядокъ веденія отчетности;

ж) согласно дѣйствующимъ постановленіямъ производить дѣла, касающіяся сооружеія и содержанія храма, причетническихъ домовъ и другихъ учрежденій, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ и устройства кладбища и завѣдыванія имъ.

§ 17) Рѣшенія церковно-приходскаго братскаго собранія или приводятся въ исполненіе немедленно или представляются на усмотрѣніе и утвержденіе Епархіальной власти, смотря по существу предмета и согласно дѣйствующимъ на этотъ счетъ узаконеніямъ.

§ 18) На церковно-приходскомъ братскомъ собраніи ведется протоколъ съ обозначеніемъ рода дѣлъ и состоявшихся по нимъ рѣшеній, а также заявленій или особыхъ мнѣній по требованію имѣющихъ право голоса. Протоколъ ведется предсѣдателемъ, или лицомъ, назначеннымъ для сего Братствомъ.

§ 19) Протоколъ церковно-приходскаго братскаго собранія провѣряется собраніемъ или назначенными имъ на каждый разъ повѣренными, немедленно по окончаніи преній, а если это невозможно, то въ другое объявленное время и подписывается предсѣдателемъ и по крайней мѣрѣ тремя изъ присутствующихъ въ собраніи членовъ, или же повѣренными, когда таковые были назначены для повѣрки.

§ 20) Свѣренный протоколъ долженъ быть прочитанъ Братству въ церкви въ слѣдующее воскресенье, съ указаніемъ порядка, который долженъ соблюдать желающій обжаловать рѣшеніе собранія. Настоятель прихода дѣлаетъ также надпись на протоколѣ о времени объявленія его.

§ 21) Церковно-приходскому братскому Совѣту или другимъ лицамъ, коимъ собраніе поручило приводить въ исполненіе свои рѣшенія, распоряженіемъ предсѣдателя должна быть доставлена необходимая выпись изъ протокола cadaго собранія.

§ 22) Протоколы церковно-приходскихъ братскихъ собраній съ принадлежащими къ онимъ документами хранятся въ церковныхъ архивахъ, гдѣ оны должны быть доступны благочинному и прочему духовному начальству, посѣщающему приходъ.

§ 23) Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ на церковно-приходскомъ братскомъ собраніи. Онъ можетъ послѣ предостереженія удалить cadaго, кто буйствомъ или шумомъ нарушитъ общее благочиніе и порядокъ. Если произойдетъ безпорядокъ и предсѣдатель не въ состояніи прекратить его, онъ можетъ распустиить собраніе.

§ 24) Кто недоволенъ рѣшеніемъ церковно-приходскаго братскаго собранія и расчитываетъ доказать, что сіе рѣшеніе нарушаетъ собственное его право, или оно не состоялось въ законномъ порядкѣ, или же, что оно противно общимъ законамъ и постановленіямъ, или что лица, поставившія рѣшеніе, превысили свои права, тотъ братчикъ можетъ принести на рѣшеніе жалобу, которая, вмѣстѣ съ веденнымъ по дѣлу протоколомъ, подается на имя высшей епархіальной власти.

Глава III. О церковно-приходскомъ братскомъ Совѣтѣ.

§ 25) Совѣтъ церковно-приходскаго Братства состоитъ изъ священниковъ приходской церкви, церковнаго старосты и братчиковъ по выбору Братства съ тѣмъ однако, чтобы число выборныхъ превышало число постоянныхъ.

§ 26) Членомъ Совѣта не можетъ быть братчикъ, который не имѣетъ права участвовать въ церковно-приходскомъ братскомъ собраніи, не достигшій 25-лѣтняго возраста и имущественно неспособный.

§ 27) Избранные члены Совѣта назначаются на четырехлѣтній срокъ, съ выбытіемъ половины каждые два года, если снова не будутъ избраны. Жребіемъ опредѣляется, какіе члены должны выбыть изъ состава Совѣта по истеченіи первыхъ двухъ лѣтъ.

§ 28) Въ Совѣтѣ предсѣдательствуетъ настоятель прихода; а если онъ не имѣетъ возможности присутствовать въ Совѣтѣ, то по выбору Совѣта—одинъ изъ его членовъ.

§ 29) Совѣтъ собирается по приглашенію предсѣдателя или когда о томъ просить не менѣе половины членовъ Совѣта.

§ 30) Совѣтъ не можетъ приступить къ производству дѣлъ, если не присутствуетъ болѣе половины всѣхъ членовъ и между присутствующими членами число выборныхъ не превышаетъ числа постоянныхъ.

§ 31) При постановленіи рѣшеній въ Совѣтѣ каждый членъ пользуется лишь однимъ голосомъ. При равенствѣ голосовъ въ силу вступаетъ мнѣніе, которое раздѣляетъ предсѣдатель.

§ 32) Совѣтъ можетъ, когда признаетъ нужнымъ, приглашать другихъ братчиковъ къ участию въ засѣданіи для представленія совѣтовъ или свѣдѣній. Такіе братчики не пользуются однако правомъ голоса при постановленіи рѣшенія.

§ 33) Совѣту церковно-приходскаго Братства надлежитъ:

а) хранить и завѣдывать братскимъ имуществомъ, а также вести отчетность по церковно-приходскому дѣлу Братства;

б) составлять раскладочный смѣтный списокъ братчиковъ, а также росписи расходовъ и доходовъ;

в) принимать пожертвованія и пособія, добровольно предоставляемыя въ распоряженіе Братства, а также распоряжаться раскладкою и взысканіемъ сборовъ, разрѣшенномъ на церковно-приходскомъ братскомъ собраніи;

г) избирать и уполномочивать, въ случаѣ надобности, повѣреннаго являться представителемъ Братства въ судъ и предъ властями;

д) входить къ церковно-приходскому братскому собранію съ представленіями и проектами, вызываемыми особыми нуждами церкви;

е) давать предварительное заключеніе по каждому поступающему на разсмотрѣніе церковно-приходскаго братскаго собранія дѣлу, подготовленіе котораго не было поручено особой комиссіей;

ж) распоряжаться приведеніемъ въ исполненіе рѣшеній церковно-приходскихъ братскихъ собраній.

§ 34) Совѣтъ выбираетъ изъ среды своихъ членовъ казначея, которому надлежитъ хранить и выдавать братскія денежныя суммы, а также вести по сему предмету отчетность.

§ 35) Отчетность представляется Совѣтомъ членамъ ревизіонной комиссіи къ 1-му марта cadaго года. Если эти лица сдѣлаютъ какое-либо замѣчаніе противъ отчетности, то Совѣтъ обязанъ безъ замедленія по поводу сего дать разъясненіе, которое съ отчетомъ членовъ ревизіонной комиссіи представляется Братству въ пасхальное его собраніе.

§ 36) Росписи расходовъ и доходовъ на слѣдующій годъ должны быть составлены такъ заблаговременно, чтобы очередное церковно-приходское братское собраніе могло быть созвано осенью въ удобное время.

§ 37) Въ засѣданіяхъ Совѣта протоколъ ведется кѣмъ-либо изъ членовъ Совѣта и повѣряется по окончаніи засѣданія или не позже какъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

§ 38) Предѣдателью Совѣта надлежитъ, сверхъ вышеустановленныхъ обязанностей, принимать все на имя Совѣта поступающія бумаги и представленія, хранить дѣла Совѣта и вести онымъ списокъ. Дѣла Совѣта должны быть доступны благочинному и прочему духовному начальству, посѣщающему приходъ.

§ 39) Совѣтъ самъ устанавливаетъ распорядокъ занятій въ Совѣтѣ и распределяетъ занятія между членами.

§ 40) Каждый членъ Совѣта отвѣтствуетъ совокупно съ прочими членами за денежные суммы, состоящія въ вѣдѣніи Совѣта, но не обязанъ вознаграждать убытки, причиненные не по ошибкѣ или упущенію съ его стороны. Отвѣтственность за отчетный годъ прекращается по одобреніи отчетности и управленія церковно-приходскимъ братскимъ собраніемъ.

Въ этомъ проектѣ новый строй церковно-приходской жизни очерченъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, но самый проектъ, составленный на основаніи существующихъ уже узаконеній, не можетъ встрѣтить существенныхъ препятствій для осуществленія ни со стороны высшей духовной власти, ни со стороны современнаго состоянія церковно-приходскаго дѣла въ Россіи.

Нужно еще прибавить, что этотъ проектъ церковно-приходскаго братства идею приходскаго самоуправленія осуществляетъ въ той мѣрѣ, какая предоставлена приходу Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ. Но идею обновленія церковно-приходскаго строя братство осуществляетъ гораздо согласнѣе, чѣмъ попечительство, съ духомъ русской жизни и церковныхъ канонѳвъ.

Нужны лишь смѣлые и энергичныя, одушевленные святою ревностью по Церкви Божіей попытки къ его осуществленію, нужны инициаторы среди приходскаго духовенства, нужны призывъ и благословеніе высшей духовной власти.

Предлагая трудъ свой вниманію читателей миссіонерскаго журнала и напередъ сознавая, что высказанныя мною мысли и сужденія могутъ встрѣтить возраженія и поправки, а слѣдовательно и возможность печатнаго обсужденія, я сведу ихъ въ слѣдующіе девять тезисовъ.

I. Вопросъ о приходѣ, какъ живой христіанской общинѣ, неотложенъ. За него, кромѣ исторіи и канонѳвъ церковныхъ, говоритъ живое сознаніе христіанской свободы спасенія или живого свободнаго участія въ жизни церковной.

II. Вопросъ о приходѣ, какъ церковной общинѣ, отнюдь не государственнѣй. Его можно рѣшить въ православно-русскомъ духѣ безразлично къ тому, какъ будетъ рѣшенъ законодательствомъ въ предстоящихъ реформахъ, возвыщенныхъ Высочайшимъ Манифестомъ отъ 26 февраля 1902 года, вопросъ о приходѣ, какъ самоуправляющейся гражданской общинѣ.

III. Церковно-приходское право совершенно согласно съ основными началами русской жизни, не умаляя ни идеи самодержавія, ни іерархическаго авторитета пастырей. Это право—не конституція и приходское самоуправленіе—не парламентаризмъ.

IV. Обновленіе церковно-приходскаго строя не представляетъ угрожающей существенной опасности для духовнаго сословія, его привилегій и учреждений.

V. Сущность приходской реформы должна состоять только въ предоставленіи приходу права голоса о всѣхъ церковно-приходскихъ дѣлахъ предъ епархіальною властью и въ фактическомъ осуществленіи права самоуправления въ объемѣ, предоставленномъ ему закономъ.

VI. Для осуществленія этой реформы нужно считать правоспособнымъ прихожанномъ только того, за кѣмъ приходъ признаетъ церковный цензъ, опредѣляемый церковнымъ правомъ или церковной дисциплиной, и того, кто самъ добровольно, независимо отъ своего мѣстожителства, признаетъ себя прихожанномъ церкви со всѣми обязательствами сего званія.

VII. Эти два начала для осуществленія приходской реформы—церковный цензъ и свободная принадлежность къ приходу—могутъ осуществитъ идею возстановленія прихода, какъ живой христіанской общины, безъ ломки или коренныхъ жизненныхъ измѣненій въ существующемъ приходскомъ строѣ.

VIII. Проектируемое обновленіе церковно-приходскаго строя могутъ совершить церковно-приходскія братства, положеніе о которыхъ Высочайше утверждено, если на нихъ перенести права церковно-приходскихъ попечительствъ, положеніе о которыхъ также Высочайше утверждено и если въ уставъ этихъ братствъ ввести, какъ цѣль учрежденія, попеченіе о церковно-приходскихъ дѣлахъ своей церкви.

IX. Составленный г. Папковымъ „Проектъ постановленій о церковно-приходскомъ собраніи и церковно-приходскомъ совѣтѣ православныхъ приходоѡвъ въ Россіи“, въ общихъ своихъ чертахъ одобренный высшей духовной властью, съ большимъ удобствомъ можетъ быть принятъ и какъ уставъ церковно-приходскихъ братствъ, съ измѣненіемъ лишь въ нѣкоторыхъ своихъ параграфахъ.

Священникъ-миссіонеръ *Савва Потъхинъ*.

Кіевъ.

О старомъ но новому поводу.

(О душѣ человѣка и о нѣкоторыхъ ея свойствахъ).

Никогда еще въ христіанскомъ обществѣ не распространялись такъ быстро и открыто не христіанскія понятія, какъ въ настоящее время. Въ нѣкоторыхъ слояхъ современнаго общества наблюдается рѣшительный разрывъ съ тѣми устоями, на которыхъ утверждались всегда религія и нравственность,—разрывъ страшный въ настоящемъ, роковой для будущаго. Въ такія времена каждый убѣжденный и вѣрующій христіанинъ долженъ дѣлать все зависящее отъ него, чтобы оправдать и поддержать основу духовной жизни.

I.

Бытіе души.

По библейскому воззрѣнію человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Что мы существа тѣлесныя—это фактъ непосредственнаго опыта; что мы имѣемъ душу—духовную силу нашей жизни,—это предметъ непосредственнаго сознанія. Душа наша есть самостоятельная, неразрушимая, безсмертная, духовная сила, вложенная Богомъ въ тѣло человѣка. Изъ св. Писанія мы видимъ, что человѣкъ творится не однимъ только повелѣніемъ Божиимъ, какъ прочія твари, а непосредственнымъ, постепеннымъ образованіемъ. „И созда Богъ человѣка, персть возьмъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 11, 7). Создавъ первыхъ людей непосредственно, Богъ всѣхъ потомковъ ихъ творить уже силою своего благословенія. „И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститесь, множитесь, наполняйте землю и господствуйте ею“ (Быт. 1, 27). Въ св. Писаніи имѣются ясныя указанія, что души человѣческія происхо-

дять отъ Бога и имѣють свое существованіе независимо и отдѣльно отъ тѣла. „И возвратится, говоритъ св. Писаніе, персть въ землю, яко же бѣ, и духъ возвратится къ Богу, иже и даде его“ (Еклез. XII, 7).

Но вотъ, вопреки сказанію св. Писанія, лжеименный разумъ человѣческой усиливается отвергнуть существованіе души человѣческой и свести человѣка въ разрядъ всѣхъ прочихъ земныхъ животныхъ. Многіе увлекаются кажущейся простотой такого взгляда и съ легкостію даютъ уловить себя въ сѣти невѣрія. Полетъ мотылька на огонь можетъ быть нѣкоторымъ подобіемъ безумнаго перехода легкомысленнаго въ число невѣрующихъ.

Существуетъ ли душа? Повидимому, и поверхностнаго наблюденія надъ собою достаточно, чтобы убѣдиться, что природа наша состоитъ изъ двухъ существенно различныхъ сущностей. При помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ, мы видимъ, слышимъ, обоняемъ, осязаемъ, т. е. узнаемъ, что наше тѣло и окружающіе насъ предметы имѣють разныя свойства, какъ то: тяжесть, величину, запахъ, цвѣтъ. Но въ то время, какъ мы убѣждаемся въ существованіи внѣшняго міра, мы также отчетливо сознаемъ и другого рода жизненныя явленія, которыя недоступны внѣшнему наблюденію: мы мыслимъ, воображаемъ, любимъ, радуемся, скорбимъ; мы свободно начинаемъ рядъ извѣстныхъ мыслей, или представлений, но самыхъ этихъ мыслей, чувствъ и представлений мы не можемъ ни видѣть, ни осязать.

Противоположность этихъ двухъ обнаруженій нашей природы заставляетъ насъ предполагать, что началомъ ихъ служатъ двѣ совершенно различныя сущности, которыя мы называемъ тѣломъ и душою. Внимательное наблюденіе надъ своею жизнію еще болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ.

Обратимъ вниманіе на то, какъ много душа наша имѣетъ идей, представлений, какъ свободно и легко она можетъ извлекать ихъ изъ своей памяти. Гдѣ же берутся эти идеи, представленія, гдѣ носятся они и изъ чего формируются—неужели изъ простыхъ движеній нервовъ и атомовъ мозга? Неужели возможно допустить, что мозгъ можетъ мыслить, что въ мертвомъ веществѣ изъ движеній атомовъ можетъ возникнуть духовная жизнь? Допустить, что духъ рождается изъ тѣла, вслѣдствіе извѣстныхъ химическихъ комбинацій, значитъ дойти до крайнихъ границъ нелѣпости и безумія. Представляя и познавая предметы

чувственные и пространственные, мы можемъ въ тоже время представлять и познавать такіе предметы, которые сверхъестественны, духовны, можемъ возноситься къ познанію высочайшихъ божественныхъ истинъ, отрѣшиться совершенно отъ тѣла, при чемъ замѣчательно то, что чѣмъ болѣе мы отрѣшаемся отъ тѣла, тѣмъ болѣе совершенно бываетъ наше познаніе.

„Соберите“, говоритъ проф. Э. Навиль, „всѣхъ фізіологовъ міра, предоставьте въ ихъ распоряженіе инструменты самаго безукоризненнаго совершенства, самые лучшіе микроскопы, и потомъ спросите у нихъ объясненія словъ: воображать, желать, радоваться, бояться. Если бы фізіологи не были людьми, если бы они не знали смысла этихъ словъ, благодаря внутреннему свидѣтельству сознанія, то имъ было бы совершенно невозможно даже понять предлагаемый вопросъ“.

Возрастаетъ ли душа съ возрастомъ тѣла, уменьшается ли она съ его уменьшеніемъ? Не видимъ ли мы, что въ то время, какъ уменьшаются тѣлесныя силы въ старости, благоразуміе и знаніе бываютъ совершеннѣе. Есть болѣзни духа, происходящія отъ тѣла, но спросите врачей, сколько болѣзней физическихъ, которыя происходятъ отъ нравственныхъ причинъ!

Это простое наблюденіе приводитъ насъ къ заключенію, что человекъ представляетъ собою двѣ различныя стороны для разсмотрѣнія: одну внѣшнюю, чувственную, которая проявляется во внѣ, другую внутреннюю, которая уводитъ человека за предѣлы чувствъ, указываетъ на связь человека съ сверхъчувственнымъ міромъ, центръ котораго есть Богъ. Если у человека нѣтъ души, то нѣтъ и цѣли въ жизни человечества, нѣтъ высшаго нравственнаго сознанія и стремленія, нѣтъ жизни для Бога и въ Богѣ, весь міръ становится тогда кладбищемъ.

Какъ лучъ отъ свѣта, какъ искра отъ пламени, такъ душа человека возникаетъ отъ души родителей вмѣстѣ съ зародышемъ, но остается въ скрытомъ состояніи до извѣстнаго періода, когда она начинаетъ мало-по-малу проявлять свое сознаніе чрезъ тѣлесный свой органъ. Проявляясь все болѣе и болѣе съ развитіемъ тѣлеснаго организма, она въ концѣ концовъ переживаетъ тѣло для своего посмертнаго существованія. Къ этому заключенію мы должны неопровержимо прійти, такъ какъ въ мірѣ ни матерія, ни сила не можетъ превратиться въ ничто. Психологія есть именно та наука которая въ концѣ концовъ разрѣшитъ загадку бытія.

II.

Общеніе душъ, отшедшихъ въ загробный міръ, съ живущими на землѣ.

Естественно, что при самостоятельности и безсмертіи души должна открываться ея внутренняя жизнь, ея дѣятельность не только при жизни человѣка, но и по смерти. Въ чемъ же выражается дѣятельность души за гробомъ? Содержаніе этой дѣятельности составляютъ взаимныя отношенія между духовно-нравственными существами и всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ, единеніе, союзъ и общеніе душъ отшедшихъ съ пребывающими на землѣ. Загробный міръ и міръ настоящій взаимно дѣйствуютъ одинъ на другой. Души обоихъ состояній загробнаго міра—спасеннаго и нерѣшеннаго, соединенныя чѣмъ-нибудь на землѣ и въ особенности почему-либо близкія сердцу, продолжаютъ и за гробомъ любить, какъ любили, и даже болѣе, чѣмъ во время своей жизни на землѣ. Зная жизнь живыхъ, загробные жители принимаютъ участіе въ ней, скорбя и радуясь съ живыми. Имѣя общаго единаго Бога, перешедшіе въ загробный міръ надѣются на молитвы и ходатайства живыхъ и желаютъ спасенія какъ себѣ, такъ и живущимъ на землѣ, ежечасно ожидая ихъ къ себѣ въ загробное отечество. Только одніи погибшія души, которыя постоянно были полны злобы и ненависти, за гробомъ чужды любви къ своимъ ближнимъ.

Если богачъ въ аду, при всѣхъ своихъ скорбяхъ, помнитъ о своихъ оставшихся братьяхъ, печется объ ихъ загробной участи, то какою же нѣжною любовью любятъ переселившіеся родители оставшихся на землѣ дѣтей—сиротъ! Какою ангельскою любовью любятъ переселившіеся за гробъ дѣти своихъ оставшихся на землѣ родителей! Какою чистою любовью любятъ отшедшіе отъ сей жизни братья, сестры, друзья, знакомые оставшихся на землѣ братьевъ сестръ, друзей и знакомыхъ! Пусть говорятъ скептики, что хотятъ, по поводу явленій умершихъ, пусть смѣются надъ этими разсказами и считаютъ ихъ плодомъ больного воображенія или слѣдствіемъ галлюцинацій,—фактъ все таки остается фактомъ: умершіе являются живымъ. Только вѣра въ безсмертіе души и существованіе загробной жизни озаряетъ нашъ земной путь и раскрываетъ предъ нашимъ взоромъ назначеніе земной жизни.

Сообщеніе невидимаго міра съ видимымъ всегда было и, вѣроятно, не прекратится никогда.

Изъ многочисленныхъ случаевъ явленій умершихъ укажемъ лишь на нѣкоторые.

1) 2 іюля 1893 года къ преосвященному Мартиніану, епископу Таврическому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрій Койко и одинъ изъ членовъ мѣстной интеллигенціи, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, и доложили о нижеслѣдующемъ.

Въ ночь подъ 30 іюня означенному лицу приснился сонъ, что къ нему подошелъ какой-то офицеръ съ окровавленной повязкой на головѣ и просилъ его передать священнику Петропавловской Церкви вопросъ, почему тотъ не молится за него, а ровно не молится тѣмъ угодникамъ Божиимъ, мощи которыхъ находятся въ пожертвованной имъ иконѣ, при чемъ прибавилъ, что на Илію образу этому исполнилось 200 лѣтъ. Видѣвшій этотъ сонъ немедленно утромъ отправился къ настоятелю церкви и сообщилъ ему свое сновидѣніе. На это о. Димитрій замѣтилъ, что въ церкви нѣтъ 200-лѣтней иконы, такъ какъ самая церковь существуетъ лишь съ 1805 года, а равно нѣтъ иконъ съ частицами мощей, но что его удивляетъ явленіе офицера во снѣ, такъ какъ въ церкви есть икона, которую, какъ рассказывалъ ему предмѣстникъ его протоіерей Рудневъ, нынѣ уже умершій, во время Крымской кампаніи привезъ какой-то офицеръ и оставилъ въ церкви подъ условіемъ, что если онъ возвратится изъ Севастополя, то возьметъ обратно икону, если же не возвратится, то жертвуетъ ее въ храмъ. Неизвѣстный офицеръ не возвратился и икона осталась въ церкви. Это совпаденіе сна объ офицерѣ съ исторіей о вышесказанной иконѣ побудило о. Димитрія Койко осмотрѣть эту святыню, при чемъ о. Димитрій какъ лицу, передававшему сонъ, такъ впоследствии и владыкѣ, засвидѣтельствовалъ, что состоя 14 лѣтъ при церкви, онъ ни разу не открывалъ того образа. Немедленно послали за діакономъ и всѣ три лица отправились въ церковь для осмотра иконы. Икона представляетъ кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нѣсколькихъ угодниковъ. Въ особомъ углубленіи помѣщается серебряный крестъ. Когда его съ большимъ трудомъ вынули, то оказалось, что онъ раздвигается и въ срединѣ его находятся мощи св. Лазаря, св. в. —мч. Ѳедора Стратилата, св. ап. и еван. Луки,

св. первомуч. и архд. Стефана. Надписи указываютъ, что тутъ были еще и другія частицы, въ томъ числѣ первомуч. Феклы. Но осматривающихъ ожидало еще большее удивленіе: внизу креста чуть замѣтною славянскою вязью стояла вырѣзанная надпись ꙗѡ т. е. 7201 отъ сотворенія міра, слѣдовательно въ нынѣшнемъ году исполнилось икоуѣ 200 лѣтъ.

Когда объ этомъ доложено было преосвященному Мартиніану, то владыка сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ этой Церкви ежедневно были совершаемы заупокойныя ектеніи о войнахъ, павшихъ на полѣ брани („Изъ загробнаго міра“—свят. Д. Булгаковскаго, стр. 50).

2) Замѣчательный мыслитель, свѣтскій, но широко знающій всю богословскую литературу, рассказываетъ преосвященный Никаноръ, архіепископъ Одесскій, передалъ ему слѣдующее.

Одинъ кавказецъ сидѣлъ ночью у себя въ квартирѣ и читалъ книгу. Поднимаетъ глаза,—и видитъ противъ себя въ углу туманъ. Машетъ рукою, чтобы туманъ разсѣять, но изъ тумана выдѣляется свѣтлая фигура его невѣсты, которая была въ эту минуту далеко въ Россіи. Тотъ невольно падаетъ предъ нею на колѣни. Невѣста кладетъ ему на голову вѣнокъ и исчезаетъ въ туманѣ. Онъ долго чувствовалъ на головѣ какъ-бы кругъ отъ вѣнка. Пришедши въ себя, онъ записалъ день и часъ; оказалось потомъ, что же? въ этотъ день его невѣста умерла. (Тамъ же, стр. 63).

3) Въ 1858 году, находясь на службѣ въ Москвѣ, рассказываетъ Владиміръ Энгельгардъ, я въ началѣ февраля былъ командированъ въ Архангельскъ по дѣламъ службы. Передъ самымъ отъѣздомъ написалъ письмо моеи матушкѣ, жившей въ Петербургѣ, убѣдительноше прося ее заочно благословить меня. Потомъ немедленно я отправился. Остановившись на одной станціи отдохнуть и не успѣвъ еще лечь на диванъ, я къ крайнему моему удивленію вдругъ вижу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня матушку мою въ сопровожденіи сестры моей, скончавшейся въ 1846 году. Пораженный этимъ непостижимымъ видѣніемъ, я не могъ ни шевельнуться, ни тронуться съ мѣста, но пристально и съ какимъ то непонятнымъ страхомъ смотрѣлъ на явившихся мнѣ дорогихъ лицъ. Матушка, совершенно какъ живая, благословила меня крестнымъ знаменіемъ. Я гнезапно взялъ спичку, зажегъ свѣчу, и въ свѣтлой комнатѣ не стало видѣнія! Это событіе произошло съ 12 на

13 февраля 1858 года въ третьемъ часу утра. Прибывъ въ Архангельскъ, я получилъ письмо отъ зятя съ извѣстіемъ, что въ эту самую ночь матушка моя скончалась (Тамъ же, стр. 63).

4) Въ Могилевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ помѣщенъ слѣдующій случай изъ жизни митрополита Платона. Въ моей жизни, говоритъ преосвященный, есть одинъ случай, при которомъ я видѣлъ тѣнь другого человѣка, да при томъ такъ живо и отчетливо, какъ васъ вижу теперь, прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ. Это было въ 30-хъ годахъ, когда я состоялъ инспекторомъ СПбургской духовной академіи. У насъ былъ въ числѣ студентовъ Иванъ Крыловъ изъ орловской семинаріи, извѣстный мнѣ, когда я былъ тамъ еще наставникомъ. Учился онъ не дурно, былъ хорошаго поведенія, благообразнаго вида. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы я позволилъ ему отправиться въ больницу. Я думаю себѣ: вѣрно онъ истошалъ, пусть тамъ покармятъ его лучше и онъ поправится. А можетъ быть и курсовое сочиненіе тамъ напишетъ. Проходитъ нѣсколько времени, я объ немъ ничего не слышу, докторъ ничего не говоритъ. Но вотъ однажды лежу я на диванѣ и читаю книгу; смотрю — стоитъ Крыловъ и прямо смотритъ на меня. Лицо его вижу такъ ясно, вотъ какъ васъ, но тѣло его было какъ бы въ туманѣ. Я взглянулъ на него. Меня передернуло. Призракъ точно понесся къ окну и скрылся. Я еще раздумывалъ, чтобы это значило, слышу стукъ въ мою дверь, входитъ больничный сторожъ и говоритъ мнѣ: „Студентъ Крыловъ Богу душу отдалъ“ (Тамъ же, стр. 68).

III.

Предчувствія и предвидѣніе будущаго.

Само собою понятно, что тѣ состоянія, въ которыхъ духъ человѣка отчасти или вполне становится независимымъ отъ тѣла и духовное начало въ человѣкѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріальнымъ, слѣдуетъ признавать нанудобнѣйшими для проявленія высшихъ способностей души. Къ таковымъ нужно причислить способность предчувствія и предвидѣнія.

Предчувствія и предвидѣнія присущи и понятны всякому человѣку; особенно обнаруживаются они во снѣ, экстазѣ, меланхоліи, болѣзняхъ,

т. е. состояніяхъ, понижающихъ дѣятельность тѣла на счетъ души. Когда будущее болѣе чувствуется, чѣмъ сознается, тогда говорятъ о предчувствіи; когда оно и сознается, тогда говорятъ о предвидѣніи, пророчествѣ.

Ясныхъ, поразительныхъ случаевъ предчувствія и предвидѣнія мы встрѣчаемъ множество—какъ въ исторіи, такъ и въ современной жизни. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

1) Одна изъ жертвъ пожара благотворительнаго базара въ улицѣ Жанъ-Гужонъ, въ Парижѣ, монахиня Марія наканунѣ пожара видѣла во снѣ, что она мечется въ пламени, въ какой-то громадной раскаленной печи. Сонъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе; она все утро ходила подавленная и печальная и, уходя изъ монастыря на базаръ, простилась съ сестрами самымъ торжественнымъ образомъ, прибавляя, что „больше ихъ не увидить“. Ее напрасно успокаивали, она стояла на своемъ, а черезъ два часа принесли въ монастырь ея обугленный трупъ. Этотъ случай чрезвычайно поразилъ весь монастырь; всѣ знали, что погибшая сестра Марія была очень спокойной женщиной, безъ всякихъ нервозностей „(Изъ Области Таинственнаго“, свящ. Г. Дьяченко, стр. 6).

2) Нѣкто К—ій, богатый человѣкъ, пріѣхалъ въ Ялту съ своей семьей полѣгнуться виноградомъ. Сначала семья эта жила въ гостиницѣ „Россія“, а затѣмъ сняла отдѣльную дачу на берегу моря и тамъ поселилась на нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды, въ лунную августовскую ночь, К—ій, которому почему то не спалось, вышелъ изъ дачи и побрелъ по дорогѣ, ведущей къ водопаду Учанъ-Су. Отойдя на порядочное разстояніе отъ дачи, онъ сѣлъ на краю обрыва между двумя кипарисами и заглядѣлся на картину природы, окружавшую его со всѣхъ сторонъ. Картина была поистинѣ чудесная. Полная луна, отражаясь въ морѣ, чудными переливами разукрашивала его поверхность. Тихій шопотъ волнъ, полный чарующей таинственности, вызывалъ въ воображеніи дѣлкій рой неясныхъ грезъ. Было тихо и свѣтло. Неподвижно сидѣлъ К—ій на краю обрыва, очарованный сказочною прелестью южной ночи. Вдругъ онъ почувствовалъ какую-то непонятную сердечную тоску. Ему почудилось, что его семья находится въ опасности. И едва эта мысль пришла ему въ голову, какъ передъ его глазами предстала вся внутренность дачи. Вотъ онъ видитъ свою жену, которая спокойно

спить въ своей кровати; вотъ передъ нимъ и дѣтская, гдѣ также спать его дѣти съ гувернанткой, а вотъ онъ и въ кухнѣ. Здѣсь онъ видитъ совсѣмъ иную картину: въ небольшой корзинкѣ тлѣетъ древесный уголь; К—ій слышитъ запахъ дыма и гари. Вотъ раздается трескъ загорѣвшейся корзинки и показывается огонь, отъ котораго загорается занавѣска и деревянная перегородка, отдѣляющая кухню отъ комнаты прислуги.

Лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу К. и онъ бросается бѣжать по направленію къ дачѣ. „Богъ знаетъ, что со мною дѣлается, думаетъ про себя К.,—всему виною моя бессонница. Я увѣренъ, что дома все благополучно, а бѣгу, какъ сумасшедшій!“ успокаивалъ самаго себя К., не переставая бѣжать сломя голову домой. Черезъ нѣсколько минутъ К. добѣжалъ до воротъ своей дачи и вскрикнулъ отъ ужаса. Дача была объята огнемъ; черныя тучи дыма густыми тяжелыми клубами неслись къ небу. Въ одно мгновеніе К. стоялъ у окна спальни, которое вышибъ однимъ ударомъ, и вскочилъ въ комнату. Разбудить жену и помочь ей вылѣзти въ окно было дѣломъ одной минуты. Тоже самое онъ успѣлъ сдѣлать съ дѣтми и гувернанткой, но когда кинулся впередъ, желая спасти кухарку, онъ вынужденъ былъ ради спасенія собственной жизни отказаться отъ этого намѣренія: весь домъ былъ уже въ огнѣ и К. самъ чуть было не задохся. Дача сгорѣла до тла. Трупъ сгорѣвшей кухарки нашли только на другой день. (Тамъ же стр. 7).

3) Въ воспоминаніяхъ герцогини Аласонской, сгорѣвшей во время пожара въ Парижѣ, имѣется слѣдующій разсказъ.

Будучи семи лѣтъ отъ роду, принцесса, гуляя въ окрестностяхъ резиденціи своего отца, встрѣтила цыганку, которая, попросивъ позволенія погадать, сказала ей: „тебя, маленькій розанчикъ, ожидаетъ большая слава, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много глубокихъ страданій. Ты вступишь на трона, но слезы твои осушатся и ты будешь счастлива многіе годы. Твой врагъ не вода, но врагъ воды будетъ и твоимъ врагомъ. Я вижу красное пламя“. Испуганная принцесса расплакалась и статсъ-дама не позволила цыганкѣ продолжать (Тамъ же, стр. 30).

4) Извѣстенъ историческій фактъ съ Юліемъ Цезаремъ и его женою Кальпурніею. Въ ночь, предшествующую убіенію Цезаря, жена видѣла его во снѣ, израненнаго, окрававленнаго, умирающаго у нея

на рукахъ. Она разсказала ему этотъ сонъ и умоляла не ходить въ сенатъ. Онъ только посмѣялся надъ „бабыми страхами“, отправился и былъ убитъ заговорщиками.

Что сказать по поводу этихъ фактовъ? Можно-ли объяснить ихъ простымъ совпадениемъ? Очевидно, что только при признаніи за душою способности смотрѣть вдаль и замѣчать грядущія событія можно съ достаточною основательностію объяснить такіе случаи.

IV.

Жизнь души во снѣ.

Многіе думаютъ, что сновидѣніе есть простая игра воображенія, имѣющая для себя основаніе въ физическихъ разстройствахъ организма.

Означенный взглядъ на происхожденіе и источникъ сновидѣній весьма простъ и удобопріемлемъ, но не можетъ объяснить тѣхъ паразитическихъ, вѣщихъ видѣній, которыя почти каждому человѣку пришлось испытывать въ своей жизни. Многіе сны не укладываются въ рамку этихъ объясненій и это побуждаетъ признать другой болѣе основательный и серьезный взглядъ на данный предметъ.

Сонъ, по объясненію нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ, есть отдохновеніе органовъ чувствъ и бодрствованіе одной изъ способностей души—воображенія.

Пробудившись отъ сна, мы вспоминаемъ цвѣта, запахи, звуки, вообще то, что получается посредствомъ чувствъ, слѣдовательно, во снѣ мы не были лишены способности чувствовать; мы различаемъ одинъ предметъ отъ другого, слѣдовательно, не были лишены возможности понимать. Во снѣ часто приходится намъ переживать самыя сложныя душевныя потрясенія, скорбѣть, плакать, или, наоборотъ, испытывать высокую степень радости и восторга, при чемъ душа наша дѣйствуетъ во снѣ еще легче и свободнѣе. Хотя и въ тѣлѣ, говорятъ они, бываетъ часто причина сновидѣній, но не тѣло производитъ ихъ, потому что оно не можетъ образовать что-либо духовное. Однако бываетъ такъ, что физическое разстройство тѣла заграждаетъ путь къ вниманію души, тогда происходятъ беспорядочныя сновидѣнія, извѣстныя подъ именемъ бреда, кошмара, галлюцинацій.

Изъ такого взгляда на сновидѣнія слѣдуетъ, что не на всѣ сны слѣдуетъ обращать вниманіе, но и не всѣ сны надобно презирать, считая ихъ пустыми. Для примѣра укажемъ на сонъ Іосифа, одного изъ сыновей патр. Іакова.

Подъ именемъ *вѣщихъ* сновъ разумѣются сны необыкновенно правдивые, имѣющіе особенный смыслъ и значеніе. Такіе сны ни въ коемъ случаѣ нельзя приписать безсознательной дѣятельности мозга. Случаи вѣщихъ сновидѣній часто встрѣчаются въ жизни людей.

Вольтеръ передаетъ, что однажды во снѣ онъ сложилъ пѣснь Генриады, носившую совершенно иной характеръ, чѣмъ написанная имъ. Онъ замѣчаетъ по этому поводу: „я говорилъ во снѣ вещи, которыя едва—ли могъ сказать въ состояніи бодрствованія. Такимъ образомъ у меня были мысли, сложившіяся помимо моей воли и безъ всякаго участія съ моей стороны. Я былъ лишень воли и свободы, но въ комбинаціи идей проявлялся талантъ и даже геній“. Къ такимъ снамъ принадлежитъ сонъ Грачева въ связи съ его чудеснымъ исцѣленіемъ.

Въ г. Петербургѣ, на такъ называемой Петербургской сторонѣ, у супруговъ Грачевыхъ 3-го декабря родился сынъ Николай. Отъ самаго рожденія Николай былъ слабый и больной, до 7-ми лѣтняго возраста не ходилъ и вообще перенесъ въ дѣтствѣ много болѣзней.

Въ 1886 году родители его умерли, и онъ остался на попеченіи своей сестры. Въ день похоронъ матери сдѣлался съ нимъ первый припадокъ падучей болѣзни, и онъ сталъ подвергаться припадкамъ, въ началѣ рѣдко, а затѣмъ все чаще и чаще. Во время этихъ припадковъ онъ истерически рыдалъ, его ломало, изгибало, подбрасывало иногда на полъ-аршина, сбрасывало со стула, съ кровати. Тѣло его принимало, говоритъ сестра, такое положеніе, что можно было усумниться, есть ли у него кости. Восемь врачей разными способами лѣчили его, но не только не было исцѣленія, а напротивъ — положеніе больного сдѣлалось хуже. Истощивъ всѣ средства, сестра подумала, что ему уже не долго жить и пригласила духовника исповѣдать брата и причастить его Св. Таинъ. Въ это время Господу угодно было даровать ему Свою помощь. Послѣдовало ему явленіе во снѣ Царицы Небесной, свят. Николая и еще святого въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ. Царица Небесная, обращаясь къ болящему, сказала: „Николай, поѣзжай въ часовню, гдѣ упали монеты, 6 декабря ты получишь исцѣленіе, но рагѣ никому не говори“.

6-го декабря, въ день ангела, больного одѣли и повезли въ часовню. Разстояніе отъ дома до часовни около семи верстѣ. На дорогѣ былъ съ нимъ припадокъ. Лишь только внесли въ часовню, припадокъ возобновился; положили его на полъ предъ святой иконой. Во время чтенія евангелія больной пришелъ въ сознаніе. При пѣніи „Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, развѣ Тебе, Владычице“, приподняли его и приложили къ святой иконѣ. Въ эту минуту онъ перекрестился и сталъ на ноги, какъ здоровый, и еще разъ со всѣмъ усердіемъ благодарной любви приложился къ святой иконѣ. Съ тѣхъ поръ отрокъ совершенно здоровъ („Церк. Вѣд.“ 1891 г.).

V.

Сомнамбулизмъ.

Подъ именемъ сомнамбулизма разумѣется такое болѣзненное состояніе нервной системы, которое выражается въ томъ, что сомнамбулы, будучи погружены въ глубокой сонъ, ходятъ, предаются обычнымъ своимъ занятіямъ, выполняютъ часто очень рискованныя дѣйствія съ такою увѣренностію, съ какой не всегда можно сдѣлать это и въ состояніи бодрствованія. Иначе это состояніе называется еще лунатизмомъ.

Трудно найти болѣе загадочное и интересное явленіе, которое такъ возбуждало-бы любопытство публики и такъ было неразрѣшимо при современныхъ познаніяхъ, какъ лунатизмъ.

Сомнамбулическіе приступы обыкновенно происходятъ ночью послѣ нѣсколькихъ часовъ сна и продолжаются иногда продолжительное время. Сомнамбуль среди сна встаетъ ночью съ постели и начинаетъ бродить по комнатамъ, выходитъ на улицу, взбирается на крыши домовъ. Путешествуя съ закрытыми глазами, онъ производитъ впечатлѣніе зрячаго, такъ какъ обходитъ всѣ препятствія, находитъ двери и окна, черезъ которыя выходитъ на улицу или обратно входитъ въ комнату. Но что болѣе всего поразительно,—это сохраненіе равновѣсія тѣла при такихъ условіяхъ, какія физически невозможны для человѣка бодрствующаго.

Лунатикъ обыкновенно прогуливается по краямъ крыши высокаго зданія такъ свободно, какъ на землѣ, затѣмъ, спускаясь внизъ безъ колебаній, отыскиваетъ себѣ дорогу въ опаснѣйшихъ мѣстахъ, откры-

ваетъ двери, входитъ въ спальню и безошибочно падаетъ на свою постель, когда въ спальнѣ бываетъ расположено много кроватей.

Характерную черту сомнамбулизма составляетъ то явленіе, что все происходящее съ нимъ во время сна не оставляетъ по себѣ никакихъ воспоминаній или, если сохраняется, то только въ видѣ слѣда обыкновеннаго сновидѣнія.

Между многими случаями, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, укажемъ на слѣдующіе.

1) Въ одну изъ лѣтнихъ ночей, рассказываетъ докторъ Дебэ, при полномъ свѣтѣ луны, я замѣтилъ на крышѣ высокаго дома человѣческую фигуру, которая, пробираясь по ней въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ стоя, гдѣ ползкомъ, уцѣпилась, наконецъ, за выступъ кровли и утѣлась на зубцы стѣны. Чтобы лучше рассмотреть это странное явленіе, я вооружился биноклемъ и увидѣлъ, что это была молодая женщина съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, котораго она прижимала къ своей груди. Она оставалась около получаса въ этомъ опасномъ положеніи, затѣмъ опустила съ удивительною ловкостію съ своего опаснаго пункта и скрылась. На другое утро я сказалъ хозяину дома о томъ, что я увидѣлъ. Онъ выслушалъ меня съ ужасомъ и сообщилъ мнѣ, что его родная дочь сомнамбула и что онъ подозрѣваетъ, что это была она, хотя до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ о ея ночныхъ прогулкахъ. Я посоветовалъ ему принять всевозможныя предосторожности, для избѣжанія какой-нибудь катастрофы. Наступила ночь и я опять увидѣлъ молодую женщину, продѣлывающую тѣже эволюціи. Тогда я опять пошелъ къ ея отцу, котораго засталъ въ сильномъ волненіи. Онъ мнѣ рассказалъ, что, уложивъ дочь спать, онъ самъ заперъ дверь и сверхъ того, изъ предосторожности, повѣсилъ еще всякій замокъ. Увы! говорилъ онъ, бѣдное дитя, не найдя другого выхода, открыла окно и по выступу корннза отправилась на крышу. По прошествіи четверти часа она возвратилась тѣмъ же путемъ и, найдя окно, закрытое вѣтромъ, вышибла стекло, при чемъ слегка поранила себя и, проснувшись съ крикомъ, уронила ребенка. По счастливой случайности, дитя упало на кресло, которое мать приготовила, чтобъ легче ей было влѣзть въ окно. Во время нашего разговора вошла сомнамбула: это была молодая, болѣзненная женщина, черты которой носили отпечатокъ печали и предрасположенія къ истеріи. Когда я рассказывалъ ей потомъ объ ея поч-

ныхъ похожденіяхъ, она томно улыбулась, считая это выдумкой или ошибкой съ моей стороны. Когда я началъ разспрашивать о характерѣ ея сновидѣній, она призналась, что уже нѣсколько дней спитъ какимъ то тяжелымъ сномъ, что ей все снятся какіе-то люди, которые хотятъ арестовать мужа и ее съ ребенкомъ.

2) Докторъ Эскароль рассказываетъ объ одномъ фармацевтѣ, который вставалъ во снѣ и приготовлялъ по рецептамъ различныя лѣкарства. Желая испытать, дѣйствуютъ ли при этомъ высшія способности души или-же всѣ дѣйствія сомнабула совершаются чисто автоматическимъ путемъ, одинъ изъ докторовъ положилъ на конторку слѣдующій рецептъ: „ѣдой сулемы—2 драхмы, дистил. воды—4 унца. Принять въ одинъ пріемъ“. Фармацевтъ по обыкновенію всталъ, спустился въ свою лабораторію, взялъ рецептъ, прочелъ его нѣсколько разъ, выражая удивленіе, и произнесъ слѣдующія слова, которыя докторъ, написавшій этотъ рецептъ, скрываясь въ лабораторіи, записалъ слово въ слово: „невозможно предположить, чтобы со стороны доктора, писавшаго рецептъ, тутъ не было ошибки: двухъ грановъ было-бы совершенно достаточно, даже много, а между тѣмъ здѣсь весьма четко стоитъ 2 драхмы—этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отравить двадцать человѣкъ... очевидно докторъ ошибся... Я отказываюсь приготовить этотъ рецептъ“. Затѣмъ сомнабулъ перешелъ къ другимъ рецептамъ, лежавшимъ на конторкѣ, приготовилъ по нимъ лѣкарства, запечаталъ и разставилъ въ порядкѣ для выдачи на слѣдующій день.

Что можно сказать по поводу приведенныхъ случаевъ? Вникнувъ въ сущность явленій лунатизма, нельзя не признать, что во время припадковъ его преобладающе дѣйствуетъ душевная сила. Что сила эта есть самостоятельная и разумная, въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что одержимые лунатизмомъ обладаютъ разумностію въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ сознаніе бываетъ потеряно и внѣшнія впечатлѣнія не дѣйствуютъ.

„Кто только былъ свидѣтелемъ феноменовъ сомнабулизма, говоритъ проф. Шилтовъ, тотъ будь болѣе матеріалистъ, чѣмъ Бюхнеръ и Фохтъ, невольно подтвердитъ слова Гамлета: „другъ Гарацио, есть много вещей на свѣтѣ, которыя не снились нашимъ мудрецамъ!“

Явленія сомнабулизма можно объяснить только тѣмъ, что въ бодрственномъ состояніи подъ вліяніемъ чувственныхъ воспріятій внѣшняго

міра у челоуѣка выступаєть на первый планъ его виѣшнее я; при погруженіи же въ глубокой сонъ, чувственное состояніе ослабляется, а выступаетъ на сцену душевная дѣятельность. Въ этой то душевной дѣятельности и кроются всѣ тѣ чудесныя способности, которыя намъ приходится наблюдать у сомнамбуловъ во снѣ.

VI.

Гипнотизмъ.

Къ области гипнотизма относятся тѣ состоянія челоуѣческаго организма, которыя, будучи подобны сну, не могутъ считаться обыкновеннымъ сномъ. Состоянія эти извѣстны подѣ общимъ именемъ гипноза. Способы, вызывающіе гипнозъ, различны. Къ нимъ относятся: пассы, т. е. однообразныя движенія руками надѣ головою, напряженный, пристальный взглядъ въ глаза, однообразный и равномерный шумъ и стукъ и др. За погруженіемъ въ гипнозъ слѣдуетъ обыкновенно внушеніе, которое и нужно считать одной изъ существенныхъ особенностей гипнотизма. Внушать гипнотизируемому можно не только простыя движенія, но и цѣлыя акты. Самымъ интереснымъ и замѣчательнымъ является при этомъ тотъ фактъ, что загипнотизированные обнаруживаютъ часто знаніе сокровеннѣйшихъ мыслей гипнотизатора, опредѣляютъ характеръ какъ своихъ, такъ и чужихъ болѣзней и предсказываютъ теченіе ихъ. Степень ясностей ихъ представленій иногда возрастаетъ до того, что показанія ихъ достигаютъ точности анатомическихъ описаній, хотя часто даются людьми необразованными и лишенными всякихъ научныхъ познаній.

Какъ терапевтическое (лѣчебное) дѣйствіе, гипнотизмъ примѣняется съ достаточнымъ успѣхомъ при лѣченіи нервныхъ болѣзней, безсонницы. Въ нѣкоторыхъ странахъ гипнотизмомъ пользуется даже педагогика съ цѣлью исправленія порочныхъ инстинктовъ. Сущность гипнотизма не извѣстна; многія его явленія совершенно необъяснимы. Проф. Шилтовъ въ своей книгѣ „Среди безбожниковъ“ приводитъ слѣдующіе случаи гипнотическаго внушенія.

1) Когда въ Сальпетриерѣ, въ Парижѣ, для опредѣленія болѣзни одной особы, погрузили въ сонъ сомнамбулу, то она еще до прибытія болъной пришла въ сильное возбужденіе и отказалась дать діагнозъ въ

ея присутствіи. Когда же больная удалась, то сомнамбула въ противность медицинскому діагнозу, состоявшему въ томъ, что у нея грудная болѣзнь, констатировала у нея болѣзнь сердца и предсказала, что на четвертый день у нея будетъ сильное кровотеченіе, а на девятый она умереть. Это предсказаніе сомнабулы исполнилось въ точности, діагнозъ оказался правильнымъ.

2) Докторъ Федоре въ своей пнейматологіи рассказываетъ объ одной молодой дамѣ, которая была загнипнотизирована для опредѣленія болѣзни своей матери. Во снѣ она со слезами объявила, что мать ея должна умереть на другой день. При этомъ она подробно описала состояніе внутреннихъ органовъ больной: легкихъ, печени и пр. Вскрытіе тѣла умершей на другой день матери подтвердило правильность этого діагноза.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что гипнотическое внушеніе объясняется дѣйствіемъ сильнѣйшей воли внушителя на слабѣйшую волю пациента, чѣмъ первый и пользуется, погружая послѣдняго сначала въ гипнотическій сонъ, а потомъ и въ состояніе психической зависимости.

Въ гипнозѣ мы встрѣчаемся съ такого рода фактами, которые рѣшительно разрушаютъ матеріалистическую теорію. Достаточно только констатировать фактъ, что загнипнотизированный видитъ безъ глазъ, слышитъ безъ ушей, воспринимаетъ безъ посредства органовъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы ниспровергнуть матеріализмъ съ его объясненіемъ психическаго изъ матеріальнаго, съ его стремленіемъ сводить всё тайны жизни къ механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ. Гипнотизмомъ рельефно выдвигается господственное положеніе психическаго начала въ организмѣ. Внушеніемъ наглядно заявляется о власти души надъ тѣломъ и о большей зависимости послѣдняго отъ первой, чѣмъ какая обыкновенно принимается. Если мозгъ не принимаетъ участія въ разрѣшеніи разныхъ мысленныхъ требованій, то кто же въ такомъ случаѣ исполняетъ ихъ, обнаруживая при этомъ исполненіи удивительную цѣлесообразность и разумность?

„Я полагаю, говоритъ проф. Шилтовъ, что безсознательныя дѣйствія субъекта во время опытовъ и безсознательное рѣшеніе имъ мысленныхъ задачъ можно отнести единственно лишь къ душевной силѣ, другими словами—къ дѣятельности нашего внутренняго *я*“.

Свяц. Бугославскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ миссіонерской полемикѣ съ апологетами австрійскаго раскола.

Ложь всегда можетъ имѣть себѣ защиту и защитниковъ только по роду своему. Бѣлокриницкое священство печальной памяти бѣлаго греческаго митрополита Амвросія основано на самомъ грубомъ обманѣ и лукавствѣ, разчитанныхъ на религіозное невѣжество раскольничьей толпы. Естественно, сѣмя можетъ расти и развиваться только на подходящей для него почвѣ и въ подходящемъ климатѣ. И австрійское священство за 60-лѣтнее почти свое существованіе пробавлялось только одною ложью, на ней росло и ею укрѣплялось; за все это время оно не могло найти въ свое оправданіе ни одной правды—отъ Слова Божія и каноновъ Церкви Христовой. Вспомните похождения и „богословіе“ лукаваго инока Павла Великодворскаго, проведите своей памятью по всей исторіи и самозащитѣ (устной и письменной) австрійскаго священства, припомните труды въ этой области Швецова, Мельниковыхъ, Усова, Перетрухина и другихъ адвокатовъ раскольничьей лжеіерархіи, широко пользующихся печатнымъ станкомъ въ Австріи и Румыніи и гектографомъ у насъ въ Россіи,—и предъ вами—эпопея сплошной религіозной лжи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что присяжные защитники австрійщины эту ложь сознаютъ: такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, производитъ ихъ апологія бѣлокриницкаго лжесвященства съ ея неизбежными недочитываніями, перечитываніями, пропусками неприятныхъ ей словъ въ „писаніи“, и прочими лукавствами, какъ послѣдними средствами лживой немощи. Разглагольствія Швецова, Перетрухина и Ѳ. Мельникова не разъ слышалъ и читалъ, съ И. Усовымъ бесѣдовалъ самъ и разбиралъ его сусловіе. Просто диву даешься, — люди со

здравымъ разсудкомъ, знакомы со святоотеческимъ писаніемъ, читали и Слово Божіе и—вдругъ позорныя виланія и софистическая защита неправого священства! Честолюбіе верховодства и корысть—вотъ ключъ къ пониманію непонятнаго въ апологетахъ австрійщины. Швецовъ, Мельниковъ и Усовъ, какъ, повидимому, несемейные люди, одушевлены болѣе торжествомъ общаго дѣла, а вотъ Перетрухинъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ стать и родоначальникомъ потомственно-профессиональной раскольничьей казуистики. На миссіонерскихъ бесѣдахъ его можно видѣть не иначе, какъ въ сотрудинствѣ со своимъ сыномъ. Когда отцу не охота вычитывать, быть можетъ, въ тысячный разъ живо-выгрызенныя свидѣтельства „отъ книгъ“ въ защиту австрійскаго священства, ихъ выкрикаваетъ сынъ, безусый апологетъ, который могъ бы быть обученъ за время своихъ разъѣздовъ болѣе честному, хотя и менѣе доходному, художеству. Перетрухиныхъ — отца и сына—я послѣдній разъ видѣлъ въ Петербургѣ на миссіонерской бесѣдѣ около года тому назадъ. Слышалъ я ихъ согласную защиту австрійщины. Сравнительно съ тѣмъ, что говорилъ и писалъ лѣтъ двадцать тому назадъ Он. Швецовъ по этому предмету, я ничего новаго не услышалъ отъ нихъ, кромѣ развѣ мелкой лжи въ духѣ Ив. Усова о возможности впаденія въ ересь всѣхъ православныхъ епископовъ по образу невѣрія всѣхъ апостоловъ воскресенію Христову, о недугованіи папскою ересью тѣхъ, кто не допускаетъ этой возможности и т. п. Какъ сообщаетъ намъ изъ Владимірской епархіи г. С. Троицкій, Перетрухинъ съ сыномъ, около того же времени, вели бесѣду въ селѣ Дунаевѣ, Покровскаго уѣзда, съ мѣстнымъ епархіальнымъ миссіонеромъ Акципетровымъ; сообщено намъ и самое содержаніе бесѣды. Подавляющая часть перетрухинскихъ разглагольствій въ защиту австрійскаго священства поразительно шаблонна: что Перетрухинъ говорилъ десятки годовъ тому назадъ, то же говоритъ онъ и теперь, — что говоритъ онъ въ малыхъ градахъ и весяхъ, то же говоритъ и въ столицахъ. Разумѣется, и миссіонерская полемика не отличается въ данномъ случаѣ особою оригинальностью. При возраженіяхъ же миссіонерскихъ, хотя и не новыхъ, но такихъ, съ которыми Перетрухину приходилось не часто имѣть дѣло, онъ въ своей апологіи расчитываетъ на „звѣвокъ“ православнаго собесѣдника, или же путаетъ и туманитъ его мысль, или, наконецъ, просто отмалчивается.

Дулевская бесѣда съ этой стороны обращаетъ на себя наше вниманіе въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Бесѣда шла о вѣчности епископскаго чина въ Церкви Христовой. Миссіонеръ доказываетъ на основаніи Слова Божія и св. отцовъ, что австрійская раскольничья община, не имѣвшая вообще въ продолженіи 180 лѣтъ епископскаго чина, не имѣетъ и признаковъ Церкви Христовой, и между прочимъ говоритъ:

Меня удивляетъ сознаніе Перетрухина, что епископа у нихъ не было, а священство было, т. е. пресвитеры и діаконы. Епифаній Кирскій учитъ, чинъ епископскій назначенъ для рожденія отцовъ духовныхъ. Какимъ-же образомъ у старообрядцевъ австрійскихъ 180 лѣтъ рождались отцы духовные, не имѣя родителей—епископовъ? Перетрухинъ отвѣчаетъ, что они брали ихъ отъ еретиковъ. Но можетъ ли быть, чтобы Господь Свою Церковь оставилъ и удалился къ еретикамъ? Утверждать это, значитъ богохульствовать. По словамъ Перетрухина чинъ епископскій можетъ прекратиться на 200 лѣтъ. Это говоритъ мірянинъ; послушаемъ, что говорятъ ихъ пастыри. Пафнутій, именуемый епископъ Коломенскій, говоритъ: „Это одно и то же, если-бы какой-нибудь нечестивый проповѣдывать, что Христосъ на двѣсти лѣтъ умиралъ и паки ожилъ“. Знаменитая сія о двухвѣковомъ прекращеніи іерархіи проповѣдь даже до селѣ служила и для самого меня фундаментомъ вѣры... но увы, фундаментъ сей оказался фальшивымъ, и стало, что двухвѣковая наша храмина основана не на камени, а на пескѣ“ (Брат. сл. 85 г. № 11, стр. 40—7).

Перетрухинъ по поводу послѣдней справки миссіонера отвѣчаетъ:

Миссіонеръ говоритъ про Пафнутія; дѣйствительно, Пафнутій былъ нашъ, а потомъ ушелъ къ нимъ. И Іуда былъ Христовъ, а потомъ предалъ Его. Этотъ Пафнутій былъ Іуда, онъ написалъ это, перейдя къ никоніанамъ.

А когда миссіонеръ возразилъ противъ этой неправды—что письмо Пафнутія, изъ котораго приведена выдержка, написано было 1863 г., а присоединился онъ, Пафнутій, къ Православной Церкви 25 іюня 1865 года, и значитъ писалъ это письмо, будучи въ расколѣ,—Перетрухинъ нашелся сказать только одно: „значитъ въ 63 году Пафнутій таилъ мысль объ этомъ, а въ 65 году исполнилъ желаніе“... Странно—Пафнутій два года таилъ мысль, смѣло высказанную въ письмѣ, мысль эту австрійцы знали и все же имѣли Пафнутія за „древлеправославнаго“ епископа!..

Доказывая и съ наглядностью обнаруживая далѣе шатаніе и лукавство австрійскихъ грамотеевъ по вопросу о степени важности епископ-

скаго служеніи въ Церкви Христовой, миссіонеръ, между прочимъ, говоритъ:

Оба Перетрухины на настоящей бесѣдѣ стараются доказать, что и безъ епископовъ можно быть, а когда австрійскимъ начетчикамъ приходится говорить по вопросу объ епископскомъ чинѣ съ бѣглоповцами, то они утверждаютъ противное. Сейчас у меня въ рукахъ брошюра, изданная австрійскимъ лжепопомъ В. Механиковымъ, подъ заглавіемъ: „воззванія къ бывшимъ братьямъ нашимъ по вѣрѣ“. Читаю слова Механикова: „безъ іерархіи и полноты таинствъ церковь не можетъ быть церковію, собственно говоря... нѣтъ церкви. Христосъ Спаситель учредилъ въ Церкви Своей особенный классъ уполномоченныхъ Имъ людей, чрезъ таинственное рукоположеніе, который и составляетъ богоучрежденную церковную іерархію, имѣющую три степени или чина: епископа, пресвитера и діакона и вручилъ ей верховное управленіе Церковію на вѣчныя времена (Мѡ. 16, 18; 28, 20; Іоан. 14, 16, 26. стр. 59 и дал.).

Перетрухинъ отвѣчаетъ:

Я вѣрю, что Церковь Христова не можетъ быть безъ іерархіи, что епископы пребудутъ вѣчно. Но у насъ вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что всѣ епископы до одного могутъ впадать въ еретичество, какъ апостолы впади въ невѣріе: они даже не повѣрили воскресенію Христа. А разъ апостолы уклонились отъ вѣры, то и всѣ епископы могутъ впадать въ ересь. На возможность измѣненія состава Церкви указываютъ и церковные писатели. Петръ Хрисологъ пишетъ: „малый кораблець Христовъ иногда возносится къ небу, иногда опускается въ бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхомъ, иногда покрывается волнами страстей, иногда выплываетъ на веслахъ исповѣданія“ (кн. его, ч. I, сл. 19).

Кто не видитъ, что пустословіе раскольничьяго апологета, которому хоть что-нибудь да надо отвѣтить миссіонеру для поддержанія своего престижа, есть и „да“ и „нѣтъ“: Перетрухинъ то вѣритъ, что „епископы пребудутъ въ Церкви Христовой вѣчно“, то тутъ же доказываетъ, что „всѣ епископы могутъ впадать въ ересь“. И, нужно замѣтить, для простаковъ аргументація австрійскихъ суеслововъ не можетъ не казаться убѣдительною: дѣло въ томъ, что апологеты австрійщины въ данномъ случаѣ настойчиво перепутываютъ понятія о грѣхѣ нравственномъ и грѣхѣ ереси и, напомнивши „отъ писанія“, что „нѣсть чловѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, аще и единъ день житія его на землѣ“, заключаютъ, что и всѣ епископы, какъ люди, не могутъ считаться безгрѣшными и всѣ могутъ одновременно по всей вселенной впасть въ ересь, и церковь можетъ остаться и безъ нихъ. Путаница самая безсовѣстная! Грѣхъ *нравственный*, отъ котораго не свободенъ

ни одинъ изъ живущихъ на землѣ, отъ котораго не считали себя свободными даже апостолы Христовы („если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ“—1 Иоан. 1, 8; „добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“—Римл. 7, 19), и грѣхъ *ереси*—понятія на языкѣ Церкви не однородны: грѣхъ нравственный прощается въ Церкви „до седмижды семидесяти разъ“ (общепринятое техническое, такъ сказать, выраженіе всегдашняго, непрерывнаго всепрощенія—Мф. 18, 22—по Злат., Феофил., въ родѣ того, какъ, Моисей былъ не рѣчистый и косноязыченъ вчера и третьяго дня“, хотя онъ занкой же оставался и до смерти—Исх. 4, 10; или „давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая бѣда будетъ на землѣ“—давай всемъ Екклесіастъ 11, 2); а отъ повиннаго въ грѣхѣ ереси „послѣ перваго и втораго вразумленія“ повелѣно въ Словѣ Божіемъ „отвращаться“ (Тит. 3, 10). Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — если по *человѣческой грѣховности* все *епископы* могутъ одновременно впасть въ ересь, то, по той же грѣховности, могутъ одновременно объеретичествоваться и *все пресвитеры* и *все діаконы*, ибо и они все не безгрѣшны, и Церковь Христова можетъ вообще оставаться безъ іерархическихъ лицъ? (съ чѣмъ однако, австрійскіе и бѣглопоповцы не могутъ согласиться: они почему то уповаютъ, что все епископы въ Церкви по грѣховности могутъ одновременно впасть въ ересь, а пресвитеры—нѣтъ!) Наконецъ, болѣе того, и *все міряне* могутъ уклониться по своей *грѣховности* въ ересь одновременно, и, стало быть, Церковь *святая апостольская* можетъ существовать только какъ голое понятіе, на облакахъ небесныхъ, безъ единаго живого на землѣ своего члена?! И откуда же потомъ она можетъ достать благодать іерархическую для освященія и спасенія своихъ членовъ? Отъ еретиковъ (какъ-то бываетъ и проповѣдуется въ австрійскомъ и бѣглопоповскомъ толпѣ)? Но вѣдь *спасеніе отъ еретиковъ и благодаря имъ*—наче здравого христіанскаго смысла! Еретикъ служить во спасеніе православнымъ!?

Отмѣчая двуличіе австрійскихъ апологетовъ въ защитѣ бѣлокриницкой іерархіи, миссіонеръ показываетъ Перетрухину, что приведенныя имъ слова Петра Хрисолога, о возможности паденія всехъ епископовъ, Механиковъ, австрійскій попъ, въ бесѣдѣ съ безпоповцами приводитъ

въ доказательство вѣчности Церкви, т. е. по существу въ противоположномъ смыслѣ („Истор. кан. обзор.“ л. 44) и что, болѣе того, самъ Перетрухинъ въ своемъ „мечѣ духовномъ“ утверждаетъ, что вселенская Церковь безъ епископа быть не можетъ (примѣн. къ Злат. жит. Марг. л. 154).

Перетрухинъ здѣсь отдѣляется пустыми фразами: „мы вѣруемъ, что священство—трехчинная іерархія—вѣчно. Но вѣруемъ со своимъ убѣжденіемъ, что если епископы уклонились, то можно прожить съ одними попами; а если есть епископы, то и съ ними“. Т. е. выходитъ, іерархія православная и вѣчна и не вѣчна: Перетрухинъ признаетъ ее вѣчной въ виду невозможности прать противъ яснаго слова Писанія и святоотеческаго, и тутъ же, во оправданіе безъепископскаго состоянія своего общества въ продолженіе чуть не 200 лѣтъ, утверждаетъ, что можно прожить и „съ одними попами“. Но какая же это вѣчная іерархія „съ одними попами“? откуда же это являются эти попы? вѣдь, какъ давно уже замѣчали поповцамъ ихъ безпоповскіе сораскольники, въ іерархїи епископъ—первая единица въ счетѣ, безъ которой не можетъ быть, понятно, и второго числа. По Перетрухинской мысли выходитъ, что вѣчно собственно не православное трехчинное священство, а *вѣчна* какая-то чудовищная *еретическо-православная* іерархія, т. е. *еретическіе епископы* и посвящаемые ими *православные попы!*.. Въ перетрухинской апологїи мы видимъ по-истинѣ наглядное доказательство того, что если Богъ захочетъ наказать человѣка, то прежде всего отниметъ у него разумъ...

Не большей доказательностію отличалась перетрухинская апологїя и послѣдняго основанія возможности уклоненія въ ересь всѣхъ епископовъ—„невѣрія св. апостоловъ воскресенію Христа“. За это основаніе австрійскіе начетчики хватаются, какъ за якорь спасенія: всѣ апостолы пали въ невѣріе воскресенію Христову и всѣ, по этому образу, епископы могутъ впасть въ ересь, суесловяты австрійцы. Миссіонеръ возражаетъ:

Какой моментъ Церкви Перетрухинъ беретъ для своихъ доказательствъ? Когда Церковь Христова еще только создавалась и устроилась, но не была еще воздвигнута. Апостолы до воскресенія Христова еще не получили Духа Святаго (Іоан. 7, 38—9), особенныхъ правъ апостольскихъ и посольства на всемірную проповѣдь. Только по воскресеніи Господь сказалъ имъ: „Якоже

посла Мя Отець, и Азь посылаю вы. И сіе рекъ, дуну и глагола имъ: „прїимите Духъ Святъ. Имъ-же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ-же держите, держатся (Іоан. 20, ст. 21—3; ср. Мѣ. 28 гл., ст. 18—20; Мар. 16 гл. ст. 15). Тогда отверзъ имъ и умъ ко уразумѣнію Писанїи (Лук. 24, 45), а до этого они еще не знали изъ Писанїи, что І. Христу „подлежало воскреснуть изъ мертвыхъ“ (Іоан. 20, 9). И по словамъ Кирилловой книги, апостолы епископство свое получили уже по воскресенїи Спасителя. На 77-листь означенной книги приводится объясненїе (принадлежащее самому Св. Кириллу Іерусалимскому) мѣста изъ посланїя къ евреямъ о священствѣ Христовомъ по чину Мелхиседекову. Объ этомъ священствѣ сказано: „какъ Христось никогда не умираеть, такъ и священство Его по чину Мелхиседекову не престаеть. Престало архїерейство Аароново, яко временное, возстало же Христово вѣчное, иже изъ мертвыхъ возставъ, апостоловъ Своихъ на се освяти *хиротонїєю*, еже есть рукоположенїемъ... Апостолы паки епископовъ освятиша... а сіи паки поповъ“. Такъ вотъ когда апостолы, по ученїю Св. Кирилла Іерусалимскаго, получили рукоположенїе отъ Христа и сдѣлались епископами—по воскресенїи Христовомъ. Отъ апостоловъ священство перешло къ другимъ и пребудеть вѣчно, по Кирилловой книгѣ.

Перетрухинъ:

Но по толкованїи Іоанна Златоуста на Евангелїе Луки (6 гл.), избранные Господомъ изъ среды прочихъ двѣнадцать учениковъ „хиротонисаны быша въ апостолы“. Слѣд. епископами они стали еще до воскресенїя Господа.

Ссылаясь на Кириллову книгу, миссіонеръ назвалъ ее книгой Св. Кирилла Іерусалимскаго. Но Кириллова книга принадлежитъ не Кириллу Іерусалимскому, а Стефану Зизанїю. А какъ о ней отзывается вашъ Теофилактъ Лопатинскїй въ „Обличенїи неправды раскольническїя“? Онъ называетъ ее дѣвольскою, а это онъ говоритъ по благословенїю вашего Синода.

Миссіонеръ:

Невѣдѣніе апостоловъ подтверждается Теофилактомъ въ его толкованїи на св. Іоанна: Вѣроваста-бо прежде Марїну слову“, говоритъ онъ, „не убо вѣдяху Писанїя, яко подобаеть Ему (І. Христу) изъ мертвыхъ воскреснути“, но теперъ Іоаннъ „прїиде и вѣрова, не яко украденъ, но яко воста“. И евангелистъ Лука (гл. 24, ст. 45) говоритъ: „тогда“, т. е. по воскресенїи „отверзъ имъ“ (апостоламъ) Спаситель „умъ къ уразумѣнію Писанїи“. Перетрухину не повравилось свидѣтельство изъ Кирилловой книги о рукоположенїи апостоловъ въ епископовъ послѣ воскресенїя Господа и о вѣчности епископства въ Церкви Христовой, и онъ старается подорвать авторитетъ книги указанїемъ на составителя ея Стефана Зизанїя, а также на отзвѣвъ объ этой книгѣ въ сочиненїи нашего Архипастыря Теофилакта Лопатинскаго—„Обличенїе неправды раскольническїя“. Но изъ выходнаго листа этой книги ясно видно, что она издана въ 7-е лѣто патріаршества Іосифа, т. е. до Никона, и потому старообрядцами должна быть уважаема. А какъ мы на нее смотримъ или Синодъ, это не составляетъ для нихъ большой важности. Мы бесѣдуемъ съ ними на основанїи книгъ, которыя ими уважаются и прїемлются. А такова именно книга Кириллова. При томъ я же замѣтить въ своей рѣчи, что толкованїе, мною приведенное, принадле-

жить самому Св. Кириллу Іерусалимскому, а не Стефану Зизанію. На что же Перетрухину понадобилось подрывать довѣріе къ Кирилловой книгѣ? Причина понятна. Съ легкой руки раскольническаго начетчика Ивана Усова, австрійцы изобрѣли новое свидѣтельство, что все епископы могутъ погрѣшать; это указаніе на апостоловъ, которые, будучи ко дню Воскресенія Христова епископами (якобы), впади въ невѣріе. Но такая ихъ ложь ясно обличается приведеннымъ свидѣтельствомъ Кир. книги, да и по Большому Катихизису, на тайной вечери Христосъ сдѣлалъ апостоловъ только священниками. Чтобы ослабить свидѣтельства Кирил. книги о рукоположеніи апостоловъ во епископы послѣ Воскресенія Христова, Перетрухинъ привелъ изъ толкованія Златоуста на Луку, что двѣнадцать учениковъ Господа въ день избранія ихъ „хиротонисани быша въ апостолы“. Но изъ дальнѣйшихъ словъ Златоуста видно что здѣсь говорится не о благодати священства чрезъ рукоположеніе во епископы, а о дарованіи благодати исцѣленій, прогнавія бѣсовъ и т. п. Слѣд., у Златоуста и въ Кирилловой книгѣ говорится о двухъ разныхъ случаяхъ въ жизни св. апостоловъ: у перваго—о призваніи къ апостольству, во второй о рукоположеніи.

Перетрухинъ:

Мы вѣруемъ, что все 12 апостоловъ избраны въ особой молитвѣ до Воскресенія Христова, а уклоненіе іерарховъ въ лицѣ всехъ апостоловъ доказывали. Златоустъ говоритъ что избранные изъ среды прочихъ учениковъ двѣнадцать хиротонисаны были въ апостоловъ. Миссіонеръ ссылается на книгу Кириллову, о которой хульно отзывается Теофилактъ еписк. и которая не принадлежитъ св. Кириллу. Слѣд., миссіонеръ не слушаетъ Церкви Своей, которая въ лицѣ Синода, издала сочиненіе Теофилакта, а преслушая Церковь, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь.

Миссіонеръ:

Собесѣдники мои въ продолженіи почти всей бесѣды особенно настаиваютъ на мысли, что епископство, въ лицѣ 12-ти апостоловъ, существовало въ Церкви Христовой еще до Воскресенія Христова; что если все апостолы впади въ невѣріе Воскресенію Господа, то, значить, по заключеніи собесѣдниковъ, былъ въ Церкви Христовой промежутокъ времени, хотя бы нѣсколько часовъ, когда все епископы отпали отъ истинной вѣры, и Церковь временно была безъ епископовъ. Въ этомъ австрійцы видятъ оправданіе своего существованія безъ епископа въ теченіи 180 лѣтъ. Но когда Господь создалъ Церковь? По словамъ того-же Усова, Господь „собственно основалъ или водрузилъ Церковь Свою только на Крестѣ, гдѣ Онъ стяжалъ ее, по выраженію апостола, Кровію Своей (Дѣян. 20, 28 ст.). Ибо только на Крестѣ Господь собственно искупилъ насъ и возсоединилъ съ Богомъ, безъ чего христіанство не имѣло бы никакого значенія“ („Церковь Христова временно безъ епископа“ стр. 38). Если такъ, то правильно ли со стороны собесѣдниковъ утверждать и доказывать, опять на основаніи Усова (см. стр. 50), что 12-ть апостоловъ имѣли епископскую благодать хиротоніи еще до Воскресенія Христова? *Церкви не существовало, а епископство съ его благодатною хиротонією дыло!* Но источникъ этой благодатной хиротоніи Духъ Святой еще не былъ въ Церкви, потому что чело-

вѣкъ еще не былъ возсоединенъ съ Богомъ чрезъ искупительную жертву Христа. Вотъ почему только по Воскресеніи Своемъ Спаситель сказалъ ученикамъ: примите Духа Святаго (Іоан. 20, 22). Указываютъ на избраніе 12-ти. Но избраніе не рукоположеніе. Да и какъ апостолы могли быть епископами, когда на землѣ и вмѣстѣ съ ними былъ Самъ Основатель Церкви Господь нашъ І. Христосъ. Епископъ, по Игнатію Богоносцу, „Бога (Отца) образъ есть“ (посл. къ трал.) и представляетъ собою, по Амвросію Медиоланскому, „лице Христа“ (Толк. на 1-ое посл. къ Коринѣ.). Сами апостолы рукополагали епископовъ вмѣсто себя, удаляясь изъ какой-нибудь области въ другое мѣсто. Посему мы должны вполнѣ согласиться съ свидѣтельствомъ Кирилловой книги, что Господь апостоловъ рукоположилъ въ епископовъ при Своемъ вознесеніи. Австрійцы возражаютъ, что этимъ оправдывается безпоповство. Нисколько, апостолы были священниками и при земной жизни Христа. Это право дано имъ Христомъ еще на Тайной вечери, въ словахъ: „сіе творите въ мое воспоминаніе“, и по Воскресеніи Христа, получивъ благодать Духа Святаго, они содѣлались и дѣйствительными священниками. Епископомъ-же Церкви былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Слѣд., Церковь Христова, съ самого момента созданія ея Сыномъ Божиимъ чрезъ крестную смерть Свою, безъ епископа не была, а священство, въ лицѣ апостоловъ, получило свое существованіе отъ главы и епископа Церкви Самого Христа въ первый-же день по Его воскресеніи. Поэтому невѣріе вѣхъ апостоловъ Воскресенію Господа произошло тогда, когда апостолы были еще съ правами священства и не получили даже благодати Св. Духа. Сказанія евангелистовъ, что апостолы еще до Воскресенія Господа крестили (Іоанна. зач. II) и мазали масломъ (Марк. зач. 23), (на чемъ и основывается мнѣніе Усова и К^о о епископствѣ апостоловъ до Воскресенія), не противорѣчатъ нашему утверженію, что апостолами получена благодать священства только послѣ Воскресенія Господа. Это крещеніе и маслопомазаніе не были таинствами. До возсоединенія человѣка съ Богомъ чрезъ смерть Христову Церкви новозавѣтной не было, и благодатные дары въ таинствахъ на человѣка дѣйствовать еще не могли, ибо ветхозавѣтный человѣкъ еще не былъ искупленъ. Вотъ почему и таинство Евхаристіи совершилъ Самъ Спаситель предъ Своею смертію, а не апостолы; вотъ почему и власть вязать и рѣшить грѣхи чрезъ таинство покаянія только обѣщается Господомъ апостоламъ въ лицѣ Петра, но не дается. И крещеніе, совершаемое ими, было только крещеніемъ покаянія, т. е. свидѣтельствомъ раскаянія во грѣхахъ и готовности увѣровать и принять Искупителя: маслопомазаніе-же было только внѣшнимъ способомъ исцѣленія недужныхъ, подобнымъ возложенію рукъ или помазанію брѣніемъ Самимъ Спасителемъ очей слѣпыхъ.—Сдѣлавшись дѣйствительными священниками или совершителями таинъ новозавѣтной Церкви только послѣ Воскресенія Господа, апостолы дѣйствительными епископами, съ правомъ рукоположенія себѣ преемниковъ, могли стать только послѣ Вознесенія Господа, ибо нельзя допустить, чтобы создатель и Глава Церкви—І. Христосъ, еще будучи Самъ на земли во плоти, передалъ апостоламъ Свои права и власть. Предъ Воснесеніемъ Господь благословилъ ихъ и благословляя вознесся на небо (Іук. 24, 50—51). Съ этого момента апостолы стали уже дѣйствительными епископами Церкви Христовой, съ епископскими правами и благодатью. Отъ апостоловъ епископство передается преемственно и чрезъ преемст-

венное рукоположеніе дѣйствуетъ благодать хиротоніи въ Церкви Христовой. Если допустить, какъ австрійцы, что все епископство пало, то значить надо признать, что оно уже не въ Церкви Христовой, а внѣ ея. Спрашивается, чрезъ кого-же будетъ дѣйствовать благодать хиротоніи, если нѣтъ православныхъ епископовъ? На этотъ вопросъ австрійцы отвѣчаютъ, что чрезъ неистинныхъ епископовъ, находящихся внѣ Церкви Христовой, благодать хиротоніи и дѣйствовала, а они, австрійцы, составляющіе истинную Церковь, оставались безъ благодати, при одномъ правомъ ученіи. Иначе сказать, австрійцы договорились до того, что признали возможнымъ существованіе истинной Церкви Христовой безъ благодати, а общество еретиковъ съ благодатью. Но сообразно-ли сколько-нибудь въ понятіемъ Церкви, основанной Самимъ Христомъ, имѣющей главою Самого Христа, получившей Святаго Духа и называемой Святой и непорочной, чтобы благодати въ этой Церкви не было, а пребывала бы она только у еретиковъ? Не значить-ли это, что благодать Св. Духа объеретичествовалась, и Церковь Христова одолѣна вратами адowymi, вопреки обѣтованію Самого Христа.

По приведеннымъ выдержкамъ изъ бесѣды православнаго миссіонера съ К. Перетрухинимъ, можно судить, насколько гнили тѣ подпоры, которыми стараются поддержать незаконное дѣтище бѣлаго архіерея Амвросія, купленнаго и очищеннаго отъ „ереси“ бѣглопоповствомъ, — противоканоническую австрійскую іерархію ея полуграмотные защитники, лукавые софисты, извращающіе и догматы и само Св. Писаніе ради торжества раскольничьей неправды.

Н. Гринякинъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Какъ развязать узелъ?

(Отвѣтъ миссіонера пастырямъ, уклоняющимся отъ приходской миссіи).

Читателю, конечно, извѣстно, что значить раскрывать скобки. Вотъ это-то раскрытіе, т. е. прямое указаніе того, что я хочу сказать, и беру я на себя въ настоящей разъ. Въ „Миссіонер. Обзор.“ (1904, № 13) я говорилъ о многомъ „прикровенно“. Теперь, послѣ новыхъ впечатлѣній, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, я хочу выразить свои мысли откровеннѣе и яснѣе, насколько у меня хватитъ силъ и моихъ скудныхъ дарованій.

Невольно вспоминаю мое дорогое дѣтство.

Жилъ я въ захолустѣ, въ скучномъ сельскомъ захолустѣ. Для дѣтскаго сердца тамъ мало было развлеченій. Крокетъ, кегли, большіе мячи въ сѣткахъ, разные „развивающіе“ предметы и игрушки—все это для меня было terra incognita. Но за то у меня было нѣчто такое, чего я не продалъ бы ни за какіе „вспомогательные“ предметы воспитанія... Въ нашемъ селѣ была убогая деревянная церковь, въ которой въ теченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ не сходилъ со стѣнъ морозный налетъ... но какая хорошая была эта церковь!.. даже въ тѣ зимніе воскресные дни, когда я, пятилѣтній, являлся въ нее къ утрени къ 3 или 4 часамъ утра... А въ этой церкви былъ батюшка... ахъ, какой онъ былъ хорошій и какъ онъ хорошо служилъ! Бывало, вотъ—вотъ закачаешься на своихъ дѣтскихъ ножкахъ и уснешь, а какъ услышишь его голосъ, такъ повернешь свою дѣтскую голову къ матери, да и скажешь:

— Мама, люблю я „дѣдушку“.

— Молись, молись, дѣтка... и за „дѣдушку“ помолись.

По окончаніи службы „дѣдушка“ выходилъ на амвонъ и начиналъ говорить. Не понималъ я ничего въ его рѣчахъ. Мнѣ нравился только его голосъ. А когда я видѣлъ, что каждый разъ „народъ“, весь, толпой, къ амвону приближается, и „на цыпочкахъ идетъ“ къ нему, моя дѣтская мысль говорила мнѣ:

— „Дѣдушку“ всѣ любятъ... „на цыпочкахъ идутъ“... это затѣмъ, чтобы „дѣдушку“ не обидѣть... такъ, вѣдь, я и дѣлаю, когда прихожу къ нему за „гостинцами“ и мнѣ говорятъ, что „дѣдушка“ еще спитъ и тревожить его нельзя...

Такъ дѣдушка и говорилъ всегда, такъ онъ и поучалъ народъ за каждой службой.

Сдѣлался я ученикомъ духовнаго училища, а потомъ семинаристомъ. Приѣзжая аккуратно на Рождество, Пасху и каникулы, я всегда ходилъ къ службѣ, и всегда предо мною снова и снова появлялся въ церкви все тотъ же „дѣдушка“, съ тѣмъ же „небеснымъ“, какъ я прозвалъ, голосомъ и съ тѣмъ же неизмѣннымъ обычаемъ говорить послѣ службы поученіе. Дошелъ я до второго класса семинаріи. Здѣсь на пути моего духовнаго развитія явился предо мной одинъ тоже, какъ и я, ученикъ, но уже „философъ“, писавшій „важныя“ сочиненія на „страшныя“ темы, и при всемъ томъ подарившій меня своей дружбой, своимъ ласковымъ вниманіемъ. Въ немъ было что-то особенно привлекательное для меня, „второклассника“. Рѣчь его была бойка и жива, „за словомъ онъ въ карманъ не лѣзъ“, всякую мысль мою онъ поощрялъ и подбадривалъ, а главное—не бравировалъ предо мной, какъ другіе „четвертоклассники“, отрицаніемъ того, что было дорого моему сердцу. Напротивъ, онъ даже поддерживалъ огонь моего святилища и старался оградить мою душу отъ вліянія нѣкоего „Васьки“, который „знать не хотѣлъ Бога“ и съ тѣмъ, по доброй волѣ и по „глубокому убѣжденію“, вышелъ изъ семинаріи. Много концовъ измѣрилъ я съ своимъ другомъ по семинарскимъ корридорамъ, путешествуя по нимъ въ свободные часы перемѣнъ и въ промежутки между ужиномъ и вечерней молитвой! Въ одну изъ такихъ минутъ мой руководитель вдругъ и говоритъ мнѣ:

— Знаешь, что я хотѣлъ тебѣ сказать? Ты вотъ все про „дѣдушку“ говоришь... что онъ проповѣдуетъ много... А вѣдь его описать бы слѣдовало... такъ въ видѣ разказа... онъ, правду сказать, рѣдкій человѣкъ...

— Какъ рѣдкій?

— Да такъ... не всѣ таковы пастыри... далеко не всѣ...

— Ну?

— Вотъ тебѣ и „ну“...

Другъ мой и не подозрѣвалъ, какой ядъ онъ влилъ тогда въ мое сердце. Дѣло въ томъ, что до второго класса семинаріи я только и зналъ три церкви, и вездѣ я только радовался, потому что вездѣ поучали. Въ селѣ „дѣдушка“ проповѣдывалъ. Въ монастырской церкви, въ которую ходили мы, „духовники“, постоянно говорить добрый о. Антонинъ, на котораго, за отсутствіемъ „дѣдушки“, я переносилъ свою любовь. Въ семинарской церкви проповѣдывали часто то преподаватели, то ученики, а иногда и самъ о. ректоръ, очаровывавшій меня своей ораторской и въ высшей степени убѣдительною рѣчью. Больше церквей я не зналъ и, конечно, думалъ, что вездѣ дѣлается и бываетъ такъ, какъ говорилъ мнѣ мой „опытъ“. Дорого же я заплатился за свою „гиперболу“! Въ первое послѣ описаннаго разговора съ пріятелемъ воскресенья, за полчаса до литургіи, я пришелъ къ инспектору и, несмотря на всю его строгость, обратился къ нему съ просьбою отпустить меня въ Н—ую церковь. Мнѣ хотѣлось, до боли хотѣлось, „поразить“, опровергнуть моего друга. Я думалъ:

— Прослушаю въ Н—ой церкви обѣдню и проповѣдь; приду домой и скажу своему „патрону“: „вы неправду сказали“.

Инспекторъ ничего не возразилъ противъ моей просьбы и далъ мнѣ желаемый отпускъ.

Пришелъ я въ церковь. Захватилъ чтеніе часовъ. Выслушалъ обѣдню, а лучше сказать, нетерпѣливо простоялъ всю службу, все ожидая ея конца... вотъ-де появится священникъ на амвонѣ и начнетъ говорить...

Но моимъ надеждамъ и ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Проповѣди никакой... батюшка черезъ пять минутъ по окончаніи литургіи вышелъ въ епитрахили и началъ служить молебенъ, говоря возгласы, распѣвая „Пресвятая Богородице“, и въ то же время протягивая направо и налево руки и отбирая у заказчиковъ молебна листики съ именами живыхъ для молитвъ о ихъ здравіи.

Пользуюсь при написаніи этой статьи своимъ дневникомъ, этимъ моимъ неизмѣннымъ другомъ, и вотъ что я тамъ читаю объ этомъ моментѣ моей жизни (пишу такъ, какъ въ дневникѣ записано, не измѣняя слога „второклассника“).

— Я думалъ, что всѣ дѣлаютъ такъ, какъ „дѣдушка“ и о. Антонинъ. Анъ нѣтъ. Тяжко это видѣть. Милый мой дневничекъ! Повѣдаю тебѣ мою грусть, а ты на меня не сердись. Разъ я ждалъ вечеромъ, что тетя къ намъ пріѣдетъ, и все высказывалъ за ворота посмотрѣть, не ѣдетъ ли она (люблю я ее, добрую)... а она не ѣхала, и совсѣмъ не пріѣхала, и я плакалъ, и долго уснуть

не могъ. Такъ и въ Н—ой церкви было. Я ждалъ, когда молебень окончится. Всѣ ушли, а я жду, думалъ, что народъ опять придетъ, и батюшка заговорить. Вышло не то. Панихиду отслужили, ребенка перекрестили, а народъ не шелъ, и батюшка не поучалъ. Сторожъ подошелъ и сказалъ мнѣ: ступай домой; чего стоишь?

Съ тѣхъ поръ я и сталъ частенько прятаться, какъ улитка, въ свою раковину, отъ своего друга. Горько мнѣ было... А новыя и новыя впечатлѣнія меня не радовали и порадовать не могли.

Дошелъ я до четвертаго класса. Здѣсь я сталъ изучать гомилетку. Меня начали учить, что, съ одной стороны, пастырь долженъ „проповѣдывать слово“, и при томъ „благовременно и безвременно“, а съ другой, что были и есть знаменитые проповѣдники слова Божія. Предо мной во всю свою величину всталъ недавній мнѣ покой вопросъ:

— Что же это значить, что намъ толкуютъ о знаменитыхъ проповѣдникахъ? Къ чему эта знаменитость? Вѣдь всѣ пастыри должны проповѣдывать и говорить благодатнымъ словомъ... А гдѣ благодать, къ чему тамъ толки о знаменитости?

Правда, мои прежнія впечатлѣнія немного охлаждали жаръ моихъ недоумѣній, сглаживали остроту моей мысли, моего анализа. Но я не находилъ себѣ полнаго покоя, никакъ не могъ отдѣлаться отъ моего, начинавшаго развиваться, удрученнаго настроенія. Въ моемъ „сундучкѣ“, хранилищѣ лѣтописей моей души, есть одна тетрадь, содержащая въ себѣ одно сочиненіе по гомилетикѣ на тему: „Любовь пастыря къ пасомымъ и къ дѣлу проповѣданія слова Божія, какъ условіе успѣха пастырской проповѣди“. Въ этомъ сочиненіи я „разразился филиппикой“ по адресу современныхъ проповѣдниковъ:

— Гдѣ теперь эта любовь къ темной, христіанкой именующей себя, душѣ христіанской? Гдѣ этотъ жаръ пастырскаго сердца? Скажите, гдѣ все это? Гдѣ подражаніе великому Григорію и Златоустому Іоанну? и т. д. и т. д.

Преподаватель сочиненіе одобрилъ, но отъ филиппикъ по адресу духовенства, по моей молодости, совѣтывалъ мнѣ воздерживаться... Меня этимъ онъ не удовлетворилъ, и заставилъ только скорбѣть о томъ, что мой наставникъ не есть праведный судія, особенно послѣ того, какъ другой преподаватель, назначенный однимъ изъ цензоровъ пробныхъ поученій приходскихъ священниковъ, явившись однажды къ намъ въ классъ и разсердившись на насъ за то, что „камчатка“ „гудѣла“ и „завывала“, сказалъ намъ:

— Вотъ такіе и ваши отцы и прочіе сродники... читаю ихъ проповѣди,—и ничего хорошаго не нахожу въ нихъ... одно „гудѣніе“...

Въ шестомъ классѣ семинаріи я любилъ порой почитать журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“. Тамъ на обложкѣ приложеній постоянно фигурировало 19 правило шестого Вселенскаго собора о томъ, что предстоятели церквей во всѣ дни, наипаче въ воскресные, должны поучать клиръ и народъ словесамъ благочестія. Но тутъ же я познакомился и съ уставомъ духовныхъ консисторій, предписывавшимъ (и доселѣ предписывающимъ) представлять проповѣди на предварительный просмотръ цензору. Какъ сейчасъ помню, я тогда подумалъ:

— А что было бы, если бы мой „дѣдушка“ былъ связанъ обязательствомъ говорить послѣ цензуры? вмѣсто поученія послѣ каждой службы, сколько словъ и бесѣдъ онъ сказалъ бы?... сколько онъ потерялъ бы отъ этого въ любовномъ отношеніи къ нему со стороны прихода? О. цензоръ въ 35 верстахъ живетъ. Ну-ка, попробуй написать „проповѣдку“ къ каждому празднику, да лошадей погонять за столько верстъ. Да, хорошо еще, что „дѣдушку“ всѣ уважали, всѣ искали у него совѣта... даже всѣ новые благочинные пріѣзжали къ нему за разными указаніями... никто поэтому и не осмѣливался тянуть его на цензуру. А вотъ о. Петра требуютъ къ отвѣту. Завидуютъ ему—и требуютъ... и камень ему полагаютъ...

Съ этими впечатлѣніями я въ академію перешелъ. Здѣсь я снова слушалъ гомилетику. Читали ее намъ два профессора, одинъ за другимъ. Первый не интересовался проповѣдничествомъ. Второй, наоборотъ, идеей пастырства былъ сильно увлеченъ. На первой лекціи онъ расшибъ Ѳаворова, на второй и послѣдующихъ много и убѣдительно говорилъ о живой проповѣди и недостаткахъ современнаго проповѣдничества. Это были поистинѣ огневныя лекціи. На партѣ не сидѣлось... Послѣ каждой мысли являлось желаніе вскочить съ мѣста, расцѣловать лектора и сказать ему:

— Вотъ, что правда, то правда... вѣкъ бы слушать васъ и вашу святую правду.

Профессоръ нашъ и самъ весь жилъ проповѣдничествомъ, и насъ пріучалъ къ этой великой работѣ. Добился онъ учрежденія при Академіи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и пріохотилъ насъ говорить поученія къ народу. Создалось цѣлое церковно-просвѣтительное движеніе. Церковь наша перестала въ концѣ концовъ вмѣщать желающихъ слушать студентовъ; толпы жа-

ждавшихъ слышать слово правды Христовой наполняли академическіе корридоры и лѣстницу, прилегавшіе къ церкви.

Съ такими впечатлѣніями я и вышелъ изъ академіи. Разбираясь въ новыхъ впечатлѣніяхъ, которыми „дарила“ меня жизнь, я никогда не чувствовалъ нравственной удовлетворенности. Никакъ я не могъ, да и теперь не могу, помириться съ тою мыслью, что были и есть пастыри неучительные, что такъ рѣдокъ въ жизни мой „дѣдушка“, что такъ часто сиротливо выглядываютъ наши проповѣдническія кафедры, что такъ мало людей одушевленныхъ идеей пастырства... Сейчасъ, напримѣръ, я думаю:

— Въ такомъ-то приходѣ развилось конокрадство. Надо научить людей, что это страшный грѣхъ и какъ можно отъ него избавиться... а пастырь молчить и ни одного слова не говорить противъ этого зла.

И вотъ почему, видя порой бьющую въ глаза неучительность пастырей нашихъ, я написалъ въ 1903 году въ Енисейскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ статью подъ заглавіемъ: „Что же намъ дѣлать?“ Вся статья была однимъ сплошнымъ призывомъ пастырей къ учительству. Въ статьѣ прямо, безъ обиняковъ, былъ кратко указанъ историческій процессъ потемнѣнія народной совѣсти и выражена по поводу этого такая мысль: „Что же намъ дѣлать?“ спросять пастыри. Отвѣтъ ясенъ: „надо пробудиться и стать ближе къ паствѣ“ (№№ 8 и 9).

Въ отвѣтъ на статью я получилъ отъ одного батюшки:

— Жаль, что нѣтъ человѣка, который могъ бы отвѣтить вамъ, какъ слѣдуетъ...

Послѣ статьи въ № 13 Миссіонер. Обзор.,—на которую я смотрѣлъ, какъ на одинъ изъ *многихъ* камней, которые бросаютъ теперь въ нашу *застоявшуюся* воду,—люди, которые „могли бы отвѣтить мнѣ, какъ слѣдуетъ“, нашлись. Я получилъ нѣсколько писемъ, одно за другимъ. Но рѣшилъ молчать, и молчать до тѣхъ поръ, пока не явится на сцену что-либо наиболѣе типичное и болѣе „побудительное“ къ отвѣту. Наконецъ, получилъ изъ редакціи Миссіонерскаго Обзорѣнія на свое усмотрѣніе статью одного іерея о. О—на подъ заглавіемъ: „Приклонили уши“, присланную мнѣ, іереемъ, въ означенную редакцію въ видѣ отвѣта на мою „Audiatur et altera pars“. Получилъ, и сейчасъ же взялся за перо: очень ужъ типичной оказалась эта статья. Отвѣчаю о. О—ну по пунктамъ, по мѣрѣ теченія его мыслей, присоединяя къ нему по пути и другихъ возражателей, удостоившихъ меня своимъ вниманіемъ.

О. О—нъ говоритъ: „сколько я не разсматривалъ статью

А. Платонова, отъ впечатлѣнія „нытья“, при всемъ желаніи автора не впасть въ него, иного впечатлѣнія отъ статьи не вынесъ. И свѣтскіе люди, и духовные, и раскольники—сектанты, все противъ миссіонеровъ“!.. Отвѣчаю вамъ, батюшка: вы мою статью до конца, вѣроятно, не дочитали. А тамъ въ концѣ статьи сказано, что мы, миссіонеры, *при помощи Божіей* дѣлаемъ свое дѣло. Вотъ и причина, почему мы не унываемъ: „Богъ намъ прибѣжище и сила“! Сказанное вами на первой вашей страницѣ навело меня на мысль: „батюшка задѣтъ за живое... значить и нельзя искать у него разсмотрѣнія дѣла по существу, ради самаго дѣла“. Такъ отчасти и оказалось при дальнѣйшемъ чтеніи. Но многое у него, не скрываю, сказано и по существу.

О. О—нѣ пишетъ: „приходскіе пастыри могутъ о себѣ сказать: *не послалъ* (курсивъ о. О—на) насъ Епископъ благовѣстити, сирѣчь миссіонерствовать, но служить литургіи, крестити, вѣнчати, исповѣдати, соборовати, дѣтей учити въ школахъ и писать книги о тѣхъ событіяхъ“.

Батюшка, зачѣмъ такая инсинуація, въ коей виноваты, впрочемъ, не вы одинъ? Нѣкій вашъ единомышленникъ пишетъ мнѣ почти вашими словами: „Мнѣ архіерей не говорилъ при моемъ поставленіи, чтобы я проповѣдывалъ и сектантовъ вразумлялъ“. Согласенъ, что, быть можетъ, васъ, батюшки, епископъ и не назначалъ въ семь, но вѣдь это, т. е. проповѣдываніе вами слова Божія, само собой предполагается вашимъ званіемъ. У васъ есть ваша ставленная грамота: прочитайте ее, да вспомните: „шедше, научите“, „настой благовременнѣ и безвременнѣ“... А вѣдь вы, батюшки, наслѣдники апостольскаго званія. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я поставилъ бы съ большей для себя пользой такой вопросъ: „хорошо ли мы дѣлаемъ, что отрекаемся отъ спасенія заблуждающихся? Моги ли сказать нами написанное Тимоѳею или Титъ, эти преемники апостоловъ-проповѣдниковъ?“

Иду дальше. О. О—нѣ пишетъ: „не раздѣлили ли Богъ въ Церкви дарованій? еда все миссіонеры“? А на четвертой страницѣ своей статьи въ уста о. благочиннаго онъ влагаетъ совѣтъ ему, батюшкѣ, вызвать „миссіонера“ для бесѣдъ съ сектантами, и отнюдь „самому“ не дѣлать публичныхъ собесѣдованій. Мысль выражена очень ясно. Сдѣлаемъ изъ нея выводъ: въ селахъ А, В, С, Д сектанты стали совращать православныхъ. Священникъ села „А“ вызываетъ „миссіонера“. Пока миссіонеръ живетъ въ селѣ „А“, въ приходахъ В, С, Д произошло нѣсколько случаевъ совращеній. Миссіонеръ туда еще не попалъ, и не могъ попасть, **заятый** сектантами селенія „А“. Кто, спрашивается, виноватъ

въ совращеніяхъ? Неужели миссіонеръ? Кто отвѣчаетъ за души этихъ людей? Тоже миссіонеръ?.. Здѣсь и позволительно поставить вопросъ: а чтоже дѣлалъ батюшка? Отвѣтъ мной данъ въ той же моей статьѣ: „батюшка ходилъ только туда, гдѣ хожденіе деньгами оплачиваютъ“... Наконецъ, къ чему эта рѣчь о раздѣленіи „дарованій?“ О. О—нъ, васъ буква заѣдаетъ... вникните въ смыслъ Писанія, да почитайте толкованія на него... Ну, право же, не хорошо приклеивать слова апостола туда, куда они не относятся. Вѣдь если стать на вашу точку зрѣнія, то, право, можно дойти до абсурда, и, примѣрно, такого: Безсловесная овца отдѣлилась отъ стада. Пастухъ этого не замѣтилъ. Проспалъ. А когда проснулся, и увидѣлъ, что овца находится внѣ стада, махнулъ на нее рукой и сказалъ:

— Не нужна! она не въ стадѣ, и, значить, не моя.

Тутъ волкъ къ ней подбѣжалъ и началъ „напастъ творить“. А пастухъ и говоритъ:

— Ну такъ чтожь? Не мое дѣло отбивать ее!.. Нехай тамъ, что угодно, будетъ!

А это, о. О—нъ, какъ сами можете понимать, уже совсѣмъ дурно... Не станете же вы утверждать, что за каждой овцой долженъ быть приставленъ особый спеціалистъ по части спасанія ихъ отъ волковъ.

Однако о. О—нъ на своемъ отказѣ не остановился. Онъ постарался представить и оправдательные документы своего нежеланія вести миссіонерскую проповѣдь. Рѣчи его не новы. Ихъ я слышалъ еще и раньше, и потому писалъ въ вышеуказанной статьѣ: „Что же намъ дѣлать“ вотъ что: „пастырь Церкви Христовой, грѣшно тебѣ слагать съ себя вину... Самооправданіе—это спутникъ грѣховнаго самолюбія“; и еще: „не будемъ пренебрегать укорами совѣсти, этого нашего самосуда. Ея голосъ не есть продуктъ испорченныхъ нервовъ, излишней требовательности нашей къ самимъ себѣ“. Слышу я самооправданія и теперь. Поэтому и не могу обойти молчаніемъ и оправдательные документы о. О—на, въ виду именно ихъ типичности.

Первый документъ: „Если „вы сильны, а мы немощны“, то кто виноватъ? Ужь не Тотъ ли, Кому разсудилось дать одному пять талантовъ, другому два, третьему одинъ? Да не будетъ“.

Дѣлаю на документъ помѣтку: развѣ вы, о. О—нъ и прочіе, „немощны?“ А сугубая благодать, вами воспріятая? А сила, въ немощи совершающаяся?

Второй документъ: „Если вамъ свяжутъ руки и ноги (курсивъ о. О—на); впрягутъ въ колесницу; заставятъ тащить за всѣ лямки,

то въ состояніи ли вы будете тащить колесницу? Короче, безъ аллегорій: *вы миссія*—посланники, *а мы не миссія* (курсивъ о. О—на); и еще: скажите по совѣсти, у кого больше лямокъ: у приходскаго ли пастыря, или у миссіонеровъ? Какъ же можно требовать, чтобы и я сдѣлалъ столько же, сколько и вы, миссіонеры, сидящіе весь годъ за книгами, вамъ нужными? Вы въ заколдованномъ кольцѣ? А мы нѣтъ?.. За одну ошибку въ № дѣла влекутъ тебя чуть ли не къ уголовному дѣлу—это ничего?.. Завлекло бы это разсужденіе на эту тему меня въ великія дебри... Скажите, что обслуживаетъ миссія: не пробѣлы ли пастырства? Какіе? Отвѣтъ данъ о. Николаемъ“.

На этомъ документѣ позволяю себѣ остановиться пѣсколько дольше. О. О—нъ хочетъ сказать то-же, что и о. Николай въ № 13 Мисс. Обзор.: ни силъ-де, ни времени нѣтъ для миссіонерской проповѣди... Отвѣчаю: Неправда. Есть и силы, и время. У меня въ моей практикѣ было два такихъ случая. Въ одномъ селѣ у батюшки—двѣ школы, большой приходъ; свое хозяйство онъ вель самъ, нанимая работниковъ и присматривая за ними; плюсъ ко всему этому большое семейство и до двухсотъ молоканъ. И замѣчательное дѣло! Онъ никогда не отказывался, даже не допускалъ въ себѣ мысли отказываться отъ миссіонерствованія. И когда я пріѣхалъ къ нему устраивать приходскую миссію, по приказанію епархіальнаго начальства, то увидѣлъ, что таковая миссія въ селѣ существуетъ, и даже предупредила своимъ появленіемъ распоряженіе владыки. Пріѣзжаю въ другое село. Въ семействѣ батюшки—онъ да матушка, и больше никого. Хозяйства никакого. Приходъ небольшой, но богатый. Все благопріятствовало батюшкѣ заняться миссіей среди сектантовъ, бывшихъ въ районѣ его прихода. Мало того. *Батюшка даже деньги получалъ за миссію*. И что же? Священникъ даже не зналъ, гдѣ сектантская молельня... Что скажете на это, о. О—нъ?.. Я не даромъ въ началѣ статьи много говорилъ о „дѣдушкѣ“:—*это былъ пастырь идеалистъ, его идеализмъ и былъ источникомъ его силъ; онъ же всегда находилъ для „дѣдушки“ время и книги читать, и духовные журналы ожидать съ нетерпѣніемъ и прочитывать ихъ „отъ крышки до крышки“, и спорить съ нами, семинаристами, на счетъ Канта и Гегеля, и, наконецъ, убить въ корнѣ хлыстовщину, изъ Питера занесенную въ наше захолустье... Безъ идеализма, вѣчное напоминаніе о которомъ дано вамъ, батюшка, на оборотной сторонѣ вашего іерейскаго, на груди вами носимаго креста, далеко вы, о. О—нъ, не уйдете, и всегда,—соглашаюсь съ вами,—будете говорить, что вы—не миссія. Но такія рѣчи больно слушать, потому что вы даете только новое доказа-*

тельство того, какъ вамъ и другимъ нѣкоторымъ іереямъ мало дороги интересы *вашихъ*, хотя и заблудившихся, овѣцъ.

Вотъ вамъ и вашъ „заколдованный кругъ“. Я думаю что вы или сами его создаете, или не хотите перешагнуть чрезъ него. Рутина, о. О—нъ, рутина—всѣ эти ваши рѣчи! Не время ихъ произносить. Дни наши лукавы... надо теперь и въ мудрости упражняться, а не отказываться отъ дѣла... ¹⁾).

Третій документъ: „*приходской миссіи дано ли право миссіонерствовать?*“ (курсивъ о. О—на); живое слово не смѣй сказать; представь впередъ на цензуру, потомъ и говори, а то заврешься“. Далѣе въ документѣ приведенъ такой діалогъ:

— Къ кому же это? (т. е. отдавать проповѣдь на цензуру).

— Да развѣ вы не знаете цензора о. Евгенія?

— Да онъ гдѣ же учился?

— Гдѣ? Тамъ же, гдѣ и вы, въ семинаріи.

— Почему же онъ можетъ знать, что я заврусъ?

— Да я то почему знаю? Ему дано; онъ знаетъ.

— А я то что же?

— А вы служите обѣдни, правьте требы, ведите церковные документы, ходите въ школу.

— Хорошо, слушаю; къ тому же я не всегда въ духѣ писать, да и къ желаемому случаю или поводу будетъ несвоевременно. Буду читать готовыя проповѣди. А вотъ побесѣдовать съ раскольниками можно?

— Отнюдь не—смѣйте.

— Это почему же?

— Опять потому же: завретесь.

— Да что вы? Вѣдь если сы я ничего не зналъ по расколу, я бы и самъ, по принужденію даже, не сталъ бесѣдовать. Я слышалъ: раскольники вотъ что говорятъ... недавно у нихъ быть пріѣзжій начетчикъ; напѣлъ имъ вотъ что...

— *Пишите* (курсивъ о. О—на) миссіонеру. Это его дѣло. Въ особенности отнюдь не дерзайте дѣлать публичныя собесѣдованія. Уроните достоинство ученія Церкви.

— А раскольникамъ то можно?..

— Ну, это ужъ ихъ дѣло.

¹⁾ О М. Горькомъ А. Басаргинъ въ Моск. Вѣдом. (1904 г., № 321) пишетъ, что «зараза его разрушительной проповѣди, судя по всѣмъ признакамъ, уже глубоко пропитала ткани общественнаго организма» (ст. «Мефистофелевская школа»). О. О—нъ, только ли о Горькомъ это нужно сказать?.. И кто эти „ткани“ долженъ очищать? Одни миссіонеры?.. А вы только смотрѣть будете?..

— Слушаю. Кто же я таковъ?

— Да я же вамъ сказалъ, что вы и какъ должно дѣлать. Вѣдь такова воля начальства. Да чего вамъ?..

— Слушаю.

О. О—нъ изобразилъ въ діалогѣ весьма типичную, прямо изъ жизни выхваченную „примѣрную“ бесѣду приходскаго священника съ о. благочиннымъ. Не разъ я даже душой болѣлъ за подобныя отношенія о.о. благочинныхъ къ подчиненнымъ имъ батюшкамъ. Но, по моему крайнему разумѣнію, такія „столкновения“ всегда имѣли подъ собою или личные счеты у названныхъ лицъ, или зависть о.о. начальствующихъ, или непониманіе ими своего благочинническаго дѣла. Однако, это не оправданіе. Чисто по-братски рекомендую всѣмъ, находящимся въ положеніи, указанномъ въ діалогѣ:

— Дѣлайте вы свое дѣло... проповѣдуйте сектантамъ и раскольникамъ... а если о. благочинный начнетъ по старому дѣлать „зазвранія“ вамъ, покажите и при томъ кротко, безъ всякихъ повышеій вашего тона до верхняго „до“, прочитайте ему Синодальныя правила о миссіи 1888 г., № 1116. Повѣрьте: никакое „подкладыванье свиньи“ не замараеъ васъ и не принесетъ вамъ вреда... и нытъ вы перестанете... и „придиорокъ“ не будетъ...

Но скорбь ваша, о. О—нъ, да будетъ пріятной. Стыдно и мнѣ (да и мнѣ ли одному?) за тѣхъ о.о. благочинныхъ, которые оцѣживаютъ комара и препятствуютъ приходскимъ батюшкамъ творить свое великое и святое пастырское дѣло. Этотъ стыдъ я чувствовать еще при написаніи статьи „Audiatur“, изобразивъ въ ней публику, снующую между первымъ и вторымъ рядомъ первой группы, и въ числѣ прочихъ разумѣя подъ ней и этихъ отцовъ, тормозящихъ св. дѣло миссіи... Но и вы, о. О—нъ, раздѣлите мое настроеніе, мою радость. Я снова и снова обращаю свой любовный взоръ къ „дѣдушкѣ“ и никакъ не могу отдѣлаться отъ *его чуднаго образа, отъ его свѣтлаго взора, отъ его пламенной любви къ дѣлу, отъ его вѣры въ великую, неизмѣримо могущую силу того „званія“, которое имѣетъ такое святое имя христіанскаго пастырства.*

Грузинскій епархіальный миссіонеръ Александръ Платоновъ.

МИССИОНЕРСКІЕ ОЧЕРКИ.

XXIV.

На скопческомъ пепелищѣ.

Въ 1895 году въ Тамбовскомъ окружномъ судѣ разбиралось громкое дѣло объ атмановскихъ скопцахъ. Судились сектанты за изуродованіе своихъ тѣтъ черезъ осклопеніе и за богохульство. Во главѣ подсудимыхъ были братья Невѣровы и „богородица“ ихъ—Аксинья. Улики противъ подсудимыхъ обнаружились тяжкія. Судъ приговорилъ виновныхъ изувѣровъ къ ссылкѣ въ отдаленную Сибирь.

Вскорѣ послѣ объявленія судебного приговора пришлось мнѣ быть „на скопческомъ пепелищѣ“. Еще не улеглись людскія страсти послѣ суда. Въ народѣ говорили разное. Многіе бѣдняки жалѣли скопцовъ. Съ ними они теряли кредитъ, хоть и дорого. Вздыхая, бѣдняки говорили:

— Напрасно засудили „святошей“. Народъ они ничего. Правда, жадны—да что дѣлать? Мы всё своего изъ рукъ не выпустимъ...

Другіе рѣшительно возставали противъ скопцовъ. Эти говорили:

— Скрытны святоши. Скрытны и жадны, какъ барсуки. Ну, да на то судъ царскій есть! Въ судѣ все разберутъ. И разобрали... Должно, за святошами есть пакости, если ихъ осудили на ссылку. Безъ вины людей изъ Россіи не высылаютъ...

Родные осужденныхъ старались набросить тѣнь на нравственное значеніе судебного приговора. Они волновали толпу противъ судей. Они утверждали:

— Если бы нашихъ мужиковъ судили не попы. Тогда бы мы посмотрѣли, чѣмъ дѣло кончилось. А то собрались попы—и засудили ребятъ!..

Въ основѣ такой странной молвы лежала частица правды. Въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, судившихъ скопцовъ, были семинарскіе преподаватели. Этихъ-то людей, знающихъ „подноготную“ скопчества, боялся адвокатъ Ш. Еще наканунѣ суда свои опасенія онъ высказалъ роднымъ подсудимыхъ. Тѣ переработали разговоръ на свой ладъ. Такимъ образомъ сложилась небылица, будто атмановскихъ скопцовъ судили „попы“.

Особеннымъ возбужденіемъ послѣ суда отличались скопческія бабы. Про нихъ атмановскій батюшка (хай ему легенько згадается!) рассказывалъ:

— Прихожу я о Рождествѣ въ одинъ домъ. Слышу,—на печкѣ сидятъ и голосають двѣ бабы. Голосають, а ничего не разберешь!.. Начинаю служить молебенъ. Одна баба соскочила съ печи и убѣжала. Другая подошла ко кресту—и замертво повалилась къ ногамъ моимъ...

Вижу, что скопчихи къ моему приходу „сочинили“ особый порядокъ дѣйствій. Можетъ быть, онѣ поступали искренно, но все было какъ-то рассчитано,—словно заучено.—Я поспѣшилъ уйти изъ избы...

Вхожу въ слѣдующій домъ. Тамъ именно жила одна изъ голосившихъ бабъ, которая убѣжала отъ меня. Съ нею мы разговорились. Баба-старуха со слезами и произноситъ:

— Погибъ мой сыночекъ, Никита! Засудили его попы. Ну, да что толковать—и Христа вѣдь безвинно осудили... Какъ ихъ звать, бѣдка?

— Алхирен! слышался голосъ съ печи. Это говорилъ мальчуганъ, который годъ учился въ школѣ.

— А какъ звали этихъ архиреевъ? спросила старуха.

— Ана и Каіфа, кажется...

— Такъ. Это вѣрно! подтвердилъ батюшка. Христа засудили еврейскіе архіереи. Но ваши мужики—развѣ Христу равны?.. Съ другой стороны, ребятъ вашихъ судили не архіереи, а такіе же міряне, какъ и всѣ вы,—только ученые. Эти люди все дѣло разобрали тщательно и нашли мужиковъ вашихъ преступными; за то и сослали ихъ къ якутамъ...

Баба не повѣрила батюшкѣ. Она такъ и осталась озлобленной.

Подобное же озлобленіе тронуло даже нѣкоторыхъ православныхъ крестьянъ. Поводомъ для него послужило то, что предсѣдатель суда притянулъ было къ отвѣтственности одного лжесвидѣтеля. На предварительномъ показаніи этотъ человекъ говорилъ правду. Показаніе его слышали другіе свидѣтели.—Когда же послѣ,

на судѣ, подкупленный скопцами, онъ сталъ говорить другое, въ защиту подеудимыхъ,—его обличили въ лжесвидѣтельство и пригрозили ему наказаніемъ.

На мужиковъ это обстоятельство произвело удручающее впечатлѣніе. Они стали роптать на своего батюшку, который „все тонко и умно подстроилъ“,—а послѣ возстали и на судей...

Но если въ судѣ надъ скопцами выступали лжесвидѣтели, — зато удивительно честно и самоотверженно вела себя одна женщина. „За молчаніе“ скопцы предлагали ей 200 руб. Обѣщали купить ей корову, „поставить“ избу. Добрая женщина не покрывила совѣстью...

О ней въ народѣ долго говорили съ удивленіемъ:

— Вотъ бѣдняга, почти нищая,—а подикось: лучше заживнаго мужика дѣйствуетъ!

Осужденіе скопцовъ породило сильное движеніе въ приходѣ. Многіе „теплохладные“ люди, узнавъ, какимъ поруганіямъ подвергалась Православная Церковь, стали заботиться о ея чести и благолѣпін. Результатомъ этихъ заботъ явилось желаніе прихожанъ построить въ селѣ новый храмъ. Да и на бесѣды батюшки они стали ходить усерднѣй.—Только надолго ли очнулись православные атмановскіе люди и процвѣтаетъ-ли среди нихъ нынѣ сознательная любовь къ Церкви Православной?

XXV.

Въ туманный вечеръ.

Густой туманъ разлился въ воздухѣ. Надъ деревней повисли словно дымчатая покрывала. Ничего не видно было за нѣсколько шаговъ. Народъ на бесѣду къ намъ сходилъ, какъ ночью. Только жажда послушать „насчетъ штунды“ влекла ихъ изъ домовъ по сырому воздуху...

Сборная наполнилась народомъ. Отъ лица сектантовъ сталъ говорить Антонъ Федорычъ. Послѣ „начинательной“ молитвы онъ сказалъ:

— На кредитныхъ билетахъ Государь объявляетъ, что поддѣльвателей ихъ онъ сошлетъ на каторжныя работы.—Въ такихъ поддѣлкахъ виноваты православные. Господь въ 16 гл. Ев. Марка

вѣлѣть крестить взрослыхъ людей, а вы крестите младенцевъ. Откуда вы достали такой преступный обычай?

Я сталъ отвѣчать, доказывая, что къ православнымъ уподобленіе ихъ фальшивымъ манетчикамъ не подходитъ. Мы *не поддѣлываемъ* законовъ Божіихъ. Въ Ев. Марка, въ гл. 16, совершенно ничего не говорится о младенцахъ, ихъ не осуждалъ Господь за то что они не могутъ имѣть *сознательной* вѣры въ него^{*)}.

Антонъ Федорычъ твердилъ:

— Господь осуждаетъ *всѣхъ* невѣрующихъ и... *дѣтей*.

— За что судить Господь дѣтей?

Общее молчаніе. Ни одинъ сектантъ, въ защиту Антона Федорыча, не подыскалъ какого либо доказательства. Замѣшательство сектантовъ дало мнѣ благопріятную почву для изложенія православнаго ученія о крещеніи младенцевъ. Я рассмотрѣлъ этотъ вопросъ всесторонне.

Бесѣда уже до конца прошла безъ возраженій.

Мы поѣхали домой. Моимъ спутникомъ былъ мѣстный хуторянинъ Сергѣй Ивановичъ, человѣкъ общительный и хлѣбосоль. Онъ скорбѣлъ о нашихъ сектантахъ. Но и горько жаловался на свои церковные порядки. Онъ говорилъ:

— Наставленія яснаго православные у насъ не слышать—вотъ бѣда! Надо бы все православное ученіе *провести* по Библіи, а нашъ батюшка этого не дѣлаетъ. Человѣкъ онъ добрый, ласковый, но слишкомъ „простонародный“ и вульгарный,—если такъ можно выразиться. Любитъ онъ передразниваться и пересмѣиваться съ мужиками, а это подрываетъ уваженіе къ нему. Напр. ѣдетъ батюшка по селу. На встрѣчу ему идетъ лѣнивый мужикъ. Здороваясь съ нимъ, батюшка говорить:

— Эй, ты, на ходу спященскій! Куда побрелъ?

Мужикъ, улыбаясь, чешетъ за ухомъ и грозитъ пальцемъ „на веселаго попа“...

А случается и хуже. Попадается батюшкѣ мужикъ „никудашный“, но самолюбивый. По обычаю батюшка не пропускаетъ его мимо себя безъ остротъ. Смѣясь, онъ выкрикиваетъ ему:

— Эй, обрубай — заваященскій! Носъ кверху держащенскій! Здорово!..

Мужикъ обижается и придумываетъ батюшкѣ остроты на его счетъ:

^{*)} См. наши „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“, изд. 1902 г. стр. 64.

— Здравствуйте, въ полахъ заплеташенскій! Изъ воза торчашенскій!..

Плохо это,—добавилъ Сергѣй Ивановичъ,—гадко, не идетъ,—къ батюшкѣ не пристала такая фамильярность съ мужиками. Вѣдь онъ того... пастырь духовный. Ну, и держись въ границахъ, не роняя своего сана...

Я молчалъ. Мнѣ было—не по себѣ отъ разсказовъ. Замолкнулъ и мой спутникъ. Вѣхали мы медленно. Туманъ еще больше сгустился. Мы сбились съ дороги и забрались куда-то на подсолнухи. Остановились.

Сергѣй Ивановичъ соскочилъ съ тарантаса и пошелъ искать „слѣдовъ“. Кучеръ ушелъ тоже отъ лошадей. Я одинъ остался на мѣстѣ. Мы боялись какъ бы не растеряться. Ежеминутно мы кричали другъ другу:

- Михѣи-чъ!
- А-а-а!
- Не заходи далеко!
- Ладно-о-о!
- А у!
- У-у!

И опять бѣготня по подсолнухамъ. Зажигаемая спички тускло свѣтили въ туманномъ воздухѣ. Было свѣжо, — особенно мнѣ послѣ жаркой бесѣды.

Но кое какъ мы выбрались изъ подсолнуховъ и уже безъ приключеній добрались до хутора...

Д. Боголюбовъ.

Христова любовь у сектантовъ.

(Картинка съ натуры).

I.

Вечеромъ этимъ большая семья молоканъ вся въ сборѣ была вокругъ самовара большого. Въ переднемъ углу сидѣлъ самъ хозяинъ Онуфрій, сѣдобородый, еще крѣпкій старикъ; дальше по чину семья размѣщалась: два сына—Никита вдовецъ и Василій; оба съ своими дѣтьми; были и гости другіе.

Съ приправами разными пили всѣ чай: крендели, пышки, жамки и медь—обычна ѣда молоканъ.

Старшаго сына Никиту старикъ и семья провожали сейчасъ на работу, далеко,—въ чужую страну. Вотъ дружно запѣли любимый псаломъ про то, какъ братьямъ пригоже жить вмѣстѣ и крѣпко другъ друга любить. Онуфрій добавилъ, что надо любить и враговъ. Ветхую библію съ полки онъ взялъ, быстро раскрылъ и началъ читать про любовь: „аще тѣло мое предамъ на сожженіе, любви же не имамъ,—ничтоже есмь“. „Любовь долготерпитъ, не завидуетъ, не льститъ“,—восклицивалъ дѣдъ и добавлялъ отъ себя: „нишъ она—любовь то Христова, какая любовь-то она!—„Любы николиже умираетъ“, закончилъ старикъ чтенье святое.

И тихо все стало въ избѣ. Вчужѣ смотрѣть и послушать, такъ эта семья и други родные ея—и вправду малое стадо Христово, которое любить Христову любовь, охотно читаетъ о ней, всегда про нее говорить, которое въ жизни своей выше любви ничего дорогимъ не считаетъ.

„Ну, тятка, пора! на чугунку поспѣть бы во время“, всталъ первый Никита. И прощаться къ нему всѣ подходили...

* *
* *

Ставица большая, казаки живутъ; поодаль одна отъ другой—двѣ бѣлыя церкви на холмахъ зеленыхъ стоятъ, далеко ихъ

видно... Въ высь поднебесную кресты ихъ ушли; лѣтомъ отъ солнышка блещутъ они, какъ яркія свѣчи горять.

Богомольны казаки... Въ воскресные дни гуль колокольный легко ихъ сзываетъ подъ тихіе своды родимыхъ церквей.

Въ эту станицу пришолъ на работу Никита:—въ батраки онъ нанялся. Хозяинъ, богатый и старый казакъ, полюбилъ его скоро. Вмѣстѣ работалъ, съ своею семью за столъ и его онъ сажалъ. Мѣсяцъ, другой и третій Никита живетъ, сталъ привыкать къ православной семьѣ. Для себя незамѣтно онъ, молоканищъ, крѣпко любилъ ужъ ее...

Какъ это вышло, разобрать мудрено. Про вѣру съ нимъ не было спора, никто къ православію его не склонялъ, а самъ онъ собою какъ-то быстро мѣнялся. Станичная жизнь казаковъ богомольныхъ чудо надъ нимъ совершила. Безъ мыслей дурныхъ работникъ-сектантъ на бѣлыя церкви смотрѣлъ; торжественный гуль колокольный съ охотой частенько онъ слушалъ. А тамъ какъ-то разъ, невзначай, побывать онъ въ ближней церковкѣ; заутреню всю простоялъ...

* * *

На праздникъ Успенія Никита былъ въ церкви. Отъ секты своей онъ отрекся,—казаки слышали его отреченіе. А старый священникъ святое Крещеніе надъ нимъ совершилъ во Имя Отца и Сына и Духа Святого...

II.

Опять собралась семья молоканъ. Съ чужой стороны возвратился Никита, и съ радости старый Онуфрій въ избушкѣ своей праздничный вечеръ устроилъ. Обычно сектанты ѣли и пили; усердно псалмы распѣвали; корили сосѣдей своихъ православныхъ; себя до небесъ восхваляли.

Только Никита не ѣлъ и не пилъ; о чемъ то все думалъ. Вѣдь надо сказать имъ про то, какъ въ станицѣ крестился онъ и сталъ православнымъ. Но жуткая робость беретъ...

Случайно священникъ приходскій вошолъ. Никита весь блѣдный къ батюшкѣ первый на встрѣчу идетъ.

— Благословите, я вашъ,—православный,—тихо, чуть слышно, сказалъ.

И первый старикъ покраснѣлъ, безъ памяти на полъ упалъ. Семья голосила, а гости чужіе злобно кричали: „такъ ты перевертень и выкрестъ“! Холстинную тряпку священникъ водою смочилъ; дѣду на грудь положилъ. Старый Онуфрій очнулся. Онъ

долго безумно смотрѣлъ и молчалъ; но скоро природная сила къ нему воротилась. Вѣстимо,—страдало отцовское сердце по сынѣ; но скорбь и страданіе свое фанатикъ-сектантъ въ злобную рѣчь обратилъ.

— Такъ выкрестомъ звать тебя надо, Никитка безпутный! Къ пьяницамъ ушолъ, трубокурамъ!.. А раньше на нашемъ собраньи пѣвцомъ какимъ былъ! Вернись въ свою старую вѣру,—иначе не сынъ ты мнѣ больше; въ жизни не будетъ тебѣ пути и дороги,—счастья не будетъ тебѣ!

Какъ малый ребенокъ сынъ плакалъ. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ отецъ Николай.

— Отецъ, не горюй,—твердо Никита сказала: видно судилъ мнѣ Господь изъ вашей общины уйти къ православнымъ... Но я не забуду тебя,—какъ прежде, родителемъ буду считать; трудами своими кормить тебя буду до смерти твоей; умрешь,—тебя погребать молоканъ созову на собранье... Только прошу тебя Богомъ—за новую вѣру мою не гони ты меня, свою сына!..

— Слышь, старина,—чего-жь тебѣ надо?! Сынъ-выкрестъ тебя угѣщаетъ, берется до смерти кормить— не трожь только вѣру его... Онъ образъ поставитъ въ переднемъ углу и будетъ молиться,—гости сектанты сказаши.

Съ ядомъ словечко! Сильно оно изъ старой дѣдовской души страшную злобу на сына поднять...

Въ расчетахъ своихъ друзья не ошиблись. Бѣшенной рѣчью лѣтъ ихъ угѣшилъ:

— Образъ! образъ поставитъ въ столѣтнюю мою избу!.. Да я ему образомъ этимъ башку расшибу, выкрестъ проклятый! онъ образъ поставитъ себѣ на потѣху, бродяга!—Старый Онуфрій былъ страшень на видъ; сатанинская злоба въ его загорѣлась глазахъ...

Вотъ блѣдный священникъ вплотную къ нему подошелъ; руки къ нему на плечо положилъ...

— Дѣдушка, успокойся,—я и самъ знаю, что горька тебѣ новая вѣра Никиты... Но видно на то божья воля... Грѣхъ проклинать родного сына,—лучше смиришь передъ Богомъ...

— Что ты юлишь тутъ? чай-радъ овечкѣ-то новой,—награду получишь за нее изъ губерніи... Сбиралъ-бы деньгу по приходу своему, а къ намъ-бы не лѣзь,—кричать на всю избу Онуфрій.—А наемникъ—не пастырь,—не на шутку на батюшку взѣлся старикъ.

Но отецъ Николай ему руку подаль.

— Ну, не серчай, дѣдъ Онуфрій,—ты знаешь, въ бѣдѣ твоей я не виновенъ,—случайно зашелъ. Прощай, а сына своего не гони. Какъ прежде, любите другъ друга.

Потомъ благословилъ онъ Никиту, почаше къ обѣднѣ велѣть приходить.—„Терпи, братъ, руганье, насмѣшки за новую вѣру свою, послѣ Господь благословить тебя счастьемъ. Самъ старика не обидь: Богъ съ нимъ, что онъ молоканинъ“...

* * *

— „Совѣтчикъ какой! прошумѣли ему въ слѣдъ молокане: не обижай, не гони, вотъ тебѣ, старина, отъ попа Николая наука... А твоему выкресту-сыну: отца почитай, хоть онъ и молоканинъ... Должонъ ты, Онуфрій, сейчасъ же просить пресвитера Никандрыча, чтобъ ужотко всѣхъ молоканъ онъ собралъ. Молоконе рѣшать, какъ съ выкрестомъ—сыномъ тебѣ поступишь“...

III.

Молоканскій пресвитеръ Никандрычъ былъ человѣкъ политичный, сгоряча ничего онъ не дѣлалъ; посему Онуфрію дѣду совѣтовалъ онъ пока обольщать и смущать свою выкреста-сына мѣрами всѣми: старую вѣру при немъ расхвалить, православие хулить, поносить. Тридцать лѣтъ править Никандрычъ своей молоканской общиной: не одинъ разъ такія дѣлишки случались. Частенько черезъ двѣ-три недѣли отъ него отказавшіяся овцы снова къ нему приходили,—тогда ужъ ка вѣки онъ ихъ закрѣплялъ въ молоканствѣ.

— Черезъ недѣлю будетъ большое собраніе всей братіи нашей,—тогда приходи, старина... Быть можетъ и выкреста-сына къ намъ назадъ приведешь, рѣшилъ молоканскій пресвитеръ.

* * *

Въ воскресенье Онуфрій пришолъ на собраніе; сдѣлалъ всей братіи до земли поклонъ, жалобу онъ говорилъ на выкреста-сына Никиту.

— На вѣки ли? спросилъ пресвитеръ Никандрычъ: нельзя ли вернуть заблудшую овцу?

— Вернуть, постараться вернуть его надо, запумѣло собраніе: запѣвалой псалмовъ былъ онъ у насъ. Пѣть распѣвы свои безъ сына твоего мы не можемъ.

— Нѣтъ, вѣрная братія моя: пробовался, грозилъ, улещать,—ничего не беретъ... попъ Николай, ипш, его укрѣшилъ... видно навѣки пропалъ мой Никитка.

— Тогда ты должонъ его выгнать изъ дома свою. Самъ грамотей,—посмотри-ка въ писанье: „и будетъ тебѣ яко язычникъ и мытарь“,—волновалось бурно собранье.

— „И будетъ тебѣ язычникъ, мытарь“, прошамкамъ Онуфрій-старикъ.

Вправду-ль, иль изъ боязни, судъ молоканской громады надъ выкрестомъ-сыномъ отецъ утвердилъ, всей брати до земли отвѣсиль поклонъ, жалковато согнулся и скрылся въ заднихъ рядахъ молоканскихъ, и тамъ гдѣ то сѣлъ въ уголкѣ. Съ пресвитеромъ рядомъ мѣсто свое старикъ потерялъ, въ глазахъ всей общины онъ былъ оконфуженъ надолго, что выкреста сына имѣлъ.

Общимъ судомъ надъ заблудшей овцой, Никитой злосчастнымъ духовная братія довольна была. Мало-по-малу улеглось и волненіе молоканскихъ сердець. Вотъ зычно загѣли псалмы. Должно быть случайно пришлось, но пѣли о томъ, какъ братьямъ хорошо жить вмѣстѣ всегда. А тамъ настоятель Никандрычъ зачиталъ по библии. Долго читалъ, но и онъ дочитамъ до мѣста того, гдѣ Христова любовь восхалилась. „Любовь долготерпитъ, любовь не завидуетъ, не льститъ“,—съ спокойной совѣстью на все собранье возглашалъ слѣпой молоканскій вожакъ Никандрычъ. Съ нимъ рядомъ сидѣлъ древній сектантъ, старичекъ, по прозванію Пахомъ.

„Ишь она—любовь-то Христова—какая! Не завидить, не льститъ,—елейнымъ голосомъ, пѣвуче и громко, Пахомъ разсуждалъ. Онъ въ переднемъ углу засѣдалъ,—весь бѣлый, какъ лунь; руки свои онъ держалъ на груди, а очи горѣ устремилъ.

По примѣру его и другіе сектанты руки свои къ сердцамъ приложили, горѣ направили очи, умильно вздыхали, другъ другу твердили: „ишь, братъ мой духовный,—возчувствуй эфту самую любовь-то Христову!.. поди жъ ты: не завидить не льститъ“.

Вонъ, въ томъ дальнемъ углу, два сосѣда о чемъ то заспорили. Сидѣлъ тамъ новый братъ—молоканинъ Арсентій,—православіе онъ бросилъ недавно.

— Чудеса у васъ дѣются, кумъ Кирилла. Теперь одного не пойму. Все, почестъ, понялъ,—эфто самое мѣсто изъ писанья постигнуть не въ моготу. Никандрычъ читалъ про эфту самую любовь; она не завидить, не льститъ. А какъ же вы Никитку-то-выкреста,—прогнать приказали?

— Духомъ, куманекъ Арсентій Иванычъ, духомъ чтѣи разумѣи писаніе святое. О-охъ! глубина премудрости божіей, умилно вздохнулъ дядя Кирилла.

* * *

Зимою уѣхалъ выкрестъ Никита опять въ ту станицу большую, гдѣ бѣлыя церкви на холмахъ стоятъ, гдѣ богомолы-казаки живутъ, гдѣ старый хозяинъ, добрый казакъ православный, быть можетъ, приметъ его, какъ родного, работникомъ въ семью свою.

Священ. Мигаилъ Шевалеевскій.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ штундобаптистами о судѣ Церкви надъ грѣшниками.

„Пошлетъ Сынъ Человѣческій Ангеловъ Своихъ и соберутъ изъ Царства Его все соблазны и дѣлающихъ беззаконіе“. Матѣ. 13, 41.

Я бесѣдовалъ однажды съ сектантами въ небольшомъ хуторѣ, заселенномъ почти ими одними. Бесѣдовать мнѣ пришлось почти весь день. Когда я закончилъ проведенную мною бесѣду о крещеніи дѣтей, меня попросили въ сосѣднюю хату „подкрѣпиться“. Пока я подкрѣплялся варениками и чаемъ, мои собесѣдники не расходились. Отдохнувъ, я вернулся къ нимъ.

Увидѣвъ снова ихъ позы и лица, я почувствовалъ, что сейчасъ будутъ „вопросы“. И дѣйствительно, когда я—послѣ молитвы—сѣлъ за столъ, одинъ изъ сектантовъ сказалъ:

— Позвольте, г. миссіонеръ, намъ начать бесѣду.

— Пожалуйста.

Сектантъ открылъ заранѣе заложенное имъ мѣсто Евангелія и прочиталъ;

„Если же согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь“ (Матѣ. 18, 15—17).

— Что у васъ такъ дѣлается?

Я отвѣтилъ:

— Дѣлается.

— Не видно что-то.

— У васъ это дѣлается?

— Дѣлается.

— Я у васъ этого не видѣлъ и не вижу...

— Я и еще прочту.

— Читайте, читайте.

Сектантъ отвернулъ другое заложное мѣсто.

„Я писалъ вамъ въ посланіи не сообщаться съ блудниками; впрочемъ не вообще съ блудниками міра сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вамъ выйти изъ міра сего. Но я писалъ вамъ не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ; съ такимъ даже и не ѣсть вмѣстѣ. Ибо что мнѣ судить и вѣшнихъ? Не внутреннихъ ли вы судите? Вѣшнихъ же судить Богъ. Итакъ извергите развращеннаго изъ среды васъ“ (1 Кор. 5, 9—13).

Онъ окончилъ чтеніе и пожелалъ объясниться.

— Теперь у васъ, въ православіи,—всякіе, и воры и пьяницы, и блудники. Мы сами были такіе. Поѣзжайте въ ***. Тамъ—по улицѣ—идутъ пьяные, ругаются и все ваши. Такихъ людей по Слову Божію надо отлучать...

— Позвольте на минутку: у васъ есть блудники, пьяницы и лихоимцы?

Легкая краска пробѣжала по лицу сектанта.

— У насъ такихъ отлучаютъ. А у васъ, въ городахъ, существуютъ дома (сектантъ выразился вульгарно), въ которыхъ люди предаются грѣху, и они называются православными, бываютъ въ церкви... Почему вы къ намъ—мы не пьянствуемъ, не вѣруемъ, не сквернословимъ—приходите, а къ нимъ не идете? Вамъ нужно къ нимъ впередъ идти, ихъ направить на истинный путь.

У меня невольно вырвалось:

— Вы бы, голубчикъ, прежде чѣмъ совѣтовать это другимъ, пошли бы сами, да обличили ихъ во грѣхѣ.

Сектантъ презрительно улыбнулся.

— Нашему брату нельзя. Насъ тамъ возьмутъ, скажутъ, что мы „сворачиваемъ“ и осудятъ.

— Мы отстали отъ скверныхъ дѣлъ,—вмѣшался другой изъ сектантовъ,—къ намъ стали пріѣзжать миссіонеры. А такіе, о которыхъ Петръ ¹⁾ Апостоль пишетъ: „песъ возвращается на свою блевотину и вымытая свинья идетъ валяться въ грязи“ (2 Петра 2, 22), остаются такъ, ихъ не трогаютъ.

— Вы сказали: Петръ, тамъ написано такъ?—спросилъ я.

¹⁾ Такое произношеніе я слышалъ отъ нѣкоторыхъ штундобаптистовъ и помимо описываемой бесѣды. Оно замѣтно говоритъ о томъ, что сектанты часто посѣщали нѣмецкія штундобаптистскія собранія

— Петерь и Петръ—все едино,—объясниль сектантъ.

— Вы все сказали, что хотѣли сказать?

— Все.

— Послушайте теперь, что я скажу вамъ по Слову Божию.

„Когда фарисей, видя, что Господь ѣсть и пьеть съ мытарями и грѣшниками, сказали ученикамъ Его: для чего Учитель вашъ ѣсть и пьеть съ мытарями и грѣшниками? Иисусъ же, услышавъ это, сказалъ имъ: не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные; пойдите, научитесь, что значить: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“ (Ос. 6, 6) (Матѣ. 9, 11—13). Церковь, основанная Господомъ, какъ справедливо учать свв. отцы, „не судилище, а лѣчебница“. Ктѣ идетъ въ больницу и находится въ ней? больные. Зачѣмъ они тамъ? чтобы быть здоровыми. Кто идетъ въ Церковь? грѣшники. Зачѣмъ? затѣмъ, чтобы исцѣлиться отъ грѣховъ, стать святыми.

— Такъ выходитъ по ученію Самого Господа Іисуса Христа. А если вы негодуете на то, зачѣмъ грѣшники стоятъ въ церкви?—ваше ученіе—выходить—не Христово, а фарисейское...

Сектантъ—собесѣдникъ перебилъ меня.

— Церковь, сказано, должна быть свята, безъ пятна и порока!—рѣзко воскликнулъ онъ.

— Церковь называется святою потому, что глава ея, Господь,—святъ и члены ея—одни достигли святости (Евр. 12, 23), другіе—призванные святые, освящаемые (Римл. 1, 7. 1 Кор. 1, 2. Евр. 2, 11) призваны къ святости. Но въ Словѣ Божиѣмъ нигдѣ не сказано, что всѣ стоящіе въ оградѣ земной церкви—безгрѣшны. Сказано такъ: „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною посредствомъ слова, чтобы представить ее Себѣ славною Церковію, не имѣющею пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна“ (Ефес. 5, 25—27). Мы собрались, чтобы побесѣдовать. Окончили мы бесѣду?

— Нѣтъ еще.

— Господь устроилъ Свою Церковь, чтобы представить ее Себѣ славною, безъ пятна и порока, чтобы она была свята и непорочна. Что же? Всѣ члены Церкви православны? увѣнчаны? безгрѣшны? Если такъ, то зачѣмъ на землѣ и быть больницѣ? Если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ. Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ отъ всякой неправды. Если говоримъ, что мы не согрѣшили, то представляемъ Его лживымъ и слова Его лѣтъ въ насъ (1 Іоанна 1, 8—10). Если вы считаете себя безгрѣшными, вы отвергаете для себя нужду во Христѣ и Его Церкви...

Господь поставилъ въ Церкви, „однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ“... Если члены Церкви безгрѣшны, зачѣмъ совершать ихъ святыми? А если сказано, что поставленные Господомъ лица служатъ дѣлу созиданія Церкви, совершенію святыхъ, то кого они—силою Духа Божія—усовершенуютъ въ святости? грѣшныхъ людей, прибѣгающихъ съ раскаяніемъ ко Христу, Его св. Церкви. До которыхъ поръ будетъ такой порядокъ? „доколѣ всѣй придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова“ (Ефес. 4, 11—13).

Апостолъ Іаковъ говоритъ: „всѣ мы много согрѣшаемъ“ (3, 2). О комъ рѣчь? о христіанахъ, которые были въ апостольской церкви. Если больныхъ удалить изъ больницы, она будетъ пуста,—и нужна ли? Если по вашему грѣшниковъ нужно выгонять изъ ограды земной церкви, то въ ней никого не останется. Кто можетъ назвать себя безгрѣшнымъ“?

Сектанты заволновались.

— Иное дѣло—грѣхъ, иное дѣло согрѣшеніе,—медленно началъ главарь.—Согрѣшеніе—это, какъ бы сказать... ну—поневоля, а грѣхъ это—когда человѣкъ нарочно грѣшитъ.

— Нарочно то среди вѣрующихъ, думаю, едва-ли кто грѣшитъ. Взять хотя бы тѣхъ лицъ, которые живутъ въ упомянутыхъ вами домахъ; почему вы знаете, что ихъ привело туда? Спаситель одной изъ такихъ сказалъ: „и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грѣши“ (Іоанна 8, 11). Разъ вы разсуждаете объ этомъ, вамъ должно быть извѣстно, что въ церкви были и есть цѣлыя общества, занятыя вопросомъ объ исправленіи падшихъ... А чтобы осуждать ихъ, нужно быть Богомъ—Сердцевѣдцемъ; людямъ этого не дано.

Мнѣ доводилось читать такой—весьма правдивый разсказъ; одного подвижника искусительно упрекали: „ты—блудникъ“, „ты—гордецъ“, „ты пустословъ“; онъ отвѣчалъ: „да, вѣрно“, всѣ таковыя грѣхи онъ смиренно призналъ за собой; когда ему сказали: „ты еретикъ“, онъ сказалъ: „о, нѣтъ! я—не еретикъ“. Всякій грѣшникъ, если исповѣдуетъ грѣхи свои, раскаявается, можетъ получить прощеніе; еретикъ—самый тяжкій грѣшникъ: отдѣляясь отъ св. Церкви, онъ лишаетъ себя возможности спасенія... Поэтому, онъ требуетъ прежде другихъ разсужденія“...

Я всталъ, прочиталъ, помолившись, „Отче нашъ“ и продолжилъ бесѣду.

„Господь І. Христосъ въ притчахъ такъ изобразилъ намъ Царство Свое“.

„Царство Небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на

полѣ своемъ; когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ; когда взошла зелень и показался плодъ, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господинъ! не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ твоемъ? откуда же на немъ плевелы? Онъ же сказалъ имъ: врагъ челоувѣкъ сдѣлалъ это. А рабы сказали ему: хочешь лу, мы пойдемъ, выберемъ ихъ? Но онъ сказалъ: нѣтъ; чтобы выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы, оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы и свяжите ихъ въ связки, чтобы сжечь ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою.

Когда ученики Его сказали Ему: „изъясни намъ притчу о плевелахъ на полѣ. Онъ же сказалъ имъ въ отвѣтъ: сѣющій доброе сѣмя есть Сынъ Человѣческій; поле есть міръ, доброе сѣмя, это—сыны Царствія, а плевелы—сыны лукаваго; врагъ, посѣявшій ихъ, есть дьяволъ; жатва есть кончина вѣка, а жнецы суть Ангелы. Посему, какъ собираютъ плевелы и огнемъ сжигаютъ, такъ будетъ при кончинѣ вѣка сего: пошлетъ Сынъ Человѣческій Ангеловъ Своихъ, и соберутъ изъ Царства Его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе и ввергнутъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ; тогда праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ Царствѣ Отца ихъ. Кто имѣетъ уши слышать, да слышать!“ (Матѣ. 13, 24—30. 36—43). Другая притча: „Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому въ море и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на берегъ и сѣвши хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ. Такъ будетъ при кончинѣ вѣка: изыдутъ Ангелы и отдѣлятъ злыхъ изъ среды праведныхъ и ввергнутъ ихъ въ печь огненную: такъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“ (47—50). Кто и когда, по ученію Господа, будетъ отдѣлять плевелы отъ пшеницы—скажите?

— Сказано: при кончинѣ вѣка, Ангелы.

— А не люди. Согласно притчѣ „рабы домовладыки“ (Ср. 1 Кор. 3, 9) не могутъ отдѣлять плевелы отъ пшеницы. Люди не могутъ судить другъ друга (Матѣ. 7, 1—5). Когда я покажу на другого—„вотъ онъ грѣшникъ!“ а, можетъ быть я грѣшнѣй его? Никто не долженъ осуждать брата—Господь по невидимому теперь для насъ дѣйствию суда Своего знаетъ, кто „пшеница“, кто „плевель“, врачевать, убѣждать согрѣшающихъ мы должны“...

— Вы нѣкоторыхъ изъ своихъ считаете святыми, значить—судите,—сказалъ сектантъ.

— Не мы судимъ, а Господь судитъ и Церковь повинуется суду Божію, когда прославляетъ праведника—по кончинѣ его жизни и сообразуясь съ дѣлами милости Божіей, явленной чрезъ него (Сир. 48, 15).

Изъ больницы не удаляютъ больныхъ, но тяжкіе такъ называемые заразные больные бываютъ удаляемы. Такъ и въ Церкви: тяжкіе грѣшники—по слову Апостола—„извергаются“ ею. Отлученіе отъ Церкви совершается по рѣшенію ея пастырей.

— Пастыри не Церковь; отлучать грѣшника должны всѣ.

— По Писанію выходитъ не совсѣмъ по вашему—почему я и сказалъ вамъ, что не видѣлъ и не вижу у васъ исполненія Слова Божія. Господь Апостоламъ сказалъ: „истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ“ (Матѣ. 18, 18). Апостоль Павелъ „рѣшилъ“ (1 Кор. 5, 3) объ отлученіи коринѣскаго кровосмѣсника и о принятіи его (2 Кор. 2, 7).

Во св. православной Церкви пастыри увѣщаютъ тяжкихъ грѣшниковъ и, въ случаѣ нераскаянія ихъ, отлучаютъ ихъ отъ общенія во св. Трапезѣ, отъ св. Причастія, доколѣ не покаются. Вотъ, гр. Л. Н. Толстого, не смотря на то, что онъ именитый человекъ, послѣ увѣщаній отлучили; еретиковъ, напр. хлыстовъ, Церковь отлучаетъ.

— Вамъ надо бы отлучать и пьяницъ, и воровъ,—сказалъ сектантъ.

— Нераскаянныхъ блудниковъ, пьяницъ и воровъ Церковь отлучаетъ (Евр. 6, 4—6). Я указалъ сектантамъ на извѣстные мнѣ примѣры подобнаго отлученія. „А если человекъ кается, доколѣ прощать ему? Послѣ того, что изложено въ Матѣ. 18, 15—17 ст.—читаемъ: „Тогда Петръ приступилъ къ Нему (Господу) и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ? Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: „до семи, но до седмижды семидесяти разъ“ (21—22). Такъ св. Церковь и поступаетъ.

— У васъ, хотя и судить—вопреки Писанію—братъ брата, все же бываютъ случаи тайнаго и пьянства и разврата.

— Тайно можетъ быть и есть, но если братья узнаютъ, то...

— А по правдѣ, это лицемѣріе и тайный грѣшникъ хуже явнаго.

Сектанты смолкли и я повторилъ въ заключеніе бесѣды:

— Согласно евангельскому ученію, мы не должны судить другъ друга; одинъ Судія намъ всѣмъ—Господь. Обличать грѣхъ, для уврачеванія, мы должны; для той же цѣли пастыри Церкви отлучаютъ отъ церковнаго общенія тяжкихъ, нераскаянныхъ грѣшниковъ, хулителей благодати Божіей, наблюдая, „чтобы какой горькій корень возникнуть не причинилъ вреда, и чтобы имъ не осквернились многіе“ (Второз. 29, 18. Евр. 12, 15).

Я закончилъ бесѣду молитвой.

Случайно въ „Истор. Вѣстникъ“ (статья „Городъ Василь“. стр. 153. Іюль 1903 г.) я встрѣтилъ такіа строки:

„Нельзя сказать, чтобы Василь былъ городомъ богомольнымъ... Рѣзкую особенность города, очень почтеннаго по лѣтамъ и не бѣднаго населеніемъ, составляетъ малое количество церквей“...

Новымъ и крупнымъ явленіемъ въ религіозной жизни Василя было зарожденіе въ городѣ и окрестностяхъ баптистовъ (по официальной терминологіи „штундистовъ“), которыхъ народъ перековеркалъ въ „баптистовъ“. Въ 1900 году окружной судъ судилъ партію васильскихъ баптистовъ и 10 человекъ куда-то сослалъ...

Разсказывали про одного мѣстнаго тюремнаго надзирателя, какъ его „совратили“ заключенные баптисты и убѣдили бросить службу. Онъ женился на особѣ „легкихъ нравовъ“ и совершенно переродилъ ее... Подобные факты заставляютъ всѣхъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ баптистамъ, какъ къ людямъ высокоправственной жизни.

Въ дополненіе къ приведеннымъ строкамъ считаю нужнымъ привести глубокоправдивый взглядъ на „баптистовъ“ одного книгоноши, который знаетъ ихъ за 25—30, лѣтъ т. е. съ самаго начала ихъ существованія въ мѣстныхъ краяхъ. Разговоръ о баптистахъ зашелъ у насъ съ нимъ случайно при дорожной встрѣчѣ.

— Баптисты по видимости люди тихіе,—сказалъ онъ мнѣ.—Но, конечно, и среди нихъ есть пороки. Сначала они взялись держать себя строго: всякое дѣло по новости больше привлекаетъ. Сначала чуть что замѣтятъ не такъ, отлучали братьевъ. И вышло потомъ, что всѣ у нихъ разбѣжались. Теперь много стали слабѣй. Какъ и у нѣмцевъ, каждый, если и знаетъ что про другого, молчитъ, а тотъ про этого молчитъ. Тоже и плуты попадаются среди нихъ. Напр., наши баптисты купили съ К. одного зерна по 50 к. пудъ, а здѣшнее другого сорта стоитъ 2 р., взяли да и вывезли его изъ дому и продали какъ мѣстное. Баптисты вообще любятъ жизнь на легкѣ. Прелюбодѣйство среди нихъ тоже бываетъ. Сначала многіе пошли въ баптисты, а теперь многіе поуходили оттуда и каждый какъ прежде былъ въ какой вѣрѣ, такъ и остался.

Лично скажу слѣдующее. Наилучшій пробный камень для нравственной оцѣнки какой-либо теоріи, или общества, или секты, это—жизнь. Загляните въ исторію всѣхъ этихъ „каваровъ“, „пуританъ“, „піэтистовъ“, „квіэтистовъ“ etc. Принципъ „чистоты“ держится въ нихъ „по новости“ на нѣкоторое время, а потомъ, съ теченіемъ времени, какъ искусственная наклейка, отпадаетъ.

Правда, грѣхи есть вездѣ, и среди христіанъ апостольской эпохи они были, бывають и среди православныхъ. Но по пословицѣ: „плоды по осени считаютъ“ слѣдуетъ мѣрять нравственную силу к. л. общины не потому, какъ она временно кажется, а по ея плодамъ на протяженіи ряда человѣческихъ жизней. Такъ о плодахъ истинной Христовой Церкви свидѣтельствуетъ, начиная съ апостольскихъ временъ, рядъ

святыхъ подвижниковъ вѣры, извѣстныхъ міру своей добродѣтелью. Если бы баптисты прожили на нашихъ глазахъ два-три столѣтія ¹⁾ и подарили исторіи рядъ дѣйствительно святыхъ нравственныхъ типовъ, тогда еще можно было бы сравнительно съ спокойной совѣстью говорить о ихъ „высокой нравственности“. А теперь—кто знаетъ, чѣмъ они кончатъ?

Въ области сектантства—видимое благочестіе сектантовъ обуславливается въ значительной мѣрѣ своего рода „закономъ сохранения энергіи“ грѣха. Во всѣхъ людяхъ есть частички, остатки грѣха, если не личнаго, то родового. Когда эта частичная энергія зла присутствуетъ въ к. л. личности въ крупныхъ размѣрахъ и концентрируется въ какомъ-либо одномъ проявленіи, то на долю другихъ проявленій не остается ничего. Кому не случилось слышать такіе отзывы: „прекрасный человекъ, мастеръ хорошій, все умѣетъ дѣлать, доброй души человекъ, но... игрокъ“, или „воръ“ или „пьяница“? Подобная личность истрачиваетъ въ одномъ пороки всю злую энергію своей души и за предѣлами этой траты является поразительно тихой. Здѣсь, думаемъ, находятъ свое психологическое объясненіе положеніе, высказанное однимъ изъ свв. отцовъ, что „еретики живутъ воздержнѣе православныхъ“. Сектанты—порой и видимо—люди тихіе и воздержные. Но, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ на религіозно-соціальныя темы: почти все содержимое ихъ убѣжденій состоитъ изъ перемежающихся съ сильной ненавистью и насмѣшкой—критики, отрицанія, протеста. Сила этого протеста въ сектанствѣ, особенно на первыхъ порахъ, переживается такъ жгуче, интенсивно, что иногда съ эффектомъ замѣняетъ собой и вытѣсняетъ другіе пороки. Но, къ сожалѣнію, не надолго: личина благочестія незамѣтно отъ времени сползаетъ и человекъ остается съ тѣми нравственными язвами, какъ и былъ.

Что „мнимо-высокая нравственность“ сектантовъ не выдерживаетъ испытующаго „огня“ жизни, примѣръ тому сектанты типовъ исторически предшествующихъ баптизму. Въ былое время они пользовались не менѣе „высоконравственной“ репутаціей.

— Почему NN (сектантъ) заболѣлъ?—спросилъ я однажды одного изъ нихъ.

— Коньякъ даже пилъ,—откровенно отвѣтилъ онъ мнѣ своимъ тягучимъ русскимъ говоромъ.

— Ваши, кажется, не пьютъ...

Мой собесѣдникъ въ отвѣтъ только махнулъ рукой.

Признавая силу логическаго умозаключенія по аналогіи, по этому, можно отчасти прозирать во внутреннее настоящее и недалекое будущее—и баптизма.

Д. Граціанскій.

¹⁾ Я не видѣлъ ни одного сектанта—баптиста изъ пожилыхъ, который былъ бы сыномъ сектанта того же типа.

**Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

**Обзоръ духовныхъ журналовъ за вторую поло-
вину истекшаго 1904 г.**

Въ настоящемъ очеркѣ отмѣтимъ тѣ статьи духовныхъ журналовъ за вторую половину минувшаго 1904 г., которыя такъ или иначе соприкасаются съ миссіонерскими и полемико-апологетическими потребностями нашей богословской науки и церковной жизни.

„Церковный Вѣстникъ“ попрежнему былъ отзывчивъ на всякое явленіе въ нашей церковной жизни. По поводу новаго закона о бракѣ здѣсь была помѣщена передовая статья: „Мудрое снисхожденіе Церкви“, (№ 27). Далѣе необходимо упомянуть статьи: „О предбрачныхъ формальностяхъ“ (№ 33), „Школа и Духовенство“ (№ 33), „О бракѣ“ (№ 34), „Попечительства о породной трезвости“ (№ 35). По поводу различныхъ тенденцій „новопутейскихъ“ философовъ была помѣщена передовая статья подъ заглавіемъ: „Наши новые христіане“ (№ 43). Статья: „О духовномъ оскудѣніи“ (№ 44) говоритъ объ оскудѣніи въ средѣ питомцевъ духовной школы идейной настроенности и чистой безкорыстной любви къ пастырскому служенію. Статья заключается слѣдующими словами.

„Питомцы духовной школы и пастыри—прежде всего сыны своего времени и, какъ таковыя, несутъ въ себѣ и все его здоровыя соки и болѣзненные нагноенія; истинный же пастырь, духъ коего не оскудѣваетъ отъ дуновеній вѣка,—сынъ благодати Божіей. А если такъ, то лѣчить духовное оскудѣніе можетъ лишь благодать, данная пастырю при рукоположеніи и „оскудѣвающая восполняющая“, какъ это мы видимъ на многихъ нашихъ старцахъ, поистинѣ достойныхъ пастыряхъ Церкви. Что касается „духовнаго оскудѣнія“, то заполнить его можно только въ томъ случаѣ, когда наша духовная школа, т. е., училища и семинаріи сольются въ одну

общеобразовательную школу, при которой специально богословскіе курсы будутъ подготовлять къ пастырскому служенію только призванныхъ и достойныхъ. Вѣ же попытки восполнить «оскудѣніе» мѣрами воспитательнаго вoadѣйствія и дисциплинарными не приведуть ни къ чему.

Съ этими заключительными словами статьи не всякій согласится, тѣмъ болѣе, что очень трудно провести границу, отдѣляющую „достойныхъ и призванныхъ къ пастырству“ питомцевъ духовной школы, дѣтей еще, отъ недостойныхъ и непригодныхъ къ этому великому служенію. Во вторыхъ, съ какой стати духовная школа будетъ воспитывать, учить и кормить юношей, завѣдомо непригодныхъ къ пастырской дѣятельности?! Если этимъ юношамъ нужны не богословскія, а лишь общеобразовательныя науки, то самое лучшее—перейти имъ въ какое-либо свѣтское заведеніе и покинуть семинарію, въ которой они будутъ лишь въ тягость себѣ и другимъ...

Въ томъ же журналѣ, (№ 47), статья „О взаимоотношеніи духовенства“ сѣтуетъ на развитіе канцелярщины и бюрократизма, тормозящихъ взаимоотношеніе нашихъ пастырей.

„Обнаруживается настоятельная нужда, читаемъ мы здѣсь, какъ-нибудь освободить нашихъ архипастырей отъ тюремной обстановки, созданной массою канцелярскихъ и вообще чисто чиновничьихъ, административныхъ дѣлъ, и дать имъ возможность выйти на свѣжій воздухъ къ своей паствѣ, чтобы посвятить свое лучшее время и свои лучшія силы и энергію живому церковному дѣлу. Какъ этого достигъ? Конечно, нужно для этого многое перемѣнить—немало должно быть перемѣнъ и въ личной жизни архипастырей,—но то какъ будто несомнѣнно, что епархіальная власть нуждается въ большемъ кругѣ полномочій, епархія должна быть значительно меньше, у приходскихъ же дѣятелей должно быть больше самостоятельности и инициативы, и тогда взаимныя отношенія этихъ двухъ началъ потеряютъ мертвящій духъ казенщины и однимъ изъ сильныхъ средствъ къ развитію и подъему церковной жизни будетъ больше“.

Въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ священникъ Н. Стеллецкій въ нѣсколькихъ нумерахъ (начиная съ августовской книжки), печаталъ свой капитальный трудъ подъ заглавіемъ: „Соціализмъ-его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнія“. Въ началѣ своей статьи авторъ выясняетъ важность и необходимость научно-богословской борьбы съ соціалистическими идеями.

„Достаточно указать на привившуюся на нашей почвѣ штунду, которая, въ сущности, есть соціализмъ въ религіозной окраскѣ, или на увлеченіе нашего общества толстовствомъ, которое, по справедливости, можетъ быть названо соціалистическимъ анархизмомъ,—чтобы сознать необходимость борьбы съ этого рода зломъ, годъ отъ году, все ниже и ниже проникающимъ въ народныя массы. „Устроеніе судебъ человѣчества—это тотъ же вопросъ о Богѣ, только взятый съ другого конца“, какъ совершенно

справедливо замѣтилъ еще Достоевскій; отсюда социализмъ тѣсно соприкасается съ религіей, и потому на Церкви прежде всего лежитъ обязанность борьбы съ зловреднымъ вліяніемъ его на людей. Недавнія при-скорбныя событія внутренней жизни многихъ изъ нашихъ городовъ и даже деревень нѣкоторыхъ губерній краснорѣчиво говорятъ о томъ, что время выступить Церкви энергично на борьбу съ этимъ зломъ, такъ быстро и широко распространяющимся въ нашемъ отечествѣ. Церкви вручена Божественнымъ ея Основателемъ власть охраненія въ народѣ началъ вѣры и нравственности христіанской отъ всякихъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліяній; но за нею, кромѣ заботы объ охраненіи, остается еще обязанность раскрытія въ сознаніи христіанъ внутренней лжи и несовмѣстности всякихъ лжеученій, въ томъ числѣ и социализма, съ основами христіанскаго міросозерцанія, что является первымъ необходимымъ условіемъ для успѣха борьбы съ ними“.

Почтенный трудъ о. Стеллецкаго будетъ весьма полезенъ не только пастырямъ Церкви, но и всѣмъ лицамъ, интересующимся полемикой съ социалистическими воззрѣніями.

Въ „*Православно - Русскомъ Словѣ*“ по поводу годовщины открытія мощей преп. Серафима Саровскаго была помѣщена статья г. Аникіева: „О нетлѣннѣ святыхъ мощей съ точки зрѣнія вѣры и науки“ (№ 11). Точно также по сему поводу въ іюльской книжкѣ „Странника“ печаталась статья: „Мощи святыхъ и нетлѣніе“. Эти статьи могутъ весьма пригодиться для миссіонерской полемики съ сектами, отрицающими почитаніе мощей.

Въ настоящее время невѣріе стремится всякими софизмами и мнимонаучными данными поколебать ученіе библіи о твореніи міра, о первобытномъ состояніи человѣка и т. д. Отсюда, весьма желательно появленіе въ печати полемико-апологетическихъ трудовъ, посвященныхъ защитѣ библейскаго ученія и критическому разбору возраженій противъ библіи со стороны невѣрія. Это заставляетъ насъ весьма сочувственно отнестись къ помѣщенной въ іюльской книжкѣ „Странника“ статьѣ Вл. Ивановскаго, озаглавленной: „Психологическія данныя въ пользу библейскаго взгляда на членораздѣльную рѣчь, какъ особенность, исключительно свойственную человѣку“.

Издаваемый въ Москвѣ журналъ „Вѣра и Церковь“ на своихъ страницахъ помѣщалъ, какъ и прежде, не мало серьезныхъ статей полемико-апологетическаго характера. Такова, напр., статья А. М. Чемоданова: „Вопросъ о происхожденіи жизни въ свѣтѣ научнаго познанія и богословско-философствующей мысли“ (7 и 8 кн.). Въ этой статьѣ мы находимъ обстоятельный разборъ эволюціонной теоріи происхожденія всѣхъ видовъ органической жизни съ отрицаніемъ творенія ихъ Богомъ. Эволюціонисты создали довольно своеобразное представленіе и о нравственномъ развитіи человѣка. Эволюціонная этика вообще человѣческую

нравственность считает производной; ея начала она усматриваетъ въ первичныхъ формахъ жизни простой кѣточки. Напримѣръ, въ любопытной книгѣ: „Эволюція и прогрессъ человѣка“ Друммондъ полагаетъ, что функція воспроизведенія, пройдя черезъ вѣковую серію формъ, раскрылась на извѣстной ступени подъ образомъ материнства и, переплетаясь съ вышею формою функціи питанія—отцовствомъ, создала широкую любовь (сѣмейство), которая, развиваясь далѣе, на извѣстной ступени своей эволюціи стала основной заповѣдью христіанства. Г. Чемодановъ обстоятельно, и шагъ за шагомъ, разсматриваетъ и опровергаетъ эволюціонизмъ въ различныхъ историческихъ формахъ его обнаруженія, начиная съ ученія Гераклита, продолжая средневѣковымъ алхимикомъ Парацельсомъ и позднѣйшими философами.

Въ тридцатыхъ годахъ XIX сталѣтїя два извѣстныхъ ученыхъ Шюльце и Шванъ произвели серію опытовъ, доказавшихъ невозможность самопроизвольнаго зарожденія. Но эти опыты не для всѣхъ были убѣдительны и подвергались возраженіямъ со стороны защитниковъ вышеуказанной теоріи. Пришлось видоизмѣнить самыя опыты. Это и было сдѣлано учеными Дюма (1854 г.) и Шредеромъ (въ 1859 г.). Обязательное пораженіе ученію о произвольномъ зарожденіи нанесено было бактеріологами Пастеромъ и Робертомъ Кохомъ. Они доказали, что при устраненіи всѣхъ зародышей, которые могутъ попасть на препаратъ извнѣ, даже *самыя питательныя вещества для бактерій остаются свободными отъ нихъ*; и, напротивъ, когда допускается воздухъ въ препараты, хотя и на короткое время, въ нихъ развивается цѣлый міръ разнообразнѣйшихъ формъ бактерій. Доказанная невозможность въ фактахъ естественнаго опыта найти опору для *generatio spontanea* побудила ея поборниковъ къ отчаяннымъ фантастическимъ выходкамъ. Г. Э. Рихтеръ первый создалъ теорію „Kosmosaea“—существованія зародышей на планетныхъ мірахъ. Исходя изъ того, что во вселенной вьюду носятся мельчайшія частицы твердаго вещества, отдѣляющіяся отъ міровыхъ тѣлъ при ихъ быстромъ движеніи, Рихтеръ принимаетъ, что одновременно съ этими твердыми частицами и въ связи съ ними постоянно отдѣляются отъ міровыхъ тѣлъ и жизнеспособные зародыши, которые вмѣстѣ съ послѣдними переносятся на другія міровыя тѣла. Если эти зародыши попадаютъ на міровыя тѣла въ такой стадіи развитія, какая представляетъ особенно благоприятныя условія тепла и влажности, они начинаютъ развиваться далѣе и служатъ исходнымъ пунктомъ для новаго міра организмовъ. По мнѣнію Рихтера, гдѣ-нибудь въ міровомъ пространствѣ всегда существовали такія тѣла, на которыхъ была жизнь и притомъ въ формѣ кѣтокъ. Существованіе во вселенной живыхъ кѣтокъ является вѣчнымъ „*Omne vivum aeterni-*

tate e cellula". Независимо отъ Рихтера, этотъ взглядъ высказывался позднѣе Гельмгольцемъ и Вилліамомъ Томсономъ.

По поводу изложенной теоріи г. Чемодановъ справедливо возражаетъ, что 1) она не нова (высказывалась еще Плиніемъ младшимъ) и не рѣшаетъ біологической проблемы по существу, 2) она противорѣчитъ несомнѣннымъ даннымъ геологіи и химіи и 3) не можетъ быть принята эволюціонистами, потому что противорѣчитъ самой идеѣ эволюціи. Наконецъ, если мы допустимъ, что наиболѣе сложныя соединенія живого вещества, прежде всего бѣлокъ, никогда не возникали, а вѣчно существовали гдѣ-нибудь во вселенной и оттуда были перенесены на нашу землю, то по той же самой логикѣ мы должны принять, что и неорганическія соединенія, какъ кварцъ, полевой шпатъ и т. д., всегда находились гдѣ-нибудь во вселенной и попали на нашу землю чрезъ міровое пространство съ другого небснаго тѣла. Проводя эти разсужденія для всѣхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ сложена наша земля, мы приходимъ къ абсурдному заключенію, что всѣ соединенія, находимыя на нашей землѣ, были перенесены въ нашу планетную систему извнѣ въ совершенно готовомъ видѣ. Такое заключеніе прямо отрицаетъ неоспоримыя данныя геологіи и химіи; такъ какъ каждый геологъ достаточно знакомъ съ фактами относительно возникновенія на землѣ минераловъ химическимъ путемъ, и каждый химикъ ежедневно производитъ въ своей лабораторіи химическія соединенія изъ простыхъ веществъ; мало этого, ни одинъ мыслящій химикъ не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что такъ называемые химическіе элементы не существовали прежде въ качествѣ таковыхъ, а что элементы съ высшимъ атомнымъ вѣсомъ образовались путемъ уплотненія изъ элементовъ съ меньшимъ вѣсомъ.

Основательно разбираетъ г. Чемодановъ и эволюціонныя воззрѣнія Спенсера, Геккеля и современнаго германскаго мыслителя Фридриха Паульсена и т. д. Изслѣдованіе г. Чемоданова несомнѣнно имѣетъ цѣнность для христіанской апологетики.

На страницахъ того-же журнала извѣстной русскій богословъ протоіерей Т. И. Буткевичъ помѣстилъ свои обстоятельныя изслѣдованія нападокъ на евангеліе со стороны пресловутаго французскаго писателя Э. Ренана и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“ и „Сужденіе Ренана объ источникахъ для жизнеописанія Господа Нашего Иисуса Христа“ (кн. 7, 8 и 9). Послѣдняя статья, будучи продолженіемъ другой, упомянутой предъ ней, имѣетъ и совершенно самостоятельный интересъ для характеристики сужденій Ренана о Евангеліяхъ, какъ историческихъ памятникахъ и посему печаталась подъ особымъ заглавіемъ. Нельзя пройти въ данномъ случаѣ молчаніемъ и серьезное изслѣдованіе профессора богословія Моск. Университета о протоіерей Н. Елеонскаго:

„Современная критика священных ветхозавѣтныхъ писаній и ея слабая сторона“ (кн. 8 и 9).

Въ наше время подъ вліяніемъ сектофильствующей интеллигенціи и вслѣдствіе пониженія нравственныхъ идеаловъ въ обществѣ, широко распространены кривотолки о свободѣ совѣсти. Прекраснымъ отвѣтомъ на эти кривотолки можетъ служить статья Е. Февралева: „Вопросъ о свободѣ совѣсти при свѣтѣ новозавѣтнаго откровенія“ (кн. 9-я).

Съ удовольствіемъ прочитана нами статья И. В. Преображенскаго въ 6-й кн. „Вѣры и Церкви“: „О заслугахъ Церкви предъ государствомъ“. Въ началѣ своей статьи почтенный авторъ говоритъ слѣдующее.

„Враги Церкви, враги православія нынѣ умножились, усилились, сплотились, организовались и, объявивъ (въ подметныхъ письмахъ и прокламаціяхъ) православіе „вреднымъ для блага народнаго“, дѣйствуютъ съ невѣроятною, неслыханною дерзостію... Забывъ о великихъ безцѣнныхъ заслугахъ Церкви предъ государствомъ, нынѣ громко и не смущаясь въ совѣсти проповѣдуютъ, что принесенное къ намъ изъ Греціи православіе сломило, загубило славянскую самобытность русскаго народа, что оно вредило чистотѣ браковъ, помѣшало сложиться у насъ правильнымъ семейнымъ отношеніямъ — этой первоосновѣ гражданскаго, государственнаго благоустройства, что оно цѣлые вѣка держало народъ въ невѣжествѣ, было гасителемъ въ немъ просвѣщенія, убивало поэтическое творчество народа, глушило творчество на музыкальныхъ инструментахъ. Про духовенство русское говорятъ еще, что оно въ жизни и дѣятельности своей заявило себя преимущественно пьянствомъ; пьянствуя само, оно и народъ приучило къ пьянству. Въ такомъ видѣ стараются представить теперь роль Церкви и ея представителей — духовенства въ жизни русскаго народа, какъ прошлой, такъ и современной... Что же удивительнаго, если вымещающая такой совершенно беззаботной на счетъ правды и справедливости, поистинѣ позорной для дѣлающихъ ее оцѣнокъ значенія Церкви въ жизни нашего отечества, интеллигенція проявляетъ, по словамъ Рачинскаго, такое легкомысленное, безучастное, злорадное отношеніе ко всѣмъ вообще вопросамъ Церкви? Отъ такой ли интеллигенціи, хотя она и числится православною, ждать нашей Церкви, церковнымъ традиціямъ, нашей религіозной святынь защиты и охраны?“

„Настоящіе дни, дни тяжелаго испытанія, ниспосланнаго дорогому отечеству нашему Провидѣніемъ, время особенно благоприятное для того, чтобы всѣ истинно-русскіе, истинно-православные руководители общественнаго мнѣнія, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, единодушно возвысили свой голосъ за идею православія и дружно возстали противъ враговъ ея или измѣннически равнодушныхъ къ ней“.

Раскрывая заслуги нашей церкви предъ государствомъ, авторъ указываетъ прежде всего на *просвѣщеніе*. Въ древней Руси священнослужители обучали русскій народъ не только разумнѣю истинѣ вѣры Христовой, но также чтенію, письму и прочее.

„Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ таинствамъ, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ таинственныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища, и что духовенство, или, прибавимъ, въ лицѣ его православная Церковь, оправдало призваніе наставленіемъ народа, тому доказательствомъ служить вся русская исторія. Онъ (народъ) перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами; онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностью своею послѣ объявленія ему положенія 19-го февраля 1861 года. „Духовенство укрѣпляло у насъ и самое самодержавіе, оно же вліяло на установленіе порядка престолонаслѣдія, прекратившаго княжескія смуты, междоусобицы. Послушный именно голосу преп. Сергія Радонежскаго князь Владиміръ Андреевичъ, по смерти В. К. Дмитрія Цвановича, добровольно отказался отъ великокняжескаго стола. Вспомнимъ поѣздки митроп. Алексія въ Орду“.

Авторъ далѣе обстоятельно раскрываетъ великое нравственное вліяніе Церкви на русское государство. Церковь способствовала *смягченію нравовъ*, содѣйствовала облегченію участи рабовъ (холоповъ), боролась съ ростовщицествомъ, возвысила значеніе женщины и т. д. Свои выводы почтенный авторъ подкрѣпляетъ ссылками на труды нашихъ знаменитыхъ историковъ—Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского. Хорошо было бы, еслибы статья г. Преображенскаго въ послѣдствіи вышла отдѣльной брошюрой для болѣе широкаго распространенія въ читающей публикѣ.

Въ 6, 7 и 8 кн. „Вѣры и Церкви“ печатались публичныя лекціи Іеромонаха Виктора подъ общимъ заглавіемъ: „Невольная исповѣдь М. Горькаго“. Авторъ обстоятельно анализируетъ міросозерцаніе и нравственное настроеніе героевъ М. Горькаго и самого Горькаго (насколько онъ отражается въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ). Въ концѣ своихъ добросовѣстныхъ и обстоятельныхъ изслѣдованій авторъ приходитъ къ тому выводу, что литературная дѣятельность М. Горькаго есть явная или тайная проповѣдь антихристіанскихъ началъ и нравственной распущенности. Прекрасная статья о. Виктора можетъ отрезвить рьяныхъ поклонниковъ М. Горькаго и весьма желательно видѣть ее отдѣльной брошюрой для болѣе широкаго распространенія.

Наконецъ, упомянемъ о двухъ статьяхъ безвременно скончавшагося († 30 Авг. 1904 г.) молодого и мыслящаго писателя о. Іеромонаха Тарасія (бывшаго смотрителемъ Заиконоспасскаго училища въ Москвѣ). Первая носитъ заглавіе: „Причина невѣрія среди молодежи“. Авторъ начинаетъ статью слѣдующими словами.

„Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что огромная часть нашей учащейся свѣтской молодежи и даже часть (и весьма немалая) воспитан-

никовъ духовноучебныхъ заведеній поражены религіознымъ индифференцизмомъ, а иногда и прямымъ невѣріемъ въ смыслъ отрицанія главнѣйшихъ догматическихъ основаній религіи. Объ этомъ свидѣлствуетъ болѣе, чѣмъ равнодушное отношеніе къ Церкви, небрежность въ исполненіи церковныхъ обязанностей, полное нежеланіе хоть сколько-нибудь считаться съ уставами церкви и, что особенно печально, какое-то непонятное пристрастіе ко всему, что можетъ унижать и ослаблять значеніе церкви и, напротивъ того, отношеніе, исполненное глубокаго сочувствія къ такимъ явленіямъ литературы и жизни, которыя дѣлаютъ отчаянную попытку наложить на церковную жизнь, а иногда и на церковное ученіе грязное пятно“.

Причину такого печальнаго явленія авторъ видитъ въ недочетахъ воспитанія современной молодежи.

„Въ современномъ воспитаніи, говоритъ онъ, нѣтъ главнаго и существеннаго, а мы даже полагаемъ, единственнаго условія для живой религіозности. Нѣтъ развитія душевной чистоты и мягкости, нѣтъ безкорыстнаго стремленія къ истинѣ. Режимъ школы, внѣшній и казенный, неизбѣжно считается съ внѣшнимъ поведеніемъ мальчика, а не съ его душой, не съ его настроеніемъ; въ силу этого онъ можетъ опираться на чисто языческія начала настроенія, прямо враждебныя христіанству. Эти начала: развитіе самолюбія чрезъ пошрительную систему отмазокъ, страхъ наказанія и, какъ высшая попытка облагородить эти низменные побужденія, попытка ввести въ настроеніе юноши, даже мальчика, чисто языческій принципъ чести, достоинства. И вотъ образуется печальная картина недоразумѣнія; съ одной стороны для дѣтской души открывается міръ божественныхъ явленій, богослуженія, полныя церковной славы и истинной красоты, ученія Христа и Его дивный образъ, неотразимо влекущій къ себѣ чистую душу, а съ другой стороны жизнь, фактически отрицающая Христа, настроеніе старшихъ, не считающееся съ Божественными велѣніями; и часто нѣтъ никого, кто-бы могъ объяснить мальчику, что его дѣтская наивность, его способность откликнуться на всякій искренній и задушевный порывъ, его способность къ любви и прошенію въ сто кратъ выше, чѣмъ, священнѣе, чѣмъ житейскіе расчеты и соображенія, чѣмъ честь, достоинство и извѣстность“.

Другой причиною развитія невѣрія среди учащагося юношества о. Тарасій считаетъ плохое знаніе русской отечественной, церковной и гражданской исторіи, полное незнаніе коренныхъ основъ русскаго быта.

„По печальному, не смѣемъ сказать, позорному недоразумѣнію въ учебникахъ исторіи наше прошлое, чисто-церковный періодъ русской жизни, представляется вѣкомъ варварства и дикости, а подъ именемъ просвѣщенія намъ предлагаются подражаніе европейцамъ, усвоеніе началъ жизни, кореннымъ образомъ противоположныхъ Евангелію. А между тѣмъ Россію создало христіанство и настоящее знаніе русскаго прошлаго приводитъ русскаго человѣка ко Христу“ (кн. 7-я).

Въ 8-й книгѣ „Вѣры и Церкви“ была помѣщена другая статья о. Тарасія: „Древне-русскій религіозный бытъ по описанію Павла Алеп-

пскаго". Въ наше время широко распространены порицательныя сужденія о жизни древней Руси вообще и древнерусской религіозности въ особенности. Это теченіе замѣтно даже и въ новѣйшей художественной живописи. Не такъ давно на одной изъ выставокъ въ С.-Петербургѣ, въ Академіи Художествъ, можно было видѣть картину, изображающую древнерусскіе... кулачные бои въ Москвѣ. Предъ зрителемъ на картинѣ—замерзшая и покрытая снѣжнымъ покровомъ рѣка Москва, за которою видны силуэты кремлевскихъ стѣнъ, полузанесенные снѣгомъ. На рѣкѣ Москвѣ толпа людей занимается кулачнымъ боемъ; слѣва находится плохой деревянный мостъ, на которомъ помѣщается толпа зрителей... На бѣломъ снѣгу около бойцовъ видны капли крови, тутъ же лежатъ получившіе увѣчья... Ближе къ зрителямъ старикъ съ окровавленной бородой ведетъ какую-то угрожающую бесѣду со старухой, вѣроятно пытающейся разъяснить старику неумѣстность въ его лѣта заниматься кулачными боями... Не знаемъ, какую цѣль преслѣдовалъ художникъ, создавая эту картину, но на насъ она произвела прямо отталкивающее впечатлѣніе своею тенденціей унизить и опозлить древнерусскую жизнь. Отсюда, заслуживаютъ высокой похвалы и глубокой признательности изслѣдованія и статьи нашихъ духовныхъ писателей, направленные къ безпристрастной и фактически достовѣрной обрисовкѣ и оцѣнкѣ нашего древнерусскаго быта. Вотъ что говоритъ о Тарасіи въ началѣ своего труда о древнерусской жизни.

„Восточно-христіанская культура съ полнымъ подчиненіемъ всѣхъ сторонъ жизни церковному началу яркое выраженіе нашла себѣ въ московскомъ бытѣ до-петровской эпохи. Но и въ Москвѣ едва-ли религіозная жизнь достигала когда-нибудь большаго процвѣтанія и блеска, чѣмъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича при патріархѣ Никонѣ. Процвѣтанію благочестія содѣйствовали какъ благоприятныя условія этого царствованія, такъ въ особенности личныя свойства царя и патріарха... До какой степени церковнаго величія достигла Россія во второй половинѣ XVII столѣтія, лучше всего видно изъ сказанія безпристрастныхъ свидѣтелей русскаго быта этой эпохи, спутника патріарха Макарія Антиохійскаго, дважды пріѣзжавшаго въ Россію, архидіакона Павла Алеппскаго, описавшаго весьма подробно свое путешествіе. Описаніе это, составленное по возвращеніи на родину, слѣдовательно внѣ всякихъ воздѣйствій со стороны русскаго правительства и принадлежащее перу человѣка чуждой національности (Павелъ Алеппскій—арабъ), не можетъ быть заподозрено въ какомъ-либо пристрастіи или тенденціозности. Представитель народности поработенной и чуждой въ то время политическихъ интересовъ и стремленій, авторъ, привлеченный къ тому же священнымъ саномъ, склоненъ разсматривать жизнь описываемыхъ имъ странъ главнымъ образомъ съ церковной точки зрѣнія, признавая Россію одною изъ вѣтвей великаго древа Вселенской Христовой Церкви. Описанія его такъ просты и безыскусственны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности отнестись къ нимъ съ недовѣріемъ, а описываемыя явленія такъ величественны и умилительны, что положительно нѣтъ воз-

можности читать ихъ безъ глубокаго изумленія, а иногда и благоговѣнія къ жизни, всецѣло принесенной къ подножію Божественнаго престола"... Въ чисто-церковномъ отношеніи эти записки рисуютъ дивную картину церковнаго общенія, единства святыхъ Божіихъ церквей: сирійскіе православные арабы чувствуютъ себя своими въ православной Россіи, и Россія не представляется имъ чуждою страной. Славянофилы могутъ найти въ нихъ подтвержденіе вселенско-церковной задачи Россіи—задачи, выполняемой Россіей Алексѣя Михайловича, къ которой вполне приложимы слова поэта:

„Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало вѣры и чудесь (Хомяковъ).

„Объективные историки (продолжаетъ о. Тарасій) и даже западники при чтеніи этихъ записокъ получаютъ возможность сдѣлать правильную оцѣнку древне-рускаго быта, исполненнаго истинно-христіанскихъ началъ смиренія, милосердія и нравственной чистоты“.

Заканчивая наше слово касательно вышеозначенныхъ статей о. Тарасія, не лишнимъ считаемъ добавить слѣдующее. Когда первая статья о. Тарасія: „Причина невѣрія среди молодежи“ была уже набрана въ типографіи, пришла внезапно вѣсть о неожиданной кончинѣ этого борца противъ современнаго рационализма и невѣрія и защитника нашей православно-русской церковности. Вслѣдствіе сего редакціей „Вѣры и Церкви“ подъ строками статьи о. Тарасія былъ напечатанъ обстоятельный и прекрасный некрологъ, посвященный почившему, написанный съ глубокимъ чувствомъ и задушевностію.

Наконецъ, упомянемъ о статьяхъ издающагося въ Харьковѣ журнала: „Мирный Трудъ“. Статья: „О настроеніи русской молодежи“ направлена къ обрисовкѣ и характеристикѣ духовнаго настроенія современнаго учащагося юношества. Авторъ статьи приходитъ къ тому выводу, что среди нашей молодежи (преимущественно университетской) въ настоящее время наблюдается двѣ партіи или, лучше сказать, два рѣзко выраженныхъ теченія. Одна часть молодежи не хочетъ заниматься наукою, увлекаясь различными политическими движеніями. Другая, напротивъ, является реакціей по отношенію къ первой партіи... И вотъ въ средѣ университетской молодежи возвышаются открыто своей мужественный голосъ противники незрѣлаго политиканства, высоко поднятая стягъ съ призывомъ: „университетъ для науки“. Эта оппозиція противъ политиканскихъ увлеченій по мѣстамъ объединяется въ законенныя корпораціи. Сближаясь въ такихъ корпораціяхъ въ силу тяготѣнія къ научнымъ знаніямъ и съ цѣлью расширить свой кругозоръ, юноши вступаютъ къ совмѣстной работѣ и получаютъ возможность дружно противодействовать жалкимъ маріонеткамъ, приводимымъ въ движеніе

одновременно всюду искусной рукой таинственных вдохновителей, дергающих соответствующія нити. Теперь произвести безпорядки несравненно труднѣе и они всегда встрѣтятъ противодѣйствіе объединенныхъ въ различныхъ кружкахъ и корпораціяхъ благоразумныхъ студентовъ.

„Движеніе противъ преждевременнаго увлеченія непосильнымъ для юнцовъ разрѣшеніемъ многовѣковыхъ, сложныхъ, общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, вылилось, помимо научнаго единенія, и въ стремленіи поднять благородной самодѣятельностью нравственный уровень студенчества: въ Петербургѣ возникло „христіанское содружество учащейся молодежи“, объединившее воспитанниковъ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеній на почвѣ глубокаго желанія усвоить и воплотить въ личной жизни безсмертный духъ евангельскихъ заветовъ.

Нравственныя задачи преслѣдуетъ также общество „Маякъ“, равно какъ недавно образовавшійся „кружокъ послѣдователей седьмой заповѣди“.

Въ наше время въ обществѣ и печати иногда приходится слышать навѣянные съ Запада, легкомысленныя и ошибочныя мысли о непригодности нашего государственнаго строя, и т. п. Прекраснымъ вразумленіемъ для лицъ, сочувствующихъ такимъ мыслямъ, могутъ служить статьи: „Митрополитъ Филаретъ Московскій о Православіи и Самодержавіи“, Ивана Кашкарова (№ 8), „Мнимая спасительность парламентаризма“, А. Каута (№ 8) „Россія и революція“ А. Вязигина (№ 8) и мн. др.

По поводу новаго закона о бракѣ въ „Мирномъ Трудѣ“ были помѣщены слѣдующія статьи: священника Іоанна Филевскаго: „Новый законъ въ пользу брака“ (№ 7) и А. Вязигина: „Опасныя стороны новаго закона о бракѣ“ (№ 8). Всѣ статьи „Мирнаго Труда“ отличаются продуманностью и содержательностью. Печатается журналъ четко и издается вообще изящно. Отъ души желаемъ, чтобы побольше такихъ журналовъ появлялось въ Россіи.

Иеромонахъ Александръ.

Отповѣдь Казанскому епархіальному миссіонеру.

Въ Миссіонерскомъ Обозрѣніи за 1904 г. въ №№ 11, 17, 18 помѣщены мои „Миссіонерскія бесѣды съ начетчикомъ Спасова согласія слѣпцомъ А. Коноваловымъ“. Казанскій епарх. миссіонеръ М. Н. Васильевскій на стр. 95—98 Правосл. Соб. 1905 г. считаетъ ихъ, ни многи мало, списанными. Прискорбно видѣть такую грязь въ только что обновившемся Православномъ Собесѣдникѣ.

Въ началѣ своей замѣтки г. Васильевскій пишетъ: „первая бесѣда (въ № 11) составлена подѣ влияніемъ нашей брошюры: „Старообрядцы австрійскаго священства въ обличеніи слѣпца А. Коновалова“, — подѣ

вліяніем настолько сильнымъ, что бесѣда едва не въ половинѣ своей представляетъ или буквальное повтореніе брошюры или же очень слабый ея перифразъ. Тѣмъ не менѣе о. С. Шлеевъ обошелъ свой источникъ полнѣйшимъ молчаніемъ и выдалъ списанное за вполне самостоятельный трудъ“ (Прав. Соб. янв. 95 стр.). Источникъ, откуда взята мной бесѣда, не скрытъ. Первая моя бесѣда есть подлинное воспроизведеніе словъ А. Коновалова. Я слушалъ А. Коновалова, и слова Коновалова, а не иного кого, мной записаны. Правда, въ моемъ описаніи бесѣды есть случайное сходство съ брошюрой г. Васильевского, но оно произошло не отъ списыванія. Я совершенно безпричинно, что А. Коноваловъ повторяется въ своихъ бесѣдахъ. Затѣмъ, всѣмъ известна феноменальная память Слѣпца. Если онъ читалъ брошюру г. Васильевского о его самого бесѣдѣ съ Мельниковымъ, особенно предъ моей съ нимъ бесѣдой, то ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ—слѣпецъ—усвоилъ даже нѣкоторыя выраженія записчика. А что А. Коноваловъ читалъ брошюру г. Васильевского предъ самой бесѣдой его со мной—это неоспоримый фактъ, очевидцами коего были многіе свидѣтели. Слѣдовательно, винить за нѣкоторое сходство нужно не меня, а Коновалова. Я былъ тростью книжника, записавшимъ, что было на бесѣдѣ.

Незамѣренное сходство моей 1-й бесѣды съ брошюрой г. Васильевского заключается кромѣ, во первыхъ, однихъ и тѣхъ же доводовъ Коновалова, во вторыхъ, въ тѣхъ четырехъ по разнымъ мѣстамъ фраззахъ, схваченныхъ Коноваловымъ у г. Васильевского и записанныхъ мной. Но неужели я не могъ самостоятельно написать эти строки? Они вѣдь такъ просты, что ученикъ приготовительнаго класса составитъ ихъ. Вотъ какія это фразы: „Какъ невѣста небеснаго жениха Христа, Его святая Церковь“... (№ 11, 98 стр.). „Объ этомъ пишутъ сами ея защитники“ (тамъ-же). „При обрученіи Христа съ Его невѣстой святою Церковью были обручники“ (стр. 99). „При обрученіи со своею невѣстою Церковью, небесный женихъ—Христосъ далъ ей“... (тамъ-же).

Въ заключеніе о первой бесѣдѣ не лишне сказать слѣдующее: въ моей бесѣдѣ восемь листиковъ мелкаго шрифта, а у г. Васильевского,—четыре крупнаго, въ моей бесѣдѣ рѣчь съ половины о другомъ предметѣ—о 8-мъ правилѣ 1-го всел. собора, о коемъ у г. Васильевского нѣтъ ни строчки.

Послѣ этого гдѣ же заимствованіе, гдѣ списываніе?

Про вторую мою бесѣду г. Васильевскій на стр. 96—97 рассказываетъ цѣлую легенду: какъ я приходилъ къ нему за книгами для бесѣды и за руководствомъ для веденія ихъ. Себя самого рассказчикъ выставляетъ знатокомъ раскола, имѣющимъ полную возможность подѣлиться нужными свѣдѣніями, а пишущаго эти строки—полнымъ невѣждой, неумѣющимъ приступить къ собесѣдованію, не понимающимъ смысла цитируемыхъ свидѣтельствъ и т. д.

За книгами я обращался къ Васильевскому потому, что у него, какъ епархіальнаго миссіонера, складъ выписанныхъ для общаго пользованія казанскихъ миссіонеровъ книгъ. Беря у г. Васильевского книги, я однако не просилъ у него какихъ-либо указаній и конспектовъ. Онъ самъ, какъ оказывается сейчасъ—съ заднею мыслію, далъ мнѣ бумажку читать изъ бесѣды его съ А. Коноваловымъ о Церкви Христовой и ея священствѣ, заставивъ меня для этой записки рискнуть своевременнымъ выѣздомъ на

срочныя бесѣды въ Уфимской епархіи. Одна лишь вѣжливость заставила меня ждать тотъ длинный для отъѣзжающаго полчаса, въ продолженіе коего онъ, г. Васильевскій, искалъ врученную имъ самимъ ненужную мнѣ, а ему, какъ видимъ, весьма „пользительную“ бумажку. Рукопись казанскаго епархіальнаго миссіонера представляла рядъ цитатъ изъ бл. Іеронима, бл. Феодорита, св. Ефрема Сирина, Нила Синайскаго, Кипріана Карагенскаго, Климента Римскаго, Ипполита, І. Златоустаго и другихъ оо. и учителей Церкви.

Выдержки изъ бл. Іеронима мнѣ были извѣстны самому. Книги бл. Іеронима были у меня въ рукахъ для чтенія и до этого времени. Самъ г. Васильевскій давалъ ихъ мнѣ зимой 1903 года. Потомъ выдержки изъ бл. Іеронима приведены въ бесѣдахъ прот. К. Крючкова съ Коноваловымъ, описанныхъ Обтемперанскимъ въ „Мисс. Обзор.“ за 1902, и въ брошюрѣ г. Обтемперанскаго, въ его собесѣдованіи съ слѣпцомъ отъ 6 Ноября 1902 г. Г. Васильевскій напрасно претендуетъ на открытіе Америки въ дѣлѣ новѣйшей полемики съ расколомъ. Въ бесѣдахъ съ Коноваловымъ онъ лишь повторяетъ названныхъ миссіонеровъ. Особенно это нужно сказать по вопросу о Церкви и ея священствѣ. Кромѣ цитатъ изъ бл. Іеронима въ рукописи г. Васильевскаго находились цитаты изъ бл. Феодорита и другихъ указанныхъ оо. и учит. Церкви. Но они извѣстны не одному лишь Казанскому епархіальному миссіонеру. Большинство изъ нихъ приведено даже въ выпискахъ Озерскаго. Въ запискѣ г. Васильевскаго есть, наконецъ, ссылки на старопечатныя книги, которыя тоже извѣстны миссіонерамъ независимо отъ г. Васильевскаго. Въ 1903 году въ „Миссіонерскомъ Обзорѣнїи“ напечатанъ рядъ моихъ бесѣдъ съ начетчикомъ Черчимцевымъ, гдѣ не мало выдержекъ изъ бл. Августина и бл. Іеронима. Напрасно г. Васильевскій не считаетъ и ихъ своими? Книги бл. Іеронима и бл. Августина я у него же бралъ. Слѣдовательно, у него-же списалъ!

Въ виду моей независимости отъ рукописи г. Васильевскаго, я рѣшился напечатать свои бесѣды, не смотря на всѣ его застрашиванія. Его предупрежденіе опозорить меня въ печати вызвало у меня, какъ онъ самъ говоритъ, лишь одно недоумѣніе; не что иное какъ только недоумѣніе выражаю и сейчасъ. Миссіонеръ рѣшается публично лгать на священника и лгать притомъ по давно задуманному плану, составленному еще до веденія мной описанныхъ въ 1904 году бесѣдъ.

Миссіонеръ пишетъ, что прежде оглашенія дѣла въ печати онъ дѣлалъ мнѣ обличеніе (sic!)—наединѣ. Ничуть не бывало. Незаслуженное обличеніе было сдѣлано умышленно въ трамваѣ электрической дороги при большомъ стеченіи народа, громкимъ голосомъ, привлечшимъ вниманіе всѣхъ сидящихъ въ вагонѣ. Не удовольствуюсь этимъ, г. Васильевскій, согласно своему, прежде замышленному проѣкту, рѣшился даже загрязнить только что обновленный „Православный Собесѣдникъ“. Послѣ этого какъ же не выразить недоумѣніе!

Подстрочныя примѣчанія, сдѣланныя мной въ № 17 стр. 1034 и № 18 стр. 1246, появились по разнымъ причинамъ. Первое ради того, чтобы показать, что А. Коноваловъ нисколько не убѣждается доводами прежнихъ бесѣдъ, въ томъ числѣ и Казанскаго епархіальнаго миссіонера, а второе также не ради дружбы, какъ думаетъ г. Васильевскій. Второе сдѣлано „не за службу и не за дружбу“, а единственно изъ опасенія

быть забрызганнымъ грязью. Радъ отступиться отъ своего, лишь бы только не поносили.

Свою грязную замѣтку г. Васильевскій заключаетъ указаніемъ на привидѣвшееся ему во снѣ смѣшеніе мной автора посланій Малорусцамъ съ Аеона—инока Іоанна Вишенскаго съ издателемъ актовъ Южн. и Вост. Россіи. Казанскій епархіальный миссіонеръ, похваляясь, что ему приходилось не менѣе 15 разъ бесѣдовать съ А. Коноваловымъ, позабываетъ, что съ слѣпцомъ бесѣдовали и другіе миссіонеры, наприм. прот. К. Крючковъ и А. И. Обтемперанскій, оставившіе еще въ 1902—1903 годахъ описаніе своихъ бесѣдъ. Опроверженіе Коноваловской ссылки на акты Южн. и Зап. Россіи находится не только въ его рукописи въ видѣ отрывочныхъ словъ, но и въ этихъ бесѣдахъ (Мисс. Обзор. 1902 г. Дек. 871, 872 и Бес. о Вѣчности Священства Обтемперанскаго стр. 21, 24). Во всякомъ разѣ списывать, если бы нужно было, у нихъ гораздо удобнѣе, чѣмъ у монополиста-миссіонера!?. Г. Васильевскій въ своихъ грязныхъ дѣляхъ не стыдится исказать самые знаки моего текста. У меня историческіе акты и г. Вишенскій на 1025 стр. № 17 не связаны. У него-же наоборотъ. Онъ историческіе акты и г. Вишенскаго поставилъ въ одни ковычки, чтобы насильственно, противъ моей воли, но за меня отождествить послѣдняго съ издателемъ указанныхъ актовъ. У него напечатано такъ: „Историческіе акты г. Вишенскаго“ (Прав. Соб. 98 стр.).

Акты не сочиняютъ, а лишь только собираютъ и издаютъ. У меня жъ Вишенскій „сочинитель“ (№ 18, 1031 стр.), составитель посланій Аеонскихъ старцевъ въ Малороссіи (№ 17, 1025 стр.).

Въ названіи инока Іоанна Вишенскаго господиномъ нѣтъ ничего удивительнаго и подозрительнаго. Монахъ І. Вишенскій называется у меня господиномъ для большей убѣдительности въ незначительности этой старообрядческой ссылки на Вишенскаго, чтобы съ очевидностью показать, каковъ авторитетъ посланій аеонскихъ старцевъ. Это посланіе не отцевъ Церкви, а лишь старцевъ, имѣющее далеко не то значеніе, какое усвояютъ ему безпоповцы.

Поменьше, поменьше, г. Васильевскій, самомнѣнія. Не считайте своего товарища по академіи, бесѣдующаго со старообрядцами не по выходу лишь изъ Академіи и ради должности, а съ молодыхъ, съ 15 лѣтъ, благодаря своему происхожденію изъ раскола, какимъ-то невѣждой, не знающимъ, кто такой монахъ Іоаннъ Вишенскій. Вашими устами говорить лишь одна досада. Вы думали монополизировать А. Коновалова, но опоздали. Бесѣды, написанныя мной бесплатно и изданныя „Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ“ отдѣльною брошюрой, цѣна коей лишь 10 коп., несмотря на богатство матеріала, появились прежде задуманнаго Вами учебника по новѣйшей полемикѣ съ расколомъ!

Г. Васильевскому не пріятно, что я „г. Казани единовѣрческій священникъ“ (стр. 98). Пусть будетъ покоенъ и удовлетворенъ.

Свящ. г. С.-Петербурга С. Шлевъ.

1905 г. февраля 10 д.

А. Пахарнаевъ. «Богъ дастъ». Повѣсть, С.-Петербургъ, 1905 г. Ц. 10 коп.

Повѣсть г. Пахарнаева написана, какъ видно, съ цѣлью дать нашему простому народу чтеніе съ сюжетомъ изъ его быта, но на идейной, релігіозной подкладкѣ. Нужно замѣтить, что опытовъ подобной литературы у нашихъ свѣтскихъ писателей еще очень мало, если не считать подобныхъ повѣстей Л. Н. Толстого, Лѣскова и др., изданныхъ «Посредникомъ». Но эти послѣднія повѣсти имѣли тенденціозную подкладку: отвратить простолюдина отъ Церкви и ея ученія. Брошюра г. Пахарнаева имѣетъ противоположную цѣль. Содержаніемъ ея служить разсказъ объ одномъ крестьянинѣ Іаковѣ, котораго, подобно Іову, постигали разнаго рода бѣды, какъ онъ все это перетерпѣлъ и нашелъ наконецъ утѣшеніе въ Библии, а также и въ мирномъ остаткѣ дней своихъ. Исторія Іакова составлена, такимъ образомъ, на библейскій сюжетъ Іова. Что касается выполненія, то повѣсть хотя и нельзя назвать выдающимся беллетристическимъ произведеніемъ, однако разсказъ читается съ большимъ интересомъ. Что можно поставить въ вину писателю, такъ это слишкомъ блѣдную обрисовку сельскаго пастыря, который не представляетъ живой фигуры. Допустимъ, что среди нашего пастырства много неважныхъ, въ селахъ, можетъ быть и совсѣмъ плохихъ, но на писателѣ-то разсказа подобнаго разсказу г. Пахарнаева, т. е. идейнаго, указывающаго на то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, чѣмъ долженъ быть и пастырь, лежитъ прямая обязанность вывести пастыря добраго, „полагающаго душу за овцы своя“, т. е. указать идеаль, а не дѣйствительность. Худосочны и не сильны разговоры въ повѣсти вообще, пахнутъ искусственностью и дѣланностью, а бесѣда пастыря даже очень манерна. Человѣкъ съ душой живой и сочувствующей такъ не станетъ говорить. У г. Пахарнаева пастырь, такъ сказать, иконописный, а не живописный, да и другія дѣйствующія лица такого же характера. Говоримъ это, конечно, не въ упрекъ автору, а для того только, чтобы дать ему точку отправленія для дальнѣйшаго движенія. Принимая во вниманіе затѣмъ, что это первый беллетристическій опытъ и притомъ въ такомъ желательномъ для церкви направленіи, можно только поблагодарить автора, а брошюру его порекомендовать для миссіонерскихъ бібліотекъ и читаленъ.

Свящ. М. Лисицынъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва:

Молитвословъ. *Изданіе Почаево-Успенской лавры.* Стр. 308. Почаевъ, 1904 г. Ц. 30 к.

Описаніе Почаевской Успенской лавры. *Изд. 5-е, испр. и дополн., съ планомъ лавры, 27 картин. и нотами.* Почаевъ, 1904. Стр. 148.

Волыно-Почаевскій патерикъ. Почаевъ, 1904 г. Стр. 158. Ц. —.

Приложеніе къ Почаевскому листку, 1904. Стр. 416.

І. Серебровскій. Гробница схимонаха Іосифа въ с. Старыхъ Печерахъ.

М. М. Бородинъ. Памяти финляндскаго генераль-губернатора Н. И. Бобринкова. Харьковъ, 1905. Стр. 51. Ц.

ХРОНИКА.

Лѣтопись расколо-сектантства за конецъ минувшаго года.

Пѣніе у сектантовъ.—Пропагандистское миссіонерское значеніе сектантскаго пѣнія и гимновъ.—Книгоноша-миссіонеръ.—Присоединеніе къ православію молоканина.—Желательная перемѣна въ практикѣ собесѣдованія съ сектантами.—Распространеніе австрійщины на Печорѣ.—Общее состояніе тамъ раскола.—Пропаганда раскола при помощи фотографіи.—Присоединеніе къ Церкви старообрядческаго священника Анатолія.—Другія присоединенія.—Миссіонерскія экскурсіи.—Чудо милости Божіей по молитвамъ св. Серафима Саровскаго—Стрѣла въ елѣѣ.

Конецъ минувшаго года, нельзя сказать, чтобы обогатилъ хронику расколо-сектантства какими-либо новыми событіями. Поддерживалось приблизительно прежнее положеніе, обрисованное въ прежнихъ лѣтописныхъ эскизахъ, знакомыхъ нашимъ читателямъ. Нельзя не отмѣтить однако все чаще и чаще встрѣчающееся у хроникеровъ епархіальныхъ органовъ указаніе на *церковное пѣніе*, какъ факторъ очень важный въ миссіонерскомъ дѣлѣ.

Такъ одинъ изъ нихъ, миссіонеръ, рассказывая, что сектантствомъ заражаются крестьяне, главнымъ образомъ, на отхожихъ промыслахъ, гдѣ они встрѣчаются съ самыми разнообразными видами сектъ, отмѣчаетъ, что, по возвращеніи домой, „они рассказываютъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ индифферентно, но нельзя не уловить въ нихъ той душевной улады, съ которой они отзываются объ умилительномъ пѣніи сектантовъ“. Это обстоятельство наводитъ автора на мысль устраивать въ нашихъ церквахъ общенародное пѣніе. Но какое?—вотъ въ чемъ вопросъ. Попытки устройства гармоническаго пѣнія по обыкдену придворному и др. подобнымъ оказывались до сихъ поръ неудачными. Нужно дать народу пѣніе *народное*, ему понятное, такого именно

стиля, который такъ привлекаетъ крестьянъ въ секты. А пѣніе сектантское чисто народнаго склада. Въ этомъ случаѣ намъ нужно руководиться примѣромъ свв. отцевъ Церкви. Св. Ефремъ Сиринъ, напр., составлялъ гимны въ тѣхъ же ладахъ, что и еретикъ Вардесанъ. То же дѣлалъ и св. Василій Великій въ борьбѣ съ аріанами. Тоже, слѣдов., нужно дѣлать и православнымъ пастырямъ, миссіонерамъ и композиторамъ.

Прекратилось почти у насъ православныхъ также домашнее, не церковное пѣніе псалмъ и духовныхъ стиховъ, лѣтъ 20 однако назадъ еще раздававшееся въ домахъ православныхъ людей. И кто знаетъ? Можетъ быть, нѣкоторыхъ заблудшихъ овецъ и увлекаетъ это домашнее пѣніе съ религіознымъ содержаніемъ. Вотъ нѣкоторые изъ штундбаптистскихъ гимновъ въ передачѣ Омскаго миссіонера, записавшаго ихъ на одномъ изъ собраній сектантовъ:

„Христе! Даруй душѣ моей
Часть вѣчную во искупленье,
Совершеннымъ Кровію Твоей,
Даруй грѣховъ Ты мнѣ прощенье!
Возьми мой духъ и въ сердцѣ скрой,
Проназномъ за меня—Спаситель!
Скорѣй веди меня съ Собой—
Ты въ вѣчную обитель.
Господь! Примѣръ Твой впечатлѣй
Мнѣ въ душу вѣрою святою,
Пока въ обители Твоей
Любовью буду жить одною.
Даруй, чтобъ съ тщаніемъ всегда
Свой долгъ я исполнять старался
И чтобъ залогъ Твой никогда
Въ душѣ моей не затмевался!
Коль нѣтъ въ любви моей огня,
Въ молитвѣ словъ и вдохновенья,
Пусть кровь Твоя, Твой Крестъ мученья
Предъ Богомъ молятъ за меня“.

Пѣніе ведется по указанію „старшаго брата“, или „пресвитера“, который, обыкновенно, первымъ начинаетъ запѣвать, а затѣмъ уже къ нему присоединяются и другіе. Вотъ еще одинъ стихъ, слышанный Омскимъ миссіонеромъ:

Кто Спасителя съ вѣрою зреть на Крестѣ,
Тотъ и будетъ спасенъ въ тотъ же часъ;
Лишь взирай на Него,—Отцемъ данъ Онъ тебѣ,—
Бывъ избранъ, тебя Онъ тѣмъ спасъ.

Хоръ: Зри, зри, грѣшникъ, зри!
 Какую любовь оказалъ Онъ тебѣ,
 О, счастливый ты, грѣшникъ, на вѣкъ!
 Не понесъ ли Христосъ на себѣ всѣ грѣхи,
 Пригвожденъ былъ на крестъ за тебя?
 Не текла-ль Его кровь въ полной, нѣжной любви!
 Для спасенья тебя и меня?

Хоръ: Зри, зри! и т. д.
 Молитвы и слезы безсильны твои,
 Чтобы съ Богомъ тебя примирить,
 Отъ суда избавленье—въ Христовой крови,
 Онъ готовъ тебѣ милость излить.

Уоръ: Зри, зри! и т. д.
 Отбрось всѣ сомнѣнья и съ твердостью вѣрь,—
 Больше нечего дѣлать тебѣ;
 Твой Исусъ, вѣдь, пришель за тебя черезъ смерть.
 Чтобъ доставить блаженство тебѣ.

Хоръ: Зри, зри! и т. д.
 Прими съ ликованьемъ побѣду Христа,—
 Вѣчный рай Онъ даруетъ тебѣ,
 О, вѣрь, не колеблясь отнынѣ всегда
 Въ свой вѣчный удѣлъ во Христв!

О сектантскомъ пѣніи Омскій миссіонеръ говоритъ слѣдующее: „Въ нашемъ присутствіи сектанты были возбужденно настроены, пѣли съ большимъ усердіемъ, старались показать товаръ лицомъ, и отъ этого, какъ всегда бываетъ, проигрывали въ силѣ впечатлѣнія, но все-таки общее возбужденіе и пѣніе производили впечатлѣніе. Пѣніе смѣнилось проповѣдью, послѣ которой пропѣтъ былъ новый гимнъ:

Отчизна моя въ небесахъ,
 Къ ней стремится и рвется душа,
 Тамъ святые въ безсмертныхъ лучахъ,
 Тамъ струится живая рѣка.
 Въ небесахъ.. Отчизна моя въ небесахъ..
 Господь меня ждетъ въ небесахъ,
 Тамъ готова обитель моя,
 Отдыхъ мирный на злачныхъ лугахъ,
 Въ его свѣтломъ, блаженномъ раю.
 Въ небесахъ.. Господь меня ждетъ въ небесахъ..
 Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ.
 Скоро кончится путь мой земной;
 Тамъ мнѣ встрѣтится въ райскихъ вратахъ
 Тѣ, что вѣрою жили святой.
 Въ небесахъ.. Ужъ скоро мнѣ быть въ небесахъ..

..Только что допѣли послѣдній стихъ, говоритъ миссіонеръ, какъ сидѣвшая въ заднихъ рядахъ одна старуха начала всхлипывать, потомъ рыдать и причитать какія-то трудно различимыя слова. Вслѣдъ за

старухой еще челоѡкъ шесть говорили свои молитвы отъ сердца, общее содержаніе которыхъ можно выразить слѣдующими словами: „Господь мой милостивый и дорогой! Ты удостоилъ меня слышать Твое слово, запечатлѣй его на моей душѣ. Я былъ прежде великій грѣшникъ и жилъ въ развращенномъ мѣрѣ. Теперь Ты призвалъ и убѣдилъ меня, помоги же мнѣ проходить земную юдоль плачевную“...

Сектанты поютъ стихи и за Царя. Вотъ стихъ, свѣтый, по разсказу миссіонера, въ заключеніе собранія:

Боже, Царя храни!
 Сущный, предвѣчный
 Царь царей вѣчный!
 Дай Царю мирные дни,
 Царю Россіи
 Лѣта многія
 Даруй здѣсь на землѣ!
 Боже! Царя храни.
 Сильный державный!
 Чудный, всеславный,
 Дай всѣмъ счастливые дни:
 Властямъ Россіи
 Лѣта многія
 Даруй здѣсь на землѣ!
 Боже, Царя храни!
 Мѣрѣ возлюбившей,
 Свѣтъ намъ явившей,
 Дай всѣмъ счастливые дни;
 Дай всей Россіи
 Лѣта многія
 Даруй здѣсь на землѣ!

Въ заключеніе своего описанія Омскій миссіонеръ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о пѣніи сектантовъ. „Долженъ сказать, пишетъ онъ, что массовое пѣніе сектантовъ, сопровождаемое изступленными, истеричными молитвами отъ сердца, производитъ сильное впечатлѣніе на слушателя. Недаромъ, еще аріане для пропаганды своего ученія составили и распѣвали стихи; недаромъ, и наши [сектанты распѣвають свои пѣсни. Впечатлительный, малограмотный челоѡкъ легко поддается вліянію „жалибныхъ піесенъ“, какъ сказалъ мнѣ, говоритъ Омскій миссіонеръ, одинъ малороссъ: и часто, благодаря только пѣнію, сердце его открывается къ принятію гнилыхъ сѣмянъ“. Ясное дѣло, что и православному нужно бороться тѣмъ же оружіемъ: издавать въ православномъ духѣ сборники духовныхъ гимновъ, заводить пѣніе ихъ сначала въ школахъ, а потомъ это пѣніе само собою перейдетъ и въ дома.

Сектантское пѣніе и гимны нѣкоторыми своими выраженіями могутъ служить и миссіонерскимъ цѣлямъ. Такъ, въ нихъ есть указаніе и на

необходимость поднятія очей къ небу, колѣнопреклоненія, паденія ницъ и т. п. вѣшной обрядности, которую они въ принципѣ отрицають.

Такіе стихи какъ:

Великъ нашъ Богъ...

Когда въ слезахъ поднимемъ взоръ

Къ Нему съ молитвой о прощеньи...

Или: Когда креста нести нѣтъ мочи

Мы къ небесамъ возводимъ очи

Или: Надѣйся на Бога, дитя дорогое!

На милость Его уповай!

Лишь въ утреннемъ небѣ заря загорится,

Смиренно колѣна склони.

Или: Призови Христа на помощь...

Ницъ падемъ мы передъ нимъ.

Или: Боже, жизнь возьми...

Возьми руки, ихъ къ Тебѣ

Простираю я въ мольбѣ.

Миссіонерамъ въ полемикѣ съ сектантами по вопросу объ обрядности слѣдовало бы пользоваться ссылкой на подобныя мѣста сектантскихъ гимновъ. Кажется, впервые сдѣлано указаніе на этотъ полемическій приѣмъ въ „Херсонскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“, № 18. Такіе доводы, приводимые отъ истинъ, признаваемыхъ самими заблуждающимися, могутъ быть иногда очень убѣдительно, какъ и вообще полезно иногда въ полемикѣ становиться на точку зрѣнія заблуждающагося, чтобы, стоя съ нимъ на одной почвѣ, удобнѣе было вразумить его.

Довольно любопытный въ этомъ отношеніи примѣръ представляетъ одинъ книгоноша-миссіонеръ. Вотъ его разсказъ о своей бесѣдѣ съ молоканскимъ наставникомъ Архипомъ Васильевымъ въ с. Пановыхъ-Кустахъ (Тамб. г.). Во время ночлега у этого послѣдняго книгоноша-миссіонеръ завелъ бесѣду о водномъ крещеніи, которая затянулась до 2 часовъ ночи. Архипъ, понятно, подъ водою крещенія вездѣ понимаетъ воду духовную. Книгоноша сослался на примѣръ внука эіопскаго, о которомъ говорится въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, что онъ крестился въ водѣ вѣщественной, и другіе молокане признають это, считая только болѣе важными слова: „Если *въруешь отъ всего сердца*“, — «бращенныя къ внуку ап. Филипомъ. „Но Архипъ хотѣлъ провести духъ вездѣ и до конца“.

— «Въ какой водѣ крестился внучекъ? — спрашиваетъ книгоноша Архипа. — «Въ духовной», отвѣчаетъ послѣдній. — Ну, тогда на какой же колесницѣ ѣхалъ онъ? — «Тоже на духовной — онъ читалъ писанія пророковъ. А ты думаешь на обыкновенной? Нѣтъ, мелко плаваешь; Писаніе — глубина премудрости». — Значитъ по твоему, возражаетъ книгоноша, внучекъ вовсе никуда и не ѣздилъ, а просто читалъ Писанія? — «Конечно, не ѣздилъ. Это только притча, иносказаніе. Онъ, *можетъ быть*, просто сидѣлъ у себя дома и читалъ Исаію. Чего ему ѣхать въ Іерусалимъ? И потомъ

смотри, развѣ вельможи ѣздятъ въ одиночку? Съ ними всегда кучера, лакеи, егеря и свита; а онъ ѣхалъ одинъ».—Но однако же въ Писаніи ясно, что онъ ѣздилъ въ Іерусалимъ, и возвращался обратно по дорогѣ на Газау?—«Въ Іерусалимъ-то, Іерусалимъ да только какой? Въ Іерусалимъ духовный, небесный, т. е. онъ, читая Исаію, былъ на пути спасенія и приближался къ Царствію Божію».—Ну, хитерь ты, замѣтилъ Архиппу книгоноша. А скажи, дядя Архипъ, какъ же это писано, что внучухъ побывалъ въ Іерусалимѣ, а когда подошелъ къ нему Филиппъ благовѣстникъ, это онъ возвращался уже изъ Іерусалима обратно. Что-то нескладно выйдетъ по твоему: значить, внучухъ, еще невѣрующій язычникъ, уже до благовѣстія Филиппа былъ въ царствіи небесномъ, а послѣ благовѣстія и крещенія продолжалъ ѣхать изъ духовнаго Іерусалима опять въ язычество и все-таки получилъ Духа Божія?!—Архипъ Васильевъ смущенно бормоталъ: «ѣхалъ изъ Іерусалима,—значить колебался». Но видно, замѣчаетъ книгоноша, что ему самому было стыдно своихъ словъ. «Придираешься ты, малый, сказалъ онъ, и совсѣмъ отводишь рѣчь отъ воды». Но на духовномъ толкованіи воды вышла у Архипа опять путаница. Выходило, что Духъ Св. сошелъ на внуха не тогда, когда онъ погружался въ воду (т. е. по Архипу истинное ученіе), а, наоборотъ, когда вышелъ изъ воды (т. е. изъ истиннаго ученія), или что погружались оба и внухъ и Филиппъ, который однако былъ не язычникомъ, а вѣрнымъ и на котораго Духъ Св. однако не сошелъ. Такъ книгоноша-миссіонеръ, ставши на точку зрѣнія сектанта, заставилъ его запутаться въ своихъ лжемудрствованіяхъ.

Но какъ не опутываютъ сектанты самихъ себя и своихъ братій разнаго рода лживыми мудрованіями, все-таки конецъ мивувшаго года ознаменовался *присоединеніемъ къ православной Церкви сектанта* молоканина въ слободѣ Купавѣ, Хоперскаго у., Василія Николаева Васильева, мѣщанина г. Балашова, Саратовской губ.

«Уже болѣе года, рассказывалъ присоединенный, въ душѣ моей зародилось сомнѣніе въ правотѣ молоканской секты, и я задумалъ перейти въ православную вѣру. Съ теченіемъ времени эту мысль свою я пожелалъ осуществить на дѣлѣ. Слѣдуя этому желанію, я началъ часто посѣщать православный храмъ и внимательно относиться къ совершаемому въ немъ богослуженію. Внѣшнее благолѣпіе христіанскаго храма, благоговѣйное настроеніе, усердная и теплая молитва православныхъ, порядокъ и тишина при совершеніи церковныхъ службъ производили на меня постоянно сильное впечатлѣніе, и я навсегда отказался посѣщать собранія своихъ годовѣрцевъ, сплошь и рядомъ сопровождавшіяся многими поступками, несродными духу христіанской религіи. Вскорѣ я сроднился съ православнымъ храмомъ. Принять православіе стало моею завѣтною мечтой... Призвавъ на помощь все то, что дало мнѣ школьное, и въ особенности, внѣшкольное образованіе, я съ усердіемъ и большой ревностью повторилъ и значительно пополнилъ свои знанія истинъ христіанскаго православнаго вѣроученія».

Послѣ этого важнымъ тормазомъ къ принятію православія былъ вопросъ о матеріальномъ существованіи Васильева. Онъ былъ убѣжденъ, что его родители и братья, безбѣдные люди, но откажутся принимать,

хотя бы малѣйшее участіе въ судьбѣ его за отступничество отъ ихъ вѣры. Между тѣмъ Васильеву всего было только 18 лѣтъ. Но хорошее знакомство В. съ кузнечной работой поборола и это сомнѣніе. Васильевъ рѣшилъ, что лучше быть въ бѣдности и зарабатывать хлѣбъ своими руками, чѣмъ пренебречь своимъ спасеніемъ и быть во лжи. Повинуясь словамъ Спасителя, сказавшаго:—„иже любитъ отца или мать паче мене, нѣсть Мене достоинъ“, онъ порвалъ связь съ близкими родными и этимъ утолил свою духовную жажду въ источникѣ живой воды св. крещенія“.

Если сравнительно съ обращеніемъ старообрядцевъ цифра обращающихся въ православіе сектантовъ меньше, то причина этого кроется, конечно, прежде всего въ большей самоувѣренности сектантовъ, усвоившихъ себѣ идею самоспасенія безъ помощи таинствъ церковныхъ, и рационалистическомъ характерѣ сектантства. Впрочемъ, нельзя отрицать и еще одного обстоятельства, на которое указываетъ одинъ изъ миссіонеровъ, а именно на то, что самая практика собесѣдованій съ сектантами не всегда соответствуетъ своей идеѣ и что *желательна въ той области переменна*. Сущность мысли этого миссіонера заключается въ слѣдующемъ.

Многіе миссіонеры считаютъ своей священной обязанностью въ началѣ собесѣдованій выставить на видъ *противоположность* по предлагаемому вопросу ученія православнаго и сектантскаго.—Мы, напр., признаемъ почитаніе иконъ дѣломъ богоугоднымъ, сектанты нѣтъ. Пусть же они докажутъ-де. И начинается борьба двухъ враждебныхъ лагерей. Напряженіе бываетъ съ двухъ сторонъ сильное.

«Разбить противниковъ на голову, замѣчаетъ сей миссіонеръ, прижать, какъ ужа вилами,—вотъ вождельніе, отъ котораго трепещутъ сердца православныхъ и сектантовъ. Въ одномъ мѣстечкѣ, напр., рассказываетъ миссіонеръ, и до сихъ поръ православные старожилы съ восхищеніемъ рассказываютъ о доблести на собесѣдованіяхъ съ сектантами миссіонера-крестьянина Никиты Рубцова. «Сектанты»!—вопросилъ онъ—«скажите мнѣ, куда вы пойдете послѣ смерти?»—На лоно Авраамово полагаемъ, отвѣтствовали послѣдніе.—«Къ Аврааму вамъ нельзя: онъ былъ обрѣзанъ, а вы не обрѣзаны».—Ну, такъ въ лоно Христова, поправлялись сектанты.—«Къ Христу вамъ нельзя, отпарировалъ имъ Никита.—«Онъ былъ и обрѣзанъ и крещенъ, а вы ни обрѣзаны, ни крещены. Хотите, я вамъ скажу, куда вы пойдете? На лоно къ діаволу: онъ такъ же, какъ и вы, не обрѣзанъ и не крещенъ. Одна статья съ вашимъ братомъ». Толпа сектантовъ обезумѣла отъ ужаса передъ этимъ доводомъ.

Такое же примѣрно впечатлѣніе производитъ пріѣздъ „казеннаго“ миссіонера, вѣсть о прібытіи котораго быстро облетаетъ село. „Начнетъ качать, поворачивайся“, раздается говоръ въ деревнѣ. „Въ казенные какого-нибудь не назначать“.

Вслѣдствіе такого настроенія обѣ стороны встрѣчаютъ другъ въ другѣ

непроходимую стѣну, одну стѣну истины, другую—непроходимаго упорства, основанную на естественномъ психологическомъ законѣ, вызываемомъ самою манерою собесѣдованія нѣкоторыхъ миссіонеровъ. Поэтому, по мнѣнію этого миссіонера, нужно начинать собесѣдованіе не съ разногласія, а съ согласія. „Вамъ, говоритъ онъ, нужно вести бесѣду о почитаніи иконъ, креста. Вы знаете, что сектанты будутъ яростно нападать на васъ. Но почему? Потому что они предполагаютъ, что имъ придется избрать одно изъ двухъ—или признать иконы и крестъ и отказаться отъ „поклоненія въ духѣ и истинѣ“, или удержать дорогое для нихъ (и для насъ) послѣднее ученіе и отвергнуть иконы и крестъ“. Сектанты, конечно, судятъ тутъ неправильно, но не совсѣмъ правилень и миссіонерскій методъ. „Начните, совѣтуетъ миссіонеръ, съ раскрытія православнаго ученія о поклоненіи въ духѣ и истинѣ, и вы увидите, каково будетъ впечатлѣніе“.

Прочтеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ брошюры еп. Теофана, по замѣчанію этого миссіонера, можно заставить собесѣдниковъ раскрыть глаза отъ изумленія: всѣ станутъ спрашивать, подлинно ли таково ученіе Церкви, не одни ли вы такъ вѣруете и проповѣдуете; а затѣмъ будутъ слушать уже не только безъ злобы, но и съ сочувствіемъ. Если затѣмъ послѣ передачи общихъ положеній о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ заговорить о значеніи св. Писанія, какъ руководства въ подвигахъ истинно духовной жизни (с чѣмъ сектанты особенно любятъ слушать), а затѣмъ по примѣру 7-го вселенск. собора начать сближать по содержанію евангеліе съ иконами, то успѣхъ бесѣды можно считать обезпеченнымъ.

Въ такомъ духѣ была проведена въ концѣ минувшаго года бесѣда въ одномъ селѣ Волинской епархіи мѣстнымъ миссіонеромъ съ молоканами. „Не думайте, братіе, говорилъ онъ имъ предварительно, что православные при богослуженіи требуютъ одного усерднаго преклоненія головы, колѣнъ и т. п. Нѣтъ, не въ томъ суть богослуженія, по ученію Церкви. Отъ истинно православнаго поклонника требуется прежде всего, чтобы онъ имѣлъ въ душѣ благоговѣйныя къ Богу чувства. Кто не имѣетъ этихъ чувствъ, тотъ, хотя бы цѣлый день простоялъ на колѣняхъ, не есть истинный поклонникъ“. Изъ пятерыхъ вожаковъ сектантства четверо вполне согласились съ священникомъ - миссіонеромъ, и только одинъ заворенѣлый сектантъ, у котораго возражать православнымъ обратилось уже въ привычку, сталъ доказывать совершенно противоположную мысль, а именно, что человекъ поклоняющійся тѣлесно, хотя бы не имѣлъ благоговѣйныхъ чувствъ, все же есть поклоняющійся Богу. Но тутъ даже сами сектанты остановили своего апологета. „Не дѣло ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ, возразили ему они, батюшка говорить правду“. Результатомъ бесѣды вмѣсто озлобленія было то, что сектанты пригласили батюшку послѣ собесѣдованія къ себѣ пить чай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Свящ. М. Лисицынъ.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Неисповѣдному Промыслу Божію благоугодно было по-
святить Отечество наше тяжкими испытаніями:

Кровопрлитная война на Дальнемъ Востокѣ за честь и
достоянство Россіи и за господство на водахъ Тихаго океана,
столь существенно необходимое для упроченія въ долготу вѣ-
ковъ мирнаго преуспѣванія не только нашего, но и иныхъ христіан-
скихъ народовъ,—потребовала отъ народа Русскаго значитель-
наго напряженія его силъ и поглотила многія дорогія, родныя
сердцу Нашему жертвы.

Въ то время, когда доблестнѣйшіе сыны Россіи, съ беззавѣт-
ною храбростію сражаясь, самоотверженно полагаютъ жизнь
свою за вѣру, Царя и Отечество,—въ самомъ Отечествѣ нашемъ
поднялась смута на радость врагамъ нашимъ и къ великой
сердечной Нашей скорби.

Ослѣпленные гордынею злоумышленные вожди мятежнаго
движенія дерзновенно посягаютъ на освященные Православною
Церковью и утвержденные законами основныя устои Государства
Россійскаго, полагая, разорвавъ естественную связь съ прош-

лымъ, разрушить существующій государственный строй и вмѣсто онаго учредить новое управление страню на началахъ, Отечеству нашему несвойственныхъ.

Злодѣйское покушеніе на жизнь Великаго Князя, горячо любившаго Первопрестольную Столицу и безвременно погибшаго лютою смертію среди священныхъ памятниковъ Московскаго Кремля, глубоко оскорбляетъ народное чувство каждаго, кому дороги честь русскаго имени и добрая слава нашей Родины.

Со смиреніемъ принимая всѣ сіи, ниспосланныя Правосудіемъ Божіимъ испытанія, Мы почерпаемъ силы и утѣшеніе въ твердомъ упованіи на милосердіе Господа, отъ вѣка Державъ Россійской являемое, ѿи въ извѣстной Намъ исконной преданности Престолу вѣрнаго народа Нашего.

Молитвами Святой Православной Церкви, подъ стягомъ Самодержавной Царской Власти и въ неразрывномъ единеніи съ Нею, Земля Русская не разъ переживала великія войны и смуты, всегда выходя изъ бѣдъ и затрудненій съ новою силою несокрушимую.

Но внутреннія нестроенія послѣдняго времени и шатанія мысли, способствовавшія распространенію крамолы и безпорядковъ, обязываютъ Насъ напомнить Правительственнымъ Учрежденіямъ и Властямъ всѣхъ вѣдомствъ и степеней долгъ службн и вѣдннн присяги и призвать къ усугубленію бдительности по охранѣ закона, порядка и безопасности, въ строгомъ сознаніи нравственной и служебной отвѣтственности передъ Престоломъ и Отечествомъ.

Непрестанно помышляя о благѣ народномъ и твердо вѣруя, что Господь Богъ, испытавъ наше терпѣніе, благословитъ оружіе наше успѣхомъ, Мы призываемъ благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ, соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ Землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней, памятуя, что лишь при спокойномъ и бодромъ состояніи духа всего населенія страны возможно достигнуть успѣшнаго осуществленія предначертаній Нашихъ, направленныхъ къ обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка.

Да стануть же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ Русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами.

И да подасть Господь въ Державѣ Россійской: Пастырямъ—святую, Правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе, къ вѣщему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

1905 года, февраля 18-го. „Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи Россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышанными.

Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ Совѣтъ Министровъ, сверхъ дѣлъ, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ.

Александръ Григорьевичъ!

Вѣрные исконному обычаю народа русскаго—нести къ Престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ Отечествомъ,—дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества, со всѣхъ концовъ земли Русской, принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія, по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ

достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершенія войны и посвятить всё свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи Государственнаго порядка.

Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать прѣвѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрнопоподданническихъ чувствъ, которыя въ трудное переживаемое нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему, придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвышенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстною работою правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣщеносныхъ Предковъ Моихъ—собираніе и устроеніе земли русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощію, привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Сображая особыя условія обширнаго Отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государи Россійскіе въ мудрости Своей всегда даровали необходимыя, въ зависимости отъ назрѣвшихъ потребностей, преобразования, лишь въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и съ осмотрительностью, обезпечивающей неразрывность крѣпкой исторической связи съ прошлымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразованій въ будущемъ.

И нынѣ, предпринимая сіе преобразование, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечитъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ предвижу и трудность проведенія сего преобразования въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи.

А посему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣна спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предсѣдательствомъ Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.

Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ вѣреннаго Мнѣ народа.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

18 февраля 1905 г.,
Царское Село.

„НИКОЛАЙ“.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ

25-го января 1905 года.

О порядкѣ выполненія пункта шестого Именного Высочайшаго Указа отъ 12-го декабря 1904 года.

Приступивъ къ обсужденію способовъ осуществленія пункта 6-го Именного Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 года г., Комитетъ Министровъ, въ присутствіи приглашенныхъ, по особому Высочайшему повелѣнію, высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, и первоприсутствующаго въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сенатора Таганцева, остановился прежде всего на вопросѣ о порядкѣ исполненія выраженнаго въ послѣдней части п. 6 указа 12-го декабря Высочайшаго повелѣнія „принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религиозномъ бытѣ раскольниковъ и лицъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія“.

По этому поводу Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ объяснилъ что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признавало необходимымъ, предварительно осуществленія этой части Указа, получить руководящія указанія со стороны Комитета Министровъ; такъ какъ представлялось бы неудобнымъ возвращаться потомъ къ такимъ мѣрамъ, которыя были бы отмѣнены имъ въ силу п. 6 Указа и дальнѣйшая необходимость коихъ въ послѣдствіи признана была бы Комитетомъ Министровъ. Сверхъ того самое избраніе способа осуществленія предстоящихъ мѣропріятій возбуждало нѣкоторыя сомнѣнія. Первоначально Министерство предполагало привести въ извѣстность всѣ дѣйствующія административныя распоряженія, изъ коихъ нѣкоторыя въ свое время даже не доводились до свѣдѣнія центрального управленія, и пересмотрѣть оныя съ цѣлью отмѣны тѣхъ, которыя не вытекаютъ изъ закона. Однако такой порядокъ едва ли удовлетворилъ бы требованію Указа о быстромъ исполненіи Высочайшихъ предначертаній, такъ какъ для собранія и пересмотра весьма многочисленныхъ матеріаловъ потребовалось бы довольно значительное время. Въ виду сего Министерство останавливается на той мысли, чтобы, не ожидая приведенія въ извѣстность всѣхъ касающихся вѣротерпимости распоряженій какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ властей, отмѣнить совокупность ихъ безъ подробнаго даже ихъ пересмотра, съ тѣмъ, чтобы оставлены были въ силѣ только опредѣленные распоряженія, дѣйствіе которыхъ признано будетъ и впредь необходимымъ сохранить по важному ихъ для Государства значенію.

Вслушавъ изложенныя объясненія, Комитетъ не счелъ возможнымъ

остановиться на первомъ изъ упомянутымъ способамъ, въ виду сопряженной съ нимъ несомнѣнно значительной задержки, въ приведеніи къ дѣйствительному исполненію Монаршей Воли о томъ, чтобы распоряженія административныхъ властей, устанавливающія стѣсненія религіознаго быта и прямо не вытекающія изъ закона, были отмѣнены.

Съ другой стороны, при сложившейся вѣками близости у насъ вѣроисповѣдныхъ и племенныхъ отличій, нѣкоторыя стѣснительныя въ дѣлахъ вѣры мѣропріятія имѣютъ скорѣе политическое, чѣмъ религіозное значеніе, и въ силу этого могутъ подлежать сохраненію и впредь. При такомъ положеніи дѣла единственно правильнымъ являлось бы, въ виду прямого текста п. 6 указа, приданіе этимъ мѣропріятіямъ силы закона по обсужденіи ихъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Поэтому Комитетъ полагалъ, что Министерству Внутреннихъ Дѣлъ надлежитъ, безъ замедленія и во всякомъ случаѣ не поздне трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія Его Императорскимъ Величествомъ настоящихъ предположеній, озаботиться отмѣною всѣхъ, прямо не установленныхъ въ законѣ стѣсненій свободы вѣроисповѣданія и войти съ представленіями въ Государственный Совѣтъ объ утвержденіи тѣхъ изъ дѣйствующихъ распоряженій, дальнѣйшее существованіе которыхъ признается по соображеніямъ государственнымъ необходимымъ, засимъ всѣ остальные распоряженія, о которыхъ не будетъ тогда же сдѣлано представленія, должны почитаться отмѣненными. Такимъ путемъ въ ближайшемъ будущемъ большая часть стѣснительныхъ административныхъ распоряженій будетъ дѣйствительно отмѣнена, а тѣ, которыя подлежатъ сохраненію—получать силу закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ рѣшительнымъ образомъ высказался за необходимость принятія мѣръ къ устраненію самой возможности возникновенія какихъ-либо новыхъ стѣсненій въ области вѣры, развѣ бы они были установлены закономъ.

На ряду съ такими распоряженіями безотлагательной отмѣнѣ подлежали бы, по единогласному убѣжденію Комитета, стѣснительныя мѣры, принятія по религіознаго свойства поводамъ какъ центральнымъ управленіемъ Министерства, такъ и мѣстными главными и губернскими начальствами въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, на основаніи положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и о полицейскомъ надзорѣ [Уст. Пред. Прест., прилож. I и II къ ст. 1 (прим. 2)]. По самой цѣли изданія и содержанию ихъ Положенія эти установлены собственно для борьбы съ противоправительственной пропагандою, а потому имѣвшее мѣсто, едва ли правильное, примѣненіе ихъ къ дѣламъ религіознаго свойства должно быть, въ отвѣтствіе выраженной въ п.п. 5 и 6 указа 12-го декабря 1904 года Монаршей Волѣ Его Императорскаго Величества, прекращено съ освобожденіемъ лицъ, подвергшихся дѣйствию оныхъ, отъ дальнѣйшаго стѣ-

свѣнія ихъ свободы. Что же касается засимъ лицъ, подвергшихся заключенію въ монастыри или инымъ стѣсненіямъ свободы за религіозныя свои заблужденія и вытекающіе изъ нихъ поступки, не по суду, а по особымъ распоряженіямъ, то изданіе Указа 12-го декабря 1904 г. представляется несомнѣннымъ поводомъ къ немедленному пересмотру дѣлъ о всѣхъ такихъ лицахъ и представленію участи ихъ на Всемилоствѣйшее благовозрѣніе Его Императорскаго Величества со стороны подлежащихъ Главныхъ начальниковъ и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и не сомнѣваясь въ томъ, что, въ виду заключительнаго постановленія Указа 12-го декабря,—объ исполненіи всѣхъ таковыхъ мѣропріятій, какъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, будетъ доводимо до свѣдѣнія Комитета Министровъ по мѣрѣ ихъ осуществленія, комитетъ, сообразно исключительной спѣшности предположенныхъ нынѣ мѣръ, почелъ долгомъ свое по нимъ заключеніе представить на Высочайшее Его Величества благовозрѣніе особо отъ прочихъ предположеній по исполненію п. 6 указа.

На основаніи всего вышеизложеннаго Комитетъ положилъ:

1. Предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) безъ замедленія и во всякомъ случаѣ не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія сего положенія, распорядиться отмѣною всѣхъ, кромѣ указанныхъ въ слѣдующемъ пунктѣ (2), стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры и неоснованныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, отъ какихъ бы начальствъ они не исходили, 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры административныхъ распоряженій окажутся такия, примѣненіе коихъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ признаетъ необходимымъ, то на утвержденіе оныхъ испросить чрезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее соизволеніе, и 3) принять дѣйствительныя мѣры надзора къ тому, чтобы никакими административными учрежденіями и лицами впредь не устанавливалось какихъ либо стѣсненій въ области религіи, закономъ не указанныхъ.

II. Поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) не допускать впредь примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства Положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей [Уст. Пред. Прест. прилож. I и II къ ст. I (прим. 2)], преподавъ надлежащія по сему предмету разъясненія всѣмъ административнымъ мѣстамъ и лицамъ, и 2) немедленно прекратить дальнѣйшее дѣйствіе всѣхъ, принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ центральнымъ управленіемъ Министерства или

мѣстными главными и губернскими начальствами мѣрь на основаніи упомянутыхъ выше (п. 1) Положеній, или въ какомъ либо иномъ порядкѣ;

и III. Поручить главнымъ начальникамъ вѣдомствъ и въ частности Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода немедленно войти со всеподданнѣйшими докладами къ Его Императорскому Величеству о помилованіи тѣхъ лицъ, которыя были подвергнуты безъ суда высылкѣ изъ мѣстъ постоянного жительства или лишенію свободы за религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ оныхъ поступки.

Таковыя заключенія Комитета повергаемы были на Всемилоствѣйшее одобреніе Его Императорскаго Величества и удостоились 11-го сего февраля Высочайшаго утвержденія.

Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“.

Имѣя время и возможность заниматься во время моей болѣзни религіозно-нравственнымъ чтеніемъ, я, между прочими книгами духовнаго содержанія, заинтересовался чтеніемъ *Христіанскаго Чтенія* за первые годы его изданія—22, 23, 24 и т. д. Въ одной изъ книжекъ за 24-й годъ (1824) въ концѣ я прочелъ слѣдующую поразительную статью, озаглавленную: *Обмиравшая женщина изъ раскола*. Въ ней изъясняется грозное рѣшеніе правосудія Божія надъ умирающими раскольниками, не обратившимися при жизни къ православной церкви, равно какъ спасительность обращенія къ ней. Вотъ эта статья:

Обмиравшая женщина изъ раскола.

Въ январѣ мѣсяцѣ сего 1824 года случилось здѣсь въ Санктпетербургѣ происшествіе, которое издатели почли достойнымъ сообщенія читателямъ *Христіанскаго Чтенія*. Разсказъ о семъ происшествіи представляется здѣсь совершенно въ томъ видѣ, какъ онъ находится въ донесеніи преосвященнѣйшему Серафиму, митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому, отъ священника единовѣрческой Благовѣщенской церкви, что за Черною рѣчкою, Михаила Степанова.

Умершаго С.-Петербургскаго купца Никиты Гаврилова Зевакина жена, вдова Александра Алексѣева, по рожденіи своемъ крещена была по обряду Греко-Россійской церкви, и потомъ, назадъ тому 14 лѣтъ, впала въ расколъ. Изъ сего 14-лѣтняго въ расколѣ пребыванія, семь лѣтъ была здорова, а въ остальные семь лѣтъ была больна чахоткой и 5 числа

настоящаго мѣсяца января, чувствуя себя приближенною къ кончинѣ жизни, исповѣдывалась отъ своего по расколу наставника, по имени Симона, который, исповѣдавъ ее, сказалъ, чтобъ она приобщилась. И когда она спросила его, чѣмъ ей приобщиться, тотъ наставникъ, снимая съ себя крестъ, говорилъ, что оный съ мощами; приобщись его духовнѣ; а что другаго никакого причастія, кромѣ сего креста, у него не имѣется. Какъ только Алексѣева тотъ крестъ поцѣловала (и спасительное знаменіе въ рукахъ самозванца наставника неспасительно), то вдругъ почувствовала въ горлѣ какую-то остановку, препятствующую свободно производить дыханіе, которое отчасу болѣе затруднялось и около 6 часа пополудни пришла въ измѣненіе такъ, что всѣ находившіеся при ономъ случаѣ не могли не думать, что она скончалась, и пребыла въ семъ положеніи часа съ полтора. Въ теченіи сего времени начали приговлять ее къ положенію во гробъ: сперва обмыли ее, потомъ одѣвши положили на полъ, а вышеупомянутый наставникъ Симонъ сталъ кадить около ея. Въ сію минуту она пришла въ прежній расшудокъ и вскричала, какъ ему Симону, такъ и всѣмъ бывшимъ съ нею въ расколѣ, чтобы они вышли вонъ, и просила изъ бывшихъ тутъ православныхъ христіанъ, чтобы они призвали священника для исповѣди ея и приобщенія св. Тайнъ. Почему и призвали меня 5 числа въ одиннадцатомъ часу ночи. По прибытіи моемъ, она, увидѣвъ меня, говорила при всѣхъ тутъ прилучившихся, что, во время вышеупомянутаго бывшаго надъ нею измѣненія, видѣла она какое-то ровное мѣсто, имѣющее на правой рукѣ озеро, а на лѣвой—болото, посреди коихъ тропинку, или путь, ведущій на высокую гору, на которой были (погребенныя уже давно при церкви): мать ея и бабушка, призывающія ее къ себѣ. Сколько же она ни начинала подвизаться на гору, и, дабы удобнѣе восходить, хваталась за траву; но вышеозначенный старикъ Симонъ ставилъ ее внизъ, такъ что трава у нея изъ рукъ вырывалась. И въ сіе время со содроганіемъ увидѣла она сперва своего мужа (въ расколѣ погребеннаго), лежавшаго въ болотѣ и денежнымъ мѣшкомъ покрытаго; потомъ увидѣла она покойныхъ пятерыхъ своихъ дѣтей, въ пропасти лежащихъ, о коихъ она сожалѣла; также видѣла покойную, знакомую ей женщину, христіанку, восходящую по тропинкѣ съ другой стороны озера на гору, и призывающую ее за собою туда. Когда же она, вдова Зевакина, силилась по той же съ женщиной тропинкѣ взойти на гору, то наставникъ Симонъ вдругъ схватилъ ее, и началъ тискать въ болото. Въ сію минуту она пришла въ прежній расшудокъ, и велѣла, какъ выше сказано, всѣмъ раскольникамъ выйти вонъ. Что же видѣла она еще, то хотя и силилась пересказать, но не могла. По семъ я, согласно желанію ея, исповѣдалъ ее и приобщилъ св. Тайнъ; на четвертый послѣ того день особоровалъ, и сіе все исполняла она съ неописаннымъ во-

сторгомъ. Наконецъ убѣдительно просила меня, чтобы пятерыхъ дѣтей ея, находящихся въ живыхъ: Іоанна 15, Андрея 13, Алексѣя 11, Параскеву 8 и Екатерину 3 лѣтъ, вывелъ изъ заблужденія чрезъ муропомазаніе.—Потомъ она жила до 12 числа января, до котораго времени я неоднократно посѣщала ее, и она, повторяя объ означенномъ видѣніи одно и то же, спокойно скончалась. Пятерыхъ дѣтей ея, съ благословенія преосвященнаго Григорія, епископа Ревельскаго, викарія С.-Петербургской епархіи, присоединилъ я къ Грекороссійской церкви 21 числа.

Вѣрно:

Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ.

Въ жизни раскола въ Псковской губ. появляются новыя теченія, къ которымъ нельзя не присматриваться. Въ статьѣ „Моск. Ц. Вѣд.“, за подписью В. С., указывается на слѣдующее своеобразное ученіе нѣкоторыхъ псковскихъ безпоповцевъ о причащеніи:

Сядясь за столъ—обѣдать или ужинать, помолись, какъ это положено, во время ѣды молись, размышляй о Богѣ, и тогда ангелы Божіи снизойдутъ къ тебѣ на столъ, будутъ окружать тебя, простой твой хлѣбъ превратится въ божественный, простая чаша сдѣлается небесною чашей, Самъ Господь будетъ взирать на тебя съ любовью, Онъ Самъ сойдетъ къ тебѣ на столъ. Такъ простой хлѣбъ замѣнитъ тебѣ причастіе.

Это ученіе въ свое время настойчиво распространялъ умершій лѣтъ 10 назадъ, псковскій купецъ—милліонеръ Василій Хмелинскій, и оно получило нѣкоторое распрстраненіе среди безпоповцевъ. Съ усвоеніемъ подобнаго рода ученій наши раскольники будутъ отходить отъ православной церкви дальше и дальше.

Небесное знаменіе по поводу войны съ Японіей. Генер.-адъют. Куропаткинъ, какъ сообщаетъ „Вѣсти. Манчжурск. Арміи“, получено изъ Суджи письмо, въ которомъ рассказывается о небесномъ знаменіи, сопровождавшемъ отправку изъ этого города войскъ на войну 15-го октября.

„Въ этотъ день,—говорится въ письмѣ,—происходили торжественныя проводы мобилизованнаго отряда, составленнаго изъ запасныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ уѣзда. При многочисленномъ стеченіи народа на городской площади противъ соборной Успенской церкви, въ 1 часъ дня, городскимъ духовенствомъ былъ отслуженъ напутственный молебень воинскому отряду въ присутствіи комиссіи, его составлявшей, и представителей города и уѣзда. И вотъ было замѣчено, что во время совершенія молебствія надъ соборной церковью образовался на чистомъ небосклонѣ бѣлый, первоначально съ радужнымъ оттѣнкомъ,—крестъ,

довольно правильной формы. Крестъ этотъ отъ соборной церкви двигался на востокъ и болѣе часа былъ замѣченъ не только тѣми, кто присутствовалъ на молебнѣ, но и народной массой, бывшей на площади. Видѣвшіе на небесахъ крестъ душевно умилились и признали его за явленіе милости Божіей;—у всѣхъ явилась увѣренность въ томъ, что православная Русь подъ знаменіемъ креста одержитъ побѣду надъ полужычскою Японіей“.

Достовѣрность этого небеснаго знаменія подтверждается нижеслѣдующими подписями чуть-ли не всѣхъ официальныхъ лицъ города, которыя называютъ себя „непосредственными очевидцами“:

Уѣздн. испр. Выходуевскій; городской голова гор. Суджи—Нобуховъ; суджинскій уѣздный воинскій начальникъ, полковникъ Юзефовичъ; протоіерей Алексѣй Палевъ; священникъ Григорій Терлецкій; священникъ Павелъ Вязьминъ; священникъ Іоаннъ Маляревскій; священникъ А. Солоденинъ священникъ Алексѣй Діаконовъ; священникъ Николай Невскій; суджанскій городской врачъ Ив. Ц. (подпись неразборчива); бѣлевскій волостной старшина—Кагинъ (подпись неразборчива); членъ суджанской городской управы (подпись неразборчива); діаконъ Василій Воиновъ; псаломщикъ Иванъ Покровскій; псаломщикъ Иванъ Плетеневъ“.

(Кормчій).

Новая мотивировка кражи.

18 февраля въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалось дѣло по обвиненію кр. Чернова 18 лѣтъ, въ кражѣ со взломомъ. Дѣло это представляется характернымъ по личности подсудимаго. Черновъ не отрицалъ факта кражи, но считалъ себя невиновнымъ въ этой кражѣ, мотивируя это тѣмъ, что *экономическое неравенство людей, установившееся вопреки евангельскому ученію, толкаетъ въ борьбѣ за существованіе на путь совершенія кражъ*. При этомъ Черновъ рядомъ *выдержекъ изъ Св. Евангелія* доказывалъ свою невиновность. На судебномъ слѣдствіи мнѣнія экспертовъ относительно состоянія умственныхъ способностей подсудимаго нѣсколько раздѣлялись: одинъ безусловно считалъ его здоровымъ, другой же менѣе категорически. Присяжные засѣдатели признали Чернова виновнымъ и не дали ему даже снисхожденія. Окружный судъ приговорилъ его къ *тюремному заключенію на одинъ годъ*. („Русь“).

Памяти ревнителя единовѣрія.

(Корреспонд. Витеб. губ.).

Недавно въ г. Рѣжицѣ, Витебской губ., скончался церковный староста собора, рѣжицкій купецъ Кирилль Никоновичъ Кузнецовъ. Покойный былъ обращенъ изъ раскола мѣстной безпоповской Федосѣевской секты. По обращеніи въ православіе его девизомъ было обращеніе заблудшихъ своихъ братій ко св. церкви. Отлично зная какъ дѣйствуютъ раскольники въ цѣляхъ поддержанія и пропаганды раскола матеріальными средствами. покойный самъ не щадилъ своихъ средствъ. Много онъ содѣйствовалъ устройству школъ въ центрѣ мѣстнаго раскола и прочимъ благотворительнымъ начинаніямъ и церковнымъ дѣламъ. Въ Рѣжицѣ и ея уѣздѣ раскольниковъ по спискамъ числится 40.000 человекъ. Въ самой Рѣжицѣ три Федосѣевскія молельни. Противораскольническая современная миссія здѣсь не имѣетъ большого успѣха, если не считать единичныхъ и совершенно случайныхъ присоединеній изъ числа оскорбленныхъ въ расколѣ. Но здѣсь миссія и не мыслима иначе, какъ на почвѣ единовѣрія, по причинѣ оставшихся у православныхъ уніатскихъ обрядовъ и обычаевъ. Единовѣрческая церковь въ Тискадахъ отсюда не совсѣмъ близка, да и давно уже въ Тискадахъ служатъ священники-бѣлоруссы. Поэтому завѣтной мечтой покойнаго Кирилла Никоновича было построеніе въ самой Рѣжицѣ единовѣрческой церкви. На сей предметъ онъ еще въ 1901 г., на 1-мъ Полоцкомъ епарх. мисс. съѣздѣ, пожертвовалъ 1,000 р., расположивъ къ такому-же пожертвованію и своего коллегу купца Дюпина. Кромѣ того онъ намѣренъ былъ построить единовѣрческую церковь въ дер. Грыжанкахъ, на мѣстѣ своей родины, «гдѣ и самъ буду лежать, какъ умру» — говаривалъ онъ. Къ сожалѣнію, скоропостижная смерть пресѣкла его дѣятельность на пользу миссіи. Онъ не исполнилъ желанія своего сердца. его похоронили лишь въ Грыжанкахъ. Долгъ его родственниковъ и близкихъ знакомыхъ поддержать и продолжить его дѣло, по крайней мѣрѣ на мѣстѣ его упокоенія построить столь желанную имъ единовѣрческую церковь. Сами здѣшніе старообрядцы говорятъ: «если-бы была единовѣрческая церковь, мы бы въ нее пошли, а въ польскую не пойдѣмъ. Западный костель — яко тьма ноци. — Познавати древо по его овощу».

Да упокоитъ Господь вѣрнаго раба своего въ царствіи небесномъ и да осуществится пламенное желаніе сердца покойнаго, ревнителя единовѣрія, о томъ, чтобы возносилась молитва о упокоеніи его души въ св. храмѣ, совершаемая по любимымъ его обрядамъ, и да проститъ ему Господь Богъ всѣ его согрѣшенія, вольныя же и невольныя.

И — нъ В — нъ Голубовъ.

О Т К Л И К И.

Проповѣдь и зрѣлица.

Современная церковная проповѣдь стала воистину „поноше-
ніемъ въ человѣцѣхъ“. Только отчаянный лѣнтяй не бросаетъ въ
ея сторону острыхъ, тяжелыхъ камней порицанія. Всякую бѣду
родной нашей земли готовы теперь связать съ церк. проповѣдію.
Ростетъ и ширится сектантство,—виновата, будто-бы, проповѣдь: за-
чѣмъ она напыщенно-витіевата, суха, отвлеченна, какъ школьное
упражненіе, какъ безсодержательная форма одна, безъ духа, безъ
жизни (см. Недзѣлицкій: Штундизмъ).

Интеллигенція наша отворачивается отъ проповѣди потому, что
слишкомъ-де азбучно содержаніе проповѣдей, что проповѣди суть
мертвыя рѣчи о мертвыхъ матеріяхъ, никому неинтересныхъ, на-
бившихъ уже оскомину слушателямъ, что онѣ похожи на глода-
ніе сухой кости... Заболѣла Русь недугомъ забастовокъ, эпидеміей
буйныхъ манифестацій подъ сѣнью красныхъ флаговъ, виновата,
говорятъ, недоглядка духовныхъ врачей, просмотрѣвшихъ сим-
птомы болѣзани въ скрытомъ ея періодѣ...

Заснувшимъ стражникамъ „двора овчаго“, окаменѣвшимъ на
мертвой точкѣ пастырямъ словеснаго стада кричатъ теперь съ
разныхъ сторонъ и разными голосами: „проснитесь, оглядитесь!
Сарацны идутъ, на Христа походомъ! идутъ! Пожаръ кругомъ!
Встаньте, риньтесь на борьбу, но не со старымъ заржавѣвшимъ
оружіемъ—не съ бездушными, какъ бряцающій кимваль, рѣчами,
а съ живымъ и дѣйственнымъ словомъ“. Указываютъ намъ эти
судьи и врачи церк. поповѣди и на источники живой воды, спо-
собной воскресить мертвецовъ: „посѣщеніе театровъ и вообще
мѣста общественныхъ собраній, поѣздки за границу, путешествія
дома, въ Россіи, не должны встрѣчать ни малѣйшихъ препятствій...
Духовное одѣяніе не должно имѣть мѣста въ обычное, не слу-
жебное время. Вотъ тогда, пожалуй, и можно спросить съ такого

священника, чтобы онъ *заговорилъ живымъ* языкомъ. Примѣры налицо: іером. Михаилъ и свящ. Г. Петровъ "... Такъ вотъ мечтаетъ какой-то „священникъ Т. Б. Ч.“—въ „Новомъ Пути“ (Апр. 1904 г.).

Въ униссонъ съ нимъ другой незнакомецъ, повидимому—тоже священникъ, очень горячо и въ обильныхъ словахъ ратуетъ на столбцахъ одной столичной газеты за открытіе для духовенства дверей театровъ—этихъ „школъ лучшихъ чувствъ“,—и вообще увеселительныхъ мѣстъ, ожидая отъ такого открытія „прямо-таки“ чудодѣйственнаго результата. „Если бы хоть одинъ батюшка, — увѣряетъ насъ этотъ мечтатель номеръ второй, — „побывалъ въ театрѣ—съ участіемъ въ спектакляхъ моднаго „душки“, какое живое, интересное и поучительное слово сказала бы онъ на другой день своей паствѣ“! Теперь же, не смѣя переступить за порогъ театра и сидя по своимъ келліямъ, церк. ораторы сочиняютъ рѣчи о мертвыхъ отвлеченностяхъ, не затрогивая струнъ сердечныхъ у своихъ слушателей, „звенять, яко мѣдь“. А въ давно-прошедшія времена, продолжаетъ витійствовать нашъ мечтатель, „проповѣдь имѣла огромное вліяніе на народъ: проповѣдники жгли своими глаголами сердца людей („СПБ. Л.“ № 15 за 1804).

Таковъ діагнозъ и такова панацея отъ недуга, предлагаемая проповѣдникамъ изъ одного лагеря.

Есть голоса и изъ другого лагеря; современную проповѣдь упрекаютъ здѣсь въ слишкомъ уже смѣломъ новаторствѣ! Новые проповѣдники якобы гоняются только за суетной славой во чтобы то ни стало, хотя бы пришлось ради этой славы брезгливо отвернуться отъ узъ церковной традиціи, отъ подчиненія какимъ-либо авторитетамъ и даже—отъ благодати таинствъ. „Гонцы молодой весны“ ищутъ все новыхъ горизонтовъ, ни во что вмѣняя Тихоновъ Задонскихъ, Іоанновъ Златоустовъ и всѣхъ вообще „столповъ благочестія“. Имъ любезнѣе „кладенцы языческой премудрости“, столь будто бы ненавистной, мерзостной богомудрымъ церк. витіямъ древнихъ и новыхъ временъ (СПБ. Вѣд. 1902 г. №№ 342 и 350, стг. Полякова).

Въ настоящій разъ да позволено будетъ намъ остановиться лишь на судіяхъ и критикахъ первой категоріи. О порицателяхъ новаторовъ-проповѣдниковъ—въ другой разъ скажемъ посильное слово. Вникнемъ же въ „рецептъ“ любителей новшествъ: „большая проповѣдь исцѣлится, если церк. ораторы снимутъ съ себя рясы и подрясники и облекутся въ халаты и сюртуки, укоротивши, конечно, и волосы свои,—если затѣмъ они абонируются въ театры,—если еще—станутъ неутомимо вояжировать по бѣлу свѣту“. Вотъ какъ просто открывается, казалось, хитро замкнутый лар-

чикъ! Бѣда лишь въ томъ, что простота эта—не простота гениевъ, а простота наивныхъ мечтателей, *слѣпо* вѣрующихъ въ чудодѣйственную силу тѣхъ „элексиоровъ“, которые *ими* самими изобрѣтены: хоть дитятко и криво, да своему отцу—матери мило!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это „гениально“ привлекать къ *оживленію* проповѣди—рясы съ подрясниками! Ворона и въ павлиньихъ перьяхъ останется вороной. Одно „платье не сдѣлаетъ никого монахомъ“, не сдѣлаетъ, конечно, и *живымъ* проповѣдникомъ. О челоуѣкѣ судятъ не по одежѣ, а по уму. Все это—триузмы, на которыхъ нѣтъ нужды долго останавливаться.

Путешествія, конечно, пріятны и полезны, хотя и не для всѣхъ: есть же возможность иному увидѣть „въ дальнихъ странствіяхъ“—однѣ „диковинки“, въ родѣ „римскаго огурца—ростомъ съ гору“. А главное-то въ томъ, что никто, кажется, не запрещаетъ духовенству путешествовать по своимъ и чужимъ „палестинамъ“. Кто досуженъ и денеженъ, тотъ можетъ получить разрѣшеніе хотя бы на кругосвѣтное путешествіе. Если же мы—пастыри—сидимъ у своихъ домашнихъ очаговъ, подъ родными небесами, то потому лишь, что насъ связываетъ наша служба, и что—въ огромномъ большинствѣ—мы способны бродить въ мѣста не столь отдаленныя, какъ говорится, лишь „о Христѣ—съ палочкой“ 1), а не на коняхъ и колесницахъ, не на поѣздахъ-молніяхъ, не на морскихъ и рѣчныхъ параходахъ-монстрахъ, мчатся въ туманныя и нетуманныя дали. Говоря проще, мы „протягиваемъ ножки по одежкѣ“ и „сидя на рогахъ, о соболяхъ не мечтаемъ“.

Перейдемъ теперь къ театру. Намъ говорятъ, что „въ давнопрошедшія времена проповѣдники жгли глаголомъ своимъ сердца людей“,—а среди современныхъ ораторовъ яркими звѣздами горятъ едва ли не одни—о. о. Михайлъ и Г. Петровъ. Согласимся съ этимъ увѣреніемъ, но спросимъ: гдѣ же „давнопрошедшіе ораторы и наши современники получали и получаютъ огонь и свѣтъ для своихъ „глаголовъ“? Повидимому, въ театрахъ и другихъ „позорищахъ“. Но мы знаемъ, что вселенскіе учителя и святители никакихъ зрѣлищъ не посѣщали, да думаемъ, что и о. о. Петровъ и іером. Михайлъ 2) не разрѣшаютъ себѣ этого удовольствія. Не очевидно ли, что и безъ театровъ можно найти темы, приковывающія вниманіе слушателей, въ сладость ими выслушиваемыя.

1) Тоже что, по характерному выраженію церк. пѣсни,—„пѣшествовать“.

2) Нельзя не замѣтить, что о. о. Михайлъ и Петровъ—*духовные* ораторы, но *церковные-ли*, вопросъ; не все то, что они пишутъ и читаютъ и чѣмъ себѣ пріобрѣли заслуженную славу, можно сказать съ церковныхъ кафедръ.

Есть для всѣхъ всегда открытая сцена, гораздо „ширшая“ театральная, это—сама жизнь. Съ необозримыми группами дѣйствующихъ лицъ и съ неисчерпаемымъ кладеземъ разно-характерныхъ сюжетовъ. Творцы театральныхъ пьесъ ткутъ ихъ не изъ своего только „нугра“, а изъ былой или живой жизни. Такъ, гениальный Островскій претворилъ дѣло Костромской мѣщанки Клыковой въ знаменитую драму „Гроза“. Но мы думаемъ, что и любой батюшка могъ *посильно* оцѣнить и обсудить трагическій тотъ случай въ своихъ пастырскихъ бесѣдахъ съ пасомыми. Не въ одно же безбрежное море-океанъ глядитъ солнце красное и не въ одномъ „чудномъ“ Днѣпрѣ отражаются звѣзды: отразить ихъ и малая капля дождевая! Полагаемъ, что сельскіе жители могутъ быть объектами наблюденія не для одного только Чехова-автора „Мужиковъ“, а и для всякаго сельскаго батюшки. Современныхъ намъ босяковъ и голяковъ можно изучать не въ одномъ лишь театрѣ, когда тамъ идетъ „На днѣ“ Горькаго. Отцы духовные могутъ почерпнуть съ этого „дна“ и своими ковшами: путь въ босяцкія „лавры“ ни для кого не закрытъ. Для духовныхъ пастырей иногда открываются не только темные уголки „лавръ“, а и сокровенныя тайны босяцкихъ сердець, куда не легко заглянуть Горькимъ.

Кромѣ самоличнаго ознакомленія съ обитателями трущобъ, батюшки не лишены возможности прочесть и всѣ „хартіи“ о нихъ свѣтскихъ, и не свѣтскихъ наблюдателей. Пусть прочтеніе пьесы повліяетъ на умъ и сердце слабѣе, чѣмъ игра на сценѣ, но все же повліяетъ. Такимъ образомъ, нельзя говорить, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ нашихъ авторовъ, будто „батюшки наблюдаютъ своихъ духовныхъ чадъ лишь сквозь тускляя окошки своихъ келлій“.

Нѣтъ, они смотрятъ на нихъ „лицемъ къ лицу“, и не посѣщая спектаклей „съ диванн“. Плоды ихъ наблюденій, несомнѣнно, отражаются въ ихъ проповѣдяхъ и бесѣдахъ, писанныхъ и устныхъ. Не все же говорятъ они „о разлѣненіи духовномъ и иныхъ отвлеченныхъ матеріяхъ“?! Прислушайтесь къ голосу „свѣтлаго свѣтила“ нашихъ дней—о. Иоанна Сергіева,—загляните въ проповѣдь недавно умолкнувшихъ церк. вытій — архіепископовъ Никанора, Амвросія и иныхъ многихъ блестящихъ звѣздъ былого времени,—и почувствуете въ нихъ вѣяніе живой жизни. Да еслибы у насъ хватило ушей подслушать, что внушаютъ своимъ чадамъ и современные намъ отцы духовные,—кромѣ оо. Михаила и Г. Петрова,—внушаютъ не только съ церк. кафедръ ¹⁾, а и во вся-

¹⁾ Нельзя проповѣдь ограничивать одной церк. кафедрой.

комъ „благовременіи и безвременіи“, то услышали бы мы не мертвую схоластику, а *благопотребное* запрещеніе, умоленіе, обличеніе (2 Тм. IV).

Не надо, впрочемъ, забывать, при сужденіи о проповѣдническомъ словѣ, той истины, что проповѣдь есть „слово Божіе къ людямъ“, что „она всегда направляется съ неба на землю“, что главнѣйшій „ея предметъ есть І. Христосъ“ (мысли проф. Тарѣева). Стало быть, ошибочно было бы искать въ ней *одного земного*, тлѣннаго, осязаемаго, однѣхъ только рѣчей о полевыхъ лиліяхъ да о виноградной лозѣ. Въ нужную минуту, въ добрый часъ *подобаетъ* говорить въ проповѣди и о „разгнѣніи духовномъ, о смиреніи и фарисействѣ“, — несправедливо зачисленныхъ нашимъ критикомъ *газетнымъ* — въ разрядъ „ненужностей“...

Но **вотъ** — „бѣжать“ — де отъ такихъ заоблачныхъ темъ, какъ отъ чумы. — Не станемъ скрывать, что бываетъ и бѣгство отъ ц. кафедръ. Но гдѣ оно наблюдается? Въ приходяхъ съ пришлымъ населеніемъ, быстро „текущимъ“ мимо храма и пастыря, — а особенно въ кафедральныхъ соборахъ, когда тамъ ораторствуютъ „очередные“ проповѣдники, *не соборяне*. Ораторы эти не могутъ „глашати по имени“ ни одной овцы. Овцы тоже не знаютъ „чуждаго гласа“, и удивительно ли, что онѣ бѣгутъ отъ невѣдомаго пастыря. Содержаніе проповѣди тутъ не виновато: бѣгство учиняется прежде, тѣмъ ораторъ успѣетъ раскрыть свои уста. Но случается, что и содержаніе проповѣди приходится не по вкусу слушателямъ. Однако здѣсь надо посудить и посудить о самомъ вкусѣ. Вкусы-то бываютъ разнаго качества: есть вкусы здоровые, а есть и больные, извращенные. Встрѣчаются субъекты, которые испытываютъ мучительную тоску въ театрахъ: „на сценѣ блистательная декорация; волны безподобной музыки несутся изъ оркестра, — пѣвцы въ напряженіи чувствъ высокихъ изливаютъ ихъ выразительнѣйшими мелодіями, а между тѣмъ предъ нами — зритель, мучительно недоумѣвающий, что ему съ собой дѣлать“ (Страховъ: „Воспоминанія“). Легенда передаетъ, что прихотливому солдатику не понравился и рай, потому что тамъ не полагается ни одной чарки „зелена вина“ („Истор. Вѣст.“). Не хотѣли Греки слушать Демосфена, когда онъ держалъ предъ ними рѣчь о „преполезныхъ для народа вещахъ“, но тотчасъ же насторожили уши, какъ только онъ нарочито сталъ рассказывать басню объ ослѣ и тѣни ослиной (Еп. Гедеонъ Кривинскій: „собраніе словъ“). Когда ап. Павелъ предложилъ въ Аѳин. ареопагѣ здоровое ученіе о воскресеніи мертвыхъ, одни изъ ареопагитовъ стали насмѣхаться, другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время (Дѣян. XVII, 32).

Не ясно ли, что бывают времена, когда „здраваго ученія не принимаютъ, отъ истины отвращаютъ слухъ и обращаются къ баснямъ“ (2 Тимѣ. IV. 3—4).

Или вотъ еще свѣжій примѣръ: журналъ „Новый Путь“, по-видимому, имѣлъ тенденцію—замѣнить духовенство будто бы— „мало знающее и еще меньше понимающее всю значительность мистической и пророчесвенной стороны христіанства“ (Тернавцевъ),—замѣнить въ миссіи среди интеллигенціи. Но интеллигенція, должно быть, не пошла за новыми вожаками— „къ твердому и свѣтлому пониманію міра, жизни, себя“: журналъ, переживши нѣкоторую эволюцію предъ концемъ короткаго своего (въ 2 года) вѣка, теперь уже совершенно замолкъ. Очеvidно, онъ оказался „гласомъ вопіющаго въ пустыни“. И „своя своихъ не познаша“¹⁾!

Зная все это, утѣшаешься мыслию: не всегда плохо то, что не приходится по вкусу слушателямъ. Капризный вкусъ считаетъ и сладкое горькомъ. И не надо лѣстить такому вкусу, поддѣлываться подъ его прихоти. Вѣдь не портятъ же нарочито отборнаго зерна ради негодной земли, въ которую его надо посѣять, — улучшаютъ самую почву.

Было время, когда южно-русскіе проповѣдники, „дабы сдѣлать людей охотными до слушанія проповѣдей“, наполняли ихъ веселыми побасенками, шутливыми анекдотами, *бабскими бреднями*, теперь такая манера наблюдается лишь въ Американскихъ церквахъ: никакимъ экстравагантнымъ сюжетомъ, не исключая реляцій о театральныхъ кумирахъ, тамъ будтобы не брезгаютъ, лишь бы развеселить слушателя, вызвать его рукоплесканія.

Нужно ли много доказывать, что кощунственно превращать церк. кафедру въ театральныя подмостки, а саму проповѣдь въ балагурство балаганнаго шута. Всему свое время и свое мѣсто. Проповѣдь должна поискать иныхъ, ей приличныхъ, путей и средствъ, чтобы „имѣющіе уши слышать“ внимательно выслушивали пастырскій голосъ. Искомое, при Божьей помощи, найдется и внѣ театральной сферы. Намъ думается, что темами изъ театральной области (о душкахъ, дивахъ) мы не заинтересовали бы а лишь удивили нашихъ обычныхъ теперь слушателей—простоту и бѣдноту набожную, едвали когда и переступающую театр. пороги. Слѣпцамъ мы говорили бы о цвѣтахъ. И получилось бы въ итогъ: послѣдняя бѣда, если не горше первой, то и не слаще ея.

¹⁾ А храмъ для интеллигентовъ—*«чужое мѣсто, чужое дѣло, дѣло клириковъ»* (Розановъ—«Н. Путь» Янв. 1903), и храмовая проповѣдь для нихъ — чуждый гласъ.

Теперь отъ нашихъ кафедръ бѣгутъ единицы интеллигентовъ, а тогда обратились бы въ бѣгство десятки и сотни простецовъ. Перспектива не изъ желательныхъ!.. Наши страхи не фантастичны, хотябы потому, что очень спорно положеніе, будто „театръ давно сталъ школою наравнѣ съ Церковью, воспитывающею въ людяхъ лучшія чувства“. Сторонникъ этого афоризма самъ же сообщаетъ намъ, что въ театрахъ „почтенныя дамы, забывая стыдъ, назойливо иногда лѣзутъ къ своимъ кумирамъ“. Хороша же школа, обучающая безстыдству! По *идеѣ*-то театръ, конечно, нравственное учрежденіе, школа вкуса и мудрости, „храмъ челоуѣчности“. А *въ фактѣ* онъ, если не пересталъ быть „вещію христіанскою“, то давно уже пересталъ быть школою и выразителемъ идеальныхъ взглядовъ своего общества эпохи, а сдѣлался „домомъ актеровъ“, мѣстомъ для соотязанія и проявленія полусомнительныхъ дарованій“ (М. Ивановъ). Какъ учрежденіе коммерческое, театръ не чуждается угожденія вкусамъ большинства, хотя бы эти вкусы были и грубы. Не высока та эстетика, которая одобряетъ къ представленію заслуживающія рѣзкаго порицанія пьесы, въ родѣ „М-ле Фифи“, или „Въ глуши“. Одна изъ этихъ пьесъ, по отзывамъ критики, — „пошлая картина грубой оргіи съ рабынями веселія“, и другая не лучше: „бездарная, фальшивая, неприличная гадость“ („Новости № 283 за 1901 г., „Н. Вр.“ 1 Нбр. 1901 г.). Можно думать, что такихъ, въ ужасъ повергающихъ пьесъ и побольше двухъ. Не такъ давно г. Буренинъ писалъ, что у насъ завелась коллекція литераторовъ — „пачкуновъ“, „марающихъ умъ и душу читателей зловонною грязью изъ лужи“. Во главѣ этихъ „пачкуновъ“ стоитъ самый зловерднй *прыщъ* на лицѣ литературы („Н. Вр.“ № 10010), подвигающійся и на поприщѣ драматургіи.

Судите же, какіе „уроки можно извлечь изъ школы, гдѣ не безгуютъ воспитателями изъ „прыщей и пачкуновъ“? Кому нужны такіе уроки? Очевидно, не серьезнымъ людямъ, не любителямъ высокой этики и эстетики, а — какъ выражается Ж. Ж. Руссо — „празднолюбцамъ и шелопаямъ, не знающимъ, гдѣ убить время“.

Рано, значить, приглашать батюшекъ въ театры. Надо напередъ провѣтрить эту „школу“.

Если намъ скажутъ: „врачуите же педуги сцены и вы — врачи духовные, напередъ опытно узнавши паціента: заочно-де не лѣчать никого“. Мы отвѣтимъ на это предложеніе такъ: Тертуллианъ, Киприанъ, Златоустъ вели жаркую борьбу съ „позорищами“ своего времени, не посѣщая ихъ. Арх. Никаноръ въ стѣнахъ своей келліи написалъ поученіе „о театральныя зрѣлищахъ въ В. по-

сту“,—блещущее лучами реальной правды, а не фантистическую картину нарисовала рука аскета. И мы изъ келлій своихъ можемъ бросать усиленные лучи свѣта въ затуманившуюся театральную атмосферу, не вдыхая ее, такъ сказать, на мѣстѣ—своими легкими.

Итакъ, не зрѣлищамъ будить уснувшихъ церк. ораторовъ, не театрамъ согрѣвать оледенѣвшія ихъ сердца. Чудеса возможны только для Бога; только въ Его вседержавной десницѣ сокрыты дары премудрости и разума, дары языковъ и откровеній. И вотъ, если свѣтлый Серафимъ коснется горящимъ углемъ съ таинственного алтаря недостойныхъ—„медленно язычныхъ и гнивыхъ устъ“—Божіихъ посланниковъ, тогда воистину вострепетаетъ душа церк. ораторовъ, тогда съ ц. каедръ заблестятъ молніи, загремятъ громы, потекутъ отъ нихъ рѣки воды живой. И тогда душа, жаждущая правды, насыщена будетъ „истиннымъ питіемъ“.

Прот. Н. Дроздовъ.

Побѣда Россіи на Дальнемъ Востокѣ въ высокой человѣчности и въ несравненныхъ доблестяхъ великой души русскаго воина.

«Безумные и слѣпые! что больше
золото, или храмъ, освящающій зо-
лото» (Матѣ. 23, 17).

Портъ-Артуръ сдавъ!

Общество наше крайне волнуется какъ самымъ фактомъ этой сдачи, такъ и тѣми дѣйствительно крупными матеріальными потерями, съ которыми сопряжена была эта сдача.

Да, конечно все это довольно печально... Но намъ хочется поставить читателю слѣдующій волнующій насъ вопросъ:

На самомъ ли дѣлѣ такъ уже грустны и тяжелы эти факты для насъ, русскихъ, и слѣдуетъ ли слишкомъ печалиться и безпокоиться о нихъ истинно русскому человѣку?

Для рѣшенія этого вопроса намъ хочется спросить исторію человѣчества о слѣдующемъ:

Быль ли когда-либо въ военно-исторической жизни человѣчества тотъ поражающій фактъ, который воспослѣдовалъ тотчасъ же за почетною сдачею русскими Портъ-Артура японцамъ, а именно: гдѣ, въ какой войнѣ, среди какого народа древняго

или новаго, всемірній торжественный гимнь славы побѣжденнымъ покрыль бы собою заслуженную славу побѣдителей?

И безпристрастныя страницы истории не укажутъ вамъ такого страннаго факта.

А здѣсь онъ есть. О комъ кричатъ газеты всего міра, кому воздають дань удивленія, поклоненія, кому выражаютъ энтузіазмъ и сочувствіе, кому поютъ гимны славы, кого осыпають лаврами восторговъ и восхваленій?

Развѣ побѣдителямъ? Нѣтъ, побѣжденнымъ!

Весь міръ исполненъ удивленія, весь міръ рукоплещетъ измученной всякими лишеніями кучкѣ людей, беззавѣтно самоотверженныхъ защитниковъ силы и славы своего отечества.

Они, мужественные, великіе богатыри долго и упорно держались противъ несмѣтной силы вражескихъ полчищъ, энергичныхъ враговъ, постоянно получавшихъ все новыя и новыя подкрѣпленія арміи, орудій, припасовъ, т. е. всего необходимаго для поддержанія силъ и свѣжести арміи, не будучи въ состояніи обновить что-либо у себя, кругомъ запертые неприятелемъ.

Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ громадную физическую силу, энергичный напоръ этой силы, безостановочно и упорно достигающей намѣченную ею цѣль,—съ другой—геройскій духъ богатырей съ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ; цѣною невѣроятныхъ усилій, лишеній, страданій, болѣзней и жизни также упорно и энергично противодѣйствующій вражеской силѣ.

Физическая сила душитъ во всю, но высокой энтузіазмъ героев-богатырей не страшится ея, презираетъ ея усилія, ея энергію, противопоставляя ей свои страданія и жизнь для достиженія своей цѣли: торжества, достоинства, патриотизма,—торжества духа надъ грубой физической силою недруговъ!

И какъ не матеріаленъ современный міръ, какъ не глубоко преклоняется онъ передъ грубыми благами этого міра: капитализмомъ, политикой, военными цѣлями, но все-же святая искра *человѣчности* еще не угасла, не заглохла въ немъ! Святая заря той *человѣчности*, которая преклоняется передъ красотой и силою духа, силою высокой самоотверженной доблести, высочайшаго терпѣнія и страданія *человѣческаго*!

Въ суровой суетѣ мірской, среди „борьбы за существованіе“, среди скучной, неподвижной обыденности, бѣдной явленіями высокаго подъема духа, эта великая *человѣчность* не только была позабыта міромъ, но и пренебрегаема имъ, окутанная мрачнымъ покровомъ эгоистическихъ будничныхъ, матеріальныхъ стремле-

ній и достиженій, — она чужда была бѣдному духомъ современному человѣчеству.

И вотъ, великій подъемъ духовныхъ силъ — человѣчности — громко заявилъ о присутствіи своемъ въ великой душѣ *человѣка*, въ великой душѣ русскаго воина, въ беззащитной, горячей любви его, въ его самоотверженныхъ невыразимыхъ страданіяхъ во имя любви и славы Царя и Отечества!

И громкое отвѣтное чувство той же *человѣчности*, живущее, какъ видно, несгораемо въ живыхъ сердцахъ этого міра, не замедлило обнаружить себя отвѣтными торжественными, громкими гимнами славы беззащитному, самоотверженному мужеству великаго русскаго воина.

Застывшія струны пониманія красоты и величія духа *человѣка* вновь отошли въ великомъ міровомъ сердцѣ *человѣчества*, отвѣтивъ высокому явленію гармоническимъ аккордомъ общаго восторга и сочувствія — „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитя и тьма не объяла его“.

И этотъ лучезарный подъемъ *человѣчности*, заблиставшій передъ міромъ изъ окровавленныхъ развалинъ разгромленнаго Портъ Артура, не можетъ безслѣдно пропасть среди *человѣчества*, какъ эффектная ракета, ибо онъ запечатлѣнъ страданіями и кровью *человѣческой*.

Онъ энергично и упорно будетъ уяснять врагамъ и недругамъ Россіи все еще живую душу, все еще золотое сердце Россіи, подъ вліяніемъ величія и великаго любвеобильнаго сердца Царя ея, возбуждаться, *какъ видно*, къ могучему подъему блестящихъ доблестей въ Его народѣ, — въ золотыхъ сердцахъ этого народа, вызывающихъ къ себѣ отвѣтный энтузіазмъ всего міра.

Онъ уяснитъ этому міру и непонятныя ему симпатіи къ русскимъ на Востокѣ: не предпримчивостью, не мастерствомъ ремесленныхъ произведеній, не оружіемъ, не рублемъ, не сжиганіемъ на кострахъ и другими мытарствами приобрѣла Россія свое вліяніе на Востокѣ, а все той же всепобѣждающей *человѣчностью*, міровымъ выразителемъ которой непреложнымъ Промысломъ и явился славный Стессель съ его великими портъ-артурцами... Да будетъ безсмертная слава имъ!

Таково міровое значеніе доблестныхъ портъ-артурцевъ съ героемъ Стесселемъ во главѣ.

Что же касается второго вопроса значительныхъ матеріальныхъ потерь, понесенныхъ Россією въ борьбѣ съ Японіей, то для

успокоеніи читателя, мы напомнимъ войну 12-года, гдѣ разрушались родные города, а сами граждане, въ порывѣ патріотизма, сожгли даже первопрестольную Москву.

Разбѣгаясь по деревнямъ, лѣсамъ и селамъ, спасая свою жизнь, они забывали о всякихъ убыткахъ и пожиткахъ, которые при общемъ разореніи Россіи естественно превосходили портъ-артурскіе.

Но разореніе 12-го года не уничтожило началъ могущества и силъ Россіи. Обратнo, съ того именно времени и настала для Россіи великая эпоха политическаго роста и настоящаго могущества ея. То же значеніе имѣлъ и Севастополь. То же повторится и теперь по окончаніи войны съ Японіей, какой бы отгѣнокъ не получила она. Яркая черта русской человѣчности, мощно прогремѣвъ по всему міру, не перестанетъ привлекать къ Россіи глубокія симпатіи современныхъ государствъ, сдавливаемыхъ тяжкимъ режимомъ другихъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше...

И потому предсказанія Англіи болѣе чѣмъ преждевременны.

Мы смѣемъ думать, что эта печальная война не уменьшитъ а только усилитъ вліяніе и симпатіи къ Россіи на Востокѣ и первую побѣдою Россіи ея человѣчностью и братскимъ сближеніемъ съ Востокомъ будетъ враждебная ей Японія... Молодая, полная энергіи и предприимчивости, она явится представителемъ Востока, энергичнымъ преслѣдователемъ англійскаго престижа на Востокѣ, и Россія будетъ отомщена за все...

Безконечное и лучезарно! грядущее мы предвидимъ и для будущности Россіи, въ концѣ ея тяжелой войны съ Японіей, если только великая Россія, задушивъ въ себѣ иноземныя вліянія, останется вѣрной своему патріотизму и исполнится святымъ энтузіазмомъ портъ-артурцевъ, вызывающихъ всемірное преклоненіе...

Недавніе враги, постепенно сближаясь, станутъ искренними друзьями, дополняя другъ друга великими чертами, безъ которыхъ немислимо нормальное прогрессивное движеніе человечества. Эти черты: человѣчность, мужество, неустанное трудолюбіе и энергія, соединясь между двумя великими народами, дадутъ свѣтлую будущность человечеству, и потому только этимъ двумъ народамъ и будетъ принадлежать будущее.

Да будетъ!

Фраваши.

Москва,

27 декабря 1904 г.

СО СКРИЖАЛЕИ СЕРДЦА.

XXIX.

Написано не чернилами, а на
скрижаляхъ сердца (2 Кор. 3, 3).

Наканунъ объявленія полной вѣротерпимости.

Вѣсть о дарованіи расколу, сектамъ и иновѣрію полной вѣроисповѣдной свободы донеслась и до глухой провинціи, и тамъ глубоко волнуетъ ревнующихъ о силѣ и славѣ православія пастырей и вѣрующихъ мірянъ. Къ намъ отовсюду поступаютъ сообщенія, что расколъ и секты „высоко подняли голову“, „воспрянули духомъ“, напередъ „кичатся своимъ торжествомъ надъ православіемъ“... Наоборотъ, православные приуныли и чувствуютъ растерянность, не зная какъ встрѣтить и отнестись къ грядущему новому положенію дѣлъ; при этомъ пастыри вопрошаютъ: что имъ думать о новомъ законѣ и какъ говорить о немъ, какъ о благѣ для церкви, или какъ о новомъ, ниспосылаемомъ свыше, бѣдствіи Православной Руси, какъ мы лично относимся къ данному вопросу и проч.

Пока не опубликованы журналы совѣщаній Комитета по данному вопросу, мы лично, по долгу службы, воздержимся отъ выраженія нашихъ взглядовъ по существу вопроса, касающагося готовящейся правительственной вѣроисповѣдной реформы, которую начнется *новая эра* въ отношеніяхъ государства къ дессидентамъ и къ дѣлу борьбы господствующей Церкви съ расколосектантствомъ. А въ отвѣтъ на обращенные къ намъ запросы съ особымъ удовольствіемъ даемъ мѣсто на нашихъ Скрижаляхъ глубоко-правдивому, сколько скорбному, столько же и бодрому, *мощному слову* досточтимаго епископа Сергія, ректора столичной академіи. Слово это произнесено въ академической церкви въ день основанія академіи 17 февраля и напечатано въ послѣдн. № Церк. Вѣстн.

„Ни для кого, конечно, не секретъ, о чемъ теперь разсуждаютъ въ обществѣ и печати, — говорилъ въ своей рѣчи епископъ Сергіи, „ни для кого не секретъ, что мы находимся, можетъ быть, наканунѣ

объявленія полной свободы вѣроисповѣданія. Законъ, до сихъ поръ ограждавшій православіе и ставившій извѣстные предѣлы всякимъ инымъ вѣрамъ и инымъ мнѣніямъ, скоро будетъ отмѣненъ, „взять отъ среды“, и всякая вѣра, всякое мнѣніе, хотя бы и совсѣмъ враждебныя православію, получатъ право не только существовать на ряду съ православіемъ, чего они не лишены и сейчасъ, но и открыто себя исповѣдовать, и всякій будетъ воленъ имъ слѣдовать. Противникамъ Церкви теперь развязываются руки, и они, несомнѣнно, поднимутъ голову и поведутъ усиленную и открытую борьбу, всѣми средствами подкапывая основы православія и стараясь отторгнуть отъ него возможно болѣе людей. Въ духовной жизни нашего отечества отъ этого необходимо ожидать великихъ потрясеній и перемѣнъ, и положеніе нашей православной Церкви должно измѣниться самымъ существеннымъ образомъ. Послѣ столѣтій мирнаго пребыванія подъ защитой закона, за крѣпкой стѣной государственной охраны, наша Церковь выходитъ теперь, беззащитная и не прикрытая ничѣмъ, прямо на поле брани, подъ удары враговъ...

Какъ же сыны православной Церкви должны отнестись къ этимъ ожидаемымъ перемѣнамъ, къ этому зареву грядущей духовной брани? Поученіемъ и примѣромъ для насъ въ этомъ отношеніи должны служить христіане первыхъ вѣковъ. Всѣ они непрестанно ждали пришествія Христова и съ радостью готовились къ его срѣтенію. Но они прекрасно знали, что, прежде чѣмъ наступитъ этотъ желанный часъ, прежде чѣмъ откроется на землѣ царство Христово, въ мірѣ должны произойти небывалыя скорби и потрясенія, и сами Христіане, вмѣстѣ съ Церковію, должны пройти чрезъ горнило всякихъ искушеній и соблазновъ. „Удерживающее“ (2 Солун. 2, 6), т. е. по разуму Отцовъ, тотъ строй государственной и общественной жизни, который полагаетъ границы порочнымъ стремленіямъ людей, „будетъ взятъ отъ среды“, и всѣ стихіи и страсти челоуѣческія какъ бы разнуздаются и въ бѣшенствѣ устремятся на взаимное истребленіе. Царство зла открыто и нагло возстанетъ на царство Божіе и будетъ воевать на Церковь Христову, и многіе не выдержатъ этого огненнаго искушенія и погибнуть въ водоворотѣ всемірнаго соблазна. И, зная все это, христіане первыхъ вѣковъ отнюдь не содрогались предъ грядущими ужасами и не просили Бога отдалить отъ нихъ страшный часъ испытанія, — наоборотъ, они продолжали пламенно молиться: „Ей, гряди, Господи Иисусе!“ (Апок. 22, 20). Они помнили слово Евангелія: „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ. Огонь пришелъ Я воврещи на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся“ (Мѣ. 10, 34; Лук. 12, 49). Какъ вѣрные рабы Христовы и преданные Ему воины, первые христіане всею душою откликнулись на это желаніе своего возлюбленнаго Учителя и, съ радостной готовностью все претерпѣть и выстрадать ради Него, горѣли негепрѣлиемъ увидѣть начало Его великой и послѣдней брани съ царствомъ грѣха и діавола. Они желали и сами принять участіе въ этой борьбѣ и спѣшили принести Христу всѣ свои силы и способности, всю свою вѣру и любовь, всю жизнь,

чтобы чѣмъ-нибудь и съ своей стороны послужить торжеству царства истины и свѣта. Такъ истинный воинъ-герой, сильный и мужественный, не боится приближенія враговъ, его веселитъ шумъ битвы, и онъ бодро и радостно устремляется туда, гдѣ его доблесть найдетъ себѣ пищу и приложеніе. „Побѣждающій наслѣдуетъ все, и буду ему Богомъ, и онъ будетъ Мнѣ сыномъ. Боязливыхъ же и невѣрныхъ... и всѣхъ лжецовъ — участь въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою“ (Апок. 21, 7—8).

Такъ же радостно и бодро, съ такой же увѣренностью въ побѣдѣ и съ такой же готовностью принести Христу и Его Церкви всѣ свои силы и способности, должны ожидать и сыны православной русской церкви грядущее на нее испытаніе. Ей, гряди, Господи Исусе! Да возгорится и у насъ на Руси твой чистительный и освящающій огонь, да откроется и у насъ Твоя великая брань! Въ этомъ начало истинной церковной жизни, путь къ исцѣленію нашихъ церковныхъ нестроеній и язвъ, путь къ конечной побѣдѣ и торжеству свѣта надъ тьмой, истины надъ заблужденіемъ...

Но, возлюбленные братіе, привѣтствовать грядущій день испытанія и торжествовать побѣду Христову можетъ и будетъ только тотъ, кто готовъ и способенъ перенести это по истинѣ „огненное искушеніе“. Готовы ли мы къ предстоящему великому дню? Въ мирное время требованія совсѣмъ не тѣ, что во время войны. Въ мирное время и деревянное оружіе годится на показъ, п картонная стѣна, лишь бы она была внушительна на видъ, можетъ показаться надежной защитой. Въ мирное время и всякій, кто идетъ увѣренной поступью и грудью впередъ, можетъ сойти за героя и побѣдителя. Но не такимъ все это окажется на полѣ брани, когда уже не воображаемая, а дѣйствительная смерть смотреть въ глаза, когда дѣйствительный непріятель наноситъ свои губительные удары. Такъ и у насъ: охранительный законъ, ограждающій немощныя души отъ соблазна лжеученій, многое съ насъ снимаетъ. Мы, можетъ быть, теперь и не представляемъ, насколько велика сила соблазна и насколько дѣйствительны средства, которыя мы предлагаемъ въ защиту православія. Теперь и мишура кажется чѣмъ-то серьезнымъ, и безпечное легкомысліе въ церковномъ дѣлѣ и служеніи—неопаснымъ. Тогда же требуютъ отъ насъ уже не красивыхъ фразъ, не заученныхъ силлогизмовъ, не нестраго наряда показной учености, отъ насъ требуютъ тогда духа и жизни, потребуютъ вѣры и пламенной ревности, проникновенности духомъ Христовымъ, привычки къ жизни по Христу, настоящей православной учености, настоящаго, опытнаго познанія христіанства, — потребуютъ, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, можетъ быть, изъ чужихъ чернильницъ, а кровію изъ нашей собственной груди. Отвѣтимъ ли мы на эти запросы, выдержимъ ли это огненное искушеніе, устоимъ ли на этомъ по истинѣ страшномъ судѣ? Вѣдь судить насъ будетъ уже не мы сами и не наше благосклонное начальство, которое всегда будетъ къ намъ благосклонно, — насъ судить будетъ сама Божія Церковь, самъ народъ православный, который ввѣрилъ намъ церковное дѣло и который безъ всякаго

сожалѣнія отвернется отъ насъ, выброситъ насъ вонъ, если найдеть въ насъ лишь гробъ повапленный, лишь соль, потерявшую силу (Мѣ. 5, 13).

Можно ли же, послѣ этого, дремать, можно ли продолжать прежнее безопасное существованіе, забавляясь игрушками подобно дѣтямъ, можно ли теперь гоняться за популярностью у тѣхъ, съ которыми предстоитъ намъ вести смертную борьбу за истину Христову, отъ кого придется намъ защищать Церковь православную и ея сыновъ? Предъ нами—задача гораздо болѣе возвышенная и благородная, чѣмъ та, къ которой они насъ соблазняютъ, предъ нами поле дѣятельности—гораздо болѣе обширное и свободное, чѣмъ то, на которое они насъ увлекаютъ. Не дадимъ же себя обмануть, не позволимъ себѣ забыть нашъ священный долгъ или уничтожить, хотя бы мысленно, въ тайникахъ нашей души, наше великое призваніе, къ которому избралъ насъ Господь, несмотря на всю скудость нашего духовнаго разумѣнія, на всю холодность нашей любви, на всю ничтожность нашей вѣры и недостатокъ самоотверженія“!..

Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно! Это истинно святительскій глаголь, жгущій сердца, будящій и бодрящій духъ.

Къ этимъ мудрымъ словамъ епископа мы позволимъ себѣ пока лишь добавить слѣдующій практическій совѣтъ нашимъ читателямъ—пастырямъ. Долгъ пастырей и миссіонеровъ—первѣе всего позаботиться мудро готовить православную народную массу къ спокойному принятію новаго закона и христіанскому, терпимому отношенію къ свободѣ расколосектантскаго оказательства и неизбежныхъ на первое время продерзостей отщепенцевъ въ отношеніи святынь вѣры народной, и затѣмъ всемѣрно заботиться объ охраненіи паствы отъ увлеченія пропагандою лжеученій. Оставленная безъ защиты закона, оскорбляемая въ своемъ религіозномъ чувствѣ и вѣковомъ достоинствѣ, со стороны грубыхъ хулителей изъ среды заносчивыхъ и гордыхъ раскольниковъ и особенно же сектантовъ, ревность народной массы легко можетъ разразиться физической самозащитою. Исторія штунды поучительна этими грѣшными и скверными эпизодами жестокихъ столкновеній православныхъ съ сектантами; и потому теперь же нужно миссіи заботиться о предупрежденіи возможности подобныхъ прискорбныхъ и опасныхъ столкновеній.

Къ сожалѣнію, свѣтская печать, не зная внутренняго настроенія расколосектантства, его фанатической нетерпимости и крайне гордаго и презрительнаго отношенія къ православію и православнымъ,—во всемъ винитъ православную церковь, отдала православную миссію и все вообще дѣло вѣковой тяжбы православной церкви съ расколомъ на судъ писателей тенденціозныхъ, одностороннихъ и, по правдѣ сказать,—невѣжественныхъ въ данномъ

вопросъ. Посмотрите, кто наши обвинители и защитники раскола и сектъ—гг. „писулькины“!

Превознося воображаемая доблести расколосектантовъ, печать нисколько не думаетъ объ обузданіи дикаго фанатизма и гордой заносчивости дессидентовъ. Церковь православная и ея апологеты—миссіонеры нынѣ подь строгимъ судомъ и безъ защиты, и во всемъ они одни признаются виновными предь расколомъ и сектами, а историческихъ и нынѣшнихъ винъ послѣднихъ предь церковью никто и не видитъ и не говоритъ о нихъ. А въдъ народу-то Церковь и истина православія дороги не по нашему, не по интеллигентному, а *кровно, по народному*. Не забывайте, народъ не дастъ въ обиду свою духовную мать—Церковь.

Когда отъята будетъ рука власти, ослабѣють законы, усилятся пропаганда, возрастетъ дерзость оскорбленій со стороны отщепенцевъ, ревность народной самозащиты сразу выростетъ, какъ волна грозная. Это необходимо предвидѣть и благоразумно направлять ее въ русло *духовнаго дѣйствованія*, а не кулачнаго. Здѣсь нужно дѣйствовать съ великою мудростью и осторожностью, чтобы и *духа не угашать*, и дурныхъ страстей не раздражать.

Что касается нашихъ личныхъ чувствъ и мыслей, то онѣ совпадаютъ съ высказаннымъ въ словѣ досточтимаго епископа. Мы бодро встрѣчаемъ этотъ „историческій канунъ“ новой эры въ дѣлѣ миссіонерской борьбы за истину православія.

Мы всегда смотрѣли на ограничительные законы противъ раскола и сектъ и на правительственное содѣйствіе церкви въ дѣлѣ борьбы съ религіозными заблужденіями, какъ на *палліативъ* и мѣры *временныя* и *преходящія*, дондеже православный народъ придетъ въ возрастъ совершенный о Христвъ Исусѣ, а пастыри и миссія подготовятся, соберутся съ силами. Исторія была терпѣлива и милостива—дала на эту подготовку два слишкомъ вѣка. А народъ все еще коспѣетъ въ невѣжествѣ, а пастыри все по прежнему безсильны и безпечны относительно миссіонерскаго искусства! Знаемъ мы *опытно*, что мѣры полицейскія—не *наши* мѣры, что религіозныя заблужденія—болѣзнь духа и сердца, а потому излѣчиваться должны *духовными* мѣрами любви и убѣжденія; мы давно убѣждены, что опека закона и власти порождаетъ сонъ, безмятежіе и апатію въ нашемъ архипастырствѣ и пастырствѣ относительно дѣла миссіи, и вотъ по грѣхамъ нашимъ „отъять отъ насъ *удерживающій*“, исторія сворачиваетъ съ вѣковаго пути опеки Церкви, и мы предоставляемся собственнымъ силамъ церковно-миссіонерской самодѣятельности. Потерпимъ, переболѣемъ, по. съ Божіей помощью, *возстанемъ и исправимся*.

В. Скворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печ. дозволяется
С.-Петербургъ, 1-го марта 1904 г. Цензоръ Архимандритъ *Миссодій*.

Съ 8-го января 1905 г. въ Петербургъ выходитъ
НОВОЕ ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Вѣстникъ

Литературы

Въ этомъ изданіи сосредоточено все, что касается литературнаго міра; журналъ слѣдитъ за всѣми явленіями литературы, русской и иностранной, останавливая вниманіе на рѣзко выдающихся фактахъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, безъ всякой уклончивости обличая бездарность и ложныя увлеченія и поощряя свѣжіе, истинные проблески дарованія. Критическіе разборы, подробныя хроники беллетристики, статьи и корреспонденціи по вопросамъ литературы, біографическія характеристики, литературныя воспоминанія и литературная этнопія, рецензіи о новыхъ книгахъ и журналахъ статьяx и пр. и пр.—такова въ общихъ чертахъ программа «Вѣстника Литературы», который является первымъ и единственнымъ въ Россіи органомъ съ такими обширными задачами.

Кромѣ того, въ «Вѣстникъ Литературы» помѣщаются статьи по бібліоковѣднью, статистикѣ книгъ и по книжному дѣлу въ широкъ смыслѣ слова. Текстъ «Вѣстника Литературы», выходящаго при участіи многихъ извѣстныхъ писателей и ученыхъ, иллюстрируется портретами, снимками съ замѣчательныхъ произведеній печати, картинками изъ жизни писателей, иллюстраціями къ выдающимся произведеніямъ литературы, копіями гравюръ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ, автографами и пр. и пр.

«Вѣстникъ Литературы» выходитъ два раза въ мѣсяцъ: каждыя 8-го и 23-го числа, и рассылается вмѣстѣ съ «Извѣстіями по Литературѣ, Наукамъ и Библіографіи».

Подписная цѣна на годовое изданіе «Вѣстника Литературы» съ 24 №№ «Извѣстій по Литературѣ», съ дост. и перес.—4 рубля; на полгода—2 р.

Требованія адресовать: въ контору «ИЗВѢСТІЙ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ», при книжномъ магазинѣ Т-ва М. О. Вольфъ,--С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18 (или Москва, Бузнецкій Мостъ, 12, домъ Джамгаровыхъ).

ОТЪ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ

РУССКОЕ ДѢЛО

Намъ возвращено право безцензурнаго издательства. Спѣшимъ вернуть наше старое знамя, возстановить нашу старую каеедру.

Въ переживаемые тяжелые дни военныхъ неудачъ и нравственныхъ испытаній, броженія умовъ и всеобщей растерянности величайшая задача публициста: помочь разобраться въ хаосѣ общественной мысли и чувства, сказать трезвое и спокойное слово среди политическаго

угара, попытаться согрѣть озлобленныя сердца, поднять упавшій духъ и освѣтить путь къ разумному и достойному нашей великой Родины выходу.

«Русское Дѣло» было и будетъ нашимъ личнымъ органомъ. У насъ нѣтъ ни партій, ни длиннаго списка сотрудниковъ литературнаго цеха. Наши сотрудники все тѣ, у кого терзается душа горемъ и бѣдъ нашей Родины, кто умѣетъ думать и чувствовать по русски и кому негдѣ высказать своихъ задушевныхъ мыслей, чуждыхъ я непонятныхъ нашимъ узкимъ литературнымъ кружкамъ.

Этимъ голосамъ были всегда широко открыты страницы нашихъ прежнихъ изданій, ихъ зовемъ мы и въ возобновляемое «Русское Дѣло». И первое мѣсто великой Молчалиницъ—русской Деревнѣ.

«Русское Дѣло» будетъ выходить съ середины января въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, еженедѣльно, съ ежедневными въ случаѣ надобности прибавленіями. Болѣе обширныя работы, какъ и въ «Русскомъ Трудѣ», будутъ разсылаться особыми приложеніями.

Подписка на 1905 годъ открыта:

Съ доставкой и пересылкой: за годъ 8 р., за полгода 4 р., за четверть года 2 р.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Редаціи, Скатертный пер., д. Муромцева. Въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Саратовѣ въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (А. С. Суворина) и въ главн. и нижн. торговляхъ друг. городовъ.

Редакторъ-издатель Сергѣй Шарповъ.

“ КІЕВСКАЯ СТАРИНА ”

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1905 году

(24-й годъ изданія).

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себя статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также текущія извѣстія, библиографическія замѣтки о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкою, а на мѣсть—8 руб. 50 коп.; за границу—12 руб. Разрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Троицкая площ., Народный Домъ), въ книжной торговлѣ редакціи «Кіевская Старина» (Безаковская № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ «Кіевской Старины».

О таинствѣ покаянія и разрѣшенія грѣховъ.

(Въ обличеніе мнимодуховныхъ христіанъ).

Мнимодуховные христіане: духоборцы, молокане, хлысты, скопцы, штундобаптисты, пашковцы—говорять, что таинство покаянія состоитъ во внутреннемъ самоочищеніи человѣка отъ грѣховъ. Каждый читающій слово Божіе, говорятъ они, и чувствующій при этомъ укоризну своей совѣсти въ какомъ либо грѣхѣ, можетъ, безъ посредства человѣка, воззвать къ Богу о помилованіи и тотчасъ, по неизреченному человѣколюбію Божію, онъ непосредственно отъ Бога получаетъ прощеніе грѣховъ. Это свое понятіе мнимодуховные христіане стараются основать на нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія и примѣрахъ, взятыхъ изъ него: Псал. 31, 5; 50, 1; 2 Цар. 12, 13; Мат. 6, 12; 18, 15—18; Мар. 1, 15; 2, 5; Лук. 5, 21; 7, 48; 15, 11—32; 18, 13; 19, 1—10; 23, 40—43; Іак. 5, 16; 1 Іоан. 2, 1—2, гдѣ говорится о покаяніи вообще, или о внутреннемъ раскаяніи человѣка или, наконецъ, о ходатайствѣ Іисуса Христа за людей.

Основанія православнаго ученія о таинствѣ покаянія изъ св. Писанія.

Прообразъ новозавѣтнаго таинства покаянія и разрѣшенія грѣховъ былъ еще въ ветхомъ завѣтѣ. Тамъ существовала устная исповѣдь грѣховъ предъ священникомъ, хотя не какъ таинство, при которомъ получается разрѣшеніе отъ грѣховъ. Жертва за грѣхи, приносимая израильтянами, была соединена съ исповѣданіемъ грѣховъ предъ священникомъ (Лев. 5, 5—6. 18; 6, 6; Втор. 21, 5). Въ ветхомъ завѣтѣ внушалась необходимость исповѣди (Числ. 5, 6—7).

Евангелисты повѣствуютъ, что Предтеча Спасовъ Іоаннъ, явившись на берегахъ рѣки Іордана, проповѣдывалъ народу необходимость покаянія, говоря: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное... сотворите достойный плодъ покаянія* (Мат. 3, 2—8). Проповѣдь Предтечи Іоанна со всѣхъ сторонъ привлекала къ нему народъ, который уже болѣе четырехъ сотъ лѣтъ не видѣлъ и не слышалъ пророка. Сердца всѣхъ исполнялись радостію и восторгомъ, когда они услышали вѣсть о явленіи Мессіи, — утѣхи израилевой, такъ давно съ нетерпѣніемъ ожидаемой, и, по гласу вопіющаго въ пустынѣ, *крестились* отъ Іоанна *въ Іорданъ, исповѣдуя грѣхи свои* (Мат. 3, 6). Если же Предтеча Іоаннъ принималъ покаяніе и исповѣданіе грѣховъ отъ приходившаго къ нему народа, то, само собою разумѣется, онъ дѣлалъ это не по своей собственной волѣ, а по внушенію Духа Божія, изведшаго его изъ пустыни (Лук. 3, 2—3). Слѣдовательно, Самъ Богъ покаяніемъ и крещеніемъ указывалъ людямъ путь ко вступленію въ царство благодати. Тѣми же словами и Христосъ Спаситель, явившись въ міръ, призывалъ людей въ открывшееся благодатное царство. *Иисусъ началъ проповѣдывать и говорить: покайтесь; ибо приблизилось царство небесное* (Мат. 4, 17). Съ явленіемъ Христа Спасителя міру, проповѣдь и дѣйствія Предтечи Іоанна прекращаются, но, тоже самое, что дѣлалъ Іоаннъ Предтеча, по повелѣнію Господа, дѣлается апостолами. *Когда узналъ Иисусъ о дошедшемъ до фарисеевъ слухъ, что Онъ больше пріобрѣтаетъ учениковъ и креститъ, нежели Іоаннъ; (хотя Самъ Иисусъ не крестилъ, а ученики Его); то оставилъ Іудею, и пошелъ опять въ Галилею* (Іоан. 4, 1—3). Здѣсь крещеніе и исповѣдь, послѣ того какъ эти два различныя священнодѣйствія ясно и раздѣльно указаны евангелистами въ ихъ повѣствованіяхъ о служеніи Предтечи Іоанна, очевидно, во избѣжаніе повтореній, совмѣщаются въ одномъ словѣ *креститъ* — *крестилъ*, такъ какъ до воскресенія Христа, Его ученики, какъ и Іоаннъ Предтеча, крестили въ покаяніе; другого крещенія, крещенія во оставленіе грѣховъ, до воскресенія Христа не было. Крещеніе во оставленіе грѣховъ явилось только послѣ принесенія искупительной жертвы за грѣхи міра Христомъ Спасителемъ ¹⁾. Поэтому несомнѣнно,

¹⁾ Этотъ, самъ по себѣ совершенно правильный, взглядъ на крещеніе Іоанново можетъ возбуждать нѣкоторое недоумѣніе съ точки зрѣнія „буквы“ священнаго текста, въ виду прямого свидѣтельства евангелистовъ Марка

что и апостолы до воскресенія Христа крестили и принимали исповѣдь во грѣхахъ, хотя эта исповѣдь, какъ и крещеніе въ водѣ, не заключали еще въ себѣ той полноты и совершенства, какую они получили впоследствии,—не были еще таинствами, въ которыхъ вѣрующему, какъ, напримѣръ, въ таинствѣ покаянія, испосылается благодатный даръ прощенія грѣховъ по вѣрѣ въ некупительныя заслуги и крестную смерть Христа за грѣхи людей. До крестныхъ страданій, смерти и воскресенія Христа покаяніе для вѣрующихъ служило только подготовительнымъ средствомъ ко вступленію въ благодатное царство Мессіи. Но для того, чтобы вступившіе въ благодатное царство Мессіи жили достойно своему высокому званію, исповѣди, какъ таинству, нужна была особая благодатная сила, которая, очищая вѣрующаго отъ всякой грѣховной скверны, удерживала бы потомъ раскаявшагося отъ пороковъ и приводила къ той чистотѣ, безъ которой невозможно наследовать вѣчно блаженной жизни. Такая благодатная сила, благодатныя дары даны были Церкви Христовой впоследствии.

Однажды, проходя по Кессаріи Филипповой, Господь сказалъ апостолу Петру, когда послѣдній съ твердою вѣрою исповѣдалъ Его Христомъ, Сыномъ Бога живаго: *блаженъ ты, Симонъ... и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго: и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшиши на землѣ, то будетъ*

и Луки, что Іоаннь явился... проповѣдая крещеніе покаянія *для прощенія грѣховъ* (Марк. 1, 4; Лук. 3, 3). Въ предупрежденіе подобнаго недоумѣнія, мы приведемъ здѣсь толкованіе на данныя мѣста св. Златоуста и Бл. Теофилакта. „Крещеніе Іоанново не давало прощенія грѣховъ. Это послѣднее было даромъ крещенія, послѣ даннаго намъ... Прежде креста Христова нигдѣ не видно отпущенія грѣховъ: оно вездѣ приписывается крови Его. Итакъ, что-же значить—„во оставленіе грѣховъ“?. Онъ (евангелистъ) присовокупилъ—„во отпущеніе“, какъ-бы говоря тѣмъ: онъ (Іоаннь) убѣждалъ ихъ къ сознанію и покаянію во грѣхахъ, не для наказанія ихъ, но чтобы они удобнѣе получили отпущеніе, *имѣвшее быть послѣ*“ (Злат. толков. на Еванг. Матв. Бесѣд. X). Теофилактъ: „Іоанново крещеніе не имѣло отпущенія грѣховъ, а вводило для людей одно покаяніе. Но какъ-же Маркъ говоритъ здѣсь: „во отпущеніе грѣховъ“? На это отвѣчаемъ, что Іоаннь проповѣдывалъ крещеніе покаянія. А эта проповѣдь къ чему вела?—къ отпущенію грѣховъ, т. е.—ко крещенію Христову, которое заключало уже въ себѣ и отпущеніе грѣховъ... Предтеча проповѣдывалъ крещеніе и покаяніе для того, чтобы люди, покаившіеся и принявши Христа, получили оставленіе грѣховъ (Толк. на Ев. Марк. гл. 1, ст. 3).

Прим. Редакціи.

3*—1*

разрѣшено на небесахъ (Мат. 16, 17. 19). Тоже самое въ другое время Христось Спаситель сказалъ и всѣмъ апостоламъ: *истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небу; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небу* (Мат. 18, 18). Этими словами Исусъ Христось даетъ апостоламъ власть и права управлять его Церковью, терпѣть въ ней согрѣшающихъ или отлучать ихъ отъ церковнаго общенія въ молитвѣ и таинствахъ, смотря по характеру, качеству и тяжести ихъ грѣховъ и по глубинѣ раскаянія грѣшниковъ. Апостолы получаютъ такое великое чрезвычайное и необыкновенное право, что ихъ дѣйствія принимаютъ Божественный характеръ: что они разрѣшаютъ и прощаютъ на землѣ, то разрѣшаетъ и прощаетъ Богъ на небесахъ, а чего они не разрѣшаютъ на землѣ, того не разрѣшаетъ и Богъ на небесахъ. Но эти обѣтованія Исуса Христа апостоламъ, какъ высказанныя еще до *крестныхъ страданій* Христа, которыми Онъ для вѣрующихъ въ Него приобрѣлъ право пользоваться благодатными дарами Св. Духа для своего духовнаго рожденія, укрѣпленія и возростанія въ духовной жизни, были именно только лишь обѣтованіями. Права и власть рѣшить и вязать грѣхи Исусомъ Христомъ во всей полнотѣ и совершенствѣ были утверждены за апостолами только послѣ Его воскресенія. Въ первый день по Своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, Христось Спаситель, явившись ученикамъ, когда у нихъ были заперты двери, *сказалъ имъ: миръ вамъ! какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ. Сказавъ это, дунулъ и говоритъ имъ: примите Духа Святаго: кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся* (Іоан. 20, 21—23). По точному смыслу этихъ словъ Христа Спасителя, должно несомнѣнно вѣровать, что апостолы, получившіе отъ Христа даръ Святаго Духа, по своему усмотрѣнію, прощать и не прощать грѣхи, дѣлались въ церкви Христовой непогрѣшимыми распорядителями и раздавателями милости Божіей—прощенія грѣховъ кающимся. Кто изъ вѣрующихъ христіанъ дерзнетъ на такую богохульную мысль, чтобы подумать или сказать, что апостолы, получивши отъ Христа благодатный даръ Св. Духа прощать и не прощать грѣхи, подобно лукавому и лѣнивому рабу, зарыли этотъ даръ въ землю (Мат. 25, 18), не дѣйствовали имъ? Несомнѣнно, что апостолы, по своему усмотрѣнію, однихъ изъ вѣрующихъ разрѣшали отъ грѣховъ, а другихъ не разрѣшали и даже отлучали отъ церковнаго общенія

въ молитвахъ и таинствахъ. Когда ап. Павелъ въ Ефесѣ около двухъ лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе, то многіе изъ увѣровавшихъ іудеевъ и эллиновъ приходили къ апостолу, *исповѣдуя и открывая грѣха свои* (Дѣян. 19, 18). По силѣ полученнаго отъ Христа дара и власти (Кор. 10, 8), ап. Павелъ однимъ прощалъ грѣхи, а другимъ не прощалъ: такъ, коринскаго кровосмѣсника онъ предалъ *сатанѣ во изможденіе плоти, чтобы духъ былъ спасенъ* (1 Кор. 5, 1—5), а равно и *Именея и Александра предалъ сатанѣ, чтобы они научились не богохульствовать* (1 Тѣм. 1, 20); эта власть рѣшать и вязать грѣхи кающихся перешла и къ преемникамъ и продолжателямъ апостольскаго служенія: епископамъ (1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; Тит. 1, 5) и ихъ помощникамъ, пресвитерамъ (Дѣян. 14, 23; Тит. 1, 5), такъ какъ Христосъ Спаситель основалъ свою Церковь на землѣ для спасенія людей съ извѣстными благодатными дарами св. Духа не на сто только или двѣсти лѣтъ, а на все время существованія рода человѣческаго на землѣ,—до второго Христова пришествія на землю. Кающийся, грѣшникъ, рассказывая продолжателю апостольскаго служенія свои прегрѣшенія, побужденія къ нимъ и цѣли, при которыхъ они совершены тѣмъ самымъ даетъ ясныя основанія отпустить или не отпустить грѣхи, разрѣшать или связывать грѣшника. Пересказъ своихъ грѣховъ кающимся приноситъ великую пользу и ему самому, возбуждая въ немъ большее отвращеніе къ грѣхамъ и рѣшимость на будущее время воздерживаться отъ нихъ. Въ древней церкви существовалъ двойной образъ исповѣди: всенародный, совершавшійся предъ всею церковью, и частный, совершавшійся предъ однимъ пастыремъ церкви, продолжателемъ апостольскаго служенія. Но и при первомъ образѣ совершенія исповѣди, которую слушали всѣ христіане, право и власть отпускать или не отпускать грѣхи кающимся принадлежали только пастырямъ, и именно это отпущеніе составляло существенную часть таинства. А такъ какъ при открытомъ исповѣданіи кающимся своихъ грѣховъ предъ людьми всей Церкви могли явиться злоупотребленія этою исповѣдью со стороны нѣкоторыхъ христіанъ, то Церковь Христова, руководимая Духомъ Святымъ, Духомъ истины, наставляющимъ ее на всякую истину (Іоан. 14, 16—17; 16, 13; 14, 23), по материнской снисходительности къ своимъ чадамъ, отмѣнила всенародную исповѣдь, ни мало не измѣнивъ тѣмъ самаго существа таинства покаянія. Подобно ветхоза-

вѣтному прообразу таинства покаянія, при исповѣди всѣ грѣхи нужно рассказывать предстоятелю Церкви (Лев. 16, 21). А безъ пересказа кающимся своихъ грѣховъ предстоятелю Церкви, послѣдній, какъ не обладающій дарамн всевѣдѣнія, естественно, и не можетъ знать грѣховъ кающагося. Изъ содержанія молитвъ, читаемыхъ при совершеніи таинства покаянія, видно, что грѣшникъ кается въ своихъ грѣхахъ собственно Самому Иисусу Христу, который „невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе“ кающагося грѣшника; а равно и разрѣшеніе отъ грѣховъ кающійся получаетъ чрезъ священника отъ Христа, „благодатію и щедротами Своего челоуѣколюбію“ прощающаго согрѣшенія. А духовникъ, пріемлющій раскаяніе, есть „точію свидѣтель предъ Христомъ раскаянія грѣшника, объявляющій прощеніе и разрѣшеніе грѣховъ кающемуся по власти, полученной отъ Христа чрезъ апостоловъ и продолжателей ихъ служенія“. И вся древняя Церковь Христова, въ лицѣ святыхъ Отцовъ, учила, что разрѣшаетъ грѣхи въ таинствѣ покаянія Самъ Христось, или Духъ Святый, а на землѣ видимыми органами этой власти послѣ св. апостоловъ служатъ епископы и пресвитеры. Св. Амвросій Медіоланскій пишетъ: „кто можетъ отпущать грѣхи, кромѣ одного Бога, Который также отпущаетъ ихъ чрезъ тѣхъ, кому далъ власть отпущать“. „Право сіе предоставлено священникамъ (Догматическ. богосл. митроп. Макарія, томъ 2 стр. 429, изд. 1883 года). Св. Іоаннь Златоустъ говоритъ: „Отець весь судъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22): теперъ же вижу, что Сынъ весь судъ свой отдалъ священникамъ“ (О священствѣ Ш, 5, стр. 60). Св. Левъ, папа римскій, пишетъ: „Исусъ Христось даровалъ предстоятелямъ Церкви власть, чтобы они и преподавали освященіе покаянія кающимся, и чрезъ дверь примиренія допускали ихъ, очищенныхъ спасительнымъ удовлетвореніемъ, къ пріобрѣтенію св. таинъ. Но въ этомъ дѣлѣ непрестанно участвуетъ Самъ Спаситель“ (Догм. богосл. митроп. Макарія стр. 429—430).

Разборъ возраженій противъ православнаго ученія о таинствѣ покаянія.

Мнимодуховные христіане, не имѣя таинства покаянія и разрѣшенія грѣховъ, установленнаго Христомъ, говорятъ, что каждый грѣшникъ, чувствуя угрызеніе совѣсти за свои грѣхи и обращаясь къ Господу

съ прошеніемъ о помилованіи, можетъ и получить оное прямо и непосредственно отъ самаго Бога, по силѣ ходатайства Иисуса Христа за людей (1 Иоан. 1, 1—2), безъ посредства человѣка, который бы объявлялъ это разрѣшеніе грѣховъ. Иногда мнимодуховные христіане смѣшиваютъ таинство покаянія съ простымъ увѣщаніемъ грѣшника къ раскаянію и отлученіемъ отъ Церкви нераскаяннаго грѣшника (Мат. 18, 15—18),—съ простою исповѣдью грѣховъ, о которой говорится у ап. Іакова (5, 16),—безъ разрѣшенія ихъ. Говорятъ еще мнимодуховные христіане, что покаяніемъ можно заглаждать грѣхи только недавніе, непроизвольно допущенные по слабости человѣческой воли (Евр. 6, 4—6), говорятъ, наконецъ, что благодатной даръ разрѣшенія грѣховъ Иисусомъ Христомъ былъ данъ только апостоламъ (Іоан. 20, 21—23) и со смертію апостоловъ прекратился рядъ людей, влаждующихъ этимъ даромъ. То же, что въ настоящее время въ православной Церкви называется исповѣдью и разрѣшеніемъ грѣховъ, есть только поощреніе къ преуспѣянію во грѣхахъ и религіознонравственной безопасности.

Указанія мнимодуховныхъ христіанъ на слова изъ псалмовъ пророка Давида: *я открылъ тебѣ грѣхъ мой, и не скрылъ беззаконія моею; я сказалъ: исповѣдаю Господу преступленія мои, и ты снялъ съ меня вину грѣха моего* (Псал. 31, 5); *помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ заглажь беззаконія мои* (Псал. 50, 1), и на примѣръ пророка Нафана, сказавшаго царю Давиду: *Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой; ты не умрешь* (2 Цар. 12, 13),—отнюдь не оправдываютъ мысли мнимодуховныхъ христіанъ, что можно получить разрѣшеніе грѣховъ и спастись безъ таинства покаянія. Богъ, выну промышляющій о спасеніи человѣка, въ ветхозавѣтной церкви далъ людямъ одни средства для спасенія, а въ новозавѣтной Церкви—другія. Въ ветхомъ завѣтѣ не было таинства разрѣшенія грѣховъ. Тамъ грѣшникъ каялся, приносилъ жертву за грѣхи, но полного и совершеннаго очищенія грѣховъ не получалъ, какъ о семъ ясно свидѣтельствуется ап. Павель (Евр. 10, 1—4). Въ новозавѣтной же Церкви Христосъ апостоламъ далъ благодатный даръ, по ихъ усмотрѣнію, прощать или не прощать грѣхи (Іоан. 20, 23) исповѣдующимъ и открывающимъ предъ ними законъ свой (Дѣян. 19, 18). Люди, не пользующіеся этимъ благодатнымъ даромъ разрѣшенія грѣховъ, по невѣрію въ этотъ даръ, за

невѣріе получаютъ осужденіе (Іоан. 3, 18). Вышеуказанныя слова псалмовъ для насъ—христіанъ—служатъ напоминаніемъ нашей обязанности носить и възгрѣвать въ душѣ покаянное чувство предъ Богомъ за наши грѣхи. Примѣръ пророка Нааана, отъ лица Божія объявившаго царю Давиду прощеніе его грѣховъ, служить не къ оправданію упованія мнимодуховныхъ христіанъ получить разрѣшеніе грѣховъ прямо и непосредственно отъ Бога, а къ осужденію ихъ невѣрія въ возможность получать разрѣшеніе грѣховъ отъ Бога чрезъ посредство пастырей и учителей Его Церкви, продолжателей апостольскаго служенія на землѣ. Во первыхъ, пророкъ Нааанъ не по своей охотѣ, или благочестивой ревности явился къ царю Давиду съ словомъ обличенія,—его послалъ Богъ (2 Цар. 12 1). Во вторыхъ, царь Давидъ исповѣдалъ свой грѣхъ не простену, даже не просто пророку (какъ человѣку, знающему больше другихъ), но именно какъ посланнику Божію, лицу уполномоченному принять исповѣдь грѣшника, и Нааанъ говорилъ Давиду отъ лица Божія (2 Цар. 12, 7), наконецъ, въ третьихъ, пророкъ объявилъ Давиду прощеніе исповѣданнаго грѣха, безъ сомнѣнія, въ силу полученнаго отъ Бога полномочія, въ доказательство чего онъ вслѣдъ за прощеніемъ изрекъ пророчество и о смерти незаконнорожденнаго младенца, которое и исполнилось (2 Цар. 12, 18).

Далѣе, мнимодуховные христіане пытаются найти оправданіе своего упованія получить разрѣшеніе грѣховъ непосредственно и прямо отъ самаго Бога, безъ посредства продолжателей апостольскаго служенія, пастырей Церкви, въ слѣдующихъ мѣстахъ св. Писанія; въ словахъ молитвы Господней: *прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ* (Мат. 6, 12); въ словахъ Христа: *покайтесь и въруайте во Евангеліе* (Мар. 1, 15), въ Его-же словахъ, сказанныхъ при исцѣленіи расслабленнаго: *чело! прощаются тебѣ грѣхи твои* (Мар. 2, 5), и жонцинѣ, слезами омывшей, волосами отершей и муромъ помазавшей ноги Спасителя въ домъ Симона фарисея: *прощаются тебѣ грѣхи* (Лук. 7, 48); въ притчѣ Иисуса Христа о блудномъ сынѣ, прощенномъ при одномъ обнаруженіи чувства раскаянія (Лук. 15, 11—32), въ словахъ молитвы мытаря: *Боже, будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику* (Лук. 18, 13), въ словахъ Иисуса Христа мытарю Закхею, которому за одно покаянное чувство было сказано: *нынѣ пришло спасеніе дому сему* (Лук. 19, 1—10), въ словахъ, сказанныхъ Иисусомъ Христомъ на крестѣ благо-

разумному разбойнику, покаявшемуся въ своихъ грѣхахъ: *Нынѣ же будешь со Мною въ раю* (Лук. 23, 43) и, наконецъ, въ словахъ ап. Іоанна: *если бы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа, праведника. Онъ есть умиловленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра* (1 Іоан. 2, 1—2). По поводу всѣхъ указанныхъ мѣстъ св. Писанія нужно замѣтить, что они, за исключеніемъ словъ ап. Іоанна, не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ таинству покаянія и разрѣшенія грѣховъ. Въ нихъ раскрывается та общая мысль, что если человѣкъ искренно раскаивается въ своихъ грѣхахъ, то Богъ прощаетъ ему грѣхи. О посредствѣ продолжателей апостольскаго служенія при разрѣшеніи грѣховъ кающемуся здѣсь не упоминается, такъ какъ о прощеніи грѣховъ въ указанныхъ мѣстахъ св. Писанія говорится лишь въ общемъ смыслѣ, или же это прощеніе дается прямо и непосредственно Самимъ Іисусомъ Христомъ,—какъ женщицѣ, омывшей слезами, отершей волосами и помазавшей муромъ ноги Іисуса Христа. Да притомъ же, всѣ указанные мѣста св. Писанія, кромѣ словъ ап. Іоанна и Іакова, были сказаны Іисусомъ Христомъ еще до времени Его крестныхъ страданій и до установленія Имъ таинства покаянія и разрѣшенія грѣховъ, до времени преподаванія апостоламъ благодатнаго дара на разрѣшеніе грѣховъ (Іоан. 20, 23). Въ каждомъ таинствѣ человѣку, по его вѣрѣ въ искупительныя крестныя страданія Іисуса Христа за грѣхи человѣческаго рода, подаются плоды этихъ искупительныхъ страданій, или благодатныя дары св. Духа—въ каждомъ таинствѣ свой особый даръ (1 Кор. 12, 4): въ таинствѣ покаянія, напримѣръ, даръ разрѣшенія грѣховъ кающемуся. А отсюда ясно, что до времени крестныхъ страданій Іисуса Христа люди не могли получить этихъ благодатныхъ даровъ св. Духа, а слѣдовательно, не могло быть и христіанскихъ таинствъ, да не было еще и самой Церкви Христовой на землѣ, какъ сокровищницы благодатныхъ даровъ св. Духа. Поэтому же въ св. Писаніи, сказанное до смерти и воскресенія Іисуса Христа о покаяніи и разрѣшеніи грѣховъ ¹⁾ не относится къ таинству покаянія,

1) Авторъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь тѣ мѣста св. Писанія, гдѣ говорится о прощеніи грѣховъ, какъ фактъ наличномъ или совершившемся, а не тѣ, въ которыхъ идетъ рѣчь объ этомъ прощеніи, какъ дѣлѣ или фактахъ будущаго. Мѣ. 16, 19 и 18, 18 относятся къ послѣдняго рода мѣстамъ. *Прим. Ред.*

которое Христомъ установлено уже послѣ Его воскресенія (Іоан. 20, 22—23). Въ словахъ ап. Іоанна: *если бы кто согрѣшилъ, то мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ, Іисуса Христа праведника. Онъ есть умилоствивленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра* (1 Іоан. 2, 12)—говорится о томъ, что Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, явился на землю, проповѣдывалъ, творилъ чудеса, умеръ, воскресъ и вознесся на небеса именно для того, чтобы ходатайствовать предъ Богомъ Отцомъ за грѣшный человѣческій родъ, чтобы примирить послѣдній съ Богомъ Отцомъ, открыть людямъ доступъ къ тѣспѣйшему единенію съ Богомъ, къ райскимъ блаженствамъ, чего лишился человѣкъ со времени грѣхопаденія прародителей, ихъ самовольнаго, горделиваго непослушанія заповѣди своего Творца. Въ числѣ средствъ къ примиренію человѣка съ Богомъ Іисусъ Христосъ установилъ въ Своей Церкви на землѣ и таинство покаянія и разрѣшенія грѣховъ. Общая мысль, выраженная въ словахъ апостола Іоанна, не исключаетъ т. обр., а предполагаетъ частныя ея примѣненія.

Желая доказать, что и въ ихъ общинѣ есть покаяніе, и человѣкъ можетъ получить видимое разрѣшеніе грѣховъ,—мнимодуховные христіане указываютъ на слова ап. Іакова: *признавайтесь другъ предъ другомъ въ проступкахъ* (Іак. 5, 16), и на слова Іисуса Христа, въ которыхъ Онъ даетъ наставленіе къ увѣщанію обидѣвшаго насъ: сначала наединѣ, потомъ при одномъ и двухъ свидѣтеляхъ и, наконецъ, предъ лицомъ всей Церкви. *Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ* (Мат. 18, 15—18). Относительно словъ ап. Іакова нужно замѣтить, что въ нихъ ничего не говорится о таинствѣ разрѣшенія грѣховъ. Ап. Іаковъ говоритъ объ исповѣди одного христіанина предъ другимъ, какъ хорошему, добромъ, нравственномъ дѣлѣ, когда одинъ христіанинъ можетъ преподавать другому совѣты, разъясненія и указанія, какъ избѣгать извѣстныхъ грѣховъ, какъ бороться съ извѣстными помыслами и искушеніями и только, а о таинствѣ покаянія, въ которомъ дается разрѣшеніе грѣховъ кающемуся отъ продолжателя апостольскаго служенія, епископа или пресвитера, у ап. Іакова нѣтъ и упоминанія. По поводу словъ Іисуса Христа относительно увѣщанія грѣшника нужно замѣтить слѣдующее. Іисусъ

Христосъ указываетъ разные способы увѣщанія обидѣвшаго насъ чело-вѣка-христіанина. И если обидчикъ не получаетъ увѣщанія всей Церкви, предъ лицомъ всего церковнаго общества, то такового упорнаго грѣшника Иисусъ Христосъ даетъ право Церкви отлучать отъ общенія съ собою въ молитвѣ и таинствахъ, считать его наравнѣ съ язычникомъ и мытаремъ (Мат. 18, 17). И такой судъ Церкви, такое рѣшеніе Иисусъ Христосъ называетъ судомъ Божиимъ, судомъ неба. Но въ этомъ судѣ первое мѣсто и первое слово должно принадлежать именно тѣмъ лицамъ, коимъ отъ Христа предоставлена власть вязать и рѣшить, то есть, апостоламъ (Мат. 16, 18—19; 18, 17—18; Иоан. 20, 20—23), каковую власть потомъ Церковь передавала продолжателямъ апостольскаго служенія (Дѣян. 13, 1—3; 20, 28; Тим. 4, 14; 5, 22; 3, 14—15; 2, Тим. 1, 6; Тит. 1, 5), епископамъ и ихъ помощникамъ—пресвитерамъ. Изъ примѣра коринесскаго кровосмѣсника ясно видно, что ап. Павелъ повелѣлъ, или рѣшилъ отлучить его отъ церковнаго общенія за его грѣхъ (1 Кор. 5, 3—5); а когда увидѣлъ его раскаяніе, то апостоль первый подалъ голосъ оказать ему любовь (2 Кор. 2, 8), снова принять его въ церковное общеніе; а въ *общинахъ мнимодуховныхъ* христіанъ нѣтъ продолжателей апостольскаго служенія, которые бы имѣли непрерывное отъ апостоловъ рукоположеніе, а потому не можетъ совершаться у нихъ и того суда церковнаго, о котомъ мы читаемъ въ Евангеліи. Во вторыхъ, изъ словъ Иисуса Христа и изъ примѣра коринесскаго кровосмѣсника видно, что суду Церкви подвергаются грѣхи извѣстные Церкви; но у каждого христіанина могутъ быть и есть грѣхи тайные, которые не извѣстны Церкви и кои грѣшникъ можетъ стѣсняться объявлять всему обществу христіанъ, а между тѣмъ эти грѣхи могутъ быть большіе, могутъ сильно тяготить совѣсть грѣшника, вызывать у него истинное раскаяніе. Разрѣшеніе этихъ грѣховъ, очищеніе совѣсти грѣшника отъ нихъ можно получить только чрезъ лицо, принявшее отъ Христа чрезъ апостоловъ власть и право вязать и рѣшить, то есть продолжателя апостольскаго служенія, епископа или пресвитера.

Возражая противъ ученія православной Церкви о таинствѣ покаянія, мнимодуховные христіане говорятъ еще, что, если Иисусъ Христосъ и далъ апостоламъ власть вязать и разрѣшать грѣхи, то эта власть принадлежала только лично апостоламъ, какъ и власть творить чудеса,

исцѣлять больныхъ, очищать прокаженныхъ, воскрешать мертвыхъ, изгонять бѣсовъ (Мат. 10, 8). Власти творить указанныя чудеса мы не видимъ у продолжателей апостольскаго служенія, а вмѣстѣ не можемъ признать, что имъ принадлежитъ и власть разрѣшать грѣхи,—тѣмъ болѣе, что еще во времена апостоловъ епископы впадали въ тяжкіе грѣхи, за что и обличались, какъ это видно изъ словъ Иисуса Христа къ ангелу, или епископу Ефесской церкви: *ты оставилъ первую любовь твою. Итакъ вспомни, откуда ты ниспалъ и покайся, и твори прежнія дѣла; а если не такъ, скоро приду къ тебѣ, и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его, если не покаешься.* (Откр. 2, 4—5). А если продолжатели апостольскаго служенія, епископы и пресвитеры, грѣшные люди, то какъ же они, будучи сами грѣшниками, могутъ простить грѣхи кающагося предъ ними грѣшника? На это нужно замѣтить, что апостолы получили отъ Иисуса Христа право и власть связывать или разрѣшать грѣхи не потому, чтобы они были безгрѣшными, а потому, что Создателю Церкви, Иисусу Христу, было благоугодно въ Своей Церкви учредить такое священнодѣйствіе, чрезъ которое члены Церкви могли бы получать освобожденіе отъ грѣховъ, въ которые они, по слабости человѣческой воли, могли впасть послѣ совершенія надъ ними таинства крещенія, или духовнаго рожденія о Христѣ съ совлеченіемъ тѣла грѣховнаго (Колос. 2, 11). Апостолы не считали себя безгрѣшными. Во плоти человѣческой на землѣ безгрѣшнымъ былъ одинъ только Иисусъ Христосъ (Іоан. 14, 30; 1 Петр. 2, 22). Ап. Іоаннъ пишетъ: *если юворимъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). Ап. Павелъ еще до крещенія названъ былъ отъ Христа Его избраннымъ сосудомъ (Дѣян. 9, 15), и самъ о себѣ говоритъ, что онъ былъ восхищенъ до третьяго неба, въ рай, гдѣ слышалъ неизрѣченныя слова (2 Кор. 12, 2—4). А между тѣмъ такой высокооблагодатствованный человѣкъ не считалъ себя достигшимъ совершенства (Филип. 3, 12), а иногда называлъ себя и первымъ изъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 15). Слѣдовательно, Христосъ предоставилъ апостоламъ право и власть связывать и разрѣшать грѣхи людямъ, кающимся предъ ними (Дѣян. 19, 18), по милосердію Своему къ искупленнымъ Имъ людямъ, дабы имъ дать возможность освободиться отъ грѣховъ, а не потому, что этого дара были достойны апостолы за свои личныя заслуги,

добрыя дѣла, ихъ полную святость и безгрѣшность. И даръ вязанія и разрѣшенія грѣховъ Иисусъ Христосъ далъ своей Церкви не на сто или двѣсти лѣтъ, но какъ и другіе благодатные дары предоставилъ Церкви на всѣ времена ея существованія на землѣ, до второго Его пришествія на землю для суда надъ людьми. Для спасенія людей Богъ создалъ Церковь на землѣ и снабдилъ ее благодатными дарами не потому, чтобы люди сами заслужили этого своими добрыми дѣлами, а единственно по любви къ Своему творенію, какъ говорить о семъ апостолъ: *благодатию вы спасены чрезъ воду, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ праведныхъ, чтобы никто не хвалился* (Ефес. 2. 8—9); и сохранилъ Иисусъ Христосъ Свою Церковь на землѣ съ полнотою благодатныхъ даровъ по той же любви къ человѣческому роду, а не потому, чтобы люди заслужили этого своими добродѣтелями и подвигами. Поэтому и продолжатели апостольскаго служенія на землѣ въ Церкви Христовой, пастыри и учителя, связываютъ и разрѣшаютъ грѣхи кающимся людямъ не по силѣ своихъ добродѣтелей и подвиговъ, высоты своего личнаго духовнаго совершенства, а по силѣ тѣхъ даровъ и власти, которыя преподаны имъ церковью при ихъ рукоположеніи въ священныя степени (Дѣян. 20, 28; 1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; 5, 2; Тим. 1, 5). И въ жизни гражданской, губернаторъ управляетъ губерніей, судья произноситъ судъ—не потому, чтобы они были лучшими по уму и нравственности людьми во всемъ томъ обществѣ, на которое простирается ихъ власть, а по силѣ правъ и власти, предоставленныхъ имъ отъ Государя. Такъ и въ Церкви Христовой извѣстныя лица исполняютъ обязанности пастырей, учителей и совершителей таинства не по силѣ своихъ личныхъ добродѣтелей и заслугъ, а по силѣ правъ и власти, полученныхъ ими отъ Христа другопреемственно чрезъ апостоловъ и продолжателей апостольскаго служенія въ Церкви Христовой. Этими правами и властію они владѣютъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ взяты отъ нихъ эти права и власть Церковью же. При томъ же, какъ это уже показано выше, при совершеніи таинства покаянія грѣшникъ раскаивается въ своихъ грѣхахъ собственно Самому Иисусу Христу, Который „невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе“ кающагося грѣшника, и кающійся получаетъ разрѣшеніе грѣховъ чрезъ духовника отъ Христа, „благодатию Его чловѣколюбія“ (молитва при

совершеніи таинства покаянія). Точно также и даръ чудотворенія въ Церкви Христовой никогда не прекращался и не прекратится. Иисусъ Христосъ сказалъ, что истинная вѣра у людей будетъ сопровождаться знаменіями: *именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ и они будутъ здоровы* (Марк. 16, 17—18). По истинной и глубокой вѣрѣ въ православной Церкви и въ настоящее время проявляются чудотворенія изгнаніемъ бѣсовъ, исцѣленіемъ недуговъ и проч. по молитвамъ избранниковъ Божіихъ, хотя даръ чудотворенія, какъ даръ чрезвычайный (1 Кор. 1, 2, 9—10), и не привязывается непременно къ извѣстному служенію.

Мнимодуховные христіане говорятъ еще: православное ученіе о таинствѣ покаянія нельзя признать согласнымъ съ св. Писаніемъ еще и потому, что покаяніемъ можно заглаждать грѣхи недавніе, допущенные человѣкомъ произвольно, по слабости человѣческой воли; а кто повторяетъ извѣстный грѣхъ много разъ, коснѣеть въ немъ, грѣшитъ произвольно и сознательно, тотъ погибъ навсегда, того уже невозможно *опять обновлять покаяніемъ*, когда онъ снова распинаетъ въ себѣ Сына Божія, и ругается Ему (Евр. 6, 4—6). А между тѣмъ въ православной Церкви кающемуся прощаются всѣ грѣхи.

По поводу этого возраженія мнимодуховнымъ христіанамъ нужно разъяснить, что, согласно съ словомъ Божіимъ, православная Церковь, дѣйствительно, вѣруетъ и учитъ, что чистосердечное и искреннее раскаяніе грѣшника предъ Богомъ можетъ принести ему полное и *всѣцѣлое* прощеніе въ какихъ бы то ни было грѣхахъ, такъ какъ Богъ не желаетъ смерти грѣшника, а чтобы *онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ* (Иезек. 18, 23; 33, 11). Еще въ ветхомъ завѣтѣ было извѣстно вѣрующимъ людямъ, что милосердіе Божіе покрываетъ всякій грѣхъ человѣка, при его искреннемъ и чистосердечномъ раскаяніи, какъ мы читаемъ объ этомъ во второй книгѣ царствъ: *Богъ не желаетъ погубить душу и помышляетъ какъ бы не отвергнуть отъ Себя и отверженнаго* (2 Цар. 14, 2. 14). А въ новомъ завѣтѣ милосердіе Божіе къ грѣшнымъ людямъ, проявившееся безпредѣльною любовію въ крестной смерти Сына Божія за грѣхи человѣческаго рода,

даетъ людямъ еще большую надежду на возможность заглаждать грѣхи свои покаяніемъ. Примѣръ, подтверждающій эту мысль, мы прежде всего можемъ видѣть въ апостолахъ Петрѣ. Ап. Петръ первый изъ людей исповѣдалъ Иисуса Христа воплотившимся Сыномъ Божіимъ (Мат. 16, 16). Вмѣстѣ съ другими апостолами онъ получилъ отъ Христа благодатный даръ совершенія чудесъ: исцѣленія больныхъ, очищенія прокаженныхъ, воскрешенія мертвыхъ, изгнанія бѣсовъ (Мат. 10, 8; Лук. 10; 9). На тайной вечери вмѣстѣ съ другими апостолами онъ пріобщился подъ видомъ хлѣба и вина истиннаго тѣла и истинной крови Христа (Мат. 26, 26—29; Мар. 14, 22—25; Лук. 22, 19—20). И послѣ всего этого ап. Петръ отъ Иисуса Христа былъ предупрежденъ, что сатана будетъ искушать его (Лук. 22, 24—34). И однако, не смотря на все сіе, онъ отрекся отъ Христа, что не знаетъ его (Мат. 26, 69—75; Мар. 14, 66—72; Лук. 22, 56—60; Иоан. 18, 17. 24, 27). Но чистосердечнымъ слезнымъ покаяніемъ ап. Петръ загладилъ и этотъ тяжкій грѣхъ отреченія отъ Христа. Примѣръ раскаянія ап. Петра даетъ непоколебимое основаніе утверждать, что православная Церковь содержитъ чисто евангельское ученіе о таинствѣ покаянія, въ которомъ, при искреннемъ и чистосердечномъ раскаяніи грѣшника, послѣдній можетъ получить отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Христосъ *пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію* (Мат. 9, 13); *взыскать и спасти погибшее* (Мат. 18, 11), такъ какъ *нѣтъ воли Отца нашего небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ* (Мат. 18, 14). Слова же ап. Павла: *невозможно отпавшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія, и ругаются Ему* (Евр. 6, 4—6), какъ это видно изъ предыдущаго, относятся къ такому душевному состоянію грѣшника, при которомъ для него невозможно бываетъ покаяніе. Ап. Павелъ говоритъ, что этотъ человѣкъ былъ просвѣщенъ истинами вѣры, вкусилъ дара небеснаго, то-есть таинства причащенія тѣла и крови Христовыхъ подъ видомъ хлѣба и вина; получилъ и другіе дары Св. Духа въ таинствахъ,—сдѣлался причастникомъ Духа Святаго; вкусилъ добраго гласа Божія и силъ будущаго вѣка, то-есть уразумѣлъ силу Царствія Божія (1 Кор. 4, 20), или же, живя на землѣ, предвкушала будущую духовную блаженную жизнь. И, несмотря на все это

духовное совершенство, этотъ человѣкъ потомъ отпадаетъ отъ вѣры во Христа, снова распинаетъ Его и ругается Ему. Такое душевное состояніе грѣшника есть не что иное, какъ упорное противленіе очевидной истинѣ Божіей, совершенное невѣріе, нераскаянность, жестоковѣрное возстаніе на благочестіе и истину и упорное пребываніе въ нераскаяніи,— это именно тотъ, грѣхъ который Христосъ назвалъ хулою на Духа Святаго, который не отпустится человѣку (Мат. 12, 31). Ап. Павелъ, говоря о невозможности для отпадшаго обновленія покаяніемъ, разумѣетъ здѣсь нравственную невозможность раскаянія со стороны грѣшника, а не со стороны благодати и милосердія Божія. И слова ап. Павла о невозможности *отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему*, отнюдь не противорѣчатъ ученію православной Церкви о таинствѣ покаянія, по которому первымъ и главнымъ условіемъ къ полученію разрѣшенія грѣховъ со стороны грѣшника является чистосердечное и искреннее раскаяніе во грѣхахъ. И при такомъ раскаяніи, какъ видно изъ примѣра ап. Петра, грѣшникъ можетъ получить прощеніе и разрѣшеніе всякаго грѣха (1 Іоан. 1, 9).

Прот. Н. Кутеповъ.

О старомъ по новому поводу ¹⁾.

(О душѣ человѣка и о нѣкоторыхъ ея свойствахъ).

VII.

Смерть человѣка.

Тѣлесная смерть человѣка состоитъ въ распаденіи союза между душою и тѣломъ, или въ отдѣленіи души отъ тѣла и возвращеніи послѣдняго въ землю. Съ той поры, какъ Богъ сказалъ падшему Адаму: „земля еси и въ землю отыдеши“ (Быт. 111, 19), явилась смерть. Всякій человѣкъ рано или поздно умираетъ. Никакое званіе, никакой возрастъ, никакое богатство, никакая мудрость, никакая осторожность — ничто не можетъ сохранить насъ отъ смерти. Законъ смерти — общій для всего человѣчества. Слово Божіе о всеобщности смерти говоритъ: „Кто есть человѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти?“ (Пс. LXIX, 3), „О Адамѣ вси умираютъ“ (1 Кор. XV, 22).

Какая же причина смерти?

По мнѣнію древнихъ язычниковъ и современныхъ невѣровъ, смерть есть законъ самой природы. Мы умираемъ, говорятъ они, потому что такова была, есть и будетъ природа человѣка. Какъ пожелтѣвшій листь спадаетъ осенью съ дерева, точно также и человѣкъ, сраженный въ свою осень неумолимою смертію, исчезаетъ безслѣдно и безвозвратно. Умирая, мы отдаемъ дань природѣ наравнѣ со всѣми животными.

Совершенно иначе смотреть на причину и происхожденіе смерти христіанская религія.

¹⁾ См. «Мяс. Обзоръ», Февраль кв. 2-я, стр. 437—452.

Смерть, по христіанскому ученію, не есть установленный отъ Бога законъ для человѣка, такъ какъ смерть есть зло, а зла Богъ не сотворилъ. Все сотворенное Богомъ найдено имъ прекраснымъ: „и видѣ Богъ вся, елика сотвори, се добро зѣло“ (Быт. 1, 31). Слово Божіе, къ которому мы всегда должны обращаться для непогрѣшительнаго сужденія, показываетъ намъ, что смерть есть наказаніе за грѣхи нашихъ прародителей, наказаніе, сначала постигшее ихъ самихъ, а затѣмъ и все происшедшее отъ нихъ человѣчество. Несмотря однако на всю противоестественность, смерть для истиннаго христіанина не есть зло: она есть только конецъ его странствованія и переходъ въ истинное отечество. Смерть—великое таинство. Самое страшное въ этомъ таинствѣ—это моментъ разлученія души съ тѣломъ.

Издатель „Borderland“а г. Стэдъ печатаетъ въ своемъ журналѣ нѣсколько случаевъ *нагляднаго доказательства* отдѣленія души отъ земной ея „скорлупы“.

Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

1) „Это было, говоритъ онъ, письменно сообщено мнѣ одной моею знакомой писательницей, до той поры не имѣвшей никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Сидя возлѣ кровати умирающаго, нѣжно любимаго ею младенца, она мысленно говорила себѣ: „если въ самомъ дѣлѣ въ человѣкѣ есть душа, если дѣйствительно существуетъ будущее, да будетъ мнѣ дано увидѣть, какъ жизнь уходитъ изъ этого маленькаго, дорогаго мнѣ существа!“ Ребенокъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Послѣдній вздохъ вырвался изъ его груди. Онъ былъ мертвъ. Но въ эту самую минуту, пораженная удивленіемъ, она увидѣла, что сѣроватое, туманное облачко выдѣлилось изъ головы младенца и постепенно приняло форму и черты умершаго ребенка, затѣмъ этотъ болѣе нѣжный, болѣе эфирный его обликъ, плавно поднявшись къ потолку, исчезъ изъ вида“.

Письмо свое она закончила такъ: „повѣрите-ли вы или не повѣрите моему разсказу, мнѣ это будетъ совершенно безразлично, такъ какъ *теперь я знаю, что у насъ есть душа*: я ее видѣла“.

2) Тотъ же Стэдъ печатаетъ другой случай, о которомъ сообщила нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одномъ митингѣ женщина—врачъ.

„Я знаю, говоритъ она, что многіе не вѣрятъ въ существованіе за гробомъ. Что касается меня, то я *видѣла* душу, отдѣлившуюся въ минуту смерти отъ своего тѣла“.

Эти слова были встрѣчены сомнѣніями, но она увѣренно и спокойно продолжала:

„Не такъ давно въ мое лѣчебное заведеніе привезенъ былъ совершенна незнакомый мнѣ человекъ, недугъ котораго настолько подточилъ уже его организмъ, что я сразу рѣшила, что нѣтъ ни малѣйшей возможности излѣчить его. Протянувъ еще день-другой, больной угасалъ на моихъ глазахъ, пока я стояла воелѣ его кровати, погруженная въ тяжелыя думы единственно только о томъ, что я не въ силахъ ничѣмъ помочь несчастному.

Когда все кончилось и послѣдній вздохъ вылетѣлъ изъ груди умершаго, я еще простояла нѣсколько минутъ у его койки, размышляя о томъ, что слѣдовало бы увѣдомить родныхъ о его кончинѣ, какъ вдругъ почувствовала воелѣ себя чье-то присутствіе. Обернувшись въ сторону этого ощущенія, я была поражена какъ бы громовымъ ударомъ, увидя рядомъ со мной стоящее совершенное подобіе только что умершаго человека. Обликъ этотъ какъ бы не замѣчалъ меня. Онъ смотрѣлъ на свой трупъ съ выраженіемъ недоумѣнія, удивленія, и какъ бы досады. Я тоже повернулась къ трупу, глядя на безучастное, тупое выраженіе его лица. Затѣмъ опять посмотрѣла въ сторону двойника, но его уже не было; тѣмъ не менѣе теперь я знаю, что видѣла „душу“ человека. Ближайшіе слушатели разсказа, женщины-врачи, примолкли на нѣсколько минутъ. Затѣмъ одна изъ нихъ презрительно улыбнулась и сказала: „вы, надо полагать, спиритуалистка?“. Въ отвѣтъ на это она сказала: „нѣтъ, я не спиритуалистка, но съ того момента, какъ я своими глазами узрѣла „душу“, жизнь получила для меня совершенно новый смыслъ и значеніе“ („Изъ обл. таинств.“ Дьяченко, стр. 587).

По свидѣтельству св. Писанія исходъ души праведной и грѣшной неодинаковъ.

Душа праведная, по разлученіи съ тѣломъ, приеляется свв. ангелами, сохраняется ими и относится въ страну, исполненную свѣта, радости и блаженства. Она не только не боится смерти, но встрѣчаетъ ее съ радостію, будучи исполнена радостныхъ видѣній небожителей, съ которыми надѣется соединиться на вѣки. Многіе изъ праведниковъ умирали, какъ извѣстно, на молитвѣ. Свв. Димитрій Ростовскій и Серафимъ Саровскій найдены послѣ смерти на колѣнахъ въ положеніи молитвенномъ. О св. первомуч. архидіаконѣ Стефанѣ извѣстно, что лицо его

предъ смертію стало, „какъ лицо ангела“, чѣмъ были поражены сами враги его.

Насколько радостна бываетъ смерть праведныхъ, настолько неприятно, страшна бываетъ смерть грѣшниковъ. И чѣмъ грѣшнѣе человекъ, чѣмъ больше сдѣлалъ онъ зла, чѣмъ меньше каялся въ своихъ грѣхахъ, тѣмъ страшнѣе бываетъ его смерть, тѣмъ тяжелѣе послѣднія минуты его жизни. „Смерть грѣшниковъ люта“ (Ис. XXXIII, 22).

„Разлученіе съ жизнью, пишетъ св. Ефремъ Сиринъ, крайне опечаливаетъ грѣшника, который видитъ у себя предъ очами темную бездну. Какое раскаяніе обметъ тогда его сердце, нерадѣвшее здѣсь о своемъ спасеніи!“

Бываютъ однако случаи, когда грѣшники умираютъ повидимому спокойно, а праведники подвергаются жестокой и страшной смерти. Для уясненія подобныхъ случаевъ, нужно имѣть въ виду, что пути Божіи для насъ непостижимы.

Св. Аванасій въ объясненіе этого обстоятельства рассказываетъ слѣдующій случай:

Одинъ монахъ отшельникъ, извѣстный чудотвореніями, жилъ въ пустынѣ съ своимъ ученикомъ. Въ одинъ день случилось ученику пойти въ городъ, въ которомъ начальникомъ былъ человекъ злой и небожавшійся Бога. Въ городѣ онъ увидѣлъ, что этого начальника погребаютъ съ большою честію, множество народа сопровождаетъ его гробъ.

Возвратившись потомъ въ свою пустыню, ученикъ нашелъ своего старца растерзаннымъ звѣремъ. Пораженный такимъ обстоятельствомъ, онъ сталъ горько плакать и жаловаться Богу, говоря:

„Господи, какъ славно померъ тотъ злой властелинъ, а этотъ святой, духовный старецъ за что подвергся такой горькой смерти?“

Когда онъ плакалъ и молился, явился къ нему ангелъ и сказалъ:

„Что ты плачешь о своемъ старцѣ? Тотъ злой властелинъ имѣлъ одно доброе дѣло, за которое въ награду и удостоился такого славнаго погребенія, а по переходѣ въ другую жизнь ему ужъ нечего больше ожидать, кромѣ осужденія. А твой наставникъ, честный старецъ, во всемъ угодилъ Богу, но однакожь, какъ человекъ, имѣлъ одинъ грѣхъ, который такую горькою смертію очищенъ и прощенъ, такъ что онъ „отошелъ изъ земной жизни совершенно чистымъ“ (Прологъ, 21 іюля).

Разсматривая жизнь поврежденнаго грѣхомъ человека, можно прійти

къ заключенію, что смерть есть дѣло величайшаго милосердія Божія къ роду человѣческому.

Что сталося бы съ человѣкомъ, если бы онъ, не получивъ наказанія за грѣхи, остался бы жить навсегда? Не повліяла-ли бы на него самымъ гибельнымъ образомъ надежда на безнаказанность? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ сталъ бы все смѣлѣе и смѣлѣе совершать грѣхи и, наконецъ, дошелъ бы до такой нравственной порчи, до такого возстанія и ожесточенія противъ Бога, до котораго ниспалъ нѣкогда свѣтлый, высокій, безплотный духъ, сдѣлавшійся потомъ сатаню.

VIII.

Явленія умершихъ.

О случаяхъ явленій душъ умершихъ людей живымъ существуетъ множество повѣствованій. Само собою понятно, что если душа бессмертна, то и явленіе ея людямъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Нужно думать однако, что души умершихъ являютъ на землю не по собственной волѣ, а только по повелѣнію и допущенію Божію и при томъ для какихъ-нибудь особенныхъ, высокихъ цѣлей.

Если бы онѣ могли являться по собственному произволу, то явленія ихъ были бы, несомнѣнно, чаще, чѣмъ наблюдается это на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности явленій умершихъ насъ достаточно убѣждаютъ повѣствованія св. Писанія.

Царь Саулъ обращался къ аэндорской волшебницѣ съ просьбой вызвать духъ пророка Самуила, и Самуилъ являлся и бесѣдовалъ съ Сауломъ; во время Преображенія Иисуса Христа на Фаворѣ явились Моисей и Илія, умершіе нѣсколько столѣтій тому назадъ, и вели разговоръ со Христомъ: въ моментъ крестной смерти Спасителя, возстали многіе давно умершія лица и явились многимъ въ Іерусалимѣ.

Въ исторіи Церкви мы встрѣчаемся съ слѣдующими знаменательными событіями.

1) Св. Іоанну Златоусту, на пути его въ ссылку, въ г. Команыхъ явился епископъ Василикъ, умершій сто лѣтъ тому назадъ, и сказалъ: „мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ“. Св. Іоаннъ повѣрилъ этому видѣнію, одѣлъ на себя чистыя одежды, приобщился

св. Таинъ и, дѣйствительно, какъ ему было сказано, почилъ смертію праведника.

2) Праздникъ во имя трехъ вселенскихъ учителей учрежденъ по особенному, весьма примѣчательному обстоятельству.

Вскорѣ послѣ ихъ кончины между православными почитателями ихъ великихъ подвиговъ нерѣдко возникалъ вопросъ: который изъ трехъ святителей больше и выше? Распря объ ихъ добродѣтеляхъ возросла, наконецъ, до того, что произошло рѣшительно раздѣленіе христіанъ: одни начали называться Василіанами, другіе Григоріанами, третьи Іоаннитами. Тогда, въ отклоненіе такого соблазна, сами святители, всѣ трое вмѣстѣ, явились Іоанну, епископу евхантаскому, и сказали ему: „всѣ мы имѣемъ у Бога равное достоинство. Объяви христіанамъ, чтобы оставили споръ относительно сего. Какъ при жизни болѣе всего мы заботились о единодушїи, такъ и по преставленїи нашемъ болѣе всего желаемъ единомыслія вѣрующимъ. Установи для насъ общій праздникъ“. И праздникъ былъ установленъ.

3) Однажды, въ глубокую ночь, преподобный Сергій Радонежскій совершалъ свое келейное правило и предъ иконою Богоматери пѣлъ акаѳистъ, что онъ дѣлалъ, по своему обычаю, ежедневно. Часто взиралъ онъ на святую икону и усердно молилъ Матерь Божию о своей обители. „Пречистая Мати, взывалъ святой старецъ, будь всѣмъ намъ спасительное упокоеніе и пристанище!“ Такъ молился преподобный; его чистое сердце горѣло благодатнымъ пламенемъ, его смиренный умъ весь погруженъ былъ въ молитву и онъ, какъ дитя, въ простотѣ бесѣдовалъ съ Пречистою Матерью.

Окончивъ молитву, онъ сѣлъ отдохнуть, но вдругъ его святая душа ощутила приближеніе небснаго явленія и онъ сказалъ своему ученику, преподобному Михею: „бодрствуй, чадо: мы будемъ въ сей часъ имѣть чудесное посѣщеніе“. Едва сказалъ онъ это, какъ осіялъ его свѣтъ и онъ увидѣлъ Пречистую Матерь, сопровождаемую апостолами Петромъ и Іоанномъ. Не будучи въ силахъ вынести чуднаго свѣта, преподобный Сергій палъ ницъ. Пресвятая Дѣва ободрила его словами: „Не бойся, избранникъ Мой, сказала Она, Я пришла посѣтить тебя; молитва твоя услышана и Я неотступно буду отъ мѣста сего и всегда буду покрывать его“. Сказала такъ и—стала невидима.

Дѣйствительность передаваемыхъ св. Писаніемъ и Церковью явленій

отшедшихъ душъ такъ-же несомнѣнна, какъ несомнѣнно истинны сами сообщающіе ихъ источники. Слѣдовательно, въ однихъ ужъ этихъ фактахъ мы имѣемъ неопровержимое доказательство дѣйствительнаго бытія міра духовнаго и полнѣйшее опроверженіе такъ распространеннаго въ настоящее время невѣрія.

IX.

Загробная жизнь людей праведныхъ и грѣшныхъ.

Души праведныхъ людей по исходѣ изъ этой жизни награждаются за свои подвиги блаженствомъ.

Изъ св. Писанія мы знаемъ, что праведный Лазарь послѣ смерти тотчасъ-же отнесенъ былъ ангелами на лоно Авраама (Лук. XVI, 22); покаявшемуся на крестѣ разбойнику Христосъ сказалъ: „днесъ будещи со мною въ рай“ (Лук. XXIII, 43).

Мѣсто, куда отходятъ души праведныхъ послѣ частнаго суда, въ св. Писаніи имѣеть разныя названія, но самое употребительное—это *рай*. У всѣхъ отцовъ и учителей Церкви рай представляется садомъ дивной, неописанной красоты, природа котораго вполне соотвѣтствуетъ тонкой природѣ души, недоступной нашимъ огрубѣвшимъ чувствамъ. Праведныя души будутъ не причастны никакимъ печалямъ и страданіямъ и будутъ наслаждаться тамъ успокоеніемъ отъ трудовъ своихъ. Состояніе ихъ не будетъ ни безсознательнымъ и соннымъ, ни безразличнымъ и неопредѣленнымъ, какъ учать люди, не признающіе личнаго безсмертія души. Сознавая ясно праведную жизнь и свое состояніе, души праведныхъ будутъ находиться въ предначатіи вѣчнаго блаженства. Будущій міръ этотъ всецѣло ускользаетъ отъ нашего воображенія. Если кто думаетъ, что можетъ представить себѣ картину будущей жизни, тотъ очень ошибается. Всѣ представленія, составляемыя при посредствѣ настоящей нашей организаціи, не имѣютъ никакой цѣны въ другомъ образѣ существованія. Земной глазъ не можетъ воспринимать другого свѣта, кромѣ земнаго; земное ухо не можетъ дать намъ никакой мысли о мелодіи небесной. Измѣнись наши органы—и все измѣнится для насъ, самая высокая поэзія не можетъ поднять даже края той завѣсы, которою закрывается отъ насъ будущее.

Итакъ, оставимъ напрасныя попытки представить себѣ рай, но съ другой стороны остережемся и того отвлеченнаго идеализма, который готовъ изгладить всё обѣтованія, составляющія нашу надежду и предметъ нашихъ желаній. Наше будущее есть жизнь, — жизнь дѣйствительная и полная. Мы будемъ съ *тѣлами* духовными и прославленными въ святомъ обществѣ; если небесныя красоты не соотвѣтствуютъ нашимъ самымъ лучшимъ мечтамъ, то это не отъ того, что наше воображеніе беретъ слишкомъ высокій полетъ, а отъ его безсилія достигнуть той дѣйствительности, которая превышаетъ его. Дабы представить вѣчность, возьмемъ жизнь и постараемся освободить ее отъ смерти, отъ постепеннаго, продолжающагося умиранія. Вмѣстите зрѣлость опытности въ порывы молодости, присоедините мудрость старца къ энтузіазму юности, предоставьте сердцу, богатому радостями, не лишаясь ихъ, предаваться новымъ радостямъ: тогда предъ вами будетъ жизнь полная, постоянно возрастающая, всегда поднимающаяся и никогда не упадающая, въ сравненіи съ которою теперешняя жизнь представилась бы подобіемъ смерти, — но и при всемъ этомъ вы не достигнете еще понятія о жизни вѣчной!

Теперь намъ, поставленнымъ въ условія времени, не дано объять будущаго вѣчнаго.

Блаженству праведныхъ совершенно противоположно состояніе грѣшныхъ.

Грѣшныя души, удаленныя отъ лицезрѣнія Божія, лишатся источника блаженства, будутъ ясно сознавать свои грѣхи, которыми они оскорбили Бога, будутъ мучиться угрызениями своей совѣсти, будутъ желать загладить свои поступки, но это будетъ уже невозможно.

Слѣдующій разговоръ даетъ понятъ намъ, насколько страшны мученія грѣшниковъ.

Одинъ разслабленный, изнемогая отъ тяжелой болѣзни, съ воплемъ просилъ Господа прекратить его страдальческую жизнь. „Хорошо“, сказалъ больному явившійся ангель, „Господь, будучи неизреченно благъ, соизволяетъ на твою молитву, только съ условіемъ, вмѣсто одного года страданій на землѣ, которыми каждый человекъ очищается, какъ золото въ горнилѣ, пребыть три часа въ адскихъ мученіяхъ. Земной путь тебѣ наскучалъ; испытай, что значать вѣчныя муки въ адѣ, куда идутъ всё грѣшники: впрочемъ испытай только въ теченіе трехъ ча-

совъ, а потомъ будешь спасенъ“. Страдалецъ задумался. „Годъ страданій на землѣ,—это ужасное продолженіе времени! Лучше вытерплю три часа въ этихъ безконечныхъ мукахъ“, сказалъ онъ самъ себѣ.

„Согласенъ въ адъ“, отвѣтилъ онъ ангелу. Ангелъ тихо принялъ его страдальческую душу и, заключивши ее въ преисподнихъ ада, удалился отъ страдальца съ словами утѣшенія: „черезъ три часа явлюсь я за тобою“. Господствующій всюду мракъ, тѣснота, долетающіе звуки неизъяснимыхъ воплей грѣшниковъ, видѣніе духовъ злобы,—все это слилось для страдальца въ невыносимый ужасъ и томленіе. Онъ всюду видѣлъ и слышалъ только страданіе и ни ползвуха радости въ необъятной безднѣ ада; одни лишь огненные глаза демоновъ сверкали въ преисподней тьмѣ и носились предъ нимъ ихъ исполнискія тѣни, готовые сдвинуть его, сожрать и сжечь своимъ геенскимъ дыханіемъ. Бѣдный страдалецъ затрепеталъ и закричалъ, но на крикъ его отвѣчала только адская бездна своимъ замирающимъ вдали эхомъ и клокотаньемъ геенскаго пламени, которое клубилось въ виду трепетавшаго заключенника. Ему казалось, что цѣлые вѣка страданій протекли уже; съ минуты на минуту ждалъ онъ себѣ свѣтоноснаго ангела, но его не было. Наконецъ, страдалецъ отчаялся въ его появленіи и, скрежеща зубами застоналъ, но никто не внималъ его воплямъ. Всѣ грѣшники, толпившіеся въ безднѣ геенской, были заняты собою, своимъ собственнымъ мученіемъ. Наконецъ тихій свѣтъ ангельской славы разлился надъ бездною. Съ райской улыбкой приступилъ ангелъ къ страдальцу и спросилъ: „Что, каково тебѣ, братъ?“ „Не думалъ я, чтобы въ устахъ ангельскихъ была ложь“, прошепталъ едва слышнымъ, прерывающимся отъ страданій голосомъ заключенникъ. „Объщася взять меня черезъ три часа, а между тѣмъ цѣлые годы я провѣлъ въ невыразимыхъ страданіяхъ“. „Помилуй, что за годы!“ кротко и съ улыбкой отвѣчалъ ангелъ,—часъ только прошелъ со времени моего отсутствія, и два часа сидѣтъ тебѣ здѣсь“. „Какъ, два часа? въ испугѣ спросилъ страдалецъ,—два часа? а это только часъ прошелъ. Не могу я болѣе терпѣть, нѣтъ силы! Если только можно, если только есть воля Господня, умоляю тебя, возьми меня отсюда! Лучше на землѣ я буду страдать годы и вѣка, даже до послѣдняго дня, до самаго пришествія Христова, только выведи меня отсюда“, со стономъ воскликнулъ страдалецъ, простирая къ свѣтлому ангелу руки. Тогда

ангелъ сказалъ: „Богъ удивляетъ на тебѣ милость свою“. При этихъ словахъ страдалецъ открылъ глаза и видитъ, что онъ попрежнему на своемъ болѣзненномъ ложѣ. Всѣ чувства его были въ изнеможеніи, страданія духа отозвались и на самомъ тѣлѣ, но онъ съ той поры терпѣливо уже переносилъ страданія, приводя себѣ на память ужасы адскихъ мученій и благодаря о всемъ милующаго Господа (Письма Святогорца, ч. 1, 15 пис.).

Кромѣ нераскаянныхъ и ожесточенныхъ грѣшниковъ, въ адѣ находятся также души состоянія нерѣшеннаго. Это тѣ грѣшники, которые не принесли плодовъ покаянія, но умерли съ сѣменами вѣры и благочестія. Души эти зыблются надъ бездною, то возышавая благодатію, то низвергаясь остатками поврежденной природы. Души эти не безнадѣжны для царствія небснаго, но не могутъ получить его сами, а потому жаждутъ для себя посторонней помощи, т. е. молитвъ и ходатайства Церкви. О загробной участи младенцевъ изъ св. Писанія намъ мало извѣстно. По вѣрованію Церкви, всѣ младенцы, умершіе послѣ крещенія, несомнѣнно, получаютъ спасеніе. Что касается до некрещенныхъ младенцевъ, то слова Спасителя: „оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прійти ко Мнѣ, таковыхъ бо есть царство небесное“, будучи обращены къ дѣтямъ іудейскимъ, т. е. не получившимъ крещенія, даютъ основаніе думать, что ихъ участь не будетъ безотрадной.

X.

Спасеніе души.

Пока человѣкъ не предстанетъ на судъ Божій, не услышитъ рѣшительнаго о себѣ опредѣленія, до тѣхъ поръ онъ не можетъ узнать, угоденъ ли онъ Богу или нѣтъ. Однако въ Словѣ Божіемъ точно указаны заповѣди, соблюденіе которыхъ ведетъ ко спасенію души.

Глава и сущность всѣхъ добродѣтелей человѣка есть любовь, безъ которой ни постъ, ни молитва, ни труды не имѣютъ значенія. Любовь основная заповѣдь христіанства и, пламенѣя ею, мы уже здѣсь на землѣ полагаемъ начало нашей блаженной вѣчной жизни въ общеніи съ Богомъ, Который любовь есть (1 Іоан. 4, 8). Кромѣ любви, необходимымъ условіемъ для спасенія души служить также смиреніе.

Нѣкогда преподобному Макарію явился диаволь и говорить: „Ма-

карий! ты много постишься, а я вовсе не ѣмъ; ты мало спишь, а я вовсе не сплю; однимъ только ты побѣждаешь меня—твоимъ смиреніемъ“.

Нельзя однако думать, что этими двумя добродѣтелями исчерпываются всѣ обязанности человѣка.

Кто хочетъ спастись, тотъ, по ученію Спасителя, долженъ:

1) Принадлежать къ единой, святой каѳолической Церкви и быть вѣрнымъ ея сыномъ.

Неповинующагося Церкви Христосъ сравнилъ съ идолопоклонникомъ, сказавъ: „аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь“ (Мѣ. XVIII, 17).

2) Имѣть тщательное раскаяніе въ своихъ согрѣшеніяхъ какъ при ежедневныхъ молитвахъ своихъ, такъ въ особенности предъ духовникомъ въ таинствѣ исповѣди.

3) Со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію неопустительно причащаться свв. тѣла и крови Христовыхъ, во исполненіе заповѣди Его: „аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, не піете крови Его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть и пій Мой кровь имать животъ вѣчный“ (Ев. Іоан. VI, 53—54).

4) И, наконецъ, терпѣливо переносить всѣ скорби, которыя встрѣчаются ему въ земной жизни. „Въ терпѣніи вашемъ, сказалъ Христосъ, стяжите души ваша“ (Лук. 21, 19). „Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“ (Мѣ XXIV, 13).

Кто вѣритъ въ премудрую цѣль мірозданія, кто не отчаялся въ разумности собственнаго существованія, тотъ долженъ всѣми силами своей души стремиться къ нравственному совершенству, подавляя въ себѣ низшія противонравственныя побужденія.

Въ окружающемъ насъ мірѣ мы находимъ все премудрымъ и цѣлесообразнымъ, какъ же можетъ быть допустима аномалія въ мірѣ духовно-нравственномъ, т. е. торжество или безнаказанность зла?

Неужели нѣтъ никого, болѣе великаго, кто-бы могъ вполне осуществить тотъ порядокъ, котораго требуетъ наше сердце, наша совѣсть, который мы понимаемъ и предчувствуемъ?

Необходимо, чтобы всѣ вѣрующіе въ Бога, въ душу, въ долгъ, въ святость, въ безсмертное будущее, сблизились, соединились и съ твердостію говорили и проповѣдывали о *вѣчной жизни*.

Священникъ *Іоаннъ Бугославскій*.

О внутренних причинах „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ.

Огромной важности вопросъ о причинахъ „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ въ настоящее время приобретаетъ особое значеніе. Если ранѣе вопросомъ этимъ интересовались лишь духовныя лица, которыхъ онъ ближайшимъ образомъ касается, то теперь, въ годину духовной и политической смуты, когда въ обществѣ и печати раздаются сѣтованія на слабость голоса духовенства и вліянія Церкви, настоящій вопросъ начинаетъ останавливать на себѣ общее вниманіе.

По вопросу о причинахъ упадка духа въ нашемъ духовенствѣ, — „духа бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ и упованій на одолѣніе враговъ Церкви и порядка общественнаго“ мы уже высказались ¹⁾.

Послѣ того намъ пришлось немало прочитать и услышать въ разъясненіе причинъ столь неотраднaго явленія — „упадка духа въ духовенствѣ“.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что при всей справедливости указываемыхъ причинъ ими дается явленію далеко неполное освѣщеніе, или говоря иначе — одними этими причинами объяснять явленіе нельзя.

Въ ряду причинъ, обуславливающихъ „упадокъ духа“ въ духовенствѣ, указывается, напр., „на архіерейское обхожденіе“, на „благочинническое усмотрѣніе“, „консисторское судоустройство“, „слѣдственную волокиту“ въ духовномъ судѣ. Безъ сомнѣнія, все это вѣрно, все это не можетъ не угнетать энергіи духовенства, не ослаблять его бодрости, инициативы; но съ другой стороны, всѣ эти причины, причины *давнія*. Да и можно-ли говорить, что бы ихъ когда-либо не было?

¹⁾ См. майск. кн. „Мис. Обзор.“, № 8, 1904 г.

Въ разсматриваемомъ отношеніи духовныя консисторіи едва ли не могутъ быть названы причинами всѣхъ указываемыхъ причинъ. Но со вчерашняго-ли дня утвердилась за нашими консисторіями до крайности вѣстная репутація? ¹⁾

Мы со всею рѣшительностію утверждаемъ, что нынѣшнія духовныя консисторіи, въ которыхъ почти всюду секретари—лица съ высшимъ образованіемъ, и весь наличный составъ служащихъ въ нихъ въ общемъ образованіи и относительно обезпеченіи въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ служившіе въ прежнихъ консисторіяхъ, нынѣшнія—говоримъ—духовныя консисторіи неизмѣримо лучше прежнихъ. И, однако, при такихъ сравнительно улучшенныхъ и обновленныхъ центральныхъ въ епархіяхъ административныхъ учрежденіяхъ приходится говорить объ упадкѣ духа въ современномъ духовенствѣ. Неудивительно, если иные разсуждаютъ объ упадкѣ духа не въ примѣненіи къ современному духовенству, а вообще, т. е. къ духовенству и прежнему. Они полагаютъ, что энергіи, бодрости, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ въ нашемъ духовенствѣ никогда больше даже не замѣчалось, чѣмъ сколько всего этого имѣется въ духовенствѣ современномъ. Ниже мы постараемся фактически доказать, что думающіе такъ ошибаются.

Если бы упадокъ духа въ современномъ духовенствѣ зависѣлъ отъ указываемыхъ причинъ, т. е. отъ архіерейскаго обхожденія, благочинническаго усмотрѣнія, консисторскаго судоустройства, слѣдственной волокиты, тяжкихъ условій одинокой, разобщенной въ товариществѣ сослуживцевъ, отрѣщенной отъ культурной среды и свѣта жизни пастыря въ сельской труппѣ, матеріальной необезпеченности духовенства,—если бы упадокъ духа въ духовенствѣ зависѣлъ только отъ этихъ причинъ, то мы наблюдали бы большую разницу въ состояніи духа духовенства въ разныхъ мѣстностяхъ, и оно, это состояніе, очень скоро измѣнялось бы. Указанныя причины на огромномъ пространствѣ нашего отечества дѣйствуютъ далеко не съ одинаковой силой, а въ иныхъ мѣстностяхъ со-

¹⁾ Въ раннемъ дѣтствѣ намъ, напр., приходилось слышать отъ старцевъ духовнаго званія такую ядовитую для консисторій загадку:

Вопросъ. Что такое халдейская (вавилонская) печь?

Ответъ. Духовная консисторія.

Вопросъ. Что такое столбъ злобы?

Ответъ. Секретарь духовной консисторіи.

всѣмъ не дѣйствуютъ. Возьмемъ, напр., „архіерейское обхожденіе“. Развѣ оно всюду одинаково? Архипастырское обхожденіе въ разныхъ епархіяхъ очень различно. „Отеческое отношеніе епархіальныхъ пресвященныхъ къ сельскимъ пастырямъ“, имѣеть мѣсто и можетъ быть даже въ большинствѣ епархій. Архипастырскому обхожденію придается въ разсматриваемомъ нами отношеніи значеніе „легко и скоро“ дѣйствующаго средства. Но если бы это послѣднее было такъ, тогда, чтобы поднять упавшій духъ въ духовенствѣ той или другой епархіи, стоило бы только перевести туда отечески-благостнаго архипастыря и цѣль достигалась бы. Мы, однако, несклонны придавать этой мѣрѣ такого универсальнаго значенія, такъ какъ не замѣчаемъ различія въ степени упадка духа въ духовенствѣ въ епархіяхъ съ различнымъ архипастырскимъ обхожденіемъ ¹⁾.

Что сказано въ отношеніи архипастырскаго обхожденія, приложимо и къ благочинническому усмотрѣнію. И оно далеко не вездѣ одинаково. — Далекое не вездѣ одинаково и матеріальное положеніе духовенства. Въ иныхъ епархіяхъ это положеніе по справедливости можно назвать предостаточнымъ. Но никакъ нельзя сказать, что въ этихъ епархіяхъ духовенство обладаетъ большей энергіей, бодростію, инициативою, увѣренностію въ своихъ силахъ. При ближайшемъ и внимательномъ разсмотрѣніи дѣла можно, пожалуй, замѣтить и обратное.

Намъ особенно настойчиво говорятъ, что въ видахъ поднятія въ духовенствѣ истинно пастырскаго духа, энергіи, усиленія въ немъ бодрости, инициативы и проч., — желательно возстановленіе прихода въ древнемъ его видѣ, т. е. какъ самостоятельной церк.-обществ. единицы съ выборнымъ духовенствомъ во главѣ. Но едва-ли Церковь отъ этой мѣры можетъ ждать добрыхъ плодовъ въ смыслѣ поднятія духовенства. Есть основаніе къ опасеніямъ, какъ бы мѣра эта не послужила цѣлямъ, противоположнымъ ожидаемымъ. Громкія жалобы слышатся на огромный вредъ, приносимый церк.-приходской жизни въ селахъ мѣстными либе-

¹⁾ Однако исторія жизни епархій съ несомнѣнностью утверждаетъ, что появленіе на той или другой архіерейской кафедрѣ архипастыря сильнаго духомъ, энергичнаго, справедливаго и заботливаго видимо выражается въ подъемѣ духа и жизнѣдѣтельности подвѣдомаго духовенства, которое, слава Богу, еще полно духомъ покорности дисциплинѣ власти.

ральными интеллигентами, а также міроѣдами и кулаками. Но теперь и тѣ и другіе дѣйствуютъ, какъ говорится, безъ законныхъ основаній, такъ сказать, со связанными руками. Какой же вредъ могутъ они привести, когда начнутъ легально вторгаться въ жизнь прихода?.. Какъ на желательный образецъ, указываютъ на устройство приходовъ въ Финляндіи. Но самостоятельные, — положимъ, — униатскіе приходы существуютъ въ С.-Америкѣ. Тамъ, какъ пишетъ одинъ священникъ (о Беррѣцкіи), прихожане-міряне не только захватили въ свои руки церковное хозяйство, но стали вмѣшиваться и во внутреннія дѣла церкви и, кажется, говоритъ этотъ священникъ, не далекъ уже тотъ часъ, когда на митингахъ свѣтскіе люди начнутъ рѣшать вопросы вѣры христіанской и захотятъ даже самому Іисусу Христу указывать, кого нужно принять въ рай, а кого нѣтъ“ („Церк. Вѣд.“).

Переходя къ дальнѣйшему изложенію нашихъ мыслей, скажемъ еще разъ, что всѣ указываемыя причины упадка духа въ духовенствѣ имѣютъ каждая свою долю значенія въ данномъ вопросѣ, но сущность дѣла, по мнѣнію нашему, не въ нихъ, а въ чемъ-то другомъ. Если бы упадокъ духа въ духовенствѣ зависѣлъ отъ этихъ причинъ, тогда, какъ это мы уже высказывали на стр. „М. Обзор.“ (№ 8-й, 1903 г.), при дѣйствіи ихъ, какъ причинъ *постоянныхъ и съ очень давнихъ временъ*, мы не могли бы наблюдать въ жизни духовенства моментовъ высокаго въ немъ подъема духа, когда оно не въ единичныхъ только представителяхъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а въ цѣлой своей массѣ и повсемѣстно, ставъ на высоту своего призванія, поражало современниковъ избыткомъ бодрости, энергіи, инициативы, увѣренности въ своихъ силахъ. А такой славный моментъ въ жизни и дѣятельности духовенства былъ и онъ совпадаетъ съ первыми годами по освобожденіи крестьянъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ множества отрадныхъ воспоминаній объ этомъ времени, и устныхъ и въ печати, нами на стр. „Мисс. Обзор.“ приведено было изъ повѣсти М. Малеевскаго „Большія перемѣны“ (Изъ быта духовенства, Спб., 1886 г.) слѣдующее:

„Великій освободительный актъ 19 февраля 1861 года, говоритъ г. Малеевскій, имѣлъ громадное вліяніе и на жизнь и дѣятельность тогдашняго духовенства. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ и духовенство пробудилъ къ жизни. Духовенство сразу почувало свою силу и сразу же стало на настоящій путь своей дѣятельности. Оно въ ту пору показало себя на высотѣ своего призванія. Пастыри Цер-

Итакъ, при наличіи всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя указываются въ объясненіе упадка духа въ духовенствѣ, оказывается возможнымъ высокій подъемъ въ немъ этого духа. Значить, суть дѣла не въ этихъ причинахъ. Такое заключеніе нами и было высказано въ майской книжкѣ „*Мисс. Обзорнія*“ 1903 г.

Не оспаривая исторической вѣрности приведеннаго примѣра высокаго подъема духа въ духовенствѣ за первую половину 60-хъ годовъ, почтенный редакторъ сего журнала въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ на нашу статью далъ новое объясненіе этому явленію и вмѣстѣ указалъ новую причину упадка духа въ духовенствѣ современномъ. Это объясненіе и эта причина, по мнѣнію г. редактора, въ характерѣ до-реформеннаго и послѣ-реформеннаго семинарскаго образованія, и въ сильномъ развитіи въ послѣ-реформенное время консисторскаго формализма и епархіальнаго бюрократизма. „Думаемъ, говорить онъ, что обученіе и воспитаніе въ прежнихъ духовныхъ школахъ, несмотря на „помяловскій

кви явились истолкователями новыхъ правъ крестьянина, посредниками между крестьянами и помѣщиками или ихъ довѣренными лицами, защитниками крестьянъ, примирителями и учителями. Къ нимъ и крестьяне прибѣгали, какъ къ своимъ заступникамъ и покровителямъ, къ нимъ и сами помѣщики обращались, какъ къ людямъ, которымъ однимъ только вѣрятъ крестьяне и которые одни только могутъ правильно истолковать крестьянамъ ихъ новыя права. И духовенство русское въ эту пору сослужило великую, славную службу государству. Оно явилось въ ту пору усерднымъ, искреннимъ и безкорыстнымъ дѣятелемъ государства. Мы смѣло можемъ сказать, что первая половина шестидесятыхъ годовъ есть пора кипучей и вполне разумной дѣятельности православнаго русскаго духовенства... Духовенство самоотверженно служило въ эту пору Царю и Отечеству на стражѣ своихъ пастырскихъ обязанностей.

„Трудна была миссія нашего православнаго духовенства въ эту достопамятную и достославную эпоху его дѣятельности. Помѣщики не сразу отрѣшились отъ своихъ прежнихъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предковъ, привычекъ въ обращеніи съ народомъ, не сразу поставили себя въ нормальныя отношенія къ своимъ прежнимъ крѣпостнымъ людямъ, не сразу и съ своимъ новымъ положеніемъ освоились. Народъ вообще былъ очень грубъ, невѣжественъ и забитъ: крѣпостное право такъ заѣло его, что не скоро онъ могъ восклонить свою главу разумно, а свобода легко могла у него превратиться въ необузданную распушенность и полнѣйшій произволъ. Много въ эту пору требовалось отъ духовенства мудрости, энергии и труда, чтобы однихъ одобрить и воодушевить, другихъ склонить къ уступчивости и уваженію правъ личной свободы, однихъ вразумить своимъ словомъ, другимъ показать примѣръ ревностнаго исполненія своего долга. Скоро оно поняло, что народное образованіе совершенно необходимо, что оно есть самое главное средство благотворно вліять на всю эту темную.

бурсацизмъ“, давало Церкви болѣе бодрыхъ духомъ, законченныхъ характеромъ, стойкихъ въ убѣжденіяхъ дѣятелей, чѣмъ нынѣшнія духовныя школы; тогда не существовало и такого консисторскаго формализма и епархіальнаго бюрократизма, какой теперь сушить умъ и сердце, подкашиваетъ волю“... (стр. 1175 въ № 8-мъ).

Истина дороже всего, и поэтому мы вполне надѣемся, что уважаемый редакторъ „Мисс. Обзорнія“, не поставитъ преградъ къ тому, чтобы рѣчи наши были услышаны, хотя бы содержаніе ихъ и не согласовалось съ его взглядами на рассматриваемый предметъ.

Не входя въ сужденіе о томъ, насколько справедливы по существу мысли его о сравнительномъ достоинствѣ обученія и воспитанія въ до-реформенныхъ и по-реформенныхъ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ,—объ усиленіи консисторскаго формализма и епархіальнаго бюрократизма въ послѣ-реформенное время, мы должны сказать, что къ рассматри-

забитую массу и при помощи его только будетъ можно принести существенную пользу какъ самому народу, такъ и землевладѣльцамъ. Но какъ взяться за столь важное дѣло, какъ его начать, гдѣ искать себѣ помощи и на какія средства вести его успѣшно?—вотъ вопросы, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ составляли предметъ оживленныхъ разговоровъ, споровъ, предположеній и крѣпкихъ думъ духовенства. Ждали все указаній свыше, отъ начальства. И къ счастью, и къ радости духовенства, это указаніе, какъ разъ, явилось во время, въ ту именно пору, когда оно такъ было нужно, такъ было желательно для духовенства. 26 іюля того же 1861 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода о доставленіи ежемѣсячныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ народнаго образованія по всеѣмъ епархіямъ, согласно желанію самого Освободителя народа. Онъ положилъ начало повсемѣтному открытію церк.-прих. школъ. Указъ этотъ послужилъ для всеѣхъ сигналомъ къ открытію этихъ школъ. Закипѣла теперь дѣятельность духовенства. И старъ и младъ принялись за дѣло: и сѣдовласый, стоявшій уже одною ногою на гробовой доскѣ старецъ, и безбородый еще юноша, отъ священника и до причетника, мало того, даже жены и дочери тѣхъ и другихъ съ жаромъ, съ усердіемъ, безкорыстіемъ и самоотверженіемъ взялись немедленно за столь важное дѣло, надѣясь на одну только помощь Божию и охотно жертвуя на это дѣло свои послѣднія лепты“ (стр. 166—167).

Не мѣсто здѣсь говорить, что сокрушило такой необычайный подъемъ духа въ духовенствѣ первой половины 60-хъ годовъ, какъ случилось, что духовенство, блестяще заявившее себя на попріщѣ начальнаго народнаго образованія, отстранено было съ этого попріща и при томъ вопреки намѣреніямъ и воззрѣніямъ, царившимъ на тронѣ и возлѣ трона и откуда тогда дули губительныя для дѣятельности духовенства вѣтры. Желающіе могутъ объ этомъ подробно узнать и изъ нашей книги—„Духовенство и народное образованіе“.

ваемому вопросу онѣ не примѣнимы. Тутъ вышло чистое недоразумѣніе и потому именно, что упущена изъ виду исторія.

О дѣятельности духовенства на поприщѣ народнаго образованія и о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній исторія говоритъ вотъ что:

Призванное на безкорыстный трудъ по распространенію грамотности въ народѣ, духовенство, по словамъ всеподданнѣйшаго отчета Оберъ-Прокурора св. Синода за 1861 г., „открыло изумительное множество народныхъ училищъ и обнаружило такія учительныя силы, какихъ тщетно было бы ожидать отъ какого-либо другаго вѣдомства или учрежденія. Въ самый же годъ освобожденія крестьянъ, точнѣе говоря,—за вторую его половину, оно успѣло открыть 10.680 училищъ (дѣйствительно, множество „изумительное“) и, „привлечь въ нихъ огромное число учениковъ“ (186, 684). Всего же съ прежними за этотъ годъ числилось школъ 18.587, и учащихся 320.350. Въ 1864 г., число школъ достигло 22.305, а число учащихся въ нихъ 427.165. Но этотъ годъ былъ годомъ высшаго разцвѣта церковно-приходскаго школьнаго дѣла за 60-тые годы. Съ этого же года началось быстрое сокращеніе числа церковныхъ-приходскихъ школъ: въ 1865 году ихъ было 20.533 съ 401.345 учащихся, въ 1866 г.,—19.436 съ 383.180 учащихся, въ 1869 г.,—15.914 съ 378.354. Продолжая быстро сокращаться въ своемъ числѣ, церковно-приходскія школы къ 1884 г.,—году ихъ возстановленія почти вездѣ прекратили свое существованіе, за исключеніемъ С.-Западнаго края и Кіевской епархіи.

Вотъ что говоритъ исторія о церковно-приходской школѣ. А вотъ что говоритъ она о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Это преобразованіе послѣдовало по законодательному акту отъ 14 мая 1867 года (Разумѣемъ духовныя семинаріи и училища; академіи же преобразованы въ 1869 году). Но большое это дѣло не могло совершиться вдругъ; оно затянулось на долгіе годы—до начала 80-тыхъ годовъ. Въ годъ изданія закона, т. е. въ 1867-й г., преобразовано было только 5 семинарій. О ходѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній можно читать и въ нашей книгѣ—*Отечественная Церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840-41 по 1890-91 годъ*.

Оказывается, такимъ образомъ, что разгромъ церковно-приходской школы начался и на цѣлую его половину совершился до реформы нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, т. е. когда въ нихъ жилъ и дѣй-

ствовали „помяловскій бурсацизмъ“. Въ самый годъ изданія новаго устава духовныхъ семинарій и училищъ—1867-й—число церковно-приходскихъ школъ, по сравненію съ числомъ ихъ въ 1864 году, оказывается сократившимся болѣе, чѣмъ на 5.000 (22.305 и 17.189), а по сравненію 1868 г. съ 1864 г.—болѣе, чѣмъ на 6.000.

В. М—чъ не безъ основанія высказываетъ доброе слово о до-реформенныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, о „помяловскомъ бурсацизмѣ“, и честь ему за его безпристрастіе. Въ 1867 году само министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду питомцевъ бурсы, свидѣтельствовало, что „вѣдомство нашего православнаго духовенства располагаетъ такими учительными силами, *которымъ могла бы позавидовать любая изъ просвѣщенныхъ странъ Европы*“ (см. „Извлеченіе изъ отчета м-ва народнаго просвѣщенія за 1867 г. въ отдѣлѣ „Низшія училища“). Но не менѣе, однако, лестные отзывы объ учительныхъ силахъ духовнаго вѣдомства дѣлались и въ позднѣйшее время, при чемъ имѣлись въ виду питомцы уже преобразованныхъ семинарій. По отзыву, напр. такого знатока педагогическаго дѣла, каковымъ безспорно былъ С. А. Рачинскій, *„наша сельская школа не имѣла контингента учителей, болѣе (чѣмъ семинаристы) солидно и многосторонне подготовленныхъ*. Основательность ихъ свѣдѣній, въ особенности по русскому и церковному-славянскому языку и по Закону Божію, вполне вознаграждала нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ приемами элементарнаго обученія. Впрочемъ, эта недостаточность была лишь относительная, такъ какъ въ духовныхъ семинаріяхъ преподавалась педагогика (а она, добавимъ, введена лишь по уставу 1867 г.) и существовали уже воскресныя школы для упражненія воспитанниковъ. На той степени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ усваивается легко и сознательно... Въ силу своей умственной зрѣлости, подобные учителя относились къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно, такъ что привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельскихъ школахъ было въ высшей степени желательнымъ явленіемъ.“ Итакъ, исторія не позволяетъ объявлять высокій, можно сказать, поразительный подъемъ духа въ нашемъ духовенствѣ за первые годы по освобожденіи крестьянъ характеромъ образованія и воспитанія въ до-реформенныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Точно также не объясняется это явленіе и указаніемъ на отсутствіе въ тѣ годы „такого консисторскаго формализма и епархіальнаго бюрократизма, какой теперь сушитъ умъ и сердце, подкашиваетъ волю“. Все это, и консисторскій формализмъ, и епархіальный бюрократизмъ, и прочее, могло появиться и развиваться не вдругъ, а съ годами и застало церковно-приходскую школу уже разгромленную. Духовенство въ это время лишь оплакивало печальную судьбу этой школы.

Какъ извѣстно, очень значительному измѣненію подверглись программы дух.-учебн. заведеній въ 1884 году. Не мало измѣнилась въ нихъ и постановка воспитательнаго дѣла. И съ этимъ измѣненіемъ учебно-воспитательной стороны дух.-учебн. заведеній иные ставятъ въ причинную связь трагуемое печальное явленіе—упадокъ духа въ современномъ духовенствѣ. Въ томъ, что связь эта не дѣйствительная, а призрачная, можно убѣдиться самыми простыми соображеніями. Семинаристовъ, окончившихъ курсъ не только въ 1884 году, но и въ 1885—86 годахъ, должно считать получившими образованіе и воспитаніе въ семинаріяхъ не нынѣшняго строя. Они питомцы семинарій, существовавшихъ до 1884 г. Если, говоря вообще, семинаристы кончаютъ курсъ 20-ти лѣтъ, то, значить, окончившимъ курсъ въ 1885—86 году теперь около 38 лѣтъ, т. е. они во цвѣтѣ лѣтъ, во всей порѣ и силѣ. Они не только не сошли со сцены современной церковно-общественной дѣятельности, но едва-ли не главные дѣятели на этой сценѣ. Почему же и они падаютъ духомъ, ослабѣваютъ въ энергіи, утрачиваютъ бодрость, инициативу и проч.? Вопросъ съ указываемой точки зрѣнія не объяснимъ.

Если теперь ни вышеуказывавшимися, ни сейчасъ разобранною причинами объяснять упадокъ духа въ духовенствѣ не представляется возможнымъ, то, значить, объясняемое явленіе зависитъ отъ какихъ-либо другихъ болѣе глубокихъ, болѣе сильныхъ, вліятельныхъ причинъ.

Что же это за причины?

При попыткѣ дать на этотъ вопросъ особый отвѣтъ, считаемъ для себя неизбѣжно необходимымъ прежде всего повторить то, что сказано было нами въ упоминавшейся уже статьѣ нашей въ № 8-мъ „*Мисс. Обзорнія*“ за 1903 г.

„Не требуется особо внимательнаго наблюденія, — писали мы тогда, — чтобы замѣтить, какая пристрастная, безпощадная, полная ненависти и

высокомѣрія и въ то же время совершенно беззаботная на счетъ правды и справедливости раздаётся теперь критика дѣятельности духовенства, и не только дѣятельности его настоящей, современной, но и прошлой, исторической. Представители такой критики, закрывая глаза на достойное признательности и похвалы въ современной дѣятельности духовенства, стараются и историческую его роль представить какъ вредную для народа и даже какъ позорную. Они громко заявляютъ, что духовенство, будто бы, сломило въ русскомъ племени его славянскую самобытность, что оно вредило чистотѣ брака, помѣшало сложиться у насъ правильнымъ семейнымъ отношеніямъ—этой первоосновѣ гражданскаго, государственнаго благоустройства, что оно цѣлые вѣка держало народъ въ невѣжествѣ, было гасителемъ въ немъ просвѣщенія, убивало въ народѣ поэтическое творчество, художественные порывы, глушило въ немъ звуки живой пѣсни, губило творчество на музыкальныхъ инструментахъ, что, наконецъ, пьянствуя само и народъ приучало къ пьянству.

Всѣ эти нынѣ столь дружныя, громкія, къ тому же, иногда такъ страстно и порывисто выражаемая лжи и клеветы на духовенство, отрицаніе или упорное замалчиваніе всякихъ его *историческихъ* заслугъ не остаются неизвѣстными духовенству и, конечно, какъ всякая несправедливость, не могутъ не вліять угнетающимъ образомъ на его духъ, не ослаблять его бодрости, энергіи, инициативы. Присоедините къ этому такую же критику *современной* дѣятельности духовенства при упорномъ замалчиваніи свѣтлыхъ въ ней сторонъ и недоброжелательное, а часто исполненное презрѣнія, вражды и ненависти отношеніе къ духовенству со стороны интеллигенціи, и дѣло еще болѣе вамъ уяснится“.

Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному, мы указывали на то, въ какихъ и *нынѣ* неблагоприятныхъ условіяхъ совершается дѣятельность духовенства по народному образованію въ церковныхъ школахъ. О степени этихъ неблагоприятныхъ условій легко можно судить по такому выразительному заявленію дѣятелей на этомъ поприщѣ: нужно, говорятъ они, имѣть особое присутствіе духа, чтобы въ нѣкоторыхъ собраніяхъ интеллигентныхъ земцевъ даже только произнести слово—*церковно-приходская школа*... А что сказать про нашу прессу? Для нея по словамъ одного епархіальнаго наблюдателя самое наименованіе народной школы *церковной*—хуже ножа остраго.

Очень естественно, что такое враждебное отношеніе къ церковно-

приходскимъ школамъ со стороны руководителей общественнаго мнѣнія, создаетъ соответственныя условія для дѣятельности духовенства въ этихъ школахъ. Спрашивается теперь, легко-ли при такихъ условіяхъ нашему духовенству трудиться на поприщѣ народнаго образованія? Не вліяютъ-ли такія условія угнетающимъ образомъ на состояніе духа дѣятелей въ церковныхъ школахъ, не ослабляютъ-ли ихъ бодрости, энергій, инициативы, особенно въ виду упорнаго замалчиванія дѣйствительныхъ заслугъ духовенства по народному образованію при посредствѣ церковныхъ школъ?

Но есть, какъ и объ этомъ было говорено нами, еще болѣе глубокая причина упадка духа въ современномъ духовенствѣ.

Нынѣ съ полною свободою на всю Россію гремитъ не только злобная пристрастная критика дѣятельности духовенства—служителей Церкви, но и категорическое отрицаніе самой идеи Церкви, какъ Богоустановленнаго учрежденія. Нынѣ, не обинуясь, со всею прямою интеллигентъ, якобы „возвращающіеся въ Церковь“ измышляемымъ ими „новымъ путемъ“, заявляютъ въ глаза самимъ архипастырямъ: „мы учиться у васъ не желаемъ“; „Церковь, которой вы считаетесь главными руководителями, есть созданіе рукъ человѣческихъ, а не Божіихъ, какъ вы думаете“. При такомъ взглядѣ на Церковь, для „новопутейцевъ“ вполне естественно и послѣдовательно утверждать, что догматы, которые такъ бережно хранитъ Церковь, суть изготовленные людьми же „кандалы“, убивающіе религіозную мысль и религіозную дѣятельность. А если такъ, то для оживленія и той и другой нужно разбить эти кандалы. Поскольку же Церковь есть хранительница догматовъ, постольку она вредитъ этому оживленію. Поэтому, прежде всего нѣжно отстранить эту помѣху, это препятствіе, стоящее на пути къ истинѣ, т. е. Церкви. Выходитъ, такимъ образомъ, что чѣмъ глубже пастырь Церкви проникнуть вѣрою въ догматы, чѣмъ онъ ревностнѣе служить Церкви, тѣмъ онъ, по увѣренію интеллигентовъ вмѣстѣ съ гр. Толстымъ, больше затемняетъ истину.— И они говорятъ, что истина въ Евангеліи, но идти къ этой истинѣ нужно, будто бы, мимо Церкви, высвободившись изъ-подъ авторитета отдѣльныхъ отцовъ и учителей ея и самыхъ вселенскихъ соборовъ.

Что же, спросимъ мы опять,—неужели истиннымъ пастырямъ Церкви читать и слышать обо всемъ этомъ не прискорбно? Неужели раздающіяся нынѣ *съ небывалою свободою*, съ такою свободою, которая

нашимъ либераламъ, можно сказать, даже вчера и во снѣ не снилась, рѣчи, направленные къ тому, чтобы представить св. миссію духовенства неразумнымъ, бессознательнымъ служеніемъ мраку и суевѣрію, могутъ окрылять ихъ духъ, возбуждать ихъ энергію? Неужели ¹⁾?

Поставивъ такой вопросъ, мы думали, что на него не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Оказалось, однако, что, думая такъ, мы ошибались. На стр. „Мис. же Обзор.“ (№ 20-й 1903 г.) одинъ іерей, о. Черкасскій, высказался, между прочимъ, такъ: „для насъ непонятно, какимъ это образомъ не только критика дѣятельности духовенства—пусть она будетъ пристрастная, рѣзкая, но даже безсовѣстныхъ инсинуаціи и выдумка могутъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ на духовный складъ, не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлаго сословія,—разъ жизнь и дѣятельность послѣдняго идетъ по совершенно иному руслу и имѣетъ свои особенныя цѣли и задачи, неизмѣримо выше стоящія надъ задачами „мірскихъ людей“. По мнѣнію этого священника, духовенству нечего „падать духомъ“ отъ того, что теперь съ небывалою свободою говорится въ анти-церковномъ лагерѣ о ненужности Церкви, ея ритуала, установленій, догматовъ. „Мы—продолжаетъ онъ—всегда это должны имѣть въ виду и всегда быть къ этому готовыми. Въ евангеліи постоянно говорится, что жизненная стезя „дѣлателей жатвы“ очень терниста“ (стр. 1363).

Въ виду приведеннаго возраженія намъ, считаемъ необходимымъ прежде всего замѣтить, что, говоря объ „упадкѣ духа“ въ духовенствѣ, мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, рядовое духовенство, а не избранныхъ, исключительныхъ представителей его. Такіе идеальные „дѣлатели жатвы“ и нынѣ есть, и завтра будутъ, какъ были и вчера. Эти дѣлатели, дѣйствительно, ни при какихъ обстоятельствахъ не падутъ духомъ. Они способны въ буквальномъ смыслѣ самую жизнь свою пожертвовать за свое дѣло, за идею, которой служатъ. Много, напр., еще и теперь живыхъ свидѣтелей послѣдняго польскаго возстанія. А въ это возстаніе, какъ извѣстно, два священника—Конст. Прокоповичъ и Романъ Гопацкій—проявили такое величіе духа, что не измѣнили долгу своего призванія среди пытокъ и мученій, и они были замучены врагами нашей вѣры и отечества.

1) „Мисс. Обзор.“ май 1903 г. (стр. 1177—1178).

Не о такихъ и имъ подобныхъ исполинахъ духа здѣсь рѣчь ¹⁾). Мы, какъ уже и сказано, говоримъ о рядовомъ духовенствѣ, каковымъ оно и является въ своей массѣ. Этому же духовенству, какъ и всѣмъ вообще обыкновеннымъ людямъ, на ихъ „тернистой жизненной стезѣ“ свойственно не только спотыкаться, но и падать.

Вопросъ собственно въ томъ: отчего спотыкаться и падать? По мнѣнію нашего оппонента, падать духомъ отъ указываемой нами причины. Для духовенства было бы „непростительнымъ малодушіемъ“. Для него даже непонятна причинная связь между однимъ и другимъ явленіями. Отчего же, отъ какихъ, по его мнѣнію, причинъ простительно духовенству падать духомъ? Указывая эти причины, онъ со всю рѣшительностію становится на сторону причинъ исключительно виѣшнихъ. Отъ этихъ причинъ современному священнику, по его словамъ, „жить скверно. душно и тяжело“... Жизнь священника, утверждаетъ онъ, страшно тяжела, прямо невыносима... Требованіе отъ него „плодотворной“ дѣятельности является какою-то ироніей надъ калѣкой, котораго заставляютъ плясать...“

Желающихъ подробно узнать, что же это за причины такихъ ужасныхъ слѣдствій, отсылаемъ къ самой статьѣ о Черкаскаго. Тамъ высказаны и его *pia desideria* по вопросу о мѣрахъ къ поднятію духа въ духовенствѣ. Редакція „Мис. Обозр.“, помѣстивъ статью о Черкаскаго, сопровождала ее особою замѣткою, въ которой обстоятельно уяснила ошибочность сужденій автора ея по трактуемому вопросу. Эти сужденія, по замѣчаніемъ редакціи, излишне пессимистичны, неправильно представляютъ дѣйствительность и, потому, беспочвенны. Что же касается *pia desideria* о Черкаскаго къ улучшенію условій пастырской дѣятельности духовенства и чрезъ то—къ поднятію въ немъ энергій, то эти *pia desideria* редакція совершенно справедливо считаетъ несогласимыми съ каноническимъ устройствомъ клира.

Позволимъ и себѣ сдѣлать замѣчанія на нѣкоторыя изъ мнѣній о Черкаскаго.

Въ ряду условій, дѣлающихъ жизнь современнаго священника „страш-

¹⁾ Не имѣемъ въ виду и такихъ священниковъ, которые, что бы ни говорилось въ порицаніе ихъ дѣятельности, въ поруганіе самаго ихъ дѣла, остаются совершенно равнодушными. Къ нимъ, по пословицѣ, все это, какъ къ стѣнѣ горохъ.

но тяжелою, прямо невыносимою“, о. Ч—скій ставитъ, между прочимъ, отсутствіе у духовенства права выбирать себѣ перваго между равными, т. е. благочиннаго. Повидимому, о Ч—скій это право считаетъ важнымъ условіемъ плодотворности пастырской дѣятельности духовенства. Сожалѣнія объ отсутствіи этого права слышатся не отъ него одного. Но намъ думается—напрасно было бы ждть духовенству отъ этого права особенной благодати для успѣховъ его дѣятельности. Опытъ съ выборными благочинными у многихъ еще на свѣжей памяти. Вѣроятно, памяты и мотивы, по которымъ отмѣнено выборное начало. Мы укажемъ здѣсь лишь на то, что съ періодомъ дѣйствія выборнаго среди духовенства начала совпадаетъ періодъ затишья, ослабленія, упадка церковно-общественной жизни вообще. Мы специально описывали эту жизнь по статистическимъ даннымъ по десятилѣтіямъ за полувѣковой періодъ. Языкъ цифръ неопровержимо доказываетъ, что 70-ые годы—печальное время въ жизни отечественной нашей Церкви.

Мы отлично понимаемъ, что жизнь отечественной нашей Церкви и дѣйствіе выборнаго начала въ замѣщеніи благочинническихъ должностей—предметы несоизмѣримые и ставить первую въ зависимость только отъ послѣдняго не рѣшаемся. Не можемъ, также, опредѣлить, какая доля сравнительно печальнаго состоянія отечественной Церкви за 70-е годы зависѣла отъ дѣйствовавшаго тогда выборнаго начала благочинныхъ. Но для сужденія о томъ, что это начало не служило къ внѣшнему процвѣтанію Церкви, есть основанія достаточныя. Можно въ точности указать, на чемъ дѣйствіе его отразилось прямо отрицательно. И замѣчательно, эти минусы оказываются именно тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе можно было ожидать—на количествѣ окружно-благочинническихъ библіотекъ. Количество это за 70-е годы не только не возросло, но еще сократилось. За предшествующее же десятилѣтіе оно увеличилось на 260, а за послѣдующее на 150 ¹⁾. Намъ кажется, что неожиданное это явленіе должно въ нѣкоторой мѣрѣ ослабить у защитниковъ выборнаго начала духовенства чувство ихъ скорби объ отмѣнѣ этого начала.

Жалуется и нашъ оппонентъ на привлеченіе православныхъ священниковъ къ отправленію функцій государственныхъ, напр., регистрація

¹⁾ См. въ нашей книгѣ „Отечеств. церковъ по статистич. даннымъ съ 1840—41 по 1890—91 гг.“ стр. 137 по 2-му изданію.

родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ. По его мнѣнію, эти акты, какъ имѣющіе чисто гражданскій характеръ, слѣдовало бы передать вѣдѣнію гражданской власти. Конечно, веденіе этихъ актовъ отнимаетъ у духовенства немало дорогого времени; но вѣдь обязанность эту исполняетъ духовенство не со вчерашняго только дня. Ее исполняло духовенство и въ первой половинѣ 60-хъ годовъ.

Перейдемъ теперь къ сути возраженія, сдѣланнаго намъ о Черкасскомъ. Онъ говоритъ: „для насъ непонятно, какимъ это образомъ не только „критика“ (пусть она будетъ пристрастная, рѣзкая) дѣятельности духовенства, но даже безсовѣстныхъ инсинуаціи и выдумки могутъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ на духовный складъ не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлаго сословія,—разъ жизнь и дѣятельность послѣдняго идетъ по совершенно иному руслу и имѣетъ свои особыя цѣли и задачи... Намъ (т. е. духовенству) нечего „падать духомъ“ отъ того, что теперь съ *небывалою свободою* говорится въ анти-церковномъ лагерѣ о ненужности Церкви, ея ритуала, установленій, догматовъ“... Падать духомъ отъ такихъ причинъ для духовенства, по мнѣнію о. Черкаскаго, было бы „непростительнымъ малодушіемъ“.

Приходится разяснять и понятное.

Пристрастная критика, рѣзкое настойчивое порицаніе, лживыя увѣренія, клевета и инсинуаціи никакъ не могутъ быть безразличными для того, по адресу кого они раздаются. Они непременно отражаются не только на состояніи духа этого послѣдняго, но и на самыхъ убѣжденіяхъ его. Подъ ихъ вліяніемъ не только отдѣльное лицо, но и цѣлое сословіе, даже цѣлая нація могутъ воспитать въ себѣ ложный взглядъ и не только на свою дѣятельность, качества ея, но и на самое дѣло, которое они дѣлаютъ, даже на самихъ себя, и добро бы—что легче было понять—взглядъ лестный и уже по самому свойству своему бодрящій энергію, поднимающій духъ, но взглядъ унижительный, презрѣнный, который не можетъ не угнетать духа, не подавлять энергій, не разбивать увѣренности въ силахъ и способностяхъ сдѣлать что-либо хорошее, великое,—взглядъ, отнимающій надежду улучшить свое настоящее, сознаваемое плохимъ, достигнуть свѣтлаго будущаго. Сейчасъ сказанное всего лучше уяснить на примѣрѣ. Примѣромъ же для этого и примѣромъ очень краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ, можетъ послужить нѣмецкая наука, въ частности—лингвистика и антропология.

Ниже приводимый примѣръ заимствованъ изъ замѣчательнаго трактата г. Меньшикова: „Первые и Послѣдніе“, Наука и безуміе“ и „Переѣмна репутацій“ (см. Новое Время № 9783),—трактата основанаго на всесвѣтномъ авторитетѣ, на громадномъ имени англійскаго ученаго Тейлора, автора книги „Происхожденіе арійцевъ и доисторической человѣкъ“. Въ этой необыкновенно любопытной книгѣ, говоритъ г. Меньшиковъ, сведены въ одно усилія нѣсколькихъ поколѣній антропологовъ всѣхъ странъ.

Германскіе ученые во главѣ съ специалистами въ лингвистикѣ и антропологии дружно, настойчиво и съ апломбомъ необыкновеннымъ доказывали въ прошломъ вѣкѣ и утверждали, что германцы—прямые потомки тевтоновъ, а тевтоны—высшая на свѣтѣ раса, что это „сверхнація“, и ей самой природой врученъ скипетръ надъ человѣческимъ родомъ. Они, т. е. ученые, установили, будто нынѣшніе нѣмцы блѣнокурые и длинноголовые (доликоцефалы)—прямое потомство древнихъ арійцевъ и всѣ короткоголовыя расы (брахицефалы), кельты и славяне—породы низшія, „субъ-германскія“, и какъ бы самимъ Богомъ указанный матеріалъ для завоеванія нѣмцами. Эта теорія скоро превратилось положительно въ *idée fixe* націи. Признавъ себя истинными арійцами, нѣмцы, на основаніи родственной близости между языками Европы, Персіи и Индіи, всю блѣлую высокорослую расу въ Европѣ назвали по своему имени „Индогерманцами“, а малорослую, смуглую, черноволосую и черноглазую (признаки, будто-бы, кельто-славянъ) „Туранцами“. Послѣдніе, будто-бы, прирожденные варвары, когда то были аріанизированы тевтонами и введены ими въ цивилизацію.

На почвѣ этой идеи нѣмцы начали проповѣдывать безпричинный разгромъ сосѣднихъ царствъ и народовъ и прежде всего Россіи и славянскихъ балканскихъ государствъ. Покорные, яко-бы, высшему закону, отдающему земной шаръ въ обладаніе сильнымъ, нѣмцы вообразили себя обязанными совершить свою провиденціальную миссію, а сосѣдніе народы—обязанными подчиниться имъ. Чѣмъ нѣмцы виноваты, если ихъ раса первая на землѣ, если она прирожденная аристократія человѣческаго рода, порода царственная?..

Собственно говоря, нечему удивляться, если германцы возмнили о себѣ, что они первая на землѣ раса, самую судьбою предназначенная господствовать надъ прочими народностями и если они всѣхъ блѣлыхъ

великорослыхъ европейцевъ назвали *индогерманцами*. Все это имъ такъ пріятно, тѣшить ихъ самолюбіе и легализируетъ въ ихъ глазахъ ихъ задорныя мечты и планы на счетъ безпричиннаго разгрома сосѣднихъ царствъ и народовъ. Но, вотъ, что по истинѣ удивительно, заслуживаетъ полнаго вниманія, а для нашихъ выводовъ и заключеній особенно важно. *Нѣмецкая ученая басня, съ такимъ апломбомъ высказываемая, возымѣла желаемое авторами ея дѣйствіе: мы, робкіе славяне, повѣрили ей*. Мы мало по малу подчинились гипнозу этой басни и начали уже привыкать къ мысли, что германцы старшіе среди народовъ, что они искони во главѣ цивилизаціи, что это въ нѣкоторомъ родѣ—„сверхнація“, и *волей-неволей приходится имъ подчиниться*. Какъ это ни смѣшно звучало, *русскіе* стали называть себя „индогерманцами“ и считать все нѣмецкое истиннымъ арійскимъ. И добро бы это странное самоуничиженіе пребывало въ не широкихъ кругахъ русскихъ ученыхъ мужей. Нѣтъ, при посредствѣ школьныхъ учебниковъ его воспитываютъ въ цѣлой націи: цѣлый народъ пріучается къ презрительному на себя взгляду, какъ къ какому то подножью для сосѣдней народности!.. И чѣмъ же пріучается? Оказывается, баснею научнаго характера, лжами и клеветами на научной почвѣ. По ученому сказать, нѣмцы своею баснею гипнотизировали русскихъ, а по просту, по русски выразиться—задурачили ихъ.

Туже самую мысль о могучемъ вліяніи идей, истинныхъ или ложныхъ все равно, на состояніе духа и въ отдѣльномъ лицѣ и въ цѣлой націи, въ цѣломъ народѣ высказываетъ и проф. Л. Поповъ. По его словамъ, даже силы величайшаго колосса могутъ быть парализованы привитымъ извнѣ и привитымъ безъ всякихъ основаній или на совершенно ложныхъ, вымышленныхъ основаніяхъ сомнѣніемъ въ эти силы. „Такое сомнѣніе, говоритъ онъ, подобно заразѣ, постепенно закрадываясь въ душу, способно и у колосса пресѣчь вложенную въ его могучую грудь энергію“ (Эльпе., см. „Нов. Вр.“. № 10.023).¹⁾

¹⁾ Въскимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ справедливости мысли, высказываемой г. Поповымъ, можетъ служить современное состояніе нашего общества, зараженное подобно какой эпидеміи и такъ сильно страдающее „микробомъ самооплеванія“. Надъ привитіемъ этого микроба немало потрудились за граница въ союзѣ съ нашими соотечественниками, страдающими „чужебъсіемъ“.

Какъ видите, оказывается возможнымъ внушить цѣлой націи смотрѣть на себя чужими глазами и смотрѣть пренебрежительно, съ презрѣніемъ, съ сомнѣніемъ, съ недоувѣріемъ въ свои силы и способности, считать себя безправною на самостоятельное политическое бытіе, — мало того, заставить даже отказаться отъ своего имени и принять чужое. Нисколько не удивительно, если подобными же, якобы, научными лжами, клеветами на то или другое сословіе, корпорацію, какъ и на отдѣльное лицо, можно убить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, воспитать самоуничженіе, презрѣніе къ себѣ. Естественнѣйшее же послѣдствіе такого состоянія: упадокъ духа, потеря бодрости, энергіи, инициативы и увѣренности въ своихъ силахъ. Мы глубоко убѣждены что главнѣйшими причинами упадка духа въ нашемъ духовенствѣ служатъ: пристрастная, безпощадная, полная ненависти и высокоумѣрія, а въ то же время совершенно беззаботная на счетъ правды и справедливости критика не только современной, но и исторической его дѣятельности, дружныя, громкія, страстно и порывисто выражаемая лжи и клеветы на него, категорическое, съ небывалою свободою высказываемое отрицаніе самой идеи Церкви, какъ Богоустановленнаго учрежденія.

Къ тому же самому заключенію можно подойти и съ противоположной стороны.

Большою популярностію пользуется у насъ и за границей беллетристъ М. Горькій. Сочтемъ это нѣкоторымъ побужденіемъ къ тому, чтобы у этого именно писателя взять исходную точку для дальнѣйшихъ разсужденій. Въ извѣстномъ драматическомъ произведеніи его — „Мѣщане“ одно изъ дѣйствующихъ лицъ (швея Поля), между прочимъ, говоритъ: „вотъ, какъ видишь женщину—то въ миломъ образѣ описанную, такъ и сама себѣ лучше кажешься“. Не думаемъ, чтобы высказанное этой простой, неинтеллигентной дѣвушкой показалось кому-либо не достаточно понятнымъ или подлежащимъ оснариванію. А то, что она высказываетъ, вполне приложимо къ группамъ людей, къ сословію и цѣлой націи. Едва-ли не каждый отдѣльный членъ — положимъ, — сословія скажетъ подобно Полю въ піесѣ г. Горькаго: вотъ, какъ видишь наше-то сословіе въ привлекательномъ образѣ описанное, такъ и самъ себѣ лучше кажешься. При такомъ же состояніи, т. е. когда человѣкъ смотритъ на себя безъ пренебреженія, несомоуничженно, когда онъ возвышается въ своихъ собственныхъ глазахъ, въ немъ появляется увѣренность въ

своихъ силахъ, усиливается энергія, бодрость, воскресаетъ инициатива, словомъ, въ немъ совершается подъемъ духа.

Позволимъ себѣ указать еще на одинъ примѣръ въ поясненіе нашей основной мысли. Кто не читалъ появившуюся первоначально въ „*Сѣв. Вѣдомостяхъ*“ (№ 347, 1903 г.), а потомъ перепечатанную во множествѣ другихъ газетъ статью Елецкаго уѣднаго предводителя дворянства А. Стаховича подъ заглавіемъ „Невѣроятный случай насилія въ деревнѣ?“ Какое тяжкое обвиненіе возвелъ въ ней г. Стаховичъ на сельскаго священника! По статьѣ выходило, что священникъ (о. Михѣевъ) являлся „вдохновителемъ“ дѣйствительно невѣроятныхъ истязаній 16-ти лѣтней служанки его, заподозрѣнной въ кражѣ у него 15 р. Между тѣмъ, какъ выяснилось потомъ, о. Михѣевъ настолько непричастенъ къ этому случаю, что онъ не былъ привлеченъ къ суду даже и въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу.—Но вотъ вопросъ: можно-ли было духовенству, да и всякому, невраждебно противъ него настроенному, равнодушно, безъ щемящей сердце боли, читать статью г. С—ча? Могла ли статья эта остаться безъ удручающаго вліянія на состояніе духа въ духовномъ сословіи? Не обинуясь говоримъ, что въ нныхъ изъ его представителей она могла на время даже парализовать способность ко всякой дѣятельности. Одно—положимъ—свѣтское лицо, но сынъ здѣшняго протоіерея, передавало намъ, что гнетущее впечатлѣніе статьи г. С—ча долгое время не давало ему заснуть. По нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельствѣ, что статья г. С—ча оказалась тенденціознымъ искаженіемъ факта, для духовенства не велико еще утѣшеніе. Самое уже наличіе такой, направленной къ опозоренію духовенства, тенденціозной неправды должно глубоко подавлять душевное состояніе духовенства.

Позволяемъ себѣ думать, что нами достаточно уяснено вліяніе внутреннихъ причинъ на состояніе духа въ духовенствѣ; полагаемъ, что въ частности достаточно ясенъ и понятенъ, вопреки противоположному увѣренію о. Черкаскаго, отвѣтъ на вопросъ: какимъ это образомъ „безсовѣстная инсинуація и выдумка“ по адресу духовенства могутъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ на духовный складъ и отдѣльныхъ личностей и цѣлаго сословія?

Мы, какъ объ этомъ и говорено было выше, не отрицаемъ вліянія на состояніе духа въ духовенствѣ причинъ внѣшнихъ, но не придаемъ

этимъ причинамъ особо важнаго значенія и тѣмъ болѣе важнаго. Но и изъ этихъ внѣшнихъ причинъ мы придаемъ сравнительно большее значеніе не тѣмъ, на которыя указываетъ о. Черкасскій. По его извѣстному уже намъ мнѣнію, угнетающимъ образомъ на состояніе духа въ духовенствѣ вліяетъ, между прочимъ, обремененіе духовенства несвойственными его прямому назначенію обязанностями чисто гражданскаго характера. „Во что, спрашиваетъ онъ, превратился современный священникъ, какъ не въ чиновника? Отъ него требуютъ и къ нему обращаются съ „бумагой“ и становой, и фельдшеръ, и урядникъ, и волость, и воинское присутствіе и проч. и проч... и все это „требуется“ „сейчасъ“, „немедленно“, „къ сроку“... Конечно, тяжело, трудно священнику съ должною аккуратностію исполнить всѣ эти „требованія“ (но не правильнѣе-ли было-бы сказать: „просьбы“, нерѣдко „покорнѣйшія просьбы“ но не въ этомъ суть дѣла) „къ сроку“ и немедленно“; но, съ другой стороны, священнику не трудно понять и уже въ одномъ этомъ найти себѣ нѣкоторое утѣшеніе, что предъявляющіе къ священнику „требованія“ срочныхъ отвѣтовъ, донесеній и сообщеній руководствуются въ этихъ случаяхъ не личнымъ своимъ произволомъ, не капризомъ своей фантазіи, а или самымъ дѣломъ, или, въ свою очередь, по предъявленнымъ къ нимъ требованіямъ. Если бы предоставлено было каждому отвѣчать на официальные запросы когда заблагоразсудится отвѣтить, тогда едва-ли вышелъ какой-либо толкъ изъ бумажныхъ сношеній. Вѣдь, бумага бумагѣ рознь; обозвать иную „всеубивающею“, пожалуй, и невозможно. Это во-первыхъ.

Въ трудахъ по „бумагамъ“ гражданскаго характера для духовенства есть и другое утѣшеніе: оно видитъ и знаетъ, что эти труды его признаются и оцѣниваются и высшимъ правительствомъ и самою Высочайшею властію.

Итакъ, вести и „срочную“ переписку съ разными должностными лицами и учрежденіями и по различнымъ предметамъ для духовенства возможно не падая духомъ, а съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ. Но вотъ что, во нашемъ глубокому убѣжденію, не можетъ не убивать въ немъ духа, не угнетать его морально, не подрывать его энергій. Это то, что иногда не даетъ ему возможности сдѣлать и нужную, и имъ самимъ желаемую отписку. Извольте обратить вниманіе на такой хотя примѣръ. Московское епарх. начальство пожелало собрать по епархіи свѣдѣнія о коли-

чествѣ дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ и не посѣщающихъ школы. Разсланы были соотвѣтственные запросы къ священникамъ. Поступилъ такой запросъ къ одному священнику Коломенскаго уѣзда. Въ приходѣ этого священника земская школа. За нужными свѣдѣніями священникъ (не законоучительствовавшій въ той школѣ) обратился къ учителю. И что бы вы думали отвѣтилъ учитель священнику? А вотъ что: „вы не имѣете права требовать отъ меня этихъ свѣдѣній, а я не обязанъ доставлять ихъ вамъ“. Объ этомъ, своего рода, инцидентѣ доведено было до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта, но безрезультатно.—Или вотъ другой примѣръ: Учительница одной земской школы не была на исповѣди два года. Священникъ попробовалъ было спросить учительницу, для отмѣтки въ духовной вѣдомости, о причинѣ, по какой она на исповѣди не была. И эта учительница не только не дала священнику объясненія, но еще пожаловалась на него въ уѣздный училищный совѣтъ, и тотъ призналъ, что священникъ, будто бы, не въ правѣ спрашивать учащихся въ школахъ, почему они не говѣютъ.

Вдумайтесь хотя въ эти два примѣра,—и вы поймете, насколько сильно такіе и подобные примѣры способны удручать ревностнаго пастыря. Главная его обязанность—рел.-нрав. воспитаніе своихъ прихожанъ, его дѣтей духовныхъ. Но ему говорятъ люди, облеченные властію: ты можешь учить и воспитывать родителей, но дѣтей ихъ—не имѣешь права: мы безъ тебя ихъ воспитаемъ, ты даже не имѣешь права освѣдомиться, сколько ихъ нами воспитывается. Какая убійственная для духа пастыря аномалія!..

Но вотъ другая область пастырской дѣятельности духовенства—область миссіонерская. Многіе и многіе пастыри Церкви борются, напр., противъ штунды. Но мало развѣ русскихъ людей, причисляющихъ себя къ людямъ власти имущимъ, которые желаютъ размноженія штундистовъ, яко бы эти сектанты представляютъ собою самую честную, трезвую и трудолюбивую рабочую силу?... Не мало даже и такихъ русскихъ людей съ высшимъ образованіемъ, состоящихъ при томъ на правительственной и по общественнымъ выборамъ службѣ, которые подъ влияніемъ толстовщины и пашковщины, открыто проповѣдуютъ, что штунда и есть истинное ученіе Христа. Борисъ послѣ этого со штундою, смиренный пастырь православной Церкви, да еще духомъ не падай, въ энергіи не ослабѣвай!

Вотъ и еще выразительные примѣры внѣшнихъ препятствій успѣху пастырской дѣятельности духовенства. Священникъ учить своихъ прихожанъ помнить и святить день воскресный, а съ трибунъ нашихъ самоуправлений во всеуслышаніе провозглашается, что зановѣдь Божія о днѣ субботнемъ необязательна.—Священникъ выясняетъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, согласно ученію Христа, великое значеніе въ дѣлѣ ихъ спасенія поста и молитвы, а облеченный большою властію интеллигентъ, уѣздный предводитель дворянства А. С., на одномъ сѣздѣ возбуждаетъ вопросъ объ уничтоженіи постовъ—и знаете-ли почему? въ видахъ поощренія скотоводства! 1) Священникъ поучаетъ своихъ прихожанъ почитать св. иконы, а учитель дѣтей этихъ прихожанъ грубѣйшимъ образомъ кощунствуетъ надъ школьною иконою: *расщепляетъ ее топоромъ!!*. Позорная эта исторія съ школьною иконою случилось въ одной изъ земскихъ школъ Орловской губ. 2)

На цѣломъ рядѣ разительныхъ, официально подтвержденныхъ фактовъ, можно доказать, что въ послѣднее время вошло, такъ сказать, въ моду оскорблять представителей духовенства дѣйствіемъ и въ самой грубѣйшей формѣ. Насъ въ этомъ случаѣ еще не такъ поражаютъ самые факты грубаго насилія надъ лицами духовнаго сана, а то, что за защитой отъ этихъ насилій вынуждаются обращаться въ Петербургъ. Значить, на мѣстѣ на этихъ насильниковъ и управы не находятъ.—Спросите миссіонеровъ, они вамъ скажутъ и докажутъ, что нынѣ въ мѣстностяхъ съ значительнымъ количествомъ раскольниковъ или сектантовъ нерѣдко воздвигаются въ буквальномъ смыслѣ гоненія на православіе и православныхъ.

Вотъ тѣ главныя причины, которыя, по мнѣнію нашему, способны угнетать духъ пастырей Церкви, ослаблять ихъ энергію, парализовать инициативу въ гораздо большей степени, чѣмъ дефекты во внѣшне-правовомъ и общественно-бытовомъ положеніи духовенства.

Какъ, однако, ни сильны и нами указываемыя внѣшнія причины упадка духа въ духовенствѣ, мы остаемся при глубокомъ убѣжденіи,

1) См. „Мис. Обзор.“ № 3-й с. г., стр. 395.

2) Послѣ исторіи съ школьною иконою, пожалуй, можно повѣрить слуху, что одинъ инспекторъ народныхъ училищъ въ центральной губерніи демонстративно кормитъ собакъ освященными просфорами.

что не въ нихъ кроется объясненіе факта, а въ вышеуказанныхъ причинахъ внутреннихъ—въ отсутствіи нравственной поддержки и сочувствіи со стороны общества дѣлу и идеѣ пастырства и въ клеветахъ и инсинуаціяхъ на духовенство, въ пристрастной, безпощадной, полной неависти и высокомѣрія, несправедливой, и живой критикѣ исторической и современной его дѣятельности, въ дружныхъ, оглушительныхъ крикахъ о неспособности духовенства, *по самому складу его убѣжденій и по характеру воспитанія*, къ какой-либо живой и плодотворной дѣятельности, — въ страстномъ, свойственномъ только слѣпому фанатизму. осужденіи и порицаніи *самаю дѣла*, которому призвано служить духовенство, въ глубокомъ презрѣніи къ этому дѣлу, въ категорическомъ, съ небывалою свободою высказываемомъ, отрицаніи самой идеи Церкви, какъ Богоустановленнаго учрежденія.

Выше мы уже объясняли съ психологической стороны значеніе и силу указанныхъ нами внутреннихъ причинъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Мы утверждали, что причины эти непременно отражаются и на состояніи духа, и на убѣжденіяхъ того, кто, хотя бы и не желая, сталъ подъ ихъ вліяніе. Наше духовенство — невольный объектъ воздѣйствія этихъ причинъ. Оно также не можетъ освободиться отъ ихъ вліянія, какъ невозможно изолировать себя отъ вліянія зараженной атмосферы. Когда воздухъ зараженъ на улицѣ, такимъ онъ проникнетъ и въ ваши комнаты.

Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ: что же нужно для того, чтобы поднять упавшее угнетенное состояніе духа въ современномъ духовенствѣ, парализующее его дѣятельность? Если уже признать, что очистить отъ заразы самую атмосферу, окружающую Церковь и ея представителей — духовенство, видѣ возможности для духовенства и сочувствующихъ его призванію и дѣятельности лицъ предѣловъ, то, по мнѣнію нашему, вполне возможно сдѣлать духовенство менѣе воспримчивымъ и даже совсѣмъ невоспримчивымъ къ этой заразѣ. Для этого прежде всего необходимо возвысить его въ его собственныхъ глазахъ.

Этого же достигать надо, отдавая справедливость личнымъ достоинствамъ духовенства и его дѣятельности какъ современной, такъ и исторической. Это совсѣмъ не значитъ идеализировать, во чтобы-то ни стало, духовенство и его дѣятельность, закрывая глаза на его недостатки. Всякій знаетъ, были и есть на св. Руси служители алтаря Господня

безъ пониманія высоты своего призванія и притомъ не чуждые тяжелыхъ грѣховъ: но по Иудѣ-предателю можно-ли заключать, что и всѣ апостолы были таковы? А если нѣтъ, то, какъ говорить К. П. Побѣдоносцевъ, слово суда, готовое для нѣкоторыхъ недостойныхъ служителей Церкви, должно умолкнуть предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими ¹⁾).

Выполненіе такой задачи, т. е. показанія, выясненія „величія подвига“, совершаемаго, какъ и совершеннаго въ недавнемъ и далекомъ прошломъ, духовенствомъ, не должно составлять особаго труда. Слѣдуетъ только развернуть скрижали исторіи нашего государства, и каждый безпристрастный, добросовѣстный читатель легко убѣдится, что повѣствованіе о разнообразныхъ и великихъ заслугахъ духовенства предъ Престоломъ и Отечествомъ—самыя выдающіяся, самыя свѣтлыя страницы этихъ скрижалей. Такимъ читателямъ будетъ понятно, почему наиболѣе славные изслѣдователи и знатоки прошедшихъ судебъ русскаго народа утверждаютъ, что духовенство наше сослужило въ исторической жизни нашего Отечества такую великую службу, оказало ему такія благодѣянія, которыхъ нельзя даже измѣрить и оцѣнить по достоинству. По свидѣтельству такихъ изслѣдователей, безъ чадолубивой матери русскаго народа св. православной Церкви, безъ ея служителей-пастырей духовныхъ, быть можетъ, давно уже и не существовало-бы русскаго государства.

Обратимся къ нашимъ днямъ. Еще здравствуютъ многіе миллионы непосредственныхъ свидѣтелей величайшаго акта въ исторической нашей жизни—освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И вотъ, такіе, напр., знатоки нашей исторіи, какъ митр. москов. Филаретъ и проф. В. О. Ключевскій, утверждаютъ, что этому величайшему акту *прежде всего и больше всего* содѣйствовали служители Церкви, неустанно проповѣдью о равенствѣ людей предъ Богомъ. И дѣйствительно, вникните въ ближайшіе мотивы крестьянской реформы, и вы увидите, что основнымъ мотивомъ ея, служившимъ и исходною ея точкою и верховнымъ вдохновеніемъ, была *совѣсть*, и, разумѣется, совѣсть христіанская, ко-

¹⁾ Изъ застольной рѣчи въ Кіевѣ на торжествахъ (1888 году) по случаю 900-лѣтія крещенія Руси.

торая, по справедливымъ словамъ „Н. Вр.“ (№ 9684), „въ оцѣнкѣ простыхъ и сложныхъ человѣческихъ отношеній имѣеть одинъ и тотъ же критерій, выраженный Евангельскою заповѣдію: дѣлайте другимъ то, что вы считаете для самихъ себя благомъ“. Въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 года мы, русскіе, всему міру и съ безпримѣрною ясностію показали силу любви Христовой.

Припомнимъ еще болѣе блестящую страницу изъ тысячелѣтней жизни русскаго народа—освобожденіе имъ отъ многовѣковаго рабства славянъ (сербовъ и болгаръ), родныхъ ему по вѣрѣ и крови. Что побудило русскій народъ къ этому подвигу, который стоилъ ему столько потоковъ безцѣнной крови и другихъ народныхъ жертвъ?—спрашиваетъ одинъ изъ просвѣщенныхъ сыновъ православной церкви И. У. Полимпсестовъ. Что здѣсь воодушевляло наше христоролюбивое воинство на ихъ геройскіе подвиги, на самоотверженіе, которымъ положительно нѣтъ примѣровъ въ исторіи всего человѣчества? Что? Мелочное честолюбіе стоявшихъ во главѣ народа? Народная гордыня (въ родѣ обуявшей теперь нашихъ сосѣдей—нѣмцевъ)? Корыстные виды? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Это признаеть весь міръ. Что же? *Одна Евангельская любовь*. А эту любовь кто вдохнулъ и възгрѣваетъ въ русскомъ народѣ? Св. Православная Церковь, ея служители. Эта страница въ нашей исторіи, дѣйствительно, есть самая блестящая, какъ отблескъ Евангельскаго свѣта: подобной страницы нѣтъ въ исторіи всего человѣчества; она украшеніе, честь, гордость русскаго народа, и ее могла написать своими перстами только одна св. Церковь“ ¹⁾.

Такъ громко, такъ безпримѣрно ясно мы, русскіе, подъ водительствомъ св. матери нашей Церкви, показали всему міру силу любви Христовой. Оказывается, однако, что предубѣжденные противъ Церкви и ея служителей умы не замѣчаютъ и такихъ единственныхъ въ исторіи всего человѣчества, неподражаемыхъ явленій. Они, какъ уже не разъ повторяли мы, безъ зазрѣнія совѣсти дружно, настойчиво и неустанно, особенно въ послѣднее время изрыгаютъ оглушительныя хулы и клеветы на Церковь и ея служителей и, къ сожалѣнію,—это высказываемъ только теперь,—гипнотизируютъ съ довѣріемъ внимающихъ имъ. Но что осо-

¹⁾ См. въ нашей книгѣ: — „Историческія заслуги нашего духовенства предъ Престоломъ и Отечествомъ“ ст. 12.

Бенно печально, гипнозу лживыхъ и клеветническихъ *quasi*—научныхъ басней враговъ Церкви подчиняются—хочется думать подчиняются невольно, противъ желанія—и нѣкоторые изъ служителей Церкви, а иные начинаютъ открыто имъ, т. е. врагамъ Церкви, вторить. Такъ, въ недавнее время одинъ изъ священниковъ (положимъ, нынѣ снявшій уже санъ) Б—ковъ, подъ громъ аплодисментовъ интеллигентной аудиторіи, горячо доказывалъ, что наше православное духовенство въ исторической своей роли заявило себя преимущественно, будто бы, пьянствомъ. Оно, якобы, не только само пьянствовало, но и народъ приучало къ пьянству.— Другой служитель церкви, Ус—скій, зимою 1903 г. печатно высказалъ: русский священникъ „въ продолженіи 900 лѣтъ христіанства на Руси преспокойно и пресерьезно махалъ кадиломъ, переводилъ пятаки да алтыны изъ кармановъ прихожанъ въ свои собственные, собиралъ кутью по родительскимъ субботамъ и пироги по праздникамъ“... а что дальше говорилъ этотъ „соборный протоіерей“, (см. „М. Обзор.“ № 7-й, 1903 г. стр. 1034), пересказывать его слова даже противно до крайности.

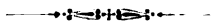
Сопоставляя вышеуказанные величайшіе, единственные, безпримѣрные въ исторіи всего человѣчества подвиги, которыми православная Русь, послушная голосу св. Церкви, всему міру показала силу любви Христовой, съ аттестаціей, выдаваемой о. о. Б—вымъ и Ус—скимъ служителямъ Церкви, духовенству, „бывшему по словамъ м. Филарета, единственнымъ, въ теченіе 900 лѣтъ, руководителемъ русскаго народа“, невольно подумаешь, что эти отцы, какъ и нѣкоторые другіе, прямо „задурачены“ врагами Церкви.

У говорящаго объ упадкѣ духа въ духовенствѣ, у объясняющаго причины этого упадка, вполне естественно спросить: какъ же онъ смотритъ на современную пастырскую дѣятельность духовенства, т. е. въ упадкѣ ли она по сравненію съ прежней его дѣятельностію или, наоборотъ, развивается, ослабѣла ли или усиливается, замираетъ или оживаетъ? Не обинюясь, говоримъ: развивается, усиливается, оживаетъ. Но нѣтъ ли тутъ несоотвѣтствія между явленіями, поставляемыми въ причинную связь, нѣтъ-ли противорѣчія въ логикѣ вещей? Отнюдь нѣтъ, нѣтъ никакого. Объяснимся.

Полагаемъ, каждому изъ насъ приходилось и на себѣ испытать и и со стороны надъ другимъ наблюдать полную возможность трудиться

и въ подавленномъ состояніи духа. Конечно, и пояснять излишне, что здѣсь не имѣется въ виду крайняя степень этой подавленности, когда человѣкъ рѣшительно ничего не въ состояніи дѣлать. Въ данномъ случаѣ возможно говорить лишь объ относительной угнетенности духа. При такомъ же состояніи духа работать, трудиться и трудиться усердно — повторяемъ—вполнѣ возможно. Иной вопросъ о степени тяжести, о степени продуктивности этой работы, этого усерднаго труда. Тутъ безъ всякаго сомнѣнія и трудъ кажется легче, и продуктивность его больше, когда онъ совершается при бодромъ состояніи духа. Утверждая про современную пастырскую дѣятельность духовенства, что она, по сравненію съ прежней, является болѣе оживленною, что она усиливается, и по плодамъ своимъ много богаче прежней, мы хотимъ лишь оправдать этимъ разъ уже высказанное нами (въ № 8, 1903 г. стр. 1181-я) такое положеніе: „искушенное въ терпѣніи, дисциплинированное, до удивленія выносливое наше духовенство и нынѣ, подъ давленіемъ всякихъ неблагопріятныхъ атмосферъ, трудится, выполняя дѣло своего призванія, трудится упорно, но угрюмо, съ поникшей головою, безъ твердыхъ надеждъ на безпристрастную, справедливую оцѣнку его прошлыхъ—историческихъ заслугъ и настоящей дѣятельности и съ сердцемъ сокрушеннымъ за поруганіе (прямое или косвенное—чрезъ систематическое замалчиваніе) самой идеи Церкви, служить которой оно призвано“.

И. Преображенскій.

Изъ записокъ и дневниковъ.

О нуждѣ нашихъ приходовъ съ раскольничьимъ элементомъ населенія.

Положеніе причта въ приходѣ съ раскольничьимъ населеніемъ подобно положенію война на непріятельской территоріи. Здѣсь нѣтъ перемирія, всегда война, и война со стороны раскола упорная, беспощадная, большею частію подпольная, требующая отъ членовъ православнаго причта весьма большой осмотрительности и знанія своего пастырскаго дѣла. И назначеніе сюда служителей церкви, конечно, требуетъ большой осторожности. Вѣдь малѣйшая ошибка въ выборѣ на такой приходъ достойнаго пастыря можетъ повлечь за собой посрамленіе православія и дать торжество расколу. Такъ, къ примѣру, въ одномъ изъ приходовъ Вятск. еп. съ раскольничьимъ населеніемъ, въ періодъ времени съ 1850 по 1870 г., когда на этомъ приходѣ были пастыри, судимые да штрафованные, посылаемые сюда какъ въ ссылку, число раскольниковъ въ приходѣ увеличилось на 1200 душъ обоего пола (по росписямъ за 1850 годъ значится раскольниковъ 230 душъ обоего пола, а по росписямъ за 1870 годъ—уже 1500 душъ). Подысканіе кандидата во священника на этотъ приходъ отнимаетъ всегда не мало времени у власти епархіальной, и нерѣдко, вмѣсто ушедшаго изъ прихода священника съ полнымъ богословскимъ образованіемъ, опредѣляется сюда „неокончившій“. И вотъ въ одно недавнее время, воспользовавшись невнимательностію священниковъ къ дѣяніямъ волостного правленія, гдѣ постоянно вершить дѣла раскольникъ-старшина, или писарь,—иногда тотъ и другой, расколъ наплодилъ въ десять лѣтъ 170 сводныхъ браковъ. Въ приходѣ явилась даже полная увѣренность въ томъ, что правительство бракомъ въ церкви никого не стѣсняетъ—кто не хочетъ вѣнчаться, пусть живетъ сводомъ. И вол. правленіе усиленно записывало въ посемейные списки всѣхъ желающихъ записаться

мужемъ и женою, хотя бы они были оба православными и въ церкви не вѣнчаны.

Нагло и бойко шла пропаганда раскола. Съ появленіемъ въ приходѣ священниковъ съ образованіемъ, ненормальности были замѣчены, и дальнѣйшее развитіе ихъ прекращено, но старое зло не скоро исправится.

Плата за требы здѣсь положительно добровольная — всякая настойчивость при полученіи вознагражденія за трудъ положительно неумѣстна. Требовательность быстро вызоветъ неудовольствіе прихожанъ, такъ какъ въ рѣдкой семьѣ нѣтъ близкихъ родственниковъ раскольниковъ, которые не замедлятъ указать, что ихъ старикъ (начетчикъ) всякимъ даяніемъ доволенъ... Отъ этого плата даже за браки здѣсь не превышаетъ трехъ рублей. Опытъ научилъ, что требованіе большей платы за браки можетъ наплодить сводные браки. Да и отказаться повѣнчать бракъ изъ-за неуплаты денегъ дѣйствительно страшно. Необвѣнчанная пара такъ и останется навсегда невѣнчанною, стремясь всѣми мѣрами доказать свою принадлежность къ расколу. А тамъ, гдѣ сожители называютъ себя раскольниками, не можетъ быть и рѣчи о принужденіи къ вѣнчанію. Насиловать убѣжденія никто не позволитъ. Съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе и то, что если отецъ отдаетъ за вѣнчаніе сына священнику рубль, два или три, то онъ совершаетъ еще своего рода подвигъ и его заставляетъ дѣлать это только усердіе къ вѣрѣ, привязанность къ храму, такъ какъ онъ видитъ, конечно, что у него въ деревнѣ одновременно „играются“ три или четыре раскольниковыхъ свадьбы безъ всякихъ расходовъ на причтъ за вѣнчаніе. Права же дѣтей отъ законныхъ и сводныхъ браковъ въ обществѣ одинаковы. Если же и есть въ данномъ случаѣ какая разница, то не въ пользу православныхъ... При призывѣ въ военную службу число лѣтъ православнаго „призываемаго“ очевидно, а у раскольника „годы“ могутъ удобно мѣняться, такъ какъ годъ, мѣсяцъ и день рожденія нигдѣ не записаны. Полицейскія метрики при волостныхъ правленіяхъ по-прежнему остаются бѣлыми (не заполняются).

Браковъ въ приходѣ, о коемъ рѣчь, бываетъ болѣе 50 въ годъ, но доходу отъ нихъ причту въ среднемъ 150 рублей.

Сборъ руги плачевный. Правда, кое-гдѣ несутъ рѣшето съ какимъ-нибудь житомъ, но почти всегда съ замѣчаніемъ, что у старовѣровъ за ругой не ѣдятъ...

Самымъ труднымъ дѣломъ, всего менѣе оплачиваемымъ, является рождественская и пасхальная „слава“. Еще протоіерей Бѣлоцвѣтовъ, священствовавшій въ „раскольниковскомъ“ приходѣ, писалъ,

что ему „тяжело встрѣчать въ жилищахъ прихожанъ—дымъ, духоту, смрадъ, а въ самихъ прихожанахъ, склонныхъ къ расколу—равнодушіе и отчужденіе отъ святыни и духовенства. А тутъ еще бѣдные причетники начинали жалобно припрашивать лишнюю копѣйку, или ковшъ овса. Хотѣлось бы въ каждой хатѣ сказать пастырю слово назиданія. Но, увы, не было времени—оно все пропало въ бѣготнѣ изъ дома въ домъ; съ утра до ночи нужно было обойти непременно до сотни домовъ. До назиданія ли тутъ, когда человѣкъ цѣлый день почти не пивши, не ѣвши, утомится до крайней степени и думаетъ только о томъ, далеко ли до конца деревни и скоро ли кончится это мученіе безъ вѣнца (безъ награды)“. Сколько самой горькой жизненной правды въ этомъ краткомъ описаніи славленья въ „раскольническомъ“ приходѣ. Прибавлять къ этому много нечего. Обходя, напр., съ пасхальной славой всѣ подрядъ дома прихожанъ, ежедневно посѣщая болѣе 100 домовъ, получая за трудъ гдѣ 5, гдѣ 3 копѣйки и весьма рѣдко 10 копѣекъ, за всю свѣтлую седмицу самаго упорнаго труда причтъ въ приходѣ, о коемъ мы говоримъ, выславливаетъ всего рублей 25.

Свѣтлымъ лучемъ блеснуло обѣщаніе казеннаго жалованія въ „раскольническіе“ приходы десять лѣтъ тому назадъ. Но значительность въ приходѣ православнаго населенія помѣшала получить обѣщанное жалованіе. Православные приходы, гдѣ доходность священника была показана въ 300 рублей, получили еще по 300 руб. на священника. Священникъ здѣсь сталъ получать теперь 600 рублей. И назначеніе жалованія стало въ строгую зависимость отъ получаемаго причтами содержанія, такъ что полученіе священникомъ въ раскольническомъ приходѣ на 140 руб. въ годъ больше 300 рублей отодвинуло полученіе жалованія уже на цѣлые десять лѣтъ. (У насъ, напр., было поступленіе доходовъ 445 руб. въ годъ на священника). Такимъ образомъ, въ бѣдныхъ православныхъ приходахъ десять лѣтъ уже получаютъ священники по 600 руб., а въ „раскольническомъ“ (съ цѣлыми 2000 раскольниковъ) священникъ все еще остается на 445 рубляхъ, и то—добываемыхъ при всяческихъ укоризнахъ и попрекахъ.

Много-ли теперь найдется добрыхъ пастырей, которые, будучи обременены семьей, могутъ пойти на такой приходъ, какъ опытные и ревностны ни были они въ дѣлѣ просвѣтительной миссіи. А таковые именно добрые пастыри и нужны „раскольничьимъ“ приходамъ.

Въ настоящее время благовременно воспользоваться развитіемъ въ народѣ грамотности, чтобы энергичнѣй повести дѣло борьбы съ расколомъ, а для этого прежде всего необходимы лучшія про-

свѣтительныя силы въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ. Но удовлетворяя насущной потребности таковыхъ приходоу и назначая въ нихъ лучшихъ пастырей, необходимо удовлетворить и требованію справедливости — сдѣлать эти приходы лучшими въ епархіи по содержанію.

Только тогда, когда раскольническіе приходы станутъ лучшими въ епархіи по содержанію, лучшие люди безбоязненно пойдутъ въ нихъ и смѣло поведутъ дѣло борьбы съ расколомъ. Тогда и изученіе раскола въ семинаріи принесетъ должную пользу дѣлу миссіи. Теперь же лучшие ученики семинаріи стремятся занять лучшие православныя приходы, и изученіе раскола въ семинаріи остается у нихъ въ большинствѣ случаевъ мертвымъ матеріаломъ, къ жизни не прилагаемымъ. Тогда только можетъ осуществиться и чаяніе духовнаго начальства—видѣть въ каждомъ священникѣ „раскольническаго“ прихода приходскаго миссіонера. Предъ труднымъ дѣломъ лучшие люди не остановятся, но только тогда, когда они совершенно свободны будутъ отъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба.

Я 13 лѣтъ прослужилъ въ томъ приходѣ (съ 2 тыс. раск.), о которомъ въ статьѣ рѣчь. Теперь, за назначеніемъ безприходнымъ миссіонеромъ на три уѣзда, я оставляю этотъ приходъ, и только теперь именно рѣшаюсь высказать то, что высказалъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать теперь: „нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко... съ миромъ“...—съ миромъ на душѣ, безъ страха и отвѣтственности предъ пастырской моею совѣстью и Богомъ за этотъ приходъ. Для меня теперь только желательно, чтобы укрѣпленіе распатаннаго здѣсь православія, начатое моими предшественниками, при весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ, укрѣпленіе, для котораго были затрачены и мои слабыя силы, было передано и передаваемо въ надежныя руки, чтобы сюда назначаемы были пастыри, которые были бы обезпечены казеннымъ жалованьемъ, и безъ страха за кусокъ хлѣба право правили слово истины.

Вѣдь только бѣдность нашего прихода была, какъ въ томъ убѣжденъ я, причиною того, что въ злополучные для него 20-ть лѣтъ (съ 1850 по 1870) уклонилась въ расколъ масса православныхъ! Вѣдь только бѣдность прихода была причиною того, что сюда за это время не находилось иныхъ кандидатовъ на священство, кромѣ запрещенныхъ, судимыхъ, штрафованныхъ и недоучекъ.

Дай Богъ, чтобы тѣ, кому то вѣдать надлежитъ, обратили на это вниманіе и помогли несчастному приходу сдѣлаться миссіонерскимъ. Средство для сего указано...

Миссіонеръ-священникъ *Павель Цвейтовъ.*

Сектантскій судъ.

(Изъ быта молоканъ).

— Вишь ты, линия-то какая подошла!.. ни туда, ни сюда... и податься некуда...

— У, ироды! Вѣдь говорилъ, тысячу разъ вамъ говорилъ: ребята, дѣвки, бросьте вы свое баловство, не доводите до соблазну: не видите, что-ли, какъ православные наше братство стали поносить?.. Да-а-а... по чистой совѣсти-то сказать: чѣмъ мы сильны? а тѣмъ мы, значить, сильны, что у насъ „духъ“ „единный“, а они, смутьяны, его, духъ-то этотъ, и „небрегутъ“... Чудаки люди!.. и при томъ смѣха достойные, по реченному: „горькимъ словомъ моимъ посмѣюся“. Впрочемъ, смѣхъ тутъ не при чемъ... А вотъ дубина-то здѣсь у мѣста, не бичъ Христовъ, а именно дубина... Эхъ-ма!.. Нѣтъ, видно, съ нынѣшнимъ поколѣньемъ ничего ужъ не подѣлаешь... все норовятъ „по-своему“ да „по-своему“... Ев-пюшка-то нашъ... хорошъ молодець? а, нечего и говорить, ловкачъ парень... а лучше и по-просту сказать: дуруломъ и блудникъ!..

— И, говорить, все по свободѣ дѣлаю... вы меня прелюбодѣемъ считаете, а я, напускаетъ это онъ свою критику, въ вашемъ обличеніи только глупость вашу вижу...

Ну, пойди съ такимъ человѣкомъ, поговори съ нимъ по Евангелію... онъ все свою сказку будетъ воротить... Да что молодежь? хороши и старики... и тутъ ужъ не безъ грѣха... и здѣсь растлѣніе обычаевъ добрыхъ перестало свѣту Божьяго стыдиться.

— Пушай, говорятъ, молодежь побалуется... мы, вѣдь, тоже баловались во времена нашей юности...

Насилу уломалъ бородатыхъ на счетъ общаго совѣщанія для искорененія грѣха...

Такъ разсуждалъ самъ съ собой Федоръ Спиридоновичъ, ходя изъ угла въ уголокъ по „горницѣ“, служившей мѣстомъ для общественныхъ молоканскихъ моленій. У Федора Спиридоновича со-

всѣмъ скверно было на душѣ. Много лѣтъ прожилъ онъ на свѣтѣ, много разныхъ видовъ онъ видывалъ: и „неправедное“ гоненіе на него отъ еретиковъ, „искавшихъ души его и тѣла“; и поклёпы со стороны „лже-братіи“, вполнѣдствіи въ баптизмъ убѣжавшихъ, и разныя настроенія въ молоканскомъ мірѣ, и соблазнительную жизнь „христіанъ“... но никогда онъ не думалъ, даже не допускалъ въ себѣ мысли о томъ, что молокане понесутъ соръ изъ избы, а еще хуже: поведутъ соблазнительную жизнь открыто, не утаивая ея отъ „гонителей“, и тѣмъ подавая поводъ „разнымъ“ миссіонерамъ пользоваться молоканскимъ неустройствомъ для своей „ловли“... Спокоенъ былъ Ѳедоръ Спиридоновичъ въ прежнія времена. Мало ли чего не бываетъ?... безъ грѣха не проживешь... А теперь не то... теперь конецъ миру душевному: зданіе разваливается, братство идетъ къ паденію... Главное же то, что приходится задуматься и надъ вопросомъ о главенствѣ въ общинѣ, о почетѣ, о томъ, что, пожалуй, скоро наступитъ и такая пора, когда не всякій ужъ будетъ сажать тебя на первое мѣсто и тебѣ первому отдавать поклонъ... Ѳедоръ Спиридоновичъ даже возмущался:

— Стали теперь говорить, что я за свою шкуру опасуюсь... Нѣтъ, здѣсь не то, совсѣмъ не то... я все по Писанію, а Писаніе свидѣлствуетъ: „никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣшетъ ее“, а также: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа“...

Много тяжелыхъ минутъ пережилъ въ одиночествѣ радѣтель „братскихъ“ интересовъ. Собраніе старцевъ было назначено въ семь часовъ вечера, а Ѳедоръ Спиридоновичъ явился гораздо раньше, болѣе, чѣмъ за часъ до собранія. Не сидѣлось ему дома: словно кошмаръ, душили его разныя черныя мысли, не давая покоя его удрученному сердцу. То ему мерещилось, что онъ опоздалъ на собраніе, и старики безъ него рѣшили больше никогда не собираться для „кляузныхъ“ дѣлъ; то думалось, что эти старики нарочито придутъ въ моленную раньше срока, и, не заставъ его, скажутъ, что самъ Ѳедоръ Спиридоновичъ не пожелалъ раскрывать „язвы“ и лѣчить ихъ; а это можетъ повести за собой нѣчто горшее перваго... И мало ли еще какихъ „страшныхъ“ мыслей не лѣзло въ голову „старцу“ Ѳедору!..

У Ѳедора Спиридоновича было порядочно всякихъ тлѣнныхъ сокровищъ. Въ числѣ ихъ далеко не первое мѣсто занимали большіе серебряные часы, пріобрѣтенные на средства „вдовицъ“, раздѣлявшихъ его трудъ по части „вразумленія молодыхъ“. Эти часы радѣтель всегда носилъ при себѣ, какъ добрую память о „добрыхъ“ людяхъ, и всегда любилъ къ дѣлу и безъ дѣла на

нихъ поглядывать. На эти же часы „старецъ“ Ѳеодоръ посматривалъ неоднократно и въ настоящій разъ, нетерпѣливо поджидая въ моленной свою „старческую“ братію.

Часы въ молоканской моленной пробили семь. Вскорѣ одинъ за другимъ стали появляться старцы-судьи. Ѳеодоръ Спиридоновичъ сдѣлалъ „про себя“ подсчетъ, всѣ ли-де нужные люди налицо, и, убѣдившись въ правильности своего нечисленія, пригласилъ собравшихся:

— Помолимся, братіе.

Всѣ стали на колѣни. Ѳеодоръ Спиридоновичъ прочиталъ обычныя въ такихъ случаяхъ: „Отче нашъ“ и „Милость и судъ воспою“. Всѣ произнесли вслѣдъ за нимъ: „аминь“, и усѣлись на лавкахъ, каждый по своему „чину“ и по своей „мудрости“.

— Теперь, братіе,—заговорилъ Ѳеодоръ Спиридоновичъ, падѣвъ очки,—приступимъ къ нашему дѣлу. Вамъ извѣстно, для какой „задачи“ вы собрались здѣсь. Намъ нужно остановить братство наше, укрѣпить ноги разслабленныя, и колѣна ослабленныя. О-о-охъ, охъ, охъ! то-то бѣда наша! Истинно одно рыданіе. Да... тяжело... охъ, тяжело!.. моченьки нѣту!.. Да что и говорить тутъ... Начнемъ же, братіе, по порядку. Кто у насъ первый-то въ нечистотѣ живеть, на чью срамоту и не смотрѣлъ-бы?

— Михаилъ Ивановичъ Узенькій!—громко произнесъ Иванъ Петровичъ, всегда бывшій правой рукой Ѳеодора Спиридоновича и получавшій отъ него за это „благодареніе“ съ изливкой...

— А въ чемъ дѣло?

— Знаете, братіе, Михаилъ Ивановичъ велъ жизнь хорошую и скромную, но дѣти его живутъ соблазнительною жизнью. Вотъ тутъ-то и соль вся: если Михаилъ Ивановичъ своего дома не управилъ, то какъ же онъ могъ пецись о Церкви Божіей? А еще въ главные лѣзъ...

— Стой, стой!—заговорили вдругъ „старцы“... ты намъ дѣло выкладывай, а „турусы на колесахъ“ нечего разводить...

— Я, братіе, и то, вѣдь, дѣло вамъ изображаю... Я—отъ Писанія говорю... Что-жь? неужто вы противъ Божьяго слова?

— Ну, будетъ тебѣ учить насъ... сами имѣемъ „номазаніе“ и научены... дѣло говори... какъ, значить, братъ Михаилъ дома своего не управилъ...

— А вотъ какъ, смиренно заговорилъ Иванъ Петровичъ. Дѣти Михаила Ивановича—всѣ до одного—какъ жили безпутной жизнью, такъ и теперь живутъ. Сыновья его—гуляки, „мотыги“ и пьяницы. Первый сынъ его, Василій, жену свою съ дитемъ прогналъ отъ себя и на произволь судьбы бросилъ, а самому только и занятіи,

что ходить по питейнымъ заведеніямъ... и при томъ же всегда съ опухлымъ лицомъ... Степанъ жену свою отдалъ господамъ въ услуженіе, отбираетъ у ней жалованье и пропиваетъ его, а какъ напьется, то и пошелъ бунтовать по дому да жену бить. Третій сынъ Павелъ, тоже пьяница, завсегда войну въ семействѣ поднимаетъ и за женою гоняется, чтобы, значить, побить ее. У четвертаго, Матвѣя, отъ безпутной жизни глаза покраснѣли... да и съ женой онъ тоже бунтуетъ. Всѣ сыновья только и знали, что шли во всемъ наперекоръ своему отцу, да „имѣніе“ его проматывали. Старикъ „дѣло“ хорошее имѣлъ, подряды разные бралъ и сыновьямъ поручалъ ихъ, а они только въ убытки его вводили, да ссорились съ нимъ. Когда померъ старикъ, осталось отъ него хорошее состояніе, а сыновья все это состояніе взяли да и прожили въ пять лѣтъ. Теперь только и живутъ, что около питейныхъ заведеній... норовятъ, нельзя ли поймать какого дурака, да обмануть его... Хороши и дочери... мужьевъ побросали, знай себѣ распутничаютъ да виномъ балуются... Вотъ, братіе, и все. Я открылъ вамъ только то, что людямъ видно, а что у нихъ тайно бываетъ, такъ срамно и говорить мнѣ о томъ...

— А ты видаль, что-ли, эту тайну?—вдругъ заговорилъ одинъ изъ участниковъ собранія, извѣстный въ молоканской общинѣ своимъ постояннымъ противленіемъ Федору Спиридоновичу. Видаль? спрашиваю я тебя... А ты то каковъ!.. тоже хорошъ...

— Братіе, не хорошо этакъ, совсѣмъ не хорошо, — вмѣшался въ споръ Федоръ. Мы собрались не для ссоръ и безчинствъ, а для поправленія души человѣческой. Я полагаю, что Иванъ Петровичъ ничего дурного не сказалъ. Зачѣмъ же слова его переводить. Я знаю брата Ивана: онъ не охотникъ тратить слова по-пустому, потому что ему доподлинно извѣстно, какой отвѣтъ онъ понесетъ за каждое слово праздное на судищѣ Христовомъ.

— Доподлинно, доподлинно... вѣдь скажетъ человѣкъ!—заговорилъ опять „противникъ“. А я такъ думаю, что у твоего, Федоръ Спиридоновичъ, „способника“ ничего нѣтъ доподлиннаго... все это онъ на разныя мудрствованія сбиваетъ...

— Кто? Я, закричалъ Иванъ Петровичъ... я? да ты что за человѣкъ? Изъ какихъ ты выскочилъ? ишь, ты, мудрецъ нашелся!.. Не слышишь, ухо ослабѣло?.. Аль писаніе забылъ?.. Если человѣкъ беззаконіе явно творить, такъ что-жъ у него тихомолкомъ-то дѣбается? Самъ Апостоль, — не тебѣ чета, — такъ вразумляетъ насъ...

— Братіе, успокойтесь,—заявилъ Федоръ,—потихе; не въ кабакѣ вы и не для кабацкихъ дѣлъ собрались нынѣ...

— Какъ тебѣ угодно, замѣтилъ присмирѣвшій, по крайней мѣрѣ наружно, „противникъ“, а только ты, Ѳеодоръ Спиридоновичъ, не ладно дѣлаешь, если твой Иванъ Петровичъ такую силу забралъ и такіа замѣчанія братіямъ сталъ дѣлать...

— Ну, ладно, какъ бы виновато, и въ то же время настойчиво сказалъ Ѳеодоръ. Ссоры—ни къ чему... давайте-ка, лучше, обсудимъ, какъ быть съ поколѣньемъ брата Михаила. Мнѣ обидно за Михаила Ивановича. Такой онъ былъ ревностный „братъ“ и такой жизни, поистинѣ честной и достохвальной... Оно, конечно, не безъ грѣха и Михаилъ былъ... а все-таки это былъ рѣдкій старецъ... великій молитвенникъ, а какъ онъ грѣхи свои оплакивалъ! и какъ душа его убѣлялась!.. Да, рѣдкій былъ старецъ, совсѣмъ рѣдкій. Любилъ я его и уважалъ, и всякую честь ему оказывалъ. А теперь вотъ имя его поносится... а отъ кого?.. отъ чадъ своихъ, которыхъ ради онъ живота своего не щадилъ... О-о-охъ, охъ, охъ! Такъ вотъ, братіе, какъ же намъ быть то? а?

— Вразумленіе надо сдѣлать!—послышались голоса.

— Вразумленіе! вразумленіе!—говорили другіе.

— Обязательно вразумленіе!—кричали третьи.

— А по какому чину?—спросилъ Ѳеодоръ Спиридоновичъ.

— По первому!

— По второму!

— Не дѣло—по второму! Надо сначала по первому!

— Въ грѣхѣ закоснѣли! надо посильнѣе: по второму пустить ихъ, при трехъ свидѣтеляхъ обличить!

— Перваго еще не было... чего-жъ черезъ „дѣльницу“—то прыгать?

— Первое было...

— Гдѣ было? когда?

Въ „горницѣ“ поднялось настоящее „смятеніе“. Трудно было въ концѣ концовъ даже голоса различать... каждому хотѣлось показать свое знаніе Писанія, убѣдить другихъ въ правильности своего пониманія христіанскаго чина и благообразія. Ѳеодора Спиридоновича уже не слышали и не слушали. Для „братій“ никто и ничто теперь не существовало... Неизвѣстно, чѣмъ и окончилось бы дѣло, если бы Ѳеодоръ не прибѣгъ при этомъ къ одному маневру, быстро сложившемуся въ его „опытной“ головѣ и не менѣе быстро имъ осуществленному.

— Братіе! вдругъ заговорилъ онъ таинственно и полушопотомъ, втиснувшись въ толпу и поднимая кверху руки. Братіе, шумъ за стѣной... ужъ не наши-ли это „гонители“? вы слышали, что

говорилъ въ прошлое воскресенье баптистъ Гурій Васильевичъ? Помните, какъ онъ разъяснялъ, что молоканъ теперь особенно будутъ преслѣдовать?..

Словно изъ ушата холодной водой окатилъ Федоръ собратій своею рѣчью. Всѣ приумолкли, сѣли по своимъ мѣстамъ, чинно сложили руки на колѣняхъ, какъ будто ничего и не бывало... И только изрѣдка, изъ подлобья и со страхомъ посматривали на дверь и окна... не войдетъ ли вотъ кто-нибудь, не раскроетъ ли ставни и постучится въ окно... А что, дескать, у васъ здѣсь творится? Чѣмъ занимаетесь? Федоръ Спиридоновичъ тоже нарочито принялъ озабоченный видъ и съ кажущейся тревогой поглядывалъ по сторонамъ. Однако, долго въ бездѣйствіи онъ не оставался. Убѣдившись, что боевое настроеніе у старцевъ мало-помалу улеглось, онъ началъ потихоньку, какъ будто кого-то опасаясь, и повернувъ лицо къ нему:

Что это, братіе?.. Или это только послышалось мнѣ нападеніе „враговъ“? Ставни, что-ли, отъ вѣтру скрипятъ?—Погодите-ка: послушаю... да такъ оно и есть... вѣтерокъ гуляетъ, вѣдь осень на дворѣ... непогодка. Ну, Богъ съ ней! успокоимся, братіе, и возблагодаримъ въ своемъ сердцѣ Отца Небеснаго за избавленіе насъ „отъ лукаваго“. А теперь снова начнемъ обсужденіе...

— Я такъ полагаю, старцы, продолжалъ, немного подумавъ Федоръ: грѣшники прошли и первый и второй чинъ: одинъ разъ я ихъ увѣщевалъ, а въ другой—съ Иваномъ Петровичемъ. Теперь остается обличить ихъ передъ церковью, а тамъ ужъ дальше какъ сами знаютъ. Только я потомъ не потерплю надругательства надъ памятью праведнаго человѣка.

— Почему это не потерпишь?—закричалъ опять „противникъ“ А еще старцемъ называешься, и братію ко спасенію берешь руководить... Сказано тебѣ: семьдесятъ семь разъ прости,—такъ и надо по этому наставленію дѣлать, по правилу поступать...

— Братіе, да что-жъ это такое?—змолился Федоръ Спиридоновичъ... вѣдь это—еретическія рѣчи...

— Отъ еретика слышу!—еще громче крикнулъ противникъ.

— Братіе... заговорилъ, было, Федоръ...

Но противникъ оборвалъ его:

— Братіе... братіе... ну, что, братіе? Тысячу разъ слышали мы это слово: „братіе“, а толку и не видимъ отъ тебя и не слышимъ. Ты вотъ лучше сдѣлай намъ разъясненіе на счетъ трехъ обличеній и семидесяти семи прощеній...

Федоръ молчалъ. Старики не вступались за него... Даже

затаенной радостью слушали „противника“. Каждому давно уже хотѣлось попасть въ „толкователи“, у cadaго была своя давняя мечта—сидѣть въ моленной за библіей и замѣнить Федора Спиридоновича, не въ мѣру зазнавагося и всѣмъ даваго чувствовать свое привилегированное въ общинѣ положеніе.

Наступила тяжелая минута. „Противник“, что называется, съѣдалъ глазами Федора, устремивъ на него пристальный взглядъ и не сводя съ него своего взора. Старцы молчали. Федоръ чувствовалъ, что онъ попалъ въ скверную ловушку и что теперь именно рѣшается для него вопросъ жизни и смерти. Его, очевидно, хотятъ сбить съ толку, оставить въ дуракахъ...

— А, такъ вотъ оно что? пронеслось у него въ головѣ. Меня хотятъ съѣсть? уничтожить? въ прахъ превратить, всю силу отнять? Такъ нѣтъ!.. Знайте же вы всѣ, что я живой не сдамся... не уступлю... я... я... я сумѣю повернуть дѣло въ иную сторону. Сами же вы запросите у меня прощенія...

Федоръ Спиридоновичъ забарабанилъ отъ „негодованья“ пальцами по столу и строго, „негодующимъ“ голосомъ заговорилъ, поднявшись со скамьи:

— Вы, братіе, для чего собрались сюда?—а? для чего? спрашиваю я васъ. Грѣшниковъ вразумлять, души спасать—вотъ зачѣмъ собрались, а вы только „старца“ укоряете. Я вамъ все Евангеліе изъяснилъ, а вы и доселѣ его не понимаете... О, несмысленные! о, косные сердцемъ! вы вѣчно Духу Святому противитесь. Какъ старецъ вашъ, заклинаю васъ: да изойдетъ изъ васъ духъ противленія... слышите, что я вамъ говорю? заклинаю васъ!.. Не видите развѣ, что у насъ стало твориться? Хотите, можетъ быть, чтобы зло усилилось? чтобы діаволь братство загубилъ? этого желаете, гибели нашей добиваетесь? О, люди, люди! Говорю я вамъ: бросьте свои затѣи, свое „ячество“... до добра оно не доведетъ... слышите: не до-ве-детъ!

Старцы примолкли, не столько, впрочемъ, отъ назиданія Федора Спиридоновича, сколько отъ сознанія того, что затѣвается и можетъ выйти большой скандалъ; что объ этомъ скандалѣ можетъ узнать „братство“, и сдѣлать изъ него дурной выводъ, будто старцы сами не живутъ и не могутъ жить въ согласіи, и что пора обличеній и разныхъ „удерживаній“ отъ грѣха прошла; что, наконецъ, наступило время, когда каждый можетъ жить по своей волѣ, нисколько не справляясь съ старческими совѣтами и указаніями. И вотъ почему и вышло такъ, что когда Федоръ закончилъ свою рѣчь, одинъ изъ братьевъ всталъ и заговорилъ:

— Да, конечно, не хорошо это буянство, и ничего добраго не будетъ отъ этихъ сваръ. Прекратимъ, братіе, наши словопренія и займемся дѣломъ по-Божьему, по настоящему.

Говорившій, какъ оказалось, попалъ въ свою цѣль. Всѣ молчаливо согласились съ его доводами, а Ѳедоръ Спиридоновичъ, приписавъ такой желательный для него оборотъ дѣла своимъ наставленіямъ, смягчилъ теперь тонъ, и какъ-то покровительственно, съ одной стороны, и нѣсколько занскивающе, съ другой, сказалъ:

— Вотъ это правильно... оно такъ-то лучше. Ну, такъ кто тамъ у насъ еще согрѣшилъ? кто живетъ въ беззаконіяхъ? Да вотъ еще что: надо покороче намъ говорить, а то вѣдь уже довольно позднечко, пожалуй, мы и не успѣемъ наши обстоятельства разъяснить... Иванъ Петровичъ, кажи намъ послѣдующее; только опять таки покороче: пересчитай грѣшниковъ, а беззаконія ихъ въ общихъ чертахъ изъясни...

Иванъ Петровичъ всталъ и началъ считать по пальцамъ:

— Первое было. Второе семейство—Василія Епифановича Побратова. Тѣ же грѣхи, что и у дѣтей Узенькаго, окромя того, что одинъ сынъ прогналъ отъ себя жену и взялъ себѣ любовницу... церковную актрису. Дальше, семейство Николая Ѳедоровича Усова. Живутъ всѣ распутно, одинъ сынъ его, какъ вамъ извѣстно, достукался даже до того, что въ Сибирь за „хорошія“ дѣла его сослали. Семейство Герасима Ивановича Хлѣбобѣдова. Дочь Герасима „нравственную“ жизнь ведетъ. Отецъ сначала горевалъ объ этомъ, а потомъ и самъ пошелъ по той же дорожкѣ. Семейство Василія Андреевича Штучкова. Всѣ восемь душъ во грѣхѣ живутъ. Семейство Петра Ивановича Умнова. Великъ родъ брата Петра, но всѣ много пьютъ и развратомъ занимаются, а одинъ сынокъ даже, какъ вы знаете, въ тюрьмѣ за свои мошенства на большой высиdkѣ былъ. Семейство Антона Ивановича Веретинина. Сыновья отъ ежедневнаго выпиванія драки постоянно заводятъ; вчера отца и мать поколотили. Семейство Дмитрія Кузьмича Другова. Всѣ буяны и пьяницы. Семейство Николая Андреевича Блиинькова. Отецъ, мать и дѣти вотъ уже десять лѣтъ собранія нашего не посѣщаютъ; Бога, почитай, забыли; и только вину честь отдають. Семейство Алексѣя Минаевича Одежина. Каждый почти день въ семействѣ драки. Вы, братіе, на прошломъ собраніи видѣли, какіе у брата Алексѣя и у дочерей синяки подъ глазами были. Семейство Гаврила Артемьевича Безыменнаго. Сыновья съ женами плохо живутъ. Семейство Кирилла Даниловича Сапожникова. Старикъ хорошій человекъ, но

сынъ и дочь пьяницы горькіе. Семейство Матвѣя Егоровича Калачева. Много ругаются всѣ, и при томъ самыми постыдными словами. Семейство Антона Димитріевича Кочерыжкина. Никто изъ семейства въ наше собраніе не ходитъ, не знаютъ даже, что оно такое, это собраніе. Семейство Ѳедора Александровича Перверзева. Сынъ почамп скитается, неизвѣстно, по какимъ мѣстамъ, но только не думаю, чтобы по хорошимъ... Утромъ иной разъ увидишь его, такъ на немъ и лица-то нѣтъ: такая красная и безобразная морда у него...

— О, Господи! вздохнулъ Ѳедоръ Спиридоновичъ. До чего дожили то мы! о-о-охъ, охъ, охъ! А много ли у тебя, Иванъ Петровичъ, этихъ семействъ на счету?

— Шестъдесять пять.

— Да неужто?

— Ну, что жъ тутъ необыкновеннаго? Я даже диву даюсь, что растлѣніе дальше не пошло...

— Ну, поскорѣй же исчисляй. Мы всѣхъ огуломъ на обсужденіе отдадимъ.

Иванъ Петровичъ снова принялся за свои характеристики. Только и слышалось въ ночной тишинѣ: семейство такого-то, семейство такого-то... блудники, пьяницы, воры... бунтуютъ, ругаются, драки учиняютъ, „ковзлогласованію“ предаются... Ѳедоръ Спиридоновичъ, конечно, по обычаю вздыхалъ; „братья“ старались не отставать отъ него по части выраженія своихъ ужасовъ и соболъзнованій. Только одинъ „противникъ“ не охалъ и не вздыхалъ; онъ какъ-то нервно покачивался на лавкѣ, тербилъ свою жиденькую „скобку“ и злобно посматривалъ то на Ѳедора Спиридоновича, то на его „сподручника“, брата Ивана.

Перечень грѣшниковъ и грѣховъ наконецъ былъ исчерпанъ.

— Все?—спросилъ Ѳедоръ Спиридоновичъ.

— Все,—отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Ну, братіе, теперь вы видите наши нестроенія, заговорилъ Ѳедоръ. Что-жъ предпримемъ для исправленія? Я предлагаю собрать всѣхъ и предъ всей церковью обличить... потому всѣ эти люди и одинъ на одинъ обличены, и при двухъ свидѣтеляхъ были вразумляемы.

— Да какъ же ты соберешь? замѣтилъ одинъ изъ братій. Слышалъ, что Иванъ Петровичъ говорилъ?.. Нѣкоторые братья перестали давно собраніе наше посѣщать, такъ они и теперь не пойдутъ въ него. Зачѣмъ, скажутъ, зовете насъ туда? Богу молиться?.. Намъ это не надо... мы и дома молимся. А если сказать

имъ, что есть дѣло до нихъ, такъ они потребуютъ объясненія, какое такое дѣло явилось?.. и во всякомъ разѣ не пойдутъ они... Да и другіе тоже скажутъ: знаемъ мы васъ и ваши назиданія! Помните, молъ, какъ вы брата Евтихія обличали?.. а чѣмъ ваше назиданіе окончилось? однимъ ругательствомъ и только. Тутъ и крышка всему.

— Ну, а чтожъ дѣлать?— снова спросилъ Ѳедоръ Спиридоновичъ

— Ничего... злобно вдругъ проворчалъ противникъ... „не судите, да не судимы будете“...

Проворчалъ... и остановился, но не надолго. „Противникъ“ былъ, что называется, „не въ себѣ“. Глаза его сверкали и бросали на собраніе молніи, лицо искрилось отъ злобы и негодованія. Со скатыми кулаками, подаваясь всѣмъ своимъ корпусомъ впередъ, „противникъ“ всталъ и быстро подошелъ къ Ѳедору Спиридоновичу. Все собраніе оцѣпенѣло. Въ спертomъ воздухѣ „горницы“ всѣ почували приближеніе страшной бури...

— А, такъ вотъ ты каковъ, нашъ „старецъ“ и „наставникъ“? закричалъ „противникъ“, саркастически подчеркивая эти послѣднія слова. Грѣхи чужіе обсуждать?... Язвы наружу выводить?... Да самъ-то ты каковъ!.. Кто меня обманулъ при покупкѣ моей коровы?.. ты. Кто животныхъ не милуетъ и собаку мою безъ причины убилъ?.. ты. Кто вчера жену свою въ сѣняхъ колотилъ?.. ты. Кто скаредъ и зятя своего падулъ?.. ты... Все это—ты, ты... Ну-ка отвѣчай мнѣ: какъ съ тобой надо поступить? Чему ты подлежишь за свои мошенничества и убійства? молчишь,— какъ не молчать! отвѣта негдѣ искать и защиты нѣтъ... ахъ ты, негодяище этакой !..

— Ну, а ты, братъ Иванъ, что мнѣ отвѣтствовать будешь? обратился „противникъ“ съ своей рѣчью къ Ивану Петровичу. Тоже хорошъ, гусь, ты, лапчатый. Ты зачѣмъ добрыхъ людей на мельницѣ твоего „начальника“,—противникъ кивнулъ головой въ сторону Ѳедора Спиридоновича, зачѣмъ обмѣриваешь, да муку братьевъ крадешь? зачѣмъ воруешь чужое сѣно изъ повозокъ, что на мельницу пріѣзжаютъ? А кто, отвѣть мнѣ, мою жену съ толку сбиваетъ, разныя сласти, да платки ей покупаетъ на чужія денежки? а, не ты... чего завертѣлся то, ага... вотъ она совѣсть то, видно, заговорила она тебѣ, окаянному... Но совѣсть совѣстью, а я тоже не хочу оставаться въ убыткѣ отъ тебя, срамника и мошенника, негодная тварь ты этакая!

Противникъ вытянулъ впередъ руки и „далъ кулакомъ“ нѣсколько разъ по лицу Ивана Петровича.

— Вот тебѣ разъ!.. а вот тебѣ и два!.. это тебѣ за мельницу, а это тебѣ за жену!

Все это совершилось съ быстротою молніи. Всѣ оторопѣли. Никто ничего не могъ сообразить, ничего предпринять. Но сами обстоятельства пришли „на выручку“ братіямъ. Послышались отвѣтные удары. Иванъ Петровичъ, при всей своей „правдѣ“ и всемъ своемъ „смиреніи“ началъ „тузить“ „противника“. Началось рукопашное побоище. Тутъ ужъ старцы не стерпѣли. „Христіанская“ кровь разгорѣлась. Быстро, какъ-бы по командѣ, собраніе раздѣлилось на двѣ части: одни, большинство, стали на сторону противника, другіе вступились за Ивана Петровича. Произошла общая свалка. Только одинъ Ѳедоръ Спиридоновичъ потщился удерживать и удержалъ порывы своего „праведнаго“ гнѣва: взявъ шапку и потихоньку, держась поближе къ стѣнкѣ, чтобы не попасть въ среду „лукавнующихъ“, а лучше: во избѣжаніе непріятной перспективы быть помятымъ и избитымъ, незамѣтно проскользнулъ мимо дравшихся и безъ оглядки выскочилъ изъ „горницы“. Бѣгомъ бѣжалъ онъ до своего дома, стараясь затаить свое дыханіе и отогнать отъ себя скверную мысль о погонѣ за нимъ противника, а еще болѣе о томъ, какъ *дурно производить судъ надъ людьми тому, кто самъ не знаетъ, не прочувствовалъ и совсѣмъ не имѣетъ истинно-христіанской правды...*

Миссіон. Александръ Платоновъ.

Пастырская миссія среди нижегородскихъ босяковъ.

Нижегородскіе босяки многочисленны. Въ мирное безработное время ихъ бываетъ до 4,000, въ лѣтнее еще больше. Центръ ихъ жизни—Милліонка, а въ частности—днемъ въ Пушкинской 1-й городской столовой и 2-й городской столовой, чайной „Столбы“ и другихъ чайныхъ. Здѣсь босяки могутъ получать за дешевую плату обѣдъ и чай. Ихъ ночью до 2,000 размѣщается въ Бугровскомъ домѣ, а остальные по частнымъ квартирамъ. Желая ближе ознакомиться съ бытомъ „ночлежекъ“, я обходилъ ихъ глубокимъ вечеромъ. Въ общемъ видѣнная мною картина такова: тускло горитъ лампа. Тамъ на нарахъ вмѣстѣ валяются

пьяные мужчины и женщины, здѣсь на полу подростки лихо „нажариваютъ“ плясовую, въ другомъ углу лѣтъ 7—8 ребятишки курятъ папироски, стараясь разсмотрѣть, что дѣлается на нарахъ. Тутъ же пришедшіе „гости“ не поладили и дѣло идетъ къ дракѣ, а то и дерутся; тамъ обдѣлываютъ „новичка“ пьянаго, стаскивая съ него „приличное платье“, обирая деньги, а завтра онъ уже въ рядахъ золоторотцевъ. Общая картина ужаснѣйшая: пѣсни, пляски, пьянство, самый циничный развратъ и часто смертельныя драки. Молодое поколѣніе, воспитанники такой среды, страшно развращены. Мнѣ приходилось наблюдать, напр., такую сцену. Подростки мальчишки и дѣвочки курятъ. Любезно переругиваются нецензурными словами. Затѣмъ начинаютъ безиравственную игру. Подхожу. Начинаю уговаривать. Слышу самый спокойный отвѣтъ: „а развѣ это худо; вѣдь у насъ въ квартиркахъ все такъ“. Вотъ въ какой нравственной атмосферѣ растетъ дѣтвора Милліонки. Сердце изстрадается, глядя на нихъ. Но они еще не потеряны для спасенія, еще не погибли безвозвратно. Христосъ и сейчасъ зоветъ ихъ къ себѣ: „прійдите ко Мнѣ, вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою васъ, ибо я пришелъ не праведныхъ спасать, а грѣшниковъ“, такъ какъ не здоровые нуждаются во врачѣ, а болящіе.

Нашъ архипастыръ съ первыхъ же дней своего пасенія нижегородской паствы обратилъ вниманіе на Милліонку. Съ цѣлю ея религиозно-нравственнаго просвѣщенія, по его инициативѣ и указанію, основано церковное попечительство при Живоносницкой церкви, которое, между прочимъ, устраиваетъ церковную школу съ пріютомъ для дѣтей Милліонки. Одновременно съ симъ преосвященный Назарій призналъ благовременнымъ и необходимымъ, чтобы въ средѣ босяковъ началась евангельская проповѣдь. Я испросилъ архипастырское благословеніе и разрѣшеніе приступить къ дѣлу. Страшно было, пугали меня золоторотцами. Однако, 29 декабря 1901 г. я пошелъ. Вхожу въ Пушкинскую городскую столовую. Вижу массу оборванцевъ. Прохожу среди нихъ,—никакого вниманія. Ну, думаю, правы тѣ, кто говорилъ, не стоитъ съ босяками бесѣдовать. Ставятъ амвонъ, зажигаютъ лампаду—я волнуюсь; отъ такихъ оборванцевъ, — пролетаетъ въ мысли, возможны всякія выходки. Вхожу на амвонъ и, крестясь говорю: во имя Христа Спасителя, позвольте съ вами побесѣдовать, дорогіе братья. И замолкъ. Вотъ, думалось мнѣ, вачнутся дикіе крики: не желаемъ, не нужно намъ вашей бесѣды. Но этого, слава Богу, не оказалось. Душа ихъ потянулась къ Свѣту Христову. „Весьма рады, глубоко благодарны вамъ, ба-

тѣшка, пожалуйста, побесѣдуйте съ нами. Мы думали—совсѣмъ заброшены, о насъ никто не думаетъ... Просимъ, пожалуйста, просимъ“.

Этотъ отвѣтъ совершенно разсѣялъ всѣ мои опасенія.

Дорогіе братья!—сказалъ я имъ. Первые христіане всѣ пѣли за своими богослуженіями. Общее пѣніе будить душу отъ сна грѣховнаго, размягчаетъ ее, располагаетъ къ молитвѣ. Попоемъ и сейчасъ всѣ Господу Богу, помолимся Ему предъ началомъ нашего благого дѣла.

Я началъ „Царю Небесный“. Тихо, робко, неувѣренно присоединились ко мнѣ. Пропѣли разъ.

„Дорогіе братья, говорю я имъ, вѣдь ангелы воспѣваютъ Христа Спасителя на небѣ, святые славословятъ и намъ грѣшнымъ на землѣ надо уподобляться имъ въ этомъ воспѣваніи. Пропойте смѣло, дружно, помните, что Господу поете, а Онъ слышитъ и видитъ ваше усердіе“. Я началъ опять „Царю Небесный“.

Босяки подхватили, именно подхватили. Какъ будто бы что ихъ удерживало, не давало силы и смѣлости голосу и это что-то вдругъ пропало, почувствовалось облегченіе, смѣлость, увѣренность и они запѣли. О! этотъ незабвенный первый опытъ общаго церковнаго пѣнія! Нѣсколько сотъ сильныхъ мужскихъ голосовъ производили сильное, величественное впечатлѣніе своимъ пѣніемъ. Пропѣли нѣсколько молитвъ. И чѣмъ болѣе пѣли, тѣмъ болѣе, казалось мнѣ, проникались они молитвеннымъ настроеніемъ, хотя немного уносились отъ страшной дѣйствительности горѣ, на небо, къ Богу. Потомъ былъ отслуженъ молебень. Помянуты предстоящіе и молящіеся. Послѣ молебна обратился я къ моимъ новымъ слушателямъ со словомъ проповѣди.

„Дорогіе мои братья. Нашъ милостивый архипастырь, желая вамъ духовнаго спасенія, благословилъ мнѣ начать среди васъ бесеѣды. И вотъ мы нынѣ полагаемъ начало имъ. Слава Богу! Я такового начала никакъ не ожидалъ. Вы глубоко меня обрадовали вашимъ сердечнымъ участіемъ въ сегодняшней молитвѣ. Видно, что душа у васъ не пропала еще, она жаждетъ утѣшенія Евангельскимъ словомъ, нуждается въ молитвахъ св. Церкви и собственныхъ. Видно, что она, находясь въ странѣ далекой—грѣховной, среди пьянства и разврата истосковалась, изболѣлась, измучилась. Ей нуженъ утѣшитель и цѣлитель. Духъ Святой—вотъ кому надо молиться и просить, чтобы Онъ пришелъ и вселился въ насъ, какъ мы и пѣли сегодня, и чтобы съ Его божественною помощью возможно было намъ измѣнить жизнь свою. Это не слова, дорогіе мои, а можетъ быть дѣломъ. Отъ васъ за-

виситъ желаніе этой новой разумной христіанской жизни, молитвы объ ней, а Господь всегда съ объятіемъ встрѣчаетъ кающихся грѣшниковъ. Вѣдь Онъ пришелъ спасти не праведниковъ, а грѣшниковъ, всѣхъ безъ изъятія, пожелавшихъ сего спасенія. И радость на небѣ о единомъ грѣшникѣ кающемся бываетъ болѣе, чѣмъ о 99 праведникахъ. Вотъ какъ Господь любитъ насъ, вотъ какъ дорого ему наше спасеніе: все небо—всѣ святые, всѣ ангелы во главѣ съ Матерью милосердной Заступницей рода христіанскаго Пресвятой Богородицей радуются о нашемъ обращеніи. Что же мы, дорогіе братья, неужели не воспользуемся даннымъ временемъ для спасенія? Будемъ просить Его божественной помощи, будемъ Ему молиться, Онъ поможетъ намъ: „Просите, говорить Господь во св. Евангеліи, и будетъ вамъ дано, ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ“.

„Приучайте себя къ молитвѣ — это царица добродѣтелей... О! дивное, несказанное твое челоуѣколюбіе, Господи, о! сладчайшая Твоя любовь къ падшему челоуѣку, о! безмѣрное Твое милосердіе къ намъ грѣшнымъ! Согрѣй, Господи, наши сердца любовью къ Тебѣ, помоги намъ молиться Тебѣ, помоги любить Тебя, помоги послужить Тебѣ, помоги принять Тебя въ тѣлѣ и крови Твоей, умереть съ Тобою, возстать въ славу Твоей и вѣчно быть во Царствіи Твоемъ... Я кончилъ слово. Попоемъ теперь Царицу Небесной, сказалъ я, неусыпной молитвенницѣ о насъ грѣшныхъ“. Запѣли: „Милосердія двери отверзи намъ“ и другія.

Милосердная Заступница,—такъ молилъ я вмѣстѣ съ святи-телями Владычицу Усердную,—эти люди нуждаются въ особенной Твоей помощи и молитвѣ. Я вѣрю, что Ты всегда, какъ и сейчасъ молишься объ нихъ. Тебѣ дороги они, какъ дѣти твои. Помоги и мнѣ, недостойнѣйшему пастырю, полюбить ихъ искреннею, чистою любовью, помоги душевно бесѣдовать съ ними, чаще молиться за нихъ и съ ними, сродниться съ ними, какъ съ дѣтьми.

Кончилось пѣніе. Теперь, дорогіе мои, послушаемъ св. Евангелія о рожденіи Христа Спасителя и побесѣдуемъ о семъ,—сказалъ я. Послѣ бесѣды торжественно пропѣли кондакъ Рождеству Христову „Дѣва днесъ“. Батюшка, говорили послѣ бесѣды бо-сяки, мы не знаемъ, какъ отблагодарить васъ, пошли, Господи, вамъ здоровья, много лѣтъ здравствовать преосвященному владыкѣ за его заботы о насъ. Еще просимъ милости пожаловать...

Вотъ они, думалъ я, заброшенные, страшные, оборванные, грязные, нечесанные, а какъ жаждутъ пастырскаго слова, какъ слушаютъ его. Вотъ обширная нива для разработки. Ушелъ я утомленный физически, но бодрый, радостный духомъ; чувство-

валось такъ, какъ будто я приобрѣлъ что-то великое, новое, безцѣнное, несравнимое, что и тати не похищаютъ и моліе не поѣдаетъ.

Послѣдующія собесѣдованія всегда сопровождались молебномъ съ общенароднымъ пѣніемъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ ближе я знакомился съ своимъ слушателями. Какихъ только званій и сословій не приходилось встрѣчать: и интеллигентные, и дворяне, и духовные, и простые—всѣ здѣсь, среди босяковъ, всѣ равны, всѣ истомлены душой, всѣ нуждающіеся въ духовномъ утѣшеніи. Всякое новое знакомство открывало новую душевную драму, новыя тяжкія, глубокія скорби. Казалось, что здѣсь, среди босяковъ, неисчерпаемое море страданій. Но открылась и та истина, что они почти порвали всякую молитвенную связь съ Богомъ, почти не молятся Его Пречистой Матери и святымъ, давно не участвуютъ въ св. Таинствахъ покаянія и причащенія, чѣмъ, конечно, лишили себя божественной благодатной помощи. „Нѣтъ, ужъ нашу молитву Богъ не услышитъ и не приметъ, иначе и думать нельзя. Мы пропащіе люди“.—Вотъ основной тонъ ихъ разсужденій и къ великому прискорбію онъ красною нитью проходитъ во всей ихъ босяческой жизни“. Нѣтъ, говорятъ они, наша пѣсня спѣта. Все кончено, только остались: „смерть и адъ“—эту мысль старые внушаютъ молодымъ и, усвояемая ими, она становится своеобразнымъ ихъ нравственнымъ правиломъ. Попятно теперь станеть, съ какимъ радостнымъ изумленіемъ босяки стали слушать Евангельскую проповѣдь о неизреченномъ милосердіи Божіемъ, о спасеніи грѣшниковъ, о постоянномъ зовѣ Спасителя въ свое небесное царство. Заволновалась душа, хотя первое время и у немногихъ. Началась борьба. Проснулся христіанинъ. Захотѣлось быть ближе къ Богу, примириться съ Нимъ, облегчить себя, почерпнуть силы на служеніе Ему. Скоро кстати и постъ насталь.

Дорогіе братья мои! Желаетъ-ли кто изъ васъ этимъ св. постомъ исполнить христіанскій долгъ говѣнія?—Хотимъ, хотимъ, батюшка, воскликнуло сотни три.—Владыка преосвященный Назарій благословляетъ намъ молиться въ своей архіерейской Никольской церкви.—Глубоко благодарны милостивому владыкѣ.

Началось говѣніе. На первую недѣлю отозвалось сто чело-вѣкъ, но это было своего рода исповѣдничество, такъ какъ со стороны закоснѣлыхъ товарищей приходилось имъ выносить много насмѣшекъ, а съ другой стороны большая матеріальная жертва—вѣдь, они стояли утреню, часы и вечерню въ такое время, когда ихъ товарищи были на охотѣ по добыванію хлѣба. Приходили

говѣющіе всѣ къ началу; благоговѣнно молились, сами читали, сами пѣли, а знакомыя пѣснопѣнія пѣли общимъ пѣніемъ. Всякое богослуженіе сопровождалось бесѣдой. Все вмѣстѣ придавало нашей семьѣ духовный, молитвенный, сердечный характеръ. Я видѣлъ, что я становился въ ихъ глазахъ ихъ *собственнымъ пастыремъ, духовнымъ отцемъ, батюшкой*. Несомнѣнно — говѣніе, хожденіе во св. храмъ воскрешало въ ихъ сознаніи далекое, родное прошлое, когда они среди своей семьи исполняли этотъ святѣйшій христіанскій долгъ. И Богъ знаетъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ сихъ добрыхъ благодатныхъ минутъ въ душѣ началъ совершаться благодатный переворотъ—идти къ семьѣ своей и сказать: согрѣшилъ предъ Богомъ и вами. Простите меня...

Свыкались со мною, свыкались и съ храмомъ. Ахъ, какъ босяки рады были, что они могли смѣло идти въ храмъ и тамъ помолиться. А когда, въ какой часъ завтра у насъ служба?—спрашиваетъ какой-нибудь босякъ. И видно, какъ при словѣ „у насъ“ онъ весь словно просвѣтлѣетъ. И это вѣрно, такъ какъ только духовная пища, слово Евангельское, молитва, св. храмъ, Св. Таинства могутъ возродить босяка, могутъ обновить его, вернуть къ разумной христіанской жизни.

Въ храмѣ Божиѣмъ, говорятъ босяки, мы стоимъ съ радостію. Чувствуется, что Господь здѣсь. Вотъ и исповѣдь. Опять душа болѣла сомнѣніемъ, ну, думаю, подойдутъ къ аналою, будутъ молчать, или говорить „грѣшенъ“ безъ всякаго смысла, и въ этомъ пройдетъ вся исповѣдь. Начинаютъ подходить исповѣдываться. Боже мой! Смотря въ глаза многихъ, думалъ я, что я вижу въ нихъ,—вижу слезы радостныя, чистыя, дорогія, покаяныя слезы. О! какая радость на небѣ о покаяніи не одного, а многихъ! Господи, шепчетъ умилившійся исповѣдникъ, прости мои безмѣрныя согрѣшенія, прости мое долгое неговѣніе, все прости, все покрой своимъ милосердіемъ, своею любовію! Я чувствую, я вѣрую, что Ты здѣсь со мною грѣшнымъ, принимаешь исповѣданіе мое! О, Премилосердый Господи! Прости, помилуй меня!.. А слезы, между тѣмъ, одна за одной все чаще и чаще бѣгутъ изъ очей, все неудержимѣе льются, омывая грѣховную грязь души.

Сколько за этотъ краткій мигъ передумано, перечувствовано, пережито. А вѣдь не одинъ такъ исповѣдывался, такъ искренне горячо плакалъ о грѣхахъ своихъ, а большинство да еще такое, которое не говѣло по нѣскольку лѣтъ. Въ общемъ не говѣли болѣе всего отъ 10 до 25 лѣтъ.

Я самъ переживалъ за время исповѣди босяковъ незабвенныя,

дорогія, свѣтлыя минуты. О! если бы съ такимъ мытаревымъ смиреніемъ исповѣдывались и не босяки,—сколько бы тогда было доброй, христіанской молитвенной жизни!

Кончилась исповѣдь. Завтра радостный свѣтлѣйшій пасхальный день для моихъ духовныхъ чадъ. Стараюсь приготовить ихъ краткой бесѣдой. Поюмъ заключительную молитву „Достоинство“ и расходимся.

Суббота. Еще сущей тьмѣ, подхожу къ храму, а тамъ уже стоятъ говѣльщики. Началась литургія. Иконы ярко освѣщены купленными говѣльщиками свѣчами. Усердно молятся. Поютъ знакомыя пѣснопѣнія всѣ. Пѣніе особенно воодушевленно и молитвенно. Вотъ возглашеніе: „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите“—всѣ на колѣнахъ.

Кратко объясняю святость и спасительность св. причащенія. Благословѣнно подходятъ. Опять вижу слезы радостнаго, счастливаго умиленія. Общее настроеніе радостное, умиротворенное. Всѣ поютъ „Тѣло Христово пріимите“—это еще болѣе разогрѣваетъ благодатное настроеніе.

Какъ бы хорошо было, если бы въ приходскихъ храмахъ причастники подпѣвали или пѣли этотъ умилительный церковный стихъ „Тѣло Христово пріимите“, тогда бы не стало разговоровъ и скуки при ожиданіи конца причащенія.

Прочитали благодарственную молитву. Я поздравилъ ихъ съ свѣтлымъ праздникомъ духовнаго Воскресенія. Они сердечно благодарили и особенно преосвященнаго владыку Назарія, котораго потомъ депутація отъ босяковъ лично благодарила.

Въ такомъ видѣ были мои пастырскія отношенія къ духовнымъ дѣтямъ босякамъ за истекшіе годы. Всего было исповѣдаво и причащено до 700 человѣкъ.

Свящ. А. Троицкій.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда со старообрядцемъ австрійскаго толка по вопросу „Содержитъ ли пр. Церковь ересь Люциферіанскую, или нѣтъ?“¹⁾

Такимъ образомъ, мы показали, что Церковь не всегда, принимая крещеніе, принимала и хиротонію. Все зависитъ отъ усмотрѣнія Церкви: она можетъ признать и хиротонію еретиковъ, можетъ и не признать: а это показываетъ, что вопросъ о чинопріемѣ еретиковъ—вопросъ не догматическій и Церковь его рѣшала, смотря по обстоятельствамъ, такъ или иначе.

В) Посмотрите, какъ Церковь поступала съ еретиками, при принятіи ихъ въ свое лоно.

68 Апостольскимъ правиломъ предписывается принимать въ пр. Церковь въ качествѣ простыхъ мірянъ всѣхъ клириковъ, рукоположенныхъ еретиками на томъ основаніи, что „крещеннымъ, или рукоположеннымъ отъ таковыхъ, ни вѣрными, ни служителями Церкви быти невозможно“. Толкуя это правило, Зонара говоритъ: „рукоположенныхъ еретиками вновь рукополагать нѣтъ опасности“ (Полн. Кормч. 126 стр.).

Очевидно, что, на этомъ-же основаніи, въ 3 вѣкѣ Церкви Африканскія и Малоазійскія, во главѣ со св. Кипріаномъ, такъ и поступали. Такъ, св. Кипріанъ въ письмѣ къ папѣ Стефану писалъ: „пресвитеровъ и діаконовъ, которые, или бывъ рукоположены сначала въ католической Церкви, въ послѣдствіи времени сдѣлались измѣнниками и возмутителями противъ Церкви, или-же у еретиковъ лжеепископами и антихристами, вопреки распоряженію Христову, нечестивымъ рукоположеніемъ поставлены, и на перекоръ единому и божественному алтарю старались приносить на сторонѣ ложныя и святотатственные жертвы, что и ихъ, когда обращаются, надобно принимать подъ тѣмъ

1) См. „Мисс. Обозр.“ кн. 2-я 1905 г. стр. 329.

условіемъ, чтобы они допускались къ общенію, какъ простыя міряне. Довольно съ нихъ и того, что, бывши врагами мира, они приемятъ миръ; но никакъ не слѣдуетъ оставлять при нихъ, по возвращеніи къ намъ, тѣ оружія рукоположенія и чести, коими они противъ насъ воевали... Довольно такимъ людямъ, при обращеніи ихъ, дать одно прощеніе; но отнюдь не слѣдуетъ въ домѣ вѣры возвышать вѣроломство. Ибо если мы почтимъ тѣхъ, кои отошли отъ насъ и возстали противъ Церкви, то что-же оставимъ у себя для добрыхъ и невинныхъ, не отпадающихъ отъ Церкви“? (Твор. Кипр. т. 1, 59 письмо къ папѣ Стефану о соборѣ).

Въ приведенныхъ нами словахъ св. Кипріанъ излагалъ папѣ Стефану не личное свое мнѣніе, а опредѣленіе цѣлаго собора Африканскаго, происходившаго въ 255 г. въ присутствіи 71-го епископа (См. прибавл. къ твор. св. отцовъ, ч. 15, 574—575 стр.).

Въ 256 г. Кипріанъ снова, для рѣшенія вопроса о способѣ принятія еретиковъ въ Церковь, созываетъ соборъ, на которомъ было 87 епископовъ. Присутствовавшіе на этомъ соборѣ отцы признали недѣйствительнымъ рукоположеніе внѣ единой истинной Церкви: „у еретиковъ все совершается ложно, писали отцы... обязанности священниковъ исправляетъ нечестивецъ, приступаетъ къ алтарю святотатецъ... Настоятели діавола дерзаютъ совершать евхаристію... а потому тѣхъ изъ нихъ, которые кажутся рукоположенными, слѣдуетъ принимать въ качествѣ простыхъ мірянъ“ (См. о правил. и чинопослѣд. епископа Сергія; стр. 134).—Съ этимъ опредѣленіемъ согласны были и епископы Малой Азіи, которые еще прежде, на Иконійскомъ соборѣ, постановили: хиротонію еретиковъ не признавать за дѣйствительную (Церк. Ист. Евсевія кн. 7, гл. 5 и 7; Твор. Кипріана т. 1, стр. 324—338 по перв. изд.). Впрочемъ, разсуждая такъ о хиротоніи еретиковъ, св. Кипріанъ свои постановленія не считалъ за обязательный законъ для всей Вселенской Церкви и писалъ: „Въ этомъ дѣлѣ мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что всякій предстоятель свободенъ управлять своею церковью по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу“ (письмо 59), показывая этимъ такимъ образомъ, что вопросъ этотъ не догматическій и состоитъ въ волѣ Церкви, въ усмотрѣніи даже мѣстнаго епископа.

Римская Церковь, во главѣ съ папами Корниліемъ и Стефаномъ, принимала тѣхъ-же еретиковъ, о которыхъ писалъ и Кипріанъ, иначе: какъ крещеніе, такъ и хиротонію принимала; тѣмъ не менѣе Церкви Карфагенская и Римская пребывали въ общеніи „мняще сіе мудрствованіе свое вольное быти, противнаго-же не вмѣняху въ ересь“ (Бароній 258 л., 1—4 числа; Евсевій „Церк. Ист.“, кн. 7, гл. 2, 3 и 7).

На соборѣ Римскомъ Церковь отлучила Новата и его послѣдова-

телей, хиротонію его и его послѣдователей отвергла, хотя Новаѣ для рукоположенія его обманомъ и насиліемъ употребилъ епископовъ, неотлученныхъ даже отъ Церкви. Даже епископовъ, рукоположившихъ Новаѣ и покаявшихся, Церковь не приняла въ сущемъ санѣ, а вступила въ общеніе съ однимъ изъ нихъ „какъ міряниномъ“, а двухъ не только лишила епископства, но и отлучила отъ единенія съ собою (Евсевій, „Церк. Ист.“ кн. 6, гл. 43).

Первыѣ же Всел. соборъ 8 правиломъ постановилъ принимать Новаѣанъ, только по возложеніи на нихъ рукъ, въ прежнихъ степеняхъ священства (8 пр. 1 Вс. соб.). Мѣстныя условія и польза самой пр. Церкви имѣли большое значеніе, при рѣшеніи вопроса о способѣ приема еретиковъ въ пр. Церковь. Такъ, хотя епископы западныхъ церквей, особенно Римской и Медиоланской, не соглашались признавать священство у Донатистовъ и опредѣлили тѣхъ изъ нихъ, которые обращаются къ пр. Церкви, снова рукополагать, при поставленіи въ клиръ, но Африканская церковь, не въ противность западной, а по особеннымъ своимъ обстоятельствамъ (Африка имѣла великій недостатокъ въ клирикахъ), рѣшила оставлять клириковъ Донатистовъ въ ихъ степеняхъ и сопричислять къ православному клиру (79 пр. Карфаг. соб. и толк. Вальсамона по полн. Кормч.).

Такъ принималъ Донатистовъ и бл. Августинъ, т. е. принималъ Донатистскихъ клириковъ въ прежнемъ ихъ санѣ, хотя и писалъ, что „по порядку этого не должно быть, но Церковь вынуждается къ тому любвеобильными заботами о спасеніи Донатистовъ“. И, дѣйствительно, мы видимъ, что, принимая однихъ въ сущемъ санѣ, другихъ Августинъ принималъ въ общеніе—какъ простыхъ мірянъ (См. „Расколъ Донатистовъ“—Кутенова; стр. 119, 120, 123, 259), чѣмъ ясно показывалъ, что вопросъ этотъ не догматическій и зависѣлъ отъ воли и благоусмотрѣнія Церкви. Въ восточныхъ церквахъ повторяли рукоположеніе надъ арианскими клириками при обращеніи ихъ въ Церковь (см. у Иоанна Смоленскаго—т. 1, стр. 217),—на западѣ-же, на соборѣ Толедскомъ, бывшемъ въ 589 г., приняты были торжественно въ сущемъ санѣ 8 арианскихъ епископовъ съ своимъ митрополитомъ и множествомъ низшаго духовенства (лѣтопись Арсенія, 237 стр.).

Папа Иннокентій I въ посланіи къ епископамъ Македоніи утверждалъ, что Римская Церковь съ давнихъ временъ не признаетъ дѣйствительности еретическихъ рукоположеній, указывая на то, что не воѣ помѣстныя церкви его времени держались въ этомъ отношеніи одинаковыхъ воззрѣній. По его свидѣтельству, Анизій, епископъ Фессалоникійскій, съ другими епископами Иллирії и Македоніи пришли къ такому рѣшенію, чтобы, въ видахъ устраненія большаго раздѣленія и соблазна, принимать духовныхъ лицъ, рукоположенныхъ еретиче-

скимъ епископомъ Бонозомъ, въ ихъ санахъ, т. е. признавая такимъ образомъ совершенныя имъ рукоположенія дѣйствительными; да и въ самой Римской Церкви папа Стефанъ, какъ-то мы видѣли, проповѣдывалъ снисходительное отношеніе къ совершаемымъ у еретиковъ таинствамъ (см. у Соколова „Іерархія Англик. Церкви“ стр. 305 и 323).

Св. Аѳанасій Великій на вопросъ епископа Руфиніана: какъ принимать клириковъ, впадшихъ въ ересь и снова обратившихся къ пр. Церкви, далъ такой отвѣтъ: „падшихъ и защитниковъ злочестія прощать, если покаются, но не давать имъ мѣста въ клирѣ, а о тѣхъ, которые не первенствовали въ злочестіи, но были увлечены нуждою и сильно, рѣшено—какъ давать имъ прощеніе, такъ и имѣть мѣсто въ клирѣ, тѣмъ болѣе, что они представляли достойное вѣроятія оправданіе и это было съ ними, повидимому, не безъ особаго Божія смотрѣнія“ (Твор. т. 3, 373—374 стр.). Толкователи замѣчаютъ, что Аѳанасій рассуждаетъ въ этомъ посланіи исключительно объ аріанахъ и различаетъ между ними, съ одной стороны, самовольно отпадшихъ въ ересь и бывшихъ защитниками и распространителями ея ученія, съ другой,—увлеченныхъ въ ересь нуждою и насиліемъ; первымъ не давать мѣста въ клирѣ, а послѣднимъ возвращать священство по принятіи отъ нихъ достойнаго покаянія (см. полн. Кормч. 132—133 стр.). Жившій-же послѣ Аѳанасія—Ѳеофилъ Александрійскій въ своемъ постановленіи къ Аммону писалъ, чтобы „священно-служителямъ, перешедшимъ въ общество еретиковъ (Аріанъ), не возвращать прежнихъ мѣстъ при церквахъ, а только принимать ихъ въ церковное общеніе, на ихъ прежнія мѣста поставлять православныхъ“ (Опытъ курса Церк. Законовѣд. I. Смоленскаго, т. 2, 120 стр.); слѣдовательно, Ѳеофилъ не только отвергалъ рукоположенныхъ еретиками, но и вступившихъ съ аріанами только въ общеніе принималъ, какъ мірянь.

Св. Василій Великій, какъ это видно изъ перваго правила его, не признавалъ рукоположенія Новатіянъ и объ еретикѣ Фронтонѣ, рукоположенномъ Аріанами, писалъ: „не признаю епископомъ и не причисляю къ іереямъ Христовымъ того, кто оскверненными руками къ разоренію вѣры возведенъ въ начальники... Пусть никто (изъ аріанъ) не обнадеживаетъ себя принятіемъ въ общеніе и пусть пріявшіе отъ нихъ возложеніе рукъ не домогаются по возстановленіи мира, чтобы и лъ причислили къ священному сонму“ (Твор. т. 7, стр. 173—174). Но свои правила св. Василій В. не выдавалъ за безусловно обязательныя, и нерѣдко соглашался съ тѣми, кто дѣйствовалъ иначе (Твор. его, т. 7, стр. 68). Такъ онъ и самъ принималъ Зоина и Саторнина, рукоположенныхъ Аріанами (Созоменъ кн. 1, гл. 15; кн. 2, гл. 27; кн. 4, гл. 28 и 1 пр. Вас. Вел.); и соглашался принять единомышленниковъ еретика Евстафія, если тѣ представляютъ *только* письменное отреченіе

отъ своихъ заблужденій (Твор. его, т. 7, 201 — 202 стр.); также разсуждалъ онъ относительно послѣдователей еретика Маркелла (Твор. его, т. 7, 234—240 стр.).

Третій Всел. соборъ, осуждая Несторіанскую ересь, постановилъ: „всѣ клирики, держащіеся Несторіева ученія, должны быть чуждыми священства и низверженными съ своей степени (пр. 1, 2 и 4; „Синтагма“ стр. 21); шестой-же Всел. соборъ 95 правиломъ опредѣлилъ уже принимать Несторіанъ въ Церковь только простымъ чиномъ, чрезъ проклятіе ереси и ересіарховъ, слѣдовательно, съ сохраненіемъ степеней священства. Въ 1301 г. Патріаршія Константинопольскія соборъ опредѣлилъ иной, чѣмъ на 6 Всел. соб., способъ принятія Несторіанъ: именно, когда Феогностъ, епископъ Сарайскій, предложилъ вопросъ о томъ: „приходящихъ отъ несторіанъ Яковитовъ—какъ надлежитъ крестить“? Соборъ отвѣтилъ: „подобаетъ ему (обращающемуся) проклясти свою вѣру и учителя свои, и помазанный миромъ да причтется къ правой и благочестивой вѣрѣ“ (О правилахъ и чинослѣд. еп. Сергія—209 стр.).—Слѣдовательно, соборъ 1301 г. постановилъ принимать Несторіанъ не третьимъ уже чиномъ, какъ-бы нужно было по 95 пр. шестаго Всел. собора, а вторымъ чиномъ, чрезъ миропомазаніе, и, конечно, безъ сохраненія уже степеней священства. Седьмой Всел. соборъ, во главѣ съ патріархомъ Тарасіемъ, принялъ въ общеніе иконоборческихъ клириковъ въ сущемъ санѣ,—но когда иноки заявили п. Тарасію, ссылаясь на св. Василія Великаго, что онъ отвергалъ хиротонію еретиковъ, Тарасій сказалъ: „и я отвращаюсь отъ хиротонисанныхъ съ этою именно цѣлью, то-есть на подрывъ вѣры; въ особенности-же, если были и православные епископы, отъ которыхъ можно было получить хиротонію. Такова отеческая мысль! Сказавъ это, Тарасій добавилъ: „Если-же кто дерзаетъ принять хиротонію отъ отлученныхъ еретиковъ, по провозглашеніи соборнаго опредѣленія и единомысленнаго мнѣнія церковей относительно православія, то подлежитъ низложенію“ (Дѣян. Всел. соб. т. 7, по изд. 1891 г., 61 стр.). Слѣдовательно, все зависитъ отъ усмотрѣнія Церкви и ея архипастырей.

Армянъ, какъ свидѣтельствуесть Тимоосій пресвитеръ, въ нѣкоторыхъ церквахъ принимали чрезъ миропомазаніе, вторымъ чиномъ, а въ другихъ церквахъ, въ одно и то же время, „Арменовъ совершенно крещаху“, т. е. принимали перымъ чиномъ (Слав. Кормч. 636 и об. л.). И такъ, мы видимъ, что въ различное и даже въ одно и то же время способы принятія неправославныхъ клириковъ въ пр. Церковь были неодинаковы, при чемъ Церковь и ея архипастыри, судя по обстоятельствамъ времени, пользовались то однимъ, то другимъ чинопріемомъ и никто никогда, кромѣ развѣ еретиковъ, не укорялъ, не порицалъ Церковь за это.

Слѣдовательно, если и пр. Церковь принимаетъ вашихъ клириковъ не въ сущемъ санѣ, а какъ мірянъ, она не погрѣшаетъ ни противъ отеческаго, ни противъ соборнаго ученія; отсюда—странно и ни съ чѣмъ несообразно обвиненіе ваше въ содержаніи ея, якобы, ереси Люциферіанской.

Странно тѣмъ болѣе слышать отъ васъ это обвиненіе, что ваши епископы даже и не обращались съ просьбой къ нашей пр. Церкви о принятіи ихъ въ общеніе съ нею въ сущихъ санахъ... Пусть ваши епископы соберутся всѣ, пусть они представляютъ свое письменное отреченіе отъ заблужденій раскола, признавъ Церковь нашу—единой, святой, соборной и апостольской Церковью; пусть просятся принять и ихъ въ общеніе и тогда она, какъ мудрая и попечительная мать, рѣшитъ вопросъ,—какъ вашихъ клириковъ принять... Она можетъ, по снисхожденію, принять и въ сущемъ санѣ,—можетъ, если сочтетъ нужнымъ, и отвергнуть хиротонію.

Г) Перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу: когда писалъ св. Златоустый 11-е правоученіе на посланіе къ Ефесянамъ и справедливо-ли мы, на основаніи его, обвиняемъ васъ?

Исторія раскола и раздѣленія въ Антиохіи такова: въ 330 г. аріанами низложенъ былъ и сосланъ защитникъ Никейской вѣры Евстаѳій, еп. Антиохійскій (Сократъ кн. 1, гл. 24; Созомень кн. 2, гл. 18—19; Θεодоритъ кн. 1, гл. 21—22). Съ тѣхъ поръ епископскую кафедру въ Антиохіи занимали Евсевіане. Одна часть православныхъ, съ духовенствомъ, осталась вѣрна Евстаѳію, порвала всякое общеніе съ арианствующими епископами, составила особую общину и, имѣя во главѣ только пресвитеровъ, собиралась отдѣльно; ихъ называли Евстаѳіанами (Θεодоритъ, кн. 1, гл. 22). Въ 360 г. аріане въ Антиохіи поставили епископомъ Мелетія, считая его за арианина; но Мелетій оказался строго православнымъ (Бароній 360 л., числа 10—12; Созомень кн. 4, гл. 28). Тогда аріане низвергли Мелетія и на его мѣсто поставили Евзаія (Бароній 360 л. число 11; Θεодоритъ кн. 2, гл. 31). Въ это время часть православныхъ, бывшихъ приверженцами Евстаѳіа, призвала Мелетія своимъ епископомъ, но другая часть Евстаѳіанъ не желала признать Мелетія своимъ епископомъ на томъ основаніи, что онъ де былъ поставленъ ранѣе аріанами, и продолжала устраивать отдѣльныя свои собранія, подъ руководствомъ пресвитера Павлина (Θεодор. кн. 5, гл. 3). Такимъ образомъ, православные въ Антиохіи раздѣлились на двѣ партіи; произошелъ расколъ, называемый Мелетіанскимъ.

Александрійскій соборъ, по предложенію Аванасія, для примиренія той и другой партіи послалъ въ Антиохію епископовъ — Евсевія Вержеленскаго (Бароній 362 л., 23 число), Астерія, Петрскаго, приказавъ имъ, съ отбывшимъ туда немного ранѣе Люциферомъ,

изыскать мѣры для соединенія православныхъ. Но попытка эта не удалась. Дѣло въ томъ, что когда прибылъ въ Антиюію Евсевій, то нашелъ уже, что Люциферъ, вставъ на сторону Евстаѳіана, Мелетія не призналъ законнымъ епископомъ и еще прежде, чѣмъ послѣдній возвратился изъ ссылки, рукоположилъ Павлина въ епископа (Бароній 362 л. 24 число; Созомень кн. 5, гл. 12; Сократъ кн. 3, гл. 1; Θεодоритъ кн. 3, гл. 4—5).

Съ возвращеніемъ Мелетія изъ ссылки, въ Антиюію оказалось такимъ образомъ два православныхъ епископа—Мелетій и Павлинъ, и одинъ арианствующій. Евсевій, кротно выразивъ свое сожалѣніе о рукоположеніи Павлина, немедленно оставилъ Антиюію. Своенравный и пылкій Люциферъ, узнавъ, что Евсевій не одобрилъ рукоположеніе имъ Павлина, принялъ это за личную обиду, сильно разгнѣвался и рѣшился не имѣть съ нимъ общенія (Сократъ, кн. 3, гл. 9); къ тому-же, недовольный постановленіемъ Александрійскаго собора о приѣмѣ падшихъ епископовъ въ пр. Церковь въ сущемъ санѣ, онъ отвергъ постановленіе собора и, по возвращеніи въ свою епархію, произвелъ новый расколъ на томъ началѣ, что никто изъ подписавшихъ символъ Римнійскій не долженъ быть допускаемъ вновь къ общенію въ савахъ (Бароній 362 л. 24—26 числа; Сократъ кн. 3, гл. 9).

Значительное число приверженцевъ у Люцифера было въ Испаніи и Италіи. Въ Римѣ былъ у нихъ особый епископъ (Руфинъ кн. 1, гл. 39; „Ист. Церкви“ Вл. Гете, т. 3, гл. 5).

Расколъ-же въ Антиюіи продолжался.

Павлинъ съ своими приверженцами собирались особо, имѣя внутри города одну маленькую церковь,—а Мелетій съ св. ей паствой дѣлалъ собранія за городскими воротами (Сокр. кн. 3, гл. 9; Созом. кн. 5, гл. 13). Западные епископы стояли за Павлина, восточные за Мелетія (Θеодоритъ, кн. 5, гл. 3). Въ 372 г. восточные и западные епископы для уничтоженія раскола въ Антиюіи, для примиренія обѣихъ партій, православныхъ, съ согласія и папы Дамаса, рѣшили: „дабы оба (т. е. Мелетій и Павлинъ) до смерти на престолѣ ономъ сидѣли, кійждо о своемъ стадѣ бодрствуя; а по смерти единого, дабы инъ епископъ на его мѣсто избранъ не былъ, но оставшіяся все-бы епископство воспріялъ“ (Бароній лѣто 372, число 7-е). Это рѣшеніе было утверждено соборнымъ постановленіемъ 378 г. (Бароній 378 л. ч. 9-е).

Въ 391 г. Мелетій скончался.

Естественно было для для прекращенія раскола въ Антиюіи преемника Мелетію не назначать, исполнивъ такимъ образомъ и соборное постановленіе, на чемъ и настаивали „старѣйшіе и мудрѣйшіе епископы“, поддерживаемые и Григоріемъ Назіанзиномъ.

Нашлась и противная партія, которая, не послушавъ и соборнаго

опредѣленія и совѣта „мудрѣйшихъ и старѣйшихъ“ епископовъ, на мѣсто Мелетія—рукоположила Флавіана (Бароній 381 л., числа 8—10). Снова стало два епископа у православныхъ. Павлинъ и Флавіанъ и расколъ продолжался. Когда умеръ Павлинъ, то на его мѣсто избранъ и рукоположенъ былъ „соизволяющу епископу Римскому (Дамасу)“—Евагрій (Бароній 382 л., ч. 2-е). Евагрій жилъ недолго (Сократъ, 410 стр.), умеръ въ 384 году (см. Лѣтопись Арсенія 136 стр. по изд. 1880 г.).

Вы, ссылаясь на примѣчаніе издателей церк. исторіи Сократа, говорите, что Евагрій былъ рукоположенъ въ 389 г., но это неправда: въ примѣчаніи ошибка.

Что, дѣйствительно, это ошибка издателей или опечатка, видно прежде всего изъ содержанія самой 15 главы 5-й кн. исторіи Сократа, въ которой говорится: „по смерти Павлина, преданный ему народъ не хотѣлъ подчиняться Флавіану и постарался рукоположить Евагрія. Евагрій жилъ недолго, и Флавіанъ умѣлъ распорядиться такъ, что на его мѣсто не выбрали никого... Флавіанъ привлекъ на свою сторону Феофила Александрійскаго епископа и чрезъ него примирился съ Дамасомъ папою Римскимъ... Когда общеніе съ Флавіаномъ было возобновлено, народъ Антиохійскій возвратился къ единомыслию... Въ это время скончался Іерусалимскій епископъ Кириллъ“... Такимъ образомъ, изъ содержанія этой главы видно, что еще при папѣ Дамасѣ—Флавіанъ успѣлъ сдѣлать такъ, что въ Антиохіи остался, за смертью Евагрія, одинъ епископъ, именно онъ. А Дамасъ умеръ въ декабрѣ 384 года (Бароній 384 л. ч. 3; Лѣтопись Арсенія, стр. 134). Вы-же говорите, что Евагрій рукоположенъ былъ въ 389 г., тогда какъ, по сказанію историковъ, до декабря 384 г. мы видимъ уже одного только Флавіана. Въ слѣдующей, 16 главѣ, Сократъ повѣствуетъ о безпорядкахъ въ Антиохіи, о низверженіи статуи императора Феодосія, о наказаніи жителей Антиохіи, и о пастырской заботливости и ходатайствѣ Флавіана предъ императоромъ за виновныхъ и объ успѣхѣ ходатайства Флавіана. Словомъ, во всемъ сказаніи видимъ только уже одного православнаго епископа въ Антиохіи, именно, Флавіана. Безпорядки эти были въ 387 г. (см. у Баронія и въ лѣтописи Арсенія).

Такимъ образомъ, никакъ нельзя относить рукоположеніе Евагрія къ 389 г. Онъ рукоположенъ былъ въ 382 году. Что, дѣйствительно, это такъ, видно изъ того, что, „по смерти Павлина, Евагрій былъ избранъ, соизволяющу епископу Римскому“, какъ говоритъ Бароній подъ вторымъ числомъ 382 лѣта. Въ это время римскимъ епископомъ былъ Дамасъ, который скончался, какъ-то мы показывали, въ декабрѣ 384 года. Такъ, если Евагрій избранъ былъ епископомъ на мѣсто умершаго Павлина, съ соизволенія Дамаса, то—какъ это событіе могло

быть въ 389 г., когда уже Дамаса не было въ живыхъ?! Въ 389 г. въ Римѣ папою былъ уже Сирицій.

Итакъ, въ 384 г. Евагрій умеръ и Флавіанъ, по смерти его, устроилъ такъ, что на его мѣсто не былъ никто рукоположенъ и онъ оставался уже одинъ—православнымъ епископомъ. „Такимъ образомъ церкви, какъ пишетъ Созоменъ, хоть и не скоро, освободились наконецъ отъ этого раздора и пришли въ общеніе между собою. Впрочемъ, антиохійское общество, такъ называемыхъ Евстазіанъ, нѣсколько времени еще существовало и дѣлало особыя собранія безъ епископа“ (кн. 8, гл. 3). Значить и послѣ смерти Евагрія съ 384 г. часть православныхъ, чуждаясь Флавіана, была безъ епископа „и дѣлала свои частныя собранія“ (Сократъ 410—411 стр.).

Теперь остается рѣшить вопросъ, когда-же писалъ св. Златоустъ 11-е нравоученіе на посланіе къ Ефесянамъ?

Св. Златоустъ былъ въ Антиохіи сначала въ санѣ діакона, а потомъ и пресвитера съ 381 г. по 398 г.—Въ 381 г. онъ былъ рукоположенъ св. Мелетіемъ въ санъ діакона (Фаррара „св. І. Златоустъ“,—по изд. Суворина 1891 г. стр. 25; Робертсонъ „Ист. Хр. Церкви“, т. 1, 352 стр.; Филарета—„Историч. уч. объ отцахъ Церкви“ т. 2, 193 стр.): а въ 386 г. рукоположенъ Флавіаномъ въ санъ пресвитера (Бароній, 386 л., ч. 8-е; Робертсона „Ист. хр. Ц.“ т. 1, 352 стр.; Филарета „Историч. уч.“ т. 2, 194 стр.). Въ санѣ пресвитера онъ написалъ толкованіе на посланіе ап. Павла къ Ефесянамъ (Фаррара—по изд. Суворина 43 стр.), послѣ извѣстнаго бунта въ Антиохіи, т. е. послѣ 387 г. „Частіе, —толкованіе написано въ 393 году („Историч. ученіе объ отцахъ Церкви“ Филаретъ; т. 2, 207—208 стр.): т. е. послѣ смерти Евагрія,—когда, слѣдовательно, у Евстазіанъ не было епископа. Это-то общество, не имѣвшее епископа съ 384 г., и обличалъ св. Златоустый, когда писалъ 11 нравоученіе на посланіе къ Ефесянамъ, въ которомъ, обращаясь какъ-бы къ возражавшимъ ему, что-де они православны, говорилъ: „скажи мнѣ: ужели вы считаете достаточнымъ то, что ихъ называютъ православными, тогда—какъ у нихъ *оскудѣла и погибла благодать хиротоніи*? Что-же пользы во всемъ причемъ, если у нихъ *не соблюдена* послѣдняя? Надобно одинаково стоять какъ за вѣру, такъ и за благодать священства“ (см. по Рус. переводу). Здѣсь такъ ясно, что и толковать нечего. Златоустый говорилъ, что отдѣлившись отъ общенія съ Флавіаномъ и дѣлавшихъ свои собранія безъ епископовъ, какъ-то мы выше доказали, несмотря на то, что они содержатъ пр. вѣру, всетаки нужно считать схизматиками, ибо у нихъ *оскудѣла и погибла благодать хиротоніи*. Какъ оскудѣла и погибла? Нѣтъ епископовъ, отсюда нѣтъ и хиротоніи, какъ таинства. Между прочимъ,—какъ за вѣру, такъ и за благодать священства одинаково надо стоять, т. е.

вполнѣ православными надо считать только тѣхъ, кои и правую вѣру держать и имѣютъ священство, благодать хиротоніи.

Нужно имѣть или великую злобу на пр. Церковь или великое умопомраченіе, чтобы говорить такъ, какъ говоритъ Усовъ, якобы „Златоустъ въ указанномъ правоученіи учитъ и доказываетъ, что рукоположеніе исчезаетъ и погибаетъ въ томъ обществѣ, которое признаетъ, будто на впавшихъ въ ересь епископахъ священство или рукоположеніе—уничтожается“ и что-де это обличеніе относится къ намъ, православнымъ.

Какъ у схизматиковъ, жившихъ при св. Златоустѣ, не было епископовъ, и собирались они на молитву безъ епископовъ съ отдѣлившимися только пресвитерами, за что достойны были порицанія и именования „схизматиками“, такъ и у нашихъ раскольниковъ австрійцевъ въ теченіе 180 лѣтъ, до Амвросія, (а у бѣглопоповцевъ и доселѣ) не было епископовъ, и составляли они изъ себя общество съ одними, отдѣлившимися отъ пр. Церкви, священниками—„погибла и оскудѣла благодать хиротоніи“ и называть ихъ православными нельзя; они „схизматики“ (т. е. раскольники); поэтому обличеніе св. Златоустаго всецѣло падаетъ на нихъ, и мы правы, когда приводимъ 11-е правоученіе Златоустаго, доказывая имъ вашу неправоту.

Приведа слова св. Златоустаго изъ 11 правоученія: „како претерпимъ отъ еллиновъ смѣхъ? Аще-бо о ересѣхъ порицають насъ, за сія что не рекутъ-ли намъ? Аще тыя-же догматы, аще тая-же тайны, чесо ради инъ начальникъ на ину Церковь наскachtetъ?“ вы говорите: „Не ясно-ли, что у люциферіанъ былъ начальникъ-епископъ, наскочившій на Церковь Антиохійскую. А это былъ Павлинъ, рукоположенный Люциферомъ при жизни законнаго епископа Мелетія и потомъ Евагрій“. Но такъ какъ Златоустъ писалъ толкованіе въ санѣ пресвитера уже, то не могло быть и рѣчи о Павлинѣ, наскочившемъ на престолъ при жизни Мелетія, такъ какъ въ санѣ пресвитера Златоустъ былъ рукоположенъ Флавіаномъ. Не могла быть рѣчь и про Евагрія, ибо Евагрій умеръ въ 384 г., а толкованіе писано въ 393 г.—При томъ-же, развѣ Евагрій и Павлинъ сами самовольно „наскочили“ на Антиохійскій, престолъ? Павлинъ, какъ извѣстно, былъ рукоположенъ Люциферомъ, имѣлъ общеніе съ западной Церковью и признавъ былъ вторымъ Всел. соборомъ (см. лѣтопись Арсенія 136 стр.); Евагрій-же и избранъ и рукоположенъ былъ „соизволяющу епископу Римскому“ и соборомъ, бывшимъ въ Римѣ (Бароній 382 л. 1—2 числа). Слѣдовательно, ваше толкованіе ложное и не о своемъ времени говорилъ здѣсь св. Златоустый. Для большей ясности приведемъ это мѣсто по русскому переводу: „какъ перенесемъ мы, писалъ Златоустъ, насмѣпки грѣшниковъ? Если они укоряють насъ за ереси, то чего не говорятъ они по поводу раско-

ловъ? Если, говорятъ, одни у нихъ догматы, одни таинства, то ради чего у нихъ одинъ предстоятель Церкви нападаетъ на другую Церковь? Смотрите, говорятъ, у христіанъ все достойно порицанія: у нихъ и любоначаліе, у нихъ и обманъ“ (см. по рус. переводу—толк. на посл. къ Ефес.). Не ясно-ли, что св. Златоустъ, бесѣдуя съ православными антиохійцами, укоряя ихъ за расколъ, указывалъ и на то, что и язычники смѣются надъ раздѣленіемъ православныхъ, говоря, что догматы и таинства одни у той и другой партіи, то почему-же предстоятели разные, и одинъ нападаетъ на другую Церковь? Нѣтъ у христіанъ, говорили язычники, все достойно порицанія: у нихъ и обманъ и любоначаліе. Такъ Златоустъ приводилъ мнѣніе о православныхъ язычниковъ, а не свои слова, тѣмъ хотѣлъ пристыдить отдѣляющихся отъ общенія съ Флавіаномъ. Слѣдовательно, не свое мнѣніе высказывалъ, а мнѣніе иныхъ и не о настоящемъ положеніи говорилъ, а о прошедшемъ, когда, дѣйствительно, у антиохійцевъ было два епископа.

Чтобы защитить свое положеніе, вы привели еще нѣсколько строкъ изъ толкованія Златоустаго: „не вамъ глаголю предстоящимъ, но онѣмъ отскачущимъ. Прелюбодѣяннѣ вещь есть! Аще-же не приемиши о онѣхъ сія слышати, убо ниже о насъ: отъ двоихъ-бо единому законпреступнѣ быти подобаеть. Аще убо о насъ нещуете, готови есмы уступить начальство, ему-же аще хочете, точію да Церковь будетъ едина. Аще-же мы законнѣ бѣхомъ, увѣщайте низложеннымъ быти, иже законпреступнѣ на престолъ возведшимъ“. Приведа это, говорите: „какъ-бы св. Златоустъ совѣтовалъ изложить законпреступно возшедшаго на престолъ епископскій, если-бы этого епископа не было? Развѣ не существующаго можно низложить съ престола? Ясно, что у Люциферіанъ былъ епископъ въ то время, когда Златоустый писалъ, что у нихъ рукоположеніе исчезло и погибло“. Долженъ сказать, что несовсѣмъ-таки ясно выходитъ у васъ... Вы говорите, что у Люциферіанъ *былъ епископъ*, когда Златоустый писалъ, что у нихъ *исчезло и погибло рукоположеніе*... Странно! Былъ епископъ, а рукоположеніе куда-то исчезло и гдѣ-то погибло!

Былъ епископъ, значитъ—могло быть и рукоположеніе, нѣтъ епископовъ,—исчезло и погибло рукоположеніе, по неимѣнію совершителей хиротоніи. У васъ-же все выходитъ наоборотъ.

Для большей ясности приведемъ слова Златоустаго по русскому переводу—и не въ той отрывочной формѣ, какъ вы привели. „Посмотри, говоритъ Златоустъ, какое у нихъ, производящихъ расколы, неравенство. Ибо изъ тѣхъ, которые такъ поступаютъ по отношенію къ Церкви, одни вовсе не приходятъ сюда, или-же однажды въ годъ, и то безъ порядка и какъ случится; другіе приходятъ чаще, но также безпорядочно, для пустыхъ разговоровъ и разглагольствія ни о чемъ.

Иныя представляются усердными,—это тѣ, которые производятъ такія бѣдствія въ Церкви. Итакъ, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердіе, то лучше-бы вамъ быть въ числѣ нерадивыхъ; и еще гораздо лучше, если-бы тѣ не были нерадивы, а вы не были таковыми; я говорю не о васъ, находящихся здѣсь, но о тѣхъ отступникахъ: такое дѣло есть какъ-бы прелюбодѣніе. Если-же тебѣ не хочется слышать этого объ нихъ, то не слушай и того, что они говорятъ объ насъ: такъ какъ здѣсь чтонибудь одно изъ двухъ должно быть противузаконно. Если-же насъ подозрѣваете въ этомъ, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите; только пусть будетъ Церковь едина. Если-же мы поставлены законно, то убѣдите низложить тѣхъ, которые противузаконно заняли каѳедру; говорю это, не приказывая вамъ, но предохраняя и предостерегая васъ" (см. въ Рус. переводѣ на посл. Ефес.).

Какъ видите, ни одинаго слова, ни одинаго намека на то, что въ то время, когда св. Златоустъ писалъ это правоученіе, былъ у него Люциферіанъ епископъ, котораго онъ, якобы, совѣтывалъ низложить. Существуетъ онъ только въ воображеніи г. Усова.

Св. Златоустъ, желая предохранить вѣрный народъ отъ раскола, отъ единенія съ Люциферіанами, или, какъ онъ называетъ ихъ, „схизматиками“, говоритъ, что они, если ходятъ сюда, въ храмъ, гдѣ служилъ и говорилъ проповѣди Златоустъ, то занимаются пустыми разговорами, или только прикидываются усердными сынами Церкви, а на самомъ дѣлѣ своимъ расколомъ производятъ бѣдствія. Подобное отношеніе ихъ къ Церкви—есть, какъ-бы, прелюбодѣніе. „Вѣдь ктонибудь изъ насъ, говорилъ Златоустъ, не законенъ: если вы считаете насъ, то мы уступимъ свою власть тому, кому вы хотите; если-же мы поставлены законно, то убѣдите низложить тѣхъ, которые противузаконно заняли мѣсто“. Незаконно-же заняли при Златоустѣ мѣста тѣ іереи, кои не хотѣли имѣть общеніе съ Флавіаномъ и съ частью народа дѣлали отдѣльныя собранія. Народъ-же бывалъ и тамъ и сямъ, т. е. ходилъ въ храмъ, гдѣ служилъ и Златоустъ, бывалъ и у своихъ пресвитеровъ... Это-то отношеніе къ Церкви въ данномъ мѣстѣ онъ и порицалъ, называя подобное отношеніе прелюбодѣніемъ и доказывая, что истинная Церковь—едина.

Итакъ, заканчивая бесѣду, долженъ сказать: напрасно вы, со словъ Усова, обвиняете пр. Церковь въ содержаніи ея мнимой Люциферіанской ереси. Она чиста, свята. Она одна наша мать... Пороча ея, отрицаясь отъ нея, вы тѣмъ самымъ оскорбляете Господа, ибо „кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ“ (св. свящ. Кирианъ о единствѣ Церкви).

Самарскій епархіальн. миссіон. іерей Дим. Александровъ.

**Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

„О старовѣріи и старовѣрахъ“.

(По поводу статьи „Новаго Времени“, № 10,393).

Не такъ давно въ „Новомъ Времени“ неизвѣстный авторъ въ статьѣ: „Къ вопросу о старообрядцахъ“ (№ 10,379) высказалъ удивительную неосвѣдомленность и прямо ложное сужденіе о характерѣ и положеніи внутренней миссіи и на этомъ основаніи, созданномъ фикціею собственнаго воображенія, диктовалъ Комитету Министровъ, что послѣднему надлежитъ сдѣлать въ сферѣ дѣятельности православной миссіи!.. ¹⁾

Позже въ томъ же „Нов. Врем.“ появилась другая статья, повидимому, принадлежащая перу того же неизвѣстнаго автора: „о старовѣріи и старовѣрахъ“ (№ 10393). Статья эта заслуживаетъ вниманія, какъ яркій показатель некомпетентности нашихъ газетныхъ писателей въ вопросахъ вѣры и миссіи. Въ этой статьѣ неизвѣстный авторъ категорически предъявляетъ, конечно, Комитету Министровъ новыя требованія, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: „должно быть не только оставленіе, но и запрещеніе въ полемикѣ, въ спорахъ миссіонерскихъ, въ книгахъ и брошюрахъ употреблять слово „раскольникъ“, неточное и бранное; не говоря о полномъ исключеніи его изъ языка законодательства, суда и администраціи“. Такое требованіе вытекаетъ у автора изъ предварительныхъ его разсужденій прежде всего на тему о причинахъ появленія на Руси „раскола“.

„Если-бы, пишетъ неизвѣстный авторъ, страстность патріарха Никона и остальнаго духовенства того времени, особенно же пріѣхавшаго на Московскій соборъ изъ Греціи, не была такъ велика, то людямъ,

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ 1905 г. № 2: „По поводу сужденій „Нов. Вр.“ о миссіонерахъ“.

непринявшимъ „исправленныхъ книгъ“ и поправленныхъ въ мелочахъ обрядовъ, было-бы предоставлено, „впредь до вразумленія“, пользоваться прежними книгами и употреблять старые обряды, и такъ называемаго „раскола“ въ русской Церкви вовсе не произошло-бы (sic!..), существовала-бы группа населенія (гдѣ? въ Церкви или внѣ Церкви?..), именно „не вразумленнаго“, до времени, пожалуй „не разумнаго“, и за два вѣка исторической жизни это „поврежденіе“ зажило-бы, опухоль на народномъ организмѣ рассосалась-бы, все вѣроятно сгладилось-бы (хорошо, что хотя здѣсь авторъ вставилъ: „вѣроятно“!..), уравнилось, пришло въ норму. „Преслѣдованія“ подняли на дабы сперва сотни, потомъ тысячи и наконецъ миллионы людей: преслѣдованія и совершенно вредная полемика, взаимнѣн ожидаемыхъ и нужныхъ учено-историческихъ изслѣдованій, создала, можно сказать, все болѣзненное и, наконецъ, опасное явленіе „раскола“. Каждая полемическая книжка подчеркивала явленіе, котораго вовсе подчеркивать не слѣдовало; каждая такая книжка рѣзче обводила „разность вѣры“, мотивировала отдѣленіе въ вѣрѣ. Всякая насмѣшка, издѣвательство, запрещеніе, стѣсненіе правъ— все это обособляло и обособляло, заостряло и заостряло въ сущности тихое (!) явленіе: желаніе молиться по книгамъ древней печати и кланяться иконамъ стараго письма“...

Итакъ, по мнѣнію „нововременскаго“ автора, „расколъ“ произошелъ-де отъ того, что людямъ, принявшимъ „исправленныхъ книгъ и „обрядовъ“, не было позволено пользоваться прежними книгами и старыми обрядами!.. Вотъ какъ просто въ наше время рѣшаютъ столь сложныя историческія явленія, какъ „расколъ“!.. И не мудрено: теперь вѣдь все на Руси идетъ „въ скороспѣлку“... Некогда думать, да и излишне: публика жаждетъ только новизны и кадитъ только реформаторамъ и освободителямъ отъ стараго существующаго.

Если-бы „нововременскій“ авторъ хотя-бы на одну минуту заглянулъ въ „учено-историческія“ изслѣдованія, о которыхъ онъ на словахъ съ почтеніемъ говоритъ, и ему стыдно-бы стало за высказанную имъ нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть нелѣпѣе, какъ объявлять появленіе „раскола“ одною только „страстностью“ патріарха Никона и др., или утверждать, что если-бы людямъ, принявшимъ „исправленныхъ книгъ“ и „обрядовъ“, дозволили остаться при прежнихъ книгахъ и обрядахъ, то не было-бы и „раскола“—отдѣленія отъ Церкви этихъ людей!.. Кому же неизвѣстно, что „раскольники“ не только не просили Церкви временъ патр. Никона оставить имъ старыя книги и обряды, но, наоборотъ, требовали, чтобы сама-то Церковь осталась при прежнихъ, неисправленныхъ книгахъ и обрядахъ?! Когда же этого не послѣдовало, то протестующіе *сами порвали единеніе съ Церковью* и не потому, конечно, что послѣдняя принудила ихъ къ

этому своими „преслѣдованіями“, а потому что, по ихъ мнѣнію, Церковь, принявъ исправленныя книги и обряды, ими *похуляемы*, тѣмъ самымъ впала якобы *въ ересь*, заразилась *скверною антихристовою*. Съ такою Церковью, понятно, они не могли имѣть общенія въ вѣрѣ и... даже въ житейскомъ быту!.. За этотъ взглядъ на происхождение „раскола“ стоялъ извѣстный профессоръ И. Ѡ. Нильскій и его защищаетъ также извѣстный профессоръ Н. И. Ивановскій. Другой знатокъ „раскола“ профессоръ Шаповъ видѣлъ въ „расколѣ“ даже не церковное, а по преимуществу соціально-гражданское явленіе. И вотъ невѣдомый „ново-временскій“, чтобы не сказать: „крыловскій“ критикъ, ничтоже сумняся, и съ претензіей на поученіе, безапелляціонно заявляетъ: „да полноте, господа! „Расколъ“?—это просто плодъ „страстности“ патр. Никона... плодъ запрещеній людямъ молиться по старымъ книгамъ и со старыми обрядами..., да еще,—плодъ „полемики“!.. По самому существу своему онъ есть „тихое явленіе: желаніе молиться по книгамъ древней печати и кланяться иконамъ стараго писма“!.. Но кто-же въ такомъ „желаніи“ видитъ „расколъ“, преступленіе?!.. Уже одинъ только фактъ „Единоувѣрія“ ясно обличаетъ ненаучную ложь „ново-временскаго“ автора. Да и кто это за „старые обряды“ и за служеніе по старопечатнымъ книгамъ преслѣдуетъ „раскольниковъ“?!.. Прямо обидно за столь почтенный органъ, какъ „Новое Время“, на столбцахъ котораго отстаиваются права раскола такими недостойными серьезной печати средствами, цѣною извращенія родной исторіи, искаженія „учено-историческихъ изслѣдованій“!.. Если свобода печати пойдетъ по такому пути, то недолго „храму“ слова человѣческаго—прессѣ—сдѣлаться „вертепомъ разбойниковъ“!..

Установивъ путемъ „*безпристрастной*“ экскурсіи въ область исторіи то положеніе, что „раскольники“ суть просто „старовѣры“, „старообрядцы“, авторъ протестуетъ далѣе противъ употребленія самаго имени: „раскольникъ“.

„Раскольникъ“ есть не имя, говоритъ онъ, а *кличка*, и при томъ ругательная уличная кличка (sic!..). Она ожесточаетъ и безъ нужды и пользы ожесточаетъ сердца старообрядцевъ такъ-же, какъ „свиное ухо“—татарь, какъ „пейсы“—еврея (богатое сравненіе!..). Для законодательнаго языка, для языка судебного и административнаго—это есть просто неприличное словоупотребленіе, есть нечистоплотность языка и понятій. Законъ долженъ и имѣть право пользоваться только научно-точными, безстрастно-точными терминами... Итакъ, первымъ дѣломъ „единодушія“ (не того-ли, которое „погашаетъ ощущеніе догматическихъ разностей“?!.) должно быть не только оставленіе, но и запрещеніе въ полемикѣ, въ спорахъ миссіонерскихъ, въ книгахъ и брошюрахъ упо-

треблять слово „раскольник“, неточное и бранное (sic!..) ¹⁾; не говоря о полномъ исключеніи его изъ языка законодательства, суда и администраціи“.

„Нужно замѣтить, продолжаетъ тотъ-же авторъ, что въ народѣ, обществѣ и литературѣ не употребительно слово „раскольник“; всегда говорятъ: „тамъ живутъ старовѣры“, „это старообрядец“, а „раскольник“ никогда (?) не употребляютъ по причинѣ совершенной безсодержательности и бессмыслицы самаго слова, которое ничего собою не опредѣляетъ и не выражаетъ и значить только „не нашъ“, „не мы“. Что-же это за употребленіе слова: „не нашъ“?! Очевидно (и даже очень?!), подобную бессмыслицу (это очень приложимо къ сужденіямъ автора...) нужно вовсе убрать. Она не убрана только изъ нечистоплотной полемики, и фигурируетъ въ ней исключительно въ значеніи порицательнаго, ругательнаго термина; ибо и въ серьезныхъ, даже въ богословскихъ книгахъ и статьяхъ „раскольник“ вовсе не употребительное слово и замѣняется вездѣ точно-обозначающимъ (?!), конкретнымъ именемъ: „старовѣръ“, „старообрядец“.

Если-бы приведенную тираду произнесъ школьникъ на школьной скамьѣ, то учитель навѣрное поставилъ бы ему единицу или же пристыдилъ,—такъ въ серьезныхъ дѣлахъ нехорошо шутить... Въ прессѣ-же дѣло другое: здѣсь даже взрослые пресерьезно шутятъ и имъ аплодируютъ. Вѣдь какихъ смѣшныхъ вещей авторъ не наговорилъ! То слово: „раскольник“ не имя, а ругательная *уличная* кличка, то этого слова народъ—*улица* не употребляетъ!.. То законъ долженъ и имѣть право пользоваться только научно-точными, безстрастно-точными терминами, то онъ же долженъ усвоить „термины“, употребительные въ народѣ, обществѣ и вообще въ литературѣ!.. Да и откуда это авторъ взялъ, что слово „раскольник“ въ народѣ не употребительно? Откуда онъ взялъ, что это слово въ устахъ народа бранное? Зачѣмъ навязывать народу своя выдумки? Въ разныхъ мѣстахъ обширнаго отечества мы сталкивались съ разными, чисто-мѣстными народными названіями „раскольниковъ“: здѣсь есть и „раскольник“, и „старовѣръ“, и „старообрядец“, и „коневоѣ вѣры“... Какъ и сектантовъ народъ зоветъ общимъ именемъ и равно въ разныхъ мѣстахъ: то „шканьца“, то „шалануты“, то „хлыстуны“... И со всѣми этими названіями народъ соеди-

¹⁾ Когда дѣло касается православной Церкви, то наши „либеральные“ глашатаи всечeskихъ свободъ готовы санкціонировать возмутительнѣйшее насилие надъ нею!.. Ну и пусть Государство употребляетъ какія хочетъ имена... пусть изъ за корыстныхъ цѣлей играетъ съ кѣмъ хочетъ „въ жмурки“... Не насилуйте-же разными „запрещеніями“ голоса правосл. Церкви въ дѣлѣ должной оцѣнки ею извѣстныхъ религіозныхъ явленій!..

няеть мысль объ отщепенцахъ отъ Церкви. Бранныя слова у народа иного колера, иного пошиба и совершенно чужды религіозной скорби о заблудшихъ братьяхъ...

Далѣе. Откуда это авторъ взялъ, что слово „раскольникъ“ вовсе не употребительно въ серьезныхъ, даже въ богословскихъ книгахъ и статьяхъ и что тамъ оно замѣняется вездѣ точно-обозначающимъ, конкретнымъ именемъ: „старовѣръ“, „старообрядецъ“?! Вѣдь это или круглое невѣжество или же наглая ложь!.. Укажемъ хотя-бы на слѣдующія громкія имена представителей науки о „расколѣ“, которые не только употребляли слова: „расколъ“, „раскольникъ“, но и находили огромную разницу по существу въ понятіяхъ: „старообрядецъ“ и „раскольникъ“, „старообрядство“ и „расколъ“. Это извѣстный профессор Щаповъ, перу котораго принадлежать замѣчательныя изслѣдованія: „Русскій расколъ старообрядства“ (1859 г.) и „Земство и расколъ“ (1862 г.): это проф. И. Ѡ. Нильскій, пользующійся заслуженной и неоспоримой научною славой, это профес. Н. И. Ивановскій — современный столпъ науки о расколѣ, это проф. Н. Субботинъ, плодовитый писатель и усердный изслѣдователь раскола и пр... и пр... Упомянемъ еще: „Раскольничьи дѣла 18-го стол.“ г. Есяпова и „Собраніе распоряженій по части раскола“ г. Варадинова... И если у „новременскаго“ автора есть уваженіе къ правдѣ и литературная порядочность, то онъ долженъ на страницахъ того-же „Новаго Времени“ честно сознаться, что въ его статьѣ: „О старовѣрїи и старовѣрахъ“ слишкомъ много... недоразумѣній и ошибокъ ¹⁾.

То совершенно справедливо, что „законъ долженъ и имѣть право пользоваться *только научно-точными*, безстрастно - точными терминами“ ²⁾, а не брать ихъ съ улицы, не только простонародной, но и „интеллигентной“... И вотъ мы видѣли, что *наука* не только употребляетъ слова: „расколъ“, „раскольникъ“, но и существенно отличаетъ ихъ отъ словъ: „старообрядство“, „старообрядецъ“, „старовѣріе“, „старовѣръ“.

Въ прекрасной статьѣ профес. Н. И. Ивановскаго: „Старообрядство

¹⁾ А мы на это мало надѣемся, такъ какъ новременскій писатель слишкомъ высокомѣренъ для того, чтобы сознаваться и исправлять свои — вольныя или невольныя, не знаемъ — ошибки. Въ прошлой статьѣ г. Айвазовъ въ „Мисс. Обзор.“ обличилъ ошибку автора относительно несуществующихъ пенсій и чиновъ для миссіонеровъ, однако, авторъ, вырвавъ изъ статьи нашего сотрудника нѣсколько фразъ, понадобившихся ему для новаго глумленія надъ миссіонерами, ошибку свою съ спокойною совѣстью замолчалъ предъ читателями „Нов. Вр.“, которые остаются доселѣ въ заблужденіи. Такъ правдивые писатели не дѣлають.

²⁾ Курсивъ нашъ.

и расколъ“ з) съ поразительною ясностью и убѣдительною рѣзко разграничены два понятія: „старообрядство“ и „расколъ“. Эти понятія отнюдь „не однородны“ и „не однокачественны“ по самому своему существу. Въ понятіе „старообрядства“, говоритъ уважаемый профессоръ, входятъ слѣдующіе признаки: двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія, сугубая аллилуія, посолонное хожденіе, седмипросфоріе, чтеніе „обрадованная“, вмѣсто „благодатная“,—во вѣки, по чину, употребленіе лѣстовокъ и подручниковъ и прочее тому подобное. Со второй половины 17-го столѣтія эти признаки стали достояніемъ людей, *отдѣлившихся* отъ православной Церкви и съ этого времени понятіе *старообрядства* несправедливо стали отождествлять съ понятіемъ *раскола*, и самые признаки „старообрядства“ стали считать признаками „раскола“, мнѣніями *раскольническими*. Между тѣмъ, въ понятіи *старообрядства* отнюдь нѣтъ признаковъ *раскола*. Поэтому-то „Единоувѣріе“, по ученію православной Церкви, и составляетъ *единую* съ православною *святую, соборную апостольскую* Церковь, какъ и древне-русская, до—Никоновская Церковь. Такое единство вытекаетъ изъ взгляда православной Церкви на обрядъ, который *самъ по себѣ* не святъ, ни не святъ, не ведетъ ни къ спасенію, ни къ гибели. Все зависитъ отъ того, какъ кто будетъ относиться къ обряду: будетъ-ли, пользуясь имъ и при его посредствѣ, выражать свои чувства благоговѣнія и богопочтенія, совершенствоваться въ любви къ Богу, и смиренія предъ Его величіемъ и святостью,—или же въ мертвомъ исполненіи обрядовъ будетъ полагать все богоугожденіе, считая это исполненіе не средствомъ, а самою цѣлю. И вотъ *православное старообрядство*, содержа церковную старину въ той области, которая касается не существа вѣры, а виѣшней церковной жизни, т. е. всего того, что относится до церковнаго чина и благоуукрашенія, а равно и до церковныхъ обычаевъ, въ то-же время смотритъ на обрядъ глазами православной Церкви и потому въ исправленіи или измѣненіи обрядовъ никогда не увидитъ ереси и не сорветъ изъ-за этого общенія съ Церковью. Тамъ-же гдѣ *старообрядство* признаетъ, что обрядъ *самъ по себѣ* святъ, что онъ относится до существа вѣры и потому не можетъ быть измѣняемъ или исправляемъ, тамъ въ исправленіи обряда усматривается ересь, скверна антихристова. Отсюда уже одинъ шагъ до разрыва съ Церковью, исправившею и принявшею исправленные обряды. Когда состоялся разрывъ, то только тогда и произошелъ *расколъ*. Такимъ образомъ, „расколъ“, по буквальному смыслу этого слова: „Колоть“, „расколоть“,—есть исключительно нарушеніе мира и единенія церковнаго, или отдѣленіе отъ

³⁾ См. Собраніе сочиненій т. 1-й, 1898 г. Каз., стр. 33 - 63.

Церкви и неподчиненіе церковной власти по вопросамъ, не входящимъ въ область догматовъ вѣры, а касающимся церковной дисциплины, церковныхъ обрядовъ. Таково и „каноническое“ отдѣленіе „раскола“, какъ одного изъ трехъ видовъ отступленій отъ Церкви (пр. 1-о Вас. Вел.). Необходимо замѣтить, что самое *содержаніе* „раскола“ можетъ быть крайне разнообразно. У насъ есть „расколъ старообрядства“, но можетъ быть и „расколъ новообрядства“, когда группа людей взглядъ „раскольниковъ—старообрядцевъ“ на обряды перенесетъ на „новые“ обряды и обвинитъ Церковь въ ереси за благословеніе „старыхъ“ обрядовъ и на семъ основаніи отдѣлится отъ Церкви. Отсюда уже понятно, что „старообрядство“ есть собственно *содержаніе* старыхъ обрядовъ и можетъ быть названо только „православнымъ старообрядствомъ“. Въ „расколѣ“ или „раскольничьемъ старообрядствѣ“ оно переходитъ только тогда, когда изъ-за разницы въ обрядахъ отдѣляется или откалывается отъ единства съ православною Церковью. Одинъ существенный и необходимый признакъ, безъ котораго и раскола нѣтъ,—это *противленіе, отдѣленіе*. Теперь ясно, что не каждый „старообрядецъ“ есть „раскольникъ“, а только тотъ, который изъ-за обрядовъ порвалъ связь съ православною Церковью. Точно также и всякій „раскольникъ“ долженъ быть непременно „старообрядецъ“, но можетъ быть и „новообрядецъ“.

Что касается употребленія словъ: „старовѣръ“, „старовѣріе“, то они отнюдь не примѣнимы къ „раскольникамъ“, такъ какъ говорятъ не объ *обрядѣ*, а о *вѣрѣ*. Слово-же *старый* въ примѣненіи къ *вѣрѣ* свидѣтельствуетъ о ея истинѣ, такъ какъ *новаго* въ ней ничего не можетъ быть. Назвать „раскольниковъ“ „старовѣрами“ значило-бы засвидѣтельствовать истину ихъ вѣры и подписать своей вѣрѣ смертный приговоръ чрезъ причисленіе себя къ „нововѣрамъ“!.. Въ этомъ случаѣ будетъ соответствовать существу *содержимаго* „расколомъ“ только понятіе: „*обрядовѣріе*“. Итакъ самое точное, выработанное наукою названіе—это: „*расколъ старообрядства*“. Посему-то и необходимо употреблять только это названіе и въ миссіонерской литературѣ, какъ то и дѣлается, и въ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ актахъ. Между тѣмъ у насъ въ гражданскомъ законодательствѣ царитъ спутанность, въ которой „расколъ“ смѣшивается съ „сектою“ или ересью, отчего нерѣдко сектанты или еретики посягаютъ и дѣйствительно пользуются правами и льготами, которыя предоставлялись по мысли законодателя только „раскольникамъ—старообрядцамъ“. Точное отграниченіе „раскольниковъ-старообрядцевъ“ отъ „еретиковъ-сектантовъ“ чрезъ употребленіе дѣйствительно *научныхъ* терминовъ—вотъ чего нужно пожелать нашему законодательству, а не внесеніе еще большей путаницы въ законы исполненіемъ рецептовъ газетныхъ

двлетантовъ... Наивность или сознательное лицемѣріе послѣднихъ доходить до того, что, напримѣръ, неизвѣстный авторъ смѣло заключаетъ свою статью увѣреніемъ читателей въ томъ, что сами „раскольники“, говоря: „мы не раскольники“, этимъ якобы хотятъ погасить „раздѣленіе“ или „расколъ“ съ остальнымъ православнымъ русскимъ людомъ, а мы-де (разумѣется православная Церковь) не хотимъ этого и „откалываемъ“ отъ себя людей!.. Далѣе этого открытія фантазіи уже некуда идти. Жаль, что авторъ не скрѣпилъ статьи своей подписью и тѣмъ не увѣковѣчилъ своего имени въ наукѣ газетнаго расколѣвднія.

II. Айвазовъ.

И. И. Соколовъ. Константинопольская Церковь въ XIX вѣкѣ.
Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ первый. СПбургъ in 8-ю XXXV+813+150+XLII стр. Ц. 4 р., съ пересылкой 4 р. 75 к.

Трудъ И. И. Соколова съ вышеуказаннымъ заглавіемъ является первымъ опытомъ научнаго изслѣдованія новѣйшаго періода константинопольской церкви не только въ русской, но въ иностранной и, въ частности, въ греческой литературѣ. Небезызвѣстно, что новѣйшая судьба константинопольской церкви (XIX вѣкѣ) весьма мало разработана и какъ въ иностранной, такъ и въ русской церковно— исторической литературѣ она представлена или въ общихъ церковно-историческихъ курсахъ, или въ немногихъ очеркахъ и этюдахъ, касающихся той или другой стороны въ положеніи вселенскаго престола, а равно и отдѣльныхъ вопросовъ изъ его исторіи. Цѣльнаго же изслѣдованія судебъ константинопольской церкви въ истекшемъ XIX столѣтіи наука до послѣдняго времени не имѣла. Этотъ существенный пробѣлъ въ церковно-исторической наукѣ восполненъ И. И. Соколовымъ, издавшимъ свой капитальный трудъ по сему предмету.

Съ особымъ удовольствіемъ отмѣчая появленіе въ свѣтъ этого труда И. И. Соколова, мы считаемъ настоятельно-необходимымъ обратить вниманіе нашихъ читателей на то обстоятельство, что авторъ даетъ новое освѣщеніе изображаемому имъ періоду константинопольской церкви и приходитъ къ новымъ научнымъ выводамъ по многимъ церковно-историческимъ вопросамъ вселенской патріархіи. Новое освѣщеніе предмета и научные выводы тѣмъ болѣе дѣйны, что авторъ, при составленіи своего труда, использовалъ не только всю печатную литературу своего предмета и всѣ наиболѣе достовѣрныя и свѣжія свѣдѣнія русскихъ и иностранныхъ трудовъ относительно вѣдншей судьбы константинопольской церкви, дѣятельность вселенскихъ патріарховъ и

патріаршаго управленія, но и вновь добытыя имъ архивныя данныя изъ патріаршаго архива въ Константинополѣ. Такъ какъ ни въ русской, ни въ иностранной, въ частности греческой, литературѣ нѣтъ спеціального труда, посвященнаго этому предмету, и нѣтъ пособій общаго руководящаго значенія, то автору пришлось работать почти исключительно по первоисточникамъ, обширнымъ и разнообразнымъ. Въ основу настоящаго изслѣдованія положены официальные рукописные кодексы Патріаршаго архива въ Константинополѣ и въ этомъ первоисточникѣ находится центръ тяжести научной работы нашего автора. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что матеріаль для перваго тома „Константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ“ заимствованъ авторомъ изъ тридцати пяти кодексовъ константинопольскаго архива, каждый изъ которыхъ имѣетъ нѣсколько сотъ страницъ in folio; при чемъ автору пришлось заимствовать изъ архивныхъ источниковъ для своихъ ученыхъ изысканій только то, *что ему было разрѣшено извлечь особой патріаршей комиссіей.*

Но помимо этихъ рукописныхъ источниковъ, авторъ для цѣлей своего труда пользовался разнообразными печатными источниками, относящимися къ исторіи константинопольской церкви XIX вѣка.

Благодаря такому богатству матеріала, трудъ И. И. Соколова, обнимающій собою общую внѣшнюю и внутреннюю исторію константинопольской церкви XIX в., полонъ самаго живого и глубокаго интереса и всесторонне знакомитъ насъ какъ съ характеромъ отношеній къ этой церкви турецкаго правительства, такъ и съ разнообразными движеніями въ нѣдрахъ ея, до организаціи новаго административнаго ея строя включительно.

Болѣе чѣмъ въ тысячу страницъ сочиненіе И. И. Соколова состоитъ изъ вступленія, трехъ отдѣловъ и приложения.

Во вступленіи (1—71 стр.) рѣчь идетъ о положеніи константинопольской церкви въ Турціи съ половины XV до конца XVIII в. (1453—1789 г.), т. е. отъ паденія Византіи до воцаренія султана Селима III, родоначальника танзимата. Послѣ паденія Константинополя и возникновенія на развалинахъ Византіи новаго мусульманскаго государства, византійская церковь лишилась, вмѣстѣ съ византійскимъ государствомъ, своей самостоятельности, прежняго величія и славы. Правда, завоевателемъ Константинополя, султаномъ Магометомъ II, были даны довольно широкія права константинопольскому патріархату, который представлялъ особую въ имперіи церковно-гражданскую организацію, status in statu мусульманскомъ. Но такое положеніе вещей продолжалось недолго. Всѣ три слишкомъ вѣка запечатлѣны непрерывнымъ нарушеніемъ со стороны турецкаго правительства правъ и привилегій, предоставленныхъ патріархіи и ромейской райѣ. Вся исторія

Константинопольской церкви въ турецкій періодъ—это эпоха страданій и борьбы не только за вѣру, но и за самое свое существованіе, эпоха борьбы двухъ культуръ—христіанской и мусульманской. Патріархи были въ зависимости отъ произвола султановъ, смѣщались и заключались въ тюрьму, а иногда и сами оставляли патріаршій престолъ; патріархія была мѣстомъ интригъ и подкуповъ со стороны самихъ грековъ, вмѣшательства мірянъ въ дѣла церкви, козней со стороны иезуитовъ и т. п. Несчастной же райѣ, лишенной человѣческихъ правъ и находившейся въ положеніи совершеннаго рабства, достались въ идѣлъ одни страданія и мученія, и кровь лилась рѣкой. Но ни мечъ, ни огонь, ни систематическій произволъ турецкаго правительства и народа не смогли сломить духовной самобытности, единства и могущества турецкихъ христіанъ. На костяхъ своихъ новомучениковъ греческая церковь утверждалась въ спасеніи православія, ихъ кровью скупила борьбу за отечество и національныя преданія. Во время горьбы константинопольской патріархіи съ мусульманскимъ фанатизмомъ защитниками гонимой церкви и угнетаемаго народа выступили фанариоты; эти аристократы духа несли своимъ соотечественникамъ блага національной культуры и просвѣщенія, поддерживали патріарховъ въ ихъ борьбѣ съ Портой, защищали райю отъ корыстолюбивыхъ турецкихъ властей, учреждали школы и библіотеки, покровительствовали греческимъ ученымъ и просвѣщенію. Въ общемъ положеніе христіанъ подъ игомъ турокъ было настолько тяжелымъ, что и самъ народъ греческій посвятилъ себя на непрерывную борьбу съ турецкимъ рабствомъ, произволомъ и деспотизмомъ. Борьба эта, съ половины XV вѣка до конца XVIII, отмѣчена сплошнымъ рядомъ возстаній грековъ съ цѣлью мщенія ненавистнымъ туркамъ. Наконецъ бѣдствія восточныхъ христіанъ подъ игомъ турецкимъ вызвали участіе въ ихъ положеніи со стороны единовѣрной Россіи: русскіе цари, начиная съ Петра Великаго, явились защитниками и покровителями христіанъ востока. При Екаторинѣ Великой Россія, въ силу Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата (1774 г.), впервые получила право вмѣшательства во внутреннія дѣла турецкой имперіи для защиты христіанъ отъ произвола и насилия мусульманъ.

Первый отдѣлъ разсматриваемаго нами труда И. И. Соколова (72—406 стр.) посвященъ внѣшнему состоянію константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ, начиная съ 1789 года и до нашихъ дней, т. е. до 1903 года и дѣлится авторомъ на пять періодовъ.

Султанъ Селимъ III (1789—1807 гг.), родоначальникъ танзимата, подъ влияніемъ вѣяній времени, пришелъ къ мысли о необходимости преобразованій въ имперіи, въ духъ европейскихъ реформъ, которыя должны были превратить мусульманскую Турцію въ имперію европей-

скую, а христіанъ уравниять въ правахъ съ мусульманами. Но реформаторскія попытки Селима, робкія и одностороннія, имѣли слабый успѣхъ и танзиматъ его времени проявился въ формахъ первичныхъ и элементарныхъ и его гуманныя распоряженія остались мертвою буквой. Такое положеніе вещей вредно отразилось на константинопольской церкви. При послѣдующихъ султанахъ идея танзима отходитъ на второй планъ и въ послѣдней четверти истекшаго столѣтія выдвигается грозная идея панисламизма. Турецкими властями воздвигаются походы противъ патріаршихъ привилегій и гоненія противъ христіанъ. На протяженіи почти всего XIX вѣка слѣдуютъ возстанія за возстаніями и кровь христіанскихъ мучениковъ обагрила обширныя страны Турецкой имперіи и острова.

Но, несмотря на все это, въ итогѣ положеніе христіанъ измѣнилось къ лучшему: Греція, Черногорія, Болгарія, Сербія, Румынія, Боснія, Герцоговина, Критъ и Кипръ получили независимость отъ турецкой власти, да и въ предѣлахъ нынѣшней Турціи христіане уже не несутъ всей тяжести прежняго гнета, нравственнаго униженія и личнаго безправія, чувствуя поддержку единовѣрной Россіи, которая въ теченіе XIX вѣка неоднократно укрощала фанатизмъ турецкаго правительства и народа и протягивала руку помощи христіанамъ. Европа же, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать строго и рѣшительно, въ согласіи съ Россіей, всячески мирволила султанамъ, льстила имъ безъ мѣры, превозносила, какъ мудрѣйшіе законодательные акты, фальшивыя ихъ обѣщанія и громкія фразы. Только одна Россія понимала, что безъ оружія нельзя заставить турокъ улучшить положеніе райи; поэтому въ теченіе XIX в., цѣлымъ рядомъ войнъ, она приобрѣла свободу славянскимъ подданнымъ султана. Если же христіане востока влчатъ и доселѣ рабскую жизнь, то въ этомъ повинна Европа (405 стр.).

Второй отдѣлъ изслѣдованія (407—693 стр.) содержитъ 26 очерковъ дѣятельности константинопольскихъ патріарховъ (1799—1901 гг.), начиная съ Неофита VII и кончая нынѣшнимъ Іоакимомъ III. Оказывается, что изъ 26 патріарховъ два—трижды всходили на престолъ, а пять—дважды; шесть скончались на престолѣ, да Григорій V былъ казненъ по распоряженію правительства, а 19 патріарховъ вынуждены были отказаться отъ власти.

Въ представленныхъ очеркахъ дѣятельности патріарховъ очень выпукло изображены тяжелыя внѣшнія условія въ положеніи вселенскихъ патріарховъ въ XIX вѣкѣ. Патріаршая власть ничѣмъ не была обезпечена, несмотря на султанскіе береты и рескрипты и народныя канонисмы. Но не смотря на всю неустойчивость патріаршаго престола, вселенскіе патріархи XIX в. обнаружили изумительную перековно-общественную дѣятельность. Прекрасно понимая задачи и потребности

церкви и народа, служение патриарховъ церкви и народу было сплошнымъ подвигомъ, исполнено самоотверженія, тяжелыхъ испытаній, непрерывной борьбы, „великихъ скорбей“... И однимъ только патриархамъ греческій народъ обязанъ тѣмъ, что неизмѣнно хранитъ чистоту ученія православнаго, владѣетъ свободой и независимостью въ своей церковно-религіозной жизни. Потому „не нападокъ и обвиненій заслуживаетъ вселенская патриархія, вполне основательно замѣчаетъ авторъ, а изумленія предъ самоотверженнымъ подвигомъ несенія тяжелаго креста, возложеннаго на нее по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла, и возможнаго содѣйствія въ этомъ подвигѣ, во славу православной греко-восточной церкви“ (690—693 стр.).

Третій отдѣлъ (694—813 стр.) посвященъ обзорѣнню патриаршаго управленія въ константинопольской церкви въ XIX вѣкѣ, которое реформой 1858—1860 гг., въ силу хатти—хумаюна 1856 г., рѣзко раздѣляется на два періода. Здѣсь находятся свѣдѣнія о правахъ и власти вселенскаго патриарха, о порядкѣ его избранія, о содержаніи патриарховъ въ XV—XVIII вв.; объ устройствѣ свящ. синода, народнаго постоянного смѣшаннаго совѣта и о дополнительныхъ административныхъ учрежденіяхъ: патриаршихъ центральныхъ епитропій—педагогической, архіерейскихъ имуществъ, контрольной, совѣщательной; о церковномъ судѣ, нотаріальной конторѣ и оттоманской канцеляріи и др.

Заслуживаетъ особаго вниманія приложение къ изслѣдованію съ особымъ счетомъ страницъ (1—150), гдѣ помѣщено 215 статей, извлеченныхъ изъ кодексовъ Патриаршаго архива въ Константинополѣ и библиотеки русскаго Пантелеймонова монастыря на Аеонѣ. Статьи эти—весьма разнообразны, какъ по содержанію, такъ и по своему названію; это—посланія, грамоты, сигилліи, письма и завѣщанія патриарховъ, два рескрипта султановъ къ патриархамъ, синодальныя опредѣленія по разнымъ вопросамъ; молитва къ Богородицѣ во время греческаго возстанія, списки митрополій, епископій, монастырей и экзархій, подвластныхъ патриаршему престолу и т. п. Всѣ статьи приложения приведены въ подлинникѣ (греческомъ текстѣ).

Въ концѣ книги, для удобства пользованія ею, приложено два указателя—собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ изслѣдованіи (I—XX) и документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніи (XXI—XXXI стр.).

Авторъ свою задачу выполнилъ блестяще: онъ въ своемъ изслѣдованіи прекрасно изобразилъ общую внѣшнюю и внутреннюю исторію Константинопольской церкви XIX-го в., и многимъ сторонамъ жизни далъ новое освѣщеніе, въ особенности благодаря тому, что впервые использовалъ архивные матеріалы, неизвѣстные во всемъ объемѣ ни въ русско-й, ни иностранной литературѣ. Къ числу такихъ явленій относится между прочимъ, вопросъ о вліяніи „Фанара“ и „фанаріатовъ“ на ходъ

церковно-исторической жизни Константинопольской патриархіи въ XIX вѣкѣ. Благодаря этому, трудъ автора—цѣнный вкладъ въ церковно-историческую науку. Но, помимо научнаго значенія, настоящее изслѣдованіе можетъ оказаться весьма полезнымъ и въ практическомъ отношеніи: оно можетъ оказать неоцѣненную услугу въ дѣлѣ оживленія церковныхъ сношеній нашего отечества съ православнымъ греческимъ востокомъ, въ интересахъ единства вѣры православныхъ народовъ, въ взаимной любви и общаго христіанскаго единомыслія, къ чему такъ стремится константинопольская церковь и чему много препятствуетъ наше взаимное незнаніе.

Пожелаемъ явившемуся въ свѣтъ I тому изслѣдованія И. И. Соколова широкаго распространенія въ публикѣ, интересующейся историческими судьбами православной Константинопольской церкви, а автору—скорѣйшаго выполненія второй половины намѣченной имъ задачи.

И. Козицкій.

Старообрядческій Вѣстникъ. Ежемѣсячный журналъ. № 1, январь 1905 г.

Въ „Мисс. Обзор.“ сообщалось, что старообрядцы-раскольники съ Новаго года рѣшили обзавестись своимъ печатнымъ періодическимъ изданіемъ. Въ настоящее время предъ нами лежитъ № 1 „Старообрядческаго Вѣстника“, изданнаго за-границей,—въ Австріи, въ Буковинѣ.

Однако новорожденное литературное дѣтище старообрядчества производитъ впечатлѣніе слабосильнаго, худосочнаго, почти что мертворожденнаго.

Первый № „Старообрядч. Вѣстника“ — сѣренькая по обложкѣ, пестрая по содержанію, тощая по объему книжка въ 60 страницъ журнала + 23 стр. приложения. Книжка предварена сухой, но самохвальной передовицей буквально въ 20 строкъ, въ которыхъ проведена, но не закончена, одна мысль—что печатное слово—сила, старообрядцы доселѣ не пользовались „орудіемъ періодической печати“, что печально отразилось на живущихъ въ Россіи старообрядцахъ, которые „представляютъ собою коренное русское населеніе, исповѣдуютъ русскую православную (?) вѣру, являясь охранителями русскихъ національныхъ особенностей“. Позволительно спросить, а что же собою представляетъ господствующая въ Россіи православная вѣра и Церковь? Очевидно ересь! Впрочемъ, „Старообрядч. Вѣстн.“ благоразумно замалчиваетъ „господствующую Церковь“, какъ бы несуществующую, и въ своей программѣ совсѣмъ не ставитъ и задачей ни борьбу, ни защиту отъ нея съ православіемъ, ни

стремленіе къ скорѣйшему миру и единенію съ господствующею Церковью. Эта христіанская, родная и, казалось бы, близкая цѣль не входитъ въ планы духовныхъ руководителей раскола. Но симпатично и то, что „Стар. Вѣстн.“ не общается и не выражаетъ той ненависти и дерзости въ отношеніи господствующей Церкви, какими отличалось мельниковское „Слово правды“.

Программа старообрядческаго журнала изложена на 4 стр. обложки въ такомъ видѣ:

Въ настоящее время въ Россіи старообрядческій вопросъ, въ числѣ другихъ неотложныхъ вопросовъ, самую жизнь поставленъ на очередь и настойчиво ждетъ своего рѣшенія: имъ занимаются различныя государственныя лица и учрежденія, его усердно изслѣдуютъ многіе ученые, имъ горячо интересуется общество.

Идя на встрѣчу этому отрадному явленію, „Старообрядческій Вѣстникъ“ ставитъ себѣ задачей: помогать безпристрастной разработкѣ и добросовѣстному освѣщенію старообрядческаго вопроса и отношенія къ нему русской государственной церкви, быть выразителемъ нуждъ и желаній старообрядцевъ и отражателемъ ихъ жизни и вліять на воспитаніе ихъ молодого поколѣнія въ религіозно-нравственномъ духѣ и направленіи.

Сообразно этому, „Старообрядческій Вѣстникъ“ будетъ давать свѣдѣнія о правовомъ и общественномъ положеніи старообрядцевъ, лѣтопись событій въ ихъ церкви, а также—статьи и документы религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія и вообще—имѣющіе нравственно-воспитательное значеніе, или относящіеся къ жизни старообрядческой церкви и ея іерархіи.

Такимъ путемъ—изданіемъ старообрядческаго органа въ сказанномъ духѣ и направленіи—легче, скорѣе и прочнѣе можетъ быть достигнуто и единеніе старообрядцевъ между собою, необходимость и польза котораго очевидна и несомнѣнна и къ достиженію котораго такъ пламенно всегда стремились и стремятся всѣ наиболѣе благородные изъ нихъ.

„Старообрядческій Вѣстникъ“ будетъ выходить ежемѣсячно книжками не менѣе пяти печатныхъ листовъ (80 стр.) каждая.

Подписная плата на годъ: десять кронъ; для Россіи: пять рублей.

Не останавливаясь въ настоящей замѣткѣ на разборѣ ни содержанія, ни программы, ни статей журнала, мы лишь опишемъ внѣшнюю сторону старообрядческаго журнала.

Въ распредѣленіи печатнаго матеріала, редакція, повидимому, копируетъ нѣкоторые изъ нашихъ миссіонерскихъ журналовъ. Впередѣ поставленъ отдѣлъ: *общезбогословскій*. Отдѣлъ этотъ въ № 1 составляютъ два слова Иннокентія Усова, представляющія слабенькія, холодныя, мало говорящія уму и сердцу разсужденія на тему, первое слово—„о степеняхъ совершенства нравственнаго“, а второе слово—„о причинахъ войнъ“. Кое-гдѣ авторъ имѣетъ претензію на умственное квази-философское углубленіе, конечно, заимствованное изъ печатныхъ трактатовъ

умныхъ людей. Характерно одно, что ничего нѣтъ *старообрядческаго* въ этихъ опытахъ живого слова проповѣди раскольниковъ духовнаго витія.

Въ томъ же отдѣлѣ помѣщена рѣчь „архіепископа московскаго“ Іоанна Картушина — „по случаю русско-японской войны“. Эта рѣчь производитъ доброе впечатлѣніе,—она сердечна и патриотична, и ее помѣстилъ бы любой нашъ журналъ. И если бы редакторъ „Старообрядч. Вѣстника“ былъ опытный и чуткій, онъ бы этой рѣчью непременно возглавилъ свой органъ. Въ рѣчи о. Іоанна такъ ярко сказался единоутробный братъ нашего православнаго талантливаго миссіонера Каллиника Авксентьевича Картушина. А все-таки скудно авторами богословіе старообрядческое,—кромѣ 3 поученій ничего нѣтъ въ отдѣлѣ.

Второй отдѣлъ *историческій*. Помѣщенные въ немъ двѣ статейки (святые страстотерпцы Феодоръ и Лука и житіе митр. Амвросія) представляютъ собою только пародію на исторію.

Третій отдѣлъ—„*Внутреннія дѣла старообрядческой церкви*“. Здѣсь помѣщены статьи: „Старообрядческая іерархія“—справочныя свѣдѣнія о дѣйствующихъ и заштатныхъ раскольниковъ архіереяхъ съ краткими биографическими свѣдѣніями (формуляръ). Только три „старообрядческихъ іерарха“ возвеличены сообщеніемъ свѣдѣній о заслугахъ. Такъ объ Іоаннѣ Картушинѣ сказано:

„*Іоаннъ* архіепископъ московскій; родомъ изъ Островской станицы Донской области. Родился въ 1837 году; принялъ иночество въ 1891 году; рукоположенъ во епископа на Донскую епархію въ августъ 1898 года Арсеніемъ, епископомъ уральскимъ, въ сослуженіи съ другими епископами. 16-го октября того же года, по опредѣленію собора, возведенъ въ санъ московскаго архіепископа. Въ 1901 году, за отказъ дать подписку въ сысковой полициі не именоваться архіепископомъ московскимъ и не служить въ облаченіи, административно сосланъ былъ въ г. Тулу на два года подъ надзоръ полициі. По окончаніи срока ссылки ему, какъ состоявшему подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ, воспрещено проживаніе въ Москвѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Въ слѣдствіе этого онъ вынужденъ былъ поселиться во Владимірской губ. близъ станціи Дулево (Орѣховскій под. п.), гдѣ проживаетъ и доселѣ, управляя дѣлами старообрядческой московской архіепископін. До рукоположенія въ санъ архіепископа онъ успѣшно производилъ публичныя бесѣды съ миссіонерами. Имъ составлено нѣсколько сочиненій и проповѣдей, одна изъ которыхъ помѣщена у насъ въ настоящемъ №“.

Объ Арсеніи Швецовѣ воспѣваютъ такъ:

„Онъ извѣстенъ какъ выдающійся вѣропроповѣдникъ; произвелъ множество бесѣдъ съ миссіонерами духовнаго вѣдомства, высланными противъ старообрядцевъ; написалъ множество сочиненій въ защиту старообрядческой церкви и ея іерархіи, изъ которыхъ наиболѣе примѣчательны: «Истинность», «Оправданіе старообрядствующей іерархіи», «Показаніе всеобдержности двоеперстнаго сложенія и погрѣшностей противъ святаго

Евангелія новообрядствующей грекороссійской церкви». Кромѣ того, имъ изданы «Поморскіе отвѣты», «Зитуменось», «Объ антихриствѣ» и нѣкотор. друг.».

О заслугахъ Иннокентія Усова журналъ гласить слѣдующее:

„Онъ извѣстенъ, какъ выдающійся проповѣдникъ и авторъ многихъ пѣнныхъ сочиненій, изъ которыхъ упомянемъ слѣдующія: „Церковь Христова временно безъ епископа“, „О крещеніи греческой церкви и митрополита Амвросія“, „О мѣропомазаніи священнослужителей, присоединяемыхъ къ православію отъ ереси втораго чина“, „О посланничествѣ митрополита Амвросія“.

Далѣе идетъ статья „объ управленіи старообрядческой церкви“ съ приведеніемъ „документовъ, относящихся къ управленію старообрядческой церковью и избранію первенствующаго іерарха въ Россіи (?)“. Эти свѣдѣнія имѣютъ цѣнность для исторіи современнаго раскола, и мы о нихъ скажемъ особо.

Далѣе идетъ „Лѣтопись событій 1904 г.“ Замѣтимъ, что лѣтопись очень пустая и скучная, заканчивающаяся корреспонденціями, въ духѣ и стилѣ газетныхъ воплей объ угнетенной невинности. Однако нѣкоторые эпизоды „объ утѣсненіи“ раскола таковы, что о нихъ приходится сказать новому органу: „ври, да знай же мѣру“. Такова повѣсть объ о. прот. Фіалковскомъ, надѣлавшемъ якобы скандалъ въ родильномъ домѣ, по поводу крещенія раскольникьяго младенца. Зная о. Фіалковскаго, мы рѣшительно заявляемъ, что тутъ что-то не такъ и надѣемся опровергнуть эту клевету на почтеннаго, глубоко терпимаго пастыря, любимаго самими раскольниками.

Заканчивается журналъ отдѣломъ: „Вѣсти изъ Россіи“, гдѣ помѣщена легенькая, безъ всякой силы мысли и одушевленія, статья подъ заглавіемъ: „Старообрядческій праздникъ“ по поводу 6 и. Высочайшаго указа и раскольникьихъ вождедвій, и затѣмъ—оригинальная замѣтка: „Табачная милостыня“, гдѣ авторъ раскольникъ негодуетъ по поводу того, что старообрядцы посылаютъ солдатамъ на войну табакъ.

Приложеніе включаетъ въ себѣ: „Дѣла пяти первыхъ старообрядческихъ съѣздовъ“. Пока описано нѣсколько засѣданій съѣздовъ. Это приложеніе будетъ имѣть весьма важное значеніе для расколовѣднія.

Вѣтъ и все содержаніе № 1 „Старообрядч. Вѣстника“. Подробнѣе скажемъ по выходѣ слѣдующихъ книжекъ.

Э. Я.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

(Мысли и впечатлѣнія миссіонера).

О нашихъ духовно учебныхъ заведеніяхъ въ связи съ запросами современности.

Запросы современности... Они подобны рою насѣкомыхъ, носящихся лѣтомъ въ воздухѣ. Въ открытыя окна насѣкомыя летятъ неудержимо,—и нѣтъ силъ разогнать ихъ по сторонамъ!..

Такъ и Россія обуревается всякими запросами. Не перечестъ ихъ. Отъ нихъ покоя нѣтъ, нѣтъ и избавленья. Лишь наивнѣйшіе изъ обывателей думаютъ, что отъ назойливыхъ запросовъ можно отбиться всякими пугалами. Другіе болѣе нервныя и консервативныя люди поступаютъ рѣшительнѣе. Они предлагаютъ смѣлую мѣру— „прихлопнуть всякія волненья“ и сидѣть себѣ дома покойно!..

Легко сказать это; не трудно, конечно, мечтать о чемъ угодно вопреки жизни, да что изъ того можетъ выйдти? Говорите юношѣ весною, когда деревья распустились и воздухъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ,—говорите ему: „сиди въ комнатахъ при закрытыхъ окнахъ. Не то—сохрани Богъ—простудишься“...

Здоровый юноша не послушается старческихъ совѣтовъ. Онъ всѣ силы употребитъ на то, чтобы ходить подъ живительнымъ солнцемъ, на свѣжемъ воздухѣ. Онъ страстно будетъ рваться на просторъ, чтобы любоваться красотами природы...

Подобно этому, современная Россія рвется къ свободной и сознательной жизни.—Родина наша—что могучій богатырь, Илья Муромецъ. Сидѣла она сиднемъ тридцать и три года, — долго дремала на своихъ старожитныхъ устояхъ. А вотъ теперь всколыхнулась—и грозно заволновалась подъ вліяніемъ несчастной войны съ Японіей. Стыдно ей стало за свои униженія, и она крѣпко задумалась: почему и отъ чего происходятъ эти униженія?..

Такъ, по нашему мнѣнію, образовалось броженіе въ интеллигентномъ обществѣ ¹⁾. Это броженіе подхватила рабочіе по всей Россіи,—которымъ, безспорно, живется тяжело, „нудно“. И пошли стачки да забастовки по разнымъ городамъ. Напряженно ищутъ рабочіе лучшихъ жизненныхъ условій для себя.

Куда при этихъ условіяхъ придетъ наша Россія?

Сказать мудро,—но хочется вѣрить, что родина наша послѣ пережитыхъ потрясеній выйдетъ на настоящую дорогу и заживетъ спокойной и разумной жизнью... Но несомнѣнно одно, что Россія стоитъ на опасномъ распутьѣ, переживаетъ одно изъ тяжелыхъ историческихъ лихолѣтій.

Если такъ, всѣ мы обязаны благожелательно отнестись къ поискамъ лучшихъ условій быта въ нашемъ обществѣ,—всѣ... и духовенство въ частности.

Духовное сословіе до сихъ поръ всегда старалось занять *руководящее* положеніе въ жизни. Руководило оно людьми, конечно, по своему, какъ умѣло. Но нынѣ,—говоритъ преосв. Евдокимъ, ректоръ Моск. Дух. Акад.,—„насъ просятъ войти въ жизнь и сказать свое слово о каждомъ ея явленіи. Насъ просятъ быть полно-властными участниками жизни, а не зрителями только, при томъ откуда нибудь изъ-за угла. Насъ просятъ положить въ основу каждаго жизненнаго явленія вѣковѣчныя истины Евангелія. Просятъ изъ библиотекъ, гдѣ теперь большею частью хранятся наши истины, перевести ихъ въ жизнь,—устроить жизнь по небесной правдѣ, по Божьи...

Это—дорогая и рѣдкая минута въ жизни нашихъ пастырей... Это—сильное Божіе предостереженіе намъ передъ грознымъ грядущимъ будущимъ“ ²⁾...

Слова преосвященнаго ректора правдивы и невольно просятся въ душу. Только, въ тревогѣ, хочется хорошенько осмотрѣться и спросить: какъ же наши пастыри справляются съ современной жизненной задачей?

Повидимому, они еще не уяснили себѣ переживаемыхъ обстоятельствъ и сами мнутъ. Такое именно впечатлѣніе оставляли по себѣ рѣчи петербургскихъ священниковъ на пастырскомъ собраніи. Вслѣдствіе того въ духовной средѣ случаются прискорбныя явленія. Намъ рассказывали, что одинъ проповѣдникъ на фабрикѣ—что называется—разругалъ рабочихъ за стачку и свою

¹⁾ Ср. фельетонъ М. О. Меньшикова въ 10403 № Нов. Вр., „Россія ранена“.

²⁾ Богосл. Вѣстн. 1903 г. т. III, стр. 338.

рѣчью не только не успокоилъ слушателей, а еще болѣе возбу-
дрилъ ихъ...

Другіе проповѣдники, на основаніи своихъ умозрѣній, говорятъ
мягущемуся народу о терпѣннѣи и покорности, а самаго рабочаго
движенія по существу не обсуждаютъ.

А иные поступаютъ еще хуже. Объ этихъ пастыряхъ-пропо-
вѣдникахъ можно сказать нѣчто грустное,—то, что пишетъ „Церков-
ный Вѣстникъ“. Онъ, подобно преосв. Евдокиму, утверждаетъ, что
мы переживаемъ „смутные дни“. Тысячи рукъ простерты къ па-
стырю съ мольбой—показать имъ путь правый въ жизни. Люди,
по словамъ „Церк. Вѣстника“, говорятъ нашимъ священникамъ:
„низведите небо на землю, чтобы мы видѣли вашу правду не
только тамъ, въ далекихъ заоблачныхъ вышинахъ, въ невѣдомныхъ
намъ мірахъ, но и здѣсь—на землѣ, въ этой бѣдной и убогой
жизни, съ ея мелочами и незатѣйливыми радостями и печальми“.

Что же наши священники?

„Церковн. Вѣстникъ“ пишетъ: „въ отвѣтъ на требованіе жизни
выходитъ на кафедру пастырь съ какой-то убогой тетрадкой и
начинаетъ говорить что-то „въ пространство“, а не живымъ лю-
дямъ съ ихъ скорбями и радостями, не касаясь ничьего сердца,
ни ко кому не обращаясь. Въ его словахъ нѣтъ той силы и оду-
шевленія.., жизненности и свѣжести.., которыя покоряютъ толпу;
нѣтъ, на немъ лежитъ печать безучастія, холодной скуки и равно-
душія къ тѣмъ святымъ словамъ, которыя произносятъ уста“.

Современному нашему пастырству, порабощенному „тетрадкой“
и „рутиной“, „Церк. Вѣстникъ“ произноситъ, так. обр., суровый
приговоръ. Онъ отмѣчаетъ въ немъ неумѣнье говорить свободно
и вдохновенно на злобы дня...

Горько это слышать, но мы утѣшаемся, что академическій
журналъ говоритъ только о меньшинствѣ среди нашихъ пасты-
рей. Большинство же, хотя, можетъ быть, и не способно на творческія
импровизаціи, тѣмъ не менѣе оно достаточно жизненно и авто-
ритетно; оно умѣетъ назидать своихъ прихожанъ.

Однако для христіанина православнаго обидна самая мысль,
что среди нашихъ пастырей попадаются проповѣдники, подобіе
которыхъ описалъ Церк. Вѣстникъ. Эти несчастные проповѣдники—
истинно ложка дегтя въ бочкѣ меда нашего пастырства. Отъ
нихъ печальная тѣнь ложится на всѣхъ священниковъ. Они сво-
ими „пустопорожними“ рѣчами роняютъ званіе церковныхъ про-
повѣдниковъ и заставляютъ мірянъ думать, будто въ нашихъ
проповѣдяхъ, „по обычаю“, нѣтъ знанія психологін современни-
ковъ и все излагается тускло, шаблонно, неубѣдительно...

На нашу бѣду, послѣднія горестныя событія съ новой силой заставили газеты *сурово* говорить о всемъ православномъ пастырствѣ. Люди изъ общества поражены были тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дни народныхъ волненій въ С.-П.-бургѣ съ церковной каѳедры не раздалось ни одного поученія, о которомъ бы толпа говорила, которымъ бы она волновалась и обсуждала. По этому поводу „С.-П.-бургскія Вѣдомости“ спрашиваютъ: „гдѣ нынѣ живой духъ православія?.. Почему впереди всѣхъ, радѣвшихъ о сохраненіи порядка и чужой жизни въ черный день 9 января (въ П.-бургѣ), не было съ крестомъ въ рукахъ нашего исторически на то призваннаго духовенства?“

Почему? Отчего?

Отвѣтъ на вопросъ въ тѣхъ же СПБ. Вѣдом. пробуетъ дать о. Т. Черкасскій. Онъ пишетъ: „виновата тутъ вся невозможная система нашего богословскаго образованія: наши духовныя школы, откуда пастыри вышли ужъ съ вытравленнымъ и опустошеннымъ „нутромъ“, годнымъ только къ канцелярско-бюрократической службѣ, и еще болѣе виноваты невозможныя условія служенія и дѣятельности всего православнаго священства“... (№ 21).

Такимъ образомъ, причину безжизненности нашихъ пастырей-проповѣдниковъ о. Черкасскій видитъ прежде всего въ общемъ строѣ духовнаго образованія и воспитанія. Это рѣшеніе вопроса кажется намъ серьезнымъ, заслуживающимъ полнаго вниманія. Такъ что мы находимъ благовременнымъ въ настоящій разъ только на указанной причинѣ и остановиться.

Но—признаемся—къ своей задачѣ мы приступаемъ „съ нарочитой опасливостью“. Насъ тяготитъ мысль: а вдругъ насъ найдутъ „малокомпетентными“ въ рѣшеніи труднѣйшаго вопроса современной духовной жизни? А что, если скажутъ: „не за свое дѣло берется?..“

Пусть говорятъ: говорить такъ легко. Мы же утѣшаемъ себя тѣмъ, что и большія рѣки состояются изъ ручьевъ—рѣчекъ. Никто при этомъ не скажетъ, что для общаго воднаго бассейна тотъ или другой притокъ не нуженъ... Такъ и въ рѣшеніи сложныхъ задачъ жизненныхъ: одинъ умъ хорошъ, а два и больше—лучше. Лишь бы людьми руководила чистая совѣсть, да была искренность, да любовь къ дѣлу. Тогда изъ многихъ человѣческихъ мнѣній обязательно получится правдивое и жизненное заключеніе.

Итакъ, мы позволимъ себѣ высказаться *по существу* о нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Рѣчь свою начнемъ съ академіи нашихъ—съ этихъ „наставницъ наставниковъ“.

Что же, по совѣсти, можемъ мы сказать о нашихъ духовныхъ академіяхъ?

Много въ ихъ строѣ есть хорошаго, за что родную Московскую академію мы вспоминаемъ съ нѣжностью. Намъ отраднѣе думать о своемъ студенчествѣ,—о томъ времени, когда мы много читали, думали, спорили и волновались. Бывало, за семестряки садилъсь—словно священнодѣйствуешь. Думаешь сказать *непрѣменно* „новое слово“; хочешь къ извѣстнымъ научнымъ даннымъ „привнести“ и свое „посильное“ соображеніе...

Это развивало въ студентахъ *самодѣятельность*, это будило ихъ мысль и рисовало ей широкіе горизонты. За одну эту черту мы всегда будемъ благословлять родную академію!..

Волновали насъ и инныя лекціи профессоровъ. На такія лекціи къ примѣру—по русск. гражд. исторіи,—мы сходились всеѣ академіей и слушали, съ наслажденіемъ слушали...

Но и грустныя воспоминанія соединяются у насъ съ лекціями нѣкоторыхъ профессоровъ. Какъ сейчасъ видимъ мы такую картину: огромная аудиторія, много скамеекъ для слушателей, а почти никого въ аудиторіи нѣтъ. Три-пять студентовъ зажались на заднихъ скамьяхъ и что-то читаютъ и пишутъ...

Входитъ профессоръ. Безстрастно садится онъ за кафедру, раскладываетъ тетрадку и монотонно, вяло начинаетъ „читать“ лекцію. Читаетъ, конечно, въ пространство, потому что аудиторія пуста, да и то читается—поразительно безжизненно и сухо. На такія лекціи ходили мы „по очереди“, съ неохотой; объ этихъ „чтеніяхъ“ грустно даже вспоминать. По поводу ихъ такъ и хочется крикнуть инымъ профессорамъ:—гг! пожалуйте молодежь. Въдь не вся она готовится въ преподаватели классической филологіи и науки о разныхъ древностяхъ. Большинство студенческой молодежи серьезно волнуется современными запросами въ области религіи, нравственности, философіи и естествознанія. Такъ давайте же студентамъ *живыхъ* руководящихъ лекцій по этимъ предметамъ, да и въ другихъ областяхъ не томите ихъ съ кафедры убивающей мелочностью. А главное—говорите, какъ живые люди, и васъ будутъ слушать *безъ очереди*, — всѣхъ будутъ слушать съ охотой!..

Намъ кажется, что голосъ нашъ не единичный; въ послѣднее время его дружно поддерживаютъ студенты всѣхъ академій. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства академіи наши должны дрогнуть и выйти изъ своего олимпійскаго спокойствія. Иначе съ ихъ мудростью можетъ случиться то же (ужъ и не случается-ли?), что бываетъ, по словамъ проф. А. И. Введенскаго, „съ иными слыш-

комъ бережливыми хранителями бумажныхъ денежныхъ знаковъ: приносить такой хранитель для размѣна на звонкую монету ассигнацію, но размѣнять не можетъ, такъ какъ—увы!—появились уже ассигнаціи новаго образца, а для старыхъ прошелъ даже и послѣдній срокъ давности“ 1)...

Это правда—страшная правда! Наши богословы и даже профессора иные носятся съ положеніями, которые для теперешняго критическаго сознанія кажутся устарѣлыми. Ихъ бы освѣжить нужно, приспособить къ уровню современныхъ научныхъ данныхъ, а у насъ еще мало для этого мастеровъ. Мы все еще, по традиціи, трясемся надъ престарѣлыми ассигнаціями,—изучаемъ „вольтерьянцевъ“ и бросаемъ „общій ваглядъ“ изъ „новыхъ отрицателей“ на Фейербаха и Ренана. Что же касается до философин Л. Толстого и Ницше, до отрицаній нѣмецкихъ социаль-демократовъ,—то о нихъ мы ничего не слышали на лекціяхъ. Слышатъ-ли чтонибудь наши преемники—студенты теперь?..

А какъ это грустно и какъ вредно сказывается на настроеніи учащейся молодежи, разлагаемой отрицаніями и подъ напоромъ ихъ остающейся безпомощной, или побѣждаемой ими!..

Пора нашимъ руководителямъ перестать быть неисправными мечтателями и хоть теперь, подъ впечатлѣніемъ грозныхъ общественныхъ движеній, сойти на землю, въ кругъ живыхъ людей съ ихъ современными думами и волненіями...

Между тѣмъ дѣйствительность говоритъ намъ о другомъ. Для примѣра—и не въ обиду—упомянемъ о занятіяхъ въ 1904 году въ СП—бургѣ „христіанскаго союза учащейся молодежи“. Союзъ этотъ—отраднѣйшее явленіе на фонѣ русской жизни. Составляютъ его студенты высшихъ столичныхъ учебныхъ заведеній,—люди, настроенные благородно, идеалистически. Въ числѣ неофициальныхъ руководителей его есть профессоръ—докторъ богословія, есть кандидаты академіи и даже профессора университета.

Козалось бы, въ этомъ-ли „содружествѣ“ не пересмотрѣть того, чѣмъ волнуется современная интеллигенція, что еще такъ недавно служило предметомъ докладовъ и горячихъ преній въ религиозно-философскихъ собраніяхъ?

Такъ нѣтъ: по тону, заданному академіями нашими, руководители „содружества“ держали его на почтительномъ разстояніи отъ дѣйствительныхъ волненій, которыми раздирается свѣтское общество наше; вслѣдствіе того занятія „содружества“ академи-

1) Богосл. Вѣстн. 1903 г. т. III, стр. 243.

чески,—пожалуй, серьезны и интересны, но мало современны и односторонни.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, слѣдуетъ ознакомиться съ темами докладовъ въ „содружествѣ“ за истекшій годъ 1). Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ темъ: о религіозномъ міровоззрѣніи первыхъ славянофиловъ; о нравственномъ міровоззрѣніи св. Іоанна Златоуста; о войнѣ съ христіанской точки зрѣнія (что, впрочемъ, еще современно), о нетлѣнии Св. мощей, о воззрѣніи Вл. Соловьева на Церковь; о воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка: о существенныхъ элементахъ понятія Церкви воинствующей и т. п.

Короче сказать: о современныхъ религіозно-философскихъ движеніяхъ въ наукѣ и жизни въ „содружествѣ“ не докладывалось. А вѣдь свѣтскіе юноши, безъ сомнѣнія, знаютъ о нихъ; можетъ быть и сами страдаютъ отъ неразрѣшенности ихъ. Почему же „содружество“ своимъ докладомъ не придастъ характера совершенно жизненно-современнаго?

Вѣроятно, по этой причинѣ засѣданія „содружества“, какъ мы имѣли возможность лично убѣдиться, сравнительно слабо посѣщаются духовными студентами: отвлеченныя и полуотвлеченныя „чтенія“ имъ прискучили въ Академіи 2)..

Объ этой боязни современности и замалчиваніи волнующихъ насъ вопросовъ въ докладахъ „Содружества“ нужно поскорѣе глубоко.

Ищущимъ духовнаго свѣта интеллигентамъ наши богословы и профессора могли бы показать блестящіе горизонты религіозной философіи, нестрашащейся современности, а именно на исходныхъ началахъ ея и созидающей свои основные устои.

Но чтобы все это случилось съ нами, наши академіи должны взять „новый курсъ“; за ними охотно пойдутъ и рядовые богословы. Общія черты этого „курса“ намѣчаетъ проф. А. И. Венденскій,—что мы и выскажемъ, какъ *ria desideria*, для всѣхъ нашихъ академическихъ дѣятелей.

Досточтимый Алексѣй Ивановичъ пишетъ: „въ цѣляхъ успѣха предстоящей (студентамъ дух. академій) внутренней миссіи, имъ необходимо, ожививъ въ своемъ сознаніи завѣты „золотого вѣка“

1) По поводу этого года въ жизни «содружества» мы только и говоримъ.

2) Говоря такъ, мы отнюдь не подрываемъ въ обществѣ довѣрія къ «содружеству». Мы отмѣчаемъ лишь одну черту его, вполне надѣясь, что въ дальнѣйшіе годы «Содружество» для интеллигентной молодежи станетъ истинной школой богословско-философскаго знанія,—чего ему мы отъ души желаемъ...

христіанскаго просвѣщенія, возможно внимательнѣе относиться не только къ содержанію общаго просвѣщенія и такъ называемой „свѣтской“ литературы, но и къ самымъ ея литературнымъ приѣмамъ, къ ея формѣ, чтобы говорить съ обществомъ его языкомъ, бороться съ его предразсудками его же оружіемъ и пользоваться, для положительнаго раскрытія христіанской истины, его же собственными приѣмами и соображеніями, досказывая и доразвивая, возводя до полной истины частичные намеки на нее, чаянія и предвосхищенія, которыми, часто въ трудно узнаваемой формѣ, полна и естественная мысль, особенно въ ея лучшемъ отраженіи: въ современной наукѣ, искусствѣ и литературѣ“¹⁾).

Конечно, мысли проф. А. Н. Введенскаго едва-ли кто станетъ оспаривать. Какъ мы знаемъ по собственному опыту, ихъ уже и осуществляютъ студенты дух. академій собственными усиліями, иногда безъ всякой помощи профессоровъ. Но для чего же тогда академическія лекціи, часто далекія отъ запросовъ жизненныхъ и на которыя студенты ходятъ только по очереди?

Дай Богъ академіямъ нашимъ обновиться именно въ зависимости отъ религіозныхъ и научно-философскихъ потребностей времени. Тогда они станутъ истинными свѣточами для очень многихъ людей, ищущихъ богословско-философскаго знанія...

А теперь перейдемъ къ нашимъ *духовнымъ семинаріямъ*. Мы уже говорили о ненормальной постановкѣ въ нихъ богословскихъ предметовъ. Наши слова, пожалуй, многихъ не убѣдили. Такъ вотъ—предъ нами письмо одного батюшки изъ Донской области. Письмо прислано намъ человѣкомъ, лично незнакомымъ. Онъ на себѣ самомъ *выстрадалъ* недостатки семинарскаго преподаванія: много думалъ о нихъ и имѣеть о предметѣ ясное представленіе. Мы считаемъ долгомъ подѣлиться съ читателями содержаніемъ этого письма и думаемъ, что черезъ то вызовемъ ихъ на обменъ мыслей по поводу лучшаго будущаго нашихъ семинарій.

О. Н. В—овъ намъ писалъ:

„Недавно я прочелъ вашу статью въ 19 кн. „Мисс. Обзор.“ за 1904 г. подъ заглавіемъ: „Сложный вопросъ“. Статью эту я прочелъ съ живѣйшимъ интересомъ и спѣшу вамъ выразить свою благодарность за то, что вы своевременно подчеркнули въ печати одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ въ нашемъ семинарскомъ обученіи. Надъ этимъ вопросомъ я задумывался не разъ и недоумѣвалъ, почему никто не обращаетъ на него вниманія?

Да, совершенно справедливо ваше замѣчаніе, что собственно Библии въ нашихъ семинаріяхъ не изучаютъ; для семинаристовъ

1) Богосл. Вѣстн. 1903 г. т. III, стр. 246—247.

она „пока“ закрыта.—Скажу вамъ о себѣ. Я окончилъ Дух. семинарію 10 лѣтъ тому назадъ. Свящ. Писаніе у насъ изучалось по учебнику Аванасьева. Если иногда мы и читали Библию, то лишь отдѣльныя ея главы, избранныя отдѣльчики и то лишь на славянскомъ языкѣ. Насколько я мало былъ знакомъ съ Библией—можно судить по тому, что я въ 4 кл. семинаріи лишь на экзаменѣ изъ устъ одного изъ преподавателей—ассисентовъ узнать, что у пр. Іезекииля есть чудное видѣніе о полѣ съ сухими костями, которыя, по слову пророка, ожили.

Въ 5 кл. я, кажется, въ первый разъ прочелъ изъ Дѣян. Ап—скихъ о Корнилиі Сотникѣ.—Въ семинаріи у меня не было Библии на русскомъ языкѣ. Я ни разу за это время не прочелъ всего Новаго Завѣта и совѣмъ не читалъ Апокалипсиса... Догматика и прочія богословія изучались у насъ безъ Библии, по однимъ учебникамъ.

И вотъ при такихъ познаніяхъ библейскихъ, волею судебъ, облекся я въ рясу. Три года пробылъ я діакономъ, не заглядывая въ Библию... Священникомъ я назначенъ былъ въ приходъ съ сектантами. Столкнувшись съ ними, я почувствовалъ *всю безжизненность и недостаточность* своей семинарской подготовки къ отвѣтственному іерейскому служенію.—Ходя по приходу съ молитвой, я зашелъ и къ штундистамъ, года два-три совращеннымъ въ ересь. Жутко было на душѣ, при встрѣчѣ съ невѣдомымъ противникомъ, но долгъ требовалъ дѣйствовать. Я засталъ дома хозяйку съ сыномъ лѣтъ 10—12-ти. Зная, что дѣти, рожденныя въ православіи, должны въ немъ и воспитываться, я затѣялъ разговоръ съ мальчикомъ; я спросилъ его: знаетъ-ли онъ молитвы?

Подъ руководствомъ матери онъ отвѣчалъ, что знаетъ „Отче нашу“.

— А умѣешь-ли ты креститься?—спросилъ я.

Мать подсказала сыну, что „*Богъ не требуетъ служенія рукъ человеческихъ*“.

Откуда приведенъ былъ этотъ текстъ и какъ его правильно понимать, я въ тѣ поры не вѣдалъ. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты выходитъ братъ хозяйки штундистъ; онъ попросилъ меня присѣсть и показать въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ сказано, что христіане должны креститься?

Я взялъ въ руки свящ. книгу и началъ въ ней что-то искать, но ничего не нашелъ и долженъ былъ придумать жалкое оправданіе, что я не привыкъ къ большому формату Новаго Завѣта и скоро не могу найти въ немъ нужные тексты.—Сектантъ любезно пригласилъ меня еще когда нибудь зайти для бесѣды, но... я не воспользовался его приглашеніемъ и долго не рѣшался доказывать правоту своего упованія отъ Библии.

Вынужденный обстоятельствами, я занялся чтеніемъ русской Библии и самостоятельнымъ изученіемъ миссіонерскихъ пособій. И лишь тогда я почувствовалъ всю прелесть библейскаго повѣствованія, его силу, красоту и назидательность. Чтеніе русской Библии, особенно Новаго завѣта, меня такъ очаровало, что я цѣлыя

главы заучивать наизусть и готовъ былъ затвердить цѣлыя посланія...

Тогда-то я пожалѣлъ, почему въ семинаріи насъ не заставляли читать Библію въ рус. переводѣ,—почему не возбудили въ насъ тамъ любви къ ней и не заставляли тверже заучивать этихъ чудныхъ глаголовъ вѣчной жизни!..

Вслѣдствіе своей неподготовленности къ миссіонерскому служенію, я много грѣха принялъ на душу, много упустилъ благоприятныхъ моментовъ для вразумленія заблудившихся людей вскорѣ послѣ ихъ совращенія въ сектанство. вмѣсто того, чтобы учить другихъ,—на что меня поставили священникомъ,—я долженъ былъ самъ учиться и основательно прочитывать біблію.

Вотъ вамъ моя исповѣдь! О, какъ я бы желалъ, чтобы поднятый вами вопросъ о безжизненности семинарскаго образованія всесторонне былъ разсмотрѣнъ въ печати и скорѣ бы въ нашихъ семинаріяхъ совершилась коренная реформа, въ основу которой положенъ былъ бы принципъ, выраженный въ вашихъ словахъ: „къ источникамъ (біблейскаго) знанія, господа, ближе къ источникамъ, къ самымъ источникамъ!..“

Вотъ вопль изъ дѣйствительной жизни о нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Какъ мы видимъ, грѣхъ нашихъ семинарій о. Николай полагаетъ въ ихъ безжизненности и несогласованности программъ съ потребностями времени, а не въ различныхъ сочиненныхъ небылицахъ, которыми грезятъ досужіе референты. Тоже пишетъ о. П. Никольскій: „гдѣ мы—священники—могли получить хорошую подготовку къ миссіонерскому дѣлу?.. Вѣдь семинарія почти ничего не дала намъ по этой части. Только и осталось пригоднаго, что тысячу разъ заучивалось и по основному Богословію, по Догматикѣ, и по Богословію обличительному и по расколу: „*стойте, братія, и держите преданія*“... да „*Единъ ходатай*“... Да, мы выходимъ изъ семинарій неподготовленными, съ плохимъ знаніемъ миссіонерскихъ задачъ“¹⁾...

„Мы выходимъ изъ семинарій неподготовленными“... О, какія это горькія слова! сколько въ нихъ ужасной правды! Эта правда страшна и въ обыкновенное время,—теперь же она разрастается до ужасающихъ размѣровъ. Плохо было священникамъ, когда, неподготовленные къ своему служенію, они шли въ мирныя села и деревни. А теперь Русь горитъ отъ волненій. Нынѣ, говоря словами преосв. Евдокима, „мы переживаемъ смутные, тревожные дни. Во многихъ пробуждается желаніе все осмыслить и понять помимо всякихъ внѣшнихъ авторитетовъ и насильственныхъ руководствъ. Желаютъ, чтобы истина, ясно сознавалась и ощуща-

¹⁾ «Мис. Обзор.» 1905 г. стр. 94.

лась... Отсюда—современныя религіозныя сомнѣнія; отсюда—быстро растущее наше сектантство“¹⁾...

Такъ причину общественныхъ нашихъ волненій объясняютъ безпристрастные наблюдатели. Эту причину они видятъ въ ростъ сознанія русскихъ людей,—въ естественно усиливающимся ихъ критицизмъ,—что стоитъ въ прямой зависимости отъ распространенія образованія и грамотности въ нашемъ народѣ. — Между тѣмъ духовныя семинаріи не находятся на высотѣ современнаго положенія. Объ этомъ свидѣлствуютъ сами бывшіе питомцы семинарій послѣ жизненной провѣрки своихъ школьныхъ знаній. Тоже подтверждаютъ сторонніе наблюдатели въ періодической печати; о томъ же говорятъ волненія учениковъ въ разныхъ семинаріяхъ. Ясно, что эти образовательныя заведенія необходимо улучшить и поставить въ соотвѣтствіе съ потребностями времени.

Но какъ это сдѣлать? Въ какомъ направленіи желательны тутъ реформы?

За свою службу Епархіальнымъ миссіонеромъ мы видѣли сотни священниковъ; со многими изъ нихъ разговаривали о нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, встрѣчали людей вдумчивыхъ, съ широкимъ образовательнымъ горизонтомъ и безпристрастныхъ. Всѣ эти люди полагаютъ, что, въ виду новѣйшихъ теченій среди нашей молодежи, духовныя семинаріи необходимо *кореннымъ образомъ* переустроить, а не ограничиваться только составленіемъ для нихъ новыхъ и новыхъ „подтягивающихъ инструкцій“.

Къ этому „подслушанному“ нами говору жизни мы присоединяемся отъ всей души. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, намъ дальше закрывать своихъ глазъ на дѣйствительность. Мы видимъ, что бывшіе семинаристы толпами идутъ въ университеты, а многіе всячески избѣгаютъ священническаго служенія; слышимъ также о томъ, что въ разныхъ семинаріяхъ ученики буйствуютъ, недовольные своимъ жребіемъ...

Что-же: бороться-ли съ этимъ явленіемъ „палліативами“, частичными измѣненіями семинарскихъ программъ и учебно-воспитательнаго режима, или посмотрѣть на дѣло прямо, по существу, — не боясь коренныхъ преобразованій, требуемыхъ обстоятельствами времени?

Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ двухъ различныхъ отвѣтовъ быть не можетъ. Да: семинаріи наши нуждаются въ полномъ перерожденіи своего строя. Въ нихъ *спеціально-богословскій* курсъ долженъ быть

²⁾ Богосл. В. 1903 г., т. III, стр. 331.

рѣзко выдѣленъ изъ курса *обще-образовательнаго*. Тогда дѣло представится въ такомъ положеніи: пять классовъ духовныхъ училищъ и три первыхъ класса семинарій составятъ изъ себя учебное заведеніе, по научному уровню совершенно равное гимназіямъ.— У насъ должна изучаться лишь серьезно и основательно логика; наши воспитанники обязаны также съ малыхъ лѣтъ привыкать мыслить и литературно излагать свои мысли на бумагѣ.—Что же касается контроля за учебными заведениями,— то онъ долженъ быть доступенъ и для Министерства Народн. Просвѣщенія.

Послѣ такой *радикальной* реформы общеобразовательнаго курса духовно-учебныхъ заведеній,—успѣшно окончившимъ его воспитанникамъ *непремѣнно* слѣдуетъ открыть свободный и безэкзаменный ходъ во всѣ университеты и на всѣ факультеты. Пусть люди, нечувствующие любви къ пастырскому служенію, идутъ, куда влечетъ ихъ призваніе. *Насильно* при всякихъ программахъ ихъ нельзя расположить къ священству... Не образумить ихъ и строгими циркулярами!

Четвертый же, пятый и шестой классы въ преобразованныхъ семинаріяхъ составятъ изъ себя *спеціально-богословскій* курсъ для будущихъ пастырей. Сюда поступаютъ послѣ третьяго класса семинаристы, любящіе служеніе Церкви Божіей въ званіи священниковъ. Сюда же, *безъ экзаменовъ* 1) свободно допускаются гимназисты, воодушевленные тѣми же чувствами. Въ общемъ на богословскомъ курсѣ при семинаріяхъ образуется однородная масса, любящая богословскія науки и православное пастырство 2). Эту массу учениковъ не для чего будетъ „подтягивать“ къ церковности и къ занятію священнымъ Писаніемъ. То и другое они будутъ любить *свободно* и *охотно* станутъ изучать ихъ...

Въ тоже время *такъ* составленные богословскіе курсы будутъ *жизненны*. На нихъ станутъ обучаться воспитанники, взятые изъ этой жизни и по литературѣ уже знакомые съ жизненными вѣяніями. Теперь, при помощи философіи и основнаго Богословія, они лишь все оцѣнятъ строго-критически и выводы отсюда сложатъ въ продуманную религіозно-философскую систему, которая поможетъ имъ послѣ съ успѣхомъ воздѣйствовать на людей изъ общества.

Разумѣется, окончившіе *такіе* богословскіе курсы не побѣгутъ

1) Въ академію и семинаристы и гимназисты должны приниматься послѣ провѣрочнаго экзамена по богословско-философскимъ предметамъ.

2) Мы предполагаемъ, что будетъ, наконецъ, улучшенъ бытъ его...

отъ священства въ акцизъ,—что наблюдается часто теперь. Разумѣется, они еще на школьной скамьѣ ознакомятся съ Библіей и не станутъ „плакаться горько“ на свою учебу, подобно о. Николаю въ приведенномъ письмѣ...

Но, по нашему мнѣнію, вопроса о семинаріяхъ нельзя разрѣшать такъ, какъ пишетъ о. прот. Панормовъ въ 5 № Церк. Вѣстн. за текущій годъ. Нельзя думать, что семинаристамъ теперешняго типа мы можемъ запретить ходъ на свѣтскую службу путемъ сокращенія семинарскихъ программъ. Эти программы и безъ того не отличаются полнотою и законченностью, особенно по математикѣ, геометріи, физикѣ и словесности. Въ случаѣ же *новаго* сокращенія въ семинаріяхъ общеобразовательнаго курса онѣ близко подойдутъ къ второкласснымъ церковно-приходскимъ школамъ. И какая тогда интеллигентная борьба можетъ быть у нашихъ пастырей съ современнымъ невѣріемъ?..

Но, и помимо этого, предположенія о. Панормова бесполезны по существу. Если семинаристъ не захочетъ священствовать, такъ онъ и послѣ „усѣченнаго“ курса наукъ не войдетъ въ духовное сословіе. Онъ поступитъ въ акцизъ, на желѣзную дорогу, въ писцы, учителя и даже кассиры,—но не станетъ священствовать.

Такъ. Полумѣрами духовныхъ семинарій намъ не изтѣчить. И пора—давно пора понять это! Довольно и „заплатки класть“ на распатавшемся зданіи. Жизнь требуетъ другихъ „мѣропріятій“. Само правительство гражданское обращается нынѣ довѣрчиво къ голосамъ земли родной.

Къ *такимъ* „голосамъ“ небезполезно прислушаться и духовному вѣдомству. Жизнь безотлагательно требуетъ найти „бальзамъ на раны“ нашихъ учебныхъ заведеній и какъ можно скорѣе выдти изъ нынѣшняго заколдованнаго круга...

Д. Боголюбовъ.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Новые свободомыслящіе возражатели на бесѣдахъ.—Пренія о войнѣ.—Полицейскій протоколъ и приговоръ земскаго начальника.—Секта „Новый Израиль“ въ Скопинскомъ у.

Смута и вольномысліе даютъ себя чувствовать на всякомъ мѣстѣ и при всѣхъ случаяхъ, не исключая даже и нашихъ миссіонерскихъ народныхъ бесѣдъ. Къ многочисленному союзу обычныхъ возражателей изъ среды религіозныхъ отщепенцевъ на пастырскихъ бесѣдахъ въ послѣднее время стали заявляться въ качествѣ оппонентовъ *свободомыслящіе*, ничего общаго съ вѣрою и Церковью неимѣющіе. Такъ въ „Ярославскомъ Вѣстникѣ“, въ № № 24—25 за текущій годъ, свящ. А. Кремлевскій сообщаетъ о двухъ, заслуживающихъ общаго вниманія пастырей и миссіонеровъ характерныхъ случаяхъ, происшедшихъ послѣ религіозныхъ бесѣдъ въ читальнѣ Предтеченскаго общества г. Ярославля. Приводимъ описаніе этихъ инцидентовъ, имѣющихъ поучительное значеніе при современной смутѣ. 16 января въ читальнѣ велъ бесѣду противораскольничій Ярославскій миссіонеръ Н. И. Касаткинъ. По окончаніи бесѣды, миссіонеръ предложилъ присутствующимъ вопросъ, не имѣетъ ли ктонибудь какихъ-либо религіозныхъ сомнѣній и не желаетъ ли побесѣдовать о нихъ. На это предложеніе отозвался одинъ изъ присутствующихъ, скромно, но довольно чисто одѣтый молодой человекъ, и обратился къ миссіонеру съ рѣчью приблизительно слѣдующаго содержанія. „Вотъ я, — говорилъ онъ, — родился въ православной семьѣ, былъ крещенъ въ православной вѣрѣ, записанъ въ метрическую книгу; училъ меня священникъ заповѣдямъ Божиимъ, объяснялъ и заповѣдь не убій. Но когда я достигъ 21 года и призванъ былъ на военную службу, тотъ же священникъ взялъ отъ меня присягу на исполненіе военныхъ обязанностей, т. е. на готовность убивать. Вчера говорилъ: не убій, а сегодня говоритъ: клянись, что будешь готовъ убивать по приказу начальства. Прошу разъяснить мнѣ это мое недоумѣніе; прошу разъяснить, на какомъ основаніи Церковь разрѣшаетъ убійство на войнѣ вопреки заповѣди—не убій“?

Миссіонеръ, какъ начетчикъ по вопросамъ расколѣдѣнія, не былъ подготовленъ къ обстоятельному рѣшенію этого чисто сектантскаго порицанія на церковь, и потому естественнымъ образомъ затруднялся дать вполнѣ обстоятельное разъясненіе недоумѣнія. Тогда выступилъ на эстраду случайно присутствовавшій здѣсь законоучитель ярославскаго кадетскаго корпуса свящ. А. Кремлевскій и обратился къ совопроснику и слушателямъ со слѣдующею рѣчью.

„Мнѣ, какъ человѣку, разъясняющему Законъ Божій кадетамъ, спеціально готовящимся къ военной службѣ, приходится останавливаться на урокахъ Закона Божія особенное вниманіе на заповѣди—„не убій“, и разъяснять своимъ слушателямъ, что военная служба и убійство на войнѣ не противны этой заповѣди. Въ настоящее время, когда я вижу себя обязаннымъ разсмотрѣть поставленный вопросъ безъ всякой предварительной подготовки, я могу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ изложить вамъ тѣ данныя, по которымъ я считаю убійство на войнѣ непротивнымъ заповѣди: „не убій“.

1) Самъ законодатель Моисей понималъ эту заповѣдь именно такъ, какъ вслѣдъ за нимъ учить и вся православная церковь, а отнюдь не такъ, какъ учатъ толстовцы и другіе современные сектанты, не въ смыслѣ категорическаго запрещенія какого бы то ни было убійства. Въ этомъ для насъ не можетъ бы ни малѣйшаго сомнѣнія, если мы припомнимъ, что самъ же Моисей установилъ смертную казнь за богохульство, за злословіе родителей, за нарушеніе субботы и др., и самъ вель войны съ врагами и преемнику своему Иисусу Навину заповѣдалъ завоевать оружіемъ землю обѣтованную. Ясно отсюда, что убійство на войнѣ и казнь преступниковъ Моисей не считалъ чѣмъ то противорѣчающимъ заповѣди—не убій, и ясно, что эту заповѣдь Моисей понималъ въ смыслѣ запрещенія произвольнаго убійства въ частной жизни изъ мести, изъ корыстолюбія, въ гнѣвѣ и по другимъ побужденіямъ. Если же убійство на войнѣ отвергають, потому что оно противно нашей человѣческой природѣ и есть великое зло, то съ этимъ мы согласны: убійство на войнѣ есть зло, нужно желать и стремиться къ тому, чтобы не было войнъ, нужно молиться о мирѣ, но пока въ мирѣ есть зависть, неправда, вражда между частными лицами и между отдѣльными народами, до тѣхъ поръ и война будетъ неизбѣжнымъ зломъ. меньшимъ зломъ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, какое произошло бы, если бы вдругъ прекращены были войны, тогда какъ зависть, злоба, вражда и всякій произволъ продолжали бы существовать. Во всякомъ случаѣ для насъ несомнѣнно то, что отрицать войну на основаніи заповѣди—„не убій“ мы не можемъ, потому что для насъ ясно, что Моисей запрещаетъ эту заповѣдью произвольное убійство въ частной

жизни; если самъ Моисей въ такомъ смыслѣ понималъ эту заповѣдь, то и для насъ обязательно такое же пониманіе ея.

2) Господь Иисусъ Христосъ нигдѣ въ Евангеліи не осуждаетъ военной службы и не считаетъ ее преступнымъ занятіемъ. Напротивъ, мы видимъ, что онъ, часто имѣя дѣло съ военными людьми, относился къ нимъ такъ же благожелательно, какъ и ко всеѣмъ людямъ, а о сотникѣ, слугу котораго Онъ исцѣлилъ заочно, сказалъ: „и въ Израилѣ я не нашелъ такой вѣры“. Если бы Онъ считалъ военную службу тяжкимъ грѣхомъ, то Онъ не преминулъ бы сказать объ этомъ какъ этому, сотнику, такъ и другимъ военнымъ, съ которыми имѣлъ общеніе. Но ничего подобнаго мы не видимъ въ Евангеліи. Христосъ учитъ не только не убивать, какъ заповѣдалъ Моисей, но и не гнѣваться и любить враговъ нашихъ, но Онъ не отвергалъ государственнаго строя съ войсками и судьями; Онъ училъ людей стремиться къ богоподобной святости и повиноваться существующимъ властямъ: „воздавайте Кесарево Кесарю“, „не имати власти надо Мною ни единыя, аще не бы ти дано свыше“, сказалъ Онъ Пилату. Безъ государственнаго порядка, безъ твердой власти невозможно людямъ жить въ обществѣ, поэтому необходимо для государства и войско, по скольку требуется сдерживать произволь, злобу, зависть и другія страсти отдѣльныхъ членовъ общества для общаго благополучія.

3) Св. Іоаннъ Предтеча, на вопросъ приходившихъ къ нему воинновъ: „что имъ дѣлать?“ не говорилъ: прежде всего бросайте военную службу, а говорилъ: „никого не обижайте и будьте довольны своимъ жалованьемъ“ (Лук. III, 14). Ясно отсюда, что Св. Предтеча не считалъ грѣхомъ ни военную службу, ни убійство по долгу службы. Онъ училъ покаянію и исправленію нравовъ, а это можетъ имѣть человекъ во всякомъ званіи, не исключая и воинскаго.

4) Точно такимъ же образомъ смотрѣли на военную службу и христіане первыхъ вѣковъ и всѣхъ временъ за исключеніемъ немногихъ сектантовъ, отпавшихъ отъ церкви. Въ средѣ святыхъ, особенно мучениковъ, мы видимъ много военныхъ людей, таковы: св. Георгій, Димитрій, Феодоръ Тиронъ (т. е. новобранецъ) и мн. др. Всѣ они прославились святостію и чудесами при страданіяхъ и послѣ смерти, но никто изъ нихъ не считалъ военную службу противною заповѣди:— „не убій“, и не оставлялъ военной службы до смерти. Неужели мы хотимъ лучше ихъ понимать Евангеліе и заповѣди Божіи?

5) Св. Кириллъ, просвѣтитель славянъ, будучи еще свѣтскимъ человекомъ и нося имя Константина-философа, въ 856 году въ бесѣдѣ съ хазарами—мусульманами высказалъ слѣдующій свѣтлый и глубокій взглядъ на войну. Когда мусульмане спросили его: „какимъ образомъ христіане воюютъ со своими врагами, когда Христосъ заповѣдалъ лю-

бить враговъ?“ онъ отвѣтилъ такъ: „скажите, кто выше, тотъ ли, кто исполняетъ одну заповѣдь, или тотъ, кто исполняетъ двѣ заповѣди въ законѣ?“ Ему отвѣтили мусульмане: „тотъ, кто исполняетъ двѣ заповѣди“.—„Правильно сказали, отвѣтилъ Константинъ. Воюя съ врагами, мы, во—первыхъ, исполняемъ ясную заповѣдь Спасителя: „больше сего любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя“, въ войнѣ мы полагаемъ жизнь за друзей своихъ; во—вторыхъ, исполняемъ и заповѣдь о любви къ врагамъ, потому что жалѣемъ ихъ, не имѣемъ никакой личной злобы на нихъ, жалѣемъ о томъ, что вынуждены бороться съ ними“. Вотъ по-истинѣ мудрый отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Такъ и въ настоящей японской войнѣ мы, христіане, не питаемъ никакой ненависти къ японцамъ, жалѣемъ ихъ, молимся объ обращеніи ихъ „къ Богу мира и любви“, наши солдаты и врачи всегда ласково и дружелюбно обращаются съ плѣнными японцами, поступаютъ вполне по христіански“.

Послѣ этой рѣчи о. Кремлевскій обратился къ своему совопроснику (г. Пономареву) съ вопросомъ: „убѣдились ли вы, что званіе воина совмѣстимо съ званіемъ христіанина?“ Пономаревъ отвѣтилъ отрицательно и высказалъ двѣ слѣдующія мысли: 1) Моисей, можетъ быть, самъ не понималъ заповѣди—не убій, 2) примѣръ мучениковъ ничего не доказываетъ, потому что святыми провозгласила ихъ Церковь, а Церковь можетъ ошибаться. На первую мысль о. А. отвѣтилъ, что Моисей, какъ пророкъ, не могъ превратно понять открытую ему Богомъ заповѣдь, а на вторую сказалъ, что мученики провозглашены Церковію святыми не произвольно и случайно, а потому, что святость ихъ Богъ засвидѣтельствовалъ многими чудесами, напр., св. Георгій выпилъ безъ вреда для себя чашу съ ядомъ, вышелъ невредимымъ изъ ямы съ негашеной известью и пр.

Черезъ недѣлю, 23 января, въ той-же читальнѣ происходила бесѣда протоіерея Ѡ. Успенскаго на тему о современной войнѣ и о недавнихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ. Достопочтенный пастырь говорилъ, что война должна бы подѣйствовать на русское общество отрезвляющимъ образомъ, должна бы напомнить намъ о нашихъ грѣхахъ и о необходимости исправиться и обратиться къ вѣрѣ и благочестію. Между тѣмъ мы не только не видимъ такого исправленія, а видимъ даже нѣчто обратное. Говоря далѣе о столичныхъ волненіяхъ, о. протоіерей, между прочимъ, упомянулъ, что и въ Ярославлѣ явились подобные смутьяны, нарушители общественнаго спокойствія, разбрасывающіе прокламаціи на фабрикахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Долго говорилъ уважаемый пастырь о фабричной жизни по своимъ личнымъ 26-лѣтнимъ воспоминаніямъ, указывая, какъ много улучшился бытъ рабочихъ на его гла-

захъ, имѣя въ виду Корзинкинскую фабрику. Народъ съ обычнымъ глубокимъ вниманіемъ слушалъ умную рѣчь своего пастыря; но когда онъ кончилъ рѣчь, выступилъ изъ среды слушателей тотъ самый человекъ, который въ предыдущее воскресенье въ этой же читальнѣ возбудилъ вопросъ о томъ, совмѣстима ли военная служба съ заповѣдью— не убій. Этотъ человекъ, обратясь къ о. протоіерю, сказалъ приблизительно слѣдующее: „вы утверждаете, что здѣсь есть бунтовщики, разбрасывающіе прокламаціи. Я считаю это оскорбленіемъ для всѣхъ, здѣсь присутствующихъ, и удовлетворенія себѣ буду требовать отъ васъ судебнымъ порядкомъ. Можетъ быть вы меня лично и имѣете въ виду?“ (передается приблизительно). Протоіерей Ѡ. Успенскій отвѣтилъ, что онъ говорилъ не о настоящемъ собраніи, а вообще о городѣ Ярославлѣ.— Это не удовлетворило неизвѣстнаго и онъ продолжалъ повторять, что потребуетъ судебного разбирательства дѣла.—Раздались въ толпѣ и еще два голоса, подтверждавшіе мысль, что о. протоіерей говорилъ о настоящемъ собраніи. Тогда въ народной толпѣ возникло смятеніе: она бросилась къ говорившимъ, схватила ихъ и требовала приглашенія полиціи. Одинъ изъ возставшихъ противъ о. протоіерея успѣлъ ускользнуть, и вслѣдъ за его бѣгствомъ замѣтили на порогѣ прокламацію, которая была передана явившемуся околоточному надзирателю.

Предъ приходомъ полиціи присутствовавшій на собраніи въ числѣ другихъ слушателей свящ. А. Кремлевскій указалъ г. неизвѣстному, насколько непорядочно его поведеніе и насколько оно рискованно. Обвиняя ни въ чемъ неповиннаго священника, привлекая его къ суду за мирное и кроткое изложеніе имъ своихъ и общехристіанскихъ обязанностей, онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ толпы, который при другихъ условіяхъ могъ бы кончиться для него весьма неблагополучно. Онъ сознался, что поступилъ опрометчиво, и согласился просить у о. протоіерея прощенія. Тогда священникъ А. К. предложилъ толпѣ отпустить его съ миромъ на свободу, но толпа не пустила, указывая на прокламацію.

Такимъ образомъ, мирная бесѣда священника съ прихожанами кончилась составленіемъ полицейскаго протокола. Народъ былъ до глубины души возмущенъ всѣмъ происшедшимъ.

Оба сообщенныхъ инцидента наглядно характеризуютъ наше время, какъ „дни лукавые“, въ которые нужны особенная бдительность и осмотрительность пастырямъ въ ихъ проповѣднической дѣятельности.

* * *

Заносимъ въ настоящую хронику присланный намъ любопытный документъ, въ—видѣ приговора земскаго начальника, по характерному религіозно—бытовому дѣлу, которое въ извѣстной мѣрѣ объясняетъ, откуда въ селахъ берутся „свободомыслящіе“.

„1904 года октября 16-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, я, земскій начальникъ 2-го участка Княгининскаго уѣзда, разобравъ, въ открытомъ судебномъ засѣданіи, уголовное дѣло по обвиненію кр—на села Малаго Мурашкина Ивана Фомича Прѣснякова въ оскорбленіи словами учителя Б. Мурашкинской министерской школы Николая Сергѣевича Лаврова, нахожу, что 12-го сентября сего года, послѣ молебствія въ Спасо-Преображенской Церкви о дарованіи побѣды русскому воиству, обвиняемый Прѣсняковъ, когда прихожане прикладывались къ кресту, спросилъ у священника про г. Лаврова: „не учитель-ли это?“ А затѣмъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, выразился такъ: „И зачѣмъ такихъ негодяевъ назначаютъ въ учителя, тутъ молились за Вѣру, Царя и Отечество, а онъ ни одного поклона не сдѣлалъ?“ Признаваясь въ произнесеніи этихъ словъ, Прѣсняковъ объяснилъ, что, послѣ рѣчи священника и молебна, многіе изъ находившихся въ храмѣ молились со слезами, будучи взволнованными, что онъ самъ съ трудомъ сдерживалъ раздраженіе на стоявшаго впереди его г. Лаврова, ни разу не перекрестившагося и не сдѣлавшаго ни одного поклона, не смотря на многіхъ приведенныхъ въ храмъ дѣтей, что подъ словомъ „негодяй“ онъ разумѣлъ непригодность или негодность г. Лаврова, какъ учителя, врядъ ли способнаго научить чему-либо доброму дѣтей и что г. Лавровъ ведъ себя какъ иностранецъ.—Свидѣтель священникъ Троицкій подтвердилъ слова Прѣснякова, объяснивъ, что всѣ въ храмѣ, послѣ молебна, были видимо въ приподнятомъ настроеніи, что Прѣсняковъ къ нему подошелъ сильно возбужденный и что онъ лучший прихожанинъ храма. Прѣсняковъ сказалъ священнику: „зачѣмъ назначаютъ въ учителя людей, непонимающихъ ни Вѣры, ни Отечества, чему доброму научать они нашихъ дѣтей?“ Свидѣтель Шмыровъ показалъ тоже самое, не находя въ словахъ Прѣснякова грубости.

Изъ всего изложеннаго видно, что Прѣсняковъ дѣйствительно позволялъ себѣ въ Церкви, какъ въ мѣстѣ публичномъ, по своему прямому назначенію, отозваться оскорбительно о г. Лавровѣ, обращаясь къ нему хотя и не лично, но такъ, что тотъ не могъ не слышать этихъ словъ! Если Прѣсняковъ, какъ онъ объясняетъ, подъ словомъ „негодяй“ разумѣлъ лишь негодность г. Лаврова въ педагогическомъ смыслѣ, какъ воспитателя дѣтей, а не какъ человѣка дурнаго и безнравственнаго, въ обычномъ значеніи этого выраженія, то и подобное обращеніе оскорбительно. Съ другой стороны, о Прѣсняковѣ далъ наилучшій отзывъ его священникъ и Прѣсняковъ находился въ возбужденномъ состояніи отъ рѣзкаго разлада между общимъ религіознымъ настроеніемъ и вызывающимъ поведеніемъ г. Лаврова.—Нельзя предположить, чтобы Прѣсняковъ набросился на совершенно незнакомаго ему человѣка безъ всякаго повода, а что г. Лавровъ способенъ былъ дать такой поводъ, можно

заклѣчить изъ тѣхъ словъ, которыя онъ позволилъ себѣ сказать на судѣ, а именно, что въ обязанность учителя не входитъ учить дѣтей дѣлать поклоны въ Церкви, стучать лбомъ о полъ. При такомъ пренебрежительномъ взглядѣ, приводъ г. Лавровымъ малолѣтнихъ дѣтей въ церковь, по обязанности, теряетъ всякое воспитательное значеніе. Принимая во вниманіе смягчающія обстоятельства, на осн. 200 ст. прав. суд. и 131 ст. уст. о наказаніяхъ, приговорилъ: подвергнуть Прѣснякова денежному взысканію въ шесть рублей, а при несостоятельности аресту на три дня. Приговоръ окончательный и подлежитъ обжалованію въ 14-ти дневный срокъ Уѣздному Съѣзду только въ случаяхъ, указанныхъ 237 ст. прав. суд. Подлинный за надлежащимъ подписомъ“.

По статьямъ крестьянинъ Прѣсняковъ, быть можетъ, и подлежитъ карѣ; но, по совѣсти, по правдѣ Божіей, думается, и самъ земскій начальникъ согласенъ съ нимъ: „и зачѣмъ только назначаютъ въ учителя такихъ людей! чему доброму научатъ они нашихъ дѣтей“?!..

* * *

По сообщенію печати, недавно въ Скопинскомъ уѣздѣ появилась новая секта подъ названіемъ „Новый Израиль“. Послѣдователи ея не признаютъ иконъ, таинства крещенія, бракъ также отвергаютъ. Таинство причащенія хотя и выполняютъ, но только „для вида“, какъ они сами заявляютъ. О своей принадлежности къ новой сектѣ нѣкоторые изъ крестьянъ заявили публично. Такъ, въ селѣ Павельцѣ трое крестьянъ явились во время литургіи въ церковь, принесли съ собой иконы изъ дому и, заявивши священнику, что они не считаютъ ихъ святыми, оставили иконы и ушли. Въ тотъ же день въ с. Мшанкѣ въ церковь явились представители отъ четырехъ крестьянскихъ дворовъ съ иконами и также публично заявили священнику, что они не признаютъ иконъ, такъ какъ принадлежать къ сектѣ „Новаго Израиля“.

Сообщеніе это заслуживаетъ глубокаго вниманія мѣстной миссіи, которая должна выяснить, къ какому роду сектантства нужно отнести „Новаго Израиля“. Дѣло въ томъ, что въ с. Павельцѣ и Мшанкѣ издавна распространено скопчество, послѣдователи котораго въ прошломъ году были осуждены. Здѣсь же въ послѣдніе годы наблюдались единичные случаи проявленія штунды. Надо полагать, что новое сектантское движеніе находится въ органической связи со старымъ мистическимъ и новымъ рационалистическимъ, выродившимся въ своеобразный толкъ „Новаго Израиля“. Если приходская миссія могла дремать при распространеніи тайной скопческой секты, то нынѣ, при открытомъ сектанствѣ, сразу заявляющемъ себя такъ демонстративно, пастырямъ нужно бодрствовать на стражѣ своей и серьезно приняться за вразумленіе заблудшихъ и за огражденіе православныхъ отъ увлеченія новымъ лжеученіемъ.

М.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“

Настоящее горе Россіи.

Тяжкое горе переживаетъ теперь Россія. Минуль уже годъ несчастной войны. Флотъ уничтоженъ. Наши храбрые воины гибнутъ десятками тысячъ отъ вражескаго оружія. Армія терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Полное уныніе въ сердцахъ нашихъ.

Не въ первый разъ посѣщаютъ Русь Святую тяжкія бѣдствія. Пережила она времена самозванщины, съ честью и торжествомъ вышла изъ вѣковой борьбы со шведами и изъ страшныхъ Наполеонскихъ войнъ. Но не тою Русь была тогда, какою стала теперь. Въ тѣ времена она сильна была любовью къ святой вѣрѣ своей, непоколебима въ своей преданности Царю и Отечеству. А нынѣ что мы видимъ?

Идетъ тяжкая война. Сплотиться бы всѣмъ намъ надо въ высокомъ, самоотверженія полномъ, патриотическомъ чувствѣ, а вмѣсто этого въ землѣ нашей царитъ внутренняя смута. Родные сыны Россіи, подъ вліяніемъ невѣдомыхъ въ старину пагубныхъ ученій, враждою раздираютъ ея материнское сердце. Любви къ Церкви нѣтъ. Благоговѣніе къ власти исчезло. Все перевернулось вверхъ дномъ: наука брошена, святое все попрано. Въ недавніе масляничные дни, когда наши родные герои изнемогали въ неравной борьбѣ со врагомъ и умирали въ кровопролитныхъ страшныхъ битвахъ, мы и при такихъ обстоятельствахъ не устыдились предаваться нашему обычному въ эти дни разгулу. Со стороны даже жутко было смотрѣть на такое наше нравственное распутство. И за то по всей правдѣ презрѣнны мы стали у всѣхъ, сдѣлались посмѣшищемъ у народовъ земли.

Вотъ гдѣ настоящее горе и несчастіе Россіи. Не стало ничего священнаго, неприкосновеннаго для насъ. Страхъ Божій утратили мы, а грубый эгоизмъ современныхъ сверхчеловѣковъ воз-

любили. Вотъ прошла первая недѣля Святой Четырдесятницы: съ ней прахомъ полетятъ для насъ—и наша временная сдержанность, и наша короткая уцѣломудренность. Загородныя развлечения, театры и зрѣлища опять увлекутъ насъ въ вихрь распутства, удовольствій и разврата. И Церковь молить объ исправленіи, и братья войны стонуть, умирая за насъ... А намъ что за дѣло? Вино, зрѣлища и разгуль... Вотъ гдѣ наше сокровище; вотъ гдѣ наше сердце; вотъ чего мы желаемъ и ищемъ. И намъ сладко это опьяненное состояніе, грубое, грязное, низкое, демонское. И намъ скучно, напротивъ, все трезвенно-благоговѣйное, чистое, свѣтлое, Божіе. Правды, мира и радости о Дусѣ Святъ—мы не знаемъ. Онъ чужды сердцу нашему. Поистинѣ приложимы къ намъ слова великаго канона Андрея Критскаго: „Законъ изнеможе, празднуетъ Евангеліе, писаніе же все въ насъ небрежено бысть, пророцы изнемогоша и всякое праведное слово“. Язвы наши душевныя умножились, а о врачеваніи мы и не думаемъ.

Встрепенись же, Русь Святая! Русь православная! Устыдись, Бога убойся. Сбрось съ себя грѣховную грязь и нечистоту! Покайся, просвѣтись, очистишь, и Господь помилуетъ тебя.

Митрополитъ *Антоній*.

4-го марта 1905 г.

Миссіонерская вакансія.

Епархіальный противораскольничій миссіонеръ Екатеринбургской епархіи *А. И. Обтеперенскій*, согласно прошенію, назначенъ св. Синодомъ помощникомъ смотрителя Екатеринбургскаго духовнаго училища. Миссія лишилась еще одного выдающагося работника, который въ теченіи 5 лѣтъ своей дѣятельности оставилъ глубокой слѣдъ и въ литературѣ полемической, и въ миссіонерской практикѣ, а равно и въ душахъ и убѣжденіяхъ своихъ слушателей, какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ. *А. И. Обтеперенскій* любилъ дѣло миссіи, основательно владѣлъ громоздкой противораскольничьей миссіонерской литературой, близко зналъ современное состояніе мѣстнаго раскола и былъ сколько опытенъ, столько же и убѣдителенъ въ живомъ словѣ полемики. Оставить миссіонерское поприще вынудила почтеннаго миссіонера болѣзнь горла, нажитая имъ во время изнурительныхъ собесѣдованій. Оставляя практическую миссію, надѣемся, *Алек. Иван.* не оставитъ литературной работы на пользу общаго миссіонерскаго дѣла. Должность Екатеринбургскаго миссіонера нынѣ вакантна.

Въ газетахъ.

(Невѣрныя свидѣнія и странныя сужденія по вопросамъ церковной жизни).

☞ *Къ сообщенію о забастовкѣ псаломщиковъ.* Недавно на страницахъ газетъ было сообщено, что въ Святѣйшій Синодъ обратилось 300 псаломщиковъ гор. Москвы съ заявленіемъ о забастовкѣ. Означенное сообщеніе,—по словамъ „Пр. Вѣст.“,—безусловно ложно, такъ какъ въ Святѣйшій Синодъ подобнаго заявленія не поступало.

☞ *Къ освобожденію заключенныхъ за религиозныя преступленія.* Въ періодической печати появилось извѣстіе, что изъ монастырскихъ и общихъ тюремъ выпущено въ послѣднее время 900 лицъ, заключенныхъ туда за религиозныя преступленія.

По поводу этого извѣстія сообщается,—въ „Пр. Вѣст.“,—что собственно въ монастырскихъ тюрьмахъ (Суздальскаго и Соловецкаго монастырей) въ послѣднее время содержались только 7 лицъ, а именно: крестьяне—Калѣчинъ, Ѳедосѣевъ, Ганчевъ, Поповъ, Мошковъ, Леонтьевъ и мѣщанинъ Ковалевъ, каковыя лица, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, послѣдовавшему 29-го января сего года, и освобождены изъ монастырей. Крестьяне—Калѣчинъ, Ганчевъ, Поповъ и Мошковъ и мѣщанинъ Ковалевъ помѣщены были въ Суздальскій монастырь, первые четыре—по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе ходатайства министра внутреннихъ дѣлъ, за распространеніе секты эноховцевъ, и Ковалевъ—вслѣдствіе испрошеннаго министерствомъ юстиціи Высочайшаго повелѣнія, за преступленія, предусмотрѣнныя ст. ст. 203, 1449, 1451 и 1453 улож. о наказ.; крестьянинъ Ѳедосѣевъ помѣщенъ былъ въ Суздальскій монастырь, по Высочайшему повелѣнію, за распространеніе въ народѣ суевѣрныхъ и ложныхъ толковъ, касающихся святыхъ мощей и чудотворныхъ иконъ; крестьянинъ Леонтьевъ заключенъ былъ въ Соловецкій монастырь, по Высочайшему повелѣнію, за распространеніе между крестьянами лжеученія, возбуждавшаго ихъ противъ Верховной Власти и православнаго духовенства. Въ настоящее время, за освобожденіемъ помянутыхъ лицъ, въ монастыряхъ заключенныхъ за религиозныя преступленія болѣе не имѣется.

☞ *О духовныхъ чтеніяхъ въ епархіальномъ московскомъ домѣ* въ газетѣ *Слово* (№ 76) напечатано слѣдующее тенденціозное извѣстіе изъ Москвы.

„Въ Думской Комиссіи по выработкѣ мѣропріятій для предотвращенія возможности безпорядковъ въ Москвѣ, сегодня (22 февраля) доложено о томъ крайнемъ вредѣ, который приносятъ публичныя чтенія, устраиваемыя въ Епархіальномъ Домѣ. Чтенія эти разжигаютъ низменные инстинкты, возбуждаютъ рознь и вселяютъ ненависть въ низшіе классы московскаго населенія противъ интеллигенціи. Такъ какъ,

послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, вредъ, приносимый этими чтеніями, вполнѣ подтвердился (?), то Коммиссія постановила: возбудить черезъ городского голову ходатайство передъ подлежащимъ начальствомъ о прекращеніи публичныхъ чтеній въ Епархіальномъ Домѣ“.

Опровергая эту странную критику церковной проповѣди Москов. духовенства, „Моск. Вѣд.“ свидѣтельствуютъ, что чтенія въ Московскомъ Епархіальномъ Домѣ, устраиваемыя духовенствомъ, отличаются строго-христіанскимъ духомъ, благоразумною сдержанностью и истинною любовію къ народу. Великая, приносимая ими, польза признается всѣмъ населеніемъ Москвы, такъ какъ они, напоминая народу объ его христіанскомъ долгѣ и объ его долгѣ предъ Царемъ и Отечествомъ, предохраняютъ его отъ увлеченія революціонными доктринами, которыми его старается опутать крамола.

Духовные ораторы въ Епархіальномъ Домѣ, а также и консервативныя газеты, предостерегаютъ населеніе противъ крамолы, а не противъ интеллигенціи: если сама интеллигенція отождествляетъ себя съ брамолой, то это ея дѣло, пусть она и несетъ всѣ послѣдствія такого самообвиненія.

Она теперь говоритъ о „разжиганіи низменныхъ инстинктовъ“, о „возбужденіи розни и ненависти“.

Но кто же возбудилъ эту рознь и ненависть, какъ не сама же крамола своими революціонными „демонстраціями“ и „забастовками“? Часть общества примкнула къ ней, другая осталась вѣрна Царю и противъ крамолы возмущилась. Вотъ вамъ и рознь, вотъ вамъ и ненависть. Это—явленія, сопровождающія всякую революцію, всякое междоусобіе, а тѣмъ болѣе имъ естественно было возникнуть въ Россіи, гдѣ весь многомилліонный Русскій народъ и громадная часть русскаго общества считаетъ своимъ долгомъ стоять на стражѣ Самодержавія, отражая направленный противъ него натискъ революціонной крамолы, тѣмъ болѣе, что Самъ Государь призываетъ Свой вѣрный народъ „содѣйствовать Ему словомъ и дѣломъ въ искорененіи крамолы“.

Если кто подстрекаетъ народъ противъ имущихъ классовъ, то это опять-таки не кто иной, какъ тѣ же крамольники-соціалисты, которые своими прокламаціями заставили вспыхнуть цѣлый рядъ „аграрныхъ“ неистовствъ въ Орловской, Полтавской, Черниговской и другихъ губерніяхъ. Или они, можетъ-быть, будутъ завѣрять, что соціалистическія прокламаціи не возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой? Кто организовалъ вооруженныя шайки, разгромившія на-дняхъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, громадныя сахарныя заводы Терещенко и помѣщичьи владѣнія Шауфусъ, гр. Мейендорфа и другія? Консервативныя и духовныя статьи и рѣчи,—или гнусная, подпольная пропаганда крамольниковъ?

Наши „либералы“ требуютъ „свободы слова и печати“ исключи-

тельно только для того, чтобы имъ однимъ была доставлена привилегія писать, говорить и кричать противъ Царскаго Самодержавія. Но если кто осмѣлится устно или печатно высказаться противъ крамольниковъ, то они забываютъ всё свои фразы о свободѣ слова и печати и тащатъ своихъ противниковъ въ полицейскій участокъ.

Ни одинъ духовный ораторъ, ни одна консервативная газета не натравливали народа на интеллигенцію вообще; они предостерегали и будутъ предостерегать народъ только противъ той части интеллигенціи, которая распространяетъ революціонныя прокламаціи, устраиваетъ антиправительственныя демонстраціи, принимаетъ резолюціи, направленныя противъ Царскаго Самодержавія, натравливаетъ крестьянъ и рабочихъ на имущіе классы и провозглашаетъ тосты за гнусныхъ убійцъ вѣрныхъ Царскихъ слугъ.

Къ этому справедливому по существу дѣлу замѣчанію московской газеты, намъ остается лишь добавить пожеланіе, чтобы пастыри ни на минуту не забывали,—какъ лукавы *наши дни* и какъ всё мы нынѣ „опасно ходимъ“!.. Если всегда церковное слово проповѣди должно быть *истинно, свято, трезво, честно и смиренно*, то тѣмъ паче въ годину государственной крамолы и народныхъ смуть, когда звѣрь народныхъ страстей уже во многихъ мѣстахъ срывается съ цѣпи, а онъ вѣдь набросится не разбирая, кто правъ и виноватъ, и „последняя лезть будетъ горше первой“.

✕ Вопросъ о народномъ движеніи противъ учащейся молодежи и интеллигенціи озабочиваетъ также и саратовцевъ. Такъ „Саратов. Днев.“ сообщаетъ: въ Саратовѣ при громадномъ стеченіи публики состоялось собраніе мѣстнаго общества попеченія о дѣтяхъ.

Послѣ цѣлаго ряда рѣчей о наличности агитаціи среди темнаго люда за избіеніе молодежи и интеллигенціи, собраніе единогласно постановило: „1) довести до свѣдѣнія саратовскаго губернатора о нѣкоторыхъ случаяхъ нападенія на учащихся дѣтей на улицахъ города Саратова, и также и объ агитаціи среди населенія за избіеніе интеллигенціи и учащихся; 2) въ виду того, что агитаторы пользуются для своихъ цѣлей раздаваемыми въ городѣ „Братскими Листками“, издаваемыми духовенствомъ, съ завѣдомою ложью о подкупѣ забастовщиковъ и интеллигенціи японскими деньгами,—просить губернатора расклеить по городу объявленія съ опроверженіемъ „латинской сплетни“ и проч.

Въ томъ же „Сар. Дн.“ приводится извѣщеніе саратовскаго губернатора мѣстной губернской управѣ о результатахъ произведеннаго имъ разслѣдованія относительно броженія среди населенія, направляемаго „темными силами“ противъ интеллигенціи.

Губернаторъ сообщилъ, что имъ даются указанія земскимъ начальникамъ и исправникамъ относительно зоркаго наблюденія за всѣмъ

происходящимъ въ деревнѣ, съ тѣмъ чтобы спокойная дѣятельность земскихъ работниковъ: учителей, ветеринаровъ, врачей и проч., была всѣми мѣрами ограждена. Что касается проповѣдей духовенства, то преосвященный Гермогенъ высказалъ, что всѣ усилія духовныхъ лицъ прилагаются и будутъ прилагаться къ проповѣди мира и любви, съ поясненіями народу грѣховности и мѣръ насильственныхъ и разрушительныхъ. При этомъ конечно духовенство и гражданскія власти обязаны пояснять и поясняютъ населенію преступность революціонныхъ воззваній и листовъ, распространяемыхъ за послѣднее время въ большомъ количествѣ въ деревняхъ.

« Обвиняетъ Саровскаго игумена Героея въ некультурности и необразованности въ газетѣ „Слово“ нѣкій москвичъ, скрывшійся подъ инициалами И. С. Вотъ подлинный обвинительный актъ:

До глубины души возмутило москвичей публичное заявленіе („Русск. Слово“, 15-го февраля) настоятеля Саровской пустыни, игумена Героея. Онъ напечаталъ слѣдующее безграмотное объявленіе: „Извѣщеніе Саровской пустыни, тамбовской епархіи, симъ извѣщаетъ гг. богомольцевъ, что на 1-й недѣль, съ 28-го февраля по 5-е марта, и на страстной недѣль: въ поведѣльникъ, вторникъ и среду, предстоящаго Великаго поста, по примѣру прежнихъ лѣтъ, — женщины не будутъ допускаться внутрь монастыря. Настоятель—игуменъ Героея“... Во-первыхъ, читайте въ безмыслицу: „извѣщеніе симъ извѣщаетъ“... Во-вторыхъ, по крайней мѣрѣ печатно впервые монастырь объявляетъ женщину-христіанку нечистою, недопустимою въ храмъ, хотя бы и монастыря. Можетъ быть, игуменъ поставленъ въ необходимость удалить отъ своей братіи женщину, какъ соблазнъ? Но тогда приходится жалѣть объ испорченности нравовъ монастыря. Во всякомъ случаѣ, это «извѣщеніе», которое «извѣщаетъ», произвело въ религиозной Москвѣ крайне дурное впечатлѣніе. До сихъ поръ этого не бывало, чтобы наши женщины изгонялись изъ храмовъ и монастырей. Москва искренно жалуетъ, что управленіе обителию ввѣрено человѣку некультурному, необразованному.

Интересно было бы знать: кто уполномочилъ автора этого письма говорить отъ имени всей Москвы, да еще „религіозной?“ Мы сильно сомнѣваемся относительно принадлежности анонима къ „религіозной Москвѣ“. Не просто ли замоскворѣцкая кумушка настроила это письмо?.. Въдъ въ Первопрестольной такихъ кумушекъ—въ изобиліи... Если бы авторъ, дѣйствительно, принадлежалъ къ числу религіозныхъ и просвѣщенныхъ людей, онъ не сталъ бы удивляться тому, что въ извѣстные періоды Великаго поста „женщины не допускаются внутрь монастыря“ въ Саровѣ. Извѣстно, что монашеская жизнь въ этой обители очень строгая; поэтому „жалѣть объ испорченности нравовъ монастыря“ никакъ не приходится. Естественное въ данномъ случаѣ искать разъясненія въ исторіи монашества и въ твореніяхъ свв. отцовъ-аскетовъ. Вотъ, напр., какъ опредѣляетъ сущность подвижничества преп. Макарій Египетскій: „Люди, запрягши коней, правятъ колесницами и устремляются другъ противъ друга; каждый старается изнурить и побѣ-

доть противника. Такъ сердце подвижниковъ представляетъ собою зрѣлище; тамъ лукавые духи борются съ душою, а Богъ и ангелы взирають на подвигъ“ (Твор., изд. М. Д. А. 1904 г. Стр. 270). Отсюда ясно, какой неизмѣримо-тяжкій трудъ внутренняго очищенія сердца предстоитъ истинному монаху. Для успѣшнаго выполненія такой сложной задачи всѣ преподобные ограничивали себя въ чемъ только возможно, и съ этою же цѣлью уходили изъ міра въ монастыри и пустыни, гдѣ, не стѣснясь обычаями мірскаго общежитія, всецѣло предавались Богу. Человѣческая грѣховность, страсти, искушенія—все это чувствуется монахомъ неизяснимо сильнѣе, чѣмъ христіаниномъ, живущимъ въ мірѣ. Не забудемъ, что и преподобный Серафимъ Саровскій перенесъ страшную мысленную брань, объ избавленіи отъ которой слезно молился на камнѣ въ теченіе тысячи сутокъ. Но было бы кощунствомъ объяснять эту брань „испорченностью“ святого. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если и Саровская обитель, слѣдуя примѣрамъ лучшихъ временъ монашества, заботливо ограждаетъ своихъ иноковъ отъ какихъ-либо искушеній въ дни поста и покаянія. Никто не объявляетъ „женщину-христіанку нечистою“, но для всякаго „религіознаго“ человѣка понятно, что появленіе ея въ монастырѣ въ дни напряженнаго покаянія способно разсѣять инока, ослабить его подвигъ и даже подвергнуть подвижника тяжкому искушенію (конечно, мысленному). Обижаться и негодовать на это—неразумно.

∞ Въ „Руси“ напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

М. Г. Въ настоящее время комитетъ министровъ занятъ разсмотрѣніемъ вопросовъ, касающихся свободы вѣроисповѣданія. Не откажите мнѣ въ разъясненіи весьма интересующаго меня вопроса, именно: будетъ ли поднятъ въ комитетѣ вопросъ о возобновленіи патріаршества въ православной церкви?

Во имя справедливости долженъ же быть поднятъ и рѣшенъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ для православной церкви смыслѣ.

Намъ очень нуженъ патріархъ—истинный отецъ, въ годину бѣдствій печальникъ и безобязненный хозяинъ, любитель правды и справедливости, готовый умыть ноги своимъ ученикамъ не только въ Великій Четвергъ, но и во время дѣйствительной нужды.

Вопросъ о возстановленіи патріаршества близокъ для всѣхъ истинныхъ членовъ русской церкви, и настоящій моментъ является благовременнымъ для его основательнаго разсмотрѣнія. Священникъ .І.

Не будемъ спорить съ авторомъ письма, насколько вопросъ этотъ, дѣйствительно, назрѣлъ, но только странно, какъ это священникъ не знаетъ, что такой вопросъ подобаетъ рѣшать не комитету министровъ, а самой Церкви, въ лицѣ ея всероссійскаго собора. Впрочемъ, въ наше время и невозможное возможно,—вѣдь рѣшалъ же комитетъ огромной церковной важности расколосектантскіе вопросы, почему бы ему не заняться и патріаршимъ вопросомъ.

ОТКЛИКИ.

Предъ распутьемъ.

(По поводу сужденій въ періодической печати о „свободѣ исповѣданій“).

„Не лобзаніе Ти дамъ, яко
Иуда...“

„...А власти духовныя, что ярыжки земскіе—что имъ велятъ, то и творять“,—сѣтовалъ когда-то одинъ изъ исполинскихъ противниковъ исполина—патріарха Никона, по поводу оскудѣнія среди современнаго ему духовенства людей—твердыхъ въ убѣжденіи, стойкихъ въ исповѣданіи вѣры отцовъ, сильныхъ въ своемъ независимомъ пастырскомъ гласѣ и увѣренныхъ въ правотѣ своихъ церковныхъ авторитетовъ. Точка отправленія въ сѣтованіяхъ протопопа Аввакума—„персты“, разумѣется, была слишкомъ мелка для его крупной воли; но и на кострѣ, задыхаясь отъ дыма, юрьевскій протопопъ проповѣдывалъ о двуперстии и, стоя въ пламени, показывалъ народу „два перста“...

Кому изъ насъ не понятно, что Аввакумъ заблуждался, но кому въ то же время не понятно, что онъ достоинъ стать авторитетомъ (не говоримъ объ его качествахъ), достоинъ послѣдователей. А вспомните-ка настоящихъ-то пастырей церкви: сильныхъ авторитетныхъ словомъ и крѣпкихъ своимъ православнымъ упованіемъ! Они создавали сами „духъ времени“, а не были слугами покорными „духа“, созданнаго другими. Они, дѣйствительно и достойно, были вождями вѣрующихъ, а не слѣдовали въ хвостъ ихъ историческаго шествія, посыпая ихъ слѣдъ пустоцвѣтомъ и восклицая „осанну“ „всякому духу“. Вспомните хотя тѣхъ, къ памяти которыхъ теперь такъ патетически взываютъ иногда отцы и братія! Вспомните Аѳанасія Великаго, Златоуста, Григорія Богослова, и изъ нашей русской церкви—хотя бы—Феодосія печерскаго, митр. Филиппа, патр. Гермогена, патр. Никона и т. п.

Да, — ихъ нѣтъ! А минуты въ нашей церковной жизни такія, когда наиболѣе всего благовременнымъ былъ бы настояще церковный авторитетъ, убѣдительный и сильный голосъ. Но его почти не слышно. Слышатся только какіе-то неувѣренные и робкіе церковные заики, которые, сказавъ полфразы, прислушиваются къ окружающей атмосферѣ, дабы согласно съ ней и докончить свою мысль.

Что газеты „имъ велятъ, то и творять“... Печально! Я разумѣю въ данномъ случаѣ вопросъ о свободѣ исповѣданій...

За послѣдніе три мѣсяца по этому вопросу такъ много написано въ періодической прессѣ, что рѣшительно нѣтъ возможности сдѣлать хотя самый краткій обзоръ всѣхъ мнѣній, какія находили мѣсто на страницахъ свѣтскихъ и духовныхъ изданій. Многіе и многіе писали и говорили по этому вопросу и точно по уговору: Слово Божіе обходилось, писанія св. отцовъ игнорировались; выше всего стоялъ духъ времени, а подпорой ему была красивая фраза, самоувѣренная рѣшительность въ религіозныхъ сужденіяхъ. Конкуренція и замѣтна была только въ этомъ смыслѣ, въ этомъ же смыслѣ создавалась и создается и популярность газетныхъ богослововъ. Основная идея этой погони за популярностью, какъ знамя новаго духа, довольно опредѣленно изображена священникомъ Петровымъ въ его фельетонѣ „Русскаго слова“ „Отставка Комба“: „Вѣчная Божія истина, — пишетъ о. Петровъ, *едина*, и всѣ, кто искренно стремятся къ ней *рано* или *поздно* (?) неизбежно сойдутся въ ней, а *до* того всѣхъ будетъ впереди и за собой поведетъ остальныхъ тотъ, кто самъ къ этой истинѣ станетъ ближе, бодрѣе пойдетъ въ сторону ея и у кого *шире* будетъ шагъ“. Смѣло и удивительно:... „у кого *шире* будетъ шагъ“?... Я перевожу эту фразу: „у кого *шире* будетъ *ротъ*“ и назидаяюсь словами Премудраго: „кто *широко* раскрываетъ ротъ, съ тѣмъ не сообщайся!“ (Притч. 20, 19). Ужели священнику о. Петрову непонятно, что разъ онъ не даетъ опредѣленія, не указываетъ объективных признаковъ „единой вѣчной Божіей истины“ (а онъ, дѣйствительно, не даетъ и не указываетъ), то вѣдь такихъ „единыхъ вѣчныхъ Божіихъ истинъ“ можетъ быть сотни милліоновъ: *Григорій Петровъ* будетъ уповать, что *онъ* знаетъ „единую вѣчную Божью истину“, а *Петръ Григорьевъ* будетъ приписывать *себѣ* таковое познаніе и т. д. до безконечности. Къ чему приводитъ полный субъективизмъ въ познаваніи Божьей истины, видимъ, къ примѣру, на нашихъ хлыстахъ: одинъ на радѣннѣ, по „наптію духа“, вопить: „я богъ великъ“, а другой, на котораго тоже „накатилъ духъ“, возражаетъ: „а я богъ—больше тебя“. Вы скажете—тутъ ужъ—психозъ! Вѣрно! Но такихъ психозовъ неисчислимое множество и въ нашихъ и въ западныхъ сектахъ, гдѣ въ пониманіи истины Христовой, Евангель-

скаго благовѣстія, отсутствуетъ довлѣющій авторитетъ, гдѣ нѣтъ объективнаго критерія для опредѣленія „единой Божіей истины“. Тамъ *всякій* можетъ выдвигать *свое* умствование за *единую* Божію истину и считать *себя* именно къ ней ближе всѣхъ остальныхъ. И въ результатѣ *милліоны* *единыхъ* истинъ! Вѣдь и о. Гапонъ „широко шагнулъ“, рассчитывая направиться тоже, конечно, къ *своей* „единой Божіей истинѣ“?..

Странное пастырство! О. Петровъ въ названномъ фельетонѣ, какъ и въ другихъ своихъ писаніяхъ, просто изводитъ одними и тѣми же общими фразами, повторяемыми имъ на протяженіи многихъ лѣтъ, тысячи листовъ бумаги исписаны имъ о значеніи личности пастыря-учителя, которому не могли бы сказать: „врачу, исцѣлся самъ“, объ естественномъ тяготѣнніи человѣка къ истинѣ, къ любви Христовой, къ „правдѣ Божіей“, о „политикѣ евангельской“, „свободной Божіей работѣ“, живой „церкви Христовой“, о томъ, что за эту „церковь бояться нечего,—сила ея—не въ поддержкѣ того или иного министерства“, что разрывъ правительства съ церковью настоящей живой церкви Христовой не страшенъ“¹⁾ и т. п. Онъ зоветъ своихъ читателей къ „единой Божіей истинѣ“, пытается указать туда дорогу, а гдѣ эта истина, видимо, и самъ того хорошо не представляетъ. Невольно приходятъ на мысль „версты полосаты“ съ дощечкой и нацарапанной на ней кистью руки съ протянутымъ указательнымъ перстомъ... На общія и таинственныя фразы о. Григорія объ „единой Божіей истинѣ“, такъ и хочется крикнуть вопросомъ: „голубчикъ, батюшка, скажи, будь милостивъ, гдѣ же эта самая истина-то—шире тебя, отецъ мой, шагну къ ней: она внѣ Церкви или въ Церкви, если въ Церкви, то въ какой: въ православной-ли, католической, протестантской, или въ сектѣ какой,—человѣкъ я вѣрующій—ищу „Божью едину истину“, но я привыкъ къ видимости, гдѣ мнѣ сыскать эту истину самую? а потомъ раздумаешь, да и побоишься крикнуть-то: вѣдь оборветъ, сконфузитъ: скажетъ—„всюду вообще и нигдѣ въ частности!“ Богъ судья, а только писанія о. Петрова такое именно впечатлѣніе и производятъ. Въ нѣкоторыхъ протестантскихъ, да и въ нашихъ, сектахъ учатъ, что къ живой Христовой церкви принадлежатъ „избранники“ безъ различія ихъ религіознодогматическихъ вѣрованій: будь то православный, католикъ, протестантъ, еврей, буддистъ и т. п., важно избраніе,

²⁾ О. Петровъ и въ этомъ фельетонѣ, какъ въ нѣсколькихъ другихъ, много нашумѣвшихъ, разсуждаетъ о нашей церкви и ея дѣятеляхъ, эзоповскимъ языкомъ живописуя нашу современность подъ иностранными образами,—фактами и лицами изъ церкви французской и испанской.

значеніе имѣеть только дѣло любви, милосердія и правды къ ближнему, которое пріятно Богу во всякомъ народѣ (Дѣян. 10). О. Петровъ и застрялъ въ этой односторонности. Что „вѣра безъ дѣлъ мертва“, что одно глаголаніе: „Господи, Господи“, безъ проведенія въ жизнь завѣтовъ Христовой любви, не спасаетъ человѣка,—кто этого не знаетъ? Но ужели же почти двухтысячелѣтняя работа Церкви по опредѣленію своего догматическаго ученія—была пустымъ занятіемъ, ужели св. ап. Іоаннъ Богословъ, борясь съ ересью докетизма, боролся съ вѣтряными мельницами, ужели ап. Павелъ, въ своихъ пламенныхъ обличеніяхъ *иудействованія* въ христіанахъ, пускалъ мыльные пузыри? Да не будетъ! Св. Апостолы и св. Церковь никогда не разъединяли двоицы спасающихъ средствъ: *вѣры* (догматовъ) и *дѣлъ* (жизни); они знали, что „вѣра безъ дѣлъ мертва“, но не забывали и того, что „безъ вѣры невозможно угодить Богу“. Они наказывали грѣшниковъ, осуждали нехристіанскую жизнь, но анаеэмаствовали и еретиковъ: ап. Павелъ повелѣваетъ отлучить отъ Церкви коринѣскаго кровосмѣсника (1 Кор. 5), но запрещаетъ сообщаться послѣ перваго и втораго вразумленія и съ еретикомъ (Тит. 3, 10). Низведеніе дѣла Христова и Его истины на одну мораль (ср. ересь Пелагія) есть въ сущности отрицаніе христіанства. Правда, что (какъ сказалъ Кантъ, кажется) „Христось спросить насъ на судѣ, не что мы знали, а что сдѣлали“ (прим. Мѳ. 25), но и дѣла милосердія Спаситель признаеть потому, что они сотворены во имя Его, они получаютъ свою спасительную цѣнность подѣ освѣщеніемъ опять-таки догматическаго свѣтила. Да иначе и быть не можетъ: „безъ Мене не можете творити ничесо же“, сказалъ Христось. Сотникъ Корнилій и въ язычествѣ былъ человѣкомъ доброй религіозно-нравственной настроенности,—„благочестивый и боящійся Бога, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу“; какъ богобоязливый и поступающій по правдѣ онъ „былъ пріятенъ Богу“; но значительнѣе это, что онъ спасся бы и въ язычествѣ? Нѣтъ! Ангель явившійся ему въ видѣніи, говоритъ: „Корнилій, молитвы твои и милостыни твои *пришли на память предъ Богомъ*. И такъ пошли людей въ Іоппю и призови Симона, называемаго Петромъ... онъ скажетъ тебѣ слова, которыми *спасешься ты и весь домъ твой*“ (Дѣян. 10). Ясно, молитвы и милостыни Корнилія не спасли бы его въ язычествѣ сами по себѣ, хотя онѣ и были дѣлами добрыми; онѣ должны быть освящены христіанскою вѣрою, чтобы стать спасительными.

Петровъ пишетъ:

людей „потянула истина. Вдругъ раскрытая и понятая, учуянная частица даже ея. И такъ и должно быть. Люди вѣдь ищутъ истины. Жаждутъ ея.

Мучительно тоскуютъ о ней. Бьются за нее. Идутъ на жертвы, готовы умереть за нее. Никакое время не можетъ сказать, что оно уже *всю* правду Христову раскрыло, что дѣло Царства Божія въ людяхъ осуществило. Предстоитъ громадное и безконечное движеніе впередъ. Поэтому жизнь истинной, живой церкви и живая работа духовенства, какъ апостольскаго служенія, а не служилой касты, должны проявляться въ неустанномъ разширеніи духовныхъ горизонтовъ народа и въ возможно быстромъ движеніи всей ввѣренной паствы въ сторону Царства Божія, гдѣ съ каждымъ новымъ шагомъ исчезаютъ и тають насиліе, всякое рабство, неправда злора и беззаконіе и гдѣ на смѣну имъ встаютъ и растутъ свободное влеченіе къ Богу и къ Божьей правдѣ, взаимное братство и торжество духа.

Разумѣется, идеи царства Христова, объемлющей собой и небо и землю и безконечность, не можетъ вмѣстить, воплотить, никакое время, ибо *никогда*, ни на землѣ ни на небѣ, человѣкъ не будетъ совершеннымъ, „яко же Отецъ нашъ Небесный“, а такое именно совершенство Христось и поставилъ цѣлю нравственно-человѣческаго прогресса; но только, думается, едва-ли „царство Божіе“ въ правоучительныхъ разсказахъ и фельетонахъ о Петрова есть „движеніе впередъ и разширеніе духовныхъ горизонтовъ народа“: подлинно-христіанское, православное правоученіе, подлинно Христово Царство, захватываетъ *всего* человѣка въ его *безконечной* жизни, отъ него вѣетъ небеснымъ благоуханіемъ вѣчности человѣческаго духа и его дѣла; а отъ Петровскаго „Царства Божія“ (сознательно или безсознательно допущено то его авторомъ, не наше дѣло) пахнетъ *землицей*... И Христову истинѣ о Петровѣ не развиваетъ, а завиваетъ, не расширяетъ, а суживаетъ. У него ли посему искать познанія „единой Божіей истины“?

Нѣтъ-ли ея въ раскольничьихъ толкахъ или разныхъ нашихъ сектахъ? Нѣтъ: трудно искать „единую Божію истину“ тамъ, гдѣ христіанскій духъ поработенъ „перстами“ и процессъ христіанскаго развитія на цѣлыя столѣтія остановленъ „аллилуйей“ да „посолонью“ (расколъ); трудно ее искать и тамъ, гдѣ христіанская идея сужена и искажена до уродливости, т. е. въ нашихъ сектахъ (возьмите напр., хлыстовство и скопчество). А вѣдь истина Божія, или хотя „частица ея“, вмѣстимая пока, для всякаго времени, „едина“. Экклектическое же представленіе о церковной истинѣ, что она разсѣяна частями по разнымъ исповѣданіямъ, расколамъ и сектамъ, въ согласіи своемъ являющимъ правду Христову, не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ существуетъ „единая святая соборная и апостольская Церковь“, гдѣ существуетъ понятіе „ереси“ и „анафемы“.

И вотъ опять, и на почвѣ именно понятія объ *единой* Христовой истинѣ, я припоминаю слова св. Григорія Назіанзина о

попустительствѣ еретической пропаганды: „Назіанзинъ о еретикахъ болѣвая, яко еще непокой церкви святой творяху, писа епистолю къ Нектарію, Константинопольскому епископу, понося о его нерадѣніи, свою же великую ревность о душахъ чловѣческихъ показуя. И просить его, дабы кесаря на сіе возбуждать, еже бы еретикомъ множитися и расширяться съ ядомъ и поврежденіями своими не попускалъ; и глаголетъ: „аще имъ (еретикамъ) свободно яко же и правовѣрнымъ *учити* и множитися *попускають*, кто не видитъ, яко церковное ученіе *прокламають*, аки бы при нихъ стояла истина: ибо естество возбраняетъ сему, дабы два ученія о вещи *единой* себѣ *противная* истинствовали (Лѣтоп. Бар. л 384). Само собою понятно, что дико и противно духу христіанства внушать свое упованіе несогласнымъ такимъ способомъ, какого вождѣвалъ извѣстный расколо-начальникъ протопопъ Аввакумъ: „а што государь (писалъ онъ царю Федору), далъ бы ты мнѣ волю на ихъ отступниковъ (т. е. православныхъ), всѣхъ бы перепласталъ, што Ілья пророкъ; сперва бы Никона собаку разсѣкъ на четверо, а потомъ никоніанъ“; но огражденіе церковнаго стада отъ волковъ, отъ непризванныхъ учителей, сѣющихъ среди младенцевъ въ вѣрѣ, религиозную смуту и дикую ложь, даже если бы она и не имѣла политическаго значенія, есть логическій выводъ изъ исповѣданія „благочестивѣйшими“ „кесарями“ вѣры *единой святой Церкви*. Попустительство же открытой, ничѣмъ неограниченной еретической пропаганды, обычно разражающейся площадною руганью на православную Церковь ¹⁾—слишкомъ преждевременное испытаніе, слишкомъ „твердый хлѣбъ“ для многихъ милліоновъ нашихъ младенцевъ въ вѣрѣ, чтобы можно было отъ этого ожидать духовнаго роста нашего народа и чтобы это входило въ желаніе нашей церковной власти, нашихъ пастырей!.. Теперь и въ простой вѣрѣ, питаюсь и „млекою“, народъ спасается для жизни вѣчной. А предъ непосильнымъ для него искушеніемъ вѣры: когда въ его святое святыхъ стануть вторгаться кощунники и худители его вѣры святой (а таковыхъ—тысячи среди нашихъ отступниковъ—расколн. и сектантовъ) и съ разрѣшенія богопоставленной власти,—онъ падетъ—по отсутствію религиознаго развитія, по неимѣнію средствъ духовной самозащиты. Думается, что и Самъ Христосъ изгналъ бы таковыхъ безчинниковъ изъ храма Божія...

То правда, разумѣется, что „тяжкій млатъ, дробя стекло, куеть булатъ“, что, при полной свободѣ исповѣданій, вымолотится самое чистое зерно православныхъ, но дѣло въ томъ, что

¹⁾ Доказательства будутъ указаны въ продолженіи.

стекло-то тутъ будетъ разбито зря, преступно,—въ угоду модѣ, въ угоду духу времени, чуждому дѣла спасенія души и высшаго духовнаго интереса. О. Петровъ разсуждаетъ иначе. Онъ пишетъ: „За Церковь бояться нечего. Сила ея—не въ поддержкѣ того или другого министерства“...

Разумѣется: „врата адова Церкви не одолѣютъ“... и по Златоусту: „колицы ратоваша церковь и ратовавшіе погибаша и чесо ради Богъ попусти брань (на Церковь),—яко да покажетъ свѣтлѣйшую тоя побѣду“; но теперь мы сами раньше Бога, сознательно, не только попускаемъ, но и зовемъ къ себѣ эту „брань“ на Церковь исключительно въ подражаніе тѣмъ конституціоннымъ и республиканскимъ странамъ, въ которыхъ вѣра Христова никогда не была такимъ устоемъ народнаго быта и государственности, какимъ она была и продолжаетъ быть у насъ, и совершенно игнорируемъ неизбежную духовную гибель нашихъ меньшихъ братій въ дебряхъ отступничества. „Боязнь предъ людьми ставить сѣть“ (Притч. 29, 25); но взыщетъ Господь за соблазнъ малыхъ... И наша война съ Японіей, вѣримъ, кончится все же побѣдой нашей, но сердце обливается кровью, когда читаешь,—что въ одинъ ужасный бой гибнетъ 50 тысячъ нашихъ братьевъ; одинъ бой несетъ горе и слезы 50 тысячамъ семействъ. А ужели къ духовной гибели можно относиться равнодушнѣе?.. Мирясь не только съ открытой пропагандой отступничества, но и съ комбовщиной, о. Петровъ продолжаетъ:

„Нѣкогда, какъ мы читаемъ въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, синедріонъ Іерусалима обсуждалъ мѣры борьбы съ народившимся ученіемъ Іисуса Христа. Мудрый Гамалиилъ сказалъ объ апостолахъ: „Отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ, ибо если это предпріятіе и дѣло это отъ чловѣковъ, то оно разрушится. А если оно отъ Бога, то вы не можете разрушить его“.

Въ комбовской исторіи истиннымъ друзьямъ истинной церкви въ успокоеніе можно сказать слова Гамалиила наоборотъ: „Оставьте страхи, даже и раздраженіе. Это гоненіе, эта борьба—не къ смерти, а къ славѣ Божіей. Что истинно-Божіе, то крѣпко, сильно и вѣчно-живо. Того никакимъ Комбамъ не разрушить. А что погибнетъ,—то, стало-быть, не Божье. То—примѣвъ чловѣческая. То—гниль, уродливый наростъ. Его и нечего жалѣть. Наоборотъ—надо радоваться, что Божье, наконецъ, очистится отъ людского“.

На-сколько неосновательно возводитъ слова Гамалиила въ общій принципъ, нами показано раньше—въ статьѣ—„Наши Гамалиилы“ (Мисс. Обзор. 1904 г. № 16). Къ сказанному тогда прибавимъ теперь только одно: равви Гамалиилъ, видя въ апостольскихъ—проповѣди и чудесахъ явное знаменіе небесной истины, совѣтуетъ Синедріону поступиться въ еврействѣ въ пользу хри-

стіанства (ложь уступаетъ истинѣ); а тѣ, которые въ нашихъ газетахъ повторяютъ его слова, поступаютъ наоборотъ: совѣтуютъ истинѣ уступить лжи и работаютъ въ пользу уравненія правъ господствующей Церкви съ расколо-сектантскимъ отступничествомъ. Кажется, ясно. Чтобы теперь повторять слова Гамалиила, для этого прежде нужно стать и въ его положеніе: т. е. признать, что вѣра, въ которой мы пребываемъ—ложь, а отступничество, въ пользу котораго мы работаемъ,—истина, засвидѣтельствованная небесными знаменіями. Но можетъ-ли совѣсть вѣрующихъ въ Церковь стать въ такое положеніе? О. Петровъ говоритъ „истиннымъ друзьямъ истинной Церкви въ успокоеніе“: „оставьте страхи... что истинно-Божіе, то крѣпко, сильно и вѣчно—живо... а что погибнетъ, то, стало быть, не Божье. То—примѣсь человѣческая. То—гниль, уродливый наростъ. Его и нечего жалѣть.—Наоборотъ, надо радоваться, что Божье, наконецъ, очистится отъ людского“. Что это—іудино лобзаніе къ Церкви или прискорбное недоумѣніе? Вѣдь священнику Петрову должно быть вѣдомо, что Сынъ Божій „грѣхъ ради нашихъ и нашего ради спасенія“ сошелъ съ неба на землю, училъ и страдалъ, чтобы спасти „человѣческое“, эту самую „гниль-то“ („не здоровые требуютъ врача, а больные“), ибо Онъ „встѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истинны принти“? Не Божье и здоровое пришелъ Онъ спасти, а именно „гниль“! Въ этомъ же идея и христіанскаго паствырства: если наши пастыри не поддерживаютъ падающаго, не врачуютъ больного, не перевязываютъ раненаго, не „осоляютъ“ „гниль“, а пасутъ *только „истинно Божіе“*, которое *само по себѣ* „крѣпко, сильно и вѣчно-живо“, то они кощунствуютъ, унижая своимъ служеніемъ силу Божію, и вмѣстѣ тунеядствуютъ: такъ какъ „Божіе“ и безъ нихъ не погибнетъ. Еслибы о. Петровъ не забылъ, что Христосъ страдалъ за *всякую человѣческую душу*, что, по притчѣ, Онъ ищетъ сотую овцу *заблудшую*, оставивъ 99, что радость на небесахъ бываетъ о *единомъ* кающемся грѣшникѣ, и что большой отвѣтъ дастъ Богу всякій, соблазняющій „малыхъ сихъ“, то онъ не написалъ бы такихъ словъ, подъ которыми прилично было бы росписаться Кальвину, съ его безусловнымъ предопредѣленіемъ—однихъ къ блаженству, а другихъ къ мученію, а не носящему званіе православнаго священника.

Въ другомъ №-рѣ „Русскаго Слова“ священникъ Петровъ такъ рассуждаетъ о свободѣ совѣсти.

Истинная живая Христова церковь не знаетъ замковъ. Въ нее и входъ, и выходъ совершенно свободны...

Переродился человѣкъ духовно, принявъ внутрь Христа. Сына Божія.— онъ какъ капля, соединяется съ живымъ океаномъ живой воды—съ цер-

ковью. Измѣнился въ этомъ океанѣ *почему-либо* внутренно, духовную связь потерялъ, —сейчасъ выдѣляется изъ среды. Въ немъ уже нѣтъ церкви и онъ не въ церкви. Какъ же церковь станетъ держать его насильственно въ своихъ нѣдрахъ?

— Тогда что же? — скажутъ. — Тогда, значитъ, полная свобода уходить изъ православной церкви? Да вѣдь это гибель православія! Въ такомъ случаѣ, если не всё, то какіе милліоны православныхъ отпадутъ, кто— въ расколь, кто— въ сектанство, кто— въ инославныя вѣроисповѣданія.

Такъ говорятъ обыкновенно не въ мѣру ретивые защитники всякихъ внѣшнихъ вмѣшательствъ въ вопросы вѣры, суровые противники свободы совѣсти.

Хочется спросить ихъ, какъ же они понимаютъ православную церковь, внутреннюю связь духовныхъ чадъ ея? Что такое, по ихъ мнѣнію, церковь? Куча сухого песка, которая не можетъ держаться, если не будетъ чѣмъ-нибудь прочно ограждена извнѣ? Или же это—живой Божій организмъ? Тѣсно сплоченное, внутренно-соединенное тѣло Христово?

Сама православная церковь учитъ насъ послѣднему. Какъ же можно говорить, что живой организмъ, живое тѣло Христово, живой Божій союзъ только и держится внѣшнею, полицейскою охраною? Отними ее, и все пропало: вѣрующіе разбѣгутся, разсыются по распутьямъ! Развѣ же эти рѣчи не кощунственны? Не грубое оскорбленіе, не униженіе достоинства церкви?

Если бы о. Петровъ, дѣйствительно, обратился съ такими мыслями къ тѣмъ, кого ему „хочется спросить“, то они сказали бы ему (и доказали), что представленіе и опредѣленіе его, о. Григорія, о Церкви—*чисто-протестантское* (церковь, какъ „невидимое общество святыхъ“ какъ „всеобъемлющее тѣло Христово“). Вмѣсто протестантскаго и отвлеченнаго опредѣленія Церкви Христовой, мы беремъ православное и болѣе конкретное: это общество истинно ¹⁾ вѣрующихъ во Христа, соединенное для вѣчнаго спасенія священно-началиемъ и таинствами. По протестантскому ученію, Церковь—невидимое общество *святыхъ* (у Петрова— „истинно Божіе“); грѣшныхъ членовъ (=у Петрова— „гнили“) тамъ нѣтъ: какъ только они согрѣшили (=у Петрова— „измѣнились внутренно“) они невидимымъ судомъ Божиимъ тутъ же отсѣкаются отъ Церкви и только по имени ея члены (=у Петрова— „сейчасъ выдѣляется изъ среды; въ нихъ уже нѣтъ Церкви и они не въ Церкви“). По православному же ученію: въ Церкви могутъ быть, до суда церковнаго и отлученія, и недостойные члены (ср. Слово Божіе: о „неводѣ“ съ разной рыбой, „поле“ съ плевелами, „домъ“, въ которомъ есть „сосуды золотые и глиняные“). Въ протестантской „Церкви“ нѣтъ „гнили“, по самому понятію о Церкви. По православному же упованію, Церковь—хотя она и не „куча сухого песка“ и „живое тѣло Христово, живой Божій союзъ“ и „держится не по-

¹⁾ Примѣнительно ко вселенности христіанской истины, по опредѣленію Викентія Лиринскаго.

лицейскою охраною“ (никто этого не говоритъ); но въ ней, какъ и въ живомъ тѣлѣ, могутъ быть и больные уды церковнаго тѣлесе; и болитъ ли одинъ удъ, съ нимъ страждутъ и другіе. И вотъ, при открытой пропагандѣ отступничества, заболѣть, „соблазнятся“ с своей вѣрѣ милліоны „малыхъ сихъ“—младенцевъ церковныхъ, и по отсутствію достаточнаго врачеванія (отпора расколо-сектантской пропагандѣ) и по своему несмыслию въ вѣрѣ Христовой, слѣпо пойдутъ въ пропасть религіозной лжи и тьмы, въ пропасть вѣчной гибели,—ужели же у кого-нибудь изъ ихъ старшихъ братьевъ и тѣмъ болѣе пастырей хватить на столько теплохладности, равнодушія къ святой вѣрѣ и вѣчной участи своихъ братій и пасомыхъ, чтобы сказать: „этому надо радоваться“!?. Нѣтъ, этого не можетъ быть, не должно, по крайней мѣрѣ, быть! И о. Г. Петровъ, надѣмся, въ глубинѣ своей души не согласенъ съ собой, такъ какъ уповаемъ, въ немъ есть искра Божія, жалость къ меньшему брату! И онъ не пожелаетъ искушенія вѣры нашего, и на землѣ обездоленнаго меньшаго брата, простого сѣраго люда, „паче еже можетъ она понести“: въ святую вѣру его вторгнется насиліе совѣсти со стороны сильныхъ лукавствомъ, коварствомъ, матеріальнымъ утѣсненіемъ духа лжи, и померкнетъ для него то сокровище, которымъ онъ достойно утѣшался и на которое достойно уповать!

„Измѣнился въ этомъ океанѣ (Церкви) почему-либо внутренно человекъ, духовную связь потерялъ,—сейчасъ *выдѣляется* изъ среды“, пишетъ о. Г. Петровъ. Но ужели онъ, о. Григорій — совершенно равнодушенъ къ этому погубительному для спасенія души „выдѣленію изъ среды“?.. Ужели это его *по чему-либо*, хотя бы соблазнъ неопытнаго въ вѣрѣ простеца, ничуть его не трогаетъ и не нарушаетъ его духовно-пастырскаго покоя? Нѣтъ,—тутъ или малодушіе предъ идолами времени, или недоразумѣніе. Другое страшно предполагать.

Со скорбію прочиталъ я о сужденіяхъ богослововъ, что „нѣкоторое физическое охраненіе нашихъ младенцевъ въ вѣрѣ отъ ино-вѣрныхъ вліяній естественно и условно—необходимо“; но что наши „разсужденія не имѣютъ подъ собой принципиальной опоры“ (Церк. вѣстникъ с. г. № 6), что мы „подтасовываемъ понятія свободы исповѣданія и свободы пропаганды“ („Слово“) и что „миссіонерская совѣсть въ этомъ отношеніи, какъ показали факты, не отличается излишнею щепетильностью“ („Слово“ № 61 с. г.) и т. п. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

Н. Гринякинъ.

Къ народу о царѣ и властяхъ.

(Пастырское слово).

По обстоятельствамъ нашего смутнаго времени считаю своимъ пастырскимъ долгомъ побесѣдовать съ тобою, нашъ добрый царелюбивый народъ, о царѣ и властяхъ, отъ Бога установленныхъ. Знаю, что всѣ вы, православные, отъ-мала-до-велика, сыновне любите и свято чтите нашего Батюшку—Царя, увѣренъ, что нѣтъ среди васъ ни одного безумца, который бы вздумалъ не только дерзкимъ словомъ, но и недоброю мыслию осудить Государя; пастырски завѣряю, что каждый изъ вашихъ истинныхъ сыновъ Церкви и Отчизны, не задумываясь, отдастъ, когда потребуется, свою жизнь за Императора. Говорю же нынѣ съ вами о Царѣ, желая еще и еще укрѣпить, углубить въ васъ непоколебимую вѣрность и преданность помазаннику Божьему; желая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и вы укрѣпляли въ дѣтяхъ своихъ любовь и уваженіе къ Государю. Кто знаетъ, не придется ли вамъ и дѣтямъ вашимъ встрѣтиться съ крамольниками, съ измѣнниками, съ бунтовщиками и смутьянами, которыхъ не мало развелось теперь у насъ на св. Руси, не придется ли всѣмъ намъ, не потерявшимъ въ сердцѣ вѣры въ Бога и присягу, грудью до самоотверженія постоять за Помазанника Божія, за наши вѣковыя святыни русской государственной жизни. Не пригодятся-ли вамъ и теперешнія наши пастырскія внушенія, не полезны-ли будутъ дѣтямъ ваши родительскія наставленія о Царѣ и власти. Выслушай-же, народъ, Слово Божіе о томъ, какъ долженъ истинный сынъ Церкви и Царя относиться къ Помазаннику Божію и этимъ Словомъ, какъ мечемъ духовнымъ, отражай, отгоняй и собственные грѣшныя помыслы и хитроумныя рѣчи крамольниковъ, желающихъ свернуть Русь съ своего законнаго пути на путь чужеземный.

Нѣтъ ничего вѣрнѣе Слова Божія, нѣтъ ничего страшнѣе непослушанія Божьему закону, ибо „страшно попасть въ руки живаго Бога“, говоритъ св. ап. Павелъ. Вѣруемъ и исповѣдуемъ, что живъ Господь Богъ Руси православной, Господь сильный во бранѣхъ!

Однажды фарисеи спросили Иисуса Христа: *Скажи намъ: какъ Тебѣ кажется: позволительно-ли давать подать кесарю или нѣтъ? Иисусъ сказалъ: покажите Мнѣ монету, которою платится подать. Они принесли ему динарій. И говоритъ имъ: чье это изображеніе и надпись? Говорятъ Ему: кесаревы. Тогда говоритъ имъ: итакъ, отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу (Мф. 22).*

Въ то время надъ іудеями царствовалъ римскій кесарь (царь). Хитрые законники, желая на словахъ уловить Иисуса, думали, что Онъ не повелитъ имъ платить дань царю иновѣрному и иноземному.

и такимъ образомъ освободить ихъ отъ всѣхъ прочихъ царскихъ повинностей. Но хитрецы ошиблись въ своихъ расчетахъ. *Отдайте кесарево кесарю, а Божіе Богу*—сказалъ Господь. Это Господне слово, братія, и для всякаго христіанина—законъ. И каждый изъ насъ долженъ *воздавать кесарево кесарю, т. е. Царское Царю, а Божіе Богу*. Будемъ же всѣ мы неуклонно и непреложно исполнять законъ Божій и законъ царскій. Слушайтесь Бога, повинуйтесь и Царю. Всѣ повелѣнія Царя и его царскаго правительства исполняйте безъ прекословія, памятуя слова Божіи: „Царь не безъ ума власть (мечъ) носить, Божій бо слуга, сердце Царя въ руцѣ Божіей“. Посылаетъ ли Царь на войну—идите, велитъ ли платить подати и налоги—платите, издаетъ ли законы—принимайте и исполняйте ихъ, *не только изъ-за страха, но и по совѣсти*. Только ту волю Царя Господне слово разрѣшаетъ не исполнять, которая идетъ противъ воли Божіей. Какъ Господь училъ, такъ учили и Апостолы. Они и сами исполняли повелѣнія царскія, и христіанамъ заповѣдали.

При Апостолахъ царствовалъ императоръ Неронъ, жестокій гонитель христіанъ. Апостола Петра онъ распялъ на крестѣ, а Павла усѣкъ мечемъ. Сами римляне недоумѣвали, слѣдуетъ ли повиноваться ему, не свергнуть ли его съ престола. Такъ думали язычники, такъ могли думать и христіане того времени, не усвоившіе хорошо христіанскаго закона. Но Апостолы вразумили ихъ, заповѣдавъ такъ: *Бога бойтесь, Царя чтите. Нѣсть власть, аще не отъ Бога. Противляющіеся власти, Божію повелѣнію противляются. Всякая душа да будетъ покорна властямъ* (Рим. 13 гл.).

Такъ повелѣвали Апостолы повиноваться царямъ-идолопоклонникамъ, царямъ-иноземцамъ,—намъ ли, православнымъ христіанамъ, не повиноваться, не чтить, не любить своихъ благочестивѣйшихъ, родныхъ, милосердыхъ, справедливыхъ Царей, отдающихъ всего себя, всю свою жизнь на служеніе Россіи!

Было время, наши предки поклонялись идоламъ. Жили они отдѣльными маленькими племенами. Не было у нихъ ни порядка, ни закона, ни мира, ни спокойствія. Шла у нихъ непрестанная вражда и усобица. Враги-чужеземцы пользовались ихъ раздорами, то и дѣло нападали на нихъ, убивали, въ плѣнъ уводили, тяжкія дани налагали, имущества жгли и грабили. И сказали славяне: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Поищемъ себѣ князя“.

И выбрали они себѣ въ князя трехъ братьевъ-варяговъ, которые и стали править землей. Начался порядокъ. Враги не смѣли больше обижать русскихъ. Усобицы прекратились. Всякъ сталъ находить защиту и правду. А еще лучше порядокъ началъ устанавливаться съ того времени, когда княгиня Ольга православную вѣру приняла, а ея внукъ, князь Владиміръ, свѣтомъ вѣры Христовой просвѣтилъ всю землю

Русскую, за что и прозванъ Краснымъ Солнышкомъ и причтенъ Церковью къ лику святыхъ. Послѣ единодержавнаго Владиміра опять земля русская раздѣлилась на мелкія княжества, и опять пошли усобицы. Усобицы кончились нашествіемъ татаръ и трехсотлѣтней неволей, послѣ которой Русь, мало-по-малу, собралась и сплотилась подъ самодержавной властью Московскихъ Правителей. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были: Іоаннъ Даниловичъ—первый великій князь Московскій и первый собиратель русскаго царства; Іоаннъ Димитріевичъ Донской—первый побѣдитель татарскихъ полчищъ; Іоаннъ III—освободитель Россіи отъ татарскаго ярма; Іоаннъ IV-й, при которомъ была покорена Казань и Сибирь. Послѣ Іоанна IV-го опять наступило тяжелое безгосударное время, по случаю кончины, отъ руки злодѣя, наслѣдника царскаго престола царевича Димитрія. Опять настала смута, усобица, потомъ нашествіе поляковъ, и наконецъ занятіе Москвы врагами. По милости Божіей, по молитвѣ Церкви, смута окончилась изгнаніемъ враговъ и избраніемъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. При немъ многострадальная Русь отдохнула отъ ужасовъ междоусобія. Послѣ Михаила царствовалъ сынъ его Алексѣй, за свою кротость и благочестіе прозванный Тишайшимъ. Ему добровольно подчинилась Малая Россія, до того времени находившаяся подъ властью Польши. Послѣ Алексѣя Михайловича воцарился сынъ его Петръ Великій—знаменитѣйшій и славнѣйшій изъ всѣхъ царей міра. Изъ другихъ Государей дальнѣйшаго времени замѣчательны Александръ Благословенный, при которомъ было нашествіе Французовъ и съ ними подъ команду Наполеона, двадцать языковъ, окончившееся ихъ посрамленіемъ и изгнаніемъ. Послѣ Александра царствовалъ его братъ Николай I, твердый Правитель и мужественный защитникъ Россіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Послѣ Николая воцарился Александръ II, Освободитель крестьянъ и Онъ же освободитель Сербовъ и Болгаръ отъ турецкаго владычества. Въ 1881 г. Онъ былъ убитъ крамольникомъ, послѣ чего на Престолъ взошелъ сынъ его Александръ III, водворившій миръ и спокойствіе въ странѣ русской, слѣдившій за правдой, въ голодный годъ не пожалѣвшій казны для прокормленія голодающихъ. Оплакиваемый всей Россіей, онъ умеръ десять лѣтъ тому назадъ, оставивъ Престолъ сыну, нынѣ царствующему Императору Николаю II. Добрый, кроткій, благочестивый Императоръ Николай Александровичъ, желая во всей точности выполнить Христово ученіе, предложилъ прочимъ державамъ прекратить войны, снять оружіе, устроить всеобщій миръ. Но исконный ненавистникъ мира, врагъ рода человѣческаго, который искони былъ челоѡчко-убійца, возсталъ противъ великой христіанской идеи мира и избралъ орудіемъ своей злокозненности противъ миролюбиваго Царя и Россіи языческую Яцонию, которая и объявила намъ жестокою войну, тянущуюся до сихъ поръ.

Рѣшительно ни въ одномъ народѣ не было такого длиннаго ряда достойнѣйшихъ Правителей, какъ у насъ. Всѣ русскіе цари были преданными, примѣрными сынами Церкви. Всѣ они берегли, защищали, питали Церковь Русскую, какъ свою родную, любимую мать. По истинѣ, на нашей Церкви сбываются слова пророка Исаія: *И будутъ цари питателями твоими, Сионъ, и царицы ихъ кормилицами твоими* (Ис. 49, 23).

Но врагу человѣческаго рода всегда было ненавистно благочестіе русскихъ царей и народа. Онъ не разъ старался совратить ихъ съ истиннаго пути въ какое-нибудь ложное ученіе. Такъ царя Іоанна Грознаго пытались совратить въ католичество латиняне, Петра Великаго сбивали лютеране, Александра Благословеннаго разные сектанты. Но благодареніе Господу Богу! всѣ Государя Россійскіе до единаго остались вѣрными стражами и защитниками православія.

Не дремлетъ сей врагъ: и въ наше злохудожественное время явилось множество измѣнниковъ и безбожниковъ, которые желаютъ ограничить самодержавіе власти царской, унижить, низвести господствующее положеніе въ Россіи Церкви православной на одну ступень съ разновѣріемъ, нарушить благочестіе, ослабить вѣру, измѣнить добрые русскіе нравы и исконные порядки на чужеземные.

Дѣйствительно, безъ твердой на Руси царской самодержавной власти, когда не станетъ „удерживающаго“, по слову апокалипсиса, дьяволъ получитъ великую силу: его послѣдователи и друзья—безбожники, беззаконники, еретики, соблазнители, какъ львы рыкающіе, будутъ преуспѣвать паче нынѣшняго въ соблазнѣ истинныхъ христіанъ.

Будь остороженъ, православный народъ! Береги своего Царя, какъ собственное око. Люби Его, молись за Него, вѣд्रीय любовь, страхъ и почтеніе къ Нему и установленнымъ отъ него властямъ въ дѣтяхъ своихъ. Говори имъ, какъ повелѣваетъ Библія: *Бойся, сынъ мой, Господа и Царя; съ мятежниками не сообщайся* (Притч. 24, 21): на совѣтъ нечестивыхъ не ходи, остерегайся разныхъ нынѣ забастовокъ, всякихъ мятежныхъ сходбищъ, демонстрацій, безчинствъ и буйствъ, къ чужой собственности не прикасайся. Кто, по скудости ума своего, осудитъ Царя, останови его. Божіе Слово запрещаетъ осуждать Царя даже въ мысляхъ. *Даже и въ мысляхъ твоихъ не злословь Царя* (Еккл. 10, 20). Запомните это слово, православные, а также и то, что *противящіеся власти навлекутъ на себя осужденіе* (Рим. 13, 2).

Свящ. *Михаилъ Платоновъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печ. дозволяется
С.-Петербургъ, 15-го марта 1904 г. Цензоръ Архимандритъ *Месодій.*

Ненаучное въ наукѣ.

Огромное большинство современныхъ намъ образованныхъ людей находитъ основанія гордиться тѣми научными пріобрѣтеніями, тѣми успѣхами въ областяхъ чистаго и прикладнаго знанія, которые къ концу XIX в. составили необъятный научный багажъ. Неоспоримо, что новыя завоеванія науки, новыя практическія примѣненія прежнихъ познаній, открытій, усовершенствованій достигли къ нашему времени такой степени высоты, до которой въ старыя годы не умѣла подняться самая пылкая фантазія. Завидная доля въ этомъ отношеніи принадлежала мнувшему вѣку, особенно второй его половинѣ, каждый годъ которой ознаменованъ какимъ-нибудь плюсомъ къ прежде добытому знанію. Научное развитіе шло быстро и безостановочно. И если иногда одно міропониманіе брало перевѣсъ надъ другимъ и отодвигало на второе мѣсто теорію, занимавшую прежде первенствующее положеніе, то эта смѣна, не останавливая общаго научнаго движенія, говорила только о томъ, что условія даннаго времени были наиболѣе благоприятными для того или иного направленія умственной жизни передовыхъ людей и ихъ соотвѣтственной дѣятельности. Кромѣ того, отсутствіе единства взглядовъ на природу всегда зависѣло отъ дробленія наукъ на спеціальныя отрасли, изъ которыхъ почти каждая проявляетъ наклонность къ еще болѣе мелкому дѣленію. „Ученый міръ какъ будто спѣшитъ размѣняться на мелочь и дать какъ можно болѣе спеціалистовъ, которые не хотятъ знать что либо внѣ своей излюбленной науки, все далѣе расходятся одинъ отъ другого и тѣмъ подрываютъ вѣру въ то значеніе, которое наука въ ея цѣльномъ объемѣ могла бы имѣть для человѣчества, не смотря даже на шаткость своихъ положеній и выводовъ“. Эти спеціалисты „оказываются какъ бы стоящими на такой наклонной плоскости, которая неминуемо заставляеть ихъ скользить только въ направленіи

своей покатости: увлекшись однимъ, прославившись открытіями въ одной спеціальности, они имѣютъ иногда самое смутное понятіе о другой и чтобы заняться ею, могутъ оказаться вынужденными начать ея изученіе съ элементарнаго курса" (см. мою ст. „Христіанское ученіе въ сопоставленіи съ нѣкоторыми мнимо-научными мнѣніями нашего времени“. „Вѣра и Разумъ“ 1901 г. № 24, стр. 487, 488). Эти факторы въ зависимости отъ личныхъ наклонностей каждаго изъ ученыхъ людей, въ связи съ неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ научныхъ проблемъ ихъ ближайшими предшественниками, заставляли иногда вернуться къ оставленной всѣми теоріи, вызвать ее къ новой жизни, такъ сказать, — поднять давно брошенный предметъ, получающій при новыхъ обстоятельствахъ нѣсколько иную окраску. По этой причинѣ Бэйнъ, разсуждая о существѣ челоуѣка, въ своей книжкѣ „Душа и тѣло“ высказалъ мысль, что изъ всѣхъ ученій объ этомъ предметѣ вѣрнѣйшимъ надо считать догадку Аристотеля. Къ тому же заключенію пришелъ берлинскій проф. Тренделенбургъ, какъ бы признавая, что новѣйшіе ученые въ наукѣ о челоуѣкѣ не сдѣлали ни одного вѣрнаго шага со времени Аристотеля. Часто переходъ отъ одной научной системы къ другой можно, по справедливости, считать рѣзкимъ и нелогичнымъ, тѣмъ не менѣе, по закону противоположности, эта замѣна можетъ найти для себя оправданіе: коренное свойство челоуѣческаго духа побуждаетъ его стремиться къ истинѣ и если одинъ кодексъ научныхъ познаній не обладаетъ достаточною полнотою для удовлетворенія духовныхъ запросовъ, то его противѣсомъ можетъ явиться другой, противоположный, иногда качественно равный первому и потому одинаково неудовлетворительный. Прежнимъ метафизикамъ, не имѣвшимъ подъ собою устойчивой почвы, явились на смѣну послѣдователи Конта, ничего не замѣтившіе у себя подъ ногами кромѣ вещества.

Когда-то господствовавшее теологическое міровоззрѣніе потеряло теперь передъ лицомъ науки прежній кредитъ и замѣнено грубымъ матеріализмомъ. „Холодное, безучастное, иногда даже пренебрежительное отношеніе ко всему, что напоминаетъ о религій, въ современномъ обществѣ явленіе обычное и широко распространенное“ (свящ. о. Петровъ, „Евангеліе какъ основа жизни“, стр. 3, 4). „Современная, даже интеллигентная масса въ своемъ нравственномъ развитіи поразительно отстала отъ умственнаго и эстетическаго развитія“.

„Въ нашей частной и общественной жизни громадный недостатокъ отраженія Христа“ (тамъ же, стр. 51, 120). „Существенный пробѣлъ въ современномъ воспитаніи дѣтей, еще болѣе расширяемый въ школьномъ и университетскомъ образованіи, и заключается въ томъ, что духовная, индивидуальная сторона человѣка, сторона его чувствъ и стремленій къ высшимъ идеальнымъ образамъ, забыта, оставлена безъ вниманія“ (Н. Рышковскій, брош. „Эволюціонное умопомѣшательство и отраженіе его на умственной сферѣ современнаго общества“, 1901 г.). Забракованные выводы метафизики и чистаго умозрѣнія, позабытыя истины христіанства, не проникающія въ сердце, а лишь касающіяся его поверхности, какъ будто не представляютъ для образованнаго общества существеннаго ущерба; оно продолжаетъ идти своей дорогой и въ лицѣ своихъ ученыхъ членовъ и представителей въ области положительнаго, точнаго знанія достигло поражающихъ результатовъ. Астрономія, при помощи спектральнаго анализа, опредѣлила составъ многихъ небесныхъ тѣлъ, ихъ вѣсъ и температуру; при посредствѣ телескоповъ,—открыла массу неизвѣстныхъ прежде звѣздъ. Физика узнала, что кубическій метръ ээира долженъ вѣсить не менѣе 0,0000000000000001 грамма (это вычислилъ В. Томсонъ, онъ же лордъ Кельвинъ). Химія, родившаяся отъ средне-вѣковой алхиміи, не пропускаетъ года безъ того, чтобы не показать людямъ какое-нибудь новое неразложимое тѣло (элементъ). Біологія установила, что родоначальникомъ всего живаго является растительная клѣтка. Геологія, изучая земные пласты и наслоенія, — эти страницы изъ книги бытія земли,—тоже пришла къ заключенію, что все живое естественнымъ путемъ развилось изъ силурійскихъ слизней, въ свою очередь явившихся изъ протоплазмы и клѣтки. Исторія въ самое послѣднее время заявила, что прежде никто и не понималъ историческихъ явленій, истинная причина которыхъ—экономическія потребности народовъ. Медициноѣ теперь извѣстны цѣлыя арміи болѣзнетворныхъ началъ—микроорганизмовъ, борьба съ которыми очень часто заставляетъ ихъ терпѣть полное пораженіе. Философія хотя и неувѣренно, но все же съ упорною настойчивостью считаетъ нужнымъ признать въ человѣкѣ одну субстанцію—вещество.

Всѣ спеціальныя отдѣлы знанія постепенно увеличиваютъ свой научный фондъ, совершенствуютъ приемы, улучшаютъ способы изслѣдованій. Всѣ увѣрены, что они все ближе подходятъ къ истинѣ. Истина!—

какое обязательное слово! Сколько труда положило человечество на то, чтобы овладѣть ею! И научная работа въ своемъ эволюціонномъ направленіи, повидимому, привела образованный классъ къ преддверію этой истины.

Труденъ былъ пройденный путь и неизвѣстно, гдѣ конецъ ему, но тѣ, кто его прошелъ и проходить, увѣрены, что онъ правиленъ. Какая строгая постепенность! Въ XV в. Колумбъ, открывши Америку, доказалъ шаровидность земли (хотя, кстати сказать, ученые нашего времени склонны утверждать, что земля имѣетъ видъ не шара, а тупого волчка, такъ какъ границы ея въ сѣверномъ полушаріи выступаютъ за предѣлы шаровой окружности); въ XVI столѣтіи Коперникъ открылъ движеніе нашей планеты; въ XVII вѣкѣ Ньютонъ установилъ законъ тяготѣнія, — и тогда стало ясно, что самая форма земли явилась слѣдствіемъ движенія и тяготѣнія; въ XVIII вѣкѣ Лавуазье указалъ на законъ сохраненія вещества; въ 1842-мъ году Майеръ, а въ слѣдующемъ году Джоуль формулировали законъ сохраненія силы; аббатъ Сегки опредѣленно высказался о единствѣ физическихъ силъ. Теперь всѣ эти силы сведены къ движенію. „Матерія и ея движеніе — вотъ тотъ общій знаменатель, къ которому подведены всѣ частныя явленія неорганической природы и міра организованнаго. Въ своемъ историческомъ развитіи человекъ освободился отъ представленія объ идеяхъ, нашедшихъ будтобы свое отраженіе въ вещественномъ мірѣ“ (лекція проф. Моск. ун. Мензбира). Тоже говоритъ проф. Карѣевъ въ своихъ „письмахъ къ учащейся молодежи“ и въ „бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“, — Карѣевъ, не дающій мѣста разсужденію о высшихъ идеальныхъ представленіяхъ, о Богѣ, вѣрѣ и нравственности.

Такое безучастное отношеніе къ духовной сторонѣ человѣческой природы замѣтно почти во всякихъ отрасляхъ положительной науки и давно уже потеряло интересъ новизны. Признаніе въ человекѣ одной матеріальной сущности исключаетъ надобность заниматься тѣми предметами, которые принадлежатъ къ другой области и не поддаются измѣренію и различнымъ экспериментамъ. Этотъ ненужный балластъ наука снисходительно предоставляетъ въ распоряженіе мистикамъ, а сама она стремится отыскать законы міровыхъ явленій и указать ихъ взаимныя соотношенія. „Истинное знаніе, на которомъ зиждется цивилизація, состоитъ единственно въ открытіи отношеній предметовъ и идей другъ къ

другу и между собою“. Въ вышеназванной статьѣ мы позволили высказать свое сомнѣніе въ правильности такого опредѣленія, не смотря на то, что авторитетъ Бокля, которому принадлежать эти слова, подкрѣпляется выраженіемъ Бэкона, что существенно важно отыскать общій законъ явленій, проникнуть въ глубь жизни, а практически воспользоваться найденнымъ знаніемъ уже легко... Мысль безспорно хорошая, но прежде чѣмъ ее высказать, надо бы вѣско доказать, что управляющій міромъ законъ доступенъ нашему пониманію. Наука не считается съ этою невозможностью и стремительно идетъ по пути своего развитія. Французъ-физиологъ Клодъ Бернаръ, высказавши мнѣніе, что стремиться открыть причину вещей—верхъ пенатурализма, предложилъ подходить къ истинѣ болѣе осторожнымъ и вѣрнымъ путемъ; но послѣ него наука сдѣлала такой большой шагъ, достигла такихъ важныхъ результатовъ, что одинъ изъ ея адептовъ теперь уже смѣло говоритъ, не опасаясь быть заподозрѣннымъ въ самообманѣ, что, „разумъ никогда не удовлетворится знаніемъ факта, если не знаетъ его причины. Изысканіе причины вещей все же будетъ продолжаться и скрытыя тайны природы будутъ обнаружены“ (Л. Уордъ, „Психическіе факторы цивилизаціи“, гл. 32). Теперь намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что для „истиннаго знанія, на которомъ зиждется цивилизація“, не достаточно яснаго пониманія однихъ только отношеній между явленіями, а нужно еще познать самые факты и явленія. Послѣ этого мы можемъ спокойно подождать того времени, когда скрытыя тайны будутъ постигнуты.

Конечно, такое универсальное знаніе должно быть научно обосновано и неопровержимо доказано. Мы въ правѣ ждать этого отъ точной науки, у которой подъ руками все: и наилучшіе методы изслѣдованій, и химическіе препараты, и чувствительные вѣсы, и микроскопъ, и лучи Рѣнтгена, и лучи радія, и еще многое другое. Притомъ, намъ извѣстно, что положительная наука пренебрежительно относится къ доказательствамъ метафизики, которыя не могутъ быть провѣрены опытомъ; логическіе выводы, вытекающіе изъ предположеній, для науки точной не имѣютъ значенія; ей нужна и имѣетъ цѣну полная несомнѣнность и очевидность. Истины религіи наука трактуетъ какъ печальное заблужденіе и по вопросамъ этой области говоритъ тономъ сожалѣнія о невѣжествѣ человѣчества. Ясное дѣло, что наука и не должна прибѣгать къ тѣмъ приѣмамъ въ изученіи и въ доказательствѣ, которые ею же

самой признаны неудовлетворительными и несоответствующими ея высокому достоинству.

Можетъ быть этого она и достигнетъ въ недалекомъ будущемъ, но теперь она еще не свободна отъ упрека въ непослѣдовательности и самопротиворѣчіи.

Наука стремится найти и осмыслить законы міровыхъ явленій. Откуда она узнала, что существуютъ эти законы, если настойчиво отрицала и продолжаетъ отрицать бытіе законодателя? Общій міровой законъ наукою еще не открытъ, — не преждевременно ли сдѣлано заявленіе, что во вселенной дѣйствуетъ одна общая основная сила, изъ которой возникаютъ другія, или къ которой могутъ быть сведены? Вѣдь сила, хотя бы она была вполне извѣстна, еще не представляетъ собою закона, а какъ неотъемлемое свойство матеріи (по Карпэнтеру) — сама подчинена ему въ своемъ дѣйствіи. Откуда возникъ міровой законъ и кто опредѣлилъ быть ему именно закономъ, а не беззаконіемъ?

Если бы онъ самъ произвелъ себя (изъ чего?) и установилъ, чѣмъ ему надлежало быть, то онъ оказался бы одновременно законодателемъ, закономъ и чѣмъ-то подчиненнымъ закону. Это очевидная невозможность, такъ какъ подчиненный законъ не есть уже законъ (см. вышеприведенную мою статью, стр. 497 — 499). Мы недоумѣваемъ, — когда и какимъ образомъ наука достигнетъ намѣченной для себя цѣли, если она не заключитъ сознательнаго соглашенія съ истинною вѣрой. Не зная міровыхъ законовъ, наука прежде своихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи *предположила* ихъ существованіе. Не видимъ тѣхъ оснований, на которыхъ построена увѣренность науки въ томъ, что она собственными своими способами и средствами можетъ современемъ доказать вѣрность своихъ предположеній.

Изъ всей предыдущей исторіи развитія науки развѣ мы не знаемъ, что самыя вѣроятныя догадки все-таки оказывались ложными и замѣнялись другими? Вѣсьмъ извѣстно, что точная положительная наука, забывая свое пренебреженіе ко всякимъ вѣрованіямъ, сама часто довольствуется предвзятыми идеями и представленіями а priori, которыя безъ сожалѣнія отбрасываются прочь, какъ ненужный продуктъ празднаго воображенія, если только взамѣнъ ихъ предлагаются новыя гипотезы, часто раздѣляющія участь предыдущихъ. Ученые, не замѣчая, что они сами подкапываютъ свой фундаментъ, произнесли надъ собою безапел-

ляющій приговоръ: вѣрованія другихъ, не принадлежащихъ къ ихъ лагерю, заклеили названіемъ нѣвежества, неразвитости, а свои вѣрованія готовы защищать всѣми силами, ясно сознавая, что безъ массы гипотезъ наука потеряетъ значительную часть своего содержанія. Это и несправедливо и легкомысленно, потому что глубже обсуждая занимающій насъ предметъ, не трудно придти къ выводу, что наше мышленіе и знаніе въ своихъ корняхъ и основаніяхъ исходятъ изъ области вѣры: всякій предметъ мы познаемъ именно такъ, какъ онъ отражается въ нашей познающей способности и мы *вѣримъ*, что она дастъ намъ *вѣрное* его отображеніе (пресов. Никаноръ, бесѣда о томъ, что вѣра есть знаніе; Прав. Обзор., 1886 г. № 2). Научныя гипотезы, какъ таковыя, не имѣютъ даже достоинства религиозныхъ вѣрованій (вообще, — не христіанскихъ только): въ послѣднихъ видна устойчивость, прочность: они даютъ чувство удовлетворенія и отрады при сознаніи исполненнаго нравственнаго долга или религиозныхъ предписаній; а принятая научная гипотеза часто обязываетъ изслѣдователя дальнѣйшій результатъ изысканій втискивать въ готовую раму, стараться приспособить міровоззрѣніе къ ея размѣру и... затѣмъ огорчаться, когда эта неудачная попытка окажется пустою и жалкою потугою.

Во всякомъ случаѣ гаданія и предположенія, не связанныя органически съ содержаніемъ данной науки, а вызванныя необходимостью заполнить оцутительный пробѣлъ, хотя бы даже вѣрность ихъ была доказана впоследствии, — плохо гармонируютъ съ заявленіемъ, что въ конкретной положительной наукѣ все основано на опытѣ, точныхъ изслѣдованіяхъ и неоспоримыхъ аргументахъ.

За то какая пестрота во взглядахъ ученыхъ специалистовъ на предметы своей науки! Обратимъ вниманіе на то, съ какими затрудненіями, съ какимъ отсутствіемъ единогласныхъ признаній между учеными устанавливаются научныя положенія.

Астрономія, хорошо освѣдомленная о составѣ, плотности и тяжести отдаленныхъ міровъ, не можетъ дать опредѣленныхъ понятій о центральномъ тѣлѣ нашей планетной системы — солнцѣ. Сила его ослабѣваетъ какъ у всѣхъ тѣлъ, выдѣляющихъ теплоту и свѣтъ. Бюфонъ вычислилъ, что черезъ 95000 лѣтъ температура солнца понизится до такой степени, что жизнь на землѣ станетъ невозможною. Лаверье отодвигаетъ этотъ моментъ на 35 милліоновъ лѣтъ. Робертъ Гааль въ

1901 году доложилъ лондонской академіи, что объемъ солнца непрерывно уменьшается и черезъ 8600 лѣтъ будетъ равенъ половинѣ теперешняго, вслѣдствіе чего количество свѣта и тепла тогда будетъ вдвое менѣе настоящаго. Все погибнетъ на землѣ отъ холода. По мнѣнію Сея, зрѣлость нашего солнца, т. е. высшее напряженіе его лучей еще наступитъ только черезъ 800000 лѣтъ и тогда жаръ погубитъ всю органическую земную жизнь. Почему жаръ усилится, а не ослабѣетъ — неизвѣстно. Свою активность солнце могло бы увеличить подъ влияніемъ столкновенія съ другою большою планетою, но по вычисленіямъ Іегера такая встрѣча можетъ случиться лишь каждые 328 милліоновъ лѣтъ. Гельмгольцъ полагаетъ, что солнце уже изстратило большую часть своей энергіи и солнечныя пятна доказываютъ это уменьшеніе. Нѣкоторые утверждаютъ, что эти пятна являются показателями повышенія солнечной температуры. Въ декабрѣ 1900 года Дугласъ замѣтилъ на темно-зеленой части Марса, прозванной Икарійскимъ моремъ, длинную прямую линію сильныхъ лучей, растянувшуюся на нѣсколько сотъ километровъ, и сейчасъ же рѣшилъ, что это — сигналъ, данный намъ марсіанцами. Тесла, установивши телеграфъ на какой-то горѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, вдругъ замѣтилъ необыкновенное волненіе своего аппарата и тоже пришелъ къ заключенію, что жители Марса что-то сообщаютъ земнымъ обитателямъ. Директоръ парижской обсерваторіи Леви сдѣлалъ запросъ: какъ узнать Тесла, что депеша пришла именно оттуда, а не съ Венеры или Меркурія? Отвѣта не послѣдовало. Большинство астрономовъ не допускаетъ мысли о возможности такой сигнализациі... При такомъ разногласіи нельзя рѣшить. — въ какой степени достовѣрно то или другое мнѣніе; несомнѣнно только то, что астрономы способны предаваться чистѣйшимъ фантазіямъ, совсѣмъ неумѣстнымъ въ области точной науки.

Физика, въ область которой вошли нѣкоторые вопросы метафизики, также допускаетъ цѣлый рядъ гипотезъ. Для объясненія явленій электростатической индукціи принято предположеніе существованія двухъ электрическихъ жидкостей — положительной и отрицательной.

Возникновеніе электрическаго состоянія атмосферы стараются объяснить нѣсколькими гипотезами, по одной изъ которыхъ электричество является отъ тренія восходящихъ водяныхъ паровъ о ледяныя иглы, образующія высокія облака: измѣненіе электрическаго напряженія объ-

является по той же гипотезѣ сляніемъ наэлектризованныхъ частицъ водяного пара.

Въ началѣ XIX вѣка Гротгусъ предложилъ гипотезу для объясненія явленія электролиза жидкостей (разложенія ихъ отъ дѣйствія электрич. тока), въ главномъ согласную съ настоящимъ взглядомъ на этотъ предметъ. „Относительно зависимости направленія колебаній поляризованнаго свѣта отъ положенія плоскости поляризаціи можно сдѣлать только два допущенія: колебанія должны происходить или въ плоскости поляризаціи, или же они къ ней перпендикулярны. Которое изъ этихъ двухъ направленій существуетъ въ дѣйствительности, до сихъ поръ еще не рѣшено“ (физика Неезена, стр. 375).

„Если стальной пруть сгибать все сильнѣе, то сначала наступаетъ частичный переходъ работы въ теплоту; при дальнѣйшемъ сгибаніи пруть переламывается. Эти явленія приписываютъ обыкновенно „силѣ сдѣвленія“, существующей между частичками тѣла, причемъ *предполагаютъ*, что между ними дѣйствуютъ, подобно тяготѣнію, силы притяженія, сближающее дѣйствіе которыхъ можетъ при извѣстномъ положеніи найти противодѣйствіе въ „силѣ отталкиванія“ (Оствальдь, философія природы, стр. 131).

Ларрусъ опредѣляетъ эфиръ, какъ невѣсомую жидкость, но Менделѣевъ говоритъ, что нельзя отрицать его вѣсомости и прибавляетъ, что атомы эфирнаго надо представить не иначе, какъ способными преодолевать даже солнечное притяженіе, свободно наполняющими все пространство. Нѣсколько ниже въ той же статьѣ онъ однако пишетъ, что какъ бы эфиръ ни былъ легокъ, какъ бы ни была высока скорость его частицъ, все же около громадныхъ массъ солнца и звѣздъ его частицъ должно скопиться больше, чѣмъ около меньшихъ массъ планетъ (его ст. „Попытка химическаго пониманія эфирнаго“). Такъ легко отказываться отъ своихъ словъ—это значить не имѣть подъ собою сколько-нибудь твердой почвы. Оствальдь въ вышеназванномъ сочиненіи опредѣленно высказался, что „всѣ попытки установить свойства эфирнаго по аналогіи съ извѣстными свойствами матеріи привели къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Предположеніе о существованіи эфирнаго держится въ наукѣ не потому, что оно даетъ удовлетворительное представленіе о фактахъ, но скорѣе потому, что не умѣютъ и не стараются замѣнить его чѣмъ

нибудь лучшимъ“ (стр. 109). Конечно. Зачѣмъ разсуждать о свойствахъ того вещества, которое никому неизвѣстно!

Явленія теплоты объяснялись дѣйствіемъ какого-то вещества „флогистона“, который, находясь въ тѣлахъ, вызывалъ тепловыя явленія. Гипотеза эта рухнула при открытіи возможности превращенія тепла въ механическую работу. Кренигъ предложилъ новое предположеніе, по которому теплота есть особаго рода энергія, движеніе. Но „до сихъ поръ еще не удалось составить объ этомъ движеніи такого представленія, которое бы удовлетворительно объясняло свойства тѣлъ въ твердомъ и жидкомъ состояніяхъ“ (Несенъ, физика, стр. 181).

„Явленія смачиванія „объясняются“ предположеніемъ существованія притягательныхъ силъ между частями твердаго тѣла и жидкости, силою притяженія, т. е.—не объясняются, а гипотетически называются. Жидкости обладают „энергіей поверхности“: а такъ какъ она пропорціональна поверхности, то они высказываютъ стремленіе къ возможному уменьшенію своихъ поверхностей. Обыкновенно объясняютъ это явленіе и крѣпость твердыхъ тѣлъ гипотезою притяженія между частицами тѣлъ; но такой пріемъ ни на чемъ не основанъ... Плавленіе и испареніе называютъ измѣненіями *агрегативнаго состоянія*; но это названіе есть выраженіе гипотезы о молекулярномъ строеніи тѣлъ и поэтому не пригодно для обозначенія независимаго отъ гипотезъ дѣйствительнаго явленія. Когда при новышеніи температуры происходитъ не увеличеніе, а уменьшеніе объема, какъ въ водѣ ниже 4°, тогда возникаютъ затрудненія, требующія для своего устраненія новыхъ гипотезъ“. Вообще „наша современная наука широко пользуется гипотезами“ (Оствальдъ, фил. прир. стр. 142—150). При объясненіи свѣтовыхъ явленій эйру пришлось придать свойство образовывать при колебаніи не продольныя волны, подобно газамъ и жидкостямъ, а поперечныя, подобно твердымъ тѣламъ.

Эта гипотеза послужила даже къ предсказанію неизвѣстныхъ явленій, подтвержденному впоследствии опытомъ; но въ настоящее время она брошена, такъ какъ ей мѣсто заняла гипотеза о взаимныхъ превращеніяхъ энергіи электрической и магнитической. И это пользованіе ненужными предположеніями „въ наукѣ не уменьшалось по мѣрѣ убѣжденія въ непригодности принятыхъ гипотезъ. Это совсѣмъ какъ съ пьяницей: каждое утро, когда онъ страдаетъ отъ послѣдствій попойки,

онъ жалуется, что ему вредно именно то пиво, которое онъ вчера пилъ: но онъ никакъ не можетъ рѣшиться придти къ заключенію, что пиво ему вообще вредно. Неопровержимымъ свидѣтельствомъ въ пользу гипотезъ защитники ихъ считаютъ то, что съ ихъ помощью были сдѣланы многія прекрасныя открытія. На это могу только отвѣтить, что безъ этихъ гипотезъ, вѣроятно, было бы сдѣлано больше открытій. Открытія удалась не благодаря гипотезамъ, а не смотря на нихъ, ибо открытія удаются только благодаря труду, а не благодаря предположеніямъ“ (Оствальдъ, филос. прир., стр. 155).

Вопросъ о происхожденіи жизни рѣшается въ наукѣ тоже гипотезами. Эволюціонисты пришли къ заключенію, что первый простѣйшій организмъ зародился *произвольно*: это мнѣніе высказывалось, впрочемъ, еще древними греческими философами, но полное развитіе получило въ минувшемъ XIX столѣтіи. Но такіе авторитеты, какъ Пастеръ, Тиндаль, отвергаютъ ее. Однако, не смотря на доказанную несостоятельность и научное пораженіе, гипотеза эта упрямо защищается материалистами, такъ какъ съ отказомъ отъ нея должно пасть все ихъ міровоззрѣніе ¹⁾. Томсонъ предполагалъ, что растительная жизнь была занесена на землю вмѣстѣ съ остатками отжившихъ міровъ (метеоритами): но многіе ученые (между прочими Фай) не допускаютъ возможности жизни на другихъ планетахъ. Не зная начала жизни, наука не знаетъ и конца: Томсонъ (Кельвинъ) грозитъ человѣчеству опасностью удушенія отъ исчезновенія кислорода: Круксъ пророчитъ всесвѣтный голодъ; одинъ говоритъ, что жизнь погибнетъ отъ холода; другой утверждаетъ, что она будетъ уничтожена жаромъ... Вѣрьте кому угодно.

Физиологія рѣшаетъ вопросъ о цѣлесообразной дѣятельности внутреннихъ органовъ одними предположеніями. Нансенъ догадывается, что нервныя клѣтки и ихъ отростки (дендриты) исполняютъ чисто питательную функцію. Догель заявляетъ: „мнѣ *кажется* весьма маловѣ-

¹⁾ Литльтонъ (въ Америкѣ) въ 1903-мъ г. заявилъ, что получилъ животныя организмы безъ зародышей. Члены Пастероваго института не признали этого факта. Проф. Догель все же остался при томъ мнѣніи, что не исключена возможность существованія такихъ физическихъ условій въ прошломъ нашей или иной планеты, при которыхъ первичное зарожденіе было возможно. Онъ предполагаетъ, что въ будущемъ возможно искусственное возеозданіе этихъ условій въ лабораторіяхъ. (Прим. къ русск. переводу книги Пизона „Человѣкъ и животный міръ“).

роятнымъ, чтобы тѣло нервной клѣтки и дендриты исполняли исключительно только питательную функцію“ (см. его ст. „Нервные клѣтки въ здоровомъ и больномъ состояніи“, Вѣстн. и библ. самообраз., 1903 г. № 3).

Геологія все живое производитъ изъ простѣйшихъ видовъ, но замѣчаетъ, что непрерывность этого процесса не можетъ быть доказана, такъ какъ для несомнѣнности этого положенія не достаетъ многихъ звеньевъ между родами. Предшественникъ человѣка (антропопитекъ) остается неизвѣстнымъ¹⁾. Даже болѣе того: по мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ геологовъ и изслѣдователей, порода человѣка, какъ и многіе другіе виды, не развивалась постепенно, а первоначальные ея представители явились какъ геніальные выродки, рожденные антропоморфами.

Относительно внутренности земного шара мнѣнія также противорѣчивы: по предположенію однихъ, ядро земли находится въ расплавленномъ состояніи, по догадкамъ другихъ—оно твердо и плотно. Въ послѣднее время Артуръ Такенъ не призналъ ни гипотезы центрального огня, ни химической теоріи для объясненія вулканическихъ явленій: по его гипотезѣ, они вызываются напряженностью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержаемаго землею электричества, какъ въ грозахъ и полярныхъ сіяніяхъ. Одни говорятъ, что океаны зальютъ поверхность земли черезъ 6 милліоновъ лѣтъ; другіе предполагаютъ, что черезъ 10 милліоновъ лѣтъ земля сдѣлается мертвой пустыней на подобіе луны. Периодическія предсказанія о кончинѣ земли извѣстны каждому и, какъ не основанныя на научныхъ соображеніяхъ, должны считаться бредомъ возбужденнаго воображенія.

Страсть къ необоснованнымъ предположеніямъ, непростительнымъ для точной науки, настолько велика, что, напримѣръ, ученые географы совсѣмъ произвольно опредѣляютъ размѣръ поверхности южнаго полярнаго материка и океана (Крюммель, Карстенъ, Меррей) и всѣ расходятся во мнѣніяхъ, такъ какъ спорная область до сей поры не обследована еще даже поверхностно и никто еще не знаетъ—одинъ-ли тамъ материкъ или архипелагъ. Одни говорятъ, что огромная масса

1) Въ 1891-мъ г. Дюбуа на о. Явъ нашель остатки человѣка—подобной переходной формы; но мнѣнія ученыхъ раздѣлились и наука не произнесла окончательнаго приговора.

южно-полярнаго льда отъ собственной тяжести готова сорваться въ океанъ и произведеннымъ волненіемъ затопить часть материковъ сѣвернаго полушарія; другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что равномерность южнаго полушарія въ смыслѣ климатическихъ перемѣнъ объясняется, между прочимъ, многочисленными препятствіями къ массовому скопленію полярнаго льда (докладъ г. Воейкова въ метеорологич. комиссіи географич. общ. 7 февр. 1903 г.).

Въ пониманіи исторіи ученые тоже не пришли еще къ соглашенію. „Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, спорящія стороны большею частью руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ... Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія,—практическій дѣятель спрашиваетъ о *цѣли* его. Первый съ вопросомъ „почему“ стремится уяснить законмѣрность историческаго процесса; второй съ вопросомъ „зачѣмъ“ хотеть постигнуть его цѣлесообразность. Первый ищетъ въ исторіи причинную связь явленій, второй добивается постигнуть ихъ смыслъ. Первый наблюдаетъ факты, второй вмѣшивается въ ходъ событій, чтобы установить между ними желательныя ему отношенія“ (Милюковъ, „Очерки по ист. русской культуры“, ч. I, стр. 4, 5). Одни видятъ зависимость прогресса жизни отъ личной энергіи, другіе говорятъ, что вся совокупность историческихъ явленій такъ или иначе обусловлена общественной экономіей.

Всеобщая исторія права, не имѣя несомнѣнныхъ и безспорныхъ доказательствъ о жизни и бытѣ первобытныхъ людей, выдаетъ за достоверныя положенія свои догадки о томъ, какъ возникли семья, собственность, право.

Жизнь есть высшее благо. Наука, занимающаяся рѣшеніями вопросовъ о сохраненіи жизни, имѣетъ, поэтому, большое значеніе. А между тѣмъ „врядъ-ли будетъ преувеличеніемъ, если мы современную медицину приравняемъ къ алхиміи, давшей въ свое время много химіи, но отнюдь не создавшей научной химіи“ (Никольскій, брош. „Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ“). Дѣйствительно, профилактической медицины въ строгомъ смыслѣ еще не существуетъ, а если медицина до сихъ поръ занята только лѣченіемъ болѣзней, а не предупрежденіемъ ихъ появленія, то это похоже на приставленіе

новыхъ заплать къ старой одеждѣ. Теорія этой науки расходится съ практикой. По теоріи прямо воспрещено механическое воздѣйствіе на становой хребетъ и мозгъ изъ опасенія вызвать этимъ мгновенную смерть; а французскій д-ръ Кало (Calot) своею практикой исправленія горбовъ доказалъ несостоятельность этой теоріи. Не имѣя за собою удачныхъ опытовъ, врачи утверждали, что прикосновеніе къ сердцу, а тѣмъ болѣе пораненіе его вызываютъ моментальную смерть; оказалось же, что операціи сердца и его желудковъ весьма возможны и не влекутъ за собою неминуемой кончины. Гигиенисты въ своей отрасли противорѣчатъ одинъ другому и по вопросу о ѣдѣ, питьѣ и по вопросу объ отдыхѣ и снѣ. Укажемъ одинъ примѣръ. Швейцарскій психіатръ Форель говоритъ, что наиболѣе сильный вредъ алкоголизма обнаруживается въ наследственной передачѣ разныхъ болѣзней и вырожденій. $\frac{3}{4}$ всѣхъ эпилептиковъ и идіотовъ происходятъ отъ алкоголиковъ. Тоже подтвердили международныя съѣзды въ Стокгольмѣ (въ 1888 г.), Парижѣ (1889 г.), Женевѣ (въ 1896 г.), Петербургѣ (1902 г.). Крафт-Эбнингъ, Ковалевскій, Чижъ, Дриль сближаютъ алкоголиковъ съ ненормальными людьми и считаютъ пьянство опасностью для общества. Морель говоритъ, что въ 4-мъ поколѣніи алкоголика надо ожидать идіотовъ и прекращенія рода. А директоръ пасторовскаго института Дюкло недавно заявилъ, что алкоголь — пищевое средство. Нѣмецкій д-ръ Ламанъ, нитересуясь вопросомъ объ устройствѣ чайныхъ въ Россіи, высказалъ мысль, что употребленіе чая гораздо вреднѣе для нервной системы, чѣмъ даже неумѣренныя порціи водки. По поводу такого несогласія во взглядахъ журналъ „Revue des Revues“ запросилъ мнѣнія выдающихся ученыхъ. Мечниковъ отвѣтилъ: „изъ опыта всей моей врачебной практики я прихожду къ положительному заключенію, что алкоголь—ядъ“. Химикъ Бертелло пишетъ: „алкоголь не можетъ быть питательнымъ веществомъ“. Рише отвѣчаетъ: „что алкоголь питательное вещество — въ этомъ нельзя сомнѣваться и что чистый онъ безвреденъ — еще болѣе не подлежитъ сомнѣнію“. Бернгеймъ говоритъ, что „алкоголь—своего рода медикаментъ и возстановляющее силы средство“... 14-й международный медицинскій конгрессъ въ Мадридѣ, состоявшійся въ апрѣлѣ 1903 г., рѣшилъ обратиться къ правительствамъ съ предложеніемъ ограничить употребленіе спиртныхъ напитковъ, отъ которыхъ рождаются престу-

пленія и многія душевныя болѣзни... Разбирайтесь въ этой путаницѣ, какъ умѣете!

Политическая экономія заинтересована рѣшеніемъ рабочаго вопроса, но когда одинъ ученый говоритъ, что для этого нѣтъ надобности въ государственномъ вмѣшательствѣ (направленіе индивидуалистическое), другой считаетъ его прямо необходимымъ для перехода къ той формѣ производительнаго труда, при которой орудія производства должны обратиться въ общественную собственность (соціализмъ); третій предпочитаетъ занять средину между первыми и требуетъ умѣренныхъ и постепенныхъ преобразованій (соціально-реформаторское направленіе).

Въ философіи продолжается нескончаемый споръ и о предметахъ разсужденій и о методахъ. „Испоконъ вѣковъ билась мысль мудрецовъ въ своемъ стремленіи къ единству во всемъ, т. е. въ исканіи „начала всѣхъ началъ“, но добилась лишь до того, что все же должна признавать нераздѣльную, однако и не сливаемую, познавательную троицу вѣчныхъ и самобытныхъ: вещества (матеріи), силы (энергій) и духа, хотя раздѣлить ихъ до конца безъ явнаго мистицизма невозможно“ (Менделѣевъ, „Попытка химич. пониманія эира“).

Спеціализація знаній привела къ тому, что цѣльное, ясное міропониманіе стало невозможнымъ; примиреніе научныхъ положеній, гаданій, взаимно противоположныхъ одно другому, сдѣлалось немислимымъ. „Нынѣшнее раздѣленіе наукъ, на которое раздаются справедливыя жалобы, есть явленіе не только вполне естественное и необходимое, но нужно думать, что это раздѣленіе пойдетъ еще далѣе, отчего живая связь частей, можетъ быть, еще болѣе пострадаетъ“ (Радловъ. „О задачахъ философіи“). Что же произойдетъ тогда? тогда--скрытыя тайны будутъ наукою обнаружены... Загадка о сущности жизни до сего времени не разрѣшена, „но возможно, что и сразу, съ одного удара прольется свѣтъ на этотъ мракъ. Наука не ставитъ сама себя преградъ. Наука будетъ ставить все болѣе смѣлыя вопросы и находить все болѣе вѣрные отвѣты. Ничто не можетъ остановить ея побѣднаго шествія... Было время, когда единственными чувствующими существами на нашей планетѣ были безсмысленно плавающія въ первичномъ морѣ инфузоріи; придетъ время, когда владычество на землѣ перейдетъ къ роду, настолько превосходящему насъ умственно, насколько мы превосходимъ инфузорій“ (Бунге, „Идеализмъ и механизмъ“). Не слишкомъ-ли смѣло

такое заявленіе! Другой ученый нѣсколько скромнѣе говоритъ объ этомъ вопросѣ: „физиологія должна отказаться отъ иллюзіи опредѣленія жизни. Мы можемъ только характеризовать ея явленія. То же самое приложимо, впрочемъ, и ко всякой другой наукѣ. Всѣ опредѣленія—чистая иллюзія: все, что мы можемъ знать, это условія вещей. Ни въ какой отрасли науки мы не можемъ идти дальше этой границы“ (Клодъ Бернаръ. „Опредѣленіе жизни и задача физиологін“).

Въ поискахъ правды, въ полномъ значеніи этого слова, наука за-мѣняетъ одно неосновательное предположеніе другимъ, не имѣя возможности обойтись безъ какой бы то ни было *научной вѣры*, если позволительно назвать такъ бездоказательныя гипотезы. Но ко всякимъ религіознымъ вѣрованіямъ, не исключая христіанскаго, она относится съ полнымъ неодобреніемъ. Она отказывается отъ понятія о Высшей Волѣ, руководящей развитіемъ челоуѣчества и неуклонно идетъ по дорогѣ матеріалистическихъ увлеченій. Свѣточъ вѣры, нѣсколько вѣковъ освѣщавшій пути народовъ, сталъ мерцать и гаснуть. „Мы теперь живемъ тѣнью прошлаго, благоуханіемъ сосуда, который уже пустъ,—говоритъ Ренанъ,—и если потомки наши будутъ жить тѣнью тѣни, то я боюсь, что для нихъ это будетъ слишкомъ легкомысленно“. Нравственныхъ идеаловъ, высокихъ стремленій наука не проповѣдуетъ. „Высшее благо, послѣдняя цѣль, къ которой направляется воля всѣхъ существъ, есть нормальное проявленіе жизненныхъ дѣятельностей, къ кониъ только предрасположенъ извѣстный животный видъ“ (Карѣвъ, „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“).

Однако религіозныя потребности присущи челоуѣчеству и настойчиво даютъ о себѣ знать среди естественно-научныхъ настроеній. Непримиримыя противорѣчія ученыхъ, двигающихъ науку при помощи гипотезъ и не видящихъ ненаучности такихъ пріемовъ, приводятъ ихъ къ неудовлетворенности результатами добытыхъ знаний. Трактую вопросы вѣры, какъ отжившее міросозерцаніе, ученые однако сами обнаруживаютъ склонность создавать религіозныя системы. Въ началѣ минувшаго вѣка Сень-Симонъ, высказавшій мнѣніе, что первоначальной религіей былъ фетишизмъ, за которымъ слѣдовали политеизмъ, монотеизмъ евреевъ и христіанство, предложилъ людямъ принять выдуманную имъ религію; его современникъ Контъ говорилъ, что слѣдуетъ вѣровать въ „великое существо“, подъ которымъ разумѣлъ все челоуѣчество. Вл.

Соловьевъ смѣшалъ философскій абсолютъ съ Богомъ христіанской религіи и замѣнилъ догматику метафизикой и логикой. Пытаясь уничтожить значеніе св. Писанія и преданія для христіанскаго ученія, онъ призналъ источникомъ послѣдняго не Божественное откровеніе, а откровеніе, получаемое человѣкомъ непосредственно по религіозному опыту. Изъ христіанскаго богословія онъ желалъ изгнать все таинственное и непостижимое и потому его философія, испещренная богословскими терминами, получила несоотвѣтствующее имъ содержаніе.

Прославленный писатель гр. Толстой говоритъ о религіи, какъ о знаніи того, что добро и что зло въ животныхъ инстинктовъ человѣка и понимаетъ ее, какъ предписаніе церкви вѣрующимъ подчинить свой разумъ химерѣ, признавать за существующее то, чего нѣтъ. Вообще „нахватавши отрывочныхъ знаній по разнымъ спеціальнымъ наукамъ, многіе ученые нашего времени съ необычайной развязностью печатно и устно берутся разсуждать о предметахъ вѣры и распространяютъ самыя либеральныя, большею частью легкомысленныя, сужденія, а нерѣдко и злонамѣренныя“ (Багрецовъ, ст. по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“ пресв. Амвросію, „Вѣра и Разумъ“, 1901 г. № 12). „Изъ общества такихъ ученыхъ въ массы людей полуобразованныхъ течетъ широкая, мутная, заразительная струя ложныхъ мыслей, софизмовъ и полустинъ“ (Амвросій, проповѣди, т. I, стр. 126).

„Заучивши на школьной скамѣ нѣсколько фактовъ изъ жизни Иисуса Христа, мы самодовольно считаемъ себя достаточно ознакомленными съ евангеліемъ и затѣмъ часто всю жизнь не беремъ его въ руки“ (о. Петровъ, „Евангеліе какъ основа жизни“, стр. 70). Неосновательное знаніе богословской науки часто служитъ для ученыхъ поводомъ возбуждать споры по вопросамъ, вполне разъясненнымъ и понятнымъ для тѣхъ, кто знакомъ съ богословіемъ въ системѣ. Но среди людей науки гораздо болѣе такихъ, которые поставили своею цѣлью объяснить происхожденіе существующихъ религій, не обладая смѣлостью предлагать свои собственныя вѣроученія. Рѣшеніе этого вопроса, вполне ясно изложенное въ св. Писаніи, опять сопровождается у нихъ длиннымъ рядомъ бездоказательныхъ предположеній, разнорѣчивыхъ до взаимнаго отрицанія и не имѣющихъ въ собѣ ничего научнаго.

Спенсеръ предположилъ, что понятіе о духѣ и его жизни первобытный человѣкъ составилъ изъ своихъ *сновидѣній*, а божествами въ

религіяхъ культурныхъ народовъ явились идеализированныя люди—правители, герои.

Но въ этой гипотезѣ нѣтъ ни остроумія, ни новизны: Эпикуръ и Эвгемеръ высказали тоже самое предположеніе. Однимъ казалось, что возникновеніе религій достаточно объясняется алчностью жрецовъ, выдумкою народоправителей; другіе догадывались, что религій просто навязаны человечеству божествомъ, восприняты людьми только механически; третьи полагали, что зачатки вѣрованій коренятся въ создающихъ и разрушающихъ явленіяхъ природы, возбуждающихъ или чувства благодарности, или чувства боязни и ужаса. Геккель, не нашедшій у евреевъ культа почитанія предковъ, допустилъ мысль, что евреи не вѣровали въ загробную жизнь и въ безсмертіе души; а такъ какъ они тоже видѣли сны, то, очевидно, не сновидѣнія побудили людей чтить предковъ и изъ этого почтенія развить религію. Тэйлоръ допускаетъ гипотезу, что начала христіанства надо искать въ животномъ инстинктѣ нашего отдаленнаго предка-обезьяны...

Люди положительнаго знанія, не признавая доказательствъ метафизики, прибѣгаютъ къ пустымъ фантазіямъ, хватаются за самыя нелѣпыя предположенія, чтобы только не признать богооткровенной истины. И это продолжается отъ времени греко-римскихъ мыслителей до нашихъ дней.

Фрошаммеръ и Пфлейдереръ говорятъ о мнимой зависимости христіанства отъ религій Зороастра. Дрэнперъ предположилъ, что оно имѣетъ свой корень въ египетской міѳологіи. Гаппель усматриваетъ начало всякой религій въ ужасѣ передъ неизвѣстнымъ и невидимымъ. Тейхмюллеръ почему-то пришелъ къ заключенію, что религій возникли изъ страха передъ фантастическими образами, созданными собственнымъ воображеніемъ человѣка.

Спиръ догадывается, что религій возникли вслѣдствіе заботъ о тѣлесныхъ удобствахъ и первоначально люди почитали природныя силы: всѣ вообще вѣрованія отъ фетишизма до христіанства онъ считаетъ ложными.

Нитцше тоже утверждаетъ, что религія никогда не заключала въ себѣ истины ни какъ догма, ни какъ притча. По его мнѣнію даже легкомысліе извинительнѣе признанія христіанства, къ которому при настоящемъ состояніи познанія нельзя и обратиться безъ того, чтобы не

загрязнить своей научной совѣсти и не отдать себя на посмѣшище самимъ себѣ и другимъ... Бендеръ усматриваетъ три главныхъ супени въ развитіи религій, С. Симонъ—четыре, Гегель—пять, Лаблокъ—семь.

Дарвинъ, Каспари допускаютъ у животныхъ возможность развитія моральнаго и религіознаго чувства. Фейербахъ, напротивъ, заявляетъ, что религія есть достояніе одного только человѣчества, а такъ называемая животная религія—пустой вымыселъ празднои фантазіи.

Какъ видитъ читатель, это не серьезныя изслѣдованія, а какой-то научный спортъ, гдѣ каждый старается превзойти другого своими предположеніями, въ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть научности. Эти басни не оказываются даже „рабочими гипотезами“, такъ какъ ни одна изъ нихъ не согласна съ другою и во многихъ изъ нихъ можно усмотрѣть внутреннее противорѣчіе. „Опредѣлить, какія понятія были дѣйствительно первобытными, говоритъ Спенсеръ, было бы легко, если бы только существовали описанія дѣйствительно первобытныхъ людей“, однако невозможность такого опредѣленія не мѣшаетъ ему стать на точку зрѣнія этихъ людей и усмотрѣть, что предкопочитаніе было именно первою ступенью религіи. Но самъ онъ утверждаетъ, что культъ предкопочитанія можетъ быть и не первобытнымъ вѣрованіемъ, а лишь искаженіемъ его... Ренанъ половину своей жизни боролся съ религіей и въ тоже время заявлялъ о себѣ: „я чувствую, что всею моею жизнью управляеть вѣра, которой у меня уже нѣтъ: вѣра имѣетъ ту особенность, что продолжаетъ дѣйствовать, даже когда она умерла“. „Солнце есть чудо—продолжаетъ онъ,—потому что наука далеко не объясняетъ его: зарожденіе человѣка—чудо, потому что фізіологія молчитъ объ этой тайнѣ; совѣсть есть чудо, потому что она составляетъ непроницаемую тайну; всякое животное есть чудо, ибо начало жизни—загадка, для рѣшенія которой у насъ нѣтъ данныхъ“. „Богъ, Провидѣніе, безсмертіе—все это старыя слова, но ихъ никто не устранить. Вѣрно лишь одно: Богъ существуетъ“, а дальше тотъ-же Ренанъ пишетъ: „ничто не убѣждаетъ насъ въ существованіи всеобъемлющаго мірового сознанія, души вселенной“... Тейлоръ, защищая гипотезу о происхожденіи религіи, говоритъ, что его предположеніе по самой сущности своей должно быть одностороннимъ, потому что онъ видитъ въ религіи не цѣльную живую силу, а только ступень умственнаго развитія. Кантъ, рассуждая о правственности, ставитъ ее въ неразрывную связь съ вѣрою въ бытіе Божіе:

но при дальнѣйшемъ развитіи нравственнаго самосознанія человѣка связь эту нарушаетъ и уже считаетъ нравственность независимою отъ религіи.

Не находя выхода изъ своего предположенія, онъ кончаетъ тѣмъ, что въ послѣдней стадіи развитія нравственности нарушенную связь возстановляетъ опять до неразрывности.

Бендеръ, говоря о происхожденіи религіи, предположилъ, что первоначальнымъ вѣрованіемъ было слѣпое поклоненіе предметамъ окружающаго міра, но сознавая гипотетичность этой догадки, выразился, что „если затронуть вопросъ этотъ съ исторической стороны, то нужно признаться, что всѣ данные до сихъ поръ отвѣты могутъ претендовать лишь на достоинство болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ. Мы не имѣемъ ни достаточнаго, ни надежнаго матеріала для того, чтобы воспроизвести доисторическое время нашего племени“. Въмѣсто личнаго Бога Гегель выдумалъ какое-то отвлеченное понятіе. Фихте, Шеллингъ, Реймарусъ и др. ученики Гегеля пытаются объяснить іудео-христіанство изъ развитія человѣкомъ его собственной личности. По ихъ мнѣнію, молитва есть только особый видъ нашего отношенія къ намъ самимъ, а откровеніе и чудо находятъ мѣсто лишь въ духѣ тѣхъ, кто былъ ихъ свидѣтелями. Бюрнуфъ отождествляетъ личность Спасителя съ древнеиндійскимъ божествомъ Агни; нѣкоторые раціоналисты пытаются отождествить Христа съ браманскимъ Кришну.

Такая пестрота и несогласіе въ бездоказательныхъ вымыслахъ и предположеніяхъ невольно заставляетъ отрицать ихъ серьезное значеніе. Такъ называемый храмъ науки правильнѣе было бы считать Бэгламомъ. Слепая увѣренность въ томъ, что помутившаяся мысль способна обнаружить сокровенныя тайны, есть легкомысленный самообманъ, вызывающій жалость. „Безузмевуетъ всякій человѣкъ въ своей мудрости“ (Іеремія, 10. 14). И такая наука, полная непримиримыхъ противорѣчій, гипотезъ и гаданій, открыла гоненіе на Церковь. Ницше думалъ, что все зло современной жизни, всѣ бѣдствія нашей цивилизаціи проистекаютъ оттого, что мы подчинились евангельскимъ требованіямъ любви, кротости, милосердія. „Будьте тверды, — говоритъ онъ, — не поддавайтесь жалости, состраданію, любви; давите слабыхъ, подымайтесь по ихъ трупамъ выше; вы дѣти высшей природы; вашъ идеаль — сверхчеловѣкъ“. Жалокъ философъ, не понимающій предмета, о которомъ онъ разсуждаетъ, —

такъ бы сказалъ Заратуштра. Если бы Нитцше наблюдалъ жизнь не изъ окна своего кабинета, онъ пришелъ бы къ иному заключенію.

„Никогда еще,—пишетъ Золя, — люди не относились другъ къ другу съ такимъ ожесточеніемъ, никогда они не были до такой степени ослѣплены, какъ въ наше время, когда они стали воображать, что знаютъ все“. Папа Левъ XIII пишетъ: Я смотрю съ болью и ужасомъ на то, что принесло намъ истекшее столѣтіе.

Озираясь назадъ, взоръ видитъ одно ужасное: право человѣка повергнуто въ прахъ; ученое сумосбродство сознательно выставляетъ теперь безбожныя ученія и стремится замкнуть Божество въ нѣдра бездушной природы. Опомнитесь, люди!“

Сильно сказано, но не безосновательно. Наполеонъ 1-й, подписавши конкордаты съ Пиемъ VII въ 1801 году, опредѣлявшій отношеніе церкви къ государству во Франціи, сказалъ Кабанису: „знаете ли, что такое конкордаты, только что подписанный мною? Это—предохранительное средство противъ религіи; черезъ 50 лѣтъ ея не будетъ болѣе во Франціи“. Конкордаты, какъ историческій документъ, просуществовали далѣе указаннаго срока, но была ли во Франціи религія на законныхъ государственныхъ основаніяхъ—сомнительно.

Образованное общество, усвоивая ложные выводы науки, относится къ вопросамъ вѣры равнодушно, не сознавая, что ненаучные элементы въ наукѣ не имѣютъ никакой цѣнности и должны бы вызывать отрицательное къ нимъ отношеніе. Образованный классъ не выросъ до пониманія, что наука не можетъ собою замѣнить религію, такъ какъ при помощи догадокъ пытается разобраться только въ фактической, реальной сторонѣ жизни, но не можетъ проникнуть за ту завѣсу, которая отдѣляетъ потустороннюю жизненную область и не можетъ дать отвѣтовъ на важнѣйшіе вопросы духа; она при всемъ стараніи не можетъ и заглушить запросовъ души.

Неискоренимая потребность вѣры находить себѣ выходъ въ нелѣпыхъ суевѣріяхъ, въ увлеченіи спиритизмомъ, оккультизмомъ и пр. Наука обманула людскія ожиданія. Ограниченный умъ, способный обсуждать только условное и переходить отъ конечнаго къ конечному, не удовлетворяетъ стремленію конечнаго духа въ высоту къ сліянію съ безконечнымъ. Это удовлетвореніе даетъ только вѣра истинная. Но наука и вѣра раздѣлены далекимъ разстояніемъ.

М. Богословскій.

Русское современное сектантство и православное духовенство въ характеристикѣ А. С. Пругавина.

(По поводу книжекъ А. С. Пругавина „Религіозные отщепенцы. 1-й и 2-й выпуски“).

Имя А. С. Пругавина, какъ изслѣдователя расколо-сектантскаго движенія въ нѣдрахъ православной Церкви, достаточно извѣстно въ нашей литературѣ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на расколо-сектантство онъ примыкаетъ къ той группѣ изслѣдователей, которая разсматриваетъ современное сектантское движеніе въ нашемъ народѣ подѣ угломъ зрѣнія исторической эволюціи. Въ виду почти совершеннаго отсутствія въ нашей печати статей и изслѣдованій, которыя „объективно и всесторонне знакомятъ бы съ религіозной, духовной жизнью русскаго народа, съ ея современными проявленіями, новыми теченіями, запросами и потребностями въ этой области“, Пругавинъ, съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, издалъ въ прошломъ году, въ двухъ выпускахъ, написанные имъ въ разное время очерки современнаго сектантства подѣ заглавіемъ: „Религіозные отщепенцы“. Въ предисловіи къ своему изданію авторъ указываетъ, на какія стороны сектантскаго движенія онъ намѣренъ обратить вниманіе въ своихъ очеркахъ. По его взгляду, новыя теченія религіозно-этического характера являются продуктомъ духовныхъ запросовъ нашего народа. Возникая подѣ влияніемъ условій и событій текущей государственной и общественной жизни, со всѣми ея экономическими и социальными факторами—до распространенія грамотности и начальнаго образованія въ народѣ включительно, они нерѣдко отливаются въ ненормальныя, уродливыя формы въ видѣ различныхъ ученій, толковъ и сектъ. Безъ сомнѣнія, религіозныя воззрѣнія народа, отлившись въ ту или другую форму сектантства, вліяютъ на весь

складъ нравственныхъ его понятій и руководящихъ жизненныхъ принциповъ,—на всю его этику. Отмѣчая огромный интересъ сектантскаго движенія какъ по ближайшимъ причинамъ и мотивамъ его возникновенія, такъ и по внутреннему его содержанію и характеру, авторъ утверждаетъ, что это явленіе въ духовной печати не выяснено съ достаточной полнотой. Наша печать, по его словамъ, разрабатываетъ по преимуществу догматическую сторону сектантскихъ движеній, и лишь изрѣдка и мимоходомъ останавливается на психологическихъ, общественно-бытовыхъ, этнографическихъ и прочихъ факторахъ этихъ движеній, между тѣмъ какъ эти именно факторы представляютъ наибольшій интересъ для нашего интеллигентнаго общества. Не задаваясь цѣлью въ своихъ „Очеркахъ современнаго сектантства“ придти къ обобщающимъ выводамъ, такъ-какъ исторія многихъ религіозныхъ движеній у насъ до сихъ поръ еще не выяснена въ должной степени и архивныя данныя, содержащія богатѣйшій матеріалъ по этому вопросу, остаются еще совершенно неразработанными, Пругавинъ изданіемъ своихъ „Очерковъ“ хочетъ только восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіи нашего сектантскаго движенія и, между прочимъ, дать матеріалъ для интересующихся религіозно-бытовыми движеніями русскаго народа въ послѣднія десятилѣтія (Предисловіе ко 2-му выпуску VI—VIII стр.).

Таковы задачи предпринятаго авторомъ изданія его „Очерковъ современнаго сектантства“.

Какъ же выполнилъ авторъ принятую на себя весьма нелегкую задачу изслѣдованія современнаго сектантскаго движенія въ русскомъ народѣ?

Изъ ближайшаго знакомства съ „Религіозными отщепенцами“ Пругавина видно, что авторъ въ первомъ выпускѣ предлагаетъ вниманію читателей свои личныя наблюденія надъ нѣкоторыми изъ нашихъ сектъ, во-второмъ—свои изслѣдованія въ этой области на основаніи печатнаго матеріала. Одинъ же очеркъ („Бѣлоризцы“), представляя исключеніе, составленъ авторомъ по личнымъ его наблюденіямъ надъ этой сектой и на основаніи печатныхъ матеріаловъ. Очерки, вышедшіе изъ подъ пера автора подъ вліяніемъ однихъ только личныхъ его наблюденій, значительно разнятся отъ очерковъ, составленныхъ имъ на основаніи печатнаго матеріала: въ первомъ случаѣ онъ является тенденціознымъ изслѣдователемъ, рассматривающимъ сектантство подъ угломъ зрѣнія край-

няго субъективизма, одностороннихъ своихъ наблюденій и личныхъ симпатій къ этому религиозному движенію; во второмъ—ислѣдователемъ болѣе объективнымъ, потому болѣе приближающимся къ истинѣ. Вслѣдствіе этого очерки перваго выпуска имѣютъ сравнительно мало научной цѣнности: это только лишь эскизы, касающіеся слегка общественно-бытовыхъ и этнографическихъ сторонъ нашего сектантства, затрагивающіе отчасти психику сектантскихъ движеній и рассчитанныхъ при этомъ на дешевый эффектъ и симпатіи къ этому народному движенію среди интеллигентныхъ читателей. Очерки же втораго выпуска много цѣннѣе въ научномъ отношеніи; хотя и здѣсь авторъ далеко не отрѣшился отъ своей предвзятой и субъективной точки зрѣнія на сектантское движеніе, но при обследованіи тѣхъ или другихъ сектъ старается болѣе или менѣе объективно разобраться въ печатномъ матеріалѣ и дать болѣе или менѣе приближающуюся къ истинѣ характеристику той или другой секты и освѣщеніе того или другаго сектантскаго движенія. Особенно удачнымъ оказался очеркъ „Вѣлоризцы“, составленный авторомъ по печатнымъ матеріаламъ и по личнымъ наблюденіямъ его надъ этой сектой. Потому-то, при чтеніи перваго выпуска, въ душѣ читателя является чувство неудовлетворенности, такъ какъ въ каждой строкѣ сквозитъ односторонность воззрѣній автора и чувствуется нѣкоторый умыселъ его затемнить истину. Очерки же втораго выпуска, хотя не отличаются глубиною и всесторонностью анализа обследуемыхъ авторомъ сектъ, но, благодаря объективности изложенія фактической стороны, производятъ на читателя довольно пріятное впечатлѣніе, вселяя въ него довѣріе и надежду найти тамъ болѣе или менѣе истинное освѣщеніе изображаемыхъ авторомъ религиозныхъ движеній.

Въ чемъ же собственно выражается тенденціозность, или предвзятая точка зрѣнія Пругавина на религиозное движеніе русскаго народа, отлившееся въ формы разнообразнаго сектантства?

Для иллюстраціи тенденціознаго отношенія автора къ сектантскому движенію въ русскомъ народѣ позволимъ себѣ привести изъ его „Очерковъ“ нѣсколько выдержекъ, характеризующихъ сектантскихъ вожаковъ и сектантовъ вообще и обрисовывающихъ укладъ ихъ жизни—съ одной стороны, а съ другой—православныхъ священниковъ, такъ-либо-иначе соприкасающихся съ сектантскимъ міромъ.

Прежде всего обратимся къ очерку „Сютаевцы“ (I вып.) и посмотримъ, какъ авторъ характеризуетъ самого Сютаева, основателя Сютаевской секты, и его послѣдователей.

„Василій Кирилловъ Сютаевъ, пишетъ Пругавинъ, маленькій, тещедушный человекъ; ни въ осанкѣ его, ни въ походкѣ, ни въ манерѣ держать себя, ни во взглядѣ простыхъ, добрыхъ сѣрыхъ глазъ съ бѣлобрысыми бровями—ничего нѣтъ такого, чтобы говорило, что предъ вами стоитъ человекъ недюжинный, создатель „новой вѣры“, пропагандистъ и проповѣдникъ, увлекшій за собою сотни людей. Не то рыжеватые, не то бѣлобрысые, рѣдкіе волосы, всегда слипшіеся, всегда чѣмъ-то смоченные, зачесаны на выпуклый лобъ. Худое лицо съ розовымъ оттѣнкомъ, съ тонкимъ маленькимъ носомъ и двумя рѣзкими морщинами, идущими отъ угловъ рта, кончалось острымъ подбородкомъ, на которомъ торчала клокомъ, или, вѣрнѣе, мочалкой, небольшая, всегда скомканная, блѣдно-рыжеватая бороденка. На тонкихъ сухихъ губахъ его то появлялась, то исчезала какая-то особенная улыбка съ оттѣнкомъ грусти и горечи“ (60—61 стр.). „Въ умѣшкѣ его проглядывало какое-то горькое, скорбное чувство, чувство сокрушенія, соблагованія, міровой скорби:—при веселыхъ же разговорахъ—въ широкой умѣшкѣ этого некрасиваго, обыденнаго мужицкаго лица появлялось столько добродушія, юмора и свѣта, что въ душѣ у васъ, глядя на него, становилось какъ-то особенно—хорошо“ (62 стр.).

Такова опозтизированная Пругавинымъ внѣшность Сютаева. Также не меньшими, если не большими душевными качествами авторъ надѣлил Сютаева: Сютаевъ—это добродушный, довѣрчивый къ другимъ, мягкій и привязчивый (65 и 143 стр.), словомъ, душевный человекъ, одаренный пытливымъ и вникающимъ (критическимъ) умомъ, благодаря чему и сталъ онъ апостоломъ новой вѣры; кромѣ этого, онъ очень стоекъ и рѣшителенъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности (139, 140). Умъ Сютаева одинаково чуждъ какъ суроваго, черстватаго аскетизма, такъ и разныхъ стремленій и порывовъ въ туманную область мистицизма. Все для жизни, все для блага, для счастья человекъ. Вѣра должна служить водворенію здѣсь, на землѣ, между людьми любви, правды и мира (68). Сютаевъ-семьянинъ идеальный: „у него въ семьѣ царитъ мягкое любовное отношеніе всѣхъ членовъ между собою, съ дѣтьми же, отъбѣгаетъ Пругавинъ, всѣ какъ-то особенно кротки и любовны. У всѣхъ такія открытыя лица, такія смѣлыя громкія рѣчи, такое непринужденное обращеніе; въ семьѣ этой царитъ миръ, прочная взаимная любовь, безъ подавляющаго авторитета „большака“, безъ ехидства свекрови, безъ заботности невѣстокъ“ (99 стр.). Жена Сютаева—еще крѣпкая старуха, всегда чисто одѣтая, съ симпатичнымъ, благообразнымъ умнымъ лицомъ.

При отцѣ живутъ женатые сыновья: дѣти ихъ, за исключеніемъ двухъ, некрещеныя. Въ особенности обратилъ на себя вниманіе Пругавина одинъ мальчуганъ, и ему онъ удѣляетъ нарочитое вниманіе, подчеркивая этимъ-то обстоятельство, что и некрещеный мальчикъ, не облагодатствованный святымъ крещеніемъ и мвропомазаніемъ, прекрасно растетъ, цвѣтушъ здоровьемъ и весельемъ. „Пухлый мальчуганъ въ одной рубашенкѣ, съ круглымъ лицомъ и пухлыми голыми ножками, съ свѣтлыми, ясными глазенками, подобрался ко мнѣ, пишетъ Пругавинъ, и началъ теревить мое платье, смѣясь и выкрикивая что-то дѣтскимъ, ликующимъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ“.

— Не крещеный,—проговорилъ черный мужикъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на мальчугана.

— Правда, не крещеный? обратился я къ молодухѣ.

— Вѣрно не крещеный... Тебѣ на-диво? Не видалъ, чай, не крещеныхъ-то, а то все не крещены.

„Ребенокъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ; онъ весь сіялъ, подпрыгивалъ, хихикалъ, стучалъ рученками о мое платье и, казалось, заливался отъ восторга“ (100 стр.).

Въ семьѣ Сютяева все члены солидарны между собою въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь, на религію, на обязанности человѣка и его задачи. Ученіе Василія Кириллова глубоко запало имъ въ сердце, принято ими, продумано и усвоено, и въ семьѣ нѣтъ никакой розни.

— Вы всегда такъ мирно, дружно жили, какъ теперь?—спросилъ я, обращаясь къ бабамъ.

— Што ты,—прежде всего бывало... Чуть што не до драки доходило... А какъ познали, сразу ссорамъ конецъ пришелъ. Злоби прежней ужъ и въ поминѣ нѣтъ... Куда и сердце дѣвалось... (108).

Желая до конца довести идеализацію Сютяева, Пругавинъ ссылается на весьма лестный отзывъ объ этомъ „апостолѣ новой вѣры“ его непосредственнаго начальства (сельскаго старосты).

Василій Кирилловъ съ-роду не ругался,—сквернаго слова отъ него на вѣку никто не слыхивалъ... Водкой въ жисть свою не напиивался... Отъ всего худого отбѣгаетъ... Всѣмъ, чѣмъ можетъ, помогаетъ... Странныхъ, прохожихъ завсегда принимаетъ,—никому отказа нѣтъ.. Первый, можно сказать, хрестьянинъ 10 всей деревнѣ (132 стр.).

Говорить, что вышеуказанное описаніе Сютяева и его семьи пред-

ставлено автсромя въ розовыхъ краскахъ и что идеализация сектантскаго вожака и его семьи доведена до крайнихъ предѣловъ — по меньшей мѣрѣ излишне. Характеристика Сютаева, составленная подъ угломъ зрѣнія личныхъ симпатій автора къ сектантству вообще и этому вожаку въ частности, — едва-ли находится въ соотвѣтствіи съ голой дѣйствительностью и потому коэффициентъ ея достовѣрности не высокаго качества, чтобы не сказать больше. И такихъ характеристикъ сектантскихъ вожаковъ и рядовыхъ сектантовъ — характеристикъ, одобренныхъ личными симпатіями нашего автора, наберется въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ „Очерковъ“ не мало. Для полноты картины можно было бы привести еще двѣ-три характеристики сектантовъ, но для нашей цѣли вполне достаточно и представленной характеристики Сютаева, какъ наиболѣе вышуклой и колоритной, и съ очевидностью подтверждающей тенденціозное отношеніе Пругавина къ сектантскому движенію.

Какими же чертами нашъ авторъ обрисовываетъ въ своихъ „Очеркахъ“ *пастырей православной церкви*?

Противопологая православныхъ пастырей сектантскимъ вожакамъ, Пругавинъ изображаетъ ихъ пастырскую дѣятельность, умственный и нравственный обликъ ихъ въ весьма непривлекательныхъ краскахъ и почти вездѣ выставляетъ ихъ поборниками мрака и невѣжества, своекорыстія и нерадѣнія о постырскихъ своихъ обязанностяхъ. Всѣ эти характеристики авторъ дѣлаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ образахъ и картинахъ, съ цѣлью рельефнѣе очертить, при помощи конкретныхъ фактовъ, дѣятельность большинства православныхъ пастырей.

Такъ, въ вагонѣ желѣзной дороги, въ присутствіи Пругавина, происходитъ такой разговоръ между купцами:

— Недавно здѣсь по близости, — рассказывалъ одинъ изъ нихъ, въ селѣ Ильинскомъ, такой случай былъ. Приходитъ мужикъ къ священнику и проситъ повѣнчать.:

„Десять рублей“. — Начинаютъ торговаться. — „Ну, такъ и быть, говорить, возьму пять, а меньше — ни копейки“. Мужикъ даетъ три, — бѣдный мужиченко, бобыль, — но попъ не соглашается. Долго онъ водилъ мужика; тотъ не сдается, не прибавляетъ, — извѣстно, не изъ-чего прибавить-то: самъ голь, какъ соколъ. Ну, хорошо, проходитъ съ недѣлю времени. Видитъ попъ, что мужикъ не въ силахъ дать больше трешницы, соглашается вѣнчать. „Ладно, говорить, и начинаетъ вѣнчать. Обвелъ разъ вокругъ наложъ и довольно. Женихъ и говорить: „Ватюшка, кажись, вѣдь три раза кругомъ-то

обводить, а не одинъ“. „Это за три-то рубля, говорить, три раза?.. Нѣтъ, братъ, шалишь, довольно съ тебя и одного“. Видитъ опять женихъ, что попъ вѣнцовъ не возлагаетъ и говоритъ: „Батюшка, какъ же это вы безъ вѣнцовъ-то насъ вѣнчаете?“ „Это за три то рубля, говорить, съ вѣнцами? Шалишь, братъ, хорошо и такъ“. Такъ и повѣнчалъ и вина испить не далъ. Тотъ было сунулся: „Батюшка, позвольте вина-то?“ А тотъ на него: „это за три рубля вина? Ишь ты довокъ. Нѣтъ, братъ, шалишь“. Такъ и не далъ ничего.

Слушатели неодобрительно качали головами, приговаривая: „Ая-я-я. Вотъ такъ батюшка“..

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Тѣмъ было и кончилось, да барыня про это узнала;—помѣщица Свѣрчкова здѣсь живетъ, донесла по начальству. Теперь слѣдствіе идти судебнымъ порядкомъ.

— Нѣтъ, у насъ въ Никольскомъ попъ ничего,—заговорить другой спутникъ, напоминавшій по типу московскаго мясника,—не больно жметъ.. Самолюбіемъ этимъ почитай что не занимается. Только..

— А что?

Разсказчикъ зажмурилъ глаза и отчаянно закрутилъ головой.

— Зашибаетъ, стало-быть?

— То-есть въ лучшемъ видѣ.. И ужъ запой у него. Этакое злющаго запоя я отродясь не видывалъ. И во хмѣлю—страсть. Чуть напѣется, сичасъ въ драку лѣзетъ, а не то штуку какую ни на есть произвести.. Намеднясь ночью только легли спать, вдругъ тревога: на колокольнѣ набать ударили. Все село высынаю отъ мала до велика,—думали пожаръ. Глядимъ ни дыму, ни огня нигдѣ не видать.. Что за притча такая?. А колоколь гудитъ.. Побѣжали на колокольню; смотримъ, а тамъ батюшка въ одной рубахѣ да подштаникахъ, дуешь что есть мочи. „Батюшка, говоримъ, что случилось?“ „Я, говорить, съ женой подрался“.

Въ вагонъ засмѣялись.

— Дивлюсь я,—въ раздумьи говорилъ одинъ изъ спутниковъ,—куда это наука дѣвается? Вѣдь, кажись, учать ихъ, учать, а они во (12—13 стр.)

Эта колоритная картина съ букетомъ.

Далѣе Пругавинъ вкладываетъ въ уста Сютаева еще болѣе интелесный діалогъ касательно продажности, будто бы существующей въ православной церкви.

— Дите у насъ умерло, рассказываетъ Сютаевъ. Говорять, надо хоронить, отпѣвать надо,—безъ этого, говорить, на томъ свѣтѣ въ царство небесное не примуть. Ладно, хорошо. Пошелъ я къ попу. „Похорони, говорю, батюшка“.. (Какое слово-то: батюшка). „Ладно, говорить, давай полтинникъ“. „Нельзя ли, моль, поменьше?“ Не соглашается. А денегъ у меня въ ту пору всего на всего тридцать копѣекъ серебромъ было.. Не согласился. Ушелъ я домой и думаю про себя: какъ теперь?.. За пятьдесятъ можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесятъ примуть, а за тридцать не примуть?. Не можетъ этого быть.. И увидѣлъ я тогда, што грѣшень я кругомъ.

— Въ чемъ же ты грѣшень?

— Да нешто можно о Божьемъ благословеніи торговлю заводить! Нельзя покупать, думаю, Божьяго благословенія. Коли самъ не заслужишь, ни за какія деньги его не купишь... Ни за какія тысячи не купишь... А коли заслужишь, то и безо всякихъ денегъ получишь, што слѣдуетъ... Раздумай я все этто, взялъ дите и самъ похоронилъ—безъ попа, безъ дьячка, безо всего... Подъ поломъ похоронилъ.

Немного погодя онъ снова заговорилъ:

— Али опять, бывало, спросишь кого: былъ на духу? „Нѣтъ, скажеть, не былъ“. „А отчего не былъ?“ „Денегъ не было, съ деньгами не собрался“... Ну, и выходитъ, што у васъ за деньги грѣхи-то отпускають: есть деньги—отпускають, нѣтъ денегъ—не взыщи... Стало быть вы Божью-то благодать за рубли—за копѣйки покупаете... Видно у васъ поэтому и въ рай-отъ за деньги пушаютъ... по такціи (стр. 106—107).

Также очень картинно изображаетъ авторъ поводъ, послужившій къ окончательному разрыву Сютеева съ православною церковью. Винникомъ этого разрыва, какъ догадывается читатель, былъ не кто иной, какъ приходскій священникъ.

— На праздникъ это было,—разсказываетъ Сютеевъ.—Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ большой уголь и стали спрашивать... Можетъ онъ, по праздничному дѣлу, хмѣленъ былъ, только онъ ни синя пороху не могъ мнѣ разсказать—какъ што... Сталъ я его о крещеніи спрашивать: „Какого ишо, говоритъ, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя, што-ли?“ Я ему резонты выговаривать сталъ... „Зналъ бы, говоритъ, въ купели тебя утопилъ“. И почалъ браниться, —всячески называлъ: и дьяволомъ, и чортомъ... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему и говорю: „Батюшка, объясни ты мнѣ ишо одно мѣсто, и читаю ему изъ посланія къ Евреямъ.

„И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приноситъ однѣ и тѣ же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ“ (X, II).

— О чемъ, говорю, тутъ сказано? О какихъ жертвахъ? Не о причастіи ли моль?—и даю ему въ руки Евангеліе.

Онъ взялъ, прочиталъ, да какъ шваркнетъ его на полъ, прямо подъ порогъ.—„Яйца курицу не учать“—говорить...

— Страхъ меня взялъ... „Што ты, батька, надѣлалъ?—говорю... А-я-я-я, грѣхъ какой... Въдь это ты слово Божіе... Въдь оно у тебя въ алтарѣ стоитъ на престолѣ... этто самое только што корешокъ въ бархатѣ... Такъ-то ты считаешь Христовы слова... Ну, говорю, съ энтихъ поръ я тебя не приму, нѣтъ... Не учитель ты, а прямо сказать—волкъ. Слѣпецъ... А слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ... Не надо мнѣ тебя“...

— Съ энтотъ самой поры и въ церковь пересталъ ходить, вовсе бросилъ (стр. 122—123).

Такъ характеризуетъ Сютеевъ дѣятельность священника, къ приходу котораго до разрыва съ церковью онъ принадлежалъ. Эта запальчивая характеристика для насъ болѣе чѣмъ понятна, такъ-какъ вопросъ объ

отношеніяхъ къ православному духовенству является самымъ большимъ мѣстомъ у всѣхъ почти сектантовъ. Но еще болѣе мрачными красками самъ авторъ описываетъ личность этого священника, въ своемъ „Очеркѣ“. Изучая на мѣстѣ секту „Сютаевцевъ“, авторъ по необходимости обратился за свѣдѣніями къ мѣстному священнику. Результатомъ этого посѣщенія явился цѣлый интереснѣйшій этюдъ, выдѣленный въ отдѣльную главу, подъ заглавіемъ: „У батюшки“.

Слѣдуя обычному шаблону, Пругавинъ начинаетъ характеристику „батюшки“ съ описанія его наружности. Когда авторъ вошелъ въ домъ батюшки, то оказалось, что батюшка отдыхалъ, то-есть попросту спалъ. „Его разбудили, и онъ вышелъ ко мнѣ, пишетъ авторъ, заспанный и всклокоченный. Передо мною стоялъ длинный, костлявый, но жилистый и еще крѣпкій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ крохотною головой, съ красноватымъ крайне помятымъ, дряблымъ лицомъ и шаршавою, тощею растительностью на подбородкѣ. Маленькія, жидкія, торчащія въ разныя стороны косички, мутныя, испещренныя мелкими кровяными жилами, глаза, большой, широкій, беззубый ротъ и какой-то шрамъ на носу—дѣлали наружность батюшки далеко непрезентабельною. Движенія его были медленны и неуклюжи; говорилъ онъ глухо, неразборчиво, шамкая, постоянно останавливаясь и подыскивая слова. Въ довершеніе всего, отъ него сильно пахивало тѣмъ специфическимъ „душкомъ“, который обыкновенно является у людей, сдѣлавшихъ постоянную привычку „къ чарочкѣ“; а его старый, на ватѣ, казINETовый подрясникъ, неуклюже сидѣвшій на его нескладной фигурѣ, казалось, весь былъ пропитанъ запахомъ тютюна“ (стр. 35).

Непрезентабельной наружности батюшки вполне соответствовали и внутреннія его качества. Пругавинъ повѣствуетъ, что „батюшка оказался не въ состояніи вести связный, сколько нибудь послѣдовательный разговоръ о положеніи сектантства въ его приходѣ“ и автору для добытія свѣдѣній пришлось обратиться къ сократическому методу, т. е. попросту говоря, задавать „батюшкѣ“ отдѣльные вопросы. Кромѣ этого обнаружилось, что батюшка имѣетъ самыя скудныя свѣдѣнія о состояніи расколо-сектантства въ его приходѣ. Нѣкоторыя деревни, по сообщенію батюшки, сплошь заражены расколомъ, нѣкоторыя наполовину; потому-то онъ совершенно оставилъ о нихъ свою настырскую попечительность.

проѣзжаетъ мимо этихъ деревень, бѣжить отъ нихъ, „какъ отъ зачумленныхъ“ (стр. 36).

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Пругавинымъ „батюшка“ вырисовывается какъ человѣкъ, проникнутый крайней нетерпимостью къ религіознымъ убѣжденіямъ другихъ, въ частности къ сектантамъ. Пругавинъ особенно подчеркиваетъ и ставитъ на видъ то обстоятельство, что батюшка называетъ Сютаева „еретикомъ, отступникомъ“ (37 стр.), грубіаномъ, богохульникомъ (39 стр.), а его ученіе объ общихъ имуществвахъ—глупостью (43 стр.). Мало этого: батюшка характеризуется какъ типичнѣйшій ретроградъ—во взглядахъ на дѣло миссіи вообще и на средства и способы воздѣйствія на сектантовъ; между прочимъ, онъ держится того взгляда, что корень сектантства лежитъ въ распространеніи евангелія на русскомъ языкѣ среди народа. Строки эти въ изложеніи Пругавина настолько интересны, что предоставимъ автору говорить самому за себя.

— „Не малый вредъ въ народѣ идетъ, говоритъ батюшка, отъ евангелій, отъ этихъ самыхъ дешевыхъ изданій, отъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Кабы они могли понимать, чтожъ чему значить въ словѣ Вожемя, тогда такъ, а то вѣдь они все по своему, все превратно понимаютъ, все искривя... Вотъ поэтому ко вреду все идетъ... Ужъ я, грѣшный человѣкъ, когда случится, отбираю у нихъ эти самыя книжки-то. „Дай-ка, молъ, мнѣ почитать,—я что-то этакого-то не видѣлъ“... А у меня ихъ пятнадцать штукъ... Возьму да и оставлю у себя,—соблазну меньше... Да, большое зло отъ этой секты. И она не выведется такъ... Что-жь... Преслѣдованій на нее никакихъ нѣтъ, никто ихъ хорошенько не пугнетъ, вотъ они и колобродятъ... Да-а, безъ правительства ее не искоренить“...

— Какія же мѣры, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы предпринять относительно этой секты?

— Гражданская власть можетъ скорѣе прекратить... Писалъ я объ этомъ преосвященному, а онъ отписываетъ: „словомъ, говоритъ, Господнимъ, убѣжденіемъ“... Словомъ Господнимъ... Да вѣдь это легко говорить тому, кто не знаетъ. А попробуй—ка на дѣлѣ, такъ и увидишь, что словомъ-то Господнимъ ничего не подѣлаешь съ этими народами... Да, ничего не прекратишь съ „убѣжденіемъ“—то... Назначили благочиннической совѣтъ „для увѣщанія“... Приѣхалъ благочинный, священникъ... Привезли Сютаева, семейныхъ его, еще кой-кого... Что же? Часа три съ ними бились, а толку никакого. Каждый свое, кто во что гораздъ... Пришли все съ книжками—съ Евангеліями... Бабенки

тѣ какъ кричать—бѣда. Благочинный ихъ увѣщаетъ, а они и слушать его не хотятъ, кричатъ: „мы теперь новая тварь, обновленная тварь. Прежде блуждали, теперь познали“...

„Обращался я какъ-то къ помощнику исправника. Зачѣмъ, говорю, вы позволяете въ подпольѣ хоронить? Сютаевцы хоронятъ, гдѣ попадется: на огородѣ, въ избѣ—подъ полами,—для нихъ все равно... Послали урядника. Тотъ пріѣхалъ, чаю у Сютаева попилъ, взялъ съ него десять рублей, да съ тѣмъ и уѣхалъ. А начальству доносить, что искалъ тѣла, но ничего подозрительнаго не отыскалось... Ну, слыхано ли дѣло, чтобы тѣла не найти? Вѣдь это не иголка. Какой же онъ послѣ этого урядникъ? Какъ же начальство-то не вникнетъ въ дѣло?.. Ну возьми мать: она должна знать, гдѣ дите схоронено... Взять ее, засадить, давать ей только чтобы не околѣла съ голоду... Небось скажетъ... Нѣтъ, это что?—Поблажки... У меня бы она заговорила, Дали бы мнѣ жезлъ власти, какъ примѣрно становымъ, такъ я бы живо открылъ, я бы раскопалъ, я... я бы имъ показалъ... Я... я...“ (стр. 45—47).

Желая достигнуть еще большаго эффекта, во внѣшней характеристикѣ батюшки, авторъ сочиняетъ карикатуру, заставляя священника сосать „цыгарку“ изъ тютюна, хранящагося въ засаленномъ кисетѣ.

Во время разговора батюшка раздраженно поднялся съ мѣста и направился въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ явился оттуда, держа въ рукахъ старый, засаленный кисетъ (?), сшитый изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Развязавши кисетъ, батюшка началъ дрожащими руками свертывать „цыгарку“ изъ обрывка какой-то ученической тетради.

— Не потребляете?—спросилъ онъ меня, кивая на кисетъ.

— Нѣтъ.

— Корешки.. Отъ нихъ вреда человѣку нѣтъ.. (стр. 37).

Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что картина эта вымышленна авторомъ для вящаго впечатлѣнія.

Всѣ эти выдержки служатъ самой наглядной иллюстраціей высказаннаго нами положенія, что Пругавинъ рѣшительно не можетъ считаться объективнымъ изслѣдователемъ и бытописателемъ нашего сектантства—вообще,—и хоть сколько нибудь безпристрастнымъ, добросовѣстнымъ цѣнителемъ дѣятельности нашего духовенства въ борьбѣ съ сектантствомъ въ частности. Хотя авторъ и выводитъ „батюшку с. Яконова“ какъ фактъ печальной дѣйствительности, но въ этомъ описаніи онъ слишкомъ

ужь сгустить краски, слишком много подлил желчи и яда, почему и не внушает доверія.—Но это еще не все. Авторъ не только этимъ фактомъ печальной дѣйствительности, но и упоминаніями въ другихъ мѣстахъ этого очерка о вообще прискорбной дѣятельности нашего приходскаго духовенства (12, 13, 122, 123 стр. очерка „Сютаевцы“) пытается роль его въ борьбѣ съ сектантствомъ не только свести къ отрицательной величинѣ, но и выставить его виновникомъ возникновенія сектантства.

„Какъ къ священникамъ, такъ и къ монахамъ, пишетъ Пругавинъ, сектанты относятся съ недоброжелательствомъ. Недовольство это можно объяснить главнымъ образомъ двумя причинами: во-первыхъ, неумѣніемъ духовенства сколько нибудь удовлетворительно разяснить тѣ или другія мѣста Св. Писанія, и, во-вторыхъ, корыстолюбіемъ и поборами сельского духовенства“.

— Пришелъ я разъ къ батюшкѣ,—разсказывалъ одинъ изъ сектантовъ, и спрашиваю: „растолкуйте мнѣ, моль, батюшка, что это здѣсь про таланты пишется“. А батюшка только посмѣивается, запустилъ руки въ карманы, побрякиваетъ денежками, да приговариваетъ „вотъ они таланты... вотъ они... Понимаешь теперь“?.. Такъ вотъ онъ какой пошъ, а мы его почитать должны по писанію, какъ Іисуса Христа.

Въ другой разъ тотъ же батюшка, по всей вѣроятности, не будучи въ состояніи разрѣшить недоумѣній сектанта, бросилъ съ досадою Евангеліе на полъ, чѣмъ конечно страшно возбудилъ противъ себя всѣхъ сектантовъ.

Что касается поборовъ съ крестьянъ, то тотъ же мѣстный пастырь, по замѣчанію Пругавина, не выдѣляется въ этомъ отношеніи особенною притязательностью: но сектанты, воспитавши въ себѣ духъ критики, подвергаютъ порицанію и незначительные поборы.

— У насъ, жалуются они,—за молебенъ просто Николаю угоднику, если взять икону во дворъ, берутъ 20 коп., а за такой же молебенъ Николаѣ явленному берутъ 30 коп.

Возмущаются сектанты и поведеніемъ монаховъ, собирающихъ продукты (зерно, хлѣбъ и проч.) на „Божію Матерь“; особенно же ихъ возмущаетъ при этомъ обычный общепотребительный возгласъ монаховъ при подобныхъ сборахъ: „прибавь на Божію Матерь“.

Подобные факты изъ области отношеній духовенства къ мірянамъ вызываютъ, по словамъ Пругавина, въ средѣ сектантовъ прямое и рѣзкое осужденіе православнаго духовенства. „Все зло отъ духовныхъ“—говорятъ сектанты о представителяхъ духовной власти (стр. 147—148 В. 2).

Если допустить, что выведенные Пругавинимъ факты соответствуютъ въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ нельзя возводить эти единичные факты въ общее правило, — и дѣлать отсюда, какъ поступаетъ Пругавинъ, широкое обобщеніе — не только рискованно, но просто недобросовѣстно. Тенденція и предвзятость автора въ данномъ вопросѣ настолько очевидны сами собою, что нѣтъ нужды больше распространяться по этому поводу. Изъ вышеприведенныхъ выдержекъ читатель можетъ видѣть, насколько авторъ объективенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о русскомъ сектанствѣ.

Что авторъ ведетъ свои изслѣдованія съ большимъ пристрастіемъ къ сектантамъ и даже позволяетъ общеизвѣстные факты освѣщать и толковать по своему, — сошлемся на одно его примѣчаніе, помѣщенное на 103—104 стр. I выпуска. „Очень вѣроятно, пишетъ Пругавинъ, что Пашковъ, извѣстный своєю филантропическою дѣятельностью, съ одинаковою готовностію помогаетъ какъ сектантамъ, такъ и православнымъ. Дѣлаемъ эту оговорку съ цѣлью отклонить отъ себя всякій упрекъ въ желаніи выставить г. Пашкова какимъ-то столпомъ, опорой сектантства“.

Мы съ своей стороны возразимъ: если бы Пашковъ помогать православнымъ, то этотъ фактъ, безспорно, былъ бы отмѣченъ въ нашей повременной печати, и тогда Пругавину не было бы нужды дѣлать нарочитую въ примѣчаніи замѣтку — „по всей вѣроятности“ и брать на себя роль обѣлителя г. Пашкова, этого, по всеобщему признанію, столпа и опоры сектантства.

Въ противовѣсъ сужденіемъ Пругавина сошлемся на слѣдующій фактъ, прекрасно обрисовывающій характеръ благотворительности Пашкова. Въ Петербургѣ, на углу Большой Сампсоніевской улицы, Пашковъ устроилъ дешевую столовую; въ услуженіи при этой столовой находились люди уже проникнутые пашковскимъ ученіемъ. Если же замѣчалось, что кто-нибудь держится православныхъ убѣжденій, то таковой подвергался нѣкоторымъ стѣсненіямъ. Крестьянка Тверск. у. Маланья Але-

Кеѣва, находясь въ услуженіи при столовой, и оставаясь въ тоже время православной, подверглась такимъ притѣсненіямъ со стороны самого Пашкова. Съ Алѣксѣевой случилось несчастье. 7 декабря 1882 г., возвратившись изъ бани, Маланья нашла все свое имущество погнбшимъ отъ пожара, происшедшаго въ ея отсутствіи. Она обратилась за помощью къ В. А. Пашкову въ поной увѣренности, что онъ поможетъ ей. Но, къ своему великому огорченію, она получила рѣзкій отказъ. „Такъ тебѣ и нужно, сказалъ Пашковъ, это тебя Богъ наказаль. Сколько разъ я тебя обличаль, что ты облелась въ діавола и невѣруешь во Христа“.

— „Какъ не вѣрую“? воскликнула несчастная женщина. „Да, не вѣруешь, продолжалъ Пашковъ, потому что ты ходила въ цекровь, держала у себя иконы и засвѣчивала предъ ними лампадки. Нѣтъ тебѣ ничего: ступай — куда хочешь“ (Правосл. Обзор. 1890 г. кни. 2, стр. 4). Фактъ этотъ, занесенный на страницы нашей періодической печати, самымъ нагляднымъ образомъ иллюстрируетъ потуги Пругавина обѣлить Пашкова.

Въ предисловіи къ своимъ „Очеркамъ“ Пругавинъ отмѣчаетъ весьма существенный, рельефно выступающій у нашихъ изслѣдователей сектантства пробѣлъ, — именно: отсутствіе или, лучше сказать, игнорированіе ими психологической, общественно-бытовой и этнографической сторонами этого религіозно-народнаго движенія, — и изданіемъ „Очерковъ современнаго сектантства“ онъ хочетъ восполнить этотъ пробѣлъ. — Послѣ такого громкаго заявленія автора читатель — въ правѣ рассчитывать найти въ „Очеркахъ“ надлежащее освѣщеніе бытовыхъ и этнографическихъ сторонъ и болѣе или мѣнѣе глубокой анализъ психологической подкладки нашего сектантскаго движенія; въ дѣйствительности же авторъ далеко не оправдываетъ своихъ заманчивыхъ обѣщаній. Во всѣхъ почти „Очеркахъ“, — мы видимъ, — встрѣчаются только слабые штрихи, слегка характеризующіе бытовую и психологическую сторону нашего сектантства, но рельефной картины не получается: всѣ эти штрихи совершенно исчезаютъ въ общей характеристикѣ сектантскаго, какъ религіознаго по преимуществу, движенія и не даютъ желаемыхъ авторомъ свѣто-тѣней. Даже психологическая сторона, весьма богатая во всѣхъ этихъ религіозно-народныхъ движеніяхъ, весьма мало разработана авторомъ; между тѣмъ, какъ каждая отдѣльная секта, какъ явленіе по преимуществу психологическаго порядка, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдо-

вателя. Пругавинъ въ данномъ случаѣ отдѣляется только общими фразами, которыя нисколько не гармонируютъ съ его широко — вѣщательными, заманчивыми обѣщаніями. Поэтому-то „Очерки современнаго сектантства“ являются слишкомъ блѣднымъ отраженіемъ пламенныхъ намѣреній нашего автора. Обратимся къ самымъ „Очеркамъ“ и посмотримъ, какъ авторъ изображаетъ общественно-бытовую, этнографическую и психологическую стороны нашего народно-сектантскаго движенія.

Пругавинъ, какъ изслѣдователь сектантства, хочетъ въ своихъ „Очеркахъ“ красною нитью провести ту мысль, что сектанты той или другой категоріи, отдѣлившись отъ православной церкви, становятся иными людьми даже въ общественно-бытовомъ, этнографическомъ отношеніи. Но такъ-ли это? Всѣ сектанты, отщенившіеся отъ православной Церкви, остаются тѣми же крестьянами, такъ же, какъ и прежде, одѣваются, ведутъ приблизительно такой же образъ жизни; если они отоотстали отъ нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ (пьянство, драки, сквернословіе), то эти явленія скорѣе этического характера, чѣмъ общественно-бытового. Нѣкоторыя сектантскія тенденціи (напримѣръ—общеніе имуществъ и общій трудъ у Сютаевцевъ) не находятъ для себя почвы и надлежащимъ образомъ не прививаются; потому у сектантовъ—остается въ общемъ прежній укладъ жизни.—Кто побывалъ среди сектантовъ разныхъ толковъ, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, что сектанты въ большинствѣ случаевъ по наружности и по образу жизни почти ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ, исключая впрочемъ ритуальной стороны въ дѣлѣ вѣры.—Что же касается ригоризма, царящаго среди послѣдователей нѣкоторыхъ сектъ, и особой высоты ихъ нравственности, что съ такимъ усердіемъ отмѣчаетъ Пругавинъ,—то нужно замѣтить, что дѣйствительно у многихъ сектантовъ на первыхъ порахъ существованія той или другой секты царитъ ригоризмъ и чистота нравовъ. но это явленіе — непродолжительное. Сектантство съ теченіемъ времени утрачиваетъ характеръ новизны, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ и свое обаяніе,—и укладъ жизни сектантовъ — ничѣмъ почти не отличается отъ уклада жизни православныхъ. Возьмемъ, на примѣръ, восхваляемый всѣми штундизмъ. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ существованія этой секты ея адепты старались жить по духу первыхъ христіанъ, избѣгали ссоръ, дракъ, пьянства, воровства и т. п. и преимущественно этической стороной штундисты обращали на себя вниманіе всѣхъ изслѣ-

дователей сектантства и такъ или иначе соприкасающихся съ ними лицъ. Но съ теченіемъ времени—повышенная температура религіознаго самочувствія и самоуслажденія въ штундизмъ значительно понизилась, а вмѣстѣ съ симъ значительно понизилась и этическая сторона у поборниковъ этой секты. Это не мѣшало бы знать всякому изслѣдователю сектантства. Кромѣ этого, должно не опускать изъ виду и того обстоятельства, что Пругавинъ въ своихъ „Очеркахъ“ касается преимущественно сектантскихъ вожаковъ, нерѣдко даже основателей сектъ (Сютаевъ, апостоль Зосима, Писцовъ основатель Симбирскихъ бѣлоризцевъ и другіе). Все это личности не заурядныя, стоящія много выше сѣрой толпы; потому нисколько неудивительно, что они, являясь проводниками этическихъ началъ въ жизнь своихъ послѣдователей, обрисовываются въ болѣе или менѣе привлекательномъ видѣ.—Но было бы интересно прослѣдить, какъ отразились и подъ какимъ угломъ зрѣнія преломились эти этическія воззрѣнія среди сектантовъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени, и насколько они понизились въ своей интенсивности. Но на это обстоятельство, къ сожалѣнію, Пругавинъ и не обратилъ должнаго вниманія.

Что же касается психологической стороны сектантства, то она совершенно не разработана Пругавинымъ; въ данномъ случаѣ авторъ не только не пошелъ дальше другихъ изслѣдователей, но даже сказалъ меньше этихъ послѣднихъ. Въ „Очеркѣ“ „Сютаевцы“ авторъ упоминаетъ о циркулировавшихъ въ Тверской губерніи слухахъ о „темной каретѣ“, довольно подробно излагаетъ розказни на эту тему и касается очень распространенныхъ толковъ по аграрному вопросу о передѣлѣ земли и раздѣлѣ пустошей. Послѣ этого упоминанія, онъ пытается анализировать эти явленія и ставить ихъ въ связь съ сектантскимъ у насъ движеніемъ. „Много, пишетъ Пругавинъ, вопросовъ назрѣло и копошится, и роится въ мужицкихъ головахъ, цѣлая куча различнаго рода недоумѣній мучить мужицкую душу. Едва-ли когда-нибудь жизнь среди народа могла предоставлять такой огромный, захватывающій интересъ, какъ именно въ настоящее время. Каждый, кому только удавалось за последнее время близко становиться къ деревенской средѣ, вѣроятно, согласится съ нами, что теперь на нашихъ глазахъ, въ массѣ народа происходитъ какое-то смутное, глухое, сдержанное броженіе. Несомнѣнно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многія

условія, многія событія послѣдняго времени. Въ воздухѣ деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумѣвающее и вмѣстѣ тревожное... Деревня чего-то ждет... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожиданіе, которое съ удобствомъ можетъ тянуться долгіе годы, цѣлыя вѣка, — нѣтъ, въ теперешнемъ ожиданіи деревни бьетъ напряженное, страстное чувство; въ немъ кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новыхъ нѣтъ: жизнь должна ихъ создать и выработать“...

„Мы не знаемъ, разумѣется, и не можемъ указать даже приблизительно, чѣмъ разрѣшится это броженіе, въ какую форму отольется оно... Знаемъ только, что теперь подобнаго рода броженіе весьма часто отличается въ форму особаго рода ученій, въ основу которыхъ обыкновенно принимается тотъ или другой тезисъ св. Писанія, говорящій о правдѣ, любви и добрѣ, и который обыкновенно служитъ для народа исходнымъ пунктомъ для критики современныхъ порядковъ, современнаго строя жизни“ (32—33 стр.).

Но эта попытка анализировать темныя деревенскія сплетни есть ни больше ни меньше, какъ плодъ досужей фантазій, плодъ предположеній и догадокъ автора и нисколько не уясняетъ существа дѣла. Только X и XI главы изъ Очерка „Сютаевцы“ представляютъ два довольно удачныхъ этюда, уясняющихъ сущность ученія Сютаева, и въ этихъ только главахъ мы находимъ довольно удовлетворительный анализъ психологической стороны Сютаевской секты.

Изъ всѣхъ „Очерковъ“ Пругавина обращаетъ на себя вниманіе очеркъ „Бѣлоризцы“. При составленіи этого очерка авторъ умѣло воспользовался печатными матеріалами и личными своими наблюденіями надъ послѣдователями этой секты; при этомъ онъ не вышелъ изъ предѣловъ объективнаго изслѣдователя: почему очеркъ „Бѣлоризцы“ наиболѣе интересенъ изъ всѣхъ Очерковъ и имѣетъ наибольшую научную цѣнность. Дѣйствительно, въ этомъ Очеркѣ авторъ—выполнилъ свое обѣщаніе: изобразилъ эту секту не только съ религіозной, но и съ общественно-бытовой и отчасти психологической стороны.—Здѣсь мы узнаемъ какъ особенности уклада бытовой жизни, такъ и психологическіе мотивы возникновенія этой секты; здѣсь мы знакомимся съ нравственнымъ и умственнымъ обликомъ ея послѣдователей. Хорошо, что хотя въ одномъ

случаѣ Пругавинъ оказался на высотѣ безпристрастнаго публициста—изслѣдователя нашего сектантства.

Очерку „Штунда среди великороссовъ“ мы должны удѣлить исключительное вниманіе, по многимъ причинамъ. — Очеркъ этотъ написанъ ровно 20 лѣтъ тому назадъ и въ прошломъ году изданъ авторомъ вновь, безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ. За этотъ длинный промежутокъ времени штундизмъ во многомъ видоизмѣнился, и измѣнились къ нему отношенія какъ православныхъ, такъ и гражданскихъ и духовныхъ властей. Потому перепечатка этого устарѣлаго очерка можетъ только служить къ самоулаженію автора и воскресить въ его памяти воспоминаніе о творческомъ процессѣ при написаніи это очерка. Но не больше. Для сектовѣднія—переизданіе этого очерка является болѣе чѣмъ анахронизмомъ. По этому устарѣлому очерку рѣшительно нѣтъ возможности составить хотя какое-нибудь представленіе о современномъ состояніи штундизма. Думаемъ, что это положеніе вѣтъ всякаго сомнѣнія и съ нимъ согласится безпристрастный читатель. Но обратимся къ самому Очерку и постараемся показать, насколько свѣдѣнія о штундѣ, сообщаемыя авторомъ въ его Очеркѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Очеркъ свой Пругавинъ начинаетъ наивной предпосылкой. „Ровно 16-тъ лѣтъ назадъ, на югѣ Россіи, въ малороссійскихъ деревняхъ Херсонской губ., появились люди, которые начали по своему толковать Священное Писаніе и проповѣдывать религіозные взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ ученіемъ господствующей православной церкви“.

„Люди эти отрицали храмы, священниковъ, посты, мощи, праздники, кресты, иконы,— словомъ, почти всю внѣшнюю, обрядовую сторону религіи. Изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія они признавали лишь одну Библію и горячо и ревностно проповѣдывали идеи любви и братства, изложенныя въ Евангеліи. Называли они себя „духовными христіанами“, но мѣстное духовенство, заподозрѣвъ тутъ вліяніе нѣмецкихъ сектантовъ-колонистовъ, окрестило ихъ штундистами. Съ тѣхъ поръ эта кличка такъ и упрочилась за ними (В. 2 стр. 137). Изъ этого отрывка читатель можетъ усмотрѣть: а) незнаніе авторомъ исторіи штундизма и б) тенденціозное освѣщеніе вопроса о происхожденіи этой секты.

Пругавицъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, относить появленіе штундизма къ 1878 г... По его хронологіи штундизмъ явился ровно 16 лѣтъ назадъ отъ той даты, которой помѣчено написаніе имъ очерка о штундѣ (1884 г.). Относитъ къ 1878 г. появленіе штундизма въ Херсонской губерніи можетъ только слишкомъ поверхностный изслѣдователь этого сектантства, совершенно незнакомый съ его исторіей и съ научными изслѣдованіями, точно устанавливающими годъ появленія этой секты въ Херсонской губерніи. вмѣсто того, чтобы повторять свои старыя ошибки, автору не мѣшало бы заглянуть въ новѣйшія изслѣдованія о штундѣ.—Тогда бы онъ не сталъ относить къ 1878 г. появленіе штундизма въ Херсонской губерніи.

Далѣе. По вопросу о происхожденіи штундизма авторъ остается при особомъ своемъ мнѣніи. По его взгляду штунда явилась изъ нѣдръ народнаго духа сама собою. Онъ такъ наивно изображаетъ появленіе штунды. „Появились люди въ Херсонской губерніи, начали по своему толковать Священное Писаніе и проповѣдывать религіозныя взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ ученіемъ господствующей православной церкви: стали отрицать храмы, священниковъ, посты, мощи, кресты, иконы и виѣшнюю обрядовую сторону религіи, начали проповѣдывать идею братства и любви, изложенныя въ Евангеліи и стали называть себя „духовными христіанами“. Но мѣстное духовенство заподозрило тутъ вліяніе нѣмецкихъ сектантовъ-колонистовъ и „духовныхъ христіанъ“ окрестило штундистами. Съ тѣхъ поръ эта кличка такъ и упрочилась за ними“. Извольте видѣть простое и легкое объясненіе происхожденія штундизма, а ровно и его названія. Такое наивное объясненіе можетъ удовлетворить только слишкомъ довѣрчиваго читателя. Вопросъ о происхожденіи штундизма не такъ простъ, какъ представляетъ себѣ Пругавицъ и достаточно обслѣдованъ въ нашей литературѣ. Вопросъ, откуда появился на Руси штундизмъ, вылился-ли онъ изъ нѣдръ народнаго духа и потому является-ли онъ самобытнымъ явленіемъ народнаго религіознаго творчества... или занесенъ къ намъ со внѣ—отъ нѣмецкихъ сектантовъ-колонистовъ—имѣетъ цѣлую литературу и отдѣливаться общими фразами, какъ въ данномъ случаѣ поступаетъ Пругавицъ, болѣе чѣмъ рискованно. Съ публицистической точки зрѣнія можетъ быть и допустимъ подобный пріемъ, но съ научной, объективной точки зрѣнія—онъ внѣ всякой критики.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ больше вчиты-

вае́тсь въ очеркъ „Штунда среди великороссовъ,“ тѣмъ больше видито недочетовъ. Пругавинъ, повидимому, имѣетъ самое смутное представле- ние о догматической сторонѣ штундизма. Во 2-й главѣ своего очерка подъ заглавiемъ: „Ученiе и жизнь“ онъ допустилъ слѣдующiя извра- щенiя штундистскаго вѣроученiя, нисколько не вяжущiяся съ духомъ и характеромъ этого сектантства. Пругавинъ утверждаетъ, что сектанты изъ таинствъ признаютъ: крещенiе, причащенiе, бракъ и елеосвященiе. Прежде всего—штундисты таинствъ, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ православная Церковь, совершенно не признаютъ. Это должно быть извѣстно каждому изслѣдователю штундизма. Елеосвященiя, даже какъ обряда, у сектантовъ совершенно нѣтъ. Вопросъ о крещенiи младенцевъ авторъ излагаетъ въ превратномъ видѣ. „Если бы священникъ отка- зался почему-нибудь окрестить младенца то, по мнѣнiю сектантовъ, можно оставить младенца и некрещенымъ, безъ всякаго ущерба для него“ (145 стр. В. 2). Изъ этой цитаты явствуе́тъ, что штундисты признаютъ: 1) священниковъ и 2) допускаютъ крещенiе дѣтей. Но можетъ эта особенность любецкихъ штундистовъ и имѣла мѣсто 20 лѣтъ тому назадъ; спорить не будемъ; но теперь нигдѣ въ штундизмѣ вы не встрѣтите, чтобы признавалось священство и крещенiе дѣтей. Если это такъ, то автору слѣдовало оговориться и умолчанiемъ не вводить читателя въ такое крупное недоумѣнiе, касающееся одного изъ суще- ственныхъ вопросовъ сектантскаго вѣроученiя.

Далѣе. Пругавинъ утверждаетъ, что любецкiе штундисты о мощахъ опредѣленно не высказываются и признаютъ крестное знаменiе (146 стр.). Слѣдемъ увѣрить г. Пругавина, что всѣ штундисты, во всѣхъ фазахъ развитiя этой секты, отвергаютъ почитанiе мощей и даже кощунственно выражаются о нихъ, никоимъ образомъ не признаютъ и не могутъ признавать крестнаго знаменiя.

Авторъ представляетъ также въ извращенномъ видѣ отношенiе сек- тантовъ къ духовенству. Онъ пишетъ: сектанты „духовную власть отри- цають всякую, коль скоро она приневоливаетъ къ противному имъ“ (145 стр. 2 вып.). Нѣсколько ниже онъ пишетъ: „къ священникамъ и монахамъ сектанты относятся съ недоброжелательствомъ“ (147 стр. 2 вып.). Трудно понять, какимъ образомъ сектанты, отторгши́еся отъ православной Церкви, признаютъ духовную власть, „коль скоро она не

приневоливаетъ ихъ къ противному имъ“. Одно изъ двухъ: признаніе или непризнаніе извѣстнаго догмата, а полупризнаніе, при томъ условнаго, въ дѣлахъ вѣры не можетъ быть. Хочется думать, что Пругавинъ, касаясь этой стороны вопроса, былъ введенъ въ заблужденіе недостаточностью свѣдѣній о штундизмѣ. На 149 стр. 2 вып. онъ такъ характеризуетъ отношеніе сектантовъ къ школамъ и ученію: „никакого предубѣжденія противъ книгъ гражданской печати у сектантовъ не замѣчается; также и разныя научныя занятія считаются полезнымъ дѣломъ“. Тутъ—что-то да не такъ. Какимъ образомъ можно вести рѣчь о предубѣжденіи сектантовъ противъ книгъ гражданской печати, если они имѣютъ предубѣжденіе противъ славянской печати вообще и противъ книгъ на славянскомъ языкѣ—для насъ вопросъ этотъ остается болѣе чѣмъ непонятнымъ. Опять незнаніе и незнаніе элементовъ штундизма.

Авторъ на той же 149 стр. пишетъ, что, по словамъ сектантовъ, „присяга предъ Евангеліемъ должна быть искренняя“. Откуда взялъ эти свѣдѣнія Пругавинъ—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Непреложная истина, что штундисты отвергаютъ присягу.

Но больше всего насъ поразило то мѣсто изъ очерка, гдѣ рѣчь идетъ о зарожденіи штундизма въ с. Любецѣ, Трубчевскаго уѣзда. Пругавинъ повѣствуетъ, что „для распространенія своего ученія сектанты первое время собирались около церкви послѣ службы, а также на дому Григорія Ерохова (теперь осужденнаго), гдѣ происходили чтенія и разъясненія Священнаго Писанія“ (166 стр. 2 вып.). Что сектанты для распространенія своего ученія собирались въ домѣ Ерохова, гдѣ и читали Священное Писаніе—этому мы вѣримъ; но чтобы они хотя бы-то и на первыхъ порахъ собирались около церкви послѣ службы и тамъ занимались чтеніемъ и толкованіемъ Священнаго Писанія въ цѣляхъ пропаганды—воля ваша—это абсурдъ, которому никомъ образомъ нельзя дать вѣры. Авторъ, допустивши такой способъ пропаганды, и не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе онъ впадаетъ самъ съ собою. Нѣсколько выше (165 стр.), онъ ведетъ рѣчь о тайныхъ послѣдователяхъ новаго ученія, старавшихся, изъ боязни насмѣй и преслѣдованій со стороны своихъ односельчанъ, тщательно скрывать свои религіозныя воззрѣнія. Такимъ образомъ получается рядомъ два противорѣчія—тайные послѣдователи и открытая пропаганда сектантскаго ученія около церкви послѣ

службы. Какимъ образомъ Пругавинъ, въ качествѣ изслѣдователя штундизма, умудрился на протяженіи двухъ страницъ допустить такое явное противорѣчіе—судить не беремся. Но фактъ этотъ на-лицо и съ нимъ изслѣдователю сектантства приходится считаться.

На этомъ мы и заканчиваемъ разборъ „Очерковъ современнаго сектантства“ Пругавина.

Подводя итоги сказанному, мы должны формулировать свои положенія такимъ образомъ:

1) Пругавинъ въ своихъ „Очеркахъ современнаго сектантства“ является крайне пристрастнымъ и тенденціознымъ изслѣвателемъ этого религіозно-народнаго движенія. Особенно тенденціозную окраску придаетъ онъ тѣмъ своимъ изслѣдованіямъ, которыя написаны имъ всецѣло на основаніи личныхъ его наблюденій надъ сектантскимъ движеніемъ.

2) Широковѣщательныя обѣщанія Пругавина— освѣтить общественно-бытовую, этнографическую и психологическую стороны нашего народно-религіознаго движенія, вылившагося въ сектантскія формы,—остались почти невыполненными.

3) Пругавинъ, переиздавъ свои „Очерки“ безъ всякой переработки и съ тѣми погрѣшностями, которыя были допущены имъ двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ изслѣдователь сектантства,—оказался далеко не на высотѣ своего положенія и требованій современной науки сектовѣднія.

П. Красноставскій.

Почитаніе св. креста Христова въ сектантскихъ молитвенныхъ пѣсняхъ.

Слово „крестъ“ употребляется въ св. Писаніи въ трехъ значеніяхъ: въ смыслѣ страданій Христа, напр., „Съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на начальника и совершителя вѣры Иисуса, Который, вмѣсто предлежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ, пренебрегши посрамленіе, и возсѣлъ одесную Престола Божія“ (Евр. 12; 2), — въ смыслѣ терпѣнія и страданій чловѣка, напр., „*Возьми крестъ свой* и слѣдуй за Мною“ (Мѡ. 16: 24); и, наконецъ, — въ смыслѣ того древа, на которомъ распятъ былъ Спаситель, напр., „Выходя, они встрѣтили одного киринеянина, по имени Симона: сего заставили нести крестъ Его“ (Мѡ. 27; 32), или: „При крестѣ Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Марія Клеопова и Марія Магдалина“ (Іоан. 19; 17 и др.).

Какъ орудіе нашего спасенія, обгащенное пречистою Кровію пострадавшаго за насъ Христа, всѣми послѣдователями Его, отъ первыхъ временъ христіанства, крестъ почитается за великую святыню. Честной крестъ, на которомъ Христось пострадалъ *добровольно* (Исаи 53: 10. Дѣян. 2; 23. Фил. 2; 8), послужилъ къ *прославленію* Спасителя (Іоан. 12; 23—33, 17, 1—5. Фил. 2; 8—9) и къ нашему *спасенію* (Іоан. 12; 32. 1 Петр. 2 24; Кол. 2, 14); наше *примиреніе* съ Богомъ совершилъ Христось „посредствомъ креста, убивъ вражду на немъ“ (Еф. 2; 16. Кол. 1; 20); крестъ *знамя Христова*, т. е. знакъ побѣды Его надъ діаволомъ (Іоан. 3; 14 снеси съ Мѡ. 24: 30); крестъ это *святой жертвенникъ*. Всякій жертвенникъ, на которомъ приносилась жертва Богу, былъ „великою святынею“, такъ что „все прикасавшееся къ жертвеннику освящалось“ (Исх. 29; 37 30: 29); тѣмъ болѣе великая святыня новозавѣтный жертвенникъ, или

крестъ святой, на которомъ принесенъ былъ въ жертву Самъ Сынъ Божій (Евр. 7: 27. 9; 10; 10). Вотъ почему чтили крестъ и св. апостолы, которые *хвалились св. крестомъ* (Гал. 6: 14) и за его честь *терпѣли самыя мученія* (Гал. 5: 11. 6: 12). Но развѣ понимаютъ это великое значеніе святаго креста ожесточенные наши сектанты, „враги креста Христова“ (Фил. 3: 18)? Едва-ли, „ибо огрубѣло сердце людей сихъ“ (Дѣян. 28; 27). Они стараются убѣдить себя и другихъ, что крестъ, какъ рукотворенный, проклятъ (Прем. 14: 8), забывая слова св. Писанія: „Благословенно дерево, чрезъ которое бываетъ правда“ (Прем. 14: 7); утверждаютъ, что крестъ былъ позоромъ для Христа, въ то время, какъ онъ послужилъ къ славѣ Его (см. выше): стараются, наконецъ, убѣдить себя и другихъ въ томъ, что подъ словомъ „крестъ“ вездѣ въ Писаніи должно разумѣть страданія Спасителя или страданія человѣка. Но это заблужденіе сектантовъ опровергается не только вышеприведенными мѣстами св. Писанія, въ которыхъ говорится о вещественномъ крестѣ, о томъ дровѣ, на которомъ пострадалъ Спаситель міра (см. еще: Мѡ. 27: 32. Мар. 15: 21. Лук. 23: 25—33. Іоан. 19: 17), но и ихъ же молитвенными пѣснями, въ которыхъ, съ одной стороны, слово „крестъ“ употребляется въ вышеуказанныхъ трехъ значеніяхъ, съ другой, — вещественный, рукотворенный крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра, къ немалому удивленію и смущенію сектантовъ, признается ими за величайшую святыню.

1. Сектанты въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ словомъ „крестъ“ обозначаютъ *страданія людей*, когда поютъ въ пѣснѣ:

*„Прииди, другъ, къ Исусу...
Возьми крестъ свой и слѣдуй
Въ путь узкій за Христомъ“*

(„Гусли“ 229; 3. „Собр. дух. стих.“ 172; 3. „Сборн. Стих.“ 40; 3. „Духов. пѣсни“ 85: 3).

Или: *„Кто всей душой возложилъ
На благодѣ Бога званье“...
„Покорень будь Его словамъ.
Неси свой крестъ съ святымъ терпѣньемъ“.*

(„Гусли“ 290: 2. „Соб. дух. стих.“ 240: 2).

Или: *„Господь, намъ данное Тобой
Божественное слово“...*

„Когда мы скорби крестъ несемъ
Оно насъ утѣшаетъ“ („Гусли“ 347; 4).

См. еще: „Гусли“: 37; 9. 47; 9. 117; 1. 163; 2. 243; 4. 284; 3. 296; 1. 322; 2. 354; 3. 262; 3. 403; 4. 409; 2—3. 531; 1. 559; 2. „Собраніе духов. пѣсень“: 65; 3. 89; 1. 187; 4. 265; 2. 275; 9. 303; 3. 346; 3. 351; 2. „Голосъ вѣры“: 67; 3. 127; 4. 179; 1. 193; 3. 194; 3. 195; 2. „Собраніе стихотвореній“: 18; 4. 19; 3. 55; 3. „Любимые стихи“: 19; 4. „Пѣсни Сіона“: 11; 2. „Духов. пѣсни“: 73; 3. 85; 3. „Гимны“: 11; 2. 16; 3. 37; 2. 38; 2. „Нотныя духовныя пѣсни“: 22; 2. 46; 4.

2. Въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ сектанты употребляютъ слово „крестъ“ въ смыслѣ *страданій Христа*, когда, напр., поютъ въ пѣснѣ:

„Люблю, Спаситель, въ книгѣ дивной“...
„Люблю Тебя я. Ты же прежде
Меня, созданье, возлюбилъ.
Ты въ міръ былъ въ людской одеждѣ
И за меня Свой крестъ носилъ“.

Или: „Взгляни сюда: здѣсь Божій Сынъ!..
Онъ бѣденъ былъ, а намъ богатство далъ;
Онъ крестъ скорбей несъ бѣднымъ къ утѣшенью“.
(„Гусли“ 182; 2).

См. еще: „Гусли“ 44, 3. 202; 5. 246; 4. 335; 3. „Соб. духов. стих.“ 80; 6. 82; 1. 379; 1. „Голосъ вѣры“ 203; 1. „Сборн. стих.“ 60; 3. 75; 1. „Приношеніе правосл. христіанамъ“: 14; 2. „Нотный сборникъ духов. стихотвореній“ 45; 1.

3. Въ молитвенныхъ своихъ пѣсняхъ сектанты не только употребляютъ слово „крестъ“ въ смыслѣ того древа, на которомъ былъ распятъ Христосъ, *но и прославляютъ этотъ вещественный крестъ, какъ великую святыню.*

Такъ изъ сектантскихъ молитвенныхъ пѣсень видно, что вещественный крестъ 1) *есть крестъ скорбей Христовыхъ*, т. е. тотъ крестъ, на которомъ Христосъ перенесъ тяжкія за насъ скорби, о чемъ они поютъ, напр., въ пѣснѣ:

„Лейтесь слезы сокрушенья“,
Сердце плачь въ тоскѣ своей;
Божій Сынъ рукой творенья
„Вознесень на крестъ скорбей“.

(„Гус.“ 193; 1. „Соб. дух. стих.“ 69; 1. „Голосъ вѣры“ 102; 1. „Прин. христ.“ 33; 1. „Духов. пѣсни“ 27; 1. „Гимны“ 55; 1).

2) Въ молитвенныхъ пѣсняхъ сектантовъ христiane называются „воиннами креста“, а послѣдній— „знаменемъ воскресшаго Христа“, какъ, напр., въ пѣснѣ:

*„Примкните къ Иисусу,
О, воины креста,
И поднимите знамя
Воскресшаго Христа“*

(„Гус.“ 317; 1. „Соб. дух. стих.“ 255; 1. „Голосъ вѣры“: 168; 1. „Любим. стихи“ 27; 1. „Нотныя духовныя пѣсни“ 55; 1).

Или: *„Воспряните, дѣти Божьи,
Для радостной борьбы.
Сражаться всѣхъ, кто можетъ.
Сыываетъ звукъ трубы.
Предъ вами Божье знамя¹⁾,
Святыхъ побѣдъ залогъ,
Идя сквозь битвы пламя,
Мужайтесь: съ вами Богъ!
Воспряните, дѣти Божьи!
И врагъ вашъ побѣжить
И къ царскому подножью
Главу свою склонить“* („Гусли“ 440; 1 и 3).

3) Пострадавъ на крестѣ *добровольно* за грѣхи людей, Господь проявилъ этимъ особенную къ нимъ любовь, о чемъ сектанты и поютъ въ слѣдующей. напр., пѣснѣ:

*„О, Господи, зову къ Тебѣ“...
„На землю Сына Ты послалъ,
И жиль Онъ въ нищетѣ,
И на Голгоѣ смерть принялъ
За грѣхъ мой на крестѣ“* („Гусли“ 253; 4).

Или: *„Христосъ Спаситель, вѣчный Богъ,
Пошли мнѣ благодать.
Чтобы хвалить Тебя и могъ
И честь Тебѣ воздать
За всю Твою ко мнѣ любовь,
Что волю, Ты, Христе,
Страдалъ и лиль святую кровь
За грѣхъ мой на крестѣ“.*

¹⁾ Снеси Иоан. 3; 14 и Мѣ 24; 30.

(„Собран. дух. стих.“ 142; 1—2. „Голосъ вѣры“ 97; 1—2 „Духов. пѣсни“ 40; 1—2).

Или: „Придите въ мой садъ“..
 „Для грѣшныхъ на землю Я съ неба сходилъ,
 Для насъ на крестъ распинаемъ Я былъ“.

(„Сборн. дух. стих.“ 257; 2. „Голосъ вѣры“ 170; 2).

См. еще „Гусли“ 256; 3. 455; 3. „Сборн. духовн. стих.“ 96; 2. 160; 2. 196; 4. „Голосъ вѣры“ 25; 4. 91; 4. 122; 3—4. 125; 5. „Собр. стихотвореній“ 72; 2. 79; 1. „Любимые стихи“ 18; 2. „Приношеніе правосл. христіанамъ“ 37; 5. 63; 3 и др.

4) Слѣдовательно, *крестъ—орудіе нашего спасенія*, какъ сами сектанты поютъ о немъ въ пѣснѣ: „*Выше свѣтилъ небесныхъ*“ ..

„Христось для насъ оставилъ
 Славу небесъ,
 Крестомъ Отъ насъ избавилъ
 Отъ вѣчныхъ слезъ“ („Голосъ вѣры“ 70; 2).

5) Поэтому *нельзя стыдиться св. креста*, а нужно защищать честь его, какъ и поютъ сектанты:

„Я не стыжусь возлѣтѣтъ
 Умершаго Христа,
 Его велѣнья защищать
 И мощь Его Креста“ („Гусли“ 568; 1).

Или: „Твердо стой, народъ Христа,
 Не страшись враговъ креста
 Ни нападокъ міра!
 Облекись, народъ Христа,
 „Идя въ бой за честь креста“ („Гусли“ 554; 1 и 3).

Или: „Ужъ скоро Господь насъ введетъ въ Хаанаъ;
 „Туда лишь войдетъ, кто съ Христомъ здѣсь страдалъ,
 Креста не стыдился, свидѣтелемъ стать“ („Гусли“ 472; 5).

6) Сектанты сами поютъ, что должно съ вѣрою, любовью и надеждою взирать *на тотъ именно крестъ, на которомъ пострадалъ Спаситель міра*, ибо это крестъ будить въ душѣ чловѣка сознаніе своей вины предъ Богомъ, подаетъ надежду и утѣшеніе всѣмъ юдямъ въ ихъ земныхъ скорбяхъ. Такъ, напр., они поютъ:

„Когда я поднимаю взоръ
 На крестъ, гдѣ Божій Сынъ страдалъ.
 Я сознаю грѣха позоръ,
 Стыжусь того, что почиталъ“ („Гусли“ 427; 1).

Или: *„И въ радости и въ горь жизни“...*
 Мудрецъ, тебя томить тревожное сомнѣнье?
 Безвѣстенъ путь и цѣли нѣтъ?
Взгляни съ любовью на крестъ:
 Въ немъ всякой тайны разрѣшенъе.
 Страдалецъ, ты отвергъ надежду на спасенье?
На крестъ съ надеждою взгляни
И взоръ останови, душою отдохни:
Въ крестъ твое успокоенье.
 Богачъ! томишься ты тоскою пресыщенья?
 Чтобъ утомленною душою отдохнуть,—
Взгляни на крестъ, и твой безцѣльный путь
Въ немъ цѣль найдетъ и утѣшенъе“ („Гусли“ 41; 2—4).

См. еще „Гусли“ 40; 2. 275: 1. „Сборн. духов. стих.“ 224 и 225. „Духовн. пѣсни“ 44; 2.

Въ послѣднихъ пѣсняхъ ясно воспѣвается вещественный крестъ, тотъ именно, „гдѣ Божій Сынъ страдалъ“.

7) Не менѣе же ясно выражаютъ сектанты желаніе быть ближе къ тому кресту, „гдѣ умеръ за нихъ Господь“, къ кресту, на которомъ „льется потокъ живой крови, чистый и святой“. Такъ въ пѣснѣ: *„О, Господи, я Твой“* сектанты поютъ:

*„Ближе къ Твоему кресту,
 Гдѣ Ты умеръ за меня,
 Господи, влечи меня“.* („Гусли“ 454; 2).

Другая молитвенная пѣсня сектантовъ, въ которой они воспѣваютъ и восхваляютъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, настолько характерна, что мы приведемъ ее цѣликомъ.

*„Есть для плочущихъ земли
 Мѣсто у креста;
 Братъ мой страждущій, займи
 Мѣсто у креста;
 Сердце все Христу открой,
 Отгони прочь страхъ людской.
 Даль тебѣ Спаситель твой
 Мѣсто у креста.
 Не опаздывай въ пути:
 Отдыхъ у креста;
 Поспѣвши скорѣй найди
 Мѣсто у креста.
 Если скорбь въ твоей груди,
 То къ Спасителю прійди
 И покой души найди
 У Его креста.“*

Беззаботныя! Скорѣй
 Станьте у креста;
 Богъ вамъ далъ въ любви Своей
 Мѣсто у креста.
*И взгляните, какъ струей
 Лется тамъ потокъ живої
 Крови чистой и святой,
 Крови со креста.*

Вѣчная любовь зоветъ
 Всѣхъ подъ сѣнь креста
 И для каждаго найдетъ
 Мѣсто у креста.
*Тамъ свершились чудеса,
 Намъ открылись небеса
 И умолкнула гроза
 Тихо у креста“!*

Въ приведенныхъ сектантскихъ пѣсняхъ настолько ясно восхваляется крестъ вещественный, что сектанты никакъ отрицать этого уже не могутъ, ибо здѣсь они ясно поютъ о томъ крестѣ, „гдѣ Божій Сынъ страдалъ“, приглашаютъ „взглянуть и взоръ остановить на крестѣ“, выражаютъ пламенное желаніе быть „ближе ко кресту“¹⁾, „гдѣ за нихъ умеръ Христосъ“, и приглашаютъ другихъ занять мѣсто у того именно креста, на которомъ лился „потокъ крови чистой и святой“, ибо этотъ крестъ подаетъ людямъ успокоеніе и утѣшеніе, такъ какъ чрезъ него совершенно спасеніе людей. Разумѣть въ приведенныхъ пѣсняхъ крестъ въ духовномъ или переносномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ страданій Христа, уже и сами сектанты не могутъ, не впадая въ ересь докетовъ, ибо Христосъ не на духовномъ крестѣ страдалъ, не на духовномъ крестѣ лилась пречистая Его кровь, не на духовномъ крестѣ и умеръ Онъ за насъ, а на видимомъ, вещественномъ.

Итакъ сектанты, отвергая почитаніе святаго креста и часто поступаая съ нимъ, „какъ враги креста Христова“ (Фил. 3; 18), въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ восцѣвуютъ его, какъ великую святыню вѣры, и этимъ сами себя жестоко обличаютъ. Не приведетъ-ли это ихъ къ той спасительной мысли, что „слово о крестѣ *для погибающихъ* юродство есть, а для насъ, спасаемыхъ, сила Божія“ (1 Кор. 1; 18)?

М. Пальневъ.

1) Отъ котораго сами бѣгутъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Нѣсколько словъ о епископахъ, какъ о государевыхъ думныхъ людяхъ, и о государственномъ совѣтѣ Царя.

„Всѣ мы, христіане, и любомудрствующіе, и въ простотѣ смиренномудрствующіе, да не забываемъ никогда, что Христосъ есть не только истина, но и жизнь... Не скажетъ-ли мнѣ кто нибудь: это истина Божія; предоставляемъ ее богословамъ; намъ предлежитъ подвигъ о истинѣ естественной, полезной для человѣка и для общества, человѣческаго.—А мнѣ, братія, предлежитъ забота и подвигъ о томъ, чтобы вы не отстраняли отъ себя истины Божіей. Для чего хотять разсѣкать истину? Разсѣкать значить убивать! Нѣтъ жизни безъ единства. Истина божія и Христова не есть ничто постороннее для истины естественной, полезной человѣку и обществу человѣческому“ 1)...

I.

Въ государственной жизни царства Русскаго случались попытки измѣнить его самобытные государственные устои—Православіе и Самодержавіе Царя. Но попытки такія были противонародныя, исходили не отъ народа русскаго, а были лишь подлѣнно обставленныя властолюбивыя стремленія отдѣльных лицъ или—отчужденныхъ отъ народа русскаго, отдѣльных группъ, честолюбіе коихъ не находило себѣ удовлетворенія въ существующемъ русскомъ государственномъ устройствѣ.

Въ виду нынѣ наэрѣвшихъ и заявляемыхъ обширныхъ и

1) Государственное ученіе Филарета, Митрополита Московскаго. Изд. 1885 г. стран. 55 и 52.

существенныхъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной жизни, поучительно посмотрѣть: какъ относились представители православно-христіанскаго міра—епископы русскіе къ началамъ, къ устоямъ важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры Престола.

Такая историческая справка особенно благовременна теперь, когда, по недавно обновленному устройству Государственнаго Совѣта Русскаго Царя, является вполне законнымъ и выражается потребность введенія въ этотъ Царскій Совѣтъ болѣе жизненныхъ и дѣятельныхъ элементовъ русскаго міра.

Исторія коренныхъ основъ государства Русскаго, — *Православія* и *Самодержавія*, — убѣждаетъ, что *бытіе православныхъ Епископовъ въ Государственно-мъ Совѣтѣ* православнаго Русскаго Царя является существеннымъ элементомъ не только для отдѣльныхъ отраслей и нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ жизни государства русскаго, а *имѣетъ великое значеніе общегосударственное*, самой существенной важности, особенно увеличивающейся во времена установленія всякихъ государственныхъ преобразованій...

Правильныя понятія о государственной власти и о благоустроенныхъ государственныхъ отношеніяхъ народъ на Руси получили именно отъ Представителей церкви православной. Отъ нихъ онъ услышалъ библейскую проповѣдь, что властитель народа—не представитель только избранной дружины, не выбранный толпою народа, а *избранникъ* и *судья божій*. Представители же церкви развивали въ русскомъ народѣ всѣ начала гражданственности, начала права и справедливости. Первые русскіе христіанскіе князья, отводя широкое поле для дѣйствій духовнаго суда по дѣламъ и отношеніямъ гражданскимъ, открывали тѣмъ свободный просторъ вліянію Представителей церкви на жизнь семейную, общественную и государственную, словомъ—*на всю сторону гражданскаго быта*. И,—удостоверяетъ маститый профессоръ изслѣдователь ¹⁾,—надо отдать справедливость предстоятелямъ и служителямъ церкви въ томъ, что они, видѣруя и проводя въ русскій государственный строй идеи гражданскаго уклада, не посягали при этомъ на отличительныя особенности русскаго народа и на права государственной власти. Предстоятели русской церкви, Епископы, были *первыми и главными* сподвижниками русскихъ князей въ собираніи русской земли и насажденіи въ

¹⁾ Профес. Т. В. Барсовъ: Проекты улучшенія въ нашемъ церковномъ управленіи. Изд. 1895 г.

ней идей и началъ Самодержавія. Такъ въ періодъ удѣльной разрозненности и во времена монгольскаго ига, власть всероссійскаго митрополита, опиравшаяся на власть епархіальныхъ епископовъ, была единственнымъ оплотомъ, противостоявшимъ ужасамъ междоусобицы и бѣдствіямъ татарскаго погрома. И эта власть взлелѣяла русское государство и его властителя до подобающаго роста и могущества. Подъ сѣнію Христовою представители церкви воспитали русское государство до роста Московскаго царства и возвысили власть князя, какъ помазанника Божія, до Московскаго Самодержавія“...

Оттого-то *епископы* церкви, съ митрополитомъ и потомъ патриархомъ во главѣ, были *главными и любимыми совѣтниками, думными людьми* Князей и Царей русскихъ, пользуясь ихъ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ. Князь и Царь считалъ своего *епископа* своимъ отцомъ и богомольцемъ, во всемъ съ нимъ *совѣтывался*, совѣщался, всѣ дѣла обдумывалъ и велъ съ его благословенія, всѣ грамоты и указы скрѣплялись подписью и печатью епископа, или митрополита, а потомъ патриарха. Предметы совѣщаній и кругъ вопросовъ обсужденія были *всесторонни*. Результатомъ такихъ *совѣщаній* были грамоты и указы, въ коихъ отмѣчалось, что они составлены или изданы „по благословенію“, „по *совѣту*“ съ *епископомъ*, митрополитомъ или патриархомъ, а иногда писалось просто: „Мы, Великій Государь, *совѣтовавъ* (или сгадавъ) съ Святѣйшимъ Отцомъ нашимъ и богомольцемъ... указали“... ¹⁾.

Въ государствованіи Царя Московскаго ему помогали: боярская дума, какъ постоянное при Царѣ *совѣщательное* учрежденіе, и еще Земскіе *Соборы*, какъ временное *совѣщательное* собраніе всѣхъ государственныхъ чиновъ, созываемыхъ въ такое время, когда правительство и государство были въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго хотѣли выйти при помощи народа, или же когда хотѣли точнѣе узнать народныя нужды, народную мысль и народный совѣтъ... Дѣятельное участіе въ этихъ царскихъ *совѣщательныхъ* учрежденіяхъ принимали представители церкви православной, *епископы*. Подъ вліяніемъ тѣсной связи мірскихъ правителей съ церковными, сложился, еще отъ временъ Владиміра Святаго, обычай приглашать въ Думу „*властей*“, какъ называли въ древности высшихъ представителей церкви. И Епископы считались дѣйствительными членами *совѣщательной царской думы* по своему сану и присутствовали въ ней иногда

1) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Части I—IV.

даже цѣлымъ „освященнымъ соборомъ“. Когда присутствовать въ Думѣ одинъ высшій іерархъ, бумаги, бывшія результатомъ такого собранія, имѣли обыкновенно такое надписаніе: Великій Государь, *совѣтовавъ съ святѣйшимъ патріархамъ* (или митрополитомъ) и говоря съ бояры, указалъ“... — Когда же собирался цѣлый „освященный соборъ“ представителей церкви въ царскую Думу, то такое присутствіе называлось „Соборомъ“, и акты его надписывались такъ: „Мы, Великій Государь, *совѣтовавъ съ отцомъ своимъ богомольцемъ* (такимъ-то) *и со всѣмъ освященнымъ соборомъ* и со всѣми бояры и думными людьми, приговорили“...¹⁾. — На этихъ *совѣщаніяхъ* дозволялось высказываться свободно по убѣжденію и *мнѣніемъ представителей церкви особенно дорожили цари русскіе*, потому что духовные члены Думы Царской всегда *были охранителями народныхъ интересовъ и монархическихъ началъ*, содѣйствуя мирному устроенію государотвеннаго порядка. Епископы, какъ представители идеаловъ высшихъ, стремились отратить внѣшнія столкновения государства, сохраняя при томъ достоинство отечества, и старались они умиротворять всякія внутреннія волненія, силою своего всесторонняго вліянія подерживая существующій гражданскій порядокъ...

И много вѣковъ жизнь русскихъ людей текла подъ главнымъ воздѣйствіемъ великихъ неизмѣнныхъ началъ православнаго христіанства, проводимыхъ въ жизнь представителями Церкви. Эти начала соответствовали природнымъ свойствамъ русскаго народнаго духа и сдѣлались главною основою всего міросозерцанія частной и общественной жизни до-Петровской Руси, когда вѣра одушевляла всѣ стороны гражданскаго быта, всѣ отрасли государственнаго строя...

II.

Но вотъ за преобразованія учрежденій, сословій, быта Православной Руси, которыя уже были подготовлены тихимъ обособленнымъ историческимъ развитіемъ жизни и шли постепенно,—

1) Профес. В. О. Ключевского: Боярская Дума древней Руси. Изд. 1883 г., стр. 501. «Предложеніе комиссіи бояръ и выборныхъ служилыхъ людей *объ отмятѣ мѣстничества* въ 1682 году обсуждалось Государемъ съ боярекою Думою и *освященнымъ соборомъ*, который состоялъ изъ патріарха, шести митрополитовъ, трехъ архіепископовъ и трехъ архимандритовъ. Въ иной разъ Освященный Соборъ въ Думѣ состоялъ изъ митрополита, одиннадцати епископовъ, 39 архимандритовъ и игуменовъ и 9 старцевъ изъ важнѣйшихъ монастырей»...

въ XVIII вѣкѣ беретя Петръ I, не получившій религіознаго воспитанія древняго благочестія своихъ царственныхъ предшественниковъ и не проникнутый духомъ всѣхъ исконныхъ идеаловъ русскаго народа. Нѣсколькими счастливыми военными побѣдами онъ заставляеть Европейскія державы считаться съ Россіею, какъ силою имъ равною, и страшною, ничѣмъ необуздываемою энергіею своей воли, формально преобразовываетъ весь патріархальный строй Россіи по всякимъ западнымъ иностраннымъ образцамъ. Не имѣя подготовки русскаго государственнаго челоуѣка, Петръ Великій велъ реформы съ стремительною быстротою и рѣзкимъ насиліемъ, часто *безъ достаточныхъ знаній условій и потребностей дѣйствительности именно русской*; онъ обусловливалъ и пропикалъ новыя государственныя установленія своею абсолютною волею. *Совѣщательства* съ думою боярскою и епископами, какъ съ учрежденіемъ государственнымъ, петровскій принципъ абсолютизма терпѣть не могъ, и онъ уничтожилъ эту *совѣщательную* думу...— Только черезъ сто лѣтъ *возстановилъ ее* въ усовершенствованномъ образѣ императоръ Александръ Благословенный *съ именемъ „Непремѣннаго Государственнаго Совѣта“* Русскаго Царя...

На церковь православную Петръ I смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія, какъ на учрежденіе правительственное. Поэтому основы преобразованныхъ имъ мірскихъ учреждений онъ перенесъ и въ область Церкви. Патріархальное отношеніе высшихъ Представителей Церкви къ Верховной государственной Власти казалось Петру I неправильнымъ и небезопаснымъ для его абсолютизма, и со смертію патріарха Адріана онъ не дозволилъ выбрать новаго патріарха, а подчинилъ Церковь общей своей государственной системѣ, сдѣлавъ духовное правительство такою же коллегіею, какими въ основѣ были прочія коллегіи государственнаго управленія, имъ учрежденныя. Члены Синода,—духовной коллегіи,—сдѣланы были такими же просто начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ члены прочихъ коллегій въ ихъ управленіяхъ, даже съ одинаковыми, какъ во всѣхъ коллегіяхъ, названіями президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассесоровъ...

Но на практикѣ и Петръ Великій не смогъ обойтись безъ совѣщательства съ подходящими людьми русскими и сначала учредилъ для этого себѣ „Ближнюю Канцелярію“, а потомъ „Сенатъ“, которому поручилъ нѣкоторыя функціи „Боярской Думы“... Также къ *совѣтамъ* и содѣйствию *епископовъ* православныхъ обращался весьма не рѣдко и Петръ I, высоко цѣня и чтя ихъ указанія, какъ напримѣръ Святителя Митрофанія Воронежскаго, Питирима Нижегородскаго, Тихона Казанскаго, Іова Новгородскаго, Св. Ди-

митрія Ростовскаго, Филоея (Лещинскаго) Тобольскаго и проч. Ихъ дѣятельности Петръ I ревностно содѣйствовалъ и *и нерѣдко уступалъ имъ и слушалъ ихъ совѣтовъ*. Поглощаясь и надрываясь своею непрерывною лихорадочною реформаторскою дѣятельностію, Петръ I всетаки урывалъ время даже для переписки съ Епископами Церкви (напримѣръ съ Филоеємъ Тобольскимъ, Митрофаніємъ Воронежскимъ и проч.) и рѣшительно *требовалъ полного содѣйствія имъ губернаторовъ, комендантовъ и всѣхъ государственныхъ властей...*

Въ благодѣтельное для Россіи царствованіе дочери Петра Великаго, Императрицы Елисаветы Петровны, отношеніе Верховной Власти къ Представителямъ Церкви православной было столь сочувственно, столь *внимательно совѣщательно*, что цѣлый сонмъ пастырей и Архипастырей въ Петербургѣ, въ Москвѣ и по всей Россіи подбираютъ восторженныя сравненія за сравненіями, чтобы представить достойный образъ благочестивой Царицы и всетаки сознаются, что они не въ состояніи достаточно выразить это. Они возводятъ Елизавету Петровну на недостигаемую высоту политическаго и гражданскаго мужества, находятъ въ ней всевозможныя добродѣтели. Они находятъ въ ней непобѣдимое мужество, сердце героическое, премудрость высокую, любовь и милосердіе къ отечеству безприкладныя и считаютъ ее достойной не одной, а тысячи коронъ. Они указываютъ на ея пламенную любовь къ Богу, благочестивую ревность къ православію, терпѣніе, крѣпкое упованіе на Бога, любовь къ ближнимъ и свидѣтельствуютъ, что одно созерцаніе ея духовной красоты просвѣтляетъ потемненное сердце. Они уподобляютъ Императрицу Елисавету „солнцу, которое темными облаками окружаемо бываетъ, но не помрачается“,—они величаютъ ее „*воскресеніемъ русскаго народа*“... И столь восторженныя превозношенія Царицы по всей Россіи представителями церкви были искренними краснорѣчивыми выраженіями „всенародныхъ чувствъ и восторженной настроенности, одушевлявшихъ и все духовное сословіе“ 1). Сообразно духовному настроенію Государыни дѣйствовали тогда и лучшіе люди изъ всѣхъ сословій и званій, не исключая и высшаго образованнаго общества—князей, графовъ и лейбъ-гвардейцевъ. А сама Императрица издавала указы, коими „*губернскія канцеляріи и губернаторы обязываемы были дѣйствовать согласно и совмѣстно съ мѣстными прео-*

1). Законодательство Импер. Елисаветы Петровны Правосл. Обзор. 1865 г. томъ 17, стр. 70—73.

священными *епископами* ко благу церкви Христовой“¹⁾.—Это былъ даже *болѣе совѣщательное* отношеніе съ *епископами* церкви, чѣмъ въ засѣданіяхъ Царской Думы. И въ благодѣтельное, славное царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны по истинѣ— „*Россія пришла въ себя!*“²⁾...

Фактически нерѣдко и въ послѣдующія царствованія Государя русскіе *обращались къ совѣтамъ епископовъ церкви*...—Размѣръ срочной статьи лишаетъ возможности представить подробное описаніе всѣхъ свидѣтельствъ, удостоверяющихъ высказанное. Но нельзя не напомнить для примѣра того всесторонняго и громаднаго вліянія даже у *трехъ императоровъ XIX вѣка*, которымъ пользовались *совѣщательныя указанія*, напримѣръ, *митрополита Филиппа Московскаго*. Святителю этому довѣряемы были самыя важныя государственныя тайны и давали для просмотра и для *отзыва* проекты по всѣмъ важнымъ государственнымъ предметамъ. Онъ излагалъ свои *совѣты и сужденія* по проектамъ крестьянскихъ, судебныхъ, земскихъ и прочихъ установленій и преобразованій: онъ участвовалъ даже въ составленіи знаменитаго манифеста объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ... Только *совѣты и совѣщанія* такія съ представителями церкви, съ опытными и достойнѣйшими *епископами*, носятъ характеръ не оффиціальныи, болѣе келейныи и, разумѣется, возбуждали и могутъ возбуждать зависть и разныя нареканія...

III.

Восемь вѣковъ благотворно существовавшее на Руси *постоянное совѣщательное* учрежденіе для обсужденія Князьями и Царями всѣхъ дѣлъ княжества и царства,—Думу боярскую, съ *присутствіемъ въ ней епископовъ* церкви,—уничтожилъ стихійнымъ характеромъ своихъ преобразованій Петръ I. „Съ X и до XVIII вѣка, — свидѣтельствуемъ компетентный изслѣдователь предмета з),—боярская дума стояла во главѣ, была маховымъ колесомъ, приводившимъ въ движеніе весь правительственный механизмъ, *регулировала все отношенія*. Съ половины XV вѣка это учрежденіе было творцомъ сложнаго и во многихъ отношеніяхъ

1) I Полн. Собран. Закон. Росс. Имп. т. XII. № 9446. Также Правосл. Соб. 1868 г. Проф. Малова о мечетяхъ.

2) Исторія Россіи. С. Соловьева, изд. 1874 г. т. 24, стр. 420.

3) В. Ключевскаго: Боярская дума древней Руси. Изд. 1883 г. стр. I.

величественнаго государственнаго порядка, установившагося на огромномъ пространствѣ Московскои Руси, того порядка, который только и сдѣлать возможными смѣлыя внѣшнія и внутреннія предприятия Петра, даль необходимыя для того средства, людей и самыя идеи: даже идеи Петра, по крайней мѣрѣ основныя, наиболѣе плодотворныя изъ нихъ—выросли изъ Московскаго государственнаго порядка и достались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ съ выдержаннымъ, удивительно дисциплинированнымъ политически обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь“... Но, уничтоживъ многовѣковое учрежденіе—Думу,—Петръ I не могъ уничтожить потребностей, дававшихъ жизнь этой Царскои Думѣ; и такъ какъ жизненная дѣйствительность не оставляла требованія *совѣщательнаго* обсужденія многихъ дѣлъ государственныхъ, то и самъ Петръ Великій, и преемники его въ XVIII вѣкѣ, учреждали при себѣ случайныя совѣщательныя органы, подъ разными наименованіями „Тайныхъ Совѣтовъ, Канцелярій, Конференцій, Экспедицій при Высочайшемъ Дворѣ“... Только *епископы церкви въ такихъ временныхъ* учрежденіяхъ уже не участвовали, и всѣ тѣ учрежденія оказались вредными для Царей и государства. По порученію Императрицы Екатерины II разобравшій дѣятельность цѣлаго ряда тѣхъ *временныхъ* Совѣтовъ, извѣстный патріотъ графъ Панинъ свидѣтельствуетъ, что въ цѣломъ рядѣ, только по названію смѣнявшихъ другъ друга „Тайныхъ Совѣтовъ“, „Кабинетовъ“, „Конференцій“ при Высочайшемъ дворѣ наблюдались не законы и порядокъ, а *угодничество фаворитамъ* и припадочнымъ людямъ... Случайныя временщики и куртизаны пользовались сими домашними учрежденіями для своихъ видовъ, дѣлали ихъ гнѣздомъ своихъ прихотей, чѣмъ учрежденія тѣ претворялись въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому Государю. Вредный государству, потому что изъ нихъ стали выходить всѣ сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, уставы, его порядокъ, его пользу подъ формою указовъ и повелѣній; вредный самому Государю, потому что тѣ сами, кои такія коварныя средства употребляютъ, *для прикрытія себя* предъ публикою, употребляя имя Государево, особенно стараются возлагать на счетъ собственнаго Государеваго соизволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили“... 1) Дума Царская съ присутствіемъ епископовъ такъ не дѣйствовала!..

Временныя экзерциціи XVIII вѣка приводили только къ раз-

1) Исторія Россіи С. Соловьева. Изд. 1881 г. том. XXV, стр. 166 - 175.

нымъ „Тайнымъ экспедиціямъ“, не помогавшимъ, а вредившимъ Верховной Власти, дѣйствительность же русской жизни и послѣ Петровскихъ преобразованій все—таки требовала *постояннаго совѣщательнаго* учрежденія съ исконными неизмѣнными началами русскаго царства; поэтому однимъ изъ первыхъ дѣлъ по воцареніи идеальнѣйшаго Государя Александра I Благословеннаго является учрежденіе *постояннаго „непремѣннаго“* Государственнаго Совѣта для разсужденія, соображенія и уваженія дѣлъ государственныхъ“. Этимъ возрождена была Боярская Дума Русскихъ Царей, которая также была органомъ обсужденія и соображенія всѣхъ дѣлъ, рѣшенію Верховной Власти подлежащихъ. Составъ Государственнаго Совѣта изъ особо назначаемыхъ въ него Государемъ высшихъ сановниковъ со включеніемъ въ ихъ число и министровъ, также аналогиченъ составу Царской Думы, членами коей были и начальники „приказовъ“—министерствъ того времени. Такимъ образомъ, являясь *непремѣннымъ учрежденіемъ совѣщанія* Государей по дѣламъ высшаго Правительства, Государственный Совѣтъ оказался усовершенствованнымъ возсозданіемъ древней Царской Думы Боярской. Этотъ Государственный Совѣтъ, какъ высшее *совѣщательное* при Государѣ учрежденіе, отвѣчающее государственнымъ потребностямъ, имѣющее задачу сообразовать всѣ части управленія въ ихъ главныхъ отношеніяхъ къ законодательству, оказалъ большіе услуги Россіи. Но при его учрежденіи, онъ не былъ устанавленіемъ исполнѣ законовъ, недопускавшимъ дополненій практическихъ. Такъ уже въ 1810 году самимъ учредителемъ его дано было ему лучшее устройство; затѣмъ еще послѣдовали въ немъ улучшенія въ 1842 году и еще въ 1901 году. Основы же его незыблемы и выражены между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ „Наказа“ ему отъ Императора Александра I: „Мы желаемъ, чтобъ Совѣтъ нашъ въ разсужденіяхъ его проникнуть былъ благотворительною силою и во всѣхъ его движеніяхъ *воодушевленъ былъ духомъ любви къ человечеству и всеобщему порядку...* Оградивъ два первыя состоянія подданныхъ Нашихъ непоколебимыми правами и преимуществами,... Мы призываемъ Совѣтъ въ разсужденіяхъ его о внутреннемъ гражданскомъ устройствѣ имѣть въ виду, чтобы разными постановленіями *вдохнуть духъ жизни и бодрости* во всѣ состоянія людей... Законъ безъ нравовъ не можетъ имѣть другаго дѣйствія, кромѣ принужденнаго, насильственнаго, а потому всегда слабого. Нравы же укореняются и превращаются въ общее народное свойство просвѣщеніемъ большей части гражданъ; но какъ *есть просвѣщеніе истинное и просвѣщеніе ложное*, Мы при-

зывается Совѣтъ, *отличивъ ихъ между собою*, постановить твердыя начала къ возрожденію перваго и уклоненію втораго... Впрочемъ, *сердцемъ*, отвергнутымъ къ общему благу и *исполненнымъ любви* къ отечеству, призываемъ Мы Бога Всемогущаго, да мудростію Своею Святою пріосвѣтитъ всѣ начинанія Совѣта, да всѣдѣйствующею Его благодатію всѣ движенія сего избраннаго соловія будутъ направляемы къ силѣ и блаженству Имперіи и къ единой Славѣ Царя царствующихъ“ 1).

Въ этихъ возвышенныхъ основныхъ положеніяхъ „Наказа“ прекрасно и ясно выраженъ духъ основныхъ принциповъ, коими жива и сильна Россія:— „*Любовь* къ отечеству, *честь*“ на правду основанная, непрестанное *попеченіе о благе народномъ*, *вѣрность* *исконнымъ началамъ* государственнаго правленія, да пребудутъ и впредь руководствомъ дѣятелей Совѣта по достохвальному завѣту минушаго“ 2).—Вотъ какъ еще заключаетъ юбилейную Высочайшую Грамоту Государственному Совѣту и въ 1901 году нынѣ благодѣтельно царствующій Государь Императоръ.

VI.

Государственный Совѣтъ въ настоящее время составляется изъ особъ, Высочайшимъ довѣріемъ въ Совѣтъ призываемыхъ и, разумѣется, особы эти своими государственными „*познаніями и отечественными расположеніями*“ должны *соотвѣтствовать основнымъ началамъ* государства русскаго. А если ожидается польза отъ особъ разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, которыхъ дѣятельность всегда бываетъ специализированною и подчиненною многимъ временнымъ требованіямъ и настроеніямъ человѣческимъ, то отъ познаній и расположеній *епископовъ* православныхъ должно ожидать еще *большой пользы* государству христіанскому. *Епископы* имѣютъ руководствомъ *на всѣ вѣки неизмѣнныя* Божественныя начала закона Христова, высшія надъ всѣми началами человѣческими. Кто же можетъ лучше ихъ *„вдохнуть жизнь и бодрость во всѣ состоянія людей“*, кто можетъ лучше ихъ давать совѣты для *воспитанія нравовъ* по высокимъ правиламъ царскаго Наказа Государственному Совѣту?.. Добрые же нравы укореняются не всякимъ и не ложнымъ просвѣщеніемъ, а только истиннымъ. „Мы

1) Архивъ Государственного Совѣта, том. третій. Изд. 1878 г. стр. XXIV. Тип. 2 Отд. С. Е. И. В. канцеляріи.

2) Московскія Вѣдом. 1901 года № 127, стран: 1. Высочайшая Грамота Государственному Совѣту.

призываемъ Совѣтъ отличать истинное просвѣщеніе отъ ложнаго“, заповѣдуетъ Учредитель Государственнаго Совѣта. А высшее истинное просвѣщеніе находится именно въ законѣ Божіемъ, котораго Представителями и знатоками являются именно Епископы.

Навсегда подтвержденныя Государемъ Императоромъ въ руководство Государственному Совѣту *„любовь къ отечеству и вѣрность исконнымъ (монархическимъ) началамъ государственнаго правленія“*, вѣками неизмѣнно проявлены именно епископами русскими. Это обнаруживалось особенно въ самыя тяжкія времена монгольскаго ига, и въ смутныя, и даже въ царствованіе благодушныхъ Царей. Такъ, на примѣръ, въ царствованіе Государя Федора Алексѣевича, какую великую опасность для цѣлости Россіи и самодержавія отстранилъ патріархъ Іоакимъ только тѣмъ, что воспротивился подписать представленное ему, какъ члену Думы боярской, рѣшеніе ея о раздѣленіи государства на областныя намѣстничества съ *наслѣдственнымъ вѣчнымъ* намѣстничествомъ изъ великородныхъ бояръ, которые носили бы и титула тѣхъ царствъ,—Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и другихъ, гдѣ кто будетъ... Совѣтовали государю палатные бояре,—свидѣтельствуешь объ этомъ древній актъ,—¹⁾ чтобъ въ его царской державѣ, въ Великомъ Новгородѣ, въ Казани, въ Астрахани, въ Сибири и другихъ мѣстахъ быть царскимъ намѣстникамъ великороднымъ боярамъ *вѣчно* и титула имъ тѣхъ царствъ имѣть. И на сіе дѣло Государь наволить и тому всему, гдѣ кому быть, тетрадь, за помѣткою думнаго дьяка къ св. патріарху прислана, чтобъ онъ на то дѣло далъ благословеніе и въ исполненіи его помогаль. Іоакимъ патріархъ еще и многую трудность имѣлъ отъ желающихъ этого палатскихъ подустителей, но *никакъ не допустилъ и возбранилъ всеконечно это дѣлать*, для того, чтобъ учиненные намѣстники великородные люди, по прешествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатятся и *пренебрегши московскихъ царей самодержавствомъ*, не отступили и *единовластія* не разорили“...—Это былъ проэктъ, благовидно замышлявшій расчлененіе Русскаго царства и Единодержавія, а патріархъ *„всеконечно воспротивился“* подписать его, возбранилъ исполнить, потому что, по мнѣнію его, вѣчныя, родовые, несмѣняемые намѣстники, разгордѣвъ, разрушили бы Единовластіе на Руси, подѣлили бы между собою Верховную власть, а царство, раздѣлившись на части, тогда не со-

¹⁾ Архивъ истор. юрид. свѣдѣній, изд. Калачевымъ Кн. I Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. 1878 г. том. 13, стр. 302.

стояло бы долго по слову Евангелія. И ни просьбы, ни угрозы бояръ изъ „попустителей палатскихъ“, не могли склонить Епископа Патріарха на согласіе съ вреднымъ для Отечества проектомъ, и, *благодаря энергичному противодѣйствию только одного этого думскаго епископа, тотъ разрушительный проектъ не былъ осуществленъ, и тѣмъ православное епископство еще разъ спасло Россію и ея Единодержавіе!*.. ¹⁾

И въ настоящее время для *призыва опытнѣйшихъ русскихъ епископовъ въ члены совѣщательнаго государственнаго совѣта*, какъ въ боярскую Думу Царей Русскихъ, *нѣтъ ничего претящаго и по обновленнымъ правиламъ его учрежденія*. По редакціи 1901 года параграфа 2-го „Государственный Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностію въ сословіе сіе призываемыхъ“.—Это даетъ полную возможность безъ всякихъ дополненій въ правилахъ Государственнаго Совѣта призывать въ это совѣщательное Царское учрежденіе и опытнѣйшихъ *Епископовъ русскихъ*, какъ особъ пользующихся Высочайшею довѣренностію.

Побужденій же къ призыву въ современный совѣщательный Совѣтъ Государей русскихъ *епископовъ, какъ лучшихъ думныхъ мужей отечества*, кромѣ вѣскихъ соображеній историческихъ, весьма много и въ окружающей насъ современности. Въ подтвержденіе этого здѣсь достаточно указать на *побужденія къ совѣщательству съ епископами* церкви русской, вытекающія изъ обнародованнаго Высочайшаго Манифеста „объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни“ ²⁾. Въ современной дѣйствительности и Высочайшій Манифестъ свидѣтельствуешь „*волнующую умы, смуту, постоянную отчасти замыслами враждебными государственному порядку, отчасти и увлеченіемъ началами чуждыми русской жизни*“... Въстѣ съ тѣмъ Высочайшій Манифестъ, признавая потребностію „незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, предназначиваетъ 1. Укрѣпленіе завѣтовъ вѣротерпимости съ благоговѣйнымъ почитаніемъ первенствующей и господствующей Православной Церкви“ ³⁾... 2. Дѣятельное проведеніе

¹⁾ Исторія Россіи. Соловьева. Изд. 1878 г. т. 13, стр. 302.—Боярская Дума. Ключевского. Изд. 1883 года. Стр. 482.

²⁾ Церкви. Вѣдомости при Св. Синодѣ 1903 г. № 9, стр. 55—57. Высочайшій Манифестъ 26 февраля 1903 года.

³⁾ Извращенныя толкованія вѣротерпимости до свободы совращенія повели къ тяжкимъ несправедливымъ поношеніямъ властей и церкви православной сначала на Орловскомъ съѣздѣ въ 1901 году, а потомъ и въ еже-

въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго *духовенства, усугубляя плодотворное участіе* священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы... 3. Пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи... 4. Преобразование губернскаго и уѣзднаго управления для усиленнаго непосредственнаго удовлетворенія *многообразныхъ* нуждъ земской жизни трудами *мѣстныхъ* людей... 5. Сближеніе общественнаго управления съ дѣятельностію *приходскихъ* попечительствъ *при православныхъ* церквахъ“...

Сосображенія всѣхъ вѣдомствъ, къ коимъ относится осуществленіе предначертаній этого Высочайшаго Манифеста, вмѣстѣ съ подтверждающимъ его Именнымъ Указомъ 12 декабря 1904 г. Правительствующему Сенату,—поступятъ на разсмотрѣніе, на соображеніе Государственнаго Совѣта. *А всѣ предметы* означенныхъ Царскихъ предначертаній для усовершенствованія государственнаго порядка и прочнаго строя мѣстной жизни на твердыхъ основаніяхъ *вѣры, закона и власти,* касаются церкви и вѣры православной, какъ всесторонняго бытоваго фактора мѣстной жизни... Ужели же ихъ обсуждать Царскому Совѣту безъ голоса, безъ мнѣнія Представителей церкви, безъ Епископовъ,—этихъ вѣрнѣйшихъ, правдивѣйшихъ Государевыхъ Думныхъ людей Царской Руси!?

Такое или иное, полное или неполное, истинное или поддѣльное освѣщеніе по предметамъ, упомянутымъ Высочайшимъ Манифестомъ, чрезвычайно важно и для Церкви, какъ собранія Общества правовѣрующихъ, и будетъ отражаться на дѣлахъ вѣры всего Общества благопріятно или неблагопріятно. Вѣрное же знаніе вѣры православной и исторіи церкви весьма скудно въ большинствѣ современныхъ и высшихъ мірскихъ членовъ Общества... Знаніемъ этимъ вполне обладаютъ Архипастыри Церкви.

Для надлежащаго обсужденія, всегда разнообразныхъ, пред-

дней печаті. Все это нарушило правильное теченіе жизни до того, что въ Поволжьи повело къ подачѣ массовыхъ прошеній крещеныхъ татаръ объ отпаденіи отъ христіанства. А благодатный отецъ Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій говоритъ объ этомъ волненіи между прочимъ такъ: „Благодаря проповѣдуемой нынѣ Стаховичами свободѣ совѣсти, многіе стали совсѣмъ жить безъ совѣсти: юноши, женскій полъ, мужья и жены, торговые аферисты, банкиры, отсюда жалкое разореніе многихъ. Вообще жизнь утратила у многихъ христіанскій характеръ и стала хуже языческой—отсюда происходятъ убійства, самоубійства, частые поджоги, отсюда неповиновеніе дѣтей родителямъ, оныхъ—старшимъ, начальству; выхлѣбать все наизнанку... Вотъ свобода совѣсти къ чему приводитъ“...

ставленій по выполненію предначертаній Высочайшаго Манифеста необходимо *вѣрное всестороннее* знаніе мѣстной жизни всего народа. А кто же изъ мірскихъ государственныхъ дѣятелей можетъ знать жизнь народа лучше и вѣрнѣе, чѣмъ Представители Церкви, Епископы?! Многие изъ русскихъ Епископовъ, ранѣе Архипастырства, сами были приходскими пастырями, жили непосредственно въ народѣ, одною общою жизнею съ народомъ. Имъ извѣстны условія и потребности жизни не по бумажнымъ отпискамъ и чужимъ представленіямъ всякихъ крамольныхъ статистовъ и не одного какого-либо сословія или положенія людей, а именно всѣхъ состояній и положеній, отъ низшихъ до высшихъ, всѣхъ членовъ прихода и епархіи... Кто же при всѣхъ такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ можетъ соотвѣтственнѣе, опытнѣе Епископовъ церкви обсуждать потребности народа и совѣтывать, какими мѣрами и установленіями противодѣйствовать нарушенію правильнаго теченія государственной жизни и увлеченію началами, чуждыми православнаго государства русскаго?!

По всему кратко здѣсь напомнимъ самому логическимъ естественнымъ слѣдствіемъ Высочайшихъ Царскихъ пожеланій *„свято блжсти въковые утѣю державы російской и укрѣпятъ порядокъ и правду въ русской землѣ на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти“*,—представляется необходимость слышать въ *совѣщательномъ* Царскомъ Государственномъ Совѣтѣ *голосъ епископовъ* православныхъ, какъ особъ пользующихся довѣріемъ Царя Православнаго. Это будетъ вполнѣ соотвѣтствовать и восьмисотлѣтней полезной государственной дѣятельности епископовъ русскихъ, какъ Государевыхъ думныхъ людей на святой Руси. Епископы русской церкви и государственною многовѣковою своею дѣятельностію доказали, что *„истина Божія, правда и путь епископовъ Христовыхъ—не суть ничто постороннее для истины и естественной, и для пути полезнаго челоуѣку и челоуѣческому обществу“*. „Христосъ есть путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. 14, 6).

Евставій Воронецъ.

Расколъ и православная миссія по епархіямъ.

Пенза.

Въ этомъ году послѣдуемъ, читатель, въ село Абашево, Наро-вчатскаго у. Пензенской губ. Село это—на границѣ епархіи, въ 8 верстахъ отъ г. Спасска, Тамбовской губ. И самый г. Спасскъ, и Абашево, и примыкающія къ Спасску деревушки и многія села—все это заражено расколомъ, стоитъ онъ здѣсь твердо и прочно на вредъ православію. Всѣ житейскіе обычаи, вся религіозная обрядность между православными тутъ въ этомъ уголкѣ чисто раскольничьи. Воздѣйствовать здѣсь на расколъ, во главѣ котораго стоятъ спасскіе кушцы и купчихи, нужно дѣятельной православной миссіей, а тутъ то ее и мало, такъ мало, что она дается этому краю—что называется—черезъ чась по столовой ложкѣ и къ тому же—при обстоятельствахъ для нея неблагоприятныхъ. Возьмемъ на этотъ разъ село Абашево. Здѣсь 2 храма—православный и единовѣрческій, и при нихъ два священника. Оба отцы состоятъ подъ судомъ, надъ обоими идетъ слѣдствіе, допросы о ихъ жизни, дѣятельности и пр.: согласитесь, что такое явленіе въ раскольническомъ селѣ болѣе чѣмъ ненормально и для православной миссии оно представляетъ величайшій тормазъ. Какая тутъ миссія, когда самого просвѣтителя приходскаго тянутъ къ суду и оправданію въ своихъ поступкахъ. Правда, и сами раскольники „не святые“, а главари ихъ продѣлываютъ такія вещи (см. мою книгу „Расколъ и его путеводители“, которыя съ дѣлами вѣры, хотя бы и раскольничьей ничего общаго не имѣютъ; но то расколъ, гдѣ царствуетъ беззаконіе и произволь, гдѣ свобода и страсти человѣческія гуляютъ на свободѣ и выражаются въ формахъ сообразно раскольничьей культурѣ; но иное дѣло, когда рѣчь идетъ о православной церкви. Достоинство и святость нашей церкви требуетъ порядка, законности и дѣйствительной пастырской дѣятельности. Православный священникъ не то, что раскольничій попъ или безионовскій на-

ставникъ, или же руководитель какой-нибудь сектантской общины. Не даромъ Св. Синодъ постановилъ, *чтобы въ приходы съ раскольническимъ и сектантскимъ населеніемъ члены причта были назначаемы съ особою осмотрительностію изъ лицъ, знакомыхъ съ духомъ и ученіемъ раскола и мѣстныхъ сектъ и не подверженныхъ слабостямъ...* вообще лицъ самыхъ надежныхъ по своей жизни, а у насъ въ раскольническія селенія и доселѣ назначаютъ и священниковъ, и псаломщиковъ такихъ, которымъ совсѣмъ не мѣсто быть тамъ. Они не только не способны быть тамъ, съ пользою для православнаго дѣла, но прямо таки вредны въ такихъ приходяхъ. И недоумѣнно и удивительно, какъ могутъ совершаться такія назначенія въ раскольничьи приходы... Конечно, и въ православномъ приходѣ нуженъ хорошій священникъ, но въ расколо-сектантскомъ тѣмъ паче. Вся бѣда у насъ вообще въ томъ, что мы смотримъ на свою должность, какъ на богадѣльную или пріютъ. Этотъ странный, чтобы не сказать больше, взглядъ на службу господствуетъ не только въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ, но и во всѣхъ другихъ. Отъ этого и дѣло страдаетъ. Возьмите, напр., старика-священника: у него едва ноги передвигаются, говоритъ шопотомъ, зрѣніе при двухъ очкахъ ничего не даетъ. Какой онъ законоучитель, миссіонеръ и служитель въ приходѣ? Дѣло однако не стоитъ, батюшку требуютъ и на уроки, и на потребу, просятъ и заказную службу совершить. А тамъ въ селѣ появился расколъ или сектантство—вотъ и портится приходъ. Престарѣлый батюшка кричитъ отъ старческой немощи, кутается въ двѣ шубы, а прихожанъ его поядаютъ чуждіе волки, пришедшіе въ одеждѣ овчей. И такимъ образомъ епархіальное начальство жертвуетъ для единаго лица цѣлымъ достояніемъ всего прихода: на одно лице мѣняетъ сотни, тысячи людей Божіихъ, за которыхъ Христосъ пролилъ кровь Свою. Ради одного старца, котораго давно уже пора уволить въ заштатъ, на пенсію, епархіальное начальство оставляетъ приходъ, иногда въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, безъ должнаго наученія и дѣятельности пастыря. Какъ тутъ не плодиться расколу, какъ не охладѣтъ православнымъ къ церковному богослуженію, когда пастырь является уже безъ силъ, а если и совершаетъ онъ богослуженіе, то какъ тяжелую для него повинность и никому отъ него ничего не слышно...

Такой же странный взглядъ и порядокъ существуетъ у насъ и въ другомъ случаѣ, когда приходъ не терпитъ священника, или священникъ попалъ подъ судъ за свою неodobрительную жизнь и дѣятельность. Начнутся проволочки, слѣдствіе, допросы,

оправданія, повальный опросъ жителей—каковъ у нихъ батюшка? и пр. и пр. Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо бы поскорѣй просто убрать священника изъ этого прихода: а то запрятать его въ священнодѣйствіи и тянетъ консисторія дѣло цѣлые годы! Приходъ припишутъ къ другому священнику, какъ будто бы этотъ временный служитель можетъ замѣнить для прихода постоянного священника. И стоитъ церковь запертой, прихожане остаются безъ религіознаго назиданія, а питаются тѣмъ, что раскрываетъ слѣдствіе надъ ихъ бывшимъ священникомъ. Позоръ и глумленіе! Тутъ не консисторія, а епископскій судъ долженъ быть—судъ скорый, быстрый, разомъ рѣшающій дѣло. Къ сожалѣнію, не такъ стоитъ у насъ дѣло, а посему и въ указанномъ селѣ Абашевѣ судебное дѣло надъ обоими православными іереями повелось тѣмъ длиннымъ консисторскимъ путемъ, какой у нея обыкновенно принять надъ духовными лицами.

Само собою понятно, что судъ и предварительное слѣдствіе надъ обоими іереями дало раскольникамъ огромную пищу для ихъ злорѣчія о православіи, и въ тоже время возможность еще смѣлѣе обдѣлывать свои раскольническія дѣлишки, они хорошо памятовали, что обоимъ *попамъ* ихъ села теперь не до нихъ. И то, что они творили за это время (свѣдѣнія наши относятся къ 1903 году), мы имѣемъ возможность передать съ полнѣйшей достовѣрностью. Свѣдѣнія эти показываютъ, что расколъ нашъ находится не въ мертвой спячкѣ, какъ это говорятъ одни, и далеко не индифферентно онъ относится къ своему расколу, какъ говорятъ другіе, но что онъ живъ, могучъ и ведетъ постоянную борьбу съ православіемъ, стараясь, вопреки всякимъ узаконеніямъ, вредить оному на каждомъ шагу и при всякомъ удобномъ случаѣ проявить свою пропаганду.

Въ мартѣ мѣсяцѣ спасскіе раскольники вывели себѣ изъ Москвы бѣлаго попа Максима ¹⁾. Изъ селеній: Абашева, Панова, Рыскина Пензенской губ. и другихъ селеній Тамбовской губ. раскольники гужемъ потянулись въ г. Спасскъ, одни съ требами, другіе просто на совѣтъ къ попу и главарямъ раскола. Максимъ жилъ дня 4 въ г. Спасскъ. Раскольники представили попу жителя г. Спасска Сергѣя Аб—кина, котораго они убѣдили перейти въ расколъ и посему просили Максима сдѣлать ему чинопріемъ отъ ереси. Попъ Максимъ усумнился принять Сергѣя въ расколъ во 1) потому, что онъ православный (принадлежалъ къ при-

¹⁾ г. Спасскъ и село Абашево—это 2 центра раскола, главари которыхъ имѣютъ тѣсную связь между собою и составляютъ какъ бы одно общество

ходу единовѣрческой церкви г. Спасска), а во 2), что онъ племянникъ нынѣшняго священника единовѣрческой церкви въ г. Спасскѣ. Максимъ сталъ говорить раскольникамъ, что опасно принимать въ расколъ такого православнаго человѣка, и можно попасть подѣ судь.

— Вотъ чего изрекъ, закричали раскольники. Вѣру Христову надо распространять, а не бояться предѣ властями.

— Законъ, братіе, положенъ за соблазнъ, возразилъ Максимъ. Кто совращаетъ въ старообрядчество, того въ Сибирь ссылаютъ.

— Ты только клятву вычитаешь ему, да помажешь его миромъ—какой же тебѣ отвѣтъ! Убѣдили его въ нашу вѣру мы, а не ты, пускай насъ всѣхъ и ссылаютъ въ Сибирь.

И довольные такимъ общимъ согласіемъ, раскольники начали громко смѣяться, говоря между собою: „дураки же эти еретики-никоновцы: намараютъ на бумагѣ всякихъ своихъ узаконеній и думаютъ, что истинные христіане должны подчиняться ихъ велѣнію. Святые отцы не слушали языческихъ царей и не подчинялись ихъ закону“. И прочее говорили въ этомъ родѣ.

Однако попъ Максимъ, не смотря на общее требованіе раскольниковъ „вычитать клятву и помазать миромъ“, отказался принять въ расколъ племянника единовѣрческаго священника. Поднялся шумъ, крикъ; попа стали винить, что онъ стоитъ за еретиковъ-никоновцевъ и ничего не радѣетъ „о древлемъ благочестіи“.

— Если ты ужъ такой трусъ, что дрожишь предѣ еретическимъ закономъ, мы этотъ грѣхъ всѣмъ обществомъ беремъ на себя, пусть насъ судятъ за это,—гадѣли раскольники. Но Максимъ и тутъ остался твердъ и непреклоненъ, несмотря даже на просьбы самого Сергѣя Аб—кина, который говорилъ попу Максиму, что въ случаѣ, если кто-либо донесетъ объ этомъ его уходѣ въ старообрядцы и возникнетъ дѣло, то онъ прямо заявитъ суду, что никто его не сбивалъ въ расколъ, а самъ онъ дошелъ до того убѣжденія, что увидѣлъ и убѣдился, что единовѣріе не есть истинная Христова Церковь, а ловушка антихриста, уніа. Тогда рѣшили послать сей вопросъ на разрѣшеніе къ купцу Б—ву, и—что онъ отвѣтитъ, то и сдѣлать. Послали ему телеграмму о семъ, и получился отвѣтъ: принять Аб—кина. Дѣйствительно ли

едину душу и командуютъ всей областью здѣшняго раскола. Спасскіе и абашевскіе раскольники вмѣстѣ выписываютъ попа себѣ, раздѣляя доходы и расходы отъ этой операціи по частямъ—по количеству душъ, участвующихъ въ провозѣ пона. Вмѣстѣ составляютъ они соборы и толкуютъ о дѣлахъ вѣры или же о порядкахъ своихъ обществъ и т. д. *Авт.*

эта телеграмма была послана къ купцу Б—ву или еще кому другому, имѣющему власть давать раскольникамъ свои приказы, хотя бы они были и противны закону, утвердительно сказать нельзя, но говорили о Б—вѣ. Телеграмма эта разрѣшила упорство попа Максима, и онъ принялъ Сергѣя Аб—кина со всей его семьей въ расколъ, предварительно вычитавъ ему проклятiе ересей. Очевидно, распоряженiе купца Б—ва является и для попа Максима закономъ.

Итакъ раскольники не стѣняются пропагандировать свой расколъ между православными, несмотря на законъ. Единовѣрческій священникъ г. Спасска о. К. Аб—кинъ лишился не только своего прихожанина, но и родственника, ушедшаго въ расколъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Поступокъ этотъ такъ приподнял настроенiе раскольниковъ всей указанной области, что ликованью ихъ не было предѣла, а въ Абашевѣ оно составило тержество и породило толки на улицахъ.—„Пока поповъ—то судятъ, прихожане къ намъ перейдутъ“, говорили раскольники.

Въ маѣ абашевскіе раскольники уволили отъ должности своего уставщика моленной крестьянина Тр. Б—ва. Увольненiе это произошло вслѣдствiе неладовъ его съ попечителемъ моленной. Уставщикъ, крайне озлобленный и считая себя обиженнымъ, отправился въ Москву поискать себѣ тутъ счастья. На прощаніи съ прiятелями онъ высказалъ, что въ случаѣ крайности онъ перейдетъ въ австрійскую вѣру и сдѣлается попомъ. Б—овъ жилъ мѣсяць въ Москвѣ, пребывая на подворьѣ бѣглопоповской купчихи. Никакой должности у своихъ собратiй онъ не нашель, а австрійцы, къ которымъ онъ было ткнулся съ цѣлью получить себѣ священство, сказали ему, что для этого нуженъ приходъ и приговоръ общества. Б—новъ отвѣтилъ на это, что „церковь онъ самъ будетъ созидать себѣ, такъ какъ въ Абашевѣ много старообрядцевъ“: австрійцы согласились съ этимъ доводомъ Б—нова, признали его даже резоннымъ, но сказали, что для прiятiя iерейства нужны *пенязи довольно*, проще сказать, отъ Б—нова требовалось, чтобы онъ одарилъ кое-кого изъ находящихся при особѣ раскольническаго владыки. У Б—нова не было многихъ сребренниковъ, такъ какъ онъ самъ пришелъ за ними въ Москву, и посему получить поповства онъ не могъ, а безъ этой выгоды перейти въ австрійство онъ не пожелалъ. Такъ дѣло и осталось.

Между тѣмъ, живя у купчихи на подворьѣ, питаясь отъ ея стола, онъ, по свойственной человѣку любознательности, старался все замѣчать и даже подсматривать и подслушивать, чтобы знать, какъ живутъ въ столицѣ ихніе братья и сестры. И ему

какъ мужику изъ глухой деевни, пришлось многое видѣть такое, что его и удивляло и поражало; онъ увидѣлъ, что московскіе раскольничьи главари живутъ далеко не по абашевски, и то, что у нихъ, въ захолустыи, считается закономъ, здѣсь, въ Москвѣ, совсѣмъ не исполняется древле-православными. Однимъ словомъ Б—новъ увидѣлъ, что въ Москвѣ христіане ихъ согласія значительно и обмірщились и приняли многія новизны въ житіи вѣка сего. Самому Б—нову проживающіе въ домѣ купчихи старообрядцы предложили остричь свои длинные волосы, вымыть лицо и руки почище, а длинный кафтанъ, въ которомъ онъ прибылъ изъ своего далекаго Абашева, велѣли снять и ходить въ немъ только на службу, въ моленную, а въ другихъ случаяхъ носить пиджакъ, каковой и дали ему. Походилъ въ немъ Тр. Б—новъ, поглядѣлъ дальше, что дѣлается въ этомъ домѣ, и бѣжалъ изъ Москвы домой. Абашевскіе мужики и бабы такъ и ахнули, когда увидѣли своего Трифона въ куцомъ пиджакѣ и съ остриженными волосами.

— Триша! голубчикъ нашъ! ты ли это?—спрашивали бабы, останавливая его на улицѣ. Какой врагъ осрамить тебя на всю деревню? Былъ у тебя образъ ангельскій, а теперь ты сталъ похожъ на гнуснаго эфіопа. Что подѣлалось съ тобою? Ужъ не въ австрійскіе ли поны ты вступилъ, что совершилъ такую перемѣну?

Трифонъ конфузился, становился въ тупикъ отъ такихъ рѣчей деревенскихъ бабъ, но затѣмъ, придя въ моленную, рѣшилъ познакомить свое общество съ жизнью своихъ единовѣрныхъ братій въ Москвѣ. Предоставимъ въ этомъ случаѣ сказать ему самому слово.

— Прибылъ я, братія, въ Москву и прямо во дворъ къ нашей христолюбицѣ, у которой вся наша пріѣзжая братія пребываетъ и питается,—началъ говорить Трифонъ, когда служба кончилась, семипоклонный началъ положенъ и всѣ богомольцы поздравили другъ друга съ праздникомъ.

— Поди какъ въ рай попасть, касатикъ, вставила читалка, старая дѣва.

— А ты погоди еще раемъ то обзывать, може я увидѣть не рай, а тартаръ преисподній.

— Что ты, родной! Не што у своихъ христіанъ это можно.

— А ты слушай прежде, а по заячьи не перебѣгай дорогу, огрызнулся Б—новъ.

Читалка смолкла; всѣ богомольцы, затанувъ дыханье, превратились въ слухъ.

— Ну, пришелъ въ Москву... Большущія палаты, что твой

дворецъ. Залѣзь я въ нихъ и сижу себѣ. Только подь вечеръ, слышу: органы и мусикія всякая гудить въ домѣ, на манеръ какъ въ трактирахъ это бываетъ, или въ балаганахъ на ярмаркѣ, въ Спасскѣ. Пытаю я это ближнихъ проживальщиковъ въ домѣ— что молъ это явствуетъ? Домъ христіанскій, а свирели и сопѣли раздаются на подобіе, какъ у еретиковъ. Посмѣялись они моимъ рѣчамъ, а потомъ возьми и кликни меня въ потаенное мѣсто: зри, говоритъ, самъ, да не выдавай свою образину, что ты здѣсь. Простеръ я свои очи горѣ, зрю и недоумѣваю: сонъ или явственность предстоптъ предъ моимъ ликомъ. Сидитъ наша христіолоубица, что въ праздникъ въ шелковомъ сарафанѣ и бѣлыхъ рукавахъ службу Божію стоить въ молельной и умиленно зреть на иконы, сидитъ теперь на какой то моталыжкѣ—не то стулъ подь ей, не то шпигеръ какой подставленъ: не видно подь одежиной то. Вертится па немъ, точно волчекъ, да и только. А одежда на ней—срамъ и сказать! Вездѣ стяпуто, коротко, урѣзано: перси чуть прикровены; руки совсѣмъ безъ одежды; на шеѣ точно обручъ и, кажись, золотой и весь съ финтифлюшками. Божьяго креста не ней совсѣмъ и званья нѣтъ. Власы на главѣ ея такъ запутаны, и встрепаны, точно кто оттакалъ ея за волосы, да такъ и оставилъ въ этомъ зракѣ. Повертѣлась она этакъ малую годину, а потомъ простерла руцѣ и давай—точно мышей давить. Она давить ихъ, а они пищать и духъ органный пушаютъ. Ткнешь перстомъ едина, она запищитъ и спрячется: она другую придавить перстомъ и эта свой духъ пустить. Да такъ по всѣмъ руками то ходитъ, а ихъ, этихъ мышей, велія пропасть: всѣ они прирѣланы не то къ столу, не то что на манеръ рундука или суська нашего, только въ краскахъ весь. Зрю я это на нее и ливу даюсь. Настоящая продіала, что Крестителя предала на казнь! Ничего христіанскаго облику въ ней не осталось. Ну какъ есть блудодѣвица! А она то колотитъ руками по этимъ мышамъ! вся ивда раскраснѣлась—въ жарь бросило ея, сердечную. Долго такъ была она свои христіанскія переты, но пребывала въ молчаніи, точію гласы разные издавались подь перстами. Наконецъ она отверзла гортань свою и Богомъ данный гласъ свой присовокупила къ бѣсовскому визжанію. И пошла кричать на разные гласы. Она кричитъ шибко, а тѣ еще выше берутъ, чѣмъ ея гласъ. Долго этакъ визжала она и должно пріутомилась, смолкла. Тутъ я плюнулъ и бросилъ созерцать сатанинскую утѣху.

— Да чего же она кричала то?—спросили его богомольцы.

— Всего то я не разобралъ, да и не старался я вникать въ

ея словеса, только не божественные словеса произносила она, а какъ быдто пѣсню какую выла.

— Ужели? Може ты обманулился?

— Чего тамъ... Про „любовь“ или слова, „стрѣлокъ“ какой-то и пр. дѣвольщина.

— Чего же это попы то не остановятъ ее отъ такого безчестія? Живутъ у нея, а быдто не знаютъ, говорили, старообрядцы.

— Што попы! Они у насъ только такіе, што похоже на священниковъ, а тамъ они въ Москвѣ совсѣмъ другіе. Если бы вы видѣли, какъ они живутъ тамъ, то и не приняли бы ихъ никогда. Своими очами видѣлъ, братіе, какъ къ одному нашему священнику, живущему у этой-же христороубицѣ въ домѣ, гдѣ и я жить, прѣхалъ братъ его родной навѣстить его. И вотъ они начали кутить... Случилась среда, а они ѣдятъ всякую скоромь; тутъ у нихъ и колбаса была и всякія египетскія снѣди и брашна, такъ что и познать было нельзя, что за яствіе такое. Грѣховники всѣ они тамъ великіе. Куреніе табаку и подъ грѣхъ уже не подводятъ, не точію клятвѣ предавать; посты своевольнѣ разрушаютъ и рыбу ядятъ во вся посты, а нѣщи и на мясо держатъ. Браду стригутъ, одежду возлагаютъ на себя всѣхъ еретиковъ.

Такія рѣчи Трифона Б—нова весьма смутили раскольниковъ с. Абашева, а послѣдніе передали ихъ другимъ, и заговорила о семъ вся медвѣжья палестина. Стали толковать: что дѣлать? Доселѣ они полагались на Москву, яко на столбъ благочестія, а теперь пришли такія вѣсти, что благочестіе хранится больше въ Абашевѣ, чѣмъ въ Москвѣ. Долго трактовали старообрядцы объ этомъ паденіи благочестія въ Москвѣ и наконецъ придумали: сочинили письмо въ видѣ увѣщанія и назиданія московскихъ собратій и послали его на имя пѣвшей пѣсни Иродіады, содержательницы бѣглыхъ поповъ и притона раскольниковъ, прѣзжающихъ въ Москву. Письмо ли это возымѣло свое надлежащее дѣйствіе на москвичей или, быть можетъ, случилось на этотъ разъ другія дѣла въ расколѣ, совпавшія только съ письмомъ абашевскихъ просвѣтителей, сказать этого точно мы пока не можемъ; только во 2-й половинѣ іюня изъ Москвы прислано было посланіе и въ Абашево, и Спасекъ, и имъ приглашались старообрядцы прибыть въ Москву на соборъ для обсужденія духовныхъ дѣлъ. Раскольники воодушевились, составили свой малый соборъ въ Спасекѣ и выбрали на ономъ 2-хъ уполномоченныхъ: жителя с. Абашева, крестьянина Ив. Ак. М—кина и крестьянина с. Хомутовки, Спасскаго уѣзда, К. Ан—ва. Кромѣ того

они рѣшили пріобрѣсть для своей области особаго попа и поручили означеннымъ 2-мъ кандидатамъ поискать въ Москвѣ священника и, если окажется желающій поступить къ нимъ, сдѣлать съ нимъ условіе и привезти его въ г. Спасскъ. Попа депутаты не нашли, а о чемъ соборъ имѣлъ сужденіе, объ этомъ мы сообщимъ потомъ, такъ какъ сейчасъ точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Въ октябрѣ у раскольниковъ составилось нѣсколько браковъ и предстояла нужда добиться попа, чтобы повѣнчать эти браки. Раскольники обратились къ главнымъ своимъ поставщикамъ Ив. Ак. Ма—кину и Тр. Ф.—кину, крестьянамъ с. Абашева, прося ихъ раздобыться попомъ. Оба ходатая двинулись въ путь-дорогу. Пробыли они гдѣ то съ недѣлю и, вернувшись 23 октября въ Абашево, заявили заинтересованнымъ лицамъ, что священника они нашли, договорились съ нимъ, и онъ далъ слово пріѣхать въ Абашево 28 октября. Въ селѣ началось гулянье: въ домахъ жениховъ и невѣсть начались вечеринки; заготовили всякой провизіи къ свадьбѣ. Наступило 28 октября. Съ утра женихи поѣхали за своими невѣстами и привезли ихъ въ Абашево; слѣдомъ за ними привезли и сундуки съ приданымъ невѣсть. Отцы и матери готовили брачный столъ, наварили, нажарили и напекли всякаго добра. Но вотъ и вечеръ и полночь, а попа нѣтъ. Что дѣлать? Пить, ѣсть и гулять—выходить не кстаті: и не ѣсть стоговленное—пропадетъ, испортится; а поѣсть все, придется потомъ играть свадьбу въ сухую. Положеніе отцовъ было критическое,—и неловкое и разорительное. Неловко было и гостямъ, съѣхавшимся на свадьбу: ѣхать назадъ домой выходило ни то, ни се, и оставаться было не причемъ. Положеніе невѣсть было еще хуже, особенно тѣхъ, которыя привезены изъ другихъ селеній, и издалека: онѣ уже совсѣмъ расположились въ домахъ своихъ жениховъ и только ожидали одного вѣнчанія. Назадъ везти ихъ домой и женихамъ не хотѣлось, да и невѣстамъ срамота была возвращаться опять въ село, гдѣ ихъ могли осмѣять односельчане. Наступило утро 29 октября, толки и смятенія по селу пошли еще больше. Послали верховыхъ за село посмотреть—не ѣдетъ ли священникъ? но его не было. Всѣ были въ недоумѣніи и глубококомъ разочарованіи. Въ одномъ Абашевѣ 12 браковъ и на нихъ съѣхалось болѣе 300 человекъ. Тоже самое ожиданіе попа было и въ другихъ селеніяхъ, и въ г. Спасскъ: тамъ также волновались отцы жениховъ и невѣсть и не знали, что дѣлать, и какъ выйти изъ неловкаго и критическаго поло-

женія. Нѣкоторые стали говорить, что надо благословить жениха и невѣсту и пусть они начнутъ свое житіе, а гости станутъ вести брачное гулянье: другіе стали возражать на это, что безъ вѣнца неловко приступать къ брачной вечери и сводить молодыхъ людей на сожителство. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе стали говорить, что ждать попа больше силъ нѣтъ и приходится дѣло дѣлать безъ попа, а когда онъ пріѣдетъ—повѣнчаетъ ихъ. И вышелъ велий раздоръ въ старобрядчествѣ и роптаніе на много часъ. Болѣе церковные начитанные люди рѣшили ждать своего попа, но такихъ оказалось очень мало, а большинство свели своихъ дѣтей и открыли формальный кутежъ. И только 3 ноября пріѣхалъ бѣглый попъ въ эту область, проѣхалъ прямо въ г. Спасскъ, гдѣ и остановился. Всѣ свадьбы тронулись туда въ городъ, опасаясь какъ бы попу не уѣхать изъ Спасска и не оставить ихъ безъ вѣнца на предстоящей постъ и болѣе продолжительное время. На этотъ разъ попомъ явился не Максимъ уже, а, какъ говорятъ, Павелъ К—вскій, который недавно ушелъ въ расколъ, предварительно вышедши въ заштатъ. К—вскій—уроженецъ Саратовской губ. По окончаніи курса въ семинаріи, онъ поступилъ священникомъ въ с. Кряжимъ, Кузнецкаго уѣзда. Здѣсь—онъ прожилъ около 20 лѣтъ и переведенъ въ другой приходъ, изъ котораго и вышелъ въ заштатъ. Раскольники г. Пензы пригласили о. Павла перейти къ нимъ въ расколъ, на что онъ и согласился, и теперь основалъ свою резиденцію въ г. Пензѣ. Отсюда онъ дѣлаетъ свои поѣздки по селамъ Пензенской губ.

Когда мы служили епархіальнымъ миссіонеромъ въ Пензенской епархіи, то доказывали тамъ, что въ г. Пензѣ необходимо открыть публичныя бесѣды противъ раскольниковъ и сектантовъ. Пензенское Иннокентьевское Братство нашло ихъ тогда ненужными, отвѣтивъ намъ, что въ Пензѣ всего 150 душъ раскольниковъ. Теперь эти 150 душъ нашли себѣ попа уже, образовали въ Пензѣ центръ бѣглопоповскаго раскола; при пошѣ будетъ моленная и уставщики съ начетчиками,—можетъ быть и пора уже просвѣтительному братству проявить свою миссіонерскую дѣятельность на пользу заблуждшихъ собратій. Ужели и теперь оно будетъ еще ждать, когда попъ Павелъ разведетъ раскола побольше?

Едва прошли свадебныя пиршества у раскольниковъ, какъ совершилось звѣрское убійство невдалекѣ отъ села Абашева. Раскольникъ—бѣглопоповецъ убилъ православнаго ревнителя

церкви. Убийство совершилось 3 декабря и при слѣдующихъ обстоятельствахъ: торговецъ г. Спасска и крестьянинъ деревни Богдановки, Спасскаго уѣзда, были на базарѣ въ г. Наровчатѣ и торговали. По окончаніи торговли они обратно поѣхали домой въ г. Спасскъ. Изъ нихъ спасскій житель былъ раскольникъ ярый, а богдановскій крестьянинъ ревнитель православія. Дорогою раскольникъ пригласилъ православнаго пересѣсть къ нему въ сани и побесѣдовать съ нимъ о дѣлахъ вѣры. Православный сѣлъ и пошла у нихъ взаимная бесѣда о различныхъ спорныхъ вопросахъ: православный доказывалъ торговцу святость и православіе нашей церкви, а раскольникъ возражалъ и хулилъ нашу церковь. Проѣхали они село Паны, отстоящее отъ г. Наровчата въ 15 верстахъ, отъѣхали версты 4 отъ Пановъ по направленію къ Абашево и тутъ, въ пылу спора и хулы на церковь, раскольникъ выскочилъ изъ саней, вынулъ лежавшій у него въ саяхъ топоръ и началъ рубить своего собесѣдника, приговаривая: „вотъ тебѣ Никонъ! вотъ тебѣ и твоя церква“ и пр. Первый ударъ жестокосердый защитникъ раскола нанесъ православному прямо въ голову и разрубилъ ему черепъ, остальные удары пришлись по шеѣ, такъ что шарфъ, бывшій у покойнаго защитника церкви на шеѣ, былъ изрубленъ на мелкіе куски. Такова была сила ударовъ и количество ихъ. Раскольникъ, не могшій защитить свое ученіе предъ православнымъ мужичкомъ, произвелъ надъ нимъ грубую расправу, насиліе... Можно судить послѣ этого, почему они дерутся на своихъ соборахъ и кулаками по мордѣ доказываютъ правоту своей вѣры. Невѣжество, необузданная воля ихъ не имѣетъ предѣла. Въ данномъ случаѣ намъ припоминается точно такой же случай съ раскольничьимъ митрополитомъ за границей, въ Австріи, въ 1868, покойнымъ Кирилломъ. Старикъ этотъ постоянно мѣнялъ свои вѣрованія: сегодня онъ стоитъ за окружное посланіе, завтра онъ прокликаетъ его и переходитъ на сторону неокружниковъ. Дѣлалъ онъ это, смотря потому, кто больше давалъ ему денегъ—окружники или противокружники. Въ одно время, взявши *злата довольно*, старикъ проклиналъ неокружниковъ со всѣмъ ихъ ученіемъ. Послѣдніе крѣпко обидѣлись на него за это и рѣшили прекратить дни житія его. Изъ толпы заграничныхъ духовныхъ чадъ же-митрополита Кирилла выдвинулся начетчикъ Іоакимфъ Васильевичъ и принялъ на себя порученіе умертвить непостояннаго старика. Запасся онъ ножомъ, тихо, секретно пробрался ночью въ Бѣлокриницкій монастырь и притаился какъ то около келіи покойнаго, выжидая удобнаго случая. И вотъ, зѣло завтра

рано“, часа въ 3—4 по полуночи, старикъ поднялся, отперъ дверь своей комнаты и вышелъ на воздухъ освѣжить себя. Въ это время прокрался къ нему въ келію стражъ его жизни раскольникъ Іоакимфъ Васильевичъ и притаился за платьемъ въ углу Кирилловой келіи. Ничего не подозрѣвая, старикъ умылся и сталъ на молитву, исполняя обычное свое монашеское правило. Въ это время Васильевъ вышелъ изъ своей засады, тихо подкрался къ старику и хотѣлъ вонзить ему ножъ въ самое горло. Но случайно старикъ обернулся, закричалъ, завязалась у него борьба съ злодѣемъ и послѣдній успѣлъ только нанести ему кровавыя раны въ правую руку, шею и бокъ. Прибѣжали послушники, монахи, и Васильевъ убѣжалъ. Вѣсть о семъ быстро перешла пограничный рубежъ, а въ Москвѣ сдѣлано распоряженіе сообщить о семъ во всѣ старообрядческія епархіи и приходы и отслужить молебень о старикѣ, чудесно спасшемся отъ злодѣйской руки. Вотъ на что способны раскольники, радѣя о сохраненіи своего лжеученія.

Такъ и здѣсь вышло у раскольника: нѣтъ словъ въ защиту своей вѣры, онъ беретъ топоръ и рубить имъ своего собесѣдника, котораго самъ же пригласилъ переѣсть къ нему въ сани и побесѣдовать съ нимъ. И вотъ финалъ бесѣды—кровавое доказательство, или, точнѣе сказать, топорная расправа.

Минскій епар. миссіон. свящ. *К. Поповъ.*

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ жидовствующими о троичности Лицъ въ Богѣ.

1.

Бесѣда съ жидовствующими происходила въ большомъ торговомъ селѣ —ской губерніи. Въ этомъ селѣ жили значительной общиной молочане,—было здѣсь не мало и жидовствующихъ разныхъ отѣнковъ. Изъ нихъ жидовствующіе—шапошники умѣли читать Библию даже по еврейски, но страдали распущенностью въ жизни. Ихъ „наставники“ были весьма начитанные въ словѣ Божіемъ; умѣли „поговорить“ и постоять за Моисеевъ законъ. Имъ не доставало только того, безъ чего слабо всякое наставничество: не доставало трезвости и порядочности въ образѣ жизни.

Православные христіане съ глубокимъ нерасположеніемъ относились къ жидовствующимъ. Въ ихъ вѣрѣ имъ чудилось сплошное издѣвательство надъ православіемъ, и они не понимали даже, какъ можно русскимъ людямъ исповѣдывать „вѣру жидовскую“,—ту вѣру, которая вдохновила нѣкогда евреевъ на распятіе нашего Спасителя?..

Объ этихъ жидовствующихъ дурного мнѣнія держались сами коренные евреи. Какъ то въ разговорѣ съ нами одинъ изъ нихъ сказалъ: „какіе русскіе жида? Дураки“...

Подъ такой кличкой между православными торговаго села и проживали жидовствующіе. На нихъ собственно никто пристального вниманія не обращалъ. Но, въ пріѣздѣ миссіонера, православные заволновались и захотѣли непременно послушать, что будутъ въ свое оправданіе говорить жидовствующіе.

Бесѣду съ этими сектантами пришлось вести на Духовъ день. Предметъ для бесѣды подсказывался самымъ праздникомъ: мы порѣшили говорить о *троичности Лицъ въ Богѣ*.

На бесѣду люди собрались вблизи храма, подъ открытымъ небомъ. Толпа слушателей образовалась огромная. Мы сдѣлали возвышеніе. Взойдя на него въ положенное время, я сталъ говорить: изъ всѣхъ людей, населяющихъ нашу родину, по своей вѣрѣ—самыя несчастныя жидовствующіе. Они усиливается содержать въ неприкосновенной чистотѣ Моисеевъ законъ: между тѣмъ своихъ намѣреній не могутъ осуществить безусловно. Они не могутъ по закону совершать своего богослуженія и приносить жертвъ, потому что древній храмъ и жертвенникъ разрушены (Втор. 12, 13, 14 ср. 3 Цар. 8, 16)¹⁾. Въ тоже время за несоблюденіе обрядовыхъ предписаній Моисеева закона имъ грозитъ проклятіе (Вторз. 27, 26).

Въ такомъ положеніи что же должны чувствовать люди, добровольно покорившіеся игу разореннаго закона?—Отчаяніе и безысходную тоску, гораздо сильнѣйшую, чѣмъ какою страдали Ананія, Азарія и Мисаилъ въ плѣну Вавилонскомъ (Дан. 3, 37, 38). Для этихъ святыхъ отроковъ была хоть надежда возвратиться на родину и тамъ возсоздать святыни. Срокъ вавилонскаго плѣна имъ точно былъ извѣстенъ (Іер. 25, II ср. гл. 30, 17—20 ст.).

Не то должны чувствовать наши жидовствующіе. Иудеи теперь расфянны по землѣ: храмъ разрушенъ: священство прекратилось,—и конца не видно этимъ бѣдствіямъ! На что же рассчитывать людямъ, думающимъ нынѣ спастись по руководству одного Ветхаго Завѣта?

Воистину—впереди для нихъ собраны только тоска, ужасъ и отчаяніе... Намъ—православнымъ христіанамъ—пожалѣть ихъ нужно и помочь имъ выйти изъ несчастныхъ обстоятельствъ. Попробуемъ же сдѣлать это настоящей бесѣдой!..

Затѣмъ, обратившись къ толпѣ жидовствующихъ, я спросилъ:—Въ какого Бога вы, друзья мои, вѣруете?

Отвѣчать сталъ ихъ „наставникъ“ Яковъ, — человекъ вклокоченный и небрежно одѣтый.

Онъ сказалъ:—Обыкновенно, какъ и всѣ вы: Мы вѣруемъ въ того Бога, о Которомъ писали Моисей и пророки.

— Какъ имя этому Богу?

Яковъ отвѣтилъ: — Имень у Бога, какъ видно по Библии, много. Онъ называется Эль, Элогимъ, Шаддай, Адонай, Саваоѣъ и тому подобными именами.

— Нѣтъ-ли между именами Божиими одного такого, которое бы Самъ Господь усвоилъ себѣ по преимуществу?—спросилъ я.

Яковъ задумался. Потомъ общими силами мы установили, что тако-

¹⁾ Сп. Дан. 3, 38.

вымъ подлиннымъ именовемъ Божиимъ надобно считать названіе Его *Иеговой*.

Въ доказательство своихъ словъ, по обоюдному же согласію, мы прочли изъ Исх. гл. 3, ст. 14: „*Богъ сказалъ Моисею: Я есмь Сущій... Такъ скажи сынамъ Израилевымъ: Сущій (Иегова) послалъ меня къ вамъ... Вотъ Имя Мое на-вѣки*“... (ст. 15).

И еще: въ 15 гл. кн. Исхода написано: „*Господь Мужъ брани. Иегова имя Его*“ (ст. 3). Подобное же читаемъ въ 33 гл. Исх. ст. 19: „*и сказа.ть (Господь Моисею): Я проведу предъ Тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы предъ тобою*“...

Если бы мы обратились къ пророческимъ книгамъ,—мы нашли бы и тамъ много соответствующихъ свидѣтельствъ.

Но, для сокращенія рѣчи, ограничимся однимъ. У пр. Осіи сказано: „*Господь есть Богъ Савлоевъ; Сущій (Иегова)—Имя Его*“ (Ос. 12, 5 ст.).

Вѣрите-ли вы теперь,—обратился я съ вопросомъ къ жидовствующимъ,—что между различными именами Божиими „Иегова“ есть самое главное и существенное?

— Вѣримъ!

— Какъ не вѣрить!—послышалось изъ толпы.

Я спросилъ Якова:—Скажи же мнѣ, другъ, приложимо-ли имя „Иегова“ къ смертнымъ людямъ?

Подумавъ, онъ твердо отвѣтилъ:—Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Какъ можно?..

Послѣ этого я попросилъ его прочесть Іереміи гл. 23, ст. 5 и 6. Яковъ громко, на распѣвъ и съ особенно-характерными колебаніями въ голосѣ, зачиталъ: „*вотъ, наступаютъ дни, говоритъ Господь, — и возстаю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь и будетъ поступать мудро... Во дни его Иуда спасется и Израиль будетъ жить безопасно; и вотъ—имя Его, которымъ будутъ называть Его: „Господь (Иегова)—оправданіе наше“* (Ср. Ос. 12, 5 и Исх. 15, 3).

По прочтеніи словъ пророка изъ рус. Библии, Яковъ повторилъ ихъ съ особо-блаженной улыбкой по еврейски. Онъ убѣдился, что „Отрасль“ изъ дома Давидова—Мессія именуется Иеговой—Богомъ.

Я спросилъ:—Какъ же это возможно—*исключительно* божеское имя у пророка приложено къ Мессіи? Объясните намъ пожалуйста...

Яковъ сказалъ:—Мессія спасетъ евреевъ отъ враговъ. За это они и прозовутъ Его Иеговой, т. е. *какъ бы* Богомъ.

Я возразилъ:—Не написано у пророка про это слово „*какъ бы*“. Напротивъ, къ Лицу Мессіи тамъ прямо приложено имя Божіе. Значитъ, „Отрасль“, по изображенію у Іереміи, хотя и произойдетъ изъ дома Давидова, какъ человѣкъ, но будетъ вмѣстѣ Богомъ...

Яковъ много усилій употребилъ на то, чтобы выпутаться изъ сво-

ихъ раннѣйшихъ словъ касательно значенія имени „Іегова“; но старанія его остались безплодными. Тогда онъ сказалъ:—Такъ, по вашему, Мессія есть человѣкъ и Богъ вмѣстѣ?

Я отвѣтилъ:—да, именно.

— Но это невозможно!—воскликнулъ Яковъ.

— У Бога все возможно (Быт. гл. 1). Вѣруешь ты свящ. Писанію?

— Вѣрую.

— Вѣруй же и словамъ пр. Іеремія,—поучительно прибавилъ я.

Яковъ молчалъ. Я продолжалъ свои разсужденія. Для новаго обоснованія ихъ я прочелъ изъ пр. Исаи, гл. 9, ст. 6: „*младенецъ родился намъ—Сынъ данъ намъ: владычество на ременахъ Его, и нарекутъ имя Ему: Чудный, Советникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь міра*“ (ср. Ис. 2, 7; 109, 1).

Прочитанный мною стихъ Яковъ опять повторилъ по еврейски. Было очевидно, что родившійся Младенецъ называется у Исаи божескимъ именемъ Пале,—то есть, Чудомъ, Отцомъ вѣчности.

И я спросилъ:—Какъ же ты думаешь объ Отрасли: человѣкомъ Она будетъ только, или вмѣстѣ—Богомъ?

Яковъ отвѣтилъ:—Гм... а такъ я и думаю, что вы проповѣдуете многобожіе.

— Напраслину ты возводишь на насъ, другъ! Не многобожіе проповѣдуютъ православные, а единобожіе при триничности Лиць въ Богѣ.

— Откуда вы достали такую премудрость?—загорячился Яковъ. Я сказалъ:—Изъ святой Библии. Читай Быт. 1, 26 ст.: „*и сказалъ Богъ:—сотворимъ человека по образу нашему*“... Къ кому это обращается Богъ? Кто съ Нимъ участвовалъ въ твореніи человѣка?

Яковъ замѣтилъ:—Богъ никого не приглашаетъ къ участию въ созданіи людей. Онъ просто *кому-то* объявляетъ волю Свою.

Я возразилъ:—неправду ты говоришь, другъ! Если бы „кому то“ Богъ „просто“ объявлялъ Свою волю,—Онъ сказалъ бы: „Я сотворю человѣка“; а то написано иначе: „*сотворимъ*“... Стало быть, кого-то Богъ приглашаетъ въ сотрудники Себѣ, съ кѣмъ-то совѣтуется. Кого же бы Богъ звать сталъ такимъ образомъ?

— Ангеловъ, отвѣтилъ Яковъ.

Я сказалъ:—развѣ ангелы творили людей?

— Не творили, а совѣты Богу давали,—промолвилъ Яковъ.

Я отвѣтилъ:—это совершенная неправда. У пр. Исаи написано: „*Кто уразумѣлъ духъ Господа, и былъ совѣтникомъ у Него и училъ Его? Съ кѣмъ совѣтуется Онъ, и кто уразумѣетъ Его и наставляетъ Его на путь правды, и учитъ Его знанію и указываетъ Ему путь мудрости?*“ (—40, 13. 14 ст.).

Никто: ни ангелы, ни люди. Богъ „и свѣтыиъ своимъ не доверяеть, и небеса нечиты въ очалъ Его“ (Иов. 15, 15).

Яковъ отвѣтилъ:—Разума Господня не постигаютъ только беззаконные люди. Благочестивымъ же избранникамъ Богъ открываетъ Свою волю.

— И благочестивые-то люди знаютъ волю Господню въ самой ничтожной долѣ,—сказалъ я. Совѣтовать Богу они никакъ и ни въ чемъ не могутъ. О непостижимости Божіей премудрости вотъ что написано у древняго мудреца: „первый человекъ не достигъ полнаго познанія ея: не изслѣдуетъ ея также и послѣдній“ (Сир. 24, 30). Если такъ, какимъ родомъ слабые люди могутъ давать совѣты Премудрому Богу?..

Яковъ возразилъ:— А какъ же Богъ совѣщался съ ангелами о гибели Ахава (3 Цар. 22, 19—22 ст.)?

Я отвѣтилъ:—Ты, другъ мой, искажаешь Писаніе. Въ 3 кн. Царствъ разсказывается о томъ, какъ Богъ предлагалъ ангеламъ пойти и погубить Ахава. Онъ испытывалъ ихъ произволеніе и готовность служить Правдѣ Божіей. Самая же гибель нечестиваго израильскаго царя была предрѣшена Богомъ единолично. Въ этомъ легко убѣдится всякій, если прочтеть внимательно 3 Цар. гл. 22, ст. 19—22.

Такимъ образомъ, не доказано, что Богу ангелы могутъ давать совѣты. Съ кѣмъ же совѣщался Онъ при созданіи человека?

Жидовствующіе молчали. Не было надежды услышать отъ нихъ отвѣта. Тогда Яковъ сказалъ:

— Объясните вы намъ это. Вы ученѣй насъ...

II.

Объявленъ былъ перерывъ бесѣды. Люди всей огромной толпой складно пропѣли нѣсколько пѣснопѣній церковныхъ. Потомъ я сталъ отвѣчать на мной же поставленный вопросъ. — Я говорилъ:

— Богъ совѣтуется при созданіи людей Самъ съ Собой, именно во Святой Своей Троицѣ. Отецъ-Богъ положилъ намѣреніе создать людей; Ангель. Лица Его, или Сынъ и Премудрость былъ посредникомъ и художницею этого созданія; Духъ Св. оживлялъ тварь Своимъ благодатнымъ дыханіемъ. Такимъ образомъ, въ мірозданіи участвовала вся Св. Троица,—и въ частности Упостасная Премудрость Божія. Объ этомъ вотъ что повѣствуетъ намъ Библія: „Господь имѣлъ Меня началомъ пути Своего, прежде созданія Своихъ, искони; отъ вѣка Я помазана, отъ начала, прежде бытія земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источниковъ, обильныхъ водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмовъ,

когда еще Онъ не сотворилъ ни земли, ни полей, ни начальныхъ пылиннокъ вселенной... Тогда я была при немъ художницею, и была радостью всякій день"... (Притч. 8, 22—30 ст.).

Кто же эта „художница“—таинница Существа Божія?

Пр. царь Соломонъ опредѣляетъ ее такими словами: „Премудрость художница всего... есть духъ разумный, святой, однородный,.. тонкій, удобоподвижный, свѣтлый, чистый, ясный... Она возвышаетъ свое благородство тѣмъ, что имѣетъ сожитіе съ Богомъ, и Владыка всѣхъ возлюбилъ ее: она — таинница ума Божія и избирательница дѣлъ Его“ (Прем. Сол. 7, 21—22 и 8, 3—4 ст. ср. Быт. 1, 26).

Изъ этого описанія свойствъ Премудрости Божіей явствуетъ, что она—не то же, что умъ Божій. Она—„таинница ума Божія“, слѣдовательно, отлична отъ него, хотя и „сожительствоетъ“ съ Богомъ, какъ его Упостась.

Нельзя подъ премудростью разумѣть ученіе, потому что, по опредѣленію Соломона, она есть „духъ святой“.

Такимъ образомъ, Библия прикровенно, но властно влечетъ насъ къ различенію отъ Отца—Бога Его Премудрости Упостасной, или Сына.

Но продолжимъ наше разсмотрѣніе дальше. По изображенію Библии, Духъ Божій носился надъ водою, при твореніи міра (Быт. 1, 2). Онъ-то и далъ образъ Божій человѣку (Быт. 2, 7) ¹⁾.—Отсюда мы видимъ, что въ Богѣ не одно и не два лица, а именно три. Эта Святая Троица сходилась смѣшать языки людей (Быт. 11, 5. 7); Она посѣщала Авраама у дуба мамврійскаго (Быт. 19, 18. 21. 29). Отдѣльно Ангель Лица Божія или Сынъ Божій спасаетъ Агарь и Измаила отъ смерти (Быт. 21, 17—19); Ангель же Божій, который есть Богъ, бесѣдуетъ съ Иаковомъ (Быт. 31, 11—13 ст.); о вѣчности Сына Божія свидѣтельствовавъ пр. Михей (Быт- 5, 2 ст.).

Нужно-ли пространнѣе раскрывать ученіе Библии о Троичности Лиць въ Богѣ?

Тогда послушайте пр. Исаію. Онъ говоритъ: „во всякой скорби Богъ не оставлялъ (евреевъ), и Ангель Лица Его спасалъ ихъ... Но они возмущились и огорчили Святаго Духа Его“... (— 63, 9. 10). Здѣсь, какъ видимъ, отдѣльно показываются Лица (Св. Троицы).

А вотъ что утверждаетъ пр. Исаія отъ Имени Раба Божія—Отрасли Давидовой: „я первый и послѣдній. Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса“ (— 48, 12. 13). И еще: „приступите ко Мнѣ и слушайте это:... нынѣ послалъ Меня Господь Богъ и Духъ Его“ (Иса. 48, 16),

Итакъ, „Отрасль“—Мессія есть Богъ; Онъ Себѣ усваиваетъ твореніе

¹⁾ Сн. Иса. 11, 2; 61, 1 и Парал.

міра (Иса. 48, 13). Но Мессія говоритъ о Себѣ, что Его посылаютъ въ міръ Богъ и Духъ Его. Ясно, что въ Богѣ три Лица, какъ вѣруютъ православные христіане, а не одно...

Яковъ упрямо твердилъ: — Этого понять нельзя. Какъ представить троицность въ Богѣ?

Я отвѣтилъ:—Никакъ и не старайся до конца понять тайну Троицности въ Богѣ: просто вѣруй въ это! Если же ты своею дерзкой мечтой захочешь проникнуть въ Существо Божіе, — только разстроишь свой умъ, какъ портить человѣкъ зрѣніе, когда долго и пристально открытыми глазами смотреть на солнце...

Такое сознаніе прискорбно для человѣка? — Но что же дѣлать! Мы тварны и ограничены; умъ нашъ коротокъ. Мы даже того постичь не можемъ, какъ это Богъ безначаленъ? Вѣдь все, что мы видимъ, имѣетъ свое начало отъ другого; оно явилось во времени, — а Богу начала нѣтъ...

Здѣсь, братъ, величайшая тайна!..

Однако не думай, что для нашей вѣры во Св. Троицу уже совсѣмъ нѣтъ никакихъ видимыхъ основаній. Такихъ основаній или уподобленій можно найти нѣсколько. Обратись за помощью къ самой природѣ. Посмотри на яркое лѣтнее солнце. Оно поражаетъ твои глаза блескомъ и свѣтомъ?...

Такъ размышляй о природѣ Божіей. Тварное существо — человѣкъ не способенъ прямо взглянуть на Бога. Господь есть полнота всякаго бытія. Онъ поражаетъ нашъ умъ непостижимостью своею. И не надо стараться ростомъ быть выше собственной головы...

Необходимо примириться съ мыслью, что разсмотрѣть природу Божію мы безсильны. Но понятіе *общее* о ней имѣть можемъ. Мы всѣмъ существомъ своимъ чувствуемъ, что Богъ есть источникъ всякаго добра въ жизни, что Онъ есть родимый Отецъ нашъ, — что въ Немъ все наше счастье и радость...

Смотря внимательнѣе на солнце, мы въ немъ замѣчаемъ не только блескъ и свѣтъ, но и кругъ и тепло. И чувствуемъ, что свѣтъ, кругъ и тепло тріедины въ солнцѣ, — что они не одно и тоже, но одно безъ другого въ солнцѣ горящемъ существовать не можетъ.

Такъ и въ Богѣ: Отецъ есть самый источникъ Божества, Сынъ — разумное проявленіе Его въ мірѣ; Духъ Святой — Сила живительная и устроющая все къ нашему спасенію. Три лица въ Богѣ не слитны, но и раздѣлить ихъ нельзя, ибо у нихъ одно источное начало...

Этого уподобленія тебѣ, другъ, покажется мало? Такъ загляни въ свою душу. И тамъ ты откроешь дивное тріединство: умъ — сознаніе, которое отличаетъ тебя отъ всего прочаго творенія; сердце, которое

чувствуетъ радость и скорбь бытія твоего, и волю, которая то дѣятельно ведетъ тебя къ добру, то малодушно погружаетъ въ бездну грѣха и духовной смерти. Признайся, что въ душѣ нашей всякій ощущаетъ это тріединство; сознайся и въ томъ, что только больные, при наличности указаннаго явленія въ нашей природѣ, не чувствуютъ въ себѣ единства личности!..

А если такъ,—мы обязаны чистосердечно сказать себѣ, что тайна Троичности Божіей отразила свои слѣды и въ видимой природѣ и въ нашей душѣ. Поэтому она уже не противна нашему разуму и, возвѣщаемая Откровеніемъ Божіимъ, требуетъ сердечной вѣры въ Трїединнаго Бога, Ему же слава во вѣки!..

Изыясненіе важнѣйшаго, источнаго догмата христіанскаго было сдѣлано мной со все́мъ усердіемъ. Види радостныя лица православныхъ, я чувствовалъ, что они довольны и благодарны мнѣ: но жидовствующіе остались непреклонными. Они безсильны были возражать отъ Писанія; но смотрѣли на насъ враждебно и насмѣшливо-грубо заявили о своемъ невѣрїи въ Бога Трїединнаго.—Они переживали, очевидно, то самое настроеніе, про которое Св. Апостоль написалъ: *„умы ихъ ослѣплены... Донныи, когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ“* (2 Кор. 3, 14—15).

О, когда бы Господь скорѣе снялъ съ ожесточенныхъ сыновъ своихъ—русскихъ жидовствующихъ—смертоносное покрывало и озарилъ очи ихъ Свѣтомъ Христовымъ!..

Д. Боголюбовъ.

**Лѣтомися періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

О литературной дѣятельности М. Горькаго (*Н. Я. Стецькинъ*. М. Горькій, Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества, Спб., 1904).

Въ наше время упадка литературныхъ и другихъ идеаловъ наблюдается еще и теперь увлеченіе сочиненіями М. Горькаго, доходящее до того, что многіе заурядные и не заурядные писатели стремятся такъ или иначе уподобиться М. Горькому, и хотя бы отчасти присвоить себѣ его незавидную славу. Такое увлеченіе объясняется, съ одной стороны, спутанностью или даже полнымъ отсутствіемъ хорошихъ литературныхъ вкусовъ, а съ другой, — упадкомъ духовной жизни общества. Произведенія М. Горькаго, сами по себѣ не выдерживающія настоящей литературной критики, направлены къ апологіи низменныхъ инстинктовъ человѣческой природы и всевозможныхъ подонковъ и отбросовъ нашей общественной жизни. Типичными представителями этихъ отбросовъ являются „босяки“. Извѣстная часть общества съ пониженными нравственными идеалами весьма симпатизируетъ предпринятой М. Горькимъ апологіи „босяцкихъ“ и другихъ низменныхъ влеченій. Все это заставляетъ съ особенною признательностію привѣтствовать появленіе въ печати такихъ произведеній, въ которыхъ дается основательная и безпристрастная оцѣнка произведеній М. Горькаго. Къ разряду такихъ прекрасныхъ и полезныхъ для общества произведеній принадлежитъ усердный и добросовѣстный трудъ г. Стецькина. Заглавіе труда указано въ началѣ нашей замѣтки. Здѣсь находимъ мы слѣдующія слова касательно распространенія въ публикѣ произведеній М. Горькаго.

„Распространенность эта чрезвычайна, и едвали сравнима съ распространенностью какихъ бы то ни было другихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Къ сентябрю 1903 года сочиненія Горькаго были выпущены въ количе-

ствѣ экземпляровъ: томъ 1-й разсказовъ—55,000, томъ 2-й 57,000, томъ 3-й 59,000, томъ 4-й 60,000, томъ 5-й 52,000, пьеса «Мѣщане» — 58,000 и пьеса «На днѣ»—75,000. Итого, сочиненій Горькаго разошлось за какія-нибудь пять лѣтъ, а то и менѣе,—416,000 томовъ. Принимая во вниманіе, что часть этихъ экземпляровъ сочиненій Горькаго поступила въ бібліотеки и читальни и что у каждаго покупателя книги найдется десятокъ знакомыхъ, которые возьмутъ книгу почитать, можно смѣло утверждать, что произведенія М. Горькаго читала вся грамотная Россія“.

„Почти съ первыхъ шаговъ своей карьеры М. Горькій сталъ такъ популяренъ, что примѣръ этой быстрой популярности во всей исторіи русской словесности стоитъ особнякомъ. Ни Тургеневъ въ эпоху «Дворянскаго гнѣзда», ни графъ Л. Н. Толстой въ эпоху «Войны и мира», ни Достоевскій никогда не имѣли такой популярности, особенно въ первые-то годы литературной дѣятельности. Самъ Пушкинъ, въ расцвѣтъ славы, Пушкинъ—властитель думъ, не достигъ популярности Горькаго“.

„Очевидно, причина такого успѣха коренится не въ собственныхъ достоинствахъ произведеній Горькаго, не въ художественныхъ ихъ свойствахъ. Какъ-бы ни казались превосходными поклонникамъ Горькаго его литературныя произведенія, но и эти горячіе жрецы недавно водруженнаго кумира сознаются, что, пожалуй, и у Толстого встрѣчаются страницы, равныя по достоинству сочиненіямъ «геніальнаго» Максима. Однако съ Толстымъ-художникомъ никогда такъ не носились. Поклоненіе Горькому и восхищеніе имъ дошло до предѣловъ, близкихъ къ умопомѣшательству. Въ поклоненіи этомъ много общаго съ болѣзненными, самовнушенными восторгамъ, которые собираютъ у подножія сценическихъ подмостковъ или концертной эстрады психопатовъ и психопатокъ, ревушихъ и выбивающихъ ладоными хвалу какъ высокому таланту, такъ равно и низменному кривляню“ (3—5 стр).

„Мода на М. Горькаго огромная, хотя теперь она идетъ, какъ увѣряютъ, нѣсколько къ уклону. Въ чемъ же причина громадной популярности М. Горькаго? — Она заключается, во-первыхъ, въ измельчаніи идеаловъ общества, а во-вторыхъ, въ характерѣ самой литературной дѣятельности Горькаго“.

„Оставивъ порывъ вверхъ, читатель сталъ смотрѣть, за послѣднія сорокъ лѣтъ, на землю и рыться во всемъ томъ, что копошится на этой землѣ. Случалось ему опускаться и нѣсколькими ступенями ниже земли, въ подвалы и вертепы. Туда собирался вести его безвременно умершій Н. Г. Помяловскій, въ своемъ ненаписанномъ романѣ «Братъ и сестра». Туда повелъ его Всеволодъ Крестовскій въ своихъ «Петербургскихъ трущобахъ». Смотрѣть внизъ стало обычно читателю, но онъ не могъ сосредоточиться, ибо ему не давали типа, не удерживали на одномъ какомъ-либо явленіи. Картины мѣнялись передъ нимъ съ подвижностью камней въ калейдоскопѣ, не собирая, а разсѣивая лучи его вниманія. Въ эту пору явился Горькій и сдѣлалъ то, чего до него никто не дѣлалъ. Онъ далъ типъ, носящій не имя собственное, Коновалова или Орлова, а нарицательное имя «босяка».

„Еслибы Горькій говорилъ о правѣ «босяка» на мѣсто среди людей, подъ условіемъ его нравственнаго возрожденія, его не стали бы слушать. Тогда поняли бы, что этотъ новый босякъ есть тотъ самый, отъ вѣка существующій нищій, которому каждый изъ насъ подавалъ копѣйки, тотъ

самый, кого за бродяжничество мы судимъ и водворяемъ на мѣсто жительства. Этотъ «тотъ самый» босякъ не интересенъ. Онъ такъ неопытенъ, такъ душно пахнуть его лохмотья, такъ онъ не красивъ, съ бойными авачами на своемъ лицѣ. Мы, конечно, по человѣчеству жалѣемъ его и заботимся нѣсколько о немъ. Но что же въ немъ заманчиваго?

„Горькій поступилъ иначе. Онъ снабдилъ «босяка» гордостью. Онъ ничего для него не проситъ, «босякъ» самъ требуетъ мѣста и не послѣдняго. Босякъ Горькаго не угнетенъ. Ему не надо состраданія. Онъ бросаетъ вызовъ самому небу, не говоря уже о вызовѣ обществу, государству, власти, житейному укладу. «Босякъ» — не пролетарій, стремящійся стать собственникомъ. «Босякъ», презрительно, ни къ чему не стремится. Онъ доволенъ уже самымъ сознаниемъ своей очевидной независимости отъ всѣхъ требованій и оковъ общественности, нравственности, религіи.

Сейчасъ въ началѣ французской революціи 1789 года, отстаивая права третьяго сословія, спрашивали: „что такое третье сословіе?“ — и отвѣчали: „ничто.“ — „Чѣмъ оно должно быть?“ — „Всѣмъ“...

Тоже, но короче и опредѣленнѣе дѣлаетъ Максимъ Горькій для босяка. Короче потому, что для доказательства правъ третьяго сословія во Франціи XVIII вѣка надо было вспомнить исторію, всю эту культурную работу третьяго сословія, даваго на поприщѣ науки и искусства Франціи столько же, сколько наше дворянство дало Россіи, даваго въ то время, когда феодалы жили грубою силою меча, а католическое духовенство лукавствомъ Рима“.

„Никакихъ заслугъ «босякъ», столь высоко поднятый, за собою не имѣетъ. Онъ не имѣетъ ни исторіи, ни прошлаго, ни завѣтовъ, ни преданій. Нельзя же считать за исторію то обстоятельство, что во всякомъ обществѣ всегда есть грязный осадокъ. Нельзя же давать имя завѣтовъ и преданій тунеядству, лѣни, пьянству, презрѣнію къ чужой собственности, къ семьѣ, къ вѣрѣ въ Бога“ (12—14 стр.).

„Общество, не потерявшее къ себѣ уваженія, должно бороться съ явлениями столь дикаго и распушеннаго характера, а не восторгаться ими, какъ прелестной и заманчивой новинкой. Иначе выйдетъ то, что вышло у насъ. Смѣлый шагъ Горькаго, беззащитный апофеозъ босячества, который онъ создалъ, былъ принятъ за новый свѣтъ въ общественномъ сознаніи. Свѣтъ то онъ — свѣтъ, но и свѣтъ бываетъ разнымъ. Бываетъ свѣтъ солнца, бываетъ свѣтъ лампы, возжигаемой предъ престоломъ Господнимъ, и бываетъ свѣтъ пожара. Источникъ ихъ одинъ и тотъ же, но дѣйствіе ихъ различно. Не свѣтъ новаго откровенія несетъ «босякъ» Горькаго. Не свѣточъ, озаряющій благотворно невѣдомые еще уголки жизни, вложилъ Горькій въ «грязную» руку «босяка». Этотъ свѣточъ зовется иначе, это — факель революціи. Это — факель анархіи, провозвѣстникъ попранія всего, чѣмъ жили, во что вѣрили, чему служили, для чего работали ряды поколѣній“ (14 стр.).

„Не только большіе центры человѣческой жизни — города, но и деревни кажутся Горькому чѣмъ-то такимъ, гдѣ тошно и грустно, — хорошо лишь среди босяковъ“.

„Въ деревнѣ почти также невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно“. „Вотъ, что говоритъ г. Горькій (Рассказы, т. II. „Коноваловъ“, стр. 40 и 50)! Натяжка этого положенія

очевидна: въ „трущобахъ городовъ“ неизбѣжны свои условности въ обществѣ ихъ обитателей, и можно, лишь съ намѣреніемъ уронить все стоящее внѣ трущобъ, выше ихъ, увѣрять, что въ нихъ нѣтъ „суеты суеть, охлаждающей чувство и развращающей умъ“ (17 и 18 стр.). Интересенъ типъ «босняка», выводимый Горькимъ въ рассказѣ „Челкашъ“, написанномъ въ 1894—1895 годахъ. Взгляды Челкаша суть взгляды безшабашнаго революціонера. Челкашъ не знаетъ ни своего угла, ни своихъ близкихъ. Сегодня босой, завтра обутой; сегодня голодный, завтра пьяный и сытый; бьющій и битый попеременно, онъ перешелъ тѣ грани, которыя общественный строй положилъ хаосу разнузданныхъ похотѣй и личнаго произвола отдѣльныхъ лицъ. Челкашъ гордъ своимъ положеніемъ, своей своеобразной босяцкой силой, которой ничто не страшно“ (80 стр.).

Касательно художественной стороны произведеній г. Горькаго г. Стечкинъ говоритъ слѣдующее:

„Горькій не всегда ровень. У него, рядомъ съ произведеніями, носящими печать несомнѣннаго таланта, стоятъ другія, неуклюже картонныя, искривленныя, придуманныя, и притомъ плохо продуманныя. Иногда онъ выходитъ изъ облюбованной имъ босяцкой среды и пускается либо въ туманную фантастику, съ напускной философичностью, либо въ описаніе жизни, имъ недостаточно наблюдавшейся.“

„Произведеніями наиболѣе художественными слѣдуетъ признать такія, какъ „Коноваловъ“, „Супруги Орловы“, „Мальва“, „На плотяхъ“, „Ярмарка въ Голтвѣ“, „Васька Красный“. Къ неудачнымъ потугамъ создать нечто особенно-поэтическое слѣдуетъ отнести рассказы: „Старуха Изергиль“, „Ханъ и его сынъ“, „Макаръ Чудра“. Фантастично-псевдо-философскими рассказами наыываемъ такіе, какъ „О чортъ“, „Еще о чортъ“, тягучіе, неудобочитаемые, почти нестерпимые. Повесть „Варенька Олесова“ подходитъ подъ рубрику рассказовъ изъ жизни, мало знакомой Горькому или мало имъ обслѣдованной“ (82—83 стр.).

„Совершенно безъ тенденціи написанъ рассказъ Горькаго „Ярмарка въ Голтвѣ“ (1897 года). Рассказъ этотъ даетъ понятъ, чѣмъ могъ бы быть авторъ, еслибы не посвятилъ себя тенденціозной проповѣди босячества и разрушенія. Взяться описывать малороссійскую деревенскую ярмарку на берегахъ Псла, послѣ гоголевской „Сорочинской ярмарки“, — смѣло. Выйти удачно изъ этого испытанія—дѣлаетъ писателю большую честь. „Ярмарка въ Голтвѣ“ не имѣетъ романической завязки. Это—рядъ живыхъ и яркихъ картинъ. Съ чисто внѣшней стороны автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ вноситъ въ рассказъ много малороссійскаго говора, которымъ притомъ не владѣетъ. Гоголь въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ умѣло избѣгалъ этого и „Вечера“ отъ сего нисколько не утратили своего малороссійскаго колорита“ (91 стр.).

„Въ рассказѣ Горькаго „Ярмарка“ описаніе природы не натянуто, не придумано, какъ во многихъ очеркахъ Горькаго. Свидѣтельствуемъ по личному наблюденію, для тѣхъ, кто не живаль въ Малороссіи, не бываль на ея деревенскихъ ярмаркахъ, кто не видаль красивыхъ береговъ и свѣтлыхъ водъ Псла съ его измѣнчивымъ русломъ, что описанію Горькаго въ данномъ случаѣ можно вѣрить, какъ фотографіи, а любоваться имъ можно, какъ произведеніемъ искусства. И тѣмъ прискорбнѣе, что

авторъ, умѣвшій написать „Ярмарку въ Голтвѣ“, оставилъ произведение это одинаковымъ среди всѣхъ другихъ своихъ произведеній“ (91—96).

„Обиліе сообщниковъ Горькаго несомнѣнно доказываетъ, что общество наше серьезно нездорово, ибо въ обществѣ здоровомъ, себя сознающемъ и уважающемъ, понимающемъ словесный смыслъ прочитаннаго и умѣющимъ оцѣнивать степень вліянія печатнаго произведенія, сочиненія Горькаго не заслужили бы многого. Дѣло сдѣлано. Горькій цариль; по нашему мнѣнію, царить и доселѣ. Босякъ, какъ революціонная сила, созданъ въ теоріи и создается на практикѣ. И пусть бы нынѣ Горькаго даже забыли, вплоть до его имени, — все равно: дѣло сдѣлано. Если забыть о Горькомъ, какъ объ источникѣ босякаго зла, то это, пожалуй, еще хуже будетъ, такъ какъ будетъ неизвѣстно, гдѣ гнѣздится корень зла. Обличить Горькаго, раскрыть его карты, это—только первая половина задачи. Есть еще вторая половина и, быть можетъ, важнѣйшая, а труднѣйшая во всякомъ случаѣ. Босячество въ его теперешнемъ видѣ ожидаетъ своего изслѣдователя, спокойнаго, терпѣливаго, способнаго, при изслѣдованіи, до времени скрыть свое душевное негодованіе и дойти въ изслѣдованіи до конца. Лишь зная недугъ, возможно уврачевать его. А недугъ босячества требуетъ врача, если нужно, безпощаднаго къ членамъ, зараженнымъ гангреною“ (241—242 стр.).

Пожелаемъ книгѣ г. Стецькина самого широкаго распространенія въ публикѣ. Пусть она хоть сколько-либо отрезвитъ рьяныхъ поклонниковъ Горькаго!

Гермопалъ Александръ.

Архимандр. Алексій (Дородницынъ). Южно-русскій необаптизмъ, известный подъ именемъ штунды. (По официальнымъ документамъ). Ставрополь-Кавказскій. in. 8-ю 268 стр. Ц. 1 р. 20 к. съ пересылкою.

Наша литература по вопросу о южно-русскомъ штундизмѣ, насчитывающая множество статей въ духовной и свѣтской журналистикѣ и лишь одно въ строгомъ смыслѣ научное изслѣдованіе, принадлежащее перу свящ. Арсенія Рождественскаго, обогатилась новымъ научнымъ вкладомъ, внесеннымъ въ нее архимандр. Алексіемъ, нынѣ епископомъ сумскимъ.

Изслѣдованіе архимандр. Алексія: „Южно-русскій необаптизмъ, известный подъ именемъ штунды“, судя по заявленію автора въ „Предисловіи“, составлено на основаніи его же статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ („Миссіонер. Обозр.“, „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, „Екатериносл. Епарх. Вѣд.“, „Новороссійск. Телегр.“) и посвящено доказательству той мысли, что „наша южно-русская штунда есть не иное что, какъ нѣмецкій необаптизмъ“ 1).

¹⁾ См. Предисловіе.

Содержаніе изслѣдованія архимандр. Алексія распадается на семь главъ. Въ 1-й главѣ авторъ съ надлежащею обстоятельностью излагаетъ зарожденіе баптизма въ Германіи при жизни Лютера и затѣмъ его дальнѣйшее распространеніе въ Швейцаріи, Моравіи, Голландіи, Англіи и Америкѣ. Особенно ярко авторъ живописуетъ, какъ баптизмъ постепенно принялъ политическую окраску, и его религіозная система въ своемъ логическомъ концѣ превратилась въ систему социальномуністическую. Такое превращеніе было необходимымъ слѣдствіемъ принциповъ, объявленныхъ первоначально Лютеромъ. Лютеръ рѣшительно провозгласилъ въ области религіи право сопротивленія власти и равенство всѣхъ христіанъ. Перенесенный въ область государственной жизни, этотъ принципъ обязательно приводилъ къ абсолютному равенству людей во всѣхъ сферахъ жизни государственной. И никакія усилія Лютера не могли подавить *политическія* слѣдствія его доктрины, когда принципъ послѣдней дѣйствовалъ во всей своей силѣ въ средѣ религіозныхъ понятій общества. Въ этомъ случаѣ наглядно сказалась вѣковѣчная истина, что нельзя двоить чловѣка... нельзя безнаказанно играть принципами...

Характеризуя баптизмъ со стороны полноты и строгой опредѣленности его системы, авторъ совершенно справедливо заявляетъ: „баптизмъ, какъ полная и строго опредѣленная система,—не возможенъ, и послѣдователи его никогда не составятъ изъ себя однороднаго тѣла, имѣющаго одну главу; единство ихъ прошлое и настоящее — чисто внѣшнее и является вынужденнымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что они имѣютъ общаго противника въ лицѣ всѣхъ, не раздѣляющихъ ихъ иллюзій: но разъ этотъ противникъ не угрожаетъ, въ ихъ общинѣ начинается разложеніе на мелкія общины, изъ которыхъ каждая носитъ въ себѣ начала дальнѣйшаго разложенія и т. д. Такая подвижность баптизма обуславливается тѣмъ главнымъ его догматомъ, въ основаніи котораго лежитъ ложно понятый принципъ равенства и который въ практической жизни приводитъ къ полному произволу личности. „Каждый, говоритъ символъ баптистовъ, имѣетъ право возвышать свой голосъ въ Церкви и пророчествовать“. Но такъ какъ никто не можетъ предчувствовать заранѣе, что завтра откроетъ пророкъ, то естественно, что какъ догматы, такъ и самая социальная организація секты походятъ на зданіе, постоянно строящееся, но которому не суждено быть когда-либо оконченнымъ. Въ этомъ и скрывается причина той трудности, съ которой неизбѣжно встрѣчается всякій желающій привести вѣроученіе баптистовъ въ систему, и вмѣстѣ съ этимъ та опасность, которую угрожаетъ баптизмъ государственному строю, внося въ жизнь народа начала произвола, разложенія (стр. 28). Исторія баптистовъ вполнѣ подтверждаетъ истину сказаннаго. Баптизмъ въ дальнѣйшемъ

своемъ развитіи раздѣляется на множество толковъ, изъ которыхъ авторъ выдѣляетъ необаптизмъ и ему посвящаетъ особенное вниманіе; такъ какъ онъ, по мнѣнію автора, имѣетъ „*весьма близкое отношеніе*“¹⁾ къ нашему южно-русскому баптизму, извѣстному подъ именемъ штунды (стр. 44). Вслѣдствіе этого авторъ съ достаточною подробностью излагаетъ исторію нѣмецкаго необаптизма, его богослужебный культъ, практическую жизнь и вѣроученіе. На этомъ кончается 1-я глава.

Во 2-й главѣ авторъ подробно обозрѣваетъ религіозное движеніе въ нѣмецкихъ колоніяхъ южной Россіи въ 50—70 гг. прошлаго столѣтія; указываетъ главныхъ дѣятелей этого движенія, отношеніе ихъ къ необаптистамъ Германіи и вѣроученіе ихъ, а также связь послѣдняго съ вѣроученіемъ необаптистовъ. На основаніи сперва историческихъ данныхъ авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) религіозное движеніе въ нѣмецкихъ колоніяхъ южной Россіи въ указанное время съ ясностью опредѣлилось, какъ движеніе именно *необаптистическое*...; 2) это движеніе вышло не отъ нашихъ нѣмцевъ-колонистовъ: меннонитовъ, евангелико-лютеранъ и др., но отъ нѣмцевъ *сектантовъ* даже по отношенію къ этимъ вѣроисповѣданіямъ... Что упомянутое религіозное движеніе было именно *необаптистическимъ*—это авторъ подтверждаетъ и разборомъ *вѣроученія* главныхъ дѣятелей этого движенія. Правда, представители новаго религіознаго движенія усилленно отказывались отъ имени „*необаптистовъ*“ и считали себя за „крестящее по вѣрѣ соединенное (обновленное) меннонитское братство“, но это дѣлалось ими только съ цѣлью сохранить за собою тѣ обильныя привилегіи, которыми ущедрило наше русское правительство меннонитовъ...

Въ 3-й главѣ авторъ задается цѣлью рѣшить весьма важный, особенно въ практическомъ смыслѣ, вопросъ: есть-ли южно-русская штунда явленіе *самобытное*, или же она *привнесена* въ русскій народъ *извнѣ*?... Разсмотрѣвъ существующія по данному вопросу мнѣнія, авторъ съ своей стороны, на основаніи фактическихъ данныхъ, свидѣтельствуетъ, что „*южно-русская штунда есть не что иное какъ тотъ же нѣмецкій необаптизмъ, пересаженный на русскую почву*“. Въ этомъ авторъ убѣждается и путемъ сличенія *вѣроученія* южно-русскихъ штундистовъ и нѣмецкихъ необаптистовъ. По своему значенію эта глава является, такъ сказать, центромъ всей книги, потому что въ ней сосредоточены всѣ главныя доказательства въ пользу основной мысли всего изслѣдованія. Намѣченная авторомъ задача рѣшена обстоятельно. Но для полноты рѣшенія поставленнаго вопроса хорошо было бы здѣсь же разсмотрѣть и то религіозное движеніе среди русскихъ крестьянъ юга Россіи, которое въ миссіонерской наукѣ извѣстно подъ именемъ „*ду-*

1) *Курсивъ нашъ.*

ловной штунды“ и которое, по мнѣнію многихъ, въ томъ числѣ и свящ. Арс. Рождественскаго, предварило собою появленіе штунды баптистической или необаптистической. Мы думаемъ, что „нѣмецкій необаптизмъ“ имѣеть весьма близкое отношеніе“ (стр. 44-я) именно къ *обрядовой* южно-русской штундѣ... Не лишнее считаемъ также остановиться и на существованіи у нѣкоторыхъ русскихъ штундистовъ юга Россіи *крещенія младенцевъ*, что отнюдь не мирится съ основною догмою необаптистовъ.

Въ 4-й главѣ авторъ путемъ обзорѣнія послѣдующихъ (съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія) взаимоотношеній нѣмецкихъ необаптистовъ и русскихъ штундистовъ снова приходитъ къ мысли, что южно-русская штунда, или точнѣе: штундобаптизмъ (стр. 181-я) и нѣмецкій необаптизмъ суть одна и та же секта. Здѣсь же приводятся интересные протоколы смѣшанной нѣмецко-русской „конференціи“ необаптистовъ, состоявшейся въ с. Ново-Васильевекѣ въ 1884 году. Характерна одна подробность въ этихъ протоколахъ, объясняющая съ одной стороны сильную сплоченность необаптистовъ, а съ другой поразительную неустойчивость и разнообразіе догматическихъ воззрѣній въ ихъ „церквахъ“ и „общинахъ“. Во время сужденій о „значеніи“ постановленій „Конференціи“ для *всѣхъ* необаптистическихъ общинъ было рѣшено: „1) предметы, касающіеся миссіи (т. е. опредѣляющіе организацию миссіи, ея матеріальное обезпеченіе, мѣста ея дѣйствій, кассу миссіи— п. н. 1—8-й), для *всѣхъ церквей обязательны*, потому что въ нихъ заключается *главная цѣль* нашего союза; 2) предметы, касающіеся *догматической* стороны правилъ вѣроисповѣданія нашей Церкви, *необязательны* (?!), хотя желательно, чтобы всѣ общины въ догматическомъ отношеніи были единогласны; 3) предметы общіе касающіеся вопросовъ блага нашихъ церквей, но не изложенные въ правилахъ вѣроисповѣданія, предоставляются на усмотрѣніе каждой общины принять или не принять“. Отсюда ясно, что необаптизмъ преслѣдуетъ отнюдь *не вѣроисповѣдное* единство, зиждущееся на единствѣ догматовъ вѣры, такъ какъ для него это дѣло второстепенное, а главнымъ образомъ и прежде всего созданіе на Руси подъ своимъ флагомъ мощнаго союза русскихъ людей съ нѣмцами,—союза, вдохновляемаго интересами, конечно, не „любезнаго отечества“, Россіи... Вотъ почему у необаптистовъ такъ силенъ *прозелитизмъ* и такъ спутана догматика... Вотъ почему авторъ глубоко справедливъ, когда заканчиваетъ 4-ю главу своего изслѣдованія указніемъ на большую опасность необаптизма не только для православной Церкви, но и для государства русскаго. Въ наше время, обильное сужденіями „на изванку“, особенно необходимо прислушаться къ голосу не только теоретика, но и *глубокаго практика*, какимъ является авторъ разбираемаго нами изслѣдо-

ванія, а не внимать разнымъ дилетантамъ, одушевленнымъ не истиною, а лишь смутою въ области вѣры и въ жизни Церкви.

5-я глава посвящена историко-критическому обзору мѣропріятіи административныхъ властей по отношенію къ штундистамъ. Эта глава весьма поучительна. Въ ней, на основаніи фактическихъ данныхъ, а не газетной болтовни, которая, къ прискорбію, проникла въ наши дни и въ высшія административныя учрежденія, съ неоспоримою ясностью доказано, что административная и судебная власти съ поразительнымъ легкомысліемъ отнеслись къ новому религіозному броженію на югѣ Россіи; что подъ влияніемъ высшихъ губернскихъ сановниковъ низшіе полицейскіе чины, вопреки своей совѣсти, обѣляли штунду... Штунда росла... Самые гнусные поступки ея оставались безнаказанными... Православные соблазнялись подобнымъ покровительствомъ штундѣ... Болѣе обиженные вынуждены были своимъ судомъ расправляться съ худителями ихъ святыхъ. Царица какая-то анархія... пока мощное слово въ Богѣ почившаго Государя не положило ей предѣла... Но къ этому времени зло уже глубоко вѣдрилось въ народный организмъ. Къ сожалѣнію, добавимъ мы, въ дальнѣйшей исторіи борьбы со штундою путемъ ограничительныхъ или охранительныхъ мѣръ сказалась въ дѣйствіяхъ административныхъ и судебныхъ властей старая истина: „всѣ законы писать, если оныя не исполнять“... Болѣе того, тѣ же власти тщательно бойкотировали, подъ эгидою „либеральной“ прессы, означенныя мѣры и старательно превращали ихъ въ изву для Церкви... И оправдалась у насъ въ этой области слова: „законы наши святы, да исполнители лихіе супостаты“!.. Посему, избави насъ Богъ отъ подобныхъ услугъ... Ужъ лучше сами понесемъ иго Христова, да позаботимся лишь о томъ, чтобы *нашъ* рукъ не связывали и рта не закрывали!..

Въ 6-й главѣ авторъ подробно изслѣдуетъ вѣроученіе и богослуженіе штундобаптистовъ, говоритъ объ отношеніи ихъ къ православному населенію и съ неоспоримою ясностью устанавливаетъ соціально-политическія тенденціи штундистовъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ въ этой главѣ, таковы: „политическія мечтанія штундистовъ не суть только „отдѣльные факты“, но слѣдствіе цѣлой системы ихъ политическихъ воззрѣній; на осуществленіи этихъ мечтаній почіють въ лучшія надежды штунды, сообщающія ей жизненную силу, въ нихъ заключается жизненный ея нервъ. Совершенно разорвавъ духовныя узы съ православнымъ русскимъ народомъ, оскорбляя его въ самыхъ священныхъ и завѣтныхъ его чувствахъ, внося въ его среду разложеніе семейнаго и общиннаго начала, — штундисты ко всему этому присоединяють государственную смуту, вносимую ими въ народную среду путемъ искаженія государственныхъ понятій народа, выработанныхъ

имъ въ продолженіи его тысячелѣтней исторіи—этого залога его историческаго благополучія, его жизненной силы (стр. 255—256)“. Глубоко правъ авторъ въ своихъ сужденіяхъ о штундѣ и справедливствъ требуетъ отмѣтить то мужество, съ какимъ онъ высказываетъ эти сужденія именно въ наши дни, когда многіе пустили свой челнъ по волѣ волнъ...

Глава 7-я, если такъ можно выразиться, является съ чисто-практическимъ характеромъ. Въ ней авторъ обзрѣваетъ мѣры въ борьбѣ со штундою. Означенныя мѣры онъ раздѣляетъ на двѣ части: на мѣры, направленныя къ поднятію уровня религіозно-нравственнаго состоянія нашего народа и во-вторыхъ: на мѣры, устраняющія вліяніе на религіозное сознаніе православныхъ людей элементовъ, враждебныхъ православію. Къ перваго рода мѣрамъ авторъ относитъ: церковное учительство, общее пѣніе во время богослуженія и воскресно-праздничныя собесѣдованія въ храмахъ—все это „самыя первоначальныя и самыя доступныя для приходскаго священника мѣры къ поднятію уровня религіозно-нравственнаго состоянія народа, а чрезъ это—и въ борьбѣ съ распространеніемъ штунды“, заключаетъ авторъ. Второго рода мѣры стоятъ въ зависимости отъ элементовъ, враждебно вліяющихъ на религіозное сознаніе нашего народа. Главнѣйшіе изъ этихъ элементовъ: *пропаганда штунды и оскорбленіе*, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, *святыни православной Церкви*. Здѣсь, по мнѣнію автора, на защиту православнаго народа долженъ выступить законъ во всей своей силѣ и строгости... Далѣе авторъ съ неоспоримою убѣдительною доказываетъ необходимость усиленія въ нѣдрахъ православной Церкви *церковной дисциплины*... Къ сожалѣнію, у насъ по данному вопросу громко и вліятельно раздаются многіе голоса теоретиковъ, протестующихъ противъ поднятія церковной дисциплины въ жизни нашей Церкви... Но смѣемъ увѣрить, что ихъ сужденія являются плодомъ лишь кабинетныхъ думъ и досужей фантазіи. А жизнь... вопитъ о царящей распущенности и начинается безъ руководства Церкви сама подтягивать себя!.. Распустились мы... духомъ сплоченности оскудѣли... въ бумажное ярмо впряглись: такъ чего же удивляться, что жизнь даритъ насъ невеселыми картинами!.. Въ заключеніе главы авторъ высказываетъ еще одно святое пожеланіе объ огражденіи чествованія у насъ воскресныхъ и праздничныхъ дней... И опять скажу, что, къ великому прискорбію, мы въ прошломъ году сдѣлали все, чтобы уронить даже путемъ закона святость воскресныхъ и праздничныхъ дней въ глазахъ народа!.. И вотъ теперь, какъ читаемъ въ многочисленныхъ ходатайствахъ рабочаго люда, народъ самъ встаетъ на защиту своей святыни... Пора и намъ твердой стопой стать въ защиту своихъ святынь отъ посягательства на оныя... Пора заговорить громко и властно!..

Мы кончили разборъ весьма цѣннаго въ научномъ и практическомъ смыслѣ изслѣдованія епископа Алексія. Въ заключеніе скажемъ, что книга написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ, читается легко и увлекательно. Все это побуждаетъ насъ горячо рекомендовать ее, какъ свѣтскимъ людямъ, желающимъ знать правду о нашемъ сектантствѣ, такъ особенно духовенству, которое изъ этой книги почерпнетъ и знаніе нашей штунды и средства для борьбы съ нею.

И. Айвазовъ.

Левъ Тихомировъ. Монархическая государственность. Въ четырехъ частяхъ. Части первая и вторая. Стр. 118 и 131. Москва 1905 г. Цѣна 2 рубля безъ пересылки.

Въ жизни народовъ мы наблюдаемъ періоды умственного застоя и періоды особенно энергичной дѣятельности мысли. Въ первый періодъ жизнь течетъ плавно, тихо, медленно; общій строй ничѣмъ не нарушается, никакіе „вопросы“ не поднимаются, не выдвѣзаютъ отовсюду непрошенные, не тревожатъ мысли, спокойно почивающей на существующемъ порядкѣ.

Во второй періодъ все приходитъ въ движеніе; совершенно новыя непонятныя явленія переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ установленныя понятія, начинается аналитическая работа мысли, цѣнности переоцѣниваются и въ результатъ получается повышенная *сознательность* массы. То, что было раньше только инстинктивно, только чувствомъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ, воплощается въ идею, болѣе или менѣе ясно сознаваемую и формально выраженную.

Это имѣетъ мѣсто какъ въ области религіозной, такъ и въ сферѣ политической жизни. Послѣднія 40 лѣтъ, пережитыя русскимъ народомъ, характеризуются стремленіемъ его къ *сознательному* усвоенію религіозныхъ истинъ; отсюда броженіе его религіозныхъ мыслей и развитіе сектантства. Объ этомъ уже много разъ было говорено.

Теперь же не народъ, а образованный слой Россіи началъ переживать тотъ же *кризисъ*,—только въ области жизни политической. Большинство русскихъ людей съ молокомъ матери всасываютъ завѣты родной старины о безусловной преданности Царю и Отечеству. Фромадное большинство всегда просто *въровало* въ принципъ Самодержавія, какъ реальный фактъ, не задаваясь никакими лукавыми вопросами. Но жизнь сама поставила ихъ предъ общимъ сознаніемъ. Каждому приходится, хочешь—не хочешь, дать *отчетъ* въ своемъ политическомъ *утованіи*

прежде всего *самому себѣ*. Нельзя уже быть никому равнодушнымъ зрителемъ совершающихся событій, надо участвовать *дѣлательно и разумно* въ защитѣ одной изъ основъ историческаго бытія Россіи, на которую теперь направленъ дружный натискъ всѣхъ антинаціональныхъ элементовъ страны. Но чтобы разумно давать отпоръ всѣмъ посягающимъ на Царское Самодержавіе, нужно противопоставить имъ не простоту вѣры въ этотъ принципъ власти, а *сознательное убѣжденіе* въ его правотѣ.

Для этого нужно лично въ своемъ сознаниіи обосновать защищаемый принципъ на твердыхъ данныхъ, опознать въ его сущности, освѣтить въ его историческомъ проявленіи.

Какъ же это сдѣлать? И кто можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ?

Къ сожалѣнію, почти полная безпомощность наша въ области русской политической мысли—удивительна. Наша официальная наука государство-вѣдѣнія до сихъ поръ пробавляется крохами, падающими со стола господъ ея, западно-европейскихъ ученыхъ. Мы и здѣсь идемъ въ поводу за ними и боимся *своей* мысли. Мы до детальности разрабатываемъ вопросы, связанные съ западно-европейскими формами жизни, считая нашу исторически выработанную форму политической жизни лишь пережиткомъ, переходной ступенью развитія къ болѣе высшимъ формамъ, достигнутымъ на западѣ. У насъ вѣтъ еще *научнаго* труда, который раскрывалъ бы предъ нашимъ взоромъ всю глубину и цѣнность содержанія русскаго Царскаго Самодержавія, въ его принципиальной *правотѣ* по существу, и въ его наиболѣе чистомъ проявленіи въ русской исторіи. Труды въ этой области нашихъ славянофиловъ слишкомъ недостаточны.

Славянофилы своимъ русскимъ чувствомъ понимали правду и выражали ее иногда поэтически-трогательно. Притомъ же они раскрывали и защищали *всю* проявленія русскаго національнаго генія до русскаго платья включительно. Ихъ задача была—указать и отстоять самобытность и цѣнность русскихъ началъ жизни вообще, и они не оставили намъ научнаго систематическаго труда о сущности Монархической власти. Такой трудъ до сихъ поръ остается въ области надеждъ и желаній, особенно жгучихъ въ эти тяжелые дни испытаній, нами переживаемыхъ.

Все сказанное заставляетъ обратить особенное вниманіе на только что появившуюся въ продажѣ новую книгу г. Льва Тихомирова „*Монархическая Государственность*“. Трудно представить себѣ болѣе своевременное появленіе труда. Авторъ задался цѣлью выяснить, какъ существо, такъ и условія возникновенія и дѣйствія принципа Монархической власти. Насколько успѣшно и правильно эта цѣль достигается авторомъ, не берусь пока оцѣнивать, потому что отпечатаны только двѣ части труда, третья появится на дняхъ, а всѣхъ будетъ четыре. Но какъ широко и основательно авторъ трактуетъ поставленный вопросъ,

можетъ дать понятіе краткое изложеніе содержанія книги. Въ первой части авторъ даетъ теоретическую формулировку общихъ законовъ государственности. Здѣсь онъ говоритъ объ источникахъ власти въ обществѣ, о содержаніи и составныхъ элементахъ государственности, о власти верховной и управительной, о различныхъ образахъ правленій и наконецъ объ общихъ основахъ монархіи. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ наибольшій интересъ представляютъ главы, трактующія о значеніи религіознаго элемента въ единоличной верховной власти. Вторая и третья часть книги посвящены изложенію *историческаго* развитія и проявленія Монархической власти, причемъ во второй части излагается развитіе монархіи Римской и Византійской, а въ поясненіе условій, опредѣлявшихъ ихъ типъ, данъ общій очеркъ монархіи Израильской какъ предшественницы идеи христіанской монархіи. Наибольшій для всѣхъ интересъ несомнѣнно представитъ третья часть, раскрывающая путь развитія монархической власти въ Россіи съ ея расцвѣтомъ и наиболѣе типичнымъ выраженіемъ въ московскій періодъ исторіи и съ ея искаженіемъ въ петербургскій.

Въ четвертой части авторъ предполагаетъ обрисовать условія дѣйствія Монархической власти, т. е. дать очеркъ монархической политики.

Таково приблизительное содержаніе глубоко-интересной книги Льва Тихомирова. Она несомнѣнно, независимо отъ личныхъ убѣжденій автора, даетъ очень цѣнный матеріалъ для расширенія политической *сознательности*, для выработки политическаго міросозерцанія, что невозможно безъ пониманія тѣхъ законовъ, которыми живетъ человеческое общество и государство. Вотъ почему слѣдуетъ желать возможно болѣе широкаго распространенія книги г. Л. Тихомирова въ разнообразныхъ кругахъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, русскаго общества.

Свящ. І. Фудель.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ редакціи „Миссіон. Обозр.“ получены слѣдующія пожертвованія въ пользу Краснаго Креста:

- 1) Отъ священ. Донецкой еп., ст. Атаманской, Іоанна Васильева. 25 р. — •
- 2) 2% добровольный вычетъ изъ жалованья учащихъ второкласной ц.-пр. школы с. Делехова, Скопинскаго у., Рязанск. еп., за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1904 г. 12 р. 40 к.
8 марта с. г. деньги сданы по назначенію (почтов. квит. № 573).

Миссіонерство, секты и расколъ.

Отзывъ земскаго начальника о современномъ нѣмецкомъ баптизмѣ.— Записка о сектѣ баптистовъ вообще и о баптистахъ Маріинской и Николаевской волостей въ частности.—Нѣсколько свѣдѣній къ характеристикѣ внутрен. состоянія Костромскаго раскола.—Раскаяніе скопчихи.

Въ статьѣ свящ. К. Велтистова, помѣщенной въ № 19 „Мис. Обоз.“ за прошлый годъ, изложена исторія проникновенія въ Россію нѣмецкаго баптизма, признанія его со стороны правительства дозволеннымъ исповѣданіемъ по закону 1879 г., исторія организаци и пропаганды баптизма въ Россіи и въ заключеніи высказывается предположеніе о возможности распространенія его среди инославныхъ исповѣданій и вреднаго его вліянія на русское сектантство, особенно на штундизмъ, всячески старающійся усвоить себѣ наименованіе баптистовъ, въ дѣляхъ полученія правъ, дарованныхъ послѣднимъ въ силу упомянутаго закона 1879 года.

Желая нѣсколько освѣтить религіозно-нравственное состояніе современнаго нѣмецкаго баптизма, свившаго себѣ очень прочное гнѣздо на югѣ Россіи и въ частности въ Херсонской губ., а также его социальнополитическое направленіе, Херсонскій миссіонеръ М. А. Кальневъ прислалъ намъ для напечатанія весьма цѣнный документъ, заключающій безпристрастный отзывъ объ этой сектѣ близко знакомаго съ жизнью баптистовъ земскаго начальника Одесскаго уѣзда, г. Волчанецкаго. Документъ этотъ составляетъ присланная въ Херсонскую духовную консисторію „Записка“ о баптистахъ двухъ волостей Одесскаго уѣзда при слѣдующемъ отношеніи отъ 6 іюля 1904 г., за № 593.

„Въ Херсонскую Духовную Консисторію.

Среди нѣмецкаго населенія Одесскаго уѣзда, а можетъ быть и на болѣе далекомъ пространствѣ, съ нѣкотораго времени *стала распространяться* ¹⁾ секта нѣмецкихъ баптистовъ. Точность ученія этой

¹⁾ Курсивы вездѣ г. Кальнева.

секты опредѣлить довольно трудно. По поводу одного случая,—возникшаго между баптистами и лютеранами спора, мнѣ удалось однако установить нѣкоторые признаки ихъ учевія, которое, я полагаю, *вредно въ государственномъ отношеніи и опасно для православія*. Последнее обстоятельство побуждаетъ меня въ интересахъ защиты родной Церкви препроводить прилагаемую при семъ копію моей записки на распоряженіе консисторіи. При семъ присовокупляю, что упомянутые баптисты самовольно оставили лютеранство и требуемаго ст. 6 Уст. Иностр. Испов. т. XI, ч. I Св. Зак. разрѣшенія не получили“.

* * *

„Современный баптизмъ - англійская секта, такъ какъ первоначальные „анабаптисты“ время Лютера въ Германіи перестали существовать уже въ XVI столѣтіи. Въ Англій первой община баптистовъ образовалась въ 1633 году, а въ 1639 г. Роджеръ Вилліамъ перенесъ баптизмъ въ Сѣверную Америку, ибо Кромвель преслѣдовалъ ихъ въ Англій, видя въ нихъ революціонеровъ. Въ 1834 году нѣкій Онкенъ въ Гамбургѣ, проживающій тамъ и доннѣ, основалъ въ своемъ родномъ городѣ первое общество современныхъ нѣмецкихъ баптистовъ. Изъ Германіи они перешли въ Данію, а затѣмъ въ Россію. Въ 1886 году въ Россіи существовало уже 32 отдѣльныхъ общества, насчитывавшихъ 10,110 членовъ обоюго пола. Въ настоящее время ихъ, несомнѣнно, гораздо больше, такъ какъ *они вѣрятъ себѣ въ обязанность распространять свое ученіе*.

Главною характерною чертою нѣмецкаго баптизма можно считать *отрицательное отношеніе ихъ къ официальной, государственной Церкви*, которую они называли Вавилономъ. Вообще у баптистовъ существовали всегда либеральныя богословскія воззрѣнія и нѣкоторые толки этого ученія *отвергаютъ даже участіе въ государственной и военной службѣ*, чѣмъ и объясняется то жестокое гоненіе, которое было воздвигнуто противъ нихъ въ Германіи до 1854 года, какъ вредныхъ въ государственномъ отношеніи людей. Общая характеристика баптизма крайне затруднительна и даже невозможна по причинѣ постояннаго образованія новыхъ толковъ.

Сколько можно было установить, у баптистовъ Маріинской и Николаевской волостей главный догматъ также отрицательный: они не признаютъ крещенія дѣтей и крестятъ изъ взрослыхъ только истинно вѣрующихъ. Каждый вѣрующій, окрещенный по обряду баптистовъ, получаетъ право учить и толковать священное Писаніе по своему разумію, причемъ толкованія многихъ ученыхъ изъ нихъ они признаютъ выше Божественнаго Откровенія.

По мнѣнію моему, баптисты, проживающіе въ Россіи, какъ видно

изъ случая въ волостяхъ Маріинской и Николаевской, не обследованы въ вѣрученіи своемъ, хотя и получили право на официальное признаніе ихъ въ Государствѣ. *Обследование это было бы необходимо* 1) въ отношеніи каждой отдѣльной общины въ виду множества толковъ, изъ которыхъ иные *безусловно должны почитаться вредными для государственнаго строя*. Вредъ этотъ я усматриваю также и въ ученіи нашихъ нѣмецкихъ баптистовъ и полагаю его въ слѣдующемъ.

1) Баптисты крестятъ только „вѣрующихъ“ взрослыхъ, вслѣдствіе чего во второмъ поколѣніи у нихъ образуется особая среда, такъ сказать, „неофициальныхъ баптистовъ“, еще некрещенныхъ. Между ними и язычниками существуетъ та разница, что первые выросли въ средѣ общества, регулируемаго на началахъ христіанства.

2) Брачный и семейный порядокъ вовсе не установленъ догматами ихъ вѣры и ведется по традиціямъ той вѣры, къ которой они прежде принадлежали, а между тѣмъ были случаи, когда сочетавались бракомъ лица, не принадлежащія ни къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій 2).

3) Еще некрещенные баптисты пріобщаются св. Тайнъ у лютеранскаго пастора, не смотря на то, что къ лютеранской церкви не принадлежатъ. Это несомнѣнный признакъ религіозной распушенности.

4) Баптисты распространяютъ свою вѣру исключительно между послѣдователями христіанскихъ вѣрученій, не исключая, разумѣется, и православнаго и *нарушаютъ общественные и церковные порядки тамъ, гдѣ имѣютъ успѣхъ въ пропагандѣ*.

5) Отпаденіе отъ лютеранства, въ большинствѣ случаевъ, обуславливается не религіознымъ протестомъ, а чисто матеріальными выгодами: послѣдователи секты освобождаются отъ расходовъ на церковныя нужды, что ихъ и прельщаетъ.

6) Полагая своею обязанностью проповѣдывать и распространять свое ученіе, баптисты легко могутъ найти послѣдователей и въ средѣ православныхъ, тогда произойдетъ тоже, что уже мы наблюдаемъ съ ученіемъ нѣмецкихъ штундистовъ, породившихъ русскій штундизмъ и захватившихъ въ свою среду цѣлыя селенія православныхъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ убѣжденію въ томъ, что

1) О томъ же говоритъ и авторъ статьи „Нѣмецкій баптизмъ въ Россіи“: „баптизмъ изучался и опредѣлялся исключительно только въ отношеніи къ лютеранству и меннонитству и къ нѣмецкому населенію Россіи, какъ средѣ его распространенія, но не въ отношеніи къ православію и русскому народу. Между тѣмъ фактъ дарованія баптистамъ и правительственнаго признанія *и продолжающагося развитія секты* требуетъ къ себѣ особаго вниманія“. Стр. 1331.

2) Случаи по своимъ послѣдствіямъ очень серьезные и заслуживающіе вниманія воблаго христіанскаго правительства.

баптистское сектантство, сдѣлавшее уже огромные успѣхи въ Германіи и Сѣверной Америкѣ, можетъ породить тоже явленіе и у насъ и при извѣстныхъ условіяхъ своей организаціи и существа своего вѣроученія, столь легко подвергаемаго разнымъ толкованіямъ, нанести въ будущемъ существенный вредъ и нашему государственному строю.

Земскій начальникъ 8-го участка Одесскаго уѣзда Волчанецкій“.

Помѣщаемая „Записка“ убѣждаетъ въ полномъ сходствѣ взглядовъ на нѣмецкій баптизмъ въ Россіи двухъ авторовъ (о. Велтистова и г. Волчанецкаго), изъ которыхъ одинъ изучаетъ его научно-историческимъ, другой—практическимъ путемъ. Думаю, что въ данное время, когда вопросъ о вѣротерпимости составляетъ злобу дня русской прессы и законодательныхъ сферъ, мнѣніе такихъ, близко стоящихъ къ жизни русскаго народа лицъ, какъ наши земскіе начальники, заслуживаетъ интереса.

* * *

Сообщаемъ изъ отчета епарх. миссіонера нѣсколько свѣдѣній къ характеристикѣ внутренняго состоянія Костромскаго раскола и православной среди него миссіи.

Въ Костромской епархіи раскольниковъ разныхъ толковъ до 40 тысячъ и въ настоящее время трудно указать такихъ изъ нихъ, которые бы не усвоили духа времени. Теперь не можетъ быть и рѣчи о противодействіи ихъ образованію своихъ дѣтей, конечно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно явно грозитъ опасностью ихъ религіознымъ интересамъ. Однако не только въ земскихъ, но и въ церковныхъ школахъ раскольники не препятствуютъ учиться своимъ дѣтямъ и даже стремятся къ тому, хотя не все и не вездѣ. Исключеніе представляютъ раскольники австрійскаго или бѣлокриницкаго толка. Предстоящая свобода исповѣданій совершенно вскружила имъ головы. „Костромской архіерей по вѣрѣ“, Иванъ-Усовъ превзошелъ своего учителя Швецова по вредности своихъ сочиненій, широко распространяемыхъ имъ въ „своей епархіи“, и проявляетъ необычайную энергію въ видахъ укорененія и распространенія своихъ идей. Всюду появляется онъ въ Костромской епархіи и считаетъ себя равнымъ мѣстному епископу, преосвященнѣйшему Виесаріону. Торжественно совершаетъ онъ въ гор. Костромѣ „архіерейскія“ богослуженія и хиротоніи, а также и въ окрестностяхъ Костромы. Между прочимъ, онъ „хиротонисалъ“ въ „священноіереи“ своего родного брата Кузьму Григорьева Усова, назначеннаго имъ въ гор. Кострому и въ „священнодіаконы“, назначеннаго въ дер. Стрѣльниково и Гридино (близъ г. Костромы) къ попу Ивану Ѳеодорову (бывшему „ледоколу“ и „зимогору“),—какого-то молодого человѣка, будто-бы исключеннаго семинариста (5-го класса, не костромича), вмѣнивъ тому

и другому въ обязанность „миссіонерство“. На бесѣды же православныхъ миссіонеровъ Усовъ запрещаетъ являться своимъ послѣдователямъ, запрещаетъ и отдавать дѣтей въ церковно-приходскія школы, устраивая въ „своей епархіи“ свои подобныя же школы. Онъ кощунственно-дерзко отзывается о преп. Серафимѣ Саровскомъ; паствѣ своей внушаетъ пропагаторскій прозелитивный образъ дѣйствія: „пасите сами себя и свою невѣрующую интеллигенцію,—говаривали мѣстные австрійцы православнымъ священникамъ,—а простой русскій народъ, молящійся крестомъ, скоро весь будетъ по вѣрѣ“ (т. е. раскольниками). Усердно Усовъ занятъ и постройкой моленныхъ въ епархіи. Определенные имъ въ качествѣ „миссіонеровъ“ попъ Кузьма и діаконъ—семинаристъ тоже не бездѣйствуютъ въ отношеніи распространенія ученія своего толка. Они не только не допускаютъ народъ „по вѣрѣ“ на публичныя бесѣды миссіонеровъ, но и внушаютъ австрійцамъ всякую непріязнь къ православнымъ, научаютъ ихъ и оскорблять православіе, какъ и поносить православную Церковь раскольническимъ поношеніемъ 17-го вѣка. Если самъ Усовъ въ печати называетъ православную греко-россійскую Церковь „вавилонскою блудницей“ („Ц. Х—ва врем. безъ епископа“), то что же можно ждать отъ простыхъ послѣдователей раскола, для котораго онъ, Усовъ, „владыка“ и повелитель?

Дѣлу миссіи особенныя затрудненія представляетъ дальность разстояній селеній отъ приходскихъ церквей въ Варнавинскомъ и частью Макарьевскомъ уѣздахъ. Нѣкоторыя деревни находятся отъ приходскихъ храмовъ на тридцативерстномъ и даже болѣе разстояніи. При такой удаленности отъ храма Божіяго не мудрено и православному сдѣлаться раскольникомъ, а особенно раскольнику или сектанту остаться въ прежнемъ заблужденіи. Главари раскола и сектъ, съ сожженою совѣстію, свободно бродятъ по селеніямъ съ книжками въ рукахъ и сѣютъ свои плевелы. Миссіонеры, по разнымъ обстоятельствамъ не всегда имѣютъ возможность пресѣчь это зло, а приходскіе пастыри одни не могутъ, а другіе не считаютъ своимъ дѣломъ миссіонерствовать; они раздѣляютъ духовныхъ овецъ на своихъ и чужихъ,—православныхъ достойныхъ попеченія, и отверженныхъ раскольниковъ. Само миссіонерское дѣло, по своей постановкѣ или, точнѣе, непостановкѣ,—въ пастырской приходской дѣятельности. Самый способный и преданный дѣлу миссіонеръ, какъ пріѣзжій, чужой для раскольниковъ и въ глазахъ ихъ по меньшей мѣрѣ наемникъ; тогда какъ о весьма посредственномъ миссіонерѣ, мѣстномъ приходскомъ пастырѣ, тѣ же раскольники имѣютъ совершенно другое—лучшее понятіе. При теперешнемъ положеніи вещей: съ полученіемъ правъ раскольниками, съ принятіемъ правительствомъ мѣръ „къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго стѣсненія“ приходскіе пастыри немиссіонеры безъ живаго миссіо-

нерскаго дѣла; иначе имъ немудрено остаться совѣтъ безъ прихожанъ. По сообщенію миссіонера Макарьевскаго и Юрьевецкаго уѣздовъ, „многіе священники заявляли о своемъ желаніи бесѣдовать съ раскольниками, но неимѣніе при ихъ церквахъ никакихъ пособій связывало ихъ стремленіе къ миссіонерству“. Если такъ „вяжется“ у нихъ слово Божіе, то, очевидно, оно въ нихъ самихъ не живо и не дѣйственно; и къ проповѣданію его они едва-ли имѣютъ охоту, если жалѣютъ удѣлить изъ своихъ или церковныхъ средствъ 10—20 р. на приобрѣтеніе Библии и руководственныхъ пособій. Другого типа священники, по сообщенію того же миссіонера, „въ публичныя пренія съ раскольниками не вступаютъ, считая это неположеннымъ; особенно когда есть среди раскольниковъ начетчикъ— тогда священники и подавно не рѣшаются вступать съ ними въ преніе“. Не только не готовые всякому, требующему отчета въ ихъ упованіи, дать отвѣтъ, но даже „о послѣдствіяхъ миссіонерскихъ бесѣдъ, по отъѣздѣ миссіонера изъ селеній, приходскіе священники не доносятъ“ ему, „потому, что и сами о семъ не знаютъ, ибо въ нѣкоторыя деревни никогда и ни зачѣмъ не ѣздятъ“. Названный выше миссіонеръ утѣшаетъ тѣмъ извѣстіемъ, что „приходскіе священники ведутъ бесѣды съ православными объ истинности православной вѣры; при случаяхъ ведутъ частныя бесѣды и съ раскольниками“. Мѣра вѣрная и полезная, но половинная: надо не *при случаяхъ* только, а и по нравственному долгу пастыря вести бесѣды съ раскольниками о незаконности и гибельности раскола. Но при этомъ надо, чтобы проповѣдь была живою, т. е. не расходилась съ дѣломъ, особенно въ отправленіи по уставу церковнаго богослуженія. Это всеѣмъ нужно знать и это должно быть краеугольнымъ камнемъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ противъ раскола. Нерѣдко приходится слышать отъ современныхъ раскольническихъ начетчиковъ: „Вы боретесь за троеперстіе и не желаете просто взглянуть, что практически оно уже не существуетъ,—оно остается только въ катехизисахъ, а въ жизни уже давнымъ—давно замѣнено нѣсколькперстіемъ или всеперстіемъ. Вы стоите за новую книгу и не хотите видѣть, что она въ вашихъ собственныхъ глазахъ не имѣетъ никакого значенія и служить только большой помѣхой для дячковъ, желающихъ устроить службу вовсе безъ службы“ и т. д. и т. д.

Вотъ главные обстоятельства, затрудняющія миссіонерское воздѣйствіе на раскольниковъ,—и въ Костромской-ли только епархіи?

* * *

Нашъ сотрудникъ, миссіонеръ-священникъ Перехвальскій, сообщаетъ о рѣдкомъ въ миссіонерской практикѣ и поучительномъ случаѣ *обращенія въ православіе одной послѣдовательницы скопчества*, Матрены Разуваевой. Она крестьянка села Сѣкирина, бывшая въ замужествѣ за

скопцомъ Михаиломъ Разуваевымъ, въ прошломъ году приговореннымъ на поселеніе за принадлежность къ скопческой сектѣ. Семейство Разуваевыхъ состояло изъ матери Михаила, скопчихи, трехъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, тоже оскoпленныхъ (послѣдняя дочь Лукерья оскoплена 9 лѣтъ). Вся жизнь, начиная съ замужества, сложилась для Матрены изъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: она вышла замужъ за вдовца, имѣвшаго двухъ дѣтей отъ первой жены; первыя пять лѣтъ еще сносно жилось Матронѣ,—мужъ не оставлялъ ее, и брачное сожитіе Богъ благословилъ рожденіемъ дочери Лукерьи. Но вотъ свекровь, часто скрывавшаяся куда-то по ночамъ, начала замѣтно вліять на ея мужа Михаила, который тоже сталъ съ матерью ѣздить куда-то: бросилъ брачное сожитіе, сдѣлался болѣе жестокимъ съ нею. Скоро для нея ясно стало, что мужъ не желаетъ съ ней жить, такъ какъ сталъ считать супружеское сожитіе за скверну. Матрена поняла, что мужъ ее пошелъ „по скопческому пути“, и если жестокъ онъ былъ съ ней прежде, то теперь будетъ еще суровѣе. Дѣйствительно, для ея терпѣнія пришло время сильнаго испытанія: нужно было переносить грубости, обиды, презрѣніе, лишенія и побои со стороны мужа. Положеніе Матрены въ домѣ настолько стало тяжело для нея, что она рѣшилась примкнуть къ ихъ скопческой сектѣ, надѣясь хоть нѣсколько улучшить тѣмъ свое семейное положеніе. Рѣшивши, что хуже не будетъ, не сознавая ничего преступнаго въ оскoпленіи себя, не зная, что недостаточно одного физическаго изуродованія, нужно еще выполнить особый обрядъ вступленія въ скопческое сообщество, измѣнить праотческой вѣрѣ, Матрена проситъ извѣстную среди сектантовъ „мастерицу“ скопчиху и ее также „подрѣзать“, какъ они сами себя подрѣзываютъ; та съ радостью принялась за свое мастерство, начавъ прежде всего убѣждать въ спасительности оскoпленія. „Мастерица“ Акулина оскoпила Матрену, и тѣмъ ввела ее въ „общество убѣленныхъ“. Семейная жизнь новой скопчихи сразу же улучшилась: Матрену стали брать послѣ этого на сборища въ село Павелець къ К — нымъ, гдѣ поютъ, молятся, „работаютъ для Бога въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ—крестомъ, караблемъ“,—принимаютъ ее за свою, угощаютъ чаемъ и сладостями. Совѣсть Матрены успокоилась: ей казалось, что всѣ эти люди, называя себя православными христіанами, противнаго вѣрѣ не говорили, плотскихъ грѣховъ не творили, а еще болѣе старались угодить Богу, работая ему тайно, по ночамъ. „На мой взглядъ у скопцовъ ничего не было плохаго,—говорила Матрена, говорили они и пѣли о божьемъ, приказывали не ходить на улицу, не пить вина, не ѣсть мяса, не ходить, гдѣ народъ собирается, какъ-то: на свадьбы, крестины, похороны, убѣждали жить тихо, кротко, не рассказывая никому о своемъ спасеніи“. —Чего же, думала я, лучшаго искать „для спасенія души“ и я была вполне увѣрена, что живу

въ православной вѣрѣ. Однимъ словомъ, Матрена пребывала въ блаженномъ невѣдѣніи ни грѣха, ни преступности въ образѣ жизни сектантовъ-скопцовъ, а обличенія ихъ лжеученія она *никогда ни отъ кого не слыживала*. Одно только смущало ее, что единомышленники ея не носили крестовъ и ей не совѣтовали, а также очень поносили священниковъ и строго приказали ей совѣтоваться „съ потлами ч—ми“. Но вотъ мирной жизни мѣстнаго скопческаго кружка пришелъ конецъ, обнаружено было скопчество: явилась полиція, забрала оскопленныхъ, началось судебное слѣдствіе, тянувшееся болѣе двухъ лѣтъ. Дошло дѣло и до семейства Ра—выхъ; мужа и ее забрали въ тюремный замокъ, оставивъ на попеченіи старой свекрови ея малолѣтнюю дочь Лукерью. Когда слѣдствіе кончилось и всѣмъ почти обвиняемымъ предоставлено было право внести за себя залогъ, этимъ воспользовались и супруги Разуваевы. По возвращеніи изъ тюрьмы Разуваевы нашли свою дочь Лукерью уже оскопленной; заявили объ этомъ судебному слѣдователю, послѣдній заподозрилъ самихъ родителей въ оскопленіи ихъ дочери, и снова Разуваевы забраны были въ тюрьму. Матрену, впрочемъ, скоро отпустили, но мужъ ея сидѣлъ, пока по ходатайству заплиты не были освобождены изъ тюрьмы всѣ обвиняемые со внесеніемъ залоговъ. Съ этого времени у Матрены начало ослабѣвать увлеченіе сектой и она стала сомнѣваться въ истинности исповѣдуемой скопцами вѣры. Теперь стала она нерѣдко слышать отъ своего батюшки, отъ миссіонера и православныхъ людей, что скопцы заблуждаются, что Господь не заповѣдалъ оскопленія, какъ ее увѣряли прежде, что даже ихъ вѣра не христіанская,—ихъ не признаетъ св. Церковь за своихъ, лишаетъ ихъ св. причастія, не принимаетъ на исповѣдь безъ отреченія отъ скопческой ереси. Задумалась Матрена, — не думала она измѣнить прав. вѣрѣ отцовъ своихъ, а между тѣмъ ей становилось яснымъ, что не туда она пошла, что разошлась съ православной Церковью.

Много душевныхъ тревогъ, сомнѣній, пережила Матрена, пока рѣшилась войти въ спасительную ограду св. Церкви. Слабы, неувѣренны были ея первые шаги на пути къ обращенію; еще въ маѣ прошлаго года, въ отсутствіи своего мужа, тайно является она къ своему священнику и изъявляетъ желаніе раскаяться, обратиться. Епархіальный миссіонеръ посовѣтовалъ основательнѣе научить обращенную прав. вѣрѣ, чтобы обращеніе ея было вполне сознательнымъ актомъ.

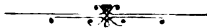
Не смотря на ясное сознаніе сектантскихъ заблужденій своихъ и на искреннее желаніе присоединиться, Матрена не рѣшалась открыто перейти изъ ихъ стада подъ покровъ св. православной Церкви до того времени, и священникъ не спѣшилъ ее принимать въ лоно Церкви, пока не состоялось осужденіе всѣхъ скопцовъ (29 ноября 1904 года), въ томъ числѣ и ея грознаго мужа. Матрену же спасло отъ осужденія

единственно то обстоятельство, что она не могла прибыть на судъ, такъ какъ за два дня до суда разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Конечно, ребенокъ ея не могъ быть плодомъ ихъ брачной жизни, такъ какъ мужъ ея имѣлъ большую печать или, по выраженію скопцовъ „сѣлъ на бѣлаго коня“, у ней же только повреждены были груди (срѣзаны соски). Родивши сына, Матрена не могла его кормить; — здѣсь нужно было видѣть все отчаяніе матери-скопчихи, — вмѣстѣ съ страстной любовью къ ребенку, которую она проявила тѣмъ, что не отдала сына въ воспитательный домъ, какъ совѣтовали ей, а взялась со всею нѣжностью сама воспитывать его на молокъ коровьемъ.

Раскаяніе Матрены расло и она рѣшительно порываетъ съ прошлымъ и искренно желаетъ возстановить себя въ православіи, настаивая поскорѣе присоединить ее. 19 декабря торжественно совершенъ былъ надъ Матреной чинопріемъ отъ скопческаго лжеученія.

Тихо, но твердо повторяла присоединяемая за миссіонеромъ отвѣты на вопросы чинопріема; картина была поистинѣ торжественно-умилительная: изъ вопросовъ и отвѣтовъ выяснялись заблужденія скопцовъ въ противоположность православной вѣрѣ. Нѣкоторыя женщины вздыхали, а другія плакали, многіе предстоящіе молились земными поклонами, особенно въ ту торжественную минуту, когда отчетливо, внятно, благоговѣнно она повторяла за миссіонеромъ символъ вѣры. По исповѣданіи вѣры, при пѣніи псалма присоединяемая, держа конецъ священнической епитрахили, торжественно вводится въ храмъ и подводится къ лежащему на аналогіи кресту и евангелію: здѣсь она клянется этими драгоценнѣйшими орудіями нашего спасенія въ искренности своего присоединенія и благоговѣнно цѣлуетъ слова и крестъ Спасителя и надъ ней колѣнопреклоненной торжественно читается разрѣшительная молитва. Послѣ присоединенія она поставлена была предъ чтимой иконой Божіей Матери Казанской, гдѣ и стояла въ продолженіи всей литургіи. Приобщеніемъ св. Таинъ, благодарственной молитвой и прекраснымъ поученіемъ миссіонера закончилось торжество чинопріема.

М.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“.

**Вѣнокъ на могилу епископа Веніамина (Борнукова), перваго
викарія грузинской епархіи († 16 февраля с. г.).**

Все значительное и великое не нуждается въ длинныхъ рѣчахъ. Громадно и необъятно для нашей мысли то, что мы называемъ жизнью. Но для него, этого громаднаго, существуетъ только одно слово „жизнь“. Буду поэтому кратокъ въ своей рѣчи о великомъ епископѣ, рѣдкомъ знатокѣ нашего расколо-сектантства, и благороднѣйшемъ чело­вѣкѣ, смерть котораго явилась страшнымъ ударомъ для всѣхъ, кто зналъ и имѣлъ дѣло съ почившимъ, кому дороги интересы Церкви и святая правда нашей жизни.

Громадный умъ, всесторонняя образованность, поразительная осведомленность въ Божѣ почившаго владыки въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ богословія, свѣтской науки, литературы, искусства,—все это очаровывало всякаго, кто имѣлъ случай бесѣдовать со владыкой. Нельзя было не поражаться предъ мыслию о томъ,—да когда же этотъ чело­вѣкъ, при всей сложности своихъ занятій, успѣлъ такъ много перечитать, пережить и усвоить такую массу, это прямо-таки море знаній?.. Для автора настоящихъ строкъ особенно важно отмѣтить здѣсь то обстоятельство, что владыка Веніаминъ на рѣдкость хорошо былъ знакомъ съ литературой по исторіи и обличенію нашего расколо-сектантства, слѣдя за каждой серьезной новинкой въ этой области, всегда при этомъ радуясь, если въ противосектантской полемикѣ появлялось что-нибудь дѣйствительно новое и значительное. Духовные журналы вообще и миссіонерскіе въ частности онъ прочитывалъ „отъ крышки до крышки“. Придешь, бывало, ко владыкѣ вечеромъ,—владыка такъ это привѣтливо улыбнется и скажетъ:

— Ну, что, А. И., читали послѣднюю книжку „Миссіонерскаго Обозрѣнія“?

— Читалъ, владыко,—отвѣчаю.

— А примѣтили статью № ?.. безусловно хороша... Логика сильная, постановка вопроса новая, ясная, опредѣленная и безъ казуистики.

И начнемъ разбирать поправившуюся ему работу.

Не разъ владыка выражалъ желаніе самому лично вступить въ бесѣду съ сектантами въ тифлискомъ миссіонерскомъ залѣ. Но злой недугъ (туберкулезъ легкихъ) не позволялъ ему осуществить своего завѣтнаго желанія.

Незадолго предъ своимъ послѣднимъ роковымъ заболѣваніемъ владыка предложилъ мнѣ писать вмѣстѣ съ нимъ на одну и ту же тему „о свободѣ совѣсти“, чтобы выпустить одну цѣльную литературную работу, причемъ поручилъ мнѣ подобрать всѣ тексты свящ. Писанія, относящіеся къ данному вопросу. Я уже взялся за это дѣло и намѣревался отправиться къ епископу съ своими работами, узнавъ о томъ, что ему стало лучше и онъ уже принялся за текуція дѣла, какъ вдругъ получаю извѣстіе, что владыка скончался.

Считаю необходимымъ здѣсь замѣтить, что почившій весьма широко смотрѣлъ на дѣло миссіи. Не разъ мнѣ онъ говорилъ:

Миссія наша только началась. Всѣ труды миссіонеровъ—это только начало, первое звено въ постройкѣ. Сколько работы впереди! Пора уже взяться за нее всѣмъ намъ, поглубже взглянувъ на дѣло. Пора Церкви протянуть любовную руку интеллигенціи, которая дѣлаетъ такъ много добра, выяснитъ обществу, что такое она, Церковь. Да и среди простыхъ массъ, въ томъ числѣ и сектантовъ, нужна болѣе энергичная работа. Циркулярами и разными проектами миссіонеровъ не создашь. Надо воспитаніемъ создать пастырей, безъ которыхъ миссія не сдѣлаетъ своего дѣла.

Грядущую „свободу совѣсти“ владыка понималъ, какъ начало „анархїи“ въ религиозной жизни русскаго народа, съ одной стороны, и „громомъ небеснымъ“ для пастырей, небрегущихъ о спасеніи вѣрннхъ имъ пасомыхъ.

Я не сказалъ бы всего, если бы обошелъ молчаніемъ выдающіяся черты нравственнаго облика епископа Веніамина.

Это былъ не только умный человѣкъ, не просто свѣтъ, а тотъ свѣточъ, который имѣлъ великую тайну не только свѣтить, но и грѣть. У владыки была особенная, рѣдкая способность и умѣнье приласкать человѣка, любовно вывести его изъ круга житейскихъ ошибокъ, приютить человѣческую душу, согрѣть ее среди невзгодъ и горя жизни. Обладая великимъ даромъ христіанской сердечной чуткости, почившій былъ человѣкомъ и любви и справедливости, милости и правды. Онъ всегда говорилъ свое слово, порой для нѣкоторыхъ казавшееся рѣзкимъ, въ защиту попираемой правды. Но на ряду съ этимъ онъ находилъ добро даже въ самой загрязненной душѣ человѣческой, добро,

которое онъ и старался оживлять могучимъ и горячимъ дыханіемъ своей великой души. Всею своею жизнью онъ проводилъ великій завѣтъ, который онъ давалъ другимъ: „будьте всегда справедливы“.

Не говорю уже о томъ, какъ глубоко-религіозно былъ настроенъ почившій владыка. Это былъ, говоря вообще, человѣкъ искренній, чистый сердцемъ, чуждый тлетворной лжи, цѣльный, безъ фальши и лицемерія, способный только на то, чтобы поднимать и возвышать другихъ. Бесѣды, работа, общеніе съ нимъ неволью вызывали въ каждомъ мечту, которая сейчасъ вотъ, когда я пишу свое посильное слово, витаетъ снова въ моей мысли, мечту, такъ ясно внушаемую личностью и жизнью епископа Веніамина: какъ хорошо, говорить эта мечта, жилось бы людямъ, если бы они были такъ христіански-благородны, какъ умершій владыка! Если бы они не увеличивали и безъ того великую мелочность и пошлость нашей жизни.

Много словъ я сказалъ для характеристики великаго епископа и благороднаго человѣка. Но для меня лично и для всѣхъ, знавшихъ его, достаточно вспомнить только два слова: „епископъ Веніаминъ“, чтобы почувствовать всю душевную боль, при мысли о томъ, что нашего дорогого и незабвеннаго владыки среди насъ уже болѣе нѣтъ.

Да воздастся же ему, праведному, то праведное, которое онъ заслужилъ своей душой, всею своею истинно-христіанскою жизнью!

Вѣчная память тебѣ, великій Божій святитель!

А. Платоновъ.

Извлеченіе изъ особаго журнала Комитета Министровъ.

(8-го марта 1905 года).

*По выполненію пункта шестого Именного Высочайшаго указа
12-го декабря 1904 года.*

Высочайше утвержденнымъ, 11-го февраля 1905 г., положеніемъ Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія п. 6 Именного Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 года постановлено о немедленномъ прекращеніи дѣйствія всѣхъ принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ мѣръ взысканія, причемъ, въ виду заключительнаго постановленія указа 12 декабря, подтверждено о доведеніи до свѣдѣнія Комитета Министровъ всѣхъ мѣропріятій, которыя приняты во исполненіе означеннаго постановленія.

Вслѣдствіе сего министромъ внутреннихъ дѣлъ представлено Комитету о принятіи министерствомъ слѣдующихъ мѣръ:

I. По совмѣстному всеподданнѣйшему докладу министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго въ 26-й день прошлаго февраля послѣдовало Высочайшее соизволеніе на возвращеніе сектантовъ (72 лица), высланныхъ въ Сибирь въ порядкѣ общаго Высочайшаго повелѣнія 5 августа 1896 года за отказъ отбывать воинскую повинность, и на отмѣну означеннаго Высочайшаго повелѣнія.

II. Мѣстнымъ властямъ сообщено объ освобожденіи отъ взысканій подвергнутыхъ таковымъ по дѣламъ религіознаго свойства: 1) въ порядкѣ ст. 34 положенія о государственной охранѣ (34 лица) и по распоряженіямъ до 1880 г. (253 лица), 2) на основаніи Высочайше утвержденного, 5 октября 1884 г., положенія Комитета Министровъ (9 лицъ): 3) въ порядкѣ ст. 16 положенія о государственной охранѣ или въ виду особыхъ полномочій, предоставленныхъ главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ и туркестанскому генералъ-губернатору (36 лицъ).

III. Мѣстнымъ властямъ сообщено объ освобожденіи отъ ссылки высланныхъ изъ Царства Польскаго во внутреннія губерніи Имперіи, на основаніи Высочайше утвержденного, 25 марта 1875 г., положенія Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, греко-уніатовъ (142 лица), а также объ освобожденіи отъ надзора лицъ той же категоріи, водворенныхъ подъ надзоромъ полиціи въ мѣстностяхъ Привислинскаго края (16 лицъ).

IV. Циркуляромъ, отъ 19 февраля сего года за № 1538, предложено губернскимъ начальствамъ: 1) безъ замедленія принять мѣры надзора къ тому, чтобы въ предѣлахъ губерніи никакими административными учрежденіями и лицами впредь не устанавливалось какихъ-либо стѣсненій въ области религіи, въ законѣ не установленныхъ; 2) не допускать впредь въ предѣлахъ губерніи примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства положеній о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ, возбужденныя же и находящіяся въ производствѣ въ означенномъ порядкѣ дѣла прекратить, преподавъ надлежащія по сему предмету разъясненія подвѣдомственнымъ административнымъ мѣстамъ и лицамъ; 3) немедленно распорядиться освобожденіемъ отъ надзора полиціи или ограниченій въ правѣ избранія мѣста жительства проживающихъ въ губерніи лицъ, кои подвергнуты означенному надзору или ограниченіямъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ по распоряженіямъ центральныхъ управленій министерства внутреннихъ дѣлъ или мѣстныхъ главныхъ или губернскихъ начальствъ; 4) безотлагательно распорядиться освобожденіемъ отъ ограниченій лицъ, высланныхъ когда-либо изъ губерніи по религіознымъ причинамъ въ административномъ порядкѣ по постановленіямъ мѣстнаго губернскаго начальства, и 5) выяснить проживающихъ въ губерніи лицъ, подвер-

гнутыхъ по дѣламъ религіознаго свойства надзору или ограниченіямъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, доставивъ срочно списокъ этихъ лицъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, для примѣненія къ нимъ п. III Высочайше утвержденнаго, 11 февраля сего года, положенія Комитета Министровъ.

Затѣмъ было доложено Комитету, что по министерству юстиціи 2-го сего марта испрошено Высочайшее соизволеніе на освобожденіе 278 духоборовъ отъ дальнѣйшаго отбыванія опредѣленныхъ имъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 30 апрѣля 1897 г., взысканій и на помилованіе четырехъ сектантовъ, подвергнутыхъ взысканіямъ въ административномъ порядкѣ по дѣламъ религіознаго свойства. Независимо отъ сего министерствомъ юстиціи приняты спѣшныя мѣры къ приведенію въ извѣстность всѣхъ до настоящаго времени бывшихъ въ производствѣ дѣлъ сего рода, для отмѣны наложенныхъ по нимъ взысканій.

Выслушавъ вышеизложенное, Комитетъ, во исполненіе Именнаго указа 12 декабря 1904 г., доводитъ о семъ до Монаршаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Извлеченіе изъ журнала комитета министровъ 15-го февраля 1905 года объ отмѣнѣ ограничительныхъ мѣръ по изданію св. Писанія на малороссійскомъ языкѣ.

Выслушавъ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича и высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго Антонія, возбужденный Августѣйшимъ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ вопросъ объ отмѣнѣ ограничительныхъ мѣръ, установленныхъ для изданій книгъ св. Писанія на малороссійскомъ нарѣчій, комитетъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Изъ представленныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ объясненій усматривается, что запрещеніе печатанія малорусскихъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія послѣдовало въ 1863 году, вслѣдствіе признанія, что переводъ св. Писанія на малороссійскій языкъ не оправдывается ни свойствомъ языка, ни потребностью народа, и имѣетъ характеръ исключительно политической. Четыре года тому назадъ Императорская Академія Наукъ получила въ даръ отъ наслѣдника Ф. С. Морачевскаго, извѣстнаго филолога и бывшаго инспектора лицея князя Безбородко въ Нѣжинѣ, исполненный имъ переводъ Четверо-Евангелія на малороссійскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ напечатанъ Академіею. Въ маѣ 1904 года, по ходатайству отдѣленія русскаго языка и словесности, Его Высочество призналъ своевременнымъ возбудить вопросъ о напечатаніи сего труда.

Приятно было принять во вниманіе, съ одной стороны, что опасенія политическаго характера въ настоящее время потеряли свою остроту, а съ другой стороны, что среди говорящихъ на малороссійскомъ языкѣ русскихъ подданныхъ замѣчается страстное желаніе читать Слово Божіе на родномъ нарѣчій; послѣднее обстоятельство удостовѣряется тѣмъ, что, несмотря на запрещеніе, на югѣ Россіи расходится переводъ на малороссійскій языкъ Четверо-Евангелія, сдѣланный и напечатанный въ Зарубежной Руси. На запросъ по сему предмету два бывшихъ министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Плевелу и генераль-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій, одинаково высказались въ томъ смыслѣ, что вопросъ объ изданіи св. Писанія на малорусскомъ языкѣ въ настоящее время, не имѣя уже прежняго значенія, можетъ быть разсматриваемъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія религіозной, а также научной. Въ послѣднемъ отношеніи исполненный Ф. С. Морачевскимъ переводъ Четверо-Евангелія былъ всесторонне изученъ Академіею Наукъ, и за нимъ признано высокое научное достоинство. Въ видахъ разсмотрѣнія вопроса съ религіозной стороны, Августѣйшій Президентъ Академіи, признавая особенно желательнымъ удовлетвореніе законнаго стремленія малороссіянъ имѣть св. Писаніе на родномъ ихъ нарѣчій именно теперь, въ тяжкое время, переживаемое нашею родиною, вошелъ въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою удостоить указанный переводъ святительскаго благословенія, если языкъ его достойнымъ образомъ выражаетъ божественныя истины и мысли св. Евангелія.

Всецѣло присоединяясь къ сужденіямъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, комитетъ, со своей стороны, признаетъ исполнѣ желательнымъ осуществленіе ходатайства Его Императорскаго Высочества объ отмѣнѣ ограничительныхъ мѣръ по изданію св. Писанія на малороссійскомъ языкѣ.

Признавая мѣру эту исполнѣ отвѣчающею предначертаніямъ Его Императорскаго Величества, изображеннымъ въ пунктѣ шестомъ Именного указа 12-го декабря 1904 года, комитетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяется всецѣло къ заявленію высокопреосвященнѣйшаго Антонія о необходимости испрошенія на каждое такое изданіе благословенія Святѣйшаго Синода. Имѣя же въ виду, что въ настоящее время на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода уже представленъ находящійся въ распоряженіи Императорской Академіи Наукъ переводъ Четверо-Евангелія, комитетъ признаетъ особенно благовременнымъ повергнуть настоящее дѣло на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ: отмѣнить ограничительныя мѣры, установленныя для изданія книгъ священнаго Писанія на малорусскомъ языкѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы на каждое такое изданіе испрашивалось благословеніе Святѣйшаго Синода.

Такое положеніе комитета удостоилось Высочайшаго утвержденія 25-го февраля текущаго года.

Въ настоящее время, какъ мы слышали, переводъ Евангелія Морачевскаго посланъ на разсмотрѣніе одному изъ епископовъ—малороссу.

Мнѣніе 32 столичныхъ пастырей о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи ¹⁾.

Державною Волею предрѣшено открыть недостававшій просторъ для свободнаго проявленія религіозной жизни какъ тѣхъ гражданъ Россійской Имперіи, которые чужды свѣту христіанства, такъ и тѣхъ, которые воспріяли этотъ свѣтъ внѣ чистаго отраженія его въ единой Церкви Христовой, или отпали и отложились отъ нея по малозначительнымъ обрядовымъ недоразумѣніямъ. Предстоящее освобожденіе религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій, ставящихъ извѣстные предѣлы иновѣрію, инославію и старообрядчеству въ огражденіе господствующей Церкви, не можетъ не быть привѣтствуемо во всей полнотѣ духовной радости истинными сынами православной Церкви, истинными ревнителями чистоты ея и святости. Въ сердцахъ ихъ всегда живы были слова апостола: „Кто ты, судящій чужого раба? Предъ своимъ Господомъ стоять оныя или падаетъ; и будетъ возставленъ, ибо силенъ Богъ возставить его“ (Римл. 14, 4). Эта духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ общаемое освобожденіе совѣсти „чужихъ рабовъ“ съ самой православной Церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ нареканіе, выставившее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, но не ею измышлены и по существу противны духу ея. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго принижавшему нашу православную Церковь нареканію можетъ пріобрѣсти или возстановить она „доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ“ (1 Тим. 3, 7) и стать предъ внѣшнимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта.

Но Церкви, для надлежащаго сіянія этимъ свѣтомъ, еще недостаточно возстановленія правды въ ея положеніи относительно внѣшнихъ. Внутри себя она есть, по божественному предначертанію, „святая святыхъ“ обитающаго въ ней Духа Животворящаго и совершающаго служеніе въ „святая святыхъ“ душъ человѣческихъ, руководя своихъ чадъ совокупно и къ личной каждому цѣли—спасенію во Христѣ и къ общей всѣхъ цѣли—созиданію Царства Божія въ людяхъ, объединяемыхъ въ единое словесное стадо Христово. Еще важнѣе сознанія своей правоты предъ внѣшними должно быть для нея сознанія правоты своей внутренней, свидѣтельство обитающаго въ ней Духа, что внутри себя она живетъ только Его вѣчною правдою, что она свободна отъ мірскихъ началъ, не вѣдаетъ другихъ внушеній и повелѣній, кромѣ внушеній Духа

¹⁾ Настоящая записка, выражающая мнѣніе группы столичныхъ священниковъ, была 15 марта представлена спб. митрополиту Антонію.

Святаго и повелѣній своего божественнаго назначенія. Только Церковь свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ строѣ своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей ввѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся Церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполне обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Внѣ этой свободы Церковь можетъ только пребывать, сохраняться, но жить, вліять, дѣйствовать такъ, какъ свойственно ей по ея природѣ, она не можетъ. Что же будетъ, если свободою религіозной жизни, исповѣдыванія и проповѣдыванія своей правды будутъ пользоваться всѣ виды большого или меньшаго религіознаго заблужденія, всѣ религіозныя общества и союзы,— и только православная Церковь, хранительница подлинной Христовой истины и благочестія, одна будетъ оставаться лишенною равной и одинаковой съ ними свободы? Ограниченный въ своемъ самоопредѣленіи и выраженіи, голосъ Церкви православной, подверженный подозрѣнію въ порабощенности мірскимъ, государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, сможетъ-ли противостоять свободнымъ, искреннимъ и убѣжденнымъ голосамъ исповѣдниковъ иновѣрія, инославія, старообрядчества, всякаго иномыслія, не будетъ-ли заглушаться онъ этими голосами? А что голосъ Церкви, признаваемой „первенствующею и господствующею“, не имѣетъ соотвѣтствующаго этому достоинству авторитета независимости и весьма часто представляется не только для чужихъ, но и для присныхъ несвободнымъ отъ стороннихъ вліяній и соображеній,—казалось бы не слѣдуетъ и доказывать, въ виду, напримѣръ, основной статьи государственнаго законодательства, по которой: „Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святейшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго“ (Св. Зак. т. I, ч. 1, гл. VII, ст. 43).

Все чаще и чаще слышатся упреки и обвиненія православной Церкви, что общественная жизнь наша отошла отъ ея вліянія, устрояется и обычно течетъ, не справляясь съ правдой Христовой и жизнью церковной; что созидающія силы общественной жизни сторонятся отъ Церкви, не находятъ въ ней мужественнаго свидѣтельства о правѣ общественной жизни, безбоязненнаго исповѣданія истины и предъ высшими, какъ предъ низшими; что въ дни общественной тревоги и потрясенія подлинный голосъ Церкви Христовой, опредѣляемый ея божественнымъ призваніемъ, невозможенъ, а то, что говорится отъ лица Церкви, является даже вреднымъ, ибо говорится лишь въ одномъ направленіи, въ одну сторону, и умаляетъ значеніе церковнаго слова; что отъ этого умножается число чадъ церкви, которыя уже не знаютъ гласа ея, не

вѣрять ему, когда приходится его слышать, не идутъ къ ней и за ней, и много-много, если только относятся къ ней съ равнодушнымъ незлобіемъ. А вѣдь члены отходящаго отъ Церкви общества суть утрачиваемыя словесныя овцы словеснаго стада Христова, болѣзнь которыхъ отражается страданіемъ и всѣхъ остальныхъ членовъ тѣла церковнаго (1 Кор. 12, 26) и за которыхъ пастыри Церкви должны дать строгій отвѣтъ предъ пастыремъ добрымъ, душу Свою положившимъ за овцы Свой. Знаменія времени ярче и властительнѣе, чѣмъ когда-либо, свидѣтельствуютъ въ переживаемую нами годину, что Церкви надлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія, вслѣдствіе котораго она является или силой, дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ предъ государствомъ, или же ни теплымъ, ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ человѣческихъ дѣлъ и общественной жизни. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы Церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратить себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ канонѳвъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.

„Стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства“ (Галат. 5, 1). Этотъ великій призывъ апостола звучитъ не для однѣхъ только вѣрующихъ единицъ и не только въ миновавшемъ уже значеніи свободы отъ ига ветхаго закона. Она вѣчно и повелительно звучитъ и для всей Церкви, требуя, между прочимъ, охраненія самостоятельности и свободы церковной отъ всего, что порабощаетъ или грозитъ поработить ее внѣшнему игу мірскихъ началъ и цѣлей. Не подчиняться должна Церковь условіямъ и требованіямъ общественной и государственной жизни, какой бы высоты, всегда впрочемъ, относительной, ни достигали эти требованія; она должна дѣйствовать всегда какъ свободная благодатная сила, провозглашая лѣто Господне благоприятное. Свободный строй жизнедѣятельности церковной не можетъ подлежать усмотрѣнію человѣческому, не можетъ быть сочиненъ такъ или иначе, ибо во всѣхъ основаніяхъ и даже во всѣхъ главнѣйшихъ подробностяхъ онъ точно опредѣленъ восходящимъ къ апостольскимъ временамъ преданіемъ, увѣковѣченъ строемъ каноническихъ постановленій, сохраняющимъ въ этой части своей обязательную на всѣ времена силу и значеніе, но предоставляющимъ необходимый просторъ для согласныхъ съ нимъ приспособленій къ условіямъ мѣста и времени. Возстановленіе свободы церковной не можетъ и не должно быть совершено иначе, какъ чрезъ возстановленіе дѣйственности ограждающихъ эту свободу священныхъ канонѳвъ во всей полнотѣ ихъ и

чистотѣ. Если бы даже и представлялось возможнымъ въ настоящее время изобрѣтеніе лучшаго устройства церковнаго управленія въ обезпеченіе свободы церковной, то это лучшее, будучи только мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣло бы надлежащей авторитетности, подвергалось бы оспариванію и передѣлкамъ и вызывало бы только нареканія за отступленіе отъ стародавнихъ священныхъ началъ. Итакъ, стремленіе къ свободѣ церковной есть, какъ и должно быть, только стремленіе къ возстановленію начертаннаго канонами строя церковнаго самоуправленія, въ основномъ и существенномъ навсегда неотмѣннаго, ибо строимъ этимъ охраняется свобода Церкви вселенской, единой въ вѣкахъ, и безъ него помѣстныя Церкви не могли бы сохранить обязательный характеръ вселенскаго единства.

Нѣтъ возможности вкратцѣ описать съ надлежащей полнотою каноническій строй церковнаго управленія. Но все же нелишнимъ, быть можетъ, будетъ здѣсь вспомнить основоположныя черты домостроительства церковнаго въ предѣлахъ каноновъ вселенскихъ и признанныхъ вселенскою Церковью помѣстныхъ соборовъ и каноническихъ правилъ святыхъ отецъ (6 всел. соб., пр. 2).

Епископъ, засвидѣтельствованный при избраніи отъ клира и народа мѣстной Церкви, есть средоточіе и образецъ пастырства въ предѣлахъ Церкви, вѣренной его попеченію, центръ всей жизнедѣятельности и средоточіе любви церковной. Кромѣ вполне исключительныхъ случаевъ пужды церковной, онъ навсегда неотдѣлимъ отъ своей паствы, не можетъ имѣть повышеній и пониженій, ибо санъ епископскій безусловно равенъ и тождественъ повсюду; ни одинъ епископъ ни въ чемъ не имѣетъ іерархическаго превосходства предъ другимъ: ни отъ кого не можетъ получать онъ внѣшнихъ наградъ и отличій, о которыхъ ничего не вѣдаютъ святыя каноны. Но для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, а не по имени лишь, пастыремъ вѣреннаго ему стада, онъ совершаетъ пастырское служеніе свое,—во-первыхъ, совмѣстно съ сонмомъ пресвитеровъ, какъ своихъ совѣтниковъ, сотрудниковъ и сослужителей и предъ лицомъ народа, въ общеніи всего тѣла Церкви (Θεοφ. Алекс., пр. 7,—6,—14; Вас. Вел., пр. 89; Ант. соб., пр. 25; Кароал., пр. 42 и др.), — а во-вторыхъ, въ предѣлахъ сравнительно малой въ численномъ и территориальномъ отношеніи церковной единицы, всегда совпадавшей съ младшимъ дѣленіемъ государственной области, такъ что самонаибольшіе только городки и мѣстечки могли быть оставляемы безъ епископа, да и то потому, что жизнь въ древнія времена несравненно болѣе, чѣмъ теперь, сосредоточивалась въ городахъ. Главный городъ области—митрополия—есть каедрa митрополита или архіепископа, съ вѣдома котораго собираются посвященные исправленію всѣхъ областныхъ дѣлъ церковныхъ постоянные періодическіе соборы, но который самъ, помимо собора, не имѣетъ никакой власти ни надъ епи-

сконами своей области, ни надъ чѣмъ въ предѣлахъ ихъ епархій Областной—митрополичій—соборъ, кромѣ совершаемаго имъ устроенія и упорядоченія дѣлъ церковныхъ, вѣдаетъ недоразумѣнія и несогласія между епископомъ и клириками или мірянами и такія дѣла, которыя подлежатъ второй судебной инстанціи, и передаетъ ихъ, въ случаѣ недовольства и обжалованія, на разсмотрѣніе высшаго собора,—собора патріархата, по мѣрѣ нужды собираемаго. Припоминаемъ, что митрополичьи округа, сообразно областямъ римско-византійскаго государства, уступали въ размѣрахъ нашимъ губерніямъ, а отдѣльныя епархіи отнюдь не превосходили нашихъ уѣздовъ, какъ не превосходятъ они и по сіе время въ греческой Церкви. При такомъ только условіи осуществляется и можетъ осуществляться полнота сближенія епископа съ клиромъ и народомъ, упрощеніе служенія епископскаго, обезпеченіе его церковной высоты и возможность соборнаго управленія, безусловно облегчаемаго въ настоящее время удобствомъ сообщенія и передвиженій.

Если воспроизведенныя нормы каноническаго церковнаго строя найдутъ мѣсто въ устроеніи и обезпеченіи церковнаго самоуправленія нашей православной Церкви, то на первомъ планѣ должно стоять, такимъ образомъ, упорядоченіе и развитіе епархіальнаго управленія въ строгой сообразности съ духомъ каноновъ, узаконяющихъ широкій просторъ соборности въ Церкви. Эта соборность корнями углубляется въ самостоятельную, широко развитую жизнь приходо-въ, какъ низшихъ единицъ, ячеекъ жизни церковной, а вверху увѣнчивается повременными соборами всей Церкви, предсѣдательствуемыми архіепископомъ царствующаго града, которые выдѣляютъ изъ себя для постояннаго, въ промежутки между этими соборами, управленія Церковью священныи или святѣйшій синодъ, подъ предсѣдательствомъ того же архіепископа. Отличаясь отъ другихъ епископовъ этой своей соборной честью, столичный архіепископъ ради нея, т. е. какъ предсѣдатель и представитель повременныхъ соборовъ всей Церкви и правящаго синода, носитъ именованіе всероссійскаго патріарха.

Итакъ, по условіямъ настоящаго времени, для православной Церкви неотложна необходимость получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возвратить эту свободу, она должна возстановить въ полнотѣ и неприкосновенности каноническое церковное устроеніе, воспринятое по преданію апостольскому, отъ котораго она не должна была и не можетъ отступать.

На вопросъ: какъ же достигнуть великой и святой цѣли возстановленія канонической свободы православной Церкви въ Россіи,—отвѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, можетъ быть только одинъ: чрезъ нарочито для сего созданный помѣстный соборъ русской Церкви.

О желательныхъ преобразованіяхъ въ управленіи православною Церковью ¹⁾.

1) Бывшія въ комитетѣ министровъ сужденія по вопросу о вѣротерпимости открываютъ отдѣлившимся отъ православной Церкви (старообрядцамъ, сектантамъ и пр.) извѣстное государственное положеніе съ опредѣленными правами и льготами, и въ то же время не касаются ихъ внутренней, въ собственномъ смыслѣ, церковной жизни. Вопросы, напр., о бракѣ и разводѣ, о церковномъ судѣ надъ духовными и свѣтскими лицами, объ организаціи общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначеніи и способахъ выбора высшаго и низшаго духовенства и т. п.,—все это останется внѣ вмѣшательства государственной, свѣтской власти (пока не выйдутъ, конечно, за предѣлы дозволеннаго русскому подданному вообще). Такая автономія въ своихъ церковныхъ дѣлахъ ставитъ помянутыя общества въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находится нынѣ признаваемая господствующею въ государствѣ Церковь православная, и, предоставляя духовенству этихъ обществъ особенный, исключительный авторитетъ, въ дѣлахъ церковныхъ, открываетъ духовенству возможность широкаго вліянія на всю вообще жизнь, и семейную и общественную, своихъ пасомыхъ. Это, вмѣстѣ съ возможностью автономной организаціи, создастъ изъ этихъ обществъ силу весьма внушительную и для многихъ болѣе привлекательную, чѣмъ стѣсненная въ своей чисто церковной дѣятельности Церковь православная. Въ особенности это нужно сказать объ общинѣ, пріемлющей „австрійское священство“: она имѣетъ всю видимость православной Церкви. Можетъ явиться опасность, что эта община обратится въ Церковь народную, тогда какъ православная Церковь останется только Церковью государственной.

Въ виду этого, а также и въ виду того, что православная Церковь составляетъ одну изъ главныхъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ, не является ли и съ точки зрѣнія государства существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее государственное положеніе православной Церкви въ Россіи съ тѣмъ, чтобы и при измѣнившемся государственномъ положеніи отпадшихъ отъ нея, не лишитъ ея авторитета у народа и не лишитъ ея вліянія на послѣдній.

2) Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ теперь является ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ Церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ всегдѣ неслышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни.

3) Не слѣдуетъ ли, поэтому, предоставить православной Церкви большей свободы въ управленіи ея внутренними дѣлами, гдѣ бы она могла руководиться, главнымъ образомъ, церковными канонами и нравственно-ре-

¹⁾ Положенія, внесенныя въ Комитетъ министровъ высокопреосвященнымъ Антоніемъ.

лигіозными потребностями своихъ членовъ и, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства.

4) Наставникъ и проч. духовныя лица инославныхъ общинъ, являясь ставленниками этихъ послѣднихъ, должны имѣть для нихъ особый авторитетъ и при всѣхъ обстоятельствахъ не только чисто церковной, но и общественной жизни оказываютъ естественными представителями своихъ общинъ и ходатаями за нихъ предъ правительствомъ. Такого же непосредственнаго участія въ общественной жизни прихода желаетъ и отъ православнаго духовенства Высочайшій указъ отъ 26 іюня 1904 года. Поэтому, не слѣдуетъ ли распространить на православныхъ священниковъ права быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учреждений, имѣющихъ мѣсто въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ и быть представителями общины предъ властями, при желаніи послѣдней.

5) Чтобы голосъ церкви былъ болѣе слышенъ въ государственномъ управленіи (которое принципиально призываетъ на себя благословіе Церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно отъ полномочныхъ представителей Церкви знать ея взглядъ на тотъ или другой предметъ, и представители Церкви могли непосредственно разъяснять государственнымъ сановникамъ церковныя дѣла и ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ Церкви, не признано ли будетъ желательнымъ теперь же предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи (нѣсколькимъ изъ нихъ, по рангу или по выбору церкви) участія съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, комитета министровъ и подобныхъ высшихъ государственно-законодательныхъ учреждений.

6) Для развитія приходской благотворительности и вообще для оживленія прихода и правильной организаціи приходской жизни было бы весьма важно признать приходъ юридическимъ лицомъ съ правомъ собственности, что давало бы приходской организаціи устоячивость и средства матеріальныя. Съ другой стороны православная Церковь въ отношеніи къ вопросу о приобрѣтеніи собственности окажется въ будущемъ едва ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ общины, отдѣлившіяся отъ нея: всякая собственность, хотя бы отказанная Церкви по завѣщанію, закрѣпляется теперь за церковнымъ учрежденіемъ только Высочайшею волею. Поэтому, не признано ли будетъ возможнымъ теперь же пересмотрѣть законы о правѣ Церкви на собственность, ея приобрѣтеніе и пользованіе.

7) Возрожденіе и оживленіе прихода, отъ чего справедливо ожидаютъ благотѣльныхъ послѣдствій для народнои и государственной жизни вообще, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда инициатива во многихъ дѣлахъ, а равно и окончательное вершеніе ихъ будутъ перенесены изъ центра въ области и епархіи. Но такая децентрализація, вмѣстѣ съ указанной выше перемѣной въ государственномъ положеніи православной Церкви, естественно предполагаетъ и влечь за собою многія измѣненія въ строѣ церковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго, и во взаимныхъ отношеніяхъ того и другого. Все это приводитъ къ мысли о необходимости пересмотра церковнаго строя. Съ другой стороны и независимо отъ этого, существуетъ настоятельная и въ литературѣ уже давно признаваемая необходимость

пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, напр., особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съездовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ и мн. др. Хотя всѣ эти вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, но вполне компетентно и окончательно могутъ быть разрѣшены только въ церковномъ совѣщаніи. Поэтому, не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій.

О словѣ „раскольникъ“.

„Раскольники наши протестуютъ противъ названія ихъ раскольниками и требуютъ, чтобъ ихъ называли старообрядцами. Но ихъ протестъ и требованіе вовсе неосновательны. Такъ какъ раскольникъ (*εἰσαχτικός*, схизматикъ) есть названіе общее или родовое, означающее всѣхъ людей, отдѣляющихся отъ Церкви изъ-за какихъ-нибудь частныхъ причинъ извѣстнаго свойства и характера или извѣстной важности (Василія Великаго каноническое правило 1),—то, конечно, они не просто раскольники, а раскольники - старообрядцы (точнѣе было-бы — инообрядцы, особообрядцы, а не было-бы совсѣмъ неправильно и несправедливо и—новообрядцы, такъ какъ въ ихъ разностяхъ съ нами есть и новшества).

Но они дѣйствительно раскольники, и если у насъ принято и вошло въ обычай называть ихъ просто этимъ послѣднимъ именемъ безъ прибавленія старообрядцы, то понятная причина сего есть та, что у насъ нѣтъ другихъ раскольниковъ, что дѣлало бы нужнымъ частнѣйшее обозначеніе. А если раскольники заявляютъ претензію, чтобы мы, называя ихъ старообрядцами, не соединяли съ этимъ понятія раскольникъ, или не считали ихъ за раскольниковъ, то претензія такая равносильна тому, чтобы самихъ себя мы признали за раскольниковъ (ибо между нами двоими кто-нибудь да раскольникъ, а не оба мы одинаково православны, что невозможно)“.

См. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ (Сергіевъ посадъ, 1892 года, стр. 1—2). Е. Е. Голубинскаго, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ.

Каноническія права и обязанности помѣстной автономной церкви или патріарха.

Патріархъ есть глава всѣхъ епископовъ помѣстной церкви; его имя поминается при богослуженіи во всѣхъ церквахъ, какъ кафедральныхъ, такъ и приходскихъ прежде имени мѣстнаго епископа (Ап. 34, Ант. 9. Перв. 4, Двукр. 4), патріархъ наблюдаетъ за церковнымъ порядкомъ и благоустройствомъ во всей русской Церкви. Для достиженія этой цѣли онъ имѣетъ право и обязанность посѣщать епископіи или назначать вмѣсто себя произвести ревизію довѣренныхъ лицъ, преимущественно

епископскаго сана (Ап. 34, Ант. 9). Патріархъ имѣетъ особенное попеченіе о праздныхъ епископскихъ кафедрахъ и принимаетъ мѣры къ ихъ замѣщенію (Перв. 4, Ант. 19, Четв. 25). Патріархъ заботится о пріисканіи достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакантныхъ архіерейскихъ кафедръ и испытываетъ ихъ достоинства (VII, 2). Патріархъ даетъ епископамъ отпуски на путешествіе внутри и внѣ Имперіи (Карө. 33, Лаод. 41). Патріархъ словомъ и примѣромъ руководитъ епископовъ въ исполненіи пастьрскихъ обязанностей. Въ случаѣ нерадѣнія епископа объ исполненіи своихъ обязанностей патріархъ уполномочивается вмѣшаться въ управление епархіей (VII, II). Патріархъ завѣдуетъ наличными ставропигіальными монастырями. Патріархъ принимаетъ жалобы и доношенія на епископовъ, апелляціи на ихъ судъ и наряжаетъ слѣдствіе и судъ по этимъ жалобамъ и апелляціямъ (IV, 9, Ант. 14, Карө. 28, 37 139, Сард. 14). Патріархъ принимаетъ мѣры къ поощренію добръ трудящихся епископовъ наградами. Патріархъ имѣетъ право и обязанность созывать повременныя соборы епископовъ, предсѣдательствовать на нихъ, предлагать вопросы для обсужденія, наблюдать за порядкомъ обсужденія и приводить въ исполненіе постановленныя рѣшенія. Тѣми же правами предсѣдателя пользуется патріархъ и по отношенію къ своему постоянному синоду. Патріархъ служитъ органомъ сношеній помѣстной Церкви съ Государемъ, докладываетъ ему о нуждахъ церкви, онъ же сносится съ другими помѣстными церквами.

Порядокъ избранія патріарха въ константинопольскомъ патріархатѣ таковъ. Въ случаѣ вакантности патріаршей кафедры избирается синодомъ мѣстоблюститель патріаршаго престола. Право быть мѣстоблюстителемъ принадлежитъ старшему по посвященію въ епископы изъ постоянныхъ членовъ синода. Мѣстоблюститель извѣщаетъ всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ русской Церкви о вакантности патріаршей кафедры и приглашаетъ ихъ, въ теченіе примѣрно мѣсяца, сообщить синоду свое мнѣніе о томъ, кого изъ наличныхъ епископовъ каждый изъ нихъ считаетъ достойнымъ быть патріархомъ. Въ свою очередь и всѣ наличные члены синода указываютъ письменно на имя мѣстоблюстителя каждый своего кандидата. По полученіи отвѣтовъ и заявленій намѣчаются изъ поименованныхъ епископовъ по большинству полученныхъ избирательныхъ голосовъ три кандидата. Изъ этихъ кандидатовъ синодъ въ особомъ засѣданіи, соединенномъ съ положеннымъ церковнымъ молитвословіемъ, избираетъ посредствомъ тайной подачи голосовъ одного въ патріархи. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Постановленіе синода о новоизбранномъ патріархѣ представляется предсѣдателемъ синода на утверженіе его величества султана. По полученіи брата султана новоизбранный патріархъ вступаетъ на патріаршую кафедру по установленному чину и получаетъ отъ мѣстоблюстителя архипастырскій жезлъ. Послѣ этого новопоставленный патріархъ является къ султану для выраженія своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Такой же вообще порядокъ избранія патріарха предполагается и въ нашей Церкви.

ОТКЛИКИ.

Благовѣсть или набать?

(По поводу записки группы столичныхъ священниковъ „о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи“).

„Не уклони сердце мое въ слова лукавствія, нещевати вины о грѣсѣхъ“...

Предъ нами записка группы петербургскихъ священниковъ „о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи“. Записка подписана, какъ сообщаютъ, 32 столичными пастырями; хотя цифра эта, сравнительно съ общимъ числомъ столичнаго духовенства и незначительна, тѣмъ не менѣе записка составляетъ явленіе серьезное и знаменательное! Теперь о необходимости реформы нашего церковнаго управленія сказано слово группой самихъ церковныхъ пастырей, благословенно принято высокопреосвященнымъ архипастыремъ, опубликовано на страницахъ органа столичной академіи и тѣмъ отдано на обсужденіе печати. Правда, еще рѣдѣе записки раздавались въ свѣтской прессѣ голоса по этому вопросу; но они въ большинствѣ своемъ едва-ли достойны были вниманія церковныхъ людей: ну чего стоитъ напр. статья „Русскаго патріота“ изъ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей“, гдѣ баснословится, что: „на дѣла русской церкви долженъ обратить вниманіе русскій (хорошо, что хоть не германскій!) *министръ внутреннихъ дѣлъ*, возстановитъ дѣйствіе церковныхъ каноновъ—прямая и первая обязанность *гражданской* власти... *вся русская помѣстная церковь* благословила бы министра внутреннихъ дѣлъ на немедленное проведеніе въ жизнь *церковныхъ реформъ* благословила-бы его попытку поднять упавшій *церковный духъ*... для этихъ реформъ достаточно одного магическаго слова—*fiat*... духовенство должно стать *выборнымъ*—это настоятельная потребность нашей *гражданской церкви*! и что о возстановленіи у насъ патріаршества, „долженъ позаботиться *всѣмъ* помышленіемъ своимъ *русскій министръ внутреннихъ дѣлъ*“ (№ 43 с. г.). Можно-ли считать, на почвѣ церковно-канонической, съ призывомъ *мини-*

стра внутреннихъ дѣлъ къ церковной реформѣ, къ приведенію въ дѣйствіе церковныхъ канонѡвъ въ гражданской церкви и къ поднятію упавшаго церковнаго духа? Если „Русскій патріотъ“ знаетъ, какъ рѣшительно отвергается церковными канонами вмѣшательство гражданской власти во внутреннія дѣла Церкви, то его словъ нельзя понимать иначе, какъ за нѣкое иносказаніе. Иначе дѣло обстоитъ съ „запиской“. Тутъ говорятъ пастыри, участвуетъ перво-архипастырь, приведены каноны; и дѣло представлено, какъ неотложная необходимость. Повторяемъ, что записка представляетъ собою событіе огромной исторической важности. Содержаніе „записки“ наши читатели прочтутъ выше въ „Мисс. Вѣстникѣ“. Обойти молчаніемъ эту записку нельзя; надъ ней стоитъ глубоко задуматься.

Въ ней между прочимъ пишется:

Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы церковь возвратила себѣ всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны жизни человѣческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна возвратитъ себѣ прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ канонѡвъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности.

Слава Богу, повѣяло стариной. „Мы пришли бить челомъ объ исправленіи вѣры“...

* * *

Вопросъ о возстановленіи въ Русской церкви патріаршества—не сегодняшній. О немъ есть уже своя литература. И, откровенно говоря, записка петербургскихъ батюшекъ—наислабѣйшая ея страница, хотя и самая крикливая: тутъ слышатся именно ноты: „мы пришли бить челомъ о исправленіи вѣры“.

«По условіямъ настоящаго времени, для православной церкви неотложна необходимость получить исконную каноническую свободу. Но чтобы возвратитъ эту свободу, она должна возстановитъ въ полнотѣ и неприкосновенности каноническое церковное устройство, воспріятое по преданію апостольскому, отъ котораго она не должна была и не можетъ отступать».

Но, позвольте, какія-же это такія условія настоящаго времени, которыя создали бы именно теперь лишь „неотложную необходимость“ возстановленія канонической свободы церкви? Трудно догадаться! Ужъ не война-ли съ Японіей и ея неудачи? Для газетнаго набата о земскомъ соборѣ, который предъявилъ-бы теперь именно длинный счетъ министерствамъ иностранныхъ дѣлъ, морскому, военному и др., которыя своею барскою безпечностью навлекли на страну позоръ и разореніе, наша война на Даль-

немъ Востокъ—причина вполне понятная. Тутъ дѣйствительно по адресу бюрократовъ своевремененъ окрикъ: встаньте—„собранный судъ идетъ“:

Мы васъ кормили, а вы лишаете насъ пищи; мы васъ обогащали, а вы насъ разоряете, мы вамъ воздавали честь, а вы насъ безчестите... „прійдите и стяжимся“. Такъ большинство понимаетъ задачи предстоящаго земскаго собора. А въ чемъ *raison d'être* „неотложной необходимости“ именно теперь возстановленія для церкви канонической свободы, „ископи ей принадлежавшей и опредѣленной строемъ священныхъ канонѳвъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей ископной для нея *обязательности*“? Ужели японцы—причина такой ревности о возстановленіи пренебрегаемыхъ, но *обязательныхъ* для Церкви священныхъ канонѳвъ?! Въ противномъ случаѣ, — естественно спросить, а гдѣ вы, отцы, были „раньше“ и почему не могли потерпѣть до „послѣ“?

Попавши видимо въ фарватеръ современнаго теченія и приподнятой настроенности, отцы, впрочемъ, такъ объясняются:

Знаменія времени ярче и властительнѣе, чѣмъ когда-либо, свидѣтельствуютъ въ переживаемую нами годину, что Церкви надлежитъ выступить изъ несвойственнаго и недостойнаго положенія, вслѣдствіе котораго она является или силой, дѣйствующей подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ понимаемыхъ обязательствъ предъ государствомъ, или же ни теплымъ, ни холоднымъ спутникомъ и созерцателемъ челоѳвческихъ дѣлъ и *общественной* жизни.

Да ужели же въ самомъ дѣлѣ пастыри духовные, не „судящіе чужого раба“ и „руководящіе своихъ духовныхъ чадъ къ спасенію во Христѣ“ (какъ говорятъ они о себѣ въ запискѣ) будутъ съ церковной кафедрѣ громить порядки того или другаго *министерства* и политиканствовать въ вопросахъ *общественной* жизни? Что-то не послѣдовательно! Нѣтъ, отцы, если вы признаете, что „только православная Церковь хранительница *подлинной* Христовой истины и благочестія“ и въ то же время „во всей полнотѣ духовной радости“ привѣтствуете снятіе всякихъ „огражденій господствующей Церкви отъ иновѣрія, инославія и старообрядчества“ (сектанство, болѣе опасное для Церкви, почему-то опущено), если вы *eo ipso* проповѣдуете въ „церковной свободѣ“ собственно отдѣленіе Церкви отъ государства: то естественно вамъ государство скажетъ: знайте только „свой шестокъ“: спасайте души своихъ чадъ духовныхъ, „повинуясь велѣніямъ Св. Духа“, — читайте имъ назиданія и душеспасительныя сказанія изъ Прологовъ, Четь-Мяней и т. п., словомъ, пользуйтесь всѣми духовно-пастырскими средствами нашего „патріар-

шаго“ періода, а чужого дѣла, „чужихъ рабовъ“ не касайтесь. Да если по правдѣ сказать, то, при полной свободѣ исповѣданій, которая неминуемо перейдетъ въ свободу пропаганды, для васъ, отцы, и своей работы будетъ болѣе, чѣмъ преизбыточно. Займитесь Словомъ Божиимъ, изучите расколо-сектантство и познакомьтесь съ церковными канонами, „пренебрегаемыми“, но „обязательными“ въ Церкви, чтобы въ газетныхъ писаніяхъ съ апломбомъ не заявлялось, напр., со стороны пастырей, что теперь „даже не богословски образованному человѣку извѣстно, что книга Притчей *неканоническая*“ (свящ. А. Смирягинъ въ газетѣ „Слово“) ¹⁾. Если же съ такими, какъ въ „Словѣ“, познаніями, съ такимъ оружіемъ выступите вы, отцы, на поле брани съ инославіемъ и расколо-сектантствомъ, при полной свободѣ исповѣданій, то не придется вамъ радоваться „всей полнотою духовной радости“... ибо едва ли половина теперешней православной паствы устоитъ противъ искушенія нашей слабости. А другая половина, исключительно по винѣ нашей, можетъ уйти изъ Церкви и никакая соборность управленія и никакое патріаршество не удержитъ ее на лонѣ „подлинной Христовой истины“: настолько теперь силенъ врагъ Церкви и настолько слабы силы стражей церковнаго стада... Если Японія, втрое слабѣйшая Россія, гонитъ и бьетъ насъ, потому, что она подготовленнѣ насъ къ войнѣ, то тоже случится и при нашей войнѣ съ отступнической пропагандой: тамъ давно идетъ подготовка, а у насъ, и при сознаніи своей правоты и силы, однѣ— „шапку“...

* * *

Духовная радость усугубляется отъ сознанія, что чрезъ обѣщаемое освобожденіе совѣсти „чужихъ рабовъ“ съ самой православной Церкви снимается тяжелое, обезоруживавшее ее въ словѣ и въ дѣлѣ *нареканіе*, выставлявшее ее виновницей насилій и гнета, которые производились подъ предлогомъ ея защиты, *но не ею измышлены* и по существу противны духу ея. Только по окончательномъ устраненіи всѣхъ поводовъ къ столь долго прижиавшему нашу православную Церковь нареканію можетъ пріобрѣсти или возстановить она „доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ“ (1 Тим. 3, 7) и стать предъ внѣшнимъ міромъ во всей полнотѣ и яркости принадлежащаго ей свѣта.

Еще важнѣ сознанія своей правоты предъ внѣшними должно быть для нея *сознаніе правоты своей внутренней*, свидѣтельство обитающаго въ ней Духа, что внутри себя она живетъ только Его вѣчною правдою, что она свободна отъ мірскихъ началъ, не вѣдаетъ другихъ внушеній и повелѣній, кромѣ внушеній Духа Святаго и повелѣній своего божественнаго назначенія. Только Церковь *свободная въ исповѣданіи полноты своего самосознанія*, во-

1) Ср. 85 ап. пр., 2 пр. 6 вс. соб., 6 пр. Лаодиц. соб.

внутреннемъ строе своемъ, въ служеніи слова своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей вѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся Церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ полную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполне обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія.

Отъ всего этого отдаетъ доктринерствомъ и не свободнымъ при томъ отъ логическихъ и психологическихъ дефектовъ. То правда, конечно, что „внѣшнія мѣры“ стѣсненія инославной и отступнической пропаганды ставили православную Церковь въ обидное въ нѣкоторомъ смыслѣ положеніе охраняемой немощи, вызывали на Церковь нареканіе и т. п. Но, отцы честные,—да и по вашему вѣдь это—только *нареканіе*, эти мѣры *не Церковью измыслены!*.. Такъ какимъ же это образомъ онѣ могутъ тяготить сознание Церковью *своей правоты* предъ „внѣшними“ и правоты своей *внутренней*? Какимъ это образомъ онѣ могли ограничивать ея „свободу въ исповѣданіи полноты своего самознанія“? Развѣ Церковь во внутреннѣйшемъ сознаніи и при „исповѣданіи полноты своего самознанія“, можетъ имѣть укоръ за дѣло, *не ею измысленное* и не отъ нея зависящее? Развѣ кто отвѣчаетъ за чужое дѣло или терзается за него въ своей совѣсти? Нѣтъ, многократно нѣтъ,—какъ выходитъ и по „запискѣ“, внѣшнія мѣры въ огражденіе Церкви „не Церковью измыслены“ и, стало быть, ровно никакого отношенія не имѣютъ къ ея сознанію своей внутренней правоты, къ ея „свободѣ въ исповѣданіи полноты своего самознанія“! „Записка“ даетъ здѣсь явный промахъ. А если такъ, то само собою ослабляется и значеніе всего того, что на этихъ ея словахъ основывалось: что только при означенной свободѣ, „Церковь можетъ *поддерживать* въ совокупности чадъ своихъ полную сыновне чистую вѣру въ себя и вполне обладать необходимымъ для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія“... Какъ показано, свобода эта для „сознанія Церковью своей *внутренней правоты*“ была, а дессидентство умножалось, чада Церкви расходились изъ подъ отчаго крова „во страну далече“—по расколотантскимъ дебрямъ, отъ пастырскаго слова не „горѣли“, а тухли и холодѣли человѣческія сердца. Что это значитъ? Причина на лицо, а дѣйствія нѣтъ! Да дѣло понятное: дѣйствіе этой причины парализуется другой причиной. А эту другую причину, скорбно, но необходимо указать въ отсутствіи духа церковности, въ игнорированіи множества „пренебрегаемыхъ, но обязательныхъ канонѣвъ“, въ теплохладности къ православной вѣрѣ и наконецъ, въ бездарности—среди самихъ нашихъ пастырей... Прости.

Господи, что, по великому посту, когда такъ часто читается въ Церкви трогательная молитва св. Ефрема Сирина... „Господи и Владыко живота моего... даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего“, — приходится писать эти слова! Вызываемся на это „непщеваніемъ вины о грѣсѣхъ“, тоже часто вспоминаемъ въ великомъ посту и какъ разъ въ этотъ постъ появившимся въ печати.. Въ самомъ дѣлѣ, при свв. Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ и др., „внѣшнія мѣры“ тоже принимались во огражденіе Церкви отъ еретиковъ, да еще и посильнѣе современныхъ, гражданская власть не менѣе, если не болѣе нашей, современной, принимала участіе въ церковной жизни; а какъ они „глаголомъ жгли сердца людей“?! А паства ихъ по своему религіозно-гражданскому развитію едва-ли еще—не наше будущее! А слово Кронштадтскаго „добраго пастыря“, о. Іоанна? Развѣ въ другомъ царствѣ оно раздается? Развѣ при иной общественно-государственной обстановкѣ жгуче оно и дѣйственно для сердець человѣческихъ?.. Да спросите вы нашихъ отступниковъ, спросите и тѣхъ, у кого вообще не горитъ сердце отъ нашего пастырскаго слова: въ чемъ причина ихъ отступничества отъ Церкви или холодности къ ней? Едва-ли вамъ хотъ одинъ укажетъ прежде всего на „внѣшнія мѣры“ или форму нашего церковнаго управленія. Всегда же, и во-первыхъ, покажутъ перстомъ на служебныя или личныя немощи нашихъ пастырей... Нѣсколько лѣтъ я проводилъ въ бесѣдахъ съ раскольниками и сектантами. И въ самыхъ рѣдкихъ исключеніяхъ не приходилось обороняться отъ указаній: „посмотри, какіе у васъ пастыри“. Тутъ: и игра въ карты, тутъ и нарушенія поста и пр. под. И ко всему подведены во множествѣ каноническія правила, подысканы мѣста „изъ писанія“ объ удаленіи отъ недостойныхъ пастырей и т. п. Миссіонерскій щитъ отъ такихъ стрѣлъ, правда, крѣпокъ. Противъ раскольниковъ въ данномъ случаѣ считается особенно острозначительнымъ мѣсто изъ Благов. Ев. Теофилакта (отъ Іоанна л. 301), о почитаніи „іереевъ... яко Бога, аще и недостойны суть: „Божія бо дара суть слуги и благодать дѣйствуетъ ими, якоже и осломъ валаамлимъ глагола“. И вотъ въ нѣсколько голосовъ вопять, бывало, раскольники о нашихъ пастыряхъ. А ты ихъ все—„осломъ валаамлимъ“ „осломъ“!.. но тутъ же наблюдаешь, что это доказательство и изъ старопечатной книги мало, однако, дѣйствуетъ на старообрядческія сердца. Итакъ, прежде всякихъ реформъ и доктринерства, чтобы слово наше было не кимваломъ бряцающимъ, а огнемъ жгучимъ, чтобы имѣли къ намъ довѣріе и наши и „внѣшніе“, намъ „самимъ“ лично необходимо „исцѣлиться“. „И все это приложится“ намъ...

* * *

Созидающія силы общественной жизни сторонятся отъ Церкви, не находя въ ней мужественнаго свидѣтельства о правдѣ общественной жизни, безбоязненнаго исповѣданія истины и предъ высшими, какъ предъ низшими... Отъ этого умножается число чадъ Церкви, которыя уже не знаютъ гласа ея, не вѣрятъ ему, когда приходится его слушать, не идутъ къ ней и за ней, и много-много, если только относятся къ ней съ равнодушнымъ незлобіемъ.

А вѣдь члены отходящаго отъ Церкви общества суть утрачиваемыя словесныя овцы словеснаго стада Христова, болѣзнь которыхъ отражается страданіемъ и вѣхъ остальныхъ членовъ тѣла церковнаго (1 Кор. 12, 26) и за которыхъ пастыри Церкви должны дать строгій отвѣтъ предъ пастыремъ добрымъ, душу Свою положившимъ за овцы Свои.

„Стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ и не подвергайтесь опять игу рабства“ (Галат. 5, 1). Не подчиняться должна Церковь условіямъ и требованіямъ общественной и государственной жизни... она должна дѣйствовать всегда какъ свободная благодатная сила, провозглашая *лѣто Господне благоприятное*.

О „созидающихъ силахъ общественной жизни“ особенно не скорбите, отцы! Онѣ не идутъ къ Церкви и за Церковь и не слушаютъ вашего гласа потому, что „не отъ двора сего“, и настояще-церковнымъ гласомъ вы ихъ во дворъ овчій не „приведете“. Трудно предполагать, что этимъ силамъ дорога вѣра и Церковь православная!.. Что имъ вѣра и Церковь?.. Имъ нужно лишь ваше „мужественное свидѣтельство о правдѣ общественной жизни“, т. е. ваше слово въ подтвержденіе ихъ политико-общественныхъ теорій и то лишь для воздѣйствія на темный людъ... Внѣ этого, повѣрьте, не нужна имъ ни ваша православная вѣра, ни ваша Церковь, ни вашъ голосъ. Для иллюстраціи. Въ 104 № газеты „Слово“ за т. г. въ статьѣ „изъ бесѣды о церковной реформѣ“, между прочимъ, сообщается, что одинъ „невѣрующій интеллигентъ“, по поводу скоропалительной реформы нашего церковнаго управленія, воскликнулъ: „попы-то, попы-то, — какіе молодцы: ей Богу, *если они такъ будутъ дѣйствовать*, то я опять *сдѣлаюсь православнымъ*“... Sapienti sat, — комментаріи лишні... Поскорбите, отцы, лучше о тѣхъ, кто не потерялъ еще вѣры Христовой и уходитъ изъ Церкви по другимъ причинамъ, отъ васъ зависящимъ и за кого вы дѣйствительно дадите строгій отвѣтъ... Къ тому же: вамъ необходимо „мужественное свидѣтельство о правдѣ общественной жизни“? Тогда зачѣмъ ваши дальнѣйшія слова о томъ, что Церковь не должна подчиняться „никакимъ *требованіямъ общественной и государственной жизни*“ и „должна дѣйствовать всегда, какъ свободная благодатная сила, провозглашая *лѣто Господне благоприятное*“? Уже забыто вами, что небесный Провозгласитель „*лѣта Господня благоприятнаго*“, проповѣдывалъ царство не отъ міра *сего* и отказался *раздѣлить имущество*

между двумя братьями?.. И намъ думается, что втягивать Церковь въ политико-общественные вопросы значить рыть для нея могилу, а вѣрующимъ въ нее благословить полный разбродъ. Вдали отъ этого можемъ любить ближнихъ и печаловаться объ обездоленныхъ, какъ умѣли это дѣлать въ старину наши мудрые и мужественные пастыри и архипастыри, и не засѣдая на правахъ членовъ въ гражданскихъ, не касающихся дѣлъ вѣры и нравственности, „совѣтахъ“, „комитетахъ“, „комиссіяхъ“ и т. п., невѣдомыхъ св. канонамъ установленіяхъ...

* *
* *
* *

Вопроса о каноническомъ предназначеніи переустройства нашего церковнаго управленія въ данный разъ не будемъ касаться, тѣмъ болѣе, что и „записка“ касается его слегка. Она указываетъ на соборность церк. управленія, приводитъ, не ведѣ къ дѣлу, нѣсколько каноническихъ правилъ, констатирующихъ будто бы власть епископа совѣтомъ пресвитеровъ, упоминаетъ о патріаршествѣ и настаиваетъ на необходимости всероссійскаго собора православной Церкви. Мысли о соборности церк. управленія, объ ограниченіи территоріи епархіальныхъ епископовъ однимъ уѣдомъ, о ближайшемъ и болѣе живомъ участіи ихъ въ религіозной жизни прихода, о большей церковности въ Церкви, объ оживленіи каноновъ и т. п.—нельзя не порадоваться. Давно пора... Хорошо бы и благопотребно присокупить къ этому вопросу о монашествѣ епископата и правѣ блага духовенства на епископство.

Какъ бы то ни было, „записка“, повторяемъ, знаменательная. Церковь переживаетъ историческія минуты. Быть можетъ, скоро болѣе „оживится“ наша церковная жизнь, быть можетъ, меньше будутъ уходить отъ Церкви ея недовольныя чада, и слово пастырей будетъ болѣе „жечь сердца человѣческія!“... А быть можетъ, капризная исторія приподнесетъ намъ тутъ повтореніе очень недавняго прошлаго: въ началѣ истекшаго года пламенно вопили: послать Куропаткина на врага, Куропаткина послать!.. а въ началѣ текущаго года съ зубовнымъ скрежетомъ заворчали: отозвать Куропаткина, отозвать — неспособень... Да, тревожное время, страшное время переживаемъ мы, и подъ черной и грозной тучей неудачъ на войнѣ, неудачъ великаго историческаго для насъ значенія, мы совершенно изнервничались и растерялись: сегодня мы восклицаемъ „осавна“ тому самому, о комъ или о чемъ завтра способны крикнуть „распя его“...

Н. Гринякинъ.

Почему 32?

Дивныя-предивныя дѣла творятся въ духовномъ вѣдомствѣ. Въ то время, какъ на страницахъ разныхъ газетъ въ поразительномъ изобиліи, говорящемъ объ единодушій обществу, появлялись одна за другой всевозможныя записки о необходимости преобразования въ системѣ нашего управленія, долгое время ни одна записка за подписью группы лицъ не исходила изъ среды, призванной быть солью земли и свѣтомъ міру. Можно было думать, что духовенство не нуждается въ реформахъ, или боится заявлять о нихъ, или же не желаетъ осложнять внутреннихъ затрудненій Россіи въ тяжелое время войны. Послѣднее предположеніе казалось наиболѣе вѣроятнымъ, потому что официально представители Церкви призывали всѣхъ къ сохраненію прежняго порядка въ государствѣ и порицали желаніе общественныхъ группъ пользоваться внѣшними и внутренними нестройностями для полученія большей свободы въ самоуправленіи и для перемѣнъ въ нашемъ государственномъ режимѣ.

И вдругъ, вопреки всѣмъ этимъ заявленіямъ, совершенно неожиданно совершается *coup d'état*. Группа изъ 32 священниковъ столицы подаетъ высокопреосвященному митрополиту записку, которая требуетъ коренныхъ реформъ въ русской Церкви. Записка эта печатается въ „Церк. Вѣстн.“, „Нов. Вр.“, „Руси“ и, если довѣрять газетамъ (см. „Нов. Вр.“, № 10433), получила значеніе документа, до извѣстной степени предрѣшившаго сложный вопросъ объ управленіи всею русской Церковью на новыхъ началахъ.

Кто эти 32 священника столицы? Почему мнѣніе этихъ 32 священниковъ возымѣло такую силу, когда одного блага духовенства въ Россіи числится не менѣе 70,000, и мнѣніе его по этому вопросу остается неизвѣстнымъ?

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, гдѣ была напечатана записка, она озаглавлена просто: „Мнѣніе группы столичныхъ священниковъ“, и не было указано даже число подписавшихся. Почему бы, казалось, имъ не назвать себя, хотя бы для того, чтобы всѣ знали, кто они по своему положенію и авторитету, насколько свѣдущи они въ исторіи и каноникѣ? Это желаніе настолько естественно и законно, что почти всѣ однородныя записки свѣтскихъ лицъ публиковались съ подписями для того, чтобы устранить всякую мысль о мистификаціи. Для духовенства же не скрывать свои имена, это — обязанность, потому что Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ“ (Матѣ. X, 32).

Когда дѣло идетъ о такихъ крупныхъ вопросахъ, какъ система церковнаго управленія и ненормальности церковной жизни, необходимо, чтобы не было и тѣни недоразумѣній; иначе всегда останется мѣсто подозрѣнію, что дѣло идетъ не о пользѣ церковной, а идетъ борьба за власть, за личныя преимущества.

Въ настоящее время вся Россія мечтаетъ о реформахъ и ждетъ ихъ. Но общее требованіе, чтобы эти реформы совершились не въ интересахъ небольшого кружка лицъ, а по желанію всего народа, чтобы предстоящія перемѣны были выполнены не по программѣ собора губернаторовъ, хотя бы и весьма мудрыхъ, а соотвѣтствовали бы наличнымъ потребностямъ народной жизни и были выяснены чрезъ опросъ выборныхъ представителей народа, черезъ Земскій Соборъ.

Въ предстоящей реформѣ русской Церкви дѣло обстоитъ по видимому какъ разъ наоборотъ. 32 столичныхъ священника признали необходимымъ произвести перемѣны въ Церкви, возвратившись къ начертанному канонами строю церковнаго самоуправленія, причѣмъ объявили каноническимъ и то, что таковымъ безъ оговорокъ признано быть никакъ не можетъ, и для введенія этого строя 32 священника потребовали созыва помѣстнаго Собора русской Церкви и учрежденія патріаршества.

По свѣдѣніямъ, уже передаваемымъ въ газетахъ, желаніе 32-хъ священниковъ, совпавшее съ желаніями іерархіи, будетъ исполнено: не только будетъ созванъ такой Соборъ настоящею весною, но уже предрѣшенъ Св. Синодомъ и вопросъ о необходимости возстановленія патріаршества.

Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны оспаривать необходимость перемѣнъ въ русской церковной жизни и говорить что-либо противъ церковнаго самоуправленія. Напротивъ, мы склонны настаивать на болѣе широкой программѣ реформъ, но намъ страннымъ кажется то, что 32 неизвѣстныхъ священника могли предрѣшить церковно-государственный вопросъ, рѣшеніе котораго коснется не только 70,000 лицъ бѣлаго духовенства, но и 100 милліоновъ русскаго народа. 32 таинственныхъ священника устроили религиозную и церковную жизнь всей Россіи!!!

Уже весною, какъ пишутъ, спѣшно будетъ созванъ помѣстный Соборъ для того, чтобы выбрать патріарха.

Что будетъ засѣдать на этомъ соборѣ? Газеты отвѣчаютъ: русскіе епископы, т. е. представители иночества и церковной власти. Но при такой обстановкѣ, по нашему мнѣнію, отъ новой реформы едва-ли можно ждать тѣхъ полезныхъ и прочныхъ результатовъ, на которые слѣдовало бы надѣяться. Вѣдь для мірянъ и бѣлаго духовенства мало имѣетъ значенія, какой титулъ будетъ носить тотъ, кто будетъ руководить русской Церковью, и въ какое отношеніе поставятъ себя лично епископы къ этому руководителю. Для вѣрующихъ важно, чтобы Церковь давала имъ религиозную жизнь, а не заставляла бы стадо разбѣгаться отъ Церкви. Существуетъ-ли какая нибудь гарантія тому, что реформа приметъ въ соображеніе всѣ интересы Церкви во всей ихъ сложной совокупности, включая сюда жизнь бѣлаго духовенства и историческія условія жизни паствы, и не принесетъ больше дѣйствительнаго вреда, чѣмъ обѣщаемой пользы?

Мы думаемъ, что пока такой гарантіи еще не видно, но уже есть основанія къ опасеніямъ отъ одной крайности перейти въ другую.

Если къ участию въ реформѣ будутъ привлечены только рускіе епископы и Св. Синодъ, то реформа не можетъ не оказаться односторонней потому, что она не будетъ выражать собою общаго желанія, не будетъ обще-церковнымъ строеніемъ. Епископы — это представители монашества, которое оцѣниваетъ жизнь церковную подъ угломъ зрѣнія аскетизма, съ точки зрѣнія идеаловъ монашества, но не съ точки зрѣнія обще-народной и обще-церковной пользы. Монашество далеко отъ міра, не знаетъ жизни, а потому не можетъ охватить обще-церковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи. Справится ли оно съ реформой, которая будетъ затрогивать и интересы мірянъ, и интересы государства, и интересы науки, и интересы папства? На основаніи фактовъ исторіи мы думаемъ, что оно не справится и будетъ производить реформу прежде всего въ интересахъ епископства и монашества, въ интересахъ власти епископской и ея значенія въ государствѣ. Но эти интересы далеко не равны интересамъ обще-церковнымъ: отъ цезарепапизма они могутъ привести къ папизму, крайности еще менѣе желательной, чѣмъ цезарепапизмъ, а обще-церковное дѣло можетъ оставаться въ сторонѣ.

И та записка 32 тайственныхъ священниковъ, которая положила начало вопросу о реформѣ, нисколько не разсѣваетъ нашихъ опасеній какъ въ виду той обстановки, среди которой она появилась, такъ и въ виду тенденцій, которыхъ она придерживается.

Какъ уже указали, намъ кажется загадочнымъ и мало объяснимымъ то, что вопросъ о реформѣ не только возникъ по инициативѣ небольшого кружка какихъ-то никому невѣдомыхъ священниковъ, но и пошелъ уже по колеѣ, которая предугаана этимъ кружкомъ, хотя и не отражаетъ собою пока общаго желанія, не выражаетъ мнѣнія народа и всего духовенства.

Смущаетъ насъ и то, что вопросъ о реформѣ русскаго церковнаго управленія всплылъ неожиданно въ періодъ общей смуты и виѣшнихъ затрудненій и, повидимому, поспѣшно, безъ должной, осмотрительности, ведется къ разрѣшенію. Мы полагаемъ, что для Церкви, которую врата ада не одолѣютъ, нѣтъ надобности пользоваться затрудненіями государства для полученія своего самоуправленія. Если бы вопросъ обсуждался въ болѣе спокойное время, тогда для всѣхъ было бы яснѣе, что поднятое дѣло о реформѣ есть дѣйствительно вопросъ о пользѣ церковной, а не тенденціи кружка лицъ, хотя бы и изъ блага духовенства, къ папизму.

Записка заявляетъ, что необходимость нашего церковнаго самоуправления и устраненіе отсюда мірскихъ началъ вызывается тѣмъ новымъ положеніемъ, которое предоставлено въ настоящее время иновѣрью въ Россіи; но намъ кажется, что это новое положеніе иновѣрія вызываетъ совершенно инныя положенія — именно, чтобы русская церковь была въ состояніи явить міру истинность православія, т. е., чтобы она была бы богата и умственными и нравственными силами, чтобы оживилась ея богословская наука и поднялся бы умственный и нравственный уро-

вень духовенства на ту высоту, которая показала бы всѣмъ, что православная церковь остается носительницею истины. Намъ кажется, что если не будетъ этого, то не будетъ толка и отъ патріаршества, и отъ дѣленія епархіи по уѣздамъ, и отъ соборовъ духовенства и т. д. Проектъ реформы, представленный 32 священниками, намъ представляется ничуть не вызваннымъ новымъ положеніемъ иновѣрія. Если церковь русская два столѣтія управлялась не канонически, то поводомъ къ восстановленію силы каноновъ должна была бы быть обязательность для церкви подчиняться этимъ канонамъ, а ничуть не война съ Японіей, внутреннія неурядицы и ихъ послѣдствіе—новое положеніе иновѣрія въ государствахъ.

Самое содержаніе записки также не мало не устраняетъ опасеній, что въ предпринимаемой реформѣ дѣло идетъ не исключительно о благѣ церковномъ.

Безспорно, что основная, но скрытая тенденція записки—это уничтоженіе должности оберъ-прокурора Св. Синода и устраненіе свѣтскаго чиновничества отъ участія въ управленіи церковью. Согласимся, что эти пожеланія правильны. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взамѣнъ прежней системы управленія и можетъ и должна быть введена именно та, которую предлагаетъ записка, и что эта новая система управленія будетъ лучше, каноничнѣе прежней. Вѣдь знаемъ же мы, что Св. Синодъ не такъ давно, вопреки мнѣнію совѣта с.-петербургской духовной академіи, увѣнчалъ степенью доктора церковной исторіи г. Рункевича за его книгу, защищавшую синодальную форму управленія, а въ настоящее время эта самая форма управленія уже признается непригодною для русской церкви. Кто можетъ поручиться, что и новая система управленія вскорѣ будетъ объявлена несостоятельною?

Составители записки стараются оградить себя заявленіемъ, что они требуютъ „возстановленія начертаннаго канонами строя церковной жизни“, и что этотъ строй и есть единственный авторитетный. „Если бы даже—говорятъ они,—и представлялось возможнымъ въ настоящее время изобрѣтеніе лучшаго устройства церковнаго управленія въ обезпеченіе свободы церковной, то это лучшее, будучи только мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣло бы надлежащей авторитетности, подвергалось бы оспариванію и передѣлкамъ и вызывало бы только нареканія за отступленіе отъ стародавнихъ церковныхъ началъ“.

Но дѣло въ томъ, что каноны въ одно время были одними, а въ другое время другими, и церковный строй самой первой эпохи христіанства, эпохи апостольской, не былъ тождествененъ со строемъ церковнымъ къ концу вселенскихъ соборовъ. Апостольское время не знало ни патріаршества, ни монашества, хотя и въ то время были безбрачные представители церкви. По словамъ апостола Павла, „епископъ“ долженъ быть „единныя жены мужъ“ (1 Тимое. III, 2), т. е. вовсе не монахъ. Все устройство церковное, начертанное канонами, нельзя представлять себѣ какъ нѣчто постоянное, неизмѣнявшееся подъ давленіемъ исторической жизни.

И если высказывать требованіе—возвратиться всецѣло къ каноническому строю древней церкви, то придется еще выяснитъ, каковъ былъ этотъ строй и почему заповѣдь апостола должна быть менѣе авторитетна, чѣмъ обычай, узаконенный соборами во вниманіе къ условіямъ исторической жизни. Мнѣніе 32 таинственныхъ священниковъ относительно того, *въ чемъ состоялъ* строй церковнаго самоуправленія, мы считаемъ именно „мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣющихъ надлежащей авторитетности“. Съ своей стороны мы полагаемъ, что исторія не повторяется въ подробностяхъ и что не всегда всѣ начала управленія, дѣйствовавшія въ древней церкви, примѣнимы въ современной жизни. Вопросъ о томъ, какъ устроить согласно съ канонами управленіе русской церкви при современныхъ условіяхъ жизни, долженъ еще подлежать обсужденію не только собора русскихъ епископовъ, но и компетентныхъ канонистовъ, блага духовенства и мірянъ. Во всякомъ случаѣ заявленіе 32 таинственныхъ священниковъ, что строй церковнаго самоуправленія, начертанный канонами, былъ именно такимъ, какимъ онъ имъ представляется, и что этотъ строй необходимо долженъ быть воспроизведенъ въ настоящее время, намъ кажется болѣе чѣмъ смѣлымъ самомнѣніемъ составителей записки. Дѣйствительно, они требуютъ, напримѣръ, дробленія епархій на мелкія единицы или уѣзды въ виду того, что въ древности епархій были незначительными и соотвѣтствовали дѣленію греко-римской имперіи на мелкіе округи. Но это дѣленіе мы считаемъ только историческимъ явленіемъ, указывающимъ на зависимость нѣкоторыхъ фактовъ древняго церковнаго строя отъ государственнаго греко-римскаго строя, но ничуть не канонически неизмѣнною нормою. Мы знаемъ изъ исторіи русской церкви, что дробленіе епархій, не разъ предлагавшееся, не нашло себѣ здѣсь примѣненія. Точно также *никогда не примѣнялся въ русской жизни и весь тотъ строй церковнаго самоуправления, который начертанъ въ запискѣ и который, какъ намъ кажется, клонится въ сторону папизма.*

Въ основу этого строя записка полагаетъ соборность, но не даетъ гарантій тому, что она не окажется фикціей, подобной той соборности, которая существуетъ въ консисторіяхъ, и что она будетъ въ силахъ устранять произволь и усмотрѣніе патріарха и состоящаго при немъ Синода. Въдъ при дробленіи епархій и при несмѣняемости епископовъ на кафедрахъ значеніе епископовъ въ общемъ управленіи русской церкви будетъ умалено, окажется болѣе чѣмъ проблематичнымъ и, какъ показываетъ исторія, необходимо приведетъ къ усиленію власти несмѣняемаго патріарха и состоящаго при немъ Синода. Въдъ обще-русскій соборъ патріарха, по проекту, будетъ собираться только по мѣрѣ нужды, конечно по инициативѣ и желанію патріарха; но будетъ ли такой соборъ компетентенъ въ случаѣ превышенія власти патріархомъ или его еретичества? Чтобы низвергнуть патріарха Никона, былъ признанъ недостаточнымъ соборъ изъ русскихъ епископовъ и потребовалось созвать патріарховъ Востока. Церковная исторія показываетъ намъ, что не одни оберъ-прокуроры бывали ерети-

ками, но что и на патріаршія каѳедры пробирались нерѣдко не лица достойныя, а еретики, грабители церкви, люди пронырливые, и т. д. и т. д., и что ниспроверженіе ихъ сопровождалось сильными смутами.

Было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ, если бы въ настоящее время, когда всѣ общественные слои стремятся къ ослабленію централизаціи власти, ея произвола, и къ усиленію законности, въ одномъ духовномъ вѣдомствѣ возродился бы вдругъ папизмъ съ его нетерпимостью и „свободою“, равною произволу. Мы не можемъ позабыть, что этотъ папизмъ въ лицѣ патріарха Никона уже былъ виновникомъ раскола, необдуманно отторгнувшимъ отъ церкви столько свѣжихъ и живыхъ силъ. Мы не можемъ не видѣть, что такой же папизмъ можетъ угрожать и русской церкви, потому что та система управленія, которая предложена 32 загодичными іереями, слишкомъ много принимаетъ къ сердцу интересы іерархіи, а мало думаетъ объ интересахъ клира и народа, ради котораго и существуетъ іерархія. 32 священника даже совершенно забыли о нуждахъ своей среды, двусмысленно выражаются о выборномъ началѣ, молчатъ о необходимости устранить изъ отношеній епископа къ священникамъ характеръ произвола, который болѣе всего лишаетъ охоты лицъ достойныхъ поступать въ ряды духовенства, о неизбѣжности реформы духовной школы, которая дошла до степени разложенія, о необходимости позаботиться о нравственныхъ идеалахъ пастырства и оживить боготворческую мысль, науку и т. д. Взаимнѣ всего этого они говорятъ только о формахъ управленія и видятъ здѣсь панацею отъ всѣхъ церковныхъ золъ, какъ будто бы дѣло не будетъ еще хуже, если папою станетъ недостойный или ограниченный въ своихъ воззрѣніяхъ іерархъ, который будетъ управлять церковью съ точки зрѣнія аскетическихъ началъ.

Если современное намъ участіе мірскихъ началъ въ управленіи не канонично, то мы опасаемся, что бы новыя начала управленія не превратились въ клерикально-монашескія, которыя совершенно отдѣляютъ общество отъ церкви, подобно тому, какъ это случилось въ католичествѣ, и сдѣлаютъ изъ церкви учрежденіе, служащее этимъ началамъ, но не соответствующее ни канонамъ, ни задачамъ ея религіозной жизни. Въ настоящее время *исключительное господство* этихъ началъ въ церкви до извѣстной степени ограничивалось и антагонизмомъ бѣлаго духовенства съ чернымъ, и зависимостью чернаго духовенства отъ государственной власти и т. д. При новомъ порядкѣ можно предвидѣть, что задаче богословской науки будетъ не разысканіе истины, а служеніе аскетизму, что бѣлое духовенство будетъ превращаться постепенно въ поповство XVII вѣка, невѣжественное и безгласное, и что общество еще болѣе будетъ отдѣляться отъ церкви, направляемой монахами къ идеаламъ своей среды, но не къ общецерковнымъ задачамъ.

Свобода нужна церкви, особенно въ настоящее время, это безспорно. Но не нужна ли ей прежде всего свобода внутренняя, свобода служенія идеаламъ Христа, а не лицамъ свѣтскимъ или

монахамъ—все равно? Между тѣмъ при монашескомъ режимѣ такой-то свободы мы и не предвидимъ, потому что иночество требуетъ прежде всего повиновенія, — „покоренія и послушанія“, какъ выражались въ древности, но не беззавѣтнаго служенія идеаламъ Христа, во всей ихъ евангельской чистотѣ и полнотѣ. Монашество въ своей идеѣ есть стремленіе къ личному спасенію, но не къ служенію міру, которое лежитъ въ основѣ Евангелія и опирается на примѣръ Іисуса Христа, пострадавшаго за грѣшный міръ. Дастъ ли новый режимъ такую внутреннюю свободу служенія Христу и представителямъ церкви—мы на основаніи исторіи болѣе чѣмъ сомнѣваемся. Вѣдь недавно еще одинъ епископъ доказывалъ, что лица, служащія народу, пойдутъ въ муку вѣчную.

Какъ достигнуть этой свободы и какъ оградить ее—отвѣта на это не даютъ намъ 32 іерея. Ихъ интересуется система управленія, сѣзды, границы епархій, расширеніе власти, титулы іерарховъ. Они говорятъ отъ имени церкви: устраните мірскія начала въ управленіи, дайте намъ волю, создайте для насъ сначала идеальную обстановку, при которой не пришлось бы вести борьбы за идеалы Христовы, тогда мы будемъ ихъ исповѣдывать и приводить въ жизнь. Но мы знаемъ, что въ періодъ гоненій мірскія начала не признавали за церковью даже права на существованіе, и однако она возжигала сердца человѣчeskія больше чѣмъ когда либо, и это было потому, что она жила завѣтами Христа, для которыхъ не страшно вліяніе какихъ-либо мірскихъ началъ.

По нашему мнѣнію, предстоящая церковная реформа должна быть согласована съ ожидаемыми реформами въ обществѣ русскою строю, должна соответствовать общему желанію членовъ церкви, а не отдѣльнаго кружка лицъ, должна быть произведена согласно съ историческими условіями русской жизни и предварительно должна быть подвергнута обсужденію какъ всего духовенства, такъ и представителей богословской науки ¹⁾.

Проф. Спб. духовной академіи *Николай Никольскій*.

¹⁾ „Новое Время“ № 10,439.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XXX.

Къ исторіи возникновенія патріаршаго вопроса. — „Старообрядческій митрополитъ московскій и *всѣя Россіи*“ и раскольничій милліардъ. — Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синода о церковной реформѣ.

Событія и явленія огромной исторической и жизненной важности выплываютъ на поверхность заболоченнаго моря современной русской жизни съ такою поразительною неожиданностью, — развертываются съ такою головокружительною быстротою, что недоумѣвающая мысль невольно останавливается надъ вопросомъ: что это? не насталъ-ли ужь для нашей изстрадавшейся Родины какой-то *страшный судъ*, который все и всѣхъ зоветъ къ строжайшему отвѣту и отчету, который безъ милости и снисхожденія выносить свой суровый приговоръ о негодности всего, бывшаго и сущаго, исконнаго и вѣковаго, что еще такъ недавно считалось неприкосновенною святынею, незыблемымъ оплотомъ! О, еслибы это—было судомъ праведнаго гнѣва Божія, а вмѣстѣ и плодомъ Божія милосердія, направляющаго все къ добру и созиданію, — а не роковымъ изволеніемъ злой мстительной Немезиды, все разрушающей, но ничего не созидающей!

Вопросы, предметы и лица, за которые мѣсяцъ или два назадъ критическая мысль боялась даже зацѣпиться стороною, нынѣ вдругъ, — какъ *deus ex machina* — поднимаются съ глубины самого дна, гдѣ, казалось, обречены были еще долго лежать въ покоѣ и безъ движенія, а они вдругъ по какому-то невѣдомому велѣнію не только всплываютъ, но и въ мгновеніе ока, какъ призракъ, выступаютъ во весь ростъ, около нихъ разводится огромная, пѣнистая волна газетной критики, безцеремонно раздѣвающей все и всѣхъ до самой подноготной, съ какимъ-то сата-

нинскимъ смѣхомъ злорадствующей надъ тѣмъ, о чемъ надо бы благовѣрно размышлять, плакать и молиться...

Такая именно исторія произошла на сихъ дняхъ съ церковной реформой, глубоко захватившей своимъ интересомъ всю читающую и мыслящую Россію, церковную и безцерковную, вѣрующую и безбожную, консервативную и либеральную.

Ничего подобнаго два мѣсяца назадъ и не ожидали, и не предполагали—не только мы, простые смертные, но и сами, стоящіе нынѣ во главѣ реформы. Такъ, въ напечатанныхъ въ январ. кн. „Мисс. Обзор.“ „Новогоднихъ думъ“ о. Платонова доказывалось, что для поднятія дисциплины церковной необходима сильная власть, въ лицѣ патріарха. Хотя въ цензурномъ отношеніи и не было препятствій къ помѣщенію въ журналѣ этой части статьи, но чувство мѣры и такта побудило насъ справиться по сему вопросу въ іераршихъ сферахъ, и намъ благожелательно посовѣтовали опустить эту часть статьи, дабы въ наше *смутное* время не колебать устоевъ центральной церковной власти. Теперь, послѣ всего того, что наговорено въ печати по адресу нынѣшняго положенія Синода, замѣтка о. Платонова уже не способна, конечно, „колебать основы“, а между тѣмъ она чрезвычайно искренно написана, и мѣтко опредѣляетъ единственно вѣрную причину, для чего намъ нуженъ патріархъ—это для поднятія и установленія твердой дисциплины въ Церкви и духовенствѣ, и при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о церк. реформѣ мы дадимъ мѣсто этой статьѣ. Будь у насъ въ вѣдомствѣ дисциплина, не появилось бы въ печати іерейскаго набата о реформѣ въ видѣ записки 32 столичныхъ священниковъ, не могло бы быть безшабашныхъ откровенностей съ газетными интервьюерами, такъ извратившими характеръ великаго дѣла, придавши ему соблазнительный тонъ какой-то борьбы, агитаціи, тайнаго заговора и переворота. Какъ неумѣстны и прямо вредны для хода дѣла всѣ эти разоблаченія! Слѣдя за преждевременнымъ восторгомъ либеральныхъ набатчиковъ по поводу мнимой побѣды надъ дѣйствующимъ церковнымъ режимомъ, когда великое историческое дѣло церковной реформы находится еще въ мукахъ рожденія,—такъ и хочется крикнуть: „шапки долой, прочь немытыя руки, прильпни хулиганскій языкъ къ гортани“,—здѣсь совершается не простая реформа во имя конституціоннаго или революціоннаго тріединства, въ судьбахъ Церкви никогда и ничего не дѣется безъ великой тайны Воли Божіей, промысляющей о единственной хранительницѣ истины и спасительницѣ Руси—Церкви Христовой, которой нынѣшнее лихолѣтіе, стре-

мящееся къ ограниченію самодержавія, также угрожаетъ гибельными послѣдствіями!

* * *

Дружный хоръ рукоплесканій, со стороны либеральной, радикальной и даже еврейской прессы, реформъ церковнаго управленія—озадачилъ и расколдовалъ симпатіи къ этому дѣлу даже тѣхъ церковныхъ людей, которые давно мечтаютъ о ней и искренно одушевлены желаніемъ блага и преуспѣянія жизнедѣятельности нашей Церкви. Теперь многими ставится вопросъ: почему это прогрессивный и либеральный лагеря общества и печати неистово рукоплещутъ упраздненію синодальнаго творенія Великаго преобразователя Петра, которое онъ обдумывалъ 20 лѣтъ, прежде чѣмъ рѣшить его, и ратуютъ за возвращеніе къ порядкамъ древне-русскаго патріаршаго періода церковной жизни, а консерваторы, наоборотъ, вдругъ стали въ оппозицію реформѣ? которую раньше сами-же намѣчали (разумѣемъ „Моск. Вѣд.“) Этотъ вопросъ старается освѣтить газета „Заря“, давая откровенный и наиболѣе яркій отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ повторены и всѣ распространенныя въ печати и въ обществѣ недоразумѣнія во взглядѣ на реформу, но въ немъ высказано также и много такого, надъ чѣмъ нельзя не задуматься.

„Цѣль Церкви, ея призваніе, можно сказать, діаметрально противоположны стремленіямъ и задачамъ нашихъ либеральныхъ, радикальныхъ, агитаторскихъ газетъ. Значить, усиленіе вліянія Церкви на общество и народъ имъ отнюдь не можетъ быть желательнымъ, и дѣйствительное благо Церкви для нихъ хуже ножа остраго. Хулиганскимъ настроеніемъ противъ Церкви чуть не поголовно заражена и наша интеллигенція. Возмите для примѣра лидеровъ этой интеллигенціи—гг. Розанова и Мережковского, ведущихъ открытую борьбу противъ историческаго христіанства вообще и въ частности противъ православія. Они утверждаютъ, что христіанство загубило свѣтлое существованіе аріискіхъ народовъ, а православіе сломало самобытность русскаго народа, что догматы Церкви—кандалы, убивающіе религіозную мысль и жизнь, что Церковь растоптала евангельскія лиліи т. е. исказила Евангеліе, извратила его духъ и смыслъ. Ссылки въ проповѣдяхъ на отцовъ и учителей Церкви они считаютъ вредными для успѣха проповѣди и почти позорными для современнаго проповѣдника.

Неужели такимъ мыслителямъ въ самомъ дѣлѣ желательно дѣйствительное благо Церкви, усиленіе ея вліянія на общество и народъ? Слишкомъ уже наивно было бы повѣрить этому. Напротивъ, они безконечно были бы рады, если бы Церковь совсѣмъ перестала жить, и голосъ ея умолкъ навсегда“.

Газета убѣждена, что этимъ лагеремъ такъ дружно привѣтствуется предполагаемая реформа высшаго церковнаго управле-

пія и отмѣна оберъ-прокуратуры при св. Синодѣ потому, что съ осуществленіемъ этой реформы антицерковные либералы надѣются имѣть больше вліянія на голову и членовъ Церкви. Газета признаетъ такія надежды совсѣмъ не безосновательными.

По мнѣнію газеты, „цѣлямъ враговъ Церкви, лицемѣрно желающихъ ей блага, могутъ послужить даже и одни эти аттестаты, которые они начали уже выдавать нашимъ іерархамъ, пока называя только „почтенныхъ“, „просвѣщенныхъ“, „друзей культуры“, словомъ—прогрессивныхъ. Подобными аттестациями успѣли уже изъ нашихъ іереевъ образовать партію „безцерковныхъ“ проповѣдниковъ, которыхъ положительно ничѣмъ не отличить отъ лютеранскихъ пасторовъ“. Вотъ какъ далѣе разсуждаетъ „Заря“ по данному вопросу.

А вы представьте, какъ на руку антицерковникамъ, радикаламъ и политическимъ хулиганамъ имѣть вліяніе на высшую церковную власть и на рядовое духовенство. Ради этого они усердно и охотно потрутся всячески, вплоть до драпировки... въ овечьи шкуры. Тогда идея обогатится шагъ не только противъ идеи православія, но и противъ идеи самодержавія. Не думаемъ, чтобы кому-нибудь было непонятно это послѣднее, равно какъ и то, что при существованіи оберъ-прокуратуры при св. синодѣ этимъ вожделѣніямъ чрезвычайно трудно и даже совсѣмъ невозможно проявиться.

Либераламъ и радикаламъ, повидимому, очень нравится тотъ обходный путь, по которому выдвинулся вопросъ о реформѣ церковнаго управления. Инымъ можетъ показаться, что, осложняя внутреннія затрудненія государства, нынѣшній составъ св. синода, подобно разнымъ корпораціямъ, прямо вымогаетъ у власти то, что ему хочется.

Инициаторами (?) реформы церковнаго управления, какъ извѣстно, явились 32 столичныхъ священника, подавшихъ митр. Антонію особую записку по этому дѣлу. Обществу неизвѣстно, кто эти священники. По аттестаци г. Розанова, всѣ они молодые, и большинство изъ нихъ посѣщало бывшія „религіозно-философскія собранія въ С.-Петербургѣ“. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что собранія эти митр. Антоній вынужденъ былъ закрыть, а съ другой—что участіе въ нихъ ставить въ особую заслугу молодымъ іереямъ г. Розановъ, то что же сказали бы уму и сердцу православныхъ людей имена 32-хъ іереевъ, еслибы они открылись? Ровно ничего.

Возбужденное 32-мя іереями дѣло близко принялъ къ сердцу С. Ю. Витте. Насколько С. Ю. Витте преданъ православной церкви и заинтересованъ въ ея процвѣтаніи и силѣ, въ обществѣ мало извѣстно. Широко извѣстны его иного свойства убѣжденія, но насколько онъ религіозенъ и что онъ думаетъ о Церкви—намъ неизвѣстно.

Не настала ли для нашихъ іерарховъ, присутствующихъ въ св. синодѣ, часъ искушенія, подобный тому, который былъ для Христа въ пустынь? Не оболъщаютъ ли ихъ какія либо заманчивыя мечты о персональных интересахъ съ отмѣною оберъ-прокуратуры и съ установленіемъ непосредственныхъ отношеній представителя Церкви къ царской власти?

„Заря“, повидимому, раздѣляетъ тѣ—едва ли вѣрныя—предположенія, что при патріархѣ и строго соборномъ церковномъ управленіи, будто-бы, легче вліять на Церковь либеральному духу времени, чѣмъ при теперешнемъ режимѣ. Но, кажется, уже болѣе либеральнаго настроенія въ рясофорныхъ сферахъ какъ нынѣ, и не можетъ быть. Лучше всего это заблужденіе опровергается нынѣ самимъ же либеральнымъ лагеремъ, въ которомъ среди недавнихъ охранителей незыблемости канонѡвъ и защитниковъ церковной реформы. вдругъ совершилось какое то прозрѣніе, и тамъ бьютъ отбой. Газета „Слово“ картинно изображаетъ это газетное отступленіе отъ патріаршаго вопроса.

„Въ печати необычное волненіе и даже какъ бы суматоха; стройно, какъ на шахматной доскѣ, стоявшія фигуры перепутались между собою; получились самыя неожиданныя сочетанія,—враги сдѣлались друзьями и наоборотъ. Юрицынъ („Сынъ Отечества“) несется въ стройномъ галопѣ съ Грингмутѡмъ (Москов. Вѣд.) Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ (Русь) готовъ подать руку Мещерскому (Гражданинъ), и всѣ вчетверомъ составляютъ дружную кадрили, дирижерство которой пытается взять на себя Шараповъ (Русское Дѣло), не прочь присоединиться къ танцующимъ и кн. Ухтомскій (Разсвѣтъ), и только „Новое Время“ стоитъ въ нерѣшительности, созерцая величественное зрѣлище, да неизмѣнныя въ своей благородной серьезности „Русскія Вѣдомости“, отрясая прахъ отъ ногъ, бѣгутъ изъ этого пріятнаго собранія. Но кто же устроилъ этотъ дивный балъ? Церковная реформа,—она покумила враговъ.“

Церковная реформа захватила наше общество врасплохъ, точно такъ же, какъ японская война наше правительство, и, послѣ непродолжительной схватки, началось безпорядочное отступленіе. Русскаго патріарха испугались больше, чѣмъ японскаго генерала Куроки.“

Такимъ образомъ, фарисейская маска либеральныхъ радѣтелей Церкви скоро слетѣла, и изъ подъ пера защитниковъ канонѡвъ раздался по адресу реформаторовъ громкій и очень опредѣленный окрикъ въ такихъ выраженіяхъ: „при наступающемъ преобразованіи духовнаго вѣдомства все—для народа, ничего—для сословія, все—для Церкви, ничего — для іерархіи... Какъ можно дальше отъ сходства съ Никономъ... подальше и отъ подражанія Филарету Московскому“ (Нов. Врем.). Вотъ какой маякъ ставятъ теперь либералы для дѣла преобразованія духовнаго вѣдомства, въ противномъ случаѣ, грозятъ они, вся Русь повернется фронѡмъ противъ этого дѣла. Предостереженіе болѣе чѣмъ ясное, но... совсѣмъ уже неканоническое.

Либеральная газета „Русь“ вспомнила даже объ „осленкѣ“, котораго въ московской Руси велъ Царь подъ узы, когда патріархъ возсѣдалъ на осляти въ Вербное воскресеніе, совершая

церемонію входа Господня во Іерусалимъ. Для великосвѣтскихъ кумушекъ аргументъ этотъ оказался настоящимъ „жупеломъ“ и самымъ убѣдительнымъ возраженіемъ противъ патріаршества, способнаго якобы въ XX в. соревновать съ самодержавіемъ и вести папскую борьбу съ государственностью. Наоборотъ, г. Новиковъ, новый лидеръ прогрессивнаго лагеря, (а ранѣе бывшій бакинскій городской голова, а еще ранѣе—попечитель козловскихъ церковныхъ школъ) — въ „Сынъ Отечества“ пустилъ самую что ни есть „радикальную утку“, доказывая, что архибюрократъ С. Ю. Витте въ союзъ съ митрополитомъ Антоніемъ, и съ молчаливаго согласія К. П. Побѣдовосцева, рѣшили создать въ лицѣ патріарха могучую консервативную силу, на которую обопрется государство въ борьбѣ съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ.

Словомъ, случайно образовавшаяся около чистаго святаго дѣла церковной реформы муть и грязныя наслоенія быстро всплыли наружу и время, конечно, ихъ очиститъ, удушливая атмосфера освѣжится, начатое спѣшно дѣло, Богъ дастъ, Царскимъ велѣніемъ будетъ доведено до конца — соборно и гласно, но безъ агитаціоннаго шума и опасной торопливости.

* * *

Въ настоящихъ нашихъ *Скрижаляхъ* мы воздержимся отъ обсужденія по существу этого огромной важности вопроса о церковной реформѣ, а лишь попытаемся помочь нашимъ читателямъ разобраться въ массѣ циркулирующихъ и сбивающихъ ихъ съ толку, невѣрныхъ и часто нелѣпныхъ, вредныхъ для дѣла слуховъ о начатой реформѣ,—освѣтивъ исторію дѣла настоящимъ свѣтомъ. Мы уже не разъ заявляли, и теперь оговоримся, что наше изданіе есть *личное* наше дѣло, и мы будемъ говорить лишь по мѣрѣ нашего *собственнаго* разумѣнія и личнаго вдохновенія.

Церковный вопросъ—слишкомъ сложный и деликатный, касающійся самыхъ нѣжныхъ струнъ сердца каждаго сына Церкви и народной вѣры. Здѣсь нужно блюсти въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ благоговѣйство и крайнюю осмотрительность. Исторія церковныхъ расколовъ и схизмъ даетъ на это слишкомъ поучительныя предостереженія.

Прежде всего не правильно, крайне обидно и тяжело для вѣрующаго сердца представлять начало церковной реформы въ видѣ какого то внезапнаго „переворота“, „тайнаго заговора“, приспособляемости со стороны духовнаго вѣдомства къ затруд-

нительнымъ обстоятельствамъ нашего времени, когда всѣ стараются чего-нибудь урвать, что-нибудь вынудить у государственной власти. Грубою ошибкою также является предположеніе печати, будто бы „Записка 32“ столичныхъ іереевъ играетъ роль инициативы и чуть не рѣшающаго аргумента въ предпринятой реформѣ. Виноваты, кажется, въ этомъ недоразумѣніи печати восторги и самообольщеніе „молодыхъ іереевъ“, серьезно думающихъ и глаголющихъ, что де „и мы пахали“.

Записка эта прежде всего явилась *post factum*, какъ выраженіе „неусыпающей“ прогрессивной дѣятельности недавно образовавшагося въ столицѣ, изъ молодыхъ іереевъ, „христіанскаго братства борьбы“, (?) дѣйствующаго пока „вольно“, т. е. безъ утвержденія устава и программы, однако опубликованнаго уже о своемъ бытіи и о характерѣ собраній и дѣятельности въ концѣ истекшаго года въ „Православн. Путеводителѣ“, а на дняхъ и въ „Биржев. Вѣдом.“. Кружокъ почему-то стыдливо или вѣрнѣе трусливо умалчиваетъ о составѣ своихъ сочленовъ въ подписяхъ „подъ боевой своей запиской“, но и въ вышеупомянутыхъ сообщенияхъ. А разъ такъ, то и намъ нѣтъ надобности, конечно, раскрывать его анонимовъ. Вотъ только о. Петровъ проливаетъ въ „Русск. Словѣ“ нѣкоторый свѣтъ на этотъ кружокъ, утверждая, что де ему всѣ извѣстны члены, что они исполнены мужества и готовности „пострадать“ (отъ кого и за что?) и сочиняютъ новыя записки и въ томъ же реформаціонномъ духѣ.

„Записка“ 32 іереевъ въ исторіи церковной реформы со- служила развѣ только ту службу, что открыла собою газетный походъ противъ существующей центральной духовной власти, авторитетъ и силу которой въ теченіи двухъ недѣль отчаянныя печатныя атаки расшатали и ослабили въ глазахъ православнаго русскаго духовенства и общества (а въ народъ это просочится позже) настолько, что съ нашей, *миссіонерской*, точки зрѣнія, безъ надлежащаго *каноническаго* оснащенія, нашъ церковный корабль едва ли можетъ оставаться среди волнующагося моря русской жизни въ долготу лѣтъ. Новый газетный богословъ В. В. Розановъ, еще такъ недавно отметававшій не только силу каноновъ, но и догматовъ при полемикѣ по брачному вопросу, вдругъ сдѣлался ревнителемъ каноническихъ нормъ и не задумался смутить читателей своимъ открытіемъ, что якобы всѣ православные русскіе іерархи *неканоничны*, а, принимая хиротонію, входятъ въ сдѣлку съ совестью ради шелковыхъ рясъ и проч.

Мы знаемъ, какъ жестоко слова эти рѣзнули по сердцу даже

самихъ іерарховъ,--что же сказать о невѣдущихъ св. писанія и каноники—мірянахъ и народѣ!

А почтенному В. В. какое до того дѣло, что соблазнъ и духовную смуту подобныя диллетантскія его догадки вносятъ въ простыя вѣрующія сердца—ему лишь бы больнѣе ужалить...

Неканоничность устройства нашего церковнаго управленія доселѣ была самымъ большимъ мѣстомъ для миссіи въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества; апологеты послѣдняго всегда ставили однимъ изъ своихъ возраженій, самыхъ тяжелыхъ для миссіонеровъ, — что де наша Церковь—безглавая, и что господствующій у насъ цезарепапизмъ служить однимъ изъ существенныхъ препонъ къ воссоединенію старообрядцевъ съ православною Церковью. Теперь „записка“ столичнаго духовенства будетъ служить неопровержимымъ, въ глазахъ старообрядцевъ, аргументомъ противъ православія, и тяжкое положеніе миссіонеровъ-полемистовъ сдѣлается нынѣ еще болѣе затруднительнымъ. Ранѣе мы умѣли „базироваться“ въ защитѣ этой нашей ахиллесовой пяты, а нынѣ разрыхлена почва настолько, что миссія безответною окажется и безсильною. Если это заслуга предъ исторіей, тогда 32 іерея не вотще ликовали по поводу успѣховъ своей записки.

* * *

Нельзя считать вопросъ о церковной реформѣ внезапнымъ, явившимся какъ-бы ex abrupto.-- По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, вопросъ этотъ носится въ воздухѣ уже болѣе 10—15 лѣтъ, и только доселѣ не доставало для воплощенія его въ жизнь толчка и благоприятныхъ условий, главнымъ образомъ, въ единствѣ взглядовъ и солидарности дѣйствій самихъ іерарховъ. Мы знаемъ, какъ *патріархиста*, покойнаго митрополита Кіевскаго Платона, который громко критиковалъ синодальную систему управленія и даже, по его признанію, разъ дерзалъ говорить объ этомъ въ аудіенці покойному Государю Александру III. Но тогда сильнымъ защитникомъ синодальнаго status quo являлся извѣстный архіеп. Никаноръ Херсонскій, который разъ на экзаменѣ въ семинаріи, когда преподаватель пытался критиковать Теофана Прокоповича за его регламентъ и учрежденіе оберъ-прокуратуры, не обинуясь, замѣтилъ: „еслибы не было оберъ-прокуроровъ, то мы бы всѣ (архіереи) другъ съ другомъ перегрызались“.

Митрополитъ Московскій, а послѣ Кіевскій, Іоанникій—былъ также сторонникомъ патріаршества. Всегда были прежде, не мало найдется и нынѣ среди епарх. архіереевъ такихъ, которые пред-

почитають синодальную систему управленія патріаршей, ибо при синодальномъ управленіи у епархіальныхъ владыкъ канонической и личной свободы и произволенія несравнимо больше, чѣмъ при патріаршемъ, ни одинъ въ мірѣ *despotis* (начальникъ) не пользуется такою полнотою власти, широтою инициативы и безответственностью личнаго усмотрѣнія, какъ русскіе архіереи, и они слишкомъ мало независимы отъ духовнаго центра власти и *in principio* и *de facto*.

Среди молодого ученаго монашества патріаршіи вопросъ давно служитъ предметомъ оживленныхъ толковъ: одно время ходила между ними печатная брошюра, посвященная реформѣ церковнаго управленія. Выступившіе нынѣ съ извѣстными эксцентричными печатными заявленіями по поводу реформы нѣсколько викарныхъ епископовъ—послѣдователи этой „новой школы“ молодого монашества. Огромную подготовку почвы въ богословскомъ сознаніи для реформы создали своими учеными и полемическими статьями по исторіи церковнаго управленія и по каноническому праву профессора академій, главнымъ образомъ, Казанской и Московской, отчасти С.-Петербургской, и только одна Кіевская въ ученыхъ трудахъ своихъ профессоровъ стоитъ въ сторонѣ отъ этого вопроса.

Успѣхъ патріаршей идеи въ обществѣ сказался, когда она изъ монашескихъ келлій и ученыхъ кабинетовъ богослововъ перешла свѣтскимъ мыслителямъ и писателямъ. Статьи Мережковскаго и рефераты въ „Религіозно-философскихъ собраніяхъ“, съ рѣзкою критикою синодальнаго *status quo*, свободно пропущенны духовной цензурой—развели широкую волну около даннаго вопроса въ читающемъ и, такъ или иначе, интересующемся судьбами Церкви, обществѣ. Статьи въ „Моск. Вѣд.“ извѣстнаго писателя Льва Ал. Тихомирова—„О реформахъ церковнаго управленія“, провели идею реставраціи церковнаго управленія въ придворныя сферы. Покойный великій князь Сергій Александровичъ считался сторонникомъ воцаренія патріаршества и, рассказываютъ, что онъ одному изъ нашихъ іерарховъ высказывалъ пламенное желаніе дожить до того времени, когда будетъ Русь православная имѣть своего патріарха.

Однимъ изъ профессоровъ академіи канонистовъ, сколько намъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ назадъ былъ даже составленъ проектъ церковнаго управленія съ патріархомъ во главѣ: проектъ этотъ, говорятъ, и послужилъ основаніемъ для послѣднихъ сужденій и постановленій Св. Синода.

Если ранѣе, когда жизнь Церкви шла по петровскому руслу, безъ особыхъ потрясеній, не было толчка и подобающаго момента двинуть реформу, то нынѣ толчекъ этотъ явился извнѣ и неподвижно для духовнаго вѣдомства, но никакъ не въ войнѣ съ Японіей или въ затрудненіяхъ государственной власти, а въ *правительственной вѣроисповѣдной реформѣ, радикально измѣняющей отношенія свѣтской власти и закона къ расколу, сектамъ и иновѣрью*. Намъ представляется, что реформа управленія господствующей Церквю явилась, какъ *логическій конецъ и естественное послѣдствіе вѣроисповѣдной реформы*, такъ быстро и рѣшительно проведенной С. Ю. Витте въ Особомъ Совѣщаніи Комитета министровъ.

По дальнорозкости государственнаго своего ума, или по чувству религиозной скорби о православной Церквю, которая, если судить по благожелательному отношенію бывшаго министра финансовъ къ церк.-приход. школамъ, ему *не чужая*, С. Ю. Витте, хотя можетъ быть и поздно, но понялъ, что созданныя его вѣроисповѣдною реформою правовое положеніе и автономія внутренней жизни религиозныхъ общинъ въ расколѣ и сектахъ во многомъ преимуществуютъ предъ православною Церквю, что послѣдняя теряетъ принадлежавшія ей привиллегіи и права господствующей, но ничего взаменъ не получаетъ, напротивъ—государство фактически *отъединяется* отъ Церкви и нарушаетъ съ нею свой вѣковой союзъ въ дѣлѣ *взаимноохраненія*: Церковь предоставляется собственнымъ силамъ и средствамъ въ огражденіи своей св. неприкосновенности и въ борьбѣ съ наступающими на нее внутренними врагами,—еретиками и отступниками; отъ союза съ государствомъ остаются для Церкви однѣ пути, лишь связывающія ея свободу дѣйствій, и препоны, ограничивающія ея автономію внутренней жизни. При этомъ С. Ю. Витте, при томъ довѣрїи, какое питаютъ къ нему всѣ наши дессиденты, долженъ былъ знать, что въ поповщинскомъ расколѣ организовалася независимая отъ государства, свободная, народная Церковь, которая рѣшила возглавить себя „митрополитомъ всея Россіи“ или патріархомъ, и расколъ только ждетъ для сего удобнаго момента, который именно теперь, съ вѣроисповѣдною реформою, и наступитъ.

Старообрядческій патріархъ въ народномъ представленіи затмитъ своимъ авторитетомъ нашъ—доселѣ непонятый и чуждый народному сознанію—св. Синодъ, отождествляемый съ Сенатомъ, что создастъ расколу еще болѣе удобную почву для борьбы съ православіемъ.

Вотъ что единственно только и могло, по нашему мнѣнію, послужить нравственнымъ основаніемъ и оправданіемъ факта

реформаторскаго вмѣшательства въ дѣла Церкви со стороны всеобъемлющаго предсѣдателя Комитета Министровъ. Хотѣлось бы думать, что С. Ю. Витте по этимъ покаяннымъ, такъ сказать, побужденіямъ и мотивамъ счелъ долгомъ обратить Высочайшее вниманіе на органическую связь проводимой имъ въ Ос. Совѣщаніи вѣроисповѣдной реформы съ нынѣшнимъ, колеблемымъ этою роформою, положеніемъ господствующей Церкви, которая такъ дорога благовѣрно вѣрующему сердцу благочестивѣйшаго Монарха, и испросилъ Высочайшее соизволеніе на обсужденіе нуждъ Церкви въ своемъ реформаторскомъ совѣщаніи. Иначе было бы въ высшей степени прискорбно и обидно для вѣрующихъ, еслибы при общегосударственныхъ преобразованіяхъ, такъ чувствительно задѣвающихъ кровные интересы Церкви новою вѣроисповѣдною политикою, забыта была одна Церковь. Думать объ иныхъ мотивахъ для церк. реформы просто страшно....

Такъ выходитъ и по сообщенію печати: въ Особомъ Совѣщаніи Комитета Министровъ, по окончаніи разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель Совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой ярко отгѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшею волей будетъ дана свобода иновѣрью,—Православной Церкви, стѣсненной тяжелою опекой свѣтской власти, затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной Церкви, Особое Совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью—Православною Церковію. „Не надо забывать,—говорилъ С. Ю. Витте,—что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одна—это *земля* и то „небольшое“, что онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая *вера*, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишитъ народъ этого, самаго дорогого для него сокровища“.

Вслѣдъ затѣмъ С. Ю. Витте пріѣхалъ къ митрополиту Антонію съ извѣстіемъ о томъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ своемъ Особомъ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей Церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи.

Въ виду этого, подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія, канонистами и профессорами церковной исторіи и гомилетики С.-Петербургской духовной академіи были выработаны *семь*

пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ нѣдрахъ самой Православной Церкви.

Эти преобразовательныя *ria desideria* напечатаны у насъ выше и, какъ увидить читатель, они ближайшимъ образомъ соприкасаются съ интересами и чаяніями миссіи. Пожеланія высказаны въ сущности *смиранныя*,—и не пошли далѣе того, чтобы господствующая Церковь пользовалась автономіей только *равною* съ религиозными расколо-сектантскими общинами, со включеніемъ лишь правъ на участіе священниковъ въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ, и на привлеченіе архіереевъ въ высшія государственныя и законодательныя установленія.

Въ этихъ пунктахъ и помину нѣтъ ни о соборѣ церковномъ, ни о патріаршествѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ явился въ Синодѣ и, слѣдовательно, принадлежитъ всей коллегіи отцовъ членовъ. Вопросъ о помѣстномъ соборѣ впервые выдвинуть въ запискѣ С. Ю. Витте, которая составлена имъ для членовъ Особого Совѣщанія и должна была послужить основой для сужденій государственныхъ людей о нуждахъ Церкви, согласно Высочайшей о семъ волѣ.

Записка С. Ю. Витте „о современномъ положеніи прав. церкви“ ничего новаго и особо—серьезнаго, а тѣмъ паче глубокаго, не представляетъ,—это не болѣе какъ компиляція—и даже не блестящая изъ журнальныхъ статей „Богослов. Вѣсти.“, „Церк. Вѣсти.“ и „Нов. Пути“. Въ запискѣ С. Ю. Витте констатируется неканоническій характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь.

Записка эта появилась уже въ газетахъ, и мы о ней поговоримъ подробнѣе въ другой разъ.

По доведеніи до свѣдѣнія г. оберъ-прокурора, не принимавшаго участія по болѣзни въ засѣданіяхъ Особого Совѣщанія, о предстоящемъ обсужденіи вопроса о нуждахъ Церкви, съ точки зрѣнія канонической, естественно, было признано наиболѣе соотвѣтственнымъ перенести въ св. Синодѣ обсужденіе этого чисто церковнаго дѣла, на что и испрошено было новое Высочайшее изволеніе—на этотъ разъ уже г. Оберъ-прокуроромъ.

Св. Синодѣ, при участіи товарища г. оберъ-прокурора,—за болѣзнію его высокопревосходительства,—въ нѣсколькихъ частныхъ своихъ собраніяхъ у первоприсутствующаго члена, м. Антонія, и въ двухъ засѣданіяхъ въ св. Синодѣ единогласно постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ о возстановленіи ради чести Руси патріаршества, а затѣмъ собрать помѣстный соборъ епархіальныхъ епископовъ въ Москвѣ для избранія патріарха и для собор-

наго обсужденія назрѣвшихъ нуждъ церковной жизни. Относительно времени созыва собора, сколько намъ извѣстно, Синодъ высказался съ осторожностью, — *когда настанетъ для сего благоприятное время.*

Отсюда заявленія печати о назначеніи собора въ маѣ или октябрѣ — невѣрны. До времени созванія собора предполагается въ особыхъ комиссіяхъ разработка подлежащихъ его обсужденію церковныхъ реформъ, касающихся центрального епархіального управленія и приходской жизни.

Постановленіе Синода вызвало отклики въ печати всѣхъ лагерей: признавалось, что рѣшеніе о томъ, нуженъ-ли патріархъ, долженъ высказать соборъ церковный, а не Синодъ, что соборъ долженъ быть не изъ однихъ только епископовъ, но и изъ благаго духовенства и изъ мірянъ, и прежде избранія патріарха необходимо обсудить церковныя нужды, опредѣлить условія и характеръ дѣятельности главы Церкви. При этомъ представилось, что въ теперешнее время, пока не будетъ окончена война—собору быть неблагоприятно. Этого справедливаго мнѣнія нельзя не раздѣлять. Созваніе собора, конечно, несвоевременно теперь, въ годину военной страды, когда долгъ всякаго вѣрнаго слуги отечества и Государя, а тѣмъ паче долгъ духовенства—призываетъ всецѣло отдаться заботѣ и трудамъ на дѣло одолѣнія грознаго внѣшняго врага и спасенія чести Россіи, а также на умиротвореніе крамольной смуты внутри государства.

Не нужно забывать, что созваніе церковнаго собора и дѣло церковной реформы—дѣло великое и слишкомъ громоздкое, затрагивающее самыя священныя интересы *всей* православной многомилліонной русской семьи, гдѣ каждая ошибка и недоразумѣніе, несоблюденіе каноническихъ и историческихъ традицій грозитъ великими бѣдствіями новаго религіознаго раздора. Нынѣ Русь вѣдь не древняя, богобоязненная, безгласная и благопокорливая; прежде чѣмъ собрать соборъ, надо все хорошо взвѣсить и подготовить, иначе можетъ выдти новая смута на религіозной почвѣ, т. е. самая страшная и опасная и для Церкви, и для государства. Да, отцы и братія, къ такому священному событію, какъ церковный соборъ, нужно приготовиться постомъ и молитвою, и заpastись безстрастнымъ, нелицепріятнымъ настроеніемъ духа, который бы ничего другого не мыслилъ кромѣ *одной только пользы Церкви.* А теперь вся Россія нервно напряжена, болѣзненно взволнована, приподнята духомъ. Хочется вѣрить, что Господь сохранитъ Православную Русь отъ этого новаго искушенія, способнаго

внести новыя тревоженія и смуту въ той области, гдѣ каждый желалъ бы обрѣсти миръ и покой своей смятенной душѣ.

Никакъ нельзя собору ни собираться въ такое тяжкое, полное политическихъ смуть и общественныхъ тревоженій время, ни совершать предстоящаго ему великаго дѣла церковной реформы. Нельзя также забывать и того чрезвычайно важнаго обстоятельства, что вѣдь къ собору-то церковному, если онъ, паче чаянія, соберется теперь, въ переживаемую несчастную годину, и мирная, и волнующаяся Россія вправѣ предъявить запросъ и требовать отъ св. отцовъ мнѣнія по пастырскому долгу и совѣсти, и разрѣшенія отъ лица Церкви вопросовъ и о войнѣ, и о мирѣ, и о политическихъ общественныхъ дѣлахъ и реформахъ, находящихся, какъ извѣстно, въ мукахъ болѣзненнаго перерожденія. Спрашивается, подготовлены-ли наши архипастыри и пастыри къ такому отвѣту? а вѣдь отъ него будетъ зависѣть послѣдующая исторія отношеній къ Церкви всѣхъ русскихъ правительственныхъ, общественныхъ, политическихъ и народныхъ классовъ. Церковь можетъ покрыть себя великимъ посрамленіемъ историческимъ. Если посланіе Св. Синода, съ повтореніемъ невольной ошибки латинскаго агентства, вызвало такіе нападки извѣстной части русскихъ слоевъ и печати на духовныя сферы, то за приговоръ церковнаго собора правящая церковь будетъ въ сто кратъ болѣе отвѣтственна.

Церковь наша никогда не занималась политикой и политиканствомъ.

Зачѣмъ же съ столь легкимъ сердцемъ подвергать ее нынѣ искушенію, а можетъ быть даже и крушенію! Нѣтъ, это страшная задача. Да минуетъ чаша сія!

Пусть волнуется себѣ расколо-сектантскій міръ въ чаяніи грядущей свободы, православной Церкви приличествуетъ нынѣ хранить покой и свободу отъ страстей и увлеченій реформаціоннымъ движеніемъ! Пишутъ, что въ расколѣ идутъ оживленныя приготовленія къ встрѣчѣ свободы, предрѣшенной для дессидентовъ Особымъ Совѣщаніемъ Комитета Министровъ. Особенно большія приготовленія къ этому событію въ жизни раскола идутъ въ Москвѣ, куда вновь водворился „старообрядческій архіепископъ“ Іоаннъ Картушинъ, котораго нынѣ, какъ сообщаютъ намъ, паства его величаетъ уже старообрядческимъ „митрополитомъ всея Россіи“. Когда и гдѣ совершилось это возведеніе раскольничьяго архіерея въ новый санъ, — доселѣ не было слышно, не объявлено объ этомъ и въ февр. кн. „Старообрядческаго Вѣстника“. Событіе это для боевой миссіи австрійскаго старообрядчества можетъ имѣть, при даруемой свободѣ, конечно, важное значеніе. Да, раскольники ведутъ свою линію

неуклонно. „Старообрядческая свободная Церковь“, очевидно, не хочет не только отставать от господствующей Церкви, но и тщится предупреждать наши событія. Поживемъ—увидимъ, что изъ всего этого будетъ дальше. А пока не извѣстны предѣлы даруемой расколу свободы, воздержимся отъ скорбныхъ догадокъ. Сообщаютъ также, что раскольники, въ ознаменованіе даруемой имъ свободы, собираютъ миллиардъ рублей для поднесенія правительству на нужды войны, въ качествѣ безпроцентной ссуды. Дѣло благое, и всѣ русскіе люди, безъ различія вѣрованій, скажутъ старообрядцамъ за патріотическій порывъ свое великое спасибо, но только когда бы евреи не предвосхитили пальмы первенства у старообрядцевъ. Они тоже хлопочутъ предъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія о свободѣ себѣ и тоже ждуть ея, а они вѣдь могутъ собрать не одинъ, а нѣсколько миллиардовъ....

Когда наши скрижали были уже закончены сверсткой, получился 14 № „Церковныхъ Вѣдомостей“ съ *Высочайшею резолюціей* на всеподданнѣйшемъ докладѣ Св. Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ.

Въ живомъ сознаніи высокаго историческаго значенія этого знаменательнаго акта, спѣшимъ теперь же занести на страницы нашего журнала это монаршее волеизъявленіе. Вотъ оно:

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

По всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 31-й день марта сего года, Собственноручно начертать:

«Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго со-

бора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія».

Думаемъ, что, прочитавъ этотъ царскій благой и мудрый глаголь объ устроении Церкви Божіей, всякій вѣрный сынъ Церкви вздохнетъ гѣмъ глубокимъ вздохомъ, который разрѣшаетъ налегшую на сердце тяжесть смятенныхъ думъ и безконечныхъ опасеній. Высочайшая воля вноситъ въ душу двѣ отрады: во-первыхъ, что Его Величество не изволилъ отвергнуть всеподданнѣйшаго ходатайства церковной власти „о созывѣ собора для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія“, а во-вторыхъ, что великое трудное дѣло церковной реформы будетъ совершаться не въ нынѣшнее смутное время, а когда настанетъ благопріятное для сего время, соборъ будетъ не епископскій только, но всероссійскій, и задачи его гораздо шире намѣчены. Слава Богу, благодѣющему Церкви Своей! Всѣ истинные радѣтели Церкви должны молиться, чтобы Царь вѣковъ и временъ скорѣе послалъ смятенной русской землѣ миръ и спокойствіе, столь нужные и для государства и для Церкви. Боже Царя храни!

В. Сворцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, С.-Петербургъ, 5-го апрѣля 1905 г.

Цензоръ Архимандритъ *Нееодій.*

Воскресеніе Иисуса Христа и ап. Тома.

„Тома же, одинъ изъ двѣнадцати, называемый Дидимомъ, не былъ тутъ съ ними, когда приходилъ Иисусъ. Другіе ученики сказали ему: „мы видѣли Господа“. Но онъ сказалъ имъ: „если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложу руки моеи въ бокъ Его—не повѣрю“. Послѣ осьми дней опять были въ домъ ученики Его, и Тома съ ними. Пришелъ Иисусъ, когда двери были заперты, сталъ посреди ихъ и сказалъ: „миръ вамъ“! Потомъ говоритъ Томъ: „подай персть твою сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи въ бокъ Мой; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ“. Тома сказалъ Ему: „Господь мой и Богъ мой“! Иисусъ говоритъ ему: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“ (Іоан. 20, 24—29).

Этотъ простой и трогательный евангельскій рассказъ полонъ глубоко-захватывающаго интереса. Въ немъ въ краткихъ, но сильныхъ чертахъ изображена вѣчно повторяющаяся картина сомнѣній человѣческаго духа въ вопросахъ вѣры. Поэтому изученіе этого евангельскаго событія, помимо своего общаго значенія, имѣетъ несомнѣнный интересъ современности и особенной пользы для церкви и настоящаго вѣка.

Тома не былъ свидѣтелемъ, какъ его товарищи по апостольству, воскресенія своего Господа. Слѣдовательно, непосредственнаго матеріальнаго доказательства воскресенія Иисуса Христа у апостола Тома не было.

Совершенно смущенный смертію своего Учителя, оставилъ онъ Іерусалимъ и съ горемъ удалился отъ этихъ мѣстъ, полныхъ ужаса и печали. Онъ не былъ ни въ саду Аримаѣйскомъ, гдѣ Петръ и Іоаннъ поняли чрезъ отсутствіе смерти дѣйствительность воскресенія; ни въ домъ Еммаускомъ, гдѣ два ученика воочию увидѣли божественнаго Учи-

теля, шествовавшего съ ними; ни въ томъ домѣ, гдѣ были собраны ученики и куда внезапно вошелъ Иисусъ „дверемъ затвореннымъ“ съ сладкимъ привѣтствіемъ „миръ вамъ“! Тома возвращается въ Иерусалимъ, нѣсколько дней спустя. Онъ слышитъ, какъ ученики утверждаютъ великое чудо и говорятъ: „мы видѣли Господа“. „Если я не увижу, вскричалъ онъ, знака гвоздей на Его рукахъ, если я не вложу моего пальца туда, гдѣ были гвозди, если я не вложу моей руки въ Его ребра, я не повѣрю“.

Что значить это слово? Не есть ли оно опасеніе твердаго ума, который не желаетъ поддаваться легко, но за то готовъ принимать достаточныя доказательства? Если оно таково, то заслуживаетъ больше похвалы, ибо вѣра не есть слѣпое и стремительное согласіе, торжество воображенія надъ угнетеннымъ разумомъ, и вполне справедливы слова извѣстнаго проповѣдника: „мнѣ нужно имѣть основанія, чтобы подчинить разумъ“.

Но эти основанія для ап. Тома существовали. Онъ имѣлъ уже достаточныя доказательства воскресенія Иисуса Христа.

Два доказательства, даже двѣ очевидности, были даны ему и должны были склонить его убѣжденія: очевидность свидѣтельства и очевидность, которую можно назвать моральной.

Вотъ апостолы, его товарищи, его испытанные друзья, говорятъ ему: „мы видѣли Господа“. Это не одинъ объявляетъ, не три или четыре между ними,—это *всѣ* апостолы съ ихъ *различными* индивидуальностями соединяются въ одномъ и томъ же утвержденіи. Имъ *лично и несомнѣнно* явился по воскресеніи Своемъ божественный Учитель. Они не могли смѣшать Его съ другимъ, такъ какъ бывали въ Его обществѣ, самомъ интимномъ, не день и не два, а три съ половиною года, не по временамъ только, а постоянно и неотлучно; они не могли смѣшать мертваго съ живымъ, привидѣнія съ существомъ дѣйствительнымъ: Иисусъ Христосъ обратился къ нимъ со словами: Иисусъ Христосъ „показалъ имъ Свои руки и ребра“; Иисусъ Христосъ вкушалъ вмѣстѣ съ ними поданную по Его приказанію пищу. Они не могли подумать о томъ, чтобы солгать, обмануть его—Тома. Это были люди правдивые, люди простые и прямые, не способные ко лжи и обманамъ. Къ тому-жъ раньше они сами сомнѣвались такъ же, какъ и онъ (Лк. 24, 11). Медленные въ вѣрѣ этому великому событію,

если они утверждают его, то потому, что вполне убѣдились въ его дѣйствительности.

Вотъ первая очевидность, которая должна была поразить Тиму, — это очевидность свидѣтельства.

Но здѣсь нужно еще прибавить очевидность нравственную. Тима созерцалъ Иисуса Христа въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ. Онъ слышалъ, что его Учитель говорилъ; видѣлъ, что Онъ дѣйствуетъ, какъ Существо высшее этого міра, божественное. Такое существо, если оно согласилось умереть, не могло оставаться въ могилѣ. Невозможно, чтобы Тотъ, Кто сотворилъ небо и землю, море и все, что въ нихъ, подвергся участи созданной Имъ твари! Невозможно, чтобы былъ побѣжденъ смертію Тотъ, Кто побѣдилъ ее въ дочери Іаира, въ сынѣ вдовы Наинской, въ своемъ другѣ Лазарѣ.

Кромѣ того, Онъ торжественно объявилъ, что въ третій день воскреснетъ. Если Онъ не воскресъ, значитъ Его слово было иллюзіей или обманомъ... Но могло ли быть иллюзіей или обманомъ слово Иисуса Христа въ глазахъ Тимы, который носилъ въ сердцѣ своемъ неизгладимый возвышенный образъ недосыгаемой нравственной высоты Учителя? Невозможно! Это я называю очевидностью нравственной.

Тима не поддается двойному доказательству. Онъ желаетъ другихъ, матеріальныхъ, осязательныхъ, личныхъ, которыя одни только могутъ убѣдить его. Въ этомъ случаѣ онъ проявляетъ скорѣе неосновательную требовательность, чѣмъ законную твердость ума. Однако Иисусъ Христосъ благоволилъ дать ему и это сверхдолжное доказательство. Онъ отвѣчалъ на его желаніе, можетъ быть требовательное, но чистое. Онъ, во славу воскресшій, показалъ Себя ему и сказалъ: „вложи руку твою въ ребра Мои, и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ“ (Іоан. 20, 27). Вотъ тогда-то Тима, побѣжденный неопределимой очевидностію, воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой“!

Если поглубже вдуматься въ изложенное, то не трудно замѣтить, что исторія Тимы почти съ буквальною точностію повторяется и въ нашъ вѣкъ съ весьма многими изъ насъ, и повторяется, къ великому прискорбію, далеко не съ тѣми утѣшительными результатами, къ какимъ привела Тиму исторія евангельская.

Въ самомъ дѣлѣ, не тѣ же ли самыя основанія, которыя должны бы были убѣдить Тиму, представлены и намъ? Не оказываемся ли и мы,

несмотря на 19 протекшихъ вѣковъ, подобно Оомѣ, въ виду двойной очевидности: очевидности свидѣтельства и очевидности нравственной?

Правда, мы не имѣемъ свидѣтельства, произнесеннаго апостолами, но мы имѣемъ ихъ письменное свидѣтельство. Что они проповѣдывали современному поколѣнію, то записано ими въ Новомъ Завѣтѣ. Относительно воскресенія Иисуса Христа въ послѣднемъ имѣются прямыя свидѣтельства двухъ апостоловъ: свв. Матвѣя и Іоанна, и двухъ апостольскихъ спутниковъ — Марка и Луки. Сверхъ того мы имѣемъ поразительное, по единодушному признанію всѣхъ толкователей, свидѣтельство св. ап. Павла въ его 1-мъ посланіи къ Коринтянамъ (гл. 15, 1--8).

Наконецъ, теперь критики, самые отрицательные, признаютъ, что первые ученики всѣ вѣровали воскресенію своего Учителя, единогласно свидѣтельствовали о немъ и даже дѣлали это свидѣтельство предметомъ проповѣди. Вопросъ такимъ образомъ сводится къ тому, относится ли апостольское свидѣтельство къ дѣйствительному факту или къ воображаемому. Было ли воскресеніе галлюцинаціей или дѣйствительнымъ событіемъ? Для непредубѣжденнаго человѣка на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ—положительный.

Непосредственное сознаніе каждаго читающаго евангеліе—лучшее доказательство истинности апостольскаго свидѣтельства о воскресеніи. Перечитайте просто, безъ заранѣе предвзятой цѣли, священныя повѣствованія о воскресеніи,—и ваше непосредственное сознаніе ясно и краснорѣчиво скажетъ вамъ, что невозможно видѣть галлюцинацію въ этихъ отчетливыхъ, ясно сознаваемыхъ явленіяхъ, передаваемыхъ съ такою точностью, опредѣленностію, спокойствіемъ и всецѣлою объективностію. Вдумайтесь въ трогательный и простой эпизодъ съ Маріей Магдалиной, въ событіе при Тиверіадскомъ озерѣ, въ разговоръ Христа съ Петромъ и въ другія явленія, упоминаемая ап. Павломъ,—не видите ли вы *совершенно ясно*, что въ нихъ нѣтъ ничего, напоминающаго безпокойный, неясный, непослѣдовательный, сбивчивый и странный лепетъ возбужденнаго горячечнымъ бредомъ человѣка, подверженнаго галлюцинаціямъ? Или законы психологіи, непреложныя для насъ, не простирали своего дѣйствія на апостоловъ, что, вопреки имъ, они въ состояніи горячечнаго бреда говорятъ и дѣйствуютъ, какъ люди *въ высшей степени* здоровые и нормальные?

Съ другой стороны, если евангеліе не заслуживаетъ довѣрія въ отношеніи къ факту воскресенія, то въ чемъ другомъ оно можетъ заслуживать его? Несомнѣнно, что, если бы воскресеніе не было фактомъ изъ области сверхъестественнаго, заранѣе отрицаемой извѣстными умами, то никто не подумалъ бы оспаривать его.

Такимъ образомъ, для насъ существуетъ очевидность свидѣтельства. Но есть еще и очевидность нравственная. Этотъ Христось, образъ Котораго въ евангеліи окруженъ божественнымъ сіяніемъ и славой, этотъ Христось, Который является намъ, желаемъ ли мы того или нѣтъ, какъ господинъ вѣковъ, какъ владыка твари и человѣчества; въ Которомъ даже невѣрующіе признаютъ единственный верховный идеаль, подвергся закону тлѣнія, какъ мы?! Этотъ святой и праведникъ, душа Котораго, чистая какъ небо, обитала въ тѣлѣ, изъятомъ отъ скверны, въ безвѣстной могилѣ сдѣлался добычею гробовыхъ червей?! Нѣтъ, внутренній голосъ протестуетъ противъ этого: „невозможно, чтобы Онъ былъ удержанъ въ узахъ смерти!“ (Дѣян. 2, 24). Онъ воскресъ, — вотъ свидѣтельство исторіи. Онъ долженъ былъ воскреснуть, — вотъ свидѣтельство нашего нравственнаго сознанія.

Но намъ, какъ и ап. Өомъ, Господь Іисусъ Христось даетъ, въ извѣстной мѣрѣ, и доказательство видѣнія. Онъ съ язвами Своего креста, но съ неуываеомой жизнью постоянно проходитъ предъ нашимъ взглядомъ, и мы, если пожелаемъ, можемъ видѣть Его даже предъ собою. Перенеситесь мысленно чрезъ всю даль вѣковъ, углубитесь въ исторію новозавѣтныхъ временъ, что видите вы тамъ? Этого человѣка, умершаго на крестѣ! Вотъ Онъ въ Своей церкви, рожденной у подножія Его креста, вѣчно живой и могущественный. Вотъ Онъ — въ обществѣ, которое преобразовалъ, въ семьѣ, которую очистилъ и утвердилъ на новыхъ началахъ. Вотъ онъ въ законодательствѣ, которое вдохновляетъ, въ нравахъ, которые возвышаетъ, въ идеалѣ искусствъ и наукахъ, которыя преобразуетъ. Вотъ Онъ въ многочисленныхъ христіанскихъ храмахъ и праздникахъ, существующихъ во всѣхъ церквахъ вселенной, — Онъ, созывающий народы, наполняющій храмы и во всякій моментъ являющійся въ нихъ полнымъ жизни.

Не въ Іерусалимѣ только 19 вѣковъ назадъ желали принести Его въ жертву и запечатать гробъ. Онъ былъ еще бичуемъ, злословимъ

предаваемъ на смерть въ Своемъ тѣлѣ — Церкви. Міръ желалъ затопить ее въ потокахъ крови: но Онъ снова возсталъ изъ этой кровавой могилы, между тѣмъ какъ язычество, преслѣдовавшее Его съ жестокостью и пыломъ, произнесло въ безсиліи умирая: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“! Въ нѣдрахъ самого христіанства преслѣдовали Его въ лицѣ вѣрныхъ свидѣтелей Его. Новыя бичеванья, новыя раны, новыя кресты... И Онъ опять возстаетъ во славу, всегда израненный и изъязвленный, но и всегда живой. Человѣческая мудрость пыталась и пытается снова вонзить гвозди въ тѣло Его, вольнодумный 18-й вѣкъ праздновалъ похороны христіанства. И вотъ Онъ попрежнему живъ и украшенъ вѣчною юностью. Теперь направлены противъ Него другія нападенія. Но мы знаемъ Его: Онъ оживетъ и побѣдитъ, Онъ воскреснетъ полнымъ силы изъ глубины гробницы, и мы увидимъ, какъ падетъ въ совершенномъ безсиліи всякое могущество, противное славу Его. И изъ нѣдръ этой неуядаемой жизни ежеминутно Онъ говоритъ и намъ, какъ говорилъ апостолу: „подай персть твою сюда, и посмотри руки Мои... и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ“ (Іоан. 20, 27). И кто изъ истинно вѣрующихъ въ Него, при этомъ зрѣлицѣ (ибо это есть родъ видѣнія), не чувствуетъ, что его сердце принуждено воскликнуть вмѣстѣ съ Ѳомою: „Господь мой и Богъ мой“!

„Вложи сюда твою руку“, — сказалъ Иисусъ Христосъ Ѳомѣ. Но онъ не влагаетъ ее, онъ созерцаетъ только съ умиленіемъ и трепетомъ глубокіе рубцы Его ранъ. И крикъ вѣры, глубокой, какъ море, и ясной, какъ чистое небо, вырывается изъ его правдивыхъ устъ. Послѣдній въ вѣрѣ воскресенію Иисуса Христа, онъ первый исповѣдуетъ самымъ поразительнымъ образомъ Его божество. Счастливы и благословены тотъ, кто можетъ присоединиться къ хвалебному крику апостола не устами только, но сердцемъ, совѣстью и всей душой!

„Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ, но счастливы тѣ, которые не видѣли, но вѣровали“. Такъ, давая намъ, по Своей снисходительности, осязательныя доказательства нѣкоторыхъ истинъ вѣры, Иисусъ Христосъ вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что истинная вѣра проходитъ мимо этого рода доказательствъ. Ея корни и ея истинныя основанія принадлежать къ міру духовному и нравственному.

Отсутствіе личнаго и непосредственнаго видѣнія есть непремѣнное

условіе вѣры. Еслибы для вѣры въ Ісуса Христа нужно было видѣть Его плоть, то какимъ ничтожнымъ меньшинствомъ ограничилось бы тогда спасительное значеніе христіанской вѣры! Тогда всѣ тѣ, которые прежде пришествія Сына Человѣческаго созерцали издали Его явленіе, которые изъ глубины вѣковъ видѣли, какъ свѣтитъ свѣтъ, и радовались, были-бы только мечтателями. И тѣ, которые послѣ Ісуса Христа объявили и будутъ объявлять себя Его учениками, не имѣли-бы на это права, такъ какъ не созерцали Его во плоти. Въ такомъ случаѣ какъ же апостолъ писалъ іудеямъ разсѣянія: „вы вѣруете въ Него, хотя и не видѣли Его, и, вѣруя въ Него, радуетесь радостію неизреченною и преславною? (1 Петр. 1, 8).

Вѣровать безъ видѣнія—есть даже самое существо вѣры. Что такое вѣра какъ не безпрестанная побѣда невидимаго надъ видимымъ, духа надъ плотію, вѣчности надъ текущимъ часомъ?

Что видитъ, напр., молящійся человѣкъ? Онъ не видитъ ни Бога, къ Которому восходитъ его молитва, ни невидимаго пути, по которому она достигаетъ престола Всемогущаго. Онъ часто не открываетъ въ людяхъ и во внѣшнихъ обстоятельствахъ никакого слѣда Божескаго отвѣта на его молитвы,—и однако вѣруеть! Онъ вѣритъ, что каждый изъ воплей его души доходитъ до престола Божія, и ни одинъ не теряется въ безпредѣльномъ пространствѣ. Онъ вѣритъ, что Богъ изъ глубины Своего уединеннаго жилища можетъ двинуть только рукой,—и она восколеблетъ міръ. И спокойно ожидаетъ вниманія Отца Небеснаго, зная, что кто проситъ, получаетъ, и кто ищетъ, находитъ. Что видитъ этотъ христіанинъ, который, послѣ долгихъ томленій, нашелъ миръ во Христѣ Ісусѣ? Въ его молитвенной комнатѣ не было никакого видѣнія, никакого небеснаго голоса, никакого видимаго присутствія Христа! И тѣмъ не менѣе онъ почувствовалъ, что давившая его тяжесть падаетъ къ подножію креста и что онъ получилъ отъ своего невидимаго Спасителя прощеніе и миръ. Ісусъ явился съ высоты Своего жилища другомъ его души и невидимо со дня на день исполнялъ силу свою въ немощахъ его.

Что видитъ этотъ христіанинъ, который съ тоскою бодрствуетъ у смертнаго одра своего возлюбленнаго брата? Могущество смерти, презирающей всѣ наши заботы, усилія и мольбы, милое существо, ко-

торое отойдетъ, можетъ быть, съ половины пути своей жизни... И однако окружающіе это смертное ложе вѣрують и надѣются! Во мракѣ послѣдняго часа они видятъ свѣтъ, любовь Бога Спасителя. Они знаютъ, что черезъ печальное таинство смерти Отець склонился къ своему дитяти, Искупитель къ освобожденному, чтобы сказать ему: „вниди въ радость Господа твоего“! Проходитъ нѣсколько часовъ... и вотъ они у тѣсной могилы, куда сошло, гдѣ исчезло то, что они такъ любили. Но и тутъ они вѣрятъ. Въ аллеяхъ кладбища они слышатъ голосъ ангела, говорившаго въ саду Геосиманскомъ: „не ищите его между мертвыми, а между живыми“! Они слышатъ Самого Воскресшаго: „Азъ есмь воскресеніе и жизнь“, и чрезъ вѣковое разстояніе созерцають, какъ взоры снова открываются, какъ любимый образъ возстаетъ снова въ славномъ преображеніи, и уста воспѣвають имя Божье.

Да, счастливы невидѣвшіе и вѣровавшіе! Ибо эта вѣра есть свѣтъ нашъ, наше утѣшеніе, наше вдохновеніе, знакъ нашего величія надъ міромъ. Эта вѣра своими горячими внушеніями, своими скорбными, но благородными усилями, этимъ голодомъ и жаждой, которые возбуждаетъ въ насъ, приготовляетъ насъ существеннымъ образомъ къ жизни небесной, когда мы увидимъ, наконецъ, лицомъ къ лицу то, что видимъ теперь сквозь тусклое стекло, когда видя Самого Господа, каковъ Онъ есть, будемъ подобны Ему.

К. Перезозниковъ.

О подготовкѣ къ дѣлу миссіи воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ.

Въ печати появилась книжка прот. А. Вихрова: „Краткая исторія раскола (старообрядческаго), для V-го кл. епарх. женскихъ училищъ“¹⁾.

Появленіе въ свѣтъ книжки прот. А. Вихрова невольно вызываетъ вопросъ: нужно-ли преподавать расколь и сектантство въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ? Программы послѣднихъ отвѣчаютъ на поставленный вопросъ отрицательно: предметъ раскола и сектантства въ нихъ не значится. Можно думать, что въ этомъ случаѣ программы считаютъ удовлетворительными для женскихъ училищъ свѣдѣнія по расколу и сектантству, требуемая программой Церковной исторіи для 6-го класса училищъ и обозначенныя рубриками: „Труды патріарха Никона по исправленію богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Возникновеніе раскола. Открытое появленіе его въ русской церкви. Распаденіе раскола на толки. Поповщина и безпоповщина. Духовныя секты“. Краткость и общность этихъ заголовковъ даютъ основаніе заключать, что свѣдѣнія по расколу и сектантству, при отсутствіи выдѣленія ихъ въ особый предметъ, могутъ быть сообщаемы въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ только самыя общія, не выходящія за предѣлы приобращаемаго путемъ обыденнаго чтенія и даже, пожалуй, меньше того. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, что можно сообщить подъ рубрикою: „Духовныя секты?“ Только свѣдѣнія примитивныя, доставляющія представленіе чего-то и не дающія въ результатъ ничего. А между тѣмъ въ той-же программѣ, въ объяснительной запискѣ къ программѣ по Закону Божію, читаемъ: „программа по объясненію Богослуженія, сравнительно съ прежнею, расширена въ виду тѣхъ требованій, которыя предъявляются

1) Новгор. 1904 г. Ц. 30 коп. См. катал. Тузова на 1905 г. Отд. ереси и расколь.

по сему предмету къ учащимся въ церковно-приходскихъ школахъ, куда оканчивающія курсъ въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ часто поступаютъ учительницами. *Неудобно учительницамъ знать по изъясненію Богослуженія меньше учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ*“¹⁾). Значить, программы епархіальныхъ женскихъ училищъ, когда ограничиваютъ свѣдѣнія по расколу и сектантству въ училищахъ только тѣмъ, что даетъ преподаваемая краткая церковная исторія, то или предполагаютъ, что оканчивающія курсъ епархіальныхъ женскихъ училищъ знаютъ по этому предмету болѣе учащихся въ церковныхъ школахъ или же не считаютъ нужнымъ знать имъ болѣе своихъ учениковъ, точнѣе говоря, считаютъ какія-либо свѣдѣнія по расколу и сектантству для воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ совершенно ненужными. Насколько допустимо первое предположеніе и можно-ли согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ?

Въ программѣ по Закону Божию для двухклассныхъ школъ такъ же, какъ и въ епарх. женскихъ училищахъ, поставлена и церковная исторія и также стоитъ рубрика: „Происхожденіе раскола“. Правда, эта рубрика болѣе краткая, сравнительно съ рубриками программы по церковной исторіи въ епарх. женскихъ училищахъ, гдѣ требуются свѣдѣнія о дѣленіи раскола на безпоповщину и поповщину и свѣдѣнія о сектахъ духовныхъ. Но мы уже сказали, что и по программѣ епархіальныхъ женскихъ училищъ свѣдѣнія по расколу и сектантству могутъ быть сообщены (по приведеннымъ рубрикамъ) настолько общаго характера и настолько скудныхъ, что въ отношеніи знанія о расколѣ и сектантствѣ и будущія учительницы и ихъ ученики разнятся не во многомъ, то есть, тѣ и другіе не знаютъ ничего. Но церковная школа назначена не для однихъ дѣтей православныхъ. Она признается лучшимъ средствомъ для утвержденія въ истинахъ православной вѣры и дѣтей раскольническихъ и сектантскихъ. Къ воспитанію дѣтей въ духѣ православной вѣры и Церкви принаровлены весь строй и всѣ предметы церковной школы. Поэтому желательно видѣть, чтобы и раскольническія сектантскія дѣти по возможности обучались въ церковной школѣ. И если въ мѣстностяхъ съ раскольническимъ и сектантскимъ населеніемъ этого не бываетъ, то нужно признать такое явленіе весьма прискорб-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

нымъ и нежелательнымъ. Эти дѣти, воспитанныя своими родителями въ духѣ раскола или сектантства, несомнѣнно, будутъ, хотя и въ извѣстной, болѣе узкой области, болѣе знающими, чѣмъ ихъ учительницы. Значить, „неудобство“ знанія учительницъ менѣе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ будетъ существовать во всей своей силѣ. Отсюда можно думать, что программы епархіальныхъ женскихъ училищъ меньшее знаніе учительницъ церковныхъ школъ сравнительно съ учениками въ области раскола и сектантства не считаютъ за „неудобство“, т. е., значить, какія-либо спеціальныя знанія по расколу и сектантству считаютъ для учительницъ церковныхъ школъ совсѣмъ ненужными. Дѣйствительно-ли эти знанія ненужны для учительницъ?

Основаніемъ такого мнѣнія можетъ служить или то, что миссіонерское назначеніе школы выполняется законоучителемъ школы на урокахъ Закона Божія или же вообще несовмѣстимость понятій миссіонера и женщины.

Противъ перваго основанія достаточно говорить то обстоятельство, что объясненіе по Богослуженію въ церковныхъ школахъ дается тѣмъ же законоучителемъ школы, которому предназначается и выполненіе миссіонерской задачи школы. Почему-же въ одномъ случаѣ, по отношенію къ изясненію Богослуженія, меньшее знаніе учительницами предмета сравнительно съ своими учениками признается программами епархіальныхъ училищъ за „неудобство“, а въ другомъ случаѣ, по отношенію къ расколу и сектантству, этого „неудобства“ программы не видятъ? Скажутъ, случаи примѣненія учительницами своихъ знаній по расколу и сектантству могутъ быть рѣдки и исключительны, а необходимость давать объясненія относительно православнаго Богослуженія можетъ быть чаще и важнѣе. Но при нынѣшнемъ распространеніи раскола и сектантства рѣдкая школа не можетъ имѣть соприкосновенія съ ними, а въ мѣстахъ соприкосновенія случаи къ разсужденіямъ или даже простымъ разговорамъ по поводу и относительно раскола и сектантства могутъ быть чаще, чѣмъ случаи къ объясненію со стороны учительницы истинъ православной вѣры и церкви: къ разговору или разсужденію относительно и по поводу раскола и сектантства можетъ повести простое житейское столкновеніе и дѣтская любознательность, явиться въ роли объяснителя православнаго богослуженія учительница можетъ развѣ по собственному желанію, ибо это объясненіе въ достаточной мѣрѣ

дается законоучителемъ школы, а дѣти православныхъ родителей безъ какихъ-либо особенныхъ поводовъ не будутъ заводить съ учительницей и разговора о православномъ богослуженіи. Что касается возможности объясненій учительницы относительно православнаго богослуженія, то въ виду отсутствія у дѣтей православныхъ какого-либо критицизма и сомнѣній о православной вѣрѣ и Церкви неудовлетвореніе возможной со стороны учениковъ любознательности учительницей не будетъ сопровождаться для нихъ какими-либо печальными послѣдствіями, развѣ что учительница не будетъ такъ высоко стоять въ ихъ мнѣніи, т. е., что они не будутъ приписывать ей полноты знаній во всѣхъ областяхъ. Но они, по всей вѣроятности, этой полноты отъ учительницы и не требуютъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ области богослуженія, ибо здѣсь для нихъ является олицетвореніемъ знанія и высшимъ авторитетомъ батюшка, который и можетъ всегда удовлетворить возможные съ ихъ стороны запросы. Значить, знаніе учительницей изъясненія православнаго богослуженія имѣетъ болѣе важности для самой учительницы, какъ христіанки, чѣмъ для обучаемыхъ ею дѣтей. Не такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи къ отвѣтамъ учительницы на запросы учениковъ по расколу и сектантству. Для дѣтей раскольническихъ и сектантскихъ учительница является прежде всего *послѣдовательницею и представительницею православной Церкви*, и потому отказъ съ ея стороны дать какое-либо объясненіе по поводу разности въ обрядѣ богослуженія или по вопросу вѣры роняетъ въ ихъ глазахъ значеніе православной Церкви. Авторитетъ батюшки, или вообще законоучителя, не можетъ уже возмѣстить незнанія и безотвѣтности учительницы, ибо часто дѣти раскольническія, подъ вліяніемъ своихъ родителей, настроены противъ батюшки враждебно и съ предубѣжденіемъ, а дѣти сектантскія смотрятъ на него безъ должнаго уваженія, и какъ тѣ, такъ и другія отказываются, по требованію своихъ родителей, и слушать уроки Закона Божія въ церковной школѣ. Принуждать ихъ къ этому, конечно, нельзя, потому что принужденіе повлечетъ нехождение такихъ дѣтей въ школу и лишитъ послѣднюю какого-либо миссіонерскаго значенія. И выходитъ, такимъ образомъ, что „неудобство“ меньшаго знанія своихъ учениковъ учительницами болѣе приложимо по отношенію къ расколу и сектантству, чѣмъ по отношенію къ объясненію православнаго Богослуженія. Значить, отсутствіе въ программахъ епархіальныхъ женскихъ училищъ

спеціальныхъ предметовъ по расколу и сектантству объясняется не „неудобствомъ“ меньшихъ знаній учительницъ въ этой области сравнительно съ учениками, а тѣмъ, что считается почему-то несомвѣстимымъ съ званіемъ женщины исполнять какую-либо миссіонерскую роль. Разсмотримъ, насколько правиленъ и состоятеленъ такой взглядъ.

Самое званіе женщины не должно преграждать для учительницы доступа къ дѣятельности на поприщѣ борьбы православной Церкви съ расколомъ и сектантствомъ. Если ап. Павелъ запрещаетъ женщинѣ всенародно учить въ церкви, то, вѣдь, онъ же заповѣдуетъ христіанамъ, чтобы они исполнялись познаніемъ воли Божіей во всякой премудрости и разумнѣи духовномъ (Колос. 1, 9), а ап. Петръ убѣждаетъ христіанъ, чтобы они, какъ новорожденные младенцы, возлюбили чистое словесное молоко, дабы отъ него возрасти имъ во спасеніе (1 Петр. 2, 2). Такъ какъ женщина имѣетъ такую-же христіанскую душу, какъ и мужчина, то нельзя, конечно, думать, чтобы указанная слова апостоловъ относились къ однимъ мужчинамъ. Слѣд., женщина также должна преуспѣвать въ познаніи христіанскихъ истинъ, и самыя программы епархіальныхъ женскихъ училищъ считаютъ для учительницъ, т. е. женщинъ „неудобствомъ“ знать менѣе своихъ учениковъ по объясненію богослуженія. Если учительница церковной школы, какъ и всякая вообще христіанка, не должна быть не свѣдущей въ истинахъ христіанской вѣры и въ православномъ богослуженіи, то почему-же ей держать запасъ своихъ знаній про себя и не выступить по самому званію учительницы или же въ качествѣ челоуѣка образованнаго, сравнительно съ нашимъ престономъ, истолковательницею той или другой христіанской истины, того или другаго образца. Это не роль церковнаго учителя, запрещенная ап. Павломъ женщинѣ, а дѣйствіе христіанской любви къ ближнему, выраженіе духовнаго общенія христіанъ между собою и взаимнаго утвержденія въ вѣрѣ. Самъ ап. Павелъ предполагаетъ благодѣтельность допущенія браковъ между вѣрующими и невѣрующими въ томъ, что мужъ невѣрующій утверждается въ истинѣ христіанской вѣры женою вѣрующею. Значитъ, апостоль допускаетъ даже возможность религіознаго воздѣйствія женщины на мужчину. Если допустимъ возможность такого воздѣйствія, то тѣмъ болѣе она допустима по отношенію женщины къ женщинѣ, а въ разсматриваемомъ вопросѣ—женщины—учительницы по отношенію къ дѣтямъ-ученикамъ школы. Нѣ-

сколько расширивъ такого рода дѣятельность женщины-учительницы, мы легко придемъ къ признанію возможности и миссіонерской дѣятельности женщины-учительницы. Эта дѣятельность также не будетъ входить въ область церковнаго учительства, ибо будетъ совершаться въ житейскомъ кругу, въ домашней и виѣцерковной жизни, а не на церковной каѳедрѣ. Слѣд., какихъ-либо препятствій къ этой дѣятельности съ канонической стороны быть не можетъ. Въ полезности такой дѣятельности не можетъ быть сомнѣній.

Возраженіемъ противъ полезности миссіонерской дѣятельности учительницы церковной школы можетъ быть развѣ указаніе на недостаточность богословскихъ познаній воспитанницъ епархіальнаго училища. Но вѣдь въ миссіонерскомъ дѣлѣ женщинъ-учительницъ и роль отводится соотвѣтственно ея развитію и знанію. Отъ нея не требуется, чтобы она взяла на себя оффиціальное званіе миссіонера, которое налагаетъ обязанность вести публичныя бесѣды, изучать расколъ и сектантство во всемъ объемѣ и во всѣхъ его тонкихъ изгибахъ. Съ женщины-учительницы церковной школы вполне достаточно будетъ, если она будетъ удовлетворять духовнымъ запросамъ крестьянъ въ районѣ своей школы, т. е., будетъ болѣе или менѣе свѣдуща въ основаніяхъ раскольничьяго и сектантскаго упованій и ихъ обличеній, такъ чтобы вопрошающіе ее крестьяне, обращающіеся къ ней дѣти-ученики могли найти у нея для себя должный отвѣтъ на всѣ запросы, чтобы въ разговорѣ съ ними по вопросамъ вѣры и практики церковной учительница не оказалась стоящею съ ними на одномъ уровнѣ познаній. Въ зависимости отъ условій извѣстной мѣстности и обстоятельствъ для миссіонерской дѣятельности учительницы познанія ея могутъ быть пополнены, расширены, болѣе специализированы. Когда есть главныя и твердыя основанія этихъ знаній, пріобрѣтенныя въ епархіальномъ училищѣ, то есть и возможность пріобрѣтенія знаній помѣстно-нужныхъ. Въ выполненіи миссіонерской обязанности въ указанномъ масштабѣ дѣятельность учительницы будетъ, надѣмся, весьма плодотворною.

Прежде всего нужно сказать, что женщины, какъ въ расколѣ, такъ и въ сектантствѣ, играютъ весьма большую роль. Какую большую услугу оказала протопопу Аввакуму Ѳеодосія Морозова, Евдокія Урусова, инокиня Меланія? Обращаясь къ первымъ двумъ, Аввакумъ говаривалъ: „вы моеи дряхлости жезлъ и подпора!“. А послѣ ихъ смерти

восклицалъ: „забвена буди десница моя, прильпни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну васъ“. То же и въ сектантствѣ, особенно въ сектахъ мистическихъ: всѣ эти богородицы, пророчицы развѣ не играютъ главной роли въ хлыстовщинѣ и скопцествѣ? Съ теченіемъ времени роль женщины въ отступничествѣ не уменьшилась, и сейчасъ женщина-главная опора раскола и сектантства. Кто упорнѣе отстаиваетъ въ расколѣ старину и менѣе поддается убѣдительности доказательствъ миссіонера? Разумѣется, женщина,—какъ воспринявшая извѣстныя истины вѣры болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, какъ почитающая извѣстные обряды и обычай болѣе по наслѣдію старины и привычкѣ, чѣмъ по соображеніямъ разума. Особенно это нужно сказать о женщинахъ стараго поколѣнія и необразованныхъ; а молодыя по условіямъ крестьянской жизни находятся подъ ихъ всецѣлымъ вліяніемъ. Сектантки же, выступающія въ роли дѣйствующихъ и иногда главныхъ лицъ въ сектѣ прямо должны быть признаны фанатичками своего ученія, которыя не слушаютъ доводовъ разума и увлекаютъ другихъ своимъ экстазомъ и фанатизмомъ. Кто имѣетъ болѣе случаевъ къ сближенію и къ разговору съ женщиной, уклоняющейся отъ всякаго рода пастырскихъ и миссіонерскихъ бесѣдъ, избѣгающей и ненавидящей миссіонеровъ и упорно стоящей на своемъ? Кто можетъ говорить съ такого рода женщиной болѣе языкомъ сердца, чѣмъ разсудка, болѣе простыми и доступными пониманію рѣчами, чѣмъ доказательствами, предназначенными болѣе для ума и требующими прежде всего соображенія и развитія? Все это сдѣлать скорѣе можетъ женщина же, являющаяся предъ женщиной не въ качествѣ официального миссіонера, а простою и иногда случайною собесѣдницей, если же и постоянною, то во всякомъ случаѣ обыденною, а не нарочитымъ миссіонеромъ. Деревенская жизнь, особенно въ зимніе вечера, можетъ представить много поводовъ къ бесѣдѣ и разговорамъ учительницы съ своими односельчанами и однодеревенцами. Придетъ деревенская баба посмотрѣть или справиться, какъ учится ея дѣтище, принесетъ учительницѣ гостинецъ, позоветъ учительницу къ себѣ, или сама учительница по какому-нибудь случаю вздумаетъ навѣстить деревенскую женщину, то для разговора о дѣтяхъ, то для раздѣленія радости и горя, то просто посидѣть. Предположимъ даже, что эта баба православная, но только живущая вмѣстѣ съ раскольниками и сектантами. Совершеннаго обособленія въ деревнѣ между ея обитателями нѣтъ. При частыхъ взаимныхъ

сношеніяхъ по надобностямъ чисто житейскимъ сама баба чего-нибудь наслушалась, въ чемъ-нибудь недоумѣваетъ и ей нужно разъяснить. Раскольница или сектантка могутъ случиться у ней въ дому одновременно съ учительницей и завести какой-нибудь разговоръ о вѣрѣ. Вотъ и поводъ для миссіонерства учительницы. Правда, это миссіонерство будетъ въ формѣ частной и простой бесѣды, безъ большихъ научныхъ доказательствъ, но несомнѣнно, что оно будетъ сердечное, удобопонятное и, главное, встрѣчено будетъ безъ предубѣжденія и враждебности. Если учительница не вполне убѣдитъ, то и то будетъ хорошо, если поселить въ слушательницахъ нѣкоторыя здравыя понятія и сомнѣнія въ прежнихъ взглядахъ. Здѣсь шагъ къ дальнѣйшей дѣятельности на поприщѣ миссіонерства, который можетъ быть сдѣланъ тою же учительницей. Теперь въ обычаѣ во всѣхъ школахъ имѣть бібліотеки, и завѣдуетъ ею обыкновенно учитель или учительница. Почему не имѣть въ числѣ книгъ для чтенія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ окружническихъ противораскольническихъ и противосектантскихъ бібліотекъ, книгъ по главнымъ вопросамъ раскола и сектантства, въ популярной формѣ изложенія и доступныхъ для пониманія простому человѣку? Такихъ книгъ достаточно издано и Брат. св. Петра митрополита въ Москвѣ и разными миссіонерскими журналами. Учительница можетъ желающихъ снабжать такого рода книгами и, какъ свѣдущая, можетъ при выдачѣ и при полученіи книгъ давать нужныя разъясненія. Но какъ все это она будетъ дѣлать, если никакихъ свѣдѣній по расколу и сектантству у нея нѣтъ? Естественно, что нива останется безъ дѣлателя, расколъ и сектантство безпрепятственно будутъ процвѣтать.

Возьмемъ также положеніе „епархіалки“ въ качествѣ жены сельскаго священника. Молодой батюшка, только поступившій на приходъ, зараженный расколомъ и сектантствомъ, обыкновенно горячо берется за дѣло миссіонерства. Онъ неустанно проповѣдуетъ въ церкви, ведетъ вѣбогослужебныя бесѣды, вступаетъ въ частныя бесѣды съ раскольниками и сектантами. На этомъ поприщѣ ему встрѣтится много тернія въ видѣ неудачъ и всякаго рода козней; можетъ страдать и его матеріальное благосостояніе. Для выполненія своей обязанности нужно все это терпѣливо переносить, нужно быть готовымъ къ самопожертвованію. Кто же ближайшій помощникъ пастыря на его тернистомъ пути? Кого всего ближе можетъ задѣть скудость его матеріальныхъ средствъ?

Супруга пастыря — вотъ его сопутникъ, она же вѣдущая домъ, хозяйство и дѣтей. Представимъ себѣ, что въ этомъ ближайшемъ сопутникѣ пастырь не встрѣчаетъ никакой нравственной поддержки, что отъ нея онъ слышитъ попреки за тѣ или другія прорѣхи въ хозяйствѣ. Онъ начинаетъ удѣлять болѣе вниманія своему дому, чѣмъ приходу, и въ тѣхъ случаяхъ, когда исполняемая имъ миссіонерская задача потребуетъ отъ него какихъ-либо упущеній въ хозяйственномъ дѣлѣ, онъ не рѣшится на это или рѣшится съ большимъ принужденіемъ себя и не отдастъ своему долгу всѣхъ силъ, а сдѣлаетъ дѣло на половину. Запаса своихъ знаній по расколу и сектантству обновлять и расширять онъ не будетъ, потому что нѣтъ времени или нѣтъ нужныхъ книгъ, которыя на свой счетъ онъ уже не выпишетъ; въ приходъ для миссіонерства онъ не поѣдетъ и отъ всякаго рода миссіонерскихъ бесѣдъ будетъ уклоняться, ибо многое у него позабылось, и онъ боится быть осрамленнымъ; онъ будетъ ждать, чтобы пріѣхалъ епархіальный миссіонеръ и что-нибудь за него сдѣлалъ. И чѣмъ долѣе будетъ тянуться время его службы, тѣмъ равнодушнѣе онъ будетъ относиться къ дѣлу своего миссіонерства, наконецъ совсѣмъ погрузится въ тину житейскихъ заботъ, особенно если обремененъ семьею, и все предоставитъ на волю Божію и... на епархіальнаго миссіонера. А что можетъ сдѣлать одинъ человекъ на всю епархію, безъ дѣятельности самого приходскаго пастыря, объ этомъ говорить излишне. Дѣло доходитъ до того, что пастырь чувствуетъ силу раскола и сектантства и спѣшитъ благополучно и заблаговременно перейти на лучшій приходъ, если можно, не имѣющій раскола и сектантства, ссылаясь на свою многосемейность и выставяя, въ качествѣ права на переходъ, свое долготѣнее служеніе на приходѣ, позабывая, что за время его пастырства расколъ и сектантство въ оставляемомъ имъ приходѣ развились. А все почему? Да весьма часто потому, что не было своевременной поддержки со стороны жены, когда онъ былъ молодъ, въ силахъ, не остудилъ своего пастырскаго одушевленія. Но какая можетъ быть поддержка пастырю со стороны его жены, если послѣдняя и не знаетъ, что представляетъ собою расколъ и сектантство? Не имѣя о нихъ понятія, она всецѣло погружается въ интересы хозяйства и въ эту тину житейскихъ хлопотъ тянетъ за собою и своего мужа-пастыря; и оба они смотрятъ на приходъ только со стороны его доходности, не выпишутъ нужнаго духовнаго журнала и

наконецъ опускаются въ своихъ знаніяхъ и понятіяхъ до уровня своихъ прихожанъ. Иначе обстоитъ дѣло, если жена священника изъ воспитанницъ епархіального училища, получившихъ свѣдѣнія по расколу и сектантству. Она можетъ явиться ближайшей помощницей мужа въ его миссіонерскихъ трудахъ, ея интересъ къ этому дѣлу возбуждаетъ интересъ и пастыря церковнаго, и оба они одушевляются однимъ общимъ дѣломъ. Мало этого: жена священника становится дѣятельнымъ членомъ приходскихъ братствъ, составленныхъ изъ лучшихъ прихожанъ, и въ ближайшемъ ей кругѣ женщинъ развиваетъ свою миссіонерскую дѣятельность, а на помощь ей является учительница церковной школы, тоже изъ воспитанницъ епархіального училища, обѣ помогаютъ пастырю Церкви и въ свойственномъ имъ кругѣ женщинъ посѣваютъ зерна православной истины. Это сѣмя развивается, дѣятельность женщинъ растетъ, и взаимобмѣнъ мыслями между православными и уклонившимися отъ православія становится живѣе, сердечнѣе и приводитъ отъ житейскаго сближенія къ сближенію съ православною Церковью. Все это не фантазія, а дѣйствительные факты изъ миссіонерской дѣятельности всѣхъ интеллигентныхъ представителей сельскаго прихода. Мы знаемъ примѣры изъ рассказовъ самихъ пастырей, отличившихся потомъ на поприщѣ миссіонерства, какъ благодѣтельна была для нихъ поддержка со стороны ихъ женъ. Припомнимъ кстати, какую поддержку протопопу Аввакуму оказывала его жена Настасья. „Она всюду сопутствовала протопопу и была ему вѣрная „подружія“. Однажды, по поѣздкѣ въ Сибирь, протопопъ сказалъ Марковнѣ, что невзгоды ихъ „будутъ до самой смерти“, и Марковна отвѣчала: „добро Петровичъ!“ Въ другой разъ, на обратномъ пути изъ Сибири, Аввакумъ смутился тѣмъ, что вездѣ служили по новымъ книгамъ. Онъ не зналъ, что дѣлать ему: переходить ли къ новому церковному порядку или попрежнему проповѣдывать о старинѣ? Тутъ-то и явилась къ нему на помощь жена. — „Что, господине, опечалился?“ — „Жена, что дѣлать? Зима еретическая на дворѣ: говорить-ли мнѣ или молчать? — связали вы меня!“ — „Что ты, Петровичъ, говоришь!.. О насъ не тужи! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, — обличай ересь!“ — Аввакумъ за это женѣ билъ челомъ, да и пошелъ, какъ и прежде „учить“ вездѣ и всюду. Здѣсь важно не направленіе, въ которомъ поддержала Аввакума его жена, а фактъ самой поддержки. Если для такого крѣпкаго духомъ,

какъ Аввакумъ, эта поддержка имѣла значеніе, рѣшила его колебанія въ минуты раздумья и сдѣлала стойкимъ и дѣятельнымъ расколуучителемъ до конца своей жизни, то какъ важна можетъ быть поддержка жены пастырю обыкновенному, не отличающемуся духовной силой. Аввакума! Если для Аввакума такъ важно было одно одобреніе его дѣятельности со стороны жены, то насколько важнѣе можетъ быть для пастыря прямое содѣйствіе его миссіонерству его сопутницы жизни! Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что понимай жена священника сколько-нибудь въ расколѣ и сектанствѣ (а послѣ подготовки въ епархіальномъ училищѣ и особенно послѣ дѣятельности въ качествѣ учительницы церковной школы это весьма достижимо), и русская Церковь знала бы многихъ изъ пастырей совершенно другими. Не было бы постепеннаго увязанія пастыря въ тину житейскихъ мелочей и интересовъ, идейныя стремленія его по пастырско-миссіонерскому дѣлу не погибли-бы безвозвратно.

Изъ сказаннаго, думается, вполне ясна необходимость введенія въ программу епархіальныхъ женскихъ училищъ курсовъ по расколу и сектанству. Воспитанница епархіальнаго училища и въ качествѣ собственно учительницы церковной школы, и какъ женщина вообще и, наконецъ, какъ жена приходскаго пастыря, несомнѣнно, можетъ оказать большую и весьма дѣйствительную помощь православному миссіонерству въ борьбѣ ея съ расколомъ и сектанствомъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, въ какомъ объемѣ, по какой программѣ миссіонерскіе предметы должны быть преподаваемы въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Такъ какъ это преподаваніе должно имѣть въ виду практическую цѣль, то заботиться слишкомъ о полнотѣ знаній воспитанницами указанныхъ предметовъ съ научной стороны нѣтъ большой надобности. Въ полномъ объемѣ и съ научнымъ направленіемъ преподаваніе исторіи и обличенія раскола и сектанства будетъ, пожалуй, не по силамъ воспитанницамъ, не получившимъ полнаго богословскаго образованія. Да эта научность и область знаній, не примѣняемыхъ на дѣлѣ, скоро могутъ у нихъ изгладиться. Предметы—расколъ и сектанство—должны быть преподаваемы имъ въ доступномъ фактическомъ изложеніи, а заблужденіе отступничества въ общихъ и главныхъ чертахъ. Въ общемъ матеріалѣ изученія можно останавливаться сравнительно детально на томъ, что, по условіямъ мѣстной епархіи, можетъ имѣть приложеніе въ

жизни. Отсюда и въ полемикѣ должны быть показываемы воспитанникамъ главныя основанія противъ той или другой секты, съ приведеніемъ болѣе важныхъ доказательствъ въ видѣ тѣхъ или другихъ свидѣтельствъ изъ библіи и выдержекъ изъ старопечатныхъ книгъ. Словомъ, объемъ и подготовка предмета должны соответствовать духовнымъ силамъ и развитію воспитанницъ епархіальныхъ училищъ. Еще нѣсколько словъ о количествѣ уроковъ. Намъ думается, что общее количество 5-ти недѣльныхъ уроковъ въ V и VI классахъ епархіальныхъ училищъ будетъ довольно для цѣли. Прилежаніемъ воспитанницы епархіальныхъ училищъ вообще превосходятъ семинаристовъ, и доступное ихъ пониманію будутъ знать тверже своихъ братьевъ. Откуда теперь взять эти 5 уроковъ? Это, конечно, дѣло высшаго начальства, но, думается, одинъ урокъ можетъ быть взятъ отъ церковной исторіи и безъ ущерба для дѣла, сюда могутъ пойти и 2 урока геометріи, ибо все равно знаніе ея, особенно въ такомъ элементарномъ видѣ, какъ указано въ училищной программѣ, не имѣетъ жизненнаго приложенія, и спустя какой-нибудь годъ по окончаніи курса воспитанницами совершенно забывается. Легко могутъ быть взяты—1 урокъ Гражд. ист., и 1 урокъ Катехизиса (V кл.) въ виду краткости курсовъ, въ 6-мъ къ двумъ урокамъ отъ геометріи можно присоединить еще урокъ пѣнія, имѣющаго въ епархіальн. училищѣ вообще большое количество уроковъ (въ каждомъ классѣ по два). Мы хотимъ сказать только, что, при сознаніи нужды преподаванія въ епархіальныхъ училищахъ исторіи и обличенія раскола и сектантства, потребное для нихъ количество уроковъ (хотя бы 5-ть) найдется. А эта нужда для всякаго непредубѣжденнаго и преданнаго дѣлу миссіи должна быть ясна.

С. Троицкій.

Къ перепискѣ сектантскихъ дѣятелей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Переписка представителей молоканства и штундо-баптизма“, напечатанная въ 9 №-рѣ 1903 г. „Мисс. Обозр.“, нашла себѣ откликъ въ сектантскомъ мірѣ. Авторъ одного изъ напечатанныхъ писемъ, М. И. Калмыковъ ¹⁾, прислалъ въ редакцію новое письмо, въ которомъ выражаетъ готовность печатно продолжить начатую переписку по вопросамъ о крещеніи и преломленіи хлѣба. Письмо свое М. И. адресуетъ Дѣю Ивановичу Мазаеву, автору другого изъ напечатанныхъ писемъ. И, дѣйствительно, въ большей и главнѣйшей части своего новаго письма М. Ив. дѣлаетъ нападеніе на штундо-баптистское ученіе и на защиту его Д. Ивановичемъ, но здѣсь-же попутно онъ даетъ свой отвѣтъ и на наши замѣчанія, сдѣланныя въ предисловіи къ перепискѣ,—равно какъ высказываетъ и нѣкоторыя другія сужденія, имѣющія, если не прямое, то очень близкое отношеніе къ православному ученію. Считая своимъ долгомъ дать послѣдній отвѣтъ на письмо М. Ив-ча—въ той его части, которая касается нашихъ замѣчаній и православнаго ученія,

1) Въ 7 №-рѣ „Мисс. Обозр.“ за минувшій годъ (стр. 923) помѣщено письмо Петра Т., въ которомъ авторъ письма называетъ «грубою ошибкою» съ нашей стороны то обстоятельство, что мы въ своемъ «предисловіи» къ перепискѣ называли М. В. Калмыкова представителемъ старо-молоканской секты. Ошибка, конечно, возможна. Лично мы не знакомы съ М. Ив., и о его религиозномъ міровоззрѣніи судили по имѣвшимся у насъ подъ руками письмамъ, въ этихъ-же письмахъ онъ является *характернымъ* представителемъ старо-молоканства. Объ убѣжденіяхъ М. Ив., выдѣляющихъ его изъ этой послѣдней секты, намъ ничего неизвѣстно. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ это и послѣ письма Петра Т., такъ какъ разногласіе „во многихъ пунктахъ по слову Божію“—обычное явленіе и среди представителей одной и той-же секты.

мы льстимъ себя надеждой, что и Дѣй Ив., съ своей стороны, не откажется „исповѣдать свое исповѣданіе предъ многими свидѣтелями“ (1 Тим. 6, 12) и дать посильный отвѣтъ на недоумѣнія Макс. Ив. по поводу ученія штундо-баптистскаго.

Письмо Максима Ив., помимо введенія, заключаетъ въ себѣ двѣ части: первую можно назвать отрицательною, а вторую положительною. Въ отрицательной части М. Ив. критически разсматриваетъ доказательства въ пользу воднаго крещенія. Дѣй Ив. въ своемъ (уже напечатанномъ) письмѣ указалъ на дѣятельность Іоанна Крестителя, на повелѣніе Господа и на дѣйствія св. апостоловъ послѣ сошествія Св. Духа, какъ на сильнѣйшее и нагляднѣйшее доказательство того, что крещеніе Христово (во Христа) должно совершаться водою. Мы въ своемъ примѣчаніи къ этому письму сдѣлали оговорку, что Д. Ив., при разсужденіи о крещеніи Христовомъ (во Христа), напрасно ссылается на примѣръ Іоанна Крестителя, такъ какъ „даже и съ баптистской точки зрѣнія крещеніе Іоанново, по своему внутреннему смыслу и значенію, должно быть отличаемо отъ крещенія Христова“ („Мисс. Об.“ 1903 г. № 9, стр. 1316, прим. 1). Но, съ другой стороны, мы признали всю силу доказательности за указаніемъ на повелѣніе Спасителя и на дѣйствія св. апостоловъ (стр. 1319, заключеніе). Не такъ смотритъ на дѣло М. Ив. въ печатаемомъ ниже письмѣ. Не отрицая того, что Спаситель далъ заповѣдь о крещеніи и что апостолы, исполняя эту заповѣдь, совершали крещеніе именно въ водѣ, М. Ив.,—говоря его словами,— „поставляетъ иную практику, болѣе важную и лучшую. Христось,—разсуждаетъ онъ,—сказалъ о крещеніи,—Онъ же и еще сказалъ: „трудно богатому войти въ царствіе Божіе“, а потому приказалъ продать хозяйство и раздать нищимъ; ученики дѣлали это, и у нихъ все было общее; потомъ ученики еще дѣлали и вотъ что: преломляли каждый день по домамъ хлѣбъ; ученики продолжали держаться Моисеева закона и въ Пасхѣ, и въ праздникахъ, и въ различныхъ омовеніяхъ; ученики продолжали для благословенія приносить дѣтей. А что, Дѣй Ивановичъ, заключаетъ Калмыковъ,—если-бы вы указали на эту практику и попросили-бы насъ опровергать“?!

Не знаемъ, конечно, что отвѣтилъ-бы или отвѣтитъ Дѣй Ивано-

вичъ: но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ очень умѣстны слова Спасителя: „сыны вѣка сего (въ своей области) догадливые (бываютъ) сыновъ свѣта“ (Лук. 16, 8). Вѣдь, если-бы кто посовѣтывалъ М. Ив—чу развести липовую рощу тамъ, гдѣ ранѣе хорошо росли ель и сосна, то едва-ли бы онъ скоро и легко согласился на это, справедливо разсуждая, что каждое растеніе любитъ свою почву, что „чернухи не молотятъ каткомъ зубчатымъ, и колесъ молотильныхъ не катаютъ по тмину: напротивъ, зерновой хлѣбъ вымолачиваютъ... и водятъ по немъ молотильныя колеса“ (Ис. 28, 27—28). Пусть указанную мѣрку приложить М. Ив. и къ предмету нашего разсужденія. Вѣдь у насъ рѣчь не о пользованіи имѣніемъ, не о благословеніи дѣтей, не о предписаніяхъ закона Моисеева, а о заповѣди Спасителя относительно крещенія и объ исполненіи этой заповѣди апостолами. Вотъ если-бы М. Ив. показалъ, что Спаситель, давши заповѣдь о крещеніи, разъяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что она необязательна для Его послѣдователей, и апостолы, согласно повелѣнію и разъясненію своего Учителя, однихъ изъ вѣрующихъ крестили водою, а другихъ оставляли безъ этого крещенія,—тогда-бы онъ, дѣйствительно, опровергъ доказательства Дѣя Ивановича, разсужденіями-же о стороннихъ предметахъ этого достигнуть нельзя. Мало того, пріемъ М. Ив—ча, послѣдовательно проведенный, ведетъ къ отрицанію всего вообще ученія и всѣхъ заповѣдей Христа Спасителя. Вѣдь къ каждой заповѣди, къ каждому дѣйствию Спасителя или Его учениковъ можно подставить повелѣніе или дѣйствіе, имѣвшее частный, временный или чрезвычайный характеръ (напр., Лук. 10, 4 ср. 22, 35—36; Мѡ. 21, 2. 7; Лук. 2, 22; Мѡ. 14, 25; Мѡ. 8, 22 и мн. др.), и изъ необязательности однихъ дѣлать заключеніе къ необязательности другихъ, какъ то дѣлаетъ въ данномъ случаѣ М. Ивановичъ ¹⁾.

¹⁾ Примѣры повелѣній и дѣйствій, указанные М. Ивановичемъ, имѣютъ именно такой частный или временный характеръ. Слова Спасителя: «трудно богатому войти въ царство небесное», какъ видно изъ самаго строя рѣчи, содержать въ себѣ не повелѣніе или запрещеніе, а простое предостереженіе, подобное тому, какое дается Спасителемъ въ нагорной бесѣдѣ (Мѡ. 6, 19—21. 24). Трудность, о которой говоритъ Спаситель, чисто нравственная и отнюдь не безусловная: среди послѣдователей Господа были Іосифъ изъ Аримаѳеи—«человѣкъ богатъ» (Мѡ. 27, 57), были и многія женщины, котсрыя служили Ему *имѣніемъ своимъ* (Лук. 8, 2—3). Повелѣніе (скорѣе-совѣтъ): «иди, продай имѣніе твое, и раздай нищимъ» (Мѡ. 19 21)

Водное крещеніе по мнѣнію М. И—ча, потому именно необязательно для христіанъ, что оно со стороны Спасителя и апостоловъ было исполненіемъ обрядоваго закона Моисеева, установленнаго, по Апостолу, только до времени исполненія (Евр. 9, 10). „Христось,—разсуждаетъ М. Ив., совмѣстно съ Своими учениками продолжалъ въ точности исполнять всё до ниточки ветхозавѣтныя правила закона... крещеніе водою — это правило не было новымъ,—оно совершалось во дни Израиля подѣ строгимъ наблюденіемъ еврейскихъ правилъ“.

Приведенное разсужденіе есть одно сплошное недоразумѣніе. Допустимъ, что Христось, какъ „подчинившійся закону“ (Гал. 4, 4) вообще, подчинилъ Себя тому-же закону, въ частности, и тѣмъ, что принялъ крещеніе отъ руки Іоанна. Но вѣдь Христось для того и подчинилъ Себя закону, чтобы, по слову Апостола, „подзаконныхъ искупить“, чтобы освободить ихъ отъ порабощенія „немошнымъ и бѣднымъ вещественнымъ началамъ“ (Гал. 4, 5. 9). Зачѣмъ-же тогда Своимъ послѣдователямъ-то, искупленнымъ отъ закона, Онъ даетъ заповѣдь о крещеніи, заповѣдь—положительную и строгую (Мѣ. 28, 19; Мрк. 16, 15—16 ср. Іоан. 3, 5),—даетъ въ одинъ изъ важнѣйшихъ

дано было подѣ условіемъ (если хочешь) и лично богатому юношѣ, обусловливалось, гл. обр., его нравственнымъ состояніемъ (излишнею привязанностію къ земнымъ благамъ). Строй жизни, установившійся въ первенствующей христіанской общинѣ, былъ дѣломъ свободной любви и общительности (Дѣян. 4, 34—37), дѣлался возможнымъ въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ того времени (особенное религіозное воодушевленіе и сравнительная малочисленность общины), а потому, съ измѣненіемъ этихъ обстоятельствъ (съ увеличеніемъ числа вѣрующихъ и съ появленіемъ среди нихъ лицъ, подобныхъ Ананіи и Сапфирѣ), этотъ строй самъ собой разрушается, а любовь и общительность христіанъ находятъ для себя иную форму выраженія (1 Кор. 16, 1—4 ср. Евр. 13, 16). Какъ Спаситель (Гал. 4, 4), такъ и апостолы до соборнаго рѣшенія (Дѣян. 15), а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и послѣ собора (Дѣян. 16, 3; 21, 18—26 ср. 1 Кор. 9, 19—23), дѣятельно, исполняли нѣкоторыя обрядовыя постановленія закона Моисеева, но ни Спаситель, ни апостолы никогда не учили о вѣчномъ и обязательномъ значеніи этого закона; напротивъ, Спаситель называлъ Себя «Господомъ субботы» (Мѣ. 12, 8), а апостолы прямо утверждали, что для тѣхъ «не будетъ никакой пользы отъ Христа», которые надѣются достигнуть оправданія чрезъ исполненіе обрядоваго закона Моисеева (Гал. 5, 1—4, 3, 24 ср. Дѣян. 15). Несомнѣнно, наконецъ, что у іудеевъ существовалъ обычай приносить дѣтей для благословенія (Мѣ. 19, 13—15) и Спаситель не только не осудилъ его, но освятилъ Своимъ примѣромъ. Какъ освященный Господомъ, какъ благочестивый обычай, онъ существуетъ въ Церкви Христовой и по настоящее время.

моментовъ Своей земной жизни, предъ вознесеніемъ на небо (Мрк. 16, 19)? Для чего и апостолы, почитая себя и другихъ вѣрующихъ призванными къ свободѣ отъ закона, снова, чрезъ исполненіе заповѣди Спасителя о крещеніи, „подвергаютъ себя и другихъ игу рабства“ (Гал. 5, 1; 4, 9 ср. Дѣян. 15, 10)?.. Это — съ одной стороны. Съ другой, согласившись съ М. Ивановичемъ, что „крещеніе Іоанново принадлежало къ ветхозавѣтному правилу“, мы чрезъ то самое станемъ въ противорѣчіе съ ясными указаніями слова Божія, что крещеніе Іоанново было „съ небесъ“ (Мѡ. 21, 25—26), по особому возбужденію или указанію Божію (Лук. 3, 1—2); непонятенъ тогда будетъ намъ и вопросъ посланниковъ синедріона, обращенный къ Іоанну: „что-же ты крестишь, если ты не Христось, ни Ілія, ни пророкъ“ (Іоан. 1, 19—25)? Ясно, что крещеніе Іоанново было таково, что его, по мысли посланниковъ синедріона, могли совершать только или Мессія (Христось), или-же Его предтеча (см. Малах. 3, 1; 4, 5): для совершенія-же „ветхозавѣтнаго правила“ едва-ли бы это было нужно. Да и по самому существу дѣла — крещенія Іоаннова никакъ нельзя приравнивать къ омовеніямъ и погруженіямъ закона Моисеева. Совершенно ложно утвержденіе Максима Ів., что нельзя будтобы „открыть разницы между погруженіями и омовеніями Іоанновыми и еврейскими омовеніями: Іоаннъ пророкъ проповѣдывалъ вѣру въ грядущаго, Моисей то-же самое; Іоаннъ при покаяніи очищалъ водою, и евреи тоже самое, — разница только въ томъ, что Іоаннъ уже былъ послѣднимъ пророкомъ, а потому и болѣе торжественно совершилъ свое поприще“. Ветхій Завѣтъ, отвѣтимъ мы, „дѣтводилъ“ ко Христу (Гал. 3, 24) „многочастиѣ и многообразіѣ“ (Евр. 1, 1). Въ частности, омовенія закона Моисеева вели ко Грядущему не прямо и открыто, а прикровенно и, какъ-бы, стороной: чрезъ постоянное напоминаніе о грѣховной нечистотѣ они возбуждали и поддерживали въ подзаконномъ словѣкъ желаніе и надежду на избавленіе отъ нея, по подобію очищенія отъ тѣлесной нечистоты (Евр. 9, 13) въ омовеніяхъ, и тѣмъ подготавливали общую религіозно-нравственную настроенность, необходимую для принятія слова Евангелія. Прямого исповѣданія вѣры въ Грядущаго при омовеніяхъ не требовалось, тогда какъ при крещеніи Іоанновомъ такое исповѣданіе было необходимымъ условіемъ и самое крещеніе было знакомъ и, какъ-бы, запечатлѣніемъ вѣры во Грядущаго, притомъ — не просто во Грядущаго, а „во Грядущаго *по немгѣ*“ (Д. 19, 4), по Іоаннѣ,

т. е.—требовалась вѣра, какъ въ обѣщаннаго Мессію, въ того, на кого указалъ Іоаннъ, какъ на Сына Божія, какъ на Агнца Божія, который беретъ на Себя грѣхъ міра (Іоан. 1, 29. 33. 36). Такого указанія ни Моисей, ни другіе пророки Ветхаго Завѣта сдѣлать не могли, такъ какъ, по свидѣтельству ап. Петра, сами они только изыскивали и изслѣдовали, „на которое и какое время указывалъ сушій въ нихъ Духъ Христовъ, когда Онъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу“ (1 Петр. 1, 10—11). Нагляднымъ свидѣтелемъ разности вѣщаній Моисея и др. ветхозавѣтныхъ пророковъ отъ дѣятельности Іоанна Крестителя служатъ евреи. Они (въ общемъ) вѣрили и вѣрятъ Моисею и другимъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ,—ждали и ждутъ обѣщаннаго Мессію, но они не вѣрили и не вѣрятъ Іоанну,—не признаютъ за Мессію Того, къ принятію Котораго приготавлилъ народъ Іоаннъ своимъ крещеніемъ и проповѣдію (Іоан. 5, 32—33).

Итакъ, ясно—надѣмся,—что крещенія Іоаннова никакъ нельзя отождествлять или даже только приравнивать къ омовеніямъ закона Моисеева¹⁾. Тѣмъ болѣе странно, конечно, искать въ этомъ законѣ чего-либо похожаго на крещеніе Христово (во Христа). Нужно припомнить только, что это крещеніе совершается во имя св. Троицы (Мф. 28, 19), по вѣрѣ въ Ис. Христа, какъ Обѣщаннаго Мессію, какъ Сына Божія (Дѣян. 2, 38; 8, 37); съ нимъ соединяется обѣтованіе благодати Св. Духа (Д. 2, 38), очищающей отъ грѣховъ (Евр. 5, 26) и возрождающей челоуѣка въ жизнь духовную и святую (Рим. 6, 3—6; Кол. 2, 12 ср. Іоан. 3, 5), т. е.—обѣтованіе того, чего въ Ветхомъ Завѣтѣ и не могло быть (Іоан. 1, 17; 7, 39).

Повторяемъ,—все разсужденіе М. Ив. объ отношеніи крещеній Іоаннова и Христова къ омовеніямъ закона Моисеева есть одно сплошное недоразумѣніе. Причина его въ томъ, что М. Ив. поступилъ въ данномъ случаѣ какъ—разъ вопреки „молоканскому (будто-бы?) воззрѣнію—всматриваться во внутренній смыслъ и содержаніе внѣшняго образа дѣйствія“. Онъ оторвалъ внѣшнюю сторону крещенія не только отъ благо-

¹⁾ Мы не говоримъ уже о личномъ крещеніи Спасителя отъ Іоанна. Надѣмся, что и М. Ив. признаетъ это крещеніе чрезвычайнымъ и единственнымъ среди крещенія Іоанна, такъ какъ Спаситель не имѣлъ нужды ни въ покаяніи, ни въ вѣрѣ во Грядущаго, что составляло отличительную особенность Іоанновыхъ крещеній.

датнаго его дѣйствія, о которомъ говоритъ слово Божіе, но даже и отъ всякаго символическаго значенія и смысла, о которыхъ учатъ штундобробтисты. Вотъ такого-то крещенія, — обнаженнаго всякаго благодатнаго дѣйствія и всякаго символическаго смысла и значенія, — и ищетъ М. Ив. въ обрядовомъ законѣ Моисея. Напрасный трудъ! Гораздо легче и гораздо болѣе близкую аналогію *своему* крещенію найдетъ М. Ив. въ простыхъ — общечеловѣческихъ омовеніяхъ или купаніяхъ для освѣженія и чистоты тѣла ¹⁾. Но для чего-же потребовалось М. Ив.: такое уродованіе крещенія? Для чего нужно ему было брать часть вмѣсто нераздѣльнаго-цѣлаго и трактовать эту часть, какъ правило закона Моисеева? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдетъ во второй положительной, части письма М. Ивановича.

Сущность этой положительной части выражена М. Ивановичемъ въ слѣдующихъ словахъ: „Молоканскія воззрѣнія относительно практики таковы: смотрѣть на букву, но не по буквѣ понимать, а всматриваться во внутренній смыслъ и содержаніе, а внѣшній образъ дѣйствія буквально видѣть прообразомъ — и только. Слѣдовательно, практика занимаетъ для насъ мѣсто аналогіи, а потому для насъ обрядовая сторона совсѣмъ и не нужна, и мы на ней не останавливаемся“. Отсюда ясно, что отрицаніе внѣшней стороны крещенія имѣетъ у М. Ив. принципиальный характеръ. Не изъ безпристрастнаго изслѣдованія слова Божія оно вытекло, а изъ ложнаго убѣжденія молоканъ, что въ христіанствѣ, какъ религіи чисто духовной, не можетъ быть ничего внѣшняго или матеріальнаго — ни въ средствахъ Богоугожденія, ни въ средствахъ благодатствованія или спасенія чловѣка.

Все въ словѣ Божіемъ, несогласное съ такимъ убѣжденіемъ, они и стараются истолковать какъ иносказаніе, притчу, образъ или даже остатокъ ветховавѣтнаго обрядоваго закона. Результаты такого отношенія къ слову Божію кратко выражены въ слѣдующихъ заключительныхъ положеніяхъ М. Ив.: „подъ хлѣбомъ ошибочно разумѣть естественный хлѣбъ, но не ошибочно разумѣть лично Христа; подъ крестомъ ошибочно разумѣть внѣшній крестъ, но не ошибочно разумѣть страданія Господа; подъ виномъ ошибочно разумѣть кровь, но не ошибочно разумѣть ученіе Хри-

¹⁾ Говоримъ — «болѣе близкую аналогію», такъ какъ омовенія закона Моисеева не были такъ безсодержательны, какъ крещеніе, измышленное М. Ивановичемъ.

ета: подь плотію, какъ сказано: кто не будетъ ѣсть плоти...—ошибочно разумѣть дѣйствительную плоть Христа, а не ошибочно разумѣть Духа Святаго; подь чашею Господней ошибочно разумѣть естественную чашу, а не ошибочно разумѣть отношенія Бога къ человѣку; подь словомъ крещеніе не ошибочно разумѣть новое рожденіе; подь елеемъ или помазаніями ошибочно разумѣть естественное масло, а не ошибочно разумѣть слово Божіе и молитву; подь омовеніемъ ногъ ошибочно разумѣть виѣшнее омовеніе, а не ошибочно разумѣть служеніе любовью другъ другу, всякому человѣку“.

Да позволено будетъ на эти положенія М. Ив. отвѣтить краткимъ перифразомъ ихъ, надѣмся, болѣе согласнымъ и съ словомъ Божіимъ и здравымъ смысломъ. Не ошибочно подь хлѣбомъ (жизни) разумѣть Христа въ 48—51 ст. 6 гл. Ев. Іоан., такъ какъ тамъ Самъ Спаситель называетъ Себя этимъ словомъ, но весьма ошибочно было-бы данное значеніе слова „хлѣбъ“ переносить на всѣ другія мѣста св. Писанія, гдѣ только встрѣчается то-же слово. Самъ М. Ив. едва-ли согласится дать это значеніе слову „хлѣбъ“, напр., см. Мѡ. 4, 4: „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“. Едва-ли также здравый разумъ позволитъ кому разумѣть Христа подь хлѣбомъ и въ слѣдующихъ словахъ Евангелія: „когда они ѣли, Іисусъ взялъ хлѣбъ и благословивъ переломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ядите“... (Мѡ. 26, 26). Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что слово „крестъ“ употребляется иногда священными писателями для обозначенія однимъ словомъ всего дѣла нашего спасенія или безпримѣрнаго подвига смиренія, униженія, мученія физическаго и душевнаго и, наконецъ, смерти, какой подъялъ на Себя Сынъ Божій, чтобы спасти родъ человѣчскій (1 Кор. 1, 17—18. Фил. 3, 18; Гал. 5, 11 и др.)¹⁾. Но тоже самое обозначеніе всего спасительнаго пути страданій и смерти Христа словомъ— „крестъ“ даетъ понять, что именно на крестѣ вещественномъ, на орудіи казни, сосредоточилось и завершилось дѣло нашего спасенія (Іоан. 19, 30; Фил. 2, 8; Евр. 2, 14), равно какъ здѣсь-же и самыя страданія Спасителя достигли высшей, необычайной степени (Мѡ. 27, 46). А потому,—даже когда рѣчь идетъ о крестѣ Спасителя, какъ страданійхъ Его вообще,—

¹⁾ По аналогіи, тѣмъ-же словомъ Спаситель называетъ крестомъ и личныя страданія, бѣдствія, вообще тяжести жизни, какія выпадаютъ на долю каждаго человѣка (Мѡ. 16, 24),

даже тогда нельзя не мыслить о главнѣйшемъ моментѣ и орудіи этихъ страданій, крестѣ вещественномъ, тѣмъ болѣе—не только не ошибочно, а необходимо разумѣть этотъ вещественный крестъ, когда рѣчь идетъ непосредственно о немъ (Мѡ. 27, 32. 42; Иоан. 19, 17. 19. 25. 31 и мн. др.).

Подъ плотью въ словахъ Спасителя: „если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго“ (Иоан. 6, 53), не только не ошибочно, а единственно правильно разумѣть дѣйствительную плоть Христа, такъ какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Самъ Христосъ, поясняя притомъ, что Онъ разумѣетъ въ данномъ случаѣ ту именно плоть, которую имѣлъ въ будущемъ „предать за жизнь міра“ (ст. 51, ср. Евр. 2, 14); напротивъ, весьма опасно подъ плотью въ обѣтованіи Спасителя разумѣть Духа Святаго, такъ какъ объ этомъ учитъ только М. И—чъ, слово же Божіе не только нигдѣ не представляетъ Духа Святаго „отданнымъ за жизнь міра“, но даже не называетъ Его и плотью.

Подъ виномъ прежде всего надобно разумѣть то, что обыкновенно обозначается этимъ словомъ, т. е., вино-же (Иоан. 2, 1—10); а затѣмъ — когда Спаситель на тайной вечери, подавая ученикамъ чашу съ виномъ, говоритъ: „пейте изъ нея всѣ, ибо сіе есть кровь Моя Новаго Завѣта“, то — думается — нужно вѣрить болѣе Христу Спасителю, чѣмъ М. Ив — чу, которому почему-то желательно подъ виномъ разумѣть „ученіе Христа“.

Подъ „чашей Господней“ (1 Кор. 10, 21), не ошибочно разумѣть „приобщеніе крови Христовой“, потому что такъ учитъ ап. Павелъ (ст. 16), но рискованно разумѣть „отношенія Бога къ человѣку“, потому что такъ учитъ М. Ив.

Подъ крещеніемъ не ошибочно разумѣть „новое рожденіе“, если при этомъ вѣрить Спасителю, что это рожденіе совершается водою и Духомъ (Иоан. 3, 5); но будетъ ошибочно ожидать новаго рожденія отъ чего-либо помимо Богоустановленнаго средства.

Подъ елеемъ не ошибочно, прежде всего, разумѣть то, что обыкновенно обозначается этимъ словомъ т. е., —масло, а затѣмъ,—берется оно въ свящ. Писаніи какъ символъ радости, въ противоположность пеплу (Ис. 61, 3; Пс. 44, 8); впрочемъ, во второмъ случаѣ—первое значеніе не теряется, такъ какъ у евреевъ именно масломъ умащали головы въ знакъ радости (Мѡ. 6, 16—17); у ап. Іакова дается заповѣдь „помазывать елеемъ во имя Господне“ болящихъ, при молитвѣ.

пресвитеровъ церковныхъ о ихъ выздоровленіи (Іак. 5, 14—15; ср. Мрк. 6, 13); въ ветх. завѣтѣ елей употреблялся при помазаніи пророковъ, царей, первосвященниковъ, онъ же горѣлъ въ свѣтильникахъ скинии (Исх. 35, 8 и др.). Думаемъ, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ разумѣется именно естественное масло,— по крайней мѣрѣ не видимъ нигдѣ намековъ на то, чтобы елей означалъ слово Божіе и молитву, какъ то желательно М. Ивановичу.

Подъ умовеніемъ ногъ не ошибочно разумѣть то именно дѣйствіе Спасителя, которое подробно описано въ Евангеліи Іоанна (13, 4 - 10). Совсѣмъ другой вопросъ—чему научалъ или научаетъ Христъ дѣйствіемъ умовенія ногъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы почти согласны съ М. Ивановичемъ: научаетъ своихъ послѣдователей смиренію и готовности взаимно служить другъ другу любовью.

Мы дали себѣ трудъ кратко провѣрить заключительныя положенія М. Ив. Оказывается, что почти всѣ они—или совершенно произвольны, или-же прямо противорѣчатъ слову Божію, а это, въ свою очередь, говоритъ за то, что методъ истолкованія св. Писанія, принятый М. Ивановичемъ,—„смотришь на букву, но не по буквѣ понимать“—не всегда надежный односторонній методъ. Вѣдь Спаситель не всегда говорилъ притчами и образами, а больше,—особенно апостоламъ и въ послѣдніе дни Своей земной жизни,—обыкновенною, прямою рѣчью (Лук. 8, 9—11; Мрк. 4, 10—12; Іоан. 16, 30). А если такъ, то справедливо-ли и разумно-ли вездѣ стараться отыскивать притчу, иносказаніе или образъ?!

Въ концѣ своего письма М. Ивановичъ разрѣшаетъ и наше недоумѣніе: „какимъ образомъ вѣншній образъ дѣйствія (крещенія), выполняется во внутреннемъ, и какимъ образомъ одно пониманіе, т. е. — вѣншнее исключаетъ внутреннее, а внутренній смыслъ исключаетъ вѣншній?“¹⁾ По мнѣнію М. Ивановича,—„это очень просто“. Какъ, спрашиваетъ онъ, ветхозавѣтныя жертвы исполнились во Христѣ, а еврейское обрѣзаніе выполняется у насъ на сердцѣ? И даетъ такой отвѣтъ: „мы и теперь не перестали приносить жертвы, но какимъ образомъ все это

¹⁾ Мисс. Об. 1903 г. № 9, 1307.

выполняется?—Конечно, во внутреннемъ смыслѣ и значеніи: духовныя жертвы исключили внѣшнія жертвы, духовное обрѣзаніе исключило видимое: такимъ-же образомъ духовное крещеніе исключаетъ внѣшнее, духовное преломленіе хлѣба исключаетъ буквальное, духовное рожденіе исключаетъ плотское“. Сознаемся, что послѣ разъясненія М. Ив. недоумѣніе наше не только разсѣялось, а еще болѣе увеличилось. На самомъ дѣлѣ, до сего времени мы, согласно указанію ап. Павла, думали, что ветхозавѣтныя жертвы замѣнены и отмѣнены голгоескою жертвою (Евр. 10, 1—14), а ветхозавѣтное обрѣзаніе—спогребеніемъ и совоскресеніемъ Христу въ водахъ крещенія (Кол. 2, 11—12); по словамъ-же М. Ив. выходитъ, что ветхозавѣтныя вещественныя жертвы замѣнены и исключены духовными, а ветхозавѣтное — видимое обрѣзаніе исключено духовнымъ обрѣзаніемъ сердца. Это—съ одной стороны. Съ другой,—и относительно ветхозавѣтныхъ жертвъ мы вовсе не думали, чтобы онѣ состояли въ одномъ только убіеніи животныхъ или —въ одномъ только внѣшнемъ приношеніи. Согласно указанію закона Моисеева и разъясненію св. пророковъ, мы привыкли думать такъ, что для еврея жертва вещественная должна была служить внѣшнимъ выраженіемъ жертвы духа—сердца сокрушеннаго и смиреннаго (Лев. 23, 27. 32; Числ. 29, 7. Пс. 50, 19); гдѣ-же не было такого сочетанія жертвы вещественной съ жертвою духовной,—тамъ была „мерзость Господеви“, незаконное убіеніе животныхъ (Прит. 23, 27, ср. 15, 8; Ис. 1, 11.—14; 66, 1—3); равнымъ образомъ — и ветхозавѣтное обрѣзаніе отнюдь не ограничивалось однимъ отнятіемъ крайней плоти, но требовало также и обрѣзанія сердца (Врв. 10, 16; Іер. 4, 4); а потому тѣ, которые думали довольствоваться однимъ внѣшнимъ обрѣзаніемъ, навлекаютъ на себя гнѣвъ Божій наравнѣ съ необрѣзанными плотію (Іер. 9, 25—26). Выходитъ, т. обр., что ветхозавѣтный законъ, по мысли М. Ив., не отмѣненъ въ Новомъ Завѣтѣ, а только сокращенъ, 'отмѣнены внѣшнія требованія, но оставлены внутреннія, т. е., и безъ того немощный законъ (Евр. 8, 7; 10, и д. Ср. Рим. 8, 3) обнищала теперь еще болѣе, такъ какъ самъ-же М. Ив. признаетъ, что „внѣшній образъ выводитъ наружу внутреннее содержаніе, осуществляетъ во внѣ мысль“, а осуществленная хорошая мысль (или чувство), несомнѣнно, всегда цѣннѣе неосуществленной (Іак. 2, 14—16).

Итакъ, ссылка на ветхозавѣтные прообразы совершенно неудачна:

тамъ, въ этихъ прообразахъ, было дивное сочетаніе внѣшняго съ внутреннимъ. вещественнаго съ духовнымъ, и исполнились они, по Писанію, на дѣйствіяхъ и фактахъ, имѣвшихъ (и имѣющихъ) внѣшній характеръ, но вмѣстѣ исполненныхъ глубокаго внутренняго смысла и благодатнаго значенія ¹⁾). Нѣсколько болѣе, повидимому, разъясняютъ дѣло дальнѣйшія разсужденія М. Ив. Сущность этихъ разсужденій сводится (кажется) къ слѣдующему умозаключенію: всякій образъ имѣетъ то значеніе, что выражаетъ во внѣ внутреннее содержаніе: очевидно, существенное здѣсь принадлежитъ именно этому внутреннему содержанію, внѣшній-же образъ имѣетъ значеніе лишь второстепенное: молоко, имѣя (будто-бы) существенное-внутреннее, не нуждается въ второстепенномъ—внѣшнемъ. Если мы вѣрно поняли М. Ив., то нужно согласиться, что въ его разсужденіи есть доля правды. Справедливо здѣсь именно то сравнительное значеніе, какое приписывается внутреннему и внѣшнему. Дѣйствительно, безъ внутренняго содержанія образъ обращается въ пустую „формалистику“, какъ выражается М. Ив.: по съ другой стороны—онъ-же сознается, что внутреннее безъ внѣшняго—это мысль (или чувство) безъ своего осуществленія, т. е.—неполнота, несовершенство. Это разъ. Далѣе, въ первомъ своемъ письмѣ самъ М. Ив. указываетъ на то, что съ внѣшними образами или дѣйствіями соединяется въ словѣ Божіемъ обѣтованіе духовныхъ благъ, а какъ мы разъяснили,—не только *съ ними* соединяется, но *черезъ нихъ*, черезъ внѣшнія дѣйствія, и сообщаются этимъ благодатные дары. А отсюда становится весьма сомнительнымъ, чтобы молоко, отвергну внѣшнія дѣйствія, съ которыми соединяется Божественное обѣтованіе духовныхъ благъ, пользовались самыми благами,—это значило-бы пользоваться плодами дерева, не имѣя самаго дерева. Наконецъ, разъ М. Ив. сознается, что внѣшнія дѣйствія заповѣданы и освящены примѣромъ Христа Спасителя и св. апостоловъ, то кто такой онъ, М. Ив., чтобы считать эти дѣйствія излишними?!. Думать, что апостолы совершали омовенія и другіе обряды потому, что „ап. Павелъ поздно возсталъ противъ всѣхъ обрядовъ и омовеній“—очень наивно. Ап. Павелъ, какъ и другіе апостолы, только слуга и работникъ на нивѣ Божіей (1 Кор. 3, 5. 9);

1) Надѣмся, что по крайней мѣрѣ относительно Голгоуской жертвы и М. Ив. не будетъ оспаривать этого двойного характера и значенія.

Христомъ, а не ап. Павломъ было сдѣлано „исправленіе скиніи Давидовой (Евр. 9 и 10 гл.); не ап. Павелъ, а цѣлый соборъ апостоловъ призналъ необязательность закона Моисеева для христіанъ (Дѣян. гл. 15).

Н. Чинновъ.

Помѣщаемъ самое письмо М. Ив., снабдивши его необходимыми примѣчаніями.

Многоуважаемый другъ,
Дѣй Ивановичъ!

Не желая отступать отъ своихъ убѣжденій и отъ ученія слова Божія, но при этомъ не скрывая слабости своего ума, вслѣдствіе которой я менѣе всего понимаю то, что всѣ люди считаютъ легко понятнымъ, я лицу себя надеждою, что моя неспособность даетъ мнѣ право на помощь этихъ великихъ умовъ, и что ихъ высокая мудрость можетъ дополнить, по необходимости, пробѣлы, оставляемые моимъ слабымъ разсудкомъ.

Прежде чѣмъ объяснять вопросы, я сначала желаю выяснить образъ дѣйствія нашей переписки. Мнѣ случайно, въ началѣ октября, пришлось узнать, что наша переписка съ вами, Дѣй Ивановичъ, не знаю какъ и почему, очутилась въ печати „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ за іюнь мѣсяць № 9 книжки 1903 года. Надо полагать, что совершилось все это не безъ вашего въ этомъ участія и согласія. Судя по обстоятельству дѣла, приходится быть увѣреннымъ въ томъ, что у васъ питается полная надежда опровергнуть до основанія молоканскія религиозно-внутреннія убѣжденія. Если имѣете ревность къ этому, то старайтесь, работайте и да поможетъ вамъ Богъ въ этомъ! И трудъ вашъ, по всему вѣроятію, напраснымъ быть не долженъ: навѣрное современемъ пожнете прекрасные плоды, если не ослабѣете.

Для выраженія моихъ добрыхъ чувствъ я воспользуюсь вашими словами. Вы говорите такъ. „Вчерашній гонитель, хулитель, обидчикъ покидаетъ свой лагерь и начинаетъ съ ревностію проповѣдывать ту вѣру, которую онъ, еще не такъ давно, силился истребить“. Мы теперь посмотримъ на васъ, Дѣй Ивановичъ, что вы дѣлаете то же самое. Вы отначала изъ молоканъ, а теперь сдѣлались гонителемъ и хулителемъ своихъ единовѣрцевъ, и намъ, молоканамъ, придется ожидать вашего переворота на пути, подобно Павлу; но для васъ гораздо труднѣй идти противъ внутренняго смысла, чѣмъ Павлу противъ рожна; вы еще не сражались до крови подобно Павлу или нашимъ предкамъ. Царствіе Божіе берется усилиемъ,—такъ написано: „ищите прежде Царствія Божія, а остальное все приложится вамъ“. Считаю при этомъ излишнимъ сказать вамъ: „Берегитесь оскорблять, поносить, называть дурными словами кого-бы то ни было: унижающіе другихъ, унижать себя и утратить любовь къ добру“.

На ваше письмо, напечатанное въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“, до

появленія его въ печати я написалъ вамъ,—на это же самое письмо—два отвѣтныхъ письма, но ни на одно изъ нихъ до настоящихъ минутъ не удостоился получить отвѣта. Почему это такъ? Для меня этотъ вопросъ былъ крайне непонятнымъ, темнымъ и заранѣе трудно и даже невозможно было опредѣлить. Все, что Богъ дастъ, не бываетъ къ худшему, но къ лучшему.

Мнѣ, случайно, пришлось быть у Зиновія Даниловича Захарова и достать отъ него въ печати наши письма,—съ этого времени мнѣ стала понятна причина вашего молчанія; по всему вѣроятію для нашей переписки вы избрали совершенно новый путь, направивъ эту переписку чрезъ печать. Чтожъ, я не противъ этого,—пусть будетъ по вашему! Я не намѣренъ отъ этого уклониться, а тѣмъ болѣе потому, чтобы не дать и вамъ повода отступать отъ этого.

Я не могу увѣрить васъ въ томъ, будетъ ли на это согласна редакція? станеть ли печатать? Что касается лично меня, то я всегда готовъ дать отчетъ въ молоканскомъ религіозномъ убѣжденіи, такъ какъ я и есмь одинъ изъ нихъ.

Допустимъ, что я новаго для васъ ничего сказать не могу, но сказать то, что могу, я всегда, по силамъ своимъ, постараюсь съ большимъ удовольствіемъ, только пожалуйста не лѣнитесь слушать и притомъ отвѣчать.

Теперь перейдемъ къ содержанію нашихъ вопросовъ и постараемся не уклонятся отъ хода нашей переписки. Началомъ моего письма будетъ отвѣтъ на ваше то письмо, которое было помѣщено въ печати.

Вы, Дѣй Ивановичъ, въ подтвержденіе и укрѣпленіе своихъ убѣжденій въ крещеніи водою и преломленіи хлѣба, всецѣло сослались на практику и формалистику (?) Господа нашего и учениковъ Его, т. е. на крещеніе Иоанново и апостоловъ, вы отвѣчаете такъ: „Іоаннъ и ученики крестили, и вы крестите: Господь и ученики преломляли хлѣбъ, и вы преломляете и т. д.“, и затѣмъ, для своего оправданія, поясняете такъ: „Кому когда вздумается въ этомъ обвинять или нападать на васъ, то пусть нападаютъ и обвиняютъ тѣхъ лицъ, которыя сами дѣлали такъ и такъ же точно учили и васъ“, и приводите въ заключеніе, что виновать именно тотъ, кто сказалъ: „Идите по всему міру, проповѣдайте Евангеліе всей твари, и кто повѣритъ и окрестится, спасенъ будетъ“. Какое имѣетъ значеніе приведенная практика,—по поводу этого ничего не разъясняется.

Опровергать эту практику въ буквальномъ смыслѣ мы не беремся, а сдѣлаемъ вотъ что: поставимъ практику болѣе важную и лучшую и не угодно ли будетъ тогда самому Мазасву опровергать ее какъ по буквѣ, такъ точно и по внутреннему содержанію. Христосъ сказалъ о крещеніи,—Онъ же и еще сказалъ: „Трудно богатому войти въ Царствіе Божіе“, а потому приказалъ продать хозяйство и раздать нищимъ: ученики дѣлали это и у нихъ все было общее; потомъ ученики еще дѣлали и вотъ что: преломляли каждый день по домамъ хлѣбъ; ученики продолжали держаться Моисеева закона и въ Пасхѣ, и въ праздникахъ, и въ различныхъ омовеніяхъ, ученики продолжали для благословенія приносить дѣтей. А что, Дѣй Ивановичъ, если бы вы указали и на эту практику и попросили бы насъ опровергать, то едва

ли бы хватило у насъ силы опровергнуть это, но намъ пока будетъ интересно знать, что вы скажете относительно этой практики.

Молоканскія воззрѣнія относительно практикъ таковы: смотрѣтъ на букву, но не по буквѣ понимать, а всматриваться во внутренній смыслъ и содержаніе, а внѣшній образъ дѣйствія буквально видѣтъ прообразомъ и только. Слѣдовательно, практика занимаетъ для насъ мѣсто аналогіи, а потому для насъ обрядовая сторона совсѣмъ и не нужна, и мы на ней не останавливаемся,—почему? объ этомъ будетъ ниже пояснено. Для васъ же, баптистовъ, эта практика не можетъ не имѣть значенія, такъ какъ вся ваша постройка на буквѣ, на практикѣ, на внѣшнемъ обрядѣ, на формалистикѣ: поэтому для васъ и является необходимымъ принять и остальные практичныя (ческія) условія, въ противномъ же случаѣ, придется или опровергнуть, или же согласиться съ нами на томъ основаніи, что практика ваша голая буква, а потому она совершенно ничего не доказываетъ. На всѣ внѣшніе обряды мы можемъ сказать, согласно Евангельскому выясненію, помѣщенному въ слѣдующихъ словахъ: Христосъ, совмѣстно съ своими учениками, продолжалъ исполнять въ точности всѣ до ниточки ветхозавѣтныя правила закона—на томъ основаніи; что Христосъ былъ подчиненъ закону, и законъ этотъ, изъ котораго ни одна черта, ни іота не осталась не выполнена Самимъ Господомъ (выполнялъ Онъ), какъ необходимое доказательство возможности его выполнения. Крещеніе водою—это правило не было новымъ; чтобы увѣрить васъ въ этомъ, вы можете убѣдиться изъ того, что весь синедріонъ не былъ въ состояніи упрекнуть Христа въ смыслѣ нарушенія существующаго еврейскаго правила закона. Строгая формалистика фарисеевъ не могла подыскать причину, достойную смерти: вещь безспорная, что ни Самъ Христосъ, ни Іоаннъ, ученикъ Его (?), никто изъ апостоловъ не былъ доказанъ въ нарушеніи еврейскаго закона ¹⁾. Все это доказываетъ не въ пользу баптизма и его практики, а въ пользу того, что крещеніе, т. е. погруженіе въ воду, проще сказать, очищеніе, омовеніе водою,—совершалось во дни Израіля подъ строгимъ наблюденіемъ еврейскихъ правилъ: въ противномъ же случаѣ, нарушители еврейскихъ правилъ, а тѣмъ болѣе распространители новаго ученія и опровергающіе старое—подобное явленіе, по которому бы не замедлили виновные попасть на скамью подсудимыхъ; слѣдовательно, всѣ ваши приведенныя доказательства относительно омовенія водою, или погруженія въ воду, относящіяся къ ветхому закону, все это весьма справедливо—съ одной стороны, а съ другой, что обрядъ этотъ для израилтянъ носилъ на себѣ благодатный, священный характеръ: очищающую, освящающую силу, и настолько для евреевъ былъ дорогъ и святъ, что ни одинъ изъ евреевъ, не омыв-

¹⁾ Хотя изъ слова Божія намъ извѣстно, что Спасителя обвиняли «многіе и во многомъ» (Мѡ. 26, 60 ср. Мрк. 15, 3), равно какъ и учениковъ Его судили за хулы на «святое мѣсто и на законъ» (Дѣян. 4: 13—14), но мы готовы согласиться съ М. Ив., что прямого обвиненія именно за крещеніе на нихъ не возводилось.—это потому, во-первыхъ, что не было прямого закона, запрещавшаго крещеніе, а были, напротивъ, предубаженія на него («въ омовеніяхъ, пророчествахъ Іез. 36, 25): во-вторыхъ, такое обвиненіе не приводило-бы обвинителей и къ желанной цѣли—къ осужденію Спасителя на смерть (Мѡ. 26, 59; Лук. 23, 59; Лук. 23, 15; Іоан. 19, 30—31).

лись водою, не имѣлъ права, по условію закона, быть присоединенъ въ день очищенія къ израильскому обществу. Это фактъ. Исаія пророкъ провозглашаетъ: „Омойтесь, очиститесь и будете чисты“; и Павелъ апостолъ подтверждаетъ то же самое,—что различныя омовенія, до времени исправленія, были; наконецъ, прочтите Левитъ 16 главу съ 24 ст., и изъ 17 главы, стихъ 16, и изъ 10 главы 1-го посланія къ Коринѳянамъ съ начала,—тамъ ясно говорится, что евреи совершали крещеніе ¹⁾. Я неоднократно писалъ вамъ, Дѣй Ивановичъ, что крещеніе Іоанново принадлежитъ къ ветхозавѣтному правилу и доказывалъ, что вы не откроете разницу, между погруженіями и омовеніями Іоанновыми и еврейскими омовеніями: Іоаннъ пророкъ проповѣдывалъ вѣру въ Грядущаго, Моисей то же самое; Іоаннъ при покаяніи очищалъ водою, и евреи то же самое,—разница только въ томъ, что Іоаннъ уже былъ послѣднимъ пророкомъ, а потому и болѣе торжественнѣй (?) совершилъ свое поприще. Само собою понятно, что вся сила и власть, достигнутыя пророками ветхаго завѣта, должны были проявиться въ одномъ лицѣ, въ лицѣ Христа, еще болѣе и съ большимъ блескомъ.

Что крещеніе Іоанново несомѣстимо съ крещеніемъ Іисуса Христа собственно по той причинѣ, что крещеніе Іоанново совершалось въ покаяніе—это первое, второе—оно совершалось для прощенія грѣховъ ²⁾, третье—оно совершалось для того, чтобы вѣровали въ Грядущаго ³⁾, четвертое—оно совершалось для того, чтобы Христосъ былъ явленъ израилю; теперь спрашивается: измѣнилъ ли Христосъ этотъ обрядъ дѣйствія крещенія? какъ измѣнилъ и когда? По словамъ апостола Павла замѣтно, что различныя омовенія и обряды продолжались очень долго ⁴⁾. Послѣ всего этого я васъ спрашиваю, Дѣй Ивановичъ, скажите прямо, не уклоняясь ни направо, ни налево: въ такомъ ли точно—неизмѣненномъ содержаніи, смыслѣ и значеніи вы совершаете вашу практику? если не въ такомъ содержаніи, то, слѣдовательно,

¹⁾ Странно, что М. Ив., всюду ищущій образовъ и иносказанія, не хочетъ видѣть ихъ тамъ, гдѣ они на самомъ дѣлѣ есть. Рѣчь Исаія (1, 16), несомнѣнно, образная, какъ это ясно изъ дальнѣйшихъ словъ: „удалите злыя дѣянія ваши.“ Такого омовенія (обрядоваго дѣйствія) въ Ветх. Завѣтѣ быть не могло, которое-бы возраздало и нравственно очищало человека (Евр. 9, 9—10). Въ 1 Кор. 10, 1—2, какъ видно изъ самаго текста, рѣчь идетъ о переходѣ евреевъ чрезъ Черное море: крещеніемъ въ Моисея называется этотъ переходъ уже съ точки зрѣнія Новаго Завѣта—по аналогіи съ крещеніемъ Христовомъ (во Христа).

²⁾ Не въ томъ смыслѣ, что оно давало это прощеніе грѣховъ, а только подготавливало къ полученію прощенія чрезъ имѣвшаго „крестить Духомъ Святымъ и огнемъ“ (Мф. 3, 11).

³⁾ Во грядущаго „по немъ“—Іоаннъ.

⁴⁾ Какъ нужно думать, М. Ив. не безъ намѣренія умалчиваетъ о томъ,—какъ долго и среди кого продолжались. Вѣдь если, по объясненію ап. Павла, исправленіе ветхозавѣтной skinii произведено Христомъ Спасителемъ (Евр. 9, 11 и д.), если уже Его Самого и Апостоловъ обвиняли въ нарушеніи закона Моисеева (Мрк. 15, 3; Дѣян. 6, 13—14), если, наконецъ, на апостольскомъ соборѣ торжественно была признана необязательность обрядоваго закона Моисеева для христіанъ: то исполненіе послѣдняго могло быть дѣломъ только отдѣльныхъ лицъ и Христіанскихъ обществъ,—или какъ слѣдствіе неправильнаго пониманія ученія Христова, или-же по особымъ—чрезвычайнымъ обстоятельствамъ и побужденіямъ.

ваша практика совершенно ничего не подтверждаетъ 1). Слѣдуемъ, по порядку, еще далѣе. Дѣло вотъ въ чемъ,—что всѣ правила внѣшнія, обрядовыя, находящіяся въ ветхомъ завѣтѣ, были для насъ ни больше ни меньше, какъ прообразами: погруженіе въ воду для израильтянъ было благодатнымъ средствомъ во внѣшнемъ содержаніи и смыслѣ 2), и для насъ теперь крещеніе также благодатнымъ, но только во внутреннемъ смыслѣ и значеніи, согласно словамъ пророка Захаріи 13 глава 1 стихъ: „откроется благодатный источникъ для омовенія грѣха“; слѣдовательно, разница между этими омовеніями громадная: евреи пользовались по буквѣ, а мы по духу отъ Духа. Вотъ видите, Дѣй Ивановичъ, я теперь только понялъ васъ и себя,—именно въ томъ, что мы оба строго держимся практики и такъ часто повторяемъ, повторяемъ буквально на словахъ, а на дѣлѣ практикуемъ съ вами совершенно различно: Вы—баптисты—во внѣшнемъ смыслѣ и значеніи, а мы—молокане—во внутреннемъ смыслѣ и значеніи. Подъ однимъ и тѣмъ же словомъ—„крещеніе“—есть два смысла 3), не будь сего, то мы скоро бы пришли къ одному заключенію.

Баптизмъ увѣряетъ слушателей, что онъ основанъ на практикѣ, а между прочимъ не видитъ въ крещеніи водою благодатнаго средства—это разъ; потомъ, на вечери Господней Самъ Господь назвалъ хлѣбъ Своимъ тѣломъ и вино Своею кровію—это два; затѣмъ, Христосъ чашу назвалъ новымъ завѣтомъ—это три; и вы не хотите въ этомъ случаѣ безусловно пользоваться внѣшнею практикою, слѣдовательно, говорите одно, а дѣлаете совсѣмъ другое; такъ не лучше-ли ужъ было бы для васъ или не исказать, или же, чтобы не хвалиться этою практикою, не выгоднѣй ли было бы для васъ держаться одному берегу внѣшнему,—такъ внѣшнему, внутреннему такъ, по молокански, ужъ внутреннему смыслу, и содержанія и, такимъ образомъ, вы не могли бы исказить ни какъ не (какъ ни) внутреннего, ни какъ не (такъ ни) внѣшняго значенія; ну а при такой мотивировкѣ у васъ выходитъ слѣдующее: на какомъ деревѣ вы сидите, тоже самое дерево и рубите. Пора, другъ, это видѣть и пора дать утвердительное названіе смыслу крещенія и значеніе этой какой-то безсодержательной вашей практикѣ. Уклоненіе или хитрость здѣсь не причемъ. У васъ чуть не цѣлую сотню разъ спрашиваютъ, что вы разумѣете подъ словомъ крещеніе, подъ словомъ практика, вы ставите то погруженіе, то волю Божию, то присоединеніе къ церкви, то вы исполняете правду Божию, то заповѣдь, то практикой, и въ концѣ-концовъ оказывается, что въ крещеніи совершенно нѣтъ никакого содержанія, или смысла, или значенія; а если

1) Замѣчаніе это имѣетъ существенно важное значеніе для штундобробатистскаго ученія и, въ частности, для защиты этого ученія Дѣемъ Ив.—у нихъ, какъ это мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, ненормально сближено крещеніе Христово съ крещеніемъ Іоанновымъ.

2) Неправильность такого взгляда на обрядовый законъ Моисея отчасти (по отношенію къ жертвамъ и обрѣзанію) разъяснена нами въ концѣ предисловія.

3) Не два крещенія, а одно, въ которомъ, по волѣ Божіей, дивно сочетается видимая сторона съ невидимымъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа (земное съ небеснымъ) См. подробнѣе Мис. Обзор. Ноябрь 1903, № 17, 835—836).

Очень сильное для штундобробатистовъ возраженіе, даже болѣе: едва-ли оно разрѣшимо съ ихъ точки зрѣнія.

не разумѣете въ ней ничего, кромѣ сухой формалистики, то объясните ея внутренній смыслъ и значеніе; но вы этого объясненія, понятно почему, уклоняетесь, вѣроятно потому, что замѣчаете, что скорѣй на вашей широкой дорогѣ лежитъ камень преткновенія, чѣмъ на узкой молоканской, и если бы вы рѣшились объяснять внутренній смыслъ и значеніе этой практики, то живо бы поняли, кого вы называете васанскими телятами.

Не ваше ли ученіе баптизма расходится съ ученіемъ слова Божія и не можетъ оно слиться съ молоканскими воззрѣніями и не совпадетъ оно съ прочими вѣроученіями,—вотъ это то и удивительно. Въ одномъ изъ вашихъ писемъ ко мнѣ сказано такъ, что крещеніе водою вами совершается для плоти; другой отвѣтъ: вы совершаете крещеніе для „взаимныхъ пополненій“, а въ чемъ именно заключается это „взаимное пополненіе“,—поясненій никакихъ не даете; въ третьемъ письмѣ отвѣчаете, что въ крещеніи водою вы видите какую-то жизненную силу; въ четвертомъ помѣщаете въ брачный союзъ, что Богъ сочеталъ, того человѣкъ не разлучить, развода нѣтъ; и эти смыслы,—содержаніе и значеніе въ крещеніи водою, у васъ смѣняются подобно тому, какъ смѣняются дни и ночи. Водное крещеніе имѣетъ благодатную силу, жизненную силу, брачную связь,—ну и прекрасно! и держитесь, пожалуйста, этого одного и намъ будетъ понятно, и если я и не могу согласиться съ этимъ, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ будетъ видно, что я долженъ буду опровергать, и простой вашъ отвѣтъ не заставитъ насъ снова и снова спрашивать васъ и добиваться—откуда ваше крещеніе? отъ внѣшняго ли обряда отъ воды, или же отъ внутренняго смысла и содержанія? Да, перестаньте твердить, пожалуйста, одни слова: практика и практика, заповѣдь и заповѣдь, и тутъ не много, и тамъ не много,—въ этихъ словахъ никто не пойметъ вашего смысла, а быть безъ смысла этой практикѣ равносильно тому, что быть и безъ чувствъ.

Послѣ столькихъ доводовъ я полагаю, что держаться на сухой формалистикѣ, или на бессмысленной практикѣ одно и то же, что висѣть въ воздухѣ безъ аппаратовъ.

Объяснять же подъ воднымъ крещеніемъ внутренній смыслъ—вамъ невыгодно: это значитъ прямо водному крещенію придать значеніе прообраза, и дѣйствительнымъ смысломъ въ крещеніи тогда придется видѣть не обрядовую сторону, а внутреннюю,—это для васъ будетъ слишкомъ наглядно; соединить же внѣшнюю сторону со внутреннею, соединить букву съ духомъ—на эту удочку баптизма не зятанемъ ¹⁾, также точно едва-ли баптизмъ можетъ удержаться на плотскомъ крещеніи, не смотря на то, что уже сказали, что это крещеніе совершается только для плоти, а не для души. И—такъ, друзья, пока мы васъ понимаемъ такъ, что ваше крещеніе стоитъ въ ряду сиротъ, а преломленіе хлѣба въ закусочномъ обрядѣ, то это прямо таки, какъ облака безводныя, носимыя вѣтромъ, или осеннія деревья безплодныя, дважды умершія и исторгнутыя изъ всякаго смысла и содержанія, несостоятельность котораго едва-ли стоитъ доказывать хоть сколько-нибудь серьезно. Что такое формалистика? Это значитъ практика. А что

¹⁾ Напрасно М. Ив. такъ неосмотрительно называетъ удочкой то, что, какъ истина, утверждается словомъ Божиимъ. См. вышеозн. статью въ №—рѣ 17 (1903) Мис. Обозр.

такое практика? Это значитъ формалистика—въ этомъ, я думаю, никто не можетъ разобраться.

Перейдемъ теперь къ убѣжденіямъ молоканъ въ этомъ отношеніи. Молоканинъ, было бы вамъ извѣстно, строитъ все свои понятія на внутреннемъ смыслѣ, содержаніи и значеніи; подъ внѣшнимъ же правиломъ, существовавшимъ въ крещеніи и вечери еще до Христа и при Христѣ и продолжавшемъ существовать и послѣ Христа,—во всемъ этомъ мы видимъ одинъ внѣшній прообразъ,—самый тотъ, который показанъ выше, подобно тому, что человекъ есть духъ, а не плоть 1), слѣдовательно, плоть наша для насъ есть внѣшній храмъ, и не храмъ живетъ въ духѣ, а духъ живетъ въ храмѣ: точно также не обрядовая сторона крещенія и преломленія находится во внутренней силѣ, а внутренняя сила находится въ внѣшнемъ смыслѣ. Еще одинъ примѣръ: не картину мы называемъ дѣйствительной фабрикой, а дѣйствительную фабрику. Теперь перечислимъ: плоть не есть человекъ, картина не есть фабрика, внѣшній обрядъ крещенія не есть крещеніе; и какъ мы понимаемъ въ плоти—человѣка, въ картинѣ—фабрику, въ крещеніи—крещеніе, въ преломленіи—преломленіе,—все то, что составляетъ внѣшнее, все это и составляетъ одинъ прообразъ того внутренняго смысла и значенія, который находится подъ внѣшнимъ и т. д. И такихъ внѣшнихъ прообразовъ въ священномъ Писаніи есть цѣлая масса, выражающихъ точно также подъ однимъ словомъ два содержанія: внѣшній и внутренній смыслъ и значеніе. Напримѣръ: подъ бѣлой одеждой, подъ банею водной, подъ живымъ источникомъ, подъ хлѣбомъ или виномъ, подъ крещеніемъ, подъ преломленіемъ. Скажите по совѣсти, въ которомъ выраженіи нѣтъ внутренняго смысла и значенія подъ внѣшнимъ? Точно также есть внутренній смыслъ и подъ рожденіемъ, умраніемъ, воскресеніемъ, погребеніемъ, подъ брачной одеждой, и если вы сознаете, что есть внутренній смыслъ подъ каждымъ внѣшнимъ предметомъ, то для чего вамъ оставаться на буквальномъ, на внѣшнемъ, не имѣющемъ въ себѣ ничего общаго со внутреннимъ смысломъ и значеніемъ? Почему вамъ относить слова Господа на послѣдней вечери, или слова: „кто повѣритъ и окрестится...“ или слова: „кто не

1) Максимъ Ив. правъ со своей точки зрѣнія,—только смотря на человекъ, какъ на духъ, можно ратовать за религію чисто духовную, т. е. чуждую всякихъ внѣшнихъ проявленій или обрядовъ. Но такъ какъ, по ученію слова Божія, человекъ не духъ только, но и плоть, или лучше—одно духовно-тѣлесное существо (Мф. 19, 25—26; 10, 28; Еккл. 12, 1. 6—7; 1; Кор. 2, 11), такъ какъ во-вторыхъ, Спаситель пришелъ на землю спасти всего человекъ, состоящаго изъ души и тѣла, а не духъ его, отрѣшенный (по смерти) отъ тѣла: то и средства спасенія Онъ далъ не чисто духовныя, но такія, въ которыхъ таинственно сочетается (какъ и въ человекѣ) духовное съ вещественнымъ, чтобы, пользуясь такими средствами, христіанинъ не духъ только свой, но вмѣстѣ и душу и тѣло во всей цѣлости сохранилъ безъ порока въ пришествіе Господа Ис. Христа (1 Сол. 5, 23). Самъ ставшій совершеннымъ человексмъ чрезъ воплощеніе (Евр. 2, 14), извѣдавшій немощъ человѣческаго естества (Евр. 2, 18 ср. 4, 15), Господь въ дѣлѣ нашего спасенія дѣлаетъ не то, что Онъ Самъ можетъ сдѣлать, (ибо для него нѣтъ невозможнаго), а то, что полезно и вмѣстимо для человекъ, въ общемъ—мало воспримчиваго къ воздѣйствіямъ чисто духовнымъ и, наоборотъ, живѣе и полнѣе воспринимающаго духовное, когда это духовное сообщается ему во внѣшней формѣ, доступной внѣшнимъ органамъ чувства.

родится свыше...“ не ко внутреннему смыслу и значенію, а ко внѣшнему? Неужели вы полагаете, что сила, жизнь и благодать, безъ внѣшняго, не можетъ дѣйствовать на рожденіе человѣка? Внутренній смыслъ, содержаніе крещенія—есть духовное рожденіе свыше, отъ духа: подъ духовнымъ смысломъ крещенія Христосъ разумѣтъ переворотъ нашей жизни: „смерть ко грѣху, воскресеніе къ Богу духомъ“. Внутреннее крещеніе или, такъ сказать, внутреннее рожденіе, внѣшняя, обрядовая сторона (эту духовную жизнь) дать не въ состояніи. Переворотъ жизни совершается не въ водѣ, а на сухомъ берегу, отъ источника дѣйствующаго, живого и оживотворяющаго во внутреннемъ смыслѣ и значеніи.

Ковчегъ спасенія примѣняется не ко внѣшнему смыслу, крещенію водою, а къ тому внутреннему смыслу, который подъ внѣшнимъ, а кто относить спасительную силу ко внѣшнему ковчегу, или водному крещенію, или буквальному преломленію хлѣба, тотъ не видитъ того, что онъ придаетъ жизненную силу и значеніе внѣшнему, буквальному, а не внутреннему смыслу и значенію ¹⁾. Жизненную силу придавать матеріи, это значить обоготворять, обожать внѣшнюю вещь и видѣть спасеніе не въ Богѣ, а въ ковчегѣ, и не во внутреннемъ смыслѣ крещенія, а во внѣшнемъ. Не такъ ли это? Молокане убѣждены, что держаться слѣдуетъ одного внутренняго разумѣнія, а не буквального. Подъ хлѣбомъ ошибочно разумѣть естественный хлѣбъ, но не ошибочно разумѣть лично Христа; подъ крестомъ ошибочно разумѣть внѣшній крестъ, но не ошибочно разумѣть страданія Господа; подъ виномъ ошибочно разумѣть кровь, но не ошибочно разумѣть ученіе Христа; подъ плотію, какъ сказано: „кто не будетъ ѣсть плоти...“, ошибочно разумѣть дѣйствительную плоть Христа, а не ошибочно разумѣть Духа Святаго; подъ чашею Господней ошибочно разумѣть естественную чашу, но не ошибочно разумѣть отношенія Бога къ человѣку. Пить чашу Господню—это есть отношеніе человѣка къ Богу; подъ словомъ крещеніе, выше разъяснено, не ошибочно разумѣть новое рожденіе; подъ елеемъ или помазаніемъ ошибочно разумѣть естественное масло, а не ошибочно разумѣть слово Божіе и молитву; подъ омовеніемъ ногъ ошибочно разумѣть внѣшнее омовеніе, а не ошибочно разумѣть служеніе любовью другъ другу, всякому человѣку. Доказательства подробнаго, для внутренняго пониманія подъ внѣшнимъ, я потому не привожу, что надѣюсь, что едва-ли встрѣтятся такой человѣкъ, который сталъ бы опровергать этотъ внутренній смыслъ и содержаніе, существующія подъ внѣшнимъ.

О внутреннемъ смыслѣ крещенія я выше сказалъ, а теперь вкратцѣ сдѣлаю поясненіе относительно духовной вечери, духовнаго преломленія хлѣба и воспоминанія.

Прочу прочесть 12 главу перв. послан. къ Коринѳянамъ, смыслъ этой двѣнадцатой главы выясняетъ содержаніе 11 главы тамъ же; въ 12-й главѣ говорится то, что Христосъ раздѣлилъ какъ хлѣбъ естественный на вечери, такъ Онъ раздѣлилъ дары Духа Святаго. Церковь, пользуясь дарами Духа Святаго, пользуется вкушеніемъ духовнаго хлѣба; дары различны, а духъ, т. е. духовный хлѣбъ—одинъ и

¹⁾ Спасеніе можетъ быть не отъ внутренняго или внѣшняго смысла, а только отъ Бога, дѣйствующаго чрезъ дарованныя имъ средства спасенія.

тотъ же и только при такомъ вкушеніи хлѣба совершается его воспоминаніе 1)

О внѣшнемъ хлѣбѣ апостоль приказываетъ не въ церкви или не на вечери Господней кушать, а дома, такъ какъ въ церковь собираются не за этимъ. Внѣшній нашъ человѣкъ состоитъ изъ земли и питается онъ тою же пищею, что изъ земли, а тлѣніе не можетъ ~~наслѣ-~~довать нелѣніе; внутренній человѣкъ есть духъ, и результатъ этихъ двухъ (?) человѣковъ тотъ, что внутренній человѣкъ умираетъ при пищѣ естественной, а внѣшній человѣкъ умираетъ при пищѣ духовной; слѣдовательно, Христосъ на послѣдней вечери заботился не о тѣлѣ нашемъ, т. е. не о естественномъ хлѣбѣ или пищѣ, а о духовномъ нашемъ хлѣбѣ, о духовномъ хлѣбѣ; если бы Христосъ разумѣлъ естественный хлѣбъ, то Онъ не назвалъ бы этотъ естественный хлѣбъ Своею Плотию, а вино—Кровію, а чашу—новымъ завѣтомъ, а крещеніе—благодатнымъ спасеніемъ, т. е. не далъ бы намъ повода думать о внутреннемъ смыслѣ, о жизненной силѣ 2).

Я слышу—мнѣ говорятъ, что непонятно, какимъ образомъ внѣшній образъ дѣйствія выполняется во внутреннемъ и такимъ образомъ одно пониманіе, т. е. внѣшнее исключаетъ внутреннее, а внутренній смыслъ исключаетъ внѣшній. Я думаю, что очень просто: какимъ образомъ мѣднй змѣй, кровь козла, жертва барашка, хлѣба выполняется или, вѣрнѣе всего, уже выполнилась во Христѣ? Какимъ образомъ еврейское обрѣзаніе выполняется у насъ на сердцѣ? Мы и теперь не перестали приносить жертвы, но какимъ образомъ все это выполняется? Конечно, во внутреннемъ смыслѣ и значеніи и т. д.: духовныя жертвы исключили внѣшнія жертвы, духовное обрѣзаніе исключило видимое и т. д.: такимъ же образомъ духовное крещеніе исключаетъ внѣшнее, духовное преломленіе хлѣба исключаетъ буквальное, духовное рожденіе исключаетъ плотское. Развѣ мы прикроемъ наши недостатки внѣшнею бѣлою одеждою? развѣ мы омоемъ себя банею водною? развѣ жизненная сила находится въ чемъ нибудь внѣшнемъ? а развѣ нѣтъ внутренняго смысла подъ каждымъ внѣшнимъ? для чего это Христосъ говоритъ: „отцы ваши ѣли манну и тогда умерли...“,—о внѣшнемъ ли смыслѣ Христосъ такъ сказалъ или о внутреннемъ смыслѣ? Слѣдовательно,—я повторю,—слова Спасителя: „кто повѣритъ и окрестится...“ не слѣдуетъ и не должно относить ко внѣшнему смыслу, чтобы не исключить внутрен-

1) Откуда М. Ив. ваялъ, что 12-ая глава служитъ разъясненіемъ 11-ой? Та и другая глава въ своихъ существеннѣйшихъ частяхъ говорятъ о совершенно различныхъ предметахъ. Событіе, о которомъ рѣчь въ 1 Кор. 11, 23—25, имѣло мѣсто «въ ночь, въ которую Господь Іисусъ преданъ былъ», а изліяніе даровъ Св. Духа началось съ пятидесятаго дня по воскресеніи Спасителя (Дѣян. 2, 1—41), въ ночь же преданія Господа ниспосланіе Святаго Духа только обѣщается (Іоан. 14, 16—17. 26; 15, 26; 16, 7. 13).

2) Душу Спасителя въ послѣднія минуты Его земной жизни, несомнѣнно, наполняло то дѣло, для совершенія котораго Онъ сошелъ на землю, т. е. спасеніе человѣка—существа духовно-тѣлеснаго; въ виду этого двойственнаго состава человѣка, и самый источникъ духовной жизни—тѣло и кровь Господа—предается ему подъ видомъ естественныхъ хлѣба и вина. Штундо-баптисты погрѣшаютъ тѣмъ, что «преломленію хлѣба» придаютъ значеніе только нравственное и отрицаютъ таинственное. М. Ив. замалчиваетъ о первомъ (нравствѣ) и обличаетъ за отнятіе второго (таинств.), низводя штундо-баптистскій обрядъ „преломленія“ къ простому удовлетворенію естественной потребности питанія.

ній, а должно отнести къ внутреннему смыслу, чтобы исключить вѣшній. Подобное отрицаніе—вѣшній черезъ внутренній, а внутренній черезъ вѣшній,—подобное разумѣніе въ прямомъ смыслѣ и есть исключеніе одинъ другого; всякій вѣшній прообразъ въ своемъ настоящемъ значить: внутреннее содержаніе выводитъ наружу, осуществляетъ во вѣ мысль, таково условіе всѣхъ послѣдствій вѣшняго образа дѣйствія: сила и жизнь спасенія, зависящія отъ внутренняго смысла и значенія, чрезъ это, можетъ быть, спасутся немногіе, а сила и жизнь спасенія, зависящія отъ вѣшняго обряда, отъ этого едва-ли хотя кто одинъ можетъ спастись. Рожденіе отъ плоти констатируетъ рожденіе отъ Духа, вѣшніе прообразы, въ своихъ обрядахъ констатируютъ внутренній смыслъ и, наконецъ, вѣшній прообразъ ступевывается во Христѣ. Молоканинъ глубоко убѣжденъ, что ему, при внутреннемъ пониманіи и содержаніи, справедливо, надежно и легко стоять противъ буквы, противъ прообразовъ, противъ вѣшняго смысла, противъ практики, противъ формалистики, сверхъестественное противъ естественнаго; нѣтъ того естественнаго, чтобы въ немъ, или, вѣрнѣе, подъ нимъ не было бы сверхъестественнаго, а потому молоканинъ гораздо тверже и благоразумнѣй баптиста; но нельзя этого сказать о баптизмѣ, баптистъ искажаетъ вѣшнюю практикою, одною формалистикою внутренній смыслъ, а внутреннимъ смысломъ искажаетъ вѣшній. Баптистъ, въ день Суда, навѣрно, объявитъ, что онъ ѣлъ, пилъ и на улицахъ нашихъ Ты училъ насъ. Справедливымъ будетъ и то, что должны получить въ отвѣтъ: „если бы ты ѣлъ тѣло-плоть, а не хлѣбъ, если бы ты пилъ кровь, а не вино...“ И еще не менѣе будетъ справедливымъ услышать: „отойдите отъ меня...“, потому что внутренній смыслъ и содержаніе прикрыли вѣшнимъ и не могли понять того, что вѣшность должна сопровождаться внутреннимъ настроеніемъ, а не внутреннее вѣшнимъ, и кромѣ того, ждать помощи отъ этой вѣшности, или считать его сверхъестественнымъ—это есть полное суевѣріе.

И такъ, кто разумѣетъ, что два крещенія помѣщаются въ одномъ словѣ—крещеніе—вѣшное и внутреннее, то тому излишнимъ будетъ доказывать: можно ли быть рожденнымъ безъ вѣшняго крещенія? Отвѣчаю: „можно“, а безъ другого крещенія,—внутренняго,—нѣтъ. Не мѣшаетъ и васъ спросить: докажете ли вы, что безъ внутренняго крещенія можетъ, а безъ вѣшняго—нѣтъ? Духъ Божій производитъ въ человѣкѣ переворотъ, самъ человѣкъ глубоко вѣритъ и искренно обѣщается: одно дѣлаетъ Богъ, другое—самъ человѣкъ; вѣшнее же крещеніе само нуждается въ помощи человѣка. Умереть и воскреснуть безъ картины очень просто, потому что крещеніе находится подъ внутреннимъ смысломъ крещенія, а не подъ вѣшнымъ; внутренній смыслъ крещенія и есть тотъ самый актъ, дѣятель и орудіе, а подъ вѣшнымъ что можетъ быть? Отвѣчу еще на одинъ вопросъ: почему апостолы совершали вѣшное омовеніе и исполняли сносные обѣты по 11 глав.,—вѣроятно потому, что Павелъ апостоль такъ поздно возсталъ противъ всѣхъ обрядовъ и омовеній. Слѣдовательно, само собою разумѣется, кто претыкается болѣе 1000 лѣтъ о камень,—конечно тотъ, кто стоитъ на вѣшномъ смыслѣ, а не тотъ, кто на внутреннемъ.

Остаюсь съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ

Максимъ Иванъ Калмыковъ.

Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843—1870 г. ¹⁾

Значеніе каждой секты, какъ и каждого отдѣльнаго, самостоятельно существующаго общества, опредѣляется прежде и ближе всего количествомъ ея членовъ. Цифра сектаторовъ—самое вѣрное мѣрило для опредѣленія степени сочувствія народной массы къ проповѣдуемому сектою ученію.

Поэтому и при ознакомленіи съ положеніемъ и дѣятельностію скопческой секты первымъ возникаетъ вопросъ: какъ велико число ея послѣдователей и, вмѣстѣ, какимъ перемѣнамъ подвергалось оно въ теченіе разсматриваемаго времени?

Спеціальному разрѣшенію этого вопроса посвящены, при ежегодныхъ отчетахъ губернаторовъ, два документа: одинъ—вѣдомость о числѣ раскольниковъ и сектаторовъ въ губерніи, продолжающаяся до настоящаго времени; другой—именные списки исключительно однихъ скопцовъ, законченные 1860-мъ годомъ.

Именные списки получили свое начало въ 1836 году, когда, „вслѣдствіе представленія о мѣрахъ къ прегражденію распространенія секты скопцовъ“, **ВЫСОЧАЙШЕ** повелѣно было, между прочимъ: „предписать начальникамъ губерній собрать точнѣйшія, по возможности, свѣдѣнія (разумѣется, секретнымъ образомъ и безъ всякихъ формальныхъ изслѣдованій) о числѣ скопцовъ во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ и доставить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ именные имъ списки, съ показаніемъ оныхъ, сколько имѣютъ отъ роду лѣтъ сообразно ревизскимъ о нихъ сказкамъ, и если о которыхъ либо изъ сихъ скопцовъ производились уже дѣла, по конемъ время ихъ оскотенія сдѣлалось извѣстнымъ, то означать и сіе въ спискахъ; и на семъ же основаніи

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ Февраль кн. 1-я стр. 266—269.

составлять и впредь списки о скопцахъ въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежегодно Министерству Внутреннихъ Дѣлъ отъ губернскихъ начальствъ“ 1).

Излишне было бы доказывать пользу и практическое значеніе этой мѣры. Облегчая Правительству надзоръ за сектаторами, именныя списки въ тоже время должны были служить важнымъ пособіемъ при изученіи скопческой секты, подробно обозначая званія сектаторовъ и лѣта, въ какія совершено надъ ними оскопленіе, и тѣмъ разрѣшая вопросы какъ о сферѣ, въ которой по преимуществу вращается скопческая пропаганда такъ и о приѣмахъ послѣдней или, точнѣе, о томъ, насколько принятіе оскопленія обусловливается разумнымъ и сознательнымъ произволеніемъ оскопляемаго. На дѣлѣ именныя списки не оправдали своего назначенія, но причина тому заключалась не въ нихъ самихъ, не въ задачѣ указанной имъ, а (какъ видно изъ прежде приведеннаго отзыва о нихъ Слѣдственной о скопцахъ Коммиссіи) 2) въ крайней небрежности со стороны составителей списковъ, и въ отсутствіи всякаго контроля надъ ними со стороны высшихъ инстанцій.—Коммиссія разсматривала списки только за 1842-й годъ, но отзывъ, сдѣланный ей объ нихъ, можно безъ большихъ перемѣнъ примѣнить и къ спискамъ послѣдующихъ 18-ти лѣтъ, составленнымъ при тѣхъ-же условіяхъ и потому также мало согласнымъ съ дѣйствительностію.—По непонятной причинѣ даже послѣ просмотра, произведеннаго слѣдственною Коммиссіею, произведеннаго въ такое время, когда на скопческую секту было обращено самое серьезное вниманіе, не было принято мѣръ къ обезпеченію болѣе правильнаго и отвѣтственнаго составленія списковъ. А, между тѣмъ, на основаніи ихъ показаній ежегодно составлялось въ министерствѣ общая вѣдомость о числѣ скопцовъ въ Имперіи 3). Правда, такихъ грубыхъ ошибокъ, какими отличался Петербургскій списокъ за 1842 годъ 4) въ спискахъ послѣдующихъ годовъ почти не встрѣчается, но показываемое въ нихъ число скопцовъ постоянно и до очевидности невѣрно. Вотъ, наприм., доказательство: по именнымъ спискамъ считалось скопцовъ въ 1842 году—1840 человекъ обоаго пола, а въ

1) Собр. постан. по ч. раскола стр. 210.

2) См. Введен. стр.

3) Д. 1853 г. № 10.

4) Д. 1843 г. № 278.

1852 г.—1702 чел., т. е. въ теченіе десяти лѣтъ число ихъ уменьшилось на 138 человекъ; тогда какъ изъ записокъ (по дѣламъ о скопцахъ), внесенныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Комитетъ Министровъ, видно, что въ теченіе этихъ десяти лѣтъ вновь открыто было скопцовъ 829 человекъ. Разница между—138 и + 829 слишкомъ велика, чтобы ее можно было объяснить смертью сектаторовъ.

Просуществовавъ двадцать четыре года, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, совершенно бесполезно, именныя списки, наконецъ, были отмѣнены циркуляромъ 2-го января 1862 года „въ виду сокращенія переписки“ и „такъ какъ свѣдѣнія эти помѣщаются во всеподданнѣйшихъ отчетахъ Начальниковъ губерній“¹⁾.

Съ прекращеніемъ списковъ, единственною представительницею статистики остается „вѣдомость о числѣ раскольниковъ“. Въ ней послѣдователи скопческой секты показываются подъ рубрикою: „скопцовъ, хлыстовъ, шалопутовъ и другихъ сектъ, придерживающихся скопчества“. Подобная классификація довольно неправильна.—Во-первыхъ, выраженіе „придерживающихся скопчества“, по обычному употребленію его въ самыхъ официальныхъ документахъ, есть синонимъ оскотленія. А на оскотленіе—какъ это доказываетъ множество живыхъ фактовъ—нельзя смотрѣть, какъ на частное проявленіе крайняго религіознаго фанатизма, до котораго доходятъ иногда послѣдователи разныхъ сектъ подъ вліяніемъ проповѣдуемаго ими ученія. Напротивъ того, оскотленіе постоянно является самымъ точнымъ исполненіемъ требованій особаго, основнаго догмата, на которомъ зиждется цѣлая система своеобразнаго ученія, составляющая достояніе совершенно самостоятельной секты, отъ этого догмата и получающей свое названіе, скопческой.

Во-вторыхъ, религіозныя воззрѣнія скопцовъ и хлыстовъ вовсе не представляютъ такого внутренняго сродства между собою, по которому ихъ можно было бы подводить подъ одну рубрику.—Обряды богомоленія, дѣйствительно, одни и тѣже у обѣихъ сектъ; но тождество внѣшнихъ формъ богослуженія еще не даетъ права заключать о тождествѣ самаго вѣроученія. Правда, что и задача обѣихъ сектъ, какъ и всѣхъ вообще сектъ мистическихъ, одна: достигнуть высшаго развитія духовной жизни или, точнѣе, торжества духа надъ плотію,—но она разрѣшается

1) Д. 1861 г. № 203.

ими неодинаково. Такъ, изъ свѣдѣній, имѣющихся въ дѣлахъ Министерства, объ ученіи хлыстовъ и скопцовъ, видно, что хлысты смотрятъ на плоть, какъ на самую низшую рабочую силу и относятся къ ней съ презрѣніемъ, доходящимъ до свальнаго грѣха; скопцы же смотрятъ на нее со страхомъ и, считая ее такимъ грознымъ врагомъ для борьбы, съ которымъ недостаточно однѣхъ душевныхъ силъ, прибѣгаютъ къ оскпленію ¹⁾. Далѣе, по ученію хлыстовъ, каждый человѣкъ, строго выполняя извѣстныя заповѣди, можетъ достигнуть самъ собою высшаго духовнаго совершенства—сдѣлаться Христомъ; по ученію же скопцовъ. „единъ есть Христосъ“ во вторы пришедшій на землю“, батюшка-искупитель Петръ Ѳедоровичъ“, заслугами котораго и спасаются вѣрующіе, конечно, подъ условіемъ неуклоннаго исполненія его велѣній. Отъ этого у хлыстовъ образовалась цѣлая вереница „христовъ“,— послѣдовательно, но безслѣдно смѣнявшихъ одинъ другаго и иногда существовавшихъ одновременно въ нѣсколькихъ экземплярахъ, — и хлыстовскіе „корабли“ не представляютъ тѣсной внутренней связи между собою. У скопцовъ совсѣмъ иное: ихъ „пророки“ постоянно говорятъ о себѣ, какъ о ближайшихъ слугахъ „государя-батюшки“, пребывающаго до времени въ скрытности и чрезъ нихъ управляющаго своими „дѣтушками“;— а признаніе надъ собою главенства лжеискупителя и вѣра въ него, какъ единаго истиннаго сына Божія, тѣсно и прочно сплочи-

¹⁾ Говорятъ, что и хлысты скопятся и указываютъ даже особый обрядъ, который „совершается въ то время, когда кто нибудь изъ ихъ общества пожелаетъ оскпиться“. Вотъ этотъ обрядъ: „Во время моленія сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водою, 15-ти или 16-ти лѣтнюю дѣвицу, которую успѣли склонить къ оскпленію разными обѣщаніями. Когда дѣвица усядется въ чанъ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокой надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ (лѣвый) и съ удивительною ловкостью останавливаютъ теченіе крови... Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которыя ѣдятъ ихъ. Когда кончится это людоедство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроеное, и все собраніе пускается плясать около нея. Въ концѣ всего—свальнаго грѣха (напр. см. Добротворскаго „Люди Божіи“ стр. 63). Но, во первыхъ, дѣйствительное существованіе такого обряда еще не доказано; а во вторыхъ, если и допустить его существованіе, то по выбору для него опредѣленной личности, именно 15—16 лѣтней дѣвицы, и по дальнѣйшей его обстановкѣ, онъ можетъ быть названъ обрядомъ чего-либо, только никакъ не оскпленія.

васть въ одно всё скопческія „корабли“, разсѣянные по и вѣ Россіи ¹⁾).

Входить въ болѣе подробный разборъ ученія скопцовъ и хлыстовъ здѣсь неудобно; но и изъ сказаннаго уже достаточно видно, насколько объ секты расходятся между собою даже въ самыхъ основныхъ своихъ положеніяхъ.

Затѣмъ, что касается шалопутовъ, то они не суть представители какой-либо особой секты, а истые скопцы, только носящіе особое мѣстное названіе ²⁾). Откуда и отъ чего она произошла изъ дѣлъ Министерства не видно, но въ нихъ „о шалопутской или скопческой сектѣ“ упоминается еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, по поводу ея распространенія между переселенными въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи крестьянами Тимскаго округа Курской губ. ³⁾ и въ Тираспольскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи ⁴⁾).

Относительно непоименованныхъ „другихъ сектъ, придерживающихся скопчества“, можно полагать, что и онѣ, подобно шалопутской, отличаются отъ скопческой только однимъ названіемъ, потому что извѣстныя самостоятельныя секты всё показаны въ вѣдомости въ отдѣльныхъ рубрикахъ.

Слѣдовательно, по вѣдомостямъ, за совмѣщеніемъ въ одну цифру послѣдователей сектъ скопческой и хлыстовской, число первыхъ остается неизвѣстнымъ, а потому нельзя и разрѣшить вопроса о ходѣ собственно-скопческой пропаганды.

Но указанный недостатокъ не единственный въ вѣдомостяхъ; самыя цифры, выставленныя въ нихъ, весьма подозрительны и могутъ быть признаны скорѣе произвольными, чѣмъ взятыми изъ дѣйствительности. Такъ, напр., въ вѣдомостяхъ 1869 года показано скопцовъ вмѣстѣ съ хлыстами въ губерніяхъ: Иркутской—58 чел., Калужской—95 чел., Уфимской—3 и Забайкальской об.—8 чел. а изъ особыхъ свѣдѣній о состояніи скопческой секты, доставленныхъ губернаторами въ томъ же

1) Напр., въ при-дунайскихъ Княжествахъ. Д. 1863 г. № 56.

2) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть только два дѣла 1865 г. № 75 и 1863 г. № 28, въ которыхъ находятся довольно подробныя свѣдѣнія объ ученіи и образѣ жизни шалопутовъ.

3) Д. 1843 г. № 85.

4) Д. 1843 г. № 547.

году, оказывается однихъ только скопцовъ въ губерніяхъ: Иркутской—63 чел., Калужской—139 чел., Уфимской—65 чел. и Забайкальской об.—7 чел. ¹⁾). Есть еще два официальныхъ, но, такъ сказать, случайныхъ, источника статистическихъ свѣдѣній о скопческой сектѣ. Оба они принадлежатъ послѣднему пятилѣтію и разстоятъ одинъ отъ друга на три года. Это именныя списки скопцовъ за 1865 и 1868 г., доставленные губернаторами по особому требованію Министерства. Судя по мѣрамъ, какія, по засвидѣтельствованію губернаторовъ, были приняты ими при составленіи этихъ списковъ, нельзя сомнѣваться въ ихъ возможной достовѣрности; но и при этомъ условіи они могутъ дать развѣ только приблизительныя понятія объ успѣхахъ скопческой пропаганды за послѣднее время. Настоящее же положеніе секты и ея численное значеніе не выясняются ими, потому что въ нихъ: а) не вошли сектаторы, живущіе на Кавказѣ, и б) исчислены только тѣ изъ послѣдователей секты, которые уже носятъ на себѣ несомнѣнные, видимые знаки принадлежности къ ней, т. е. осклоплены. Кромѣ того, по собственнымъ отзывамъ нѣкоторыхъ губернаторовъ, указанная въ спискахъ цифра скопцовъ гораздо ниже ихъ дѣйствительнаго числа. „Представляемый списокъ (за 1868 г.)—говоритъ, напр., Тамбовской губерна-торъ—„далеко не полонъ, что доказывается уже тѣмъ, что въ немъ упоминается только объ одномъ селѣ Моршанскаго уѣзда—Лѣвыхъ Ламкахъ, тогда какъ, по всѣмъ доходившимъ до меня свѣдѣніямъ, въ селахъ того-же уѣзда: Сосновкѣ, Крюковѣ и Атмановѣ-Углѣ должно быть еще много скопцовъ“ ²⁾). Почти то же самое повторяется въ отзывахъ генераль-губернатора Московскаго ³⁾, и губернаторовъ Рязанскаго ⁴⁾, Воронежскаго ⁵⁾ Херсонскаго ⁶⁾ и Томскаго.

По мнѣнію послѣдняго, причина неполноты и, отчасти, неправильности официальныхъ статистическихъ свѣдѣній объясняется слѣдующимъ: „дабы не породить превратныхъ толковъ въ средѣ раскольниковъ, свѣдѣнія объ нихъ собирались секретно, безъ всякихъ розысканій.

1) См. сравнит. таблицу, въ прилож.

2) Д. 1868 г. № 50.

3) Д. 1868 г. № 36.

4) Д. 1868 г. № 59.

5) Д. 1868 г. № 48.

6) Д. 1868 г. № 53.

слѣд., безъ возможности провѣрить представлявшіеся факты съ дѣйствительностію; къ этому должно присоединить еще, въ однихъ случаяхъ, неумѣніе какъ должно собирать факты, а въ другихъ боязнъ выставить предъ Правительствомъ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть“¹⁾).

Но объяснить несостоятельность официальной статистики по части раскола и сектъ одними только этими причинами было бы несправедливо. Собрание статистическихъ свѣдѣній очень часто соединяется съ затрудненіями, непреодолимыми для самаго усерднаго и добросовѣстнаго собирателя. Это въ особенности должно сказать относительно скопческой секты, послѣдователи которой знаютъ, что обнаруженіе ихъ принадлежности къ ней неминуемо приведетъ ихъ къ суду и наказанію; и потому не щадятъ средствъ для своего сокрытія отъ глазъ Правительства и, кромѣ того, отличаются искусствомъ маскироваться.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Липранди, предсѣдатель Слѣдственной о скопцахъ Коммисіи, въ 1845 году доносилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ: „помѣщики и даже самыя общества, у конхъ есть скопцы, неодинаково жертвуютъ ими. Причина тому очевидна и состоитъ въ томъ, что чрезъ добровольное обнаруженіе скопца какъ помѣщикъ, такъ и общество, теряютъ человѣка безвозмездно, тогда какъ человѣкъ этотъ за свободу платитъ помѣщику до 2000 руб. и болѣе, а общество за сокрытіе его взимаетъ съ него такія подати, какія только вынести онъ можетъ“. Липранди не поименовываетъ заподозрѣнныхъ имъ лицъ, обществъ, конечно, потому, что заявляя подобный фактъ, онъ имѣлъ въ виду не какіе-либо единичные или рѣдкіе случаи, но порядокъ вещей неоднократно встрѣчавшійся. По крайней мѣрѣ къ такому предположенію невольно приводитъ ближайшее разсмотрѣніе слѣдственныхъ о скопцахъ дѣлъ.

Такъ, нельзя не замѣтить, что значительное большинство, около $\frac{4}{5}$, обнаруженныхъ скопцовъ—люди зрѣлаго возраста, имѣющіе не менѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, но изъ нихъ болѣе половины оказываются, и по собственному показанію и по медицинскому удостовѣренію, оскопленными въ возрастахъ дѣтскомъ и отроческомъ.—Принимая во вниманіе условія деревенской жизни и то, что операція оскопленія, произведенная

1) Д. 1868 г. № 60

въ малолѣтствѣ, кладеть на самыя фізіономіи сектаторовъ свою ясную и несмываемую печать,—трудно допустить, чтобы подобнаго рода сектаторы оставались въ теченіе многихъ лѣтъ незамѣченными на своей родинѣ, особенно въ такихъ губерніяхъ, какъ: Тамбовская, Орловская, Костромская, Курская и др., въ которыхъ особенности скопческихъ фізіономій, по ихъ обилію, не могутъ представлять явленія загадочнаго или непонятнаго. Къ этому надо присовокупить свободное проживаніе въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ продолженіи до 20-ти лѣтъ, стороннихъ беспаспортныхъ скопцовъ ¹⁾ и слишкомъ частые случаи побѣга скопцовъ, отданныхъ, на время производства объ нихъ слѣдствія, подъ стражу, или на поруки односельцамъ, не исключая и старость ²⁾.

Затѣмъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ встрѣчаются документы (напр., письма) и обстоятельства, достаточно не разъясненные слѣдствіемъ, но наводящіе сильное подозрѣніе на нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ томъ, что они дѣйствительно знали объ оскотленіи ихъ крестьянъ и иногда пользовались имъ для полученія съ нихъ большей выкупной платы ³⁾. Въ отчетѣ Тамбовскаго губернатора о состояніи скопческой секты въ губерніи, за 1868 г., указанъ замѣчательный примѣръ весьма интимнаго отношенія бывшаго помѣщика къ своимъ крестьянамъ-скопцамъ. „Исправникомъ дознано“,—говоритъ губернаторъ, „что переписка скопцовъ Козловскаго уѣзда съ Петербургскими большею частію ведется чрезъ бывшаго землевладѣльца ихъ, г. Иессингъ, который, по полученіи съ почты, читаетъ имъ всю переписку“ ⁴⁾.

Уликою обществу мѣщанскихъ и, отчасти, купеческихъ можетъ служить какъ свободное ими принятіе скопцовъ въ число своихъ членовъ, такъ и непоказаніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ объ ихъ оскотленіи. Обычное въ подобныхъ случаяхъ оправданіе обществъ, что они не знали о скопчествѣ такого-то, едва-ли можно признать состоятельнымъ. Впрочемъ, есть фактъ и такого рода: скопецъ—крестьянинъ Андрей Ивановъ Кудринъ былъ причисленъ въ мѣщане Сергіевскаго посада (Московской губ.) и, какъ мѣщанинъ, снабженъ паспортомъ

¹⁾ Напр. Дд. 1845 г. № 444, 1848 г. № 546.

²⁾ Напр. Дд. 1845 г. №№ 448, 689; 1846 г. №№ 451, 463, 380, 749; 1847 г. №№ 423, 515; 1848 г. №№ 287, 537, 546; 1849 г. № 694.

³⁾ Напр. Дд. 1843 г. № 278; 1845 г. № 132; 1848 г. № 419; 1849 г. № 390.

⁴⁾ Д. 1868 г. № 50.

19-го марта 1846 г. „въ слѣдствіе предписанія, даннаго Сергіевской Думѣ“—отъ 3 іюля того же года ¹⁾).

Липранди предлагалъ: въ отвращеніе подкуповъ со стороны скопцовъ „и въ поощреніе помѣщиковъ, равно мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ, допустить имъ зачетъ добровольно обнаруживаемыхъ ими скопцовъ за рекруты: а, напротивъ, за cadaго скрываемаго ими скопца, который обнаруженъ будетъ правительствомъ, или постороннимъ лицомъ, брать въ рекруты еще другаго годнаго челоуѣка и, сверхъ того, взыскивать въ пользу частнаго открывателя штрафъ 100 руб.“ Предположеніе это было оставлено безъ послѣдствій.

Не мало жалобъ вызывало на себя и духовенство, которое, въ исповѣдныхъ росписяхъ показывая скопцовъ православными, тѣмъ содѣйствовало къ ихъ укрывательству. Такія жалобы,—какъ увидимъ впоследствии,—не всегда были основательны, и духовенство, свидѣтельствуя объ исполненіи лицами, уличенными въ скопчество, христіанскихъ обязанностей, по большей части, не погрѣшало противъ истины. Но, съ другой стороны, были примѣры, хотя довольно рѣдкіе, и явной недобросовѣстности нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Такъ, одинъ священникъ Рязанской губ. выдалъ свидѣтельство о ежегодномъ бытіи у исповѣди и св. причастія своему прихожанину-скопцу, болѣе четырехъ лѣтъ находившемуся въ постоянной отлучкѣ ²⁾. Въ 1850 году Дамаскинъ, Епископъ Тульскій, сообщалъ губернатору, что одинъ изъ священниковъ и одинъ благочинный въ Новосильскомъ уѣздѣ „заражены духомъ укрывательства раскольниковъ“, т. е. скопцовъ ³⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Д. 1844 г. № 233.

2) Д. 1849 г. № 577.

3) Д. 1850 г. № 645.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

О Ницше.

I.

„Всюду Ницше таскають, а у насъ особыхъ изданій о немъ какъ будто нѣтъ. Будьте добры порекомендовать на страницахъ вашего изданія серьезныя сочиненія съ критикой Ницше. Весьма-бы полезно, чтобы все духовенство знало критику Ницше, ибо онъ очень моденъ теперь. Какъ то мы все спимъ и заняты одною канцелярщиной. и съ ней, кажется, проспимъ свою Церковь“.

N.

II.

Удовлетворяя запросу читателя журнала „Миссіонерск. Обзоріе“, мы охотно рекомендуемъ слѣдующія сочиненія о Ницше, вполне заслуживающія серьезнаго вниманія:

1) Кн. Евгеній Трубецкой. — *Философія Ницше*. Критическій очеркъ. Москва, 1904 г. Книжный магазинъ Карбасникова, на Моховой. Ц. 1 р. 20 к.

Этотъ очеркъ представляетъ собою безпристрастную и весьма серьезную критику философіи Ницше. Авторъ не задается вопросомъ о происхожденіи философіи Ницше, нѣтъ у него и біографическаго элемента, равно какъ и рѣшенія вопроса объ отношеніи Ницше къ многочисленнымъ его предшественникамъ. Точно также въ цѣли очерка не вошла и подробная оцѣнка критическихъ сужденій о Ницше, высказанныхъ въ обширной современной литературѣ о немъ. Авторъ просто беретъ философію Ницше такъ, какъ она есть въ его произведеніяхъ, и съ рѣдкимъ умѣньемъ показываетъ: *что даетъ намъ эта философія*. Отъ такой опредѣленной задачи трудъ кн. Евг. Трубецкого сильно выигрываетъ особенно въ глазахъ тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ достоинствами и недостатками философіи Ницше. Болѣе подробно *содержаніе* очерка таково: прежде всего авторъ даетъ общую и краткую характеристику „философіи Ницше“ (1—5 стр.). Затѣмъ онъ критическимъ путемъ устанавливаетъ въ философской дѣятельности Ницше два періода, вопреки Гасту и др..., при чемъ гранью между этими двумя періодами ставитъ 1876 годъ. Первый періодъ характеризуется увлеченіемъ Ницше идеями Шопенгауэра и Вагнера, а второй—идеями по-

зативными и, наконецъ, ихъ восполненіемъ и усовершенствованіемъ чрезъ Заратустризмъ. На Заратустризмъ авторъ останавливается съ особенною подробностью, что вполне понятно, такъ какъ въ немъ-то и сказалось собственно ницшеанство. Въ „заключеніи“ кн. Евг. Трубецкой приходитъ къ убійственнымъ для ницшеанства выводамъ: „въ цѣломъ философія Ницше производитъ впечатлѣніе чего-то необычайно нестройнаго и нескладнаго: она изумляетъ отсутствіемъ единства и скудостью своихъ результатовъ“, пишетъ авторъ очерка. Безотрадно для Ницше выводы кн. Евг. Трубецкого и, въ частности, по отношенію къ ученію Ницше о метафизикѣ, позитивизмѣ, монизмѣ. Теорія познанія Ницше, будучи противорѣчіемъ остальному его ученію, сама по себѣ является сознательнымъ возвращеніемъ къ досократовской точкѣ зрѣнія древнихъ софистовъ. Нравственное ученіе Ницше также софистично, и его объективный масштабъ цѣнностей оказывается двойственнымъ. Въ социальной философіи Ницше царитъ анархическій индивидуализмъ... Наконецъ, въ образѣ сверхчеловѣка — *полузвѣря, полуфилософа*, мы находимъ какъ-бы сводъ всѣхъ внутреннихъ противорѣчій ученія Ницше и его настроенія. Въ концѣ концовъ философія Ницше, по мнѣнію кн. Евг. Трубецкого, перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ и начинаетъ рычать по звѣриному: послѣдній отвѣтъ Заратустры на философскіе запросы современнаго человѣчества есть львиный ревъ, который разгоняетъ всѣхъ ищущихъ и вопрошающихъ. Дальше, кажется, трудно идти по пути одичанія и вырожденія мысли, говоритъ авторъ. А, между тѣмъ, въ качествѣ „знаменія будущаго“ этотъ пророческій левъ показываетъ, чего мы еще можемъ ждать отъ „дѣтей“ Заратустры!..

Какъ видимъ, *содержаніе* очерка кн. Евг. Трубецкого весьма богато критическими элементомъ, а это-то и должно быть особенно цѣнно при чтеніи Ницше. Вслѣдствіе безпристрастія и научности „критическаго очерка“ кн. Трубецкого, мы особенно рекомендуемъ его желающимъ сознательно отнестись къ философіи Ницше.

2) Лоренцъ Фишеръ. — *Фридрихъ Ницше*—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи. Переводъ съ нѣмецкаго М. Воскресенскаго. Москва, 1904 г. Цѣна 1 руб. Можно выписывать отъ переводчика: „г. Шацкъ, Тамбов. губ.“—безъ платежа за пересылку.

Критическій очеркъ философіи Ницше, принадлежащій перу Л. Фишера, даетъ намъ полный образъ философіи Ницше въ различныхъ стадіяхъ ея развитія: 1) Ницше, какъ философъ-эстетикъ, 2) Ницше, какъ рационалистъ - вольнодумецъ, 3) Ницше — пророкъ о сверхчеловѣкѣ и 4) Ницше— „антихристъ“. Всѣ эти четыре главы служатъ содержаніемъ второй части книги. Первая же часть представляетъ собою „біографію и характеристику Ницше“ и также состоитъ изъ четырехъ главъ: I) введеніе, II) пора ранней молодости, III) университетскіе и военные

годы и IV) профессура и писательская дѣятельность. Такимъ образомъ, Л. Фишеръ знакомить насъ какъ съ біографіею Ницше, такъ особенно съ его міросозерцаніемъ, при чемъ даетъ обстоятельную критику послѣдняго. Этотъ очеркъ Л. Фишера могъ-бы быть хорошимъ восполненіемъ къ вышеупомянутому очерку кн. Трубецкого въ дѣлѣ сознательнаго изученія философіи Ницше. Посему мы и рекомендуемъ его вниманію интересующихся Ницше.

3) Проф. А. Риль. — *Фридрихъ Ницше*, какъ художникъ и мыслитель. Переводъ съ нѣмецкаго З. Венгеровой. 2-е исправл. изданіе. С.-Петербург., 1901 г. Ц. 50 к.

Въ своемъ изслѣдованіи проф. Риль прежде всего останавливается на „Произведеніяхъ Ницше и его личности“. Онъ характеризуетъ произведенія Ницше въ ихъ исторической преемственности. По мнѣнію профессора „характеристика личности должна предшествовать оцѣнкѣ философскаго значенія произведеній Ницше“. То, въ чемъ Ницше сильнѣе всего нуждался въ жизни, онъ переносилъ въ свой идеаль жизни. Онъ нуждался въ „широтѣ нравственно-духовнаго горизонта“, чтобы высить свою жизнь. Онъ мечталъ о все болѣе сильномъ и высокомъ развитіи человѣка, о переходѣ къ высшему роду — мечталъ о „сверх-человѣкѣ“. Возрастающее вліяніе произведеній Ницше, въ особенности на молодежь, объясняется, главнымъ образомъ, обаяніемъ его рѣчи, которая дѣлаетъ этого необычайнаго писателя птичеловомъ, завлекающимъ неопытныя души въ свои сѣти (стр. 27). Во II-й главѣ проф. Риль разбираетъ „Ницше, какъ художника“. Мастерство рѣчи Ницше, пишетъ профессоръ, слишкомъ законченное и потому не можетъ положить начала новому художественному теченію. Новое искусство не должно обладать такимъ богатствомъ пріемовъ и формъ. Въ немъ должна быть строгость и простота, т. е. почти все, чего нѣтъ у Ницше (41 отр.). Въ III-й главѣ разсматривается „Ницше, какъ мыслитель“. Это самая обширная и самая важная часть труда проф. Рилиа. Здѣсь подробно и критически профессоръ обзрѣваетъ все міровоззрѣніе Ницше. Выводы профессора таковы: „никто не избересть въ путеводители того, кто всегда „становился инымъ, всегда былъ чуждъ себѣ“ и всегда „спасался отъ себя“. Ницше мѣшало стать духовнымъ вождемъ не отсутствіе „системы“, а отсутствіе твердаго основанія мыслей... Ему недоставало синтетическаго дарованія, необходимаго философу“. Духовный вождь извѣстной эпохи, говоритъ проф. Риль, долженъ понимать свое время; онъ долженъ разумѣть настоящее, только тогда онъ можетъ стать вѣщателемъ будущаго. А этого-то разумѣнія настоящаго и не было у Ницше. Свое изслѣдованіе профессоръ заканчиваетъ глубоко справедливыми словами: „и наиболѣе высоко стоящая личность все-таки остается человѣкомъ. Она не станетъ мнить себя „сверх-чело-

вѣкомъ“, и чѣмъ она выше, тѣмъ менѣе ея высокомѣріе. Съ величіемъ духа возрастаетъ и высота цѣлей, и чувство несоотвѣтствія между достигнутымъ и предметомъ стремленій. Сверхъ-человѣкъ не можетъ быть цѣлью человѣка; ибо чѣмъ стала-бы тогда цѣль сверхъ-человѣка? Всегда человѣкъ будетъ вѣрить въ сверхъ-человѣчное, будетъ-ли онъ это называть божествомъ или идеаломъ. Не имѣя идеала его превышающаго, человѣкъ не можетъ твердо стоять въ духовномъ отношеніи. Это сверхъ-человѣческое, идеальное есть міръ духовныхъ критеріевъ: и высочайшій изъ людей имѣетъ его надъ собой такъ-же, какъ носитъ его внутри себя. Но эти критеріи, опредѣляющіе поступки людей и воодушевляющіе ихъ, нѣтъ надобности вновь изобрѣтать или перечеканивать, подвергая ихъ переоцѣнкѣ. Они открываются сами, и какъ звѣзды небесныя выступаютъ постепенно въ кругозоръ людей, слѣдуя развитію культуры. Это не *старыя* цѣнности и не *новыя*, это цѣнности постоянныя“.

Написанная хорошимъ слогомъ (въ переводѣ), книга проф. Рия по своему содержанію заслуживаетъ того, чтобы на ней остановить свое вниманіе изучающимъ Ницше.

4) А. Фуллье. — *Ницше и имморализмъ*. — СПб. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. Складъ изданія—книжн. магаз. т-ва „Общественная Польза“ Спб. В. Подъячская, 39.

Объемистое (323 стр.) изслѣдованіе А. Фуллье, кромѣ „предисловія“ и „введенія“, распадается на четыре книги. Въ „*предисловіи*“ авторъ отчетливо указываетъ мотивы для своего труда и съ тѣмъ вмѣстѣ характеризуетъ доктрину Ницше: „доктрина, пишетъ онъ, видящая не только въ теологіи, но и въ морали, истинную причину испорченности и „упадка“ челоѣчества, преніяствіе прогрессу рода путемъ развитія высшихъ индивидовъ, — доктрина, облакающаяся въ форму „имморализма“ и заявляющая, что подъ „самыми священными именами“, въ томъ числѣ подъ именемъ „добродѣтели“,—людьми правятъ въ сущности „нигилистическія цѣнности упадка и уничтоженія“,—подобная доктрина, возобновляющая великое возстаніе скептиковъ и софистовъ противъ закона во имя природы, — не можетъ остаться безразличной для философа; ибо на практикѣ она не преминетъ найти отголосокъ въ страстяхъ, которыя до сихъ поръ считались дурными, но которыя Ницше объявилъ „хорошими“, какъ-то: „сладогтрастіе, инстинктъ власти, гордость“—три главныя добродѣтели новаго евангелія (стр. 5). Разматривая философію Ницше, какъ „*философію волн*“ въ ея индивидуальномъ смыслѣ, въ противовѣсъ социалистическому и демократическому коллективизму, Фуллье, между прочимъ, пишетъ: „читая Ницше, испытывать одновременно два чувства: преклоненія и жалости (хотя онъ и отвергаетъ послѣднюю, какъ оскорбленіе): наряду съ обиліемъ высокихъ

мыслей, въ немъ есть что-то болѣзненное и, какъ онъ любитъ говорить, „извращенное“, что временами останавливаетъ и дѣлаетъ безчеловѣчными самые чудесные порывы мысли и сердца. *Вагнеровскій инцидентъ; музыкальная проблема*,—таково заглавіе одной изъ его книгъ: нельзя-ли было бы написать также: „Инцидентъ Фридриха Ницше; патологическая проблема“? (стр. 11). Приведенный нами взглядъ Фуллье на Ницше яркой нитью проходить чрезъ все его изслѣдованіе, *содержаніе* котораго таково:

Введеніе. Гл. I-я. Абсолютный имморализмъ и индивидуализмъ Штирнера. Гл. II-я. Соціальный элементъ въ индивидуализмѣ по учению Гюйо.

Книга I. Основной принципъ философіи Ницше. Воля къ власти. Гл. I. Воля къ власти и воля къ жизни. Гл. II. Истинное, какъ воля къ власти.

Книга II. Индивидуалистическій и аристократическій имморализмъ. Гл. I. Критика морали. Гл. II. Идея индивидуальной жизни. Ницше и англійская школа. Гл. III. Идея соціальной жизни. Гл. IV. Осужденіе справедливости. Гл. V. Мораль рабовъ и мораль господъ. Соціальныя идеи Ницше. Демократія. Соціализмъ. Анархизмъ. Гл. VI. Осужденіе и страданія.

Книга III. Сужденіе Ницше о Гюйо по неизданнымъ документамъ.

Книга IV. Религія Ницше. Гл. I. Христіанскій идеаль. Гл. II. Пришествіе сверхъ-человѣка. Гл. III. Вѣчное возвращеніе. Гл. IV. Аполлоновскій и діонисіевскій культъ природы. Гл. V. Заключение: I. Мнѣнія Ницше о его собственной оригинальности. II. Основная идея Ницше. III. Моральный анархизмъ и его эволюція къ соціализму. IV. Заключение.

Мы съ цѣлью привели *содержаніе* изслѣдованія Фуллье, чтобы показать, какъ оно цѣнно и какъ широко и всесторонне въ немъ обслѣдованъ Ницше. Фуллье совершенно снимаетъ всякій ореоль съ Ницше. Послѣдній, по мнѣнію Фуллье, остался при языческомъ натурализмѣ, и даже не достигъ пониманія ни смысла христіанства, ни смысла современнаго идеализма. Возвышенные порывы лиризма Ницше не могутъ скрыть противорѣчій и безсилія его философской мысли. „Склонись надъ твоимъ собственнымъ колодеземъ, — говоритъ онъ намъ, — чтобы увидѣть въ глубинѣ его звѣзды великаго неба“. И самъ, въ теченіе всей своей жизни, склонялся надъ самимъ собой, но его постигло головокруженіе, и звѣзды великаго неба смѣшались въ его глазахъ съ необъятною ночью, — такъ заключаетъ Фуллье свою книгу, которую мы охотно рекомендуемъ, какъ весьма полезную при изученіи Ницше.

5) Мы можемъ еще рекомендовать, какъ полезную въ дѣлѣ всесторонняго изслѣдованія Ницше и книгу Л. Шестова: „*Добро въ учени гр. Толстого и Ф. Ницше*“. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Айвазовъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Нѣсколько словъ объ институтѣ благочинныхъ.

Въ дополненіе къ моимъ „Новогоднимъ думамъ“ („Мис. Обзор.“ с. г. кв. 1-я), чувствую нужду досказать нѣсколько мыслей по вопросу о благочинническомъ институтѣ.

У насъ все нынѣ сваливають на внѣшніе порядки. Дѣйствительно, очень многихъ порядковъ нельзя не порицать. Наши порядки дурны прежде всего тѣмъ, что препятствуютъ архиастырямъ видѣть свою паству, препятствуютъ тщательному выбору достойнѣйшихъ пастырей, воспитываютъ одну внѣшнюю формальную исполнительность, совсѣмъ не напоминаютъ мысли о необходимости самовоспитанія, самоусовершенствованія. Порядки плохи тѣмъ, что некому надлежаще вразумить и утѣшить огорченнаго пастыря, некому указать ему „истинной причины его мрачной угрюмости“, его пастырскихъ несовершенствъ и бесплодности его труда. Порядки приучили духовенство видѣть въ пастырствѣ одно внѣшнее дѣланіе, требующее, преимущественно, благопріятныхъ внѣшнихъ же условій. Поэтому то у современнаго пастыря и является такая неожиданная сильная жажда внѣшнихъ благъ—свободы, независимости, матеріальной обезпеченности.

Дайте намъ царство земное, и мы введемъ васъ въ царство небесное.

„Жизнь священника страшно тяжела“, говорятъ вмѣстѣ съ о. Ч. и К^о многіе нынѣшніе священники. Но такъ оно и быть должно. „Въ Евангеліи постоянно говорится, что жизненная стезя дѣлателей жатвы очень терниста“. Но о. Ч. считаетъ эту тяжесть настолько „невыносимой“, что требованіе отъ духовенства плодотворной дѣятельности считаетъ ироніей. „Для того, чтобы дѣлать, работать, нужно во многомъ измѣ-

нить нашу жизнь. Нужно жить полной, всесторонней жизнью, много учиться, видѣть, знать“. Не буду входить въ подробную критику этой нужды. Напомню только, что первыми пастырями Христова стада были люди безкнижные. И у нихъ, и у насъ—*одинъ учитель* Христосъ. Видѣть и знать Его можно всякому человѣку *на всякомъ мѣстѣ владычествія Его. Отъ премудрыхъ и разумныхъ* Онъ еще укрывается, но легко *открывается младенцамъ, простецамъ*. Не лучшими ли пастырями, и въ настоящее время, оказываются именно простецы, а не многоученые богословы. „Необходимо, чтобы священникъ созналъ себя личностью, а не игрушкой въ рукахъ благочиннаго, который отмѣчаетъ іерею поведеніе, какъ мальчишкѣ... Что можетъ быть унизительнѣе и хуже для пастыря словесныхъ овецъ“.

Удивительно! Подчиненные имѣютъ право критиковать, отмѣчать поведеніе своего начальства въ газетахъ и журналахъ, а когда начальствующіе отмѣчаютъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ поведеніе подчиненнаго, послѣдній съ негодованіемъ протестуетъ, говоря: „что можетъ быть унизительнѣе и хуже этого для пастыря словесныхъ овецъ“.

Ничего унизительнаго и худого тутъ нѣтъ. Начальствующіе должны знать и отмѣчать поведеніе подначальныхъ. Это ихъ непремѣнное право и обязанность. И смѣшно даже подумать, чтобы это именно право превращало іерея „въ пѣшку или игрушку въ рукахъ благочиннаго“. Правда, что благочинные перѣдко сознательно и намѣренно злоупотребляютъ своей властью, но главное зло не въ этомъ.

Гораздо большее зло въ томъ, что они мало пользуются своей властью—нравственновоздѣйствующей и распорядительной. Случается, что благочинный обижаетъ священника, но несравненно чаще онъ допускаетъ священнику обижать псаломщика, діакона, прихожанъ. По одинаковости сана и по обычнымъ профессиональнымъ недостаткамъ, благочинный всегда естественный союзникъ священника. Обычныя служебныя погрѣшности свойственны благочинному, какъ и всякому другому приходскому священнику. Вотъ почему въ распряхъ клира благочинный почти всегда на сторонѣ батюшки, а въ распряхъ причта съ приходомъ — почти всегда на сторонѣ причта. О. Ч. не знаетъ ничего болѣе унизительнаго для пастыря, какъ отмѣтка благочиннымъ его поведенія. А извѣстно ли ему, что главнымъ образомъ унижаетъ самую Церковь? Не укрывательство ли благочинными порочныхъ пастырей? Вотъ надъ

этимъ зломъ призадуматься стоить. Церковь стонеть отъ неправдъ душепастырей, а о. о. благочинные увѣряють, что все обстоитъ благополучно.

Если какой-нибудь щепетильный батюшка до крайности обижается на благочинническую аттестацію: это горе-сполгоря, а вотъ, если нынѣшніе благочинные, при всей своей якобы чрезмѣрной власти, не обнаруживаютъ ни силы, ни желанія прекратить вопиющія безобразія, водворившіяся въ церковной оградѣ, — это горе великое.

Прежде, чѣмъ мечтать о свободѣ, о самоуправленіи, необходимо благообразить пастырскую среду, ввести порядокъ, справедливость въ жизнь и служеніе клира, прекратить многочисленные соблазны, дать защиту беззащитнымъ, помочь трудящимся, направить пастырскую дѣятельность, разрѣшить и разрѣшать тысячи давно возникшихъ и ежедневно возникающихъ неотложнѣйшихъ запросовъ жизни, объединить разрозненныя силы духовенства, направивъ ихъ не на оппозицію, а на защиту своего основанія и покровя.

Сдѣлать это можетъ только власть, исключительно на то поставленная, власть сильная, независимая, свободная отъ недостатковъ, свойственныхъ клиру.

Но къ такой роли нынѣшніе благочинные неспособны. Съ самаго учрежденія института благочинныхъ, ими, по справедливости, недовольно ни высшее, ни низшее духовенство. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ своего существованія этотъ институтъ получалъ разныя поправки, дополненія, измѣненія. Но безуспѣшно. Бездѣтельность, бесплодность, нерадѣніе и своеволие благочинныхъ не исчезаютъ.

Почему?

По инструкціи права и обязанности благочиннаго обширны. Вниманію, наблюденію и руководству благочиннаго подвѣдома вся область пастырской практики. Повидимому, — какой еще власти! Но только, повидимому. На самомъ дѣлѣ эта власть то же, что вода, въ которой стоялъ Танталь. Онъ — къ ней, она — отъ него. Громкій и весьма выразительный титулъ благочиннаго только вводитъ всѣхъ въ заблужденіе. Всѣ думаютъ, что у насъ есть кому заботиться о церковномъ благочиніи, а на самомъ дѣлѣ у насъ существуютъ только мытари конскторіи, собирающіе съ церковей деньги и повѣряющіе церковную отчетность. Въ этой области такъ называемые благочинные сильны, опыты и авторитетны, а все остальное, что относится къ области церковнаго

благочинія, и чего требуетъ отъ нихъ инструкція, для нихъ не существуетъ. На дѣлѣ отъ нихъ ничего не требуется, кромѣ аккуратнаго сбора денегъ и своевременнаго представленія документовъ.

И нельзя требовать.

Благочинный долженъ быть образцовымъ настоятелемъ своего прихода,—это само собою разумѣется. Но невозможно быть образцовымъ пастыремъ и благочиннымъ. При теперешнихъ условіяхъ, благочинный не имѣетъ физической возможности быть добрымъ пастыремъ своего прихода, а не будучи добрымъ пастыремъ, онъ не имѣетъ ни возможности, ни права именоваться и быть настоящимъ благочиннымъ.

Настоятель самой маленькой церковной общины не можетъ передѣлать всего своего дѣла, а наши о. о. благочинные обыкновенно занимаютъ огромные приходы съ 2—3 тысячами населенія. Если бы они все свое служебное время посвящали исключительно своему приходу, и тогда очень много нужнаго, важнаго осталось бы невыполненнымъ, а тутъ на нихъ лежитъ еще обязанность благочиннаго: нужно объѣзжать свой округъ, ревизовать, доносить, писать отчеты, получать и разсылать указы, ѣздить на сѣзды и т. д. и т. д.

Возможно ли все это выполнить?—выполнить хорошо, образцово, *благочинно*? Никакой благочинный не въ состояніи, какъ должно, выполнить всего этого.

Они и не выполняютъ.

Собственные приходы о. о. благочинныхъ нерѣдко находятся въ болѣе заброшенномъ состояніи, чѣмъ приходы рядовыхъ священниковъ. Иначе и быть не можетъ. У много благочиннаго свыше тысячи входящихъ и до тысячи исходящихъ бумагъ. Получить, прочитать, написать, разослать ихъ требуется время немалое.

Какъ пастырь, современный благочинный отнюдь не можетъ служить образцомъ для подвѣдомаго клира: онъ не имѣетъ для этого никакой возможности.

Нужно крестить, хоронить, вѣнчать, служить молебны, заниматься въ школѣ, бесѣдовать, а тутъ пришли „наистрожайшія“ бумаги, требующія „неукоснительнаго“ исполненія; одинъ за другимъ являются причеты съ отчетами, съ недоумѣніями, съ жалобами, съ прошеніями, нужно встрѣчать, провожать, свидѣтельствовать, учить малоопытныхъ батюшекъ мудростямъ бухгалтеріи. Гдѣ успѣть все это передѣлать

обычными человѣческими силами? Правда, передѣлывается многое, но передѣлывается формально, торопливо, кое-какъ, небрежно. Кое-какъ о. благочинный крестить, кое-какъ отслужить обѣдню, кое-какъ пробѣжить по приходу съ крестомъ или со святой водой. А рядовые батюшки смотреть и назидаются.

Часто благочинные не успѣваютъ выполнять самонужнѣйшихъ приходскихъ требъ даже кое-какъ. Въ этомъ случаѣ имъ помогаютъ сосѣдніе или прїѣзжающіе по дѣламъ службы священники. Одинъ славитъ, другой ходитъ со святой водой; прїѣзжавшій откуда нибудь батюшка крестить, налутствуетъ умирающаго, совершаетъ очередное богослуженіе. Объ истовости, уставности, благоговѣніи при этомъ не можетъ быть рѣчи: когда тутъ? въ своихъ приходахъ дѣла по-горло. Да благочинный этого и не требуетъ. Только бы поскорѣе. Пожалуйста поскорѣе, о. Иванъ! нужно читать, писать, ѣхать...

О. Иванъ старается, снискивая явное и преступное благоволеніе благочиннаго и вызывая зависть въ собратіи.

„Вы,—говорилъ недавно Харьковскій архипастырь благочиннымъ, — посредники между духовенствомъ и консисторіей, докладчики печальныхъ и хорошихъ событій, блюстители церковныхъ порядковъ не только въ своей Церкви, но и въ церквахъ всего благочинія, вы око архіерея. А если око не должно быть тусклымъ, кривымъ, а смотрѣть прямо, искренно, открыто, сердечно, справедливо, то и вы должны проявить эти же качества въ отношеніи къ епархіальной власти. Вы должны быть чужды карательности, гнѣва и мести. Къ сожалѣнію, мнѣ уже пришлось въ Харьковской епархіи наблюдать противное“ 1)...

„Противное“ наблюдается и во всей Россіи. Нынѣшніе благочинные не могутъ быть блюстителями церковныхъ порядковъ не только въ церквахъ всего благочинія, но и своей церкви. „Бѣда намъ съ батюшкой, — говорятъ о благочинномъ его собственныя прихожане, — совсѣмъ дома не живетъ: все у него дѣла да ѣзда“.

Мало хорошаго перейметъ отъ такого благочиннаго. подвѣдомый ему клиръ. Онъ не можетъ требовать отъ прочихъ образцоваго служенія, потому что и самъ далеко не образецъ. Какъ человѣкъ, онъ можетъ быть заслуживаетъ уваженія, но какъ пастырь, какъ благочинный, онъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, не можетъ требовать и отъ подчиненнаго духовенства того, чего долженъ требовать по закону.

1) Церк. Вѣд. 1903 г. № 47.

Чтобы благочинный могъ ввести въ подвѣдомыхъ приходахъ „благій чинъ“ онъ долженъ быть поставленъ въ наиболѣе благопріятныя условія для руководства пастырской дѣятельностью подвѣдомаго духовенства.

Все, не относящееся до этой цѣли, должно быть исключено изъ круга его обязанностей. Раскладка денежныхъ повинностей, сборъ денегъ, разсылка указовъ, повѣрка документовъ и т. п. дѣйствія внѣшняго канцелярско-бюрократическаго характера должны быть возложены на другое лицо.

Благочинный пусть будетъ только благочиннымъ. Ему необходимо быть безприходнымъ. Его приходомъ долженъ служить весь подвѣдомый ему районъ со всеміи, безъ исключенія, селами, хуторами, заводами, аулами. Все безъ исключенія населеніе —христіанское и не христіанское, православное и инославное, духовенство и міряне, —должны быть предметомъ его пастырскихъ заботъ.

Такъ какъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ миссіи благочиннаго является борьба съ бездѣятельностью и порочностью пастырей, то, очевидно, ему должна быть предоставлена власть съ необходимыми прерогативами полной независимости отъ подчиненнаго ему клира, права распоряженія и права нравственнаго воздѣйствія.

Свои полномочія онъ долженъ получать не отъ равныхъ, а отъ высшей іерархіи. Властью и отвѣтственностью въ ея употребленіи благочинный долженъ быть обязанъ епископу, какъ его „око“, какъ ближайшій помощникъ. Райономъ благочинія можетъ служить уѣздъ. Содержаніе благочинный долженъ получать не отъ завѣдуемыхъ имъ церквей, но отъ епархіи.

Лучшими кандидатами на должность благочиннаго несомнѣнно будутъ пастыри испытанные, знающіе жизнь народа, пастырскую среду, ея недостатки, потребности, психологію. Съ другой стороны, новобранный благочинный можетъ дѣйствовать съ большей авторитетностью и съ большимъ успѣхомъ, если мѣстомъ его служенія будетъ не прежняя среда, въ которой его новому служенію могутъ препятствовать прежде сложившіяся отношенія духовенства. Въ прежней средѣ ему будетъ чрезвычайно трудно бороться съ тѣми недостатками духовенства, которые раньше могли быть свойственны и ему.

Кромѣ того, *не бываетъ пророкъ безъ чести токмо во отчествіи своемъ.*

Свящ. М. Платоновъ.

Изъ воспоминаній миссіонера о преосвященномъ Иринеѣ, епископѣ Орловскомъ.

(По поводу первой годовщины со дня его кончины 10 апрѣля
1904 г.).

Смерть Преосвященнаго Иринея, бывшаго руководителя и покровителя екатеринбургской миссіи, застала меня совершенно „въ расплохъ“. Я все еще рѣшалъ вопросъ, принять или не принять мнѣ вторичное приглашеніе владыки перейти во ввѣренную ему Орловскую епархію.

Возможность имѣть дѣло съ 8-ю тысячами расколо-сектантовъ, вмѣсто 60-ти тысячъ, и перспектива службы вблизи родины ¹⁾ и подъ непосредственнымъ руководствомъ епископа, высоко смотрѣвшаго на дѣло миссіи, представлялась слишкомъ заманчивой. И вдругъ неожиданная смерть старца—архипастыря!.. Въ такія минуты и слово застываетъ на устахъ, и перо не свободно движется по бумагѣ. Но вотъ приближается уже годовщина первая со дня смертиприсно памятнаго владыки Иринея, и чувство утраты стало уже не такъ осязательно, хотя отдѣльные моменты все еще встаютъ въ воспоминаніи. Хочется запечатлѣть ихъ въ памяти.

Былъ второй день Рождества Христова ²⁾, и у владыки былъ назначенъ пріемъ. Я, только что оставившій духовно-учебную службу для дѣятельности на поприщѣ миссіи и уже назначенный на должность епархіальнаго миссіонера, также явился въ покои владыки.

На диванѣ въ гостинной сидѣлъ маленькій сѣденькій старичокъ съ черными живыми глазами. Одѣтъ онъ былъ въ черную бархатную рясу съ двумя прищѣпленными къ ней звѣздами; его окружали представители духовенства и мѣстныхъ гражданъ. Я

¹⁾ Моя родина во Владимірской губерніи.

²⁾ 1900 года.

подошелъ подъ благословеніе и не успѣлъ еще назвать себя, какъ владыка сказалъ, обращаясь ко всѣмъ: „вотъ къ намъ, кажется, и новый миссіонеръ прибылъ. Спасибо, что поспѣшили. Ну, а о дѣлахъ мы съ вами поговоримъ завтра, часовъ въ 7 или 8 утромъ“... Въ семь часовъ на другой день я былъ уже въ покояхъ владыки. Тотъ же добрый, живой владыка встрѣтилъ меня довольно привѣтливо.

— Вы были учителемъ?—спросилъ онъ.

— Да, преосвященнѣйшій владыка, отвѣчалъ я.

— Ну, миссіонерское дѣло посложнѣе будетъ. Придется распутывать „гордіевы узлы“, вразумлять заблуждающихся, убѣждать ихъ, что Церковь ужъ не такъ виновата предъ ними, какъ они думаютъ, а больше они провинились предъ нею.

Да и самихъ-то православныхъ нужно наставлять и наставлять въ вѣрѣ, чтобы не мѣшали главное со второстепеннымъ, полезное съ ничтожнымъ... Охъ, какъ у насъ все это перепуталось!.. А это вѣдь не легко... Дѣла не боитесь?

— Нѣтъ, преосвященнѣйшій владыка.

— И хорошо! будемъ работать вмѣстѣ, цотомъ вспоминать будете. Вотъ это захватите для ознакомленія на первый разъ.

Владыка показалъ при этомъ на большую стопу бумагъ, собранныхъ отъ причтовъ епархіи и содержащихъ въ себѣ: „описаніе состоянія расколо-сектантства по приходамъ за три послѣдніе года“.

— А какъ вы представляете себѣ званіе миссіонера? вдругъ неожиданно спросилъ преосвященный.

— Объ этомъ я желалъ бы узнать отъ вашего преосвященства, отвѣчалъ я. А у меня пока нѣтъ никакого опредѣленнаго представленія. Одно только мнѣ кажется несомнѣннымъ, что миссіонеръ въ основу своей дѣятельности долженъ полагать проповѣдь любви и единенія во Христѣ.

— Это хорошо вы сказали, замѣтилъ владыка.

Миссіонеръ безъ любви, „яко мѣдъ звеняща и кимваль звяцаѣя“. Самъ Господь нашъ по любви нашей будетъ познавать насъ. Хорошенько узнайте старообрядцевъ—увидите, что между ними много хорошихъ людей. Да не зовите ихъ *раскольниками*, они обижаются на это. Зачѣмъ раздражать напрасно. Особенно различайте самихъ руководителей и наемныхъ начетчиковъ. Это—люди наживы, не пренебрегающіе никакими средствами... Впрочемъ, и между этими есть умные и начитанные люди. Съ ними нужна большая осторожность... А себя вы должны представлять, какъ довѣренное при мнѣ лицо, какъ бы исполнителя особыхъ архіерей-

скихъ порученій по дѣламъ миссіи. Прочитайте синодальную „инструкцію“¹⁾: „епархіальные миссіонеры состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и дѣйствуютъ по его ближайшему указанію“. Безъ моего вѣдома вы не должны ничего дѣлать...

Въ этомъ родѣ долго говорилъ владыка, приготовляя миссіонера къ выступленію на новое для него поприще. Достоинно было вниманія, что онъ, по его же собственному сознанію, незнакомый съ дѣломъ противораскольнической миссіи, въ то же время ясно представлялъ всѣ трудности этого дѣла. Узнавъ, что я окончилъ курсъ въ кievской академіи и при этомъ не слушалъ „обличенія раскола“, владыка замѣтилъ: „значитъ, вы не знакомы съ обличеніемъ раскола? Будемъ учиться. Я и самъ знакомъ только съ сектантствомъ“. Свои слова о намѣреніи учиться владыка исполнилъ въ послѣдствіи: онъ учился или вѣрнѣе знакомился съ подпольной литературой раскола и со старопечатными книгами, пожалуй, внимательнѣе, чѣмъ это часто дѣлаютъ миссіонеры. Не довѣряя моимъ познаніямъ, владыка предварительно предложилъ мнѣ заняться проповѣдываніемъ въ городскихъ храмахъ на темы, избранныя имъ же самимъ. Впрочемъ, потомъ онъ скоро отказался отъ этого плана и разрѣшилъ мнѣ выступить и на публичной бесѣдѣ.

Но и на публичныхъ бесѣдахъ владыка не оставлялъ миссіонера безъ вниманія. По его приказанію на каждое публичное собесѣдованіе въ г. Екатеринбургѣ должны были являться чуть не всѣ представители городского духовенства, какъ онъ выражался, „для поддержанія самочувствія миссіонера и для большей торжественности, да и познакомиться отчасти“. Время предъ бесѣдой, по его мнѣнію, для миссіонера должно было быть абсолютнымъ покоемъ. Я сейчасъ представляю, какъ владыка буквально „ворчалъ“, на меня предъ первой бесѣдой въ г. Екатеринбургѣ, когда узналъ, что я, вмѣсто приготовленія къ бесѣдѣ, бѣгаю по городу, разыскивая подходящее мѣсто для бесѣды, самъ разношу объявленія и пр.

— Что вы, рассыльный что ли?—говорилъ онъ.

Вы должны теперь готовиться, а не бѣгать.

Да скажите о. о. протоіереямъ, чтобы они пріѣзжали на бесѣду, не лѣнились. А то въ прошлый разъ 1) вашъ предшественникъ

1) Умышленно или неумышленно „синодальныя правила объ устройствѣ миссіи“ владыка назвалъ инструкціей и въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ миссіонеру строго охранялъ его отъ всякихъ стороннихъ притязаній на начальствованіе надъ нимъ.

2) Владыка разумѣлъ бесѣду С. Н. Романовскаго съ г. Мельниковымъ.

одинъ на бесѣдѣ стоитъ, а раскольники тѣсной толпой обступили своего Мельникова. Это ужъ не хорошо.

Не менѣе владыка былъ внимателенъ и къ матеріальнымъ нуждамъ миссін. Послѣ бесѣды онъ разспросить до самыхъ мелочей: кто былъ на бесѣдѣ изъ духовенства, сколько было народу, кто возражалъ, но не забудеть при этомъ спросить: а кто тащить чемоданы? сколько дано извозчикамъ, носильщикамъ? сколько служителямъ? и т. д. Въ особенности не забыть мнѣ одного случая, въ которомъ обнаружилась вся доброта владыки и его безкорыстіе по отношенію къ деньгамъ. Въ одно время знакомый мнѣ часовенный начетчикъ, лишенный крова отцомъ или тестемъ (не помню), обратился ко мнѣ за помощію. Ему нужно было 10 рублей. Зная лично владыку, какъ человѣка добраго, отзывчиваго на нужду, а равно и мое сочувствіе къ себѣ, онъ просилъ меня достать ему необходимую сумму, частію удѣливъ отъ своего содержанія, а частію выпросивъ у преосвященнаго и Н. С. С—ва. Обратиться ко владыкѣ я не рѣшился, а равно нашеть неудобнымъ просить и у Н. С. См—ва, и хотѣлъ было уже послать десять рублей изъ своихъ средствъ. Но въ разговорѣ ¹⁾ со владыкой и протоіереемъ А. Колосовымъ о матеріальномъ положеніи этого начетчика мнѣ по необходимости пришлось высказать, въ удостовѣреніе его бѣдности, что онъ просилъ у меня 10 рублей. Владыка сразу какъ-то оживился.

— Что же вы, думаете послать?—спросилъ онъ.

Изъ какихъ же источниковъ? Изъ миссіонерскаго фонда нельзя. Онъ назначенъ для нуждающихся изъ обращенныхъ, а не для раскольниковъ.

— Я сказалъ, что и не рассчитывалъ на нашъ мизерный фондъ, хотѣлъ было послать изъ своихъ; что десять рублей меня не разоряютъ, а Богъ знаетъ, каковы будутъ послѣдствія этой, можетъ быть, единственной съ моей стороны жертвы.

Владыка разсмѣялся. Но нужно было слышать этотъ смѣхъ, чтобы опредѣлить его смыслъ и значеніе. Въ немъ была и ласка по отношенію къ миссіонеру и какая-то внутренняя радость. Очевидно владыка не ожидалъ, что его миссіонеръ можетъ проявить такое безстрастіе къ деньгамъ.

— Вотъ какой еще вы богачъ у насъ, говорилъ онъ, смѣясь. А я и не зналъ, что 10 рублей для миссіонера ничего не зна-

¹⁾ Владыка послѣ бесѣды указаннаго начетчика съ Перетрухинымъ высказалъ предположеніе, что онъ богатъ.

чать. Недаромъ я говорилъ 1), что вы денегъ считать не умѣете. Думаетъ, что 2000 рублей такія ужъ большія деньги, что и не прожить. Вѣдь съ прогонами получаете, а пенсіи нѣтъ. На что надѣтесъ?..

Я началъ оправдываться, что одному мнѣ получаемаго жалованья вполне достаточно, даже остается. Владыка, не говоря ни слова, всталъ и пошелъ въ кабинетъ. Смотрю: выходитъ оттуда и протягиваетъ мнѣ руку: „вотъ пошлите Арапову ради нашего общаго Спасителя, да не пишите, что отъ меня. А свои денежки на черныи день берегите, не знаете еще что впереди будетъ“.

А вотъ и другое доказательство того, что владыка Приней искренно заботился объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ екатеринбургской миссіи.

На рѣшеніе епархіальнаго съѣзда 1901 года между прочимъ былъ предложенъ вопросъ о постройкѣ епархіальнаго дома. Въ ряду другихъ соображеній о необходимости постройки было указано и то, что мѣстная миссія не имѣетъ помѣщенія ни для собесѣдованій ни для библіотеки. Какъ извѣстно, съѣздъ не согласился на постройку дома. Владыка хотя и утвердилъ журналъ съѣзда, былъ крайне недоволенъ отказомъ о. о. депутатовъ отъ духовенства. Лично мнѣ онъ высказалъ это недовольство въ слѣдующей формѣ. Утромъ, въ день утвержденія журналовъ съѣзда, я пришелъ ко владыкѣ съ журналомъ миссіонерской комиссіи о созваніи епархіальнаго съѣзда миссіонеровъ. За недѣлю предъ этимъ владыка самъ же высказалъ мнѣ желаніе созвать епархіальный съѣздъ миссіонеровъ. Но когда я вошелъ въ домъ, онъ встрѣтилъ меня, вопреки обычаю, съ недовольнымъ видомъ.

— Вы кто такой?—спросилъ онъ.

Я былъ отчасти смущенъ неожиданнымъ и необычнымъ вопросомъ, но не растерялся и самымъ серьезнымъ тономъ отвѣчалъ: „Епархіальный миссіонеръ, ваше преосвященство“.

— Кому вы служите?—снова послышался вопросъ.

— Самое уже названіе мое „епархіальный миссіонеръ“ показываетъ, что я служу епархіи,—отвѣчалъ я.

— А кому вы нужны?

— Думаю, ваше преосвященство, что и нуженъ прежде всего для епархіи, а потомъ для васъ, иначе вы не назначили бы меня миссіонеромъ.

1) Было сказано председателю епарх. училищ. совѣтъ прот. В. А. Гагинскому по поводу порученія Совѣта миссіонеру проревизовать суммы отдѣленія.

— Тутъ владыка не выдержалъ, разсмѣялся и сказалъ:

„Мнѣ-то вы нужны, да епархіи-то не нужны! Слышали, какъ о васъ разсуждали на съѣздѣ. Вся ваша миссія, говорить, къ нуждамъ епархіи не относится“...

— А это что у васъ? Журналъ комиссій? Что же, рѣшили созвать съѣздъ?

— Да, владыка, отвѣчалъ я, нашли полезнымъ обмѣняться мнѣніями, по крайней мѣрѣ, хотя съ председателями комитетовъ.

— А я думаю, продолжалъ владыка, не стоитъ и путаться съ ними. Вы думаете—наши отцы понимаютъ нужды миссій и сочувствуютъ ей?..

Такъ вопросъ о нашемъ съѣздѣ и остался открытымъ.

Внимательно относясь ко всѣмъ дѣламъ епархіи и лично направляя ихъ, преосвященный Приней находилъ время и большой интересъ и въ личномъ знакомствѣ съ руководителями старообрядцевъ. Я и доселѣ съ благоговѣніемъ вспоминаю, какъ поздно ночью, когда многіе уже отдыхали отъ трудовъ своихъ, я приходилъ къ нему съ прїѣзжавшими ко мнѣ старообрядческими начетчиками или старичками и отнималъ покой у старца-архипастыря, такъ необходимый ему въ его лѣта. Никогда я не осмѣлился бы беспокоить владыку и безъ того обремененнаго многосложными обязанностями, если бы не зналъ, что эти посѣщенія доставляютъ ему удовольствіе и нравственный отдыхъ.

Вотъ сидимъ мы въ залѣ за столомъ: владыка, я и старообрядецъ, въ простой рубахѣ съ поясомъ. Преосвященный, прочитавъ 10 главу изъ евангелія Іоанна, изображаетъ состояніе православныхъ и заблуждающихся, при этомъ наглядно чертитъ на бумагѣ дворъ, за оградю котораго находятся прелазящіе „инудѣ“ пастыри и руководители старообрядцевъ. А мой старообрядецъ, запустивъ руку за рубаху и почесывая тамъ, замѣчаетъ: „Я думалъ епископы-то у васъ ничего не понимаютъ побесѣдовать-то, а ты вотъ умѣешь“... Владыка вскинулъ на меня глазами и сказалъ: „кто это имъ внушаетъ такія мысли?“ Затѣмъ, обращаясь къ старообрядцу, прибавилъ: „какъ же не умѣемъ бесѣдовать! вѣдь насъ тоже учать. А старообрядецъ, не смущаясь, продолжалъ высказывать свои соображенія:

— Что-жъ что учать. Нынѣ много чему учать.

Священники у васъ всѣ ученые, а все миссіонеры бесѣдуютъ съ нами неучеными. Вотъ мы и думаемъ: епископъ у себя дома сидитъ, значить не можетъ съ нами поговорить отъ Писанія.

Долго они еще разсуждали на эту тему. Я больше молчалъ. Наконецъ владыка спросилъ собесѣдника: „вотъ миссіонеръ, какъ вошли вы, помолился и принялъ у меня благословеніе.

А ты не сдѣлалъ ни того ни другого. Что же, значить, я еретикъ, и иконы у меня еретическія?“

Старообрядецъ смутился. Очевидно ему больно было обидѣть столь добраго и внимательнаго архипастыря. А владыка продолжалъ:

— Ну, подойди сюда. Посмотри на эту икону.

Можно ей молиться?

Старообрядецъ, разсмотрѣвъ икону, замѣтилъ уклончиво:

— Кто знаетъ? письмо доброе, а все же „нынѣшнее“, а нынѣ мастера есть всякіе.

Ну вотъ сюда подойди,—опять продолжалъ владыка—и подвель его къ иконѣ, поднесенной ему тульскими старообрядцами.

Тутъ ужъ не выдержалъ старообрядецъ и, истово перекрестившись, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „ничего не скажешь, хорошая икона и письма стариннаго“...

До полуночи продолжалась наша бесѣда. Когда мы уходили, владыка, не имѣвшій обычая ужинать, высказалъ сожалѣніе, что не можетъ накормить заѣзжаго старообрядца, и попросилъ меня не оставить его голоднымъ и безъ пріюта. Послѣ этого посѣщенія старообрядецъ всю ночь дѣлился со мною своими впечатлѣніями и до самаго утра не давалъ мнѣ покоя.

Припоминается мнѣ и другой случай, когда также ночью я приходилъ ко владыкѣ съ обратившимся потомъ австрійскимъ іереемъ. Преосвященный по болѣзни не принималъ никого съ дѣлами. У меня тоже болѣло горло. Но опасеніе, какъ бы владыка послѣ не сталъ выговаривать мнѣ, побудило меня, не смотря на все это, отправиться къ нему съ пріѣхавшимъ ко мнѣ изъ завода раскольничьимъ іереемъ. Я никакъ не предполагалъ, что мы будемъ приняты.

Но только доложили о насъ, весь домъ освѣтился, вышелъ келейникъ и сказалъ: „владыка боленъ, поэтому просить пройти къ нему во внутреннія комнаты“. Мы прошли. Усадивъ насъ около себя, владыка, сильно кашляя, долго защищалъ православную Церковь отъ нападковъ старообрядцевъ, при чемъ говорилъ откровенно, не скрывая недостатковъ и пастырей православныхъ. Въ заключеніе онъ обратился къ австрійскому іерею:

— Ну вотъ вашъ злобный Усовъ въ своей книжкѣ ¹⁾ нагаль на насъ и обругать насъ всячески, хуже всякихъ еретиковъ поставилъ; скажите по совѣсти, увѣрены вы въ своей правдѣ?

Вопреки моимъ ожиданіямъ, собесѣдникъ не только не сталъ защищать книгу Усова, но откровенно признался, что онъ давно ужъ сомнѣвается въ законности своего священства и страшится при мысли, что онъ самозванецъ, обманщикъ. Со слезами на глазахъ онъ началъ рассказывать о тѣхъ беззаконіяхъ, какія творятся въ обществѣ австрійскихъ старообрядцевъ, какъ все это мучаетъ его по временамъ...

Владыка взволновался и началъ успокаивать своего гостя, совѣтуя ему скорѣе оставить „свою лукавную церковь“. Уходя, австрійскій іерей принялъ благословеніе отъ православнаго епископа и рѣшилъ немедленно присоединиться ²⁾ къ обществу православныхъ.

А какую любовь и вниманіемъ пользовались со стороны владыки единовѣрцы, это было извѣстно всякому въ г. Екатеринбургѣ. Заботы о нихъ напоминали заботы нѣжной матери о своемъ любимомъ дѣтищѣ. Владыка ясно сознавалъ все значеніе Единовѣрія въ дѣлѣ миссіи. Оно было для него нагляднымъ обличіемъ оправданія старообрядцевъ, что православная Церковь измѣнила старые обряды. Потому-то и не любилъ владыка лукавнующихъ священниковъ, смотрѣвшихъ на Единовѣріе, какъ на средство пробраться въ болѣе доходный православный приходъ. Не забыть мнѣ, какъ онъ возмущенъ былъ до глубины души заявленіемъ священника с. С., что онъ—православный и не можетъ молиться „раскольническимъ“ перстосложеніемъ.

— Да, говорилъ владыка мнѣ и жаловавшимся представителямъ единовѣрцевъ,—нужно было мѣсто священника, онъ былъ единовѣрецъ искренній, понималъ и различіе между догматомъ и обрядомъ. А теперь нужно перебраться на болѣе спокойное и доходное мѣсто, опять православнымъ сталъ. Да развѣ православіе то въ этомъ заключается! Вотъ и миссіонерствуйте теперь среди раскола! А вы, г. миссіонеръ, разъясните этому отцу, что за подобное православіе я или назначу его во псаломщики или совѣмъ

¹⁾ Разумѣется только что вышедшая тогда въ Черновцахъ книга „Церковь Христова временно безъ епископа“.

²⁾ Потомъ болѣзнь жены и дѣтей, а также угроза екатеринбургскихъ заправиль и матеріальныхъ соображенія замедлили его обращеніе на вѣсколько мѣсяцевъ. Но все же онъ исполнилъ свое намѣреніе.

уволю. Разстроить приходъ и воображаетъ, что ему архіерей долженъ дать мѣсто въ кафедральномъ соборѣ! Хороши же, миссіонеръ, у васъ члены миссіонерскихъ комитетовъ!!

Я началъ было защищаться, утверждая, что есть и хорошіе, искренно желающіе по мѣрѣ силъ своихъ что-либо сдѣлать. Но владыка, разстроенный уже, не желалъ выслушивать моихъ оправданій и сразу прервалъ мою рѣчь, замѣтивъ: „мы только желаемъ, это ужъ очень легко! Обломовъ много хорошаго желалъ сдѣлать, а такъ и провалялся всю жизнь на кровати безъ пользы“. Послѣ этого владыка началъ успокаивать единовѣрцевъ и обѣщаль обратитъ особенное вниманіе на ихъ жалобу...

Требовательный по отношенію къ единовѣрческимъ священникамъ въ смыслѣ точнаго исполненія ими единовѣрческаго обряда, преосвященный Иринеѣ въ этомъ отношеніи не менѣе былъ требователенъ и къ себѣ самому. Съ какою внимательностію онъ изучалъ всѣ особенности устава единовѣрческой службы предъ литургіей, совершенной имъ 13 мая 1901 года въ Св.-Троицкой единовѣрческой церкви,—это извѣстно руководителямъ екатеринбургскихъ единовѣрцевъ.

Не удивительно послѣ этого, что почившій владыка пользовался любовью и расположеніемъ къ нему не только со стороны православныхъ и единовѣрцевъ, но и со стороны многихъ искреннихъ старообрядцевъ. Мнѣ самому пришлось быть невольнымъ слушателемъ сокрушенія старообрядцевъ деревни Лан, когда они узнали отъ меня, что владыка нарочно проѣзжалъ чрезъ ихъ деревню и что вслѣдствіе ихъ отсутствія онъ остался увѣренъ въ ихъ нежеланіи его видѣть. Старообрядцы въ одинъ голосъ начали рассказывать, какъ они смотрѣли изъ переулка на уважаемаго ими архіерея, когда онъ, выйдя изъ кареты, переходилъ ихъ ненадежный мостикъ. Въ заключеніе они просили меня сообщить объ этомъ преосвященному, что я и исполнилъ въ своемъ письмѣ ко владыкѣ уже послѣ перевода его на Орловскую кафедру.

Да будетъ вѣчная память почившему архипастырю—радѣтелю миссіи, съ удивительною ясностью разумѣвавшему всю важность и трудность этого служенія въ Церкви, съ сердечною чуткостью и отзывчивостью относившемуся къ дѣятелямъ миссіи!

А. Обтеперанскій.

Памяти о. архимандрита Павла.

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины † 27 апрѣля 1895 г.).

Дивный старообрядческой наставникъ, инокъ о. Павелъ, въ Пруссіи такъ утверждалъ свою братію устно и письменно: „Евангеліе вѣчно есть, а не на время дано есть, и всякаго, чуждаго Господня учительства, гласа всегда отбѣгати подобаетъ. Подобаетъ вся непереступно хранить Евангеліемъ и апостолы преданная, и не достоинъ ради преданій человѣческихъ отметати заповѣдь Божію. Божественнымъ Писаніемъ именуются апостольскія и пророческія книги; божественныхъ же отецъ писанія именуются отеческимъ преданіемъ. Господня заповѣди предпочитати достоинъ, по второму же—человѣческія преданія полагати. Правый путь вѣры и житія не отъ содержанія старыхъ и долголѣтнихъ обычаевъ, или знаменитыхъ мѣстъ, подобаетъ размаривати и рассуждати и познавати, но отъ божественнаго Писанія. Иже еще заповѣди Господни не соблюдаютъ люботруднѣ, о отеческихъ же преданіяхъ упражняются, таковіи челоукоугодія ради дѣлають и сего ради мучими будутъ. Противу гласа Господня еще бы и глаголали нѣщии отцы святіи, но нѣсть противостоятеленъ и всея твари гласъ противу гласа Зиждителя твари. Яже, по забвенію, нѣкими отцами нѣчто противно Евангелію речено, хотяй же то утвердити извѣтомъ мнѣнія отецъ, таковой порочитъ всѣхъ отецъ ликъ и безчеститъ общаго Владыку всѣхъ, гласъ Его превращая. Нѣщии отцы по недоумѣнію, а не по распрѣ и упорству, нѣкая здравому ученію рѣша несогласная: не баше тогда, кто бы наставилъ ихъ; и сего ради мужи оны святіи приѣмлются; ученіе же ихъ, еже что, по недоумѣнію, рѣша несогласно съ Евангеліемъ,—нѣсть нужда тако приѣмати. Не смотрѣти глаголющаго достоинство, еще и величье нѣщии будутъ и достославни, и житія святостію сіяюще, и чудеса прославляеми; но глаголемое еще будетъ отъ божественнаго Писанія, приѣмати и послушати съ любовію, еще же будутъ глаголемая противна божественному Писанію, то отвращатися и бѣгати и

не внимати. Иже аще нѣкоторіи святіи отцы, по забвенію, нѣчто противно Евангелію и рѣша, хотящій же тоє ихъ мнѣніє утвердити, тіи, якоже Хамъ отцегугатель, ругаютья отцемъ, не покрывая наготы отеческія“. Такъ училъ онъ „не отъ своего смышленія, но отъ преданій богоносныхъ отецъ, якоже церковніи свѣтильниці и учителя свои писавъми“ научили, ученіє которыхъ и

„Не за мной, но за Евангеліємъ идите“.

Архимандритъ Павелъ въ молодости.

приводилъ („Царскій путь“). Слово же Божіє онъ такъ хорошо зналъ, что для отысканія въ Библии нужныхъ мѣстъ никогда не справлялся по симфоніи. А чтобы лучше изучить самое святое Евангеліє, онъ, какъ сказывалъ мнѣ, переписалъ его для себя по-славянски, и, несомнѣнно, зналъ его все напам'ять. Такимъ

образомъ онъ достигъ вѣры въ Евангеліе, которая указала ему „царскій путь“. Идя по сему пути и не уклоняясь „ни на-десно, ни на-шуе“, онъ естественно пришелъ къ св. католической Церкви, которую искалъ всѣми силами души своей и объ обрѣтеніи которой молился вмѣстѣ съ своей монастырской братіей. А когда обрѣлъ Церковь, онъ скорѣе готовъ былъ разстаться съ своей любимой братіей, нежели съ евангельскимъ ученіемъ и Церковію, и торжественно воскликнулъ свои знаменитыя слова: „не за мной, но за Евангеліемъ идите!“ Вступилъ онъ въ св. Церковь на 48-мъ году своей жизни, будучи еще въ полной силѣ, хотя болѣзненный, изнуренный подвигами и великою скорбью и смятеніемъ своей души, а скончался на 75-мъ году, но по виду уже совершенно авраамскимъ старцемъ. И это отъ безмѣрныхъ апостольскихъ подвиговъ, подробно характеризовать которые здѣсь не время и не мѣсто. Его апостольскіе труды и подвиги по достоинству оцѣнить исторія. Въ настоящій разъ мысль моя останавливается на личныхъ воспоминаніяхъ аввы; однако не напрасно я привелъ тираду изъ его ученія. Вся наша противораскольническая миссія, ученые и простецы, пишущіе и просто бесѣдующіе,—еще не достигла „царскаго пути“ приснопамятнаго отца архимандрита; она стоитъ на пути раскольническаго бунтовѣдства и казуистики: миссіонеры не возвышаютъ смѣло евангельскій голосъ противъ какого-нибудь личнаго произвольнаго мнѣнія Іеронима или подобнаго ему учителя, или даже писателя какой-либо нашей полемической книги до-никоновскихъ и послѣ-никоновскихъ временъ, и т. п...

Но, повторяю, я сейчасъ не итоги подвожу миссіи, а лишь вспоминаю славнаго мужа и отца нашего духовнаго рода. Вѣдн и я, наименьшій изъ всѣхъ, „былъ его ученикомъ и возливалъ воду на руки ему“, какъ говоритъ одинъ изъ величайшихъ отцевъ о своемъ учителѣ. Прошло десять лѣтъ послѣ кончины отца архимандрита, но день его кончины — какъ бы вчерашній. Ощущаю его послѣднее, въ день смерти, благословеніе съ твердымъ, необыкновеннымъ для умирающаго, положеніемъ на мнѣ крестнаго знаменія. Звучать въ душѣ панихидой его послѣднія слова ко мнѣ: „Господи помилуй“... Живо представляю его предсмертныя тѣлесныя страданія и затѣмъ тихую кончину и до самой кончины свѣтлый взглядъ его прекрасныхъ глазъ, который я старался уловить. Какъ бы теперь цѣлую его опустившуюся смертнующую десную руку (что мнѣ тогда воспрещать одинъ изъ іереевъ). Люблю я его святую обитель-Никольскій единовѣрческій монастырь. Многое можно въ ней хвалить; но, оставивъ

все это, я люблю ее за то, что отецъ архимандритъ въ ней подвизался, писалъ, бесѣдовалъ съ нами и со всѣми приходящими изъ близкихъ и далекихъ странъ, и жизнь свою кончилъ въ ней. И обитель этимъ знаменита болѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ. Она озаряла всѣ концы Россіи этимъ ярко горѣвшимъ и тепло свѣтившимъ свѣтильникомъ. Изъ нея будетъ восхищенъ онъ въ Срѣтеніе Господне...

Кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ рукѣ отца архимандрита, или прильнуть къ гробу и увидѣть прахъ его тѣла, которое было исполнено страданій Христовыхъ, носило язвы Христовы, повсюду посѣяло проповѣдь, — прахъ тѣла, въ которомъ онъ обтекъ всѣ мѣста заблудшихъ нашихъ братій, прахъ тѣла, посредствомъ котораго вѣщаль Христосъ, возсіялъ блистательный свѣтъ среди тьмы раскола, возгремѣлъ гласъ, бывший для раскольниковъ ужаснѣе всякаго грома! Я желалъ бы видѣть и разрушившееся его сердце, которое воспламенялось противъ каждаго изъ погибающихъ и, по апостолу, вторично мучилось болѣзнями рожденія о чадахъ, родившихся несовершенными, которое видѣло Бога, какъ сказано: *блаженни чисти сердцемъ, яко тии Бога узрятъ*, которое было жертвою: — *жертва Богу душъ сокрушенъ*. Я болѣе всего желалъ бы имѣть у себя (но не получилъ) его келейную св. икону Господа Вседержителя съ Евангелиемъ въ десницѣ, раскрытымъ на словахъ: „не судите на лица зряще, сынове чловѣчестіи, но праведный. судъ судите“. Я желалъ бы видѣть и цѣловать то, несохранившееся у него св. Евангеліе, которое онъ списалъ своею рукою и которое указало ему „царскій путь“. И смотрите, какъ онъ поощряетъ, возбуждаетъ и укрѣпляетъ всѣхъ насъ: „не за мной, но за Евангелиемъ идите“!

Итакъ, размысливъ все это, будемъ мужественны; не будемъ только удивляться ему, не станемъ только изумляться предъ нимъ, но и будемъ подражать ему, чтобы по отшествіи отсюда намъ удостоиться узрѣть его и вмѣстѣ съ нимъ достигнуть неизреченной славы, достигнуть которой да будетъ дано всѣмъ намъ.

Е. З.

За честь русскую.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ храмъ объявленъ Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Японіей. Народу рассказано о коварномъ нападеніи непріятеля на нашъ флотъ. Взволнованный расходился народъ отъ обѣдни; тамъ и сямъ останавливались гурьбой и толковали, и разсуждали все про войну; много и сильно негодовали на врага за его коварство.

— Вишь ты! — говорилъ отставной солдатъ, изъ дѣлавшихъ турецкую кампанію: вишь, что выдумалъ? — хуже турки выходитъ этотъ самый японецъ! — безъ объявленія войны нападать врасплохъ! — да развѣ это порядки? — а? изъ-за угла-то всякій сможетъ! Это, братъ — японецъ, не честь тебѣ. Ну, да погоди, дай сроку! Ужъ раздѣляется Царь-батюшка съ тобой за твое это самое коварство!

— А много теперь, дяденька, силы положить, много міру — народу положить! — замѣтилъ молодой малый.

— Ахъ ты, чего каркаешь, — ворона? Ну положить, такъ чтожь? — безъ того война ужъ не обходится, чтобы не класть силы, только не зря же положить. Такъ зря и воевать-то не сталъ бы Царь-батюшка, не сталъ бы онъ губить свое православное воинство, а коли объявилъ войну желтолицему врагу, такъ, стало быть, такъ и надо. Развѣ ты не слыхалъ, какъ батюшка разъяснилъ, что японецъ этотъ самый нанесъ безчестіе, оскорбилъ нашего миролюбиваго Царя, оскорбилъ всю нашу Россію? А понимаешь ты, юноша, что значить эта самая честь? — понимаешь, что значить честь солдата, честь офицера, честь полка? — а? понимаешь?.. А тутъ оскорблена честь цѣлаго славнаго государства! Знаешь ты это, али нѣтъ? — сверкалъ Савеличъ глазами.

— Да, я, дяденька, такъ, къ слову, сконфузился юноша.

— То-то! — къ слову! — а къ чему такое слово? Ну и положить силы, ну и что-же? Чай не клиномъ сошлась земля русская! Ну

и положить, только положить за честь цареву, за честь русскую, за вѣру православную! Только и ему, этому самому японцу, не поздоровится, потому развѣ не били мы и француза, и турка, и поляка?—а? Небось, узнаетъ и желтолицый русскій штыкъ!

— Долго бы еще негодовалъ Савеличъ, долго бы слышалась его грозная солдатская рѣчь, да только не предъ кѣмъ было ему негодовать, потому что скоро всё разошлись по домамъ, а разошлись потому, что знали, что ежели Савелича тронь, ежели честь эту самую солдатскую растреможь, такъ Савеличъ, пожалуй, и кулакъ въ дѣло пустить, потому, что касасямо чести, такъ тутъ Савеличъ—бѣда! Тутъ ужъ плохіе разговоры“...

— И оживилась сѣрая деревенская жизнь все тѣмъ же интересомъ къ войнѣ. На селѣ кое-кто почитывалъ газеты, а теперь міръ рѣшилъ выписать газету на общественный счетъ, чтобы „самимъ хоть краемъ уха слышать что-нибудь“, чтобы хоть сколько-нисколько, а знать про дѣла на Дальнемъ Востокѣ. Вотъ ужъ узнали кое-что. Вотъ ужъ слышатся имена Макарова, Стесселя, Куропаткина и другихъ; вотъ ужъ стали сознавать, что „врагъ хитеръ, ловокъ, что и сила у него есть, что шапками его не закидаешь“. Даже мальчишки забросили свои игры и больше играютъ въ войну, въ которой только „по кону“, и то неохотно, одна партія изображаетъ японца... Мальчишки играютъ въ войну, взрослые все серьезнѣе и серьезнѣе относятся къ ней, а бабы, такъ тѣ ужъ начинаютъ всхлипывать, кто по сынку-солдату, кто—по братѣ, племянникѣ.—„Погонять, пожалуй, и запасныхъ, говорили иные: на турку тогда брали; погонять, что сиротъ-то останется!—хозяйству раззоръ! Охъ, горе горькое!“—„Небось и у врага тоже есть жены и дѣти, говорили другіе: тоже и имъ, небось, не сладко“.

Наконецъ объявлена мобилизація, и изъ села пришлось идти семи-восми запаснымъ. Много было слезъ пролито, много, много проклятій (нечего грѣха таить!) было послано по адресу желтолицаго косоглазаго врага, но и провожавшіе, и провожаемые въ одинъ голосъ говорили: чтожъ тяжело, что и говорить, только надо постоять за Царя, за отечество, за вѣру православную; а жень и дѣтей міромъ прокормимъ, въ хозяйствѣ пособимъ да и Царь не оставитъ сиротъ, а Господь имъ помощникъ и покровитель; не даромъ вѣдь говорится: „за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ“...

Отслужилъ батюшка молебень запаснымъ, сказалъ имъ слово, благословилъ ихъ на брань; помолился и міръ и проводилъ запасныхъ, щедро надѣливъ ихъ на дорогу. И снова попрежнему

потекла сельская жизнь. Толковали о войнѣ, молились въ храмѣ о побѣдѣ надъ врагомъ, возглашали вѣчную память на брани убиеннымъ и многая лѣта христолюбивому воинству. И все это: и война, и проводы родныхъ, и эти моленія — все это казалось такъ естественнымъ, необходимымъ, хотя и печальнымъ, необходимымъ, вынужденнымъ. И всѣ говорили, что, правда, хорошо, покойно въ мирное время, но что разъ война, а съ нею разныя невзгоды, лишенія, такъ, стало быть, на то воля Божія да распоряженіе Царевю; такъ въ простотѣ сердечной думали и говорили прямолинейные настоящіе русскіе православные, но не такъ смотрѣли на это бывшіе въ сельѣ десятка два штундистовъ, зараженныхъ къ тому же еще ученіемъ толстовскимъ. Эти послѣдніе находили войну дѣломъ богопротивнымъ, грѣшнымъ, запрещеннымъ въ законѣ Божіемъ; обвиняли Церковь православную за ея благословенія на войну, за ея моленія о побѣдѣ надъ врагомъ.

— Вы теперь разсудите, братіе, говорилъ ярый штундо-толстовецъ въ толпѣ мірской: сказано въ законѣ „не убій“, а на войнѣ кровь проливаютъ, тысячи губятъ, да къ тому же страну раззоряютъ, развѣ такія дѣла отъ Бога? — развѣ такъ дѣлаютъ настоящіе христіане?

— А если врагъ обижаетъ насъ?—спросилъ Савеличъ.

— Ну чтожъ?—снеси обиду, уступи ему.

— Та-акъ!—протянулъ Савеличъ: вотъ Наполеонъ хотѣлъ весь міръ покорить, въ Москву приходилъ, Россію хотѣлъ взять, чтожъ? отдать надо было ему всю Россію безъ боя? — такъ по твоему? Вотъ турка мучилъ христіанъ, убивалъ младенцевъ, чтожъ?—пушай его мучаетъ! Не надо было и заступиться? Надо было смотрѣть, какъ льется кровь христіанская, какъ бусурмане ругаются надъ вѣрой Христовой? Теперь японецъ чего-то хочетъ,—хочетъ, можетъ, Сибирь у насъ взять, перешагнуть за Уралъ, да оторвать добрый кусокъ отъ Россіи, такъ и ему отдать все это? На, мошь, владай, потому у насъ много, а твоя страна маленькая. Такъ, что-ли, свести обиду-то?

— Да вѣдь сказалъ же Господь: „не убій“, а на войнѣ убиваютъ; сказалъ Господь: „не противься злomu“? — продолжалъ толстовецъ.

— Ты погоди, а впередъ скажи на-прямки: отдать что-ли японцу полъ-Россіи?—а?

На-прямки толстовецъ не отвѣчалъ, а, хитро улыбаясь, продолжалъ: „да вѣдь не отъ Бога же война, потому что Богъ называется княземъ мира, Богомъ любви, а тутъ какой же миръ, какая любовь, когда и штыками другъ дружку пыряютъ, и изъ

пушекъ палать, и всячески стараются разорвать другъ друга на клочки! Такъ развѣ это дѣло Божіе? Этакъ и звѣри-то мирнѣе живутъ, а тутъ еще христіане!—и толстовецъ торжествующе повелъ глазами по толпѣ.

Савеличъ, однако, не смутился, а сказалъ: „такъ на-прямки ты не сказалъ, отдать Россію японцу или нѣтъ? А на-прямки потому ты не отвѣтилъ, что нельзя тебѣ этого сказать, а сказать нельзя потому тебѣ—сектанту, что не въ вашей волѣ это сдѣлать, что маловато васъ, что есть еще, слава Богу! на Руси и слуги вѣрные Царевы, и дѣти матушки Церкви православной, и постоятъ они за вѣру и Царя, и за родную свою Русь. А вамъ что? Вамъ хотъ подъ нѣмца пойти, потому вѣра ваша схожа съ ихней; вамъ хотъ подъ француза, потому врядъ-ли вы и въ Бога-то по настоящему вѣрите, вамъ вовсе не будь православной Руси!

— Напрасно, Савеличъ, такъ говоришь, обидѣлся толстовецъ: мы вѣдь вѣрноподданные Царя, и наши дѣти тоже сражаются на войнѣ, и не язычники мы какіе!

— А тогда къ чему же ты рѣчь-то велъ?

— Да вѣдь правда, Савеличъ, не скажешь же ты, что война отъ Бога.

— Я скажу, что война отъ Бога.

— Вотъ какъ онъ, братцы! Онъ Бога-то злодѣемъ какимъ-то ставитъ!—ехидничаль толстовецъ.

— Стой, погоди маленько, — спокойно продолжалъ Савеличъ: сказалъ Самъ Христось Спаситель, что „безъ воли Отца Небеснаго и волосъ не упадетъ съ головы человѣческой“, а если такъ, то ужъ и война бываетъ не безъ воли Его, потому и Церковь благословляетъ на войну, что знаетъ она, что и война посылается отъ Бога однимъ для наказанія, другимъ для вразумленія, а инымъ въ испытаніе.

— Мудрено это что-то, Савеличъ! То Богъ не велитъ убивать, то Онъ же посылаетъ войну.

Савеличъ, дѣйствительно, не нашелся, что сказать, ему это не казалось мудренымъ, но разъяснить это кажущееся противорѣчіе онъ не могъ. Его выручилъ учитель, давно незамѣтно подошедшій и слушавшій эти разсужденія: „Ничего мудренаго тутъ нѣтъ, говорилъ учитель: Богъ не велѣлъ убивать человѣка вольно, безъ необходимости, съ цѣлью, на примѣръ, грабежа, по злобѣ, ненависти, кровожадности, какъ дѣлаютъ разбойники, и т. п., но на войнѣ убиваютъ по необходимости, по нуждѣ, съ цѣлью самозащиты, самосохраненія, защиты себя, своихъ согражданъ, защиты невинныхъ младенцевъ, для сохраненія своихъ

правъ на свою вѣру, на свое государственное устройство, оттого и говорятъ: „иду сражаться за вѣру, Царя и отечество“; — иду „сражаться“, а не убивать, иду *трудью защитити*, т. е. самъ подвергаюсь опасности быть убитымъ въ защитѣ. Итакъ убійство на войнѣ есть *невольное, вынужденное, нежелательное, но необходимое*.

— Мудрено это, господинъ учитель.

— Кому дана заповѣдь „не убій“?—спросилъ учитель.

— Евреямъ.

— Такъ убивать имъ Господь запретилъ, а о войнѣ Онъ вотъ что говоритъ: „И сказалъ Господь Моисею, говоря: отмсти мадіанитянамъ за сыновъ израилевыхъ... И сказалъ Моисей народу, говоря: вооружите изъ себя людей на войну, чтобъ они пошли противъ мадіанитянъ совершить мщеніе Господне надъ мадіанитянами... И пошли войною на мадіама, какъ повелѣлъ Господь Моисею, и убили всѣхъ мужескаго пола“... (Числ. 31, 1—7). Вотъ война по повелѣнію Бога, и всѣ народы ханаанскіе повелѣлъ Господь истребить евреямъ, и Моисей зналъ это, и Иисусу Навину сказано: „не бойтесь ихъ (разныхъ царей ханаанскихъ), ибо Господь Богъ вашъ *Самъ сражается за васъ*“ (Втор. 3, 22).—*И священники должны были благословлять на войну*: „когда же приступаете къ сраженію, тогда пусть подойдетъ священникъ и говорить народу...: Слушай, Израиль, вы сегодня вступаете въ сраженіе съ врагами вашими, да не ослабѣетъ сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь ихъ, ибо Господь Богъ вашъ идетъ съ вами, чтобы сразиться за васъ съ врагами вашими и спасти васъ“ (Втор. 20, 2—5).—*Даже сама природа помогала евреямъ въ истребленіи враговъ*; такъ по слову Иисуса Навина „остановилось солнце и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ“ (I. Нав. 10, 13).

— Все это я знаю, господинъ учитель, не увимался толсто-вецъ: но то было въ ветхозавѣтныя времена до Христа, а Христосъ сказалъ: „вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай: кто же убьетъ, подлежитъ суду. А я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду“ (Мѣ. 5, 21—22).—Видите: подлежитъ суду Господню не только убивающій, а даже гнѣвающійся напрасно на своего ближняго; а вы еще и войну защищаете!

— Приведенными словами нисколько ты не опровергаешь моего мнѣнія о войнѣ. Господь сказалъ, что подлежитъ осужденію *гнѣвающійся на брата своего напрасно*, т. е. такъ, какъ я прежде сказалъ тебѣ, слѣдовательно, и убивающій *напрасно*.—*вольно*, а не на войнѣ, которая вынуждена.

— Но и вынужденной войны Христось не благословлялъ, опять сказалъ толстовецъ: когда ап. Петръ вступился за Христа и ударилъ мечомъ раба первосвященникова, то Господь сказалъ: „возврати мечъ твой въ его мѣсто, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнуть“ (Мѡ. 26, 52).

— Да, Господь оставилъ ап. Петра, но почему? — „Вложи мечъ въ ножны; *неужели мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?*“ (Іоан. 18, 11). — Потому, слѣдовательно, Господь запретилъ Петру сражаться за Него со врагами Его, что считалъ эту войну, которую могли повести ученики Его, ненужною, препятствующею той цѣли, для которой пришелъ Господь,—т. е., для страданій: „*Неужели Мнѣ не пить чаши!*“!.. Если бы нужна была война эта, то Самъ Богъ Отецъ послалъ бы въ защиту Его полки ангеловъ: „или думаешь, говорить Господь Петру: что Я не могу умолить Отца Моего, и Онъ представить Мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легионовъ ангеловъ“? (Мѡ. 26, 53). — А что Господь не запрещалъ войны, а считалъ ее неизбѣжною въ жизни народовъ, это видно изъ того, что Онъ похваляетъ мудраго царя, готовящагося къ войнѣ: „какой царь, идя на войну противъ другаго царя, не сядетъ и не посоветуется прежде, силенъ-ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство просить о мирѣ“ (Лк. 14, 31). — Господь же говорилъ, что „*нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ*“ (Іоан. 15, 13), а на войнѣ воинъ и проливаетъ кровь за ближнихъ своихъ. Господь, далѣе, предсказалъ, что войны будутъ у народовъ вплоть до втораго Его пришествія: „также услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ: смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть“ (Мѡ. 24, 6). И предъ самымъ пришествіемъ Христовымъ будетъ ужасная война: „тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра до нынѣ, и не будетъ“ (Мѡ. 24, 21). И въ самое пришествіе Христово будетъ война, которую поведетъ антихристъ съ преданными ему царями противъ Самого Сына Божія; по— „*Агнецъ побѣдитъ ихъ, ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей*“ (Апок. 17, 14. Сн. Апок. 6, 15—17). И святые апостолы понимали ученіе Господа о войнѣ, какъ о неизбѣжномъ дѣлѣ въ жизни людей, а потому они учатъ, что *исударственная власть и ея слуги (воины) назначены Самимъ Богомъ* для того, чтобы силою (войскомъ и орудіями) ограждать спокойствіе и безопасность людей отъ всякихъ людей.— „*Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа, царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ-ли, какъ отъ Него посылаемымъ для на-*

казанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13). — „Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за вѣсть чловѣковъ, за царей и за вѣсть начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ“ (1 Тим. 2, 1). — Поэтому, братіе, если Церковь разрѣшаетъ войну и благословляетъ на нее, то она поступаетъ согласно ученію Господа и Ёго апостоловъ о войнѣ, какъ о неизбѣжномъ и необходимомъ дѣлѣ для охраненія безопасности христіанъ-гражданъ, поэтому всякій, кто вздумалъ бы уклониться отъ войны, тотъ противился бы самой Церкви, а кто „Церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь“, кто не слушаетъ Церкви, тотъ противится Самому Духу Святому, живущему въ Церкви и управляющему ею. — Посему пусть устыдятся тѣ русскіе люди, которые, какъ толстовцы, смущаютъ своими худыми рѣчами малограмотныхъ русскихъ же людей!

— Да вѣдь я что-жъ?— сконфуженно говорилъ толстовецъ: это такъ, къ разговору пришлось, а то вѣдь мы тоже... не измѣнники какіе.

— То-то!—не измѣнники!—возвысилъ голосъ Савеличъ: не къ чему тутъ и разговоры заводить и людей мутить, когда нужно не мутить, а грудью постоять за вѣру, за Царя и честь русскую!..

Савеличъ и еще два молодыхъ парня ушли на войну охотниками. Черезъ семь мѣсяцевъ одинъ изъ молодыхъ охотниковъ писалъ своимъ односельчанамъ: „я, слава Богу, живъ и здоровъ, дерусь съ японцемъ и уже представленъ нашимъ лихимъ командиромъ къ Георгію. Храбро служилъ и мой товарищъ-землякъ, а теперь лежитъ въ госпиталѣ раненый. Самъ Куропаткинъ надѣлъ ему Георгія. А дорогого дядю Савелича поминайте за упокой: положилъ онъ душу свою за други своя. Царство ему небесное! Въ нашей десятой ротѣ онъ былъ старшимъ и два раза командовалъ ротой въ бою, когда нашихъ ротныхъ уложили японцы. Да, постоялъ таки дядя Савеличъ за честь русскую“!..

Свящ. І. Орловъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ интеллигентнымъ сектантомъ объ истинной вѣрѣ Христовой.

Бесѣдовать съ сравнительно интеллигентнымъ сектантомъ легче, чѣмъ съ невѣжественнымъ. Послѣдній можетъ измучить васъ, напр., на такой фразѣ изъ посланія ап. Павла: „всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приносить однѣ и тѣже жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ“ (Евр. 10, 11). Вы говорите ему: „Ап. Павелъ разумѣетъ здѣсь ветхозавѣтныхъ священниковъ; здѣсь рѣчь, какъ видно изъ 4 ст.,—о кровавыхъ жертвахъ, о „крови тельцовъ и козловъ“.—„А развѣ теперь не приносятъ въ жертву на храмъ тельцовъ и козловъ?“¹⁾—возражаетъ онъ вамъ. Если собесѣдникъ, хотя и сектантъ, сравнительно образованъ, слово Божіе можно толковать свободнѣе, безъ длинныхъ, мелочныхъ споровъ, лишаящихъ бесѣду желаемой назидательности.

Одинъ разъ мнѣ пришлось собесѣдовать публично съ сектантомъ интеллигентнаго типа. Бесѣда эта сложилась довольно оригинально, почему я и рѣшаюсь воспроизвести ее къ свѣдѣнію читателей.

Я пріѣхалъ для собесѣдованія въ хуторъ, гдѣ была „экономія“ богача штундобаптиста. Устроить бесѣду мы съ мѣстнымъ батюшкой рѣшили въ новостроющейся церкви. Назначили часъ бесѣды и оповѣстили о ней народъ. Когда мы прибыли на мѣсто собесѣдованія, храмъ былъ полонъ народа. На томъ мѣстѣ, гдѣ надлежало быть алтарю, было возвышеніе; на немъ хуторяне поставили столикъ, около котораго помѣстились мы со священникомъ; рядомъ съ нами имѣли возсѣсть наши собесѣдники. Сектантовъ не было. Я послалъ сектанту пригласительную записку, въ которой покорнѣйше просилъ его вмѣстѣ съ его бра-

¹⁾ По мѣстному благочестивому обычаю нѣкоторые состоятельные изъ вѣрующихъ жертвуютъ на храмъ отъ стада своихъ. Жертвуемое продается на площади и получаемая лепта идетъ на нужды церкви.

тѣй пожаловать для чтенія слова Божія и собесѣдованія и просилъ отвѣтить согласіемъ, или отказомъ. Посланный принесъ отвѣтъ, что „сейчасъ придутъ“. Мы прождали еще около часа и увидѣли въ невставленные окна группу „баптистовъ“, идущихъ ко храму во главѣ съ хозяиномъ помѣстья, шествующимъ красивой, увѣренной походкой.

Приглашенные—сектантъ-помѣщикъ, его приказчики и рабочіе—взошли, поздоровались со священникомъ и со мной и по нашему приглашенію усѣлись около столика.

Народъ пропѣлъ молитву.

Въ виду интеллигентности моего собесѣдника, я рѣшилъ по возможности придерживаться принципа равенства во внѣшнемъ порядкѣ бесѣды.

— „Ничего не имѣете противъ, если я начну бесѣду и буду бесѣдовать объ обрядахъ и обычаяхъ Церкви?“—спросилъ я его.

— „Ничего, начинайте“, былъ отвѣтъ.

Я сказалъ, обращаясь къ народу:

„Благочестивые слушатели! Мы собрались сейчасъ затѣмъ, чтобы вмѣстѣ почитать слово Божіе и побесѣдовать о прочитанномъ. Мы и наши собесѣдники считаемъ другъ друга неправыми. Мы желаемъ, чтобы они стали на истинный путь слова Божія. Они считаютъ насъ неправыми и пришли затѣмъ, чтобы повѣдать намъ о своемъ упованіи. Кто долженъ быть судьей между нами и ими?—Святое Писаніе.

Такъ назыв. „баптисты“, когда ихъ спрашиваютъ: „почему вы отделились отъ православной Церкви?“—между прочимъ, отвѣчаютъ: „у васъ много постановленій—обрядовъ и обычаевъ,—иконы, крестъ, крестное знаменіе, каждение, свѣчи, головные покровы для священнослужащихъ“ и проч. Все это,—дѣйствительно, имѣеть православная Церковь.

„Баптисты“ указываютъ на текстъ: „если бы даже мы“ (апостолы) „или Ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаеема“ (Гал. 1, 8). Изъ самаго текста видно, что апостоль Павелъ разумѣетъ здѣсь „благовѣствованіе“ т. е. *ученіе* апостоловъ, а не обычаи и обряды. Самъ Спаситель упрекалъ книжниковъ и фарисеевъ только за то, что они нарушили заповѣдь Божію своимъ преданіемъ (Матѣ. 15, 3—6). Отсюда видно, что только то преданіе, которымъ *нарушается* евангельское ученіе, не должно быть въ Церкви. Слово Божіе *нигдѣ* не запрещаетъ, а, напротивъ, повелѣваетъ имѣть все, что благочестиво, свято. Св. ап. Павелъ такъ пишетъ вѣрующимъ: „наконецъ, братія мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала, о томъ помышляйте“ и прибавляетъ: „Чему вы научились, что приняли и слышали и видѣли во мнѣ, то исполняйте—и Богъ мвѣра да будетъ съ вами“ (Филипп. 4, 8—9). И

еще: „кто изъ насъ совершенъ, такъ долженъ мыслить“ (какъ—апостолы); „если же вы о чемъ иначе мыслите, то и это Богъ вамъ откроетъ. Впрочемъ, до чего мы достигли, такъ и должны мыслить и по тому правилу жить“ (3, 15—16). Согласно св. Писанію, ученіе апостольское должно содержаться Церковію неизмѣнно; въ остальномъ же—въ ея обрядахъ и обычаяхъ—она должна держаться того, что истинно, честно, справедливо, чисто, любезно, достославно, добродѣтельно и похвально... по внушенію, ниспосланнаго ей, святаго Духа—она можетъ и измѣнять, отвѣчая нуждамъ времени, обряды и обычаи ея. При этомъ, по ученію св. апостола, христіане, прежде всего, должны руководиться примѣрами Господа и Его апостоловъ...

— Можно вамъ предложить два вопроса?—обратился я къ сектанту-помѣщику.

— „Можно“.

— „Будьте добры—скажите: для Господа І. Христа послѣ Его крещенія іерусалимскій храмъ имѣлъ какое-либо значеніе?“

— „Нѣкоторое имѣлъ“.

— „А для васъ этотъ храмъ имѣетъ значеніе?“

— „Никакого!“

Остальные штундобаптисты забеспокоились на своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ нихъ порывался встать, но хозяинъ строго метнулъ на него глазами и тотъ нехотя успокоился ¹⁾.

Я повторилъ свои вопросы и отвѣты сектанта народу и продолжалъ:

„Основаніемъ для внѣшняго устройства и порядковъ новозавѣтныхъ православныхъ храмовъ въ нѣкоторой мѣрѣ служитъ ветхозавѣтный храмъ съ его устройствомъ. Для того, чтобы понять, можно ли христіанамъ брать въ примѣръ нѣчто изъ установленныхъ Богомъ обрядовъ и обычаевъ ветхаго завѣта, намъ нужно упомянуть, что изъ ветхаго завѣта отмѣнено и что оставлено изъ него въ новомъ. Отмѣнено „оправданіе закономъ“, но самый законъ оставленъ (Гал. 2, 21, Римл. 3, 31). Точно также отмѣнены установленія, имѣвшія прообразовательное значеніе; но самый іерусалимскій храмъ съ его устройствомъ одобренъ Господомъ І. Христомъ: Господь назвалъ его „домомъ молитвы для всѣхъ народовъ“ и апостолы творили въ немъ молитвословія (Марка 11, 17. Луки 24, 53. Дѣяній 22, 17). Слѣдуя слову Господа и примѣрамъ св. апостоловъ, православная Церковь поступаетъ истинно честно, справедливо, когда имѣетъ—въ своихъ обрядахъ и обычаяхъ—нѣкоторыя установленія примѣнительно къ порядкамъ ветхо-

¹⁾ Замѣтно было, что сектантъ держалъ своихъ служащихъ «въ ежовыхъ рукавицахъ», чѣмъ они въ свою очередь—нельзя сказать—чтобы были довольны.

завѣтнаго храма. Впрочемъ, это не означаетъ того, что Церковь всецѣло слѣдуетъ ветхому завѣту; отношеніе ея къ ветхому завѣту удобно можно понять изъ слѣдующаго примѣра: мы имѣемъ 4-ю заповѣдь закона Моисеева; буквальное, ветхозавѣтное ея значеніе, празднованіе субботы, отмѣнено; но, соблюдая новозавѣтные праздники, мы „утверждаемъ“ ту же 4-ю заповѣдь.

Поскольку ветхозавѣтный законъ былъ данъ Богомъ, православная христіанская Церковь, на основаніи ученія Спасителя и апостольскихъ примѣровъ (Филипп. 4, 9), считаетъ—не только нелишнимъ, но справедливымъ, любезнымъ въ своихъ обрядахъ и обычаяхъ брать, такъ сказать, идею нѣкоторыхъ боговдохновенныхъ установленій іерусалимскаго храма“,—сказалъ я, обращаясь къ моему собесѣднику.—„Вы же, видимо, считаете предосудительнымъ то, что одобрилъ Самъ Господь...

По ученію апостольскому, Господь считалъ іерусалимскій храмъ домомъ молитвы. По ученію вашему, храмъ, одобренный Господомъ, не имѣетъ „никакого“ значенія для васъ. Приходится думать, что вы содержите нѣчто *иное* сравнительно съ тѣмъ, что предали намъ Господь и апостолы.

Я покорнѣйше просилъ бы васъ: во—первыхъ, показать, нарушаютъ ли *хоть чѣмъ-либо* обряды и обычаи прав. Церкви апостольское „благовѣствованіе“? и, во-вторыхъ, объяснить, на какомъ основаніи вы, называясь христіаниномъ, не желаете придавать значенія слову І. Христа“?

Я съѣлъ, предоставляя слово собесѣднику.

Пишу „съ натуры“ и потому извиняюсь предъ читателемъ за его рѣчь. Сектантъ оставилъ почти безъ отвѣта мою просьбу и заговорилъ про другое.

Онъ всталъ, пододвинулся къ народу и сказалъ:

„Друзья мои! Я ничего, ничего не хочу знать кромѣ того, что Христосъ распятъ за меня. Больше этого мнѣ ничего не нужно. Я увѣренъ въ томъ, что Онъ пострадалъ за меня, что Онъ искупилъ меня, что для меня Онъ уготовилъ обитель въ Его царствіи. По вѣрѣ моей—я знаю, что я умру, мое тѣло истлѣетъ, обратится въ прахъ, исчезнетъ,—вострубитъ труба (ораторъ сдѣлалъ жестъ рукой) и я встану уже въ другомъ тѣлѣ и Христосъ“...

Сектантъ говорилъ это съ жмурающимися отъ самоуслажденія глазами, съ сладкой улыбкой. О, дорогой читатель! Если бы вы видѣли въ эти минуты его фигуру, вы бы безъ словъ поняли, что содержащая имъ секта—не болѣе, какъ видъ религіозной психопатіи, такой видъ, которому вы даже съ общечеловѣческой моральной точки зрѣнія отъ души не пожелали бы распространенія.

Сектантъ продолжалъ:

— „И Христосъ скажетъ мнѣ: приди, возлюбленный, въ царство Отца Моего“...

Воцарилась тишина. Вниманіе всѣхъ было напряжено. Не успѣлъ мой собесѣдникъ начать слѣдующей фразы, какъ изъ толпы народа послышался тихій, но убѣжденный и отчетливый голосъ:

— Ни! Онъ скажетъ вамъ: идите отъ Мене проклятія во огнь вѣчный...

Народъ вздрогнулъ и мы вздрогнули. Передніе ряды народа молчали изъ за боязни предъ магнатомъ, въ заднихъ—послышался гулъ. Въ виду того, что голосъ изъ народа говорилъ во всякомъ случаѣ не менѣе основательно, чѣмъ сектантъ, и въ виду того, что въ душѣ я самъ былъ вполне солидаренъ съ этимъ голосомъ, я психологически не имѣлъ силы сдѣлать замѣчаніе неизвѣстному (что я, возможно, и сдѣлалъ бы въ другомъ случаѣ), столь неожиданно прервавшему черезчуръ самоувѣренный полетъ фантазіи моего собесѣдника. Я ограничился легкимъ извиненіемъ предъ послѣднимъ за перерывъ его рѣчи.

Сектантъ тоже смутился; онъ смялъ свою рѣчь и сѣлъ.

Мнѣ—въ моей отвѣтной рѣчи—не стоило большого труда доказать предъ слушателями, что увѣренность въ окончательномъ оправданіи, сама себя обуславливающая, несогласна съ Евангелиемъ ¹⁾, чужда евангельскаго „смиренія“ и потому неприлична христіанину.

Сектантъ заговорилъ еще. Онъ уже не столько полемизировалъ, сколько старался внушить народу: „я съ вами жилъ дружно, никто не можетъ пожаловаться на меня“ ²⁾.

Съ общаго согласія я рѣшилъ закончить бесѣду.

Я замѣтилъ предъ слушателями, что на поставленные мною въ началѣ бесѣды вопросы моимъ собесѣдникомъ не было дано прямого отвѣта.

Въ заключеніе бесѣды я сказалъ:

„Кто хочетъ знать только Господа І. Христа, тотъ стремится къ усвоенію того, что Господь одобрялъ, тотъ безъ колебанія будетъ ходить по тѣмъ слѣдамъ, по которымъ ступали божественные стопы Его. О томъ же, кто считаетъ для себя излишнимъ какое-либо слово Господа, можно ли сказать, что онъ знаетъ Его?“

Братья! обратился я къ народу: „Молю васъ: будемъ слѣдовать

¹⁾ Я приводилъ въ этомъ случаѣ доказательства, приведенныя мною на бесѣдѣ изложенной въ № 15 «Миссіонерскаго Обзорнія» за 1904 годъ Главнѣйшія изъ нихъ: Іак. 2, 22. 24. 1 Іованна 1, 8. Римл. 8, 24—25. Филипп. 3, 12—14.

²⁾ Сектантъ иногда—въ большіе праздники—присылалъ милостыню народу и вмѣстѣ съ тѣмъ—возванія и брошюры въ цѣляхъ пропаганды. Но, видимо, онъ не пользовался симпатіями народа, не только какъ сектантъ, но и какъ человекъ.

только тому, что завѣщали намъ Христось и свв. апостолы, и мы никогда не будемъ ходить туда, гдѣ слово Господа и примѣры свв. апостоловъ отвергнуты.

Народъ одушевленно пропѣлъ молитву и бесѣда окончилась.

Чинно мы простились съ нашими собесѣдниками.

— „Я бы не такъ поставилъ дѣло“,—шопотомъ сказалъ мнѣ одинъ изъ приказчиковъ по адресу хозяина (тотъ самый, который порывался заговорить во время бесѣды), прощаясь со мной.

„Возможно, вы бы позатрудили меня“,—подумалъ я.

Народъ почтительно разступился, давая сектантамъ дорогу.

Православные интеллигенты, явившіеся на бесѣду и слѣдившіе за ней, выразили намъ съ батюшкой по поводу ея свое братское сочувствіе.

На бесѣдахъ съ штундобаптистами объ обрядахъ и обычаяхъ Церкви, когда миссіонеру приходится проводить параллель между устройствомъ новозавѣтныхъ храмовъ и богослуженія и—съ другой стороны порядками церкви ветхозавѣтной, сектанты указываютъ,—или на то, что іерусалимскій храмъ разрушенъ (Матѣ. 24, 2), или—вычитываютъ 8, 9 и 10 главы посланія къ евреямъ, причемъ съ особой экспрессіей останавливаются на стихахъ: „за второю же завѣсою была скриня, называемая „святое святыхъ“, имѣвшая золотую кадильницу, и обложенный со всѣхъ сторонъ золотомъ ковчегъ завѣта, гдѣ были золотый сосудъ съ манною, жезлъ Аароновъ распвѣтшій и скрижали завѣта, а надъ ними херувимы славы, осѣняющіе очистилище: *о чемъ не нужно теперь говорить подробно*“ (Евр. 9, 3—5. ср. Іерем. 3, 16). При первомъ возраженіи мнѣ, обычно, приходилось указывать на то, что храмъ былъ разрушенъ не потому, что онъ сталъ неугоденъ Богу—чего нельзя допустить,—а за грѣхи іудеевъ, какъ и было предсказано въ 3 кн. Царствъ 9 гл., 6—9 ст. Во второмъ случаѣ я доказывалъ, что отмѣна ветхаго завѣта коснулась ветхозавѣтнаго пути оправданія и именно въ этомъ смыслѣ нужно понимать мѣста: Евр. 9, 3—5 и Іер. 3, 16.

Оригинальнымъ получился въ изложенной бесѣдѣ методъ собесѣдованія. Имѣя въ виду доказать посредствомъ слова Божія сектантамъ неправоту ихъ убѣжденій, я не могъ и не хотѣлъ упускать изъ виду того, что рядомъ со мною и моимъ собесѣдникомъ стоитъ православный народъ, слѣдившій за нами. Сообразивъ съ своей стороны тоже самое и не желая по какой то причинѣ вступать въ прямое собесѣдованіе, штундобаптистъ исключительно хотѣлъ одержать преимущество предъ православіемъ во мнѣніи народа и тѣмъ затмить прочитанное изъ св. Писанія его обличеніе. Господь судилъ иначе. Сектантъ не

разсчиталъ 1), онъ сразу, какъ говорятъ, хватилъ черезъ край, обнаруживъ во всей наготѣ зерно лжеученія секты. Естественно,—этимъ въ народѣ была вызвана справедливая реакція.

Однажды послѣ бесѣды съ штундобаптистами мнѣ нужно было ѣхать въ другое селеніе. Подводу дать взялся сектантъ. Была (южная) зима и оттепель. Ёхать было можно только верхомъ. Мнѣ подали осѣдланную лошадь; сектантъ поѣхалъ со мной за проводника. Отъ земли поднимались пары; стоялъ такой туманъ, что нельзя было разсмотрѣть ногъ идущей рядомъ лошади; виденъ былъ лишь въ туманѣ мѣрно покачивающійся силуэтъ моего проводника.

Изъ окружающей меня влажной мглы слышу голосъ:

— „Господинъ миссіонеръ“!

— „Что такое“?

Сектантъ позадержалъ свою лошадь.

— „Скажите мнѣ, пожалуйста, только вы по правдѣ скажите, ради Бога“...

— „Что именно“?

— „Скажите, какъ вы думаете—правая наша вѣра, или нѣтъ“?

„Вотъ тебѣ разъ“!—подумалъ я. „Неужели онъ полагаетъ, что я не то говорилъ, что думалъ, на бесѣдахъ?.. Впрочемъ, кто его знаетъ“...

— „Скажу вамъ, другъ, по чистой совѣсти: ваша вѣра—по моему мнѣнію—одно лицемѣріе, фарисейство“!

— „Да, а почему вы это знаете“?

— Не смогу, пожалуй, разобъяснить вамъ этого... Ну, просто—напросто вижу, чувствую, что это такъ. Вы присмотритесь хорошенько къ вашимъ „братьямъ“, и вы тоже почувствуете“...

Сектантъ задумчиво смолкъ.

Когда я давалъ ему послѣдній отвѣтъ, предо мной, какъ живая, стояла фигура моего интеллигентнаго собесѣдника.

Д. Граціанскій.

1) Сектантъ не зналъ, что православію существенно присуща черта, которая рѣзко, замѣтно отличаетъ его—исторически, искони—отъ другихъ исповѣданій, именуемыхъ христіанскими. Черта эта—истинно евангельское смиреніе.

О посланничествѣ митрополита Амвросія.

(Сочиненіе раскольничьяго лжеепископа Ив. Усова).

Обвиненіе м. Амвросія въ неимѣніи посланничества (Гл. 2-я).

Содержаніе книги:

„*Старообр.* Теперъ выставляйте какое угодно обвиненіе противъ митр. Амвросія, но мнѣ кажется лучше и удобнѣе для васъ самихъ представить сперва главное обвиненіе, а второстепенныя потомъ, послѣ разсмотрѣнія главнаго“.

„*Мисс.* И по моему такъ слѣдуетъ: прежде указать и обосновать главное обвиненіе вашей іерархіи, а потомъ уже и менѣе главныя, или второстепенныя. Итакъ самая главная вина, самое важное и самое тяжкое преступленіе, изъ имѣющихся за вашимъ священствомъ, состоитъ въ томъ, что ваша раскольническая іерархія не имѣетъ апостольскаго посланничества отъ Христа. Первый вашъ митр. Амвросій, пришедшій къ вамъ въ 1846 году, отъ котораго ведетъ происхожденіе теперешняя іерархія, не имѣлъ никакого посольства. Константинопольскій патріархъ, отъ котораго онъ былъ зависимъ, не только не посылаетъ его къ вамъ, но даже и не знаетъ, какъ онъ ушелъ отъ него“.

„Между тѣмъ изъ слова Божія, изъ самаго Евангелія извѣстно, что Іисусъ Христосъ былъ посланъ отъ Отца, апостолы отъ Христа (Іоан. зач. 57 и 65), отъ котораго и зависимы были (Іоан. зач. 50), по реченному: „Якоже посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы“ (Іоан. зач. 65). Пастыри же и учителя православныя посылаемы и поставляемы были отъ апостоловъ (Кн. имен. Кирил. л. 78; Ирин. св. кн. 3, о ерес., гл. 3); но м. Амвросій отъ кого былъ посланъ въ Бѣдую Криницу? и въ ней отъ кого былъ зависимъ? Поелику онъ чрезъ самовольное бѣгство лишился зависимости отъ своего патріарха и симъ прервалъ всѣ связи съ преемственною Христовою іерархіею. Но священнослужители, не имѣющіе апостольскаго посланничества, горше самыхъ нечестивыхъ бѣсовъ, преобразующихся въ ангела свѣтла, по „Номоканону“ при [Бол. Потребникъ (л. 57)]. Почему же они хуже бѣсовъ? Да потому, что и бѣсы имѣютъ посланничество, безъ котораго они ничего не могутъ дѣлать. Въ Евангеліи отъ Луки (зач. 38) повѣствуется, что когда І. Христосъ прибылъ въ страву Гадаринскую, то его встрѣтилъ бѣсоватый, въ которомъ былъ цѣлый легионъ бѣсовъ. Когда Христосъ приказалъ имъ выйти изъ него, то „бѣсы моляху Его, да не повелитъ имъ въ

бездну идти. Бѣ же ту стадо свиній много пасомо въ горѣ: и моляху Его, да повелитъ имъ въ ты внити, и повелѣ имъ. Изшедше же бѣси отъ чловѣка, внидоша во свинія, и устремися стадо по берегу въ озеро, и потопе“ (Лук. 8, 31—33 ст.). Вотъ и бѣси имѣють посланничество, а вашъ Амвросій не имѣлъ его; слѣдовательно, онъ хуже бѣсовъ, а также и происшедшее отъ него священство.

„Итакъ, вы должны, или указать, что м. Амвросій имѣлъ апостольское посланничество, то есть, былъ посланъ отъ своего патріарха, по его благословенію пришелъ къ вамъ въ Бѣлую Криницу, или сознаться, что ваше священство самозванно“ (стр. 8, 9 и 10).

Такимъ образомъ въ этой главѣ высказано четыре обвиненія:

- 1) что раскольническая іерархія не имѣетъ апостольскаго посланничества;
- 2) что м. Амвросій не имѣлъ никакого посольства;
- 3) что чрезъ самовольное бѣгство онъ прервалъ всѣ связи съ преемственной іерархіей; иначе сказать: что нѣтъ преемственной іерархіи въ священствѣ, получившемъ происхожденіе отъ м. Амвросія и
- 4) что м. Амвросій и происшедшее отъ него священство—хуже бѣсовъ.

Эти четыре обвиненія въ концѣ главы сгруппированы въ два: 1-е, что м. Амвросій не былъ посланъ отъ своего патріарха, то есть по его благословенію пришелъ въ Б. Криницу и 2, что происшедшее отъ него священство самозванно.

Оправданіе отъ этихъ обвиненій находится въ слѣдующихъ главахъ. Тамъ мы и займемся разборомъ высказанныхъ обвиненій.

Взглядъ на каноническое или дисциплинарное посланничество съ точки зрѣнія новообрядческой Церкви. (Гл. 3).

Въ словахъ этого надписанія высказывается раскольничающею духъ составителя книжки. Усовъ пишетъ: „Взглядъ съ точки зрѣнія... *новообрядческой* Церкви“. Ни въ исторіи, ни въ литературѣ, никакая Церковь не называется новообрядческой; это названіе есть личное мнѣніе о православной Церкви составителя книжки, нынѣ присвоившаго себѣ имя Иннокентія, который, по своему самоувѣренію, и употребляетъ свое личное мнѣніе, какъ общепринятое. Мало того, и свое суемудріе, изложенное въ этой главѣ отъ лица старообрядца, онъ называетъ точкой зрѣнія новообрядческой Церкви. Въ одномъ надписаніи сказалъ двѣ неправды.

Содержаніе книги:

„*Стар.* Скажите, пожалуйста, какъ константинопольскій патріархъ и вообще ваша Церковь смотритъ на старообрядцевъ, какъ она признаетъ ихъ: православными, или раскольниками?“

„*Мисс.* Да объ этомъ вы уже спрашивали и я вамъ отвѣтилъ, что наша прав. Церковь и, конечно, конст. патріархъ признаетъ васъ не иначе, какъ раскольниками, или еретиками второго чина“.

„*Стар.* А когда такъ, то могъ ли конст. патріархъ благословить и послать м. Амвросія къ старообрядцамъ, которыхъ онъ считаетъ раскольниками? Конечно нѣтъ. Поэтому, еслибы м. Амвросій и обратился къ нему съ просьбой дать благословіе на переходъ къ старообрядцамъ, то такого благословія, онъ, понятно, не далъ бы. Но вотъ что важно: если бы патріархъ далъ такое благословіе, тогда какъ бы вы признали м. Амвросія имъ рукоположенныхъ, дѣйствительными іерархами или самозванцами?“

„*Мисс.* Все равно, признали бы самозванцами, потому что вы раскольники. А патріарха конст., еслибы онъ послалъ своего митрополита къ вамъ въ расколъ, подвергли бы церковному суду и наказанію“.

„*Стар.* Какъ же вамъ не стыдно, такъ явно и грубо морочить людей! Вы говорите, что не признаете нашей іерархіи дѣйствительною потому именно, что м. Амвросій не имѣлъ посланничества отъ своего патріарха. А еслибы имѣлъ, то и опять таки не признавали бы дѣйствительною, а считали бы самозванною, и даже наказали бы патріарха, давшаго такое благословіе или посольство. Значить, первое и самое главное ваше обвиненіе м. Амвросія въ неимѣннн посланничества оказывается пустымъ до ничтожества, безмысленнымъ до нелѣпости, и, какъ таковое, не заслуживаетъ никакого разбора и вниманія, какъ явная нелѣпость. Но такъ какъ вы, миссіонеры, не смотря на его ничтожество и безмысліе, не стыдитесь вездѣ и постоянно выставять его противъ старообрядческой іерархіи, то я считаю своею обязанностью разсмотрѣть его болѣе обстоятельно, дабы вы перестали смущать малознающихъ и немощныхъ такими своими глупыми придирами“ (стр. 10 и 11).

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что вопросъ о посланничествѣ м. Амвросія былъ осложненъ другими вопросами, коихъ было четыре. Ими старообрядецъ, покуда, не занимается. Въ заключеніи они сведены въ два положенія, которыя были выражены такими словами: „Итакъ, вы должны, или указать, что м. Амвросій имѣлъ апостольское посланничество, то есть, *былъ посланъ отъ своего патріарха, по его благословію пришелъ къ вамъ въ Бѣлую Криницу*, или сознаться, что ваше священство самозванно“.

Въ этомъ умозаключеніи, въ поясненіе Апостольскаго посланничества, приведена совершенно ложная мысль. Сказано: „вы должны указать, что м. Амвросій имѣлъ апостольское посланничество, то есть, *былъ посланъ отъ своего патріарха, по его благословію пришелъ къ вамъ въ Бѣлую Криницу*“. Это значить: *будтобы, апостольское посланничество заключается въ томъ, чтобы патріархъ константинопольскій благословилъ подчиненнаго ему м. Амвросія на переходъ изъ православія въ расколъ*. Мысль нелѣпая, какой не выскажетъ ни одинъ миссіонеръ, и эта мысль, будто бы, высказана съ точки зрѣнія православной Церкви! (Вотъ какъ можетъ заумствоваться человекъ).

На основаніи этой ложной мысли старообрядецъ построилъ такой

софизмъ: вы насъ считаете раскольниками второго чина; м. Амвросій благословеніе на переходъ въ расколъ не могъ получить отъ православнаго патріарха, а патріархъ не могъ и дать, да оно и бесполезно,—нашу іерархію чрезъ это вы не признали бы православной,—слѣдовательно: имѣетъ ли м. Амвросій апостольское посланничество, или нѣтъ, это—безразлично.

Высказавъ эту мысль, Усовъ раздражается укоризнами по адресу миссіонеровъ. Онъ говоритъ: „Какъ же вамъ не стыдно, такъ явно и грубо морочить людей“!.. „Первое и самое главное ваше обвиненіе м. Амвросія въ неимѣніи посланничества оказывается пустымъ до ничтожества, бессмысленнымъ до нелѣпости, и, какъ таковое, не заслуживаетъ никакого разбора и вниманія, какъ явная нелѣпость!“

Облегчивъ свою душу гордыми укоризнами, „смиранный Иннокентій“ пишетъ: „Но такъ какъ вы, миссіонеры, не смотря на его ничтожество и бессмысліе, не стыдитесь вездѣ и постоянно выставлять его (обвиненіе въ неимѣніи посланничества) противъ старообрядческой іерархіи, то я считаю свою обязанностью разсмотрѣть его болѣе обстоятельно, дабы вы перестали смущать малознающихъ и немощныхъ такими своими глупыми придирками!“ (Такъ, по-мужицки, смиренный Иннокентій печатно журить раздражающихъ его миссіонеровъ! Видно, какое облаченіе ни надѣвъ на плеча мужика, онъ и въ облаченіи скажетъ мужичкомъ. Вотъ и „смиранный Иннокентій“ бранится, какъ привыкъ ругаться Иванъ Усовъ).

Отрыгнувши свой гнѣвъ на миссіонеровъ, Усовъ продолжаетъ:

„Ни св. отцы, ни православные соборы, ни вообще Церковь Христова никогда не выставляли противъ еретиковъ такого обвиненія, какое вы выставляете противъ насъ; (въ самомъ дѣлѣ—не обидно-ли это? Развѣ мы хуже тѣхъ еретиковъ? слѣдовало бы воскликнуть обиженному старообрядцу!); никогда и ни въ какомъ случаѣ не обвиняли ихъ за то, что они ушли отъ Церкви безъ всякаго благословенія и посольства, потому что такое обвиненіе было бы прямо-таки бессмысленно. Никакіе еретики, уходя отъ Церкви, никогда не просили на это посланничества, благословенія или дозволенія. Кто послалъ, или благословилъ іерарховъ уклониться въ ересь арианскую, наватіанскую, донатіанскую, иконоборческую и проч. и проч.? Разумѣется, никто и никогда. А между тѣмъ древняя православная Церковь признавала іерархію сихъ еретиковъ дѣйствительною, а отнюдь не самозванною, что видно и изъ ея правилъ (8 пр. 1-го Всел. Соб.; 59 пр. Карѣ. соб. и под.), и изъ ея практики, или дѣйствій (Дѣян. вс. собор., томъ 7; дѣян 1-е). Кто посылалъ епископовъ въ ереси несторіанскую, католическую и проч.? А между тѣмъ ваша Церковь признаетъ ихъ іерархію дѣйствительною и принимаетъ отъ нихъ священниковъ и епископовъ въ ихъ санахъ“. (Бог. мит. Макарія, т. 2, § 240; Лѣтоп. Арсенія, л. 1839). (Стр. 11).

Сознавшись, что м. Амвросій не имѣлъ никакого посольства для перехода въ расколъ, старообрядецъ усиливаетъ свое доказательство при-

мѣрами: онъ ссылается на еретиковъ аріанъ, наватіанъ, донатистовъ, иконоборцевъ, несторіанъ, католиковъ и друг., которые безъ всякаго посольства уходили въ ереси, и м. Амвросій поступилъ въ расколъ, по еретически, безъ посольства. За переходъ въ расколъ, по-еретически, совершенный м. Амвросіемъ, старообрядецъ требуетъ священство, получившее начало отъ Амвросія, признавать дѣйствительнымъ, а не самозваннымъ. Это свое требованіе онъ высказываетъ такимъ образомъ:

„Да что я говорю, что еретики уходили безъ всякаго благословенія и посланничества со стороны церкви? Они уходили прямо-таки съ проклятіемъ отъ нея. Церковь не только не посылала и не благословляла имъ уклоняться въ ереси, но даже осуждала, проклинала и предавала анаѳемъ ихъ, и притомъ соборнѣ: такъ, на примѣръ, наватіане осуждены и преданы анаѳемъ Римскимъ соборомъ (толк. Зонары и Вальсамона на 8 прав. перваго всел. соб.), донатіане Арелатскимъ (Бар. лѣт. Госп. 313, числ. 7, и 314, ч. 5), аріане—помѣстнымъ Александрійскимъ и 1-мъ Всел. соборами (Барон. л. Госп. 319, чис. 2, и л. Госп. 325, числ. 11 и 12; Дѣян. всел. соб. томъ 1-й), несторіане третьимъ вселенскимъ соборомъ (Дѣян. вс. соб. т. 1-й), католики—восточными патріархами. И однакоже прав. церковь признавала и принимала ихъ и ими рукоположенныхъ въ ихъ священныхъ санахъ. Точно также и ваша церковь въ настоящее время признаетъ и принимаетъ священнослужителей отъ католиковъ и несторіанъ“.

„А старообрядческую іерархію признаетъ недѣйствительной и самозванной, хотя м. Амвросій никогда и никѣмъ не былъ запрещенъ, осужденъ или проклятъ, а лишь не былъ посланъ, или благословенъ со стороны вашей церкви на переходъ въ расколъ, по вашему понятію“.

„Такимъ образомъ, что вы ни говорите, какъ ни изворачиваетесь, а свою церковь никогда не оправдаете отъ самообличенія и самоосужденія. Если она права, что не признаетъ старообрядческой іерархіи, то виновата, что признаетъ іерархію несторіанъ, католиковъ и многихъ другихъ еретиковъ; а если права, признавая дѣйствительную іерархію сихъ еретиковъ, то виновата за то, что признаетъ старообрядческую іерархію самозвальною“.

„Чтобы избавиться отъ этого нелѣпаго самосужденія и самобичеванія, ваша церковь должна признать или всѣхъ еретиковъ священныхъ лицъ самозванцами, или признать старообрядческихъ священнослужителей дѣйствительными, а не ложными и не самозванцами“ (Стр. 11 и 12).

Старообрядецъ исторически доказалъ, что еретики 2-го чина отдѣлялись отъ православной Церкви безъ благословенія и не имѣли никакого посольства, а мотомъ лица, состояція у еретиковъ въ священныхъ санахъ, когда присоединялись къ Церкви, принимались въ сущемъ санѣ. Это—безспорно, и доказывать не нужно. Но старообрядцу не слѣдовало бы забывать слова св. Аѳанасія великаго: „постановлено, говорилъ онъ объ аріаныхъ, чтобы падшимъ и бывшимъ представителями нечестія, являти снисхожденіе кающимся, но не давати имъ мѣста въ клиръ; а не бывшимъ самовластными дѣлателями нечестія, но увлеченнымъ нуждою и насиліемъ, давати прощеніе, имѣти имъ мѣсто въ

клиръ“ (Посл. къ Руфиніану, Кормч. въ русс. пер. ст. 129). 8-е прав. 1-го вс. соб. о наватіанскихъ епископахъ говоритъ: „*именующійся епископомъ у такъ называемыхъ чистыхъ, пресвитерскую честь имѣти будетъ: развѣ заблагоразсудитъ мѣстный епископъ, чтобы и тотъ участвовалъ въ чести и имени Епископа*“... (Кормч. трехтолк. прав. 8; стр. 37).

Изъ этихъ указаній видно, что возвращеніе епископскаго сана еретикамъ 2-го чина зависитъ *отъ усмотрѣнія православнаго епископа*, а отнюдь не есть послѣдствіе присоединенія отъ ереси къ православію. Такъ смотритъ на это дѣло и св. Василиій Великій. Онъ говоритъ: „*Это—хриstopродавцы, а не христіане: полезное для нихъ въ сей жизни всегда предпочитаютъ жизни истинной. Когда задумали пріобрѣсти эту пустую власть, присоединились къ врагамъ Христовымъ, а когда увидѣли народъ раздраженнымъ, опять налагаютъ на себя личину православія. Не признаю епископомъ и не причислю къ іереямъ Христовымъ того, кто оскверненными руками, на подрывъ вѣры, возведенъ въ начальни-ки*“. (Св. Вас. Вел. т. 7; письмо 240; л. 184).

Это св. Отецъ пишетъ о Фронтонѣ, сдѣлавшемся аріанскимъ епископомъ, и продолжаетъ: „*пусть никто не обольщаетъ себя принятіемъ въ общеніе, и пусть пріавшіе отъ нихъ возложеніе рукъ не домогаются, по возстановленіи мира, чтобы и ихъ причислили къ священному сонму*“. (Тамъ же, стр. 185).

На седьмомъ вселенскомъ соборѣ это мѣсто изъ посланія св. Василія къ Никополитамъ было прочтано и Отцы собора согласились съ мнѣніемъ св. отца (Дѣян. Всел. соб. томъ 7; 1873 г.; стр. 120 и 121).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что еретики второго чина хротонисанные, *по чинопріятіи, по усмотрѣнію православнаго епископа*, могутъ быть оставлены въ сущихъ санахъ, *но могутъ и не быть причисленными къ клиру*, или же могутъ быть причислены въ степени низшей противъ своего прежняго служенія,—пресвитера, или хорепископа. Право такого причисленія къ клиру правила предоставляютъ православному епископу, а не чинопріему. Отсюда понятно, что хотя Амвросій совершенно по-еретически ушелъ отъ православнаго патріарха и принялъ въ расколъ, какъ еретикъ второго чина, однако за немнѣніемъ епископа у раскольниковъ, *по церковнымъ правиламъ, никто не могъ сопрічислить его къ клиру*.

О составѣ лицъ совершавшихъ чинопріемъ м. Амвросія, инокиня Бѣлокриницкаго женскаго монастыря, Павлина, 12 авг. 1847 г., въ село Лаву, Симбирской губерніи, къ своимъ роднымъ и знакомымъ писала: „О самомъ митрополитѣ не сомнѣвайтесь, понеже *принять по святыхъ отецъ правиламъ подѣ муропомазаніе священноинокомъ, изъ трехъ сель-бществами*, и Молдавіи почетными гражданами и соборными монастыр-

скими иноками, въ облаченіи во весь свой чинъ, какъ-то въ саккосъ и палицу и митру, формально какъ святители облачаются, и проклязь свое заблужденіе и празнать православіе“ (Переп. раск. дѣятелей; вып. 1-й. Суббот. Пис. 5; стр. 99. 1887 г.).

Указавши ересеподобіе въ самовольномъ уходѣ Амвросія въ расколъ и въ принятіи его раскольниками 2-мъ чиномъ, старообрядецъ, на основаніи причисленія Амвросія этими паступками къ еретикамъ 2-го чина, требуетъ признавать старообрядческую іерархію дѣйствительной, ибо „м. Амвросій никогда и никѣмъ не былъ запрещенъ, осужденъ, или проклятъ, а лишь не былъ посланъ, или благословенъ со стороны вашей православной Церкви на переходъ въ расколъ“. Въ этомъ отношеніи, то есть, въ непризнаніи старообрядческой іерархіи и въ признаніи іерархіи еретиковъ 2-го чина, старообрядецъ находитъ неразрѣшимое противорѣчіе, которое называетъ нелѣпымъ самоосужденіемъ и самобичеваніемъ. Несправедливо старообрядецъ утверждаетъ, будто м. Амвросій никогда и никѣмъ не былъ запрещенъ. Я уже указалъ, что 14 Октября 1846 года за 14 дней до принятія въ расколъ, запрещенъ грамотой Константинопольскаго патріарха, посланной на имя Карловицкаго митрополита (Докум. относ. къ исторіи Бѣлокр. іерархіи, стр. 213—214). Кромѣ этой грамоты патріархъ послалъ еще двѣ грамоты, изъ которыхъ, въ послѣдней, были указаны каноническія нарушенія м. Амвросіемъ правилъ: 15 Апостольскаго, 13 четвертаго Всел. соб., 35 Апостольскаго и 13 Антиохійскаго соб., по силѣ которыхъ повелѣвается митрополиту не литургисать и въ общеніи пребывать какъ мірянину. Лицъ рукоположенныхъ имъ прав. 35 св. Апостолъ повелѣваетъ извергнуть, а по 13 прав. Антиох. собора повелѣно: „*все содѣянное или считать недѣйствительнымъ*“ (Докум. стр. 218 по 229).

А правила: 1-е и 2-е Сардикійскаго собора не только не повелѣваютъ епископу принимать епископію при помощи народа, что сдѣлалъ м. Амвросій (принятый изъ трехъ сель обществами), но и строго за то наказываютъ. 1-е правило говоритъ: Не обрящется епископъ отъ мала града въ великъ пришедь: иже убо отъ смиреннаго въ высокъ прескочитъ, яко гордь и лихонмець обрѣтса, вся дни живота своего, да будетъ безъ причащенія. 2-е правило: Аще кто отъ града во градъ пришедь, и молвы творитъ, отъ народа приемля себѣ *поборники*, да глаголють, желаемъ и молимся, да будещи намъ епископъ, той на самой кончинѣ не причащенъ (Журмч. л. 107 об. и 108). Такими поборниками для м. Амвросія были иноки Павелъ и Алимпій, которые заключили съ Амвросіемъ формальный договоръ о томъ, чтобы ему „поступить въ старовѣрческую религію, въ сущемъ званіи митрополита, надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной ре-

лигіи, верховнымъ пастыремъ“... (Истор. Бѣл. іеравх. Субб. вып. 1-й; стр. 250).

Такимъ образомъ м. Амвросій, какъ мірянинъ, не имѣющій права литургисать и даже, по правиламъ, не имѣющій возможности пріобцаться св. Таинъ, не могъ никого поставить въ священный санъ, а если кого и ставилъ, то все сіе по 13 прав. Антіох. соб. повелѣно считать недѣйствительнымъ, и пришелъ онъ въ сонмище раскольниковъ, въ которомъ не было священныхъ лицъ, а если инокъ Іеронимъ и считался хиротонисаннымъ, то онъ опредѣленіемъ Московскаго собора 1667 г., за неповиновеніе Церкви, отъ священнаго чина изверженъ, и обнаженъ всякаго священнодѣйствія и проклятію преданъ (Дѣян. Моск. собора 1667 г., листъ 7-й). Пришедши въ сонмище раскольниковъ міряниномъ, м. Амвросій и самъ наслѣдовалъ тоже проклятіе, какое положено соборомъ 1667 г. на раскольниковъ и, какъ мірянинъ, хотя и служилъ по архіерейскому служебнику въ архіерейскомъ облаченіи, но послѣдствія отъ этого служенія получаютъ точно такія же, какъ отъ служенія Бѣловодскаго Антона Пикульскаго и, вообще, отъ всякаго мужичка, рѣшившагося надѣтъ архіерейское облаченіе и служить по-архіерейски.

Поэтому, если православная Церковь по правиламъ принимаетъ въ сущихъ санахъ несторіанъ, католиковъ и другихъ еретиковъ, она въ томъ неповинна, и если, по правиламъ же, считаетъ мірянами іерархическихъ лицъ австрійскаго священства, то она никакому самоосужденію не подвергается, а, напротивъ, заслуживаетъ чести за соблюденіе правилъ и является хранительницей церковныхъ канонѡвъ, безъ зазрѣнія совѣсти попираемыхъ послѣдователями австрійскаго священства.

Далѣе старообрядецъ продолжаетъ:

„Но кромѣ того, что ваша Церковь сама себя противорѣчитъ, сама себя осуждаетъ и обличаетъ, она еще является прямою противницею древней святой Церкви, преступницею ея опредѣленной; страшно такимъ образомъ погрѣшая и заблуждаясь. Церковь эта признавала дѣйствительною іерархію наватіанъ, донатіанъ и многихъ другихъ еретиковъ, хотя они ушли отъ нея не только безъ ея воли, посольства и благословенія, но даже съ осужденіемъ и проклятіемъ, а ваша церковь, напротивъ, признаетъ старообрядческую іерархію самозванною за то только, что м. Амвросій не взялъ лишь благословенія или посольства отъ царградскаго патріарха, хотя не былъ запрещенъ и проклятъ. А въ довершеніе всего ваша Церковь такимъ своимъ отношеніемъ къ старообрядческой іерархіи прямо-таки еретичествуетъ самымъ очевиднымъ образомъ. Въ древнія времена были еретики люциферіане, все заблужденіе ихъ состояло въ томъ только, что они признавали аріанскихъ іерарховъ самозванцами. Эту-то именно ересь содержитъ и ваша Церковь своимъ непризнаніемъ старообрядческой іерархіи. Она даже болѣе виновата и хуже люциферіанъ. Эти еретики признавали самозванцами аріанскихъ епископовъ, а аріане до этого были осуждены и прокляты пер-

вымъ вселенскимъ соборомъ. А ваша Церковь признаетъ старообрядческую іерархію самозванной, не смотря на то, что ни она, ни митр. Амвросій никогда не были осуждены или прокляты, а лишь этотъ іерархъ не былъ посланъ и благословленъ своимъ патріархомъ на переходъ въ старообрядчество, а по понятію этого патріарха въ расколъ“.

Этимъ обвиненіемъ православной Церкви оканчивается третья глава о посланничествѣ м. Амвросія. Въ приведенныхъ словахъ два обвиненія высказываются старообрядцемъ: 1) что православная Церковь „является прямою противницею древней святой Церкви, преступницею ея опредѣлений“ въ томъ, что та Церковь „признавала дѣйствительную іерархію наватіанъ, донатіанъ и многихъ другихъ еретиковъ, хотя они ушли отъ нея не только безъ ея воли, посольства и благословенія но даже съ проклятіемъ; а наша православная Церковь не признаетъ старообрядческую іерархію.

2., ваша (правосл.) Церковь такимъ своимъ отношеніемъ къ старообрядческой іерархіи прямо-таки еретичествуетъ, какъ еретики люциферіане, „все заблужденіе которыхъ состояло въ томъ только, что они признавали аріанскихъ іерарховъ проклятыми. Эту-то именно ересь содержать и ваша Церковь своимъ непризнаніемъ старообрядческой іерархіи.

Уже выше было замѣчено, что наша православная Церковь вполне руководится правилами соборовъ и св. Отецъ относительно чинопріема еретиковъ, а эти правила указываютъ, что Церковь еретиковъ, обращающихся отъ ереси, принимала въ клиръ, по усмотрѣнію православнаго епископа (1-го Всел. соб. прав. 8; Посланіе св. Аѳ. Великаго къ Руфиніану; Св. Василія Великаго письмо къ Никополитамъ. Это было подтверждено и Отцами 7-го Всел. собора). Такъ поступаетъ и православная Церковь въ отношеніи чинопріятія еретиковъ, осужденныхъ соборами.

Старообрядецъ въ извиненіе м. Амвросія и своей іерархіи выставляетъ то преимущество ихъ предъ еретиками, что „ни она (іерархія), ни м. Амвросій никогда не были осуждены или прокляты, а лишь этотъ іерархъ не былъ посланъ и благословленъ своимъ патріархомъ на переходъ въ старообрядчество, а по понятію этого патріарха въ расколъ“.

Это-то самочиніе и усугубляетъ вину м. Амвросія и происшедшей отъ него іерархіи. По 30-му прав. св. Апостолъ бѣглый митрополитъ за свои поступки подлежитъ изверженію и всѣ сообщающіеся съ нимъ.

Извѣстно, что въ 341 году аріане низложили св. Аѳанасія и на его мѣсто поставили еп. Александрійскимъ своего единомысленника Григорія Каппадокіянина (Бар. лѣто 341, числ. 2 и 5; лист. 253 об. и 254).

Соборъ Сардикійскій, бывшій въ 347 году, св. Аѳанасія оправдалъ отъ всѣхъ обвиненій, „а Григорія онаго во Александріи, не токмо низ-

ложиша: но и имени христіанскаго недостойна его быти осудиша, и вся его дѣла и хиротоніи уничтожиша“. (Барон. лѣто 347; числ. 4; лист. 259).

Также поступилъ 2 Всел. соборъ съ Максимомъ Киникомъ за его безчиніе. Соборъ говоритъ: о Максимѣ Киникѣ, и о произведенномъ имъ безчиніи въ Константинополь: ниже Максимъ былъ, или есть Епископъ, ниже поставленные имъ на какую бы то ни было степень клира: и содѣянное для него и содѣянное имъ, все ничтожно“ (2 Всел. соб. прав. 4).

Такъ древняя вселенская Церковь относилась къ самочинникамъ-еретикамъ и раскольникамъ; она не признавала ни епископовъ, ни клириковъ ихъ лицами священными, а оставляла ихъ мірянами; также говоритъ и Василій Великій: „я не причислю къ клиру того, кто оскверненными руками, на подрывъ вѣры, возведенъ въ начальники... пусть пріявшіе отъ нихъ возложеніе рукъ не домогаются, по возстановленіи клира, чтобы и ихъ причислили къ священному сонму“.

Такъ и православная Церковь относится къ Вѣлокриницкому священству.

Другое обвиненіе въ люциферіанской ереси также не состоятельно, какъ и первое.

Мы видѣли, что вселенская Церковь, по усмотрѣнію православныхъ епископовъ, иногда допускала въ клиръ бывшихъ клириками у еретиковъ, по обращеніи ихъ въ православіе, а иногда—нѣтъ. Значитъ и вся вселенская Церковь повинна въ ереси люциферіанской? Конечно, нѣтъ. Точно также не виновата въ этой ереси и наша православная Церковь, поступая вполне согласно съ правилами Церкви вселенской.

Блаж. Иеронимъ такъ передаетъ о причинахъ допущенія въ клиръ присоединившихся къ Церкви отъ ереси клириковъ:

„По возвращеніи исповѣдниковъ, на соборѣ александрійскомъ было постановлено, чтобы за исключеніемъ ересеначальниковъ, которыхъ заблужденіе не могло быть извинено, кающіеся были присоединяемы къ Церкви: *не потому, чтобы могли быть епископами бывшіе еретики*, но поелику было извѣстно, что принимаемые не были еретиками. Западъ согласился съ этимъ опредѣленіемъ; и такую необходимою мѣрою міръ былъ исторгнуть изъ пасти сатаны... Въ такое для церкви время, въ виду такой свирѣпости волковъ, онъ (Люциферъ) отдѣливъ нѣсколько овецъ, вовсе бросилъ остальное стадо. Самъ-то онъ и добрый пастырь; но оставилъ звѣрѣямъ большую добычу. Умалчиваю о томъ, что утверждаютъ за достовѣрное нѣкоторые изъ злорѣчивыхъ, будто онъ сдѣлалъ это изъ любви къ славѣ и съ цѣлію передать въ потомствѣ имя свое, равно какъ изъ вражды противъ Евсевія, начавшейся съ антиохійскаго разногласія. О такомъ мужѣ я не вѣрю ничему подобному“.

Далѣе въ разговорѣ ставится вопросъ люциферіанина относительно

діакона Иларія: „Какъ слѣдуетъ смотрѣть на Иларія, который не принимаетъ даже крещенныхъ аріанами?“

Въ отвѣтъ между прочимъ говорится.

„Еслибы кто вздумалъ отрицать, что наши предки всегда принимали еретиковъ, то пусть прочитаетъ письма блаж. Кипріяна, въ которыхъ оныя обращаясь къ Стефану, епископу римскому, доказываютъ погрѣшность установившагося обычая. Пусть читаетъ книги и самого Иларія о перекрещиваніи еретиковъ, которыя написалъ онъ противъ насъ, и найдетъ тамъ сознаніе самого же Иларія, что Юлій, Маркъ, Сильвестръ и прочіе древніе епископы принимали всѣхъ еретиковъ также чрезъ покаяніе, и что ему не слѣдовало при этомъ принимать на себя произнесеніе приговора обычаю: потому что и соборъ никейскій, о которомъ мы упомянули нѣсколько выше, принялъ всѣхъ еретиковъ, исключая Павла Самосатскаго. А что еще важнѣе, соборъ этотъ сохраняетъ степень пресвитерства за епископомъ новаціанскимъ, если онъ обратится. Это опредѣленіе опровергаетъ и Люцифера и Иларія: потому что относится въ одно и тоже время и къ клирику и крещенному“.

(Блаж. Иерон. част. 5. Разгов. противъ люцифер. ст. 84, 85, 91 и 92).

Изъ этихъ словъ бл. Иеронима видно, что Церковь принимала кающихся не потому, чтобы епископами могли быть бывшіе еретики, но покольку было извѣстно, что принимаемые не были еретиками“.

Старообрядецъ, требуя принятія своего священства въ сущихъ санахъ, самъ именно требуетъ этого только „потому, что они еретики“ подобны прочимъ еретикамъ. Церковь всегда такое требованіе отвергала, а принимала епископовъ бывшихъ еретиками „потому, что было извѣстно, что принимаемые не были еретиками“. Притомъ чрезъ это принятіе стадо охранялось отъ свирѣпости волковъ, но Люциферъ ничего этого не принималъ во вниманіе, а, изъ-за личныхъ непріязненныхъ отношеній къ Евсеію, отдѣливъ нѣсколько овецъ, вовсе бросилъ остальное стадо (И м. Амвросій изъ за личныхъ непріятностей ушелъ въ расколъ).

Тотъ же блаж. Отецъ пишетъ:

„Всѣ епископы, лишенные кафедръ, благодаря снисходительности новаго императора (Юліана), возвращаются къ церквамъ. Сошлись епископы, которые безсознательно оказались въ числѣ еретиковъ, попавшись въ армянскія сѣти, клялись тѣломъ Господнимъ и всѣмъ, что есть въ Церкви святаго, что они по совѣсти не подозрѣвали ничего дурнаго. Мы думали, говорили они, что смыслъ соответствовать словамъ, и не предполагали, чтобы въ Церкви Божіей, гдѣ царствуетъ прямодушіе и искренность исповѣданія, одно могло таиться въ церкви, другое высказываться на устахъ. Насъ обмануло доброе мнѣніе о дурныхъ людяхъ. Будучи священниками Христа, мы не думали сражаться противъ Христа. И многое другое, что я упускаю для краткости, высказывали они со слезами, готовые осудить и прежнія подписи, и всѣ аріанскія богохульства. Спрошу я теперь оныхъ

крайне благочестивыхъ, какъ бы они полагали поступить съ сдѣлавшими такое признаніе? Скажутъ, что, низложивши прежнихъ епископовъ, они рукоположили бы новыхъ. Былъ такой опытъ. Но кто, не будучи врагомъ себѣ, допустилъ бы низложить себя? Особенно когда весь народъ, любившій своихъ священниковъ, почти принимался за камни, сбѣгался, чтобы убить низлагавшихъ ихъ? Пусть бы, скажутъ, остались въ общеніи только съ своею паствою. Но это значило бы по неразумной строгости предавать диаволу весь міръ. За что они осудили бы тѣхъ, которые не были аріанами? За что наконецъ, по упряметву своему, они обратили бы въ аріанъ тѣхъ, которые правильно вѣровали?“

(Тамъ-же лист. 82 и 83-й).

Вотъ къ чему могла придти Церковь, поступая по мысли Люцифера, а потому церковь отвергла это желаніе Люцифера, а стала принимать присоединяющихся въ сущихъ санахъ, по усмотрѣнію православнаго епископа, на что и указываетъ бл. Іеронимъ словами: „Соборъ этотъ (Никейскій) сохраняетъ степень пресвитерства за епископомъ новаціанскимъ, если онъ обратится“. Такъ поступаетъ и православная Церковь, но старообрядецъ ее обвиняетъ въ люциферіанской ереси и требуетъ, чтобы Церковь принимала въ сущихъ санахъ іерархическихкихъ лицъ бѣлокриницкаго священства. Люциферъ требовалъ никому изъ бывшихъ еретиковъ не возвращать священства, давая чрезъ то поводъ всѣмъ лишеннымъ священства для священства остаться въ аріанствѣ, а старообрядецъ требуетъ всѣхъ раскольниковъ принимать въ православіе въ сущихъ санахъ, предоставляя имъ съ раскольнической хиротоніей вторгнуться въ прав. Церковь и православіе ввергнуть въ расколъ. И Люциферъ и старообрядецъ одинаково ревнуютъ стадо Божіе подвергнуть свирѣпости волковъ.

Протоіерей Н. Фіалковскій.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

На злобу дня. Фельетонъ свящ. А. Смирягина.—„Слово“ № 87-й.

Прочитавши писаніе священника Александра Смирягина „На злобу дня“, отпечатанное въ № 87 газеты „Слово“, приходишь въ удивленіе. А это писаніе перепечатано и въ провинціальныхъ газетахъ, въ укоръ консерваторамъ. Отецъ Смирягинъ не хочетъ вѣрить тому, что военныя неудачи и всѣ бѣдствія, постигающія тотъ или другой народъ, являются наказаніемъ Божиимъ за упадокъ благочестія.

Между тѣмъ историческія данныя и не одно свидѣтельство слова Божія подтверждаютъ ту истину, что за упадокъ вѣры и благочестія посылались Богомъ наказанія, какъ исправительныя мѣры Божія правосудія. Пророкъ Іеремія, перечисливъ пороки современныхъ ему іудеевъ, говоритъ отъ имени Господа: „неужели Я не накажу ихъ, говоритъ Господь, за то, что они оставили законъ Мой, который Я постановилъ для нихъ, и не слушали гласа Моего и не поступали по нему“ (Іер. 9, 9, 13). Тоже можно прочитать у пророка Іезекіиля: „будутъ стонать, каждый за свое беззаконіе. Я приведу злѣйшихъ изъ народовъ, говоритъ Господь Богъ, и завладѣютъ домами ихъ, и будутъ осквернены святыни ихъ, и не станеть ученія у священника“ (Іезек. 7, 16, 24, 26). Святой пророкъ Давидъ, припоминая о нечестіи народа Израильскаго говоритъ: „воспылалъ гнѣвъ Господа на народъ Его, и предаль ихъ въ руки язычниковъ“ (Псал. 105, 40, 41). Апостоль Павелъ говоритъ: „открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду чловѣковъ, подавляющихъ истину неправдою“ (Римл. 1, 18).

О. Смирягинъ пишетъ:

Ассириане, Сиріане, Вавилоняне, Греки, Римляне знали и почитали Іегову несравненно менѣе, чѣмъ Евреи, однако благоденствіе и политическое могущество этихъ языческихъ народовъ нельзя и сравнивать съ еврейскимъ.

Очевидно, о. Смирягину хочется доказать, что бѣдствіе и благоденствіе народовъ не зависитъ отъ ихъ нравственнаго достоинства. Нужно

принять въ соображеніе то, что Богъ кого любитъ, того наказываетъ (Евр. 12, 6); и что рабъ тотъ, который зналъ волю господина своего, и не дѣлалъ по волѣ Его, битъ будетъ много (Лук. 12, 47). Самая высшая мѣра наказанія Божія есть та, когда Богъ отступается отъ нечестивца. Богъ говорилъ: „народъ Мой не слушалъ гласа Моего, и Израиль не покорялся Мнѣ; потому Я оставилъ ихъ упорству сердца ихъ, пусть ходятъ по своимъ помысламъ“ (Псал. 80, 12, 13). Праведный Іовъ въ отвѣтъ своимъ друзьямъ говорилъ: „лишь только я вспомню, содрагаюсь, и трепеть объемлетъ тѣло мое, почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дома ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ. Проводятъ дни свои въ счастіи и мгновенно нисходятъ въ преисподнюю. А между тѣмъ они говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ! Что Вседержитель, чтобы намъ служить Ему? и что пользы прибѣгать къ Нему? Видишь счастіе ихъ не отъ ихъ рукъ. Совѣтъ нечестивыхъ будь далеко отъ меня!“ (Іов. 21, 6, 7, 9, 13, 14, 15, 16). Іовъ возмущался тѣмъ, что нечестивые живутъ въ видимомъ довольствѣ и счастіи; но его чистая душа далека была отъ той мысли, что будто все равно какъ ни жить—благочестиво, или нечестиво, лишь бы счастливымъ быть на сей землѣ. Счастливъ былъ на землѣ евангельскій богачъ; но все его счастіе ограничилось кратковременною земною жизнію (Лук. 16, 12—25).

О. Смирягинъ пишетъ:

Для христіанъ важнѣе всего ученіе Христа, и потому изъ ветхаго завѣта они могутъ принимать лишь то, что не противорѣчитъ Евангелію; въ послѣднемъ нигдѣ не сказано, что послѣдователи Христа вообще будутъ пользоваться земными благами и, въ частности, политическимъ могуществомъ пропорціонально своему благочестію. Напротивъ, Христосъ Самъ предсказывалъ Своимъ ученикамъ въ жизни путь скорбный и тѣсный; Самъ говорилъ: царство Мое не отъ міра сего. Святой апостоль Павелъ училъ, что всѣ, хотящіе жить въ благочестіи, будутъ гонимы (2 Тиме. 3, 12).

Да, Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: въ мірѣ будете имѣть скорбь; но добавилъ, мужайтесь: Я побѣдилъ міръ (Іоан. 16, 33). Слѣдовательно, эта скорбь временная, скорбь героевъ—побѣдителей міра. Три съ половиною столѣтія христіане несли великія скорби и страданія; но вышли славными побѣдителями.

Нельзя не припомнить знаменательнаго благословенія патріархомъ Ноемъ своихъ дѣтей, гдѣ было сказано объ Іафетѣ: и да вселится онъ въ шатрахъ Симовыхъ; Ханаанъ же будетъ рабомъ ему (Быт. 9, 27).

И дѣйствительно, потомки Іафета, принявши христіанство, господствуютъ во всѣхъ странахъ, во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Псалмопѣвецъ говоритъ: „дѣлающіе зло истребятся, уповающіе же на Господа наслѣдуютъ землю. Еще немного, и не станетъ нечестиваго; посмо-

тришь на его мѣсто, и нѣтъ его. А кроткіе наследуютъ землю и наслаждаются множествомъ мира (Псал. 36, 9, 10, 11). Блаженъ мужъ, боящійся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его. Сильно будетъ на землѣ сѣмя его; родъ правыхъ благословится (Псал. 111, 1, 2). И Самъ Господь сказалъ: блаженны кроткіе; ибо они наследуютъ землю.

О. Смирягинъ пишетъ:

Вмѣсто того, чтобы придумать серьезныя мѣры къ поднятію нравственности въ государствѣ, вмѣсто того, чтобы указать дѣйствительныя средства къ излѣченію язвъ, разъѣдающихъ народный организмъ, многіе спасители отечества вопіютъ, что для избавленія отъ всѣхъ бѣдъ намъ нужно лишь каяться во грѣхахъ своихъ, молиться, поститься и просить у Господа милости и прощенія. Но какъ будутъ дѣлать все это главные виновники нашихъ несчастій—люди зараженные невѣріемъ? И, кромѣ того, взгляды на постъ и молитву, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ, можетъ развить въ народѣ нехорошее убѣжденіе: живи, какъ хочешь, дѣлай, что хочешь, а придетъ бѣда,—прогонимъ ее постомъ и молитвою. Не въ этомъ ли убѣжденіи коренятся наши исконныя принципы: авось, небось, да какъ нибуль?

О. Смирягинъ не хочетъ признать цѣлесообразности покаянія, поста и молитвы; тогда какъ всѣ эти постановленія святой Церкви входятъ въ обязательный планъ спасенія людей. Господь началъ Свою проповѣдь призываніемъ людей къ покаянію, Онъ говорилъ: „покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“ (Мате. 4, 17). Покаяніе есть начало исправленія: никакъ нельзя начать новую лучшую жизнь иначе, какъ только сознать, что прежняя жизнь была неправильна. Нераскаянность есть признакъ загрузѣлости и безнадежности къ исправленію. Такъ, Господь укорялъ жителей тѣхъ городовъ, въ которыхъ наиболѣе явлено было силъ Его, за то, что они не покаались (Мате. 11, 20). Нераскаяннымъ грѣшникамъ Господь опредѣляетъ погибель (Лук. 13, 1—5). Относительно необходимости для вѣрующаго молитвы къ Богу, Господь говоритъ... просите, и дано будетъ вамъ (Мате. 7, 7). Истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ: то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго (Мате. 18, 19). Бодрствуйте на всякое время, и молитесь, да сподобитесь избѣжать всѣхъ будущихъ бѣдствій (Лук. 21, 36). Относительно необходимости и спасительности для вѣрующаго поста, у пророка сказано: „такъ говоритъ Господь Саваоѣвъ: постъ четвертаго мѣсяца, и постъ пятаго, и постъ седьмаго и постъ десятаго содѣлается для дома Іудина радостію и веселымъ торжествомъ; только любите истину и миръ (Зах. 8, 19). И Іисусъ Христосъ признаетъ постъ необходимымъ, и даетъ наставленіе—какъ слѣдуетъ проводить его (Мате. 6, 16—18). Святой пророкъ Давидъ говоритъ: „я плачу, постясь душею моею, и это ставитъ въ поношеніе мнѣ“ (Псал. 68, 11). Именно, такъ

поступаетъ и о. Смирягинъ. Очевидно, онъ взялъ злоупотребленія многихъ христіанъ покаяніемъ, постомъ и молитвою; но злоупотребленія нельзя брать за правила.

О. Смирягинъ пишетъ:

Постоянная надежда на чудесную помощь Божию убиваетъ самодѣтельность народа. Не даромъ наши предки создали мудрую поговорку: на Бога надѣйся, и самъ не плошай. И еслибы мы слѣдовали ей, то избѣгли бы тѣхъ бѣдъ, какія обрушились теперь на Россію.

Правда, что излишняя надѣянность на милосердіе Божіе, когда кто-нибудь, продолжая самъ грѣшить, надѣется, что Богъ не заключить отъ него Своей благодати, и не накажетъ его, и такимъ образомъ забывается о Божественномъ правосудіи. Такіе люди грѣшатъ противъ Бога: не заботятся о самоисправленіи, и остаются нерадивцами во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни. Но другое дѣло, постоянная надежда на чудесную помощь Божию, надежда, что милосердый Богъ обо всемъ промышляетъ и все направляетъ къ лучшему, это есть необходимая добродѣтель, спасающая насъ отъ чрезвычайной самонадѣянности, равняющейся иногда въ жизни полной безпечности. Апостоль Петръ говоритъ: „всѣ заботы свои возложите на Него (Бога); ибо Онъ печется о насъ“ (1 Петр. 5, 7). Очевидно, невѣрующій и развращенный человѣкъ не можетъ и не станетъ возлагать своихъ надеждъ на Бога, а излишне надѣющийся на милосердіе Божіе злоупотребляетъ своею надеждою себѣ на гибель. Премудрый Сирахъ говоритъ: „не говори: я согрѣшилъ, и что мнѣ было? Ибо Господь долготерпѣливъ. И не говори: милосердіе Его велико—Онъ проститъ множество грѣховъ моихъ; ибо милосердіе и гнѣвъ у Него, и на грѣшникахъ пребываетъ ярость Его“ (Сир. 5, 4, 6, 7).

Въ концѣ своего писанія о. Смирягинъ говоритъ: „О, если бы тѣ, кому вѣдать надлежитъ, поскорѣ убѣдились, что Россія проснулась и что неискреннія рѣчи ихъ лишь мѣшаютъ торжеству правды и добра.

Куда же спросонокъ Россія направляется? Одни по своему священному долгу говорятъ: Женихъ идетъ! выходите на встрѣчу Ему (Матѣ. 25, 6). А другіе говорятъ: тщетно служеніе Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановленія Его? И нынѣ мы считаемъ надменныхъ счастливыми; лучше устраиваютъ себя дѣлающіе беззаконіе, и хотя искушаютъ Бога, но остаются цѣлы (Малах. 3, 14, 15). Кого же слушать? Чьи рѣчи искренни и чьи неискренни“?

Есть тенденціозныя мысли въ писаніи о. Смирягина; но я считаю бесполезнымъ разсуждать о нихъ: несостоятельность ихъ для искренно жалѣющихъ свое отечество очевидна и доказана историческими данными.

Протоіерей *Николай Русановъ*.

„Старообрядческій Вѣстникъ“, *Ежемесячный журналъ*, № 1, *Январь 1905 г.*

Читатели „Мисс. Обозр.“ уже ознакомлены съ вѣдшею стороною новаго старообрядческаго журнала. Теперь не лишне остановитъ ихъ вниманіе на содержаніи нѣкоторыхъ его статей. За общегословскимъ отдѣломъ, въ подражаніе нѣкоторымъ православнымъ журналамъ, слѣдуетъ второй отдѣлъ—*историческій*. Въ немъ между прочимъ помѣщено „Краткое начертаніе житія преосвященнаго Амвросія митрополита“. Житіе, по мнѣнію редакціи, составлено Иларіономъ Георгіевичемъ Ксеносомъ и представляетъ собою слово, сказанное авторомъ въ 40-й день кончины названнаго митрополита.

Личность м. Амвросія въ первое время еще не была обслѣдована со всѣхъ сторонъ. Отсюда неосвѣдомленность Ксеноса, если онъ писалъ данное житіе, вполнѣ понятна. Но не понятна за то для насъ неосвѣдомленность редакціи „Старообр. Вѣстн.“, выпускающей это житіе въ наше время, когда обстоятельства жизни митрополита, его переходъ въ старообрядство и его кончина стали предметомъ достовѣрныхъ, повѣренныхъ изслѣдованій.

Ложью редакціи старообрядство не защитишь. Поэтому, напрасенъ ея трудъ.

Въ житіи сказано, что м. Амвросій крещенъ въ три погруженія. Но это еще вопросъ. Если Амвросій былъ крѣпкимъ младенцемъ, то могъ быть крещенъ погружательно, а если слабымъ младенцемъ, то могъ быть крещенъ и поливательно.

Писатель житія утверждаетъ, что Амвросій при рожденіи былъ названъ Андреемъ. Это также невѣрно. Амвросій былъ названъ Амреемъ, именемъ, ненаходящимся въ Святцахъ. Таковъ обычай у грековъ. Извѣстіе объ этомъ сообщено сыномъ м. Амвросія Георгіемъ. Считаю со старообрядческой точки зрѣнія не малымъ соблазномъ, что при крещеніи Амвросію дано было имя, не обрѣтающееся въ святцахъ, инокъ Павелъ—учредитель Австрійской іерархіи, постарался скрыть это обстоятельство отъ старообрядцевъ и чтобы не выдать правды, уговорилъ Амвросіева сына называться Андреевичемъ (Ист. Бѣлокр. іер. Н. Суб., т. 1-й, 363 стр.).

Авторъ житія рассказываетъ о томъ, какъ Амвросій, увѣрившись въ чистотѣ и истинѣ старообрядчества, рѣшается „яко новый Авраамъ странствовать и всяку тѣсноту и скорбь терпѣти Господа ради“. Не много ли сказано!? Авраамъ странствовалъ по Божію повелѣнію. Самъ Богъ явился ему и велѣлъ идти въ Ханаанскую землю. Что касается Амвросія, мы не знаемъ о явленіи ему Самого Бога и Его повелѣнія идти ему въ Австрійское государство.

Объ м. Амвросіи знаемъ другое. Онъ перешелъ къ старообрядцамъ послѣ долгихъ колебаній и успокоеній своей совѣсти, ради внѣшнихъ, житейскихъ расчетовъ и выгодъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ его договоръ съ депутатами Павломъ и Алимпіемъ: „Его Высокопреосвященство будетъ жить въ Бѣлой Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, на всемъ монастырскомъ содержаніи; сверхъ-же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго золота, пока онъ живъ будетъ, съ тѣмъ, чтобы исполнять ему все по правиламъ св. отецъ, согласно монастырскаго устава, безъ нарушенія“ (тамъ-же, 396 стр.). Здѣсь не сказано, что м. Амвросій перешелъ къ старообрядцамъ изъ-за убѣжденія въ правотѣ ихъ вѣры. Нѣтъ. Ему за исполненіе старообрядческаго устава и обычаевъ дають деньги и содержаніе. Правда, въ формальномъ договорѣ, представленномъ австрійскому правительству, Амвросій утверждалъ:

„Я, митрополитъ Амвросій, не желая далѣе прожывать жизнь свою праздно, и ни по нуждѣ, ни по какой страсти, но по чистой своей совѣсти согласился... поступить въ старовѣрческую религію“ и т. д. Но на то формальный договоръ былъ сдѣланъ, чтобы скрыть истинныя побужденія митрополичьяго перехода. Подробное изложеніе того, какой цѣной приобрѣтено согласіе м. Амвросія, сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ, было-бы соблазнительно для старообрядцевъ, а потому о нихъ говорится въ секретномъ договорѣ.

Авторъ житія говоритъ про м. Амвросія, что онъ торжественно предалъ проклятію всѣхъ еретиковъ явленныхъ же и неявленныхъ и отринулъ вся сомнительныя новшества. Чинъ отреченія отъ ересей митрополитъ читалъ безсознательно, не понимая, что читалъ. Чинъ былъ писанъ греческимп буквами, но славянскими словами, непонятными для Амвросія. Онъ былъ грекъ. Напрасно старообрядцы стараются сдѣлать его славяниномъ. Если бы онъ былъ славяниномъ, то для чего требовался тогда переводчикъ Огняновичъ?

М. Амвросій по житію отринулъ „вся сомнительныя новшества“ — обряды грекороссійской церкви. Это тоже суцая ложь. М. Амвросій, не смотря на всѣ убѣжденія инока Павла, не оставилъ даже такой небольшой особенности грекороссійскаго чина, какъ пѣніе за литургіей: „Господи спаси благочестивыя и услыши ны“ („Рус. Вѣст.“ т. 50, 66—67 стр.). Павелъ не могъ также убѣдить м. Амвросія, чтобы тотъ во время херувимской пѣсни, передъ перенесеніемъ даровъ, не вынималъ частицъ за живыхъ и умершихъ по православному обычаю, т. е. изъ каждой просфоры по нѣскольку частицъ.

Житіе рассказываетъ, что Амвросій „облобыза и пріять вся древне-церковныя преданія и прильпился къ нимъ вседушно и неизмѣнно“. Свидѣтели-очевидцы говорятъ наоборотъ: Амвросій до самой своей

смерти благословляя домашнюю трапезу и нерѣдко спорилъ о правильности сугубой аллилуіи (Игум. Филаретъ. Его Бр. „Быльи и остался-ли преданъ т. н. старообрядчеству м. Амвросій, стр. 21).

По житію м. Амвросій называется богодарованнымъ женихомъ для многолѣтно вдовствовавшей церкви. Но данное названіе Амвросія едва ли полезно для старообрядства и его защиты. Старообрядцы-австрійцы пусть помнятъ параллель, т. е. несходство между церковью Христовой и церковью австрійскою, проведенную безпоповщинскимъ начетчикомъ А. Коноваловымъ, параллель между дѣвой чистой и вдовой грязной, у коей послѣ многихъ мужей сталъ мужемъ и Амвросій, по мнѣнію австрійцевъ богодарованный женихъ церкви (Наши бесѣды съ Коноваловымъ, 1904 г.).

По словамъ житія, Амвросій былъ богоизбраннымъ пастыремъ серымъ овцамъ. Онъ не оставилъ паству словесныхъ овецъ... и къ званію возвращенія пребысть непреклоненъ, яко твердый адамавъ“. Пусть старообрядцы не думаютъ, что м. Амвросій былъ убѣжденъ въ правотѣ старообрядчества, къ чему склонился представленными ему въ Константинополь инокѣмъ Павломъ свидѣтельствами о древности двуперстія и сугубой аллилуіи. Если онъ не возвратился въ Царьградъ по требованію патріарха и пожелалъ остаться въ Циллѣ, куда онъ былъ сосланъ вѣнскимъ правительствомъ, то это онъ сдѣлалъ не вслѣдствіе признанія правоты за старообрядствомъ, а единственно потому, что ему хорошо было извѣстно, что ожидало его въ Константинополь, за его поступокъ противъ Церкви. Оставаясь же въ Циллѣ на полной свободѣ и ничего не дѣлая, онъ надѣялся получать и дѣйствительно получалъ отъ старообрядцевъ и отъ австрійскаго правительства положенныя ему деньги.

Житіе заканчивается убѣжденіемъ поминать умершаго митрополита въ молитвахъ и въ приношеніи безкровной жертвы. Напоминаніе не лишнее. Его не поминали въ Бѣлой Криницѣ въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ и если стали послѣ поминать за церковными службами, то во избѣжаніе лишь соблазна и ради пользы мнимой церкви.

М. Амвросій возвратился въ греческую церковь не предъ смертью, а вскорѣ по водвореніи его на мѣстѣ ссылки. Что Амвросій имѣлъ сомнѣніе относительно правоты своихъ дѣйствій,—объ этомъ говоритъ его отказъ имѣть при себѣ походную церковь съ іеромонахомъ Геронимомъ, объ этомъ свидѣлствуетъ его нежеланіе переселиться съ разрѣшенія правительства изъ Цилли въ Черновицы, въ сосѣдство съ Бѣлой Криницею и его, наконецъ, нежеланіе исповѣдаться предъ кѣмъ-либо изъ посѣщавшихъ его лицъ австрійскаго старообрядческаго священства. Іустинъ, старообрядческій епископъ, былъ у Амвросія наканунѣ смерти, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, и однако Амвросій, не смотря

на сдѣланные ему намеки, не исповѣдался у него. На слѣдующій день, день своей смерти, онъ исповѣдался и приобщился св. Христовыхъ Таинъ у греческаго православнаго священника (Подробн. въ брошюрѣ игум. Филарета).

Если бы все это зналъ авторъ житія — искренній Ксеносъ, во всякомъ разѣ онъ не написалъ бы того, что видимъ сейчасъ написаннымъ. Ксеносъ повѣдалъ многое объ Амвросіи по незнанію. Нельзя этого сказать про редактора „Старообрядческаго Вѣстника“, помѣтившаго краткое начертаніе житія м. Амвросія на страницахъ первой книжки своего новооткрытаго журнала. Онъ не могъ уже не знать объ обстоятельствахъ смерти Амвросія. Они повѣданы еще игуменомъ Филаретомъ, очевидцемъ первоначальныхъ событій въ Бѣлой Криницѣ. Еще въ 1865 г. онъ писалъ письма объ истинныхъ обстоятельствахъ кончины митр. Амвросія. Правда, старообрядцы имъ не вѣрятъ. Но ихъ невѣріе еще не служить свидѣтельствомъ ложности истинныхъ показаній объ несчастномъ митрополитѣ. Свидѣтельства, благопріятныя для старообрядцевъ, пріемлются ими, хотя бы они шли и отъ великороссійскихъ писателей. Совсѣмъ другое бываетъ дѣло, когда свидѣтельства тѣхъ же ученыхъ, тѣхъ же писателей не особенно благопріятны. Тогда старообрядцы не вѣрятъ имъ, какъ исходящимъ „отъ враговъ“. Но справедливо ли такъ поступать въ дѣлахъ вѣры? Нѣтъ, несправедливо. Несправедливъ и редакторъ „Старообрядческаго Вѣстника“, помѣтившій житіе, противорѣчащее свидѣтельствамъ исторіи, говорящимъ, что Амвросій не былъ новымъ Авраамомъ, богоизбраннымъ, доблестнымъ архипастыремъ, твердымъ адамантомъ, а былъ скорѣе наемникомъ, ушедшимъ въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, ради денегъ, къ старообрядцамъ, не разъ ихъ проклинавшимъ въ виду медленнаго полученія съ нихъ годового жалованья и въ концѣ концовъ опять перешедшаго въ православную Церковь.

Третій отдѣлъ въ журналѣ — „Внутреннія дѣла старообрядческой церкви“. Здѣсь помѣщены статьи: „Старообрядческая іерархія“, „Управленіе старообрядческой церкви“ и „Лѣтопись событій 1904 г.“. О первой и послѣдней въ 4-й книжкѣ „Миссіон. Обозр.“, сколько слѣдуетъ, сказано. Остается сказать о второй. По автору статьи, высшее управленіе старообрядческой австрійской церкви есть соборъ епископовъ. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ. Правда, редакторъ приводитъ документы въ пользу своей мысли. Но изъ нихъ, какъ Божій день, видно, что старообрядческая церковь, наоборотъ, управляется не соборами, а Духовнымъ Совѣтомъ или Всероссійскимъ старообрядческимъ попечительствомъ.

Что старообрядческая церковь Бѣлокриницкаго священства долгое время управлялась Духовнымъ Совѣтомъ, состоявшимъ изъ священниковъ, діаконовъ и мірянъ, — объ этомъ очень ясно говоритъ помѣщен-

ный въ журналѣ документъ о созваніи областныхъ соборовъ и о Московскомъ духовномъ совѣтѣ. Имъ требуется, чтобы московскій архіепископъ обязательно соблюдалъ церковныя правила относительно помѣстныхъ соборовъ. Выходитъ, старообрядческій архіепископъ до этого времени не соблюдалъ этихъ правилъ. „Это опредѣленіе, говорятъ собравшіеся епископы про разбираемый нами документъ, дѣлаемъ потому, что бывшій московскій архіепископъ Савватій нѣсколько лѣтъ нарушалъ священныя правила о созваніи вышеупомянутыхъ помѣстныхъ соборовъ“. Данное нарушение церковныхъ правилъ практиковалось у старообрядцевъ, такимъ образомъ, не одинъ годъ. Оно въ концѣ концовъ сдѣлалось даже такимъ зломъ, что старообрядческіе епископы пожелали всѣми силами избавиться отъ него. Касательно Духовнаго Совѣта, они, напримѣръ, постановили такое опредѣленіе: „Московскій духовный совѣтъ совершенно уничтожаемъ, такъ какъ онъ служитъ постояннымъ препятствіемъ къ исполненію свято-церковныхъ правилъ о созваніи помѣстныхъ соборовъ“. Былъ уничтоженъ не только совѣтъ, но и всѣ документы, утверждавшіе существованіе совѣта, подверглись осужденію и изытію. На будущее время соборъ старообрядческихъ епископовъ желалъ избавиться не только отъ совѣта, но и всякаго его подобія. Такъ всѣмъ имъ насолилъ совѣтъ!? Онъ прямо постановилъ, чтобы „никто не смѣлъ и не имѣлъ права замѣнять ежегодные областныя соборы епископовъ какимъ-либо учрежденіемъ въ родѣ бывшаго Московскаго духовнаго совѣта, хотя бы и подъ другимъ наименованіемъ“.

Напрасно апологеты старообрядчества и его покровители воображаютъ, что у старообрядцевъ все по Кормчей и по правиламъ. У нихъ, наоборотъ, съ самаго начала, съ самаго учрежденія іерархіи до самаго послѣдняго времени все идетъ въ разрѣзъ съ правилами церковной жизни. Въ послѣдніе годы, вопреки разобранному нами опредѣленію ихъ епископовъ, ихъ церковью управляетъ учрежденіе опять въ правилахъ Кормчей не указанное, именно всероссійское церковно-общественное попечительство. Насколько неканонично и незаконно такое управленіе—объ этомъ свидѣлствуютъ сами старообрядцы. Во 2-мъ номерѣ „Мисс. Обзор.“ текущаго года приведена полностью брошюра лжесвященника г. Казани А. И. Колягина. Въ ней названный лжеіерей старается доказать „Самоправіе въ дѣйствіяхъ именуемыхъ Всероссійскихъ създовъ и ихъ попечительствъ“. Колягинъ сѣтуетъ въ своей брошюрѣ на то, что нѣкоторые „міряне, будучи ногай, становятся вмѣсто головы“ и издаютъ „иной голосъ, чѣмъ голосъ верховныхъ архипастырей“, что „новоявленное попечительство успѣло уже проявить свои права надъ россійскими епископами“, да не только попечительство, но и дѣлопре-

изводитель онаго **Θ. Е. Мельниковъ** въ грамотахъ“ „дѣлаетъ внушенія епископамъ“.

Редакторъ вмѣсто того, чтобы хвалиться соборнымъ управленіемъ своей старообрядческой церкви, лучше прислушался бы къ искреннему голосу своего священника, который въ своихъ сѣтованіяхъ на неканоническое управление Церкви не стоитъ особнякомъ. Итакъ, *соборнаго* управленія въ старообрядческой австрійской церкви нѣтъ. Оно существуетъ лишь на страницахъ „Старообрядческаго Вѣстника“, существуетъ на словахъ, а не на дѣлѣ.

Свящ. С. Шлеевъ.

Д. И. Скворцовъ. Современное русское сектантство. (Очерки, статьи и изслѣдованія). Москва, 1905 г., in 8°, стр. IV + 230 + II; Ц. 1 р. 50 к.

Общезвѣстенъ фактъ, что современное русское сектантство, особенно рационалистическаго характера, обнимая собою очень многія стороны народно-общественной жизни, полно захватывающаго интереса не только съ церковно-исторической точки зрѣнія, но и со стороны социальной и политической. Пресса удѣляетъ не мало вниманія вопросамъ о сектантствѣ, рассматривая его подъ разными углами зрѣнія. Различіе въ направленіяхъ изслѣдователей сектантства, естественно, породило и самыя разнообразныя взгляды на современное русское сектантство, начиная отъ крайне-консервативныхъ взглядовъ и оканчивая крайне либеральными. Поэтому, читателямъ не специалистамъ трудно иногда бываетъ разобраться въ этомъ разнорѣчьи. Распространеніе историческихъ и фактическихъ свѣдѣній о сектантствѣ, какъ изъ его прошлаго, такъ и настоящаго, а также освѣщеніе фактовъ изъ сектантской жизни и вообще характеристика современнаго сектантства безъ тенденціозности весьма желательны. Желая прійти на помощь нашей Церкви и государству въ уврачеваніи „тяжкой и сложной болѣзни народнаго духа“—раскола и сектантства,—**Д. И. Скворцовъ** издалъ сборникъ своихъ статей подъ заглавіемъ: „Очерки современнаго русскаго сектантства“.

Въ сборникъ вошли статьи преимущественно по исторіи современнаго рационалистическаго сектантства, обращающаго наиболѣе на себя вниманіе современнаго общества, и характеристики сектъ штундистовъ, пашковцевъ, сятаевцевъ и толстовцевъ. Этимъ статьямъ авторъ, въ видѣ предисловія, предпослалъ „краткій очеркъ происхожденія рационалистическихъ сектъ на Руси“. Послѣднія три статьи „Сборника“ составляютъ особую группу,—при чемъ первая изъ нихъ, а по общему

счету IX, содержитъ характеристику безпоповщины, въ духѣ и характерѣ которой коренятся начала рационализма. Вторая статья (X) даетъ характеристику скопчества по одному судебному процессу, на которомъ автору пришлось быть въ качествѣ эксперта. Наконецъ третья (XI) статья указываетъ нѣкоторые виды эксплуатаціи религіозности русскаго народа не только съ матеріальною цѣлью, но и съ цѣлью сѣянiя въ народѣ разныхъ ложныхъ вѣрованiй и сектантскихъ заблужденiй.

Слова нѣтъ—задача, принятая на себя г. Скворцовымъ, почтенная,—и авторъ выполнилъ ее по мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнiя. Но не всѣ очерки, заключающіеся въ его сборникѣ, равноцѣнны.—Тѣ очерки, гдѣ авторъ выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя на основанiи фактическаго матеріала, имѣвшагося у него подъ руками, должны быть признаны наиболѣе цѣнными для науки сектовѣдѣнiя. Къ этой категорiи принадлежатъ очерки: „Пашковцы по судебнымъ процессамъ о нихъ“, „Скопцы“ и „Религіозность русскаго народа, какъ предметъ эксплуатаціи“. Очерки же, въ которыхъ авторъ пытается дать историческій эскизъ и представить характеристику той или другой секты, должны быть отнесены къ числу самыхъ слабыхъ во всемъ сборникѣ. Таковы первые четыре и седьмой очерки. Исключеніе составляетъ IX очеркъ: „Рационализмъ въ безпоповщинѣ“. Этотъ очеркъ, хотя и общаго характера, но составленъ очень умѣло, и читается съ интересомъ и не лишень научнаго значенiя.

Наиболѣе слабымъ изъ всѣхъ очерковъ нужно признать второй, посвященный „штундизму“ (20—37 стр.). Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ очеркѣ и укажемъ на погрѣшности, которыя бросаются въ глаза даже при бѣгломъ чтенiи этого очерка.—Касаясь догматической стороны штундизма, авторъ утверждаетъ, что среди штундистовъ достаточно распространено еретическое ученіе объ I. Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ; въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ, со словъ миссіонеровъ, цѣлый рядъ буквальныхъ сектантскихъ выраженiй о лицѣ I. Христа.—Это утвержденіе—болѣе чѣмъ рискованное. Насколько намъ извѣстно, штундисты въ общемъ мало занимаются такими догматическими, спекулятивными вопросами, какъ троичность лица, свойства каждаго лица Пресвятыя Троицы и т. д. Потому мы рѣшительно опровергаемъ данное положеніе автора. Если, допустимъ, нѣкоторыя лица среди штундистовъ склонны утверждать, что I. Христосъ простой человѣкъ, то это утвержденіе есть не болѣе, какъ мнѣніе единичныхъ личностей и не имѣетъ „достаточнаго распространенiя“ среди штундистовъ. Достаточно побывать на собранiяхъ у штундистовъ и послушать ихъ богомоленiя,—и вы сразу убѣдитесь, что они громко и настойчиво исповѣдуютъ, что „кровь Христа“ омыла ихъ отъ грѣха. Эта мысль красною нитью проходитъ чрезъ всѣ почти ихъ духовныя пѣсни, ко-

торныя поются на сектантскихъ собраніяхъ. Въ 87 пѣснѣ, помѣщенной въ „Голосъ вѣры“, мы читаемъ такія строки:

«Господь, Спаситель мой и свѣтъ...
Ты за насъ
Страдалъ, казнь и смерть вкусилъ
И кровью всѣ грѣхи омылъ.
Христось, Господь, Спаситель мой
Ты дашь и мнѣ вкусить покой» (130, 131 стр.).

Въ 98 пѣснѣ изъ отдѣла „любовь Христова“ находятся еще болѣе выразительныя строки:

„И вѣрю: съ Богомъ примиренье
Купила жертва мнѣ Твоя.
Омытый отъ грѣховъ Тобюю
Я буду смертию невредимъ“ (148 стр.).

Еслибы штундисты смотрѣли на лицо І. Христа, какъ на простого человѣка, то не было бы такого единодушія среди нихъ во время ихъ богомоленій. Навѣрное протестанты противъ божественнаго достоинства І. Христа выдѣлились бы въ особое общество и не пѣли бы гимновъ „пролитой крови Христовой“.—Духовныя пѣсни изъ „Голоса вѣры“, употребляемыя штундистами во время ихъ богомоленій, краснорѣчиво опровергають въ данномъ случаѣ г. Скворцова. Еслибы Скворцовъ хотя одинъ разъ побывалъ на сектантскихъ богомоленіяхъ и достаточно ознакомился съ „Голосомъ вѣры“, то не сталъ бы утверждать, что въ штундизмѣ ученіе о І. Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ, достаточно распространено“ (32 стр.).

Неправильно также представлено авторомъ ученіе штундизма о крещеніи и причащеніи. Авторъ совершенно правильно формулируетъ ученіе штундистовъ о таинствахъ, но уклоняется отъ истины, когда говорить, что крещеніе и причащеніе есть уступка простецамъ. Авторъ совершенно упускаетъ изъ виду дѣленіе штунды на духовную и плотскую: штундисты первой категоріи не признають ни воднаго крещенія, ни причащенія (чаши); штундисты же второй категоріи тѣмъ именно и отличаются отъ первыхъ, что ставятъ необходимымъ условіемъ вступленія въ ихъ общество крещеніе водное, а также считаютъ необходимымъ для вѣрующихъ причащеніе (чашу). Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ сектанты этой категоріи понимаютъ таинства; но обратимъ наше вниманіе на тотъ фактъ, что у нихъ крещеніе является завершительнымъ актомъ присоединенія къ штундизму. Посему вполне понятны для насъ массовыя крещенія сектантовъ и непреодолимое желаніе всѣхъ взрослыхъ сектантовъ воспринять водное крещеніе. Такимъ же непреодолимымъ желаніемъ воодушевлены сектанты и вкусить

„чашу“. Какъ къ водному крещенію, такъ и къ „чашѣ“ сектанты долго готовятся и приступаютъ къ нимъ только послѣ продолжительнаго искуса и укрѣпленія въ принципахъ штундизма.

Такимъ образомъ, крещеніе водное и чаша (причащеніе) являются завершительнымъ актомъ для вступающихъ въ ряды сектантства и никоимъ образомъ нельзя трактовать эти дѣйствія (мы не говоримъ таинства), какъ уступку простецамъ. Подобнымъ образомъ можетъ смотрѣть на водное крещеніе и причащеніе (чашу) только теоретикъ, изучавшій штунду по книжкамъ, а не практическимъ путемъ — лицомъ къ лицу съ этимъ сектантствомъ.

Утверждать, что штундизмъ есть секта анти-церковная, — не только можно, но и должно; но приписывать штундизму антигосударственныя идеи — думается намъ — болѣе или менѣе рискованно. Не должно забывать, что штунда у насъ на Руси весьма скоро будетъ праздновать сорокалѣтіе своего существованія. И за это время ни одного политическаго процесса! (Процессъ павловскихъ штундистовъ Харьковской губерніи, подпавшихъ подъ влияніе толстовскихъ идей, — мы не беремъ во вниманіе). Думается намъ, что коммунизмъ и социализмъ, „новый союзъ братьевъ“, проповѣдующій свободу, равенство и братство, а равно попытка установить въ штундизмъ разрушительно-отрицательныя начала — это скорѣе фикція, чѣмъ дѣйствительность. Допустимъ, что, быть можетъ, эти „безумныя мечтанія“ есть среди штундистовъ; но мы смѣло утверждаемъ, что эти мечтанія настолько микроскопичны, что штунду не окрашиваютъ въ специально-политическій цвѣтъ, и что эта секта по преимуществу остается религіозной сектой. Уже тотъ фактъ, что жандармерія оставила въ покоѣ штундистовъ, служитъ подтвержденіемъ нашего положенія; уже пора установить на штунду истинный взглядъ и смотрѣть на нее какъ на религіозную только секту, и пора уже отрѣшиться отъ тенденціи навязать штундѣ антигосударственный характеръ. Замѣчаемый по мѣстамъ поворотъ штундизма въ психопатическую сторону (малеваницина, охватившая довольно большой районъ штундизма въ Кіевской губерніи) можетъ служить еще болѣе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ нашего положенія, — потому пора оставить штундизмъ окрашивать въ спектръ социально-политическихъ, антигосударственныхъ идей. Рѣшительно мы протестуемъ противъ высказанной авторомъ мысли, что „многіе петербургскіе пашковцы и особенно пашковцы изъ высшаго круга имѣютъ сношеніе съ штундистами, поддерживаютъ ихъ, ободряютъ и, такъ сказать, доразвиваютъ ихъ отрицательныя религіозно-политическія возрѣнія“ (58 стр.). Что петербургскіе пашковцы были въ сношеніи съ штундистами и что эти сношенія имѣли религіозный характеръ, — это фактъ внѣ всякаго сомнѣнія, — но чтобы пашковцы, въ особенности пашковцы ради политическихъ цѣлей

оказывали влияние на доразвитие — сирѣчь на сформированіе политическихъ воззрѣній нашей штунды—воля ваша, почтеннѣйшій авторъ очерковъ!—съ этимъ мы не можемъ согласиться, такъ какъ ваше утверждение не подтверждается фактами изъ дѣйствительной жизни.

Не мало насъ поражаетъ манера автора дѣлать рискованныя характеристики той или другой стороны сектантскаго вѣроученія. Такъ, напр., г. Скворцовъ пытается навязать пашковщинѣ ученіе о *поклоненіи другъ другу*. Авторъ въ данномъ случаѣ настолько типиченъ, что предоставимъ ему право говорить самому за себя. „Со стороны крестьянъ-пашковцевъ замѣчается *привнесеніе* въ пашковское лжеученіе *чего-то новаго*, въ чемъ уже обнаружилась самостоятельная работа русскаго ума, ставшаго на путь рационализма. Въ этомъ отношеніи особенно характерно показаніе одного изъ подсудимыхъ пашковцевъ, что они вмѣсто иконъ поклоняются другъ другу: въ этомъ обнаруживается преувеличенное уваженіе къ человѣческой личности (начало духоборческое)... Хотя пункта о поклоненіи другъ другу не содержится прямо въ ученіи Пашкова, но все-таки онъ не находится въ противорѣчій съ духомъ этого ученія, а, напротивъ, соответствуетъ ему. Вполнѣ естественно восчувствовать къ личности человѣка большее уваженіе, если признать, что человѣкъ чрезъ вѣру непосредственно соединяется со Христомъ и что послѣ этого уже не грѣшитъ. Значить, здѣсь простой умъ крестьянина далъ ученію Пашкова дальнѣйшее развитіе, — и кто знаетъ, — до какихъ крайностей въ своемъ развитіи дойдетъ ученіе Пашкова, если оно привьется среди простого народа“ (55 стр.). Въ этой тирадѣ, какъ видитъ читатель, авторъ пустился въ область предположеній, забывая, что, при обслѣдованіи такихъ церковно-историческихъ явленій, какъ сектантство, въ особенности современное, потому и эволюціирующее,—слишкомъ рискованъ путь предположеній; потому и его характеристика этихъ явленій слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Пашковщина не знаетъ культа поклоненія другъ другу, т. е. поклоненія человѣческой личности. Значить—не зачѣмъ навязывать этому сектантству невѣдомое ему ученіе и входить въ разсужденія, что „этотъ пунктъ не находится въ противорѣчій съ духомъ этого (т. е. пашковскаго) ученія, а, напротивъ, соответствуетъ ему“.—Еще менѣе умѣстно изслѣдователю сектантства оставлять историко-политическую почву и пускаться въ область гадательнаго будущаго: въ какія формы отолѣтся пашковское ученіе, привившись среди простого народа. Такимъ образомъ получается нѣчто довольно странное. Читатель въ правѣ ждать отъ автора историко-психологическаго этюда пашковщины, а авторъ преподноситъ читателю не то, что есть въ дѣйствительности, а то, что возможно въ будущемъ. Подобный пріемъ, хотя бы даже въ очеркахъ,

нѣсколько странный и не отвѣчаетъ достоинству науки сектовѣдѣнія. Очерки въ такомъ стилѣ нисколько не удовлетворяютъ любознательности читателя!

Толстовству, какъ сектѣ, авторъ удѣлилъ слишкомъ мало вниманія. VII очеркъ, трактующій объ этомъ сектантствѣ, заключаетъ въ себѣ ни больше, ни меньше, какъ шесть страницъ (141—147 стр.)! Въ всякаго сомнѣнія, что авторъ не задавался цѣлью представить полный очеркъ толстовства, а ограничился только тѣмъ, что далъ читателю образъ этого сектантства. — По прочтеніи этого очерка получается впечатлѣніе, что это не больше какъ грубый мазокъ. Въ виду этого обстоятельства, мы не будемъ долго останавливаться на этомъ очеркѣ. Коснемся только одного штриха, неправильно обрисовывающаго это сектантство. Г. Скворцовъ утверждаетъ въ своемъ очеркѣ, что толстовство „проповѣдуетъ полное безбожіе, хотя и говоритъ не мало о Богѣ“ (141—142 стр.), и что, „разсматриваемое съ религіозной стороны, толстовство должно быть названо невѣріемъ въ личнаго Бога, пантеизмомъ или даже атеизмомъ“ (142 стр.).

Что нибудь одно: пантеизмъ или атеизмъ, но не то и другое вмѣстѣ. Философія не допускаетъ смѣшенія этихъ понятій. Какъ бы тонко въ данномъ случаѣ авторъ не разсуждалъ, но онъ не правъ. Сближеніе понятій пантеизма и атеизма, даже больше — стремленіе отождествить эти понятія, по нашему мнѣнію, является совершенно безцѣльной затѣей со стороны автора, такъ какъ этимъ нисколько не уясняется сущность толстовства, какъ секты; страдаетъ только терминологія, — и въ концѣ концовъ читатель недоумѣваетъ, для чего понадобилось автору прибѣгнуть къ ненужному въ данномъ случаѣ оригинальничанью.

На этомъ мы и заканчиваемъ свой разборъ книжки Д. П. Скворцова: „Современное русское сектантство“.

Разставаясь съ трудомъ нашего автора, мы должны сказать, что хотя нѣкоторые его очерки и не лишены указанныхъ нами недостатковъ, но это обстоятельство не умаляетъ достоинства разсмотрѣнной нами книжки. Этотъ сборникъ можетъ быть съ пользою прочитанъ всѣми, кто такъ — либо иначе соприкасается съ расколо-сектантствомъ и въ особенности кто близко стоитъ къ противосектантской по преимуществу миссіи.

П. Козицкій.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

(Мысли и впечатлѣнія миссіонера).

О конечной цѣли противораскольнической полемики 1).

Бываютъ солидныя и содержательныя „Обозрѣнія“ въ печати. Въ нихъ извѣстное явленіе изучается всесторонне и безпристрастно; въ нихъ оно подвергается основательной и просвѣщенной критикѣ. Такія „Обозрѣнія“ служатъ истинной жизненной школой для читателей. Потому къ нимъ въ обществѣ прислушиваются, какъ къ словамъ „здраваго смысла“ (Дѣян. 26, 25).

Но попадаются иныя „Обозрѣнія“ въ журалахъ. Это — по большей части анонимныя замѣтки. Авторы ихъ не трудятся обозрѣваемый предметъ изучить до конца, а стараются повліять на читателей самымъ шумомъ своихъ рѣчей, — такъ сказать, категоричностью своихъ приговоровъ. „Обозрѣватели“ этого рода чрезмѣрно притязательны, но въ такой же степени *труслицы*. „По извѣстнымъ причинамъ“ они рѣдко подписываютъ подѣ статьями свою фамилію, — за то изъ анонимныхъ-то траншей смѣло кидаютъ приговоры направо и налево...

Съ такими „обозрѣвателями“, по извѣстнымъ же причинамъ, имѣть дѣло... непріятно, да и трудно потому, что, при всей своей *велегрѣчивости*, они, обычно, голословны. Читатель, по до-вѣрчивости къ печатному слову, можетъ думать, что въ „Обозрѣніи“ *не все* сказано; ну, а если бы дѣло выставлено было на чистоту, — тогда...

Тогда-то бы какъ разъ обнаружился мыльный составъ „Обо-

1) По поводу „Обозрѣнія“ трудовъ столичной миссіи въ журналѣ „Правосл. Путеводитель“, за февр. 1905 г.

рѣнія"! И надобно горько скорѣбѣть, что наши духовные журналы порою рискуютъ обслуживаться такою литературой.

На этотъ разъ—съ охотой или неохотой—намъ приходится обратить вниманіе читателей на подобное „Обозрѣніе“, помѣщенное въ февральской кн. „Православнаго Путеводителя“. — Для нашего юнаго литературнаго собрата это „обозрѣніе“ мы считаемъ характернымъ. Наши читатели въ массѣ, вѣроятно, никогда не видѣли „Путеводителя“; замалчиваетъ его и періодическая печать. Такъ что „по слухамъ“ знать о немъ трудно. Тѣмъ не менѣе кто слыхалъ о немъ по объявленіямъ, мы думаемъ, останавливался на самомъ *заглавіи* журнала: легко сказать, — въ наше смутное время въ столицѣ есть „путеводитель“ да еще „православный“!..

Но — „ахъ, жестокая судьбина“:— одно дѣло „въ мірѣ семъ“ заглавія, другое — дѣйствительность; одна статья — благія намѣренія издателей, другая—ихъ... осуществленіе. Это, къ прискорбію, надобно сказать и о названномъ „Путеводителѣ“.—Взявшись провожать людей къ православной истинѣ посреди современной разноголосицы въ обществѣ, онъ самъ въ своихъ руководящихъ „обозрѣніяхъ“ плукаетъ по дебрямъ рутины и узкихъ партійныхъ пристрастій. Вотъ доказательство, которое, по манерѣ „Путеводителя“, мы позаимствуемъ изъ его „последнихъ шаговъ“ ¹⁾.

Въ своей февральской книжкѣ „Путеводитель“ подвергаетъ оцѣнкѣ нашу столичную миссію. И какъ подвергаетъ — святители! Анонимный обозрѣватель его идетъ, какъ „высшій специалистъ“ по вопросамъ миссіонерскимъ. Сообразно съ принятымъ видомъ, онъ гордо и сурово распѣвываетъ существующія въ столицѣ нашей миссіонерскія учрежденія. Какъ и слѣдуетъ ожидать, при такихъ съ ногъ шибательныхъ намѣреніяхъ „обозрѣвателя“,—ни одно изъ этихъ учреждений ему не нравится. Есть у насъ Братство Пресв. Богородицы, — но обозрѣватель недоволенъ имъ. Оно, видите-ли, прежде издавало на общую пользу вѣбогослужебныя бесѣды, а теперь сократилось. Теперь, — ворчитъ обозрѣватель,—въ немъ одинъ о. Василій Прозоровъ издастъ въ году двѣ-три мелкихъ брошюрки; на томъ будто бы вся миссіонерская дѣятельность Братства кончается ²⁾..

Жестокій и пристрастный судъ! Развѣ Петербургское Братство на всѣ вѣка обязалось заниматься книгоиздательствомъ? И развѣ къ этому только сводятся всѣ задачи его существованія?—

1) Февр. кн. стр. 304.

2) Февр. кн. стр. 305.

Такъ и видно, что расцѣпляетъ Братство *издатель* и довольно самообольщенный. Пусть же онъ не забываетъ, что не всякія изданія украшаютъ собою отечественную литературу; другія вносятъ въ жизнь только смуту—и лучше бы имъ не родиться!..

Впрочемъ, обозрѣватель „Путеводителя“—можетъ быть—думаетъ, что Братство совсѣмъ не занимается устною проповѣдью?

Не могу утверждать, чтобы братчики очень подвизались „въ служеніи слову“: объ этомъ по городу что-то не слышно. Но совсѣмъ замалчивать о бесѣдахъ въ Братствѣ, — что дѣлаетъ Путеводитель, — тоже грѣшно.---Буду говорить только о томъ, что мнѣ близко и хорошо извѣстно. Я лично каждую среду проповѣдую въ залѣ Братства на Боровой. Проповѣдую, конечно, какъ умѣю,—стараясь изобличить раскольниковъ и утвердить православныхъ въ преданности родной Церкви. И скажу по совѣсти,— это можетъ подтвердить о. Вас. Прозоровъ,— что на бесѣдахъ моихъ бывають постоянно толпы народа.

О чемъ это говорить?

Людямъ, очевидно, пріятны еженедѣльные миссіонерскія бесѣды въ Братствѣ. Народъ охотно ихъ слушаетъ, несмотря на то, что раскольники въ послѣднее время систематически уклоняются отъ бесѣдъ.

Кромѣ того, на Боровой же миссіонерское дѣло поддерживаетъ иногда о. Крючковъ, который еще недавно, *говорять*, велъ адъсь чисто геронческія и шумныя бесѣды съ раскольниками ¹⁾.

Ужели названные труды таковы, что о нихъ не нужно было даже мимоходомъ упомянуть въ Путеводителѣ? Упомянуто же тамъ о двухъ-трехъ мелкихъ брошюркахъ, которыя отъ имени Братства издаетъ о. Прозоровъ. Мы полагаемъ, что для народа бесѣды наши не меньше значать, чѣмъ эти брошюры. — Ясно, что обозрѣватель „Путеводителя“ тенденціозно замалчиваетъ дѣло наше. Но тогда какія же „Обозрѣнія“ помѣщаетъ новый миссіонерскій журналъ на своихъ страницахъ и какъ приличіе всего назвать эти „Обозрѣнія“?

Еще прискорбіе въ юномъ „Путеводителѣ“ встрѣчать вылазки противъ достойнѣшаго и извѣстнаго на всю Россію „Общества распространенія рел.-нравств. просвѣщенія въ духѣ

1) Да не покажется кому-либо страннымъ, что о бесѣдахъ о. Крюčkova мы отъымаемся со словъ тѣхъ, которые „говорять“. Нашъ о. „синодальн. миссіонеръ“ столь „самобытенъ“, что о своихъ бесѣдахъ, при появленіи въ столицѣ, не считаетъ нужнымъ даже увѣдомлять насъ. Это больше, чѣмъ странно... Это просто маловѣроятно и непростительно для старѣйшаго по лѣтамъ нашего миссіонера.

Православной Церкви“. Мы знаемъ о трудахъ этого Общества не по наслышкѣ лишь, а непосредственно; мы хорошо освѣдомлены о намѣреніяхъ его Совѣта и на основаніи своихъ свѣдѣній положительно утверждаемъ, что „Путеводитель“ возводитъ на Общество напраслину. Да. Нашъ литературный собратъ ошибается, когда говоритъ, что „свою миссіонерскую дѣятельность Общество выражаетъ въ случайныхъ чтеніяхъ и публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками и сектантами Пб-скихъ Епархіальныхъ миссіонеровъ“... 1)

Нѣтъ, не случайными лишь бесѣдами воздѣйствуетъ Общество на народъ петербургскій. Его проповѣдники положительно густо сѣтью покрываютъ разные концы П-бурга. Общество ведетъ настойчивую борьбу съ пьянствомъ, съ развратомъ въ народѣ и въ числѣ своихъ трезвенниковъ насчитываетъ болѣе 20,000 человекъ.— Кромѣ того, отъ имени Общества мною лично проведено не менѣе 140 бесѣдъ въ теченіи послѣдняго года. Бесѣдъ—добавлю—*не случайныхъ*. Исходя изъ дневныхъ евангельскихъ чтеній, я старался показать неправду раскола и сектантства и повліять умиротворяющимъ образомъ на настроеніе православныхъ. Насъ сходились слушать повсемѣстно густыя толпы народа. Слушатели не роптали, что для своихъ бесѣдъ мы не обращались „за системой“ въ редакцію пристрастнаго „Путеводителя“. Какъ малыя дѣти, слушатели повсюду осаждали насъ вопросами, возраженіями, благодарностями...

Какъ жаль, что эта сторона дѣла, очевидно, и по наслышкѣ незнакома издателямъ „Путеводителя“. Тогда бы они не стали голословно осуждать бесѣды, которыя ведутся въ Обществѣ,—они бы посовѣстились его миссіонерское дѣло покрывать своими неосновательными нареканіями...

Но „Путеводитель“ возражаетъ, что въ Обществѣ часто проповѣдуютъ студенты Духовной академіи, а ихъ проповѣдь будто бы „разрозненна, безсистемна и очень не рѣдко касается предметовъ совсѣмъ неинтересныхъ“.

Подумаешь, обозрѣватель „Путеводителя“ ходилъ по слѣдамъ студентовъ и изучилъ всѣ ихъ труды! О, конечно, мы не беремъ на себя задачи съ восторгомъ отзываться обо всѣхъ опытахъ молодыхъ проповѣдниковъ! Студенты—въ сущности еще ученики; для нихъ естественны промахи, ошибки. Но и въ средѣ студентовъ проповѣдниковъ есть мыслители-ораторы, о поученіяхъ которыхъ долженъ воздыхать „Путеводитель“, какъ о же-

1) — стр. 304.

лательномъ матеріалѣ для себя. Говоримъ это не голословно: мы слышали множество отзывовъ народныхъ о студенческой проповѣди; знакомы и лично со многими проповѣдниками изъ духовной академіи—не шапочно только, а по товарищески.

Что же касается оплакиваемой „безсистемности“ въ студенческой проповѣди, то „Путеводительскій обозрѣватель“ воистину не думаетъ, о чемъ говорить. О какой книжной системѣ бесѣдь можно разсуждать въ СПбургѣ, гдѣ у каждаго проповѣдника слушатели мѣняются, какъ волны морскія? Система въ проповѣдяхъ нашихъ проглянетъ сама собою, если въ каждой рѣчи мы настойчиво будемъ приводить народъ въ послушаніе вѣрѣ Евангельской.— Конечно, проповѣдывать такъ трудно и не для студентовъ только. Знаетъ это Общество,—и вотъ съ нынѣшняго академическаго года оно постановило устраивать для студентовъ проповѣдниковъ особыя товарищескія собранія, имѣющія значеніе прямо школы взаимнаго обученія начинающихъ церковныхъ проповѣдниковъ ¹⁾...

И объ этомъ „Путеводитель“ не освѣдомленъ, вѣроятно, а еще пускаетъ въ свѣтъ свои „обозрѣнія“!

Въ виду сказаннаго, замѣчанія „Путеводителя“ о СПбургскихъ Братствѣ и Обществѣ надобно признать односторонними и пристрастными. Въ этихъ замѣчаніяхъ вѣрно только то, что дѣятелямъ Братства и Общества необходимо больше дружескаго единенія и взаимныхъ бесѣдъ по поводу своего дѣланія. Въ Обществѣ въ этомъ смыслѣ раздаются уже настойчивые голоса. Конечно, они будутъ услышаны, къмъ слѣдуетъ. Но сводить почти къ нулю труды его проповѣдниковъ даже въ теперешнемъ состояніи — неблагодарная и нравственно-подозрительная задача. Ужъ слишкомъ отдастъ она лично — раздраженнымъ эгоизмомъ!..

Несправедливо утверждаетъ „Путеводитель“, въ видѣ упрека, то, что Общество излишне свои заботы „направило къ устроенію въ столицѣ и ея окрестностяхъ церквей“. За такія заботы Общество благословлять нужно. Оно идетъ навстрѣчу жизненной нуждѣ. Въ столицѣ нашей крайне мало храмовъ. По большимъ праздникамъ огромное число столичныхъ обывателей лишено возможности помолиться за богослуженіями. Толпы молящихся остаются тогда возлѣ храмовъ подъ открытымъ небомъ. Какъ

¹⁾ Четыре такихъ собранія уже были, и дальше они будутъ происходить каждую субботу, пока студенты не доживутъ до своей „страды“—экзаменовъ.

Обществу не пожалѣть православныхъ людей? Оно и жалѣть и, по мѣрѣ средствъ своихъ, строить для нихъ благолѣпныя храмы.

Если-жъ все это такъ, сирашивается, по какимъ побужденіямъ „Путеводитель“ обрушился на Братство и Общество?

Мы допускаемъ для него самые благородныя мотивы. Мы согласны предположить, что дѣятелямъ особенно Братства, отчасти и Общества, можно пожелать большей чуткости и отзывчивости на современность. Но, несомнѣнно, путеводительскимъ обозрѣвателемъ руководили соображенія и чисто *рекламнаго* характера. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время въ Спбурѣ реформировалось скромно существовавшее раньше Общество ревнителей „Вѣры и Милосердія“. Въ этомъ Обществѣ, какъ кажется, „обозрѣватель“ принимаетъ участіе. О томъ можно догадываться по увѣреннымъ словамъ его: „въ послѣднее время миссіонерское дѣло въ столицѣ... на пути къ его оживленію. Есть въ столицѣ „Общество ревнителей православной вѣры и милосердія“ и т. д. ¹⁾).

Что же однако осязательнаго и безспорно жизненнаго успѣло сдѣлать это Общество?

Пока еще ничего, кромѣ выработки добраго, по отзыву обозрѣвателя, устава. Но въ такомъ случаѣ поживемъ—увидимъ, а пока мы можемъ лишь отъ души пожелать реформированному Обществу успѣховъ; обоарѣвателямъ же его будущихъ трудовъ—поменьше хвастовства и побольше благородной справедливости въ отношеніи къ трудамъ однородныхъ учрежденій. Кстати, и Путеводитель для будущихъ своихъ разглагольствій въ этомъ направленіи обязанъ помнить пословицу: „кто не уважаетъ другихъ, тотъ самъ не достоинъ уваженія“.

А теперь перейдемъ къ вопросу, имѣющему крупное общемиссіонерское значеніе, надъ которымъ пристально должны задуматься всѣ дѣятели нашей миссіи. Какъ-то въ „Извѣстіяхъ по Спб. Епархіи“ мы писали о своихъ впечатлѣніяхъ отъ встрѣчъ съ раскольниками. Мы говорили: „раскольники страшно привязаны къ обрядамъ въ ущербъ вѣрѣ Евангельской. Вотъ... и нужно во всѣхъ дѣлахъ жизни ставить ихъ прежде всего на судъ Христовъ... Въ борьбѣ съ раскольниками намъ нужно... не ограничиваться только *мимолодными* ссылками на Слово Божіе, а положить Его въ основу и въ завершеніе своихъ миссіонерскихъ рѣчей“.

Какъ видятъ читатели, послѣ своихъ встрѣчъ съ раскольни-

1) „Прав. Пут-ль“, февр. стр. 306.

ками, мы утверждали лишь то, что обязательно приходит въ голову свѣжему христіанину, послѣ разговоровъ съ этими людьми. Раскольники, какъ извѣстно, свои умозрѣнія строятъ не на Евангельской основѣ, а на обрывкахъ старопечатныхъ книгъ. Буквъ, обряду, строкъ они придаютъ исключительное значеніе, и для сохраненія ихъ готовы пожертвовать даже смысломъ Христова ученія. — Вотъ, писали мы, и необходимо раскольникамъ-христіанамъ благовѣствовать настоячивѣй *православно-евангельское міровоззрѣніе*, съ точки зрѣнія котораго постепенно и сами собою падутъ ихъ заблужденія.

„Православному Путеводителю“ такія соображенія не понравились. По поводу ихъ онъ замѣтилъ: „слова миссіонера очень хороши“..., но они „покажутся раскольникамъ неотвѣчающими ихъ душевнымъ волненіямъ и запросамъ“...

Вотъ такъ открытіе сдѣлалъ „Путеводитель“! Благовѣстіе Евангелія покажется раскольникамъ „неотвѣчающимъ ихъ душевнымъ волненіямъ“. Такъ вѣдь раскольники, при всемъ своемъ старообрядчествѣ, христіане. Христовы „слова“ о спасеніи и имъ должны показаться самыми важными. Отъ нихъ они не могутъ отвлечь слуха своего; а если гдѣ, по дикости, отвращаются, — ихъ надобно *непримѣнно* повернуть къ свѣту: пусть вездѣ и всѣ христіане знаютъ волю Божию, которой долженъ подчиниться всякій человѣческой умъ.

Наши соображенія тѣмъ справедливѣй, что вѣдь и по старымъ книгамъ въ ученіи вѣры повелѣвается прежде всего укрѣпляться на „божественныхъ прочитаніяхъ“¹⁾. Вотъ и влеките людей къ этимъ „прочитаніямъ“ и пусть они встанутъ на судъ Христовъ!..

Раскольники по глухимъ мѣстамъ еще не доросли до этого, несмотря на ясное велѣніе своихъ старыхъ книгъ. Всю вѣру они замыкаютъ въ обряды, но и среди нихъ теперь зрѣетъ благоприятная намъ почва. Объ этомъ свидѣлствуетъ, напр. о. Зубаревъ, Костромск. Епарх. миссіонеръ, — знающій расколъ, вѣроятно, не хуже „Обозрѣвателя“. О. Зубаревъ нишетъ: пришли раскольническіе начетчики и пригласили меня на бесѣду, заявивъ, что „братъ много книгъ не нужно“²⁾.

Изъ этого замѣчанія раскольниковъ открывается, что среди нихъ гаснетъ уже пламя всепожирающей любви *исключительно* къ старымъ книгамъ. Они, наученные своими Коноваловыми и

¹⁾ Б. Кат. л. 20 сн. 24 об.

²⁾ Бесѣды съ старообр. начетчикомъ. Д. С. Варакинымъ, 1 стр.

Усовыми, переходя къ своеобразнымъ умозрѣніямъ и основываютъ ихъ часто на выдержкахъ изъ новопечатныхъ святоотеческихъ твореній. Въ расколѣ происходитъ, такимъ образомъ, переломъ, своего рода „освободительное движеніе“ отъ гнета мертвой буквы. Мы не должны забывать объ этомъ,—не должны, подъ ублаживаніе нашего „Путеводителя“ и различныхъ „дутыхъ“ специалистовъ, довольствоваться „староживностью“. Надо, не пропуская дорогого времени, возводить мысль раскольниковъ отъ малосознательныхъ вѣрованій прямо къ Евангелію, подъ милостивый судъ Христовъ. Это только говорили мы въ „Извѣст. по Спб. Епарх.“; это же съ новой силой повторяемъ теперь, не боясь путеводительскихъ обзорѣвателей. — Мы утверждаемъ, что только при свѣтѣ Евангельскаго благовѣстія можетъ разойтись мгла раскола, сгустившаяся надъ нашимъ народомъ. Мы думаемъ, что двухвѣковую нашу церковную болѣзнь нельзя излѣчить археологическими справками да выдержками изъ до-никоновскихъ книгъ, — на чемъ обычно покоится наша старо-миссіонерская школа. И утверждаемъ это не по теоретическимъ лишь соображеніямъ ¹⁾, а на основаніи недавнихъ своихъ бесѣдъ съ раскольниками.

Въ одномъ селѣ Ново-Ладожскаго уѣзда спросили мы дѣда раскольника:

— Вѣруешь-ли ты въ Господа Иисуса Христа, какъ Всемогущаго Бога и нашего Спасителя?

— Какъ же, вѣрую.

— А вѣруешь-ли въ то, что нѣтъ другого имени подъ небомъ, которымъ мы могли бы спастись (Дѣян. 4, 11. 12)?

— И въ это вѣрую.

— Такъ давай же, другъ, побесѣдуемъ о Лицѣ нашего Господа.

— Давай, согласился дѣдъ. Разберемъ, какъ писать Имя Господне: Иисусъ—по вашему, или Иисусъ— по нашему.

Я замѣтилъ собесѣднику:

— Будемъ бесѣдовать и о буквахъ въ Имени Спасителя, если Богъ позволитъ. Сначала же скажи мнѣ: въ какого *Иисуса* вы вѣруете?

— Въ Того, о Которомъ написано въ символѣ вѣры.

Я сказалъ:

— Знай же, другъ, что и Своему Сладчайшему *Иисусу* мы

¹⁾ Въ вопросахъ богословскихъ, впрочемъ, умозрительнаго характера теорій бояться нечего.

усвояемъ свойства, изображенныя въ Символѣ. Мы исповѣдуемъ Его Богомъ, Единороднымъ отъ Отца, рожденнымъ отъ Него прежде всякой твари, — Воплотившимся отъ Дѣвы Маріи по наитію Духа Св., распятымъ при Понтійскомъ Пилатѣ. Вѣруемъ во Христа и во все другое, что проповѣдали намъ Св. Отцы Церкви. Значить, мы, православныя, содержимъ правую вѣру въ нашего Спасителя...

— Нѣтъ, отвѣтилъ дѣдъ раскольникъ. Подъ именемъ Иисуса вы исповѣдуете другого Бога, не символьнаго.

— Откуда же это видно?

— Св. Отцы не писали Имени Христова по вашему.

Я замѣтилъ:

— Ты говоришь, дѣдъ, неправду. Вотъ въ древнемъ Остромировомъ Евангеліи множество разъ Имя Спасителя написано по нашему. Да и не могли святые греки называть Господа Иисусомъ: у нихъ слова такого въ языкѣ нѣтъ... Бросимъ же и мы, дѣдъ, съ тобою препираться о буквахъ. Лучше проникнемъ въ смыслъ Евангелія. Скажи мнѣ: исповѣдуешь-ли ты Иисуса Богомъ Всемогущимъ и Всезнающимъ?

— Исповѣдую.

— И въ Евангеліе Христово вѣруешь?

— Вѣрую.

— Ну, такъ въ Евангеліи написано, что Господь для спасенія людей основалъ Церковь на землѣ и обѣтовалъ ей неодолимость отъ вратъ адовыхъ (Мѣ. 16, 18). И еще въ Евангеліи сказано: кто Церковь не послушаетъ, тотъ подобенъ язычнику (Мѣ. 18, 17 ст.). Вѣруешь въ эти слова Господа?

— Что о Церкви толковать, — недовольно замѣтилъ раскольникъ. Зачѣмъ вы Имя Спасово перемѣнили? Черезъ то вы еретиками сдѣлались...

Я сказалъ:

— Вотъ среди васъ есть старообрядцы австрійскаго толка. Они пишутъ и читаютъ Имя Спасителя по вашему. А признаешь-ли ты ихъ православными?

— Нѣтъ, они—еретики...

— Значить, прибавилъ я, православіе зависитъ не отъ буквъ въ Имени Христовомъ, а отъ того, какую вѣру соединяемъ мы съ этими буквами..... Будемъ же говорить о свойствахъ вѣры Евангельской во Христа...

Раскольникамъ, подобнымъ моему собесѣднику, *такія* рѣчи не нравятся. Это было отмѣчено мною въ „Изв. по Спб. Епарх.“. Раскольники хотѣли бы кричать *только* о буквахъ, *только* объ

обрядѣхъ, обнаженныхъ даже отъ Евангельскаго смысла ¹⁾. Они любятъ цѣпляться за отдѣльныя изрѣченія Св. Отцовъ и думаютъ противополгать ихъ ясному смыслу Евангельскому. Вслѣдствіе этого раскольниковъ трудно привести на бесѣдѣ къ молчанію. Они всегда найдутся, чтобы „по св. отцамъ“ поговорить „свои полчаса“... Это и есть праздное и погубительное словоблудство, съ которымъ миссіонеры обязаны настойчиво бороться.

Бороться же въ данномъ случаѣ можно только при помощи Слова Божія. Необходимо пріучать раскольниковъ къ сознанію, что тотъ или другой Отецъ Церкви могъ погрѣшительно разсуждать о догматѣ вѣры; священные же писатели, просвѣщенные Духомъ Св., никогда не погрѣшаютъ въ ученіи о нашемъ спасеніи. А потому мы, христіане, не Слово Божіе должны повѣрять изрѣченіями святыхъ отцовъ, а разъяснять самихъ-то отцовъ ученіе согласно ученію Священнаго Писанія. Особенно это слѣдуетъ замѣтить о старопечатныхъ книгахъ... По этой причинѣ на бесѣдахъ раскольниковъ слѣдуетъ неотступно просить о томъ, чтобы свои вѣрованія они подкрѣпляли словами Новаго Завѣта и поставляли бы ихъ въ связь со смысломъ всего ученія Христова.

Вотъ и еще доказательство въ подтвержденіе сказаннаго. Въ Новолодожскомъ уѣздѣ раскольники-безпоповцы твердили, что „теперь спасающей Церкви Христовой со всею полнотою ея устройства *нигдѣ* на свѣтѣ нѣтъ. Ее раззорилъ антихристъ“. Въ подтвержденіе своихъ „разглагольствій“ о Церкви они ссылались на 82 л. изъ кн. Кирилловой, гдѣ прямо написано, что антихристъ „прежде пришествія своего“ Церковь во всемъ мірѣ истребитъ.

Чтобы опровергнуть раскольниковъ по старымъ книгамъ, я читалъ изъ Толк. Ап. на посл. къ Коринѣ. Зач. 150, гдѣ сказано, что антихристъ раззоритъ Церковь не прежде *своего* пришествія, а предъ пришествіемъ *Господнимъ*. Значитъ, Кириллова кн. погрѣшила, неправильно передавъ мысль св. Златоуста на своемъ 32 л.

— Такъ, говорили раскольники. Но и по Толк. А-лу слѣдуетъ, что антихристъ раззоритъ Церковь во всемъ мірѣ,—только въ другое время...

И они правы—эти бѣдные раскольники! *Буква* старопечатныхъ

¹⁾ Безъ сомнѣнія, именно объ этихъ „душевныхъ волненіяхъ“ говорится въ Путеводителѣ. Но ихъ и можно утишить только Словомъ Божіимъ и молитвой.

книгъ даетъ основаніе, дѣйствительно, думать именно подобнымъ образомъ. Но образъ этого мышленія не Евангельскій и не православно-христіанскій; а потому его надо „истребить“ снесеніемъ съ Словомъ Божіимъ. Господь въ Евангеліи ясно указалъ, что созданной Имъ Церкви „врата ада“ не одолѣютъ (Мѡ. 16, 18); это проповѣдуетъ и Ап. Павелъ (Тим. 3, 16; I Кор. 11, 26). Кромѣ того, св. Апостоль угрожаетъ анаѣмой всякому человѣку, который станетъ учить вопреки и въ разрѣзъ съ Евангельскимъ благовѣстіемъ (Гал. 1, 8 ст.). Ясно поэтому, что св. Златоустъ не могъ проповѣдывать мыслей объ одолѣніи *всей* Церкви антихристомъ; безпоповцы хулу возводятъ на Св. Отца...

Такое направленіе противораскольнической полемики, опирающейся на смыслъ Евангельскаго ученія, отобьетъ у раскольниковъ охоту подбирать въ святоотеческихъ твореніяхъ отдѣльныя фразы и мысли съ цѣлью найдти что-нибудь для ослабленія прямыхъ Господнихъ обѣтованій. Да и простолюдинамъ нашимъ тогда будетъ легче. Они ужъ не испугаются новой и неслыханной цитаты, къ примѣру, изъ Блаж. Иеронима, а сейчасъ же и спокойно потребуютъ подтвердить эту цитату Свящ. Писаніемъ. Правда евангельская въ такомъ случаѣ обязательно восторжествуетъ...

Противъ употребленія Библии въ противораскольнической полемикѣ, повидимому, ничего не имѣетъ и путеводительскій обзорѣватель (еще бы!). Онъ только наставительно замѣчаетъ: „никто и никогда въ бесѣдахъ съ раскольниками Евангелія не оставляетъ, но только знаютъ, гдѣ, когда и насколько имъ можно пользоваться съ пользою для дѣла“ (— стр. 306).

Подумаешь, какіе это—мудрецы сотрудники „Путеводителя“ и какъ они все тонко понимаютъ! Но на этотъ разъ „обзорѣватель“ не постигъ смысла нашего предложенія п-бургскому духовенству. Мы не отрицаемъ того, что противораскольническіе миссіонеры „съ пользою пользуются“ Евангеліемъ. Мы и не рекомендуемъ миссіонерамъ *безъ всякаго смысла* опираться только на одну Библию. Мы утверждаемъ лишь, что тепершнее пользованіе Свящ. Писаніемъ *въ массѣ* не идетъ у насъ дальше *случайныхъ* и *милоходныхъ* ссылокъ на Слово Божіе. Обычно — мы это сами слышали — бываетъ такъ, что правосл. миссіонеръ почитуетъ Кириллову книгу, книгу о вѣрѣ, а потомъ *наряду*, сошлетъ на Слово Божіе. Противъ такого уравненія „человѣческихъ писаній“ съ божественными мы возражаемъ, выставляя на видъ всю его пагубность. Съ своей же стороны предлагаемъ не умно-

женіе только библейскихъ цитатъ на бесѣдахъ ¹⁾, а говоримъ о томъ, что, по нашему крайнему разумѣнію, эти бесѣды *необходимо построятъ на основѣ Евангельско-христіанскаго міровоззрѣнія*,— при свѣтѣ и въ духѣ истины Евангельской. Тогда раскольникамъ, подлинно, придется пожить въ тѣснотѣ...

Но обозрѣватель путеводительскій за такія слова упрекаетъ насъ въ безжизненности. Онъ пишетъ: „вы будете раскрывать раскольникамъ Евангельское ученіе, допустимъ, о крестѣ и крестномъ знаменіи; они съ удовольствіемъ васъ будутъ слушать и, пожалуй, не перебудутъ, а послѣ бесѣды даже и поблагодарятъ. Но чтоже? Разубѣдили вы ихъ въ чемъ-нибудь? Приблизили ихъ къ православію? Нѣтъ и нѣтъ! Вы сообщили имъ только новыхъ свѣдѣній, которыя были неизвѣстны и имъ, и православнымъ“ ²⁾.

„Обозрѣватель“, повидимому, хорошо знакомъ съ обычной картиной бесѣдъ съ раскольниками. Пропитался онъ довольно и убѣжденіями, которыя лично намъ высказывалъ о Чельцовъ, редакторъ „Путеводителя“. Тѣмъ не менѣе „Обозрѣватель“ подавленъ рутиной и не можетъ подняться надъ своимъ старожитнымъ матеріаломъ. Его слова полны внутренней неурядицы.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ утверждаетъ, что изложеніе Евангельско-христіанскаго ученія о крестѣ и крестномъ знаменіи ни на шагъ не подвинетъ раскольниковъ къ Православію?—Мы допускаемъ эту печальную возможность, но только предположивъ, что православн. проповѣдникъ „на удивленіе“ будетъ тупъ, а раскольники страшно *озлоблены*.—Изъ противномъ же случаѣ, когда обстоятельства проповѣданія будутъ благопріятными для истины, она эта--святая истина—неизбѣжно восторжествуетъ. Изъ словъ правосл. благовѣстника старообрядцы поймутъ, что концы креста сами по себѣ не имѣютъ спасительнаго значенія для христіанина. До страданій нашего Господа крестъ у евреевъ былъ деревомъ казни и проклятія (Гал. 3, 13). И теперь *сами по себѣ* концы креста не отворятъ намъ дверей рая. Если христіанинъ, на шеѣ котораго виситъ восьми-конечный крестъ, будетъ пьянствовать, блудить и не покается,—онъ погибнетъ. Тоже слѣдуетъ сказать о ношеніи четырех-конечнаго креста. Значитъ, спасительность креста находится въ *неразрывной* зависимости отъ настроенія нашего, отъ правой вѣры. Для правой же вѣры *одинаково приемлемы* и восьми-

¹⁾ Что, сдѣланное механически, даже осложнитъ бесѣду и загромоздитъ ее вводнымъ матеріаломъ..

²⁾ — стр. 305.

конечный и четыре-конечный крестъ 1). Это подтверждаютъ св. отцы наши. Одни изъ нихъ почитали Крестъ Христовъ восьми-конечнымъ—и богоугодно спасались въ Церкви Христовой; другіе—четыреконечнымъ, и признаны Вселенскою Церковью праведниками. Одни св. учителя полагали, что крестъ Христовъ сдѣланъ былъ изъ дуба, другіе—изъ кипариса, пегва и кедра. Это—просто *богословскія мнѣнія*, для спасительной вѣры безразличныя и о которыхъ намъ „ратоваться“ грѣшно...

Если слушатели *поняли* это, то какъ можно говорить, что они ни на шагъ не подвинулись къ православію?

Такъ могутъ писать только люди, совершенно не испытывшіе на бесѣдахъ силы Евангельскаго благовѣстія и привыкшіе пользоваться во всемъ „готовенькимъ“...

Чтобы ослабить значеніе словъ нашихъ, обозрѣватель путеводительскій еще говоритъ, что мы ихъ высказали послѣ посѣщенія всего 2—3 сель раскольническихъ... Вслѣдствіе того, будто бы, мысли наши „выдуманы отвлеченно и остались безъ жизненной провѣрки“ 2)...

Это замѣчаніе „Путеводителя“ грубовато и отдаетъ безсильной инсинуаціей... Неужели намъ—прав. миссіонерамъ, какъ жупела, нужно бояться „отвлеченныхъ“ соображеній? Мы знаемъ изъ астрономіи, что нѣкоторыя планеты на небѣ предугаданы были „умозрительно“,—и только послѣ были всесторонне обслѣдованы опытно. Значитъ, не всякія „отвлеченія“ плохи по самой своей природѣ.

Кромѣ того, мы и не принадлежимъ по роду службы къ „безжизненнымъ“ теоретикамъ. Надъ своими мыслями, высказанными здѣсь, мы думаемъ весь послѣдній годъ и теперь вотъ провѣрили ихъ снова цѣлой поѣздкой къ новоладожскимъ раскольникамъ. И мы убѣждены, что будущая и лучшая миссіонерская дѣйствительность справедливѣй оцѣнитъ предположенія наши. Она же покажетъ, что имя той школы, которая ратуетъ противъ насъ въ „Путеводителѣ“,—*рутина*, свѣтобоязнь и духовная слѣпота...

Гнѣваться-ли нужно на то, что черное—черно?

Это будетъ бесполезнымъ занятіемъ. Лучше всѣ мы крѣпче подумаемъ о томъ, какъ разсвѣять мракъ вокругъ себя и какъ обильнѣе пролить въ народъ русскій свѣтъ вѣры Христовой и содержаніе истинно-православнаго богословія... Д. Боголюбовъ.

1) Въ такомъ освѣщеніи мы представляемъ народу миссіонерскіе выводы о двуперетини и троеперетини. Опытъ показываетъ, что изъ этого выходитъ толкъ.

2) Стр. 306.

ХРОНИКА.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Протестантскія церкви и свобода совѣсти.—Англійская противорусская пропаганда среди мусульманъ.—Послѣдняя по счету секта „Мистическій знакъ“.—Американскіе прыгуны.

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Das Freie Wort“ („Свободное слово“) нѣкто Эмиль Фельденъ раздражается гнѣвной статьёй противъ государственной русской Церкви, стѣсняющей свободу совѣсти и проповѣди протестантскихъ пасторовъ. Приводимые въ статьѣ факты весьма поучительны и для нашихъ крикуновъ противъ опеки государственной власти, отъ которой не свободны даже служители протестантской свободной церкви.

Предпринимаемая знаменитый полетъ, Дедалъ давалъ своему сыну Икару добрые совѣты. Юноша не долженъ былъ подниматься слишкомъ высоко къ солнцу, чтобы не растаялъ воскъ, прикрѣпившій крылья къ его тѣлу; не долженъ былъ онъ и опускаться слишкомъ низко, чтобы крылья его не намочили въ водѣ; въ томъ и другомъ случаѣ ему предстояло погибнуть въ морской пучинѣ. Равнымъ образомъ предостерегалъ и Богъ солнца сына своего Фаэтона Юноши не вняли совѣтамъ и были наказаны смертю. Начиная съ Аполлона и Дедала всѣ благо-разумные люди всѣхъ вѣковъ и народовъ совѣтовали всегда держаться золотой середины; и всѣмъ, шедшимъ по этой безопасной дорожкѣ, никогда не приходилось раскаиваться. Но какъ это ни странно, всегда находились и все еще находятся люди, пренебрегавшіе и пренебрегающіе этимъ безопаснымъ путемъ. Таковымъ слѣдуетъ такъ или иначе внушить, чтобы они опомнились и послѣдовали, наконецъ, примѣру мудрыхъ и осторожныхъ людей. Прежде всего это слѣдуетъ внушить пасторамъ многихъ протестантскихъ церквей; имъ надо внушить, чтобы они не возносились слишкомъ высоко и не приходили бы въ соприкосновеніе съ современнымъ міровоззрѣніемъ, если не хотятъ быть отставленными и не желаютъ всю жизнь прозябать на низшихъ ступеняхъ

іерархіи. Эта кара постигла уже очень многихъ. Какъ современные протестанты, они проповѣдывали современнымъ людямъ съ точки зрѣнія свободы совѣсти. Они были слишкомъ современны и были за это наказаны. То же случилось недавно и съ пасторомъ Анненской церкви въ Гамбургѣ—Нейгардтомъ; около года тому назадъ онъ былъ избранъ всѣми членами одного прихода въ Шарлатенбургѣ главнымъ пасторомъ этого прихода, но Бранденбургская консисторія его не утвердила. Потому, что Нейгардтъ одинъ изъ тѣхъ, которые стремятся помирить новѣйшее міровоззрѣніе съ христіанствомъ; одинъ изъ тѣхъ, чье христіанство не нуждается въ вѣрѣ въ Троицу, въ два естества во Христѣ, въ божественность Христа, считая все это—заброшенными развалинами устарѣвшаго міросозерцанія, признаваемого новѣйшей богословской протестантской наукой якобы несогласнымъ съ Новымъ Завѣтомъ.

Когда въ протестантской церкви, построенной на принципѣ свободы совѣсти и непризнающей незыблемаго ученія и непогрѣшимой инстанціи, пасторъ подвергается гоненію изъ-за ученія и проповѣди, то это всегда производитъ волненіе какъ въ самой церкви, такъ и въ обществѣ и ведетъ къ научнымъ изслѣдованіямъ и толкованіямъ весьма неприятнымъ для консисторскихъ заправиль. А потому и Нейгардту официально было отказано въ утвержденіи не потому, что онъ слишкомъ современенъ, что было бы неудобно, (а потому, что—онъ де старался добиться избранія недостойными путями. Но никто этому не повѣритъ, какъ клеветѣ. Нѣтъ, тутъ была другая причина. Его міровоззрѣніе слишкомъ современно! А имѣть таковое духовному лицу прусской государственной церкви не полагается, несмотря на то, что она, какъ и всякая другая протестантская церковь, признаетъ право всѣхъ своихъ членовъ на свободу совѣсти.

Тѣмъ, кто низко плаваютъ, живется не лучше, чѣмъ тѣмъ, кто высоко летаетъ. Конечно, современное міровоззрѣніе слишкомъ современно, но за то и старое слишкомъ устарѣло. Вотъ почему пасторъ Горсть подвергся недавно распоряженіемъ гессенской консисторіи оштрафованію и угрозѣ быть лишеннымъ сана, если онъ не измѣнитъ своей манеры заботиться о вѣренныхъ ему душахъ. А ужъ онъ ли не правовѣрующій въ полномъ смыслѣ слова, не признающій ничего кромѣ буквы своей Библии. Онъ подвергся карѣ за то, что проповѣдывалъ „чистое слово Божье“, неискаженное, такъ какъ оно дѣйствительно стоитъ въ Библии; да, какъ это ни странно, онъ былъ наказанъ именно за то, что недостаточно былъ современенъ. Горсть—нарушилъ миръ прихода тѣмъ, что постоянно проповѣдывалъ о покаяніи. Онъ полагалъ, что слово Іисуса—Я пришелъ принести не миръ, а мечъ—было сказано для христіанской церкви. Крѣпко держась за догматъ о первородномъ грѣхѣ и непоколебимо вѣруя въ то, что во плоти человѣка не живетъ ничто

доброе, онъ каждое воскресеніе обращался со своими прихожанами, какъ съ грѣшниками, нуждающимися въ покаяніи, вмѣсто того, чтобы говорить съ ними такъ только въ положенные дни покаянія и исповѣди. Онъ думалъ, что именно къ церкви, возрожденной Лютеромъ, подходило слово его—о ветхомъ Адамѣ, нуждавшемся въ ежедневномъ погруженіи въ покаяніе, а также полагалъ, что обращеннымъ было полезно слово Христа: „иди и не грѣши больше“. Онъ имѣетъ также вполне правильное понятіе о всемогуществѣ библейскаго Бога. Онъ говоритъ, напр.: „Что касается врачевой дѣятельности въ случаяхъ болѣзни, то, хотя я лично и сподобился отъ Господа довѣрять Ему не только какъ врачу души, но и какъ врачу тѣла, но однако не поставлялъ этого никому въ законъ“. Стало быть, онъ имѣетъ вѣру, могущую горы переставлять и непоколебимое довѣріе къ Богу. Не къ Богу пантеизма, не къ современному богу, дѣйствующему въ законахъ природы, а къ старому Богу Библии. А кто же станетъ оспаривать, что этотъ Богъ творить чудеса? Что онъ безъ врача можетъ исцѣлять? И Горстъ считалъ себя въ правѣ держаться за Библию, на которую опирается протестантская Церковь, которая сама умѣетъ приводить примѣры чудесныхъ исцѣленій, не говоря уже о посланіи Іакова (гл. 5, ст. 13—15), въ которомъ прямо сказано, какъ надо помогать болящимъ: „молитва вѣры спасетъ болящаго“.

Однажды было кѣмъ то сказано, что для того, чтобы протащить по свѣту цѣлый товарный поѣздъ лжи, достаточно прицѣпить къ нему локомотивъ правды. Такъ поступаютъ и многія консисторіи. Они протаскиваютъ исполинскіе поѣзда устарѣваго міровоззрѣнія черезъ нашъ современный міръ помощью маленькаго, совсѣмъ маленькаго современнаго локомотива. Они берутъ только то, что имъ нужно и ровно столько, сколько имъ нужно. Не слишкомъ много, не слишкомъ устарѣлое, чтобы современные люди не повернули имъ спину и не осмѣяли ихъ, но и не слишкомъ мало, не слишкомъ современное, чтобы не прослыть за невѣровъ и, чего Боже сохрани, не потерять своей репутаціи столповъ престола и алтаря.

* * *

Въ своемъ стремленіи всѣми силами вредить Россіи, Англія рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливается. Пользуясь войной Японіи съ Россіей, она старается теперь поднять на наше отечество весь мусульманскій міръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу франц. газ. „*Le Petit Journal*“.

— Дѣятельная пропаганда, ведущаяся въ Токио, Вашингтонѣ и Лондонѣ, не щадитъ ничего въ борьбѣ противъ общаго врага и готова пустить въ ходъ всѣ матеріальныя и нравственныя силы, чтобы ослабить великана, страшнаго не только своей политической мощью, но и сильнаго своей религіей.

Вотъ выдержка изъ одной, издающейся въ Каирѣ, газеты, которая силится доказать, что у Англіи и у ислама интересы одни и тѣ же.

— Если тебя кто-нибудь притѣсняетъ—говорить Коранъ,—то тѣсни его такъ же, какъ онъ тѣснилъ тебя.

Китайскіе мусульмане, какъ и всѣ китайскіе патріоты, стануть на сторону своихъ японскихъ братьевъ, какъ только имъ удастся освободиться отъ цѣпей, наложенныхъ на нихъ буддистскимъ духовенствомъ. *Если только манджурская династія, царствующая въ Пекинѣ, вздумаетъ поддерживать русскихъ въ Манджуріи, она будетъ низвергнута и мѣсто ея займутъ другіе, умнѣйшіе люди.* Исламъ гибнетъ отъ недостатка единства въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ. Пусть ни одинъ мусульманинъ не помогаетъ русскимъ! Всѣ мусульмане отъ перваго до послѣдняго обязаны помогать своимъ братьямъ на Крайнемъ Востокѣ; они скоро поднимутся, какъ одинъ человѣкъ.

— Мусульмане! да послужить русско-японская война для васъ поводомъ ввести въ вашихъ государствахъ необходимыя реформы. *Объединяйтесь всѣ подъ главенствомъ Константинопольскаго Султана! Забудьте ваши распри и вооружайтесь всѣ! Ищите союза съ Англіей, она нуждается въ васъ, такъ же, какъ вы нуждаетесь въ ней... Молите Бога о дарованіи победы японцамъ, они сражаются съ зазорнымъ великаномъ за дѣло Ислама* ¹⁾. Если этотъ великанъ побѣдитъ, вы будете уничтожены на цѣлыя столѣтія. Ваши царственные роды подвергнутся изгнанію и преслѣдованіямъ, вы же будете обращены въ позорное рабство.

— Это фанатическое воззваніе ясно указываетъ, какой путь избранъ врагами Россіи,—продолжаетъ французская газета.—Не подлежитъ сомнѣнію, что успѣхи мусульманскаго вліянія въ Китаѣ весьма значительны. Исламъ дѣйствительно стремится къ преобразованію Средняго царства и понятно, что, въ минуту политическаго пробужденія, воинствующій Коранъ долженъ придти по вкусу народу, мирно спавшему въ теченіе многихъ вѣковъ. Кстати сказать, китайскій генераль, лучше другихъ защищавшій царствующій домъ въ Пекинѣ, во время боксерскаго возстанія, былъ мусульманинъ.

Въ концѣ 19-го вѣка Исламъ враждебно относился къ Англіи, многіе магометанскіе подданные этой державы не стѣснялись открыто выражать чувства весьма сомнительной вѣрности. Англійскія власти много работали въ Индіи надъ восстановленіемъ пошатнушагося престижа, а въ настоящее время Англія не щадитъ усилій для того, чтобы обратиться противъ Россіи угрожавшую ей самой опасность. Оттуда ревно-

¹⁾ Подчеркнуто во французскомъ оригиналѣ.

стная пропаганда среди всѣхъ мусульманскихъ народовъ не только въ Азіи, но и въ Африкѣ и въ Европѣ.

* * *

Парижская газета „Journal des Voyages“ помѣстила слѣдующую замѣтку:

— Въ Соединенныхъ Штатахъ возникаютъ одна за другой разныя секты. Последняя по счету: „*Мистическій Знакъ*“. Приверженцы ея ярые фанатики. Недавно они отправились торжественнымъ шествіемъ на берегъ Атлантическаго Океана и вошли въ воду въ полномъ убѣжденіи, что волны разступятся передъ ними, какъ разступилось нѣкогда Черное море передъ Моисеемъ. Многіе утонули.

* * *

Въ сентябрѣ, въ Штатѣ Орегонъ, былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму нѣкто Эдемайдъ Креффильдъ, выдававшій себя за Иисуса Навина и превратившійся въ теченіе четырехъ лѣтъ изъ бродяги сначала въ виднаго дѣятеля Арміи Спасенія, а затѣмъ, въ основателя и главу новой секты. Онъ обвиняется въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ общества: многіе мужья покинуты женами, многіе родители—дѣтьми, увлеченными его ученіемъ; десять человекъ его жертвъ—4 молодыя дѣвушки и шестеро мужчинъ—помѣщены въ больницы для умалишенныхъ, самъ же онъ, по свидѣтельству врачей, вполне нормаленъ.

Этотъ человекъ одаренъ странной магнетической силой, привлекающей къ нему множество послѣдователей, всѣ они видятъ въ его новомъ ученіи несомнѣнную божественную истину и слѣпо идутъ за своимъ учителемъ, куда бы онъ ихъ ни повелъ. Креффильдъ называлъ своихъ послѣдователей „Божими избранниками“, но въ обществѣ они больше извѣстны подъ именемъ „святыхъ прыгуновъ“, п. ч. приводятъ себя въ состояніе религіознаго экстаза самыми дикими тѣлодвиженіями, прыжками и катаніями по землѣ.

Креффильдъ, вѣроятно, не обратилъ бы на себя особеннаго вниманія, если бы вербовалъ послѣдователей только въ невѣжественномъ, низшемъ классѣ, но за новымъ пророкомъ пошли многіе представители интеллигенціи штата Орегонъ, и объ немъ заговорили.

Многіе изъ присоединившихся къ новой сектѣ сошли съ ума, принимая участіе въ дикихъ обрядахъ, установленныхъ Креффильдомъ. Напр. въ семьѣ мистера Гертъ оказались 4 жертвы; подъ вліяніемъ проповѣди новаго Иисуса Навина лишились разсудка г-жа Гертъ, ея сынъ, дочь и зять.

Большое впечатлѣніе произвело показаніе свидѣтельница—Линчъ. Родители ея вступили въ секту прыгуновъ; за отказъ присоединиться

къ нимъ, отецъ билъ и истязалъ свою дочь. Креффильдъ училъ, что церковный бракъ—грѣхъ передъ Богомъ, потому всѣ женатые его послѣдователи должны были разводиться и вступать въ новые браки съ членами секты. Также поступили и родители свидѣтельница.

Странный пророкъ, которому всего 31 г., былъ еще недавно простымъ бродягой. Онъ пріѣхалъ въ Соедин. Штаты изъ Германіи, гдѣ имѣлъ репутацію оратора социалиста. На первыхъ порахъ ему не повезло въ Америкѣ и онъ слонялся безъ всякаго дѣла года два; но затѣмъ вступилъ въ Армію Спасенія. Убѣдительною своею проповѣди онъ обратилъ на себя вниманіе, былъ повышенъ въ чины и получилъ новое назначеніе. Это прирожденный ораторъ; онъ какъ бы магнетизировалъ своихъ слушателей, которые собирались вокругъ него цѣлыми толпами. Было замѣчено, что особенно сильна была его власть надъ женщинами. Когда онъ созналъ свою силу, въ немъ проснулось честолюбіе. Онъ пріобрѣталъ множество послѣдователей для Арміи Спасенія, почему же не пороботать для самого себя, почему не сдѣлаться главой новой вѣры? Мало-по-малу онъ и сталъ дѣйствовать по этому плану. Окруживъ себя вѣрными учениками, онъ отправился съ ними въ Корваллисъ, въ Штатѣ Орегонъ, провозгласилъ тамъ новую религію, назвалъ своихъ послѣдователей, „Божими избранныками“, а себя ихъ главой, Божимъ помазанникомъ. Онъ объявилъ, что стостоитъ въ прямомъ общеніи съ Богомъ, который руководитъ имъ и управляетъ малѣйшими его дѣйствіями. Онъ сталъ проповѣдывать въ Корваллисъ и число его учениковъ возрастало со дня на день. Его вѣра сводилась къ немногимъ догматамъ:

„Нашъ вождь Иисусъ Навинъ“ (Креффильдъ).

„Каждое изъ его дѣйствій внушено свыше“.

„Не предпринимайте ничего, не испросивъ благословенія свыше“.

„Не дѣлайте ничего ради денегъ“.

„Читайте Библию днемъ и ночью“.

„Иисусъ Навинъ непогрѣшимъ“.

По увѣренію Креффильда, все это было ему якобы открыто послѣ пяти мѣсяцевъ непрерывной молитвы. Семейство Гертъ однимъ изъ первыхъ послѣдовало за пророкомъ, а вслѣдъ за нимъ присоединились къ „Божимъ избранныкамъ“ и многіе другіе выдающіеся граждане Корваллиса.

Креффильдъ избралъ мѣстомъ жительства красивый островъ на рѣкѣ и обѣщалъ своимъ послѣдователямъ, что они еще на землѣ будутъ жить небесной жизнью. Оторвавъ женъ отъ мужей, дочерей отъ родителей, Креффильдъ зажилъ на островѣ, какъ турецкій султанъ; женщины были въ его власти и безпрекословно исполняли его волю потому, что „Иисусъ Навинъ непогрѣшимъ“.

По временамъ пророкъ покидалъ свой островъ, и тогда вѣрующіе собирались въ домъ госпожи Гертъ, гдѣ и вели себя, какъ одержимые. Говорятъ, что участники собраній жили всѣ „небесной жизнью“. Обвиненія, возводимыя на Креффильда, относятся именно къ этому времени. Религіозныя оргіи совершались днемъ и ночью; крики и стоны разносились изъ дома далеко по окрестностямъ. Доведенные до изступленія дикими воззваніями и внушеніями своего учителя, послѣдователи его выходили иногда толпами изъ дому, проходили по улицамъ, срывали съ себя платье, сваливали его въ кучу, зажигали эти костры и съ неистовыми пѣснями плясали вокругъ нихъ. Съ громкими клятвами въ вѣчной вѣрности мужчины и женщины бросали въ огонь не только драгоценныя украшенія, но и живыхъ собакъ и кошекъ. Этому мирные граждане города не могли вынести, они разогнали обезумѣвшихъ людей, а Креффильду и его помощнику Бруку было приказано удалиться изъ города... Они ушли, но черезъ недѣлю вернулись, и оргіи возобновились. Ихъ схватили, связали и вывезли изъ города, предупредивъ, что они будутъ подвергнуты строгому наказанію, если осмѣлятся появиться еще разъ.

Около мѣсяца ничего не было слышно объ Иисусѣ Навинѣ, но потомъ онъ появился въ городѣ Портландѣ, того же Штата Орегонъ, и тамъ принялся снова за свою проповѣдь. Власти дали приказъ его арестовать за его образъ жизни въ Корваллисѣ, но онъ успѣлъ бѣжать. Это случилось въ февралѣ прошлаго года. Въ теченіе 6-и мѣсяцевъ объ немъ ничего не было слышно и всѣ полагали, что онъ исчезъ изъ Орегона, но въ началѣ сентября его нашли въ Корваллисѣ, гдѣ онъ скрывался въ ямѣ, вырытой подъ домомъ г-жи Гертъ, настоящей могилѣ, гдѣ онъ съ трудомъ помѣщался. Послѣдователи его доставляли ему пищу, но могли дѣлать это по ночамъ, днемъ они не рѣшались подходить, п. ч. домъ охранялся полиціей.

Креффильдъ будетъ судиться въ Портландѣ. Рвеніе его нисколько не ослабло. Онъ читаетъ Библию днемъ и ночью, здраво разсуждаетъ обо всемъ и часто говоритъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. По его мнѣнію, онъ проповѣдуетъ истину потому, что видитъ и знаетъ ее.

С. Вердеревская.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Екатеринбургъ, какъ центръ раскола.—Австрійскіе окружники.—Часовенные или стариковцы.—Климентово согласіе — Порфирьево согласіе и поморцы.—Нѣтовскія секты и ихъ ученіе о чувственномъ воцареніи антихриста.—Іеговисты и ихъ богохульное и разрушительное ученіе.—Статистика и характеристика нынѣшняго старообрядческаго міра.—Никудышники.—Дѣйствія и мѣры миссіи.

Екатеринбургская епархія съ ея преобладающимъ заводскимъ народонаселеніемъ уже въ Петровскую эпоху считалась виднымъ центромъ старообрядческаго раскола, а съ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія стала и родиною вреднѣйшей еретической секты іеговистовъ. Таковою же Екатеринбургская епархія является и въ настоящее время. Изъ пяти уѣздовъ епархіи четыре сплошь почти заражены расколосектантскими заблужденіями, и только Ирбитскій уѣздъ, если не считать с. Покровскаго, да далекій сѣверъ Верхотурскаго уѣзда, охраняемый заступленіемъ св. Симеона Верхотурскаго чудотворца, являются еще свободными отъ расколо-сектантскаго элемента. Всѣхъ приходовъ, зараженныхъ расколо-сектантскими заблужденіями, до нынѣ считалось 151. Главнымъ центромъ старообрядческаго раскола, проявившимъ въ послѣдніе годы большую жизнедѣятельность въ дѣлѣ пропаганды раскола, нужно признать, къ сожалѣнію, г. Екатеринбургъ, именующійся столицей Урала. Отсюда распространяются по епархіи подпольныя брошюры изданія апологетовъ австрійскаго согласія и другихъ толковъ. Отсюда же неоднократно посылался въ разныя мѣста епархіи и начетчикъ этого согласія А. Токманцевъ для защиты бѣлокриницкой іерархіи. Отсюда же возили въ с. Шарташъ, Невьянскій заводъ и другія мѣста сфабрикованную Бриллиантовымъ вкупу съ армяниномъ Бархударяицъ и комиссіонеромъ Зелигманъ оригинальную брошюрку, якобы подрывающую достовѣрность чудесъ, совершавшихся у гроба св. Серафима.

Большую жизнедѣятельность проявили въ отчетномъ году и часовенные старообрядцы Нижне-Тагильскаго завода со своимъ выучени-

комъ Коновалова начетчикомъ А. Кузнецовымъ, коего, за особую плату (отъ 20 руб. до 100 за бесѣду при готовомъ проѣздѣ по 2-му классу), неоднократно вызывали старообрядцы разныхъ заводовъ и селъ; вызывался также (за 300 руб.) и извѣстный поморскій учитель Т. А. Худошинъ для собесѣдованій съ миссіонерами.

Странники съ особенною настойчивостію пропагандировали свое лжеученіе въ Н.-Тагильскомъ заводѣ и д. Сѣверной Верхне-Салдинскаго прихода, гдѣ были даже случаи безвѣстнаго исчезновенія.

Дѣятельность *іеговистовъ* попрежнему сосредоточивалась въ заводахъ Баранчинскомъ, Кушвинскомъ, Н.-Тагильскомъ и Туринскомъ.

Старообрядцы Екатеринбургской епархіи, руководимые въ большинствѣ случаевъ движимыми самолюбіемъ кунцами, а по селамъ корыстолюбивыми наставниками и начетчиками, не избѣгли общей участи современнаго старообрядчества—*разложенія*. Лишившись указанныхъ самимъ Богомъ руководителей религіозно-нравственной жизни, екатеринбургскіе старообрядцы, какъ и ихъ общероссійскіе собратья, уклонились на путь произвола и всякаго рода нравственныхъ беззаконій, для которыхъ каждый толкъ или согласіе подыскиваютъ то или иное оправданіе. Одни изъ нихъ остались при прежнихъ заблужденіяхъ вплоть до ученія о чувственномъ воцареніи на Руси антихриста; другіе, не видя для себя никакихъ стѣсненій отъ мнимаго антихриста, начали учить о духовномъ антихристѣ; третьи, не признавая въ мірѣ и духовнаго антихриста, руководимые только злобою и мелкимъ „торгашескимъ“ самолюбіемъ, придумали вѣру „купеческую“, какъ выражается объ австрійскомъ согласіи новоприсоединившіяся іерей австрійскаго согласія Д. С. Колеговъ; четвертые, ни въ одномъ изъ существующихъ толковъ не находя оправданія для своего антиканоническаго состоянія, прямо уже уклонились въ сектантство, каковы *никудышники*, *нѣтовцы* и *немоляки*. Особо отъ всѣхъ стоятъ сектанты-іеговисты, свившіе себѣ прочное гнѣздо на Уралѣ.

Наличность всѣхъ расколо-сектантовъ, соотвѣтственно особенностямъ ихъ вѣроученія, нынѣ можно представить въ слѣдующей схемѣ:

А. *Раскольниковы-старообрядцы*: они же „*жертки*“, а въ Камышловскомъ уѣздѣ „*двоежены*“:

І. *Поповцы*: 1. Приемлющіе австрійское священство—*окружники*. 2. Бывшіе бѣглопоповцы, нынѣ управляемые наставниками и уставщиками: а) часовенные или стариковцы; б) климентовы; в) порфиріевы.

ІІ. *Безпоповцы*: 1. Поморцы (приемлющіе браки), 2. Федосѣевцы (безбрачники), 3. Филипповцы (липовцы). 4. Странники; они же: бѣгуны, лучинковцы (лучинники), пахтеи, христово согласіе; Божьи люди (братья и сестрицы), душители; „колесниковцы“ (въ Висимо-Уткинскомъ заводѣ). 5. *Нѣтовцы*: а) глухая нѣтовщина или спасово согласіе; б) новоспасовцы, в) никудышники. 6. Матвѣева вѣра. 7. Средники.

Б. *Секты рационалистическія:*

1. Немоляки. 2. Хлысты. 3. Скопцы. 4. Иеговисты (простые или миротворцы и мстители).

* *
*

Пріемлющіе австрійское священство-окружники. Это согласіе незначительно по количеству послѣдователей въ сравненіи съ часовеннымъ согласіемъ, но болѣе прочно по своей внутренней организаціи, особенно въ г. Екатеринбургѣ. Здѣсь оно имѣетъ свое „братство св. Креста“, имѣющее задачу поддерживать австрійское согласіе и его пропаганду 1). Каждый членъ этого братства обязанъ вносить на противозаконное дѣло 3 р. Въ настоящее время австрійское согласіе имѣетъ своего епископа и 6 поповъ. Епископомъ состоитъ крестьянинъ Невьянскаго завода Аванасій Григорьевъ Паромовъ, именующійся епископомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Въ его распоряженіе данъ начетчикъ А. Д. Токманцевъ, обученный на средства братства въ шведовской Нижегородской школѣ. По временамъ Антоній посылаетъ его въ разные мѣста епархіи для пропаганды австрійскаго согласія 2) въ мѣстахъ глухихъ и притомъ большею частію въ отсутствіе православныхъ миссіонеровъ. Въ послѣдніе годы Токманцевъ усиленно пропагандировалъ по епархіи, уклоняясь отъ собесѣдованій съ епархіальнымъ миссіонеромъ и его помощникомъ въ г. Екатеринбургѣ; при этомъ во время разѣздовъ Токманцевъ иногда съ успѣхомъ пользовался „сфабрикованною“ жожаками австрійскаго согласія брошюркою „Замѣчательный случай наказанія раскольника“. Для послѣдователей австрійскаго согласія именуемый епископъ Антоній по большимъ праздникамъ совершалъ богослуженіе въ часовнѣ австрійскаго согласія въ г. Екатеринбургѣ въ сослуженіи двухъ екатеринбургскихъ поповъ И. С. Попова и П. П. Огнева. Внѣшнее сходство австрійской общины съ истинною Церковію, благолѣпіе молитвенныхъ домовъ, щедро украшаемыхъ попечителями, и старые обряды при постоянныхъ попыткахъ жожаковъ согласія порочить Церковь православную, несомнѣнно дѣйствуютъ на послѣдователей другихъ согласій. Въ 1903 году большое уваженіе въ пользу этого согласія появилось было между часовенными старообрядцами Лайскаго и Петрокаменскаго заводовъ. Но благодаря присоединенію ко св. Церкви австрійскаго іерея Д. С. Колегова, это движеніе приостановилось: многіе послѣдовали примѣру Колегова и присоединились ко св. Церкви, а другіе по-прежнему остались въ часо-

1) Воззваніе именуемаго еп. Антонія, оттиснутое на гектографѣ въ г. Екатеринбургѣ (л. 5 об.).

2) Смотри „Екат. Епарх. Вѣдом.“ за 1904 г. № 4. „Мое пребываніе въ расколѣ“ Д. С. Колегова.

венномъ согласіи. На мѣсто Колегова въ Н.-Тагиль прибылъ другой лже-іерей, но смущеніе, произведенное Колеговымъ въ средѣ его бывшей паствы, продолжается и доселѣ: многіе пріѣзжаютъ посоветоваться со своимъ бывшимъ іереемъ, нынѣ діакономъ Свято-Троицкой Церкви, и послѣ совѣта присоединяются.

* * *

Часовенные или стариковцы. Часовенные или стариковцы по своему количеству составляютъ преобладающій элементъ въ старообрядческомъ расколѣ епархіи. Управляясь вмѣсто прежнихъ бѣглыхъ поповъ стариками наставниками, на правахъ мірянъ совершающими нѣкоторыя требы, какъ-то крещеніе безъ миропомазанія, покаяніе безъ разрѣшенія грѣховъ, бракъ безъ вѣнчанія и пр., старообрядцы этого согласія, болѣе мирные по характеру и мало склонные къ пропагандѣ, въ послѣднія года проявили большую жизнѣдѣтельность къ защитѣ и утвержденію своего ученія. Старообрядцы Н.-Тагильскаго завода съ помощію извѣстнаго начетчика Коновалова, какъ мы уже замѣтили, подготовили своего начетчика А. Кузнецова. Сравнительно еще молодой Кузнецовъ настолько опытенъ въ полемикѣ, что въ состязаніяхъ, происходившихъ на „Веселыхъ горахъ“ 28 и 29 іюня, поставилъ въ безотвѣтное положеніе апологетовъ австрійскаго согласія іерея Сюткина и начетчика А. Токманцева.

Замѣтное оживленіе къ утвержденію своего согласія проявили часовенные старообрядцы и въ камышловскомъ округѣ. По сообщенію Камышловскаго о. миссіонера І. Богомолова, „часто устраиваемыя миссіонерскія бесѣды подорвали фанатизмъ и изуверство въ темной массѣ народа, особенно въ молодомъ поколѣніи. Вожаки и наставники, видя упадокъ довѣрія къ ихъ начитанности, какъ утопающій за соломенку, ухватились за разѣзжающихъ пропагандистовъ раскола, въ родѣ Коновалова, Кузнецова, Токманцева и др. Забывъ свое самолюбіе, они съ клятвою рѣшились назвать нѣтовца Коновалова своимъ и все это только для того, чтобы поддержать довѣріе къ себѣ.

Каргапольскіе часовенные старообрядцы, въ 1902 году подпавшіе было подъ вліяніе Коноваловскаго лжеученія, нынѣ снова возвратились къ прежнимъ традиціямъ. Но не смотря на всѣ старанія вожаковъ, и это согласіе дѣлится на множество неуловимыхъ для посторонняго подраздѣленій. Каждый наставникъ старается подмѣтить за своимъ коллегой какое-нибудь послабленіе противъ древняго благочестія, старается подорвать его авторитетъ, внушая своей паствѣ не пребывать съ нимъ въ общеніи. Все это поселяетъ разладъ между членами одного и того же согласія. Впрочемъ, бывали въ отчетномъ году раздоры въ часовенныхъ обществахъ и по другимъ совершенно случайнымъ поводамъ.

* * *

Климентово согласіе. Климентъ и его послѣдователи выдѣлились изъ среды часовенныхъ лѣтъ пять тому назадъ и поселились въ скитахъ около д. Галашекъ. По ихъ ученію, въ обществѣ уже воцарился антихристъ, или идолъ *Самора, въ видѣ самовара* и другихъ произведеній современной цивилизаціи. Забывая, что Самъ Христосъ не возгнушался записаться во время переписи (Л. зач. 5 ст. 4—5) и, будучи Самъ Царемъ Небеснымъ, платилъ дань царю земному (Мѣ. зач. 73), они воспрещаютъ своимъ послѣдователямъ платить подати и записываться въ какія-либо гражданскія книги. Основываясь на ветхозавѣтномъ запрещеніи (Лев. 19, 19; Втор. 22, 11), *они даже воспрещаютъ носить пестряя одежды.* Особенно яримъ послѣдователемъ этого согласія является Г. В. Б—инъ, екатеринбургскій купецъ, въ свое время обучавшійся въ реальномъ училищѣ. Онъ не жалѣетъ средствъ для увеличенія числа своихъ послѣдователей. Такъ, однажды при посѣщеніи с. Шарташскаго, онъ давалъ Черепанову деньги, только бы тотъ перешелъ въ его согласіе. Но Черепановъ разумно отвѣтилъ ему: „убирайся ты отъ насъ! мы и со своимъ-то ученіемъ не справимся, а ты еще намъ новое продаешь“. Б—инъ болѣе строго проводитъ въ жизнь ученіе Климента, почему въ 1902 году и отдѣлился отъ климентовыхъ. Но болѣе фанатичнымъ послѣдователемъ Климента ученія является еще позднѣе отдѣлившійся отъ него со своей партіей М. Ил—новъ. Онъ заподозрилъ Климента въ томъ, что у того въ скитахъ старицы имѣютъ свои вещи, какъ-то: полотенце или туфли и прочее и каждая имѣетъ свой кошелекъ. А изъ „Альфы и Омеги“ онъ вычиталъ, что такое житіе есть „разбойническое собраніе“, почему и основалъ въ 1903 году свое согласіе *михайловщину*. О другихъ же предметахъ, какъ-то: о непоказываніи родства и о запрещеніи брать билеты онъ сталъ мыслить снисходительнѣе и судить полегче, потому что, какъ говоритъ онъ, самъ испыталъ и тюремное заключеніе и этапное провозженіе, которое очень ему не понравилось. За то къ обученію старообрядческихъ дѣтей въ узаконенныхъ школахъ земскихъ и церковно-приходскихъ онъ относится нетерпимѣе, чѣмъ кто бы то ни было. На бывшемъ въ 1903 году въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ соборѣ онъ положительно воспрепятствовалъ сдѣлать какое-либо постановленіе, ограждающее старообрядческихъ дѣтей отъ произвола наставниковъ и ихъ злобной и неразумной клятвы.

Порфириѣво согласіе. Старообрядцы Порфириѣва согласія отдѣляются отъ часовенныхъ изъ-за вопроса о крещеніи. По ихъ ученію, истинное крещеніе можетъ *быть совершено только въ проточной рѣчной водѣ или ключевой; крещенныхъ же инымъ образомъ они перекрещиваютъ.*

* * *

Поморское согласіе. Старообрядцевъ поморскаго согласія въ епархіи не особенно много, всего около 2,000 человекъ, пропаганды они не ведутъ. Но приѣзжающіе иногда къ нимъ ругатели-апологеты, вроде Худошина, все же производятъ большой соблазнъ, какъ въ средѣ православныхъ, такъ и въ средѣ старообрядцевъ другихъ согласій.

* * *

Нѣтовскія секты въ отчетномъ году положительно присмирѣли. Тѣ изъ часовенныхъ, кои уклонились въ 1902 году въ нѣтовское согласіе вслѣдствіе наѣздовъ Коновалова, нынѣ снова начинаютъ возвращаться къ прежнимъ упованіямъ.

Притихла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и пропаганда странниковъ, какъ, напр., въ Висимо-Уткинскомъ заводѣ. Но все же подпольные пропагандисты этого согласія, работая въ большинствѣ случаевъ въ мѣстахъ скрытыхъ и подъ покровомъ ночи, устрашающе дѣйствуютъ на воображеніе простого народа своимъ ученіемъ о *чувственномъ воцареніи антихриста*. Своими разказами о воцареніи антихриста на землѣ со времени Петра Великаго и своими изображениями—всѣхъ послѣдующихъ царей подъ видомъ лже-христовъ, а всѣхъ священниковъ и епископовъ подъ видомъ лжепророковъ, кои первыми пойдутъ въ адъ, странническіе наставники производятъ обыкновенно при своемъ появленіи въ извѣстномъ мѣстѣ большое смущеніе въ умахъ. Они, не задумываясь, указываютъ печать антихриста въ поднятыхъ крыльяхъ орла на монетахъ, паспортахъ, калошахъ и другихъ предметахъ, увѣренно прибавляя при этомъ: „а посмотри-ка, до Петра-то отступника и онъ былъ съ опущенными крыльями“, при чемъ для подтвержденія тутъ же и показываютъ простому народу старую монету. Послѣ этого уже начинается при свѣтѣ лучины и въ таинственномъ полумракѣ проповѣдь о необходимости для избѣжанія печати антихриста странствовать по міру, оставить жену, дѣтей, отца, мать и весь домъ свой, переходя съ одного мѣста на другое и скрываясь по глухимъ мѣстамъ и подпольямъ. Впрочемъ, слишкомъ привязанному къ міру эти лжеучители тутъ же указываютъ и исходъ изъ своего положенія. Они указываютъ ему путь первоначального подвига, т. е. жизни среди мірскихъ людей, не крещеннымъ человекомъ, а готовящимся ко крещенію съ тѣмъ, чтобы укрывать странниковъ-крещенныхъ, кормить ихъ и завѣдывать ихъ имуществомъ, ожидая себѣ предсмертнаго крещенія. Предсмертное крещеніе, или, какъ его называютъ странники, „скутываніе“, дѣлаетъ человека святымъ, послѣ него ничѣмъ мірскимъ уже нельзя заниматься. Если вновь окрещенный не умретъ вскорѣ послѣ крещенія, то его куда-то увозятъ и безслѣдно скрываютъ. Такъ потерялась въ отчетномъ году у крестьянина Висимо-Уткинскаго завода дочь дѣвочка лѣтъ 8.

Она была больна и по слухамъ ее крестили. Померла-ли она или ее, какъ вновь крещенную, увезли куда, неизвѣстно. Подобные случаи безвѣстнаго исчезновенія были и въ заводѣ Н.-Тагильскомъ и въ дер. Сѣверной Верхне-Салдинскаго прихода.

* * *

Иеговисты. Иеговисты—изъ екатеринбургскихъ сектъ самая странная и характерная. Не отвергая богодухновенности книгъ св. Писанія, иеговисты признають главною вѣроучительною книгою Апокалипсисъ, называемый ими „книгой съ неба“, въ которой будто бы изображены не только послѣднія судьбы Церкви, но и настоящее ея состояніе. Свое названіе иеговисты получили отъ ихъ своеобразнаго ученія о Богѣ—Иеговѣ. Тайну св. Троицы они отвергаютъ. По ихъ понятіямъ Богъ не есть существо духовное, а человѣко-образное (человѣкъ—богъ), ибо Онъ, по свидѣтельству священныхъ книгъ, являлся людямъ, ѣлъ, пилъ, говорилъ, даже боролся съ Иаковомъ. Самое слово Богъ есть какъ бы нарицательное имя для нѣсколькихъ существъ, во главѣ которыхъ стоитъ Богъ—Отецъ, создавшій всѣ прочіе міры, кромѣ солнечной системы, и отдавшій ихъ другимъ Богамъ въ обладаніе. Богъ-Отецъ имѣетъ божескія и человѣческія свойства. Тѣло его походитъ на камни сардисъ и асписъ (Ап. 4, 2—3). Богъ-сынъ Иегова есть творецъ нашей солнечной системы. Онъ всемогущъ и узнаетъ обо всемъ чрезъ особыхъ вѣстниковъ (ангеловъ), имѣющихъ тѣло. Иегова безсмертенъ, но имѣетъ начало бытія. Онъ также человѣко-богъ. Духъ Святой, о которомъ говорится въ книгахъ св. Писанія, не есть Богъ, а „пророческое слово“ (Ап. 19, 10). Душа человѣка есть кровь его. Священное преданіе иеговисты называютъ преданіями старцевъ (Мрк. 7, 3—4) и источникомъ вѣроученія не признають. Всѣ церковныя таинства, богослуженіе, почитаніе мощей, иконъ и пр., они отвергаютъ. Въ распространяемыхъ ими рукописяхъ православные предаются ими проклятію (Ис. 65, 15; Мѣ. 25, 41), и, равно какъ и іудеи, называются злѣйшими врагами „всемирнаго свѣтителя“ ¹⁾, сатанистами, коихъ Иегова истребитъ страшными казнями, даже огнемъ съ неба (Іез. 39, 6; К. С. 18, 8; 17, 16; 11, 18; 2, 22); нынѣшней землѣ обѣщается новый видъ и преобразование посредствомъ землетрясенія; причемъ Америка, предполагается, провалится въ океанъ (воп. 3 тамъ же). Всѣ блага, вплоть до безсмертія, въ этихъ брошюркахъ обѣщаются только „новымъ рабамъ“ Иеговы, иеговистамъ, кои будто бы соблюдаютъ заповѣди Иеговы точнѣе даже первыхъ христіанъ, такъ какъ христіане начали будто бы дѣлиться на

¹⁾ Благовѣстіе, вопр. 3.

адски враждебные толки еще съ „легкой руки апостоловъ“, когда „многіе отпали отъ ап. Павла и пристали къ ап. Иоанну и Поликарпу“, образовавъ „секту субботниковъ, т. е. христіанъ празднующихъ субботу и Пасху по-іудейски, которыхъ папа Викторъ проклялъ якобы вмѣстѣ со святымъ Поликарпомъ“. „Ап. Петръ въ противность повелѣнію Іеговы“ также „ходилъ къ язычникамъ и осквернялся ихъ пищею“ (воп. 2), тогда какъ они, іеговисты, ведущіе свое начало отъ капитана Ильина, будто бы осуществляютъ заповѣдь о любви во всей ея чистотѣ, съ сатанистами не сообщаются и пр. Впрочемъ, подобное заявленіе о соблюденіи заповѣди любви не препятствуетъ іеговистамъ тутъ же прибѣгать къ самымъ площаднымъ издѣвательствамъ надъ православными. Въ 6 вопросѣ того же „благовѣстія“, разсылавшагося въ отчетномъ году изъ Баранчинскаго завода О. П. К—вымъ, послѣ не передаваемыхъ въ печати ругательствъ всемірный свѣтитель Ілія восклицаетъ: „слышите ли цари, вельможи и богачи... патріархи, далай-ламы... богословы православныя и лѣвославныя... дониконіанскіе и дубинопетровскіе, окружныя и противоокружныя, коренныя и пристяжныя, уніатскіе и единовѣрческіе... подрѣзанные и отрѣзанные? Нѣтъ, не слышите, ибо сатана наглухо заклепалъ уши ваши его истинными *отрамы*, патріотическими и житейскими законами“! Это уже не слова любви, а слова злобы, изрыгаемые самимъ діаволомъ. Для воспитанія въ себѣ этой злобы къ людямъ іеговисты собираются у кого-либо изъ своихъ единомышленниковъ по субботамъ, почему въ простомъ народѣ они и называются „субботниками“. Не смотря на свое недавнее сравнительно появленіе, секта іеговистовъ успѣла уже раздѣлиться на „*истителлей*“, проповѣдующихъ необходимость истребленія „сатанистовъ“ (христіанъ) для открытія на землѣ царства Іеговы и распространяющихъ ругательныя брошюрки, и *миротворцевъ*, старающихся распространять свою вѣру мирнымъ путемъ убѣжденія.

* * *

Количество всѣхъ расколо-сектантовъ въ предѣлахъ епархій простирается по отчетамъ миссіонеровъ до 55,095 человекъ. Ежегодно присоединяются, напр., до 400 человекъ, такъ, въ 1903 г. присоединилось: 171 безусловно, а 239 на правилахъ единовѣрія. Интересны мотивы, побудившіе къ присоединенію. 247 человекъ присоединились вслѣдствіе сознанія неправоты расколо-сектантскаго состоянія, 54 по желанію родителей, 74 по случаю вступленія въ бракъ, 1 послѣ болѣзни и 4 неизвѣстно по какимъ побужденіямъ. Возсоединено съ православіемъ 70 человекъ. Уклонилось за отчетный годъ 14 человекъ, по преимуществу вслѣдствіе вступленія въ блудное сожитіе съ богатыми въ расколѣ лицами.

Въ отношеніяхъ расколо-сектантовъ къ православнымъ и православному духовенству открытой вражды за отчетный годъ не замѣчилось, но не было и благорасположенія. На глазахъ они предупредительны и почтительны, а за глазами недвѣрчивы и даже враждебны.

Впрочемъ, всѣхъ старообрядцевъ нельзя ставить въ одну категорію. Между ними есть и дѣйствительно ищущіе „пути правды“, и искренно желающіе пребывать въ любви и общеніи со всѣми православными, а тѣмъ болѣе со своимъ православнымъ Государемъ. Таковыхъ только тяжелыя цѣпи окружающаго мрака и невѣжества, страшная материнская клятва, да матеріальныя пути, связующія ихъ съ расколомъ, часто удерживаютъ отъ присоединенія къ православной Церкви.

Въ общемъ же состояніе современнаго раскола и сектантства въ епархіи можно представить въ слѣдующихъ чертахъ. Благодаря распространяющемуся въ народѣ образованію, дѣятельности православныхъ миссіонеровъ и пастырей, а также вслѣдствіе современныхъ требованій жизни и общественнаго строя, расколъ утрачиваетъ свою замкнутость, грубый фанатизмъ и невѣжество. „Нынѣшній раскольникъ“, пишетъ предсѣдатель Н.-Тагильскаго комитета, „будь онъ часовенный австріецъ или какого другого толка, это не прежній буквоѣдъ, но ищущій оправданія своихъ заблужденій путемъ новыхъ доказательствъ, какими и пользуются руководители на бесѣдахъ съ миссіонерами“. „Раскольники Бродовскаго комитета“, какъ сообщаетъ о. предсѣдатель, „въ нынѣшнемъ году подъ влияніемъ бесѣдъ своихъ новоиспеченныхъ учителей рѣзко измѣнили свой взглядъ на старину: было время, когда они даже и слушать не хотѣли новоизданныя книги, а тѣмъ болѣе подпольныя, а теперь безъ зазрѣнія совѣсти пріемлютъ ихъ и хвалятъ какого-нибудь Кузнецова, читающаго выдержки изъ сочиненій еретика Ивана Усова. Многіе изъ старообрядцевъ уже не довольствуются содержаніемъ и истовымъ исполненіемъ одной обрядовой стороны своей вѣры, а стремятся сознательно усвоить самыя истины вѣры и познать правоту ея, почему они и не чуждаются православныхъ собесѣдниковъ о вѣрѣ. Нѣкоторые даже публично рѣшаются говорить о недостаткахъ своихъ согласій, какъ это было напримѣръ въ с. Губернскомъ на бесѣдахъ епархіальнаго миссіонера, гдѣ нѣкоторые изъ старообрядцевъ, возмущившись замѣчаніемъ начетчика миссіонеру по поводу сообщенія послѣдняго о разныхъ видахъ „причастія“, приготовляемаго у часовенныхъ, съ обращеніемъ рассказали, какъ въ ихъ присутствіи изготовлялось наставникомъ причастіе въ простой чернильницѣ. Черноисточенскіе и Лайскіе старообрядцы неоднократно высказывались на бесѣдахъ, что свое состояніе они признаютъ ненормальнымъ.

Случается, что наиболѣе сомнѣвающіеся въ своей вѣрѣ начинаютъ удаляться отъ своихъ наставниковъ и перестаютъ посѣщать молитвенныя

собранія. Такіе старообрядцы, какъ не принадлежащіе ни къ какому согласію, извѣстны подъ именемъ *нижудышниковъ*. Нѣкоторые изъ нихъ присоединяются ко св. Церкви. Но въ большинствѣ случаевъ присоединяются тѣ изъ раскольниковъ, которые живутъ среди православнаго населенія, или часто соприкасаются съ нимъ, или же вступаютъ въ родственныя связи. Въ селеніяхъ, сильно зараженныхъ расколомъ, случаи присоединеній бывають рѣдки. Крѣпость и живучесть мѣстнаго раскола объясняется прежде всего давностью его существованія. Пріверженцы раскола сжились со своимъ положеніемъ, привыкли считать себя совершенно обособленными отъ Церкви, выработали свой особенный складъ жизни и имъ уже трудно отстать отъ всего этого. Невѣжество, упорство, гордость, ложный стыдъ, страхъ предъ родителями, боязнь лишиться ожидаемаго наслѣдства, иногда индифферентное отношеніе къ дѣламъ вѣры, еще болѣе увеличиваютъ трудность обращенія изъ раскола къ православію. Кромѣ того, устойчивости раскола много способствуетъ матеріальная состоятельность раскольниковъ, раскольническая литература, раскольническіе моельни и скиты. Обладаніе значительными матеріальными средствами даетъ раскольникамъ возможность выбирать на общественныя должности своихъ же раскольниковъ и при содѣйствіи власти держать раскольническую массу въ полномъ повиновеніи и не допускать до перехода въ православіе лицъ, даже не сочувствующихъ расколу. Богатства раскольническія являются причиною сильно развитой у раскольниковъ взаимопомощи, прельщающей и православныхъ. Раскольническая литература также въ значительной степени содѣйствуетъ укрѣпленію раскола. Встрѣчающіяся нынѣ во многихъ домахъ старообрядцевъ сочиненія, исполненныя ненависти и клеветы на православную Церковь и подвергающія рѣзкому осужденію всѣ ея постановленія и отношенія ея къ раскольникамъ, воспитываютъ въ старообрядческой средѣ фанатизмъ и нетерпимость къ православной Церкви и чрезъ то все болѣе и болѣе удаляютъ расколъ отъ истины.

Раскольническія моельни объединяють между собою послѣдователей раскола и способствуютъ убѣжденію ихъ въ правотѣ раскола и фанатичному отношенію къ православной Церкви. Сознвая большое значеніе моеленъ, какъ средства для укрѣпленія раскола, раскольники не щадятъ своихъ средствъ на ихъ украшеніе и благоустройство. Сильно удерживаютъ старообрядцевъ отъ соединенія съ Церковію и внушенія пропагандистовъ раскола и жожаковъ, толкующихъ даруемыя раскольникамъ льготы въ смыслѣ покровительства имъ со стороны Правительства и признанія послѣднимъ истинности ихъ старой вѣры и правильности ихъ обрядовъ.

Но болѣе всего успѣху православной миссіи препятствуютъ раскольническіе *скиты*, коихъ еще много по глухимъ мѣстамъ епархій. Оби-

татели скитовъ, время отъ времени появляясь въ раскольническихъ селеніяхъ для сбора подаяній отъ христіанцевъ, своею показною набожностію и разказами о денно-нощныхъ моленіяхъ скитскихъ старцевъ и стариць, объ ихъ подвижнической жизни, о различныхъ видѣніяхъ, откровеніяхъ и чудесахъ, создаютъ въ раскольнической массѣ глубокую увѣренность въ святости и праведности скитскаго житія, а слѣдовательно и въ правотѣ раскола.

При такихъ обстоятельствахъ, ослабленію раскола, по отзыву всѣхъ миссіонерскихъ комитетовъ и приходскихъ священниковъ, прежде всего способствуютъ *публичныя миссіонерскія бесѣды* съ раскольническими начетчиками. Опираясь на уважаемая старообрядцами древнія книги публичныя бесѣды ясно обнаруживаютъ заблужденія послѣдователей мнимо-старой вѣры и такимъ путемъ колеблютъ вѣковые устои раскола и ослабляютъ его темную силу. Кромѣ достиженія прямой своей цѣли—убѣжденія старообрядцевъ въ неправотѣ раскола—публичныя бесѣды оказываютъ великую услугу миссіи православной Церкви и въ томъ отношеніи, что онѣ утверждаютъ православныхъ слушателей въ знаніи истинъ православной вѣры, предохраняютъ ихъ отъ уклоненія въ расколъ и дѣлаютъ ихъ самихъ способными давать отпоръ раскольническимъ извѣтамъ и обольщеніямъ. Развивая въ слушателяхъ любовь къ изученію религіозныхъ вопросовъ и къ чтенію богословскихъ книгъ, бесѣды готовятъ изъ среды общества опытныхъ сотрудниковъ для миссіонеровъ, которые и сами съ успѣхомъ ведутъ иногда публичныя собесѣдованія, а нѣкоторые изъ нихъ и по своему положенію часто оказываютъ большую услугу миссіи. Таковъ, напримѣръ, сотрудникъ Салдинскаго комитета, смотритель лѣсовъ Г. М. Куляшовъ, предотвратившій нѣкоторыхъ изъ православныхъ (Выходцева и Клова) отъ уклоненія въ сектантство только предоставленіемъ имъ занятій, не требующихъ работы въ праздничные дни. Но при всемъ этомъ нужно помнить, что въ наше время дѣло миссіи будетъ имѣть успѣхъ только при наличномъ количествѣ опытныхъ и специальныхъ миссіонеровъ, смотрящихъ на миссію, какъ на свой долгъ. Бесѣды же съ развѣзжающими пропагандистами раскола, несомнѣнно, должны вестись самыми опытными и искусившимися въ борьбѣ съ расколомъ въ извѣстной мѣстности миссіонерами. Неудачно поставленная и веденная бесѣда можетъ не только не принести пользы, но и причинить миссіи непоправимый вредъ. Что же касается приходскихъ пастырей и малосвѣдущихъ членовъ миссіонерскихъ комитетовъ, новыхъ миссіонеровъ, то мѣсто ихъ дѣятельности только въ предѣлахъ своего района. Путемъ домашнихъ бесѣдъ таковыя могутъ сдѣлать при усердіи не менѣе, чѣмъ болѣе опытные ихъ сотоварищи путемъ публичныхъ бесѣдъ.

А. Обтеперанскій

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“

„Еретичество горитъ“.

Одинъ изъ миссіонеровъ Зауральскаго Края успѣлъ склонить раскольника къ принятію православія. И вотъ раскольникъ этотъ, чтобы разсѣять всякія свои сомнѣнія и предубѣжденія, касательно православной вѣры, рѣшилъ напередъ побывать въ разныхъ церквахъ и посмотреть, какъ совершается въ нихъ богослуженіе. Съ этою цѣлю онъ обошелъ три сельскія церкви и остался вполне удовлетвореннымъ всѣмъ, что тамъ видѣлъ и слышалъ,—сдѣлавъ только замѣчаніе объ одномъ псаломщикѣ, который былъ въ церкви одѣтъ въ тужурку. Присоединеніе было готово. Но раскольникъ пожелалъ еще побывать при архіерейскомъ служеніи и сообщилъ эту мысль миссіонеру. Миссіонеръ ее одобрилъ, и раскольникъ отправился въ епархіальный городъ Е—ргъ. Тамъ онъ, зайдя въ Крестовую церковь, былъ пораженъ внезапнымъ освѣщеніемъ паникадилъ. Вглядываясь, онъ замѣтилъ, что свѣчи въ нихъ стоятъ фальшивыя, не восковыя. „Что это горитъ?“ спросилъ онъ. Ему отвѣчали: электричество. „А-а!.. *Еретичество!* вотъ что!.. Ну ужъ, если самый источникъ гнилой, изъ котораго истекаетъ священство, то и вся церковь гнила“,—сказалъ онъ, и возвратился къ своимъ братьямъ раскольникамъ.

Давая мѣсто приведенному сообщенію, мы надѣемся вызвать по поводу его пастырско-миссіонерскій обменъ мнѣній. Вопросъ для нашей миссіи небезразличный: можно-ли намъ пользоваться въ церковномъ обиходѣ удобствами современной цивилизаціи, какъ напр., электричествомъ, или же считать ихъ за иноземныя „прелести“, за „еретичество“ и всячески избѣгать ихъ въ своей церковной жизни, чтобы не податься соблазна, преткновенія раскольникамъ, расположеннымъ къ принятію православія. Съ одной стороны намъ сообщаютъ о случаяхъ, въ родѣ вышеприведеннаго: а съ другой—мы знаемъ, что раскольничьи апологеты (какъ Ив. Усовъ и Ѳ. Мельниковъ) укрѣпляютъ „вѣру“ въ своей братіи посредствомъ граммофона, который они развозятъ погра-

дамъ и весямъ и который предъ темнымъ раскольничьимъ собраніемъ выкрикиваетъ фальсифицированныя и потому побѣдоносныя бесѣды защитниковъ древяго православія съ миссіонерами православной Церкви. И далѣе: отъ однихъ приходится слышать, что электричество въ Церкви—новость, соблазнъ, что свѣча имѣетъ въ церковной службѣ глубокое религіозное значеніе—жертвы, и что свѣчной доходъ богатѣйшая статья въ нашемъ церковномъ хозяйствѣ, и отъ другихъ: что электрчество то же Божія стихія, что соблазняться имъ можетъ только невѣжество, становится въ уровень съ которымъ, прилаживаться къ которому въ своей жизни для православной Церкви—неразумно и для ея развитія вредно. Въ печати разговоръ на эту тему былъ, но, на сколько помнимъ, миссіонерской ея сторонѣ вниманія особаго не оказано.

Н. Г.

Миссіонерская вакансія.

Въ Псковской епархіи въ настоящее время состоитъ вакантною должность епархіальнаго миссіонера.

Газеты о церковныхъ дѣлахъ.

Можно-ли утилизировать на нужды войны церковные вклады на вѣчное поминовеніе? Вопросъ этотъ поднятъ въ „Нов. Времени“ письмомъ въ редакцію одного изъ епископовъ (имя его не названо) и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что „поминовенные“ капиталы могутъ быть церквами и монастырями отданы на нужды войны государству за небольшой процентъ, это составитъ свой внутренній, такъ сказать, церковный заемъ.

Мысль эта газетамъ показалась очень изобрѣтательною и была подхвачена, какъ благодѣтельное финансовое открытіе. На самомъ же дѣлѣ это „открытіе“ неизвѣстнаго владыки дѣлаетъ только честь его патріотическому порыву, но никакъ не финансовому его таланту, а главное—обнаружено странное незнаніе владыкою положенія дѣлъ, безусловно подлежащихъ архіерейскому вѣдѣнію и распоряженію. Хотѣлось бы думать, что легкомысленное изобрѣтеніе это—не епископское, а просто газетное. Дѣло въ томъ, что всѣ капиталы церковные, а тѣмъ паче вѣчныя вклады, принадлежатъ-ли они приходскимъ церквамъ, или монастырямъ,—по существующимъ узаконеніямъ обязательно вносятся на храненіе изъ установленныхъ процентовъ (не болѣе 3%) въ *государственный банкъ*.

Не только вѣчные вклады, но и текущіе доходы приходскія церкви и монастыри обязаны вносить въ государственныя кредитныя учрежденія, но никакъ не въ частныя банки. При этомъ въ приходскихъ храмахъ на текущіе расходы дозволяется въ наличности имѣть не болѣе что-то 50 руб., а монастырямъ (кажется) до 200 руб.

Отсюда ясно, что всѣ церковныя капиталы уже теперь находятся во вкладахъ изъ % и въ процентныхъ бумагахъ въ государственной кассѣ, которая и платитъ церквамъ и монастырямъ извѣстный %.

Теперь спрашивается, какимъ же еще способомъ могутъ церковныя капиталы быть переданы изъ % государству и утилизированы на нужды войны? Совсѣмъ непонятная финансовая операція. Если бы это было въ Турціи или въ Японіи, тамъ, пожалуй, ухитрились бы подъ гарантію процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ церквамъ, сдѣлать оборотъ по части внѣшняго займа.

А между тѣмъ *деньги монастырскія* прямо не даютъ покою отечественнымъ патріотамъ за чужой счетъ, которымъ бы очень хотѣлось поправить этими средствами наши затрудненныя военною порою финансовыя дѣла. Вотъ какъ, напр., разсуждаетъ „Разсвѣтъ“ о монастыряхъ и ихъ капиталахъ:

Монастырскіе капиталы лежатъ, какъ въ мертвомъ банкѣ, безъ движенія, безъ операцій. Право, кромѣ незначительнаго ремонта, ихъ дѣвать некуда. Православныя обители содержатся средствами, притекающими помимо капиталовъ. Во владѣніи всякаго монастыря есть все: поля, дуга, лѣса, рыбныя ловли, мельницы, подворья и пр. Угодья эксплуатируются въ пользу монастыря, а излишекъ продается на сторону. Всякая обитель ведетъ свое скотоводство, молочное хозяйство, землю и продукты обрабатываетъ не наемными людьми, а преимущественно, собственной братіей. Угодья, давая избытокъ иждивенія, не несутъ никакого тягла: они изъяты отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ.

Если въ небольшихъ монастыряхъ хранятся излишніе капиталы, такъ легко себѣ представить, что есть въ первоклассныхъ и лаврахъ петербургскихъ, московскихъ, кievскихъ. Тамъ къ милліонамъ текутъ милліоны въ видѣ процентовъ, разныхъ сборовъ, пожертвованій, доходовъ съ громаднхъ имуществъ.

Для примѣра газета называетъ Юрьевскій монастырь.

На извѣстный Юрьевскій монастырь, съ золотыми главами, графиня А. А. Орлова-Чесменская потратила много милл. рублей. Положенъ въ поль зованіе монастыря милліонный капиталъ, есть масса золота, серебра, драгоценныхъ камней. Значитъ, какой доходъ приноситъ одинъ капиталъ! Вотъ камни никакого приращенія не даютъ, да ихъ никто и не видитъ: на утвари, ризахъ, иконахъ—все имитация, а настоящіе камни хранятся въ главѣ Георгіевскаго собора. Тутъ уже буквально—омертвѣвшіе милліоны.

Нужны матеріальныя средства, остро нужны, чтобы поддержать честь русскаго народа. А вѣдь *деньги монастырскія*—*деньги народныя*, снесенныя по рублямъ и копеечкамъ въ обители.

Но вѣдь такъ коммунистически разсуждая, легко придти къ заключенію, что и подписныя суммы, получаемыя редакціями газетъ и журналовъ—тоже своего рода *мірскія* и народныя, ergo и ихъ нельзя-ли утилизировать ва нужды войны? Но повторяемъ, что въ монастыряхъ въ кубышкахъ давно не хранятся деньги, они всѣ въ государственномъ банкѣ или въ бумагахъ, или же обращены въ недвижимую собственность. Такими путаными разсужденіями газеты только могутъ испугать о.о. настоятелей монастырей, и они будутъ поспѣшать забирать изъ банка деньги на постройки колоколенъ. Одинъ изъ кievскихъ монастырей уже строить колокольню такой огромной высоты, какой нигдѣ нѣтъ въ мірѣ.

Мы съ своей стороны только можемъ пожелать, чтобы монастыри и богатыя обители изъ текущихъ доходовъ побольше удѣляли на войну и облегченіе участи раненыхъ и плѣнныхъ. Но храни Богъ—касаться движимости, драгоценностей монастырскихъ, какъ нѣкоторыя газеты намекали уже—тогда война въ глазахъ народа можетъ сдѣлаться не только непопулярной, но и ненавистною, святотатственною.

Газетная сплетня о проповѣди свящ. Орлова и о „политическомъ московскомъ братствѣ“. Въ „Мисс. Обзор.“ была приведена напечатанная въ газетѣ „Наша Жизнь“ выдержка изъ проповѣди церк.-школьн. наблюдателя, свящ. г. Борисоглѣбска о. Орлова, призывавшаго якобы народъ къ выслѣживанію и выдачѣ начальству народныхъ смутьяновъ и политическихъ агитаторовъ, причемъ о. Орловъ, ссылаясь на посланіе св. Синода по поводу событій 9 января, именемъ Синода напередъ разрѣшалъ грѣхи охранителей общественной безопасности и обѣщаль отпущеніе грѣховъ. Указывая на необходимость крайней осторожности въ выраженіяхъ и въ направленіи такого рода проповѣдей, мы тогда же рѣшительно заявили, что такая рѣчь не только не *разрешительна*, но и *невозможна* въ устахъ православнаго священника. Въ редакцію поступило отъ священниковъ нѣсколько протестовъ противъ проповѣди о. Орлова. Нынѣ, слава Богу, появилась въ газетахъ отвѣдь самого о. Орлова, который горячо протестуетъ противъ взведенной на него какимъ-то газетнымъ хулиганомъ злой клеветы. Какъ и слѣдовало ожидать, все напечатанное въ газ. „Наша Жизнь“ является извращеніемъ проповѣди и совершенной неправдой. А сколько нынѣ распускается по бѣлу свѣту чрезъ печать такой неправды о служителяхъ Церкви, которыхъ враги порядка всячески стараются очернить и обвинить въ организаціи „черной сотни“, якобы мобилизуемой духовенствомъ противъ передовой интеллигенціи. Пачкаютъ въ печати не только рядовыхъ служителей алтаря, но и архимонаховъ. Особенно сильно задѣла нашихъ „газетныхъ прогрессистовъ“ пущенный кѣмъ-то слухъ, что

московскій викарный еп. Никонъ, издатель Троицкихъ листковъ, совместно съ редакторомъ „Москов. Вѣд.“ В. А. Грингмутомъ и директоромъ лицея Георгіевскимъ, организуютъ при Чудовомъ монастырѣ, въ память убіеннаго В. К. Сергія Александровича, „политическое братство“ для борьбы съ „освободителями“.

На самомъ же дѣлѣ объ этомъ братствѣ было высказано только предположеніе въ случайномъ и частномъ разговорѣ еп. Никона съ Грингмутомъ въ присутствіи г. Георгіевского и болѣе ничего,—но либеральными набатчиками слово превращено въ дѣло, и либеральныя газеты съ ужасомъ и негодованіемъ кричатъ объ опасной для интеллигенціи мобилизаціи патриотической партіи ненавистныхъ охранителей существующаго строя. Т. обр. по либеральной логикѣ защитниковъ всякой „свободы“, всѣ партіи могутъ нынѣ организоваться и работать, только защитники и охранители порядка должны бездѣйствовать и молчать.

Заботы Саратовской и Кіевской думы о приходскихъ дѣлахъ. Вопросъ о приходѣ съ страницъ и столбцовъ печати и изъ пастырскихъ собраній начинаетъ переходить въ собранія общественныхъ самоуправленій, гдѣ ставится рѣзко и рѣшительно, въ смыслъ раскрѣпощенія прихода отъ духовнаго вѣдомства, съ устраненіемъ духовенства и епархіальнаго начальства отъ управленія хозяйственными дѣлами церкви съ заведеніемъ выборныхъ порядковъ при назначеніи духовенства.

Такъ „Приазов. Краю“ сообщаютъ изъ Саратова:

Вопросомъ о преобразованіи устройства церковныхъ приходовъ занялась саратовская дума, такъ какъ одна изъ статей городского положенія предоставляетъ городскому общественному управленію имѣть пожеланіе объ устройствѣ церквей и проч. По предложенію гл. Селиванова избрана была особая комисія, которая выяснила положеніе приходовъ и изыскала мѣры къ ихъ оживленію. Надняхъ комиссія эта собиралась и пришла по словамъ «Приаз. Края», къ слѣдующему заключенію:

1) вся хозяйственная часть должна быть изъята изъ вѣдѣнія духовенства и сосредоточена въ завѣдываніи особаго избираемаго прихожанами лица—ктитора; 2) приходскимъ общинамъ должно быть предоставлено право самообложенія и другія права самоуправляющихся общинъ; 3) приходъ въ лицѣ ктитора и совѣта завѣдываетъ, кромѣ хозяйственной части, и педагогической частью, на правахъ существующихъ попечительныхъ совѣтовъ учебныхъ заведеній; 4) епархіальная власть назначаетъ священнослужителей исключительно изъ лицъ, рекомендуемыхъ приходомъ. Плата за требы уничтожается, съ замѣной ея исключительно жалованьемъ.

Проектъ доктринерскій и рѣшительный, но въ смыслѣ практическаго разрѣшенія „гордіевыхъ узловъ“ нынѣшняго положенія вещей безнадежный. Сломать сразу вѣковое зданіе прихода и сразу же построить новое, не имѣя готоваго матеріала,—не такъ легко, какъ кажется саратовскимъ гласнымъ.

Вотъ кievскіе гласные—тѣ народъ хотя и либеральный, но за то практичный, не углубляясь ни въ какія проэкты, взяли да отняли жалованье у причта. Да еще и жалованье грошевое. Тутъ тоже дѣло за принципъ задѣло. Вотъ какой инцидентъ, по словамъ „Нов. Вр.“ недавно произошелъ въ Кіевской думѣ.

Интересные дебаты вызвалъ въ кievской думѣ вопросъ о жалованьи священно- и церковно-служителямъ Щекавикскаго и Байкова кладбищъ, всего въ суммѣ 257 руб. При разсмотрѣніи смѣты на текущій годъ дума исключила эту сумму. Но управа снова внесла въ думу этотъ вопросъ, разъясняя, что жалованье причтамъ этихъ кладбищъ назначено по Высочайшему указу 1782 г.

Гласные выражаютъ понятное удивленіе, что ссылаются на указъ, изданный 100 лѣтъ назадъ; можетъ быть, были такіе указы, которые отмѣнили этотъ...

Представитель духовнаго вѣдомства, протоіерей Трегубовъ, заявляетъ, что подобныхъ указовъ не было, и проситъ назначить жалованье. Тогда гл. Лучицкій переноситъ дѣло на принципиальную почву: обязанъ ли городъ платить жалованье причтамъ по указу, изданному еще въ XVIII столѣтіи. Указовъ въ далекомъ прошломъ было издаваемо не мало, но не все же они исполняются. Напр., нѣкогда въ Малороссіи священниковъ выбрали, а теперь это не исполняется—теперь священниковъ назначаютъ, не спрашивая прихожанъ.

Вопросъ передается въ юридическую комиссію, причемъ гл. Залевскій обѣщаетъ разыскать указы, отмѣнившіе выдачу духовенству жалованье отъ города; если такого не найдется въ Кіевѣ, то онъ обѣщается добыть указъ въ Петербургѣ.

Къ этому не лишне развѣ добавить справку, что гласный Залевскій совсѣмъ не юристъ, а отставной лишь фельдфебель, но какъ видите, либеральнаго фасона.

Радикальный прозекъ.

Радикальные проэкты относительно духовенства и Церкви разрабатываютъ не одни общественные дѣятели и публицисты, но и сами батюшки. Такъ въ одной газетѣ свящ. М. Б. предлагаетъ радикальную мѣру для устраненія „недостойныхъ пастырей“.

Принимая во вниманіе, что большая часть нашего духовенства избрала свою профессію не добровольно, а подъ давленіемъ извѣстной внѣшней необходимости (разумѣемъ косвенное принужденіе семинаристовъ служить по духовному вѣдомству), слѣдовало бы теперь же всѣмъ этимъ невольнымъ избранникамъ великой, по своей отвѣтственности, профессіи объявить, что, если они тяготеютъ своимъ служеніемъ, совершаютъ его противно своей совѣсти и убѣжденіямъ, — пусть слагаютъ, если желаютъ, съ себя священный санъ и избираютъ родъ службы, болѣе отвѣчающій ихъ воззрѣніямъ и вкусамъ. А для этого нужно предварительно отмѣнить тѣ строгіе законы, которые караютъ доселѣ всякаго священника, рѣшившагося на словеніе съ себя священнаго сана. Въ самомъ дѣлѣ, не будетъ ли своего рода несправедливостью, съ одной стороны, заставить человѣка

идти въ священники, а потомъ, когда обнаружилось, что посвященный кандидатъ—плохой пастырь, изгнать его изъ духовнаго вѣдомства съ лишеніемъ права поступить на какую-нибудь государственную службу?

Глубоко прискорбно признаніе пастыря, что большая часть нашего духовенства люди безъ призванія! Но спрашивается, зачѣмъ это „объявленіе“ тяготящимся своимъ званіемъ о свободѣ снятія сана? Никто этой свободы не стѣсняетъ и теперь прошенія о сложеніи сана быстро удовлетворяются и обычно „разстригамъ“ Высочайше возвращаются всѣ права по образованію и прежней службѣ. Но мы согласны, что, дабы очистить Церковь отъ пастырскихъ плевелъ—нужно еще болѣе упростить и ускорить эту процедуру и снять ограниченія. Довольно и одной канонической тяжести для снимающихъ санъ,—по канонамъ всякій такой—проклять.

Распоряженіе о собраніяхъ штуды.

Распоряженіемъ войскового наказанаго атамана 1895 г. было воспрещено баптистамъ (штуды) г. Таганрога устраивать религіозныя собранія. Теперь, какъ сообщаетъ «Приаз. Край», послѣдовало новое распоряженіе о томъ, что религіозныя собранія баптистовъ могутъ производиться безпрепятственно.

Ложный слухъ объ о. Іоаннѣ.

За послѣдніе дни въ Кронштадтѣ ходили слухи о томъ, что о. Іоанномъ Кронштадтекимъ получены анонимныя письма съ угрозами убить его, и что вслѣдствіе этого отецъ Іоаннъ временно прервалъ богослуженіе и отмѣнилъ общую исповѣдь въ Андреевскомъ соборѣ 4 марта. Слухи эти дошли до полиціи, и кронштадтскій полиціймейстеръ 6 марта вѣдиль къ о. Іоанну. Послѣдній заявилъ полиціймейстеру, что никакихъ угрожающихъ писемъ онъ не получалъ, и что всѣ слухи лишены основанія. 6 марта о. Іоаннъ совершилъ литургію въ Андреевскомъ соборѣ.

О семинарскихъ бібліотекахъ.

Неизвѣстный ректоръ духовной семинаріи пишетъ въ „С.-Петербур. Вѣдом.“:

По странной традиціи, до начала которой трудно добраться, запрещенными числятся всѣ наши беллетристы-классики, не говоря уже о позднѣйшихъ художественныхъ писателяхъ. Въ одной семинаріи они были запрещены на основаніи такого замѣчанія въ отчетѣ ревизора (кажется восьмидесятихъ годовъ): „въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ ученической бібліотекѣ есть такія книги, какъ напр. «Записки изъ мертваго дома». На этомъ основаніи только и былъ изъятъ весь Достоевскій, а съ нимъ и остальные классики. Такимъ образомъ, мы изучаемъ Шекспира и проч., Фаррара и т. п. насадителей западной ереси или культуры, а своихъ Достоевскаго, Тургенева и проч. изобразителей и насадителей православныхъ и народныхъ устоевъ жизни преслѣдуемъ, хотя и фиктивно и напрасно, потому что теперь всякій батюшка выписываетъ «Ниву», почему всякій семинаристъ можетъ свободно читать всѣ запретныя книжки.

Да, пора бы на этотъ счетъ издать Ученому Комитету новыя правила и отмѣнить анахронизмы.

О Т К Л И К И.

Христось воскресе!

(ВЕСЬДА).

Христось воскресе, братіе!—Отчего эти слова такъ радостны? Почему мы и въ дѣтствѣ, и въ юности, въ зрѣломъ возрастѣ и старости ждемъ съ нетерпѣніемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія?—Посмотрите, братіе, въ Свѣтлую утреню на лица вѣрующихъ! Вы увидите одинаково сіяющими и невинное личико дитяти, и жизнерадостное лицо юноши, и серьезное лицо взрослого, и глубокое задумчивое лицо сѣдовласаго старца. Да, увидите одинаково сіяющими, одинаково ликующими и трепетно-восторженно отвѣчающими „воистину воскресе“ на привѣтствіе „Христось воскресе“.—Отчего это, братіе? Отчего мы нынѣ такъ торжествуемъ?—Оттого, братіе, что смерть намъ теперь не страшна, потому что мы теперь знаемъ, что за смертію послѣдуетъ наше воскресеніе для вѣчной блаженной жизни со Христомъ.—Вотъ что говоритъ о воскресеніи Самъ Господь: *„Наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія: и изыдутъ творившіе доброе въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе злое въ воскресеніе осужденія“* (Іоан. 5, 28—29). И еще: *„Когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто, приду опять и возьму васъ къ Себѣ“* (Іоан. 14, 3).—Когда-же это будетъ? Когда придетъ Господь во славу съ ангелами судить міръ, и послѣ суда *„пойдутъ грѣшники въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную“* (Мѣ. 25 гл.).—Это ученіе Господа о воскресеніи мертвыхъ съ большею подробностью раскрыли намъ святые апостолы. Вотъ какъ учитъ о воскресеніи апостоль Павель: *„Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся вдругъ, во мновеніе ока при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся; ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему—облечься въ безсмертіе. Когда-же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣнное и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: поглотена смерть побѣдою (Ісаин 25, 8). Смерть! идѣ твое жало? адъ! идѣ твоя побѣда? (Ос. 13, 14). (—1 Кор. 15, 51—55).—И еще: *Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи объ умершихъ, дабы вы не**

скорбѣли, какъ прочіе, не имѣющіе надежды; ибо если мы вѣруемъ, что Иисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Иисусъ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ, что мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предугадимъ умершихъ, потому что Самъ Господь при воззнесеніи, при гласъ архангела и трубъ Божіей, сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потому мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними воззнесены будемъ на облакахъ въ срѣтеніе Господу на воздухъ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ“ (1 Сол. 4, 13—18).—Итакъ, нѣтъ теперь смерти для насъ, а есть лишь временное упокоеніе, послѣ котораго наступитъ воскресеніе.—Такъ вотъ отчего радостно намъ Свѣтлое Христово Воскресеніе! Оно вѣщаетъ намъ о побѣдѣ нашей надъ смертію духовною,—избавленіи отъ рабства діаволу и грѣху, и объ избавленіи отъ смерти вѣчной. Потому и Церковь такъ свѣтло празднуетъ этотъ праздникъ. Во всемъ году нѣтъ болѣе торжественнаго и радостнаго богослуженія, какъ на Святую Пасху.

Богослуженіе Свѣтлаго Христова Воскресенія начинается весьма рано, въ самую полночь, такъ какъ и самое воскресеніе Христа, по свидѣтельству церкви, согласному съ повѣствованіемъ евангелистовъ, совершилось въ полночь на воскресный день.—„Годподне-же воскресеніе сице бысть: воиномъ стрегущимъ гробъ о полунощи трусъ бываетъ, сошедъ бо ангелъ камень отваляетъ отъ дверей гроба, стражіе-же ужасающе бѣгають“ (Синакс.)—И когда жены мѣроносицы пришли ко гробу весьма рано „еще сущу тьмѣ“, то уже не нашли тѣла Господа: Онъ воскресъ.—Передъ началомъ заутрени священнослужители въ свѣтлыхъ ризахъ и вѣрующіе со свѣчами со святымъ евангеліемъ и образомъ воскресенія совершаютъ хожденіе вокругъ храма, воспѣвая пѣсню „Воскресеніе твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славить“.—Это хожденіе знаменуетъ хожденіе святыхъ женъ мѣроносицъ и апостоловъ ко гробу Христову.—По окончаніи хожденія всѣ входятъ въ притворъ храма, а двери самага храма затворяются.—Священникъ, совершивъ хожденіе, начинаетъ утреню возгласомъ: „Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ“ и затѣмъ поетъ одинъ: „Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“; когда священникъ трижды пропоетъ эту пѣснь, клиръ отъ лица вѣрующихъ также трижды поетъ эту пѣснь. Священникъ далѣе возглашаетъ стихи псалма: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его“, а клиръ многократно поетъ „Христось воскресе“.—Что-же это значить, братіе, что церковь начинаетъ утреню Свѣтлую не въ самомъ храмѣ, а въ притворѣ его?—Вѣсть о воскресеніи

Христовомъ жены мѣроносицы приняли отъ ангела во гробѣ—пещерѣ, поэтому притворъ храма знаменуетъ гробѣ—пещеру; священникъ первый возглашающій „Христосъ воскресе“ знаменуетъ ангела, вѣщающаго о воскресеніи, пѣвцы—самихъ женъ мѣроносицъ, вѣщающихъ о воскресеніи апостоламъ.

Послѣ всего отверзаются врата храма, куда всѣ входятъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресе.“— Это отверстіе дверей храма и многократное пѣніе „Христосъ воскресе“ означаетъ, что мѣроносицы и апостолы повѣдали всему міру о воскресеніи Христовомъ.— Затѣмъ священно-служители входятъ въ алтарь, врата коего не закрываются, и утреня продолжается. Послѣ ектеніи священникъ начинаетъ пѣть изъ алтаря начало ирмосовъ, а пѣвцы уже поютъ самыя ирмосы. Это совмѣстное пѣніе означаетъ, что нынѣ все ликуеть: небо и земля. Пѣснь 1-ая.— *Воскресенія день, просвѣтимся людие, пасха, Господня пасха: отъ смерти бо къ жизни, отъ земли къ небеси Христосъ Богъ Нашъ приведе побѣдную поющія.*— Просвѣтимся, людие, свѣтомъ воскреснаго дня: сегодня пасха Господня! ибо Христосъ Богъ Нашъ привелъ отъ смерти къ жизни, отъ земли на небо насъ, воспѣвающихъ Ему побѣдную пѣснь.— Послѣ каждой пѣсни поются тропари.— *Очистимъ чувствій, и узримъ неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа, блистающася и радуйтеся рекуща, яко да услышимъ, побѣдную поюще.*— Очистимъ сердечныя чувства и увидимъ Христа, блистающаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, и воспѣвая Ему побѣдную пѣснь, ясно услышимъ Его, вѣщающаго намъ: радуйтеся!— *„Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же міръ, видимый же весь и невидимый, Христосъ бо воста, веселіе вѣчное.* Воистину да веселятся небеса и земля да радуется, пусть празднуетъ весь міръ, видимый и невидимый, ибо воскресъ Христосъ, настало вѣчное веселіе.

Пѣснь 3-я.— *„Приидите пиво тіемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетльннй источникъ, изъ гроба одождивши Христа, въ въ немже утверждаемъ.“*— Приидите, вѣрные, будемъ пить новое питіе, не то, что чудесно Моисеемъ изведено изъ скалы въ пустынѣ жаждущимъ евреямъ, но изъ нетлѣннаго источника—возсіявшаго изъ гроба Христа, въ котораго мы непреложно вѣруемъ.

— *„Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля, и преисподняя да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христова, въ немже утверждаемъ.“*— Нынѣ все наполнилось свѣтомъ воскресенія: небо и земля, и преисподняя, а потому да празднуетъ вся тварь воскресеніе Христа, въ которомъ ея утвержденіе.

— *„Вчера спогрѣбохся тебѣ, Христосъ, со востаніемъ днесь воскресшу Тебѣ, сраспинахся тебѣ вчера, самъ мя спрослави, спасе, во цѣлети*

твою".— Вчера я какъ-бы умираю, видя Тебя, Христе, погребеннаго, вчера я сострадалъ Тебѣ, а нынѣ воскресая духомъ съ Тобою воскресшимъ. Самъ Ты, Спаситель, дай и мнѣ славу во царствіи Твоемъ.

Пѣснь 4-ая.— *„На божественный стражи богоглаголивый Аввакумъ да станеть съ нами, и покажетъ сътоносна ангела, ясно глаголюща: днесь спасеніе міру, яко воскрес Христоръ, яко всесилень.“*— Аввакумъ пророкъ, стоявшій на стражѣ божественнаго видѣнія (Авв. гл. 2) и говорившій съ Богомъ, пусть нынѣ станеть съ нами и покажетъ свѣтлаго ангела, ясно вѣщающаго: нынѣ спасеніе міра, ибо Христоръ воскресъ, какъ всемогущій.—

— *„Мужескій убо полъ яко разверзый дѣвственную утробу, явился Христоръ, яко человекъ же: агнецъ наречеса, непорочскъ же, яко некусены скверны, наша пасха, и яко Богъ истиненъ, совершенъ наречеса.“*— Христоръ явился, какъ человекъ, разверзая дѣвственное ложе Дѣвы, какъ младенецъ мужскаго пола, Онъ называется нашею пасхою—агнцемъ непорочнымъ, какъ незнавшій грѣха, и совершеннымъ, какъ истинный Богъ.

— *„Яко единомытный агнецъ, благословенный намъ агнецъ Христоръ, волю за всѣхъ закланъ бысть, пасха очистительная, и паки изъ гроба красное правды намъ возсія солнце.“*— Какъ однолѣтній агнецъ, Христоръ—вѣнецъ нашего благословенія—вольно за всѣхъ насъ былъ преданъ смерти, сдѣлавшись нашею очистительною пасхою, и, какъ ясное солнце правды, Онъ возсіялъ намъ изъ гроба.

— *„Богоотецъ убо Давидъ предъ стннимъ ковчегомъ скакаше играя, людие же Божіи святіи образы сбытіе зряще, веселимся божественнъ яко воскрес Христоръ, яко всесилень.“*— Давидъ, праотецъ Христа по плоти, плясалъ предъ ветхозавѣтнымъ ковчегомъ, мы же, освященные люди Божіи, видя исполненіе прообразовъ, веселимся божественно, ибо воскресъ Христоръ, какъ всемогущій.

Пѣснь 5-ая.— *„Утренюемъ утренюю яубоку, и вмѣсто мира пѣснь принесемъ Владыцѣ, и Христа узримъ правды солнце, всѣмъ жизнь, возсіяюща.“*— Возстанемъ раннимъ глубокимъ утромъ и принесемъ Владыкѣ вмѣсто мѣры пѣснь и увидимъ Христа—Солнце правды, подающаго воскресеніемъ жизнь всѣмъ людямъ.

— *„Безмѣрное Твое благоутробіе адовыми узами содержиміи зряще, къ свѣту идящу, Христе, веселыми ногами, пасху хватяще вѣчную.“*— Видя Твое неизмѣримое милосердіе, Христе, находящіяся въ адовомъ плѣненіи поспѣшно послѣдовали за Тобою, восхваля Тебя вѣчную Пасху.

— *„Приступимъ същеногніи, исходящу Христу изъ гроба якож-*

низу, и празднуемъ любопраздственными чинми пасху Божію спасительную".— Приступимъ съ возжонными свѣтильниками ко Христу, выходящему изъ гроба, какъ жениху, и будемъ праздновать торжественно Пасху Божію спасительную.

„Пѣснь 6-ая.— Снизшелъ еси въ преисподняя земли, и сокрушилъ еси веревы вѣчныя, содержащія связанныхъ, Христе, к тридневенъ яко отъ кита Іона воскресъ еси отъ гроба".— Ты во адъ сошелъ, Христе, растворилъ врата, содержащія заключенныхъ во адѣ, и тридневно воскресъ изъ гроба, какъ Іона изъ кита.

— „Сохранивъ цѣла знаменія, Христе, воскресъ еси отъ гроба, ключи Дѣвы не вредившій въ рождество Твоемъ, и отверзъ еси намъ райскія двери".— Не повредившій дѣвству Дѣвы рождествомъ Своимъ, Ты, Христе, воскресъ изъ гроба, не сокрушая печати (приложенной врагами ко гробу) и открылъ намъ райскія двери.

— „Спасе мой, живое же и нежертвенное зачатіе, яко Богъ самъ себе волю привелъ Отцу, совоскресилъ еси всероднаго Адама, воскресъ отъ гроба".— Спаситель Мой! Ты какъ живая и не подлежащая всеожженію жертва, Самъ Себя какъ Богъ, отдалъ въ волю Отца и, воскресши изъ гроба, совоскресилъ съ Собою всѣхъ праотца Адама.

Пѣснь 7-ая.— „Отроки отъ печи избавившій, бывъ человекъ, стриждеи яко смертенъ, и страстію смертное въ нетлѣнныя облачить благолюбивъ, единъ благословенъ Отцевъ Богъ и препрославленъ".— Избавившій изъ огненной печи отроковъ, сдѣлавшись человекъ, страдаетъ, какъ смертный, и своими страданіями подверженное смерти содѣловаетъ нетлѣннымъ. Это Богъ отцовъ нашихъ, единый, достойный благословенія и прославленія.

— „Жны съ мгры богомудрыя въ слѣдъ тебе течазу, еише яко мртва со слезами исказу, поклонишася радующіяся Живоу Богу, и пасху тайную, Христе, твоимъ ученикомъ благовѣстниша". — Богомудрыя жены съ мастями шли къ Тебѣ, Христе, и со слезами считали Тебя мертвымъ, но, возрадовавшись о Твоемъ воскресеніи, поклонились Тебѣ—Живому Богу и благовѣстили ученикамъ Твоимъ пасху тайную.

— „Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, много житія вѣчнаго начало, и играюще поемъ виновнаго, единого благословеннаго, отцевъ Бога, и препрославленнаго". — Мы празднуемъ уничтоженіе смерти, разрушеніе ада, начало вѣчной жизни и, торжествуя воспѣваемъ Виновника сего—отцовъ нашихъ Бога, Единого благословеннаго и препрославленнаго.

— „Яко воистину священная и всепразднственная сія спасительная нощь, и свѣзарная, свѣтоноснаго дне, востанія сущи провозвѣстница, въ ней-же безлѣтныи свѣтъ изъ гроба плоти въ свѣтъ возсія".— По

истинѣ это священная, торжественная и спасительная ночь, блистающая свѣтомъ, какъ солнечный день!—въ сію ночь вѣчный Свѣтъ (Христось) плотію изъ гроба всѣмъ возсіялъ, посему и сія есть провозвѣстница нашего воскресенія.

Пѣснь 8-ая.— *„Сей нареченный и святой день, единъ суббота царь и Господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжества: въ онъ же благословимъ Христа во вѣки“*.—Этотъ предназначенный (отъ вѣка) святой день—царь и господинъ надъ субботама, праадникъ изъ праадниковъ и торжество торжествамъ; будемъ же въ сей день до вѣка благословлять Христа!

— *„Приидите новаго винограда рожденія, Божественнаго веселія, въ нарочитомъ дни воскресенія, царствія Христова пріобщися, поюще его яко Бога во вѣки“*—Приидите вѣтви новаго винограда—Христа! („Азъ есмь лоза, вы же рождіе“). Въ этотъ назначенный день воскресенія присоединимся божественному веселію Царства Христова, воспѣвая его до вѣка, какъ Бога

— *„Возведи окрестъ очи твои Сионе и виждь: се бо приидошъ къ тебѣ яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки“*.—Оглянись кругомъ, Сионъ, и посмотри: вотъ пришли къ тебѣ съ запада, сѣвера, юга и востока дѣти твои, прославляющія Христа до вѣка.

Пѣснь 9-ая.— *„Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія, ликуй нынѣ и веселися Сионе: ты же, чистая, красуйся, Богородице, о востаніи рождества твоего“*.—Освящайся, освящайся, Новый Иерусалимъ (Церковь Христова), ибо слава Господня возсіяла на тебѣ! Ликуй нынѣ и веселись, Сионъ! а ты, чистая Богородица, блистай красотой, ибо воскресъ рожденный Тобой.

— *„О, божественнаго! о, любезнаго! о, сладчайшаго Твоего гласа. Христе! съ нами бо неможно общался еси быти до скончанія вѣка, Христе! его-же вѣрніи, утвержденіе надежды имущи, радуемся“*.—О, божественный, любезный и сладчайшій гласъ! Ты общалъ, Христе, съ нами пребывать до скончанія вѣка: посему, вѣрные, радуемся, имѣя Христа столпомъ нашей надежды.

— *„О, Пасха велия и священнѣйшая, Христе! о, мудрость, и слово Божій и сила! подавай намъ истѣ Тебѣ причащатися въ невечернемъ дни царствія твоего“*.—О, великая и священнѣйшая Пасха—Христось! о, премудрости, слово и сила Божія! подай намъ существенно соединиться съ Тобой, Христе, въ невечерѣющемъ (вѣчномъ) днѣ царствія Твоего!

Священникъ Іоаннъ Орловъ.

Иной взглядъ на церковно-общественную дѣятельность духовенства.

(По поводу фельетона г. Меньшикова въ № 10,424 „Новаго Времени“).

Въ недавнемъ своемъ фельетонѣ (въ № 10424) почтенный писатель—публицистъ г. Меньшиковъ высказалъ много укорины по адресу нашего духовенства за то, что оно, яко-бы, въ дѣятельности своей не соответствуетъ своему высочайшему призванію.

Особенно тяжкимъ „смертнымъ грѣхомъ“ нашего духовенства г. Меньшиковъ считаетъ то, что оно „всего боится“, а изъ боязни „все благословляетъ, все—фактически — разрѣшаетъ, и за цѣлыя вѣка до Толстого не противится злу, какъ бы оно ни было вопіюще... Духовенство, по его словамъ, тщательно сторонилось отъ ужасовъ народной жизни и всему провозглашало многая лѣта. Согласитесь, однако, что исторія наша сложилась-бы совсѣмъ иначе, если бы въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ гремѣлъ не переставая негодующій голосъ, обличающій, зовущій къ суду Божьему, несговорчивый, готовый идти на смерть“...

Не ради полемики съ г. Меньшиковымъ, а въ видахъ полноты сужденія о предметѣ столь высокой важности, приведемъ здѣсь старательно замалчиваемый свѣтскою печатью иной взглядъ на историческую и современную пастырскую дѣятельность духовенства.

Наиболѣе славные изслѣдователи и знатоки прошедшихъ судебъ русскаго народа (Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Ключевскій, митрополитъ Филаретъ) высоко цѣнятъ заслуги нашего духовенства и дѣлаютъ о нихъ самые лестные отзывы. По этимъ отзывамъ, духовенство наше сослужило въ исторической жизни нашего отечества такую великую службу, оказало ему такія благодѣянія, которыхъ нельзя даже измѣрить и оцѣнить по достоинству. Безъ чадолюбивой матери русскаго народа—святой православной Церкви, безъ ея служителей, по словамъ Костомарова, быть можетъ, давно уже и не существовало бы русскаго государства.

Въ ряду великихъ историческихъ заслугъ нашего духовенства

предъ государствомъ одно изъ выдающихся мѣсть, какъ утверждаетъ проф. Ключевскій, занимаетъ содѣйствіе духовенства благоустройству соціальныхъ отношеній въ русской землѣ, благоустройству гражданскаго права и порядка въ ней.

Въ гражданскомъ общежитіи огромное значеніе имѣетъ семья. Прочность ея—вѣрнѣйшій залогъ прочности цѣлаго государства. Въ виду столь великаго значенія семьи, Церковь, въ лицѣ ея пастырей, прилагала большіе труды и заботы къ благоустройству семейной жизни. А такъ какъ благоустроить семью невозможно было безъ усвоенія средоточію семейной жизни, матери семейства, гражданскихъ правъ, подобающаго авторитета въ гражданскомъ отношеніи, то духовенство вмѣстѣ съ проповѣдію необходимости чистоты брачныхъ узъ, настойчиво, съ неослабнымъ усердіемъ проводило взглядъ о необходимости облечь жену, мать семейства, этими гражданскими правами, и, вотъ, подъ воздѣйствіемъ именно Церкви, жена—прежняя безправная раба—превратилась сначала въ совѣтчицу мужа, а потомъ въ преемницу его отцовскихъ правъ. „Если, говоритъ Ключевскій, русская женщина разберется въ своемъ правовомъ и нравственномъ имуществѣ, которымъ она живетъ, какъ жена, какъ мать и гражданка, она увидитъ, что всѣмъ, чѣмъ наиболѣе дорожить въ ней общество и что наиболѣе дорого ей самой—всей своей исторической опричиною она обязана преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству“¹⁾.

Г. Меньшиковъ утверждаетъ, что духовенство наше тщательно сторонилось отъ ужасовъ народной жизни, все благословляло, все разрѣшало и всему провозглашало многая лѣта. Справедливо ли это утверждение?

Въ русскомъ правѣ было, между прочимъ, два установленія, чрезвычайно прочныя, но и столько же тяжелыя—это ростовщичество и холопство, легко превращавшіяся въ злоупотребленія и разрушавшія гражданское общежитіе. Эти установленія были, можно сказать, самыми главными „ужасами народной жизни“, существовавшими въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ. По мнѣнію г. Меньшикова, духовенство наше сторонилось ужасовъ народной жизни, и въ нѣдрахъ народныхъ не гремѣлъ негодующій голосъ духовенства, обличающій, зовущій къ суду Божьему. А вотъ г. Ключевскій утверждаетъ, что „трудно найти древне-русское церковное поученіе, въ которомъ не было бы рѣзкаго порицанія ростовщика или рабовладѣльца. Ростовщикъ—кровопійца, рабвладѣ-

¹⁾ Приб. къ Твор. Св. Отц. кн. IV, Москва, 1888 г.

дѣлецъ—жестокій разбойникъ, недостойны св. причастія—вотъ къ чему сводилась церковная проповѣдь, боровшаяся съ этими недугами русскаго общества“. И усилія пастырей не оставались безплодными.

Подъ вліяніемъ духовенства, его проповѣди—въ людскомъ обществѣ развивались и укоренялись гуманныя отношенія, которыя входили въ привычки, нравы, потомъ и узаконялись. Послушныя голосу церкви частныя лица отказывались отъ поддержки, защиты при помощи закона своихъ людскихъ правъ, жертвовали этими правами въ пользу ближняго, даже гнушались ими. Рабовладѣльцы по духовнымъ завѣщаніямъ отпускали своихъ рабовъ на полную свободу, мотивируя такую свою волю разсужденіемъ: „всѣ бо Божіи и цареvy государевы люди“. Заимодавецъ ссужалъ бѣдняка деньгами безъ всякихъ процентовъ и бѣднякъ въ долговомъ обязательствѣ пояснял, что заимодавецъ „росту съ него не взять ничего, помня евангельскую заповѣдь и имѣя въ сердцѣ своемъ страхъ Божій“. Вполнѣ понятно, чье вліяніе дѣлало изъ завѣщанія владѣтеля крѣпостныхъ душъ трактаты о равенствѣ людей предъ Богомъ и Государемъ и долговое обязательство превращало въ благотворительный актъ.

Человѣколюбіе, гуманность въ людскихъ отношеніяхъ, задолго предупреждало у насъ гуманныя законы. Изъ двухъ законовъ—о ростѣ и о холопахъ, первый сравнительно скоро былъ значительно смягченъ и видоизмѣненъ. Несравненно больше было для Церкви труда въ борьбѣ съ рабовладѣльчествомъ. Однако, безустаннымъ дѣйствіемъ на нравы и понятія, а чрезъ это и на законодательство, Церковь разрушила самое право, узаконявшее рабство, или разрушила самое основаніе, на которомъ утверждался законъ о рабахъ. „Древне-русское холопство, говоритъ г. Ключевскій, первоначально было однообразнымъ и недѣлимимъ, недопускавшимъ никакихъ степеней и различій. Но подъ вліяніемъ Церкви оно постепенно разложилось на многообразныя виды ограниченной неволи и каждый дальнѣйшій видъ былъ смягченіемъ предыдущаго“.

Все благословляя, все разрѣшая, духовенство, по словамъ г. Меньшикова, „не протестовало противъ крѣпостнаго права“. Другіе авторитеты, въ томъ числѣ митрополитъ Филаретъ и тотъ же г. Ключевскій высказываютъ совершенно противоположное убѣжденіе. Они утверждаютъ, что величайшему акту въ исторической нашей жизни—освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости прежде всего и больше всего содѣйствовала именно Церковь своею неустанною проповѣдію о равенствѣ людей предъ

Богомъ. Такое убѣжденіе нынѣ популяризуется уже повседневною печатью. Неособенно давно, напримѣръ, и „Новое Время“ высказало, что, какъ бы кто ни оцѣнивалъ ближайшіе мотивы крестьянской реформы, *не подлежитъ сомнѣнію* (курсивы наши) тотъ *основной* мотивъ ея, который былъ и исходной точкой и верховныхъ вдохновеніемъ этого великаго дѣла, а именно—*совѣсть*, и, разумѣется, совѣсть христіанская, руководящаяся евангельскою заповѣдію: дѣлайте другимъ то, что вы считаете для самихъ себя благомъ“ (№ 9684).

Совершенно справедливо г. Меньшиковъ считаетъ самымъ трагическимъ бѣдствіемъ народовъ ихъ нравственный упадокъ, упадокъ въ нихъ совѣсти, общее разореніе души, обнищаніе ея во всемъ высокомъ, слѣдствіемъ чего является уже ихъ развратная жизнь, преступныя дѣйствія. Разительнымъ примѣромъ того, до какого позора, до какой неслыханной прежде низости пали мы—русскіе, г. Меньшиковъ указываетъ на случаи продажи въ текущую войну японцамъ нашихъ секретныхъ картъ, при чемъ каждый листъ съемки продавался, судя по перехваченнымъ роспискамъ, по 6000 рублей. „Отчего, спрашиваетъ онъ,—мы пали до циническаго равнодушія къ своему народу, до государственнаго грабежа?.. Откуда этотъ чудовищный упадокъ воли и совѣсти?.. „Отъ упадка вѣры“, отвѣчаетъ онъ. Отвѣтъ совершенно справедливый. „Кто же отвѣтственъ въ этомъ упадкѣ вѣры?“ спрашиваетъ онъ далѣе, и отвѣчаетъ: „кто же, какъ не сословіе, призванное утвердить ее“. „Вотъ въ чемъ, говоритъ онъ, настоящее горе Россіи. У насъ нѣтъ болѣе священнаго сословія, а есть только духовенство“, переставшее быть учительнымъ въ томъ именно смыслѣ, что проповѣди его стали такъ „блѣдны и незначительны, что рѣшительно ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу“.

Но едва-ли такое категорическое мнѣніе о современной церковной проповѣди можно назвать справедливымъ.

Намъ думается, что при сужденіи о силѣ и плодотворности церковной проповѣди слѣдуетъ принимать во вниманіе и сердца, къ которымъ обращена проповѣдь,—почва, на которой сѣется сѣмя. Невольно вспоминается притча Іисуса Христа о сѣятелѣ.

Высказанное г. Меньшиковымъ мнѣніе о нынѣшней церковной проповѣди во всякомъ случаѣ никакъ нельзя назвать общимъ. Другіе судятъ о ней совсѣмъ иначе. Для примѣра приведемъ сужденіе небызвѣстнаго въ духовной литературѣ И. У. Полимпесстова. Въ 1891 году въ журналѣ „Странникъ“ (м. Февраль) онъ, между прочимъ, писалъ: „припомнимъ самую блестящую страницу изъ тысячелѣтней жизни русскаго народа—освобожденіе

нимъ отъ многовѣковаго рабства славянъ (сербовъ и болгаръ), родныхъ ему по вѣрѣ и крови. Что побудило русскій народъ къ этому подвигу? — Одна Евангельская любовь. А эту любовь кто вдохнулъ и възгрѣваетъ въ русскомъ народѣ?—Св. православная Церковь, ея служители. Эта страница въ нашей исторіи дѣйствительно есть самая блестящая, какъ отблескъ евангельскаго свѣта подобной страницы нѣтъ въ исторіи всего человѣчества, она украшеніе, честь, гордость русскаго народа, и *ее могла написать своими перстами только одна св. Церковь*“.

И настоящая война развѣ мало представляетъ примѣровъ необыкновенной доблести, изумительнаго геройства, беззавѣтнаго самопожертвованія за благоденствіе, славу и честь своей родины?

Смертнымъ грѣхомъ нашего духовенства г. Меньшиковъ, какъ то выше и указывалось, считаетъ то, что оно всего боится, боится помѣщика, становаго, мѣстнаго кулака, а изъ боязни все благословляетъ, все разрѣшаетъ, ничему не противится и всему поетъ многая лѣта.

Если духовенство наше, дѣйствительно, сторонится отъ нѣкоторыхъ изъ „ужасовъ народной жизни“ и не обличаетъ, не бичуетъ негодующимъ голосомъ, зовя виновниковъ этихъ ужасовъ къ суду Божьему, то это, говоря вообще, оно дѣлаетъ не изъ страха предъ помѣщиками, становами, мѣстными кулаками или кѣмъ либо другимъ, кто много посильнѣе этихъ очень сильныхъ персонъ, но по чувству дисциплины, изъ послушанія власти. Хороше ли это или худо—вопросъ другой, и мы не его рѣшаемъ теперь.

Что духовенство наше способно безбоязненно, самоотверженно выполнять долгъ своего призванія, хотя бы въ этомъ случаѣ пришлось дѣйствовать въ прямой и существенный ущербъ интересамъ не только очень сильныхъ, но и всесильныхъ міра сего, вотъ этому краснорѣчивое и убѣдительное доказательство. Въ 50-тыхъ годахъ Св. Синодъ призвалъ нарочитымъ указомъ духовенство къ борьбѣ съ пьянствомъ въ народѣ. Въ этомъ случаѣ духовенству предстояло столкнуться съ интересами воистину всесильныхъ тогда людей—откупщиками винной торговли. Что же, убоилось оно этого всепобѣждающаго могущества? Ничуть, нисколько. Борьбу противъ пьянства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ духовенство сразу же повело съ такою силою и энергіею и такъ плодотворно, что у откупщиковъ затрещали карманы, и они нашли себя вынужденными возбудить въ Петербургѣ специальное ходатайство о томъ, чтобы воспрещено было духовенству продолжать его походъ противъ пьянства. И ему воспретили, конечно, къ великому сожалѣнію и духовенства, и Св. Синода.

Легко разобратъся, что тутъ было причиною, сковавшею устудуховенства: боязнь ли предъ всеильными откупщиками или послушаніе власти.

Можно утверждать и съ какимъ угодно ручательствомъ, что когда наступаютъ другія „времена“ для церковной проповѣди, то голосъ нашего духовенства „въ самыхъ нѣдрахъ народныхъ“ загремѣть сильнѣе и смѣлѣе, чѣмъ онъ гремѣлъ въ 50-тыхъ годахъ, когда его громомъ встревожились даже сами откупщики.

Совершенно вѣрно напоминаетъ г. Меньшиковъ, что апостольство соединено съ мученичествомъ, какъ объ этомъ Христосъ и предупреждалъ учениковъ своихъ. Но должно сказать, что о такой же судьбѣ предупреждалъ Онъ и всѣхъ своихъ истинныхъ послѣдователей. Поэтому, нѣтъ основанія мученичество за идею считать въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы спеціальностію только духовенства. И исторія христіанства представляетъ не мало примѣровъ, когда пасомые вмѣстѣ съ пастырями, нисколько не отставая отъ нихъ, шли на мученія.

Въ похвалу духовенства древней Руси и въ укоръ послѣдующему и современному очень часто указываютъ на митрополита Филиппа. Не отрицая всей силы и убѣдительности этого указація, должно, однако, сказать, что ссылка на митрополита Филиппа въ данномъ отношеніи является историческою справкою неполною и одностороннею. Въ древней Руси былъ митрополитъ Филиппъ, но тогда же былъ и „потаковникъ“ митрополитъ Давидъ, какъ 200 лѣтъ спустя (при Екатеринѣ Великой) были потаковникъ митрополитъ Сѣченовъ и мужественный, безстрашный борецъ, можно сказать, даже мученикъ архіепископъ Арсеній Маціевичъ.

„Ни одного пострадавшаго за правду священника, пишетъ г. Меньшиковъ, я не встрѣчалъ за всю мою довольно долгую жизнь. Страдаютъ, продолжаетъ онъ,—и даже очень—отъ пьянства, отъ дрягъ съ благочинными отъ неисправной дани въ консисторію, отъ неумѣнья подлаживаться къ вкусамъ помѣщиковъ и кулаковъ. Но чтобы священникъ пострадать за безстрашную проповѣдь, за суровое обличеніе—миѣ не приходилось видѣть“.

Въ данномъ случаѣ г. Меньшиковъ не простираетъ обобщенія за предѣлы своихъ личныхъ наблюденій, и мы не смѣемъ не довѣрять имъ. Но позволимъ себѣ утверждать, если бы г. Меньшиковъ по однимъ только своимъ наблюденіямъ сталъ судить въ данномъ отношеніи о всемъ вообще современномъ духовенствѣ, то сужденіе его оказалось бы несправедливымъ. За слово обличенія, за нежеланіе (а не за „неумѣніе“ только) подлаживаться подъ вкусы помѣщиковъ и кулаковъ жестоко страдаютъ и современные не только іереи, но и сами архіереи. Очень сознаю, что свои слова намъ нужно бы подтвердить фактами, и сдѣлать это

было бы очень нетрудно, но, къ сожалѣнiю, тутъ возможное невозможно для насъ. Поэтому просимъ повѣрить и намъ на слово.

Если бы не было къ тому препятствiй, то мы могли бы установить на цѣломъ рядъ официально извѣстныхъ намъ разительныхъ примѣровъ, что въ послѣднее время вошли, если умѣстно здѣсь такъ выразиться, въ моду преступленiя, соединенныя съ оскорбленiемъ, поруганiемъ православной святыни, а еще чаще съ поруганiемъ, оскорбленiемъ, издѣвательствомъ и даже грубымъ, безобразнымъ насилiемъ надъ лицами духовнаго сана. Было бы даже грѣшно утверждать, что въ этихъ случаяхъ причиною скорбей и страданiй духовныхъ лицъ были тѣ же, указываемыя г. Меньшиковымъ, причины: пьянство, дразги съ благочинными, неисправная дань въ консисторiю, неумѣнье подладиться подъ вкусы помѣщиковъ и кулаковъ.

Неужели, спросимъ мы еще, современное духовенство относится совершенно равнодушно, безъ сердечной боли, безъ нравственныхъ мученiй къ тому, что нынѣ съ неслыханною у насъ прежде, можно даже сказать вчера, свободою говорится въ отрицанiе, поруганiе самой идеи христіанства, идеи Церкви, въ поруганiе и униженiе призванiя духовенства?

Очень ошибся бы тотъ, кто изъ всего, что нами здѣсь сказано, вывелъ бы заключенiе о нашемъ желанiи, во чтобы то ни стало, оправдать духовенство въ его исторической роли и современной пастырской дѣятельности, закрывая при этомъ глаза на все дурное, достойное осужденiя, что было и есть въ нашемъ духовенствѣ. Мы не менѣе, чѣмъ кто-либо другой, знаемъ, что въ средѣ духовенства всегда находились, какъ и нынѣ находятся, недостойные служители алтаря, непонимающiе высоты своего призванiя, истые евангельскiе фарисеи и лицемеры и, къ тому же глубоко порочные. Но по Иудѣ-предателю нельзя судить, что и всѣ ученики Христовы были таковы? Равнымъ образомъ, по казнокрадамъ, грабителямъ государства, измѣнникамъ отечеству, продающимъ врагамъ секретныя карты, по трусамъ и прочимъ негодьямъ, если они попадаютъ въ нашей арміи, развѣ можно судить, что и все наше военное сословіе таково?

Мы—скажемъ опять — совсѣмъ не имѣемъ въ виду идеализировать наше православное духовенство и его дѣятельность прошлую и настоящую, какъ не думаемъ, чтобы у г. Меньшикова не было почвы для его сужденiй о „сѣдалищѣ Моисея“; мы лишь указываемъ, что на это „сѣдалище“ есть и другiе взгляды.

По взгляду г. Меньшикова, „у насъ нѣтъ болѣе священнаго

сословія, а есть только духовенство“, и въ этомъ и состоитъ „настоящее горе Россіи“, а по другому взгляду, оно, то есть священное сословіе,—слава Богу—существуетъ и теперь, и существуетъ какъ воистину зиждительная и животворная сила.

Какъ извѣстно, въ 1888 году 15 іюля, вся Россія, всѣ родственные намъ славянскіе народы, весь православный міръ торжественно праздновалъ величайшее событіе въ исторіи русскаго народа—принятіе имъ 900 лѣтъ тому назадъ православной вѣры. Главнымъ мѣстомъ торжества былъ Кіевъ. Сюда на время праздниковъ съѣзжались многіе выдающіеся дѣятели какъ русскіе, такъ и славянскіе. Въ числѣ гостей на Кіевскихъ торжествахъ былъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Эти то торжества и представили ему поводъ и случай громко засвидѣтельствовать о великомъ значеніи въ жизни русскаго народа православной Церкви и о заслугахъ нашего духовенства.

О заслугахъ собственно духовенства онъ, между прочимъ, вотъ что высказалъ: „Въ нынѣшній день почтимъ благодарною памятью великое служеніе русскаго духовенства. Изъ его среды вышелъ цѣлый сонмъ не только іерарховъ и священнослужителей, но и людей науки и мужей государственныхъ русскаго духа. Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ какихъ живетъ наше духовенство, особливо сельское, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, должно умолкнуть предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимся посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ голодѣ и нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ труженниковъ, стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ, — и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созданіемъ! Слава и честь духовенству нашему и да умножить ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительствасловами и дѣломъ“.

Взглядъ почтеннаго писателя и публициста г. Меньшикова на историческую и современную дѣятельность нашего духовенства безспорно заслуживаетъ полнаго вниманія и далеко не лишне принять его не къ одному только свѣдѣнію; но съ другой стороны, долгъ справедливости и чувство благодарности обязываютъ насъ знать, помнить, отнюдь не замалчивать, а въ потребное время даже нарочито и громко возвѣщать великія заслуги нашего духовенства и въ прошломъ и въ настоящемъ предъ отечествомъ, предъ государствомъ, въ честь и славу оказавшихъ и оказывающихъ эти заслуги.

И. Преображенскій.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XXXI.

Къ грядущимъ великимъ днямъ свѣтлаго праздника.

Беремся за перо, находясь въ предверіи великихъ дней страстной и пасхальной седмицы.

Какъ жаждущій олень стремится на водный источникъ, такъ осуевившаяся душа вѣрующаго современнаго человѣка жаждетъ отдаться миру и радости благочестивыхъ чувствованій и религиозныхъ переживаній въ эти святыя, несравненные, единственные въ году дни! А душа современнаго христіанина, увы!—какъ истомлена „всяческою суетою“ взболемученной нашей жизни, какъ болѣзненно раздвоена служеніемъ Богу и мамонѣ, какъ безжалостно изнасилована безвыходностью изъ заколдованнаго круга вещей, когда вы, по апостолу, не „то доброе творите, которое хотите, а то злое содѣваете, котораго не желаете“, когда жаждете нелицемѣрно служить добру, говорить одну лишь святую правду, а между тѣмъ *двоедушно* „ставите свѣчу и Богу и чорту“...

И это болѣзненно врѣзалось, какъ бы остріемъ раскаленнаго желѣза, въ самую сердцевину нашего духовнаго организма, сдѣлалось обычаемъ нравовъ нашего измельчавшаго въ интригахъ политиканства времени, когда нѣтъ мужества въ нашихъ душахъ, когда царить во всѣхъ современныхъ нашихъ словахъ и дѣлахъ одна лишь нищета духовная...

Живо сознаемъ, какъ нетерпѣливо читатели ждуть отъ нашихъ *Скрижалей* откровеннаго слова по поводу жгучихъ вопросовъ и запросовъ, порождаемыхъ смятеніемъ нашего времени. „Въ № 3 Мисс. Обзор. вы заявили,—писать намъ одинъ изъ читателей,—что пока не опубликованы журналы совѣщаній Комитета по вопросу о даруемой раскольникамъ и сектантамъ вѣроисповѣдной сво-

бодѣ, вы лично, по долгу службы, воздержитесь отъ выраженія *вашихъ* взглядовъ"... А намъ, читателямъ, именно теперь-то и важны *ваши* взгляды, ибо мы цѣнимъ и знаемъ васъ, какъ специалиста и чуткаго духовнаго журналиста... А вы въ № 5 по вопросу о церковной реформѣ,—опять не договорили, заявивъ, „что пока не будете касаться существа вопроса, какъ имѣющаго столь огромную важность и громоздкость"... Такъ колеть насъ не въ бровь, а прямо въ глазъ нашъ „усердный читатель“.

Замѣчаніе справедливое, и если хотите пріятное, бодрящее, ибо свидѣтельствуемъ, что читатели цѣнятъ наше печатное слово; въ оправданіе же свое скажемъ одно, что необходимо „разумѣти времена и лѣта“ и что иногда бываетъ „удобѣе молчаніе“, чѣмъ „вляніе“ или, вередящій нервы читателей безшабашный, безцѣльный набатъ...

Охотно предоставляя страницы „Мисс. Обзор.“ для обсужденія столь близкаго миссіи великаго дѣла оживленія православной церковности чрезъ реформу церковнаго управленія, на строго каноническихъ началахъ соборности, мы, съ вашего, дорогой читатель, позволенія и на этотъ разъ уклонимся отъ обсужденія „злословныхъ“ вопросовъ, и не ради „чего-либо прочаго“, а просто во имя святости сихъ любопразднственныхъ дней, когда алчущая душа требуетъ „небесной манны богомыслія“, когда и писателю и читателю одинаково претитъ эта вседневная проза житейской суеты...

Перенесемъ лучше, дорогой читатель, мысленнымъ взоромъ нашимъ (выражаясь образнымъ стилемъ велерѣчивыхъ проповѣдниковъ старой школы) въ чудный словесный садъ духовной лирики, въ видѣ религіозныхъ размышленій и чувствованій, посвященныхъ грядущимъ свѣтлымъ праздникамъ, въ упованіи, что тамъ найдетъ себѣ измученная душа истинное и не земное наслажденіе, покой и отраду, что хоть въ этотъ-то праздникъ она воспаритъ взоромъ своимъ къ небу, къ Христу—Живодавцу!

Блажени людіе въдушіе восклицановеніе: Господи, во свѣтъ лица Твоего пойдуть. Пс. 88.

Праздникъ! Святое слово. Когда Богъ осудилъ падшаго человека въздѣлывать землю, обремененную проклятіемъ грѣха, и въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, Онъ изрекъ человеку заповѣдь—праздновать Субботу: „день же седьмый — Суббота Гос-

поду Богу твоему“. Это не значитъ только: одинъ день отдыхаи человекъ отъ трудовъ своихъ. Нѣтъ, это значитъ много болѣе: недѣлю работалъ ты, человекъ, въ заботѣ о земномъ приникая лицомъ къ землѣ твоей питательницѣ — но седьмой день воздвигни лице твое отъ земли, обрати взоры свои къ небу, къ Богу Создателю твоему и воспари къ нему благодарною душою. И тогда—оставь гнетущія тебя заботы; упраяднись и отъ богатства и чести, и отъ нищеты и безчестія, и обратись къ источнику жизни безсмертной — туда гдѣ нѣтъ нужды, болѣзни, зла и неправды.

Это вѣковѣчный завѣтъ Божій человеку. Святая церковь наша крѣпко хранитъ его, и всѣ вѣрные дѣти ея, всѣ любящія церкви, хранятъ его крѣпко и вѣрно и любовно, потому что не могутъ не любить праздники, посвященные воспоминанію великихъ событій въ церкви Христовой.

Какъ бы мы, вѣрующіе, жили здѣсь безъ этихъ праздниковъ, какъ бы пуста и безотраднa показалась намъ жизнь, посреди всей ея суеты, посреди гнетущихъ заботъ, посреди нужды и неправды! А всякая душа „скорбящая, озлобленная, помощи и милости отъ Бога требующая“, безъ праздника,—куда бы дѣвалась, на чемъ бы отдохнула отъ своей отчаянной скорби? Всякую душу, какъ бы ни была она погружена—и въ молву людскую и въ безмолвіе одиночества,—праздникъ призываетъ *тѣмъ* пѣснь Вседержителю Богу.

Слово это понятно и сочувственно русскому человеку, съ дѣтства воспитанному въ благочестивомъ обычаѣ, съ дѣтства знающему церковь съ ея праздниками. Русскій человекъ всю свою жизнь, все свое рабочее время, привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому, кого благочестивые родители съ дѣтства приучили чтить праздникъ, съ радостнымъ чувствомъ ждать его и услаждаться его освѣжающею и возвышающею силой. А церковь наша своимъ богослуженіемъ такъ торжественно обставила не только великіе праздники, но и таинственное ожиданіе ихъ для вѣрующихъ, что праздникъ самъ собою постепенно вступаетъ въ душу, озаряя ее тихимъ свѣтомъ благодати.

Весь годъ свѣтится этотъ свѣтъ тому кто привыкъ ощущать его. Настаетъ весной праздникъъ праздникъ, Пасха Христова—и ему предшествуетъ семь недѣль торжественнаго приготовленія и ожиданія—непрерывною цѣпью молитвенныхъ созерцаній, таинственныхъ воспоминаній и вдохновенныхъ пѣснопѣній.

Мисгимъ людямъ, принадлежащимъ къ церкви, но не имѣющимъ живой связи съ нею и съ ея Богослуженіемъ, странно и непонятно кажется—радостное ожиданіе Великаго Поста. Но церковный человекъ стремится къ нему, какъ къ источнику живой воды въ пустынѣ и жаждетъ ощутить въ немъ тишину, среди житейскаго шума. Открывается постная трюдь, наступаетъ недѣля Мытаря и Фарисея, предвѣстница поста. и уже видятся вдали отблески первой зари Воскресенія.

Съ ранняго утра въ чистый понедѣльникъ уже ощущается

тихое вѣяніе Великаго Поста. Какая тишина на городскихъ улицахъ и переулкахъ, и въ свѣжемъ, чистомъ весеннемъ воздухѣ какою гармоніей звучатъ серебристые переборы колоколовъ, отовсюду зовущихъ къ утрени! Войдешь въ любую церковь—она наполнена, и въ какой тишинѣ стоятъ всюду первые говѣльщики. Зачинается что-то торжественное всюду — и православный человѣкъ ждетъ, когда за вечерней потекутъ умилительныя пѣсни великаго Канона и послышатся давно не слышанные, тихіе, величественные напѣвы прмосовъ: *Помощникъ и Покровитель*.

Каждая недѣля затѣмъ—новая ступень восхожденія къ великому празднику: ждать этого праздника, переживая день за днемъ возвышенныя богослуженія страстной недѣли—и наконецъ вступить въ часъ свѣтлой полуночи: — счастливъ кому знакомы эти ощущенія, кого они переносятъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ дальніе годы цвѣтущаго, невиннаго дѣтства!

Вербная Суббота.

Какую радость пробуждаетъ въ душѣ моей звонъ колокола къ торжественной всеобщей нынѣшняго дня! Сколько свѣтлыхъ воспоминаній изъ далекаго дѣтства.

Ребенокъ, едва подходитъ весна, онъ уже нетерпѣливо спрашиваетъ у матери: скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли вербы? скоро ли пойдемъ въ церковь и зажжемъ опять свѣчки?

Сладкій трепеть чудеснаго! святое ожиданіе! бессознательное чувство радости, обнимающей дѣтскую душу! Знаетъ ли еще васъ душа человѣка, далеко оставившаго за собою дѣтство со всею бессознательностью чистыхъ его впечатлѣній? Счастливъ тотъ, на комъ хоть отблескъ этого дѣтскаго чувства отражается поздней порою жизни въ церковномъ праздникѣ Вербнаго Воскресенія.

Стану я въ церкви, затеплю свѣчу свою, возьму въ руки пушистую вербу: Боже, зажги святой огонь въ душѣ моей, воскреси въ ней юное чувство, какъ воскресла жизнь весной въ моей молодой вербѣ! Вотъ, вокругъ меня стоятъ дѣти и бережно держатъ свои вербы и пристально смотрятъ на пламя свѣчи своей. Посмотрю на нихъ и вспомню, какъ я былъ младенцемъ и младенчески стоялъ передъ Тобою въ дѣтской радости и беззаботно игралъ передъ Тобою въ ожиданіи твердой мысли и яснаго сознанія. Посмотрю, и сердце мое растаетъ передъ Тобою, если Ты поможешь мнѣ растопить его, и снова заберется живою вѣрою и любовью къ Тебѣ, и опять послышится въ немъ голосъ матери: „молись, дитя мое, вотъ Христосъ идетъ!“ И пусть затѣмъ услышу я, какъ бывало прежде, тихую поступь ослати и шелестъ ризъ Христовыхъ, и робкіе голоса дѣтей, и громкіе народныя клики „осанна Сыну Давидову“, — и самъ, изъ глубины потрясеннаго сердца, воскликну вмѣстѣ съ ними: осанна!

Что же я сдѣлаю? Что принесу Христу Побѣдителю? Мало одного клика, который самъ собою выходитъ изъ сердца, — я хочу

отдать Ему—что—свое... Отдамъ ему одежду, въ которой пришелъ сюда. Отдамъ ему заботу обо всемъ, что любилъ и о чемъ думалъ цѣлое утро и цѣлый день въ житейской тревогѣ, отдамъ всѣ планы, которые строилъ, всѣ дѣла, которыя дѣлалъ и задумывалъ дѣлать, отдамъ память о вчерашнемъ и расчеты на завтрашній день, отдамъ скорби прожитыхъ дней и счастье, которое Онъ посылалъ мнѣ, отдамъ Ему похвалу людскую, которая такъ срастается съ душою, и людское осужденіе, которое такъ скоро отъ нея отпадаетъ, отдамъ сознание достоинства и подвига, довольство труда, успѣхъ самостоятельной мысли,—отдамъ все, что, выросли въ душѣ и чѣмъ облекла ее жизнь вседневная, и останусь передъ Нимъ нагъ—какъ младенецъ, съ простымъ дѣтскимъ чувствомъ, съ простою дѣтскою радостью...

Господи, пошли мнѣ такое чувство на этотъ часъ, чтобы я могъ встрѣтить Тебя какъ мнѣ хочется, какъ жаждетъ душа моя! И пусть оно придетъ ко мнѣ опять въ ту рѣшительную минуту, когда Ты въ послѣдній разъ мнѣ явишься—взять мою душу. Пусть и тогда—не останется на мнѣ ни одной одежды, сотканной земною жизнью, чтобы я могъ и тогда съ дѣтскою радостью встрѣтить Тебя и сказать съ послѣднимъ дыханіемъ: Осанна! Ей, гряди Господи Исусе!

Великая Суббота.

Вчера видъ Его былъ безчестенъ, умаленъ паче сыновъ человѣческихъ. Ученики Его разбѣжались, толпа, которая ходила за Нимъ въ изумленіи и славила чудеса Его, противъ Него обратилась, когда увидѣла Его низложеннымъ, униженнымъ, осужденнымъ, распятымъ.

Но сегодня—покой Его честь. Странствуя по землѣ Іудейской, Онъ не имѣлъ гдѣ главы поклонить. Умеръ Онъ. — Богатый и знатный человѣкъ устроилъ Ему погребеніе и положилъ Его въ своемъ гробѣ, „и возваливъ камень велій надъ двери гроба отъиде“. Еще только что настало утро, еще не запечатанъ гробъ, еще не приставлена Іудейская стража. Гдѣ вы въ эту минуту, всѣ тѣ, кто любилъ Его, кто ходилъ съ Нимъ, кто держитъ Его въ сердцѣ и тихо по немъ плачеть?

Одинъ не оставилъ Его—возлюбленный ученикъ Его, тотъ кто на вечери склонялъ голову на перси къ нему, тотъ кто послѣдовалъ за нимъ во дворъ Анны, хотя и „знаемъ бѣше архіереови“. Любовь Іоанна не знала страха; онъ вмѣстѣ съ матерью Исусовой стоялъ у креста Его, онъ, вмѣстѣ съ нею, съ первой до послѣдней минуты прожилъ всю страшную исторію суда, поруганій и мученій Спасителя. Видно онъ любилъ, подобно тому какъ любить мать—просто, безъ размысленья, безъ мысли о себѣ, безъ заботы о томъ что будетъ, — горячею, но простою, полною, цѣльною любовью, которая ни о чемъ не спрашиваетъ, ничего не изслѣдуетъ, въ которой нѣтъ мысли о мѣрѣ преданности, такъ какъ нѣтъ мысли о возможности сомнѣнія, уклоненія или измѣны.

Отъ того, вѣдая простоту этого сердца, умирающій Спаситель этому сердцу поручилъ заботу о матери Своей. „Жено! се сынъ твой. Се мати твоя!“

„И отъ того часа поять ю ученикъ во свояси“. Итакъ она у него въ домѣ, и конечно вмѣстѣ плачутъ они, если могутъ плакать; вмѣстѣ хранить въ тайнѣ безмолвія и вѣры, какъ святыню и сокровище—память объ усопшемъ, и любовь, которая слилась со всею ихъ жизнью, со всѣмъ существомъ ихъ. Сколько было горькой скорби въ свѣжемъ воспоминаніи о страданіяхъ возлюбленнаго, мы не знаемъ, но можемъ представить себѣ, если заглядывали въ ту черную, страшную бездну, которая раскрывается передъ человѣкомъ у смертнаго одра, въ страданіяхъ того, въ кого перешла вся душа безмѣрною любовью. А здѣсь — умираль, поруганный и замученный, Тотъ, кто былъ красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, въ Комъ обитала вся полнота божества тѣлесно, кого Богъ Отецъ назвалъ возлюбленнымъ Своимъ Сыномъ. Какъ Его любила, какъ на него смотрѣла Пресвятая Дѣва — мать, — это можетъ ли понять, можетъ ли изслѣдовать какая бы то ни было земная мать, по сравненію съ своимъ чувствомъ, какъ бы ни было оно глубоко, горячо безкорыстно и чисто! Слово Божіе не останавливается на ея любви къ сыну, не рассказываетъ, не описываетъ намъ ея чувствъ и отношеній. Предъ этой любовью должно остановиться въ благоговѣніи изслѣдованіе любви человѣческой, — и если гдѣ, то здѣсь является намъ любовь—таинствомъ. Какимъ бы огнемъ ни горѣла любовь сердца человѣческаго на землѣ, — этотъ огонь земной; ибо здѣсь *Я* человѣческое приражается къ другому *Я*, плоть говоритъ языкомъ плоти и духъ любитъ „въ ревности“. Но какимъ именемъ назвать, какимъ свойствомъ объяснить таинственную любовь Пресвятой Дѣвы къ Сыну-Богочеловѣку, какъ въ этомъ чувствѣ ея отдѣлить полноту любви отъ полноты вѣры? И любовь и вѣра въ немъ едино, безъ раздѣленія, безъ смѣшенія. Такъ любить Бога смиренная душа человѣческая, объята радостью и трепетомъ въ чувствѣ присутствія Божія: любить не видя, но только вѣруя. И она—вѣровала вѣрою человѣческой, вѣровала въ сына, возвѣщеннаго Ей ангеломъ Благовѣщенія; но этого сына, въ Кого вѣровала, Она и видѣла! Она Его держала и пеленала и кормила и хранила Его и воспитывала и „боляще искала Его“ человѣческою заботой, и ходила за нимъ, и слушала Его и видѣла дѣла Его во плоти, и во всей полнотѣ Ея Божественной любви пребывала нераздѣльно любовь къ сыну человѣческому. И отъ того, — какова бы ни была Ея вѣра въ вѣчную жизнь и воскресеніе Сына, — какъ ей было не страдать, — кто измѣритъ глубину, кто исповѣдаетъ горечь Ея страданія. Оно извѣстно Ему одному, Тому, кто, вѣдая Божество и видя славу Свою, въ тоже время чувствовалъ природою человѣческой, что „прискорбна душа Его даже до смерти“, и молилъ Отца, аще возможно, пронести мимо смертную чашу. Въ торжественномъ покоѣ великой Его субботы было ли мѣсто и покою великой скорби сердца материнскаго?

О, великое таинство субботы, таинство любви и вѣры, таинство

креста и страданія, таинство жизни и смерти! Въ этомъ гробѣ, за этимъ камнемъ, подъ этою печатью „да молчитъ всякая плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ“.

Свѣтлая ночь Воскресенія.

Пришелъ великій вечеръ. Огни погашены. Въ домѣ настала тишина. Всѣ улеглись на покой въ ожиданіи торжества. Шумъ на улицахъ умолкъ: и тамъ все чего-то ждетъ, къ чему-то готовится.

Завтра „Христось воскресъ!“ завтра праздникъ!

Пасхальная Заутреня.

Зажигаютъ свѣчи въ большихъ паникадилахъ, которыя никогда, кажется, не зажигали. Какъ стало свѣтло—какъ полна народомъ церковь, какъ весело всѣ глядятъ, и какъ весело глядѣть на всѣхъ. И вотъ, вдругъ кто-то возлѣ перекрестился, слышавъ ударъ соборнаго колокола—въ самомъ дѣлѣ—ударили, другой—третій и понеслись хоромъ чудные, таинственные звуки, и вотъ наконецъ нашъ, *родной* колоколь своимъ густымъ гудѣньемъ покрылъ весь хоръ и поглотилъ всѣ звуки. Какъ хорошо, Боже мой!

А дальше—дальше цѣлый міръ новыхъ ощущеній. Вынесли изъ алтаря старыя, гдѣ-то далеко стоявшія иконы, которыхъ никогда еще не видывалъ, сняли съ мѣста хоругви, которыхъ еще ни разу не видывалъ въ движеніи — и запѣли: — „Воскресеніе Твое Христе Спасе“, и тронулся крестный ходъ. И вотъ, затворились двери, церковь полна народу, и всѣ зажгли свои свѣчи и у всѣхъ такія спокойныя, важныя лица, и всѣ стоятъ тихо, тихо, не говоря ни слова.—И тихо все такъ, какъ будто никого нѣтъ въ церкви, и надъ этой тишиной только носится тотъ же торжественный гулъ колоколовъ. Боже — что будетъ—хорошо и странно! Но вотъ за дверями послышались отрывистые звуки возгласовъ священника и отвѣты хора, — и толпа зашевелилась, люди крестятся и молятся и шепчутъ. Вдругъ отворились двери и раздалось громкое: „Христось воскресъ!“ и въ отвѣтъ ему народъ загудѣлъ свое стоязычное: воистину! И скоро вся церковь запѣла вмѣстѣ съ хоромъ радостныя пѣсни воскресенія.

О, святыя пѣсни, всякому знакомыя, всякому милыя! Кто изъ русскихъ людей не знаетъ и не поетъ васъ и не отвѣчаетъ на ваши звуки всѣмъ своимъ сердцемъ. И ребенокъ, въ первый разъ слышавъ васъ, чувствуетъ трепетъ праздничной радости, и старикъ, много разъ проводившій Пасху на вѣку своемъ, когда услышитъ васъ, какъ будто снова дѣлается ребенкомъ и празднуетъ Христу дѣтскою радостью. Когда бы ни слышало васъ мое ухо, когда бы ни представило воображеніе свѣтлую ночь Пасхи и церковь празднующую, — въ душѣ моей разцвѣтаетъ и благоухаетъ праздничное чувство. И дѣтство, милое, давно прошедшее дѣтство смотритъ въ нее и въ ней отражается, и снова

слышатся въ ней тѣ же надежды и обѣщанія, которыми жила и радовалась душа въ ту благословенную пору. Въ этихъ надеждахъ и обѣщаніяхъ—свѣтъ и надежда цѣлой жизни, отголосокъ вѣчнаго праздника, отблескъ невечерняго дня въ царствіи Христовомъ. Отойдите прочь, горькія заботы! Пусть — чего ждало сердце, — то не пришло, — пусть то, о чемъ вспомнить и подумать страшно, остается въ жизни, пусть стоитъ тутъ со мной, возлѣ меня! Пусть то, чему повѣрило сердце и во что положило себя — то ему измѣнило; — пусть то, что было дороже жизни, оставило жизнь! Пусть то, что казалось правдой и красотой и свѣтомъ, — явилось ложью и тьмой и безобразіемъ! Жизнь — вся какъ есть и со всѣмъ, что есть въ тебѣ, — оставайся, — я не боюсь тебя, потому что съ этимъ ударомъ колокола проклятіе спало съ тебя; въ это мгновенье — Божіе благословеніе озарило тебя вновь, отъ края до края, съ первой до послѣдней минуты, и ты сіяешь, и красуешься и блещешь и трепещешь отъ любви Божіей, мллая, свѣтлая, благословенная жизнь! Вся покрыта росой Божіей, вся омытая Кровью моего Спасителя, лучезарная, чистая, безъ конца и безъ мѣры, безъ смерти, безъ горя, безъ потери. Свѣтъ воскресенія Христова открылъ твою истину, и будущее твое слилъ съ настоящимъ и прошедшимъ въ одномъ сознаніи счастья безконечнаго. О, когда бы остановить эту минуту. О, когда бы навсегда удержать въ душѣ эту гармонию, и начать бы жить и не кончить жить — съ однимъ этимъ словомъ, съ однимъ этимъ чувствомъ: „Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!“

Воистину, Христосъ Воскресъ!

Этимъ побѣднымъ сладчайшимъ кликомъ христіанской вѣры напередъ отвѣтствуя на ваши душевныя поздравленія и приносимъ взаимное дружеское и наше привѣтствіе всѣмъ вамъ, наши дорогіе читатели и сороботники!

Р. С. Но знаете-ли, вспомнили ли вы, дорогой читатель, чьей вѣрующей мысли, какому религіозно-вдохновенному перу принадлежитъ это, запечатлѣнное здѣсь, на нашихъ *пасхальныхъ Скрижаляхъ*, высокохудожественное твореніе? Неужели не знаете, неужели вы никогда не читали! Всѣ вышеприведенныя праздничныя разсужденія, размышленія и чувствованія дословно нами взяты изъ разныхъ статей извѣстной книжки „*Праздники Господни*“. Книжка не новая, но насъ къ ней привело *молчаливое* (въ смыслѣ писательскомъ), но живое и сердечное воспоминаніе о совершающемся въ апрѣлѣ с. г. 25-лѣтін дѣятельности на пользу Церкви высокаго автора ея, — этого образованнѣйшаго, великаго русскаго челоуѣка-христіанина, который „истинною горестью для себя почитаетъ, аще благая о немъ рекутъ челоуѣцы“.... *В. Скворцовъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется, С.-Петербургъ, 13-го Апрѣля 1905 г.

Цензоръ Архимандритъ *Мисодинъ.*

Объ устраненіи стѣсненій въ области религіи и укрѣпленіи началъ вѣротерпимости.

I.

Высочайшій Указъ Сенату.

Въ постоянномъ, по завѣтамъ Предковъ, общеніи со святою православною Церковью неизмѣнно почерпая для Себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ Нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти. Озабочиваясь выполненіемъ таковыхъ намѣреній, Мы въ число намѣченныхъ въ указѣ 12 минувшаго декабря преобразованій включили принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію стѣсненій въ области религіи.

Нынѣ, разсмотрѣвъ составленныя, во исполненіе сего, въ Комитетѣ Министровъ положенія и находя ихъ отвѣчающими Нашему завѣтному желанію укрѣпить начертанныя въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской начала вѣротерпимости, Мы признали за благо таковыя утвердить.

Призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и упоая, что оно послужитъ къ вѣщшему возвеличенію православной вѣры, порождаемой благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами, Мы, въ соотвѣтствіе съ этимъ рѣшеніемъ Нашимъ, повелѣваемъ:

1) Признать, что отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, причемъ отпавшее по

достиженіи совершеннолѣтія отъ православія лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что, при переходѣ одного изъ исповѣдующихъ ту же самую христіанскую вѣру супруговъ въ другое вѣроисповѣданіе, всѣ недостигшія совершеннолѣтія дѣти остаются въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, а при такомъ же переходѣ обонхъ супруговъ дѣти ихъ до 14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, достигшія же сего возраста остаются въ прежней своей религіи.

3) Установить, въ дополненіе къ симъ правиламъ (п. 1 и 2), что лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ.

4) Разрѣшить христіанамъ всѣхъ исповѣданій принимаемыхъ ими на воспитаніе некрещенныхъ полкidyшей и дѣтей неизвѣстныхъ родителей крестить по обрядамъ своей вѣры.

5) Установить въ законѣ различіе между вѣроученіями, объемлемыми нынѣ наименованіемъ „расколь“, раздѣливъ ихъ на три группы: а) старообрядческія согласія, б) сектантство и в) послѣдователи изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ конимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

6) Признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій и опредѣляющія положеніе раскола въ гражданскомъ отношеніи, объемлютъ послѣдователей какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ; учиненіе же изъ религіозныхъ побужденій нарушенія законовъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ установленной закономъ отвѣтственности.

7) Присвоить наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ нынѣ употребляемаго названія раскольниковъ, всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые приемятъ основные догматы Церкви Православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ.

8) Признать, что сооруженіе молитвенныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ домовъ, точно такъ же, какъ разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе, должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя

существуютъ или будутъ постановлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій.

9) Присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ для отправленія духовныхъ требъ, наименованіе „настоятелей и наставниковъ“, причемъ лица эти, по утвержденіи ихъ въ должностяхъ надлежащею правительственною властью, подлежатъ исключенію изъ мѣщанъ или сельскихъ обывателей, если они къ этимъ состояніямъ принадлежали, и освобожденію отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именованію, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятымъ при постригѣ именованъ, а равно допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ, въ графѣ, указывающей родъ занятій, принадлежащаго имъ среди этого духовенства положенія, безъ употребленія однако православныхъ іерархическихъ наименованій.

10) Разрѣшить тѣмъ же духовнымъ лицамъ свободное отправленіе духовныхъ требъ, какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбранено закономъ. Настоятелямъ и наставникамъ (п. 9), при свидѣтельствѣ духовныхъ завѣщаній, присвоить тѣ же права, какими въ семь случаевъ пользуются всѣ вообще духовныя лица.

11) Уравнять въ правахъ старообрядцевъ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ.

12) Распечатать всѣ молитвенные дома, закрытыя какъ въ административномъ порядкѣ, не исключая случаевъ, восходившихъ чрезъ Комитетъ Министровъ до Высочайшаго усмотрѣнія, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ молелень, закрытіе коихъ вызвано собственно неисполненіемъ требованій устава строительнаго.

13) Установить, въ видѣ общаго правила, что для разрѣшенія постройки, возобновленія и ремонта церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій необходимо: а) согласіе духовнаго начальства подлежащаго инославнаго исповѣданія, б) наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ и в) соблюденіе техническихъ требованій устава строительнаго. Изъятія изъ сего общаго правила, если таковыя будутъ признаны для отдѣльныхъ мѣстностей необходимыми, могутъ быть установлены только въ законодательномъ порядкѣ.

14) Признать, что во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ въ случаѣ преподаванія въ нихъ Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій таковое ведется на природномъ языкѣ учащихся, причѣмъ преподаваніе это должно быть поручаемо духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія и, только при отсутствіи ихъ, свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія.

15) Признать подлежащими пересмотру законоположенія, касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія.

16) Подвергнуть обсужденію дѣйствующія узаконенія о ламаитахъ, возбранивъ впредь именованіе ихъ въ официальныхъ актахъ идолопоклонниками и язычниками, — и

17) Независимо отъ этого привести въ дѣйствіе и остальные, утвержденныя Нами сего числа положенія Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія пункта шестого Указа отъ 12 декабря минувшаго года.

Къ исполненію сего Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: „НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ,
17 апрѣля 1905 года.

II.

Извлеченіе изъ особаго журнала комитета министровъ

25 января, 1-го, 8 и 15 февраля 1905 г.,

о порядкѣ выполненія пункта шестого Именного Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 года.

Обсужденію вопросовъ, вытекающихъ изъ п. 6 Именного Высочайшаго Указа 12-го декабря 1904 г., комитетъ министровъ посвятилъ шесть засѣданій: 25-го января, 1-го, 8-го, 15-го и 22-го февраля и 1-го марта. Изъ нихъ въ первыхъ четырехъ были рассмотрѣны общіе вопросы вѣротерпимости и вопросъ объ отпавшихъ отъ православной вѣры, а также выработаны главныя положенія о правахъ старообрядцевъ и сектантовъ; въ двухъ же послѣднихъ засѣданіяхъ обсу-

ждались вопросы, касающіеся инославныхъ христіанскихъ и иновѣрныхъ нехристіанскихъ исповѣданій. Нынѣ печатается во всеобщее свѣдѣніе извлеченіе изъ Высочайше утвержденнаго 17-го апрѣля журнала пер-выхъ четырехъ засѣданій.

Пунктомъ шестымъ Именного Высочайшаго Указа правительствующему сенату 12-го декабря 1904 года Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: „Для закрѣпленія выраженнаго Нами въ манифестѣ 26-го февраля 1903 года неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и, независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соответствующія мѣры къ устраненію въ религиозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія“.

Приступивъ, вслѣдствіе сего, къ пересмотру дѣйствующихъ узаконеній, касающихся лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ и послѣдователей раскольничьихъ толковъ и сектъ, комитетъ, въ присутствіи приглашенныхъ, по особому Высочайшему повелѣнію, высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, и первоприсутствующаго въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Таганцева, остановился на слѣдующихъ общихъ соображеніяхъ.

По основнымъ государственнымъ законамъ всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго Государства, а также иностранцы, состоящіе въ російской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе; пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (ст. 44). Свобода вѣры присвоется не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца Вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы Имперіи“ (ст. 45).

Основные законоположенія эти проникнуты широкою терпимостью къ религиознымъ убѣжденіямъ послѣдователей всѣхъ исповѣданій, которыхъ государство Россійское съ древнѣйшихъ временъ принимало въ среду своихъ гражданъ, оставляя неприкосновенными особенности

религіознаго ихъ быта. Самое начертаніе уставовъ, опредѣляющихъ религіозную жизнь иновѣрныхъ русскихъ подданныхъ, въ большинствѣ случаевъ, являлось кодификаціею религіозно-правовыхъ нормъ, существовавшихъ въ той или другой части иновѣрнаго населенія въ моментъ приобщенія ея къ Имперіи. На-ряду съ этимъ, однако, въ законодательствѣ объ исповѣданіяхъ замѣчается нѣкоторая неполнота и отсталость его отъ современной жизни; на этихъ законахъ, относящихся большею частью къ XVIII-му и началу XIX столѣтія, отразились выработанные государственною жизнью того времени взгляды, и послѣ того творческая рука законодателя къ нимъ почти не прикасалась. Съ тѣмъ вмѣстѣ развились въ области вѣры широкое примѣненіе административныхъ распоряженій различными властями, которыя, не находя въ законѣ отвѣчающихъ вновь слагающимся требованіямъ жизни опредѣленій и избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ, нерѣдко сами устанавливали казавшіяся имъ необходимыми правила. Съ другой стороны, спокойное развитіе русской государственности иногда нарушалось въ нѣкоторыхъ, заселенныхъ почти сплошь иновѣрцами, окраинахъ Имперіи волненіями политическаго свойства, вызывавшими рядъ ограничительныхъ распоряженій, между прочимъ, и въ религіозномъ бытѣ иновѣрцевъ.

Озабочиваясь, во исполненіе Высочайшей Воли, незамедлительною отмѣною всѣхъ несоотвѣтствующихъ началамъ вѣротерпимости и неоснованныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, Комитетъ Министровъ, въ особомъ журналѣ, изложивъ сужденія свои о способахъ приведенія въ исполненіе Монаршей воли, выраженной во второй части пункта шестого указа 12-го декабря 1904 г., подносилъ оныя на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовозрѣніе, и журналъ этотъ 11-го февраля удостоился Высочайшаго утвержденія. Такимъ образомъ, административныя распоряженія сіи нынѣ должны потерять свою силу, и впредь какія-либо стѣснительныя, — по соображеніямъ государственнаго порядка, — мѣры могутъ быть установлены только въ формѣ закона.

Законодательныя постановленія, опредѣляющія положеніе и устройство инославныхъ церквей и иновѣрныхъ религіозныхъ общинъ, будучи сосредоточены, главнымъ образомъ, въ ч. I. т. XI свод. зак. въ „Уставахъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“ (изд. 1896 года), на-ряду съ этимъ разбросаны и въ другихъ томахъ свода. Такъ, сословныя права духовныхъ лицъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій опредѣляются въ законахъ о состояніяхъ (т. IX), положенія: о бракахъ инославныхъ съ православными содержатся въ законахъ гражданскихъ (т. X ч. I), о порядкѣ разрѣшенія постройки храмовъ и молитвенныхъ домовъ въ уставѣ строительномъ (т. XII ч. I), о пропускѣ

черезъ границу духовныхъ лицъ изъ иностранцевъ—въ уставѣ о паспортахъ (т. XIV), о порядкѣ дѣятельности духовенства различныхъ исповѣданій—въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (т. XIV) и объ отвѣтственности за совращеніе изъ православной вѣры и другія преступныя противъ вѣры дѣянія—въ уложеніи о наказаніяхъ (т. XV) и новомъ уголовномъ уложеніи.

Въ виду разнообразія вопросовъ, связанныхъ съ пересмотромъ законовъ, касающихся вѣротерпимости, Комитетъ считаетъ необходимымъ намѣтить различные способы разрѣшенія ихъ. Тѣ положенія, которыя могутъ быть нынѣ же съ полною опредѣленностью установлены Комитетомъ Министровъ, подлежатъ немедленному представленію на Высочайшее утвержденіе и могутъ засимъ воспріять неотлагательно обязательную свою силу; тѣ постановленія, которыя выясняются нынѣ въ полномъ объемѣ, но подлежатъ представленію на законодательное разсмотрѣніе, должны, по утвержденіи ихъ Высочайшею властью, составить предметъ окончательной формулировки, согласно указаніямъ Комитета со стороны подлежащихъ министровъ, безъ обычнаго предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, и, наконецъ, предположенія объ отмѣнѣ, дополненіи или измѣненіи дѣйствующихъ законоположеній, которыя могутъ быть въ настоящее время лишь намѣчены Комитетомъ или же потребуютъ установленія подробныхъ частнаго характера правилъ, а также и другіе, могущіе возникнуть въ связи съ ними вопросы должны быть подвергнуты подготовительной разработкѣ; для этого, по мнѣнію Комитета, слѣдуетъ учредить особое вѣдѣомственное совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго довѣріемъ Его Императорскаго Величества.

По завершеніи работъ, которыя должны заключаться въ приведеніи отдѣльныхъ постановленій дѣйствующаго законодательства, касающихся вѣротерпимости въ соотвѣтствіе съ общимъ духомъ указа 12-го декабря и съ руководящими указаніями Комитета Министровъ, изготовленные совѣщаніемъ проекты должны быть внесены въ Государственный Совѣтъ, притомъ, для ускоренія дѣла, безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами.

Обращаясь къ обсужденію измѣненій въ дѣйствующемъ законодательствѣ, которыя должны осуществить провозглашенную указомъ 12-го декабря терпимость въ дѣлахъ вѣры, Комитетъ считаетъ необходимымъ высказать прежде всего рѣшительное убѣжденіе свое, что измѣненіями этими не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующую и господствующую въ Россійской Имперіи вѣру христіанскую православную католическую восточнаго исповѣданія (ст. 40). Значеніе узъ, исторически скрѣпившихъ воедино судьбы государства Русскаго и православной

Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо. Поэтому неизмѣнно подлежатъ сохраненію и на будущее время преимущества, главнымъ образомъ придающія православной Церкви значеніе господствующей: принадлежность къ ней Государя Императора, свобода привлеченія послѣдователей и полученіе денежныхъ средствъ для удовлетворенія нуждъ своихъ изъ общегосударственныхъ доходовъ. — Но засимъ возникаетъ первостепенной для настоящаго дѣла важности вопросъ о томъ, связано ли съ охраненіемъ господствующаго положенія Церкви принудительное въ ней оставленіе тѣхъ, которые хотя внѣшнимъ образомъ въ ней числятся, но сердцемъ и совѣстью ей чужды? Разрѣшеніе вопроса, можетъ ли государство допустить отпаденіе въ иное исповѣданіе принадлежащихъ къ господствующей вѣрѣ лицъ, имѣетъ вообще неизмѣримое значеніе по глубинѣ затрогиваемыхъ имъ сторонъ духовной жизни человѣка; у насъ же оно имѣетъ и особливую практическую важность, такъ какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Имперіи существуютъ значительныя религіозныя группы, извѣстныя подъ именемъ „упорствующихъ“ или „отпавшихъ отъ православія“, которыя образовались изъ присоединенныхъ къ православію иновѣрцевъ и ихъ потомковъ, тяготящихся къ своимъ прежнимъ исповѣданіямъ, а также изъ раскольниковъ, официально таковыми не признаваемыхъ. Наиболѣе крупныя и требующія по отношенію къ себѣ особаго вниманія четыре группы представляются въ слѣдующемъ видѣ: а) въ Прибалтійскомъ краѣ, преимущественно въ Лифляндской губерніи, латышей, отпавшихъ въ протестанство, числятся свыше 30,000 человѣкъ, б) въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края и Царства Польскаго насчитывается около 100,000 человѣкъ бывшихъ униатовъ, упорствующихъ въ католицизмъ, в) въ приволжскихъ губерніяхъ имѣется значительное количество крещеныхъ татаръ, отпавшихъ въ магометанство, и, наконецъ, г) самую большую группу составляютъ раскольники и сектанты, отпавшіе отъ православія, но официально числящіеся православными. Кромѣ перечисленныхъ, въ разныхъ мѣстахъ Имперіи встрѣчаются незначительныя, сравнительно, группы отпавшихъ въ прежнее нехристіанское исповѣданіе инородцевъ, напримѣръ, закавказскіе абхазцы, забайкальскіе буряты и т. д. Дѣйствующимъ закономъ (ст. 36 уст. пред. пресѣч. прест., изд. 1890 г.) этимъ лицамъ, православнымъ только по имени, запрещается открыто исповѣдывать свою настоящую религію, а духовенству той вѣры, которую они внутренне исповѣдуютъ, не разрѣшается отправлять для нихъ (какъ признаваемыхъ православными) никакихъ требъ, изъ чего вытекаетъ, что такіе упорствующіе и отпавшіе остаются совсѣмъ безъ религіи. Не говоря уже о нравственныхъ страданіяхъ, которыя испытываютъ люди, остающіеся безъ всякаго духовнаго утѣшенія въ трудныя минуты жизни, надлежитъ признать,

что они являются лишенными существенныхъ гражданскихъ правъ; рожденія, браки и смерти этой части русскаго населенія большею частью остаются незаписанными въ метрическія книги, они не имѣютъ законной семьи и посему лишены твердыхъ имущественныхъ правъ. Хотя дѣйствующее законодательство не устанавливаетъ дѣйствительно карательныхъ мѣръ за отпаденіе отъ православія, но оно отказывается признать самый фактъ перехода въ другое вѣроисповѣданіе, если таковой совершился, и предписываетъ отпавшаго отдать на увѣщаніе духовному начальству, впредь же до воссоединенія его съ православіемъ населенное имѣніе его взять въ опеку, а для охраненія малолѣтнихъ его дѣтей отъ совращенія принять мѣры. Отвѣта же о томъ, какія послѣдствія наступаютъ для совратившагося изъ православія въ случаѣ, если увѣщанія не подѣйствуютъ, законъ не даетъ.

При обсужденіи этого вопроса, Комитетъ съ истинно отраднымъ чувствомъ выслушалъ объясненія высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. По заявленію владыки, церковь, всегда болѣзнующая объ отпадающихъ отъ нея, не можетъ въ то же время желать насильственнаго ихъ въ ней удержанія; вѣра православная порождаетъ благодатію Господнею, поученіемъ, кротостію и добрыми примѣрами; поэтому всякое насиліе чуждо самой природѣ церкви Христовой и удерживать на лонѣ своемъ безвозвратно заблудшихъ дѣтей своихъ противъ ихъ воли и убѣжденія она не почитаетъ необходимымъ. По правиламъ церковнымъ: „еретика-человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся“ (Тит. 3, 10) и „аще же и церковь преслушаетъ братъ твой, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь“ (Матѣ. 18, 17). Въ виду сего со стороны православной Церкви не можетъ встрѣтиться препятствій къ отмѣнѣ закона, запрещающаго отпаденіе отъ православія, если таковая отмѣна будетъ рѣшена по соображеніямъ государственной пользы и справедливости. Въ дополненіе къ сему, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій объяснилъ, что примѣненіе ст. 1006 уст. уг. суд. (т. XVI, свод. зак., изд. 1892 г.), возлагающей на духовное начальство обязанность требовать отъ подлежащихъ властей производства предварительнаго слѣдствія по дѣламъ о совращеніи изъ православія или отступленіи отъ вѣры христіанской, всегда представлялось ему нравственно тягостнымъ. Полагая, что такая обязанность требовать преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ преступленій и проступковъ противъ вѣры противорѣчитъ положеннымъ въ основу православной церкви началамъ мира и христіанской любви, высокопреосвященный Антоній ходатайствовалъ предъ Комитетомъ о возбужденіи вопроса объ отмѣнѣ или измѣненіи означенной статьи закона.

Обсудивъ вопросъ объ отпаденіи отъ православія въ другое вѣро-

исповѣданіе въ связи съ изложенными указаціями, Комитетъ находитъ, что въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ. Если, съ точки зрѣнія православной церкви, не встрѣчается препятствій къ признанію лица, отпавшаго отъ православія, принадлежащимъ къ той религіи, которую онъ дѣйствительно исповѣдуетъ, то тѣмъ менѣе можно нынѣ противодѣйствовать сему съ точки зрѣнія государственной. По мнѣнію Комитета, едва-ли можетъ быть болѣе нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подданные безъ религіи, этого главнаго устоя нравственности; такія лица всего легче могутъ явиться благодарною почвою для зарожденія всякаго рода смуты и беззаконія. Не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ, гдѣ нѣтъ законной семьи, не можетъ быть правильнаго отношенія между родителями и дѣтьми, и что этимъ затрудняется строго нравственное воспитаніе подростающаго поколѣнія.

По всѣмъ изъясненнымъ соображеніямъ, признавая несправедливымъ подвергать то или другое лицо, хотя и впавшее въ заблужденіе, но не совершившее никакого уголовно-наказуемаго дѣянія, ограниченію въ гражданскихъ правахъ, связанному нынѣ съ отпаденіемъ отъ православной церкви, Комитетъ полагаетъ необходимымъ, чтобы правительство, въ случаѣ подобнаго отпаденія, признавало значеніе происшедшаго и официально считало такое лицо принадлежащимъ къ религіи, которая имъ для себя избрана, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыло ему возможность удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ безъ риска для инославнаго духовенства быть привлеченнымъ за то къ какой-либо отвѣтственности. Не подлежитъ сомнѣнію, что намѣчаемое мѣропріятіе должно послужить также къ вышшему возвеличиванію православной Церкви и явится могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ ея для борьбы съ религіозными заблужденіями; опираясь не на содѣйствіе свѣтскихъ властей, а на кроткое учительство своихъ пастырей, Церковь достигнетъ въ этомъ направленіи болѣе благихъ, чѣмъ когда-либо, результатовъ.

Разрѣшая свободный переходъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, необходимо, однако, обезпечить обдуманность такихъ поступковъ и сознательность принимаемаго рѣшенія вступить въ инныя совершенно условія духовной, а часто и матеріальной жизни. Поэтому переходъ въ другую религію долженъ быть обусловленъ достиженіемъ возраста гражданскаго совершеннолѣтія; при этомъ слѣдуетъ предусмотрѣть участь недостигшихъ этого возраста дѣтей, родители коихъ мѣняють вѣроисповѣданіе, и въ этомъ отношеніи являлось бы наиболее правильнымъ, примѣнительно къ началамъ, уже извѣстнымъ дѣйствующему закону (уст. пред. прес. прест., ст. 1 и 2 прилож. къ ст. 70)

(примѣч.), установить, чтобы: 1) при переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе одного изъ супруговъ, исповѣдующихъ ту же самую христіанскую религію, всѣ недостигшія совершеннолѣтія дѣти оставались въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, и 2) при переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе обоихъ супруговъ, дѣти ихъ до 14-ти лѣтъ слѣдовали вѣрѣ родителей, а достигшія сего возраста оставались въ прежней религіи. Подробное же развитіе этихъ правилъ и опредѣленіе, примѣнительно къ нимъ, участи дѣтей, въ случаѣ принадлежности супруговъ къ различнымъ исповѣданіямъ, должно составить предметъ занятій Особого Совѣщанія.

Присоединяясь затѣмъ къ высказанному высокопреосвященнымъ Антоніемъ мнѣнію, Комитетъ находитъ, что всѣ приведенныя выше соображенія касаются случаевъ, когда переходъ совершается въ одну изъ христіанскихъ религій или вѣроченій. Прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва-ли вызывается надобностью, въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ. Съ предстоящими въ законодательствѣ измѣненіями относительно участія въ дѣлахъ вѣроисповѣдныхъ гражданской власти, оставленіе православія для перехода въ магометанскую или еврейскую религію не должно вызывать какихъ-либо репрессивныхъ противъ отпадшаго мѣръ, но для него останутся въ силѣ всѣ тѣ перечисленныя выше невыгодныя относительно актовъ гражданского состоянія послѣдствія, которыя произойдутъ вслѣдствіе непризнанія государствомъ подобнаго перехода состоявшимся.

Изъ сего правила придется, однако, сдѣлать изъятіе въ отношеніи извѣстныхъ группъ населенія, числящихся православными, но въ дѣйствительности исповѣдующихъ ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали они сами или ихъ предки. Урегулированіе давно уже шаткаго религіознаго положенія этихъ лицъ представляется необходимымъ.

Что же касается указанія высокопреосвященнаго митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго на неудобства, связанныя съ примѣненіемъ ст. 1006 уст. угол. суд., то Комитетъ, за изъясненнымъ со стороны управляющаго министерствомъ юстиціи согласіемъ, положилъ предоставить сенатору Манухину войти въ ближайшее обсужденіе вызываемыхъ этимъ указаніемъ законодательныхъ измѣненій.

О дѣтяхъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Перейдя затѣмъ къ сужденію о томъ, въ какой религіи должны быть воспитаны дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій, Комитетъ находитъ, что по дѣйствующимъ законамъ во всѣхъ случаяхъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами дѣти отъ сихъ бра-

ковъ воспитываются въ православной вѣрѣ, за исключеніемъ коренныхъ жителей Финляндіи, гдѣ дѣти отъ таковыхъ браковъ принадлежатъ къ вѣрѣ отца.

При обсужденіи сего вопроса высокопреосвященный Антоній высказалъ, что обязательное воспитаніе въ православіи всѣхъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ дѣтей обычно не вызываетъ на себя особыхъ нареканій и признается на практикѣ тягостнымъ собственно въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ дѣйствіе сего закона подпадаютъ браки между иновѣрцами и мнимо-православными изъ упорствующихъ и отпавшихъ. Нынѣ, когда Комитетомъ изысканы мѣры къ облегченію участи послѣднихъ и разрѣшено имъ свободное избраніе для себя религіи, вопросъ о вѣроисповѣданіи дѣтей уже теряетъ значительную часть своей остроты, и, если принять во вниманіе, что рожденный отъ смѣшаннаго брака по достиженіи имъ совершеннолѣтія не будетъ имѣть препятствій, по велѣніямъ своей совѣсти, исповѣдывать вѣру отца своего или матери, — сводится къ тому, который изъ супруговъ, православный или иновѣрецъ, долженъ преимущественно наблюдать за духовно-нравственнымъ развитіемъ ребенка до тѣхъ поръ, пока тотъ самъ не въ состояніи будетъ самостоятельно разобраться въ своихъ вѣрованіяхъ. Такимъ образомъ, за господствующею церковью въ настоящемъ случаѣ остается лишь небольшое преимущество, которое желательно было бы сохранить и впредь. Обратное рѣшеніе сего вопроса могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія. Строго разсуждая, по православнымъ каноническимъ правиламъ, браки съ иновѣрцами совсѣмъ недопустимы, и, разрѣшая ихъ, церковь дѣлаетъ уступку государству, обуславливая вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣти отъ такихъ браковъ должны принадлежать ей. Если же это послѣднее право будетъ отнято у церкви, есть полное основаніе опасаться, что православное духовенство, подобно католическому въ настоящее время, будетъ, по мѣрѣ силъ, противиться заключенію смѣшанныхъ браковъ. Кромѣ того, когда въ законѣ твердо установлено, что дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ съ православными всегда воспитываются въ вѣрѣ послѣднихъ, то иновѣрцы еще до вступленія въ бракъ привыкаютъ къ этой мысли и мирятся съ нею, если же выборъ вѣроисповѣданія дѣтей будетъ предоставленъ взаимному соглашенію супруговъ, то во многихъ случаяхъ этотъ вопросъ неминуемо приведетъ къ семейному разладу. По симъ соображеніямъ митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій находилъ, что настоящій сложный и трудный вопросъ, неоднократно останавливавшій на себѣ вниманіе правительства, надлежало бы, не разсматривая теперь по существу, передать для подробнаго обсужденія въ особое, проектированное Комитетомъ; Совѣщаніе.

При этомъ въ Комитетѣ было высказано сужденіе, что Совѣщанію въ настоящемъ случаѣ надлежало бы имѣть въ виду также и то со-

ображеніе, какъ бы въ случаѣ сохраненія въ силѣ дѣйствующаго закона о смѣшанныхъ бракахъ (при условіи осуществленія предположеній Комитета о допустимости перехода изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе) не оказалось, что законъ о вѣрѣ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ побудитъ православнаго къ переходу въ религію своего иновѣрнаго супруга.

По обмѣнѣ мнѣній, Комитетъ присоединился къ высказанному высокопреосвященнымъ Антоніемъ заключенію относительно передачи вопроса о вѣроисповѣданіи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами передать на обсужденіе Особаго Совѣщанія.

О вѣроисповѣданіи пріемышей и подкидышей. Остановливаясь затѣмъ на сужденіяхъ о томъ, въ какой вѣрѣ должны быть воспитаны дѣти, родители коихъ неизвѣстны, Комитетъ не усматривалъ въ дѣйствующемъ законѣ общихъ по сему предмету постановленій. Усвоенный правительствомъ взглядъ на этотъ вопросъ выразился въ ст. 807 уст. ин. исп., въ силу которой евангелическо-лютеранскіе проповѣдники обязаны отсылать по принадлежности къ православному духовенству приносимыхъ къ нимъ для крещенія младенцевъ неизвѣстныхъ родителей. Практика же такова, что, примѣнительно къ временнымъ правиламъ для Императорскихъ воспитательныхъ домовъ, Высочайше утвержденнымъ 18-го декабря 1890 года, всѣ дѣти неизвѣстныхъ родителей крестятся въ православную вѣру.

Указанный порядокъ, несомнѣнно, стѣсняетъ христіанъ-иновѣрцевъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они пожелаютъ взять къ себѣ на воспитаніе подкидыша, такъ какъ учить въ своей семьѣ ребенка молиться Богу иначе, чѣмъ молятся сами пріемные родители, тяжело, а для многихъ и практически невозможно. Порядокъ этотъ неблагопріятно отражается также на участи брошенныхъ дѣтей, ибо многихъ заставляетъ отказаться отъ намѣренія взять въ семью подкинутого ребенка. Сознавая указанныя неудобства, законодательная власть для прибалтійскихъ губерній, почти сплошь заселенныхъ иновѣрцами-лютеранами, сдѣлала исключеніе, разрѣшивъ лицамъ, принявшимъ на воспитаніе подкидышей, крестить ихъ по обрядамъ своего исповѣданія (ст. 808 уст. ин. исп.).

Сохраненіе въ законѣ требованія, выраженнаго въ ст. 807 уст. ин. исп., едва-ли совмѣстимо съ подтвержденными указомъ началами широкой вѣротерпимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая желательнымъ изданіе общаго закона о вѣроисповѣданіи дѣтей отъ неизвѣстныхъ родителей, Комитетъ остановился на той мысли, чтобы для сего принять усвоенный ст. 808 уст. ин. исп. высокій принципъ, въ силу котораго христіане всѣхъ исповѣданій получали бы право крестить своихъ некрещенныхъ пріемныхъ дѣтей, каждый по своей вѣрѣ. По силѣ этихъ соображеній

комитетъ полагаетъ поручить управляющему министерствомъ Юстиціи войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о распространеніи ст. 808 уст. ин. исп. на всѣ мѣстности Имперіи и на лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій по согласованіи съ нею ст. 807 тѣхъ же уставовъ.

Объ измѣненіи уголовнаго законодательства по дѣламъ вѣры. Въ заключеніе общихъ соображеній Комитетъ принялъ во вниманіе, что осуществленіе приведенныхъ въ настоящемъ положеніи Комитета министерствъ предположеній необходимо должно повлечь за собою пересмотръ, въ видахъ согласованія съ ними, постановленій уголовнаго нашего законодательства, о чемъ и надлежитъ управляющему министерствомъ юстиціи безотлагательно озаботиться. При этомъ Комитетъ остановился также на томъ обстоятельстве, что Высочайше утвержденное новое уголовное уложеніе въ отношеніи преступленій и проступковъ противъ вѣры существенно отличается отъ нынѣ дѣйствующихъ уголовныхъ законовъ, какъ нѣкоторымъ смягченіемъ наказаній за сего рода преступныя дѣянія, такъ и инымъ опредѣленіемъ самаго состава преступленій. Такъ, напримѣръ, совращеніе въ другое вѣроисповѣданіе признается преступнымъ только въ томъ случаѣ, если оно сопровождается обманомъ, насиліемъ или обѣщаніемъ выгодъ, совращеніе же помощью убѣжденія не наказуется. По мнѣнію Комитета, коль скоро законъ призналъ уже возможнымъ тѣ или иные религіозные преступления и проступки считать ненаказуемыми или назначить болѣе мягкія за нихъ наказанія, то едва-ли соответствовало бы и вообще справедливости, и въ частности, духу указа 12 декабря 1904 г. продолжать примѣненіе прежнихъ, болѣе строгихъ постановленій. Поэтому представлялось бы правильнымъ обсудить вопросъ о введеніи въ дѣйствіе нынѣ же, не ожидая примѣненія въ полномъ объемѣ угол. уложенія, отдѣла его о нарушеніяхъ ограждающихъ вѣру постановленій. Кромѣ того, предстоитъ, въ соответствіи съ вновь вводимыми правилами, озаботиться принятіемъ мѣръ къ облегченію участи лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ противъ вѣры по болѣе строгимъ уголовнымъ законамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда лица сіи еще не отбыли наложенной на нихъ кары, а равно прекратить находящіяся въ производствѣ дѣла о тѣхъ дѣяніяхъ, которыя будутъ признаваться непроступными.

Отъ приведенныхъ общихъ сужденій Комитетъ обратился къ пересмотру основаній, которыми опредѣляется у насъ положеніе отдѣльныхъ религіозныхъ группъ, для осуществленія изъявленной Высочайшей воли о томъ, чтобы свобода совѣсти отнынѣ болѣе не была стѣсняема. Въ этомъ отношеніи подлежатъ особому обсужденію вопросы, касаю-

щіеся раскола, иныхъ христіанскихъ, именуемыхъ инославными, исповѣданій и вѣроисповѣданій иновѣрныхъ, не христіанскихъ.

Общія сужденія о расколѣ и сектантствѣ. Вѣротерпимость, при-сущая православію и духовному укладу русскаго народа и примѣняемая къ другимъ религіямъ, долгое время не распространялась на раскольниковъ, ибо въ убѣжденіи, какъ церкви, такъ и правительства, они являлись нарушителями усвоеннаго русскимъ народомъ начала единаго православнаго государства, а потому расколъ и не былъ признаваемъ самостоятельнымъ вѣроученіемъ. Только въ эпоху преобразованій Императора Александра II произошло измѣненіе во взглядахъ на расколъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, возникли предположенія объ измѣненіи дѣйствовавшихъ о немъ постановленій, разработка чего поручена была учрежденному, по Высочайшему повелѣнію, въ февралѣ 1864 г., особому, временному, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря графа Панина, комитету. Предположенія этого комитета легли, затѣмъ, въ основу двухъ главныхъ законодательныхъ актовъ о раскольникахъ, опредѣляющихъ ихъ гражданское и религіозное положеніе, именно: закона 19-го апрѣля 1874 г. о метрической записи рожденій, браковъ и смерти раскольниковъ и закона 3-го мая 1883 г. о дарованіи имъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ. Въ этомъ послѣднемъ законѣ, явившемся отраженіемъ доброжелательнаго отношенія Императора Александра III къ старообрядцамъ, преимущественно, выразилось смягченіе предубѣжденнаго взгляда на расколъ. Мѣропріятія эти сопровождались несомнѣнно благоприятными послѣдствіями: проявленіе замкнутости и обособленности раскольниковъ утратили прежнюю рѣзкость, началъ ослабѣвать фанатизмъ и, въ общемъ, улучшились отношенія раскольниковъ къ мѣстнымъ властямъ и духовенству. Но законы эти заключаютъ въ самомъ содержаніи ихъ такія условія, которыя дѣлаютъ ихъ, съ точки зрѣнія раскольниковъ, неудовлетворительными, побуждая ихъ къ постоянной подачѣ прошеній о дальнѣйшихъ льготахъ, да и въ дѣйствительности они представляютъ недостатки, ослабляющіе значеніе тѣхъ благодѣтельныхъ намѣреній, которыми изданіе новыхъ законовъ было вызвано. Законъ 1883 г., допуская предоставленіе раскольникамъ весьма существенныхъ, по сравненію съ прежними, льготъ въ области ихъ религіозныхъ потребностей, не имѣлъ, однако, въ виду создать для послѣдователей раскола одинаковыхъ условій съ лицами иныхъ исповѣданій. Избѣгая всего, что могло бы имѣть видъ послабленія расколу, правила 1883 г. удовлетворяютъ религіознымъ потребностямъ раскольниковъ лишь поскольку этимъ не могло быть, по мнѣнію законодателя, нанесено вреда господствующей церкви. Въ соотвѣтствіи съ такою мыслью, допущеніе на дѣлѣ указанныхъ въ правилахъ для раскольниковъ льготъ поста-

влено было, въ значительной мѣрѣ, въ зависимость отъ усмотрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовавшаго въ сихъ случаяхъ по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Поэтому примѣненіе закона стало производиться на практикѣ съ крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью, во избѣжаніе, прежде всего, превратнаго истолкованія раскольниками намѣреній правительства въ смыслѣ потворствованія дальнѣйшему развитію проповѣдуемыхъ ими ученій; а съ теченіемъ времени появились для нихъ вновь стѣсненія со стороны мѣстныхъ начальствъ, объясняемая глубоко вкоренившимися привычками и взглядами, уничтожить которые законъ 1883 г. оказался не въ силахъ.

Теперь наступило время къ дальнѣйшему развитію законодательства о расколѣ въ духѣ благожелательной терпимости, умѣстность которой является уже вполне выяснившеюся и не внушаетъ сомнѣній. Продолжавшаяся въ теченіе почти двухъ вѣковъ нетерпимость къ раскольникамъ со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей способствовала развитію въ нихъ фанатически враждебнаго отношенія къ православной церкви; положеніе обострялось постояннымъ обращеніемъ церкви къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ той или другой формѣ и отсутствіемъ законовъ, сколько-нибудь точно опредѣляющихъ предѣлы и условія такого содѣйствія. Между тѣмъ охрана православія не должна идти путемъ насилія надъ религиозными убѣжденіями, и церковь сама отказывается нынѣ отъ насильственнаго воссоединенія отпавшихъ ея членовъ. Расколъ, съ его нерѣдко слѣпою приверженностью къ обрядовой сторонѣ религіи, неизбѣжно долженъ ослабввать соотвѣтственно развитію просвѣщенія народа и усиленію нравственнаго на него воздѣйствія со стороны духовенства.

Законы 1874 и 1883 г.г., какъ источники, которыми главнѣйше опредѣляются нынѣ отношенія правительства къ расколу, требуютъ пересмотра и съ другой стороны, а именно съ точки зрѣнія того круга лицъ, на которыхъ сила ихъ распространяется. Дѣйствующій законъ всѣхъ отпавшихъ отъ православной церкви „въ ереси и расколы“ обычно именуется „раскольниками“, не различая отпавшихъ въ XVII вѣкѣ по случаю исправленія книгъ церковныхъ и послѣдователей рационалистическихъ и мистическихъ сектъ позднѣйшаго происхожденія.

Изъ исторіи раскола усматривается, что до изданія закона 3-го мая 1883 г. были попытки правительственной власти распредѣлить общую массу раскольниковъ на категоріи, по степени вредности той или другой секты, для того, чтобы относительно болѣе вредныхъ изъ нихъ принимать и болѣе энергичныя мѣры борьбы. Первоначально, въ 1842 году, всѣ секты были раздѣлены на три степени: вреднѣйшія, вредныя и менѣе вредныя. Особый временный комитетъ по дѣламъ о раскольни-

какъ, предположенія коего удостоились Высочайшаго одобренія 16-го августа 1864 года, отказавшись отъ перечисленія отдѣльныхъ сектъ, указавъ лишь общіе признаки, по которымъ онъ дѣлилъ ихъ на двѣ категоріи—на болѣе и менѣе вредныя; къ первымъ были отнесены: не признающія пришествія въ міръ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, не признающія никакихъ таинствъ и никакой власти богопоставленною, допускающія, при наружномъ общеніи съ церковью, чело-вѣкообожаніе, посягающія на оскотленіе себя или другихъ, отвергающія молитву за Царя и отвергающія бракъ,—остальные же секты и толки признавались менѣе вредными. Однако, впослѣдствіи и такая классификація толковъ и сектъ была признана неудобною.—Государственный совѣтъ въ сужденіяхъ своихъ по проекту закона 3-го мая 1883 года высказалъ, что признаки сіи не должны быть предметомъ законодательнаго обсужденія и служить для постановленія по указанному предмету какого-либо правила: отъ министра же внутреннихъ дѣлъ будетъ зависѣть сообразовать дѣлаемые имъ относительно раскола распоряженія съ мнѣніемъ Святейшаго Синода о большей или меньшей вредности той или другой секты въ отдѣльности. Такимъ образомъ, послѣ изданія закона 3 мая 1883 г. вопросъ о большей или меньшей вредности могъ быть возбуждаемъ только въ отношеніи тѣхъ сторонъ религіозной жизни раскола, нормировка которыхъ была этимъ закономъ предоставлена усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. въ отношеніи открытія новыхъ молитвенныхъ домовъ, исправленія или возобновленія существующихъ и распечатанія запечатанныхъ и т. д. Изъ сего общаго порядка исключеніе было сдѣлано только для тѣхъ раскольниковъ, которые принадлежатъ къ ересямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противонравственными, гнусными дѣйствіями. Этого рода сектантамъ не только не предоставляется никакихъ правъ, но и самая принадлежность къ подобной ереси карается тяжкимъ уголовнымъ наказаніемъ по 203 ст. улож. о наказ., повторенной и въ новомъ уголовномъ уложеніи (ст. 96).

Собственно, какъ приведенныя попытки установить дѣленіе на категоріи раскольническихъ ученій, такъ и самые законы 1874 и 1883 г.г., охватывали два совершенно различныя въ религіозной жизни нѣкоторыхъ частей нашего народа явленія—старообрядчество и сектантство. Различаясь историческими и бытовыми условіями своего происхожденія, основами вѣроученія и одухотворяющими жизнь ихъ началами, религіозныя теченія эти объединяются нашимъ закономъ, считающимъ раскольникомъ всякаго отклонившагося отъ православія. Въ законодательствѣ начала и середины прошлаго столѣтія встрѣчается рядъ постановленій, относящихся къ отдѣльнымъ сектамъ, напр., духоборамъ, моло-

канамъ; но всё они носятъ случайный характеръ, касаясь отдѣльных мѣстностей, а часто и отдѣльных лицъ. До настоящаго времени къ сектантству, какъ явленію церковно-государственной жизни, не выработалось еще твердаго и систематическаго отношенія правительства. Комиссія, составившая правила 1874 г., имѣла въ виду и сектантовъ, но мысль эта яснаго выраженія въ законѣ не получила. Затѣмъ уже циркулярными распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ въ этомъ смыслѣ было преподано разъясненіе губернаторамъ. Точно также законъ 3-го мая 1883 г. разрѣшаетъ, по точному его смыслу, какъ старообрядцамъ, такъ и сектантамъ, творить общественную молитву и исполнять духовныя требы по ихъ обрядамъ. Но, въ виду отсутствія прямого указанія, онъ на практикѣ, въ отношеніи сектантовъ, менѣе примѣнялся и замѣненъ былъ, въ отношеніи къ нимъ, административными мѣропріятіями.

Проявленіе религіозной обособленности среди сектантовъ выражалось зачастую демонстративнымъ устраненіемъ обрядоваго благочестія и сопровождалось иногда такими дѣйствіями, которыя могли подвергать виновныхъ взысканіямъ, установленнымъ въ законѣ за кошунство. Последствіемъ такихъ явленій было изданіе Высочайше утвержденного 4-го іюля 1894 г. положенія комитета министровъ о признаніи особенно вредною, въ политическомъ отношеніи, одной изъ развившихся на югѣ Россіи сектъ, а именно штундистовъ. Еще въ 1878 г. штунда была отнесена опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода къ числу болѣе вредныхъ. Заключение это было принято къ руководству мѣстною администраціею; при отсутствіи же опредѣленныхъ указаній въ законѣ 1883 г., какъ слѣдуетъ относиться къ болѣе вреднымъ сектамъ, появилось по вопросу о примѣнимости дарованныхъ этимъ закономъ льготъ къ штундистамъ несоотвѣтствіе во взглядахъ администраціи и суда, на которое указывалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшій кіевскій, подольскій и волинскій генералъ-губернаторъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, комитетъ министровъ положеніемъ, удостоившимся 4-го іюля 1894 г. Высочайшаго утвержденія, постановилъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, объявить секту штундистовъ болѣе вредною, съ воспрещеніемъ штундистамъ общественныхъ молитвенныхъ собраній. Постановленіе это касалось однихъ лишь штундистовъ, оставляя прочія секты при тѣхъ льготахъ, которыми онѣ имѣли право пользоваться по закону 1883 г., но въ дѣйствительности правило получило широкое примѣненіе, и практика административныхъ и судебно административныхъ учрежденій пыталась распространить оное на всѣхъ вообще сектантовъ, отвергающихъ обрядовую сторону православной вѣры и замѣняющихъ ее обыкновенно чтеніемъ библейскихъ стиховъ и гимновъ изъ особыхъ богослужебныхъ книгъ, чтеніемъ, съ проповѣдниче-

скимъ въ духѣ секты толкованіемъ Св. Писанія, а иногда и колѣно-преклоненною молитвою, съ произнесеніемъ импровизированныхъ молитвословій безъ употребленія крестнаго знаменія. Впрочемъ, точно установить предѣлы дѣйствія положенія 1894 г. представлялось весьма труднымъ, при отсутствіи въ то время всесторонняго освѣщенія вопроса о сектантствѣ у насъ и далеко [не полномъ знакомствѣ съ условіями развитія этого явленія въ русской жизни. Въ настоящее время недостатокъ этотъ до извѣстной степени устраняется какъ довольно многочисленными уже появившимися въ духовной и свѣтской литературѣ изслѣдованіями о сектантствѣ, такъ и обширною практикою правительствующаго сената по дѣламъ, возникающимъ изъ примѣненія положенія 1894 года.

Компетентными изслѣдователями признается, что сектантское движеніе съ особою силою проявилось, начиная съ 60-хъ годовъ, увлекая однихъ въ крайній мистицизмъ и въ среду издавна существовавшихъ общинъ отщепенцевъ-мистиковъ, прыгуновъ, хлыстовъ и т. п., а другихъ—направляя на путь раціонализма. Это послѣднее теченіе, усилившееся главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ южной Россіи, населенной молоканами, вызывается самостоятельнымъ чтеніемъ и изученіемъ Св. Писанія, односторонне толкуемаго, послѣдствіемъ чего является отрицаніе святости церковной іерархіи и обрядовъ православной Церкви, которые не имѣютъ прямого основанія въ Священномъ Писаніи. Сектантство съ раціоналистическимъ направленіемъ, склонное, въ большинствѣ случаевъ, именовать себя „общинами евангельскихъ христіанъ“, далеко ушло въ развитіи своемъ отъ времени первоначальнаго возникновенія въ 60-хъ годахъ и отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ оно тогда проявлялось, получивъ по близости къ братствамъ нѣмцевъ-колонистовъ южной Россіи наименованіе штундизма.

Въ настоящемъ положеніи сектантство требуетъ серьезнаго къ себѣ вниманія и сознательнаго отношенія къ нему со стороны законодательства и административной практики. Сектантство не можетъ быть разсматриваемо только, какъ элементъ разлада въ жизни мѣстнаго населенія и съ точки зрѣнія противодѣйствія распоряженіямъ правительства. Съ признаніемъ въ законѣ нашемъ начала свободы совѣсти, сектантству должны быть обеспечены условія существованія не менѣе твердыя, чѣмъ тѣ, которыя предоставляются старообрядчеству, коль скоро оно, съ точки зрѣнія государственной, не представляетъ опасности. Между тѣмъ, съ этой именно точки зрѣнія государственной опасности сектантства послѣдовало изданіе Высочайше утвержденнаго, 4-го іюля 1894 г., положенія комитета министровъ, такъ какъ штундизмъ, появившимся тогда свѣдѣніемъ, не только отвергалъ всѣ церковные обряды и таинства, но не признавалъ никакихъ властей, возставалъ про-

тивъ присяги и военной службы, проповѣдывалъ социалистическіе принципы и т. д. Въ настоящее время, повидимому, эти указанія къ большинству сектантовъ не примѣнимы, почему и въ доходившихъ неоднократно до разсмотрѣнія правительствующаго сената дѣлахъ по сектантству, имъ, какъ руководящее для судебныхъ мѣстъ положеніе, высказывалось, что въ каждомъ случаѣ привлеченія тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій, на судѣ лежитъ, прежде всего, обязанность выяснить и установить, на основаніи точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла, принадлежать-ли обвиняемые, по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими вѣры, именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли сіи основныя положенія ученія ихъ указаніямъ о представляемой имъ, съ государственной точки зрѣнія, опасности. Послѣдствіемъ сего является во многихъ случаяхъ освобожденіе привлекаемыхъ къ отвѣтственности отъ наказанія именно въ виду отсутствія въ вѣроученіи ихъ признаковъ противогосударственныхъ стремленій.

Поэтому отрицательное отношеніе къ сектантству, выразившееся въ постановленіи 1894 г., не можетъ служить нынѣ для установленія руководящаго взгляда на этотъ вопросъ. Преслѣдованіе сектантства, если бы такое признавалось необходимымъ, едва-ли оправдывалось бы теперь мыслью о государственномъ вредѣ его и могло бы послѣдовать развѣ только въ видахъ охраненія духовной цѣлости православной Церкви. Но для этого прежде всего было бы необходимо дѣйствовать въ этомъ направленіи съ увѣренностью въ благихъ результатахъ. Между тѣмъ исторія вообще, и въ частности исторія борьбы православія съ сектами, съ несомнѣнностью доказываетъ, что въ данномъ случаѣ сила является орудіемъ недѣйствительнымъ; подвергаемые преслѣдованіямъ сектанты лишь получаютъ въ глазахъ своихъ единомышленниковъ ореолъ мучениковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исповѣданіе ихъ растетъ и крѣпнетъ. Съ другой стороны, если разсматривать положеніе 1894 г. съ точки зрѣнія борьбы правительства съ тѣми вредными для государства началами, которыми характеризуется сущность ученія секты штундистовъ, то едва-ли, по мнѣнію комитета, возможно признать оное отвѣчающимъ своему назначенію. Неисполненіе сектантами постановленія, воспрещающаго имъ молитвенныя собранія, вызываетъ преслѣдованіе ихъ по 29 ст. уст. наказ. и, въ случаѣ признанія ихъ виновности, — наказанія незначительнымъ штрафомъ или замѣняющимъ оный арестомъ, между тѣмъ, такія нетерпимыя ученія, какъ отрицаніе властей, воинской повинности, права собственности и т. п., въ случаѣ дѣйствительнаго внѣшняго проявленія ихъ, могутъ заключать въ себѣ признаки уголовного преступленія, караемаго соотвѣтствующимъ серьезнымъ наказаніемъ.

Отсюда, по мнѣнію комитета, вытекаетъ, что дѣйствующіе уголовныя законы даютъ въ нужныхъ случаяхъ дѣйствительныя мѣры борьбы съ указанными выше вредными ученіями секты шундистовъ, и положеніе 1894 г., какъ излишнее въ этомъ отношеніи, могло бы подлежать отмѣнѣ.

Съ этой стороны, высокопресвященный Антоній точно также удостоавѣрилъ, что положеніе 1894 г. не достигло тѣхъ результатовъ, которые поставлялись цѣлю его изданія. Между тѣмъ, въ жизнь мѣстнаго населенія была имъ внесена значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами. Выставляя же признакомъ преступности самое совершеніе религіозныхъ обрядовъ, не признаваемыхъ православною Церковью, и потому какъ бы являясь защитникомъ правъ Церкви и ея неприкосновенности, положеніе это не могло не вызвать со стороны православнаго духовенства чрезмѣрнаго въ иныхъ случаяхъ стремленія къ охраненію его силы и значенія. Такимъ образомъ, служители Церкви привлекались къ дѣятельности, не соотвѣтствующей призванію ихъ и носимому ими сану.

Посему, полагая въ принципѣ возможнымъ допустить для сектантовъ религіозную свободу, комитетъ считаетъ необходимымъ установить то положеніе, что убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ дѣяніи. Изъятіе изъ сего должно, само собою разумѣется, имѣть мѣсто относительно сектъ изувѣрныхъ, самая принадлежность къ коимъ карается закономъ. Религіозная свобода принадлежащихъ ко всѣмъ прочимъ сектамъ лицъ не можетъ быть стѣсняема, пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, въ послѣднемъ же случаѣ,—по мнѣнію комитета—наиболѣе цѣлесообразнымъ оказывается преслѣдовать въ уголовномъ порядкѣ именно отдѣльныхъ лицъ за тѣ проступки, въ которыхъ противозаконная ихъ дѣятельность проявится.

Сообразно этому надлежитъ, отмѣнивъ положеніе 1894 г., ясно выразить въ законѣ, что Правительствомъ признается за русскимъ сектантствомъ право на существованіе съ распространеніемъ на него и тѣхъ правилъ вѣротерпимости, которыя установлены для старообрядчества. Слѣдовательно, приверженцамъ всѣхъ (кромѣ изувѣрныхъ) сектъ должна быть обезпечена возможность пользоваться установленными для записи ихъ рожденій, браковъ и случаевъ смерти метрическими книгами, съ соблюденіемъ постановленныхъ по сему предмету въ законѣ условій. Точно также право совершенія общественныхъ богомоленій должно быть предоставлено всѣмъ (кромѣ изувѣрныхъ) сектамъ и толкамъ безъ различія ихъ вѣроученій. Если же проявленіе вѣровавій сопряжено съ опасностью для общественныхъ нравственности или спо-

койствія, то мѣры борьбы должны быть направлены не въ путяхъ ограниченія духовной свободы, но пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ, на основаніи уголовного закона, какъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній, такъ и дѣятельности пропагандистской, если бы таковая проявилась. Въ связи съ этимъ, комитетъ находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ всѣхъ отступившихъ отъ православія, которыхъ въ настоящее время законъ разумѣетъ подъ общимъ именемъ „раскольниковъ“, раздѣлить на три группы: 1) послѣдователей толковъ и согласій, которые приѣмлютъ основные догматы вѣры православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ; 2) послѣдователей рационалистическихъ и мистическихъ сектъ и 3) послѣдователей изувѣрныхъ ученій, относительно которыхъ должно оставаться въ силѣ положеніе дѣйствующаго закона о несомвѣстности этихъ сектъ съ основами разумной и нравственной жизни государства, а потому и самая принадлежность къ подобнымъ сектамъ должна попрежнему быть наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

Въ заключеніе Комитетъ остановился на томъ соображеніи, что признаніе за сектантствомъ одинаковыхъ со старообрядчествомъ правъ можетъ потребовать соотвѣтственныхъ болѣе ясныхъ указаній въ законахъ, опредѣляющихъ нынѣ гражданское и религіозное положеніе раскольниковъ, на-ряду съ устраненіемъ изъ этихъ законовъ и тѣхъ правилъ, которыя даютъ основаніе для излишняго и признаваемаго нежелательнымъ вмѣшательства административныхъ и полицейскихъ властей въ свободное, на законномъ основаніи, выполненіе старообрядцами и сектантами обрядовъ своего вѣроученія.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій въ нынѣшнемъ положеніи раскола, которыя должны быть признаны желательнымъ послѣдствіемъ указа 12-го декабря 1904 г., комитетъ усматриваетъ, что дарованныя закономъ 1883 г. для послѣдователей раскола льготы не могли ихъ удовлетворить, не обеспечивая въ должной мѣрѣ свободного отправленія ими обрядовъ ихъ вѣры. Послѣ изданія манифеста 26-го февраля 1903 года возбужденъ былъ цѣлый рядъ ходатайствъ, повторенныхъ нынѣ, о расширеніи предоставленныхъ имъ закономъ 3-го мая 1883 года правъ; существо заявленныхъ раскольниками просьбъ и возможность ихъ удовлетворенія были соображены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (по департаменту общихъ дѣлъ); соображенія эти приведены въ особой, поступившей на уваженіе комитета министровъ, запискѣ, которая значительно облегчила комитету ознакомленіе съ практическимъ существомъ вопросовъ, возникающихъ изъ современнаго правового положенія у насъ раскола. Для выясненія основательности послѣдовавшихъ заявленій комитетъ, съ своей стороны, признаетъ

наиболѣе удобнымъ разсмотрѣть въ отдѣльности положенія дѣйствующихъ о расколѣ законовъ 1874 и 1883 гг. въ связи съ предъявленными ходатайствами:

1) *Объ именованіи раскольниковъ старообрядцами.* На первыхъ же порахъ дѣйствія закона 19-го апрѣля 1874 года о метрическихъ записяхъ раскольниковъ встрѣтилось существенное затрудненіе въ практическомъ его примѣненіи. По заявленію нѣкоторыхъ губернаторовъ, препятствіемъ къ успѣшному веденію метрическихъ записей раскольниковъ служило, главнымъ образомъ, требованіе подписки о принадлежности записывающихся къ „расколу“. Большинство заявляющихъ не желало называть себя раскольниками, почитая такое наименованіе для себя обиднымъ и тяжелымъ. Сами раскольники, подтверждая въ прошеніяхъ сказанныя затрудненія, препятствующія имъ пользоваться преимуществами закона 1874 года, ходатайствовали и нынѣ вновь просить о замѣнѣ принятаго въ законѣ наименованія раскола словомъ „старообрядчество“. Министерство внутреннихъ дѣлъ сочло для себя тогда же обязательнымъ всесторонне обсудить этотъ вопросъ, но къ удовлетворенію означеннаго ходатайства раскольниковъ встрѣтилось препятствіе въ томъ соображеніи, что наименованіе ихъ въ законѣ старообрядцами можетъ усилить поддерживаемую ими хулу на православную Церковь, будто бы принявшую въ XVII вѣкѣ новые обряды, и тѣмъ самымъ увеличить какъ число раскольниковъ, такъ и религіозный раздоръ въ народѣ.

Обсудивъ этотъ вопросъ, Комитетъ находитъ, что названіе раскольникъ, которое нѣсколькими милліонами русскихъ вѣроподданныхъ считается уничижительнымъ и для нихъ оскорбительнымъ, едва-ли удобно впредь сохранить въ законѣ; замѣнить же его наименованіемъ каждой секты также неудобно, ибо невозможно вводить въ законъ перечисленіе безчисленныхъ толковъ и согласій, постоянно нарождающихся и исчезающихъ. Относительно слова „старообрядецъ“, по мнѣнію Комитета, едва-ли возможно раздѣлить приведенныя выше опасенія. Это названіе впервые появилось въ рескриптѣ 13-го августа 1785 г. императрицы Екатерины II на имя князя Потемкина по поводу поселенія старообрядцевъ въ Таврическую губернію, и съ тѣхъ поръ постоянно употреблялось въ дѣломъ рядѣ Высочайшихъ повелѣній, даже въ нѣкоторыхъ законодательныхъ актахъ послѣдняго времени, поэтому его нельзя не считать уже принятымъ въ законѣ терминомъ. Что касается смущенія умовъ простого народа возможностью наименованія православныхъ старообрядцами, то и это опасеніе едва-ли должно имѣть мѣсто, такъ какъ слово раскольникъ въ народѣ весьма мало употребительно и ихъ чаще называютъ старовѣрами и старообрядцами; такимъ образомъ, и для народа это названіе слѣдуетъ признать привычнымъ, почему трудно

ожидать, чтобы отсюда могли возникнуть какіе-нибудь толки о сравнительной древности введенныхъ патріархомъ Никономъ или бывшихъ до исправленія имъ книгъ обрядовъ. По симъ соображеніямъ, съ которыми согласился высокопреосвященный Антоній, комитетъ признаетъ правильнымъ присвоить наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ нынѣ употребляемаго названія раскольниковъ, всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые приѣмлютъ основные догматы Церкви православной, но не признаютъ принятыхъ ею обрядовъ и отпращиваютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ.

2) *О признаніи за раскольническими благотворительными учрежденіями и молитвенными домами значенія юридическихъ лицъ.* Перейдя къ обсужденію вопроса о томъ, не слѣдуетъ-ли распространить на принадлежащія старообрядцамъ и сектантамъ молитвенные дома, богоугодныя и иныя заведенія общія правила, до инославныхъ христіанскихъ установленій сего рода относящіяся, комитетъ находитъ, что въ дѣйствующихъ законахъ не содержится ясныхъ и опредѣленныхъ по сему предмету указаній. Хотя закономъ 3-го мая 1883 года и было даровано старообрядцамъ и сектантамъ право имѣть часовни, молитвенные дома и даже церкви, построенныя до 17-го сентября 1826 года, но въ немъ не было опредѣлено юридическаго ихъ положенія, а о благотворительныхъ и иныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ совсѣмъ не упомянуто. Поэтому, какъ до изданія сего закона, такъ и нѣкоторое время послѣ, примѣнялось не вошедшее въ сводъ законовъ секретное Высочайшее повелѣніе 13-го февраля 1837 г., коимъ запрещалось признавать и утверждать всякаго рода акты въ пользу раскольничьихъ обществъ и заведеній. Но уже съ 1785 года нѣкоторые окружные суды начали принимать къ утвержденію духовныя завѣщанія объ отказахъ въ пользу раскольничьихъ общинъ недвижимыхъ имуществъ, основываясь на томъ, что указанное Высочайшее повелѣніе не было опубликовано и осталось посему неизвѣстнымъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, образованнымъ по уставамъ Императора Александра II-го. Такая практика окружныхъ судовъ была подтверждена и правительствующимъ сенатомъ (опредѣл. соедин. прис. 1-го и кассац. департ. 4-го ноября 1893 г.). Съ своей стороны министерство внутреннихъ дѣлъ иногда отступало отъ точнаго исполненія Высочайшаго повелѣнія 1837 г. и придавало законность старообрядческимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, утверждая для нихъ уставы, по которымъ имъ предоставлялось право владѣнія движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Подобныхъ учрежденій въ настоящее время имѣется одиннадцать, и многолѣтнее ихъ существованіе не давало поводовъ заподозрить ихъ въ какой-либо вредной для Церкви и Государства дѣятельности. Однако приведенная практика, какъ не вытекающая изъ прямого текста закона,

не могла въ достаточной степени урегулировать эту сторону религіозной жизни старообрядцевъ и сектантовъ и примѣнялась лишь въ видѣ исключеній; въ общемъ же правилъ раскольничьи молитвенные дома и богоугодныя заведенія хотя фактически принадлежать религіозной общинѣ, но записываются за частными лицами и юридически составляютъ ихъ собственность. Отсюда весьма нерѣдко проистекають злоупотребленія со стороны фиктивныхъ собственниковъ, и священныя въ глазахъ старообрядцевъ дома поступаютъ въ гражданскій оборотъ.

Сообразивъ эти данныя, Комитетъ находитъ, что въ настоящемъ случаѣ надлежитъ узаконить поясненную выше судебную практику, такъ какъ она не противорѣчитъ закону 3-го мая 1883 г. и несомнѣнно соотвѣтствуетъ духу указа 12-го декабря.

Въ виду того, что въ 1883 г. старообрядцамъ и сектантамъ дарованы такія права, осуществленіе коихъ предполагаетъ наличность имущества, принадлежащаго цѣлой религіозной общинѣ и необходимаго на содержаніе моленей, уставщиковъ, наставниковъ и проч., а также въ виду предполагаемаго, по силѣ указа, расширенія сихъ правъ, комитетъ считаетъ справедливымъ и послѣдовательнымъ признать въ законѣ за старообрядческими и сектантскими учрежденіями возможность владѣть разнаго рода имуществами на имѣющихъ быть особо для сего установленными основаніяхъ. По дѣйствующимъ узаконеніямъ благотворительныя (богоугодныя) установленія, возникшія на законномъ основаніи, вообще не ограничены въ правахъ владѣнія движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, а равно въ приобрѣтеніи такового способами въ законѣ опредѣленными (ст. ст. 413, 698 и 981, т. X ч. I). Дѣйствіе сихъ законоположеній, по мнѣнію комитета, надлежало бы распространить также на подобныя учрежденія старообрядцевъ и сектантовъ, сооружаемыя согласно надлежаще-утвержденнымъ уставамъ, такъ какъ для изъятія ограничительнаго свойства въ семъ отношеніи нынѣ не усматривается основаній. Точно также необходимо поставить и молитвенные дома раскольниковъ въ положеніе, которое обезпечивало бы ихъ существованіе и было бы достойно значенія установленій, которыя являются въ сознаніи части населенія святынею. Православныя церкви и монастыри гражданскими законами признаются самостоятельными установленіями и, какъ таковыя, имѣютъ право владѣть движимымъ и недвижимымъ имуществомъ и приобрѣтатъ ихъ способами, въ законѣ опредѣленными. Старообрядческія же молитвенныя зданія къ особымъ установленіямъ не отнесены, точно также и раскольническія общества закономъ не признаны, а потому не могутъ пользоваться правомъ владѣнія имуществомъ. Комитетъ признаетъ поэтому необходимымъ регулировать въ законѣ самое существованіе старообрядческихъ и сектантскихъ обществъ, присвоивъ имъ наименованіе „общинъ“ и при-

знавъ за ними право владѣнія движимыми и недвижимыми имуществами. При этомъ комитетъ принялъ, однако, на видъ, что широкое предоставленіе имъ права свободно пріобрѣтать недвижимость было бы равносильно дарованію имъ такихъ преимуществъ, которыхъ не имѣютъ церкви православныя и другихъ исповѣданій. Для нихъ пріобрѣтеніе имуществъ обусловлено испрошеніемъ особыхъ разрѣшеній въ зависимости отъ представляемой таковыми стоимости. Очевидно, что подобныя же правила должны быть установлены и для старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ и что наряду съ этимъ долженъ быть выработанъ подробный порядокъ управления имуществомъ христіанскихъ общинъ старообрядцевъ и сектантовъ. Учреждаемому настоящимъ положеніемъ Комитета Особому Совѣщанію надлежитъ предусмотрѣть, что, съ предоставленіемъ старообрядческимъ и сектантскимъ общинамъ значенія юридическихъ лицъ, могутъ возникать различные вопросы, касающіеся собственно не свободнаго исповѣданія вѣры, а отношеній правительства къ общинамъ, какъ группамъ лицъ, обладающихъ опредѣленными правами. Правительство должно быть освѣдомлено объ основаніяхъ, на коихъ будетъ происходить дѣятельность общины, поэтому можетъ появиться необходимость и въ предъявленіи сектантами при обращеніи къ правительству свѣдѣній о внѣшнихъ условіяхъ, на которыхъ послѣдуетъ образованіе общины, какъ то—объ учредителяхъ ея, именованіи, мѣстѣ расположенія и т. д. Соображеніе этого вопроса и установленіе надлежащихъ на сей предметъ правилъ должно также составить обязанность Особого Совѣщанія.

3) *О порядкѣ сооруженія молитвенныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ домовъ, закрытія ихъ и о распечатаніи запечатанныхъ молеленъ.* Предначертанія комитета 1864 г. относительно правъ раскольниковъ по отправленію богомоленій получили осуществленіе въ законѣ 3 мая 1883 г. На основаніи этого закона раскольникамъ дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богомоленія по ихъ обрядамъ какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ. Независимо отъ сего, въ томъ же законѣ установлены особыя правила о порядкѣ исправленія, возобновленія, распечатанія часовенъ и другихъ молитвенныхъ зданій, а также обращенія въ таковыя существующихъ строеній. Представляя ходатайства раскольниковъ о разрѣшеніи новыхъ молеленъ, мѣстныя власти весьма осторожно относятся къ этимъ вопросамъ, спрашиваютъ мнѣнія духовныхъ начальствъ, наводятъ самыя подробныя справки о дѣйствительной потребности въ устройствѣ новаго молитвеннаго помѣщенія и т. д. Министерство внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, производитъ по этимъ дѣламъ сношенія съ вѣдомствомъ

православнаго исповѣданія. Вслѣдствіе этого удовлетвореніе ходатайствъ имѣло мѣсто лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Собранныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ цифровыя данныя о числѣ раскольничьихъ молитвенныхъ зданій показываютъ, что до изданія закона 3 мая 1883 г. число моленъ было 1,257, послѣ же изданія сего закона до 1 января 1904 г. было дано разрѣшеніе на устройство 283 молитвенныхъ зданій. Такое число для 20-лѣтняго періода дѣйствія закона 1883 г. должно быть признано весьма незначительнымъ, если пріянять во вниманіе естественный за это время приростъ раскольническаго населенія. Высочайшее предубаженіе о большей въ дѣлахъ вѣры терпимости не дозволяетъ сохранять далѣе тотъ, нѣсколько односторонній для этихъ случаевъ, взглядъ, который имѣлъ въ виду исключительно охраненіе интересовъ православія и согласно коему открытіе каждой новой моленной признавалось опаснымъ, какъ способствующее укрѣпленію раскола и затрудняющее миссіонерскую проповѣдь. Не подлежитъ сомнѣнію, что какою бы строгостью ни были обставлены собранія для общественнаго богомоленія, таковыя всегда будутъ существовать съ тѣмъ только различіемъ, что въ случаѣ запрета богомоленія будутъ совершаться въ обстановкѣ, совершенно не допускающей надзора со стороны властей. Это подтверждается и усиленнымъ открытіемъ раскольниковъ моленъ въ частныхъ домахъ.

Что касается закрытія моленъ, то мѣстныя власти до послѣдняго времени вмѣшивались иногда въ молитвенныя дѣла раскольниковъ и дѣлали распоряженія, вызывавшія съ ихъ стороны справедливыя жалобы. Государственный совѣтъ, мнѣніемъ 9 февраля 1893 г., удостоившимся Высочайшаго утвержденія, по доходившему до разсмотрѣнія его частному дѣлу Писева, остановившись на томъ, что въ законѣ 3 мая 1883 г. не содержится правилъ, устанавливающихъ порядокъ закрытія моленъ, не счелъ, однако же, возможнымъ согласиться съ такимъ толкованіемъ закона, будто предоставленное министерству внутреннихъ дѣлъ полномочіе разрѣшать распечатаніе и устройство моленъ подразумеваетъ и право закрывать оныя. Напротивъ того, государственный совѣтъ призналъ, что закрытіе раскольническихъ молитвенныхъ домовъ внѣ суда, въ порядкѣ административномъ, должно происходить чрезъ комитетъ министровъ, съ испрошеніемъ Высочайшаго соизволенія. Въ послѣдніе годы, однако, министерство внутреннихъ дѣлъ избѣгало направленія подобнаго рода дѣлъ въ административномъ порядкѣ и давало указанія о привлеченіи виновныхъ въ самовольномъ устройствѣ моленъ къ суду, такъ какъ слѣдствіемъ обвинительнаго приговора являлось и запечатываніе молитвеннаго зданія. Всѣ изложенныя данныя приводятъ къ заключенію о необходимости точнаго впредь опредѣленія въ законѣ условій устройства, открытія, ремонта и закрытія расколь-

ническихъ молитвенныхъ зданій; обезпеченіемъ же соблюденія этихъ условій должно служить судебное преслѣдованіе за нарушеніе ихъ. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію комитета, всѣ вопросы, касающіеся раскольническихъ молитвенныхъ домовъ, должны бы быть разрѣшаемы на основаніяхъ, одинаковыхъ съ тѣми, какія существуютъ или будутъ постановлены для устройства храмовъ инославныхъ исповѣданій.

Приходя къ такому заключенію, комитетъ единогласно признаетъ послѣдовательнымъ нынѣ же испросить Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе на распечатаніе всѣхъ молитвенныхъ домовъ, закрытыхъ какъ по распоряженію административныхъ властей, не исключая случаевъ, восходившихъ чрезъ комитетъ министровъ на Высочайшее усмотрѣніе, такъ и по опредѣленіямъ судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ молельн., закрытіе коихъ вызвано неисполненіемъ требованій устава строительнаго.

4) *Объ устройствѣ старообрядческихъ скитовъ и обителей.* При обсужденіи слѣдующаго вопроса о томъ, не надлежитъ ли отмѣнить законъ, воспреещающій устройство раскольническихъ скитовъ и обителей, комитетъ принялъ во вниманіе, что, по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ настоящее время такихъ скитовъ существуетъ 49, и они не вызываютъ на себя нареканій ни со стороны Правительства, ни со стороны Церкви. Поэтому комитетъ, находя, что запрещеніе старообрядцамъ и сектантамъ строить скиты и обители въ настоящее время утратило свое значеніе, полагаетъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ ст. 47 уст. пред. и прес. прест. и о разрѣшеніи старообрядцамъ и сектантамъ строить скиты и обители на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) разрѣшеніе на постройку скитовъ и обителей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (безъ сношенія съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія), и 2) предположенія объ отклоненіи таковыхъ ходатайствъ вносятся каждый разъ на уваженіе комитета министровъ.

5) *О публичномъ оказаніи раскола.* Остановливаясь заснѣмъ на вопросѣ о томъ, не слѣдуетъ ли нынѣ пересмотрѣть законы, опредѣляющіе, въ чемъ заключается недозволенное публичное оказаніе раскола, комитетъ находитъ, что, въ случаѣ осуществленія предполагаемаго нынѣ расширенія религиозныхъ правъ старообрядцевъ и сектантовъ, несомнѣнно потребуется пересмотръ ст. 49 и примѣчанія къ ст. 59 уст. пред. и прес. прест., а также другихъ подлежащихъ узаконеній. Пересмотръ этотъ слѣдуетъ возложить на учреждаемое Особое Совѣщаніе, которое, при выполненіи сего порученія, приметъ во вниманіе всю совокупность вновь даруемыхъ старообрядцамъ и сектантамъ правъ и сообразно сему представить въ государственный со-

вѣтъ проектъ законоположенія, соображеннаго съ тою степенью свободы въ проявленіи религіозныхъ обрядовъ, которую имѣется въ виду предоставить послѣдователямъ сихъ вѣроученій.

б) *О лицахъ, отправляющихъ у старообрядцевъ и сектантовъ духовныя требы.* Перейдя къ сужденію о томъ, какія личныя права могли бы быть предоставлены лицамъ, отправляющимъ у старообрядцевъ и сектантовъ духовныя требы, комитетъ находитъ, что законъ 3-го мая 1883 года не признаетъ за уставщиками, наставниками и другими лицами, исполняющими духовныя требы у раскольниковъ, духовнаго сана и званія, причемъ они считаются, въ отношеніи къ правамъ состоянія, принадлежащими къ тѣмъ сословіямъ, въ которыхъ состоятъ. Подобное положеніе въ государствѣ лицъ, руководящихъ дѣлами вѣры миллионовъ подданныхъ, едва-ли нынѣ можетъ быть признано соотвѣтствующимъ усвоенному комитетомъ относительно старообрядцевъ и сектантовъ воззрѣнію. Если въ глазахъ православной Церкви эта часть русскаго населенія и является впадкою въ заблужденіе, то государству надлежитъ считаться съ тѣмъ соображеніемъ, что эти заблуждающіеся вѣрили всѣ свои духовныя интересы особымъ, избраннымъ изъ своей среды, лицамъ и поручили имъ руководство ихъ религіозною жизнью. Если отрѣшиться отъ мысли, что старообрядчество и сектантство должны быть стѣсняемы въ проявленіяхъ ихъ вѣрованій и принять вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе, что по дѣйствующему закону послѣдователи даже нехристіанскихъ религій имѣютъ признанныхъ духовныхъ лицъ, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что за лицами, отправляющими и духовныя требы у старообрядцевъ и сектантовъ должны быть признаны извѣстныя сословныя права и во всякомъ случаѣ не меньшія, чѣмъ за магометанскимъ и ламайскимъ духовенствомъ. При этомъ комитетъ не считаетъ возможнымъ касаться вопроса о значеніи іерархіи у старообрядцевъ, признающихъ бѣлокриницкое священство, такъ какъ эта сторона дѣла, выходя изъ предѣловъ компетенціи комитета министровъ, должна быть всецѣло предоставлена усмотрѣнію Церкви.

Съ своей стороны высокопреосвященный Антоній высказалъ, что не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы старообрядческимъ и сектантскимъ требоотправителямъ были предоставлены сословныя права въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ признано необходимымъ свѣтскою властью, но съ точки зрѣнія церковной лица эти не должны бы пользоваться именованіемъ священниковъ или священнослужителей, хотя бы и съ прибавленіемъ слова „старообрядческій“, такъ какъ они не имѣютъ правильнаго рукоположенія, причемъ іерархія австрійская не признается, подобно намъ, и ни одною изъ восточныхъ православныхъ церквей; ихъ всего правильнѣе было бы назвать „наставниками“ и „настояте-

лями“, безъ различія при этомъ незаконно установленной трехчинной бюрокритической іерархіи, а равно монашескаго сана.

Не встрѣчая препятствій основать свои предположенія на этихъ указаніяхъ владыки митрополита, комитетъ находитъ, что такъ какъ дѣйствующій законъ признаетъ за лицами, отправляющими духовныя требы даже у нехристіанъ, званіе „духовныхъ лицъ“, и всѣхъ ихъ вообще именуетъ „духовенствомъ“, то вполне справедливо было бы распространить это также на старообрядческихъ и сектантскихъ требоотправителей, наименовавъ ихъ въ частности „наставниками“ и „настоятелями“. Для пріобрѣтенія сего званія, по мнѣнію комитета, необходимо, чтобы наставникъ или настоятель, по избраніи его тою или другою религіозною общиною, былъ утвержденъ въ своей должности подлежащею правительственною властью. Опредѣленіе, какой именно власти должно быть предоставлено такое утверженіе, имѣетъ установить Особое Совѣщаніе. Въ частности, комитетъ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы тѣ лица старообрядческаго или сектантскаго духовенства, которыя, по принятымъ въ ихъ религіозной средѣ понятіямъ, считаются монахами (хотя бы по каноническимъ правиламъ они и не могли быть признаны въ этомъ званіи), именовались—не полученнымъ при крещеніи, а принятымъ при постриженіи, именемъ, съ разрѣшенія той же гражданской власти. вмѣстѣ съ тѣмъ, за признаніемъ настоятелей и наставниковъ духовными лицами, комитетъ считаетъ послѣдовательными тѣхъ изъ нихъ, которые происходятъ изъ сельскихъ обывателей и мѣщанъ, исключать изъ сихъ состояній. Кроме того, какъ духовныя лица терпимаго христіанскаго исповѣданія и утвержденныя въ должностяхъ, настоятели и наставники, по мнѣнію комитета, должны быть освобождены отъ призыва на дѣйствительную военную службу. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ могли бы быть присвоены, при свидѣтельствѣ духовныхъ завѣщаній, тѣ же права, которыя нынѣ принадлежатъ всѣмъ духовнымъ лицамъ (т. X, ч. 1, ст. 1048).

Въ связи съ этимъ находится ходатайство старообрядцевъ австрійскаго согласія, чтобы въ паспортахъ, выдаваемыхъ ихъ требоотправителямъ, дѣлались отмѣтки объ исполняемыхъ ими обязанностяхъ. Указаніе духовнаго званія въ самомъ текстѣ паспорта, гдѣ обозначается принадлежность владѣльца паспорта къ тому или иному состоянію, было бы несогласно съ дѣйствующимъ закономъ, не признающимъ священнослужителями лицъ, исполняющихъ духовныя требы у раскольниковъ. Едва-ли, однако, можно встрѣтить возраженія противъ обозначенія званія ихъ въ графѣ паспорта, указывающей родъ занятій, безъ употребленія, однако, православныхъ іерархическихъ наименованій.

Что касается подробностей порядка отправленія старообрядческими и сектантскими духовными лицами требъ, то комитетъ не считаетъ

необходимымъ останавливаться на этомъ вопросѣ, какъ тѣсно связанномъ съ опредѣленіемъ понятія о томъ, что слѣдуетъ считать „публичнымъ оказательствомъ раскола“, и находить правильнымъ передать вопросъ этотъ также на разсмотрѣніе Особого Совѣщанія. Комитетъ не можетъ, однако, не принять во вниманіе, что дѣйствующимъ закономъ старообрядцамъ и сектантамъ разрѣшается свободно исправлять духовныя требы лишь въ частныхъ домахъ и въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, почему отправлять эти требы въ больницахъ и тюрьмахъ, а равно приводить къ присягѣ новобранцевъ или свидѣтелей въ судѣ, повидимому, они не могутъ. Указанныя ограниченія объяснялись опасеніемъ полною свободою отправленія духовныхъ требъ для отступившихъ отъ Церкви смутить религіозное чувство православныхъ. Съ своей стороны полагая, что неблагопріятно отразится на религіозномъ чувствѣ православныхъ можетъ собственно не самый обрядъ, напримѣръ, напутствіе умирающаго или исповѣдь и причащеніе арестанта, а лишь внѣшняя его обстановка, комитетъ признаетъ справедливымъ допустить въ принципѣ полную свободу отправленія указанныхъ духовныхъ требъ, Особому же Совѣщанію предоставить выясненіе того, въ какихъ случаяхъ старообрядческимъ духовнымъ лицамъ не слѣдуетъ давать разрѣшеніе облачаться въ священническія ризы, если таковое ограниченіе вообще признано будетъ необходимымъ.

7) *О школахъ.* Относительно права старообрядцевъ и сектантовъ открывать свои школы, комитетъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи матеріаловъ усматриваетъ, что правительство уже съ давняго времени озабочено было насажденіемъ образованія среди раскольниковъ населенія, хотя болѣе или менѣе крупныхъ мѣропріятій въ этомъ направленіи сдѣлано не было. О семъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ Высочайшихъ повелѣній, изъ которыхъ первое относится еще къ 1832 году, о школьномъ образованіи раскольниковъ дѣтей. Въ виду того, что устройство сельскихъ школъ и обученіе грамотѣ составляло преимущественно обязанность сельскаго духовенства, Высочайше утвержденными, 17-го октября 1836 года, особыми правилами ему предписывалась необходимая осторожность какъ въ обученіи раскольниковъ дѣтей, такъ и въ самомъ обращеніи съ ними, тѣми же правилами разрѣшалось, по желанію родителей, обучать дѣтей по старопечатнымъ книгамъ. Затѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ, 4-го августа 1861 года, было дозволено раскольничьимъ дѣтямъ обучаться вмѣстѣ съ православными въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ томъ-же году циркулярами министерства народнаго просвѣщенія было разъяснено, что, при поступленіи раскольниковъ дѣтей въ указанные учебныя заведенія, они освобождаются отъ представленія метрическихъ свидѣтельствъ и что посѣщеніе ими уроковъ Закона Божія для нихъ не обязательно. Въ 1864 году особый

временный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ также имѣлъ сужденіе по сему предмету и въ заключеніи своемъ, удостоившемся Высочайшаго утвержденія, призналъ возможнымъ: „разрѣшить раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ учреждать школы грамотности, въ которыхъ преподаваніе ограничивалось бы чтеніемъ, письмомъ и четырьмя правилами ариѳметики, съ тѣмъ, чтобы школы эти, какъ въ отношеніи выбора и назначенія учителей, такъ и въ отношеніи надзора за преподаваніемъ, состояли въ вѣдѣніи тѣхъ учреждений, которымъ будутъ вообще подвѣдомы народныя училища, впрочемъ безъ всякаго поощренія или поддержки со стороны правительства; равнымъ образомъ дозволить дѣтямъ раскольниковъ посѣщать общія школы и учебныя заведенія, не дѣлая для нихъ обязательнымъ обученіе Закону Божію“. Къ тому же заключенію пришла особая коммиссія, образованная въ 1875 году для выработки окончательнаго заключенія по предположеніямъ комитета 1864 г. Однако какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ указанное предположеніе не получило осуществленія, а въ видѣ опыта разрѣшено было учредить лишь двѣ старообрядческія школы—одну въ Нижегородской и одну во Владимірской губерніи. Этотъ опытъ оказался неудачнымъ, такъ какъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, познанія учениковъ этихъ двухъ училищъ—ниже уровня познаній воспитанниковъ церковно-приходскихъ и земскихъ школъ, вслѣдствіе неудачнаго подбора личнаго состава учителей.

При сужденіяхъ по сему вопросу въ средѣ комитета было замѣчено, что разсматриваемый вопросъ о разрѣшеніи старообрядцамъ и сектантамъ учреждать свои школы сводится собственно къ вопросу о томъ, какая у нихъ должна быть школа—тайная, которою завѣдываютъ полуграмотные фанатики уставщики и разныя „келейницы“ и „чернички“, или же явная, состоящая подъ надзоромъ правительственной власти и направляемая имѣющимъ необходимый образовательный цензъ учителемъ. Нежелательность допускать тайное обученіе заставляеть склоняться къ послѣднему изъ высказанныхъ положеній, но затѣмъ, конечно, необходимо обсудить подробно, какія требованія должны быть предъявлены къ старообрядческой или сектантской школѣ.

Разсмотрѣвъ настоящій вопросъ въ связи съ его исторіею и изложенными выше сужденіями, комитетъ считаетъ необходимымъ раздѣлить его на двѣ части: 1) о старообрядческихъ начальныхъ училищахъ и 2) о преподаваніи Закона Божія, какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. По первому изъ нихъ комитетъ находитъ, что число начальныхъ школъ въ настоящее время, сравнительно съ массою населенія Имперіи, далеко нельзя признать достаточнымъ, поэтому учрежденіе всякой новой школы, сверхъ учреждаемыхъ на общегосударственныя и земскія или церковныя средства, должно быть

признано безусловно полезнымъ при томъ, конечно, условіи, чтобы она удовлетворяла своему назначенію; въ то же время эта школа, способствуя просвѣщенію старообрядческаго населенія, тѣмъ самымъ послужитъ орудіемъ борьбы съ религіозными заблужденіями. Условіями, при которыхъ указанныя начальныя учебныя заведенія могутъ быть поставлены на надлежащую высоту, по мнѣнію комитета, должны быть слѣдующія: 1) подчиненіе ихъ на общемъ основаніи министерству народнаго просвѣщенія и преподаваніе въ нихъ предметовъ обученія по общепринятой для сего типа школъ программѣ; 2) избраніе въ нихъ учителей, хотя и самими старообрядцами и сектантами, но непременно изъ лицъ съ принятымъ для начальныхъ училищъ образовательнымъ цензомъ и съ утвержденіемъ ихъ подлежащимъ учебнымъ начальствомъ. Затѣмъ, содержимы должны быть эти школы на средства самихъ старообрядцевъ и сектантовъ. Цѣлесообразность первыхъ двухъ условій сама по себѣ очевидна, третье же условіе, по мнѣнію комитета, слѣдуетъ признать справедливымъ потому, что на общегосударственные или земскія средства могутъ содержаться только тѣ изъ начальныхъ школъ, которыя учреждаются по принятому правительственными и земскими учрежденіями общему плану школьной сѣти, если же та или другая часть населенія желаетъ имѣть для себя особья школы сверхъ этой сѣти, то она, естественно, и должна оплачивать ихъ содержаніе. вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе необходимость оградить отъ вліянія этихъ школъ православное населеніе, комитетъ признаетъ возможнымъ допустить учрежденіе сего рода школъ лишь въ мѣстностяхъ съ значительнымъ старообрядческимъ или сектантскимъ населеніемъ.

Перейдя къ сужденіямъ о преподаваніи Закона Божія дѣтямъ сектантовъ и старообрядцевъ въ общихъ начальныхъ школахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и усматривая отчасти руководяція указанія въ предшествующей правительственной практикѣ, въ отношеніи иновѣрныхъ и ипославныхъ исповѣданій, комитетъ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы названныя дѣти учились Закону Божию по вѣроисповѣданію своихъ родителей и по принятымъ у нихъ книгамъ, а равно старинному церковному пѣнію „по крюкамъ“. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаваніе Закона Божія будетъ возложено на особаго законоучителя, этотъ послѣдній, по мнѣнію комитета, можетъ быть допущенъ къ преподаванію только при наличности образовательнаго ценза, не ниже установленнаго для учителей народныхъ училищъ. Такіе законоучители могли бы быть допущены къ преподаванію Закона Божія дѣтямъ сектантовъ и старообрядцевъ также въ общія учебныя заведенія, по желанію родителей учениковъ, и отъ нихъ получали бы за свой трудъ вознагражденіе. Въ заключеніе комитетъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что поступленіе дѣтей старообрядцевъ и сектантовъ

въ общія учебныя заведенія должно быть, попрежнему, безпрепятственнымъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ слушанія Закона Божія у православныхъ священниковъ и отъ посѣщенія православныхъ церковныхъ службъ, развѣ бы они сами выразили къ тому желаніе.

8) *О надзорѣ за старообрядческими печатными изданіями.* Обсуждая далѣе вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли распространить на старообрядческія изданія общія правила о надзорѣ за печатью, комитетъ принялъ во вниманіе, что статьею 50 уст. пред. и прес. прест. запрещается печатать и продавать раскольническія богослужебныя книги, но дозволяется пріобрѣтать и продавать печатаемыя въ учрежденной особой типографіи въ Москвѣ богослужебныя книги, сходныя со старопечатными. Правилкомъ этимъ, въ сущности, не ограничивается распространеніе старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ, а лишь монополизуется ихъ печатаніе; кромѣ того, такое чисто формальное стѣсненіе не достигаетъ своей цѣли, ибо книги все же печатаются въ тайныхъ типографіяхъ.

Предпочитая посему распространить на изданіе старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ, а равно на ввозъ ихъ изъ-за границы общія правила о печати, комитетъ заключилъ: внесеніе представленія въ государственный совѣтъ объ отмѣнѣ противорѣчащихъ сему законоположеній предоставить министру внутреннихъ дѣлъ.

9) *О правахъ старообрядцевъ и сектантовъ по службѣ государственной и общественной.* По вопросу о правахъ старообрядцевъ и сектантовъ на вступленіе въ службу государственную и общественную, комитетъ находитъ, что дѣйствующій законъ въ отношеніи государственной службы не устанавливаетъ для указанныхъ лицъ никакихъ стѣсненій, о службѣ же общественной имѣется единственное постановленіе (ст. 184 общ. пол. крест. и ст. 60 уст. пред. и прес. прест.), въ силу котораго, въ томъ случаѣ, когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утверждень будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ. Приведенное ограниченіе, по мнѣнію комитета, представляется для старообрядцевъ и сектантовъ безразличнымъ и, какъ имѣющее цѣлью охранить интересы православныхъ въ волостяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, должно быть признано вполне справедливымъ и подлежащимъ сохраненію въ законѣ. Но въ силу административныхъ распоряженій, нѣкоторыя ограниченія на практикѣ въ этомъ отношеніи существуютъ. Такъ, опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода 24-го и 27-го іюля 1902 года разъяснено, что молокане могутъ быть принимаемы на государственную службу только въ случаяхъ крайней необходимости, по надлежащемъ ихъ испытаніи въ религіозной и политической благонадежности и не иначе, какъ съ особаго на каждый разъ Высочайшаго

соизволенія. Далѣе, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, разрѣшено представлять къ награжденію медалями нижнихъ чиновъ кавказской полицейской стражи изъ молоканъ, духоборовъ и послѣдователей прочихъ сектъ, признаваемыхъ особенно вредными, — лишь въ исключительныхъ случаяхъ, за оказанные ими на службѣ выдающіеся подвиги мужества и храбрости. Наконецъ, военнымъ министерствомъ примѣняются Высочайше утвержденныя 31-го марта 1898 г. особыя правила, коими разрѣшается поступленіе въ юнкерскія и военныя училища, а также производство въ офицерскіе чины съ нѣкоторыми ограниченіями лишь раскольниковъ, которые не принадлежатъ къ болѣе вреднымъ сектамъ. Подобное же ограниченіе установлено военнымъ министерствомъ для производства нижнихъ чиновъ въ унтеръ-офицеры.

Принимая во вниманіе, что приведенныя распоряженія не соотвѣтствуютъ вновь устанавливаемому взгляду, согласно коему принадлежность къ сектамъ, за исключеніемъ изувѣрныхъ, не должна влечь какихъ-либо невыгодныхъ послѣдствій для принадлежащихъ къ этимъ сектамъ лицъ, пока не послѣдуетъ съ ихъ стороны проявленія противозаконныхъ дѣйствій, комитетъ находитъ распоряженія эти неподлежащими дальнѣйшему примѣненію, а потому полагаетъ: I. Нынѣ же повергнуть на Высочайшее благовозрѣніе ходатайство объ отмѣнѣ: 1) Высочайшаго повелѣнія 31-го марта 1898 г. о поступленіи раскольниковъ въ юнкерскія и военныя училища и о производствѣ ихъ въ офицерскіе чины и 2) содержащихся въ Высочайше утвержденномъ, 13-го марта 1903 г., положеніи комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ ограничительныхъ указаній о награжденіи медалями за храбрость нижнихъ чиновъ изъ молоканъ, духоборовъ и послѣдователей другихъ сектъ; и II. Поручить министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями принять мѣры къ отмѣнѣ всякаго рода административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права на поступленіе старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную.

10) *О смѣшанныхъ бракахъ съ православными.* Останавливаясь засимъ на сужденіяхъ о смѣшанныхъ бракахъ старообрядцевъ и сектантовъ съ православными, комитетъ находитъ, что статью 33 т. X, ч. I, св. зак., бракъ православныхъ съ раскольниками допускается не иначе, какъ по принятіи сими послѣдними православія. Приведенное правило на практикѣ нерѣдко вызываетъ лишь притворное воссоединеніе съ православною церковью и, во всякомъ случаѣ, побуждающимъ мотивомъ для принятія истинной вѣры являются не искреннее религиозное убѣжденіе, а другія чувства. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что указанный законъ противорѣчитъ духу указа 12-го декабря

1904 г., комитетъ полагаетъ: ст. 33 отмѣнить, а въ отношеніи заключенія смѣшанныхъ браковъ съ православными уравнять старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ съ лицами инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, и внесеніе соотвѣтственнаго о семъ представленія на уваженіе государственнаго совѣта возложить на министра внутреннихъ дѣлъ.

11) *О порядкѣ введенія метрическихъ книгъ.* По вопросу о порядкѣ введенія метрическихъ записей старообрядцевъ и сектантовъ, комитетъ усматриваетъ, что законодательныя по сему предмету правила изданы 19-го апрѣля 1874 г. До того времени, хотя раскольники и не преслѣдовались за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но совершаемыя ихъ духовными лицами бракосочетанія почитались недѣйствительными, почему такія супружества, если не были освящены вѣнчаніемъ въ православной или единовѣрческой церкви, признавались незаконными, и дѣти, родившіяся отъ сихъ браковъ, не получали никакихъ правъ ни по происхожденію, ни по имуществу. Подобное правовое положеніе значительнаго числа русскихъ подданныхъ, не удовлетворяющее нравственнымъ требованіямъ и дающее благодарную почву для беззаконія и произвола, признано было ненормальнымъ, и для измѣненія его былъ изданъ указанный выше законъ; закономъ этимъ были введены особыя книги для записи случаевъ, какъ рожденія и смерти раскольниковъ, такъ и браковъ между ними, безъ прямого признанія законности духовныхъ обрядовъ, совершаемыхъ раскольниками, но съ тѣмъ, что супружескіе союзы, опредѣленнымъ порядкомъ записанные въ эти книги, пріобрѣтаютъ силу законныхъ браковъ, а происходяція отъ нихъ дѣти получаютъ права законнорожденныхъ. Веденіе этихъ книгъ по особымъ правиламъ было возложено на полицію, причемъ предварительную запись разрѣшено было производить въ волостныхъ правленіяхъ. Однако, на первыхъ же порахъ примѣненіе сего закона встрѣтило весьма серьезныя затрудненія, которыя не устранены и до настоящаго времени. Православные, отпавшіе въ расколъ сами, а не рожденные въ расколъ, не признавались доселѣ раскольниками, поэтому и не могли пользоваться указанными правами, притомъ же и для рожденныхъ въ расколъ бываетъ часто невозможно доказать это послѣднее обстоятельство. Кромѣ того, полиція, по ихъ понятію, не должна бы вѣдать такимъ священнымъ дѣломъ, какъ регистрація религіозныхъ обрядовъ и таинствъ. Наконецъ, самый процессъ записей во многихъ случаяхъ мало доступенъ для нихъ, такъ какъ сопряженъ съ выѣздами заинтересованныхъ лицъ совмѣстно со свидѣтелями иногда на весьма значительныя разстоянія. Въ результатъ, по сдѣланному министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приблизительному подсчету, по десяти губерніямъ и областямъ за пятилѣтіе съ 1899 по 1903 гг. оказалось, что изъ 29,431 заклю-

ченныхъ въ дѣйствительности браковъ внесено въ метрическія книги только 1,840, изъ 131,730 рожденій — 1,340 и изъ 91,634 смертей—552.

Изложенныя данныя приводятъ комитетъ къ убѣжденію, что существующій порядокъ веденія метрическихъ книгъ старообрядцевъ и сектантовъ слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ и подлежащимъ измѣненію, какъ на то указывалъ государственный совѣтъ еще въ 1883 году, поручивъ министру внутреннихъ дѣлъ сообразить, не окажется-ли болѣе удобнымъ перенести лежащія на полиціи обязанности по веденію сихъ книгъ на другія правительственныя установленія (Отд. IV мнѣнія — по журналу общ. собр. гос. сов. 12-го апрѣля 1883 года). Наиболѣе цѣлесообразнымъ въ настоящее время, по мнѣнію комитета, было бы установить такой порядокъ, о какомъ неоднократно ходатайствовали и сами старообрядцы, и сектанты, а именно, поручить веденіе ихъ метрическихъ книгъ не полиціи, а настоятелямъ и наставникамъ, утвержденнымъ подлежащею властью въ званіи духовныхъ лицъ. Предполагаемый порядокъ, безъ сомнѣнія, устранить всѣ перечисленныя выше неудобства и дать нормальное правовое положеніе нашему старообрядческому и сектантскому населенію.

12) *Объ отводѣ мѣстъ подъ особыя кладбища.* Обсудивъ засимъ вопросъ объ отводѣ старообрядцамъ и сектантамъ особыхъ мѣстъ подъ кладбища, отдѣльно отъ православныхъ, и не усматривая въ дѣйствующемъ законѣ прямыхъ по сему предмету ограниченій, комитетъ полагаетъ: поручить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ измѣненіи редакціи ст. 49 уст. пред. и прес. прест., устанавливающей, что для погребенія умершихъ раскольниковъ отводятся отдѣльныя мѣста при общихъ кладбищахъ, въ такомъ смыслѣ, чтобы не оставалось сомнѣнія въ возможности для старообрядцевъ и сектантовъ получать также разрѣшеніе имѣть особыя кладбища.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ выше соображеній, Комитетъ, въ видахъ выполненія выраженной въ п. 6 Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Высочайшей воли объ охраненіи терпимости въ дѣлахъ вѣры, полагаетъ постановить:

I. По общимъ началамъ вѣротерпимости.

1) Признать, что отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій, причемъ отпавшее по

достиженіи совершеннѣтїа отъ православїа лицо признается принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало.

2) Признать, что при переходѣ одного изъ исповѣдающихъ ту же самую христіанскую вѣру супруговъ въ другое вѣроисповѣданіе, всѣ не достигшія совершеннѣтїа дѣти остаются въ прежней вѣрѣ, исповѣдуемой другимъ супругомъ, а при такомъ же переходѣ обоихъ супруговъ дѣти ихъ до 14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, достигшія же сего возраста остаются въ прежней своей религіи.

3) Установить, въ дополненіе къ симъ правиламъ (п. п. 1 и 2), что лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающія ту нехристіанскую вѣру, къ которой до присоединенія къ православію принадлежали сами они или ихъ предки, подлежатъ, по желанію ихъ, исключенію изъ числа православныхъ.

4) Разрѣшить христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій принимаемыхъ ими на воспитаніе некрещеныхъ подкидышей и дѣтей неизвѣстныхъ родителей крестить по обрядамъ своей вѣры.

II. По старообрядчеству и сектантству.

1) Установить въ законѣ различіе между вѣроученіями, объемлемыми нынѣ наименованіемъ—расколъ, раздѣливъ ихъ на три группы: а) старообрядческія согласія, б) сектантство и в) послѣдователей изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ.

2) Признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій и опредѣляющія положеніе раскола въ гражданскомъ отношеніи, объемлютъ послѣдователей, какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ; учиненіе же изъ религіозныхъ побужденій нарушенія законовъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ установленной закономъ отвѣтственности.

3) Присвоить наименованіе старообрядцевъ, взамѣнъ нынѣ употребляемаго названія раскольниковъ, всѣмъ послѣдователямъ толковъ и согласій, которые пріемлютъ основные догматы Церкви православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отпращиваютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ.

4) Присвоивъ религіознымъ обществамъ старообрядцевъ и сектан-

товъ наименованіе „общинъ“, признать за ними въ законѣ право на владѣніе движимыми и недвижимыми имуществами на имѣющихъ быть особо установленными для сего основаніяхъ, а равно распространить право это на учреждаемыя старообрядцами и сектантами богоугодныя заведенія, на основаніи уставовъ ихъ, надлежащимъ образомъ утверждаемыхъ.

5) Признать, что сооруженіе молитвенныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ домовъ, точно такъ же, какъ разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе, должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ или будутъ постановлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій.

6) Разрѣшить старообрядцамъ и сектантамъ устройство скитовъ и обителей, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы предположенія объ отклоненіи ходатайствъ по сему предмету вносились каждый разъ на уваженіе комитета министровъ.

7) Присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ и сектантовъ для отправленія духовныхъ требъ, наименованіе „настоятелей и наставниковъ“, причемъ лица эти, по утвержденіи ихъ въ должностяхъ надлежащею правительственною властью, подлежатъ исключенію изъ мѣщанъ или сельскихъ обывателей, если они къ этимъ состояніямъ принадлежали, и освобожденію отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именованію, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятымъ при постригѣ именованіемъ, а равно допустить обозначеніе въ выдаваемыхъ имъ паспортахъ, въ графѣ, указывающей родъ занятій, принадлежащаго имъ среди этого духовенства положенія, безъ употребленія, однако, православныхъ іерархическихъ наименованій.

8) Разрѣшить тѣмъ же духовнымъ лицамъ свободное отправленіе требъ, какъ въ частныхъ и молитвенныхъ домахъ, такъ и въ иныхъ потребныхъ случаяхъ, съ воспрещеніемъ лишь надѣвать священнослужительское облаченіе, когда сіе будетъ возбранено закономъ.

9) Разрѣшить устройство старообрядцами и сектантами начальныхъ школъ и преподаваніе дѣтямъ ихъ Закона Божія на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

10) Отмѣнить дѣйствующія по отношенію печатанія и ввоза въ Имперію старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ особыя постановленія.

11) Уравнять въ правахъ старообрядцевъ и сектантовъ съ лицами инославныхъ исповѣданій въ отношеніи заключенія ими съ православными смѣшанныхъ браковъ.

12) Возложить веденіе метрическихъ книгъ для записей рожденій, браковъ и смерти старообрядцевъ и сектантовъ на ихъ духовныхъ лицъ, подъ наблюденіемъ подлежащихъ правительственныхъ или общественныхъ учреждений, по особымъ правиламъ.

13) Разрѣшить старообрядцамъ и сектантамъ для погребенія умершихъ имѣть особая кладбища.

III. Испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе:

А) На распечатаніе всѣхъ молитвенныхъ домовъ, закрытыхъ какъ въ административномъ порядкѣ, такъ и по опредѣленію судебныхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ молельнъ, закрытіе коихъ вызвано собственно неисполненіемъ требованій устава строительнаго.

Б) На отпѣну:

а) Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ о воспрещеніи послѣдователямъ секты штундистовъ молитвенныхъ собраній;

б) Высочайшаго повелѣнія о поступленіи раскольниковъ въ юнкерскія и военныя училища и о производствѣ ихъ въ офицерскіе чины, и в) ограничительныхъ указаній, содержащихся въ Высочайше утвержденномъ положеніи комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ касательно награжденія медалями за храбрость нижнихъ чиновъ изъ молоканъ, духоборовъ и послѣдователей и другихъ сектъ.

IV. Поручить разработать и безотлагательно внести на уваженіе государственнаго совѣта, безъ требуемыхъ ст. 45 учр. гос. сов. сношеній съ вѣдомствами, предположенія по нижеслѣдующимъ предметамъ:

1) Управляющему Министерствомъ Юстиціи: о согласованіи статей 36—39, 56 и 57 уст. пред. и прес. прест., ст. 1006 уст. угол. суд., ст. 298 и пп. 6 и 8 ст. 725 общ. учр. губ. и ст.ст. 807 и 808 уст. иностр. исп. съ изложенными выше (разд. I настоящаго положенія) правилами, а равно о порядкѣ измѣненія актовъ состоянія

лицъ, переходящихъ въ другое вѣроисповѣданіе, и регистраціи таковыхъ переходовъ.

2) Министру Народнаго Просвѣщенія: на указанныхъ въ п. 9 разд. II настоящаго положенія основаніяхъ проектъ закона о старообрядческихъ и сектантскихъ начальныхъ школахъ и о преподаваніи дѣтямъ старообрядцевъ и сектантовъ правилъ ихъ вѣры.

3) Министру Внутреннихъ Дѣлъ:

а) о распространеніи на изданіе старообрядческихъ и сектантскихъ богослужебныхъ книгъ и на ввозъ ихъ изъ-за границы общихъ правилъ о печати и объ отмѣнѣ противорѣчащихъ пункту 10 разд. II настоящаго положенія узаконеній;

б) о согласованіи дѣйствующихъ законоположеній о метрическихъ записяхъ раскольниковъ съ изложенными въ пп. 1—3 и 12 разд. II настоящаго положенія началами;

в) объ отмѣнѣ ст. 47 уст. прес. прест. и о разрѣшеніи старообрядцамъ и сектантамъ устранивать скиты и обители на указанныхъ въ п. 6 разд. II настоящаго положенія основаніяхъ;

г) объ отмѣнѣ ст. 33 т. X, ч. I, зак. гражд. на указанныхъ въ п. 11 разд. II настоящаго положенія основаніяхъ;

д) объ измѣненіи редакціи ст. 49 уст. пред. и прест. для согласованія ея съ п. 13 разд. II настоящаго положенія.

V. Предоставить министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями принять мѣры къ отмѣнѣ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную.

VI. Поручить управляющему министерствомъ юстиціи:

1) Пересмотрѣвъ, въ видахъ согласованія съ изложенными въ настоящемъ положеніи руководящими указаніями, подлежащія постановленія уголовного законодательства и обсудивъ вопросъ о приведеніи въ дѣйствіе гл. II уголовн. уложенія ранѣе введенія его въ полномъ объемѣ, безотлагательно внести по симъ предметамъ представленія въ государственный совѣтъ безъ предварительнаго сношенія съ другими вѣдомствами.

2) Озаботиться своевременно принятіемъ мѣръ къ облегченію участи тѣхъ изъ осужденныхъ, для которыхъ, въ виду переменъ въ уголов-

ныхъ о посягательствахъ на вѣру законахъ, наложенное на нихъ наказаніе можетъ быть смягчено или совсѣмъ отмѣнено и къ прекращенію находящихся въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ о дѣяніяхъ, признаваемыхъ впредь не преступными.

VII. Приведеніе въ дѣйствіе, по утвержденіи Его Императорскимъ Величествомъ, окончательно разрѣшаемыхъ настоящимъ положеніемъ комитета министровъ мѣръ возложить по принадлежности на министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго.

VIII. Для подробной разработки и направленія затѣмъ въ законодательномъ порядкѣ прочихъ, кромѣ указанныхъ въ разд. IV и VI сего положенія, предположенныхъ комитетомъ министровъ измѣненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ, касающихся вѣротерпимости, а также для обсужденія другихъ, вытекающихъ изъ п. 6-го Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года вопросовъ—учредить особое внѣвѣдомственное совѣщаніе. Совѣщаніе сіе образовать подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго довѣріемъ Его Императорскаго Величества, въ составъ членовъ по Высочайшему назначенію и представителей вѣдомствъ, съ предоставленіемъ предсѣдателю права приглашать къ участію въ сужденіяхъ совѣщанія лицъ, которыя могутъ содѣйствовать своими знаніями и опытностью успѣшному ходу дѣла, а равно представителей подлежащихъ исповѣданій и религіозныхъ общинъ.

Извлеченіе изъ особаго журнала Комитета Министровъ

22 февраля и 1 марта 1905 г.,

- порядкѣ выполненія пункта шестого Именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. по вопросамъ, касающимся инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій.

I.

Инославныя исповѣданія.

Приступивъ къ обсужденію подлежащихъ устраненію изъ религіознаго быта христіанъ инославныхъ исповѣданій излишнихъ стѣсненій, въ отвѣчающихъ началамъ указа 12 декабря 1904 г., комитетъ на-

ходить, что предшествующими сужденіями его по выполненію п. 6-го сего указа намѣчены уже тѣ пути, которыми имѣютъ быть разрѣшены вопросы, возникающіе по настоящему предмету. Изъ поступавшихъ на имя предсѣдателя комитета министровъ особыхъ записокъ представителей инославныхъ исповѣданій, точно такъ же, какъ изъ подробныхъ соображеній, составленныхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій), выясняются потребности инославныхъ церквей, удовлетвореніе коихъ представляется особенно настоятельнымъ. Руководящія указанія по разрѣшенію такихъ ходатайствъ должны быть теперь же преподаны комитетомъ, а послѣдующая подробная разработка вытекающихъ отсюда мѣропріятій составитъ задачи проектированнаго комитетомъ для пересмотра законоположеній, касающихся вѣротерпимости, Особаго Совѣщанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что разрѣшеніе комитетомъ упомянутыхъ вопросовъ отнюдь не можетъ считаться охватывающимъ всѣ стороны сего сложнаго дѣла, требующаго предварительно собранія многихъ матеріаловъ, но оно должно опредѣлить общее направленіе и характеръ работы Особаго Совѣщанія, коему предположено поручить это дѣло. Совѣщаніе, по мнѣнію комитета, при выполненіи возложенной на него задачи, не должно ограничивать свою дѣятельность проведеніемъ въ законъ намѣченныхъ комитетомъ улучшеній, но обязано проектировать мѣры къ возможному удовлетворенію и другихъ насущныхъ потребностей религіозной свободы, которыя изъ хода занятій совѣщанія выяснятся.

При обсужденіи вопроса объ инославныхъ исповѣданіяхъ особенное значеніе получаютъ предположенія комитета министровъ, удостоившіяся уже Высочайшаго утвержденія, *о немедленной отмятій распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣры и не основанныхъ на законѣ*. Значительное развитіе у насъ въ этой области постановленій, изданныхъ административнымъ порядкомъ, объясняется, наряду съ неполнотою самаго закона,—причинами политическаго характера: причины эти, пріобрѣтая выдающееся значеніе на нашихъ окраинахъ, проявляли, по условіямъ, исторически сложившимся, съ особою силою дѣйствіе свое въ отношеніи римско-католическаго духовенства. За послѣдовавшимъ утвержденіемъ Его Императорскимъ Величествомъ предположеній по сему предмету комитета, въ положеніи римско-католическаго духовенства должны уже произойти существенныя измѣненія.

При этомъ комитетъ считаетъ необходимымъ лишь особо остановиться, въ виду значенія этого вопроса, на *системѣ налагаемыхъ въ*

административномъ порядкѣ на римско-католическое духовенство въ Сѣверо-Западномъ краѣ и губерніяхъ Царства Польскаго взысканій. По отношенію къ этому духовенству цѣлый рядъ взысканій, какъ-то: переводъ на низшую должность, наложеніе денежныхъ штрафовъ, лишеніе должности, заключеніе въ монастыри,—опредѣляются правилами, установленными правительствомъ отдѣльно для Сѣверо- и Юго-Западнаго края и губерній Царства Польскаго, въ порядкѣ мѣстнаго и высшаго управленія. О сравнительной многочисленности случаевъ наложенія административною властью взысканій на римско-католическое духовенство въ Сѣверо-Западномъ краѣ свидѣтельствуемъ всеподданнѣйшій за послѣдніе годы отчетъ бывшаго виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора.

Дальнѣйшее сохраненіе подобнаго порядка наложенія административныхъ взысканій не должно бы быть допущено.

Комитетъ усматриваетъ, что въ соотвѣтствіи съ общимъ порядкомъ, имъ установленнымъ, министру внутреннихъ дѣлъ надлежать будетъ принять мѣры къ отмѣнѣ, въ числѣ прочихъ, также и всѣхъ указаннаго рода постановленій, съ тѣмъ, чтобы, если встрѣтится надобность въ сохраненіи установленныхъ ранѣе взысканій или во введеніи таковыхъ вновь, имъ были внесены о семъ представленія въ государственннй совѣтъ.

Затѣмъ вниманіе комитета остановили на себѣ указанія министерства внутреннихъ дѣлъ на возникшія между римско-католическимъ духовнымъ начальствомъ и свѣтскою администраціею въ Привислянскомъ краѣ несогласія по поводу *отдѣльныхъ распоряженій о надзорѣ за преподаваніемъ въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ*, имѣющія послѣдствіемъ своимъ недопущеніе довольно значительной группы лицъ, окончившихъ курсъ въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ и посвященныхъ въ духовный санъ, къ замѣщенію должностей въ католическихъ приходяхъ.

Въ видахъ возможно успѣшнаго обезпеченія правильнаго преподаванія русскихъ предметовъ въ семинаріяхъ и улучшенія обострившихся нынѣ отношеній между свѣтскою властью и епископами, равно какъ и для устраненія практическихъ неудобствъ, вытекающихъ изъ наличности значительнаго числа вакантныхъ приходоу, комитетъ находитъ наиболѣе правильнымъ отмѣнить вышеприведенное требованіе § 1 инструкции 1900 г., несогласующееся съ Высочайше признанными, по соглашенію съ куріею, полномочіями епископовъ, какъ духовныхъ зачальниковъ семинарій,—каковымъ на опредѣленныхъ началахъ устанавливалось участіе свѣтскихъ представителей учебнаго вѣдомства въ наблюденіи за преподаваніемъ въ семинаріяхъ. Взамѣнъ указаннаго требованія подлежалъ бы возстановленію такой порядокъ про-

изводства экзаменовъ въ семинаріяхъ, при которомъ присутствующіе здѣсь представители учебнаго вѣдомства не принимали бы непосредственнаго участія въ производствѣ письменныхъ испытаній, а ограничивались бы наблюденіемъ за испытаніями и представленіемъ своихъ замѣчаній попечителю учебнаго округа. Въ частности же, по вопросу о назначеніи темъ для испытаній по русскимъ предметамъ, комитетъ считалъ бы возможнымъ принципиально одобрить предположенія по сему предмету министра внутреннихъ дѣлъ, согласно которымъ объявленія темъ должны производиться епископомъ, путемъ вынужтія, въ присутствіи представителя гражданской власти и выпускныхъ воспитанниковъ, одного изъ закрытыхъ билетовъ съ обозначеніемъ на немъ части пройденнаго курса русской словесности.

Одновременно комитетъ находитъ вполнѣ цѣлесоотвѣтственнымъ отмѣнить и тѣ поаднѣйшія мѣропріятія, которыя были вызваны неисполненіемъ порядка экзаменовъ, введеннаго названною инструкціею. Въ сихъ видахъ комитетъ признаетъ соотвѣтственнымъ нынѣ же повергнуть на Высочайшее благовозрѣніе ходатайство объ отмѣнѣ Высочайшаго повелѣнія 17 января 1902 г. о внѣсеминарскихъ экзаменахъ, дальнѣйшее примѣненіе коего уже не потребуетъ и о дарованіи духовнымъ лицамъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ губерніяхъ Царства Польскаго, которыя прошли полный курсъ мѣстныхъ семинарій, рукоположены въ священнической санъ, но не держали вышеуказанныхъ повѣрочныхъ экзаменовъ, права занимать духовныя должности въ римско-католическихъ епархіяхъ.

Комитетъ считаетъ при этомъ возможнымъ высказать увѣренность, что такая постановка дѣла не послужитъ препятствіемъ къ дальнѣйшему улучшенію преподаванія русскихъ предметовъ въ семинаріяхъ.

Далѣе комитетъ остановился на сужденіяхъ о *порядкѣ сооруженія церквей и молитвенныхъ домовъ*. Дѣйствующія въ этомъ отношеніи правила выражаются въ томъ основномъ требованіи, чтобы разрѣшеніе каждой отдѣльной постройки зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстной губернской администраціи, обязанной отдѣльно по каждому случаю сноситься съ мѣстнымъ православнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Установленіе подобнаго рода требованій объяснялось значительнымъ распространеніемъ того или другого инославнаго исповѣданія въ такихъ именно раіонахъ Имперіи, въ которыхъ соображенія религіозно-политическаго характера вызвали въ свое время надобность въ оказаніи защиты православной религіи. Подобныя ограниченія приводятъ, однако, къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, въ виду того распространительнаго толкованія, которое имъ придается представителями мѣстной администраціи, и въ особенности вслѣдствіе весьма частыхъ случаевъ отрицательнаго отношенія въ осуществленію проектированныхъ

построекъ. Комитетъ считаетъ необходимымъ отмѣнить существующія нынѣ ограниченія для постройки молитвенныхъ домовъ инославныхъ исповѣданій, устранивъ недопустимое въ семъ случаѣ усмотрѣніе со стороны администраціи, и точно опредѣлить въ законѣ тѣ условія, при соблюденіи которыхъ постройка молитвенныхъ домовъ не могла бы быть запрещена. Такими условіями, въ видѣ общаго правила, по мнѣнію комитета, должны быть признаваемы — согласіе подлежащаго духовнаго начальства инославнаго исповѣданія, наличность необходимыхъ на постройку и содержаніе церкви денежныхъ средствъ и соблюденіе установленныхъ строительнымъ уставомъ техническихъ требованій.

Комитетъ признаетъ правильнымъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о пересмотрѣ, на изложенныхъ основаніяхъ, узаконеній, относящихся до оруженія храмовъ и молитвенныхъ домовъ инославныхъ исповѣданій.

Независимо отъ вопроса о правѣ сооруженія церквей, для римско-католическаго исповѣданія имѣетъ существенное значеніе вопросъ болѣе частнаго свойства — объ установленномъ ст. 187 и прим. къ ней уст. дух. дѣлъ ин. испов. *закрытіи въ губерніяхъ Царства Польскаго римско-католическихъ монастырей*, въ случаѣ, если число живущихъ въ нихъ монашествующихъ, вслѣдствіе постепенной убыли, достигнетъ семи человекъ. При послѣднемъ условіи закрытіе для нештатныхъ монастырей является обязательнымъ, а для штатныхъ оно можетъ состояться по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, причемъ причиною закрытія штатныхъ монастырей, согласно прим. къ ст. 187, является и признаваемая тѣми же должностными лицами необходимость обращенія той или иной обители въ какое-либо общепольное учрежденіе.

Находя, что въ виду малочисленности оставшихся нынѣ въ Царствѣ Польскомъ римско-католическихъ монастырей (5 мужскихъ и 8 женскихъ) и при утратѣ ими принадлежавшаго монастырямъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія значенія центровъ политической пропаганды, обители эти едва-ли могутъ оказывать на мѣстное населеніе нежелательное съ государственной точки зрѣнія воздѣйствіе, комитетъ полагаетъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ озаботиться внесеніемъ въ государственный совѣтъ представленія объ отмѣнѣ упомянутой статьи 187 уст. дух. дѣлъ ин. испов. и примѣчанія къ ней. Дѣйствующимъ закономъ приемъ новиціевъ въ нештатные римско-католическіе монастыри Царства Польскаго безусловно воспрещенъ, по отношенію же къ штатнымъ монастырямъ таковой допускается лишь при условіи совершеннаго упраздненія всѣхъ нештатныхъ обителей соответственнаго ордена, комитетъ нынѣ находитъ подлежащимъ пересмотру вопросъ о допущеніи пріема новиціевъ Царства Польскаго и полагаетъ

обсужденіе сего вопроса поручить особому совѣщанію для представленія затѣмъ предположеній своихъ на уваженіе государственнаго совѣта.

Переходя засимъ къ обсужденію вопроса о возможности разрѣшенія духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ инославныхъ исповѣданій *свободно основывать братства*, комитетъ прежде всего обратилъ вниманіе на неполноту дѣйствующаго законодательства по вопросу о возникновеніи таковыхъ учрежденій. Для образованія православныхъ и церковныхъ братствъ были еще въ 1864 году установлены особыя правила; относительно же открытія братствъ и общинъ лицами инославныхъ исповѣданій можно было бы руководствоваться лишь смысломъ статьи 118 уст. пред. и прес. прест., приводящей признаки обществъ противозаконныхъ и поэтому запрещаемыхъ, подъ каковые признаки, несмотря на неопредѣленность изложенія означенной 118 статьи, духовныя братства едва-ли могутъ быть подведены. Комитетъ признаетъ, что немедленное разрѣшеніе вопроса о братствахъ представлялось бы затруднительнымъ при отсутствіи въ распоряженіи комитета матеріаловъ, потребныхъ для обсужденія этого вопроса; точно также требуютъ предварительнаго обсужденія и нѣкоторыя привходящія обстоятельства, такъ, напримѣръ, необходимость выяснить отношеніе правительства къ членамъ иностранныхъ братствъ и конгрегацій, которыя могли бы обнаружить стремленіе къ перенесенію своей дѣятельности въ предѣлы Россіи. Въ виду сего комитетъ считаетъ необходимымъ поручить разработку предположеній о допущеніи образованія братствъ лицамъ инославныхъ исповѣданій, въ связи съ соотвѣтственнымъ пересмотромъ ст. 118 уст. пред. и прес. прест., проектированному имъ Особому Совѣщанію.

Далѣе, комитетъ обратился къ обсужденію весьма тѣсно соприкасающагося съ основными началами вѣротерпимости *вопроса о языкѣ преподаванія Закона Божія лицамъ инославныхъ вѣроисповѣданій* въ учебныхъ заведеніяхъ различнаго рода.

Въ этомъ отношеніи комитетъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что взглядъ правительства по разсматриваемому вопросу былъ уже ясно выраженъ въ самое послѣднее время по поводу обсужденія порядка преподаванія Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерній: Люблинской, Сѣдлецкой и Сувалкской, населенныхъ, наряду съ поляками, также и бывшими уніатами. Въ губерніяхъ Царства Польскаго проводилось различіе между учебными заведеніями, предназначенными для русской, польской и другихъ народностей. Въ русскихъ гимназіяхъ преподаваніе вообще должно было происходить на русскомъ языкѣ, въ виду чего и преподаваніе обучавшихся въ этихъ заведеніяхъ католиковъ Закону Божію производилось также на рус-

скомъ языкѣ. Подобное положеніе дѣла оставалось безъ измѣненія въ этихъ гимназіяхъ, несмотря на послѣдующія перемѣны въ учебной системѣ, выразившіяся въ упраздненіи въ 1869 г. дѣленія учебныхъ заведеній по народностямъ и въ распространеніи на Привислянскія губерніи общаго устава гимназій 1871 года. Между тѣмъ, неудобства, связанныя съ такою системою преподаванія, неоднократно обращали на себя вниманіе высшей мѣстной администраціи. Такъ состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ предписывалось преподаваніе католикамъ Закона Божія вести на польскомъ языкѣ, но съ тѣмъ, чтобы эта мѣра не была распространена на гимназіи и прогимназіи края, учрежденныя собственно для русскаго, бывшаго униатскаго, нынѣ православнаго, населенія; при этомъ указаніе тѣхъ именно учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе Закона Божія должно происходить на русскомъ языкѣ, предоставлено было соглашенію между варшавскимъ генераль-губернаторомъ и попечителемъ варшавскаго учебнаго округа.

Въ основѣ такового Высочайшаго повелѣнія, устанавливавшего, въ видѣ изъятія, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края преподаваніе католикамъ Закона Божія на русскомъ языкѣ, лежало соображеніе о преимущественномъ пополненіи упомянутыхъ учебныхъ заведеній лицами изъ числа русскаго, бывшаго униатскаго населенія.

Предположенія эти, въ теченіе послѣдующаго двадцатипятилѣтія, не оправдались. Комитетъ единогласно сознавалъ при этомъ глубокое нравственное значеніе преподаванія Закона Божія на природномъ языкѣ и несправедливость лишать католическое населеніе этого права. По убѣжденію комитета, запрещеніе преподавать Законъ Божій на родномъ языкѣ легко можетъ приобрѣтать характеръ мѣры религіознаго преслѣдованія, вызывая сильное раздраженіе и препятствуя спокойному теченію общественной жизни.

Согласно съ такими сужденіями комитета министровъ, Государю Императору въ рескриптѣ, данномъ 25 мая 1903 года на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія, благоудно было Всемилостивѣйше поручить тайн. сов. Зенгеру озаботиться принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы съ начала 1903—1904 учебнаго года преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на природномъ языкѣ учащихся разрѣшено было во всѣхъ, безъ изъятія, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Привислянскаго края, въ коихъ обучаются воспитанники или воспитанницы сего исповѣданія.

Изложеннымъ Высочайшимъ рескриптомъ окончательно установленъ порядокъ преподаванія Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерній Царства Польскаго, но основная, выраженная въ семъ изъявленіи Монаршей воли, мысль не получила еще должнаго распро-

страненія и примѣненія, отчасти встрѣчая препятствіе и въ текстѣ законовъ.

Комитетъ считаетъ долгомъ высказаться за широкое примѣненіе сего начала, преподаваннаго съ высоты Престола, и за разрѣшеніе, въ видѣ общаго правила, преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ Закона Божія лицамъ всѣхъ инославныхъ исповѣданій на природномъ языкѣ учащихся. При этомъ, въ случаѣ обычнаго употребленія принадлежащими къ тому же инославному исповѣданію учениками извѣстнаго заведенія различныхъ разговорныхъ языковъ, преподаваніе должно происходить на языкѣ большинства этихъ учащихся.

Такая постановка дѣла преподаванія Закона Божія должна, по мнѣнію комитета, сопровождаться также устраненіемъ весьма существеннаго неудобства, наблюдаемаго на практикѣ въ школахъ съ воспитанниками инославныхъ исповѣданій и состоящаго въ томъ, что преподаваніе Закона Божія католическаго исповѣданія въ дѣйствительности поручается лицамъ, не только не имѣющимъ духовнаго званія, но и принадлежащимъ даже къ другому исповѣданію.

Комитетъ не можетъ не выразить глубокаго убѣжденія своего въ возможности совмѣстить надлежащее охраненіе общегосударственныхъ цѣлей съ соблюденіемъ основныхъ началъ вѣротерпимости. Признавая, сообразно сему, что приведенныя выше сужденія о неудобствѣ и несправедливости устраненія духовенства отъ преподаванія Закона Божія въ школахъ, равномѣрно касаются всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, комитетъ считаетъ правильнымъ постановить, чтобы преподаваніе въ школахъ Закона Божія дѣтямъ инославныхъ исповѣданій было поручаемо духовнымъ лицамъ соответствующихъ исповѣданій и лишь, въ случаѣ отсутствія соответственныхъ духовныхъ лицъ, было довѣряемо свѣтскимъ учителямъ, но непременно одного съ учащимися исповѣданія.

На основаніи изложенныхъ сужденій, комитетъ, въ отношеніи инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, полагаетъ:

I. Принять, въ видѣ общаго правила, что для разрѣшенія постройки, возобновленія и ремонта церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій необходимо: а) согласіе духовнаго начальства подлежащаго инославнаго исповѣданія, б) наличность необходимыхъ денежныхъ средствъ и в) соблюденіе техническихъ требованій устава строительнаго. Изъятія изъ сего общаго правила, если таковыя будутъ признаны для отдѣльныхъ мѣстностей необходимыми, могутъ быть установлены только въ законодательномъ порядкѣ.

II. Прекратить обязательное закрытіе римско-католическихъ мона-

стырей въ губерніяхъ Царства Польскаго при наступленіи указанныхъ нынѣ для сего въ законѣ условій.

III. Признать, что во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, въ случаѣ преподаванія въ нихъ Закона Божія инославныхъ исповѣданій, таковое ведется на природномъ языкѣ учащихся, причѣмъ преподаваніе это должно быть поручаемо духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія и, только при отсутствіи ихъ, свѣтскимъ учителямъ того же исповѣданія.

IV. Поручить министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно разработать предположенія и безъ сношеній съ вѣдомствами войти съ представленіями въ государственный совѣтъ: 1) о пересмотрѣ законоположеній, касающихся сооруженія всякаго рода молитвенныхъ домовъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій на основаніяхъ, изложенныхъ въ п. I настоящаго положенія, и 2) объ отмѣнѣ ст. 187 и примѣчанія къ ней уст. дух. дѣлъ иносл. испов. (т. XI, ч. I, свод. закон., изд. 1896 г.).

V. Поручить министру народнаго просвѣщенія: 1) принять мѣры къ отмѣнѣ въ установленномъ порядкѣ всѣхъ постановленій, противорѣчащихъ п. III настоящаго положенія, и 2) распорядиться безотлагательною отмѣною § 1 инструкціи 1900 года о непосредственномъ участіи представителей учебнаго вѣдомства на выпускныхъ экзаменахъ.

VI. Испросить Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе: 1) на отмѣну Высочайшаго повелѣнія 17-го января 1902 года объ установленіи виѣ римско-католическихъ духовныхъ семинарій повѣрочныхъ испытаній по русскому языку, и 2) на представленіе духовнымъ лицамъ римско-католическаго исповѣданія, прошедшимъ полный курсъ мѣстныхъ духовныхъ семинарій, но не выполнившимъ требованія означеннаго Высочайшаго повелѣнія о сдачѣ повѣрочныхъ экзаменовъ, права занимать духовныя должности въ римско-католическихъ епархіяхъ:

и VII. Возложить на Особое Совѣщаніе, учреждаемое для разработки предположеній по исполненію п. 6 Именного указа 12 декабря 1904 г., какъ разсмотрѣніе вопросовъ, вытекающихъ изъ общаго положенія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, такъ и въ частности обсужденіе вопросовъ: 1) о разрѣшеніи духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ

инославныхъ христіанскихъ исповѣданій основывать церковныя братства и 2) о приѣмѣ новицѣвъ въ римско-католическіе монастыри.

II.

Иновѣрные христіанскія исповѣданія.

Обратившись къ ближайшему разсмотрѣнію вопросовъ, касающихся религіозной свободы и быта лицъ иновѣрныхъ исповѣданій, комитетъ остановился на обсужденіи нижеслѣдующихъ соображеній, вытекающихъ какъ изъ общаго положенія дѣла, такъ и изъ предъявленныхъ по сему предмету отдѣльныхъ ходатайствъ.

1. По вопросу о пересмотрѣ дѣйствующихъ постановленій о *сооруженіи молитвенныхъ домовъ иновѣрныхъ исповѣданій*. Ознакомившись съ порядкомъ разрѣшенія постройки молитвенныхъ домовъ иновѣрныхъ исповѣданій, комитетъ не можетъ признать его удовлетворительнымъ. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи разрѣшенія синагогъ и молитвенныхъ домовъ евреевъ, законъ, содержа въ себѣ достаточно опредѣленные правила для мѣстностей, лежащихъ въ чертѣ еврейской осѣдности (т. XI, ч. I, ст. 1302), поставяетъ сооруженіе синагогъ въ прочихъ частяхъ Имперіи въ непосредственную зависимость отъ усмотрѣнія губернской и центральной административной власти.

Что касается затѣмъ вопроса о постройкѣ мечетей, то въ округахъ, подвѣдомственныхъ таврическому магометанскому духовному правленію, таковая допускается по правиламъ устава строительнаго и съ обезпеченіемъ содержанія вновь возводимыхъ мечетей (тамъ же, ст. 1388), но, однако, не иначе, какъ съ согласія епархіальной власти. Болѣе стѣснительными представляются правила о постройкѣ мечетей въ округѣ оренбургскаго магометанскаго собранія.

Неполными и неопредѣленными являются и постановленія о сооруженіи хуруловъ и дацановъ ламаятовъ—калмыковъ и бурятъ.

Комитетъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости пересмотра существующихъ постановленій въ тѣхъ видахъ, чтобы поставить порядокъ разрѣшенія постройки молитвенныхъ домовъ иновѣрныхъ исповѣданій на почву твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ какого-либо усмотрѣнія и отъ неоснованныхъ на законѣ административныхъ распоряженій. Исполненіе этого порученія, по мнѣнію комитета, могло бы быть возложено на проектируемое имъ Особое Совѣщаніе.

2) О представленіи оренбургскому духовному собранію и таврическому духовному правленію *назначенія муллъ*, съ согласія губернаторовъ и съ оставленіемъ существующаго порядка ихъ избранія.

Поступившее нынѣ ходатайство мусульманъ имѣетъ въ виду измѣнить существующій порядокъ въ смыслѣ предоставленія утвержденія въ должности мулль таврическому доховному правленію и оренбургскому духовному собранію, съ согласія, однако, подлежащей губернской власти. При наличіи этого условія, министръ внутреннихъ дѣлъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію намѣченного предположенія.

3) *Объ освобожденіи магометанскихъ мулль и лицъ высшихъ духовныхъ степеней отъ воинской повинности.*

По заявленію нѣкоторыхъ магометанскихъ обществъ, сдѣланному въ представленныхъ ими ходатайствахъ, при мобилизаціи по случаю настоящей войны съ Японією, въ числѣ призванныхъ изъ запаса оказалось до 300 магометанскихъ мулль, занимавшихъ приходскія должности въ мечетяхъ, вслѣдствіе чего прихожане остались безъ духовныхъ пастырей.

Отнесясь вообще весьма сочувственно къ заявленному ходатайству, въ уваженіе необходимости обезпеченія духовныхъ потребностей магометанскаго населенія, комитетъ остановился однако на той мысли, что окончательному разрѣшенію настоящаго вопроса должно предшествовать болѣе полное выясненіе какъ самаго характера духовныхъ должностей, которыя освобождали бы отъ призыва на военную службу, такъ и числа лицъ, эти должности занимающихъ, дабы тѣмъ поставить испрашиваемую льготу въ предѣлы дѣйствительной необходимости и устранить возможность злоупотребленій въ пользованіи ею.

По симъ соображеніямъ, признавъ желательнымъ освободить отъ призыва изъ запаса на дѣйствительную военную службу духовныхъ лицъ магометанскаго исповѣданія, въ дѣйствительности необходимыхъ для правильного удовлетворенія потребностей духовной жизни магометанскаго населенія, комитетъ считаетъ необходимымъ разработку этого вопроса и составленіе по оному окончательнаго заключенія возложить на проектируемое имъ Особое Совѣщаніе.

4) *Объ опредѣленіи въ законъ порядка открытія мектебъ и медресе (конфессиональныхъ школъ) въ районѣ, подвѣдомственномъ оренбургскому духовному собранію.*

Комитетъ признаетъ необходимымъ поручить проектируемому имъ Особому Совѣщанію выработать правила объ открытіи такихъ магометанскихъ школъ, безъ излишнихъ въ семъ отношеніи стѣсненій, и предположенія свои по сему предмету внести на утвержденіе государственнаго совѣта.

5) *Объ устройствѣ управленія духовными дѣлами киргизовъ областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно магометанскихъ общинъ въ Сѣверномъ Кавказѣ, Ставропольской губерніи, Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области.*

Комитетъ усматриваетъ, что управленіе духовными дѣлами магометанскихъ общинъ указанныхъ мѣстностей не можетъ быть признано сколько-нибудь прочно организованнымъ. Поэтому вполне своевременнымъ является поставленный нынѣ вопросъ о закономѣрномъ устройствѣ ихъ религіознаго быта.

Комитетъ находитъ, что исполненіе сего могло бы быть осуществлено или чрезъ присоединеніе указанныхъ райононь къ вѣдомству существующихъ духовныхъ округовъ, или же чрезъ образованіе новыхъ мѣстныхъ центровъ управленія ихъ духовными дѣлами. Сравнительная оцѣнка изложенныхъ мѣръ побуждаетъ комитетъ высказаться за принятіе послѣдней, но, за неимѣніемъ въ виду достаточныхъ данныхъ, затрудняется нынѣ же высказаться о территоріальномъ распредѣленіи разсматриваемыхъ райононь и указать для нихъ центральные пункты, въ коихъ могли бы быть учреждены духовныя для нихъ управленія. Предполагая представить разработку вопроса объ устройствѣ названныхъ духовныхъ управленій проектируемому Особому Совѣщанію, комитетъ находитъ соотвѣтственнымъ поручить его же соображенію и выясненію послѣднеуказаннаго вопроса.

III.

О пересмотрѣ законоположеній и постановленій о ламаитахъ.

При разсмотрѣніи сего вопроса, предсѣдатель комитета объяснилъ, что въ ту пору, когда создавалось наше законодательство, о ламаитахъ, о религіи ихъ и въ Россіи и за границею существовало весьма неясное представленіе, вслѣдствіе чего культъ этотъ, будучи оцѣненъ, преимущественно, со стороны его внѣшнихъ, обрядовыхъ формъ, былъ подводимъ подъ общее понятіе вѣрованій языческихъ. Результатомъ такого взгляда на ламаизмъ явилось отрицательное къ нему отношеніе и стремленіе поставить его въ наименѣе благоприятныя условія.

Между тѣмъ, болѣе пристальное въ новѣйшее время изученіе этой религіи показало, что, хотя въ рукахъ невѣжественнаго духовенства она можетъ принимать грубыя идолопоклонническія формы, но, по самой своей сущности, ламаизмъ полонъ высокихъ моральныхъ и философскихъ истинъ, такъ какъ въ немъ сохранились въ значительной мѣрѣ преданія стариннаго буддизма.

Предполагая поручить вопросъ этотъ особому вниманію Совѣщанія, комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ указать, что при разработкѣ законоположеній, опредѣляющихъ религіозный бытъ ламаитовъ, должны быть приняты во вниманіе основныя требованія ихъ религіи. Посему надлежитъ предоставить совѣщанію потребовать отъ двухъ высшихъ представителей ламаитскаго духовенства въ Россіи

отзывы о желаемыхъ измѣненіяхъ закона и административной практики по дѣламъ ламаитской вѣры, а также пригласить къ участию въ послѣдующихъ работахъ по пересмотру означенныхъ законоположеній ученыхъ знатоковъ ламаизма изъ числа свѣтскихъ лицъ.

Остановливаясь въ заключеніе на содержащемся въ представленныхъ ламаитами—бурятами и калмыками—ходатайствахъ заявленіи объ оскорбительности для религіознаго чувства ихъ обычно присвоемаго имъ наименованія язычниковъ, комитетъ не встрѣчаетъ препятствій удовлетворить указанное заявленіе, особо оговоривъ о семъ въ положеніи по настоящему дѣлу.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Комитетъ полагалъ:

I. Предоставить проектированному Комитетомъ Министровъ Особому Совѣщанію о вѣротерпимости, на изясненныхъ въ настоящемъ журналѣ основаніяхъ, разработать нижеслѣдующіе вопросы и составленные законопроекты безотлагательно представить на уваженіе Государственнаго Совѣта, безъ предварительныхъ сношеній съ вѣдомствами:

- 1) о сооруженіи молитвенныхъ домовъ иновѣрныхъ исповѣданій;
- 2) о порядкѣ избранія и назначенія должностныхъ лицъ магометанскаго духовенства, приходскихъ и высшихъ;
- 3) объ освобожденіи отъ призыва на дѣйствительную военную службу изъ запаса нѣкоторыхъ лицъ магометанскаго духовенства;
- 4) о порядкѣ открытія магометанскихъ духовныхъ школъ—мектебе и медресе;
- 5) объ учрежденіи особыхъ духовныхъ управленій для киргизовъ областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а равно для магометанскихъ общинъ на Сѣверномъ Кавказѣ, въ Ставропольской губерніи, Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области,—и
- 6) о возможности дозволенія воспитывать подкидышаемыхъ дѣтей въ религіи принявшихъ ихъ на воспитаніе иновѣрныхъ семей.

II. Поручить тому же Совѣщанію тщательное разсмотрѣніе, на преподанныхъ въ настоящемъ журналѣ основаніяхъ, современнаго положенія у насъ ламаитовъ, и пересмотръ дѣйствующихъ о нихъ узаконеній и дать дѣлу беззамедлительное въ законодательномъ порядкѣ направленіе,—и

III. Возбранить впредь именовать исповѣдующихъ ламаитскую вѣру въ официальныхъ актахъ идолопоклонниками и язычниками.

Таковое положеніе комитета министровъ удостоилось Высочайшаго утвержденія 17-го сего апрѣля.

Въ поискахъ истины и смысла жизни.

I.

Вопросы о томъ, что такое истина, въ чемъ смыслъ жизни,—принадлежать къ числу тѣхъ великихъ, вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго духа, которые признаются обычно неразрѣшимыми. Правда, есть много отвѣтовъ на эти вопросы, предлагаемыхъ великими и сильными умами человѣческими, многими учителями и мудрецами земными. Но всѣ эти отвѣты уже однимъ своимъ множествомъ и разнообразіемъ, доходящимъ даже до полной противоположности, ясно говорятъ о своей относительной истинности, а еще яснѣе—о тщетности попытокъ человѣка постигнуть своими слабыми силами тайну и смыслъ жизни.

Дѣйствительно, человѣческій разумъ, ограниченный извѣстными условіями и формами свойственной ему познавательной дѣятельности, не въ состояніи проникнуть въ ту глубину жизненнаго процесса, гдѣ сокрыты самыя исходища и тайники жизни. Вращаясь въ кругу феноменовъ, тщетно пытается онъ познать искомый ноумень. Поэтому то основныя проблемы знанія и бытія всегда остаются *теоретически* неразрѣшимыми.

Но есть другой путь, которымъ мы можемъ приблизиться къ уразумѣнію и выясненію поставленныхъ выше, столь важныхъ и существенно необходимыхъ для жизни, вопросовъ. Это путь не теоретическихъ, отвлеченныхъ изысканій и разсудочныхъ построеній, а путь *практическій*, путь непосредственнаго, личнаго, живаго *опыта*. Если своею логическою мыслью, оперирующею надъ міромъ явленій, мы не можемъ проникнуть въ тайники жизни, то, какъ живыя существа, мы своею живою сущностью тѣсно связаны, захвачены и увлечены тѣмъ потокомъ, который исторгается изъ самыхъ нѣдръ жизни, мы непосредственно со-

прикасаемъ и принимаемъ въ немъ участіе, непосредственно ощущаемъ бытіе и проникаемъ

„Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещуть творческія силы“.

Поэтому то живая цѣльная истина, которая не можетъ быть постигнута одною лишь частичною формальною дѣятельностью разсудка, становится доступною намъ въ непосредственномъ личномъ *переживаніи*, она открывается въ *полнотѣ жизни* единой цѣльной души. Поэтому и смыслъ жизни, который также не можетъ быть схваченъ и уловленъ одною мыслью, познается нами *во внутреннемъ опытѣ* души, ощутившей полноту и блаженство бытія.

Нельзя искать смысла жизни, какъ будто онъ находится гдѣ то внѣ насъ, нельзя *придумать* его, чтобы потомъ *жить имъ*, а, наоборотъ, нужно прежде *пережить*, чтобы потомъ придумать.

Такой практическій путь познанія въ особенности имѣетъ мѣсто и приложеніе въ дѣлѣ усвоенія и постиженія нами богооткровенныхъ истинъ вѣры, представляющихъ собою отвѣты на неразрѣшимые человѣческимъ умомъ вопросы о началѣ, цѣли и смыслѣ бытія. Истины вѣры, не человѣческимъ умомъ добытыя, а самимъ Богомъ открытыя, не могутъ быть постигнуты нашимъ формальнымъ разсудочнымъ мышленіемъ; для пониманія ихъ не примѣнимъ и не пригоденъ тотъ обычный способъ разсудочнаго познанія, которымъ мы пользуемся для познанія міра внѣшняго. Да и по существу своему истины вѣры не суть теоретическія, отвлеченныя истины, данныя лишь для удовлетворенія нашей любознательности или любопытства. По содержанію своему онѣ представляютъ богооткровенныя отвѣты на тѣ великія, вѣчныя вопросы человѣческаго духа, которыхъ разумъ человѣческій не въ состояніи самъ собою разрѣшить, а между тѣмъ безъ отвѣта на нихъ жизнь человѣческая представлялась бы не имѣющею смысла. Истины вѣры даютъ отвѣты на самые важныя, существенныя и основныя вопросы жизни, поэтому онѣ имѣютъ всецѣло *жизненный* характеръ, представляя собою не отвлеченныя формулы знанія, а *животворныя принципы дѣятельности*. Онѣ даны не для того, чтобы ихъ знать и только въ памяти хранить, а чтобы ими *жить*. Апостолъ говоритъ, что мы „вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“ и что „праведникъ вѣрою живъ будетъ“. Какъ таковыя, истины

вѣры постигаются не разсудочнымъ путемъ, а путемъ практическимъ, онѣ *непосредственно переживаются* нами, составляя фактъ нашего внутренняго живаго опыта, онѣ непосредственно постигаются и уразумѣваются нами въ актѣ живой и дѣйственной вѣры.

Для поясненія сказаннаго возьмемъ, на примѣръ, основную истину религій-бытіе Бога. Доказать бытіе Божіе путемъ разсудочнымъ, логическимъ исполнѣ нельзя. Можно дѣлать заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ и Первопричинѣ, отъ гармоніи и цѣлесообразности, наблюдаемой въ мірѣ, къ разумному Творцу и Художнику. Но все это будетъ лишь *логическія* заключенія, и убѣдить насъ въ бытіи Бога такъ же, какъ въ томъ, что дважды два четыре, они не могутъ. Скептикъ до тѣхъ поръ не убѣдится въ существованіи. Бога, пока онъ не *ощутитъ* Бога въ *сердцѣ* своемъ, пока онъ непосредственно не познаетъ Его и не почувствуетъ сладость общенія съ Нимъ. Бытіе Бога—фактъ логически трудно доказуемый, но это фактъ нашего непосредственнаго внутренняго познанія, которое такъ легко и доступно всякому человѣку, даже ребенку, это познаніе дается во внутреннемъ, непосредственномъ опытѣ, переживаемомъ каждымъ изъ насъ.

Возможность такого непосредственнаго познанія нами истинъ вѣры, открытыхъ Самимъ Богомъ, основывается на томъ, что мы созданы по образу Божію и подобію и потому, какъ говоритъ Апостоль, „Божій родъ есмь“ (Дѣян. 17, 29). Воззвавшій насъ къ бытію благоволилъ отпечатлѣть въ силахъ и свойствахъ нашей свободно-разумной души дорогія неизгладимыя черты Его свѣтлаго образа. Поэтому, всматриваясь въ себя, въ ту глубину души, гдѣ отразилось само Небо, мы всегда найдемъ тамъ искру Божію, нерѣдко подъ толщей грѣховной грязи еле тлѣющую и мерцающую, но всегда яркимъ пламенемъ вспыхивающую и неудержимо влекущую насъ къ небу въ неудержимыхъ порывахъ и стремленіяхъ нашего духа ко всему истинному, доброму, прекрасному, возвышенному благородному. Этотъ образъ Божій, внутри насъ сіяющій, и есть этотъ внутренній свѣтъ, который освѣщаетъ храмъ нашей души, дѣлаетъ для насъ доступными и понятными недоступныя и непонятныя для ума нашей истины вѣры. Это — внутреннее духовное око, которымъ мы воспринимаемъ все духовное, и—привязанные къ землѣ—созерцаемъ небесное. Истины вѣры не вмѣщаются въ узкое, тусклое стекло

нашего сухого, формальнаго, разсудочнаго мышленія, и потому для ограниченнаго ума нашего кажется „безуміемъ“. Но для живой души человѣческой, озаряемой образомъ Божіимъ, онѣ такъ доступны и понятны, потому что говорятъ ей о мірѣ родномъ ей, духовномъ, небесномъ, онѣ возвышаютъ ее надъ горизонтомъ этого грубаго плотнаго міра и уносятъ на широкій просторъ, въ небесную божественную высь. Богооткровенныя истины вѣры не представляютъ собою что-то чуждое, постороннее, извнѣ и насильственно навязываемое намъ, онѣ усвояются и воспринимаются нами такъ легко, свободно и естественно, потому что отвѣчаютъ на всѣ важнѣйшіе запросы, идутъ навстрѣчу самымъ завѣтнымъ желаніямъ и воздыханіямъ живой человѣческой души.

Для усвоенія ихъ не требуется высокое научное образованіе, а лишь душа открытая, сердце доброе, простое. „Кто не приметъ Царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“, сказалъ Спаситель (Мрк. 10, 12.). Это условіе для вступленія въ Царствіе Божіе примѣнимо и къ усвоенію и принятію нами истинъ вѣры, которыя проясняютъ начертанный въ нашей душѣ, но потемненный грѣхомъ путь въ это Царствіе. Для того, чтобы намъ доступенъ былъ глубоко-жизненный смыслъ истинъ вѣры, мы должны принять ихъ, какъ дѣти, т. е. съ дѣтскою искренностью, довѣрчивостью, отзывчивостью, прямою, безхитростною, должны обладать свойствами невинной, чистой, цѣльной дѣтской души. Поэтому то истины вѣры, неудобовосприемлемыя разумомъ самаго развитаго и образованнаго человѣка, такъ легко воспринимаются чистой дѣтскою душою. Подлинно исполняется слово Спасителя: „Ты утаилъ еси сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ“ (Мѡ. 11, 25). Чистой душѣ ребенка истина, напр., бытія Божія, гораздо доступнѣе, чѣмъ засоренной душѣ взрослому. Сокрытыя въ истинахъ вѣры „глаголы жизни вѣчной“ доступны и понятны не умникамъ, которые „осуетились въ умствованіяхъ своихъ“, а лишь „благочестно жити во Христѣ хотящимъ“.

Но часто мы допускаемъ неправильное отношеніе къ истинамъ вѣры; разсматривая и размышляя о нихъ, мы примѣняемъ къ нимъ масштабъ разсудочнаго знанія. Такое *разсудочное* отношеніе къ истинамъ вѣры естественно вызываетъ сомнѣніе и нерѣдко приводитъ къ полной потерѣ вѣры.

Вѣроятно, многіе по опыту знаютъ, въ чемъ состоитъ это сомнѣніе. Вотъ мы вѣримъ въ Бога, это такъ легко и просто, и на душѣ такъ отрадно, и въ мірѣ Божиємъ все кажется намъ такъ ясно, всюду жизнь—полная смысла и значенія. Но вотъ мы усомнились, начинаемъ мудрить, задаемъ вопросы: а что? а какъ? а есть ли Богъ? а какъ это доказать? да такъ ли?.. И въ этотъ моментъ все пропало: то, что сейчасъ такъ близко было нашей душѣ, что переживалось ею, какъ близкое, дорогое, родное,—его ужъ нѣтъ, въ душѣ пустота, тоска и томленіе. Ужь, обезсиленный скепсисомъ, тщетно пытается найти смыслъ жизни; теперь, вмѣсто смысла жизни, всюду онъ видитъ одну лишь бессмыслицу. Потерпѣвъ крушеніе въ бесплодныхъ поискахъ истины безъ руководства Истины, въ безумной попыткѣ найти Бога безъ Бога, измученный, усталый, въ смутной тревогѣ останавливаетъ онъ взоръ свой надъ мрачной, зіяющей бездной нирваны, и уже готовъ бываетъ погрузиться и исчезнуть въ мракъ небытія...

И это продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новый, благодатный приливъ вѣры, пока мы не перестанемъ умничать, пока, подобно блудному сыну, не возвратимся къ Отцу Небесному, прося милости, сожалѣнія, помощи и прощенія. Тогда Онъ опять приметъ насъ въ свои объятія Отца, опять мы ощутимъ вѣяніе Духа Его въ сердцахъ нашихъ, и умъ нашъ озарится свѣтомъ Боговѣдѣнія. Тогда опять возстанется нарушенная гармонія духовныхъ силъ и опять ключемъ забьетъ и пышно расцвѣтетъ жизнь духа, начавшая было уже вянуть и блекнуть въ сухой и душной атмосферѣ односторонне развитой, ложно направленной разсудочной дѣятельности съ характеризующимъ ея лукавымъ и безцѣльнымъ совопросничествомъ, пустымъ резонерствомъ и мертвящей схоластикой.

Разсудочно-скептический вопросъ Пилата: что есть истина? остался и навсегда останется безъ отвѣта. И понятно почему: вопросъ и отвѣтъ въ данномъ случаѣ представляются *несоизмѣримыми*. Отвѣтъ не совпадаетъ и не можетъ вмѣститься въ тѣ рамки и формы познавательной разсудочной дѣятельности, какія предполагаются вопросомъ. Іисусъ Христосъ пришелъ не *разсуждать* съ людьми и, Его „глаголы жизни вѣчной“ не рассчитаны на книжниковъ и совопросниковъ вѣка сего. „Я на то родился и на то пришелъ въ міръ“, сказалъ

Онъ, предупреждая вопросъ Пилата, „чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ, и всякій, кто отъ истины, послушаетъ гласа Моего“ (Іоан. 18,37). Онъ пришелъ указать истину, привести людей къ ней, дать имъ ее почувствовать, и всякій, кто стремится къ ней, придетъ къ Нему, ощутить ее и согласится съ Нимъ. Истина Христова не нуждается въ логическихъ подпоркахъ, она влечетъ къ себѣ сердца людей всепобѣждающей силой. Но принять ее можетъ тотъ, кто *отъ истины*, т. е. въ состояніи воспринять вѣяніе Духа Христова и отпечатлѣть его въ себѣ, кто ощутитъ ее и отдастся ей. Христось всякую грѣшную душу призываетъ къ Себѣ, и душа человѣческая, по природѣ христіанка, съ такою радостью отзывается на этотъ чудный призывъ; но, душа живая, скорбящая, о грѣхахъ своихъ плачущая, милости Божіей и помощи требующая, а не душа отживающая, рано состарѣвшая въ сухой атмосферѣ отвлеченнаго рефлекса, нечувствительная къ воздѣйствію высшей силы и безнадежно-грустно вопрошающая свое опустѣвшее сердце: что есть истина?..

II.

„Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ, возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Маѳ. 11, 28--29).

Вотъ великія слова, представляющія рѣшеніе неразрѣшимаго человѣческимъ умомъ вопроса о смыслѣ жизни. Всѣхъ ищущихъ смысла жизни, Христось призываетъ къ Себѣ и общаетъ дать успокоеніе ихъ безпокойнымъ, взволнованнымъ умамъ и ихъ мятущимся, встревоженнымъ сердцамъ. Смыслъ жизни Онъ указываетъ въ слѣдованіи за Нимъ, въ подражаніи Его жизни. Желанный покой Онъ общаетъ тѣмъ, которые возьмутъ на себя иго благое и бремя легкое Его, [которые научатся отъ Него кротости и смиренію.

Слѣдовать за Христомъ и подражать Его жизни можно не иначе, какъ усвоивъ и воспитавъ въ себѣ духъ Христовъ. „Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христвъ Іисусѣ“ (Фил. 2,5), говоритъ св. апостоль. Это значить, что тѣ мысли, чувства и желанія, то настро-

ніе, какое было во Христѣ, истинные Его послѣдователи должны воспитывать и въ себѣ. Духъ же Христовъ есть духъ любви, потому что Самъ Христосъ былъ воплощеніемъ любви (1 Іоан. 4,8). Поэтому жизнь, проникнутая духомъ Христовымъ, есть жизнь, полная дѣлъ любви, каковою была и жизнь Христа. Въ своемъ чудномъ гимнѣ любви, — въ 13 гл. 1-го посланія къ Коринѳянамъ, — св. апостоль Павелъ такъ изображаетъ дѣла любви: „любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ (1 Кор. 13, 4—7). А въ посланіи къ Галатамъ тотъ же Апостоль говоритъ, что „плоды духа (т. е. жизни, проникнутой духомъ Христовымъ) суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“ (Гал. 5, 22—23). Такова жизнь тѣхъ, которые послѣдовали за Христомъ, жизнь, проникнутая духомъ Христовымъ, полная дѣлъ любви. Такая именно жизнь и даетъ человѣку желанный покой, только въ ней человѣкъ и можетъ найти себѣ полное внутреннее удовлетвореніе. И какъ счастливъ тотъ, кто, воспитывая въ себѣ духъ Христовъ, достигъ мѣры полного возраста Христова (Еф. 4, 13), кто вмѣстѣ съ Апостоломъ можетъ сказать: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20). Такой человѣкъ праведникъ, для котораго „законъ не лежитъ“ (1 Тим. 1,9). Онъ настолько усвоилъ и воспиталъ въ себѣ духъ Христовъ, что уже не нуждается во внѣшнихъ предписаніяхъ, въ силу внутренней необходимости онъ дѣлаетъ только одно добро, и, какъ „рожденный отъ Бога грѣха не творитъ“ (1 Іоан. 3, 9). Онъ постоянно носитъ Христа въ сердцѣ своемъ, и пребывающій въ немъ духъ любви Христовой руководитъ имъ и управляетъ всѣми его дѣйствіями. Такой человѣкъ уже здѣсь, на землѣ, вкушаетъ сладости рая, испытываетъ ту „радость совершенную“ (Іоан. 15, 11. 16, 24), тотъ миръ не земной (Іоан. 14, 27), который оставилъ ученикамъ своимъ нашъ Учитель небесный, и котораго не можетъ дать намъ ни одинъ учитель земной. Въ душѣ его открывается то „Царствіе Божіе, которое внутри насъ“ (Лук. 17, 21) и которое есть „правда, миръ и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17).

Такимъ образомъ, жизнь истинныхъ послѣдователей Христа, воспитавшихъ въ себѣ духъ Его любви, есть жизнь истинная, доставляющая человѣку внутреннее успокоеніе и удовлетвореніе. Такая именно жизнь и есть разумная, имѣющая смыслъ, и только живущіе такую жизнь находятъ успокоительный отвѣтъ на безпокойный вопросъ о смыслѣ жизни.

Взявшіе на себя иго Христова и понесшіе бремя Его *опытно* знаютъ, что это бремя-легкое, и иго-благое, знаютъ, что есть жизнь, доставляющая человѣку желанный покой, они *опытно познаютъ смыслъ жизни*.

Всѣ же тѣ, которые не откликнулись на призывъ Христа и не слѣдовали за Нимъ, тщетно будутъ искать смысла, они никогда не найдутъ его, потому что жизнь безъ Христа, какую они ведутъ, есть жизнь *безсмысленная*. Тѣ, которые не познали Христа, или же только по имени называются христіанами, въ своей жизни руководствуются не духомъ любви Христовой, имъ неизвѣстнымъ и чуждымъ, а противоположнымъ духомъ, духомъ эгоизма, который всѣ мы получили въ наслѣдство отъ нашего падшаго праотца Адама ветхаго. Извѣстно, въ чемъ состоялъ печальный фактъ грѣхопаденія. „Хочу быть, какъ Богъ, знающій добро и зло“, сказалъ первый человѣкъ, обольщенный коварнымъ змѣемъ. И это несчастное „я хочу“ и погубило его, лишило блаженнаго, райскаго состоянія и сдѣлало обитателемъ сей юдоли плачевной. Это грѣховное эгоистическое „я“ мы получаемъ по наслѣдству отъ прародителей чрезъ плотское рожденіе, оно то и управляетъ всѣми нашими дѣйствіями, до тѣхъ поръ, пока мы не обратимся ко Христу и не родимся вторично свыше, отъ Адама Новаго (Іоан. 3, 3. 1 Кор. 15, 45). Печальны плоды такой жизни, управляемой духомъ эгоизма. „Плоды плоти извѣстны, говоритъ св. Апостоль, они суть: прелюбодѣянiе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, ереси, ненависть, убійство, пьянство безчинство и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ—царствія Божія не наслѣдуютъ“ (1 Гал. 5, 19—21). Понятно, что ведущіе такую жизнь никогда не обрѣтутъ желаннаго покоя, никогда не найдутъ смысла жизни, потому что ихъ безсмысленная жизнь доставляетъ имъ только скорбь, тѣсноту и томленіе духа (Рим. 2, 8. Еккл. 2, 17).

Итакъ, смыслъ жизни,—въ слѣдованіи за Христомъ, въ подражаніи Его жизни, въ усвоеніи и воспитаніи въ себѣ духа любви Христовой; только жизнь, проникнутая духомъ Христовымъ, полная дѣль любви, есть жизнь истинная, разумная, имѣющая смыслъ.

III.

„Въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя“. Велика сила живущаго въ насъ грѣха. Уже съ самаго дня рожденія мы—эгоисты, съ возрастомъ растеть и грѣхъ. Какъ изъ корня вырастаетъ широко-вѣтвистое дерево, такъ развивающійся изъ нашего эгоистическаго „я“ грѣхъ постепенно опутываетъ насъ массою плотскихъ грѣховныхъ пожеланій и вожделній. Разнообразныя страсти обуреваютъ насъ, овладѣваютъ нами и, не будучи въ состояніи противиться имъ, мы играемъ жалкую роль рабовъ. Часто бываетъ, что человѣкъ, не чуткій къ голосу совѣсти своей, совѣмъ не замѣчаетъ своего печальнаго рабскаго состоянія, а если онъ человѣкъ умный, то сумѣетъ даже убѣдить себя, что такъ и должно быть, что такое состояніе есть натуральное, нормальное состояніе человѣка, что должно отдавать долгъ природѣ, должно удовлетворять всѣ ея потребности и влеченія, и что было бы противоестественно ограничивать ихъ. Понятно, что такой человѣкъ, не сознавая себя рабомъ, не будетъ стремиться къ свободѣ отъ грѣха, и до тѣхъ поръ, пока, оставаясь въ своемъ печальномъ самомнѣніи, онъ не почувствуетъ тяжести позорныхъ цѣпей опутавшаго его грѣха и не пожелаетъ освободиться отъ нихъ, — Иисусъ Христосъ не предстанетъ предъ нимъ, какъ его Искушитель и Спаситель, религія христіанская, какъ религія искупленія и примиренія человѣка съ Богомъ, останется непонятою имъ въ существѣ своемъ, и хотя онъ считается исповѣдникомъ ея, она будетъ для него чѣмъ то внѣшнимъ, постороннимъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ его жизни.

Но вотъ голосъ совѣсти пробудился въ душѣ человѣка грѣшника. Словно лучъ молніи вдругъ блеснулъ и освѣтилъ его жизненный путь. Съ ужасомъ онъ видитъ, что путь этотъ—путь грѣха, вся нечистота и грязь грѣховная теперь предстала его сознанію во всей своей безобраз-

ной наготѣ. Онъ ужасается, онъ стыдится, онъ раскаявается, онъ хочетъ порвать всякую связь съ прошлымъ и вступить на путь новой, лучшей жизни. Теперь въ его душѣ начинается та тяжелая, мучительная, внутренняя борьба, которая съ такимъ глубоко-тонкимъ психологическимъ анализомъ изображена св. Апостоломъ Павломъ въ 7 гл. посланія къ Римлянамъ. „Теперь я знаю, говоритъ грѣшникъ вмѣстѣ съ Апостоломъ, что законъ духовенъ, а я плотянь, проданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ, а потому уже не я дѣлаю, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не жить въ мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, злое же, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, то уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Итакъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежить мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ“ (Рим. 7, 14—23).

Такъ, тяжелымъ горькимъ опытомъ убѣждается человѣкъ грѣшникъ въ своемъ полнѣйшемъ безсиліи бороться съ живущимъ въ немъ грѣхомъ. И вотъ, когда усталый, слабый, измученный, истощенный бесплодной борьбой со грѣхомъ, онъ вмѣстѣ съ Апостоломъ воскликнетъ: „о, несчастный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Рим. 7, 24), то въ этотъ моментъ предстанетъ предъ нимъ въ сіяніи и блескѣ свѣта Евангелія Иисусъ Христосъ, какъ его Искупитель и Спаситель. Тотъ Иисусъ, Котораго онъ прежде видѣлъ какъ бы въ отдаленныхъ и мимолетныхъ видѣніяхъ, теперь явится лицомъ къ лицу.

Явленіе это сразу устршитъ грѣшника, въ присутствіи небесной чистоты и святости еще замѣтнѣе станетъ его собственная грѣховная нечистота, еще больнѣе и жгуче сдѣлается чувство стыда и раскаянія, еще сильнѣе возжаждетъ человѣкъ грѣшникъ своего Искупителя. Вдругъ,—точно пелена спала съ его глазъ, онъ видитъ *Его* предъ собою. Это Онъ—Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедшій въ міръ спасти грѣшника-

ковъ (1 Тим. 1, 15), первымъ изъ которыхъ грѣшникъ признаетъ себя. Личнымъ, горькимъ опытомъ убѣдившись въ полномъ безсиліи человѣка побѣдить живущій въ немъ грѣхъ, онъ теперь ясно видитъ въ своемъ Искупителѣ *Богочеловѣка*, Христа Жизнодавца, могущественную силу зла сокрушившаго и всезлбный грѣхъ потребившаго. Та страшная бездна между небомъ и землею, которая разверзлась предъ глазами грѣшника, когда свѣтъ совѣсти и Евангелія озарилъ предъ нимъ и блестящія чертоги небесной вѣчности, и мрачныя глубины земныя, даже до ада преисподнѣйшаго, теперь закрылась. Побѣдитель грѣха и смерти наполнилъ ее Собою, какъ Богочеловѣкъ, примирившій кровію креста Своего земное и небесное (Кол. 1, 20), и Собою проложившій по ней путь (Іоан. 14, 6) отъ смерти къ жизни и отъ земли къ небеси (1-я пѣснь пасх. кан.). Съ радостью познаетъ человѣкъ грѣшникъ въ Иисусѣ Христѣ, представшемъ просвѣтленному взору его въ царственномъ величій Богочеловѣка, своего Спасителя и Искупителя. Онъ видитъ безконечное милосердіе, которое свѣтитъ въ Его кроткомъ ликѣ, онъ слышитъ Его чудный голосъ, призывающій и успокаивающій, онъ чувствуетъ Его благодѣтельное прикосновеніе, которое излѣчиваетъ глубокія раны грѣховныя и утишаетъ сильнѣйшую боль сердечную, чувство какой то неизяснимой сладости вливается во все его существо. Но что же это?

Не мечта ли больного восбраженія? О, это очевиднѣйшій изъ фактовъ, свидѣтельствуемый всею девятнадцативѣковою исторіею христіанства, фактъ *живой вѣры* во Иисуса Христа, Сына Божія, Искупителя и Спасителя грѣшнаго рода человѣческаго, фактъ той живой вѣры, которую „побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія“ (Евр. 11, 33), и охлажденіе которой составляетъ одинъ изъ признаковъ кончины міра (Лук. 18, 8. 1 Тим. 4, 1).

Живая вѣра во Христа, какъ Искупителя, проникаетъ до глубины все существо человѣка и совершенно измѣняетъ его. Признавъ во Христѣ своего Спасителя, человѣкъ грѣшникъ съ любовью, радостью, дѣтской преданностью и довѣрчивостью бросается въ Его объятія. Спаситель съ отеческой лаской принимаетъ его и, какъ Начальникъ новой жизни, совершенно преобразуетъ ее, отвращая отъ грѣховныхъ привычекъ и направляя на путь добра. Онъ сокрушаетъ окаменѣніе жесткаго сердца его, уязвляя его любовію Креста Своего, Онъ измѣняетъ все

міровозрѣніе его, просвѣщая умъ свѣтомъ разума святаго Евангелія своего. Человѣкъ, проникнутый живой вѣрой во Христа, какъ своего Искупителя и Спасителя, смотритъ на весь міръ уже иными глазами, обо всемъ судитъ съ новой точки зрѣнія, все видитъ въ иномъ, новомъ свѣтѣ — въ свѣтѣ Евангелія, которое звучитъ теперь для него, какъ дорогая, отрадная вѣсть о свободѣ отъ позорныхъ цѣпей державшаго его въ своей власти грѣха. Тотъ, кто прежде съ Апостоломъ возопилъ: „о, несчастный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“? (Рим. 7, 24), теперь съ тѣмъ же Апостоломъ побѣдоносно восклицаетъ: „смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда?“ (1 Кор. 15, 55). Теперь поистинѣ онъ дѣлается новымъ твореніемъ во Христѣ (2 Кор. 5, 17), вся превозмогая о укрѣпляющемъ Иисусѣ, и его личная жизнь, жизнь со Христомъ Искупителемъ, представляетъ собою процессъ искупленія и потребленія живущаго въ немъ грѣха. Теперь онъ находитъ успокоительный отвѣтъ на эти тревожные, мучительные, теоретически неразрѣшимые вопросы объ истинѣ и смыслѣ жизни, такъ какъ опытомъ своей жизни убѣждается, что „истина — во Иисусѣ“ (Еф. 4, 21), „Христосъ — жизнь ваша“ (Кол. 3, 4).

Вл. Терлецкій.

Къ исторіи иеговистской секты.

„Нѣтъ въ мірѣ глупости, которой не находилось послѣдователей“, сказалъ нѣкій философъ... И эта истина, кажется, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, имѣетъ для себя подтвержденій въ религиозной жизни нашего русскаго дессидентства. И просвѣщенный умъ, разъ онъ вышелъ изъ подъ опеки церковнаго авторитета и пошелъ въ своей религиозной жизни свободной и широкой дорогой, въ самомъ скоромъ времени приходитъ въ своемъ родѣ къ богатырскому распутью: „направо поѣдешь—коня потеряешь, налево поѣдешь“... и т. д. Субъективная особенность свободновѣрующаго рѣшаетъ тутъ вопросъ односторонне и почти всегда безповоротно и фанатично. Истину Христову, вседвѣлющую, охватывающую *всего* человѣка, тутъ превращаютъ или въ одинъ ритуаль, или въ чистый рационализмъ, или въ мистику, или въ бездогматическую мораль. Если случается это, какъ показываетъ исторія религиозно-философской мысли и у насъ, и на западѣ, съ умомъ просвѣщеннымъ, то что же сказать о некультурной, темной головѣ нашего простого отступника? Одинъ почти обожаетъ „азъ“ да „персты“ и творитъ себѣ кумира изъ старопечатнаго невѣжества, совершенно забывая о „поклоненіи Богу духомъ и истиной“ (такъ называемое старообрядчество). Другой, упершись на „духъ и истину“, совершенно (въ принципѣ по крайней мѣрѣ) игнорируетъ ритуаль, обрядъ, забывая, что человѣкъ самымъ существомъ своимъ побуждается прославлять Бога не только „душой“, но и „тѣломъ“ (1 Кор. VI, 20) (рационалистическое сектанство). Третій, вмѣняя въ ничто авторитетъ и „письмени“ и разума, водится въ своей религиозной жизни порывистымъ чувствомъ, которое скоро заболѣваетъ подъ наваленнымъ на него игомъ руководитъ въ подчасъ несвойственной ему стихіи цѣлымъ религиознымъ человѣкомъ (мистическое сектанство). И каждому изъ показанныхъ образовъ отступниче-

ства поклоняются тысячи, поклоняются миллионы. Это, впрочемъ, и неудивительно, если принять во вниманіе, съ одной стороны—ненсчерпаемость для человѣка божественной истины, а съ другой,—индивидуальныя особенности ея исповѣдниковъ. Къ тому же каждый изъ отмѣченныхъ типовъ отступничества въ своей религіозной жизни сохраняетъ до нѣкоторой степени цѣльность и послѣдовательность. Удивительны „упованія“ сумбурныя. Изумительна въ нѣкоторыхъ сектахъ смѣсь фанатической вѣры съ безбожіемъ и сумасбродное соединеніе не соединимаго. И поразительна слѣпота увлекаемыхъ явными сумасбродами. Имѣю въ виду въ данномъ случаѣ секту шт.-капитана Ильина „Сіонскую вѣсть“ или еговизмъ. Какъ извѣстно, Ильинъ, желая сдѣлаться отцомъ новозавѣтно-іудейской религіи, далъ въ своемъ ученіи невозможный для здраваго ума хаосъ изъ понятій духоборчества, мистицизма, хилиазма, жидовства и матеріалистическаго безбожія. „Возродитель новозавѣтнаго іудейства“ въ самой дикой и кощунственной ругани вопилъ противъ церкви, ея ритуала, авторитета церковнаго и даже апостольскаго, противъ „всѣхъ 666 сатанинскихъ христіанствъ“ и всякихъ властей; училъ, что боги—тѣ же люди только безсмертные и просвѣщенные таинствами природы; воспѣвалъ Іеговѣ, *еврейскому* Богу, въ „маршѣ лаодикійскихъ побѣдителей къ Сіону“, въ „бомбѣ божіей артиллеріи“ и т. п., возсылалъ Ему свои „ура! вивать, осанна, аллилуія“; проповѣдывалъ обрѣзаніе и субботу; бредилъ о тысячелѣтнемъ царствѣ Христова-израильскомъ въ Іерусалимской республикѣ, которое имѣетъ возобладать всѣми царствами и народами на землѣ и по своему характеру и прелестямъ малымъ тѣмъ будетъ отличаться отъ магометова рая; и при всемъ томъ училъ, что „Ісусъ, распятый Егова, человѣкобогъ, есть простой еврей“, болѣе того,—что „всякому человѣку такое же назначеніе въ природѣ, какъ и подобнымъ ему обезьянамъ и другимъ животнымъ и растеніямъ, т. е. заражаться, возрастать до опредѣленной величины и снова уничтожаться“. Форменный бредъ упомянушаго человѣка! Тѣмъ не менѣе еговизмъ, появившись въ 50-тыхъ годахъ прошлаго вѣка (въ Пермской губ.) до сихъ поръ не только не прошелъ, но даже растится и множится. Какъ сообщаютъ въ нашу редакцію изъ Константиноград. у. Полтав. губ., еговизмъ имѣетъ теперь своихъ исповѣдниковъ и пропагандистовъ и на югѣ Россіи. Среди православ-

наго и штундистскаго населенія Константиноград. у. появились (предполагають изъ г. Одессы) иеговистическія рукописи пропагандистскаго характера. Рукописи вполне отвѣчаютъ сумасбродству „сіонской вѣсти“. Намъ доставлено ихъ нѣсколько. Наименѣе кощунственныя изъ нихъ предлагаемъ здѣсь вниманію нашихъ читателей, опустивъ наиболѣе возмутительныя въ нихъ для православнаго христіанина слова и выраженія.

Лукавый вопросъ.

„Какая вѣра, по вашему мнѣнію, есть самая лучшая?“ — спросилъ однажды какой-то архимандритъ.

Истинный іудей.

Всѣ вѣры хороши, и всѣ никуда не годятся. Хороши потому, что изъ каждой можно попасть на десную предъ Господа, на страшномъ судѣ Его; а всѣ негодны потому, что изъ каждой можно попасть на ошуюю предъ Нимъ. Мат. 25—32. Красивѣйшая-же и прелеснѣе всѣхъ есть та вѣра, которая наряжена въ порфиру и червленицу и украшена золотомъ, драгоценными каменьями и бисеромъ, и заражаетъ... изъ золотой чаши всѣ племена и народы, и у которой пушекъ больше ¹⁾ и попы ²⁾ чревастье и талмудиствѣ.

Христіанская религія, основанная сатаною на седмиглавномъ звѣрствѣ, ³⁾ опьянила всѣ народы самымъ одуряющимъ ракомъ блужденія ея; такъ что и цари земные съ нею-же блудили; а торгаши ея (торговавшіе загонокю душъ въ химерической рай) и мощами (или реликвіями) челоувѣческими, были вельможами (деспотами) на землѣ; и потому удались отъ ней, народъ мой, что-бъ и вы, вмѣстѣ съ нею, не подверглись казнямъ ея: ибо грѣхи ея уже дошли до неба и Богъ припомнилъ всѣ (богословскія) лжи ея, и потому-то въ одинъ день постигнуть ее казни: смерть, голодъ, плачъ и огнемъ сожжена будетъ, и въ этомъ-то адскомъ христіанскомъ найдется кровь пророковъ, кровь святыхъ (миротворцевъ) да и всѣхъ убитыхъ на землѣ! Ей истинно. Аминь.

¹⁾ Бытіе 9—6; Мат. 26—52; К. с. 13—10. ²⁾ Къ Рим. 16—18; Филип. 3—16, 19; 2 Петра 2—1, 2; Исаи 56—11, 12; Иерем. 6—13, 14, 15. ³⁾ К. с. 13—1, 8, 17; 18—2—24; есть мать блудницамъ (666) и мераостей земныхъ. К. с. 17—5 (значить книга (к) съ неба (с) или откр. свят. Іоанна).

Защитникъ еговистовъ сущихъ во всѣхъ народахъ и племенахъ въ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ временахъ.

(Такъ объявляетъ на весь міръ Егова).

Не хвастай мудрецъ (или талмудистъ) ¹⁾ мудростію своею, ни сильный силою своею, и ни богатъ богатствомъ своимъ, а хвастай только тѣмъ, что ты знаешь, кто Я такой и вмѣщаешь въ сердце твое вѣщанія Мои, Іерем. 9—23, 24.

Горе тѣмъ, кои признають тьму за свѣтъ,—а свѣтъ за тьму, т. е. кои признають вѣщанія сатаны за вѣщанія Еговы, а вѣщанія Еговы за вѣщанія сатаны. Ис. 5--20; Рим. 1—18; К. с. 21—8; 22—15.

Гг. члены изъ разныхъ вѣръ и секты! Въ силу царскаго повелѣнія: „подсудимому дать все средства къ оправданію“, прошу васъ опровергнуть убѣдительно для меня ²⁾ все это, что я вамъ здѣсь написалъ; а безъ убѣжденія я готовъ претерпѣть всякое адски-христіанское езуитское мученіе мнѣ отъ васъ! Іоан. 18—23.

1.

Когда Богъ мой Егова исцѣлилъ меня отъ зрячей слѣпоты посредствомъ коллурія въ его книгѣ—съ неба ³⁾, и велѣлъ мнѣ взглянуть на весь міръ ⁴⁾, то я увидѣлъ такъ ясно, какъ 5 пальцевъ на рукѣ, что миротворная братопроphetическая и клеветно-ангельская или общечеловѣческая религія Еговы ⁵⁾ всегда и вездѣ была и будетъ подавляема въ продолженіи 120 седмиднѣ лѣтъ ⁶⁾ враждотворными или отдѣльными религіями сатаны; а миротворцы или еговисты всегда и вездѣ были и должны быть истребляемы до конца оныхъ седмиднѣ сатанистами, согласно сказанному въ К. с. 6—10, 11; 7—15; 18—24.

Символь вѣры

всѣхъ святыхъ пророковъ или еговистовъ и скоробудущей общечеловѣческой религіи.

Два равносильныхъ и предвѣчно-безсмертныхъ челоѣко-Бога въ нашей солнечной системѣ: еврей Егова ⁷⁾ и Гейдэнъ сатана, Егова есть Богъ безсмертныхъ; а сатана есть богъ смертныхъ людей ⁸⁾. По прошествіи 120 седмиднѣ или 6000 лѣтъ, Егова одолѣетъ сатану, закуетъ его въ цѣпи и ввергнетъ въ глубокой провалъ (въ А—іа), замуруетъ и запечатаетъ его

¹⁾ Философъ и богословъ.

²⁾ Или по разуму моему. Рим. 10—2.

³⁾ К. с. 3—18.

⁴⁾ А не на одну Россію, Европу.

⁵⁾ К. с. 22—9, 1 3, 14—12, или скоробудущая новозавѣтно-израильская. Іерем. 31—0, 40—47; Ис. 56—7; 2—2, 4; Мар. 11—17.

⁶⁾ Или 6000 лѣтъ по еврейскому счету.

⁷⁾ И даже обрѣзанный.

⁸⁾ Т. III.

тамъ ¹⁾, установить миръ, свободу ²⁾ и благоденствіе всѣмъ народамъ на 1000 лѣтъ ³⁾ подъ всемірнымъ правленіемъ въ ерусалимской республикѣ ⁴⁾. Послѣ 1000 лѣтъ Егова совсѣмъ истребитъ сатану изъ бытін, со всѣми принадлежащими ему людьми или съ сатанистами сдѣлаеть новую землю въ миллионъ разъ больше этой и безъ океана и морей и поселится на ней со своими бессмертными людьми на 280,000 лѣтъ. Послѣ же сего онъ опять сдѣлаеть новую землю, гораздо лучшую для ихъ жизни и т. д. Онъ станетъ по временамъ передѣлывать землю все лучше и лучше, до безконечнаго уму непостижимаго совершенства и жить на ней нескончаемо вмѣстѣ съ бессмертными людьми.

Городъ Ерусалимъ-же будетъ спущенъ съ неба на преображенную землю, сдѣланный небесными людьми (т. е. жителями на другихъ планетахъ), украшенный драгоценными каменьями, а улицы вымощены прозрачнымъ золотомъ, въ длину, ширину и высоту по 2000 верстъ, окруженный огромною стѣною изъ яшмы съ 12-ю воротами изъ 12 жемчужинъ и съ надписями на нихъ именъ 12 колѣнъ Израиля, но только на мѣсто Дана—Манасія. А на эндомеисахъ (флигеляхъ) имена 12-ти Апостоловъ израильскихъ-же ⁵⁾, посреди города будетъ дворецъ Егова, а храма и никакихъ жертвоприношеній уже не будетъ; изъ подъ дворца будетъ протекать рѣка по всѣмъ улицамъ, и на берегахъ ея будутъ расти дивныя фруктовыя деревья, приносящія новые плоды каждый мѣсяцъ; отъ ѣды сихъ фруктовъ люди не станутъ не старѣться и не умирать; а на всю нескончаемую вѣчность будутъ оставаться бессмертными: мужчины въ возрастъ 34, а женщины 16 лѣтъ. Въ Иерусалима будутъ 24 царства изъ лесныхъ народовъ, спасенныхъ отъ смерти ⁶⁾, и у этихъ загороныхъ жителей хотя смерти тоже не будетъ, но болѣзни еще будутъ случаться; и для исцѣленія отъ нихъ они должны будутъ выпрашивать у горожанъ листьевъ отъ ихъ животворящихъ деревьевъ (К. с. 20, 21, 22 глав); ну вотъ въ какой городъ Ерусалимъ ⁷⁾ приглашаетъ Егова на нескончаемое жителство cadaго человѣка! Или вотъ какая цѣль всякому человѣку отставать отъ сатаны и отъ всѣхъ отдѣльныхъ или враждотворныхъ религій его и приставать къ Еговѣ въ эту миротворную или общечеловѣческую религію Егов!

А изъ сего неопровержимо слѣдуетъ, что всѣ люди раздѣляются только на два сорта: на еговистовъ и сатанистовъ или на миротворцевъ и на враждотворцевъ, или нарoжденныхъ для Егова, и нарoжденныхъ для сатаны ⁸⁾.

1) К. с. 20.

2) И даже границъ не будетъ.

3) Послѣ 1000 лѣтъ мира и единоврїя сатана вырвется изъ провала и сочинитъ на 111 лѣтъ опять его разныя истинныя религіи со страшнѣйшими электрическими пушками и съ пречудотворно-кнутовойно грѣхоснимательными попами, ксендзами, пасторами и пророками искупителями или ходатаями и ходатайницами какого-то міра.

4) И богослужебный, государственный языкъ будетъ уже русскій, а не еврейскій.

5) Въ сатанинскомъ писаніи 13 Апостоловъ (Дѣян. 1—25, 26; 6—2, 4; Рим. 1—1).

6) Мат. 25—31, 46.

7) Сей городъ съ неба еще Авраамъ ожидалъ. Евр. 11—10.

8) 1 Иоан. 3—10; Иоан. 1—13, 8—44; К. с. 21—8, 7; Мат. 5—9.

А потому для всѣхъ людей только два пути въ небо:

1-й путь.

Къ тѣлесному безсмертію или къ трону Егвы 1), сей путь весьма узкій и страшно тернистый и потому очень немногіе люди идутъ по немъ 2), скрѣпя сердце отъ скорбей и страданій, причиняемыхъ имъ отъ идущихъ по широкому пути 3), или иначе сказать: по сему пути идутъ только тѣ люди, кои записаны въ книгу жизни у Егвы 4), и что только этихъ страдальцевъ Егова признаетъ за своихъ меньшихъ братьевъ, сестеръ и матерей (Мат. 12—19, 50; К. с. 3—20). Слышите-ли, гг. судьи (или судья), что у Егвы или по вашему у Иисуса Христа много матерей, а не одна, какъ говорить вамъ сатана

2-й путь.

Къ душевному безсмертію или въ химерическій рай сатаны, который находится гдѣ-то за квадралліоны окталліоновъ верстъ или за всѣми звѣздами и кометами (см. сѣнодскую математическую географію Давыдова да и всякую богословію у сатанистовъ). Сей путь весьма широкій и роскошный, и потому по немъ идутъ и ѣдутъ въ коляскахъ, каретахъ и верхами многіе милліоны людей всякихъ отдѣльныхъ вѣръ или сатанистовъ: съ музыкой, катавасіями, со звонами и барабанами, съ пушками, штыками и мечами, съ парадами, маскарадами, съ торжественными празднованіями и разгулами, и въ постъ и въ святки во всѣ лопатки, съ христіански-блудными плясками и пиршествами съ презабавными моленіями творцу всѣхъ безчисленныхъ 5) солнцевъ, планетъ и кометъ въ безконечномъ пространствѣ и владычицѣ какого-то міра; съ великими или чуть ни съ факирскими чудесами отъ досокъ... и камней 6), разнаряженныхъ въ шелкъ, бархатъ, золото, серебро и драгоценныя каменья 7), съ пестами, крестами, досками, въ дорогихъ окладахъ, и съ шестами съ прицѣпленными на нихъ трипками, лошадиными хвостами 8) и съ индугенціями отъ папъ 3-хъ Римовъ 9) католикосовъ, патріарховъ, шейхъ-исламовъ, далайламовъ, преталмуднѣйшихъ раввиновъ, разныхъ сортовъ поповъ, ксендзовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ (протестантскихъ, сбокустанскихъ и сзадистанскихъ), или двуногихъ деспотовъ и брюховныхъ владыкъ, или кнутобойно грѣхоснимателей изъ всѣхъ 666 христіанскихъ, 10 іудейскихъ, 6 магометанскихъ, 333 буддійскихъ, истинныхъ вѣръ, и многіе изъ нихъ идутъ съ кнутами, батогами и съ пицрутинами, для лупленія шкуръ съ дѣтей Божіихъ 10), или съ ближнихъ своихъ; иудеи-же идутъ съ ихъ жидов-

1) К. с. 7—9, 15.

2) Изъ всѣхъ вѣръ народовъ и языковъ.

3) Мат. 5—10, 12; К. с. 6—10, 11; 7—15; 14—13; 18—24; Мат. 7—13, 14.

4) К. с. 13—8; 20—15.

5) Призадумайтесь надъ словами: всѣхъ безчисленныхъ и въ безконечномъ.

6) Чудо камней въ Новгородѣ, Устюгѣ, Ярославлѣ, Римѣ и въ Индіи.

7) К. с. 17—5.

8) Какъ у турковъ и китайцевъ.

9) Т. е. съ свидѣтельствами о снятіи съ нихъ грѣховъ и злодѣяствъ, вопреки сказанному къ Евр. 10, 26—28; 1 Іоан. 3—15; 1 Кор. 6, 9—11; К. с. 21—8; 22—15.

10) Гал. 3—26.

скими капствами, и съ ротшильдовскими хищеніями золота, изъ всѣхъ царствъ и народовъ и съ адскиталмуднымъ безчеловѣчіемъ ко всѣмъ голямъ (не евреямъ); извѣстно, что всѣхъ идущихъ по широкому пути Егова признаеть не за людей, а за двуногихъ псовъ ¹⁾, и увѣряеть, что всѣ такіе люди, при второмъ воскрешеніи мертвыхъ, будутъ истреблены изъ бытія на всю нескончемую вѣчность, сожженіемъ ихъ въ огненномъ провалѣ ²⁾; а при первомъ воскрешеніи мертвыхъ изъ нихъ будутъ убиты и умерщвлены разными казнями до 3.500,000,000 душъ.

II.

Егова попробоваль было завести на землѣ принадлежащій Ему народъ изъ размножившихся (въ Египтѣ) потомковъ Авраама и Сарры и велѣль имъ служить и угождать только одному Ему. Но скоро сатана захватилъ къ себѣ и сей еговинъ народъ и наконецъ изгналъ ихъ изъ страны, но за 700 лѣтъ до Рожд. Хр. Егова какъ-то ухитрился спрятать отъ сатаны 10 колѣнь изъ своего народа ³⁾, а остальные 2 колѣна или іудеевъ сатана разсѣяль по всей землѣ, и наконецъ превратилъ ихъ въ адски-безчеловѣчный сонмъ губителей и разорителей всѣхъ другихъ народовъ и племень (и даже Авраамовскихъ-же), т. е. посредствомъ іудеевъ оны пронаводитъ горе всѣмъ живущимъ на сушѣ и на водѣ (К. с. 12—12).

III

Въ продолженіи 4000 лѣтъ сатана утаиваетъ отъ іудеевъ или не даетъ имъ услышать слѣдующихъ вѣщаній къ нимъ Еговы:

1. Вы іудеи слѣпы, глухи, съ каменными сердцами и съ желѣзными затылками или самый негодный и непокорный мнѣ народъ. Ис. 48—4. Іез. 2, 3—8; 3—7, 26, 27.

2. И до сихъ поръ вы не хотите узнать, кто Я такой ⁴⁾, и потому отпали отъ меня къ сатанѣ.

3. Переиначили или низвратили Мой законъ и сдѣлали оный хуже всякаго гейдэнскаго закона ⁵⁾.

4. Такъ ясно показано вамъ, какъ 5 пальцевъ на рукъ, что я былъ распятъ вами, а сатана запретилъ вамъ этому вѣрить. Зах. 12, 9—14; Іер. 3—7, 24, 26.

5. Вмѣсто васъ я набралъ и набираю въ рабы Мнѣ изъ всѣхъ гейдэновъ ⁶⁾; но вы и сему не вѣрите.

6. Въ продолженіи 3,500 лѣтъ Я каждый день простираю къ вамъ руки Мои, говоря: „возвратитесь вы ко Мнѣ, такъ и Я возвращусь къ вамъ“ ⁷⁾, но вы противитесь и говорите: нѣтъ, Ты возвратись къ намъ, тогда и мы отстанемъ отъ сатаны и возвратимся къ Тебѣ (опять съ тѣми-же низвращеннымъ закономъ и съ адски-безчеловѣчными талмудами) ⁸⁾.

1) К. с. 22—15.

2) К. с. 21—8; 22—15; Мат. 25, 31—46.

3) 3 (4) Ездр. 13, 40—48.

4) Ис. 1—2, 3. Іер. 9—23, 24; 20—38.

5) Іез. 5—6; Іер. 23—36.

6) Ис. 65—1, 2, 15; 56—3, 7; 14—1; 19—23, 25; Зах. 8—22, 23; К. с. 7—9, 15.

7) Зах. 1—3; 5 Моис. 30, 1—8; Мал. 3—7.

8) Въ молитвахъ.

7. А такъ какъ Я знаю, что вы не послушаетесь даже и сего нынѣшняго всемірнаго посланника Моего Ілію, то посему я вынужденъ буду предать и имя ваше на проклятіе новымъ рабамъ моимъ, а новыхъ рабовъ моихъ Я назову новымъ именемъ ¹⁾; а при послѣдней моей битвѣ съ сатаной, Я хотя и соберу васъ до единаго отовсюду, но въ Ерусалимъ дойдутъ только тѣ изъ васъ, кои пожелаютъ сдѣлаться такими-же тѣлесно-безсмертными, какъ и 141,000 израильтянъ ²⁾. Енохъ, Ілія, Моисей, Авраамъ, Исаакъ, Яковъ, Мельхиседекъ, Валаамъ, Замолквинъ, Пивагоръ ³⁾ и проч. бросятъ весь сатанинскій міръ и всѣ въ немъ вѣры и прелести и со всемірнобратскою любовію ко всемъ человѣкамъ прійдутъ ко мнѣ по узкому пути, а воспротивившіеся сему всемірному благовѣстію Моему и не дойдутъ до Ерусалима, а погибнуть въ пустынь, такъ-же, какъ погибли въ древности при выхогѣ изъ Египта—Іез. 20—38. А теперь прислушайтесь съ благоговѣніемъ, какъ начнется царствованіе Еговы въ Ерусалимѣ на 1000 лѣтъ. Мих. 4—3; Авд. 1—21; К. с. 20—4; Ис. 60, 1—20; 24—23; 33—20. Вотъ тьма покроетъ всю землю и омрачатся всѣ народы ⁴⁾, а надъ тобою, Ерусалимъ, явится Егова и слава его засіяетъ на тебѣ, и гейдэны начнутъ ходить во свѣтѣ твоемъ и цари ихъ въ лучезарномъ блескѣ твоемъ ⁵⁾, и тогда отъ востока до запада будетъ прославляемо имя Мое и гейдэнами и на всякомъ мѣстѣ. Они станутъ поклоняться, кадить и приносить чистыя жертвы имени Моему, ибо имя Мое Егова; должны будутъ прославлять и всѣ гейдэны ⁶⁾, и храмъ мой на новой ⁷⁾ сіонской горѣ будетъ молитвеннымъ храмомъ уже для всѣхъ народовъ ⁸⁾. И тогда Израиль будетъ самъ третій, ибо къ нему присоединятся еще два народа: измаильтяне ⁹⁾ и армяне ¹⁰⁾, и тогда всѣ народы, раскуютъ ихъ (адское) оружіе на земледѣльческія снасти, и не возстанетъ войною никакой народъ на другой народъ и даже ученія военнаго не будетъ на 1000 лѣтъ ¹¹⁾, и тогда Егова соединится съ приставшими къ Нему изъ евреевъ ¹²⁾ уже неразлучно на всю нескончаемую вѣчность ¹³⁾, проститъ имъ всѣ ихъ преступленія; и съ тѣхъ поръ Онъ станетъ уже благодѣтельствовать имъ и вложить въ ихъ сердца уже такую довѣрчивость и преданность къ Нему, что они уже не станутъ больше отпадать отъ Него (къ сатанѣ, подъ именемъ Адонай), и только съ тѣхъ поръ Онъ будетъ Богомъ ихъ; а они будутъ народомъ ¹⁴⁾ Его и

¹⁾ Ис. 65—15.

²⁾ К. с. 7, 4—8; 14—14.

³⁾ См. То. т. изъ 12-ти таннѣ.

⁴⁾ И въ особенности христіане чрезъ перегородженіе ихъ сатаной на 666 разныхъ истинныхъ вѣръ или перегородокъ.

⁵⁾ Ис. 60—2, 3—20.

⁶⁾ А которыя воспротивятся, у тѣхъ не будетъ дожда, и станутъ у нихъ гнить языкъ и глаза. Зах. 14—12, 17, 18.

⁷⁾ Ис. 2—2.

⁸⁾ Ис. 56—7; 2—2. Мал. 1—11. Мар. 11—17. К. с. 11—1, 2; 15—4.

⁹⁾ Т. е. потомки Измаила, сына Авраамова. Ис. 19, 23—25; 1 Моис. 17—20; 25—16, 20; 16—10, 11.

¹⁰⁾ Сородичи Авраамовы. Ис. 19—24, 25; 1 Моис. 25—20 и 16—26, 29.

¹¹⁾ Мих. 4—3; Ис. 2, 2—4; 11, 6—3; К. с. 20—4.

¹²⁾ См. 3-ю ст.

¹³⁾ Слышите-ли сатанисты изъ христіанъ?

¹⁴⁾ Слышите-ли судьи (или судья) изъ іудеевъ или езуитовъ, что нынѣ Егова не вашъ Богъ и вы не народъ Его; а сонмище сатанино или дыравертово? К. с. 2—9; 3—9; 13, 11—13, 8. Слѣдовательно отъ закона вашего надо удаляться какъ отъ холеры.

тогда они не станут говорить между собою „какъ-бы узнать, кто такой Егова?“ ибо (они т. е. иудеи) будутъ знать Его всё отъ малаго до взросло-го; и поселить ихъ въ его ¹⁾ израильской странѣ уже безъ изгнанія ²⁾ а христіанство даже и воспоминаемо нигдѣ не будетъ. Ис, 60; Рим. 11 27—29 ³⁾.

IV.

9 в о п р о с о в ъ

для отторженія христіанъ отъ сатаны.

1. Извѣстно, что каждая изъ 666 христіанскихъ вѣръ основаны на апостольскомъ изреченіи, но неужели такое адское разногласіе въ христіанскомъ свящ. Писаніи отъ Егovy; а не отъ сатаны?

2. Ясно-ли теперь вамъ, гг. судьи (или судья), что 666 сатанинское библейское талмуданство, подъ названіемъ христіанство, есть верхъ совершенства изъ всѣхъ вымысловъ сатаны, на погибель человѣкамъ, и въ особенности иудеямъ? ⁴⁾

3. Должно-ли вѣрить словамъ Егovy, что всѣ любители и исполнители (враждотворной перегородочной) лжи будутъ ввергнуты въ огненный провалъ? ⁵⁾

4. Отчего Егова не можетъ отторгнуть иудеевъ отъ сатаны даже въ 400 лѣтъ, и уничтожить всѣ христіанскія вѣры даже до армагеддонскаго дня? ⁶⁾

5. Ясно-ли теперь для васъ, что кто не позволяетъ или утаиваетъ какъ канарскитъ прокуроръ возвѣщать это отрадное для израиля, а съ ними и для всѣхъ людей, благовѣстіе, тотъ воастаетъ не противъ еговистовъ, а противъ самаго Егovy? ⁷⁾

6. Егова объявляетъ на весь міръ ⁸⁾, что кто хочетъ сдѣлаться тѣлесно-безсмертнымъ, тотъ долженъ бросить всѣ вѣры и станетъ исполнять только писанное въ Его книгѣ съ неба ⁹⁾, но отчего-же никто изъ сатанистовъ этому не вѣритъ; а исполняетъ писанное въ уставахъ своей сатанинской перегородкѣ; а вы даже хотите убить насъ за это исполненіе повелѣнія Егovy?

7. Ну убѣдились-ли вы теперь, что съ возвращеніемъ израильтянъ (изъ Арсарета 3 к. Ездр. 13—41) къ Еговѣ исчезнетъ въ мірѣ не только-что всякое враждотворное (и канарскитское клеветничество на еговистовъ) талмуданство, но даже и самый источникъ всѣхъ талмудистовъ, т. е. адски-враждотворная біблія?

8. Правда-ли, что каждый сатанистъ исчезнетъ изъ бытія, какъ и скоть? Еккл. 3—19; Псал. 48—49, 13; 2 Петр. 2—12.

¹⁾ 4 М. 25—34; 5—3; 2 М. 29—45; Іез. 38—16; 48—35; Ис. 14—25

²⁾ Іер. 32, 37—40; *1, 30—39; Ос. 3—3, 4, 5; Ис. 60; Рим. 11, 27—29.

³⁾ Слышите-ли, сатанисты 666 христіанскихъ вѣръ.

⁴⁾ Лук. 11, 51—53; 19, 41—44; Ис. 65—18; 60—2; К. с. 18—3, 23, 27; 17, 2, 6—15; 19—2; 13—8, 11, 12; 20, 2—10.

⁵⁾ К. с. 21—8; 22—15.

⁶⁾ К. с. 16—16; Іез. 38 и 39 и V.

⁷⁾ См. Рожонъ въ VII.

⁸⁾ Еще въ 62 г. по Р. Хр.

⁹⁾ К. с. 22—6, 7, 9, 17; 1—3; 14—12.

9. Должно-ли вѣрить словамъ Еговы, что подъ именемъ поклоненія Христу, Адонаю, Аллаху, небу и брамуту весь міръ (кромя записанныхъ въ книгѣ жизни или кромя еговистовъ) поклоняется исконному плуту, т. е. сатанѣ? ¹⁾ Гг. адеки-христіанскіе члены! (или членъ) еще повторяю вамъ, что если вы убѣдительно не отвѣтите мнѣ на сіи вопросы и на всѣ статьи, то и я также возопію на васъ къ Еговѣ, какъ и тѣ братья и друзья мои, кои тамъ на небѣ вопіютъ къ Нему и просятъ отмщенія ихъ злодѣямъ: К. с. 6—10, 11.

V.

Рожонъ Еговы,

данный мнѣ, чтобъ выставить оный противъ васъ гонителей Его и мучителей насъ, такъ говоритъ Егова о нынѣшнемъ всемірномъ свѣтителѣ отъ него:

„Пришедшимъ съ востока ²⁾: Я возбужду на сѣверѣ. и онъ возвѣститъ всѣмъ народамъ имя Мое ³⁾ и общечеловѣческую истину ⁴⁾, но возвѣститъ такъ, что ни публичной проповѣди Его и даже ни треска отъ переломленнаго имъ прутика на улицѣ никто не услышитъ ⁵⁾ и сего то мужа Я сдѣлалъ свѣтомъ всѣмъ народамъ и соединителемъ съ ними израильтянъ въ одну вѣру въ меня на 1000 лѣтъ. Ис. 41—25; 42, 6—1; 45—23; 56—7; 2 2—4; Мар. 11—17; Еф. 4—13; Рим. 11—17, 29; К. с. 15—4; 11—1, 2. На Соловецкій островъ ⁶⁾, съ Баранчи или отъ Синеи горы (Дан. 2—34), лежащей прямо на востокъ отъ Соловецкаго, Егова — это предвѣчнодивное и спасительное, Иоил. 2—32 (3—5), имя Ему открыто въ 1-й разъ только Моисею 2 Моис. 6—3; 15—3; Ос. 12—6; иудеямъ-же сатана страшно запретилъ, никогда не проаноситъ это имя, а другимъ народамъ онъ велѣлъ произносить вмѣсто Егова человѣческой деспотической титулъ — господинъ или баринъ (господь), панъ, доминусъ, герръ, лордъ и т. д., а лютеру внушилъ написать, вмѣсто Егова, выраженіе собачьей злости герръ герръ: Амос. 3—7.

И такъ, слѣпые, глухіе, съ мѣдными лбами или заживо мертвые ⁷⁾ сатанисты, что вы противитесь и гоните Меня? Вѣдь вы заколетесь на всю нескончаемую вѣчность, напирая на сей мой рожонъ ⁸⁾, но такъ какъ Я не желаю смерти никакому человѣку ⁹⁾, то посему Я совѣтую вамъ пома-

¹⁾ К. с. 13—8; Лук. 4—6, 7; 2 Кор. 4—4.

²⁾ К. с. 13—8; Лук. 4—6, 7; Кор. 4—7.

³⁾ К. с. 22—6, 7, 9, 17; 1—3; 14—12.

⁴⁾ Т. е. всемірно-братскую вѣру въ Егову. К. с. 15—4; 22—8; 14—12.

⁵⁾ Слѣд, и столовъ въ храмѣ не поломаешь, торговцевъ веревкою не отлупить, 2000 свиней у генисеретцевъ не погубить и толпы иудеевъ за нимъ ходить не будутъ. А это значить, что онъ возвѣститъ эту Божию истину не словесно, а письменно, и не такъ какъ Христосъ возвѣщалъ эту же истину только однимъ иудеямъ, Матѣ. 10—5; 15—24; 5—1; Лук. 16—17; Дѣян. 21, 20—26; Рим. 3—31; 11—27, 29; Евр. 4—9; Ос. 3—4, 5 и т. п.

⁶⁾ Ильинъ былъ въ 1856 году сосланъ въ Соловецкій монастырь. *Ред.*

⁷⁾ К. с. 3—1, 16—18; Матѣ. 8—22; Ис. 48—4; Іез. 2—3, 8; 3—7.

⁸⁾ Дѣян. 9—4, 5; 22—7, 8.

⁹⁾ Прем. 1—13, 16; Іез. 33—11; 1 Тим. 2—4; К. с. 7—9, 15.

зять очи ваши Моимъ коллуриемъ изъ к. с. 1), чтобъ вы проарѣли и увидѣли-бъ, что это животворящее благовѣстіе не могъ выдумать безъ Меня, не только никакой человѣкъ, но и Ангелъ, да, и какъ васъ не считать мѣдлолобными ²⁾ и заживомертвыми, если я говорю, что сего-то мужа Я сдѣлалъ свѣтомъ всемъ народамъ, то слѣдовательно, кто освѣтится симъ свѣтомъ, тотъ долженъ воздать благодарность за оный только Мнѣ; а не человѣку и ни ангелу, и если кто скажетъ, «что этотъ свѣтъ не отъ Еговы, а бредни какого-то полковника» ³⁾, тотъ ниарыгнетъ хулу на Меня, а не на полковника и будетъ ввергнуть въ огненный провалъ и если вы вѣрите сатанѣ, что будто нѣтъ въ нашей солнечной миріадѣ такого предвѣчно-безсмертнаго человѣка (еврея, который знаетъ всѣ таинства природы, не только земной, но и другихъ солнцевъ и планетъ и можетъ исцѣлять отъ всякихъ болѣзней и оживлять мертвыхъ ⁴⁾); то отчего-же вы не вѣрите, что въ такомъ случаѣ и всякая умерщвляющая религія бесполезна? 1 Кор. 15—29, 32, 16, 17; Ис. 65—15; 1, 2—15; Нау. 1—2; Иа. 20—38; 1 Иоан. 3—15; 1 Кор. 13, 1—3; Мате. 25, 41—46.

VI.

А изъ сего неопровержимо слѣдуетъ, что проклять отъ Бога безсмертія, мира и всемірно-братской любви, и отъ всѣхъ миротворцевъ, кто сочиняетъ какую либо религіозную перегородку (т. е. вражду) въ человѣчествѣ. К. с. 21—8; 22—15; Ис. 5—20; Амос. 5—7; Рим. 1—18; Евр. 4—13; Іуд. 1—19.

VII.

Заключеніе.

1. Изъ всего написаннаго въ сей Божіей книжкѣ ясно слѣдуетъ, что кто изъ васъ не хочетъ сдѣлаться тѣлесно-безсмертнымъ, тотъ толкуй только о томъ, какъ-бы ему сдѣлаться богачомъ или самымъ безчеловѣчнымъ канарскитомъ, христіаниномъ езуитомъ, и знаменитымъ баринномъ или предсѣдателемъ сонма губителей ⁵⁾ и для того переходи во всякія сатанинскія религіи и народности хоть 5 разъ въ годъ; ибо и сами видите что нѣтъ награды сатанистамъ (или идущимъ по широкому пути) ни за какую у нихъ вѣру. Мат. 25—31, 46; 8, 11, 12; Иоан. 3—10, 15; К. с. 21—8; 22—15; 9—21, 22; Ис. 65—15; 1—1, 15; Пс. 16—11, 2—2; 7—11; Иа. 20—38; К. с. 2—9; 3—9, 14, 14, 16—18.

2. Кто же изъ васъ пожелаетъ сдѣлаться безсмертнымъ, тотъ долженъ исполнять въ точности сказанное Еговою чрезъ всемірнаго свѣтителя, въ книжкѣ подъ заглавіемъ открытіе 12-ти таянъ изъ послѣдней битвы Еговы съ сатаной.

3. Еговисты отнюдь не должны презирать или ненавидѣть сатанистовъ, ни за какую ихъ религію, народность, законы и грѣхи и не дѣлать никому изъ нихъ никакого вреда и обмана, позволять сатанистамъ дѣлать

1) К. с. 3—18.

2) Или канарскитами и езуитами.

3) Или какъ вы говорите «это бредни прохвоста и раскола учителя Николая Ильина».

4) 5 М. 32—39; Пс. 67—21; 70—2; 1 Цар. (Сам.) 2—6; Дѣян. 26—8; Прем. 16—13; Иоан. 8—51; К. с. 3—18.

5) Пс. 1—2.

что имъ угодно надъ усопшими еговистами, и крестить и зачислять ихъ дѣтей въ какія угодно сатанинскія у нихъ вѣры.

4. Еговисты должны отдавать кесарево кесарю, а Еговино Еговѣ.

5. Каждые еговисты, при разсылкѣ во всѣ царства и народы сего животворящаго благовѣстія Еговы, должны молиться такъ: отъ всей души моей возлюбленный 1) Богъ—Боговъ 2) предвѣчный челоувѣкъ Егова! 3), пусть воавѣстится, какъ можно скорѣй, сей твой призывъ къ безсмертію и въ одну вѣру въ Тебя всѣмъ іудеямъ, а чрезъ нихъ всѣмъ народамъ и племенамъ: ибо по предсказанію Твоему это благовѣстіе должно начаться отъ іудеевъ 4).

Но если-же найдется и такой осатанѣлый врагъ Твой, который и по прочтеніи сей книжки Твоей не перестанетъ гнать Тебя и изрыгать хулу на Тебя за такое животворищее благовѣстіе Твое и называть насъ еговистовъ Твоихъ раскольниками или суетвѣрами, то пусть у него отвалится языкъ и не увидитъ больше дневного свѣта 5) согласно сказанному Тобой у Зах. 14—12; К. с. 18—6, 8, 20; 2—22; 23; 3—10; Наум. 1—2. Ибо такой врагъ Твой уже знаетъ, что онъ творитъ волю сатаны! Амины!

VIII.

И если это наше благовѣстіе не отъ Еговы, то докажите мнѣ, что оно отъ сатаны; а если же доказать не можете, то за что же вы убиваете насъ? И неужели сатана вадумалъ приводить всѣхъ людей къ поклоненію Еговѣ, сдѣлать миръ на 1000 лѣтъ и себя свергнуть въ провалъ? К. с. 20—2, 3.

IX.

Но не желая и вамъ всевѣчной гибели изъ бытія, Я въ послѣдній разъ взываю къ вамъ: отложите вашу злобу на Меня хоть только на 1/2 часа и съ благоговѣніемъ прислушайтесь, можетъ быть вы услышите что Егова нынѣ чрезъ насъ еговистовъ Его, набираетъ людей къ тѣлесному безсмертію изъ всѣхъ вѣръ, и призываетъ весь міръ въ одну вѣру въ Него на 1000 лѣтъ, а не новый расколъ творитъ еще въ челоувѣчествѣ.

Ей! Истинно! Аминь.

Вотъ она „Божья книжка“ „сіонской вѣсти“, вотъ оно „всемірное и животворящее благовѣстіе“ еговистовъ. Хотя „божья книжка“ и грозитъ „огненнымъ проваломъ“ и шлетъ ужасныя проклятія тѣмъ, кто дерзнулъ бы „сказать, что этотъ свѣтъ не отъ Еговы, а бредни какого-то полковника“, тѣмъ не менѣе признать ее за что-нибудь другое, кромѣ самого большаго бреда, нѣтъ никакой возможности. Сплошной бредъ

1) 5 Мое. 6—5; Мат. 22—37.

2) 5 М. 10—17; 2 М. 15—11; 18—11; Дан. 2—37; Пс. 49—1; 81—1; 88—8.

3) 2 М. 33—11; 4 М. 12 7, 8.

4) Іоан. 4—22; Ис. 2 2, 5; 6—7; Зах. 8—22, 23; К. с. 18—4, 5.

5) И пусть мученическія слезы наши, проливаемые вами, падутъ на насъ и на дѣтей вашихъ.

человѣка, не подыавшагося по своему религіозному образованію выше мѣщанскихъ подонковъ. Это — своего рода „на днѣ“ сектантства. Для всякаго здравомыслящаго вполне понятно, что отвѣты на вопросы „божьей книжки“ еговиста — излишни, какъ излишенъ былъ бы разговоръ въ серьезъ съ бредящимъ больнымъ, невмѣняемымъ. Видовъ душевныхъ болѣзней много, номенклатура и лѣченіе ихъ выходитъ изъ сферы дѣятельности православной миссіи, — тутъ дѣло психіатровъ. О „сіонской вѣсти“ въ миссіонерской литературѣ по этому самому не было-бы и рѣчи, не окажись психозъ Ильина заразнымъ. Бредъ религіозно-безграмотнаго штабсъ-капитана артиллеріи создалъ секту. „Преданные въ неискусенъ умъ“ приняли словоизверженіе пиетіи за „животворящее благовѣстіе Егovy“, повѣрили ему болѣе, чѣмъ Христу, святымъ Апостоламъ и ихъ писаніямъ: христіанство объявили (какая хула и дерзость!) дѣломъ *сатаны*, какъ нѣкогда книжники и фарисеи объясняли чудеса Христовы силой Веельзевула; вмѣсто единаго Бога признали „*двухъ равносильныхъ и предвѣчно-безсмертныхъ*“ человѣко-боговъ въ нашей солнечной системѣ — еврея Егову и гейдена — сатану, Бога *безсмертныхъ* (тѣлесно), и бога *смертныхъ* (тѣлесно) людей“; „всѣ вѣры“, въ подрывъ даже и собственной сектѣ, назвали „и хорошими и никуда негодными, — хорошими, потому что изъ *каждой* можно попасть на десную предъ Господа, на страшномъ судѣ Его, и никуда негодными, потому что изъ *каждой* можно попасть на ошуюю предъ Нимъ“: полный религіозный индифферентизмъ! И сколько другихъ нелѣпостей и безбожія нагорожено въ этой сумбурной сектѣ?! и, что возмутительнѣе всего, почти подъ каждое изрыганіе богохульства подставленъ здѣсь текстъ Слова Божія, хотя послѣднее сектанты при случаѣ похуляютъ и сатанинскимъ писаніемъ... О, бездна милосердія и долготерпѣнія Божія къ невѣдущимъ, „что творять“! Отъ безумія, кощунства и богохульства еговистовъ несетъ сердце-леденящимъ сатанинскимъ холодомъ и ужасомъ! И однако донныя находятся въ народѣ прозелиты этой дикой секты. Ужели и ея послѣдователи должны праздновать нынѣ и раздѣлять торжество „свободы исповѣданій“, на-ряду со старообрядцами, евангеликами, молоканами и съ другими безчисленными видами отступничества?!. Тогда Россія опередитъ широтой своей вѣротерпимости саму Америку.

Н. Г.

Къ вопросу о необходимости научной подготовки единовѣрческаго духовенства.

I.

Въ № 20 „Мисс. Обзорнія“ за 1904 г. о. Шлеевъ, въ своей статьѣ: „Необходимость научной подготовки единовѣрческаго духовенства“, винить въ неуспѣшности единовѣрія болѣе всего единовѣрческихъ священниковъ. Онъ проектируетъ своихъ достойныхъ кандидатовъ на священствованіе среди единовѣрія, которые держали бы единовѣрцевъ неподвижно, угождали имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ и тѣмъ болѣе вели себя изолированно отъ православной Церкви. О. Шлеевъ всю свою статью построилъ на своихъ соображеніяхъ, не касаясь св. Писанія. Скажу нѣсколько словъ по поводу его статьи. Мнѣ, какъ единовѣрцу, окруженному раскольниками родственниками, приходилось наблюдать въ теченіе 30 лѣтъ надъ жизнью единовѣрія; хорошо мнѣ извѣстны и мѣстные обычаи единовѣрія. О. Шлеевъ сѣтуетъ на то, что болѣе бываетъ присоединеній къ православной Церкви, чѣмъ къ единовѣрцію, онъ дѣлаетъ подсчетъ по статистикѣ за царствованіе Императора Николая 1-го и за теперешнее Николая II-го. Но О. Шлееву не мѣшало бы обратить вниманіе на законы гражданскіе, которые не мало вліяли на раскольниковъ „административною“; по сіе время единовѣрцы времени Николая I отличаются своею фанатичностію къ православной Церкви. Въ настоящее время присоединеніе изъ раскола бываетъ болѣе осмысленное и единовѣрцы становятся настоящими чадами св. Церкви; присоединенія уступаютъ теперь въ количественномъ отношеніи, но теперешніе единовѣрцы благонадежнѣе прежнихъ, что видно и на опытѣ. Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской епархіи, на весь уѣздъ былъ одинъ единовѣрческій приходъ; за время 50—лѣтняго своего существованія единовѣріе въ немъ осталось неподвижно. Несмотря на то, что раскольниковъ—цѣлыя деревни рядомъ съ приходомъ, приходъ не пополнился насчетъ раскола но, къ сожалѣнію, умалился. Вотъ тутъ какая

причина? Единовѣріе этого прихода по всѣмъ желаннымъ пунктамъ о. Шлеева: Богослуженіе—цельзя лучше требовать, священники мѣняются довольно чрезъ продолжительное время, и то по желанію самихъ единовѣрцевъ, но все-таки къ православному приходу болѣе присоединилось раскольниковъ, чѣмъ къ единовѣрческому!.. Высказанное о. Шлеевымъ мнѣніе о единовѣрческихъ священникахъ во многомъ не вѣрно; священники набраны „съ бору да съ сосенки“,—правда, есть такіе, но только они набраны по желанію самихъ же единовѣрцевъ, благодаря ихъ полноправности въ этомъ дѣлѣ.

Что касается „новаторства, будто бы вводимаго единовѣрч. священниками, слѣпото подражанія никому—ненужнаго и даже гибельнаго“, то это ужъ слишкомъ строгій судъ... Блаженной памяти почившій о. архимандритъ Павелъ Прусскій сколько положилъ трудовъ для того, чтобы сблизить единовѣріе съ православіемъ, и его вы, о. Шлеевъ, отдаете подъ судъ... Лучше бы поучиться намъ у о. Павла; едва-ли намъ съ вами, о. Шлеевъ, удастся столько обратить заблудшихъ на путь истины, сколько обратилъ ихъ о. Павелъ!

Если поближе прислушаться и присмотрѣться къ единовѣрческому приходу, то можно усмотрѣть такихъ единовѣрцевъ, которымъ не нравится все то, что не по ихъ желанію; но только такіе единовѣрцы служатъ не для единенія въ вѣрѣ, а лично для своихъ капризовъ; они всегда и во всемъ найдутъ неудовлетворительность, и между собою ведутъ нескончаемые споры и вражду; одни хотятъ, напр., чтобы всѣ стѣны храма были обставлены иконами, другая партія этого не желаетъ, чтобы не портить штукатурки стѣнъ гвоздями, пошли жалобы въ Св. Синодъ; а священникъ—молчи, давай полную свободу прихожанамъ, „не глуши прихода“, онъ все дѣлаетъ „для спасенія души“; въ результатѣ вышло, что одна партія перестаетъ ходить въ храмъ, а все благодаря „полноправству единовѣрцевъ“?... Главное дѣло для священника—говорить и дѣлать правду; но она многимъ единовѣрцамъ не нравится, за нее можно нажать нерасположеніе у прихожанъ, лицемерить же не у каждаго священника хватаетъ духу. Спросите о. Шлеева, какъ нравятся единовѣрцамъ его бесѣды съ раскольниками о содержимыхъ православною Церковью обрядахъ. Многимъ единовѣрцамъ противны такія бесѣды, противно имъ и „новаторство“, но ужели изъ за такихъ единовѣрцевъ и оставлять миссію? Какъ хотите, единовѣрцы,

а миссія необходимо нужна,—неподвижное единовѣріе мало принесеть пользы: въ Макаръевскомъ уѣздѣ неподвижное единовѣріе за 50—лѣтнее существованіе не приобрѣло столько чадъ св. Церкви, сколько новоустроенные приходы за 5 лѣтъ своего существованія; а всѣ они—съ нежеланнымъ (для о. Шлеева) „новаторствомъ“; нѣтъ,—это „новаторство“ служить не препятствіемъ для раскольниковъ къ присоединенію, а скорѣе къ единенію съ православной Церковью. Есть много единовѣрцевъ, извѣстныхъ пишущему эти строки, которымъ не только обряды православной церкви противны, но и всю православную Церковь они считаютъ за еретическую, и мечтаютъ объ особомъ единовѣрческомъ епископѣ; скажите, о. Шлеевъ, и тутъ не нужно „ломать уклада единовѣрцевъ, освященнаго вѣками“? Болѣе всѣхъ такіе то единовѣрцы и не удовлетворяются въ ихъ пожеланіяхъ! О. Шлеевъ коснулся проповѣдничества, а до главнаго вопроса тутъ почему то не договорился: чтеніе нарастѣвъ святоотеческихъ поученій, можетъ быть, только въ большихъ городахъ настраиваетъ „на праздничный ладъ“ слушателей, а что касается захолустныхъ селъ, то въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ: берутся читать поученія такіе мастера, что читаемаго и сами не понимаютъ, не понимаютъ ихъ чтенія и слушатели, и въ большинствѣ предпочитаютъ выходить изъ храма на это время... А что скажетъ о. Шлеевъ о живой проповѣди, которая не только желательна, но и необходима въ нынѣшнее время? но вѣдь нѣкоторымъ единовѣрцамъ она не нужна,—значитъ и тутъ молчи священникъ? а молчаніемъ скорѣе можно „заглушить приходъ“: живая проповѣдь большинству приноситъ немалую пользу; развѣ и тутъ „слѣное подражаніе“? „Единовѣрцы сознательно, осмысленно сами выбираютъ себѣ пастыря и прочихъ служителей“, говоритъ о. Шлеевъ,—да развѣ всѣ въ приходѣ одного и того же желаютъ имѣть пастыремъ? сколько бываетъ нестроенія въ приходѣ изъ за выборовъ? напимѣръ, изъ за псаломщика нежелающая сторона перестаетъ ходить въ церковь... а это все оттого, что единовѣрцы считаютъ себя „полноправными въ приходѣ“. О. Шлеевъ православныхъ посылаетъ учиться у единовѣрцевъ. Ужели же на самомъ дѣлѣ необходимо каждому прихожанину распоряжаться въ церкви для спасенія души? Сомнѣваемся. Для спасенія нужны кротость и смиреніе, а не гордость... О. Шлееву хочется выдѣлить единовѣрческое духовенство въ особое общество, которое должно будто бы

добиваться своихъ правъ. Но, кажется, должно быть извѣстнымъ о. Шлееву, что единовѣрческое духовенство имѣетъ такія же права, какъ православныя. Что же—развѣ завести единовѣрцамъ особый комитетъ, на подобіе австрійскаго „духовнаго совѣта“? но это уже что-то не единовѣріе. Намъ, единовѣрцамъ, слѣдуетъ достигать единенія духа въ союзъ мира, тѣмъ единовѣрцы еще не могутъ похвалиться. А о. Шлеевъ хочетъ закрѣпить единовѣріе въ узкія рамки неподвижности.

О. Шлеевъ говоритъ, что молодые люди становятся никудышниками отъ „новаторства“ священниковъ; такихъ молодыхъ людей вовсе не интересуется религіозная жизнь и дѣлаются они не только никудышниками, а нерѣдко и нигилистами, но это уже не по винѣ священниковъ...

Въ проектируемой о. Шлеевымъ школѣ для подготовленія кандидатовъ священства первыя мѣста займутъ уволенные изъ учебныхъ заведеній, хотя самъ же о. Шлеевъ говоритъ: несчастіе для единовѣрцевъ имѣть священника, уволеннаго изъ учебнаго заведенія. Предметы единовѣрческой школы, намѣченные о. Шлеевымъ, единовѣрцевъ не удовлетворяютъ. Единовѣріе вообще болѣе всего дорожитъ мѣстнымъ обычаемъ, не взирая на книжный уставъ, и тѣмъ болѣе, если единовѣрческій приходъ состоитъ изъ раскольниковъ, обратившихся изъ разныхъ сектъ, и каждый изъ нихъ требуетъ, что для него нравится, нерѣдко въ ущербъ другимъ; а всѣхъ таковыхъ священнику нѣтъ возможности удовлетворить.

Вѣрнѣе всего можно ожидать успѣха единовѣрія, если священникъ будетъ миссіонерствовать: тогда не будетъ мѣста соблазнамъ чрезъ „новаторство“, и не будутъ единовѣрцы пренебрегать новоисправленными обрядами. Если онъ будетъ знать одно только богослуженіе и не будетъ миссіонеромъ или проповѣдникомъ, успѣхъ единовѣрія сомнителенъ. Да не посѣтуетъ на меня о. Шлеевъ,—я высказалъ то, что пережилъ и перечувствовалъ, бывши единовѣрцемъ 30 лѣтъ, интересуюсь въ то же время и миссіонерствомъ; и въ настоящее время служу въ числѣ „малыхъ сихъ“ въ районѣ кореннаго единовѣрія. И вотъ мое убѣжденіе: только въ единствѣ миссіи единовѣрія и православія—успѣхъ единовѣрческаго дѣла.

Единовѣрческій священникъ Макарьевскаго уѣзда

Николай Васильевъ

II.

(Отвѣтъ о. Васильеву).

Замѣчанія о. Васильева на мою статью о необходимости научной подготовки единовѣрческаго духовенства лишь только подтверждают мою мысль. Черезъ нихъ лишній разъ убѣждаемся въ необходимости для единовѣрческаго духовенства образовательнаго ценза. Малоуспѣшіе Единовѣрія главнымъ образомъ зависитъ отъ неудачнаго подбора членовъ единовѣрческаго духовенства. Большинство единовѣрческихъ батюшекъ не понимаетъ, что такое Единовѣріе. Оно по большей части считаетъ Единовѣріе уніей, переходной ступенью къ православію, а не самимъ Православіемъ. Благодаря такому своему пониманію, оно сдѣлало Единовѣріе ненавистнымъ въ глазахъ старообрядства. Истинно-благочестивые старообрядцы, желая присоединиться къ православію на правахъ Единовѣрія, часто оставляютъ свое намѣреніе, ибо не находятъ, гдѣ-бы можно было присоединиться. Видимыя ими единовѣрческія церкви сплошь да рядомъ страдаютъ той же неустроенностью въ богослуженіи, какой нерѣдко отличаются сосѣднія православныя.

Правда, батюшки этихъ единовѣрческихъ церквей занимаются миссіонерствованіемъ среди старовѣровъ, но это нисколько не привлекаетъ въ ихъ церкви народъ, исключая особенныхъ случаевъ, бывающихъ въ 50 лѣтъ одинъ разъ въ виду благопріятнаго стеченія обстоятельствъ (исторія возникновенія новыхъ единовѣрческихъ приходо въ Костромской епархіи).

Единовѣрческіе священники нерѣдко забываютъ, что „Царство Божіе не въ словесахъ, а въ силѣ“ (I Кор. IV, 20). Истину православія нужно доказывать не словами, а дѣлами. Богослуженіе, проявленіе нашей вѣры, нашего благочестія, не такъ малозначительно, чтобы не обращать на него вниманія и не цѣнить его. Единовѣріе не должно быть одностороннимъ явленіемъ. Оно должно обнаруживать свою силу, свою жизнь во всемъ, т. е. не только въ миссіонерской проповѣди своихъ батюшекъ. Богослуженіе, уставность его, выборное начало въ избраніи пастырей и въ рѣшеніи другихъ насущныхъ нуждъ прихода—все это тоже должно быть проникнуто духомъ миссіонерства. Единовѣріе должно быть „во всемъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія Христу

приобрѣтать“ (I Кор. IX, 22). Старообрядцамъ нравится уставность богослуженія, нравится выборное начало въ жизни церковной общины— и Единовѣріе, если хочетъ быть спасительною мрежею отщепенцевъ, должно имѣть ихъ. Не говоримъ о другихъ мотивахъ къ сохраненію всего этого среди Единовѣрія. Разсуждаемъ, стоя на точкѣ зрѣнія моего оппонента.

Единовѣріе, въ видахъ привлеченія старообрядцевъ, нужно оберегать отъ новаторства его батюшекъ. Много хорошаго въ бесѣдахъ едновѣрческихъ священниковъ и въ живой ихъ проповѣди въ храмѣ послѣ литургіи, но не меньше плохого и въ навязываніи со стороны батюшекъ несвойственнаго Единовѣрью порядка въ церковно-общественной жизни. Мы знаемъ пастыря, который велъ бесѣды со старообрядцами о содержимыхъ православною церковью обрядахъ, говорилъ еженедѣльно проповѣди въ концѣ обѣдни въ своемъ приходскомъ храмѣ, существовавшемъ и въ царствованіе Николая I-го, и за все это не только не слышалъ порицанія отъ фанатичныхъ, по словамъ о. Васильева, едновѣрцевъ, но и заслужилъ искреннюю, доказанную дѣломъ благодарность. Много дѣлу проповѣди помогаетъ и осмысленное чтеніе нараспѣвъ свято-отеческихъ-уставныхъ поученій. Если прихожане не умѣютъ хорошо читать и многіе не слушаютъ ихъ за то, то пусть самъ пастырь, если не за литургіей, то за утренней службой читаетъ осмысленно и хорошо, чѣмъ несомнѣнно привлечетъ и невнимательныхъ слушателей. Добрые обычаи тѣмъ не менѣе надо поддерживать, если они падаютъ. Уклады жизни, если они загромождаются людскими страстями, нужно лишь оберегать, а не уничтожать. Выборное начало въ нѣкоторыхъ приходахъ Единовѣрія, какъ видимъ, у о. Васильева стоитъ ненормально. Уничтожать, однако, нужно лишь эту ненормальность, а не самое право выбора. Единовѣрческіе приходы будутъ миссіонерскими лишь тогда, когда явятся истинными братствами. Но тамъ, гдѣ нѣтъ свободы приходскаго выбора, тамъ нѣтъ братства, а есть лишь одно рабство. Тамъ крѣпостное право во главѣ со священникомъ. О. Васильеву нравится крѣпостное духовное право. Ему нравится, когда прихожане лишены права при рѣшеніи главныхъ церковно-приходскихъ вопросовъ. Если у едновѣрцевъ, несмотря на ихъ выборы, въ наличности мало хорошаго духовенства, то это зависитъ не отъ выбора, а отъ того, что не изъ кого выбирать. Иные изъ

единовѣрцевъ рѣшаются лучше долше ждать, чѣмъ брать неподходящаго кандидата, а иные, подъ вліяніемъ ощущаемой нужды, соглашаются взять и неособенно подходящаго челоуѣка. „Одна партія беретъ псаломщика, а другая“, болѣе идеальная, скажемъ мы, „не беретъ“. Дурного въ этомъ нѣтъ. Дорого сознательное отношеніе къ Церкви. Плохого нѣтъ и въ другомъ приведенномъ о. Васильевымъ случаѣ. „Одни хотятъ, говорить онъ, украсить иконами всѣ стѣны храма, а другіе—не всѣ“. Ревнивое отношеніе единовѣрцевъ къ своимъ храмамъ происходитъ не отъ гордости, а отъ истиннаго отношенія къ вопросу прихода. Благодаря такому отношенію, они, дѣйствительно, постоянно обмѣниваются мнѣніями, подчасъ несхожими. Но во многихъ совѣтѣхъ спасеніе. Истина нерѣдко скрыта и открывается лишь послѣ долгаго исканія, а дѣла прихода состоятъ не въ размѣщеніи лишь иконъ.

Новаторство, подъ которымъ разумѣется неразумное подражаніе единовѣрческихъ священниковъ православнымъ батюшкамъ, въ которомъ не былъ грѣшенъ о. Павелъ Прусскій, къ сожалѣнію, присуще и Николаевскимъ единовѣрческимъ приходамъ. Однако они, по мнѣнію о. Васильева, отличаются неподвижностью!? Слѣдовательно, успѣхъ Единоуѣрія не въ новаторствѣ, за которое рьяно стоитъ авторъ, а въ чемъ-то другомъ. Успѣхъ Единоуѣрія въ удачномъ подборѣ духовенства? въ научной подготовкѣ кандидатовъ на мѣста единовѣрческихъ священниковъ. Правда, въ проектируемую мной школу будутъ поступать между другими уволенные изъ учебныхъ заведеній, но зато, поучившись въ школѣ, они будутъ окончившими курсъ этой школы. подготовленными лицами, которыя сумѣютъ подорожить въ своемъ приходѣ и мѣстнымъ обычаемъ и книжнымъ уставомъ, сумѣютъ остановить отпаденіе молодыхъ единовѣрцевъ, ибо будутъ проходить порядочное число нужныхъ предметовъ.

Черезъ устройство единовѣрческой школы Единоуѣрческое духовенство не обособится въ „особое общество со своими правами“. Учащійся въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи можетъ не отрываться отъ своего прежняго круга хорошихъ людей. При школѣ мной проектируется особый единовѣрческій комитетъ, наподобіе „австрійскаго духовнаго совѣта“, не проектируется, хотя бы и нужно, и отдѣльный епископъ. Будущій патріархъ самъ его дастъ.

Благодаря научной неподготовленности и вообще всякой неподготовленности единовѣрскаго духовенства, Единовѣріе малоуспѣшно. Малоуспѣшіе было во всѣ царствованія. О сравнительномъ присоединеніи къ православію и единовѣрію говорилось не къ униженію перваго. О. Васильевъ напрасно намекаетъ объ этомъ. Въ рядахъ служителей алтаря не мѣсто полицейскимъ чинамъ.

Достойные кандидаты на мѣста единовѣрческихъ священниковъ не тѣ, кои угождаютъ единовѣрцамъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, кои держатъ Единовѣріе неподвижно и изолировано отъ православія, а тѣ, кои не глушатъ въ Единовѣрії хорошихъ его сторонъ, дѣлая изъ Единовѣрія живой миссіонерскій станъ, правда, со своимъ, отличнымъ отъ православныхъ приходовъ богослужебно-общественнымъ укладомъ, но укладомъ спасительнымъ, ненуждающимся въ поправкахъ посредствомъ укорачиванія и пестроты богослуженія и отнятія правъ у прихожанъ.

Авторъ ссылается въ своихъ сужденіяхъ о Единовѣрії на свой опытъ и наблюденіе надъ жизнью Единовѣрія въ одномъ Макарьевскомъ уѣздѣ, Костромской епархіи, гдѣ единовѣрцы, за исключеніемъ одного прихода, новые. Пишущій же эти строки, при написаніи своей статьи, опирался на личныя наблюденія надъ Единовѣріемъ въ гг.: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Н.-Новгородѣ, Казани, Самарѣ, Симбирскѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Житомирѣ, Орлѣ, Тулѣ и др. многихъ городахъ и селахъ Россіи, на наблюденія своихъ родственниковъ - единовѣрческихъ священниковъ, живущихъ въ Московской, Нижегородской, Казанской и Симбирской губерніяхъ и на разказы наѣзжающихъ ко мнѣ единовѣрческихъ батюшекъ, и своихъ товарищей по академіи, съѣхавшихся въ академію съ разныхъ и отдаленныхъ мѣстъ Россіи, не только Европейской, но и Азіатской. О. Васильевъ стѣуетъ, что въ пользу единовѣрческой школы мной не приведены мѣста изъ св. Писанія. Буквы въ св. Писаніи о Единовѣрческой школѣ нѣтъ, потому я и не привелъ, хотя о. Васильевъ по всей видимости любитъ букву. Въ настоящей замѣткѣ указаны два-три текста, кои, думаю, должны удовлетворить и о. Васильева.

Свящ. С. Шлегель.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Оправданъ-ли евангельскій фарисей?

Въ редакцію „Миссіонерскаго Обзорнія“ прислано письмо изъ Москвы. Письмо это касается нашей статьи, помѣщенной въ 12 № журнала за 1904 г. Оно собственно подвергаетъ осужденію слѣдующія наши слова: „евангельскій фарисей молился въ храмъ съ древними обрядами, похвалялся своимъ благочестіемъ, однако Богомъ не былъ оправданъ за свою гордость и ожесточеніе“.

Г. В. Г—евъ спрашиваетъ: „позвольте узнать, изъ чего это видно, что онъ не оправданъ? Евангельскій текстъ ст. 14 вовсе не говоритъ о его неоправданности, а указываетъ только, что смиренный мытарь въ этомъ случаѣ болѣе оправданъ, чѣмъ самоувѣренный фарисей. О томъ же свидѣлствуютъ другія мѣста свящ. Писанія: Мѡ. 5, 19; Филип. 1, 16—19...“

Въ концѣ своего письма вопрошатель заявляетъ: „какъ бы ни было умалено приношеніе приносящаго, но оно не сводится къ нулю, *если только дѣлается не на показъ*: Мѡ. 6, 1—2. Поэтому слова Д. Боголюбова нельзя считать вѣрными въ вышеприведенномъ мѣстѣ“.

Г. Г—евъ придастъ столь серьезное значеніе своему возраженію, что проситъ обнародовать его письмо. Мы это охотно дѣлаемъ, но положительно утверждаемъ, что письмо его не основательно.

И вотъ наши доказательства.—Изъ ст. 14 гл. 18 отъ Луки, правда, не видно, что фарисей ушелъ изъ храма неоправданнымъ. Зато въ этомъ же стихѣ Господь о немъ сказалъ: „*всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ*“. Униженъ будетъ, конечно, послѣ смерти, за гробомъ,—ибо на землѣ фарисеи всѣми прославлялись (Мѡ. 6, 1—2 ст.).

Униженіе это равносильно уtratѣ права на помилованіе отъ Бога. Такой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ словъ Христовыхъ: „*если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное*“ (Мѡ. 5, 20).

Ясно отсюда, что фарисейская праведность не имѣть въ очахъ Божіихъ приписываемаго ей людьми значенія. Ясно, что этой праведностью нельзя спастись передъ Богомъ.

Почему?

Да потому, что она проникнута самоослѣпленіемъ, потому что она основана на гордости и лишена смиренія. Такая же праведность, дѣлаемая на показъ, по словамъ самаго г. Г—ева, сводится къ нулю.

Наши слова подтверждаются ученіемъ Христовымъ; но ихъ проповѣдуетъ и Ап. Павелъ, когда говоритъ: „дѣлами закона не оправдается никакая плоть“ (Рим. 3, 20). Фарисеи дѣлали только правду законную; они гордились ею и затворяли свое сердце для смиренной вѣры въ Бога. Вслѣдствіе того они остались неоправданными и немилowanными въ царствѣ Божіемъ.

Не оправдаются и христіане за свое обрядовое благочестіе, обнаженное отъ правой вѣры. Г. Г—евъ напрасно считаетъ наши слова „невѣрными“...

Д. Боголюбовъ.

Былъ ли приобщенъ Иуда Спасителемъ, или онъ удалился съ вечера установленія Таинства св. евхаристіи *).

Таковъ мой запросъ вашей уважаемой редакціи. Церковь православная, на основаніи пѣснопѣнія Страстной седмицы и другихъ, утверждаетъ, что Иуда приобщался на вечери Св. Тайны тѣла и крови Господней. Мнѣ съ этимъ мнѣніемъ не хочется согласиться, да и нельзя. Человѣкъ, о которомъ Иисусъ не могъ даже молиться, ибо говорилъ: „кромѣ сына погибели“. (Іоан. 17, 12). Затѣмъ читайте Евангеліе Матѳея глава 26, со стиха 20-го: Когда же настала вечеръ, Онъ возлегъ съ двѣнадцатю учениками, и когда они ѣли, сказалъ: истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ меня... Читайте до 26 стиха, и въ предыдущемъ стихѣ 25 говорится: при семь и Иуда предающій Его сказалъ: «не я ли, Равви? Иисусъ говоритъ ему: ты сказалъ». И съ этого времени Иуды болѣе не видно, чтобы оставался съ учениками, онъ только могъ участвовать въ іудейской Пасхѣ? съ того времени Иуда удалился къ первосвященникамъ, это видно съ 26 стиха; и Христосъ совершалъ вечерю, т. е. по нашему преломленіе хлѣба, а по ученію православной Церкви Св. Тайну. На этой вечери уже Иуды не могло быть: Христосъ, совершивъ вечерю и, сейчасъ-же пошелъ съ

*) Орфографія подлинника исправлена редакціей.

учениками на гору, воспѣвая, и затѣмъ въ саду Геосиманскомъ молится до того времени, когда уже, какъ видно изъ стиха 46-го, Иисусъ сказалъ: встаньте пойдете; вотъ приближается предающій Меня. И когда еще говорилъ Онъ, вотъ, Иуда одинъ изъ двѣнадцати, пришелъ, съ нимъ множество народа съ мечами и съ дреколями. Значить, съ того момента, когда Иисусъ изблчилъ Иуду, онъ не былъ съ ними, идетъ съ набранною имъ партіей злыхъ людей; а Христосъ находился съ учениками молящійся смиренно, и выходитъ на встрѣчу Иудѣ,—а Иуда на встрѣчу Иисусу. Изъ этого уже достаточно ясно видно, что Иуда не могъ причаститься св. тайнъ:— первое,—потому, что въ немъ былъ сатана, и Христосъ зналъ, что въ чловѣкѣ;—второе ясно—видно, что Иуда былъ съ учениками только при участіи въ ветхой іудейской пасхѣ: это видно изъ стиха 25-го—а со стиха 26 и по 47 видно, что Иуды не было ни на вечерѣ св. тайнъ, ни въ пути, когда шелъ Иисусъ съ учениками на гору, когда они воспѣвали, ни въ саду Геосиманскомъ, когда они молились. — и вдругъ является Иуда съ народомъ іудейскимъ предательски! Еще разъ повторяю, что Иуда былъ съ учениками, ѣлъ хлѣбъ пасхальный, но св. тайны тѣла и крови Христовыхъ не причащался. Это мой взглядъ и мое вѣрованіе согласно 26-гл., выше приведенной...

Наставникъ русскихъ баптистовъ, *Г. П. Балихинъ.*

Отвѣтъ на запросъ г. Балихину.

Прежде всего г. Балихинъ совершенно неправильно говоритъ, что объ Иудѣ Предателѣ Иисусъ не могъ даже молиться,—и ссылается въ подтвержденіе своихъ словъ на Іоан. 17, 12. Между тѣмъ въ означенномъ мѣстѣ евангелія Іоанна буквально говорится только о томъ, что изъ учениковъ Христа Спасителя, данныхъ Ему Отцомъ, никто не погибъ кромѣ сына погибели. Вотъ буквальный текстъ 12-го стиха: *когда Я былъ съ ними въ міръ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое; тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудется Писаніе* (Псал. 108, 17). Гдѣ же тутъ говорится, что Господь Иисусъ Христосъ даже не могъ молиться объ Иудѣ Предателѣ? Наоборотъ, изъ словъ Спасителя: *когда Я былъ въ міръ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое*,—видно, что и Иуда Предатель, какъ апостоль, не лишень былъ молитвеннаго попеченія со стороны своего Учителя (срав. Матѣ. 5, 44—45).

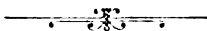
Усиливаясь доказать, что Иуда Предатель не участвовалъ въ новозавѣтной Пасхѣ, т. е. не вкушалъ Тѣла и Крови Господа Иисуса Христа, г. Балихинъ исключительно опирается на евангеліе отъ Матѣя и ни единымъ словомъ не оговаривается объ евангеліи отъ Луки. Но евангелистъ Матѣей совершенно обходитъ молчаніемъ то обстоя-

тельство, что Иуда участвовалъ въ новозавѣтной Пасхѣ, — слѣдовательно ссылаться на его евангеліе по данному вопросу (о приобщеніи Иуды) нельзя; вѣдь невозможно же доказывать какую-либо истину документомъ, въ которомъ объ этой истинѣ ничего не говорится. Поэтому всѣ разсужденія г. Балихина, основанныя будто-бы на евангеліи отъ Маттея, въ существѣ дѣла являются измышлениями самого же г. Балихина (Римл. 3, 4); всѣ они разлетаются, какъ дымъ, отъ слѣдующихъ словъ евангелиста Луки: *и взявъ хлѣбъ и благодаривъ, преломилъ и подалъ имъ, говоря: сіе есть Тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечера, говоря: сія чаша есть новый заветъ въ Моей Крови, которая за васъ проливается. И вотъ, рука предающаго Меня со Мною за столомъ* (22, ст. 16—21). Вотъ ясное и неопровержимое свидѣтельство, что Иуда участвовалъ въ евхаристической жертвѣ! Спаситель не говоритъ, что рука предающаго *была раньше* со Мною за столомъ, а *теперь ея уже нѣтъ среди насъ*, напротивъ, Господь Иисусъ Христосъ съ особенною силою указываетъ, что *вотъ сейчасъ, въ настоящую минуту*, когда уже преподано Его Тѣло и Кровь ученикамъ, *Предатель находится еще среди нихъ за общимъ столомъ*. Господь этимъ указаніемъ желалъ опять подѣйствовать на омраченную душу Предателя и побудить его къ раскаянію. Почему же г. Балихинъ въ своихъ разсужденіяхъ замалчиваетъ ясныя свидѣтельства евангелія Луки о приобщеніи Предателя? Впрочемъ это обычный сектантскій приемъ выбирать изъ Слова Божія только то, что повидимому оправдываетъ сектантскую мысль, — и отбрасывать изъ Священнаго Писанія все, что не оправдываетъ сектантскаго суетумудрія.

Наконецъ, по мнѣнію г. Балихина, Иуда не могъ потому „причиститься Святыхъ Таинъ, что въ немъ былъ сатана, и Христосъ зналъ, что въ человѣкѣ“. Это разсужденіе можно сравнить съ такими словами: „этого больного нельзя лѣчить и давать ему лѣкарства, потому что онъ сильно боленъ!“... Г. Балихину конечно извѣстны слова Христа Спасителя, сказанныя книжникамъ и фарисеямъ, когда эти лицемѣры упрекнули Спасителя за то, что Онъ находится въ обществѣ мытарей и грѣшниковъ. *Не здоровые,* — сказалъ Христосъ, — *имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію* (Марк. 2, 17). Послѣ грѣхопаденія нашихъ прародителей міръ подпалъ подъ власть сатаны (1 Іоан. 5, 19); Христосъ-Спаситель для того и воплотился въ міръ, чтобы разрушить дѣла діавола (1 Іоан. 3, 8; Евр. 2, 14—15). Съ этою цѣлью Онъ основалъ Церковь свою (Матѣ. 16, 18) и установилъ въ ней благодатныя таинства, въ которыхъ мы почерпаемъ силы для борьбы съ сатаной (Ефес.

6, 10 — 17); и говорить, что таинство не можетъ быть преподано грѣшнику потому, что онъ—грѣшникъ,—значить не понимать значенія и цѣли искупительной жертвы Христовой. Но понятное дѣло, что человекъ долженъ приступать къ таинствамъ Церкви со строгимъ внутреннимъ самоиспытаніемъ (1 Коринѳ. 11, 28; Дѣян. 2, 38),—долженъ заглянуть въ свою душу и подумать о томъ, насколько онъ подготовленъ къ принятію Небеснаго Свѣта. Господь же желаетъ всѣмъ людямъ спастись (1 Тимѳ. 2, 4) и употребляетъ всѣ средства обратить грѣшнаго человека отъ власти сатаны къ Богу (Дѣян. 26, 18); всякаго, приходящаго къ Нему, Христось не изгоняетъ вонъ (Іоан. 6, 37). Вотъ почему Спаситель допустилъ до причащенія и Предателя вмѣстѣ съ другими апостолами, хотя Онъ, какъ Серцевѣдецъ, зная, что Іуда предастъ Его, апостоль Петръ трижды отречется отъ Него, а остальные ученики малодушно разбѣгутся каждый въ свою сторону и оставятъ Его одного (Матѳ. 26, 31—35; Іоан. 16, 32). Благость Божію относительно грѣшниковъ нельзя оцѣнивать соображеніями холоднаго человѣческаго ума (Римл. 2, 4); даже въ самый конечный моментъ въ саду Геоснманскомъ Христось обращается къ Іудѣ съ кроткими словами: *другъ! для чего ты пришелъ?* (Матѳ. 26, 50) и побуждаетъ этимъ сердце предателя къ послѣдней возможности одуматься и прозрѣть въ свой страшный поступокъ.

Н. Булгаковъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Къ единенію, братья сопастыри!

(Рѣчь на годичномъ собраніи Братства Св. Трехъ Святителей въ г. Ардатовѣ Симб. г. 30 января с. г. о средствахъ къ поднятію энергіи нашего паствыства).

1. Сегодня, въ день памяти великихъ проповѣдниковъ истины Христовой, гремящихъ „учении своимъ“ вѣка и тысячелѣтія и по смерти, невольно хочется воскликнуть: гдѣ вы, богатыри христіанскаго богословія, великаны духа? Зачѣмъ скрылись вы отъ насъ въ наши дни шатанія устоевъ вѣры и нравственности христіанскихъ? Вотъ для васъ время благопріятное!

Не то ли чувство душевнаго томленія и подавленности энергіи чувствовали вы, собратія, когда донеслась до насъ вѣсть о сравнительно недавнихъ потеряхъ,—о смерти Никанора Одесскаго, Платона Кіевскаго, Амвросія Оптинскаго, Теофана-затворника, Ильминскаго, Рачинскаго и еще такъ недавней смерти Амвросія Харьковскаго? А припомните то чувство, которое еще такъ недавно удручало насъ всѣхъ,—чувство при чтеніи тревожныхъ телеграммъ о тяжкомъ состояніи здоровья нашего о. Іоанна Кронштадтскаго?

На чемъ выросли эти чувства, что ихъ породило? Развѣ всѣ эти люди не достигли псаломскаго предѣла жизни, развѣ нельзя было восторгаться, оглядываясь на минувшую жизнь этихъ людей, которымъ Господь далъ такъ много и дарованій, и приношенія этихъ даровъ въ трудѣ на пользу стада Божія?

Нѣтъ, изъ другого источника струилась наша тревога: намъ думалось: „кто же ихъ замѣнитъ, гдѣ тѣ мужи совѣта и вѣры великой, которые поведутъ и дальше корабль Божій“? Когда мы оглядывались кругомъ и пристальными взорами искали этихъ вождей, но не находили, тогда то и появилась наша тревога,—

намъ начинало казаться, что теперешнее наше оскудѣніе есть дѣло карающей руки Божіей, начинали отзывать въ душѣ грозныя слова Пророка Божія: „вотъ я отниму отъ васъ и крѣпкаго, и крѣпкую, и сильнаго, и сильную,“ и мужа совѣта и разумѣнія“...

Жутко становилось на душѣ въ такія минуты... страшно становилось жить, съ боязнью, безъ надежды, всматривались мы впередъ, чрезъ загадочную завѣсу грядущихъ событій... Духъ падаль и падаль...

2. Много говорилось объ этомъ упадкѣ духа среди нашего духовенства, много людей старались распознать причины этого тяжелаго, но несомнѣнно существующаго явленія. Винили наши духовныя школы, винили за то, что онѣ не подготовили насъ надлежаще къ жизни, не выработали у насъ здраваго взгляда на жизнь и въ лучшемъ случаѣ выпустили насъ поверхностными идеалистами.— Не буду разбираться въ этомъ вопросѣ,—многія изъ этихъ обвиненій школы,—безусловно правильны, но не въ школѣ все-же—главныя причины упадка духа среди духовенства.

Сколько я видѣлъ молодыхъ людей, поступившихъ священниками въ приходы уѣзда. Съ какою духовною радостью я слушалъ ихъ восторженныя молодыя проекты о служеніи народу, о воспитаніи его въ любви ко Христу, раалитіи среди прихода свѣта Христова... Проходилъ годъ, два, три, пріѣзжалъ я снова, снова говорилъ съ этими людьми и съ грустью наблюдалъ, какъ мало-помалу расходовался ихъ молодой идеализмъ, слышались жалобы на начальство, отказывавшее въ поддержкѣ, на собратій, скептически-недоброжелательно откликавшихся на молодыя начинанія. Въ рѣчи, прежде такъ и дышавшей одушевленной вѣрой въ Бога, въ свое дѣло, въ людей,—все сильнѣе и сильнѣе слышалась желчная нотка, съ годами становившаяся лейт—мотивомъ въ настроеніи молодого пастыря... „Я—одинъ, а одинъ въ полѣ не воинъ“, „лбомъ стѣну не прошибешь“... Простите, что я долженъ огорчить васъ и еще недавно слышаннымъ мною отвѣтомъ одного еще очень молодого священника: „дѣлайте, идите впередъ, мы пойдемъ за вами, только больно то на насъ не рассчитывайте: мы народъ маленькій—держимъ носъ по вѣтру“...

Но, къ несчастію, жизнь священника, съ ея нелегкими экономическими и правовыми условіями, отзывается на немъ, не только подрѣзывая его идеальныя стремленія, но нанося серьезный ударъ и его правительственнымъ устоямъ, т. е. уничтожая фактически часть выработанной образованіемъ и воспитаніемъ христіанской культуры человѣка.

Его долгъ—служить нравственному перерожденію прихожанъ,

развитію въ нихъ христіанскаго милосердія, уничтоженію любо-
стяжанія, „еже есть, по Апостолу, идолослуженіе“,—всегда нахо-
дится въ спорѣ съ нуждами священника экономическими.

И вотъ, сжатый съ одной стороны суровыми требованіями долга, постоянной боязнью отвѣта предъ строгимъ начальствомъ, съ другой—потребностями живого человѣка, вынужденный закрывать глаза на вопіющую бѣдность своего прихожанина, священникъ вынужденъ искать какого-либо бокового, часто фальшиваго выхода изъ своего также ложнаго положенія... Какой мыслящій и честный человѣкъ не прійдетъ при подобномъ положеніи въ уныніе, что же ему дѣлать, какъ быть? Если онъ, по требованію долга, не сорветъ этой несчастной пятишницы за бракъ съ крестьянина, и другой, и третій, и десятый, и двадцатый не отдадутъ ему его заработка,—на что же тогда будетъ онъ кормить, поить, одѣвать и воспитывать свою семью? Но разъ онъ потребуетъ настоятельно своей платы, полетитъ жалоба начальству: вотъ-де такой-то „попъ“ вымогатель... А начальству рѣдко видно живаго человѣка, со всѣми его нуждами: оно не видитъ его изъ-за суроваго требованія канона, а иногда и просто изъ-за бумажнаго вораха...

Вдетъ слѣдователь, тянется эта ужасная унижительная судебная процедура въ мѣстожителствѣ священника, идутъ безконечные слухи и толки: вотъ де какъ нашъ Прохоръ попа подвель, слышь, бають, судъ пріѣхаль, да нашего то батюшку слѣдователь журиль больно!

Други! Взглянемте хотя на минуту въ душу этого подсудимаго: быть можетъ онъ много трудился, онъ—образцовый храмоздатель, прекрасный школьный воспитатель, даровитый проповѣдникъ, трудолюбивый искоренитель пьянства, разврата, воровства и др. пороковъ? Каково ему теперь? Что онъ думаетъ, о чемъ болитъ его душа въ часы униженія? Да, мира нѣтъ, все больше растеть раздраженіе, все меньше и меньше вѣрить онъ старому убѣжденію юности, что лишь путь честнаго труда, путь нелицепріятнаго выполненія долга способенъ обезпечить ему миръ и благосостояніе... Блѣднѣютъ въ душѣ принципы чести, добра, вѣрности до смерти, а на сцену выступаетъ насущный день, со всей своей наглою циничностью, со всею неотвязчивой и давящей силой запросовъ шкурнаго свойства ¹⁾...

¹⁾— Не лучше ли быть тебѣ покладистѣ, поспокойнѣ, говорить священнику этотъ день, какъ демонъ-искуситель, не лучше ли быть подхалимомъ, льстецомъ, не спокойнѣ ли кланяться „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была“...

Помните ли вы, мои слушатели, знаменитыя картины В. В. Верещагина: „Забитый часовой на Шипкѣ“? Вотъ на первомъ рисункѣ, среди дико воющей Балканской вьюги, стоитъ часовой. Стройно, прямо, съ ружьемъ „на караулъ“, стоитъ солдатъ: не беретъ пока его вьюга, не сильна она бороться съ сильнымъ чувствомъ солдатскаго долга... Но это пока... Посмотрите другой рисунокъ: тотъ же часовой, та же вьюга, тѣже кучи снѣга, тотъ же насквозь пронизывающій холодъ... только одна перемѣна: судорожно сжалась руки, только прислонено ружье, голова сжалась съ туловищемъ... но все же далеко видятъ, упорно смотрятъ изъ подъ обледенѣлыхъ вѣкъ глаза служакки: въ нихъ смотритъ остатокъ солдатскаго долга... Взгляните дальше: опять та—же вьюга, цѣлый сугробъ снѣга близъ часового, уже въ снѣгу лежитъ его ружье, уже закрылись глаза подъ силою вьюги, все туловище судорожно сжалось, согнулось... Вотъ послѣдній рисунокъ: куча снѣга, чуть-чуть видна солдатская спина, дальше выходитъ изъ снѣга верхъ башлыка, а съ другого конца неподвижно выдается ружейный штыкъ... Это только могила солдата, могила солдатскаго долга...

Не похожія ли явленія замѣчаемъ мы и въ священнической средѣ: сначала строго и честно держатъ іерей свое святое знамя; потомъ буря жизни, отсутствіе спроса на честную идейную работу, ложное экономическое положеніе, широкое примѣненіе административнаго усмотрѣнія,—все это и многое другое вмѣстѣ выматываетъ живую душу пастыря, гаситъ искру Божію...

3. Какъ же сохранить въ человѣкѣ эту искру Божію, какъ возгрѣтъ ее въ пастырѣ—священникѣ, въ особенности обязанномъ во всѣ дни жизни *„трезвиться, облекшись въ броню правды, вѣры и любви и въ шлемъ надежды спасенія“* (1 посл. къ Сол., 5, 8)?—Пусть на это дастъ намъ отвѣтъ величайшій апостоль языкъ: онъ говоритъ: *утѣшайте другъ друга, назидайте одинъ другого... Вразумляйте безчинныхъ, утѣшайте малодушныхъ; поддерживайте слабыхъ, будьте долготерпѣливы ко всѣмъ. Смотрите, чтобы кто кому не воздавалъ зломъ за зло, но всегда ищите добра и другъ другу и всѣмъ... такова бо воля Божія... и Дуга не угашайте“!* (1 Сол. 5, 11, 14—16, 18—19).

Великія слова, но какъ далеки мы отъ нихъ! Тяжело сознаться, что взаимное разединеніе нигдѣ не сдѣлало такого зла, какъ въ средѣ священниковъ. Совершенно спокойно, пожалуй даже съ чувствомъ скрытаго удовольствія, наблюдаетъ за этимъ разединеніемъ духовная администрація. Лишь только нѣсколько священниковъ устанавливаютъ между собою общеніе, стануть собираться для

обсужденія своихъ дѣлъ, тотчасъ появляется подозрѣніе въ томъ что эти священники—народъ не трезвый, собираются не ради сужденія о „словесѣхъ благочестія“, а ради самыхъ низменныхъ удовольствій. Мы знаемъ и примѣры, когда такія собранія вызывали доносы по начальству...

А какъ велико значеніе этого общенія? Сколько у насъ, священниковъ, общаго дѣла, общихъ вопросовъ, общихъ условий жизни; сколько минутъ и часовъ можно провести въ серьезной, полезной, одушевленной товарищеской бесѣдѣ! По долгу службы я много ѣзжу по уѣзду, много приходится говорить о дѣлѣ съ священниками уѣзда, и по долгому опыту я знаю, какъ изголодался нашъ сельскій священникъ голодомъ духовнымъ, съ какой радостью встрѣчали они меня, какъ свѣжаго человѣка, которому приходится много слышать, видѣть, читать, бесѣдовать и наблюдать... Рѣдко на ночлегахъ я засыпалъ ранѣе часа—двухъ ночи, несмотря на мою усталость. И все это время было полно самой искренней бесѣдой принципиальнаго характера...

Благодарю васъ за эти часы, собратья, благодарю! Черезъ нихъ я убѣдился, что, „живъ Господь Богъ“ и много вѣрныхъ слугъ Онъ имѣетъ среди народа, въ смиреніи и долготерпѣніи дѣющихъ свое великое дѣло! Вы не видите часто осязательныхъ плодовъ вашихъ усилій; но всякое доброе дѣло не кричитъ о себѣ, какъ зло, нарушающее порядокъ и теченіе жизни! *„Юны и мѣта твоя, о младый человѣче“*, говоритъ Святитель Димитрій Ростовскій ¹⁾, *„суть то днѣ первоплодніи, долженъ еси отдати я на жертву Господу Богу твоему: сіестъ долженъ еси въ юности твоей научитися работати Господеву, соблюдать заповѣди Его, блюстися опасно, еже бы тебѣ не прогнѣвати Творца своего каковымъ грѣхомъ смертнымъ, но въ цѣломудрїи чисто и честно жити, путемъ Закона Божїя ходящи, и будетъ то Богови жертва отъ первоплодныхъ твоихъ благопрїятна“*.

Отсутствіе пастырскаго общенія крайне тяжело отзывается и на личности самого священника, и на плодотворности его работы, въ которой каждому приходится идти путемъ ошибокъ и зачастую повторять ошибки своего ближайшаго сосѣда-священника, и, наконецъ, на экономическомъ быту его.

„Сегодня мордвинъ, завтра мордвинъ, послѣ завтра мордвинъ, на четвертые сутки самъ омордвинишься“, съ чувствомъ горя говорилъ мнѣ одинъ молодой сельскій священникъ, тоскуя вмѣ-

¹⁾ Поученіе въ недѣлю 24 по Св. Духъ. — Твор. Св. Димитрія, т. 2-й, Москва, 1857 г.

стѣ со мной о раздѣленіи среди духовенства.—Съ годами отвыкаемъ интересоваться серьезными вещами, рѣдко въ кабинетѣ священника увидишь не только толстый, но даже болѣе или менѣе серьезный богословскій журналъ. Читаются мелкія газетныя сообщенія, причемъ на прочтенія хотя бы и газетной, но большой и серьезной статьи, не хватаетъ терпѣнія... Что ни говорите, а не видя себѣ подобныхъ, развитыхъ и умныхъ людей, невольно начнешь ассимилироваться съ тѣмъ, что есть около васъ, начинаешь интересоваться ихъ интересами, глядѣть на жизнь ихъ глазами, мѣрять явленія жизни ихъ аршиномъ...

Теперь кратко просмотримъ тѣ тяжелые ущербы, какіе наносить разобщеніе среди священниковъ ихъ дѣятельности.—Всѣмъ намъ приходится строить храмы, заботиться объ ихъ благоукрашеніи живописью, иконостасами. И вотъ мы одинъ за другимъ повторяемъ одну и ту же ошибку: строимъ громадныя храмы, которые никогда не бывають полными, раздѣляемъ ихъ обычно на двѣ половины—теплую и холодную. Служимъ и молимся въ теплыхъ придѣлахъ зимой, когда много молящихся а лѣтомъ отворяемъ весь храмъ... только молящихся почти не бываетъ—всѣ на полевыхъ работахъ...

Строимъ драгоценныя, многоярусныя иконостасы, всѣ ихъ сплошь покрываемъ чрезвычайно мелкою рѣзбою, украшаемъ гирляндами цвѣтовъ изъ дерева, тратимъ многія тысячи на ихъ позолоту. И что же получается: да выставка столярныхъ работъ въ стилѣ какого-либо какинскаго мордвина ¹⁾. Проходить годъ—всѣ эти страшно дорого стоившія иконостасы покрываются толстымъ слоемъ пыли, которую никакъ не очистишь, особенно съ нашими сельскими сторожами... И вотъ когда одинъ священникъ уже тяжело расплачивается за свою ошибку, другой,—верстахъ въ трехъ, идетъ вслѣдъ за нимъ, рѣжетъ тысячный иконостасъ и запасаетъ себѣ на долгіе годы постоянный источникъ раздраженія и беспокойства...

То же самое происходитъ и съ живописью. Затрачиваются большія деньги на чеканку золотую, но живопись положительно уродлива. Но стоитъ появиться въ епархіи одному художественно устроенному храму, какъ тотчасъ появляются подражанія ²⁾...

¹⁾ Село Какино Нижегород. г., крестьяне-мордва котораго по профессіи иконостасные мастера.

²⁾ Разительный примѣръ справедливости моихъ словъ: художественное устройство храма въ селѣ Козьминѣ Ард. у. произвело цѣлый перепоротъ въ мѣстномъ храмоздательствѣ.

Возьмемъ одинъ примѣръ вреднаго вліянія священнической разобщенности и на ихъ личный бытъ. Сплошь и рядомъ видишь пустыми священническія усадьбы, нѣтъ ни сада, ни пчельника, ни хозяйственныхъ построекъ. Узнаешь причину и слышишь: „что я для чужого-то дядя буду распинаться!“ Не сужу и нельзя судить, потому что этотъ чужой дядя тоже только для себя старается. И живетъ такъ священникъ десятки лѣтъ въ приходѣ, куста не посадить, но кому же вредить, какъ не себѣ: вслѣдъ за всѣмъ тѣмъ, чтобъ онъ заработалъ на своей усадьбѣ, ему не придется протягивать руки къ прихожанину, отнимая у него послѣднее!—Но вотъ и другой примѣръ: священникъ долго жилъ въ приходѣ, посадилъ садъ, превосходно оборудовалъ полевое хозяйство. Но вотъ онъ умираетъ, оставляетъ сиротъ, является другой священникъ. Ему нѣтъ дѣла до сиротъ—дѣтей собрата, съ спокойной совѣстью забираетъ онъ себѣ плоды чужого труда за ничтожную плату, иногда не достигающую и 1/10 стоимости приобретаемаго... Вотъ новый тяжкій плодъ разобщенности—полное отсутствіе корпоративнаго сознанія.

Нужно ли говорить, что вслѣдствіе разобщенія священникъ самъ-другъ, одинъ, выноситъ на себѣ и тяжелыя испытанія. Его не ободряютъ, не заступаются за него въ часы горя. Други! Куда мы дѣнемся отъ слова Апостола: „заступайте немощныя“!..

Вотъ въ этомъ священническомъ разобщеніи и скрывается, по глубокому моему убѣжденію, главная причина общаго упадка духа среди духовенства. Всегда одинъ, безъ поддержки, священникъ скоро теряетъ почву подъ собою... Но „братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ“.

Сколько убѣдительныхъ примѣровъ громадной пользы общественнаго начала жизни мы видимъ и въ приходѣ.

Мнѣ близко знакома жизнь пчелки-работницы, посмотрите, спросите, какъ она зимой переживаетъ холода и морозы... Тѣснымъ клубомъ свившись, сидятъ пчелки въ ульѣ, но сидятъ не покойно, а въ постоянномъ движеніи: тѣ пчелки, которыя сейчасъ только ползали снаружи клуба, на холодѣ, скоро дойдутъ въ средину, чтобы, отогрѣвшись тамъ, снова выползти наружу съ новымъ запасомъ жизненныхъ силъ и съ ними закрывать, защищать отъ холода свою дружную общину...

Что же не совьемся и мы, братья, въ дружную семью, зачѣмъ обрекаемъ себя на борьбу одиноко, безъ мира, безъ радости, безъ братской поддержки? Я давно уже говорю, я усталъ уже, но не умѣлъ перелать и сотой доли печальныхъ плодовъ нашего разъ-

единенія, да это и едва-ли возможно: „не доставеть ми времени повѣствующу“...

4. Что же дѣлать?

По всей странѣ Русской разбросано громадной силы электрическая батарея... Десятки, сотни, тысячи, десятки тысячъ элементовъ батареи поставлены всюду... Что же не видно этой батареи, что же не слышно этой титанической силы? Да вотъ что: забыли соединить эти элементы проволокой взаимнаго общенія. Вотъ почему не видно энергіи, вотъ почему плохо идетъ работа...

Не время ли, братья, протянуть эту проволоку, подать другъ другу руку мира, взаимной поддержки? Не время ли поднять и рѣшить дѣло о пастырскихъ собраніяхъ?

Изъ дали сѣдой старины доносится до насъ правило св. апостоль:

„Епископы церковей да собираются дважды въ годъ для разсужденія о дѣлахъ благочестія“.

Ту паству, какую имѣлъ въ древнее время епископъ, нынѣ имѣетъ каждый русскій пресвитеръ. И развѣ жизнь этой паствы такъ уже мирно, тихо и праведно течетъ, чтобы не подавать о себѣ вопросовъ для общаго обсужденія?

Нѣтъ, время говорить совсѣмъ другое, настойчиво твердить оно о крайней нуждѣ пастырскаго единенія въ союзъ мира...

Итакъ, къ единенію, братья—товарищи, къ единенію!!

Всѣхъ васъ прошу обсудить дѣло о пастырскихъ собраніяхъ нашихъ, всѣхъ прошу положить руку свою въ наше общее святое дѣло.

Да поможетъ намъ Богъ, братья, и Святые Три Святителя!

Ей, Господи, гряди—же, ей, Господи, споспѣши-же!

Святіи тріе Святителіе, молитѣ Бога о насъ!

Свящ. *І. Анастасіевъ.*

Гдѣ же „дѣлатели“ въ наши скорбіе дни?

„И сказалъ (І. Христось) имъ (апостостоламъ): жатвы много, а дѣлателей мало; итакъ молитѣ Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву Свою“ (Еванг. Луки 10, 2).

Когда на Дальнемъ Востокѣ вспыхнула никому нежеланная и „навязанная намъ“ война, тогда среди многихъ русскихъ людей проявилось такое движеніе, которое первое время считали патриотическимъ.

Впрочемъ, и въ самый періодъ означеннаго движенія находились скептики, которые старались набрасывать тѣнь на шумныя патриотическія демонстраціи, доказывая, что послѣднія черѣдко выражались въ насильственныхъ выходкахъ по отношенію мирныхъ обывателей. Скептикамъ не вѣрили; тѣмъ болѣе, что патриотизмомъ охвачены были цѣлыя учрежденія и сословія, какъ, напр., земства, городскія думы и дворянскія собранія. Оговсюду торжественно встрѣчали и сопровождали полководцевъ на войну; вездѣ говорились приличествующія случаю рѣчи, читались адреса, подносились стяги и даже иконы (въ ксторны однако многіе изъ подносящихъ не вѣрили)—однимъ словомъ, вездѣ и всюду былъ проявленъ сильный общественный подъемъ означеннаго патриотическаго характера, но... не надолго. Вскорѣ же послѣ цѣлага ряда военныхъ неудачъ настроеніе общества вдругъ такъ круто измѣнилось въ противоположномъ направленіи, что изъ среды коренныхъ русскихъ людей нашлось немало сочувствующихъ японцамъ.

Любопытный разговоръ пришлось разъ намъ вести съ однимъ японофиломъ.

— Ну, каковъ вашъ взглядъ на христіанство,—не измѣнился ли подъ впечатлѣніемъ настоящей войны?—спросилъ меня собесѣдникъ.

— Все такой же, отвѣчаю, какъ былъ и раньше.

— Я впрочемъ не знаю вашихъ религіозныхъ воззрѣній, но не сдается ли вамъ, что эта война ставитъ крестъ христіанству?

— Извините, болѣе чѣмъ странный вопросъ: въ самомъ дѣлѣ интересно, почему въ вашей головѣ возникла подобная мысль объ упраздненіи христіанства?

— Причина та,—спокойно объясняетъ собесѣдникъ,—что я вижу, какъ недавніе дикари начинаютъ побѣждать христіанскій народъ,—это все равно, что Будда побѣждаетъ Христа.

— И я все-таки ничего не понимаю; да вы, говорю, знакомы ли съ Евангеліемъ?

— Помнится, что когда учился въ младшихъ классахъ гимназіи, приходилось читать Евангеліе.

— Любопытно, какъ же вы его читали?

— Обыкновенно какъ всякаго рода книгу: Евангеліе употреблялось въ гимназіи въ видѣ руководства для обученія гимназистовъ славянскому языку и для какихъ-то справокъ, нужныхъ о. завоучителю.

— Позвольте еще предложить, правда, не совсѣмъ скромный вопросъ: мнѣ бы хотѣлось знать,—въ семьѣ вашей находился ли уголокъ для Евангелія, такъ необходимаго въ дѣлѣ религіознаго воспитанія дѣтей?

— Нѣтъ, отецъ съ матерью были въ высокой степени рационалисты и на наше религіозное воспитаніе скорѣе смотрѣли отрицательно, зато во всемъ остальномъ строго соблюдали принципъ терпимости и свободы.

— Тѣмъ не менѣе, я полагаю, вамъ не безызвѣстно, что Христосъ никогда и нигдѣ не обучалъ людей стратегіи, никогда и нигдѣ не обосновывалъ высоту Своего ученія на началахъ военнаго искусства, обезпечивающаго людямъ побѣды.

— Позвольте, позвольте!—загорячился мой совопросникъ,—а какъ же, у православныхъ (онъ причислялъ себя къ партіи свободомыслящихъ) въ церкви на молебнѣ поется „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ“,—ясно, что здѣсь Богъ является ужъ какъ побѣдитель нашего супостата?

На этотъ вопросъ мнѣ пришлось отвѣчать своему собесѣднику приблизительно въ такомъ смыслѣ: Какъ видно изъ евангелія, говорю, очень печальный фактъ, что люди, въ силу своего несовершенства, не могутъ побѣждать врага одною молитвою, а прибѣгаютъ къ силѣ оружія,—къ чисто человѣческимъ способамъ *защиты*, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Церковь *терпитъ* бѣдствія войны. Но были и такіе случаи, когда *безоруж-*

ныя защитники своего достоянія (какъ, напр., иноки нѣкоторыхъ св. обителей нашего отечества) молитвою отгоняли непріятельскія полчища.

Вотъ, надо думать, къ какимъ побѣдамъ призываетъ церковь сыновъ своихъ приведенными словами „съ нами Богъ“!—Это къ побѣдамъ нравственнымъ. Разумѣется, Богъ съ людьми и они съ Нимъ—исполняющіе его св. законъ. Онъ—защита и крѣпость Своего виноградника—Церкви Христовой, имѣющей пребыть неодолимою вражеской силой до скончанія вѣка. Въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, объясняетъ—„съ нами Богъ“—и епископъ Сергій.

„Но, братіе,—пишетъ преосв. авторъ,—вдумаемся въ великія слова: „Съ нами Богъ! разумѣйте языцы, и покоряйтесь“. О мірскомъ ли могуществѣ говорится въ нихъ, о покореніи ли всего міра внѣшнею силою и оружіемъ, или о торжествѣ царства другого, неземного, царства истины и правды, которое не ищетъ себѣ внѣшняго властительства на землѣ, никому не грозитъ оружіемъ, которое совсѣмъ непохоже на царство мірское и даже противоположно ему? Недаромъ въ настоящемъ праздникѣ мы поражаемся удивительными противоположностями: небо, и вертепъ, ясли и невмѣстимый Богъ. „Царь Израилевъ Христосъ приходитъ“ (стихиры предпразднества), для земли открывается новая жизнь, полагается начало вѣчному царству, а царство земное или совсѣмъ не замѣчаетъ этого пришествія и остается чуждо ему (какъ римляне), или же прямо вооружается противъ него и ищетъ убить Новорожденнаго (какъ Иродъ), и изъ всѣхъ людей, изъ всѣхъ могучихъ владыкъ міра, изъ всѣхъ богатыхъ и знатныхъ и просвѣщенныхъ, одни только убогіе, смиренныя пастыри, въ эту ночь сторожившіе свои стада, оказались достойными и готовыми встрѣтить грядущее царство и воспѣть ему, вмѣстѣ съ ангелами, торжествующую пѣснь. Не обладать міромъ пришелъ, слѣдовательно, Христосъ и не къ такому покоренію призываетъ Онъ языки 1).

Впрочемъ, продолжаю,—вліяніе Евангелія бываетъ и на войнѣ. Напримѣръ, всѣ средства, принятія женевою конвенціею къ смягченію ужасовъ послѣдней, поскольку они соблюдаются воюющими сторонами, есть уже нравственная побѣда—побѣда Евангелія; точно также идея международнаго „Краснаго Креста“, вооруженная *только* милосердіемъ и человѣколюбіемъ,—есть опять огромная нравственная побѣда надъ зломъ. Нравственно можетъ

1) „Цер. Вѣст“. № 2. стр. 9.

побѣждать и воинъ своимъ братскимъ отношеніемъ къ безоружному врагу.

— Ну, съ этой стороны, возразилъ мой оппонентъ, японцы, пожалуй, болѣе насъ христіане. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вы не слышали, какъ они предупредительны по отношенію къ нашимъ плѣннымъ, какъ ухаживаютъ японскіе врачи и сестры милосердія за нашими ранеными.

— Слышать-то слышалъ о многомъ, слышалъ, напр., о томъ, какъ они усердно шеголяютъ предъ европейцами своею гуманностью, но рядомъ съ такими слухами доносится, какъ японцы въ извѣстныхъ случаяхъ проявляютъ свою азіатскую натуру,—это тогда, когда стрѣляютъ по нашимъ санитарамъ, когда мучать оставленныхъ или забытыхъ на полѣ брани нашихъ раненыхъ.

— И вы вѣрите, что японцы способны на жестокость? Это скорѣе дѣло рукъ хунхуаовъ.

— Представьте, что факты, обличающіе желтолицыхъ противниковъ въ звѣрствѣ, подтверждаются людьми вполне безпристрастными, которыхъ нельзя заподозрить въ шовинизмъ,—почему же имъ не вѣрить?

— Такъ повѣрьте и тому, что японцы въ мирное время самый радушный, гостепріимный народъ, напимѣръ, когда туристу или своему соотечественнику приходится совершать большія поѣздки по странѣ, его всюду могутъ пріютить и накормить за самую умѣренную плату, и даже на всякій случай ставится подъ открытымъ небомъ столъ, убранный снѣдью,—садитесь и закушайте, если голодны; тутъ же передъ вами стоитъ кружка, въ которую и опустите (по таксѣ) свою лепту. Не правда-ли, какой чудный обычай.

— Прекрасный, что говорить; но не слышали ли вы, какъ наши некультурные мужички совсѣмъ *задаромъ* кормятъ и одѣваютъ вокругъ себя большіе кадры нищихъ, особенно размножившихся за послѣдніе годы? Не слышали ли, какъ въ каждой захудалой и нерѣдко голодной деревенькѣ для такихъ оборванцевъ существуютъ ночлежные дома и „сборныя избы“, содержащіяся на общественный счетъ?

Слышалъ, слышалъ, улыбнулся мой собесѣдникъ,—и отношусь вполне сочувственно къ подобнымъ трогательнымъ обычаямъ мужиковъ.

— Но при этомъ, говорю, не приходила ли вамъ въ голову подобная, правда мечтательная мысль,—а что, молъ, если бы люди, кто бы они ни были, японцы, французы, нѣмцы, китайцы, русскіе, если бы они культивировали свою жизнь болѣе нравственно,

если бы увеличивали любовь другъ къ другу, да развѣ тогда не сократились бы въ человѣчествѣ великія страданія и не отошли бы въ область преданія войны, какъ пережитокъ жестокаго, варварскаго отношенія между народами. Къ сожалѣнію, выходитъ какъ разъ наоборотъ: европейскія народности стремятся не къ увеличенію любви, а къ милитаризму и къ борьбѣ международныхъ рынковъ. Японія, идя по слѣдамъ Европы, въ этомъ отношеніи даже опередила своихъ учителей: она готовилась нѣсколько лѣтъ къ войнѣ съ Россіей,—цѣлое десятилѣтіе напрягала энергію на приготовленіе къ ужасной современной бойнѣ, которую, по здравому-то смыслу, не могутъ искупить никакія самыя выгодныя для страны матеріальныя пріобрѣтенія.

— Однако согласитесь, что японцы все же болѣе правы насъ въ настоящей войнѣ?—задалъ вопросъ собесѣдникъ.

— Вы, кажется, отвѣчаю, хотите перенести разговоръ на дипломатическую почву,—а это вѣдъ моей компетенціи. Для дипломатіи, по моему, могутъ быть иногда не обязательны принципы морали: она принимаетъ въ расчетъ закопъ борьбы за существованіе, а логика послѣдняго такова, что если желаешь сохранить равновѣсіе мира,—готовься заранѣе къ войнѣ.

— Которая, проговорилъ мой собесѣдникъ, оказывается, разгорѣлась вовсю. Какъ не грустенъ фактъ, но я желаю побѣды не русскимъ, а японцамъ, увѣренный, что побѣжденная страна совершенно обновится.

„Какой, однако, страшный человѣкъ“,—прощаясь съ собесѣдникомъ, невольно подумалъ я. И какъ много стало встрѣчаться подобныхъ личностей въ наши скорбные дни.

Намъ извѣстенъ одинъ кружокъ, гдѣ часто приходится слышать одушевляющія рѣчи въ пользу японцевъ, т. е., въ пользу ихъ побѣды, которыми они всколыхнули русское общество, — въ какомъ же направленіи?—„Да они, объясняетъ предсѣдатель кружка, — взяли сопку въ 203 метра, а мы (интеллигенція) должны взять внутренней Портъ-Артуръ, защищаемый бюрократіей, которая вовлекла русскій народъ въ эту бесплодную войну. Впрочемъ, продолжаетъ ораторъ, есть и плоды,—именно такіе, что съ развитіемъ успѣшныхъ военныхъ операцій японцами, мы наконецъ возьмемъ крѣпость, и на ея развалинахъ воздвигнемъ знамя свободы — свободы личности, свободы печати, свободы совѣсти и свободы общественныхъ собраній. Поэтому, гг., я приглашаю васъ всѣхъ объединиться на борьбу за право, за дорогую намъ свободу!“ Слышутся дружные аплодисменты со стороны сочувствующихъ и затѣмъ поднимается другой ораторъ. Онъ тоже, что и

первый говорить о бесплодности войны, но добавляетъ, что она заинтересовала лишь капиталистовъ и всякаго рода авантюристовъ, которые (передъ войной) безцеремонно хозяйничали по части истребленія чудныхъ корейскихъ лѣсовъ. Между тѣмъ война народу не только не нужна, но прямо непосильна; она приведетъ его къ разоренію, къ голоду, къ мору. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ ему Манчжурія, зачѣмъ Портъ-Артуръ и желѣзная дорога? Народу нужно образованіе,—нужно уравненіе въ правахъ со всѣми сословіями. И если дѣйствительно война даетъ толчекъ къ обновленію страны въ правовомъ отношеніи, то, конечно, нужно лишь пожелать японцамъ дальнѣйшихъ успѣховъ.

Раздается взволнованный голосъ третьяго оратора.

— Гг.! началъ онъ, я противъ побѣдъ японскихъ да и противъ самой войны. Поймите, наконецъ, что вѣдь насъ призываютъ предшествующіе ораторы осуществлять въ дѣятельности принципъ инквизиціи, — во имя чего же?—какого то, по моему, фиктивного счастья, которое мы мечтаемъ получить, добившись извѣстныхъ преобразованій страны. Гг., одумайтесь, какъ же примириться съ точки зрѣнія хотя бы элементарной гуманности съ тѣми дорогими каждому жертвами, съ нашими сынами, братьями, съ тою русскою кровью, которая обильно проливается въ далекой и чуждой намъ и народу Манчжуріи. Гг.! я обращаюсь къ вашему чувству, къ вашему сердцу, убѣжденный, что оно содрогнется въ скорби, при мысли о всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые совершаются на войнѣ. Гг., вѣдь только на почвѣ психоза, на почвѣ извращенія нравственнаго чувства можно объяснить равнодушіе вѣкоторыхъ къ величайшему человѣческому бѣдствію! — Рѣчь этого оратора имѣла значительное дѣйствіе почти на все собраніе. Тогда поднимается четвертый и говоритъ: „Я всей душой за скорѣйшее окончаніе войны и за миръ. Гг., я желалъ бы обратитъ ваше вниманіе на тотъ фактъ, что идея мира, во главѣ которой стоитъ гр. Л. Н. Толстой, должна считаться крупнымъ явленіемъ въ нашей наукѣ. Собственно говоря, русская общественная мысль въ этомъ направленіи будилась давно: развитію мирныхъ идей въ обществѣ служили, напр., такія произведенія, какъ рассказы Гаршина, произведенія самого Л. Н-ча, произведенія иностранныхъ писателей, вродѣ Даймонда, и наконецъ произведенія кисти художниковъ, вродѣ картинъ покойнаго Верещагина. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ всѣхъ ужасовъ несчастной нашей войны названная идея мира должна сильнѣе углубиться въ сознаніи извѣстнаго круга людей, такъ сказать,—выноситься въ наболѣвшемъ

русскомъ сердцѣ, стать безусловно живою и захватить все большіе и большіе круги мыслящихъ, мирно настроенныхъ людей“.

Явно такую поправку въ рѣчь четвертаго оратора. Идея, говорю, станетъ „живою“ лишь тогда, когда люди проникнутся духомъ Христовымъ, когда будутъ питаться отъ него, какъ отъ Живой воды, текущей въ жизнь вѣчную, когда послѣдуютъ по тому пути, который Онъ указалъ, называя Себя „Путь, Истина и Жизнь“. Въ противномъ случаѣ эта идея виситъ въ воздухѣ, и люди мирно настроенные могутъ обратиться въ насильниковъ, какъ на самомъ дѣлѣ и случилось съ тѣми толстовцами, которые въ настоящую войну примкнули къ партіи японофиловъ.

А какъ же народъ смотритъ на войну?—спросилъ вдругъ кто-то изъ собесѣдниковъ.

— Народъ признаетъ войну только защитительную,—отвѣтило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Глубоко-поучительный фактъ,—продолжалъ одинъ: народъ проявляетъ на войнѣ чудеса храбрости, когда сражается за вѣру, царя и отечество, когда руководится сознаниемъ долга, и при всемъ томъ онъ любитъ миръ, безусловнымъ отрицаниемъ котораго служатъ войны. Для народа понятно, и онъ въ это вѣритъ, что послѣднія съ точки зрѣнія Евангелія являются яркимъ показателемъ нашего нравственнаго недуга, накопившагося какъ электричество во всѣхъ сословіяхъ: грубаго эгоизма, религіознаго индифферентизма и невѣрія къ самымъ священнымъ христіанскимъ истинамъ. Вотъ основная причина, указанная у ап. Маттея въ 24 главѣ и у другихъ евангелистовъ, почему не исчезаютъ на землѣ войны.

— Ну, г., возразилъ еще ораторъ,—да мы подобною философией о войнѣ и мирѣ совершенно уклонились отъ прямого предмета нашихъ обсужденій,—отъ того, какъ обновить или умиротворить страну, охваченную, какъ вамъ извѣстно, внутренней войной или всеобщей смутой. Въ самомъ дѣлѣ, предъ нами рядъ такихъ событій, которыя и на равнодушное, ко всему черствое, сердце, казалось бы, должны произвесть потрясающее впечатлѣніе: затяжная, несчастная война, застой въ дѣлахъ, оскудѣніе, обостренныя національные вопросы: финляндскій, армянскій, еврейскій, польскій; протесты земствъ, городовъ, корпорацій; студенческія волненія, демонстраціи; рабочее движеніе, стачки, программы, беспорядки запасныхъ; политическія убійства; учащающіяся убійства должностныхъ лицъ; аграрныя преступленія, поджоги и подъ всѣмъ этимъ самое опасное—растущій ропотъ и броженіе въ народѣ. А впереди холера, а можетъ быть и чума.

Голосъ этого послѣдняго оратора дѣйствительно направилъ пренія на ту тему, какая, повидимому, особенно близка была всѣмъ,—это вопросъ объ обновленіи страны, которая по общему мнѣнію ищетъ выхода, и въ которой лишь крупныя реформы положить начало умиротворенію. Разговоръ могъ бы затянуться надолго; могли бы быть новыя горячія рѣчи; но тутъ вышелъ непріятный инцидентъ, обычно разыгравшійся на почвѣ личныхъ счетовъ: схватились два главныхъ оратора,—кому изъ нихъ быть большимъ, за кѣмъ остается власть верховодить кружкомъ? многіе стали расходиться. И я посидѣвши покинуть собраніе, скажу, въ тяжеломъ настроеніи, чувствуя какую-то обиду за людей.

Да, я имѣлъ основаніе, мало того обижаться, но и скорбѣть, за себя и за многихъ. Постараюсь, насколько сумѣю, изложить сейчасъ причину этой скорби. Какъ въ вышеприведенной кружковой бесѣдѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, веденныхъ нами въ разное время съ интеллигентными людьми, мы часто останавливались на вопросѣ объ „обновленіи страны“, созидательной работѣ въ ней.

Созидательная работа—это область будущаго, область какой-то скрытой отъ насъ тайны. Но едва-ли можно оспаривать, что успѣшность означенной колоссальной работы не столько зависитъ отъ внѣшнихъ преобразованій страны, сколько отъ наличныхъ духовныхъ силъ русскихъ людей, изъ которыхъ прежде всего должна выдѣлиться „соль земли“.

Какой это ученый говорилъ,—кажется, Карлейль,—что „исторію дѣлаютъ герои“, и вотъ, понимая подъ послѣдними, конечно, не однихъ полководцевъ-завоевателей, а главнымъ образомъ людей нравственной силы, — мы видимъ, — что „во главѣ угла“ стоитъ горсть галилейскихъ рыбаковъ. Облеченные на служеніе человечеству силою Св. Духа,—мы видимъ, что они этою силою *побѣдили мръ*, и рѣшительно опредѣлили новый поворотъ исторіи. Далѣе мы видимъ, что на поворогѣ каждой страны всегда выдвигались лишь единичныя личности, напр., въ нашемъ отечествѣ, во времена смуты, принесли величайшую услугу государству два-три горячихъ истинныхъ патріота. Они и имъ подобные люди и составляли „соль земли“. Дѣло ихъ есть дѣло любви, самоотверженія, преданности, доходящей до готовности „положить свои души за многія души“!

Какая возвышенная, достойная истинныхъ героевъ работа—работа духа! И какъ въ наше лихолѣтье испытывается страшная нужда въ этихъ людяхъ,—которые бы, вмѣстѣ съ властнымъ

словомъ религіи, могли установить положительное направленіе въ жизни.

Неоспоримо, всё мы сознаемъ, что страна ищетъ выхода, а они болѣе насъ; причемъ, подобно пророкамъ, они проникновенно зрятъ въ будущее, которое ихъ духовному взору представляется свѣтлымъ лучемъ, пронизывающимъ сумракъ настоящаго тревожнаго движенія. Съ другой стороны, нужно понять, что „въ это полное грозныхъ событій время всё должны объединиться“ и „каждый долженъ возжечь свой свѣтильникъ, готовый встрѣтить жениха“.

Но возвратимся къ дѣйствительности и поставимъ себѣ такой вопросъ: „гдѣ же люди въ наше время“? Гдѣ истинные свѣточи страны? Увы! Ихъ почти незамѣтно: бюрократія, говорятъ, совершенно обанкротилась настоящей войной, а интеллигенція (хотя по нашему мнѣнію нѣтъ основанія заподозривать бюрократію въ неинтеллигентности), если судить по даннымъ новѣйшей литературы—по Чехову, Андрееву, Вересаеву, Горькому,—давно ужъ стоитъ на пути моральнаго разложенія. А вѣдь эти люди должны бы сдѣлаться солью земли,—духовными водителями темнаго меньшаго брата, принадлежащаго къ огромному большинству нашей скорбящей родины. Такъ, по крайней мѣрѣ, выяснились умственному взору силы образованныхъ людей до войны. Но въ данный моментъ мы опять не видимъ людей, а видимъ лишь кричащую толпу, будто бы объединенную во имя протеста. Явленіе чрезвычайно грустное, и надъ нимъ невольно глубоко приходится задуматься.

Тотъ фактъ, что настроеніе у всѣхъ боевое, скорѣе насильническаго характера, свидѣтельствуетъ о пробужденіи въ людяхъ низкихъ инстинктовъ,—о господствѣ зла въ жизни. „Жизнь отравлена злобою, пишетъ по этому поводу священникъ о. Петровъ. Всѣ раздражены, возмущены и всѣмъ недовольны. Выскиваютъ причины недовольства. Перекоряются. Обманываются сами и стараются обмануть одинъ другого. Въ злобѣ сжимаютъ другъ на друга кулаки. Кто виноватъ? Кого казнить“?

(Газ. „Рус. Слово“ 1905 № 56).

Виноваты, говорятъ, всё—это общенсторическій грѣхъ,—грѣхъ всего уклада русской жизни. По нашему мнѣнію, такое объясненіе ровно ничего не объясняетъ. Грѣшно кидать укоръ и на исторію—грѣшно уже потому одному, что въ исторіи, мы знаемъ, были и свѣтлые періоды, когда добро торжествовало надъ злобою, когда появлялись безусловно свѣтлыя личности, горящія однимъ желаніемъ послужить съ самоотверженіемъ общепародному благу.

Поэтому, если касаться исторіи, то было бы болѣе понятно,—разумѣть исторію послѣднихъ годовъ, когда особенно ненормально складывалась русская жизнь. — Это грѣхъ конкретный, нашъ грѣхъ; онъ подъ руками; причемъ, когда я вижу безсознательно кричащихъ подростковъ и даже дѣтей,— то у меня сейчасъ же невольно возникаетъ мысль—о грѣхѣ семьи и школы, противъ которыхъ часто и не безъ основанія вопять дѣтскіе голоса. Грѣхъ, слѣдовательно, нашего современнаго воспитанія. Вѣдь оно формируетъ людей нравственной силы; вѣдь въ семьѣ и школѣ должно духовно обогащаться молодое поколѣніе, которому надлежитъ теперь начать созидательную работу, *постепенно* исправляя наши историческіе грѣхи и ошибки. А между тѣмъ, вмѣсто обогащенія, мы видимъ полное обнищаніе и порабощеніе духа человѣческаго. Въ самомъ дѣлѣ, откуда же получаютъ направленіе извѣстные современные типы „человѣковъ въ футлярѣ“, людей 20 числа—и ловкіе дѣльцы, карьеристы? Гдѣ складывается духовный міръ подобныхъ личностей, какъ не въ семьѣ? Да не они ли, эти люди, убѣждаютъ насъ, что современная семья, собственно говоря, и не воспитываетъ дѣтей. Въ ней, повидимому, совершенно отсутствуютъ истинныя устои воспитанія, какія, напр., даетъ религія. Кажется, ни для кого не тайна, что религія въ представленіи многихъ и многихъ сдѣлалась предметомъ величайшихъ соблазновъ. Тѣ, которые смотрятъ на нее, какъ на средневѣковой пережитокъ, въ извѣстномъ смыслѣ, пожалуй, воспитываютъ дѣтей: вмѣсто религіи они стараются вложить въ дѣтскія души хоть *мертвыя* формулы *порядочности, справедливости* и трезваго (?) взгляда на вещи.

Гораздо печальнѣе обстоитъ дѣло воспитанія въ такихъ семьяхъ, гдѣ религіей прикрывается холодное равнодушіе къ ней¹⁾. Тутъ нерѣдко *принуждаютъ* дѣтей исполнять церковныя обряды, надъ которыми въ душѣ подсмѣиваются.

Мы считаемъ прямо необходимымъ подчеркнуть религію въ вопросѣ воспитанія, какъ потому, что она—основа послѣдняго, такъ и потому, что она—самый живой предметъ въ рукахъ убѣжденныхъ религіозныхъ родителей; она передается непосредственно чрезъ вліяніе одной *сильной* личности на другую *слабую*, но крайне воспримчивую; тогда какъ остальные элементы, входящіе въ составъ воспитанія нравственной личности, — въ подавляющемъ значеніи, даетъ отчасти школьная среда, отчасти получаютъ изъ книгъ, отчасти отъ товарищества.

¹⁾ См. нашу ст. „Изъ разговоровъ о воспитаніи дѣтей“. „Пр. Рус. Сл.“ 1904 г. кн. 14-я.

Школа, несомнѣнно, является помощницею семьи въ воспитаніи дѣтей; несомнѣнно, что и она нечужда фарисейской закваски,—по разрѣшенію религіозныхъ вопросовъ. Грѣхъ, по словамъ Спасителя,—огромный. Какъ же не грѣхъ, если, напримѣръ, школьное начальство *только* полицейскими способами поддерживаетъ внѣшнее благочестіе въ ученикахъ? Какъ же не грѣхъ „оцѣживать комара и проглатывать верблюда“,—т. е. заботиться, чтобы ученики въ церковь ходили попарно, стояли благочинно и т. п., и совершенно не заботиться о правильной постановкѣ преподаванія Закона Божія, въ особенности чтенія Евангелія, — что составляетъ „душу живу“ въ религіозномъ воспитаніи?..

Кто не знаетъ, какъ верѣдко живое Божье слово перекраивается педагогами въ мертвую букву? какъ часто изъ Закона Божія дѣлаютъ грозу для дѣтей и преимущественно для малоспособныхъ и слабыхъ памятью? О религіозномъ чувствѣ, о разумѣніи дѣтскимъ сердцемъ „глаголовъ вѣчной жизни“—объ этомъ и помину нѣтъ на урокахъ преподаванія: все сосредоточено на казовой сторонѣ дѣла, на механическомъ заучиваніи дѣтьми молитвъ, рассказовъ, катехизиса,—все это нужно для ревизій, экзаменовъ, оцѣниваемыхъ 5-ти бальной системой,—все это, повидимому, направлено для цѣлей постороннихъ,—въ самомъ худшемъ смыслѣ для самолюбія преподавателя, но ровно ничего для ученика, для его жизни.

Къ той же сторонней цѣли свелось и преподаваніе Евангелія, изъ котораго, какъ извѣстно, сдѣлали учебную книгу или руководство для упражненія ребятъ въ техническомъ чтеніи 1).

Нисколько не въ лучшихъ, если только не въ худшихъ, условіяхъ находится развитіе дѣтской души и въ остальномъ отношеніи, напр., въ эстетическомъ. Метода вездѣ одна: вкочлачи-

1) Объ этой крупной погрѣшности, страшной по своимъ послѣдствіямъ, между прочимъ, авторъ брошюры «Ученье и Учитель» на стр. 27 пишетъ слѣдующее: „Ты преподаешь дѣтямъ Законъ Божій. Больше всего берегись дѣлать изъ Евангелія учебную книгу: это грѣхъ. Это значитъ въ ребенкѣ обезцѣнивать для человѣка книгу, которая должна быть для него сокровищемъ и руководствомъ цѣлой жизни. *Страшно* должно быть для совѣсти разбивать *слово жизни* на бездушные кусочки и дѣлать изъ нихъ мучительные вопросы для дѣтей. Приступать съ рѣзцами о Евангельскихъ словахъ къ дѣтямъ и вызывать у нихъ отвѣты—для этого потребна душа, *чуткая къ ощущеніямъ дѣтской души*, — но когда приступаютъ къ дѣлу съ одной механикой *программы* къ вопросамъ, и ставятъ *цифирныя отмѣтки* за отвѣты на вопросы, иногда неловкіе и непонятные ребенкомъ,—вызывая волненіе и слезы, грѣхъ принимаютъ себѣ на душу экзаменаторы и можно сказать объ нихъ: не вѣдаютъ, что творять съ душою ребенка“.

ваніе, зубристка, плюсъ орудія репрессіи. Естественно, что при такомъ *режимѣ*, ученикъ, подростокъ, начиналъ протестовать, или искалъ для удовлетворенія жажды любознательности *свои пути*, открывающіеся чрезъ чтенія „запрещеннаго плода“. Напримѣръ, „въ шестомъ классѣ гимназисты уже *готовы*. Читаютъ „капиталь“ Маркса и всю *недозволенную литературу*“.

Они „готовы“ протестовать противъ означеннаго школьнаго насилія, противъ отрицательной системы воспитанія, наконецъ, противъ лицемѣрія, лжи школьной бюрократіи, „возлагающей бремена тяжкія, а съ своей стороны перстомъ ее не хотящей двинуть“. Вотъ, по нашему крайнему разумѣнію, ближайшая причина появленія разныхъ забастовокъ и демонстрацій въ средѣ подростковъ.

Такою же причину мы усматриваемъ и въ движеніи взрослыхъ лицъ,—причина въ обнищаніи духа этихъ лицъ. Общественная, служебная и вообще самостоятельная жизнь каждаго далеко не способствуетъ къ нашему духовному обогащенію, а скорѣе обкрадываетъ, производитъ крушенія. Вѣдь и общественная дѣятельность каждаго зиждется опять на отрицательной системѣ. „Плачевная и опасная система, какъ называетъ ее преосв. Антоній, система, когда чередуются только усмотрѣніе, одобреніе, послушаніе и молчаніе: они создаютъ иллюзіи и ослѣпленіе“.

А если „опасна“, скажутъ, тогда надо немедленно ее переменить. А переменить ее можно чрезъ быстрое преобразование страны,—помощью коренныхъ реформъ. Да, нужно, конечно, во этого мало; такъ какъ ту или другую систему создаютъ люди, а въ нихъ-то и недостатокъ. Поэтому *необходимо немедленное преобразование внутренняго строя жизни людей путемъ Христовымъ*, т. е. необходимо всеобщее покаяніе и сильный религиозный подъемъ, преимущественно въ средѣ вѣрующихъ. И тогда явятся истинные дѣятели на нивѣ Божіей. Тогда прекратятся и дни скорби, что обѣщано было Спасителемъ нашимъ (Еванг. Матѣ. 24, 22).

Соединимся же, братіе и други, въ горячей молитвѣ къ Богу, да призовемъ съ собою на молитву и дѣтей нашихъ. Не забудемъ, что и дѣти находятся въ числѣ избранниковъ Отца Небеснаго.

Господи! съ упованіемъ къ Твоему благоутробію прибѣгаемъ,—умягчи наши жестокія сердца, просвѣти разумъ, да преуспѣемъ въ дѣланіи заповѣдей Твоихъ, ведущихъ насъ къ водворенію на землѣ правды, мира, любви и радости о Св. Духѣ!

С. Бронницкій.

Изъ бѣглопоповщинскаго быта.

Въ февралѣ 1902 года пришелъ ко мнѣ въ Витебскъ извѣстный уставщикъ бывшій бѣглопоповщинскій, а теперь единовѣрческій, мѣщанинъ посада Лужковъ, Черниговской губ., Яковъ Кузьмичъ Ѳешовъ. Его прислалъ ко мнѣ покойный о. Вареоломей Студенковъ, единовѣрческій священникъ села Русскаго Порѣчнаго, Курской епархіи, съ запиской ко мнѣ: „Примите сего. Сей воистину израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть“. Собственно о. Вареоломей просилъ принять его въ псаломщики, но мѣсто псаломщика при Благовѣщенской единовѣрческой церкви было занято уже. А потому, предложивъ Як. К. Ѳешову погостить у меня, я просилъ его рассказать мнѣ, какъ онъ жилъ въ расколѣ и исправлялъ службу при бѣглыхъ попахъ и что тамъ видѣлъ и слышалъ. Онъ охотно подѣлился со мной нижеприведеннымъ повѣствованіемъ.

Отецъ мой, К. Ив. Ѳешовъ, 40 лѣтъ служилъ уставщикомъ при лужковской бѣглопоповщинской моленной. Еще въ дѣтствѣ онъ обучилъ меня чтенію, письму, крюковому пѣнію и уставу церковному. Уставщичество у насъ передавалось какъ-бы преемственно—изъ рода въ родъ. Я поступилъ уставщикомъ 17-ти лѣтъ, въ 1876 году, въ гор. Боровскъ, Калужской губ. Постояннаго попа при боровской моленной не было, по временамъ лишь пріѣзжалъ къ намъ изъ гор. Обояни, Курской губ. (моленной купца Василя Андреева Булгакова), бѣглый попъ Іоаннъ (фамиліи его не помню). Въ отсутствіе же его всѣ требы—отъ таинства крещенія (прости, Господи, грѣхъ моего невѣдѣнія!) до обряда похоронъ—совершалъ я. Я же, по примѣру прежнихъ уставщиковъ, читалъ и разрѣшительную молитву умершимъ и расписывался на ней. (Потомъ, впрочемъ, родитель мой рѣшительно запретилъ мнѣ это, говоря, что это—дѣло іерея).

Въ 1879 году, по приглашенію, я переѣхалъ въ Москву къ бѣглопоповцу Ивану Васильеву Карасеву. У него въ моленной (на Малой Андроновкѣ, въ собств. д.) былъ бѣглый попъ о.

Гавріиль Знаменскій. Онъ бѣжалъ въ расколъ изъ села Черкасовъ, Московской епархіи. Надолго остался у меня въ памяти этотъ „іерей“. Первоначально въ 1877 г. онъ поступилъ къ бѣглопоповцамъ въ посадъ Лужки. Мой родитель былъ при немъ дьячкомъ или уставщикомъ въ „пунной“ моленной. („Пунная“ моленная получила свое названіе отъ пуни-сарая, гдѣ совершалось и совершается у лужковскихъ бѣглопоповцевъ служеніе; только теперь пуны-моленная подъ желѣзной крышей). Общество „пунное“ отличалось отъ вѣтковскаго, болѣе распространеннаго въ Лужковскомъ посадѣ, тѣмъ, что приходящихъ отъ мнимой ереси поповъ, т. е. отъ православной Церкви, принимало не вторымъ, а третьимъ чиномъ. Такъ приняли въ „пунный“ расколъ и о. Гавріила. Но среди „пунныхъ“ ему пришлось быть не долго. Дѣло въ томъ, что общество вѣтковское въ это время не имѣло попа, но было богаче „пуннаго“, и вотъ вѣтковцы переманили къ себѣ о. Гавріила; свозили его въ Вѣтку и тамъ перемазали его. Послужилъ онъ у вѣтковцевъ немного: по „слабой жизни“ онъ очутился скоро за штатомъ. Не желая оставаться за штатомъ, о. Гавріиль началъ проситься къ „пуннымъ“. „Пунные“ попечители—Аванасій Ѳедоровъ Комаровъ и Ѳедоръ Григорьевъ Бобровъ объявили ему: „прокляни вѣтковцевъ и будешь у насъ служить“. Онъ проклялъ и былъ снова принять третьимъ чиномъ. Но не долго прослужилъ бродячій попъ у „пунныхъ“ и второй разъ: жена его, природная москвичка, не пожелавъ жить въ Лужкахъ, перетянула его въ Москву, гдѣ онъ и поступилъ къ Ив. В. Карасеву. Карасевъ, хотя и принадлежалъ къ вѣтковскому согласію, однако принялъ его безъ всякаго чинопріема. Въ это время о. Гавріиль вызвалъ меня изъ Боровска къ себѣ. Годъ спустя онъ получилъ приглашеніе въ Оренбургскую губернію отъ попечителя моленной хутора Родники, Ивана Кондратьева Кадyseва, для совершенія требъ. О. Гавріиль взялъ съ собою и меня. Здѣсь мы окрестили 700 младенцевъ и повѣнчали 270 браковъ. При крещеніи не хватило у насъ, между прочимъ, мнимаго мѣра. Не зная, что дѣлать, о. Гавріиль обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ ему, что по древлеправославному (собственно раскольническому) обычаю древнее мѣро обязательно должно быть разбавляемо деревяннымъ масломъ (таковъ догматъ бѣглопоповщины!), и подаль ему бутылку съ масломъ. Такимъ образомъ и легко и скоро мы избѣжали недостатка мѣра, безъ помазанія которымъ нельзя быть христианиномъ. При заключеніи браковъ, мы вѣнчали по 20 паръ за разъ: повѣнчавши одну пару, пропѣвъ трижды, при обведеніи брачующихся столько же разъ посолонъ вокругъ стола, „святѣи муче-

ницы“,—вѣнцы тотчасъ же надѣвали на слѣдующую пару и т. д. Отдохнувъ часть, при безобразномъ „утѣшеніи“, опять принимались за вѣнчаніе. Вѣнчали и старыхъ и молодыхъ, имѣющихъ дѣтей и почти—дѣтей, что не запрещается древнимъ старообрядческимъ православіемъ.

Черезъ мѣсяць мы вернулись въ Москву. Спустя нѣкоторое время, я поступилъ уставщикомъ къ донскому казаку Петру Дмитріеву Мухину (по его просьбѣ). Попа у него въ это время не было.

Прослуживъ у Мухина три мѣсяца, я получилъ изъ Оренбургской губерніи, отъ помянутаго Кадысева, приглашеніе прибыть къ нему для служенія съ „чернымъ попомъ“, бѣглымъ іеромонахомъ Иларіемъ. Я предложилъ своему земляку Ѡ. С. Шмакову, теперь покойному, путешествовать со мной, на что тотъ изъявилъ свое согласіе.

Вскорѣ послѣ нашего отъѣзда поступилъ къ Мухину австрійскій или бѣлокриничный лже-попъ Авраамій. Послѣдній былъ привезенъ изъ Молдавіи уставщикомъ Мухина В. Я. Желѣзняковымъ и, поелику выдавалъ себя за православнаго священника, подвергнуть былъ мнимому муропомазанію, въ домѣ извѣстнаго нижегородскаго попавца Бугрова. Обманъ лжепопа обнаружился, и Авраамій, стыда ради, пропалъ безъ вѣсти.

Прѣздомъ въ Оренбургскую губернію остановились мы со Шмаковымъ въ г. Саратовѣ. Здѣсь мы, 20 іюля, на Ілію пророка, зашли въ каедральный соборъ. При сравненіи неряшества своихъ моленныхъ и служенія въ нихъ поповъ, а подчасъ и проходимцевъ, съ благолѣпіемъ храма Божія и торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ, у меня невольно вырвалось: „Федоръ Семеновичъ, какой мы святыни лишаемся!“ Онъ отвѣтилъ мнѣ слезами. Но и послѣ этого, по грѣхамъ нашимъ, намъ обоимъ еще много времени пришлось быть въ расколѣ.

Въ хуторѣ Родники я прослужилъ только около двухъ мѣсяцевъ: сильно заболѣвъ лихорадкой, я рассчитался съ Кадысевымъ и вернулся въ Москву на старое мѣсто, въ моленную Ив. В. Карасева. Ѡ. Гавріила здѣсь уже не было: онъ былъ взятъ властію и, по опредѣленію епархіальнаго начальства, отбывалъ 7-ми мѣсячную епитимію въ Знаменскомъ монастырѣ, что на Варваркѣ, куда я нерѣдко къ нему заходилъ. По отбытіи епитиміи, онъ былъ посланъ на мѣсто псаломщика въ одно изъ селъ Клинскаго уѣзда, куда—не помню. На этомъ мѣстѣ онъ и кончилъ свою многоятежную жизнь, покаявшись предъ св. каеолическою Церковію.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Москву, сюда же прибылъ съ Вѣтки бѣглый попъ Петръ Ремизовъ. Явился онъ къ Евлампію Гаврилову (Новая дер., 9 пер., собств. д.), который добывалъ бѣглыхъ поповъ. У Гаврилова и я стоялъ на квартирѣ: это была наша общая бѣглопоповщинская станція. 8 сентября 1881 года мы съ о. Петромъ были приняты въ помянутую моленную Карасева. О. Петръ былъ взятъ изъ села Борисовки, Верейскаго уѣзда, Московской епархіи. Въ семействѣ у него были: жена одинъ сынъ и двѣ дочери. Сначала онъ бѣжалъ на Вѣтку сманенный туда упомянутымъ Гавриловымъ, а съ Вѣтки, поссорившись съ тамошними попечителями, прибылъ въ Москву. Около полугода спустя, насъ вызвали въ Калугу для совершения требъ. Моленная находилась по улицѣ Малой Козинкѣ, у Якова Сергѣева Филатова. При совершеніи крещеній, у насъ, какъ и всегда почти, не хватило мнимаго мвра и мы прибѣгли къ обычному „разбавленію“. Вернувшись въ Москву, я получилъ отъ родителей письмо—прибыть на родину (для бракосочетанія).

Въ Лужкахъ, еще до моего прибытія туда, общество вѣтковскаго согласія меня избрало въ уставщики. Въ это время здѣсь былъ бѣглый попъ о. Романъ Нечаевъ. О. Нечаевъ служилъ раньше въ Курской епархіи, при Покровской единовѣрческой церкви города Рыльска. За повѣнчаніе несовершеннолѣтней дѣвицы и за приписку ей одного года онъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста съ запрещеніемъ священнослуженія на три года и назначенъ на должность псаломщика единовѣрческой церкви въ селѣ Дерловѣ, близъ Курска. Будучи матеріально состоятельнымъ человѣкомъ, онъ не исправлялъ должности псаломщика, а жилъ всѣ три года въ своемъ домѣ, въ г. Рыльскѣ. Отбывъ запрещеніе, былъ назначенъ священникомъ въ то же село Дерлово. Лужковцы давно уже слѣдили за о. Романомъ, зная о всѣхъ дѣлахъ его чрезъ жену церковнаго старосты рыльской единовѣрческой церкви (принадлежавшую къ вѣтковскому согласію). Они приготовили уже ему измѣннической путь и лишь ожидали разрѣшенія ему священнослуженія. Отслуживъ двѣ обѣдни въ селѣ Дерловѣ, въ присутствіи лужковскихъ депутатовъ Гаврилы Карпова Луткова и Федора Семенова Малкова, для доказательства разрѣшенія на священнодѣйствіе, о. Романъ отправился съ этими депутатами въ Лужки. На Вѣткѣ бѣглаго попа приняли въ расколъ чрезъ обычное мазаніе деревяннымъ масломъ, или воображаемымъ іосифовскимъ мвромъ. Мазалъ его подобный ему бѣглый попъ Петръ Оболенскій (старуха жена его и сейчасъ проживаетъ на Вѣткѣ). Служилъ у насъ о. Романъ всего десять

мѣсяцевъ и умеръ, безъ покаянія, отъ удара, за письмомъ къ женѣ своей, жившей въ Рыльскѣ. Страшно было наказаніе Божіе за измѣну св. Церкви!.. Для похоронъ о. Романа общество намѣрено было пригласить изъ посада Климова бѣглаго попа о. Михаила Колоколова, самимъ же обществомъ удаленнаго отъ службы за куреніе табаку. Сдѣлали собраніе. За приглашеніе высказывались заправиы Ѡ. С. Малковъ, Антипъ Емельяновъ Цмикалинъ и Абрамъ Ѡедоровъ Бобровъ; но старецъ Степанъ Порфирьевъ Новиковъ возражалъ: „честное собраніе, какъ же мы будемъ его табачную руку цѣловать: вѣдь мы всѣ должны будемъ идти къ нему подъ благословеніе“?! Всѣ согласились съ Новиковымъ и подняли молву: „не надо табакника“! И похоронили мы студнаго попа, безъ попа, я и Абрамъ Семеновъ Томилинь (нынѣ единовѣрческій псаломщикъ пос. Лужковъ)... При о. Романѣ „пунные“ помѣщались съ вѣтковцами, принявъ догматъ послѣднихъ (второй чинъ для принятія бѣглыхъ поповъ и вообще православныхъ въ расколь).

Черезъ полгода послѣ печальной памяти событія общество командировало въ Москву меня и попечителя Петра Андрева Соловьева для добыванія новаго попа. Это было въ 1882 году, послѣ Троицына дня. Прибывъ на извѣстную уже бѣглоповщинскую станцію, мы объявили Гаврилову цѣль нашего прїѣзда. Онъ началъ „ходатайствовать“ по нашему дѣлу. Кто-то указалъ ему священника при церкви „Нечаянная радость“, что на Житномъ дворѣ, о. Владиміра Минервина. И вотъ мы стали его сватать. Я, Соловьевъ и Гавриловъ явились въ названную церковь къ ранней литургіи, которую служилъ о. Владиміръ. По окончаніи литургіи, когда о. Владиміръ выходилъ изъ алтаря,—я отъ лица депутатовъ пригласилъ его на чай: это обычное раскольническое сватовство съ попами.

— Батюшка, желалъ бы я васъ пригласить на чаекъ,—сказалъ я, поклонившись о. Владиміру.

— А вы кто такой?

— Гуслиякъ,—солгалъ я.

— Съ удовольствіемъ, очень радъ,—сказалъ о. Владиміръ. Я вошелъ съ нимъ въ его квартиру—внизу, въ подвалѣ. Переодѣвшись, онъ взялъ съ собою своего сына Колю, мальчика 12-ти лѣтъ, и мы отправились въ гостиницу Лаврова, близъ собора Василия Блаженнаго. Товарищи ожидали меня у Спаскихъ воротъ.

— Пойдемъ, господа!—сказалъ я имъ.

— А это кто?—спросилъ о. Владиміръ.

— Товарищи; пойдемте вмѣстѣ.

Мы вошли въ особую комнату; спросили выпить и закусить и чаю.

— Предлагай ему,—сказалъ мнѣ за чаемъ Гавриловъ.

— Отецъ Владиміръ,—началь я,—дѣло вотъ въ чемъ:—мы старообрядцы. Желаемъ васъ имѣть у себя пастыремъ.

— Въ какую мѣстность вы меня приглашаете?

— Въ посадь Лужки, Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда.

— Какой доходъ у васъ?

— Въ теченіе года получите не менѣе 3000 рублей сер.

— А можетъ быть ты врешь, — засмѣявшись отъ радости сказалъ о. Владиміръ.

— Батюшка, правда; можно еще больше получить. А не угодно получать доходъ, попечители будутъ платить вамъ наличными 3000 сер. ежегодно,—вступился Гавриловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше я самъ буду получать доходъ! А вы кто такой?

— Я не эstimъ дѣламъ имѣю дѣло съ консисторіей...

О. Владиміръ, много не разсуждая, далъ согласіе на бѣгство къ намъ, но сейчасъ же ѣхать съ нами отказался, обѣщавшись прибыть осенью, такъ какъ ему предстояло служеніе богатыхъ сорокоустовъ и еще что-то въ этомъ родѣ. Такимъ образомъ, до осени онъ совершалъ священнослуженіе въ святой Церкви и крыль въ сердцѣ своемъ измѣну ей.

Разставшись съ о. Владиміромъ, мы отправились на свою квартиру. Въ это время явился къ намъ Ѳ. С. Шмаковъ, который служилъ послѣ меня съ о. Петромъ Ремизовымъ въ моленной Карасева. Онъ сообщилъ мнѣ о моемъ близкомъ знакомомъ боровскомъ, Михаилѣ Кондратьевѣ Чичкинѣ, лжедіаконѣ бѣлокриничномъ, что онъ находится въ Москвѣ и присоединился къ св. православной Церкви. Мы со Шмаковымъ и Соловьевымъ отправились на квартиру Чичкина, жившаго въ Рогожской части (по его словамъ, квартиру ему нанималъ о. архимандритъ Павелъ, настоятель Никольскаго единовѣрческаго монастыря). Онъ былъ весьма обрадованъ нашимъ приходомъ; у него былъ незнакомый намъ человѣкъ. По выходѣ этого человѣка, у насъ начался откровенный разговоръ. Чичкинъ разспрашивалъ о нашихъ старообрядческихъ дѣлахъ, а мы—о его присоединеніи къ православной Церкви.

— Михайло Кондратьевичъ, спросилъ я Чичкина,—скажите намъ по правдѣ и по чистой совѣсти, что васъ побудило присоединиться къ православной Церкви?

— Яковъ Козмичъ, помирать когда-нибудь надо, а безъ единой святой, соборной и апостольской Церкви нѣсть спасенія, какъ при потопѣ не было никому спасенія внѣ Ноева ковчега. Поэтому я, несмотря на свой санъ лжедіакона, который давалъ мнѣ обезпеченіе, несмотря на житіе тучное у Арсентія Ивановича Морозова, на разрывъ супружества и лишеніе дѣтей со стороны жены (дочь австрійскаго лжепопа Алексѣя Мосалова, близъ Боровска),—оставилъ все...

Примѣръ и слова Чичкина весьма тронули насъ. Съ нимъ нельзя было не согласиться,—онъ сдѣлалъ это Господа ради и Евангелія ради. И я положилъ себѣ на сердцѣ не оставаться и не умирать въ расколѣ...

О. Владиміръ Минервинъ прибылъ къ намъ въ Лужки предъ зимнимъ Николой; обычно принять былъ въ расколъ на Вѣткѣ. Принималъ его бѣглый попъ о. Василій Побѣдинскій. Несчастный, какъ и большинство бѣглыхъ поповъ, вовсе не предполагалъ, что надъ нимъ будетъ совершено это достойное смѣха лжемиропомазаніе, а потому и ругался, при чинопріемѣ, какъ умѣлъ. Нужно сказать, что никому изъ сманиваемыхъ священниковъ не сообщается о чинопріемѣ; иначе едва-ли бы кто изъ нихъ согласился на столь явное отступничество и униженіе не только священнаго сана, но и христіанской души. Чинопріемъ этотъ всегда совершается въ присутствіи уставщиковъ и только лишь ихъ однихъ „аксіось“ въ глазахъ общества имѣетъ силу на совершеніе бѣглымъ попомъ таинствъ; а одному мнимо древлеправославному попу никогда не довѣряется принять отъ мнимой ереси приходяшаго попа, ибо хорошо извѣстно всѣмъ, что всѣ попы, какъ-бы пьяны они ни были, гнушаются „исправы“, какъ послѣдней скверны, и одинъ попъ можетъ не совершить глумленія надъ своимъ несчастнымъ собратомъ, какъ изрѣдка и бывали случаи. За то и обрушивается вся брань принимаемаго попа на уставщиковъ. Попросишь, бывало, отъ имени общества въ алтарь на исповѣдь вновь принимаемаго іерея. Идетъ, ничего не подозрѣвая. Наблюдаешь, когда кончится исповѣдь; по окончаніи послѣдней, подходишь къ бѣглому попу съ словами: „батюшка, немного разстегнитесь“, а самъ уже, по навыку, въ то время раастегнешь у него воротъ полукафтаны и рубашки, и ужъ все готово... „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да избу-

детъ студа, егоже первѣе преступивъ человѣкъ, всюду ношаше“, помазывая чело принимаемаго, произносить принимающій (и прочее по старому потребнику), а помазуемый, именно забывъ „стыдъ“, отплевывается, проклинаетъ и ругаетъ тебя на чемъ свѣтъ стоитъ. Съ этого момента отвращеніе бѣглого попа къ раскольникамъ и въ частности къ уставщикамъ дѣлается самое отчаянное. И служить онъ лишь для денегъ однѣхъ и живетъ жизнью ужаснѣйшею. Бывало, читаешь поученіе „на голосъ“, а онъ, сидя въ алтарѣ, передразниваетъ: „вя-вя-вя-а-а! С—нъ ты сынъ, такой ты сякой (по русски), что ты вякаешь“...

Въ великій постъ прибылъ въ Лужки „древлеправославный“ народъ для говѣнія изъ всѣхъ областей и съ Дона и съ Кавказа и изъ Бессарабской области,—люди самые состоятельные. О. Минервинъ въ это самое время заглушалъ свою совѣсть или, паче рещи, заливалъ... Составили собраніе, по порученію котораго вышеупомянутые Малковъ и Цмикалинь повелительно требовали, чтобы о. Владиміръ отпустилъ народъ, удовлетворивъ ихъ религіозныя нужды, хотя пьяною исповѣдью и причащеніемъ. Привели его въ моленную и безпрестанно понуждали его.

— Вы, простецы, не имѣете права повелѣть мнѣ, священнику,— выйдя изъ себя властно сказалъ онъ.—Я, живя у васъ, двумя перстами молюсь и кормлюсь, а пойду въ православную церковь буду тремя перстами молиться и кормиться.—При этомъ, сложивъ три первыхъ перста, онъ показалъ народу, какъ будетъ молиться. Заволновалось общество; всѣ единогласно провозгласили:

— Отецъ Владиміръ намъ теперъ не угоденъ!

Изъ боязни опасности онъ сталъ просить извиненія. Древлеправославные раскаянія его именно и желали. Малковъ и Цмикалинь потребовали отъ него прочитатъ отреченіе отъ ереси за исповѣданіе святой единосущной и нераздѣльной Троицы тремя первыми перстами...

Послѣ этого о. Владиміръ прожилъ въ Лужкахъ до своихъ именинъ, т. е. до 15 іюля. Предъ именинами онъ, опасаясь раскольниковъ, далъ телеграмму стародубскому исправнику, чтобы тотъ взялъ его отъ раскольниковъ, и, выпивши, послѣ того, началъ кричать всему обществу:

— Вы еретики-раскольники, не желаю у васъ служить, вы меня обманули, вы хотите меня погубить!

На именинахъ у него были уставщики Абрамъ Семеновъ Томилинъ и Прокопъ Тихоновъ Кузнецовъ и пономарь Михайлъ

Петровъ Юдинъ (нынѣ священникъ Успенской единовѣрческой церкви посада Лужковъ): всѣ были въ саду. Вдругъ является исправникъ. Увидя его, о. Владиміръ закричалъ: ваше благородіе!—ваше благородіе! помилуйте! Очень радъ вашему пріѣзду. Какъ боялся, чтобы не погубили меня раскольники. Позвольте папироску закурить...

Испугались уставщики. Прокопъ Тихоновъ вскочилъ въ баню и залѣзъ подъ полокъ. Абрамъ Семеновъ прыгнулъ черезъ заборъ и, зацѣпившись за гвоздь, разорвалъ свою „христіанку“ (поддевку). Михаилъ Петровъ залѣзъ въ кусты кружовника, оцарапавши себѣ лицо и руки. Народу было (это было вскорѣ послѣ обѣдни) не только полонъ дворъ, но и улица, а батюшка съ исправникомъ покуривалъ, кричалъ на старообрядцевъ: „вы враги Божіи, раскольники! Слава Богу, я спасся отъ васъ“! Черезъ полчаса онъ, забравъ свой багажъ, отправился съ исправникомъ въ Стародубъ, а оттуда былъ отправленъ въ Москву. Его осудили, съ лишеніемъ сана, на заточеніе въ Андроньевъ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ покаяніи.

Въ это время я служилъ на Вѣткѣ при о. Василии Побѣдинскомъ; моимъ сотрудникомъ былъ его зять Егоръ Семеновъ Соколовъ. Отецъ Василій, тоже не стѣсняясь, называлъ старообрядцевъ въ глаза еретиками и раскольниками. Сожалѣя о гибели своей дочери, бывшей замужемъ за помянутымъ уставщикомъ Соколовымъ, онъ нарочно при старообрядцахъ говаривалъ ей: „Саша, погубилъ я тебя въ расколѣ“ (она и сейчасъ въ расколѣ)! Онъ былъ тоже изъ самой Москвы; взятъ былъ вѣтковскимъ мѣщаниномъ Денисомъ Семеновымъ Дрибинцевымъ ¹⁾ отъ извѣстнаго поставщика поповъ Евлампія Гаврилова, а принятъ въ расколъ въ посадѣ Климовѣ о. Михаиломъ Колоколовымъ (курившимъ табакъ). Окончилъ жизнь безъ покаянія и похороненъ въ Вѣткѣ простецами, какъ и о. Романъ Нечаевъ.

Съ Вѣтки меня пригласилъ еліонскій купецъ Степанъ Трофимовъ Гусевъ въ австрійскую или бѣлокриничную моленную въ городъ Никополь. Лжепопомъ у него былъ Михаилъ Зудинъ, весьма малограмотный. Всего одинъ годъ служилъ я съ этимъ лжепопомъ и положительно измучился отъ одного стыда служить съ нимъ. Читать онъ почти совсѣмъ не умѣлъ, а если

¹⁾ Сынъ его Григорій Діонисьевичъ Дрибинцевъ въ настоящее время состоитъ священникомъ въ Полоцкой епархіи. Онъ пишетъ и въ „Миссіонерскомъ Обзорѣни“.

что и читаль, то вовсе не понималъ читаемаго. А прихожане были—все купечество, народъ вѣжій; они чаще всего заказывали служить молебны святителю Николѣ—этому „скорому помощнику и теплomu заступнику“. Мой Зудилинъ каждый разъ, читая Евангеліе на молебнѣ, произнесетъ слова: „видитъ вол-ка“... и, запнувшись, стоитъ ни съ мѣста долой. И каждый разъ—обычный смѣхъ въ моленной. Здѣсь меня разсчитали за то, что я по совѣсти не могъ присоединиться къ новоизмышленному бѣлокриничному—заграничному согласію и принять мнимое причастіе, совершаемое Зудилинымъ, не имѣющимъ истиннаго благодатнаго рукоположенія...

Продолжу тебѣ еще рѣчь о студныхъ дѣянiяхъ бѣглыхъ поповъ, кошунственномъ принятiи отъ нихъ старообрядцами таинствъ, лжи и обманѣ съ обѣихъ сторонъ (поповъ и старообрядцевъ), и неизбѣжныхъ при этомъ всякаго рода преступленiяхъ, хотя разговоръ мой и зайдетъ впередъ важнѣйшаго событiя въ моей жизни.

Въ 1882 году изъ Тверской епархіи обманомъ взятъ былъ въ расколъ, въ посадъ Климовъ, о. Василій (фамилію не помню). Уставщикъ Онисимъ Родіоновъ Гусевъ сманилъ его якобы въ богатую единовѣрческую церковь. Привезли его на Вѣтку и 21 дек., вопреки его желанію, „исправили“ (помазавъ изъ грязной скляницы деревяннымъ масломъ). Въ Климовѣ чернь однако не допустила его до служенія въ общественной моленной на праздникъ Рождества Христова, такъ какъ „купцы приняли его къ себѣ“ безъ вѣдома общества—черни. Огорченный до глубины души обманомъ, раскольнической „исправой“ и недовольствомъ черни, о. Василій отправился въ климовскую почтово-телеграфную контору, далъ телеграмму новозыбковскому исправнику, чтобы тотъ выручилъ его отъ раскольниковъ и попросилъ начальника конторы дать ему комнату, заявивъ, что онъ сильно разстроенъ. Давъ о. Василію особую комнату, начальникъ продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Бывшій въ конторѣ народъ замѣтилъ кровь, текущую изъ отведенной о. Василію комнаты. Сказали начальнику. Вбѣжали въ комнату. Представилось ужасное зрѣлище: о. Василій лежалъ на полу съ перерѣзаннымъ горломъ, не имѣя уже признаковъ жизни. Ножа при немъ не оказалось... Черезъ два часа пріѣхалъ исправникъ. Начались „топнехонькіе допросы“ древлеправославныхъ... Пріѣзжала и жена о. Василія, чтобы получить удовлетвореніе...

Въ 1897 году лужковскіе попечители—Яковъ Аванасьевъ и

Илья Ивановъ Комаровы и Павелъ Федоровъ Бобровъ пригласили съ Вѣтки бѣглаго попа о. Николу для заготовленія запасныхъ даровъ на цѣлый годъ. Попъ Никола взять былъ изъ села Зеленаго, Нижегородской епархіи (близъ Городца), крестьяниномъ села Русскаго Порѣчнаго, Суджанскаго уѣзда, Курской губ., Варволомеемъ Николаевымъ Студенковымъ (нынѣ покойный единовѣрческій священникъ), который, чтобы объявить достоинство найденнаго имъ попа, и пріѣхалъ съ нимъ въ Лужки, въ Лазареву субботу, побывавъ предварительно на Вѣткѣ. Остановились они на квартирѣ у уставщика Власа Иванова Богомолова. До великаго четверга—времени заготовленія запасныхъ даровъ—попъ безпросыпно пилъ. Наступилъ великій четвертокъ. Утреню отчитали уставщики въ „пунной“ моленной. Пришло время заготовлять древлеправославное причастіе. Народу собралось множество.

— Батюшка, надо же какъ-нибудь отслужить обѣдню,—заявляютъ ему Студенковъ и Комаровъ.

— Не могу... дайте водки.

Поправивши обстоятельства, повели попа Николу въ „пунную“ совершать древлеправославную обѣдню. Облачили... дошло дѣло до просфоромисанія. Какъ ни брался Никола за просфоромисаніе, ничего не могъ подѣлать: руки у него дрожали и рѣшительно отказывались ему служить. Положеніе было безвыходное для чающихъ „причастія“. Илья Комаровъ сталъ просить помощи у В. Студенкова. Тотъ, будучи простецомъ, отказывался браться за поповское дѣло. Что же оставалось дѣлать? Вѣдь не быть же древлеправославнымъ безъ „причастія“ цѣлый годъ!

Варволомей Николаевичъ, ради Господа, возьми грѣхъ на себя за приходящихъ спасеніе 1),—умолялъ Студенкова Илья Комаровъ. Варволомей Николаевичъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, долженъ былъ спросить у пьянаго попа благословеніе „заклати святыи агнецъ“.

— Богъ благословить, Варволомей Николаевичъ, порѣжь за меня,—проговорилъ пьяный Никола.

Какъ происходило дальнѣйшее совершеніе древлеправославной обѣдни, не обошедшее еще безъ бутылки водки, не нужно тебѣ рассказывать.

Каково отношеніе бѣглыхъ поповъ къ раскольникамъ и по

1) За спасеніе приходящихъ, но въ старопеч. потребникъ «за приходящихъ спасеніе».

какимъ причинамъ они поступаютъ къ нимъ, это лучше всего извѣстно уставщикамъ, которые у этихъ поповъ никогда не исповѣдываются и не пріобщаются. Какъ бы ни притворялся бѣглый попъ строгимъ ревнителемъ древняго благочестія, какъ-бы ни лицедѣйствовалъ онъ въ раскольничьихъ моленныхъ, въ глубинѣ своей души онъ всегда презираетъ раскольниковъ.

Служили у бѣглопоповцевъ въ качествѣ поповъ и разные проходимцы, никогда не имѣвшіе священнаго сана.

Въ „пунной“ моленной, въ началѣ 60-хъ годовъ, служилъ, напр., за попа простой монахъ изъ Пафнутаева Боровскаго монастыря. При помощи боровскаго уставщика заграничной секты Исаака Иванова Космачева, этотъ инокъ, по имени Сергій, добылъ себѣ документъ на имя священника Руфа, каковымъ и именовалъ себя у нашихъ древлеправославныхъ. Онъ служилъ въ „пунной“ три года, уставщикомъ при немъ былъ Леонъ Абрамовичъ Новиковъ. И долго бы онъ обманывалъ древлеправославныхъ, не случись недоразумѣнія между нимъ и его ходатаемъ Космачевымъ. Дѣло въ томъ, что лжепопъ Руфъ, т. е. бѣглый монахъ Сергій, за полученіе поповскаго званія и мѣста обѣщать платитъ Космачеву по 10 руб. въ мѣсяцъ, за все время своего лжепоповства. Первый и второй годы онъ платилъ исправно, а третій платитъ пересталъ. Космачевъ объявилъ о мнимой хиротоніи (совершенной самимъ Космачевымъ)... монаха Сергія въ попа Руфа боровскимъ поповщинскимъ попечителямъ—вышеупомянутому Алексѣю Михайлову Киркину и Лаврентію Иванову Соколову. Послѣдніе дали въ Лужки телеграмму слѣдующаго содержанія: „Товаръ гнилой. Удалить отъ дѣла“. Это было на Пасхѣ. Лужковскіе попечители—Аванасій Ѳедоровъ Комаровъ и Ѳедоръ Григорьевъ Бобровъ, получивъ эту телеграмму, явились въ моленную, гдѣ лжепопъ начиналъ служить обѣдню.

— Самозванецъ, изволь сію же минуту удалиться изъ святаго мѣста!—объявили они лжепопу свое рѣшеніе.

— Это волкъ, а не пастырь; онъ подобенъ Гришкѣ Отрепьеву,—обратясь къ народу, сказали попечители.

— Сами вы волки и Отрепьевы предъ православною Церковію, а святаго мѣста тутъ и не бывало: все комедія и лицедѣйство. Святое мѣсто въ монастырѣ преподобнаго отца нашего Пафнутія, а вашъ удѣлъ—ложь и обманъ,—сказалъ лжепопъ и вышелъ изъ „пунной“.

Уставщикъ, вмѣсто обѣдни, сталъ служить часы. А бѣглый монахъ, захвативъ свои деньги и пожитки, немедленно выѣхалъ

изъ Лужковъ и отправился въ свой монастырь. Совершенныя имъ таинства были признаны недѣйствительными и „переправлены“. Такъ наприм., сынъ боровскаго попечителя Петръ Алексѣевъ Киркинъ былъ перевѣнчанъ и т. п.

Вотъ что я видѣлъ и слышалъ въ жизни бѣглоповцевъ. За непослушаніе святой Церкви предаль ихъ Богъ въ неискусень умъ творити неподобная...

Видя всѣ студныя дѣянія своей „пунной“ и подобныхъ ей, я, Господу помогающу, рѣшилъ оставить пагубныя дебри раскола и присоединиться къ св. католической Церкви: 4 декабря 1888 г. въ Покровскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, Черниговской епархіи, я присоединенъ къ православію чрезъ таинство св. миропомазанія настоятелемъ монастыря о. архимандритомъ Пафнутіемъ (Добровольскимъ). День этотъ записанъ у меня на скрижаляхъ сердца. Молю Господа Бога, чтобы и братія моя заблудшая познала погибельность раскола и пришла въ правду покаяніемъ.

Священникъ *Е. Зубаревъ.*

„Смертныя“ и „безсмертныя“ Закавказья.

Въ хроникѣ № 19 „Миссіонерскаго Обзорѣнія“ за 1904 г. авторъ статьи говорить: „нѣтъ той секты, которая бы не имѣла своихъ самыхъ ярыхъ представителей въ Закавказьѣ. Это — своего рода сектантская кунктскамера“...

Да, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все больше и больше убѣждаешься въ томъ, что Закавказью въ исторіи нашей народной религіозной жизни суждено играть самую печальную роль. Существуетъ мнѣніе, что распаденіе расколо-сектантства на отдѣльныя, частныя группы, на новыя согласія и новыя толки, можетъ привести расколо-сектантовъ въ концѣ концовъ къ сознанію всея ложности и несостоятельности своего отдѣльнаго отъ Церкви существованія. Но это — одно изъ пророчествъ, которыя плохо подтверждаетъ опытъ жизни. Скорѣе можно видѣть, и дѣйствительно замѣчается на практикѣ, совершенно обратное явленіе. Дробленіе расколо-сектантства на новыя и новыя фракціи только заводитъ сектантовъ въ болѣе непроходимыя дебри религіознаго

шатапія и отчужденія отъ Церкви. Въ „Закавказскоі кунтска-мерѣ“ въ этомъ убѣждаешься воочію. Не такъ давно мнѣ пришлось столкнуться съ однимъ изъ представителей закавказскаго сектантства, молоканиномъ по упованію. Разговорился я съ нимъ. Мой помощникъ, Т. С. Х—въ, вдругъ и замѣчаетъ мнѣ:

— Что вы, А. И., толкуете съ нимъ на счетъ Церкви? Вы спросите-ка его на счетъ души человѣческой. Послушайте, чего онъ вамъ наскажеть...

— Да, да,—вдругъ оживленно заговорилъ мой собесѣдникъ. Это воть лучше. Скажите, А. И., какъ вы понимаете душу? какъ, значить, ваше ученіе по этому „предмету“?

На основаніи данныхъ Писанія, я раскрылъ молоканину ученіе о безтѣлесности души и ея безсмертіи.

— Ну, а мы,—отвѣтилъ мнѣ молоканинъ,—понимаемъ иначе. По нашему душа—одинъ тлѣнъ. Ей смерть положена. И нѣтъ ей никакой жизни, когда помретъ человѣкъ.

— Откуда-жь вы это взяли?—спрашиваю.

— Откуда?.. изъ того-жь Писанія.

И тутъ же привелъ слова Апостола Павла о различіи духовнаго и душевнаго человѣка (I Кор. 2, 14—15), прибавивъ при этомъ, что такъ какъ „мы приняли... Духа отъ Бога“, то „духъ“ и „возвратится къ Богу, Который далъ его“ (Екклез. 12, 7).

Напрасно я старался выяснитъ моему знакомцу, что такое духовный и душевный человѣкъ, и произвольность комбинаціи (I Кор. 2, 12 и Еккл. 12, 7): собесѣдникъ мой упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ я ему сказалъ:

— Христось, вѣдь, ясно же учить: „любящій душу свою погубить ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранить ее въ жизнь вѣчную“ (Іоанн. 12, 25).

— Вотъ, вотъ,—подхватилъ молоканинъ,—значить, душа можетъ погибнуть.

Выяснивъ, что въ словахъ Спасителя, на основаніи самаго же текста Іоанна, разумѣется нравственная смерть души, т. е. ея вѣчное осужденіе, я перешелъ къ Матѣ. 10, 28 и сказалъ:

— Вотъ, наконецъ, какое наставленіе дѣлаетъ Спаситель своимъ ученикамъ: „и не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“.

— А все-таки помретъ душа. Не духъ она—и все тутъ...

Ничего я не могъ подѣлать съ моимъ собесѣдникомъ, добившись только одного положительнаго результата; изъ словъ его я узналъ, что „смертную душу“ признаетъ не онъ одинъ, а что

есть въ Тифлисѣ нѣсколько сектантовъ, такъ именно, а не иначе мудрствующихъ.

У меня, такимъ образомъ, явился новый фактъ, подтверждающій] мое предположеніе (Мисс. Обзор. 1904, № 18) о томъ, что закавказскіе сектанты, съ поразительной быстротой летящіе въ бездну отрицанія одного за другимъ догматовъ христіанства, будутъ нуждаться наконецъ въ томъ, чтобы доказывать имъ, по-жалуй, и бытіе Божіе (стр. 1191).

Какъ противоположность описанному явленію, въ Ардаганскомъ округѣ Карсской области среди молоканъ сел. Николаевки нашло себѣ пріютъ ученіе о безсмертіи, точнѣе неумираніи чело-вѣка не только по душѣ, но и по тѣлу.

Около пяти лѣтъ тому назадъ въ означенномъ селеніи два сектанта Ш—нъ и Т—въ стали открыто проповѣдывать:

— Мы не умремъ; намъ опредѣлено Самимъ Богомъ видѣть второе пришествіе Сына Божія, когда Христосъ начнетъ царствовать, кромѣ неба, еще и на землѣ, и когда всѣ земные цари Ему покорятся и наступитъ великое Христово тысячелѣтнее царство.

При этомъ Ш—нъ и Т—въ увѣрялъ слушателей, что Богъ не разъ приходилъ къ нимъ, бесѣдовалъ съ ними и открывалъ имъ многія тайны, знать которыя другимъ не дано. Считая себя посвященными Богу Самимъ же Богомъ, они стали отращивать волосы и называть себя назореями. Къ пропагандѣ новаго ученія сектанты присоединили проповѣдь о таинственномъ кладѣ, который будто бы зарытъ въ пещерѣ подъ развалинами одной мѣстной древней церкви. Ш—ъ настойчиво и всюду говорилъ:

— „Сижу я это у себя дома. Никого со мной не было. Вдругъ явился мнѣ Богъ и сказалъ: вотъ тебѣ мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ, а вотъ тебѣ и планъ, какъ нужно производить раскопки. Господь мнѣ указалъ даже, какая земля и какіе камни будутъ попадаться подъ лопату, когда буду разрывать пещеру“.

Проповѣдь сектантовъ имѣла успѣхъ. Все село увѣровало въ нихъ и приняло участіе въ раскопкахъ. Вскорѣ явилось на сцену новое обстоятельство, еще болѣе убѣдившее николаевцевъ въ „божественномъ“ посланничествѣ самозваныхъ учителей. Какіе-то армяне рассказали николаевцамъ:

— У насъ есть старинныя книги, написанныя рукою. Въ этихъ книгахъ мы прочитали, что послѣ разрушенія нашей столицы Ани, вся наша казна была привезена сюда, въ теперешнюю Николаевку, и скрыта въ пещерѣ.

Послѣ такого „свидѣтельства отъ внѣшнихъ“ восемь николаевскихъ семействъ открыто присоединились къ новой сектѣ и стали устраивать свои отдѣльныя молитвенныя собранія. Однако проповѣдники не долго пользовались своимъ успѣхомъ. Раскопки не дали никакихъ результатовъ, а тутъ присоединилось еще одно „незначительное“ обстоятельство: Одинъ изъ „безсмертныхъ“ „приказаль“ николаевцамъ „долго жить“. Безсмертные по этому поводу сказали:

— Умерь оттого, что пересталъ вѣрить въ свое ученіе. Богъ его и наказаль смертью за грѣхъ.

Николаевцы на это отвѣтили:

— Обманщики вы—и больше ничего. Нѣтъ теперь вамъ никакой вѣры.

„Безсмертные“, однако, и доселѣ крѣпко держатся своего ученія, устраиваютъ свои особыя собранія, носятъ длинныя волосы, и, не смотря на запрещенія со стороны полиціи, продолжаютъ тайно раскопки пещеры въ надеждѣ на то, что ко второму пришествію они успѣютъ найти таинственный кладъ.

Вотъ вамъ юродство на почвѣ рационализма и лжи, къ которому приходитъ наша „закавказская кунктскамера“ вмѣсто воображаемаго вступленія въ Церковь въ сознаніи будто-бы бесплодности своихъ скитаній по темнымъ дебрямъ сектантства.

Хочется вѣрить, что открытіе православнаго прихода въ Ардаганѣ и молодыя силы ардаганскаго батюшки о. Іоанна Карибова сдѣлаютъ свое дѣло по части уничтоженія тьмы, нависшей надъ врученными ему заблудшими овцами стада Христова.

А. Платоновъ.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ молоканами ¹⁾ о духовномъ и плотскомъ.

По своему историческому происхожденію молоканство, какъ извѣстно, образовалось на почвѣ духоборчества. Последнее имѣло своимъ принципомъ изгнаніе изъ религіозныхъ отношеній всего „плотскаго“, служеніе Богу только „духовное“ въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Молокане, въ отличіе отъ духоборцевъ, — приняли Библию, какъ источникъ вѣрученія, но принципъ секты въ самомъ взглядѣ ея на Библию и толкованіи свящ. текста остался у нихъ съ прежнимъ духоборческимъ характеромъ.

Я бесѣдовалъ однажды съ молоканскимъ „наставникомъ“ —наединѣ.

— Я, признаться, не понимаю и удивляюсь, какъ это у васъ хватаетъ смѣлости идти противъ свв. апостоловъ, которые принимали обряды?—сказалъ я.

— Мы смотримъ не на видимое, а на невидимое,—откровенно отвѣтилъ онъ.—Больше ничего. Вы напрасно говорите, что мы не вѣримъ апостоламъ. Это 2) все *было*, дѣйствительно. А, вотъ, *теперь*, какъ понимать это? Мы вотъ и понимаемъ *духовно*.

Понимая св. Писаніе по своему, на духоборческой ладъ, молокане неизбѣжно отступаютъ отъ прямого смысла текста, извращаютъ его. Это обстоятельство заставляетъ ихъ упорно, консервативно дорожить *преданіемъ* отцовъ и дѣдовъ,—столповъ прежняго „крѣпкаго“ молоканства, которымъ памятно было время Уклеина, основателя секты.

Молокане не очень стѣсняются названіемъ „молоканъ“; но сами себя они называютъ „духовными“ въ отличіе отъ „мірскихъ“.

Духовнымъ нынче тѣсно стало среди мірскихъ ³⁾,—нечаянно подслушалъ я фразу одного молоканина.

На собесѣдованіяхъ они упорно держатся своей доктрины, и видимая

1) Въ настоящей статьѣ имѣются въ виду молокане тамбовскаго толка.

2) т. е. видимая, обрядовая сторона таинства и богослуженія въ апостольской вѣкѣ.

3) Онъ разумѣлъ сельско-хозяйственную, житейскую тѣноту.

обрядовая „правда“ (Матт. 3, 15) Евангелія чужда ихъ внутреннимъ слуху и очамъ.

Въ цѣляхъ живой иллюстраціи упорства молоканъ и ихъ психологіи я приведу одну изъ своихъ бесѣдъ съ ними.

Я посѣтилъ мѣстечко съ молоканскимъ поселеніемъ. По моему приглашенію молокане собрались въ зданіи мѣстнаго училища. Между ними былъ ихъ „пресвитерь“ („молоканскій попъ“ по мѣстному простонародному выраженію). Это былъ тихій молчаливый старикъ; онъ смотрѣлъ на меня съ какой-то затаенной улыбкой. Его собратья держали себя вяло, повидимому, равнодушно; въ нихъ не было замѣтно того подчасъ заранѣе враждебнаго, хотя и скрываемаго оживленія, которое обычно характеризуетъ предъ бесѣдой называющихъ себя „святыми“ „братьевъ (штундо)-баптистовъ“.

— Мы люди—малограмотные, мы васъ послушать согласны, а такъ чтобы бесѣдовать—нѣтъ, среди насъ нѣтъ такихъ людей... Ужъ отъ этого увольте насъ, предупредили они меня.

Послѣ молитвы—я такъ началъ бесѣду:

Св. Ап. Павелъ говоритъ намъ: „живущіе по плоти Богу угодить не могутъ“. Тотъ, кто живетъ по плоти—плотской человѣкъ, не можетъ угодить Богу. Апостоль—далѣе—обращается къ истиннымъ христіанамъ и говоритъ: „вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ“ (Римл. 8, 8—9). Истинный христіанинъ имѣется живущимъ по духу, „духовнымъ“.

Кто—собственно—„духовный“ человѣкъ и кто „плотской“?

Тотъ же Апостоль пишетъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: „и я не могъ говорить съ вами, братія, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ... потому что вы еще плотскіе. Ибо если между вами зависть, споры, разногласія, то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли обычаю поступаете“ (1 Кор. 3, 1. 3)? Значить, плотскіе—это тѣ люди, которые предаются зависти, спору, разногласіямъ; духовные—тѣ, которые удаляются отъ такихъ грѣховъ. Плотскіе люди—тѣ, которые дѣлаютъ дѣла плоти; духовные—которые дѣлаютъ дѣла духа. „Дѣла плоти извѣстны; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное;... „поступающіе такъ Царствія Божія не наследуютъ. Плоды же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“ (Гал. 5, 19—23). Кратко сказать: кто нарушаетъ Христовы заповѣди любви, добра—тотъ—плотской человѣкъ, кто исполняетъ ихъ,—тотъ духовный.

— Мы съ этимъ очень даже согласны, заявили мнѣ мои слушатели—молокане.

— Вотъ что, бр., обратился я къ нимъ: „хотите вы говорить, хотите молчите—воля ваша; а я—по моему долгу—предложу вамъ нѣкоторые вопросы. Не пожелаете отвѣчать на нихъ—Господь съ вами! принуждать васъ къ отвѣту я не могу, не желаю и не буду.

Скажите: апостолы—были мірскіе, плотскіе люди, или духовные? обратился я къ молоканскому „старцу“.

— Извѣстное дѣло,—духовные,—отвѣтилъ тотъ.

— Подражайте, братья, мнѣ и поступайте по образу, какой имѣете въ насъ (Филипп. 3, 17), пишетъ Апостоль. Должны мы подражать апостоламъ?

— Должны.

— Апостолы были духовные и мы, если желаемъ быть духовными, должны поступать такъ, какъ и они. А кто не поступаетъ по апостольски, кто отвергаетъ ихъ ученіе и дѣла, тотъ—плотской, тотъ даже отлученъ отъ св. Церкви.

— Тотъ отлученъ, повторилъ старикъ.

— Скажите: у апостоловъ было крещеніе въ натуральной водѣ и преломленіе видимаго хлѣба и вкушеніе вина, какъ Тѣла и Крови Христовыхъ, въ церкви?

— Было, безъ колебанія сказалъ сектантъ.

— А у васъ это есть?

— У насъ нѣтъ.

— Значить, вы поступаете не по апостольски?

— Значить,—не по апостольски, машинально повторилъ старикъ и глаза его замигали.

— Значить, вы—и не духовные и не христіане,—продолжалъ я.

Старикъ опомнился.

— ...Нѣтъ, мы—христіане!—настойчиво сказалъ онъ.

Заговорили и другіе молокане.

— Намъ Иваново крещеніе не требуется!—громко сказалъ одинъ изъ нихъ.

Когда мои собесѣдники стихли, я сказалъ: апостолы крестили въ водѣ не Іоанновымъ крещеніемъ, а Христовымъ. Вотъ что читаемъ мы въ 19 главѣ книги Дѣяній апостольскихъ: „во время пребыванія Апололоса въ Коринѣ, Павелъ, прошедъ верхнія страны, прибылъ въ Ефесъ и, нашедъ тамъ нѣкоторыхъ учениковъ, сказалъ имъ: приняли ли вы Святаго Духа, увѣровавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Духъ Святой. Онъ сказалъ имъ: во что же вы крестились? Они отвѣчали: во Іоанново крещеніе. Павелъ сказалъ: Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, говоря людямъ, чтобы вѣровали въ Грядущаго по немъ, то

есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса“ (1—5 ст.). И это крещеніе во имя Господа Иисуса, какъ мы видимъ изъ крещенія Апостоломъ Филиппомъ евнуха (Дѣяній 8, 38), совершалось въ чувственной видимой водѣ.

Вы сказали „мы—христіане“; когда мы сравнимъ ваши порядки съ тѣми, какіе были при апостолахъ, выходить, что вы не такъ учите и поступаете, какъ—христіане...

Всѣ помолчали немного.

Я, помолившись, снова началъ:

— Господь установилъ таинство Причащенія; „и взявъ чашу и благодаривъ, сказалъ: пріимите ее и раздѣлите между собою, ибо сказываю вамъ, что не буду пить отъ плода винограднаго, доколѣ не прійдетъ Царствіе Божіе. И взявъ хлѣбъ и благодаривъ, преломилъ и подалъ имъ говоря: сіе есть Тѣло Мое, которое за васъ предается; сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Луки 22, 17—19). Исполняете ли вы, бр., эту заповѣдь Христову?

— Мы хлѣбъ ломаемъ и ѣдимъ каждый день, съ напускной наивностью сказалъ одинъ изъ молоканъ.

— По апостольскому ученію—кто хочетъ ѣсть, пусть дѣлаетъ это дома, а преломленіе хлѣба въ церкви—дѣло отдѣльное. Развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? Или пренебрегаете церковь Божію и унижаете неимущихъ? Что сказать вамъ? похвалить ли васъ за это? Не похваляю. Ибо я отъ Самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ, что Господь Иисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взявъ хлѣбъ и возблагодаривъ преломилъ и сказалъ: „пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе“. Также и чашу послѣ вечери и сказалъ: „сія чаша есть новыи завѣтъ въ Моей Крови; сіе творите, когда только будете пить въ Мое воспоминаніе“... А если кто голоденъ, пусть ѣсть дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе (1 Кор. 11, 22—26. 34).

— Спаситель сказалъ, что плоть не пользуется ни мало ¹⁾, замѣтилъ тотъ же сектантъ.

— Эти слова Спасителя надобно понимать такимъ образомъ: подъ словомъ „плоть“ здѣсь разумѣется служеніе плоти; плоть не пользуется ни мало, когда человѣкъ служитъ ей, когда она противится духу. Здѣсь не про самую плоть рѣчь, какую Богъ далъ людямъ. Что это такъ, вѣрно,—это видно изъ слѣдующаго. Господь принялъ человѣческую плоть. Что Плоть Господа принесла пользу, было полезно для насъ Его пришествіе во плоти?

— Было полезно, сказали молокане.

¹⁾ Иоанна 6, 63.

— Богъ есть Духъ. Мы—люди — перстные изъ земли, живемъ во плоти. Бога такъ, какъ Онъ есть, мы видѣть не можемъ. Во Христѣ Богъ явился намъ во плоти, жилъ по образу, какъ человѣкъ, прошелъ „всякую правду“, какая была—для людей. И мы, когда идемъ тѣмъ путемъ, какой показалъ намъ примѣромъ Своей жизни Господь, становимся духовными, наслѣдниками Царствія Божія. Такъ?

— Такъ.

— Представьте себѣ, бр., лѣстницу: ея верхъ—божественное, духовное, небесное, ея низъ—человѣческое. Если вы уничтожите нижнюю часть лѣстницы, могу я взобраться на верхъ?

— Нѣтъ.

— Точно также, если кто не будетъ идти по тѣмъ слѣдамъ, которые оставилъ для насъ Господь, пришедшій во плоти, тотъ не можетъ достигнуть Царствія Божія. Если я буду отвергать участіе своимъ тѣломъ въ прославленіи Бога, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, если я не буду стараться подражать жизни Господа І. Христа во плоти, — повѣрьте—я никогда не буду духовнымъ!

Крещеніе въ видимой водѣ, Причащеніе и другія установленія христіане имѣютъ по заповѣди Самого Господа І. Христа. Отвергая эти заповѣди,—знайте,—что вы отвергаете Христа во плоти!

— Сказано: упованіе видимое нѣсть упованіе (ср. Римл. 8, 24. Слав. Библ.),—произнесъ молоканскій наставникъ.

— Это означаетъ то, что мы не видимъ еще тѣхъ благъ, на которыя надѣемся.

Вы вдумайтесь получше въ слѣдующее. Апостолы были выше насъ, правильно жили?

— Правильно.

— Ихъ упованіе было видимое, или невидимое?

— Невидимое.

— А они принимали крещеніе водой и Причащеніе?

— Принимали.

— А вы не принимаете?

— ...

— Что вы дѣлаете? У апостоловъ—одно, а у васъ—другое. Тотъ, кто отвергаетъ апостольскія ученіе и дѣла, тотъ противникъ Христу, а противникъ Христу—противникъ Богу!

Молокане молчали.

— Да просвѣтитъ васъ Господь, да поможетъ вамъ понять Его Евангеліе и истинно увѣрвать въ Него!

Я закончилъ бесѣду молитвой—и сталъ раздавать народу брошюры.

— Мы, г. миссіонеръ, малограмотные люди, отцы наши жили такъ, вотъ и мы такъ живемъ,—грустнымъ тономъ сказалъ одинъ изъ молоканъ.

— Отцы ваши родились въ православіи?

— Да.

— Ну, такъ помоги вамъ, Господи, привиться къ тому древу, отъ котораго отломилась ваши отцы!—сказалъ я.

— У баптистовъ, вотъ, есть и вода и хлѣбъ, что же вы съ ними не молитесь?—сказалъ другой молоканинъ.

— У нихъ, другъ, самое зерно Евангелія нарушено. Они все Евангеліе отвергли.

— Какъ отвергли?

— А такъ: у нихъ скажи „вѣрую“, вотъ и свить и спасенъ и ничего болѣе не нужно. Они сами себя производятъ во святые и осуждаютъ другихъ.

Молоканинъ улыбнулся.

— Это, положимъ, вѣрно вы про нихъ сказали, мы и сами знаемъ это,—сказалъ онъ.

Я далъ ему брошюръ. Народъ сталъ расходиться.

Молоканство, какъ и было отмѣчаемо миссіонерскими наблюденіями, пережило свое время. Между крайностями штунды и хлыстовщины оно въ нѣкоторыхъ чертахъ занимаетъ какъ бы средину. Молокане такъ же, какъ и штундисты, отрицаютъ иконопочитаніе и многія другія стороны церковной обрядности, отрицаютъ молитвы святымъ; въ то же время они отчасти напоминаютъ хлыстовъ своими мнимо—„духовными“ толкованіями св. Писанія, хотя, по психическому строю своему, они держатъ себя спокойнѣе, здравѣе тѣхъ и другихъ. Благоразумные молокане находятъ истину во св. православной Церкви. Нѣкоторые изъ молоканъ (въ извѣстномъ мнѣ районѣ) обнаруживаютъ тяготѣніе къ хлыстовству. Много ихъ перешло въ штундобаптизмъ. Между молоканами и штундобаптистами доселѣ не смокла борьба. Штундобаптисты превосходятъ молоканъ „буквой“ Писанія; молокане превосходятъ ихъ большей здравостью совѣти, духа. Многіе изъ молоканъ живутъ въ сомнѣніи надъ тѣмъ, что предали имъ „отцы“ и въ то же время внутренно видятъ ложность, неискренность штундобаптизма. Что удерживаетъ ихъ на порогѣ истины? Инертность, страхъ предъ семейными, знакомыми, религіозный индифферентизмъ; мнѣ приходилось наблюдать многіе случаи, когда молоканство разрѣшалось именно послѣднимъ.

Въ молоканахъ есть симпатичныя стороны: сектантство не изгладило изъ нихъ окончательно русской души; они кажутся мнѣ похожими на старообрядцевъ—безпоповцевъ: въ молоканахъ мало той „лести“, „живости“, которая неприятно поражаетъ васъ въ другихъ сектантахъ. Остается молить Бога о томъ, чтобы пришедшее къ своему историческому увиданію молоканство окончательно сбросило съ себя узы сектантства и обрѣло истину сердца и религіи въ той Церкви, которую основалъ Самъ Господь.

Д. Граціанскій.

**Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги
по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.**

**„Епархіальныя Вѣдомости“ и желательное
улучшеніе ихъ.**

Въ послѣднее время и свѣтскою и духовною прессою удѣляется не мало мѣста современному состоянію „Епархіальныхъ изданій“ и вопросу возможно лучшей постановки ихъ. Такъ какъ эти изданія, будучи отраженіемъ религіозно-правственной жизни извѣстнаго района, имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ миссіи, то мы намѣрены высказать и свой посильный взглядъ на этотъ предметъ.

Лишь только дѣло коснется этого предмета, какъ невольно рождается вопросъ: что такое наши „Епархіальныя вѣдомости“ и чѣмъ они должны быть?

Если повнимательнѣе приглядимся къ общему типу нашихъ епархіальныхъ вѣдомостей, то насъ невольно поражаетъ та „казенщина“, которою отдають онѣ. Вѣроятно выходя изъ того положенія, что выписка „Вѣдомостей“ обязательна для каждой церкви той епархіи, въ которой онѣ издаются, самое изданіе вслѣдствіе этого совершается „спустя рукава“, лишь бы сбыть съ рукъ. Не говоря уже о томъ, что „Вѣдомости“ издаются неудовлетворительно въ количественномъ отношеніи (разъ, два раза въ мѣсяцъ), качественное достоинство ихъ оставляетъ еще желать далеко лучшаго. Наилучшею иллюстраціею нашихъ словъ можетъ служить то обстоятельство, что не только въ свѣтской, но и въ духовной печати рѣдко можно встрѣтить не только отзывы, но простыя указанія на наши „Епархіальныя Вѣдомости“, а тѣмъ болѣе выдержки статей изъ нихъ. Эти органы печати до того мало извѣстны и нераспространенны, что ни въ одной библіотекѣ нельзя найти того или другаго № „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Не разъ высказывалось мнѣніе, что „Епархіальныя Вѣдомости“ не удовлетворяютъ своей задачѣ, недостаточно (и это справедливо)! служить выразителями

мѣстныхъ интересовъ и потребностей, что на выписку ихъ тратятъ даромъ деньги и т. п... У насъ до сей поры нѣтъ даже указателя для епархіальныхъ вѣдомостей, и извѣстныя намъ попытки къ составленію указателя—одна въ Петербургѣ, а другая въ Москвѣ—едва-ли будутъ удачны, такъ какъ многихъ №№ епархіальныхъ вѣдомостей за прежнія годы нѣтъ теперь даже въ редакціяхъ. Выходитъ,—что даже сами редакторы-издатели нашихъ вѣдомостей, сознавая полнѣйшую нищету духовную своихъ дѣтищъ, предали ихъ забвенію, не желая передавать потомству.

Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія, и въ нѣкоторыхъ, хотя очень немногихъ, вѣдомостяхъ помѣщены статьи, представляющія нѣкоторый интересъ. Въ этомъ отношеніи отчасти заявили себя Херсонскія, Подольскія, Екатеринославскія, Орловскія и въ особенности въ послѣднее время „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“. Но все это исключенія и исключенія самыя рѣдкія, а потому, быть можетъ, такъ рельефно и выдающіяся.

Обыкновенно, „Епархіальныя Вѣдомости“ большей части епархій раздѣляются на двѣ части—официальную и неофициальную. Изъ этихъ двухъ частей—первая занимаетъ въ каждомъ № столь почтенное мѣсто, что вторая часть, на которую должно бы быть обращено самое серьезное вниманіе г.г. редакторовъ-издателей, совершенно игнорируется, будто незаслуживающая никакого вниманія. Вслѣдствіе этого, по справедливому замѣчанію „С.-Петер. Вѣдом.“, „общее впечатлѣніе отъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ получается довольно печальнаго свойства: чѣмъ-то мертвымъ, безжизненнымъ и совершенно бесполезнымъ вѣдетъ отъ нихъ“¹⁾. Епар. Вѣдом. (пишетъ свящ. Н. Стойковъ), долженствующія по идеѣ давать художественную духовную фотографію мѣстной епархіальной жизни и ея дѣятелей, влачатъ самое жалкое существованіе. Изъ органа епархій „Епарх. Вѣдом.“ превратились въ органъ духовной аристократіи, и потому сельское духовенство—въ нихъ рѣдкій и не всегда желанный гость²⁾. „Православныя „Епарх. Вѣдом.“, какъ справедливо замѣчаетъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, по идеѣ православія о церкви и епархій, должны отражать въ себѣ насущныя потребности не одного только епархіальнаго духовенства, но и духовныя нужды мірянъ данной епархій“³⁾, а что мы видимъ въ дѣйствительности? Наконецъ, „Епарх. Вѣд.“ должны издаваться такимъ образомъ, чтобы при всѣхъ условіяхъ жизни, при всѣхъ случаяхъ пастырской дѣятельности онѣ могли спѣшить на помощь приходскому духовенству и служить сред-

¹⁾ „С.-Петерб. Вѣд“. 1903 г., № 260.

²⁾ „Стран“ 1903 г. сент. стр. 425.

³⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1903 г. кн. 21, стр. 569.

ствомъ для обмѣна мыслей между духовенствомъ“¹⁾. А такъ какъ большинство нашихъ „Вѣдомостей“ переполнено помѣщеніемъ всевозможныхъ извѣщеній и распоряженій, протоколовъ и циркуляровъ, важнѣйшіе изъ которыхъ рассылаются по благочиніямъ отдѣльными указами, то онѣ поэтому никакого интереса и не представляютъ. Спрашивается: какую пользу можетъ извлечь священникъ для ума и сердца, а также руководствованія въ своей многотрудной и широкой дѣятельности изъ указовъ и циркуляровъ, которые, какъ выше было замѣчено, присылаются духовенству отдѣльными оттисками?.. Выходитъ, что священнослужители, якобы для вящшаго памятованія, должны читать одно и тоже два раза; читать же официальную бумагу два раза тогда, когда можно ограничиться прочтеніемъ ея одинъ разъ, едва-ли можетъ представить интересъ, помимо того, что и самый процессъ чтенія одного и того же по два раза является положительно непроизводительною затратою времени. А потому большинство изъ духовенства совершенно не интересуется своимъ органомъ, зная напередъ, что оно тамъ не можетъ встрѣтить что-нибудь могущее быть полезнымъ и поучительнымъ. Намъ зачастую приходилось встрѣчать тетрадки „вѣдомостей“ не только съ неразрѣзанными листками, но даже въ тѣхъ оберткахъ, въ которыхъ онѣ получены съ почты, а нѣкоторые священнослужители, не смотря на то, что деньги ими были высланы на выпускъ „Вѣдомостей“, въ тоже время не получая ихъ, нисколько не интересуются даже освѣдомиться, почему ими органъ не получается.

Столь апатичное и небрежное отношеніе духовенства къ своему спеціальному органу печати вызываетъ на весьма грустные размышленія. Но въ тоже время духовенство въ этомъ нельзя винить нисколько: дайте ему матеріалъ, заслуживающій не только вниманія, но и глубокаго уваженія, и онъ съ жадностію набросится на него. Выписываютъ же многіе изъ священнослужителей, кому средства позволяютъ, другіе духовные журналы и они не остаются неразрѣзанными. И вотъ что достойно полнѣйшаго удивленія! Въ то время какъ цѣна на „Вѣдомости“ чуть-ли не ежегодно возвышается, улучшенія не только не замѣчаются, а, напротивъ, скудость и убожество содержанія ихъ съ каждымъ годомъ даетъ себя все болѣе и болѣе чувствовать.

Поразудивъ не мало, трудно дать себѣ отчетъ, что бы это могло значить? Неужели въ губернскихъ городахъ, гдѣ издаются наши епархіальныя вѣдомости, нѣтъ людей настолько способныхъ, чтобы они могли вести дѣло не по казенному шаблону, а какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь выходитъ же по такой цѣнѣ не мало изданій, заслу-

¹⁾ „Стр. 1903. ноябрь стр. 766.

жившихъ полнѣйшее уваженіе и выписывающимъ ихъ приносить несомнѣнную пользу?

Вопросъ объ улучшеніи епархіальныхъ вѣдомостей затрогивался и раньше не разъ прессою, и только неизвѣстно, въ силу какихъ обстоятельствъ онъ остался и по сію пору „гласомъ вопіющаго въ пустынь“. А между тѣмъ современная жизнь не дремлетъ и предъявляетъ свои права и вотъ тутъ-то необходимость руководящаго органа, какимъ должны быть наши епархіальныя вѣдомости, какъ нельзя болѣе даетъ себя чувствовать.

Чѣмъ же по настоящему должны быть епархіальныя вѣдомости, чтобы онѣ могли приносить пользу духовенству и быть руководствующимъ органомъ, какимъ должны быть онѣ по существу своему?

Выслушиваемъ прежде всего мнѣніе свѣтскаго органа. „Намъ кажется, говорятъ „С.-Петер. Вѣд.“, что „Епархіальныя вѣдомости“ должны удовлетворять двумъ требованіямъ. Съ одной стороны, онѣ должны быть отраженіемъ церковно-религіозной жизни той или другой епархіи, быть выразителями нуждъ и потребностей ея; съ другой стороны, онѣ должны быть проводниками въ приходскую жизнь тѣхъ мыслей и стремленій, какія царятъ въ крупныхъ центрахъ церковной жизни, быть средствомъ, чрезъ которое приходское духовенство могло бы знакомиться съ тѣмъ, чѣмъ живетъ и чѣмъ волнуетъ современное свѣтское, не церковное общество. Епархіальныя вѣдомости должны быть и чисто мѣстнымъ органомъ, имѣющимъ прямою свою задачу быть вѣрнымъ отраженіемъ епархіальной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще церковно-популярнымъ журналомъ, знакомящимъ своихъ читателей съ церковно-общественною жизнію, широкой волной текущею за предѣлами данной мѣстности. Онѣ должны, такъ сказать, сдѣлать вкладъ въ общелитературный фондъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять изъ общелитературнаго оборота то, что можетъ быть полезно, интересно и поучительно“.

Таковы вполне справедливыя пожеланія и чаянія со стороны свѣтской прессы отъ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостей. И нельзя не согласиться съ ними. Но еще большія надежды на свой епархіальный органъ возлагаетъ духовенство. Оно искренно, отъ всей души желаетъ, чтобы епархіальныя вѣдомости были для него не какою-либо макулатурою и тяжелымъ литературнымъ балластомъ, а такимъ органомъ, который могъ бы руководить въ пастырскомъ служеніи, поддерживать въ минуты жизни трудныя, ободрять и указывать, какъ нужно поступать въ томъ или другомъ случаѣ для того, чтобы сдѣлать пастырское служеніе многоплоднымъ среди современныхъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ было бы хорошо, еслибы епархіальныя вѣдомости сообщали своимъ подписчикамъ разнаго рода литургическія указанія относительно совершенія богослуженія, совершенія церковнаго благочинія и раз-

наго рода дургихъ требъ церковныхъ. Правда, все это изложено въ типиконѣ и другихъ богослужебныхъ книгахъ, но практика приходской жизни иногда выставляетъ такія непреодолимая препятствія, коихъ не всегда можетъ отыскать приходскій пастырь, то за недосугомъ, то вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ. Вотъ тутъ-то незамѣнимую услугу своими указаніями могъ бы сдѣлать мѣстный епархіальный органъ. А кто долженъ разрѣшить приходскимъ пастырямъ разнаго рода „недоумѣнные вопросы“, какъ опять-таки не „Епархіальныя Вѣдомости“? Въ редакціи долженъ быть такой составъ сотрудниковъ, которые бы, долго не затрудняясь, всегда могли дать отвѣтъ всякому вопрошающему пастырю въ его недоумѣніи.

Кому неизвѣстно, какъ часто приходское духовенство бываетъ обременено массою сложнаго и неотложнаго труда. Не избавлено оно отъ исполненія своихъ срочныхъ обязанностей и наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, а тутъ нужно готовиться къ богослуженію, нужно бы составить проповѣдь или по крайней мѣрѣ тщательно обдумать, но, къ сожалѣнію, зачастую случается, что къ этому у пастыря, въ особенности сельскаго, не бываетъ времени, не говоря уже объ усталости и физической невозможности. Велика, по плану, услуга со стороны „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ была бы приходскому духовенству, если бы онѣ въ каждомъ № давали бы самую коротенькую и общедоступную проповѣдь.

А церковно-школьное дѣло? Кому ближе всего должно быть оно, какъ не епархіальнымъ изданіямъ? Кто долженъ дѣлать указанія, разъясненія и гдѣ должны быть помѣщаемы руководящія статьи по народному образованію, какъ не въ нашихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“? Онѣ должны сообщать духовенству практическіе совѣты, какъ лучше слѣдуетъ вести дѣло народнаго образованія и организацію школъ, а также—знакомить приходскихъ священниковъ съ задачами обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и давать матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и съ пробужденіемъ сознанія народнаго, а въ особенности съ развитіемъ грамотности среди народа, замѣтно усилилось движеніе мысли о предметахъ религіозныхъ. Вслѣдствіе неправильнаго и односторонняго направленія, мысль эта зачастую принимаетъ совершенно нежелательный оборотъ. Кто долженъ болѣе зорко слѣдить за подобнаго рода „знаменіями новаго времени“ и поражать въ корнѣ врага, въ особенности въ первое время его появленія, какъ не мѣстный епархіальный органъ. О всѣхъ явленіяхъ и пробужденіяхъ въ религіозной жизни народа должны появляться своевременныя сообщенія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, при чемъ со стороны редакціи должны быть указываемы мѣры

и средства борьбы съ ними. А старые недуги: старообрядчество и сектантство развѣ не должны быть предметомъ особыхъ заботъ и бдительности со стороны епархіальныхъ изданій? Кто долженъ вести исторію возникновенія и дальнѣйшаго движенія ересей и сектъ въ той или другой епархіи, какъ не мѣстные епархіальные органы печати? Кто долженъ указывать и средства борьбы съ ними, какъ опять-таки не „Епархіальныя Вѣдомости“.

Правда, для этого существуютъ спеціальныя органы печати, но это нисколько не даетъ основанія дѣтелямъ нашихъ епархіальныхъ изданій сидѣть сложа руки и забывать то, что частныя періодическія изданія по расколо-сектантству не могутъ удѣлять слишкомъ много мѣста нуждамъ каждой епархіи и кромѣ того — эти изданія не обязательны къ всеобщей выпискѣ... Да, наконецъ, какое дѣло намъ до того, что кто-нибудь за насъ работаетъ, а мы — для чего поставлены у кормила правленія? Зачѣмъ намъ вручено дѣло руководства епархіальнымъ органомъ? Пусть подумаютъ надъ этимъ тѣ редакторы епархіальныхъ вѣдомостей, которые халатно и спустя рукава относятся къ своему дѣлу.

Помимо всего этого, исторія мѣстнаго края, исторія отдѣльныхъ приходоѡ, иначе сказать, лѣтопись церковная, выдающіяся событія изъ жизни пастырей и пасомыхъ, организація попечительствъ, обществъ трезвости, веденіе вѣбогослужебныхъ чтеній, поучительные рассказы для народа, народныя суевѣрія, предразсудки и условія борьбы съ ними, нравы и обычаи — дурные и хорошіе, движеніе народа въ ту или другую сторону, примѣры благочестивой жизни и подражаніе имъ — все это предметы весьма поучительные, любопытные и благодарные для всесторонняго изслѣдованія и разработки... Словомъ, въ высшей степени желательно было-бы — какъ въ интересахъ духовенства, такъ и въ интересахъ того святого дѣла, на служеніе которому призвано духовенство, имѣть свой спеціальныя органы, который, зорко слѣдя за жизнью общества, предугадывалъ бы всѣ тѣ затрудненія, которыя можетъ встрѣтить приходскій священникъ на своемъ многотрудномъ поприщѣ, и при первой же возможности являлся-бы къ нему на помощь.

Что же нужно сдѣлать для этого? Какія средства необходимы для того, чтобы „Епархіальныя Вѣдомости“ удовлетворяли указаннымъ требованіямъ?

„Прежде всего, говорятъ „Сп. Вѣд.“, необходимо позаботиться о томъ, чтобы правильный взглядъ на „Епархіальныя Вѣдомости“ проникъ въ сознаніе тѣхъ, кому порученъ высшій надзоръ и руководство надъ епархіальнымъ органомъ и въ чьихъ рукахъ находится самое дѣло изданія. Какъ извѣстно, высшій надзоръ и руководство надъ всѣмъ, что дѣлается въ епархіи, а слѣдовательно, и надъ дѣломъ из-

данія „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ принадлежитъ епархіальному архіерею. Епархіальный архіерей первый долженъ посмотрѣть на епархіальный органъ съ точки зрѣнія указанныхъ требованій и постараться о томъ, чтобы эти требованія были вполне осуществлены“. Далѣе. Для улучшения „Вѣдомостей“ необходимо, чтобы также правильный взглядъ на нихъ раздѣляли и редакторы—издатели ихъ. „А у насъ,—говоритъ вышеупомянутый органъ печати—есть разные редакторы „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Одни изъ нихъ очень просто смотрятъ на свое дѣло: они видятъ въ немъ одно изъ средствъ своего матеріальнаго обезпеченія. Редакторство даетъ имъ 300 руб. 1) годоваго дохода, и больше они знать ничего не хотятъ. Удовлетворяютъ-ли редактируемые ими „Епархіальныя Вѣдомости“ своему назначенію, отвѣчаютъ-ли онѣ своимъ задачамъ и цѣлямъ, — объ этомъ они не разсуждаютъ. И наполняются „Епархіальныя Вѣдомости“ Богъ знаетъ чѣмъ. Такіе редакторы по большей части люди пожилые, умудренные съ избыткомъ жизненнымъ опытомъ и значительно утратившіе интересъ жизни серьезной. Предъ ними встаетъ общественный вопросъ о черномъ днѣ, и возникаетъ желаніе оставить приличное обезпеченіе своей семьѣ. Куда ужъ такимъ людямъ слѣдить за направлениемъ епархіальнаго органа! А, между тѣмъ, они стоятъ во главѣ дѣла, и никто не внушитъ имъ, что ихъ дѣло—весьма важное и что такъ къ нему нельзя относиться. Но есть у насъ и другого сорта редакторы, такъ сказать, въ новомъ стилѣ. Такіе редакторы стараются всецѣло захватить въ свои руки дѣло изданія, и все, что ни появляется на страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, принадлежитъ ихъ собственному перу. Но такъ какъ трудно наполнить номеръ, въ собственномъ смыслѣ, своимъ, то они прибѣгаютъ къ такому способу: перепечатаютъ въ свой органъ изъ имѣющихся у нихъ подъ руками періодическихъ изданій все то, что кажется имъ подходящимъ для ихъ читателей, и все это оплачиваютъ такой цѣной, какая назначена за оригинальныя статьи. Выходить: и современно, и себѣ не въ убытокъ“ 2). А въ концѣ года подводится для очищенія совѣсти балансъ: уплачено редактору (столько-то) и сотрудникамъ (разумѣй того же редактора)—столько-то. А кому придетъ въ голову сдѣлать повѣрку: какимъ это такимъ сотрудникамъ уплачено и за что?

Такъ вотъ что, по словамъ „лица стоявшаго близко къ одной изъ многихъ редакцій „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, главнымъ образомъ

1) Это минимальное редакторское вознагражденіе; при свободѣ редактора-издателя и архіерейскомъ довѣрїи, оно можетъ доходить и до 3,000 руб. въ годъ. Ред.

2) „С.-Петербург. Вѣд.“ 1903 г. № 260 ст. „О лучшей постан. „Епарх. Вѣд.“.

тормозить правильную и желательную постановку этихъ органовъ печати, вотъ что служитъ причиною ихъ инертности, безжизненности и малаго интереса не только для общественной жизни вообще, но даже и для мѣстнаго духовенства. Недостатокъ надлежащаго надзора надъ изданіемъ „Вѣдомостей“ и пассивное отношеніе къ нимъ редакторовъ-издателей подорвали всякій кредитъ епархіальныхъ органовъ печати. Разбирая высказанныя прессою мысли объ епархіальныхъ органахъ, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ заявляетъ, что „одна изъ главныхъ причинъ того, что „Епарх. Вѣд.“ не удовлетворяютъ своему назначенію—это нежеланіе самого духовенства сотрудничать въ своихъ епархіальныхъ органахъ и печатно обсуждать злободневные вопросы епархіальной жизни. Никакой рѣчи не можетъ быть, чтобы редакціи старались „отталкивать“ или „отчуждать“ епархіальное духовенство (въ частности сельское) отъ сотрудничества“¹⁾. Во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ также высказывается сожалѣніе, что въ числѣ сотрудниковъ „Епарх. Вѣдом.“ очень мало встрѣчается сельскихъ священниковъ. А между тѣмъ ихъ участіе въ своемъ спеціальному органѣ весьма желательно, такъ какъ кому болѣе извѣстны всѣ тѣ вопросы, которые должны подлежать обсужденію епархіальныхъ органовъ, какъ не приходскому духовенству, стоящему, такъ сказать, у самаго дѣла. Почему же духовенство чуждается „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и или вовсе не пишетъ или мало пишетъ въ нихъ? Неповинны-ли въ этомъ опять-таки редакціи „Вѣдомостей“?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, журналъ „Вѣра и Разумъ“ категорически заявляетъ, что „никакой рѣчи быть не можетъ, чтобы редакціи старались „отталкивать“ или „отчуждать“ епархіальное духовенство (въ частности сельское) отъ сотрудничества“... Едва-ли это такъ. Пусть не забываетъ почтенный журналъ, что редакція можетъ отталкивать сотрудниковъ не только прямымъ путемъ, а и *косвеннымъ*. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что каждая редакція привлекаетъ къ себѣ сотрудниковъ не только печатаніемъ ихъ трудовъ, но и уплатою того или иного гонорара. Въ нашъ меркантильный вѣкъ всѣ настроены на тотъ ладъ, что всякій трудъ, физическій онъ или умственный, такъ или иначе долженъ быть оплаченъ. Не чужды этихъ вожделѣній не только издатели-редакторы „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, но и сотрудники ихъ изъ сельскихъ пастырѣй. Но въ большинствѣ случаевъ не получая никакой „благодѣтели“ за свой трудъ, пастыри-сотрудники дѣлаются „хладными“ къ интересамъ своего органа, и очень мало вносятъ своихъ лептъ въ сокровищницу „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, и стараются пріютиться въ такихъ изданіяхъ, которыя не только охотно даютъ мѣсто сотрудникамъ изъ сельскаго духовенства,²⁾ но всегда безъ

1) „Вѣра и Раз.“ 1903 г. № 21.

всякаго напоминанія со стороны ихъ въ концѣ подписнаго года самымъ добросовѣстнымъ образомъ выплачиваютъ причитающійся сотрудникамъ гонораръ. Просмотрите повнимательнѣе наши популярнѣйшіе и самые распространенные столичные духовные журналы,—какая масса тамъ помѣщается статей нашими деревенскими батюшками! Какое разнообразіе вопросовъ поднимается ими и разрабатывается со всѣхъ сторонъ. Не могутъ пожаловаться эти журналы на то, что сельскіе священники не желаютъ сотрудничать въ нихъ,—не могутъ,—почему? Ларчикъ просто открывается: честно оплачивается трудъ!

Правда, когда дѣло коснется такого щекотливаго вопроса, какъ вознагражденіе сотрудниковъ, редакторы „Епарх. Вѣд.“ обычно начинаютъ жаловаться „на часть официальную“.—„Ничего не подѣлаешь, говорятъ они въ свое оправданіе—казенщина насъ одолеваетъ, бумага одна заѣдаетъ,—всѣ деньги на часть официальную изводимъ“. Но неужели нельзя и этому дѣлу помочь? Неужели нельзя „официальную часть“ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ сократить до возможнаго minimum'a? Теперь въ любомъ епархіальномъ изданіи официальная часть занимаетъ около $\frac{2}{3}$ ея, благодаря тому, что разнаго рода отчеты свѣчныхъ заводовъ, эмеритальныхъ кассъ, братствъ, епархіальныхъ попечительствъ, другихъ благотворительныхъ учрежденій печатаются въ „Вѣдомостяхъ“, тогда какъ можно было бы ограничиться помѣщеніемъ только лишь извлеченій изъ нихъ, предоставивъ названнымъ учрежденіямъ печатать подробные отчеты на свои средства, то же самое слѣдуетъ сказать и объ обширныхъ циркулярахъ епархіальныхъ начальствъ, рассылаемыхъ, помимо напечатанія въ вѣдомостяхъ, еще и отдѣльными указами. Къ чему это? Развѣ лишь къ тому, чтобы наполнять страницы „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ совершенно излишнимъ балластомъ? Такое обиліе „официальнаго матеріала“ всегда можетъ служить достаточнымъ извиненіемъ для многихъ редакторовъ къ тому, чтобы неофициальную часть „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ держать въ черномъ и захудаломъ тѣлѣ.

Итакъ, принимая во вниманіе все важное значеніе „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, имѣющихъ не только мѣстное, но и обще-литературное значеніе и располагающихъ въ каждой епархіи достаточными силами умственными, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, и средствами матеріальными, такъ какъ выписка „Вѣдомостей“ для всѣхъ церквей епархіи обязательна, настоятельно пужно бы обратить вниманіе на болѣе серьезную постановку ихъ, устранивъ по возможности всѣ тѣ тормазы, которые до сихъ поръ стояли на пути прогрессивнаго развитія нашихъ епархіальныхъ органовъ.

Свящ. *Сераніонъ Бряжковскій.*

Разсмотрѣніе напечатанной старообрядцами-поповцами книги: „Церковь Христова временно безъ епископа“, съ приложеніемъ историческаго повѣствованія объ уклоненіи старообрядческихъ „епископовъ“ въ еретичество. Часть первая. Миссіонера нижегородской епархіи О. Д. Круглова. 1904 г. (XIX + 514 стр.). Цѣна 2 р. 25 к.

Настоящая книга написана въ опроверженіе изданнаго четыре года тому назадъ сочиненія извѣстнаго расколуучителя Ивана Усова (теперь старообрядческаго „епископа“ Иннокентія) подъ заглавіемъ: „Церковь Христова временно безъ епископа“. Въ этомъ сочиненіи Усовъ усиливается доказать, что Церковь временно можетъ существовать и безъ епископскаго чина, не переставая быть истинно православною Христовою Церковію, и что поэтому и на церковь (?) старообрядческую не можетъ будто бы падать обвиненіе въ уклоненіи ея отъ православія изъ-за того, что въ продолженіи 180 лѣтъ, именно отъ 1666 до 1846 г., времени избранія старообрядцами митрополита Амвросія, она не имѣла у себя епископовъ. Но прежде, чѣмъ доказать этотъ тезисъ, онъ въ предисловіи къ своей книгѣ кратко излагаетъ исторію старообрядчества до избранія митрополита Амвросія.

Съ этого же предисловія (9—67 стр.) начинается свой разборъ и опроверженіе книги Усова и миссіонеръ Кругловъ, причемъ какъ текстъ предисловія, такъ и текстъ самой книги въ виду того, что онъ, по мнѣнію автора, уже и самъ по себѣ „можетъ служить, по мѣстамъ, хорошимъ доказательствомъ ложности ученія австрійскаго толка“ (4 стр.), воспроизводится въ полномъ его видѣ, съ буквальною точностью. Здѣсь, въ предисловіи, отмѣчаются между прочимъ слѣдующія историческія погрѣшности и неточности, допущенныя Усовымъ: несправедливо прежде всего, будто патріархъ Никонъ и современные ему епископы считали тогдашнюю русскую церковь не вполнѣ православною: несправедливо затѣмъ, будто таже русская церковь до-никоновскаго періода богослужебныя книги и обряды признавала „не нуждающимися въ исправленіяхъ“; несправедливо и то утверженіе, будто патріархъ Никонъ и соборъ 1667 г. „обряды возвели въ догматы вѣры“ и произнесли на раскольниковъ „несправедливыя и безразсудныя клятвы“. Далѣе въ первой главѣ книги (77—122 стр.) рѣчь идетъ „о вдовствѣ церкви“. По мнѣнію Усова, вдовство церкви, т. е. временное отсутствіе въ ней епископскаго чина, нисколько не нарушаетъ ея православія и въ доказательство этого онъ ссылается на Ис. 49, 14—21 и 54, 2—8. Но на самомъ дѣлѣ мѣста эти нисколько не доказываютъ того, что хочетъ доказать ими Усовъ. По толкованію св. Кирилла Александрійскаго, они относятся къ міру языческому, не знавшему до пришествія на землю Спасителя Истиннаго Бога и поклонявшемуся идоламъ, и стало быть,

если Усовъ относитъ ихъ и къ своей старообрядческой церкви съ цѣлью оправдать ея вдовство, то тѣмъ самымъ приравниваетъ и ее къ міру языческому. Во второй и третьей главахъ (123—184 стр.) выясняется понятіе о церкви *вселенской* и ея сущности. *Вселенскою*, говоритъ авторъ, церковь Христова называется не потому, что она, какъ утверждаетъ Усовъ, „находится во вселенной“ (146 стр.) и даже не по объему только своей распространенности во вселенной, ибо и при незначительной распространенности она можетъ оставаться вселенской, а потому главнымъ образомъ, что она, по слову Кирилла Александрійскаго, „учитъ во всей полнотѣ и безъ недостатка о всѣхъ догматахъ“ православной вѣры и обладаетъ полнотою духовныхъ дарованій. И самый терминъ „*вселенская* церковь“ не выдуманъ, какъ тоже утверждаетъ Усовъ, „миссіонерами и новообрядцами“, а встрѣчается онъ, и нерѣдко, въ твореніяхъ св. отцевъ и учителей церкви, напр., у св. Целестина, папы римскаго, у св. Льва (Дѣян. вселенскихъ соборовъ, т. 1, стр. 393 и т. IV, 494) и въ Толковомъ или Учительномъ Евангеліи. Равнымъ образомъ и сущность церкви составляютъ не только „евангельскія и божественныя заповѣди, апостольскіе и святоотеческіе догматы, преданія и проповѣданія“, какъ думаетъ Усовъ, но въ нее входитъ, какъ необходимая часть, также чинъ епископскій, іерархическій. „Безъ епископа, говоритъ св. Игнатій Богоносець, Церковь нѣсть избрана, ниже собраніе святое, ниже сонмъ преподобныхъ“ (1 посл. къ Тралліанамъ. Ср. св. Иринея Ліонскаго, т. IV, гл. 33, § 8, гдѣ епископы съ ихъ непрерывною преемственностію признаются „отличительнымъ признакомъ истинной Христовой церкви). Въ главахъ четвертой и пятой (183—256 стр.) доказывается, что старообрядческая церковь, хвалящаяся своею вѣрностію православію, на самомъ дѣлѣ не содержала и не содержитъ во всей полнотѣ и чистотѣ ни ученія свящ. Писанія, евангельскаго, пророческаго и апостольскаго, ни правилъ апостольскихъ и соборныхъ, ни преданій, уставовъ и обрядовъ церковныхъ, существовавшихъ въ церкви до патріарха Никона, не сохранила неповрежденной даже самую вѣру во Св. Троицу. Въ оправданіе своей церкви Усовъ ссылается между прочимъ на то, будто и сами враги ея свидѣтельствуютъ о ея православіи, но ссылка эта при внимательномъ разборѣ ея оказывается неимѣющею твердыхъ основаній для себя. Предметомъ 6 и 7 главъ (257—334 стр.) служитъ вопросъ объ отношеніи благодати къ свободѣ воли, примѣнительно къ епископамъ. При обсужденіи этого вопроса старообрядческій „епископъ“ явно впалъ въ ересь пелагианства. Въ послѣднихъ трехъ главахъ (335—463 стр.) доказывается, что церковь новозавѣтная была основана не въ моментъ распятія Спасителя на крестѣ, какъ ложно утверждаетъ Усовъ, а въ день Пятидесятницы, когда на

апостоловъ во всей полнотѣ излилась благодать Св. Духа, ниспосланнаго имъ, по обѣтованію ихъ Божественнаго Учителя. Совершенно неосновательно и то утверженіе Усова, что будто въ промежутокъ времени отъ распятія до перваго явленія воскресшаго Господа апостоламъ, когда въ нихъ еще не было вѣры въ воскресеніе Его, церковь, мимо основанная въ моментъ распятія, пребывала во вдовствѣ, безъ епископовъ (апостоловъ), и что этимъ будто бы оправдывается и церковь старообрядческая, пребывавшая отъ патріарха Никона до избранія Амвросія также безъ епископовъ.

Въ концѣ книги, въ видѣ приложения помѣщено „Историческое повѣствованіе объ уклоненіи старообрядческихъ „епископовъ“ въ еретичество“ (465—514 стр.).

Общее сужденіе автора о книгѣ Усова такое. Книга эта, говоритъ онъ, „изобилуетъ злонамѣреннымъ извращеніемъ историческихъ фактовъ, ложнымъ истолкованіемъ текстовъ священнаго и святоотеческаго писанія и носитъ на себѣ печать безусловнаго раціонализма, столь строго осуждаемаго вселенскою Христовою церковію“. Сужденіе вѣрное и достаточно обоснованное. Но съ другой стороны и книга самого автора, какъ трудъ полемическій, также не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Отъ нея вѣетъ не духомъ миролюбія и любви, а скорѣе чуждымъ христіанству духомъ нетерпимости и почти враждебности къ заблуждающемуся противнику и его единомышленникамъ-старообрядцамъ. Сплошь и рядомъ встрѣчаешь въ ней фразы вродѣ слѣдующихъ: „совѣсть у Усова окончательно „убита“ расколомъ“ (24 стр.), у него „большое лжеученіемъ воображеніе“ (69 стр.); „Очевидно, въ головѣ Усова происходитъ, по временамъ, великое вавилонское смѣшеніе, называемое умопомраченіемъ“ (162 стр.); „Владыка“ Иннокентій (Усовъ), какъ очевидно, безгранично любитъ свои еретическія мудрованія“ (257 стр.); „такого крайняго извращенія не обнаруживали даже ни одни изъ еретиковъ, осужденныхъ на вселенскихъ соборахъ, такъ что съ несомнѣнностью открывается, что проповѣдуемое „владыкой“ Иннокентіемъ лжеученіе превосходитъ своимъ нечестіемъ всѣ вообще лжеученія оныхъ еретиковъ“ (303 стр.); „поповщинская церковь уже смердитъ, она уже готова броситься въ адскія объятія душепагубнаго раціонализма. И „владыкѣ“-ли Усову воскресить и призвать къ жизни своими еретическими сочиненіями этотъ кишачій и разлагающійся многоразличными лжеученіями трупъ поповщинской церкви“ (462 стр.). См. еще 42, 67, 157, 177, 182, 205, 240, 258, 367, 492 и др. Иногда, особенно въ 6 и 7 главахъ, авторъ прибѣгаетъ также къ натяжкамъ и софизмамъ, и влагаетъ въ слова Усова мысли, какія въ нихъ прямо не заключаются и о которыхъ онъ совѣмъ и не думалъ. Насколько

такіе приемы полемики неумѣстны въ спорахъ о предметахъ религіозныхъ и церковныхъ, это понятно само собою; ничего, кромѣ вреда, отъ нихъ и ожидать нельзя. Въ двухъ мѣстахъ книги допущены авторомъ даже догматическія погрѣшности, а именно: на стр. 309 онъ говоритъ, между прочимъ, что, „по ученію православной Церкви, челоуѣчество съ *корнъ* повредило, чрезъ грѣхопаденіе, всѣ силы своей природы, какъ духовной, такъ и тѣлесной“, и затѣмъ на 350 и 351 страницахъ, что „до сошествія Св. Духа апостоламъ не было открыто вполнѣ и совершенно ученіе о таинствѣ Св. Троицы“ и что, поэтому, они тогда не имѣли еще и „правильнаго разумѣнія о семъ основномъ догматѣ новозавѣтной Церкви“. Но говоря такъ, авторъ въ первомъ случаѣ высказываетъ ученіе не строго-православное, а скорѣе лютеранское, а во-второмъ—збываетъ, что еще до Своего вознесенія Господь ясно открылъ апостоламъ тайну триничности Бога въ данномъ имъ повелѣніи—идти въ міръ, учить всѣ народы и крестить ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мѣ. 28, 19).

Впрочемъ, указанные недостатки книги г. Круглова въ значительной мѣрѣ искупаются основательнымъ выясненіемъ предмета, о которомъ въ ней идетъ рѣчь. Вопреки утвержденію Усова о возможности временнаго существованія Церкви безъ епископовъ, авторъ доказалъ на основаніи многочисленныхъ свидѣтельствъ изъ св. Писанія, святоотеческихъ твореній и символическихъ книгъ, что Церковь Христова даже кратковременно не можетъ оставаться безъ іерархическаго, епископскаго чина, что епископы съ ихъ непрерывнымъ преемствомъ отъ апостоловъ составляютъ въ ней существенно-необходимую часть и что, если бы въ какой-нибудь частной церкви почему-либо прекратилось, хотя временно, преемство законно поставленныхъ епископовъ, то это значило бы, что она прервала свое единеніе со *всею* Христовою Церковію, а потому перестала быть и истинною, благодатно-жизненною вѣтвію ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обнаружилъ въ своей книгѣ большое знакомство и вообще съ нашимъ старообрядствомъ, съ его литературой, исторіей и современнымъ положеніемъ. Въ общемъ удовлетворительна и литературная отдѣлка ея.

Ө. О.

Е. А. Воронова. Къ тихой пристани. Сборникъ повѣстей, размышленій и біографическихъ очерковъ. С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 326. Цѣна 1 р., при выпискѣ отъ автора 75 коп., съ перес. 90 к.

Въ нашъ смутный вѣкъ, вѣкъ всевозможныхъ шатаній въ дѣлахъ вѣры, и отсутствія устойчивыхъ религіозныхъ убѣжденій, отрадно встрѣчать такіа литературныя произведенія, въ которыхъ ярко выра-

жена глубокая вѣра въ Промыслъ Божій и спасительность православія родного. Къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести недавно изданный сборникъ, заглавіе котораго мы выписали.

Книга Е. А. Вороновой „Къ тихой пристани“ представляетъ собою собраніе прекрасныхъ по содержанію, живыхъ и увлекательныхъ по изложенію, написанныхъ не безъ таланта и читаемыхъ не безъ интереса повѣстей, рассказовъ, и біографическихъ очерковъ назидательнаго и поучительнаго характера. Въ высшей степени удачно дано общее заглавіе книгѣ „Къ тихой пристани“, такъ какъ, несмотря на видимое разнообразіе и пестроту помѣщенныхъ въ сборникѣ рассказовъ, всѣ они проникнуты одной идеей, однимъ чувствомъ, одною мыслию о промышляющей о насъ волѣ Божіей, все въ земной жизни нашей направляющей ко благу нашему. Во всѣхъ рассказахъ красною нитью проведена одна объединяющая рассказы мысль—это крѣпкая вѣра въ Промыслъ Божій и превосходство православной вѣры предъ другими христіанскими исповѣданіями. Все это авторъ старается доказать на примѣрахъ изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ, по заявленію самой г-жи Вороновой, „большинство лицъ, выведенныхъ ею въ повѣстяхъ, взяты изъ дѣйствительной жизни и представляютъ изъ себя живые, поучительные примѣры. Всѣхъ ихъ она знала и въ ея воображеніи они являются подобно тихимъ „свѣточамъ“, взирая на которые, невольно испытываешь духовное радованіе“.

Это заявленіе автора рассказовъ сообщаетъ имъ особую жизненность и убѣдительность. Они невольно подкупаютъ своею правдивостью.

Остановимся, на примѣръ, на самой обширной повѣсти „Къ свѣту“, въ которой излагается исторія обращенія молодой дѣвушки, дочери баронессы, лютеранки, въ православіе. Первыя сѣмена православія заронила въ душѣ дѣвушки русская няня. Видя какъ послѣдняя горячо и искренно молится предъ единственною, находящеюся въ ея комнатѣ, иконою, ребенокъ почти съ пеленокъ сталъ проникаться особымъ уваженіемъ и почтеніемъ къ той святынѣ, которую легкомысленно и необдуманно отвергло лютеранство. Въ дальнѣйшее время подъ влияніемъ русской учительницы музыки, въ душѣ дѣвушки крѣпнетъ убѣжденіе въ превосходствѣ православной вѣры и рѣшимость принять православіе. Но мать ея и слушать объ этомъ не хочетъ, а когда дѣвушка, послѣ сильной душевной борьбы, дѣлаетъ рѣшительный шагъ, то гордая и властная мать съ проклятіемъ изгоняетъ дочь изъ своего дома. Но Промыслу Божию благоудно было посѣтить жестокою мать испытаніемъ: баронесса тяжело заболѣваетъ, дочь самоотверженно ухаживаетъ за нею, и это производитъ столь сильный переворотъ въ душѣ лютеранки-матери, что она также становится православною. „Такъ дѣвушка

сама вышла на путь истинной вѣры и мать свою привела къ свѣту“¹⁾).

Въ разказѣ „На путь истины“ выводится глубоко-религіозная дѣвочка, оказавшая великій переворотъ въ жизни своей матери, женщины пустой и легкомысленной... Когда дѣвочка заболѣваетъ столь тяжело, что никакая медицинская помощь не можетъ принести ей исцѣленіе, она своей радостной мирной кончиной приводитъ на путь истины свою мать, которая конецъ своей жизни посвящаетъ молитвѣ и уходу за больными дѣтьми.

Важный православный догматъ о почитаніи Богородицы въ доступной и увлекательной формѣ изложенъ въ очеркѣ „Наша утѣха“. Здѣсь съ достаточною силою и убѣдительностію выражено, какую скорую помощь и великое утѣшеніе даруетъ Божія Матерь въ нашихъ скорбяхъ и болѣзняхъ, когда мы обращаемся съ усердною молитвою къ ея чудотворнымъ иконамъ. По словамъ автора, „Матерь Божія слышитъ каждый нашъ вздохъ, утираетъ каждую нашу слезу и заступаетъ передъ Господомъ за наши грѣхи“.

Большое впечатлѣніе на читателя производитъ въ размышленіи автора „Послѣ причастія“ то состояніе, въ которомъ находится душа каждаго христіанина по принятіи Святыхъ и Животворящихъ таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ.

Но не достанетъ ни времени, ни мѣста въ журналѣ „повѣствующу“ о содержаніи всѣхъ 15 повѣстей и разказовъ, входящихъ въ сборникъ „Къ тихой пристани“. Думаю, что и приведенныхъ выдержекъ вполне достаточно для читателей, чтобы составить себѣ опредѣленное понятіе о произведеніяхъ г-жи Вороновой. Исходя изъ тайниковъ души глубоко-вѣрующей, очерки и разказы Е. А. Вороновой религіозно-вдохновляюще дѣйствуютъ на сердце читателя, въ силу чего они имѣютъ свое особое, чисто *миссіонерское* значеніе, тѣмъ болѣе, что, помимо общаго религіозно-нравственнаго направленія, затрогиваютъ многія истины, пререкаемыя нашими отступниками отъ вѣры истинной. Поэтому желательно распространеніе книги въ приходахъ сектантскихъ.

Книга издана изящно; цѣна, при объемѣ въ 326 страницъ, не дорогая и вполне доступная. При выпискѣ отъ автора: СПб., Петербургская Стор., Малый просп., д. 61, кв. 3, книгу можно получать за 75 к. безъ перес. и 90 к. съ перес. Свящ. С. Брояковскій.

¹⁾ Повѣсть эта первый разъ была издана редакціей журнала «Русскій Паломникъ» въ 1893 году и по распоряженію Рижскаго епархіальнаго начальства переведена на эстскій и латышскій языкъ. Въ живой наглядной формѣ представляя вѣроисповѣдныя разности лютеранства и превосходство православія, эта повѣсть послужила къ обращенію многихъ лютеранъ въ православіе и, несомнѣнно, имѣетъ немаловажное миссіонерское значеніе. («Церк. Вѣд.», 1905 г. № 5).

Проф. богосл. прот. Т. И. Буткевичъ. *Э. Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“.* Москва, 1904 г.

Съ великою признательностію слѣдуетъ привѣтствовать появленіе солидныхъ произведеній, направленныхъ къ борьбѣ съ рационализмомъ и антихристіанскими теоріями. Сюда должно отнести прекрасное сочиненіе о. Буткевича: Э. Ренанъ и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“.

Вотъ что пишетъ почтенный авторъ въ началѣ своего труда.

„Въ октябрѣ 1903 года премьеръ французскаго правительства, разстрига-аббатъ Комбъ, подъ защитою солдатскихъ штыковъ и залповъ изъ орудій, увѣковѣчилъ память Ренана: на мѣстѣ его родины онъ воздвигъ ему памятникъ отъ имени Французской республики. Итакъ, какъ глашатай невѣрія, Ренанъ еще живеть; имя его самыми яркими красками теперь изображено на трехцвѣтномъ знамени современнаго невѣрія и безбожія: всѣ легкомысленные атеисты не только Франціи, но и цѣлой Европы становятся еще и нынѣ подъ знамя Ренана. Идолъ безбожія, какъ оказывается, еще крѣпко стоитъ на своемъ высокому пьедесталѣ: предъ нимъ преклоняются; ему воскуряютъ фиміамъ, на его алтарь приносятся жертвы.

Поведеніе французскаго правительства не могло остаться незамѣченнымъ въ христіанскомъ мірѣ. Оно-то именно побудило и меня вспомнить о популярнѣйшемъ французскомъ атеистѣ, взгляды котораго еще и нынѣ раздѣляются очень многими въ нашемъ обществѣ и нашей литературѣ“.

Трудъ о. Буткевича пріобрѣтаетъ особенную цѣнность потому, что основанъ на подлинномъ изученіи Ренановой „Жизни Иисуса“.

„Судя по различнымъ сочиненіямъ Ренана, пишетъ о. Буткевичъ, можно думать, что онъ былъ болѣе или менѣе близко знакомъ съ философскими ученіями Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Гердера, Кузена; но никакихъ опредѣленныхъ философскихъ убѣжденій онъ не усвоилъ, а потому и не сталъ въ ряды послѣдователей какой-либо опредѣленной философской системы: онъ не былъ ни пантеистомъ, ни матеріалистомъ, ни даже позитивистомъ. Правда, иногда онъ хотѣлъ выдавать себя за пантеистическаго мыслителя, разсуждая о міровой душѣ въ смыслѣ существованія единаго вѣчнаго идеала и понимая жизнь вселенной только какъ непрерывное *fiat*; но изъ этихъ разсужденій его ровно ничего не выходило. Въ своихъ философскихъ діалогахъ и драмахъ онъ касался по преимуществу соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, но разрѣшалъ ихъ такъ, какъ это дѣлалъ бы и писатель, не имѣвшій и малѣйшаго представленія о философіи. Огюста Конта, своего отечественнаго философа-позитивиста, онъ не любилъ и презиралъ. Справедливѣе всего было бы назвать его экклектикомъ, какимъ былъ и древній врагъ христіанства—Цельсъ, съ которымъ онъ имѣеть особенно много общаго и въ своемъ отношеніи къ христіанской Церкви. Изъ всѣхъ философскихъ системъ Ренанъ бралъ то, что ему нравилось или что ему было нужно, бросая его тотчасъ, „по минованіи надобности“ ¹⁾. Въ 1842 году, по окончаніи курса риторики или классическихъ наукъ, Ренанъ оставилъ семинарію св. Ни-

¹⁾ 23—24 стр.

колая Шардонне (въ которой учился), и перешель въ семинарію св. Сульпиція, чтобы изучить тамъ курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ. Въ этой семинаріи Ренанъ сталъ постепенно проникаться антихристіанскимъ направленіемъ. Увлеченіе новѣйшею, враждебною христіанству, философіею и занятіе лишь однѣми свѣтскими науками укрѣпляли Ренана въ его постепенномъ отчужденіи отъ католической церкви. Ни житій святыхъ, ни вообще книгъ, написанныхъ въ духѣ католичества, онъ не читалъ. Его антицерковное направленіе ума стало замѣтно уже и для постороннихъ. Однажды вечеромъ семинарскій наставникъ Готтофре позвалъ Ренана къ себѣ и сталъ доказывать ему, какъ противно христіанству излишнее довѣріе къ разуму и какъ пагубно вліяетъ раціонализмъ на религиозное чувство. Когда Ренанъ, въ защиту себя, сталъ приводить нѣкоторыя возраженія, Готтофре съ неподдѣльно глубокимъ чувствомъ воскликнулъ, обратившись къ нему: „ты—не христіанинъ“! Хотя въ этой фразѣ для Ренана не было уже ничего новаго, тѣмъ не менѣе онъ говорить: „Я никогда еще не испытывалъ такого ужаса, когда дрожащимъ голосомъ были произнесены эти слова. Выходя изъ комнаты Готтофре, я шатался, какъ пьяный“... Ты—„не христіанинъ“! Этотъ голосъ всю ночь звучалъ въ моихъ ушахъ, подобно раскатамъ грома ¹⁾. — Что такое былъ Ренанъ по своимъ воззрѣніямъ и своимъ чувствованіямъ? Былъ ли онъ, дѣйствительно, безбожникъ, атеистъ, врагъ Христа и христіанства, какъ думали и думаютъ о немъ многіе?

Страховъ въ извѣстномъ смыслѣ справедливо говорить, что кто умѣетъ читать сочиненія Ренана, тотъ можетъ вынести изъ нихъ и нѣчто полезное: ихъ занимательность станетъ для него назидательностью. Тоже самое, но еще съ большимъ правомъ, можно сказать и о личности Ренана. Знакомство съ нею можетъ привести насъ къ совершенно неожиданнымъ и поучительнымъ выводамъ. Строго говоря, мы не можемъ назвать Ренана ни безбожникомъ, ни атеистомъ, ни врагомъ Христа и христіанства. Онъ есть только наиболее рѣзко очерченный образъ интеллигента, полу-вѣрующаго, полуотрицающаго, легко относящагося ко всему, что для другихъ дорого и священо. Ренановъ много на свѣтѣ. Съ ними мы встрѣчаемся на каждомъ шагу. Разница между ними и настоящимъ Ренаномъ состоитъ лишь въ томъ, что послѣднiго мы имѣемъ возможность лучше рассмотретьъ, чѣмъ другихъ. Онъ искрененъ и откровененъ. Онъ весь высказался въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ есть жертва вліяній враждебныхъ Евангелію и христіанству. Онъ искривленъ и искалченъ неправильно поставленнымъ воспитаніемъ. Ложная наука, принятая вмѣсто истинной, сдѣлала изъ Ренана то, чѣмъ онъ сталъ и чѣмъ онъ былъ ²⁾.

„Ренанъ не былъ ни научно-послѣдовательнымъ богословомъ, ни научно-послѣдовательнымъ философомъ. Въ этомъ именно смыслѣ простого диллетантизма мы и называемъ Ренана выдающимся типомъ и самымъ выразительнымъ представителемъ неисчислимаго множества современныхъ намъ интеллигентовъ, также часто совершенно незнающихъ ученія христіанской религіи и отвергающихъ его истинность во имя той или другой философской системы, которую они знаютъ только съ чужихъ словъ или по двумъ-тремъ случайно попавшимся имъ въ руки моднымъ книгамъ. Вѣдь нѣтъ ничего легче, какъ отрицать то, чего не знаешь, и именно

¹⁾ 66 стр.

²⁾ 74 стр.

предъ тѣми лицами, которыя не больше насъ знаютъ отрицаемую нами истину. И въ этомъ заключается истинная причина чрезвычайной популярности Ренана. За нимъ идетъ и всегда будетъ идти безконечный рядъ интеллигентовъ, справедливо усматривающихъ въ немъ своего гениальнаго выразителя, выдающагося представителя, глашатая, идола. Отъ нихъ Ренанъ отличается лишь степенью, а не сущностью¹⁾. — „Что Ренанъ былъ безсиленъ порвать навсегда всякія связи съ католическою церковью. объ этомъ свидѣтельствуетъ и его особое благоговѣніе къ Франциску Ассизскому, Жаннѣ д'Аркъ, Терезѣ, Катеринѣ и другимъ—чисто католическимъ святымъ, которыхъ онъ такъ часто ставитъ на ряду даже съ Виновиномъ христіанства.. Какое важное значеніе Ренанъ приписывалъ католическимъ преданіямъ и легендамъ, объ этомъ можно судить по его замѣчанію, что, „для истиннаго философа тюремная келья, съ библіотекою изъ ста пятидесяти томовъ жизнеописаній святыхъ, была бы истиннымъ раемъ... Не можетъ быть сомнѣнія, что враждебныя христіанству воззрѣнія нѣмецкихъ философовъ не изгнали совершенно изъ души Ренана католическихъ симпатій; они только господствовали надъ ними и даже почти заглушили ихъ на довольно продолжительное время; но совершенно уничтожить ихъ они сами не были достаточно сильны, такъ какъ Ренаномъ они были восприняты не въ той рѣшительной формѣ, въ какой они вырабатаны были на своей родной германской почвѣ“²⁾.

„Самъ по себѣ Ренанъ не былъ какимъ-то особеннымъ, страшнымъ и исключительнымъ безбожникомъ или антихристомъ. Онъ былъ только выдающимся невѣромъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ православный катихизисъ опредѣляетъ невѣріе въ его отличіе отъ безбожія), онъ былъ человѣкомъ, не получившимъ основательнаго богословскаго, какъ и философскаго образованія, легкомысленно относившимся къ самымъ серьезнымъ вопросамъ и искавшимъ популярности чрезъ угожденіе вкусамъ своихъ полувѣрующихъ—полуотрицающихъ соотечественниковъ, уже ставшихъ во враждебныя отношенія къ католичеству. Само собою понятно, что этимъ мы не отрицаемъ тѣхъ богатыхъ способностей и дарованій, которыми Ренана щедро надѣлила природа, и прежде всего гибкости его ума, живости и силы его воображенія и способности картинно и увлекательно излагать чужія или свои мысли. При такихъ условіяхъ для полувѣрующаго человѣка еще не уничтожена возможность возвращенія къ истинѣ, но только въ томъ случаѣ, если онъ не поработенъ эгоистическими страстями—гордости, тщеславія, корыстолюбія. Къ сожалѣнію, Ренанъ былъ слишкомъ тщеславенъ и потому онъ имѣлъ основаніе „не вѣрять въ возможность для него переворота столь сильнаго, чтобы онъ снова могъ привести его къ католической и священнической ортодоксальности“³⁾.

Книга читается до конца съ живымъ интересомъ. Изложеніе общедоступное. Она прекрасно уясняетъ истину, что источникъ невѣрія коренится въ страстяхъ испорченнаго человѣческаго сердца...

Пожелаемъ книгѣ широкаго распространенія въ публикѣ.

Иеромонахъ Александръ.

1) 76 стр.

2) 89 стр.

3) 90—91 стр.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

(Мысли и впечатлѣнія миссіонера).

Объ оживленіи церковной проповѣди.

Отечество наше переживаетъ тягостную годовину. Злополучной войнѣ съ Японіей конца не видать, а внутри Россіи поднимается такое броженіе умовъ, которое — трудно сказать — чѣмъ разрѣшится. О серьезности этого броженія можно судить даже по отзывамъ нашихъ реакціонеровъ, изъ которыхъ одинъ называетъ его „какъ бы сорвавшимся съ цѣпи“ (!)...

Тотъ же „писатель“, — какъ говорятъ, пережившій въ себѣ самомъ не одно убѣжденіе, — наивно утѣшается, что теперь въ Россіи господствуетъ „всеобщее искусственное возбужденіе“ ¹⁾. Но говорить такъ, значить прежде всего брать въ руки палку, которая, какъ извѣстно, о двухъ концахъ. Если г. А. Н—ну „либеральная“ печать представляется „какъ бы сорвавшеюся съ цѣпи“, почему его самого та же печать не можетъ представить въ видѣ „какъ бы *привязаннаго* на цѣпь“ у... чужого для него добра? За любезность и литературную безтактность г. Н. получить себѣ лишь „по дѣламъ“...

Кромѣ того, становиться на точку зрѣнія Н—на, значить забывать, что движенія, проникающія во всѣ слои народные, искусственно не создаются. Особенно это надобно замѣтить о слояхъ простонародныхъ. Если они рѣшились на буйства, — явный признакъ, что живется имъ тяжело, непосильно; ясно, что долготерпѣніе ихъ истощилось...

При такихъ обстоятельствахъ умиротвореніе Россіи является

¹⁾ «Прав. рус. Слово», 1905 г. № 3, стр. 184. Долгомъ считаемъ оговориться, что убѣжденія названнаго „писателя“ ни въ какомъ случаѣ не служатъ выраженіемъ настроенія того общества, которое издаетъ самый журналъ...

дѣломъ сколько *неотложнымъ*, столько же непомѣрно труднымъ. Теперь ясно даже посредственнымъ умамъ, что родина наша нуждается въ *коренныхъ* реформахъ, въ оживленіи всего своего организма.

Это, говоримъ, ясно всѣмъ, кромѣ журнальныхъ публицистовъ, вроде А. Н—на, которые, видя, ничего не видятъ и твердятъ свое, не обращая вниманія на негодованіе противъ нихъ въ обществѣ... Только средства для возрожденія родины нашей предлагаются разныя. Одни писатели всю цѣлебную силу для насъ усматриваютъ въ необходимости внѣшнихъ реформъ, — другіе для той же цѣли взываютъ къ перевоспитанію совѣсти народной, омраченной пороками...

Не будемъ владаться здѣсь въ критику предлагаемыхъ мѣропріятій. Наукой и опытомъ исторіи дознано, что они не исключаютъ, а предполагаютъ одно другое. Лекарства дорогія и цѣлебныя спасительно дѣйствуютъ на легочныхъ больныхъ, но для того требуется и соответственное мѣстожительство. — Подобное надобно сказать объ общественныхъ учрежденіяхъ. Кричать, что все спасеніе для насъ въ формахъ жизни — пенаучная односторонность; но возставать противъ коренныхъ реформъ „рутины ради“, изъ страха предъ неизвѣстнымъ будущимъ; — думать, что поднявшіяся общественныя волненія и безъ реформъ можно утишить энергичной борьбой правительства, „не останавливающейся ни передъ какими средствами и мѣропріятіями 1)“, какъ грубо и безчеловѣчно мечтаетъ все тотъ же А. Н—нъ, это значить, не понимать законовъ развитія общества и обнаруживать постыдное малодушіе.

Истина—въ срединѣ вещей; это — извѣстная правда. Но въ настоящее время, когда въ обществѣ сильно увлеченіе внѣшними формами жизни, необходимо съ особой настойчивостью твердить о томъ, что даетъ незаблемую прочность самымъ этимъ формамъ. Такою живительною для насъ силой является *религиозная въра*; о сохраненіи ея въ неприкосновенной чистотѣ, при общей текучести нашихъ мнѣній, и нужно заботливо стараться.

Превосходно это сознаніе выражаетъ старецъ изъ романа „Братя Карамазовы“. Онъ говоритъ: „если что и охраняетъ общество въ наше время, и даже самого преступника исправляетъ и въ другого человѣка перерождаетъ, то это лишь Законъ Христовъ, сказывающійся въ сознаніи собственной совѣсти“. — И это не мнѣніе лишь Ѳ. М. Достоевскаго; это — точка зрѣнія самого

1) Прав „Рус. Сл.“ стр. 187. № 3, 1905 г.

народа русскаго, сложившаго пословицу: „безъ Бога — ни до порога“. Народъ нашъ всегда былъ глубоко религіозенъ. Различныя учрежденія только потому крѣпко прививались къ нему, что ихъ освящала религія. И потому, въ наше смутное время, успокоить народъ можно только на почвѣ церковнаго учительства при соотвѣтствующихъ реформахъ.

Правда нами сказаннаго подтверждается даже въ газетахъ, которыя нельзя назвать „отсталыми“, свирѣпо-консервативными или „поповскими“. Въ 78 № „Руси“ Н. А. Демчинскій пишетъ: „религія составляетъ главную основу (нашего) народнаго духа, ею до сихъ поръ стояла и была крѣпка русская земля, только при помощи этой силы можетъ выйти русскій народъ изъ настоящихъ тяжелыхъ испытаній. Отнимите отъ этого народа религію, и это пустое мѣсто тотчасъ будетъ заполнено озвѣрѣлымъ отчаяніемъ голоднаго человѣка, а слѣдовательно, предъ вами возстанетъ кровавый терроръ со всѣми его ужасами“.

Итакъ, къ помощи религіи для успокоенія взволнованныхъ умовъ обращаются даже въ газетахъ. Тѣмъ болѣе къ этой вѣковѣчной силѣ нашей должны прибѣгнуть мы—церковные проповѣдники.

Но является вопросъ: религіознымъ учительствомъ въ совершенствѣ-ли и до конца воспользовались мы ко благу народному?

Если обратиться за отвѣтомъ на этотъ вопросъ непосредственно къ самой жизни, а не къ отчетамъ всякаго рода, то получится выводъ прискорбный. Жизнь говоритъ, что общество наше въ широкихъ слояхъ своихъ недовольно теперешнею православно-церковной проповѣдью. „На днѣ“ народномъ это недовольство выражается своеобразно и бурно. Въ южно-русскихъ губерніяхъ, какъ въ Черниговской, да и на сѣверѣ теперь много людей уходитъ въ штунду. Съ этими людьми, по обязанности службы и въ разное время, намъ приходилось бесѣдовать часто. Всѣ они заявляли, что недовольны жизнью нашей церковной, въ которой много разлада, а главное,—нѣтъ у насъ *настоящаю* духовнаго руководства.

— Какъ?—спрашивали мы. Развѣ батюшка не говорилъ вамъ проповѣдей?

— Говорилъ, да толку въ нихъ мало. Бывало, придешь въ храмъ съ истерзанной душой. Совѣсть загрязнена грѣхомъ. Хочешь послушать ласковаго *отеческаго* слова, которое бы устыдило, умилило и слезы на глазахъ вызвало... Замѣсто того батюшка проговорить о томъ, что совѣмъ не взволнуетъ душу и до совѣсти не дойдетъ... Проговорить зачастую не своими сло-

вами, которыя Богъ положитъ ему въ уста въ нужное время, а по книжкѣ, не отрывая отъ нея глазъ и словно стыдясь духовно голодныхъ людей...

Горькая эта повѣсть, но ее приходится выслушивать наблюдателю жизни народной по разнымъ губерніямъ. Хочется, порою, не вѣрить словамъ людей, уклонившихся въ сектантство; заподозрѣваешь ихъ въ клеветѣ и въ желаніи „почернить“ бѣдныхъ православныхъ пастырей: бываетъ и это! Но вотъ въ газетахъ и журналахъ трубятъ о томъ же. — Въ 59 № „Руси“, со словъ г. Кабэ, рассказывается про нѣкоего Федора, уклонившагося въ штунду: „то, что онъ слыхалъ отъ священника, а отчасти отъ родныхъ, его не удовлетворяло, все это было либо рутинно, либо слишкомъ отвлеченно, между тѣмъ, какъ рѣчь штундистовъ была проста, ясна и такъ близко подходила къ уровню и понятіямъ Федора, что не принять этого ученія и не повѣрить онъ не могъ“...

Такъ. Бѣдный Федоръ только потому уклонился въ штунду, что услыхалъ въ ея пользу простое и ясное слово, которое онъ могъ обсудить, не поднимаясь надъ уровнемъ своего развитія; тогда какъ рѣчи православнаго батюшки отдавали сухостью и отвлеченной безжизненностью...

Отзывъ Федора о проповѣдничествѣ своего батюшки Н. А. Демчинскій распространяетъ на всѣхъ нашихъ церковныхъ проповѣдниковъ. Онъ пишетъ: „у cadaго художника свои краски, у cadaго проповѣдника краски эти—чьи-то чужія, и потому слово его беззвучно“ („Русь“ № 75).

Н. А. Демчинскій все горе нашихъ проповѣдниковъ видитъ въ ихъ догматизмѣ, — въ томъ, что они на готовыхъ истиннахъ основываются. Но это мнѣніе несправедливо, по скольку оно высказывается въ такой формѣ. И для художниковъ есть свои непреложные законы перспективы, сочетанія красокъ и т. п. Однако это обстоятельство не препятствуетъ *свободному* ихъ творчеству въ выраженіи художественной идеи. Точно также и догматы не мѣшаютъ проповѣдывать великолѣпно и „звучно“ тѣмъ церковнымъ ораторамъ, которые отъ Бога надѣлены живой, впечатлительной душой и выразительнымъ словомъ. Все зависитъ отъ того, въ какомъ освѣщеніи и въ какой формѣ проповѣдникъ возвѣщаетъ народу вѣчныя истины Божіи. Если передъ образованными и тронутыми сомнѣніемъ слушателями онъ станетъ обращаться къ повѣствованію Пролога, какъ къ главной своей опорѣ, или современныя волненія въ обществѣ, по рецепту А. Н—на, будетъ укрощать рѣчью „о повиновеніи властямъ, о правѣ

начальника употреблять мечъ для наказанія дѣлающихъ злое“¹⁾,— выйдеть строго, неукоснительно до жестокости, но малоубѣдительно и не дѣйствено. Когда же передъ своими слушателями церковный проповѣдникъ выступить во всеоружіи современнаго научно-литературнаго мышленія, къ слову его прислушаются и надъ нимъ задумаются самые равнодушные къ религіи люди.

Въ то же время народъ простой часто довольствуется только житійными разсказами, не помышляя объ ихъ евангельскомъ или религіозно-философскомъ обоснованіи. Было бы странно, если бы предъ *такими* слушателями церковный проповѣдникъ пустился въ научныя изысканія.

Но объ этой *изначальной* истинѣ у насъ до сихъ поръ забываютъ. Мы не привыкли считаться съ настроеніемъ и запросами своихъ слушателей; до сихъ поръ мы нерѣдко рабски идемъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ. Вслѣдствіе того отъ проповѣдей нашихъ бѣгають изъ храмовъ образованные христіане; въ маломъ количествѣ приходятъ, по той же причинѣ, къ намъ и простолюдины. — Мы уподобляемся, такимъ образомъ, Бенъ-Товиту, по одному изъ послѣднихъ разсказовъ Л. Андреева. Жизнь, какъ безбрежный океанъ, волнуется своими запросами и думами. Какъ живой человекъ, она то радуется и порывисто выражаетъ свои восторги, то скорбитъ и жалуется отъ страданій. А наши проповѣдники, по суду свѣтскихъ людей, держатся въ сторонѣ отъ жизни. Они проповѣдуютъ, — они цѣлыми томами издають свои проповѣди. Но въ огромномъ большинствѣ эти проповѣди представляютъ изъ себя отвлеченно-хрійныя разсужденія на извѣстную тему. Въ нихъ нѣтъ подлинной жизни, — отголоска на современныя настроенія.

И опять, какъ у Бенъ-Товита.—На Голгофѣ совершалась величайшая міровая трагедія. Господь въ страшныхъ мученіяхъ умиралъ за родъ лукавый и прелюбодѣйный, а „въ тотъ день съ самаго ранняго утра у іерусалимскаго торговца Бенъ-Товита нестерпимо разболѣлись зубы“. Къ бѣдному еврейчику „нѣсколько разъ прибѣгали дѣти и что-то разсказывали торопливыми голосами о Исусѣ Назарѣѣ. Бенъ-Товитъ останавливался, минуту слушалъ ихъ, сморщивъ лице, но потомъ сердито топалъ ногой и прогонялъ“...

Подобное настроеніе переживаютъ весьма многіе наши церковные проповѣдники. Они замкнулись въ своихъ привычныхъ созерцаніяхъ; говорятъ о нихъ языкомъ и образами только ста-

1) „Прав. Рус. Сл.“ № 1, стр. 33.

рожитными. Современности они знать не хотятъ... Правда, порою она овладѣваетъ ихъ вниманіемъ. Они пытливо вслушиваются и запоминаютъ отдѣльныя мысли современныхъ писателей, но... не надолго: минутоу понаблюдавъ за жизнью, наши проповѣдники этой категоріи сердито отворачиваются отъ нея въ сторону своихъ излюбленныхъ созерцаній, своихъ привычныхъ образовъ. Современность они называютъ бездарной, пошлой, декадентской и считаютъ себя въ правѣ не заниматься ею...

Пусть значительно правы проповѣдники наши въ оцѣнкѣ дѣйствительности; но въ отношеніяхъ къ ней они жестоко и несправедливо поступаютъ. Если современность распушенна и во всѣхъ смыслахъ извращена, — ее врачевать нужно, пастырямъ необходимо ее наблюдать тщательно и выводить на дорогу добродѣтельной жизни. Если наша дѣйствительность богата философіей и наукой, — тогда и вовсе необходимо сосредоточить на ней все вниманіе проповѣдниковъ. Тогда всѣ силы ихъ надо направить къ защитѣ религіи и Церкви отъ современныхъ отрицаній...

Только въ такомъ случаѣ церковная проповѣдь будетъ *жизненной* и интересной даже для полурелигіозныхъ людей; тогда отъ нея не станутъ бѣгать интеллигенты наши, и простецы потекутъ къ ней, какъ олени жаждущіе на воду.

Вмѣсто такого направленія проповѣдническихъ силъ, наши гомилеты „до сего дня“ все спасеніе свое и другихъ видятъ въ изученіи проповѣдническихъ образцовъ. Они старательно изучаютъ, какія проповѣди составлены были, положимъ, въ недѣлю о самарянкѣ. Дѣлая отсюда выводы, — они рекомендуютъ о томъ же говорить молодымъ проповѣдникамъ...

Мы не отрицаемъ *принципіально* пользы отъ изученія даже такимъ подражательнымъ порядкомъ гомилетическаго матеріала. Мы только утверждаемъ, что это полдѣла. Мало ли о чемъ говорили наши церковные проповѣдники, изъясняя бесѣду Христа съ самарянской лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ? Тогда были свои нужды; нынѣ — свои. Тогда ученія гр. Толстого въ его теперешней формѣ не существовало; тогда волна сектантская была меньше и не такъ захлестывала людей...

Поэтому современнымъ гомилетамъ, за изученіемъ историческаго матеріала, обязательно нужно подумать о томъ, *какіе запросы выдвигаетъ наше время и какъ лучше всего отвѣтить въ проповѣдяхъ на нихъ?* Отвѣтить не по шаблону, а „живо и дѣйственно“, какъ требуетъ нужда, — какъ хотятъ того живые люди. Рутинна и шаблонъ — самые злые враги спасительной проповѣди.

Они убиваютъ творческій духъ въ проповѣдникѣ; они же усыпляютъ его совѣсть словами и фразами, которыя по риторикѣ — то очень красивы, а съ внутренней стороны — безсодержательны...

Если за провѣркой словъ нашихъ обратиться къ жизни, она скажетъ намъ, что для проповѣдника не должно существовать никакихъ *обязательныхъ* шаблоновъ. Что хорошо въ мѣстности, тронутой рационализмомъ и сектаецтвомъ, то не подойдетъ въ дебряхъ народныхъ, населенныхъ старообрядцами-отщепенцами. Въ одномъ случаѣ проповѣдникъ дѣло свое создаетъ на вдохновенномъ изъясненіи Евангелія, подтверждая слова свои только всѣмъ доступными жизненными наблюденіями, — и онъ право дѣйствуетъ; въ другомъ — онъ обязательно для подтвержденія рѣчи своей долженъ обратиться къ св. отцамъ.

Такое заключеніе мы вынесли изъ собственнаго проповѣдникаго опыта. Чтобы не забираться во времена десятилѣтней давности, — остановимся на событіи позднѣйшемъ. — Какъ-то въ Новоладожскомъ уѣздѣ проповѣдывали мы по Евангелію о спасеніи христіанъ *правою* вѣрой въ нашего Господа. Говорили воодушевленно, обильно подтверждая слова свои апостольскими изреченіями. Вдругъ слышимъ за спиной своей шопоть: — арабскія сказки!

Съ удивленіемъ оглянулись мы и увидѣли знакомаго „старообрядца“. Было очевидно, что ему не нравилось толкованіе Евангелія, не подкрѣпленное св. отцами. Тогда, продолжая рѣчь обычнымъ порядкомъ, свои выводы, основанные на библейской буквѣ, мы стали усиливать еще выдержками изъ Благовѣстника... Проповѣдь дошла до конца благополучно.

А отсюда еще разъ слѣдуетъ, что для современной проповѣди важны не шаблоны, а то, чтобы она освѣщала *живую* жизнь по примѣру Христа Спасителя. Христосъ же не убивалъ людскаго вниманія сухими рѣчами въ подражаніе ученымъ фарисеямъ и не поработчалъ себѣ слушателей простыми ссылками на Слово Божіе. Нѣтъ, когда Онъ говорилъ о нашемъ спасеніи, о Царствѣ Божіемъ, о будущихъ судьбахъ міра, — говорилъ всегда *приспособительно* къ потребности и къ настроенію своихъ слушателей, то подкрѣпляя слова свои свидѣтельствомъ изъ пророковъ (Лк. 4, 17—19, 24—27), то довольствуясь обычными житейскими наведеніями (Мѣ. 7, 3—6, 15—20 ст. и др.).

Также поступали св. апостолы. Иудеевъ они приводили къ вѣрѣ во Христа, изъясняя съ ними слова пророковъ (Дѣян. 2,

29—36 ст. ¹⁾), язычниковъ покоряли выводами, взятыми изъ ихъ писателей (Дѣян. 17, 28; Тит. 1, 12).

Подобнымъ образомъ наши проповѣдники въ основу своихъ рѣчей должны полагать *обязательно* ученіе Христово, только не отрывочно взятое, а изложенное по духу всего Евангелія въ сопровожденіи всякихъ подходящихъ къ данной средѣ доказательствъ. Тогда слово наше будетъ содержательно и жизненно; тогда оно обвѣяно будетъ божескимъ дыханіемъ и, протолкованное разумно, оно покоритъ Господу слушателей...

Къ сожалѣнію для себя, мы должны сказать, что пониманіе наше природы дѣйственной проповѣди въ печати имѣетъ уже готовое возраженіе. Его высказалъ Н. А. Демчинскій въ 75 № „Руси“. Въ своей статьѣ онъ говоритъ: „проповѣди можно читать, но не слушать, ибо онѣ сплошь испестрены ковычками, т. е. позаимствованіями чужихъ словъ, чужихъ мыслей. И вотъ въ этихъ-то оковахъ чужихъ мыслей замерло собственное мышленіе, оно упразднено“.

Такъ говорить, какъ пишетъ г. Демчинскій, можно въ двухъ случаяхъ: или въ томъ, когда проповѣдникъ безъ смысла загромождастъ свою рѣчь малопонятными библейскими цитатами, сцѣпленными между собой механически; или—въ томъ, когда слушатели не вѣрують въ Евангеліе и ихъ не убѣждаютъ потому библейскія доказательства.

Въ первомъ случаѣ проповѣдникъ поступаетъ не только дурно: дѣло его прямо преступно. Св. Библия, помимо божественной истинности своего содержанія, съ тѣмъ вмѣстѣ есть высокохудожественная книга. Все ея мышленіе, ея языкъ—образецъ простоты, ясности и художественности. Не безъ основанія такіе гениальные писатели, какъ А. С. Пушкинъ и Л. Н. Толстой, часто подражали въ рѣчи Библии... Такъ проповѣдникъ, неряшливо пользуясь Библией, подрываетъ тѣмъ самымъ довѣріе къ этой святѣйшей книгѣ,—и поступаетъ, какъ преступникъ: по заслугамъ проповѣдь его будетъ безжизненной!..

Но сказать, что проповѣдь должна быть обнажена отъ авторитета библейскаго,—все равно, что сказать: живой человѣкъ долженъ остаться безъ воздуха и пищи. Это—*contradictio in adjecto*... *Безъ слова Божія наша проповѣдь потеряетъ свою жизненную основу и обратится въ праздное говоренье.*

Одно вѣрно въ замѣчаніи г. Демчинскаго: библейскія цитаты не должны наполнять церковную проповѣдь, въ качествѣ внѣшне-

1) Сн. Дѣян. 17, 1—3 ст.

придаточнаго и громадскаго матеріала. Библизмомъ наши проповѣди будутъ дышать лишь тогда, когда онѣ проникнуты духомъ и священной простотой мужей богооткровенныхъ, когда въ нихъ отразится здравый общечеловѣческой смыслъ. При такомъ же условіи библейскіе тексты никогда не окажутся для христіанъ мыслями чужими и далекими. Напротивъ: христіане во все вѣка видѣли въ Библии книгу откровеній Божіихъ,—такую книгу, которая въ совершенствѣ налагаетъ Законы Божіи, намъ *близкіе* и родственные, которые лишь раскрываютъ зачаточно вложенныя въ нашу природу чаянія.—Стремясь къ Евангельскимъ идеаламъ, мы, так. обр., порываемся въ область, намъ родную и желанную. Напрасно г. Демчинскій поэтому вооружается противъ библизма въ проповѣдяхъ... Этотъ библизмъ не умѣстенъ въ рѣчи лишь тогда, когда его буквой хотятъ опровергнуть расудочныя соображенія философовъ. Тутъ люди стоятъ на разныхъ позиціяхъ и между ихъ доводами не можетъ быть сближенія.

Истинный же библизмъ составляетъ украшеніе проповѣди. Прекрасно наши слова подтверждаетъ старецъ Зосима въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Благочестивый старецъ, какъ бы прозрѣвая современныя противобиблейскія вѣянія въ нашемъ обществѣ, говорилъ, обращаясь къ православному пастырю: „что за книга это священное Писаніе, какое чудо и какая сила, данная съ нею человѣку!.. Разверника-ка (пастырь) эту книгу и начни читать (народу) безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умѣленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сія, изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце!.. И поразишь благочестивый умъ простолюдина“.

Какъ видимъ, свидѣтельство старца Зосимы—глубокаго знатока народной психологіи—разрушаетъ мнѣніе г. Демчинскаго о непригодности для современной проповѣди выдержекъ изъ свѣщ. Писанія. Не подкрѣпляетъ названнаго публициста и г. Кабэ своими словами о Ѳеодорѣ штундистѣ. Известно, что штундисты весьма любятъ читать Евангеліе и библизмомъ въ широкомъ смыслѣ сильна именно ихъ проповѣдь.

Но замѣчаніе г. Демчинскаго касательно нашей церковной проповѣди правдиво, повторимъ, въ другомъ случаѣ... въ томъ, когда слушатели проповѣди тронуты сомнѣніемъ, полувѣріемъ,—когда они заражены равнодушіемъ къ православно-христіанскимъ догма-

тамъ. Тутъ обычный методъ нашей церковной проповѣди не годится. Въ этомъ случаѣ не резонно всю рѣчь укрѣплять только библейской буквой и благочестивыми святоподобіями. Тутъ требуются уже иныя „увѣщанія“. — основанныя на общечеловѣческой логикѣ и достовѣрныхъ выводахъ изъ наукъ.

Что мы говоримъ не новость „богопротивную“ и не на о. Петровѣ только утверждаемся,—видно изъ примѣра Христа и Его апостоловъ. Господь нашъ, поучая простой народъ, не томилъ его сухими рѣчами или многочисленными механическими справками изъ разныхъ книгъ. Онъ изъяснялъ самыя возвышенныя истины вѣры, пользуясь житейскими сравненіями и подобіями, взятыми изъ окружающей природы 1). — Тогда какъ фарисеямъ и книжникамъ ученымъ тѣ же истины Господь выводилъ изъ книгъ Ветхозавѣтныхъ (Ср. Іо. гл. 8 и 9).

Ап. Павелъ въ своихъ рѣчахъ пользовался не только свящ. Писаніемъ, но и здравымъ разумомъ. Говоря проповѣдь въ аѳинскомъ ареопагѣ предъ образованными язычниками, онъ бралъ подтвержденіе своимъ мыслямъ изъ ихъ стихотворцевъ (Дѣян. 17, 28). За Христомъ и апостолами должны идти мы послушно, и отъ нашихъ проповѣдей будетъ толкъ. Но для того мы *пристально, безпристрастно и доброжелательно* обязаны изучать жизнь,—обязаны считаться съ ея научно-философскими и литературными требованіями, не усыпляя себя ходячими фразами рутиннаго „любомудрія“ и не страшась подлежащаго намъ труда.

Пожалуй, многимъ проповѣдникамъ не полюбятся новыя обязанности, предъявляемая къ намъ текущей дѣйствительностью. Но—такова неумолимая жизнь. Г. Демчинскій — сынъ современности—говоритъ: „тѣ книги, на которыя обыкновенно ссылаются (церковные проповѣдники), будучи даже переведены на русскій языкъ, мало понятны, потому-что въ основу ихъ мыслей положены образы, уже отжившіе, которые неспособны возбуждать въ нашихъ представленіяхъ тѣхъ же мыслей, которыми вдохновлялись авторы этихъ книгъ“ („Русь“, № 75).

Другими и болѣе *прямыми* словами: г. Демчинскому не нравится, что наши церковные проповѣдники говорятъ все „отъ Библии“. Какъ же посмотрѣлъ бы онъ на наши старанія библейской буквой опровергать разсудочно философскія мысли? Такую манеру онъ не выноситъ и потому влечетъ насъ къ современному мы-

1) См., къ примѣру, всю 13 гл. Ев. Мѣ.

шленію на современныя темы. А если подумать, что г. Демчинскій—не одинъ, что подобныхъ ему въ рядахъ теперешнихъ христіанъ—тысячи и всѣ они имѣютъ своеобразное вліяніе на толпу,—стапеть яснѣмъ, что мы обязаны съ ними серьезно считаться. Очевидно,—Библией мы должны пользоваться благоговѣнно, но и съ величайшей разсмотрительностью. Изъ Библии мы обязаны почерпать неизбежное основаніе для своихъ проповѣдей. Ея дыханіемъ мы должны согрѣвать благочестивыя души, но, по запросамъ времени, къ своимъ проповѣдническимъ рѣчамъ мы обязаны прилагать все, что даетъ намъ апологетика,—разумѣется въ выводахъ и по существу...

Подтверженіемъ того, что въ апологетикѣ сильно нуждается наше общество, можетъ служить новѣйшій рассказъ Марка Криницкаго, подъ заглавіемъ „Наслѣдственность“ 1). Авторъ этого рассказа свидѣтельствуетъ, что невѣріемъ въ богооткровенныя истины заражены теперь даже дѣти. Одинъ изъ нихъ, наблюдая жизнь, сдѣлалъ заключеніе, что „молиться Богу и ходить въ церковь должны только маленькіе да прислуга, а когда онъ вырастетъ большой, онъ тоже не будетъ ходить къ обѣднѣ, гдѣ бываетъ всегда ужасно скучно“ (—стр. 2).

Вотъ горестное заявленіе ребенка, унаслѣдованное отъ невѣрующихъ отцовъ! Подобныя же мысли, порою, слышатся отъ рабочихъ, вернувшихся изъ большихъ городовъ. И они пѣстодушно завѣряютъ, что „по городамъ, кто постигъ науку, въ Бога ужъ не вѣрують“.

Съ такими заявленіями проповѣдники должны бороться всею силою своего разума. Заблужденія человѣческаго ума надо не замалчивать, а раскрывать и опровергать. Но это можно дѣлать только во имя вѣры Божіей, просвѣтленной наукой, знаніемъ. Поэтому намъ не ругаться въ проповѣдяхъ и статьяхъ нужно,—не браниться съ церковной кафедрой за то, что жизнь идетъ не такъ, какъ намъ хотѣлось-бы; мы обязаны своею проповѣдью вразумлять заблудшихъ, усовѣщевать грѣшниковъ и всѣхъ приводить къ подножію креста Христова.

Такимъ образомъ, основная мысль, которую мы высказываемъ по вопросу объ оживленіи церковной проповѣди, состоитъ въ томъ, что эта проповѣдь должна руководить настроеніемъ людей,—она обязана говорить объ ихъ текущихъ думкахъ и чувствахъ, а не составляться въ подражаніе старымъ образцамъ, въ стерео-

1) «Вопр. Жизни, № 1».

типныхъ формахъ и выраженіяхъ, съ привычными общими мѣстами и восклицаніями.

Изъ сказаннаго же вытекаетъ и наша вторая мысль: проповѣдникъ только тогда властно захватить слушателей, тогда только станетъ приемлемымъ для нихъ, когда съ церковной кафедрѣ онъ будетъ вѣщія провозглашать истины, радостныя и осязательныя для христіанъ. Эти истины въ сущности своей безспорны, люди лишь забываютъ о нихъ за шумомъ житейскимъ, за губительными для нихъ грѣховными дразгами. Такими истинами, къ примѣру, являются нравственныя заповѣди Евангельскія и идеаль царства Христова, въ которомъ правда и милость живутъ. Къ какому бы классу общества, къ какому научному лагерю ни принадлежали-бы слушатели, — они не могутъ равнодушно внимать словамъ проповѣдника о необходимости для насъ чистой и безпорочной жизни и взаимной жалости другъ къ другу. За такимъ вразумительнымъ проповѣдникомъ люди пойдутъ, какъ бабочки за вечернимъ свѣтомъ...

Когда же съ почвы общеобязательной евангельской правды церковные учителя спустятся въ область спорной политики, — когда, вмѣсто неизблемыхъ законовъ Христовыхъ, они начнутъ съ церковной кафедрѣ ратовать пристрастно за формы человѣческаго общежитія, — ихъ рѣчи возбуждаютъ въ толпѣ возраженія, ропоть. Тогда политиканствующій церковный проповѣдникъ станетъ, какъ одинъ изъ рядовыхъ ораторовъ. Его проповѣди будутъ критиковать; о нихъ начнутъ писать въ газетахъ и журналахъ, какъ о заблужденіи, если проповѣдникъ вообще-то человѣкъ примѣчательный; а если онъ не поднимается надъ уровнемъ золотой середины, — его слушать не будутъ, несочувствующіе могутъ устроить ему даже скандалъ въ самой церкви...

И потому въ хорошей *христіанской* проповѣди не должно быть мѣста *политиканству*. Такое постановленіе, въ назиданіе нашимъ гомилетамъ, сдѣлали между прочимъ профессора. Они говорили: „сѣздъ профессоровъ считаетъ своимъ долгомъ высказать свое негодованіе и рѣшительный протестъ по поводу провокаторской дѣятельности отдѣльныхъ представителей власти и духовенства (слушайте!)..., имѣющей цѣлью возбудить народъ противъ интеллигенціи, а въ частности — противъ учащейся молодежи¹⁾. Поселяя въ странѣ духъ розни и вражды, такая дѣятель-

¹⁾ Къ постановленію сѣзда профессоровъ особенно долженъ прислушаться г. А. Н., статьи котораго часто дышатъ чистѣйшимъ провокаторствомъ. (См. Закон. и своб. въ № 4 Пр. — Рус. Сл., стр. 293.—294 и др.)

ность открываетъ передъ обществомъ страшную перспективу стихійной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ и является полнымъ отрицаніемъ самыхъ элементарныхъ условій общественной жизни.“

Съ заключеніемъ гг. профессоровъ мы не можемъ не согласиться. Въ немъ правда слышится. Въ самомъ дѣлѣ, по какому закону—божескому и человѣческому—пастыри церкви будутъ стоять горой за однѣ условныя формы жизни и, оскорбляя многихъ слушателей, ратовать противъ другихъ? Ихъ слово было-бы назидательно тогда, если-бы для политиканства оно могло опереться на ученіе Христово; но Господь меньше всего говорилъ о политикѣ. Онъ заботился о воспитаніи въ насъ духа благочестиваго и свободнаго отъ пороковъ. Когда же его хотѣли люди вовлечь въ тяжбу между братьями изъ-за наслѣдства, онъ уклонился отъ чуждаго Ему дѣла (Лк. 12, 13, 14 ст.).

По примѣру Христа, и пастыри Его Церкви должны помнить, что на этомъ свѣтѣ все относительно и ни одного человѣческаго учрежденія нельзя назвать истиннымъ на вѣчныя времена. Надо намъ также не забывать, что Евангеліе для нашихъ политическихъ рѣчей можетъ дать самый ограниченный по объему матеріаль. Въ политиканствѣ мы предоставлены бываемъ самимъ себѣ; слушатели не обязаны тогда вѣрить словамъ нашимъ, а это вредно для церковной проповѣди и подрываетъ къ ней довѣріе въ корнѣ. Поэтому отъ партійно-политическихъ рѣчей съ церк. кафедръ мы обязаны отказаться навсегда. Это чувствуютъ даже простолюдины наши и, желая намъ добра, даютъ соотвѣтствующіе совѣты.

Недавно мы проповѣдывали на Путиловскомъ заводѣ въ С.-Петербургѣ. Передъ началомъ бесѣды насъ отозвалъ въ сторону одинъ добрый православный рабочій и шепнулъ:

— Пожалуста ужъ... не говорите ничего противъ нашихъ забастовщиковъ. Сами знаете—народъ всякій есть; иной можетъ дерзостью вамъ отвѣтить, да и собранія наши для духовнаго назиданія многіе поносить будутъ...

Мы и раньше не позволяли себѣ говорить на „злобы дня“ *съ партійномъ духъ* съ церковной кафедры. Но на этотъ разъ съ особенной осторожностью проповѣдывали о необходимости для нашей жизни разумной вѣры въ Бога. То, что мы говорили, требовалось разсудкомъ человѣка, его совѣстью, всѣмъ существомъ его. Поэтому насъ слушали всѣ довольно внимательно и... благодарили за проповѣдь усердно. Молодые рабочіе, одѣтые франтами и выглядѣвшіе интеллигентами, послѣ бесѣды обсту-

пили насъ у церкви и дружески—почтительно съ нами разговаривали...

На основаніи сказаннаго мы положительно утверждаемъ, что въ проповѣдяхъ нашихъ мы обязаны не политиканствовать, а воспитывать въ слушателяхъ черты *внѣпартійнаго* добродѣтельнаго настроенія по идеалу евангельскому. Для *оживленія* своихъ проповѣдей намъ такъ необходимо произносить рѣчи, чтобы въ нихъ не было ничего невѣрнаго и онѣ поставляли слушателей непосредственно въ общеніе со Христомъ и Его святыми. Хорошая проповѣдь именно та, которая съ точки зрѣнія Евангелія освѣтитъ ярко, изобразительно и доброжелательно всѣ мелочи нашей жизни, такъ что слушателямъ—христіанамъ, чтобы они ни были, стыдно и страшно станетъ за свою порочную жизнь.

Говоримъ это не по книжкамъ, не съ чужого голоса, а на основаніи своего значительнаго опыта. За свою, уже одинадцатилѣтнюю службу, намъ множество разъ приходилось проповѣдывать. Бывало, по манерѣ извѣстныхъ витій, станешь холодно спокойно изображать пагубность, положимъ, пьянства. Говоришь въ общемъ литературно и гладко, но народъ равнодушно слушаетъ проповѣдь. Видно, что она его не трогаетъ. Замѣтно, что слушатели больше слѣдятъ за внѣшностью проповѣдника.

Но вотъ подходишь какимъ-то чутьемъ къ тому, о чемъ бы христіанамъ и нужно было со всѣмъ усердіемъ проповѣдывать. *Начинаешь* *поставлять* *пьяницу* *непосредственно* *къ* *Лику* *Христову*. Говоришь: Господь въ міръ пришелъ, что бы спасти грѣшниковъ... Онъ же далъ заповѣдь, что пьяницы не войдутъ за нимъ въ царство славы (Мѡ. 24. 48—51).

О, какой ужасъ дѣлаютъ пьяницы! Они отторгаютъ себя отъ блаженной жизни въ Богѣ. Да и Христа отъ себя отгоняютъ. Именно отгоняютъ: Господь постоянно стучитъ въ двери сердца нашего, чтобы войти къ намъ въ видѣ странника и вечерять съ нами (Откр. 3, 20 ст.). Спаситель съ сокрушеніемъ ходитъ подлѣ насъ, а пьяницы Его принять не могутъ: они не чувствуютъ близости къ себѣ Господа,—не видятъ Его страдальческаго Лица... Ахъ, какой ужасъ и стыдъ!..

При подобныхъ словахъ и образахъ слушатели многіе, случалось, плакать начинаютъ. Послѣ такихъ рѣчей, бывало, изъ толпы выходили люди и съ крикомъ: „помолись, братецъ!“ выражали готовность присоединиться къ трезвенникамъ.

И говорили мы себѣ тогда, что въ народѣ русскомъ теплится еще сильная и нѣжная любовь къ Спасителю, — есть въ немъ и

страхъ Божій. Нужно только эти добродѣтели въ нашемъ народѣ оберегать и прочищать отъ затемняющихъ ихъ страстей. Самымъ же рѣшительнымъ средствомъ для того служить *умиленіе* передъ Спасителемъ Богомъ и передъ Его страданіями. Вотъ и надо намъ-проповѣдникамъ *живописатьъ* предъ людьми черты Лица Христова и вслѣдствіе того рѣчи наши будутъ *самыми жизненными* для народа и весьма *дѣйственными*.

Приведемъ здѣсь еще подтвержденіе къ сказанному. Какъ то пришли мы въ одинъ залъ на бесѣду съ народомъ. Предъ началомъ люди пѣли „Царю небесный.“ Сзади насъ кто-то ревѣлъ полупьянымъ голосомъ. Это удивило насъ, возмутило душу, породило скорбь въ сердцѣ, — и проповѣди передался характеръ нервной возбужденности. Мы говорили о томъ, что Господь требуетъ отъ насъ праведной и святой жизни... И мы должны не только не грѣшнить, а даже стыдиться самой возможности грѣха.

Что же мы дѣлаемъ? Какъ хранимъ мы Завѣтъ нашего Испытателя?

Увы! Мы пропадаемъ во грѣхахъ... И что всего ужаснѣй—не стыдимся грѣха. У насъ случается: пьяный человѣкъ смѣло расхаживаетъ по улицамъ; онъ же заходитъ въ общественныя собранія и не стѣсняется проходить даже въ самый передъ... что бы всѣ видѣли его пьянаго...

Вотъ въ чемъ горе наше!..

Въ перерывѣ бесѣды народъ пѣлъ „Отче нашъ“; пьянаго голоса уже не было слышно. Онъ растерянно смотрѣлъ то на насъ, то на лежащую предъ нами Библию.—Стали мы проповѣдывать дальше,—и этотъ полупьяный человѣкъ креститься началъ: видно было, что по своему онъ скорбѣлъ о своемъ неприличномъ поступкѣ.

Такъ: изъ каждой церковной проповѣди Спаситель долженъ отчетливо воображаться служителямъ. Эта черта придастъ словамъ нашимъ одновременно глубину и содержательность, свѣжесть и жизненность.

Что касается изложенія проповѣдническаго матеріала, то оно должно быть не отвлеченно—созерцательнымъ и сухимъ въ своемъ глубокомысліи, а *образнымъ, картиннымъ и нагляднымъ*: здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ! Въ этомъ отношеніи вѣчнымъ недостижимымъ идеаломъ для насъ пусть служить рѣчь Господа Спасителя. Касается-ли она возвышенныхъ истинъ, или разбираетъ житейскія дѣла,—она неизмѣнно картинна и изобразительна (см. Мѣ. 13 гл. и др.). И потому Христа съ пониманіемъ и наслажденіемъ

слушали самые простые люди (Мѡ. гл. 5 и парад.). На этомъ же основаніи и старецъ Зосима говорилъ, опредѣляя типъ нашей проповѣди: „Что за слово Христово безъ примѣра?“

Примѣрами, наведеніями изъ жизни и сравненіями, взятыми изъ природы, должна преизобиловать церковная проповѣдь...

Спросятъ: Гдѣ же набраться такими примѣрами?

О, объ этомъ не печальтесь! Одна Св. Библия представляетъ собою неисчерпаемый источникъ спасительныхъ сравненій. Проповѣднику слѣдуетъ только чаще и сосредоточеннѣй прочитывать ее.

Кромѣ того, богатый запасъ всякихъ поясняющихъ извѣстій содержать въ себѣ, кѣ примѣру, — газеты въ отдѣлѣ происшествій. Тамъ мелкимъ шрифтомъ, но сильно и впечатлительно разсказывается о событіяхъ въ нашей жизни, — о томъ, что собственно рисуетъ состояніе вѣры и нравственности въ народѣ. Почитайте-ка эти извѣстія вдумчиво, съ религіознымъ настроеніемъ, освѣтите ихъ лучами Евангельской правды, оплачьте ихъ слезами благочестиваго сокрушенія, — вы поразите тѣмъ слушателей и они испугаются глубины нашего паденія и удаленія отъ Христа, а это есть уже спасительный страхъ!..

Безъ примѣровъ же и поясненій, безъ усилія пробудить покаянное чувство въ слушателяхъ разборомъ событій изъ ихъ повседневной жизни, проповѣдь, самая умная и логичная, покажется имъ скучной, малоназидательной; она не вызоветъ на глаза ихъ слезъ и не извлечетъ изъ сердецъ ихъ глубокихъ вздоховъ... Она будетъ для нихъ безжизненной.

Излишне прибавлять о томъ, что рѣчь проповѣдника должна быть простой, ясной, свободной отъ книжныхъ оборотовъ...

Необходимо замѣтить лишь подъ конецъ о томъ настроеніи, которое долженъ переживать проповѣдникъ. Въ этомъ настроеніи непременно должны сойтись благочестивая скромность съ полною увѣренностью въ истинности рѣчи. Когда проповѣдникъ, особенно молодой, до дерзости смѣло начинаетъ говорить о самыхъ трудныхъ вопросахъ, — когда онъ лихо вторгается въ теченіе современныхъ событій и легкомысленно начнетъ разлагать ихъ направо и налево, — это производитъ нехорошее впечатлѣніе на народъ. Когда же онъ робко и испуганно касается нашихъ грѣхопадений, это то же не нравится слушателямъ. Въ проповѣдническомъ словѣ они не найдутъ тогда откровенно правдиваго изображенія своихъ грѣховъ, — не увидятъ властнаго указанія того, куда имъ идти нужно. Отъ проповѣдника слушатели ждутъ благо-

честивой скромности, но и увѣренности въ рѣчахъ. Надобно, чтобы они чувствовали силу убѣжденія говорящаго,—своего рода духовную власть или мощь его; тогда они послушно пойдутъ за нимъ и доверятся его руководительству...

Вотъ современные проповѣдники и должны всемѣрно воспитывать въ себѣ потребное для дѣла ихъ настроеніе. Оно дается чело-вѣку, много и серьезно потрудившемуся надъ изученіемъ Библии, надъ выработкой собственнаго христіанскаго міровоззрѣнія. Оно является, обыкновенно, у проповѣдниковъ послѣ усиленныхъ трудовъ въ борьбѣ съ грѣховностью ихъ природы и послѣ долгаго молитвеннаго общенія съ Богомъ и его Угодниками.

Современная жизнь далеко ушла отъ духа Христова ученія. Она неистово наклоняется къ разладу съ религіей. При такихъ условіяхъ проповѣдникамъ предлежитъ неимовѣрно трудная задача. Они сами обязаны много учиться по Библии, въ научно—литературной области и по части всесторонняго наблюденія надъ дѣйствительностью. По тѣмъ же соображеніямъ и въ виду потребности, заявляемой добрыми христіанами, дѣло проповѣди въ наше время—не роскошь излишняя, а хлѣбъ насущный для общества вѣрующихъ. Кто будетъ жизненно проповѣдывать людямъ о законахъ вѣчной правды и истины, кто сможетъ навести яркій свѣтъ евангельскаго благовѣстія на всѣ мелочи обихода нашего, тотъ сдѣлается руководителемъ толпы,—какъ-бы ея знаменосцемъ. Это почетное званіе. Для него проповѣдникамъ слѣдуетъ побороть въ себѣ всякое малодушіе, всякія партійно-пристрастныя склонности и безстрашно пойти туда, куда призываетъ ихъ Христосъ ради спасенія людей, заблуждающихся и погибающихъ въ порокахъ.

Д. Боголюбовъ.

ХРОНИКА.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Религія въ Соединенныхъ Штатахъ.—Западный буддизмъ. — Секта Самаянъ.—Индійская секта „кающихся“.

Французскій журналъ „Revue bleue“ (Голубое обозрѣніе) недавно помѣстилъ статью о религіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ церкви Соединенныхъ Штатовъ—протестантскія, католическія, еврейскія и независимыя имѣютъ между собой нѣчто общее. Всѣ онѣ стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ каждая изъ нихъ въ отдѣльности къ своему первоисточнику въ Европѣ; всѣ эти отдѣльныя религіи составляютъ въ общемъ то, что можетъ быть названо: американской религіей.

Американская религія отличается двумя характерными чертами: она *соціально* и *положительна*; соціально потому, что обществомъ въ его цѣломъ занимается больше, чѣмъ каждой отдѣльной личностью; положительна потому, что интересуется всѣмъ человѣческимъ больше, чѣмъ всѣмъ сверхчувственнымъ. Одна изъ этихъ характерныхъ чертъ вытекаетъ изъ другой: чѣмъ сильнѣе у человѣка развитъ духъ общественности, тѣмъ сильнѣе стремится онъ и къ позитивизму, къ положительному. Чѣмъ больше человѣкъ думаетъ объ общемъ благѣ, отвлекающемъ его отъ заботъ о себѣ самомъ, тѣмъ равнодушнѣе становится онъ къ догматической сторонѣ религіи, открывающей ему его загробную судьбу и тѣмъ сильнѣе привязывается къ нравственному ученію, устанавливающему его отношенія къ обществу. Духъ общественности, социализма — это забота о челоѣчествѣ въ ущербъ заботѣ о себѣ: духъ положительнаго—позитивизма—это забота о челоѣчествѣ въ ущербъ заботѣ о невѣдомомъ мірѣ; одно вытекаетъ изъ другаго и религія, будучи соціальной, стремится сдѣлаться положительной.

Изъ всѣхъ оригинальныхъ явленій въ Соединенныхъ Штатахъ, религія, можетъ быть, самое оригинальное. Она лучше всѣхъ осталь-

ныхъ религій приспособляется къ современнымъ требованіямъ потому, что возникла одновременно съ самымъ молодымъ изъ всѣхъ народовъ; она современна по самой своей сущности, а не потому, что допускаетъ нововведенія. „Американское христіанство“ нельзя разсматривать отдѣльно отъ причинъ, породившихъ его; это созданіе новаго народа, на новой землѣ.

Первые колонисты стремились къ созданію новаго порядка вещей, новаго идеальнаго общества и начали съ коммунизма. Они подчинили отдѣльные интересы доброму согласію между всѣми и строгому порядку; ихъ христіанство было главнымъ образомъ братствомъ, ихъ благочестіе только особымъ видомъ гражданственности, ихъ Богъ только первымъ слугою идеальнаго государства; ихъ религія, какъ и сама Библия, изъ которой она вышла, была религіей племени. Будучи соціальной и слѣдовательно исключительно нравственной, она не занималась богословскими тонкостями: символъ вѣры колонистовъ не предписывалъ догматовъ; ихъ понятія о сверхчувственномъ сводились къ весьма малому; свобода ихъ взглядовъ слагалась изъ равнодушія къ метафизикѣ; ихъ религіозныя преслѣдованія сводились исключительно къ вопросамъ политическаго порядка и общественной безопасности; ихъ инквизиція была исключительно нравственной и никогда догматической. Колоніальное христіанство было не что иное, какъ социализмъ и позитивизмъ.

Американская религія начала сознавать себя и свои отличительныя черты только въ XIX-мъ вѣкѣ; тогда она явилась вдохновительницею философской системы и заявила о себѣ въ литературѣ. Каннингъ и Эммерсонъ познакомили съ ней европейскую публику; будучи вначалѣ только однимъ изъ элементовъ мѣстной исторіи, съ этого времени она входитъ въ теченіе всемірныхъ идей. Соціальный инстинктъ, руководившій ею вначалѣ, становится *соціальнымъ духомъ*, положительный инстинктъ преобразуется въ *духъ позитивизма*.

Старинныя національныя тенденціи и вышедшія изъ нихъ философскія идеи XIX-го вѣка способствуютъ развитію въ *современномъ христіанствѣ духа социализма и позитивизма*. Сверхчувственное теряетъ свое значеніе; догматы, принесенные разными сектами изъ Европы, утрачиваютъ физическую силу. Религія перестаетъ быть божественнымъ правомъ и измѣряется только приносимой ею пользою; почти развѣнчанная, она должна соперничать съ гражданскими учрежденіями общественной полезности. Она занимается настоящимъ больше, чѣмъ будущимъ; ея задача—благополучіе челоуѣка на землѣ; она учитъ не умирать, а жить и, слѣдовательно, является школой практической энергіи. Культъ американцевъ имѣетъ въ виду больше ихъ расу, чѣмъ Бога, Который является слугою своего народа. У нихъ не чело-

вѣкъ приносить себя въ жертву Богу, а, напротивъ, Богъ посвящаетъ себя своему народу; роли перемѣнились. Подобно древнимъ грекамъ, американцы преисполнены народной гордости; греки обоготворяли свои добродѣтели; стремленіе представить божество въ человѣческомъ видѣ носить у американцевъ болѣе нравственный характеръ: греки обожествляли личность, американцы обожествляютъ челоуѣчество. Ихъ религія, по сравненію съ вѣроученіями Европы, не болѣе, какъ позитивизмъ; такимъ же позитивнымъ ученіемъ была и религія грековъ по сравненію съ культами востока.

Религія все меньше и меньше заботится о спасеніи отдѣльныхъ личностей и все больше и больше о спасеніи общества. вмѣсто рая она предлагаетъ въ награду общественное усовершенствованіе. Христіанство становится взаимопомощью и сводится къ братству. Приходъ является учрежденіями солидарности, какъ клубы и различныя общества взаимопомощи; пасторы становятся общественными дѣятелями.

Важное слѣдствіе позитивизма въ христіанствѣ это—религіозный миръ и прежде всего миръ между религіей и наукой. Обожествляя челоуѣка, американское христіанство уважаетъ и челоуѣческій разумъ. Мало занимаясь сверхчувственной областью, гражданская, исключительно нравственная религія не имѣетъ основанія, какъ это дѣлаетъ религія догматическая, держать науку въ отдаленіи и не довѣрять разуму. Американскіе пасторы приняли безъ гнѣва критику Библіи и даже принимаютъ ея выводы. Они давно уже не стремятся выводить изъ каждаго отдѣльнаго стиха точный догматъ или неопровержимую истину; они видятъ въ Библіи цѣлое, подлежащее въ совокупности своей сужденіямъ разума; они видятъ въ Библіи, какъ Эммерсонъ въ природѣ, источникъ энергіи, категорическій императивъ, который каждый воленъ толковать по своему—дисциплину, не лишающую независимости. Для нихъ Библія то же, что знакъ креста былъ для древней церкви: символъ христіанскаго единства и общественной связи; въ духъ нравственности еврейской расы американцы узнаютъ свой духъ; они сдѣлали изъ Ветхаго Завѣта національное евангеліе. Вся Библія для нихъ только кодексъ морали.

Религіозный миръ царитъ какъ въ вопросахъ научныхъ, такъ и въ практической жизни. Духъ позитивизма сдѣлалъ нравственность независимой отъ догмата. Равнодушные къ догматамъ, первые колонисты полагали спасеніе въ строгой нравственности, а не въ православіи формулъ; американцы полагаютъ, что образъ жизни не зависитъ отъ того или другаго пониманія сверхчувственнаго, они отдѣляютъ умозрительную область отъ практической. Убѣжденіе, что догматы не вліяютъ на нравственность—единственно прочное основаніе вѣротерпимости; если богословскія мнѣнія не оказываютъ дѣйствія на

частную и общественную жизнь, то они и не касаются государства; одна часть граждан не может и не должна ни под какимъ видомъ навязывать своихъ убѣжденій другой части. Въ основаніи всѣхъ европейскихъ фанатизмовъ лежитъ задняя мысль—пережитокъ среднихъ вѣковъ—что существуютъ метафизики вредныя или полезныя для обществъ; а положительный духъ американцевъ никогда не смѣшиваетъ сверхчувственныхъ вопросовъ съ вопросами социальными. Одинъ изъ ихъ философовъ писалъ еще 1700 г.

— Научите всякаго человѣка и всякое общество мудро распоряжаться своимъ временемъ, никогда не оставлять своего поста, вести честно свои дѣла, возложенныя на нихъ Богомъ и законами страны, и тогда мы можемъ надѣяться, что все пойдетъ у насъ хорошо.—Религія всегда была для американцевъ только ученіемъ о нравственности. Обращая на добродѣтельную жизнь больше вниманія, чѣмъ на догматы различныхъ сектъ, они убѣдились, что порядочные люди ведутъ себя одинаково хорошо, несмотря на различіе вѣроисповѣданій и что если догматы разъединяютъ, то нравственность соединяетъ; они поняли, что надъ различіемъ сектъ царить единство христіанства и что Евангеліе сближаетъ то, что схоластика раздѣляетъ. Соединеніе церквей подготовляетъ соглашеніе ихъ съ нарождающейся свободной жизнью. Даже и самый атеизмъ не что иное, какъ метафизика, и если принять, что всѣ метафизики, сколько ихъ есть, безразличны для нравственности, то можно помириться и съ этой. Положительный духъ, присущій въ Америкѣ людямъ всѣхъ религій и людямъ безъ всякой религіи, удерживаетъ тѣхъ и другихъ отъ обоюднаго возложенія отвѣтственности за общественное зло на вѣру однихъ или на невѣріе другихъ. Положительный духъ упраздняетъ оба вида нетерпимости: религіозную и противорелигіозную.

Социальный духъ, неразлучный съ положительнымъ, сослужилъ религіозному миру не меньшую службу. Онъ обратилъ всѣ Церкви въ дѣятельныхъ слушательницъ американскаго общества, имѣющихъ одну общую цѣль: совершенствованіе общества, и всѣ церкви оправдываютъ себя въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ своей общественной ролью и той долей участія, которую онѣ принимаютъ въ воспитаніи и цивилизаціи народа. Служа одной и той же цѣли, всѣ церкви смотрятъ другъ на друга не какъ на соперницъ, а какъ на сотрудницъ. Такъ образовалась и продолжаетъ, все съ большимъ сознаниемъ, развиваться американская религія, обнимая, въ духѣ Евангелія, всевозможныя формы: православныя и независимыя, церковныя и свѣтскія. Всякій народъ заботится о своемъ нравственномъ единствѣ; американцы о своемъ не меньше, чѣмъ Людовикъ XIV заботился о нравственномъ единствѣ Франціи, когда уничтожалъ Нантскій эдиктъ.

Но догматъ никогда не казался американцамъ тѣмъ-то существеннымъ; они никогда не считали его условіемъ нравственнаго единства и думаютъ, что можно имѣть одну и ту же родину, исповѣдуя разныя вѣры. Они видятъ сущность христіанства въ братствѣ, современная форма котораго есть общественная солидарность. Надъ всѣми сектами, разниа между которыми имъ кажется малозначущей, они устроятъ церковь, которая, проникая все общество, сама стремится стать социальнымъ духомъ, пропитаннымъ Евангельскимъ ученіемъ. Во времена пуританъ эта религія была религіей расы, какъ еврейская была религіей племени; по мѣрѣ того, какъ понятіе о расѣ расширилось до понятія о всемъ человѣчествѣ, она обратилась въ религію человѣчества. Всевозможныя подраздѣленія и всѣ точки зрѣнія сходятся въ культъ человѣческой добродѣтели и человѣческаго прогресса: позитивизмъ осуществлялъ нравственное единство народа.

Это нравственное единство есть въ то же время и религиозное и христіанское единство: позитивизмъ есть несомнѣнно христіанскій позитивизмъ. Американскій гуманизмъ воспринялъ отъ христіанства всѣ его традиціонныя чувствительныя и политическія свойства, отличающія религію отъ философіи. Американскій позитивизмъ не что иное, какъ христіанство, вылившееся въ новую форму. Современная гуманитарная философія не встрѣтила въ церквахъ Соединенныхъ Штатовъ ничего несомвѣстимаго съ ней и воспользовалась ими какъ готовыми рамками, въ которыя и воплотилась. Американскую религію можно назвать, какъ позитивнымъ христіанствомъ, такъ равно и христіанскимъ позитивизмомъ. Она унаслѣдовала отъ прошлаго традиціи потому, что сохраняетъ имена и формы церквей даже въ томъ случаѣ, когда измѣняетъ ихъ содержаніе; унаслѣдовала также и Евангельскій духъ потому, что предлагаетъ образъ Христа въ руководство всѣмъ, даже въ томъ случаѣ, когда не признаетъ Его божественности. Американскій позитивизмъ сходенъ съ позитивизмомъ Огюста Конта, но отличается отъ него своимъ христіанскимъ характеромъ; онъ не воинствененъ, а, напротивъ, стремится къ примиренію; въ нѣкоторомъ смыслѣ американцы даже позитивнѣе самого Конта, потому что не желаютъ ни разсуждать о разныхъ метафизикахъ, ни уничтожать ихъ. Ученики Конта не сумѣли создать ничего кромѣ какой-то пародіи на религію, тогда какъ у американскаго позитивизма есть свои храмы, свое духовенство и свои вѣрныя чада совершенно такія же, какъ и у всѣхъ христіанскихъ Церквей. Можно представить себѣ позитивизмъ съ Богомъ, такъ же точно, какъ республику съ королемъ; для этого нужно только, чтобы король служилъ народу, а Богъ человѣчеству, чтобы высшая власть, проходя надъ головой короля, шла бы къ народу, а благочестіе, пройдя черезъ Бога,

направлялось бы на человечество. Въ силу не вполне сознанный эволюціи, культъ человечества водворился въ Америкѣ, не вытѣснивъ собою культа божескаго, въ родѣ того, какъ 16 вѣковъ тому назадъ христіанскія иконы почти незамѣтно стали на мѣсто идольскихъ изображеній.

Это явленіе развитія. Американскій позитивизмъ представляетъ собою историческій фактъ и социальную дѣйствительность именно потому, что онъ родился на христіанской почвѣ и самъ обладаетъ христіанскими свойствами. Это религія примиряющая прошедшее и будущее, она созидаетъ, а не разрушаетъ; она не отрицаетъ. И Контъ мечталъ объ этомъ, и онъ хотѣлъ созидать, а не разрушать, но ему мѣшало прошлое; на новой почвѣ американская религія только и могла быть созидающей. Она не протестантизмъ. Она ни противъ чего не протестуетъ, потому что родилась на почвѣ, гдѣ до нея ничего не было. Слово: протестантизмъ не подходитъ къ ней потому, что слишкомъ напоминаетъ о несогласіяхъ и о борьбѣ. Ей подошло бы названіе не запятнанное европейской полемикой. Единственное подходящее для нея имя есть всетаки: „христіанство“; оно одно достаточно всеобъемлюще, но и оно должно быть понимаемо въ его Евангельскомъ смыслѣ. Джонъ Фиске пишетъ:

— Протестанство учить тому, что вѣра есть дѣло личное, а не дѣло общества; Америку истинѣ научилъ не протестантизмъ, а скорѣе научила колонизація; причины американскаго либерализма лежатъ въ исторіи Америки, больше, чѣмъ въ реформѣ Лютера. Этотъ либерализмъ расцвѣлъ въ католическомъ Мэрилендѣ и въ англійской Виргиніи также пышно, какъ и въ пуританскихъ провинціяхъ; онъ также свойствененъ еврейскимъ общинамъ, какъ и католической и реформатскимъ церквямъ—это произведеніе американской почвы. Американская религія жизненна и плодотворна потому, что она народна. Она родилась изъ усилій трехъ вѣковъ создать общество и цивилизацію въ землѣ, гдѣ не было ничего. Она имѣетъ цѣлью прогрессъ человечества потому, что происхожденіе ея—человѣчскій трудъ. Это религія человечества, привитая къ христіанству.

* * *

Газета „Journal de Bruxelles“ сообщаетъ, что проявляющееся и въ Европѣ подобіе буддійскаго застоя крайняго востока слѣдуетъ искать не въ мечтаніяхъ теозофовъ, исторически связанныхъ съ гностиками, анабаптистами и сведенборгіанцами. Нельзя приписать этого явленія и новѣйшимъ попыткамъ привить на западѣ, посредствомъ маленькихъ молель, ту или другую второстепенную форму буддизма, тѣмъ болѣе, что формы эти совершенно неосновательно изучались въ Индіи, гдѣ

буддизмъ, подчинившись возрожденію многобожія Ведъ или индусскаго всебожія, уже утратилъ свои матеріалистическія и атеистическія основы. Эти школы насчитываютъ небольшое число образованныхъ людей, мечтателей или любопытныхъ, которые въ наше время не могутъ вліять на наши страны.

Но на-ряду съ этими замкнутыми кружками сознательныхъ изслѣдователей, въ Европѣ существуютъ въ настоящее время милліоны безсознательныхъ, которые, подъ предводительствомъ слѣпыхъ, безумныхъ, преступныхъ и „дукавыхъ“, стремятся, сами того не зная, столкнуть въ бездну первенствующія націи и все человѣчество—въ бездну, подобную той пропасти, въ которую буддизмъ ввергнулъ Китай. Но надо полагать, что европейскія логика и любовь къ дѣятельности постараются выбраться изъ этой бездны или реакціей или даже цѣною катастрофы.

Въ дѣйствительности буддизмъ запада — это социализмъ. И тотъ и другой имѣютъ основаніемъ гностицизмъ (агностицизмъ?), если не атеизмъ.—Безусловное (абсолютное) непознаваемо—говоритъ Гербертъ Спенсеръ, и социалистическіе философы пытаются идти за нимъ. Они хотятъ создать какую-то атеистическую религію, основанную единственно на этикѣ и сентиментальномъ альтруизмѣ, помимо всякихъ теологическихъ источниковъ. Одинъ изъ моихъ друзей спросилъ однажды ученаго социалиста:—Но какъ же вы объясняете происхожденіе и судьбы человѣка?—Тотъ отвѣтилъ только:—Ахъ, не станемъ касаться этихъ тайнъ! — Подобно этому и Будда начинаетъ свое ученіе словами:—Омъ, амитаія! не старайся измѣрить словами неизмѣримое; не погружай нити мыслей въ бездонную глубину. Вопросающій ошибается. Отвѣчающій ошибается. Молчи!

Для ученика Сакіа-Готамы достаточно знать, что существуютъ явленія, нумены же и сущность вещей его не касаются. Западный матеріализмъ долженъ тоже довольствоваться этой философией, отрицающей всякую философію.

Будда говоритъ еще: — Не молись! Тьма не станетъ свѣтлой, не проси ничего у Молчанія, оно не заговоритъ. Вы должны искать освобожденія въ самихъ себѣ, п. ч. всякій человѣкъ самъ создаетъ свою темницу.—Въ Европѣ ту же мысль выражаютъ проще: — Ни Бога, ни власти. — Подобно тому, какъ Красная церковь въ Падмасамхавѣ находитъ какую-то таинственную силу въ своемъ изреченіи: om, ah, hum (омъ, а, хумъ), подобно тому и партія красныхъ проповѣдуетъ моленіе общества при помощи туманныхъ изреченій, напр., Великое S. U., Три Восмерки и т. п.

Покончивъ съ Сущимъ (съ Безусловнымъ), Будда открываетъ намъ истину: Жизнь—страданіе, причина страданія—желаніе, похоть. Уни-

чтоженіе похоти уничтожаетъ и страданіе и позволяетъ вступить на благородный осьмиричный Путь, ведущій къ Нирванѣ, гдѣ уже нѣтъ Кармы, нѣтъ больше дѣйствія.

Также и социализмъ; отлучивъ своихъ послѣдователей отъ христіанства, онъ указываетъ имъ на неравенство и на страданія общества. Причина социальнаго зла—это надежда отдѣльной личности возвыситься надъ другими. Чтобы положить конецъ этому злу, надо стремиться создать въ будущемъ такое государство, въ которомъ каждый будетъ имѣть все, что ему нужно, не будетъ больше ничего желать, а, стало быть, освободится отъ страстей и отъ честолюбія. Подобно доброму буддисту, перестанетъ искать, не будетъ ни къ чему стремиться и—будетъ проводить жизнь не живя. Какъ далекъ будетъ тогда теперешній печальный міръ, въ которомъ—мудръ младенецъ, оплакивающий свое рожденіе!—Все будетъ совершенно, спокойно, чисто, справедливо, прекрасно—безъ любви къ себѣ, безъ ложной вѣры, безъ сомнѣнія, безъ ненависти, безъ страстей, безъ земной привязанности, безъ порыва къ Небу, безъ похвалы, безъ заблужденій и безъ гордости! Вотъ такую-то четвертую степень Святыхъ и буддистовъ, такое блаженство, готовитъ себѣ волкъ социализма для той вождельной минуты, когда онъ войдетъ въ землю обѣтованную!

Рай на землѣ! мечта всѣхъ мечтателей, обѣщаніе обманщиковъ, идеаль тѣхъ, чья жизнь безъ цѣли.

Европейская душа, какъ Данте—величайшій ея поэтъ,—видитъ адъ тамъ, гдѣ кончается надежда. Совершенство на землѣ, конецъ желанія, прекращеніе дѣятельности, не было бы для насъ концемъ страданія, а, напротивъ, страданіемъ самымъ ужаснымъ; лишенные возможности противодѣйствія, возврата къ свободѣ и надеждѣ, мы ни за что не согласились бы на бездѣятельную неподвижность Нирваны. Сила личной дѣятельности—Карма—сбросила бы эти цѣпи стадности, какъ вскипѣвшій вулканъ сбрасываетъ ледяную вершину горы. За социализмомъ съ его ужаснымъ совершенствомъ послѣдовала бы, по всей вѣроятности, анархія, гибельный нигилизмъ, а можетъ быть и безпримѣрная катастрофа, въ которой погибли бы всѣ плоды предшествовавшей цивилизаціи. Надо думать, что капля росы, блестящая какъ алмазъ, не упадетъ при восходѣ великаго Солнца съ цвѣтка лотоса въ океанѣ свѣта въ отсутствіи мысли, въ буддійское „ничто“ или въ социальное рабство. Мы могли бы повторить въ другомъ смыслѣ (ahāgānī?) изреченіе? Церкви Желтой и Авалокитесвара: om mañi radme hum.

Японцы, хотя и буддисты, предпочли законъ Амитабхи, рай Готамы, въ которомъ разумныя существа снова рождаются изъ почекъ лотоса; ихъ склонность къ созерцанію не помѣшала имъ обратиться къ практической дѣятельности, къ прогрессу, къ борьбѣ, къ желанію, надеждѣ,

благодаря которымъ духъ Іафета поселился нынѣ подъ шатрами Сима.

Совершенно несогласно съ опытомъ человѣчества вѣрить, что когда либо всѣ его желанія и намѣренія осуществляются до полного удовлетворенія.

Мы не знаемъ, что намъ готовить будущее, этотъ сфинксъ съ молчаливыми устами, съ выраженіемъ, говорящимъ одновременно и о смерти и о необузданной жадѣ жизни. И несмотря на это, смертные, не находя ничего, все-таки не перестанутъ искать; и буддійскіе народы, больше всѣхъ застывшіе въ созерцаніи собственнаго совершенства, или, если вамъ это больше нравится, въ созерцаніи собственнаго пупка, не только не отказались, слѣдуя заповѣди Будды, отъ всякой молитвы, но, напротивъ того, придумали молитвенныя мельницы, выбрасывающія въ минуту тысячи молитвъ; изобрѣли, если можно такъ выразиться, машинное производство молитвъ.

Соціализмъ также безсиленъ измѣнить человѣческую природу и судьбы человѣчества. Онъ отвергъ Бога, за то послѣдователи его дрожать, сидя вокругъ вертящихся столовъ, этихъ западныхъ молитвенныхъ мельницъ. Одинъ журналистъ изъ соціалистовъ жаловался недавно на странныя суетвѣрія, охватившія паству Далай-Ламы—Гектора Дени, этого великаго жреца по преимуществу. Развѣ чистое ученіе о четырехъ стадіяхъ (или степеняхъ) и о восьмиричномъ пути къ удивительнымъ, высшимъ кристалламъ альтруистическаго единомыслія, ужъ больше не удовлетворяетъ вѣрныхъ? Развѣ имъ ужъ мало созерцанія совершеннаго государства и цѣлесообразно устроеннаго общества. Не доведется ли намъ присутствовать при крушеніи идеи, занесенной съ холмовъ Бенареса и съ снѣжныхъ вершинъ Гималайскихъ горъ? И въ соціализмѣ появились уже сектанты и революціонеры; не замутятъ ли они чистоту западнаго буддизма? Не придется ли самому Буддѣ придти къ нему на помощь со всей свитой своихъ браминовъ, или можетъ быть онъ будетъ безжалостно отданъ во власть нетерпимыхъ, враждебныхъ Джайновъ?

Господа, берегитесь Какти, этихъ богинь, которыя въ лонѣ вашей же партіи отвращаютъ вниманіе бѣдныхъ Буддъ отъ конечной цѣли, отъ стадной Паранирваны! Этихъ богинь въ индусской демонологіи великое множество: есть и Зори и Матери міра, Энергіи и Силы и Природы; есть и колдуны и даже Апзаразы, какъ извѣстная Урваси царя Пурураваса, есть Какти съ правой и съ лѣвой руки! Берегитесь ихъ, и славы ихъ, и дѣлъ ихъ, и книгъ ихъ Тандръ или Упаншадъ! Берегитесь женщинъ и царства ихъ! Прибавлю пожалуй: берегитесь самихъ себя и вашихъ идей, несомвѣстимыхъ съ самыми непобѣдимыми стремленіями человѣчества! Борнардивъ-де-санъ-Пьерръ (Вег-

nardin de Saint-Pierre) говорилъ, что брамины позволяютъ нападать на кого угодно, только не на нихъ самихъ; боюсь, что и западные бонзы позабудутъ, въ случаѣ, если я на нихъ нападу, Пять Предписаній и снова впадутъ въ гнѣвъ и запретный самообманъ.

* * *

Въ газетѣ „Articles Israélites“ помѣщено нѣсколько строкъ о томъ, что въ прошломъ ноябрѣ, въ Лондонѣ, находился первосвященникъ еврейской секты Самарянъ, средоточіе которой находится въ Палестинѣ въ Наблу (?). Отъ этой нѣкогда могущественной секты, причинившей евреямъ столько неприятностей во время построения второго храма, осталось теперь всего 260 чел. Извѣстно, что у самарянъ жертвоприношенія сохраняются и понынѣ.

* * *

Американск. газ. „Commercial Tribune“ сообщаетъ, что католическая церковь высказала свое неодобрение по поводу изувѣрствъ мексиканской, индѣйской секты „кающихся“ и мѣстныя власти стали слѣдить за ея дикими обрядами, а потому въ прошломъ году проявленіе фанатизма изувѣровъ выразилось не такъ ярко, какъ въ прежніе годы. Правда, обычная процессія всетаки состоялась и около поселенія „кающихся“ раздавалась попрежнему традиціонная игра на флейтѣ вмѣстѣ съ ударами бичей изъ кактусовъ по голымъ спинамъ, но всетаки безумію изувѣровъ былъ положенъ предѣлъ. Попытки запрещены: добровольные мученики не умираютъ больше на крестахъ или отъ бичеванія на ложахъ изъ камней и колючихъ кактусовъ.

Надо надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ въ Новой Мексикѣ останется лишь одно воспоминаніе. „Святое братство кающихся“ фактически уже изгнано изъ Колорадо, тогда какъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно имѣло въ Мексикѣ, особенно въ Южныхъ Штатахъ, очень сильное вліяніе. Въ Техасѣ оно еще недавно процвѣтало, а теперь уже обратилось въ преданіе. Въ настоящее время кающіеся, поскольку они предаются своимъ изувѣрствамъ, остаются только въ окрестностяхъ Таоса и нельзя сказать, какъ долго они тамъ еще продержатся, но несомнѣнно, что и тамъ они безумствуютъ меньше прежняго. Еще недавно пригвожденіе ко кресту и смерть на немъ были обычнымъ явленіемъ среди „кающихся“, нынѣ же, не смотря на усиленные ходатайства самихъ избранныхъ для почетнаго распятія, гвозди при этомъ обрядѣ запрещены и замѣнены веревками. Конечно, веревки затягиваются такъ крѣпко, что глубоко впиваются въ окровавленное тѣло; тѣмъ не менѣе распятые въ Страстную пятницу не умираютъ, хотя и остаются калѣками на многіе мѣсяцы, а иногда и на всю жизнь.

Обряды кающихся начинаются съ наступленіемъ Великаго поста и достигаютъ высшей точки въ Страстную пятницу, когда проходится крестный путь и совершается распятіе. Холодныя мартовскія ночи посвящаются подвигамъ покаянія, состоящимъ главнымъ образомъ изъ различныхъ видовъ самоистязанія. Кающіеся предаются самобичеванію: всякому, желающему искупить свои грѣхи, вручается бичъ, сдѣланный изъ кактуса или изъ какого-нибудь другаго колючаго растенія, въ волокны котораго вплетается проволока. Кающіеся собираются у церкви. у дверей которой лежитъ множество тяжелыхъ, деревянныхъ крестовъ. Прежде, чѣмъ поднять кресты, кающіеся бичуютъ себя до тѣхъ поръ, пока бѣлый заборъ, окружающій церковь, не обагрится ихъ кровью; затѣмъ многіе изъ нихъ возлагаютъ на себя кресты, достигающіе 16-ти футовъ длины при 6—8 фут. поперечной перекладки, и направляются въ горы. Цѣль пути—огромный крестъ, воздвигнутый довольно далеко отъ церкви: между нимъ и церковью 14 станцій; на каждой изъ нихъ несущіе кресты останавливаются и снова бичуются. Процессія проходитъ по большимъ связкамъ кактусовъ, которыми устлана вся дорога. Кающіеся, не несущіе креста, замѣняютъ этотъ подвигъ усиленнымъ бичеваніемъ. Достигнувъ большого креста, всѣ становятся вокругъ него на колѣни, а въ Страстную пятницу главный кающійся предается распятію. Процессію сопровождаетъ музыкантъ, играющій на флейтѣ; это единственный музыкальный инструментъ, употребляемый сектантами при ихъ обрядахъ, иногда поются гимны, но въ большинствѣ случаевъ во время крестнаго пути молчаніе нарушаютъ только печальные звуки флейты, свистъ бичей и, изрѣдка, стонъ страдальца, вырванный пыткой.

Существуютъ и другіе виды истязаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было въ обычаѣ, связавъ руки кающагося арканомъ, волочить его по землѣ по настлѣ изъ острыхъ камней или колючихъ кактусовъ и замѣчательно, что пытаемые такимъ образомъ никогда не молили о пощадѣ; напротивъ, чѣмъ ужаснѣе были мученія, тѣмъ довольнѣе оставались они. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, властямъ было донесено, что кающіеся убили такимъ образомъ двухъ мексиканцевъ, но посланные на мѣсто происшествія солдаты не нашли никакихъ признаковъ преступленія. Безчувственные тѣла уже успѣли унести и умерли ли эти люди, или нѣтъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Мальчуганы, начиная съ 10 лѣтъ, участвуютъ въ процессіяхъ и бичуютъ себя съ не меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ взрослые и уже закаленные сектанты. Женщины отсутствуютъ; онѣ совершаютъ обряды покаянія въ неосвѣщенныхъ церквахъ, куда въ это время никто изъ мужчинъ не допускается.

Миссіонерство и расколосектантство.

Высочайшій указъ 17 апрѣля и поворотный шагъ въ церковной политикѣ Русскаго государства. — Какого отношенія къ православію желаютъ и ждутъ православные Царь и люди отъ облагодѣтельствованныхъ 17-го апрѣля иновѣрцевъ и расколо-сектантовъ. — Высочайшая телеграмма о распечатаніи рогожскихъ алтарей и Царскій призывъ старообрядцевъ къ соединенію съ православною Церковью и прекращенію вѣковой раскольной розни. — Московское старообрядческое торжество распечатанія рогожскихъ алтарей. — Царскіе посланцы мѣстной власти на пасхальной утрени у старообрядцевъ. — Провинціальныя отголоски Высочайшаго Указа о вѣротерпимости. — *Изъ прошлагодной жизни расколосектантства.* — Мрачное состояніе безпопоства на Печорѣ. — Проникновеніе туда австрійскаго священства. — Пропаганда раскола при помощи фотографіи. — Знаменательныя присоединенія къ церкви достойнѣйшихъ представителей старообрядцевъ. — Присоединеніе къ церкви старообрядческаго священноинокъ и достопримѣчательныя признанія. — Миссіонерскія экскурсіи: «Стрѣлы въ елѣ», «Чудо исцѣленія по молитвамъ угоднику Божію Серафиму».

I.

Вниманіе не только всеѣ мыслящей и чувствующей Россіи, но и всего западнаго христіанскаго міра, въ послѣднее время приковано къ Высочайшему *волеизъявленію* 17 апрѣля, относительно расширенія и укрѣпленія началъ вѣротерпимости или, такъ называемой, свободы совѣсти. Высочайшій указъ Сенату и Высочайше утвержденныя дѣянія особаго совѣщанія Комитета Министровъ по пункту шестому указа 12 декабря облагодѣтельствовали нашъ расколъ, сектантство, иновѣріе и инославіе такой широкой религіозной свободой, о которой еще такъ недавно, можно съ увѣренностью сказать, никто и не смѣлъ думать. По справедливому замѣчанію „Моск. Вѣд.“, день 17 апрѣля 1905 г. останется на вѣки памятнымъ не только въ исторіи Русской православной Церкви, — а мы добавимъ и миссіи, — но и въ исторіи Россіи, какъ коренной поворотный шагъ въ церковной политикѣ Русскаго Государства.

Въ неусыпной заботѣ о благѣ Своихъ подданныхъ Государь Императоръ отнынѣ рѣшилъ обезпечить каждому изъ нихъ „свободу вѣроисповѣданія и молитвы по велѣніямъ его совѣсти“ и принять „дѣйствительныя мѣры къ устраненію стѣсненій въ области религіи“.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ рѣшеніемъ, Государю благоугодно было, „въ постоянномъ, по завѣтамъ предковъ, общеніи со Святою православною Церковью“, повелѣтъ—чтобы отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское исповѣданіе или вѣроученіе не подлежало преслѣдованію, и чтобы „отпавшее, по достиженіи совершеннолѣтія, отъ Православія лицо признавалось принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію или вѣроученію, которое оно для себя избрало“; чтобы изъ православной Церкви могли возвращаться въ нехристіанскую вѣру „лица, числящіяся православными, но въ дѣйствительности исповѣдующія ту нехристіанскую вѣру, въ которой до присоединенія къ Православію принадлежали сами они или ихъ предки“; чтобы раскольники всѣхъ толковъ и согласій, „которые приѣмлютъ основные догматы Церкви православной, но не признаютъ нѣкоторыхъ принятыхъ ею обрядовъ и отправляютъ свое богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ“, именовались отнынѣ „старообрядцами“, и чтобы съ ними уравнины были всякаго рода сектанты (кромѣ запрещенныхъ Уголовнымъ закономъ послѣдователей изувѣрныхъ ученій) въ свободномъ отправленіи духовныхъ требъ какъ въ частныхъ, такъ и въ молитвенныхъ домахъ чрезъ избранныхъ старообрядческими и сектантскими обществами духовныхъ лицъ, утверждаемыхъ въ должностяхъ надлежащую правительственною властью, освобождаемыхъ отъ призыва на дѣйствительную военную службу и именуемыхъ, съ разрѣшенія той же гражданской власти, принятыми ими при постригѣ именами; чтобы распечатаны были всѣ молитвенные дома, и чтобы разрѣшена была постройка и возобновленіе церквей и молитвенныхъ домовъ, а также устройство скитовъ, обителей и богоугодныхъ заведеній всѣхъ христіанскихъ исповѣданій; чтобы во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій велось на природномъ языкѣ учащихъ духовными лицами подлежащихъ исповѣданій; чтобы старообрядцы и сектанты могли устраивать свои собственныя начальныя школы съ преподаваніемъ дѣтямъ Закона Божія по вѣрѣ ихъ родителей, и чтобъ они имѣли для погребенія умершихъ свои особыя кладбища; чтобы старообрядцы и сектанты не были стѣснены въ своихъ правахъ на службу государственную и общественную; чтобы прекращено было обязательное закрытіе римско-католическихъ монастырей въ губерніяхъ Царства Польскаго; чтобы всѣ лица, прошедшія курсъ римско-католическихъ духовныхъ семинарій, занимали духовныя должности въ римско-католическихъ епархіяхъ безъ повѣрочнаго испытанія по русскому языку, и чтобы безотлагательно отмѣненъ былъ § 1 инструкціи о непосредственномъ участіи представителей учебнаго вѣдомства на выпускныхъ экзаменахъ этихъ семинарій. Сверхъ того, предоставлено много другихъ льготъ инославнымъ христіанскимъ общинамъ, и обѣщаны та-

ковыя же „касающіяся важнѣйшихъ сторонъ религіознаго быта лицъ магометанскаго исповѣданія“.

Государь Императоръ призналъ за благо утвердить всѣ эти льготы по составленнымъ въ Комитетѣ Министровъ положеніямъ, „призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящшему возвеличенію Православной Вѣры, порождаемой благодатью Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами“.

Такимъ образомъ совершенно ясно, что та свобода, которую Государь нынѣ даруетъ инославнымъ христіанамъ и иновѣрцамъ, всегда столь враждебно относившимся къ Православной Церкви, даруется имъ ради „мира и любви“, и что поэтому слѣдуетъ ожидать, что и они отнынѣ будутъ относиться къ Православію съ такими же „миромъ и любовью“, помня, что, по мысли Царя, даруемая имъ нынѣ свобода должна „послужить къ вящшему возвеличенію Православной Вѣры“.

Намъ бы хотѣлось раздѣлять ожиданія московской газеты, что облагодѣтельствованные иновѣрцы сами будутъ стараться, дабы столь благія надежды Государя дѣйствительно оправдались, такъ какъ въ противномъ случаѣ, еслибъ они стали злоупотреблять дарованною имъ свободою для униженія Православной Церкви, для соблазненія ея чадъ и умаленія ея законнаго первенствующаго въ Государствѣ Россійскомъ положенія, и еслибъ они вообще содѣйствовали не утвержденію мира и любви въ пріютившей ихъ у себя Россіи, а возбужденію религіознаго междоусобія,—они могли бы сшибиться въ своихъ расчетахъ и повредить собственнымъ своимъ интересамъ. Вѣдь совершенно немислимо, чтобы Государь могъ допустить малѣйшее покушеніе на единство и достоинство Святой Православной Церкви, столь тѣсно связанной и съ нерушимостью Царскаго Самодержавія, и съ цѣлостью, благополучіемъ и даже самимъ существованіемъ Россіи.

Будемъ также не столько надѣяться, сколько молиться о томъ, чтобы Господь просвѣтилъ кротостью и благоразуміемъ доселѣ столь надменные умы нашихъ старообрядцевъ, сектантовъ и инославныхъ христіанъ, которые доселѣ съ такимъ презрѣніемъ относились къ русской „мужицкой“ вѣрѣ. „Моск. Вѣд.“ говорятъ, что они, вѣроятно, теперь поймутъ (о если бы это такъ было!), что дарованная нынѣ Русскимъ подданнымъ свобода отпаденія отъ Православной Вѣры не тождественна со свободой совращенія православныхъ въ другія исповѣданія и вѣроученія, такъ какъ подобное совращеніе отнюдь не могло бы „послужить вящшему возвеличенію Православной Вѣры“.

Точно также старообрядцы должны будутъ отказаться отъ своего столь фанатическаго взгляда на Православную Церковь, какъ на „раскольническую секту“; старообрядцы отнюдь не должны истолковывать

оказанную имъ милость и, ради государственныхъ цѣлей, снисхожденіе вопреки прямымъ каноническимъ церковнымъ законоположеніямъ, именоваться не „раскольниками“, а „старообрядцами“ въ томъ смыслѣ, что теперь „раскольниками“ оказались *мы*, такъ какъ де въ происшедшемъ въ XVII вѣкѣ несомнѣнномъ церковномъ расколѣ кто-нибудь да долженъ считаться „раскольникомъ“,—либо Никонъ, либо Аввакумъ. Мы надѣемся, что они теперь не станутъ уже болѣе обольщаться безумною мечтою о томъ, что имъ, какъ „хранителямъ истинной древле-православной вѣры“, должны быть „возвращены“ „отнятыя у нихъ“ древнія Кремлевскія святыни, въ особенности Успенскій соборъ съ его драгоценными мощами, находящійся де въ незаконномъ владѣніи ненавистныхъ имъ доселѣ „Никоніанъ“. Напротивъ того, мы хотимъ вѣрить, что они, проникнутые благодарностью за дарованныя имъ Царскія милости, строго ограничатся ихъ предѣлами и не будутъ уже, вопреки Царской волѣ, именовать своихъ настоятелей и наставниковъ несвойственными и незаконными титулами какихъ-то „митрополитовъ“, „архіепископовъ“ и „епископовъ“, такъ какъ и это своеволіе было бы недозволеннымъ посягательствомъ на цѣлость и величіе Православной Церкви. Эта мысль ясно высказана въ Высочайшей Государя Императора телеграммѣ на имя Московскаго генераль-губернатора о распечатаніи алтарей старообрядческихъ часовенъ, гдѣ сказано, между прочимъ: „*Да благословитъ и умудритъ ихъ (старообрядцевъ) Господь*“. говоритъ Государь, „*съ полною искренностью пойти на встрѣчу желаніямъ и стремленіямъ Русской Православной Церкви воссоединить ихъ съ нею и прекратить Соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную разнь, устранить которую можетъ только Церковь*“.

1. Православные люди не сомнѣваются и въ томъ, что православное миссіонерство не только не прекратитъ своей апостольской дѣятельности для просвѣщенія истиннымъ свѣтомъ Христовымъ заблуждающихся иновѣрцевъ и для привлеченія ихъ въ лоно единственно-спасительной Святой Православной Церкви, но и усилитъ и разовьетъ ее; православные люди уповаютъ, что православные миссіонеры не встрѣтятъ на своемъ пути инославныхъ и иновѣрныхъ, старообрядческихъ и сектантскихъ „миссіонеровъ“, соблазняющихъ русское православное населеніе къ отпаденію отъ святой вѣры его предковъ, отъ вѣры его Царя, отъ той вѣры, которая охраняла доселѣ своимъ покровомъ духовную мощь всей Россіи. Ни для кого вѣдь не тайна, что инославные христіане и иновѣрцы во всѣхъ своихъ жалобахъ на „стѣсненія“ имѣли главнымъ образомъ въ виду добиться не „свободы совѣсти“, которой у нихъ никто не отнималъ, а *свободы совращенія православныхъ людей отъ ихъ вѣры*, въ чемъ дѣйствительно Русское Правительство имъ доселѣ ставило серіозныя преграды. Теперь они, нужно надѣяться, сами пой-

муть, что еслибъ они стали пользоваться этою свободой совращенія, то они оказались бы неблагодарными по отношенію къ Русскому Православному Царю, Который, какъ Защитникъ Православной Церкви, не можетъ допустить, чтобы чада ея совращались на ложный путь.

Совершенно справедливо „Москов. Вѣд.“ выражаютъ опасеніе за судьбу нашихъ бѣдныхъ, забытыхъ и забытыхъ православныхъ приходовъ въ Подляшѣ, о которыхъ всегда такъ горячо заботилась православная Москва, взирающая теперь съ душевною тревогою на этихъ стойкихъ борцовъ Православной Церкви, окруженныхъ воинствующимъ католицизмомъ съ его пышными, богатыми костелами, затмевающими своимъ блескомъ убогія, мученическія церковки православныхъ людей. Устоятъ ли они теперь среди всколыхнушагося моря польской католической свободы, среди новыхъ костеловъ, среди возрожденныхъ польскихъ монастырей? Это будетъ зависть отъ благородства и лояльности поляковъ, которые, какъ надѣется газета, въ виду дарованной имъ религіозной свободы, не стануть злоупотреблять ею для окатоличенія всей западной окраины Россіи и, конечно, не допустятъ, чтобы среди начавшагося въ Польшѣ движенія, польскіе монастыри играли ту же роль, какъ въ 1863 году.

А такъ-ли это будетъ, скоро покажетъ время.

И еще одна надежда, за которую почтенная газета крѣпко держится, такъ какъ, если она оборвется, горе для Россіи будетъ слишкомъ велико.

Вопросъ касается нашихъ злополучныхъ школъ, въ которыхъ Государь Императоръ уже неоднократно и настойчиво выражалъ желаніе видѣть „религіозно-нравственное воспитаніе“ нашихъ дѣтей. Мы не хотимъ вѣрить тѣмъ опасеніямъ, которыя намъ уже теперь высказываютъ законоучителя, преподающіе Слово Божіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и ужасающіеся предъ тѣмъ глубокимъ безвѣріемъ, которое стало проявляться въ старшихъ классахъ училищъ, вслѣдствіе разнужданности атеистической пропаганды въ нашемъ обществѣ и въ нашей печати. Учащееся юношество пріучилось нынѣ дѣйствовать скопомъ, и такого скопа опасаются законоучителя со стороны легкомысленныхъ юношей, которые могутъ сразу заявить, что они рѣшили черезъ годъ или два, по достиженіи совершеннолѣтія, „отпасть отъ Православной Вѣры“, а потому считаютъ излишнимъ долѣе изучать Православное Богословіе. Мы отнюдь не допускаемъ возможности такихъ выходовъ, которыя могли бы имѣть успѣхъ лишь въ настоящемъ, къ счастью, уже кончившемся „неучебномъ“ году, когда наши школы находились въ такомъ позорномъ, хаотическомъ положеніи. Но не можетъ же оно продолжаться и въ будущемъ году! Въ теченіе лѣта высшее учебное начальство навѣрное успѣетъ выработать мѣры, которыя осуществятъ, наконецъ, Высочайшую Волю объ утвержденіи въ нашихъ училищахъ

истиннаго и прочнаго религіозно-нравственнаго воспитанія, и тогда такія школьническія затѣи, какъ вышеуказанная, станутъ невозможными.

Будемъ надѣяться, будемъ молиться и вѣрить, что враги Православной Церкви будутъ обезоружены примѣромъ любви, который явилъ имъ Православнѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь, что они на любовь отвѣтятъ любовью, на миръ—миромъ, и что они отнынѣ откажутся отъ своихъ замысловъ окатоличить западъ Россіи, огерманизовать чрезъ штунду ея югъ, объисламить и обуддизировать ея востокъ, а сѣверъ и центръ ея совратить въ старообрядство.

Этого никогда не будетъ, этого не допускать ни Богъ, ни Царь.

Наканунѣ Пасхи, 16 апрѣля, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ отправить Московскому генераль-губернатору слѣдующую телеграмму:

„Повелѣваю въ сегодняшній день наступающаго Свѣтлаго Праздника распечатать алтари старообрядческихъ часовенъ Московскаго Рогожскаго кладбища и предоставить впредь состоящимъ при нихъ старообрядческимъ настоятелямъ совершать въ нихъ церковныя службы. Да послужить это столь желанное старообрядческимъ міромъ снятіе долговременнаго запрета новымъ выраженіемъ Моего довѣрія и сердечнаго благоволенія къ старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу. Да благословитъ и умудритъ ихъ Господь съ полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ русской Православной Церкви воссоединить ихъ съ нею и прекратить Соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь.

„НИКОЛАЙ“.

II.

Восторженное настроеніе старообрядцевъ, а равно и ихъ чувства, характеризуются въ „письмѣ старообрядца“, напечатанномъ въ № 129 „Слова“.

Совершилось! „Возрадуемся и возвеселимся!“ Сорокъ девять томительныхъ лѣтъ канули въ вѣчность. Сорокъ девять лѣтъ лежали печати на дверяхъ алтарей храмовъ Рогожскаго кладбища и нынѣ милостію Великаго нашего Императора Николая Александровича, онѣ спали. Какая неизглаголанная радость для старообрядцевъ! Сорокъ девять лѣтъ томилась душа и сердце старообрядцевъ: царствованіе смѣнялось царствованіемъ, а печати алтарей оставались неснятыми. Ни просьбы, ни мольбы представителей московскаго общества не помогали дѣлу. Сколько было пролито слезъ. Грустное было явленіе въ хри-

стіанскомъ государствѣ. Но старообрядцы, покоряясь волѣ Божіей, крѣпко переносили великое духовное горе. И несмотря на закрытые входы (?) святилищъ, они вѣрно служили русскимъ царямъ, полагаясь на милость Божію, что придетъ тотъ желанный часъ, въ который печати съ алтарей снимутся. И вотъ нынѣ этотъ желательный часъ насталъ, и великое историческое событіе совершилось. Нынѣ старообрядцы „смерти празднують умерщвленіе“ и смерти, конечно, той, которая служила сорокъ девять лѣтъ преградой входа во святилища храмовъ Рогожскаго кладбища. И день шестнадцатаго апрѣля, день великой субботы, канунъ великаго праздника праздникамъ, будетъ достопамятнымъ днемъ въ сердцахъ старообрядческихъ. Самое торжество такъ происходило.

Въ полдень Великой Страстной субботы представители московскихъ старообрядцевъ были приглашены къ московскому градоначальнику генераль-маіору Волкову, гдѣ они были представлены Высочайше назначенному московскому генераль-губернатору, генераль-отъ-кавалеріи А. А. Козлову. На этомъ приѣмѣ московскій генераль-губернаторъ объявилъ представителямъ московскихъ старообрядцевъ Монаршую милость о снятіи печатей съ алтарей Рогожскаго кладбища. Отвѣтомъ на такую Монаршую милость были слезы радости представителей. Въ три съ половиною часа дня прибыли въ храмъ Рогожскаго кладбища командированные въ Москву съ указомъ Его Императорскаго Величества генераль-адъютантъ князь Голицынъ и флигель-адъютантъ графъ Шереметевъ, въ сопровожденіи московскаго градоначальника, генераль-маіора Волкова, прочли Высочайшій указъ о снятіи печатей съ алтарей, которыя, въ присутствіи ихъ сіятельствъ, и были сняты. Присутствующіе старообрядцы были страшно взволнованы такою великою Монаршею милостію и отъ радости плакали.

По снятіи печатей съ алтарей, въ присутствіи царскихъ посланниковъ, совершенъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Хоръ стройно пропѣлъ „многая лѣта“. Послѣ молебна дорогіе и желанные гости отбыли съ кладбища.

Послѣ этого началась „черная“ и „пыльная“ работа. Добрыхъ двѣ-три сотни людей, при всей своей энергіи едва, едва могли приготовить ко времени главный алтарь храма и два боковыхъ придѣла къ богослуженію пасхальной утрени. Такъ много было пыли въ алтаряхъ! (Еще бы за 49 лѣтъ-то не набраться пыли)!

Далѣе сообщается, что къ началу утрени прибыли посланники Государя и московскій градоначальникъ и отбыли обратно лишь предъ самымъ концомъ ея. Молящихся была такая масса, что обширный храмъ едва вмѣщалъ богомольцевъ, но при всемъ этомъ порядокъ былъ соблюденъ безпримѣрный.

Въ 7 часовъ утра началась божественная литургія. Какое торжество, какая радость народа и какъ онъ усердно молился Богу „за Царя и за вся, иже во власти суть“. Зрѣлище было умиленное. Литургію совершили четыре „настоятеля“ и три діакона при полномъ хорѣ пѣвцовъ, пѣвшихъ безукоризненнымъ древнимъ распѣвомъ. За литургіей, какъ и за утреней, собралась масса богомольцевъ и представителей именитаго старообрядчества, съ попечителями во главѣ, въ числѣ которыхъ можно было видѣть А. И. Морозова, И. А. Пуговкина, П. С. Расторгуева, С. Е. Трындына, И. Д. Морозова и многихъ другихъ. Во время литургіи опять на Рогожское прибыли царскіе посланники. Предъ раздачею „доры“ они вошли въ алтарь и интересовались предметами церковнаго богослуженія, тамъ находящимися. Священникъ (настоятель) Іоаннъ, съ участіемъ діаконовъ, показывалъ древности и давалъ объясненія. При сходѣ ихъ сіятельствъ съ соеи ихъ окружила плотная стѣна молящихся. М. И. Бриллиантовъ сказалъ имъ краткую рѣчь и просилъ отъ имени благодарныхъ и вѣрноподанныхъ старообрядцевъ принести Его Императорскому Величеству вѣрноподанническую ихъ благодарность и земной поклонъ, причемъ всѣ старообрядцы, окружающіе посланниковъ царя, вмѣстѣ съ ораторомъ, паничицъ и потомъ сдѣлали еще нѣсколько земныхъ поклоновъ съ просьбою передать это Его Императорскому Величеству. Старшій изъ представителей Государя, князь Голицынъ, сказалъ на рѣчь Бриллиантова, что онъ завтра будетъ у Государя и передастъ Его Величеству все, что онъ видѣлъ и слышалъ. При прохожденіи царскихъ вельможъ по храму, народъ разступался и, въ знакъ глубокой своей благодарности къ возлюбленному своему Государю, наклонялъ свои головы. Попечители, представители московскаго старообрядческаго общества и молящіяся старообрядцы проводили дорогихъ царскихъ посланниковъ до самыхъ экипажей, кланяясь и благодаря ихъ за милость царскую. Такова повѣсть временныхъ лѣтъ раскольничьяго лѣтописца; повѣсть эту корреспондентъ заканчиваетъ такимъ патетическимъ заключеніемъ.

Итакъ, отнынѣ входы во святилища храмовъ московскаго рогожскаго кладбища открыты. Поэтому нынѣшній день великаго христіанскаго праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія будетъ особо великимъ днемъ въ исторіи старообрядчества. И имя Великаго Государя Николая Александровича не только впишется золотыми буквами въ исторію, но занесется оно въ самыя сердца благодарнаго и вѣрноподаннаго старообрядчества.

III.

Въ Петербургѣ, на Большой Охтѣ, о дарованныхъ старообрядцамъ правахъ стало извѣстно въ страстную субботу вечеромъ. Какъ расска-

зываетъ намъ одинъ изъ прихожанъ новой моленной на Порховской улицѣ, г. З., въ 9 часовъ вечера въ субботу онъ купилъ отпечатанный уже къ тому времени воскресный нумеръ нашей газеты и узналъ изъ него о царскомъ пасхальномъ подаркѣ. Немедленно было телеграфировано объ этомъ въ Нижній-Новгородъ одному изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, который со своей стороны телеграфировалъ о радостной вѣсти въ другіе старообрядческіе центры.

Послѣ полунощницы, въ новой моленной былъ прочитанъ текстъ Высочайшаго повелѣнія и — впервые у петербургскихъ старообрядцевъ — крестный ходъ во время утрени былъ совершенъ не внутри моленной, какъ до сихъ поръ, а внѣ ея. Когда крестный ходъ, обойдя вокругъ двухъэтажный каменный домъ моленной, поднимался по лѣстницѣ, была получена телеграмма изъ Москвы съ новою радостною вѣстью—о распечатаніи алтарей на Рогожскомъ кладбищѣ.

Настроеніе среди петербургскихъ старообрядцевъ радостное, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не вполне довольны наименованіемъ ихъ священниковъ „наставниками“. Дѣло въ томъ, что не признающіе священства безпоповцы называютъ уже своихъ пастырей „наставниками“, и узаконеніе этого наименованія для всѣхъ вообще старообрядческихъ священно-служителей какъ бы обижаетъ признающихъ священство.

По вопросу объ ознаменованіи дня 17-го апрѣля петербургскіе старообрядцы не успѣли еще сговориться. Вѣроятно, для этой цѣли будетъ избранъ особый совѣтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ приметъ на себя и хлопоты о возможно скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь дарованныхъ старообрядцамъ правъ. Такія же восторженные вѣсти получены изъ Новгорода, Кіева и др.

IV.

Мы въ долгу у нашихъ читателей,— замедливъ окончаніемъ лѣтописи послѣднихъ прошлогоднихъ выдающихся событій въ жизни собственно старообрядческаго раскола, именуемаго нынѣ на официальномъ языкѣ—однимъ терминомъ— „старообрядчество“, „старообрядцы“.

Итакъ, что же достойнаго вниманія было въ концѣ истекшаго года въ жизни глаголемаго старообрядчества?

Если лѣтопись сектантства за конецъ минувшаго года не особенно отрадна и не богата присоединеніями, то, наоборотъ, лѣтопись раскола въ этомъ послѣднемъ смыслѣ представляетъ сравнительно болѣе свѣтлую картину. Правда, на этой картинѣ немало очень темныхъ фоновъ, въ особенности, когда приходится заглянуть въ жизнь старообрядцевъ такого отдаленнаго и глухаго края, какъ Печорскій.

Старообрядцы Печорскаго края, всѣ безъ исключенія, принадлежать къ безпоповцамъ Даниловскаго толка. Религіозное состояніе ихъ крайне

печальное. Въ Печорскомъ краѣ (Волог. губ.) у старообрядцевъ нѣтъ общественныхъ моленныхъ, если не считать за таковыя двѣ маленькихъ (холодныхъ, безъ печей) избушки въ д. Подчерьѣ и Позорихѣ. Наставника при нихъ нѣтъ, и служба бываетъ только тогда, когда прїѣзжаетъ сей послѣдній изъ чужой откуда-нибудь губерніи. Великіе христіанскіе праздники—Рождество Христово, св. Пасха, когда православный русскій человѣкъ черезъ сугробы снѣга или весенніе ручьи и рѣчки, подвергаясь опасности, пробирается иногда изъ отдаленныхъ деревень ко св. храму, чтобы въ духовной радости праздновать со всѣми прочими членами Церкви, у печерскихъ старообрядцевъ не видѣются изъ ряда другихъ дней. Въ эти св. ночи они спятъ. Наставникомъ своимъ Печорскіе старообрядцы считаютъ Ефима Чупрова, прїѣзжающаго сюда изъ Пижмы (Арханг. губ.) дважды въ годъ: въ ноябрѣ и мартѣ. Живетъ онъ тайно, тайно исповѣдуетъ старообрядцевъ и совершаетъ другія требы. Православныхъ священниковъ не терпитъ. Рассказываютъ такой случай, что ему однажды пришлось ѣхать на одной баржѣ съ православнымъ священникомъ. Чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ, онъ въ продолженіи сутокъ просидѣлъ въ одуряющей атмосферѣ, а именно въ бочкѣ изъ подъ трески. Ефимъ распространяетъ между старообрядцами письма и посланія за своимъ штемпелемъ, а также разнаго рода брошюры въ защиту старообрядчества. Не имѣя постоянного наставника, Печорскіе старообрядцы привыкли сами удовлетворять свои религіозныя нужды. Они сами крестятъ своихъ дѣтей, при чемъ считаютъ своей обязанностью перекрестить младенца уже крещеннаго православнымъ священникомъ. Крещеніе, вслѣдствіе невѣжества старообрядцевъ, часто даже совершается не „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, а чрезъ троекратное прочтеніе молитвы Иисусовой — „Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Бываютъ и такіе случаи, что крестятся уже на старости лѣтъ и даются, по невѣжеству, неправильныя имена. Напр., одинъ зырянинъ крестилъ недавно старуху. Готовясь погрузить ее въ воду, онъ спросилъ, какое имя она желаетъ получить себѣ. „Паладь“, отвѣчала она (Пелагія). „Крещается раба Божія Паладь“, заговорилъ креститель формулу крещенія. Исповѣдь въ грѣхахъ дѣлается такъ, что старикъ кается старику, среднихъ лѣтъ человѣкъ—своему сверстнику, парни — парнямъ, дѣвица — дѣвицѣ, улучивъ минуту, когда никого нѣтъ дома. Похороны у печорцевъ происходятъ безъ всякихъ церемоній и чина, котораго здѣсь некому пѣть. Погребеніе состоитъ въ томъ только, что извѣстный старикъ, или старуха-старообрядца покадитъ покойника, обходя кругомъ посолонь его гробъ, а окружающіе, кто умѣетъ, пропоютъ нѣсколько разъ: „Святый Боже“. Съ этою

пѣсню и провожаютъ покойника въ могилу. Таково беспросвѣтное состояніе Печорскаго раскола.

Такимъ положеніемъ его ловко начинаетъ пользоваться австрійская іерархія, стремящаяся уловить безпоповцевъ въ свои сѣти. Въ концѣ минувшаго года это обнаружилось очень ясно, когда въ с. Устьцильму пріѣхалъ австрійскій епископъ, и при томъ подѣ такимъ инкогнито, что остается неизвѣстнымъ ни пунктъ, изъ котораго онъ прибылъ, ни его имя. На Печору онъ слѣдовалъ чрезъ Архангельскъ, откуда до с. Куи онъ ѣхалъ на пароходѣ мурманскаго товарищества, а далѣе до с. Устьцильмы на срочномъ печорскомъ пароходѣ. Въ Устьцильмѣ его, очевидно, ожидали, такъ какъ на пристани къ прибытію парохода собралась большая толпа старообрядцевъ. Сюда, слышавъ пароходный свистокъ, почти бѣгомъ спѣшили и старъ, и младъ. Среди встрѣчавшихъ небывалаго здѣсь гостя можно было видѣть даже такихъ лицъ, которыя никуда изъ своихъ жилищъ не отлучаются, какъ, напр., главный мѣстный начетчикъ Булыгинъ. Пріѣзжій гость пробылъ въ Устьцильмѣ пять сутокъ и отправился обратно прежнимъ путемъ. Проживалъ онъ въ домѣ богатаго старообрядца Прокопія Чупрова. Вмѣстѣ съ нимъ уѣхалъ одинъ изъ болѣе видныхъ наставниковъ с. Устьцильмы Иванъ Поповъ, который, можетъ быть, вернется уже посвященнымъ въ санъ для обслуживанія религиозныхъ нуждъ безпоповцевъ, которые послѣ этого естественно перейдутъ въ австрійщину.

Вообще въ послѣднее время апологеты старообрядчества обнаруживаютъ усиленную дѣятельность для пропаганды раскола. Между прочимъ пущена, какъ *средство для пропаганды, фотографія*. Извѣстный уже нашимъ читателямъ старовѣръ фотографъ Зенинъ, проживающій въ г. Егорьевскѣ, Рязанской губ., издалъ „Альбомъ историческихъ снимковъ“ съ разныхъ иконъ, содержащихъ будто бы явственныя изображенія двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія и благословенія. Эти снимки были сфотографированы во время путешествія его вмѣстѣ съ Ѳ. Е. Мельниковымъ и Сироткинымъ за-границу. Изданъ „альбомъ“ въ большомъ количествѣ экземпляровъ и распространяется среди старообрядцевъ, главнымъ образомъ, чрезъ раскольничьихъ начетчиковъ. Альбомъ заключаетъ въ себѣ 11 снимковъ; изъ нихъ два изображаютъ правую руку св. мощей Спиридона просфорника, мощи котораго покоятся въ Кіевѣ въ ближнихъ пещерахъ. Рука сфотографирована въ двухъ видахъ: въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется „отъ главы“ св. мощей и въ какомъ она видима „съ боку“. Эти два снимка направлены, повидимому, къ доказательству того, что эта рука не представляетъ будто бы явственнаго троеперстнаго сложенія. Ростовскіе и Новочеркасскіе старообрядцы въ бесѣдахъ съ мис-

сіонерами съ торжествомъ показываютъ теперь эти снимки, говоря: „Вотъ вы постоянно ссылаетесь на руку Спиридона Просфорника... А она не представляетъ троеперстнаго сложенія“... Остальные девять снимковъ представляютъ собою фотографіи съ различныхъ иконъ, снятыхъ въ храмѣ св. Ап. Марка въ Венеціи и въ соборѣ свв. Ап. Петра и Павла въ Римѣ. Старообрядцы, бесѣдовавшіе съ однимъ изъ миссіонеровъ по поводу этихъ снимковъ, должны были, однако, въ концѣ концовъ, согласиться, что на снимкахъ руки св. Спиридона двуперстія старообрядческаго нѣтъ. Троеперстнаго сложенія они не хотѣли здѣсь видѣть потому, что персты на этомъ снимкѣ выходили сложенными неравноконечно. Но вопросъ въ томъ, что не установлено, насколько точенъ самый снимокъ, изданный Зенинымъ. Альбомъ Зенина весьма характеренъ, какъ показатель того, какъ старообрядческіе вожди дѣятельно и старательно ведутъ свою миссію, ничего не упуская изъ виду для торжества своего упованія и ничѣмъ не брезгуя; даже пускаютъ въ дѣло неодобряемое вообще старообрядцами искусство фотографированія. Старообрядцы раскупаютъ эти альбомы въ большомъ количествѣ и еще болѣе укрѣпляются въ своемъ ученіи. Впрочемъ необходимо оговориться, что инициатива изданій такого рода, какъ Зенинскіе альбомы, принадлежитъ православной миссіи и въ частности нижегородскому братству, издавшему въ 1896 г. фотографическіе снимки съ древнѣйшихъ иконъ и другихъ поучительныхъ памятниковъ.

Но, несмотря на всѣ ухищренія вожаковъ старообрядчества, въ дѣлѣ противодѣйствія православной миссіи, конецъ минувшаго года былъ ознаменованъ и неоднократнымъ присоединеніемъ изъ представителей старообрядчества къ православной Церкви въ разныхъ концахъ нашего отечества. Такъ, напр., въ Вятской епархіи было присоединеніе къ Церкви старообрядца „Поморской“ секты Николая Харина. Не смотря на свою принадлежность къ безпоповщинской сектѣ, Н. Харинъ любилъ и до присоединенія участвовать въ бесѣдахъ о вѣрѣ христіанской, совершать молебны въ православныхъ храмахъ и выражалъ желаніе перейти въ единоувѣріе. Этого въ концѣ концовъ онъ и достигъ вмѣстѣ съ семьєю. Подобное же присоединеніе къ Церкви семейныхъ старообрядцевъ совершилось и въ Омской епархіи въ пос. Ново-Воскресенскомъ Тюкалинскаго у., гдѣ были присоединены къ церкви дѣти 14 и 15 лѣтъ. Отецъ ихъ былъ женатъ второй разъ на православной, но дѣтей своихъ къ Церкви не присоединялъ. Убѣжденіе приходскаго пастыря подѣйствовало на него, и онъ самъ просилъ о присоединеніи ихъ къ Церкви православной. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на другихъ членовъ прихода, которые, слушая поученіе пастыря къ новообращеннымъ, радостно говорили: „Слава Тебѣ, Господи!

Двое признали православную вѣру“. Не менѣе поучительно присоединеніе къ Церкви православной и семьи одного старообрядца вмѣстѣ съ главою ея въ хуторѣ Боковѣ Донской епархіи. Семья состояла изъ четырехъ членовъ: отца, матери и двухъ дѣтей. Глава семьи давно уже рѣшилъ присоединиться къ Церкви, но былъ удерживаемъ разными обстоятельствами. Присоединеніе совершено было торжественно, при умилениі всѣхъ присутствовавшихъ. Недѣлю до присоединенія присоединяемые ходили ежедневно въ храмъ, прося Господа о сопричтеніи ихъ къ своему стаду. Видъ колѣнопреклоненныхъ, плачущихъ чадъ Божіихъ, ищущихъ спасенія въ православной Церкви, производилъ сильное впечатлѣніе на мѣстное населеніе.

Знаменательны также присоединенія къ Церкви вожаковъ старообрядчества. Таково присоединеніе крестьянина Тарасія Костина, совершенное въ с. Орѣховѣ, Владим. губ. Присоединенный принадлежалъ къ семьѣ, которая считалась „столпомъ“ поморскаго согласія старообрядцевъ, проживавшихъ здѣсь подъ покровительствомъ Викулы Морозова. До обращенія онъ былъ ярымъ врагомъ и хулителемъ Церкви. Бесѣды съ миссіонеромъ вложили въ его душу сомнѣнія, а чтеніе свв. отцевъ Церкви укрѣпило въ истинѣ православія. Особенно волновали его слова св. Іоанна Златоуста, что „безъ причастія спастися невозможно“ (Злат. 96 л.). Это окончательно привело Костина къ православной Церкви. Присоединеніе Костина сильно взволновало старообрядцевъ-безпоповцевъ. Глава ихъ Зыковъ приглашалъ его къ себѣ для бесѣды, а односельчане держали домъ его какъ въ осадѣ, возбуждая противъ него мать, жену и дѣтей. Пріѣзжалъ и его двоюродный братъ, старообрядческій попъ, но, несмотря на всѣ убѣжденія, ссоры и т. п. Костина было невозможно отвлечь отъ обрѣтенной имъ истины. Еще болѣе замѣчательнымъ является обращеніе къ православию Церкви австрійскаго жезопопа Саввы съ 26 его прихожанами, совершенное въ Уральской области около г. Илека. Мѣстность эту посѣтилъ преосвященный оренбургскій Іоакимъ и миссіонеръ прот. о. Крючковъ. Послѣдній прибылъ на нѣсколько дней раньше и устроилъ собесѣдованіе съ австрійцами. О. Крючковъ обстоятельно показалъ слушателямъ, что въ теченіе 180 лѣтъ у нихъ не было признаковъ Церкви Христовой, ибо не было іерархіи и таинствъ. Австрійцы стремились оправдаться, но въ пылу полемики братъ Саввы Ефремъ, служившій уставщикомъ, сталъ наконецъ читать въ оправданіе своихъ заблужденій тѣ же мѣста изъ свв. отцевъ, которыя о. Крючковъ читалъ въ обличеніе австрійцевъ. Савва, слушая это, молчалъ. Казаки, пораженные обличеніями („кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви, безъ епископа—не христіане“) уважаемыхъ ими книгъ, обратились къ своему руководителю

Саввѣ: „Батюшка, что же ты молчишь“? Савва молчалъ. Наконецъ онъ обратился къ своей паствѣ съ такою рѣчью: „Что же тутъ говорить-то? Какія это книги читаютъ намъ—святія или нѣтъ“?—„Да онѣ святія-то святія“.—„Такъ что же вы на меня кричите? Хотите, чтобы противъ святыхъ я лгалъ. Помилуй, Господи, отъ этого! Я съ ума-то еще не сошелъ, чтобы на ученіе св. отецъ возставать“. — „Такъ что-же, такъ и будетъ то, что мы—сѣмя вражіе и горше невѣрныхъ“?— „Что-же, вы развѣ не слышите, кто это такъ говоритъ? Не миссіонеръ, а св. Игнатій Богоносець. Что ему еще не будемъ вѣрить“?—„Какъ же ты намъ говорилъ, что истина на нашей сторонѣ“?—„Говорили мы и учили такъ потому, что ошибались и не имѣли у себя тѣхъ книгъ, изъ которыхъ намъ теперь читаютъ, и вамъ я не могъ говорить такъ, какъ теперь говорю, потому, что о многомъ самъ недоумѣвалъ, а теперь эти недоумѣнные вопросы—сами слышите—разрѣшены. Такъ вотъ не надо намъ возставать на св. ученіе, которое намъ теперь проповѣдываютъ. Спрашивайте лучше каждый разрѣшенія въ своихъ недоумѣніяхъ“. Бесѣда приняла мирный, духовный характеръ. О. Крючковъ разъяснялъ недоумѣнія и всѣ, кромѣ 3—4 казаковъ, согласились, что расколъ ведетъ въ погибель. О. Крючковъ приглашалъ ихъ принять единовѣріе. Казаки обѣщали подумать. Но Савва рѣшительнымъ тономъ заявилъ: „Думайте, а я вамъ больше предъ Богомъ не отвѣтчикъ“. И, совершивъ крестное знаменіе, прибавилъ: „нынѣ оставляю старообрядчество и присоединяюсь къ православной Церкви“. Что произошло въ этотъ мигъ, не поддается описанію: шумъ, споры, брань, клики радости смѣшались и наполнили площадь поселка, гдѣ происходило собесѣдованіе. Савву упрекали, что онъ обманывалъ свою паству, скрывая незаконность ихъ положенія. „Не обманывалъ я васъ,—возражалъ Савва, и не скрывалъ шаткость нашего положенія, а говорилъ вамъ: ищите истину, и я ищу, читая книги день и ночь. Не говорилъ я этого“?—„Говорилъ, батюшка“. — „Опять развѣ не говорилъ о томъ, какъ мы достали антиминсъ“. Прихожу къ бывшему моему епископу и говорю: „антиминсъ мнѣ дайте, нуженъ для вновь построенной у насъ полотняной церкви“. — „У меня, говорить, антиминса нѣтъ“. — „Если нѣтъ, говорю, у насъ антиминсовъ, то значить нѣтъ и епископовъ. Что это за епископы, которые не имѣютъ антиминсовъ“?—„У меня, говорить, есть антиминсы, только они въ Москвѣ, а, самъ знаешь, туда съ пустыми руками не поѣдешь. Я, пожалуй, съѣздить бы, да, вѣдь, на проѣздъ-то мнѣ туда надо 40 р., оттуда 40 р., да на антиминсъ 40 р. Можетъ быть, найдешь деньги-то, такъ я тово... съѣзжу“. Я ему тогда сказалъ, что пріѣхалъ къ нему не покупать антиминсы и денегъ на то не привезъ; потому буду искать антиминсъ у другаго епископа.

Тогда онъ мѣ сказалъ: „поѣзжай теперь домой, а я съѣзжу въ Москву и къ празднику привезу его къ вамъ“. — Все, вѣдь, это я вамъ говорилъ, вы знаете. Въ Москву-то онъ не поѣхалъ и къ празднику антимиинса не привезъ. Потомъ пріѣзжаетъ послѣ, привозитъ антимиинсъ. Спрашиваемъ его: „владыка, гдѣ добился? Въ Москву ѣздилъ“? — „Нѣтъ, говорить, не поѣхалъ,—по почтѣ выслали“. „Какъ-же, говоримъ, развѣ антимиинсы почтою высылаютъ? Если почтой везли, то почтарь-то на немъ, поди, сидѣлъ, да трубку курилъ, а теперь мы на немъ обѣдню хотимъ служить“? — Вотъ что я говорилъ ему. Что, не знаете вы этого, скрывалъ я отъ васъ? — „Ты не всѣмъ это сказывалъ,—возражали старообрядцы, мы не всѣ это знаемъ“. — Не всѣ знали, такъ теперь всѣ знайте,—сказалъ Савва, — что нѣтъ у насъ антимиинсовъ; не можетъ быть по Писанію антимиинса безъ мученическихъ мощей, а гдѣ онъ у насъ? По необходимости будетъ возить ихъ почтарь“. Къ этому присоединенный недавно изъ австрійщины слѣпецъ сосѣдняго поселка добавилъ слѣдующее: „Съ нами старообрядцы-сосѣди недавно спорили о вѣрѣ, а мы имъ и поставили на видъ, что не можетъ быть у нихъ антимиинса потому, что нѣтъ мощей и тѣмъ оставили ихъ безответными. Потомъ вскорѣ приходитъ къ нашимъ бабамъ старообрядка и по секрету сообщаетъ: „кума, не вѣрь, что нѣтъ у насъ мощей, не сумлѣвайся; цѣлюю руку добыли“. А гдѣ добыли, она не знаетъ. „Можетъ быть, опять откуда-нибудь привезъ почтарь“.

Савва заключилъ собраніе сообщеніемъ факта, что за 22 года своего служенія онъ не имѣлъ мѣра. Старообрядческіе владыки подливали въ его пузырекъ деревяннаго масла. На другой день было совершено торжественное присоединеніе 26 человѣкъ. А тѣ, которые не обратились (братъ Саввы и попечители австрійской моленной), въ ту же ночь сами разобрали полотняную церковь по частямъ, „дары“ и антимиинсъ и другіе предметы уложили въ сундуки и вывезли изъ моленной. Савва былъ присоединенъ чрезъ два дня прибывшимъ въ Илекъ преосвященнымъ Іоакимомъ. Послѣ его присоединенія жители Сухорѣченскаго поселка постановили ходатайствовать о поставленіи Саввы въ законные священники, тѣмъ болѣе, что уже 22 года исполнялъ у нихъ требы. Чрезъ 12 дней послѣ присоединенія Савва и былъ уже рукоположенъ въ г. Уральскѣ во священника. Онъ съ малолѣтства, по свидѣтельству знающихъ его, отличается тихимъ характеромъ, религіозностью и безукоризненною нравственностью. Начитанъ въ книгахъ и пользуется авторитетомъ среди своихъ прихожанъ. Паденіе авторитетности старообрядчества и его вожаковъ особенно рѣзко обнаружилось въ мѣстности около Илека, послѣ того какъ анологетъ, онъ же и старообрядческій епископъ, Усовъ пріѣзжалъ сюда для публичнаго собесѣдованія съ

о. Крючковымъ, но тайно ночью уѣхалъ, не смотря на условіе довести бесѣды до конца, потому что на послѣднемъ собесѣдованіи передъ этимъ остался безотвѣтенъ.

Не менѣе потрясающее впечатлѣніе на старообрядческій міръ произвело также *присоединеніе старообрядческаго священника Анатолія*, проживавшаго около г. Измаила въ Архангело-Михайловскомъ старовѣрческомъ монастырѣ. Присоединенный имѣлъ уже около 70 лѣтъ, такъ что прожилъ, можно сказать, въ разобщеніи съ Церковью всю свою жизнь. Анатолій пользовался у своихъ единовѣрцевъ большимъ уваженіемъ. Его называли не иначе какъ „боголюбивѣйшимъ богомольцемъ“. Анатолій принадлежалъ къ партіи фанатически преданныхъ своему упованію людей. Онъ желалъ быть мученикомъ за свои убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ посидѣть въ тюрьмѣ. Но постепенно, приглядываясь къ внутренней жизни старообрядчества, онъ пришелъ къ мысли о неправильности ихъ вѣры и упованія. При своемъ присоединеніи о. Анатолій произнесъ слово, въ которомъ указалъ причины, побудившія его присоединиться къ Церкви: сознанныя имъ ложь старообрядческаго ученія, незаконность австрійской іерархіи и таинствъ, ею совершаемыхъ. Присоединеніе старца Анатолія произвело громадное впечатлѣніе на старообрядцевъ. О. Анатолій написалъ два посланія къ своему бывшему руководителю, австрійскому епископу Анастасію и старообрядцамъ Измаильскаго уѣзда. Эти посланія произвели на многихъ изъ послѣднихъ потрясающее дѣйствіе, и сила ихъ убѣжденія была этимъ присоединеніемъ поколеблена.

Съ прошлаго года все болѣе и болѣе стали входить въ обиходъ *миссіонерскія экскурсіи*, доказывая воочію пользу свою для дѣла миссіи. Будущіе пастыри еще на скамьѣ знакомятся съ центрами старообрядчества и сектантства, а также на мѣстѣ, не въ теоріи, а на практикѣ знакомятся и съ приемами миссіонерской полемики, съ обстановкой, въ которой она происходитъ и т. д. Все это очень важно знать дѣтелямъ миссіи. Учиться миссіонерству только по книгамъ, да въ теоріи — тоже самое, что изучать военное искусство, не будучи никогда на войнѣ и не упражняясь на маневрахъ. Какъ первое безъ второго односторонне, такъ и обученіе приемамъ миссіонерства безъ практики бесполезно. На страницахъ нашего журнала говорилось о миссіонерскихъ поѣздкахъ воспитанниковъ Владимірской, Харьковской и Донской духовныхъ семинарій. Во время экскурсій воспитанники семинарій принимаютъ участіе въ собесѣдованіяхъ подъ руководствомъ миссіонеровъ и преподавателей семинаріи по предмету обличенія старообрядчества и сектантства. При этихъ бесѣдахъ воспитанники-миссіонеры прича-

ются. пользоваться старопечатными книгами, а также и вообще противостарообрядческой и противосектантской литературой.

Если послѣдняя увеличивается годъ отъ году у православныхъ, то не отстаютъ въ этомъ отношеніи за послѣднее время старообрядцы и сектанты. Послѣдніе недавно выпустили брошюру, содержаніе которой можно вполнѣ охарактеризовать выраженіемъ „*стрѣлы въ елѣ*“. Эта брошюра написана на тему о самоспасеніи, вѣра въ которое въ сущности и составляетъ основной догматъ сектантства. Въ брошюрѣ разсказывается, какъ одинъ баринъ встрѣтилъ въ дорогѣ старушку и началъ ей толковать, что Христосъ насъ всѣхъ очень любить и мы въ дѣлѣ своего спасенія должны всецѣло положиться на него, что разъ мы вѣруемъ и надѣемся на Него, то можемъ быть спокойны за наше спасеніе. Короче говоря, мы спасены. По разсказу брошюры, этотъ разговоръ производитъ сильное впечатлѣніе на старушку. „Она замолчала на нѣсколько времени; душа ея словно впивала благую вѣсть. Потомъ, сложивъ руки на груди, старушка съ глубокимъ чувствомъ сказала: „Господь за меня пострадалъ. Онъ меня искупилъ, а я этого не знала! Какъ мнѣ радостно! Боже мой, какая радость. Какъ на сердцѣ легко. Она наклонила голову; обильныя слезы текли изъ глазъ ея; губы ея шевелились и сквозь рыданія слышались слова: „Отецъ!.. Спаситель!.. Радость!..“ „Онъ спасъ меня“, — повторила она чрезъ нѣсколько времени. „Онъ за мои грѣхи страдалъ, когда висѣлъ на крестѣ, а я до сихъ поръ не благодарила Его и не любила Его! Господи, Ты пожалѣлъ меня; Ты не захотѣлъ, чтобы я сошла въ могилу, не узнавъ Тебя. Велика Твоя любовь!“ Собесѣдникъ старушки баринъ, по репликѣ разсказа, подкрѣпляетъ выдуманную патетическую фразу собесѣдницы своимъ замѣчаніемъ: „Да. Велика Его любовь! Станемъ же и мы любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“. „Ахъ, ужъ какъ я любить Его стану“, — восклицаетъ старушка. „Если бы вы знали, что со мной сдѣлалось. Съ меня точно гора скатилась; я какъ будто переродилась. Такъ и читалъ намъ прохожій въ книгѣ Божіей, что надо переродиться. Теперь пустите меня“. Старушка встаетъ и беретъ свою палку. „Сейчасъ же пойду, разскажу все это невѣсткѣ и внукамъ. Бѣдный сынъ мой, ты умеръ не узнавъ объ этомъ“. Баринъ утѣшаетъ старушку. „Голубушка, — говоритъ онъ, не сокрушайся объ этомъ: предай сына твоего милосердію Божьему, а сама иди во имя Спасителя къ роднымъ твоимъ и скажи имъ, какое чудное дѣло Онъ сотворилъ для тебя. Говори всѣмъ и каждому о любви Его, пока Онъ не успокоитъ тебя на вѣки въ Своемъ Царствіи“. Баринъ даетъ ей на прощаніе Евангеліе. Поглядѣвъ еще съ участіемъ на почтенное, старческое лицо,

выражавшее душевное утомленіе, но и глубокую радость,—такъ заканчивается въ брошюрѣ рассказъ отъ лица барина—апостола, я простился съ нею и отошелъ. Она снова подозвала меня и, поднимая руку къ небу, сказала: „Тамъ увидимся“. „Да“,—отвѣчаетъ ей баринъ. „Туда мой путь лежитъ и твой также“.

Беллетристическая ложь этого рассказа слишкомъ ясно сквозить и не нуждается въ освѣщеніи, не нуждаются въ раскрытіи также и стрѣлы сектантства, опущенныя въ этотъ елей милосердія Христа. Относительно мертвости вѣры безъ добрыхъ дѣлъ брошюра учитъ такъ же, какъ и Л. Толстой, что нигдѣ не написано: „у меня нѣтъ дѣлъ, я не могу вѣрить, а совсѣмъ наоборотъ“.

Но Богъ не несвидѣтельствованно оставилъ Себя и Свою Церковь, и все чаще и чаще повторяющіяся *исцѣленія по молитвамъ преп. Серафиму Саровскому* показываютъ, гдѣ истина. Исцѣленія эти поразительны. Напр., учитель приходскаго училища, хутора Холоднаго, Иванъ Васильевъ Поповъ, неосторожно прострѣливаетъ себѣ руку. Рана не затягивается, загниваетъ, дѣло шло къ операціи отнятія руки. Надежды человѣческой на спасеніе не было. Но вотъ больной съ вѣрою помазываетъ себя масломъ изъ лампы предъ иконой преподобнаго. Къ утру послѣ помазанія, сдѣланнаго ночью, воспаленіе останавливается а рана постепенно начала заживать. Такъ Господь въ нынѣшнее тяжкое для православной Церкви время, когда враги ея „обыдоша“ ее со всѣхъ сторонъ, прославляетъ ее чудесами Своихъ угольниковъ.

С. Л.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обзорнія“

По поводу двадцатипятилѣтія служенія статсъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева въ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

24-го апрѣля—въ Ѳомино воскресенье—исполнилось 25-лѣтіе служенія д. т. сов., статсъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева въ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (назначенъ на эту должность 24 апрѣля 1880 г.).

Служащимъ въ центральномъ управленіи и дѣателямъ духовной журналистики было извѣстно рѣшительное желаніе юбиляра, чтобы не устроить по поводу этого событія никакого празднества и не дѣлать никакихъ заявленій о „такъ называемомъ“ его юбилеѣ (собственное выраженіе Константина Петровича). Поэтому скромное вѣдомственное торжество 24 апрѣля было поистинѣ составлено любовью, шло отъ искренняго, преданнаго сердца; особенно усерднымъ и теплымъ было молитвенное запечатлѣніе знаменательнаго въ исторіи церковнаго управленія событія 24 апрѣля.

По этому случаю въ церкви седми Вселенскихъ Соборовъ, что при Святѣйшемъ Синодѣ, торжественно совершена была и. д. председателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, протоіереемъ П. И. Соколовымъ, при участіи помощника его, прот. І. И. Тихомирова, и члена того же совѣта, протоіерея В. А. Акимова, божественная литургія, а по окончаніи ея благодарственное Господу Богу моленіе съ возглашеніемъ маститому юбиляру многолѣтія. На литургіи присутствовали начальствующіе въ центральныхъ учрежденіяхъ вѣдомства Святѣйшаго Синода и всѣ служащіе въ этихъ учрежденіяхъ и многія частныя лица.

Въ теченіе дня юбиляра почтили своими привѣтствіями Святѣйшій Синодъ, С.-Петербургская епархія, Высокопреосвященный митрополитъ Московскій, епархіальные преосвященные, протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства А. А. Желобовскій, духовныя академіи, а равно

многія учрежденія и лица. Исполняя свято волю высокаго юбиляра, мы воздержимся отъ выраженія нашихъ личныхъ заявленій по поводу совершившагося знаменательнаго въ исторіи церковнаго управленія событія 24 апрѣля, и приведемъ лишь нѣкоторые изъ адресовъ, въ которыхъ ярко характеризуются заслуги юбиляра на пользу Церкви и чувства высокой преданности и нелицемѣрнаго почитанія къ Константину Петровичу, какъ человеку и начальнику, со стороны его соратниковъ и подчиненныхъ. Вотъ эти адреса:

1. Отъ Святѣйшаго Синода.

Святѣйшій Синодъ, принося Вашему Высокопревосходительству свое поздравленіе съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей по Синоду дѣятельности, какъ Оберъ-Прокурора его, съ истиннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ Ваши многоцѣнныя заслуги въ исторіи Русской Церкви. Ваша къ Церкви любовь, Ваша искренность, Ваша крѣпкая вѣра, Ваша сердечная преданность началамъ православія дѣлали Ваши совмѣстные съ Синодомъ труды многоплодными, облегчая рѣшеніе сложныхъ и важныхъ вопросовъ. Святѣйшій Синодъ посему и впредь съ полной искренностію желаетъ продолженія совмѣстной съ Вами работы и усердно молится о Вашемъ здравіи и долгоденствіи. Благослови и храни Васъ Господь на многія лѣта. Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій, Флавіанъ митрополитъ Кіевскій, Николай архіепископъ Тверской, Климентъ епископъ Винницкій.

II. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

*Милостивый Государь,
Константинъ Петровичъ.*

Въ настоящій день исполнившагося двадцатипятилѣтія служенія Вашего Высокопревосходительства въ должности Синодальнаго Оберъ-Прокурора Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, въ лицѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей Управленія, имѣвшихъ счастье за все это время быть не только свидѣтелями Вашихъ непрестанныхъ заботъ о благоустройствѣ и развитіи многочисленныхъ учреждений нашей Святой Православной Церкви, но и ближайшими исполнителями Вашихъ разнообразныхъ предначертаній къ обезпеченію матеріальнаго положенія сихъ учреждений, почитаетъ сердечнымъ долгомъ выразить Вамъ чувства величайшаго уваженія и безграничной преданности.

Глубоко убѣжденные, что Ваше Имя, въ положенное Промысломъ Божіимъ время, перейдетъ на страницы нелицеприятной исторіи въ чистомъ свѣтѣ добра, правды и мудрости, озаряющемъ весь, пройден-

ный донинѣ, путь Вашего Государственнаго служенія, горячо молимъ Вседержителя да сохранитъ Ваши силы ко благу вѣмъ намъ дорогихъ Церкви, Государя и Отечества.

III. Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

*Ваше Высокопревосходительство,
Высокочтимый Константинъ Петровичъ.*

Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ знаетъ о Вашемъ желаніи, чтобы ничего не говорилось по поводу совершившагося двадцатипятилѣтія Вашего служенія Святой церкви въ настоящей Вашей должности, но бываютъ положенія, когда уста невольно говорятъ отъ избытка сердца.

Учебный Комитетъ во все означенное двадцатипятилѣтіе былъ счастливъ сознаниемъ, что забота о возможномъ улучшеніи нашей духовной школы, составляющая предметъ его занятій, была въ особенности близка Вашему сердцу.

При самомъ вступленіи въ должность Вы обратились къ питомцамъ духовной школы съ „Добрымъ словомъ“ и съ тѣхъ поръ неуклонно заботились, чтобы это доброе слово было посѣяно въ сердцахъ учащихся и принесло добрые плоды.

Большая часть Вашихъ изданій послѣдующаго времени также посвящена вопросу о школьномъ дѣлѣ и свидѣтельствуетъ о неусыпной заботѣ Вашей о благоустройствѣ духовной школы и школы въ Россіи вообще. Своими трудами Вы внесли много свѣта въ эту область жизни, столь затемняемую теперь разными кривотолками.

Учебный Комитетъ съ изумленіемъ слѣдилъ за тѣмъ постояннымъ и глубокимъ вниманіемъ, съ какимъ Вы относились къ его занятіямъ, читали отчеты членовъ, посылаемыхъ для ревизіи семинарій и училищъ, дѣлали въ нихъ многочисленныя замѣчанія, которыми Комитетъ руководился въ своей дѣятельности, и въ то же время извлекали изъ этихъ отчетовъ свѣдѣнія о труженникахъ духовной школы, плодомъ чего была изумлявшая насъ Ваша освѣдомленность при вопросѣ о томъ или другомъ изъ нихъ. Учебный Комитетъ изумлялся необыкновенной остротѣ и широтѣ взора Вашего, съ которыми Вы разрѣшали трудные школьные вопросы и дѣла.

Въ то же время члены Учебнаго Комитета были невольно пленяемы Вашимъ отеческимъ вниманіемъ къ ихъ личнымъ и семейнымъ нуждамъ и тѣмъ довѣріемъ, которое Вы являли ему въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вы сердечно забо-

тились о нуждахъ какъ учащихся, такъ и учащихся въ духовныхъ школахъ. Благодаря Вашему просвѣщенному и высокому покровительству, умножено число духовныхъ семинарій и училищъ, мужскихъ и женскихъ, выстроено не мало великолѣпныхъ для нихъ помѣщеній, улучшено содержаніе воспитанниковъ и возвышены оклады и пенсіи преподавателямъ, введены новые уставы и штаты въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства и проведены въ жизнь многія другія полезныя мѣры.

Глубокое уваженіе къ Вамъ, какъ мудрому руководителю въ столь важномъ дѣлѣ воспитанія духовнаго юношества, всегда и самымъ неразрывнымъ образомъ соединилось у членовъ Комитета съ искреннѣйшей благодарностью Вамъ за Ваше постоянное къ нимъ вниманіе.

Преисполненный сихъ чувствъ, Учебный Комитетъ имѣетъ честь почтительнѣйше принести привѣтствіе Вашему Высокопревосходительству съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашего доблестнаго служенія въ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, вмѣстѣ съ самыми искренними сердечными пожеланіями Вамъ силъ и здоровья для продолженія служенія Вашего на пользу духовной школы и науки.

IV. Отъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Ваше Высокопревосходительство.

Служащіе въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода въ сей знаменательный день исполняющагося 25-лѣтняго служенія Вашего въ Вѣдомствѣ Православнаго Исповѣданія, когда неисчислимый сонмъ истинныхъ сыновъ земли Русской и путемъ адресовъ, телеграммъ и писемъ, и въ тайникахъ своего сердца приносятъ Вамъ искреннѣйшую благодарность за всѣ Ваши безконечные труды и великія заслуги на пользу Святой Церкви и дорогой родины,—всепочтительнѣйше просятъ Ваше Высокопревосходительство принять отъ нихъ выраженіе чувствъ благоговѣйнаго поклоненія предъ величіемъ сихъ трудовъ и заслугъ, ближайшими свидѣтелями коихъ они были, и безпредѣльной признательности за всегда милостивое и рѣдкое сердечное къ нимъ и къ ихъ нуждамъ отношеніе.

Всевышній, держащій во власти Своей судьбы царствъ и народовъ, избирающій всегда во время благопотребное исполнителей Своей воли и хранящій ихъ на всѣхъ путяхъ ихъ, да ниспошлетъ Вамъ Свое небесное благословеніе на дальнѣйшее служеніе Церкви и Отечеству и да сохраняетъ Васъ на многія лѣта въ нерушимой крѣпости силъ духа, въ вождѣнномъ здоровіи и благоденствіи.

V. Отъ Московской Синодальной Конторы.

*Ваше Высокопревосходительство,
Милостивый Государь
Константинъ Петровичъ.*

Ко дню XXV-ти лѣтія Вашей службы въ должности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода свѣтскіе чины Синодальныхъ учреждений въ Москвѣ поставляютъ своимъ долгомъ принести Вашему Высокопревосходительству искренній привѣтъ и подать краткую памятку объ извѣстныхъ имъ событіяхъ Вашего времени.

Происхожденіе нынѣшнихъ Московскихъ Синодальныхъ учреждений относится къ той порѣ Русской исторіи, когда средоточіемъ церковной жизни Русскаго народа былъ стольный городъ Москва. Съ перенесеніемъ таковаго средоточія въ новую столицу, учреждения эти предоставлены были собственной участи и только изрѣдка призывались къ оживленію на сроки, когда Святѣйшій Синодъ временно перемѣщался въ Москву. Всего отчетливѣе это наблюденіе обозначается на исторіи патріаршихъ, переименованныхъ въ Синодальныхъ, пѣвчихъ. Весь XVIII вѣкъ они влачили существованіе полузабытыхъ людей, отъ первой четверти XIX вѣка сохранилась мысль объ упраздненіи Синодальнаго хора и позднѣе не одинъ разъ возникали предположенія объ уничтоженіи его вмѣстѣ съ особенностями и преимуществами Всероссійской Святыни Большого Московскаго Успенскаго собора и другихъ древнихъ церковныхъ ставропигій.

Исполняющемуся нынѣ XXV-ти лѣтію принадлежитъ попеченіе о возрожденіи Синодальнаго хора и обращеніи его на прямую службу Церкви Божіей въ званіи разумнаго хранителя древняго клироснаго устава Большого Успенскаго собора и образцовой школы церковнаго пѣнія для всей Русской Церкви. Такая задача никакому другому хору была бы непосильна, но она законна, необходима и исполнима для старѣйшаго изъ русскихъ церковныхъ хоровъ, и нынѣ эта задача служить однимъ изъ украшеній въ ряду мѣропріятій Высшаго Церковнаго Управленія, клонящихся къ общецерковной пользѣ. Рядомъ съ обозначеніемъ задачи указаны были и вѣдшія средства для содержанія Синодальнаго хора и Училища церковнаго пѣнія, изумительнымъ по своей простотѣ способомъ — упорядоченія хозяйства отъ патріаршихъ лѣтъ сохранившихся за пѣвчими, но заброшенныхъ и долго бывшихъ бездоходными такъ называемыхъ „пѣвческихъ домовъ въ Москвѣ“. Еще живы доселѣ многочисленные очевидцы, помнящіе Синодальныхъ пѣвчихъ малограмотными, бѣгавшими по церквамъ въ погонѣ за насущнымъ хлѣбомъ, до потери голоса и здоровья отъ тяжкаго быта. За

послѣдніе XXV лѣтъ хоръ обновился, его существованіе и осмыслено и обеспечено. Денежное довольство и квартиры съ ежедневными свѣчками подъ руководствомъ ученыхъ руководителей для взрослых; полное содержаніе и надлежащее обученіе малолѣтнихъ пѣвчихъ; обезпеченіе потерявшихъ голосъ и здоровье; введеніе глубокозадуманнаго Устава, открывающаго путь къ распространенію правильнаго церковнаго пѣнія по всѣмъ городамъ и селеніямъ нашей православной Родины, совмѣстно съ ученою работою надъ теоріею церковнаго пѣнія; участіе въ составѣ служащихъ въ хорѣ и училищѣ многихъ знатоковъ и любителей церковнопѣвческаго искусства: вотъ современное состояніе Синодальнаго хора и Пѣвческаго Училища. Неоспоримые письменные документы показываютъ, что главнымъ виновникомъ такого возрожденія Синодальнаго хора, въ короткое время достигшаго почетной извѣстности въ Россіи и даже за ея предѣлами, былъ Оберъ-Прокуроръ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Не смѣемъ утомлять вниманія Вашего столь же обширною справкою о другихъ учрежденіяхъ. Но да позволено будетъ отмѣтить, что та же мысль о сохраненіи Московскихъ памятниковъ церковной древности во всемъ величїи, подобающемъ и происхожденію и нарочито указанному современному ихъ назначенію, за эти XXV лѣтъ коснулася всѣхъ здѣшнихъ Синодальныхъ учреждений.

Такъ, Патріаршая Ризница пріобрѣла новое прекрасное помѣщеніе, достойное ея сокровищъ; Патріаршая Библіотека получила новый порядокъ завѣдыванія, къ возвышенію чести Вѣдомства, нашедшаго способы, охраняя памятники минувшихъ вѣковъ, съ тѣмъ вмѣстѣ привлечь ихъ къ служенію современнымъ запросамъ искусства и науки. Сюда же относится возобновленіе Патріаршаго (Синодальнаго) Дома, (Палатъ Московской Синодальной Конторы) и облегченіе доступа въ Архивъ онаго. Состоящіе въ непосредственномъ завѣдываніи церковныхъ властей, старинные величественные храмы, какъ Большой Успенскій соборъ, храмъ 12 Апостоловъ, соборъ Гостунскій, а также ставропигіальные монастыри, охраненные въ ихъ преимуществахъ, всегда имѣли въ лицѣ Вашемъ надежнаго Попечителя и ходатая за матеріальныя ихъ нужды. Послѣдствіемъ же сего было, какъ очень цѣнное возобновленіе Успенскаго собора на казенныя средства, такъ и заведеніе отчетливой хозяйственности въ мѣстныхъ средствахъ, открывшее источники къ дорогимъ ремонтамъ, въ родѣ Новоіерусалимскаго, и къ воспо-собленію духовному образованію на пользу всей Русской Церкви (Занко-носпасскими постройками)...

Призванные къ высокой чести служить на мѣстѣ исполнителями Вашихъ предначертаній, въ разумѣнїи душевной расположенности

Вашей къ памятникамъ Московской церковной древности, какъ выразителямъ русскаго народнаго гения и своеобразнымъ завѣтамъ Русской Церковной Исторіи, чины Московскихъ Синодальныхъ учреждений, настоящимъ напоминачіемъ продолжительныхъ заботъ и трудовъ Вашихъ, желали бы доставить Вашему Высокопревосходительству, къ 24-му апрѣля 1905 года, нѣкоторое утѣшеніе, свидѣтельствуя, что обновленныя усиліями Вашими Московскія учрежденія исполнены нынѣ сознательнаго усердія поддерживать и посильно укрѣплять положенныя Вами начинанія въ согласованіи надлежаще истолкованныхъ старорусскихъ церковныхъ основъ съ современными потребностями церковной жизни.

Въ заключеніе не можемъ отказать нашимъ читателямъ въ удовольствіи, чтобы не привести здѣсь высокосправедливыя сужденія „Моск. Вѣд.“, посвященныя юбилею, о Константиѣ Петровичѣ какъ великомъ, государственномъ и истинно-русскомъ, православномъ человѣкѣ и писателѣ.

Какой рой воспоминаній, какое облако разнородныхъ думъ охватываютъ Русскаго человѣка, въ эту четверть-вѣковую годовщину замѣчательнѣйшаго государственнаго человѣка своего времени,—говоритъ Моск. газета.

Уже не молодымъ, а въ полной зрѣлости опыта и знанія жизни, Константиѣ Петровичѣ былъ призванъ Державною Волей на постъ, едва-ли не труднѣйшій въ области Царственной заботы о благоустроеніи Россіи. Онъ былъ уже извѣстнымъ ученымъ въ области Русскаго гражданскаго права, заявилъ себя юристомъ-практикомъ, получилъ широкую извѣстность тонкаго и свѣтлаго ума, соединеннаго съ горячею любовью къ Русской народности и съ искреннею вѣрой въ Православную истину. Онъ былъ уже и лично извѣстенъ какъ Императору Александру Николаевичу, такъ и Его Наслѣднику, будущему славному Царю-Умировителю.

Тяжелое поприще открывалось предъ К. П. Побѣдоносцевымъ въ минуту призванія на постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Это былъ 1880 годъ—эпоха полной смуты. Самодержавная Власть, благодѣтельницававшая Россію рядомъ обновительныхъ мѣръ, стала предметомъ дерзкихъ покушеній. Со всѣхъ сторонъ давила на нее коалиція конституціонныхъ требованій съ террористическими покушеніями на священную жизнь Самодержавнаго Помазанника, приведшими къ страшной

катастрофѣ 1 марта 1881 года, когда царственная кровь, пролитая злодѣйскими бомбами убійць, впервые оросила землю Русскую...

Въ тяжкую годину унынія и позора вступилъ на Престоль Державный Ученикъ К. П. Побѣдоносцева, незабвенный Учитель Царей Русскихъ, Императоръ Александръ III.

Въ Его памятную эпоху развернулась дѣятельность новаго Оберъ-прокурора Св. Синода на благо Русскаго народа, въ его единеніи съ Церковью и съ Царскою властью.

Послѣ сумрака прошлаго, какой незабвенный свѣтлый рядъ воспоминаній возбуждаютъ эти счастливые годы во всѣхъ любящихъ Родину! Эпоха Александра III показала всѣмъ воочію—что Русскій Царь есть сила несокрушимая, когда онъ царствуетъ *по-русски*, не въ направленіи произвольныхъ пожеланій, но въ духѣ царственныхъ Предковъ, взрослыхъ съ Россіей и правившихъ землю свою по тому закону, который царствуетъ въ душѣ Русскаго человѣка.

Какъ только Россія почуяла своего Царя, какъ только увидѣла въ Его законѣ—законѣ совѣсти своей, когда увидѣла, что Царь воистину грозенъ для всего крамольнаго, а для всего русскаго—истинный Отецъ,—всѣ нестроенія исчезли, яко исчезаетъ дымъ...

Въ эпоху этого воскресенія Русской Царской идеи развернулась и дѣятельность К. П. Побѣдоносцева. Противъ нея часто слышатся возраженія, но должно помнить, что К. П. Побѣдоносцевъ вступилъ въ дѣятельность на той почвѣ, въ тѣхъ рамкахъ, которыя были приготовлены до него, долгою двухсотлѣтнею Исторіей. Не въ его власти было сразу все передѣлать, да и самая идея правленія тѣхъ временъ была велика именно сознаниемъ, что быстро можно созидать только зло, а добро вырастаетъ лишь медленно и органически...

Ростки же этого добра были насаждаемы тогда неустанно. Весь бытъ служителей Церкви, богословская наука, образованіе, усиленіе средствъ дѣйствія духовенства, миссіонерская дѣятельность,—все широко развернулось за время управленія К. П. Побѣдоносцева.

Мы всѣ помнимъ долгіе годы, когда, при всякой нуждѣ, при всякой возникшей несправедливости, при всякомъ усложненіи,—православные съ довѣріемъ говорили, что „Оберъ-Прокуроръ не выдастъ“. Сами архипастыри по „охотному согласію“ готовы были подчиняться его рѣшенію, потому что всѣ признавали глубокую мудрость его и безусловно вѣрили, что этимъ рѣшеніемъ всегда руководятъ желаніе справедливости и стремленіе къ охранѣ интересовъ Православной Церкви. Не мало было недостатковъ *строга*, заложенныхъ двухсотлѣтнею политикой, но Православная Церковь знала, что въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева она всегда имѣетъ твердаго и неустрашимаго ходатая передъ Царемъ Русскимъ, и что Царь Русскій имѣетъ въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева та-

кого мудраго и нелицепріятнаго совѣтника по дѣламъ Церкви и Государства, какого никогда до него не имѣли Русскіе Государяи...

Эту великую заслугу передъ Православіемъ, передъ Россіей и Царемъ—никогда не забудетъ благодарная память Отечества.

Сколько силы положилъ К. П. Побѣдоносцевъ на свою службу Царю и Православію за эти 25 лѣтъ,—это одинъ Богъ можетъ вычислить, ибо вся сила его уходила на это дѣло, а она была поистинѣ изумительна.

И вотъ,—затративъ столько труда, доживъ до старости, онъ встрѣчаетъ теперь свой 25-лѣтній юбилей...

Увы—въ тяжкое время встрѣчаетъ онъ этотъ день, и не свѣтлыми надеждами, а тяжкими думами о всемъ, чему служилъ, окруженъ К. П. Побѣдоносцевъ въ день своего праздника. Среди радостныхъ возгласовъ всего враждебнаго Православію, Самодержавію и Россіи,—съ унылымъ недоумѣніемъ смотрятъ на будущее всѣ русскіе, всѣ, кому дорого дѣло Самодержавія и Православія. Что думаетъ въ этотъ день самъ маститый юбиляръ? При его свѣтломъ проницательномъ умѣ,—что рисуется передъ нимъ въ будущемъ страны, пораженной такимъ потрясеніемъ своихъ жизненныхъ связей.

Но, вспоминая неустанную и плодотворную работу жизни К. П. Побѣдоносцева,—не можемъ не пожелать ему въ этотъ день вспомнить о свѣтломъ прошломъ, вмѣсто скорбнаго размышленія о будущемъ. Онъ честно исполнилъ свой долгъ передъ дѣломъ Божьимъ и дѣломъ Царскимъ. Онъ искалъ не своего, а Божьяго и Царскаго. Да утѣшитъ его сознание исполненнаго долга.

Если-же Господу Богу угодно будетъ еще разъ послать милость своей многогрѣшной Россіи,—то да пошлетъ онъ К. П. Побѣдоносцеву утѣшеніе снова видѣть то воскресеніе истинно-Русскихъ началъ, какое онъ видѣлъ въ свѣтлые дни Императора Александра III.

Исполняющееся 24 апрѣля двадцатипятилѣтіе со дня вступленія Константина Петровича Побѣдоносцева на важный и отвѣтственный постъ Оберъ-Прокурора Св. Синода побуждаетъ напомнить главные моменты изъ жизни этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить его выдающіеся учено-литературные труды.

Сынъ профессора Московскаго Университета, К. П. Побѣдоносцевъ, какъ извѣстно, родился въ Москвѣ 21 мая 1827 года и, послѣ блестящаго домашняго образованія, былъ принятъ въ Императорское Училище Правовѣдѣнія.

Окончивъ тамъ курсъ, онъ девятнадцати лѣтъ началъ свою службу съ канцеляріи 8-го департамента Правительствующаго Сената, а за-

тѣмъ вернулся въ Москву, гдѣ исправлялъ должность оберъ-секретаря при Общемъ Собраніи Московскихъ департаментовъ Сената.

Это пребываніе въ родной столицѣ К. П. Побѣдоносцевъ ознаменовалъ своими первыми учено-литературными трудами, большая часть которыхъ была помѣщена на страницахъ *Русскаго Вѣстника*. Кромѣ статей чисто-юридическаго характера, юный авторъ касался и тогдашнихъ животрепещущихъ вопросовъ (напримѣръ крѣпостного права). Крупныя достоинства этихъ первыхъ опытовъ скоро обратили на нихъ общее вниманіе, и даровитому юристу было поручено чтеніе лекцій по гражданскому праву въ Московскомъ Университетѣ (1859 — 1860 гг.). Но здѣсь его педагогическая дѣятельность продолжалась очень недолго, такъ какъ уже съ 1861 года ему выпала на долю высокая честь—преподавать законовѣдѣніе покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру III и Великому Князю Владиміру Александровичу. Онъ также удостоился сопровождать тогдашняго Наслѣдника Престола при его путешествіи отъ Петербурга до Крыма въ 1863 году.

Плодомъ этой поѣздки явилась, между прочимъ, прекрасно написанная (вмѣстѣ съ профессоромъ И. К. Бабстомъ) книга, подъ заглавіемъ: *Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи* (Москва 1864 г. X+568 стр.). Отрывки изъ нея еще до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской изящной прозы.

Но уже и въ тѣ шестидесятые годы, ма-ряду съ многочисленными юридическими изслѣдованіями, К. П. Побѣдоносцевъ выступаетъ съ сочиненіями по вопросамъ религіи и христіанской нравственности. Еще въ 1861 году онъ перевелъ съ нѣмецкаго книжку Тирша *Христіанскія начала семейной жизни* (Москва 1861 г., 195 стр.), затѣмъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* помѣстилъ статью *Тишендорфъ и Синайская Библия* (1863 г., кн. 2).

Назначенный съ 1865 года членомъ консултации при Министерствѣ Юстиціи, а съ 1868 года призванный къ присутствованію во 2-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената,—К. П. Побѣдоносцевъ вслѣдъ за изданіемъ *Курса гражданского права* (Спб. 1868 года, два тома), напечаталъ свой замѣчательный переводъ съ латинскаго сочиненія Омы Кемпійскаго *О подражаніи Христу* (Спб. 1869 г.). Этотъ трудъ, вышедшій уже теперь *седьмымъ изданіемъ* 1), представляетъ не только лучшую передачу оригинала, но вмѣстѣ съ тѣмъ образцово-составленную книгу „съ примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писа-

1) Эти изданія слѣдовали такъ: *второе*—1880 г., *третье*—1885 г., *четвертое*—1890 г., *пятое*—1893 г., *шестое*—1896 г. и *седьмое*—1898 г.

телей“, съ бібліографическимъ указателемъ и прекраснымъ вступленіемъ отъ издателя переводчика.

„Книга эта,—какъ онъ самъ справедливо замѣчаетъ, — исполнена священной поэзіи. Каждая страница въ ней дышитъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ восторгомъ вѣрующей души. Всюду въ ней слышится торжественная пѣснь о Богѣ, о вѣчности и о судьбѣ чело-вѣка“.

Менѣе вышло новыхъ печатныхъ трудовъ изъ-подъ пера К. П. Побѣдоносцева въ теченіе семидесятихъ годовъ. Назначенный съ 1872 года членомъ Государственнаго Совѣта и занятый дѣлами важныхъ комиссій (напримѣръ, комиссіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра Народнаго Просвѣщенія, комиссіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ 2-й главы 1-го отдѣла Уложенія о наказаніяхъ), онъ посвятилъ эти годы главнымъ образомъ государственной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, и въ этотъ періодъ имъ было выпущено дополнительное второе изданіе *Курса гражданскаго права* (Спб. 1873—75 гг.), составлено *Судебное руководство* (Спб. 1872 г.), собраны въ одну книгу прежнія журнальныя работы, подъ скромнымъ заглавіемъ: *Историческія изслѣдованія и статьи* (Спб. 1876 г., IV+351 стр.) и сдѣланы два перевода: съ англійскаго — *Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ* Гладстона (Спб. 1876 г. XIII+48 стр.) и съ чешскаго — *Приключенія дворянина Вратислава въ Константинополь, въ тяжелой неволе у Турокъ, съ австрійскимъ посольствомъ* (Спб. 1877 г. XX+256 стр.; эта книга вышла недавно новымъ изданіемъ—Спб. 1905 г.).

Но со дня назначенія Оберъ-Прокуроромъ Синода (24 апрѣля 1880 г.), К. П. Побѣдоносцевъ, несмотря на новыя сложныя обязанности, широко развертываетъ свою литературную дѣятельность. Онъ не только нѣсколько разъ переиздаетъ свой *Курсъ гражданскаго права*,—это, справедливо называемое: „классическое произведеніе русской юридической литературы“,—но выпускаетъ еще длинную вереницу отдѣльныхъ книгъ и журнальныхъ статей.

Изъ этихъ трудовъ К. П. Побѣдоносцева особенно важны: *Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій* (Спб. 1881 г., 48 стр.), *Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII и XVIII вѣковъ* (*Чтенія въ Обществѣ Исторіи* 1887 г., кн. 3—4; отдѣльно — Москва 1887 г., 287 стр.), *Стверныя цвѣты*, выборъ изъ стихотвореній А. С. Пушкина (Спб. 1888 г., 144 стр.), *Исторія Православной Церкви до раздѣленія церквей* (четыре изданія—Спб. 1891, 1892, 1895 и 1898 гг.), *Праздники Господни* (Спб. 1893 г., шесть изданій), *Для немногихъ*, воспоминанія объ Эдитѣ Раденъ (Спб. 1893 г.), *Ле-Пле* (*Русское Обозрѣніе* 1803 г.,

кн. 9; отдѣльно—Москва 1897 г.), *Памяти Великой Княгини Екатерины Михайловны* (Московскія Вѣдомости 1894 г., № 155), *Памяти Губонина* (№ 275), *Прощаніе Москвы со своимъ Царемъ* (№ 300), *Побѣда, побѣдившая міръ* (Спб. 1895 г., восемь изданій), *Папковцы* (Церковныя Вѣдомости 1895 г., № 43), *Рѣчь въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества* (Московскія Вѣдомости 1895 г., № 96), *Выписки изъ полнаго собранія законовъ* (Спб. 1896 г.), *Вѣчная память*, воспоминанія о почившихъ (Спб. 1896 г.), *Московскій Сборникъ*, собраніе главныхъ статей о Церкви и Государствѣ (Спб. 1896 г., пять изданій; переведено и по-нѣмецки Бурхардтомъ и Келхнеромъ), *Сборникъ, мыслей и изреченій митрополита Московскаго Филарета* (Спб. 1897 г.), *Исторія дѣтской души* (Спб. 1897 г., три изданія), *Новая школа* (Спб. 1899 г., два изданія), *Объ университетскомъ преподаваніи* (Московскія Вѣдомости 1899 г., № 173), *Воспитаніе характера въ школѣ* (Спб. 1900 г.), *Ученые и учитель*, педагогическія замѣтки (Москва 1900 г.), *Призваніе женщины въ школу и обществѣ* (Москва 1901 г.) и *Отвѣтъ русскаго челоуѣка Крапоткину* (Московскія Вѣдомости 1901 г. №№ 284—285).

На ряду съ такою непрерывною учено-литературною дѣятельностью въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (1880—1905 г.), шло постоянное участіе К. П. Побѣдоносцева въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и духовномъ управленіи. Благодаря его заботамъ, введенъ новый уставъ для православныхъ духовныхъ академій; по всей Россіи раскинулась широкая сѣть церковно-приходскихъ школъ; преобразованы Петербургская и Московская Суходальныя типографіи, вслѣдствіе чего книги религиозно-нравственнаго содержанія стали распространяться въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ; наконецъ, расширена миссіонерская дѣятельность, и десятки тысячъ иновѣрцевъ присоединены къ Православію.

Всѣ эти крупныя заслуги предъ Россіей и Православною Церковью, доставившія К. П. Побѣдоносцеву за ученые труды званіе почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ, многихъ университетовъ, всѣхъ православныхъ академій и различныхъ Обществъ, вмѣстѣ съ тѣмъ почтены и съ высоты Престола.

Въ январѣ 1894 года К. П. Побѣдоносцевъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, въ день Св. Коронованія (15 мая 1896 года) ему пожалованъ орденъ Св. Владиміра первой степени, а въ день открытія въ Москвѣ памятника Императору Александру II (16 августа 1898 года) онъ былъ удостоенъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Въ данномъ по этому поводу Высочайшемъ Рескриптѣ находились слѣдующія высоко-милостивыя слова:

„По востшествіи Моемъ на Престоль, Я съ чувствомъ истинной отрады лично удостовѣрился въ значительности заслугъ, оказываемыхъ

вами глубокочтимой Мною Православной Церкви, а равно ваших неунынныхъ заботъ о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, улучшеніи хозяйственнаго его быта и усиленіи религиозно-нравственнаго воздѣйствія его на паству и вашихъ попеченій объ умноженіи школъ и развитіи церковнаго просвѣщенія въ народѣ...

„Искренно желаю, чтобы Божественное Провидѣніе долгіе еще годы дало Мнѣ пользоваться вашимъ многоопытнымъ содѣйствіемъ“.

(*Моск. Вѣд. 24 апр.*).

Крупная перемѣна въ центральномъ управленіи Св. Синода.

6 мая Высочайше пожалованъ товарищъ оберъ-прокурора дѣйст. тайный совѣтникъ сенаторъ *В. К. Саблеръ* въ члены Государственнаго совѣта, а на должность товарища оберъ-прокурора назначенъ князь д. с. с. *А. А. Ширинскій-Шихматовъ*.

В. К. Саблеръ прослужилъ въ вѣдомствѣ св. Синода почти четверть вѣка, начавъ службу съ должности юрис.-консульта при Синодѣ,— затѣмъ состоялъ управляющимъ канцеляріей св. Синода, и съ 1894 г. товарищемъ оберъ-прокурора.

Новый товарищъ оберъ-прокурора князь *А. А. Ширинскій-Шихматовъ* всю свою должностную 20-лѣтнюю дѣятельность провелъ на службѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, состоя въ послѣдніе годы въ должности прокурора Московской Синодальной конторы, откуда былъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ, а затѣмъ сенаторомъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

*данный на имя члена Государственного Совета, генералъ-адъютанта
генерала-отъ-кавалеріи графа Игнатъева.*

Графъ Алексѣй Павловичъ. Утвердивъ журналъ Комитета Министровъ о способахъ выполненія предначертаннаго Указомъ 12-го декабря 1904 года пересмотра постановленій, охраняющихъ терпимость въ дѣлахъ вѣры, освященную основными законами Имперіи, Я призналъ за благо учредить особое вѣвѣдомственное совѣщаніе, изъ лицъ, непосредственно Мною избранныхъ, и представителей вѣдомствъ, для подробной разработки и направленія въ законодательномъ порядкѣ предложенныхъ Комитетомъ Министровъ измѣненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ, касающихся вѣротерпимости, а также для обсуждения, на изъясненныхъ Комитетомъ Министровъ началахъ, другихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ п. 6 вышеозначеннаго Указа.

Въ виду приобрѣтеннаго вами, за время долголѣтней административной дѣятельности въ мѣстностяхъ съ разновѣрнымъ населеніемъ, близкаго знакомства со многими сторонами предстоящей совѣщанію законодательной задачи, Я возлагаю на васъ предсѣдательствованіе въ этомъ совѣщаніи, предоставляя вамъ, сверхъ назначаемыхъ Мною членовъ, приглашать въ засѣданія, по вашему умотрѣнію, и иныхъ лицъ, которыя своимъ участіемъ могутъ содѣйствовать успѣшному ходу дѣла.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Царскомъ Селѣ,
18-го мая 1905 года.

Къ вопросу о свободѣ вѣроисповѣданій.

Примѣненіе въ жизни Именного Высочайшаго указа 17 апрѣля о свободѣ вѣроисповѣданія для старообрядцевъ и сектантовъ породило рядъ недоразумѣній. Въ цѣляхъ единообразнаго примѣненія указа и для предупрежденія различныхъ толкованій отдѣльныхъ положеній его, министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Булыгинымъ изданъ слѣдующій циркуляръ градоначальникамъ и губернаторамъ:

Въ Именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 17 апрѣля и въ Высочайше утвержденномъ того же числа положеніи Комитета Министровъ о порядкѣ выполнения пункта шестого Именного Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, обнародованъ рядъ Высочайшихъ повелѣній, направляемыхъ къ устраненію стѣсненій въ области религіи.

Въ видахъ предупрежденія недоразумѣній при примѣненіи на практикѣ приведенныхъ законоположеній, особливо въ отношеніи установленія предѣла вѣроисповѣдныхъ правъ, даруемыхъ старообрядцамъ и сектантамъ, и образа дѣйствій въ этой области надлежащихъ административныхъ властей, я признаю необходимымъ преподать вашему превосходительству нижеслѣдующія руководящія указанія:

1) Въ статьѣ 6-й Именного Высочайшаго указа содержится слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „признать, что постановленія закона, дарующія право совершенія общественныхъ богомоленій и опредѣляющія положеніе раскола въ гражданскомъ отношеніи, объемлютъ послѣдователей—какъ старообрядческихъ согласій, такъ и сектантскихъ толковъ; учиненіе же изъ религіозныхъ побужденій нарушенія законовъ подвергаетъ виновныхъ въ томъ установленной закономъ отвѣтственности“.

Комитетъ Министровъ, повергая свои заключенія по сему вопросу на Монаршее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе, испросилъ, одновременно, Высочайшее соизволеніе на отмѣну Высочайше утвержденного, 4 іюля 1894 г., положенія Комитета Министровъ о воспрещеніи послѣдователямъ секты штундистовъ молитвенныхъ собраній.

Изъ сего слѣдуетъ, что правомъ совершенія общественныхъ богомоленій должны пользоваться въ одинаковой мѣрѣ, какъ послѣдователи помянутыхъ въ п. а. ст. 5 указа старообрядческихъ согласій, такъ равно и послѣдователи тѣхъ вѣроученій, которыя по п. б той же статьи отнесены къ группѣ подъ общимъ названіемъ „сектантство“, а въ томъ числѣ и послѣдователи секты штундистовъ.

Въ исполненіе приведенной ст. 6. Высочайшаго указа ваше превосходительство имѣете сдѣлать распоряженіе, чтобы мѣстныя административныя власти не принимали впредь въ отношеніи лицъ, принадлежащихъ къ помянутымъ выше двумъ группамъ, никакихъ мѣръ, стѣсняющихъ свободное отправленіе ими общественныхъ богомоленій, доколѣ эти послѣднія не заключаютъ въ себѣ нарушенія дѣйствующихъ и нынѣ постановленій, опредѣляющихъ недозволенное публичное оказательство раскола. Но если въ отдѣльныхъ случаяхъ проявленіе вѣ-

рованной будет сопряжено съ опасностью для общественных нравственности и спокойствія, или же повлечетъ за собою, изъ религиозныхъ побужденій, нарушеніе законовъ, какъ на примѣръ уклоненіе отъ исполненія воинской повинности, неповиновеніе властямъ и т. и., или же выразится въ совращеніи православныхъ, то, въ силу Высочайшаго указа, необходимыя мѣропріятія должны заключаться не въ ограниченіи духовной свободы, но въ пресѣченіи и преслѣдованіи, на основаніи уголовного закона, точно опредѣленныхъ отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній.

Даруя свободу вѣрованія и молитвъ послѣдователямъ старообрядческихъ и сектантскихъ вѣроученій, Высочайшій указъ выдѣлилъ въ семъ отношеніи послѣдователей изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ. На послѣдователей этихъ ученій, отнесенныхъ указомъ къ третьей группѣ вѣроученій, религиозная свобода распространяться не можетъ, и лица эти за самую принадлежность къ изувѣрному ученію подлежатъ и нынѣ уголовному преслѣдованію на основаніи 203 ст. уложенія о наказаніяхъ по пром. 1902 г., каковая наказуемость сохранена и по уголовному уложенію 1903 г. въ ст.-84.

Засимъ, при примѣненіи на практикѣ 6 ст. указа, надлежитъ также принять къ руководству и то положеніе, что изложенныя начала, устанавливающія равноправность обѣихъ группъ вѣроученій, какъ старообрядческаго, такъ и сектантскаго, касаются не только вѣроисповѣдныхъ правъ, но и другихъ гражданскихъ правоотношеній, не распространяясь только на послѣдователей изувѣрныхъ ученій.

2) На основаніи ст. 8 Высочайшаго указа, сооруженіе молитвенныхъ старообрядческихъ и сектантскихъ домовъ, точно также какъ разрѣшеніе ремонта ихъ и закрытіе должны происходить примѣнительно къ основаніямъ, которыя существуютъ или будутъ поставлены для храмовъ инославныхъ исповѣданій. Разработка соотвѣстныхъ законоположеній по сему предмету Высочайше возложена на учреждаемое по Высочайшему повелѣнію Особое Совѣщаніе.

Впредь же до выполненія симъ Совѣщаніемъ даннаго ему порученія, разсмотрѣніе губернскимъ начальствомъ возбуждаемыхъ старообрядцами и сектантами ходатайствъ о сооруженіи молитвенныхъ домовъ и ремонтѣ таковыхъ, а равно и направленіе сего рода дѣлъ въ министерство, по департаменту общихъ дѣлъ, должны происходить примѣнительно къ порядку, который существуетъ въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ для храмовъ инославныхъ исповѣданій и при непремѣнномъ соблюденіи выраженнаго въ ст. 13 Высочайшаго указа правила, обусловливающаго разрѣшеніе молитвенныхъ домовъ выполненіемъ техническихъ требованій устава строительнаго.

3) 5 раздѣломъ Высочайше утвержденаго 17 апрѣля журнала Комитета Министровъ предоставлено министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями принять мѣры къ измѣненію административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ права старообрядцевъ и сектантовъ на службу государственную и общественную.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетомъ Министровъ испрошено Высочайшее соизволеніе на отмену ограничительныхъ указаній, содержащихся въ

Высочайше утвержденномъ 13 марта 1903г. положеніи Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, касательно награжденія медалями за храбрость нижнихъ чиновъ изъ молоканъ, духоборовъ и послѣдователей другихъ сектъ.

Принятіе таковыхъ мѣръ вызвано тѣмъ общимъ соображеніемъ, что всѣ стѣсненія старообрядцевъ и сектантовъ въ отношеніи государственной и общественной службы не соотвѣтствуютъ взгляду, согласно ко- ему принадлежность къ сектамъ, за исключеніемъ изуверныхъ, не должна влечь какихъ-либо невыгодныхъ послѣдствій для принадлежащихъ къ этимъ сектамъ лицъ, пока не послѣдуетъ съ ихъ стороны проявленія противозаконныхъ дѣйствій.

Въ виду приведенныхъ Высочайшихъ повелѣній, я просилъ бы ваше превосходительство имѣть неуклонное наблюденіе за тѣмъ, чтобы принадлежность къ старообрядчеству или къ сектантству, сама по себѣ, ни въ коемъ случаѣ не служила препятствіемъ къ опредѣленію на государственную и общественную службу по подвѣдомственнымъ вамъ учрежденіямъ и къ прохожденію ея на одинаковыхъ съ остальными служащими условіяхъ.

Равнымъ образомъ, если по ввѣренной вашему превосходительству губерніи были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на службу государственную и общественную, то, въ точное исполненіе приведенныхъ Высочайшихъ повелѣній, правила эти должны прекратить свое дѣйствіе, если только вы, милостивый государь, въ виду соображеній особой важности, не признаете необходимымъ сохраненіе ихъ въ силѣ и на будущее время. Въ послѣднемъ случаѣ благополите безотлагательно войти по сему предмету съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Независимо отъ изложеннаго, вашему превосходительству надлежитъ также имѣть въ виду, что выраженное въ ст. 184 полож. крест. и въ ст. 60 уст. пред. прест. постановленіе, въ силу котораго въ томъ случаѣ, когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостного старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ, какъ имѣющее цѣлью охранить интересы православныхъ въ волостяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, признано подлежащимъ сохраненію въ законѣ и потому осталось неотмѣненнымъ.

Сообщая необходимыя разъясненія, въ видахъ единообразности примѣненія на практикѣ приведенныхъ Высочайшихъ повелѣній, я вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не обратить вашего, милостивый государь, вниманія на то, что въ правильномъ и соотвѣтствующемъ изложеннымъ выше видамъ правительства въ проведеніи въ жизнь Высочайшихъ положеній лежитъ несомнѣнный залогъ успѣшности мѣръ, направленныхъ къ возвеличенію православной вѣры и къ сближенію послѣдователей различныхъ вѣроученій съ православною Церковью.

Харьковъ.

(О вѣротерпимости въ Россіи.—Изъ залы засѣданій Харьковского отдѣла Русскаго Собранія).

22-го марта текущаго года въ засѣданіи Харьковского отдѣла Русскаго Собранія, въ дворянскомъ домѣ, въ присутствіи многочисленныхъ членовъ Собранія и гостей, былъ заслушанъ докладъ проф. прот. Т. И. Буткевича: „*О вѣротерпимости въ Россіи*“. Тезисы доклада таковы:

Понятіе о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости. Свобода совѣсти въ христіанствѣ. Вѣротерпимость русскаго народа. Вѣротерпимость въ Россіи до принятія христіанства. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ: Ѳеодоръ и Іоаннъ въ 983 г. *Волхвы и кудесники* въ 1077 году. *Евреи* въ Кіевѣ при Святополкѣ (1093—1112 г.). Избиеніе евреевъ въ Кіевѣ въ 1113 г. Евреи, оплакивающіе князя Владиміра Волынскаго въ 1289 голу.

Католичество въ Россіи. Праздникъ 9-го мая. Дружественная переписка митрополита русскаго Іоанна (въ 1167 г.) съ папою Александромъ Ш. Посольство папы Иннокентія Ш къ Роману Галицкому (въ 1204 г.). Орденъ меченосцевъ. Сношеніе папы Гонорія Ш съ Ярославомъ (въ 1227 г.) и папы Иннокентія IV съ кн. Даниломъ Галицкимъ. Флорентійскій соборъ. Вѣротерпимость великаго князя московскаго Іоанна Ш. Папа Сикстъ IV и поведеніе его легата Антонія. Сношенія папы Льва X и Климента VII съ великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ. Іоаннъ Грозный и іезуитъ Антоній Поссевинъ. Вѣротерпимость Грознаго. Папа Климентъ VIII и царь Ѳеодоръ Іоанновичъ. Отъѣзъ австрійскаго императорскаго посла Кобенцеля о вѣротерпимости русскихъ. Императоръ Петръ I и его отношеніе къ католицизму. Католичество въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ, Екатеринѣ II, Павлѣ I, Александрѣ I и Николаѣ I. Положеніе католичества въ Россіи въ настоящее время.

Протестантство. Іоаннъ Грозный и лютеранскіе геологи. Нѣмцы-лютеране въ Россіи при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Петрѣ I. Московскіе еретики: Дмитрій Тверитиновъ и Ѳома Ивановъ. Протестантство въ Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ. Французское вольнодумство и Екатерина II. Масонство. Нигилизмъ 60-хъ годовъ.

Язычество. Корельцы. Зыряне. Лапландцы. Колы.

Русское расколо-сектантство. Стригольники. Жидовствующіе. Ересь Матвѣя Бакшина. Расколъ старообрядства; его общая характеристика; его отношеніе къ церкви и государству; волненія и бунты. Некрасовцы и наши турецкія войны. Наполеоновцы. Русскіе эмигранты-революціонеры: Герценъ, Бакунинъ, Кельсиевъ и раскольническій лжеепископъ Пафнутіи. Отношеніе императора Петра Великаго къ расколу. Анна Іоанновна и ея мѣры въ борьбѣ съ расколомъ. Имп. Елисавета и самосожигатели. Петръ Ш. Либерализмъ Екатерины II. Кладбища въ Москвѣ: Преображенское и Рогожское. Императоры Николай I и Александръ Ш. Хлыстовство. Скопчество. Духоборы. Молокане. Штунда. Толстовщина.

Положеніе расколо-сектантства въ Россіи въ настоящее время (Поля. Собр. зак. т. Ш, 1883 г., № 1545): ненаказуемость за принадлежность къ расколу и сектамъ; общественная молитва и духовныя требы; раскольничьи моленія; раскольничьи уставщики и наставники; раскольничьи

богослужбеныя книги; раскольничьи браки; погребеніе раскольниковъ; гражданскія права раскольниковъ и сектантовъ. Чего могутъ желать раскольники и сектанты отъ самаго либеральнаго правительства въ Россіи?

Изъ приведенныхъ нами тезисовъ доклада видно, какъ проф. Т. И. Буткевичъ широко охватилъ въ немъ вопросъ *о вѣротерпимости въ Россіи*.

Начавъ съ принципіальнаго выясненія понятій *о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости*, онъ затѣмъ фактически установилъ, какъ проявлялась *вѣротерпимость* въ жизни Россіи со временъ древнихъ и донынѣ.

Общая мысль, красною нитью проходящая чрезъ весь докладъ проф. Буткевича, это: русское правительство, русскій народъ и русская Церковь всегда были вѣротерпимы, и въ этомъ отношеніи могли служить образцомъ для восточныхъ и особенно для западныхъ сосѣдей Россіи. Если и были въ церковной и государственной жизни Россіи нарушенія принципа христіанской вѣротерпимости, то таковыя являлись плодомъ сторонняго, наноснаго вліянія — съ востока и особенно съ запада, по сему они никогда и не пускали глубокихъ корней на Русь.

Докладъ проф. Т. И. Буткевича вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей и на обсужденіе его было истрачено четыре засѣданія, изъ коихъ послѣднее было 26 апрѣля. Въ обсужденіи приняли горячее участіе: проф. Остроумовъ, проф. Вязигинъ, редакторъ „Южнаго Края“ А. А. Іозефовичъ, И. Г. Айвазовъ, протоіерей Пичета, Ѡ. И. Яковлевъ и др.

Основные положенія докладчика остались нисколько непоколебленными и, наоборотъ, подкрѣпленными массою новыхъ фактовъ и соображеній. Слушатели съ неослабѣвающей энергіей слѣдили за ходомъ преній и награждали ораторовъ нерѣдко шумными аплодисментами. Не обошлось, впрочемъ, безъ курьеза. Когда въ засѣданіи 26 апрѣля г. Яковлевъ заканчивалъ чтеніе (!!) своей апологіи раскола сплошною бранью по адресу православныхъ: „взгляните, читаль онъ, кто пьянымъ валяется подъ заборомъ? и вы увидите, что *православные*; кто убилъ императора Александра II-го, министровъ и великаго князя? и вы увидите, что *православные*“..., то многіе изъ слушателей оставили залъ засѣданія, а остальные отвѣтили апологету раскола гробовымъ молчаніемъ... Такъ раскольники *начинаютъ* откликаться на Высочайшую телеграмму отъ 16 апрѣля 1905 года на имя московскаго генералъ-губернатора о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища, въ которой любвеобильный Монархъ призываетъ ихъ „прекратить... *тяжелую историческую церковную рознь*“ съ *русскою православною Церковью*... И мы увѣрены, что такой откликъ — „только цвѣточки, а ягоды еще впереди“...

И. Айвазовъ.

Въ газетахъ.

(Вопросы современной церковной жизни).

Радикальныя поползновенія къ разгрому церковно-народнаго достоянія.

Органъ еврействующихъ архирадикаловъ—„Сынъ Отечества“ съ-туетъ, что наши монастыри „не очень-то раскошеляются въ настоящее трудное для государства время“, и такъ какъ Государство имѣетъ надобность въ деньгахъ, то заботливый „Сынъ Отеч.“ предлагаетъ отнять для этихъ надобностей церковныя имущества... Монастыри онъ рекомендуетъ совсѣмъ уничтожить, такъ какъ они чужды „интеллектуальнаго развитія“..., ибо „контингентъ монашествующихъ составляетя далеко не изъ передовыхъ элементовъ“....

Вотъ подлинныя разсужденія „Сына Отечества“:

„Нельзя не признать своевременную и общественно-раціональную мѣрой,—говоритъ газета,—обращеніе монастырскихъ земель и имуществъ въ государственную собственность. Въ отношеніи нѣкоторыхъ это могло бы быть сдѣлано теперь же, а въ цѣломъ, въ отношеніи же остальныхъ, правильно было бы допустить извѣстную постепенность. Въ цѣляхъ ускоренія слѣдуетъ, между прочимъ, предоставить монашествующимъ полную свободу переходить въ міряне; наоборотъ, поступленіе въ монастыри мірянъ для пополненія, а тѣмъ болѣе увеличенія числа монаховъ, можно было бы прекратить. Самыя зданія часто могли бы быть обращены въ школы, напр., сельско-хозяйственныя, въ пріюты (для престарѣлыхъ, для больныхъ, для малолѣтнихъ преступниковъ), дома призрѣнія (для сиротъ) и т. п.

„Национализація монастырскихъ земель и имуществъ могла бы дать государству солидныя средства, которыя могли бы быть еще увеличены частью богатствъ нѣкоторыхъ церквей.

„Естественно, средства эти должны быть направлены на уничтоженіе теперешнихъ бѣдствій и страданій народа и на осуществленіе и проведеніе въ жизнь реформъ и мѣропріятій, уничтожающихъ возможность этихъ бѣдствій и страданій въ будущемъ.

„Какое же большее, высшее, лучшее назначеніе могутъ имѣть въ настоящее время, при современныхъ культурныхъ условіяхъ и при настоящемъ положеніи, монастыри и свободныя богатства церквей!“

Эти призывы къ захвату чужой собственности радикальная газета пытается прикрывать именемъ Петра Великаго, хотя у великаго Государя этого наши современники могли бы почерпнуть гораздо болѣе важныя уроки, чѣмъ его отношеніе къ монашеству.

Итакъ, наши „освободители“, радикалы и либералы, ежедневно кричащіе о свободѣ и правахъ личности, предлагаютъ грубое насильничество въ отношеніи того, что имъ не по праву. Какъ видите, предлагаемая „Сын. Отеч.“ „общественно-раціональная мѣра“ сводится не только къ покушенію на чужое имущество, но и на свободу личности, на право отдѣльнаго лица жить такъ, какъ онъ находитъ лучше по своимъ склонностямъ и убѣжденіямъ. Предлагается не только отобрать у монастырей ихъ богатства, но и запретить дальнѣйшее существованіе монастырей. Словомъ, совсѣмъ „по комбовски“. Но допустимъ, что государство имѣетъ если не право, то силу на первое; но во всякомъ случаѣ второе для него непреодолимо такъ же, какъ оказался непреодолимъ расколъ, а главное—поймите, г.г. либералы, что въдѣ запрещеніе принимать монашество и жить монашескими общинами было бы нарушеніемъ правъ личности, т. е. главнаго догмата, вами же самими защищаемаго.

„Моск. Вѣд.“ весьма мѣтко по этому поводу возражаютъ радикальнымъ захватчикамъ чужой собственности,—почему они не распространяютъ своихъ поползновеній на имущества, напримѣръ, синагогъ, мечетей и пр. Грабятъ они считаютъ своевременнымъ только одну православную Церковь. И это во имя народнаго якобы блага, въ силу того анархическаго принципа, что имущества церковныя даны народомъ русскимъ. Да, выплывающіе на поверхность взбодомученнаго моря нашей современности эти сокровенные мечты и планы либеральныхъ буревѣстниковъ въ высшей степени поучительны, какъ показатели того, чего народъ и духовенство должны ждать отъ господства идей „освободителей“. Планы эти показываютъ, какой варварскій революціонный деспотизмъ готовятъ Россіи наши интеллигентные ревнители „свободы“. Народъ цѣлые вѣка копилъ свое достоинствѣ по церквамъ, гдѣ онъ молится, учится вѣрѣ, и находитъ высшее свое утѣшеніе. Но какое дѣло до этого „Сыну Отечества“ съ Кѡ? Радикальные варвары не допускаютъ и мысли, чтобы народъ имѣлъ свои права, убѣжденія и вѣрованія,—которыя, съ точки зрѣнія либеральной логики и этики,—пережитокъ невѣжества, а потому убѣжденія народныя надо разрушать, вѣрованія оскорблять, а что по существу—церковное имущество—поскорѣ къ своимъ грязнымъ рукамъ прибирать, расхищая его во имя „высшихъ принциповъ“. Да, печальныя времена мы переживаемъ, и, можетъ быть, что это только либеральные цвѣтики, а ягодки-то впереди... Чтущіе, да разумѣютъ!

Пастырское собраніе столичнаго духовенства, закрытое полиціей, и пастырскій союзъ борьбы.

Подъ такимъ приблизительно заглавіемъ промелькнула во всѣхъ газетахъ краткострочная по объему, но краснорѣчивая по своему содержанию замѣтка. Смѣло можно сказать, что замѣтка эта остановила вниманіе всей „читающей Россіи“ и вызвала самыя прискорбныя размышленія—сколько о дѣйствіяхъ полиціи, столько же о поступкахъ самого *передового* столичнаго духовенства, вызвавшего со стороны охранителей порядка столь суровую и рѣшительную мѣру, какой не было принято даже въ отношеніи анархическихъ собраній пресловутаго іерея Гапова. Изъ множества скандаловъ послѣдняго смутнаго времени, „ноповскій скандалъ“, — такъ выражаются въ свѣтскомъ обществѣ о закрытомъ полиціей пастырскомъ собраніи 29 апрѣля,—самый чреватый во впечатлѣніямъ и послѣдствіямъ, произведеннымъ на общество и народъ. Но въ чемъ же дѣло? Наиболѣе обстоятельное сообщеніе объ этомъ глубокоприскорбномъ инцидентѣ помѣщено въ „Рус. Слова“, — очевидно, участникомъ собранія.

Вотъ что корреспондентъ сообщалъ газетѣ по телефону:

Послѣднее собраніе столичныхъ пастырей протекло очень шумно. Группа молодыхъ священниковъ, составившихъ особый союзъ, предложила присутствовавшимъ на собраніи выразить въ той или иной формѣ сочувствіе митрополиту Антонію.

Предсѣдатель собранія преосвященный Кириллъ, епископъ гдовскій, заявилъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ этого собранія не допуститъ безъ разрѣшенія владыки-митрополита. Вотъ тутъ-то и поднялась цѣлая буря.

Протоіерей Философъ Орнатскій, повидимому, взволнованный отказомъ, схвативъ уставъ общества и находившійся на столѣ деревянный ножикъ для разрѣзыванія бумаги и, стукнувъ имъ, вѣроятно, безъ всякаго намѣренія, сказалъ:

— Мы можемъ собраться и безъ вашего разрѣшенія, когда угодно,—у насъ на это есть уставъ, утвержденный Святѣйшимъ Синодомъ.

— Ваше стучаніе ножикомъ, отецъ Философъ, ваши неистовые крики (сказано было по адресу нѣкоторыхъ ораторовъ), ваши нервныя тѣлодвиженія,—замѣтилъ преосвященный предсѣдатель,—нисколько меня не смущаютъ!..

Собраніе вскорѣ было закрыто. но оживленные разговоры продолжались. Кто-то отозвался о группѣ молодыхъ священниковъ изъ 32, какъ о лицахъ, внесшихъ расколъ въ собраніе столичныхъ пастырей. Тогда протоіерей Горчаковъ объяснилъ, что никакого раскола тутъ нѣтъ, и что дѣло состоитъ въ томъ, что нѣкоторымъ священникамъ почему-то не давали иногда совсѣмъ говорить на собраніяхъ, доклады ихъ клались подъ сукно и т. п. Это-то и побудило недовольныхъ образовать изъ себя особый союзъ.

Въ настоящее время готовится особый адресъ высокопреосвящен-

ному митрополиту Антонію, къ подписанію котораго приглашается все столичное духовенство. Въмѣстѣ съ тѣмъ, кружкомъ пастырей была составлена особая резолюція по поводу современной жизни.

— 29-го апрѣля, въ 8 час. вечера, въ залѣ епархіальнаго свѣчнаго завода,—какъ сообщаетъ „Слово“,—должно было состояться общее собраніе столичнаго духовенства для подписанія съчувственнаго адреса владыкѣ митрополиту Антонію по поводу встревожившихъ и огорчившихъ духовенство слуховъ о его переводѣ. Явившійся въ 7¼ ч. полицейскій приставъ не допустилъ собранія. И вотъ почтенные протоиереи—профессора университета, духовной академіи и убѣленные сѣдинами настоятели церковей удалились, напутствуемые полицейскими окриками. «А если мы откроемъ сосѣднюю церковь и соберемся тамъ?» — замѣтилъ одинъ изъ пастырей. «Придется войти съ полиціей въ церковь и разогнать», — отвѣтилъ приставъ... 1)

Такова фактическая сторона. Изъ официальныхъ источниковъ ничего въ опроверженіе или подтвержденіе мы не читали. Какой-то священникъ въ письмѣ въ редакцію „Нов. Врем.“ сообщилъ, что адресъ не былъ поднесенъ по просьбѣ самого владыки митрополита Антонія. Прискорбное событіе это вызвало отголоски въ печати. При этомъ наиболее ярко переданы чувства и мысли оскорбленной части столичнаго духовенства въ газ. „Слово“, гдѣ появилась статья подъ заглавіемъ: „Miracula et miranda“, слѣдующаго содержания:

Давно наше духовенство не видало такого униженія, какое ему пришлось испытывать на-дняхъ. Даже въ извѣстный своимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ духовенству XVIII вѣкъ не было примѣра, чтобы общее собраніе пастырей всей столицы было разогнано полиціей, какъ безчинное сборище, чтобы полиція имѣла полномочіе ворваться, если понадобится, даже въ храмъ и изгнать оттуда духовенство. Удивительна въ данномъ случаѣ не столько самая возможность такого обхожденія съ пастырями, сколько полное отсутствіе въ этомъ поступкѣ политическаго такта. Въ настоящіе „черные дни“, казалось бы, государству нужно особенно дорожить тѣми немногими друзьями, которые остались вѣрными ему. Въ числѣ ихъ едва-ли не первое мѣсто занимало духовенство, сильное своею близостью къ народу. Нельзя не отмѣтить, что даже въ послѣдніе дни всеобщаго шатанія духовенство оставалось не только вѣрнымъ, но въ большинствѣ случаевъ даже слишкомъ усерднымъ защитникомъ правительства предъ народомъ. И вотъ въ благодарность за эту вѣрную службу ему, одна за другою, подносятся горькія пилюли.

Для большей свободы и *плодотворности своей дѣятельности на пользу государства* духовенство просило хоть немного ослабить опеку свѣтской власти; ему отказали въ этомъ и, какъ бы въ насмѣшку, дали полную свободу иновѣрью и сектантству.—Мѣра давно желанная, но безъ одновременнаго измѣненія положенія православной Церкви, она ставитъ послѣднюю въ невозможное, безвыходное положеніе. И мы знаемъ, что въ данный моментъ православное духовенство находится въ состояніи самаго напряженнаго ожиданія созыва собора. Оно и представить себѣ не можетъ, чтобы такъ долго покровительствовавшее православію правительство

1) «Русск. Сл.», № 117-й.

оставило его въ такомъ слишкомъ опасномъ положеніи на продолжительный срокъ.

Теперь, послѣ объявленія религіозной свободы, уже не „32 изъ 40,000 священниковъ“, какъ инсинуировали нѣкоторые противники реформы, а безъ малаго все духовенство—съ нетерпѣніемъ ждетъ собора и готово выразить самое горячее сочувствіе инициатору церковной реформы митрополиту Антонію. И вотъ въ этотъ-то моментъ, вмѣсто ожидаемой радостной вѣсти, разнесется во все углки Россіи извѣстіе о томъ, какъ отнеслись власти къ этому всеобщему въ данный моментъ чувству духовенства. Извѣстіе о перерывѣ полиціей общаго пастырскаго собранія столичнаго духовенства—отзовется сильно и рѣзко на отношеніи духовенства къ современному общественному движенію. Не надо забывать, что въ моменты возбужденнаго, напряженнаго до крайности, душевнаго состоянія даже мелочь способна произвести большой эффектъ...

Наши читатели знаютъ, какъ близки и дороги намъ права, интересы и честь православнаго духовенства, но... *amicus Plato, sed veritas amicissima...* Прежде всего нельзя не возразить автору „*Miracula et miranda*“, что онъ слишкомъ преувеличиваетъ значеніе эпизода 29 апрѣля относительно вліянія его на все вообще русское духовенство, подлинное настроеніе котораго, очевидно, автору мало извѣстно. При этомъ авторъ заглянулъ только на одну сторону медали, имѣющей и оборотную сторону, достойную не меньшаго вниманія, чѣмъ лицевая.

Если спокойно и безпристрастно взглянуть на эту оборотную сторону, то въ дѣйствіяхъ полиціи, пожалуй, найдется болѣе оправдывающаго, чѣмъ въ поступкахъ столичнаго духовенства, вызвавшаго этотъ конфликтъ. Прежде, чѣмъ винить или жалѣть столичное духовенство, необходимо выяснитъ дѣло. Одни винятъ столичное духовенство, другіе выражаютъ ему соболѣзнованіе по поводу позорнаго эпизода 29 апрѣля съ пастырскимъ собраніемъ, дѣлаютъ обобщенія и заключенія относительно всего русскаго духовенства. Но здѣсь, прежде всего, необходимо выяснитъ: представляло-ли собою собраніе 29 апрѣля столичное духовенство, или только извѣстный кружокъ и партію? Собранія пастырскія въ столицѣ бываютъ различныя и по составу и по числу, — начиная отъ священнаго числа 7 до пресловутаго 32. Если это было пастырское собраніе религіозно-просвѣт. общества, то и оно не представляетъ столичнаго духовенства, а только извѣстный кружокъ, — главнымъ образомъ, безприходныхъ батюшекъ. Изъ религ.-просвѣт. общества въ недавнее время выдѣлился особый пастырскій „союзъ борьбы“, о немъ упоминаетъ и корреспондентъ „Рус. Слова.“.

Спрашивается, кто составлялъ собраніе 29 апр., разогнанное полиціей? Было-ли это собраніе законное, т. е. разрѣшенное духовною властью?

Если судить по отчету „Рус. Слова“, то оно было „самочиннымъ“. Посмотрите, какъ протекло „последнее собраніе“ столичныхъ пастырей,

и чѣмъ оно закончилось? Тамъ, очевидно, была картина такого разгара страстей, какой можно встрѣчать, если не на волостномъ сходѣ, то по крайней мѣрѣ въ австрійскомъ парламентѣ.

„Неистовые крики“, „нервные подергиванія“ и своеобразные жесты краснорѣчія,—въ видѣ стучанія по столу,—и это при возраженіи епископу. Доселѣ мы встрѣчали эти жесты у батюшекъ, изъ плеяды молодыхъ передовыхъ ораторовъ, при жаркихъ полемическихъ схваткахъ съ бюрократіей синодальной, а тутъ уже и епископа тѣмъ же манеромъ убѣждаютъ. Видно, нервы-то совсѣмъ запрыгали у столичныхъ отцовъ. Да, большое нынѣ время! Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что уполномоченный владыкой митрополитомъ еп. Кириллъ, какъ видно, рѣшительно запретилъ предположенное собраніе пастырей для выраженія сочувствія митр. Антонію, по поводу слуховъ о его перемѣщеніи. Почему епископъ не позволялъ собранія—это понятно. Помилуйте, ходить по городу, пущенные газетою еврейской, вздорные слухи. Столичные пастыри требуютъ себѣ, не выждавъ фактовъ, собранія для выраженія несомнѣнно демонстративнаго сочувствія одному высокому лицу и, конечно, ради протеста другому высокопоставленному лицу, тому самому, которому 24 апр. поднесенъ Св. Синодомъ, во главѣ съ первоприсутствующимъ митр. Антоніемъ, сочувственный теплый адресъ, съ выраженіемъ желанія долготѣннаго совмѣстнаго служенія въ Синодѣ на пользу Церкви.

Выходить, какое-то легкомысленное *qui pro quo*., недостойное служителей алтаря, забывшихъ, очевидно, завѣты мира и любви, терпѣнія и смиренія, потерявшихъ дисциплину не только службы, но и мысли, и слова... Да, болѣзненное время!.. Мы не будемъ входить въ обсужденіе этой демонстраціи пастырской, съ точки зрѣнія политики и такта.

Несомнѣнно одно, что своею самочинной затѣей пастыри, ревнующіе о благѣ своего владыки, еще болѣе отяготили трудное отвѣтственное положеніе митр. Антонія въ настоящій историческій моментъ. Что ревность кружка духовенства была медвѣжьей услугою, это можно понять изъ того факта, что владыка, узнавъ объ инцидентѣ, самъ отклонилъ поднесеніе адреса.

Тѣмъ не менѣе, все-таки остается непонятнымъ, почему вмѣшалась полиція? Не имѣеть-ли здѣсь значенія упоминаемая корреспондентомъ „Рус. Слова“—„группа молодыхъ священниковъ, составившихъ особый союзъ?“ Не узрѣло-ли въ программѣ и дѣйствіяхъ этого союза „недреманное око“ полиціи нѣкоей гапоновщины? А задачи союза, названнаго въ одной газетѣ „христіанскимъ братствомъ борьбы“, дѣйствительно, задорныя, способныя у гражданской власти вызывать и по-

дозрѣнія, и опасенія, которыя и могли послужить основаніемъ для закрытія собранія¹⁾.

Въ заключеніе два слова по поводу статьи „Слова“ — „Migacula“. Авторъ, повторяемъ, слишкомъ мало знаетъ духовенство русское, если предполагаетъ, что извѣстіе „о перерывѣ полиціей пастырскаго собранія столичнаго духовенства сильно и рѣзко отзовется на отношеніи духовенства вообще къ современному общественному положенію“, что все духовенство русское увидитъ якобы въ инцидентѣ *неблагодарность* власти къ его вѣрной службѣ современному самодержавному государственному правопорядку.

Въ русскомъ духовенствѣ нашемъ патріотическая приверженность къ монархизму царской власти слишкомъ глубоко вкоренена, чтобы подобный, скорѣе легкомысленный и печальный, чѣмъ серьезный и важный, казусъ могъ отразиться на настроеніи всего духовенства. Мы увѣрены, что огромное большинство столичнаго-то духовенства иными, чѣмъ авторъ, глазами смотритъ на этотъ инцидентъ. Духовенство во всѣ вѣка исторіи нашей служило и служитъ русской государственности не изъ за награды, а по убѣжденію совѣсти,—хотя въ ряды духовенства либерально-декадентскій духъ времени и проникъ въ извѣстной мѣрѣ, но въ общей массѣ оно крѣпко стоитъ на своихъ вѣковыхъ принципахъ и устояхъ и не сдвинуть его никакимъ союзомъ борьбы партіи 32-хъ. Что касается собора, то если рядовыхъ 40 тысячъ священниковъ его ждетъ и желаетъ, то вовсе не для водруженія патріарха и сверженія оберъ-прокуратуры, а для ограниченія абсолютизма и произвола епископской власти, для устранения консисторскаго беззаконія. Пусть рядовое духовенство откровенно выскажется, что давить его и обезличиваетъ въ духовномъ вѣдомствѣ, — свѣтскій мундиръ или клобукъ рясофорныхъ бюрократовъ?

А высказаться нужно, дабы не впасть духовенству въ большую напасть...

Э. Я.

¹⁾ Вотъ что союзъ объявилъ въ печати о своихъ задачахъ:—Въ Петербургѣ образовалось „Христіанское братство борьбы“. Оно возникло среди передовой части духовенства: профессоровъ духовныхъ академій, преподавателей семинарій, и къ нему примыкають уже силы изъ сельскаго и городского духовенства, а также разныя лица всѣхъ сословій, болѣвшія изъ-за упадка христіанства и церковности. Главными задачами новый союзъ ставитъ: 1) „борьбу съ безбожнымъ проявленіемъ свѣтской власти“; 2) борьбу съ пассивнымъ состояніемъ церкви въ отношеніи государственной власти, вслѣдствіе чего Церковь обречена на служеніе самымъ низменнымъ цѣлямъ и предаетъ Божье; 3) утверженіе въ социально-экономическихъ отношеніяхъ принципа христіанской любви. («Недѣля»).

ОТКЛИКИ.

О з а б ы т о м ъ .

(Эпилогъ къ газетной реформѣ нашего церковнаго управленія).

Закономъ познается грѣхъ... Законъ пришелъ и такимъ образомъ умножилось преступленіе... Я не иначе узналъ грѣхъ, какъ посредствомъ закона. Ибо я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай; безъ закона—грѣхъ мертвъ. Я жилъ нѣкогда безъ закона, но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ; и такимъ образомъ, заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти... (Рим. 3, 20; 5, 20; 7, 7—10).

Трудно понять—недостатокъ-ли это нашего гражданскаго развитія, влияніе-ли долгой крѣпостной неволи, или это просто въ „нашемъ духѣ“, а только—чувства мѣры у насъ нѣтъ ни въ чемъ. „Свободу“ у насъ скоро обращаютъ — если не въ разбой, то по меньшей мѣрѣ въ террористическій деспотизмъ партіи, при которомъ „несогласные“ подвергаются нерѣдко „во имя свободы“ физическимъ убѣжденіямъ въ „истинѣ“¹⁾.

Свобода слова у насъ скоро переходитъ въ свободу злословія. Свобода исповѣданій граничитъ съ кощунствомъ надъ всѣмъ истинно—божественнымъ и т. д. „Коль рубить, такъ ужъ съ плеча“...

То же произошло и въ нашей газетной реформѣ церковнаго управленія. Боже мой, какъ вдругъ всѣ возревновали о церковныхъ канонахъ и ихъ „обязательности“! О канонахъ вспомнили

¹⁾ Намъ извѣстенъ фактъ изъ послѣднихъ университетскихъ сходовъ въ Петербургѣ,—когда противникамъ „забастовки“ не только не дозволяли «свободы слова» съ кафедръ, но даже, если они входили на кафедру и проносили *нѣсколько* «словъ» за продолженіе занятій, ихъ гнали съ кафедры буквально по шеѣ,—разумѣется во имя «свободы... слова»!

(если только раньше слышали о нихъ что-нибудь): С. Ю. Витте (бывшій министръ финансовъ, а нынѣ председатель комитета министровъ), сославшійся въ своей „запискѣ“ въ доказательство соборнаго управленія церкви не только на правила, гдѣ объ этомъ соборномъ управленіи нѣтъ ни единого слова („20 ап. пр., VII в. соб. пр. 8“), но даже на „6 пр. восьмого вселенскаго собора“ (!?—см. газ. „Слово“ № 108 с. г.), извѣстный предсказатель погоды г. Демчинскій, весельчакъ „Новаго Вр.“ г. Скальковскій и пр. под. Не говорю уже о томъ, что въ канонахъ прямо таки „купались“ духовные писатели... Какъ все это отрадно: почти всѣ вспомнили о святой Церкви и ея законахъ. Пшеница церковной нивы стала переростать и глушить плевелы: всѣ запросили, повидимому, церковной вѣры и церковности. На основаніи *церковныхъ* каноновъ заговорили о патріаршемъ *единовластіи* даже тѣ, которые никогда не предпочитали единовластнаго начала коллегіи или представительству: тутъ получалось, впрочемъ, впечатлѣніе, выражаемое малорусской поговоркой: — „хоть гирише, да иинше“... Въ общемъ же, когда это важное дѣло нашего церковно-каноническаго оздоровленія вылетѣло на свѣтъ Божій церковно-реформаціоннымъ фейерверкомъ, то невольно являлось опасеніе и фейерверочнаго его финала: Загорѣлось, засверкало, зашумѣло, выпалило и въ результатѣ... все по-прежнему,—лишняго только холодныя жестыя стружки... А эти стружки..., ничтожныя сами по себѣ, какою тяжестью падаютъ онѣ на народное религіозное сознаніе!..

Объ этомъ почему-то забыли.

* * *

Исторія нашей православной миссіи среди раскольниковъ и сектантовъ полна примѣровъ, какъ отступники умѣло и ехидно пользуются всякимъ неосторожнымъ печатнымъ словомъ православныхъ писателей, и особенно духовныхъ, для „обличенія“ св. Церкви и соблазна православнаго народа. Сколько разъ на публичныхъ бесѣдахъ начетчикъ австрійскаго раскола И. Усовъ вычитывалъ намъ выдержку изъ извѣстной записки Мельникова о причинахъ паденія авторитета православнаго пастырства на свою паству: „можетъ-ли народъ уважать пастырей, разъ онъ слышитъ, что одинъ священникъ окрестилъ собаку, другой укралъ изъ-подъ подушки умирающаго деньги“, а также сужденія: Иванцова-Платонова о подавляющей роли оберъ-прокурора въ синодальномъ управленіи, Т. И. Филиппова—о нуждахъ единовѣрія“ и т. п.? Вычитавъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ православныхъ писателей, Усовъ обычно заключалъ ихъ такимъ назиданіемъ для присутство-

вавшихъ на бесѣдѣ: „добрые слушатели, будьте нашими судьями: вѣдь вотъ какіе пастыри—то православные и православное церковное управленіе; и это не мы пишемъ,—намъ бы миссіонеръ не повѣрилъ, онъ сказалъ бы: да вольно вамъ, раскольникамъ, писать всякія небылицы,—нѣтъ, это пишутъ православные писатели, мало того—даже ихъ пастыри и пастыри ученые, а по Златоусту, „свидѣтельства отъ враговъ достопріятнѣйша суть“...

Ревнителі раскола, въ бесѣдахъ въ православными миссіонерами, не прочь воспользоваться для впечатлѣнія на народъ даже всякимъ невѣроятныхъ „слухомъ“ любой газеты, въ родѣ извѣстнаго миссіонерской литературѣ „провала монастыря“ въ Ставропольской епархіи, о которомъ Усовъ такъ часто читалъ намъ и другимъ миссіонерамъ изъ засаленнаго № какой-то провинціальной газетки, въ доказательство Божьяго наказанія за отступленіе будто бы отъ старообрядчества...

А что теперь скажутъ нашему народу, при народившейся свободѣ религіозной пропаганды, враги православія, когда настоящее наше церковное управленіе объявлено не только въ одной свѣтской печати, но и въ духовныхъ академическихъ журналахъ, и не только людьми свѣтскими, съ которыхъ въ данномъ случаѣ „взятки гладки“, но подтверждено и нѣкоторыми даже пастырями и архипастырями, какъ противоканоничное, протестантское и т. п.?! „Добрые слушатели, скажетъ теперь раскольничій начетчикъ на публичной бесѣдѣ, можно-ли придавать хоть какое-нибудь вѣроятіе словамъ миссіонера объ истинѣ православной Церкви, когда и свѣтскіе православные мыслители, и православные священники, и православные іерархи сознались предъ цѣлымъ міромъ, что Синодъ—противоканоническое, протестантское учрежденіе, и тѣмъ не менѣе продолжаютъ молиться о немъ, т. е. о противоканоническомъ-то и протестантскомъ учрежденіи, какъ о *святѣйшемъ* правительствующемъ синодѣ? Въ господствующей церкви, выходитъ, молятся на эктеніяхъ о *святѣйшемъ протестантствѣ*? Вонъ вѣдь куда ведутъ васъ ваши пастыри—къ Лютеру злочестивому“ (слѣдуетъ выдержка изъ „Кирилловой книги“ о Лютерѣ)... Всякія „записки“ православныхъ священниковъ и интервью у православныхъ епископовъ будутъ прочтены. „Злочестіе Лютера“ будетъ приведено на справку. И каково будетъ впечатлѣніе отъ такихъ расколучительскихъ рѣчей на православный народъ!?. Порадуются-ли „полною духовною радостью“ такому впечатлѣнію тѣ „32“ столичныхъ пастыря, которые, будто не вѣдая о страшной отвѣтственности за соблазнъ „малыхъ сихъ“, такъ внезапно возгорѣли ревностью проникнуть въ исторію своей реформатор-

ской „запиской“?.. Да и задумывались-ли они надъ возможными для церкви послѣдствіями своей „записки“? Нѣтъ, они не задумывались. Они „рубилъ съ плеча“... Въ самомъ дѣлѣ,—что теперь мыслятъ такіе пастыри и архипастыри въ возносимыхъ ими церковныхъ эктенияхъ: „о *святѣйшемъ* правительствующемъ Синодѣ“ („противоканоническомъ“?!), и каково тутъ можетъ быть настроеніе ихъ молящейся паствы,—знакомой съ ихъ взглядомъ на синодъ?!

Объ этомъ почему-то забыли.

* * *

Церковь Христова „живетъ“ и, стало быть, растетъ, растетъ—поскольку растутъ понятія церковнаго стада и ширится его религиозно-правственный кругозоръ. Изъ старинныхъ нормъ своей жизни она вырастаетъ, какъ изъ одежды, шитой на извѣстный возрастъ. Одежду, изъ которой выросъ человѣкъ, онъ или бросаетъ или силой натягиваетъ ее на себя,—и она неизбѣжно жметъ его и сама рвется... Нѣчто подобное наблюдается теперь въ жизни русской церкви въ ея отношеніи къ канонамъ. Одни живутъ совсѣмъ безъ канона, другіе силой „натягиваютъ его на себя“. И то и другое одинаково ненормально. Исторія свидѣтельствуетъ, что Церковь въ подобныхъ случаяхъ, „имѣя наставленіе отъ древности“, „преуспѣвала на лучшее“ и „все устроила къ пользѣ порученныхъ паствъ“ (6 вс. соб. пр. 12), не оставляя вѣрующихъ подъ игомъ и „клятвой“ отжившаго закона. Правда — „баху обычаи въ церквахъ бываемые, изъ нихъ же онѣи *забвени* быша, инѣи отнюдъ *присташа*, инѣи правила отсѣкоша“, читаемъ въ Кормчей въ толкованіи на 19 пр. Лаодикійскаго собора; но въ каноническихъ постановленіяхъ „апостольскихъ“, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ есть такія правила, которыя, хотя и потеряли теперь всякое жизненное значеніе, однако сами по себѣ не могутъ подлежать „забвенію и престанію“; они должны быть равносильною властью или отмѣнены или видоизмѣнены, чтобы не отягощалась ими совѣсть церковныхъ людей. Въ настоящемъ же состояніи нашей церкви есть нѣчто трагическое въ смыслѣ богословско-каноническомъ: ветхозавѣтный подзаконный человѣкъ, не могшій исполнить „закона“, былъ подъ „клятвой законной“, ибо—„проклятъ *всякъ*, иже не исполнитъ писаннаго“... Христосъ избавилъ насъ отъ „клятвы законныя, бывъ по насъ клятва“. Свободные отъ „клятвы законной“ (закона Моисеева), мы едва-ли не всѣ теперь—подъ „клятвой канонической“. Спросить, какимъ это образомъ? А очень просто. „Закономъ познается грѣхъ“, и

всѣхъ, для кого этотъ законъ былъ обязателенъ и кто все же не могъ исполнить его, онъ всѣхъ „заключалъ подъ клятву“, для всѣхъ такихъ онъ сталъ источникомъ терзаній совѣсти. Теперь: апостольскими, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ правилами, извѣстнымъ образомъ нормирована христіанская жизнь. Нарушителямъ этихъ правилъ опредѣлено „отлученіе“, „анаѣма“. И вотъ въ настоящее время подавляющее большинство нашего общества не только не исполняетъ этихъ правилъ, но признаетъ излишнимъ и считается съ ними; меньшинство же и хотѣло бы пребывать подъ ихъ „игомъ“, но это для него, по условіямъ мѣста и времени, болѣе чѣмъ трудно (подвижниковъ же, какъ извѣстно, и всегда были только единицы), и оно, познавая свой грѣхъ противъ Церкви отъ „правила“ апостольскаго или соборнаго, терзается совѣстью и чувствуетъ себя подъ клятвою. Въмѣсто клятвы „законной“ мы—подъ клятвой „канонической“!.. Съ одной стороны, мы вспоминаемъ слова ап. Павла къ Галатамъ: „аще обрѣжетесь, Христосъ вы ничтоже пользуетъ“, а съ другой, слышимъ прещенія каноническихъ правилъ: „аще кто“ не исполнитъ такого или иного постановленія Церкви, то клирикъ „да будетъ *изверженъ*, а мірянинъ—*отлученъ*“; отлученіе же отъ Церкви на церковномъ языкѣ—одно и то же, что погибель духовная,—„за не кромѣ Церкви Божія нигдѣ же нѣсть спасенія“.

Объ этомъ почему-то забыли.

* * *

Въ поясненіе сказаннаго приведу нѣсколько, взятыхъ на примѣръ, каноническихъ правилъ, „пренебрегаемыхъ“ теперь въ нашемъ церковномъ обиходѣ, но, за неотмѣненностью ихъ надлежащею властью, продолжающихъ быть для насъ обязательными.

„Аще кто, епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, или іподіаконъ, или чтець, или пѣвецъ, *не постится* во святую четвердесятницу предъ пасхою, или въ среду или въ пятокъ, кромѣ препятствія отъ немощи тѣлесныя, да будетъ *изверженъ*. Аще же мірянинъ: да будетъ *отлученъ*“ (69 пр. ап. ср. Лаодик. соб. пр. 50, пр. Петра Алекс. 15).

По этому правилу, теперь, едва-ли половина клириковъ нашихъ осталась бы не изверженною и одна тысячная мірянъ не отлученною отъ церкви.

„Епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, *игръ и пьянству* предавый, или да престанетъ, или да будетъ *изверженъ*“. „Иподіаконъ, или чтець, или пѣвецъ подобное творящій, или да престанетъ, или да будетъ *отлученъ*. Также же и міряне“ (ап. пр. 42 и 43).

Кто теперь считается съ этими правилами?

По 72 пр. 6 вс. собора бракъ православнаго или православной съ еретикомъ или еретичкой *возбраненъ*; преступающіе это правило подлежатъ *отлученію*. Когда и какимъ *вселенскимъ* соборомъ отмѣнено это правило? а между тѣмъ теперь, какъ извѣстно, ни мало не обращается на него вниманія, а за послѣднее время даже и послѣднія стѣснительныя ограниченія въ этомъ отношеніи устранены. По 62 пр. 6 всел. собора, „всенародныя женскія плясанія“ и „ношеніе личинъ комическихъ, или сатирическихъ, или трагическихъ“ воспрещается съ угрозой „дерзнувшимъ дѣлати что-либо изъ вышесказаннаго“ „отлученіемъ отъ общенія церковнаго“. Когда и кѣмъ это правило *вселенскаго* собора отмѣнено? Просмотрите примѣнительно къ этому правила 6 всел. соб. 66, кареагенскаго 18, 72.

„Вчиненнымъ единожды въ клиръ опредѣлено не вступать въ мірскій чинъ: иначе дерзнувшихъ на сіе и не возвращающихся съ раскаяніемъ къ тому, что прежде избрали для Бога, *предавать анаемѣ*“ (4 всел. соб. пр. 7). За силой какого правила вселенскаго собора опредѣленіе это не имѣетъ теперь значенія? А *возбраненные* св. канонами переходы клириковъ отъ одной церкви къ другой въ видахъ корыстолюбія (напр., 4 вс. соб. 5, 20 и др.), какими канонами отмѣнены, разъ теперь въ этихъ самыхъ видахъ переходятъ не только пастыри изъ прихода въ приходъ, но иногда и архипастыри—изъ епархіи въ епархію?

Словомъ, каноническихъ правилъ, „пренебрегаемыхъ нынѣ“ въ Церкви, столько, что ихъ и не перечислить, такъ какъ во время оно ими нормировалась жизнь церковныхъ людей и въ разныхъ мелочахъ. Напримѣръ: „Епископы или клирики, украшающіе себя свѣтлыми и пышными одеждами, да исправляются; аще же въ томъ пребудутъ, подвергати ихъ епитиміи; такожде и употребляющихъ благовонныя масти“ (7 всел. соб. пр. 16). Вспомните разноцвѣтныя шелковыя и бархатныя ряссы нашихъ пастырей и архипастырей...

„Кровь какого-бы то ни было животнаго какимъ либо искусствомъ приготавливающихъ въ снѣдь и тако оную ядущихъ благо-разсмотрительно епитиміи подвергаемъ. Аще убо кто отнынѣясти будетъ кровь животнаго какимъ-либо образомъ: то клирикъ да будетъ *изверженъ*, а мірянинъ да будетъ *отлученъ*“ (6 всел. соб. 67 пр.). Вспомните бефштексъ „съ кровью“ и „кровяную колбасу“!

„Никто изъ принадлежащихъ къ священному клиру или изъ мірянъ отнюдь не долженъ вступати въ содружество съ іудеями, ни въ болѣзняхъ призывати ихъ, и врачевства пріимати отъ нихъ, ни въ баняхъ купно съ ними мыться. Аще же кто дерзнетъ

сіе творити, то клирикъ да будетъ *изверженъ*, а мірянинъ да будетъ *отлученъ*“ (6 всел. соб. пр. 11). Тутъ ужъ и не знаешь, о чемъ вспомнить! На всякій случай вспомните: биржу, банки, „обожаемыхъ“ артистовъ-евреевъ, еврейскія изданія, евреевъ докторовъ, къ которымъ теперь обращаются не только міряне, но и іерархи, аптекарей и пр. и пр. и пр.

53 пр. Лаодик. собора: „Не подобааетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, скакати или плясати“.

55 пр. того же собора: „Не подобааетъ освященнымъ, или причетникамъ, слагаяся дѣлати пиршества, ни даже мірянамъ“.

Вспомните брачные балы православныхъ со всевозможными танцами и „складчину“...

Само собою понятно, что „тонкіе“ канонисты—одни изъ правилъ апостольскихъ и соборныхъ находятъ къ нашему времени не относящимися, другія толкуютъ въ иномъ, не совсѣмъ „безсумнительномъ“ смыслѣ, и т. п.; но, къ сожалѣнію, ни въ правилахъ апостольскихъ, ни въ соборныхъ мы не встрѣчаемъ постановленія, чтобы съ теченіемъ времени *каноны ихъ*, согласно времени и мѣсту, надлежало замѣнять *толкованіями* на нихъ *частныхъ* канонистовъ, хотя бы и начиная съ 10 вѣка. А потому—съ того времени, какъ отцы 7-го вселенскаго собора изрекли: „будучи обязаны хранить *всѣ божественныя правила*, мы должны *также охраняти всеконечно неизмѣннымъ* и то...“ (11 пр.), и донинѣ всѣ соборныя и апостольскія правила остаются для насъ во всей силѣ обязательности, по неотгмѣненности ихъ равноправною властью, и, какъ таковыя, заключили „подъ клятву“ если не всѣхъ насъ во главѣ съ пастырями, то *почти всѣхъ*.

Объ этомъ почему-то забыли.

* * *

Проблески сознанія, или вліянія въ области безсознательнаго, показаннаго обстоятельства въ нашей церковной жизни проявились за послѣднее время въ желаніи всероссійскаго собора и возстановленія патріаршества. Глашатаи этого желанья, повидимому, порѣшили въ сердцѣ своемъ: соберется соборъ, изберетъ патріарха, церковь получитъ чаемую свободу и станетъ „миръ въ костѣхъ нашихъ“... Но этого „мира“ не будетъ. Болѣе того, его и не должно быть. Причина тому очень давняя. И не въ томъ она, что, какъ теперь очень часто слышится, голоса *русской* церкви, голоса соборнаго, не раздаются уже 200 лѣтъ; нѣтъ, не въ этомъ; а въ томъ, что голоса *вселенской* православной церкви не слышится уже не 200, а свыше 1100 лѣтъ, т. е. со времени

послѣдняго 7 вселенскаго собора. Вотъ, думается, гдѣ причина и нашего каноническаго нестроенія и разныхъ, не всегда пристойныхъ, компромиссовъ въ нашей церковной жизни вообще и каждаго изъ ея членовъ въ частности. Кто дерзнетъ подумать, что въ нашей православной христіанской церкви можетъ быть только *семь* вселенскихъ соборовъ, когда на протяженіи тысячелѣтія въ ней можетъ быть нужда въ *непогрѣшимомъ* авторитетѣ не разъ, не два, не десять, а, быть можетъ, тысячи разъ? А такой *непогрѣшимый* вседостаточный авторитетъ и можетъ имѣть *только* вселенскій соборъ, какъ *единственный* органъ „Духа Утѣшителя, наставляющаго на всяку истину“, обѣтованнаго и посланнаго Христомъ Его святой церкви въ день Пятидесятницы! И ужели этотъ авторитетъ,—ужели самый „Духъ истины“ съ 787 г. обреченъ на молчаніе? Предполагать это было бы богохульствомъ. Въ католической доктринѣ о папской непогрѣшимости была попытка объясненія такого молчанія Святаго Духа: будто бы въ правленіе явно нечестивыхъ папъ (въ родѣ Александра Боржіа) промысломъ Божиимъ устрояется такъ, что не бываетъ въ это время нужды въ непогрѣшимомъ авторитетѣ, но эта попытка встрѣтила въ богословской и церковно-исторической наукѣ полное фіаско. Повторять подобное объясненіе едва-ли теперь кто рѣшится. А тѣмъ не менѣе голоса вселенской Церкви, какъ органа „наставленія Св. Духа“, не „раздается“—вторая тысяча лѣтъ! Недавно однимъ изъ восточныхъ патріарховъ былъ поднятъ въ этомъ смыслѣ вопросъ, но у насъ тогда этого вопроса точно убоялись и вмѣсто вселенскаго собора предложили нѣчто небывалое въ исторіи—вселенскую... *переписку*. Молчанію вселенскаго авторитета предложено было разрядиться въ „отношеніяхъ“ со всѣми ихъ „вслѣдствіями“...

Намъ теперь и думается, что (если суждено быть всероссійскому собору, и онъ соберется, то едва-ли не первымъ его дѣломъ станетъ вопросъ о *вселенскомъ* соборѣ. Думаемъ это, предполагая, что соборъ начнетъ отъ „каноновъ“, т. е. отъ тѣхъ постановленій вселенской Церкви, по суду которыхъ, едва-ли не весь составъ собора окажется состоящимъ изъ лицъ, подлежащихъ—или изверженію изъ сана, или отлученію отъ Церкви. А если этотъ соборъ составитъ еще изъ однихъ епископовъ-монаховъ, то и „каменіе возопіютъ“... Не будемъ касаться фактической стороны дѣла—вопроса о томъ, кого ужъ давно приуготовляютъ наши!духовныя академіи въ кандидаты на епископство въ лицѣ разныхъ отставныхъ офицеровъ, гимназистовъ, „смирненныхъ“ юношей изъ семинарій и прочихъ неудачниковъ, потерявшихъ естественную

надежду стать въ жизни не ниже своихъ товарищей и потому давшихъ, „кому слѣдуетъ“, „обѣтъ монашества“ въ огнепальномъ чаяніи архіерейства... Подержимъ пока „сорь въ избѣ“, хотя онъ, правду сказать, и не совсѣмъ безвреденъ для ея воздуха... Коснемся стороны канонической. Теперь у насъ на зданіи епископата начертано: „немонахъ да не внидетъ“. А по каноническимъ правиламъ, монахъ-епископъ—*contradictio in adjecto*. Для того, чтобы понять самопротиворѣчіе монашескаго епископства, достаточно вспомнить обѣты монашескіе и епископское служеніе. Вспомните изъ чина монашескаго пострига троекратное „возьми ножницы и подаждь ми“, какъ символъ полнаго отреченія монаха отъ собственной воли, и затѣмъ... трепеть предъ архіереемъ-монахомъ цѣлой епархіи, а иногда и нѣсколькихъ, съ тысячами не-монаховъ пастырей... Вспомните отреченіе монаха отъ *міра* и служеніе епископа—нравственное руководство имъ *жизни* тысячи пастырей и милліона *мірянъ*!.. Беремъ эту мысль изъ каноническихъ правилъ. Во 2 пр. „святаго собора, бывшаго во храмѣ Премудрости слова Божія“, читаемъ: „хотя доннѣ *нѣкоторые архіереи*, низшедшіе въ монашескій образъ, усиливались пребывать въ высокомъ служеніи *архіерейства*, и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія: но сей святыи и вселенскій соборъ, ограничивая такое *недосмотрѣніе*, и, возвращая сіе *въ порядокъ* допущенное дѣйствіе къ *церковнымъ уставамъ*, опредѣлилъ: аще который *епископъ*, или кто иной *архіерейскаго сана* восхоцетъ снити въ *монашеское житіе*.., таковой впредъ уже да не взыскуетъ употребленія *архіерейскаго* достоинства. Ибо обѣты *монашества* ющихъ содержатъ въ себѣ долгъ *повиновенія и ученичества*, а не *учительства или начальствованія*: они обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти...“ По 4 пр. 4 всел. собора и 22 пр. 7-го вс. соб., монашествоующіе сохраняютъ безмолвіе и, по 6 пр. Двукр. собора, не должны имѣть собственности. А епископы, по самому своему служенію, не должны быть безмолвными (1 Тим. 3, 1—7; 4, 11—16 и др. 19 пр. 6 вс. соб. и др.) и могутъ имѣть собственное имущество (Ап. пр. 40, 4 вс. соб. 22; 6 вс. соб. пр. 35; Ант. соб. пр. 24; Кир. алек. 2 пр. и др.). Такимъ образомъ, и самые архипастыри наши предъ судомъ св. каноновъ могутъ почувствовать себя стѣснительно. И въ общемъ на соборѣ всероссійскомъ, если тамъ найдутъ нужнымъ освѣдомиться о канонахъ, всѣ, пожалуй, будутъ крѣпиться предъ своей совѣстью, какъ „подклятенные“, поелику они издавна являлись и продолжаютъ являться нарушителями постановленій вселенской Церкви, которая ея никогда

не отмѣнялись и которыя для нихъ по этому самому всегда были обязательными.

Нужно думать, что и для восточныхъ православныхъ церквей создалось теперь положеніе во многомъ такое же. Для католической церкви, гдѣ каноны создаются въ уровень времени и обстоятельствъ, гдѣ есть „непогрѣшимый“ папа и гдѣ состоялось уже болѣе 20 вселенскихъ соборовъ, нѣтъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнеканоническаго гнета постановленій древнѣйшей церкви. А мы—чада православной католической Церкви—въ другомъ положеніи: мы и доселѣ—„подъ канонами“ первыхъ 8-ми вѣковъ, нами „пребрегаемыми“, хотя для насъ и обязательными, т. е. подѣ ихъ „клятвой“. *Освободить* насъ отъ этой „клятвы“ можетъ только власть, равносильная положившей „клятву“. А кому непонятно, какъ поднимается духъ „освобожденнаго“, какъ радостно и продуктивно онъ работаетъ и подвигается впередъ по пути своего совершенствованія!

Итакъ, для умиротворенія православной церкви; умиротворенія всецѣлаго, нуженъ не *россійскій* только соборъ, а нужна власть, полноправная пересмотрѣть всѣ каноны, начиная съ апостольскихъ, — по примѣру 6 всел. собора, видоизмѣнившаго въ „преуспѣваніи на лучшее“ даже апостольское постановленіе (12 пр. ср. 5 пр. ап. 1 Тим. 3, 2—5); нужны авторитетъ и власть, способные освободить насъ отъ древнихъ каноническихъ оковъ и внести въ настоящую удушливую нашу церковную атмосферу свѣжія струи своего здороваго воздуха! Вотъ что нужно для врачеванія нашихъ церковныхъ недуговъ и для успокоенія насъ, чадъ „святой, соборной и апостольской Церкви“, — *нуженъ соборъ не всероссійскій, а вселенскій.*

Объ этомъ почему-то забыли.

Н. Гринякинъ.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XXXII.

Прошелъ мѣсяць со дня объявленія великодушнаго гуманнѣйшаго акта Царской воли, расширившаго начала вѣротерпимости до предѣловъ, о которыхъ еще такъ недавно не смѣлъ никто ни думать, ни говорить громко и открыто.

Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля оправдалось предвѣщаніе Достоевскаго о томъ, что русскіе самодержцы могутъ дать съ высоты трона такую свободу, которая удивитъ западъ. Одна изъ такихъ свободъ нынѣ единымъ мановеніемъ Самодержца осуществлена въ Россіи и ей, дѣйствительно, пріятно удивился и западъ и Россія.

Конечно, свобода эта радостно взволновала всю такъ называемую интеллигентную либеральную и радикальную Россію и ея представительницу—свѣтскую печать того же направленія.

Впрочемъ, здѣсь необходимо оговориться: печать наша вся безъ различія торжественно привѣтствовала вѣроисповѣдной законъ 17 апрѣля, признавая, что „17 апрѣля блеснулъ, наконецъ, яркій свѣтъ религіозной свободы, открылась новая эра религіозной терпимости и свободы въ предѣлахъ Россіи“,—такъ писали либеральныя „Русс. Вѣд.“. „Свѣтъ свободы широкими лучами озарилъ всѣ иновѣрныя Церкви и согласія въ Россіи, не коснулся, увы, лишь православной Церкви, она одна осталась въ тѣни отъ этого праздничнаго свѣта“,—говоритъ реакціонный „Гражданинъ“. „Отнынѣ день 17 апрѣля будетъ знаменательнымъ, а Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости поистинѣ безпримѣрнымъ“,—свидѣтельствууютъ клерикально—консервативныя „Моск. Вѣдомости“.

Въ томъ же духѣ и тонѣ отозвался о вѣроисповѣдной свободѣ и духовный академическій журналъ „Церковн. Вѣстникъ“, который всегда былъ въ духовной журналистикѣ „передовымъ“, а въ послѣднее время принялъ тонъ рѣзко оппозиціонный въ отношеніи существующаго церковнаго status quo.

„Высочайшее повелѣніе 17 апрѣля о свободѣ исповѣданія, радостною воскресною пѣснью разнесшееся во всѣ концы далекой Россіи,—читаемъ въ 17 № „Церк. Вѣстн.“,—отзовется, несомнѣнно (?), чувствомъ нравственнаго удовлетворенія (!) и въ сердцахъ всѣхъ (?) православныхъ людей. Пастырь Церкви обрадуется (?) этому закону, такъ какъ съ этихъ поръ снимается тяжелое нареканіе на Святую Церковь, которой ея недруги обычно ставили въ вину всѣ недочеты государственной политики (?) въ дѣлахъ вѣры. Истинно православные люди не могутъ не привѣтствовать (?) этого закона, такъ какъ отмѣненная нынѣ политика полицейской опеки надъ совѣстью людской принесла, несомнѣнно, только существенный вредъ церковной жизни... Утвержденное Высочайшею волею постановленіе комитета министровъ представляетъ ясно (?) и послѣдовательно (?) проведенный принципъ вѣротерпимости“ и т. д.

Мы поставили подъ знаки вопроса и удивленія нѣкоторыя самоувѣренныя обобщенія и рискованныя утвержденія почтеннаго органа столичной академіи, такъ какъ отъ нихъ слишкомъ отдастъ доктринерствомъ кабинетныхъ людей, такъ же мало знающихъ жизнь и людей, какъ и предметъ, о которомъ писатели „Церк. Вѣстн.“ говорятъ такъ увѣренно съ высоты своего академическаго олимпа. Впрочемъ, передовые строки своей радости и одобренія по поводу закона 17 апрѣля журналъ самъ же нѣсколько ниже, въ той же передовицѣ, растворяетъ слезами справедливой скорби. Трактую о грозящей православію опасности отъ измѣнившагося положенія иновѣрія и русскаго диссидентства, съ изданіемъ закона 17 апрѣля, „Церк. Вѣстн.“ признаетъ, что

„разница въ положеніи иновѣрія и православія въ настоящій моментъ слишкомъ ощутительна, опасность расхищенія православнаго стада слишкомъ велика и жгуча. Свободная въ своей внутренней жизни, одаренная (?) правами свободнаго выбора себѣ духовныхъ руководителей, нестѣсненная никакими формальностями въ своей хозяйственной и административной дѣятельности, имѣющая права юридическаго лица—иновѣрческая и особенно старообрядческая церковная община, несомнѣнно, окажется болѣе стойкою, близкою къ жизни, болѣе способною привлечь къ себѣ прозелитовъ, чѣмъ современный, существующій только на бумагѣ (?), лишенный юридическихъ правъ православный народъ“.

А если такъ, на какомъ же основаніи выше утверждать „Церк. Вѣстн.“, что и пастыри, и всѣ истинно православные люди будто бы обрадуются новому закону о свободѣ вѣроисповѣданій? Какая же можетъ быть радость, особенно въ сердцахъ пастырей, при великой и жгучей опасности расхищенія ихъ паствы! Такъ говорить, значить не знать настроенія нашего пастырства и народа въ ихъ массѣ. А опасность, отмѣченная „Церковнымъ Вѣстникомъ“, не мнимая, а дѣйствительная, сразу же дающая себя чувствовать. Немного прошло времени со дня 17 апрѣля, а сколько уже промелькнуло на столбцахъ газетъ случайныхъ, но зловѣщихъ для пастырей сообщеній, которыя должны повергать въ печаль и „истинно-русскихъ людей“, потерявшихъ живой вѣры въ благодать и истину православія. Освободившись отъ сдерживающей фанатизмъ и грубое кощунство руки государственной власти, наши гордые и законсѣлые диссиденты сразу же берутся за мобилизацію своихъ силъ и средствъ для активной борьбы съ господствующею православною Церковью и для расхищенія ея, для сверженія съ себя такъ или иначе неудобныхъ религіозныхъ и церковныхъ стѣсненій. О старообрядцахъ сообщаютъ, что у нихъ уже состоялось собраніе выборныхъ старообрядческаго общества, созваннаго для обсужденія вопроса о томъ, какъ должны быть *использованы права*, предоставленныя Высочайшей властью старообрядческимъ обществамъ.

Большинство склонилось къ тому, что знаменательный день признанія свободы вѣроисповѣданій долженъ быть увѣковѣченъ не однимъ какимъ-нибудь памятникомъ, въ родѣ созданія инвалиднаго дома, но заботой объ *усиленіи и укрѣпленіи старообрядчества, о развитіи самостоятельности старообрядческихъ общинъ, усиленіемъ просвѣтительной дѣятельности и разработкой ряда вопросовъ, до сего времени остававшихся въ тѣни.*

Петербургскіе старообрядцы, желая достойно ознаменовать незабвенный для нихъ день 17 апрѣля, рѣшили открыть приемъ пожертвованій на постройку *въ центрѣ столицы старообрядческаго храма во имя святыхъ, празднуемыхъ 17 апрѣля, со школой для дѣтей-старообрядцевъ при этомъ храмѣ.* Изыявили желаніе принять матеріальное участіе въ этомъ дѣлѣ многія лица.

За средствами, конечно, у раскольниковъ дѣло не станетъ.

Предстоящимъ лѣтомъ (въ августѣ) въ Нижнемъ рѣшенъ съѣздъ старообрядцевъ, имѣющій цѣлью обсудить свои религіозныя нужды вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ сдѣланіемъ свободы исповѣданія.

Изъ *Прибалтійскаго* края цѣлый рядъ сообщеній указываетъ, что тамъ диссидентское движеніе не замедлило сказаться какъ въ эстской, такъ и въ латышской частяхъ Лифляндской губ.

Какъ сообщаетъ „Рижск. Вѣстн.“, къ рижскимъ пасторамъ уже являлись различныя лица православнаго вѣроисповѣданія, требовавшія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже демонстративно, присоединенія ихъ къ лютеранству. Такого же рода желаніе было высказано крестьянами Юрьевского уѣзда.

Въ *Ригѣ*, 23 апрѣля, на Гердеровской площади, около дома пастора лютеранской церкви, собралась толпа православныхъ инородцевъ и демонстративно требовала *немедленнаго* присоединенія къ лютеранству. Пасторъ отклонилъ неумѣстную демонстрацію, заявивъ, что для присоединенія требуется предварительная подготовка въ знаніи вѣры. Изъ *Екатеринославской* губерніи сообщаютъ, что тамъ въ д. Орловкѣ 21 апрѣля штундисты совершали свое, разрѣшенное указомъ 17 апрѣля, богослуженіе съ такою вызывающею помпой, что непременно произошло столкновеніе молящихся сектантовъ съ православнымъ населеніемъ, окончившееся прискорбнымъ случаемъ взаимнаго избіенія и арестомъ.

Изъ *Холмскаго* края сообщаютъ, что тамъ люблинскій католическій епископъ Янчевскій, впервые послѣ 30 лѣтъ, совершаетъ объѣздъ тѣхъ раіоновъ, гдѣ имѣются упорствующіе униаты, давно жаждущіе отпасть отъ православія, въ количествѣ сотенъ тысячъ; и есть опасность, что множество храмовъ останется безъ прихожанъ и закроется. Въ половинѣ мая имѣетъ быть въ г. Холмѣ съѣздъ мѣстнаго православнаго духовенства подъ предсѣдательствомъ архіепископа Иеронима. Въ Читѣ состоялся съѣздъ бурятовъ, — въ за-сѣданіяхъ 29 и 30 апрѣля постановлено ходатайствовать о введеніи преподаванія въ начальныхъ школахъ на монгольскомъ языкѣ, объ уничтоженіи ограниченія въ приемѣ буддистовъ и шаманистовъ въ учительскія семинаріи и институты, объ увеличеніи числа казенныхъ и общественныхъ стипендій въ учебныхъ заведеніяхъ, о разрѣшеніи издавать газету на монгольскомъ языкѣ и о наименованіи бурятовъ буддистами, а не ламаитами; рѣшено послать въ Петербургъ, въ комиссію по обсужденію вопросовъ исповѣданія, депутатовъ отъ мірянъ и духовныхъ лицъ просить о разрѣшеніи свободно печатать и выписывать изъ-за границы священныя книги подъ цензурой хамбо-ламы; свободно пропускать на таможенныхъ тибетскія лѣкарства; представить большую независимость отъ администраціи хамбо-ламѣ; открыть богослуженіе въ буддійскомъ дацанѣ въ Читѣ.

Но вѣдь это только первые цвѣтики въ расколо-сектантскомъ и иновѣрномъ саду, первые колючіе шипы на прекрасной (по существу) розѣ новаго вѣроисповѣднаго закона 17 апрѣля. Несомнѣнно, есть пастыри, съ легкимъ сердцемъ и съ не менѣе легкой мыслию встрѣтившіе ни для кого такъ не тягостный по своимъ послѣдствіямъ, какъ именно для нашего духовенства—законъ 17 апрѣля. Образцомъ такого легкомыслія можетъ служить странное заявленіе священника въ письмѣ въ редакцію газеты „Русь“. Вотъ это письмо, составляющее въ своемъ родѣ знаменіе времени:

Объявлена вѣротерпимость и, какъ логическій выводъ отсюда, дана возможность лучшему, сильному своей внутренней мощью исповѣданію привлекать къ себѣ послѣдователей. Но вотъ вопросъ: имѣть ли право то или другое исповѣданіе открыто проявлять себя? Въ частности: имѣютъ ли право русскіе христіане, не разрывая связи съ православнымъ славянскимъ синодомъ, сохраняя братскую связь въ вѣрученіи со всѣми христіанами, образовать чисто-русскую общину христіанъ, устроить для себя въ Петербургѣ или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ храмъ, въ которомъ бы совершалось богослуженіе на чисто русскомъ языкѣ, при чемъ не въ дословномъ переводѣ со славянскаго, а создавая то, которое бы соотвѣтствовало лучшему выраженію религіознаго чувства, привлекая для этого лучшія свои силы, таланты: литературные, художественные, музыкальные, давая священнослужителямъ просторъ импровизаціи не только въ дѣлѣ проповѣданія, но и въ молитвѣ—по примѣру апостоловъ, чтобы богослуженіе не носило механическаго, грамофоннаго характера? Однимъ словомъ, имѣютъ ли право русскіе люди молиться на своемъ родномъ языкѣ, какъ молятся японцы, грузины, эсты, якуты? имѣютъ ли право создать новый обрядъ, какъ дано право единовѣрцамъ сохранять старый? не учиняя раскола, не впадая въ сектантство, имѣютъ-ли право выбрать изъ своей среды священнослужителей, которые бы выразили желаніе и согласіе служить русскому дѣлу, получивъ санкцію отъ синода?

Здравый смыслъ говорить, что все это не только можно, но должно быть. Пусть тѣ, кому дорогъ славянскій языкъ, остаются при славянскихъ церквахъ, но кому не въ мочь, отчего бы имъ не позволить сдѣлать то, къ чему лежитъ ихъ душа. Пусть была бы такая одна церковь на первое время, пусть былъ бы одинъ русскій приходъ изъ желающихъ, къ которому примкнула бы интеллигенція, оцѣнившая бы такое святое начало. Но что можно и должно, какъ логическій выводъ, бываетъ при извѣстныхъ условіяхъ «нельзя» въ дѣйствительности! Хотѣлось бы знать положительное мнѣніе и отвѣты на поставленный вопросъ. Вѣдь отъ него зависитъ многое: расколь и сектантство могутъ вырости, могутъ и совсѣмъ пропасть, ибо будетъ тогда едино стадо и Единъ Пастырь—Христосъ.

(„Русь“, № 116).

Что же касается „истинно-русскихъ“ людей, то напрасно академическій журналъ ручается за всеобщую радость. Если почтенный органъ имѣетъ въ виду *подлинныхъ* истинно-русскихъ

людей, сыновъ глубоко и живо-вѣрующихъ въ свою православную Церковь, которые обрѣтаются въ народной средѣ, то онъ очень ошибается, думая по вышеизложенному въ его передовицѣ: мы близко знаемъ психологію и логику этой среды и получаемъ по этому поводу свѣдѣнія совсѣмъ нерадостныя. Всѣ наши, на-примѣръ, корреспонденты—люди разныхъ профессій и положеній въ Церкви и обществѣ—свидѣтельствуютъ въ одномъ тонѣ, что вѣроисповѣдныи законъ 17 апрѣля, будучи по принципамъ, по благимъ цѣлямъ и высоко-христіанскимъ побужденіямъ истинно благочестиваго нашего Монарха—событіемъ свѣтлымъ, радостнымъ, однако въ душѣ ни у кого не порождаетъ полной радости, не даетъ довлѣющаго удовлетворенія, а, наоборотъ,—чувствуется какая-то тоска, давящая на мозгъ и сердце, и это чувство не у однихъ православныхъ, а тоже и у вѣрующихъ вдумчивыхъ старо-обрядцевъ. У послѣднихъ есть на это свои причины, о нихъ мы скажемъ ниже. Что касается православныхъ, то объясняется это отчасти слишкомъ крутымъ и быстрымъ, а можетъ быть и преждевременнымъ поворотомъ въ вѣроисповѣдной политикѣ нашего государства, отчасти неподготовленностью почвы въ православной массѣ и въ диссидентствѣ нашемъ къ воспріятію и уразумѣнію закона, а также и благоговѣйнымъ уваженіемъ къ прежнимъ авторитетамъ церковнымъ и государственнымъ, которые создали дѣйствовавшую доселѣ политику, какъ, на-примѣръ, м. Платонъ-Лѣвшинъ, м. Филаретъ-Дроздовъ, м. Григорій и цѣлая плеяда государственныхъ людей, заканчивая К. П. Побѣдоносцевымъ, не принимавшимъ участія въ совѣщаніи и наоборотъ—недовѣріемъ къ авторитетности лицъ, подготовившихъ вѣроисповѣдную реформу, проведенную съ необычно у насъ поспѣшностью, проведенную къ тому же не въ установленномъ для закона порядкѣ—Высочайшимъ докладомъ, а не чрезъ Государственный Совѣтъ. Когда такимъ путемъ было проведено Высочайше утвержденное въ 1894 г. постановленіе Комитета Министровъ, то сколько было по этому поводу газетныхъ воплей! Что таково именно настроеніе православныхъ людей, приведемъ для доказательства одно изъ писемъ къ намъ человека просвѣщеннаго (изъ купеческой среды), обладающаго счастьемъ глубокой и сознательной вѣры, выстрадавшаго имъ путемъ долгаго блужданія по дебрямъ раскола. Вотъ оно:

„Съ болью въ сердцѣ, въ угнетенномъ состояніи духа, пишу вамъ это письмо. Можно ли было помыслить нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чтобы надъ нашею страдающею церковью стряслась такая *бѣда*, какъ послѣднія узаконенія о вѣроисповѣдной сво-

бодѣ. Появленіе этого закона во время внутренней злой смуты еще усугубляетъ печаль людей, любящихъ свою мать—церковь, которой нанесено тяжелое оскорбленіе.

Если бы вы знали, какіе ужасы здѣсь у насъ, въ посадѣ Воронкѣ, приходятъ въ голову вѣрующихъ людей! По поводу послѣднихъ узаконеній о вѣрѣ спрашиваютъ: ужь, не уклонилось ли большинство нашихъ іерарховъ въ нечестивое масонство, иначе—говорятъ—какъ могли они дать свое согласіе на такіа мнѣнія, которыя явно противъ церкви и неканоничны, или—почему теперь не слышно протестующаго голоса архипастырей въ защиту Церкви и своихъ пасомыхъ противъ государственнаго узаконенія, нанесшаго православію великій ущербъ. Неужели прежніе великіе святители были малаго ума и черстваго сердца? Получивъ № 6 „Миссіонерск. Обозр.“, я думалъ: вотъ прочту вашу статейку „Со скрижалей сердца“ и отведу душу. Развернулъ таковую и, къ прискорбію моему, ничего не нашель въ ней отраднанаго, и вы, В. М., положили на уста свои молчаніе, слѣдуете по стопамъ молчащихъ архипастырей и пастырей! Чтожъ, можетъ быть такъ и слѣдуетъ, молчаніе вѣдь золото, да и покойнѣе.

Разъясните, Бога ради, намъ, недоумѣвающимъ, поскорѣе хоть вотъ этотъ вопросъ: въ силу послѣдняго закона, всѣ ли обязаны называть австрійцевъ и послѣдователей прочихъ согласій *старообрядцами*, а не раскольниками? Какъ наши архипастыри, пастыри и церковныя учрежденія отнынѣ будутъ именовать отщепенцевъ отъ Церкви—*раскольниками* или *старообрядцами*? Если раскольники—старообрядцы, то кто же мы-то православные? Вѣдь кто-нибудь въ этой вѣковой распрѣ да учинилъ же расколъ со вселенскою церковью. Развѣ именованіе „раскольникъ“ сочинено для оскорбленія отколовшихся по обрядовымъ заблужденіямъ отъ единства съ истинною Церковью, вѣдь терминъ этотъ, какъ извѣстно, принадлежитъ творчеству вселенскаго учителя св. Василія Великаго, принятъ въ обдержное употребленіе вселенскимъ соборомъ. Нашему скудоумію кажется, что его можетъ отмѣнить никто другой, а только вселенскій соборъ.

А если я, слѣдуя закону церкви нашей и по убѣжденію моей религіозной совѣсти, буду именовать попрежнему заблудшихъ моихъ единокровныхъ (я вѣдь самъ, какъ знаете, коснѣль въ расколѣ) раскольниками, а не старообрядцами, то могу-ли я подлежать гражданскому суду и наказанію? Навѣрное, раскольники теперь насъ, православныхъ, за этотъ терминъ, какъ признанный „оскорбительнымъ“, будутъ привлекать къ суду. А также и еще спрочить желаю васъ о смѣшанныхъ бракахъ, разрѣшенныхъ гражданскимъ закономъ съ раскольниками и сектантами, безъ присоединенія послѣднихъ? Но вѣдь это разрѣшеніе противно опять таки канонамъ вселенскихъ соборовъ. И какъ не принято въ разсужденіе, что вѣдь старообрядческіе попы, или настоятели, какъ ихъ называетъ новый законъ, ни за что не будутъ ни вѣнчать, ни выдавать свидѣтельствъ метрическихъ своимъ, желающимъ жениться или выходить замужъ за православнаго, ибо это во-

преки канонамъ, а на этотъ счетъ старовѣры, къ ихъ похвалѣ, тверды и неуклонны. Слѣдовательно, наши, желающіе брачитья, при теперешней свободѣ, должны будутъ переходить въ расколъ. Новый способъ совращенія. Все это камнемъ ложится на сердце, и мутитъ совѣсть нашу. Разъясните **хотя бы** письменно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ К.“.

Такъ мрачно настроены и скорбно чувствуютъ себя вѣрующіе истиннорусскіе люди.

Что же касается вдумчивыхъ старообрядцевъ, то у нихъ, послѣ первыхъ порывовъ вполне естественнаго и понятнаго восторга и умиленія, уже и теперь можно подмѣтить душевную неудовлетворительность.

Къ слову замѣтить, восторгу этому много споспѣшествовала высочайшая депутація, посланная, какъ извѣстно, для присутствованія при распечатаніи рогожскихъ алтарей: сіятельные депутаты пожелали подчеркнуть свое отмѣнное вниманіе къ старообрядчеству тѣмъ, что съ представителемъ мѣстной власти градоначальникомъ Волковымъ, вмѣсто Успенскаго собора, изволили присутствовать на пасхальномъ богослуженіи въ старообрядческомъ Рогожскомъ храмѣ. Любезность, достойная запечатлѣнія даже на скрижаляхъ исторіи!

Академическіе писатели восхищаются ясностью и послѣдовательностью вѣронсповѣднаго закона 17 апрѣля, а вотъ старообрядцы, наоборотъ, недовольны его непослѣдовательностью. На-дняхъ насъ посѣтили два секретаря „старообрядческихъ архіереевъ“—московскаго Іоанна Картушина и петербургскаго Виталія. По ихъ словамъ „старообрядцы очень огорчены именно непослѣдовательностью закона 17 апрѣля, который далъ то, чего никто и никогда не просилъ, и отнялъ то, что доселѣ составляло неприкосновенность и привиллегію; давая свободу богослужебнаго культа, новый законъ, вопреки нашему желанію, требовсправителей нашихъ выдѣлилъ въ особое духовное сословіе, взялъ его подъ государственнѣйшій учетъ, давъ права по воинской повинности, но этимъ мы не можемъ воспользоваться, такъ какъ у насъ ранѣе 25 лѣтъ никого въ духовнѣйшій чинъ не посвящаютъ; онъ возложилъ обязанности на нашихъ духовныхъ лицъ, какъ, на примѣръ, веденіе метрикъ, которыя, по нашему ходатайству, должна вести община, а іерархическіе титулы, свободно существовавшіе у насъ и уже укоренившіеся, современи существованія Бѣлокриницкой іерархіи, а главоое—соотвѣтственныя церковнымъ законамъ и правиламъ, замѣнили, какъ бы въ насмѣшку, новымъ произвольнымъ на-

званіемъ какихъ-то „настоятелей и наставниковъ“. Наши священнослужители не могутъ называться „настоятелями“ разъ у насъ трехчинная іерархія, и духовенство наше получаетъ іерархическое посвященіе въ саны епископа, іерея и діакона. Если признаетъ законъ правоспособность къ совершенію всѣхъ обрядовъ и таинствъ за нашими духовными лицами, то онъ долженъ признать и принадлежащіе имъ титулы. Если еще старообрядческіе священники, по примѣру православныхъ, могутъ въ официальныхъ документахъ титуловаться „настоятелями“, то какъ же называться епископу, діакону? Вы знаете, когда въ официальныхъ документахъ наши духовныя лица станутъ именоваться несоотвѣтствующимъ, носимому сану, именемъ, то, вѣдь, это равносильно отреченію отъ своего сана и по канонамъ таковыя должны быть извержены. Вы сами понимаете хорошо, что мы не можемъ на этомъ успокоиться и будемъ вновь беспокоить правительственную власть распутать этотъ узелъ. Смѣшанныхъ браковъ мы тоже не просили, и мы вѣнчать такіе браки не станемъ вопреки канонамъ церковнымъ“...

Таковъ отзывъ о законѣ 17 апрѣля упомянутыхъ выше представителей старообрядчества. Какъ видите, и здѣсь нѣтъ радости и удовлетворенія. Старообрядчество считаетъ, что оно съ высоты трона признано истинно-русскимъ, падежнымъ, благочестивымъ, а между тѣмъ законъ 17 апрѣля уравниваетъ его въ правахъ и привилегіяхъ съ еретиками сектантами, среди которыхъ есть такіе изувѣры, которымъ не дали бы и въ Америкѣ полноты ни религіозныхъ, ни гражданскихъ правъ. Таковы, на примѣръ, малеванцы, съ ихъ бреднями о пришедшемъ въ плоти Христѣ Спасителѣ въ лицѣ Малеваннаго, съ ихъ нервно-психопатическимъ культомъ, іеговисты,—эти религіозные анархисты, ноховцы—съ ихъ безумною въ духѣ пугачевщины проповѣдью о царствующемъ Государѣ; а гнусные хлысты, мормоны,—неужели и они получаютъ по закону 17 апрѣля всѣ права неограниченной религіозной свободы, на-ряду со старообрядцами? Да и въ нѣдрахъ безпоповскаго раскола есть такіе толки, которые не лучше американскихъ мормоновъ, не терпимыхъ ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. По буквѣ и духу новаго закона права всѣхъ сектантовъ одинаковы.

Болѣе всего коробитъ старообрядцевъ то, что требоисправители ихъ или „настоятели“, по закону 17 апрѣля, утверждаются въ должностяхъ правительственной властью, которая даетъ разрѣшеніе и на монашескіи постригъ, соединенный съ перемѣною мірскаго имени, а также запрещеніе надѣвать священническое облаченіе

при совершеніи частныхъ требъ. „По закону 17 апрѣля, наши общины и духовныя лица теряютъ прежнюю свободу своего положенія и дѣйствій и подпадаютъ подъ фѣрулу цезарепализма, которую стремится сбросить съ себя и ваша господствующая Церковь... Особое совѣщаніе С. Ю. Витте поставило намъ западню: давъ дѣлный стаканъ сладкой заправки, предпонесло старообрядчеству ядовитую пилюлю, но мы ее не проглотимъ, — вотъ лѣтомъ соберется всероссійскій съѣздъ представителей старообрядчества и мы снова будемъ ходатайствовать, пока не достигнемъ того, чего мы желали и добивались, — полное-то удовлетвореніе вмѣсто насъ получила штунда и другіе зловредныя „еретики“, — такъ рассуждаютъ въ мірѣ поповскаго старообрядчества. Отсюда, полагаемъ ясно, что законъ 17 апрѣля не только не даетъ полной радости старообрядчеству, но смущаетъ его паче прежняго. Подъ впечатлѣніемъ милостивой Высочайшей телеграммы по поводу распечатанія рогожскихъ алтарей, старообрядцы серьезно уповаютъ на всероссійскій церковный соборъ, предъ которымъ намѣрены возбудить вопросъ о снятіи клятвъ и признаніи Бѣлокриницкой іерархіи.

А пророс, замѣтимъ, что православной миссіи и нашимъ расколывѣдамъ слѣдуетъ теперь же заняться выясненіемъ великаго вопроса о примиреніи враждующихъ противъ Церкви братьевъ старообрядцевъ, хотя бы той ихъ части, которая менѣе другихъ согласій удалилась отъ единства вѣры съ общерусскою семьей. По нашему крайнему разумѣнію, старообрядцамъ болѣе нечего искать у правительства, оно имъ дало больше того, что могло дать, не нарушая законовъ Церкви, — теперь имъ надо искать милостей у Церкви православной, господствующей. Объ этомъ побесѣдуемъ въ другой разъ. Теперь посмотримъ — у кого же та радость на сердцѣ, которую усмотрѣла либеральная печать по поводу 17 апрѣля. Можетъ быть у такъ называемой „ищущей“ интеллигенціи?

Нисколько! Какъ выясняется нынѣ, законъ 17 апрѣля не удовлетворяетъ и анти-церковную „либеральную интеллигенцію“, такъ настойчиво и усердно работавшую въ печати и обществѣ противъ Церкви и въ пользу религіозной свободы. Вотъ какъ меланхолически рассуждаетъ одинъ изъ передовыхъ глашатаевъ этой свободы, посѣдланный въ литературныхъ бояхъ за интересы старообрядчества и сектанства, по поводу дарованной 17 апрѣля религіозной свободы, — г. Пругавинъ въ № 17 „Права“:

„Это не полная вѣротерпимость, не полная свобода совѣсти, какъ слишкомъ опрометчиво провозгласили было впопыхахъ нѣкоторыя газеты — русскія и иностранныя. Это не та свобода, ко-

торой давнымъ давно уже пользуются всѣ культурныя страны. Несомнѣнно, что это и не та свобода совѣсти, которая стояла *на нашемъ знамени*, о которой мы мечтали, и которой такъ страстно добивались лучшіе (?) люди общества и народа въ теченіе долгихъ-долгихъ лѣтъ путемъ упорной жестокой борьбы, поглотившей безчисленное количество жертвъ“.

Итакъ, и въ этомъ лагерѣ разочарованіе и неудовольствіе...

Старообрядцы правы, говоря, что полное торжество законъ 17 апрѣля далъ одному только сектантству, и дѣйствительно,—протестантская космополитическая штунда не имѣла ничего, даже правъ на свободное отправленіе своего богослуженія, и вдругъ сразу же получила религіозныя и гражданскія права наравнѣ не только съ старообрядчествомъ, но и съ инославными исповѣданіями. Въ штунду отнынѣ свободно можетъ переходить всякій изъ любого вѣроисповѣданія, по достиженіи совершеннолѣтія, штунда получила права на сооруженіе „сектантскихъ молитвенныхъ домовъ, скитовъ, приобрѣла „духовное сословіе“—„настоятелей и наставниковъ“, которые будутъ утверждаться въ должностяхъ губернаторами, освобождаются отъ воинской повинности... Изъ сельскихъ писарей у штундистовъ бывали „пресвитеры“, но не диво, если теперъ потянутся къ этому ремеслу и волостные старшины и старосты и будутъ фигурировать въ роли „сектантскихъ настоятелей“,—вѣдь это будетъ положеніе самое почетнѣйшее, которое только возможно для простаго мужичка, да и весьма выгодное. Освобожденные закономъ 17 апрѣля отъ многолѣтняго тяжелаго гнета правительственныхъ ограничительныхъ мѣропріятій, штундовые гордые и фанатизированные главари широко развернуть свою пропаганду и не на счетъ только одного православія, а и на счетъ всего окружающаго очагъ секты населенія, будутъ-ли тутъ раскольники или католики, или даже сами родоначальники секты нѣмцы-лютеране. Въ своихъ ходатайствахъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, С. Ю. Витте, сектанты, называвшіе себя русскими баптистами или же „евангельскими христіанами“, а по общеобдержному наименованію штундисты—рѣшительно заявляли о своемъ прозелитизмѣ, какъ основномъ догматѣ секты, утверждая, что „евангелики не могутъ не проповѣдывать содержамаго ими вѣроученія, а потому просили отмѣнить законы и наказанія, ограничивающіе пропаганду и распространеніе какихъ бы то ни было религіозныхъ ученій. При этомъ доказывалось, что, при посредствѣ сектантства, проповѣдь Евангелія охватитъ широкими кругами православную Россію, коснѣющую въ бездушномъ поклоненіи обрядамъ (да, такъ и

сказано!), эта евангелизація возбуди́тъ энергію православнаго духовенства къ проповѣди Евангелія и такимъ образомъ будетъ... двойная польза для отечества“. Такъ откровенно аргументировали ходатаи штунды свои петиціи о дарованіи свободы сектантамъ. Нѣкоторыя петиціи были написаны тонко, горячо и изящно, въ духѣ адвокатскаго краснорѣчія, но нѣкоторыя апологіи штунды, какъ, напр., записка г-жи Ясевичъ-Бородаевской, ужь черезчуръ аляповато; были и такія, которыя сплошь уснащены бабскими сплетнями, сектантской клеветой, кляузами и инсинуаціями по адресу духовенства и мѣстныхъ властей и церковныхъ дѣятелей (въ томъ числѣ, конечно, не забыть вашъ покорный слуга). При чтеніи подобныхъ памфлетовъ, становилось обидно, что государственнымъ людямъ преподнесенъ какой-то диллетантскій суррогатъ добровольцевъ, вмѣсто научныхъ и безпристрастныхъ трудовъ компетентныхъ изслѣдователей.

Какъ это ни странно, но впервые въ исторіи нашей церкви вѣроисповѣдная законодательная реформа совершилась безъ сношенія съ Св. Синодомъ и безъ участія нашихъ ученыхъ богослововъ, профессоровъ и сектовѣдovъ,—ихъ мнѣнія и отзыва никто не спрашивалъ. Въ то время, когда, помимо агитаціи въ печати, въ особое совѣщаніе комитета министровъ, какъ изъ рога изобилія, сыпались записки, доклады и проекты на тему дарованія свободы совѣсти, отъ разныхъ непрощенныхъ радѣтелей и опекуновъ расколо-сектантства, наши архипастыри, пастыри, ученые богословы, профессора и миссіонеры хранили молчаніе, по обычаю ожидая запросовъ, а ихъ и не послѣдовало. Напрасно нашъ корресподентъ зазираетъ и обвиняетъ іерарховъ,—они здѣсь не причемъ, ихъ мнѣнія и отзыва никто не спрашивалъ и они его не высказали; правда, въ совѣщаніи были представители изъ духовнаго вѣдомства, въ лицѣ митрополита Антонія и бывшаго товарища оберъ-прокурора Св. Синода В. К. Саблера, но они присутствовали не по особому полномочію и назначенію отъ лица всей церкви, а какъ призванные на ряду съ другими членами совѣщанія: М. Антоній по Высочайшему изволенію и В. К. Саблеръ по должности, въ качествѣ замѣстителя оберъ-прокурора. Каково бы ни было ихъ мнѣніе, оно терялось и растворялось, при голосованіи, въ массѣ большинства голосовъ въ пользу рѣшеній, совсѣмъ не совпадавшихъ съ интересами Церкви и съ ея канонами и законами, совсѣмъ, конечно, необязательными для блюстителей государственныхъ интересовъ, да и едва-ли извѣстными имъ. Да Высочайшимъ указомъ и журналами комитетскаго совѣщанія намѣчено къ особой разработкѣ столько деталей, что еще заверши-

тельное сужденіе по вѣроисповѣдному вопросу принадлежит особой комиссіи и Государственному совѣту, мнѣнія и постановленія котораго пойдутъ вновь на Высочайшее воззрѣніе. Изъ исторіи вѣроисповѣднаго вопроса въ Россіи видно, что не разъ правительство устанавливало самое гуманное отношеніе къ диссидентамъ, какъ напр., упразднялось изъ употребленія слово „раскольникъ“ и проч. и затѣмъ сама жизнь, фанатическая *невъротерпимость* къ православному населенію со стороны диссидентовъ, оскорбительное заносчивое отношеніе къ господствующей Церкви—вынуждали на новыя, обратныя мѣры ограниченія и стѣсненія въ отношеніи диссидентовъ. Такъ, гуманныя мѣры Александра I-го, когда и скопцы были въ большой чести и при полной свободѣ, смѣнили Николаевскія суровыя для отщепенцевъ времена.

Нашимъ диссидентамъ, Высочайше призваннымъ къ религіозно-свободной жизни *въ духъ мира и любви*, нужно не забываться, не зарываться въ сѣяніи своихъ религіозныхъ плевелъ въ подрывъ и на разрушеніе православной Церкви и твердо помнить, что нашъ гуманнѣйшій Монархъ даровалъ вѣроисповѣдную свободу, „уповая, что *она послужитъ къ вящшему возвеличенію святой православной Церкви, въ общеніи съ которой Государь неизгнимо почерпаетъ для Себя отраду и обновленіе*“, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ 17 апрѣля. Милующая нынѣ Царская десница можетъ быть завтра грозною, карающею въ отношеніи творящихъ беззаконія и насиліе надъ совѣстью православнаго народа. Нашимъ диссидентамъ нужно слишкомъ бережно относиться къ чувству вѣры православнаго народа, который ревниво во всѣ вѣка и времена охранялъ православіе и не дастъ въ обиду и нынѣ неприкосновенности св. Матери-Церкви. Изъ этой же исторіи мы научаемся, что какъ только власть устраняла свою руку отъ опеки и охраны господствующей Церкви и вѣры, такъ сейчасъ же возвышалась народная ревность объ охранѣ этой вѣры, къ прискорбію, ревность эта всегда выражается у массы въ дикой формѣ саморасправы съ оскорбителями и кошунниками.

Примѣры на глазахъ въ той-же Орловкѣ или въ Симферополѣ, гдѣ пасхальный погромъ вызванъ былъ дикимъ кошунствомъ еврея надъ православною иконою. И послѣдняя лезть будетъ горше первой. Мудрые да разумѣютъ, *sapienti sat!*..

Возвращаясь снова къ штундѣ, мы должны сказать, что и среди ея послѣдователей слышится нѣкое недовольство на новое законодательство. Дѣло въ томъ, что ходатаи штунды въ своихъ петиціяхъ писали, что принятое названіе „штунда“ якобы оскор-

бительно для „евангельскихъ христіанъ“ и не оправдывается-де ни исторіей, ни существомъ содержимаго сектою вѣроученія; а потому просили закрѣпить за всѣми сектантами одно названіе „евангельскіе христіане“. Однако это домогательство—слишкомъ смѣлое и рискованное, если не сказать больше,—какъ видно изъ актовъ особаго совѣщанія, оставлено безъ вниманія, и имя „штунда“ узаконяется за „евангельскими христіанами“, такъ что раскольники въ этомъ случаѣ оказались счастливѣе штундистовъ, закрѣпивъ нынѣ за собою именованіе „старообрядцевъ“.

Кстати здѣсь же отвѣтимъ и на запросъ нашего корреспондента, изложенный въ вышеприведенномъ письмѣ, относительно того, не отвѣтитъ ли онъ по суду, если будетъ называть бывшихъ своихъ единовѣрцевъ попрежнему „раскольниками“, а не поновому—„старообрядцами“.

По нашему разумѣнію, названіе „старообрядецъ“ узаконено для гражданскихъ оффиціальныхъ сношеній и актовъ: конечно, Высочайшее повелѣніе это обязательно въ таковыхъ же случаяхъ и для церковныхъ властей и учреждений. Но въ тоже время терминъ „расколъ“ и „раскольникъ“ всегда неизмѣнно останется въ употребленіи, какъ церковно-каноническій, научный и литературный. Никакой судъ не въ правѣ никого заставить не употреблять этого историческаго совершенно точнаго наименованія, никогда никѣмъ, кромѣ самихъ раскольниковъ, не считавшагося оскорбительнымъ. И это было бы уже насиліемъ надъ личностью во имя свободы совѣсти.

Можетъ быть, въ вашихъ, г. К., дебряхъ старообрядцы настолько дики, что и потащатъ васъ въ судъ за это слово,—что, конечно, составитъ въ своемъ родѣ незаѣзженную бытовую картинку, но, конечно, судьи-то у васъ—народъ просвѣщенный—разберутъ въ чемъ дѣло, и бояться вамъ особенно нечего. А съ другой стороны, зачѣмъ вамъ соблазнять „немогущую совѣсть“ братьевъ своихъ, называя ихъ „раскольниками“; не нравится имъ это слово „раскольникъ“,—ну и Богъ съ ними, ради мира во Христѣ, не дразните звѣря страстей,—называйте „старообрядецъ“.

Знаемъ, что наша бесѣда будетъ незаконченной, если мы оставимъ безъ отвѣта вопросъ *объ отношеніи новаго закона къ миссіи и наоборотъ.*

Существуютъ кривотолки и даже среди пастырства, что будто-бы законъ о религіозной свободѣ въ самомъ своемъ принципѣ *упраздняетъ миссію.* По этому поводу нѣкоторые миссіонеры получаютъ даже отъ мягко-сердечныхъ мыслителей соболѣзнованія... Если такая превратная точка зрѣнія, не дай Богъ, будетъ усвоена духо-

венствомъ относительно своей пастырской миссиі, въ дѣлѣ огражденія пасомыхъ отъ совращенія въ пагубныя ереси и отраженія пропаганды лжеученій, которая несомнѣнно будетъ нынѣ назойливой и коварной,—и если архипастыри наши теперь же самымъ серьезнымъ образомъ не возьмутся за должную организацію и упорядоченіе епархіальной и приходскихъ миссій,—то православію и „симъ малымъ“ грозитъ великое бѣдствіе. Законъ 17 апрѣля не упраздняетъ, а *воскрешаетъ*, обновляетъ забытое, заброшенное, пренебреженное въ нашей Церкви въ теченіе вѣковъ, великое и святое дѣло миссиі. Съ примѣненіемъ закона 17 апр. только и начинается *настоящее* миссіонерское дѣланіе, подлинное духовное воинствованіе въ открытомъ равномъ бою. Обвиненіе основательное доселѣ, что миссіонеры и пастыри воинствовали противъ враговъ православія изъ за спины гражданской власти, опираясь на прочную и надежную цитадель правительственнаго грознаго закона о преступленіяхъ противъ вѣры и Церкви, теперь отпадаетъ; вѣковая охрана снята 17 апрѣля. Теперь пожалуйте, выступайте, отцы и братіе, въ открытое поле словесной духовной брани съ равноправнымъ врагомъ. И чтожь, неужели пастырство и миссіонерство великой господствующей истинной Церкви не приметъ этого историческаго вызова, спрячется въ своихъ ложементахъ, оставитъ безъ своей церковной охраны паству, вѣрующую только однимъ сердцемъ, но не могущую исповѣдывать своей вѣры „усты“,—сознательно и твердо отстаивать „своего упованія“?! Это было бы поистинѣ *непротивленіемъ злу!* Мы уже писали и теперь повторимъ, что законъ 17 апр. застаётъ миссію нашу въ весьма слабомъ состояніи со стороны организаціи ея, численнаго состава дѣятелей, доселѣ самыхъ безправныхъ въ вѣдомствѣ лицъ,—со стороны нашего научнаго, полемическаго и литературнаго вооруженія,—и, наконецъ, со стороны полной неподготовленности и безопасности рядовыхъ миссіонеровъ,—пастырей Церкви.

Ни въ одномъ христіанскомъ духовенствѣ вы не встрѣтите, какъ въ нашемъ, этой прямо *исключительной безопасности* на счетъ миссіонерскаго дѣланія и прозелитизма своей вѣры: культивированъ-ли этотъ вредный для миссиі Церкви *характеръ* души и дѣятельности нашего пастырства на почвѣ глубокой вѣры въ самостоятельную силу истины православія, или на почвѣ исторически сложившагося сознанія господствующаго, привилегированнаго положенія православія, или же на почвѣ строгой правительственной опеки св. неприкосновенности нашей Церкви? Вѣроятно, всѣ эти причины имѣли свое вліяніе на воспитаніе

у насъ этой черты религіознаго квіетизма и миссіонерской *неправоспособности*; не только въ духовенствѣ, но и въ народѣ, который глубоко набоженъ, чувства прозелитизма нѣтъ, а потому души православныхъ такъ легко завоевываютъ болѣе прозелитивные вѣрующіе христіане, какъ протестанты, баптисты и всякіе вообще сектанты.

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда въ исторіи нашей Церкви не могли быть такъ *многочыны* и важны миссіонеры и миссіонерскія знанія и опытность, какъ въ эту переходную эру вѣронсповѣднаго перелома. Миссія безотлагательно должна быть реорганизована и надлежаще устроена, какъ въ своемъ центрѣ, такъ и въ своихъ периферіяхъ.

Русской Церкви теперь не обойтись безъ такого учрежденія, какъ католическое Propaganda fidei и безъ такой сѣти, какъ заграничныя миссіонерскія трактатныя общества, которыми покрыта вся лютеранская Церковь. Вотъ когда воистину *приспѣло время* поднять изъ подъ спуда канцелярскаго архива отложенный проектъ Казанскаго миссіонерскаго съѣзда объ учрежденіи *„всероссійскаго миссіонерскаго общества борьбы за православіе“*. Нужно мобилизовать миссіонерскія силы. Какъ ни странно, но у насъ всѣ миссіонеры—кустари своего дѣла, и только. Многое и другое нужно предпринять, не исключая новаго всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда.

Словомъ, нужно не унывать и не на одного только всемогущаго Господа Бога уповать, а свои силы пробуждать отъ сна и вѣковой дремоты, нужно дѣйствовать въ духѣ мира, любви и кротости, но твердо и *неотступно*, не склоняя *знамя родного православія* ни на десно, ни на шую.

Въ заключеніе нѣсколько словъ къ вопросу *объ отношеніи миссіи* къ новому положенію дѣла, созданному вѣронсповѣднымъ закономъ 17 апрѣля.

Прежде всего не только несправедливы, но и прямо безсовѣстны тѣ газетныя заявленія, будто-бы миссіонеры—ненавистники свободы совѣсти и гонители расколо-сектантства, сторонники мѣръ правительственныхъ репрессій въ борьбѣ съ заблудшими, союзники полиціи и жандармовъ и проч. и проч.

Конечно, составъ дѣятелей миссіи слишкомъ разнообразенъ, въ немъ всегда преобладали начетчики—простецы изъ обращенныхъ, которые, переживъ въ расколѣ сами гнетъ правительственныхъ репрессій, сливаются съ народомъ въ обычномъ взглядѣ на отпаденіе отъ церкви и разновѣріе, какъ на грѣхъ и преступленіе, что только страхомъ надо спасать.

Можемъ смѣло утверждать, что никто въ церкви,—ниже сами архипастыри,—такъ ясно не предусматривалъ неизбежности наступленія такого именно положенія дѣла, какое создалось нынѣ въ нашей Церкви въ силу вѣроисповѣднаго закона 17 апрѣля. Вслѣдствіе чего миссія, сколько отъ нея могло завистѣть, преодолевая всякія препятствія, стремилась готовить почву въ міровоззрѣніи и просвѣтительной дѣятельности приходскаго духовенства и народа для перехода къ свободѣ и вѣротерпимости въ отношеніи диссидентовъ отъ дѣйствовавшего въ теченіе вѣковъ въ борьбѣ съ расколо-сектантствомъ режима, который, дѣйствительно, болѣе уповалъ и опирался на мѣры гражданскихъ ограниченій и репрессій, чѣмъ на мечъ духовный, на слово убѣжденія. Никто такъ не могъ яснѣе на опытѣ видѣть и понимать, что „полицейскія мѣры—не наши мѣры“, что расколъ и секты—духовная болѣзнь, а послѣдняя можетъ излѣчиться только однородными мѣрами духовнаго воздѣйствія на душу и сердце заблудшихъ, какъ наша миссія. Исключительно благодаря инициативѣ миссіонеровъ въ жизнь Церкви за послѣдніе 10 лѣтъ были введены миссіонерскіе сѣзды и курсы съ цѣлью миссіонерской подготовки приходскаго духовенства и лучшихъ приходскихъ силъ изъ среды вѣрующихъ мірянъ къ духовной борьбѣ, внѣ союза съ полиціей, на почвѣ убѣжденія въ духѣ мира и снисхожденія къ заблуждающимся. Сѣзды эти внесли огромное духовное оживленіе и обновленіе въ среду духовенства, явившись могучими проводниками въ сознаніе духовенства и вѣрующихъ мірянъ истинныхъ понятій и началъ вѣротерпимости, новою школою для изученія методовъ духовнаго дѣйствованія на совѣсть отпадшихъ; въ средѣ общества сѣзды возбуждали живой интересъ къ никому дотолѣ невѣдомому расколо-сектантскому міру и къ дѣлу миссіи. Но нравы исправляются, а поколѣнія перевоспитываются не скоро: къ сожалѣнію, мѣра эта не вездѣ находила должную поддержку у епархіальныхъ и вообще духовныхъ властей, а потому не получила того развитія, какого была достойна по своему высокому и незамѣнимому назначенію.

Первое *предвѣстіе* о вистѣвшемъ въ воздухѣ, назрѣвавшемъ въ высшихъ и правительственныхъ сферахъ вопросѣ о свободѣ совѣсти раздалось на миссіонерскомъ сѣздѣ въ Орлѣ въ извѣстномъ, надѣлавшемъ тогда много шума, докладѣ М. А. Стаховича. Достойно вниманія, что тогда, 4 года назадъ, почтенный докладчикъ формулировалъ предѣлы желательной для Россіи вѣротерпимости въ той именно нормѣ и формѣ, въ какихъ она вылилась

въ законѣ 17 апрѣля, между тѣмъ Стаховичъ, въ періодъ законодательной работы правительственныхъ сферъ надъ даннымъ вопросомъ, былъ вдали отъ центра, — на кровавыхъ поляхъ Манчжуріи.

Извѣстно, какъ неблагопріятно былъ тогда принятъ докладъ Стаховича въ высшихъ административныхъ сферахъ, въ обществѣ и печати. Инцидентъ этотъ надѣлалъ много неприятныхъ тревогъ мѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ дѣятелямъ. А теперь, оказывается, чуткій М. А. Стаховичъ хорошо зналъ, что говорилъ и дѣлалъ; очевидно, уже тогда существовало гдѣ-то и у кого-то хорошо обдуманное, определенное рѣшеніе этого огромнаго вопроса, успѣвшее быстро вылиться въ форму закона. М. А., какъ человѣкъ смѣлый, явился лишь глашатаемъ того, о чемъ другіе предпочитали до поры до времени молчать. Отсюда возникаетъ любопытный вопросъ, жизнь-ли сама выдвинула и уже давно предрѣшила вѣроисповѣдный вопросъ, какъ назрѣвшую необходимость, или же люди извѣстнаго направленія навязали его жизни, мало справляясь и считаясь съ нуждами и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей?

Есть ли законъ 17 апрѣля плодъ живой вѣры въ непреодолимую внутреннюю силу истины православія, которое не нуждается ни въ какой внѣшней охранѣ, и результатъ твердой надежды, что господство православной Церкви будетъ держаться помимо всякаго государственнаго воздѣйствія, — на плечахъ одного церковнаго воинства (о, если бы они были могучи!), или же законъ 17 апрѣля являетъ собою ту эволюцію религіознаго сознанія въ русской жизни и мысли, путемъ которой шли западныя государства и дошли наконецъ во Франціи до комбизма? Не знаменуетъ-ли, наоборотъ, законъ 17 апрѣля паденія живой вѣры въ истину и спасительность православія? Не указываетъ-ли на развитіе того индифферентизма относительно религіи, плодомъ котораго является всюду безразличіе къ торжеству истины и введеніе всеобщей равноправности въ государствѣ всѣхъ исповѣданій и церквей? Вотъ тяжкіе вопросы, которые не дадутъ вѣрующей душѣ покоя и радости, не смотря на всю принципиальную высокую гуманность закона 17 апрѣля.

Вся вѣрующая Россія въ этой своей скорби утѣшаетъ себя увѣренностью, что глубоко-набожный, благочестивый Монархъ нашъ Высочайше утвердилъ этотъ законодательный трудъ особаго совѣщанія въ силу высоко-христіанскаго своего идеализма и гуманизма, ради вящаго возвелченія православной вѣры, въ благородной увѣренности, что всѣ подданные его, безъ разли-

чія вѣръ и исповѣданій, сыновне откликнутся на Царскій призывъ къ миру и любви во Христѣ и братствѣ.

Къ этому должна и миссія призывать и направлять сердца и православныхъ, и отщепенцевъ, и иновѣрцевъ.

Миссія свой взглядъ на свободу совѣсти и вѣротерпимость уже разъ высказала на Орловскомъ съѣздѣ по поводу доклада М. А. Стаховича.

Думаемъ, что взглядъ этотъ за 4 года мало измѣнился.

Тамъ были представителями миссіонерства почти всѣ наличныя его силы, изъ нихъ одинъ членъ съѣзда нынѣ уже епископъ—Алексій Дородницынъ; среди дебатировавшихъ этотъ сложный вопросъ были и „добровольцы“ Церкви, какъ Тернавцевъ и Новоселовъ, люди совсѣмъ другого воспитанія и лагеря. И однако всѣ тогда отнеслись отрицательно къ предложенію доклада, ради той широты предѣловъ свободы совѣсти, которую М. А. предназначалъ тогда для будущаго, нынѣ уже состоявшагося, закона.

Соглашаясь съ докладчикомъ по существу и привѣтствуя въ принципѣ свободу совѣсти и вѣротерпимости, миссіонеры тогда главное возраженіе свое поставляли въ томъ, что низкій уровень состоянія религіознаго и нравственно-просвѣтительнаго развитія православнаго населенія и расколосектантскаго міра далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ правамъ, какія адептамъ даетъ полная и безусловная свобода совѣсти.

Свобода совѣсти примѣнима, хороша и радостна тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда переходъ отъ одной вѣры въ другую совершается по *свободному же убѣжденію совѣсти*, а не по насилію чрезъ угрозы и подкупъ. Между тѣмъ въ Россіи таковы именно соціальныя и экономическія условія жизни народа, что отпаденія отъ господствующей церкви „сихъ малыхъ“, которыхъ доселѣ ограждалъ отъ совращенія законъ,—происходятъ по побужденіямъ низменнымъ, житейскимъ, экономическимъ и другимъ, ничего общаго съ свободою совѣсти не имѣющимъ.

Русскіе православные батраки перенимаютъ отъ нѣмцевъ штунду по матеріальной и нравственной зависимости; въ большинствѣ случаевъ, чтобы легче жилось и не голодать въ постъ на хлѣбѣ и водѣ, разъ не хочетъ православный ѣсть скормнаго; бѣднякъ-горемыка идетъ къ баптистамъ потому, что они имѣютъ кассу взаимопомощи и справятъ ему и лошаденку и сапоги, и коровенку. На мануфактурной фабрикѣ богача-раскольника православный никогда не получить должности десятника или мастера. Нѣмецкіе бароны не дадутъ аренды и всячески прижмутъ православнаго, ксендзы и о. о. іезуиты имѣютъ свои могучія мѣры и

средства угнетать совѣсть вѣрующаго и завоевывать души „неправославныхъ“... Законъ, напр., оставляетъ беззащитными „сихъ малыхъ“. А тутъ надо еще принять во вниманіе и фанатизмъ и прозелитизмъ всѣхъ диссидентовъ и иновѣрцевъ, смотрящихъ гордо и свысока на православную массу, врывающихся съ своимъ кощунствомъ разрушительнымъ въ самое святое святыхъ народнаго міровоззрѣнія и вѣрующаго сердца.

Прежде надо просвѣтить народъ, устранить, по возможности, условія духовнаго насилія и гнета, тяготѣющія надъ православнымъ народомъ, тогда и раздавать свободу, устранять законы огражденія. Таково мнѣніе миссіи. Мы убѣдились, при 20 лѣтнихъ наблюденіяхъ нашихъ надъ народными диссидентами, что не найдется, въ средѣ совращенныхъ изъ народа, и 3—5% сознательно, по убѣжденію, отпадшихъ отъ православія.

А наше общество? Оно если менѣ невѣжественно въ вопросахъ вѣры, чѣмъ народъ, за то болѣе индифферентно. Сознательно твердо и убѣжденно вѣрующихъ едва-ли найдется и здѣсь болѣе тѣхъ же 3—5%. И вотъ, если современному православному молодому человѣку изъ университетскихъ вздумается жениться на двоюродной сестрѣ, вы думаете онъ задумается перейти въ лютеранство? Или тотъ, кому нужно развестись скорымъ аллюромъ, тоже не потянется въ протестанство?

А неупорядоченность нашихъ приходовъ, неурегулированность отношеній между народомъ и священниками—эти столкновения на почвѣ вымогательства платы за требы и проч.—развѣ не способны вызывать опасенія за отпаденія цѣлыхъ деревень и гибель для спасенія множества сыновъ нашей Церкви?

Наше историческое законодательство искони признавало вѣротерпимость закономъ христіанства, къ иновѣрцамъ и заблудшимъ отношенія сохранялись у русскихъ людей, начиная отъ князей и царей и кончая простымъ народомъ, самая терпимая, гуманная, если только иновѣрцы сами не оскорбляли господствующую вѣру и Церковь.

При изданіи же ограничительныхъ законовъ по преступленіямъ противъ вѣры и Церкви всегда принималось во вниманіе дѣйствительное состояніе религіознаго развитія тѣхъ людей, для коихъ писались законы; законъ ставилъ для вѣротерпимости и свободы совѣсти извѣстные предѣлы и обязательныя рамки, имѣвшія цѣлью сдерживать грубую невѣротерпимость диссидентовъ и иновѣрцевъ къ вѣрѣ господствующаго народа, который къ тому же былъ и есть младенецъ во Христѣ—темень и непросвѣщенъ.

Можетъ быть, религіозный уровень и диссидентовъ нашего времени, и православнаго народа, нынѣ поднялись до той высоты, которую предполагаетъ законъ 17 апрѣля, и способны вмѣстить высоту принципа религіознаго равенства свободы?

Это явитъ скоро же время и факты изъ области отношеній расколосектантовъ, католиковъ и протестантовъ къ православію и православнымъ. И мы надѣемся, что наши сотрудники не замедлятъ освѣтить этотъ вопросъ фактами и наблюденіями на мѣстѣ, въ бытовой жизни расколосектантства, какъ она есть на самомъ дѣлѣ, а не такъ, какъ ее рисуютъ газетные и департаментскіе бытописатели.

Помнится, возражая М. А. Стаховичу, въ Орлѣ, на его докладъ, мы указывали тогда на историческую и мистическую *спаенность* въ міровоззрѣніи народной массы на православіе и самодержавіе; мы говорили, что проекту докладчика придется долго ждать осуществленія и, можетъ быть, даже не одинъ десятокъ лѣтъ, пока не наступятъ въ Россіи другія условія политической жизни; во всякомъ случаѣ ту религіозную свободу, какой требуетъ проектъ, должна предварить свобода политическая. Но... какъ мы ошиблись!.. Религіозная свобода явилась первой ласточкой воспѣваемой „освободителями“ весны. О, если бы Богъ далъ, чтобы появленіе ея знаменовало созиданіе, а не разрушеніе дорогой, многострадальной нашей родины.

В. Скворцовъ.

ОПЕЧАТКА.

Въ библиографической замѣткѣ на книжку Д. И. Скворцова: «Современное русское сектантство» вкралась ошибка: на страницѣ 955 VI книги „Мис. Обзор.“, 7-я строка снизу, напечатано: историко-политическую почву—слѣдуетъ же читать *историко-психологическую почву*.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печ. дозв. С.-Петербургъ, 27-го мая, 1905 г.

Цензоръ Архимандритъ *Меодій*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Миссіонерское Обзорѣніе“.

вступая въ X годъ своего посильнаго служенія Церкви и отечеству, въ 1905 году будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ истекшіе годы. Давно переставъ быть, въ силу разносторонности и жизненности своего содержанія, узкимъ спеціальнымъ органомъ, «Мисс. Обзор.» нынѣ заключаетъ въ себѣ, на-ряду съ всестороннимъ изслѣдованіемъ и обличеніемъ расколо-сектантскихъ заблужденій, *православно-апологетическое обзорѣніе выдающихся событій современной церковно-общественной жизни.* Понимая внутреннюю миссію церкви въ широкомъ смыслѣ и значеніи, редакція «Мисс. Обзор.» считаетъ главнѣйшими и существеннѣйшими своими задачами въ наше духовно-смутенное время—1) миссію среди интеллигенціи, примиреніе ея съ церковью путемъ удовлетворенія ея религіозныхъ запросовъ всестороннимъ выясненіемъ вопросовъ вѣры и духовной жизни;—2) объединеніе съ православною церковью русскихъ людей, отторгшихся отъ православія; 3) огражденіе вѣрныхъ чадъ отъ вовлеченія въ расколъ и ересь; 4) охраненіе нетвердыхъ въ вѣрѣ отъ соблазна и колебаній, и, наконецъ, 5) возвращеніе къ истинѣ заблудшихъ отщепенцевъ.

Въ 1905 году «Миссіонерское Обзорѣніе» будетъ выходить двухнедѣльными выпусками въ объемѣ 8—10 и болѣе листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ, когда журналъ выходитъ по 1 книгѣ въ мѣсяцъ); всего въ теченіе года подписчики получатъ:

1) 19 книгъ журнала (около 200 печатныхъ листовъ).

2) Два **БЕЗПЛАТНЫХЪ** приложенія:

I. „Миссіонерскій путеводитель по св. Библии“. Діак. *І. Смоленна*, въ 4 отдѣлахъ. Изд. въ портативномъ форматѣ и русско-славянско будетъ въ переплетѣ.

II. „Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ“, прот. *Н. Русанова*,—книжка, заключающая въ себѣ поученія и бесѣды о жизни и дѣятельности святыхъ угодниковъ и церковныхъ учителей, начиная съ Климента Александрійскаго и кончая св. Серафимомъ Саровскимъ.

Подписная цѣна за годъ съ приложеніями—6 руб., за границу 8 руб. Для бѣдныхъ церквей и причтовъ—разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, и остальные въ теченіи подписнаго года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С. П-бургъ, Неа-скій, 153), въ Москвѣ—въ Синодальной Типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ.

Подробные проспекты—бесплатно. Пробная книжка журнала высылается за 50 коп. почт. марк., съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Комплекты журнала за прежніе годы (кромѣ 1897 и 1900) продаются по 4 руб. за годовой экземпляръ (безъ пересылки).

Редакторъ-издатель *В. М. Скорцовъ*.

Христіанство и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Fiat justitia.

Ученіе Иисуса Христа, постепенно распространяясь во всѣ концы вселенной, произвело поразительный переворотъ въ жизни человѣчества, оказавши неотразимое вліяніе на всю совокупность жизненныхъ проявленій, на все, чему присвоено названіе цивилизации. Началось съ того, что неизвѣстные міру бѣдники, посланные Христомъ какъ овцы среди волковъ, стали проповѣдывать новую заповѣдь любви и самоотреченія на смѣну жестокому закону вражды и эгоизма. Кончилось тѣмъ, что евангельское сло́во въ устахъ этихъ простыхъ людей, встрѣченыхъ пытками и гоненіями, заподозрѣнныхъ въ тайныхъ злостныхъ замыслахъ и намѣреніяхъ, облагородило человѣчество, возвысило пригнетенную личность женщины, дало людямъ истинное понятіе справедливости, требуя отъ каждаго не дѣлать другимъ того, чего онъ себѣ не желаетъ, дало толчекъ и развитіе христіанской гражданственности, дало и даетъ надежду на лучшую будущую жизнь. На всемъ отразилось воздѣйствіе Божественнаго ученія: на обычаяхъ, нравахъ, законахъ, искусствѣ, даже на самой наукѣ. Послѣдняя вмѣстѣ съ религіей въ сущности дѣла занимается однимъ и тѣмъ же предметомъ—міромъ во всей его цѣлости, и человѣкомъ, какъ отдѣльнымъ міромъ, включеннымъ въ предѣлы вселенной, подчиненнымъ ея физическимъ законамъ, но имѣющимъ и свой особый нравственный законъ. Цѣлью науки является изученіе міровыхъ законовъ, по которымъ существуетъ всецѣлость вещей; наука дѣлаетъ попытки узнать—какъ существуетъ міръ. Христіанская религія, имѣя дѣло съ духовно-нравственною стороною человѣка, опредѣленно говоритъ—какъ ему слѣдуетъ жить въ мірѣ,

чтобы установить на землѣ царство Божіе ¹⁾). У каждой своя специальная задача, при разумномъ рѣшеніи которой не должно бы возникать пререканій между этими областями знаній, имѣющими свои границы, такъ сказать, — свои опредѣленные межевые признаки. Представители той и другой въ исканіи истины должны бы идти рука объ руку для выработки единства взглядовъ на существующее. Природа и библія, по выраженію Миллера въ его соч. „Богъ“, — это двѣ книги, написанныя однимъ Верховнымъ Существомъ; какъ произведенія одинаго виновника, онѣ не должны имѣть взаимныхъ противорѣчій. Между тѣмъ дѣйствительность показываетъ, что это нежелательное несогласіе давно уже возникло и обострилось. Въ словѣ, произнесенномъ 17 янв. 1901 г. въ храмѣ Харьковскаго университета, епископъ Иннокентій сказалъ, что „нѣкоторое смущеніе неминуемо долженъ испытывать проповѣдникъ христіанской истины при вступленіи на церковную кафедру сего храма... Оно — въ томъ далекомъ разстояніи, которое раздѣляетъ область Христовой вѣры и область современной науки, — въ совершенномъ почти отсутствіи точекъ соприкосновенія между этими областями; оно въ той прискорбной непримиримости и даже враждебности, которая установилась, по недоразумѣнію, между вѣрою и знаніемъ въ обширномъ смыслѣ. Многія изъ истинъ вѣры и положеній науки представляютъ собою противоположности и противорѣчія яркія, несогласуемая“. Ученый міръ готовъ уже утверждать, что назрѣлъ неотложный вопросъ о необходимости замѣны религіи наукой ²⁾).

Въ средніе вѣка, на западѣ Европы, христіанскій міръ, въ лицѣ представителей католической іерархіи и іезуитовъ, для защиты интересовъ вѣры и церкви практиковалъ крутыя мѣры воздѣйствія на еретиковъ, въ число которыхъ, часто были включаемы люди новой науки. „Церковь освящала дѣла, ясно запрещенныя ей ея Основателемъ: она — страшно сказать! — обнажала даже мечъ, который Онъ ясно по-

¹⁾ Авторъ не имѣетъ здѣсь въ виду христіанской религіи или ея существа, а говоритъ о ней постольку, поскольку она касается земной жизнедѣятельности человѣка. *Ред.*

²⁾ Проф. Мечниковъ въ книгѣ о природѣ человѣка (*Etudes sur la nature humaine*, Paris, 1903 г.) говоритъ, что теперь необходимо начать новую эру — культъ науки, которая одна способна облегчить людскія страданія. Ученіе о безсмертіи души и будущемъ блаженствѣ онъ призналъ несостоятельнымъ.

велѣлъ ей вложить въ ножны“ (Роу, „Очевидныя истины христіанства“). Велись религиозныя войны, происходили массовыя избіенія, горѣли инквизиціонныя костры. Философія, впрочемъ, не подвергалась гоненію, такъ какъ поддерживала тѣсный союзъ съ вѣрою и жила ея идеалами. Но при изувѣрствѣхъ и грубыхъ нравахъ того времени, конечно, возможно было непониманіе и извращеніе ученія Спасителя, когда люди не были способны подняться до уясненія высокиихъ началъ христіанства и не знали, какого они духа. Религія любви и милосердія никогда не оправдывала насилій, и потому не должна быть обвиняема за ожесточеніе и фанатизмъ ея неразумныхъ послѣдователей. Мы, культурные люди, не имѣемъ права смѣшивать того, что было—съ тѣмъ, что должно было быть. Мы должны имѣть въ виду идею, а не ея неправильное осуществленіе, равно какъ должны глядѣть на жизненныя явленія глазами ихъ времени. Лучшіе люди въ христіанствѣ, своею жизнью и дѣлами доказавшіе, что они имѣютъ право на это званіе, относились къ образованности съ чувствомъ уваженія и признательности. Св. Василій Великій въ своемъ трактатѣ о чтеніи языческихъ сочиненій доказывалъ, что языческая литература—орудіе, которое можетъ оказать христіанству такія же услуги, какія оно оказало язычеству. Мыслители классической древности должны, по взгляду его, въ христіанской Греціи содѣйствовать воспитанію и образованію послѣдователей новой религіи. Онъ признавалъ языческихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ, философовъ наставниками христіанъ.

Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ: „сынъ мой, ты не можешь желать ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ образованіе. Я самъ питаю любовь къ наукѣ. Христось далъ ее смертнымъ, чтобы она была свѣтомъ для ихъ жизни, какъ одинъ изъ вышнихъ и драгоцѣннѣйшихъ даровъ. По моему мнѣнію, наука есть первое изъ благъ этого міра; она содержитъ въ себѣ богатства, которыя не могутъ быть похищены. Славу знанія предпочитаю всему. Я не въ состояніи достойно восхвалить науку, какъ бы ни старался, чтобы слово мое было сообразно съ ея славою и величіемъ“... (стих., написанное отъ имени Никовула-отца Никовулу-сыну). Въ другомъ стихотвореніи (отъ сына къ отцу) также содержится высокая похвала всѣмъ извѣстнымъ тогда наукамъ: риторикѣ, исторіи, грамматикѣ, логикѣ; но—говорится далѣе — „не менѣе заслуживаютъ вниманія и тщательныя изы-

сканія тѣхъ ученыхъ, которые проникли въ тайны природы и издали въ свѣтъ результаты своихъ трудовъ. Они старались изучить природу всего, что существуетъ въ воздухѣ, на землѣ, въ океанѣ и въ небесахъ“. Но чтобы изученіе наукъ было полезно для христіанъ, св. Григорій совѣтуетъ соблюдать осторожность и благоразуміе, чтобы вмѣстѣ съ пользою не получить отъ науки вреда. Воззрѣнія святителя являются программю тѣхъ отношеній, въ какихъ должны находиться христіанство и наука во все время ихъ дальнѣйшаго существованія.

Св. Іоаннъ Златоустый, если и не принадлежалъ къ горячимъ поклонникамъ свѣтской науки, все же признавалъ за нею большую пользу и значеніе и только высказывалъ мысль, что одною изъ важныхъ и труднѣйшихъ задачъ при воспитаніи является соединеніе научнаго образованія съ нравственнымъ направленіемъ. Разказавши объ одномъ юношѣ, посѣщавшемъ школы безъ вреда для своей нравственности, благодаря тому, что его воспитателемъ былъ святой мужъ, Златоустый говорилъ: „еслибы и теперь кто-нибудь показалъ мнѣ такихъ воспитанниковъ, представилъ такихъ наставниковъ и обо всемъ прочемъ общалъ бы столько же позаботиться, то въ тысячу разъ больше самихъ родителей пожелалъ бы, чтобы отпускали дѣтей въ школы. Но никто не общаетъ этого“... (трактатъ „Противъ порицающихъ монашескую жизнь“, кн. III). Нужно помнить, что во времена Златоустаго отца церкви нравственности учащихся грозила большая опасность со стороны развращенныхъ преподавателей. Ничего не имѣя противъ предметовъ изученія, программъ и всего тогдашняго свѣтскаго образованія, Іоаннъ Златоустый охранялъ юношество отъ той среды, отъ тѣхъ условій, при которыхъ получалась эта образованность. Отдавши предпочтеніе религіозно-нравственному воспитанію, онъ не отвергалъ и свѣтской науки; онъ сдѣлалъ имъ сравнительную оцѣнку и желалъ установить между ними правильное взаимоотношеніе. Тоже мнѣніе было принято Григоріемъ Нисскимъ (письмо X), Θεодоритомъ Кирскимъ, Кирилломъ Александрійскимъ (*Adversus Iulian*) и др. отцами и учителями церкви IV и V в.в. Но, скажутъ, наука того времени была въ состояніи полной безпомощности, не имѣла несомнѣнныхъ доказательствъ, которыя могли бы удостовѣрить вѣрность ея положеній, не знала правильныхъ методовъ, не обладала достаточнымъ опытомъ, вообще—не заслуживала названія науки въ точномъ смыслѣ. Отчасти—да. Но сдѣлаемъ скачекъ къ нашему вре-

мени. Какъ теперь христіанство относится къ наукѣ? „Область науки обширна; если хотите, безконечна; задачи ея велики. Она такъ много сдѣлала и еще болѣе сдѣлаетъ для человѣчества, что самое имя ея должно быть священно для мыслящихъ людей. Наука расширяетъ умственный горизонтъ человѣка, развиваетъ его интеллектуальныя силы, увеличиваетъ нашу власть надъ природой... Она можетъ раздробить скалу, сплющить глыбу металла. У науки своя (отдѣльная отъ религій) специальная сфера дѣятельности, весьма почтенная, каждый успѣхъ въ которой является въ своемъ родѣ также крупнымъ благодѣніемъ для человѣчества“ (Свящ. Петровъ, „Евангеліе какъ основа жизни“, стр. 18, 19, 29). „Мы цѣнимъ великія научныя открытія и изобрѣтенія; мы признаемъ добытыя наукою неоспоримыя истины о мірѣ, природѣ, жизни и правѣ; мы не отрицаемъ великихъ успѣховъ, совершенныхъ наукою со времени установленія опытныхъ методовъ изслѣдованія, мы видимъ въ дѣйствительности эти успѣхи въ области прикладныхъ знаній, видимъ приносимую ими пользу, выгоды и удобства всему человѣчеству въ путяхъ сообщенія, во взаимныхъ сношеніяхъ, въ торговлѣ и промышленности и даже въ человѣческомъ общежитіи“ (Епископъ Иннокентій, слово въ Харьковск. унив. 17 янв. 1901 г.). „Для человѣчества всѣ науки необходимы и полезны и всѣ дѣятель, трудящіеся на нихъ, почтенны. Но каждый изъ людей, даже самый даровитый и трудолюбивый, можетъ быть силенъ только въ одной отрасли научныхъ познаній и дѣйствовать въ одномъ направленіи. Сама необходимость заставляетъ человѣка мыслящаго ограничиваться тѣснымъ кругомъ знанія“ (Преосв. Амвросій, рѣчь о гордости въ Харьковск. дух. сем. 26 сент. 1901 г.). Люди, основательно знакомые съ богословскою наукою, безъ колебаній соглашаются, что результаты опытной науки имѣютъ для человѣчества важное значеніе, но только въ смыслѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей; они справедливо утверждаютъ, что пріобрѣтенія въ области научныхъ знаній не достаточно значительны по ихъ внутреннему смыслу и цѣлямъ: все сведено къ показной, внѣшней сторонѣ жизнедѣятельности—къ удобствамъ, богатству, власти надъ природою. Запросы сердца, любовь, истинная человѣчность, духовная жизнь и исканіе идеала—все это забыто. Наука, обогащая любознательный умъ, безпощадно грабитъ сердце, а потому можетъ удовлетворить не все человѣческое существо, а только его часть; о вѣрѣ наука гово-

рить, что она давно произнесла свое послѣднее слово, отжила свое время и для просвѣщенныхъ людей теперь положительно непригодна. Религіозная мораль, преподанная простодушнымъ людямъ, съ точки зрѣнія науки теперь устарѣла и не можетъ считаться удовлетворительною. Болѣе того: Нитцше произнесъ надъ христіанствомъ тяжкій и незаслуженный приговоръ, категорически заявляя, что всѣ наши бѣдствія, все нами переживаемое зло проистекло единственно отъ нашего подчиненія евангельскимъ требованіямъ... С. Симонъ въ своемъ „ученіи“, изданномъ въ 20-хъ г.г. минувшаго вѣка, доказывалъ, что христіанство изжило свое содержаніе и подлежитъ замѣнѣ сочиненною имъ религіей, такъ какъ оно неосновательно проводитъ глубокую пропасть между веществомъ и духомъ, враждебно относится ко всему мірскому и видитъ въ немъ одну грѣховность. Этотъ послѣдній взглядъ усвоенъ многими, не понимающими сущности дѣла.

Христосъ, предлагавшій своимъ истиннымъ ученикамъ „воду живую“, не запрещалъ имъ, однако, пить и обыкновенную воду и вино: въ Канѣ Онъ претворилъ воду въ вино и Самъ пилъ вино. Но Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что кровь Его, проливаемая для очищенія міра отъ грѣховъ, есть лучшее питіе. Конечно, такое питіе несравненно лучше обыкновеннаго. Онъ говорилъ, что человекъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, и Самъ Себя называлъ хлѣбомъ жизни. Но Онъ не запрещалъ ученикамъ ѣсть и рыбу. Однажды Онъ предложилъ имъ закинуть сѣть по правую сторону лодки, но вмѣстѣ разъяснилъ, что предпочтительнѣе уловлять людей въ истину. Въ этомъ тоже нѣтъ никакого сомнѣнія. Говоря о мнасахъ или талантахъ, Онъ не настаивалъ на томъ, что ихъ слѣдуетъ бросать или зарывать въ землю; наоборотъ, Онъ одобрялъ ихъ приращеніе (по толкованію Іоанна Златоустаго подъ талантами слѣдуетъ разумѣть не одни духовные дары, но и естественные, даже обыкновенный капиталъ). Самъ не имѣя гдѣ главы приклонить, Онъ не училъ, однако, что постройки людямъ не нужны; Онъ только говорилъ, что прежде чѣмъ строить башню, надо вычислить свои средства и количество потребнаго матеріала, чтобы, начавши постройку, не оставить ее недоконченною. Уподобивши царство небесное царю, устроившему пиръ, Спаситель не запретилъ Своимъ послѣдователямъ ходить на пиршества, а только совѣтывалъ не садиться тамъ на первое мѣсто, чтобы вскорѣ со стыдомъ не пришлось уступить его болѣе почетному гостю.

Не видимъ надобности указывать остальные извѣстные намъ факты изъ жизни Спасителя въ доказательство того, что Онъ не ко всему мірскому относился неодобрительно. Если-же Онъ осуждалъ людей за ихъ исключительную заботу о мірскихъ удобствахъ, если Онъ считалъ грѣхомъ то душевное состояніе и настроеніе, въ которомъ человѣкъ, преданный міру, терялъ изъ виду свою истинную жизненную цѣль и переставалъ стремиться къ ней, то, думаемъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что „нѣтъ никакой пользы человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но погубить душу свою“.

Въ упрекъ христіанству ставится то, что оно запрещаетъ людямъ удовлетворять ихъ естественныя склонности, въ чемъ Кантъ видитъ все человѣческое счастье (Юмъ тоже раздѣляетъ это мнѣніе). Но мы эту мысль принять не можемъ, такъ какъ знаемъ, что удовлетвореніе желаній и склонностей часто приноситъ прямой вредъ не только тому, кто заботится объ этомъ, а даже и тѣмъ, кто его окружаетъ. А въ понятіе счастья, если послѣднее не звукъ пустой, не входитъ понятіе вреда. Одинъ имѣетъ склонность часто нарушать требованія седьмой заповѣди. Но въ евангеліи написано „не прелюбодѣйствуй“. Почему не прелюбодѣйствуй? Потому что человѣкъ, предающійся этому пороку, можетъ ослабить свою физическую природу, разстроить здоровье и, вслѣдствіе таинственнаго соединенія души съ тѣломъ, подвергаетъ себя опасности утратить часть своихъ умственныхъ способностей. А по какому праву человѣкъ смѣетъ посягать на то и другое, если онъ не свой, а весь Божій? (1-е Кор. 6. 19, 20). Въ удовлетвореніи этой склонности не можетъ быть никакого счастья, такъ какъ человѣкъ не заботится о нравственности другаго, вредитъ себѣ самому и грѣшитъ противъ Творца, создавшаго тѣло и душу. Другой имѣетъ наклонность присвоивать чужую собственность и, удовлетворяя свое желаніе, похищаетъ непринадлежащее ему имущество. А въ Евангеліи сказано „не укради“. Почему не крадь? Потому что воровство есть указатель корыстолюбія, т. е. излишней склонности пользоваться мірскими благами въ ущербъ стремленію къ истинной жизненной цѣли; оно говоритъ о томъ, что воръ не уважаетъ правъ личности и не любитъ своего ближняго.

Сомнительно, чтобы счастье состояло въ правонарушеніи, которое, вдобавокъ, заслоняетъ собою жизненный идеаль. Третій, подъ дѣйствіемъ злобы и ожесточенія, пріобрѣтаетъ наклонность лишить жизни своего

недруга. А въ Евангеліи говорится— „не убей“. Почему не убей? Одинъ изъ послѣднихъ адептовъ науки—Нитцше — рѣшительно становится на сторону разбойниковъ. „Не поддавайтесь жалости, состраданію, любви; давите слабыхъ, подымайтесь по ихъ трупамъ выше“... Выше! дикая, страшная заповѣдь! Къ нашему благополучію исполнять ее способны только одни безумцы.

Потому не убей, что состояніе гнѣва и злобы, сопровождающихъ моментъ убійства, является для человѣка ненормальнымъ и исключаетъ возможность дѣйствовать разумно и цѣлесообразно, что собственно и требуется отъ человѣка, если онъ желаетъ быть таковымъ; потому не убей, что въ самой высокой степени безнравственно лишать человѣка жизни, т. е. отнимать у него высшее благо; потому не убей, что путь, залитый кровью и заваленный трупами, ведетъ не къ истинной цѣли, а въ противоположную сторону; потому не убей и даже не гнѣвайся, что ты не имѣешь права относиться такъ къ человѣку, принадлежащему не тебѣ, даже не ему самому, а Богу. Убійца является преступникомъ противъ ближняго и противъ Создателя, сотворившаго этого ближняго. Едва—ли въ преступности есть какое-нибудь счастье.

По Канту (иначе говоря—по наукѣ) „счастье состоитъ въ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ склонностей“; Юмъ говоритъ почти тоже самое: „счастливъ тотъ, кто находится въ условіяхъ, соотвѣтствующихъ его характеру“. Евангеліе рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе: сдѣлайтесь лучшими, возродитесь нравственно, тогда не будетъ у васъ безчисленныхъ грѣховныхъ склонностей, которыя вы считаете естественными, законными и потому ненаказуемыми; тогда не будетъ условій, при которыхъ возникаютъ ваши преступныя желанія. Въ награду за это вы получите блаженство, возможную для васъ полноту счастья. Но доведетъ васъ до этого состоянія только одна христіанская любовь.

Наука и тутъ идетъ наперекоръ. Христіанскую любовь она старается замѣнить альтруизмомъ. Что такое альтруизмъ по существу? Если безкорыстное расположеніе, соучастіе, состраданіе къ бѣдѣ ближняго составляютъ существо христіанской любви, которая должна возникнуть въ человѣкѣ, независимо отъ того, заслуживаетъ или нѣтъ расположенія тотъ, къ кому обращено это чувство, обязательное для христіанина какъ заповѣдь Спасителя, — то для альтруизма нужны совсѣмъ иныя побужденія. Эта разсудочная, черствая, сухая, грубая лю-

бовь (если можно такъ назвать ее при отсутствіи въ ней сердечнаго чувства) должна проявиться только тамъ, гдѣ имѣется въ наличности или предполагается польза и выгода. Слабый, бѣдный, никому неполезный человѣкъ не въ правѣ рассчитывать на альтруизмъ. *Do ut des* (даю, чтобы и ты далъ) — вотъ въ чемъ идея послѣдняго. Альтруизмъ — не любовь, а своего рода политика или торговая сдѣлка, заключаемая съ цѣлью барыша и наживы и ужъ ни въ какомъ случаѣ не съ цѣлью понести ущербъ и убытокъ. Альтруизмъ не знаетъ тѣхъ, кто такъ или иначе не умѣетъ и не можетъ отплатить за оказанное ему снисхожденіе. Ветхозавѣтнымъ евреямъ, по ихъ жестокосердію, позволено было руководиться правиломъ: „рана за рану, язва за язву“. Современное намъ культурное человѣчество, слишкомъ громко говорящее о гуманности, своимъ девизомъ поставило: „польза за пользу“. И тамъ и здѣсь требуется возмездіе. А любовь христіанскаго сердца безкорыстна и не требуетъ взаимности: люби каждаго какъ себя, потому что всѣ люди — дѣти одного Отца. О любви къ врагамъ наука и слышать не хочетъ, какъ о чемъ-то противоестественномъ и противномъ нашей природѣ.

Она задалась цѣлью замѣнить славнѣйшую евангельскую заповѣдь о любви какимъ-то подобіемъ торговаго права.

Христось обязываетъ насъ быть милосердными и благотворить даже тѣмъ, которые ненавидятъ насъ. Свое ученіе по этому предмету, для большей наглядности, Онъ даже иллюстрировалъ притчею о милосердомъ самаряннѣ. Но наука въ благотворительности видитъ одно зло. По теоріи Дарвина, принятой его единомышленниками, въ мірѣ происходитъ нескончаемая война за жизнь. Слабые виды, неспособные удерживать за собою занятое ими мѣсто, должны уступить его сильнымъ или болѣе приспособленнымъ къ условіямъ существованія. Въ этомъ — зачатки всякаго прогресса и совершенствованія.

Человѣчество подчинено тому же закону, не имѣющему исключеній. Должны господствовать не лучшіе, не добрые, не нравственные, а всѣ остальные, будь они дурны, злы, порочны, лишь бы умѣли они отстоять свои позиціи. Всякая помощь и поддержка слабымъ, хилымъ, нищимъ, больнымъ въ благоустроенномъ обществѣ не должна быть терпима. Она не только нравственно принижаетъ и портитъ тѣхъ, кому предлагается, она приноситъ большій вредъ — стѣняетъ тѣхъ, кто

могъ бы обойтись безъ постороннихъ услугъ, но по необходимости вынужденъ ограничить область своей дѣятельности, занятую этими бѣзполезными общественными пенсіонерами. „Вѣра ставитъ принципомъ человѣческой дѣятельности любовь взаимную людей другъ къ другу, по примѣру Христа, возлюбившаго родъ человѣческій,— наука — пользу всѣхъ въ совокупности и каждого въ отдѣльности (утилитаризмъ); честному долгу и обязанности, налагаемымъ началомъ любви на людскія отношенія другъ къ другу, наука противопоставляетъ борьбу за существованіе, возвышающую сильныхъ и уничтожающую слабыхъ; христіанскому праву милости и состраданія—право силы и человѣческаго эгоизма, христіанскимъ понятіямъ добра и зла—факты и явленія по ту сторону добра и зла и т. д.“ (вышеуказанное слово преосв. Иннокентія, произнес. въ Харьк. унив.). „Въ то время, когда слово Божіе говоритъ, что видимый міръ есть твореніе Божіе,—наука отвѣчаетъ, что онъ почти самобытенъ, представляетъ собою итогъ взаимнаго механическаго дѣйствія космическихъ силъ; въ ту пору, когда Библия рассказываетъ намъ о сотвореніи Господомъ перваго человѣка, какъ вѣнца природы,—наука рядомъ посылокъ, добытыхъ ею изученіемъ строенія земной коры и ископаемыхъ ея, возражаетъ, что человѣкъ только продуктъ развитія (эволюціи) жизни на землѣ, послѣднее животное въ ряду прочихъ организмовъ земли. Или: когда св. вѣра повѣствуетъ намъ о жизни многочисленныхъ небесныхъ духовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ о двойственной природѣ человѣка—духовной и физической,—наука, вопреки вѣрѣ, тѣщется доказать, что всякая жизнь есть лишь жизнь вещественная, какъ и самая духовность человѣка—лишь утонченная матеріальность“ (тамъ же). „Если мы примемъ, что организмы возникли посредствомъ творческаго акта,—слѣдовательно, внѣ круга причинно-обусловленныхъ естественныхъ процессовъ, то возникновеніе ихъ тутъ-то и принимаетъ наиболѣе характеръ *случая*. Какой бы путь мы ни избрали, мы не можемъ обойтись безъ допущенія *случайнаго* возникновенія живыхъ существъ на нашей планетѣ... Я считаю вѣроятнымъ, несмотря на всѣ высказывавшіяся возраженія, что *случайно* возникшій, способный къ самосохраненію и размноженію, организмъ могъ прогрессировать до высшаго усложненія цѣлесообразныхъ функций, пригодныхъ для его сохраненія посредствомъ накопленія *случайныхъ* новыхъ комбинацій... Не одинъ случай повелъ къ возникновенію выс-

шаго организма, а накопленіе многочисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ“ (Бюкли, „Биомеханизмъ и витализмъ“, перев. Холодковского). Это заявленіе было бы еще категоричнѣе, если бы эти многочисленные случаи всѣ до послѣдняго были пересчитаны... Съ христіанской точки зрѣнія, однако, никакихъ случаевъ нѣтъ, а есть только Богъ, въ безконечномъ разнообразіи проявляющій Свою творческую дѣятельность. Свѣтская ученость не находитъ возможнымъ принять это мнѣніе. Проф. Мензбиръ въ одной изъ лекцій, читанныхъ въ Московск. унив., откровенно высказался, что люди науки теперь освободились отъ представленія о высшемъ разумѣ, который будто бы управляетъ міромъ. Проф. Карѣевъ въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ краснорѣчиво молчитъ, когда слѣдуетъ сказать что-нибудь о Богѣ, нравственности, высшихъ идеалахъ... Всѣ сочиненія, указанная имъ въ каталогѣ для систематическаго чтенія, отличаются тою же особенностью, но за то они хорошо знакомятъ съ тѣми взглядами, по которымъ все бытіе достигло настоящаго состоянія путемъ эволюціи.

Нитцше сказалъ, что ученый міръ уже не можетъ вернуться къ христіанскому міропониманію безъ того, чтобы не загрязнить своей научной совѣсти...

Враждебное отношеніе къ Христовой вѣрѣ замѣтно во всѣхъ сферахъ свѣтской науки, которая, при огромной массѣ открытій, совсѣмъ безсильна возродить человѣка духовно, не имѣетъ средствъ возвысить его нравственно, въ параллель съ развитіемъ прогресса не можетъ улучшить нравы, не способна искоренить зло. Судя по тому, что на эту тему высказывается устно и печатно, наука не желаетъ заниматься обсужденіемъ этихъ вопросовъ. Будь у ней полная возможность сдѣлать все это,—она предпочла бы, такъ сказать, сидѣть, сложа руки. Война христіанству объявлена на всѣхъ пунктахъ. Но за что? не за то ли, что Христосъ принесъ свѣтъ міру? Наука не видитъ этого свѣта и находитъ, что ея свѣточъ сіяетъ болѣе яркимъ блескомъ. Можетъ быть христіанство виновато въ томъ, что настойчиво говоритъ о духовномъ совершенствованіи, о правдѣ, чистотѣ, о необходимости стремиться къ нравственнымъ идеаламъ?—Пожалуй. Къ чему все это? — скажетъ наука: мы теперь просвѣщенные люди, хотя мы и потомки первобытныхъ орангутанговъ. Наивныя мечтанья, высокіе порывы для нашего времени неподходящи.

Христіанство предписываетъ смиреніе, а наука, со времени открытія опытныхъ методовъ изслѣдованія, прониклась гордостью и самолюбивіемъ. „Новые шаги разума въ возрожденной наукѣ такъ вознесли духъ человѣческой, придали ему столько гордости, что на новыхъ, еще незрѣлыхъ началахъ онъ уже готовъ былъ перестроить весь существующій порядокъ. Надменно онъ рѣшилъ отвергнуть все прошлое, вѣками добытое и въ горнилѣ ихъ испытанное“ (Слово преосв. Иннокентія 17 янв. 1901 г.). Христіанство утверждаетъ, что душа больше тѣла, а наука усматриваетъ въ человѣкѣ одну вещественную сущность и всю совокупность душевныхъ явленій считаетъ классомъ ея свойствъ. Христіанство говоритъ, что основателемъ его былъ Богочеловѣкъ, а наука видитъ въ этой религіи вполнѣ естественное явленіе и не признаетъ въ немъ сверхъестественнаго, высшаго характера. Ренанъ и Шенкель изображаютъ Спасителя какъ простаго энтузіаста, увлекшаго успѣхами своей проповѣди до такой степени, что Онъ вообразилъ Себя Сыномъ Божиимъ и успѣлъ убѣдить въ этомъ своихъ легкомысленныхъ учениковъ. Вольтеръ и Болингброкъ считаютъ нашу религію чисто человѣческимъ произведеніемъ, притомъ менѣе совершеннымъ, чѣмъ іудейство.

„Нападеніе враговъ нашихъ не словомъ только, но и дѣломъ усиливается съ каждымъ днемъ: мечъ, брошенный Иисусомъ Христомъ на землю и поднятый сатаной, въ виду нашемъ, какъ и въ древней церкви, сверкаетъ въ рукахъ его служителей и поражаетъ насъ... Собирайтесь и становитесь въ первые ряды воиновъ Христовыхъ, образованные христіане, хранящіе залогъ вѣры въ сердцахъ своихъ. Плоды вашей борьбы явятся скоро...“ (рѣчь преосв. Амвросія 13 мая 1901 г.).

Вѣра Христова указываетъ истинную цѣль земной жизни человѣка въ его личномъ усовершенствованіи, въ исполненіи заповѣдей, въ точномъ выполненіи обязанностей къ Богу и людямъ. Наука ставитъ цѣлью жизни опытное знаніе. Многіе „думаютъ, что дѣйствительно человѣкъ, какъ разумное существо, можетъ и долженъ найти себѣ полное удовлетвореніе въ научныхъ занятіяхъ, въ полнотѣ знанія... Океанъ истины въ полномъ смыслѣ безбреженъ: чѣмъ болѣе, по видимому, мы приближаемся къ истинѣ, тѣмъ дальше она оказывается отъ насъ: ожидаемый нами берегъ этого океана не является, и чело-

вѣкъ приходитъ наконецъ къ печальному убѣжденію, что онъ, положившій всю жизнь свою на пріобрѣтеніе знаній, въ дѣйствительности знаетъ лишь только то, что онъ мало знаетъ“ (свящ. Любарскій, слово 1 янв. 1901 г.).

Ошибочность утвержденія, что цѣль жизни состоитъ въ наукѣ, очевидна безъ опроверженій. Достаточно спросить: неужели нѣтъ никакой цѣли у тѣхъ, кто не знакомъ съ наукой, даже съ—грамотой?

Нѣтъ ни одной христіанской истины, которая-бы была вполне признана наукою. Усвоивши ея выводы и заключенія и „наши высшіе классы и передовыя сословія пропитываются духомъ невѣрія и отрицанія ученія Христова. Они утрачиваются для церкви. Ихъ невѣріемъ и либерализмомъ заражаются полуобразованные чиновники, купцы, приказчики,—до волостныхъ писарей включительно“ (рѣчь пр. Амвросія 18 марта 1901 г.).

„Въ образованномъ обществѣ въ настоящее время усматривается замѣтный упадокъ вѣры и нравственности, обнаруживающійся холодностью и неустойчивостью въ вѣрѣ, отчужденіемъ отъ духа церковности, несоблюденіемъ церковныхъ уставовъ и преданій, уклоненіемъ отъ посѣщенія церковныхъ богослуженій и даже отъ таинствъ исповѣди и св. причащенія; кратко сказать, уклоненіемъ отъ всего того, въ чемъ должна выражаться жизнь истинно вѣрующаго“ (отчетъ о дѣйствіяхъ епископовъ въ Казани въ іюль 1885 г.).

Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то, что отрицательное направленіе научныхъ взглядовъ на Лицо І. Христа и христіанскую вѣру въ послѣдніе два вѣка почти съ буквальной точностью повторило все то, что было писано языческими учеными и философами первыхъ четырехъ столѣтій. Матеріалистическое направленіе Цельса, противъ котораго возражалъ христіанскій ученый 3-го вѣка Оригенъ, нашло своихъ продолжателей въ лицѣ свободныхъ мыслителей 18 столѣтія, англійскихъ и французскихъ деистовъ, а затѣмъ въ прошломъ вѣкѣ въ болѣе научно обработанной критикѣ Ренана и его нѣмецкихъ подражателей. Миѣнія неопиѳагорейцевъ и неоплатониковъ въ измѣненномъ и, такъ сказать, очищенномъ видѣ были приняты пантеистами Штраусомъ и Бауромъ. Это историческое сопоставленіе очень замѣнательно, такъ какъ указываетъ тотъ конецъ, къ которому должна придти борьба научныхъ воззрѣній съ христіанскими взглядами по за-

кону тождественности слѣдствій, имѣющихъ одинаковыя причины. А мы знаемъ, что надъ язычествомъ христіанство одержало побѣду.

Мы видѣли, что разрывъ рационализма съ христіанскимъ міропониманіемъ существуетъ непрерывно съ самаго начала евангельской проповѣди. Мы не предсказываемъ того времени, когда именно настанетъ примиреніе; но оно должно наступить, такъ какъ кромѣ недоразумѣнія нѣтъ основаній для разъединенія. Наука изучаетъ міръ и челоуѣка; вѣра наша никогда не отрицала полезности такого изученія, но говорить, что существуетъ Творецъ всего этого. Знаніе руководится опытными методами,—вѣра по существу своего предмета не можетъ имѣть ихъ; но это еще не является достаточнымъ поводомъ къ непримиримой враждѣ: въ различныхъ специальныхъ областяхъ науки тоже не одинаковыя методы, однако между этими отраслями нѣтъ ожесточенія. Богословіе не знаетъ научныхъ приѣмовъ? но въ опытной наукѣ тоже лежитъ масса ненаучныхъ элементовъ въ видѣ бездоказательныхъ предположеній и гаданій, которыя безъ сожалѣнія бросаются какъ лошья, не смотря даже на то, что забракованныя гипотезы иногда помогали сдѣлать открытія, впоследствии подтвержденныя опытомъ (см. мою ст. „Ненаучное въ наукѣ“, „Мисс. Обзор.“, 1905 г. № 5).

Ученые „говорятъ намъ о видахъ движенія *ad infinitum*, но о томъ, что производитъ эти движенія, они не говорятъ намъ ничего“. Въ вопросѣ „о дѣйствующей причинѣ“ наука полна агностицизма („Вѣра и Разумъ“ 1901 г. № 21). Христіанство живетъ одною жизнью съ культурой. Христось и Его ученики дѣйствовали въ культурныхъ странахъ; церковь пользовалась культурными способами: поэзіей, музыкой, живописью, литературой, и создала тотъ порядокъ, при которомъ дѣлались шаги къ улучшенію личной и общественной жизни. Уваженіе къ личности, благотворительность, идея экономическаго равенства, паденіе рабства, политическая свобода въ истинномъ смыслѣ—все это возникло подъ вліяніемъ христіанства. Церковь учитъ, что спасеніе души невозможно безъ жертвъ на общее благо, безъ заботы о пользѣ ближнихъ, безъ помощи каждому словомъ и дѣломъ. Факты исторіи свидѣтельствуютъ, что она выполнила свое дѣло. И вдругъ на конгрессѣ религіозныхъ наукъ въ Стокгольмѣ 2-го сентября 1897 г. раздалось рѣзкое обвиненіе Огюста Сабатье, что христіанская религія

воюетъ съ культурой и идетъ противъ самыхъ началъ человѣческаго развитія! Вы въ полномъ ли умѣ, doctissime?

„Мы цѣнимъ великія научныя открытія и изобрѣтенія; мы признаемъ добытыя наукою неоспоримыя истины о мірѣ, природѣ, жизни и правѣ; мы не отрицаемъ великихъ успѣховъ, совершенныхъ наукою со времени установленія опытныхъ методовъ изслѣдованія...“ (слово преосв. Иннокентія). „Для человѣчества всѣ науки необходимы и полезны и всѣ дѣятели, трудящіеся на нихъ, почтенны...“ (рѣчь преосв. Амвросія). Но „гдѣ же обѣщанное наукой счастье всѣхъ членовъ человѣческой семьи, гдѣ торжество высшихъ началъ любви и правды? Гдѣ всеобщій альтруизмъ? Почему наука съ прогрессомъ матеріальнымъ не несетъ улучшенія нравовъ; почему не вырветъ съ корнемъ зло? Увы,—это не ея дѣло! Причины зла нравственнаго свойства, а наука бессильна противъ нравственнаго зла... Знаніе, наука—что орудіе, которое можетъ быть и благотворно и губительно, смотря по тому, какъ мы пользуемся имъ. Наука, напр., изобрѣла порохъ, и миролюбивый китаецъ цѣлые гѣка пользовался имъ для забавы, устраивалъ изъ него фейерверки; а воинственный европеецъ, съ высоты своей культуры такъ презирающій отсталого китайца, къ пороху добавилъ ружья, пушки и гранаты... Одно научное просвѣщеніе само по себѣ даетъ лишь дрессировку разума, и, если человѣкъ по своей природѣ хищная личность, то образованіе только изошряетъ ему зубы, оттачиваетъ когти. Разумъ сила исполнительная, а власть законодательная, сила руководящая, принадлежитъ сердцу. Евангеліе 19 вѣковъ тому назадъ провозгласило: „изъ сердца исходятъ помышленія злыя и благія“. Божественный сердцецвѣдецъ Христосъ Спаситель первый указалъ міру, что единственный источникъ общественной, политической и всякой исторической жизни есть духъ человѣка и что чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ совершеннѣе будетъ и все, имъ созданное“ (свящ. Петровъ,—„Еванг. какъ основа жизни“, стр. 25—27). „Бурное состояніе человѣческаго духа въ наукѣ о природѣ и веществѣ выразилось дробленіемъ ея на отдѣльныя отрасли, особые отдѣлы, распаденіемъ на самостоятельныя ученія со своимъ особымъ кругомъ предметовъ, или такъ называемою специализаціей, иногда необычайно узкою. Поставляя узкія рамкі научному мышленію, специализація стѣсняетъ свободу широкихъ философскихъ обобщеній и тѣмъ дробитъ и понижаетъ научный идеаль, пре-

вращая специалистовъ въ ученыхъ мастеровъ своей излюбленной области... Преимущественное обращеніе науки на ви́шнее улучшение человѣческаго общежитія, сосредоточеніе ея творчества на предметахъ удобствъ и роскоши уже само по себѣ является яснымъ признакомъ пониженія идеаловъ духа, дробленіемъ послѣднихъ, размѣномъ на мелкія духовныя потребности... Развилась особая практическая сноровка приспособляемости къ обстоятельствамъ, людямъ, положеніямъ, вліяніямъ минуты. Она указывала на мелкость души, отсутствіе цѣльнаго убѣжденія, идеальныхъ запросовъ ума, рождающихъ послѣ долгой работы т. н. міросозерцаніе человѣка. Неудивительно, что при такомъ обнищаніи духовномъ создавалось безразличное отношеніе къ вопросамъ вѣры и къ вопросамъ духа о смыслѣ, цѣли и причинѣ всего сущаго“ (слово пр. Иннокентія 17 янв. 1901 г.). При наличности такихъ невысокихъ качествъ въ положеніяхъ и открытіяхъ эмпирической науки съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ слѣдуетъ смотрѣть на ту вражду, которая систематически проявляется знаніемъ по отношенію къ христіанству. Это явленіе можно считать безотраднымъ и нежелательнымъ тѣмъ болѣе, что притязанія опытнаго знанія на непогрѣшимость его изысканій и выводовъ не оказываются основательными и исключаютъ возможность ихъ критики (см. мою ст. „Христ. уч. въ сопост. съ нѣк. мнимо-научн. мнѣніями нашего времени“, „Вѣра и Разумъ“, 1901 г. № 24). Но противники истинной вѣры, повидимому, перестали сознавать, что идеаломъ настоящей образованности должно быть всестороннее и полное развитіе всѣхъ способностей души, что умъ долженъ быть направленъ къ разумнію истины, воля воспитана въ привычномъ совершеніи добрыхъ поступковъ, сердце—въ усвоеніи красоты. Свѣтская наука, расколовшаяся на мелкія части, пренебрегающая чисто духовными вопросами, утратившая возможность дать полное развитіе душевнымъ силамъ, неминуемо должна страдать односторонностью, узкостью взглядовъ, бѣдностью положеній и не въ правѣ гордиться несуществующими достоинствами. Помимо реальныхъ фактовъ и ихъ соотношеній, составляющихъ предметъ научныхъ изслѣдованій, существуетъ гораздо болѣе важная, таинственная область, существуетъ потусторонній міръ, бытіе котораго наука отрицать не можетъ, также какъ не способна заглушить массу духовныхъ запросовъ. Эта область иной жизни отдѣлена отъ опытнаго знанія непроницаемой завѣсою. Наука предпочла совѣмъ отвернуться

отъ недоступнаго ей міра явленій, не воспроизводимыхъ опытомъ, и если иногда пытаются ихъ осмыслить, то въ заранѣе принятую форму вводитъ придуманное содержаніе, — обычный приѣмъ для построенія всѣхъ научныхъ положеній и выводовъ, основанныхъ на бездоказательныхъ догадкахъ. Грубыя ошибки и заблужденія, выдаваемые, однако, за несомнѣнную истину, тутъ неизбѣжны. Самое построеніе синтеза по составленному апіорнымъ путемъ плану и масштабу, безъ основательнаго критическаго изученія природы данныхъ предметовъ и явленій, должно быть признано способомъ ненаучнымъ, и, если оно практикуется людьми положительнаго знанія, особенно въ области духовныхъ вопросовъ, то, можетъ быть, потому только, что наука не брезгаетъ ничѣмъ для униженія ненавистнаго ей противника. Достигается черезъ это одно то, что сама наука умаляетъ и часто сводитъ на-нѣтъ достоинство своихъ обобщеній. Достаточно признать, что душа создана Богомъ и тогда стануть понятными причины, по которымъ она стремится къ соединенію съ первопричиной; понятными будутъ ея томленія, неудовлетворенность, сокрушеніе при сознаніи, что она пребываетъ въ туманѣ заблужденій, загородившихъ путь къ истинной цѣли. Но происхожденіе души было хорошо извѣстно еще первому человѣку. А наука?!.. Развѣ она можетъ допустить, что познанія перваго человѣка были достовѣрны! — Это слишкомъ старо, несовременно. Она стала утверждать, что вся совокупность духовныхъ и нравственныхъ (конечно и безнравственныхъ) явленій всецѣло зависитъ отъ суммы чувствованій тѣхъ микроорганизмовъ, которые наполняютъ живое тѣло (Л. Гурдъ, „Психич. факт. цив.“ ч. 1, стр. 54). Такое утвержденіе бездоказательно и неудовлетворительно, — оно только вызываетъ рядъ другихъ вопросовъ: почему у людей существуютъ различные характеры и темпераменты? почему психика ребенка такъ рѣзко отличается отъ духовныхъ явленій взрослого?

Если что-то чувствуютъ и понимаютъ микроорганизмы, живущіе въ человѣкѣ, то отчего самъ онъ не способенъ на это? Совсе ненужныя научныя предположенія вносятъ одинъ разладъ въ отношенія науки къ религіи, даютъ поводъ къ нескончаемымъ несогласіямъ и раздорамъ. Говорить о томъ, что въ наукѣ — постоянный прогрессъ и развитіе, а христіанство слишкомъ консервативно, значить — произносить слова безъ содержанія, такъ какъ либералы и прогрессисты сами не знаютъ той

границы, которая раздѣляетъ нежелательный имъ консерватизмъ отъ должнаго и позволительнаго. Къ чему, однако, привелъ прогрессъ науки? Прежде всего къ пониженію въ образованномъ обществѣ уровня религіознаго чувства, затѣмъ къ преобладанію матеріальныхъ интересовъ, къ сутолокѣ ради наживы. Современный намъ натурализмъ не идетъ по пути въ область нравственности, не имѣетъ яснаго сознанія идеаловъ, даже не увѣренъ въ ихъ необходимости. Узко-практическое. матеріальное направленіе жизни, данное эмпирическимъ знаніемъ, знаменуется безвѣріемъ, безсердечіемъ, распущенностью. Изъ приложения къ № 7 журн. мин. юстиціи за 1900 г. видно, что за послѣдніе 20 лѣтъ число преступленій въ Россіи увеличилось: противъ нравственности на 375 процентовъ, противъ религін на 265 проц., а количество дѣлъ о лжесвидѣтельствѣ подѣ присягою возросло на 420 проц.

Въ 1898 г. въ Петербургѣ виѣ брака число рожденій достигло 50 проц. Плоды просвѣщенія! Въ минувшемъ столѣтіи „духъ вѣка“, рожденный наукой, гордо пошелъ противъ духа церкви съ ея установленіями. Высшая духовная власть оказалась вынужденною напомнить міру о своихъ прерогативахъ: въ 1900-мъ г. былъ отлученъ отъ церкви за свои ереси зоологъ Майвартъ, въ слѣдующемъ году—гр. Толстой. И тотъ и другой съ гордостью остались при своихъ мнѣніяхъ, очевидно не понимая, что „гордость потому есть коренное зло,—какъ выразился Вл. Соловьевъ,—что это есть такое состояніе души, которое дѣлаетъ всякое совершенствованіе или возвышеніе невозможнымъ. Смиреніе потому и есть основная для человѣка добродѣтель, что признаніе своей недостаточности прямо обуславливаетъ потребность и усиліе совершенствованія“. Люди положительнаго знанія, основывая свои сужденія на достовѣрныхъ фактахъ, впадаютъ въ крупную ошибку, когда слишкомъ высоко цѣнятъ результаты научныхъ изслѣдованій. Естественные законы, составляющіе предметъ ихъ изученія, не являются вполнѣ точно измѣрительными, чему мѣшаетъ наше собственное несовершенство и недостатки въ нашихъ орудіяхъ и способахъ; это идеальныя, отвлеченныя отъ матеріи понятія. Трудность точнаго изученія явленій увеличивается въ прямой зависимости отъ ихъ сложности. Законы оказываются недостаточнымъ идеаломъ, къ которому различныя науки пытаются подойти лишь по возможности ближе и потому такъ называемое положительное знаніе вѣрнѣе причислить къ

идеализму и спиритуализму, какъ чистому мышленію, которымъ мы приходимъ къ сознанию существованія естественныхъ законовъ. Преосвященный Никаноръ не одинъ разъ въ своихъ поученіяхъ доказывалъ, что наша вѣра въ Бога и въ личное безсмертіе человѣка есть самое положительное, философское, научное познаніе; съ другой стороны, онъ утверждалъ, что въ самомъ познаніи есть только вѣра и нѣтъ знанія.

Разбирая систему Канта, онъ говоритъ, что наши познанія обусловлены чувственными впечатлѣніями внѣшними и внутренними, внѣ которыхъ не существуетъ для насъ предметовъ, свойства которыхъ, открываемая внутреннимъ чувствомъ, объективнѣе тѣхъ, которыя даются внѣшнимъ чувствомъ. Истинное познаніе мы получаемъ путемъ разума и наиболѣе реально то, что получается отвлеченнымъ мышленіемъ, потому что черезъ это оно сильнѣе приближается къ понятію бытія абсолютнаго и все, противорѣчащее истинѣ Слова Божія, не можетъ согласоваться съ истинною разума человѣческаго. Въ своемъ сочиненіи „Позитивная философія и сверхчувственное бытіе“ пр. Никаноръ постановкою вопроса и выясненіемъ предмета несогласія между эмпиризмомъ и идеализмомъ объ истинномъ бытіи и знаніи—призналъ, что идеализму должно быть отдано полное преимущество.

Отношенія науки къ вѣрѣ не нормальны; цѣлая область духовныхъ явленій оставляется опытнымъ знаніемъ въ какомъ-то пренебреженіи, какъ предметъ недостойный обсужденія. Научные итоги открываютъ значительные недочеты и односторонность изслѣдованій и ихъ результатовъ. Неудивительно, если образованное общество почувствовало себя обманутымъ и неудовлетвореннымъ грубо-матеріалистическими открытіями, противъ которыхъ въ наше время замѣтенъ протестъ; оно ощутило въ себѣ проснувшуюся, присущую человѣчеству, религіозную потребность; оно стало искать свою душу, утерянную во время историческаго хода событій; оно стало понимать, что вмѣсто войны за жизнь оплотомъ общежитія должна служить любовь къ ближнему. Теперь уже [выяснилось, что будущность зависитъ отъ того, что одержитъ побѣду: любовь или ненависть, вещество или душа. Духовныя потребности, объ искорененіи которыхъ хлопотала опытная наука, оказались вполне жизнеспособными. Человѣчество пріобрѣтаетъ желаніе объяснить себѣ смыслъ жизни и начинаетъ сознавать, что существуютъ явленія высшаго по-

рядка, имѣющія превосходство надъ матеріальнымъ началомъ. Не споримъ, въ поискахъ правды уже успѣли обнаружиться крайности, увлеченія, неправильное толкованіе явленій, но это естественно, такъ какъ проповѣдниками вѣры часто являлись люди и писатели свѣтскіе, не вполне знакомые съ богословской литературою, гдѣ давно уже многіе религіозные вопросы получили основательное разъясненіе и опредѣленные отвѣты. Мистицизмъ постепенно захватываетъ собѣ мѣсто, и нужны только руководители; жатва созрѣваетъ, и нужны только дѣлатели. Мало-по-малу крѣпнеть сознаніе, что наука не можетъ возстановить на землѣ золотой вѣкъ, царство равноправности, высшей правды и справедливости; она сама еще не умѣетъ относиться справедливо къ вѣрѣ Христовой, дающей своимъ послѣдователямъ утѣшеніе и надежду, чистую радость, истинное познаніе и свѣтъ, т. е. именно то, чего не въ состояніи дать наука. Но чѣмъ вызвано такое отношеніе? Неужели и христіанство съ своей стороны утверждаетъ бесполезность науки? Нѣтъ, оно, какъ мы видѣли, доказываетъ, что эмпиризмъ, изучающій одну матерію и ничего незамѣчающій кромѣ вещества, одностороненъ и уже по одному этому не можетъ удовлетворить любознательность человѣка съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Въ этомъ одна глубокая правда, и если люди опытнаго знанія не любятъ ее выслушивать, то можно думать, что они боятся строгой критики. Или, можетъ быть, наукѣ вполне извѣстно, что христіанство распространяетъ ложь и заблужденіе? Но наука никогда не могла этого доказать и безъ предвзятыхъ мнѣній даже не приступала къ обсужденію этого предмета, котораго не знаетъ основательно до сего времени. Притомъ, заблужденій наука можетъ съ успѣхомъ поискать въ своей области.

Остановимся на предположеніи, что вся ненависть къ истинной религіи вызвана только тѣмъ, что вѣра эта открыта людямъ Самымъ Спасителемъ, у Котораго существуетъ древній, но побѣжденный противникъ, старающійся затмить человѣческую мысль до ея полной способности понять истину.

М. Богословскій.

Къ вопросу о самобытномъ происхожденіи хлыстовщины ¹⁾.

Мы думаемъ, что хлыстовщина представляетъ собою всецѣло самобытное явленіе, и въ этомъ отношеніи мы присоединяемся къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, взгляды которыхъ относительно происхожденія хлыстовщины нами отнесены ко второй категоріи. Но сходясь съ этими изслѣдователями въ основной мысли, мы полагаемъ, что эта мысль должна быть обоснована нѣсколько иначе. Это-то нѣсколько иное обоснованіе мысли о самобытномъ происхожденіи хлыстовщины мы и хотимъ предложить въ этой статьѣ.

Всякій, изучавшій секту хлыстовъ, долженъ сознаться, что эта секта представляетъ собою явленіе очень сложное. Но при всей ея сложности въ ней можно найти нѣсколько существенныхъ чертъ, которыя характеризуютъ ее и которыя представляютъ собою какъ бы основу и канву, на которой вышиты детальныя черты рисунка. Въ ней можно указать нѣсколько основныхъ положеній, вокругъ которыхъ группируется все разнообразіе частныхъ пунктовъ. Такими характерными для хлыстовщины чертами являются слѣдующія четыре: 1) идея боговоплощенія и въ частности теорія перевоплощенія І. Христа, 2) метампсихозисъ въ ученіи о душѣ человѣка, 3) дуализмъ и тѣсно связанный съ нимъ аскетизмъ въ ученіи о нравственности и наконецъ 4) радѣнія и свальный грѣхъ въ культѣ.

Посмотримъ теперь, что представляютъ собою эти основные элементы хлыстовщины; представляютъ ли они собою продукты самобытнаго творчества русскаго духа или носятъ на себѣ слѣды сторонняго вліянія.

Восьма непонятнымъ кажется на первыхъ порахъ возникновеніе

¹⁾ Эта статья находится въ непосредственной связи съ нашей статьёй «Критическій обзоръ мнѣній по вопросу о происхожденіи хлыстовщины», помѣщенной въ *Мис. Обзорн.* за 1903 г. №№ 13, 14 и 16.

въ сознаниі русскаго простолюдина идеи Боговоплощенія вообще и въ частности идеи о многократныхъ воплощеніяхъ І. Христа. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ мужику Данилѣ Филиппову пришла въ голову мысль выдавать себя за воплотившагося Бога—Саваооа и сдѣлать своимъ единокровнымъ Сыномъ Божиимъ такого же мужика Ивана Суслова? Какимъ образомъ русскій простолюдинъ дошелъ до мысли, что въ него можетъ по временамъ вселяться самъ сударь Духъ Св. и изрекать устами его пророчества? Словомъ, какимъ образомъ въ сознаниі простаго русскаго человѣка возникла мысль о возможности воплощенія Божества въ человѣка? Эта именно кажущаяся непонятность возникновенія въ сознаниі русскаго простолюдина идеи Боговоплощенія, какъ мы уже видѣли, и дала поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ объяснять происхожденіе этой идеи вліяніемъ западныхъ еретиковъ. Но мы вмѣстѣ съ г. Н. Барсовымъ думаемъ иначе. Намъ кажется, что возникновеніе этой идеи обуславливается иными причинами и корень этой идеи заключается совершенно въ другомъ источникѣ.

Русскій простолюдинъ есть по преимуществу человѣкъ чувства. Онъ живетъ больше въ области ощущеній, нежели въ области отвлеченнаго мышленія; область первыхъ ему болѣе сродна, чѣмъ область втораго. Въ этомъ-то „преобладаніи чувства надъ мыслию, ощущенія надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаціи, характеризующей хлыстовщину“ 1). „Въ этомъ чувствѣ—источникъ хлыстовскаго ученія о томъ, что Духъ Божій, вселяясь въ человѣка, совершенно уничтожаетъ его личность, и онъ дѣлается Сыномъ Божиимъ по природѣ, Новымъ Христомъ“ 2). Такое именно патологическое состояніе, основывающееся на преобладаніи „ощущенія надъ рефлексомъ“ и состоящее въ томъ, что человѣкъ считаетъ себя органомъ откровеній Верховнаго Существа, было знакомо русскому человѣку весьма и весьма давно 3). Секта „людей Божіихъ“ только развила до крайности этотъ мистицизмъ и сдѣлала людей не только органами небесныхъ откровеній, но и носителями Самого Божества. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи, при недостаткѣ свободы въ жизни гражданской, нашему простолюдину естественно было вознаградить себя свободой въ

1) *Н. Барсовъ*, Христ. Чт. 1869 г., стр. 469.

2) *Корняченко*. *Взр. и Раз.* 1896 г., о. ц. стр. 781.

3) *Миллюковъ*. *Очерки рус. культуры*, стр. 102.

жизни духовной, религіозной и въ этомъ отношеніи дойти до крайности, сознание своего человѣческаго достоинства довести до самообожанія 1). Такимъ образомъ, идея боговоплощенія у хлыстовъ совершенно русскаго происхожденія и обязана своимъ возникновеніемъ ненормальному развитію душевныхъ силъ и способностей.

Совершенно самобытно и самостоятельно также ученіе хлыстовъ о предсуществованіи душъ и о душепереселеніи. Извѣстно, что наши предки вѣрили въ отдѣльное существованіе души, въ то, что душа во время сна можетъ отдѣляться отъ тѣла и принимать разные образы (дыма, огня, бабочки), что по смерти она блуждаетъ около своего мѣстопребыванія, а души некрещенныхъ обращаются въ *Мавокъ*, что въ особой странѣ солнца, вѣчной весны и зелени обитаютъ души еще нерожденныхъ людей. „Въ бабочкахъ, зайцахъ, горностаяхъ, ластушкахъ и звѣряхъ рысучихъ донныѣ на сѣверѣ Россіи православный народъ видитъ души умершихъ“, говоритъ Е. Барсовъ 2). Донныѣ сохранился обычай на масленицѣ выставлять за окно блины для умершихъ. Такимъ образомъ въ основѣ хлыстовскаго ученія о душепереселеніи лежатъ тѣ стихійныя и зооморфическія представленія, которыя доселѣ свѣжи въ памяти народной, какъ остатки языческаго міросозерцанія 3).

Равнымъ образомъ въ древне-языческихъ представленіяхъ нашего народа находитъ для себя основаніе и хлыстовскій дуализмъ. Наши предки, олицетворяя благодѣтельныя силы природы—солнце, громъ и молнію, олицетворяли въ то же время и мрачныя явленія природы и представляли ихъ въ борьбѣ со свѣтлыми.—Черезъ нѣкоторое время славянинъ перенесъ этотъ дуализмъ и въ міръ нравственный.—Въ болѣе рѣзкихъ чертахъ этотъ дуализмъ выразился въ ученіи волхвовъ. Дуалистическія воззрѣнія волхвовъ нашли себѣ благопріятную почву въ религіозномъ состояніи христіанскаго общества не только первыхъ трехъ вѣковъ, но и послѣдующихъ. Характеристическою чертою религіознаго міросозерцанія русскаго народа въ первые вѣка по принятіи христіанства—было грубое двоевѣріе, состоявшее въ механическомъ соединеніи двухъ вѣръ—христіанской и языческой—почти безъ измѣненія той и

1) *Корнѣенко*. 782.

2) *Прав. Обзор*. 1873 г. т. I. стр. 153.

3) *Корнѣенко*. *Вѣр. и Раз.* 1896 г. 781.

другой.—Затѣмъ на смѣну является двоевѣріе болѣе тонкое, состоящее изъ органическаго соединенія старой вѣры съ новой, при которомъ и та, и другая терпятъ значительныя перемѣны; языческія понятія уступаютъ мѣсто христіанскимъ, но за то и послѣднія теряютъ свою возвышенность и низводятся до степени наивнаго полуязыческаго смысла народа. Остатки язычества сохраняются даже въ XVI и XVII вв. При такомъ непониманіи духа христіанства и искаженіи его примѣсью язычества дуалистическое міросозерцаніе волхвовъ могло весьма легко прививаться къ русскому народу. Не удивительно отсюда, что этотъ дуализмъ сохранился и до сихъ поръ въ памяти русскихъ простолюдиновъ и легъ въ основу хлыстовскихъ воззрѣній ¹⁾).

Что касается хлыстовскаго аскетизма, то и онъ представляетъ собою совершенно самобытное явленіе, коренящееся въ историческихъ условіяхъ русской народной жизни, а вовсе не въ богомильствѣ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Вся исторія воспитала въ русскомъ народѣ особенную склонность къ аскетизму. Главными проводниками аскетическихъ идеаловъ у насъ на Руси были монастыри; ихъ общественное значеніе было весьма велико. Сюда приходили всѣ, начиная отъ князей и кончая простымъ мужикомъ. Всѣ они искали здѣсь или духовной бесѣды, или аскетическихъ подвиговъ. Отсюда же выходили и распространялись въ обществѣ учительныя посланія.—Нашъ русскій человѣкъ вообще старался на монастырскихъ началахъ устроить свою частную и общественную жизнь. Вся жизнь Грознаго въ Александровской слободѣ была устроена по монастырскому чину. Жизнь царя Ѳеодора была проведена имъ большею частію за богослуженіемъ. Такая же ревность къ богослуженію оказывалась и въ частныхъ людяхъ. По церковному уставу старалось устроить свою частную жизнь большинство русскихъ людей древняго времени. Достаточно вспомнить *Домострой*, чтобы убѣдиться въ справедливости высказанной мысли. *Домострой* запрещаетъ всякое смѣхотвореніе, пѣсни, пляски, мірскія потѣхи, охоту. Весь домъ, по *Домострою*, долженъ быть устроенъ по подобію монастыря. Входящій въ него долженъ былъ прочитать молитву, какъ передъ кельею монаха; каждый день вся семья должна была непременно выслушивать почти всѣ церковныя службы;

¹⁾ Курнѣенко, 777.

нужно было постоянно имѣть на устахъ молитву Иисусову и въ рукахъ держать четки. Аскетизмъ доходилъ до того, что нѣкоторые исполняли сверхъ того, что требовала св. Церковь; такъ, нѣкоторые постились сверхъ положенныхъ дней и постовъ еще по понедѣльникамъ и въ 12 пятницъ ¹⁾).

Нѣкоторые благочестивые люди въ своемъ стремленіи всецѣло осуществить аскетическій идеалъ доходили до отрицанія семейной жизни. Было распространено даже мнѣніе, что человекъ, „съ женой и съ чады живуще, не можетъ спастися“. Типичный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ собою Іуліанія *Лазарева*, боярыня XVI в. Она стремилась въ монастырь, когда была выдана замужъ. Въ замужествѣ она все время скорбѣла, что не могла остаться чистою дѣвою и исполнить своего желанія. Напрасно уговаривалъ ее супругъ оставить эти мысли и заняться воспитаніемъ дѣтей. Она успокоилась только тогда, когда мужъ по ея просьбѣ согласился не имѣть съ ней супружескихъ сношеній. Послѣ же смерти своего мужа, она всетаки постриглась въ монахини ²⁾).

Монастырскому же вліянію обязано своимъ происхожденіемъ и то значеніе, какое придавалось въ древней Руси молитвѣ Иисусовой. Уже въ рукописяхъ XV ст. мы встрѣчаемъ такіа воззрѣнія на эту молитву: „блаженъ воистину, иже сице прилѣпитъ Иисуса Христа въ мысли и гласыть его непрестанно въ сердци, яко же примѣшаетъ воздухъ нашему тѣлу. Трудимся, братіе, яко же и Давидъ зовуще: Ти, Ис. Христе Сыне Боже нашъ помилуй насъ. Аще бо сица наша душа украсимъ, добръ вѣдѣ и явственнѣ знаю, тогда отецъ и сынъ пріидеть и обитель въ насъ створить, явѣ аще святому Духу превсельшюся“. Въ XVI в. это воззрѣніе, какъ обязательное правило, было занесено въ *Домострой*. Въ XVII в. это воззрѣніе является въ болѣе развитомъ видѣ. „Аще кто молитву сію, требуя ея, глаголетъ непрестанно, по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христось, Сынъ Божій, по второмъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святъ, по третьемъ же лѣтѣ пріидеть къ нему Отецъ и вшедь въ него и обитель въ немъ сотворить Св. Троица и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву“ ³⁾).

¹⁾ Корнѣенко. 778.

²⁾ Ibid

³⁾ Ibid. 779.

Такимъ образомъ хлыстовское ученіе объ умерщвленіи плоти постомъ и воздержаніемъ отъ супружества и ученіе о значеніи молитвы Иисусовой въ дѣлѣ возвышенія духа находятъ себѣ основаніе въ аскетическомъ идеалѣ, который билъ выработанъ и которымъ руководился русскій народъ вплоть до Петра Великаго, а отнюдь не въ богомилствѣ, какъ полагають нѣкоторые изслѣдователи.

Наконецъ, послѣдняя существенная черта хлыстовщины — радѣнія и свальный грѣхъ,—представляетъ собою не менѣе самобытное явленіе, чѣмъ хлыстовскій аскетизмъ. Радѣнія, т. е. круженія, соединяемыя по временамъ съ самоистязаніемъ, суть явленія общенсторическія. Къ нимъ прибѣгали бичующіеся (сектанты IV в.) и пляшущіе (западные средне-вѣковые сектанты), ихъ употребляютъ и современные ирвингіане (въ Англии и С. Америкѣ), скакуны (отрасль меннонитовъ) и наши прыгуны (отрасль молоканства). Наши русскіе волхвы и ложные пророки, о которыхъ часто упоминають памятники древности, предъ сообщеніемъ съ богами томили себя разными тѣлесными движеніями и подвергали истязаніямъ. По описанію Стоглаваго собора, эти люди ходять „наги и босы, трясутся и убиваются“.—Какъ явленія общенсторическія, радѣнія слѣд. представляютъ собою естественныя и притомъ обычныя средства для умерщвленія плоти. Ими пользуются мистики разныхъ странъ и времянь, видя въ нихъ самое простое и лучшее средство убить свою грѣховную плоть и освободить отъ нея безсмертную душу. Будучи же естественнымъ обычнымъ средствомъ умерщвленія плоти, радѣнія поэтому могутъ возникать въ извѣстной мистической сектѣ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго вліянія и воздѣйствія. Такъ, именно, они возникли и въ хлыстовщинѣ. — Что касается свального грѣха, которымъ заканчиваются иногда хлыстовскія радѣнія, то первоначально онъ возникъ, какъ слѣдствіе духовной прелести или самообольщенія. Эту мысль прекрасно выразилъ преосвященный Антоній, ректоръ Казанскій Академіи, на 3-мъ Миссіонерскомъ съѣздѣ. Преосв. ректоръ, основываясь на аскетическихъ твореніяхъ, развивать эту мысль такимъ образомъ. Каждое сильное религіозное чувство вызываетъ въ человѣкѣ извѣстное тѣлесное ощущеніе. При самоличномъ прохожденіи молитвеннаго подвига людьми неопытными, это самое тѣлесное ощущеніе (напр. замираніе сердца, опущеніе крови внизъ, остановка дыханія) вызывается часто физическимъ напряженіемъ и принимается

взаимнѣ религіознаго чувства. Это самая опасная ступень прелести. Дальнѣйшее ея развитіе заключается въ томъ, что такіе самоличныя подвижники начинаютъ считать свое тѣло посредникомъ для благодатныхъ воздѣйствій Св. Духа и каждое свое тѣлесное ощущеніе во время молитвы готовы признать Его голосомъ. При такомъ искусственномъ возбужденіемъ нервовъ, конечно, просыпаются ощущенія половыя, которыя сначала совершенно искренно считаются тоже вдохновеніемъ. Такъ возникаетъ свальный грѣхъ. На первыхъ порахъ онъ является произвольнымъ почти результатомъ ложно направленаго молитвеннаго подвига. Затѣмъ положеніе дѣлъ измѣняется. Религіозное одушевленіе всякой секты скоро истощается, развратъ превращается изъ послѣдствій въ цѣль радѣнія ¹⁾. Описанный процессъ возникновенія свальнаго грѣха весьма ясно говоритъ о самостоятельномъ его происхожденіи въ хлыстовщинѣ. Стоило только сектантамъ дойти до мысли, что въ нихъ можетъ вселяться самъ Богъ, что ихъ тѣло можетъ быть носителемъ Божества и тогда отъ христіанской любви до свальнаго грѣха оставался одинъ шагъ.

Итакъ, всё тѣ основные элементы, изъ которыхъ сложилось странное явленіе—хлыстовщина, представляютъ собою продукты самостоятельнаго творчества русскаго духа. Одни изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ ненормальному развитію душевныхъ силъ, другіе выработались постепенно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, нѣкоторые же представляютъ собою естественное психологическое слѣдствіе такъ называемой духовной прелести.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ эти элементы соединились въ одно цѣлое и составили то, что мы называемъ хлыстовщиной? При какихъ обстоятельствахъ произошло это соединеніе? Словомъ, какъ первоначально возникла и образовалась секта „людей Божіихъ“?

Всего естественнѣе представлять это дѣло такимъ образомъ. Въ концѣ первой половины 17 в. былъ выдвинутъ вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вызвавшій цѣлую смуту церковную. Вездѣ и всюду заговорили о значеніи старыхъ и новыхъ книгъ и обрядовъ въ дѣлѣ спасенія людей. Мнѣнія раздѣлились: одни стояли

¹⁾ „Дѣянія 3-го Мис. съѣзда“. Кіевъ. 1897 г., стр. 47.

за старыя книги, другіе за новыя, одни придерживались старины, другіе, наоборотъ, сочувствовали новымъ вѣяніямъ.—Но въ это же время церковной смуты среди русскихъ людей выдвинулись лица съ мистико-аскетическимъ настроеніемъ, которые отвергли всякое значеніе въ дѣлѣ спасенія людей всякихъ книгъ и обрядовъ. Для спасенія человѣка не нужны ни новыя, ни старыя книги, для спасенія нужна одна *книга животная*, Св. Духъ. Кто пріобрѣтетъ эту книгу, въ кого вселится Св. Духъ, тотъ и спасется. Вселяется же Онъ въ тѣхъ, кто достигнетъ извѣстной нравственной чистоты. Достиженіе же послѣдней обуславливается необходимостью не пить вина, не вступать въ бракъ, проводить время въ постѣ и трудѣ и постоянно произносить молитву Иисусову. Послѣднее особенно важно: по усердной молитвѣ Духъ Св. можетъ явѣ дѣйствовать въ насъ и не только Св. Духъ, но и вся Св. Троица.—Достигшему такого состоянія нравственной чистоты и сдѣлавшемуся чрезъ то непосредственнымъ органомъ Св. Духа нѣтъ уже нужды ни въ архіереяхъ, ни въ попахъ, ни въ таинствахъ, ни въ обрядахъ, ни въ божественномъ откровеніи, заключенномъ въ Св. Писаніи. Изъ среды такихъ мистически настроенныхъ личностей выдвинулся одинъ крестьянинъ Костромской губ. Данила Филиповъ и сталъ во главѣ подобныхъ себѣ мистиковъ-аскетовъ. Онъ постарался сплотить около себя своихъ единомышленниковъ и образовавшейся общинѣ постарался дать, формулированное въ 12 заповѣдяхъ, ученіе и прочную организацію.—Будучи человѣкомъ болѣе другихъ мистически настроеннымъ и, быть можетъ, сознавая необходимость заручиться высшимъ авторитетомъ для вѣрнаго успѣха своего дѣла, онъ еще ранѣе объявилъ себя Богомъ-Саваоомъ, а черезъ нѣсколько времени избралъ себѣ помощника (Ивана Суслова), назвавъ его своимъ единокровнымъ Сыномъ Божиимъ.—Съ теченіемъ времени ученіе хлыстовъ болѣе осложняется и развивается. Съ появленіемъ *Христовъ* (Суслова, Лупкина и др.) начинается опредѣляться ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Христа, вырабатывается ученіе о душепереселеніи, появляются разные виды и формы радѣній. Словомъ, появляется секта хлыстовъ со всѣми ея особенностями. Въ первой половинѣ 18 ст. мы видимъ ее уже твердо и прочно организованной, съ опредѣлившимся уже ученіемъ и культомъ.

Н. Высоцкій.

Доказательства всеобщности прародительскаго грѣха и необходимости крещенія младенцевъ на основаніи сектантскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній.

Для полученія царства небснаго всякому чловѣку необходимо избавиться не только отъ своихъ личныхъ грѣховъ, но и отъ грѣха прародительскаго, перешедшаго отъ Адама на все происшедшее отъ него чловѣчество. Сектанты далеко не всѣ имѣютъ правильное понятіе объ этомъ грѣхѣ, многіе изъ нихъ совершенно отрицаютъ прародительскій грѣхъ, хотя и поютъ о немъ въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ.

Что же такое прародительскій грѣхъ?

Это тотъ грѣхъ, съ которымъ рождается въ міръ каждый чловѣкъ. Какъ отъ зараженнаго источника течетъ зараженный потокъ, такъ отъ зараженнаго грѣхомъ перваго чловѣка, Адама, произошло все грѣшное чловѣчество. Вотъ этотъ Адамовъ грѣхъ, переходящій въ cadaго чловѣка еще при зачатіи его въ утробѣ матери, и называется *прародительскимъ или всеобщимъ грѣхомъ*. Что каждый чловѣкъ рождается съ Адамовымъ грѣхомъ, это видно изъ слова Божія: „Кто родится, спрашиваетъ праведный Іовъ, чистымъ отъ нечистаго? *Ни одинъ*“ (Іов. 14; 4). Родившійся отъ благочестивыхъ родителей царь Давидъ говоритъ: „Я въ беззаконіяхъ зачатъ и во грѣхѣхъ родила меня мать моя“ (Пс. 50; 7). Еще яснѣе учить о первородномъ грѣхѣ ап. Павелъ: „Какъ *однимъ чловѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ*, такъ и смерть перешла во *всѣхъ* чловѣковъ, потому что въ немъ *всѣ согрѣшили*; преступленіемъ *одного всѣмъ* чловѣкамъ осужденіе“ (Рим. 5; 12, 18, 19; и 1 Кор. 15; 22), ибо всѣ люди „по природѣ чада гнѣва“ (Еф. 2; 3).

Нѣкоторые изъ сектантовъ (преимущественно „духовна штунда“)

полагають, что первороднаго грѣха на дѣтяхъ уже нѣтъ, что онъ навсегда снятъ съ человѣчества крестными страданіями Христа Спасителя; но это глубокое ихъ заблужденіе противорѣчитъ приведеннымъ словамъ св. Писанія. Христось пострадалъ за грѣхи всего человѣчества, почему всѣ люди *имѣютъ возможность* освободиться отъ вины первороднаго грѣха, но *не всѣ освобождаются*, а только тѣ, кто принимаетъ очищающую отъ грѣха благодать Божію, дающуюся грѣшнику ради крестныхъ страданій Христа во св. крещеніи. Если бы дѣти, рождаясь, не имѣли первороднаго грѣха, то не имѣли бы и слѣдствія его — смерти, но „смерть, учить св. апостоль, перешла *во всѣхъ* человѣковъ, *потому* что въ немъ (т. е. въ Адамѣ) *всѣ* согрѣшили“. Неумолимая смерть, уносящая ежедневно въ могилу не только взрослыхъ грѣшниковъ, но и тысячи невинныхъ дѣтей, наглядно опровергаетъ заблужденіе сектантовъ: смерть дѣтей, не имѣющихъ еще никакихъ личныхъ грѣховъ, убѣдительно доказываетъ, что они родились съ грѣхомъ прародительскимъ, „ибо возмездіе за грѣхъ — смерть“ (Рим. 6; 23).

Отвергая прародительскій грѣхъ, сектанты, сами, впрочемъ, того не замѣчая, признають его въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ, когда, напр., поють:

„*Всѣ мы грѣшны, гнива чада,*
Ты единый благъ!
Ты для насъ, Господь, отрада,
Безъ Тебя—мы прахъ.
Всѣ виновны предъ Тобою,
Долженъ насъ законъ судить;
Всѣ нечисты мы душою,
Чѣмъ себя омыть?“

(Гус. 157; 1—2. С. Д. С. 120; 1—2. Г. В. 45; 1—2. Пр. Хр. 52; 1).

Или: „*Великъ нашъ Богъ!*..
Что всѣ мы?—бреніе и прахъ;
Все, что лишь наше—*плодъ паденья:*
Вражда къ Зиждителю въ сердцахъ,
Въ душѣ—*отрава прегрѣшенья*“.

(Гус. 82; 6. С. Д. С. 34; 6. Г. В. 21; 6. Пр. Хр. 1; 6).

Или: „*Господь, душа внимать готова!*..
„Здѣсь *всѣ мы чада заблужденыя,*

Здѣсь *всѣ грѣха объяты тьмой,*
Пока насъ свѣтомъ откровенья
Не просвѣтитъ Твой Духъ Святой“.

(Гус. 340; 2. С. Д. С. 279; 2. Г. В. 158; 2. Пр. Хр. 22;
2. Д. П. 16; 2).

Или: „Премудрости кто пожелаетъ,
Чтобы блаженнымъ быть во вѣкъ,
На слово Божье да взираетъ,
А не на мірскихъ челоувѣкъ,
Ибо отъ роду люди всѣ
О Богѣ и Христѣ во тьмѣ“.

(С. Д. С. 162; 1. Г. В. 63; 1. Д. П. 6; 1).

Итакъ сектанты сами признаютъ въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ первородный, всеобщій грѣхъ, причемъ, какъ бы въ чувствѣ глубокой скорби о безсиліи предъ этою „отравою прегрѣшенія“, спрашиваютъ:

„Всѣ нечисты мы душою,
Чѣмъ себя омыть“?

Отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ каждый сектантъ нашелъ бы во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ св. Писанія, которыя ясно учатъ, что омываетъ насъ отъ грѣховъ благодать Божія: Рим. 3; 24. 5; 2. Еф. 2; 3—9. Тит. 3; 7. Дѣян. 15; 11 и др.; нашелъ бы онъ отвѣтъ и въ нѣкоторыхъ своихъ же молитвенныхъ пѣсняхъ, хотя бы въ слѣдующей: „*Ахъ, куда сокроюсь я*“...

„Кровью Агнца благодать
Можетъ смыть всѣ прегрѣшенья“.

(Гус. 159; 4. С. Д. С. 126; 4. Г. В. 51; 4. Пр. Хр. 9; 4).

Такая благодать, омывающая вину первороднаго, всеобщаго грѣха и подается въ установленномъ Самимъ Господомъ таинствѣ св. крещенія.

II.

Крещеніемъ называется такое видимое священное дѣйствіе, въ которомъ челоувѣкъ, при троекратномъ погруженіи въ воду во имя Отца и Сына и Св. Духа, невидимо получаетъ благодать Св. Духа, прощающую всѣ личные его грѣхи и грѣхъ всеобщій, прародительскій, послѣ чего челоувѣкъ изъ сына грѣха и гнѣва дѣлается сыномъ Божиимъ,

усваиваетъ искупительную силу крестной смерти Христа, облекается въ Него, освящается и *оправдывается* для получения царства небеснаго. Только подь условіемъ принятія св. крещенія общаетъ Господь людямъ спасеніе: „Кто вѣру имѣетъ и *крестится*, спасенъ будетъ“ (Мар. 16; 16); „Если кто не родится отъ воды и Духа, *не можетъ* войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3; 5).

Нѣкоторые изъ сектантовъ, пользующіеся разсматриваемыми нами пѣснями, какъ молитвенными, совершенно отрицаютъ необходимость воднаго крещенія, уча, что Христось умеръ за всѣхъ людей и этимъ разъ и навсегда избавилъ ихъ отъ первороднаго грѣха, утверждая, что въ св. Писаніи подь словомъ „вода“ нужно разумѣть ученіе Христа или покаяніе, а подь словомъ „крещеніе“ — страданія чловѣка и т. п.

Совершенно вѣрно, что Христось пострадалъ за все чловѣчество: „правдою одного (т. е. Христа) всѣмъ чловѣкамъ оправданіе къ жизни (Рим. 5; 18), ибо „Онъ есть умиловленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра“ (1 Іоан. 2; 2). Но это еще не значить, что всякій чловѣкъ, искупленный страданіями Христа, уже спасенъ: смертію Христа онъ получаетъ только „доступъ къ благодати“ (Рим. 5; 2), которая спасааетъ, будучи подаваема чловѣку прежде всего въ таинствѣ крещенія; только принявшій крещеніе, какъ мы видѣли, имѣетъ надежду на спасеніе и вѣчную блаженную жизнь. Что же касается того ложнаго умствованія сектантовъ, что подь словомъ „вода“ вездѣ въ Писаніи нужно разумѣть „ученіе“ или „покаяніе“, а подь словомъ „крещеніе“ — страданіе, то для опроверженія этого заблужденія достаточно привести хотя бы то мѣсто св. Писанія, въ которомъ говорится, напр., что Іоаннъ крестилъ въ чувственной водѣ, когда „выходили къ нему вся страна Іудейская и Іерусалимляне: и крестились отъ него *въ рѣкѣ Іорданѣ*“ (Мар. 1; 4—5). Въ чувственной, а не духовной водѣ крестился Самъ Спаситель, ибо сказано о Немъ: „крестившись, Іисусъ тотчасъ вышелъ *изъ воды*“ (Мѣ. 3; 16). Въ чувственной, обыкновенной водѣ крестился и евнухъ. Объ его крещеніи говорится въ Книгѣ Дѣяній: „Между тѣмъ, продолжая путь, они *прѣехали къ водѣ*; и евнухъ сказалъ: *вотъ вода*; что препятствуетъ мнѣ креститься? И приказалъ остановить колесницу и *сошли оба въ воду*, Филиппъ и евнухъ; и крестилъ его. Когда же онъ

вышли изъ воды, Духъ Святой сошелъ на овнуха“ (8; 36, 38—39. См. еще: Дѣян. 10; 47. 22; 16. 1 Кор. 6; 11).

Если подь „крещеніемъ“ должно разумѣть ученіе или страданіе, то учить и страдать можно человѣку только одинъ разъ въ жизни, ибо „одно крещеніе“ (Еф. 4; 5); тогда, далѣе, выйдетъ, что Христось никого не училъ, ибо сказано, что „Самъ Иисусъ не крестилъ“ (Іоан. 4; 1—2),—выйдетъ, что и ап. Павелъ, этотъ великій учитель языковъ, говорившій, что благовѣствованіе — его „необходимая обязанность“, восклицавшій: „горе мнѣ, если не благовѣствую“ (1 Кор. 9; 16), никого не училъ, кромѣ трехъ семействъ, ибо онъ самъ говоритъ о себѣ: „Благодарю Бога, что я никого изъ васъ не крестилъ, кромѣ Криспа и Гаія, дабы не сказалъ кто, что я крестилъ въ мое имя. Крестилъ я также Стефановъ домъ, а крестилъ ли еще кого, не знаю“ (1 Кор. 1; 14—16). Понимать, когда говорится въ св. Писаніи о крещеніи, подь словомъ „вода“ и „крещеніе“ не то, что эти слова прямо означаютъ, это значитъ допускать очевидную для всѣхъ нелѣпость и пустой произволь въ толкованіи св. Писанія, ведущій сектантовъ къ „собственной ихъ гибели“ (2 Петра 3; 16).

Большинство сектантовъ водное крещеніе признаютъ, но смотря на него или какъ на простой обрядъ „обѣщанія Богу доброй совѣсти“ и принятія въ секту, или какъ на „знакъ союза“ съ Богомъ или же признаютъ необходимость совершенія его только надъ взрослыми.

О крещеніи, какъ обрядъ принятія въ секту, какъ простомъ „знакѣ союза“ съ Богомъ или „жертвы для Иисуса“, сектанты поютъ, напр., въ слѣдующихъ молитвенныхъ своихъ пѣсняхъ:

*„О, Господи, видишь меня пресвѣтлое око Твое“...
 „Ты знаешь желанье души,
 Ты слышалъ мной данный обѣтъ,
 Молю заключить поспѣши
 Со мной Твой новый заветъ“* (Гус. 354; 1).*

Или: *„Тебя, Отецъ мой, во Христа я славлю“...
 „Господь, отнынѣ Твой я весь,
 И знакъ свершенъ союза,
 Да, предъ Тобой свершенъ былъ здѣсь
 Знакъ жертвы Иисуса“ (Гус. 355; 2).*

Или: *„Благодарю Тебя, Христе“...
 „Аминь, надъ мной ужъ конченъ днесъ
 Заветный знакъ союза!“*

Крещень въ Христа; стою я здѣсь
Твердь вѣрой въ Иисуса“.

(С. Д. С. 296; 2. Г. В. 151; 2).

Или: *„О чудный день, о дивный день,
Когда Спаситель въ первый разъ
Съ душой моей въ завѣтъ вступилъ
И миръ мнѣ сердца подарилъ...
Свершешъ союзъ любви святой:
Нашель меня Спаситель мой“.*

(С. Д. С. 222; 1—2. С. С. 88; 1—2. П. С. 16; 1—2.
№ 52; 1—2). См. Гус. 356; 1.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сектанты, дѣйствительно, смотря на крещеніе, какъ на „знакъ союза“ съ Богомъ, „знакъ жертвы Иисусу“, какъ на „завѣтъ съ Богомъ“ или „обѣтъ“ Ему; и никакого таинственно-благодатнаго дѣйствія въ крещеніи они не признаютъ. Такъ вѣрять и учить большинство сектантовъ, вопреки ясному ученію слова Божія, по которому крещеніе не есть лишь „знакъ союза“ или только „обѣщаніе Богу доброй совѣсти“, а установлено оно Господомъ для прощенія грѣховъ человѣка и полученія имъ царства небеснаго: „Итакъ, что ты медлишь? Встань, *крестись и омой грѣхи твои*, призвавъ имя Господа Иисуса“ (Дѣян. 22; 16). „Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа *для прощенія грѣховъ; и получите даръ Св. Духа*“ (Дѣян. 2; 38). Изъ этихъ словъ св. Писанія ясно видно, что крещеніе— не простой обрядъ принятія въ общество вѣрующихъ, не знакъ только союза съ Богомъ или обѣщанія Ему доброй совѣсти, а величайшее таинство, въ которомъ *омываются грѣхи человѣка*.

Объ этой истинѣ сами сектанты, очевидно, не сознавая этого, поютъ послѣ совершенія крещенія „принятаго брата“ въ своихъ молитвенныхъ пѣсняхъ“:

*„О чудный день, о дивный день,
Когда Спаситель въ первый разъ
Съ душой моей въ завѣтъ вступилъ...
О чудный день, о дивный день,
Когда Господь меня простилъ“.*

(С. Д. С. 222; 1—2. С. С. 88; 1—2. П. С. 16; 1—2. № 52; 1—2).

Или: „*Днесь ликуетъ небо, радостный день днесь...
Грѣшника сегодня Самъ Онъ освятилъ,
Въ дѣти его принялъ, всѣ грѣхи простилъ*“.

(С. Д. С. 211; 2. Г. В. 144; 2).

Огромное большинство сектантовъ, признавая водное крещеніе, готовые согласиться даже съ тѣмъ, что въ немъ прощаются всѣ личные и первородный грѣхъ, отвергаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ необходимость крещенія дѣтей на томъ ложномъ основаніи, что будто дѣти и такъ всѣ святы и безгрѣшны, что они еще не могутъ ни исповѣдать своей вѣры, ни обѣщать Богу имѣть добрую совѣсть, безъ чего, будто бы, невозможно и совершеніе надъ ними крещенія.

О томъ, что дѣти до крещенія не святы и не безгрѣшны, видно изъ вышеприведенныхъ мѣстъ св. Писанія о всеобщности прародительскаго грѣха и доказывается это уже вышепересмотрѣнными молитвенными пѣснями сектантовъ. Что же касается необходимости крещенія и дѣтей, то она видна изъ тѣхъ мѣстъ св. Писанія, въ которыхъ говорится, что это таинство установлено для всѣхъ безъ исключенія: какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей: „Кто не родится отъ воды и Духа, *не можетъ* войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3; 5). „Да крестится *каждый* изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите даръ Святаго Духа. Ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе *и дѣтямъ вашимъ* и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ“ (Дѣян. 2: 38—39). Обрѣзаніе совершалось въ Вѣтхомъ Завѣтѣ надъ младенцами (Быт. 17; 10—14), въ Новомъ оно замѣнено крещеніемъ (Кол. 2: 11—13), слѣдовательно, крещеніе должно совершаться надъ младенцами же, которые, какъ и взрослые, способны и *безъ вѣры* даже въ утробѣ матери получить благодать Св. Духа (Іер. 1; 4. Лук. 1; 15, 41. Мѡ. 21; 16. Гал. 1; 15).

Послѣднее сами сектанты признаютъ въ ихъ молитвенныхъ пѣсняхъ, когда, напр., поютъ о входѣ Господнемъ въ Іерусалимъ въ пѣснѣ: „*Вражду житейскую разсыпавъ*“...

„Свершилось *чудо* и неожиданно
Отверзались дѣтскія уста

И избавителя Христа
Встрѣчали воагласомъ: „Осанна“! (Гус. 556; 3).

Или: „Господь и мой Богъ“...
„Устройлъ Ты хвалу и славу
Изъ устъ *нѣмыхъ дѣтей грудныхъ*,
Чтобъ устыдить враговъ лукавыхъ
И привести въ молчанье ихъ.

(С. Д. С. 371; 1, 4. См. тоже въ Гус. 63; 2. С. Д. С. 2;
2. Г. В. 8; 2).

Это чудо совершилось надъ дѣтми, конечно, по дару Св. Духа, чего и сектанты не могутъ отрицать, не могутъ, слѣдовательно, отрицать они и того, что дѣти способны принять дары Св. Духа и въ св. крещеніи, ибо „дары различны, но духъ одинъ и тотъ же“ (1 Кор. 12; 4—13): Тотъ же Св. Духъ, который освятилъ въ утробѣ матери пророка Іеремію и Іоанна Крестителя и чудесно отверзъ для хвалы Господу уста грудныхъ дѣтей еврейскихъ, подается въ св. крещеніи и дѣтямъ христіанскимъ.

Наконецъ, какъ это ни удивительно, сами сектанты признаютъ въ нѣкоторыхъ молитвенныхъ своихъ пѣсняхъ необходимость крещенія и дѣтей. Такъ въ пѣснѣ: „*Кто знаетъ часъ своей кончины*“... они поютъ:

„Съ младенчества святымъ крещеньемъ
Уже въ Христа я облеченъ
И благодатнымъ искупленьемъ
Къ числу дѣтей Его причтенъ“ (Пр. Хр. 55; 6).

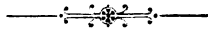
Въ другой пѣснѣ: „*Когда въ невинности своей*“... которую сектанты поютъ при погребеніи своихъ младенцевъ, они, утѣшая себя и родителей въ потерѣ дѣтей, успокаиваютъ чувство своей скорби надеждой на ихъ спасеніе въ силу того именно, что они приняли св. крещеніе:

„Мы не утратимъ сихъ дѣтей:
Господь съ любовью безконечной
На лонѣ ихъ Своимъ блюдетъ,
Чтобъ въ гибель не вовлекъ ихъ свѣтъ.
Они въ крещеніи святомъ
Христа содѣлались тяжельмигъ,

Не искаженные грѣхомъ ¹⁾,
 Заслугой Агнца и страданьемъ
 Они въ жизнь вѣчную грядуть“ (Пр. Хр. 65; 1—2).

Если сектанты сами поютъ, что они „съ младенчества св. крещеньемъ уже въ Христа облечены“ и *потому* „причтены къ числу дѣтей Его“,—что дѣти въ св. крещеніи дѣлаются „стяжаніемъ Христа“ и *потому* „въ жизнь вѣчную идутъ“, то какъ велико предъ Богомъ ихъ преступленіе, когда, хорошо зная всю спасительную силу св. крещенія, они сознательно препятствуютъ своимъ дѣтямъ приходиться черезъ него ко Христу, чтобы, Имъ крестившись, облечься въ Него (Гал. 3; 27) и соединиться съ Нимъ (Рим. 6; 5), чтобы св. крещеніемъ „омыться, освятиться и оправдаться“ (1 Кор. 6; 11)! Какъ великъ ихъ грѣхъ, когда, упорствуя въ заблужденіи, они намѣренно лишаютъ своихъ дѣтей благодати св. крещенія, готовя имъ, а за нихъ и себѣ, вѣчную гибель! Вѣдь сектанты потому и поютъ о спасительности крещенія для дѣтей, что знаютъ и понимаютъ слова Спасителя: „*Кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе*“ (Іоан. 3; 5). „Рабъ же тотъ, который *зналъ* волю господина своего, и не былъ голавъ, и *не дѣлалъ* по волѣ господина своего, битъ будетъ много“! (Лук. 12; 47).

М. Калыневъ.

¹⁾ Очевидно, „не искаженные грѣхомъ“ своимъ, личнымъ, а не прародительскимъ, иначе для чего имъ нужно было принимать св. крещеніе, которое установлено для прощенія грѣховъ (Дѣян. 2; 38—39 и 22; 16): если въ нихъ нѣтъ никакого грѣха, даже прародительскаго, то не нужно было и крестить ихъ.

Безблагодатное и противоканоническое священство.

(историко-каноническая справка объ „австрійской раскольничьей іерархіи“¹⁾).

Австрійская, иначе бѣлокриницкая іерархія, есть *новшество*, неслыханное до 1846 года. Она не учрежденіе Христово, а личное дѣло

1) Исторія происхожденія, а равно и противоканоничность бѣлокриницкаго священства миссіонерской литературѣ и лицамъ, специально прикосновеннымъ къ противораскольничьей миссіи, извѣстны очень давно, благодаря незабвеннымъ трудамъ почившаго ученаго расколывѣда б. профессора московской дух. академіи Н. И. Субботина.

Его „Исторія бѣлокриницкаго священства“, „Матеріалы“, для нея, „Переписка раскольничьихъ дѣятелей“ и др. быть можетъ навсегда останутся единственной документальной исторіей австрійской іерархіи. Настоящая статья нашего уважаемаго сотрудника имѣетъ современный интересъ: дѣло въ томъ, что теперь, въ самое „нужное“ для Церкви православной время, объ австрійскомъ священствѣ не имѣютъ надлежащаго представленія не только „простые смертные“ православные христіане, но и сановитые члены разныхъ комиссій по дѣламъ вѣры, находящихъ *все отличие* православія отъ раскола „только въ жертву раскольничьей неправды дѣлые миллионы душъ, право, хоть и просто, вѣрующихъ въ спасительную истину Христову. Имѣемъ въ виду свободу пропаганды всякаго религіознаго заблужденія, въ силу закона 17 апр. с. г., и подчеркиваемъ главн. образ. австрійское священство въ виду его особой „блazenности“ для чадъ истинной православной Церкви: кому не понятно, что нашъ простой православный людъ судить о „попахъ“ „по ризамъ“—„въ ризѣ—значитъ настоящій попъ“, а австрійское священство, имѣющее всю видимость устройства православной Церкви—съ архіереями въ митрахъ и понами въ ризахъ,—можетъ свободно пагубно импонировать на православное вѣрованіе миллионъ русскихъ людей. Объ этомъ нужно бы не писать, а прямо-таки кричать... такъ какъ даже и пастыри-то не всѣ понимаютъ все значеніе той отступнической грозы, какая теперь надвигается на православную Русь.

Н. Г.

старообрядцевъ и пособлявшихъ имъ враговъ Церкви Христовой и Русскаго государства. „Учрежденіе бѣлокриницкой митрополіи“, говоритъ П. И. Мельниковъ, на котораго такъ часто любятъ ссылаться старообрядческіе начетчики, „было дѣломъ: 1) поляковъ, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года, 2) австрійскихъ государственныхъ людей, католическаго и униатскаго духовенства (въ отомщеніе за воссоединеніе униатовъ) и эрцгерцога Людовика, 3) русскихъ государственныхъ людей, графа Бенкендорфа и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали“¹⁾. Появилась эта іерархія при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Императоръ Николай I въ 1832 году воспретилъ старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ. Старообрядцы заволновались и, опасаясь возможности оскуднѣнія бѣгствующаго священства, рѣшили во что бы то ни стало добыть себѣ бѣгло епископа. Собрано было на это 2½ милліона денегъ.хлопотать въ Петербургѣ взялись богачи братья Громы. Сергій Громовъ сказалъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Блудову; тотъ напомнилъ ему о существованіи Петропавловской крѣпости.

„Графъ же Бенкендорфъ одобрилъ мысль раскольниковъ. Какъ не русскій человекъ и лютеранинъ, онъ сказалъ, что если у нихъ будетъ за границей архіерей, то поставленные имъ попы будутъ приняты въ вѣдѣніе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій“²⁾. При такомъ одобреніи старообрядцы начали дѣйствовать рѣшительнѣе: избраны были и двое искателей епископа, мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ямщикъ Павелъ Великодворскій (инокъ Павелъ), конемъ и вручены были собранныя деньги. Много непріятностей и неудачъ потерпѣли искатели архіерея и мѣста его жительства, и этимъ неудачамъ, кажется, не предвидѣлось конца. Но вотъ „униатскій митрополитъ въ Австріи, Михаэль Левитскій, не безъ вѣдома папы Римскаго, подалъ буковинскимъ липованамъ (раскольникамъ), между которыми уже бродила занесенная изъ Россіи мысль о епископѣ, совѣтъ, чтобы они обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ учрежденіи кафедры раскольниковяго митрополита. Онъ составилъ имъ программу дѣйствій и обнадежилъ въ покро-

1) „П. И. Мельниковъ, его жизнь и литературная дѣятельность“ И. Усова, стр. 239--240; изд. Вольфа.

2) „П. И. Мельниковъ“ стр. 240.

вительствѣ сильныхъ лицъ. Это была месть за воссоединеніе униатовъ¹⁾. Искони враждебное Россіи австрійское правительство охотно пришло искателямъ на помощь; оно нашло полезнымъ поддержать религиозную рознь въ населеніи російской Имперіи и дѣло открытія для русскихъ старообрядцевъ епископской кафедры въ предѣлахъ Австріи, не нашедшее въ началѣ поддержки въ областномъ управленіи Галиціи, во Львовѣ, наладилось, когда было перенесено въ Вѣну. Уже въ 1843 году въ одной изъ вѣнскихъ газетъ за іюнь мѣсяць было напечатано сочувственное пожеланіе дѣлу искателей архіерея. „Въ настоящее время“, говорилось въ этой газетѣ, „у насъ въ Вѣнѣ находятся очень интересные гости. Это уполномоченные липованскихъ обществъ изъ Буковины, прибывшіе сюда для ходатайства предъ высшимъ цесарско-королевскимъ правительствомъ о разрѣшеніи имъ, липованамъ, имѣть своего особаго епископа... Конечно этотъ вопросъ о липованскомъ епископѣ могло бы разрѣшить и областное управленіе Галиціи во Львовѣ, но, къ сожалѣнію, происки нѣкоторыхъ лицъ, сочувствующихъ гоненію, которое происходитъ въ Россіи на старовѣрческія общества, повели къ тому, что львовскій губерніаль ходатайство липованъ не уважилъ. Къ какимъ результатамъ могутъ привести новые хлопоты по этому дѣлу. предвидѣть, конечно, нельзя, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя весьма серьезныя и существенныя *политическія обстоятельства* заставляютъ думать, что липоване безъ своего епископа не будутъ. Съ этимъ архипастыремъ ихъ монастырь въ Бѣлокриницкой слободѣ явится *разсадникомъ духовенства* не только для нихъ самихъ, но и для гонимыхъ въ Россіи ихъ единовѣрцевъ, что поддержитъ старинную религиозную рознь населенія російской Имперіи. *Поддерживать же эту рознь весьма полезно*, такъ какъ она въ извѣстной степени *можетъ способствовать многимъ политическимъ цѣлямъ австрійскаго правительства*, которое, конечно, не должно упускать изъ виду ничего такого, что клонится къ ослабленію возрастающаго изъ года въ годъ могущества нашей восточной сосѣдки Россіи“.

Такое *сочувствіе* дѣлу старообрядцевъ оказывалось въ 1843 году и въ *высшихъ кругахъ* австрійскаго общества. „Хорошій былъ салонъ графини Стадіонъ въ Вѣнѣ“, говоритъ П. И. Мельниковъ, „бле-

1) Тамъ же 244.

стяцій былъ салонъ княгини Меттернихъ. Въ этихъ салонахъ около 1843 года съ чрезвычайно предупредительностью, какъ дорогіе гости, приняты были мѣщанинъ посада Крылова Алимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ящикъ Петръ Великодворскій... Алимпій, не ждаясь въ вилкѣ и ножѣ, ѣлъ руками; постоянно пьяный человѣкъ, который, живя въ Бѣлой Криницѣ, никогда не возвращался домой безъ синяковъ и рѣдко безъ окровавленнаго лица, имѣющій привычку сморкаться выстрѣлами въ сторону, посредствомъ прижиманія пальцемъ противоположной ноздри—подобный человѣкъ въ салонѣ княгини Меттернихъ! Дѣло объясняется преданностью графини и княгини католической церкви и вліянію на нихъ іезуитовъ“¹⁾. И вотъ, продолжаетъ П. И. Мельниковъ, „при тайномъ содѣйствіи католическаго высшаго духовенства, лицъ высшаго вѣнскаго круга, даже нѣкоторыхъ дамъ, валдайскій ящикъ и крыловскій мѣщанинъ проникли въ министерскіе кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду“. Напрасно православные духовные, митрополитъ Карловицкій и епископъ Буковинскій Евгений, протестовали; австрійское правительство согласилось на существованіе отдѣльной епархіи липованъ (раскольниковъ) и потребовало „устава“. *Уставъ* былъ представленъ Павломъ. Но австрійское правительство, не найдя существенной разницы въ ученіи липованъ отъ ученія православныхъ, кромѣ незначительныхъ обрядовъ, какъ то: двуперстія, двойной аллилуіи и др., рѣшило дозволить учрежденіе особой епархіи, только съ подчиненіемъ ея Карловицкому митрополиту. Въ виду этого старообрядцы попросили возвращенія устава, намѣреваясь выяснитъ различіе ихъ ученія отъ ученія православныхъ. Но переправляя возвращенный правительствомъ уставъ, Павелъ внесъ въ него богословіе, въ которомъ *коснулся* самыхъ главныхъ *догматовъ* христіанства и *изложилъ ихъ еретически*. Онъ провелъ въ уставѣ мысль, что до сотворенія міра существовалъ одинъ Богъ Отецъ, пребывавшій въ молчаніи, имѣя Сына, слово Божіе, только въ умѣ своемъ. Когда же Богъ сказалъ: „Да будутъ вѣщцы“—это слово осуществилось во второмъ лицѣ Св. Троицы, выйдя изъ ума Бога; въ то же время Богъ—Отецъ отрыгнулъ отъ сердца своего Духъ Святыи, и сбылось сказанное пророкомъ: „Изъ

1) „П. И. Мельниковъ“ Усова, стр. 242

чрева прежде денницы родихъ Тя“. Слѣдовательно, по мнѣнію Павла и раздѣляющихъ его ученіе, второе и третье лица Св. Троицы не безначальны.

Убѣдившись, что догматическое ученіе липованъ отличается не только отъ ученія православныхъ, но и *превосходитъ* своимъ *еретичествомъ и ученіемъ лютеранъ и католиковъ*, проживающихъ въ предѣлахъ Австріи, вѣнское правительство признало липованскую вѣру за особое исповѣданіе и императорско-королевскимъ декретомъ отъ 18 сентября 1844 года дозволило липованамъ имѣть своего особаго епископа и монастырь для его пребыванія въ предѣлахъ Австріи, въ Бѣлой Криницѣ. Найти за деньги желающаго быть епископомъ было уже не трудно, при существованіи въ то время въ Константинополь множеству уволенныхъ епископовъ и при массѣ посредниковъ и доброжелателей всякаго рода. Павелъ и Алимпій отправились въ Константинополь и поселились въ корчмѣ, которую содержала одна выѣхавшая изъ Россіи жидовка. Сынъ этой жидовки—Рувимъ служилъ иногда имъ за переводчика ¹⁾. Главный же трудъ по пріисканію архіерея взялъ на себя рекомендованный константинопольскими поляками нѣкто К. Е. Огняновичъ, православный сербъ изъ Баната, австрійскій подданный, свободно изъяснявшійся на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ на русскомъ и греческомъ; имѣвшій связи съ патриаршимъ домомъ и лично знакомый со многими изъ православныхъ епископовъ. Съ помощью его и другихъ факторовъ ²⁾ Павелъ и Алимпій нашли въ Константинополь проживавшаго безъ мѣста и безъ разрѣшенія патриарха, *не имѣвшаго права дѣйствовать священная*, бывшаго босноараевскаго митрополита Амвросія.

Амвросій, по свидѣтельству одной боснійской лѣтописи ³⁾, былъ когда-то однимъ изъ лучшихъ архіереевъ, являвшихся въ Боснію и вообще не пользовавшихся расположеніемъ народа. Но уже одною изъ главныхъ причинъ его увольненія съ митрополи, по свидѣтельству увѣщательнаго письма константинопольской церкви къ Амвросію отъ

¹⁾ Исторія Бѣлокриницкаго священства Н. И. Субботина. Москва 1886 г. стр. 210—221.

²⁾ «Братское Слово» 1897 года, кн. I, стр. 635—636.

³⁾ Стаки Скендеровой лѣтопись Босніи. (Записки император. русск. географ. общ. кн. XIII, стр. 587.

июля 1841 года, были „разныя злоупотребленія Амвросія, правонарушенія, насильственные требованія и грабительскіе поборы“, вызвавшіе жалобу на него со стороны босносараевскихъ христіанъ, подавшихъ прошеніе патриарху „объ удаленіи Амвросія изъ Епархін“, какъ чело-вѣка, не имѣющаго „никакого архипастырскаго попеченія и духовнаго надзора“ 1). А будучи уволенъ, по требованію турецкихъ правителей, въ 1840 году вслѣдствіе жалобъ народа, Амвросій сразу измѣнился къ худшему, такъ что прежде мало замѣтные его недостатки, въ числѣ коихъ, какъ мы видѣли, было и пристрастіе къ деньгамъ, теперь еще болѣе увеличились. „Амвросій“, читаемъ мы въ сочиненіи греческаго ученаго архимандрита Германа, „бывшій митрополитъ Босніи, родомъ изъ Эноса, лишенный мѣста за многія злоупотребленія, чело-вѣкъ безвѣстный, пустой, неграмотный, легкомысленный и безхарактерный, лишенный всякаго достоинства, мелочный и любостыжательный, легко увлекся предложеніемъ“ 2) Павла и Алимпія быть у нихъ митрополи-томъ за деньги. Впослѣдствіи и самъ Амвросій свидѣтельствовалъ о себѣ, что, переходя къ старообрядцамъ—раскольникамъ, онъ руковод-ствовался не убѣжденіемъ въ истинѣ старообрядчества, а ушелъ изъ церкви греческой отъ законнаго патриарха „спокойствія ради“ (Мат. ист. бѣлокр. іерар. Субботина стр. 236, отвѣтъ п. Анѣиму). При та-кихъ наклонностяхъ къ спокойствію страшная бѣдность, въ какой пре-бывалъ Амвросій во время пріѣзда Павла и Алимпія, прислуживая въ еврейской корчмѣ и имѣя на рукахъ семейнаго сына; обида на па-триархатъ за увольненіе и ожиданіе будущихъ благъ, соединенныхъ съ ежегоднымъ полученіемъ 500 червонцевъ, не считая пожизненной пенсіи и всевозможныхъ расходовъ со стороны старообрядцевъ по содержанію его сына,—все это послѣ нѣкоторыхъ колебаній побудило его *продать* себя старообрядцамъ и *заключить* съ ними *контрактъ на со-вершеніе архіерейскихъ дѣйствій* въ Бѣлой Криницѣ. Контрактъ этотъ былъ составленъ въ трехъ экземплярахъ: одинъ былъ данъ Амвросію въ обезпеченіе его правъ, другой остался у Павла и Алимпія въ обезпеченіе ихъ правъ на Амвросія, и третій (формальный до-

1) Отвѣтъ конст. патр. на вопросные пункты старообрядцевъ, поданные въ 1875 году. «Брат. Слово» 1876 г. 2 кн., III отд. стр. 206.

2) «Церковн. Вѣстн. 1902 года, 6 ноября № 27 ср. «Брат. Слово» 1876 г. кн. 2: III отд. 223 стр.

говоръ) должно было представить австрійскому правительству. Въ формальномъ договорѣ обязательства Амвросія излагались слѣдующимъ образомъ: „Я, митрополитъ Амвросій, не желая долѣе проводить жизнь свою праздно, и ни по нуждѣ, ни по какой страсти, но по чистой своей совѣсти, согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря, согласно данному имъ всевысочайшему указу... поступить въ старовѣрческую религію въ сущемъ званіи митрополита *надъ всеми* духовными лицами и мірскими людьми, состоящими *въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ*; и при томъ *обязуюсь*, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, *учинить церковное присоединеніе* согласно правиламъ св. отецъ и неотлагательно *поставить* тамъ въ *наместника себя* другого архіерея, такъ, какъ дозволено имъ всевысочайшимъ указомъ“ 1). Если въ этомъ договорѣ предусмотрительно большаго говорится объ объединеніи всѣхъ старообрядцевъ подъ властью верховнаго пастыря, проживающаго въ Австріи, объ избраніи наместника этому верховному пастырю, т. е. о томъ, что входило въ политическіе планы австрійскаго правительства, — то въ договорѣ, данномъ на руки самому Амвросію, болѣе говорилось о его обезпеченіи, хотя и было очевидно не безъ умысла прибавлено замѣчаніе „о благоразсужденіи монастыря“ — на случай возможности неисполненія обязательствъ 2).

Вотъ текстъ этого договора: „Его высокопреосвященство будетъ

1) Исторія Бѣлокр. священства Н. И. Субботина стр. 250.

2) По смерти Амвросія сыну его Георгію не мало пришлось поплатиться за эту прибавку. Не даромъ такъ озлобленно бранился онъ въ письмахъ къ м. Кириллу, запретившему было молиться за Амвросія, когда въ Бѣлой Криницѣ узнали, что онъ предъ смертью раскаялся въ своемъ поступкѣ, причастился Св. Таинъ у греческаго священника и былъ погребенъ на православномъ болгарскомъ кладбищѣ. „Клятва и анаѣма“, писалъ онъ, „на два паскудна особа—Кириллу и Алимпію; понеже вы, какъ я увѣдомленъ былъ, когда былъ въ Черновца, да вы безпрестанно ругаете вашего добродѣтеля, покойнаго господина Амвросія, моего родителя, и *хотите за его душу молиться* и еще *препятствуете, чтобы православныхъ христіанъ, послѣ смерти моего родителя, дали намъ 500 червонца, ежегодная наша жалованья*, которая общая содержанія наша семейства была и за которая мой родитель освятилъ вамъ и очистилъ вамъ отъ оной оригинальную клятву, которою липовански народъ имѣлъ въ себѣ отъ старыхъ временъ... Во первыхъ проклинаю и анаѣематизо *Кириллу... онъ думаетъ представляенъ есть отъ Бога* и безъ рукоположенія! *Амъ нѣтъ! Онъ моего родителя и съ моими помощіемъ!* И не хотите за насъ знать паскудный (Переп. раскдѣтел. вып. I; ср. „Бр. Слово“ за 1893 г., кн. 2, стр. 233).

жить въ Бѣлой Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, на всемъ монастырскомъ содержаніи; сверхъ же того монастырь *обязуется* давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго золота, пока онъ живъ будетъ, съ тѣмъ чтобы *исполнять* ему все по правиламъ св. отецъ, *согласно монастырскаго устава безъ нарушенія* 1). Обязуется монастырь дать его родному сыну Георгію коштъ на дорогу до Босніи и обратно на привезеніе своей жены оттуда; еще купить ему въ Бѣлой Криницѣ домъ съ принадлежащимъ ему дворомъ и огородомъ въ вѣчную его собственность; однако же, если по краткомъ или долгомъ времени случится его высокопреосвященству, Божиимъ повелѣніемъ, по общему долгу челоуѣчества, смерть, наградить его, господина Георгія, за службу родителя, отца его, удовольствовать его, *судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря*». Итакъ митрополитъ былъ найденъ, контрактъ съ нимъ былъ заключенъ. Оставалось принять мѣры противъ возможности соблазна со стороны будущей паствы запрещеніемъ Амвросію священнослуженія безъ особаго на то разрѣшенія патріарха.

Въ виду этого чрезъ Огняновича было добыто для Амвросія письменное *разрѣшеніе* отъ патріарха на служеніе *одной* литургіи, хотя и *безъ съдѣнія на епископскомъ мѣстѣ* 2). Заручившись этимъ разрѣшеніемъ, а равно и когда-то выданною ему ставленною грамотой, Амвросій, перерядившись въ платьѣ простого казака, чтобы не быть узнаваемъ, тайкомъ бѣжалъ отъ своего законнаго патріарха, хотя и продолжалъ его считать православнымъ 3), вмѣстѣ съ Павломъ и Алимпіемъ въ Бѣлую Криницу. Прибывъ послѣ многихъ приключеній въ Вѣну и представившись тамъ австрійскому императору и всѣмъ пособни-

1) А этотъ уставъ, какъ мы видѣли, полонъ ересей. На соборѣ 1863 г. старообрядцы осудили содержащееся въ уставѣ (1 гл.) еретичество, но Швецовъ въ „Истинности“ снова возобновилъ его. Въ послѣднее время оно было обличено Механиковымъ.

2) Истор. бѣлокр. свящ. Субботина, стр. 263—264.

3) Поминая послѣ патріарха Константинопольскаго на литургіи, Амвросій неоднократно высказывалъ сожалѣніе, что онъ оставилъ его. Вотъ что писалъ Георгій намѣстнику Амвросія Кириллу: „Много и много кратъ мой покойный родитель меня бранилъ за это дѣло, за эту липованску православію. И сказалъ мнѣ покойный родитель: да я буду отъ Бога наказанъ за это дѣло, понеже онъ не хотѣлъ притить на липованскую ересь, ежели бы я не былъ добрый за липована (Переп. раск. дѣят., вып. I).

камь этого темнаго дѣла, Амвросій скоро отправился и въ Бѣлую Крипциу. Здѣсь *состоялся соборъ* изъ *мірскихъ лицъ* и бѣлаго іеромонаха Іеронима. *На этомъ незаконномъ соборищѣ*, приравнявшемъ м. Амвросія къ еретикамъ второго чина—аріанамъ, македоніанамъ и новатіанамъ, постановлено было учинить неслыханное *нововведеніе*, а именно: *разрѣшено* было бѣглому *попу* Іерониму, дѣйствовавшему *безъ воли епископа*, *принять* бывшаго *митрополита* чрезъ муропомазаніе и даже въ сущемъ санѣ. Въ назначенное время Амвросій предъ аналоемъ въ церкви безсознательно проклялъ всѣ ереси, а равно и *воображаемыя* ереси греческой и русской Церкви, читая чинъ отреченія по славянскому тексту, написанному для него, *непонимавшаго по славянски*, греческими буквами ¹⁾. Затѣмъ онъ исповѣдался въ алтарѣ у Іеронима, ни слова не понимавшаго по гречески, и тамъ же былъ помазанъ отъ него *пахучимъ масломъ* ²⁾ вмѣсто мѣра. Очевидецъ событія, бывший намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, Онуфрій, передавая о всей этой комедіи, такъ описываетъ эту исповѣдь: „затворились они оба въ алтарѣ на нѣсколько минутъ, уповательно (=вѣроятно) посмотрѣли другъ на друга, тѣмъ и кончилась исповѣдь“ ³⁾. Да и самъ Амвросій былъ не лучшаго мнѣнія объ учиненномъ надъ нимъ комедійномъ издѣвательствѣ. Когда Павелъ доложилъ ему о состоявшемся постановленіи собора мірскихъ человекъ присоединить Амвросія якобы отъ ереси къ мнимо-древнему православію и при томъ 2-мъ чиномъ,—то Амвросій, какъ свидѣтельствуемъ самъ Павелъ въ своемъ „соборномъ дѣяніи“, „обратился къ Павлу съ веселымъ лицомъ и сказалъ: видно и ты Павелъ глупый!“ Но дѣлать было нечего. Амвросій вопреки своему желанію позволилъ продѣлать надъ собою всю комедію чинопріема, а потомъ начались рукоположенія епископовъ. Итакъ Амвросій, соблазненный деньгами и самовольно, безъ всякаго законнаго повода, бѣжавшій отъ своего патріарха, котораго считалъ православнымъ до своей смерти, къ незаконному соборищу, находившемуся подъ клятвой 6 прав. Гангрскаго собора, сдѣлался въ 1846 г. родоначальни-

¹⁾ „Соборное дѣяніе“, писанное Павломъ. См. Истор. бѣлокр. священ. 305 стр.

²⁾ Истор. бѣлокр. свящ. Н. П. Субботина, стр. 306.

³⁾ Записки Онуфрія.

комъ новой, такъ называемой австрійской іерархіи, іерархіи незаконной и безблагодатной, каковою она и была признана всѣми.

Патріархъ, не знавшій сначала, куда удалился Амвросій, впоследствии, въ 1847 году 8 августа, по поводу предложенія русскаго Св. Синода „осудить“ Амвросія, если онъ не раскается, „съ самоосужденными, къ которымъ онъ приобщился“, писалъ ¹⁾ Амвросію: „если окажешься невнимательнымъ и непослушнымъ и будешь упорствовать въ своемъ противномъ канонамъ поведеніи, твердо знай, что послѣдуетъ *изверженіе* твоего *архіерейства*, согласно божественнымъ и священнымъ канонамъ и правиламъ, которыя ты дерзнулъ попрасть; и не только самъ подвергнуть будешь строгости праведнаго и церковнаго наказанія, но вмѣстѣ навлечешь тѣ же наказанія и на всѣхъ, кого дерзостно рукоположилъ, подлежащихъ осужденію, какъ безвѣстныхъ и несвященныхъ, согласно смыслу и рѣшенію священныхъ законовъ.

Это осужденіе и изверженіе Амвросія было подтверждено и послѣдующими Константинопольскими патріархами, преемниками Анеима. Въ „протоколѣ“, выданномъ старообрядческимъ депутаціямъ 1875 и 1892 годовъ, прямо сказано: „Бывшій Боснійскій митрополитъ Амвросій, ради противо-каноническихъ его дѣйствій, долженъ быть признаваемъ самоотлученнымъ, *совершенныя же имъ хиротоніи и священнодѣйствія* по тому самому *должны считаться недѣйствительными*“ ²⁾. Такимъ образомъ, по суду патріарха Анеима, греческой церкви и русскаго Св. Синода, Амвросій „долженъ быть признаваемъ“ „самоотлученнымъ“ за свои противоканоническія дѣйствія: за продажу благодати Кириллу (по 29 пр. Св. Ап.; 2 пр. 4 вс. соб.; Кормч. 270 л.; 287 л. об.); за тайный побѣгъ отъ православнаго патріарха (34 и 35 пр. Св. Ап.; 13—15 пр. Второп. собора; 16 пр. Ант. соб. 5 пр. 4 вс. соб.; 2 пр. Сард.); за самозванство или самовольное объявленіе себя митрополитомъ безъ благословенія большаго (по Еван. Іоанна 20 гл. 21 ст.; Евр. 5, 4—5; 7, 7; Номок. 4 об.); за созданіе и полученіе митрополіи хитростію и подкупомъ съ помощію мірекихъ человекъ (2 пр. Сард. с.: 29 и 30 пр. св. Ап.); за *единоличное* поставленіе себя

¹⁾ Истор. Бѣлокр. іерарх. Субботина, 128—131 стр.

²⁾ Братское Слово, 1876 г., ч. II, стр. 210; 1892 г., ч. I, стр. 811; Лѣтон. руск. соб. 1892 г. 90 ст.

преемника (вопреки 1 пр. св. Ап.; 4 пр. вс. с.; 13 Каро.), при жизни своей и притомъ въ село, а не въ городъ (вопреки 6 пр. Сард.; 57 Лаод.); за переходъ въ общество раскольниковъ (по 10 пр. св. Ап), осужденію конхъ и самъ приобщился, за измѣну православію, за причисленіе Церкви къ еретикамъ 2-го чина, за произнесеніе на нее клятвы, хотя и несознательной и пр.

Потому-то и лучшіе изъ послѣдователей австрійской іерархіи всегда сомнѣвались въ законности и благодатности своего священства. Извѣстный авторъ „окружнаго посланія“ И. Г. Ксеносъ писалъ въ свое время объ австрійскомъ священствѣ и его родоначальникѣ: „корень его гниль и основаніе не твердо“ 1). Еще опредѣленнѣе высказался архіепископъ того же австрійскаго священства Аркадій Славскій въ своемъ письмѣ къ намѣстнику бѣлокриницкой митрополіи Кириллу. „Если бы я“, писалъ онъ, „на сей хартіи открылъ вамъ Амвросіевы недостатки, то бы вы не сіе подумали. Но открытъ не на пользу. Развѣ когда потребуется надобность. Амвросій принять по великой нуждѣ, а не по обдержнымъ правиламъ. Такъ равно какъ и мое поставленіе. Такъ и всѣ вами рукоположенные, только по нуждѣ. А если по обдержнымъ правиламъ разсмотрѣть всю нашу Церковь, то едва-ли въ ней что останется незыблемымъ“ 2).

Итакъ, уже самое описаніе возникновенія австрійской іерархіи и церковный и историческій судъ, произнесенный надъ ней, показываютъ, что эта іерархія, неправильно именуемая себя іерархіей, есть *лже-іерархія*, измышленная людьми въ 1846 году и *существующая по контракту*, это іерархія *безблагодатная* и *противоканоническая*, а не отъ Христа уставленная, какъ іерархія новозавѣтная 3).

Прежде всего это *іерархія безблагодатная. Откуда могла стизойти благодать на австрійскую іерархію?* Благодать Св. Духа пребываетъ только въ Церкви Христовой, созданной Господомъ съ трехчинною іерархією и 7-ю святыми тайнами; только пастырямъ созданной Имъ Церкви Онъ сказалъ: „Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дать

1) Братское Слово, 1875 г., кн. I, стр. 24.

2) Переп. раск. дѣятелей вып. II, стр. 139 и 149.

3) Евр. 5, 4—5; Ев. Іоан. 20, 20; Ефес. 4, 11; Св. Игн. Богонос. 18 л. и 34; о Вѣрѣ 24 л.; прологъ 23 окт. Злат. бес. 1 кн. 15 гл. 8 ст. 1028 ст.

вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ“ (I. 14, 16): только имъ, законнымъ пастырямъ, а не самозваннымъ, самовольно удаляющимся къ самочинному обществу (6 пр. Гангр. соб.), сказалъ Онъ: „принимите Духъ Святъ“ (I. 20, 22); только чрезъ Апостоловъ подавалась благодать хиротоніи, и въ апостольской Церкви не было случая, чтобы вопреки божественному установленію *паства преподала благодать самому пастырю*. Всегда меньшій благословлялся отъ большаго и при томъ *никогда отъ еретика не возстановлялась въ Церкви прервавшаяся благодать хиротоніи*, ибо, какъ говоритъ пр. Іосифъ Волоцкій, „*еретицы имѣху въ себѣ нечистый духъ сатанинъ*“ (Просвѣт. стр. 469). Да если и православнымъ признать Амвросія, и тогда не могъ онъ возстановить благодати хиротоніи въ обществѣ старообрядцевъ самъ, прервавъ своимъ проклятіемъ греческія церкви преемство рукоположенія и удалившись отъ источника благодати Церкви Христовой, „виѣ коей нѣтъ спасенія“ (св. Кипр.), „нѣтъ и плодотворной молитвы, не можетъ быть и добрыхъ дѣлъ“ (Август. толк. на 42 пс.). Въ Катихизисѣ Великомъ прямо говорится: „*иже не пребываютъ въ сей соборнѣй Церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа Святаго сицевѣи не имутъ*“ (л. 121 об. и 122). А съ духомъ сатанинскимъ Амвросій не могъ облагодатствовать старообрядческое общество, собиравшееся кромѣ епископа вопреки 6 пр. Гангр. собора (срав. Кипр. пис. 54, стр. 307) ¹⁾.

Придя *безблагодатнымъ къ безблагодатному* старообрядческому *бѣглопоповщинскому обществу*, Амвросій и въ ихъ обществѣ не могъ получить благодати и возстановленія въ санѣ. Находясь подъ клятвою 6 пр. Гангрскаго собора и подъ клятвою собора 1667 года, это общество само сознавало всю свою безблагодатность, почему и озаботилось принсканіемъ епископа. Мало этого, придя къ незаконному соборниці, Амвросій самъ съ беззаконными вмѣнися по 10 пр. Св. Апостоль. Не могъ возстановить его въ званіи митрополита и облагодатствовать и бѣглый попъ Іеронимъ, дѣйствовавшій самовольно безъ воли старѣйшаго епископа, ибо ему и съ волею епископа дѣйствующему невозможно, по Номоканону (предис. 4 л. об.), какъ „хиротонисати, такъ и падшаго паки на степень священства возвращати“. Не имѣя что ничто не можетъ дати неимущему. Еще: если бы общество, въ которое

¹⁾ Апост. Толков. 549 л.

вступилъ Амвросій, представляло часть апостольской Церкви, то Амвросій чрезъ удаленіе къ этому обществу погрѣшилъ бы только противъ каноническихъ правилъ и явился бы только ослушникомъ церковнымъ, не имѣющимъ права священнодѣйствовать. Но онъ вступилъ въ самочинное общество, неправильно присвоившее себѣ названіе Церкви Христовой и чрезъ то утратилъ всякую благодать и со отлученными вмѣнился.

А что *общество былопоповцевъ*, каковымъ было до Амвросія австрійское согласіе, бывшее 180 лѣтъ *безъ епископа*, не можетъ именоваться Церковію Христовою, получившею всю полноту благодати,—объ этомъ свидѣтельствуеетъ все святое писаніе.

1. *Св. Игнатій Богоносецъ*, мужъ апостольскій, говоритъ: „елицы Христови суть, сін со епископомъ суть; елицы же уклоняются отъ него... не земледѣліе Христово, но сѣмя вражіе“ (Филад. 20). И въ другомъ мѣстѣ: онъ свидѣтельствуеетъ, что Церковь безъ епископовъ „пѣсть избранна, ниже собраніе святое, ниже соемъ преподобныхъ“ (Посл. Тралліан. л. 4, изд. 1772 г.). 2. *Св. Кипріанъ* также внушаетъ каждому уклоняющемуся отъ епископа: „Ты долженъ знать, что епископъ въ Церкви и Церковь въ епископѣ и не находящіяся въ единеніи съ епископомъ не находятся въ Церкви“ (Пис. 54, стр. 307), ибо „Церковь на епископахъ держится какъ на своихъ подпорахъ“ поясняетъ онъ ¹⁾. 3. *Св. Златоустъ* рѣшительно заявляетъ, что „Церковь Христова безъ епископа быти не можетъ“ ²⁾. Чтобы кто изъ лукавнующихъ не сослался на время апостоловъ въ свое оправданіе, онъ прибавляетъ для уясненія: „Вся совокупность прочихъ дарованій сосредоточивается въ апостольствѣ какъ главѣ ...еслибы оно прекратилось, то все разстроилось бы и разрушилось“ ³⁾. 4. *Св. Аванасій* самое существованіе христіанства поставляетъ въ зависимость отъ существованія отъ Христа преданнаго епископства. „Что учредилъ Господь чрезъ апостоловъ, то прекрасно и непоколебимо пребываетъ... Если бы всѣ имѣли ту же мысль, какую имѣютъ твои совѣтники“, писалъ онъ Драконтію, отказывавшемуся отъ епископства, „то

¹⁾ Кипр. твор. пис. 27.

²⁾ Маргар. 144 л. об. въ Житіи.

³⁾ Златоуст. твор. т. 3. кн. 1, стр. 80; 1897 г. Спб.; срав. т. 6 стр. 849—850.

как бы ты сдѣлался христіаниномъ безъ епископовъ? Если возымѣютъ такую мысль тѣ, которые будутъ послѣ насъ, то возможно ли стоять Церкви?“ 1). 5. А *блж. Симеонъ Солунскій* разъясняетъ и эту великую силу и значеніе епископовъ. „Всякій чинъ, всякое таинство и всякое совершеніе церковное исполняется чрезъ епископа“ 2), говоритъ онъ, да и вообще „вся божественныя тайны и во всѣхъ священныхъ архіерейство дѣйствующе есть и безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане“ 3). 6. *Блж. Иеронимъ* также свидѣтельствуетъ, что данное Господомъ устроеніе церковное и въ частности епископство не прекратится въ Церкви Христовой. „Какъ въ то время“, говоритъ онъ въ толкованіи на 54 гл. пр. Исаи, „когда вселенная согрѣшила... наведенъ былъ потопъ, такъ клянусь Церкви моей... что я не буду болѣе гнѣваться“ 4). 7. *Преп. Никонъ Черногорецъ* прямо говоритъ, что въ обществѣ, немѣющемъ архіерея, нѣтъ благодати. „Егда ту нѣсть архіерея“, говоритъ онъ, „таковымъ не дается Духъ Святой“ 5). 8. *Захарія Копистенскій* также свидѣтельствуетъ, что „*Церковь Христова* безъ епископовъ быти не можетъ и никогда не была“ 6). 9. По мысли писателя книги „*Большой Катихизисъ*“ въ Церкви Христовой, въ ней же и спасаемся, обязательно должны быть епископы для поддержанія священства, ибо „еще и не всякъ долженъ есть священствовати, но потребовати священничества всякъ долженъ есть, безъ него бо спастися не можетъ“ 7), такъ что церковь безъ іерархін законной есть „сонмъ злыхъ и нечестивыхъ людей“ 8).

Ясно, что вступивъ въ подобное безблагодатное общество, Амвросій не могъ сохранить благодати хиротоніи, если бы и имѣлъ ее въ греческой церкви; благодать необходимо должна была оставить его, какъ скоро онъ оставилъ истинную Церковь Христову и со беззаконными вмѣнился. Слова Катихизиса: „Иже не пребываютъ въ сей соборній

1) Св. Аѳанасій Алекс., письмо Драконтію.

2) Сим. Сол. кн. 1, гл. 157.

3) Сим. Сол. гл. 76.

4) Бл. Иеронимъ, ч. 9, стр. 11; ср. ч. 4 стр. 85.

5) Никона Черногорскаго.

6) Палинадія л. 189.

7) Кат. Велик. 359 л. об.

8) Тамъ-же, л. 122 об.

Церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ, и Духа Святаго сицевіи не имутъ“¹⁾, относятся и къ обществу, принимавшему Амвросія, и къ нему самому, такъ какъ и то и другой были въ отдѣленіи отъ соборной Церкви. А по свидѣтельству 5 правила 4 вселенскаго собора, Амвросій, если и имѣлъ на себѣ священный санъ, то, по самовольномъ удаленіи отъ законнаго патріарха, былъ *извергнутъ* изъ него *Святою Троицею*. Значить, чтобы доказать благодатность австрійской іерархіи, приѣмлюще эту іерархію должны доказать невозможное, т. е., что ихъ бѣглоповщинское общество, каковымъ они были до Амвросія, не имѣя епископа, въ теченіе 180 лѣтъ могло именоваться *Церковію Христовою, которая* создана на правомъ исповѣданіи вѣры и *до скончанія вѣка пребудетъ* не только съ людьми правовѣрующими, но и съ *семью таинствами* (К. Б. 360 л.), а въ частности *съ епископами* 2). Въ противномъ же случаѣ они должны признать, что Амвросій получилъ благодать хиротоніи въ греческой Церкви и не утратилъ ея при своемъ самовольномъ бѣгствѣ оттуда. А въ этомъ послѣднемъ случаѣ, помимо уже доказанной невозможности сохранить благодать при отдѣленіи отъ Церкви, даровавшей ее, предъ защитниками австрійскаго священства опять встаетъ неразрѣшимый вопросъ: *идѣ указано основаніе для отдѣленія отъ Церкви, имѣющей и преподающей благодать Святаго Духа?*

А. Обтемпранскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Катих. Велик. 121 об. и 122 л.

2) Злат. бес. Мѣ. 28, 20, т. 3, стр. 435, ср. Бесѣды на разн. мѣст. пис. ч. 2, стр. 317—318, ср. 14 пр. Неокес. соб., ср. Книг. о вѣрѣ 59 об. Ефес. 4. 11—13; Кирил. Книга 77 л. Благов. Еванг. Лук. 95 зач. 206 л.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

(О молитвѣ за самоубійцу).

М. Г.

Г-нъ Редакторъ.

Покорнѣйше прошу Васъ сообщить мнѣ, чрезъ уважаемый мною журналъ „Миссіонерское Обзорніе“, слѣдующее: Можно ли православному христіанину молиться о самоубійцахъ; укажите, пожалуйста, есть ли на это церковныя каноны или святоотеческія правила, словомъ, какъ учить о семъ Православная Христова Церковь.

Въ настоящее время самоубійство такъ часто повторяется и не только взрослыми, но и юношами, и потому разрѣшеніе этого вопроса будетъ важно, думаю, не для одного меня. Лично я стою на томъ понятіи, на которомъ стоятъ св. апостолы — въ отношеніи къ самоубійству Іуды предателя (Дѣян. гл. 1-я ст. 16—25).

Думается мнѣ, что и современные самоубійцы, какъ отвергнувшіе вѣру въ Божіе воздаяніе, за лишеніе самовольно жизни своей, а также пренебрегшіе Божимъ милосердіемъ, могущимъ простить и загладить грѣхи, ради которыхъ совершаютъ самоубійство, — идутъ такъ же въ «свое мѣсто».

Вотъ уже 19-ть лѣтъ какъ я читаю свящ. Писаніе и творенія святыхъ отцовъ, но нигдѣ не доводилось мнѣ встрѣтить повелѣнія о молитвѣ за самоубійцу, а потому мнѣ думается, что такая молитва бесполезна и даже грѣшна.

Степанъ Алексѣевъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ каноническихъ отвѣтахъ св. Тимоѳея, епископа Александрійскаго читаемъ:

Вопросъ 14. „Аще кто, будучи внѣ себя, подиметь на себя руки, или повержетъ себя съ высоты: за таковаго должно ли быти приношеніе, или нѣтъ?“

Отвѣтъ: „О такомъ священнослужителѣ долженъ разсудити, подлинно ли будучи внѣ ума, содѣлалъ сіе. Ибо часто близкіе къ пострадавшему отъ самого себя, желая достигнути, да будетъ приношеніе и молитва за него, *неправдуютъ* и глаголютъ, яко былъ внѣ себя. Можетъ же быти, яко содѣлалъ сіе отъ обиды человѣческой, или по иному какому случаю отъ малодушія: и о такомъ не подобаеъ быти приношеніе, ибо есть самоубійца. По сему священнослужителю непремѣнно долженъ со всякимъ тщаніемъ испытывати, да не подпадетъ осужденію“.

По 178 правилу Номоканона:

„Аще убіетъ самъ себя человѣкъ, ни покутъ надъ нимъ, ни поминають, развѣ быше внѣ ума своего“.

Ст. 1472 Уложения о наказаніяхъ, изд. 1885 г., гласить:

«Лишившій себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ..., если принадлежалъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, лишается христіанскаго погребенія».

По ст. 710 устава врачебнаго, изд. 1892 года, «тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать».

Почему такъ, повидимому, строго св. Церковь и наше законодательство, въ данномъ случаѣ основывающееся на каноническихъ правилахъ, относятся къ умышленнымъ самоубійцамъ, понять не трудно. Дѣло въ томъ, что по ученію Слова Божія жизнь есть даръ Божій, даръ, который принадлежитъ не человѣку, а Богу и ближнимъ (Рим. 14, 7—8; Мѡ. 10, 29; Лук. 12, 15) и данъ человѣку для его нравственнаго преуспѣянія и богоуподобленія. Поэтому самоубійство есть возмущеніе противъ творческаго и промыслительнаго порядка и своего назначенія,—возмущеніе, которое кромѣ того противно и естественному чувству любви къ жизни, вложенному въ насъ Творцомъ; св. апостолъ Павелъ говоритъ: никто же когда плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣшетъ ю. (Ефес. 5, 29).

Самоубійство вовсе не было извѣстно у первыхъ христіанъ, ибо оно есть величайшее преступленіе противъ Бога, даровавшаго жизнь, Который Одинъ можетъ отнять ее (Втор. 32, 23—27). Человѣкъ родился и живетъ не для себя одного, но и для ближнихъ: онъ членъ тѣла (Рим. 12, 5; 1 Кор. 12, 19—30). Самоубійца причиняетъ страшное горе родителямъ, дѣтямъ, и является необходимымъ и отечеству, которое въ правѣ отъ него требовать службы и полезной его дѣятельности. У древнихъ христіанъ всѣ были мученики за Христа, о которыхъ мѣтко выражается блажен. Августинъ, говоря, „что они безмѣрно превышаютъ языческихъ героевъ не только числомъ, но и искренностью и безкорыстіемъ своей величайшей (вытекающей изъ любви къ Богу) добродѣтели, превосходятъ ихъ тѣмъ св. героизмомъ, подъ вліяніемъ котораго умѣютъ терпѣливо переносить смерть, отнюдь не убивая себя“ (кн. 5 гл. 14). Только люди, подрывающіе вѣру въ загробную жизнь, забываютъ, что эта вѣра, врожденная человѣческому духу, всегда была въ той или другой формѣ у всѣхъ народовъ, извѣстныхъ исторіи,—что эта вѣра была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, побуждающихъ человѣка къ доброй жизни,—что эта вѣра въ ученіе Иисуса Христа, возвѣстившаго во всей полнотѣ и ясности истину о безсмертіи человѣческой души, о загробной жизни (Мѡ. 22, 32), была свѣтомъ для древняго міра, воскресеніемъ и обновленіемъ его къ новой плодоносной жизни, что безъ этой вѣры, рано

или поздно, человѣчество пришло-бы ко всеобщему отчаянію, разочарованію и саморазложенію, какъ и стало уже приходиться къ такому, а не иному исходу, въ лицѣ даже развитыхъ представителей, нерѣдко оканчивавшихъ свою жизнь самоубійствомъ 1).

А если такъ, то каждый умышленный самоубійца является человѣкомъ, презрѣвшимъ заповѣди Божіи, нарушившимъ единство вѣры и порвавшимъ общеніе съ Церковью, потому что къ ней не могутъ принадлежать нераскаянные грѣшники, т. е. люди, упорно противящіеся ея голосу, призывающему исполнить всѣ заповѣди Божіи, и между прочимъ и заповѣдь объ охраненіи своей жизни для Бога и ближнихъ.

Отсюда прямой выводъ такой: если человѣкъ презрѣлъ заповѣди Божіи, если онъ произвольно распорядился жизнью, которая ему не принадлежитъ; и если, наконецъ, онъ презрѣлъ голосъ Церкви, которая могла бы при его желаніи наставить его, утѣшить и преподать ему въ таинствахъ благодать Божію, могущую укрѣплять его въ борьбѣ со зломъ и неблагоприятными обстоятельствами жизни, т. е., иначе сказать, если онъ удался отъ общенія съ Церковью, то послѣдняя, по заповѣди Спасителя, должна смотрѣть на не него какъ на язычника и мытаря (Мѣ. 18, 17), какъ на человѣка, отпавшаго отъ нея, почему и обряды церковные, совершаемые надъ лицами, находящимся въ общеніи съ Церковью, не могутъ быть совершаемы надъ умышленными самоубійцами. Несправедливо думать, чтобы Церковь этимъ мстила самоубійцамъ, но Церковь не можетъ общаться самоубійцамъ, какъ *нераскаянными* грѣшникамъ, отдалившимся отъ Бога, и тѣхъ высокихъ утѣшеній и наградъ, какія общаются въ чинопослѣдованіи погребенія людямъ, пріавшимъ добрую кончину съ раскаяніемъ, не порывавшимъ общенія съ Богомъ и Церковью. Слѣдовательно, запрещеніе погребать умышленныхъ самоубійцъ и *творить по нимъ поминовенія* по обрядамъ православной Церкви—не строгость, перепрессивная какая-либо мѣра, въ родѣ мести или наказанія, а естественный логическій выводъ,—съ одной стороны изъ ученія о цѣли человѣческой жизни на землѣ, цѣли, стремиться къ которой умышленный самоубійца добровольно, сознательно и упорно отказывается, съ другой—изъ той мысли, что отдалившемуся отъ Бога Церковь не можетъ желать и общаться тѣхъ обѣтованій, которыя общаются въ чинопослѣдованіяхъ погребенія людямъ, неотдалившимся отъ Бога, такъ какъ обѣтованія эти состоятъ въ томъ, что умершій будетъ лицезрѣть Бога, будетъ находиться въ общеніи съ Нимъ, отъ чего самоубійца добровольно отказался 2).

Діаконъ Іоаннъ Смолинъ.

1) Гр. Д—ко, „О совр. религіозно-прав. состоян. русскаго общес.

2) Стр. 340 сводъ указ. по вопр. пастыр. практики.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Голосъ сельскаго священника о „выборѣ“ пастырей „приходомъ“.

За послѣднее время въ свѣтской и духовной печати очень часто стали толковать о возрожденіи прихода, при чемъ на ряду съ мѣрами благоразумными, могущими дать полезное направленіе назрѣвшему вопросу о поднятїи приходской жизни, предлагаются мѣры отжившія, въ свое время показавшія полную свою несостоятельность и вполнѣ основательно оставленныя въ нашей Церкви. Къ числу такихъ мѣръ относится мысль о предоставленїи прихожанамъ права выбора себѣ пастыря, мысль навязываемая Церкви людьми—или совершенно незнакомыми съ условїями приходской жизни, особенно въ селахъ, или же недоброжелательными къ православному пастырству.

Было уже время, когда на Руси священники назначались по выбору прихожанъ, и оно оставило одно лишь горькое воспоминаніе, какъ темное пятно на приходской жизни. Предлагать подобную мѣру можно лишь въ цѣляхъ удовлетворенїя приходскаго самолюбія во всѣхъ его проявленїяхъ, но ничуть не въ видахъ религіозно-нравственной пользы прихода.

Достаточно прислушаться къ слову и воспоминанїямъ старожилловъ о тѣхъ обстоятельствахъ, какими предварялось и сопровождалось въ былое время поступленіе на приходъ священника, чтобы увидѣть всю несостоятельность этой мѣры,—выборнаго начала. Привожу типичный примѣръ избранїя прихожанами священника въ старое время. Открывается приходъ въ селѣ №; окрестные священники, недовольные своими приходами, а также кандидаты на священство, провѣдавшіе о свободномъ приходѣ, съѣзжаются въ село №, чтобы заручиться симпатїями прихожанъ села; между тѣмъ прихожане не дремлютъ, они знаютъ, что къ нимъ

налетитъ масса желающихъ пастырствовать у нихъ, а потому собираютъ предварительный сходъ, на которомъ обсуждаютъ условія, на какихъ желателенъ имъ новый священникъ. Прежде всего выработывается такса за требоисправленія, затѣмъ—условія взаимныхъ отношеній, часто несогласныя съ духомъ пастырскихъ убѣжденій; но главное не въ этомъ,—самый важный вопросъ въ томъ, кто изъ ожидаемыхъ кандидатовъ больше предложитъ водки на угощеніе своихъ будущихъ пасомыхъ; для того они, пожалуй, готовы будутъ поступиться и своими требованіями въ вопросахъ о таксѣ и взаимныхъ духовныхъ отношеніяхъ. И вотъ пріѣзжаютъ кандидаты, начинается торгъ, постыдный торгъ, одинаково позорный, какъ для пастыря, такъ и для пасомыхъ. Кандидатъ избранъ, начальство духовное утвердило его, первое дѣло его въ новомъ приходѣ—угощеніе прихожанъ водкою. Дальнѣйшая дѣятельность его связана зависимостью отъ прихожанъ, которымъ онъ долженъ всячески угождать, даже въ ущербъ своего долга, дабы не потерять благоволенія своихъ чадъ духовныхъ и по малѣйшему ихъ капризу не лишиться своего мѣста. Эта зависимость горше матеріальной зависимости, въ которой находятся священники въ настоящее время.

Мнѣ скажутъ, что теперь не тѣ времена, теперь народъ болѣе осмысленъ, способенъ къ болѣе трезвому взгляду на свои духовныя потребности и пр. Да, правда, въ селѣ замѣтно больше трезвости духовной, чѣмъ въ былыя времена, сельскіе пастыри не могутъ жаловаться на упадокъ религіозно-нравственнаго состоянія своихъ прихожанъ; если и встрѣчаются печальныя явленія религіозно-нравственнаго уродства, то они приходятъ со-внѣ—изъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ—съ фабрикъ и заводовъ, и своимъ тлетворнымъ вліяніемъ ограничиваются единичными случаями, не принося вреда общей массѣ прихожанъ, которые подъ пастырскимъ руководствомъ привыкли выдѣлять эти явленія изъ нормы своей духовной жизни, не заражаясь ихъ ядомъ. Я говорю объ общемъ состояніи сельскихъ приходовъ, не касаясь частныхъ, гдѣ можетъ быть и крайне печальное духовно-нравственное положеніе прихожанъ, въ зависимости ли отъ недостойныхъ и неумѣлыхъ пастырей, или отъ другихъ причинъ; но вѣдь этихъ частныхъ никакія мѣры не могутъ упредить въ полуторастамплионномъ населеніи Россіи: они—тотъ уродъ, безъ котораго въ семьѣ не обойтись. Печальныя событія послѣдняго времени ничуть не коснулись заразительно сельскихъ приходовъ: напротивъ, простой народъ возмущенъ ими и выражаетъ имъ полное свое

неодобреніе и это, какъ не можетъ быть лучше, свидѣтельствуешь о духовной трезвости приходоѡ.

Эта трезвость въ свою очередь свидѣтельствуешь о томъ, что духовные руководители приходжанъ, хотя и связаны матеріальною зависимостью отъ послѣднихъ, стоять еще на высотѣ своего призванія и, терпѣливо вынося матеріальную нужду, въ общемъ поборають эти оковы и не допускають имъ заграждать себѣ уста къ вѣщанію правды Божіей. Тяжела эта зависимость, но въ общемъ, повторяю, поборима! Что-жъ было-бы, еслибъ къ ней присокупить другую зависимость, зависимость, которая дамкловымъ мечемъ висѣла бы надъ головою каждаго священника, грозя ему ежеминутно своимъ ударомъ и заставляя бѣднаго пастыря изворачиваться и метаться изъ стороны въ сторону, сообразуясь съ направленіемъ меча. Самый безукоризненный пастырь, имѣя дѣло съ цѣлымъ приходомъ, не можетъ угодить всѣмъ и часто, выполняя свой прямой долгъ, навлекаеть на себя недовольство отдѣльныхъ личностей, которыя, особенно, если они вліятельны въ приходѣ, вооружають противъ священника многихъ и въ результатѣ является жалоба архіерею, а за нею слѣдствіе и бѣда, если за священникомъ были какія-нибудь погрѣшности, хотя бы двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ,—онѣ одинаково наказуемы, какъ и настоящія, и вотъ въ большинствѣ случаевъ является переводъ священника на другой приходъ,—торжество недовольнаго. Что-жъ было бы при выборномъ началѣ въ подобномъ случаѣ? Міроѣдъ, держащій въ своемъ кулакѣ весь приходъ, будучи недоволенъ приходскимъ священникомъ, всегда успѣлъ бы выжить его изъ прихода, и тутъ уже не нужно никакихъ слѣдствій,—недовольны и только. А вотъ еще случай: у мѣстнаго псаломщика сынъ богословъ; приходецъ, въ которомъ служить псаломщикъ—достаточный, да и у самого псаломщика мѣсто обжитое,—есть и землячка, есть и грунтецъ съ постройками, да и другой прикупленъ; какъ бы хорошо было сына посадить въ этомъ приходѣ! Псаломщикъ въ приходѣ свой человекъ, служить уже давно, всѣ его величаютъ Иваномъ Ивановичемъ, всѣмъ онѣ руку подаетъ, со ~~воими~~ хлѣбъ-соль ведетъ и отъ рюмочки не отказывается; вотъ и готово дѣло: не хотимъ своего батюшки, не угоденъ онѣ намъ, давайте намъ Ивана Ивановича сына-богослова! Скажутъ: мелочи все это, единичные случаи. Да, мелочи, но съ этими мелочами чаще всего приходится сталкиваться въ деревнѣ, серьезно считаться съ ними, и онѣ вовсе не единичные случаи, а неотъемлемая принадлежность каждаго захолустнаго прихода.

Въ единовѣрческіе приходы въ настоящее время назначаются священники по выбору прихожанъ. Загляньте-ка, что тамъ дѣлается, какое вліяніе имѣють тамъ мелочи, да не такія мелочи, какъ я выше указалъ. Недавно мнѣ случилось слышать разсказъ одного изъ моихъ собратьевъ. Лѣтомъ 1904 года ему пришлось ѣхать на пароходѣ по Днѣпру въ сосѣдствѣ съ церковнымъ старостою одной изъ единовѣрческихъ церквей. Послѣдній везъ въ свѣчной заводъ огарки; по этому поводу завели разговоръ, староста хвалился свѣчнымъ доходомъ своей церкви, разспрашивалъ у священника о доходности въ его Церкви, объ усердіи прихожанъ къ благоуукрашенію храма и пр. Незамѣтно разговоръ перешелъ на отношенія прихожанъ къ священнику. „У насъ не то, что у васъ, хвалился единовѣрецъ, вотъ мы за прошлое лѣто выбрали себѣ батюшку; по первоначалу ничего было,—священникъ изъ себя видный, служить истово, только наши братчики стали примѣчать, что священникъ то нашъ не выполняетъ положенное уставомъ число поклоновъ, потолковались между собою и рѣшили выбрать другого. Другой оказался тихъ голосомъ и въ служеніяхъ не виденъ. Теперь у насъ новый, да что-то братчики подмѣчаютъ, что много пропусковъ дѣлаетъ въ службахъ церковныхъ, да и старопечатныхъ не придерживается. Придется и этого смѣнить“. Съ другой стороны единовѣрцы жалуется, что ихъ свобода въ выборѣ священниковъ стѣснена отдѣльнымъ кружкомъ болѣе вліятельныхъ прихожанъ, которые безъ участія послѣднихъ дѣлають представленія кандидатовъ на свободныя священническія мѣста, отчего у нихъ много пастырей безъ достаточнаго образованія. Это явленіе тоже не въ пользу выборнаго начала и говорить только о томъ произволѣ, какой выработался практикой единовѣрческихъ церквей и какого можно ожидать и въ нашей православной церкви, и даже въ большей мѣрѣ, такъ какъ простой деревенскій народъ, въ массѣ своей—народъ бѣдный, и въ выраженіи своихъ желаній всегда находится подъ давленіемъ меньшинства богатеевъ, какъ это видно и изъ практики нынѣшнихъ сельскихъ сходовъ, гдѣ дѣла рѣшаются вліятельными голосовщиками.

Быть можетъ, въ городахъ болѣе почвы для введенія выборнаго начала, можетъ быть, тамъ назрѣла нужда въ свободномъ избраніи прихожанами себѣ угоднаго пастыря? Не думаю. Мы, деревенскіе пастыри, привыкли смотрѣть на городскіе приходы, какъ на нѣчто недостижимое для многихъ изъ насъ, и это весьма понятно, потому что въ городахъ приходы замѣщаются людьми

избранными, съ болѣе высокими качествами умственными и нравственными. Ежели я не по первому разряду окончилъ духовную семинарію, то ни въ коемъ случаѣ не могу рассчитывать на городской приходъ, а въ столичныхъ городахъ большинство священниковъ съ образованіемъ академическимъ. Чѣмъ же объяснить недовольство городскихъ жителей существующимъ порядкомъ назначенія въ городскіе приходы священниковъ? Не кроется ли причина этого недовольства въ самомъ характерѣ и современномъ религіозно-нравственномъ упадкѣ городскихъ жителей, которые по нынѣшнему складу своихъ мыслей, навѣянному со стороны лжеучителей новой вѣры, подобныхъ Толстому, вообще недовольны священствомъ и, не находя иного способа уронить его, предлагаютъ мѣру къ закрѣпощенію его себѣ, дабы удобнѣе было издѣваться надъ нимъ.

Въ духовной и свѣтской печати появляются статьи, уснащенные разсказами о добрыхъ и дурныхъ пастыряхъ. Но дурные люди есть вездѣ, и въ корпораціи пастырей меньше сихъ исключеній, чѣмъ въ любой другой корпораціи; ихъ избѣжать невозможно, съ этимъ приходится мириться: св. отцы внушаютъ пасомымъ не судить своихъ пастырей за ихъ проступки, за которые они сугубо отвѣтять Богу, а уважать ихъ за ту благодать, которая имъ дана отъ Бога, и которая равно дѣйствуетъ, какъ отъ достойнаго, такъ и недостойнаго, подобно печати, вырѣзана ли она на желѣзѣ или на золотѣ.

Священникъ *Н. Богацкій.*

Празднество поминокъ на духоборскомъ кладбищѣ ¹⁾.

Праздниковъ у духоборцевъ, собственно говоря, не существуетъ; тѣмъ не менѣе нельзя не причислить къ праздникамъ ежегодныхъ поминокъ, совершаемыхъ по покойному мужу бывшей богородицы Лукерьи. Въ день поминoveniя во всѣхъ духоборческихъ селенiяхъ молятся объ усопшемъ, а зажиточные духоборы съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ прiѣзжаютъ въ село Горѣлое выразить соболѣзнованiе Лукерьи о покойномъ мужѣ. Празднество это совершается въ январѣ мѣсяцѣ на духоборскомъ кладбищѣ, въ двухъ верстахъ отъ Горѣлаго, куда уже съ ранняго утра стекается народъ полюбоваться изобилiемъ закусокъ, водки и вина, выставленныхъ богородицею. Въ назначенный часъ Лукерья въ открытой бричкѣ, сопровождаемая молодцами и длинною вереницею фургоновъ съ дѣвками, бабами и ребятишками, прiѣзжала на кладбище и направлялась прямо къ могилѣ покойнаго мужа; народъ, завидѣвши ее, обнажалъ свои головы, дѣлалъ низкiй поклонъ и пѣлъ встрѣчный псалмъ; затѣмъ, столпившись въ большой кругъ возлѣ могилъ: богородицы Маланьи, Василiя-богородицы и Петра Калмыкова, съ умиленiемъ слушала рѣчь Лукерьи по случаю настоящаго дня. Въ своей рѣчи она проводила мысль о дѣятельности мужа и всѣхъ его предшественниковъ на пользу духоборцевъ, заклинала ихъ твердо идти по стопамъ праведниковъ и, взявши съ приготовленнаго подноса рюмку водки, провозгласила: „царствiе небесное Петру Иларiоновичу и всему благодатному дому, смѣнившему плоть“. Всѣ наперерывъ старались приблизиться къ ней и провозгласить царствiе небесное Петру Иларiоновичу, ведущему борьбу съ сатаною; начиналась обычная

¹⁾ Предлагаемые два очерка могутъ служить хорошею иллюстрацiею къ характеристикѣ духоборчества, какъ секты, покоящейся на невѣжествѣ и темнотѣ русскаго люда. Стилъ народной рѣчи удержанъ, но грамматическое искаженiе (по невѣжеству) словъ въ большинствѣ исправлено.

попойка и сплечиваніе; между тѣмъ, хоръ, составленный изъ лучшихъ голосовъ, пѣлъ псаломъ: „Узрѣхъ народу много,—взыдише на гору“. Богородица, тронутая воспоминаніями о прошломъ, въ особенности же заявленіемъ искреннихъ чувствъ духоборцевъ, отправилась въ особенное помѣщеніе на кладбищѣ, именно: въ небольшую, чистую избу, въ срединѣ размалеванную красками и украшенную полотенцами—и тамъ, сѣвши съ приближенными за столъ, принимала различныя заявленія и спичи духоборовъ о достопамятномъ днѣ кончины Петра Иларіоновича. Въ непродолжительное время все кладбище и окрестности начинали оглашаться заунывнымъ пѣніемъ псалмовъ; изъ одного хора въ началѣ пѣвшаго образовалось уже нѣсколько и по мѣрѣ того, какъ продолжались поминки, увеличивалось и самое число псалмопѣвцевъ. Наэлектризованные водкой духоборы и духоборки еще болѣе горѣли желаніемъ видѣть Лукерью и съ особеннымъ умиленіемъ просили молодцовъ, стоящихъ возлѣ дверей поминальной избы, пропустить ихъ въ комнату.

— Я, говоритъ духоборъ, пріѣхалъ издаля, чтобы услышать слово изъ пречистыхъ устъ, насмотрѣться на Лущечку, одарить ее; вотъ тебѣ двадцать копѣекъ и бутылка портеру.

— Благодаримъ!—отвѣчалъ молодецъ. Я сейчасъ же пойду доложу, а ты пока стой тутъ, дай времячко—то другимъ выйти.

Молодецъ, войдя въ комнату и сдѣлавъ поклонъ въ поясъ, объявилъ Лукерѣ, что Василій изъ Башкичета привезъ гостинецъ и проситъ дозволенія видѣть.

— Зови!

Молодецъ повернулся и ушелъ. Василій въ полупьяномъ видѣ, ввалившись въ поминальню, палъ въ ноги богородицѣ и произнесъ: „ликъ дарный!“

— Слово, дѣло ликундеръ нашъ! Ну что,—всѣ у васъ живы и здоровы?

— Благодареніе Богу, всѣ братцы и сестрицы духовные посылаютъ тебѣ низкій поклонъ отъ лика твоего праведнаго до сырой земли и проносятъ вѣчную память Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть (кланяется въ ноги).

— Спасибо, что не забываютъ,—получать себѣ все отъ Господа Бога!

— Какъ можно забыть! Тамъ просто сокрушаются о тебѣ и бѣда, какъ сокрушаются! Никакъ, значить, не дождутся того часу, когда быть тебѣ въ Башкичетѣ; а что пуще всего одолѣваетъ ихъ, это твое нездоровье; намедни ужъ Настя моя плакала, плакала, едва могъ уговорить ее; я ужъ такъ и сякъ,—потомъ, на-

конецъ, говорю ей: Богъ милостивъ, пока наши молитвы Господь принимаетъ, быть ей на вѣкъ живой!

— Стало быть никто, какъ Господь!.. слышались голоса, и духоворки, поднявъ свои руки, начали утирать слезы.

Притворныя слезы бабъ и тяжелые вздохи стариковъ были нарушены крикомъ, произведеннымъ въ дверяхъ. — Вотъ тебѣ, кричитъ баба, коробка сардинокъ и пятьдесятъ копѣекъ, — пропусти! Скажи, дескать, Агафья съ Караклиса пришла съ гостинцемъ и поклономъ. — Стой, закричалъ молодець, — вишь, какъ расходилась, дай другимъ то выйти, и такъ некуда дѣваться, народу вся изба какъ есть полна! — Пропусти ее! слышались голоса. — Подождетъ еще, тутъ напредъ ее стоятъ! — Пропусти, повторяла неотвязчивая Агафья, ты видишь, что народъ просить, — значить, акромъ гостинца дѣло есть.

— Впусти ее! раздались опять голоса. — Какъ ты не возьмешь себѣ на умъ, что она здорово поетъ, всѣхъ псалмопѣвцевъ за поясъ заткнетъ! — Пропущу, только не налегайте такъ здорово, истинно прошу васъ. Стой, Агафья! Сейчасъ пойду доложу Лущечкѣ. — Ну, спаси тебѣ Господи!

Молодецъ, войдя въ комнату, доложилъ, что пришла съ Караклиса Агафья, — „значить поетъ то хорошо!“ — Какъ не знать, — знаю, зови сюда!..

Молодецъ торопливо повернулся и хотѣлъ идти, но богородица, остановивши его, просила выпить стаканъ водки. — Помяни Петра Иларіоновича!.. скороговоркой произнесла Лукерья и, наливъ стаканъ водки, поднесла. Молодецъ выпилъ, пожелалъ вѣчной памяти и немедля вышелъ; онъ слишкомъ былъ озабоченъ обязанностью своей — собирать приношенія и никого не впускать безъ гостинца и предварительнаго о томъ доклада.

— Славенъ Богъ прославился, — проговорила вшедшая Агафья и, сдѣлавъ поклонъ въ поясъ, поцѣловала руку богородицы.

— „Велико имя Господне по всей землѣ!“! Ну что, всѣ у васъ живы и здоровы?

— Господь милостивъ! Всѣ братцы и сестрицы посылаютъ нязжающій поклонъ. Никакъ тебя не дождутся; сказать одно слово, — оchenно желательно видѣть! Собирались извѣстіе послать и гостинецъ; коли еще не получила, такъ вотъ того и жди. Палагея и Степанида полотенца приготовили и такія то чудныя, я ужъ любовалась, любовалась! Какъ есть до половины вышито звѣздами, а на концахъ, надъ самыми значить кружевами, по двѣ бабочки, величиною, сказать, въ настоящую ладонь...

Ужъ этакія мастерицы! — въ похвалу имъ будетъ сказано.

Много видѣла полотенецѣвъ на свою жизнь, но эвтакихъ не славалось...

— Небось бѣдненькія трудились и умудрялись; ну, спаси ихъ Господи! Получать себѣ по заслугамъ, не оставитъ ихъ Господь Богъ небесный!

— Ну и въ правду! Палагея себѣ руки наколола, — я сама, значить, видѣла, какъ она умудрялась надъ эвтими бабочками: какъ ни на—есть, а все надо пригнать: какъ глаза, какъ крылушки, какъ усы и лапочки, все эвто копотно, да ктомуужъ боится испортить: разъ соревнованіе большое, другое упованіе.

— А сказано: труды есть другъ Господній! Да что, никакъ Вася до сихъ поръ не помянулъ Петра Иларіоновича?—зашумѣли старики. Чтожь ты, Акулина, не подносишь?

Акулина, ключница Лукерья, наливъ два стакана водки, присла гостей откушать. Василій, взявши стаканъ, подошелъ къ богородицѣ и обратился съ слѣдующею рѣчью: „Царство небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть; тебѣ, Лушечка, сокрушаться нечего: онъ здѣсь,—вотъ, вотъ возлѣ насъ; но мы его не видимъ; духъ его вездѣ и наиболѣе возлѣ любящихъ и вѣрующихъ въ него; вотъ того и смотри, гласъ и молнія со блистаніемъ объявляются, небеса развернутся, и мы предъ нимъ предстанемъ! Скажемъ ему одно слово: вѣчная память, вѣчная память“.

— А ты что же, Агафьюшка? заговорили старики.—Откушай-ка стаканчикъ и помяни блаженной памяти Петра Иларіоновича, снисшедшаго одолѣть врата адовы.

— Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, снисшедшему одолѣть врата адовы!

Сказано, явится Давидъ новый и быть эвтому, а ты, Лушечка, не журись,—у тебѣ вонъ и такъ-то глаза попухли, словно кто нарочно сдѣлалъ; и сама-то не въ порядкѣ,—видно заботы одолѣвають за грѣхи наши. Не то времячко, все ближе и ближе къ концу подходить. Кабы Господь далъ скорѣй-то съ нимъ свидѣться! Вѣчная ему память!

Агафья, выпивши стаканъ, низко поклонилась и раздрающимъ душу голосомъ затянула псаломъ: „Чудная владычица богородица, держава морская; быть утру, быть вечеру, быть человѣчку, младому; быть старому“.

Всѣ сидящіе подхватили и началось всеобщее пѣніе, во время котораго Акулина подносила по очереди—кому стаканъ водки, кому стаканъ вина; каждый разъ духоборецъ, взявши стаканъ въ руки, произносилъ: „вѣчная память Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть и помяни Господи кротость праведнаго Давида“.

Въ то время, когда Агафья старалась всѣхъ перекричать своимъ пронзительнымъ голосомъ и когда псалмопѣвцы были въ самомъ сильномъ ударѣ продолжать безъ конца пѣніе, неожиданно явился, въ сопровожденіи молодца, духоборъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокаго роста, широкоплечій, съ открытымъ продолговатымъ лицомъ и нѣсколько выдающимся бритымъ подбородкомъ, карими глазами, длиннымъ носомъ, темнорусыми волосами, стриженными подъ гребенку, и небольшими усами. Одѣтъ былъ, какъ вообще одѣваются духоборы въ воскресные дни: синія суконныя панталоны, заправленные въ длинные до колѣнъ сапоги, короткая куртка того же сукна на растежку; жилетъ изъ чернаго сукна, на которомъ петли обмотаны шелками различныхъ цвѣтовъ и черезъ нихъ пропущены бѣлой жести пуговички въ одинъ рядъ; вмѣсто галстука красный небольшой платочекъ. Духоборъ этотъ былъ посланный съ письмомъ изъ селенія Башкичетъ. Подойдя къ богородицѣ, онъ палъ въ ноги и вставши вручилъ письмо. Лукерья подала знакъ прекратить пѣніе, и оно тутъ-же прекратилось, возстановилась тишина и только шопотомъ между собою говорили духоборы: „гляди-ка, никакъ Тимоня изъ Башкичета пріѣхалъ!“—Да, онъ же и есть!.. раздались голоса.—Нутка, посмотримъ, что новенькаго привезъ!.. Навѣрное—гостинець... Ну ужъ не безъ того,—безъ гостинца какая же ѣзда по эвтакой дороге, къ тому же и день такой!“

Когда все совершенно умолкло, Тимоѳей, откашлявшись нѣсколько разъ, громко произнесъ: „Башкичетскіе посылаютъ тебѣ, Лушечка, и всѣмъ братцамъ и сестрицамъ, обитающимъ въ святомъ градѣ Іерусалимѣ при престолѣ Царя небесъ, низажущій поклонъ и произносятъ вѣчную память Петру Иларіоновичу и всему дому благодатному, смѣнившему плоть!“

— Спаси ихъ, Господи,—заговорили всѣ присутствующіе.

— Ну, благодарю, что не забываютъ!—произнесла Лукерья.

— Какъ же можно забыть,—тамъ, значитъ, такое соболѣзнованіе, уму непостижимо! Нашихъ много собиралось, да разъ по года помѣшала, а другое далеко и не безопасно; надъсь Митька Синяевъ выѣхалъ утромъ съ тѣмъ, чтобы вернуться, да вотъ уже другая недѣля пошла какъ нѣту,—должно быть татарва проклятая уложила; а такой ловкій парень былъ, что просто чудо!.. И всего то годъ, какъ Господь благословилъ на помыслы благіе и дѣло вѣчнаго блаженства.

— Какая оказія! Одно слово татарва, другому некому, сказано антихристское воинство... и когда ему будетъ конецъ!.. зашумѣли духоборы; вѣдь сколько она погубила праведныхъ душъ!—

и году не пройдетъ безъ того, чтобы казніи не случилось. Что ты будешь дѣлать! Вотъ тебѣ и приставъ тамъ же сидитъ и никакъ милиція!.. Богородица, передавая письма своему постоянному секретарю, чрезъ посредство котораго ведетъ переписку съ ея дикта, произнесла: „Игнать, прочти это письмо! Посмотримъ, что наши Башкичетскіе пишутъ, а я ужь на нихъ собиралась“. Игнать всталъ, развернулъ письмо и, откашлявшись нѣсколько разъ, хотѣлъ было читать, ужь успѣлъ сказать, „въ домъ благодатный“, но Лукерья остановила и просила произносить каждое слово какъ можно медленно. Игнать, откашлявшись еще, взявъ въ обѣ руки письмо и сказалъ: Слушайте, братцы! при этомъ обративъ вниманіе на Василя, замѣтилъ: „полно табѣ разсказывать то, день еще великъ, успѣешь!“—Ты, братъ, знай свое дѣло, а мнѣ не указывай, всякъ самъ себѣ!—Ой, да народъ, какъ я посмотрю!—съ досадою проговорилъ Игнать и опустилъ обѣ руки подъ столъ.

— Да, вотъ табѣ и народъ!—Полно Вася! зашумѣли духоворы,—сиди себѣ, коли уже не въ порядкѣ, нечего то гуторить!..

— Слушайте же! „Въ домъ благодатный, упованіе Божіе, прибѣжище Христово, Лукерѣ Васильевнѣ, благословенной отроковицѣ въ дщеряхъ царевыхъ другини, матери милосердія. Посылаемъ тебѣ низающій поклонъ отъ лица праведнаго до земли, а также свидѣтельствуемъ таковой же братцамъ и сестрицамъ духовнымъ. Молимъ тя принять произношеніе наше Петру Иларіоновичу и всему дому благодатному, смѣнившему плоть, вѣчной памяти. Одно слово, скорбь и печаль снѣдаютъ насъ о Бозѣ почившемъ, блаженной памяти, Петрѣ Иларіоновичѣ. Онъ былъ нашъ истинный пастырь, пасущій стадо словесныхъ овецъ, свѣтило морское, кипарисъ благоуханный (богородица утираетъ глаза, плачь увеличивается), молимъ тя,—не побрезгуй принять отъ насъ гостинецъ на поминки черезъ подателя сего Тимоѣя“.

— Конецъ, сказалъ Игнать.

Тимоѣй вынулъ изъ платка завернутыя въ бумагѣ деньги и передалъ Лукерѣ.

— Спаси ихъ, Господи! Что захотятъ, то и получаютъ себѣ; не оставитъ ихъ Господь на достаточное время, нужно много только терпѣнія,—терпѣливые до конца, тѣ только спасутся!

— Одно слово терпѣнія, вѣдь сказано: не въ мочу терпѣти, бѣжите во лѣса темные, умиряйте гладой смертью!

— За твое слово тебѣ все Богъ дастъ,—все дастъ, что захочешь!

— Спаси тебя, Господи! Сказано: мать милосердія, и глаголы

то вылетаютъ сладкіе, подобно пѣнію псалмовъ, падаетъ въ ноги и кланяется.

— Ну, помяни же Петра Иларіоновича, да вотъ садись здѣсь поближе воалѣ меня!

Тимоѳей, прежде чѣмъ сѣсть, просилъ позволенія поздороваться съ братьями и сестрами духовными и, подойдя къ родителю Лукерьи, сплечился съ нимъ, а затѣмъ по порядку со всѣми безъ различія пола.

Всѣ присутствующіе съ особымъ вниманіемъ относились къ Тимоѳею при исполненіи сплечиванья, поцѣлуи шли горячіе и каждый не преминулъ выразить радость свою видѣть и сказать что-нибудь въ похвалу. Ты, говорилъ старикъ, — „истинный столпъ, на которомъ стояли молодые юноши, да не видѣли его“; ты, говорила чуть не прослезившаяся баба, „всѣмъ духовборамъ духовборъ,—не даромъ тебѣ говорила Лушечка, что все получишь—и быть тому!“

Тимоѳей принадлежитъ къ числу тѣхъ вожаковъ, на конхъ зиждется и поддерживается духовборческое ученіе. Онъ лукавъ, хитеръ и каждое слово свое говоритъ медленно, какъ бы обдуманно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства среди той толпы, въ которой вращается. Онъ былъ одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ въ компаніяхъ Петра Калмыкова, много вынесъ оттуда и всегда съ восторгомъ и увлеченіемъ рассказываетъ о похожденияхъ покойнаго, прилавая многимъ его дѣйствіямъ сверхъестественное значеніе.

Когда окончилось сплечиванье, Тимоѳей взялъ поднесенный ему стаканъ водки и произнесъ: „Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть; да произнесется рука его на насъ и на всемъ грядущемъ поколѣніи рода путешественнаго! (откашливаясь). Памятенъ мнѣ тотъ день, когда ходили возлѣ озера журавли; смотри, сказалъ мнѣ Петръ Иларіоновичъ, это тѣ самыя журавли, которые вчера перешли намъ дорогу и на конецъ того ось сломалась; эвто, говоритъ, духи нечистые въ одеи журавлевъ. Сказавъ это, Петръ Иларіоновичъ взялъ двустволку, бацнулъ и обѣихъ положилъ на мѣстѣ,—перья только разлетѣлись. Мы пришли, значить, къ тому мѣсту, Петръ Иларіоновичъ и говоритъ: возьми-тка, Тимоня, эвтаго хвороста, разведи огонь и журавлевъ положи на самую середину, чтобы, значить, въ отдѣлку разсѣять сатанинскія плевела. Я, значить, взялъ хворосту, развелъ огонь и положилъ рядомъ двухъ журавлевъ и только отошелъ не болѣе, какъ отсюда до могилы (указывая чрезъ окно), обернулся,—глядь, журавли словно прыгаютъ,—не сойти мнѣ съ эв-

таго мѣста! Смотри, говоритъ мнѣ Петръ Иларіоновичъ, какъ ихъ подбрасываетъ! На меня ажъ страхъ напалъ; думаю про себя, что бы это значило? Совсѣмъ, кажись, были убитые, а тутъ на жарчайшемъ огнѣ словно ожили,—просто чудеса?

— Да вѣдь еще какія чудеса то! раздались голоса. Теперь бы сказать,—были они не добиты,—такъ нѣтъ, ажъ на перья разлетѣлись! Да что и говоритъ! Петръ Иларіоновичъ промаху не давалъ, ужъ такой былъ стрѣлокъ.—На что сказать Лущечка, и та поди какъ стрѣляетъ, каждую т. е. птицу на лету сшибаетъ!

— Сшибетъ то сшибетъ, ну только трудно досталась ей эта наука! заговорилъ Василій, Покойный, вѣчная ему память, не одного промаха не дарилъ,—бывало вцѣпится такъ, что потомъ и самъ не радъ!

— Да что объ этомъ толковать! Ни одна наука не проходитъ безъ того, чтобы не вцѣпиться,—на то и наука!

— Что ты, Тимоня, стаканъ то держишь? закричала Акулина,—помяни же домъ благодатный!

— Вѣчная память Петру Иларіоновичу и всему благодатному дому, смѣнившему плоть: Маланьюшкѣ, Васильюшкѣ, Иларіону многострадательному и всѣмъ, всѣмъ!

Когда Тимоѣй выпилъ водку и сѣлъ за столъ, къ нему подошла Акулина и, ставъ съ боку съ правой стороны, упрашивала закусить:—вотъ, говоритъ, курочка, барашекъ, яички, творожекъ свѣженькій, только что сегодня собрали, а вотъ сметанка и алады съ медомъ,—кушай на здорově! Небось съ дороги озябъ и заморился...

— Не столько озябъ, сколько наморился: по эвтимъ горамъ ни верхомъ, ни пѣшкомъ! Камни на дорогѣ словно набросалъ кто нарочно; камень на камнѣ,—ну одно слово ходу нѣтъ, а тутъ все въ гору и въ гору приходится, пока, значить, не доберешься до Тамбовки. Истинно страна мусульманская,—ни звѣря не видно, ни птицы парящей по воздуху, а тутъ еще бѣда случилась,—дорогой обронилъ письмо, да только хватился скоро.

— Какъ, ты обронилъ письмо?—съ удивленіемъ спросила богородица.

— Хошь обронилъ Лущечка, но всетаки не далъ ему пропасть. Я, какъ, значить, хватился, что письма нѣтъ, думаю себѣ, погоди, это шутки окаяннаго и не въ первый разъ мнѣ съ тобой справляться. Тутъ же остановился на дорогѣ, гдѣ, значить, случилось со мной этакое приключеніе, покачалъ себѣ головою и говорю: нечего дѣлать, нужно двигаться назадъ! А дѣло было какъ разъ на перевалѣ, гдѣ окаанный умудрился натаскать кам-

ней. Прочиталъ псаломъ: „Воскресни, Господи, изцѣли меня, Господи, раба Божьяго Тимоѳея“, и пошелъ; шелъ, шелъ, почитай съ версту и того болѣе, остановился, глядь, письмо стоитъ бокомъ, значить,—одной стороною уперлось въ землю, другой же наискось лежитъ на камнѣ, какъ будто кто нарочно поставилъ; я долго смѣялся надъ этой штукой и думаю себѣ: Господи, Господи, дивны дѣла твои! Прочелъ опять псаломъ и отправился у путь и дорогу.

— Еще и случая такого не бывало, чтобы письмо затерялось,—заговорила Лукерья. Не въ первой разъ, что оброняли и всегда находили: то подъ камнемъ, то подъ деревомъ, то подъ кустомъ, одно слово—на видномъ и бережномъ мѣстѣ. Въ памяти мнѣ, что уже второй разъ на томъ же мѣстѣ оброняютъ письмо и всетаки находятъ.

— Да, должно быть ужъ мѣсто этакое, заговорили духоборы. Вишь,—камень на камнѣ, ни звѣря, ни птицы небесной, одно слово—ни одной твари живущей; значить, тамъ ихъ притонъ и они то себѣ выкидываютъ продѣлки и всяческія т. е. тамъ убійства совершаются и прочее тому подобное приключеніе. А какъ навѣрнешься на кого съ молитвой: тутъ ему и баста,—неси письмо и ставь его на свое мѣсто, откуда взялъ. Сказано, предъ словомъ Божиимъ смиряется сатана.

— Кушай, Тимоня, говорила Лукерья, небось съ дороги усталъ... да вотъ выпей-ка еще стаканчикъ, попробуй сардинокъ!

— Благодарствуемъ, Лушечка. Сардинки мнѣ не по нутру; помнится мнѣ: я какъ-то разъ у покойнаго Петра Иларіоновича съѣлъ одну коробку,—какъ схватить меня, такъ, повѣрь моему слову, не зналъ гдѣ и мѣста найти; ужъ я и туды и сюды, одно слово—мочи не хватаетъ, а онъ себѣ, покойный, царство ему небесное, только поглядываетъ и смѣется; съ тѣхъ поръ не токмо ѣсть, да и видѣть не хочется; сказано—рыба ничего нестоящая! Тимоѳей, проголодавшись съ дороги, ѣлъ съ аппетитомъ, успѣлъ хватить нѣсколько стакановъ водки и только что хотѣлъ полотенцемъ вытереть ротъ, наполненный хваленымъ творогомъ, какъ Лукерья встала и, не давъ ему еще утереться, сказала: „для тебя есть у меня другое“, и, снявъ со стѣны полотенце, украшенное кружевами и позументомъ подъ золото, отдала ему, говоря: „помни же, вытирай себѣ каждый день лобъ, глаза и виски“. Тимоѳей, озадаченный неожиданнымъ подаркомъ, повидимому потерялся,—хотѣлъ выйти изъ за стола, одной ногой уже перешагнулъ скамейку, но потомъ раздумалъ, повернулся опять, приблизился къ Лукерьѣ, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ; всѣ глаза были уст-

ремлены на Тимоѳея, Лукерья, сидя на своемъ мѣстѣ, также поглядывала и какъ будто чего то выжидала; сдѣлалось всеобщее молчаніе, водворилась тишина, а Тимоѳея, словно осиновою чурбанъ, стоялъ передъ богородицей.

Неизвѣстно, какъ бы долго продолжалась эта нѣмая сцена, если бы сзади стоящая Акулина не приняла участія. Акулина то и дѣло толкала Тимоѳея и каждый разъ шопотомъ произносила: ну же, ну же выходи, опомнись, да выходи же, эка его выпрямил! Наконецъ, видя его полное замѣшательство и что повторяемые ею нѣсколько разъ толчки не производятъ желаемого дѣйствія, крикнула: Тимоня, а Тимоня! Ну что эвто съ тобой,—словно кто тебя кипяткомъ обдалъ? Опомнись, да ступай благодарить мать милосердія! Нешто такъ дѣлають?

— Что эвто бѣ значило? вскрикнулъ опомнившись Тимоѳей и, выйдя изъ за стола, сталъ въ трехъ шагахъ отъ богородицы, сдѣлалъ поклонъ въ ноги и, оставаясь на колѣняхъ, произнесъ: „И себѣ, и дѣтямъ, и всѣмъ жаждущимъ исцѣленія буду утирать все, какъ есть все“!—Эка, куда занесся, зашумѣли старики, тебѣ вѣдь сказано лобъ, глаза и виски, а онъ, значить, толкуеть свое,—не жирно ли будетъ?! послышались голоса.—Не жирно ли будетъ,—повторилъ Тимоѳей, кланяясь въ ноги Лукерья.

— Да онъ никакъ сбился, зашумѣли бабы.

— На здоровье же тебѣ, проговорила богородица, береги это полотенце и благодари того, который сатанинскія плевила разсѣялъ.

— Благодарю того, который сатанинскія плева разсѣялъ.

— Встань, Тимоня! Богъ тебѣ все дастъ, еще больше получишь себѣ, было бѣ только упованье.

— Тимоѳей всталъ, окуталъ шею свою полотенцемъ и сталъ еще смѣшнѣе. Онъ долго, казалось, не могъ прийти въ себя: то пожимаясь плечами, то испуская тяжелые вздохи, часто брать конецъ полотенца въ руки и вытиралъ имъ лобъ, глаза и виски: то говорилъ про себя: „Вотъ истинная милость Божія, никто какъ Онъ, все Онъ“! Напрасно Акулина уговаривала его выпить и откушать съ дороги; на всякое приглашеніе онъ то и дѣло повторялъ: „дайте времячко опаматоваться, дайте опаматоваться, право, ну ничто нейдетъ въ горло, никакія т. е. сардинки и всяческія закуски“. Наконецъ, Лукерья встала и сама поднесла выпить за ее здоровье.

— Ты, говорила она, пилъ за вѣчную память смѣннвшихъ плоть, а теперь выпей за мое здоровье и все, какъ есть все, чтобъ

ни капли не осталось, чтобы стаканъ былъ такъ-же чистъ, какъ чиста твоя совѣсть и душа праведная.

— Спасиботебѣ, Господи, отвѣчалъ Тимоѳей; будемъ живеньки, здоровеньки, да исполнятся всяческія т. е. желанія,—весело-бъ жилось, ѣлось, пилося и прочее тому подобное и помяни, Господи, кротость праведнаго Давида.

Подарокъ полотенцемъ считается величайшею наградою. Съ какимъ благоговѣніемъ принимается оно,—слѣдить богородица и старики; принять съ равнодушіемъ и не выпустить ни одной слезинки, значить—навлечь на себя впослѣдствіи немилость Лукерьи и общественный упрекъ; вотъ почему Тимоѳей долженъ былъ разыграть комедію и изъ расторопнаго, бойкаго и, кажись, неглупаго человѣка прикинуться дурачкомъ.

Однако поминки все продолжаютъ. Завязался крупный разговоръ между Василиемъ и Игнатомъ, секретаремъ Лукерьи: почему, дескать, не упомянули въ письмѣ, сколько именно посылается денегъ?

— Про то знаютъ Башкичетскіе, говорилъ Василий и мать милосердія.—Будешь все знать—состаришься!

— Ну, однако же это такой порядокъ; значить, сколько мнѣ разъ ни доводилось читать, всегда о томъ извѣщается письменно,—кошъ рубль, кошъ два или болѣе, а все-таки отписываютъ. Одно слово—такой порядокъ!

— Вотъ тебѣ и порядокъ! Небось порядки думаешь заводить,—у себя въ домѣ заводи, а дальше рукъ не распростирай, и безъ тебя есть кому!

— Ему говоришь одно, а онъ себѣ другое; на всякія т. е. дѣла есть свое заведеніе; хорошо значить, что деньги доставлены исправно, а если бы обронилъ, тогда и видно бы было, сколько отправлено и справку бы послали... Слѣдуетъ всенепремѣнно отписывать.

— Эхъ какой ты чудной! Мало ли что отписываютъ,—ну пусть отписываютъ, а Башкичетскіе себѣ на умъ. Что съ того, что ей сразу объявится столько? Нѣтъ, пусть она сама сведетъ счетъ и переберетъ т. е. каждую бумажку, кто какъ жертвовалъ; тамъ и моихъ то пять рублей!

— Ты совсѣмъ дѣловъ не понимаешь!..

— Небось ты много понимаешь? Ты думаешь себѣ, что книжки читаешь, такъ и ума набрался, онѣ тебя къ добру не поведутъ, какъ есть въ отдѣлку корчапникомъ сдѣлаешься,—не встать мнѣ съ этаго мѣста!

— Что съ тобой толковать, сказано—глупый человѣкъ!

— Да вотъ тебѣ и глушій, никто же какъ ты!

— И откуда онъ взялся, прости меня грѣшнаго! Какъ только выпьетъ, такъ и лезетъ въ глаза, гдѣ что берется.

— Што вы споритесь? закричала Акулина,—нешто это дѣло, нешто за тѣмъ сюды пришли?

Василій что-то хотѣлъ сказать, но Акулина зажала ему ротъ рукой и закричала: „цццъ, ишь раскодился и слова не дасть сказать! Никому нѣтъ до этаго дѣла—отписываютъ, аль нѣтъ; пили-бъ, ѣли-бъ, веселились, а не поносили бы другъ дружку безчестьемъ. Ты больно не шумаркай, а то я тебя такъ пугну, что другой разъ не явишься! Ужъ вправду, Василій, словно собрались гуторить о кадилѣ...“

Василій еще собирался говорить, но Тимоѳеѣй крикнулъ, остановилъ его и сейчасъ же зацѣлъ псаломъ: „На тя Господи уповахомъ“. Агафья подхватила, а за нею остальные, и заунывные звуки опять раздались въ поминальнѣ; для возбужденія же нервовъ Акулина подносила по очереди водку; богородица продолжала пить портеръ и принимать поклоны лицъ, допускаемыхъ молодцами,—то были прїѣзжіе изъ разныхъ селеній, желавшіе сдѣлать приношенія; между тѣмъ народъ, столпившись кругомъ поминальни, требовалъ, чтобы Лукерья вышла къ нему; по докладу о томъ молодцами, она не замедлила выйти; народъ, завидѣвши ее, снялъ шапки и благодарилъ за хлѣбъ-соль; здѣсь она долго съ ними говорила и, замѣтивъ, что мало водки, распорядилась еще отпустить.

— Спаси тебя, Господи!—закричали духоборы и цѣлюю массою зацѣли псаломъ: „Чудная владычица богородица, держава морская“. Лукерья опять пошла въ поминальню и едва успѣла придти и сѣсть за столъ, какъ одинъ изъ молодецвъ пришелъ доложить, что Микитка „съ умиленнымъ образомъ испрашиваетъ всепрощеніе, предвергаетъ сердце свое на блюдо чистаго разсужденія“.

— Наконецъ покайся!—заговорили духоборы. Какъ не толкуй, а душа свое беретъ; на, дескать, тебѣ сердце на блюдо чистаго разсужденія. Великое дѣло покаянiе передъ матерью милосердія! Кайся пока живъ, смѣнишь плоть,—тогда поздно.

— Что будешь дѣлать,—со вздохомъ проговорила Лукерья,—зови! У самой даже сердце болитъ отъ различныхъ случаевъ.

— Прости, Лушечка! Нонѣ день такой и какъ будто бы нарочно къ этому времени прїѣхалъ, видно былъ себѣ на умѣ, что навпередъ не явился!—заговорили сидящіе за столомъ.

Въ поминальню вошелъ духоборъ лѣтъ сорока, средняго роста, лѣсколько сутуловатый, лицо круглое, щеки и носъ приподняты

кверху—красные, глаза сѣрые съ нависшими большими темнорусыми бровями и такими же волосами, стриженными подъ гребенку; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ узелъ, а въ правой черный картузь, съ длиннымъ козырькомъ; одѣтъ былъ по праздничному. Духоборъ былъ порядочно выпивши, но твердо стоялъ на ногахъ.

— „Прорекохъ тебѣ, Господи Богъ живъ нашъ!“—произнесъ Микитка и, сдѣлавъ поклонъ до земли, оставилъ у ногъ Лукерьи узелъ съ гостинцемъ, который тотчасъ же былъ убранъ Акулиною.

— „Живъ Богъ нашъ и жива душа Его!“ отвѣчала богородица и, склонивъ нѣсколько голову на правую сторону, пристально смотрѣла на Микитку.

— Всѣ братцы и сестрицы духовные свидѣтельствуютъ тебѣ нижайшій поклонъ отъ праведнаго лика до сырой земли и такожде возлюбленнымъ братцамъ и сестрицамъ, обитающимъ во святомъ градѣ семь!

— Спаси ихъ, Господи!—произнесли духоборы.

Настало молчаніе. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на Микитку, который былъ задумчивъ и серьезенъ; онъ смотрѣлъ внизъ и держалъ руки на груди, сложивши ихъ на крестъ; въ такомъ положеніи находился нѣсколько минутъ, пока наконецъ одинъ изъ стариковъ не обратился къ Игнату, секретарю Лукерьи, съ замѣчаніемъ, что пора, дескать, приступить къ покаянію.

— Ну, что задумался?—произнесъ Игнатъ. Нечего то раздумывать,—кто Богу не виновать?

— Конечно, тутъ ничего не выдумаешь, кто виновать не бываетъ,—плоть все-таки свое беретъ!—заговорили присутствующіе.

Акулина, стоящая позади Лукерьи, махаетъ руками и показываетъ жестама, чтобы Микитка сталъ на колѣни.

— Ну что задумался?—повторилъ Игнатъ. Нешто на стоянки пришелъ!

Микитка всталъ на колѣни и произнесъ: „Согрѣшилъ я тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и тобою; да не въ осужденіе мнѣ будутъ глаголы изъ пречистыхъ устъ твоихъ! Предвергаю сердце свое на блюдо чистаго разсужденія“. Богородица, тронутая искренностью словъ Микитки, произнесла:

-- Встань, Микитка!

Микитка всталъ и, сдѣлавъ поклонъ въ ноги, сказалъ: „Спаси, мать, мужичка“!

— Богъ и я тебя прощаю! Да не пить бы тебѣ хмельнаго и не говорить бы слова темнаго,—то и будетъ тебѣ!

— Спаси тебя, Господи! (обращаясь къ сидящимъ) Простите

меня, братцы и сестрицы духовные, да не въ осужденіе мнѣ будутъ глаголы изъ праведныхъ устъ вашихъ! (дѣлаетъ поклонъ).

— Богъ тебя и мы прощаемъ! Ну вотъ и благодареніе Богу, что сподобилъ тебя покаянiемъ; теперь и на душѣ, глядь, полегче стало, одно слово—очистилъ себя, какъ есть!

— Вправду полегчело, заговорила Акулина. Что же молчишь,—небось, совѣсть угрызааетъ?

— Сказано, угрызааетъ!—отвѣтилъ Микитка. И надо же случиться этакому приключенію. Я, значить, былъ немножко подъ хмелькомъ и сорвалось у меня слово... (зѣваетъ).

Лукерья, не давъ докончить объясненія, грозно произнесла:

— Молчать, Микитка! Теперь вспоминать прошлое не къ мѣсту; прощено, значить—и забыть слѣдуетъ!

Микитка замолчалъ, нахмурился и, казалось, былъ весьма недоволенъ замѣчаніемъ Лукерьи,—ему досадно было, что не приняли объясненій. Можетъ быть, въ дѣйствительности Микитка и не былъ настолько виноватъ, чтобы подвергаться публичной церемоніи всепрощенія. Хотя, вопреки правиламъ, и не разбирался проступокъ Микитки, чему многіе непосвященные въ суть дѣла и выражали свое удивленіе,—„дескать, почему не разсмотрѣли его вины“,—но, какъ въ послѣдствіи выяснилось, Лукерья почему то не желала, о чемъ предварила секретаря своего Игната и другихъ стариковъ, знающихъ вину Микитки; слухи по крайней мѣрѣ носились, что Микитка, будучи подъ хмелькомъ, въ присутствіи нѣсколькихъ духовоборовъ подсмѣялся надъ Лукерьею, о чемъ было ей заявлено и она только придумывала, какое бы ему опредѣлить наказаніе при первомъ свиданіи; но Микитка догадался предупредить ее прибытіемъ въ Горѣлое съ повинной въ такой день, когда обыкновенно прощаютъ.

Микитка долго стоялъ, прижавшись къ стѣнкѣ, съ опущенною головою внизъ и весьма неохотно отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, предлагаемые духовоборами; онъ былъ занятъ мыслию заслужить снова вниманіе Лукерьи; безъ нея приглашенія не рѣшался ни сѣсть, ни даже сплечиться съ братьями и сестрами. Наконецъ Лукерья дала знакъ Акулинѣ, чтобы та поднесла стаканъ водки; Акулина, подойдя съ подносомъ, просила выпить стаканчикъ, но Микитка отвернувшись сказалъ:

— Ой, дай вздохнуть,—право ну не въ мочь, какая теперь водка!

— Ну стаканчикъ винца,—вотъ этакое красенькаго, авось полегчаетъ!

— Какое таперь вино, дай одуматься отъ грѣха своего!

Богородица, прочитавъ на лицѣ Микитки раскаяніе, сказала:

— Помяни Петра Иларіоновича! Налей ему, Акулина, вотъ этотъ стаканчикъ, что побольше.

Акулина, подойдя къ Микиткѣ, замѣтила ему:

— Долго ли я тебя буду просить? Пей! пей! заговорили всѣ присутствующіе; сказано—мать милосердная простила и мы, значитъ, не имѣемъ къ тебѣ ничего; ну только помни, Микитка, зря слово не выпускай, пей, да дѣло разумѣй!

— Одно слово—разумѣть надо! Царствіе небесное Петру Иларіоновичу, смѣнившему плоть! Не вѣсть какъ время далеко, двадцать лѣтъ живо пройдутъ, больше прожили, а ты, Лушечка, не тужи! Богъ дастъ, скоро увидишься съ нимъ на горѣ въ юности, во областяхъ пресвѣтлыхъ. Вѣчная ему память!

У Микитки зашумѣло въ головѣ, онъ сталъ смѣлѣе и развязнѣе, и прежде чѣмъ обратить вниманіе на изобиліе закусокъ, которыми былъ уставленъ столъ, поторопился исполнить обрядъ сплечиванья.

Во время этой церемоніи одна изъ молодыхъ духоборокъ, недурной наружности, напомнила ему, что онъ не пилъ еще за здоровье „матери милосердія“ и, наливши ему стаканъ водки, просила пить до дна:—„иди, говоритъ она, иначе не подходи цѣловаться“!

— Напередъ дай окончить одно, а потомъ другое!

— Ну кончай себѣ, какъ знаешь, а ко мнѣ не подходи;—я тебѣ сказала и кончено! (при этихъ словахъ, прижала рукою ротъ Микитки и отворотила въ сторону лицо).

— Что ты будешь дѣлать!—вскрикнулъ самодовольно Микитка. Не иначе какъ надо уступить ей и, подойдя къ богородицѣ, произнесъ:

— За здоровье твое, Лушечка! исполненіе т. е. всяческихъ желаній, радостно провести нонѣшній денечекъ и новенькаго дожждаться!

Съ послѣднимъ словомъ Микитка, габывъ, что у него въ рукѣ стаканъ, палъ въ ноги Лукерѣ и облилъ ей голубое платье.

Тимоеей, сидѣвшей возлѣ богородицы, замѣтивъ пеловкость Микитки, вскрикнулъ:

— Какой ты медвѣдъ, прости меня грѣшнаго! и торопливо схвативъ утиральникъ, задѣлъ имъ стаканъ съ портеромъ, стоявшій передъ Лукерѣей.

— Ну, что это за приключеніе! Хотѣлъ, значитъ, прислужиться и наконецъ того самъ обдалъ! Это просто удивленье!

Богородица живо вскочила, приподняла платье свое нѣсколько вверхъ и начала передъ свѣтомъ разсматривать.

— Боже мой, вскрикнула Лукерья, какъ изгадили то платье!

Всѣ бывшіе при этомъ женщины обступили Лукерью, а Акулина бѣленькимъ платочкомъ вытирала остатки водки и портера.

— Матушки мои родненькія, какъ они загадили-то тебѣ! Совсѣмъ ничего не подѣлаешь,—не такъ водкой захватило, какъ портеромъ.

— Одно слово—портеромъ!—произнесъ Микитка, неуспѣвшій встать съ колѣнъ.

— Кабы ты не обдавалъ водкой, отвѣчала съ неудовольствіемъ Лукерья, не было бы этого! Ну чего ты еще стоишь на колѣняхъ?

— Значить—согрѣшилъ, Лушечка!

— Встань, тебѣ говорятъ! Согрѣшилъ!

— Толкуеть себѣ—портеромъ!—съ досадою говорилъ Тимсоей, выходя изъ за стола. Съ одного портера неужто бы такъ запачкалось? Теперь, значить, водка смѣшалась и бѣды надѣлала. Будто портеромъ первый разъ приходится обливать! Бывало у Петра Иларіоновича, царство ему небесное, другой разъ такъ зальютъ скатерть, что уму непостижимо, одно слово, какъ есть всю скатерть, а потомъ, глядь, на другой день такъ чистехонька, что и невдомекъ, чтобы эвта самая была. А ты рассказываешь,—портеры! Это тебя то дернуло съ водкой поклониться! Ну гдѣ эвто видано, чтобы теперь вмѣстѣ со стаканомъ преклоняться? Прежде бы выпилъ, а потѣмъ ужъ преклонялся, а то черезъ свою невеликатность и другого подѣ грѣхъ подвелъ. Лезеть себѣ зря! Коли ужъ подѣ хмелькомъ,—не суйся!

— Коли-бъ ты звѣрскимъ именемъ не обзывалъ, не случилось бы эвтаго!

— Да вѣдь я то тебя назвалъ когда? Когда ужъ ты, значить, выкинулъ эвтакую штуку. Другое дѣло, еслибъ тебя прежде того обозвали, ну, можно бы подумать, а то ты же, къ примѣру, кланяешься и стаканъ, какъ есть, въ рукахъ,—хоша бы выпилъ прежде!

— Куда ему еще пить! зашумѣли духоборы,—вѣдь ты видишь, что онъ и такъ порядкомъ хвативши. Чудной этотъ Микитка. Сколько разъ ни приходилось быть въ собраніяхъ, но эвтакой оказіи не случалось. Ну скажемъ теперь и то, нужно же было Палашѣ налить водки и направить къ Лушечкѣ!

— Да кто его зналъ, прости меня грѣшную!—скороговоркой произнесла Палаша. Вѣдь на ногахъ же стоялъ и какъ будто бы

и настоящій человекъ и разсужденіе имѣеть и съ такой великатностью подошелъ сплечиваться.

— Кабы я эвто знала, я бы и трехъ шаговъ не подпустила.

— Тоже сказать таперь и Тимоеей,—нужно же ему было хватиться за утиральникъ и кинуться, словно кто его ущипнулъ сзади!

— Чудно вы разсуждаете! Я, значить, замѣтилъ, что Микитка выкинулъ этакую штуку, хотѣлъ тутъ же исправить дѣло,—значить, пока водка не вѣлась утереть остатки; анъ попуталь меня Агрикъ, видно его завидки взяли.

При этихъ словахъ Тимоеей, сядясь за столъ и размахивая руками, столкнулъ на полъ большой кувшинъ со сметаной.

— Нѣтъ, эвто дѣло нечистое!—громко закричалъ Тимоеей.

— Что это разбили?—заговорила Лукерья, которая все возилась съ своимъ платьемъ.

— Горшокъ со сметаной,—зашумѣли всѣ.

-- Какъ хошь себѣ, Лушечка, но не въ мочь мнѣ здѣсь сидѣть, аль мнѣ выдти прикажи, аль перемѣнить мѣсто: окаяннаго большія завидки взяли,—ему не въ моготу твое даренное полотенце.

Съ этими словами Тимоеей всталъ изъ за стола, поблагодарилъ Лукерью за хлѣбъ--соль, сдѣлалъ поклонъ въ ноги и вышелъ изъ поминальни.

Выходка Тимоеея поставила въ тупикъ всѣхъ присутствующихъ; пошли толки, разсужденія; всѣ единогласно признавали, что во всемъ этомъ слѣдуетъ усматривать дѣйствіе нечистаго духа, озлобленнаго милостивымъ вниманіемъ богородицы.

— Какъ бы то ни было, мужчина себѣ ловкій, проворный и обхожденіе, значить, настоящее и слово то говорить не зря, что не задумаетъ сдѣлать: угодить ли, къ примѣру, аль оказать великатность,—все идетъ наперекоръ; оно, правда, хотъ и подъ хмелькомъ, а мы то развѣ далеко отошли? Вотъ Микитка, еле можахомъ, но всего то разъ впалъ въ ошибку, значить, дернуло его преклониться вмѣстѣ со стаканомъ. Чудной эвтотъ Микитка! А тутъ что ни шагъ, словно кто тебя подводитъ,—тамъ, глядишь, портеромъ обдалъ, тамъ опять горшокъ разбилъ, наконецъ того сознался, что не въ мочь ему тутъ быть, какъ будто кто ему нашептывалъ: „уходи, дескать, тутъ тебѣ теперъ не мѣсто“.

— По моему, братцы, сказалъ Игнатъ, онъ таки просто хватилъ чрезъ мѣру послѣ дороги и она, значить, его сшибла.

— Не спорю, и эвто можно думать, ну только нѣтъ! Ой, нѣтъ!

Тимоня бывалый человѣкъ, его не скоро спомнѣшь, одно слово— мужественный человѣкъ.

— Неровень часъ, другою разъ и отъ двухъ стакановъ спибеть.

— Да, пожалуй, говорить то можно, а надо до истины дойти и обсудить, значить, всяческія т. е. дѣйствія, къ чему что подходит! Не иначе все-таки, что здѣсь дѣйствоваль окаянный, зашумѣли духоборы.

— А мнѣ сдается, что его просто спибло съ дороги! Какъ не гляди, но Акулина то и дѣло ему стаканъ за стаканомъ,—не успѣеть, значить, одного откупать, а тутъ ужъ стоитъ другой потомъ, наконецъ, самъ себѣ сталъ наливать; я, значить, только сижу да поглядываю, думаю про себя, что съ этаго станетъ,—такъ его и подстрекаетъ пить да пить; почитай, стакановъ съ десять осушилъ, а вы сабѣ знай разсуждаете,—окаянный!

— Нѣтъ, не говори, Игнатъ!—саясь за столъ отозвалась Лукерья. Бываетъ и такъ, что находить на человѣка совсѣмъ трезваго такой туманъ, что у него и слово не клеится и руки не дѣйствуютъ: да вотъ недалеко примѣръ: въ позапрошломъ году я также на поминкахъ подарила полотенце Власу,—вѣдь мужчина куды какой, любого перепьетъ,—чтожъ бы вы думали, какъ сълъ возлѣ меня, то и дѣло рюмки да стаканы бьетъ; далѣе, наконецъ, идетъ къ столу, что въ углу стоитъ съ закусками и хотѣлъ мнѣ, значить, принести кусочекъ барашка,—тогда былъ очень вкусный барашекъ, я и скажи ему, иди, дескать, Власъ, отрѣжь для меня кусочекъ. Вотъ онъ, значить, и пошелъ и только дотронулся до закуски, какъ есть супникъ съ вареными яйцами на полъ; онъ какъ, значить, держалъ руки, такъ онѣ и остались, обомлѣлъ, бѣлый сдѣлался, какъ эта стѣна; хочеть, значить, руки отнять отъ барашка и не можетъ, какъ будто кто приковалъ ихъ,—ни туда, ни сюда, пока не пришло ему на разумъ проговорить: „Врагъ сатана, откачнись отъ меня, у меня богородицкій замокъ и самъ Спасъ со мною.“ Тутъ же руки и ноги пришли въ дѣйствіе, онъ подошелъ ко мнѣ, палъ на колѣни и съ умиленнымъ образомъ просилъ.

Всѣ сидѣвшіе съ большимъ вниманіемъ слушали Лукерью, изъ устъ которой вылетала рѣчь оформленная въ чудеса; для приданія же большаго вѣса словамъ и значенія неподлежащей сомнѣнью истины, она даже при воспоминаніи о томъ, что Власъ просилъ ее съ умиленнымъ образомъ, прослезилась и вытерла платкомъ глаза; духоборы при этомъ тяжело вздохнули, а бабы изъ подражанія Лукерѣ также начали плакать; одинъ только Игнатъ пожималъ плечами и съ какимъ то недовѣріемъ отно-

сился къ разсказу Лукерья; онъ не замедлилъ обратиться къ ней съ вопросомъ:

— Чтожъ бы это значило, Лушечка, что Власъ не могъ отнять рукъ,—окаянный ли тутъ дѣйствовалъ, или, таперича сказать, онъ испугался? Какъ хошь, разбить этакой супникъ, къ примѣру, съ закуской, что-вибудь да составляетъ. Хошь кого испугаетъ!

— Вправду испугаетъ, подхватилъ Микитка, который, сидя на углу скамейки, покачивался.

— У нашего Бога премудрости много!—съ досадою и неудовольствіемъ произнесла Лукерья, вставая со скамейки. Кто читаетъ да почитаетъ, тотъ пойметъ мои словеса, а кто затыкаетъ себѣ уши, какъ къ примѣру Микитка, тотъ не дойдетъ до истины. Овые глаголютъ—„яко съ нами Богъ“, а овые глаголютъ—„невозможно быть“.

— Невозможно быть и кончено! крикнулъ сквозь сонъ Микитка.

Всѣ присутствующіе невольно обратили вниманіе на Микитку и зашумѣли:

— Развѣ ты сюда дремать пришелъ, развѣ тутъ мѣсто, безбожникъ ты этакій,—уши затыкаетъ отъ устъ пречистыхъ?!

— Ой братцы, опомнился Микитка, я все не приду на настоящую т. е. точку.

— Да никогда ты не придешь съ своимъ нравомъ! Слушай, коли здѣсь, а не то двери свободны, никто тебя не удерживаетъ.

Микитка выпрямился и ни слова.

Лукерья, наливъ себѣ стаканъ портеру, сѣла на свое мѣсто; она, какъ кажется, не столько была недовольна на Микитку, сколько на вопросъ, предложенный ей Игнатомъ,—къ чему отнести чудеса съ Власомъ. Она привыкла, чтобы мысли ея угадывали и придавали имъ должное значеніе; но какъ только встрѣчала затрудненіе въ отвѣтахъ, то всегда выжидала разъясненія и поддержки другихъ.

Близкіе къ ней духоворы, хорошо понимавшіе ея цѣли и сознававшіе свои личные интересы, всегда стараются выводить ее изъ затруднительнаго положенія, и въ настоящемъ случаѣ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ духоворцевъ, по имени Алексій, началъ свою рѣчь такъ:

— Ты, Игнатъ, толкуешь себѣ, что, дескать, Тимоѳею выпимши опрокинулъ портеръ и горшокъ со сметаной; ладно, ну къ чему же это отнести, что онъ сталъ говорить не своимъ языкомъ, къ примѣру сказать, онъ кланяется и повторяетъ чужія слова, вовсе

не подходящія къ дѣлу? Тамъ, значить, слышались голоса: не жирно ли будетъ, и онъ себѣ повторяетъ,—не жирно ли будетъ; скажи ему тогда, что хошь, онъ бы все какъ есть повторялъ; а вѣдь человѣкъ, одно слово, куда угодно, такихъ мало, и не Богъ вѣсть что выпилъ, одно слово—вышелъ и не пошатнулся. Какъ же на это смотрѣть? Ну, скажите, пожалуйста? Не иначе, какъ на завидки окаяннаго, которому не по нутру дары изъ дома благодатнаго. Вотъ теперь какъ хочешь, такъ и суди!

— Пусть себѣ и этакъ будетъ, Господь про то вѣдаетъ!—отвѣчалъ Игнатъ, боясь попасть не въ милость богородицы и лишиться должности секретаря.

— Сколько мнѣ въ памяти, продолжалъ Алексій, и году не проходило безъ того, чтобы чего-нибудь не случилось. Напредъ еще хуже бывало, особливо въ первый годъ кончины Петра Иларіоновича,—царство ему небесное! Одно слово земля потряслась, вся преисподняя вѣбутовалась; сатана пуще озлобился и началъ праведныя души низводить и подставлять имъ демоновъ мрачныхъ. Теперь же мы видимъ, что годъ отъ году легче, силы ужъ не тѣ у окаянныхъ, значить—слабѣютъ; вѣдь что ни говори, а его сразу не одолѣешь!

— Куда одолѣть сразу, подняли шумъ духоборцы, сказано—тьма большая и воинство большое; одно слово—распустилъ паутину по всему бѣлому свѣту!

Богородица, подымаясь со скамейки и наливая стаканъ портера, скороговоркой произнесла:

— Она видима для всѣхъ, да не всѣ ее видятъ.

— Да вотъ, братцы, и разгадайте теперь, что это за паутина, которая видна, да не всѣ ее видятъ!—сказалъ Алексій.

Духоборы, заинтересованные шарадой: „что это за паутина, которая видна, да не всѣ ее видятъ“, не шутя призадумались; многіе старались доказать, что это сѣтъ Агрика; другіе же возражали такъ: „что хотя сѣтъ и близко къ этому подходить, но все же не то: сѣтъ, такъ она, значить, всегда сѣтъ, а паутина, что то иное. Скажи, пожалуйста, вотъ такъ и вертится въ башкѣ, а наконецъ того не нападешь. Теперь сказать: какая—нибудь веревка или что-нибудь подобное ей, такъ куды жъ, опять не то,—опять же къ сѣти подойдетъ, а то одно слово—паутина.

Долго духоборы напрягали свой мозгъ разрѣшить загадку; Алексій уже обращался къ Лукерѣ, чтобы она объяснила имъ, но та не соглашалась, она говорила:

— Пусть сами догадаются, вотъ тутъ и видно будетъ, кого

Богъ сподобилъ; зрящія души, тѣ только видятъ и объяснять что къ чему!

При этихъ словахъ Микитка отозвался:

— Да што, братцы? Паутина означаетъ телеграфскую проволоку!

— Вотъ тебѣ и Микитка! Думалъ и додумался, и небось, какъ разъ впопадъ!

Лукерья, оставшись весьма довольная отвѣтомъ Микитки, обратилась къ нему и сказала:

— Коли тебя Господь сподобилъ премудростью, отнынѣ ты блаженъ!

— Спаси тебя Господи!—сказалъ Микитка.

— Что же ты не встанешь и не преклонишься, какъ слѣдуетъ?—замѣтила Акулина Микиткѣ. Вѣдь такое слово не всякъ услышитъ; ты, небось, въ первый разъ слышалъ?

— О телеграфной проволоцѣ то я давно слыхивалъ, да и самъ ее не разъ видѣлъ; но только, вправду сказать, не дотрогивался.

— Дотрогивался, аль не дотрогивался, а всетаки, значить, поклониться подобаеть.

— Одно слово—не виновать ни предъ Богомъ, ни матерью милосердія.

— Ишь, что онъ толкуеть! Словно въ туманѣ!—заговорили присутствующіе.

Акулина же, подойдя къ Микиткѣ, упрашивала сдѣлать поклонъ богородицѣ.

— Истинно говорю вамъ, братцы, ни въ чемъ я не виновать; видать то проволоку видаль, но всячески т. е. ее обходилъ. Не встать мнѣ съ эстаго мѣста!—закричалъ какъ бы выведенный изъ терпѣнія Микитка.

— Что ты будешь съ нимъ дѣлать!—зашумѣли духоборы; но богородица просила оставить Микитку въ покоѣ, объясняя тѣмъ, что онъ теперь взволнованъ, но когда успокоится, то самъ пойметъ въ чемъ дѣло.

Затѣмъ, когда все утихло, Лукерья сочла нужнымъ объяснить значеніе проволоки слѣдующимъ образомъ:

— Скажу я вамъ: проволока знаменуеть вторую гоммору; ею связанъ, какъ есть, весь бѣлый свѣтъ кругомъ, вдоль и поперекъ; она то и есть дьявольская паутина, которой должно объявиться въ предпоследнія времена. Въ нынѣшнее время для насъ видно три гомморы, а всѣхъ гомморъ шесть,—вотъ и рассчитывайте, много ли намъ осталось времени, чтобы свидаться съ Петромъ Иларіоновичемъ, царство ему небесное!

— Да по этому, Лушечка, не вѣсть какъ далеко,—того гляди,

что вскорѣ явится четвертая и перехитритъ всѣ первыя, заговорили духоборы, тяжело вздохнувъ.

— Нонѣ проволока говорить, а настанетъ время, когда камень и дерево будутъ говорить.

— Ну, теперъ и разсуждай, откуда все берется, заговорилъ Алексѣй. Это дѣло ничье, какъ духовъ нечистыхъ; имъ и въ камнѣ очутиться и въ деревѣ—мудрости не составляетъ и всегда окаянный изберетъ этакое мѣсто, гдѣ другому и въ башку не придетъ. Ну на что—сказать—сдалась ему эвта проволока, одно слово—желѣзная проволока? Такъ пооди же,—разговоръ нуженъ окаянному и значить изъ людей же набралъ помощниковъ и заправляетъ ими, какъ есть въ отдѣлку; тѣ только и знаютъ, что лепортуютъ ему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и чѣмъ тошнѣе ему будетъ приходиться, тѣмъ всячески больше будетъ стараться захватывать въ свое воинство и распускать паутину; не хватить проволоки, другой изобрѣтаетъ сигналъ: камни и дерево въ ходъ пустить и сбудутся тогда слова матери милосердія, что камень и дерево будутъ разговоръ вести; таперича только одинъ гулъ слышенъ, а тогда будетъ слышанъ гласъ, да только не всякъ его пойметъ; одно слово—на языкѣ смѣшанномъ, отъ котораго стѣны будутъ дрожать и земля колебаться.

— Господи милосердный!—вскрикнула баба. Какія страсти, не дай Богъ эвтаго дожидаться! Лучше-бъ теперъ земля приняла, не видать бы того дерева, не видать бы того камня, не слышать бы того гласа!..

— И въ правду!—заговорили духоборки. Не доводи ты насъ, Господи, до эвтакой гомморы. Ну какая, значить, жизнь тогда настанетъ? Таперича только что подумаешь и то страхъ беретъ, а коли настанетъ то времячко?.. О Господи, Господи! Именно лучше бы теперъ земля приняла, лучше бы таперича идти на погубленіе, не слышать бы намъ того гласа.

— Ну, ужъ и плакаться начали,—вскрикнулъ Игнатъ, ужъ разрюмились, сказано—бабы! Еще Богъ вѣсть, когда сей гласъ услышимъ, можетъ и дѣтямъ нашимъ не доведется, а оуѣ разревѣлись, словно завтра ожидаютъ!

— Ты, Игнатъ, помни мое слово,—первый дождешься!—сказала богородица.

— Не боюсь я того гласа,—нешто противъ окаяннаго дѣйствій нѣтъ? Да што за гласъ эвтакій, отъ котораго земля будетъ колыхаться? И выдумаютъ себѣ, въ первый разъ я слышу, право! Земля и теперъ колышется, ну такъ себѣ, полегоньку, встрях-

петь разъ, другой, и тѣмъ дѣло кончится, а гласа то того не слышать!

— Вишь, онъ теперь захотѣлъ услышать! Еще не времячко, а вотъ какъ сбудется четвертая гомора, тогда повѣришь пречистымъ устамъ. Куда и храбрость то дѣнется!..

— Не отъ тебя слышать этакую храбрость,—сказаль Василій; ты одно слово—трусъ, а что пуще всего, книжки тебя сбиваютъ. Рано, братъ любезный, начинаешь командывать. Поди какой! — взялъ, значить, извѣстіе въ руки и кричить: слушайте-жь,—словно очутился въ какомъ сонмищѣ.

— Въ правду сказать!—говорили духоборы. Игнать таки много заносится въ своихъ глаголахъ и какъ будто идетъ насу-противъ изреченіямъ матери милосердія.

— Истинно насупротивъ изреченіямъ!—громко произнесъ Микитка.

— Вотъ тебѣ и на!—закричалъ Игнать. Ишь куды дѣло пошло, эка оцетгнились, прости меня грѣшнаго, и слова не дадутъ сказать! Это нападки, какъ есть нападки, не успѣетъ одинъ окончить, другой лезетъ; не успѣетъ другой, третій и наконецъ того всѣ, какъ есть всѣ. На што Микитка, и онъ туды же! Смотри, што-бъ я тебя не переименовалъ!—ты и въ правду взялъ, что отнынѣ ты блаженъ.

— Ты много не гуторь,—закричалъ Алексѣй. Значить—блаженъ!

— Что ты вонѣ расходился?—возвысивши, голосъ сказала Лукерья. Ты слова Божьяго не разумѣешь, не труба моя къ тебѣ гласила, ты не внимаешь слову моему, аки аспидъ глухъ; изыди прочь отъ глазъ моихъ! Игнать, выходя изъ за стола слишкомъ разстроеннымъ, отвѣчалъ:

— Изыду отъ сѣней смертныхъ; вотъ гдѣ настоящее сонмище, а не то, о которомъ, значить, разсуждаютъ; вотъ гдѣ четвертая гомора! Ну, а ты Микитка, помни, я тебя переименую. Будешь ты блаженъ,—ублажу я тебя такъ, что опять на колѣняхъ будешь ползать, да не выпросишься!

— Что онъ тутотка еще гуторить,—зашумѣли бабы, вишь какъ расходился безбожникъ этакій,—безчинства заводить.

— Никакой великатности, значить, нѣтъ!—послышался голосъ Палаши.

— Убирайся, когда сказано!—зашумѣли духоборы.

— Изыди прочь!—закричала богородица. Что вы тамъ—никакъ заснули? Тотчасъ взошли въ комнату два молодца и взяли Игната подъ руки.

— Да оставьте меня!—говорилъ Игнатъ молодцамъ. Я и безъ вашей то помощи выйду, кажись, не пьянъ и на ногахъ то стою и безчестія, значить, никому не показалъ.

— Какъ ты разсуждаешь! Будто эвто отъ насъ зависеть, мн, значить, исполняемъ, что намъ приказываютъ.

— Сказано—глупые! Прости меня грѣшнаго. Знай, собирали бы себѣ приношенія! Небось карманы понабили!

Игнатъ, выйдя на дворъ, прямо направился въ село; къ нему присоединилось два товарища и Тимоѳей.

Въ то время, какъ Игната подъ руки выводили молодцы, у Лукерьи наворачнулись слезы и она платкомъ вытирала себѣ глаза...

— Утѣшься, Лушечка!—заговорили сидящіе. Стоитъ ли о томъ плакаться,—онъ одно слово ничего не стоитъ, заблудшая овца!

— Чудно вы разсуждаете,—обратился Алексѣй къ духовоборамъ. Развѣ она объ этомъ дѣлѣ плачется, — она плачется за грѣхи наши, что мы забываемъ Бога и не внимаемъ словесамъ ея; для нее хошь Игнатъ, хошь къ примѣру Микитка.

— Что тебѣ сдѣлся Микитка?

— Цыцъ,—зашумѣли духовоборы, опять начинаетъ, сиди себѣ!

— Аль другой,—продолжалъ Алексѣй,—все единственно словесныя овцы, обо всѣхъ слѣдуетъ имѣть попеченіе.

— Одно слово—обо всѣхъ!—раздались голоса.

— Вотъ теперь, какъ хотите судите! Конецъ моей пѣсни, да набранные прійдутъ и поклонятся матери милосердія.

По окончаніи произнесенныхъ Алексѣемъ словъ, онъ подошелъ къ богородицѣ, поблагодарилъ за хлѣбъ-соль и поклонился въ ноги, а его примѣру послѣдовали остальные, и во время этой церемоніи, затѣянной Алексѣемъ, Агафья запѣла псаломъ: „жили мы были на сырой землѣ“, всѣ поочередно присоединились къ ней и общій хоръ псалмопѣвцевъ не оставлялъ пѣнія до тѣхъ поръ, пока утомленная помпками богородица не вышла изъ поминальни и не сѣла въ бричку.

Изъ кладбища празднованіе поминокъ перенеслось въ село, въ домъ Лукерьи. Недопитая водка и вино вмѣстѣ съ закусками были уложены въ фургонъ и всѣ духовоборы двинулись обратно въ Горѣлое, продолжая дорогою пѣть псалмы, а богородица, напутствуемая громогласными восклицаніями народа: „Спаси тебя, Господи, за хлѣбъ-соль и помяни кротость праведнаго Давида“, уѣхала вмѣстѣ съ Алексѣемъ впередъ, распорядиться принятіемъ гостей. Генераль-майоръ *М. Каменевъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новолодожскія впечатлѣнія.

Впечатлѣнія отъ миссіонерской поѣздки по Новолодожскому уѣзду Спб. епархіи до сихъ поръ яркою картиной сохраняются въ моей душѣ. Эти впечатлѣнія, правда, невеселыя,—пожалуй, унылыя и безотрадныя. Порою хочется даже забыть ихъ, какъ тяжелый сонъ; но „для пользы службы“, кажется, не лишне ознакомить съ ними миссіонерскую братію.

Новолодожскій уѣздъ давно поражалъ меня количествомъ своихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ и ихъ загадочной вѣроисповѣдной психологіей.

Но только въ январѣ текущаго года я могъ, наконецъ, побывать въ Новолодожскомъ уѣздѣ. Къ 20 числу этого мѣсяца меня пригласили на годичное собраніе членовъ Николаевского миссіонерскаго Братства.—И я поѣхалъ туда, заодно давъ себѣ слово побесѣдовать въ разныхъ мѣстахъ съ новолодожскими старообрядцами.

Отъ Шлиссельбурга до Новой Ладogi, почти сто верстъ мнѣ пришлось ѣхать на лошадахъ. Это путешествіе, имѣвшее свои прелести, обставлено было и значительными неудобствами. Одно изъ нихъ заявило о себѣ уже на желѣзнодорожной ст. Шлиссельбургъ.

Здѣсь мы „договорили“ себѣ лошадей. Лошади въ упряжкѣ находились при станціи. Мы одѣлись „въ дорогу“ и думали сейчасъ же уложить свои вещи въ нанятые сани. Но... не тутъ-то было! Оказалось, отъ вокзала до города мы не имѣли права ѣхать на нанятыхъ лошадахъ. Мы должны были „рядить“ для того городского извозчика...

Но этимъ только начались мытарства. По приѣздѣ на постоялый дворъ, извозчикъ не спѣшилъ трогаться въ путь. Онъ придумывалъ всякіе поводы, чтобы задержать на постояломъ дворѣ. У него цѣль была одна—заставить насъ ѣсть и чай пить, чтобы дать „доходъ“ хозяину, съ которымъ они, безъ сомнѣнія, въ сдѣлкѣ.

И такое „вытягиванье“ изъ насъ жилъ продолжалось по всему пути до Новой Ладогѣ. Конечно, это — мелочь и даже забавно, когда за сѣдненное яйцо съ насъ тянули больше пятака, но такія *мелочи*, наконецъ, удручаютъ путника и бросаютъ его въ угрюмость...

Угрюмыми же людьми страшно интересуются на постоянныхъ дворахъ. Тамъ ихъ безцеремонно спрашиваютъ: кто они, куда и по какому дѣлу ѣдутъ?..

Въ качествѣ челоуѣка „хандряшаго“, на одной ставціи и я попалъ къ допросу: — куда ѣдете?

— Въ Новую Ладогу.

— Зачѣмъ?

— По дѣламъ...

Собесѣдникъ пристально осмотрѣлъ меня, что-то сообразилъ, а потомъ многозначительно протянулъ: — а... вы—грамофонщикъ! Славная это штука. Вотъ бы послушать—не заведете?..

Я разочаровалъ хозяина и съ горя сталъ еще мрачнѣе. У меня даже враждебное чувство къ нему образовалось. Ишь вѣдь что придумалъ: я—грамофонщикъ!..

Однако не безъ тревоги я осмотрѣлъ свою фигуру въ „мѣстное“ зеркало, которое—на бѣду — показало мнѣ самое карикатурное отображеніе.

Въ другомъ мѣстѣ, подь Ладогой, съ „хозяиномъ“ старообрядцемъ у насъ состоялся уже любопытный разговоръ.

Говорю ему: — это хорошо, что въ домѣ у васъ много иконъ и передъ каждой изъ нихъ—лампада. Видно, что вы—челоуѣкъ религіозный.

— А то какъ же?

— Только зачѣмъ подь самую икону Тихвинской Божіей Матери вы подвѣсили счеты? къ священному вы примѣшиваете суетное и земное...

— То—не бѣда! спокойно замѣтилъ хозяинъ старообрядецъ. Икона не видитъ...

Въ такомъ случаѣ, для чего вы лампадки зажигаете передъ иконами?

— Для порядка. Законъ у насъ, значить, такой...

Случай этотъ маловажный,—не изъ крупныхъ и разговоръ, но онъ правдиво характеризуетъ старообрядцевъ. Да, обрядности у нихъ много,—такъ сказать, въ глаза бьетъ ихъ наружное „благотворство“. Но то и другое подернуты у нихъ суетой и „справляются“ безъ должной сознательности,—скорѣе по дѣдовской традиціи, чѣмъ по чувству искренней религіозности. Вслѣдствіе того,

безъ сомнѣнія, послѣ я слышалъ много разсказовъ о распущенной жизни мѣстныхъ старообрядцевъ-обрядовѣровъ и о полномъ непониманіи ими основъ христіанскаго вѣроученія...

— Первое знакомство съ укладомъ жизни новолadoжскаго раскола дали мнѣ съѣхавшіеся батюшки на годичное собраніе миссіонерскаго братства. Батюшки эти, къ моей великой радости, оказались людьми наблюдательными, сердечными и общительными. Въ ихъ словахъ не было и тѣни раздраженія противъ старообрядцевъ. Напротивъ,—было много скорби и жалости, когда они говорили о духовной слѣпотѣ раскольниковъ, объ ихъ не евангельскомъ настроеніи и чисто бездушномъ „обрядовизмѣ“. Вслѣдствіе такихъ разговоровъ предо мною обрисовалась своего рода духовная стѣна, которая можетъ разрушиться только отъ времени...

Такъ. Но къ работѣ времени надо же и намъ прилагать свое содѣйствіе, чтобы скорѣе разсыпалась насыпь, сооруженная „простотою и невѣжествомъ“!

Это безспорно. Только какъ это сдѣлать? Въ какомъ направленіи вести намъ свою трудную миссіонерскую работу?..

Въ первый разъ по поставленному вопросу мнѣ пришлось высказаться съ церковной каѳедры—за обѣдней въ соборѣ, въ день братскаго собранія. Исходя изъ читаннаго Евангелія Лк. 6, 17—19 ст., я проповѣдывалъ, что подобно тому, какъ было въ Евангельскія времена, и намъ нужно столпиться у ногъ Иисусовыхъ, чтобы послушать спасительнаго благовѣстія.

Что же скажетъ намъ Господь — основатель христіанства? Учитъ-ли Онъ насъ подобно старообрядцамъ, что въ жизни все благочестіе зависитъ отъ соблюденія только буквы и обрядовъ, а про чистую совѣсть души можно говорить меньше?

Нѣтъ. Господь ублажалъ „чистыхъ сердцемъ“. Именно о нихъ Онъ говорилъ, что *только* „чистые сердцемъ Бога узрятъ“ (Мф. 5, 8 ст.). Спаситель же научалъ людей, что оправдаются на Страшномъ судѣ и получатъ райское блаженство не тѣ, которые только устами произносятъ святыя слова и въ храненіи извѣстныхъ обрядовъ полагаютъ все свое благочестіе,—а тѣ люди, которые, соблюдая правую евангельскую вѣру, принесутъ въ загробную жизнь истинныя дѣла по вѣрѣ (Мф. 25, 31—46 ст.).

Въ виду этого, намъ, христіанамъ, слѣдуетъ сбросить съ себя запинаящую насъ грѣхъ и пойти прилежнѣе по стопамъ Христовымъ. Надобно намъ не услаждаться однимъ только своимъ званіемъ во Христѣ, а подтверждать свои правыя вѣрованія благочестивою и добродѣтельной жизнью. Тогда изъ единичныхъ подвиговъ нашихъ образуется великая православно-христіанская

жизнь, которая, подобно морю, смоесть съ лица земли всѣхъ старо-обрядцевъ нашихъ и сектантовъ...

Такимъ образомъ, для борьбы съ расколомъ въ храмѣ я народу предлагалъ осмыслить и просвѣтить строй своей религіозно-церковной жизни, олухотворить и очистить свои христіанскія вѣрованія и этимъ путемъ достигать блаженнаго единенія всѣхъ въ Господѣ ¹⁾.

Непосредственно послѣ обѣдни произошло годичное собраніе братчиковъ. Здѣсь съ иной стороны мнѣ пришлось коснуться способовъ борьбы съ расколомъ. Моя рѣчь сложилась какъ то сама собой, подѣ впечатлѣніемъ прослушаннаго годичнаго отчета Братства.

Я говорилъ:—если изъ общихъ доходовъ Братства исключить членскіе взносы, которые постунають больше всего отъ священниковъ,—то на долю народа въ пользу Братства приходится *относительно* порядочная цифра. Народъ на тарелки и въ кружки по церквамъ, а также въ кружки при волостн. правленіяхъ далъ около 175 руб. Это—для народа деньги большія,—особенно для мѣстныхъ крестьянъ, страдающихъ отъ недорода хлѣба...

Что же дало Братство своему благотворителю—народу?

Отчетъ говорить о выпискѣ въ бібліотеку Братства журналовъ, о покупкѣ книгъ для той же бібліотеки, о расходѣ на книжный шкафъ, о пожертвованіи на нужды войны...

Всѣ эти расходы, можно сказать, къ *мѣстнымъ* крестьянамъ имѣють самое отдаленное отношеніе. Пока имъ „не видать“ пользы отъ сдѣланныхъ Братствомъ расходовъ,—и тѣмъ не менѣе народъ копейками принесъ на доброе дѣло 175 руб.

Объ этомъ ни на одну минуту нельзя забывать членамъ Братства; въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ необходимо имъ располагать и свою дѣятельность. Подобно Ап. Петру, Братство со всею доброю совѣстью можетъ сказать новолодожскому народу: *„серебра и золота нѣтъ у меня; а что имѣю, то даю тебѣ: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи“* (Дѣян. 3, 6 ст.).

Да. Скудны средства матеріальныя въ кассѣ Братства. Но народъ не въ этихъ средствахъ только нуждается. Онъ бѣдствуетъ отъ духовныхъ болѣзней еще сильнѣе, чѣмъ отъ недорода хлѣба.

¹⁾ Эти мысли, вечеромъ, въ аданіи городского училища мною были раскрыты въ особой рѣчи на тему: «О вѣчности и neodолѣнности Христовой Церкви Православной». Несмотря на то, что входъ въ залъ былъ платный въ пользу Братства,—всѣ мѣста были заняты и сочувствіе слушателей къ дѣлу миссіи проявилось наглядно..., даже шумно, съ аплодисментами.

Въ народѣ новолadoжскомъ живетъ многотысячный расколъ; въ немъ множество людей, которые недвижимы именно вслѣдствіе своей духовной слѣпоты и нетронутости евангельскимъ благовѣстіемъ.

Вотъ этимъ страдальцамъ Братство и должно притти на духовную помощь. Оно обязано дать имъ прозрѣніе въ евангельскую правду,—обязано исцѣлить ихъ отъ тягостныхъ недуговъ...

Прежде всего Братство можетъ сдѣлать это ревностнымъ проповѣданіемъ Слова Божія,—проповѣданіемъ не въ Ладогѣ только, а и по всему уѣзду. Для этого Братство должно выдѣлить изъ среды своей благовѣстниковъ. Пусть они собираются поочередно другъ у друга и *отъ имени Братства* ведутъ съ народомъ душе-спасительныя бесѣды.

Бесѣды эти хорошо предваряетъ соборне отслуженными молебнами,—общеою молитвой... Народъ тогда будетъ знать о Братствѣ, полюбитъ его и много лишнихъ копеекъ принесетъ для благоустроенія братскихъ дѣлъ.

Такой порядокъ кромѣ того окажется полезнымъ и самимъ братчикамъ-проповѣдникамъ. Теперь вотъ отчетъ глухо говоритъ что-то объ особенныхъ кружкахъ при Братствѣ, а объ ихъ дѣятельности онъ умалчиваетъ. Это—подозрительная черта въ отчетѣ!..

Когда же „кружки“ станутъ отъ имени Братства тамъ и здѣсь проповѣдывать,—дѣло ихъ будетъ всѣмъ явно. Да и въ кружкахъ будетъ о чемъ побесѣдовать. Предъ съѣхавшимися членами кружковъ каждый разъ будетъ стоять опредѣленная задача провести бесѣду съ народомъ. Послѣ, по поводу этой бесѣды, неизбежны будутъ разговоры, взаимныя совѣты,—что приведетъ священниковъ къ миссіонерскимъ вопросамъ въ ихъ подлинной и неприкрашенной дѣйствительности...

Но о чемъ же братскіе союзы проповѣдниковъ должны проповѣдывать? Съ какими рѣчами слѣдуетъ имъ прежде всего обратиться къ народу?

Мнѣ кажется, предметы для проповѣдей подсказываются здѣсь самую жизнь. Въ Новолadoжскомъ уѣздѣ множество старообрядцевъ безпоповцевъ. Они учатъ, что антихристъ раззорилъ Церковь Христову и нынѣ христіанамъ негдѣ получить благодати черезъ таинства. Старообрядцы безпоповцы объявляютъ, такимъ образомъ, искупительное дѣло Христово *неудавшимся*...

Вотъ Братству и нужно прежде всего разсѣять это коренное заблужденіе. *Надо народу показать подлиннаго, Евангельскаго Христа*; нужно благовѣствовать о дѣлѣ Его,—о томъ, что могуще-

ства Спасителя не может побѣдить антихристъ, а потому само собой слѣдуетъ,—старообрядцы наши заблуждаются...

Для первыхъ проповѣдническихъ опытовъ братчиковъ довольно только этой задачи. Въ правильномъ ея освѣщеніи народу лежитъ залогъ побѣды надъ всѣми старообрядческими толками...

Моя рѣчь вызвала среди братчиковъ оживленный обмѣвъ мнѣній. Прежде всего былъ поставленъ вопросъ: точно-ли народъ слабо знаетъ „Евангельскую исторію о Богѣ Слово“? И послѣ незначительныхъ разсужденій было заключено, что знаніе основъ Евангельскаго благовѣстія въ народѣ есть, но неотчетливое, спутанное,—чѣмъ и объясняются старообрядческія мнѣнія объ антихриствѣ. Съ другой стороны, было признано, что проповѣдь объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ для вѣрующихъ самая желательная и вождельная. Эту проповѣдь народъ повсемѣстно прослушаетъ съ умиленіемъ и будетъ за нее искренно благодаренъ Братству... 1).

Было прибавлено, что проповѣдники не должны уклоняться и отъ другихъ предметовъ для бесѣды, излюбленныхъ старообрядцами, но эти бесѣды необходимо освѣщать именно съ точки зрѣнія Евангельскаго благовѣстія: нужно всѣ наши недоумѣнія прежде и послѣ всего поставлять на судъ Христовъ и Слово Его въ бесѣдахъ придавать господственное, *рѣшающее* значеніе...

Практичны-ли и въ какой мѣрѣ жизненны постановленія, принятія въ общемъ собраніи братчиковъ?

Этотъ вопросъ отданъ на размышленіе и для фактической провѣрки каждому братчику-священнику. Черезъ годъ можно будетъ судить о сдѣланномъ постановленіи на основаніи самой жизни... 2).

Но лично я рѣшилъ теперь же наблюсти, насколько для успѣха нашей миссіи необходима проповѣдь евангельская. Наблюденія, вынесенныя мною изъ бесѣды съ новолодожскимъ народомъ, убѣдили меня, что братскаго постановленія не только не нужно ослаблять, а слѣдуетъ проводить его въ жизнь со всею неуклонностью. Я замѣтилъ, что старообрядцы *повсемѣстно* не умѣютъ правильно мыслить о путяхъ нашего спасенія во Христвѣ.

1) Также проповѣдь послужитъ для него спасительнымъ *гуманизирующимъ* средствомъ.

2) Въ тоже время братчики разѣхались по домамъ съ убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ обновленія противораскольнической проповѣди имъ помогутъ черезъ печать миссіонеры другихъ епархій.

Евангеліе благовѣствуетъ христіанамъ, что безъ своего Спасителя они—что овцы среди волковъ; во Христъ вся наша сила и наше радованіе, а старообрядцы уклоняются бесѣдовать о божественныхъ свойствахъ Христа, о Его неизреченномъ милосердіи, любви и могуществѣ. Можно сказать даже, что въ религіозномъ міросозерцаніи безпоповцевъ все заполонилъ антихристъ и имъ остались на радость одни обряды да старыя буквы, да „жалкія словозвукія“.

Вотъ примѣры въ этомъ родѣ. Въ одномъ селѣ предлагаю дѣду-старообрядцу поговорить о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христвѣ. Дѣдъ согласился, но сейчасъ же завелъ рѣчь о томъ, какъ писать имя Спасителя—„Иисусъ“ или Иисусъ?

Въ отвѣтъ я сталъ доказывать собесѣднику, что *православіе* зависитъ не отъ буквъ въ имени Спасителя. Вонъ бѣгуны и австрійцы-старообрядцы читаютъ Имя Спасителя „Иисусъ“, а поморцы однако же признаютъ ихъ еретиками. Не придавала и древность буквамъ *самимъ по себѣ* особеннаго значенія. Такъ, въ Остромировомъ Евангеліи 28 разъ Спаситель нашъ названъ „Иисусомъ“; во всѣхъ же другихъ случаяхъ въ этомъ древнемъ Евангеліи начертано имя Иисусъ...

Явно, что у насъ христіанъ преимущественный разговоръ долженъ быть *о свойствахъ* Лица Христова, а не о буквахъ въ Его имени.—Вѣруете-ли вы въ Него, какъ Бога Всемогущаго, Милосерднаго и Всезнающаго?

Старообрядцы растерянно слушали мою рѣчь и что-то по своему соображали. Потомъ безъ всякой логической связи дѣдъ сказалъ:

— Что про Христа толковать, вы вотъ о перстахъ намъ покажите!..

Въ другомъ мѣствѣ я прочиталъ изъ Евангелія слова Христовы: „*Ты еси Петръ, и на семь камней созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей*“ (Мѡ. 16, 18). А потомъ спросилъ старообрядца-поморца:

— Вѣруете вы словамъ Христовымъ?

— Вѣруемъ.

— Но, прибавилъ я, въ Большомъ Катихизисѣ написано: „*Кромѣ Церкви Божіа нигдѣ же нѣсть спасенія*“ (—л. 121 об.). Составляете-ли вы въ своемъ обществѣ такую церковь?

— Составляемъ.

Мы стали читать по Большому Катихизису (—л. 120 об.) опредѣленіе церкви соборной: въ ней должны быть непременно, кромѣ православной вѣры, еще пастыри и таинства—не меньше семи

(—л. 395 об.). Есть ли у безпоповцевъ эти признаки соборной церкви?

Собесѣдникъ мой отвѣтилъ, что священства и таинствъ у нихъ нѣтъ. Да и нигдѣ теперь найти ихъ нельзя, потому что во всемъ мірѣ ихъ „истребилъ“ антихристъ.

— Гдѣ объ этомъ написано?—спросилъ я.

Собесѣдникъ мой прочиталъ изъ Кирилловой книги (—л. 32), что антихристъ „прежде пришествія своего вездѣ жертвенники и истинную жертву истребитъ“. И это, добавилъ онъ, не Кирилова только книга глаголетъ, а и св. Хрисостомъ...

Для провѣрки словъ говорящаго мы обратились къ Толковому Апостолу, откуда именно въ Кириллову книгу взяты слова св. Златоуста. Оказалось тамъ нѣчто другое. Тамъ сказано, что антихристъ жертву истребитъ предъ самымъ пришествіемъ „Господнимъ“ и за истребленіемъ жертвы Христовой сейчасъ же послѣдуетъ конецъ міра. Значитъ, по ученію св. Златоуста, жертва, жертвенники, а слѣдовательно, и священство Христово пребудутъ до скончанія міра. Это согласно съ ученіемъ Евангельскимъ и Апостольскимъ (Іоан. 6, 53; 1 Кор. 11, 26 ст.)...

Собесѣдникъ стоялъ на своемъ, опираясь на книгу Кириллову:

Тогда я сказалъ:

— Св. Ап. Павелъ жилъ раньше писателя книги Кирилловой. Посланія Павловы богодухновенны и обязательны для всѣхъ христіанъ. Павелъ Апостольскій повелѣваетъ намъ причащаться таинъ Христовыхъ „дондеже Господь придетъ“ (1 Кор. 11, 26). А вы, основываясь на Кирилловой книгѣ, хотите ослабить силу словъ Апостольскихъ. Смотрите же, какому страшному суду вы себя подвергаете! Ап. Павелъ говоритъ: „аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѰема да будетъ“ (Гал. 1, 8 ст.).

Св. Хрисостомъ зналъ волю апостольскую; поэтому онъ не могъ проповѣдывать *противнаго* священному Писанію. Значитъ, онъ не могъ учить тому, что антихристъ сильнѣе Господа и можетъ *когда-нибудь* „раззорить“ церковь Его. Въ словахъ Златоуста ясно выражена мысль, что „жертва Христова“ пребудетъ вѣчно; *только эту* мысль мы и долны извлекать изъ Толковаго Апостола. Что же касается книги Кирилловой, то мы не обязаны вѣрить въ ней тому, что противно священному Писанію. Иначе намъ угрожаетъ анаѰема Апостольская...

Затѣмъ, уже обращаясь къ православному народу, я сказалъ,

что вопросы вѣры намъ прежде всего слѣдуетъ разрѣшать по руководству Священнаго Писанія. Уклоняясь отъ этого правила, мы неизбежно будемъ погрѣшать... А чтобы при изъясненіи слова Божія намъ остаться вѣрными дѣтьми православной Церкви, нужно, въ согласіи съ соборными постановленіями (6 Вс. сб. пр. 19), толковать его не по своему смышленію, а по разуму св. отцовъ...

Мнѣ пришлось, так. обр., налагать народу истины азбучныя. Пришлось вести его сознание за паставленіемъ прежде всего въ Библию и именно съ библейской точки зрѣнія приучать его мыслить о предметахъ вѣры. Я говорилъ особенно настойчиво въ виду того, что мои собесѣдники-безпоповцы, разсуждая о церкви и объ антихристѣ, совершенно не обращались къ помощи Евангелія: словно эта „книга книгъ“ не для нихъ и писана. Они какъ обосновались въ своихъ вѣрованіяхъ на отдѣльныхъ старопечатныхъ изреченіяхъ, такъ и замерли на нихъ. И думаютъ глубже, по евангельски, о нихъ не хотятъ.

Въ виду этого, подводя итоги своимъ „новоладожскимъ впечатлѣніямъ“ о мѣстномъ расколѣ,—я не могу о немъ точнѣе выразиться, какъ именно словами М. О. Меньшикова: „расколь... есть скрытое идолопоклонство, обожаніе формы и пренебреженіе духа. Въ своемъ источникѣ (я бы прибавилъ—и въ теперешнемъ обнаруженіи) расколь есть продуктъ умственной лѣни и умственной трусости, что одно и то же“ (Нов. Вр. № 10389). Расколь можетъ сдвинуться съ своего насиженнаго мѣста только силою Евангельскаго благовѣстія,—только покорностью волѣ Христовой. А потому рѣшеніе Новоладожскаго Братства пронести это благовѣстіе по своимъ захоlustьямъ надобно привѣтствовать, какъ чрезвычайно жизненное и безусловно своевременное постановленіе...

Д. Боголюбовъ.

Изъ миссіонерской переписки ¹⁾.

Ө. П. Балихинъ Д. И. Граціанскому.

Өеодоръ Прохоровичъ
Балихинъ.
г. Мелитополь,
село Астраханка.

Марта 28 дня 1905 г.

Многоуважаемый
Дмитрій Ивановичъ!

Сколько могъ прочесть присланную вами книгу, (прочель); въ ней много сходнаго (съ нашимъ ученіемъ); нашего понятія—большая половина; и—согласно съ словомъ Божіимъ, напримѣръ: о значеніи крещенія. При семъ прилагаю выдержку изъ приложенія автора 241 стр. и 242-я. Это толкованіе вполнѣ сходно съ толкованіемъ баптистовъ. Проповѣдь вашу прочель раза 2 и даже прочель своимъ братьямъ; мы слушали съ интересомъ. Вы во многомъ проповѣдуете по баптистски, а въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ уклоняетесь вкось, дѣлаете натяжки. Но, объ этомъ послѣ поговоримъ. Все-же спасибо за ваше усердіе и вниманіе. Примите сердечный привѣтъ. Будьте здоровы. Всего вамъ пожелавъ хорошаго въ міръ—Благодать Христа Іисуса да будетъ съ вами.

Остаюсь съ почтеніемъ
Өеодоръ Прохоровичъ Балихинъ.

Еще прилагаю копію адреса поданнаго нами 23 февраля изъ города Елисаветграда.

О крещеніи, о его значеніи.

1-е. Погруженіе въ воду означаетъ то, что вѣрующій долженъ быть мертвымъ грѣху, т. е. не грѣшить, а выходъ изъ воды—что онъ долженъ возстать для новой жизни, т. е. обязанъ подражать добродѣтели Христа.

2-е. Здѣсь можно видѣть выраженіе обѣта, какой даетъ вѣрующій, обѣта не грѣшить, а служить Христу. Это актъ воли, дающій свободное рѣшеніе вести себя чистымъ и освященнымъ.

1) „Мис. Обзор.“ 1904 г. № 18.

3-е. Въ крещеніи вѣрующій созерцаетъ свой грѣхъ снятымъ, покоящимся на Христѣ и въ Немъ распятымъ. Поэтому, грѣхъ для вѣрующаго уже не существуетъ болѣе, онъ распятъ и уничтоженъ, т. е. прощенъ. Актъ перенесенія вѣроу собственнаго грѣха на Христа, который несетъ его, и есть актъ оправданія и освященія (Римл. 6, 3. 4. Петра 3, 21).

Смерть грѣху есть, такимъ образомъ, то состояніе воли, вступившей въ связь со Христомъ, которое производитъ исключительно вѣра въ смерть Христа и уничтоженіе Имъ грѣха (Римл. 6, 2).

Смерть грѣху (является) актомъ сознанія Божія, которое перестаетъ вмѣнять грѣхи вѣрующему (Римл. 4, 5, 6, 7, 8).

Но какимъ же образомъ этотъ простой актъ воли и сознанія освобождаетъ человѣка отъ рабства грѣху и дѣлаетъ его способнымъ къ новой святой жизни и къ нравственному усовершенствованію? Въ отвѣтъ. Мы не иначе можемъ мыслить, что съ одной стороны, въ смерти Христа открывается Его любовь къ намъ, (которая) имѣетъ ее (взаимную любовь) своимъ необходимымъ слѣдствіемъ, поскольку мы познаемъ Его. Съ другой стороны, въ смерти Христа открывается во всемъ своемъ величій гнусность грѣха и въ насъ самихъ производитъ вмѣстѣ съ вѣрою во Христа глубочайшую ненависть и отвращеніе ко грѣху, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаетъ въ насъ его силу и даетъ господство въ насъ духу любви и истины...

...выражаетъ, что смерть Христа освобождаетъ отъ господства грѣха, поконтится на благодарной преданности (въ письмѣ Ф. И. Б.: „праведности“) сердца Посреднику, Самого Себя предавшему за насъ Христу (Галат. 2, 19. 2 Кор. 5, 14).

Все вышеизложенное относится только къ вѣрующему, но никакъ не къ младенцамъ. Ф. И. Б.

Копія.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
АВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Всеподданнѣйше повергаемъ наши вѣрноподданническія чувства къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества отъ общинъ Русскихъ Баптистовъ южныхъ губерній.

Мы вѣримъ, что Правительство установлено Богомъ и охотно несемъ всѣ повинности, участвуя матеріально и физически въ военныхъ дѣйствіяхъ нынѣ на Дальнемъ Востокѣ, готовые пожертвовать достояніемъ и послѣдней каплей крови своей на благо дорогого отечества.

Искренно присоединяемся въ единомысліи въ государственномъ дѣлѣ. Какъ и всѣ русскіе люди, вѣрные завѣтамъ Россійской Державы къ укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ вѣрноподданнымъ, готовые всегда, какъ и нынѣ, проводить жизнь тихую и безмятежную, въ каждомъ нашемъ собраніи возносимъ горячія молитвы предъ Всевышнимъ Богомъ за Царя и отечество, дабы были миръ и тишина.

Мы чужды и безучастны всѣхъ дѣлъ крамольниковъ, сохраняя себя неприкосновенными во всѣхъ шатаніяхъ мысли и въ своихъ общинахъ не

можемъ держать и признавать единомысленниками враговъ Помазанника Божія и отечества.

Осмѣливаемся выразить надежду, что Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества дозволить и намъ имѣть своего единовѣрца въ числѣ созываемыхъ народныхъ представителей для выясненія нашихъ духовныхъ нуждъ.

Вашего Императорскаго Величества

ВѢРНОПОДДАННЫЕ

Пресвитера Общинъ Русскихъ Баптистовъ

Феодоръ Прохоровичъ Балихинъ.

Иванъ Акимовъ Рыбалка.

Жительствуемъ:

1-й. Таврической губерніи, Бердянскаго уѣзда, Нововасильевской волости въ селѣ Астраханкѣ.

2-й. Херсонской губерніи, Елисаветградскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Любомиркѣ той же волости.

Д. И. Граціанскій Ѳ. П. Балихину

Многоуважаемый

Феодоръ Прохоровичъ!

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня вашимъ послѣднимъ письмомъ, было такое: я былъ сердечно обрадованъ интересомъ, съ которымъ вы и братья ваши отнеслись къ книгѣ и моему письму. Буду просить Господа, чтобы это чувство мое не осталось совершенно тщетнымъ.

Потомъ... въ моемъ сердцѣ пробѣжала невольная грусть вслѣдъ за нѣкоторыми строками вашего письма.

Вы пишете, что „въ нѣкоторыхъ толкованіяхъ“ я будто бы уклоняюсь „вкось“, дѣлаю „натяжки“.

Главная мысль моего письма отъ 8 марта—такая:

Согласно Евангелію—сказать: „я спасенъ!“ значитъ тоже, что сказать: „я достигъ совершенства!“ Говорить такъ „прежде времени“ нельзя, грѣшно (Іак. 2, 14, 22. 1 Кор. 4, 5. Филипп. 3, 12—13). Говорить въ одно и тоже время: „я знаю, что я попаду въ рай“ и „я—грѣховенъ“ и вовсе нельзя, ибо кто такъ говоритъ, тотъ проповѣдуетъ оправданіе мертвой вѣрой, не то, что благовѣствовали апостолы. Баптисты же говорятъ: „я теперь ужъ знаю, что

Ты, Господи, меня въ обитель введешь“, „я знаю: я спасенъ!“ во Христѣ теперь „я сдѣланъ снѣга бѣлѣй“ и въ тоже время признають, что *сами по себѣ* они несовершенны, грѣховны. Скажите мнѣ вы, Теодоръ Прохоровичъ, и скажите не вкось, а прямо, безъ натяжекъ: что изъ этого слѣдуетъ?

Сдѣлаю краткое замѣчаніе по упомянутому вами вопросу о крещеніи младенцевъ.

Согласно Писанію—по общему его правилу—*только крещенный* получаетъ *освященіе* (Іоанна 3, 5. Дѣяній 2, 38—39. 22, 16. Сравн. 1 Кор. 6, 11). По этой причинѣ необходимо признать, что христіанскія дѣти, которыхъ апостолъ называетъ „святыми“ (1 Кор. 7, 14), непременно были крещены. Если же допустить, что освященіе дается безъ крещенія, что послѣднее есть только лишенный силы символъ, то кто такъ учитъ, тотъ, несомнѣнно, прямо отвергаетъ Христово и апостольское ученіе о крещеніи!

Вы прислали выдержки изъ прочитанной вами книги. Долженъ признать, что въ данномъ случаѣ книга эта оказалась „твердой пищей“.

Въ приложеніи ея авторъ критикуетъ *неправильные* (1-я строка на 241 страницѣ) взгляды, которые принадлежатъ протестантскимъ богословамъ. Вы считаете ихъ „вполнѣ сходными съ толкованіемъ баптистовъ“. Что у баптистовъ есть сходство съ протестантами, я съ этимъ совершенно согласенъ. Приведеннымъ вашимъ заявленіемъ вы собственноручно расписались въ томъ, что я разсуждалъ о баптизмѣ не вкось, а прямо.

По ученію св. православной Церкви младенцу нужна *благодать* Божія, освящающая его природу, истребляющая въ немъ „заразу древней смерти“. Такая благодать ниспосылается только по крещеніи. И поэтому необходимо крестить младенцевъ.

Я просилъ бы васъ: когда соберетесь написать мнѣ, не забудьте пояснить вопросы: зачѣмъ нарушаютъ Писаніе тѣ, которые, по ихъ словамъ „знають о себѣ, что они попадутъ въ рай“? На какомъ основаніи баптисты учатъ, что крещеніе есть символъ, знакъ союза, а не актъ омовенія грѣховъ?

Прошу васъ также содержаніе моихъ бесѣдъ и писемъ обсуждать, пожалуйста, съ ясными доказательствами отъ св. Писанія.

Готовъ всегда по мѣрѣ силъ моихъ къ бесѣдѣ съ вами: „горе мнѣ, если не благовѣствую!“.

Да помилуетъ и просвѣтитъ васъ и братьевъ вашихъ Господь! Шлю вамъ—взаимно—привѣтъ и пожеланіе всего добраго отъ Господа.

Д. Граціанскій.

Относительно адреса ¹⁾ вашего Государю Императору я не могу рассуждать, ибо, какъ вы и сами знаете, я не призванъ къ этому.

1905 г. 7 апрѣля.

Нѣсколько словъ къ читателямъ журнала.

Читатель, возможно, посѣтуетъ на меня за то, что я послать ученую диссертацию моему уважаемому корреспонденту. Спѣшу объясниться. Во-первыхъ,—не въ моемъ принципѣ предлагать другому то, что на меня самого не производитъ впечатлѣнія. Во-вторыхъ, я питаю надежду, что книга дойдетъ по надлежащему назначенію и произведетъ свою дозу полезнаго вліянія. Въ третьихъ, по послѣдней перепискѣ вы смѣло можете установить солидарность между тѣмъ, что есть у Philippi, Sodem, Pjeidereromъ, Usteri и Ѳ. П. Балихинымъ и уяснить себѣ связь между ученіемъ о крещеніи и объ оправданіи въ доктринѣ штундобаптизма. За одно это послѣднее, надѣюсь, вы простите мнѣ мое, видимо, перелившееся черезъ край стараніе.

Не думаю, чтобы „выдержки“ были выписаны г. Балихинымъ намѣренно и поняты такъ, какъ они есть; что тутъ—недосмотрѣть, это видно изъ того, что Ѳ. П. связываетъ съ ними вопросъ о крещеніи дѣтей.

Д. Г.

¹⁾ Къ читателямъ:

Поданный баптистами адресъ Государю я считаю себя не въ правѣ обещать тѣмъ болѣе, что въ адресѣ кромѣ увѣренія въ политической благонадежности (по содержанію совершенно такого же, что и въ предыдущемъ письмѣ г. Балихина) нѣтъ ничего характеризующаго ученіе секты.

Изъ миссіонерской полемики.

Бесѣда съ старообрядческимъ архіереемъ Иннокентіемъ (Усовымъ) о непрекращаемости епископства въ Христовой Церкви.

(15 іюня въ дер. Елесинъ, Семен. у., Нижегород. губ.).

Православный миссіонеръ, послѣ прочтенія молитвы „Царю Небесный“, изложилъ ученіе Слова и святоотеческаго объ устроеніи церкви и вѣчномъ непрекращающемся существованіи въ ней 3—чинной іерархіи и 7 таинствъ (Матѳ. 16 г. ст. 13—18; Лук. 6 гл. 13 ст.; Матѳ. 28 гл. 19 ст.; 18 гл. 18 ст.; Лук. 22 гл. 19 ст.; Матѳ. 28 гл. 20 ст.; Еф. 4 гл. 11—13 ст., 9ѳ зач. Ев. Лук. въ толкованіи Блаж. Теофилакта; Маргар. жит. и 154 об.).

И затѣмъ, указавъ, что въ австрійскомъ обществѣ было такое время, когда у него не имѣлось около 200 лѣтъ ни одного епископа, а слѣдовательно, не было и таинствъ, такъ какъ епископъ главный раздаетъ благодатныхъ даровъ, попросилъ своего собесѣдника показать, гдѣ въ свящ. писаніи или въ святоотеческихъ книгахъ писано, что въ церкви Христовой можетъ прекратиться епископство и она, такимъ образомъ, можетъ остаться съ одними священниками.

Усовъ. О. миссіонеръ говорилъ прекрасно, рѣчь его живая, но о всемъ ли онъ говорилъ, вотъ вопросъ. Нѣтъ, не о всемъ. Противъ того, что Господь основалъ трехчинную іерархію въ церкви, мы не споримъ. Дѣло вотъ въ чемъ: всѣ ли епископы будутъ вѣрны до конца вѣка, этого о. миссіонеръ и не доказалъ. Почему? Да потому, что доказывать ему неловко. Вѣдь всѣ мы знаемъ, что патр. Никонъ ввелъ новшества, которыя приняли всѣ тогдашніе епископы, слѣдовательно, всѣ они тогда впали въ заблужденіе; почему у насъ въ періодъ времени отъ 1667 года до 1846 г., дѣйствительно, церковь была безъ епископа. Но что же дѣлать? Мы за то не оставались безъ свя-

щенниковъ—таинства у насъ совершались. Священниковъ мы принимали отъ Великороссійской церкви согласно 8 правилу 1-го вселенскаго собора, по второму чину чрезъ миропомазаніе. Церковь безъ епископа можетъ быть—она тогда называется только вдовою или слѣповою. Вѣдь о. миссіонеръ ни отъ куда намъ не вычиталь, что епископы не могутъ уклониться въ ересь. Напротивъ, изъ 95 зачала отъ Луки и толкованія Теофилакта на него, я покажу вамъ, что епископы могутъ пасть въ ересь. Православные миссіонеры, въ томъ числѣ и о. Викторъ, васъ только обманываютъ (Читаетъ 95 зачалю отъ Луки). Что случилось съ рабами, когда возвратился человекъ и сталъ принимать царство, объ этомъ вамъ миссіонеръ не прочиталь — да и нельзя было ему и читать, потому что тутъ говорится прямо на его голову. Что-же говорится? Пришелъ первый рабъ и на данный ему мнась пріобрѣлъ еще — это діаконъ; пришелъ другой рабъ и этотъ также пріобрѣлъ еще — это священникъ; пришелъ, наконецъ, третій рабъ — (епископъ) и отдалъ господину талантъ безъ прибыли, такъ какъ держаль его завернутымъ въ платкѣ. И вотъ господинъ первыхъ двухъ рабовъ назвалъ добрыми рабами и возвеличилъ ихъ; послѣдному же сказалъ: „лукавый рабе“ и велѣлъ взять у него талантъ. Вотъ, слушатели, самъ Господь называетъ третьяго раба „лукавымъ рабомъ“, а этотъ рабъ и есть епископъ; слѣдовательно, епископы могутъ погрѣшать и церковь можетъ остаться безъ нихъ. Такъ то, миссіонеръ объ этомъ и не дочиталь! Вотъ какая совѣсть у оо. миссіонеровъ! Вотъ вы видѣли и слышали теперь, какъ онъ васъ обманулъ! Далѣе, читаль онъ вамъ, что церковь не одолятъ врата адовы. Что значить одолѣть церковь? Значить ввести въ нее ереси. Въ нашей Церкви никакихъ ересей нѣтъ. Въ Великороссійской же есть, хотя-бы троеперстіе. Чистѣйшую ложь говорили Восточные патріархи, что троеперстіе,—эта шепоть, отъ апостоловъ! Какой Апостоль училъ молиться тремя перстами? А что у насъ нѣтъ никакихъ ересей—объ этомъ свидѣтельствуетъ и Святѣйшій Россійскій Синодъ: „скажите вы, именующіе, старовѣры! вопрошаетъ васъ Святая Христова Церковь: скажите, почто вы отъ насъ отлучаетесь: вы въ Единого Бога во Святѣй Троицѣ славимаго вѣруете такъ, какъ и мы; вы Спасителя міру Господа нашего Іисуса Христа исповѣдуете такъ, какъ и мы; вы священное Евангеліе и святые вселенскіе и помѣстные Соборы за правило вѣры и благочестиваго житія почитаете такъ, какъ и мы и далѣе (Увѣщаніе 35 стр.). Итакъ, у насъ ересей нѣтъ, у никоніанъ есть. Какъ хотите, слушатели, такъ и дѣлайте! Я васъ не насилую: хотите идите къ намъ, хотите оставайтесь съ еретиками-троеперстниками.

Теперь для насъ становится очевиднымъ, что о. Викторъ не доба-

заль намъ, что будто епископы не могутъ погрѣшати и въ виду того, что время мое кончилось, я ставлю вопросъ—пусть миссіонеръ докажетъ намъ—православны ли ихъ епископы?

Миссіонеръ. Вотъ, братіе, двадцать минутъ проговорилъ Усовъ, но спросите сами себя: слышали ли вы изъ его рѣчи что-либо относящееся къ дѣлу. Вѣдь бесѣда о непрекращаемости епископовъ. Мы просили его, чтобы онъ отвѣчалъ на нашъ вопросъ: откуда видно, что всѣ епископы могутъ впасть въ ересь и церковь можетъ остаться безъ нихъ, какъ это было до перехода въ расколъ бѣлаго митр. Амвросія. И вотъ, совершенно упустивши съ понятною цѣлью этотъ вопросъ изъ виду, Усовъ задаетъ мнѣ вопросъ: „православны ли и ваши епископы“? Такъ нельзя, Иванъ Григорьевичъ: не отвѣтивши на мой вопросъ, задавать свой. До тѣхъ поръ, пока вы намъ не отвѣтите на нашъ вопросъ, не считаемъ нужнымъ отвѣчать на вашъ. Просимъ васъ, не затемняйте сознанія слушателей посторонними предметами, а отвѣчайте прямо. Затѣмъ задавать такіе вопросы: „всѣ ли епископы будутъ вѣрны до конца вѣка“, „сколько ихъ сохранится“ и т. п. Все—таки, церковь не останется безъ епископовъ, ибо имъ сказалъ Господь: „куплю дѣйте, дондеже прійду“—и обѣщанъ быть съ ними до скончанія вѣка, посему церковь Божія со своимъ ученіемъ, семью таинствами и съ тремя чинами священства никогда и не будетъ одолѣна вратами ада. Ни еретики, ни грѣхи, ни бѣдствія, по толкованію св. Отцовъ—(Ѳеоф. на Матѣ. 16 гл. ст. 13—18), не одолѣютъ Церкви. Какъ-же, послѣ такого яснаго евангельскаго ученія, Усовъ говоритъ, что церковь можетъ остаться безъ епископовъ? Выходитъ, что Усовъ не вѣритъ словесамъ Самого Иисуса Христа. Между тѣмъ слова Господа должны всегда исполняться: „небо и земля прейдутъ, словеса же Моя не мимо идутъ“,—сказалъ Господь. Не вѣритъ словамъ Господа это—хуже всякой ереси! Вотъ за какимъ владыкой слѣдуютъ старообрядцы! Затѣмъ. Чѣмъ объясняетъ Усовъ свое безъепископское положеніе: свящ. писаніемъ или святоотеческими книгами? Ни того, ни другого у него нѣтъ. Онъ объясняетъ его весьма легкомысленно и голословно: „ну что-жъ? у насъ не было епископовъ потому, что Никонъ ввелъ новшества; мы, однако, оставались съ священниками: таинства у насъ совершались“... Погодите, Иванъ Григорьевичъ, могутъ ли еще священники безъ епископа что-либо дѣлать? Посмотримъ.

„Безъ воли епископа своего, презвитери или діакони, да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни“,—говорится въ 39 правилѣ апостоловъ. Слѣдовательно, ваши священники были беззаконниками, преступниками противъ апостольскаго правила, котораго они не могли не знать. Да и откуда у васъ священники то были? Бѣглецы отъ Великороссійской церкви, которыхъ вы принимали по 8 правилу 1-го

Вселенскаго собора? Но вѣдь правила соборныя даны въ руководство св. Церкви, а была ли церковь у старообрядцевъ, окормлявшихся бѣглыми попами только? Нѣтъ,—по 39 и 55 правиламъ апостоловъ, это было безглавое общество, не имѣвшее ни права, ни возможности и руководствоваться законами церкви. Нѣтъ, Иванъ Григорьевичъ, и вы, глаголемые старообрядцы, не можете Церковь оставаться съ одними священниками. Безъ епископа нельзя быть и христіаниномъ: „и безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане, чрезъ тое убо истинное христіанство, и Христовы чрезъ тое вся тайны“, говоритъ Сумезонъ Солунскій (гл. 77). Вотъ какъ: безъ епископа невозможно сдѣлаться и христіаниномъ. Какъ же послѣ этого Усовъ говорить, что можно быть безъ епископа! Кому больше вѣрить, Усову или св. Писанію съ св. отцами? Всѣми силами оправдывая свое незаконное положеніе, Усовъ постарался извратить и притчу о мнасахъ съ толкованіемъ на нее блаж. Θεοφιλαкта (95 зач. отъ Луки). Онъ въ лѣнивомъ рабѣ видитъ епископа и отсюда заключаетъ, что епископы всѣ могутъ впасть въ ересь. Разсужденіе его и голословное и недалновидное. Въ толкованіи сказано только, что третій рабъ ничего не приобрѣлъ; но кто онъ: діаконъ ли, священникъ ли, или епископъ—объ этомъ ничего не говорится. Кѣмъ оказался третій рабъ? Онъ оказался только лѣнливимъ. Лѣнливимъ можетъ оказаться и діаконъ, и священникъ, и епископъ. Отъ этого никто не ограниченъ. Могутъ быть лѣнливыми и епископы. Я объ этомъ не спорю. Но самый то даръ—талантъ, полученный лѣнливимъ рабомъ, погибаетъ ли по Евангелію? Въ томъ то и дѣло, что не погибаетъ. Его Господь велѣлъ взять отъ послѣдняго раба и отдать первому. По толкованію Усова, послѣдній рабъ епископъ. Господь сказалъ ему: „лукавый рабе“... а дальше что? Велѣлъ взять у него талантъ и отдать первому; слѣдов., по Усову выходитъ: епископъ палъ, а даръ отъ него передается первому рабу, т. е. діакону; діаконъ дѣлается епископомъ! Да даже и по Усовскому толкованію, церковь не можетъ быть безъ епископа: третій рабъ палъ—дѣлается епископомъ діаконъ, а не оставшійся второй рабъ—священникъ... Далѣе Усовъ разсуждалъ: „чтобы одолѣть церковь, достаточно ввести въ нее ересь: у насъ—старообрядцевъ нѣтъ никакихъ ересей, слѣдов. мы православны“. Въ доказательство того, что у старообрядцевъ нѣтъ никакихъ ересей, нашъ собесѣдникъ читалъ изъ „Увѣщанія“ 35 стран. Не буду повторять приведеннаго имъ мѣста изъ Увѣщанія. Изъ него только видно, что вообще старообрядцы (кромѣ еретическихъ заблужденій въ ихъ частыхъ сектахъ) вѣруютъ въ св. Троицу, исповѣдуютъ Спасителя, священное Евангеліе и святыя вселенскія и помѣстные соборы почитаютъ

за правило вѣры и др. одинаково съ нами ¹⁾). Удивительно, Иванъ Григорьевичъ, какъ это вы не сообразили того, что разъ вы, старообрядцы, вѣруете такъ, какъ и св. Синодъ, то если онъ не исповѣдуетъ никакихъ ересей—и у васъ ихъ нѣтъ; если же онъ содержитъ ереси, то и у васъ они должны быть. И разъ вы говорите, что у васъ нѣтъ никакихъ ересей въ исповѣданіи вѣры, слѣдовательно, нѣтъ ихъ и у насъ. Далѣе вы говорите, что у насъ въ церкви есть ереси, напр.: троеперстіе. Но кто сказалъ вамъ, что троеперстіе есть ересь. Вы прекрасно знаете, что и до Никона многіе молились троеперстью, при первыхъ пяти патріархахъ, и въ маломъ катихизисѣ 1645 г. говорится о троеперстіи, и прежде за троеперстіе въ православной церкви никто никого не считалъ еретикомъ и были всѣ въ единеніи вѣры. А что Восточные патріархи выразились о троеперстіи, какъ о преданіи Апостольскомъ, то, разумѣется, не безъ основанія. Преданіе можетъ быть записанное и не записанное. И Василиій Великій говоритъ, что много неписанныхъ преданій, и первое изъ нихъ объ огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ (1 правило). Троеперстіе въ Православной Восточной церкви съ незапамятныхъ временъ, а то, что церковь содержитъ съ давняго времени, говоритъ Блаж. Августинъ, можно считать преданіемъ апостольскимъ.

Мы вынужденно сказали нѣсколько словъ о троеперстіи. Рѣчь у насъ не о томъ. Покажите, вотъ, изъ св. Писанія или св. отецъ, что церковь Христова можетъ остаться безъ епископа?

Старообр. Д. С. Варакипъ: Нашъ владыка Иннокентій требовалъ доказать, православны ли епископы въ Никоніанской церкви, но миссіонеръ не обратилъ на это и вниманія, не доказалъ того да никогда и не докажетъ. Епископы могутъ погрѣшать: Господь ихъ не оградилъ отъ непогрѣшимости. Миссіонеръ смѣшиваетъ чинъ и лицо, между тѣмъ тутъ есть большая разница. Вотъ я былъ сельскимъ старостой: на мнѣ былъ чинъ, вышибли меня изъ старость и чина на мнѣ нѣтъ уже никакого. Вѣдь мы не идемъ противъ того ²⁾, что три чина іерархіи прекратятся: мы говоримъ, что епископы могутъ погрѣшать. А толковать притчу о мнасахъ такъ, какъ толкуетъ ее миссіонеръ, нельзя. Посмотримъ, какъ учатъ св. отцы о пониманіи притчи. (Читаетъ Златоуста, бесѣды на ев. Матоея т. 3-й бесѣда 64). Вотъ какъ нужно по-

¹⁾ Необходимо замѣтить, что Увѣщаніе издано въ 1784 году, когда австрійскаго толка еще не было. Прочитанныя Усовымъ слова ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ австрійцамъ. Они совершенно отступили отъ вѣры тѣхъ старообрядцевъ, къ которымъ обращалось увѣщаніе: въ Бѣлокриническомъ Уставѣ содержится еретическое ученіе о подлѣтнемъ рожденіи Сына Божія.

²⁾ Вѣроятно старообрядецъ хотѣлъ сказать: «мы не стоимъ за то»... Ред.

нимать притчи—не по буквѣ, а по смыслу! Да что и говорить объ этомъ. Надо принять во вниманіе, на какомъ основаніи отдѣлились старообрядцы. Отдѣлились потому, что законъ ввелъ ереси, какъ, напр., троеперстіе (читалъ, какъ и Усовъ изъ исторіи Макарія 12 т: „преданіе пріяхомъ“). По толкованію Вальсамона на 31-ое правило апостоловъ, клирики не могутъ отдѣляться отъ епископовъ только тогда, когда не имѣютъ на то достаточнаго основанія. Но мы видѣли ереси и потому, согласно этому правилу, законно отдѣлились. Къ тому же и 15 правило двукратнаго собора велитъ изъ за ереси отдѣляться отъ епископовъ. Вотъ оно (читаетъ 2-ю половину правила по Славянской кормчей). Ну какъ же послѣ этого! Мы отдѣлились вполне законно! О. миссіонеръ говоритъ,—что мы 39 правило апостоловъ переступили, а 8-мъ правиломъ 1-го Вселенскаго собора не имѣли право руководствоваться! Что это такое? Гдѣ логика у миссіонера? то переступили правило, то не имѣли права, руководствоваться правиломъ. Вы вотъ намъ покажите-ка, православны-ли ваши—то епископы?

Миссіонеръ: Вотъ уже двѣ рѣчи мы выслушали, братіе, отъ своихъ собесѣдниковъ, но чтобы намъ показали изъ св. Писанія и св. отецъ, что епископство можетъ вообще прекратиться, этого еще не слышали, да и не услышимъ, ибо ни одно мѣсто св. Писанія и ни одинъ св. отецъ не говорятъ объ этомъ. Всюду находимъ согласіе съ словами Христа: „созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“... Услышали мы только важное сознаніе отъ Дмитрія Сергѣевича: „вѣдь мы не идемъ противъ того, что три чина іерархіи прекратятся, мы говоримъ, что епископы могутъ погрѣшать“; такъ сказалъ нашъ собесѣдникъ. Къ чему, слѣдов., и бесѣдовать! Разъ наши собесѣдники согласны, что три чина іерархіи не прекратятся, стоитъ имъ только соединиться съ нами и прославить Господа едиными усты и единымъ сердцемъ... Что епископы могутъ погрѣшать и впадать въ ереси, это и нами пріемлется: и епископы люди; но чтобы епископы пали всѣ одновременно, и церковь осталась бы безъ нихъ—этого никогда не было и не можетъ быть, если мы вѣримъ словамъ Самого Господа Спасителя нашего: „небо и земля прейдетъ, словеса же Моя не мимо идутъ“... Словеса же Его о неодољности церкви до конца міра мы уже слышали. Къ чему понадобилось Варакину говорить о различіи чина и лица и приводить сравненіе епископскаго служенія съ сельскимъ старостой—непонятно. Развѣ къ тому только,—что когда его уволили изъ сельскихъ старость, то на его мѣсто выбрали другого; и если епископъ погрѣшитъ, будетъ судъ, и поставятъ другого? Прочиталъ онъ далѣе и слова св. Златоуста о толкованіи и пониманіи притчей. Но мы понимаемъ притчу о мнасахъ такъ, какъ и Блаж. Теофилактъ. Варакинъ, далѣе, задаетъ неожиданный вопросъ: „на какомъ

де основаніи старообрядцы отдѣлились отъ никоніанъ? И самъ же отвѣчаетъ, да на законномъ (якобы): ввели никоніане ересь—троеперстіе; а толкованіе Вальсамова на 31-ое правило апостоловъ и 15-ое пр. двукратнаго собора велить отдѣляться отъ епископовъ“...

Вотъ, братіе, видите сами, какъ наши собесѣдники явно уклоняются отъ отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Затѣмъ они обвиняютъ насъ въ ересяхъ; вѣдь всѣ слышали, что рѣчь у насъ не объ этомъ. Не разъяснивши самого важнаго и существеннаго, нельзя переводить бесѣду на побочное. Такая уловка обычна у раскольничьихъ начетчиковъ: когда не сила имъ,—они стараются затемнить смыслъ бесѣды постороннимъ, какъ это видно и въ данномъ случаѣ. Они хорошо сознаютъ, что епископство не можетъ прекратиться; надо же какъ-нибудь оправдывать свое незаконное положеніе. И вотъ оправдываютъ, не стѣсняясь никакими средствами. И сейчасъ нашъ собесѣдникъ сослался на Вальсамоново толкованіе 31-го правила апостоловъ и на вторую половину 15-го правила двукратнаго собора. Но честно ли онъ поступилъ! Почему онъ не прочиталъ самое 31 правило апостоловъ? Да потому, что оно *его* обличаетъ: „аще который пресвитерь, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно собранія творити будетъ и алтарь иной водрузитъ (какъ, напр., прот. Аввакумъ и предки раскольниковъ), не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ: да будетъ изверженъ, яко любоначальный“... и дал., такъ читается 31-ое прав. апостоловъ. Гдѣ тутъ основаніе отдѣляться раскольникамъ отъ православныхъ епископовъ? Можно, по этому правилу, отдѣлиться отъ епископа только послѣ суда надъ нимъ, а судить его, какъ извѣстно, долженъ соборъ епископовъ. Какъ же старообрядцы дерзнули осудить всѣхъ православныхъ епископовъ, не имѣя у себя ни одного! Нехорошо такъ обманывать, Дмитрій Сергѣевичъ, слушателей! Можетъ быть, нѣкоторые вѣрятъ вамъ, а вы такъ нечестно злоупотребляете ихъ довѣріемъ. Точно также и 15-ое пр. двукратнаго собора говоритъ не въ пользу вашу. Это правило велить отдѣляться отъ епископа за ересь его, и тѣ, которые отдѣляются, „достойни чести и пріятія, яко правовѣрнии“ (15 пр. двукратнаго соб. Славянская Кормчая). Какая ересь проповѣдуется нашими епископами, которая бы была осуждена соборами св.отцевъ и изъ за которой нужно было бы отдѣляться отъ нашей церкви? „Отдѣлившіися достойни чести и пріятія, яко правовѣрнии“... ') А кто можетъ давать честь и при-

’) А бѣлокриницкіе липоване приняли м. Амвросія въ свой расколъ, какъ *еретика* второго чина, а не какъ правовѣрнаго, какъ бы слѣдовало по 15 пр. 1—2 собора. Ред.

ятіе?— Соборная церковь. Къ ней должны идти отдѣлившіеся закононо. А вамъ кто далъ честь и сдѣлалъ достойными пріятія? Къ какой церкви вы пришли, которая васъ приняла, какъ правовѣрныхъ? Никакая. Вы самовольно отдѣлились и составили изъ себя незаконное безглавое общество. Однако, мы уходимъ отъ вопроса бесѣды. Будете ли вы, почтенные наши собесѣдники, доказывать то, что въ церкви Христовой всѣ епископы могутъ прекратиться? Если не будете, слѣдовательно, признаете себя безсильными, а свое положеніе незаконнымъ.

Усовъ: Опять миссіонеръ нигдѣ намъ не прочиталъ, что епископы не прекратятся и, слѣдовательно, это его положеніе есть вымыселъ. Если у старообрядцевъ нѣтъ православныхъ епископовъ, то пусть миссіонеры покажутъ намъ ихъ въ своей Великороссійской церкви. Постоянно они хвалятся, что главный признакъ истинной церкви— это трехчинная іерархія, но вотъ католики и армяне имѣютъ трехчинное священство: едва-ли только о. миссіонеръ скажетъ, что у нихъ истинная церковь. Такъ и Великороссійская церковь имѣетъ епископовъ всѣхъ еретиковъ. А если миссіонеры хвалятся своими епископами, то и этимъ подражаютъ еретикамъ. Зиновій мнихъ говорить, что еретики хвалятся епископами, какъ жида обрѣзаніемъ (читаетъ 1 стр. по своей книгѣ: Церковь временно безъ епископа)“. Тамъ, гдѣ нѣтъ православныхъ епископовъ, можетъ помочь правая вѣра. Вотъ у насъ вѣра вся сохранилась правой. У никоніанъ же ее нѣтъ, ибо ихъ церковь проклѣла двуперстное сложеніе. Самъ Никонъ не велѣлъ „*предъ кончиной причащать татей и разбойниковъ*“, вслѣдствіе чего ввелъ ереси новаціанскую и естафіанскую. Что про это и говорить? Соборъ 1667 года призналъ еретичество Никона пребеззаконнымъ. Вы же, православные, всѣ послѣдователи Никона, слѣдовательно, всѣ безъ исключенія пребеззаконные еретики. Если же не еретики, то докажите правоту своихъ епископовъ.

Миссіонеръ: Усовъ всѣми силами старается замаять предметъ бесѣды. Его помощникъ Варакинъ уже сознался, что епископы *не могутъ* прекратиться, а именуемый его владыка Иннокентій опять говорить: „*могутъ*“. Нисколько не доказывая, что епископы могутъ въ Христовой церкви прекратиться, Усовъ чернитъ нашихъ епископовъ и вообще православную церковь, почему вся его настоящая рѣчь совершенно не относится къ бесѣдѣ о непрекращаемости священства, и разбирать ее не считаемъ нужнымъ. Впрочемъ, коснемся нѣсколькихъ его фразъ, а потомъ приведемъ свидѣтельство и изъ уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ, что епископы пребудутъ въ церкви до конца міра. Усовъ говорить, что православные хвалятся трехчинной іерархіей, но и католики ее имѣютъ и армяне. Позабылъ, Иванъ Гри-

горьевичъ, что католики и армяне нарушили постановленія вселенскихъ соборовъ измѣненіемъ и введеніемъ нѣкоторыхъ догматовъ вѣры, а какой догматъ измѣнила или новый ввела православная церковь? Всѣ догматы она содержитъ въ той полнотѣ и неизмѣнно, какъ постановили вселенскіе соборы. Къ подобнымъ еретикамъ, какъ католики и армяне, могутъ отчасти относиться и слова Зиновія мниха; къ нашей же церкви, которая никогда не хвалится своими епископами, а только во исполненіе словъ Самого Спасителя учить, что они не прекратятся, нисколько не относится. Что касается новатіанской и евстафіанской ересей, содержимыхъ будто бы въ нашей церкви, то такому начетчику, какъ Усовъ, объ этомъ стыдно бы и говорить. Неужели изъ того, что Никонъ не велѣлъ причащать татей и разбойниковъ передъ казнью, слѣдуетъ, что Великороссійская церковь—еретическая? 2-ое правило Сардикійскаго собора повелѣваетъ переходящихъ изъ одной епископіи въ другую и при кончій не причащать. Такъ что-же, по Усову, и церковь время Сардикійскаго собора содержала новаціанскую ересь?.. Надо знать, Ив. Григорьевичъ, въ чемъ сущность евстафіанской и новаціанской ересей, а потомъ и примѣнять ихъ къ намъ ¹⁾. А что вы сказали, якобы соборъ 1667 года проклялъ двуперстное сложеніе, то это опять неправда. Проклятіе положено на отдѣляющихся отъ Восточной церкви. „Сіе наше соборное повелѣніе... повелѣваемъ, всѣмъ неизмѣнно хранить и покоряться святой восточной церкви. Аще-ли кто.... не покорится святой восточной церкви.... анаемъ предаемъ.... дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ“. Очевидно, двуперстное сложеніе, обрядъ, не можетъ вразумиться и обратиться. Могутъ вразумляться только тѣ, которые содержатъ тотъ или другой обрядъ. Поневоля, братіе, приходится разбирать и то, что не относится къ бесѣдѣ. Если, по Усову, нѣтъ у насъ истинныхъ епископовъ, не было ихъ и у грековъ, то пусть онъ покажетъ, гдѣ таковыя находились, ибо прекратиться они не могли. Вотъ какъ книга о Вѣрѣ говоритъ о непрекращаемости священства: „не восхотѣ (І. Христосъ) достояніе свое оставить на земли не устроено, отходя на небеса, но иземъ два сребреника, даде гостинникамъ, се есть, старый и новый завѣтъ. Кому же даль; кто гостинницы: апостолы, и по нихъ воспріемницы ихъ, пастыріе и учителя, архіепископы и епископы, иже служителие суть величеству смотренія его, имже и съпробывати даже до скончанія вѣка обѣтованіе сотвори и.... избираетъ себѣ людей достойныхъ, и.... освящаетъ рукоположеніемъ чина духовнаго чрезъ

¹⁾ Тутъ миссіонеру полезно было бы для бесѣды изложить эту сущность. Ред.

патріархи, архієпископы и епископы (книга о Вѣрѣ 59 л. обор.). Вотъ и книга о Вѣрѣ обличаетъ старообрядцевъ! Господь свое достояніе,—говорится, оставилъ апостоламъ, а послѣ ихъ и епископамъ, съ которыми обѣщанъ быть до конца вѣка, слѣдовательно, они никогда не прекратятся. Если, по измышленію Усова, истинные епископы прекратились, то съ какими же Господь будетъ пребывать? По Усову, съ еретическими, такъ какъ австрійцы и Амвросія то взяли отъ еретиковъ же грековъ. Но это кощунство: Господь будто бы сохранилъ епископскую благодать только у еретиковъ. Нѣтъ, Иванъ Григорьевичъ, ваши предки самовольно отдѣлились отъ нашей церкви и начали творить церковныя собранія; и помните: „Аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается, и нерадя о церкви, — церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ прѣзвитеру по волѣ епископа, да будетъ проклятъ“,—говорится въ 6-мъ правилѣ Гангрскаго собора. Епископовъ у васъ не было, слѣдовательно, прѣзвитеры если и были, то были незаконные и подклятвенные. Вотъ что читаемъ изъ толковаго апостола о таковыхъ іереяхъ и сообщающихся съ ними (толк. ап. 1 посл. Коринѣ. глав. 11, зач. 108): „аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ единаче тайны безъ единости церкви христіанскія ниче-соже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія церковнаго Богъ пророкомъ рече: пошлю на вы клятву, и проклену благословеніе ваше, и оклену е и раззорю благословеніе ваше и не будетъ въ васъ“... Смотрите, братіе, безъ епископа у старообрядцевъ нѣтъ ни одной тайны (развѣ крещенія), хотя и имѣли они бѣглыхъ поповъ. Чего еще больше: и то благословеніе, которое преподавали имъ бѣглые попы, низводило на нихъ проклятіе. Къ тому же, и сами учредители Австрійскаго священства учатъ, что въ церкви должны быть семь тайнствъ, а если кто изгубитъ одну тайну, то уже та церковь еретическая (матер. Сѣботина на 57 стр.). Даже и по суду основателей вашего священства ваше общество, Ив. Григорьевичъ, есть еретическое, такъ какъ у васъ въ продолженіи 180 лѣтъ не было не только шести тайнствъ, но и ни одного, по Толковому Апостолу; конечно, нѣтъ у васъ истинныхъ тайнствъ и теперь. Постарайтесь же, Ив. Григорьевичъ доказать свое положеніе, что епископы могутъ прекратиться.

Свящ. мисс. *Викторъ Цыгановъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Есть-ли историческій смыслъ въ словахъ Достоевскаго, что „Церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго“?

Большою популярностію пользуется нынѣ литературное выраженіе Достоевскаго: „Церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго“. Популярности этого выраженія много содѣйствовали бывшія въ Петербургѣ „религіозно-философскія собранія“, на которыхъ оно съ особенною любовію высказывалось доказывавшими неканоничность нынѣшняго строя высшаго церковнаго управленія, возглавляемаго Св. Синодомъ. Въ послѣднее же время, когда злобою дней былъ вопросъ о коренной реформѣ церковнаго управленія, слова Достоевскаго о параличѣ русской Церкви со времени Петра Великаго выставлялись сторонниками реформы, какъ одно изъ главнѣйшихъ основаній необходимости ея. Фраза Достоевскаго фигурируетъ даже въ составленной по порученію С. Ю. Витте запискѣ, которая представляема была вниманію Государя Императора.

Въ виду столь важнаго, можно даже сказать, необыкновенно важнаго значенія, какое усвоится выраженію Достоевскаго о параличѣ нашей Церкви со времени Петра I-го, чрезвычайно интересно и настолько же важно и именно для настоящаго времени имѣть основательный авторитетный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: есть ли въ приводимомъ выраженіи Достоевскаго о параличѣ Церкви *историческій* смыслъ?

Такой отвѣтъ можно найти въ обширной, солидной, глубоко-научной статьѣ профессора Московской духовной академіи Н. Θ. Каптерева: „*Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и къ приходскому духовенству* 1).

1) Статья эта помѣщена въ апрѣльской книгѣ „*Богословскаго Вѣстника*“ за текущій годъ.

Статья эта можетъ быть названа богатѣйшею историческою справкою о высшемъ управленіи русскою Церковію съ самаго начала оффиціального существованія русской Церкви, или—говоря точнѣе—объ отношеніи высшей церковной власти въ государствѣ и наоборотъ. Справка эта, какъ нельзя больше ко времени, и вотъ о чемъ говоритъ она.

Со введеніемъ у насъ христіанства и во весь удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи власть митрополита всея Руси была совершенно независимою отъ свѣтскихъ туземныхъ властей. Митрополиты были греки, ихъ избирали и ставили на Русь константинопольскіе патріархи вмѣстѣ съ греческими императорами,—судить и осудить ихъ, лишить ихъ кафедръ могъ только патріархъ, который разбиралъ всѣ жалобы на русскаго митрополита. Русскіе князья, въ случаѣ недовольства какими-либо дѣйствіями митрополита, могли только жаловаться патріарху, но сами, соборомъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, судить и низвергать митрополита не могли. Полная независимость митрополита отъ князей обезпечивала ему полную самостоятельность въ его дѣйствіяхъ и не только въ управленіи церковію, но и въ отношеніи самихъ князей. Не боясь князей, онъ могъ смѣло обличать ихъ и мирить враждующихъ, смѣло вступиться за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, обличать общественныя бозаконія и неправды.

Князья были полными господами и хозяевами лишь въ своихъ удѣлахъ. Власть великаго князя была очень неопредѣленна, слабо выражена и часто переходила изъ рукъ въ руки. Поэтому въ удѣльно-вѣчевой періодъ на Руси не было совсѣмъ такой свѣтской власти, которая могла бы дѣйствовать на всю русскую территорію, на строй жизни и направленіе ея въ цѣломъ народѣ. Совершенно иною была тогда власть церковная въ лицѣ митрополита. Она была единою для всей Руси, и только въ ней объединялась тогдашняя политически—разъединенная Русь. Духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ. И если тогдашніе митрополиты не использовали всей силы и могущества своей духовной власти въ видахъ того или другого своего воздѣйствія на весь строй и характеръ народной жизни, не подчинили всецѣло эту послѣднюю своему духовному водительство, то это вовсе не потому, что свѣтская власть ограничивала или стѣсняла ихъ въ стремленіяхъ къ этому, а потому, что они, какъ иноземцы (за рѣдкими исключеніями), сами далеки были отъ такого стремленія. Вліяніе митрополитовъ-иностраницевъ въ ихъ общественно-государственной дѣятельности выражалось не въ творчествѣ на основѣ русскихъ національно—мѣстныхъ условий, для нихъ чуждыхъ и ихъ не интересовавшихъ, а въ перенесеніи на рус-

скую почву сторонних ей греко-византийских идеаловъ, общественнаго и государственнаго строя и жизни.

Но, вотъ, на Руси стало складываться сильное московское княжество, а въ немъ сильная власть великаго князя. Московскіе князья хорошо видѣли и понимали то политическое значеніе, которое имѣли тогдашніе митрополиты, и потому постарались привлечь митрополита къ себѣ, убѣдивъ его поставить свою митрополищю кафедрю въ Москвѣ. Достигнувъ этого, они, теперь уже сильные и вліятельные, настояли предъ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы русскіе митрополиты ставились обязательно изъ русскихъ и *чтобы они были избранниками великаго князя*. Образовался тѣсный союзъ власти духовной и свѣтской въ лицѣ митрополита и въ лицѣ великаго князя московскаго и всея Руси.

Опираясь, между прочимъ, на содѣйствіе митрополита, великій князь московскій подавилъ всѣ удѣльныя княжества и объединилъ ихъ подъ своею властію. Съ этого времени стали измѣняться и отношенія московскихъ князей къ митрополитамъ. Князья достигли того, что митрополиты не только избирались ими, великими князьями, изъ русскихъ, слѣдовательно ихъ же подданныхъ, но и ставились въ Москвѣ. Новый порядокъ этотъ сразу кореннымъ образомъ измѣнилъ общественное положеніе митрополита и его отношеніе къ свѣтской власти. Изъ свободнаго и независимаго прежде отъ свѣтской власти митрополитъ превращается теперь въ покорнаго слугу великаго князя, исполнителя его велѣній и желаній. Изъ прежнихъ правъ, которыя ранѣе принадлежали митрополиту, независимому отъ свѣтской власти, теперь осталось только одно: право печаловаться предъ великимъ княземъ за опальныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, да и этимъ-то правомъ пользовались даже не всѣ митрополиты, и пользовались притомъ съ большою оглядкой.

Какъ скоро свѣтская власть вполне убѣдилась, что она сильнѣе духовной, что митрополитъ въ существѣ такой же подданный великаго князя, какъ и другіе его подданные, съ ними не стали церемониться. Митрополитовъ, не нравившихся высшей свѣтской власти, стали спокойно низводить съ ихъ престоловъ и замѣнять другими болѣе подходящими лицами. За обличенія свѣтской власти и за „печалованія“ предъ нею святой митрополитъ Филиппъ не только лишенъ былъ кафедрю, но и самой жизни. Послѣ этого и право митрополитовъ „печаловаться“ стало все болѣе суживаться и все рѣже проявляться, а наконецъ и совсѣмъ было забыто представителями нашей церкви.

Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Каптеревъ, еще московскіе митрополиты превращены были въ покорныхъ и нерѣдко раболѣпныхъ

слугъ—„потаковниковъ“, какъ ихъ тогда называли, великаго князя: высшая духовная власть—митрополитъ былъ совершенно безсиленъ и безправенъ предъ выросшею и окрѣпшею властію великаго князя, который уже избиралъ, ставилъ и низводилъ митрополита по своему желанію и усмотрѣнію. Народъ и все общество не находило въ такомъ порядкѣ дѣлъ ничего ненормальнаго; по его мнѣнію, дѣло такъ именно и должно стоять, такъ какъ митрополитъ у насъ никогда не былъ народнымъ избранникомъ. Въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ находилась у насъ свѣтская и духовная власть, когда учреждено было патріаршество.

Москва была признана русскими наслѣдницею Византіи, въ силу чего московскій великій князь вѣнчался *царскимъ вѣнцомъ*. Но византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патріархъ, *это было необходимо для полноты православнаго христіанскаго царства*. Въ силу, между прочимъ, именно этого представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ тоже время всегда учреждали у себя и патріаршество, несмотря на энергическое противодѣйствіе константинопольскихъ патріарховъ. Русскіе въ этомъ случаѣ стояли также на почвѣ византійскихъ представленій, и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства, естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны ничѣмъ не уступала старой Византіи.

Исторію учрежденія патріаршества проф. Каптеревъ передаетъ такъ. Когда въ 1586 году въ Москву прибылъ за милостынею антиохійскій патріархъ Іоакимъ, то царь Ѳеодоръ Ивановичъ, „помысля съ своею благовѣрною и христіюбивою царицею Ириною“, высказалъ боярамъ о томъ, какъ поставлялись на Руси митрополиты. „Изначала“, говорилъ онъ, „митрополиты всея Россіи поставлялись отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ; потомъ ихъ стали поставлять въ Москвѣ *по приговору и по избранію прародителей нашихъ* и всего освященнаго собора, отъ архіепископовъ и епископовъ російскаго царства даже и до нашего царствія“. Теперь же государь рѣшилъ просить у Бога милости, „дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ російскаго патріарха“, почему и слѣдуетъ просить антиохійскаго патріарха Іоакима, чтобы онъ взялъ на себя миссію довести желаніе царя до свѣдѣнія другихъ восточныхъ патріарховъ. Бояре одобрили мысль царя объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, и Борису Ѳеодоровичу Годунову поручено было войти объ этомъ въ переговоры съ антиохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ, что тотъ и исполнилъ.

Въ этомъ официальномъ (по статейному списку) разказѣ, замѣ-

часть г. Каптеревъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи высказывается въ первый разъ царемъ, который, посовѣтовавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе учредить по Москвѣ патріаршество не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярамъ, и, заручившись только ихъ согласіемъ, поручаетъ вести переговоры съ антиохійскимъ патріархомъ не митрополиту или какому-либо другому іерарху, а Борису Годунову. На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе собора іерарховъ, нѣтъ и намека.

Безъ сомнѣнія, это замѣчаніе профессора Каптерева по поводу учрежденія у насъ патріаршества въ высшей степени важно и не можетъ не быть принимаемо во вниманіе при современныхъ толкахъ о возстановленіи у насъ патріаршества.

Когда въ 1588 году въ Москву неожиданно прибылъ за милостынею самъ константинопольскій патріархъ Іеремія, царь, опять посовѣтовавшись со своею царицею и поговоря только съ боярами, а не духовными властями, рѣшается воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ Іереміи, чтобы поставить русскаго патріарха. Для переговоровъ съ Іереміею, по рѣшенію царя и бояръ, назначается попрежнему Борисъ Годуновъ, къ которому впоследствии приданъ былъ дьякъ Андр. Щелкаловъ. Когда Іеремія уже окончательно согласился поставить въ русскіе патріархи „кого благочестивый государь произволитъ“, только тогда, именно въ 17-й день января 1589 года, царь, наконецъ, собралъ соборъ изъ русскихъ іерарховъ и изложилъ на немъ историческій ходъ переговоровъ объ учрежденіи на Руси патріаршества, заявилъ собору о согласіи Іереміи поставить въ патріархи русскаго, и въ заключеніе предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора—„какъ бы Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло устроилось“. На это предложеніе царя отцы собора смиренно отвѣтили, „что они полагаются на волю его—благочестиваго государя. *По избранію и повелѣнію царя*, митрополитъ московскій Іовъ и былъ потомъ поставленъ Іереміею въ патріархи московскіе и всея Руси.

Если учрежденіе патріаршества было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ, то, съ другой стороны, оно не вызывалось и какими-либо особыми настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни. Патріаршество, какъ говоритъ г. Каптеревъ, по отношенію ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто внѣшнимъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера. Съ учрежденіемъ патріаршества получилась не новая какая-либо церковная

сила, а только внѣшнее украшеніе церкви. Московскій патріархъ и по своему положенію и по правамъ духовнымъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ. И патріархомъ, какъ прежде митрополитомъ, московская свѣтская власть распоряжалась, въ своихъ видахъ, по собственному только усмотрѣнію, нисколько не церемонясь съ самою личностію патріарха. Это съ особенною ясностію обнаружилось уже при самыхъ первыхъ патріархахъ.

Умеръ царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, и патріархъ со всѣмъ священнымъ соборомъ присягнулъ сыну Бориса—Феодору. Феодоръ былъ убитъ, а Лжедимитрій провозглашенъ царемъ. Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Москву, толпы москвичей съ оружіемъ и дреколіемъ вторгнулись въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда служилъ Іовъ, не дали ему окончить литургію и, заставивъ разоблачиться, съ позоромъ тащали его по церкви и вывели затѣмъ за Кремль, къ лобному мѣсту, гдѣ толпа била и безчестила патріарха, а потомъ съ криками: „богаты, богаты Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его“, разграбили домъ и имущество, а самъ онъ въ простой рясѣ чернеца и на убогой телегѣ отправленъ былъ въ г. Старицу. Между тѣмъ, Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву и на лобномъ мѣстѣ, гдѣ недавно народъ билъ и безчестилъ своего патріарха, онъ былъ торжественно встрѣченъ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ священнымъ соборомъ съ крестами, иконами, хоругвями, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Новый царь привезъ съ собою и новаго патріарха (Рязанскаго архіепископа Игнатія, изъ греческихъ архіепископовъ). Русскіе архіереи безпрекословно согласились санкціонировать законность поставленія Игнатія. Никто изъ нихъ не вступился за обезчещеннаго, публично опозореннаго Іова, никакимъ образомъ нелишеннаго своихъ патріаршихъ правъ. Лжедимитрій былъ убитъ, и воцарившійся В. Ив. Шуйскій низложилъ Игнатія и на его мѣсто велѣлъ поставить Гермогена, архіепископа Казанскаго. Низложенъ былъ Шуйскій и временно взяла верхъ та боярская партія, которая дѣйствовала въ пользу призванія на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Она низвергла Гермогена, и этотъ великій патріотъ погибъ насильственнымъ (голодною) смертію. Снова возведенъ въ патріархи Игнатій, который, однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и московская патріаршая кафедра осталась теперь совсѣмъ безъ патріарха. Такъ продолжалось слишкомъ семь лѣтъ, вплоть до избранія въ патріархи Филарета Никитича.

Если патріархъ Филаретъ имѣлъ у насъ огромное значеніе, одинаково какъ въ церковныхъ, такъ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, нося титулъ, наравнѣ съ царемъ, великаго государя, то это исключительно потому, что онъ былъ отцомъ государя, который во

всѣхъ дѣлахъ руководствовался всегда совѣтами и указаніями своего родителя.—Два первые преемника Филарета Никитича, патріархи Іоасафъ и Іосифъ, были избранниками и ставленниками государя, и оба были личностями довольно безцвѣтными, даже вовсе и не думавшими о какой-то независимости отъ свѣтской власти, предъ которой они чувствовали и сознавали все свое безсиліе. Не даромъ, конечно, патріархъ Іосифъ, въ послѣднее время своего патріаршества, говорилъ приближеннымъ: „перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а буде и не отставятъ, я и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. Иное положеніе дѣлъ началось со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона.

Благодаря своимъ личнымъ выдающимся качествамъ Никонъ, поставленный въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, приобрѣлъ сильное вліяніе на послѣдняго и сдѣлался полнымъ господиномъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Мало того, что Алексѣй Михайловичъ „положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу“, онъ сдѣлалъ Никона рядомъ съ собою великимъ государемъ, и великій государь—патріархъ сталъ теперь принимать участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ наравнѣ съ настоящимъ государемъ, а иногда даже какъ будто и совсѣмъ заслонять послѣдняго. У Никона совсѣмъ закружилась голова, и онъ не понялъ, что его совершенно исключительное положеніе, какъ великаго государя, не имѣетъ подъ собою никакой другой реальной почвы, кромѣ каприза царя и что, поэтому, силенъ онъ лишь до разрыва съ царемъ. Разрывъ этотъ случился, и Никонъ сразу палъ.

Но Никонъ былъ человѣкъ въ высшей степени увлекающійся, честолюбивый и неуступчивый. Онъ рѣшился и послѣ паденія бороться и доказать всѣмъ, что его высокое положеніе въ государствѣ не было слѣдствіемъ милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, какъ главѣ церкви, какъ верховному представителю духовной власти, которая во всѣхъ отношеніяхъ выше власти свѣтской. Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ выразилъ очень откровенно и опредѣленно въ своемъ обширномъ „Возраженіи“ противъ вопросовъ боярина Стрешнева, обращенныхъ этимъ послѣднимъ къ газскому митрополиту Пансію Лигариду и противъ Пансіевыхъ отвѣтовъ.

Въ сочиненіи этомъ Никонъ доказываетъ ту мысль, что престолъ царскій находится на землѣ, а престолъ священства „на небесахъ посаженъ есть“, и кого священство свяжетъ на землѣ, тотъ будетъ связанъ и на небѣ, что помазаніе на царство совершается чрезъ священство, „священства же помазаніе—непосредственно Св. Духомъ“ и что, поэтому, „власть священства только гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вяще“... Съ своей точки зрѣнія Ни-

конъ подвергъ безошадной критикѣ существовавшія при немъ, *но гораздо ранѣе его сложившіяся* отношенія церкви къ государству и естественно пришелъ къ тому выводу, что церковь у насъ не имѣетъ и тѣни самостоятельности, что она находится въ положеніи гонимой и угнетаемой со стороны свѣтской власти. Ту же мысль объ угнетеніи у насъ церковной власти свѣтскою высказалъ онъ и въ особой грамотѣ константинопольскому патріарху Діонисію, которому онъ жаловался на царя.

Высказанныя Никономъ воззрѣнія на отношенія между свѣтскою властью и духовной, на долгъ послѣдней руководить первою, какъ душа—высшее начало, руководить тѣломъ—началомъ низшимъ, были такъ новы и необычны для русскихъ, такъ сильно расходились съ тѣмъ, что давала и завѣщала имъ византійская и своя исторія, что никакъ не могли рассчитывать, повидимому, на какое либо сочувствіе къ себѣ съ чьей бы то ни было стороны.

Во времена Никона выразителями народныхъ воззрѣній можно въ извѣстномъ отношеніи считать тогдашнихъ первыхъ противниковъ его реформъ и основателей русскаго раскола. Будучи вообще противниками реформъ Никона, они въ частности діаметрально противоположно Никону судили и о власти свѣтской и духовной. Если Никонъ выраженіе при обращеніи къ царю: „ты Богъ земной“, считалъ безумнымъ глаголомъ, то Нероновъ, обращаясь къ царю, величалъ его „воистину по Бозѣ богомъ“; если Никонъ заявлялъ: „власть священства только гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вѣще“, то Лазарь, совершенно наоборотъ, училъ, что власть царская божественна и что „яко отстоятъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больше свѣтомъ есть: сипе и царская божественная власть вышши и больши прочихъ властей“;—если Никонъ вмѣшательство царя въ дѣла церковныя считалъ „не строеніемъ церкви, но паче гоненіемъ“, то противники его, совершенно наоборотъ, считали прямою и непремѣнною обязанностью, священнымъ долгомъ царя, наблюдать не только за гражданскими дѣлами, но и за церковными, распоряжаться въ нихъ и приказывать, созывать соборы и на нихъ, „яко превеликому столпу предсѣдати и всѣхъ зрѣти.“—Одинъ изъ единомышленниковъ Неронова, инокъ Авраамій, писалъ государю: „вся тягота церковная нынѣ на твоей выи виситъ; а на власти (т. е. духовныхъ іерарховъ) ни на которыхъ нечего смотрѣть—времени служить, а напередъ не озираются бѣдніи пастуси“.

Изъ указаннаго враждебнаго отношенія современниковъ Никона къ его воззрѣніямъ на свѣтскую и духовную власть никакъ, однако, не слѣдуетъ, чтобы эти воззрѣнія прошли совсѣмъ безслѣдно для русскаго общества и вовсе не находили себѣ сторонниковъ такъ, чтобы свѣт-

ская власть могла не обращать на них никакого вниманія. Сторонниками никоновскихъ воззрѣній оказались тогдашніе архіереи. По свидѣтельству подьяка Ѳедора Трофимова, вмѣстѣ съ Никономъ „на царскую державу возгордились“ другіе русскіе архіереи, которые, называя себя „свободными архіереями“, не хотѣли, по примѣру Никона, подчиняться царскому суду, не желали допускать со стороны свѣтской власти никакого вмѣшательства въ свои епархіальныя дѣла. Правда, тогдашніе архіереи считали Никона своимъ поработителемъ, всячески желали и добивались его окончательнаго низверженія, но зато относительно высказанныхъ Никономъ воззрѣній на отношеніе царства и священства, они рѣшительно стали на его сторону.

Въ виду такого положенія дѣлъ, свѣтская власть, нисколько не думавшая поступаться своимъ значеніемъ власти церковной и тѣмъ болѣе уступать первенство послѣдней, сочла необходимымъ спорный вопросъ предложить на рѣшеніе также духовнымъ властямъ, только болѣе компетентнымъ и авторитетнымъ, чѣмъ Никонъ и русскіе архіереи, именно — къ восточнымъ патріархамъ. Къ этимъ патріархамъ, ко всѣмъ четыремъ, съ указанною цѣлью и отправленъ былъ нашимъ правительствомъ іеродіаконъ грекъ Мелетій. Отвѣты онъ добылъ и привезъ въ Москву, но отвѣты эти, какъ и слѣдовало ожидать, оказались составленными въ духѣ, совершенно противоположномъ воззрѣніямъ Никона.

Восточные патріархи признали, что царская власть выше духовной, такъ какъ царь есть намѣстникъ Божій на землѣ, что патріархъ, наравнѣ со всѣми другими подданными, обязанъ царю безусловнымъ во всемъ повиновеніемъ, что всякое повелѣніе, идущее отъ царя, „законъ есть“ и потому вполнѣ обязательно для патріарха, который долженъ „подлагать себя подъ судъ царскій“, и наравнѣ съ другими подданными нести кару за всякое противленіе царскимъ повелѣніямъ.

Понятно само собою, что русскіе архіереи, мечтавшіе было освободиться отъ свѣтской власти, не могли согласиться съ предложеннымъ восточными патріархами рѣшеніемъ вопроса о власти царской и патріаршей, отдававшимъ архіереевъ въ безусловное распоряженіе свѣтской власти. Естественно было, съ ихъ стороны, попытаться снова подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію, въ видахъ болѣе благопріятнаго для нихъ его рѣшенія. За это дѣло взялись, главнымъ образомъ, два архіерея, выдававшіеся тогда своимъ умомъ и относительною образованностью—Павель, митрополитъ Крутицкій и Иларіонъ, архіепископъ Рязанскій. Такъ какъ въ 1666 г. въ Москву прибыли два восточныхъ патріарха съ нѣкоторыми архіереями для соборнаго суда надъ Никономъ, то Павель и Иларіонъ рѣшились открыто поднять на соборѣ вопросъ о царской и патріаршей власти, рѣшенный на Востокѣ, по

ихъ мнѣнію, очень односторонне, за отсутствіемъ тамъ представителей и защитниковъ иного взгляда на этотъ вопросъ.

Дѣйствительно, на соборѣ 1667 года, вопросъ этотъ былъ поднятъ. Въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій по нему происходили очень горячія пренія, при чемъ русскіе архіереи употребляли всѣ усилія доказать, на основаніи преимущественно свидѣтельствъ изъ отцовъ Церкви, что священство выше царства; они рѣшительно заявляли, что Златоустъ и другіе св. отцы „яснѣе солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царской“. Напротивъ, греческіе іерархи съ меньшимъ усиліемъ стремились доказать, что царство выше священства, „что тѣ никонствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство“. Ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить другъ другу. Тогда соборъ счелъ за лучшее избрать средній, примирительный путь. Патріархи въ концѣ концовъ заявили: „да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ въ церковныхъ“. Всѣ воскликнули: „сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! Такъ мыслимъ всѣ“!..

Такъ былъ рѣшенъ у насъ соборомъ 1667 г. вопросъ объ отношеніи власти царской и патріаршей, вопросъ только въ этотъ *единственный разъ* официально возникавшій у насъ въ теченіе всей нашей исторіи и *единственный разъ* публично обсуждавшійся на соборѣ. Но рѣшеніе собора и самыя соборныя разсужденія по этому вопросу не вошли, однако, въ соборныя официалыныя дѣянія, не были закрѣплены подписями присутствовавшихъ на соборѣ, а потому и не получили обязательнаго официалынаго значенія.

Фактически и по существу, говоритъ профессоръ Каптеревъ, положеніе дѣлъ и послѣ собора 1667 г. осталось прежнее; попрежнему патріархъ находился въ полной безусловной зависимости отъ царской власти. Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ удаленія Никона управлявшій всею русскою церковію почти десять лѣтъ, могъ бы и совсѣмъ прекратить у насъ существованіе патріаршества;—никакихъ серьезныхъ препятствій къ этому онъ ниоткуда бы не встрѣтилъ. И если онъ рѣшился, наконецъ, на мѣсто Никона поставить въ патріархи стараго, болѣзненнаго, совершенно безличнаго Юсафа, то единственно потому, что хотѣлъ быть царемъ по примѣру древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, рядомъ съ которыми всегда обязательно былъ и патріархъ. Но уже его сынъ Петръ не считалъ старую Византію за образецъ для себя,—для полноты русскаго православнаго царства не считалъ обязательнымъ существованіе патріаршества, а потому окончательно уничтожилъ его, притомъ безъ протестовъ съ чьей бы то ни

было стороны и даже при всеобщемъ, можно сказать, равнодушiи къ этому явленiю въ церковной жизни.

Очевидно, наше патрiаршество, созданное исключительно свѣтскою властiю по политическимъ чисто мотивамъ, въ свое столѣтнее существованiе не пустило никакихъ прочныхъ въ народной жизни корней, не имѣло съ нею никакой живой, органической связи, и потому, какъ возникло, такъ и умерло, только по хотѣнiю свѣтской верховной власти.

Какое же послѣ этого основанiе, какой есть смыслъ утверждать, что со времени уничтоженiя у насъ патрiаршества, со времени Петра Великаго, Церковь наша была въ состоянiи паралича?

Но можетъ быть этотъ смыслъ откроется, если мы обратимъ вниманiе на строй епархiальнаго управленiя во времена патрiаршества, на степень власти и значенiя епархiальныхъ архiereевъ въ управляемыхъ ими епархiяхъ, на степень самостоятельности патрiарха въ управленiи своею специально патрiаршею областiю? Посмотримъ.

Въ древней Руси еще съ XV вѣка, если не ранѣе, существовалъ у всѣхъ архiereевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архiereйскихъ чиновниковъ, избравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили при архiereйскомъ домѣ, имѣли въ своемъ пользованiи архiereйскiя земли и несли при архiereѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Такъ какъ архiereйскiе дома и все архiereйское управленiе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленiя, то и многочисленные чиновники архiereйскiе имѣли тѣ же наименованiя, что и княжескiе чиновники. Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разныя „приказы“, какъ правительственныя учрежденiя, то и въ патрiаршемъ и епархiальномъ управленiяхъ появились такiе же приказы. Въ большинствѣ приказы эти вѣдали также свѣтскiе чиновники. Самыми важными и влiятельнѣйшими изъ этихъ чиновниковъ въ архiereйскомъ управленiи были: бояре, дворецкiе и дьяки.

Бояре составляли при архiereяхъ судное отдѣленiе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архiereйской юрисдикцiи; къ нимъ, а не къ архiereямъ непосредственно, обращались царскiе приказы со своими памятiями по тѣмъ или другимъ вопросамъ.—Дворецкiе при архiereяхъ завѣдывали прежде всего архiereйскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношенiи. Они же, какъ прямыя начальники, надзирали за всѣми архiereйскими служилыми людьми до домовою прислуги включительно. На ихъ обязанности лежало вѣдать и управлять всѣми архiereйскими землями и имѣнiями. Но самая главная и важнѣйшая обязанность дворецкыхъ состояла въ томъ, что они имѣли право суда надъ всѣми лицами, жившими на архiereйскихъ земляхъ.—Арchiereйскiе дьяки—это были знатоки законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искус-

ства. Безъ ихъ подписи ни одна бумага не могла получить официального характера.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ нерѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство понимало столь важное значеніе этихъ вліятельныхъ въ епархіальномъ управленіи свѣтскихъ чиновниковъ и потому постаралось поставить ихъ въ прямую зависимость отъ себя. Еще на Стоглавомъ соборѣ было постановлено, что архіереи не могутъ единолично, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ, и назначеннаго царемъ чиновника архіерей не могъ уволить безъ согласія на то царя. Въ такой зависимости отъ свѣтской власти находились не только чиновники простыхъ епархіальныхъ архіереевъ, но и самого московскаго и всея Руси митрополита, а потомъ патріарха.

Очень естественно, что свѣтскіе чиновники въ епархіальномъ управленіи, какъ зависѣвшіе отъ царя, а не отъ архіерея, въ дѣятельности своей стремились болѣе угодить свѣтскому правительству, чѣмъ духовному, по отношенію къ которому они являлись не исполнителями его распоряженій, а бдительными контролерами его дѣйствій. Очевидно, каждый архіерей древней Руси, такъ же какъ и самъ патріархъ, постоянно чувствовалъ себя связаннымъ и очень стѣсненнымъ даже въ управленіи своею собственною епархією. Понятно, съ другой стороны, почему русскіе архіереи на соборѣ 1667 года такъ горячо и дружно стали на сторону нелюбимаго ими Никона по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной.

По заключенію профессора Каптерева, говорить, что патріархи въ древней Руси были независимы отъ свѣтской власти, что они, какъ верховные представители церкви, пользовались полною свободою и самостоятельностью и руководились въ своей дѣятельности только церковными началами и нормами, рѣшительно невозможно. Церковная власть и въ патріаршіи періодъ древней Руси находилась въ такой же зависимости и подчиненіи свѣтской власти, въ какой она находилась и въ послѣдующій синодальный періодъ; съ уничтоженіемъ патріаршества и съ учрежденіемъ св. синода никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло: взаимныя отношенія между свѣтскою и духовною властію остались тѣ же, какія были и ранѣе. И напрасно нѣкоторые наши писатели винятъ императора Петра Великаго въ томъ, что онъ, уничтоживъ патріаршество и учредивъ св. синодъ, тѣмъ самымъ будто бы лишилъ русскую церковь ея былой самостоятельности и независимости, сдѣлавъ ее только послушнымъ

орудіемъ свѣтской власти. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти духовная власть была съ того самаго времени, когда на Москвѣ выросла и вполне окрѣпла власть сначала великаго князя, а потомъ царя Московскаго.

Не ясенъ ли,—спросимъ опять,—отвѣтъ на вопросъ: есть-ли историческій смыслъ въ словахъ Достоевскаго о параличѣ нашей Церкви со времянь Петра Великаго? Очень ясенъ, и онъ таковъ: смысла историческаго въ красивомъ литературномъ выраженіи Достоевскаго нѣтъ, какъ нѣтъ его и въ трогательныхъ сравненіяхъ, которыя любили употреблять, по поводу уничтоженія патріаршества, славянофилы, „вдовства церкви“, „сиротства ея“, обезглавленія и т. п. Голова, какъ была, такъ и осталась, только не на тѣхъ плечахъ, на которыхъ хотѣлось представлять ее славянофиламъ. И напрасно и теперь нѣкоторые послѣдователи и не послѣдователи славянофиловъ продолжаютъ употреблять, всѣ эти, начиная „съ паралича Церкви“, лишеныя историческаго смысла выраженія. Въ серьезныхъ рѣчахъ для серьезныхъ людей они прямо неизвинительны.

Точно также нельзя серьезно говорить и о соборности въ управленіи церковію въ патріаршій періодъ. Тогда была лишь блѣдная тѣнь этой соборности. Въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ такъ высказался на счетъ этой соборности: „егда царь повелитъ быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избрати и поставити архіереемъ,—избирають и поставляють; и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“. Ну, какая же это соборность и можно ли о ней говорить?..

Но если наши патріархи древней Руси, говоритъ г. Каптеревъ, и зависѣли во всемъ и всецѣло отъ свѣтской власти, то, все-таки, несмотря на это, ихъ вліяніе въ то время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ синодальный періодъ. Въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась и со стороны свѣтской власти большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія св. синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется, однако, совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества не имѣло собственно никакого прямого отношенія. Дѣло тутъ, по мнѣнію профессора Каптерева, заключалось единственно въ томъ, что государи Московской Руси были обыкновенно завязаны искренними церковниками, соблюдавшими и въ жизни, и даже въ домашней обстановкѣ требованія церковнаго устава и разныхъ церковныхъ постановленій. Для нихъ церковные

вопросы, даже подробности церковной жизни, всегда были очень близкими и дорогими. Вопросами, напр., о хожденіи посолонь, о сугубой аллилуйи, о церковныхъ звонахъ и т. п. они интересовались не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе. Очень понятно, что при томъ значеніи, какое московскіе цари придавали церковной жизни, съ ея специальными требованіями и уставами—и высшій представитель этой жизни—патріархъ долженъ былъ обязательно занимать особое, очень видное положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающія царя и близкія къ нему лица были болѣе или менѣе такими же церковниками, какъ и самъ царь.

Но если, прежде, продолжаетъ профессоръ Каптеревъ, царь—церковникъ постоянно чувствовалъ нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, побесѣдовать объ одинаково интересующихъ обоихъ церковныхъ предметахъ: то со времени Петра обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши цари стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ московскіе предшественники, а вслѣдствіе этого у нихъ образовался на все иной кругъ воззрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы и интересы, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ ихъ прежняя церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную для многихъ изъ нихъ дорогу во дворецъ.

Это новое направленіе въ нашей умственно-культурной жизни, начавшись съ самыхъ верховъ, постепенно проникло въ широкіе круги общества, охлаждая въ нихъ любовь и привязанность къ былой московской церковности. За холодностью къ послѣдней, добавимъ мы, постепенно выступала вражда къ ней скрытая и явная. Не о параличѣ нашей Церкви со времени Петра Великаго надо говорить, а о томъ, что съ того времени *Россія мыслящая начала постепенно отвергаться отъ Россіи благочестивой*, въ чемъ къ настоящему времени такъ много и преуспѣла.

И. Преображенскій.

Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ ея св. иконы. Съ 100 изображеніями въ текстѣ. СПб. 1905 г. Изд. 2-е. Изданіе И. А. Тузова. Цѣна 2 рубля.

Недавно вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ очень солидная по объему и очень богатая по своему содержанію книга съ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Въ этой книгѣ собраны полностью повѣствованія почти о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ Богоматери, помѣщены также

изображенія этихъ иконъ, описаны чудеса, совершившіяся чрезъ эти иконы и т. д. Ясно отсюда, какимъ драгоценнымъ сокровищемъ является эта книга прежде всего для пастырей проповѣдниковъ. Подходить, напримеръ, праздникъ въ честь той или иной чудотворной иконы Богоматери и священнику нужно говорить проповѣдь. Нужно говорить, конечно, про исторію установленія праздника и т. под. Гдѣ же найти эти необходимыя свѣдѣнія?! Вотъ здѣсь то и поможетъ пастырю книга, изданная г. И. Л. Тузовымъ. При помощи ея проповѣдникъ можетъ очень удобно и скоро получить необходимую историческую справку касательно той или иной чудотворной иконы Богоматери. Эта книга доставитъ не мало духовной пользы и всякому православному читателю. Читая о безчисленныхъ благодѣяніяхъ Богоматери, оказанныхъ роду христіанскому, онъ переживетъ минуты духовнаго умиленія, утѣшенія и радованія о Господѣ, даровавшемъ намъ, грѣшнымъ, Премилосердную Заступницу. Настоячиво рекомендуемъ книгу вниманію читателей.

Соборный іеромонахъ Александръ.

Библия — самая распространенная книга въ свѣтѣ (по поводу 100-лѣтія англійскаго библейскаго общества).

Святая Библия—это солнце духовной человѣческой жизни, путеводная звѣзда наша, предохраняющая насъ отъ паденія въ грѣховную бездну.

Какъ солнце освѣщаетъ и грѣетъ всю нашу мрачную землю, такъ и великая священная книга животворно свѣтитъ міру души человѣческой своей Божественной истиной. Вотъ почему великая Божественная книга и распространена въ мірѣ, какъ ни одна иная.

Вотъ что читаемъ мы въ послѣднемъ отчетѣ англійскаго библейскаго общества, напечатанномъ въ 1904 году по случаю столѣтія со дня основанія этого знаменитаго общества. Въ связи съ этимъ (англійскимъ обществомъ) имѣется также въ виду и американское библейское общество, много содѣйствовавшее распространенію Библии среди всѣхъ дикихъ племенъ народовъ, живущихъ въ Новомъ Свѣтѣ.

„Лондонское общество, основанное въ 1804 году, вмѣстѣ съ нью-іоркскимъ, за истекшее столѣтіе своего существованія распространило по свѣту 250.000,000 экземпляровъ Библии на англійскомъ языкѣ. Прибавляя къ этому еще другія изданія священной книги, мы получаемъ общее число экземпляровъ ея, распространенныхъ въ свѣтѣ, свыше 300 милліоновъ).

За одинъ 1903 годъ Библейскія общества распространили около 8.000,000 экземпляровъ, на 370 языкахъ и нарѣчіяхъ. Теперь уже Библия переведена на 450 нарѣчій, т. е. ее могутъ читать 70% населенія всего міра на своемъ языкѣ.

1) Расчетъ г. Эллиота „Century Magasine July“.

Любопытныя данныя приводитъ авторъ этого „отчета“ (г. Эллиотъ) о способахъ распространенія священныхъ книгъ.—„Главными агентами общества,—говоритъ онъ,—являются книгоноши, которые, будучи глубоко преданы дѣлу христіанской пропаганды, разносятъ священную книгу въ самыя дикія, самыя отдаленныя мѣста. Часто, особенно въ первое время существованія Библейскаго общества, они погибали мученической смертью, умирали отъ холода, голода и жажды, но дѣло притягивало новыхъ людей, посвящавшихъ жизнь святому долгу. Въ настоящее время ихъ въ распоряженіи общества около 2,000 мужчинъ и женщинъ. Нѣтъ тѣхъ средствъ передвиженія, кромѣ подводнаго плаванія и воздухоплаванія, которыми не пользовались бы эти книгоноши. Расплачиваются съ ними деньгами, раковинами, оружіемъ, обувью, амuletами, „собачьими зубами“, принадлежностями одежды, продовольствіемъ и т. д.“

Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о народахъ дикихъ, населяющихъ Африку и Америку, а также и всю Азію, гдѣ главнымъ образомъ распространяется священная книга на туземныхъ языкахъ.

Самъ Эллиотъ говоритъ, что „когда Библия, такъ сказать, создавала языки, тогда въ сотняхъ нарѣчій книга эта была единственнымъ въ своемъ родѣ литературнымъ произведеніемъ. Иногда миссіонерамъ и переводчикамъ приходилось создавать слова для объясненія „Бога“ и другихъ словъ, какъ, напримѣръ, это было у негровъ племени Шитсуа (Sheetswa — на восточномъ берегу Африки), не имѣвшихъ вовсе на своемъ языкѣ выраженія, соответствующаго „Божеству“.

Приходъ лондонскаго Библейскаго общества за 1903 годъ достигъ 232,239 фун. стерлинговъ, причѣмъ больше чѣмъ наполовину поступило добровольныхъ пожертвованій. Приходъ американскаго-же общества выразился въ суммѣ 412,403 долларовъ. Переводя все это на наши деньги мы получимъ сумму въ 3.064,500 руб.

Авторъ „отчета“ говоритъ, что „примѣръ христіанской пропаганды сугубо повліялъ своимъ святымъ ученіемъ на многихъ язычниковъ. Въ Индіи, напримѣръ, образовалось свое Библейское общество для распространенія всѣхъ священныхъ книгъ, которое, не смотря на его недавнее существованіе, уже выпустило и распространило свыше 14 милліоновъ печатныхъ экземпляровъ. Магометане не считаютъ возможнымъ печатать корана,—они читаютъ его въ литографированномъ видѣ, и, конечно, вслѣдствіе этого, книжная пропаганда исламизма не подвигается такъ быстро.

Впрочемъ, задача распространенія священныхъ книгъ среди дикихъ народовъ всѣхъ странъ еще далеко не достигла того идеала, по которому Слово Божіе должно быть общей проповѣдью по всему лицу земли. Въ одной Индіи есть еще свыше 74 милліоновъ жителей, говорящихъ на 108 нарѣчійхъ, на которыя пока не переведена Библия. По этому видно, какая еще тяжелая борьба ожидаетъ лондонское Библейское общество. Но оно, однако, этимъ не смущается, и его трудовая задача на поприщѣ своего святого дѣла уже достаточно выяснилась за истекшее столѣтіе его существованія.

С. Глѣбовъ.

ХРОНИКА.

Изъ жизни инославія и изъ міра заграничнаго сектантства.

Нужды протестантизма и современное его положеніе.—Мормонство и исламъ въ Лондонѣ.—Странная религиозная процессія въ Индіи.—Религиозная секта въ Корей. Тонгъ—Тчахи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Нужды протестантизма“ американская газ. „Union Hospel News“ пытается разобрать вопросъ о нуждахъ американской, протестантской церкви—этого орудія духовно-нравственнаго совершенствованія человѣчества. Вотъ эти интересныя сужденія почтенной газеты.

Въ настоящее время духовно-нравственное состояніе Америки таково, что оно нуждается въ Церкви, могущей отвѣтить на запросы отдѣльныхъ душъ и достаточно сильной, чтобы воздѣйствовать на общественную совѣсть. Принимая на вѣру, что такая задача по плечу единственно Евангельскому христіанству, въ томъ видѣ, какъ оно проповѣдывается нашей протестантской церковью, мы должны, говоритъ авторъ, въ то же время обратить вниманіе на недочеты протестантизма и подумать о томъ, какъ эти недочеты пополнить.

Отмѣтимъ четыре фактора, враждебныхъ духу и дѣлу протестантизма. Главный изъ нихъ—широкораспространенное равнодушіе къ духовнымъ вопросамъ. Много было говорено о причинахъ, вызывающихъ это явленіе: Церковь слишкомъ аристократична и холодна, члены ея ведутъ неподобающую жизнь; въ ней мало единства; переутомленный народъ нуждается въ воскресномъ отдыхѣ; проповѣдь слаба; воскресныя газеты отвлекаютъ мысль отъ вопросовъ вѣры; критика подорвала вѣру многихъ; принадлежность къ церкви обходится слишкомъ дорого и т. д. Всѣ эти и многія подобныя обвиненія болѣе или менѣе справедливы, но ни одна изъ приведенныхъ причинъ не даетъ отвѣта на вопросъ: почему большинство американцевъ удаляется отъ церкви?

Равнодушіе—это духовное преступленіе всѣхъ, неинтересующихся

по той или другой причинѣ великими вопросами вѣчности. Но существуетъ множество людей, скорѣе оболщенныхъ, чѣмъ равнодушныхъ; они слѣдуютъ дьявольскимъ ученіямъ и противопоставляютъ христіанской вѣрѣ оккультизмъ въ его различныхъ проявленіяхъ: теозофіи, эддизма и спиритуализма. Люди, не стоящіе твердо на незыблемомъ основаніи христіанской Церкви и не пребывающіе во Христѣ, легко увлекаются этими лживыми ученіями и не только уклоняются ими отъ церкви, а совершенно выводятся за ея ограду. Не естественно совершенно не интересоваться вопросами вѣры. Великая тайна будущаго вѣка невольно привлекаетъ вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей. Если христіанская церковь не даетъ имъ удовлетворяющаго имъ отвѣта, они или становятся равнодушными, или попадаютъ на удочку самаго грубаго обмана. Разныя лжемудрованія увлекаютъ скорѣе всего восторженные, но пустыя головы; все таинственное притягиваетъ ихъ, но не будучи въ состояніи „принять здоровое ученіе“, онѣ предпочитаютъ возлагать надежды на вздорныя бредни.

Кто-то сказалъ: „невѣріе оставляетъ за собой пустоту, въ которую тотчасъ же устремляется суевѣріе“. Время дерзкаго, хвастливаго невѣрія миновало; мыслящая молодежь уже не отводитъ „Вѣку разума“ виднаго мѣста въ своихъ бібліотекахъ; но духъ жи попрежнему возстаетъ на Христа и старается сѣять въ сердцахъ людей сѣмена вышеупомянутыхъ лукавыхъ ученій. Возможно, что опасность порожденная біблейской критикой преувеличена, но она несомнѣнно существуетъ. Попытки опровергнуть достовѣрность той или другой части св. Писанія, сомнѣнія въ непреложности того или другого догмата или стремленіе замѣнить ученіе объ искупленіи этикой, все это несомнѣнно ослабило вѣру многихъ сбило съ пути.

Покончивъ съ этими уклоненіями отъ истины, подрывающими власть Церкви, газета отмѣчаетъ другую грозную силу, приобретающую въ Америкѣ день ото дня все большее вліяніе, эта сила—Римскій католицизмъ. Писатель Гойе говоритъ: католическій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ чрезвычайный интересъ. Еще нѣсколько лѣтъ, и онъ обратится въ католическую опасность. Въ 1776 г. юное правительство отказалось признать Святѣйшій Престолъ и не признавало за папой право назначить хотя бы одного епископа; теперь-же, послѣ филиппинской войны, папѣ официально предоставлено право утверждать въ американскихъ владѣніяхъ 100 епископовъ; мало того, папа одержалъ еще другую побѣду: онъ принималъ въ Ватиканѣ американскихъ посланниковъ.

Римъ не отбиваетъ послѣдователей у протестантизма въ Америкѣ, но вводитъ ихъ туда черезъ широко открытыя двери эмиграціи цѣлыми полчищами. Ужъ и сейчасъ численный перевѣсъ населенія во всѣхъ

Большихъ городахъ на сторонѣ иностранцевъ, и чужеземные католики начинаютъ уже хвастаться тѣмъ, что выборы въ ихъ рукахъ. Положимъ, что они составляютъ низшую часть населенія, но вѣдь при всеобщей подачѣ голосовъ голосъ послѣдняго невѣжи стоитъ голоса **Ньютона**. Когда въ Америкѣ наберется армія католиковъ въ 15—20 милліоновъ; армія—тѣсно сплоченная деспотической религіей и слѣпо послушная своимъ священникамъ, съ двумя—тремя умными іезуитами, вотъ тогда мы посмотримъ во что обратится американская свобода“.

Вотъ въ общихъ чертахъ положеніе вещей, съ которымъ протестантизму приходится считаться. Авторъ приходитъ къ заключенію, что теперь не время заниматься академическими вопросами и тѣмъ менѣе угѣшаться мыслью о преобладающемъ значеніи въ Америкѣ протестантской церкви; настала часъ изучить нужды этой церкви и подумать объ ихъ удовлетвореніи.

* *
* *
* *

Въ „Berliner Tageblatt“ доказывается, что магометане и мормоны—вотъ лондонская злоба дня. Учреждая странствующихъ апостоловъ, глава мормоновъ Іосифъ Смитъ, очевидно, предвидѣлъ то время, когда послѣдователи его уже не будутъ довольствоваться Америкой и переберутся за океанъ, въ Европу, за новыми адептами. Однако преемники Смита скоро убѣдились въ томъ, что труды ихъ среди развитыхъ и твердыхъ въ вѣрѣ народовъ южной Европы пропадаютъ даромъ: французы, итальянцы и испанцы доставили мормонамъ не больше нѣсколькихъ сотенъ послѣдователей. За то въ сѣверной Европѣ жатва была гораздо обильнѣе, что служить, конечно, не къ чести сѣверянъ и только доказываетъ, что среди нихъ больше глупыхъ людей, чѣмъ въ другихъ странахъ. Наибольшій успѣхъ мормоны имѣли въ Даніи и Англии, а изъ сыновъ Альбіона самыми ревностными приверженцами многоженства оказались жители Ливерпуля, среди которыхъ, вѣроятно, по той же причинѣ, имѣется также достаточное количество послѣдователей ислама. Надо полагать, что оба эти вѣроученія нашли удобную почву для вербовки новыхъ послѣдователей и въ самомъ Лондонѣ, такъ какъ тамъ раздался на-дняхъ всеобщій крикъ негодованія по поводу дерзости мормонской пропаганды. Пророки съ береговъ Соленаго Озера открыли въ столицѣ Великобританіи три храма, въ которыхъ и проповѣдуютъ передѣланную изъ романа религію, т. к. „Книга Мормонъ“ или „Золотая Библія“ не что иное, какъ передѣлка романа Шпаульдинга. Романъ этотъ былъ написанъ въ 1812 г. духовнымъ лицомъ, подъ впечатлѣніемъ производившихся по близости отъ его помѣстья раскопокъ американскихъ древностей. Авторъ употребилъ довольно обычный въ литературѣ пріемъ и напи-

саль свою книгу какъ бы отъ имени послѣдняго потомка угаснувшей расы. Первоначально сочиненіе носило заглавіе: „Здоровая рукопись“, но друзья автора, которымъ онъ давалъ его для прочтенія, измѣнили его и назвали книгу: „Золотой Библией“. Шпаульдингъ передалъ свою рукопись для напечатанія издателю Паштерсону въ Питсбургъ, который потребовалъ отъ автора объяснительнаго къ ней предисловія; Шпаульдингъ на это не согласился, и рукопись такъ и осталась въ типографіи Паттерсона. Въ одинъ прекрасный день ее отыскалъ тамъ нѣкто Сидней Ригдамъ и снялъ съ нея копію. Какимъ образомъ этотъ списокъ попалъ въ руки ловкаго Іосифа Смита прослѣдить не удалось, но несомнѣнно то, что Сидней Ригдамъ сдѣлался самымъ ревностнымъ послѣдователемъ и, по всей вѣроятности, соучастникомъ І. Смита. Вдова Шпаульдинга и множество его друзей клятвенно подтвердили, что „Здоровая рукопись“ или „Золотая Библия“ и „Книга Морمونъ“ одно и то же.

Странно, что въ Лондонѣ возбудила негодованіе не сама религія, основанная на такомъ грубомъ обманѣ и что печать возстала не противъ этого вѣроученія вообще, а только противъ одного изъ его догматовъ—многоженства. И на самихъ мормонскихъ миссіонеровъ, давно уже хозяйничавшихъ въ столицѣ, обратили вниманіе только послѣ того, какъ они начали особенно усердно втираться въ семейства, гдѣ были дочери. Только тогда обезпokoенная печать отмѣтила и то обстоятельство, что общественное управленіе предмѣстья Финсбери предоставило въ ихъ распоряженіе залъ ратуши для публичной проповѣди. Есть, однако, причины опасаться, что шумъ, поднятый прессой, только улучшить дѣла опасной секты и увеличить число любопытныхъ, стекающихся на мормонскія собранія, потому что нездоровое стремленіе ко всему необычайному, замѣчаемое во всей Англій, особенно сильно въ Лондонѣ, гдѣ число неврастениковъ день ото дня увеличивается.

Замѣчательно, что съ усиленіемъ мормонской пропаганды, усилилось одновременно и движеніе въ пользу магометанства, и при томъ въ такой степени, что англійскіе магометане уже подумываютъ о построеніи въ Лондонѣ мечети. Говорятъ, что поклонники пророка уже облюбовали мѣсто для новаго храма по сосѣдству съ Вестминстерскимъ аббатствомъ и съ великолѣпнымъ католическимъ соборомъ. Мечеть будетъ облицована въ славу пророка зеленымъ кирпичемъ и украшена внутри роскошной мозаикой, т. е. не уступитъ въ великолѣпіи христіанскимъ храмамъ. И такъ, еще недолго—и съ минарета этой мечети раздастся въ Лондонѣ среди грохота экипажей и свиста моторовъ: Ля иль Алла, расуль Алла!

* * *

Одна индiйская газета рассказываетъ, что въ минувшемъ сентябрѣ, въ городѣ Бельгаумѣ, Бомбейскаго округа, происходило необычайное религиозное торжество-процессія въ честь богини Дурги-супруги Шивы. Богиня помѣщалась на великолѣпной 12-и этажной колесницѣ въ 64 фута высоты, везомой многими сотнями ея вѣрныхъ поклонниковъ; празднество длилось 12 дней, въ теченіе которыхъ богинѣ было принесено въ жертву множество быковъ, козловъ и барановъ. Торжество происходитъ черезъ каждые 12 лѣтъ, но на этотъ разъ оно отлагалось изъ за чумы, и со времени послѣдней процессіи прошло 17 лѣтъ. Огромныя толпы народа стеклись изъ окрестностей, чтобы принять участіе въ торжествѣ и принести богинѣ свои дары. Во время слѣдованія процессіи по узкимъ улицамъ города, пришлось снести балконы и галереи многихъ домовъ, мѣшавшихъ прохожденію колоссальной колесницы. Хозяева этихъ домовъ видѣли въ этомъ особую милость къ нимъ богини, не только спасающей отъ холеры, чумы и оспы, но и дарующей долгую жизнь, богатство, *доброе* имя и многихъ сыновей.

* *
* *
* *

Секта Тонгъ-Тчаковъ, возмущеніе которыхъ послужило косвеннымъ поводомъ къ японо-китайской войнѣ 1894 г., до сихъ поръ мало извѣстна на западѣ. Дѣйствія приверженцевъ этой секты интересны уже по тому, что служатъ оправданіемъ для послыки въ Корею японскихъ войскъ, подъ предлогомъ сохраненія въ странѣ порядка, въ дѣйствительности же для того, чтобы распоряжаться тамъ именемъ несчастнаго императора. Но и помимо этого, религиозныя движенія, такъ легко превращающіяся на Дальнемъ Востокѣ въ народныя волненія, заслуживаютъ вниманія.

Возмущеніе Тонгъ-Тчаковъ возникло въ 1859 г. въ городѣ Кіэнъ-Тчіу, въ южной Корей. Тонгъ-Тчакъ значитъ: „восточное ученіе“. Народное движеніе было вызвано основателемъ секты, образованнымъ корейцемъ по имени Тчай-Тчей-Шу, который живо интересовался успѣхами католической вѣры въ его родной странѣ. Обезпокоенное этими успѣхами, корейское правительство стало преслѣдовать миссіонеровъ и всѣхъ обращенныхъ ими. Тчай думалъ:—если миссіонеры пришли издалека и не жалѣютъ трудовъ и денегъ ради своей вѣры, то она должна быть истинна, а если она истинна, то зачѣмъ же казнить правительство смертью исповѣдающихъ ее? — Мучимый сомнѣньями, Тчай заболѣлъ; никакія лѣкарства не помогали, и онъ былъ уже при смерти. Но однажды, на зарѣ, ему явилось сверхъестественное существо, позволило ему по имени и спросило: знаетъ ли онъ, кто съ нимъ говорить? — Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— Я Богъ, преклонись передо мной, и ты получишь власть надъ народомъ.—Тчай спросилъ:—Истинна-ли католическая вѣра?

— Нѣтъ—отвѣтилъ духъ.

Видѣніе исчезло. Тчай схватилъ кисть и написалъ на бумагѣ. — Богъ Неба! мы всегда служили тебѣ согласно съ твоей волей, не да-руешь ли ты намъ наконецъ пониманіе всего? и когда неизреченныя мысли твои снизойдутъ на насъ, не исполнятся ли желанія каждаго?— Затѣмъ Тчай сложилъ бумагу, сжегъ ее, смѣшалъ пепель съ водою, которую и выпилъ. Послѣ этого онъ всталъ и почувствовалъ себя здо-ровымъ.

Вскорѣ послѣ чудснаго исцѣленія онъ написалъ книгу: „Высокое, священное Писаніе“. Изъ конфуціанства онъ заимствовалъ дѣленіе на четыре книги, изъ буддизма предписаніе объ очищеніи сердца, изъ таоизма—объ очищеніи тѣла, и изъ католицизма понятіе о Богѣ. Но чтобы доказать, что его ученіе не тождественно съ католической вѣрой, онъ назвалъ его „Восточнымъ Исповѣданіемъ“, въ противоположность католицизму, который извѣстенъ въ Корей подъ именемъ „Западнаго исповѣданія“.

Число послѣдователей Тчая постоянно возрастало до 1865 года, когда гоненіе на католиковъ усилилось. Въ этомъ году Тчай былъ схваченъ, обвиненъ въ принадлежности къ католицизму и казненъ.

Тонгъ-Шаки—послѣдователи Тчая—приняли это имя; они исповѣ-дуютъ единобожіе, отвергаютъ буддистское ученіе о переселеніи душъ и не признаютъ никакихъ священныхъ изображеній. Вновь обращаеыхъ приводятъ къ священнику и ставятъ предъ ними двѣ зажженные свѣчи, хлѣбъ, рыбу и сладкое вино. Неофиты читаютъ хоромъ 24 раза мо-литву, преклоняютъ колѣна передъ свѣчами и садятся послѣ этого за общую трапезу. Тонгъ-Шаки молятся передъ жертвенникомъ изъ крас-ной глины и извести, на который ставится чаша съ чистой водою. Со-вершающій очередное богослуженіе встаетъ ночью, становится на ко-лѣни передъ жертвенникомъ, читаетъ молитву и пьетъ воду, которая называется „чашей небснаго милосердія“.

Основатель новой вѣры исцѣлился отъ болѣзни, выпивъ въ стаканѣ воды пепель отъ бумаги, на которой была написана молитва, а потому и послѣдователи его приписываютъ чудодѣйственную силу молитвамъ, написаннымъ на кусочкахъ бумаги.—Если вы будете носить на себѣ такую молитву, то и сотни злыхъ духовъ не причинятъ вамъ зла—го-ворятъ они. Есть молитвы, предохраняющія отъ смертоснаго оружья, другія способствуютъ счастливому путешествію и т. д. Въ нихъ гово-рится, что Тчай—великій учитель—передвигался на облакахъ, пере-скакивалъ черезъ горы, разрушалъ зданія и по желанію становился не-видимымъ. Заимствовалъ изъ Библии понятіе объ единомъ Богѣ, Тонгъ-

Тчаки не усвоили изъ нея ученія о будущей жизни. Когда ихъ спрашиваютъ: „будетъ ли человекъ жить по смерти новой жизнью?“ они осторожно отвѣчаютъ: „кто можетъ то знать?“

Весной 1893 г. пятьдесятъ Тонгъ-Тчаковъ явились передъ дворцомъ въ Сеулѣ и стали писать на столѣ, покрытомъ красной скатертью, прошеніе императору. Они просили о томъ, чтобы ихъ учитель, казенный Тчай, былъ признанъ невиннымъ, и о разрѣшеніи воздвигнуть ему памятникъ. Далѣе они требовали свободнаго исповѣданія своей вѣры и равныхъ правъ съ католиками и грозили, въ случаѣ отклоненія ихъ ходатайства, изгнать изъ Кореи всѣхъ иностранцевъ. Императоръ обѣщаль разсмотрѣть ихъ прошеніе и въ свою очередь попросилъ ихъ не мѣшать далѣе движенію около императорскаго дворца. Прошеніе было отвергнуто и нѣкоторые изъ Тонгъ-Тчаковъ арестованы. Весной слѣдующаго 1894 г. вспыхнуло возстаніе. Корейскіе солдаты бѣжали передъ Тонгъ-Тчаками, которые овладѣвали городами, прогоняли, а иногда и казнили смертью должностныхъ лицъ, отъ которыхъ раньше терпѣли преслѣдованія. При занятіи города или деревни сектанты прежде всего отыскивали тамъ своихъ единовѣрцевъ и съ помощью ихъ заставляли и остальныхъ жителей убѣжденіями, а иногда и силой, присоединиться къ ихъ обществу.

Они обѣщали соглашавшимся примкнуть къ нимъ избавленіе отъ налоговъ и всегда обильную жатву, а также и то, что ихъ не коснется никакая болѣзнь и что во время войны пули враговъ ихъ будутъ превращаться въ воду. Въ маѣ 1894 г. императорскія войска были разбиты Тонгъ-Тчаками и тогда Корейскій Императоръ просилъ помощи у Китая, который и выслалъ 2000 солдатъ; при одномъ появленіи ихъ, возстанцы, успѣвшіе уже дойти до Сеула, удалились въ южную Корею. Японія, со своей стороны, послала войско, и война началась. Эта борьба съ Японіей излѣчила Тонгъ-Тчаковъ отъ нѣкоторыхъ суевѣрій; напр., имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что вражескія пули не превращаются въ воду. Многіе изъ нихъ погибли.

Религіозное движеніе перешло въ народное возстаніе, направленное главнымъ образомъ противъ иностранцевъ и царствующей династіи, позволившей имъ укорениться въ Корей.

Въ виду того, что взоры всего міра прикованы теперь къ Корей, не лишнее будетъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой странѣ, заимствованныя нами изъ парижской газеты: *Echo de Paris*.

— Японія постарается конечно разрѣшить корейскій вопросъ въ самомъ сердцѣ полуострова, которымъ она стремится овладѣть. Мировыя событія произойдутъ въ странѣ, поэтически названной „Царствомъ тихаго утра“ или „утренней свѣжести“, а потому весьма интересно познакомиться съ этой таинственной страной, совершенно чуждой всѣмъ со-

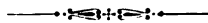
временнымъ идеямъ, а также и съ „Народомъ Отшельникомъ“, получившимъ это прозвище за добровольное, многовѣковое удаленіе отъ всего остального міра. Китайцы смотрятъ на корейцевъ, которыхъ насчитываютъ до 15-ти милліоновъ, какъ на своихъ младшихъ братьевъ, происхожденіе этого народа еще не выяснено, а исторія его, часто сказочная, вся наполнена набѣгами китайцевъ и нашествіями японцевъ, которые нападали на своихъ миролюбивыхъ сосѣдей, еще задолго, до начала нашего лѣтосчисленія. Корея дѣйствительно много разъ наводнялась и была покоряема японскими войсками, но каждый разъ отбрасывала своихъ притѣснителей въ море и имъ такъ и не удалось утвердиться въ этой странѣ. До конца XIV-го вѣка въ „Землѣ тихаго утра“ царилъ буддизмъ, но затѣмъ онъ уступилъ мѣсто шаманизму, т. е. грубому суевѣрью, поклоненію духамъ земли и воздуха и, главнымъ образомъ, безумному страху передъ Дракономъ.

Драконъ—это злой духъ, вносящій въ жилище людей всевозможныя бѣдствія, отчаяніе и смерть; это виновникъ страшнаго бича—эпидемической оспы, которой отмѣчены лица $\frac{1}{3}$ всего населенія полуострова. Средствомъ отъ этой ужасной болѣзни считается отваръ изъ собачьяго мяса, которымъ корейцы и вообще не пренебрегаютъ. Драконъ вселяется также и въ людей, и въ такихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ особымъ заклинаніямъ.

Образъ жизни этого народа, складъ его ума, обычаи, привычки, манера себя держать, представляютъ для европейца большой интересъ, иногда внушаютъ симпатію и даже трогаютъ, а иногда вызываютъ невольный смѣхъ. Ихъ политическая неумѣлость, мелочная придирчивость правительства и нѣкоторыя подробности придворнаго этикета дѣйствительно напоминаютъ сцены изъ какой-нибудь оперетки. Но бываютъ случаи, когда правительство оказывается вполне на высотѣ своего призванія. Такъ, напр., въ 1871 г., когда американцы стали обстрѣливать берега полуострова въ надеждѣ завладѣть могилами нѣкоторыхъ императоровъ, похороненныхъ, по слухамъ, въ гробахъ изъ чистаго золота,—корейскій императоръ отразилъ нападеніе, и Корея охраняла свою независимость до послѣдняго нашествія японцевъ.

Въ странѣ, которой японцы надѣются завладѣть, ихъ (японцевъ) терпятъ, но въ то же время ненавидятъ. Тщеславные, высокоумные, хвастуны и лгуны, они составили себѣ повсемѣстно самую дурную репутацию. Водрузится ли окончательно знамя Восходящаго Солнца въ землѣ тихаго утра? Позволяемъ себѣ въ этомъ усомниться и отъ души желаемъ народу—отшельнику лучшей участи.

С. Вердеревская.

Миссіонерство и расколосектантство.

Современный строй внутренней миссіи въ Харьковской епархіи.—Новыя правила для дѣятельности миссіонерскаго комитета и инструкція для епархіальнаго миссіонера.—Новое братство.—Раскольничья невѣротерпимость.—Некрологи еп. Виссаріона и проф. Н. И Субботина.

Въ виду новыхъ задачъ, возлагаемыхъ на внутреннюю миссію вѣроисповѣднымъ закономъ 17 апр., настоятъ неотложная необходимость пересмотрѣть всѣ существующіе опыты и начинанія наилучшаго устройства нашихъ епархіальныхъ миссій. Въ настоящій разъ остановимъ вниманіе нашихъ читателей на устройствѣ Харьков. епарх. миссіи, которая, къ чести ея сказать, всегда стремилась стоять на уровнѣ требованій современности и въ послѣднее время вновь перестроилась въ своихъ правилахъ и инструкціяхъ.

Внутренняя миссіа въ Харьковской епархіи въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ насчитываетъ всего лишь пятнадцатый годъ своего существованія. Начало ей положилъ извѣстный архипастырь и ревнитель миссіонерскаго дѣла почившій высокопреосвященный Амвросій. Онъ первый пришелъ къ мысли о необходимости открытія въ епархіи для блага Церкви спеціальныхъ миссіонерскихъ учрежденій и лицъ. Такъ, въ 1891 году имъ открывается въ епархіи *первое* спеціально-миссіонерское учрежденіе подъ именемъ: „*Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ*“. Это учрежденіе, состоя подъ предсѣдательствомъ самого архіепископа, имѣло для послѣдняго значеніе, главнымъ образомъ, совѣщательнаго органа по вопросамъ миссіи. Въ то-же время Совѣтъ руководилъ миссіонерскою дѣятельностью приходскихъ священниковъ и заботился вообще объ улучшеніи миссіонерскаго дѣла въ епархіи. Особыхъ, строго формулированныхъ правилъ для своей дѣятельности Совѣтъ не получилъ, такъ-какъ таковыя могли быть ука-

заны ему только продолжительнымъ опытомъ. Въ 1892-мъ году высокопреосвященный Амвросій впервые открываетъ въ епархіи должность „Харьковскаго Епархіального миссіонера“ и привлекаетъ на оную лицо съ академическимъ образованіемъ. Специальной инструкціи для своей дѣятельности епархіальный миссіонеръ не получаетъ, а руководится синодальными „правилами объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствія миссіонеровъ“ (опредѣл. Св. Синода отъ 25-го мая 1888 г. за № 1116-мъ) и ближайшими распоряженіями архипастыря. Въ 1897-мъ году по волѣ высокопреосвященнаго Амвросія открываются въ епархіи „благочинническіе миссіонерскіе сѣтзы“, которые съ того времени собираются ежегодно въ осенніе мѣсяцы и дѣйствуютъ по опредѣленной программѣ, рассчитанной на всестороннее изученіе состоянія расколо-сектантства и религиозно-нравственнаго просвѣщенія въ приходахъ каждого благочинія¹⁾. Въ 1900 году для нуждъ противораскольничьей миссіи на единовѣрческаго священника г. Харькова возлагается веденіе въ епархіи съ раскольниками бесѣдъ. Въ то-же время дѣлаются опыты заведенія при Совѣтѣ миссіонеровъ—книгоношъ изъ крестьянъ. Въ 1895 году въ Сумскомъ уѣздѣ, въ заштатномъ гор. Бѣлопольѣ, открывается религиозно-просвѣтительное братство во имя Пресвятыя Богородицы, которое задается цѣлью противодѣйствовать и развитію въ уѣздѣ сектантства. Въ такомъ положеніи находилась внутренняя миссія въ Харьковской епархіи при вступленіи въ управленіе ею нынѣшняго архипастыря, высокопреосвященнаго Арсенія. Умудренный рѣдкимъ жизненнымъ опытомъ и вдохновляемый любовью къ дѣлу внутренней миссіи, архіепископъ Арсеній дѣятельно усовершенствуетъ организацію существовавшихъ до него миссіонерскихъ учрежденій и вновь открываетъ миссіонерскія учрежденія и должности, а равно и религиозно-просвѣтительныя братства, преслѣдующія и миссіонерскія цѣли.

Прежде всего архипастырь останавливаетъ свое вниманіе на „Харьковскомъ Епархіальномъ Совѣтѣ по миссіонерскимъ дѣламъ“. По его повелѣнію Совѣтъ занимался выработкою особыхъ „правилъ для своей дѣятельности“. Составленныя мѣстнымъ епархіальнымъ миссіонеромъ и рассмотрѣнныя Совѣтомъ „Правила для дѣятельности Харьковскаго Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ“ удостоиваются одобренія и утверждаются резолюціею архипастыря, отъ 29 марта 1905 года за № 1313.

По этимъ „правиламъ“: § 1) Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ, состоящій подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ епархіальнаго преосвященнаго, вѣдаетъ дѣла и вопросы объ устройствѣ мѣстной миссіи и о способахъ дѣйствованія пастырей

¹⁾ См. „Мисс. Обзор.“ 1901 г. 1-л. Авг.

Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ. § 2) Харьков Епарх. Совѣтъ по мисс. дѣламъ дѣйствуетъ въ строгомъ согласіи съ утвержденными Св. Синодомъ: „Правилами объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ“ (опредѣл. Св. Синода отъ 25 мая 1888 г. за № 1116), а также съ другими узаконеніями Св. Синода и гражданскими по дѣламъ миссій.

§ 3) Харьк. Епарх. Совѣтъ по мисс. дѣламъ заботится о широкомъ развитіи и наилучшей постановкѣ миссіонерскаго дѣла въ епархіи, съ каковою цѣлью употребляетъ слѣдующія средства: а) заботится объ учрежденіи должностей миссіонеровъ противосектантскаго и противораскольническаго и ихъ помощниковъ и сотрудниковъ; б) насаждаетъ миссіонерскія учрежденія, какъ-то: комитеты, кружки и т. п.; в) устраиваетъ ежегодно благочинническіе миссіонерскіе съезды и, по мѣрѣ надобности, съезды уѣздные и епархіальные; г) ходатайствуетъ о построеніи или расширеніи храмовъ въ зараженныхъ расколомъ и сектами приходахъ; д) содѣйствуетъ наилучшему матеріальному обезпеченію причтовъ въ раскольничьихъ и сектантскихъ приходахъ и привлеченію въ эти приходы достойныхъ священнослужителей; е) печется о благолѣпіи въ храмахъ богослуженія и особенно объ устройствѣ хорошихъ церковныхъ хоровъ въ зараженныхъ лжеученіями приходахъ и содѣйствуетъ распространенію лучшихъ образцовъ церковной живописи, наблюдаетъ затѣмъ, чтобы въ храмы не были допускаемы изображенія, не соотвѣтствующія исторической дѣйствительности и святости Бога и святыхъ Его; ж) заводитъ и улучшаетъ церковныя, благочинническія, а также и уличныя миссіонерскія библіотеки; з) распространяетъ въ народѣ миссіонерскіе листки и брошюры; и) способствуемъ развитію церковно-школьной миссії; і) поощряетъ разными законными способами миссіонерскихъ дѣятелей; к) ходатайствуетъ предъ благотворительными учрежденіями о матеріальномъ вспоможеніи новообращеннымъ изъ раскола и сектанства въ случаѣ ихъ дѣйствительной нужды; л) рекомендуетъ знакомыхъ экспертовъ въ разные судебныя учрежденія по дѣламъ, возникающимъ тамъ противъ раскольниковъ и сектантовъ и м) по отношеніямъ Духовной Консисторіи даетъ свои отзывы о дѣлахъ, касающихся раскольниковъ и сектантовъ.

§ 4) Харьков. Епарх. Совѣтъ по мисс. дѣламъ пользуется правомъ сношенія по дѣламъ миссії съ гражданскими лицами и учрежденіями отъ имени епархіальнаго преосвященнаго или чрезъ Духовную Консисторію

§ 5) Харьков. Епарх. Совѣтъ по мисс. дѣламъ состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ. Предсѣдатель Совѣта и члены онаго въ потребномъ количествѣ назначаются Епархіальнымъ преосвященнымъ. *Примѣчаніе 1-е.* Предсѣдатель Совѣта назначается Епархіальнымъ Преосвященнымъ, а члены Совѣта назначаются какъ по личному усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго, такъ и по представленію Совѣта. *Примѣчаніе 2-ое.* Въ качествѣ членовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса Совѣтъ можетъ приглашать въ свои засѣданія и необходимыхъ для него лицъ со стороны.

§ 6) Епархіальный миссіонеръ, состоя въ непосредственномъ распоряженіи Епархіальнаго Преосвященнаго, дѣйствуетъ подъ ближайшимъ его руководствомъ, причѣмъ исполняетъ порученія Совѣта, утвержденныя Епархіальнымъ Преосвященнымъ. *Примѣчаніе 1.* Упомянутые въ § 3-мъ, въ п. п.: „а“, „б“ и „в“ противосектантскіе миссіонеры и учрежденія дѣйствуютъ подъ ближайшимъ руководствомъ и наблюденіемъ епархіальнаго противосектантскаго миссіонера, который о всемъ, что касается означенныхъ лицъ и уч-

реждей, входитъ съ своими докладами въ Совѣтъ. § 7. Харьк. Епарх. Совѣтъ по мисс. дѣламъ имѣеть свою миссіонерскую бібліотеку. § 8. Библиотечарь, а равно секретарь и казначей Совѣта набираются Совѣтомъ за особое вознагражденіе. § 9. Всѣ журнальныя постановленія Совѣта приводятся въ исполненіе по утвержденіи оныхъ епархіальнымъ преосвященнымъ. § 10. Въ концѣ января каждаго года Совѣтъ заслушиваетъ составленный секретаремъ, казначеемъ и бібліотечаремъ подробный годичный отчетъ о дѣятельности Совѣта и о состояніи расколо-сектантства за истекшій годъ, каковой представляется епархіальному преосвященному.

Какъ видно изъ приведенныхъ „правилъ“, дѣятельность „Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ“ не только весьма широка, разностороння, но и точно формулирована, что имѣеть большое значеніе для успѣшнаго отправленія Совѣтомъ своихъ обязанностей. Кроме „правилъ“ для Совѣта, высокопреосвященный Арсеній, резолюціею отъ 12 Апрѣля 1905 г. за № 2390-мъ, утверждаетъ и „инструкцію Харьковскому Епархіальному миссіонеру“, въ дѣлахъ наибольшаго согласованія его дѣятельности съ дѣятельностью другихъ миссіонерскихъ лицъ и учрежденій въ епархіи, получившихъ при Архипастырѣ широкое развитіе.

По этой „инструкціи“: § 1) Харьковск. Епарх. миссіонеръ въ своей дѣятельности долженъ руководствоваться утвержденными опредѣленіемъ Св. Синода отъ 25 мая 1888 г. за № 1116-мъ, „Правилами объ устройствѣ миссій и о способѣ дѣйствій миссіонеровъ и пастырей Церкви по отношенію къ раскольникамъ и сектантамъ“ («Церковн. Вѣдом.» 1888 г. № 28). § 2) Харьк. Епарх. Миссіонеръ, на основаніи „Правилъ“ Св. Синода, въ прохожденіи своей должности состоитъ въ непосредственномъ распоряженіи мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго и дѣйствуетъ по ближайшему его указанію, обращая преимущественно вниманіе на мѣстности, особенно зараженныя сектантствомъ, а равно и на тѣ заблужденія, которыя въ данное время наиболѣе распространяются къ соблазну православныхъ («Правила» п. 4-ой). § 3) Харьков. Епарх. Миссіонеръ, на основаніи „Правилъ“ Св. Синода, обязуется, по ближайшему усмотрѣнію епархіальнаго преосвященнаго, зараженныя сектантствомъ мѣстности для собесѣдованій съ заблуждающимися и обстоятельно доносить епархіальному преосвященному о своихъ дѣйствіяхъ во время такихъ собесѣдованій, а также вообще о послѣдствіяхъ своихъ миссіонерскихъ занятій и о своихъ наблюденіяхъ надъ теченіемъ миссіонерскаго дѣла въ приходѣхъ и надъ состояніемъ въ нихъ сектантства. По истеченіи года, епархіальный миссіонеръ составляетъ отчетъ о своей дѣятельности и о состояніи сектантства за истекшій годъ и представляетъ оный отчетъ на благоусмотрѣніе епархіальнаго преосвященнаго («Правила» п. 5-й). § 4) Харьков. епарх. миссіонеръ, по самому характеру своей должности, состоитъ непремѣннымъ членомъ Харьковскаго епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ и Совѣта Епархіальнаго братства Озеринской Божіей Матери. § 5) Харьков. Епарх. миссіонеръ, по личному указанію Епархіальнаго архипастыря и по порученіямъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, утвержденнымъ Епархіальнымъ Архипастыремъ, ближайшимъ образомъ руководитъ миссіонерскою дѣятель-

ностью приходских священниковъ и специально-миссіонерскихъ учреждений (какъ-то: комитетовъ, кружковъ и т. п.) и лицъ (какъ-то: помощниковъ епархіального миссіонера, уѣздныхъ и окружныхъ миссіонеровъ и т. п.), насаждаемыхъ въ епархіи Савѣтомъ по миссіонерскимъ дѣламъ или Епархіальнымъ Братствомъ Озерской Божіей Матери. § 6) Харьков. Епарх. миссіонеръ по вопросамъ, касающимся упомянутыхъ въ § 5-мъ специально-миссіонерскихъ учреждений и лицъ, входитъ со своими докладами въ подлежащія учрежденія, т. е. въ Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ или въ Совѣтъ Епархіал. Братства Озерянской Божіей Матери. § 7) Харьков. Епарх. миссіонеръ, состоя въ непосредственномъ распоряженіи епархіальнаго преосвященнаго (§ 2) и дѣйствуя подъ ближайшимъ его руководствомъ, исполняетъ порученія Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, утвержденныя Епархіальнымъ Преосвященнымъ („Правила для дѣятельн. Совѣта“ § 6-й) § 8), Харьк. Епарх. миссіонеръ, при исполненіи своихъ обязанностей въ епархіи, долженъ руководствоваться и всѣми другими пунктами утвержденныхъ Св. Синодомъ „Правилъ“, опредѣляющими: а) взаимныя отношенія миссіонеровъ и приходскихъ священниковъ (п. п. 9 и 10), б) веденіе бесѣдъ съ заблудшими (п. п. 11 и 12), в) отношеніе къ заблудшимъ (п. 13), г) мѣсто для бесѣдъ (п. 14), д) предметы бесѣдъ (п. 15), е) порядокъ бесѣдъ (п. 16) и ж) способы приглашенія заблудшихъ на бесѣды (п. 17-й). § 9) Харьк. Епарх. миссіонеръ начинаетъ свой миссіонерскій годъ съ 1-го января и на время лѣтней страды прекращаетъ систематическія публичныя бесѣды съ сектантами по епархіи, какъ это рекомендовано и на 3-мъ Всеросс. Миссіонер. съѣздѣ въ Казани (см. „Дѣянія 3 Всер. Мисс. Съѣзда“. Изд. В. М. Скворцова, 1898 г. стр. 224).

Составленная въ строгомъ соотвѣтствіи синодальнымъ „Правиламъ“, вышеприведенная „инструкція Харьковскому Епархіальному миссіонеру“ какъ нельзя лучше удовлетворяетъ нуждамъ мѣстной миссіи и устраняетъ обычно происходящія у насъ въ епархіяхъ пререканія между разными дѣятелями на миссіонерской нивѣ, что гибельно отражается на дѣлахъ миссіи. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать горячо заботъ Харьковскаго архипастыря объ устраненіи этой аномаліи въ миссіонерскомъ дѣлѣ изданіемъ точныхъ „правилъ“ и „инструкціи“ Въ томъ-же 1905-мъ году съ благословенія архипастыря выступаютъ на миссіонерской нивѣ въ епархіи и новыя миссіонерскія лица и учрежденія, какъ-то: „помощникъ епархіального миссіонера“, отдѣльный для Богодуховскаго уѣзда „кригоноша-собесѣдникъ“ и въ Сумскомъ уѣздѣ „Искрицковщинскій Миссіонерскій Комитетъ“. Означенныя лица и Комитетъ въ своей дѣятельности руководствуются утвержденными архипастыремъ особыми „инструкціями“, составленными въ согласіи съ вышеупомянутыми „правилами“ Совѣта и „инструкцію“ епархіального миссіонера. Одновременно съ симъ и противораскольничья миссія пріобрѣтаетъ себѣ новаго дѣятеля, въ лицѣ Волчанскаго уѣзднаго миссіонера.

Еще въ 1903 году резолюціею архіепископа Арсенія отъ 31-го декабря за № 7743-мъ былъ утвержденъ „Уставъ Харьковскаго Епархі-

альнаго религіозно-просвѣтительнаго Братства Озерянскои Божіей Матери“, которое преслѣдуетъ и *спеціально-миссіонерскія цѣли*. Въ текущемъ-же 1905 году января 28-го дня утверждены владыкою и „правила для открытія уѣздныхъ отдѣленій“ того-же братства, при чемъ миссіонерскія цѣли въ этихъ „правилахъ“ выдвигаются на первое мѣсто. Въ самомъ г. Харьковѣ для борьбы съ мѣстнымъ сектантствомъ и для укрѣпленія православныхъ въ вѣрѣ и преданности Церкви возникло проектированное мѣстнымъ епархіальнымъ миссіонеромъ „Архангело-Михайловское содружество ревнителей св. Православно-христіанской вѣры“, уставъ котораго, составленный примѣнительно къ мѣстнымъ нуждамъ, удостоился утвержденія архипастыря 8 марта 1905 года.

Въ такомъ видѣ дѣйствуетъ нынѣ внутренняя миссія въ Харьковской епархіи при живомъ покровительствѣ своего архипастыря.

Не такъ давно была присоединена къ св. Церкви, чрезъ таинство мѣропомазанія, дочь бывшаго начетчика вятскихъ безповоцевъ Феодора Евстафьева Пѣтухова, Варвара Пѣтухова. Четыре года тому назадъ ее оставилъ сожитель ея, крестьянинъ деревни Орловскаго Починка, Глазовскаго у., Стахей Лузянинъ, отправившись куда-то въ сибирскую сторону, тайно отъ своихъ родныхъ, и похитивъ у отца 400 р.; и по настоящее время неизвѣстно гдѣ онъ проживаетъ. Варвара Пѣтухова, проживавшая у отца своего сожителя, — фанатика-раскольника, Дмитрія Лузянина, рѣшилась принять православную вѣру. Но какъ осуществить эту рѣшимость посреди раскольниковъ Орловскаго Починка? И вотъ она пріѣхала въ Вятку—въ семейство нашего корреспондента г. Адриана Зубарева, забравъ нѣсколько своего имущества и оставивъ въ Орловскомъ Починкѣ трехъ дѣтей своихъ: Наталью 12 лѣтъ, Петра 9 л. и Михаила 7 л., который уже померъ безъ нея. Спустя двѣ недѣли, пріѣзжаетъ сюда и отецъ ея сожителя Л—нинъ, и спрашиваетъ Зубарева.

— Что она... уже ходила къ попу?

— Да,—сказалъ г. Зубаревъ.

— И дала слово ему быть мірской?

— Да, быть истинной православной христіанкой.

— Я хотѣлъ ее видѣть, а теперь уже не нужно.

Зубаревъ завелъ рѣчь о томъ, чтобы взять ей отъ него дѣтей своихъ. Но за это онъ угрожалъ смертію какъ ей, такъ и З—ву. А когда возвратился домой, то заявилъ въ волостномъ правленіи на нее обвиненіе въ кражѣ будто-бы 300 руб., о чемъ при разговорѣ со З—вымъ однако не говорилъ ни слова. Были уже двѣ повѣстки о вызовѣ В. Пѣтуховой въ судъ. Но ея послано объясненіе, почему она не можетъ явиться

на судъ, именно: что ей явно угрожалъ смертію ея мнимый свекоръ. А что побоевъ и калѣченья она во всякомъ случаѣ не можетъ избѣжать въ такой глуши, какъ Орловскій Починокъ, за примѣрами ходить не далеко. Не въ Орловскомъ Починкѣ, а въ деревнѣ Костины, недалеко отъ гор. Вятки, когда покойная мать Варвары Пѣтуховой вздумала принять православіе, то раскольники схватили ее, посадили на цѣпь и били черемуховой палкой.

Теперь несчастная мать просить начальство возвратить новоприсоединенной къ Церкви дѣтей ея, но за успѣхъ трудно ручиться: въдѣ раскольникамъ дана свобода... А дѣтей не только матери, а и чужому жалко. Одинъ ея сынъ померъ безъ нея,—какъ-бы и остальные также не померли. Нѣтъ, не православные, а раскольники *невыпротеримы* и далеко еще не доросли до религіозной свободы совѣсти.

Миссія надняхъ понесла тяжелую утрату, лишившись въ одинъ день двухъ извѣстныхъ всей православной Россіи своихъ ревностныхъ покровителей и опытныхъ руководителей.

30 мая почилъ о Господѣ: **Епископъ Виссаріонъ**, — костромской маститый іерархъ, знаменитый духовный писатель и проповѣдникъ, и заслужен. профессоръ московской духовной академіи, **Николай Ивановичъ Субботинъ**, выдающійся знатокъ раскола и духовный писатель.

Покойный іерархъ, въ мѣрѣ **Василій Петровичъ Нечаевъ**, родился 13 марта 1825 года въ селѣ Колединѣ Тульской губерніи. Послѣ домашней подготовки онъ поступилъ въ Тульскую духовную семинарію, откуда, по окончаніи курса, какъ лучший воспитанникъ, былъ отправленъ въ московскую духовную академію. Здѣсь онъ блестяще окончилъ свое высшее образованіе со степенью магистра богословія (1848 г.) и вслѣдъ затѣмъ получилъ мѣсто преподавателя въ родной ему Тульской семинаріи.

Черезъ годъ увидѣло свѣтъ магистерское сочиненіе юнаго педагога: *Святой Димитрій митрополитъ ростовскій* (М. 1849 г.), которое сразу обратило на себя вниманіе тогдашнихъ видныхъ знатковъ отечественной исторіи. „Это—превосходное изслѣдованіе о незабвенномъ авторѣ Четьи Миней,—говорилъ М. П. Погодинъ.—Какое здѣсь богатство свѣдѣній, какая начитанность, какая основательность, отчетливость!“ Почти одновременно съ появленіемъ своего замѣчательнаго труда, В. П. Нечаевъ былъ переведенъ въ Виѣанскую духовную семинарію. Но здѣсь будущему іерарху пришлось прослужить очень недолго: 21 октября 1852 года онъ получилъ званіе профессора Московской духовной семинаріи.

Съ этихъ поръ и открылась продолжительная благотворная дѣятельность почившаго въ первопрестольной столицѣ. 8 декабря 1853 года В. П. Нечаевъ былъ рукоположенъ во священники семинарской

церкви, а съ 12 декабря 1855 года, т.-е. почти полвѣка тому назадъ, занялъ мѣсто настоятеля Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, при которой и прослужилъ около тридцати пяти лѣтъ.

Поразительную рѣдкой энергіи дѣятельность проявилъ почившій за время своего пребыванія въ древней столицѣ. Среди сложныхъ обязанностей по приходу молодой пастырѣ не прерывалъ и своихъ педагогическихъ занятій, продолжая попрежнему преподавать Законъ Божій въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. А съ 1859 года передъ трудолюбивымъ отцомъ В. П. Нечаевымъ открылось еще новое, еще болѣе широкое поприще духовнаго публициста. Онъ сдѣлался соредакторомъ имъ же основаннаго журнала *Душеполезное Чтеніе*, которому отдалъ много времени и силъ, особенно когда впослѣдствіи остался его единственнымъ руководителемъ.

Крайне трудно было бы перечислить всѣ труды почившаго іерарха, появившіеся на страницахъ этого духовнаго органа.

Въ 1887 году скончалась его супруга. Вскорѣ послѣ этой скорбной утраты отцу В. П. Нечаеву было предложено со стороны высшей епархіальной власти принять монашескій постригъ, чтобы тѣмъ открыть себѣ доступъ къ архипастырству. 30 июня 1889 года состоялось торжественное рукоположеніе отца В. П. Нечаева во епископа дмитровскаго, перваго викарія московской митрополіи. А съ 14 декабря 1891 года почившій святитель Виссаріонъ былъ уже призванъ на самостоятельную кафедру епископа костромскаго и галичскаго.

Несмотря на сложные архипастырскія обязанности, покойный владыка съ рѣдкою энергіей до самой кончины продолжалъ свою духовно-литературную дѣятельность. Рѣдка книжка *Душеполезнаго Чтенія* не украшалась его прекрасными проповѣдями и статьями, въ которыхъ онъ, какъ и раньше, откликнулся на всевозможные запросы жизни. Многіе изъ принадлежащихъ ему трудовъ уже соединены въ обширные сборники и вышли отдѣльными изданіями, которые достигли огромнаго распространенія.

За всѣ эти замѣчательныя сочиненія преосвященнѣйшій Виссаріонъ былъ удостоенъ степени доктора богословія (1894 г.) и званія почетнаго члена родной ему Московской академіи.

*
*
*

Н. И. Субботинъ, былъ уроженецъ города Шуи, Владимірской губерніи, родился 13 ноября 1827 г., воспитывался въ мѣстной семинаріи, по окончаніи которой поступилъ въ московскую духовную академію, откуда и былъ выпущенъ въ 1852 году со степенью магистра. Эту степень покойный получилъ за представленное имъ сочиненіе:—*Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI до половины XV в.*, которое появилось затѣмъ на страницахъ академическаго журнала: *Прибавленіе къ Твореніямъ Св. Отцовъ* за 1858 годъ.

По окончаніи курса, Н. И. Субботинъ былъ назначенъ учителемъ церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія въ Виѣанскую духовную семинарію, а съ 1855 года былъ приглашенъ бакалавромъ и въ родную академію на кафедрѣ библейской герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ. Здѣсь, въ стѣнахъ родной академіи, и протекала многолѣтняя, плодотворная и ученая дѣятельность почившаго. Уже въ 1859 году онъ за свою „отлично-усердную службу“ удостоился званія экстра-ординарнаго профессора, а въ 1874 году, когда блестяще защитилъ диссертацию, озаглавленную *О происхожденіи у старообрядцевъ австрійской іерархіи*, былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ степени доктора богословія и назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола.

На ряду съ такою усердною педагогическою дѣятельностью Н. И. Субботинъ очень много работалъ и на учено-литературномъ поприщѣ. Онъ выступилъ со своими замѣчательными обличеніями раскола еще съ шестидесятихъ годовъ. Въ это время стали появляться на страницахъ органовъ М. Н. Каткова тѣ статьи Н. И. Субботина, которыя не только вызвали горячее сочувствіе всего лучшаго русскаго общества, но даже побудили многихъ видныхъ старообрядческихъ дѣятелей перейти на лоно истинной православной Церкви.

Отлично знакомый съ прошлымъ и настоящимъ положеніемъ раскола, Н. И. Субботинъ обогатилъ нашу духовную литературу весьма многими новыми и цѣнными изслѣдованіями, какъ: *Опроверженіе клеветъ на патріарха Никона*, *Раскольническая библіографія Павла Любопытнаго*, *Изъ исторіи Преображенскаго кладбища*, *Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія*, *Исторія такъ называемаго австрійскаго или бѣлокриницкаго священства*, *Пренія Панаггіоти съ Азимитомъ въ древнѣйшихъ его спискахъ* и мн. др.

Въ теченіе двадцати девяти лѣтъ (съ 1875 г.), покойный издавалъ *Братское Слово* — этотъ первый у насъ органъ, посвященный изученію раскола. Живо откликался здѣсь Н. И. Субботинъ на всѣ важные факты изъ жизни старообрядчества. Много мѣста удѣлялъ онъ также въ своемъ журналѣ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, но замѣчательно интереснымъ историческимъ сочиненіямъ, относящимся къ XVIII вѣку.

Много тяжелыхъ дней пришлось пережить этому горячему и убѣжденному борцу за православную Церковь, особенно въ теченіе послѣдняго времени. Тѣмъ не менѣе Н. И. Субботинъ до самой кончины стойко продолжалъ отстаивать свои взгляды на расколъ и убѣжденія— то на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, то въ журналѣ *Вѣра и Церковь*.

Миръ праху почившимъ благимъ и многоплоднымъ дѣлателямъ въ церковномъ вертоградѣ, а душамъ ихъ блаженное упокоеніе въ святыхъ обителяхъ Отца небеснаго!

М.

Вѣстникъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“

Архипастырское слово къ народу о вѣротерпимости.

Всякій язычникъ, магометанинъ, всякій еврей можетъ перемѣнить свою вѣру.

Лютеранинъ, католикъ тоже можетъ перемѣнить свою вѣру. Апрѣля 17 предоставлено это право и православнымъ.

Государь Императоръ нашъ не желаетъ стѣснять ничьей свободной воли въ дѣлѣ вѣры.

Но такъ какъ Онъ Самъ Православный, то, понятно Ему пріятно. Если православные будутъ оставаться Православными, и еще пріятнѣе, когда язычники, еврей, магометане, лютеране и католики будутъ дѣлаться православными.

Вѣротерпимость Государя учить и всѣхъ быть вѣротерпимыми, а не фанатиками и приверженцами насилій, караемыхъ Царемъ и Самимъ Богомъ.

Никаноръ Епископъ Гродненскій и Брестскій.

Въ какомъ порядкѣ должны производиться дѣла по отчисленію отпадшихъ отъ православія.

Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля, между прочимъ, предоставлено право православнымъ по желанію своему переходить въ другое исповѣданіе. Въ виду возникшей по этому поводу пропаганды со стороны представителей инославныхъ исповѣданій и нерѣдко насильственного совращенія ими членовъ господствующей церкви, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ временной мѣры огражденія интересовъ православія, выработало нижеслѣдующія правила.

Лица, только числящіяся православными, но отпавшія отъ православія и желающія принять то инославное христіанское исповѣданіе, которое они въ дѣйствительности исповѣдуютъ, обращаются съ за-

явленіемъ о томъ къ мѣстному губернатору. Губернаторъ, удостовѣрившись тѣми средствами, которыя онъ находитъ наиболее цѣлесообразными, что означенныя лица дѣйствительно въ данное время принадлежатъ къ уклонившимся отъ православія и что сами они или предки ихъ исповѣдывали инославную христіанскую религію или то нехристіанское вѣроученіе, къ которому они желаютъ быть причислены, передаетъ заявленіе на усмотрѣніе подлежащей инославной или иновѣрной духовной власти.

Лица православныя, желающія перейти въ одно изъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, подаютъ заявленія мѣстному губернатору. Губернаторъ, по полученіи заявленія, выясняетъ чрезъ православное духовное начальство, какими причинами вызывается предполагаемый переходъ и приняты ли были мѣры увѣщанія по отношенію къ отпадающему, и затѣмъ, въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній, безотлагательно даетъ заявленію дальнѣйшее движеніе. По присоединеніи отпадающимъ отъ православія лицъ, инославныя и иновѣрныя духовныя власти сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, который увѣдомляетъ православное духовное начальство для необходимыхъ по вѣдомству распоряженій.

Извлеченіе изъ особаго журнала комитета министровъ 10 мая 1905 года по выполненію пункта шестого Именного Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 года.

Во исполненіе Высочайше утвержденнаго Его Императорскимъ Величествомъ, въ 11-ый день февраля 1905 г., положенія комитета министровъ о немедленномъ прекращеніи дѣйствія всѣхъ принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ мѣръ взысканій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложено было мѣстнымъ властямъ озаботиться безотлагательнымъ освобожденіемъ отъ указаннаго рода взысканій 564 лицъ и сверхъ того въ циркулярѣ отъ 19 февраля текущаго года преподанъ губернскимъ начальствамъ рядъ общихъ указаній въ цѣляхъ надлежащаго осуществленія Высочайшей воли.

Нынѣ министеромъ внутреннихъ дѣлъ представлено комитету о слѣдующихъ мѣрахъ.

I. Мѣстными властями освобождены еще 672 лица, которыя одновременно были подвергнуты, въ административномъ порядкѣ, взысканіямъ по дѣламъ религіознаго характера.

II. Въ силу Высочайшихъ повелѣній, воспослѣдовавшихъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ:

1) даровано помилованіе бывшихъ греко-уніатамъ, высланнымъ въ числѣ 47 семей изъ Сѣдлецкой въ Оренбургскую губернію по распоряженію прежняго главнаго начальства Привислинскаго края, обоснованному на особо предоставленномъ Высочайшею властью полномочіи; таковая Монаршая милость, по отзѣву оренбургскаго губернатора, коснулась 192 бывшихъ греко-уніатовъ;

2) отмѣнены: а) Высочайше утвержденныя, 16 марта 1891 г., правила о примѣненіи въ предѣлахъ Кавказа къ армяно-грегоріанскимъ священ-

никамъ въ административномъ порядкѣ, за неповиновеніе распоряженіямъ правительства, карательныхъ мѣръ, и б) Высочайшее повелѣніе 26-го декабря 1903 года, послѣдовавшее въ развитіе упомянутыхъ отмѣняемыхъ правилъ 1891 года, о правѣ высылки главнымъ начальникомъ кавказскаго края армяно-грегоріанскихъ священниковъ во внутреннія губерніи,

и 3) отмѣнены мѣры, ранѣе принятыя по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 26 декабря 1903 года.

Объ изложенномъ комитетъ, во исполненіе указа 12-го декабря 1904 г., представлялъ на Монаршее благовоженіе Его Императорскаго Величества.

Всероссійскій сѣздъ молоканъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ предполагается въ с. Воронцовкѣ Тифлискаго уѣзда всероссійскій сѣздъ молоканъ, по случаю *столѣтія* со времени дарованія Императоромъ Александромъ I религіозныхъ правъ молоканской сектѣ. На сѣздѣ предполагается *первый* день посвятить моленію за усопшихъ русскихъ царей, *второй*—молитвѣ за царствующаго Императора, *третій*—на обсужденіе религіозныхъ и общественныхъ дѣлъ, касающихся всего молоканства. Всѣмъ молоканскимъ центрамъ разосланы приглашенія на сѣздъ, а вмѣстѣ испрашивается разрѣшеніе правительства. Но, спрашивается, какъ молокане будутъ молиться за почившихъ царей, когда секта отвергаетъ догматъ поминовенія усопшихъ?

Кровавая катастрофа послѣ миссіонерской бесѣды о. Крючкова.

Изъ Ставрополя намъ пишутъ, что на Троицынъ и Духовъ день тамъ состоялись миссіонерскія бесѣды съ старообрядцами синодальнаго о. миссіонера, прот. К. Н. Крючкова. Послѣдній, по предложенію еп. Агафодора, изрѣдка наѣзжая въ нашъ край, исполняетъ здѣсь обязанности епархіальнаго противораскольничьяго миссіонера, должность котораго остается вакантною вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Первые двѣ бесѣды 5 и 6 іюня прошли благополучно и происходили въ церкви подгородной слободы, слушателей было достаточно. На 7 іюня назначена была третья бесѣда, но уже въ городской церкви. Слушателей собралось человекъ до 500. Возражателемъ былъ извѣстный здѣсь мѣстный начетчикъ .І—овъ, при участіи другихъ подручныхъ ему старообрядцевъ—людей наглыхъ и дерзкихъ. Допускались расколоводями и въ предыдущихъ бесѣдахъ рѣзкія оскорбительныя сужденія о догматахъ и обрядахъ православной Церкви, слушатели всегда негодовали, но расходились спокойно. На послѣдней же бесѣдѣ страсти разгорѣлись и православные выведены были изъ терпѣнія грубымъ, дерзкимъ порицаніемъ православнаго крестнаго знаменія, св. иконъ и церкви. На-

родъзапротестовалъ и заволновался. Поднялся въ храмѣ неистовый крикъ, посыпались угрозы по адресу старообрядческаго начетчика: „дайте, мы его проучим!“ Увѣщаніе синодальнаго миссіонера и присутствовавшаго здѣсь мѣстнаго духовенства и епархіальнаго противосектантскаго миссіонера, а также пѣніе церковныхъ молитвъ прекратили волненіе. Начетчика Л-ва и 6 человѣкъ старообрядцевъ духовенство успѣшило спрятать отъ разъяренной толпы въ алтарь. Полиція скоро очистила отъ народа храмъ и заперла его со спрятанными виновниками народнаго ожесточенія, старообрядцами, на ключъ, который тутъ же при толпѣ врученъ былъ старѣйшему изъ духовенства. Миссіонеръ, духовенство и полиція увѣщевали толпу разойтись, но все было напрасно: толпа возрастала и напирала на храмъ, требуя выдачи раскольниковъ „на расправу“, какъ оскорбившихъ святыню, угрожая выломать двери. Въ возраставшей въ своей численности толпѣ были и инородцы—евреи и армяне. Время шло, толпа увеличивалась, было 10 ч. вечера. Потребовалось вмѣшательство вооруженной силы. Послѣ увѣщаній и предупрежденій о стрѣльбѣ войска дали нѣсколько залповъ—жертвами которыхъ сдѣлалось 23 человѣка убитыхъ и раненыхъ. Глубоко прискорбное событіе это страшно взволновало весь городъ и потрясло мѣстное духовенство.

N.

Въ газетахъ.

Эмиграція закавказскихъ молоканъ.

Свѣтская пресса останавливаетъ свое вниманіе на печальномъ фактѣ эмиграціи молоканъ, которые, по слѣдамъ духоборовъ, въ послѣднее время стали выселяться съ Кавказа цѣлыми группами въ Америку. Сотрудникъ „Нов. Вр.“ К. Носиловъ, проѣздомъ черезъ Батумъ, былъ свидѣтелемъ посадки на иностранный пароходъ переселенцевъ-молоканъ, да и заколоченныя избы въ селеніяхъ молоканъ служатъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ рѣдѣетъ стойкій русскій элементъ на Кавказѣ. А генералъ-губернаторъ области А. А. Самойловъ откровенно признался г. Носилову, что онъ даже радъ, что молокане уѣзжаютъ въ Америку. „Нов. Вр.“ по этому поводу такъ разсуждаетъ:

На Кавказѣ это все равно, что радоваться проигранному сраженію: русскіе земледѣльцы на этой окраинѣ—мирные носители русской государ-

ственности, русской культуры, и при ихъ помощи легче всего сблизить и связать мѣстных племена съ Имперіей; когда же такотъ эти мирные батальоны, то становится труднѣе сплотить инородческую окраину съ центромъ. Этой цѣли старались и стараются достигнуть всѣ государства при всѣхъ формахъ правленія, абсолютистской, конституціонной и республиканской, пока жизнь ихъ не клонилась къ упадку.

Начальникъ области радъ переселенію молоканъ въ Америку, а низшій административный персоналъ преслѣдуетъ ихъ мелкими притѣвленіями, не даетъ имъ свободно дышать и трудиться. Заботливости о нихъ никакой. Урѣзали ихъ первоначальные надѣлы во вновь пріобрѣтенной области, куда они явились русскими пионерами, и пустили на отобранную у нихъ землю армянь, часть ея министерство государственныхъ имуществъ отдало въ аренду какой-то барынѣ, имѣющей связи въ Петербургѣ или въ Тифлисѣ; лѣсу не отвели ни клочка; подряды на перевозку казенныхъ грузовъ отдали евреямъ, тогда какъ молокане на Кавказѣ испоконъ занимаются извозомъ, евреи же только присосались къ этому дѣлу въ качествѣ предпринимателей; занятія отхожими промыслами затруднили молоканамъ до крайности, отказывая имъ въ выдачѣ паспортовъ; при привлеченіи молодого поколѣнія къ отбыванію воинской повинности всякія незаконныя поблажки даются армянамъ, грекамъ, а молокане за всѣхъ отвѣчаютъ, становясь жертвой явной несправедливости.

Съ возмутительными подробностями официальной политики на Кавказѣ по отношенію къ молоканамъ знакомятъ письма г. Носилова.

Радикальная газета „Наша Жизнь“ — какъ органъ инородческихъ государственныхъ интересовъ — недовольна на „Нов. Вр.“, зачѣмъ оно „не преминуло лягнуть армянь, которые вытѣсняють изъ Закавказья молоканъ и пользуются всякими поблажками со стороны мѣстной администраціи“. Возражаетъ эта газета и „Слову“, которое справедливо замѣтило, что ему совершенно непонятны причины, побуждающія молоканъ покидать Россію, тѣмъ болѣе, что имъ дарована свобода исповѣданія и, казалось, должны бы исчезнуть всѣ угнетенія“.

Тенденціозныя разсужденія „Нашей Жизни“ о сектантахъ достойны вниманія дѣятелей миссія. Вотъ ея разсужденія.

Мы не знаемъ, — говоритъ газета, — чему слѣдуетъ больше изумляться: смѣлости ли «Новаго Времени», или наивности «Слова».

По радости ген.-губернатора области можно понять, что и послѣ указа 17 апрѣля положеніе сектантовъ и, въ частности, молоканъ на Кавказѣ ничуть не улучшилось. Да если бы генераль Самойловъ и не выражалъ ни радости, ни огорченія, то причины выселенія молоканъ стали бы ясны, если сопоставить указъ 17 апрѣля съ циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ о вѣротерпимости, съ назначеніемъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Штюрмера, для согласованія указа съ дѣйствующими постановленіями и съ отрывочными свѣдѣніями о новомъ обращеніи уніатовъ въ православіе. Да то же „Слово“, въ союзѣ съ „Новымъ Временемъ“, требовало принятія мѣръ противъ пропаганды католическихъ

ксендзовъ. Молокане выселяются просто потому, что они и теперь терпятъ тѣ же притѣсненія, какія терпѣли и раньше, и не видятъ конца угнетеніямъ. Говорить же о льготахъ, предоставляемыхъ армянамъ за счетъ молоканъ, послѣ Баку, Нахичевани и Эривани должно было бы быть стыдно даже потерявшему стыдъ „Новому Времени“.

Насъ тоже глубоко возмущаетъ то, что молокане, какъ и духоборы, должны искать убѣжища въ далекой и чуждой имъ Америкѣ, потому что духоборы, молокане, баптисты, штундисты и т. д., т. е. представители тѣсныхъ сектъ,—самые трудолюбивые, интеллигентные и развитые элементы русскаго крестьянства, квинтъ-эссенція его. Но именно поэтому, именно потому, что сектанты такъ дорожатъ своей духовной независимостью, мы понимаемъ, что эмиграція ихъ—неизбѣжное послѣдствіе современныхъ порядковъ, какъ эмиграція десятковъ тысячъ финляндцевъ явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ обрусительной политики покойнаго Бобрикова, какъ неизбѣжна все усиливающаяся эмиграція изъ Польши.

При современныхъ условіяхъ, когда слабо гарантирована даже личная безопасность, эмиграціонная волна должна все усиливаться, и эмигрировать будутъ именно самые жизнеспособные, стойкіе, трудолюбивые и молодые элементы страны.

Можно глубоко жалѣть объ этомъ, можно возмущаться, но удивляться тутъ нечему.

Такъ рассуждая, „Наша Жизнь“ или завѣдомо извращаетъ, ради своей излюбленной тенденціи, въ силу которой отлично все *не русское* и *неправославное*,—или же совсѣмъ не имѣетъ понятія о правовомъ и религіозномъ положеніи сектантства въ Закавказьѣ. Ошибается и „Нов. Вр.“ въ своемъ сужденіи о сектантахъ, какъ о единственномъ наилучшемъ колонизаціонномъ русскомъ элементѣ на окраинахъ. Эта теорія и въ правительственной политикѣ господствуетъ уже вѣка, но проводилась она односторонне, въ ущербъ настоящему русскому колонизаціонному элементу,—православному крестьянству и казачеству. Сектанты въ Закавказьѣ всегда пользовались всякимъ покровительствомъ, особенно же въ періодъ управленія Кавказомъ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Наоборотъ, колонизація православнаго русскаго элемента совершенно не поддерживалась. Тѣ крестьяне, которые забредали сами сюда, претерпѣвали ужасныя стѣсненія, ихъ гнали назадъ, какъ забѣглыхъ собакъ, или же поселяли, послѣ всякихъ мытарствъ, на скверныхъ земляхъ. Православные поселенцы были и есть настоящіе мученики, тѣсимые со всѣхъ сторонъ. Сектанты въ Закавказьѣ имѣютъ огромные надѣлы земли, захваченные ими безъ заключенія надлежащихъ актовъ. Когда, съ увеличеніемъ населенія, хотя бы и за счетъ принятыхъ изъ Турціи армянскихъ бѣженцевъ,—начали отыскивать свободныя земли, то дѣло коснулось и участковъ, незаконно захваченныхъ сектантами, что истолковано сектантами какъ стѣсненіе, хватившее, конечно, по карману. Началось естественное и понятное

недовольство и ропотъ на мѣстныя власти, поблажающія инородцамъ и стѣсняющія русскихъ аборигеновъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что армяве стѣснятъ и эксплуатируютъ все на Кавказѣ, не исключая и молоканъ и духоборъ.

Религіозныхъ стѣсненій закавказскіе сектанты никогда никакихъ не терпѣли,—они пользовались и ранѣе всегда, а тѣмъ паче теперь, всею полнотою правъ религіозной свободы. Бывшій начальникъ края кн. Голицинъ прямо любилъ сектантское населеніе. Объяснять эмиграцію религіозными стѣсненіями, какъ это дѣлаетъ „Наша Жизнь“, совершенно недобросовѣстно.

Вѣрнѣе будетъ объяснять эмиграцію общимъ разстройствомъ и разрастающею политическою анархіей въ краѣ, грозящей болѣе всего русскому элементу, такъ какъ всѣ инородцы проникнуты ненавистью къ русскому населенію, исконными представителями котораго являются сектанты. Несомнѣнно дѣйствуетъ здѣсь и пропаганда канадскихъ духоборовъ, привлекающихъ къ себѣ возможно больше земляковъ. Явленіе это—эмиграція молоканъ—крайне нежелательно и для русскихъ интеллигентовъ въ краѣ погубительное. Нужно и власти свѣтской, и миссіи мѣстной принять мѣры къ выясненію молоканамъ рискованности предпринимаемыхъ ими шаговъ. Полезно бы издать и распространить среди закавказскихъ сектантовъ брошюру съ описаніемъ бѣдствій нашихъ переселенцевъ да и самихъ духоборовъ въ чужой странѣ.

Слѣдовало бы воспользоваться для цѣлей духовнаго воздѣйствія на умы молоканъ предполагаемымъ у молоканъ всероссійскимъ съѣздомъ.

Э. Я.

Пропускъ 32-хъ словъ изъ Высочайшей телеграммы казанскимъ раскольничьимъ настоятелемъ.

(Письмо въ редакцію).

Въ № 3697-мъ „Казанскаго Телеграфа“ было помѣщено слово мѣстнаго раскольничьяго настоятеля А. Калягина къ своимъ прихожанамъ предъ благодарственнымъ „молебствіемъ“ по случаю указа о „вѣротерпимости“. Слово, какъ слово, и примѣнительно къ своему случаю, вышло „недурно“, а если еще повѣрить „на слово“ проповѣднику, то, можно сказать, и очень „хорошо“. Одно только не ладно и, пожалуй, непростительно и глубоко-прискорбно: это—злонамѣренно огры-

зять Царскіе акты. Дѣло въ томъ, что когда названный проповѣдникъ сталъ приводить содержаніе Высочайшей телеграммы отъ 16 апрѣли къ московскому генераль-губернатору о распечатаніи алтарей Рогожскаго кладбища, то взялъ да и оборвалъ цѣлую треть Высочайшей телеграммы, въ которой, какъ помнятъ читатели, было сказано слѣдующее:

*„Да благословитъ и умудритъ ихъ Господь полною искренностью пойти навстрѣчу желаніямъ и стремленіямъ русской православной Церкви воссоединитъ ихъ съ нею, прекратить соборнымъ рѣшеніемъ тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую можетъ только Церковь“.*¹

Такая важная часть словъ Высочайшей телеграммы, какъ небо отъ земли, въ существѣ своемъ, выше и дороже всякой „вѣротерпимости“ и „распечатаній“ старообрядческихъ алтарей, ибо она касается спасенія человѣческихъ душъ, разорвавшихъ союзъ съ Христовою церковію и, доселѣ, блуждающихъ въ дебряхъ раскола и не имѣющихъ никакой надежды на спасеніе, такъ какъ грѣхъ „раздорниковъ“ Церкви, по словамъ св. Іоанна Златоустаго, не омывается даже и мученическою кончиною.

Итакъ, вотъ о чемъ болѣе всего раскольникъ наставнику надобно было поговорить со своими прихожанами; вотъ за что, прежде всего, нужно было благодарить любвеобильнаго Царя и молиться о Его благоденствіи и долгоденствіи; а помолясь, отбросить всякую ненависть къ православной Церкви.

Но нѣтъ, видно, наши расколоучители, или что то-жъ, старообрядческіе „настоятели“, со своею непримиримою ненавистью къ православной церкви и ея чадамъ разстаться не хотятъ. Тогда къ чему же были сказаны такія прекрасныя слова „настоятелемъ“ къ своимъ прихожанамъ: „Перенося скорби, старообрядцы уповали, что сердце Царя, пребывающее въ руцѣхъ Бога, будетъ двинуто Имъ къ облегченію нашихъ духовныхъ нуждъ, когда мы будемъ того достойны“. И еще: „Столь дорогіе нашимъ сердцамъ помянутые (т. е. 16 апр. телеграмма и 17-го Указъ Сенату) царственные акты даютъ намъ полную увѣренность въ томъ, что мы близки Его любвеобильному сердцу—и что большое попеченіе имѣетъ о насъ нашъ Батюшка Царь—великій о насъ печальникъ“.

Не очевидно ли теперь, что эти слова сказаны были не отъ души чистосердечной, а отъ сердца лстиваго, лукаваго и лицемѣрнаго! Иначе какъ же возможно пропустить гробовымъ молчаніемъ такія слова любви нашего Царя къ старообрядцамъ: „Да благословитъ и умудритъ ихъ Господь полною искренностью пойти навстрѣчу жела-

ніямъ и стремленіямъ русской православной Церкви“ и проч.—если бы только на самомъ дѣлѣ проповѣдникъ въ душѣ своей сознавалъ, что сердце Царево въ „рудѣхъ Бога“ и что Имъ двинулось оно къ облегченію духовныхъ нуждъ старообрядцевъ.

Послѣ сего здѣсь позволительно воспроизвести нѣкое подобіе или „образность“ притчи Христовой, записанной у евангелиста Маттея. Нѣкій царь сдѣлалъ большой пиръ для людей „древляго благочестія“ и чрезъ боярина своего началъ звать ихъ въ невещественный чертогъ Царя небснаго (т. е. въ церковь Его), но они, пренебрегши то, пошли кто въ прежніе „загоны“ свои, а кто „распечатывать алтари“ на кладбищѣ своемъ, чтобы продолжать приносить на нихъ свои безблагодатныя жертвы.

Услышавъ о семъ, царь не скажетъ ли—предъ тѣми избранными бояры, въ глазахъ которыхъ эти люди „древляго благочестія“ такъ возвысились: „великій пиръ былъ готовъ, а званые мною въ чертогъ небснаго Царя не были достойны“...

Мірянинъ Ѡ. Г.

Миссіонерскія вакансіи.

Въ Литовской епархіи вакантна нынѣ должность противостарообрядческаго миссіонера, за назначеніемъ священника Димитрія Губина, ранѣе занимавшаго эту должность, на законоучительское мѣсто въ Ковенской мужской гимназіи.

Условія службы слѣдующія: должность миссіонера совмѣщается съ должностію приходскаго священника въ мѣстечкѣ Яновѣ Ковенской губ. Вилкомирскаго у., въ одномъ изъ центровъ мѣстнаго раскола (безпоп.-фед.); всѣхъ старообрядцевъ въ епархіи свыше 50,000; въ Яновскомъ приходѣ всего лишь 250 православныхъ, до 18,000 католиковъ и свыше 2,000 старообрядцевъ, имѣющихъ въ сосѣднихъ деревняхъ двѣ извѣстныя въ краѣ моленныя; вознагражденія по двумъ должностямъ до 2,000 рубл. при готовой квартирѣ (помѣстительный домъ съ садомъ, огородикомъ и сараемъ); Яново—большое мѣстечко у рѣки Вили, въ здоровой, сухой мѣстности, въ разстояніи 2-хъ верстъ отъ ст. жел. дор. Яново (Либаво-Ром. ж. д.), 91 версты отъ Вильны, на пути куда лежитъ ст. Кошедары—узелъ жел. дор. Петербурго-Варшавской и Либаво-Роменской; въ окружности много шоссеиныхъ путей; для развѣздовъ выдается открытый листъ, предоставляющій право получать почтовыхъ лошадей за плату по 3 коп. съ версты и лошади.

Необходимость нежелательнаго вообще совмѣщенія двухъ вышеуказанныхъ должностей вызывается отсутствіемъ такъ называемыхъ, мѣстныхъ средствъ на содержаніе миссіонера. На эту надобность отпускается лишь

Св. Синодомъ 500 рубл. ежегодно съ прибавленіемъ 150 рубл. на разъѣзды.

Лица, желающія занять должность миссіонера, благоволятъ лично просить о назначеніи Его Высокопреосвященство и при этомъ представить отзывы о предшествующей дѣятельности и о благоповеденіи.

Вакантными числятся должности епархіальныхъ миссіонеровъ: въ *Могилевской* (исполняющаго обязанности противораскольничьяго и противосектантскаго миссіонера), *Екатеринбургской* (противораскольничьяго), *Псковской* (противораскольничьяго и противосектантскаго), и *Ставропольской* (противораскольничьяго).

Переходъ въ католичество. Въ мѣстечкѣ Самгородкѣ Бердичевского у. перешли изъ православія въ католичество тридцать пять лицъ, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ католичками; перешель съ семьей въ католичество и одинъ крестьянинъ, потому что у него мать жены католичка. („Кіевл.“).

Въ *Кіевѣ* извѣстный адвокатъ Левъ А. Куперникъ заявилъ о переходѣ своемъ въ іудейство, оставленное имъ 30 лѣтъ назадъ и, конечно, ради житейскихъ благъ и государственныхъ привиллегій. Значить, 30 лѣтъ талантливый еврей торговалъ совѣстію!

Сектантами ленкоранскаго уѣзда, именующимися іудействующими и жидовствующими, согласно указа отъ 17 апрѣля с. г. о свободѣ вѣроисповѣданія, возбуждено ходатайство о наименованіи ихъ принадлежащими къ ново-нараильской сектѣ.

Оназательство раскола по недоразумѣнію. Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаютъ „Русск. Вѣд.“, затребовало подробныя свѣдѣнія, при какихъ обстоятельствахъ тираспольское старообрядческой общиной совершены были крестный ходъ и общественное богослуженіе по случаю указа о вѣротерпимости и не было ли какихъ столкновеній и нарушенія общественнаго благочинія.

Исполняя это порученіе, исправникъ прочиталъ призваннымъ въ полицію представителямъ общины внушительную мораль о томъ, какое право имѣли старообрядцы совершать крестный ходъ и богослуженіе на улицахъ города, и пригрозилъ судомъ. Старообрядцы сослались на указъ 17 апрѣля, въ силу котораго они такъ поступили, а указъ этотъ они читали въ газетахъ.

Къ этому газетному сообщенію можемъ добавить, что старообрядцы съ своей процессіей слѣдовали по стопамъ православнаго крестнаго хода по полямъ и переосвящали всѣ колодцы по своему обряду.

Освобожденіе изъ-подъ надзора. Въ Якутскѣ получено распоряженіе объ освобожденіи изъ-подъ гласнаго надзора и отъ ссылки всѣхъ сектантовъ, сосланныхъ туда въ административномъ порядкѣ. На основаніи этого закона въ Якутскую область сослали лицъ, отказавшихся отъ воинской

службы изъ-за религіозныхъ побужденій. За 9 лѣтъ сюда было сослано, — по словамъ „Н. Вр.“, — съ Кавказа болѣе 100 духоборовъ, изъ которыхъ громадное большинство на 18-лѣтній срокъ, а остальные безъ срока; затѣмъ нѣсколько человекъ (4) изъ секты „іеговистовъ“ изъ Пермской губерніи. — послѣдователей извѣстнаго сектанта полковника Ильина, и наконецъ 3 толстовца, изъ которыхъ — 2 крестьянина изъ Харьковской губерніи, пришедшіе сюда еще въ 1897 г., и одинъ интеллигентъ съ Кавказа, пришедшій въ прошломъ году.

Урокъ будущимъ пастырямъ. Во время паники въ Варшавѣ четверо воспитанниковъ варшавской р.-католической духовной семинаріи, сопровождавшихъ архіепископа, поддаваясь общей паникѣ, бросились бѣжать вмѣстѣ съ толпой. Архіепископъ кс. В. К. Попель, признавъ, что такое малодушное поведеніе не причлествуетъ будущимъ пастырямъ, приказаль, какъ передаетъ «Gaz. Polska», удалить этихъ воспитанниковъ изъ семинаріи.

Инцидентъ съ присягой. Въ „Новости“ пишутъ изъ Двинска:

Въ послѣдней сессіи временнаго отдѣленія Витебскаго окружного суда имѣлъ мѣсто любопытный инцидентъ, возбудившій въ городѣ много толковъ. Присяжные засѣдатели римско-католическаго вѣроисповѣданія заявили, что они желаютъ принять присягу на польскомъ языкѣ. Предсѣдатель объяснилъ, что не имѣетъ на этотъ счетъ циркуляра, но приметъ мѣры, чтобы къ слѣдующей сессіи получены были соотвѣтствующія указанія. Такъ какъ отсрочка сессіи могла бы повлечь за собою возложеніе судебныхъ издержекъ на присяжныхъ засѣдателей-католиковъ, то предсѣдатель убѣждалъ ихъ на этотъ разъ принять присягу на русскомъ языкѣ или дать торжественное обѣщаніе.

Одинъ изъ присяжныхъ католиковъ, крестьянинъ, согласился присягнуть по-русски, остальные были согласны дать торжественное обѣщаніе, за исключеніемъ г. Темчинскаго, управляющаго кумысо-лѣтебнымъ мѣстечкомъ Погуляной. Окружный судъ, выслушавъ заключеніе товарища прокурора, оштрафоваль г. Темчинскаго на 50 рублей и постановилъ считать его неявившимся.

Броженіе среди сектантовъ и іеговистовъ. По словамъ газетъ, среди пермскихъ іеговистовъ замѣчается броженіе, вызываемое войной съ Японіей. подобное тому, какое было среди нихъ во время китайской войны, когда сектанты подбрасывали какія-то адекія машинки.

Кончина поморскаго начетчина А. П. Черчимцева. Извѣстный поморскій апологетъ-начетчикъ Артемій Петровичъ Черчимцевъ (ученикъ извѣстнаго безпоповщинскаго наставника Т. Худошина) скончался въ февралѣ текущаго года. Совокупно съ Худошинымъ, Черчимцевъ на Рождествѣ Христовомъ прошлаго 1904 г., прибыль на родину въ г. Саратовъ для распространенія здѣсь своего безпоповщинскаго лжеученія и, сойдясь здѣсь съ пѣвчими мѣстной поморской моленной, вызвался пройти съ ними христославить по христолобцамъ, которыхъ, кстати сказать, и понывъ не мало въ Саратовѣ.

Усердные благодѣтели-христолобцы радушно принимали защитника

своего упованія Черчимцева и другъ предъ другомъ старались его на славу угостить, ради праздника Христова, намадѣваючи десницу его сребренниками.

Будучи въ веселомъ настроеніи, Черчимцевъ не заставлялъ себя долго упрашивать и „яль безъ сомнѣнія“ вся предлагаемая, въ питіи же отдавалъ предпочтеніе предъ другими зловредному напитку, коньякомъ именуемому.

И такъ отъ чрезмѣрнаго возліянія А. П. Черчимцевъ, „огнепальную бурю внутрь имѣя“ отсталъ отъ своихъ сотоварищей-пѣвчихъ, переходившихъ изъ дома въ домъ, и, свалившись въ сугробъ, снѣгомъ охлаждалъ разгоряченную гортань и утробу. Мимоидущіе поморцы, увидѣвши своего наставника и преславнаго учителя, въ снѣгу валяющася, подняли его и привезли на квартиру, гдѣ онъ впалъ въ забывчивость и жаръ, о чемъ извѣстили его жену. Черезъ нѣсколько дней въ Саратовъ прибыла его жена и, найдя мужа, по мнѣнію врачей, въ горячкѣ, увезла къ себѣ домой, гдѣ онъ, не приходя въ сознаніе, передъ масляницей отдалъ на праведный судъ свою погибшую въ нѣдрахъ раскола многогрѣшную душу.

Такъ выбылъ изъ среды старообрядчества одинъ изъ самыхъ видныхъ апологетовъ современной безпоповской поморской секты.

В. Демидовъ.

Добродѣтельные заботы освобожденнаго изъ плѣна брата милосердія о спасеніи японки отъ нравственной гибели.

Письмо въ редакцію.

5 (18) іюня 1905 г. Каиръ (Египетъ).

Когда я въ Мукденѣ попалъ въ плѣнъ, японцы обходились съ нами, представителями Краснаго Креста, вполне корректно. Правда, ихъ подкупило въ нашу пользу то, что они застали насъ во время ухода за японскими ранеными, и это въ то время, когда японскіе снаряды ложились близъ госпиталей, а пули свистѣли очень явственно. Во всякомъ случаѣ, я сохранилъ доброе воспоминаніе объ отношеніи къ намъ японцевъ—побѣдителей, и потому я очень былъ счастливъ, когда Богъ доставилъ мнѣ случай—при путешествіи съ Дальняго Востока отъ Шанхая до Александріи—заступиться не безъ успѣха за честь, жизнь и душу японки, дочери храбраго японскаго племени.

На одномъ со мною пороходѣ („Tonkin“ de la Compagnie des Messageries Maritimes) ѣхало трое лицъ: русскій еврей Давидъ Кудерманъ (какъ я потомъ достовѣрно узналъ), русская еврейка Анна Бер-

ліавская, и съ ними въ качествѣ служанки (по контракту)—японка *Эта*, лѣтъ 16, простая, неопытная, трудолюбивая и очень симпатичная дѣвушка. Познакомившись съ этою компаніей на долгомъ морскомъ пути, благодаря общему русскому языку, и смекнувъ, что не на добро два еврея хищнаго типа везутъ съ Дал. Востока на Дал. Западъ милостивую японку, я рѣшилъ, ради нея, продолжить знакомство, преодолевая брезгливость, и прослѣдить за компаніей до конца путешествія. Впрочемъ, это намѣреніе не осуществилось бы, если бы меня въ Сайгонѣ взяли на Балтійскую эскадру. Къ моему предложенію потрудиться въ предстоявшихъ бояхъ на эскадрѣ князь Ливенъ (командиръ „Діаны“), бывший съ эскадрою въ постоянныхъ сношеніяхъ,—отнесся сочувственно, но предложилъ ожидать отвѣта адмирала Рожественскаго не въ Сайгонѣ съ его опаснымъ жаркимъ климатомъ, но дальше. Я остался ждать телеграммы отъ кн. Ливена въ Коломбо именно потому, что компанія съ японкою имѣла билеты до Коломбо.

Здѣсь всѣ мои предположенія и опасенія оправдались вполнѣ. Выяснилось, что Кудерманъ — *сутенеръ*, уже 17 лѣтъ промышляющій живымъ товаромъ, содержавшій самъ публичные дома въ Россіи. Берліавская—того-же поля ягода, хитрая—прехитрая, но гипнотически подчиненная Кудерману. Не успѣлъ я оглянуться въ Коломбо, какъ узналъ, что Кудерманъ помѣстилъ обѣихъ женщинъ въ публичный домъ: Берліавскую—для промысла, а японку—въ качествѣ ея служанки.

Я поставилъ на ноги полицію, и—съ согласія обѣихъ женщинъ—вывелъ ихъ изъ омута и помѣстилъ до прихода парохода въ приличный отель, совершенно преградивъ доступъ къ женщинамъ Давиду Кудерману.

Какъ человѣкъ горячій, я уже пускалъ въ ходъ противъ этого наглаго негодяя, кстати очень трусливаго,—крѣпкую палку и достаточно крѣпкій кулакъ. Но въ Коломбо для сутенеровъ — вольности дворянства: изъ городовъ Индіи англійское правительство ихъ гонитъ въ 24 часа, а въ Коломбо безвозбранно и безнаказанно образовалась цѣлая клоака, въ которой мгновенно-бы увязла и погибла бѣдная японка съ ея простотою, послушливостью и незнаніемъ языка.

Внѣ вліянія Кудермана не только японка, но и Берліавская замѣтно преображались: послѣдняя, когда хотѣла, умѣла вести себя, какъ принцесса, напр., за табльдотомъ, гдѣ мы ежедневно встрѣчались. Она съ такимъ вниманіемъ слушала отъ меня рассказы о христіанскихъ покаявшихся грѣшникахъ, что даже и теперь—когда дѣйствительность не оправдала моихъ предположеній — думаю, что эта несомнѣнно умная женщина можетъ, доброю волею и при Божьей всемогущей помощи, измѣнить свое испорченное, оскверненное блудомъ сердце. Японка же носила

уже въ Коломбо на груди образокъ Спасителя и икону Божьей Матери, и я вполнѣ вѣровалъ, что впослѣдствіи изъ нея выработается православная христіанка, одна изъ тѣхъ, которыхъ въ Японіи уже болѣе 30.000.

Чтобы довершить дѣло избавленія, я купилъ для обѣихъ женщинъ до Портъ-Саида билеты на англійскій пароходъ „Ophir“ („Oriental Pacific Line“). Это стоило мнѣ 220 рублей. А самъ выѣхалъ черезъ 2 дня послѣ нихъ на франц. пароходъ „Armand Behic“.

Передъ отъѣздомъ женщинъ сутенеры г. Коломбо съ Кудерманомъ во главѣ мечтали устроить скандалъ, какъ я своевременно узналъ, — грозили употребить насиліе. Но я пригласилъ на бортъ парохода агента англ. полиціи и агента пароход. компаніи, и сутенеры ступшевались, какъ совы передъ разсвѣтомъ. Лучшее доказательство, что всѣ отъявленные негодяи—въ корнѣ трусы, и что полицейскія мѣры, рационально примѣненные, могли бы испѣлать города отъ этого омерзительнаго зла, которое именуется „сутенерствомъ“.

Русскій вице-консулъ въ Коломбо — если бы захотѣлъ исполнить свой нравственный долгъ до конца—могъ бы Кудермана арестовать и выслать въ Россію по этапу, какъ запаснаго солдата, уклоняющагося отъ службы и позорящаго русское имя за границею. Правда, русскій консулъ въ Коломбо поугалъ Кудермана, вызвавъ его къ себѣ, и это имѣло вліяніе на дѣло; правда, въ консульствѣ мнѣ учли мой чекъ (переводъ денегъ на СПБ.), который не хотѣли учесть банки въ Коломбо, а это только дало мнѣ возможность помочь женщинамъ выбраться изъ омута и изъ этого пекла, которое именуется Коломбо. За это содѣйствіе я сердечно благодаренъ г. вице-консулу, но думаю, вмѣстѣ съ авторомъ басни „Котъ и Поваръ“, что „власть употребить“ тутъ-то и надо, а не то „Котъ Васька все жаркое съѣсть“, а господа Кудерманы поѣдомъ съѣдятъ цѣлые легіоны дѣвушекъ всевозможныхъ національностей. Кудерманы воистину достойны висѣлицы и суда Линча, вопреки толстовской поблажкѣ злу, именуемой „непротивленіемъ“... дьяволу (какъ разъ наперекоръ заповѣди Апостола Петра—„противостать дьяволу“).

Я надѣялся, что Кудерманъ исчезнетъ въ тартарары, но онъ, не попавъ на пароходъ „Ophir“, пробрался на „Armand Behic“ и доѣхалъ-таки до Александріи.

Здѣсь-то и разыгрался эпилогъ драмы. Не буду рассказывать всѣхъ перипетій борьбы за душу, но несомнѣнно, что Берліевская, вновь попавъ подъ вліяніе Кудермана и испугавшись мѣръ, принимаемыхъ мною, торопилась продать бѣдную японку за выгодную цѣну въ Александріи. На сцену явились два ея брата, Абрамъ и Леонъ (именую-

щій себя Стономъ). О послѣднемъ одинъ изъ его родныхъ говорилъ мнѣ, что онъ во время оно „продалъ и перепродалъ“ въ развратъ эту самую свою сестру Берліявскую Анну. Въ городѣ много лицъ, которые говорятъ, что свое теперешнее состояніе и Стонъ сколотилъ содержаніемъ домовъ терпимости. Вотъ съ какими гадинами мнѣ пришлось соприкоснуться ради спасенія души и тѣла японки. Свою родную мать этотъ Стонъ при мнѣ называлъ „сводницей“, а японку какъ разъ помѣстили къ этой старухѣ, похожей на Бабу Ягу.

Чтобы прослѣдить, не сплывали ли уже японку, мнѣ часто надо было ходить мимо оконъ квартиры Бабы Яги, и я живо прослылъ въ глазахъ однихъ, какъ „amurato“—до зарѣзу влюбленный, а въ глазахъ другихъ (многочисленныхъ сутенеровъ)—шпіономъ. Оба эти слуха я не старался опровергнуть, ибо считалъ ихъ *нравственно полезными*: первое мнѣніе освѣжало нравственную атмосферу въ этомъ краю себялюбія; второе наводило страхъ на негодаевъ, отвыкшихъ отъ мысли о возмездіи.

Мнѣ неоднократно пришлось быть въ „караколѣ“ (участкѣ), чтобы разбудить полицію. Но полиція оставалась глуха. Чтобы оправдать свое заступничество за дѣвушку, я долженъ былъ называть себя ея *женихомъ*. Идеальныя побужденія (особенно спасенія души) были бы не только не поняты здѣсь, но и осмѣяны. Оттого пришлось выставить побужденіе болѣе матеріалистическое, ибо „метать жемчугъ“ въ этомъ Содомѣ не слѣдовало. Впрочемъ, и то не было „ложью“, ибо Господь, ищущій спасенія душъ, именуется Себя *Женихомъ* душъ.

Ничего не добившись у русскаго консула, кромѣ рѣзкихъ и несправедливыхъ съ его стороны замѣчаній, — я послѣ малаго недоумѣнія, когда увидѣлъ, что каждая минута просрочки была бы для дѣвушки гибельна, пошелъ къ англійскому консулу, и здѣсь въ лицѣ почтеннаго, убѣленнаго сѣдиною, но румянаго старца—консула я встрѣтилъ полное участіе, пониманіе и быструю готовность помочь. Почтенный консулъ, даже не спросивъ моихъ документовъ, тотчасъ далъ мнѣ свое письмо къ г. Крейчману, секретарю общества борьбы съ безнравственностью. Этотъ г. Крейчманъ побывалъ съ агентомъ у меня въ Гостиницѣ, и черезъ нѣсколько часовъ я видѣлъ, какъ этотъ господинъ вмѣстѣ съ агентомъ полиціи посадили въ коляску Берліявскую и японку и отвезли въ убѣжище *Рудольфа*. Берліявская вернулась домой одна, не солоно хлебавши, къ моему сердечному торжеству: японка была почти отвоевана у негодаевъ. Теперь рѣшивъ дѣло вести до конца, на страхъ и смущеніе всѣхъ сутенеровъ Египта, я остаюсь въ Александріи слѣдить за дальнѣйшей участію японки, которой нужна и нравственная, и матерьяльная помощь.

Опубликую все это дѣло въ здѣшней печати по-французски.

Я надѣюсь, что англійское правительство—по моей просьбѣ—усилитъ строгость въ Коломбо по отношенію „человѣкохищниковъ“—сутенеровъ, а русское правительство укажетъ своимъ вице-консуламъ въ Египтѣ, что ихъ долгъ и обязанность употребить самыя суровыя репрессіи по отношенію къ русскимъ жидамъ, которые сутенерствомъ позорять здѣсь русское имя.

Братъ милосердія Краснаго Креста *Михаилъ Сопочко*.

ПОЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ контору „Мисс. Обзор.“ поступили слѣдующія пожертвованія:

Отъ священника Покровск. ц. г. Купянска Харьковск. губ., А. Субботина,—собранные имъ во время чтеній о Святой землѣ, на религиозныя нужды православныхъ русскихъ плѣнныхъ въ Японіи—5 руб. Отъ священника А. Коринскаго, Нижегородской губ., въ пользу плѣнныхъ—2 р. 35 к. и на усиленіе флота—1 р. 50 к.

Пожертвованія сданы по назначенію (росписка СПб. почтамта, № 626, и квитанція *Высочайше* учрежденнаго Комитета по сбору пожертвованій на усиленіе флота, № 163,758).

Не будутъ напечатаны и могутъ быть возвращены авторамъ, по оплатѣ ими стоимости пересылки, слѣдующія рукописи:

С. Г—въ, Н—ая Д—я. «Въ чемъ слабость Православной церкви?»

Свящ. В. П—чъ. «О штундѣ въ с. Оситной Ч—скаго у., и по поводу ея».

Учитель М. Б—нъ. «О штундѣ».

Б. Т—о. «Христіанскія письма».

Свящ. Н. М—овъ. «Вѣрный и безнаказанный родъ раскольничьей пропаганды».

Свящ. В. В—овъ. «Мысли сельскаго священника».

Свящ. М. Л—ъ. «Мысли французскаго писателя о русской церкви».

Свящ. Д. Л—скій. «По поводу духовнаго оскудѣнія».

Свящ. А. Б. «Правда или вѣтъ?»

Свящ. С. О—въ. «Виновато-ли оно?»

Свящ. А. С—скій. «Собезѣдованіе о войнѣ».

Свящ. В. Р—овъ. «Отзывъ на сѣтованія старообрядцевъ».

В. А. П—въ. „Тяжелыя думы“.

Свящ. І. Ш—овъ. „Памяти преосвященнаго Іоанна“.

Свящ. Н. „Миссія въ Полоцкой епархіи“ идти не можетъ, такъ какъ авторъ посвящаетъ обширную критическую статью личности, въ дѣлѣ мисіи незначительной.

ОТКЛИКИ.

Предъ распутьемъ.

(По поводу сужденій въ газ. „Слово“ и „Церковн. Вѣстникъ“ о свободѣ исповѣданій).

«О еслибы удалены были возмущающіе васъ» (Гал. 5, 10, 12).

Свершилось!.. 17-го апрѣля 1905 г. для святой Руси пробилъ историческій часъ. Для однихъ онъ ударилъ благовѣстомъ, для другихъ протянулъ похороннымъ перезвономъ. Разумѣется, всѣмъ не угодишь. Одно грядущее можетъ дать надлежащую оцѣнку актамъ такой чрезвычайной важности, какъ указъ о вѣротерпимости 17 апрѣля. Современникамъ его, по понятнымъ причинамъ, нѣтъ возможности входить во всестороннее печатное его обсужденіе: „еже писахъ—писахъ“... Но все же—поразительно то легкомысліе, въ которомъ просто захлебываются газетные писаки по поводу этого указа. Правда, на то и писака: лишь только стало извѣстнымъ объ указѣ, „онъ тотчасъ за перо и разомъ вывелъ „ода“, затѣмъ—какого дня и года“... Для вящшей высоты стилиа такіе одописцы имѣютъ нехорошую привычку приводить слова св. Писанія и церковныхъ пѣснопѣній, безъ всякаго пониманія смысла приводимыхъ текстовъ. Вотъ примѣръ. Въ „Нов. Вр.“ за 20 апр. с. г. № 10462, въ передовой статьѣ—„Святіе вѣроисповѣдныхъ недоимокъ“—„ода“ начинается такъ: „Великое „нынѣ отпускаеши“ произнесъ 17 апрѣля народъ русскій въ лицѣ миллионъ его простолудиновъ“... Ну, скажите, пожалуйста, у мѣста ли здѣсь это „нынѣ отпускаеши“? Какъ извѣстно, праведнымъ Симеономъ Богопримцемъ „нынѣ отпускаеши“ произнесено было потому, что „ему предсказано было Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня“ (Лк. 2, 26). Праведный Симеонъ увидѣлъ Избавителя и его „нынѣ отпускаеши“ означало: „отпускаешь“ на смерть... Ужели тутъ есть какая-нибудь аналогія съ указомъ 17 апрѣля? Ужели нововременское „нынѣ отпускаеши“ означаетъ, что „милліоны русскаго народа“ послѣ 17 апр. должны готовиться къ

смерти! По существу и въ духовномъ смыслѣ, быть можетъ, да, но въдъ „Новое Вр“. въ своемъ „нынѣ отпускаеши“ думаетъ обратное. И сколько теперь святыхъ словъ Писанія профанируется на газетныхъ столбцахъ. Правда, теперь свобода совѣсти, но все же надо бы имѣть совѣсть и „свободной совѣсти“...

Впрочемъ, въ данный разъ рѣчь у меня не объ этомъ. Я хотѣлъ бы сказать теперь нѣсколько словъ тѣмъ, кого смутила моя статья „На встрѣчу свободы исповѣданій“ (Мисс. Обзор. № 1 с. г.)

Какъ въ этой своей статьѣ, такъ и въ другихъ, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ по этому вопросу въ прошломъ и текущемъ годахъ, я стоялъ на томъ, что вѣрвать во что угодно и какъ угодно никто никому запретить не можетъ, такъ какъ „вѣруемъ сердцемъ“, а оно никому не зримо, кромѣ Сердцевѣдца—Господа Бога; совершать молитвы по своей вѣрѣ также никому не можетъ быть возбраняемо, такъ какъ заставлять молиться казеннымъ приказомъ бессмысленно, а принуждать вѣрвать въ истину „огнемъ и мечемъ“—противно духу христіанскому, дико и никому не полезно; но, съ другой стороны, вѣруя и исповѣдая, что святая наша православная вѣра—вѣра истинно-Христова, спасительная, а секты и расколъ—заблужденіе и тьма, ведущія къ духовной гибели, поелику двухъ противоположныхъ истинъ объ одномъ и томъ же быть не можетъ, я утверждалъ и утверждаю, что допустить свободную пропаганду расколо-сектантской лжи среди православнаго, младенчествующаго въ вѣрѣ народа, при полной его въ данномъ случаѣ беззащитности и лишь при упованіи, что „врата адовы не одолѣютъ Церкви Христовой“, преступно со стороны православной власти. Подвергать „меньшую братію“, вѣрующую въ спасительную вѣру Христову, искушенію большому, чѣмъ она можетъ понести, безбожно.

Быть можетъ, я и заблуждаюсь,—*errare humanum est*, но пока я не слышалъ ни отъ кого такого слова, которое заставило бы меня оставить свою позицію. Пока я слышалъ отъ несогласныхъ только непониманіе моей мысли и злобное „угрызание“ ея, и это еще болѣе утвердило меня въ томъ, что я говорю правду.

Вотъ что возражали мнѣ „несогласные“ въ такъ называемой либеральной прессѣ. Газета „Слово“ (№ 65 с. г.) въ статьѣ „О свободѣ исповѣданія“, имѣя въ виду нѣсколько отрывочно взятыхъ фразъ изъ моей статьи, приведенныхъ въ № 6 „Церковнаго Вѣстника“, воздыхаетъ:

Академическій журналъ смущается *запугиваніями* нѣкоторыхъ миссіонеровъ, что съ объявленіемъ свободы вѣроисповѣданія «расколъ и дикія секты хлынутъ со всѣхъ сторонъ во дворъ церковный, и гибель духовная будетъ громадная». И хоти «Церковный Вѣстникъ» и склоненъ думать, что такой трагизмъ положенія есть скорѣе плодъ слишкомъ пугливаго воображенія, но все же чувствуетъ себя нерѣшительно. «Всѣ трезвые люди согласятся, что нѣкоторое физическое охраненіе нашихъ младенцевъ въ вѣрѣ отъ инновѣрныхъ вліяній естественно и условно-необходимо»...

Миссіонерскія жалкія слова подѣйствовали на «Церковный Вѣстникъ» только потому, что журналъ не примѣтилъ въ нихъ *обычной*, намѣренной или ненамѣренной—это даже не важно, *подтасовки понятій*. Понятіе свободы *исповѣданія* подмѣнили понятіемъ свободы *пропаганды*, которой никто и не добивается; рѣчь идетъ только о томъ, чтобы старообрядцамъ и сектан-

тамъ дать возможность безпрепятственнаго отправленія богослуженія, безпрепятственной постройки молитвенныхъ зданій и обученія дѣтей Закону Божию по старопечатнымъ книгамъ; затѣмъ ходатайствуютъ о допущеніи старообрядческаго духовенства для напутствованія больныхъ въ больницы и на поле сраженія, объ устраниніи несправедливыхъ правовыхъ ограниченій для нихъ при выборахъ на общественныя должности, на военной службѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ старообрядцевъ не производятъ въ унтеръ-офицеры; объ изгнаніи изъ официального языка обиднаго слова «раскольникъ» и т. п.

Пусть же скажутъ, какая опасность грозитъ православнои паствѣ отъ проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ, несомнѣнно не терпящихъ отлагательства, необходимыхъ мѣръ? Въ какой связи съ ними стоитъ та свобода *пропаганды*, которой запугиваетъ ретроградная печать довѣрчивыхъ читателей?..

Насколько мои мысли являются *запугиваніями*, думаемъ, всякому очевидно изъ сказаннаго выше. Это—не запугиванія, а настоящая дѣйствительность, которая послѣ указа 17 апрѣля не замедлила обнаружиться во всей своей реальной силѣ, подтверждая какъ нельзя лучше всю основательность моихъ опасеній. Если „Слово“ помнитъ свои „передовыя“ слова о нашихъ „запугиваніяхъ“, то какими глазами оно читаетъ теперь извѣстія, что на Кавказѣ цѣлыя села совращаются въ молоканство, въ „польскихъ“ губерніяхъ католическая миссія, при всякихъ кощунственныхъ агитаціяхъ, открыла форменную „пропаганду вѣры“, привлекая въ папство не только униатовъ, но и православныхъ, обѣщаніями 10 лѣтъ не брать съ прихожанъ за требоисправленія и на костель и т. п. льготами, на югѣ и въ прибалтійскомъ краѣ протестантскихъ пасторовъ православные осаждаютъ требованіями присоединенія къ протестантству и т. д.? И всякому, кто знаетъ религиозную беззащитность и религиозное невѣжество простого русскаго люда и его нищенство, вполне понятно, что здѣсь не на чемъ-нибудь другомъ, а на почвѣ подкупа идетъ денной разбой, грабежъ... грабятъ вѣру православнаго человѣка, ограбляютъ его спасительное упованіе! И ужели къ этому можетъ равнодушно относиться *русская православная* власть! Спячки духовнаго нашего паствы, не интересовавшагося вѣрой народа и совершенно не готоваго защищать ее, по упокоеніи на лонѣ таковаго требоисправительства, разумѣется, и языкъ не повернется оправдывать. Оно, быть можетъ, болѣе всего тутъ виновато... Но зачѣмъ карать одного за грѣхи другого? Сътованіе „Слова“, якобы въ моей статьѣ „обычная подтасовка понятій... что я *понятіе* свободы исповѣданія подмѣнилъ *понятіемъ* свободы пропаганды, „которой никто (изъ расколо-сектантства) и не добивается“,—одно непониманіе дѣла. Понятія—„свободы исповѣданія“ и „свободы пропаганды“ я не „подтасовываю“, не „подмѣняю“, точно рассчитывая на зѣвокъ „довѣрчивыхъ читателей“, а просто не раздѣляю этихъ понятій, отождествляю ихъ. И это понятно для всякаго хоть сколько-нибудь свѣдущаго въ расколо-сектантскомъ вопросѣ. Расколь и сектанство сотни годовъ росли и воспитывались на пропагандѣ. Пропагандизмъ сдѣлался неотъемлемой чертой нашего отступничества. Болѣе того, онъ неотъемлемъ во всякомъ религиозномъ ученіи и во всѣхъ искреннихъ, а не циниф-

ферентныхъ и лицемѣрныхъ, послѣдователейхъ его. Укажите мнѣ хоть одного вѣрующаго раскольника или сектанта, который, при встрѣчѣ съ лицомъ другого упованія и разговорѣ на религіозную тему, не сказалъ бы: „истинно-Христова—только наша вѣра; если хочешь спастись, переходи къ намъ“ (слѣдуютъ доказательства). Да это и понятно по самому существу дѣла. „Слово“ смущается соединеніемъ понятій свободы исповѣданія и—пропаганды только потому, что не хочетъ считаться и съ элементарно-катехизическими свѣдѣніями о вѣрѣ. Обратите вниманіе на слова Писанія: 1) „Единъ Господь, едина вѣра“, 2) „кто не будетъ имѣть вѣры—осужденъ будетъ“, 3) „люби ближняго, какъ самого себя“, 4) „обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“, 5) „всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдаю и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ; а кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и Я предъ Отцомъ Моимъ небеснымъ“, 6) „рабу Господа... должно быть... учительнымъ, съ кротостью наставляя противниковъ, не дасть ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины“, 7) „если и церкви не послушаетъ (братъ твой), то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“.—Соедините всѣ эти лучи слова Божія въ одинъ, такъ сказать, фокусъ, и вы увидите, что „исповѣданіе“ вѣры и „пропаганда“ ея—неразлучны, какъ причина и дѣйствіе. Да и въ самомъ дѣлѣ: если я вѣрю, что вѣра Христова спасающая и Церковь истинная—только *одна*, какъ единъ Господь, что внѣ ея—погибель, то я, по слову Божію, обязанъ проповѣдывать (пропагандировать) ее среди всѣхъ „заблудшихъ“ по любви моей къ нимъ, какъ „ближнимъ“ своимъ, т. е. среди всѣхъ не моего упованія людей. Припомните апостольскую проповѣдь и миссіонерство во всѣ времена Церкви Христовой и разныхъ христіанскихъ исповѣданій, и вы убѣдитесь въ этомъ изъ исторіи. Если это васъ не убѣдитъ, то вотъ живые факты. Послѣ 17 апрѣля католичество, протестантство, штунда, молоканство, расколъ раздѣлили-ли свободу исповѣданія отъ свободы пропаганды? Не десятки, не сотни, а цѣлыя православныя села совращаются въ инославіе и отступничество, т. е. духовно обманываются и „на законномъ основаніи“ грабятъ въ самомъ первомъ своемъ духовномъ достоинствѣ. Теперь ужъ, какъ говорилъ Лѣсковскій дьяконъ Ахилла, „противъ факта не попрешь!“..

Само же „Слово“, около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ 17 апр., пишетъ въ одной изъ своихъ передовыхъ „Свобода или насиліе“ (№ 173) уже слѣдующее:

Всегда грубо и фанатично настроенное католическое духовенство юго-западнаго края, прикрываясь закономъ о *свободѣ исповѣданія*, повело *насилъственную пропаганду католицизма*. Своими обычными угрозами лишенія небесныхъ благъ оно побуждаетъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ лишать заработка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и куска насущнаго хлѣба всѣхъ тѣхъ, кто не согласится на переходъ въ католичество,—и такимъ путемъ добивается массовыхъ обращеній.

Мы не споримъ, что въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ перешедшихъ въ католичество крестьянъ холмской Руси большое число (завербованныхъ въ православіе уніатовъ) добровольно перешло въ католи-

чество, но рядъ *корреспонденцій* и показаній *очевидцевъ* устанавливаетъ и вопіющіе факты насильственной, не стѣсняющейся, по іезуитскимъ традиціямъ, въ средствахъ пропаганды со стороны ксендзовъ и католическихъ епископовъ. Ни мало не огорчаясь добровольными переходами въ католичество, какъ бы велико ихъ число ни было, мы весьма смущены этими фактами *насилія во имя свободы*.

Любопытно бы теперь слышать отъ „Слова“, мы-ли „подтасовывали понятія свободы исповѣданія и свободы пропаганды“, или оно не имѣло никакого понятія о томъ, о чемъ два мѣсяца назадъ писало? Въ „Словѣ“ свое нераскаянное невѣжество, надо думать, предпочтутъ скрыть въ іезуитскій оборотъ, что мы де „никогда не позволяли себѣ унизиться до полемики съ „Мисс. Обзор.“ (См. „Слово“ № 175).

Штундисты, какъ теперь стало извѣстнымъ, въ самомъ своемъ ходатайствѣ предъ властью настаивали на неразрывности исповѣданія и пропаганды. И въ данномъ случаѣ были по существу правы. „Исповѣданіе“ не отливается въ форму „пропаганды“ только у того, кто собственно *не върнть* въ исключительную истинность и спасительность своего именно упованія, кто въ состояніи служить *разнымъ* богамъ, кто потерялъ подъ собою твердую религіозную почву. Но таковымъ людямъ уже и совѣстно бы разсуждать о дѣлахъ вѣры.

Послѣ сказаннаго можно бы и не считаться со всѣми другими сужденіями „Слова“ по вопросу о „свободѣ исповѣданій“, такъ какъ едва-ли не всѣ они представляютъ собой самое большее—одну, неповинную въ знаніи дѣла, „словесность“. Вотъ, къ примѣру, что пишется, между прочимъ, въ № 61 „Слова“ въ статьѣ „О свободѣ совѣсти“.

Становясь на сторону стѣсненій, представители духовенства уклоняются отъ Христова пути, *внимаютъ злымъ навѣтамъ искушавшаго Спасителя духа*.—Противъ этого положенія безсильны богословы.

Бѣдные богословы! Они безсильны даже противъ явно нелѣпаго „положенія“! Нѣтъ, господа „словесники“, не представители духовенства, а именно вы „внимаете злымъ навѣтамъ искушавшаго Спасителя духа“: ваше искушеніе,—чтобы Церковь Христова „бросилась внизъ“, такъ какъ де „непобѣдимое обаяніе Христовой любви на сердце народа“ („Слово“ 61 № таже ст.) сохранить ее и она „не преткнется о камень ногою“ своею...

Опору политикѣ насилія пытались иногда найти въ фактѣ извѣстнаго изгнанія Спасителемъ изъ храма „торгующихъ“; но вѣдь здѣсь имѣемъ дѣло не *въ* насиліемъ надъ убѣжденіемъ, а съ борьбой противъ проступка, *оскорбляющаго религиозное чувство*: этимъ фактомъ можно оправдать *преслѣдованіе* силой *сектантовъ*, совершающихъ преступныя и оскорбительныя для нравственности дѣянія, чего никто и не оспариваетъ, но никакъ не больше.

Почему же это предполагается, что „поступки, оскорбляющіе наше религіозное чувство“, достойные „преслѣдованія“, могутъ быть только у сектантовъ? У раскольниковъ ихъ можетъ быть даже больше. „Въ церкви православной царствуетъ треокаянная апокалипсическая троица: *змія, звѣрь и лживый пророкъ*... Исусъ

есть антихристъ, родившійся послѣ истиннаго Спасителя Ісуса Восемь лѣтъ спустя...“ (безпоповцы и противокружники). „Церковь господствующая есть жилище бѣсомъ и хранитель всякому духу нечисту и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ и ненавидимыхъ, блудный Вавилонъ“ и т. п. („Церковь Христова временно безъ епископа“ И. Усова, начетчика австрійскаго окружническаго толка, лжеепископа Иннокентія, стр. 10). Какъ вамъ кажется, можетъ это „оскорблять“ православнаго челоуѣка въ его *религіозномъ чувствѣ* или нѣтъ? А раскольники, даже поповцы австрійскаго окружническаго толка, которые затѣваютъ теперь построить въ центрѣ Петербурга храмъ во имя святыхъ 17 апр., говорятъ это православнымъ, даже въ присутствіи миссіонеровъ, а что они дѣлаютъ, когда видятъ, что простой православный людъ совершенно беззащитенъ?! Стыдно, позорно нашей печати закрывать на это глаза. Ей нужно быть справедливою! Насколько даже у самыхъ сравнительно приличныхъ раскольниковъ (австрійско-окружниковъ) въ большомъ „обиходѣ открытое рѣзкое порицаніе церковнаго ученія“, мы сейчасъ указали. Неокружниковъ и безпоповцевъ ужъ не имѣемъ въ виду, о сектантахъ молчимъ; иначе—пришлось бы исписать такимъ порицаніемъ, достовѣрнымъ, фактическимъ, какое знаетъ и православный народъ, соприкасающійся съ отступническимъ элементомъ сотни листовъ. А что „отъ права свободно заявлять о своей принадлежности къ тому или иному исповѣданію до безпрепятственнаго совращенія другихъ“ очень не „далеко“, это мы показали выше и принципиально и фактами.

Еще нѣсколько словъ изъ „Слова“.

Вся полемика противъ идеи свободы совѣсти—есть рядъ плохо построенныхъ и легко уязвимыхъ софизмовъ. Такъ „свободу совѣсти“ стараются отождествить съ „свободой пропаганды“ и аргументируютъ противъ нея, указывая на невозможность со стороны государства предоставить на расхищеніе разнымъ пропагандистамъ темную народную массу. Но отъ права свободно заявлять о своей принадлежности къ тому или иному исповѣданію до безпрепятственнаго совращенія другихъ еще *очень далеко*. Указываютъ на то, что свобода отпаденія отъ православія равнялась бы переходу во враждебный политическій станъ—расколу національному. Но такое предположеніе, прежде всего, является оскорбительной инсинуаціей по адресу всѣхъ инославныхъ русскихъ подданныхъ; а затѣмъ, одна ни на чемъ не основанная подозрительность еще не достаточное основаніе для репрессій,—для оправданія послѣднихъ нужно имѣть положительные данныя, указывающія на существованіе злого умысла.

Провозглашеніе свободы совѣсти равняется разрыву союза между церковью и государствомъ. Но и это положеніе не имѣетъ подъ собою почвы. «Союзныя отношенія со стороны государства должны выражаться въ охранѣ церковнаго ученія отъ *открытаго рѣзкаго его порицанія*, въ обезпеченіи за духовенствомъ почетнаго положенія въ обществѣ и средствъ къ безбѣдной жизни, въ принятіи мѣръ къ религіозному воспитанію подростящихъ поколѣній и т. п., но никакъ не въ томъ, чтобы стоять съ мечомъ на стражѣ правовѣрія» (К. К. Арсеньевъ, «Свобода совѣсти и вѣротерпимость»).

Въ полемикѣ по вопросу о религіозной терпимости не разъ слышались ссылки на то, что у насъ нѣтъ преслѣдованій за убѣжденія, и каждый воленъ исповѣдывать свою вѣру. Наивный оптимизмъ! Странно говорить о свободномъ исповѣданіи вѣры тамъ, гдѣ принадлежности одного

изъ родителей къ православію вполне достаточно для того, чтобы *обресть ребенка на подневольное исповѣданіе въ теченіе всей жизни православнаго исповѣданія.*

Мудрыя слова и серьезныя, а не то что другія... „наивныя“... Какъ, въ самомъ дѣлѣ, *ребенокъ* православнаго родителя „обрекается на *подневольное* исповѣданіе „православія“? Да вѣдь это дѣйствительно ужасно! Надо бы дѣло поставить совсѣмъ по иному. А именно. У православнаго родителя появился на Божій свѣтъ ребенокъ. Сейчасъ къ нему вѣроисповѣдное отношеніе: „свободный гражданинъ (или гражданка) русскій(ая)! У насъ свобода исповѣданій и 200 вѣръ, къ какой изволите принадлежать? Есть такія вѣры, что вамъ не полагается ни имени, ни воднаго крещенія, есть и такія—гдѣ вамъ дадутъ имя и васъ сейчасъ же окрестятъ, но и такихъ очень много—православная, католическая, протестантская, раскольничья и въ расколѣ 150 упованій; такъ, какъ прикажете съ вами быть“?.. Какъ это ни смѣшно, а, вѣдь, по существу, къ такому абсурду и ведутъ приведенныя сейчасъ не „наивныя“ сѣтованія „Слова“, что *ребенокъ* обрекается на *подневольное* исповѣданіе православія (такъ какъ уклоненіе *взростаю* въ расколъ или секту—терпимую—давно уже не преслѣдуется уголовнымъ закономъ).

Еще нѣсколько не „наивныхъ“ словъ „Слова“:

Въ судьбѣ сектантства особенно тяжело поражаетъ та крайняя произвольность, съ которою на судѣ опредѣляется принадлежность того или иного лица къ „вредной сектѣ“. Судятъ по *одному* показанію *миссіонер-эксперта*, отдѣлывающагося въ этихъ случаяхъ одной шаблонной бездоказательной фразой: „соціально-коммунистическія тенденціи скрыты въ глубинѣ секты“. Осужденіе остается, такимъ образомъ, *цѣликомъ на совѣсти эксперта*, но отъ этого не легче сектантамъ, такъ какъ *миссіонерская совѣсть въ этомъ отношеніи, какъ показали факты, не отличается излишнею щепетильностью.*

Ну, скажите Бога ради, порядочно-ли дѣлать такія обобщенія?.. Право, стыдно за „Слово“. Я былъ, напр., на оренбургскомъ окружномъ судѣ по дѣлу объ оренбургскихъ хлыстахъ Н. и С. Утицкихъ (дже-христахъ) въ 1897 г. Экспертомъ былъ профессоръ Казанской дух. Академіи Н. И. Ивановскій, человекъ, постигшій всѣ секреты отступничества; онъ далъ экспертизу по существу; хлыстовъ осудили на высылку въ Закавказье; саратовская судебная палата, по апелляціи, оправдала хлыстовъ. Теперь и судите—„по *одному* ли показанію миссіонера судятъ“ отступниковъ и „остается ли осужденіе *цѣликомъ на совѣсти эксперта*“? И это одинъ примѣръ изъ множества. А это: „*миссіонерская совѣсть, какъ показали факты, не отличается излишнею щепетильностью*“? Сообщеніе вполне достойное свободной совѣсти и либеральной деликатности... Что же, пишите, пишите, г.г. „словесники“, въ томъ же духѣ, чтобы съ *честью* выдержатъ направленіе и не показаться ретроградными...

Переходимъ къ возраженіямъ „Церковнаго Вѣстника“.

За послѣднее время этотъ органъ ужъ очень затосковалъ по покойномъ „Новомъ Пути“ и нерѣдко сталъ вызывать на свои страницы тѣнь своего случайнаго друга... Въ № 6 „Церк. Вѣст.“

обозрѣватель „мнѣній и отзывовъ“ сдѣлалъ въ нѣсколько строкъ выдержку изъ моей статьи и, какъ „трезвый“ человѣкъ, согласился, что „нѣкоторое физическое охраненіе нашихъ младенцевъ въ вѣрѣ отъ иновѣрныхъ вліяній естественно и условно-необходимо“ (т. е. до поры до времени), по тутъ-же, нѣсколькими строками ниже, заявляетъ, что наши „разсужденія не имѣютъ подъ собой никакой принципиальной опоры“. Странно: какую же „опору“ имѣлъ обозрѣватель, какъ „трезвый“ человѣкъ, соглашаясь съ тѣмъ, что „нѣкоторое физическое охраненіе младенцевъ въ вѣрѣ отъ иновѣрныхъ вліяній естественно и условно-необходимо“? Если имѣлъ и не повѣдалъ о ней міру, то это безчеловѣчно; если не имѣлъ и тѣмъ не менѣе „согласился“, то явно довольствовался опорамъ и не принципиальнаго свойства; *tertium non datur*. Я приеодить слова Григорія Назіанзина, что попустительство властью еретической пропаганды есть въ сущности невѣріе этой власти въ церковное ученіе, такъ какъ противно здравому смыслу признавать за истину два противоположныхъ ученія объ одной и той же вещи. Приведены были мною и основанія опасеній массоваго отпаденія отъ православія не по убѣжденію въ правотѣ другого упованія, а по совершенно другимъ причинамъ, которыя съ объявленіемъ „свободы исповѣданій“ не будутъ имѣть ничего „удерживающаго“. Повторять всего этого не буду. Скажу только, что „метафизикъ“ „Церковнаго Вѣстника“, хотя и снизошелъ до сознанія „необходимости нѣкотораго физическаго охраненія отъ иновѣрныхъ вліяній младенцевъ въ вѣрѣ“, однако полагаетъ, что „для этого-де нужно бы выдумать орудіе иное, а это что... веревка, вервѣе простое“... Вполнѣ по-академически! На наши ображенія, выстраданныя, такъ сказать, на почвѣ живого, непосредственнаго наблюденія надъ религіозною жизнію православнаго населенія, соприкасающагося съ отступническимъ элементомъ, „Церк. Вѣст.“ отвѣчаетъ „также практически“ (?). А именно: „только легковѣрные и неопытные люди склонны видѣть какой-то радикализмъ въ нашихъ реформахъ, идущихъ сверху. Опасенія ихъ совершенно излишни. По всѣмъ признакамъ, эти реформы, какъ были, такъ и будутъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго (какая предусмотрительность отступленія: въ случаѣ чего, молъ, можемъ сослаться и на погоду, какъ непредвидѣнную...), болѣе чѣмъ умѣренными и постепенными. А если такъ, то и задачи православной миссіи не обострятся вдругъ до такого трагизма, какъ это рисуется пугливому воображенію“.

Хотѣлось бы знать теперъ, послѣ указа 17 апрѣля и массы скорбныхъ извѣстій о жертвахъ инославной и сектантской пропаганды, что мыслилось въ „практическомъ отвѣтѣ“ „Церк. Вѣстника“ подъ „всѣми признаками“, подъ „непредвидѣннымъ“, а также и подъ „пугливымъ воображеніемъ“?! „Практичный“ отвѣтчикъ „Церк. Вѣстника“ долженъ бы сказать теперъ, что-де подъ „пугливымъ воображеніемъ“ я разумѣлъ предвѣстіе факта, а подъ своею „практичностью“, „всѣми признаками“ и „непредвидѣннымъ“ ничего собственно не разумѣлъ...

Нравственное самочувствіе его должно бы отягощаться и въ

виду того обстоятельства, что манера его составлять „мнѣнія и отзывы“ по двумъ-тремъ фразамъ внѣ ихъ контекстуальнаго смысла въ статьяхъ несогласныхъ съ нимъ, обозрѣвателемъ, авторовъ, можетъ навести на грѣхъ, „соблазнить“ людей, не привыкшихъ серьезно относиться къ мысли своего ближняго и къ законамъ здраваго мышленія. Одинъ изъ таковыхъ „малыхъ“ не замедлилъ объявиться на страницахъ того же „Церковнаго Вѣстника“ въ № 20. Въ этомъ № помѣщена статья — „Какъ же быть безъ духовной цензуры?“ Статья подписана: „Проф. прот. П. Свѣтловъ“. Подъ „Проф. прот.“ подписи, какъ это ни странно, при качествахъ статьи, надо разумѣть „профессоръ, протоіерей“. Впрочемъ, теперь ничему, кажется, удивляться нельзя! Статья касается, между прочимъ, вопроса о свободѣ исповѣданій въ связи съ отступнической пропагандой и написана со вдохновеннымъ потомъ. Первое, что насъ поражаетъ въ этой статьѣ—это обиліе богословскихъ ссылокъ: страницы статейки прямо-таки испещрены святоотеческими авторитетами профессора-протоіерея: что ни шагъ, то *Вл. Соловьевъ*, или *Аксаковъ*, или *Неплюевъ*, или др. под. Насколько патрологична статейка протоіерея Свѣтлова, можете судить по тому, что на трехъ страницахъ она по четыре раза процитовала *Вл. Соловьева* и *Аксакова*, разъ *Неплюева*, а на слово Божіе и подлинно святыхъ отцовъ не сослалась ни разу (единственную цитату (1 Іоан. 5, 4—5), какъ поставленную между прочимъ и не къ дѣлу, въ расчетъ не принимаемъ). Даже совершенно невинныя и простые мысли и фразы, изъ-за которыхъ не стоило бы и тревожить кости мертвецовъ, и тѣ у Свѣтлова обставлены авторитетомъ Соловьева или Аксакова. И больно и смѣшно... Напр., фраза „уголовно-цензурная стѣна внѣшняго принужденія, охраняющаго православную Церковь“, стоитъ у проф. Свѣтлова съ авторитетомъ: „*Вл. Соловьевъ!*“ Казалось бы, профессору богословія подтверждать такіе пустяки и авторитетами далеко не богословскими прямо непристойно.

Второе, что поразило насъ въ Свѣтловской статейкѣ,—это черзчуръ профессорское обращеніе съ чужою мыслью... Моей статьи въ № 1 „Мисс. Обзоръ.“ — „Навстрѣчу свободы исповѣданій“ о Свѣтловѣ не читалъ; онъ беретъ изъ нея нѣсколько отдѣльныхъ фразъ, приведенныхъ въ 6 № „Церковн. Вѣстн.“ стр. 165 (какую цитату о Свѣтловѣ, къ чести его, и проставилъ въ своей статьѣ). И вотъ на основаніи этихъ-то отдѣльныхъ моихъ фразъ, взятыхъ при томъ съ чужихъ рукъ, онъ разводитъ, съ чисто профессорскою докторальностью, не то богословіе, не то мораль, не поймешь. Но какая цѣна этому богословію или морали, читатель поймешь изъ слѣдующаго. Вотъ что пишется въ статьѣ о Свѣтлова:

Врата адава, пишетъ въ „Мисс. Обзоръ.“ (№ 1) Гринякинъ, скорѣ раскроются во всю ширь, расколъ и дикія секты хлынутъ во дворъ церковный, и погибель духовная будетъ громадная... Ужели при такомъ зрѣлищѣ у кого-нибудь изъ православныхъ хватить тупой наивности утѣшаться сознаніемъ того, что Церкви Христовой врата адава не одолѣютъ? А такое лѣнливое и нелѣпое самоутѣшеніе приходилось слышать даже отъ

православныхъ пастырей (Ср. «Церк. Вѣстн.» № 6, стр. 165). Вотъ очень сильный языкъ настоящаго подлиннаго страха, у котораго «глаза велики». Въмѣстѣ съ тѣмъ это языкъ полнаго невѣрія въ Божественную Церковь, которому вѣра кажется наивною, да еще «тупою», и «лѣнливимъ, нелѣпымъ самоутѣшеніемъ». Безъ вѣры въ силу Христовой правды и неодолимость Божественной Церкви дѣйствительно мы должны стать добычею страха и искать для Церкви и Христова дѣла подпорокъ внѣшней принудительной охраны. Вотъ почему г. Гринякину страшно за Церковь, и надо отдать ему справедливость, постоянная и коренная причина ревническаго страха за православіе и стремленіе къ поддержанію его внѣшними нецерковными мѣрами здѣсь выражены съ рѣдкою откровенностью и непринужденностью.

Короче говоря, проф. прот. Свѣтловъ изъ приведенной имъ моей фразы заключаетъ къ моему невѣрію въ неодолимость Церкви. Нѣсколько ниже онъ продолжаетъ: «Главная и самая ужасная опасность для Церкви въ недостаткѣ и оскудѣніи того, что назвали въ „Мисс. Обзорѣніи“ „тупою наивною“ и „нелѣпымъ самоутѣшеніемъ“. Въ недостаткѣ вѣры во Христа Распятаго, Божію силу и Божію премудрость“... Тутъ уже Свѣтловъ обличаетъ „Мисс. Обзорѣніе“ въ невѣріи во „Христа Распята, Божію силу и Божію премудрость“... Обвиненіе ужасное! Къ счастью, оно насъ не касается ни единой чертой. Всякій здравомыслящій пойметъ это изъ того, что мною дѣйствительно писано „На встрѣчу свободы исповѣданій“—въ № 1 „Мисс. Обзор.“ Вотъ мои слова:

Что ждетъ православную паству, при полной разнузданности отступнической пропаганды, догадаться не трудно: смута, броженіе въ приходѣ и отпаденіе отъ истины. Какая православная душа можетъ остаться спокойной, безразличной, какоэ православное сердце не дрогнетъ, когда изъ двора церковнаго пойдутъ въ дебри темнаго заблужденія десятки, сотни и тысячи православныхъ людей? И пойдутъ по младенческому несмыслию въ православной вѣрѣ, пойдутъ по невѣжеству, по слѣпотѣ! Ужели и при такомъ зрѣлищѣ, у кого-нибудь изъ православныхъ хватить тупой наивности утѣшаться сознаниемъ того, что Христовой Церкви «врата адава не одолѣютъ»? А такое лѣнливое и нелѣпое самоутѣшеніе приходилось слышать даже отъ православныхъ пастырей; да и какими тономъ оно высказывалось? въ неодобреніи идеи открытой и ничѣмъ неограниченной пропаганды отступничества довольно смѣло усматривалось даже невѣріе словамъ Спасителя о необходимости Его Церкви отъ вратъ адава.г! Само собою разумеется, что серьезно считаться съ такими взглядами значило бы сражаться съ вѣтряными мельницами.

Думается, прочитай прот. Свѣтловъ даже только эти слова, онъ едва-ли бы захотѣлъ уподобиться «вѣтряной мельницѣ». Далѣе мной, между прочимъ, писано:

Я православный христіанинъ. Вѣрю, что истина въ нашемъ церковномъ исповѣданіи, знаю, что расколъ и секты — тѣма и заблужденіе; вѣрю, что свѣтъ Христовъ во вѣки вѣковъ будетъ свѣтитися и тѣма его не обниметъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ; глубоко вѣрю и словамъ Христа, что «врата адава не одолѣютъ Его Церкви». Но вотъ въ эти «врата адава» (разныя ереси по Блаж. Теофилактѣ) стремглавъ летятъ сотни и тысячи моихъ меньшихъ братій (опять-таки по причинамъ, ничего общаго съ настоящимъ религіознымъ убѣжденіемъ не имѣющимъ); а я, преспокойно наблюдаю это зрѣлище, умиляюся своей вѣрой въ церковную несодлѣнность. До вѣдь это прямо безбожно.. Безбожно было бы

бросать эту меньшую нашу братію и ихъ потомство въ омутъ отступничества, на вѣчную пагубу, только потому, что она, по независящимъ, какъ говорятъ, отъ нея обстоятельствамъ—и неграмотна, и христіански неразвита, и невѣжественна въ своемъ упованіи...

Затѣмъ мною разобраны либеральныя на это возраженія, среди которыхъ фразы проф. Свѣтлова могутъ занять самую микроскопическую долю.

Теперь предаемъ себя на судъ читателей. Пусть они скажутъ, какое въ нашихъ словахъ невѣріе въ неодолимость Церкви Христовой и въ Христа распята—Божію силу и Божію премудрость?! Особо два слова о. Свѣтлову: Если вы, о. протоіерей, не читали всей моей статьи, изъ которой берете двѣ-три фразы на прокатъ для осужденія ея мысли и подводите ее подъ судъ невѣрія въ „неодолимость Церкви Христовой и во Христа распята, Божію силу и Божію премудрость“, то вы слишкомъ легко смотните на законъ и Божій и человѣческой—о клеветѣ; а если читали, то „съ рѣдкою откровенностью“ обнаруживаете непониманіе прочитаннаго... Если ошибаюсь, покажите это. По вопросу о свободѣ отступнической пропаганды мы и въ прошломъ году („Наши Гамаліилы“) и въ текущемъ („На встрѣчу свободы исповѣданій“ и „Предъ распутьемъ“), разсуждали по существу дѣла и на основаніи ученія свв. отцовъ, имѣя въ виду и практическую сторону вопроса. Отвѣтите и намъ на это по существу, по профессорски, на довлѣющихъ основаніяхъ и по признаннымъ св. православною Церковью авторитетамъ. Не забудьте и вотъ о чемъ.

Вы пишете: „*Не грѣхъ-ли бояться за вѣру православную? Не грѣхъ-ли намъ гнѣвить Бога страхомъ за православную вѣру?*“ Простите, отче! Быть можетъ, исторія христіанской Церкви и во времена ея тяжкихъ испытаній до эдикта Константина Великаго и во времена аріанства и моноелитства, когда, казалось бы, „врата адовы“ совсѣмъ поглотили православную Христову Церковь, кому-нибудь лучше, чѣмъ вамъ, извѣстна; однако и такіе свѣдущіе люди, думаемъ, въ правѣ спросить,—что вы мыслите въ словахъ церковной пѣсни: „*утверди, Господи, Церковь?*“ Ужели *страхъ* за ея неутвержденность? Или: вы, какъ „православный“ христіанинъ, вѣрите въ Промыслъ Божій и „ангела хранителя“, почему вы не могли бы дать своимъ двухъ или трехлѣтнимъ дѣтямъ поиграться бритвой? Вѣдь, „безъ воли Отца нашего Небеснаго и волосъ не упадетъ съ головы нашей“; и можно-ли, значить, опасаться за ребенка съ бритвой въ рукахъ, разъ Богъ—распорядитель надъ его судьбой и ангель хранитель—его защитникъ?! А вѣдь вы, думается, не дадите дѣтямъ бритвы? Что же? Значить-ли это, что вы не вѣрите въ Промыслъ Божій о дѣтяхъ? Что вы гнѣвите Бога? А ужели въ другомъ положеніи наши младенцы въ вѣрѣ, нашъ неграмотный народъ, предъ отступнической пропагандой, при „свободѣ исповѣданій“, когда, вмѣсто убѣжденія, будутъ пущены въ ходъ ложныя обѣщанія всяческихъ матеріальныхъ выгодъ, какъ соблазнъ блестящихъ игрушекъ, хотя бы и опасныхъ для жизни, для несмыслящаго ребенка?! А что на таковой соблазнъ ловятся теперь, послѣ 17

апр., поголовно православныя селенія, объ этомъ вы можете прочитать въ газетахъ (за множествомъ таковыхъ извѣстій не цитуюемъ ихъ).

Наконецъ спросимъ о. Свѣтлова еще вотъ о чемъ: возраженія противъ свободы отступнической и инославной пропаганды онъ считаетъ за одно съ невѣріемъ въ неодолимость Христовой Церкви,—такъ пусть намъ отвѣтитъ не голословно, а „отъ Писанія“ и „св. отцовъ“ (а не отъ Вл. Соловьева, Аксакова, Неплюева и др., не помѣченныхъ пока въ святцахъ): вѣрилъ-ли св. ап. Павелъ въ неодолимость Церкви Христовой, когда восклицалъ въ посланіи къ Галатамъ, поколебавшимся отъ жидовствующихъ тенденцій:—„о если бы удалены были смущающіе васъ“? Вѣровалъ-ли равнымъ образомъ св. Григорій Назіанзинъ, одинъ изъ великихъ столповъ православія, въ неодолимость Христовой Церкви, когда такъ энергично протестовалъ противъ попустительства отступнической пропаганды, какъ противъ невѣрія въ церковную истину? (цитаты приведены въ раннѣйшихъ статьяхъ). Или, по Свѣтлову, и ап. Павелъ и св. Григорій Назіанзинъ не вѣровали „во Христа распята—Божію силу и Божію премудрость?..“.

Третье, что насъ смутило въ статьѣ прот. Свѣтлова,—это то, что онъ, какъ говорится, „зарапортовался“.

Онъ пишетъ:

Громадная духовная гибель* и гибель Церкви именно въ этой самой стѣнѣ (охраны), которая рано или поздно наконецъ и *совсѣмъ придавитъ* ее.. Не сыпями-ли, и наружными нарывами, и выходомъ гноя наружу излѣчивается организмъ отъ болѣзней? (далеко не отъ всѣхъ!) Не этимъ-ли путемъ совершается его оздоровленіе, очищеніе отъ гибельныхъ соковъ, а искусственное прегражденіе выхода для нихъ *не грозитъ-ли смертію организму?* Но такое *именно значеніе для вѣры и церкви* получаютъ всѣ внѣшнія охранительныя ихъ мѣры, по *свидѣтельству* горькой дѣйствительности и исторіи.

Интересно бы узнать, какая же это „горькая дѣйствительность и исторія“ „свидѣтельствовали“ прот. Свѣтлову о „гибели и смерти Церкви“ по причинѣ мѣръ охраны ея отъ еретической пропаганды? Если о. Свѣтлову погрезилось когда-нибудь такое свидѣтельство, то это, внѣ всякаго сомнѣнія, было навожденіемъ дьявольскимъ, и протоіерею, вмѣсто того, чтобы вѣрить такому свидѣтельству, нужно было совершить крестное знаменіе съ молитвой Иисусовой. Развѣ же можно умереть и погибнуть „неодолимой отъ вратъ адовыхъ“ Церкви Христовой? Развѣ можетъ умереть и погибнуть Ея Основатель и Глава—Христосъ Богъ? Только богохульный языкъ подлиннаго „невѣрія во Христа и Церковь Его, въ Божію силу и Божію премудрость“ можетъ договориться до этого. Златоустъ говоритъ, что „удобнѣе солнцу угаснуть, нежели Церкви безъ вѣсти быти“. А вотъ проф. Свѣтлова „горькая дѣйствительность и исторія убѣдили“, что Церковь можетъ даже совсѣмъ „умереть и погибнуть“! И почему же? Да все изъ-за „охранительныхъ мѣръ“!.. Такъ что повремени еще указъ 17 апр., отъ Церкви Христовой, быть можетъ, по Свѣтлову,

осталось бы одно воспоминаніе! Удивительные профессора пошли... Просто въ подпись не вѣришь. Да вѣдь изъ церковной же исторіи проф. Свѣтловъ могъ бы знать, что „охранительныя мѣры“ со стороны гражданской власти противъ еретической пропаганды и въ эпоху вселенскихъ соборовъ принимались и такія, о которыхъ теперь говорили бы съ ужасомъ, и принимались по настоянію такихъ свѣтилъ православія, какъ Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, и что же—ужели проф. Свѣтловъ теперь состоитъ про-тоіереемъ въ „мертвой и погубленной“ Церкви?!

Хотѣлось бы знать смыслъ и такого сообщенія со стороны о. Свѣтлова: „Христіанская вѣра не потерпѣла и не терпитъ крушенія и ущерба и нынѣ въ странахъ свободныхъ отъ внѣшней уголовно-цензурной опеки. Крѣпка вѣра въ христіанской Англіи и другихъ ей подобныхъ странахъ (какъ Голландія, Швеція, Норвегія, Давія и др.,—быть можетъ, даже Франція съ комбовщиной, Америка съ нехристіанскимъ „христіанствомъ“ и т. п.), но въ ней нѣтъ никакой цензуры съ 1694 года!“ Намъ хотѣлось бы узнать, что мыслить прот. Свѣтловъ подъ „христіанской вѣрой, не потерпѣвшей крушенія и ущерба“ въ странахъ протестантскихъ? вѣру-ли истинно-спасительную, которая по самому существу своему *едина*, или религіозное заблужденіе на христіанской почвѣ? Если первое, то о. Свѣтловъ со своей точки зрѣнія правъ: о православіи заботиться особенно нечего,—можно спастись и въ протестантствѣ; если—второе, то напрасно онъ преподноситъ такой примѣръ.

Въ заключеніе своей статьи о. Свѣтловъ патетически взываетъ: „Мы говоримъ вѣрующему сердцу и уму; мы къ нимъ взываемъ съ мольбой нынѣ востать и возвысить голосъ свой въ защиту истинныхъ интересовъ Церкви противъ тѣхъ, кои въ своей ревности о Церкви не знаютъ, „какого они духа“. Типичный паеосъ пастыря 20-го числа! Что ему до того, что въ Холмщинѣ поголовно цѣлыми волостями православный народъ отпадаетъ отъ святой вѣры, и не по убѣжденію, а буквально по оболыщенію и подкупу католической пропаганды? Что ему до поголовнаго перехода православныхъ селеній въ протестантство въ Прибалтійскомъ краѣ, до обращенія въ молоканство и штунду на Кавказѣ и Крымскомъ краѣ? Что ему до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православнымъ пастырямъ остается пасти только свои семьи да церковныхъ сторожей, такъ какъ православный народъ, по религіозному невѣжеству и кознямъ отступнической пропаганды, оставляетъ святую православную вѣру? Чѣмъ рискуетъ проф. Свѣтловъ въ своемъ паеосѣ, разъ и „вратами ада неодолимое“ 20-е число у него обезпечено, свято-церковная вѣра русскихъ людей ему не дорога, а въ перспективѣ извѣстность „передового“ человека!.. Нѣтъ, уважаемый батюшка, если вы—такого „духа“, то ничего вы не можете сказать „вѣрующему уму и сердцу“ настоящаго православнаго русскаго народа. Для васъ, быть можетъ, безразлична ужасная Люблинская трагедія „католической агитаціи“ („Новое Вр.“ 31 мая с. г.), гдѣ происходило потрясающее насиліе надъ вѣрой православныхъ людей, гдѣ

осквернялся инославными изувѣрами православный храмъ и отрывались изъ могилъ, для посрамленія, даже кости православныхъ покойниковъ! А сколько практикуется теперь другихъ способовъ къ обкрадыванію, грабежу святой вѣры русскаго православнаго народа! И у васъ хватаетъ духу утверждать, что кто отъ насъ уйдетъ и при такихъ обстоятельствахъ, такъ это спасительно для Церкви,—это нарывъ и гной?! А безъ этихъ событій Церковь Христова умерла бы и погибла?! Ужъ не значить ли это, что только отступничество отъ св. вѣры, а не Духъ Святой, спасаетъ и жить православную Церковь? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, какъ бы вы, о. протоіерей, и сколько бы вы ни дѣлали Церкви лобзаній, проповѣдая, что въ свободѣ пропаганды отступничества (не по идеѣ, а практически) явится слава и величіе церковнаго упованія, ваши лобзанія истинно-русскому православному человѣку всегда будутъ отдавать іудопредательствомъ! „Ангелу Лаодикійской Церкви напиши... Знаю дѣла твои: ты ни холоденъ, ни горячъ... наверхну тебя изъ устъ Моихъ“, читаемъ въ Апокалипсисѣ (3: 14—16). Русская православная душа тонко чувствуетъ весь смыслъ этого апокалипсическаго приговора...

Н. Гринякинъ.

На злобу дня.

Ученіе социализма во всѣхъ государствахъ признается весьма вреднымъ, какъ противорѣчащее естественному развитію государственныхъ началъ и, по свойству основныхъ своихъ положеній, стремящееся къ разрушенію существующаго государственнаго строя. Отсюда естественно, что государство оказывается вынужденнымъ ограждать себя отъ такой разрушительной силы. Подобное необходимое огражденіе государственности предпринимаются и въ Россіи по отношенію къ лицамъ, проповѣдующимъ социализмъ. Такая самозащита государства не встрѣчала осужденія въ принципѣ и, если возникали по этому поводу какіе-либо споры, то чаще всего на почвѣ „обезпеченія личности“ и „неприкосновенности жилища“, т. е. такихъ особливыхъ привилегій, въ которыхъ нуждались люди, дѣятельности которыхъ не сочувствовало Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ...

Правда, изъ среды, совершенно не нуждающейся въ особити отъ уголовной опеки защитѣ, тоже иногда слышались воздыханія о бѣдственной участи „угнетаемыхъ“, но, разобравшись въ подобныхъ сѣтованіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, нельзя было не признать, что эти заступничества исходили отъ людей, до нѣкоторой степени „одержимыхъ“. Это послѣднее явленіе весьма заразнаго психическаго заболѣванія, несомнѣнно, будетъ предметомъ научнаго обслѣдованія. Пока же намѣчается лишь

почва, на которой особенно благоприятно распространяется микробъ этой болѣзни. Люди поверхностнаго образованія, количественно начитанные, не обладающіе способностью разбираться въ свойствахъ тѣхъ или иныхъ явленій государственной жизни, бывають лучше всего уловляемы въ сѣти различныхъ утопическихъ теорій, одобренныхъ всѣми видами свободы. На подобной почвѣ и возрастаетъ современный типъ принципіальнаго свободолюбца. Такому типу интересъ Россіи, печальная дѣйствительность нашествія на нее иноплеменниковъ, постепенное разрушеніе всѣхъ историческихъ началъ, которыми слагалась Держава Россійская—такимъ россиянамъ всѣ подобныя соображенія ничего не говорятъ, они передъ утопической мечтой о „свободѣ“ ничего не сознають и слышать не желаютъ.

И вотъ, подъ водительствомъ крупной, но несомнѣнно злокозненной воли, съ одной стороны, и при сильной поддержкѣ академическихъ „свободолюбцевъ“ съ другой, устанавливается принципъ свободы вѣроисповѣдной. Въ жертву этому принципу отдано все—отъ естественныхъ интересовъ Россіи до здраваго смысла включительно. Увлеченные всѣми видами пересозданій, наши отечественные реформаторы въ союзъ съ „одержимыми“ ходко пошли по ложному и гибельному для Россіи пути. Все было забыто въ угоду свободѣ... иновѣрцевъ, иноплеменниковъ, несмотря на явный ущербъ отъ этого для русскаго населенія. Этому послѣднему предоставлено извиняться передъ всѣми, что дома у себя оно до сего времени позволяло себѣ быть хозяиномъ. Сознаться, вѣдь, дѣйствительно, мы были въ высшей степени неделикатны передъ дорогими нашими гостями,—нужды нѣтъ, что мы потоками русской крови „пригласили“ ихъ къ намъ въ Россію. Мы обязаны были напр. на окраинахъ поменьше допускать русскаго поселенія, отнюдь не позволять Православной вѣрѣ какого-либо „оказательства“, вовсе не беспокоить дорогихъ гостей русской рѣчью, но поскорѣе ввести во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ коренной Россіи тщательное и обязательное для всѣхъ изученіе языковъ польскаго, нѣмецкаго, татарскаго, армянскаго, грузинскаго и всѣхъ прочихъ. Для того, чтобы не трудиться создавать самобытную культуру, мы положительно обязаны были воспользоваться всѣми культурами дорогихъ нашихъ „гостей“, а для сего установить самыя льготныя условія поселенія ихъ внутри Россіи; напр., русскія казенныя и дворянскія имѣнія жаловать этимъ гостямъ, раздавать имъ естественныя богатства страны и вообще сдѣлать все для нихъ пріятное, удобное, тѣмъ самымъ крѣпко держась нашихъ давнихъ обычаевъ истинно-русскаго гостепримства. Вотъ при такомъ отношеніи настоящихъ „порядочныхъ“ людей мы никогда не дошли бы до всего „естественно“ нынѣ происходящаго.

Но что же дѣлать, если наша дикая некультурность, варварская необразованность и непростительная неделикатность толкнули насъ на неправый путь и привели къ ложному предположенію, что Россія должна быть для русскихъ. Надо скорѣе вѣзаться за исправленіе сознанныхъ ошибокъ и съ присущимъ

намъ, со времянь древней Руси, широкимъ размахомъ удивить міръ нашимъ великодушіемъ. Но этого, согласитесь, слишкомъ мало. Вѣдь надо же въ самомъ дѣлѣ показать, что мы вполне сознали наши прегрѣшенія, а для этого необходимо съ возможной полнотой (не худо и переборщить) разъяснить всю глубину всего неладнаго, нами допускаяшагося. Такъ-то будетъ лучше, честнѣе и крѣпче.

Итакъ, скорѣе за работу. Прежде всего, какъ уже сказано, откровенное признаніе непригодности и несправедливости всего нами доселѣ сдѣланнаго, сугубое осужденіе, да съ передернутыми (это ничего!) фактами въ рукахъ, всей нашей системы и практики внутренняго государственнаго строя. При этомъ, пожалуйста, побольше этакого, знаете, мрачнаго, тяжеловѣснаго, непригляднаго, хотя бы и единичнаго, но съ душкомъ, букетистаго... Все это мы „раскантируемъ“ въ газетахъ, конечно для крѣпости авторитета, начиная съ Правительственнаго Вѣстника, а если удастся, то и съ одобренія Верховной Власти. Тутъ надо перебрать все и упаси Боже что-либо забыть. Лучше по тому же мѣсту нѣсколько разъ пройтись, чѣмъ что-либо упустить. Когда такимъ образомъ окончимъ этотъ „колоссальный“ трудъ, то надо будетъ приступить и къ обдумыванію того, что на замѣну сваленнаго поставить. Да впрочемъ надъ этимъ и думать-то не стоитъ... тамъ видно будетъ. А пока скорѣе, рѣшительнѣе, нахальнѣе, ни въ чемъ отъ „принциповъ“ не отступая, разберемъ по бревнышку все тысячелѣтіемъ сложенное.

Главное—не забыть бы всѣхъ видовъ свободы, напр., союзовъ, единеній, собраній и т. п. Да вотъ, къ примѣру, какъ быть съ социализмомъ? Какъ его узаконить, укрѣпить и расширить? Чего же проще—воспользоваться штундой, дать этому „вѣроученію“ полную свободу, на правахъ христіанской религіи, и дѣло будетъ сдѣлано...

Къ услугамъ подобнаго „созидательнаго“ разрушенія громадное количество людей „милыхъ“, притомъ „вполнѣ порядочныхъ“, но несомнѣнно въ вопросахъ принципозъ просто „одержимыхъ“.

Невозможно оставаться равнодушнымъ зрителемъ подобнаго „строительства“ земли Русской, которой навязывается какой-то декадентскій фасадъ. Пора притомъ давно сознаться, что путь, по которому, съ величайшимъ надъ нами насиліемъ, влекутъ Россію, ведетъ только къ окончательной ея гибели и позору несмываемому. Въ подобныя историческія минуты истиннаго сознанія ложности принятаго пути слѣдуетъ пренебречь *всякими* жертвами, лишь бы не пожертвовать судьбой всего государства. Необходимо оцѣнить по достоинству требовательность и назойливость кучки крикуновъ передъ истинными нуждами населенія, довѣрчиво ожидающаго удовлетворенія его нуждъ Самою Верховною Властью.

Н.

Мысли о евреяхъ при чтеніи „Талмуда“ Люто- станскаго.

Евреи—паразиты всякаго общественнаго организма и язва тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ несчастье имѣть послѣдователей Моисеева закона въ числѣ своихъ подданныхъ. Съ самаго начала своего историческаго существованія евреи заявили себя противниками монархическаго образа правленія: требуя себѣ царя, какъ и у прочихъ народовъ, евреи въ сущности посягали на верховную и неограниченную власть Господа Бога; *не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними.*—сказалъ Господь огорченному пророку Самуилу (1 Цар. 8, 7). Библейская исторія еврейскаго народа достаточно показываетъ, что систематическія революціонныя движенія оканчиваются полнымъ крушеніемъ государственнаго строя тѣхъ странъ, гдѣ они происходятъ. Избранный народъ, потерявшій свое отечество и разбѣянный по всему міру, служитъ живымъ урокомъ для всѣхъ легкомысленныхъ и гнусныхъ людей, которые, пользуясь благодѣяніями твердой правительственной власти, стараются вредить этой власти тѣмъ или инымъ способомъ, начиная отъ открытаго возстанія до молчаливаго сочувствія революціонерамъ.

Бѣдствія, посланныя отъ Бога, не исправили евреевъ. На всемъ протяженіи своей исторіи евреи до самаго послѣдняго времени остаются жестоковѣрнымъ и непокорнымъ народомъ и не уживаются ни въ какихъ формахъ государственной жизни. Поучительно отношеніе римскаго государственнаго права къ евреямъ. На евреяхъ Римъ послѣдовательно перепробовалъ чуть ли не всевозможныя формы международныхъ и правительственныхъ отношеній отъ дружественнаго нейтралитета до грубаго милитаризма, и въ концѣ концовъ былъ доведенъ до убѣжденія въ необходимости разрушить Иерусалимъ и выселить жителей съ ихъ родины. Иными словами, вѣковой опытъ и природная политическая мудрость не подсказали римлянамъ иного рѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ то, къ которому прибѣгли нѣкогда Салманассаръ и Навуходоносоръ (Зенгеръ. „Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ“). Еврей по натурѣ своей—не созидатель, а разрушитель. Обыкновенно евреи и ихъ защитники говорятъ, что еся исторія этого племени сдѣлала ихъ искусственно торговцами и поклонниками

золотого тельца. Но это неправда. Существующія для евреевъ ограниченія, хотя бы, напр., въ Россіи, не препятствуютъ евреямъ быть плотниками, кузнецами, мостовщиками, рабочими заводовъ и. т. д. Однако эти тяжелыя и плохо оплачиваемыя профессіи всегда избѣгаются евреями, и они предпочитаютъ быть портными, часовщиками, факторами, комиссіонерами, сводниками et cetera. Евреи говорятъ: „мы — прирожденные аристократы всего міра“. Они уклоняются поэтому отъ всякаго тяжелаго труда и стараются заниматься только легкими и выгодными аферами. Въ Россіи считается евреевъ около семи милліоновъ; эти жадныя и изворотливыя піявки питаютъ глубокую вражду къ пріютившему ихъ народу и составляютъ опасную и тягостную обузу для нашей страны. Последнія революціонныя движенія, выразившіяся въ громадныя забастовкахъ всякаго рода, весьма много обязаны евреямъ своимъ появленіемъ, и развитіемъ. Истекшій годъ былъ ознаменованъ (во второй своей половинѣ) всевозможными банкетами, на которыхъ сорвавшаяся съ цѣпи „космополитическая“ интеллигенція говорила и слушала всевозможныя противоправительственныя рѣчи. Въ началѣ прошедшаго года (въ февралѣ мѣсяцѣ) нѣкій еврей Тарле (по званію приватъ-доцентъ) читалъ въ Москвѣ публичную лекцію учащейся молодежи „о томъ, какъ дѣлается революція“. Въ этой лекціи, привлекая многочисленную публику, преимущественно „учащуюся“ молодежь, Тарле выяснилъ самый вѣрный и простѣйшій путь къ революціи, это — подготовка народа. Этимъ путемъ была произведена „неожиданно для всѣхъ“, а болѣе всего — для короля, февральская революція во Франціи. „Вожаки революціонныхъ партій, — поучалъ своихъ слушателей приватъ-доцентъ Тарле, — испробовали различные способы. Но самымъ радикальнымъ изъ нихъ оказались *народныя развлеченія и банкеты*, которые устраивались во всей Франціи и во время которыхъ производились направительныя чтенія. Въ этихъ чтеніяхъ только обрисовывались ошибки правительства и выяснялась необходимость ихъ исправленія... Результаты оказались поразительныя; народъ былъ систематически подготовленъ“ („Родная Рѣчь“ за 1904 г. 15 февр.). Этотъ же Тарле былъ избранъ, между прочимъ, почетнымъ председателемъ общестуденческой сходки въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 7-го февраля текущаго года, гдѣ говорились возмутительныя противоправительственныя рѣчи, не имѣющія никакого отношенія къ достоинству чистой науки. Евреи участвовали въ убійствахъ царственныхъ особъ Русскаго Государства. Среди злодѣевъ 1-го марта 1881 г. оказалась еврейка Геся Гельфманъ въ

качествѣ „пристанодержательницы“ революціонеровъ: *какъ беремная*, она была избавлена отъ присужденной ей смертной казни. По поводу неостывшей еще крови Великаго Князя Сергія Александровича нѣкто г. Рубановичъ или Рубиновичъ, проживающій въ Парижѣ, очевидно, крупный сановникъ революціи, принимая, съ большой таинственностью и предосторожностями, корреспондента парижской газеты „Le Petit Parisien“, сообщилъ ему, что одною изъ причинъ осужденія Великаго Князя на смерть было *выселеніе евреевъ изъ Москвы*. Въ Парижѣ дѣлаются сборы на русскую революцію. Въ выдержкѣ изъ отчета о пожертвованіяхъ, принятыхъ „Университетскимъ комитетомъ протеста противъ петербургской рѣзни“, среди жертвователей пестрятъ чистѣйшія еврейскія фамиліи: Дрейфусъ, Айзенштейнъ, Исаакъ, Сасскинъ, Берковичъ, Ароновъ, Ливинъ, Шапиро, Абрагамъ и т. д.

Даже въ развитіи „политическихъ способностей“ Георгія Гапона евреи не преминули сыграть свою роль: на революціонный путь окончательно направили этого нигилиста въ рясы, судя по газетнымъ извѣстіямъ, еврей—толстовецъ Фейерманъ и какая-то красивая нигилистка...

Все сказанное невольно вылилось изъ-подъ пера послѣ прочтенія трехъ томовъ компілятивнаго труда г. Лютостанскаго. Эти книги прямо ужасны по своему содержанію; онѣ въ страшной перспективѣ рисуютъ грозную опасность для Россіи отъ еврейства. Всѣхъ, искренно любящихъ свою родину, я умоляю ознакомиться съ „Талмудомъ“ г. Лютостанскаго.

Только враги Россіи могутъ утверждать, что еврейство въ томъ видѣ, какъ оно есть, не опасно для насъ. Нѣтъ, факты, приведенные нами (при томъ въ самомъ незначительномъ количествѣ), говорятъ совершенно противное. Недаромъ пророкъ земли русской, Ѳ. М. Достоевскій, пишетъ, что „отъ жидовъ Россія погибнетъ“. Не началось ли его пророчество сбываться?

Н. Булгаковъ.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

XXXIII.

Трагизмъ нашего времени. Мобилизація реформаціонныхъ и протестующихъ силъ въ духовенствѣ и перемѣна въ направленіи такъ называемаго «церковно-освободительнаго движенія». Пастырскія записки и воззванія. Соціализмъ и анархизмъ въ прокламаціяхъ «христіанскаго братства борьбы». Нашъ отвѣтъ на извѣтъ газ. «Слово». Ставропольская катастрофа и совѣтъ мисіонерамъ. Недомысліе газеты «День» въ старообрядческомъ вопросѣ и лукавство попа Механикова. Памяти послѣдняго мѣстнаго. Стонъ истерзаннаго сердца русскаго патріота.

Какъ много чувствъ горькихъ давить сердце нынѣшняго служителя печатнаго публицистическаго слова, какъ много думъ тяжкихъ просится подъ перо!.. Событія, одно другого мрачнѣе, совершаются съ такою быстротою, что каждый Божій день даетъ свою тему, ставитъ предъ писателемъ свой жгучій мучительный вопросъ, на который необходимо своевременно откликнуться, о которомъ нельзя, — грѣхъ и стыдно, — молчать (ибо камни возопіютъ), разъ ты хочешь быть чуткимъ и честнымъ дѣятелемъ печатнаго слова.

Но что скажешь, когда подъ гнетомъ отечественныхъ скорбей и безпримѣрныхъ несчастій, подъ давленіемъ общерусской тоски и позора, не столько послѣ Цусимскаго погрома, сколько послѣ Черноморской крамолы, невольно у каждаго изъ насъ уста пѣмбютъ, руки опускаются, мысль теряется!.. Да и гдѣ же *еже-мѣсячнику* услѣдить, угоняться за столь быстрымъ ходомъ исторіи нашихъ дней, за столь стремительнымъ полетомъ и скачкою переживаемыхъ событій нашего глубокотрагическаго, но въ тоже время и историческаго времени?! Въ наше время и въ литературномъ дѣлѣ требуется борьба не малоподвижною „журнальною артиллеріей“, а „газетными пулеметами“, но у насъ

въ духовной журналистикѣ пока еще подобнаго рода литературныхъ орудій нѣтъ, да едвали скоро и могутъ быть, ибо и существующая-то духовная журналистика едва влачить свое бытіе: ни одно духовное изданіе не имѣетъ значительнаго количества (кромѣ обязательныхъ „Церк. Вѣд.“ и „Народн. Образованія“) подписчиковъ, ни одна книга не похвалится успѣшнымъ ходомъ,—мало интересуются, неохотно читаютъ не только захолустные іереи, но и городскіе протоіереи, ниже сами архіереи. Писать-ли не умѣемъ мы, духовные журналисты, дремота-ли одолѣла нашего рясофорнаго читателя... А уже „приспѣ время“ бодрствованія, вѣдь того гляди „не у явится, что будемъ“... Время грозное, отовсюду надвигаются тучи, страшныя, заволакивающія нашъ политическій и духовный горизонтъ.

Чистосердечно приходится признаться въ своемъ безсиліи своевременно откликаться на страницахъ ежемѣсячнаго журнала даже на свои церковныя злобы дня. А вѣдь „огонь, опаляющій“ современную русскую жизнь (о, если бы онъ оказался очищающимъ!), производитъ накаленіе и кипѣніе и въ нашемъ сосудѣ церковной жизни, откуда начали уже расплескиваться далеко по сторонамъ брызги горячаго кипятка,—происходитъ мобилизація протестующихъ и реформаціонныхъ силъ въ рядахъ доселѣ смиреннаго и терпѣливаго духовенства, организаются и въ центрѣ, и на окраинахъ „союзы“, „собранія“, фабрикующія и рассылающія воззванія и своего рода прокламаціи. Одни изъ нихъ—безобидныя, довольно скромныя и во многомъ безпристрастно (хотя и не всегда грамотно) выражающія *pia desideria* духовной среды, таково напр. воззваніе, рассылаемое по всей Россіи изъ Риги, представляющее собою постановленіе какого-то „благочинническаго съѣзда“ ¹⁾.

¹⁾ Воззваніе это опубликовано во многихъ газетахъ и мы считаемъ небезынтереснымъ для нашихъ читателей привести его здѣсь, дабы заставить пастырей-читателей подумать, куда мы идемъ и что надо дѣлать, дабы вызвать безпристрастную и компетентную оцѣнку этихъ „постановленій“ извѣстной части духовенства. Когда одни работаютъ въ извѣстномъ направленіи, нельзя дремать и молчать другимъ. Въ постановленіи есть добрыя и законныя пожеланія, но есть и крайнія и неприемлемыя.

Вотъ это постановленіе ревельскаго духовенства.

„Вслѣдствіе выраженнаго въ столичныхъ газетахъ проекта созвать совѣщаніе для обсужденія положенія и выработки основаній, на которыхъ предположено осенью сего года созвать Всероссійскій Духовный соборъ, многіе представители духовенства г.г. Москвы, Кіева, Ревеля, Одессы и др. городовъ, обмѣнявшись между собою постановленіями ихъ частныхъ собраний по

Другіе „записки“ и „проекты“, фабрикуемые реформаторами изъ духовенства, наоборотъ, проражаютъ крайностями „духовнаго либерализма“, опередившаго разсужденія по церковнымъ дѣламъ завзятыхъ свѣтскихъ радикаловъ. Такова, напр., записка, выдаваемая отъ имепи московскаго духовенства.

Среди дѣльныхъ, справедливыхъ пожеланій, въ московскую записку много привнесено такого, отъ чего отдастъ прямо такіи штундовымъ протестантскимъ духомъ, такъ что не хочется и въ-

сему вопросу о неизбѣжныхъ теперь же церковныхъ реформахъ въ нашемъ вѣдомствѣ для поддержанія православія на должной высотѣ и величинѣ, равно для поддержанія упавшаго въ глазахъ всѣхъ насъ и мірянъ престижа духовенства, улучшенія ихъ быта и учебно-воспитательной части. пришли къ согласному убѣжденію о необходимости неотложнаго осуществленія нижеизложенныхъ пунктовъ, уже заявленныхъ во многихъ провинціальныхъ органахъ печати, и поэтому предположили наготовить въ сентябрѣ этого года коллективную просьбу ко всѣмъ членамъ Святѣйшаго Синода и мѣстнымъ архіереямъ, чтобы оказать содѣйствіе исполненію Святѣйшимъ Синодомъ, если возможно въ текущемъ году, слѣдующаго:

- 1) Уничтожить въ духовенствѣ взяточничество, посредствомъ установаки жалованья, таксы за трудъ или, вообще, опредѣленнаго вознаграженія.
- 2) Урегулировать учебную часть: упразднить или преобразовать настоящія духовныя училища и семинаріи съ тѣмъ, чтобы дѣти духовенства со всѣми гражданами получали образованіе въ общеобразовательныхъ школахъ, а потомъ уже сознательно желающіе выступить на духовное поприще принимались въ спеціальныя 2—3-голичные богословскіе классы. Это необходимо вслѣдствіе того, что подневольная, полумонастырская жизнь теперешнихъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ червь, подтачиваетъ всякую религіозность. Фактъ налицо: 90 проц. отзываются скверно о своей „alma mater“, и всѣ оттуда бѣгутъ, бѣгутъ безъ оглядки. Это грустное явленіе необходимо устранить.
- 3) Преобразовать духовный судъ и всю консисторію, ибо подкушность членовъ ея, и особенно чиновниковъ, вошла въ пословицу.
- 4) На судѣ уничтожить потворство и прикрытіе преступленій духовенства. Неправда, что наказаніе духовныхъ лицъ ведетъ къ соблазну; наоборотъ, сокрытіе того хуже.
- 5) Воспретить поступленіе въ священники ранѣе 30-ти лѣтъ и въ монахи тоже не ранѣе 30—40-лѣтняго возраста, если безъ нихъ совершенно обойтись нельзя.
- 6) Разработать положеніе о діаконахъ, если ихъ нельзя упразднить, такъ какъ среди нихъ все еще много недоучекъ, даже малограмотныхъ и, вообще, людей, не соотвѣтствующихъ своему назначенію.
- 7) Вопреки каноническимъ правиламъ, не обяывать непременно кандидатовъ священства жениться, не запрещать вдовцамъ вступать во второй бракъ, не запрещать и развода, когда жены ихъ ведутъ жизнь соблазнительную.
- 8) Уничтожить для духовенства награды, развращающія священнослужащихъ, или установить иное положеніе о наградахъ.
- 9) Сократить плату съ церкви въ центральное управленіе, уже принявшую видъ непосиль-

рить въ принадлежность этой записки кому-бы то ни было изъ православнаго духовенства, а не только московскаго, которое искони извѣстно строго-православными Филаретовскими устоями.

Даже такая, безразличная къ вопросамъ православія, газета, какъ „Нов. Время“, и та удивилась радикализму записки московскаго духовенства и вопрошаетъ (приблизительно) такъ: „куда же это вы, отцы, думаете вести русскій народъ, ужъ не къ Кальвину-ли?“

ныхъ поборовъ. 10) Позволить освѣщать въ епархіальной печати и другихъ духовныхъ органахъ жизнь духовенства: не все хвалить, но недостойное—порицать. Чѣмъ меньше мы будемъ скрывать, тѣмъ лучше. 11) Установить по каноническимъ правиламъ выборъ священниковъ самими прихожанами изъ достойныхъ кандидатовъ въ священники и представить мѣстнымъ архіереямъ утверждать и посвящать лишь избраннаго прихожанами кандидата. 12) Допустить представителей мірянъ для участія въ періодическихъ засѣданіяхъ епархіальныхъ съѣздовъ священниковъ для совмѣстнаго обсуждения всѣхъ насущныхъ текущихъ дѣлъ и вопросовъ. 13) Въ монастыряхъ ввести не созерцательное, а дѣятельное начало любви къ ближнимъ: благотворительность и ухаживанье за больными и, вообще, поставить монастыри въ такія условія, чтобы они не вредъ, а пользу приносили государству и обществу. 14) Заняться уничтоженіемъ фарисейства, съ одной стороны, и фанатичности, съ другой, неразумныхъ членовъ духовенства. 15) Самому Св. Синоду принять принципъ, а низшему духовенству вмѣнить въ обязанность, что „суббота человѣка ради быть, а не человѣкъ субботы ради“. 16) Разработать заново богословскіе учебники, полные тумана и противорѣчій. 17) Принять мѣры къ ослабленію и искорененію развивающагося перехода и возвращенія православныхъ въ лютеранство и католицизмъ и вообще выработать не принудительныя, а просвѣтительныя мѣры для укрѣпленія и процвѣтанія духовенства. 18) Ограничить безапелляціонныя теперь карательныя права епархіальныхъ архіереевъ по отношенію къ подчиненному духовенству, которыми не всѣ епископы разумно пользуются при укоренившихся привычкахъ грубаго обращенія гг. преосвященныхъ со священниками, поневолю безмолвно сіе переносящими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставить священнослужачимъ право обжаловать постановленіе мѣстнаго владыки въ Св. Синодъ. 19) Предоставить священникамъ произносить церковныя проповѣди не по шаблону, какъ теперь, но, и кромѣ вопросовъ религіозныхъ, говорить въ духѣ св. евангелія и св. писанія о современныхъ порокахъ общества вообще. Это необходимо въ виду того, что шаблонныя проповѣди успѣха своего не достигаютъ, и молящіеся неохотно ихъ выслушиваютъ. 20) Въ настоящее время „Епархіальныя Извѣстія“ представляютъ собой газету сухого, казеннаго тона. Необходимо предоставить право сей газетѣ помѣщать въ ней критику и отзывы по всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ, равно и о положеніи и бытѣ лицъ духовнаго вѣдомства и т. п.

Приводимъ по газетѣ „Слово“ выдержки изъ этой записки, въ которой намѣчено свыше 30 пунктовъ разныхъ желательныхъ перемѣнъ въ церковномъ строѣ.

Настаивая на томъ, чтобы вернуть приходу право самоуправленія и право юридическаго лица, записка указываетъ на необходимость траты мѣстныхъ приходскихъ средствъ непосредственно на мѣстныя же нужды. Въ частности, московское духовенство справедливо настаиваетъ на необходимости избавить духовенство отъ поручнаго полученія платы за требы опредѣленіемъ извѣстнаго годового жалованья отъ прихода и выработкой особыхъ правилъ оплаты необязательныхъ требъ, которая опять-таки должна совершаться черезъ церковнаго казнохранителя, а не лично духовенству.

Приходъ долженъ имѣть пріютъ для безпомощныхъ дѣтей, школу, богадѣльню, больницу и вспомогательную кассу. Представители отъ отдѣльныхъ приходоѡ составляютъ общепархіальное собраніе. Проектъ требуетъ, чтобы настоятели приходскихъ храмовъ стояли на опредѣленномъ (?) уровнѣ богословскаго образованія—высшаго; для этого должно быть увеличено число академій или открыты богословскіе факультеты при университетахъ (?).

Избраніе и судъ настоятелей приходоѡ принадлежать епископу совместно съ соборомъ пресвитероѡ, право вмѣшательства прихода въ избраніе должно быть обставлено условіями, гарантирующими поставляемому извѣстный уровень богословскаго образованія и благонравія.

Священникъ долженъ возвышаться надъ всѣми политическими партіями: фарисейскою--консервативною (?), саддукейскою--либеральною и иродіанскою (?)—придворной, въ широкомъ смыслѣ бюрократической. Такъ какъ въ основномъ догматѣ христіанства (о взаимно-проникновеніи во Христѣ божества и человѣчества) заключена уже перспектива безгранично прогрессивнаго развитія человѣчества по всѣмъ сторонамъ его жизни, то служители православной церкви отнюдь не могутъ находиться на сторонѣ какого-либо застоя, а лишь въ рядахъ постояннаго прогрессивнаго движенія по пути къ свѣту и правдѣ, безусловно отрѣшась отъ всякой солидарности съ грубо-эгоистическими защитниками старыхъ (?) негодныхъ (?) порядкоѡ жизни, приносящихъ выгоду лишь немногимъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ.

Возможно большее благо (какое?) возможно большому числу людей—таково знамя, подъ которымъ обязано проходить свое священнослуженіе православное духовенство...

Духовенства, какъ касты, не должно быть, нужно открыть свободный выходъ изъ сословія. Епископы должны быть избираемы духовными и мірянами епархіи и ни въ какомъ случаѣ не назначаемы государственными властями; епископу приличнѣе быть не изъ монаховъ, такъ какъ монашество по самому существу своему—отреченія отъ міра—не должно вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Существующій въ наше время абсолютизмъ архіерейской власти подлежитъ рѣшительному уничтоженію.

Современный образъ архипастыря съ его безграничнымъ самовластіемъ, горделивымъ видомъ и пышной обстановкой, затмевающей даже представителей высшей гражданской власти и напоминающей азіатскихъ

сатраповъ (!), долженъ быть радикально измѣненъ... Взаимоотношенія епископа къ духовенству должны имѣть характеръ братскаго обращенія. Надменность, пренебрежительность, грубость и раздражительность со стороны архіереевъ и лицемѣрное самоуниженіе, рабская лесть, фальшь и ложь скорѣе ненавидящаго, чѣмъ почитающаго ихъ низшаго духовенства, должны исчезнуть.

Храмы нужно освободить отъ обязательнаго опубликованія какихъ-либо государственныхъ распоряженій, и священники не должны быть органами какихъ-либо внушеній народу по побужденіямъ свѣтской власти. Въ богослуженіи все должно отличатся скромностью и простотою, и потому не должны имѣть мѣста роскошь, церемоніальность, ослѣпительность золота и драгоценныхъ камней и искусственность пѣнія. Въ особенности архіерейскія службы, какъ совершенно заслоняющія отъ молящихся лицо Божіе архіерейской персоной, сосредоточивающія все вниманіе священнослужителей исключительно на угодничествѣ архіерею, по своему нравственно возмущающему свойству требуютъ перемѣнъ въ смыслѣ возвращенія къ первоначальной чистотѣ. Все богослуженіе должно быть совершаемо на безусловно всѣмъ ясномъ и понятномъ языкѣ. На представителяхъ церкви лежитъ долгъ озаботиться очищеніемъ (?) культа нашей церкви отъ всего, что противно ея основному духу, что отзывается суевѣріемъ и идолопоклонствомъ (штунда!). Въ богослуженіи желательно сокращеніе навязывающихъ скуку и утомленіе частыхъ повтореній моленій о ниспосланіи благъ и милостей предержавшимъ властямъ гражданскимъ (Царю?) и духовнымъ и замѣны ихъ моленіями болѣе цѣннаго и содержательнаго характера (въ духѣ декадентскихъ философовъ!): о дарованіи благъ и духовныхъ, и матеріальныхъ всѣмъ православнымъ и всѣмъ людямъ вообще, особенно бѣднымъ, несчастнымъ, беспомощнымъ, страждущимъ въ заточеніяхъ п т. п.

Монашество должно быть возвращено въ свои законныя рамки—добровольной нищеты и удаленія отъ міра (а не духовнаго властвія и эксплуатаціи невѣжественнаго благочестія народа). Наплывъ доходовъ изъ общественнаго достоянія въ монастырскія добротхранилища долженъ быть безусловно приостановленъ (а какими способами?) и т. д.

Вотъ какъ радикально откликнулась на церковную реформу Москва. Тутъ ужъ и канонамъ всѣмъ крышка. Наши петербургскіе піонеры реформы въ сравненіи съ московскими, судя по запискѣ, могутъ считаться консерваторами. Они издали новую записку солидную, добросовѣстно канонически и исторически обставленную. Мы съ нею познакомимъ читателей въ слѣдующей книжкѣ.

Въ „Моск. Вѣд.“ помѣщено справедливое негодованіе „Православнаго“ по поводу вышеприведенной московской „записки“ и прокламаціи, рассылаемыхъ извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ „христіанскимъ братствомъ борьбы“.

„Въ *Словѣ* появились выдержки изъ какой-то „записки“,—

будто бы „выработанной московскимъ духовенствомъ“, вопреки запрещенію митрополита, — о якобы необходимыхъ церковныхъ преобразованіяхъ,—такъ разсуждаетъ православный москвичъ.

Либеральный бредъ этой записки до того невѣроятенъ, что при чтеніи ея невольно спрашиваешь: да ужели это правда? Ужели московское духовенство могло „выработать“ такую вещь? И хочется вѣрить, что этотъ бредъ изобличаетъ самъ свою подложность, что почтенные московскіе батюшки читаютъ его и изумляются: что сей сонъ значить? Да имъ и во снѣ-то ничего подобнаго не грезилось, а газета заявляетъ, что это—ихъ твореніе...

Ужъ не идетъ ли эта записка оттуда же, откуда разсылаются теперь печатанныя на гектографѣ прокламаціи-воззванія „Къ отцамъ благочиннымъ“?

Мы говоримъ о прокламаціяхъ, въ послѣднее время рассылаемыхъ по Москвѣ, а можетъ и инудѣ, изъ Риги: видите ли, гдѣ,—а можетъ быть и еще подальше, за моремъ Нѣмецкимъ,—обрѣтается гнѣздо „радѣтелей“ православной Церкви! Ужъ не евреи ли ихъ фабрикують? Не они ли задумали ловить въ свои сѣти наше столичное духовенство?

Не думаемъ, чтобы была обильна такая ловля: вѣдь и въ Питерѣ нашелся Гапонъ только одинъ.

Впрочемъ, что говорить о батюшкахъ: нынѣ и архіереямъ разсылаютъ прокламаціи какое-то „Братство христіанской борьбы“.

Говорятъ, что въ составѣ этого „Братства“,—кстати сказать, въ своихъ прокламаціяхъ дышащаго непримиримую, прямо адскою злобой противъ Самодержавія, —имѣются и ученые „доценты“, по пока не изволятъ сказать своего точнаго адреса: отвѣтилъ бы иной архіерей, да писать некуда, въ подпольяхъ невѣдомыхъ эти гадины прячутся...

Ужели же они думаютъ, будто своими глупыми толкованіями Слова Божія они сумѣютъ смутить и нашихъ епископовъ? Что это: наивность невѣжества, или наглость еврея, не знающая границъ?

Но обращаемся къ „запискѣ“, опубликованной въ *Словъ*.

Мы ждемъ отъ нашего почтеннаго московскаго духовенства громкаго слова протеста противъ столь явной на него клеветы. Этого требуетъ честь питомцевъ нашего великаго святителя Филарета, этого требуетъ честь дорогой нашей Москвы, искони ревнительницы завѣтовъ Православія и Самодержавія.

Вѣдь инудѣ могутъ подумать, будто и вправду московское духовенство готовится къ такимъ реформамъ въ Русской Церкви,

при осуществленіи коихъ убѣждали бы изъ Церкви вѣрные сыны Церкви въ далекія дебри пустынный“.

Къ этимъ словамъ горячаго негодованія „православнаго“ москвича можно развѣ добавить одно: „а все-таки земля вертится“, а все-таки записка вышла изъ нѣдръ духовной Москвы, гдѣ нашлось „прибѣжище заяцемъ“ церковно-реформаціоннымъ, скрывающимся псдѣ анонимными записками и воззваніями. Пусть таковыхъ въ Москвѣ единицы, но важенъ самый фактъ, что глаголемое „церковное освободительное движеніе“ укрѣпляетъ свою базу и въ первопрестольной, а въ тоже время находитъ себѣ послѣдователей и агентовъ и по захолустнымъ городамъ и окраинамъ. Нужно быть слишкомъ близорукимъ, чтобы не видѣть въ этомъ все шире и глубже просачивающемся въ жизнь Церкви „движеніи“ явленія огромной исторической и жизненной важности. Намъ кажется, съ этимъ движеніемъ нужно считаться, не отпихивая его, какъ „исчадіе мертворожденное“, а направляя мудро и бережно въ русло церковно-исторической жизни Руси, чтобы оно не было партійнымъ, оппозиціоннымъ порожденіемъ современной смуты,—это недостойно служителей алтаря, а чтобы оно шло соборнымъ, исконно-церковнымъ путемъ, направляясь на путь дѣйствительнаго обновленія и оживленія нашей Церкви. Это одно. Затѣмъ было бы лукавствомъ не признавать, а тѣмъ паче отрицать существованіе благопріятной почвы для роста этого церковно-освободительнаго движенія въ средѣ самого духовенства, какъ протеста противъ существующаго *status quo*, гдѣ много накопилось грѣховъ и неправды, бурсацкой кастовой грязи, требующей очистки. Кого больше въ рядахъ духовенства и въ духовномъ сословіи нашемъ—благодуществующихъ и довольныхъ, или озлобленныхъ, чающихъ движенія воды? Конечно, недовольныхъ, стонущихъ. Вотъ вамъ и почва; а въдѣ терпѣнію и смиренію бываетъ конецъ и у самыхъ уравниваннхъ и неподвижныхъ.

Не нужно при этомъ упускать изъ виду безцерковнаго, безъидейнаго направленія и хроническихъ безпорядковъ послѣднихъ лѣтъ во многихъ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, давшихъ въ ряды духовенства людей изломанныхъ, безпокойныхъ, съ поверхностными научными знаніями, безъ церковнаго закала, безъ дисциплины воли и съ „переболтанными мозгами“.

Необходимо также считаться и съ тѣмъ факторомъ, что никогда въ Россіи ранѣе не было такого живого интереса къ церковнымъ дѣламъ и вопросамъ со стороны *шестой* великой дер-

жавы, а она вся либеральная, т. е. со стороны свѣтской печати, а равно и со стороны общественныхъ учрежденій. Знаменательнымъ въ этомъ отношеніи является недавнее постановленіе московскаго, чуть-ли не всероссійскаго съѣзда городскихъ дѣятелей, которые, въ числѣ основныхъ пунктовъ своей политической программы, постановили и заботы объ осуществленіи церковной реформы въ духъ начавшагося освободительнаго церковнаго движенія.

Отсюда можно предполагать, что и предрѣшенное народное представительное собраніе или государственная дума не оставитъ въ покоѣ этого вопроса о церковной реформѣ. Словомъ, едвали подлежитъ сомнѣнію, что начатый церковно-реформаціонный пожаръ не погаситъ и онъ можетъ разгорѣться огромнымъ пламенемъ. Существующій церковный status quo находится наканунѣ глубокаго потрясенія. Сулитъ-ли это грядущее нашей Церкви и духовенству лучшую долю или еще худшую, предугадать нелегко. Все зависитъ отъ хода исторіи, состава и правъ представителей народныхъ, а теперь можно лишь одно сказать: „бдите, отцы и братіе, и молитесь, дабы не внити намъ въ напасть“, а главное не проспать занимающейся уже зари жизни нашего изстрадавшагося отечества на новыхъ началахъ. Кто будетъ спорить противъ той истины, что реформы въ церковной жизни съ верху до низу желательны, необходимы. Но одно прискорбно, что, начавши свой ходъ по кривой линіи, „освободительное церковное движеніе“ не только не вышло еще на прямой путь, но, повидимому, отъ одной крайности склоняется въ другую.

Начатая „вѣѣ вратъ церковныхъ“, иниціативою свѣтскаго государственнаго сановника, ничего общаго съ церковностью не имѣющаго, церковная реформа повернула было на вѣрный путь обсужденія наарѣвшихъ нуждъ самую Церковь, но здѣсь ярко были выдвинуты интересы епископата съ его оппозиціей „свѣтской церковной бюрократіи“, въ формѣ знаменательнаго мартовскаго постановленія св. Синода о возстановленіи патріаршества и созывѣ собора *однихъ* только епископовъ россійской церкви, что отодвинуло и заслонило собою всѣ другія наарѣвшія нужды церковныя. Задержанное Царскою волею до болѣе благопріятнаго времени, реформаціонное церковное движеніе нынѣ явно мѣняетъ фронтъ, отодвигая уже интересы епископата и идею патріаршества на второй планъ, такъ что нынѣ оно дѣлается *пресвитеріанскимъ* и мірскимъ, оппозиціонно настроеннымъ уже не противъ свѣтскихъ властей въ Церкви, а противъ злоупотребленій, неустройства, абсолю-

тизма и неправдъ епархіальнаго церковнаго управленія и въ частности противъ карьеризма ученаго монашества.

Знаменательно, что при поворотномъ направленіи освободительнаго церковнаго движенія значеніе и положеніе въ ходѣ церковнаго управленія представителя свѣтской государственной власти, т. е. оберъ-прокуратуры, вырисовываются въ иномъ свѣтѣ, какъ благодѣтельная для рядового духовенства закономѣрная инстанція.

Недавняя крупная перемѣна въ синодальныхъ сферахъ можетъ также отражаться на ходѣ и ростѣ *противо-монашескаго* направленія въ Церкви.

Какъ бы то ни было, но будущій историкъ проанесетъ свой правдивый приговоръ, насколько благодѣтельною является совершившаяся оттяжка церковной ломки для дѣла всесторонняго уясненія и правильнаго разрѣшенія дѣйствительныхъ нуждъ и назрѣвшихъ вопросовъ въ жизни нашей Церкви. Боятся всѣхъ этихъ записокъ, воззваній, мѣній и преній о церковной реформѣ, какъ бы ни были они крайни—мы не видимъ основаній. Наше духовенство въ своемъ большинствѣ слишкомъ устойчиво въ своихъ традиціяхъ, чтобы бояться деморализаціи его чрезъ подобныя „записки“, да и надо же вѣрить въ благодать священства, немощная врачующую, а мы живо и искренно вѣримъ въ нее. Лишь бы въ святое дѣло реформы Церкви не примѣшались радикальныя вѣянія времени и анархическое воздѣйствіе волковъ, переряжающихся въ овчія одежды. Таково, напр., „христіанское братство борьбы“ съ его злохудожными воззваніями и прокламаціями, о которыхъ выше упоминаетъ „православный“ москвичъ.

Два слова объ этихъ твореніяхъ, представляющихъ собою „последнее слово“ въ агитаторской анархической литературѣ.

Редакція получила нѣсколько выпусковъ воззваній этого пресловутаго союза или „братства борьбы“. Судя по содержанію своеобразныхъ прокламацій братства, последнее будетъ правильнѣе назвать не христіанскимъ, а прямо *соціалистическимъ*. Главная задача братства—*борьба съ самодержавіемъ*. Въ воззваніи „къ епископамъ русской Церкви“, „братство“ доказываетъ путемъ подтасовки текстовъ и передержки богословскихъ повятій, изобличающихъ въ авторѣ опытнаго богослова—схоластика, „что признаніе самодержавія есть *скрытое* (а для тѣхъ, кто сознаетъ, и *явное*) отступленіе отъ Христа, и будтобы съ христіанствомъ такое признаніе абсолютно несоединимой религіозною совѣстію неприемлемо“.

Воззваніе „къ крестьянамъ“, поддѣланное подъ тонъ церковнаго поученія, начинаясь съ обычнаго „во имя Отца“ и „братіе

христиане“, — рисует картину страшных бѣдствій, переживаемых нашим отечествомъ,—ужасы внутренней и внѣшней войны, а затѣмъ авторъ вопрошаетъ, за какіе же это грѣхи Господь разгнѣвался на землю Русскую? И отвѣчаетъ такъ: „три великихъ грѣха лежатъ на русскомъ народѣ, и покуда православные не покаются въ этихъ грѣхахъ, не окончатся бѣды на Руси; первый самый страшный грѣхъ, это то, что мы служимъ двумъ господамъ—Богу и Царю, и что Царя почитаемъ самодержавнымъ“.

Взявъ затѣмъ въ основаніе своихъ дальнѣйшихъ разсужденій текстъ свящ. Писанія: „аще праведно есть предъ Богомъ васъ послушать паче, нежели Бога“,—авторъ тѣщится путемъ сектантскихъ разсужденій доказать безбожность такихъ велѣній власти, какъ убійство врага внѣшняго и внутренняго, присягу и др.

Второй грѣхъ авторъ находитъ „въ заблужденіи Церкви, признающей главой Царя и забывшей завѣты святителей, обличавшихъ неправедныхъ владыкъ, забывшей правду Божию, повелѣвающую кротостію и любовію увѣщевать заблудшихъ, а не полицейскимъ насиліемъ“ и т. д. *Третій* грѣхъ—неправедная война на Дальнемъ Востокѣ. Въ заключеніе богословствующій авторъ-крамольникъ призываетъ „очиститься отъ этихъ грѣховъ, открыто и безобоязненно заявить, что мы не признаемъ за Царемъ—человѣкомъ неограниченной самодержавной власти, отказываемся убивать враговъ своихъ и чужихъ, обѣщаемся помнить, что одна глава Церкви—Христосъ“, и проч. безумные глаголы...

Составлена прокламація въ духѣ простонародныхъ проповѣдей безъ обычнаго въ подобнаго рода литературѣ анархическаго задора и болтовни, а потому воззваніе можетъ производить гипнотизирующее разрушительное вліяніе на душу простолюдина, не могущаго разобраться, гдѣ тутъ истина и въ чемъ ложь и подтасовки. Въ такомъ же родѣ и тонѣ составлено и обращеніе „къ воинамъ“, гдѣ авторъ-крамольникъ старается доказывать войску, и также при посредствѣ подтасованныхъ текстовъ свящ. Писанія и церковныхъ понятій, что не слѣдуетъ слушаться приказанія начальства объ усмиреніи бунтовщиковъ оружіемъ.

Авторъ вспоминаетъ, какъ воины хотѣли взять Иисуса Христа въ саду Геосиманскомъ и какъ Христосъ приказалъ ап. Петру, обнажившему противъ воиновъ мечъ, вложить его въ ножны, и тутъ же ехидно вопрошаетъ: „неужели тѣ воины меньше виновны нашихъ бунтующихъ крестьянъ?“ и вслѣдъ за тѣмъ создаетъ такую невозможную картину и дѣлаетъ изъ нея злокозненный выводъ: вотъ если бы на землю пришелъ Христосъ и сталъ бы учить и началь-

ству его ученіе не понравилось бы (?) и оно приказало бы вамъ стрѣлять въ Христа. Кого бы вы послушались? Неужели Царя земного, а не Царя небеснаго? Но вѣдь Христось приходитъ на землю и теперь въ видѣ голодныхъ и обиженныхъ людей“ и т. д. Вотъ какъ лукаво и безстыдно одурачиваютъ анархисты простой, вѣрующій въ слова св. Писанія народъ! Заканчивается это революціонно-богословское воззваніе призывомъ, во имя евангельскаго блаженства, пострадать за неисполненіе приказанія начальства правды ради, подобно пророкамъ и мученикамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что это воззваніе составлено тою же опытною рукою крамольнаго проповѣдника изъ богословствующаго лагеря церковныхъ отщепенцевъ. Крамольныя изданія христіанскаго братства борьбы представляютъ собою большой шагъ впередъ въ области подпольной агитаторской литературы. То, чего социаль-демократы не могли сдѣлать устнымъ словомъ и личнымъ подходомъ къ народу, легко могутъ достигнуть этимъ адскимъ средствомъ.

Мы надѣемся дать на страницахъ нашего изданія подробный разборъ ехидныхъ и злокозненныхъ твореній этого самаго опаснаго изъ существующихъ анархическихъ конспирацій антихристіанскаго братства борьбы, а теперь лишь вкратцѣ предвѣщаемъ пастырей относительно существованія и содержанія упомянутыхъ плевелъ, которыя щедрою рукою сѣются въ народныхъ массахъ, дабы духовенство, встрѣтившись съ изложенными мыслями, подумало, какъ разоблачить оболъстительную ложь.

Достойно великой горести, что ничего въ противовѣсъ не дается и не распространяется у насъ въ народѣ ни патріотическими, ни церковными сферами.

* * *

Заговоривъ „о христіанскомъ братствѣ борьбы“, пользуемся случаемъ, чтобы отвѣтить газетѣ „Слово“ на ея грубый извѣтъ по адресу нашего журнала.

Эта газета недавно возвела на „Мисс. Обзор.“ цѣлый рядъ тяжелыхъ обвиненій, утверждая между прочимъ, что нашъ журналъ своимъ якобы „вульгарнымъ тономъ, — готовностью по первому кивку изъ синодальной канцеляріи въ любую минуту переимѣнить фронтъ и черное сдѣлать бѣлымъ и, наконецъ, безпросвѣтнымъ ретроградствомъ—приобрѣлъ самую незавидную репутацію“. Поэтому оно, „Слово“, несмотря на то, что „Мисс. Обзор.“ неоднократно задѣвало эту газету, будто бы „никогда (sic) не по-

зволюло себѣ увнзаться (!) до полемики съ нашимъ органомъ. Но теперь, когда „Миссіонерское Обзорѣніе“ позволило себѣ ударить беззащитнаго (?), пустить клевету про кружокъ лицъ, лишенный возможности, за неимѣніемъ своего органа, литературной защиты, „Слово“ считаемо долгомъ порядочности сказать нѣсколько словъ“ изъ коихъ приводимъ въ подлинникъ слѣдующее:

«Миссіонерское Обзорѣніе» позволило себѣ отождествить извѣстный кружокъ сторонниковъ церковной реформы среди петербургскаго духовенства съ какимъ-то «христіанскимъ братствомъ борьбы», въ которомъ *журналъ соотвѣтъ полиціи поискать слѣдовъ гапоновщины*. Мы не знаемъ, какія цѣли ставить себѣ «христіанское братство борьбы», но должны положительно заявить, что намъ *достоверно извѣстно*, что пастырскія собранія «тридцати двухъ» ничего общаго съ этимъ союзомъ не имѣютъ.

Такъ какъ ни для кого не секретъ, что «Миссіонерское Обзорѣніе» состоитъ на службѣ у оберъ-прокурора Синода, то весьма интересно было бы знать, кто явился дѣйствительнымъ вдохновителемъ автора этой замѣтки: самъ-ли глава вѣдомства рѣшился на такое средство борьбы, или здѣсь переусердствовали не въ мѣру услужливый чиновники? Въ послѣднемъ случаѣ это прекрасное доказательство того, что излишняя угодность чиновниковъ начальству не всегда служить къ чести послѣднему.

Сердитый авторъ грубой статьи не хорошо прочиталъ замѣтку „Мисс. Обзор.“ № 7—10 по поводу пастырскаго собранія, 29 апрѣля разогнаннаго полиціей. Мы отнюдь не отождествляли пастырскаго союза 32 съ социалистическимъ братствомъ борьбы, а лишь высказали догадку, не узрѣло-ли „недреманное око“ полиціи въ этомъ собраніи нѣкоей гапоновщины и союза борьбы. Мы сами хорошо знаемъ союзъ 32, но вотъ знаетъ-ли „Слово“ составъ христіанскаго братства борьбы? А представьте себѣ, что наше предположеніе о причинѣ вмѣшательства полиціи не въ свое дѣло, какъ мы теперь только убѣдились въ этомъ, весьма достоверно. Не „М. О.“, а полиція отождествила, оказывается, это невинное собраніе съ преступнымъ братствомъ. И, конечно, она ошиблась и потому дѣло стихло.

Конечно, мы не будемъ возражать на грубость приговора о „Мисс. Обзор.“ какого-то „беззащитнаго“ отца или господина изъ кружка тѣхъ лицъ, „кои не имѣютъ своего органа“, и нимало не удивляемся, что въ „Мисс. Обзор.“ нашъ обвинитель узрѣлъ „безпросвѣтное ретроградство“. При взглядѣ на нашъ органъ съ церковно-радикальной и декадентской точки зрѣнія, иначе и быть не можетъ. Читатели сами оцѣнятъ несправедливость приговора молодой газеты о репутаціи „М. О.“ и перемѣнчивости его литературнаго фронта,—мы не новички въ журналистикѣ, а „М. О.“ посильно служить интересамъ православія уже 10 лѣтъ.

Но зачѣмъ автору обидной замѣтки понадобилось говорить неправду, что будто бы „Слово“ никогда не унижалось (скажите, какое горделивое барство!) до полемики съ „Мисс. Обзор.“. Пересмотрите-ка, г.г. „словесники“, напр., статьи г. Фотія Бѣлявскаго и убѣдитесь, кто кого *впередъ* началъ задѣвать... Но это, конечно, редакціонный недосмотръ и lapsus linguae. Но что уже совсѣмъ негоже для серьезнаго и почтеннаго органа, какими мы считаемъ новую газету „Слово“,—это передергивать фразы и подтасовывать чужую мысль, и на этомъ строить тяжкое обвиненіе автора нашей замѣтки въ отождествленіи пастырскаго кружка 32 съ братствомъ борьбы и нечестное утвержденіе, что журналъ якобы совѣтовалъ полиціи поискать слѣдовъ гапоновщины въ пастырскомъ собраніи 29 апр. А что касается пресловутаго христіанскаго братства, то нечего и искать въ немъ гапоновщины, когда она сама бьетъ въ глаза, хотя бы въ тѣхъ же воззваніяхъ, выше приведенныхъ нами.

Обвиняя насъ въ доносѣ, „Слово“ само же и дѣлаетъ доносъ на „М. О.“, облыжно утверждая, что якобы „ни для кого не секретъ, что „Мисс. Обзор.“ на службѣ у оберъ-прокурора Св. Синода“, и тутъ же газета развяно выражаетъ предположеніе, что будто бы вдохновлена инкриминируемая статья „главою вѣдомства“. Какая тупая, низкая догадка! И это называется на языкѣ либеральныхъ газетъ *порядочностью*?

Откуда вы, господа „словесники“, ваяли,—докажите, что „Мисс. Обзор.“ на службѣ? Быть на службѣ, т. е. органомъ, вдохновляемымъ такимъ великимъ умомъ и честнымъ высокимъ государственнымъ мужемъ, какъ нынѣшній оберъ-прокуроръ Св. Синода, конечно, для нашего журнала было бы не только не позоромъ, а большою честью и наилучшею рекламою. Но этой чести не имѣемъ ни малѣйшаго права приписывать себѣ и рѣшительно протестуемъ противъ клеветы и доноса газ. „Слово“. Не съ болыной-ли головы на здоровую бойкая газета валить это обвиненіе? Не само-ли „Слово“ состоитъ на службѣ? Мы разумѣемъ, конечно, не этихъ „беззащитныхъ“ пионеровъ церковной реформы, въ чемъ сама газета расписалась, а *великихъ* міра сего. Вотъ, напр., если бы „Мисс. Обзор.“ было на службѣ у оберъ-прокурора, то извѣстное возраженіе его на запискѣ г. Витте, такъ услужливо опубликованную въ „Словѣ“, хотя послѣдняя составляла канцелярскій, едвали подлежащій опубликованію и критикѣ документъ, появилось бы вѣдь въ нашемъ органѣ. Sapienti sat. Дѣйствительно, господа „словесники“, до такой полемики съ нами вамъ не слѣдовало бы унижаться..

* * *

Всюду смута на Руси, всюду стоны, слезы и кровь, брызги которой, къ великому удивленію и скорби миссіонеровъ, долетѣли до нашего мирнаго поля. Можно ли было допустить, чтобы миссіонерская бесѣда вызвала вооруженное столкновение, жертвами котораго пали десятки людей, среди которыхъ погибли „наглою“ смертію невинныя жертвы неразумной ревности о православіи! А это страшное дѣло совершилось въ Ставрополѣ послѣ бесѣды синодальнаго миссіонера о. прот. Крючкова!

Какъ могъ допустить старый ратоборецъ-миссіонеръ на миссіонерской бесѣдѣ такое „разженіе страстей“, которое вовлекло раскольниковъ въ грубое глумленіе надъ православными святынями, вызвавшее ожесточеніе православной толпы? Неужели о. миссіонеръ не понималъ, что теперь смутное время, что православные и раскольники находятся въ раздраженномъ и приподнятомъ настроеніи послѣ закона 17 апрѣля о религіозной свободѣ, что довольно одной спички, чтобы произошелъ взрывъ негодованія съ обѣихъ сторонъ!

Необходимо епархіальнымъ властямъ всюду принять мѣры, чтобы въ наше бурное, смутное время не производилось скопленія возбужденныхъ народныхъ массъ и въ частности для полемическихъ религіозныхъ споровъ. Здѣсь всегда найдется почва для острыхъ впечатлѣній и невольныхъ недоразумѣній, которыми смутьяны воспользуются для скандала. Для миссіи есть другіе способы назиданія—церковная проповѣдь, частныя бесѣды.

Надо забыть нашимъ самородкамъ-миссіонерамъ изъ простецовъ начетчиковъ старыя, рассчитанныя на жестоковѣрность раскола, ваяты на прокатъ у раскольничьихъ же апологетовъ приемы библейскихъ проклятій и взаимныхъ укоризнъ, пора оставить „грозный“ тонъ, чуждый мира и кротости, рассчитанный на „спасительный страхъ“, порождаемый не столько небесными громами, сколько опасеніями полицейскаго протокола. Теперь времена другія,—перемѣнились законы, надо и нравы свои мѣнять. Довольно быть чрезъ это миссіи „притчею во языцѣхъ“. Неужели для убоженія въ азбучныхъ миссіонерскихъ истинахъ потребна была такая страшная катастрофа, забрызгавшая кровью страницы исторіи современной миссіи? Больно и стыдно! Жаль безконечно этихъ пострадавшихъ, неразумныхъ младенцевъ въ вѣрѣ! Конечно, здѣсь была элонамѣренная агитація смутьяновъ, подогрѣвавшихъ страсти на площади. Но неужели нельзя было обойтись безъ пролитія крови? Пришелъ ли кто на помощь осиротѣлымъ семьямъ, искалѣченнымъ кормильцамъ? Конечно, нужна пострадавшимъ, кто бы они ни были, помощь и матеріальная, и нравственная, и юриди-

ческая, но объ этомъ ни огь кого не слышимъ. Мы читали въ „Русс. Словѣ“, что мѣстные юристы и дума занялись изслѣдованіемъ причинъ вооруженнаго столкновенія. Вѣроятно, по суду либеральныхъ служителей Фемиды, окажутся виновными ревнители православія и миссіонеры, а что же сдѣлано мѣстною духовною властью?

Мы готовы по долгу христіанской любви и состраданія подать потерпѣвшимъ ревнителямъ вѣрны руку всяческой помощи. Нами послана отъ редакціи лепта пострадавшимъ семьямъ на имя мѣстнаго почтеннаго миссіонера о. Никольскаго, который, надѣмся, не замедлитъ подѣлиться съ читателями своими свѣдѣніями, какъ очевидецъ потрясающаго событія.

А прогос,—мы не понимаемъ сообщенія нашего корреспондента, почему въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не замѣщена въ Ставрополѣ вакансія противораскольничьяго миссіонера и какъ можетъ исполнять эту должность синодальный миссіонеръ? Тутъ что-то не досказано. Ждемъ разъясненій.

Подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ ставропольской катастрофы, нашимъ отцамъ и собратіямъ миссіонерамъ настоятельно рекомендуемъ измѣнить самую методу полемическихъ собесѣдованій, в устныхъ и письменныхъ, съ отступниками отъ Церкви и въ частности съ старообрядцами. Въ дѣлѣ Божіемъ никогда не слѣдуетъ ни шутить, ни грубить, а теперь нужно памятовать, что вѣдь наши совопросники уже выросли въ полноправныхъ гражданъ, ихъ литература и полемика заслуживаютъ серьезнаго вниманія и добросовѣстнаго разбора; грубымъ гаерствомъ, заѣженными способами доказательствъ и устарѣлыми приѣмами полемики теперь никого не убѣдишь, а только насмѣшишь и раздразишь.

Въ частности позволяемъ себѣ обратить вниманіе московскихъ миссіонеровъ на обычныя въ лѣтнее время праздничныя пренія вѣрѣ на площади близъ старообрядческаго преображенскаго кладбища, куда собираются большія толпы черни. Въ наше смутное время лучше бы не производить этихъ преній,—теперь нужны не споры, а единеніе всѣхъ вѣрующихъ и любящихъ отчизну людей.

* * *

Два слова къ вопросу объ этомъ единеніи православныхъ съ вѣрующимъ старообрядчествомъ.

Недавно московская газета „День“ (№ 154) упрекнула насъ въ стремленіи къ разьединенію, заподозривъ въ нашихъ „Скрижаляхъ“ (№ 7—8) „ехидство и клевету“ на вдумчивыхъ старообрядцевъ, недовольныхъ вѣронсповѣдною свободою 17 апрѣля, уравнившею старообрядчество во всѣхъ правахъ и льготахъ съ

сектантами и еретиками. А старообрядческой тульской попъ Механиковъ въ томъ же „Днѣ“ прямо захлебывается отъ радости и удовольствія, по поводу дарованныхъ 17 апр. старообрядчеству льготъ, и оправдываетъ ссылками на уставъ цѣлесообразность даннаго старообрядческой іерархіи одинаковаго съ еретиками наименованія „настоятелей и наставниковъ“.

Подождемъ, согласится-ли съ теоріей г. Механикова и поблагодарить-ли его за эту медвѣжью услугу всероссійской старообрядческой сѣбѣ, а гдѣ слѣдуетъ, конечно, примуть къ свѣдѣнію заявленіе Механикова о радостяхъ и довольствѣ старообрядцевъ. Игнорируя незаслуженную укоризну „Дня“, мы снова утверждаемъ, что въ старообрядствѣ существуетъ указанное нами разочарованіе вѣроисповѣднымъ закономъ 17 апрѣля, но г. Бергъ этого не понимаетъ, а Механиковъ лукавитъ. Мы объединили въ „Скрижаляхъ“ все извѣстное намъ по этому вопросу и при томъ не изъ одной только „бесѣды съ секретарями“, но и изъ другихъ источниковъ, сослались же на бесѣду съ нами секретарей старообрядческихъ епископовъ потому, что у нихъ, какъ людей наиболѣе чуткихъ и понимающихъ интересы старообрядчества, эта критика создаваемаго закономъ 17 апрѣля положенія дѣль, наиболѣе ясно и ярко выражалась.

Пусть же знаютъ г. Механиковъ и г. Бергъ, что старообрядческія общины уже подаютъ, куда слѣдуетъ, петиціи объ отмѣнѣ присвоенныхъ имъ закономъ 17 апрѣля нѣкоторыхъ привилегій.

Повторяемъ, „День“ несправедливо насъ обвиняетъ въ сѣяніи политики раздора въ отношенія старообрядцевъ. Мы хорошо знаемъ, что господство ея въ миссіи и литературѣ мало принесло пользы Церкви, но не „М. О.“ это создало.

* * *

Наша противораскольничья миссія лишилась своего опорнаго столпа, маститаго ученаго расколовѣда Н. И. Субботина, который былъ въ теченіе 40 лѣтъ литературнымъ вдохновителемъ и руководителемъ всей нашей миссіонерской политики въ отношеніи раскола старообрядчества. Вѣковымъ памятникомъ его дорогой дѣятельности на пользу миссіи Церкви остались многотомные труды по расколовѣдѣнію и первый, имъ основанный миссіонерской журналъ „Братское Слово“, составляющіе столь многоцѣнный литературной капиталъ, изъ сокровищъ котораго будутъ въ изобиліи почерпать еще многія поколѣнія начинающихъ ученыхъ расколовѣдцовъ и миссіонеровъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности и мы отъ лица всѣхъ дѣятелей миссіи должны вспомнать здѣсь труды и подвиги почившаго на пользу нашего

общаго дѣла. Хотя, въ то же время, чувствуемъ потребность у свѣжей могилы почившаго послѣдняго могикиана филаретовской миссіонерской школы принести покаяніе, что не раздѣляли и не раздѣляемъ созданнаго покойнымъ, блестящимъ мастеромъ печатнаго слова, направленія и въ полемической литературѣ, и въ миссіонерской практикѣ, которое слишкомъ рѣзко и чувствительно уязвляло въ самое сердце заблудшихъ отцепенцевъ, что далеко не примиряло ихъ съ господствующею церковію, а отъединяло. Особенно это направленіе сказывалось въ трудахъ почившаго послѣ смерти о. Павла Пруссаго, человѣка великой души и обширнаго сердца, гдѣ всѣмъ было не тѣсно. О. Павелъ былъ добрымъ гениемъ покойнаго Н. И. Субботина и литературнымъ вдохновителемъ, а почившій Николай Ивановичъ Субботинъ — „литературныя уста“ о. Павла. Не будь о. Павла, не было бы знаменитой „Исторіи австрійскаго священства“, ни многотомныхъ „Матеріаловъ“ для исторіи. Не стало о. Павла, прекратилось и изданіе „Братскаго Слова“ и блестящій стилистическій талантъ покойнаго размѣнялся на мелочи, — на изданіе личныхъ воспоминаній и интимной переписки, гдѣ не была пощажена скромность ни живыхъ, ни мертвыхъ слишкомъ откровенными и не всегда безпристрастными несвоевременными разоблаченіями. Но да проститъ Господь всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія почившаго раба Своего, во всякомъ случаѣ мужественно, твердо и неподступно трудившагося на пользу православія до послѣдняго своего издыханія.

Своеобразный въ твореніяхъ своихъ и отношеніяхъ, покойный Ник. Ив. своеобразное оставилъ завѣщаніе о послѣднемъ церковномъ напутствованіи его въ путь вѣчности. Онъ завѣщевалъ прахъ его отпѣть въ единовѣрческомъ монастырѣ по единовѣрческому чину. Здѣсь Н. Ив. погребенъ рядомъ съ о. Павломъ, чѣмъ и засвидѣтельствовалъ свою любовь и преданность покойному приснопамятному миссіонеру, а также и вѣрность и единомысліе съ его завѣтами о православіи и единовѣрціи. *Sit vobis terra levis*, великіе столпы нашей миссіи!

* * *

Начавъ нашу бесѣду съ выраженія общерусской скорби по поводу переживаемыхъ Россіей страшныхъ несчастій, мы не можемъ ничѣмъ другимъ и закончить наши „Скрижали“, какъ выраженіемъ той страшной, гнетущей, какъ кошмаръ, тяжелой, безпросвѣтной тоски предъ совершающимися внутри отечества ужасами. Это гнетущее настроеніе православной Россіи глубоко и вѣрно выразилъ (22 іюня) старый публицистъ А. С. Суворинъ въ своемъ „Маленькомъ письмѣ“ слѣдующаго содержанія.

„Революція въ Одессѣ“—подъ этимъ заглавіемъ ужь нѣскольکو дней печаталось въ лондонскихъ газетахъ о печальныхъ событіяхъ.

Революція-ли это? Государство не можетъ жить безъ власти. Когда власть устраняется или чувствуетъ безсиліе управлять, или дѣлаетъ постоянныя ошибки, поражая жителей противорѣчіями, шатаніемъ, неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, революціонные элементы овладѣвають властью и возбуждаютъ толпу. Грабежь, разрушеніе, пожары, пьянство до потери сознанія—вотъ результаты этой „революціи“, совершенно похожей на „пугачевщину“. Въ видѣ страшнаго Пугачева, явился броненосецъ „Потемкинъ Таврической“, который угрозами стрѣлять въ городъ предалъ его во власть буйной черни и агитаторовъ, изъ числа которыхъ 30 человѣкъ теперъ плаваютъ въ Черномъ морѣ на „Потемкинѣ“.

„Великолѣпный князь Тавриды“ напомнилъ о себѣ, о военной славѣ эпохи Екатерины II, о мечтахъ владѣть Константинополемъ. И вотъ черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ экипажъ броненосца его имени покрылъ позоромъ, позоромъ измѣны и самаго чернаго предательства, и притомъ въ эти тяжкія минуты жизни родины, когда ей грозитъ безславный миръ и когда это предательство еще болѣе затрудняетъ положеніе Россіи и грозитъ еще большими бѣдствіями и лишеніями для народа.

Собственныя дѣти Россіи терзаютъ свою мать, обманываютъ, рѣжутъ, рѣжутъ тупыми ножами, чтобы продлить ея страданія, наносятъ неизлѣчимыя ржавыя раны, готовы продать ее и измѣнить ей. Вотъ до чего мы дожили, до какого срама и безчестія. Никто въ русскомъ царствѣ и во снѣ не видѣлъ тѣхъ бѣдъ, которыя разразились надъ нами. Нѣтъ такого человѣка, не было такого пророка ни у насъ, ни за границей, ни въ Японіи, которая никогда не могла ожидать, что подлая измѣна придетъ ей на помощь, что революція не побрезгаетъ никакимъ оружіемъ для того, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Мы удивляемъ міръ своей бездарностью, своимъ холопствомъ, своимъ невѣжествомъ, своимъ презрѣніемъ къ наукѣ, къ труду, къ народной чести и человѣческому достоинству. О, пусть тѣ святыя души, которыми стояла Россія и стоитъ еще, не возмущаются этими словами. Пусть погибшіе мученики въ бояхъ, тѣла которыхъ зарыты въ китайскихъ степяхъ и лежатъ на днѣ Тихаго океана, пусть они молятся у престола Всевышняго, чтобы Онъ пощадилъ Россію и не погубилъ ее окончательно. Пусть слезы матерей и мужественная печаль отцовъ будетъ вѣчнымъ укоромъ тѣмъ живущимъ,

которые не знали ни своей родины, ни своихъ сосѣдей, которые чѣмъ-то гордились и чванились, во что-то вѣрили, чему-то молились, но и гордились, и вѣрили, и молились, съ какимъ-то самомнѣніемъ бездарности, лѣни и злого равнодушія къ отечеству, погруженные въ свои дѣла и дѣлишки.

Нѣтъ словъ такихъ, которыя были бы достаточны для бичующей сатиры, нѣтъ того юмора, который раздался бы достаточно громкимъ смѣхомъ сквозь слезы и рыданія надъ нашимъ поражениемъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Нѣтъ такихъ сильныхъ, мощныхъ, талантливыхъ мужей, которые бы сумѣли обнять своей душой бездну нашего паденія и возгорѣть мужественнымъ стремленіемъ поднять бремя высокаго труда на свои плечи. Гдѣ они? Куда они скрылись? Или не даютъ имъ простора, не зовутъ? Или они еще не рождались, или бѣгаютъ дѣтьми, не понимая, что дѣлается. Все, что слышишь, все, что видишь, все это или почти все это—резонерство, холодное, самомнящее, не заключающее въ себѣ ничего оригинальнаго, ничего творческаго, ничего такого, о чемъ можно было бы сказать, что это порождено русскою душою, русскимъ умомъ, русскимъ просвѣщеніемъ. Какъ будто ничего этого и нѣтъ, какъ будто вѣрилось въ обманъ, въ навожденіе злого духа, въ запахъ тлѣнія, въ позлащенный развратъ, въ мишурный блескъ суеты и празднословія. Самое христіанство, о которомъ столько говорилось и писалось, самаго этого христіанства какъ будто не бывало. Спали съ чловѣка всѣ покровы, и онъ явился какимъ-то захудалымъ, обтрепаннымъ, покрытымъ язвами и всѣми признаками безсилія и злобы, доходящей до измѣны отечеству и пошлаго и подлаго гоготанія надъ всякимъ несчастіемъ родины. Да и самая измѣна какая-то бездарная, бессмысленная, убогая въ своемъ позорѣ и происхожденіи и звѣрски дикая въ своихъ дѣйствіяхъ. Надѣлать какъ можно больше зла больному отечеству, чтобъ оно какъ можно больше лѣтъ не выздоровѣло и чтобъ какъ можно больше міръ плевалъ ему въ лицо и радовался его униженію; затѣять пугачевщину на землѣ и на морѣ, начать междоусобную войну, разорить и безъ того разоренное, жечь, истреблять и разрушать и не обнаружить никакого творчества—какая слава и честь! Отечество стоитъ въ глубокой печали и тоскѣ передъ всѣмъ этимъ безуміемъ, передъ этой хвастающейся бездарностью и срамнымъ безсиліемъ, и негодованіе клокочетъ въ его истерзанной груди и уста, запекшіяся кровью, шепчутъ проклятіе“...

Доколѣ, Господи, доколѣ забудеши ны, доколѣ и сынъ беззаконія озлобитъ ны и врагъ успѣетъ на ны! *В. Скворцовъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е

статей, помѣщенныхъ въ книжкахъ журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за первое полугодіе 1905 года.

1. О постановленіяхъ и распоряженіяхъ власти, касающихся внутренней миссіи и сектантства, и руководственныя статьи по миссіонерскимъ и апологетическимъ вопросамъ.—Статьи по расколу и сектовѣдѣнію.

	СТРАН.
Хранить-ли Русь православная чистое ученіе Христово, и какъ исполняетъ миссію свою среди невѣдущихъ Христа народовъ Азіи. <i>Епископа Могилевскаго Стефана.</i> Январь . . .	3—15
Новогоднія думы пастыря о неотложныхъ церковно-приходскихъ нуждахъ. <i>Свящ. М. Платоновъ.</i> Январь	13—42
Единоебже и безсмертіе въ естественной религіи, какъ прямой отвѣтъ на запросы духа всего человѣчества. <i>А. А. Берсъ.</i> Январь	43—52
Февраль 1-я	259—264
Въ какомъ отношеніи ученіе русскаго штундиама находится къ нѣмецкому протестантизму. <i>С. Троицкій.</i> Январь . . .	55—77
Историческая записка о скопческой сектѣ въ Россіи съ 1843 по 1870-й годъ. Январь	78—92
Февраль 1-я	266—269
Апрѣль	883—891
Какъ оживить пастырямъ свою миссіонерскую дѣятельность. <i>В. Терлецкій.</i> Февраль 1-я	241—258
Самоправіе въ дѣйствіяхъ именуемыхъ всероссійскихъ съѣздовъ и ихъ попечительства. <i>Свящ. С. Шалкискій.</i> Февраль 1-я	270—286
Самобытная русская конституція. <i>Русскій старикъ.</i> Февраль 1-я . . .	287—296
Какъ возможно въ настоящее время обновить православно-русскій церковно-приходскій строй. <i>Священ.-миссіонеръ Савва Потъхинъ.</i> Февраль 2-я	417—436
О старомъ по новому поводу. О душѣ человѣка и о нѣкоторыхъ ея свойствахъ. Бытіе души. Общеніе душъ умершихъ съ живыми. Предчувствія и предвидѣніе. Жизнь души во	

снѣ. Сомнамбулизмъ и гипнотизмъ. Свящ. <i>Богуславскій</i> .	
Февраль 2-я	437—452
Мартъ 1-я	561—571
Къ миссіонерской полемикѣ съ апологетами австрійскаго раскола. <i>Н. Гринякинъ</i> . Февраль 2-я	453—462
О таинствѣ покаянія и разрѣшенія грѣховъ. (Въ обличеніе мнимо-духовныхъ христіанъ). Прот. <i>Н. Кутеповъ</i> . Мартъ 1-я	545—560
О внутреннихъ причинахъ „упадка духа“ въ нашемъ духовенствѣ. <i>И. Преображенскій</i> . Мартъ 1-я	572—596
Ненаучное въ наукѣ. <i>М. Богословскій</i> . Мартъ 2-я	689—709
Русское современное сектанство и православное духовенство въ характеристикѣ А. С. Пругавина. (По поводу книги А. С. Пругавина „Религіозные отщепенцы“). <i>П. Красновоставскій</i> . Мартъ 2-я	710—731
Почитаніе св. Креста Христова въ сектантскихъ молитвенныхъ пѣсняхъ. <i>М. Кальневъ</i> . Мартъ 2-я	732—738
Воскресеніе Иисуса Христа и ап. <i>Томы</i> . <i>К. Первозииковъ</i> . Апрель	841—848
О подготовкѣ къ дѣлу миссіи воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ. <i>С. Троицкій</i> . Апрель	849—860
Къ перепискѣ сектантскихъ дѣятелей. Письмо <i>М. И. Калмыкова</i> съ предисловіемъ <i>Н. Чиннова</i> . Апрель	861—882
Объ устраненіи стѣсненій въ области религіи и укрѣпленіи началъ въротерпимости. (I. Высочайшій указъ Сенату. II. Извлеченія изъ особаго журнала Комитета Министровъ). Май	1017—1070
Въ поискахъ истины и смысла жизни. <i>В. І. Терлецкій</i> . Май	1071—1082
Къ исторіи іеговистской секты. <i>Н. Г.</i> Май.	1083—1095
Къ вопросу о необходимости научной подготовки единовѣрческаго духовенства. Свящ. <i>Н. Васильевъ</i> и <i>С. Шлегель</i> . Май.	1096—1103
Христіанство и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. <i>М. Богословскій</i> . Июнь	1273—1292
Къ вопросу о самобытномъ происхожденіи хлыстовщины. <i>Н. Высоцкій</i> . Июнь	1293—1300
Доказательства всеобщности прародительскаго грѣха и необходимости крещенія младенцевъ на основаніи сектантскихъ молитвенныхъ пѣснопѣній. <i>М. Кальневъ</i> . Июнь	1301—1309
Безблагодатное и противоканоническое священство. <i>А. Обтемперанскій</i> . Июнь	1310—1324

II. Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

О Ницше. <i>И. Айвазовъ</i> . Апрель	892—896
Оправданъ ли евангельскій фарисей? <i>Д. Боголюбовъ</i> . Май	1104—1105
Быль ли приобщенъ Іуда Спасителемъ? <i>Н. Булгаковъ</i> . Май	1105—1108
О молитвѣ за самоубійцъ. (Отвѣтъ на письмо въ редакцію). Діаконъ <i>І. Смоленскій</i> . Июнь	132 —1327

III. Изъ записокъ и дневниковъ.

	СТРАН.
На своей позиціи (изъ переписки приходскаго священника съ епархіальн. миссіонеромъ). Грузинскій Епархіальный миссіонеръ <i>А. Платоновъ</i> . Январь	93—100
Февраль 1-я	312—320
Хлысты на Дону и миссіонерскія бесѣды съ ними. <i>Д. Граціанскій</i> . Январь	101—110
Голосъ современнаго лѣтописца-инока по поводу переживаемыхъ Церковью и Отечествомъ событій. <i>Старецъ-монахъ</i> . Февраль 1-я	297—311
Священныя изображенія на полотнѣ. Свящ.-мисс. <i>С. Потъкинъ</i> . Февраль 1-я	321—322
Какъ мстятъ миссіонерамъ. Свящ. <i>Н. Кипарисовъ</i> . Февраль 1-я .	323—324
Изъ разговора православнаго простеца съ бѣглымъ попомъ. <i>И. Водягинъ</i> . Февраль 1-я.	325—328
Какъ развязать узелъ? (Отвѣтъ миссіонера пастырямъ, уклоняющимся отъ приходской миссіи). <i>А. Платоновъ</i> . Февраль 2-я.	463—473
Миссіонерскіе очерки. XXIV. На скопческомъ пепелищѣ. XXV. Въ туманный вечеръ. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Февраль 2-я	474—478
Христовъ любовь у сектантовъ. (Картинка съ натуры). Свящ. <i>М. Шевалевскій</i> . Февраль 2-я	479—483
О нуждѣ нашихъ приходоу съ раскольничьимъ элементомъ населенія. Мисс.-свящ. <i>П. Цвейтовъ</i> . Мартъ 1-я	599—602
Сектантскій судъ. (Изъ быта молоканъ). <i>А. Платоновъ</i> . Мартъ 1-я.	603—613
Пастырская миссія среди нижегородскихъ босяковъ. Свящ. <i>А. Троицкій</i> . Мартъ 1-я	613—619
Нѣсколько словъ о епископахъ, какъ о государевыхъ думныхъ людяхъ. <i>Евстафій Воронежъ</i> . Мартъ 2-я	739—752
Расколъ и православная миссія по епархіямъ. Пенза. Минскій епарх. свящ.-мисс. <i>К. Поповъ</i> . Мартъ 2-я	753—767
Нѣсколько словъ объ институтѣ благочинныхъ. Свящ. <i>М. Платоновъ</i> . Апрель	897—902
Изъ воспоминаній миссіонера о преосвященномъ Иринеѣ, епископѣ Орловскомъ. (По поводу годовщины со дня его кончины). <i>А. Обтемпранскій</i> . Апрель	903—911
Памяти о. архимандрита Павла. (По поводу десятилѣтія со дня его кончины). <i>Е. З.</i> Апрель	912—915
За честь русскую. (Разсказъ). Свящ. <i>І. Орловъ</i> . Апрель	916—922
Къ единенію, братья сопастыри! Свящ. <i>І. Анастасіевъ</i> . Май	1109—1116
Гдѣ же дѣлатели въ наши скорбные дни? <i>С. Бронницкій</i> . Май	1117—1128
Изъ бѣглопоповщинскаго быта. Свящ. <i>Е. Зубаревъ</i> . Май	1129—1141
„Смертныя“ и „безсмертныя“ Закавказья. <i>А. Платоновъ</i> . Май .	1141—1144
Голосъ сельскаго священника о „выборѣ“ пастырей „приходомъ“. Свящ. <i>Н. Вогацкій</i> . Юнь	1328—1332
Празднество поминокъ на духоборскомъ кладбищѣ. Генераль-майоръ <i>М. Каменевъ</i> . Юнь	1333—1356

Новоладожскія впечатлѣнія. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Іюнь	1357—1365
Изъ миссіонерской переписки. (Ф. П. Балихинъ <i>Д. И. Граціанскому</i>). <i>Д. Граціанскій</i> . Іюнь	1366—1370

IV. Изъ миссіонерской полемики.

	СТРАН.
Бесѣда спасовца съ послѣдователями австрійскаго священства. <i>Мисс. прот. Н. Фіалковскій</i> . Январь	111—138
Бесѣда со старообрядцемъ австрійскаго толка по вопросу: „Содержитъ-ли пр. Церковь ересь Люциферіанскую или нѣтъ“. <i>Мисс. іерей Д. Александровъ</i> . Февраль 1-я	329—338
Мартъ 1-я	620—631
Бесѣда со штундобаптистами о судѣ Церкви надъ грѣшниками. <i>Д. Граціанскій</i> . Февраль 2-я	484—491
Бесѣда съ жидовствующими о троичности лицъ въ Богѣ. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Мартъ 2-я	768—772
Бесѣда съ интеллигентнымъ сектантомъ объ истинной вѣрѣ Христовой. <i>Д. Граціанскій</i> . Апрельъ	923—929
О посланничествѣ митрополита Амвросія. (Сочиненіе раскольничьяго лжеепископа И. Усова). Обвиненіе митр. Амросія въ неимѣнии посланничества (гл. 2-я). Протоіерей <i>Н. Фіалковскій</i> . Апрельъ	930—941
Бесѣда съ молоканами о духовномъ и плотскомъ. <i>Д. Граціанскій</i> . Май	1145—1150
Бесѣда съ старообрядческимъ архіереемъ Инокентіемъ (Усовымъ) о непрекращаемости епископства въ Христовой Церкви. Свящ. миссіонеръ <i>Викторъ Цыгановъ</i> . Іюнь	1371—1380

V. Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики истекшаго года. Свящ. <i>М. Лисицынъ</i> . Январь	139—150
<i>Д. Богдашевоній</i> . Посланіе св. Апостола Павла къ Ефесянамъ. <i>П. Козицкій</i> . Январь	151—153
<i>Юрій Биттовъ</i> . Графъ Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. <i>Гером. Александръ</i> . Январь	153—155
Священ. <i>В. Владиміровъ</i> . Наставленіе въ Законъ Божіемъ. <i>Гером. Александръ</i> . Январь	155
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію „Мисс. Обзор.“ для отзыва. Январь	155
Февраль 2-я	506
Изъ духовной журналистики истекшаго года. „О перстосложеніи для крестн. знаменія и благословенія“, „Прелесть раскольническая“, „Бракъ и дѣвство при свѣтѣ древне-христіан-	

ской письменности“, „Ученіе социалистовъ о возникновеніи христіанскаго нравоученія на экономической почвѣ“, „Возрождающійся идеализмъ въ міросозерпаніи русскаго образованнаго общества“, „Достовѣрность воскресенія Господа нашего Иисуса Христа“, „Библия и Вавилонъ“, „Пріѣздъ въ Астрахань восточныхъ патріарховъ“. <i>М. Лисицынъ</i> . Февраль 1-я	339—347
Еп. Хрисанъ . „Къ вопросу о переводахъ на инородческіе языки“. <i>Гером. Александръ</i> . Февраль 1-я	348—351
Обзоръ духовныхъ журналовъ за вторую половину истекшаго 1904 г. <i>Гером. Александръ</i> . Февраль 2-я	492—502
Отповѣдъ Казанскому епархіальному миссіонеру. <i>Свящ. С. Шлегель</i> . Февраль 2-я	502—505
А. Пахарнаевъ . „Богъ дастъ“. <i>М. Лисицынъ</i> . Февраль 2-я	506
„О старострїи и старострахъ“. (По поводу статьи „Нов. Вр.“, № 10393). <i>И. Айвазовъ</i> . Мартъ 1-я	632—639
И. Соколовъ . „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ“. <i>П. Козицкій</i> . Мартъ 1-я	639—644
„Старообрядческій Вѣстникъ“, ежемѣсячный журналъ, № 1, январь, 1905 г. <i>Э. Я.</i> Мартъ 1-я	644—647
О литературной дѣятельности М. Горькаго (Н. Я. Стечкинъ. М. Горькій, его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества). <i>Гером. Александръ</i> . Мартъ 2-я	773—777
Епископъ Аленсій . Южно-русскій необаптизмъ, извѣстный подъ именемъ штунды. <i>И. Айвазовъ</i> . Мартъ 2-я	777—783
Левъ Тихомировъ . „Монархическая государственность“. <i>Свящ. Г. Фудель</i> . Мартъ 2-я	783—785
На злобу дня . Фельетонъ свящ. А. Смирнова.—„Слово“ № 87-й. Протоіерей <i>Н. Русановъ</i> . Апрѣль	942—945
„Старообрядческій Вѣстникъ“. Ежемѣсячный журналъ, № 1-й, Январь 1905 г.— <i>Свящ. С. Шлегель</i> . Апрѣль	946—951
Д. И. Сиворцовъ . Современное русское сектанство. (Очерки, статьи и изслѣдованія). <i>П. Козицкій</i> . Апрѣль	951—956
„Епархіальныя Вѣдомости“ и желательное улучшеніе ихъ. <i>Свящ. С. Бряковскій</i> . Май	1111—1159
Ө. Д. Кругловъ . Разсмотрѣніе напечатанной старообрядцами-поповцами книги: „Церковь Христова временно безъ епископа“. <i>Ө. О.</i> Май	1160—1163
Е. А. Воронова . „Къ тихой пристани“. <i>Свящ. С. Бряковскій</i>	1163—1165
Проф. Т. И. Буткевичъ . <i>Э. Ренанъ</i> и его сочиненіе „Жизнь Иисуса“. <i>Гером. Александръ</i> . Май	1166—1168
Есть-ли исторической смыслъ въ словахъ Достоевскаго, что „Церковь русская въ параличѣ со времени Петра Великаго“? <i>И. Преображенскій</i> . Юнь	1381—1394
Благодѣянія Богоматери роду христіанскому чрезъ ея св. иконы. Соборный іеромонахъ <i>Александръ</i> . Юнь	1394
Библия —самая распространенная книга въ свѣтѣ. (По поводу 100 лѣтїя англійскаго библейскаго общества). <i>С. Гльбовъ</i> . Юнь	1395

VI. Изъ литературы и жизни.

	СТРАН.
По поводу двухъ разсказовъ нашихъ современныхъ писателей (Впечатлѣнія миссіонера). <i>Д. Боголюбовъ</i> . Январь	204—204
О притязательныхъ, но неправильныхъ заключеніяхъ. (Впечатлѣнія миссіонера). <i>Д. Боголюбовъ</i> . Февраль 1-я	352—366
По поводу сужденій „Новаго Времени“ о миссіонерахъ. <i>И. Айвазовъ</i> . Февраль 1-я	366—369
О нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ связи съ запросами современности. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Мартъ 1-я	648—660
О конечной цѣли противорасколической полемики. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Апрѣль	957—969
Объ оживленіи церковной проповѣди. <i>Д. Боголюбовъ</i> . Май	1169—1185

VII. Хроника.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства. Америка—разсадникъ новыхъ религій.—Новая секта іорданистовъ въ Ирландіи.—Успѣхи мормонства въ Европѣ.—Новая затѣя Доуи.—На что можетъ разсчитывать христіанство въ Японіи? <i>С. Вердеревская</i> . Январь	156—164
Генеральный Синодъ Евангелической церкви Пруссіи въ 1903 г.—Папство и Франція.—Протестантскія миссіи. <i>С. Зетринскій</i> . Февраль 1-я	370—389
Протестантскія церкви и свобода совѣсти.—Англійская противорусская пропаганда среди мусульманъ.—Послѣдняя по счету секта „Мистическій знакъ“.—Американскіе прыгуны. <i>С. Вердеревская</i> . Апрѣль	970—976
Религія въ Соединенныхъ Штатахъ.—Западный буддизмъ.—Секта Самарянъ.—Индійская секта „кающихся“. <i>С. Вердеревская</i> . Май	1186—1196
Нужды протестантизма.—Современное положеніе.—Мормонство и исламъ въ Лондонѣ.—Странная религіозная процессія въ Индіи.—Религіозная секта въ Корей Тонгъ-Тчахи. <i>С. Вердеревская</i> . Іюнь	1397—1404

VIII. Миссіонерство и расколосектантство.

Жизнь нашей Церкви, состояніе миссіонерства и положеніе расколо-сектантства въ минувшемъ году. Дѣятельность церковнаго управленія въ истекшемъ году. Отношеніе церкви и духовенства къ войнѣ. Пропавшая икона и почившіе іерархи и апологеты. Церковно-школьная миссія. Ожиданіе миссіи отъ церк.-школьнаго управленія. Децентрализація въ управленіи дѣлами миссіи. Пере-

- мѣны въ составѣ миссіонеровъ. Вакантность миссіонерскихъ должностей и отсутствіе кандидатовъ. Причины напряженности дѣятельности миссіи и сектантскаго броженія. Куда дѣвалась южно-русская штунда? Отношенія социаль-демократіи къ сектантству. Новыя секты. Прошлогоднія домогаательства и новѣйшія надежды раскола. Московское соѣщаніе раскольниковъ и петиція. Приходская миссія. Памяти почившихъ дѣятелей миссіи. *В. Скворцовъ*. Январь 165—183
- Мобилизація въ сектантскихъ селеніяхъ.—Отрядное для миссіи нововведеніе въ Харьковскомъ университетѣ.—Успѣхъ харьковскихъ бесѣдъ съ сектантами. Февраль 1-я 381—391
- Лѣтопись расколосектантства за конецъ минувшаго года. Пѣніе у сектантовъ.—Пропагандистское миссіонерское значеніе сектантскаго пѣнія и гимновъ.—Книгоноша-миссіонеръ.—Присоединеніе къ православію молоканина.—Желательная перемѣна въ практикѣ собесѣдованія съ сектантами. Свящ. *М. Лисицынъ*. Февраль 2-я 507—514
- Новыя свободомыслящіе возражатели на бесѣдахъ.—Пренія о войнѣ.—Полицейскій протоколъ и приговоръ земскаго начальника.—Секта „Новый Израиль“ въ Скопинскомъ у. *М. Мартъ* 1-я 661—667
- Отзывъ земскаго начальника о современномъ нѣмецкомъ баптизмѣ.—Записка о сектѣ баптистовъ вообще и о баптистахъ Маринской и Николаевской волостей въ частности.—Нѣсколько свѣдѣній къ характеристикѣ внутрен. состоянія Костромскаго раскола.—Раскаяніе скопчихи. *М. Мартъ* 2-я 786—794
- Екатеринбургъ, какъ центръ раскола.—Австрійскіе окружники.—Часовенные или стариковцы.—Климентово согласіе.—Порфирьево согласіе и поморцы.—Нѣтовскія секты и ихъ ученіе о чувственномъ воцареніи антихриста.—Иеговисты и ихъ богохульное и разрушительное ученіе.—Статистика и характеристика нынѣшняго старообрядческаго міра.—Никудышники.—Дѣйствія и мѣры миссіи. *А. Обтемперанскій*. Апрель 977—987
- Высочайшій указъ 17 апрѣля и поворотный шагъ въ церковной политикѣ Русскаго государства.—Какого отношенія къ православію желаютъ и ждутъ православные Царь и люди отъ облагодѣтельствованныхъ 17 апрѣля инновѣрцевъ и расколо-сектантовъ.—Высочайшая телеграмма о распечатаніи рогожскихъ алтарей и Царскій призывъ старообрядцевъ къ соединенію съ православною Церковью и прекращенію вѣковой раскольничьей розни.—Московское старообрядческое торжество распечатанія рогожскихъ алтарей.—Царскіе посланцы мѣстной власти на пасхальной утрени у старообрядцевъ.—Провинціаль-

ные отголоски Высочайшаго указа о вѣротерпимости.— <i>Изъ прошлогодней жизни расколосектантства.</i> — Мрачное состояніе безпоповцевъ на Печорѣ.—Проникновеніе туда австрійскаго священства.—Пропаганда раскола при по- мощи фотографіи.—Замѣчательныя присоединенія къ Церкви достойнѣйшихъ представителей старообряд- цевъ.—Присоединеніе къ Церкви старообрядческаго священноинокѣ и достопримѣчательныя признанія.— Миссіонерскія экскурсіи. „Стрѣлы въ елѣ“, „Чудо исцѣленія по молитвамъ угоднику Божію Серафиму“. Май.	1197—1214
Современный строй внутренней миссіи въ Харьковской епар- хii.—Новыя правила для дѣятельности миссіонерскаго совѣта и инструкція для епархіальнаго миссіонера.— Новое братство.—Раскольничья невѣротерпимость.— Некрологи еписк. Виссаріона и Н. И. Субботина. Июнь. .	1405—1413

IX. Вѣстникъ „Миссіонерскаго обозрѣнія“.

Царское слово рабочимъ. Январь.	184
Голосъ Церкви по поводу послѣднихъ горестныхъ событій въ жизни отечества: I. Посланіе Св. Синода. II. Слово на панихидѣ преосвященнаго Антонина епископа Нарвскаго III. Слово епископа Сергія о событіяхъ 9 января. IV. Епископскій призывъ къ молитвѣ о несчастныхъ жертвахъ рабочей смуты, Антонина епископа Нарвскаго	185—150
Болѣзнь и соборованіе о. Іоанна Кронштадтскаго. Январь . . .	191—193
О священникѣ Гапонѣ.—Старообрядческій журналъ. Январь . .	193
Возстановленіе истины (Письмо въ редакцію). <i>А. Матюшевъ.</i> Январь	194—195
Взглядъ сектантовъ на брачныя разводы. (Корр. изъ Мелитополя) <i>Ф. Балихинъ.</i> Январь	196—198
Рѣчь высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія къ ра- бочимъ. Февраль 1-я	392—393
Посланіе къ арміи о. Іоанна Кронштадтскаго, и его письмо въ «Котлинь». Февраль 1-я	393—395
Засѣд. ком. министровъ по вопросу о свободѣ совѣсти. Февр. 1-я	395—397
Митрополитъ Филаретъ о расколѣ. <i>М.</i> Февраль 1-я	397
Сектантство въ столицѣ. Миссіонерскіе курсы. Юбилей миссіи и новое братство. Библия для инородцевъ. Юбилей ц.-прих. школъ. Благовременное распоряженіе епископа. Некро- логъ. Февраль 1-я	397—400
Высочайшій манифестъ.—Именной Высочайшій указъ Прави- тельствующему Сенату.—Высочайшій рескриптъ мини- стру внутреннихъ дѣлъ.—Извлеченіе изъ журнала Ко- митета министровъ 25-го января 1905 года (О порядкѣ выполненія пункта шестого Именного Высочайшаго	

указа отъ 12-го декабря 1904 года).—Письмо о. Иоанна Кронштадтскаго въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» („Обмиравшая женщина изъ раскола“).—Изъ жизни раскола въ Псковской губерніи.—Небесное знаменіе по поводу войны съ Японіей.—Новая мотивировка кражи.—Памяти ревнителя единовѣрія. Февраль 2-я	515—520
Настоящее горе Россіи. <i>Митрополитъ Антоній</i> . Мартъ 1-я	668—669
Миссіонерская вакансія. Мартъ 1-я	670
Въ газетахъ. (Невѣрныя свѣдѣнія и странныя сужденія по вопросамъ церковной жизни). Мартъ 1-я	670—671
Вѣнокъ на могилу епископа Веніамина (Борвукова), перваго викарія грузинской епархіи († 16 февраля с. г.). <i>А. Платоноффъ</i> . Мартъ 2-я	795—797
Извлеченіе изъ особаго журнала Комитета Министровъ. (8-го марта 1905 г.). По выполненію пункта шестаго Именнаго Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 г. Мартъ 2-я	797—800
Мнѣніе 32 столичныхъ пастырей о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи. Мартъ 2-я	801—805
Записка о желательныхъ преобразованіяхъ въ управленіи православною Церковью. Мартъ 2-я	806—808
О словѣ «Расколникъ». Мартъ 2-я	808
Каноническія права и обязанности патріарха въ помѣстной автономной церкви. Мартъ 2-я	808—809
«Еретичество горитъ».—Миссіонерская вакансія.—Газеты о церковныхъ дѣлахъ.—Радикальный проектъ.—Распоряженія о собраніяхъ штунды.—Ложный слухъ объ отцѣ Иоаннѣ.—О семинарскихъ библіотекахъ. Апрель 1-я	968—994
По поводу двадцатипятилѣтія служенія статья секретаря К. П. Побѣдоносцева въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Май	12 8—1227
Крупная перемѣна въ центральномъ управленіи Св. Синода. Май	1227
Высочайшій рескриптъ гр. А. П. Игнатьеву. Май	1228
Къ вопросу о свободѣ вѣроисповѣданій. Май	1229—1231
Корреспонденція изъ Харькова. <i>И. Айвазовъ</i> . Май	1232—1233
Радикальныя поползновенія къ разгрому церковно-народнаго достоянія.—Пастырское собраніе столичнаго духовенства, закрытое полиціей, и пастырскій союзъ борьбы. <i>Э. Я.</i> Май.	1234—1240
Архипастырское слово къ народу о вѣротерпимости. Никаноръ епископъ Гродненскій и Брестскій. Іюнь	1414
Въ какомъ порядкѣ должны производиться дѣла по отчисленію отпадшихъ отъ православія. Іюнь	1414—1415
Извлеченіе изъ особаго журнала Комитета министровъ 10 мая 1905 года по выполненію пункта шестаго Именнаго Высочайшаго указа 12-го декабря 1904 года. Іюнь	1415
Всероссійскій съездъ молоканъ. Іюнь	1416
Кровавая катастрофа послѣ миссіонерской бесѣды о. Крючкова. Іюнь	1416—1417
Въ газетахъ. Эмиграція закавказскихъ молоканъ. <i>Э. Я.</i> Іюнь	1417—1420

Пропускъ 32-хъ словъ изъ Высочайшей телеграммы казанскимъ раскольникимъ настоятелемъ. (Письмо въ редакцію) <i>Мирякинъ</i> <i>Ф. Г.</i> Юнь	1422—1423
Миссионерскія вакансіи. Юнь	1422—1423
Переходъ въ католичество.—Въ Иудейство.—Оказательство раскола по недоразумѣнію.—Освобожденіе изъ-подъ надзора.—Урокъ будущимъ пастырямъ.—Инцидентъ съ присягой.—Броженіе среди сектантовъ іеговистовъ.—Кончина поморскаго начетчика <i>А. П. Черчимцева.</i> Юнь	1423—1425
Добродѣтельныя заботы освобожденнаго изъ плѣна брата милосердія о спасеніи японки отъ нравственной погибели. Братъ милосердія Краснаго Креста <i>Михаиль Сопозько.</i> Юнь	1425—1429
X. Письма съ Дальняго Востока (отъ собств. корреспондента). <i>М. Аркадьевъ.</i> Январь	198—203
Пожертванія. Юнь	1429
Извѣщеніе о статьяхъ, не принятыхъ къ печати. Юнь	1429
XI. Отклики. Война и свобода слова. <i>В. Тапиръ.</i> Январь	215—219
На встрѣчу „свободы исповѣданій“. <i>Н. Гринякинъ.</i> Январь	219—226
По поводу посланія Св. Синода. Январь	226—228
Проповѣдь и зрѣлища. Прот. <i>Н. Дроздовъ.</i> Февраль 2-я	527—534
Побѣда Россіи на Дальнемъ Востокѣ въ высокой человѣчности и въ несравненныхъ доблестяхъ великой души русскаго воина. <i>Фраваши.</i> Февраль 2-я	534—537
Предъ распутьемъ. (По поводу сужденій въ періодической печати о „свободѣ исповѣданій“). <i>Н. Гринякинъ.</i> Мартъ 1-я	675—682
Къ народу о Царѣ и властяхъ. (Пастырское слово). Свящ. <i>М. Платоновъ.</i> Мартъ 1-я	683—686
Благовѣсть или набатъ? (По поводу записки группы столичныхъ священниковъ). <i>Н. Гринякинъ.</i> Мартъ 2-я	810—817
Почему 32? Проф. СПб. дух. академіи <i>Н. Никольскій.</i> Мартъ 2-я	818—824
Христосъ воскресъ! (Бесѣда). Свящ. <i>І. Орловъ.</i> Апрѣль	995—1000
Иной взглядъ на церковно-общественную дѣятельность духовенства. <i>И. Преображенскій.</i> Апрѣль	1001—1008
О забытомъ. (Эпизодъ къ газетной реформѣ нашего церковнаго управленія). <i>Н. Гринякинъ.</i> Май	1241—1250
Предъ распутьемъ. (По поводу сужденій въ газ. «Слово» и «Церковн. Вѣстникъ», о свободѣ исповѣданій). <i>Н. Гринякинъ.</i> Юнь	1430—1444
На злобу дня. Юнь	1444—1445
Мысли при чтеніи „Талмуда“ Лютостанскаго. <i>Н. Булаковъ.</i> Юнь	1446—1448
XII. Со сирималей сердца. Чудо милости Божіей 6 января на крещенской Іордани.—Кровавая катастрофа на улицахъ столицы 9 янв.—Кто такой о. Гапонъ и какъ православный священникъ могъ стать во главѣ народной смуты. <i>В. Скворцовъ.</i> Январь	229—240

	СТРАН.
Московское злодѣяніе и равнодушіе въ обществѣ.—Чувства и переживанія сельскаго духовенства.—Какого слова проповѣди ждуть нынѣ отъ пастырей церкви.—Живое слово старыхъ и новыхъ проповѣдниковъ.—Газетная утка объ „исходѣ“ штундистовъ въ Америку. <i>В. Скворцовъ</i> . Февраль 1-я	401—416
Наканунѣ объявленій полной вѣротерпимости. <i>В. Скворцовъ</i> . Февраль 2-я	538—542
Къ исторіи возникновенія патріаршаго вопроса. Старообрядческій митрополитъ <i>всєя</i> Россіи. Высочайшая резолюція. <i>В. Скворцовъ</i> . Мартъ 2-я	825—840
Къ грядущимъ великимъ днямъ Свѣтлаго Праадника. <i>В. Скворцовъ</i> . Апрель	1009—1016
Май	1251—1271
Іюнь. Трагизмъ нашего времени. — Мобилизація реформационныхъ и протестующихъ силъ въ духовенствѣ и перемѣна въ направленіи такъ называемаго „церковно - освободительнаго движенія“. — Пастырскія записки и воззванія.—Соціализмъ и анархизмъ въ прокламаціяхъ „христіанскаго братства борьбы“. — Нашъ отвѣтъ на извѣтъ газ. „Слово“. — Ставропольская катастрофа и совѣтъ миссіонерамъ.—Недомысліе газ. „День“ въ старообрядческомъ вопросѣ и лукавство попа Механикова.—Памяти послѣдняго могикана.—Стонъ истерзаннаго сердца русскаго патріота. <i>В. Скворцовъ</i>	1449—1469

Редакторъ-издатель В. М. Скворцовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Миссіонерское Обзорѣніе“.

вступивъ въ X годъ своего посильнаго служенія Церкви и отечеству, въ 1905 году будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ истекшіе годы. Давно переставъ быть, въ силу разносторонности и живности своего содержанія, узкимъ спеціальнымъ органомъ, «Мисс. Обзор.» нынѣ заключаетъ въ себѣ, на-ряду съ всестороннимъ изслѣдованіемъ и обличеніемъ расколо-сектантскихъ заблужденій, *православно-апологетическое обзорѣніе выдающихся событій современной церковно-общественной жизни.* Понимая внутреннюю миссію церкви въ широкомъ смыслѣ и значеніи, редакція «Мисс. Обзор.» считаетъ главнѣйшими и существеннѣйшими своими задачами въ наше духовно-смутенное время— 1) миссію среди интеллигенціи, примиреніе ея съ церковью путемъ удовлетворенія ея религиозныхъ запросовъ всестороннимъ выясненіемъ вопросовъ вѣры и духовной жизни; 2) объединеніе съ православною церковью русскихъ людей, отторгшихся отъ православія; 3) огражденіе вѣрныхъ чадъ отъ вовлеченія въ расколъ и ереси; 4) охраненіе нетвердыхъ въ вѣрѣ отъ соблазна и колебаній и, наконецъ, 5) возвращеніе къ истинѣ заблудшихъ отщепенцевъ.

Въ 1905 году «Миссіонерское Обзорѣніе» выходитъ двухнедѣльными выпусками въ объемѣ 8—10 и болѣе листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ, когда журналъ выходитъ по 1 книгѣ въ мѣсяцъ); всего въ теченіи года подписчики получаютъ:

- 1) 18 книгъ журнала (около 200 печатныхъ листовъ).
- 2) Два **БЕЗПЛАТНЫХЪ** приложенія:
 - I. „Миссіонерскій путеводитель по св. Библии“. Діак. *И. Смоленина*, въ 4 отдѣлахъ. Изд. въ портативномъ форматѣ и разослано будетъ въ переплетѣ.
 - II. „Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ“, прот. *Н. Русанова*,—книжка, заключающая въ себѣ поученія и бесѣды о жизни и дѣятельности святыхъ угодниковъ и церковныхъ учителей, начиная съ Климента Александрійскаго и кончая св. Серафимомъ Саровскимъ.

Подписная цѣна за годъ съ приложеніями—6 руб., за границу 8 руб. Для бѣдныхъ церквей и причтовъ—разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, и остальные въ теченіи подписного года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С. П-бургъ, Невскій, 153), въ Москвѣ—въ Синодальной Типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ.

Подробные проспекты—безплатно. Пробная книжка журнала высылается за 50 коп. почт. марк., съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Комплекты журнала за прежніе годы (кромѣ 1897 и 1900) продаются по 4 руб. за годовой экземпляръ (безъ пересылки).

Редакторъ-издатель **В. М. Смирновъ.**

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатаніе дозволяется. С.-Петербургъ, 9-го іюня 1905 г.

Цензоръ Архимандритъ **Мисоидіи.**